

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ СXXXIII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СXXXIII.

1913



Тип. Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“, Зртелевъ. 13

1913





Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ.

ЮЛЬ, 1913 г.

	СТРАН.
I. Борьба у престола. (Исторический романъ). Часть вторая. VIII—XII. (Продолженіе). Ф. Е. Зарина-Цесвицкаго	5
II. Быль минувшаго. VII. (Окончаніе). Марин Ватаци, рожденной Мертваго	35
III. Преступленіе понамаря. (Разсказъ моего дѣда). Г. Н. Ольшанскаго	53
IV. За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). В. Б. Бертенсона	78
V. За кулисами печати. (Отрывки воспоминаній стараго журналиста). А. Е. Кауфмана	97
VI. Изъ жизни. (Изъ записокъ судьи). VI. Мертвое тѣло. С. П. Руднева	131
VII. Женская личность въ исторіи Россіи. Е. Щепиной	149
VIII. Императоръ Александръ II и цесаревичъ Николай Александровичъ въ курской мужской гимназіи въ 1859 году. А. А. Танкова	170
IX. С. Н. Шубинскій, какъ редакторъ журнала. А. И. Фаресова	172
X. По чужому адресу. (Изъ служебныхъ воспоминаній). В. П. Авенариуса	189
XI. Воспоминаніе о генераль-адъютантѣ Александрѣ Петровичѣ Струковѣ. Т. Лопато	194
XII. Изъ смутнаго времени въ Прибалтійскомъ краѣ. А. С.	198
XIII. Тимофеей Абрамовичъ Бондаревъ. (Изъ личныхъ воспоминаній). К. Гор—енко	207
Иллюстрація: Тимофеей Абрамовичъ Бондаревъ.	
XIV. Забытый писатель. В. И. фонъ-Штейна	216
XV. Развѣнчанные герои революціи 1905 г. 1) Г. С. Хрусталевъ-Носарь. VI—XII. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго	233
Иллюстрація: Г. С. Хрусталевъ-Носарь.	
XVI. Повѣзка къ могиламъ Елагиныхъ и Батенькова. А. Фирсова	266
XVII. На благодатномъ югѣ. А. И. Фаресова	269
Иллюстраціи: 1) Общій видъ Херсона.— 2) Видъ на Днѣпръ.— 3) Брѣвостныя ворота.— 4) Карантинный островъ.— 5) Екатерининскій соборъ.— 6) Гимназическій бульваръ.— 7) Памятникъ Потемкину.— 8) Памятникъ Говарду.	
XVIII. Критика и библиографія.	298

1) Юридическіе памятники, издаваемые варшавскимъ главнымъ архивомъ древнихъ актовъ. Выпускъ I. Описаніе дѣлъ, хранящихся въ варшавскомъ главномъ архивѣ древнихъ актовъ. Томъ I. Книги привилегій и рѣшеній польской коронной канцеляріи и дѣлъ вѣвоторыхъ другихъ коронныхъ инстанцій XV—XVIII столѣтія. Варшава. 1912. В. Руданова.— 2) П. М. де-Ламартиньеръ Путешествіе въ сѣверныя страны (1653 г.). Переводъ и примѣчанія В. Н. Семеновича. Москва. 1912. М. Г. Высоцкаго.— 3) Г. Е. Лукомскій. О древне-русскомъ зодствѣ Чернигова. Спб. 1912.— Его же. Наши архитектурные вандализмы. Исторія рѣшетки Казанскаго собора. Къ юбилею Отечественной войны. Спб. 1912. В. Р—ва.— 4) И. Прыжовъ. Ницце на Святой Руси. Матеріалы для исторіи общественнаго и народнаго быта въ Россіи. Казань. 1913. М—о.— 5) Великій князь Николай Михайловичъ. Письма высочайшихъ особъ къ графинѣ А. С. Протасовой. Спб. 1913. В. А—ва.— 6) 1812. Сто лѣтъ службы гвардейскихъ саперъ. Краткій историческій очеркъ. Составилъ Г. Габеевъ, капитанъ лейб-гвардіи сапернаго батальона. Спб. 1912. В. Р—ва.— 7) Культурныя сокровища Россіи. 4 выпускъ. Со многими рисунками въ текствѣ и отдѣльно. Москва. 1912.—1913. А. Б.— 8) Записки графа Николая Егоровича Комарова.

(См. слѣд. стран.).

Библиотека "Руниверс"

сваго. Москва. 1912. п. Майнова.—9) В. Всеволодскій (Герцогросс). Исторія дворянскаго образования въ Россіи. Т. I. (XVII—XVIII вѣка). Спб. 1913. А. Измайлова.—10) М. Г. Джаншывли. Къ матеріаламъ по исторіи и древностямъ Грузіи и Россіи. Забѣтки, переводы, комментарии. Тифлисъ. 1912. Э.—11) Русскій биогрфическій словарь. Рейтернъ—Родльбергъ, Спб. 1913. То же Яблоновскій—Фоминъ. Спб. 1913. в. Р.—на.—12) С. Д. Чистяковъ. Либва въ событіяхъ Отечественной войны 1812 года. Либва. 1912. А. Э. Мильграма.—13) Русская періодическая печать 1703—1900 гг. Библиографія и критическія таблицы. Составилъ Н. М. Лисовскій. Отдѣлъ I. Библиографія русской періодической печати. Отдѣлъ 2. Графическія таблицы русской періодической печати. Вып. III. 1881—1900 гг. Библиографія, листы 13—24 и предисл. Графическія таблицы, листы 25—48. Спб. 1918. А. М.—на.—14) Родные Забѣты. Алфубка для обученія письму и чтенію русскому и церковно-славянскому для школы и семьи.—Хрестоматія. Часть I. Первая послѣ алфубки книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Часть II. Вторая книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Часть III. Третья книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Часть IV. Четвертая книга для класснаго чтенія въ народныхъ училищахъ.—Для наставниковъ и руководителей. Руководящая записка къ алфубкѣ и четыремъ книгамъ для класснаго чтенія «Родные Забѣты» (Хрестоматія). Составилъ Ф. А. Тарапыгинъ. Спб. 1913. в. Р.—на.—15) Сочиненія В. П. Вурцина. Томъ I, съ портретомъ автора. I. Мертвая нога (Таинственный процессъ). II. Романъ въ Кисловодскѣ. Спб. 1912. Томъ II. Стихотворенія. Переводы. Спб. 1912. Томъ III. Военно-поэтическое отголоски. Пѣсни дня. Души. Повмы. Вылины. Спб. 1912. А. Буриана.—16) Варвара Духовская. Туркестанскія воспоминанія. Спб. 1913. и. Гурвича.—17) Ю. А. Яворскій. Великорусскія пѣсни въ старинныхъ карата-русскихъ запискахъ. (Отдѣльный оттискъ изъ «Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ», т. XVII. Книга I). Спб. 1912. в. Мар.—смаго.—18) В. Розановъ. «Олавные зѣстья». Спб. 1913. И. Вальмана.—19) Несторъ Котларовскій. Литературныя направленія Александровской эпохи. Пособіе для приступающихъ къ изученію русской изычной словесности XIX вѣка. Спб. 1913. Вл. Ив.—20) П. фонъ-Кауфманъ. Красный Крестъ въ тылу арміи въ японскую кампанію 1904—1905 гг. Томъ I. Сибирскій районъ 2 часть. Томъ II. Забайкальскій районъ. 2 части Спб. я.—а.—21) В. Воиновичъ. Переселенческій вопросъ въ государственной думѣ третьяго созыва. Спб. 1912. г. Г.—а.—22) Художникъ-иллюстраторъ А. А. Агитъ, его жизнь и творчество. Съ 45 иллюстраціями въ текстѣ, составилъ Константинъ Кузнецкій. Москва. Г. Полякова.—23) Барикатуры Пема. Библиотека «Вечернаго Времени». Изданія Б. А. Суворина. Спб. 1913. м.—о.—24) Ф. Герштейеръ. Вселенная. Разсказы для дѣтей изъ физической, математической и политической географіи. Переводъ подъ редакцію Ф. Резенера, переизданный и дополненный М. Л. Песковскимъ. Пятое русское подл ред. А. А. Ешевскаго изданіе. Съ 229 рисунками, 6 картами въ краскахъ и 8 географическими картами. Спб. 1912. м. А. С.—25) Евгений Мюллеръ. Юность знаменитыхъ людей. Переводъ съ французскаго съ дополненіями для русскаго юношества Н. С. Кутейникова. Съ рисунками художника Эдуарда Баюра. Спб. 1913. м. м. И.—26) В. Коиради. Книга о святыхъ Францискъ. Спб. 1912. п. б.—27) Густавъ Тейхмюллеръ. Дѣйствительный и кажущійся миръ. Новое основаніе метафизики. Базаль. 1913. А. б.—28) Чтеніе въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей русскіихъ при московской университетѣ. 1912 года. Книга первая. Дѣсти сороковой. М. 1912. в. Р.—на.—29) В. Т. Васильевъ. Вѣчное и неизмѣнное. Влесь военной мысли. Подъ редакціей проф. А. А. Незнамова. 1912. м. С.—30) Тихоновъ. Въ отставкѣ. (Воспоминанія отставнаго чиновника). Спб. 1913. Д. А.—31) Изъ Итальяской старины. Вып. I. Къ 100-лѣтнему юбилею Отечественной войны. Враги въ Бурландіи. (1812 г.). Итгава. 1912. А. м.—на.

XVIII. Заграничныя историческія повести и мелочи 340

1) Быль да Гимеръ, потомъ, или моралистомъ.—2) Королевскіе брава въ Англии.—3) Женщины и любовь въ сочиненіяхъ Эдленъ Кей.—4) Императрица Монгесиякъ.—5) Секретарь Робеспьера.—6) Трагедія Равальяна.—7) Отоскуду.

XIX. Смѣсь 370

1) Духославіе императорскаго ботаническаго сада.—2) Юбилей профессора А. Х. Рольмана.—3) Сорокалѣтніе научной дѣятельности И. И. Фойницкаго.—4) Пятидесятилѣтній юбилей графа О. Д. Шереметева.—5) Юбилей митрополита Владимира.—6) Памятникъ на могилѣ Нефодова.—7) Конкурсъ имени С. В. Палсона.

XXI. Некрологи 377

1) Вязловъ, С. М.—2) Де-Врюкстъ, Н. А.—3) Волгаровскій, П. Д.—4) Гейце, Н. Э.—5) Пяшечковъ, А. П.—6) Романовъ, П. Ф.—7) Сокольскій, В. А.—8) Сосняковъ, Н. А., протоиерей.—9) Суворинскій П. Е.—10) Тиховиновъ, П. И.—11) Тиховиновъ, К. И.—12) Холоднякъ, И. П.

Приложенія: 1) Портретъ Василія Бернардовича Бергмансона.—2) Тѣнь власти. Историческій романъ Поля Бертрама. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. (Проложеніе).



ВАСИЛІЙ БЕРНАРДОВИЧЪ БЕРТЕНСОНЪ.



БОРЬБА У ПРЕСТОЛА¹⁾.

(Историческій романъ).

VIII.



УВСТВО безпокойства, тоски, душевной пустоты и постоянного раздраженія овладѣли Лопухиной послѣ отъѣзда Арсенія Кирилловича.

Мужа она почти не видала. Онъ цѣлые дни проводилъ у царицы-бабки, гдѣ обычно собирались «Ивановны»—Екатерина Мекленбургская и Прасковья—со своими приближенными, гдѣ тоже растерянно и съ недоумѣніемъ смотрѣли на развертывавшіяся событія. Тамъ бывали Черкасскій, Барятинскій, Дмитріевъ-Мамоновъ, какъ мужъ царицы Прасковьи, монахи, юродивые, какіе-то древніе стольники и бояре, словно вставшіе изъ могилъ, бывшіе приближенные царя Ивана, старые друзья молодости царицы Евдокии, жизнь которыхъ остановилась вмѣстѣ со смертью царя Ивана, въ свое время боявшіеся и ненавидѣвшіе царя Петра Алексѣевича. Главой и пророкомъ этого кружка былъ Теофанъ, примкнувшій къ нему во имя кровныхъ связей, соединявшихъ этотъ кружокъ съ новой императрицей. Хотя самъ онъ былъ далекъ отъ нихъ по своимъ взглядамъ, какъ ученикъ и сподвижникъ Петра Великаго, но его соединяла съ ними теперь общая цѣль—борьба съ верховнымъ совѣтомъ. Тамъ жили мыслями и идеями семнадцатаго вѣка, ненавидѣли всякія новшества, про-

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣст.», т. СХХХІІ, стр. 753.

клинали верховниковъ и ихъ «затѣйки» и не хотѣли вѣрить, что Анна согласится на отреченіе отъ самодержавныхъ правъ, такъ такъ, по мнѣнію кружка, эти права имѣли божественное происхожденіе.

Оеофанъ со свойственной ему пронципальностью понималъ, что этотъ кружокъ, это «темное царство», это «воронье гнѣздо», какъ выражался о немъ Дмитрій Михайловичъ, представляетъ собою силу, какъ по родству съ императрицей, такъ и по своему консерватизму и вѣрности древнимъ традиціямъ, еще глубоко коренившимся въ широкихъ кругахъ общества.

По родству, Степанъ Васильевичъ былъ своимъ въ этомъ кружкѣ такъ же, какъ и по убѣжденіямъ.

Наталья Оедоровна мало обращала вниманія на дѣятельность мужа. Она была слишкомъ женщиной, чтобы увлекаться отвлеченными идеями. Жизнь сердца всегда была у нея на первомъ планѣ.

Рейнгольдъ почти не показывался. Разъ или два онъ украдкой на нѣсколько минутъ заходилъ къ Лопухинымъ, поздно вечеромъ, всегда опасаясь и торопясь. Ему было теперь не до любви.

Раздражительность и тревожное настроеніе Лопухиной онъ объяснялъ въ свою пользу. Онъ слишкомъ былъ занятъ своими дѣлами, чувствуя себя подъ Дамокловымъ мечомъ. Послѣ ареста Ягужинскаго онъ съ трепетомъ ожидалъ, что обнаружатся его сношенія съ братомъ. Ему было извѣстно, что верховный совѣтъ назначилъ строгое разслѣдованіе о всѣхъ лицахъ, кто такъ или иначе могъ имѣть сношенія съ Митавой, и отдалъ распоряженіе объ отысканіи какого-то таинственнаго гонца, предупредившаго и пріѣздъ Сумарокова, и пріѣздъ депутатовъ, то есть его гонца—Якуба.

Если природа не надѣлила Рейнгольда смѣлостью и большимъ умомъ, то взамѣнъ этого дала ему инстинктъ чисто звѣриной хитрости, ловкости и искусство въ интригѣ. Для своей безопасности Рейнгольдъ избралъ самый вѣрный путь. Онъ не появлялся ни въ одномъ кружкѣ, на какой косились верховники. Онъ дѣлалъ видъ, что все происходящее сейчасъ вокругъ чуждо ему и нисколько его не интересуетъ. Но зато во всѣхъ укромныхъ уголкахъ, гдѣ кутили и играли въ карты офицеры, на всѣхъ попойкахъ, онъ былъ первымъ гостемъ. Повидимому, веселый и безпечный, онъ проводилъ ночи за карточнымъ столомъ, сорилъ деньгами, вообще велъ жизнь игрока и кутилы, казавшуюся тѣмъ болѣе естественной, что у него уже давно была опредѣленная репутація веселаго прожигателя жизни.

Въ письмѣ, присланномъ съ Якубомъ, братъ писалъ ему подробно о всемъ происшедшемъ и возложилъ на него порученіе искусно распространять слухи о томъ угнетеніи, которому подвергается императрица со стороны членовъ верховнаго совѣта въ лицѣ князя Василія Лукича, какъ она тяготится этимъ, какъ верховники ли-

шають ея всякой власти, и что всѣ надежды ея сосредоточены на Вѣрной арміи, что она не пожалѣетъ никакихъ награды для тѣхъ, кто поможетъ ей свергнуть ненавистное иго.

Изъ своего далека прощипательный Густавъ составилъ планъ, который такъ утѣшилъ и ободрилъ его отчаявшагося друга Бирена въ ту ночь униженій и страха, когда Бирень считалъ свою карьеру конченною и плакалъ отъ бѣшенства и отчаянья. Не даромъ Остерманъ такъ цѣнилъ дипломатическія способности и умъ Густава. Хитроумный Густавъ, съ одной стороны, дѣйствовалъ на Остермана, открывая лукавому и честолюбивому вице-канцлеру широкія перспективы въ расчетѣ, что при своемъ вліяніи въ извѣстныхъ кругахъ Остерманъ сумѣетъ образовать сильную партію, сплотить вокругъ себя всѣ недовольные элементы въ высшемъ придворномъ кругу, среди сильныхъ своимъ именемъ, высокимъ положеніемъ, а также близкихъ по крови къ императрицѣ лицъ.

Съ другой стороны, онъ черезъ брата хотѣлъ создать военную партію. Для офицеровъ, особенно гвардейскихъ, тоже открывались широкіе горизонты.

Вѣдь на престолѣ была женщина, сравнительно молодая, и отъ нея можно было ожидать большихъ наградъ, чѣмъ отъ суровыхъ боевыхъ фельдмаршаловъ. Въ этомъ случаѣ Густавъ надѣялся, что несмотря на ничтожество, личность его брата будетъ живымъ примѣромъ возможной «фортуны». Успѣхъ на скользкихъ полахъ дворцовыхъ залъ при Екатеринѣ I былъ достижимѣе и легче, чѣмъ на поляхъ сраженій подъ знаменами ея грознаго мужа.

И надо сказать, что Рейнгольдъ чрезвычайно успѣшно дѣйствовалъ въ этомъ направленіи. За бокаломъ вина въ дружеской бесѣдѣ, между двумя сдачами картъ за игрой онъ успѣвалъ сказать небрежно, мимоходомъ нѣсколько словъ о «плѣнной» царицѣ, объ ея добротѣ, объ ея страданіяхъ, и не одинъ юный прапорщикъ уже начиналъ воображать себя рыцаремъ, освобождающимъ ее отъ ея «дракона», какъ нѣкоторые называли князя Василя Лукича.

Вѣрный Якубъ зорко слѣдилъ вокругъ. Заводилъ знакомства съ дворовыми Долгорукихъ, угощалъ ихъ по кабакамъ, развѣдывалъ, разнохивалъ, какъ ищейка, чтобы при первомъ намекѣ на опасность предупредить своего господина. При малѣйшей опасности графъ Рейнгольдъ рѣшилъ бѣжать куда-нибудь за границу. На этотъ случай у него уже была припасена значительная наличность въ золотѣ и особенно въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ, по преимуществу брильянтахъ, что было очень практично, такъ какъ каменья было легче прятать и везти, чѣмъ тяжелые мѣшочки съ золотомъ.

Если арестъ Ягужинскаго и торжество верховниковъ повергли въ ужасъ Рейнгольда и возбудили негодованіе и тревогу въ Степанѣ Васильевичѣ, то съ души Натальи Федоровны эти событія сняли

тяжелый гнетъ. Значить, ея «предательство» не принесло зла Арсенію Кирилловичу, этому довѣрчивому, восторженному юношѣ, такъ беззавѣтно отдавшемуся ей. Она повеселѣла, оживилась.

— О, только бы онъ скорѣе вернулся,—думала Наталья Федоровна:—я искуплю передъ нимъ свою вину. Я дамъ ему счастье, о которомъ онъ грезить...

И въ гордомъ сознаніи своей красоты она смотрѣлась въ зеркало. Зеркало отражало ея лучистые глаза, тяжелыя волны темныхъ волосъ, нѣжное лицо, на которомъ ни сердечныя бури, ни бессонныя ночи не оставили ни малѣйшаго слѣда.

Наскучивъ сидѣть дома, успокоивъ свою совѣсть, Наталья Федоровна прекратила свое добровольное затворничество и каждый день съ утра уже обдумывала, у кого побывать. Она навѣстила Настасью Гавриловну, жену князя Никиты Юрьевича Трубецкого. Тамъ она узнала всѣ подробности постигшаго семью Ягужинскаго горя. Со слезами на глазахъ рассказала Настасья Гавриловна о несчастьи своей сестры, жены Ягужинскаго.

— Бѣдная Анна совсѣмъ больна,—говорила она:—Машенька бродить, какъ тѣнь. Въ домѣ произвели обыскъ. Всѣ бумаги опечатали. Захватили секретаря графа Кроткова и его довѣреннаго, второго секретаря, Аврама Петровича, и увезли въ тюрьму... Гдѣ самъ Павелъ Ивановичъ—никто не знаетъ. Одни говорятъ: въ тюрьмѣ, другіе, что онъ подъ карауломъ въ отдаленныхъ комнатахъ Кремлевскаго дворца. Отецъ, канцлеръ, ничего не можетъ сдѣлать. Всѣмъ заправляютъ Долгорукіе да Голицыны. Они не остановились на арестѣ Ягужинскаго. По всѣмъ полкамъ они отдали распоряженіе объявить въ присутствіи всѣхъ чиновъ, торжественно, при барабанномъ боѣ, что подполковникъ гвардейскихъ полковъ, генераль-адъютантъ графъ Павелъ Ивановичъ Ягужинскій уличенъ въ государственной измѣнѣ.

Лопухина дѣлала сочувственный видъ, но въ глубинѣ души была совершенно равнодушна.

Потомъ она побывала у Черкасскаго. Тамъ она встрѣтила молодого Антиоха Дмитріевича Кантемира, извѣстнаго ей, какъ пиита, зло осмѣявшій въ свое время Ивана Долгорукаго подъ именемъ Менандра. Она много слышала о Кантемирѣ, когда во время фавора Долгорукихъ при юномъ императорѣ Петрѣ II ходили по рукамъ его стишки, направленные противъ фаворита. Она даже помнила пѣкаторыя строки, особенно имѣвшія успѣхъ въ обществѣ, настроенномъ враждебно противъ Долгорукихъ:

Не умѣренъ въ похоти, самолюбивъ, тщетной
Славы рабъ, невѣжествомъ наипаче примѣтной,
На ловли съ младенчества воспитанъ съ псарями,
Какъ, ничему не учась, смѣлыми словами

И дерзкимъ лицомъ о всемъ хотѣлъ разсуждати
 (Какъ бы знаніе съ властью раздѣльно бывати
 Не могло), на всеми свой совѣтъ почитати
 И чтительныхъ сѣдиной молчать заставляя...

Кантемиръ имѣлъ свои причины ненавидѣть верховниковъ. Онъ былъ лишенъ майората по милости князя Дмитрія Михайловича, нашедшаго его притязанія въ этомъ запутанномъ дѣлѣ, какъ наслѣдника молдавскихъ господарей, неосновательными. Долгорукіе были возбуждены противъ него за его сатиры, направленные противъ нихъ. Естественно, что юный Кантемиръ примкнулъ къ ихъ врагамъ. Кромѣ того, онъ былъ увлеченъ красавицей Варенькой, единственной дочерью князя Черкаскаго, богатѣйшей невѣстой въ Россіи.

Варенька, по молодости лѣтъ, обожала Лопухину, считая ее образцомъ красоты и изящества. Это льстило самолюбію Натальи Оедоровны, и она охотно бывала у Черкасскихъ.

Тамъ теперь она услышала тѣ же жалобы на самовластье верховнаго совѣта и сочувствіе Ягужинскимъ и увидѣла страхъ и растерянность передъ рѣшительными мѣрами верховнаго совѣта.

Все это былъ одинъ кругъ, сплетенный изъ родственныхъ и собственныхъ отношеній. Ягужинскій женатъ на дочери канцлера, братъ фельдмаршала Трубецкаго на другой дочери, Черкасскій на сестрѣ Трубецкаго и такъ далѣе.

Въ эти дни Наталья Оедоровна побывала и у Салтыковыхъ и при дворѣ царицы Евдокіи, и вездѣ видѣла непримиримую ненависть къ «затѣйкамъ» верховниковъ и тотъ же страхъ передъ ними. Встрѣтила Теофана, который съ особеннымъ удовольствіемъ далъ ей свое архипастырское благословеніе. Еще молодой владыка,—ему едва ли было сорокъ восемь лѣтъ,—былъ равнодушенъ къ женской красотѣ.

Изъ всѣхъ своихъ посѣщеній Лопухина вывела заключеніе, что во всякомъ случаѣ страхъ передъ верховниками былъ сильнѣе ненависти къ нимъ. Эти посѣщенія развлекали Лопухину и сокращали для нея время ожиданія пріѣзда Шастунова, сопровождавшаго императрицу.

А императрица, видимо, торопилась. Выѣхавъ изъ Митавы 29-го января, она 2-го февраля была въ Псковѣ, 4-го—въ Новгородѣ, 7-го въ Звенигородскомъ Ямѣ, 8-го—въ Вышнемъ Волочкѣ и 9-го вечеромъ уже въ Клину.

Курьеры непрерывно скакали къ сопровождавшему ее князю Василию Лукичу и отъ него на Москву. Верховный совѣтъ собирался и днемъ, и ночью, распорядившись и заготовкой подводъ, и це ремоніаломъ, и слѣдствіемъ по дѣлу Ягужинскаго, и переговорами съ представителями знати и шляхетства, являвшимися по пригла-

шенію князя Дмитрія Михайловича подавать свои мнѣнія о государственномъ устройствѣ.

Князь Дмитрій Михайловичъ только хватался за голову. Проекты сыпались одинъ за другимъ.

И всё проекты, не отвергая или обходя вопросъ объ ограниченіи самодержавія, на первый планъ ставили ограниченіе власти верховнаго совѣта.

— Господи!—восклицалъ Дмитрій Михайловичъ:—да развѣ въ моемъ проектѣ нѣтъ шляхетской палаты... Я говорилъ, что надо обнародовать мой проектъ. Вѣдь они, смотри,—говорилъ онъ фельдмаршалу Василию Владимировичу:—смотрятъ на верховный совѣтъ, какъ на враговъ шляхетства. Это вы виноваты! Смотри, Матюшкинъ, какой-то Секіотовъ, князь Алексѣй Михайлычъ, скрытый врагъ, вотъ проектъ, подписанный тринадцатю, и еще, и и еще...

Дмитрій Михайловичъ съ озлобленіемъ перебиралъ гору бумагъ, лежавшихъ на его столѣ.

— И всё они говорятъ о правахъ шляхетства. А крестьяне? Вотъ смотри, что о нихъ говорится.

Онъ въ волненіи взялъ листъ и прочелъ:

«Крестьянъ сколько можно податьми облегчить, а излишніе расходы государственные разсмотрѣть».

— А, что скажешь? Облегчить податьми! Да въ томъ ли дѣло! Не податьми только облегчить, а волю, волю, слышишь, князь, волю дать! То дѣло грядущаго. Сычи! Совы! Дай время—все сдѣлаемъ! Не могутъ понять, что первый шагъ важень!..

И Дмитрій Михайловичъ въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Я дамъ тебѣ время,—сурово и важно сказалъ Василій Владимировичъ.—Ты—голова, ты и думай. Я говорю тебѣ, что дамъ тебѣ время. Ты только не мѣшай. Ты голова—мы руки. Все возможно, когда войско въ рукахъ. Иди, не останавливайся, не задумывайся. Великій императоръ говорилъ: «Промедленіе безвозвратной смерти подобно». Не останавливайся. Не надо жалѣть ихъ! Мы ихъ сметемъ, и они замолкнутъ навѣки! Не на одинъ день замышляемъ мы дѣло...

Семидесятилѣтній фельдмаршалъ всталъ съ горящими глазами:

— Пусть не понимаютъ они, поймутъ ихъ дѣти...

— Да,—останавливаясь, произнесъ Голицынъ:—ты правъ. Нужно время для работы, и ты дашь мнѣ это время. Василь Лукичъ писалъ, что арестъ Ягужинскаго поразилъ императрицу. Она въ нашихъ рукахъ.

— А ежели,—медленно произнесъ фельдмаршалъ:—ежели она возстанетъ противу насъ, то «лишена будетъ короны російской». Это подписала она сама.

— Да,—отвѣтилъ Голицынъ:—«лишена будетъ короны російской».

— А что сдѣлалъ Теофанъ!—вдругъ съ оживленіемъ продолжалъ онъ:—на молебнѣ въ Успенскомъ приказалъ провозгласить ее самодержавной! Теперь весь народъ будетъ считать ее такъ! А въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»? А? То же самое опубликовано! Это начало смуты!

— Ну, что жъ? Говорю тебѣ, сіе не важно,—возразилъ старый фельдмаршалъ:—пусть говорятъ, пусть служатъ молебны—мы приведемъ ихъ къ присягѣ на вѣрность императрицѣ, народу и отечеству. Даю тебѣ слово, что они присягнутъ. И этотъ антихристовъ служитель Теофанъ, и сенатъ, и генералитетъ,—всѣ присягнутъ.

— Пусть будетъ такъ! Это ваше дѣло, фельдмаршалы,—сказалъ Голицынъ.

Дѣйствительно, послѣ засѣданія 2-го февраля, когда Дмитрій Голицынъ предложилъ собраннѣмъ подавать свои мнѣнія о государственномъ устройствѣ, верховный совѣтъ походилъ на крѣпость, осаждаемую врагами. Всѣ тайныя надежды, всѣ скрытыя чувства нашли себѣ исходъ. Больше всѣхъ волновалось шляхетство. Оно просило себѣ льготы и свободы и было охвачено боязнью, что въ лицѣ родовитыхъ верховниковъ оно встрѣтило враговъ, желающихъ оставить за собой отнятую отъ императрицы власть, а имъ бросить отъ своего пиршества обглоданныя кости.

Высшая знать, со своей стороны, видѣла въ верховникахъ соперниковъ, захватившихъ власть въ свои руки.

Съ утра до ночи были раскрыты двери мастерской палаты для всѣхъ желающихъ подать свое мнѣніе. Это право получили генералы, бригадиры и полковники, всѣ члены сената и коллегій, съ чиномъ не ниже полковника, и духовенство. Въ палатѣ царилъ невообразимый хаосъ. Василій Петровичъ едва успѣвалъ принимать «мнѣнія». Слышались споры, ожесточенныя нападки на верховниковъ, угрозы, крики.

— Это ты виноватъ,—говорилъ фельдмаршалъ Долгорукой Голицыну.—Я бы разогналъ ихъ съ ротой преображенцевъ!..

— Не надо,—отвѣчалъ Голицынъ:—выслушаемъ всѣхъ... Императрица будетъ на дняхъ. Ей мы поднесемъ проектъ. Теперь уже поздно. Надо было опубликовать нашъ проектъ раньше. Это вы не хотѣли... Но, я полагаю, императрица не будетъ спорить съ нами...

— Да, я думаю, что она не будетъ спорить съ нами,—медленно и рѣшительно отвѣтилъ старый фельдмаршалъ.

IX.

За все свое одиннадцатидневное путешествіе изъ Митавы Анна была сумрачна и молчалива. Окруженная внѣшнимъ почетомъ, она все же чувствовала себя плѣнницей подъ зоркимъ наблюденіемъ Василя Лукича.

Хотя верховный совѣтъ распорядился, чтобы Василій Лукичъ не допустилъ Анну взять съ собою въ Москву приближенныхъ ей лицъ, но Василій Лукичъ не могъ противиться настойчивому и упорному желанію императрицы. Она твердо рѣшила взять съ собою обѣихъ фрейлинъ—Юліану и Адель, брата Адели—Артура, маленькаго Аріальда и Авессалома, злыя шутки котораго очень любила.

Зная, что распоряженіе верховнаго совѣта направлено почти исключительно противъ камеръ-юнкера Анны Бирена, Василій Лукичъ не считалъ нужнымъ особенно противиться желанію императрицы взять съ собою этихъ безобидныхъ «дѣтей» и шута.

Кромѣ нихъ, императрицу сопровождала ея неизмѣнная Анюса.

Всю дорогу Анна почти не спала. Несмотря на надежды, пробужденныя въ ней письмомъ Ягужинскаго, планами Густава, переданными ей Биреномъ, будущее страшило ее, а сердце ея изнывало при мысли объ оставленномъ Биренѣ, при воспоминаніи объ его отчаяніи при разлукѣ, при воспоминаніи о маленькомъ златокудромъ Карлѣ... Она такъ привыкла цѣловать и благословлять его на ночь, встрѣчать по утрамъ его свѣтлый невинный взоръ, цѣловать его мягкіе кудри...

Въ бессонныя ночи на пути она перѣдко приходила въ отчаянье, плакала, молилась и проклинала тѣхъ, кто отнял у нея всѣ дѣйствительныя радости жизни за призракъ власти и обманчивое сіяніе короны, которую держали надъ ней враждебныя руки.

Послѣдній ударъ нанесло ей извѣстіе, переданное ей Василиемъ Лукичемъ объ арестѣ Ягужинскаго. Василій Лукичъ, передавая ей это извѣстіе, тонко намекнулъ, что она, поддерживая сношенія съ врагами отечества, можетъ сама подвергнуться опасности.

«Лишена буду короны российской», промелькнуло въ головѣ Анны.

Вернуться опять въ Митаву! Вернуться не вѣнчанной и уже развѣнчанной императрицей! Или вовсе не вернуться, а захвнуть въ глухомъ монастырѣ!

И въ суевѣрномъ страхѣ она припоминала темныя пророчества юродиваго Тихона при дворѣ матери-царицы...

Послѣ этого разговора она впала въ мрачное отчаяніе.

Василій Лукичъ понималъ ея настроеніе и съ выраженіями усиленнаго почтенія докладывалъ ей сообщенія верховнаго совѣта о всеобщей радости всѣхъ сословій за дарованія ею благодѣянія, спрашивалъ подробныхъ распоряженій относительно дня погребенія покойнаго императора, встрѣчи ея самой, въ какихъ одеждахъ ея встрѣчать—въ черныхъ или «цвѣтныхъ», гдѣ она изволитъ остановиться до входа въ Москву и погребенія императора, въ Земляномъ городѣ или во Всесвятскомъ? Поднесъ ей роскошнѣйшіе со-

боля, взятые верховнымъ совѣтомъ изъ Сибирскаго приказа, предоставилъ въ ся распоряженіе десять тысячъ золотомъ... Но Анна не была обманута этими внѣшними изъявленіями повиновенія и покорности. Она была совершенно равнодушна и къ встрѣчѣ, и къ соболямъ, и къ золоту. Одно скорбно поразило и окончательно убило всѣ надежды, если только онѣ оставались у нея,—это сообщеніе о радости всѣхъ сословій, съ какой, по словамъ Василя Лукича, была принята вѣсть объ ограниченіи ея власти, даже не ограниченіи, а полномъ лишеніи ея.

— Никого! Значить, никого!—скорбно думала она...

Напрасно также старый очарователь пытался повліять на нее, какъ на женщину. Анна съ едва скрываеомой ненавистью смотрѣла на него.

Это путешествіе было для нея пыткой.

Но зато для ея юнаго штата оно было истиннымъ наслажденіемъ.

Маленькій Ариальдъ съ дѣтскимъ любопытствомъ смотрѣлъ на чуждыхъ ему людей, на безконечные глухіе лѣса, снѣжныя равнины, убогія деревни... Россія касалась ему какой-то необъятной сказочной страной, полной чудесъ и неожиданностей.

— И все это принадлежитъ ей!—съ изумленіемъ и восторгомъ думалъ онъ.

Не менѣе наслаждались поѣздкой и дѣвушки.

Торжественныя встрѣчи, колокольный звонъ, пушечная и ружейная пальба въ городахъ, которые они проѣзжали, почетъ, ихъ окружающій, какъ приближенныхъ къ государынѣ, — все это казалось имъ сказочнымъ сномъ. Артуръ Вессендорфъ ко всему присматривался, съ любопытствомъ разспрашивалъ о каждой мелочи князя Шастунова. Когда, бывало, императрица уйдетъ къ себѣ на покой, молодые люди соберутся всѣ вмѣстѣ тѣсной и дружной компаніей, и далеко за полночь слышатся ихъ веселые разговоры, смѣхъ и шутки. Юліана съ застѣнчивымъ восторгомъ украдкой поглядывала на Арсенія Кирилловича и потомъ долго ночью мечтала и шептала его имя.

Но Арсеній Кирилловичъ, въ ожиданіи встрѣчи съ Лопухиной, не замѣчалъ ея взглядовъ.

Иногда показывался и Макшеевъ, который все время птицей леталъ съ донесеніями Василя Лукича въ верховный совѣтъ, и отъ совѣта опять къ Василю Лукичу. Новый поручикъ являлся всегда веселый, оживленный, привозилъ кучу новостей о московской жизни, безбожно фантазировалъ, ухаживалъ за Аделью, которой, повидимому, началъ серьезно увлекаться, и, засидѣвшись въ компаніи чуть не до свѣта, по обыкновенію горестно восклицалъ:

— Опять не выпался!

И черезъ три-четыре часа снова скакалъ въ Москву, бодрый и свѣжій, захвативъ на дорогу неизбѣжную флягу съ виномъ.

Никто не мѣшалъ молодежи веселиться. Михаилъ Михайловичъ Голицынъ рѣдко показывался за общимъ столомъ. Чаще всего императрица приглашала его и Василия Лукича къ своему столу. Остальное время онъ проводилъ въ занятіяхъ и бесѣдахъ съ Василиемъ Лукичомъ. По указаніямъ его, Михаилъ Михайловичъ велъ всю переписку съ верховнымъ совѣтомъ.

Изъ штата императрицы только одинъ Авессаломъ былъ мраченъ. Онъ ѣхалъ съ прислугой, цѣлыми днями молчалъ и на стоянкахъ всегда прятался куда-нибудь въ уголъ, избѣгая всякихъ разговоровъ. Анна ни разу не выразила желанія видѣть его, чему онъ былъ очень радъ. Маленькаго горбуна одолѣвали тяжелыя предчувствія. Печальна была донныѣ его жизнь, и что могло измѣнить ее въ будущемъ? Онъ всей душой ненавидѣлъ Бирена; повидимому, Биренъ навсегда остался въ Митавѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, думали всѣ. Но тайный голосъ шепталъ Авессалому, что онъ еще встрѣтитъ своего мучителя. Да и Анна, развѣ она не била его по щекамъ подъ сердитую руку? Развѣ шестилѣтній Петръ Биренъ не хлесталъ его кнутомъ, какъ собаку... Кто будетъ тамъ распоряжаться его судьбой?.. бить его?—съ горечью думалъ Авессаломъ.

Всю жизнь онъ не зналъ ласки...

Императрица, по совѣту Василия Лукича, рѣшила остановиться, до погребенія императора и своего входа въ Москву, въ селѣ Все-святскомъ, гдѣ было подходящее помѣщеніе—дворецъ имеретинской царевны, дочери грузинскаго царя Арчила.

Въ десять часовъ утра 10-го февраля поѣздъ императрицы прибылъ въ Чашники—последняя стоянка до Всесвятскаго.

Тутъ же для встрѣчи ожидало посольство изъ Москвы.

Съ невыразимымъ волненіемъ и сердечнымъ трепетомъ, но внѣшне спокойно приняла Анна привѣтственную депутацію.

Посольство состояло изъ князя Алексѣя Михайловича Черкаскаго, кого верховники отправили навстрѣчу императрицѣ, несмотря на возбуждаемыя имъ подозрѣнія, какъ одного изъ наиболѣе видныхъ представителей знати, генерала Льва Васильевича Измайлова, Григорія Дмитріевича Юсупова, Теофана, какъ первенствующаго члена синода, крутицкаго архіепископа Леонида и архимандрита знаменитаго Чудова монастыря Арсенія.

Составомъ депутаціи верховники хотѣли показать императрицѣ, что на ихъ сторонѣ и вліятельная знать, и главенствующее духовенство.

Анна поняла это.

Съ Юсуповымъ пріѣхалъ и счастливый Дивинскій. Онъ крѣпко пожалъ руку Шастунову и шепнулъ ему:

— Все хорошо! Побѣда наша! Я счастливъ!

Шастуновъ отвѣтилъ ему крѣпкимъ пожатіемъ.

Василій Лукичъ тоже понялъ, для чего совѣтъ избралъ именно этихъ лицъ для привѣтствія императрицы. Онъ уже былъ освѣдомленъ верховниками о начавшемся въ Москвѣ движеніи и зоркими глазами слѣдилъ за Черкасскимъ и особенно за Теофаномъ.

Но на тупомъ лицѣ Алексѣя Михайловича не выражалось ничего, кромѣ обычныхъ надменности и самодовольства. А на сухомъ, строгомъ лицѣ Теофана нельзя было ничего прочесть.

Первымъ произнесъ привѣтствіе Теофанъ.

— Вечеръ водворится плачь, а завтра радость,—началъ онъ словами псалма:—помрачила скорбь сердца наши, а завтра возсіяло въ сердцахъ великое веселіе, когда всѣхъ вышнихъ чиновъ согласіемъ, паче же Самого, Иже владѣеть царствомъ человѣческимъ, увидѣли мы скипетро Россійское опредѣлено вашему величеству....

При этихъ словахъ Анна подняла голову и быстро взглянула на Василія Лукича, какъ будто хотѣла сказать:

— Слышишь, Богъ далъ мнѣ корону!

Но Василій Лукичъ неподвижно стоялъ, прямо смотря на Теофана.

Дальше Теофанъ говорилъ о тѣхъ гоненіяхъ, которымъ подвергалась Анна со стороны «неблагодарнаго раба» (онъ разумѣлъ Меншикова), объ ея одиночествѣ и сиротствѣ въ дни, когда она была лишена «любезнѣйшаго подружія»...

Анна слушала его, опустивъ голову.

«А теперь, Боже, теперь!—съ закипѣвшей на сердцѣ тоской думала она:—развѣ я не въ сиротствѣ, развѣ я не лишена любезнѣйшаго подружія! Господи, помоги мнѣ!»

И она кусала губы, чтобы сдержать слезы.

Напомнивъ, что имя Анны, какъ и имя ея отца Іоанна, значитъ по-еврейски «благодать», Теофанъ закончилъ свою рѣчь, призывая Божіе благословеніе навѣки «на столь уже прославленное отъ Бога лицо, великодушную героиню, правосудную и исполненную достоинствъ монархиню, мать благоутробную, милостивую и милосердную!»

Эта рѣчь произвела замѣтное впечатлѣніе на императрицу.

Въ словахъ Теофана о Божьей волѣ, призвавшей ее на престолъ, она увидѣла какъ бы нѣкоторую поддержку въ борьбѣ съ тѣми, кто думаютъ, что дали ей скипетръ своей волей. А чувство, съ которымъ Теофанъ говорилъ объ ея печальной прежней судьбѣ, внушало ей мысль о томъ, что въ лицѣ духовенства она не встрѣтитъ враговъ.

Зато не былъ доволенъ этой рѣчью Василій Лукичъ. По его мнѣнію, Теофанъ долженъ былъ помянуть хотя вскользь объ условіяхъ избранія Анны. Кромѣ того, не понравились ему слова о гоненіяхъ, утѣсненіяхъ и «неблагодарномъ рабѣ», о сиротствѣ и прочее. Все это походило на отдаленный намекъ.

Вслѣдъ за Теофаномъ отъ лица верховнаго совѣта и генералитета привѣтствовалъ императрицу Алексѣй Михайловичъ.

Онъ кратко сказалъ о радости, объявшей всѣхъ при милостивомъ прибытіи государыни, и выразилъ чувства вѣрноподданнической преданности.

Василій Лукичъ остался также недоволенъ и этой рѣчью.

Императрица милостиво благодарила депутацію и заявила, что сегодня же прибудетъ во Всесвятское, гдѣ, по распоряженію верховнаго совѣта, для нея уже отдѣлали помѣщеніе во дворцѣ и все было готово къ ея приему.

Х.

Какъ вырвавшаяся на волю птица, летѣлъ Шастуновъ въ Москву. Молодой офицеръ не могъ сдержать своего нетерпѣнія и, еще не доѣзжая Всесвятскаго, отпросился у Василя Лукича на Москву. Предварительно онъ переговорилъ съ Фодоромъ Никитичемъ, который обѣщалъ, въ случаѣ надобности, подежурить за него и принять на себя командованье почетнымъ карауломъ императрицы. Но Василій Лукичъ предупредилъ его, чтобы онъ завтра рано утромъ уже вернулся, такъ какъ императрица назначила на 11-е число погребеніе императора.

Въ сопровожденіи Васьки, Шастуновъ прежде всего отправился на свою квартиру, чтобы переодѣться и узнать, не было ли безъ него писемъ отъ отца.

Его немного безпокоила мысль, что за все время онъ послалъ отцу только одно письмо въ самые первые дни, а потомъ, по легкомыслію, откладывая со дня на день, не удосужился написать ему, а потомъ уже и не могъ, такъ какъ верховный совѣтъ распорядился задержать всю почту и писать было бесполезно. Кромѣ того, и деньги уже приходили къ концу.

Дома онъ былъ встрѣченъ очень радушно старухой Гоопенъ и раскраснѣвшей отъ радости Бертой. Онъ дружески поздоровался съ Мартой и ласково справился о здоровьи Берты.

У себя онъ нашелъ письма.

Одно отъ виконтѣ де-Бриссака, другое—отъ отца. Бриссакъ уже выѣхалъ изъ остеріи.

За торопливымъ завтракомъ Шастуновъ занялся чтеніемъ писемъ.

Въ короткомъ письмѣ де-Бриссакъ сообщалъ, что принужденъ былъ лишиться пріятнаго сосѣдства, такъ какъ его старый другъ, французскій резидентъ Маньянъ настоялъ на переѣздѣ къ нему. Де-Бриссакъ прибавлялъ, что ему многое надо сообщить князю, и усиленно звалъ его посѣтить его.

Письмо Кирилла Арсеневича было пространно, и въ немъ чувствовалась нѣкоторая тревога.

«Дошло до меня,—писалъ старикъ:—что у васъ чуть не республику хотятъ учредить. Диву я дался, и непонятно мнѣ сіе. Изстари царство русское управлялось самодержавными государями по волѣ Божіей и процвѣтало во славу и покойствіи. Ужели есть безумцы, что по образу Польши восхотѣли самодержавную государыню тѣнию сдѣлать? То, истинно, прискорбія достойно и измышлено врагами Россіи. Богъ влагаетъ разумъ и мудрость въ помазанныхъ самодержавныхъ государей, отъ нихъ же вся слава отечества. Сихъ безумцевъ нещадно искоренить слѣдуетъ, зане замышляютъ погибель. Но за тебя я спокоенъ, Арсеній. Ты, я знаю, оплотомъ станешь за императрицу и не посрамишь честнаго рода Шастуновыхъ. Стой грудью за императрицу! На томъ мое благословеніе тебѣ. О деньгахъ не тревожься. Знаю, что и онѣ небезполезны въ семь дѣлѣ и имѣютъ большой резонъ. А я, несмотря на свои немощи, въ скоромъ времени прибуду на Москву, дабы отдать свои слабыя силы и весь животъ свой на защиту всемилостивѣйшей, самодержавнѣйшей императрицы нашей. Шлю тебѣ отцовское благословеніе.

«Размышленія сіи передай, съ низкимъ поклономъ, другамъ моимъ—фельдмаршалу Михалъ Михалычу, съ коимъ мы рядомъ бились подъ Лѣснымъ, и брату его Дмитрію Михалычу, съ коимъ мы въ заморскихъ краяхъ вмѣстѣ были, и сородичу нашему, Василию Владимировичу. Я по пріѣздѣ не премину быть у нихъ»...

Богъ вѣсть, какими путями въ ближайшихъ къ Москвѣ провинціяхъ стали извѣстны событія на Москвѣ. Кто распространялъ слухи? Когда шумитъ подъ бурей лѣсъ, кто скажетъ, какой листъ зашумѣлъ первымъ?

Арсеній Кирилловичъ не задумывался надъ этимъ вопросомъ.

Глубоко и скорбно поразило его это письмо. Онъ увидѣлъ съ ужасомъ, что между нимъ и отцомъ вдругъ разверзлась бездна, что отецъ и не подозрѣваетъ о той роли, которую онъ играетъ въ настоящихъ событіяхъ; что отецъ видитъ въ сынѣ не только наследника рода, но и наследника тѣхъ убѣждений, какія исповѣдывалъ самъ.

Тяжелая тоска омрачила радостное настроеніе Арсенія Кирилловича. А пріѣздъ отца? Что онъ скажетъ ему? При обострившейся борьбѣ партій, быть можетъ, ему придется выступить открытымъ врагомъ отца? Быть можетъ, придется видѣть, какъ больной, но упрямый старикъ, его отецъ, падетъ жертвой, какъ Ягужинскій? И однимъ изъ его палачей, торжествующихъ побѣдителей, будетъ его сынъ?

Въ комнату тихо вошла смущенная Берта, за ней слѣдовалъ высокий, загорѣлый старикъ, въ которомъ князь узналъ камердинера своего отца Авдѣя.

— А! здравствуй, Авдѣй!—ласково произнесъ Арсеній.—Какъ здоровъ батюшка?

— Здоровъ, родной, здоровъ,—отвѣтилъ старикъ.

«истр. вѣсти». июль 1913 г., т. сxxxiii,

— Онъ потребоваль, чтобы я сейчасъ же провела его къ господину князю, — торопливо произнесла Берта. — Это онъ принесъ письмо.

— Спасибо, милая, я очень радъ, — сказала Арсеній.

Берта сдѣлала низкій книксенъ и удалилась.

Старикъ разсказаль, что Кирилль Арсеньевичъ чувствуетъ себя хорошо, по скорости собирается въ Москву, а пока присылаетъ вотъ это.

При этихъ словахъ Авдѣй разстегнулъ кафтанъ и снялъ съ пояса широкій толстый кушакъ.

— Золото, родной, золото, — проговорилъ старикъ, подавая Арсенію Кирилловичу тяжелый поясъ.

Князь вспыхнулъ. Ему вспомнились слова отцовскаго письма, на что нужны эти деньги.

— Спасибо, Авдѣй, — произнесъ онъ. — Заходи ужъ — потолкуемъ. Тамъ тебя накормятъ, а теперь ѣду по дѣламъ.

Авдѣй низко поклонился и вышелъ.

Вбѣжалъ Васька и началъ помогать своему господину совершить туалетъ.

Молодость взяла свое.

Сперва глубоко взволнованный письмомъ отца, Шастуновъ мало-по-малу успокоился, охваченный мыслями о предстоящемъ свиданіи съ Лопухиной.

«Ничего, — думаль онъ: — все обойдется. Отецъ, видно, еще не знаетъ, что князья Голицыны воли хотятъ. Приѣдетъ старикъ, самъ увидить, что теперь не то, что при Петрѣ I. Самъ, небойсь, не захочетъ быть подъ рукою нѣмецкаго берейтора...»

И, уже забывъ о письмѣ отца, свѣжій, нарядный, какъ на балъ, онъ летѣль къ Лопухиной. Въ его воображеніи рисовалась радостная встрѣча. Онъ шепталъ про себя пламенные слова о любви и свободѣ, которыя странно переплетались въ его душѣ. Онъ завоеуетъ, онъ завоеуетъ еѣ, эту гордую красавицу, желанную добычу всѣхъ щеголей Москвы и Петербурга! Она будетъ только его! Въ ней онъ видѣль единую и лучшую награду... Онъ не задумывался, какими путями онъ можетъ достигнуть безраздѣльнаго обладанія этой красавицей.

Темныя, нехорошія мысли порой шевелились въ его душѣ. Лопухинъ — врагъ верховниковъ...

Но онъ отгоняль отъ себя эти мысли...

Лакей подняль портьеру, громко крикнувъ:

— Сіятельный князь Арсеній Кирилловичъ Шастуновъ.

И князь очутился въ навѣки запечатлѣвшейся въ его памяти красной гостиной. Сердце остановилось. Дыханье прерывалось. Всѣ приготовленныя слова вылетѣли изъ его памяти.

Но то, что увидѣлъ онъ, сразу вернуло ему самообладаніе свѣтскаго человѣка, привыкшаго къ изысканному обществу Сень-Жермена.

Лопухина была не одна. Облокотившись на спинку кресла, передъ ней стоялъ графъ Левенвольде.

При входѣ Шастунова Лопухина, какъ показалось князю, смущенно поднялась съ маленькаго кресла, а графъ Рейнгольдъ выпрямился.

— Какъ я рада, дорогой князь,—радушно и спокойно произнесла Наталья Федоровна:—я соскучилась о васъ.

И она протянула Шастунову руку.

Арсеній Кирилловичъ поцѣловалъ протянутую руку и отдалъ холодный, сухой поклонъ Рейнгольду.

— Какія же новости привезли вы намъ изъ Митавы? Приѣхала ли императрица?—продолжала Лопухина, обжигая его взглядомъ изъ-под опущенныхъ длинныхъ рѣсницъ.

Рейнгольдъ стоялъ молча, весь на сторожѣ.

— Императрица приѣхала сегодня,—сухо отвѣтилъ Шастуновъ.—Она во Всесвятскомъ. Государыня милостиво приняла депутацію, принесшую благодареніе ея величеству за милости, оказанныя народу,—закончилъ Шастуновъ.

— Императрица очень добра,—замѣтилъ графъ Левенвольде.

— Да,—рѣзко произнесъ Шастуновъ, пристально и вызывающе глядя на Рейнгольда:—она изволила дать обѣщаніе оставить въ Митавѣ всѣхъ окружавшихъ ее чужеземцевъ, во главѣ со своимъ камеръ-юнкеромъ Биреномъ.

Левенвольде нервно пожалъ плечами.

Лопухина бросала на него тревожные взгляды.

— Конечно,—со скрытой насмѣшкой произнесъ Левенвольде:—вѣдь она теперь не герцогиня курляндская, а русская императрица...

Никто не отвѣтилъ ему. Лопухина, видимо, была смущена, не смотря на все умѣнье владѣть собою. Шастуновъ невольно вспомнилъ намеки Сумарокова въ памятную ночь 19-го января, и чувство глухой, тяжелой ревности овладѣвало имъ.

Инстинктомъ опытной женщины Лопухина поняла, что происходитъ въ душѣ князя.

Она снова бросила умоляющій взглядъ на Рейнгольда. Левенвольде понялъ, что онъ лишній. Но въ своемъ самомнѣніи онъ объяснилъ ея желаніе остаться наединѣ съ Шастуновымъ намѣреніемъ что-либо вывѣдать полезное для дѣла, потому что въ душѣ онъ давно и безповоротно рѣшилъ, что Лопухина не можетъ имѣть иныхъ мыслей и стремленій, чѣмъ онъ. Но все же онъ съ явнымъ недоброжелательствомъ смотрѣлъ на молодого князя.

— Простите,—сказаль опъ наконецъ:—обязанности службы призываютъ меня.

Онъ сдѣлаль надъ собой усиліе и съ непринужденнымъ видомъ поклонился князю.

— Какъ жаль,—протянула Наталья Оедоровна.

Рейнгольдъ поцѣловаль ея руку и вышелъ.

Нѣсколько мгновений царило молчаніе.

— Князь Арсеній Кирилловичъ,—тихо начала Лопухина:—подойдите ближе. Сюда. Вотъ такъ... Вы, кажется, не рады, что пришли?

Ея голосъ звучаль печально и нѣжно. Этотъ очаровательный голосъ, такой глубокой и гибкой, проникающій въ самое сердце.

— Я жалѣю, что пришелъ сегодня,—мрачно отвѣтилъ князь:—кажется, я былъ лишнимъ, я помѣшалъ вамъ...

— Мальчикъ, милый мальчикъ,—съ невыразимой нѣжностью произнесла Наталья Оедоровна:—онъ ревнуетъ, онъ ревнуетъ!—повторила она, низко наклоняясь къ князю...

— Развѣ я могу ревновать!—дрожащимъ голосомъ произнесъ Арсеній Кирилловичъ.

— Не можешь, не можешь, не смѣешь!...—страстнымъ шопотомъ сказала Лопухина, и ея обнаженная до локтя руки обвились вокругъ шеи князя...

— Милый, ревнивый, дорогой мальчикъ,—шептала она, крѣпко прижимая его голову къ груди.—Я не выпущу тебя... Ты—мой...

Какъ утренній туманъ подъ лучами солнца, исчезли мрачныя мысли Арсенія Кирилловича. Восторгъ, безконечный восторгъ, граничащій со страданіемъ, охватилъ его душу... Огненный вихрь закружилъ его и сжегъ мгновенно и ревнивыя мысли, и тревожныя чувства...

Уже позднимъ вечеромъ возвращался домой Арсеній Кирилловичъ. Онъ шелъ нѣшкомъ, довольный и счастливый, уже мечтая о новомъ свиданіи съ Лопухиной. Несмотря на поздній часъ, на улицахъ, прилегающихъ къ Кремлю, и на площади передъ Архангельскимъ соборомъ было шумно, суетился народъ, горѣли факелы. Соборъ былъ освѣщенъ внутри. Это шли спѣшныя приготовленія къ назначенному на завтра погребенію покойнаго императора. Фасады домовъ украшались траурными матеріями. На площади воздвигались арки съ траурными флагами. Въ соборѣ готовили гробницу на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ погребенъ царевичъ казанскій Александръ Сафагиреевичъ. Гробъ съ его прахомъ уже унесли.

Шастуновъ вспомнилъ, что ему тоже придется итти завтра въ нарядъ, и вздохнулъ. Онъ усталъ съ дороги, усталъ отъ волнений сегодняшняго дня, а завтра надо подниматься чѣмъ свѣтъ!

ХІ.

Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій въ полной парадной формѣ, съ голубой андреевской лентой черезъ плечо, торопливо и взволнованно вошелъ въ комнату дочери Екатерины.

— Ну что же, образумилась? Пора, ѣдемъ,—сердито сказалъ онъ.

Екатерина—высокая, стройная дѣвушка, въ глубокомъ траурѣ—медленно повернула къ нему похудѣвшее, блѣдное лицо съ сурово сдвинутыми и горящими сухимъ, лихорадочнымъ блескомъ большими глазами.

— Я не поѣду,—рѣзко сказала она:—я уже говорила тебѣ, отецъ. Ты не отстоялъ для своей дочери подобающаго мѣста. Я не хочу униженій!

— Ты съ ума сошла, Катерина,—воскликнулъ Алексѣй Григорьевичъ:—чего ты хочешь?

— Я хочу,—отвѣтила Екатерина:—чтобы чтили во мнѣ государыню-невѣсту. Мое мѣсто съ принцессами. Я не пойду съ тѣми, кто еще такъ недавно цѣловали мою руку... Я такое же «высочество», какъ и принцесса Елисавета. Мое мѣсто рядомъ съ ней.

— Ты уже не государыня-невѣста,—сказалъ Долгорукій.

— Я государыня-невѣста, и я умру ею,—отвѣтила Екатерина.— Я не сойду со своей высоты. Унижайся ты, если хочешь. Я не унижусь...

— Послушай, Екатерина,—убѣдительнымъ тономъ заговорилъ Алексѣй Григорьевичъ:—что было—то прошло. Надо начинать иную жизнь. И такъ уже жаловались на твою надменность. И такъ Богъ вѣсть, что говорятъ про Долгорукихъ.

— Въ томъ я не причина,—возразила Екатерина:—высоко вознеслись вы; что жъ говорить о васъ! Иванъ погубилъ своимъ распутствомъ императора. Только бражничалъ да распутничалъ... Ты... да что говорить!

— Не тебѣ упрекать меня да брата Ивана,—отвѣтилъ Алексѣй Григорьевичъ:—мы думали о твоей судьбѣ. Мы вознесли тебя на такую высоту, о какой ты и помыслить не смѣла...

— Себя вознесли,—прервала его Екатерина:—развѣ я хотѣла этого, развѣ просила или молила... Гореньки.. охота, пьяные пиры!... О, Господи,—страстно воскликнула она:—вы все подстроили! Видить Богъ, не хотѣла я этого!... Молчи же, отецъ,—вы ничего не дали мнѣ. Вы отняли у меня мое счастье, мою любовь...

Она рѣзко отвернулась къ окну и прижалась горячимъ лбомъ къ холодному стеклу, за которымъ видѣлся мутный сумракъ...

— Я была бы счастлива съ Миллезимо,—тихо закончила она.

— Ты еще можешь быть счастлива,—попробовалъ сказать Алексѣй Григорьевичъ.

Она повернула къ нему вспыхнувшее лицо.

— Вы отравили мою душу,—крикнула она.—Оставь, отецъ, уйди, не терзай меня! Мнѣ ничего, ничего теперь не нужно. У меня теперь нечего уже отнять! И я ничего не боюсь, ничего не хочу! Вы проиграли, а мнѣ все равно.

— Глупая дѣвчонка,—съ озлобленіемъ крикнулъ, поворачиваясь, Алексѣй Григорьевичъ.

— А ты цѣловаль мнѣ руку и называль «ваше высочество»,—бросила ему вслѣдъ Екатерина съ сухимъ, жесткимъ смѣхомъ.

Князь торопился въ Лефортовскій дворецъ къ выносу праха императора. Тамъ уже всѣ нетерпѣливо перешептывались, ожидая, изъ уваженія къ памяти покойнаго императора, его бывшую невѣсту...

Но, чувствуя себя униженной тѣмъ, что въ церемоніалѣ погребенія ей отвели мѣсто среди придворныхъ дамъ, Екатерина все же хотѣла взглянуть на печальный кортежъ, сопровождавшій останки того, кто готовился возвести ее на высшую ступень человѣческой власти и увѣнчать ея юную голову императорской короной.

Она велѣла подать карету и изъ Головинскаго дворца, гдѣ они жили, поѣхала къ невѣстѣ брата, Наташѣ Шереметевой. Печальная процессія должна была пройти какъ разъ подъ окнами шереметевскаго дворца.

Съ заплаканнымъ, распухшимъ отъ слезъ лицомъ, рыдая, бросилась ей навстрѣчу шестнадцатилѣтняя Наташа.

— Катя, дорогая, какъ тяжело, какъ тяжело мнѣ!...—рыдая, говорила она.

Въ суровой душѣ Катерины эта кроткая, любящая и нѣжная дѣвушка-ребенокъ всегда пробуждала нѣжность.

— Полно, полно, Наташенька,—ласково говорила она:—не плачь...

— Катя, милая,—говорила Наташа, крѣпко сжимая ея руки:—ежели бъ ты знала, какъ тяжело стало мнѣ жить съ тѣхъ поръ, какъ скончался нашъ благодѣтель. Вѣдь довольно я знаю обычаи нашего государства, что всѣ фавориты пропадаютъ послѣ своихъ государей!...

— Наташа,—серьезно сказала Екатерина:—ты еще такъ молода, зачѣмъ безразсудно сокрушаться. Никто не осудитъ тебя, если ты откажешь жениху. Я первая совѣтую тебѣ это. Будутъ и другіе женихи,—и ты будешь счастлива.

— Катя!—всплеснувъ худенькими руками, воскликнула Наташа:—и ты туда же!... И ты какъ тетки и братъ Петръ, что житья мнѣ не даютъ, только и твердятъ: откажись, да откажись. Катя, Катя!—съ упрекомъ продолжала она:—гдѣ же совѣсть? Когда былъ онъ великъ, я съ радостью шла за него, и всѣ вокругъ восклицали: ахъ, какъ счастлива она! А теперь, когда онъ въ несчастіи,—отка-

зять ему?... Нѣтъ, дорогая Катя, это безсовѣстные совѣты... Прости, не сердись... Ты, вѣдь, понимаешь меня...

Екатерина съ затуманенными глазами крѣпко обняла Наташу. Такъ онѣ сидѣли, обнявшись, въ углу комнаты на диванѣ.

— Нѣтъ,—продолжала Наташа, прильнувъ головой къ плечу Екатерины:—я отдала сердце свое одному и рѣшила съ нимъ жить и умереть... И что бы ни ждало меня впереди, я никогда, никогда не раскаюсь въ этомъ!...

— Дѣвочка, милая дѣвочка,—съ нѣжностью, несвойственной властной душѣ ея, произнесла Екатерина:—ребеночекъ милый,—добавила она, какъ будто не была сама только на два года старше Шереметевой.

Онѣ еще могли плакать теперь... Но настанетъ время, когда отъ ужаса и отчаянья изсякнутъ у нихъ всѣ слезы, и сухіе глаза будутъ безнадежно смотрѣть, ожидая чуда, на низкое, сумрачное небо глухой и дикой стороны.

Заунывное, громкое пѣніе послышалось съ улицы. Погребальныя напѣвы торжественно звучали въ тихомъ утреннемъ воздухѣ...

Дѣвушки вскочили и подбѣжали къ окну.

На улицѣ было уже свѣтло. На чистомъ небѣ ярко горѣло зимнее солнце.

Неподвижно, держа ружья на караулъ, стояли шпалерами солдаты. За ними тѣснился народъ. Стройными рядами двигались многочисленные пѣвчіе. За ними золотыя, серебряныя, черныя ризы духовенства. Всѣ члены синода, митрополиты, архимандриты, игумены, черные ряды монаховъ... Казалось, имъ не будетъ конца...

Но вотъ показались золотые мундиры придворныхъ, несшихъ малиновыя подушки. На нихъ лежали сверкающіе на солнцѣ гербы, ордена, короны. Шляпы придворныхъ были окутаны флеромъ, спускающимся на спину...

Рыдая, смотрѣла Наташа на это послѣднее торжество бывшаго императора. У Екатерины вся кровь отхлынула отъ лица, и она стояла блѣдная, неподвижная, какъ статуя, сжавъ руки.

Поддерживаемый двумя ассистентами, съ подушкой въ рукахъ, медленно двигался Иванъ Долгорукій. Флеръ на его шляпѣ распустился и почти волочился по землѣ, на плечи была наброшена длинная траурная епанча.

А за нимъ, медленно колыхаясь, словно на волнахъ, запряженная восемнадцатью лошадьми, подвигалась высокая колесница съ гробомъ императора, увѣнчанная золотой императорской короной.

Поровнявшись съ домомъ Шереметевыхъ, Иванъ поднялъ на окна заплаканные глаза, словно хотѣлъ сказать: кого погребаемъ! кого въ послѣдній разъ провожаю я!

Въ его глазахъ было столько отчаянья, что сердце Екатерины, не любившей брата, дрогнуло жалостью, а Наташа съ крикомъ: «Ваня, Ваня!»—упала навзничь...

Екатерина едва успѣла поддержать ее.

Обрядъ погребенія кончился.

Послѣдній пушечный салютъ и бѣглый ружейный огонь возвѣстили объ этомъ жителямъ первопрестольной столицы.

Изъ членовъ верховнаго совѣта не присутствовали лишь Остерманъ. Тяжелая болѣзнь, какъ говорилъ онъ, помѣщала ему отдать послѣдній долгъ своему царственному воспитаннику.

Но въ тотъ же день онъ принималъ у себя графа Рейнгольда. Рейнгольдъ въ эти дни сдѣлалъ большіе успѣхи. Съ ловкостью, которой трудно было ожидать отъ него, онъ сумѣлъ не только вывѣдать настроеніе военныхъ круговъ, но даже близко сойтись съ нѣкоторыми гвардейскими офицерами, посвятившими его въ свои желанія. Въ этомъ помогъ ему извѣстный пьяница, скандалистъ и картежникъ, но имѣвшій большое вліяніе на товарищей по своему происхожденію и богатству, молодой графъ Ѳедоръ Андреевичъ Матвѣевъ. Внукъ знаменитаго Артемона Матвѣева, друга царя Алексѣя Михайловича, того самаго Артемона, который своею кровью запечатлѣлъ свою вѣрность Петру, когда погибъ мученической смертью на стрѣлецкихъ копьяхъ въ страшные дни перваго стрѣлецкаго бунта въ 1682 году, сынъ не менѣе знаменитаго отца, графа Андрея Артемоновича, любимца Петра Великаго, графъ Ѳедоръ отличался исключительно своимъ буйнымъ, скандальнымъ нравомъ.

Онъ не задавался никакими политическими убѣжденіями. Онъ просто ненавидѣлъ Долгорукихъ послѣ того, какъ они при Петрѣ II заставили его извиниться передъ испанскимъ посломъ де-Лирія за грубую, пьяную выходку. Ѳедоръ Андреевичъ считалъ это для себя униженіемъ. Кромѣ того, его мать была очень близкимъ лицомъ Аннѣ Ивановнѣ; въ свое время она была гофмейстериной ея курляндскаго двора. Естественно, при такихъ условіяхъ молодой графъ могъ только желать для новой императрицы всей полноты власти.

Рейнгольдъ легко сблизился съ нимъ, вышивъ нѣсколько бутылокъ вина и проигравъ ему полсотни золотыхъ. Черезъ него онъ познакомился и съ его пріятелями: Кантемиромъ, Гурьевымъ, адъютантомъ фельдмаршала Трубецкого, секретаремъ Преображенскаго полка Булгаковымъ, Салтыковыми, родственниками царицы, молодымъ Апраксинымъ и другими. Изъ нихъ наиболѣе дѣльнымъ и вліятельнымъ былъ Кантемиръ. Онъ сумѣлъ пріобрѣсти вліяніе даже на робкаго и нерѣшительнаго князя Черкаскаго, въ семьѣ котораго былъ своимъ человѣкомъ. Затѣмъ большое значеніе

имѣли Салтыковы и секретарь Преображенскаго полка Булгаковъ. Всѣ эти лица или по родственнымъ связямъ съ императрицей, или по близости къ знатымъ особамъ, обиженнымъ и обойденнымъ верховниками, или по убѣжденію и личной выгодѣ, желали, чтобы затѣи верховниковъ были уничтожены и власть сосредоточилась въ рукахъ Анны. Рейнгольдъ не скрылъ, что въ гвардейскихъ полкахъ на большинство нельзя рассчитывать, но зато меньшинство представляло собою людей наиболѣе знатныхъ и богатыхъ.

Остерманъ съ удовольствіемъ слушалъ его сообщенія, потирая руки.

Затѣмъ Рейнгольдъ сообщилъ ему свои наблюденія въ армейскихъ полкахъ и среди шляхетства. Ему удалось побывать на тайномъ собраніи у подполковника Сибирскаго полка Новикова, гдѣ собралось и много представителей шляхетства. Тамъ все говорили о томъ, что обѣщанія Голицына о льготахъ для шляхетства лишь «помазка по губамъ». Что-де верховники заберутъ всю власть. Новиковъ предлагалъ ворваться въ залъ засѣданій верховнаго совѣта и съ оружіемъ въ рукахъ потребовать, чтобы немедленно было созвано шляхетское собраніе для опредѣленія своихъ нуждъ и установленія формы правленія. Другіе находили это предпріятіе «лютымъ и удачи неизвѣстной» и хотѣли мирнымъ путемъ сговориться съ верховниками.

Остерманъ даже закрылъ глаза отъ удовольствія. «Они не поняли и не поймутъ другъ друга! Дмитрій Михайловичъ пропустилъ время, когда можно было сговориться,—думалъ онъ,—теперь остается имъ одна борьба. Кто сильнѣе и на чью сторону станетъ запуганная императрица?»

Живыя наблюденія Рейнгольда и знакомство со всѣми шляхетскими проектами, которые Дмитрій Михайловичъ посылалъ ему на просмотръ, дали Остерману яркую картину дѣйствительности.

Какъ опытный шахматный игрокъ, онъ своимъ острымъ умомъ ясно увидѣлъ всѣ ошибки верховниковъ. Они допустили прежній императорскій титулъ въ манифестѣ и на эктеніяхъ. Они не опубликовали кондицій. Они не обнародовали проекта князя Дмитрія Михайловича, въ которомъ шляхетству дано большое значеніе. А пуще всего—они не показали себя отвѣтственными. Они никого не поставили надъ собой, никто не могъ провѣрять ихъ дѣйствій, никто не могъ возражать имъ. Въ туманныхъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ говорилъ Дмитрій Михайловичъ о шляхетской палатѣ, что она какъ защита противу посягательствъ на льготы шляхетства верховнаго совѣта, буде таковыя произойдутъ. Но что палата можетъ сдѣлать съ ними, ежели они именованіемъ императрицы объявили себя несмѣняемыми?

Этимъ въ глазахъ всѣхъ они выставили себя олигархами-тиранами.

Да, Остерманъ былъ рожденъ для конъюнктуръ. Интрига была его жизнью, смысломъ его существованія. Подстрекать однихъ, обманывать другихъ, сталкивать разнородные интересы, возбуждать страсти—создать настоящій хаосъ, въ которомъ только онъ одинъ могъ разобраться, держа всѣ нити въ своихъ рукахъ—на это онъ былъ великій мастеръ.

Цѣлый и стройный планъ былъ уже готовъ у него. Силы уже подбирались; какъ искусный полководецъ, онъ двинетъ ихъ въ рѣшительную минуту.

Сторонниковъ самодержавія надо поддержать въ убѣжденіи, что для великой, но темной Россіи нужна единая воля и единъ разумъ, что доказалъ Петръ I, одинъ изъ величайшихъ императоровъ, и въ чемъ, между прочимъ, былъ убѣжденъ и самъ Остерманъ. Сторонникамъ свободы, ограниченія самодержавной власти указать на опасность для свободы именно со стороны верховниковъ. Указать, что разъ сама императрица согласилась на новыя условія правленія, такъ пусть она предоставитъ право устроенія новой государственной жизни не восьми персонамъ, а общенародію. Этимъ будетъ вырвана власть изъ рукъ верховниковъ, а тамъ... тамъ будетъ видно. Въ удобную минуту сторонники самодержавія выставятъ свои требованія и поддержать ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. А теперь главное возстановить шляхетство противъ верховнаго совѣта. А шляхетство не страшно. У нихъ нѣтъ единой головы, это показываютъ многочисленные, разнообразныя проекты. Шляхетству не стовориться... Они тоже перегрызутся между собой. И только одна партія, цѣльная въ своей опредѣленности, станетъ непоколебима, какъ скала среди бушующихъ волнъ.

Партія возстановленія самодержавія.

Но какое бы удовольствіе ни испытывалъ Остерманъ, слушая Рейнгольда, его лицо оставалось все такъ же безстрастно. Онъ только изрѣдка закрывалъ глаза и кивалъ головой.

— Бѣдная Россія,—произнесъ онъ наконецъ:—настали трудные дни. Намъ начинаетъ грозить Швеція, императоръ Карлъ становится все требовательнѣе. Я старъ и слабъ, а то я самъ поѣхалъ бы къ императрицѣ.

Зачѣмъ? онъ не сказалъ.

И вообще Рейнгольдъ не могъ рѣшить: чего же собственно хочетъ Остерманъ? Какой партіи онъ придерживается? И что написать брату, по порученію котораго онъ бывалъ у Остермана, сообщая ему свои наблюденія?

— Ну, Богъ поможетъ,—произнесъ Остерманъ:—а мнѣ опять хуже... Глаза горятъ. Ноги отнимаются и болятъ. Опять надо взять горячую ванну.

Рейнгольдъ понялъ, что ему пора уходить. Онъ всталъ.

— Заходите, графъ,—сказаль вице-канцлеръ:—мнѣ очень интересно знать, что творится у васъ. Бѣдный больной старикъ, кажется, уже никому не нуженъ.

— Сочту за честь, господинъ баронъ,—кланяясь, отвѣтилъ Рейнгольдъ.

Послѣ ухода Рейнгольда баронъ съ легкостью и живостью молодого человѣка быстро сбросилъ съ ногъ одѣяло, вскочилъ съ кресла и подошелъ къ столу.

Онъ усѣлся у стола, придвинулъ лампу и началъ торопливо писать. Онъ писалъ долго, не отрываясь, и на его тонкихъ губахъ скользила усмѣшка. Кончивъ, онъ съ видимымъ удовлетвореніемъ перечелъ написанное, запечаталь, спряталь на груди, затѣмъ перешелъ опять въ свое кресло, прикрылъ ноги мѣховымъ одѣяломъ и позвонилъ. Вошедшему лакею онъ слабымъ голосомъ приказаль позвать баронессу. Когда она пришла, онъ указаль ей мѣсто рядомъ съ собой и тихо началъ:

— Слушай, Мароутченка, и запомни, что я скажу тебѣ. Я дамъ тебѣ важныя порученія. Въ настоящее время только женщина, умная и ловкая, можетъ сдѣлать это. Ты Стрѣшнева, близка къ Салтыковымъ—они родственники царицы, ты знаешь хорошо Лопухиныхъ. Наталья Ѳедоровна умнѣйшая женщина. Чернышева ближайшій другъ императрицѣ. Однимъ словомъ, надо, чтобы это письмо (онъ вынулъ изъ-за пазухи небольшой, но довольно толстый пакетъ) было не позже завтрашняго дня доставлено императрицѣ,—съ особеннымъ выраженіемъ добавилъ онъ.—Это трудно,—продолжалъ онъ:—къ императрицѣ никого не пускаютъ; даже сестеръ она можетъ принимать лишь въ присутствіи Василя Лукича... Но гдѣ не можетъ самъ чортъ—сумѣетъ женщина.

— Ты, однако, очень милъ сегодня, Юганнъ,—улыбаясь, сказала Марѳа Ивановна.

Остерманъ поцѣловаль ея руку.

— Ну что жъ, я попытаюсь. Я сегодня же повидаю Прасковью Юрьевну. (Прасковья Юрьевна, сестра фельдмаршала, была замужемъ за генераль-поручикомъ Семеномъ Андреевичемъ Салтыковымъ). Постараюсь повидать и Авдотью Ивановну Чернышеву,—сказала Марѳа Ивановна.—Можетъ быть, это и не такъ трудно,—съ хитрой улыбкой добавила она.

— О, женщины великое орудіе дипломатіи,—улыбнулся Остерманъ, снова цѣлуя руку жены.

Марѳа Ивановна даже не спросила у мужа о содержаніи письма. Онъ вообще не любилъ никакихъ разспросовъ, а она привыкла къ тому, что онъ вѣчно былъ окруженъ тайнами, и считала ихъ неизбѣжными при его положеніи вице-канцлера.

XII.

Настроение молодежи, такъ весело и радостно сопровождавшей Анну изъ Митавы, какъ императрицу великой страны, замѣтно измѣнилось. Станнымъ и непонятнымъ казалось имъ положеніе императрицы. Что это значить? Императрица въ плѣну, она плачетъ, тоскуетъ. Они сами тоже подъ какимъ-то надзоромъ, словно въ тюрьмѣ. Неотступной тѣнью слѣдуетъ за государыней этотъ гордый, самовластный князь. Онъ даже остановился въ этомъ дворцѣ, предоставленномъ императрицѣ. Изящный, самоувѣренный, всегда сдержанный и остроумный, очаровательный собесѣдникъ, онъ мягко и настойчиво держитъ въ своихъ рукахъ всю власть. Онъ распоряжается караулами, онъ допускаетъ или не допускаетъ, по своей волѣ, къ императрицѣ ея родныхъ, друзей, даже ея сестеръ и царевну Елизавету. Со своей неизмѣнной улыбкой онъ, какъ тюремщикъ, присутствуетъ при всякомъ свиданіи, разрѣшенномъ имъ. Дворецъ окруженъ солдатами, на всѣхъ окрестныхъ улицахъ и по дорогѣ въ Москву—военные посты. Онъ говоритъ, что это почетный караулъ. Но для почетнаго караула—ихъ слишкомъ много. Всѣ челобитныя, присылаемыя на имя императрицы, направляются къ нему. Онъ разбираетъ ихъ, кладетъ резолюціи, и уже потомъ докладываетъ императрицѣ все, что найдетъ нужнымъ. А она со всѣмъ соглашается. Онъ не позволилъ имъ съѣздить въ Москву.

Что же это?

При дворѣ герцогини курляндской они привыкли думать, что императоръ россійскій всемогущъ. Что власть его простирается, грозная и могучая, не только надъ его необъятной имперіей, но даже чуждые народы уважаютъ его волю.

И всть...

Молодой Артуръ глубоко задумывался, баронесса Юліана фонъ-Оттомаръ притихла, его сестра тоже.

Право, имъ свободнѣе жилось при курляндскомъ дворѣ.

Маленькая Юліана грустила еще потому, что нѣсколько дней не видѣла князя Шастунова.

Аріальдъ, какъ мышь, обѣгалъ каждый уголокъ дворца, узналъ всѣхъ лакеевъ и слугъ, включительно до судомойки, знакомился съ солдатами, развѣдывалъ отъ нихъ, что происходитъ въ Москвѣ, и съ запасомъ новостей и сплетенъ являлся по вечерамъ въ комнату фрейлинъ и передавалъ все, что успѣвалъ узнать за день.

Авессаломъ поселился въ каморкѣ наверху, и эта теплая, но тѣсная каморка казалась ему раемъ по сравненію съ сырымъ и темнымъ подваломъ въ митавскомъ домѣ герцогини.

Онъ былъ «безъ языка», такъ какъ не зналъ почти ни одного слова по-русски, но къ его мрачной и вмѣстѣ съ тѣмъ жалкой

фигурѣ скоро привыкла прислуга. Его приходъ на кухню всегда встрѣчался веселымъ смѣхомъ и шутками, которыхъ онъ, конечно, не понималъ. Съдой поварь въ бѣломъ колпакѣ дружески ударялъ его по горбу и при радостномъ хохотѣ дворни говорилъ съ ласковой улыбкой:

— Ну, чортова кукла, заморскій уродъ, садись—лопай!

Авессаломъ чувствовалъ, что надъ нимъ смѣются, но нисколько не оскорблялся, такъ какъ видѣлъ подъ этими шутками человѣческое отношеніе къ себѣ, къ чему онъ не привыкъ въ Митавѣ. Его кормили и поили, какъ на убой. За это онъ строилъ уморительныя гримасы, ходилъ на рукахъ, кувыркался колесомъ, сохраняя свой мрачный видъ. Дворня хохотала до упаду.

Съ упорствомъ и настойчивостью онъ стремился ознакомиться съ русскимъ языкомъ и уже черезъ нѣсколько дней началъ кое-что понимать и говорить, забавно коверкая слова. Его охотно всѣ учили языку, до такой степени смѣшно произносилъ онъ русскія слова.

Аріальдъ, вообще знакомый съ русскимъ языкомъ, за нѣсколько дней такъ усовершенствовался въ немъ, что довольно бѣгло объяснялся. Но ему тоже было скучно. Онъ хоть пѣшкомъ добѣжалъ бы до Москвы—посмотрѣть этотъ сказочный, роскошный городъ, гдѣ, какъ онъ слышалъ, такъ много храмовъ съ золотыми куполами, роскошные дворцы царей и вельможъ, гдѣ есть пушка, въ которую онъ легко могъ бы влѣзть, и такой колоколь, какого нѣтъ во всемъ мірѣ. Но онъ не смѣлъ и заикнуться о своемъ желаніи.

Изъ углового окна комнаты фрейлинъ была видна дорога въ Москву. У этого окна любила стоять Юліана и смотрѣть на эту снѣжную дорогу. Неясныя чувства волновали ее. Не покажется ли знакомая фигура на горячемъ конѣ? Она ревниво таила свои чувства. Такъ и въ это утро,—она стояла у окна, съ тоской и ожиданіемъ глядя на далекій бѣлый путь.

Вотъ показалась карета, за ней одиночныя сани, потомъ верховой.

— Ъдутъ, ѣдутъ!—радостно вскричала она.

— Кто, кто ѣдетъ?—спросила Адель, подбѣгая къ окну.

— Ну да, это, навѣрное, сестры императрицы,—сказала она, приглядѣвшись:—и принцесса Елизавета... А за ними...

— Князь Шастуновъ,—быстро проговорила, вся вспыхнувъ, Юліана.

Адель весело взглянула на нее.

— Ого, Юліана, какая ты зоркая,—смѣясь сказала она.

Юліана покраснѣла еще болѣе.

— Ты бы еще дальше узнала поручика Макшеева,—отвѣтила она.

И обѣ дѣвушки громко разсмѣялись.

Всякій прїѣздъ чужихъ людей развлекалъ ихъ.

— Ну, Адель, скорѣе, одѣвайся,—торопливо проговорила Юліана:—насъ, навѣрное, призовутъ.

Молодыя дѣвушки, хотя и были одѣты, торопливо бросились къ зеркалу поправить свои прически и провѣрить туалетъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату влетѣлъ Аріальдъ.

— Прїѣхали, прїѣхали,—кричалъ онъ:—идите внизъ! Ея высочество герцогиня мекленбургская, принцессы Прасковья и Елизавета, да еще какія-то двѣ! Да нашъ князь!

«Нашимъ княземъ» маленькій Аріальдъ называлъ Шастунова, какъ, впрочемъ, звали его и остальные въ этомъ маленькомъ кружкѣ.

— Баронесса Юліана,—воскликнулъ онъ:—побѣлитесь, вы красны, какъ макъ!

— Дрянной мальчишка,—полусердито закричала Юліана:—я выдеру тебя за уши!

— А я пожалуюсь князю,—крикнулъ Аріальдъ, убѣгая.

Внизу прибывшихъ женщинъ встрѣтилъ Василій Лукичъ. Шастуновъ прямо прошелъ въ дежурную комнату смѣнить караульнаго офицера.

— Императрица рада будетъ увидѣть ваши высочества. Ея величество нѣсколько разстроена. Она до сихъ поръ печалуется о преждевременной кончинѣ своего августѣйшаго племянника. Но императоръ уже погребенъ, и живые должны думать о живомъ. Императрицѣ будетъ отрадно встрѣтить своихъ близкихъ.

За царевнами безмолвно и печально стояла Анна Гавриловна съ дочерью. Траурное платье выдѣляло блѣдность лица Маши. Она похудѣла, глаза ея были красны отъ слезъ. Ихъ присутствіе не нравилось Василію Лукичу, но онъ ничего не могъ подѣлать. Онѣ явились подъ слишкомъ могущественной охраной, чтобы онъ могъ рѣшиться удалить ихъ... Притомъ Анна Гавриловна была дочерью канцлера, ссориться съ которымъ не входило въ планы Василія Лукича.

Онъ быстро взвѣсилъ все это въ умѣ и почтительно, низко поклонился Ягужинской.

Она едва кивнула головой.

Василій Лукичъ пристально взглянулъ на нее и чуть замѣтно пожалъ плечами, какъ будто хотѣлъ сказать:

«Я знаю, зачѣмъ вы пришли, но никто не въ силахъ помочь вамъ».

Онъ проводилъ гостей въ маленькую пріемную и поспѣшилъ доложить императрицѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ два камеръ-юнкера широко распахнули двери, Василій Лукичій громко произнесъ:

— Ея величество императрица!

И въ сопровожденіи своихъ фрейлинъ и маленькаго Аріальда, поддерживавшаго длинный тренъ ея платья, вошла Анна.

Принцессы почтительно встали.

Прошло едва нѣсколько дней, какъ онѣ встрѣчали императрицу во Всесвятскомъ, но и за эти дни Анна поблѣднѣла и осунулась еще больше. Въ глазахъ горѣлъ мрачный огонь, губы были плотно сжаты.

— Здравствуйте, сестрицы,—привѣтливо, но безъ улыбки сказала она, цѣлуя сестеръ.

— А! и ты, Анна Гавриловна,—добавила она, замѣтивъ Ягужинскую:—а это кто, дочь твоя?

— Дочь, ваше величество,—едва сдерживая слезы, отвѣтила Анна Гавриловна:—Маша.

— Я ее еще не видала,—продолжала милостиво Анна, протягивая руку Машѣ.—Поди сюда, красавица.

Маша порывисто бросилась впередъ, прильнула къ рукѣ императрицы и вдругъ съ громкимъ рыданіемъ упала на колѣни...

Траурный кресть ея разстилался по полу, изъ-подъ чернаго головного убора выбивались полураспущенныя темно-русые косы.

Сердобольная Прасковья Ивановна съ глазами, полными слезъ, отвернулась къ окну. Анна Гавриловна плакала, закрывъ лицо руками. Юліана и Адель казались растроганными. Елизавета нервно тербила въ рукахъ платокъ. Лицо герцогини мекленбургской приняло суровое выраженіе, и она бросала негодующіе взгляды на Василія Лукича, пораженнаго этой сценой.

Глаза Анны сверкнули.

— Встань, встань,—торопливо сказала она.

Но Маша рыдала все громче и говорила прерывающимся голосомъ:

— Ваше величество.... Отецъ... въ тюрьмѣ... безвинно... Онъ вѣрный слуга вашъ и вашего дяди еще... Онъ... ничего... Смилюсь, государыня... Вы такая добрая...

Анна поблѣднѣла еще больше, и на мгновеніе ея глаза съ такой угрозой остановились на Василіи Лукичѣ, что онъ растерялся...

Но сейчасъ же овладѣлъ собою и, стараясь поднять Машу, произнесъ:

— Ея величеству извѣстно ваше дѣло. Вы напрасно заставляете страдать сердце государыни. Ея величество не можетъ пока ничего сдѣлать для васъ.

Маша съ отвращеніемъ оттолкнула его руку и прижалась лицомъ къ складкамъ платья Анны.

— Императрица еще не сказала своего слова,—своимъ рѣзкимъ, грубоватымъ голосомъ произнесла Екатерина, злыми глазами въ упоръ смотря на Василія Лукича.

— Встань, Маша,—настойчиво повторила Анна.
Маша встала.

Анна больше не удостоила взглядомъ Василия Лукича.

— Послушай, милая дѣвушка,—начала она, опускаясь въ кресло.—Скажи своему дѣдушкѣ, канцлеру, чтобы онъ сегодня же прѣхалъ ко мнѣ, я поговорю съ нимъ. Василий Лукичъ,—продолжала она, не глядя на князя,—я хочу, чтобы къ графу Павлу Ивановичу въ его заключеніи относились съ должнымъ уваженіемъ, безъ излишняго утѣсенія. Я хочу, чтобы верховный совѣтъ незамедлительно разсмотрѣлъ его дѣло и представилъ намъ о семъ.

Въ ея тонѣ слышались повелительныя ноты.

— Верховный тайный совѣтъ представить вашему величеству въ свое время сентенцію,—отвѣтилъ, кланяясь, Василий Лукичъ.

Онъ видѣлъ, что императрица раздражена, но все же своими словами далъ понять, что приговоръ произнесетъ верховный совѣтъ и только представитъ о семъ императрицѣ, какъ о совершившемся фактѣ. Василий Лукичъ съ умысломъ не прибавилъ словъ «на благоусмотрѣніе» или «на утверженіе», подчеркивая этимъ полную самостоятельность совѣта.

И это поняли всѣ, кромѣ Маши, которую очень ободрили ласковость императрицы и ея слова. Съ просіявшимъ лицомъ она снова горячо поцѣловала руку императрицы.

Анна сидѣла угрюмо, закусивъ губу.

Юліана и Адель, не понимая словъ, видѣли только, что эта милостивая, такая еще юная дѣвушка сперва горько плакала, видимо, о чемъ-то просила, а потомъ стала радостной. Значить, императрица удовлетворила ея просьбу. И онѣ изъ-за плеча императрицы ласково улыбались и кивали головой Машѣ. Маша тоже радостно улыбалась имъ въ отвѣтъ.

Василий Лукичъ, уже вполне овладѣвшій собой, почтительно стоялъ въ сторонѣ, нисколько не собираясь уходить, чтобы не оставить императрицу съ сестрами.

Онъ даже былъ доволенъ разыгравшейся сценой. На первую властную попытку Анны показать себя самостоятельной, онъ сумѣлъ отвѣтить и указать ей, въ присутствіи ея сестеръ, что она ничего не можетъ сдѣлать помимо верховнаго совѣта.

Чтобы разсѣять тяжелое впечатлѣніе, сестры разспрашивали императрицу, когда она предполагаетъ совершить свой входъ въ Москву. Будетъ ли на этотъ день снятъ трауръ?

Вопросъ о въѣздѣ въ Москву былъ уже рѣшенъ верховниками помимо Анны. Они торопились скорѣе покончить со всякими церемоніями, чтобы въ Москвѣ, въ присутствіи самой императрицы, привести народъ и войска къ присягѣ, которой они придавали величайшее значеніе, и хотѣли окружить ее возможной торжественностью и какъ бы санкціонировать присутствіемъ императрицы.

Текст присяги был наконец выработанъ. Въ немъ были исключены слова «самодержавнѣйшей», и присяга приносилась «государынь и государству».

Анна вяло отвѣчала на разпросы.

Екатерина низко наклонилась къ ней и говорила:

— Ты что-то поблѣднѣла, сестрица, вотъ прїѣдешь въ Москву—отдохнешь.

Она уронила платокъ и прежде, чѣмъ кто-нибудь успѣлъ сдѣлать движеніе поднять его, поспѣшно наклонилась и быстро шепнула:

— Тамъ вѣрные друзья, жди.

Вялое лицо Анны оживилось, и она украдкой взглянула на сестру. Герцогиня чуть замѣтно кивнула головой и непринужденно продолжала:

— Вчера былъ у меня князь Алексѣй Михайловичъ. Хочетъ просить твоего позволенія представить тебѣ дочь свою Варвару. И дочь же у него! Первая красавица въ Москвѣ. Потомъ заѣзжалъ фельдмаршалъ Иванъ Юрьевичъ...

Анна становилась внимательнѣе.

— Ждутъ тебя, очень всѣ ждутъ на Москвѣ...

— Да, сестрица,—сказала Елизавета, не понимавшая тайнаго смысла словъ Екатерины.—Ужъ очень мы истомились въ печаляхъ...

— А тебѣ, чай, ужъ и потанцовать захотѣлось? Ты, вѣдь, больно охоча до танцевъ,—произнесла Анна, не безъ нѣкоторой враждебности глядя на цвѣтущее, прекрасное лицо юной цесаревны.—Поспѣешь еще...

Елизавета вся вспыхнула.

— Что вы, сестрица,—отвѣтила Елизавета:—я не къ тому. Гдѣ о танцахъ думать! Только было все такъ тревожно да смутно. Всѣ ровно потерянные ходили...

— И взаправду, Аннушка,—лѣниво сказала Прасковья:—жили мы какъ въ крѣпости какой...

Василій Лукичъ внимательно слушалъ эти разговоры.

Ему не нравилась герцогиня Екатерина. Она открыто, гдѣ только могла, выказывала свою ненависть верховникамъ. Она была рѣзка и рѣшительна, и ея присутствіе было особенно непріятно князю.

Онъ видѣлъ настроеніе Анны, враждебное, хотя и угнетенное, самъ усталъ за эти дни, неся свои нелегкія обязанности, оберегая императрицу отъ всякаго посторонняго вліянія и неуспѣшно наблюдая за каждымъ ея шагомъ. Онъ насильно, вопреки видимому нежеланію Анны, жилъ во дворцѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что, какъ начальникъ дворцовыхъ карауловъ, онъ отвѣчаетъ за покой и безопасность императрицы. Но въ душѣ ему не нравилась роль тюремщика. «Поскорѣе бы все кончилось.—думалъ онъ:—поскорѣе бы

въ Москву! Будеть принесена присяга, все пойдетъ тогда обычнымъ порядкомъ. Кончится неопредѣленность, смирятся враги, и сама императрица покорится своему положенію государыни, которая царствуетъ, но не управляетъ».

Императрица, нѣсколько ободренная намеками сестры, пригласила гостей къ столу. Всѣ оживились, особенно цесаревна Елизавета, большая любительница покушать. Одна только Анна Гавриловна сохраняла на лицѣ скорбное выраженіе. Анна приказала пригласить къ столу дежурнаго офицера. Это она съ пріѣзда во Все-святское дѣлала каждый день. Въ ней говорилъ инстинктивный расчетъ, что этой высокой честью она привлечетъ на свою сторону не одного офицера. И расчетъ этотъ былъ въ значительной степени вѣренъ. Кромѣ того, раза два она подносила собственноручно караульнымъ солдатамъ по чаркѣ вина, а такъ какъ почти всѣ гвардейскіе солдаты были изъ зажиточныхъ дворянъ, то этимъ она располагала къ себѣ отчасти служилое шляхетство.

Все это не нравилось Василю Лукичу, но было трудно, даже невозможно помѣшать императрицѣ выражать свое благоволеніе отдѣльнымъ лицамъ, особенно дворцовой гвардіи, тѣмъ болѣе, что даже по проекту Дмитрія Михайловича Голицына императрицѣ представлялось полная власть надъ отрядомъ гвардіи, назначеннымъ для ея личной охраны и охраны ея дворца.

Велика была радость Юліаны, когда дежурнымъ оказался князь Арсеній Кирилловичъ. Судьба явно покровительствовала въ этотъ день молодой дѣвушкѣ. За столомъ Шастуновъ оказался ея сосѣдомъ. Подъ вліяніемъ своего личнаго счастья онъ былъ веселъ, оживленъ, насколько это допускало присутствіе императрицы, внимателенъ, почти нѣженъ къ Юліанѣ.

Вѣдная Юліана чувствовала себя безконечно счастливой.

Ф. Е. Заринъ-Несвицкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).





БЫЛЪ МИНУВШАГО ¹⁾.

VII.

Три Озера—помѣстье Молоствовыхъ—сто лѣтъ тому назадъ и въ наше время.—Его обитатели.—Наши поѣздки туда.—Развлеченіе молодежи.—Наша жизнь въ Шапшахъ.—Переѣзды въ Казань на зиму.—Жизнь въ Казани семьи Депрейсовъ въ 70-хъ годахъ.—Болѣзнь бабушки.—Какъ смотрѣли въ семьѣ на эту болѣзнь.—Домашній докторъ профессоръ Ф. О. Елачичъ.—Сестра Соня.—Раздѣлъ семьи Депрейсовъ.—Разрушеніе шапшинской усадьбы.—Мечты Е. Н. Депрейсъ создать личное состояніе.—Неудачная покупка имѣнія.—Жизнь продолжается въ Шапшахъ въ разоренномъ гнѣздѣ.—Интересъ семьи къ жизни Россіи болѣе, чѣмъ къ своей собственной.—Мои братья.—Александръ Петровичъ идетъ не по торному пути.—Покупка имѣнія подлѣ А. Н. Энгельгардта въ Смоленской губерніи.—Братъ Николай Петровичъ, его личность, завѣщаніе, кончина.—Смирненіе русскихъ дворянъ, какъ оружіе въ борьбѣ за существованіе.—Конецъ шапшинской жизни.—В. А. Ермоловъ женихъ сестры Соши.—Его личность.—Родители Ермолова.—Болѣзнь и кончина В. А. Ермолова.—Сестра моя Софья Петровна Мертваго.—Заключеніе.

ВЪ СТАРЫЯ времена Спасскій уѣздъ Казанской губерніи почти сплошь былъ заселенъ родственными и знакомыми семьями. Въ 15-ти верстахъ отъ Волги находится огромное село Три Озера, родовое помѣстье Молостровыхъ. Сто лѣтъ тому назадъ въ большомъ домѣ жили мои прадѣды, Порфирій Львовичъ и Екатерина Андревна Молостровы. Послѣ кончины отца усадьбу унаслѣдовалъ старшій сынъ Владимиръ Порфирьевичъ, а братья его, Модестъ и Орестъ, построили себѣ усадьбу въ верстѣ другъ отъ друга. Въ позднѣйшее время Три Озера по наслѣдству принадлежало двоюроднымъ братьямъ Молостровымъ, а теперь имъ владѣтъ уже поколѣніе троюродныхъ. Старый домъ былъ такъ великъ, что въ немъ умѣщались цѣлыя семьи, пріѣзжавшія навѣстить мать и бабушку, Екатерину Андреевну.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», апрѣль, г, СХХХІІ стр. 775.

Здѣсь вспоминаеть счастливые дни дѣтства внучка ея Екатерина Николаевна Депрейсъ, и передъ ней проходятъ образы прошлаго: прїѣзды къ бабушкѣ въ Три Озера, дружба кузинъ между собою. Особенно близка была тетя Катя съ Елизаветой Модестовной Молоствовой, которая по свойствамъ своей души была совсѣмъ не отъ міра сего, и смерть унесла ее въ полномъ расцвѣтѣ духа и красоты, когда ей было двадцать лѣтъ отъ роду. Она умерла невѣстой. Объ ней сохранился рассказъ. Однажды, темной ночью пробирался разбойникъ Быковъ въ Три Озера; онъ держалъ въ страхѣ всю округу. Въ саду было темно, когда онъ подошелъ къ дому. Въ одномъ изъ оконъ, при свѣтѣ мерцающей лампы, предъ образомъ молилась дѣвушка неземной красоты. Это была Лиза Молостова. Онъ принялъ ее за видѣніе и тотчасъ же измѣнилъ свои планы дѣйствій и удалился изъ Трехъ Озеръ. Годъ спустя послѣ ея кончины тетя Катя прїѣзжаетъ на ея могилу и посвящаетъ трехозерской оградѣ слѣдующія строки:

Открылась калитка. Нетвердой стопою
 Вхожу я въ ограду. Какъ тихо все въ ней.
 Столѣтнія липы подъ тѣнью густою
 Меня укрываютъ отъ солнца лучей.
 Налѣво дорожка ведетъ на могилы;
 Пошла я по ней. Сердце сжала тоска.
 Вотъ памятникъ бабушки, всѣми любимой....
 Давно ль проводили ее мы сюда?
 Какъ много родныхъ здѣсь тогда собиралось,
 И сколькихъ не стало съ тѣхъ поръ на землѣ,
 Нѣтъ въ мірѣ и той, что тогда улыбалась
 Сквозь слезы привѣтливо, радостно мнѣ.
 О Лиза, какъ много съ тобою слилось
 Забѣтныхъ и лучшихъ мечтаній моихъ,
 Какъ много въ могилу твою унеслося
 Надежды и счастья и снова золотыхъ!
 На землю сырую склоняюсь головою,
 Все горе тебѣ я безъ словъ расскажу.
 О, сколько отрады и сколько покоя
 Я здѣсь на могилѣ твоей нахожу!
 Ни мрамора нѣтъ тутъ, ни бронзы красивой,
 Одна лишь рѣшетка да крестъ въ головахъ.
 Но крестъ тотъ увѣшанъ цвѣтами живыми,
 Эмблемой непрочности всѣхъ земныхъ благъ.
 Какъ ты, и они хороши несравненно,
 Какъ ты, и они здѣсь поблекнуть должны;
 Но нѣтъ въ красотѣ ихъ души той нетлѣнной,
 Не могутъ расцвѣсть вновь на небѣ они.

Кончились свѣтлые дни старой дворянской жизни; она отходила въ вѣчность. На сценѣ сообразно съ дѣйствующими лицами мѣняются декораціи, и въ 70—80-хъ годахъ наше поколѣніе застаеть трехозерскую жизнь въ совершенно новомъ составѣ людей. Обитатели трехъ усадебъ были совсѣмъ иные. Въ большомъ домѣ жила семья

Владимира Владимировича Молостова, женатаго на княжѣ Любви Александровнѣ Суворовой. Къ нимъ прїѣзжалъ отецъ, князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ съ дочерью Александрой Александровной: Много собиралось гостей изъ Петербурга, семья была большая, и дѣти всѣхъ возрастовъ заполняли огромный домъ. Мы съ тетей Катей Депрейсъ останавливались въ усадьбѣ тетки моей Александры Модестовны Молостовой, которая воспитывала многочисленную семью Нератовыхъ, дѣтей покойной сестры ея, Екатерины Модестовны. Сѣзжались мы обыкновенно въ Три Озера цѣлыми группами родства: насъ было въ то время сто пять троюродныхъ братьевъ и сестеръ. Мы знали близко другъ друга, и родственные сѣзды укрѣпляли отношенія, сохраняя ихъ на всю жизнь. Большинство молодежи или мальчиковъ, какъ мы тогда ихъ называли, воспитывались въ Петербургѣ. Всѣ сѣзжались лѣтомъ въ Три Озера; были пажи, лицеисты, правовѣды, потомъ все это смѣнилось военными мундирами, явились лейбъ-гусары, конногвардейцы, уланы и т. д. Что касалось дѣвицъ, то *cousinage* собирался изъ дальнихъ деревень Казанской губерніи, и когда мы ѣздили въ Три Озера, то мы называли это «поѣздкой за Каму». Двѣ-три сдѣли пролетали, какъ одинъ мигъ, время проходило незамѣтно. Обыкновенно наканунѣ съ общаго совѣта опредѣлялась программа слѣдующаго дня: пикники, обѣды въ лѣсу, поѣздки на Волгу, вечеромъ танцы, все это чередовалось одно съ другимъ. Въ каждой усадьбѣ были свои планы дѣйствій, и все это весело и беззаботно сливалось въ общее цѣлое. Вечеромъ обитатели всѣхъ трехъ усадебъ соединялись по очереди другъ у друга и веселились сообща. Осенью устраивались охоты, кавалькады, и каждый могъ по своему усмотрѣнію пользоваться удовольствіями. Никто не ссорился, и всѣ жили дружно.

Въ недалекомъ разстояніи отъ Трехъ Озеръ находится село Никольское, также родовое гнѣздо Молостовыхъ, потомковъ брата Порфирія Львовича, Христофора. Вблизи Трехъ Озеръ было расположено село Бездна, извѣстное своимъ бунтомъ послѣ освобожденія крестьянъ, и также принадлежало родственной семьѣ Мусиныхъ-Пушкиныхъ. Здѣсь когда-то очень богатый М. М. Мусинъ-Пушкинъ за нѣсколько лѣтъ растратилъ все свое состояніе, и на его владѣніяхъ одиннадцать помѣщиковъ процвѣтаютъ и считаются богатыми людьми. Бездна съ усадьбой принадлежитъ теперь Родіоновымъ. Вокругъ Трехъ Озеръ было много молодостовской земли, которая отошла въ раздѣлъ наслѣдникамъ. Дѣдъ мой Н. И. Депрейсъ купилъ Порфировку, которая досталась при раздѣлѣ теткѣ моей, Варварѣ Николаевнѣ; мужъ ея, Иванъ Васильевичъ Троицкій, былъ не дворянинъ, но человекъ большого ума, и красивая представительная наружность давала ему видъ настоящаго русскаго барина; онъ сдѣлался образцовымъ сельскимъ хозяиномъ, и вся округа пользовалась его совѣтами.

Въ одно изъ нашихъ посѣщеній Трехъ Озеръ помню я прїѣздъ извѣстнаго купца, старовѣра Блинова. Мы всѣ сидѣли въ большой гостиной, когда вошелъ Блиновъ съ своимъ приказчикомъ, оба въ длиннополыхъ кафтанахъ. Я съ интересомъ прислушивалась къ рассказамъ этого бывшего крѣпостнаго человѣка, который валялъ валенки и выкупилъ себя и свою семью за 15 тысячъ ассигнаціями. Онъ представлялъ собой живой типъ, описанный Мельниковымъ-Печерскимъ въ его «Лѣсахъ и горахъ». Онъ говорилъ о Манефѣ и Фленушкѣ, которыя незадолго передъ этимъ были у него въ гостяхъ въ лѣсной просѣчкѣ. Блиновъ былъ волжскій миллионеръ, и многочисленныя его баржи плавали по Волгѣ съ хлѣбомъ, который онъ скупалъ по всей округѣ. У Блинова не было прямого наслѣдника, и онъ желалъ въ то время взять воспитанника, хотя бы дворянина, но съ условіемъ научить его грамотѣ настолько, чтобы онъ умѣлъ подписывать свою фамилію, находя образованіе для купца вещь непригодною. Не осуществились его надежды въ лицѣ племянника и наслѣдника семнадцатимилліоннаго состоянія.

Поѣздки наши въ Три Озера оставляли надолго прїятное воспоминаніе о проведенныхъ дняхъ, но мы все же съ удовольствіемъ возвращались въ Шапши, хотя жизнь стала тамъ гораздо тише и однообразнѣе, нежели прежде. Обыкновенно, послѣ Николина дня саннымъ путемъ мы возвращались изъ Шапшей въ Казань, и такъ же, какъ весной, эта поѣздка, несмотря на короткое разстояніе, представляла собой событіе въ жизни. Служили напутственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, и опять тянулись безчисленныя подводы съ господскими пожитками, и вмѣсто кареты подавали огромный возокъ, въ которомъ обыкновенно ѣхала бабушка со мной и горничной, такъ какъ всѣ остальные не выносили крытыхъ экипажей. Сильный морозъ покрывалъ узорами небольшія окошечки возка, какой-то особый специфическій запахъ заполнялъ его, и безнадежный окрикъ кучера на переднюю гусевую лошадь, которая стремилась завернуть назадъ, наводилъ тоску и уныніе. Кучеръ поминутно соскакивалъ съ облучка въ то время, какъ огромные отводы задерживали раскатившійся возокъ, хлопаясь о высокіе снѣговые заносы. Жутко было въ этомъ заточеніи, и я радовалась, когда, проѣхавъ Арское поле, завязывали колокольчики и мы въѣзжали на Грузинскую улицу, приближаясь къ нашему дому на Покровской. Тяжелыя воспоминанія переносятъ меня въ Шапши въ 1874 году. Въ концѣ ноября, незадолго до выѣзда въ Казань бабушка Наталья Порфирьевна сильно заболѣла и была при смерти. Всегда спокойная, красивая старушка, съ двумя сѣдыми буклями, придержанными черепаховыми гребеночками на вискахъ, и третьей большой на затылкѣ, придававшими ей видъ маркизы старыхъ временъ. До кончины дѣдушки, Н. И. Депрейса, бабушка не знала ни заботъ, ни горя; жизнь для нея была сплошной праздникъ, и только вдовство сразу

окунуло ее въ новое, тяжелое для нея существованіе. Разстройство дѣль, благодаря довѣрію и непрактичности всѣхъ членовъ семьи, поставило ее въ безвыходное положеніе. По натурѣ она была скрытной и молчаливой, и много лѣтъ никому не жаловалась и, не говоря ни слова, переносила посланное ей испытаніе. Но всему бываетъ конецъ, а терпѣнію въ особенности. Долго натянутыя струны порываются, и вотъ въ жизни бабушки попробовали ихъ снова натянуть, не подозрѣвая, что этимъ нарушается то созвучіе, безъ котораго душа человѣческая теряетъ способность продолжать мелодію жизни. У постели умирающей собралась вся семья, пріѣхали сыновья, дочери, въ большой спальнѣ передъ кіотомъ зажгли свѣчу, она отходила, прощаясь и благословляя всѣхъ насъ, и тихимъ голосомъ проговорила:

— Хотя бы дали мнѣ немного силъ!

Докторъ, видя растерянное состояніе всѣхъ окружающихъ и боясь, что у тети Кати сдѣлается ударъ (у нея отнялся языкъ), просилъ разрѣшенія дать больной мускусъ. Черезъ часъ бабушка попросила винограду и пожелала услышать музыку. Открыли всѣ двери, и домъ, въ которомъ за два часа передъ этимъ витала смерть, огласился веселыми звуками Персидскаго марша. Черезъ десять дней мы двинулись съ бабушкой въ обычный путь на зимнее пребываніе въ Казань.

Жизнь семьи Дебрейсовъ въ городѣ, хотя не носила того широкаго, безпредѣльнаго гостепріимства, какъ въ былыя времена, все-таки гостиная наша была всегда полна народомъ, и приходили всѣ безъ приглашенія на «огонекъ». Свобода была полная, никто на службѣ не состоялъ и часовъ не считалъ, и всѣ знали, что карточные столы и ужинъ всегда готовы къ услугамъ посѣтителей. У насъ много занимались музыкой, и часто для бабушки, которая уже въ то время не могла выѣзжать, устраивали репетиціи концертовъ. Помню, когда у насъ игралъ цѣлый оркестръ въ залѣ и какъ пріѣзжала извѣстная піанистка Тимонова, тогда еще дѣвочка, играть у насъ, чтобы доставить удовольствіе бабушкѣ. Старый дворянскій кругъ, многолюдный, соединенный еще въ то время тѣсными, нерасторжимыми узами родства и дружбы, продолжалъ беззаботно жить въ свое удовольствіе. Казалось, бывало, что даже городъ Казань живетъ нами и для насъ, на улицахъ всѣ лица были знакомыя, экипажи, кучера, извозчики привѣтливо кланялись, называя по имени, и даже нищій Петръ, безногій, въ телѣжечкѣ, которую онъ двигалъ посредствомъ палочекъ, протягивая руку на паперти Покровской церкви, говорилъ, обращаясь ко мнѣ: «Здравствуйте, Машенька». Чиновники и вообще служащіе, и даже военные, приплыль элементъ, держались въ сторонѣ, и въ общество мѣстныхъ старожиловъ попадали не всѣ. Съ губернаторомъ сближались, если онъ былъ человѣкъ воспитанный: тогда общество принимало его радушно, и отношенія

завязывались человѣческія. Помню, что очень любили многочисленную семью генерала Семякина; мужъ и жена представляли собой идеальную пару супруговъ. Однажды рѣшено было сюрпризомъ устроить у нихъ костюмированный балъ, всѣ участники собирались у насъ, чтобы развлечь бабушку. Пары, наряженные колодой картъ, тузы, короли и дамы, валеты съ десятками, одна красивѣй другой, плавно вступали въ залу подъ звуки оркестра. Сыновья Семякина участвовали въ этомъ сюрпризѣ, но старики были застигнуты врасплохъ и были очень тронуты оказаннымъ имъ вниманіемъ. Вскорѣ послѣ бала имъ суждено было покинуть міръ, но Провидѣніе, пославъ имъ исключительно дружную жизнь, одновременно и прекратило ее. Семякины скончались оба въ одинъ день, и похороны счастливыхъ мужа и жены носили особый характеръ почтительнаго уваженія и торжественности передъ трогательнымъ зрѣлищемъ этихъ двухъ покойниковъ, отнынѣ неразлучныхъ навсегда.

Хотя въ то время я была ребенкомъ, но впечатлѣнія дѣтства удивительно ярко остаются въ памяти. Помню я также команду ющаго войсками Глинку-Маврина, который жилъ во дворцѣ и любилъ собирать все общество. Изъ губернаторовъ любимцемъ мѣстныхъ дворянъ былъ Николай Яковлевичъ Скарятинъ—личность, выдающаяся своимъ умомъ и энергіей.

Наше родство въ Казани было такъ многочисленно, что свѣжіе, чужіе элементы мало появлялись среди насъ. Между тѣмъ въ воздухѣ носились новыя вѣянія. Кипучая дѣятельность земства, судебныя учрежденія стали создавать и новый типъ людей. Въ обществѣ явились ораторы, которые увлекали своимъ краснорѣчіемъ, и въ числѣ ихъ особенно ярко выдѣлялся Константинъ Александровичъ Юшковъ, общественный дѣятель, мѣстный дворянинъ и помѣщикъ; создавшій себѣ крупное состояніе собственнымъ трудомъ. Къ сожалѣнію, въ этихъ людяхъ новой формации, рядомъ съ большой дѣловой энергіей, проявлялось въ такой же мѣрѣ и полное отсутствіе руководящихъ въ жизни принциповъ. Они легко поддавались искушеніямъ, поддавались подъ вліяніе дурныхъ женщинъ и, какъ лунатики, какъ будто безсознательно, шли къ заранее намѣченному имъ судьбою пути. Среди выѣзжавшихъ въ то время дѣвицъ была моя сестра Софія Петровна. Въ расцвѣтѣ жизненныхъ и духовныхъ силъ, развитая, образованная, она не удовлетворялась окружающею средой и стремилась къ неизвѣстному будущему, которое рисовалось ей полнымъ умственныхъ и общественныхъ интересовъ, въ которомъ романическіе эпизоды представлялись только атрибутами жизни. Она увлекалась блестящимъ умомъ Юшкова, онъ восхищался ею. У насъ въ семьѣ никогда не поощряли замужества, въ особенности когда видѣли, что человѣкъ ненадежный, находя, что въ жизни *vaut mieux être seule, que mal accompagnée*, и тетка моя, Екатерина Николаевна Депрейсъ, со стра-

хомъ смотрѣла на это увлеченіе и посвятила Софѣ слѣдующія строки:

Не отдавай ему ты сердца своего.
 Повѣрь, онъ не пойметъ его и не оцѣнить,
 Красотка первая тебя ему замѣнить,
 Лишь только отведешь ты взглядъ свой отъ него.
 Не отдавай ему ты сердца своего.

Въ суетѣ городской жизни мы не отдавали себѣ отчета въ томъ, что совершалось вблизи насъ. Послѣ болѣзни, описанной мною выше, у бабушки Натальи Порфирьевны съ каждымъ днемъ стали появляться признаки общаго расстройства организма. Жизнь искусственно поддерживалась мускусомъ, который ей продолжалъ давать нашъ домашній докторъ профессоръ Елачичъ. Каждый день въ извѣстный часъ крытыя сани его подъѣзжали къ подъѣзду, и Францъ Осиповичъ вылѣзалъ изъ нихъ въ своемъ любимомъ ергакаѣ, которому онъ не измѣнялъ даже въ теплую погоду. Какъ сейчасъ вижу знакомую фигуру въ длинномъ сюртукѣ, съ высокимъ чернымъ галстукомъ, подпирающимъ подбородокъ, обрамленный сверху бѣлыми мягкими воротничками. Каблуковъ онъ не носилъ, его безшумныя подошвы мягко ступали по полу, а тихій и уравновѣшенный голосъ успокаивалъ и умиротворялъ большого. У бабушки началось разжиженіе мозга. Страшно описывать все стадіи этого умопомѣшательства, онѣ шли постепенно и капля за каплей вливались въ нашу жизнь. Красивая, жизнерадостная и кроткая старушка съ каждымъ днемъ стала утрачивать образъ человѣческой. Это длилось пять лѣтъ и, потерявъ остроту, свойственную катастрофѣ, обратилось въ хроническую, длящуюся трагедію жизни. Никому за это время въ голову не приходило помѣстить ее въ сумасшедшій домъ. Это слово не произносилось. Мы смотрѣли на ея состояніе, какъ на проходящую болѣзнь, на посланный намъ крестъ въ жизни, который самовольно никто съ себя не въ правѣ было снять. Въ эти тяжкіе годы нравственный обликъ сестры моей Софьи Петровны сталъ подниматься все выше и выше, и молодая двадцатичетырехлѣтняя дѣвушка не задумываясь твердо ступаетъ на путь служенія ближнему. Ухаживая за больной и проводя подлѣ нея безсонныя ночи, она, неизмѣнно бодрая и полная энергій, въ 10 час. утра входила въ мою классную комнату и занималась со мною. Капризы не умѣщались въ нашей жизни; чтобы переносить ея тяжесть, нужно было имѣть спокойный характеръ. Много необъяснимаго, чудеснаго совершалось вокругъ насъ, что и помогало, несомнѣнно, вѣрить въ смыслъ страданій бабушки. Нѣсколько лѣтъ спустя, однажды, измученная безсонными ночами, сестра моя Соня заперлась на ночь въ спальнѣ больной, которая поминутно соскакивала съ постели и бѣгала по комнатѣ съ раздражающимъ душу крикомъ. Соня въ десятый разъ убѣждала бабушку лечь, наконецъ терпѣніе порвалось, и она воскликнула:

— Боже мой, что же это наконец!

Вдруг глаза больной просвѣтлѣли разумомъ, слеза умиленія показалась въ нихъ, и она отчетливо проговорила:

— Ты настоящее доброе дѣло дѣлаешь.

Это былъ одинъ моментъ, свѣтъ исчезъ, безуміе сразу потемнило взоръ. Сестра моя остолбенѣла и, заплакавъ, припала къ рукѣ больной.

Годъ за годомъ проходили, и дѣла семьи Дебрейсовъ не поправлялись, несмотря на то, что братья и сестры подѣлили большое состояніе родителей. Каждому въ отдѣльности стало еще труднѣе справляться съ собственностью, такъ какъ никто не былъ подготовленъ къ новымъ условіямъ жизни и не умѣлъ примѣнять къ нимъ свои потребности. Большинство дворянъ разорилось именно потому, что торопились не сохранять, а поскорѣе сбросить все то, что накапливалось вѣками. Явилась страсть къ опрощенію; всѣ какъ будто съежились и говорили смиренно: «извините, мы дворяне»; возвращаясь къ первобытному состоянію, большинство по безволію и нежеланію трудиться уступали свое мѣсто новому элементу людей, которые, несомнѣнно, были въ правѣ воспользоваться этимъ положеніемъ вещей и взяли верхъ въ борьбѣ за существованіе.

Домъ въ Шапшахъ былъ оставленъ пожизненно бабушкѣ, и видъ его и сада не мѣнялся, напротивъ, столѣтнія ели стали еще гуще и красивѣе, тѣнистыя аллеи еще темнѣе, а, украшенія дома плющи на трельяжахъ еще глубже заполняли собой амбразуры оконъ. Въ оранжереяхъ обильные урожаи персиковъ заставляли варить изъ нихъ запасы варенья. Несмотря на болѣзнь бабушки, мы такъ же, какъ и прежде, переѣзжали на лѣтнее пребываніе въ Шапши, и вотъ однажды каково было наше удивленіе, когда мы вошли въ домъ и увидѣли на окнахъ голые трельяжи, а въ оранжереяхъ, какъ во фруктовыхъ, такъ и цвѣточныхъ, было заморожено все безъ исключенія, и оголенные стволы деревьевъ грустно смотрѣли на насъ. Кто же сдѣлалъ все это? спрашивали мы. Оказалось, управляющій нашелъ единственнымъ спасеніемъ для имѣнія уничтожить зимней стужей, заморозивъ все сразу, чтобы не отапливать и не тратить денегъ на содержаніе этой, по его мнѣнію, бессмысленной роскоши. Когда онъ покончилъ съ садомъ, онъ началъ разрушать зданія, перенося ихъ съ мѣста на мѣсто, не оставляя камня на камнѣ. Наступилъ какой-то вихрь разрушенія. Уничтоживъ все снаружи, онъ забрался во внутреннюю жизнь семьи и бушевалъ въ ней, не встрѣчая отпора.

Тетя Катя Дебрейсъ, въ то время отдѣленная капиталомъ, жила мечтами создать намъ, двумъ племянницамъ, Сонѣ и Машѣ, хорошее состояніе, купить имѣніе, которое она тщательно выискивала въ газетахъ. Не желая лишать бабушку тѣхъ удобствъ, къ которымъ она привыкла, тетя старалась поддерживать вокругъ нея прежнюю

жизнь. Многочисленная дворянка окружала насъ попрежнему, и въ опустошенный домъ съѣзжалось много народа. Растенія погибли, прежняя жизнь рушилась, но на мѣстѣ ея расцвѣтала новая жизнь, наша молодая жизнь будущаго. Она поднималась изъ старыхъ, вѣчныхъ корней добра и истины, которые умѣла взрастить подлѣ себя наша незабвенная тети Катя. Братья мои, въ особенности меньшіе, Митя и Саша, носили въ себѣ способности тѣхъ *ésprits intimes*, которыя теперь рѣдко встрѣчаются среди молодежи. Они любили проводить время вاکата около тети Кати, разговаривая съ нею, читая ей вслухъ или играя въ карты. Газеты читались у насъ нарасхватъ, и политическія событія, какъ и внутренняя жизнь Россіи, интересовали всѣхъ гораздо больше, чѣмъ собственная обыденная жизнь, а эта послѣдняя комментировалась съ точки зрѣнія психологической, отвлеченной, останавливаясь надъ тѣмъ, что интересовало, отстраняя то, что могло беспокоить. Тетя Катя пишетъ въ своихъ запискахъ: «Всѣмъ нынче плохо живется, какъ частнымъ людямъ, такъ и цѣлому государству. Надъ всѣми висятъ черныя тучи, всѣ ждутъ грозы и боятся ея». Когда наступила война 1877 года, мы всѣ жили событіями дня. Начало движенія волонтеровъ въ Сербію вызвало повсемѣстные сборы пожертвованій, и мы съ Соней обошли деревню, прося подаенія. Не было избы, гдѣ не протянулась бы рука съ кускомъ холста, мѣдными деньгами и вопросами о несчастныхъ страдальцахъ, братьевъ-славянахъ. Грусть передъ неудачами смѣнилась радостью нашихъ побѣдъ. Никогда не забуду я кучера нашего Гурьяна, который ѣздилъ въ волостное правленіе получать писанныя телеграммы и по нимъ выучился читать, его радостное лицо, когда онъ привезъ намъ извѣстіе о взятіи Карса; о Плевнѣ и говорить нечего. Никогда, кажется, еще такого энтузіазма не было. На базарѣ въ селѣ Чепчугахъ мужики крестились, бросали шапки вверхъ, поздравляли другъ друга, когда проѣзжіи почтальонъ объявилъ о счастливомъ событіи. У насъ въ домѣ, по полученіи телеграммы, экономка Афимьюшка зажгла всѣ лампадки передъ образами. Въ первой телеграммѣ, полученной нами, сказано было: «Османъ-Паша сдался со всей арміей, Петербургъ ликуетъ». А мы думали, что Плевна сдалась безъ кровопролитія. Но, несмотря на значительныя жертвы, сопровождавшія побѣду нашу, взятіе Плевны было самымъ радостнымъ событіемъ войны. Ни переходъ черезъ Балканы, ни взятіе шипкинской арміи не были такъ привѣтствованы публикой, какъ грамотной, читающей газеты, такъ и безграмотной, почерпающей свѣдѣнія изъ рассказовъ болѣе или менѣе вѣрныхъ. Извѣстіе о мирѣ какъ будто никого не обрадовало. Афимьюшка не зажгла лампадокъ и на поздравленіе съ миромъ сказала: «Выгоденъ ли будетъ миръ-то, барышня?» Въ то время люди наши были изъ прежнихъ крѣпостныхъ, и мы дѣлили съ ними и радость и горе. Среди старыхъ дворянскихъ семей не говорили гром-

кихъ словъ о равноправіи сословіи, у насъ съ крестьянствомъ былъ общій аристократизмъ духа и существовала душевная близость, которая объединяетъ человѣчество вообще, не задумываясь надъ его происхожденіемъ. Эта близость давала возможность сохранить вокругъ больной бабушки довѣренныхъ людей; до самой ея смерти ни одинъ не покинулъ своего поста, несмотря на то, что за ней уходъ былъ страшно трудный и не могъ учитываться денежнымъ вознагражденіемъ. Когда я мысленно переношусь въ прошлое, мнѣ ясно становится, почему люди такъ измѣнились къ худшему. Не было того слѣплого эгоизма, который въ настоящее время царить превышаетъ всего. Мягче и заботливѣе относились другъ къ другу. Напримѣръ, современной молодежи совсѣмъ непонятно, какъ могли находить удовольствіе въ обществѣ старухи, а мы безъ всякаго притворства любили проводить время съ тетей Катей и умѣли заинтересовать ее своими молодыми мечтами и фантазіями. Меньшій братъ мой, Александръ Петровичъ, не принадлежалъ къ числу прилежныхъ учениковъ, не кончилъ курса въ правовѣдѣніи и перешелъ въ гимназію, которую также не окончилъ. Проводя лѣто въ Шапшахъ, онъ весь отдавался чтенію, и однажды въ «Отечественныхъ Запискахъ» случайно попалъ на «Записки дурака». Французскій авторъ Ноэль изображалъ въ нихъ идеальную общину, члены которой всѣ сами обрабатывали землю, жили простой жизнью и въ этомъ трудѣ находили свое равновѣсіе и смыслъ существованія. Саша увлекся этой идеей. Къ этому въ дополненіе онъ сталъ читать «Письма изъ деревни» А. Н. Энгельгардта, который въ Смоленской губерніи, въ Батищевѣ устроилъ образцовое хозяйство, привлекая къ себѣ образованную молодежь въ качествѣ простыхъ работниковъ. Несмотря на то, что у насъ было свое имѣніе Карнаухово, братъ мой, Александръ Петровичъ, не желая вмѣшиваться въ хозяйство другого брата, Николая, и чувствуя, что среди своихъ ему не измѣнить обычной жизни и не переработать себя, рѣшаетъ итти «не по торному пути», то есть ѣхать къ Энгельгардту, чѣмъ, конечно, поднимаетъ бурю среди многочисленнаго родства. Долго не могли простить ему такое вольнодумство и только въ послѣдствіи, когда Левъ Николаевичъ Толстой сталъ пахать землю, вспомнили, что Саша Мертваго началъ раньше заниматься этимъ дѣломъ. Проработавъ у Энгельгардта годъ, онъ купилъ себѣ имѣніе подлѣ него и уже не разставался съ нимъ до самой его смерти. Александръ Николаевичъ скончался на рукахъ моего брата. Въ теченіе первыхъ лѣтъ пребыванія своего въ Смоленской губерніи Саша ѣздилъ изучать огородничество въ окрестностяхъ Парижа, слушая одновременно курсъ естественныхъ наукъ въ Сорбоннѣ. Онъ вспомнилъ автора «Записокъ дурака» Ноэля и ѣдетъ его отыскивать въ Руанъ. Каково же было его удивленіе, когда онъ нашелъ этого писателя въ качествѣ аптекаря, причемъ оказалось, что описаніе трудовой общины было его излюбленной фантазіей, мечтой его жизни.

Тяжелыя времена наступили для дворянъ-помѣщиковъ, и только особая удача или энергія удерживала ихъ на землѣ. Даже крупная земельная собственность многихъ погубила, такъ какъ съ нею безъ оборотнаго капитала трудно было справиться. Карнаухово перешло къ брату моему, Николаю Петровичу, который хозяйничалъ тамъ и одновременно служилъ непремѣннымъ членомъ. Въ имѣніи былъ винокуренный заводъ. Братъ мой Коля былъ кристальной души человѣкъ, все грубое, безнравственное, нечистое было противно ему. Онъ не могъ помириться съ продажей водки, кабаками; этотъ доходъ ему претилъ. Съ каждымъ годомъ ему становилось труднѣе хозяйничать, онъ не выдержалъ въ концѣ концовъ и сорвался, рѣшивъ продать это старое родовое гнѣздо. Тогда казалось, что нѣтъ другого выхода, и мы даже одобряли его. Въ то время, когда онъ продалъ Карнаухово, наша жизнь въ Казанской губерніи рушилась, и брату Колѣ тяжело было жить вдали отъ насъ. Онъ покупаетъ себѣ имѣніе въ Московской губерніи, въ Бронницкомъ уѣздѣ, и мечтаетъ вернуться въ среду московскихъ дворянъ, гдѣ память о дѣдушкѣ, Дмитріи Борисовичѣ Мертваго, сохранялась еще въ тѣ времена, и внукъ его охотно былъ бы принять ими; но судьба распорядилась иначе. Однажды, хозяйничая въ своемъ новомъ имѣніи Сабуровѣ, братъ хотѣлъ указать какую-то неисправность въ молотилкѣ, не замѣтилъ, что машина еще дѣйствуетъ по инерціи, три пальца на рукѣ были втянуты, раздроблены и оторваны въ одинъ моментъ, и по разсказамъ мужиковъ братъ самъ похоронилъ ихъ въ оградѣ сада. вмѣсто того, чтобы ѣхать сейчасъ же въ Москву, дать знать сестрѣ Софіи Петровнѣ, которая жила въ то время въ Рязани, онъ остался въ деревнѣ, выписавъ земскаго врача. Лечение сначала шло удачно, но два мѣсяца спустя онъ скончался отъ зараженія крови въ Москвѣ, куда выписалъ сестру Сою. Незадолго передъ катастрофой онъ написалъ свое завѣщаніе, въ которомъ оставлялъ имѣніе сестрѣ, удѣляя изъ него часть луговъ крестьянъ деревни Сабурова. Крестьяне были поражены этимъ извѣстіемъ, и, по разсказамъ ихъ, когда пріѣхалъ гонецъ изъ Бронницъ, объявляя имъ эту новость, весь міръ снялъ шапки и крестясь принялъ это извѣстіе. Случилось это потому, что братъ не могъ видѣть безвыходнаго положенія этихъ крестьянъ, которые при выдѣлѣ не получили пастбы для скота. Повидимому, онъ въ это время писалъ свое завѣщаніе и рѣшилъ послѣ смерти своей прійти имъ на помощь. Вся деревня вышла на станцію желѣзной дороги встрѣчать его тѣло, и гробъ крестьяне все время несли на рукахъ. Прошелъ годъ послѣ этого, и тетя Екатерина Николаевна Дебрейсъ пріѣхала въ Сабурово на годовщину смерти брата, служить панихиду на его могилѣ. Оповѣстили крестьянъ, всѣ собрались и молились. Кончилась служба, тетя Катя вернулась домой, минутой спустя горничная доложила, что мужики пришли и просятъ ее выйти. Тетя поспѣшила къ нимъ:

— Что вамъ надо?—спросила она.

— Да вотъ пришли просить на чаекъ съ вашей милости.

— Какъ на чаекъ, за что?

— Да вотъ за то, что мы молились.

Тетя Катя, возмущившись, воскликнула:

— Какъ молились! Да вѣдь Николай Петровичъ вамъ землю оставилъ!

— Онъ вамъ больше оставилъ, да мы ничего не говоримъ.

Это картинка съ природы конца прошлаго столѣтїя. Годъ тому назадъ братъ мой Александръ Петровичъ заѣзжалъ въ Сабурово, и молодое поколѣнїе крестьянъ явилось къ нему, прося дать нѣсколько фотографій брата Николая Петровича, прибавивъ къ этому:

—Мы бы желали, чтобы въ каждой избѣ былъ его портретъ и чтобы дѣти наши помнили, что онъ для насъ сдѣлалъ.

Семья Деппрейсовъ подверглась одна изъ первыхъ стихійнымъ бѣдствїямъ, охватившимъ впоследствии почти всю Россїю. Какъ разрѣженный рубкой вѣковой лѣсъ не можетъ устоять противъ бури, такъ и дворянство наше, изнѣженное, безвольное, хотя бы и вѣковое, не могло удержаться среди новыхъ условїй жизни и стало падать по пути несущагося вихря. «Пришла бѣда—отворяй ворота»—говорить пословица, и мы сами распахнули ихъ, не пробуя бороться. Только тѣ, у которыхъ былъ огромный запасъ смиренїя, вышли навстрѣчу бѣдѣ, вооруженные имъ, и съ глубокой вѣрой въ Провидѣнїе сумѣли перенести то, что современное поколѣнїе врядъ ли было бы въ состоянїи вынести.

Разстроеныя дѣла заставили насъ провести нѣсколько зимъ въ деревнѣ. Опустошенный домъ въ Шапшахъ въ сравненїи съ прошлымъ носилъ отпечатокъ унынїя и грусти, который, казалось, долженъ былъ бы тяжело отозваться на всѣхъ насъ. Но жизнерадостныя природы не поддавались, и только въ стихахъ тети Кати мы замѣчаемъ перемѣну настроенїя:

Вотъ и лѣто прошло, и вьюги начались,
Вѣтеръ по полю шумно гуляетъ;
Свистеть, воетъ, гудить, снѣгъ подниметь, кружить,
Пѣснь унылую онъ напѣваетъ.
И припомнились мнѣ мои дѣтскїе дни,
Когда няня мнѣ пѣсни пѣвала,
Когда съ куклой моей на колѣняхъ у ней
Слезы горькія я проливала.
Говоритъ она: «Ты не плачь, будь умна,
Завтра солнышко взглянетъ въ окошко,
И гулять мы пойдемъ и грибовъ наберемъ,
А теперь лягъ, усни хоть нежножко».
Не хотѣлось мнѣ спать, все хотѣлось играть,
Жить стремилась я тою порою.
Нынче жъ только бѣ заснуть, отъ заботъ отдохнуть
Я желала бы всею душою.

Но ужъ няня стара, пѣть не можетъ она,
 И не ей осушить мои слезы;
 Распростились со мною давно навсегда
 Мои свѣтлыя дѣтскія грезы.
 Что-то мучить меня наяву и во снѣ,
 Мысли черныя душу смущаютъ;
 Хоть на мигъ бы одинъ успокоиться мнѣ.
 Есть же люди, что горя не знаютъ!
 Ахъ, когда бы вьюга убаюкать могла
 Въ моемъ сердцѣ тревогъ всѣхъ начало.
 И заснула бы я подъ звукъ пѣсни ея,
 Какъ подъ нянины пѣсни бывало.
 Проспала бы весь вѣкъ непробуднымъ бы сномъ,
 Забывая заботы и горе,
 Пусть шумѣла бь вьюга, пусть гудѣла бь она
 Какъ сердитое, бурное море.

Наступали длинные, темные вечера, въ домѣ становилось холодно, но мы занимали весь домъ и любили ходить по длинной анфиладѣ комнатъ. Я всегда считала клѣтки паркета, загадывая о будущемъ. Помню, въ гостиной подъ портретомъ государя Николая Павловича, возлѣ дивана стоялъ круглый столъ съ множествомъ ящичковъ и внутреннихъ помѣщеній, куда опускалась работа. Такого стола я больше нигдѣ не видѣла. Здѣсь обыкновенно мы собирались вечеромъ, читали вслухъ, увлекаясь романомъ Dumas «Les trois mousquetaères». Днемъ вышивался коверъ, натянутый на длинные палыцы, которые стояли въ большой залѣ, такъ какъ по своему размѣру они съ трудомъ помѣстились бы въ маленькой комнатѣ. Часто издали доносилось красивое пѣніе нашихъ дѣвушекъ, которыя работали въ верхней дѣвичьей и пѣли старинныя русскія пѣсни. Въ домѣ царило величавое спокойствіе и благодушіе, несмотря на то, что среди насъ находилась большая бабушка и безуміе ея развѣтывалось все шире и шире, охватывая собой цѣлыя дни и безконечныя ночи.

Тетю Катю не покидала въ то время мысль купить имѣніе и устроить его для насъ. Она пишетъ:

Опять тоска, опять волненье.
 Не знаю, дѣло какъ рѣшить!
 Два представляются имѣнья.
 Которое изъ нихъ купить?
 Одно хоть дорого, да мило
 И ближе къ городу оно,
 Другое выгоднѣй и больше,
 Зато ужъ очень далеко.
 Рѣшите же мое сомнѣнье,
 Совѣтъ лишь дайте кто-нибудь.
 Которое купить имѣнье,
 Чтобъ мнѣ себя не обмануть?

Тетя Катя покупает наконецъ это имѣніе въ Самарской губерніи, въ Николаевскомъ уѣздѣ, и поручаетъ веденіе дѣла управляющему, такъ какъ болѣзнь бабушки и невозможность для нея далекихъ передвиженій, казалось, на всю ея жизнь должны были удерживать насъ въ Шаншахъ. Между тѣмъ дѣла въ Покровскомъ съ самаго начала пошли плохо, такъ какъ имѣніе было куплено въ годный годъ и эта покупка сама собою разрѣзаетъ цѣлый рядъ Гордіевыхъ узловъ нашей жизни.

Въ то время было совершенно немыслимымъ, чтобы молодая дѣвушка не только путешествовала, но даже и выходила на улицу одна. Сестрѣ моей Сонѣ было 25 лѣтъ, когда, бывало, въ гости вечеромъ за ней посылалась карета съ выѣзднымъ лакеемъ и ѣздила моя гувернантка, — на случай, если бы вдругъ колесо сломалось по дорогѣ и пришлось бы по улицѣ пройти одной. Это казалось возможной катастрофой, которую нужно было всячески предупредить. Помню я, какъ однажды въ Шаншахъ мы сидѣли человекъ двадцать за обѣдомъ, и оживленный разговоръ возникъ о возможности полного разоренія тети Кати и о перемѣнѣ нашей жизни. Тутъ начались мечты вслухъ, и веселые голоса, перебывая другъ друга, строили планы будущаго. Соня въ первый разъ выразила желаніе быть начальницей института и такъ увлеклась этой мыслью, что воскликнула: «Скорѣе бы все это случилось, пока живъ принцъ Ольденбургскій и онъ могъ бы все это устроить для меня». Общій взрывъ хохота былъ отвѣтомъ на ея торопливость. Въ такихъ случаяхъ у насъ никто не обижался, on avait le mot pour rire, и всѣ у насъ умѣли принимать шутки. Въ отвѣтъ на эти мечты являлись надежды о выигрышѣ двухсотъ тысячъ, и тетя Катя серьезно спорила о томъ, что если она выиграетъ, то не допуститъ никакихъ вольностей и удержать всѣхъ вокругъ себя. Увѣренность въ выигрышѣ не покидала ее всю жизнь, и въ трудныя минуты это была своего рода поддержка. Но года шли, и жизнь наша становилась все труднѣе. Проводя зиму въ Шаншахъ, насъ отпускали въ Казань, гдѣ мы останавливались у кого-нибудь изъ тетокъ и проводили нѣсколько дней, бывая въ театрѣ и пользуясь развлеченіями. Въ это время сестра моя Соня познакомилась, полюбила и сдѣлалась невѣстой В. А. Ермолова; онъ былъ предсѣдателемъ губернской земской управы въ Казани и началъ свою дѣятельность въ Спасскомъ уѣздѣ, какъ мировой посредникъ и участковый судья. Здѣсь семья Ермоловыхъ владела большими помѣстьями и считалась одной изъ богатыхъ и уважаемыхъ семей казанскихъ, а также и симбирскихъ дворянъ. Отецъ Владимира Александровича, Александръ Ивановичъ, прослужилъ одиннадцать лѣтъ въ должности симбирскаго губернскаго предводителя дворянства въ самые знаменательные годы великихъ преобразованій царствованія государя Александра II и также былъ предсѣдателемъ симбирскаго перваго губернскаго земскаго собранія,

указавъ сыну своему Владимиру Александровичу тотъ новый плодотворный путь общественнаго служенія, который открылся дворянамъ послѣ освобожденія крестьянъ. Мать В. А. Ермолова была урожденная Ивашева, дочь декабриста.

Сестра моя Софья Петровна сдѣлалась невѣстой Ермолова въ очень тяжелый для нихъ обоихъ годъ. У него на плечахъ были миллионныя закупки хлѣба по случаю голода въ Казанской губерніи, а у сестры Сони были всѣ мы, т.-е. беспомощная семья. Во время полнаго разстройства дѣлъ и болѣзни бабушки замужество ея было для насъ равносильно катастрофѣ въ жизни.

Для Сони и ея жениха событія какъ на зло нагромождались одно сложнѣе другого и наконецъ заставили ихъ принять окончательное рѣшеніе и отложить свадьбу съ августа на 30-е апрѣля. Я очень любила своего будущаго beau frèге, въ немъ много было благородства и чистоты душевной, это былъ нравственный джентльменъ.

Судьба наша и его также очень заботила, и онъ всячески обдумывалъ насъ. Мы ѣздили вмѣстѣ въ Самарскую губернію, въ Покровское, сообщая рѣшали, что предпринять, чтобы спасти хотя бы наши деньги, затраченные на покупку этого имѣнія. Тетя Катя, чувствуя себя виноватой въ неудачной покупкѣ, беспомощно ожидала рѣшающихъ событій, жутко было заглядывать въ будущее, точно надъ нами скопились непроглядныя грозовыя тучи. Въ болѣзни бабушки нельзя было ожидать улучшенія, и время тянулось, не принося ничего новаго.

Приближалась весна 1878 года, природа оживала вокругъ насъ. Мы съ сестрой ходили однажды по балкону и мечтали о ея будущей семейной жизни, черезъ три недѣли была назначена ея свадьба. Она только что получила письмо отъ Ермолова, что онъ заказалъ свадебныя корнеты и скоро пріѣдетъ въ Шапши. Въ домѣ у насъ готовились къ пріѣзду гостей. Наступило 7-е апрѣля. Вдругъ гононецъ изъ Казани подаетъ сестрѣ спѣшное письмо. У Ермолова ударъ, отнялся языкъ. Владимиру Александровичу было всего тридцать пять лѣтъ въ то время, онъ былъ полный, высокаго роста человекъ, съ виду очень здоровый. За этотъ годъ онъ часто прихварывалъ, но никто не могъ ожидать такого конца. Страшно было смотрѣть на Сою, когда она съ письмомъ въ рукахъ вышла изъ своей комнаты. Торопились закладывать лошадей, которые помчались въ Казань къ большому жениху. Мы долго не могли прійти въ себя, потрясенные этимъ событіемъ. Въ домѣ царилъ тишина, только больная бабушка безсознательно продолжала жить своей жизнью, не переставая за послѣднее время бѣгать вокругъ круглаго стола, стуча по немъ кулакомъ и часто напѣвая унылую мелодію. Голосъ сохранился у нея до самой смерти, но когда она начинала пѣть, то дребезжащіе звуки этого когда-то краснаго голоса, какъ надорванные струны, вызывали въ насъ слезы, до того

они были полны безнадежной тоски. Бабушка пѣла и кричала въ этотъ день такъ же, какъ и въ другіе дни этихъ безпросвѣтныхъ пяти лѣтъ ея страдальческой жизни. Ермоловъ послѣ удара сталъ какъ будто поправляться, его отправили за границу. Соня не подозрѣвала въ то время, что судьба его была рѣшена и приговоръ докторами подписанъ. Наступило лѣто, и дѣла наши пошатнулись окончательно. Рѣшено было собрать семейный совѣтъ. На консультацію такого рода выписывался обыкновенно мужъ тети Вари И. В. Троицкій. Онъ казался въ тѣ времена талантливымъ діагностомъ, который могъ тотчасъ же прописать вѣрный рецептъ для жизненной борьбы за существованіе. И онъ его прописалъ немедленно, сказавъ тетѣ Катѣ: «такъ дальше жить нельзя, нужно прекратить самостоятельную жизнь и переѣхать съ бабушкой къ одной изъ замужнихъ дочерей». Легко сказать слова, но не легко было рушить цѣлую жизнь. Стоялъ стоялъ въ домѣ, когда рѣшеніе было принято. Повару сдѣлалось дурно, когда ему объявили объ отставкѣ. Кучеръ рыдалъ, какъ ребенокъ, надъ лошадьми, разставаясь съ ними. Многихъ людей мы взяли съ собой, но многихъ и отпустили. Душа рвалась на части, и тетя Катя передъ отъѣздомъ обращаетъ слѣдующія печальныя строки къ шапшинскому дому:

Нѣтъ, не поймутъ они, какъ трудно и какъ больно
 Мой милый старый домъ, разстаться мнѣ съ тобой.
 Хоть горькихъ дней въ тебѣ я провела довольно,
 Но дѣтства моего ты быть пріютишь родной.
 Въ тебѣ ребенкомъ я рѣзвилась и играла,
 Не зная ни нужды, ни горя, ни заботъ;
 Свободно здѣсь въ тиши деревни вырастала;
 Бросая мячикъ свой, о будущемъ мечтала,
 Необычайнаго и счастья ожидала
 И твердо вѣрила, что счастье придетъ.
 Промчались дѣтства дни, и юность пролетѣла,
 Надежды и мечты въ ней скрылись навсегда,
 Но память прежнихъ дней живетъ въ тебѣ всецѣло,
 И каждый уголокъ здѣсь дорогъ для меня.
 Не тотъ ты, старый домъ, какимъ тебя я знала
 Во дни далекіе, дни блеска твоего,
 Весь полонъ зеленью, цвѣтами ты бывало,
 Казалось, все въ тебѣ веселіемъ дышало,
 Счастливыми тогда толпа насъ называла,
 Теперь счастливаго здѣсь нѣтъ ужъ никого.
 Растеній не видать... Увы, оранжереи
 Твои разрушены, конюшни тамъ стоятъ,
 Зато въ саду твоёмъ тѣнистыя аллеи
 О прежнихъ чудныхъ дняхъ со мною говорятъ.
 Надолго, навсегда съ тобой я расстаюсь,
 Мнѣ кажется, что здѣсь я счастье оставляю.
 Я больше радости нигдѣ не ожидаю,
 Со страхомъ и тоской предчувствіямъ внимаю,
 Невольно въ будущемъ чего-то все боюсь.

Я знаю, иждеть меня немало испытаній,
 Немало горя, нуждъ, тяжелыхъ, трудныхъ дней,
 Обманутыхъ надеждъ, несбывшихся мечтаній.
 Удастся ль свыкнуться мнѣ съ долею моею?

Тѣмъ временемъ, пока въ Шапшахъ ломалась вѣковая жизнь семьи Депрейсовъ, сестра моя Софья Петровна, ожидая возвращенія Ермолова изъ-за границы, пробовала въ самарскомъ имѣнїи Покровскомъ спасать наши съ нею личныя средства, вложенныя нами въ это имѣнїе. Въ началѣ августа женихъ ея вернулсѣ и прямо проѣхалъ въ Мурассу Спасскаго уѣзда къ своимъ родителямъ. Сестра моя была вызвана ими, такъ какъ дни Владимира Александровича были сочтены. Ермолковы думали и боялись, что сынъ ихъ оставитъ все свое большое въ то время состоянїе невѣстѣ своей, и прїѣздъ Сони въ Мурассу разрѣшили скрѣпя сердце, рассчитывая, что появленїе ея вызоветъ въ немъ мысль о смерти. Три недѣли жила она въ семьѣ Ермоловыхъ, ежедневно появляясь въ комнатѣ жениха съ свѣтлой улыбкой, съ спокойнымъ лицомъ. Она проводила весь день подлѣ него, тихо убаюкивая надеждами будущаго счастья вдвоемъ. Часто вопросительный взглядъ его искалъ въ ней отвѣта, и тяжелое предчувствїе близкаго конца разсѣивалось при видѣ спокойнаго, твердаго образа Сони. Но зато, уходя въ свою комнату, она проводила ночи безъ сна, и огромная воля ея разбивалась неудержимыми слезами, чтобы утромъ снова явиться ему непоколебимой поддержкой въ послѣднїя минуты жизни. Онъ скончался на ея рукахъ и не спуская глазъ искалъ въ выраженїи лица невѣсты своей отвѣта на разбитыя надежды ихъ взаимнаго счастья...

Старики Ермолковы могли быть спокойны, ихъ сынъ скончался, ничего не оставивъ невѣстѣ, но зато Соня стала для нихъ дорогимъ и близкимъ человѣкомъ, котораго они боготворили до конца жизни. Шесть недѣль спустя, въ сороковой день мы возвращались вдвоемъ съ сестрой моею Софьей Петровной изъ Самары, гдѣ ликвидировали всѣ дѣла и ѣхали въ Мурассу на могилу Владимира Александровича Ермолова, чтобы отслужить панихиду. Многое измѣнилось за это время. Закончилась наша жизнь въ Шапшахъ и намъ пришлось переѣхать съ бабушкой и тетей Катей въ Красный Яръ, имѣнїе Булыгиныхъ, къ нашей теткѣ Ольгѣ Николаевнѣ. Будущее казалось мрачнымъ. Огромный домъ въ Мурассѣ былъ пустъ, старый лакей Ермолова Евлаша встрѣтилъ насъ. Старики уже переѣхали на зимнее пребыванїе въ Казань. На панихидѣ никого не было. Вольный ямщикъ изъ деревни подалъ намъ лошадей, и мы поѣхали съ нимъ, направляясь къ тетѣ Олѣ Булыгиной въ Красный Яръ.

Ямщикъ, не зная насъ, сталъ говорить о покойномъ Владимирѣ Александровичѣ Ермоловѣ. Любовь народа къ нему выказалась самымъ трогательнымъ образомъ. Въ продолженїе трехъ дней у гроба его безпрерывно служились панихиды по просьбѣ крестьян-

скихъ обществъ, стекавшихся въ Мураассу изъ всѣхъ окрестныхъ селеній. Въ день его похоронъ число пришедшихъ проститься съ усопшимъ и отдать ему послѣднюю дань любви и уваженія доходило до двухъ тысячъ человѣкъ, между которыми было много татаръ сосѣднихъ деревень. Длинною вереницею тянулась толпа отъ господскаго сада до церковной ограды, встрѣчая на колѣняхъ печальное шествіе.

— А народъ байль, — сказала ямщикъ, поворачиваясь къ намъ: — что Владимиръ-то Александровичъ покойный, царство ему небесное, все имѣніе невѣстѣ оставилъ. Она-то, болѣзная, какъ по немъ убивалась, неотлучно при немъ находилась, отъ гроба отойти не хотѣла, народъ-то больно ее жалѣлъ...

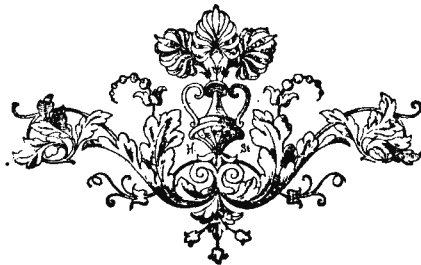
Соня плакала. Я обратилась къ ямщику и спросила его:

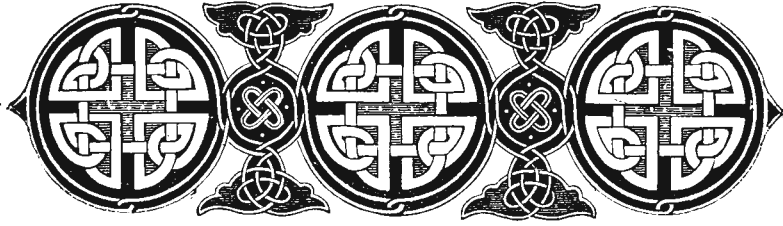
— Знаешь ли ты, кого везешь? Вотъ эта самая невѣста и ѣдетъ съ тобой, — сказала я, указывая на сестру.

Мы молча ѣхали дальше, углубляясь въ темноту осенней ночи. Будущее казалось такимъ же мрачнымъ впереди. Вся жизнь прошлаго разрушена, нужно было созидать самимъ свою новую молодую жизнь. Крѣпкимъ фундаментомъ служили намъ наши дѣды и пра-дѣды, будущее зданіе жизни могло опираться на нихъ, но сколько борьбы, сколько разочарованія ожидало насъ впереди...

Сильный туманъ покрывалъ безконечное пространство и казался безбрежнымъ моремъ. Мнѣ чудилось, вдали безъ парусовъ несется чудесная лодка. Неопытные гребцы сидятъ въ ней, но въ руки имъ даны крѣпкія весла — принципы — и твердая воля править рулемъ. Маякомъ жизни служить имъ правда, и къ этой вѣчно горящей вдали правдѣ они и направятъ свой путь.

М. П. Ватаци, рожденная Мертваго.





ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПОНАМАРЯ.

(Разсказъ моего дѣда).

I.

ТО СЛУЧИЛОСЬ ТОГДА, когда крѣпостное право хотя и было нарушено, но весь старинный укладъ русской жизни держался попрежнему крѣпко; когда солдаты служили въ войскахъ по пятнадцати лѣтъ и о революціяхъ понятія не имѣли; когда священники не получали никакихъ по службѣ окладовъ, а довольствовались добротнымъ даяніемъ прихожанъ, когда они дружно жили со своими единственными подругами, не допуская и мысли о развлеченіяхъ по садамъ и бульварамъ; когда склонность къ вранью только что зарождалась у насъ, но сосредоточивалась только въ высшихъ кругахъ, не развиваясь въ народѣ; когда безграмотные мужики падали на колѣни передъ столь же безграмотнымъ заимодавцемъ отъ одной лишь угрозы его срѣзать запись ихъ долга на палочкѣ... однимъ словомъ, это было больше чѣмъ полвѣка назадъ.

Много было дурного тогда, но немало и хорошаго было, вопреки усиленнымъ увѣреніямъ, будто возможно положеніе дѣлъ, заключающее въ себѣ лишь однѣ хорошія стороны... И все это безвозвратно прошло, очищая путь неизвѣстному будущему и дѣлаясь достояніемъ исторіи.

Въ эту самую пору въ селѣ Дремайловкѣ, расположенномъ среди благодатной южно-русской равнины, наступило начало апрѣля, и все зазеленѣло кругомъ. Положимъ, что лѣсовъ здѣсь почти не

было, но зато опушились прозрачною зеленью вербы, которыми были обсажены дороги и улицы, поднялась всевозможная огородина и начали распускаться сады; а на окрестных полях засверкали яркою зеленью тучные всходы озимой пшеницы и ржи, простиравшіеся во все стороны, сколько можно было глазом окинуть, и весьма эффектно сливавшіеся съ яснымъ весеннимъ небомъ на горизонтѣ.

На церковномъ дворѣ, утопавшемъ въ садахъ, издавна насаженныхъ благочестивыми прихожанами, покамѣсть было еще неприѣтно и сыро; но кокетливый домикъ священника невольно привлекалъ вниманіе къ себѣ своими новенькими бревенчатыми стѣнами, сквозь которыя проглядывалъ мохъ и капли смолы, вытекшія за прошлое лѣто, своимъ уютнымъ крылечкомъ и свѣтлыми, начисто вымытыми оконцами съ зелеными ставеньками. Бьетъ семь часовъ вечера, но батюшки дома нѣтъ: онъ уѣхалъ по вызову благочиннаго и до сихъ поръ вернуться не можетъ; а въ домѣ хлопочетъ одна только матушка, полная и степенная женщина лѣтъ сорока. Съ помощью старушки-просвирни и ея дочери—красавицы Гали—она перебираетъ и сортируетъ пожертвованные прихожанами за зиму холсты, поминутно бросая свою работу и подбѣгая къ окну, чтобы посмотрѣть, не пріѣхалъ ли батюшка.

— Такъ вотъ, Одарка, ты это все и возьми,—торопливо говоритъ она на ходу, указывая на изрядную кучу простого крестьянскаго полотна въ сверткахъ самыхъ разнообразныхъ размѣровъ:—все равно свой холстъ бѣлнить понесешь,—такъ кстати и этотъ разложишь...

— Гдѣ ужъ намъ, матушка, какіе у насъ холсты!—слезливо отвѣчаетъ просвирня; но, замѣтивъ порывистое движеніе попадья, сразу мѣняетъ протестующій тонъ на покорный.

— Заберу, матушка, будьте покойны, все заберу,—выражаетъ она какъ бы радостную готовность.

— То-то же!—строго говоритъ матушка.—И что ты, Одарка, понапрасну Бога гнѣвишь? При мужѣ ты гораздо хуже жила, да и по затылку не разъ получала... А теперь тебѣ что? Въ церковномъ домѣ живешь, огородъ свой имѣешь, да еще отъ просфоръ доходъ получаешь... а выдашь дочку замужъ—барыней станешь жить!

— Да я ничего, матушка...—смирненно повторяла просвирня.

— То-то что ничего... помогать мнѣ не хочешь! Другая на моемъ мѣстѣ на себя бы просфоры взяла, а я только ваше сиротство видя...

Въ жару разговора попадья не замѣтила, какъ къ крылечку подъѣхала простая крестьянская телѣга, запряженная одной лошадейю, а на ней, на намощеномъ изъ сѣна сидѣньи появился самъ батюшка, отецъ Кондратій. Попадья ахнула и выбѣжала на крыльцо.

Когда отецъ Кондратій наконецъ выбрался изъ телѣги и стряхнулъ съ себя приставшее со всѣхъ сторонъ сѣно, то оказался грузнымъ

мужиною довольно почтеннаго возраста, съ медлительными манерами и широкою окладистою бородою съ просѣдью. Сначала онъ снялъ съ себя самодѣльную крестьянскую шляпу и помолился на храмъ, затѣмъ обратился къ безмолвно стоявшей со склоненною головою супругѣ и преподаль ей іерейское благословеніе. Послѣ этого супруги поцѣловались.

— Ну, что? Ну, что?—сразу затрещала какъ бы очнувшаяся попадьѣ.—Что онъ тебѣ говорилъ? Чѣмъ кончилось дѣло?

— Погоди, матушка, не все сразу!—отвѣтилъ о. Кондратій.— Ты, братъ Артемій, лошадь-то поводи, а не ставь прямо въ конюшню,— обратился онъ къ правившему этой лошадей понамарю, здоровенному парню въ грязной крестьянской рубахѣ и прорванной смушковой шапкѣ:—да возьми изъ повозки мѣшокъ, въ которомъ мы отцу благочинному поминки возили, и снеси его обратно на кухню.

И, закончивъ хозяйственныя распоряженія, онъ степенно вошелъ на крыльцо.

— Мало хорошаго, но и худого, слава Богу, не много,—наконецъ объявилъ священникъ въ отвѣтъ на двадцатый вопросъ попадьи, снимая съ себя сначала верхнюю, а затѣмъ и нижнюю рясу.— Приношеніе принялъ благопріятно, но изрядно поначалилъ за то, что отчетность ему до сихъ поръ не доставилъ... Съ меня, говоритъ, консисторія требуетъ строго.

— Скажите пожалуйста!—отозвалась изъ другой комнаты гремѣвшая чашками попадьѣ.—Ну, а ты ему что на это?

— А я ему говорю: помилуйте, ваше преподобіе, сами вы настоятелемъ состоите и знаете хорошо, когда намъ канцеляріей заниматься. А теперь постъ Великій, помощниковъ у меня не имѣется,—такъ когда же успѣть. А онъ на это въ отвѣтъ: «Какъ себѣ знаешь, отецъ; а если до Пасхи ты отчета мнѣ не доставишь, то, не взирая на мое дружелюбіе, я о тебѣ въ консисторію донесу, такъ какъ мнѣ больше нечего дѣлать».

— Ну, и какъ же ты думаешь?—заволновалась еще болѣе попадьѣ.

— Какъ-нибудь справимся. У меня уже все готово почти, только вотъ переписать некому...

— Какъ? А Артемъ, а Савелій?—перечисляла супруга имена понамаря и дьячка.

— Савелій уже ничего не видитъ почти, а очковъ достать ему не откуда... а Артему надо огородъ прополоть, за дровами въ лѣсъ съѣздить, да и мало ли дѣловъ у него! Нѣтъ, ужъ я самъ какъ-нибудь...—закончилъ священникъ со вздохомъ.

Въ это время появился тотъ же самый Артемъ съ кипящимъ самоваромъ въ рукахъ; но, столкнувшись въ дверяхъ съ убиравшею холстъ Галею, чуть не выронилъ изъ рукъ самоваръ и, пометавшись съ нимъ въ разныя стороны, кончилъ тѣмъ, что установилъ его на полъ.

— Ахъ, ты, дуракъ!—закричала на него попадьѣ.—Ну, скажите, пожалуйста, что мнѣ съ нимъ дѣлать?!

— Полно, матушка, полно,—благородно успокоилъ супругъ.—Конь о четырехъ ногахъ, да и то спотыкается...

— Да! Тебѣ хорошо говорить, а мнѣ-то съ нимъ каково!—запальчиво возразила супруга.—И прежде онъ былъ не такой, а теперь съ нимъ не знаю, что сдѣлалось... Идетъ—и не видитъ куда... Можешь представить себѣ: вчера почти совсѣмъ готовыя щи въ помойный ушатъ вылилъ!.. Ужъ я ругала, ругала его... а больше что же съ нимъ сдѣлать?

— Да...—отвѣтилъ задумчиво мужъ:—должно, о судьбѣ своей несчастной печалится. Что жъ въ самомъ дѣлѣ?—годы подходятъ такіе, а средствъ у него почти никакихъ... Слѣдовало бы прибавить ему что-либо...

— Прибавить?!—воскликнула съ негодованіемъ попадьѣ:—а позволь спросить у тебя: изъ какихъ средствъ ты ему прибавлять станешь? Мы и сами-то еле живемъ и, хоть дѣтей у насъ нѣтъ,—такъ надо за брата платить да и сестру выдавать надо... Нѣтъ, и не думай пожалуйста: никогда я тебѣ этого не позволю!

— Гмъ, гмъ,—передернулъ плечами священникъ.—Конечно, въ извѣстномъ отношеніи ты права, но надо и о душѣ бы подумать... Вотъ тутъ и проживи безъ грѣха!—потянулся онъ на мягкомъ диванѣ.—Ну, да тамъ видно ужъ будетъ...

Напившись чаю, батюшка съ матушкою скоро собрались на покой.

II.

Парень Артемъ, о которомъ зашла рѣчь между супругами, являлся понамаремъ дремайловскаго прихода Артеміемъ Богоявленскимъ, присланнымъ на эту должность изъ семинаріи не больше какъ два года назадъ. Онъ былъ сыномъ дьячка изъ того же уѣзда и прожилъ безпечально въ родительскомъ домѣ до двѣнадцатилѣтняго возраста, какъ вдругъ отецъ и мать его неожиданно умерли отъ холеры. Что было съ нимъ дѣлать? Будь онъ крестьяниномъ—дѣло порѣшили бы просто, отдавъ его въ работники къ какому-нибудь бѣдному мужику, но онъ оказывался особою духовнаго званія, а потому такъ поступить съ нимъ было нельзя. Затрудненіе увеличилось еще тѣмъ, что, будучи здоровымъ и весьма бойкимъ мальчишкой, Артемка весьма удачно ловилъ голубей, превосходно дрался съ товарищами на кулачкахъ и плавалъ, какъ рыба, по своей хотя и маленькой, но быстрой рѣкѣ; но, не взирая на всѣ старанія родителя, одолѣть никакой грамоты вовсе не могъ, а потому и не могъ поступить въ семинарію, являвшуюся единственнымъ пріютомъ въ его положеніи. Однако и тутъ съ нимъ долго не думали: случайно ѣхавшіе въ губернской городъ крестьяне взяли съ собой Артемку'

и, привезши его во дворъ консисторіи, бросили на этомъ дворѣ, разумѣется, никому не сказавшись. Неизвѣстно, чѣмъ бы закончился такой казусъ въ настоящее время, но тогда отношенія были болѣе благодушныя, и съ формальностями не очень чинились; а потому, послѣ небольшого переполоха, мальчика все-таки приняли въ семинарію, записавши его въ приготовительный классъ, называвшійся, по образному бурсацкому выраженію, «нужникомъ».

Поступить въ этотъ «нужникъ» въ ту пору значило быть битымъ со всѣхъ сторонъ, но тутъ-то и пригодилось Артему пріобрѣтенныя въ родительскомъ домѣ познанія; онъ такъ усердно и ловко давалъ всѣмъ обидчикамъ сдачи, что вскорѣ районъ битья для него значительно сузился, такъ какъ бить его позволяли себѣ только очень великовозрастные, или же начальство. Въ силу такого выгоднаго положенія мальчикъ не захирѣлъ въ своемъ помѣщеніи, а еще больше окрѣпъ, хотя по наукамъ оказался попржежнему слабымъ, такъ что, просидѣвши въ семинаріи шесть лѣтъ, дошелъ лишь до третьяго класса и остановился въ немъ неподвижно. Но, когда ему минулъ восемнадцатый годъ, онъ вдругъ попался на глаза самого отца ректора, къ которому его прислали въ садъ на работу.

— А въ какомъ ты классѣ, парнюга?—заинтересовался молодцомъ о. ректоръ.

— Въ третьемъ, ваше высокопреподобіе,—отвѣтилъ, снимая шапку, Артемъ.

— Въ третьемъ классѣ? такой мастодонтъ?—изумился отецъ просвѣщенія, хотя такихъ мастодонтовъ у него было болѣе сотни.— Но что же ты думаешь дѣлать съ собою?

— А почему я знаю!—отвѣтилъ бурсакъ, утирая себѣ носъ рукавомъ безъ всякой въ томъ надобности.

— Но подумай,—вразумлялъ о. ректоръ:—вѣдь ты намъ совершенно не нуженъ, и только даромъ казенный хлѣбъ у насъ ѣшь и даромъ казенное платье здѣсь носишь....

— А чѣмъ же я виновать?—возразилъ обиженнымъ тономъ Артемъ.—Отпустите меня на заработки въ Одессу,—такъ я себѣ не такое платье достану!

— Мм, мм,—промычалъ о. ректоръ.—Конечно, быть можетъ, для тебя это было бы кстати... Но ты человѣкъ духовнаго званія и такъ отпустить тебя непристойно. Развѣ вотъ что: не хочешь ли поступить на понамарскую должность; мы тебя на родину и назначимъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно,—отвѣтилъ съ хохлацкою флегмою Артемъ и былъ назначенъ въ Дремайловку.

Должность понамаря до сихъ поръ весьма пеказиста, но послѣ бурсацкой науки сначала показалась Артему чуть ли не раемъ небеснымъ. Онъ тотчасъ же развелъ голубей на своей колокольнѣ, бѣгалъ по полямъ и лѣсамъ и чувствовалъ себя окончательно въ своей сферѣ. Одно было плохо: средствъ къ жизни оказалось до

крайности мало, а, вѣчно прикованный къ церковному двору и къ своему дѣлу, онъ не могъ достать для себя никакого заработка на сторонѣ и даже научиться крестьянскимъ работамъ какъ слѣдуетъ. Кромѣ того, сталъ онъ и на дѣвокъ заглядываться; но, хотя былъ и ловокъ и статенъ, серьезно поухаживать ни за одною не смѣлъ, такъ какъ зналъ хорошо, что за безроднаго голяка замужъ ни одна не пойдетъ, а свободной любви по селамъ тогда не водилось. Беззаботный Артемъ пересталъ бѣгать и началъ задумываться все чаще и чаще, особенно послѣ того, какъ встрѣтился съ Галею, мать которой жила тутъ же на церковномъ дворѣ и изъ христіанскаго милосердія, а, можетъ быть, и «постыдной алчности ради», согласилась принять новаго «сослуживца» къ себѣ на хлѣба за два рубля въ мѣсяцъ.

И чѣмъ дальше, тѣмъ становилось все хуже: жалованія онъ вовсе не получалъ, «мзда» дѣлилась до крайности скудно, а батюшка съ матушкою, пользуясь неопытностью и добродушіемъ своего подчиненнаго, навалили на него всѣ работы по своему собственному хозяйству, такъ что у бѣднаго парня не имѣлось даже свободной минуты побѣгать.

«Что мнѣ дѣлать теперь?—раздумывалъ про себя бѣдняга еще на первомъ же году своей службы.—Повышенія мнѣ не предвидится, а жить рѣшительно не на что. Работать на себя не дозволено, а отъ службы какой же доходъ? Отъ всѣхъ церковныхъ требъ, говорятъ, причту третья часть полагается, и еще такъ, что изъ этой части дячку двѣ трети выходитъ, а на меня одна только треть... да развѣ батюшка скажетъ, сколько онъ за потребу получить? Опять же батюшка по дворамъ часто ѣздитъ и гдѣ курочку, гдѣ поросеночка, а гдѣ и ягнечка выпросить; такъ это все себѣ онъ беретъ, а для насъ остается одно, чтобы все это на повозку укладывать... Другой на моемъ мѣстѣ, быть можетъ, и придумалъ что-либо, а я вотъ не придумаю! Нѣтъ, видно, я не гожусь для этого дѣла! Но куда же мнѣ податься тогда? На заработки съ радостью бы пошелъ, такъ ни за что не отпустятъ, а главное паспорта не дадутъ; а безъ паспорта въ бродяги мнѣ итти, что ли? Ну, ужъ и доля моя: кажется, нѣтъ ея хуже на свѣтѣ!»

Подобныя мысли приходили все чаще и чаще къ Артему; а когда наступила весна, отъ полей и садовъ потянуло размывчатымъ, пряннымъ воздухомъ, закричали лягушки въ прудахъ и запѣли раннія птички; когда наконецъ Галя, а съ нею и другія дѣвушки на селѣ сбросили съ себя неуклюжія толстыя «свитки» и остались въ однѣхъ бѣлыхъ рубашкахъ, ярко обрисовывавшихъ ихъ соблазнительный станъ,—юное сердце Артема окончательно взбунтовалось, и онъ дошелъ въ своемъ волненіи до того, что даже батюшка съ матушкою обратили на это вниманіе; но, разумѣется, онъ имъ ничего не сказалъ.

Вскорѣ послѣ описаннаго о немъ разговора онъ проходилъ за какимъ-то дѣломъ по улицѣ и встрѣтился съ мѣстнымъ лавочникомъ Косоротовымъ. Этотъ лавочникъ переселился въ Дремайловку изъ «Кацальскихъ поселковъ» ¹⁾ и торговалъ здѣсь очень успѣшно, несмотря на то, что въ лавкѣ у него почти ничего не было. На сей разъ лавочникъ не отвернулся съ презрѣніемъ, какъ это онъ дѣлалъ при встрѣчѣ съ причтомъ всегда, а неожиданно снялъ шапку и вѣжливо поздоровался.

— А что, ваше благословеніе,—вкрадчиво сказала онъ:—если бы вы ко мнѣ въ гости пожаловали?

— А зачѣмъ мнѣ къ тебѣ итти?—съ бурсацкою прямою отвѣтилъ Артемъ:—гусь свиньѣ не товарищъ!

— Напрасно такъ выражаетесь,—сказалъ, нахмурившись, лавочникъ:—я васъ не для пустой болтовни приглашаю, а хочу хорошей заработокъ вамъ предоставить, въ которомъ, кажется, вы очень нуждаетесь,—добавилъ онъ съ ироніей.

При словѣ «заработокъ» глаза у парня ярко блеснули.

— Какой же для меня заработокъ. зѣдь я ничего не умѣю...—протянулъ онъ въ печальномъ сомнѣніи.

— Ну, ужъ тамъ будетъ видно. И заработокъ дамъ вамъ не я, а ко мнѣ издалека богатѣйшій купецъ пріѣхалъ, такъ онъ и поговоритъ съ вами... Приходите же непременно сегодня послѣ вечерни,—заклучилъ лавочникъ тономъ, не допускающимъ возраженія.

— Да вѣдь послѣ вечерни у насъ исповѣдь?...—все еще колебался Артемъ.

— Ахъ, какой вы!...—скрипнулъ зубами лавочникъ.—Ну, приходите, какъ церковь запрете: мы рано спать не ложимся.

Цѣлый день послѣ этого разговора Артемъ ходилъ словно въ туманѣ, строя невозможные воздушные замки по поводу будущаго заработка; за обѣдомъ почти не ѣлъ ничего; а когда пришелъ онъ на службу, то все валилось у него изъ рукъ до того, что батюшка даже нарушилъ благочиніе храма, обругавъ его непристойнымъ словомъ за ротозѣйство, послѣ чего, разумѣется, еще больше на него разсердился. Наконецъ батюшка вышла, а понамарь, заперевъ наскоро двери, пустился бѣгомъ въ домъ лавочника.

Какъ ни былъ взволнованъ Артемъ, но помѣщеніе, куда онъ попалъ, поразило его своею особенностью. Уже и съ улицы домъ Косоротова, выстроенный изъ прочнаго «привознаго» лѣса въ два

¹⁾ Кацапами называли въ Малороссіи cadaго великороссіянина въ видѣ браннаго слова, но преимущественно разумѣли подъ этимъ названіемъ старовѣровъ, давно уже поселившихся въ нѣкоторыхъ малороссійскихъ губерніяхъ, сильно разбогатѣвшихъ благодаря своей трезвости и энергіи и существующихъ тамъ до сихъ поръ, нисколько не смѣшиваясь съ окружающимъ населеніемъ и сохраняя до малѣйшихъ подробностей древнія великороссійскія бытовія черты.

этажа и покрытый тесовою крышею, рѣзко выдѣлялся среди шатких хохлацкихъ мазанокъ, крытыхъ соломою, выштукатуренныхъ большю частью княжкомъ и выбѣленныхъ поверхъ княжика мѣломъ. Но внутри было и еще удивительнѣе: голыя, сосновыя стѣны, пузатыя кафельныя печи, двухнудовыя стулья и кресла совершенно невиданной формы, а также до невозможности спертый воздухъ въ довольно обширныхъ покояхъ — удивили непривычнаго къ такой обстановкѣ Артема; впечатлѣніе довершало еще полное отсутствіе какого бы то ни было уюта въ избѣ и множество образовъ, висѣвшихъ не только по угламъ, но и по стѣнамъ. Образа, положимъ, не диво для понамаря, но на нихъ либо нельзя было разобрать ничего, либо они были такого особеннаго письма, что представляли собой настоящее диво. Пройдя нѣсколько такихъ комнатъ подъ руководствомъ хозяина, Артемъ наконецъ вошелъ въ боковой полутемный покой, гдѣ на дубовой скамейкѣ и за такимъ же испокрытымъ столомъ сидѣлъ одѣтый по-великорусски мужчина. Это былъ весь высохшій, но еще бодрый старикъ съ ястребиными глазами и носомъ, множествомъ рѣзкихъ морщинъ на высокомъ челѣ и узкою бородкою до пояса. При входѣ посѣдителей онъ даже не шелохнулся.

— Вотъ, Порфирій Савельевичъ, нужное вамъ лицо, — почтительно представилъ Артема хозяинъ, хотя ястребиный взглядъ важнаго гостя давно уже уперся въ него, какъ бы желая проникнуть до самаго сердца. — Поговорите, а я пока пойду по хозяйству...

Хозяинъ ушелъ, послѣ чего наступило продолжительное молчаніе, во время котораго неизвѣстный не спускалъ своихъ глазъ съ Артема, отчего послѣднему наконецъ сдѣлалось невтерпѣжъ.

— Вы здѣшній понамарь? — наконецъ заговорилъ незнакомецъ, какъ разъ въ то самое время, когда посѣтитель уже собрался убѣжать отъ него, чтобы прервать тягостное молчаніе.

— Понамарь, ваше степенство, — какъ бы непроизвольно отвѣтилъ, хлопая глазами, Артемъ.

— А деньги заработать хотите?

Парень вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и застылъ на своемъ мѣстѣ.

— Если хочешь, то имѣется къ этому случай, — продолжалъ старецъ раздѣльно: — но только, конечно, не даромъ...

— Что прикажете, ваше степенство? — едва смогъ выговорить обычную бурсацкую фразу Артемъ.

— Ну, такъ слушай: при вашей церкви есть особый чуланъ, гдѣ хранятся церковныя дѣла и бумаги...

— А вы, почему знаете? — воскликнулъ съ удивленіемъ понамарь.

— Молчи, не перебивай, мало ли что я знаю!.. Такъ въ этомъ чуланѣ лежатъ связанныя и прободенныя, какъ Христосъ на крестѣ, иконы древляго благочестія, отнятыя у насъ слугами

антихриста уже лѣтъ десять назадъ... Молчи, говорю! Такъ, если ты эти святыни возвратишь изъ плѣненія, то получишь за каждую отъ меня четвертную, а ихъ тамъ томится ровно четырнадцать!..

— Ваше степенство,—возразилъ, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, Артемь:—я часто убираю архивъ, но никакихъ иконъ тамъ не видѣлъ...

— Поищи, дурень: онѣ тамъ, я тебѣ говорю! Ты по стѣнамъ глядѣлъ, а онѣ, быть можетъ, въ мусорѣ валяются...—И при этихъ словахъ въ узкихъ глазкахъ показался злобщій огонь, и морщинистое лицо грозно нахмурилось.—Надо ихъ выручить. Мы со священниками это дѣло устроить хотѣли, но со священниками опасно и дорого... Но если ты доставишь святыню въ цѣлости къ намъ, то за это триста пятьдесятъ рублей изъ рукъ въ руки получишь.

— Да какъ же, ваше степенство: вѣдь меня за это въ Сибирь упрячуть!—задыхался отъ волненія Артемь.

— Напрасно такъ думаешь. Наши иконы только для насъ дороги, а начальство твое давно позабыло о нихъ... А на всякій случай мы съ нихъ «грѣшныя копѣи» изготовили, и ты ихъ получишь въ обмѣнъ. Положишь ихъ на мѣсто святынь—и никто не догадается даже объ этомъ.

— Но какъ же мнѣ такой великій грѣхъ на душу взять?—боролся Артемь.—За это мнѣ не будетъ прощенія вовѣки.

— Глупый! Какой же тутъ грѣхъ плѣнную и опозоренную святыню на свое мѣсто поставить, передавъ ее въ достойныя руки? Впрочемъ, воля твоя: не хочешь благому дѣлу помочь и благополучіе себѣ устроить, такъ издыхай съ голоду, какъ собака. Вѣдь я вижу, что тебѣ деньги до крайности надо...

— Ужъ не знаю я, какъ...—повторялъ, продолжая дрожать, понамарь.

— Какъ себѣ знаешь. Посмотри, поищи, подумай, но если ты намъ святыню доставишь, то мы ни въ какомъ случаѣ не обманемъ тебя. Это никоніанцы обманываютъ, а мы только лишь тѣмъ и живемъ, что крѣпко держимся слова. Ну, а теперь уходи: уже нечего говорить больше. Впрочемъ, постой!—остановилъ, поднимаясь съ лавки, старикъ, хотя понамарь все еще продолжалъ топтаться на мѣстѣ.—Если всѣ до одной иконы въ цѣлости возвратишь, то не триста рублей, а пятьсотъ за это получишь. Вотъ тебѣ все.

И старикъ первымъ вышелъ изъ комнаты.

III.

Артемь не помнилъ, какъ онъ выбрался изъ дома лавочника и какъ возвратился домой, и, проснувшись на другой день послѣ страшно-тревожнаго сна, готовъ былъ счесть свои вчерашнія приключенія искусительнымъ сновидѣніемъ; однако, встрѣтившись

со священникомъ, какъ бы подталкиваемый постороннею силою, вызвался самъ почистить передъ праздникомъ церковный архивъ, на что и получилъ благосклонное разрѣшеніе. Съ трепетнымъ сердцемъ вошелъ онъ въ полутемный чуланъ и, какъ всегда, никакихъ иконъ не увидѣлъ, но, не довольствуясь этимъ, онъ началъ усердно перерывать и переворачивать кучи бумагъ и наконецъ въ самомъ дальнемъ углу дѣйствительно замѣтилъ связку образовъ разныхъ размѣровъ, одинаково просверленныхъ буравомъ и напизанныхъ на бечевку, которая оказалась хитро завязанной на концахъ и припечатанной къ бумагѣ казенной печатью. Онъ пересчиталъ образа, ихъ оказалось ровно четырнадцать. Пораженный такимъ всевѣдѣніемъ своего недавняго собесѣдника, Артемъ чуть не выронилъ находку изъ рукъ, однако оправился и, снова запрятавъ ее подальше, сталъ мести полъ и укладывать въ порядокъ бумаги.

— Надо вынести поскорѣе эти иконы,—шепталь ему кто-то на ухо во время работы:—такъ какъ дома почистить ихъ гораздо удобнѣе, а положить ихъ обратно ты всегда успѣешь...

Долго противился этому голосу понамарь, но наконецъ бросилъ метлу и выскочилъ изъ чулана. Захвативъ во дворѣ какой-то мѣшокъ, онъ убѣждалъ съ нимъ обратно и, уже ни о чемъ не думая больше, положилъ въ него связку иконъ, закидалъ сверху первыми попавшимися подъ руку бумагами и, покончивъ работу, выпесъ изъ церкви этотъ мѣшокъ подъ предлогомъ уборки мусора.

— Что жъ, я только на случай,—увѣрялъ онъ себя по дорогѣ:—а иконы я вычищу и отнесу въ церковь обратно...

А покажѣсть онъ спряталъ ихъ подъ кровать и задвинулъ еще сундукомъ—своей единственной мебелью, послѣ чего онъ сталъ аккуратно запирать свою дверь, хотя никогда этого прежде не дѣлалъ.

Въ такомъ положеніи прошло два или три дня. Артемъ вычистилъ образа, но ничего съ ними больше не сдѣлалъ. Трудно описать душевное состояніе бѣднаго парня за эти роковые три дня! Были минуты, когда страхъ передъ святотатствомъ до такой степени овладѣвалъ его грѣшной душой, что онъ взваливалъ мѣшокъ къ себѣ на плечи и выходилъ изъ дверей съ твердой рѣшимостью отнести иконы къ священнику, но всѣ соблазны возможныхъ отъ преступленія радостей такъ ярко вставали передъ нимъ, что горячее сердце вдругъ замирало въ груди и ноги отказывались служить дальше. Весь въ холодномъ поту онъ возвращался домой и, пугливо озираясь, какъ воръ, снова пряталъ мѣшокъ подъ кровать, не рѣшаясь, однако, съ нимъ пойти къ лавочнику... Въ какую же сторону, однако, итти? Не имѣя силы рѣшить этотъ вопросъ, Артемъ пересталъ ѣсть и спать и измучился до послѣдней воз-

возможности. Неизвѣстно, чѣмъ бы закончилось дѣло само по себѣ, но въ этихъ случаяхъ обыкновенно рѣшаетъ судьба, какъ и теперь порѣшила съ Артемомъ.

Не зная, куда дѣваться отъ томившей его борьбы, парень позднимъ вечеромъ вышелъ въ полураспустившійся церковный садъ и вдругъ въ темнотѣ чуть не наткнулся на Галю, также выбѣжавшую прохладиться. Оба ахнули въ одинъ голосъ, а затѣмъ наступило молчаніе, прерываемое лишь шорохомъ слабо опущенныхъ вершинъ да робкимъ шелканіемъ соловья, только что сюда прилетѣвшаго.

— Чего это вы ¹⁾ прибѣжали сюда такъ поздно, Артемъ?— наконецъ прервала молчаніе Галя.—Я и не думала здѣсь встрѣтиться съ вами...

— Какъ чего прибѣжалъ?—отвѣтилъ угрюмо Артемъ, въ то время какъ его сердце разрывалось отъ нѣжности.—Развѣ не знаете, что я по ночамъ долженъ церковь стеречь? Нѣтъ, ужъ отсюда прогонять меня не приходится!

— Господь съ вами, да кто же собираетъ васъ прогонять?—возразила ласково Галя.—Вы лучше скажите, отчего вы сдѣлались смутный такой, что даже моя мама это замѣтила. Что съ вами случилось? Обидѣлъ васъ кто-нибудь, что ли?

Артемъ хотѣлъ отвѣчать, но не находилъ словъ для отвѣта.

А соловей между тѣмъ разошелся и сталъ передавать его отвѣтъ дѣвушкѣ на общепонятномъ для всѣхъ языкѣ. Изъ-за горизонта показался краешекъ поздняго мѣсяца и освѣтилъ горѣвшія безсознательною страстью лица молодой пары...

Едва ли нужно теперь увѣрять, что и въ грубой крестьянской средѣ происходятъ трогательные романы; мало того: происходятъ даже такіе, которые для описанія своего нуждаются во всѣхъ аксессуарахъ добраго стараго времени, какъ-то: въ весеннихъ ночахъ при лунѣ, невольнo вызывающихъ сладкіе вздохи, цвѣтахъ, соловьяхъ и проч. И дѣйствительно, природа одинаково вліяетъ на всѣхъ людей, и всѣ чувствуютъ чары ея одинаково, хотя и не всѣ умѣютъ передавать ихъ по-новому, какъ это дѣлаютъ современные корифеи искусства. Но какъ бы то ни было, гармонія природы попрежнему отзывалась въ сердцахъ человѣческихъ, властно настроила ихъ на свой ладъ, и разговоръ юныхъ собесѣдниковъ скоро закончился тѣмъ, что, рассыпаясь въ нѣжныхъ словахъ, которыми такъ богатъ малороссійскій языкъ, Артемъ протянулъ руки, чтобы обнять дѣвушку, но она вырвалась и убѣжала изъ глазъ. Тогда парень укоризненно взглянулъ на темное небо и, нагнувъ на себя шапку покрѣпче, быстро ушелъ изъ сада домой.

¹⁾ Въ малороссійскомъ крестьянствѣ принято искони обращаться на «вы» не только другъ съ другомъ, но даже съ отцомъ и матерью.

Скоро онъ снова возвратился на улицу, но уже съ роковымъ мѣшкомъ за плечами и, не оглядываясь, направился къ дому лавочника, гдѣ еще во всѣхъ окнахъ свѣтились огни.

На другой день Артемъ ни о чемъ ужъ не думалъ, а ходилъ по селу, какъ герой, заложивъ руки въ карманы, отъ прикосновенія къ которымъ онъ чувствовалъ въ себѣ исполинскія силы, словно Антей отъ земли. Сразу поправился онъ съ лица и даже въ обращеніи перемѣнился, такъ какъ разговаривалъ съ каждымъ уже не съ прежнею робостью, а встрѣчнымъ дѣвушкамъ заглядывалъ прямо въ глаза; даже на окрики матушки онъ нѣсколько разъ «огрызнулся», чѣмъ поставилъ ее совершенно втушикъ. Что же касается Гали, то, должно быть, свиданія въ саду продолжались, потому что чуткая просвирия скоро накрыла тамъ влюбленную пару, причемъ подняла крикъ, способный перебудить весь приходъ, и, несмотря на поздній часъ ночи, бросилась къ дому священника, по развернувшійся за послѣднее время Артемъ ловко успѣлъ удержать ее за полу.

— Постой, паниматко, — сказалъ онъ, сжимая руки все крѣпче. — Ты хочешь къ отцу Кондратию итти? Это дѣло хорошее, но только сегодня поздно уже, а ты ступай не сегодня, а завтра. А сегодня ты пока посмотри хоть на то, что я тебѣ покажу. Видишь? — съ этими словами онъ придержалъ старуху одной рукой, а другою вынулъ изъ кармана пачку кредитокъ, даже и въ темнотѣ сверкавшихъ всѣми цвѣтами небесной радуги, и поднесъ ихъ къ самому носу старухи.

Послѣдняя стихла, какъ получившій ударъ подъ сердце ягпенюкъ.

— А къ отцу Кондратию, — продолжалъ побѣдитель, — ты все-таки завтра ступай. Но только про деньги не говори ничего, а просто скажи, что ты Галю за меня просватала, что воротиться уже нельзя, и чтобы сейчасъ послѣ праздника онъ повѣнчалъ насъ. Да сдѣлай милость, денегъ за вѣнчанье не обѣщай, а то худо изъ этого выйдетъ.

— Да гдѣ же ты денегъ-то столько досталъ? — спросила еле опаматовавшаяся старуха.

— А тебѣ какое дѣло до этого? Деньги мои, и отчета я въ нихъ никому давать не обязанъ. Ну, прощай, паниматко, доброй ночи тебѣ. А къ отцу Кондратию завтра сходи непременно...

И, пока старуха плелась, разговаривая сама съ собой и разводя во всѣ стороны руки, Артемъ давно уже оказался у себя дома, гдѣ, полный самыхъ свѣтлыхъ надеждъ и мечтаній, бросился на свое покамѣсть еще сиротское ложе.

Но откуда же въ чуланѣ взялись чудесныя эти иконы? Дѣло очень простое: какъ извѣстно, до послѣдняго времени старовѣрамъ-сектантамъ, именующимся по бумагамъ «не пріемлющими священ-

ства», было строжайше запрещено не только строить молитвенные дома, но и соби́раться обществомъ на служеніе; тѣмъ не менѣе они продолжали молиться по-своему и постоянно устраивали молебни, разумѣется, въ мѣстахъ самыхъ глухихъ и отъ начальства далекихъ. По обязанности службы, а иногда изъ корысти, земская полиція ѣздила разорять такія мѣста, причемъ молебщниковъ сажали въ тюрьму, а молитвенную утварь конфисковывали и опечатывали, обыкновенно передавая ее въ консисторію, которая уже знала, что съ нею дѣлать. Нѣтъ ничего удивительнаго, что какой-нибудь безмѣрно утомленный слѣдователь, не находя почты по близости, передалъ захваченныя имъ иконы не въ консисторію, а священнику дремайловской церкви, а послѣдній, будучи скоро смѣщенъ, въ свою очередь, не успѣлъ ихъ отправить. Такъ бы и пролежали онѣ всѣми забытыя, если не до второго пришествія, то по крайней мѣрѣ до перваго пожара церковнаго, но ревностные сектанты зорко слѣдили за своею древнею святынею, и, какъ оказалось, успѣли ее выручить наконецъ съ помощью случайно попавшагося имъ Артема.

IV.

Наступилъ день Вербнаго воскресенія, и счастливый Артемъ, не спавшій наканунѣ цѣлую ночь, а усердно раздававшій прихожанамъ вербы и свѣчи, благополучно отстоялъ и обѣдню, послѣ чего отправился къ матушкѣ прямо на кухню съ цѣлью помочь въ ея праздничныхъ приготовленіяхъ. Но оказалось, что помощь его не нужна вовсе, такъ какъ тамъ уже орудовали двѣ здоровыя бабы, пришедшія на даровую работу взамѣнъ церковной эпитеміи. Тогда онъ вышелъ изъ кухни и понесъ къ отцу Кондратію захваченные имъ съ собою исповѣдныя списки.

Онъ засталъ своего настоятеля въ супружеской спальнѣ передъ столомъ, на которомъ лежала цѣлая груда мѣдныхъ, серебряныхъ и даже мелкихъ бумажныхъ денегъ. Батюшка аккуратно раскладывалъ эти деньги по кучкамъ, что-то отмѣчая карандашомъ на бумажкѣ, и такъ увлекся своею работою, что даже не замѣтилъ прихода понамаря, и вздрогнулъ при его приближеніи.

— А, это ты!—сказалъ онъ, наконецъ разсмотрѣвъ своего посѣтителя.—Жаль, что поговорить съ тобою мнѣ некогда... Ну, все равно: доброе дѣло, доброе дѣло! Только какъ же жить-то вы будете. Или на этотъ случай у старухи что-либо въ кубышкѣ отложено?

— Какъ-нибудь проживемъ, батюшка!

— Правда, правда,—разсѣянно повторялъ священникъ, продолжая считать:—у Господа всего много и на всякомъ мѣстѣ владычество Его,—говорилъ онъ, собирая со стола бумажныя деньги и опуская ихъ въ бездонный карманъ своей рясы.—Впрочемъ, по-

стой!—вскричалъ онъ, оставляя свое занятіе.—Какъ же, милый другъ: жениться ты собираешься, а до сихъ поръ еще не говѣлъ. Ну, ничего, ничего, грѣховъ у тебя, полагаю, не Богъ знаетъ сколько. Завтра вечеромъ, какъ приготовишь все мнѣ для исповѣди, такъ я тебя перваго и облегчу, а во вторникъ ты причастишься... А теперь ступай себѣ съ Богомъ: мнѣ совсѣмъ некогда!

Должно быть, батюшка была сильно занять своею работою и не поднималъ глазъ на Артема, иначе бы онъ не могъ не замѣтить, какъ странно измѣнилось лицо послѣдняго и какъ онъ задрожалъ, словно Иуда. Выскочивъ опрометью отъ священника, Артемъ прибѣжалъ въ свое помѣщеніе и кинулся ничкомъ на кровать.

«Что теперь дѣлать, что теперь дѣлать?—стучало какъ молотками въ его головѣ:—и какъ я, несчастный, не подумалъ объ этомъ! Но какъ же теперь мнѣ быть: къ страшному грѣху святотатства прибавить еще и другой—нарушеніе великаго таинства, или же пойти по Владимиркѣ? И зачѣмъ только я, горькій, на свѣтъ народился!

«Нѣтъ!—вскричалъ онъ, вскакивая съ постели, на которой промучился до самаго вечера:—нѣтъ, не хочу я навѣки свою душу губить! На что мнѣ Галя, если я поглядѣть ей въ глаза потомъ не посмѣю?! а что мнѣ всѣ богатства и всѣ радости міра, когда послѣ того придется вѣчно горѣть въ гееннѣ огненной?! Довольно уже я мучился, пусть помучаюсь и еще, но окончательно души своей не нарушу!

Съ этими словами онъ поправилъ на себѣ платье и пошелъ въ домикъ просвирни, гдѣ обѣ женщины встрѣтили его съ удивленіемъ и чуть ли не съ ужасомъ.

— Простите меня, добрые люди, что я васъ настолько обидѣлъ и столько противъ васъ нагрѣшилъ,—проговорилъ онъ, остановившись у самыхъ дверей и кланаясь въ землю обѣимъ.

— Да что же съ тобой? что?—вскричала съ рыданіемъ Галя.

— Ничего... завтра на исповѣдь мнѣ надо итти... ничего больше.

— Такъ что же изъ этого?

— А я непрощенный грѣхъ совершилъ и долженъ покаяться въ этомъ... иначе мнѣ придется вѣчно въ «пеклѣ» горѣть...—выкладывалъ, какъ изъ мѣшка, Артемъ свои объясненія.

— Ну, и покайся,—сказала Одарка:—можетъ, Господь и проститъ...

— Можетъ, и проститъ...—согласился Артемъ:—но только я пойду потомъ по Владимиркѣ.

Послѣ этого полились цѣлыя рѣки стенаній и слезъ, на которыя лучше не смотрѣть больше.

На слѣдующій день Артемъ, машинально исполнивъ всѣ обязанности по церкви, наконецъ приготовилъ столикъ для исповѣди и, когда священникъ усѣлся за нимъ, бросился передъ нимъ на колѣни.

— Что ты? Что ты?—откинулся на стулѣ священникъ, пораженный такимъ страстнымъ порывомъ:—неужели серьезное что-нибудь сдѣлалъ?

— Я обокралъ церковь: вынесъ изъ нея образа и ихъ продалъ раскольникамъ...

Священникъ поникъ на стулѣ.

— Это грѣхъ непростительный,—вымолвилъ онъ съ усиліемъ:—но все же повинись, исправь таинство.

Артемъ въ подробности рассказалъ свое дѣло.

— Вотъ оно что!—вздыхнулъ съ облегченіемъ священникъ, узнавши, что образа были недорогіе и не церковные:—но все же не слѣдовало тебѣ такъ поступать. Конечно, Христось и разбойниковъ часто прощаетъ, а потому, навѣрно, простить и тебя... но что же мнѣ съ тобой дѣлать? Тайну исповѣди я, разумѣется, не нарушу, но ревизію произведу обязательно, а тамъ ужъ какъ преосвященный рѣшить... Кромѣ того, до святаго причастія я тебя допустить не могу, а до брака тѣмъ болѣе... Ступай себѣ съ Богомъ пока, и да поможетъ тебѣ его великое милосердіе.

Артемъ тяжело поднялся съ колѣнъ и, возвратившись домой, снова бросился на постель, но уже въ гораздо болѣе спокойномъ состояніи духа.

V.

Позднимъ вечеромъ въ первый день праздника Святой Пасхи мѣстный епархіальный «владыка» сидѣлъ въ своемъ комфортабельномъ помѣщеніи, отдыхая послѣ утомительныхъ пасхальныхъ трудовъ. Конечно, онъ бы уже давно успѣлъ отдохнуть, такъ какъ церковная служба закончилась чуть не сутки назадъ; но послѣ нея послѣдовала еще болѣе утомительная служба гражданская въ видѣ приѣма поздравленій отъ разныхъ лицъ, по большей части совершенно чуждыхъ ему и иногда весьма непріятныхъ. Эта послѣдняя служба продолжалась до семи часовъ вечера, послѣ чего преосвященный, утомленный духомъ и тѣломъ, скрылся въ самый дальній покой и, отпустивъ послѣдняго изъ келейниковъ, предался размышленію. Любопытно бы знать: о чемъ думаетъ архіерей, когда остается наединѣ со своею совѣстью? Но этого до сихъ поръ не повѣдалъ еще никто, хотя мысли другихъ весьма часто уловляются въ литературѣ. Такъ и теперь мысли преосвященнаго оставались глубокою тайною; только судя по нервному перебиранию гранатовыхъ четокъ да частымъ вздохамъ, вырывавшимся изъ глубины сердца, можно было предположить, что мысли это весьма невеселыя.

Преосвященный былъ уже далеко немолодой человѣкъ, о чемъ свидѣтельствовали какъ сильно посѣдѣвшая борода, такъ и глубокія складки на лбу и около глазъ, придававшія ему сходство съ иконописными изображеніями. Видно было, что онъ прошелъ су-

ровую житейскую школу и не походилъ на теперешнихъ архіереевъ, которые еще на школьной скамьѣ уговариваются съ начальствомъ о срокѣ посвященія въ епископы, а затѣмъ всѣми путями стараются этотъ срокъ сократить. Нѣтъ, онъ не мечталъ даже о подобной карьерѣ и былъ посвященъ очень недавно, да и то по случаю какого-то исключительнаго торжества, а на должность епархіальнаго архіерея назначенъ лишь полгода назадъ. Сынъ бѣднаго священника, онъ попалъ въ семинарію вмѣстѣ съ другими, но сразу не сошелся съ буйными сотоварищами и потому принялся за ученіе. Впрочемъ, какъ говорятъ, въ семинаріи было время такое, когда даже шаловливые и неуспѣшные ученики преклонялись передъ наукою, а по поводу классическихъ языковъ вовсе не раздѣляли мнѣнія позднѣйшихъ мамашъ, предлагавшихъ замѣнить ихъ ловлею бабочекъ, но страшно гордились пріобрѣтенными въ нихъ познаніями. Должно быть, и правда, такъ какъ этимъ только и объясняется громадный успѣхъ семинаристовъ, въ шестидесятыхъ годахъ занявшихъ столь вліятельное положеніе въ обществѣ. Нашъ епископъ оказался участникомъ этого благодѣтельнаго направленія, хотя и не дававшего никакихъ особенныхъ свѣдѣній, но зато пріучавшаго правильно мыслить. Но и тутъ чѣтъ не вышла бѣда: мышленіе, какъ и огонь, не всегда согрѣваетъ, а потому первый по успѣхамъ ученикъ семинаріи не сразу попалъ въ академію, а еще долго мотался по свѣту, не зная, какъ съ собою поступить. Оказалось вполнѣдствіи, что въ его семинарскую аттестацію было внесено выраженіе «крайне любопытателенъ», что на понятномъ только для посвященныхъ языкѣ означало не любознательность вообще, а стремленіе разбираться въ такого рода предметахъ, въ которыхъ разбираться не полагалось. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ изнурительнаго шатанія пробраться въ академію ему все-таки удалось, но это мѣткое выраженіе немало надѣлало ему непріятностей и въ позднѣйшей карьерѣ, пока наконецъ усерднымъ миссіонерствомъ и строгой подвижнической жизнью не успѣлъ онъ заставить начальство эту аттестацію позабыть; тѣмъ не менѣе онъ сильно отсталъ отъ прочихъ товарищей, которые хотя не оказывали особыхъ заслугъ, но ни о чемъ «пытать» не желали. Получивъ важный санъ и житейскую опытность, епископъ значительно стихъ въ гласныхъ пытанияхъ, но все же склонность къ размышленію сохранилъ, какъ мы видимъ это и въ настоящее время.

Посидѣвъ въ прежнемъ положеніи еще нѣсколько времени, преосвященный взялъ со стола книгу, но скоро съ негодованіемъ бросилъ ее и снова продолжалъ размышлять, и снова перебирать четки.

Но вдругъ ему послышалось, что дверь отдаленнаго входа какъ будто бы отворилась... Владыка пасторожился и оглянулся вокругъ, но кругомъ никого не было. Вскорѣ снова послышался тихій шорохъ у входа, а затѣмъ какъ будто плачь женщины. Владыка быстро

поднялся и прошелъ въ переднюю комнату, гдѣ встрѣтился лицомъ къ лицу со старухою, крайне бѣдно одѣтою, истомленною, растрепанною и вдобавокъ еще сильно вымокшею на дождѣ, капли котораго, стекая съ ея убогаго платья, образовали настоящія лужи на вылощенномъ на диво паркетѣ. Владыка остановился въ недоумѣніи.

— Владыко!—отчаянно закричала, какъ только увидѣла его, посѣтительница!—Спаси! Помоги! Заставь за себя вѣчно Бога молить! Отпусти душеньку на покаяніе!

И съ этими словами она бросилась передъ нимъ на колѣни.

Владыка смутился, но тотчасъ же собой овладѣлъ.

— Во-первыхъ, встань сейчасъ!—строго приказалъ онъ старухѣ:—а, во-вторыхъ, чтобы подать помощь тебѣ,—необходимо узнать, въ чемъ дѣло. Что случилось съ тобою?

— Дочка... дочка моя пропала совсѣмъ!..—съ рыданіемъ говорила старуха.

— Дочка пропала? Но почему же пропала она?—продолжалъ допросъ свой владыка.

— Она засватана была и воротить дѣло уже нельзя... а парня на каторгу посылають... Спаси. Заступись. Господь тебѣ заплатитъ за это!

Очевидно, это была просвирня Одарка, успѣвшая добраться до губернскаго города и даже до самого архіерея.

Владыка сильно задумался и глубоко вздохнулъ.

— Послушай,—наконецъ вымолвилъ онъ:—если жениха ссылають на каторгу, то, значить, не даромъ. Мнѣ тебя отъ души жаль, но что же я могу для тебя сдѣлать? Это совершенно не по моему вѣдомству...

— Нѣтъ, по твоему, батюшка, по твоему!—послѣшно перебила Одарка.—Онъ—понамарь, а я просвирня въ Дремайловкѣ, значить, мы люди церковные.

— Но что же онъ сдѣлалъ такое?

— Иконы изъ церкви укралъ.

— Ну,—сказалъ, разводя руками, владыка:—послѣ этого намъ разговаривать не о чемъ. Уходи, Бога ради.

— Не уйду!—закричала въ изступленіи старуха.—Жгите меня, рѣжьте меня, жилы изъ меня повытягивайте, а я не уйду. Если пропадать Галѣ моей, то пусть и моя душа пропадаетъ!

Съ этими словами она сорвала платокъ съ головы и бросила его на полъ, а затѣмъ бросилась и сама, разметавъ космы сѣдыхъ волосъ по мокрому полу. Владыка въ ужасѣ отступилъ отъ нея.

Для ясности необходимо прибавить, что «опростоволоситься», т. е. показать свои волосы передъ мужчиною, издавна считается для замужней женщины великимъ стыдомъ на Руси. Это повѣрье существуетъ чуть ли не со временъ языческихъ; но въ Малороссіи,

стоящей гораздо ближе къ древнимъ славянскимъ преданіямъ, оно соблюдается съ особенной строгостью, и нарушеніе его является символомъ предѣльнаго срама или отчаянія; такъ что старуха, сбросившая свой «очипокъ» передъ архіереемъ въ видѣ окончательнаго протеста, очевидно, считала этотъ поступокъ равносильнымъ самоубійству.

Въ качествѣ мѣстнаго уроженца, архіепископъ прекрасно зналъ всѣ повѣрья своей паствы и, конечно, могъ найти въ этомъ оскорбленіе своему сану, однакоже поступилъ совершенно иначе.

«Что бы это значить могло,—разомъ закопошилось у него въ головѣ:—чтобы крестьянинъ простой, да еще церковнослужитель вдобавокъ, рѣшился на подобное преступленіе? Да и какъ онъ могъ его совершить? Въ сельскихъ церквахъ дорогихъ образовъ не имѣется; а если бы и были они, то кто купить ихъ у него? Кромѣ того, каждое воровство обязательно въ тайнѣ творится, а какъ ему сохранить тайну при такомъ дѣлѣ? Нѣтъ, тутъ что-то не то; и хотя я только одно отчаяніе вижу, но уже понимаю, что одною формальностью ограничиться здѣсь нельзя... А почему бы мнѣ самому не разобрать это дѣло, помимо консисторіи и суда? Къ этому крайнему средству я обратиться всегда успѣю...»

— Слушай, старуха,—ласково сказалъ онъ, опустившись на стулъ вблизи бьющейся на полу просительницы:—если ты безобразничать будешь, то нисколько горю своему не поможешь. А ты лучше встань, подберись и поѣзжай обратно домой съ письмомъ къ священнику вашему, которое я тебя дамъ. Грѣхъ твой великій, но я, по моему сану, прощаю тебѣ, а если что будетъ въ силахъ моихъ, то и для понамаря сдѣлаю. Но только, ради самого Бога, не отчаивайся и не грѣши больше.

Возвратившійся служка заглянулъ въ дверь и увидѣлъ чисто евангельскую картину. Приподнявшаяся на локтѣ Одарка, трепетно вслушивавшаяся въ спокойныя рѣчи епископа, олицетворяла собою бѣсноватую передъ Христомъ, а самъ епископъ хотя и не походилъ на Христа, но весьма удачно Его замѣнялъ въ настоящее грѣховное время.

Замѣтивъ служку, Одарка вскочила съ пола, а епископъ свободно вздохнулъ и удалился въ заднія комнаты, откуда, вызвавъ келейника, вручилъ ему ассигнацію и письмо и приказалъ какъ можно скорѣе нанять лошадей и отправить нежданную гостью обратно.

VI.

Вызовъ къ архіерею въ ту пору являлся настоящимъ бѣдствіемъ для сельскаго батюшки, такъ что пугалъ его даже во снѣ. Какъ бы ни былъ вызываемый чистъ, какъ бы ни былъ благодушно настроенъ къ нему владыка, это не помогало рѣшительно ничему,

такъ какъ, едва священникъ показывался въ консисторіи (а укрыться отъ нея онъ не могъ), многочисленные служащіе всякаго ранга сразу набрасывались на него, какъ голодная саранча на поле, такъ сказать, объѣдали его до тла. Что дѣлать, время было такое, когда каждый чиновникъ кормился отъ своего дѣла; а потому епископы хотя и знали объ этомъ, но были безсильны прекратить подобное беззаконіе даже въ единственномъ случаѣ и ограничивались только тѣмъ, что старались вызывать по возможности рѣже.

Вотъ почему и настоятель дремайловскаго прихода, получивши записку отъ архіерея, принялъ ее, какъ ударъ грома небеснаго, хорошо понимая, что привязаться теперь консисторіи было къ чему.

— Проклятая старуха,—говорилъ онъ, бѣгая по своей комнатѣ:—и нужно же было ей такую пакость устраивать! Преступнику она нисколько не помогла, а меня, можно сказать, разорила...

Но надо было ѣхать и ѣхать какъ можно скорѣй, приготовившись къ самому худшему. Попадья горько плакала, вынимая изъ вѣхъ укладокъ рубли и бумажки, но помочь дѣлу больше ничѣмъ не могла. Желая хоть сколько-нибудь очистить себя формально, священникъ обревизовалъ архивъ въ присутствіи церковнаго старосты и дьячка; все оказалось въ порядкѣ, а въ углу на скамьѣ лежали четырнадцать образовъ, покрытые чистой бумагой. Ревизующій замычалъ только, однако ничего не сказалъ. Передъ отъѣздомъ священникъ спросилъ объ Артемѣ, котораго не видѣлъ уже давно; ему отвѣтили, что Артемъ куда-то пропалъ и всю недѣлю на селѣ не показывался; отецъ Кондратій схватилъ себя за голову и кинулся въ экипажъ въ самомъ отчаянномъ состояніи духа.

На другой день онъ появился въ губернскомъ городѣ.

— Христось Воскресе, владыко!—привѣтствовалъ онъ епископа, склоняясь передъ нимъ до земли и цѣлуя благословляющую его руку. И только послѣ этой церемоніи епископъ поднялъ его, и они похристосовались по-христіански.

— Ну, садись, отче,—сказалъ епископъ:—и расскажи, что у тебя тамъ произошло особенное.

— Да ужъ какъ и сказать-то, владыко, просто не знаю...

— Разумѣется, правду скажи. Дѣйствительно украдены образа?

— Украдены, ваше преосвященство.

Епископъ поникъ головой.

— Это не церковные образа,—поспѣшилъ добавить священникъ:—а отнятые слѣдователемъ у раскольниковъ... Не могу понять, какъ они къ намъ въ церковь попали. Должно быть, какой-нибудь слѣдователь ихъ моему предшественнику сдать, а тотъ и не сказалъ мнѣ объ этомъ...

— Хорошо же вы приходъ принимаете! Значить, объ ихъ существованіи ты даже не зналъ?

— Не зналъ, владыко!

— Но какъ же тогда ты могъ узнать о пропажѣ?!..

— Я... я ревизію произвелъ,—отвѣтилъ, заикаясь, священникъ.

— Ревизію? Значить, образамъ имѣется опись?

— Нѣтъ, владыко, никакой описи не имѣется и даже образа въ наличіи оказались, но...

Епископъ гнѣвно поднялся со стула.

— Послушай, отецъ,—сказалъ онъ:—ты, кажется, собираешься передъ епископомъ лгать? Развѣ не знаешь что за это полагается по уставу?

— Знаю, владыко, но не смѣю сказать... Разрѣшите меня своею архипастырскою властью, и тогда я вамъ все объясню.

— Что за пустяки! Разумѣется, разрѣшаю и даже приказываю! Говори!

— Преступнику пришлось исповѣдываться, и онъ во всемя мнѣ признался. Онъ дѣйствительно продалъ раскольникамъ образа, но они обмѣняли ихъ на другіе... это они часто такъ дѣлаютъ.

Епископъ снова поднялся съ своего мѣста, но уже съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ и наложилъ на себя широкое крестное знаменіе.

— Слава Тебѣ, Господи,—сказалъ онъ:—что въ нашемъ народѣ еще совѣсть имѣется! Конечно, онъ не дуракъ и понималъ, что изъ этого выйдетъ, но совѣсть не допустила его до такого грѣха. Ну, что же, отче, ты теперь думаешь дѣлать?—загадочно спросилъ онъ, переводя глаза въ упоръ на священника.

— Какъ вамъ угодно будетъ, владыко...

— Да, это такъ; ну, а самъ ты какъ полагаешь объ этомъ?

— Я полагаю,—смѣшался священникъ:—что скрыть такое ужасное преступленіе невозможно, такъ какъ законъ очень строго относится къ этому...

Епископъ покачалъ головой.

— Ахъ, Кондратій, Кондратій,—вымолвилъ онъ съ сокрушеніемъ:—какъ мало въ тебѣ любви христіанской, да, пожалуй, и разумнія тоже! Законъ—что такое законъ?! Одинъ для насъ законъ во Христѣ, а Христосъ заповѣдывалъ: «не судите, да не судимы будете». И ты полагаешь, что относишься съ такою строгостью потому, что уважаешь законъ! Нѣтъ, ты считаешь, что самъ ты тутъ ни при чемъ и своею строгостью хочешь себя еще больше очистить. Но ты ошибаешься: ты главный виновникъ во всемъ, такъ какъ, во-первыхъ, плохо смотрѣлъ за дѣлами, а, кромѣ того, навѣрно, об- считывалъ своихъ подчиненныхъ, чѣмъ и довелъ одного изъ нихъ до паденія. Ну, что теперь скажешь на это?

Тучный отецъ Кондратій снова бросился въ ноги.

— А ты бы поразсудилъ, что можетъ изъ этого выйти,—продолжалъ строго епископъ.—Благочестію ты нисколько своею строгостью не поможешь, а сколько принесешь зла! Ты подымешь соблазнъ, погубишь навѣки чистую, хотя и заблудшую душу, да и раскольниковъ этихъ погубишь только за то, что они такъ горячо преданы своей вѣрѣ. Но ты не хочешь знать рѣшительно ни о чемъ, а только боишься за свою шкуру. Чего же можно ожидать отъ народа при столь малодушныхъ пастыряхъ церкви!

Отецъ Кондратій стоялъ передъ епископомъ, какъ истуканъ, совершенно не зная, что ему дѣлать.

— Ну, ужъ довольно объ этомъ,—закончилъ епископъ.—Теперь я буду дѣло рѣшать, а потому садись и выслушай мое приказаніе. Гдѣ этотъ провинившійся понамарь?

— Не знаю, владыко, говорили, будто сбѣжалъ куда-то...

— Этого и слѣдовало ожидать. Ну, что жъ? если онъ бѣды на дѣлаетъ, то пенягъ тебѣ будетъ не на кого... Во всякомъ случаѣ, тайну исповѣди ты нарушить не смѣешь, а потому и строгость тебѣ проявлять незачѣмъ. А ты лучше постарайся несчастнаго разыскать, успокоить его и утѣшить. Святотатства тутъ, по-моему, нѣтъ, потому что иконы принадлежать къ церкви намъ чуждой, а если и были когда-либо священны, то кощунственно поруганы слѣдователямъ. Впрочемъ, какъ бы тамъ ни было, но о преступленіи намъ ничего не извѣстно, а потому и наказывать некого. А теперь, отецъ, уѣзжай же домой, такъ какъ свиданіе наше я хочу сохранить въ тайнѣ. Прощай, брате, прощай и почаще направляй свои мысли по закону Христову!

— А какъ же съ деньгами быть, владыко?—спросилъ осмѣлѣвшій отецъ Кондратій.

— Какими деньгами?—удивился епископъ.

— А тѣми, что онъ отъ раскольниковъ получилъ...

Густая краска стыда покрыла блѣдное лицо архіерея.

— Какъ?!—вскричалъ онъ въ крайнемъ негодованіи.—Какое тебѣ дѣло до этихъ несчастныхъ денегъ?! Ужъ не собираешься ли ихъ присвоить себѣ, или же мнѣ поднести въ награду за помощь? Уходи, отецъ, ради Бога скорѣй уходи и не доводи и меня до грѣха своимъ неразуміемъ!

Отецъ Кондратій кубаремъ выкатился изъ дома епископа и повезъ свои деньги обратно, чѣмъ, разумѣется, немало обрадовалъ матушку.

VII.

Проспавшись на другой день, отецъ Кондратій вспомнилъ тотчасъ же объ Артемѣ, но послѣдняго попрежнему не оказалось. Опасаясь прогнѣвать владыку, священникъ сначала началъ разспрашивать на деревнѣ, а затѣмъ разогналъ гонцовъ во всѣ сто-

роны съ цѣлью разыскать бѣглеца; но гонцы возвратились обратно, не привезя съ собою никакихъ свѣдѣній объ Артемѣ, который словно какъ въ воду капнулъ. Стали проходить слухи, будто его видѣли на базарѣ въ сосѣдней деревнѣ, затѣмъ будто бы въ толпѣ богомольцевъ, шедшихъ въ Домницкій монастырь; но эти слухи ничѣмъ не оправдывались и только тревожили матушку, вновь собиравшуюся развязывать свои узелки. Что же касается Гали съ Одаркою, то онѣ положительно выплакали себѣ глаза, ожидая Артема, хотя это нисколько не помогало. Особенно неистовствовала Одарка и не столько по поводу несчастья своей дочери, сколько отъ предчувствія ужаснаго срама, который долженъ былъ разразиться на церковномъ дворѣ и опорочить навѣки ея сѣдую голову. Черезъ нѣсколько дней даже отецъ Кондратій сталъ ходить точно въ воду опущенный, тщетно ожидая возвращенія понамаря; но, какъ видно, послѣдній возвращаться не думалъ.

— Поѣхалъ бы ты, отецъ, посоветоваться къ благочинному,—робко замѣтила одинъ разъ попадья.

— Не поѣду я никуда!—отвѣтилъ супругъ съ небывалою до сихъ поръ рѣзкостью:—зачѣмъ стану я о грѣхахъ своихъ благовѣстити, когда и безъ того понамарь уже, навѣрно, о нихъ вездѣ разрезвонилъ? Прикажутъ,—тогда поѣду хотя бы въ Сибирь, а безъ того съ мѣста не двинусь!

А понамарь, не зная рѣшительно ничего о столь благопріятномъ рѣшеніи архіерея, дѣйствительно направлялъ стопы свои въ монастырь, съ цѣлью тамъ пріютиться хотя бы съ помощью денегъ; но, къ несчастью, богомольцевъ перехватила по дорогѣ полиція и потребовала паспорта... Паспорта у Артема, конечно, не оказалось, оказались деньги, совершенно несоотвѣтственныя его положенію, а, кромѣ того, онъ еще и самъ бѣду довершилъ, отказавшись назвать свое мѣсто жительства изъ опасенія срама. И вотъ прежде, чѣмъ бѣдный паренъ успѣлъ глазомъ моргнуть,—онъ уже очутился въ острогѣ.

Время тогда было крайне неблагопріятное для шатанья. Судебныя реформы даже не начинались еще, а старыя учрежденія очень строго слѣдили за массою бродягъ, существовавшихъ тогда на Руси, и поступали съ ними просто безжалостно. Неизвѣстно, какъ допрашивали Артема въ тюрьмѣ, но въ результатѣ этихъ допросовъ оказалось, что онъ самъ себя погубилъ, признавшись въ своемъ преступленіи, о которомъ и не думалъ никто. Признаніе было записано на бумагѣ; а такъ какъ по старымъ законамъ оно считалось неопровержимой уликой, то преступника осудили и «безъ разговоровъ» сослали въ Сибирь.

Старый судъ былъ весьма похожъ на подземный пожаръ, который хотя и не виденъ снаружи, хотя продвигается съ крайней медлительностью, но разрушаетъ въ десять разъ больше. Такъ

было и тутъ. Прошло около года послѣ бѣгства Артема; батюшка успѣлъ получить новаго понамаря и почти позабылъ стараго, а Галя съ матерью успѣли скрыться куда-то; какъ вдругъ слѣдъ рокового причетника неожиданно оказался въ видѣ бумаги изъ консисторіи, объявлявшей о судѣ надъ Артемомъ съ присоединеніемъ запроса: почему не было донесено о преступленіи по духовному вѣдомству? Тутъ ужъ отецъ Кондратій поѣхалъ совѣтоваться не только къ благочинному, но и самъ не помнилъ, гдѣ только онъ былъ; и на общемъ совѣтѣ рѣшили: написать сущую правду въ надеждѣ на то, что преосвященный, самъ защищая себя, непременно защититъ и священника.

И вотъ однажды, когда архіерей снова сидѣлъ у себя, перебирая четки, ему доложили, что пришелъ съ докладомъ секретарь консисторіи. Вошелъ маленькій человѣчекъ съ портфелемъ въ рукахъ, страшно похожій на кулика и весь сѣраго цвѣта, за исключеніемъ лысины и очковъ, скрадывавшихъ глазки весьма непріятнаго выраженія.

— Я къ вашему преосвященству со срочнымъ докладомъ,— заявилъ онъ, семеня птичьими ножками вокругъ кресла.—Сегодня полученъ отвѣтъ священника дремайловской церкви на запросъ консисторіи, вызванный отношеніемъ судебной палаты. Какъ прикажете съ ними поступить, такъ какъ онъ Богъ знаетъ чего тутъ напуталъ?..

Епископъ попробовалъ взглянуть говорившему прямо въ глаза, но не успѣлъ въ этомъ и только безнадежно вздохнулъ.

— Я зналъ, что вы такъ поступите,—тихо вымолвилъ онъ:—но почему же вы раньше меня не спросили?

— Помилуйте, ваше преосвященство! Консисторія всегда сама дѣлаетъ подобнаго рода запросы, и беспокоить васъ я не смѣлъ.

— Превосходно,—сказалъ епископъ:—такъ что же онъ такое напуталъ?

— Онъ пишетъ, будто на сокрытіе преступленія онъ получилъ прямое приказаніе отъ васъ...—говорилъ секретарь негодующимъ тономъ.

— Ну, такъ что же изъ этого?—продолжалъ испытаніе епископъ.

— Помилуйте, да развѣ это возможно?! Объявить своего епископа въ соучастіи не только съ преступникомъ, но и съ врагами церкви Христовой,—этому названія нѣтъ!.. Помилуйте, гдѣ у него доказательства и на что онъ надѣяться можетъ?

— А хотите, я вамъ объясню, на что онъ надѣялся?—вопросилъ епископъ загадочно.

Секретарь передернулъ плечами.

— Онъ надѣялся на совѣсть мою—драгоценнѣйшую панагію, врученную мнѣ при посвященіи самимъ Духомъ Святымъ! Вы,

должно быть, этого не поймете, потому что иначе вы бы раньше спросили меня... Но раз вы такъ поступили, то говорить намъ болѣе не о чемъ. Дайте мнѣ эту бумагу!

Епископъ взявъ въ руки перо и написалъ на поляхъ донесенія: «Объясненіе священника—сущая правда: я ему приказалъ тайну блюсти, руководствуясь не только канонами, но и сущностью вѣры Христовой».

Секретарь затоптался на мѣстѣ и страшно заморгалъ вѣками.

— Ваше преосвященство,—воскликнулъ онъ съ ужасомъ:— да знаете ли, что можетъ выйти изъ этого?

— Я знаю,—отвѣтилъ величаво епископъ:—что даже волосъ не упадетъ помимо воли Господней! Но, что бы ни было,—я Духу не измѣню и негодной тварью себя не поставлю. Возьмите эту бумагу и отправьте ее куда слѣдуетъ, а совѣтовъ мнѣ вовсе не нужно.

Секретарь встрепнулся и быстро выпорхнулъ въ дверь, а епископъ продолжалъ перебирать свои четки.

Но подземный пожаръ, начавшійся съ искры ничтожной, уже дошелъ до верховъ и все еще продолжался. Черезъ мѣсяцъ епископъ получилъ на свое имя пакетъ, въ которомъ нашелъ слѣдующее посланіе отъ святѣйшаго синода:

«Въ резолюцію вашего преосвященства на донесеніе священника дремайловской церкви вкралась большая неточность. По наружному смыслу этой замѣтки выходитъ, какъ будто вы приказали покрыть тяжкое преступленіе, что, какъ извѣстно, воспрещается строжайше закономъ. А посему святѣйшій синодъ просить васъ разъяснить истинный смыслъ этого приказанія, а также и причины, къ нему побудившія».

Епископъ прочелъ посланіе нѣсколько разъ и, уронивъ его на колѣни, поднялъ глаза къ художественному изображенію Христа, помѣщавшемуся на особой подставкѣ. Картина изображала моленіе о чашѣ, и епископъ впился въ нее глазами; но губы его не шевелились.

Посидѣвъ нѣсколько минутъ въ такомъ положеніи, епископъ поднялся, подошелъ къ письменному столу и безъ помарки написалъ слѣдующее:

«Доношу святѣйшему синоду, что въ моей резолюціи никакой неточности не имѣлось. Какъ блюститель устава церковнаго, я дѣйствительно запретилъ нарушать тайну исповѣди, потому что это гораздо раньше меня запретили святой Василій Великій и святой Амвросій Медиоланскій. Но паче всего я запрещалъ дѣлать ближнему безпричинное зло, такъ какъ это запрещено основаніемъ Христова ученія. Весьма печально, если гражданскій законъ не согласуется съ этимъ; но прошу святѣйшій синодъ приять во вниманіе, что законы гражданскіе постоянно мѣняются,

а по Евангелію измѣнившій хотя бы одну іоту въ законѣ Христа подлежить гееннѣ огненной.

«За симъ поручаю себя вашимъ святымъ молитвамъ и благорасположенію вашему

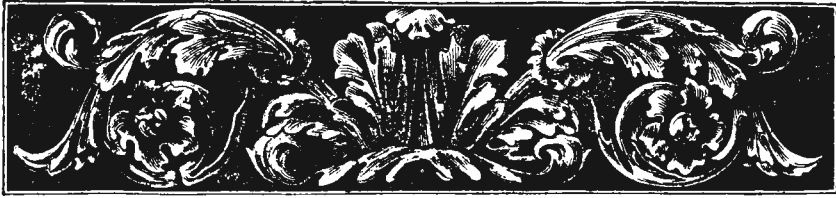
«смирный инокъ Антоній».

Подземный пожаръ догорѣлъ, но все совершенное подъ спудомъ осталось и снаружи ничего не было видно. Знатоки нашихъ дѣлъ увѣряли, что въ отвѣтъ епископа заключалась вопіющая дерзость, требовавшая примѣрнаго наказанія; но повторять эти слова также было опасно, потому что по смыслу ихъ выходило, будто святѣйшій синодъ подобенъ древнему синедріону, также боровшемуся со Христомъ за букву закона.

Но чѣмъ кончилъ свое служеніе епископъ? Объ этомъ, къ сожалѣнію, намъ ничего неизвѣстно; только одна старушка, постоянно шатавшаяся по монастырямъ, какъ-то разъ сообщила, будто встрѣтила епископа нашего въ одномъ изъ захудалыхъ монастырей за Десной. По ея словамъ, онъ оказался съ побѣлѣвшею, какъ снѣгъ, головою и сидѣлъ на крылечкѣ убогаго домика, благодушно корми воробьевъ остатками гречневой каши. Но старушка уже такъ стала слаба глазами, что усомниться въ ея сообщеніи было очень легко.

Григорій Ольшанскій.





ЗА ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ.

(Листки изъ воспоминаній).

I.

Взглядъ на медицинскую профессію вообще.—Ю. К. Траппъ.—Десятилѣтнее ассистентство у брата.—Эпизоды и курьезы изъ моей медицинской практики.—П. С. Ванновскій.—Переходъ въ морское вѣдомство.



НЗРАЛЪ я медицинскую карьеру собственно говоря случайно, какъ, впрочемъ, большинство юношей, предоставленныхъ по окончаніи гимназіи собственной судьбѣ. Если бы въ настоящее время мнѣ пришлось рѣшать, какую выбрать карьеру, то я бы ни за что не сдѣлался врачомъ.

Борьба за существованіе и связанное съ нею быстро растущее специализированіе врачей, несомнѣнно, въ ущербъ общему познанію медицины, специализированіе, доходящее подчасъ до смѣшного, разнообразныя виды эксплуатаціи публики темными представителями медицины, рядомъ съ весьма полезными въ леченіи нѣкоторыхъ болѣзней санаторіями, расплотившіяся содержимыя, къ сожалѣнію, врачами, большею частью совершенно ненужныя, страшно дорогія учрежденія въ этомъ родѣ, несомнѣнно, существующія только для наживы, растущіе съ легкой руки Германіи химическіе заводы, рекламирующіе съ благосклоннаго участія довольно изряднаго количества врачей въ медицинскихъ и не медицинскихъ органахъ новыя средства, якобы помогающія отъ всѣхъ рѣшительно болѣзней,—накла-

дываютъ немалую тѣнь не только на безупречныхъ врачей, но и на самую ихъ профессію.

Совершаемыя врачами случайныя и невольныя ошибки въ распознаваніи болѣзней, абсолютная невозможность помогать во всѣхъ случаяхъ, трудность всегда слѣдовать примѣру доктора Гааза, невозможность постоянно быть пріятнымъ больнымъ и притомъ угождать въ то же время родственникамъ, подающимъ почти постоянно вкривь и вкось медицинскіе совѣты (кто нынче не врачъ!?), нерѣдко толкующимъ по-своему визиты врача: если онъ рѣдко ходитъ къ больному,—небрежностью, учащеніе визитовъ—посвятительствомъ на чужой карманъ, непріѣздъ по первому требованію—чуть ли не преступленіемъ (а развѣ возможно всегда, по первому зову быть къ услугамъ больныхъ!), ненормальность отношенія публики къ вопросу о вознагражденіи врача, которому украдкой, какъ татю въ ночи, приходится принимать вознагражденіе за свой трудъ или частенько, въ особенности отъ лицъ состоятельныхъ и титулованныхъ, при всей ихъ зачастую повышенной требовательности, вовсе его не получать, трудность въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ доли шарлатанства пробивать себѣ дорогу, тяжелая, издергивающая нервы дѣятельность врача,—вотъ причины, которыя, въ свою очередь, могутъ служить препятствіемъ для избранія этой хотя и высокой, благородной, но зато всегда тяжелой и нравственно отвѣтственной спеціальности.

А теперешніе скороспѣлыя поиски за лечебными сыворотками и лечебными средствами, хотя, конечно, съ понятною цѣлью обогащенія медицины на пользу страдающему человѣчеству, средствами, гипнотизирующими и больныхъ и, что всего удивительнѣе, врачей, развѣ они не ведутъ зачастую къ отрицательнымъ результатамъ?

Развѣ рядомъ съ противодифтеритною сывороткою, получившей право гражданства, не стоятъ чуть ли не десятки скороспѣлыхъ сыворотокъ, не имѣющихъ равно никакого значенія?

Относительно лечебныхъ средствъ вспомнимъ тотъ положительно вопль радости, когда знаменитый ученый профессоръ Эрлихъ въ борьбѣ съ ужасною болѣзью, которую и называть не нужно, аналитически дошелъ до своего знаменитаго препарата, пущеннаго имъ въ продажу подъ названіемъ 606 и затѣмъ вскорѣ имъ оставленнаго и замѣненнаго другимъ номеромъ?

Развѣ, примѣняя 606, врачи всего свѣта не сообщали о чудесныхъ случаяхъ исчезновенія симптомовъ этой болѣзни, почти у нихъ на глазахъ? То ли теперь думаютъ о средствѣ Эрлиха болшинство тѣхъ же врачей? Не убѣждены ли они, что 606 дѣйствуетъ только при комбинированномъ леченіи, т. е. вмѣстѣ съ старинными средствами ртутью и іодомъ?

Помню я разговоръ, который года два тому назадъ мнѣ пришлось вести съ однимъ профессоромъ, спеціалистомъ по этимъ болѣз-

нямъ. Профессоръ, и тогда не совсѣмъ увѣренный въ полной излечимости лѹза исключительно средствомъ профессора Эрлиха, все-таки склонаясь къ тому, что для нѣкоторыхъ формъ его проявленія, особенно кожныхъ, это средство весьма цѣнное.

— Тогда мнѣ непонятно,—замѣтилъ я:—какъ могла бы жестокая болѣзнь, съ трудомъ и то не всегда поддающаяся леченію даже такими испытанными средствами, какъ ртуть, іодъ, и по мѣрѣ своего длительного пребыванія въ организмѣ все-таки служащая къ развитію разнообразнѣйшихъ страданій внутреннихъ органовъ, по тридцать и даже сорокъ лѣтъ, подчасъ даже всю жизнь не поддающаяся леченію, какъ она могла пройти отъ нѣсколькихъ инъекцій чудодѣйственнаго средства профессора Эрлиха?

Какъ же въ этихъ случаяхъ долженъ отнестись организмъ? Въ его крови вѣдь должны почти въ нѣсколько дней погибнуть начала, вызывающія болѣзнь, стойкость и живучесть которыхъ просто изумительны и суть которыхъ до сихъ поръ точно не опредѣлена?

Не получивъ на свой вопросъ обстоятельнаго отвѣта, я поневолѣ вспомнилъ слова о медицинѣ въ связи, впрочемъ, съ адвокатурою профессора Э. Э. Эйхвальда, которому мнѣ, тогда еще студенту, пришлось посовѣтовать обратиться къ адвокату въ защиту отъ шаптажированія его особы со стороны одной весьма сомнительной женщины, главнымъ образомъ въ виду того, что самъ Эйхвальдъ, поглощенный въ науку, былъ не особенный знатокъ обыденной жизни.

Исполнивъ мой совѣтъ и пригласивъ къ себѣ умнѣйшаго, съ видомъ Мефистофеля В. И. Жуковского, извѣстнаго сначала прокурора, а потомъ такого же великолѣпнаго адвоката, Эйхвальдъ послѣ перваго съ нимъ разговора сказалъ мнѣ слѣдующее: «А я думалъ, что мы только въ медицинѣ ходимъ впотьмахъ. Теперь я, однако, убѣдился, что изъ дебрей адвокатуры можно и вовѣкъ не выбраться!»

Не могу также не коснуться отношеній заграничныхъ врачей къ нашимъ соотечественникамъ, которые тысячами устремляются въ разные курорты и бады, по дорогѣ совѣтуясь въ большихъ городахъ съ мѣстными знаменитостями. Развѣ всѣ эти врачи и профессора находятся на должной высотѣ?

Въ давно минувшіе дни А. С. Суворинъ съ свойственнымъ ему юморомъ передавалъ какъ-то въ моемъ присутствіи интересный эпизодъ, подтверждающій мои слова, о своемъ посѣщеніи въ Парижѣ знаменитаго профессора Шарко. Захворавшій тогда какимъ-то неяснымъ нервнымъ заболѣваніемъ Алексѣй Сергѣевичъ поѣхалъ въ Парижъ по совѣту профессора Воткина, который о немъ написалъ Шарко обстоятельное письмо. Напутствуя Алексѣя Сергѣевича, С. П. Воткинъ сказалъ ему, что Шарко въ виду его письма, несомнѣнно, отнесется къ нему очень внимательно.

Пріѣзжаетъ А. С. Суворинъ къ Шарко.

Въ пріемномъ залѣ народу оказалась масса. Когда письмо Боткина было передано Шарко, то Суворина попросили сначала пройти въ одинъ залъ, потомъ въ другой и, только послѣ двухъ-трехчасового ожиданія въ послѣднемъ, ввели его, наконецъ, въ кабинетъ знаменитости. Изслѣдовавъ Алексѣя Сергѣевича въ общемъ довольно поверхностно, Шарко, назначивъ ему питье минеральной воды въ какомъ-то, сколько мнѣ помнится, мало распространенномъ французскомъ курортѣ, просилъ Суворина зайти къ нему на другой день, дабы, по словамъ Шарко, онъ имѣлъ достаточно времени написать о немъ врачу, куда онъ его посылаетъ, и подробную исторію болѣзни, сообщенную Сергѣемъ Петровичемъ Боткинскимъ, и свой діагнозъ.

Суворинъ, хотя и зашелъ къ Шарко, но, чувствуя себя нѣсколько лучше и не будучи большимъ поклонникомъ леченія вообще, рѣшилъ не ѣхать въ назначенное ему мѣсто. Пронесивъ рекомендательное письмо Шарко нѣкоторое время въ своемъ бумажникѣ, Суворинъ прежде, чѣмъ уничтожить его, рѣшилъ познакомиться съ его содержаніемъ.

Вотъ что было въ немъ написано:

«Мой дорогой товарищ!

«Рекомендую вамъ знаменитаго русскаго писателя г-на Суворина.

«Вашъ Шарко».

Какъ бы предчувствуя развитіе и быстрый ходъ фармацевтической химіи и соединенное съ нею громадное выбрасываніе на врачебный рынокъ всякихъ химически обработанныхъ новыхъ средствъ, среди которыхъ попадаются, разумѣется, и хорошія, извѣстный профессоръ фармаціи бывшей медико-хирургической академіи Ю. К. Траппъ предупреждалъ насъ, студентовъ 2-го курса, уже тогда противъ увлеченія новыми средствами.

— Друзья мои,—говорилъ онъ не разъ,—знайте, что всѣ дѣйствительно помогающія страждущему человечеству средства могутъ быть записаны на ногтевомъ ложѣ вашего большаго пальца. Средства эти: касторовое масло, хицинъ, опиій и т. д.

Нельзя, однако, сказать, чтобы слова этого въ свое время единственнаго спеціалиста фармаціи и фармацевтической химіи не были бы сказаны на вѣтеръ.

Профессоръ Ю. К. Траппъ, дожившій до глубокой старости, отличался своимъ веселымъ нравомъ и своею учтивостью. Не только своимъ знакомымъ, не только каждому студенту, но и каждому постороннему человѣку онъ находилъ возможнымъ сказать что-нибудь любезное или привѣтливо съ нимъ раскланяться.

Даже на экзаменахъ онъ съ пѣжною улыбкой, какъ бы захлебываясь отъ радости, говаривалъ усердно врущему студенту:

— Да вы, любезный мой другъ, ничего не знаете!

Въ послѣдніе годы своей долговременной службы въ медико-хирургической академіи и въ медицинскомъ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ онъ получилъ звѣзду Александра Невского, что доставило ему большую радость.

Въ то время, конечно, ни о какихъ трамваяхъ не могло быть и рѣчи. Даже конка доходила только до Литейнаго моста. И вотъ когда Ю. К. Трапъ въ ближайшій табельный день вышелъ изъ медико-хирургической академіи въ военномъ мундирѣ и во всѣхъ своихъ звѣздахъ, откинувъ борть пальто для большаго созерцанія его звѣздъ и перейдя въ такомъ видѣ Литейный мостъ, чтобы у окружнаго суда сѣсть въ конку, онъ все время расточалъ направо и налѣво улыбки и поклоны.

У самаго вагона конки онъ увидѣлъ группу кучеровъ и кондукторовъ конки, съ которыми также очень вѣжливо раскланялся, сказавъ:

— Здравствуйте, здравствуйте, добрые мои друзья,—на что тверскіе, калужскіе и иные люди нашего обширнаго отечества по новизнѣ случая въ началѣ не знали, какъ реагировать на сіе привѣтствіе!..

Чтеніе фармаціи, довольно-таки скучнаго предмета, Ю. К. Трапъ скрашивалъ по временамъ какимъ-нибудь рассказомъ по большей части изъ видѣннаго или пережитаго имъ въ жизни.

Такъ, не помню по какому случаю передавалъ онъ намъ, какъ во времена оны въ медико-хирургической академіи по случаю ежегоднаго выпуска врачей и торжественнаго акта съ оркестромъ военной музыки ждали петербургскаго митрополита, кажется, преосвященнаго Исидора. Распорядителю торжества было указано, что по прибытіи въ конференцъ-залъ академіи владыки оркестръ долженъ былъ сыграть какой-нибудь привѣтственный маршъ, разумѣется, не похороннаго характера. Своеобразно понявшій отданное приказаніе капельмейстеръ военнаго оркестра при входѣ митрополита закатилъ ему «встрѣчу», подъ звуки разухабистаго, всѣмъ извѣстнаго тогда по словамъ и музыкѣ марша изъ «Прекрасной Елены». «Вотъ мы пришли величаво, шли величаво» ит. д. Можно себя представить, какой при этомъ произошелъ переполохъ!..

Хотя «веселый» маршъ немедленно же былъ прекращенъ по тѣмъ же менѣе, какъ говорятъ, митрополитъ съ тѣхъ поръ пересталъ вѣздить въ медико-хирургическую академію.

Въ первое время окончанія мною академии я почти два года занимался въ акушерской клиникѣ профессора К. Ф. Славянского и только затѣмъ поступилъ въ ассистенты къ моему брату.

Новое направленіе въ акушерствѣ и женскихъ болѣзняхъ, уже тогда завоевавшее себѣ право гражданства, направленіе не выжидательнаго, но хирургическаго вмѣшательства убѣдило меня въ виду моей нелюбви къ какимъ бы то ни было кровавымъ операціямъ въ необходимости перемѣнить выбранную спеціальность.

На предложенное мнѣ братомъ, извѣстнымъ лейбъ-медикомъ Л. Б. Бартенсономъ, у него ассистентство я съ радостью согласился, не столько изъ-за возможности сразу устроиться, сколько изъ-за пополненія недостающихъ у меня свѣдѣній по внутреннимъ болѣзнямъ и необходимаго въ новомъ дѣлѣ опыта.

Конечно, первые шаги перемѣны моей спеціальности не ознаменовались тѣмъ комическимъ эпизодомъ, который, какъ говорятъ, имѣлъ мѣсто у одного молодого врача, пріѣхавшаго въ провинцію и избравшаго себѣ спеціальностью горловья болѣзни.

Когда этотъ врачъ убѣдился, что какъ у специалиста по горловымъ болѣзнямъ у него не можетъ быть большой практики, онъ послушался совѣта одного стараго врача, бывшаго уже не у дѣль, который сказалъ ему какъ-то: «Займитесь-ка, батюшка, женскими болѣзнями; при вашей молодости и наружности и при любви къ леченію у большинства нашихъ дамъ я ручаюсь, что отъ практики у васъ не будетъ отбоя». Дѣйствительно, совѣтъ данъ былъ молодому врачу прекрасный; но только, кажется, на второй день, продѣлавъ манипуляцію съ зеркаломъ (конечно, не съ горловымъ), онъ по привычкѣ сказалъ больной: «скажите: а!»

Дебютировалъ я не такъ. Но за десятилѣтній періодъ ассистентства у моего брата, а затѣмъ въ дальнѣйшей моей практикѣ и у меня встрѣчались курьезы; о нѣкоторыхъ изъ нихъ я и повѣдаю здѣсь.

Относительно того, какіе могутъ существовать капризы по отношенію къ врачамъ даже у людей высоко-образованныхъ, довѣряющихъ намъ, что важнѣе всего, свое здоровье, но вмѣстѣ съ тѣмъ ни во что не ставящихъ ваше личное я, не соображаясь съ тѣмъ, на основаніи какихъ побужденій вы такъ или иначе дѣйствуете, у меня въ памяти сохранился слѣдующій случай.

Дядя мой, докторъ І. В. Бертенсонъ, о которомъ мнѣ вскользь приходилось уже говорить въ первой главѣ моихъ воспоминаній, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1912 г., былъ главнымъ образомъ медицинскій администраторъ и гигиенистъ. Практикою онъ почти не занимался.

Въ медицинскомъ мірѣ онъ составилъ себѣ почетное имя главнымъ образомъ трудами по гигиенѣ, редактированіемъ «Архива Судебной Медицины» и въ особенности тѣмъ, что былъ первымъ въ Россіи сторонникомъ постройки госпиталей по барачной системѣ, образцомъ которой является имъ же построенный и существующій нынѣ городской Рождественскій барачный лазаретъ.

Вскорѣ послѣ назначенія Н. В. Муравьева управляющимъ министерствомъ юстиціи дядя мой получилъ отъ него письмо съ просьбою взять на себя заботы объ его здоровьи.

Считая, что письмо это плодъ недоразумѣнія, дядя мой написалъ Муравьеву отвѣтъ приблизительно слѣдующаго содержанія:

«Вы, вѣроятно, желали обратиться за медицинскими совѣтами не ко мнѣ, а къ моему старшему племяннику, практикующему врачу и специалисту по внутреннимъ болѣзнямъ».

Отвѣтъ Николая Валерьяновича удивилъ дядю еще болѣе, чѣмъ самое приглашеніе. Въ немъ Муравьевъ категорически завѣрялъ его, что никакой ошибки нѣтъ и не могло быть. Онъ-де слишкомъ хорошо сознаетъ и провѣряетъ свои дѣйствія, чтобы впасть въ ошибку. По словамъ Муравьева, именно его, дядю, онъ желаетъ имѣть своимъ постояннымъ врачомъ.

Нечего дѣлать, послѣ вторичнаго письма отказаться было неудобно, и потому дядя взялся лечить Муравьева; вѣдь, что ни говори, а министровъ, настоящихъ и бывшихъ, у насъ еще не такъ много! Это не то, что въ Греціи, гдѣ, по увѣренію К. А. Скальковскаго, изъ-за частыхъ переменъ министерства уже всѣ подходящія лица мужескаго пола хоть однажды сидѣли на министерскихъ креслахъ.

При первой встрѣчѣ съ Николаемъ Валерьяновичемъ они, какъ передавалъ мнѣ дядя, даже отъ полноты чувства облобызались, и отношенія ихъ все время дядиныхъ визитовъ не переставали быть вполне дружескими.

Когда же черезъ нѣкоторое время дядя получилъ отъ тогдашняго министра государственныхъ имуществъ А. С. Ермолова предложеніе занять мѣсто комиссара кавказскихъ минеральныхъ водъ (то же, что нынѣшній директоръ), ему съ Муравьевымъ поневолѣ пришлось разстаться.

Прощаясь съ Николаемъ Валерьяновичемъ, дядя спросилъ его окончательно (объ этомъ у нихъ уже была рѣчь и раньше), у котораго же изъ племянниковъ онъ пожелаетъ въ будущемъ пользоваться: у моего брата или у меня?

Муравьевъ отвѣтилъ, что его выборъ палъ на меня и что онъ проситъ дядю пріѣхать на другой день вмѣстѣ со мною.

Въ назначенный часъ мы вмѣстѣ съ дядей были во дворцѣ Бирона.

Николай Валерьяновичъ обошелся со мной очень привѣтливо и проводилъ даже до дверей, предварительно попросивъ отнестись къ нему такъ же внимательно, какъ и мой дядя.

Въ ожиданіи извѣщенія отъ Муравьева я въ передней передалъ швейцару мою карточку съ адресомъ.

— Отдайте это г. министру, — сказалъ я ему.

— Управляющему министерствомъ, а не министру, — мягко, но съ достоинствомъ замѣтилъ мнѣ этотъ защитникъ права!

Приглашенія начать леченіе у Н. В. Муравьева я такъ и не дождался. Нѣкоторое время я ломалъ себѣ голову, какая этому могла быть причина, но, не приди ни къ какому результату, векорѣ объ этомъ позабылъ и думать.

Только нѣкоторое время спустя все объяснилось.

Я состоялъ много лѣтъ врачомъ очень любезной и милой семьи В. Н. Ю—а, находившейся съ Муравьевымъ въ родствѣ или въ свойствѣ.

Только когда Муравьевъ былъ посланъ въ Римъ, В. Н. Ю—ъ сказалъ мнѣ, почему меня ни разу не позвалъ къ себѣ бывший министръ юстиціи.

—Вы, докторъ, хотѣли, естественно, дождаться, когда его высокопревосходительство изволитъ васъ позвать къ себѣ самъ. А по мнѣнію Муравьева, вы по молодости лѣтъ должны были заѣзжать къ нему и, не дожидаясь его приглашенія, постоянно справляться объ его здоровьи. Вотъ причина вашей немилости.

Нужны ли тутъ комментаріи?

У брата моего на приѣмахъ бывало всегда очень много больныхъ. Начиналъ онъ принимать въ шесть часовъ вечера и зачастую оканчивалъ осмотръ около часу ночи. Къ концу приѣма поневолѣ и онъ и я чувствовали себя крайне утомленными. Хотя я велъ только записъ о больныхъ, но вслѣдствіе безсмѣннаго пребыванія на одномъ мѣстѣ по шести-семи часовъ подъ рядъ усталость брала свое. Однажды въ концѣ приѣма подають брату письмо. Въ немъ была просьба прислать ассистента навѣстить одну заболѣвшую даму, хотя бы въ какомъ бы то ни было часу постѣ приѣма.

И вотъ мнѣ пришлось въ холодный зимній день чуть ли не во второмъ часу ночи трястись въ противоположную сторону отъ своей квартиры. Удовольствіе, какъ видно, было изъ среднихъ. Вхожу поэтому съ довольно кислымъ и соннымъ лицомъ въ квартиру больной.

Добравшись до полумрачной спальни, я увидѣлъ лежащую на кровати женщину неопредѣленнаго (по крайней мѣрѣ въ ту минуту), возраста съ лицомъ, если это только можно было назвать лицомъ, потерявшимъ вслѣдствіе сплошнаго отека, закрывавшаго глаза, щеки и ротъ, всякій человѣческій обликъ.

Я велѣлъ въ значительной степени увеличить освѣщеніе и, разспросивъ больную о возможныхъ причинахъ, вызвавшихъ такую отвратительную конфигурацію лица, приступилъ къ изслѣдованію. Каюсь, къ сонному и кислому выраженію моего лица прибавилась еще нѣкоторая брезгливость, вызванная видомъ безформенной опухоли, брезгливость, какъ выяснилось впоследствии, повидимому, замѣченная больною.

Опредѣливъ у нея обыкновенный или, лучше сказать, необыкновенный по своимъ послѣдствіямъ двусторонній флюсъ и прописавъ,

что полагается въ такихъ случаяхъ, я хотѣлъ было удалиться. Больная, однако, попросила меня осмотрѣть ее всю, такъ какъ, по ея словамъ, у нея существуетъ еще боль внизу живота.

Попросивъ больную освободиться отъ лишняго платья и желая дать ей возможность продѣлать это не въ моемъ присутствіи, я отошелъ на нѣсколько шаговъ отъ ея кровати.

— Пожалуйте, докторъ, — послышался какъ бы изъ сосѣдней комнаты слабый голосъ пациентки.

Подхожу къ кровати и вижу передъ собою съ головою, покрытою тонкою сорочкою, лежащую удивительно стройную, съ красивымъ молодымъ тѣломъ женщину. Я такъ и остолбенѣлъ.

— Скажите, пожалуйста, — промолвилъ наконецъ я: — для чего это вы раздѣлись голою? Мнѣ вѣдь этого не нужно. Совершенно достаточно, если вы останетесь въ одной рубашкѣ.

— Этого всегда требовали всѣ врачи, меня осматривавшіе, — промолвила моя, какъ казалось, нарочитая соблазнительница. Конечно, въ такомъ требованіи всѣхъ врачей я позволилъ себѣ усомниться.

Позу въ видѣ Данаи я принялъ, какъ мечь красивой женщины за появившуюся на моемъ лицѣ тѣнь брезгливости...

Когда черезъ нѣсколько дней лицо этой дамы приняло свой натуральный видъ (оно тоже оказалось красивымъ), мнѣ стало еще болѣе понятнымъ ея желаніе пріятно мнѣ отомстить и удивить!..

Курьезы случались и во время записыванія мною больныхъ. Входитъ какая-то лѣтъ около тридцати пяти — сорока истощенная, съ большими кругами подъ глазами и бѣгающимъ взоромъ особа.

На мой, между прочимъ, вопросъ, замужемъ ли она, она отвѣтила съ легкимъ вздохомъ: «То-то, что нѣтъ!» Диагнозъ ея болѣзни, такимъ образомъ, напрашивался самъ собою.

Однажды мы съ братомъ не могли не расхохотаться, когда на вопросъ: не помнитъ ли сидящій у него больной (давно, кажется, умершій бравый полковникъ Измайловскаго полка), когда именно ему пришлось его вылечить отъ тяжелаго брюшного тифа? — Тотъ отвѣтилъ: «Не помню-съ; я вѣдь не злопамятный!»

По поводу того, что въ послѣдній десятокъ лѣтъ особенно сильно практикуется леченіе чахоточныхъ больныхъ пребываніемъ на чистомъ воздухѣ (система открытыхъ оконъ въ специальныхъ павильонахъ госпиталей и больницъ), вспоминается мнѣ особенно рѣзкій случай исцѣленія отъ чахотки интеллигентной больной, передъ этимъ уже пролежавшей въ платной палатѣ одной здѣшней нѣмецкой больницы полтора мѣсяца съ температурою, не опускавшейся ниже тридцати девяти градусо́въ, и взятой изъ больницы родными, не пожелавшими, чтобы больная тамъ скончалась.

Когда больная дѣвушка снова очутилась дома, ея мать для медицинской помощи обратилась сначала къ брату, а потомъ ко мнѣ.

Не рассчитывая нисколько на успѣхъ, я все же, какъ послѣднее средство, предложилъ роднымъ больной подвергнуть ее весьма тяжелому режиму, который уже тогда на Западѣ и у насъ давалъ очень хорошіе результаты, правду сказать, только, повторяю, въ спеціально для этого устроенныхъ лечебныхъ заведеніяхъ.

Мать больной, русская нѣмка, вдова очень почтеннаго пастора фонъ Б—ъ и сама чрезвычайно милая и хорошая старушка, оставшись, несмотря на долгое пребываніе въ Россіи, все-таки же аккуратною нѣмкою, могла служить мнѣ ручательствомъ, что планъ леченія ея дочери найдетъ въ ней педантическую исполнительницу моихъ предписаній. Лечение предложено было слѣдующее: держать гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Петербурга больную съ утра до ночи (хотя дѣло было зимой) на воздухѣ, разумѣется, соотвѣтственно одѣтую, подвергая лекарственному леченію и усиленному, хотя въ малыхъ дозахъ, но очень частому кормленію, причѣмъ спать она должна была съ открытою форточкою и т. д.

Великая княгиня Александра Іосифовна, у которой скончавшійся нѣсколько лѣтъ назадъ отецъ больной былъ раньше пасторомъ, приказала немедленно отвести семьѣ фонъ-Б—ъ въ Стрѣльнѣ соотвѣтственное помѣщеніе.

Надо было видѣть радость бѣдной матери, когда на глазахъ у нея, шагъ за шагомъ слѣдившей за моими предписаніями и не спускавшей глазъ съ заболѣвшей дочери, высокая температура, столько времени снѣдавшая больную, стала спадать, кашель сталъ уменьшаться, въ легкихъ начался процессъ заживленія, словомъ, осматриваемая мною каждые десять дней дѣвушка черезъ три мѣсяца, видимо, совершенно выздоровѣла!

Приведенный мною разительный примѣръ излеченія отъ тяжелаго туберкулеза легкихъ служитъ лишнимъ подтвержденіемъ того, что только чистый воздухъ, независимо отъ пребыванія въ тепломъ или холодномъ климатѣ, есть главная гарантія теперь распространеннаго леченія туберкулеза такъ называемымъ методомъ открытыхъ оконъ.

Къ сожалѣнію, дѣвица фонъ-Б—ъ, вернувшись къ своимъ занятіямъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, подъ вліяніемъ, какъ говорятъ, сердечнаго потрясенія погибла отъ душевной болѣзни.

Закаживала къ брату на пріемы нѣкая среднихъ лѣтъ купчиха. У нея, повидимому, такъ твердо засѣли въ головѣ названія винъ, которыми по купеческому обыкновенію ей приходилось угощать своихъ знакомыхъ, что она даже ревенныя облатки не иначе называла, какъ рейнвейныя!

Положеніе врача въ вопросахъ чисто семейныхъ, когда онъ, не желая вызвать разладовъ семьи, поневолѣ прибѣгаетъ къ спасительной лжи, или когда онъ силою обстоятельствъ долженъ ясно формулировать то, что, быть можетъ, и не приходило больному

въ голову, по временамъ порождало рядомъ съ печальными обстоятельствами и эпизоды, не лишеныя доли комизма.

Какъ образецъ того тяжелаго положенія, въ которое можетъ быть поставленъ врачъ, привожу слѣдующій примѣръ.

Приходить ко мнѣ на пріемъ очень молоденькая, жизнерадостная дѣвушка, жалуясь на катаръ желудка, по ея мнѣнію, ничѣмъ не вызванный и выражавшійся главнымъ образомъ въ постоянной рвотѣ, особенно послѣ ѣды.

Убѣдившись уже изъ разспросовъ большой и самаго поверхностнаго ея осмотра, что причина рвоты лежитъ въ ненормальномъ для дѣвушки положеніи, почему-то называемомъ интереснымъ, я съ чувствомъ понятнаго сожалѣнія сталъ наводить деликатно больную на несомнѣнную, но и для нея самой, быть можетъ, неясную причину заболѣванія.

Молодой возрастъ дѣвушки, ея видимая неопытность и простодушіе съ трудомъ уяснили ей мои вопросы.

Но, Боже мой, что сдѣлалось съ этою несчастною, когда она наконецъ уразумѣла смыслъ мною сказаннаго? Куда дѣбалась ея жизнерадостность. Поблѣднѣвъ, какъ смерть, она бросилась одѣваться, и эта торопливость, ея молчаніе и то, какъ она стремглавъ выскочила изъ моего кабинета, краснорѣчивѣе словъ убѣдили меня въ справедливости моихъ предположеній и того горя, которое я ей приписъ своею діагностикою!

Мнѣ пришлось пользоваться одну богатую семью, состоявшую изъ мужа, ухаля и ходока по женской части, довольно красиваго и элегантнаго мужнины, по преестественнаго плута и мошенника, и двухъ сестеръ, изъ которыхъ одна была замужемъ за вышесказаннымъ господиномъ.

Двѣ эти особы (въ ихъ рукахъ-то и было сосредоточено все богатство), каждая старше мужа и beau frèге, кромѣ колоссальной глупости, отличались еще рѣдкимъ безобразіемъ.

Тріо это, только по зимамъ на два-три мѣсяца пріѣзжавшее въ Петербургъ, а остальное время таскавшееся по разнымъ курортамъ и купаньямъ Европы, своими контрастами всюду обращало на себя вниманіе.

Еще въ первые годы своей женитьбы господинъ, о которомъ идетъ рѣчь, приобщилъ, по пословицѣ: ласковый теленокъ двухъ матокъ сосеть, къ своему гарему и свою belle soeur... разумѣется, съ цѣлью болѣе легкаго обирація близко стоявшихъ къ нему идіотокъ-сестеръ.

Но съ теченіемъ времени обязанности султана по отношенію къ такимъ красавицамъ ему стали надоѣдать. Онъ спалъ и видѣлъ, какъ бы ему почаще уклоняться отъ исполненія разъ принятыхъ на себя обязательствъ.

Незначительная болѣзнь, на нѣсколько дней приковавшая этого господина къ постели и заставившая его обратиться къ моей помощи, вынудила его чуть-чуть раскрыть свои карты и хоть въ малой дозѣ покаяться въ своемъ затруднительномъ положеніи. Было рѣшено тогда сказать женѣ, что теперешнее хотя и незначительное заболѣваніе можетъ въ виду развитія у больного неврастенія послужить запрещеніемъ къ исполненію деликатныхъ его обязанностей.

Что касается *beau soeur*, то я предоставилъ попавшемуся плуту выкарабкаться изъ заварившейся каши, какъ ему будетъ угодно.

Покончивъ въ этомъ отношеніи съ законною женою, я былъ немало удивленъ, когда вскорѣ на Морской былъ остановленъ ея сестрою со словами: «Вы знаете, докторъ, какъ я люблю моего *beau frèге*, какъ меня беспокоитъ его здоровье. Не вліяетъ ли на слабость, на которую онъ теперь постоянно жалуется (я зналъ, на какую слабость она намекала), питье прописанной вами воды Нарзана!»

Я успокоилъ сердобольную родственницу (удивительно похожую по сохранившимся портретамъ на знаменитую Юлію Пастрану), увѣривъ ее, что тяготящая всѣхъ ихъ слабость больного, зависящая, конечно, не отъ питья Нарзана, должна непременно пройти, хотя и не такъ скоро...

Мнѣ пришлось въ теченіе многихъ лѣтъ лечить и аккуратно каждое воскресенье павѣщать почти вплоть до самой смерти игравшаго долгое время видную роль при дворѣ покойной императрицы Маріи Александровны почетнаго опекуна тайнаго совѣтника П. А. М—а.

М—ъ былъ типъ курьезный, хотя не скажу, чтобы въ достаточной степени пріятный. Въ началѣ своей довольно блестящей карьеры, еще очень молодымъ человѣкомъ, красивый, видный, онъ женился на очень богатой, прекрасно образованной дѣвушкѣ, дочери одного изъ хозяевъ знаменитаго когда-то англійскаго магазина въ Петербургѣ и владѣльцевъ рѣдкаго погреба Никольскъ и Плинке.

Обладая деспотическимъ характеромъ и будучи къ тому же страшно ревнивымъ, онъ безъ себя положительно никуда не отпускалъ жену. Во время частыхъ служебныхъ отлучекъ онъ красивую и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасную свою половину для этого запиралъ попросту на ключъ.

Такъ длилось довольно долго. Гордая англичанка, оскорбленная въ лучшихъ своихъ чувствахъ, молча терпѣла, но, какъ оказалось впоследствии, затаила въ душѣ месть, хотя до этого ни разу не показывала вида, что жизнь съ мужемъ ей положительно въ тягость. Когда у семьи М—ъ было уже двое дѣтей, жена М—а заболѣла тяжелымъ тифомъ.

По выздоровленіи ей наконецъ удалось убѣдить мужа, не безъ содѣйствія врача и вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ родныхъ, послать ее и дѣтей за границу набраться силъ послѣ болѣзни.

Дозволеніе наконецъ было дано. Надо себѣ представить удивленіе М—а, когда уже изъ Эйдкунена онъ получилъ отъ жены длиннѣйшую депешу, въ которой она припоминаетъ все его обращеніе съ нею и извѣщаетъ его, что не только она никогда къ нему не вернется, но онъ также не увидитъ больше своихъ дѣтей!

Г-жа М—ъ слово свое сдержала.

Конечно, когда письменныя и телеграфныя просьбы и увѣщанья М—а вернуться не помогли, тогда опъ, пользуясь своимъ вліяніемъ при дворѣ, вмѣшалъ въ свое дѣло даже дипломатію.

Г-жа М—ъ, живя въ то время въ Швейцаріи, нисколько, однако, не беспокоилась ходомъ дипломатическихъ о ней переговоровъ и увѣщаніями дипломатовъ, зная заранѣе, что Россія ее больше не увидитъ...

Всю печальную исторію семейныхъ недоразумѣній П. А. М—а, о которыхъ я слышалъ и раньше, мнѣ довелось узнать подробно отъ него лично, хотя, конечно, въ значительно смягченной редакціи.

Нѣсколько лѣтъ до смерти (а умеръ М—ъ лѣтъ 84) получилъ онъ изъ Австраліи англійское письмо. Это было первое письмо, написанное старику его собственнымъ сыномъ, который, наследовавъ, повидимому, тяжелый характеръ своего отца, не ужился со своей матерью и уже въ молодые годы, лѣтъ двадцати—двадцати двухъ, эмигрировалъ въ Австралію, гдѣ и прожилъ лѣтъ пятнадцать.

Куда только россіянъ не бросаетъ судьба!

Въ послѣдніе годы жизни М—ъ уже никуда не выѣзжалъ изъ-за слабости ногъ, при ходьбѣ или стояніи еле могшихъ сдерживать его грузное тѣло.

Жилъ М—ъ на углу Екатерининскаго канала и бывшей Большой Итальянской, въ казенной квартирѣ такъ называемаго іезуитскаго дома.

Въ жизни моей я не видалъ у человѣка интеллигентнаго и богатаго такой грязной и запущенной квартиры, какъ у М—а!

Главною причиною такой грязи былъ онъ самъ, не позволяя съ цѣлью ремонта чуть ли не въ теченіе тридцати лѣтъ дотрагиваться до своей квартиры. Еще болѣе дѣятельнымъ его помощникомъ по части разведенія грязи и особенно клоповъ, (а ихъ было видимо-невидимо—нельзя было сѣсть на кресло, чтобы не захватить съ собою эту нечисть!) былъ его лакей Францъ.

Пользуясь совершенною беспомощностью П. А. М—а, этотъ удивительно грязный и воюющій нѣмецъ, какъ оказалось, содержалъ въ комнатѣ близко къ кухнѣ въ теченіе многихъ лѣтъ форменный игорный домъ.

Благодаря рѣдкому контролю полиціи или даже полному отсутствію всякаго полицейскаго контроля (домъ, какъ извѣстно, былъ казенный), или вслѣдствіе какихъ-нибудь другихъ смягчающихъ

обстоятельствъ,—только послѣ смерти М—а докопались, что такое творилось въ іезуитскомъ домѣ!

Въ послѣдній десятокъ лѣтъ изъ постороннихъ лицъ у М—а почти никто не бывалъ. Близкихъ родныхъ у него вовсе не было. Скучную и однообразную свою жизнь онъ скрашивалъ перечитываніемъ въ третій или четвертый разъ «Revue de deux Mondes», получаемаго имъ со дня выхода первой книжки этого извѣстнаго журнала.

Читалъ онъ подъ рядъ все. Такое частое перечитываніе журнала все-таки доставляло ему большое удовольствіе. По его собственнымъ словамъ, пока онъ бывало прочтетъ одинъ годъ до конца, все прочитанное было имъ основательно позабыто...

Хотя въ виду глубокой старости онъ впадалъ въ полный рамолиментъ (М—ъ дряхлѣлъ и разрушался у меня на глазахъ), тѣмъ не менѣе онъ однажды невольно удивилъ меня вопросомъ: не вредны ли ему сношенія съ дамами?!

Возвращаюсь къ пріемамъ у брата.

Курьезы на нихъ случались и такого рода.

Такъ, на осмотръ къ брату пріѣзжалъ нѣсколько разъ въ зиму одинъ коммерсантъ, человекъ богатый, владѣлецъ большого доходнаго дома на одной изъ лучшихъ улицъ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, войдя въ кабинетъ, сей господинъ попросилъ брата удалить меня изъ комнаты. Такъ какъ во время пріемовъ консультаціи съ братомъ наединѣ бывали у насъ и раньше, то мое удаленіе меня нисколько не удивило.

По окончаніи пріема братъ спросилъ меня, не желаю ли я знать, о чемъ онъ говорилъ съ больнымъ К—ымъ (фамилія коммерсанта).

— Видишь, онъ офиціально просилъ у меня твоей руки для своей дочери!

Въ другой разъ подаютъ брату карточку одного петербургскаго креза и извѣстнаго купца, князя Ю., на карточкѣ котораго значилось, что князь проситъ брата принять тайнаго совѣтника такого-то, его главноуправляющаго, по личному дѣлу князя Ю.

Такъ какъ дѣло было во время пріема, то братъ, который въ часы пріема никого, кромѣ больныхъ, не принималъ, просилъ меня выйти къ тайному совѣтнику.

Изъ объясненій съ превосходительнымъ главноуполномоченнымъ выяснилось, что князю Ю. угодно знать, на какихъ условіяхъ можетъ состояться докторскій визитъ брата къ нему.

Братъ отвѣтилъ (тоже черезъ меня), что по вопросу о докторскомъ гонорарѣ онъ никогда и никому изъ больныхъ не ставилъ предварительныхъ условій и что онъ проситъ въ этомъ смыслѣ передать его слова князю.

На другой день братъ получилъ отъ князя Ю. письмо, въ которомъ тотъ, во-первыхъ, спрашиваетъ, почему, несмотря на личную князя рекомендацію, главноуправляющій его все-таки братомъ не

былъ принять, и, во-вторыхъ, князь во избѣжаніе недоразумѣній на-
станавстъ на сообщеніи, на какихъ условіяхъ братъ можетъ навѣ-
стить его, какъ больного.

Отвѣтилъ братъ тоже по пунктамъ. Пунктъ первый: главноупол-
номоченный князя Ю. не былъ принять потому, что явился во время
пріема больныхъ, и пунктъ второй: Левъ Бернардовичъ сообщаетъ
князю Ю. (тоже во избѣжаніе недоразумѣній), что онъ у него быть
не можетъ.

Уклоняюсь немного въ сторону воспомнаніемъ о моемъ сви-
даніи съ П. С. Ванновскимъ, въ то время всемогущимъ военнымъ
министромъ, случившемся почти одновременно съ полученіемъ
мѣста ассистента у моего брата. Мнѣнія объ этомъ умномъ, обла-
давшемъ большимъ характеромъ, несомнѣнно, способномъ админи-
страторѣ, трудолюбивомъ, съ громадною памятью, еще и по сей часъ
не сведены въ общую характеристику, по которой и можно было
бы съ положительностью судить, былъ ли Ванновскій дѣйствительно
человѣкомъ государственнаго ума, убѣжденнымъ сторонникомъ того
режима, при которомъ онъ служилъ, хотя и много сдѣлавшимъ для
военнаго вѣдомства, или это былъ человѣкъ, послѣ нашей войны
съ Турціею 1877—1878 года попавшій въ государственные люди
только въ силу необходимой переоцѣнки всего раньше созданнаго
и устарѣващаго.

Къ вышесказанной характеристикѣ Петра Семеновича съ увѣ-
ренностью можно прибавить еще одно: безграничное довѣріе къ лю-
дямъ, которыхъ онъ почему бы то не было любилъ, и мелочная при-
дирчивость и даже мстительность къ тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли
случай вольно или невольно навлечь на себя его неудовольствіе.

Тотчасъ по назначеніи Ванновскаго военнымъ министромъ онъ
приказалъ тѣхъ военныхъ врачей, у которыхъ въ Петербургѣ не
было штатнаго мѣста и которые находились тамъ лишь въ прико-
мандированіи, немедленно отослать на мѣста ихъ штатной службы.

Въ числѣ такихъ неудачниковъ оказался и я, такъ какъ штат-
ное мѣсто мое было гдѣ-то въ одномъ изъ городовъ Западнаго
края.

Не желая расставаться съ Петербургомъ, гдѣ, какъ мнѣ тогда
почему-то казалось, мое присутствіе было болѣе чѣмъ необходимо,
я перевелся въ медицинскій департаментъ министерства внутрен-
нихъ дѣлъ.

Но такъ какъ такой переводъ не оплачивался никакимъ жало-
ваніемъ, то я не разъ сожалѣлъ о своемъ выходѣ изъ военно-меди-
цинскаго вѣдомства.

Какжется, черезъ годъ или меньше, хорошо не помню, братъ мой,
сдѣлавшійся, какъ врачъ, въ семьѣ военнаго министра своимъ че-
ловѣкомъ, упросилъ Ванновскаго взять меня на военно-медицин-
скую службу обратно.

Генераль Ванновскій на это охотно согласился, по вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ брата прислать меня къ нему.

Принялъ меня Ванновскій очень любезно, подробно разспросилъ о моей службѣ, планахъ на будущее и т. д., выказавъ по отношенію ко мнѣ, словомъ, чуть ли не родственныя чувства.

— Вы еще не докторъ медицины?—спросилъ онъ меня между прочимъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я:—и если позволите, то объясню вамъ причину, почему я полученію этой степени сейчасъ не придаю того значенія, которое, въ сущности говоря, она должна была бы имѣть.

Тутъ я подробно рассказалъ, быть можетъ, тогда еще неизвѣстныя Ванновскому обстоятельства, какъ иногда некутъ докторовъ медицины, какъ и почему нѣкоторые врачи, не успѣвшіе окончить академію, не усвоившіе себѣ даже общихъ серьезныхъ познаній въ медицинѣ (какъ и гдѣ они могли получить таковыя, когда уже на школьной скамьѣ специализируются?), пользуясь на первыхъ порахъ свободнымъ временемъ и, къ стыду своему, не гнушаясь даже выпрашивать удовлетворительныя баллы у нѣкоторыхъ добродушныхъ профессоровъ, въ свою очередь, смотрящихъ, какъ и такіе врачи, на полученіе этой, строго говоря, высокой научной степени только какъ на простую формальность, только какъ на средство, а не отнюдь какъ на цѣль, немедленно же держатъ экзаменъ на доктора медицины.

— Но я, однако, рѣшилъ давать преимущества по службѣ только докторамъ медицины,—прервалъ мои слова Петръ Семеновичъ.

«Если такъ смотрѣть на академическій значокъ,—подумалъ я:—то вамъ, господинъ министръ, какъ кончившему только военное училище, едва ли бы удалось сдѣлаться военнымъ министромъ...

Подъ конецъ своей жизни, какъ извѣстно, П. С. Ванновскій незадолго до назначенія министромъ народнаго просвѣщенія сыгралъ видную роль въ разслѣдованіи причинъ студенческихъ безпорядковъ, бывшихъ въ 1899 году.

На гибкость его натуры въ этомъ случаѣ указываетъ то обстоятельство, что его, любимаго военнаго министра Александра III, ломавшаго все сдѣланное графомъ Милютинимъ и даже уничтожившаго женскіе медицинскіе курсы, несмотря на такіе эксперименты, все-таки съ любовью отмѣтилъ даже такой радикальный журналъ, какъ «Былое». Такъ, въ статьѣ «Миссія П. С. Ванновскаго» («Былое» за 1907 г.) о бывшемъ военномъ министрѣ сказано слѣдующее:

«Комиссія генерала Ванновскаго, благодаря оригинальной личности ея предсѣдателя, сыграла видную роль въ пробужденіи политическаго сознанія русской демократіи.

«Миссія эта сильно помогла демократическимъ душамъ оторваться отъ психологической пуповины (каково изящество стіля!), привязывавшей ихъ къ старому порядку».

По распоряженію Ванновскаго, переводъ мой на военную службу состоялся въ ближайшемъ будущемъ. Прервалась, однако, моя военно-медицинская служба, какъ уже я говорилъ, неожиданно.

Переводъ мой изъ военно-медицинскаго вѣдомства въ морское, совершившійся сразу простымъ повелѣніемъ генераль-адмирала, а не послѣ обиванія по мѣсяцамъ пороговъ у людей власть имущихъ, какъ сказалъ мнѣ съ досадою В. С. Кудринъ, главный медицинскій инспекторъ флота, естественно, въ особенности въ первое время моей службы во флотѣ, вызвалъ на меня косые взгляды со стороны моего новаго медицинскаго начальства, недовольнаго моимъ, такъ сказать, насильственнымъ внѣдреніемъ въ морское вѣдомство только по волѣ строевого начальства и безъ предварительнаго ихъ на это согласія.

Тотчасъ по переводѣ меня во флотъ и затѣмъ прикомандированіи къ петербургскому морскому госпиталю я получилъ въ завѣдываніе отдѣленіе новобранцевъ флота, присланныхъ въ госпиталь для наблюденій.

Наблюденію подлежали вообще всѣ новобранцы, или дѣйствительно страдавшіе не совсѣмъ ясными болѣзнями, или попросту притворщики. Однимъ словомъ, мнѣ было поручено страшно трудное и отвѣтственное, требующее неустаннаго вниманія и наблюденія отдѣленіе госпиталя.

Возня съ такими молодцами, удивительно подчасъ выдерживающими свою роль мнимыхъ больныхъ, по временамъ была очень утомительна.

Кого-кого только мнѣ за шесть лѣтъ завѣдыванія такимъ отдѣленіемъ новобранцевъ не приходилось наблюдать!

Были до виртуозности искусственно хромые и таковыя же заики, съ не гнувшимися пальцами, съ затрудненіями движенія рукъ и ногъ, ничего не видящіе, съ припадками падучей болѣзни, съ негибающимся позвоночнымъ столбомъ, съ разными нервными явленіями, съ признаками сумасшествія и т. д. и, что всего удивительнѣе, почти всѣ эти притворщики (въ большинствѣ случаевъ— добрые ребята) потомъ сами смѣялись, когда имъ вспоминали про кунштюки, продѣланные въ началѣ службы.

Когда я впервые вошелъ въ предназначенное мнѣ отдѣленіе, главный докторъ морскаго госпиталя В. К. Рамбахъ сказалъ мнѣ, что до сихъ поръ завѣдующій этимъ отдѣленіемъ приватъ-доцентъ Н. нашелъ среди присланныхъ для наблюденій дѣйствительно больного новобранца съ рѣдкою формою невроза желудка.

— Надѣюсь,—добавилъ онъ, глядя на меня съ улыбкою:—что вы, товарищъ, покопавшись въ соотвѣтственной литературѣ, недѣльки черезъ двѣ представите намъ въ обществѣ морскихъ врачей обстоятельный докладъ объ этомъ рѣдкомъ больномъ...

Съ не особенно пріятнымъ чувствомъ приступилъ я къ ознакомленію съ людьми, ввѣренными моему наблюденію. Съ перваго же раза, бѣгло осмотрѣвъ больныхъ, или, вѣрнѣе, мнимыхъ больныхъ, я невольно сталъ больше всматриваться въ того молодца, о которомъ мнѣ черезъ двѣ недѣли предстояло сдѣлать научное сообщеніе, стараясь дѣлать при этомъ свои наблюденія незамѣтно, почти не останавливаясь у его койки.

Не входя теперь въ подробности и описаніе даннаго случая, я уже въ первую недѣлю, не будучи приватъ-доцентомъ, пришелъ къ убѣжденію, что передо мной вовсе не больной, а очень ловкій симулянтъ, продѣлки котораго съ собственнымъ желудкомъ могли бы ему дать гдѣ-нибудь на ярмаркахъ порядочный заработокъ.

Во вторую же недѣлю, оставаясь каждый день послѣ визитаціи съ этимъ больнымъ новобранцемъ въ своемъ кабинетѣ наединѣ, убѣжденіемъ, страхомъ и ласкою я довелъ его до того, что онъ наконецъ признался мнѣ въ притворствѣ.

Тогда я вздохнулъ свободнѣе. Запретивъ больному говорить кому бы то ни было о своемъ признаніи, заставивъ его, однако, повторить то же при моемъ фельдшерѣ, я приготовилъ своему главному доктору такъ называемый *сoup de théâtre* въ отместку за не существующій неврозъ желудка и за желаніе заставить меня сдѣлать докладъ по нервнымъ болѣзнямъ, которыми я вообще не занимался. Наканунѣ того дня, когда должно было состояться мое научное сообщеніе, главный докторъ, сопровождаемый дежурнымъ врачомъ, спросилъ меня:

— Ну, что же, коллега, готовъ ли къ завтрашнему дню вашъ докладъ? Главный медицинскій инспекторъ флота, предсѣдательствующій у насъ въ обществѣ врачей, зная съ моихъ словъ о данномъ случаѣ, съ интересомъ выслушаетъ ваше сообщеніе.

— Ваше превосходительство, — отвѣтилъ я: — доклада не будетъ (при этомъ я вызвалъ новобранца, дурачившаго въ теченіе мѣсяца бывшаго завѣдующаго отдѣленіемъ и черезъ него и главнаго доктора), потому что нашъ quasi-больной — притворщикъ. Пожалуйста, Ивановъ, подтверди его превосходительству, что ты совершенно здоровъ!

Можно себѣ представить фізіономію главнаго доктора!

Памятенъ мнѣ еще такой случай, бывшій еще во время моей службы въ Измайловскомъ полку, когда новобранецъ-татаринъ для большей убѣдительности, притворившись сумасшедшимъ, два раза бросался внизъ головой въ обыкновенное отхожее мѣсто, на половину наполненное экскрементами!

Интересенъ также случай очень ловкой симуляціи падучей болѣзни, рассказанный мнѣ однимъ врачомъ вилецкаго военного госпиталя, доказавшимъ симуляцію совершенно случайно.

Надобно знать, что больные, страдающіе падучей болѣзною, притворною или дѣйствительною, для рѣшенія этого вопроса обязательно посылаются на два мѣсяца въ госпитали.

И вотъ присланный въ виденскій госпиталь какой-то новобранецъ такъ ловко въ теченіе семи недѣль симулировалъ падучую болѣзнь, что ему оставалась только одна недѣля, чтобы вслѣдствіе наличности падучей совершенно избавиться отъ военной службы.

Между тѣмъ палатный ординаторъ въ душѣ не былъ убѣжденъ вовсе въ дѣйствительности припадковъ.

Въ полномъ на себя неудовольствіи за то, что могъ быть обмануть простымъ деревенскимъ парнемъ, врачъ этотъ, подходя къ другому больному, лежавшему рядомъ съ по его убѣжденію притворщикомъ, только что отдохавшимъ послѣ якобы тяжелаго припадка, шопотомъ, но серьезно спросилъ его сосѣда, но не настолько тихо, чтобы слова его не доносились до припадочнаго: видѣлъ ли онъ припадокъ?

Сосѣдъ отвѣтилъ утвердительно.

— А землю (поль) опъ не грызъ?

— Никакъ-съ пѣтъ, не грызъ.

Ординаторъ отошелъ къ другимъ больнымъ.

Вдругъ дня черезъ три, когда мншмому падучему до полного освобожденія оставалось пролежать въ госпиталѣ только четыре дня, солдатикъ, сосѣдъ падучаго, при входѣ въ палату врача ординатора съ торжествомъ объявилъ:

— Ваше высокоблагородіе, а съ «нимъ» подѣ утро опять случился припадокъ; «ѣтъ» даже землю грызъ!

В. Бертенсонъ.





ЗА КУЛИСАМИ ПЕЧАТИ.

(Отрывки воспоминаний стараго журналиста).

I.

Мои встрѣчи.—М. И. Семевскій объ исчезновеніи «дневниковъ».—Чиновникъ, общественный дѣятель, историкъ, редакторъ и птицеводъ.—Экспромпты, сочиненные авансомъ.—Сочинителя автографовъ.—Типы и силуэты.—Стасюлевичъ и Менделѣевъ о классицизмѣ.—Адвокаты-писатели: Е. И. Утинъ.—В. Д. Спасовичъ.—А. Я. Пассоверъ.—Л. А. Куперникъ.—Погоня за именитыми писателями.—Насильственное цѣлованіе.—Комическій эпизодъ съ А. В. Амфитеатовымъ.



ИЗДАТЕЛЬ и редакторъ «Русской Старины», покойный Михаилъ Ивановичъ Семевскій, часто высказывалъ сожалѣніе о томъ, что въ наступившую съ 60-хъ годовъ бурную и торопливую эпоху вышелъ изъ моды добрый стародавній обычай—вести дневники, отмѣчать изо дня въ день всѣ достопримѣчательныя событія личной и общественной жизни. Такіе дневники-лѣтописи, ведомые людьми, прославившимися впоследствии на какихъ-либо поприщахъ, служили бы отличнымъ матеріаломъ для «Русской Старины», гдѣ и находили себѣ мѣсто уцѣлѣвшіе отъ прежняго времени дневники, мемуары и разныя семейныя хроники, имѣвшіе для Семевского еще ту привлекательную сторону, что за нихъ не всегда приходилось платить гонораръ.

Какъ журналистъ, приходившій въ соприкосновеніе со множествомъ лицъ, власть имущихъ и отъ власти страдающихъ, и рабочимъ.

«Истор. вѣстн.», июль 1913 г., т. сxxxiii.

тавшій всегда «волнуясь и спѣша», я, разумѣется, дневниковъ не велъ, видѣннаго и слышаннаго не записывалъ. Въ предлагаемыхъ здѣсь отрывкахъ изъ моихъ воспоминаній факты и характеристики излагаются поэтому не въ хронологическомъ порядкѣ.

Разъ зашла рѣчь о М. И. Семевскомъ, я начну свои воспомина- нія съ него. Это будетъ какъ бы посвященіе его памяти, вполне умѣстное въ историческомъ журналѣ.

Кто былъ причастенъ къ печатному слову въ концѣ прошлаго вѣка, не могъ не знать добрѣйшаго Мих. Ив. Семевского. Его можно было встрѣчать почти во всѣхъ редакціяхъ, либеральныхъ и не ли- беральныхъ, гдѣ онъ являлся *persona gratissima*...

Семевскій былъ баловнемъ судьбы. Человѣкъ дѣятельный, энер- гичный и общественный, онъ работалъ одновременно на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Онъ и на военной, педагогической и государственной службѣ преуспѣвалъ, дослужившись до генераль- скаго чина и знаковъ отличій; онъ былъ товарищемъ головы первого въ Россіи города—Петербурга; онъ издавалъ двадцать три года историческій журналъ «Русскую Старину», въ которомъ помѣща- лись мемуары многихъ видныхъ дѣятелей изъ военнаго и бюро- кратическаго міровъ, и написалъ рядъ монографій («Царица Пра- сковья», «Семейство Монсовъ», «Историческіе рассказы» и др.).

Семевскій умѣлъ вскрывать затворы и замки недоступныхъ для него архивовъ. За излишнее усердіе въ этомъ отношеніи онъ полу- чилъ однажды высъ чайшій выговоръ отъ императора Александра III. Государь, когда Семевскій представлялся ему, высказался отрица- тельно относительно печатанія въ «Русской Старинѣ» матеріаловъ не вполне исторической давности.

Не было общества,—до общества птицеводства включительно,— въ которомъ Семевскій не состоялъ бы членомъ. Онъ числился даже членомъ какого-то лондонскаго общества. Я не помню ни одного банкета, юбилея или поминальнаго торжества, гдѣ Семевскій не говорилъ бы экспромптовъ, которые запасливо приносилъ съ собою въ карманахъ, въ нѣсколькихъ экземплярахъ, и любезно раздавалъ газетнымъ хроникерамъ или самъ разсылалъ по редакціямъ. Въ качествѣ гласнаго и товарища городского головы, Семевскій являлся неизмѣннымъ инициаторомъ всякихъ юбилейныхъ и поминальныхъ чествованій.

— Первый признакъ культурности,—говаривалъ Михаилъ Ива- новичъ,—это умѣніе отличать своихъ выдающихся согражданъ...

Въ редакціи и на торжества Семевскій являлся съ записными книжками, куда всѣ сколько-нибудь извѣстные писатели и дѣятели должны были заносить свои автографы, въ видѣ сентенцій, авто- біографическихъ замѣтокъ и т. п. Люди болѣе выдающіеся отлича- лись въ такихъ случаяхъ лаконизмомъ, а менѣе выдающіеся обнару- живали излишнюю словоохотливость.

— А вы, Михаилъ Ивановичъ, надѣюсь, не для печати предназначаете всѣ эти записи?—спросилъ его однажды при мнѣ покойный В. О. Михневичъ, привлеченный къ отбыванію автографической повинности.

— О, нѣтъ! У меня въ шкапахъ и портфеляхъ хранятся воспоминанія современныхъ дѣятелей, которыя появятся чрезъ двадцать пять, пятьдесятъ и больше лѣтъ, когда насъ съ вами на свѣтѣ ужъ не будетъ,—отвѣтилъ Семевскій.

Многіе сочинители автографовъ были увѣрены, что опубликованіе ихъ записей послѣдуетъ не скоро и высказывались болѣе или менѣе откровенно. Оказалось, что Семевскій собралъ накопившіеся у него съ 1867 по 1888 гг. автографы и отпечаталъ ихъ отдѣльною книгой подъ заглавіемъ «Знакомые» (альбомъ М. И. Семевского). Одни были зѣло разочарованы, особенно видные бюрократы, имѣвшіе неосторожность полиберальничать въ своихъ записяхъ, другимъ льстило сосѣдство съ именитыми сочинителями автографовъ. Издатель альбома, привыкшій раскапывать «семейныя хроникки» знаменитыхъ соотечественниковъ, поступилъ «по-семейному» и съ составителями автографовъ. Его не остановило даже то, что инныя записи дѣлались, по его словамъ, подъ «эшафе». Одинъ автографистъ ограничился указаніемъ одного своего имени, забывъ написать фамилію: «подъ вліяніемъ алкоголя»—пояснилъ издатель «Альбома»...

Такъ-то удружилъ Семевскій своимъ «знакомымъ»!

Однимъ изъ первыхъ моихъ знакомыхъ въ Петербургѣ былъ хорошо извѣстный въ свое время адвокат-писатель Евгеній Исааковичъ Утинъ. Это былъ человѣкъ ярко-либеральнаго образа мысли, авторъ многочисленныхъ политическихъ писемъ, литературныхъ и критическихъ статей и дорожныхъ очерковъ въ «Вѣстникѣ Европы». Либеральное боевое крещеніе Утинъ получилъ еще на студенческой скамьѣ, поплатившись въ 1861 году Петропавловскою крѣпостью за студенческую исторію.

Какъ адвокатъ, Е. И. Утинъ отличался своими слезливыми рѣчами. Часто онъ, бія себя въ грудь, призывалъ присяжныхъ засѣдателей помнить евангеліе, которое неизмѣнно цитировалъ въ своихъ защитительныхъ рѣчахъ. По извѣстному Нечаевскому процессу Утинъ произнесъ одну изъ самыхъ блестящихъ своихъ рѣчей. Со своими подзащитными человѣколюбивый адвокатъ не порывалъ сношеній и послѣ суда, помогая многимъ изъ нихъ и матеріально.

Е. И. Утинъ былъ сынъ извѣстнаго откупщика. Приносилъ ли пользу отечеству своими откупамъ родоначальникъ семьи Утиныхъ, сказать не берусь, но, несомнѣнно, заслужилъ признательность потомства, давъ родинѣ цѣлое поколѣніе полезныхъ дѣяте-

лей. Одинъ изъ нихъ, Борисъ, былъ талантливый профессоръ права; другой, Николай,—дѣятель освободительнаго движенія 60-хъ годовъ и эмигрантъ, третій, доннынѣ здравствующій Яковъ,—государственный мужъ, бывшій оберъ-прокуроръ сената и видный промышленный и банковскій дѣятель, четвертый—Евгеній Утинъ. Дочь Утина-отца—вдова заслуженнаго ученаго, писателя и редактора М. М. Стасюлевича.

Попалъ я къ Утину при слѣдующихъ условіяхъ. Это было въ 70-хъ годахъ. Хорошо извѣстный адвокатъ А. Я. Пассоверъ спросилъ меня однажды, не пожелаю ли я заняться составленіемъ каталога и приведеніемъ въ порядокъ богатѣйшаго книгохранилища, состоявшаго изъ книгъ самого Е. И. Утина и унаслѣдованныхъ имъ отъ брата-профессора. Рыгъся въ книгахъ я любилъ и поспѣшилъ откликнуться на предложеніе Пассовера, отправившись немедленно къ Утину, только что переѣхавшему на уголь Бассейной и Эртелева переулка. Работа доставила мнѣ много пріятныхъ минутъ, особенно отдѣлъ книгъ, находившихся въ то время подъ запретомъ.

У Утина я и встрѣчалъ популярныхъ тогда профессоровъ, сотрудниковъ «Вѣстника Европы», свѣтила адвокатуры и съ интересомъ слушалъ ихъ бесѣды на злобы дня. Чаще всего бывалъ покойный М. М. Стасюлевичъ, съ которымъ я и впослѣдствіи встрѣчался не разъ. Авторъ «Исторіи среднихъ вѣковъ» и редакторъ «Порядка», по остроумному каламбуру Михневича, и въ своей редакторской, литературной и общественной дѣятельности предпочиталъ золотую средину и пррядокъ. Такимъ былъ М. М. и въ частной жизни. Онъ располагалъ къ себѣ своею благообразною наружностью, сдержанными манерами и тихой и кроткой рѣчью.

Много лѣтъ спустя послѣ встрѣчъ со Стасюлевичемъ въ квартирѣ Утина, я по порученію редакціи провинціальной газеты явился къ М. М., чтобы привѣтствовать его по поводу какого-то его юбилея. Въ разговорѣ я упомянулъ о своей бесѣдѣ наканунѣ съ Д. И. Менделѣевымъ. Знаменитый химикъ со свойственною ему рѣзкостью обрушился на классицизмъ, противъ котораго немало воевалъ въ толстовскую эпоху и самъ Стасюлевичъ.

— Надо прогнать изъ всѣхъ гимназій,—кричалъ Менделѣевъ,— всю эту классическую сволочь, всѣхъ этихъ нѣмцевъ и чеховъ, посадить туда техниковъ и инженеровъ, перестать пичкать головы юношей классическою дрянью и умственной соломою, а давать имъ здоровыя реальныя техническія познанія! И тогда Россія, въ нѣдрахъ которой лежатъ нетронутыми неизсякаемыя богатства, зацвѣтетъ пышнымъ цвѣтомъ...

— А вы бы сказали Менделѣеву,—замѣтилъ Стасюлевичъ:— что онъ преувеличиваетъ значеніе промышленныхъ знаній и преуменьшаетъ роль классическихъ наукъ. Самъ вѣдь знаменитый

химикъ—классикъ по своему образованію, и это не помѣшало ему стать тѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался. Вотъ мы и въ нашихъ городскихъ школахъ желали бы держать бѣдныхъ дѣтей до 15—16-лѣтняго возраста на общемъ образованіи, а тамъ уже направлять ихъ по ихъ природнымъ наклонностямъ. Пожалуйте въ нашъ только что выросшій на Васильевскомъ островѣ грандіозный сборный училищный домъ и вы увидите кетати, какъ у насъ дѣло хорошо поставлено. Пусть ваша провинція подражаетъ намъ...

И Стасюлевичъ съ любовью сталъ рассказывать о своемъ дѣтищѣ—общихъ училищныхъ домахъ.

У Е. И. Утина я встрѣчалъ знаменитаго автора «Курса уголовного права», рѣдкаго знатока славянскихъ литературъ и свѣтло адвокатуры В. Д. Спасовича.

Спасовичъ, не имѣвшій почти тогда соперниковъ въ искусствѣ судоговоренія (хотя, какъ извѣстно, Златоустомъ отнюдь не былъ и часто заинался), въ своихъ бесѣдахъ чаще всего касался литературы. Любилъ онъ русскихъ классиковъ, но еще больше распинался за мало оцѣненныхъ у насъ великихъ польскихъ писателей. Польскія симпатіи Спасовича, такъ рельефно сказавшіяся въ издававшемся имъ «Atheneum» и въ газетѣ «Крај», также были мало оцѣнены его полусоплеменниками (Спасовичъ былъ смѣшаннаго происхожденія), не одобрявшими его культурныхъ стремленій, чуждыхъ политикѣ

Мнѣ пріятно отмѣтить, что Спасовичъ относился съ большою благожелательностью къ русской журналистикѣ и былъ неизмѣннымъ посѣтителемъ обѣдовъ и собраній журналистовъ.

Помню, однажды какой-то адвокатъ сталъ небрежно выражаться при немъ о «газетчикахъ». Спасовичъ остановилъ его:

— Да знаете ли вы, что газетчикамъ мы обязаны двумя третями нашей извѣстности и славы! Если бы всѣ газеты дали обѣтъ воздержанія отъ упоминанія именъ адвокатовъ, то многія свѣтила померкли бы, а о существованіи другихъ и не подозрѣвали бы...

Въ то время газеты посвящали много столбцовъ судебнымъ процессамъ, помѣщая часто подробные стенографическіе отчеты.

Да и процессы тогда, сейчасъ послѣ судебной реформы, были все крупные, монструозные...

Знаменитый цивилистъ А. Я. Пассоверъ интересовался въ одинаковой мѣрѣ всѣми продуктами человѣческаго ума и генія, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ пожертвованные послѣ его смерти академіи наукъ восемьдесятъ ящиковъ и шкаповъ съ книгами по всѣмъ отраслямъ знаній на разныхъ языкахъ.

Въ 60-хъ годахъ Пассоверъ помѣстилъ въ «Московскомъ Сборникѣ» статьи «Иудея и Римъ», а въ «Разсвѣтѣ»—«Диллетантизмъ и еврейскій вопросъ» и готовилъ диссертацию («объ англійскомъ приходѣ»), имѣя въ виду занять предложенную ему кафедру, но молодой ученый не пожелалъ креститься, былъ назначенъ товарищемъ прокурора и перешелъ затѣмъ въ адвокатуру.

— За обращеніемъ въ православіе,—шутить Пассоверъ,—обращенъ въ адвокатуру...

— Отчего вы, А. Я., ничего не пишете?—спросили какъ-то Пассовера.

— Писать должны тѣ,—отвѣтилъ онъ:—кто чувствуетъ призваніе создать нѣчто выдающееся, гениальное, сказать міру новое слово... Изъ двухъ-трехъ чужихъ книгъ составить одну плохую—заслуга не большая. И безъ того бібліотеки засорены всякимъ хламомъ...

Тѣмъ не менѣе Пассоверъ не переставалъ обогащать свою бібліотеку всѣми русскими и иностранными книжными новинками и рѣдкими старинными книгами, поддерживая постоянно сношенія со всѣми извѣстными антикваріями, русскими и иностранными...

У адвокатскаго пюпитра и на конференціяхъ молодыхъ адвокатовъ, которыми онъ руководилъ, Пассоверъ поражалъ глубиною своего ума, неотразимой логикою и рѣдкою эрудиціею. Онъ являлся въ судъ безъ портфеля и конспектовъ и цитировалъ наизусть десятки статей законовъ, многочисленныя сенатскія разъясненія и относившіеся къ дѣлу документы, поражая всѣхъ своею памятью.

Одинъ извѣстный адвокатъ говорилъ мнѣ:

— Ни для кого не секретъ, что въ сенатѣ дѣла часто предрѣшаются. Но когда по дѣлу долженъ былъ выступать Пассоверъ, опрокидывавшій своими толкованіями и находчивыми заключеніями всякія предвзятія рѣшенія, послѣднія не составлялись авансомъ. Старцы-сенаторы слушали адвоката съ затаеннымъ дыханіемъ. Многія положенія права, впервые высказанныя Пассоверомъ, легли въ основу руководящихъ рѣшеній кассационнаго департамента сената...

Самъ Пассоверъ, не любившій въ частныхъ бесѣдахъ говорить о себѣ,—не помню уже по какому поводу,—разсказывалъ мнѣ, какъ ему удалось реабилитировать старика, обвинявшагося въ подлогѣ цѣннаго документа. Экспертиза почерковъ не отличалась еще безспорностью своихъ выводовъ. Свидѣтели были противъ обвиняемаго, но въ сенатѣ Пассоверъ возбудилъ вопросъ объ экспертизѣ со стороны окулиста, который, быть можетъ, докажетъ, что почеркъ на поддѣльномъ документѣ не могъ принадлежать человѣку съ даннымъ устройствомъ глаза. При новомъ пересмотрѣ дѣла обвиняемый былъ оправданъ.

Къ защитѣ Пассоверомъ ихъ интересовъ на судѣ обращались часто города и земства...

Знаменитый адвокат отличался своими оригинальными взглядами на жизнь и людей, какъ и своею оригинальною наружностью. Онъ былъ всегда въ высокомъ, застегнутомъ на всѣ пуговицы фракѣ и въ свѣтлыхъ замшевыхъ перчаткахъ, съ которыми не разставался даже и въ обществѣ.

Казалось, онъ имѣлъ и застегнутое на всѣ пуговицы сердце, но близкіе люди знали многочисленные факты, свидѣтельствовавшіе объ его отзывчивости на все прекрасное, возвышенное и доброе.

Живя на Англійской набережной, Пассоверъ отправлялся въ зданіе окружнаго суда на Литейномъ пѣшкомъ, удлинняя нарочно дорогу и заглядывая попутно къ букинистамъ.

Въ обыкновенное время онъ носилъ платье англійскаго покроя, что вполнѣ гармонировало съ его англоманією. Говорили, что Пассоверъ выступалъ даже съ успѣхомъ на судѣ въ Англии.

Я явился однажды къ А. Я. Пассоверу со студентомъ петербургскаго университета Варшавскимъ, предложивъ ему пожертвовать что-либо въ пользу студенческой кассы. Хотя онъ внесъ свою лепту, но счелъ нужнымъ развить предъ нами свои взгляды на университетское образованіе. Выходило, что люди, лишеныя средствъ, не должны тянуться къ высшему образованію, разъ оно имъ нецѣлесообразно, что наукѣ надо отдаваться всецѣло, не отвлекаясь грошовыми уроками, чтеніемъ корректуры и собираніемъ подачекъ.

Намъ не трудно было опровергнуть пассоверовскій софизмъ перечисленіемъ именъ великихъ людей, выбившихся изъ бѣднаго класса на торную дорогу науки и прославившихъ свои имена величайшими открытіями и научными завоеваніями. Напротивъ, полная матеріальная обезпеченность,—говорили мы,—часто располагаетъ къ нѣгѣ, лѣни и ничегонеделанію.

Если не всегда можно было соглашаться съ Пассоверомъ, то слушать его было истинное наслажденіе, хотя его рѣчи отличались простотою и чужды были риторическихкихъ красотъ.

Знаменитый цивилистъ велъ замкнутый образъ жизни и избѣгалъ всякой шумной общественной дѣятельности. И мнѣ пришлось однажды засвидѣтельствовать въ извѣстномъ домѣ у Цѣпного моста его благонадежность и непричастность къ политикѣ.

Случайно я былъ арестованъ съ письмомъ къ сосланной въ Сибирь студенткѣ Клейнъ, отправленнымъ ей чрезъ меня ея родителями изъ провинціи, не знавшими объ ея судьбѣ. Я былъ обысканъ, причѣмъ у меня обнаружено было письмо отъ одесскаго присяжнаго повѣреннаго къ своему петербургскому другу Пассоверу. Послѣдній былъ взятъ «подъ сумлѣніе», въ письмѣ совершенно безобиднаго свойства была усмотрѣна злокозненная аллегорія, и мнѣ стоило не-

мало труда реабилитировать себя и заодно ни въ чемъ неповинныхъ адвокатовъ ¹⁾).

Присущая ему скромность заставляла Пассовера уклоняться постоянно отъ всякихъ юбилейныхъ чествованій, но однажды онъ былъ застигнутъ врасплохъ, когда явился на конференцію молодыхъ адвокатовъ, ошеломленный привѣтственными рѣчами покойныхъ Спасовича, Герарда и другихъ свѣтилъ адвокатуры. Когда привѣтственные рѣчи были окончены, юбиляръ въ своемъ пиджакѣ англійскаго покроя занялъ обычное мѣсто за столомъ среди своихъ питомцевъ-адвокатовъ и произнесъ блестящую рѣчь о задачахъ конференціи...

Въ 1881 году Пассоверъ былъ привлеченъ къ участию въ еврейской депутаціи, принятой императоромъ Александромъ III, по ходатайству черезъ графа Н. П. Игнатъева, и его заявленія о правовомъ положеніи еврейской массы произвели впечатлѣніе на государя, заинтересовавшагося, между прочимъ, значкомъ на груди у адвоката: то былъ адвокатскій значокъ, который Пассоверъ послалъ не въ петлицу, какъ всѣ, а на груди.

Изъ своихъ провинціальныхъ адвокатовъ-писателей я не могу не вспомнить здѣсь о Л. А. Куперникѣ, безвременно скопчавшемся въ разгаръ освободительнаго движенія, для котораго немало поработалъ въ провинціальной печати. Купернику не суждено было дожить до вождедѣльной конституціи, о которой онъ мечталъ всю жизнь.

Извѣстіе о смерти Куперника застало меня въ Абаціи, гдѣ находился тогда и другъ его Н. П. Карабчевскій, подѣлившійся со мною своими воспоминаніями о покойномъ, напечатанными въ одномъ иллюстрированномъ изданіи вмѣстѣ съ моими личными воспоминаніями о Куперникѣ.

За адвокатскимъ попитромъ, въ своей общественной дѣятельности, въ своихъ статьяхъ и докладахъ въ юридическихъ обществахъ Куперникъ всегда ратовалъ за право. Большой знатокъ литературы, онъ усащалъ обыкновенно свои рѣчи подходящими цитатами изъ сочиненій классиковъ. Стилъ у Куперника не былъ витіеватый, но онъ умѣлъ часто смѣшить своимъ юморомъ. Простое, не совсѣмъ красивое лицо популярнаго адвоката преобразалось, когда онъ говорилъ публично. Послѣ одной его рѣчи присутствовавшей на процессѣ министръ юстиціи Набоковъ облобызалъ его и высказалъ ему свой восторгъ.

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ эпизодѣ было рассказано мною въ этомъ же журналѣ, въ очеркѣ, озаглавленномъ: «День у Цѣпнаго моста».

О Куперникѣ циркулируетъ много разказовъ, но самъ онъ признавалъ нѣкоторые изъ нихъ легендами. Разказы эти, однако, свидѣтельствуютъ о большой находчивости адвоката.

Защищаль однажды Куперникъ въ сѣздѣ мировыхъ судей лавочника, обвинявшагося полиціей въ открытіи дверей лавки на четверть часа раньше установленнаго времени. Свидѣтели, выставленные полицією, подтвердили изложенное въ полицейскомъ протоколѣ.

— И свидѣтели, и полицейскій протоколъ,—началь защитникъ,—говорятъ противъ подзащитнаго, но, господа судьи, взгляните на часы, висящіе въ этомъ залѣ! Они показываютъ два часа десять минутъ, а на моихъ часахъ—ровно два часа. Если вы, господа судьи, взглянете на свои часы, то увидите, что и они сильно расходятся во времени (судьи невольно схватились за свои часы). Почему же,—продолжалъ Куперникъ,—мы должны допустить, что часы господина околоточнаго, составлявшаго протоколъ, были самые точные и что мой клиентъ учинилъ нарушение 29 ст.? Не въ Гринвичской же обсерваторіи провѣряютъ свои часы господа околоточные надзиратели!..

И лавочникъ былъ оправданъ.

По дѣлу съ управленіемъ государственныхъ имуществъ повѣренный казны ходатайствовалъ объ отложеніи процесса.

— Повѣренный противной стороны,—заявилъ повѣренный,—представилъ такую уйму новыхъ документовъ, что я потерялъ голову...

— Прошу господина представителя управленія государственныхъ имуществъ,—замѣтилъ выступавшій по этому дѣлу Куперникъ,—указать намъ ту статью устава гражданскаго судопроизводства, которая предусматриваетъ потерю головы, какъ поводъ для отложенія дѣла. Если судъ уважить ходатайство противника, то прошу указать ему срокъ, въ теченіе котораго онъ долженъ найти свою потерянную голову...

Въ Кіевѣ былъ суровый судья, на лицѣ котораго ни одинъ смертный не видалъ никогда улыбки во время судебного священнодѣйствія.

— А мнѣ удастся его разсмѣшить!—заявилъ Куперникъ.

И одною изъ своихъ рѣчей остроумный адвокатъ такъ смѣшил грознаго судью, что тотъ заерзалъ на креслѣ и закрывалъ лицо лежавшею предъ нимъ папкою съ дѣломъ, дѣлая видъ, что читаетъ документы...

Въ другой разъ Куперникъ, защищавшій престарѣлую чету, обвиняющуюся въ поджогѣ, сумѣлъ тронуть присутствовавшихъ до слезъ. Плакали подсудимые, вытирали глаза сердобольные слушатели, и даже у одного изъ судей текли по ланитамъ предательскія слезы.

По другому дѣлу о поджогѣ прокуроръ среди другихъ доводовъ сослался на то, что поджигатель выбѣжалъ изъ спальни весь красный и смущенный...

— По какой причинѣ обвиняемый могъ выбѣжать ночью весь красный изъ спальни жены,—замѣтилъ Куперникъ:—на этотъ счетъ возможно и другое предположеніе...

И залъ суда огласился громкимъ хохотомъ.

Одну изъ самыхъ блестящихъ рѣчей своихъ Куперникъ произнесъ при разборѣ кутаискаго ритуальнаго процесса, окончившагося оправданіемъ его подзащитныхъ—горскихъ евреевъ. По этому случаю въ честь защитника устроенъ былъ въ квартирѣ финансиста А. И. Зака банкетъ, на который онъ явился въ поднесенномъ ему кліентами кавказскомъ костюмѣ.

Купернику, у котораго была большая выѣздная практика, вмѣняли въ вину, что онъ, якобы, пропускалъ сроки своихъ дѣлъ и являлся нерѣдко на защиту прямо съ поѣзда, впервые знакомясь съ обвиняемыми на судѣ. Въ этомъ было большое и опасное для его адвокатской практики преувеличеніе. Я помню, впрочемъ, что Куперникъ, послѣ устроеннаго, по нашей инициативѣ, чествованія П. И. Чайковскаго въ Одессѣ, отправился утромъ изъ ресторана прямо въ судъ на защиту.

Нападки на Куперника «Одесскаго Листка», откуда онъ ушелъ вмѣстѣ со мною, не остались безъ вліянія на его практику, и онъ переѣхалъ изъ Одессы въ Кіевъ.

Куперникъ былъ женатъ на дочери знаменитаго актера М. С. Щепкина. Его талантливая дочь-писательница носитъ двойную фамилію отца и матери. Одна изъ дочерей Куперника воспитывалась въ Москвѣ, въ классической гимназій Фишеръ и помѣстила однажды въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» патріотическое стихотвореніе, очень огорчившее отца поэтессы, когда я имѣлъ неосторожность показать ему номеръ газеты.

Писалъ Л. А. Куперникъ фельетоны, статьи по юридическимъ и общественнымъ вопросамъ и объ искусствѣ. Онъ состоялъ много лѣтъ предсѣдателемъ кіевского драматическаго кружка, выступалъ на подмосткахъ и былъ директоромъ одесскаго отдѣленія императорскаго русскаго музыкальнаго общества.

Въ качествѣ предсѣдателя драматическаго кружка, ему пришлось выдержать большую атаку со стороны націоналистическихъ газетъ («Кіевлянина» и «Новороссійскаго Телеграфа») за устройство чествованія въ Кіевѣ знаменитой Сарры Бернаръ послѣ брошеннаго въ ея карету одесскими погромщиками камня. Куперникъ оправдывалъ свою затѣю указаніемъ на то, что искусство не знаетъ національности и что у насъ не разъ чествовали иностранныхъ артистовъ, а въ Европѣ—русскихъ (А. Рубинштейна и другихъ).

Если бы въ провинціи въ мое время было больше такихъ литературныхъ силъ, какъ Куперникъ, то издателямъ не приходилось бы бѣгать взапуски за столичными писателями.

Появленіе на одесскомъ горизонтѣ проѣздомъ именитыхъ писателей изъ столицъ сопровождалось почти насильственнымъ чествованіемъ ихъ. Покойнаго Глѣба Успенскаго редакция «Одесскаго Листка», чтобы насолить конкуренту, заставила, помимо его воли, стать объектомъ чествованія. Его затащили въ ресторанъ, несмотря на упорное уклоненіе. Неоднократно чествуемъ былъ пріѣзжавшій въ Одессу читать лекціи Петръ Вейнбергъ. Затащили въ ресторанъ и находившагося проѣздомъ въ Одессѣ покойнаго П. А. Гайдебурова, который, впрочемъ, остался доволенъ чествованіемъ и по возвращеніи въ Петербургъ похвалилъ въ «Недѣлѣ» одесскихъ собратовъ.

Мнѣ припоминается такой комическій эпизодъ.

Попалъ въ 90-хъ годахъ въ Одессу проѣздомъ съ Балканъ А. В. Амфитеатровъ. О пребываніи его провѣдали мѣстные газеты, и началась погоня за талантливымъ сотрудникомъ. Издатели совали ему авансы, соревновали въ размѣрѣ построчной платы. Амфитеатровъ, видимо, присматривался къ газетамъ и не отказывался отъ переговоровъ съ двумя конкурентами.

Въ назначенное время сотрудники двухъ газетъ—«Одесскихъ Новостей» и «Одесскаго Листка»—со своими редакторами во главѣ собрались въ двухъ расположенныхъ одинъ противъ другого ресторанахъ, гдѣ стали поджидать къ завтраку именитаго сотрудника.

Давно уже пробилъ адмиральскій часъ, и проголодавшіеся сотрудники одной изъ газетъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали, когда можно будетъ приступить къ аппетитно сервированной закускѣ. А Амфитеатрова—нѣтъ, какъ нѣтъ! Позвонили къ нему въ гостиницу, откуда сообщили, что писатель уѣхалъ завтракать.

— А давно ли уѣхалъ?

— Около часу будетъ!..

— Не знаете ли вы, въ какой именно ресторанъ поѣхалъ г. Амфитеатровъ?—догадался спросить сотрудникъ.

— Кажется, въ «Петербургскій»...

— Какъ въ «Петербургскій»? Вѣдь мы его ждемъ во «Французскомъ» ресторанѣ.

— Не могу знать!—отвѣтилъ швейцаръ гостиницы.

Позвонили въ «Петербургскій» ресторанъ.

— У васъ завтракаютъ писатель изъ Петербурга Амфитеатровъ?

— У насъ завтракаютъ редакторъ «Одесскаго Листка» г. Навроцкий, г. Дорошевичъ и еще какіе-то господа.

— А нельзя ли попросить къ телефону г. Амфитеатрова?

Но редакторъ «Одесскаго Листка» предусмотрительно принялъ мѣры, чтобы Амфитеатрова къ телефону не допустили. Пришлось откомандировать делегата «Одесскихъ Новостей» и изъять Амфитеатрова изъ объѣздовъ сотрудниковъ «Одесскаго Листка», благо завтракъ подходилъ уже къ концу. Редакція «Одесскаго Листка» пожелала Амфитеатрову хорошаго аппетита и отпустила его съ миромъ.

Амфитеатрову пришлось отвѣдать и меню «Французскаго» ресторана. Повидимому, завтракъ въ «Петербургскомъ» ресторанѣ ему пришелся больше по вкусу, ибо онъ вернулъ «Одесскимъ Новостямъ» полученный авансъ и водворился въ «Одесскомъ Листкѣ».

II.

Смѣшеніе профессій.—Физиологи-публицисты.—В. А. Бильбасовъ и А. А. Краевскій.—Профессоръ, ученый, редакторъ и содержатель гостиницы.—Изъ революціонеровъ въ члены ученаго комитета.—Тургеневъ и два Бакста.—Герценлисты.—Мнимое открытіе профессора Тарханова.

Нигдѣ не наблюдается такое смѣшеніе профессій и призваній, такое совмѣщеніе несомѣстимаго, какъ въ нашей печати. Я зналъ врача-сифилидолога, который писалъ рецензіи о музыкѣ, астронома, писавшаго о биржѣ, профессора политической экономіи и редактора, интересовавшагося скачками и бѣгвымъ спортомъ. Специальность по горнозаводскому дѣлу и экономистъ К. А. Скальковскій писалъ о балетѣ и открылъ въ спинѣ танцовщицы Цукки больше поэзіи, чѣмъ во всей итальянской литературѣ. Профессоръ фортификаціи Цезарь Кюи, птицеводъ К. П. Галлеръ, чиновникъ и цензоръ Г. А. Лишинъ и химикъ Бородинъ сочиняли оперы и симфоніи и вели въ газетахъ музыкально-критическій отдѣлъ. Философъ, критикъ и авторъ статей объ иконографіи А. Л. Вольтинскій пишетъ нынче о хореографіи. Мой покойный другъ инженеръ-механикъ флота Н. В. Максимовъ служилъ въ Америкѣ кондитеромъ, былъ секретаремъ «New-York-Herald», писалъ превосходныя корреспонденціи съ войны, недурные рассказы и читалъ интересныя лекціи о литературѣ...

Въ «Голосѣ» сотрудничали два знаменитыхъ физиолога, печатавшіе статьи по финансовымъ, экономическимъ и политическимъ вопросамъ.

Впрочемъ, и самъ Краевскій былъ въ нѣкоторомъ родѣ совмѣстителемъ. Онъ одновременно подписывалъ, въ качествѣ издателя и редактора, охранительно-либеральный «Голосъ» и радикально-народническія «Отечественныя Записки», но въ «Голосѣ» главнымъ руководителемъ и фактическимъ редакторомъ былъ зять Краевскаго—В. А. Бильбасовъ, а «Отечественныя Записки», послѣ Некрасова, поддерживались тремя китами: Салтыковымъ, Михайлов-

скимъ и Елисеѣвымъ. Да и что могло быть общаго между участвовавшими въ «Голосѣ» видными бюрократами и г. Михайловскимъ!

Для посвященныхъ въ редакціонныя дѣла «Голоса» не было гайной, что Бильбасовъ старался придать газетѣ, державшейся часто при Краевскомъ охранительнаго направленія, болѣе лѣвый оттѣнокъ. Ему принадлежали многіе либеральные эквивоки и ядовитыя отсебятины въ передовыхъ статьяхъ. При Краевскомъ, который умѣлъ благополучно вести «Голосъ» между Сциллою и Харибдой тогдашней цензуры, газета продержалась бы, быть можетъ, еще долго. Но Краевскій отдыхалъ на завоеванныхъ имъ на издательскомъ поприщѣ лаврахъ, отдавшись дѣлу просвѣщенія подрастающаго поколѣнія въ Петербургѣ.

Послѣ приостановки «Голоса» въ 1881 году стала выходить подъ фирмою профессора В. И. Модестова «Новая Газета», по форматъ, шрифтъ, адресъ редакціи и конторы слишкомъ явно обличали, что это было второе изданіе «Голоса», что Краевскій лишь перекрасилъ свою старую вывѣску. «Новая Газета» прекратилась послѣ восьмого нумера, а «Голосъ» окончательно сошелъ съ журнальной арены въ 1883 году, когда онъ былъ подчиненъ предварительной цензурѣ.

Черезъ нѣкоторое время кто-то пустилъ слухъ, что «Голосъ» возрождается фізіологомъ Ціономъ, пріобрѣтшимъ тогда извѣстность своими скандальными исторіями съ профессорами и уволенными изъ-за него студентами медико-хирургической академіи, при чемъ новому издателю обѣщано, будто, покровительство свыше. Я сообщилъ объ этихъ слухахъ бывшему сотруднику «Голоса» профессору Н. И. Баксту.

— Правда ли, — спросилъ Бакстъ Бильбасова: — что Ціонъ собирается издавать «Голосъ»?

— Если вы меня спросите, — правда ли, что Ціонъ постригся въ монахи и поступилъ въ монастырь, — я этому повѣрю. Если вы скажете, что Ціонъ открываетъ кафешантанъ, я и этому повѣрю: онъ все можетъ. Отчего же не повѣрить, что онъ собирается издавать «Голосъ»? Разумѣется, мы добровольно ему своей фирмы не уступимъ...

Характеристика Ціона, сдѣланная Бильбасовымъ, была «съ подлиннымъ вѣрна». Ціонъ, послѣ столкновенія со студентами, забросавшими его розданными имъ же обличительными брошюрами противъ «невѣжественныхъ» профессоровъ академіи, эмигрировалъ въ Парижъ, былъ представителемъ нашего военного вѣдомства, выпустилъ памфлетъ противъ финансовой политики С. Ю. Витте, былъ лишенъ права вѣзда въ Россію и всѣхъ чиновъ, издавалъ одно время «Gaulois» и держалъ въ Парижѣ какую-то гостиницу для именитыхъ иностранцевъ.

При всемъ томъ это былъ выдающійся ученый, которому парижская академія не разъ присуждала преміи. Еще незадолго до

кончины, въ 1911 г., Ционъ опубликовалъ цѣнный трудъ о строеніи уха. Онъ приобрѣлъ международную славу открытіемъ сердечныхъ нервовъ.

Бильбасовъ умѣлъ давать мѣткія характеристики. Его спросили, какого онъ мнѣнія о редакторѣ одной большой газеты.

— Я знавалъ и видалъ на своемъ вѣку,—отвѣтилъ Бильбасовъ,—талантливыхъ, даже гениальныхъ евреевъ, практическихъ и идеальныхъ, честныхъ и безчестныхъ, но глупыхъ не видалъ. Когда же я встрѣтился съ редакторомъ Х., то убѣдился, что бываютъ и глупые евреи.

Еще болѣе мѣтко выразился о газетѣ покойный Салтыковъ:

— Когда мнѣ приносятъ газету имя рекъ, мнѣ кажется, что дуракъ вошелъ въ комнату.

Н. И. Бакстъ былъ человѣкъ во многихъ отношеніяхъ достопримѣчательный. Онъ подвизался въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ радикальныхъ кружкахъ Гейдельберга и вмѣстѣ со своимъ братомъ Владимиромъ издавалъ революціонные «Летучіе Листки», гдѣ, между прочимъ, раздѣлывали Тургенева за «Отцовъ и дѣтей». Тургеневъ въ долгу не остался и въ своемъ «Дымѣ» вывелъ одного изъ Бакстовъ—Владимира, котораго обезсмертилъ, кажется, и П. Д. Боборыкинъ въ своемъ романѣ «Докторъ Цыбулька».

Около Н. И. Бакста группировались всѣ гейдельбергскіе «герценисты». Самъ онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Герценомъ и Огаревымъ. Къ нему примкнули устремившіеся въ Гейдельбергъ въ 1861 году русскіе лицеисты, увлекавшіеся естественными науками и лишенные возможности отдаваться имъ, вслѣдствіе закрытія петербургскаго университета.

Николай Бакстъ закончилъ свою карьеру членомъ ученаго комитета, въ генеральскомъ чинѣ и со знаками отличія, какъ и многіе другіе «шестидесятники». Онъ былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ лучшихъ физиологовъ, хорошій газетный публицистъ, энергичный общественный дѣятель, фанатически преданный своему народу, для котораго немало поработалъ въ разныхъ обществахъ, и какъ ярый приверженецъ развитія земледѣльческаго и ремесленнаго труда.

Бакстъ былъ ученикомъ знаменитыхъ Людвигъ и Гельмгольца. Въ качествѣ профессора физиологіи женскихъ врачебныхъ курсовъ при Николаевскомъ госпиталѣ, онъ требовалъ отъ своихъ слушательницъ, чтобы онѣ знали его любимый предметъ не хуже, чѣмъ онъ самъ. На этой почвѣ у него выходили большія непріятности со слушательницами, сторону которыхъ приняли нѣкоторые искавшіе популярности профессора. Но Бакстъ былъ неумолимъ.

— Если мнѣ скажутъ,—заявилъ мнѣ какъ-то Бакстъ:—что у постели больного женщины-врачи обнаружили незнаніе анатоміи, гистологіи, химіи, я повѣрю. Но если скажутъ, что мои бывшія слушательницы не знаютъ фізіологіи, я скажу, что это враки.

И Бакстъ былъ правъ. Не правъ былъ онъ, когда слишкомъ рѣзко обрывалъ своихъ слушательницъ.

Экзаменуя студентку, которая, давъ неудовлетворительный отвѣтъ на предложенный ей экзаминаторомъ вопросъ, стала доказывать, что у него въ лекціяхъ какія-то неточности, Бакстъ ее оставилъ:

— Мой знаменитый профессоръ Людвигъ, когда одинъ изъ его учениковъ заявилъ ему, что предложенный вопросъ неправиленъ: «ist nicht richtig», дотронулся рукою до его лба и воскликнулъ: «Hier ist nicht richtig...»

Слушательница была сконфужена и прекратила свой диспутъ съ профессоромъ.

Бакстъ велъ нескончаемую войну на съѣздахъ естествоиспытателей и въ ученыхъ обществахъ съ другимъ русскимъ фізіологомъ, княземъ Тархановымъ. Въ журналѣ профессора Пфлюгера появился однажды отчетъ о великомъ открытіи, сдѣланномъ будто бы Тархановымъ. На повѣрку, сообщеніе оказалось ядовитою и остроумною мистификаціей. Авторомъ сообщенія считали Бакста, но онъ это рѣшительно отрицалъ.

III.

Ростъ и качественный упадокъ журналистики.—Житель-Незлобинъ о «соловьяхъ-разбойникахъ».—Генераль Грессеръ и садовые рецензенты.—Портной-антрепренеръ и пресса.—Неудавшаяся реклама заводу для выдѣлки шампанскаго.

Гоголь и Тургеневъ завѣщали честное обращеніе съ печатнымъ словомъ. Въ литературу надо входить съ чистыми руками и помыслами, съ горячею любовью и со стремленіемъ служить вѣчнымъ идеаламъ правды, добра и справедливости. За границею, особенно во Франціи, газеты давно уже утратили свое значеніе—проводниковъ такихъ идеаловъ. Онѣ являются тамъ источниками свѣжихъ и интересныхъ новостей и органами той или другой политической партіи. Онѣ выѣзжаютъ на ловкомъ репортажѣ, весь смыслъ котораго—быть по возможности сенсационнѣе и пикантнѣе. Тамъ процвѣтаютъ такъ называемая «publicité», подкупъ печати и промессы. Во Франціи существуютъ даже агенты для подкупа печати, такъ называемые *courtiers de publicité*... Качественно наша печать выше и лучше заграничной. Но она растетъ количественно. Въмѣсто нѣсколькихъ изданій, имѣвшихъ сотни подписчиковъ,

периодическая печать насчитываетъ теперь сотни органовъ съ сотнями тысячъ подписчиковъ и милліонами читателей. Рука объ руку съ количественнымъ ростомъ печати идетъ и ея вырожденіе.

На ряду съ газетами, отличающимися своимъ опрятнымъ и честнымъ направлениемъ и обслуживаемыми убѣжденными и стойкими журналистами, завелась органы, свидѣтельствующіе, что русская пресса мельчаетъ, приобретаая все болѣе и болѣе уличный характеръ. Ловля скандальныхъ и сенсационныхъ сообщеній, вторженіе въ частную жизнь, рекламированіе однихъ за хорошую мзду и разность другихъ за нежеланіе платить,—все это явленія, извѣстныя уже, къ сожалѣнію, и нашей журналистикѣ, но, по счастью, не всей, а только незначительной ея части.

Въ редакцію одной петербургской газеты хроникеръ С—скій доставилъ мнѣ бесѣду съ бывшимъ министромъ А. С. Е—вымъ о землеустроительныхъ дѣлахъ. Хроникеръ этотъ не принадлежалъ къ числу постоянныхъ сотрудниковъ, но бесѣда его была напечатана, какъ не возбуждавшая никакихъ сомнѣній.

На другой день является въ редакцію Е—ловъ съ жалобой.

— Что же вы со мною сдѣлали? Напечатали Богъ знаетъ что, вложивъ мнѣ въ уста слова, которыхъ я не говорилъ!..

Пришлось извиниться и исправить въ ближайшемъ номерѣ указанные Е—вымъ неточности.

— Вы что же это насъ подвели?—спрашиваю я вызваннаго мною въ редакцію С—скаго.

— И не думалъ васъ подводить! Я изложилъ наиточнѣйшимъ образомъ все сказанное мнѣ Е—вымъ, и не моя вина, если онъ сегодня нашелъ неудобнымъ для печати то, что говорилъ вчера. Я всегда пунктуально передаю бесѣды. Спросите, кого хотите. Вамъ могутъ сказать, что я иногда «получаю», и я спорить не стану, но бесѣды, повторяю, я излагаю правильно...

— Какъ это вы «получаете»? Не совсѣмъ понимаю васъ...

— Наивный вы человекъ и, видно, праведникъ въ газетномъ Сodomѣ. Развѣ вы не знаете, что здѣсь почти всѣ берутъ, что не довольствуются одною мизерною построчною платою?

— Кто же, напримѣръ, беретъ?—полюбопытствовалъ я.

— Говорю вамъ: почти всѣ!..

И С—скій назвалъ мнѣ много именъ, чуть ли не всю русскую азбуку, между прочимъ покойнаго редактора Х.

— Неужели и Х. «беретъ»? Вѣдь онъ зарабатываетъ большія деньги и, кажется, участникъ издательства!..

— Въ томъ-то и горе, что онъ очень жаденъ, и изъ-за этой его жадности я долженъ былъ покинуть газету. Мы съ нимъ не подѣлили. Собирались разоблачить незаконную игру въ одномъ клубѣ. Была уже набрана составленная мною обличительная статья. Оттискъ былъ кое-кому показанъ. Старшина клуба Ж—овъ сталъ

просить о пощады и предложил известную сумму. Поторговались и сошлись в цене. Х. взял себя львиную долю, а мы отсчитали такие пустяки. Мы и разругались. И вот я явился к вам с предложением своих услуг... А беседы я излагаю всегда правильно...

Разсказанная мной С—ским история одной взятки была, повидимому, не вымышленная. Такие же истории происходили в Москве, где шантажный триумvirат (Р—рь, С—вь и О—вь) являлся к купцам с отписками обличительных статей и с требованием «выкупа» за непомятение оных. Компания была выслана из Москвы.

Само собой разумеется, что редакция газеты, где я работал, отказалась от услуг писателя, признававшего недопустимым неточное изложение бесед с сановниками, но находившего в порядке вещей получение взяток.

В начале 90-х годов в «Новом Времени» появился резко написанный фельетон Жителя-Незлобина (Дьякова) под заглавием «Соловьи-разбойники». В фельетоне этом беспощадно клеймились некоторые писатели, торговавшие оптом и в розницу печатным словом.

Поводом к грозной филиппике фельетониста послужило мало кому памятная история «садовых рецензентов», высланных покойным петербургским градоначальником генералом Грессером.

Больше всех был скомпрометтирован ныне покойный журналист, по имени Аксель Г—сь, которому стихотворец-драматург Маркяронь посвятил остроумное стихотворение, начинавшееся так:

Скажи-ка, брат Аксель,
Берешь ты все по таксь.

Аксель был журналист не без дарования, редактировал газеты, прекрасно владел языками, писал стихи, рассказы, фельетоны, политические статьи, — словом, был и швец, и жнец, и в дуду игрец. Он стяжал бы себе хорошее имя в журналистик, как пользующийся безупречною репутацией брат его, если бы не стал гоняться за крупными кушами, не обзаводился собственными выездами и роскошною квартирою.

О подвигах Акселя стало известно совершенно случайно.

К генералу Грессеру явился на прием купец и гласный думы О—вь, владелец модных магазинов А—ца, с просьбою о заступничестве.

— Заступитесь, ваше пр—ство, — взмолился купец: — очень уж обижают...

— Кто же это вас обижает? — спросил градоначальник.
истор. вестн., июль 1913 г., т. сxxxiii.

— Да вотъ писатель тутъ одинъ есть...

И О—въ разскалъ Грессеру слѣдующее.

Его возлюбленная Р—ва подвизалась на сценахъ лѣтнихъ театровъ, гдѣ блистала больше нарядами моднаго магазина О—ва, чѣмъ сценическими дарованіями. Въ газетѣ Акселя появлялись самые хвалебные отзывы о Р—вой, которые, кромѣ обычнаго гонорара отъ издателя, щедро оплачивались покровителемъ артистки, но *l'appetit vient en mangeant*... Совершивъ поѣздку за границу и издержавшись въ дорогѣ, какъ Хлестаковъ, Аксель потребовалъ уплаты ему О—вымъ сверхсмѣтнаго бакшиша. О—ва, у котораго дѣла приходили въ упадокъ, кто-то надоумилъ обратиться къ Грессеру. Послѣдній имѣлъ нѣкоторое представленіе о шантажныхъ вымогательствахъ садовыхъ рецензентовъ со словъ близко знакомой ему антрепренерши Линской-Неметти.

— А вы вотъ что сдѣлайте,—сказалъ Грессеръ О—ву:—запишите мнѣ нумера денежныхъ знаковъ, которые имѣются при васъ, и вы ихъ и дадите рецензенту. Два моихъ агента, которыхъ отрекомендуете ему своими пріятелями, должны задержать его съ поличнымъ...

Въ назначенный день рецензентъ явился въ отдѣльный кабинетъ сада «Аркадія», гдѣ засталъ О—ва и его мнимыхъ пріятелей. Послѣ обильнаго ужина наступила расплата. О—въ незамѣтно для пріятелей сунулъ деньги рецензенту, изъ кармана котораго онѣ перешли въ руки агентовъ.

Въ результатѣ—постановленіе о высылкѣ Акселя и, за компанію, еще нѣсколькихъ человекъ.

Дознаніе, произведенное агентами полиціи, выяснило, что нѣкоторые рецензенты получали отъ антрепренеровъ мѣсячные оклады, артисты платили разовыя, а содержатели садовыхъ ресторановъ угощали даромъ буттербрдами и ужинами. Отсюда и названіе «буттербродные писатели». Обыкновенно рецензенты платили за ужинъ, но плата полностью возвращалась имъ въ видѣ сдачи: двадцатипятирублевка возвращалась размѣненной или даже съ нѣкоторымъ лишкомъ...

Сами антрепренеры вмѣняли въ обязанность артистамъ и особливо артисткамъ заботиться о благоволеніи прессы.

— На языкѣ антрепренеровъ,—сказалъ мнѣ покойный антрепренеръ и бывший управляющій увеселителя «Парадиза» Н. Н. Киселевичъ,—это называлось «запасаться паспортомъ».

— У васъ «паспортъ» есть?—справлялся антрепренеръ.

И артисты знали, о какомъ паспортѣ идетъ рѣчь.

Я былъ свидѣтелемъ, какъ содержатель Демидова сада портной Березъ преподнесъ маститому рецензенту въ день его именинъ серебряный приборъ для бритья, а въ день своихъ собственныхъ именинъ тотъ же Березъ угощаль прессуужиномъ. Писатели

говорили рѣчи о высокомъ значеніи культивировавшагося бывшимъ портнымъ опереточнаго и кафешантаннаго искусства.

Когда ораторы пускали въ ходъ мудренныя слова, портной тревожно озирался кругомъ, не зная, хвалять ли его, или ругаютъ.

— Велика подать еще шампанскаго!—говорилъ въ этихъ случаяхъ Березъ женѣ, думая этимъ умиловить прессу...

Послѣ вынужденнаго отъѣзда изъ Петербурга Аксель исчезъ на время съ горизонта, а потомъ объявился въ Одессѣ, гдѣ занялъ амплуа фельетониста «Одесскаго Листка», вмѣсто В. М. Дорошевича, покинувшаго газету изъ-за извѣстнаго недоразумѣнія съ градоначальникомъ-самодуромъ П. А. Зеленымъ.

Редакція, въ лицѣ покойнаго Л. А. Куперника, фельетониста Осы и автора этихъ строкъ, запротестовала противъ участія новаго фельетониста и покинула газету. Въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» появился тогда вторымъ изданіемъ фельетонъ Жителя, но издатель «Одесскаго Листка» ничуть не смутился этимъ и не пожелалъ разстаться съ Акселемъ. Послѣдній въ бесѣдѣ со мною откровенно сознался, что не прочь получить мзду, если отъ этого не страдаютъ общественные интересы.

— Отчего бы и не взять съ прожектора, инженера или концессионера, проектирующихъ какія-нибудь общепольныя сооруженія? Во всякомъ случаѣ, если вы будете продолжать свои протесты противъ моего участія въ газетѣ, то я ни передъ чѣмъ не остановлюсь!—пригрозилъ мнѣ Аксель, похлопавъ многозначительно по карману.

— Что это у васъ тамъ?—спросилъ я.

— Маленькій револьверъ...

— Вѣроятно, шоколадный!—замѣтилъ я и разстался съ Акселемъ.

Издатель рекомендовалъ мнѣ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы въ газету не проникали шантажныя замѣтки.

— Не услѣдишь!—отвѣтилъ я и отрясъ прахъ съ ногъ своихъ.

Что произошло послѣ нашего ухода, сказать не могу.

Г—съ изъ либеральной газеты перешелъ въ черносотенныя изданія и умеръ почти нищимъ.

Впрочемъ, и до водворенія Г—са въ одесской печати нѣкоторые дѣятели журналистики были не безъ грѣха. Къ одному нынѣ здравствующему писателю-фельетонисту покойный издатель газеты обратился съ такимъ предложеніемъ:

— Вы все жалуетесь, что у васъ нѣтъ темъ! А вотъ вамъ прекрасная тема: въ Одессѣ открыть заводъ для выдѣлки шампанскаго купцомъ Родокапаки. Отчего бы вамъ не привѣтствовать этой новой отрасли промышленности въ нашемъ городѣ? Не все же упрекать русскихъ промышленниковъ въ недостаткѣ предприимчивости!..

Не успѣлъ издатель кончить изложеніе своей темы, какъ два дюжихъ артельщика внесли въ редакцію ящикъ съ шампанскимъ. Издатель смутился, а фельетонистъ предложенною темой не воспользовался...

Кто-то недавно пустилъ въ ходъ апокрифическую бесѣду съ артисткою М. Н. Кузнецовой о прессѣ, о продажныхъ рецензентахъ, объ издателяхъ и редакторахъ, рекламирующихъ въ своихъ газетахъ только артистовъ, играющихъ и поющихъ на ихъ семейныхъ вечерахъ и раутахъ. Бесѣда эта продиктована была стремленіемъ поссорить талантливую пѣвицу съ печатью, но нѣкоторые факты, въ ней изложенные, надо признать не лишеными правдоподобія... Ни для кого не секретъ, что иные рецензенты насильно навязывали антрепренерамъ своихъ пріятельницъ, часто бездарныхъ, что сообщенія о повредившихъ артисту омарахъ и о любимой кошкѣ премьерши щедро оплачивались, что колоссальныя театральныя объявленія въ нѣкоторыхъ газетахъ—своего рода взятка... Извѣстенъ старый театральнй репортеръ малой прессы З—ръ, нажившій шантажемъ два многоэтажныхъ дома...

IV.

Американскіе газетные нравы въ нашей печати.—Газетные Шерлокъ-Холмсы.—Николаевская шинель.—Святоточные рассказы въ отдѣлѣ городскихъ происшествій.—Мнимые судебные процессы.—Заграничныя корреспонденціи съ Николаевской улицы.—Реляціи съ театра японской войны на джоккахъ по Крюкову каналу.—Всесвѣтнй корреспондентъ.—Герой двухъ романовъ.—Сіонистъ на православномъ кладбищѣ.

Заграничные, вѣрнѣе, американскіе газетные нравы все болѣе пробиваются и въ нашей журналистикѣ.

Американскіе репортеры славятся своею находчивостью. Подсматрѣть, подслушать, проникнуть въ тайное частное собраніе въ видѣ лакея, съ чисто шерлоковскою ловкостью наводить на бесѣду человѣка, не склоннаго къ интервью,—все это долженъ уметь американскій репортеръ. Русская журналистика лишь теперь вырабатываетъ типъ американскаго репортера, но я встрѣчалъ много лѣтъ назадъ репортеровъ, для которыхъ не существовало закрытыхъ дверей.

Не одинъ покойный король репортеровъ Ю. О. Шрейеръ могъ проникнуть, подъ видомъ услужающаго, на тайный обѣдъ заправиль акціонернаго общества. Я зналъ въ Одессѣ репортера, которому можно было давать самыя, казалось бы, неисполнимыя порученія,—и онъ никогда не ударялъ лицомъ въ грязь. Это былъ покойный хроникеръ одесскихъ газетъ Л—съ, прозванный «николаевской шинелью», съ которой онъ не разставался зимою.

Въ одно прекрасное утро стало извѣстно Л—су, что въ Одессу возвращенъ временно изъ Сибири сосланный туда, по распоряженію

градоначальника П. А. Зеленого, дисконтеръ Хлава Аглицкій, въ виду предстоявшаго разбора дѣла о немъ. Зеленый не желалъ, чтобы въ печать попали какія-либо свѣдѣнія объ Аглицкомъ. И вмѣсто того, чтобы, какъ онъ дѣлалъ это постоянно, предписать редакторамъ, подъ обычными угрозами, не сообщать ничего о дисконтерѣ, градоначальникъ приказалъ смотрителю тюрьмы принять мѣры, чтобы за стѣнами ея не знали ничего объ Аглицкомъ.

— Кто бы васъ ни спрашивалъ, смотрите у меня—нишки! Только мнѣ да прокурору можете отвѣчать на вопросы объ Аглицкомъ. Ослушанія вашего не потерплю...

Но Л—съ зналъ о мѣстонахожденіи дисконтера, зналъ онъ и о распоряженіи всеильнаго градоначальника. Это его не остановило. Вечеромъ въ канцеляріи тюрьмы раздался рѣзкій звонокъ телефона, и изъ аппарата послышался зычный голосъ градоначальника:

— Что Аглицкій? Въ какой онъ тамъ у васъ камерѣ? Кто его навѣстилъ? Былъ ли прокуроръ? Что онъ вамъ говорилъ? и т. д.

Смотритель тюрьмы отрапортовалъ отвѣты на всѣ вопросы.

На слѣдующій день въ газетѣ появилась замѣтка объ Аглицкомъ. Оказалось, что Л—съ имитировалъ характерный баритонъ градоначальника. О мистификаціи репортера знали только въ редакціи, — и она не имѣла для него никакихъ послѣдствій, такъ какъ градоначальникъ не догадался распорядиться о непомѣщеніи замѣтокъ объ Аглицкомъ. Смотритель оставался при полномъ убѣжденіи, что бесѣдовалъ по телефону съ самимъ градоначальникомъ.

Когда въ городѣ совершались какія-нибудь крупныя преступленія, убійства и т. п., Л—съ опережалъ полицію и слѣдственные власти въ дѣлѣ раскрытія подробностей, воспроизводя часто разговоры, происходившіе между убитыми и не отысканными убійцами.

Ловкій репортеръ въ послѣдствіи самъ попалъ въ хронику происшествій; онъ не удовольствовался своими успѣхами на газетномъ поприщѣ, занялся спекуляціей съ домами, запутался и покончилъ счеты съ жизнью, оплакиваемый издателями.

За оскудѣніемъ сенсационныхъ происшествій допускались измышленія въ отдѣлѣ происшествій. Полиція смотрѣла на это сквозь пальцы. Часто находили въ канавахъ подброшенныхъ малютокъ, которыхъ никто въ глаза не видалъ; старухи время отъ времени бросали въ печь ребятъ и т. д. Даже въ судебномъ отдѣлѣ допускались вымыслы, когда судебная хроника оскудѣвала или мировые судьи, вродѣ знаменитаго петербургскаго Соломона—Трофимова, доставлявшаго обильный матеріалъ газетамъ своими остроумными колѣбцами, бездѣйствовали.

Одинъ старый газетный референтъ Х—мовъ попросту сочинялъ небывалыя судебныя дѣла, разбиравшіяся будто у «одного изъ

мѣстныхъ судей». Каждому мировому судѣ предоставлялось думать, что излагаемое дѣло разсматривалось его коллегой. Когда судебный референтъ сталъ завираться и заставлялъ мировыхъ судей разбирать дѣла, имъ неподсудныя, было обращено вниманіе редактора на полетъ фантазіи судебного референта.

— Что жъ!—сказалъ редакторъ:—*Se non e vero e ben trovato...* Нехорошо, что Х—мовъ завирается, но пусть сочиняетъ и небывалыя дѣла, лишь бы они были правдоподобны и интересны. Читаятъ!..

Теперь въ отдѣлѣ происшествій въ газетахъ—и не только въ органахъ малой прессы—печатаются святочные рассказы и пѣлыя главы изъ уголовныхъ романовъ Евгенія Сю и Понсонъ дю-Террайля, свидѣтельствующія о неистощимости творческой фантазіи господъ хроникеровъ.

Самая захудалая газета не обходится теперь безъ корреспондентовъ со всѣхъ концовъ земного шара и пѣлой арміи репортеровъ-Шерлоковъ. Въ доброе старое время корреспондентовъ за границей имѣли только болѣе обеспеченныя газеты.

Я зналъ четырехъ корреспондентовъ большой петербургской газеты, жившихъ вмѣстѣ въ двухъ меблированныхъ комнатахъ гдѣ-то на Николаевской улицѣ и строчившихъ тамъ корреспонденціи изъ Парижа, Лондона, Нью-Йорка и Пекина. Въ болѣе близкое къ намъ время недавно скончавшійся политическій сотрудникъ большой газеты Б. П. Бурдесъ, жившій на Крюковомъ каналѣ, мысленно переносился ежедневно въ Берлинъ, Вѣну и Лондонъ, составляя корреспонденціи оттуда, а во время русско-японской войны посылалъ свои телеграфныя и почтовые реляціи на китайскихъ джонкахъ, вѣроятно, по Крюкову каналу.

— Отчего это вашъ берлинскій корреспондентъ Оленинъ не заглянетъ никогда къ намъ въ посольство, гдѣ часто бываютъ за свѣдѣніями корреспонденты другихъ газетъ?—спросилъ меня въ бытность мою проѣздомъ въ Берлинъ секретарь нашего посольства князь Волконскій:—непремѣнно попросите его бывать у насъ,—заявилъ съ ехидною улыбкой на устахъ молодой берлинскій дипломатъ.

Съ такими же вопросами могли бы обратиться ко мнѣ и посольскіе чиновники въ Лондонѣ, Вѣнѣ и другихъ городахъ.

Этотъ всесвѣтный корреспондентъ, который могъ одинъ своими оригинальными произведеніями и переводами наполнять ежедневно нѣсколько газетныхъ листовъ,—личность во многихъ отношеніяхъ достопримѣчательная, и о немъ стоитъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Бурдеса зналъ весь журнальный міръ, и его даже увѣковѣчили въ своихъ романахъ два нашихъ беллетриста, І. І. Ясинскій и О. И. Дымовъ. Хорошій лингвистъ, знатокъ въ области богословія

и отчасти философии, переводчикъ одной изъ книгъ Канта («Грезы духовидца»), Бурдесъ занималъ скромное амплуа газетнаго политическаго передовика и переводчика, принадлежа къ числу тѣхъ писателей, имена которыхъ скрыты отъ читающей публики и становятся извѣстными развѣ изъ некрологическихъ замѣтокъ.

При болѣе благоприятныхъ условіяхъ изъ Бурдеса могъ бы выработаться ученый, трибунъ или адвокатъ.

Худенькій, щупленькій, съ кудрявой головою, Бурдесъ производилъ своей наружностью комическое впечатлѣніе, но его глаза свѣтились огнемъ, и его сморщенное лицо загоралось, когда онъ заговаривалъ и вступалъ въ споръ. А спорить онъ могъ безъ конца, цѣлыми часами, о чемъ угодно.

Съ Владимиромъ Соловьевымъ Бурдесъ велъ философскіе диспуты. Съ писателями говорилъ о литературѣ, а съ журналистами о газетахъ. У него былъ неизсякаемый источникъ словъ. Онъ противорѣчилъ себѣ на каждомъ шагѣ, опрокидывая то, что самъ утверждалъ нѣсколькими минутами раньше. Это была какаятодвойственная надломанная натура, какъ и вся его жизнь. На цѣпочкѣ его часовъ красовался брелокъ съ портретомъ сиониста Герцля, а за жилеткой усмотрѣли у него однажды крестикъ. Въ углу въ его квартирѣ висѣла икона, а въ письменномъ столѣ находились пожелтѣвшій еврейскій молитвенникъ и молитвенное покрывало.

Съ одинаковымъ паѳосомъ Бурдесъ говорилъ и о великости русскаго народа, и объ его неминуемой гибели отъ пьянства и сифилиса. Онъ грезилъ Сиономъ, мечталъ о возрожденіи палестинскаго государства, куда собирался всю жизнь, и въ то же время ругалъ евреевъ, какъ самый отчаянный антисемитъ.

Однажды я получилъ отъ Бурдеса записку съ просьбою пріѣхать къ нему немедленно, такъ какъ онъ долженъ изложить мнѣ свою «послѣднюю волю». Я засталъ его въ постели съ еврейскимъ молитвенникомъ въ рукахъ. Лицо его было мокро отъ слезъ.

— Другъ мой, я умираю. Какъ видите, я молюсь: это молитвенникъ моего покойнаго отца, съ которымъ онъ не разставался до могилы. Прошу васъ и Б. А. Марковича (товарища по газетѣ) быть моими душеприказчиками и отвезти мое многогрѣшное тѣло въ Берлинъ, на еврейское кладбище. Тамъ это можно...

Я старался успокоить умирающаго, предложивъ ему, вмѣсто услугъ душеприказчиковъ, услуги врача.

На слѣдующій день я прежде, чѣмъ провѣдать собиравшагося умереть товарища, отправился въ редакцію, гдѣ засталъ Бурдеса на обычномъ мѣстѣ за переводами. Оказалось, что одной ложки кастороваго масла было достаточно, чтобы спасти его отъ близкой кончины.

Въ своихъ политическихъ статьяхъ Бурдесъ развивалъ часто такіе патріотически-шовинистскіе взгляды, что сотрудники съ отвращеніемъ брали газету въ руки. Въ эпоху русско-японской войны, въ день Покрова, онъ закатилъ такую религіозно-шовинистскую передовицу, что все пришли въ ужасъ, а самъ онъ въ душѣ смѣялся надъ своимъ писаніемъ. Газету, въ которой работалъ, и издателя ея Бурдесъ смѣшивалъ съ грязью всюду, гдѣ бывалъ, но предъ издателемъ онъ выражалъ свои восторги о газетѣ, а самого патрона называлъ «краснымъ солнышкомъ, озаряющимъ при своемъ появленіи редакціонный небосклонъ». Бурдесъ выражался всегда выпендренно и витіевато...

Знаніе иностранныхъ языковъ доставило Бурдесу возможность познакомиться съ высшими военными чинами, между прочимъ съ генераломъ Куропаткинымъ, для котораго составлялъ, по его словамъ, рефераты о военныхъ дѣлахъ, по иностраннымъ источникамъ. Это, повидимому, и подало поводъ къ проникшимъ въ 1905 году въ одну газету слухамъ объ особыхъ отношеніяхъ его къ пѣкому учрежденію, гдѣ менѣе всего мѣсто дѣятелю печати.

Бурдесъ работалъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Лучѣ» (Вольфа), «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и друг. Изъ его статей можно было составить не одинъ десятокъ томовъ.

Много разъ Бурдесъ выражалъ желаніе вернуться въ лоно еврейства. Но, заболѣвъ, онъ забылъ о еврейскомъ лонѣ, вернулся полумертвый изъ-за границы и обрѣлъ вѣчный покой на Смоленскомъ православномъ кладбищѣ.

— Съ такимъ лицомъ да въ православной церкви!—замѣтилъ кто-то, когда отпѣвали Бурдеса въ церкви на Смоленскомъ кладбищѣ

V.

Кулачная и словесная полемика.—Образчики полемики.—Издатель, обвинявшій своихъ конкурентовъ въ воровствѣ и взяточничествѣ.—Символическое убійство фельетонистомъ редактора.—Неудобство «однофамельства» съ журналистами.

Ошибаются тѣ, кто думаетъ, что только военная служба связана съ опасностями. Не безопасенъ и путь журналиста. Съ писателями «полемизируютъ» иногда и кулаками, и съ оружіемъ въ рукахъ.

Къ М. О. Меньшикову явился много лѣтъ тому назадъ въ редакцію покойной «Недѣли» для личныхъ объясненій по поводу его небезосновательныхъ разоблаченій земскій начальникъ Жсденевъ (нынѣшній редакторъ «Грозы») и пустилъ въ ходъ револьверъ.

Въ музеѣ Ф. Ф. Фидлера среди другихъ литературныхъ реликвій хранится палка, которою былъ избитъ одинъ критикъ.

Мартирологъ изувѣченныхъ и избитыхъ въ разное время корреспондентовъ, сотрудниковъ и редакторовъ былъ бы довольно

великъ, если бы кто-либо удосужился регистрировать всё факты изъ этой области.

На нашихъ глазахъ произошло нѣсколько избіеній редакторовъ большой петербургской газеты.

Нѣкоторые мои знакомые предусмотрительные редакторы рѣшительно избѣгали личныхъ объясненій съ неизвѣстными имъ посѣтителями, предоставляя это удовольствіе своимъ помощникамъ и секретарямъ. Иные не разставались никогда съ револьверами и палками, даже въ своихъ кабинетахъ.

Извѣстный велосипедистъ и летчикъ Уточкинъ, побившій на своемъ вѣку не одинъ рекордъ, побилъ и немало журналистовъ. То же дѣлалъ извѣстный клоунъ Дуровъ.

Въ послѣдніе годы, съ появленіемъ въ Одессѣ такъ называемыхъ «неизвѣстныхъ молодыхъ людей», вооруженныхъ резиновыми палками, избіеніе журналистовъ сдѣлалось бытовымъ явленіемъ.

Объ угрозахъ избить журналистовъ и говорить не приходится.

Въ редакцію «Новостей» въ 80-хъ годахъ явились для объясненія съ редакторомъ два князя Шаховскихъ, бывший эстляндскій губернаторъ, его братъ, впоследствии начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, и полковникъ графъ А. Д. Милютинъ, сынъ фельдмаршала, на дочери котораго былъ женатъ одинъ изъ Шаховскихъ.

— Вы уполномочены давать намъ объясненія?—спросили меня посѣтители.

— Да, уполномоченъ редакторомъ принять васъ и выслушать,—отвѣтилъ я.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте васъ спросить, по какому праву вы напечатали въ газетѣ, что княгиня Х. выбросилась изъ желѣзнодорожнаго вагона на австрійской территоріи?

— Я лично, какъ и редакторъ, тутъ ни при чемъ. Мы дали мѣсто сообщенію пользующагося нашимъ довѣріемъ постоянного корреспондента, появившемуся кстати и въ полученныхъ редакціей вѣнскихъ газетахъ.

— Мы теперь не въ редакціи вѣнскихъ газетъ и намъ до нихъ нѣтъ дѣла. Вы не смѣли печатать о покушеніи княгини, не испросивъ на то разрѣшенія ея близкихъ. Да знаете вы, кто мы и что мы можемъ съ вами сдѣлать! Въ порошокъ сотремъ, къ министрамъ обратимся!—орали все болѣе и болѣе наступавшіе на меня посѣтители.

Я далъ имъ возможность излить свой гнѣвъ до конца и когда они истожили запасъ ругательныхъ словъ и угрозъ, предложилъ имъ дать опроверженіе.

— Еще этого недоставало, опять трепать имя княгини въ печати!

— Какое же другое удовлетвореніе мы можемъ предложить вамъ?—спросилъ я.

— Мы вамъ покажемъ, какое удовлетвореніе!—кричалъ волнованнѣйшій больше всѣхъ графъ Милютинъ.

И посѣтители ушли, посылая по адресу газеты всевозможныя угрозы.

Дѣло обошлось благополучно, и о немъ не вспомнилъ князь Николай Шаховской, когда занялъ постъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, покинутый имъ послѣ появленія извѣстнаго фельетона Амфитеатрова въ «Россіи».

И не только обыватели чинятъ нападенія на писателей. Нерѣдко происходятъ потасовки и между самими писателями. Нынѣ здравствующій писатель Л—въ кинулъ однажды чернильницу въ издателя П.

До какихъ крайностей и эксцессовъ доходила порою личная перебранка писателей и взаимная травля—это болѣе или менѣе извѣстно слѣдившимъ за нашею журналистикою.

Заслуженный писатель П. Д. Боборыкинъ заявилъ во время юбилейнаго чествованія его, не безъ чувства горечи:

— Двадцать пять лѣтъ подъ рядъ меня вышучивали и травили, а пятнадцать лѣтъ—обидно замалчивали...

Во взаимной писательской травлѣ одинаково принимали участіе и либеральные, и нелиберальные писатели.

«Дѣло», въ отвѣтъ на справедливое негодованіе покойнаго Богусевича въ «Литературной Библіотекѣ» по поводу статьи въ благосвѣтловскомъ журналѣ «О литературныхъ приживалкахъ и содержанкахъ», разразилось слѣдующею филиппикою: «господинъ имя рекъ разыгрываетъ изъ себя рыцаря; онъ вступился за литературныхъ дамъ, забывая, что въ литературѣ нѣтъ пола: какъ самъ имя рекъ есть публичный мужчина, такъ и защищаемыя имъ дамы—публичныя женщины»...

Помню, какое негодованіе вызвалъ со стороны Н. С. Лѣскова критическій лексиконъ А. М. Скабичевскаго, назвавшаго романы писательницы Ахматовой «мерзопакостными», «гнусными» и т. п. эпитетами. Лѣсковъ справедливо указывалъ, что критика не нуждается въ такихъ эпитетахъ для оцѣнки разбираемыхъ литературныхъ произведеній...

Какъ образчикъ литературной полемики, можно привести слѣдующее «морсо» изъ фельетона одного стараго критика:

— Ты знаешь,—спрашиваетъ писатель М—чь своего коллегу Г—скаго:—какое между нами сходство? Мы оба глупы, наглы и грязны въ своихъ произведеніяхъ.

— Да, это правда!—отвѣчаетъ Г—скій..

Такихъ образчиковъ полемическаго жаргона можно было бы привести немало.

Петербургскимъ писателямъ-полемистамъ особенно усердно подражали всегда одесскіе писатели, доходившіе порою до геркулесовыхъ столбовъ въ своихъ полемическихъ пріемахъ... И чѣмъ вліятельнѣе были газеты и ихъ сотрудники, тѣмъ яростнѣе нападали на нихъ конкуренты.

Едва въ «Одесскомъ Листкѣ» появилась замѣтка издателя о приглашеніи меня въ качествѣ завѣдующаго редакціею, какъ я былъ облилъ цѣлымъ ушатомъ помоевъ. Меня такъ основательно вымазали грязью, что я готовъ былъ уложить чемоданы и вернуться во-свояси. Зная болѣе или менѣе жестокіе нравы одесскихъ писателей, я рѣшилъ было до поры, до времени оставлять измышленія на мой счетъ безъ отвѣта, но находившійся случайно въ Одессѣ талантливый писатель Н. В. Максимовъ (братъ автора «Бродячей Руси» и др.) вознегодовалъ:

— Какъ! О васъ пишутъ всякія небылицы, а вы будете отмалчиваться! Да они Богъ знаетъ, до чего договорятся! Я бы не такъ реагировалъ...

— Но измышленія слишкомъ очевидны и явны, репутація «Новороссійскаго Телеграфа» довольно установившаяся, и этой газетѣ я доставлю только удовольствіе, выступивъ на полемическій турниръ,—отвѣтилъ я.

— Въ такомъ случаѣ дайте мнѣ мѣсто для отповѣди «Новороссійскому Телеграфу», какъ писателю, знающему васъ...

И въ «Одесскомъ Листкѣ» появилось горячо написанное письмо въ мою защиту, не спасшее меня, разумѣется, отъ дальнѣйшихъ нападокъ и инсинуацій на столбцахъ «Новороссійскаго Телеграфа».

Издатель «Одесскаго Листка» Навроцкій на банкетѣ при открытіи въ Одессѣ выставки домоустройства публично обвинялъ своего конкурента издателя «Одесскихъ Новостей» Старкова въ воровствѣ, ссылаясь на публикацію милліонера Ралли о лишеніи его довѣренности. Публикація эта, сданная для помѣщенія въ газетѣ одинъ-два раза, не сходила со столбцовъ «Одесскаго Листка» въ теченіе продолжительнаго времени, хотя она не была оплачена, и печаталась крупнымъ шрифтомъ на первой страницѣ. Другого издателя, Озмидова, тотъ же Навроцкій обвинялъ въ полученіи взятки у военныхъ поставщиковъ, и дѣло дошло у нихъ даже до драки въ клубѣ, въ присутствіи многочисленной публики. Въ ходѣ едва не былъ пущенъ револьверъ.

Нынѣ здравствующій писатель П. А. Сергѣенко изувѣчилъ въ Одессѣ журналиста Б—скаго, который долго послѣ этого не разставался съ повязкою и бинтами.

Въ той же Одессѣ покойный фельетонистъ баронъ Иксъ, разсердившись за что-то на своего редактора и коллегу А. С. Попандупуло, бросился съ револьверомъ на его портретъ и прострѣлилъ

его. Послѣ этого символическаго убійства убійца и убитый мирно продолжали работать въ одной газетѣ.

Быть въ шкурѣ русскаго журналиста—удовольствіе небольшое. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ я встрѣчался въ редакціи еженедѣльной петербургской газеты съ моимъ однофамильцемъ Аркадіемъ Кауфманомъ, отцомъ нынѣ хорошо извѣстнаго профессора статистики и специалиста по переселенческимъ и землеустроительнымъ дѣламъ А. А. Кауфмана. Аркадій Кауфманъ меценатствовалъ и жертвовалъ большія суммы на благотворительныя дѣла.

— Прошу васъ въ личное мнѣ одолженіе,—сказалъ мнѣ шутя мой однофамилецъ,—не задѣвать никого въ своихъ статьяхъ...

— Почему это вамъ вздумалось просить меня объ этомъ?—недоумѣвалъ я.

— Видите ли, многіе приписываютъ мнѣ появляющіяся за вашей подписью статьи. Неровень часъ,—и меня за васъ еще вздуютъ. Не печатать же мнѣ письма въ редакцію, что я прошу не смѣшивать меня съ другимъ А. Кауфманомъ.

— Но я увѣренъ,—отвѣтилъ я:—что никто мнѣ не приписываетъ и не станетъ никогда приписывать вашихъ крупныхъ пожертвованій, о которыхъ часто сообщается въ той же газетѣ, гдѣ я работаю...

VI.

Плагиатъ во всѣхъ его видахъ и формахъ.—Жертвы плагиата.—Пушкинъ, Плещеевъ, Языковъ и Гнѣдичъ.—Премія за украденную пьесу.—Автоплагиатъ.—К. В. Назарьева.—Фабрика повѣстей и романовъ.—Перелицовка литературнаго старья.—К. Н. Станюковичъ.—Литературные маклера.—Чайковскій о своемъ автоплагиатѣ.—А. Г. Рубинштейнъ и плагиатъ.

Плагиатъ въ нашей печати—явленіе довольно распространенное. Памятенъ еще многимъ плагиатъ Гордика, самымъ безцеремоннымъ образомъ подводившаго редакцію «Нивы» и другихъ, которымъ подсовывалъ чужія произведенія, выдавая ихъ за свои собственныя.

Одному московскому издателю кто-то подсунулъ пушкинскую «Капитанскую дочку».

Еще на дняхъ, говорятъ, писатель продалъ одновременно за очень приличную сумму большой газетѣ и новому журналу записанный со словъ Пушкина рассказъ, воспроизведенный въ вышедшей недѣлей раньше книгѣ. Обманъ былъ обнаруженъ, когда писатель успѣлъ уже получить значительный авансъ.

На своемъ долгомъ вѣку мнѣ не разъ приходилось имѣть дѣло съ плагиаторами.

Въ редакцію одесской газеты нѣкто Г—нъ сталъ поставлять мнѣ превосходныя статьи, преимущественно по экономическимъ вопросамъ. Отъ гонорара новый сотрудникъ отказывался, какъ чело-

вѣкъ со средствами: онъ былъ землевладѣльцемъ на Кавказѣ, гдѣ имѣлъ и нотаріальную контору. Единственное условіе печатанія статей—полная подпись автора. Я помѣстилъ двѣ статьи—одну о хлѣбной торговлѣ Россіи и Америки, а другую—подъ заглавіемъ «Экономическія параллели». Черезъ нѣкоторое время обнаружилось, что дѣйствительнымъ авторомъ первой статьи былъ профессоръ Р. В. Орбинскій. Статья Орбинскаго явилась результатомъ командировки его въ Америку министерствомъ финансовъ и была напечатана задолго до ея появленія вторымъ изданіемъ въ одесской газетѣ въ катковскомъ «Русскомъ Вѣстникѣ». Другая статья, за подписью Г—на, оказалась пересказомъ очерковъ Д. Л. Мордовцева, появившихся въ «Дѣлѣ» или въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Редакторъ, будь опъ семи пядей во лбу, не можетъ услѣдить за плагиаторами, особенно если ему преподносятся не произведенія классиковъ, вродѣ «Капитанской дочки».

Одна милая барышня доставила мнѣ однажды прекрасный переводъ гейневскаго стихотворенія. Нѣмецкаго поэта переводили Плещеевъ, Михайловъ, Вейнбергъ и многіе другіе. Сличать доставленный переводъ съ уже существующими не представлялось возможнымъ, и онъ былъ помѣщенъ въ газетѣ. Обнаружилось, что юная поэтесса списала переводъ А. Н. Плещеева.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна писательница-графоманка помѣстила за своею подписью въ театральномъ журналѣ стихотвореніе нынѣ здравствующаго П. П. Гнѣдича въ расчетѣ на то, что маленькій журнальчикъ не попадетъ на глаза автору.

Редакція петербургскаго еженедѣльника получила изъ провинціи стихотворный переводъ псалма Давида. Секретарь редакціи прочиталъ стихотвореніе на редакціонномъ собраніи. Всѣ единодушно привѣтствовали, въ лицѣ автора, новое восходящее поэтическое дарованіе, и стихотвореніе принято было къ напечатанію. Наканунѣ его помѣщенія предусмотрительный издатель полюбопытствовалъ узнать, на какой гонораръ разсчитываетъ молодой поэтъ. Я заглянулъ въ приложенную къ стихотворенію прозу—письмо автора,—и ахнулъ: что ни слово, то орфографическая ошибка и безграмотность. Естественно возникъ вопросъ о плагиатѣ, сдѣлали розыски, и обнаружилось, что дѣйствительнымъ авторомъ стихотворенія былъ старый, забытый поэтъ Языковъ.

Въ девяностыхъ годахъ я встрѣчалъ въ Одессѣ драматурга Ге, выступившаго претендентомъ на учрежденную одесскимъ меценатомъ Вучиной премію за лучшія и оригинальныя драматическія произведенія. И Ге получилъ премію—«на новыхъ началахъ»,—такъ называлась драма, украденная у польскаго драматурга Залевскаго.

Облюбовалъ другого польскаго драматурга старый писатель-диллетантъ Никодимъ Г—гъ, военный врачъ, кажется, генераль. Въ портфель редакціи не было подходящей беллетристики.

— Въ ожиданіи лучшаго,—сказаль редакторъ,—будемъ печатать драму, которую и озаглавили: «Въ ожиданіи лучшаго», благо и въ мовелогѣ героя оказались эти слова. Только издатель пробоваль было протестовать съ издательской точки зрѣнія противъ увлеченія одного изъ героевъ куреніемъ.

— Помилуйте,—сказаль онъ, полушутя:—герой то и дѣло курить, сопровождая куреніе восклицаніями: «уфъ, уфъ», а за каждое «уфъ» приходится платить по семи копеекъ: вѣдь на всѣ эти семикопеечники можно купить пудъ самаго лучшаго турецкаго табаку...

Каково было огорченіе редакціи, когда въ другой газетѣ было указано, что оригинальная драма драматурга-врача украдена у польскаго драматурга.

Авторъ, приглашенный въ редакцію, выслушавъ репримандъ, отправился, однако, въ контору за полученіемъ гонорара.

Какой-то московскій фальсификаторъ выпустиль въ слегка передѣланномъ и дополненномъ видѣ книжку автора этихъ строкъ—«Коронованный узникъ».

Редакторъ органа малой прессы К—въ заказываль своему сотруднику Г—е передѣлки чужихъ романовъ, какъ откровенно сознался уличенный въ плагіатъ передѣльватель.

Кромѣ «передѣльвателей», завелись въ сравнительно недавнее время и «додѣльватели», заканчивающіе отъ своего имени чужія несовершенныя произведенія. Нѣкто Рапгофъ, онъ же гр. Амори, «додѣлавшій» «Ключи счастья» Вербицкой и «Яму» Куприна, угрожалъ послѣднему обвиненіемъ въ контрафакціи, если въ написанной имъ второй части романа окажутся тождественныя мѣста. Между тѣмъ Купринъ имѣль неосторожность давно уже огласить свою фэбулу въ печати, чѣмъ и воспользоваль ловкій «додѣльватель» чужихъ произведеній...

Кромѣ плагіатовъ, извѣстны въ литературѣ и автоплагіаты: одно и то же произведеніе печатается одновременно или въ разное время въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Этотъ видъ плагіата очень припился у насъ и не вызываетъ ни въ комъ осужденія.

Покойная К. В. Назарьева, изумлявшая всѣхъ своей необычайно плодovitостью, какъ и ея соратница по женскому беллетристическому рукодѣлію Е. О. Дубровина, помѣщала свои произведенія въ столичныхъ и провинціальныхъ изданіяхъ самаго разнообразнаго направленія, повторяя много разъ одни и тѣ же сюжеты. Ея кабинетъ являль цѣлою литературною фабрикою. Гонораръ писательница получала не очень большой и напрягала всѣ свои писательскія силы, что не могло не отражаться на ея несомнѣнномъ беллетристическомъ дарованіи.

Кромѣ беллетристики, Назарьева печатала интересныя публицистическія бесѣды, за подписью Н. Левинъ и даже не брезгала

корректурой, откликнувшись на мое объявленіе о приглашеніи корректора на скромный окладъ въ еженедѣльникѣ. Тогда же я познакомился съ Назарьевой: это было въ самомъ концѣ семидесятихъ годовъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ писательница предложила мнѣ свои услуги, но одновременное помѣщеніе ею своихъ произведеній въ правомъ «Лучѣ» Окрейца побудило редакцію «Одесскаго Листка» отказаться отъ услугъ писательницы.

Когда у Назарьевой не хватало писательскаго творчества для обслуживаемаго ею множества изданій, она прибѣгала къ морфію, сведшему ее преждевременно въ могилу.

Когда и морфій не помогаль, выбивавшаяся изъ силъ бѣдная писательница, обремененная большою семьею, продавала газетамъ и журналамъ ранѣе напечатанные повѣсти и рассказы въ слегка передѣланномъ видѣ. По крайней мѣрѣ, мнѣ она предложила помѣстить въ одесской газетѣ уже напечатанный романъ, причемъ обѣщала придать ему локальный колоритъ, перенести дѣйствіе въ Одессу и дать героямъ болѣе близкія одесскому читателю имена и фамиліи.

— Почему это вамъ понадобилось перекраивать вторымъ изданіемъ ранѣе напечатанную вещь, когда вы съ такой легкостью пишете свои романы?—спросилъ я Назарьеву, гостившую въ Одессѣ на лиманѣ.

— Деньги нужны, батенька, не хватаетъ. Семья большая...— жаловалась писательница-труженица.

Часто Назарьева сама создавала искусственно темы для своихъ романовъ, какъ я имѣлъ возможность наблюдать на лиманѣ: она знакомила своихъ сосѣдей, сближала ихъ, ссорила, мирила,—и въ результатѣ—фабула для новаго романа. Такъ писался на моихъ глазахъ романъ изъ жизни обитателей одесскаго «Лурда».

Въ оправданіе Назарьевой, могу сказать, что и болѣе крупные писатели не задумывались печатать по нѣсколько разъ свои произведенія въ періодическихъ изданіяхъ. Я обратился въ началѣ девяностыхъ годовъ къ жившему въ Москвѣ К. Н. Станюковичу съ просьбою дать нѣсколько морскихъ рассказовъ для издававшейся въ приморскомъ городѣ газеты.

— Изданіе мнѣ нравится, только меньше двѣнадцати копеекъ за вашу, хотя и короткую, строчку я брать не могу!—объявилъ мнѣ Станюковичъ.

Я, разумѣется, изъявилъ полное согласіе. Писатель вышелъ въ сосѣдную комнату, откуда черезъ нѣсколько минутъ принесъ мнѣ ворохъ вырѣзокъ изъ «Русскихъ Вѣдомостей» со своими рассказами. Я поблагодарилъ и отказался перепечатывать рассказы изъ распространенной газеты, да еще съ уплатою большого, по тогдашнему времени, для провинціального органа построчнаго гонорара.

Въ литературныхъ кружкахъ завелись даже одно время маклера, промышленяшіе продажею газетамъ и журналамъ напечатанныхъ уже произведеній именитыхъ писателей, причемъ гонораръ дѣлился поровну между маклерами и авторами. Одного такого маклера можно было встрѣчать въ посѣщаемомъ литераторами ресторанѣ «Вѣна» въ Петербургѣ.

А. Г. Рубинштейна обвиняли, что онъ сплагатировалъ у барона Фитингофа-Шелля оперу «Демонъ», но это плодъ баронской фантазіи: либретто для Рубинштейна написалъ профессоръ П. А. Висковатовъ по лермонтовскому «Демону», а музыка Рубинштейна похожа на фитингсфскую, какъ «Русалка» на «Риголетто»: такъ, по крайней мѣрѣ, заявилъ мнѣ хорошо знакомый съ обоими «Демонами» профессоръ композиторъ Н. О. Соловьевъ.

Кромѣ плагиата, заслуживающаго порицанія, есть и плагиатъ законный и допустимый: беллетристы возвращаются часто къ прежнимъ героямъ, поэты печатаютъ перепѣвы своихъ же стихотвореній, а композиторы повторяютъ свои мелодіи. Такія повторенія часто неизбѣжны.

П. И. Чайковскій далъ при мнѣ остроумный отвѣтъ извѣстному оперному маэстро Эммануэлю. Въ одесскомъ театрѣ шли оперы Чайковскаго одна за другою, подъ его личнымъ управленіемъ. На репетиціи Эммануэль заявилъ какъ-то композитору:

— А знаете, Петръ Ильичъ, въ «Мазепѣ» попадаютъ поансы изъ «Евгенія Онѣгина» и «Пиковой дамы».

— А знаете, маэстро,—отвѣтилъ ему въ тонъ Чайковскій:—и «Мазепа», и «Евгеній Онѣгинъ», и «Пиковая дама»—мои оперы.

Эммануэль понялъ неумѣстность своего заявленія.

VII.

Изъ копилки газетныхъ курсовъ, ошибокъ, опечатокъ и lapsus'овъ.—Сочинители гг. Idem и Ibidem.—Заживо похороненные и воскресшіи Ж. Фавръ.—Маковскій, вмѣсто Микѣшина.

Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Журналистамъ приходится работать слѣша, а потому у каждаго на совѣсти имѣются вольныя и невольныя прегрѣшенія.

Покойный «Голосъ» выдумалъ не существующую «Цанрадскую желѣзную дорогу» въ Швейцаріи. Въ дѣйствительности, рѣчь шла о зубчатой (Zahnrad) дорогѣ на одну изъ горъ Альпъ.

Въ той же газетѣ было какъ-то объявлено, что «хорошо быть генераломъ»: *bien-être général* (общее благосостояніе). Многимъ памятно еще «Дуаенъ Даге» (*Doyen d'âge*) и знаменитая королева вмѣсто королевы, превращенной въ поправкѣ—въ ворону.

Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» во время франко-прусской войны получена была телеграмма изъ Парижа объ общемъ сборѣ по оружію.

Французскій текстъ гласилъ: «Ce soir on a battu générale à Paris». Редакторъ Сакальскій перевелъ буквально такъ: «Сегодня въ Парижѣ побили генеральшу», а въ скобкахъ редакторъ вопрошалъ: «какую генеральшу?»

Сотрудникъ еженедѣльника, не совсѣмъ твердый въ русской грамотѣ, говоря о неудачномъ покушеніи на кого-то, выразился такъ: Х. едва не погибъ «злодѣйскою смертью», вмѣсто—отъ руки злодѣя.

Тотъ же писатель имѣлъ обыкновеніе начинать свои статьи стереотипною фразою: «Читателямъ нашимъ уже извѣстно», а затѣмъ лишь начиналъ обдумывать, о чемъ ему писать. И получались большіе курьезы, вродѣ: «Читателямъ нашимъ извѣстно, что у насъ существуетъ министерство внутреннихъ дѣлъ»... Далѣе слѣдовала критика какого-нибудь маловажнаго циркуляра или мѣропріятія министерства.

Можно посвятить не одну страницу курьезнымъ газетнымъ печаткамъ и обмолвкамъ.

Въ редакціи одной старой петербургской газеты существовалъ обычай наклеивать на стѣнѣ всѣ газетныя печатки. И получилась богатая, интересная коллекція, смѣшившая всѣхъ больше, чѣмъ всѣ «Стрекозы» и «Сатириканы», вмѣстѣ взятые.

Издатель «Новороссійскаго Телеграфа» М. Л. Озмидовъ, который больше своихъ сотрудниковъ забавлялъ корректоровъ своими собственными ошибками, штрафовалъ за каждую обнаруженную печатку. И часто корректора не дополучали значительной части своего жалованья. Однажды Озмидовъ зачеркнулъ въ корректурѣ слово «эксперименты», сдѣлавъ отмѣтку на поляхъ: «слово неудобное и неприличное». Очевидно, просвѣщенный редакторъ смѣшалъ «эксперименты» съ однозвучнымъ, дѣйствительно неудобнымъ въ печати словомъ.

О степени образованности иныхъ писателей можно судить по слѣдующему факту, который просится въ коллекцію курьезовъ.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ нашумѣлъ «писатель» Брафманъ своимъ сочиненіемъ «О кагалѣ», въ которомъ воздвигнуть былъ рядъ обвиненій противъ бывшихъ соплеменниковъ писателя. «Кагалъ» сдѣлался настольной книгою для всѣхъ писавшихъ противъ евреевъ. Даже либеральный «Голосъ» дѣлалъ на него ссылки.

Авторъ «Кагала», встрѣтивъ завѣдующаго въ императорской публичной библиотекѣ отдѣломъ «Judaica» извѣстнаго гебраиста профессора А. Я. Гаркави, обратился къ нему съ вопросомъ:

— Скажите, А. Я., кто эти всезнающіе авторы *Idem* и *Ibidem*, труды коихъ цитируются рѣшительно во всѣхъ сочиненіяхъ, которыхъ мнѣ приходилось разсматривать? Что это за энциклопедисты такіе?

Рѣдкій изъ журналистовъ не хоронилъ преждевременно какой-нибудь знаменитости. Много разъ отправляли преждевременно ад ратрес римскихъ папъ, князя Бисмарка, афганскаго хана, абиссинскаго негуса Менелика, знаменитаго терапевта Боткина и другихъ. Мнѣ самому случалось писать некрологи живымъ мертвецамъ. Но однажды я искупилъ свой грѣхъ, воскресивъ изъ мертвыхъ знаменитаго французскаго адвоката и политическаго дѣятеля Ж. Фавра. Дѣло было въ восьмидесятихъ годахъ. Въ воскресный день сотрудникъ и корректоръ газеты К—кій протелефонировалъ мнѣ вечеромъ на квартиру, что получена телеграмма изъ Парижа о сформированіи кабинета Ж. Фавра.

— Не Жюль Ферри ли?—спросилъ я.—Вѣдь Фавръ, сколько мнѣ помнится, умеръ.

— Нѣтъ, Фавръ!—настаивалъ К—кій.

Нужно было написать замѣтку. Справочныхъ изданій въ провинціальныхъ редакціяхъ тогда не водилось, эфроновскаго энциклопедическаго словаря не существовало еще. Пришлось обратиться къ имѣвшемуся у меня ключниковскому словарю 1878 года, гдѣ Фавръ числился еще живымъ. Поздно ночью корректоръ спохватился, что-то переправилъ,—и въ результатѣ получилось нѣчто крайне несуразное.

Когда стали входить въ моду иллюстраціи къ тексту и портреты разныхъ дѣятелей, число газетныхъ курьезовъ увеличилось. Сплошь и рядомъ подъ портретами дипломатовъ красовались фамиліи художниковъ,—и наоборотъ. Далай-ламу смѣшивали съ индійскимъ раджей, богдыхана съ претендентомъ на мароккскій престолъ и т. д.

По случаю какого-то юбилея художника М. О. Микѣшина я помѣстилъ въ «Одесскихъ Новостяхъ» его біографію. Хроникеръ газеты взялся достать портретъ юбиляра, котораго я лично не зналъ. Прошло нѣсколько дней, и я получилъ отъ М. О. Микѣшина слѣдующее письмо: «Вы изволили вспомнить мой академическій юбилей, за что я вамъ глубоко обязанъ. Но вами помѣщенъ портретъ, кажется, извѣстнаго путешественника Миклухи-Маклая, то есть брюнета съ бородою, и подъ этимъ портретомъ напечатана моя фамилія. «Якъ бѣлорусскій панъ, я зроду бороды не носивъ»...

Въ дѣйствительности же то былъ портретъ одного изъ Маковскихъ, а не Миклухи-Маклая, котораго я лично зналъ, познакомившись съ нимъ въ редакціи «Новостей».

А. Е. Кауфманъ.





ИЗЪ ЖИЗНИ.

(Изъ записокъ судьи).

VI.

Мертвое тѣло.

I.



ТЕЛЕГРАФИСТЪ узловой желѣзнодорожной станціи Пески Трофимовъ былъ дежурнымъ и сидѣлъ въ аппаратной. На столахъ потрескивали и стучали телеграфные аппараты и шуршали бумажныя ленты съ только что начерченными на нихъ невѣдомой рукой точками и полосками. Лѣнивымъ, усталымъ взоромъ скользили по нимъ Трофимовъ и не находилъ ничего интереснаго: все это были прибытія, отправленія и номера поѣздовъ! Съ тоскою поглядывалъ онъ на часы и вычислялъ, сколько ему надо еще оставаться въ этой большой, опостылѣвшей комнатѣ!

Кромѣ Трофимова, тамъ же работали: телеграфистка—больная и пожилая дѣвушка—и желтый, съ отечнымъ лицомъ старый телеграфистъ. Оба сидѣли возлѣ своихъ столовъ и не выражали на лицахъ своихъ ни скуки, ни нетерпѣнія: на нихъ застыла тупая покорность и больше ничего.

Трофимовъ на телеграфѣ самый молодой. Онъ съ годъ уже какъ жилъ въ Пескахъ и за это время успѣлъ со всѣми перезнакомиться и сдѣлаться однимъ изъ первыхъ кавалеровъ какъ на самой станціи, такъ и въ прилежавшемъ къ ней бойкомъ, большомъ поселкѣ.

Веселость и франтовство молодого человѣка, а также его развязный и независимый видъ, съ которымъ онъ прогуливался съ барышнями по желѣзнодорожной платформѣ по вечерамъ, во время прихода поѣздовъ, давно уже не нравились жандармскому вахмистру Куницыну, жившему тутъ же при станціи и тоже неизмѣнно являвшемуся къ поѣздамъ.

Степенный вахмистръ съ двумя медалями на шеѣ и множествомъ на груди важно прохаживался передъ поѣздами и искоса поглядывалъ на молодого телеграфиста, расфранченнаго и отчаянно жестикулирующаго передъ своими прыскающими отъ смѣха слушательницами.

Куницына знали и уважали не только здѣшніе, станціонные и желѣзнодорожные служащіе, но и живущіе по линіи на сосѣднихъ станціяхъ. И не какіе-нибудь тамъ сдѣлщики, смазчики и стрѣлочники, но и оберъ-кондуктора курьерскихъ поѣздовъ, заслуженные дорожные мастера, буфетчики, и даже начальникъ станціи—старый, разорившійся баринъ—пожималъ ему, случалось, при встрѣчахъ руку. Да что начальникъ станціи! Самъ непосредственный его начальникъ господинъ ротмистръ Пальчиковъ и тотъ не предпринималъ ничего въ экстренныхъ, выдающихся случаяхъ, не посоветовавшись съ нимъ, вахмистромъ Куницынымъ, и весьма частенько слѣдовалъ его совѣту! И, встрѣчая такой себѣ почетъ и уваженіе, Куницынъ, по его мнѣнію, не видѣлъ со стороны молодого человѣка ни того, ни другого. Правда, никогда Трофимовъ не сказалъ ему ни одной грубости, не допустилъ никакой невѣжливости, и все-таки Куницынъ чувствовалъ, что нѣтъ у телеграфиста къ нему должно уваженія, а еще если случится при комъ-нибудь вступить съ нимъ въ разговоръ, такъ даже норовитъ, такъ незамѣтно, вернуть такое незнакомое ему, мудреное слово, что онъ, опытный и много видавшій жандармъ, долженъ былъ становиться втупикъ, заподозрѣвая, что его хотятъ вышутить и поставить въ смѣшное положеніе.

— Что же касается телеграфиста Трофимова, ваше-ско-родіе,—рапортовалъ онъ ротмистру на секретныхъ докладахъ:—то въ распространеніи крамолы или ученій, направленныхъ къ ниспроверженію существующаго государственнаго или общественнаго строя, обвинять его не имѣю основаній, но достаточно могу увѣрить, что онъ въ головѣ имѣетъ разныя вредныя идеи и такъ понимаю его, что онъ есть не принадлежащій ни къ какому преступному сообществу социаль-демократъ.

Трофимовъ догадывался, что важному вахмистру онъ пришелся не по душѣ, но, какъ молодой и потому легкомысленный человѣкъ, не придавалъ этому особеннаго значенія.

Скучно и однообразно текло время. Сидѣвшіе въ аппаратной вяло перебрасывались между собою отдѣльными, ничего не значащими замѣчаніями.

Трофимовъ глядѣлъ въ окно. Оно выходило на широкую, залитую асфальтомъ платформу, надъ которой во всю ширину ея и двухъ пролегающихъ передъ ней желѣзнодорожныхъ путей висѣлъ желѣзный навѣсъ: на первомъ пути останавливались обыкновенно поѣзда, проходившіе съ сѣвера на югъ, а на второмъ—отправлявшіеся на западъ. За этими путями шло безконечное множество другихъ путей, заставленныхъ разными вагонами и цѣлыми товарными поѣздами, а дальше разстилалось безконечное, широкое поле, прорѣзанное телеграфными столбами желѣзнодорожныхъ линій съ краснѣвшимися вдали чугуннымъ мостомъ черезъ рѣчку Песочную. Стоялъ январь, и все было засыпано глубокимъ снѣгомъ.

Послѣдній пассажирскій поѣздъ, утренній одиннадцатичасовой, только что отошелъ, и присутствовавшіе при отправленіи его служащіе стали съ платформы расходиться. Въ это время аппаратъ на столѣ Трофимова застучалъ. Трофимовъ привычнымъ ухомъ уловилъ то, что передаетъ аппаратъ, и это, вѣроятно, было что-то интересное, такъ какъ тоскливое выраженіе изъ глазъ молодого человѣка мигомъ исчезло, и, поспѣшно схватившись за ленту, онъ началъ за ценою слѣдить.

Чѣмъ дальше постукивалъ аппаратъ и раскатывалась лента, тѣмъ оживленнѣе становился Трофимовъ. Наконецъ, завидѣвъ въ окнѣ проходящаго мимо по платформѣ вахмистра, не выдержалъ, подбѣжалъ къ окну и, отворивъ форточку, закричалъ:

— Михайлъ Ивапычъ, а Михайлъ Иванычъ! Не зайдете ли къ намъ? Сейчасъ пришла для васъ депеша изъ Иловатки: тамъ мертвое тѣло!

Куницынъ на минуту остановился, повернулъ голову въ сторону окна, поздоровался, приложивъ руку къ козырьку, и поспѣшилъ въ вокзалъ.

Услыхавъ про мертвое тѣло, повставали со своихъ мѣстъ старый телеграфистъ съ телеграфисткой и, подойдя къ столу Трофимова, стали читать телеграмму.

Скоро по всему вокзалу: въ буфетѣ, багажной и разныхъ конторахъ стало извѣстно, что незадолго передъ тѣмъ вышедшій изъ Песковъ на сосѣднюю станцію Иловатку товарный поѣздъ доставилъ туда какого-то замерзшаго, поднятаго на линіи человѣка.

Новость была не изъ важныхъ, но и она внесла нѣкоторое оживленіе въ бѣдную интересами жизнь заброшенной одиноко въ степи, хотя и большой, станціи.

Куницынъ зашелъ въ помѣщеніе телеграфа и получилъ отъ Трофимова телеграмму, съ которою и направился за распоряженіемъ къ своему начальнику ротмистру Пальчикову, жившему въ саду около вокзала.

Черезъ нѣсколько времени онъ вернулся обратно и собственно-ручно же подалъ служебную телеграмму, и тотчасъ же Трофимовъ застучалъ Иловаткѣ, чтобы оттуда съ товарнымъ поѣздомъ № 30, выходящимъ въ пятомъ часу вечера, трупъ замерзшаго неизвѣстнаго былъ доставленъ въ Пески.

Между тѣмъ въ то же самое время все небольшое населеніе на маленькой Иловаткѣ было выведено изъ обычнаго покоя и приведено въ движеніе: въ крохотномъ деревянномъ вокзалѣ, въ холодной комнатѣ, сосѣдней съ плохо топленной залой, лежало на полу на рогожѣ тѣло замерзшаго человѣка.

Умершій былъ въ старенькой, ветхой одеждѣ, которая вся промерзла и торчала коломъ. Это былъ никому неизвѣстный крестьянинъ, лѣтъ подь пятьдесятъ. Его замѣтили лежащимъ на пути, на самыхъ рельсахъ съ паровоза товарнаго поѣзда, шедшаго изъ Песковъ, подняли и привезли на Иловатку и оставили здѣсь впредь до распоряженій изъ Песковъ.

Обыватели Иловатки, снѣдаемые любопытствомъ, боялись каждый пропустить рѣдкое развлеченіе и считали своимъ долгомъ зайти на вокзалъ и, робко, со страхомъ взглянувъ на мертвеца, выслушать въ десятый разъ рассказъ, какъ и гдѣ онъ былъ найденъ, и высказать свою догадку насчетъ того, кто бы онъ былъ и какимъ бы образомъ могъ попасть на желѣзнодорожный путь и замерзнуть. Старались разгадать и то, почему именно покойникъ оказался лежащимъ на самыхъ рельсахъ: ужъ не задушили ли его и не подбросили ли на линію?

Сколько бы, однако, ни раздумывали и ни разгадывали этого послѣдняго обстоятельства иловатцы, имъ бы ни за что не узнать, какъ это произошло, а между тѣмъ случилось это очень просто.

II.

Агентъ желѣзной дороги, путевой сторожъ седьмого околотка Пастуховъ чуть свѣтъ сегодня поднялся и, поругавшись со своею женой, тоже желѣзнодорожнымъ агентомъ, переѣздной сторожихой, ушелъ изъ дома, хлопнувъ что было мочи дверь, и пошелъ вдоль линіи по своему околотку. Подь его надзоромъ было около пяти верстъ пути, и онъ обязанъ былъ обойти ихъ не менѣе двухъ разъ въ сутки. Разумѣется, случалось, что онъ не обходилъ ихъ и ни разу, но на сегодня онъ рѣшилъ быть аккуратнымъ и исполнительнымъ, такъ какъ былъ освѣдомленъ своимъ начальникомъ, дорожнымъ мастеромъ, что къ вечеру съ товарнымъ поѣздомъ въ

особомъ вагонѣ проѣдетъ по участку мимо Иловатки, направляюъ къ себѣ въ Пески, самъ господинъ начальникъ участка.

Къ полночи нынче морозъ особенно давалъ себя знать, но подъ утро отпустилъ, и запорошил легкій снѣжокъ.

Свѣта еще не было, но, глядя на небо, чувствовалось, что скоро наступить утро.

Кругомъ разстилалась безбрежная, казалось, занесенная снѣгомъ равнина, но Пастуховъ привычнымъ глазомъ различалъ на ней, или, скорѣе, угадывалъ, знакомые ему овраги, насыпи, овины ближней деревни и разставленные вдаль дороги на низкихъ мѣстахъ и въ выемкахъ деревянные щиты.

Околотокъ Пастухова былъ ближайшій къ Иловаткѣ, но онъ, выйдя изъ своего домика-будки, стоявшей почти въ самой серединѣ околотка, направился не къ станціи, а въ противоположную отъ нея сторону—по направленію къ Пескамъ. Шелъ Пастуховъ не спѣша и постукивая по рельсамъ на стыкахъ и скрѣпленіяхъ, испытывая въ порядкѣ ли путь.

Голова у него занята была только что происшедшей ссорой съ женой, и въ ней роилось много еще не высказанныхъ обидныхъ словъ и ѣдкихъ выраженій. Такъ незамѣтно, безъ всякихъ приключеній сторожъ сталъ приближаться къ концу своего околотка и лишь только когда вышелъ изъ закругленія въ выемкѣ на прямую, какъ стрѣла, длинную и высокую насыпь, на которой торчалъ пикетный столбикъ, обозначавшій границу седьмого и восьмого околотковъ, то замѣтилъ на снѣгу полотна какое-то черное пятно.

Прибавивъ шагъ, Пастуховъ приблизился и рассмотрѣлъ, что это лежитъ человѣкъ. «Ночью поѣздомъ перерѣзало. И чего они только по пути шляются,—съ сердцемъ, не успѣвшимъ еще остыть отъ домашней ссоры, подумалъ Пастуховъ:—придется, видно, итти на станцію съ объявленіемъ да цѣлый день взадъ да впередъ проходить, а нынче, какъ нарочно, начальникъ проѣдетъ! Оказія!»

Наклонившись къ лежавшему передъ нимъ на снѣгу человѣку, Пастуховъ убѣдился, что тотъ давно уже мертвъ и закоченѣлъ. Бѣдно одѣтый въ какую-то крестьянскую, наверхенную на него ветошь, покойникъ лежалъ ничкомъ, и никакихъ поврежденій на немъ не было замѣтно. Становилось очевиднымъ, что какой-то несчастный, проходившій по желѣзнодорожной линіи, усталъ, выбился изъ силъ, и морозъ сковалъ его и успокоилъ вѣчнымъ сномъ. Быть можетъ, былъ то какой-нибудь бездомный бродяга или нищій, побиравшійся Христа ради и перекочевывавшій и зиму, и лѣто изъ одной деревни въ другую, а, можетъ быть, и пьяный гуляка, запировавшій въ гостяхъ и сбившійся при возвращеніи домой съ пути...

Раздумывая надъ трупомъ замерзшаго человѣка и надъ собственной своей незавидной участью человѣка, приневоленного обстоятель-

ствами начать хожденіе по мытарствамъ во образѣ разныхъ станціонныхъ, желѣзнодорожныхъ и жандармскихъ начальниковъ, а то и являться куда-то за тридевять земель въ судебному слѣдователю, Пастуховъ почесывалъ за вхомъ и. досадливо вздыхая, озирался по сторонамъ...

Вдругъ вниманіе его привлекъ пикетный столбикъ, отчетливо уже начавшій бѣлѣться въ наступающемъ утреннемъ разсвѣтѣ. «Эхъ, и угораздило же тебя,—обращался онъ мысленно къ трупу,—замерзнуть на седьмомъ околоткѣ? Что бы тебѣ маленько-то дальше пройти, хоть за пикеть-то перешагнуть,—мнѣ бы тогда и горя мало: пусть бы тогда Лопуховъ возился, а не я! А, можетъ быть, покойникъ-то и шелъ по восьмому околотку, да вотъ свалился-то только у меня на седьмомъ? За что же тогда мнѣ, а не Лопухову выпала такая незадача? Нѣтъ, коли ужъ ты шелъ по лопуховскому околотку, да весь его прошелъ, такъ, стало быть, Лопухову надо и во-звиться съ тобой».

И внезапно родилась у него мысль: а не перетащить ли мертвеца-то на восьмой околотокъ? До столбика всего нѣсколько шаговъ, еще темно, и никого кругомъ нѣтъ, идетъ снѣжокъ и замететь слѣды. Пусть-ка тогда сосѣдъ, путевой сторожъ восьмого околотка Лопуховъ, вѣдается съ находкой, какъ знаетъ!..

Задумано—сдѣлано: обхватилъ Пастуховъ покойника сзади и подъ мышками, оказался не тяжелъ, да осторожно, боясь, какъ бы не сломать его, Боже упаси, перенесъ за пикеть и шагахъ въ четырехъ-пяти отъ него положилъ тихохонько на восьмомъ околоткѣ, а самъ скорѣе назадъ. Подошелъ къ выемкѣ, обернулся, поглядѣлъ, нѣтъ ли кого на линіи, но кругомъ все было пустынно тихо и сквозь легкую движущуюся сѣтку падающаго снѣжка виднѣлась, при тускломъ свѣтѣ занявшагося уже хмураго зимняго дня, и линія телеграфныхъ столбовъ вдоль полотна дороги, убѣгающая вдаль, и черная, густая аллея изъ елокъ по бокамъ дороги, и упиравшаяся въ эту аллею высокая длинная насыпь со столбикомъ, недалеко за которымъ замѣтно чернѣлось знакомое уже ему темное пятно... А кругомъ ни души, и снѣгъ все идетъ и идетъ, такъ что и собственныхъ его, Пастухова, слѣдовъ не разглядѣть!

Постоялъ онъ еще немного и не торопясь возвратился домой.

III.

Когда чуть разсвѣло, дверь желѣзнодорожной будки, служащей мѣстожительствомъ путевого сторожа восьмого околотка, отворилась, и изъ нея вышелъ одѣтый въ форменный полушубокъ, подпоясанный ремнемъ съ металлической пряжкой и съ заткнутыми за него двумя свернутыми флагами, краснымъ и зеленымъ, въ круглой мерлушковой шапкѣ съ гербомъ путевой сторожъ и, остановив-

шись у порога, обернулся къ востоку, снялъ шапку, трижды истово перекрестился и икнулъ. «Должно, поминаетъ меня кто-нибудь», подумалъ онъ, надѣвая шапку, и началъ размышлять надъ тѣмъ, съ какого бы конца начать обходъ.

«Будетъ нынче проѣздъ начальника участка, поѣдетъ изъ Иловатки въ Пески, дай-косъ пойду и я такъ!» и быстро зашагалъ въ сторону Иловатки, зорко поглядывая на рельсы и путь.

Спускаясь по уклону, обсаженному съ обѣихъ сторонъ по бокамъ пути молодыми, густо разросшимися елками, въ концѣ котораго начиналась насыпь, видѣвшаяся отсюда вся, какъ на ладони, Лопуховъ еще издали замѣтилъ что-то, какъ будто человѣческую фигуру, лежащую на насыпи на пути возлѣ пикетнаго столбика—конечной цѣли его настоящей прогулки. Выйдя на насыпь и подойдя къ лежавшему, онъ разглядѣлъ и убѣдился, что видитъ передъ собой замерзшаго.

Тѣ же точно мысли, которыя приходили въ голову Пастухову, пронеслись и у него, и, не долго думая, онъ приподнялъ мертвеца и переложилъ за столбикъ на седьмой околотокъ къ сосѣду, никакъ, разумѣется, не предполагая, что за полчаса до этого покойникъ уже однажды совершилъ точно такое же путешествіе.

IV.

Не сидѣлось въ то утро дома Пастухову! Онъ поминутно взглядывалъ въ окно, выскакивалъ на дворъ и выходилъ на переѣздъ, все что-то высматривая. Жена замѣтила безпокойство мужа и нѣсколько разъ спрашивала его: кого онъ ждетъ и откуда? Пастуховъ молчалъ, но когда часовая стрѣлка на дешевыхъ стѣнныхъ часахъ съ одной гирькой миновала цифру девять, а мимо будки все еще не проходилъ Лопуховъ, который, по его предположеніямъ, давно уже долженъ бы былъ найти у себя на пути мертвое тѣло и пройти въ Иловатку съ заявленіемъ о томъ, онъ надѣлъ полушубокъ, форменную шапку, ремень и, заткнувъ флаги, вышелъ изъ дому и рѣшительно зашагалъ по направленію къ восьмому околотку. Каково же было его изумленіе, когда онъ, выйдя изъ выемки на насыпь, увидѣлъ, что мертвецъ лежитъ не за пикетнымъ столбикомъ, гдѣ онъ самъ его часа за три передъ тѣмъ положилъ, а опять на его околоткѣ!

— Ишь, подлець какой Лопуховъ-то! А еще пріятель прозывается!—понялъ онъ наконецъ причину перемѣненія къ нему на участокъ трупа.—Дня, свѣта Божьяго не боялся: переволокъ! И какой такой народъ только нынѣ пошелъ, что страху на него нѣту! Вошь, вѣдь, и слѣды-то еще не совсѣмъ замело! Ну, и другъ, нечего сказать, хорошъ! Что же тепереча дѣлать? Неужто на смѣхъ Лопухову шагать на станцію да таскаться потомъ, можетъ статься,

цѣльную недѣлю? А потомъ Лопуховъ будетъ рассказывать про свою выдумку товарищамъ, да стануть они потѣшаться надъ нимъ, Пастуховымъ, какого онъ дурака сваялъ? Да ни въ жисть этого не будетъ!—искренно негодовалъ озадаченный неожиданностью путевой сторожъ седьмого участка, совершенно забывъ, что онъ же первый нашель у себя замерзшаго и постарался удружить имъ пріятелю-сослуживцу.

— Одиннадцатый часъ: скоро, надо быть, пятнадцатый товарный изъ Песковъ будетъ. Что бы ему покойника-то найти да поднять! Вѣдь ужъ день, свѣтло и съ уклона далече на насыпи человѣка видно. Надо только его не комкомъ, а какъ-нибудь попряме положить, чтобы явственнѣе было, да на самые рельсы. Ежели, часомъ, и не успѣть машинистъ во время остановить и переѣхать его, такъ покойнику-то, царство ему небесное, все равно ужъ, что мороженному, что зарѣзанному въ могилу ложиться!

Оглянувшись и не замѣтивъ никого въ виду насыпи, Пастуховъ постарался порасправить тѣло умершаго, насколько это позволяли промерзшія его конечности, и придать ему болѣе замѣтный издали видъ лежащаго человѣка и, немного приподнявъ, положилъ его поперекъ рельсовъ.

Убѣдившись, что никто его за этимъ занятіемъ не видѣлъ, Пастуховъ посгѣшилъ скрыться въ выемкѣ и принялся ждать. Скоро чуть-чуть послышался отдаленный шумъ приближающагося поѣзда и съ каждой минутой, каждой секундой становился сильнѣе и явственнѣе.

Въ морозномъ воздухѣ уже можно было различить грохотъ вагонныхъ цѣпей и скрѣпленій, пыхтѣніе паровоза и постукиваніе безчисленнаго множества чугунныхъ колесъ на стыкахъ... Раздался рѣзкій свистокъ, потомъ другой, третій. «Увидѣли», догадался Пастуховъ, прислушиваясь и слѣдя за доносившимися къ нему въ выемку звуками.

Грохотъ и стукъ сдѣлались сильнѣе, отчетливѣе, по рѣже.

— Тормозять!

Потомъ поѣздъ пошелъ медленно, колеса зашумѣли, раздался протяжный свистокъ, и Пастуховъ, выглянувъ изъ своей засады-выемки, увидѣлъ, что паровозъ, сойдя съ уклона и выйдя на насыпь, остановился какъ разъ возлѣ пикетнаго столбика, въ нѣсколькихъ шагахъ передъ самымъ трупомъ.

Далѣе Пастуховъ видѣлъ, какъ слѣзли съ паровоза машинистъ съ помощникомъ, а изъ теплушки и съ тормозовъ повыскакали кондуктора, собрались всѣ около замерзшаго, потолковали между собой, покричали что-то, потомъ подняли мертвеца и, отодвинувъ дверь у одного изъ товарныхъ вагоновъ, помѣстили его туда. Затѣмъ разошлись по мѣстамъ, влѣзли на поѣздъ, машинистъ свистнулъ, выпустилъ облако пара и окуталъ имъ паровозъ, а когда облако

это осѣло и разостлалось вдоль поѣзда по снѣгу, то поѣздъ двигался уже по насыпи и подходилъ къ выемкѣ, развивая и усиливая скорость. Пастуховъ поспѣшилъ въ выемку и, сойдя съ пути, сталъ сбоку, увязнувъ по колѣно въ снѣгу, и распустилъ зеленый флагъ, — что все, моль, на пути у меня благополучно. Когда поѣздъ проходилъ мимо него, то ему что-то кричали съ паровоза машинистъ и кондукторъ, сидѣвшій на задней тормозной площадкѣ послѣдняго вагона, но Пастуховъ не понялъ или не захотѣлъ понять и, вылѣзши изъ сугроба, сталъ на пути, обернулся въ сторону къ уходящему поѣзду и продолжалъ держать зеленый флагъ, пока поѣздъ не исчезъ изъ глазъ. Собственно говоря, такъ провожать товарные поѣзда ему и не надо бы было, да ужъ сегодня день такой выпалъ, что лишнее усердiе не помѣшаетъ.

Дойдя до восьмого околотка, пройдя всю насыпь, какъ бы не довѣряя собственнымъ глазамъ, и убѣдившись, что мертвеца дѣйствительно нѣтъ уже на пути, Пастуховъ облегченно вздохнулъ и вернулся обратно.

Послѣ обѣда Пастуховъ пошелъ осматривать остальную часть своего околотка до Иловатки и дошелъ до самой станціи, а тамъ рѣшили пройти и на вокзалъ.

Здѣсь онъ сейчасъ же узналъ, что пятнадцатый номеръ подобралъ на его околоткѣ на пути какого-то замерзшаго человѣка, — его сводили показать и самое мертвое тѣло, — и что по вечеру съ тридцатымъ номеромъ, съ которымъ проѣдетъ и начальникъ участка, отвезутъ умершаго въ Пески.

Успокоившись, что все сошло какъ нельзя лучше, Пастуховъ вернулся на свой околотокъ, чтобы ждать поѣзда начальника.

— А ужъ какъ проѣдетъ начальникъ-то, такъ я дерну прямо къ Лопухову и здорово же наложу ему! Увидить тогда, какъ товарищей подводить, а опосля всего выпьемъ! Пусть могоарычи ставить, и будетъ расчудесно! Помянемъ покойника, упокой его Господи!

И только тутъ въ первый разъ Пастуховъ снялъ шапку и помолился за душу неизвѣстнаго усопшаго.

V.

Стало смеркаться, когда безконечно длинный товарный поѣздъ № 30, извиваясь, какъ змѣя, подошелъ къ Иловаткѣ, направляясь въ Пески. Въ прицепленномъ въ хвостъ поѣзда пассажирскомъ вагонѣ ѣхалъ начальникъ участка. Ему что-то нездоровилось сегодня, поэтому онъ старался нигдѣ на станціяхъ изъ вагона не выходить, а къ нему въ вагонъ заходили разные имѣющіе къ нему дѣло служащіе и дорожные мастера.

— Скоро пустите насъ?—обратился оберъ-кондукторъ прибывшаго поѣзда къ начальнику станціи, входя съ документами въ рукавъ къ нему въ кабинетъ и здороваясь съ нимъ.

— Не задержимъ! Минуть пять простойте, не больше, только бы вотъ начальникъ участка не задержалъ. Выгрузки у васъ нѣтъ?

— Какая же здѣсь можетъ быть выгрузка, помилуйте. Какой такой товаръ на Иловатку везти! Да вѣдь и у васъ, поди, со станціи грузить нечего?

— Ну, на этотъ разъ у насъ для васъ кое-что припасено! Вотъ примите-ка по депешѣ мертвое тѣло до Песковъ,—и съ этими словами начальникъ передалъ оберъ-кондуктору служебную телеграмму.

— Какого-то замерзшаго,—продолжалъ онъ,—пятнадцатый номеръ на пути поднялъ, такъ вотъ теперь его и надо въ Пески доставить, а ужъ тамъ сдадите жандармской полиціи. Куда класть-то?

— Порожнихъ вагоновъ достаточно. Прикажите нести, а я пойду покажу.

Оберъ-кондукторъ вышелъ на платформу и остановился у одного изъ вагоновъ въ серединѣ поѣзда.

— Листовъ!—приказалъ онъ одному изъ кондукторовъ, прохаживавшемуся вдоль поѣзда и похлопывавшему себя по бокамъ, чтобы поразмяться и согрѣться.—Отодвинь-ка дверь-то! Вагонъ порожній? Такъ. Сейчасъ сюда мертвое тѣло положить: надо до Песковъ его принять. Залѣзь самъ въ вагонъ, посмотри, чтобы въ уголь, къ сторонкѣ положили!

Тѣмъ временемъ станціонные сторожа подъ предводительствомъ начальника станціи принесли къ вагону на рогожкѣ тѣло неизвѣстнаго замерзшаго человѣка и на рогожѣ же положили его въ вагонъ прямо на полъ въ углу по указанію кондуктора.

— Отмѣтили все въ документахъ-то?—спросилъ начальникъ оберъ-кондуктора.

— Нѣтъ еще. Сейчасъ кончу.

И всѣ направились въ вокзалъ.

— Вагонъ запри!—на ходу отдалъ распоряженіе оберъ-кондукторъ Листову.

— Ладно!

Листовъ задвинулъ дверь у вагона, накинулъ запиравшую вагонъ накладку-крюкъ и, заперевь такимъ образомъ вагонъ, послѣдовалъ за прочими въ вокзалъ.

Пока все это происходило, на тормозной площадкѣ одного изъ переднихъ вагоновъ сидѣлъ и дремалъ, завернувшись въ казенную большую баранью шубу, кондукторъ Литвинъ.

Время отъ времени подъ ритмическій звукъ идущаго поѣзда и подъ мѣрное покачиваніе вагона онъ засыпалъ, и тогда снились ему разные пріятные сны: чаще всего онъ видѣлъ себя въ теплѣ,

около огня въ своемъ уютномъ, недавно купленномъ имъ въ поселкѣ возлѣ Песковъ домикѣ и видѣлъ, что сидитъ тамъ съ женой и карманы у него полны денегъ, а въ комнатахъ у дверей стоятъ какіе-то люди и все просятъ его, чтобы онъ взялъ у нихъ денегъ еще.

— Сдѣлай ты такую милость, возьми съ насъ вообще четвертакъ соопча! Право слово, больше не можемъ никакъ: исхарчились совсѣмъ...

Что это? Очнувшись, онъ видитъ, что поѣздъ стоитъ у Иловатки, уже темно и около его тормозной площадки, съ противоположной станціи стороны какихъ-то трое мужиковъ все кланяются ему и о чемъ-то просятъ.

— Чего вамъ?

— Сдѣлай милость, сложились соопча; какъ есть послѣднія; намъ бы только до Песковъ, тамошніе, значить, мы; не управились, гляди, ночь-то и застигла; не ночевать же здѣсь, самъ посуди, милый ты человѣкъ.

Тутъ только Литвинъ сообразилъ, что передъ нимъ находятся трое пассажировъ, которые желаютъ зайцами проѣхаться въ товарномъ поѣздѣ.

— Никакъ нельзя,—строго проговорилъ онъ.—Начальникъ ѣдетъ; нынче бѣда!

— Да ужъ будь отецъ родной, уважь,—канючили мужики.

Литвинъ успѣлъ совсѣмъ проснуться и смекнуть, глядя на мѣдныя монеты въ протягиваемой ему однимъ изъ просителей рукѣ, что четвертакъ за одну станцію плата не обидная, а деньги сами по себѣ, хоть и малыя, вещь не лишняя, недаромъ все онѣ снились, и, увидѣвъ, что возлѣ поѣзда никого нѣтъ, сбросилъ шубу на площадку и соскочилъ на землю.

— Ну, давайте. Сколько? Три копейки, три, двѣ, пять, четвертакъ! Такъ. Ступайте сюда!—и, подойдя съ другой стороны къ тому же вагону, въ который только что положили замерзшаго, сбросилъ накладку и отодвинулъ дверь.

— Вагонъ порожній, полѣзайте въ него скорѣе. Одинъ, другой, третій... Только смотрите, ребята, дверь не отворяйте, да какъ къ Пескамъ подходить станемъ, такъ не ждите, когда совсѣмъ остановится, а ситайте раньше.

— Ужъ ты, ваше степенство, не безпокойся,—отозвался одинъ:—мы сиганемъ во какъ; намъ что—мы привычныя, вотъ только то-варищъ-то нашъ не знай какъ будетъ: что-то у него нога малость повреждена!

— Что же вы, идолы нѣмые, раньше-то не сказали? Вѣдь говорю вамъ—строго у насъ нынче!

— Да ужъ ты, милъ человѣкъ, не бойся. Мы ужъ какъ-нибудь соопча.

«И чего въ самомъ дѣлѣ я боюсь-то?—подумаль про себя Литвинъ:—вѣдь поѣздъ все равно гдѣ-нибудь на заднихъ путяхъ остановится, а на дворѣ ночь. Вылѣзти успѣютъ».

Кондукторъ задвинулъ дверь, спряталъ въ карманъ деньги и, надѣвъ на себя снова теплую шубу, залѣзъ и усѣлся на старомъ мѣстѣ, на тормозной площадкѣ.

Прозвучаль звонокъ, зарокотала трель кондукторскаго свистка, откликнулся паровозъ, толчокъ—и поѣздъ двинулся.

Попавшіе въ пустой товарный вагонъ безбилетные пассажиры послѣ того, какъ кондукторъ задвинулъ за ними дверь, очутились въ совершенной темнотѣ и не только не могли разглядѣть внутренность вагона, но и видѣть сосѣдъ сосѣда. Однако понемногу глазъ началъ привыкать къ темнотѣ, а когда поѣздъ пошелъ, и они, не боясь, что мимо вагона пройдетъ какой-нибудь лишній человекъ и замѣтитъ ихъ, пріоткрыли немного дверь, то отъ прояснившагося морознаго неба, усѣяннаго звѣздами, и снѣга въ вагонѣ стало такъ свѣтло, что они тотчасъ же замѣтили кого-то четвертаго, лежащаго въ углу у стѣнки.

Крайнее изумленіе и испугъ овладѣли ими, когда они увѣрились, что это покойникъ.

Не долго думая, тотъ, который особенно упрасиваль кондуктора посадить ихъ и обѣщаль «сигануть во-какъ» съ поѣзда, подскочилъ къ двери и выпрыгнулъ изъ вагона съ ловкостью заправскаго акробата, описывая большую дугу въ воздухъ своимъ неуклюжимъ, одѣтымъ въ овчины тѣломъ. Слѣдомъ за нимъ соскочилъ и другой, но третій, у котораго «малость повреждена была нога», послѣдовать за ними не успѣлъ: паровозъ прибавилъ ходу, и вагоны покатались быстро.

— Братцы, братцы, а какъ же я-то?!—кричалъ онъ давно исчезнувшимъ въ темнотѣ товарищамъ.

— Братцы!..—раздавался плачущій, полный невыразимаго ужаса голосъ въ пустомъ вагонѣ, и, точно пойманный звѣрь въ клѣткѣ, метался отъ одной стороны къ другой несчастный мужичонка, ища выхода.

Но выхода не было: другихъ дверей, кромѣ боковыхъ, вагонъ не имѣлъ, да и съ боку-то одна сторона была заперта снаружи.

Охваченный паническимъ страхомъ находится ночью одному въ порожнемъ вагонѣ вмѣстѣ съ трупомъ, который подпрыгиваль, и, казалось, двигался при толчкахъ вагона отъ скорого хода поѣзда, мужичонка, не помня себя и совершенно не сознавая, что дѣлаетъ, ухватилъ мертвеца за ноги и вытолкнулъ его изъ вагона.

Тѣло упало на откосъ и завязло въ снѣгу.

Пропустивъ мимо себя давно ожидаемый поѣздъ съ начальникомъ, Пастуховъ долго стоялъ на пути и, держа фонарь въ рукѣ,

смотрѣлъ вслѣдъ убѣгающему вагону, освѣщеннымъ окнамъ котораго онъ такъ усердно передъ тѣмъ отдавалъ честь.

— Теперь къ Лопухову!—и, предвкушая будущее угощеніе, поспѣшно запагалъ къ восьмому околотку. Занятый веселыми и пріятными мыслями, Пастуховъ поровнялся съ какимъ-то тюкомъ, валявшимся въ снѣгу на откосѣ.

— Вотъ повезло-то!—подумалъ онъ:—опять находка! Въ родѣ какъ кипа товара какого!

Спустившись ближе и дотронувшись до того, что онъ принялъ за тюкъ, Пастуховъ разглядѣлъ мертвое тѣло. Жутко стало ему.

— Второй за сутки!—мелькнуло въ головѣ.

Освѣтивъ фонаремъ лицо мертвеца и взглянувъ на него, сторожъ седьмого околотка тотчасъ же отпрянулъ прочь: передъ нимъ лежалъ тотъ самый замерзшій неизвѣстный, котораго онъ утромъ дважды находилъ на своемъ околоткѣ и котораго, какъ онъ зналъ навѣрное, увезли уже въ Пески.

Мигомъ вылетѣли изъ головы всѣ мечты о Лопуховѣ и закускѣ, и, выскочивъ съ откоса на путь, онъ, какъ безумный, пустился бѣгомъ въ Иловатку.

И чѣмъ сильнѣе Пастуховъ бѣжалъ, тѣмъ страшнѣе становилось ему и чудилось, что мертвецъ гонится за нимъ по пятамъ и вотъ-вотъ настигнетъ его.

Только, когда миновалъ онъ семафоръ и былъ уже у самаго вокзала, то обернулся и, убѣдившись, что никакой погони за нимъ нѣтъ, нѣсколько пришелъ въ себя.

Запахавшійся, блѣдный, съ перекосившимся отъ испуга лицомъ, Пастуховъ разсказалъ о роковой находкѣ и заявилъ, что назадъ на околотокъ одинъ «ни въ жисть не вернется».

Долго не могъ начальникъ станціи понять безсвязнаго разсказа сторожа, а когда понялъ наконецъ, то не повѣрилъ и послалъ сторожей и стрѣлочниковъ.

Только тогда, когда тѣ вернулись и подтвердили слова Пастухова, начальникъ, чрезвычайно изумленный тѣмъ, какимъ образомъ тѣло могло очутиться опять на дорогѣ, прошелъ на телеграфъ и, сообщая о необыкновенномъ происшествіи въ Пески, просилъ командировать отсюда кого-нибудь на седьмой околотокъ вмѣсто заблѣвшаго отъ испуга и не желающаго итти на лишію Пастухова.

А поѣздъ номеръ тридцатый все шель да шель...

Миновали мостъ передъ станціей, ярче заблестѣли станціонные электрическіе фонари, запрыгали и заковыляли вагоны по стрѣлкамъ, и товарный поѣздъ, къ крайнему изумленію кондуктора Литвина и дрожащаго въ смертельномъ испугѣ пассажира въ пустомъ вагонѣ, миновалъ, не останавливаясь, запасные пути, заставленные длинными рядами вагоновъ, и съ грохотомъ и визгомъ тормоз-

ныхъ колесъ влетѣлъ подъ ярко освѣщенный навѣсъ и остановился на первомъ главномъ пути вровень съ платформой.

Это начальникъ Песковской станціи, зная, что въ поѣздѣ ѣдетъ начальникъ участка, который чувствуетъ себя нездоровымъ, распорядился принять поѣздъ на главный, свободный тогда путь, чтобы рать возможность больному удобнѣе выйти изъ вагона и скорѣе пройти въ теплый вокзалъ.

Когда послышался вдали свистокъ и показались два горящихъ глаза паровоза, на платформу вышли изъ вокзала и собрались въ ожиданіи прибытія мертваго тѣла, отправленнаго съ этимъ поѣздомъ изъ Иловатки, жандармскій ротмистръ Пальчиковъ, сидѣвшій передъ тѣмъ отъ нечего дѣлать въ буфетѣ перваго класса вмѣстѣ съ начальникомъ станціи, вахмистръ Куницынъ, жандармскій унтеръ-офицеръ Никитинъ, вокзальный фельдшеръ съ сторожами и носилками и нѣсколько любопытныхъ. Среди нихъ находился и телеграфистъ Трофимовъ.

Поѣздъ не успѣлъ еще остановиться, какъ оберъ-кондукторъ ловко соскочилъ съ вагона-теплушки передъ самымъ носомъ стоявшаго на платформѣ вмѣстѣ съ прочими дежурнаго по станціи и, молотцовато отковыривъ ему, доложилъ, что «поѣздъ прибылъ благополучно!».

— Ну-ка, гдѣ у васъ тутъ мертвое тѣло? Покажите-ка!—обратился къ нему жандармскій ротмистръ.

— А вотъ, пожалуйста сюда,—и оберъ-кондукторъ повелъ всѣхъ къ вагону, куда по его приказанію и при немъ положили въ Иловаткѣ замерзшаго.

Пока они шли къ вагону, кондукторъ Литвинъ слѣзъ со своей тормозной площадки и освѣдомился у кондуктора Листова, куда это собралось столько народа.

— Да вотъ за мертвымъ тѣломъ!

— Какимъ это?—изумился Литвинъ.

— Да ты рази не знаешь? Въ Иловаткѣ какого-то нашли мерзлаго на пути да положили въ нашъ поѣздъ, чтобы, значить, въ Пески его доставить.

— Въ какой вагонъ-то?

— Да вонъ въ энтотъ,—и Листовъ указалъ вагонъ.

У Литвина сердце такъ и упало! Батюшки-свѣты, да что жъ теперь будетъ, если мужики сигануть оттуда не успѣли? У одного нога нездорова,—и Литвинъ раньше всѣхъ очутился возлѣ вагона.

— Отопри-ка, Литвинъ!—распорядился оберъ-кондукторъ.

Литвинъ тотчасъ же ухватился за запоръ и отодвинулъ дверь, но не успѣлъ самъ влѣзть въ вагонъ и разглядѣть, кто тамъ есть, какъ жандармъ Никитинъ съ фонаремъ въ рукахъ вскочилъ туда.

Освѣтивъ фонаремъ пустой вагонъ, Никитинъ замѣтилъ въ углу рогожку, но на ней никого не было.

— Что за притча?—подумаль онъ и началъ шарить свѣтомъ по угламъ. Какъ разъ сзади него, въ двухъ шагахъ, не дальше, фонарь освѣтилъ какія-то ноги, обутыя въ валенки, запутанныя бечевками. Скользя выше, Никитинъ разглядѣлъ стоявшаго во весь ростъ прижавшагося къ стѣнѣ и распластавшагося по ней человѣка, точно желавшаго втиснуться и слиться со стѣной, чтобъ стать совсѣмъ незамѣтнымъ.

Глаза ихъ встрѣтились. И если на блѣдномъ, подергивающемся судорогами лицѣ незнакомца Никитинъ увидѣлъ два устремленныхъ на него невыразимо испуганныхъ глаза, то и тотъ, въ свою очередь, могъ прочесть въ глазахъ жандарма животный ужасъ, внезапно охватившій его.

— Живъ онъ! Ожилъ!—не своимъ голосомъ закричалъ жандармъ, выскакивая изъ вагона.

— Кто? Кто живъ-то? Да говори ты толкомъ,—послышались взволнованные голоса присутствовавшихъ, почувствовавшихъ, что въ вагонѣ происходитъ что-то неладное.

— Да упокойникъ-то! Мертвое это самое тѣло! такъ что, ваше-скородіе, стоитъ въ углу и этакъ страшно глядитъ!—докладываль онъ ротмистру.

— Ты все врешь, братецъ мой!—заволновался ротмистръ.— Куницынъ, поди-ка ты, погляди самъ!

Вахмистръ собрался было лѣзть въ вагонъ, но это оказалось излишнимъ.

Только что испуганный Никитинъ вылѣзъ изъ вагона, какъ смекнувшій, въ чемъ дѣло, Литвинъ забрался туда и, быстро оглядѣвъ вагонъ, подошелъ къ мужику и, узнавъ его, прошепталъ:

— Молчи! Сказывай, что не помнишь, какъ сюда попалъ, да слушай, что я говорить буду!—И, подойдя къ двери, продолжая стоять въ вагонѣ и загоразживая собою входъ туда, обращаясь къ ротмистру, заговорилъ:

— Онъ, ваше высокоблагородіе, сказываетъ, что не помнить, какъ въ вагонъ-отъ попалъ. Шель, гритъ, по пути, чувствій лишился и не помню ничего. Только, слышь, передъ самой станціей очнулся.

— Что такое? Ничего не понимаю!—недоумѣвающе обратился ротмистръ къ присутствовавшимъ.

— Эй! Кто тамъ? Выходи сюда!—крикнулъ онъ въ вагонъ.

Въ дверяхъ показалась промерзшая и дрожащая фигура мужика. Всѣ въ него такъ и впились.

— Ты кто такой?

— Мы-то? Стало быть, хрестьяне... Здѣшніе мы... тугошніе... изъ Муравьевки будемъ...—глухимъ, упавшимъ голосомъ проговорило ожившее мертвое тѣло.

— Какъ ты сюда попалъ, зачѣмъ?—продолжалъ допрашивать ротмистръ.

— Не можемъ знать... Не извѣстны мы...

— Ты что же—по желѣзной дорогѣ, что ли, шель? А?

— Шель, шель—оживился мужичонка:—это вѣрно; домой, значить, шель, а какъ сюда-то, въ вагонъ-то, то есть, попалъ и самъ не знай!

— Что же это такое, фельдшеръ?—обратился ротмистръ къ фельдшеру.

Среди присутствовавшихъ поднялся говоръ: всѣ вдругъ заговорили и начали строить догадки.

— Это, Михаилъ Ивановичъ,—радно обратился Трофимовъ къ вахмистру, возбужденный такимъ необыкновеннымъ происшествіемъ,—съ нимъ былъ шокъ, не иначе!

— Шо-о-къ?—недовѣрчиво протянулъ вахмистръ, глядя на смѣющаеся лицо телеграфиста и подозрѣвая, не хочетъ ли онъ его вышутить новымъ незнакомымъ словомъ.

— Да, шокъ! Это сначала ударъ такой, а потомъ онъ вналъ въ летаргію: уснулъ, значить,—твердилъ Трофимовъ своимъ сосѣдямъ.

Фельдшеръ озабоченно теръ себѣ переносицу и какъ-то неопредѣленно мычалъ: выходило не то «м-д-да», не то «н-н-ѣ-ѣ-тъ».

Сторожа стояли съ носилками и не знали, что дѣлать.

Тутъ только Пальчиковъ разглядѣлъ, что ожившій страшно блѣденъ и весь дрожитъ. Отъ природы ротмистръ былъ надѣленъ добрымъ, мягкимъ сердцемъ, и тотчасъ же забеспокоился.

— Что же мы здѣсь на холодѣ держимъ его? Иди, братецъ, скорѣе! Можешь самъ-то итти? А? Можешь! Вотъ и прекрасно! А гдѣ докторъ, докторъ гдѣ?

Ему доложили, что докторъ у начальника депо играетъ въ карты.

— Ахъ, Боже мой,—засуетился ротмистръ:—позовите его скорѣе, скажите, что больной есть! да скорѣе! А его не въ больницу ли къ вамъ?—обратился онъ къ фельдшеру, но не успѣлъ еще тотъ и рта открыть, какъ мужикъ, услыхавъ про больницу и понявъ, что его хотятъ положить туда, взмолился:

— Увольте! Ваше сіятельство! увольте, сдѣлайте такую милость! Намъ бы домой тепереча: какъ мы тутешніе, совсѣмъ близехонько! Чай, мы тутъ извѣстны!..

— Нельзя, братецъ, нельзя! Вотъ докторъ тебя посмотреть, помощь какую надо подастъ, и ступай тогда съ Богомъ! Отвеземъ даже тебя! А пока проводите его въ жандармскую,—приказалъ ротмистръ вахмистру,—да узнайте отъ него, кто онъ, откуда?

— Прикажете протоколъ составить?

— Протоколъ? Ну, конечно, разумѣется! Этакое обстоятельство... Послушай-ка ты, какъ тебя?

— Мертвое тѣло,—ослабившись, весело отвѣтилъ за него Трофимовъ, но ротмистръ, а главное вахмистръ такъ взглянули на мо-

лодого человѣка, что тотъ прикусилъ языкъ и поспѣшилъ ступать въ толпѣ.

— Ты озябъ?—продолжалъ ротмистръ:—водку пьешь? Можно ему водки?—освѣдомился онъ у фельдшера.

При словѣ «водка» мужикъ сочувственно крикнулъ.

— Ей, Никитинъ! Поди, братецъ, въ буфетъ да прикажи за мой счетъ водки ему подать! Да нѣтъ, не водки: вели коньяку большую, винную рюмку, слышишь?

Когда ожившее мертвое тѣло сидѣло въ жандармской комнатѣ въ вокзалѣ и Куницынъ писалъ совершенно непривычный протоколъ, выводя своими толстыми пальцами крупныя буквы, а ротмистръ, все еще волнуясь, производилъ допросъ, самъ буфетчикъ, заинтересовавшись происшедшимъ, принесъ огромную рюмку коньяку.

Въ толпѣ любопытныхъ, тѣснившихся въ коридорѣ у дверей, произошло движеніе: всѣмъ было интересно, какъ мертвое тѣло станеть пить коньякъ.

Тотъ принялъ изъ рукъ буфетчика рюмку, вытеръ не спѣша рукавомъ тулупа усы и бороду и точно въ лаханку разомъ опрокинулъ въ ротъ коньякъ.

— Ловко!—завистливо одобрили въ толпѣ.

— Покорно благодаримъ!—поклонился онъ ротмистру, причмокнувъ отъ удовольствія и сплонувъ въ сторону.

Отъ выпитаго вина и тепла лицо у мужика разгорѣлось, глаза оживились, и показанія стали даваться имъ и скорѣе и непринужденнѣе.

А толпа у дверей все прибывала: всѣмъ было интересно поглядѣть на воскресшаго и послушать его.

Веселымъ вернулся Трофимовъ на телеграфъ и съ оживленіемъ началъ рассказывать барышнѣ про рѣдкое чудо...

Давно уже стучалъ у него на столѣ аппаратъ и передавалъ что-то очень длинное, но Трофимовъ не обращалъ на него вниманія.

Когда затѣмъ онъ подошелъ къ столу и, поднявъ безконечно длинную ленту, сползшую на полъ, началъ читать ее, то буйная радость засверкала въ его глазахъ: онъ одинъ на всей станціи очутился знающимъ такую сенсационную новость, которая сейчасъ взбудоражитъ всѣхъ, а больше всего ротмистра и его жандармовъ.

Лента заключала въ себѣ телеграмму начальника станціи Иловатки о найденномъ опять на линіи мертвомъ тѣлѣ, только что отправленномъ въ Пески на поѣздѣ номеръ тридцатый, и о присылкѣ сторожа взаменъ Пастухова.

Схвативъ ленту и не списывая съ нея депеши, Трофимовъ, какъ угорѣлый, бросился въ жандармскую комнату и, пробившись сквозь толпу, влетѣлъ туда какъ разъ въ то время, когда только что явился желѣзнодорожный врачъ, окончившій сѣроковой робберъ и недвольный тѣмъ, что его оторвали отъ этого пріятнаго занятія.

— Господинъ полковникъ, господинъ полковникъ!—величалъ Трофимовъ Пальчикова:—это не мертвое тѣло! Мужикъ-то этотъ! Не онъ замерзшій! Ей-Богу!

— Что-о-о!?

— Да вот извольте взглянуть телеграмму!—и онъ соваль ротмистру телеграфную ленту. Прочтя выбитое на ней аппаратомъ тутъ же вслухъ громкимъ голосомъ, Трофимовъ чувствовалъ себя настоящимъ героемъ и упивался произведеннымъ впечатлѣниемъ.

Эффектъ получился дѣйствительно чрезвычайный!

Глядя на опѣшившихъ отъ неожиданности и смущенныхъ жандармовъ, въ толпѣ хохотали до неприличія; улыбнулось даже и само захмелѣвшее мертвое тѣло.

С. П. Рудневъ.





ЖЕНСКАЯ ЛИЧНОСТЬ ВЪ ИСТОРИИ РОССИИ.

І. Старинныя помѣщицы.



Въ XVI вѣкѣ затворничество женщинъ въ Московской Руси сдѣлалось вполне установившимся фактомъ. Авторъ знаменитаго «Домостроя» не даетъ себѣ труда упоминать объ этомъ обычая; для него это затворничество—нѣчто непререкаемое, что само собой разумѣется; онъ преподаетъ свои поученія и правила женщинамъ, уже накрѣпко замкнутымъ въ тѣсныя предѣлы домашней обители. Сами царицы и великія княжны лишились еще недавней личной и политической значительности, какой обладали Софья Витовтовна и гречанка Софія Палеологъ. Московскіе самодержцы выбирали себѣ женъ изъ среды смиренныхъ подданныхъ. Введенныя въ царскіе терема и посвящаемыя въ высшій санъ особыми обрядами, онѣ становились невидимыми для народа, таинственными исполнительницами всѣхъ церковныхъ обычаевъ, верховными богомолицами благочестивой страны. Но въ эту же пору, рядомъ съ полнымъ расцвѣтомъ затворничества въ высшемъ столичномъ обществѣ, въ обезпеченномъ городскомъ населеніи, съ конца XVI вѣка зарождается иная сфера быта, съ иными требованіями отъ женщинъ. Быстро растутъ сила и значеніе въ государствѣ военно-служилаго класса, тѣхъ раннихъ воинь-помѣщиковъ, которыхъ можно считать родоначальниками позднѣйшаго дворянства.

Военно-служилыхъ людей посылали на житѣ и службу въ дальнія степныя мѣста близъ дорогъ, по которымъ бродили татары и другіе кочевники, подготовляя свои набѣги на русскіе города и даже Москву. вмѣсто жалованья и содержанія воинамъ отводили участки пустыхъ степныхъ земель, чтобы, заселяя ихъ и заводя сельское хозяйство, они успѣшнѣй оттѣсняли кочевниковъ за Волгу и къ Черноморью. Къ XVII вѣку селенія мелкихъ помѣщиковъ, разбросанныя по огромнымъ пространствамъ, перерѣзаннымъ земляными валами, завалами деревьевъ, а у татарскихъ дорогъ частоколомъ со сторожевыми башнями, широкимъ полукругомъ охватывали центральную Русь отъ Приуралья и рѣки Вѣлой черезъ нынѣшнія губерніи—Симбирскую, Тамбовскую, Воронежскую, Курскую до смоленской и литовской границы на западѣ.

Жуткую жизнь выносили здѣсь семьи помѣщиковъ на отпущенныхъ за службу земляхъ; долгое время крестьяне не приходили наниматься къ новымъ владѣльцамъ, не рѣшаясь селиться на опасныхъ мѣстахъ; не хватало силъ и средствъ удерживать за собою плѣнныхъ. Мелкіе помѣщики съ женами и дѣтьми сами пахали и убирали поля, держа наготовѣ ружья и самопалы. Лѣтомъ, въ пору сельскихъ работъ спадала вода въ рѣкахъ, открывались броды, и кочевники свободно пользовались степными дорогами для своихъ набѣговъ. Воиновъ требовали на усиленную службу къ крѣпостямъ и сторожамъ. Жены оставались одиѣ при хозяйствѣ подъ грозой набѣга и татарскаго плѣна съ увозомъ на продажу на мусульманскіе рынки. Цѣлыми поколѣніями неслышно и незамѣтно вели здѣсь помѣщицы огромную экономическую работу,—въ заселеніи степей и укрѣпленіи сельскаго хозяйства на драгоценномъ черноземѣ заключался основной смыслъ борьбы съ кочевыми народцами. Съ каждымъ поколѣніемъ новыя группы помѣщичьихъ семей отдѣлялись отъ окрѣпшихъ уже селеній и передвигались далѣе къ югу и юго-востоку и заводили новыя селенія, налагая новыя испытанія на женскія силы; женщины и въ полѣ работали и дома сберегали.

Когда жизнь въ окрѣпшихъ селеніяхъ становилась безопаснѣй и приходили на работы крестьяне, получая, въ свою очередь, надѣлы на помѣщичьей землѣ, то ихъ хозяева-помѣщики, какъ болѣе состоятельные, отсылались въ дальніе, болѣе трудные походы. Помѣщицы по цѣлымъ годамъ управлялись со сложнымъ хозяйствомъ, наблюдая, чтобы не разбрелись крестьяне, что такъ легко удавалось въ степяхъ. Въ этой сельской глуши помѣщицы съ дѣтьми жили въ сущности въ полной зависимости отъ своего рабочаго люда. Нерѣдко имъ приходилось самимъ во главѣ своихъ людей отбиваться отъ разбойничьихъ шаякъ, порой отсиживаться отъ враговъ въ башняхъ и за частоколами.

Очень часто на долю женщинъ выпадали всѣ дѣловыя сношенія помѣщичьихъ семей. Умиралъ помѣщикъ или лишался службы

вслѣдствіе ранъ и увѣчій,—вдова или жена спѣшила закрѣпить помѣстье за дѣтьми и обезпечить ихъ, сохранивъ съ трудомъ созданное хозяйство. Съ помощью ближняго священника, родича или грамотнаго холопа она посылала слезныя челобитья въ московскій приказъ, прося справить помѣстье за сыновьями и выдѣлить части ей, вдовѣ, на прожитокъ, а дочерямъ на приданое, обѣщаясь воспитать новыхъ воиновъ для государевой службы. Иная энергичная вдова отслуживала по два срока женской службы, сохраняя имѣнье сыновей, когда всѣ помѣщики уходили на цѣлые годы въ Литву или къ шведской границѣ, руководила молодыми невѣстками и воспитывала внуковъ,—и только совсѣмъ дряхлой старухой уходила на покой въ монастырь.

Въ этой сферѣ жизни русской женщины, какъ и въ крестьянскомъ быту, полное затворничество было невысказано, не имѣли настоящаго примѣненія и правила «Домостроя». Здѣсь, на территоріи военной колонизаціи отъ женщинъ требовалось много личной смѣлости, самостоятельности и сообразительности; апатичная, робкая, не умѣвшая управляться въ одиночку среди опасностей степного быта у военной границы могла повредить хозяйству и себя погубить. Марьицы, Дарьицы, Антонидки да Параскевы, жены и дочери помѣщиковъ, несли на своихъ плечахъ значительную долю колонизаторскаго труда русскаго населенія, обезпечивавшаго мирному люду лучшія черноземныя земли нашей равнины. И московское правительство прекрасно понимало значеніе этихъ безсмѣнныхъ агентовъ своей военной колонизаціи—охранявшихъ деревни женщинъ служилаго класса; оно охотно обезпечивало пожилыхъ помѣщицъ вдовыми долями изъ ихъ роднаго помѣстья, а дѣвицъ-дочерей—участками на приданое. Марьицы и Дарьицы просили пожаловать ихъ съ дѣтьми—«за кровь и за раны» мужей и отцовъ; а могли бы съ полнымъ правомъ писать: «и за наши потъ и кровь, болѣзни и увѣчья». Отпускались имъ въ обезпеченіе потрудившихся вдовъ и въ видѣ аванса дочерямъ на будущее служеніе тѣ самыя доли недвижимости, не менѣе восьмой и четырнадцатой, которыя послѣ Петра внесены въ законы о наслѣдованіи.

Этотъ классъ помѣщиковъ, среди котораго, какъ и въ крестьянствѣ, представители обоихъ половъ трудились рядомъ рука объ руку, сдѣлался въ послѣдствіи господствующимъ сословіемъ въ императорской Россіи, руководителемъ крѣпостнаго труда сельскаго населенія, и первый подчинился просвѣтительнымъ мѣрамъ правительства и вліянію европейской культуры.

Съ присоединеніемъ Малороссіи на духовную жизнь московскаго общества точно пахнула струйка свѣжаго воздуха. На югѣ не знали затворничества женщинъ. Законъ и обычай обязывалъ обезпечивать формальнымъ актомъ за женой и вдовой не только приданое, но и часть имущества мужа. Малороссіянки состоятельныхъ классовъ

располагали личной собственностью, заключали договоры, самостоятельно вели свои дѣла, тѣмъ болѣе, что обыкновенно знали грамоту. Дѣвицы часто свободно выбирали мужей, а при неудачномъ замужествѣ безъ труда получали разводъ. Въ бурныя, смутныя времена онѣ удивительно смѣло пользовались и своей личной свободой, и даже правами сильного въ своей казацкой странѣ: выходили въ походы во главѣ вооруженныхъ людей, защищали свои усадьбы и замки, дѣлали даже набѣги на сосѣдей. При сближеніи Московской Руси съ южною свобода, которой пользовались малороссіянки, не могла не произвести впечатлѣнія на приниженныхъ московскихъ затворницъ. Однако и новыя условія помѣщичьяго быта и примѣръ южанокъ могли только готовить почву къ освобожденію женщинъ отъ теремовъ; первыя личныя выступленія великороссійской женщины на публичной аренѣ и проявленія ея воли и индивидуальности имѣли мѣсто въ средѣ старомосковского общества и на почвѣ религиозныхъ вопросовъ, на которые оно всегда очень чутко отзывалось.

II. Первыя дерзанія.

Московская Русь прожила долгіе годы внѣ живительнаго общенія съ иноземной культурой; свою вѣру и ея обрядовыя формы, свои обычаи она привыкла считать неприкосновенной святыней. Южная Русь вѣковала подъ властью иновѣрцевъ и научилась защищать свою вѣру и народность силою школьнаго просвѣщенія, литературой на родномъ языкѣ, богословскими преніями и не боялась полезныхъ заимствованій. Едва сблизившись, великороссы почувствовали, что южные братья очень опередили ихъ образованіемъ и культурностью. Московское правительство рѣшилось пригласить въ столицу кіевскихъ монаховъ, сперва для исправленія богослужебныхъ книгъ, а затѣмъ и для обученія молодежи. Въ Москвѣ появились новые учителя вѣры, — событіе огромной важности. Новые люди, сильные научной подготовкой, быстро распатали старые навѣки духовнаго учительства, подготавливая умы къ сближенію съ Западомъ и готовящимися преобразованіями. Энергичные сторонники старыхъ обрядовыхъ формъ бурно возстали противъ новыхъ началъ, проводимыхъ кіевлянами, и рѣзкихъ мѣръ высшаго московскаго духовенства. Разразился церковный расколъ. Сильное умственное броженіе разлилось потокомъ по всей странѣ, глубоко захватывая всѣ слои населенія; и самымъ чувствительнымъ барометромъ, показателемъ высокаго давленія на психику русскихъ людей, оказались, какъ и повсюду, женщины. До совершеннолѣтія Петра I мощныя женскія личности выдѣляются изъ различныхъ группъ передовыхъ дѣятелей того времени и даже иногда становятся руководительницами общественнаго движенія.

Въ первую самую горячую пору споровъ и борьбы религиозный вопросъ вызывалъ распри въ нѣдрахъ замкнутыхъ старинныхъ семейныхъ кружковъ, разбивая родственниковъ на враждебные лагеря; ихъ отголоски звучали въ самомъ центрѣ охраненія чистоты обряда и обычая—въ царскомъ дворцѣ; царевны—сестры царя Алексѣя Михайловича—отстаивали исправленіе книгъ и распоряженія патріарха Никона, а тихая затворница, но строгая блюстительница своихъ обязанностей богомолицы и благотворительницы, царица Марья Ильинична втайнѣ сочувствовала старообрядцамъ и ихъ пылкому вождю, протопопу Аввакуму. Родственница царицы и вліятельнѣйшая представительница ея двора, боярыня Морозова, со своей сестрой княгиней Урусовой была самой яркой послѣдовательницей Аввакума въ борьбѣ за религиозныя преданія; вмѣстѣ съ ними много смѣлыхъ и умныхъ энергичныхъ женщинъ выдвинулись въ первые ряды борцовъ за чистоту стараго православія.

Семнадцатилѣтняя придворная боярышня Соковнина вышла замужъ за пятидесятипятилѣтняго вдовца-богача, брата царскаго воспитателя Морозова, и рано осталась вдовой съ единственнымъ сыномъ. По своимъ духовнымъ силамъ Ѳедосья Прокопьевна Морозова—исключительное явленіе для своего времени; очень начитанная въ духовной литературѣ,—единственный видъ образованія, признаваемый старой Русью,—она страстно и дѣятельно искала правды жизни; разъ найденное рѣшеніе всецѣло овладѣвало ея душой, и она шла за него на муки и смерть. Старикъ Морозовъ, царскій другъ и воспитатель, уважалъ молоденькую невѣстку; самъ встрѣчалъ ее привѣтствіемъ: «Приди, другъ мой духовный. Приди, радость моя душевная», и по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ ней. Да и самъ царь цѣнилъ общество умной женщины, горѣвшей искреннимъ благочестіемъ. Боярыня владѣла огромнымъ состояніемъ, обширными вотчинами, гдѣ жило восемь тысячъ крестьянъ. Въ ея великолѣпныхъ московскихъ палатахъ хранилось болѣе, чѣмъ на два милліона рублей на наши деньги казны и всякаго имущества, и толпилось до пятисотъ слугъ. По торжественнымъ днямъ знатная вдова ѣздила къ царицѣ въ каретѣ, выложенной серебромъ и мозаикой, на двѣнадцати армагакахъ, гремѣвшихъ серебряной сбруей.

Морозова свято хранила завѣты «Домостроя», возлагавшаго на домохозяйна отвѣтственность за души домочадцевъ и челяди. Она лично правила своими людьми и работала по хозяйству, цѣлыми часами разбирала деревенскія нужды крестьянъ и творила судъ, «иныхъ жезломъ наказуя,—разсказываетъ современникъ,—а иныхъ любовью и милостью на дѣло Господне побуждая». Сама прядла, ткала и шила простое платье и бѣлье, а ночью тайно съ близкими богомолками и старицами разносила его по тюрьмамъ и по бѣднякамъ; спасала бѣдныхъ отъ наказаній, выкупала холопей, поставлен-

ныхъ на правезъ за вины господъ. Въ домѣ свято справлялись всѣ службы для семьи и челядинцевъ; молились и по ночамъ. Нищіе и странники наполняли покои Морозовой; она бесѣдовала съ ними и столовалась; сама кормила голодныхъ, ухаживала за больными и увѣчными, обмывала имъ раны.

У нея постоянно скрывались отъ преслѣдованій знаменитѣйшіе расколоучители, начиная съ Аввакума. Пять старицъ-инокинь, покинувъ, соблазненные никоніанствомъ, обители, жили здѣсь во главѣ съ учительницей матерью Меланіей. Натура сдержанная, гибкая, находчиво уклоняясь отъ рѣзкихъ фанатическихъ протестовъ, Меланія отличалась организаторскими способностями. Она неумоимо устраивала раскольничьи общины, вела обширныя сношенія; неувимая для властей, она появлялась всюду, гдѣ требовалась поддержка. Сильнымъ, убѣдительнымъ словомъ и примѣромъ Морозова со старицами привлекли много приверженцевъ къ самоотверженной борьбѣ за старый обычай и прежде всѣхъ сестру свою Урусову. Слава о знатной подвижницѣ и благотворительницѣ распространилась далеко за предѣлы Москвы.

Всюду, гдѣ встрѣчались ей никоніанцы и кіевскіе монахи съ ихъ учениками, Морозова обличала ихъ, даже рѣзко поносила, «вездѣ являшеся, яко левъ лисицамъ». А тогда сдержанности не знали и спорили съ дикимъ фанатизмомъ. Когда бояринъ Матвѣевъ и учитель царевичей Симеонъ Полоцкій сходились съ Аввакумомъ, то между ними заводилось такое «стяжаніе», что расходились они измученные, шатаясь «яко пьяни».

Морозовой довелось особенно горячо и мучительно спорить въ домѣ своего родственника Ртищева, благороднѣйшаго друга кіевскихъ ученыхъ. Въ этой семьѣ и женщины увлекались религиозными вопросами.—«Что, дядюшка, разнствуешь хлѣбъ со опрѣснокомъ?» спросила молодая дочь хозяина, Вельяминова, у гостя Потемкина. «Вижу, Михайловна, половина ты ляховки», укорилъ ее старый родичъ. Боярыня немного сконфузилась и закрылась рукавомъ.

Разгорались гоненія на раскольниковъ, выросталъ и левъ въ образѣ женщины, фанатично ополчаясь на защиту кровнаго достоянія души. Сестры понемногу отклонялись отъ обязанностей своего высокаго положенія, надолго запирались со своими единомышленниками, изнуря себя трудомъ и постами. Морозова не смущалась прозившимъ ей гнѣвомъ царя. Сынъ подрасталъ; она передавала ему мірскія заботы, а сама отдалась подъ начало матери Меланіи, восторженно готовясь къ постриженію, которое впослѣдствіи и совершилъ надъ нею знаменитый Досіеѣй тайно на дому. Но вотъ скончалась царица, заступница и единомышленница, и время грозной расправы приближалось къ царской ослуш-

ницѣ. Но царь Алексѣй не легко рѣшался на крутыя мѣры относительно лицъ, близкихъ ему или его семейнымъ.

Наступилъ день свадьбы царя-вдовца съ Натальей Кирилловой Нарышкиной. Какъ старшая среди женскихъ чиновъ двора, Морозова должна была стоять во главѣ боярынь и говорить надъ увѣнчанной головкой царицы-невесты sacramентальныя слова длиннаго царскаго титула; подъ предлогомъ болѣзни ногъ подвижница совсѣмъ не явилась во дворецъ. Царь отложилъ гнѣвъ, среди новаго семейнаго счастья; но только отложилъ.

Ртищевы любовно убѣждали Федосью Прокопьевну побережъ себя и сына, не итти наперекоръ власти. «Смотри, какой красавецъ твой сынъ. Тебѣ бы, счастливой матери, любоваться имъ да оберегать его». Морозова отвѣчала пламенной отповѣдью: «Если хотите, выведите сына моего на пожаръ ¹⁾ и отдайте его на растерзаніе псамъ, устрашая меня, чтобы отступила отъ вѣры... но не подумаю отступить благочестія, хотя бы и видѣла красоту, псами растерзанную»... Мать умерла въ фанатической проповѣдницѣ; она съ открытымъ лицомъ шла на муки. Боярѣ, принесшихъ ей объявленіе царской опалы, она встрѣтила исповѣданіемъ своей «правой вѣры». Алексѣй Михайловичъ мрачно выслушалъ докладъ объ открытомъ бунтѣ вліятельнѣйшей въ Москвѣ женщины. «Тяжко ей бороться со мной, а одинъ изъ насъ побѣдитъ». Онъ понималъ, какой всенародный соблазнъ создастъ эта борьба съ неустрашимой и увлекательно-краснорѣчивой поборницей раскола.

А Морозова удалила изъ своего дома Меланію, всѣхъ старицъ и учителей, чтобы они укрылись отъ бѣды, перевезла къ себѣ Урусову, и сестры вмѣстѣ готовились на смертный бой. «Дерзай, сестрица, дерзай», подкрѣпляла она болѣе робкую и слабую княгиню, когда онѣ благословлялись другъ у друга, какъ инокини. Въ «дерзаніи» заключалось значеніе ихъ подвига. Явился судъ. Чудовскій архимандритъ и дьякъ Ивановъ, безпощадный гонитель расколоучителей, застали сестеръ въ постеляхъ, какъ бы больныхъ, крестящихся двушерстнымъ сложениемъ. Онѣ отказались стать на ноги и итти; на нихъ надѣли цѣпи и понесли изъ хоромъ. Юный Морозовъ могъ только поклониться вслѣдъ матери. Весь слѣдующій день боярынь продержали въ Чудовомъ монастырѣ для наставленія, но своимъ знаніемъ обрядовъ и твердостью онѣ обратили его въ преніе о вѣрѣ съ духовенствомъ. За такія продрозости женщинъ заковали въ ошейники съ цѣпами и заключили въ разные городскіе монастыри. Тамъ ихъ принуждали слушать службы по новымъ книгамъ; монахини насильно водили, даже носили ихъ въ церковь. Боярыни громко выражали свое не-

¹⁾ Лобное мѣсто, гдѣ казнили.

годованіе, порицали никоніанцевъ и отстаивали свои мнѣнія. Ихъ презрѣніе къ знатности и прелестямъ мірскимъ, страданія за вѣру, простыя, всѣмъ доступныя рѣчи привлекали къ нимъ вѣрующіихъ. Знатныя и простыя женщины толпами шли въ монастырь, съ трепетомъ и умиленіемъ слушали жалобы и обвиненія дерзающихъ подвижницъ. Масса сочувствующихъ всюду проникала къ нимъ. Сторожа, стрѣльцы, странницы, монастырскіе богомольцы чѣмъ могли облегчали участь узницъ; имъ устраивали свиданія; наставники-старообрядцы приносили имъ дары, поучали и подкрѣпляли ихъ духъ. Даже принципиальные противники, какъ старикъ Ртищевъ, приходили къ затвору Федосьи Прокопьевны, плакали и дивились ея страстному упорству.

Новый патріархъ попытался воздѣйствовать на бунтовщицъ авторитетомъ главы церкви и помазать ихъ миромъ; но его приступъ вызвалъ такой отпоръ, что духовенство смутилось. Оскорбленіе патріарха вызвало мѣры строгости. Боярынь повели на пытку вмѣстѣ съ примкнувшей къ нимъ согласницей; поднимали полуобнаженныхъ на дыбу, встряхивали, выворачивали руки, Данилову, кромѣ того, били кнутомъ. Морозову мучили послѣдней, и она молилась и благословляла страдалицъ. Всѣмъ тремъ дали время отлежаться отъ мукъ. Между тѣмъ на Болотной площади поставили срубы; ожидалось торжественное сожженіе. Неуловимая Меланія явилась въ Москву напутствовать своихъ бывшихъ послушницъ, и онѣ вполне приготовились къ послѣднему акту борьбы. Но сожженіе представительницъ московской знати пришлось обсуждать въ боярской думѣ; голоса бояръ не сошлись на страшномъ приговорѣ. Сестры царя жалѣли боярынь и просили за нихъ. Но дѣло зашло слишкомъ далеко. Всякій переѣздъ Морозовой и ея сестры по городскимъ улицамъ возбуждалъ волненія толпы; во всѣ монастырскіе затворы къ нимъ проникали единомышленники и поклонники. Боярынь приковали за шейныя цѣпи къ стулу, отвезли въ Боровскъ и посадили въ низкую, темную земляную тюрьму на медленную, мучительную смерть. Но и сюда находили дорогу наставники и наставницы съ дарами и утѣшеніями, а почитатели приносили пищу и платье. Черезъ два съ половиной мѣсяца угасла Урусова; немного спустя послѣдовала за нею и Морозова.

Вслѣдъ за первой группой талантливыхъ защитницъ стараго обряда двинулось множество менѣе выдающихся и лично незамѣтныхъ женщинъ отстаивать и сохранять чистую, по ихъ понятіямъ, вѣру отъ насилій еретиковъ и тонушей въ грѣхѣ власти. Онѣ уходили въ лѣса на героическую жизнь, полную лишеній, заводили тайные притоны, откуда вели сношенія съ единомышленниками, строили пустыньки, проповѣдывали, читали, сожигались или закапывались въ землю въ тяжкія минуты безнадежнаго со-

противленія. Скрываясь въ глубинѣ домашней, семейной обстановки, не связанная службой, внѣшними обязательствами, женщины сдѣлались твердымъ оплотомъ раскола; а у самыхъ крайнихъ противниковъ Никона и вдохновенныхъ имъ властей, тѣхъ группъ старообрядцевъ, которые совсѣмъ отвергли священство, женщины по необходимости служили при обрядахъ въ часовняхъ и настаивали вѣрующихъ.

Въ лицѣ Морозовой московская женщина впервые выступила на публичную арену, и въ самой важной области духовной жизни страны— въ области вѣры. Не одинъ царь съ волненіемъ смотрѣлъ на свою вдохновенную противницу, скованную, измученную, но грозно укоряющую его высоко поднятой рукой съ двуперстнымъ знаменіемъ. Шестъ нарядныхъ головокъ припикали къ рѣшетчатымъ окошечкамъ теремовъ; юныя царевны-затворницы горящими, жадными до впечатлѣній глазами слѣдили за побѣдой женщины надъ муками и униженіемъ, женщины такъ хорошо знакомой имъ, любимой подруги ихъ матери. Приближался и ихъ чередъ, время ихъ выступленій надвигалось.

III. Дерзанія въ теремѣ.

Къ половинѣ XVII вѣка подъ самыми стѣнами Москвы красиво раскинулось новое многолюдное поселеніе съ правильно разбитыми улицами, красиво обсаженными деревьями, съ чистыми домами, весело сіявшими ясными окнами; все смотрѣло здѣсь свѣтло и уютно,—это Кокуй, Нѣмецкая слобода, заселенная иностранцами. Тутъ прочно устраивались на жительство представители различныхъ народностей Запада изъ разныхъ общественныхъ слоевъ: офицеры изъ знатныхъ эмигрантовъ, солдаты всѣхъ родовъ оружія, купцы, ремесленники всякихъ специальностей, наконецъ, актеры, музыканты, танцовщики. Здѣсь поддерживались постоянныя сношенія съ Западомъ, распространялись газеты, сюда привозились запасы иностранныхъ книгъ. Пожилые переселенцы перевезли сюда свои семьи; молодые здѣсь женились. Женщины, богатая и бѣдная, свободно ходили по улицамъ съ открытымъ лицомъ, даже шей и руками; онѣ вносили въ мужское общество непринужденность и оживленіе, посѣщали театры, танцовали до упаду на вечеринкахъ.

Пріятная жизнь людей иной культуры завлекала наиболѣе подвижную и интеллигентную часть московскаго общества. Служилые люди, полковые товарищи иноземцевъ, даже важные бояре заводили знакомства въ слободѣ, принимали приглашенія на праздники, театры и концерты; такими увеселеніями интересовался самъ царь Алексѣй Михайловичъ. Заводились и родственныя связи съ обитателями слободы. При сближеніи начались позаимствованія у ино-

странцевъ обычаевъ, домашней обстановки, житейскаго обихода. Кое-гдѣ въ русскихъ домахъ женщины получили больше свободы, не скрывались отъ мужского общества, чаще выходили на свѣтъ Божій.

Получили распространение иностранныя книги; пошли въ ходъ переводные сборники западной беллетристики. Повѣстухи Боккаччо, рыцарскіе романы, комедіи Мольера находили пересказчиковъ и подражателей; увлекались и любовной лирикой; молодежь пыталась складывать стихи и пѣсенки. Въ русскихъ беллетристическихъ опытахъ, подъ вліяніемъ иностранныхъ образцовъ, понемногу упраздняется роль бѣса-соблазнителя въ завязкѣ и развязкѣ любовныхъ приключеній; герои и героини учатся дѣйствовать по своей инициативѣ и за своей отвѣтственностью. Эти раннія, грубоватыя повѣстухи развивали въ русскихъ читателяхъ болѣе осмысленный интересъ и нѣкоторое уваженіе къ личной интимной сторонѣ жизни. Новое освѣщеніе ея внутренняго смысла и значенія особенно выгодно отражалось на личностяхъ героинь; вѣдь женщина въ этой сферѣ являлась необходимой соучастницей и даже руководящей силой. Беллетристика своимъ вниманіемъ возвышала во мнѣніи читателя личную жизнь русской женщины, загнанную въ душныя затворы, скованную тисками черствой устарѣвшей морали, какъ бы оправдывала ея порывы къ свободѣ, на свѣтлый просторъ.

Новизна яркими струйками вливалась въ московское житеѣбытѣ; залестрѣли ея лучи и въ кремлевскихъ теремахъ, гдѣ росли и отцвѣтали царевны, обреченныя на постриженіе. Въ эту горькую юдоль примѣрнаго затворничества проникали вѣянія иного міра. Сынъ Алексѣя Михайловича учился у образованнаго кievскаго монаха, Симеона Полоцкаго, богослова, стихотворца и литератора на всѣ руки; совсѣмъ молодой человекъ, онъ еще былъ полонъ свѣтскихъ настроеній; онъ быстро и хорошо складывалъ стихи и рѣчюванныя рѣчи на всякія семейныя событія и праздники, снабжалъ ими царскихъ дѣтей, а за ними и всю придворную молодежь. Свѣтское ремесло, благодаря его содѣйствію, вошло въ моду въ боярскихъ домахъ и принесло свою пользу, смягчая чопорность и оживляя общеніе. Ряса открывала учителю двери теремовъ; онъ часто видался съ царевнами; умная, бойкая Софья читала его духовныя сочиненія, книги библіотеки брата, старыя хронографы, повѣствовавшіе о жизни греческихъ царей и царицъ. Она сама складывала стихи и пѣсенки, а сестры слушали и подпѣвали. Ловкій полусвѣтскій монахъ явился освѣжающимъ элементомъ въ сумракѣ теремовъ; съ нимъ царевны могли поговорить о порядкахъ жизни въ другихъ земляхъ, гдѣ женщины имѣли большое вліяніе и принимали участіе въ общественныхъ дѣлахъ.

Дочери царя Алексѣя отъ перваго брака выдались здоровѣе и способнѣе своихъ братьевъ. Онѣ сіяли молодостью и избыткомъ

силъ, а будущее ничего не сулило имъ, кромѣ монашеской кельи. Онѣ съ жадностью прислушивались къ разговорамъ про иную женскую долю. Рой родственницъ и городскихъ вѣстовщицъ, наполнявшій терема, занималъ ихъ пересудами о житьѣ иноземокъ къ слободѣ, появленіи нѣмцевъ въ боярскихъ домахъ, о всякой новизнѣ въ столицѣ.

Но первой заводчицей въ дѣлѣ нарушенія стариннаго обихода оказалась небойкая умомъ красавица царица Наталья Кирилловна. Привыкнувъ къ новомоднымъ порядкамъ въ домѣ своего воспитателя Матвѣева, она и во дворцѣ не выдерживала подавляющей замкнутости своего существованія. Къ изумленію уличной толпы, она выглядывала изъ своей кареты, откидывала завѣсы ея окошекъ во время церемоніальныхъ выѣздовъ на богомолье; заставляла обожавшаго ее немолодого мужа сажать ее съ собой въ открытой повозкѣ, когда запросто отправлялись въ подмосковныя. А по имениннымъ днямъ молодая царица всегда лично принимала все боярство и собственноручно раздавала пироги. Самъ благочестивый царь въ послѣднюю пору жизни отступился отъ строгой постнической обстановки своей молодости и отъ души увлекался обществомъ и забавами. До глубокой ночи, иногда до ранняго утра засиживался онъ на театральныхъ представленіяхъ вмѣстѣ съ женщинами своей семьи, еще скрытыми въ глубокихъ ложахъ. Частые крестинные и именинные пиры во дворцѣ затягивались на цѣлыя сутки при участіи всего боярства и придворныхъ чиновъ, и гости отпускались домой только до безпамятства пьяными. Его преемникъ, юноша Θεодоръ, со своей стороны, отказался отъ обрядовъ торжественнаго избранія невѣсты; онъ увидалъ на улицѣ бойкую, красивую дѣвушку польскаго происхожденія Агаею Грушецкую, плѣнился ею и сдѣлалъ ее царицей. За ея недолгую жизнь польскіе обычаи вошли въ большую моду въ Москвѣ, и польскій языкъ сыгралъ при дворѣ роль французскаго болѣе поздней поры.

Натискъ новыхъ идей и интересовъ особенно сильно отразился на настроеніи царевенъ,—слишкомъ тяжкимъ, противоестественнымъ насиліемъ грозила имъ судьба; и обездоленные старымъ обычаемъ дѣвушки первыя открыли дорогу великому перевороту. Сильное броженіе умовъ въ столицѣ, возбужденное церковнымъ расколомъ и подогрѣваемое вліяніемъ иноземщины, захватило царевенъ и побуждало ихъ, особенно смѣлую, талантливую Софью, отстаивать свои права на личную жизнь. Въ то время только власть могла открыть путь къ новой жизни, и Софья неудержимо потянулась за властью. Яркіе образы византійскихъ царевенъ, правившихъ имперіей, не давали ей покоя. Царевны начали дѣло осторожно, соблюдая внѣшнюю обрядность стариннаго благочестія. Софья очень искусно укрѣпляла свое вліяніе на брата, появляясь въ обществѣ его друзей, учениковъ Симеона Полоцкаго и молодыхъ

боярь-полонофиловъ, безбородыхъ усачей въ короткихъ кафтаняхъ. Сношеніями со столичными кружками она знакомила москвичей со своею личностью. Когда Θεодоръ умиралъ, она твердо заняла мѣсто у его постели во главѣ его приближенныхъ; умная и распорядительная, она заслонила царицу-вдову, побѣждая силу обычая, отводившаго первое мѣсто вдовѣ.

Московское населеніе провозгласило царемъ Петра. Но смутное состояніе умовъ, замѣтная распатанность старыхъ устоевъ требовали сильной личности, смѣлой руки для верховной роли, а ею обладала только дѣвушка изъ терема. Софья дерзнула на открытое выступленіе. Вопреки обычаю, запрещавшему царевнамъ участвовать въ погребальныхъ шествіяхъ, Софья пошла за гробомъ Θεодора, какъ плакальщица, и на площади въ страстномъ обращеніи къ народу громко жаловалась, какъ обидѣли ихъ, сестеръ-сиротъ, не выбрали ихъ брата на царство, какъ дурно и жестоко обращаются съ ними новые правители. Въ другое время такое публичное выступленіе затворницы почли бы за неслыханный соблазнъ, но теперь народъ только растрогался. Порывъ ярко выраженного чувства побѣдилъ сухой обычай. Софья завладѣла общимъ вниманіемъ, ей начали подчиняться. Старшее лицо, царица Наталья, не проявляла инициативы; въ ней говорила только мать, трепетавшая за жизнь сына, и безправная царевна съ талантомъ и инициативой побѣдила. Дворцовый переворотъ подъ гулъ бушующихъ стрѣльцовъ вручилъ Софьѣ правленіе государствомъ, какъ достойнѣйшей.

Правительница еще не была реформаторомъ, но твердо руководила правительствомъ, продолжая начинанія предшественниковъ, «какъ была принцесса ума великаго», говорить про нее родственникъ и вѣрный слуга Петра, и правила она «со всякою прилежностью и правосудіемъ всѣмъ и ко удовольствию народному». Ей удалось, нѣсколько успокоивъ вражду церковныхъ партій, открыть первое учебное заведеніе въ Москвѣ, славяно-греко-латинскую академію, чья программа долго вызывала ожесточенные споры. Горячіе сторонники школьнаго образованія, ученики Полоцкаго, воспѣвали царевну, какъ «мудрѣйшую изъ дѣвъ». Съ открытымъ лицомъ, въ дѣвичьемъ вѣнцѣ на распущенныхъ локонахъ, царевна предсѣдательствовала на засѣданіяхъ боярь; сидя рядомъ съ братьями-царями, наблюдала за бурными преніями высшаго духовенства съ вождами раскола и рѣзко прикрикивала на ослушниковъ власти. вмѣстѣ съ нею на собранія выходили ея сестры, и даже тетки-царевны, уже монахини. Если слышался ропотъ противъ слишкомъ смѣлыхъ нарушеній обычая, она сокращала на время свои выходы и потомъ снова выступала въ торжественныхъ процессіяхъ.

Царевна свободно устроила свою личную жизнь; ея интимныя подробности были хорошо извѣстны Москвѣ. И въ выборѣ друга

сердца сказались широкіе духовные запросы Софьи. Не юный красавчикъ покорилъ ея сердце, а почтенный бояринъ Голицынъ, лучший представитель въ Москвѣ образованности своего времени, безбородый сторонникъ реформы государственной администраціи и общественнаго строя, очень интересный собесѣдникъ, особенно любимый иностранцами. За аристократомъ скрывался въ тѣни менѣе значительный фаворитъ, но на жизнь и смерть преданный царевнѣ, думный дьякъ и дѣлецъ Шакловитый изъ учениковъ Полоцкаго.

Правительница жила не по закону, а ея семь лѣтъ слушались, — огромная побѣда женщины!

Царевны отстроили себѣ обширныя каменные хоромы съ большой палатой для засѣданій боярской думы; въ другой палатѣ собирался своего рода литературный салонъ; Софья съ сестрами принимали учениковъ Полоцкаго, кievскихъ ученыхъ, сторонниковъ польско-малороссійскаго направленія въ духовной литературѣ и церковныхъ вопросахъ. Очень богомольныя, онѣ съ живымъ интересомъ слѣдили за богословскими спорами того времени. Софья далеко шагнула впередъ сравнительно съ обычнымъ уровнемъ развитія старорусской женщины, но и она и ея сестры все еще вращались въ предѣлахъ старой книжной образованности.

Быстрый успѣхъ борьбы за власть, сама власть вмѣстѣ съ яркой личной жизнью опяняла энергичную дѣятельную женщину; она чутко прислушивалась къ лестнымъ для нея планамъ близкихъ сторонниковъ, связавшихъ себя съ ея судьбой. Правительница не умѣла справляться со своей страстной враждой къ мачехѣ и брату Петру, не считалась съ его приближающимся совершеннолѣтіемъ и необходимостью передать ему бразды правленія. Слишкомъ расходилась ея пылкая душа, чтобы во-время смириться и итти на политичныя уступки; сложись дѣло иначе, она бы при своихъ способностяхъ нашла себѣ мѣсто среди кипучей дѣятельности новаго царствованія. Но, благодаря стрѣльцамъ, между придворными партіями установился слишкомъ рѣзкій, непримиримый антагонизмъ, и «мудрѣйшая изъ дѣвъ» сошла со сцены преступницей, подготовивъ умы къ придворнымъ переворотамъ и женскимъ правленіямъ.

Изъ ея сестеръ никто не имѣлъ и тѣни ея политическаго ума; всѣ онѣ, младшія и старшія, шли по стопамъ Софьи только въ своей личной жизни; царевны срывали, какъ умѣли, цвѣтки наслажденій, окруженныя лстивыми угодниками, охотно увлекаясь вмѣстѣ съ ними грубоватыми романическими приключеніями. Впрочемъ, внѣшній порядокъ жизни теремовъ до нѣкоторой степени сохранялся, и съ нимъ всѣ обряды стариннаго благочестія; но среди темноватыхъ стѣнъ со множествомъ иконъ, между крестовыми и домовыми церквями дышалось полнѣй и радостнѣй; жизнь настойчиво вривалась въ глубину кремлевской твердыни. Приближенные царе-

вень почти всѣ пѣвчіе, представители клира. Царевна Екатерина Алексѣевна, очень веселая нравомъ, нашла фаворита въ лицѣ провинціального священника, съ которымъ вмѣстѣ искала клады. Пріятная жизнь стоила денегъ, а съ паденіемъ Софьи прежніе источники доходовъ исчезли. Послѣ скандальныхъ розысковъ и разоблаченій въ связи съ новымъ судомъ надъ бывшей правительницей и стрѣльцами молодая еще царевна не могла успокоиться. Она стала усердной посѣтительницей Нѣмецкой слободы, добиваясь знакомства съ богатыми иноземцами, искала у нихъ денегъ взаймы безъ залога, а больше всего набивалась на пиры и угощенья, приглашенія на спектакли и всякія забавы; принимавшихъ ее дамъ-иноземонокъ она угощала, въ свою очередь, въ своемъ теремочкѣ.

Софья сошла со сцены со всѣмъ кругомъ своихъ довѣренныхъ лицъ; но уцѣлѣлъ живой рой дѣятельныхъ приспѣшницъ, окружавшихъ царевенъ, и каждая изъ нихъ переносила въ свой обиходъ и въ свою среду отголоски всколыхнувагося женскаго мірка. Жены и дочери стрѣльцовъ, московскія мѣщанки и слобожанки, попадьи, дьячихи и поддьячихи, вѣстовщицы, служившія Софьѣ для развѣдокъ въ глубинахъ столичнаго населенія и сношеній съ группами ея сторонниковъ, эти представительницы разныхъ слоевъ московскаго общества успѣли стянуться вокругъ опредѣленнаго политическаго дѣла; ихъ пересказы и вѣсти выходили изъ рамокъ обыденной обывательской болтовни и выслушивались серьезно, съ полнымъ вниманіемъ заинтересованными людьми; московскія женщины готовились къ реформѣ своего быта.

IV. Полковья дамы время Петра I.

Необычайная подвижность молодого повелителя Россіи заставляла и его близкихъ и его дворъ передвигаться вслѣдъ за нимъ, проводить много времени на народѣ и чистомъ воздухѣ. Въ первые мрачные годы реформы, когда, вернувшись изъ-за границы, Петръ заставилъ жену постричься, разгромилъ стрѣльцовъ и спѣшно готовился къ войнѣ со Швеціей, единственный теплый семейный уголокъ находилъ онъ въ хоромахъ своей любимой сестры Натальи Алексѣевны, гдѣ воспитывался его сынъ. Увлекаясь кораблестроеніемъ, онъ вызывалъ царевну къ себѣ въ Воронежъ; съ ней пускались въ походъ женщины ея свиты; кромѣ того, нѣкоторые бояре получали приказаніе везти съ собой своихъ женъ. Такъ на полудорогѣ къ Азову временно возникала мирная, но полная жизни стоянка, уголокъ Москвы съ избраннымъ женскимъ обществомъ того времени. Нарядное и веселое, уже въ европейскомъ платьѣ, которое съ 1694—5 годовъ понемногу входило въ употребленіе, оно доставляло красивую обстановку спуску кораблей на воронежской верфи, любимому празднику Петра, присутствовало на буйныхъ пирахъ.

Гораздо ранѣе организациі ассамблей вчерашнія затворницы вводились въ самый неудобный при тогдашней грубости нравовъ кругъ — кругъ веселящихся военныхъ людей.

Образъ царевны Натальи Алексѣевны рисуется передъ нами въ нѣсколько туманныхъ, но изящныхъ очертаніяхъ. Слабая здоровьемъ, довольно скромная, она нигдѣ не выдвигалась на первый планъ. Она очень любила чтеніе и собирала книжныя новинки; особенно занималъ ее театръ и драматическая литература; она лично подбирала труппы актеровъ и устраивала представленія. Для нея и ея театра переводили много иностранныхъ пьесъ; она и сама кое-что сочиняла. Въ ту смутную пору царевна была единственной женщиной въ Россіи съ литературнымъ вкусомъ, съ оттѣнкомъ интеллигентности и литературнымъ образованіемъ. Ее посѣщали иностранцы; у нея давались спектакли; вокругъ нея зарождались новыя привычки общественной жизни. Но и серьезной болѣзненной сестрѣ приходилось подчиняться тяжелымъ обычаямъ брата. Подъ вліяніемъ эго военнаго товарищества и походной распущенности очень странная компанія собиралась вокругъ царевны. При ея дворѣ состояли три сестры Арсеньевы и двѣ сестры сердечнаго друга царя, Алексаши Меншикова. Дарья и Варвара Арсеньева сыграли важную роль въ біографіи «безроднаго баловня счастья». Дарья была дѣвуха очень красивая, сердечная и вѣрная своимъ привязанностямъ, Варвара — некрасивая горбунья, смѣтливая и насмѣшливая, съ выдающимся умомъ. Петръ очень любилъ ее за этотъ острый умъ; имъ же она долго покоряла своему вліянію Меншикова. Послѣдній поручалъ надзору Арсеньевыхъ своихъ тоже красивыхъ и бойкихъ сестеръ. Первое время эти женщины еще не забывали порядковъ старинны и подписывали свои нѣжныя цидулки: «свѣту Александру Даниловичу Дашка да Варька челомъ бьютъ». Посылали ему въ армію бѣлье, старались угадать, что ему особенно пріятно или нужно. Близость росла, отношенія становились ровнѣе, а переписка оживленнѣй и интимнѣе. Дѣвицы снабжали галстуками и другими полезными вещами самого «капитана», т. е. царя, и тотъ въ галантномъ тонѣ благодарилъ дѣвицъ и просилъ не оставлять его своимъ вниманіемъ. Эти дамы не стѣснялись никакими походами; сестры Арсеньевы и Меншиковы ѣзжали на стоянку арміи и въ сырую Бѣлоруссію, и въ болота Полѣсья; тамъ усердно веселили свѣта Алексашу и его повелителя, да и сами отъ души веселились. Красивая Дарья гарцовала верхомъ на европейскій ладъ, къ соблазну знатныхъ боярынь.

Охладѣвая къ измѣнявшей ему Аннѣ Монсъ, Петръ обратилъ вниманіе на Анну Даниловну Меншикову. Братъ ликовалъ и радостно захопоталъ, какъ бы лучше подготовить сестру къ блестящей карьерѣ. «Для Бога, Дарья Михайловна, — писалъ онъ своей подругѣ Арсеньевой: — понуждай сестру, чтобы она училась

русскому и нѣмецкому ученью, чтобы даромъ время не проходило». Несомнѣнно, у Петра замѣчали извѣстные требованія отъ официальной подруги, — нѣкоторой интеллигентности, знанія языковъ для обхожденія съ иностранцами. Чтобы замѣнить оригинальную личность неотразимо-привлекательной чаровницы Нѣмецкой слободы, простой русской дѣвушкѣ приходилось внимательно готовиться и развивать умъ, наблюдательность, соображеніе.

Между тѣмъ кружокъ полковыхъ дамъ пополнялся; среди него появилась нѣкая Анисья Толстая и, наконецъ, въ началѣ 1704 г. — Катерина Трубачева, ливонская плѣнница. И произошло нѣчто неожиданное: безграмотная, невѣжественная ливонка оказалась всѣхъ веселѣй, всѣхъ догадливѣй и обходительнѣй, всѣхъ лучше поняла повелителя, а главное — она очень скоро подарила его сыномъ, и подруги стали разступаться передъ нею. Она дала царю семью, въ которой онъ такъ нуждался; кромѣ того, до самой его смерти она умѣла неутомимо, всегда услужливая и тактичная, сопровождать его въ странствіяхъ, переноса съ собою къ его услугамъ этотъ семейный уголокъ, — «идеальная полковая дама», говорилъ о ней профессоръ В. Ключевскій.

Полковые товарищи подѣлили походныхъ подругъ: Дарья Арсеньева стала княгиней Меншиковой, Анна Меншикова — генеральшей Девьеръ. Ранѣе всѣхъ Марья Меншикова вышла за графа Головина, брата руководителя посольскимъ приказомъ. Вслѣдъ за передвиженіями царевны Натальи Алексѣевны, ея боярынь и бойкихъ подругъ Петра и Меншикова, втягивались въ полковую жизнь многія женщины служилого сословія.

Мучительная шведская война затянулась на двадцать лѣтъ, поглощая физическія и экономическія силы и средства всего населенія. Въ своемъ бурномъ водоворотѣ она поглотила старыя государственныя учрежденія, старыя служебные порядки и чины, остатки свободныхъ отношеній податного населенія, но въ этомъ же водоворотѣ всесильная жизнь творила себѣ новыя формы и краски. Долголѣтнее напряженное состояніе всей страны заставляло приспособляться къ себѣ. Служилые люди оказались всѣхъ гибче и способнѣе къ приспособленію и охотнѣе поддавались европеизаціи быта, — они же первые и вкусили отъ ея плодовъ. Новые порядки службы пополняли ряды солдатъ рекрутами изъ податныхъ классовъ, а государевы служилые люди посылались на обученіе въ школы, и, обезпеченные денежнымъ жалованьемъ, назначались въ офицерскіе чины; побѣдители армій Карла XII закончили войну съ титулами благородій и высокородій, и, подобно дворянству Запада, начинали вѣрять въ особое благородство своего происхожденія. Раздѣляя прерогативы мужей, женщины тоже переходили на новое положеніе.

Многія помѣщичицы не выдерживали долгой разлуки съ мужьями. Повозки и колымаги съ женщинами и дѣтьми подъ охраной холопей тянулись изъ глухихъ усадебъ къ Нарвѣ, Ревелю, Ригѣ, въ бѣлорусскія и литовскія мѣстечки, всюду, гдѣ подолгу задерживались русскіе полки, гдѣ командовали гарнизонами русскіе капитаны и полковники,—точно новая сила притяженія потянула струйки непрерывной колонизаторской работы отъ востока къ западу. Иныя знатныя женщины съ большими трудностями пускались на баркахъ внизъ по сѣвернымъ рѣкамъ въ далекій Архангельскъ; тамъ онѣ цѣлыми мѣсяцами ожидали пріѣзда на побывку учившихся за границей навигаторовъ и гардемариновъ, жаждавшихъ свиданія съ семьями. Пожилыя многосемейныя матери привозили на полковыя стоянки дочерей-невѣстъ, готовясь встрѣтить здѣсь юныхъ сержантовъ и прапорщиковъ, намѣченныхъ имъ въ женихи, и на чужбинѣ устраивались свадьбы. Военные писаря заготовляли рядныя записи и росписи приданого, откуда робы и корсеты навсегда вытѣснили бывые лѣтники и тѣлогрѣби. Эти росписи—живые свидѣтели того, какъ съ каждымъ десятилѣтіемъ измѣнялись вкусы въ помѣщичьихъ семьяхъ. Рѣзкія сочетанія цвѣтовъ, тяжелыя ткани уступали мѣсто болѣе мягкимъ отгѣнкамъ красокъ и болѣе легкимъ матеріямъ, поддающимся прихотямъ покроя. Въ нѣмецкихъ городахъ, на польской и прусской границѣ вмѣстѣ съ париками и мундирами закупались сельско-хозяйственныя орудія, новая европейская мебель, экипажи, сбруя, книги и картины и съ оказіями препровождались въ родныя вотчины. Иной разъ сами полковницы и капитанши возвращались домой уже не въ покойныхъ бричкахъ, а въ каретахъ западнаго образца. Походы помѣщичъ очень помогли распространенію новыхъ привычекъ и обычаевъ въ глубинѣ страны.

Жены сопровождали мужей, назначенныхъ къ школьному обученію. Семьи оригинальныхъ великовозрастныхъ учениковъ ютились по домамъ московскихъ свойственниковъ или по слободкамъ, вокругъ центровъ цифирной и навигацкой науки того времени. Прекуръезныя коллизіи возникали въ семейныхъ міркахъ рабовладѣльцевъ, любителей медвѣжьей травли, соколиной и голубиной охоты, подъ угрозой «лишенія живота» прикомандированныхъ къ наукѣ. Не только матери, но и жены прилагали старанія къ успѣшному обученію своихъ недорослей и повелителей; вѣдь тогда выучка содѣйствовала быстрой выслугѣ, а всякой женѣ было пріятно и лестно поскорѣе сдѣлаться офицершей и благородіемъ. Подростокъ-ученикъ артиллерійской школы въ Сухаревой башнѣ, выдававшійся по трудолюбію и быстрымъ успѣхамъ, рассказывалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ его приглашали репетиторомъ къ его же школьнымъ товарищамъ ихъ матери и жены. Онъ удачно справлялся съ тупостью недоросля, любителя голубей, сына своей квар-

тирной хозяйки, когда замѣтилъ, что молодая сосѣдка умильно зазываетъ его въ окошечко; мальчикъ соблазнился и пошелъ къ ней на угощенье. Оказалось, что хозяйка ученическая жена, пришла въ отчаяніе отъ безтолковости и легкомыслія своего мужа и умоляла хоть немного поучить и его, хотя бы одной ариѳметикѣ. Польщенный довѣріемъ, юный педагогъ взялся было за дѣло, но скоро спасовалъ передъ почтеннымъ ученикомъ, къ прискорбію его дѣльной жены. «Мужъ ея, Сѣкиринъ, былъ большой шалунъ, списался въ полевые полки и отбылъ отъ ученія», записалъ учитель въ мемуарахъ.

Женщины нарождавшагося дворянскаго класса могли только заботиться о выучкѣ и карьерѣ близкихъ имъ мужчинъ; для нихъ самихъ долго не намѣчалось никакихъ формъ образованія; одинъ измѣнившійся обиходъ жизни нѣсколько развивалъ ихъ, укрѣплялъ въ грамотности, дѣлалъ ихъ бойчѣе и развязнѣе. Едва замѣтные признаки обученія женщинъ мелькали въ высшемъ обществѣ новой столицы. Послѣ Полтавской побѣды, когда перестали бояться Швеціи, въ Петербургъ переѣхали члены царской семьи, дворъ, семьи сановниковъ, гвардейцевъ, даже кучества. И здѣсь въ сравнительно мирное время продолжалась та же полковая жизнь. Праздники и танцевальныя вечера устраивались по барабанному бою, маскарады открывались пушечной пальбой. Разряженныхъ женщины, покрытыя ослѣнительными драгоцѣнностями, маршировали подъ военную музыку, смотря по сезону, то освѣжаясь петербургскимъ дождемъ, то утопая въ снѣгу. Въ дни самыхъ блестящихъ праздниковъ и маскарадовъ веселье растекалось по садамъ, площадямъ и улицамъ, на лодкахъ и галерахъ разливалось по рѣкамъ и заливамъ, подвергая тяжелымъ искусамъ силы и здоровье участниковъ.

«Царь выбѣжалъ на улицу», сказалъ историкъ Соловьевъ, приступая къ событіямъ эпохи преобразованій. Женщины тоже изъ теремовъ выбѣжали прямо на улицу, а русская улица была тогда непомерно грязна, и отвратительно грубы были уличные нравы. Личная домашняя мораль старины не сумѣла развить общественной дисциплины, и волны смрадной грязи не падали вчерашнихъ затворницъ. Какъ будто только ради правъ плоти женщина освобождалась отъ покрывалъ и широкихъ одеждъ, царившій въ обществѣ разгулъ страстей стремился заполнить ея личность. Прошлое не оставило ни прочныхъ традицій, ни руководящихъ началъ, которыя могли бы прійти на помощь молоденькимъ женщинамъ и дѣвушкамъ; имъ представлялось собственными силами выбираться изъ разливаннаго моря разгула и распушенности. Читая описанія петровскихъ пировъ и маскарадовъ, чувствуешь страхъ за судьбу женщинъ, какъ тяжкій крестъ, выносившихъ всѣ неистовства разнузданной фантазіи повелителя и его всецѣя-

нѣйшей компаніи. Ни болѣзни, ни беременность не избавляли отъ участія въ попойкахъ и маскарадныхъ испытаніяхъ. На праздникахъ по случаю Ништадтскаго мира петербургскія дамы такъ пострадали отъ гомерическихъ пооекъ, что московскія въ ожиданіи возобновенія пиршествъ въ Первопрестольной умоляли царя избавить ихъ отъ насильственнаго питья, но онѣ поплатились едва ли не еще горшею тяготой въ наказаніе за свои уловки и упорство въ воздержаніи. Цѣлые покои превращались въ пріюты для больныхъ, потерявшихъ сознаніе представительницъ двора и знати.

Многимъ ли женщинамъ удавалось въ этой обстановкѣ сохранить физическое здоровье и чувство личнаго достоинства? Однако, какъ это ни странно, если вникнуть въ интимныя свидѣтельства того времени и отзывы иностранцевъ, нельзя не замѣтить, что онѣ до нѣкоторой степени справлялись съ тяжкими условіями своего положенія. Молодой придворный герцога голштинскаго, пріѣхавъ вторично въ Петербургъ прямо изъ Парижа, очень удивился тому, насколько измѣнились къ лучшему русскій дворъ и русское общество, особенно женское. Дамы научились пріятно вести бесѣды и занимать ими даже иностранцевъ; съ ними интересно проводили время. «Русскія дамы очень мало уступаютъ нѣмкамъ и даже французенкамъ въ тонкости обращенія,—писалъ онъ,—и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣютъ преимущества». Правда, слѣдуетъ оговориться, что авторъ видѣлъ французское общество времени ретенства, когда оно славилось своей распущенностью.

Когда царь надолго уѣхалъ къ границамъ Персіи, жители обѣихъ столицъ съ удовольствіемъ отдыхали отъ неистовыхъ забавъ. Люди получили возможность проводить время по-своему. Составился кружокъ представителей высшаго свѣта изъ семей русскихъ сановниковъ, при участіи иностранныхъ пословъ, куда приглашались и голштинцы. Пріятно проводили время вокругъ сестеръ Трубечкихъ, изъ которыхъ старшая была уже княгиней Кантемиръ, мачехой извѣстнаго писателя; къ нимъ примыкали княгиня Черкасская, молодая Ягужинская, Головкина, Румянцова и др. Почти всѣ бѣгло говорили по-нѣмецки. То русскій сановникъ, то иностранный посолье приглашалъ къ обѣду двадцать-тридцать человекъ. Кавалеры и дамы садились попарно за столъ, оживленно бесѣдуя и флиртуя; никого не принуждали пить; всѣ были вольны въ своихъ вкусахъ. Послѣ обѣда танцевали до вечера. То собирались на званые вечера и потомъ приступали къ танцамъ или играмъ, заканчивая вечеръ веселымъ ужиномъ.

Рядомъ съ избраннымъ дамскимъ кружкомъ дворъ царицы-вдовы Прасковьи Феодоровны и ея дочерей непріятно поражалъ грубѣйшей смѣсью кое-какихъ новыхъ обычаевъ съ самыми неказистыми привычками старины. Екатерина Ивановна, герцогиня мекленбург-

ская, мало чему научилась за границей; вмѣстѣ съ незамужней сестрой Прасковьей Ивановной принимали почетныхъ гостей въ постеляхъ или полураздѣтыя, среди хаоса неопрятной общей спальни, въ компаніи грязнѣйшихъ, неприличныхъ шутовъ и шутихъ. Правда, княгини Кантемиръ и Черкасская еще не успѣли обзавестись буддарами и тоже запросто принимали въ спальняхъ, но хорошо убранныхъ, съ комфортабельной мебелью.

Русскія дамы высшаго округа наперебой подражали иностраннымъ обычаямъ, обхожденію, модамъ, но вовсе не такъ горячо увлекались самими иностранцами, какъ это привыкли думать. Прабабки были чужды слѣпому преклоненію правнучекъ передъ заѣзжими карьеристами, вродѣ Дантеса-Гекерена, проповѣдниками и артистами. Онѣ умѣли давать рѣзкій, единодушный отпоръ неприятнымъ для нихъ или безтактнымъ выходкамъ иностранцевъ. Такъ, на одномъ званномъ вечерѣ дамы танцевали только съ русскими гвардейцами, даже съ сержантами и унтеръ-офицерами изъ дворянъ, не обращая вниманія на присутствіе придворныхъ кавалеровъ герцога голштинскаго. «Точно насъ тутъ и не было. Въ присутствіи царя онѣ не смѣли бы этого дѣлать», жаловался камеръ-юнкеръ герцога въ своихъ мемуарахъ. Когда датскій резидентъ, холостякъ, пригласилъ жену шведскаго посла на роль хозяйки званнаго обѣда, всѣ приглашенныя русскія дамы вдругъ перестали понимать нѣмецкій языкъ, весь обѣдъ проговорили по-русски.

Со введеніемъ иноземнаго платья и новыхъ обычаевъ среди столичной знати пытались обучать и дѣвочекъ чему-нибудь, кромѣ церковной грамоты, но еще никто не зналъ, чему и какъ учить, и дѣло сводилось къ тому, что ихъ по внѣшности уподобляли иностранкамъ. Хватались за всѣхъ, отъ кого могли ожидать помощи въ дѣлѣ воспитанія. Желая угодить царю, царица Прасковья приглашала въ учителя къ своимъ дочерямъ всѣхъ преподавателей царевича Алексѣя. Но избалованныя царевны не восприняли никакихъ познаній. Болѣе замѣтный слѣдъ на ихъ воспитаніи оставилъ французъ Рамбурхъ, преподававшій въ гимназіи пастора Глюка «танцевальное искусство, поступь, нѣмецкія учтивства, а также нѣмецкіе и французскіе комплименты». Царевны научились употребительнымъ танцамъ, но въ «учтивствахъ» не отличались; обѣ старшія говорили по-нѣмецки. Позже у Рамбурха учились и дочери Петра; обѣ превосходно танцовали, были очень изящны и граціозны; говорили по-нѣмецки, а младшая Елизавета Петровна, училась немного по-французски. Гувернантка, м-ль Делонуа, не отходила отъ царевенъ на балахъ и праздникахъ. Ближайшіе вельможи слѣдовали примѣру двора. У дочери князя-кесаря Ромодановскаго были учителя; она говорила на иностранныхъ языкахъ. Дочери фельдмаршала Шереметева учились даже нѣкоторымъ предметамъ изъ школьныхъ программъ того времени. Ихъ гувер-

нантка, г-жа Штуденъ, такъ сблизилась съ ученицами, что послѣдовала въ ссылку за многострадальной Натальей Борисовной, раздѣлившей судьбу мужа и его родныхъ, Долгорукихъ.

Измѣнились женщины, измѣнилась и оцѣнка ихъ личности. Защитники объяснили возникновеніе затворничества тѣмъ, что всякій глава дома долженъ былъ оберегать жену и дочерей отъ опасностей и неприличій старинныхъ улицъ и мужского, ничѣмъ не стѣснявшагося общества. Слѣдовало ожидать, что участницы петровскихъ праздниковъ упадутъ во мнѣніи моралистовъ еще ниже современницъ автора «Домостроя». Наоборотъ, отзывы моралистовъ значительно улучшились. Старшій современникъ Петра, Посошковъ, крестьянинъ, раздѣлявшій много предрасудковъ старины, уже чуждъ взглядамъ «Домостроя»; для него женщина—не вѣчный малолѣтокъ, нуждающійся въ тѣлесномъ наказаніи; она дана на помощь, а не на послуженіе мужу. «Жена тебѣ не работница, а помощница, да не простая, а подобная, и ничтожить ее въ рабій образъ противно Богу, и не долженъ мужъ безъ совѣта съ женой ничего дѣлать». Даже если жена и умомъ недалекая, ее все-таки нужно почитать и говорить съ нею про общія дѣла. Историкъ Татищевъ, человѣкъ петровской школы, идетъ дальше. Приступая къ главѣ «о персонѣ супруги» въ наставленіи сыну, онъ оговаривается въ своей смѣлости давать совѣты въ такомъ дѣлѣ, гдѣ важнѣе всего чувства и мнѣнія самихъ брачующихся; по его мнѣнію, бракъ устанавливается только свободнымъ выборомъ мужчины и женщины. Молодежь его времени очень цѣнитъ пріятность женщины въ обществѣ—«веселость въ бесѣдѣ», даже больше красоты. Женщина—жизнерадостное существо, съ кѣмъ предстоитъ «въ веселіи (т. е. счастливо) вѣкъ свой препроводить и родъ свой умножить», но отнюдь не легкомысленное. Тонъ, которымъ одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей своего времени говоритъ «о персонѣ супруги», полонъ почтительной мягкости, какой не знала старая Русь.

Е. Щепкина.





ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II И ЦЕСАРЕВИЧЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ВЪ КУРСКОЙ МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ ВЪ 1859 ГОДУ.

В 1859 ГОДУ курская мужская гимназія удостоилась посѣщенія государя и его наслѣдника, скончавшагося въ 1865 году. Интересныя подробности объ этихъ посѣщеніяхъ мы находимъ въ докладѣ директора училищъ Курской губерніи Д. Г. Жаворонкова ¹⁾ попечителю харьковскаго учебнаго округа. Сообщаемъ эти подробности, прекрасно характеризующія личность какъ Царя-Освободителя, такъ и цесаревича, подававшего большія надежды, но безвременно скончавшагося.

14-го сентября, — писалъ директоръ, — курская гимназія была осчастливлена посѣщеніемъ государя императора. По прибытіи въ зданіе его величество былъ встрѣченъ директоромъ у подъѣзда, затѣмъ осмотрѣлъ помѣщеніе гимназій и пансіона. При этомъ государь предложилъ *пятнадцать вопросовъ*:

О числѣ входящихъ учениковъ и пансіонеровъ.

О времени постройки зданія и его удобствъ.

При разсмотрѣніи образцовъ рисованія спросилъ о томъ, до котораго класса ученики обучаются этому предмету.

Достаточно ли просторны классы?

¹⁾ Биографическій очеркъ замѣчательнаго педагога и общественнаго дѣятеля Д. Г. Жаворонкова, составленный А. А. Танковымъ, помѣщенъ въ № 10-мъ «Журн. Мин. Народ. Просв.» 1912 г.

При помѣщеніи ученическаго кабинета для чтенія государь спросилъ: кто именно занимается здѣсь чтеніемъ? При посѣщеніи библиотеки—о количествѣ книгъ и учебныхъ пособій въ ней. Затѣмъ изволили спросить:

— Нѣтъ ли недостатка въ преподавателяхъ, и каковъ составъ ихъ?

Также государемъ были предложены вопросы: о числѣ дежурныхъ надзирателей при пансіонерахъ днемъ и ночью и о порядкѣ помѣщенія воспитанниковъ въ спальняхъ, о времени начала лекцій послѣ вакацій, о времени занятія воспитанниковъ въ репетиціонной залѣ, объ обученіи пансіонеровъ музыкѣ, принимаются ли въ больницу пансіона больные изъ приходящихъ учениковъ, наконецъ, былъ ли министръ народнаго просвѣщенія въ гимназіи?

На всеподданнѣйшій докладъ директора, что въ кабинетѣ для чтенія занимаются чтеніемъ періодическихъ изданій преподаватели гимназіи и ученики въ свободное отъ классовъ время, государь изволил замѣтить:

— Это хорошо!

На докладъ, что поведеніе и успѣхи учениковъ вполне удовлетворительны, его величество сказалъ:

— Судя по здоровому виду ихъ и приличной наружности, надѣюсь, что изъ нихъ будетъ прокъ.

Затѣмъ, обратившись къ ученикамъ, произнесъ:

— Слышите?

— Рады стараться, ваше императорское величество,—отвѣчали они.

На докладъ о назначеніи реальныхъ классовъ, въ которыхъ для желающихъ читались практическія лекціи по технологіи, химіи, нѣкоторымъ промышленнымъ производствамъ и рисованію, сопровождаемыя опытами, государь отозвался о пользѣ этого учрежденія.

При осмотрѣ церкви гимназіи государь сказалъ:

— Церковь—очень хорошая!

Въ гимназической больницѣ его величество освѣдомился у находившагося здѣсь одного воспитанника о состояніи его здоровья.

Изъ чиновниковъ гимназіи государь обратился къ врачу и спросилъ:

— Гдѣ получена вами севастопольская медаль?

Врачъ Зеленъ доложилъ:

— Въ минувшую войну я былъ прикомандированъ къ одному изъ севастопольскихъ военно-походныхъ госпиталей.

Государь подаль ему руку, благодаря за дѣятельность его въ военное время.

При осмотрѣ гимназіи государь осчастливилъ директора двукратнымъ выраженіемъ одобренія за чистоту, порядокъ и опрятность и выразилъ желаніе, чтобы успѣхи и поведеніе учащихся соотвѣтствовали всему видѣнному имъ въ заведеніи.

На это директоръ сказалъ слѣдующее:

— Ваше императорское величество! чиновники и преподаватели гимназій, осчастливленные монаршимъ вниманіемъ и облагодѣтельствованные недавнимъ увеличеніемъ окладовъ жалованья, употребляютъ и будутъ употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы оправдать эту милость на сословіе учащихся.

На всеподданнѣйшій докладъ директора о внесеніи въ имѣющуюся въ гимназій бархатную книгу имени его величества государь изволилъ милостиво выразиться такъ:

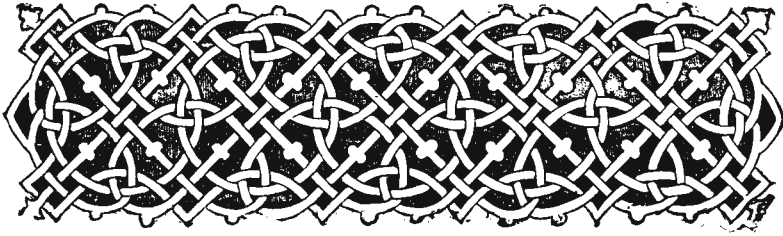
— Напишите сами, что я былъ у васъ. Я доволенъ.

При выходѣ государь еще разъ выразилъ всѣмъ чиновникамъ одобреніе свое и милостиво простился съ ними и въ воспитанниками.

10-го октября того же года, во время пребыванія своего въ Курскѣ посѣтилъ гимназію наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ. Въ актовомъ залѣ были собраны преподаватели и ученики. Съ нѣкоторыми изъ нихъ цесаревичъ милостиво разговаривалъ. Потомъ онъ входилъ въ классы, привѣтствуя преподавателей и учащихся. Особенное вниманіе цесаревичъ оказалъ ученикамъ VII класса, разспросивъ каждого изъ нихъ объ имени, мѣстѣ жительства и о томъ, въ какой университетъ и факультетъ предполагаютъ поступить, и затѣмъ пожелалъ имъ полного успѣха въ окончаніи курса ученія. При осмотрѣ гимназій, ея бібліотеки, лабораторіи и другихъ учрежденій его высочество предложилъ рядъ вопросовъ директору. Онъ внесъ свое имя въ бархатную книгу, выслушалъ пѣніе хора гимназистовъ и одобрительно отозвался о всемъ видѣнномъ въ гимназій, а также о пѣніи гимназическаго хора. Такое же одобреніе Д. Г. Жаворонковъ выслушалъ отъ воспитателя цесаревича генераль-адъютанта графа Строганова.

А. А. Танковъ.





С. Н. ШУБИНСКІЙ, КАКЪ РЕДАКТОРЪ ЖУРНАЛА.

I.



ОЛИТИЧЕСКІЯ событія 1878—81 годовъ выбросили на книжный рынокъ множество книгъ и брошюръ, посвященныхъ вопросу о преобразованіи политическаго строя Россіи и борьбѣ съ крамолой. Публицисты даннаго момента отражали взгляды не только государственныхъ людей, близко стоящихъ къ браздамъ правленія, но—что гораздо важнѣе—они были отголоскомъ консервативнаго населенія страны. Я сдѣлалъ объ этихъ публицистическихъ упражненіяхъ «свѣдущихъ людей» критическій разборъ и понесъ ихъ въ концѣ 1881 года въ редакцію «Историческаго Вѣстника».

Тогда еще не было обычая нанимать помѣщеніе редакціи отдѣльно отъ квартиры редактора, гдѣ-нибудь на заднемъ дворѣ, съ изолгавшимся секретаремъ или, обратно, по парадной лѣстницѣ, со множествомъ лакеевъ и плакатомъ о томъ, что въ кабинетъ редактора «входъ постороннимъ лицамъ воспрещается».

Я зналъ, что редакторомъ «Историческаго Вѣстника» былъ Сергѣй Николаевичъ Шубинскій, и прямо пошелъ съ рукописью къ нему на квартиру.

Простая деревенская дѣвушка впустила меня въ переднюю и безъ всякаго доклада тотчасъ отворила дверь въ кабинетъ редактора.

Въ этомъ кабинетѣ—лучшей комнатѣ во всей квартирѣ—всегда и помѣщалась редакція «Историческаго Вѣстника». Въ кабинетѣ

редактора собирались сотрудники и старые, и новые; разговаривали съ редакторомъ по очереди о дѣлѣ, не задерживая другъ друга, а когда по дѣлу все было переговорено, возникалъ общій и всегда интересный разговоръ.

Я нѣсколько былъ смущенъ своимъ первымъ визитомъ къ Шубинскому тѣмъ, что засталъ его въ кабинетѣ одѣтымъ въ пальто...

— Мнѣ нужно въ «Новое Время» сегодня,—произнесъ онъ сухо и протянулъ руку за рукописью.— О чемъ это? «Россія подъ перомъ новѣйшихъ реформаторовъ»... Это полемика и политика... При чемъ же тутъ исторія? Подходить ли ваша работа къ «Историческому Вѣстнику»?

Отточенные фразы редактора меня смутили. Я тотчасъ же согласился съ нимъ и хотѣлъ уйти.

— Можетъ быть, вы оставите рукопись на просмотръ мнѣ? Сейчасъ мнѣ некогда... Собираюсь къ Суворину.

— Хорошо,—отвѣтилъ я, удивляясь нѣсколько тому, что онъ снялъ пальто и, усѣвшись за письменный столъ, упорно повторялъ, что онъ очень сегодня занятъ.

Въ то же время онъ протянулъ руку за карандашомъ и, быстро пробѣгая имъ по рукописи, нашелъ какую-то ошибку и тотчасъ же съ видимымъ удовольствіемъ исправилъ ее. Я сидѣлъ тутъ же за столомъ и все думалъ, что задерживаю редактора и что надо уходить. Шубинскій читалъ статью съ сосредоточеннымъ видомъ, уже не обращая на меня вниманія и, видимо, самъ увлекаясь «новѣйшими реформаторами».

— А стоять ли они нашего вниманія, чтобы типамъ изъ «Писемъ къ тетенькѣ» посвящать большую статью?—спросилъ онъ меня неожиданно, прерывая чтеніе.

Вопросъ его былъ вполне резоннымъ, и я хотѣлъ уже согласиться съ нимъ.

— Да я не къ тому васъ спрашиваю,—продолжалъ онъ, замѣтивъ мой опечаленный видъ:—чтобы вернуть вамъ статью... Она подходитъ къ историческому чтенію.

Онъ вновь нагнулся къ рукописи съ карандашомъ въ рукѣ и, вдругъ зачеркивая полстраницы, сказалъ:

— Это уже было ранѣе... Зачѣмъ же повторяться?—одна и та же мысль у васъ по клочкамъ разорвана въ разныхъ мѣстахъ статьи... Надо ихъ собрать вмѣстѣ. Я вамъ отмѣчу ихъ подъ буквою «а»... Вотъ и другое положеніе тоже повторено почти буквально. Обозначимъ «б». Вы согласны?

— Конечно... Очень благодаренъ. Я начинающій писатель, плохо знакомъ съ техникой.

— А вотъ тутъ,—воскликнулъ онъ, ставя на поляхъ тетради вопросительный знакъ,—вы больше думаете, чѣмъ пишете. Оттого— что вамъ самому ясно, въ статьѣ не будетъ выяснено, если вы не разовьете мысли и будете скупиться на слова. Другой писатель страдаетъ, обратно, тѣмъ, что ему все кажется неясной его собственная мысль, и онъ на десять манеръ перевертываетъ одну и ту же мысленку. Тема—съ куриный носъ, а онъ пишетъ статью съ курицу. Закручиваетъ фразы до безконечности, и это становится растянуто, тошно и скучно. Есть еще и такіе писатели, которые берутъ большія цитаты у противниковъ и утопаютъ въ нихъ, возражая на нихъ двумя-тремя словами, порхая съ вѣтки на вѣтку... По прочтеніи такой статьи у меня въ «Историческомъ Вѣстникѣ» я часто не могу сказать: а что мой критикъ самъ-то думаетъ о такомъ-то писателѣ?... Не могу сказать! Читаю и понимаю всякое слово, а передать содержаніе статьи не могу... Все оттого, что нынѣшніе писатели не держатъ съ начала статьи и до конца волка за хвостъ, котораго поймали. Если бы они не выпускали его хвоста и не гонялись бы за другими звѣрями, то было бы единство статьи, ядро, ясность ея и предполагаемое содержаніе... У большинства писателей изложеніе ихъ работъ очень хромаетъ. Нѣтъ центрального интереса въ статьѣ... Пойманнаго волка! Самаго главнаго, съ чего бы вы не съѣзжали съ начала работы до ея конца. Иной только что овладѣетъ центральнымъ интересомъ, какъ тотчасъ соскакиваетъ на постороннее и теряется въ чужихъ цитатахъ... А въ это время пойманный звѣрь-то вырывается изъ рукъ писателя и убѣгаетъ далеко. Надо догонять его, и потомъ опять та же исторія. Вотъ что значитъ плохое изложеніе статьи.

Шубинскій повеселѣвшимъ голосомъ продолжалъ:

— Я не могу читать, на примѣръ, Михайловскаго, Оболенскаго Гольцева. Чего-чего нѣтъ въ ихъ статьяхъ, но только не единства.

Я былъ тогда достаточно молодъ и самоувѣренно замѣтилъ, что у многихъ писателей, дѣйствительно, популярность зависитъ отъ книжнаго магазина...

— Вся ихъ литература въ новыхъ книгахъ, привезенныхъ изъ Европы—скасалъ я—Михайловскій безъ Спенсера—никто. Новые книги они компилируютъ, оспариваютъ, но и то плохо. Чтобы компилировать большого мыслителя, надо приблизиться къ нему, а они очень малы для этого. Незначительнаго мыслителя они излагаютъ тоже незначительно и слабо. Вотъ вся ихъ литература.

— Это Лѣсковская безповоротная и рѣзкая манера судить,—неодобрительно и сухо отозвался Шубинскій.—Статьи у многихъ очень умныя, а изложеніе никуда не годится. Признакъ таланта востити въ томъ, чтобы не говорить и не писать отъ разу всего, что

знаешь, а только по вопросу. Этому надо учиться... Строго слѣдить за изложеніемъ своей статьи по темѣ и не увлекаться посторонними, можетъ быть, и интересными вопросами. Въ другомъ мѣстѣ они будутъ умѣстны, а здѣсь они нарушаютъ единство и лишаютъ возможности сохранить въ памяти содержаніе статьи.

По мѣрѣ того, какъ Шубинскій развивалъ технику литературнаго труда, я падалъ съ облаковъ на землю и всѣ указанные недостатки находилъ въ своей работѣ. А мой мучитель продолжалъ водить карандашомъ по рукописи, временами отрываясь отъ нея, чтобы сказать мнѣ горькую правду.

— Здѣсь надо было бы сдѣлать резюме... Краткій итогъ сказаннаго. Вы никогда не суммируете своего знанія, а оно все расплывается и расплывается безъ конца. Надо поработать надъ статьей.

Ну, думаю, сейчасъ вернуть статью и откажется отъ нея... Чувство страха переполнило мою душу, я старался скрыть свое волненіе.

— У васъ даже абзацевъ нѣтъ... Вы пишете сплошнымъ и слѣпымъ слогомъ, а это утомляетъ читателя. Надо и ему отдыхать глазами при чтеніи.

«Ну, давай скорѣе назадъ статью,—думалъ я, готовый расплакаться отъ огорченія.—Все у меня дурно и нечего читать статью... Да и тебѣ надо идти къ Суворину».

По мѣрѣ того, какъ я мысленно мучился за редакторскимъ столомъ Шубинскаго, послѣдній не унимался, а ушелъ въ свои воспоминанія и сталъ дѣлиться ими.

— Я,—говорилъ онъ,—всегда прилагалъ старанія не возвратитъ статью автору, а провести ее въ журналъ и поэтому приходилось подолгу возитья и съ нею, и съ авторомъ. Вы уже не сердитесь, что и къ вамъ у меня большія требованія. Меня даже мало заботитъ направленіе сотрудниковъ... Историческій журналъ не долженъ имѣть своей опредѣленной фязіономіи. Всякій сотрудникъ отвѣчаетъ за себя, но онъ не долженъ искажать исторіи; а освѣщать событія каждый будетъ по-своему.

Я сдѣлалъ ему возраженіе о томъ, что прогрессивная фязіономія журнала необходима.

— А я напечатаю воспоминанія самаго яраго крѣпостника,—перебилъ онъ.

— А если эти воспоминанія служатъ дурнымъ цѣлямъ?

— Въ историческомъ журналѣ всякій матеріалъ хорошъ и привлекаетъ подписчика, если матеріалъ интересно разработанъ, и статья имѣетъ вышнюю отдѣлку. Безъ отдѣлки трудно привлечь читателя и къ идейной сторонѣ... Это вы имѣйте всегда въ виду.

«Ну, опять начинается... Сейчасъ вернуть статью, слава Богу...»

— Спокойствіе въ мысляхъ—рѣдкое качество въ сотрудникѣ,— продолжалъ Шубинскій:—у васъ все кипитъ и вы не можете быть

судьей себѣ. У васъ мнѣ нравится отсутствіе иностранныхъ словъ, когда существуютъ очень точныя русскія; а вотъ длинные періоды съ массою вводныхъ предложеній и вы любите... Зачѣмъ это? Къ блохѣ пристегивать слона? Зачѣмъ къ пустому обстоятельству приплетать громы и молніи? Приучите себя къ сдержанности, спокойствію мысли и чувству мѣры въ изложеніи, какъ того требуетъ ясный и свободный русскій языкъ. Техническій и научный языкъ совсѣмъ не нуженъ въ журналѣ. Пишите такъ, какъ будто вашъ читатель ничего не знаетъ. Переходите отъ одной мысли къ другой связно, какъ клубокъ нитокъ разматывается, и все дѣлайте для читателя, а не для себя самого... Въ библиографическомъ отдѣлѣ «Историческаго Вѣстника» я нерѣдко чувствовалъ, что рецензентъ пишетъ все по поводу книги, а надо коснуться самаго содержанія. Это потому, что рецензентъ пропагандистъ и занятъ собственными мыслями, а не читателемъ, котораго надо познакомить съ содержаніемъ новой книги. Другой рецензентъ избѣгаетъ совсѣмъ общихъ разсужденій и не заинтересованъ темой. Онъ весь въ содержаніи книги и ея выполненіи. А тема можетъ быть очень важной и говорить о ней недостаточно въ рецензії, а нужна для читателя отдѣльная статья. Но рецензентъ этого не почувствовалъ, такъ какъ совсѣмъ чуждъ читательскаго интереса. Для журнальнаго работника необходимо понимать важность или неважность темы, что входит и что нѣтъ въ нашу программу, что цензурно, своевременно, и о чемъ неудобно говорить теперь въ печати, въ виду того-то и того-то...

По мѣрѣ того, какъ Шубинскій раскрывалъ тайны писательской работы, я уже проникался интересомъ къ его разговору и пересталъ думать объ участи своей статьи.

Вдругъ совершенно спокойно онъ сказалъ, окончивъ чтеніе двухъ главъ:

— Статья мнѣ подходитъ... я и читать не буду слѣдующія главы. Партія націоналистовъ съ крѣпостническими идеалами изображена живо. Жаль, что среди этой партіи нѣтъ крупныхъ именъ, но за ними чувствуется большинство населенія... Я напечатаю. Это интересно, какъ Богусевичъ въ вольно-экономическомъ обществѣ, по поводу трудовъ Янсона ¹⁾ и Энгельгардта ²⁾, обвинялъ земства въ тенденціозности статистическихъ данныхъ о малоземельи крестьянъ и чрезмѣрности ихъ платежей; какъ г.г. Неплюевъ ³⁾, Леонардъ ⁴⁾, Тизенгаузенъ ⁵⁾ и Г. Д. ⁶⁾—пропагандировали переходъ

¹⁾ «О крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ».

²⁾ «Письма изъ деревни».

³⁾ «Историческое призваніе русскаго помѣщика».

⁴⁾ «Смута и ея причины».

⁵⁾ «Бережливость и трудъ».

⁶⁾ «Соціальныя реформаторы»; «Что нужно народу?» истор. вѣстн., июль 1913 г., т. сxxxiii.

центральной власти въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ и предпринимателей.

— Какъ они совѣтовали,—перебилъ я, восхищенный словами Шубинскаго,—«угодить капиталу» новыми привилегіями, упрочить монархію верхней палатой, несмѣняемой, наслѣдственной и майоратной...

— Я беру статью,—повторилъ Шубинскій.—Но не будетъ ли скучно продолженіе? Одно и то же?

— Не думаю,—отвѣтилъ я.—Послѣ призыва къ разведенію въ Россіи лордовъ и пэровъ не менѣе своеобразны и «націоналисты» въ родѣ г. Новосельскаго ¹⁾ и автора «Писемъ о современномъ состояніи Россіи» и г. Алышевскаго ²⁾ и Базили ³⁾... Не раздѣляя крѣпостнически-дворянской программы, они усиленно твердятъ о беспочвенности у насъ конституціонныхъ идеаловъ, такъ какъ наша самодержавная власть солидарна съ народомъ безъ ограниченія палатами или статутами. Одни изъ націоналистовъ требуютъ монархіи съ родовитой или денежной аристократіей, другіе—монархіи съ народомъ, самобытной, земской монархіи... Никто не говоритъ о монархіи съ интеллигенціей и, если упоминаютъ послѣднюю, то всегда пристраивая ее въ государственнымъ учрежденіямъ, безъ законодательнаго ея творчества.

— На этомъ мы и остановимся,—перебилъ Шубинскій, уже не вспоминая, что ему надо идти къ Суворину.—Просмотрите всѣ поправки и приведите рукопись въ надлежащій видъ, чтобы можно было составить страницы, на страницахъ высчитать строки, въ строкѣ буквы.

— Это зачѣмъ же?

— Печатный листъ «Историческаго Вѣстника»,—отвѣтилъ Шубинскій,—имѣетъ нѣсколько больше буквъ, чѣмъ въ другихъ журналахъ. Мнѣ нужно знать размѣръ всѣхъ статей при составленіи журнальнаго номера и размѣръ гонораровъ...

Я ушелъ отъ Шубинскаго, не чувствуя отъ радости ногъ подъ собою.

«Неужели?—восклицалъ я почти вслухъ, не замѣчая встрѣчающихся мнѣ на улицѣ людей и не чувствуя мороза.—Даже гонораръ получу за статью? А какъ умны и дѣльны всѣ замѣчанія редактора... Какое счастье работать съ нимъ!»

II.

Объ опытности и доброжелательствѣ Сергѣя Николаевича, какъ редактора, вспоминаютъ многіе писатели, начавшіе свою карьеру въ его журналѣ.

¹⁾ «Соціальные вопросы въ Россіи».

²⁾ «Что такое истинно-русская государственная программа».

³⁾ «Бесѣда о конститутціи».

Нужно ли говорить, что послѣ напечатанія въ «Историческомъ Вѣстникѣ» моей статьи «Россія подъ перомъ новѣйшихъ реформаторовъ» я сталъ его постояннымъ сотрудникомъ.

Но угодилъ я Шубинскому не разомъ. У меня руки похолодѣли, когда посыльный принесъ ко мнѣ на квартиру исправленную мною рукопись отъ Шубинскаго.

«Неужели не принялъ, и статья не понравилась даже послѣ чистки?» подумалъ я съ тревогой, начиная читать письмо Шубинскаго.

«Возвращаю вамъ, Анатолій Ивановичъ, вашу рукопись, чтобы вы видѣли, что я вымаралъ въ ней. Одно измѣнено по цензурнымъ соображеніямъ, другое потому, что слишкомъ много лиризма и подробностей. Такъ какъ вслѣдствіе сокращенія инныя главы сдѣлались, пожалуй, черезчуръ коротки, то не лучше ли переписать рукопись и привести въ окончательный для набора видъ. На это есть время, потому что все равно въ нынѣшнемъ году не пойдетъ».

Статья была вновь мною додѣлана, переписана и напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1882 годъ въ №№ 2, 3, 4, 5 и 6.

Работа эта чисто компилятивная, но она была первой моей большой работой въ большомъ журналѣ. Съ этихъ поръ болѣе тридцати лѣтъ я постоянно видѣлся съ С. Н. Шубинскимъ и сохранилъ о немъ, какъ о редакторѣ, множество воспоминаній. Съ его смертью, 28-го мая текущаго года, мы потеряли, если можно такъ выразиться, «послѣдняго редактора». «Въ Новомъ Времени», въ по-смертной статьѣ Б. Глинскаго о Шубинскомъ, совершенно вѣрно сказано:

«Онъ принадлежалъ къ тому, нынѣ почти выродившемуся типу редактора, который, какъ Некрасовъ, Салтыковъ, Михайловскій, Юрьевъ, Суворинъ, Шеллеръ и нѣкоторые другіе, умѣлъ создавать молодыхъ писателей, любилъ воспитывать въ нихъ писательство, дальновидно опредѣляя ихъ спеціальныя способности и ставя ихъ на надлежащую литературную ступень».

За послѣднее время уже много появляется въ литературѣ совершенно никому невѣдомыхъ редакторовъ... Такъ, былъ вчера никому неизвѣстный господинъ, не подписавшій ни одной статьи собственной фамиліей, и вдругъ сегодня узнаешь, что онъ уже издатель и редакторъ журнала или газеты, что онъ будетъ цѣнить трудъ ученыхъ людей, одобрять и браковать ихъ. Редакторъ журнала—это высокое положеніе въ обществѣ. Неудивительно, что множество людей стремятся къ нему, но не всѣ достойны его.

Съ хорошими традиціями Шубинскій принялъ на себя редактированіе «Историческаго Вѣстника».

Съ двухъ тысячъ съ небольшимъ подписчиковъ въ первый годъ изданія Шубинскій довѣлъ журналъ въ настоящее время до двѣнадцати тысячъ подписчиковъ, привлекая ихъ къ нему популярной

и легкой формой помѣщаемыхъ въ немъ историческихъ работъ. Онъ угадалъ потребность имѣть историческій журналъ съ обработаннымъ и живымъ матеріаломъ изъ русской жизни, а не въ видѣ сухихъ документовъ о ней. Вотъ чѣмъ онъ привлекъ публику къ «Историческому Вѣстнику» и пробудилъ въ ней любовь и интересъ къ чтенію по русской исторіи.

Это одна изъ заслугъ Шубинскаго, какъ редактора журнала. Другія его достоинства—болѣе личнаго характера, но тѣмъ не менѣе невольны и они заставляютъ говорить о себѣ въ виду невоспитанности большинства людей даже въ литературной средѣ. Онъ былъ съ сотрудниками всегда вѣренъ въ своемъ словѣ и обѣщаніяхъ, онъ никогда не задерживалъ ихъ рукописи прочтеніемъ и поражалъ каждого скорымъ отвѣтомъ о пригодности статьи для журнала или обстоятельнымъ письменнымъ разъясненіемъ причинъ отказа отъ нея. Онъ былъ ежедневно поутру доступенъ посетителямъ въ своемъ кабинетѣ, гдѣ каждый изъ нихъ по очереди излагалъ ему свои нужды. Такимъ образомъ, редакціонныя его бесѣды съ сотрудниками носили товарищескій и семейный характеръ, а не казенно-чиновничій.

У Шубинскаго въ кабинетѣ было легко и перзнакомиться сотрудникамъ между собой и возникнуть между ними общему обмѣну мыслей, и услышать новость или дѣльный совѣтъ со стороны.

Не создавъ около «Историческаго Вѣстника» особой школы писателей, Шубинскій, однако, умѣлъ придать редакціи журнала литературный характеръ во многихъ другихъ отношеніяхъ. Къ нему шло множество людей за справками по самымъ разнообразнымъ литературнымъ вопросамъ, которые Шубинскій всегда охотно разрѣшалъ, благодаря своей обширной библіотекѣ и значительнымъ познаніямъ, приобретеннымъ имъ болѣе чѣмъ за пятидесятилѣтній періодъ литературной жизни.

Также необходимо отмѣтить то обстоятельство, что множество писателей вырабатывается у насъ въ самыхъ редакціяхъ, такъ сказать, «на литературномъ току». Очень немногіе изъ нихъ настолько талантливы и достаточно образованы, чтобы съ первыхъ шаговъ завоевать себѣ мѣсто въ литературѣ. Большинство часто незнакомо совершенно съ редакціонными требованіями. Шубинскій никогда не былъ къ такимъ писателямъ особенно строгимъ и подолгу возился съ ними, разъясняя имъ техническіе недостатки ихъ работъ и настаивая на законченности и обоснованности послѣднихъ.

Сколько разъ мнѣ приходилось наблюдать у него въ кабинетѣ сѣтованіе какого-нибудь стараго и заслуженнаго писателя на недостатки своихъ послѣднихъ работъ...

— Это правда,—замѣчалъ Шубинскій.— Все, что вы пишете за послѣднее время, гораздо хуже вашихъ прежнихъ работъ;

но я могу васъ утѣшить и успокоить... Даже послѣдняя ваша вещь все-таки лучше того, что печатается по беллетристикѣ новыми писателями. Все-таки ваша лучше. Можете на этомъ успокоиться. Вы не выдумываете жизнь и стараетесь довести работу подѣ образецъ... Въ этомъ большое преимущество старыхъ писателей... Я не говорю уже о коринееяхъ... Тѣ были вождями общества. За ними шли. У нихъ былъ общественный идеаль и свое знамя. Теперь такихъ очень мало. Теперь служить перомъ политическому идеалу значить, по мнѣнію новыхъ критиковъ, отказаться художнику отъ свободнаго творчества. Прежде думали, что писатель—гражданинъ, и никто это не считалъ тенденціозностью и подчиненностью литературы. Были Тургеневы, Герцены...

— Отчего это все въ прошломъ?—невольно спросилъ я.—Старый беллетристъ реагировалъ на добро и зло... Тотъ же Н. С. Лѣсковъ пламенѣеть отъ ненависти къ людямъ, когда они того заслуживаютъ. Но тихій свѣтъ живетъ въ его душѣ... Почему же позднѣйшій беллетристъ, сторонникъ свободнаго творчества, весь «сочится» злобой, безтрепетно какъ-то? Или злобствуетъ, или пишетъ вѣрныя картинки... Больше ничего ему не надо. Вѣрны—этимъ все сказано! А нужны онѣ или нѣтъ—это его не занимаетъ.

Не отвѣчая прямо на мое любопытство, Шубинскій продолжалъ:

— Даже средній писатель стараго времени имѣетъ свое достоинство и заслугу... Весьма возможно, что у такого писателя недостаточно дарованія, но къ тому, что написано имъ, были приложены имъ всѣ его силы. Пока онъ не достигнетъ послѣдняго предѣла, до котораго простираются его познанія и дарованія, до тѣхъ поръ онъ не понесетъ рукопись въ редакцію. Этой честности въ литературной работѣ, этой настойчивости въ достиженіи крайняго предѣла своихъ способностей все менѣе и менѣе въ позднѣйшихъ писателяхъ. Какъ удосужились написать что-либо, такъ уже второй разъ они не взглянуть на эту работу и тотчасъ тащатъ ее въ печать. Стараго обычая теперь ни у кого нѣтъ, чтобы написанную рукопись положить на два-три мѣсяца въ столъ съ тѣмъ, чтобы она вылежалась, нервы и настроеніе писателя отдохнули и чтобы онъ могъ въ спокойномъ и объективномъ состояніи духа замѣтить въ собственной работѣ всѣ ея недочеты, ускользнувшіе при первоначальной и спѣшной работѣ. Ничего теперь уже не существуетъ въ процессѣ современнаго писательства, никто не старается достигнуть предѣльнаго совершенствованія прежде, чѣмъ явиться на судъ публики... А безъ этого трудно быть честнымъ писателемъ.

Съ этой точки зрѣнія вліяніе Шубинскаго было благотворно на тѣхъ молодыхъ писателей, которые прислушивались къ голосу опытнаго редактора и дорожили трудовой честностью человѣка.

Шубинскій часто говорилъ имъ, что теперь все дѣлается въ литературѣ «наскоро».

— Такой ужъ образъ жизни большинства писателей. Молодыхъ заставляетъ торопиться въ работѣ богема ихъ жизни, а стариковъ—ихъ болѣзни. Немоощнымъ я не могу работать такъ тщательно и аккуратно, какъ ранѣе. Статьи читаю наскоро и посылаю въ наборъ. Жизнь складывается у современнаго писателя скорохватцемъ... Помню, мнѣ пришлось редактировать полное собраніе сочиненій Терпигорева, изданное Марксомъ. Читаю корректуру какого-то тома и вижу, что фамилія героя въ повѣсти перепутана. Беру нумера «Новаго Времени», гдѣ ранѣе Терпигоревъ печаталъ свои фельетоны, и читаю то же самое... А именно: въ первомъ фельетонѣ сказано, что онъ, самъ авторъ, знакомится въ Публичной библіотекѣ съ нѣсколькими молодыми людьми и, не желая быть узнаннымъ, какъ писатель, Терпигоревъ назвалъ себя другой фамиліей. Черезъ недѣлю, въ другомъ фельетонѣ, онъ идетъ въ гости къ этимъ новымъ знакомымъ и тамъ его встрѣчаютъ криками: «А, Сергѣй Николаевичъ! Атава! (псевдонимъ Терпигорева) какъ мы рады!..» Что же это, думаю? А очень просто: писалъ Атава, онъ же Терпигоревъ, фельетонъ «наскоро», не заглянувъ въ предыдущій фельетонъ, и фамилію свою перепуталъ. Какъ тутъ быть? Нельзя же въ отдѣльномъ изданіи повторять ошибки газетныхъ фельетоновъ. Взялъ я и приписалъ уже отъ самого себя, что герой въ передней передалъ прислугѣ свою визитную карточку, съ настоящей фамиліей, оттого хозяева такъ радостно и привѣтствовали въ немъ популярнаго писателя... Такъ вотъ всюду въ работахъ писателей, особенно позднѣйшихъ скорохватовъ, нужны «визитныя карточки»... Иной совсѣмъ изъ писателя дѣлается «апраксинцемъ», потому что ему мало заработать и десяти-пятнадцати тысячъ въ годъ. Гдѣ же тутъ требовать вдохновеннаго творчества и трудовой честности?

III.

Я всегда старался помнить совѣты Сергѣя Николаевича, но, видно, усвоить ихъ мнѣ было трудно. По крайней мѣрѣ самъ Сергѣй Николаевичъ частенько былъ недоволенъ изложеніемъ моихъ работъ.

Когда вышелъ послѣдній томъ «полнаго собранія сочиненій Н. С. Лѣскова» и я хотѣлъ написать о немъ статью, Шубинскій отвѣтилъ мнѣ:

«Въ сущности я ничего не имѣю противъ небольшой статьи по поводу 12-го тома сочиненій Лѣскова, но я долженъ съ полной откровенностью напомнить вамъ, что, садясь писать статью, вы не имѣете никакого предварительнаго ея плана. Отъ этого какаля-то разбро-

санность, поверхностность, такъ что по прочтеніи статьи остается лишь какое-то смутное впечатлѣніе отдѣльныхъ фразъ, неизвѣстно почему и для чего сказанныхъ.

«Наше многолѣтнее знакомство позволяетъ мнѣ рѣзко относиться къ вашимъ работамъ, въ надеждѣ, что вы этимъ не обидитесь. Имѣя въ виду сказанное, рѣшайте сами, что дѣлать по поводу 12-го тома Лѣскова: писать ли статью, писать ли рецензію, или не писать ничего.

«Я все время недомогаю; силы не возвращаются, пришла старость, и дѣло подходитъ къ скорой ликвидаціи. Да и пора: сдѣлалъ все, что могъ по своимъ способностямъ, и сдѣлать еще что-либо уже не могу. Надо уступать дорогу свѣжимъ силамъ, хотя, къ глубокому сожалѣнію, очень мало вижу ихъ около себя».

Статья о Лѣсковѣ была напечатана у Шубинскаго. Когда умеръ Лѣсковъ, я прислалъ о немъ Шубинскому свои воспоминанія и въ отвѣтъ получилъ слѣдующее письмо:

«Мнѣ нечего говорить, что все касающееся Лѣскова близко моему сердцу. Доказательствомъ можетъ служить, что я второй разъ читаю ваши воспоминанія о немъ отъ доски до доски. Я сдѣлалъ изъ нихъ исключенія, и сдѣлалъ не зря, а подумавъ, и потому настаиваю на нихъ. Пожалуйста, отдайте ихъ переписать въ томъ видѣ, какъ я возвращаю. Не прибавляйте ничего. Вы не можете воздержаться, начинаете вставлять и прибавлять, переходите чувство мѣры. Всякая расплывчатость вредитъ статьѣ и умаляетъ ея интересъ. Ясность и сжатость самая лучшая форма для публики. Поэтому поступите тѣмъ, что я выбросилъ, и даже не пересматривайте рукописи, а просто отдайте переписать».

Печатать меня—Шубинскій часто печаталъ, но всегда съ ворчаніемъ. Это «ворчаніе» въ его письмахъ не лишено, однако, литературнаго интереса и, кромѣ того, оно характерно для самого Шубинскаго, начинавшаго авансомъ, часто еще не видя работы, разносить ее и кончавшаго принятіемъ къ печати. Поэтому я съ удовольствіемъ печатаю всѣ его письма:

«Лорисъ-Меликовъ безусловно не пригоденъ и теперь; пусть полежитъ до болѣе благопріятнаго въ цензурномъ отношеніи времени, если мы его дождемся. Съ Лѣсковымъ вы поступили жестоко. вмѣсто того, чтобы, собравъ воедино имѣющійся у васъ о немъ матеріалъ и освѣтивъ его, дать цѣльный образъ, вы расчленили бѣднаго Николая Семеновича по кусочкамъ и разбросали ихъ по разнымъ мѣстамъ. Все какіе-то клочки, обрывки безъ связи, безъ разъясненій для тѣхъ, кто мало знакомъ съ той литературной обстановкой, среди которой вращался Лѣсковъ. Печатайте статьи гдѣ хотите, а я не хочу принимать участіе въ расчлененіи Лѣскова. Лѣтомъ, если будетъ свободное время, я самъ попробую написать воспоминанія о немъ».

Упреки Шубинскаго о томъ, что я разбросалъ Лѣскова по разнымъ изданіямъ, а не далъ матеріала о немъ въ одинъ и тотъ журналъ,—неосновательны.

Шубинскій дѣлалъ такіе же мнѣ упреки и по поводу Шеллера, о которомъ мнѣ пришлось также печатать статьи въ разныхъ журналахъ и газетахъ. Я отвѣтилъ Шубинскому тѣмъ, что печатаемыя въ разныхъ изданіяхъ статьи о Лѣсковѣ и Шеллерѣ ранѣе были всѣ у него, но онъ часть матеріала напечаталъ, а остальное отвергъ на томъ основаніи, что нельзя каждый годъ писать въ одномъ и томъ же журналѣ объ одномъ и томъ же писателѣ. «Рябчики хороши вторымъ блюдомъ, но если все обѣденное меню составить изъ рябчиковъ, то никто такого обѣда ѣсть не станетъ»... Это его слова.

«Вы, — писалъ я, — боились надобѣсть читателю съ Лѣсковымъ и Шеллеромъ, а теперь укоряете меня тѣмъ, что я расчленилъ ихъ и изувѣчилъ... А развѣ лучше, если бы мои труды о нихъ лежали у меня въ письменномъ столѣ?»

Шубинскій скоро созналъ ошибочность своихъ укоровъ и нѣсколько разъ потомъ печаталъ мои новыя статьи о Лѣсковѣ и Шеллерѣ. «Придираться» ко мнѣ онъ, однако, не переставалъ уже просто по привычкѣ, какъ, впрочемъ и ко всѣмъ «сотрудникамъ». Опъ даже себя самого любилъ «разносить». Начнетъ бывало сѣтовать на то, что всѣ его сверстники перемерли, что съ ихъ смертью точно кто палець у него отрѣжетъ—новый не вырастетъ и мѣсто въ журналѣ остается вакантнымъ; что и самъ онъ зажилъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и что съ будущаго года онъ бросаетъ редактировать его и т. д. Шубинскій былъ старше многихъ изъ насъ, и всѣ мирились съ его придирчивостью, такъ какъ знали, что за злой критикой и язвительными письмами скрывается добрый и участливый къ намъ редакторъ.

Когда умеръ А. К. Шеллеръ, Шубинскій тотчасъ предложилъ мнѣ написать о немъ статью.

— Вы, — сказали онъ, — знали его много лѣтъ, но, чтобы написать вѣрную и сжатую характеристику о крупномъ писателѣ, необходимо обладать особыми способностями, обширными знаніями, вкусомъ и критическимъ «чутьемъ». Избѣгайте цитатъ изъ его романовъ.. Иначе вы зарѣжете себя, или утонете, какъ только нырнете въ эти извлеченія изъ шеллеровскихъ романовъ.

— Но иногда эти извлеченія такъ ярки и интересны...

— Да мало ли интереснаго въ книгахъ, — перебилъ Шубинскій.— Нельзя же переносить цѣлыя страницы изъ чужихъ книгъ въ журналъ. Вѣдь дѣло въ томъ, что онѣ задушатъ васъ тогда и, кромѣ того, изъ-за нихъ не доберешься до мысли самого автора, до васъ самого. Въ этомъ все искусство критика, чтобы онъ въ сжатой характеристикѣ разбираемаго беллетриста высказалъ свой на него взглядъ, опредѣлилъ, что въ немъ важно, насколько онъ вѣ-

рень былъ дѣйствительной жизни, что изъ этой жизни наиболѣе выдающееся имъ воспроизведено и какое мѣсто въ русской литературѣ онъ занималъ. Вотъ путь, которымъ долженъ идти критикъ, а не уснащать статью извлеченіями, точно никто безъ него не читалъ этого беллетриста. Шеллеръ читанъ и перечитанъ, на немъ воспиталось множество людей. Вамъ нѣтъ надобности вновь знакомить читателя съ нимъ. А вы поговорите о немъ съ публикой, какъ о хорошемъ общемъ знакомомъ, и расскажите, что въ немъ замѣчательно и въ чемъ можно съ вами согласиться. Статья должна быть строго фактическая, блистать ясностью мысли и спокойствіемъ автора. А то иной критикъ тонетъ въ цитатахъ, какъ К. Арсеньевъ, о которомъ Хвощинская сказала, что его критическія статьи «поминанъе». «Я,— говоритъ она о себѣ,—уже сама забыла содержаніе и имена героевъ своихъ романовъ, а Арсеньевъ все это перечислилъ, какъ въ поминальной книжкѣ».—Вотъ этого мнѣ тоже не нужно,—заключилъ Шубинскій, поручая мнѣ работу о Шеллерѣ.

Запуганный его предостереженіями, я взялся за работу и вскорѣ отнесъ ее Шубинскому. Черезъ день я получилъ отъ него слѣдующее письмо:

«Отъ души жаль Шеллера; онъ былъ не только талантливый, но, что такъ рѣдко въ нашей литературѣ,—честный писатель. На его памяти нѣтъ пятенъ, и если за это полагается награда свыше, то на томъ свѣтѣ ему будетъ хорошо. Но за него скорбѣть нельзя: было бы ему все болѣе труднѣе и тѣснѣе въ нынѣшней фабричной литературѣ.

«Начало вашей статьи я прочиталъ и вынужденъ браниться. Во вступленіи вы говорите, что такъ какъ оцѣнка его литературной дѣятельности уже была сдѣлана въ «Историческомъ Вѣстникѣ», то вы ограничиваетесь сообщеніемъ наиболѣе полныхъ біографическихкихъ о немъ свѣдѣній и личныхъ воспоминаній. Въ началѣ вы такъ и дѣлаете, но затѣмъ перебрасываетесь, разбрасываетесь, сбиваетесь и съ страницы 23 начинаете рассказывать содержаніе его романовъ, дѣлаете ихъ оцѣнку и т. д. Бога ради, Анатолій Ивановичъ, хоть разъ-то выдержите систему и планъ, намѣченный для статьи. Конечно, въ случаѣ надобности, можно въ общихъ, сжатыхъ словахъ охарактеризовать то или другое его произведеніе, но главнымъ объектомъ должна быть біографія и личность Шеллера. Его мало знаютъ, какъ человѣка, а какъ писателя всѣ его знаютъ, читали его романы, знакомы съ ихъ содержаніемъ, и оцѣнка его, какъ писателя, сдѣлана и установилась давно.

«По-моему, съ 23-ей страницы все совершенно лишнее. Свяжитесь со мной, такъ не бросайтесь изъ стороны въ сторону, а обдумайте обстоятельно планъ статьи, сядьте и пишите спокойно, твердо придерживаясь опредѣленной границы. Время есть, — раньше январской книжки статью нельзя помѣстить, такъ какъ декабрьскій номеръ уже отпечатанъ и ваша статья можетъ быть отсрочена.

«Портретъ я заказалъ гравировать.

«N. В. До 23-ей страницы нечего передѣлывать — все хорошо».

Придирчивость Шубинскаго часто приносила мнѣ пользу, но иногда онъ пересаливалъ, и мы принимались между собою полемизировать. Помню, вышла книга «Эпоха великихъ реформъ», и мнѣ захотѣлось написать статью изъ этой эпохи съ воспоминаніемъ о крѣпостныхъ нравахъ наканунѣ великихъ реформъ.

Вмѣсто того, чтобы поддерживать во мнѣ это намѣреніе, Шубинскій не понималъ его и, руководясь все тѣмъ же чувствомъ доброжелательства, пишетъ мнѣ суровое письмо:

«Все, что вы мнѣ пишете, примѣнимо лишь въ томъ случаѣ, когда появилась книга, заключающая въ себѣ новый и обширный матеріалъ, по поводу котораго необходимо написать особую статью. Если вы хотѣли представить «картину освобожденія крестьянъ», то надо было взять первоисточникъ, именно сочиненіе Семенова, которое усердно компилировалъ Джаншіевъ. Дѣлать же компиляцію по компиляціи нѣчто странное и неподобающее. Книга Джаншіева, какъ простая компиляція, заслуживаетъ лишь рецензіи, и я вижу, что мнѣ нужно объяснить вамъ, что такое рецензія.

«Рецензія не статья и не критика. Она есть не что иное, какъ сжатый рефератъ какой-либо книги съ краткимъ заключеніемъ о ея достоинствахъ или недостаткахъ; ни въ какія подробности она не входитъ, и вся задача ея состоитъ исключительно въ томъ, чтобы ознакомить читателя съ содержаніемъ данной книги въ общихъ чертахъ. Рецензія особенно необходима для иногороднаго читателя, который не имѣетъ возможности раньше, чѣмъ пріобрѣсти книгу, посмотрѣть ее въ книжномъ магазинѣ. Что онъ можетъ понять изъ объявленія о выходѣ книги подъ заглавіемъ «Изъ эпохи великихъ реформъ»? Рецензія и должна ему пояснить, что въ этой книгѣ говорится именно о такихъ-то и такихъ-то реформахъ, что она есть компилятивная или оригинальная, что авторъ, составляя ее, имѣлъ въ виду такую-то задачу и исполнилъ ее удовлетворительно или плохо. Вотъ и все. Прочитавъ рецензію и ознакомившись по ней съ содержаніемъ всей книги, а также и съ мнѣніемъ о ней компетентнаго рецензента, читатель уже рѣшаетъ, нужно ли ему, или нѣтъ, пріобрѣсти такую книгу. Такие отзывы именно необходимы для массы читателей, имѣющихъ единственный способъ ознакомиться съ содержаніемъ книги только по журнальной рецензіи. Слѣдовательно, совершенно неправильно касаться въ рецензіи лишь одной стороны или части книги, оставляя безъ вниманія остальные. Одинъ читатель заинтересуется болѣе крестьянской реформой, другому интереснѣе судебная, третьему экономическая и т. п. Короче сказать, по рецензіи читатель долженъ получить краткое, но ясное и вѣрное понятіе о содержаніи всего изложенія».

Шубинскій не могъ обидѣть меня азбучными наставленіями, потому что я самъ даже въ библиографическомъ отдѣлѣ шелъ въ разрѣзъ съ его намѣреніями. Ему надо было имѣть оцѣнку книги, а я пользовался ею дѣйствительно для «постороннихъ цѣлей». Эти цѣли заключались въ борьбѣ съ политическимъ или экономическимъ зломъ, о которомъ я находилъ въ новой книгѣ новый матеріалъ или новые взгляды. Я болѣе цѣнилъ въ литературѣ не «самоцѣнность» ея, а орудіе борьбы.

Шубинскій давилъ меня «литературностью», а я его задачами жизни, которымъ должна служить литература. Ему дорога и поучительна была исторія, а я находилъ, что настоящее наше темно, прошлое еще темнѣе и всего лучше не опираться на нихъ, а чаще задавать себѣ вопросъ, что должно быть въ жизни. Идеалы надо держать передъ собою, а не поклоняться фактамъ. Въ концѣ концовъ человѣческой интересъ побѣждалъ книжный, и Шубинскій печаталъ меня. Въ многочисленныхъ спорахъ и перемиріяхъ проходили года, и Шубинскій такъ къ этому привыкъ, что, даже принимая рукопись къ печати, считалъ нужнымъ «доброжелательно браниться».

Взявъ мои воспоминанія «въ одиночномъ заключеніи» и принудивъ меня къ многочисленнымъ передѣлкамъ, онъ все-таки писалъ мнѣ:

«Я совершенно согласенъ съ новыми пометками, сдѣланными вами въ рукописи, и думаю, что въ такомъ видѣ она можетъ пройти. Но все-таки желательно, чтобы вы потрудились еще надъ отдѣлкой: много лиризма, фразеологіи и повтореній. Подобныя вещи необходимо отдѣлывать тщательно, стараясь достигнуть художественной простоты. Я совѣтую вамъ спокойно, не торопясь еще разъ пересмотрѣть рукопись съ карандашомъ въ рукѣ и затѣмъ уже отдать переписать».

«Художественная простота» воспоминаній доведена во возможнаго мнѣ предѣла, конечно, но настоянію Шубинскаго. Когда мои воспоминанія вышли отдѣльной книгой, то книга выдержала три изданія и выдержитъ будущее четвертое, значительно дополненное... А между тѣмъ выходила книга въ тяжкія времена цензурнаго гнета, и только «художественная простота» изложенія спасла ее отъ сожженія. По этому поводу Сергѣй Николаевичъ писалъ мнѣ отъ 10-го февраля 1895 года:

«Вчера я былъ приглашенъ «на вечерніе блины» къ Л. Майкову (вице-президенту академіи наукъ) и тамъ встрѣтилъ Θεоктистова (начальника главнаго управленія по дѣламъ печати). Онъ мнѣ сказалъ, что ваша статья «Одиночное заключеніе» была уже набрана для «Сѣвернаго Вѣстника», но не разрѣшена къ печати цензурой, о чемъ ему доложилъ предсѣдатель цензурнаго комитета, просившій разрѣшенія задержать февральскую книжку «Историческаго Вѣстника» и вырѣзать вашу статью. Не желая нанести существенный

вредъ журналу въ самый разгаръ подписки Θεоктистовъ разрѣшили выпустить книжку, но очень радъ, что видитъ меня и можетъ предупредить, что подобныя статьи не могутъ быть допускаемы и, въ случаѣ ихъ появленія, будутъ безусловно запрещаться».

Очень мнѣ былъ полезенъ Шубинскій не только въ техникѣ изложенія статей, но и въ тайнахъ литературнаго успѣха. Однимъ мѣткимъ замѣчаніемъ онъ умѣлъ освѣтить мнѣ трудную задачу написать историческій романъ за послѣднее пятидесятилѣтіе.

— Вы,—сказалъ Шубинскій,—близко стояли къ событіямъ, волновавшимъ послѣреформенную Россію, и знаете хорошо повѣйшую эпоху... Но я вотъ тоже несомнѣнно знаю русскую исторію XVIII вѣка лучше графа Сальяса, а историческаго романа не могъ бы написать. Для беллетриста недостаточно одного знанія.

— Вы хотите сказать, что нуженъ талантъ?

— И талантъ,—перебилъ онъ,—долженъ заключаться въ умѣннн концентрировать многочисленныя знанія въ образы. Только въ этомъ сказывается талантъ художника. Если же беллетристъ, подавленный знаніями или впечатлѣніями, сыплетъ ими, какъ Бобрыкинъ, и не умѣетъ сократить ихъ, то онъ плохой художникъ. Не утонете ли вы въ историческихъ подробностяхъ и сумѣете ли сконцентрировать ихъ въ немногіе образы? Попробуйте. Пока я живъ, въ моей бібліотекѣ всякую справку можно навести и получить нужныя свѣдѣнія. Но концентрація знаній изъ русской жизни должна быть присуща самому художнику. Въ этомъ его исключительное дарованіе. Художники облегчаютъ понимать исторію въ сжатомъ и образномъ ея изложеніи, когда даютъ намъ романъ или повѣсть.

Нужно ли говорить, что критическое требованіе Шубинскаго, предъявляемое имъ къ историческому роману, необходимо принять къ свѣдѣнію всякому беллетристу и что вообще Шубинскаго, какъ редактора «Историческаго Вѣстника», пишущей братіи слѣдуетъ вспоминать почаще...

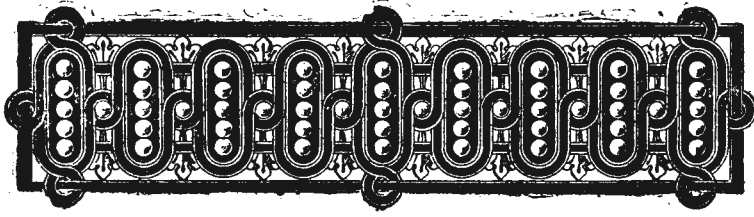
Мнѣ очень трудно закончить о немъ статью, не вспомнивъ Сергѣя Николаевича даже и въ этомъ случаѣ. Онъ часто говорилъ:

— Закончить статью хорошо гораздо труднѣе, чѣмъ написать ее. Конецъ долженъ возстановить все содержаніе работы и запечатлѣть ее... Одно слово или фраза должны напомнить ея содержаніе и подвести итогъ... Докончить статью надлежащимъ образомъ большинство писателей не умѣютъ.

Это замѣчаніе объ окончаніи статьи также полезно имѣть въ виду при литературной работѣ, и оно будетъ моимъ послѣднимъ словомъ о С. Н. Шубинскомъ, какъ редакторѣ.

А. Фаресовъ.

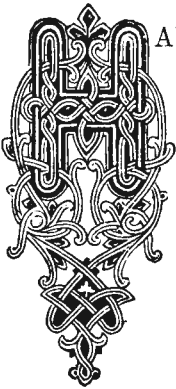




ПО ЧУЖОМУ АДРЕСУ.

(Изъ служебныхъ воспоминаній).

I.



АЧАЛЪ я свою государственную службу въ 1862 году въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, при министрѣ Петрѣ Александровичѣ Валувѣ (въ то время не имѣвшемъ еще графскаго титула). Его виѣшность и quasi-либеральное направленіе мѣтко очерчены графомъ А. Толстымъ въ его шуткѣ-поэмѣ «Сонъ Попова»:

«Вошелъ министръ. Онъ видный былъ мужчина,
Изящныхъ формъ, съ привѣтливымъ лицомъ,
Одѣтъ въ визитку: своего, молъ, чина
Не ставлю я предъ публикой ребромъ...
Все зло у насъ отъ глупыхъ формъ избытка,
Я жъ вѣка сынъ,—такъ вотъ на мнѣ визитка».

Случись наяву то, что только приснилось «совѣтнику» Попову, а именно, что онъ, Поповъ, явился на общій приемъ въ своему министру «безъ панталонъ»,—то министру не мудрено было и вознегодовать. Но негодование свое Валувъ, я увѣренъ, не выразилъ бы въ присутствіи другихъ въ грубомъ выговорѣ, а скорѣе сдѣлалъ бы видъ, что не замѣчаетъ дефекта въ нарядѣ подчиненнаго и отвернулся бы, чтобы ужъ послѣ приема, дѣйствительно, быть можетъ, спровадить «санкюлота» въ пресловутое третье отдѣленіе для допроса «лазоровымъ» полковникомъ.

На моей памяти былъ почти тождественный случай, рисующій Валуева тонкимъ дипломатомъ и джентльменомъ.

Самъ я, будучи тогда еще помощникомъ столоначальника, доступа къ министру, конечно, не имѣлъ. Ъздили къ нему съ докладомъ въ опредѣленные дни недѣли одни высшіе чины того или другого департамента: директоръ, вице-директоръ и начальники отдѣленій. Моимъ начальникомъ отдѣленія былъ человѣкъ очень корректный и обходительный, по фамиліи Грацинскій (нынѣ уже покойный). Зимой онъ приходилъ на службу обыкновенно въ вицъ-мундирѣ, лѣтомъ же, какъ большинство чиновниковъ, въ люстриновомъ пиджакѣ.

И вотъ, однажды лѣтомъ, въ докладной день, являсь въ департаментъ, онъ у себя въ кабинетѣ замѣнилъ свою люстринку вицъ-мундиромъ и съ портфелемъ подъ мышкой вмѣстѣ съ другими докладчиками поѣхалъ къ министру на казенную его дачу на Аптекарскомъ островѣ.

Какъ сейчасъ помню ту небольшую проходную комнату, гдѣ скрипѣли перьями мы четверо: два столоначальника (одинъ изъ нихъ—Дан. Лук. Мордовцевъ, недавно только выступившій тогда на литературное поприще) и два помощника. Прошло часа три послѣ отъѣзда Грацинскаго къ министру, какъ вдругъ онъ пролетаетъ мимо насъ, не останавливаясь, въ свой кабинетъ. Мы всѣ четверо озадаченно переглянулись.

— Что это съ нимъ?—спрашивали мы другъ друга.—Онъ какъ будто самъ не свой.

— Вѣрно, была у него какая-нибудь крупная непріятность на докладѣ.

Вскорѣ дѣло разъяснилось. Грацинскій попрежнему въ люстринкѣ вышелъ къ намъ изъ кабинета, все еще нѣсколько взволнованный, но съ веселой усмѣшкой.

— Ну, господа,—сказалъ онъ:—не желаю никому изъ васъ испытать то, что испыталъ я только что у министра!

— Да что было съ вами?

— Приѣзжаетъ вся наша докладная компанія къ нему на дачу. До меня докладывали трое; я ожидалъ своей очереди въ приѣмной. Вотъ курьеръ, и передо мной дверь распахнулась:

←— Пожалуйте.

←— Вхожу, кланяюсь. Министръ, какъ всегда, любезно мнѣ руку протягиваетъ, потомъ указываетъ на стулъ по другую сторону стола. Какъ вы знаете, я не изъ робкихъ и въ карманъ за словомъ не полѣзу, а потому всякое дѣло, какъ бы сложно оно ни было, могу изложить сжато и просто. Но на этотъ разъ я замѣтилъ что-то странное въ глазахъ министра, точно его занимаетъ не столько мой докладъ, сколько моя наружность. Когда же я подаль ему къ подписи послѣднюю бумагу, онъ будто нарочно похвалилъ меня:

«— Слушать васъ одно удовольствіе; иной бы, право, не повѣрилъ...»

«И, не договоривъ, расчеркнулся и возвратилъ мнѣ бумагу. Когда я ее вмѣстѣ съ прочими бумагами уложилъ въ портфель, онъ привсталъ съ кресла, чтобы протянуть мнѣ черезъ столъ руку, но въ то же время внимательно оглядѣлъ меня съ головы до ногъ.»

«— А знаете ли,—сказалъ онъ:—вицъ-мундиръ вамъ очень къ лицу и сидитъ на васъ даже лучше партикулярнаго платья.»

«Можете себѣ представить, господа, мое недоумѣніе!»

«— Простите,—сказалъ я,—ваше высокопревосходительство, но когда же вы могли меня видѣть въ партикулярномъ платьѣ?»

«— Да не далѣе, какъ въ прошлый разъ.»

«— Въ прошлый разъ, ваше высокопревосходительство, я навѣрное былъ также въ вицъ-мундирѣ. Посмѣлъ ли бы я вообще...»

«Онъ меня перебилъ:

«— Что вы говорите! На васъ былъ, вѣдь еще этакій коротенькій пиджачокъ...»

«— Помилуйте!—запротестовалъ я и указалъ на сидѣвшихъ тутъ же директора и вице-директора:—могу сослаться на ихъ превосходительства...»

«Тѣ не преминули подтвердить мои слова. Министръ взялся рукою за лобъ, какъ бы припоминая.»

«— Винавать!—извинился онъ.—Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь то были, кажется, не вы, а N. N. Фигура у него такая же стройная, какъ ваша. Не взыщите за ошибку.»

«Сказалъ и отпустилъ меня съ миромъ».

Разсказывая такъ, Граципскій назвалъ и того начальника отдѣленія другого департамента, который явился къ Валуеву не въ формѣ, по фамилію котораго я въ настоящее время запомнилъ. Разсказъ его, понятно, насъ четверыхъ немало позабавилъ.

— Тонкій намекъ на толстое обстоятельство,—замѣтилъ одинъ изъ столоначальниковъ.—Что же вы теперь располагаете сдѣлать?

— А что же мнѣ остается,—отвѣчалъ Граципскій:—какъ не пойти къ N. N. и передать ему отъ слова до слова все то, что вы сейчасъ слышали. Этимъ я исполню только желаніе министра.

II.

Не менѣе деликатно, чѣмъ Валуевъ, повелъ себя въ подобномъ же случаѣ другой извѣстный сановникъ, князь Сергій Николаевичъ Урусовъ, главноуправляющій вторымъ отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи, вошедшимъ впослѣдствіи, въ видѣ кодификаціоннаго отдѣла, въ составъ государственнаго совѣта. Разница была лишь въ томъ, что Валуевъ своимъ репримандомъ, сдѣланнымъ сознательно по чужому адресу, попалъ рико-

шето́мъ все-таки въ цѣль, тогда какъ Урусовъ, не зная настоящаго грѣшника, выпалилъ наугадъ, и я, тотъ грѣшникъ, вышелъ сухъ изъ воды.

Было то во второй половинѣ 1870-хъ годовъ, когда я самъ уже нѣсколько лѣтъ былъ начальникомъ отдѣленія. Отъ князя Урусова былъ присланъ въ министерство на заключеніе проектъ кодификаціи XIII тома Свода Законовъ, въ которомъ, какъ извѣстно, заключаются уставы: объ обезпеченіи народнаго продовольствія, объ общественномъ призрѣніи и врачебный. Министерствомъ по этому проекту было сдѣлано столько существенныхъ замѣчаній, что Урусовъ счелъ пужнымъ собрать у себя особую комиссію, съ приглашеніемъ въ нее и представителей отъ министерства. Отъ медицинскаго департамента въ эту комиссію былъ назначенъ вице-директоръ департамента Ник. Евгр. Мамоновъ, а отъ хозяйственнаго департамента два начальника отдѣленія: Ив. Лог. Потаповъ, вѣдавшій дѣлами общественнаго призрѣнія, и я—по народному продовольствію, входившему въ кругъ дѣлъ моего отдѣленія.

Жилъ я тогда на Загородномъ проспектѣ, противъ технологическаго института, такъ что имѣлъ возможность воспользоваться конкой (открытой въ 1875 г.) для проѣзда до Сергіевской улицы, гдѣ въ собственномъ домѣ подъ № 20 жилъ князь Урусовъ. Въ четверть одиннадцатаго, то есть за 45 минутъ до часа, назначеннаго для перваго засѣданія комиссіи, я сидѣлъ уже въ вагонѣ конки. По пути съ вагономъ приключилась какая-то задержка,—какая именно, не могу даже сказать, потому что былъ погруженъ въ чтеніе газеты. Уже на Литейномъ проспектѣ я спохватился, что долженъ сойти у Сергіевской, и соскочилъ съ конки, но, по разсѣянности, улицей раньше. Подошелъ къ № 20 и спрашиваю у швейцара: здѣсь ли живетъ князь Урусовъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Какъ же нѣтъ? Вѣдь № 20-й?

— 20-й. Да улицу-то какую вамъ надо?

— Сергіевскую.

— А наша—Фурштатская.

Вотъ тебѣ на! Смотрю на часы: безъ одной минуты 11! Озираюсь кругомъ,—ни одного извозчика. Пришлось самому пуститься рысью. Къ дому подъ № 20-мъ на Сергіевской добрался совсѣмъ уже запыхавшись. У стеклянной двери тоже швейцаръ, но въ ливреѣ и преважнаго вида.

— Здѣсь живетъ князь Урусовъ?

— Точно такъ. А вы въ комиссію?

— Въ комиссію.

— Пожалуйте. Другіе господа про васъ уже спрашивали.

Сбросилъ на руки ему пальго и взбѣжалъ по лѣстницѣ. На площадкѣ стоятъ уже, въ ожиданіи, Мамоновъ, Потаповъ и

еще двое въ вѣщъ-мундирахъ,—вѣрно, изъ чиновниковъ самого Урусова.

— Наконецъ-то!—говоритъ Мамоновъ.

Объяснить причину моего запоздавія не было у меня времени, такъ какъ лакей открылъ уже намъ дверь въ квартиру князя. Какъ только мы вступили въ кабинетъ, изъ другой двери вышелъ къ намъ и хозяинъ. По вѣщности оцъ былъ совершенная противоположность Валусеву: низенькаго роста и если не горбунъ, то сильно сутуловатъ. Въ обращеніи же своемъ оцъ былъ столь же изысканно-любезенъ.

Когда мы по очереди ему представились, оцъ предложилъ намъ сѣсть. Изложивъ свой взглядъ на предстоящую намъ задачу, оцъ выслушалъ и наши мнѣнія, послѣ чего обратился уже прямо къ Мамонову:

— Скажите, пожалуйста, ваше превосходительство, вы помните еще, конечно, покойнаго директора медицинскаго департамента Евгенія Венцеславовича Пеликана?

— Какъ не помнить, ваше сіятельство,—былъ отвѣтъ.

— Достойнѣйшая личность! Не говорю уже объ его ученыхъ заслугахъ,—объ нихъ вамъ лучше судить. Но что за аккуратность! Она вошла даже въ поговорку: «аккуратенъ, какъ Пеликанъ». Когда ему, бывало, надо было присутствовать на какомъ-нибудь засѣданіи, оцъ пріѣдетъ всегда за нѣсколько минутъ, но не звонитъ въ колокольчикъ, а съ часами въ рукахъ стоитъ на площадкѣ передъ дверью, пока стрѣлка на часахъ не подойдетъ къ назначенному часу. Тогда оцъ звонитъ. Замѣчательная аккуратность! Ну, господа, мы намѣтили уже планъ нашихъ будущихъ занятій; сегодня не стану васъ больше беспокоить. Въ слѣдующій разъ мы приступимъ уже къ дѣлу.

Съ тою же привѣтливой улыбкой оцъ подалъ каждому изъ насъ руку и проводилъ до дверей.

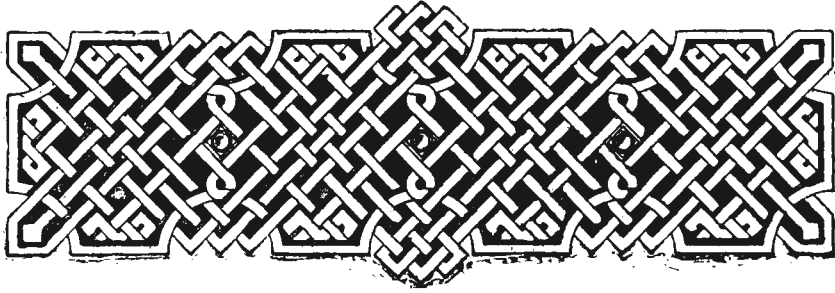
Мамонова я зналъ уже раньше по ветеринарному комитету, въ которомъ состоялъ непременнымъ членомъ отъ хозяйственнаго департамента. Когда я теперь, выйдя съ нимъ отъ Урусова на улицу, сталъ оправдываться, оцъ благодушно перебилъ меня:

— Стоитъ ли объ этомъ разговаривать! Съ каждымъ изъ насъ вѣдь можетъ это случиться.

— Но не всякій, Николай Евграфовичъ,—возразилъ я,—приметь такъ хладнокровно, какъ вы, чужую вину съ больной головы на свою здоровую.

В. П. Авенаріусъ.





ВОСПОМИНАНИЕ О ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ СТРУКОВЪ.



ХОЧУ подѣлиться съ читателями «Историческаго Вѣстника» воспоминаніемъ о той части дѣятельности этого выдающагося государственнаго мужа, русскаго патріота, какую покойный проявилъ по отношенію къ тюремному дѣлу въ гор. Воронежѣ, куда онъ былъ командированъ по высочайшему повелѣнію. Дѣло было въ злополучномъ 1905 году. Я тогда былъ воронежскимъ губернскимъ тюремнымъ инспекторомъ. Освободительное движеніе особенно начало усиливаться съ сентября этого года, и въ особенности послѣ объявленія манифеста 17-го октября. Митинги въ Воронежѣ происходили ежедневно многочисленные, вся накипь всплыла наверхъ, видя, что никакого запрета со стороны начальства нѣтъ. Обычная мирная жизнь была нарушена. Во всѣхъ заводахъ, мастерскихъ работы были прекращены, и даже казенныя учрежденія, въ томъ числѣ и учебныя заведенія, почти прекратили свою дѣятельность. Въ однѣхъ только тюрьмахъ, повидимому, было спокойно.

Такъ мы дожили до 18-го ноября. Въ этотъ день, будучи въ домѣ губернатора, куда ежедневно собирались всѣ начальники отдѣльных частей, я хвалился, что у меня, слава Богу, все обстоитъ благополучно. Окончивъ въ три часа этого дня занятія, я отправился

домой и только успѣлъ сѣсть за обѣдъ, какъ зазвонилъ телефонъ, подхожу, беру трубку и слышу: «тюрьма горитъ, арестанты бунтуютъ». Вотъ тебѣ и похвалился. Бросаю обѣдъ, спѣшу въ тюрьму и застаю послѣднюю уже въ рукахъ арестантовъ, которые бьютъ оконныя стекла и стрѣляютъ. Оказалось, арестанты обезоружили нѣсколькихъ надзирателей и завладѣли ихъ оружіемъ, зданіе зажгли.

Сдѣлавъ распоряженіе оцѣпить снаружи тюрьму надзирателями и взводомъ прибывшихъ драгунъ, я поспѣшилъ къ губернатору доложить о положеніи дѣла и просить помощи войскъ. Положеніе оказалось болѣе серьезнымъ, чѣмъ я зналъ: оказалось, что одновременно съ тюрьмой зажжены зданія дисциплинарнаго батальона, военные арестанты котораго взбунтовались, завладѣли оружіемъ и двинулись на городъ. Замыселъ революціонеровъ былъ адскій, а именно: дисциплинарцы, овладѣвъ оружіемъ, идутъ въ городъ, освобождаютъ арестантовъ исправительнаго отдѣленія и губернской тюрьмы, а затѣмъ вся эта орава преступниковъ предается грабежу, а революціонеры въ это время захватываютъ въ свои руки власть.

Спасителемъ города въ это тяжелое время былъ находившійся въ Воронежѣ генераль Струковъ. Онъ съ горстью казаковъ и одной пушкой поспѣшилъ занять мостъ, построенный черезъ рѣку Воронежъ и соединяющій городъ съ селомъ Придачей, гдѣ находится дисциплинарный батальонъ.

Взбунтовавшіеся дисциплинарцы, встрѣтивъ вооруженныхъ казаковъ во главѣ съ генераломъ, растерялись, многіе побросали ружья, и всѣ съ крикомъ бросились назадъ на Придачу, гдѣ предались пьянству и грабежамъ, а большинство разбрелось по окрестностямъ города.

Получивъ отъ губернатора обѣщаніе, что воинская помощь явится при первой возможности, я поспѣшилъ вновь въ тюрьму. Къ счастью, вскорѣ прибыла полурота пѣхоты съ офицеромъ и взводъ казаковъ. Я рѣшилъ сдѣлать попытку усмирить арестантовъ безъ кровопролитія, для чего приказалъ привратнику сказать арестантамъ, чтобы они прекратили стрѣльбу, такъ какъ я намѣренъ съ ними говорить. Арестанты послушались. Тогда я съ начальникомъ тюрьмы, кстати сказать, оказавшимся не трусомъ, вошелъ во дворъ тюрьмы и началъ убѣждать бунтовщиковъ прекратить безпорядки и приступить къ тушенію пожара, обѣщая за это возможно снисходительнѣе отнестись къ ихъ преступленію. Арестанты согласились, пожарная команда была ввпущена во дворъ, и дѣло тушенія огня пошло успѣшно.

Но такимъ оборотомъ дѣла, очевидно, не были довольны главаря, которые придрались къ случайно произведенному за оградой тюрьмы выстрѣлу, начали кричать, что ихъ разстрѣливаютъ,

и начали стрѣлять вдоль двора, гдѣ былъ я и пожарная команда. Я велѣлъ прекратить тушеніе пожара, а командѣ и надзору удалиться, а затѣмъ и самъ ушелъ. Арестанты устремились къ воротамъ, надѣясь прорваться черезъ нихъ наружу, открывъ по нимъ стрѣльбу.

Положеніе мое въ этотъ моментъ было таково: уйти прямо отъ воротъ,—можно погибнуть отъ арестантскихъ выстрѣловъ, такъ какъ пули свободно пробивали желѣзную обшивку воротъ; вправо нельзя зайти за зданіе, такъ какъ плотно выстроилась полурота солдатъ, готовая стрѣлять въ прорвавшихся арестантовъ; оставалось повернуть влѣво отъ воротъ и быть убитымъ солдатскими выстрѣлами, если бы арестантамъ удалось прорваться въ ворота.

Къ моему благополучію, арестантамъ не удалось овладѣть воротами, которыя привратникъ, пропустивъ меня, успѣлъ закрыть, заплатившись за это рукой, которая у него въ то время была прострѣлена.

При такомъ положеніи вещей мнѣ ничего не оставалось, какъ передать усмиреніе тюрьмы офицеру, командовавшему полуротой солдатъ.

Опасность между тѣмъ надвигалась еще съ другой стороны: возлѣ тюрьмы собралась многотысячная толпа, которой арестанты кричали: «помогите же намъ, вы обѣщали, а теперь оставляете насъ на произволъ судьбы!»

Бывшіе среди толпы революціонеры не зѣвали, и она все болѣе и болѣе принимала угрожающій характеръ и приближалась къ тюрьмѣ.

И на этотъ разъ спасителемъ явился генераль Струковъ. Покончивъ съ дисциплинарцами, онъ поспѣшилъ къ тюрьмѣ.

Выслушавъ отъ меня докладъ о положеніи дѣла, онъ сразу сообразилъ, гдѣ главная въ данный моментъ опасность, и составилъ себѣ планъ дѣйствій. Взобравшись на стоявшую тутъ бочку, онъ снялъ фуражку и сдѣлалъ жестъ рукою. Какъ одинъ человекъ, многочисленная толпа притихла, устремивъ взоры на генерала, который послѣ этого, обращаясь къ ней, зычнымъ голосомъ сказалъ: «Русскіе люди, покорнѣйше прошу васъ, кланяюсь вамъ, разойдитесь, возвратитесь къ своимъ очагамъ и дайте намъ возможность усмирить бунтовщиковъ».

Это обращеніе генерала немедленно возымѣло желательные результаты: толпа начала рѣдѣть и отступать отъ тюрьмы, и не болѣе какъ черезъ часъ осталось сравнительно небольшое число зѣвакъ, отъ которыхъ нельзя было ждать какихъ-либо опасныхъ выступленій, да и соотвѣтственные мѣры были приняты.

Когда арестанты были усмирены и обезоружены, генераль Струковъ вновь прибылъ въ тюрьму, собралъ всѣхъ арестантовъ, разъяснилъ имъ преступность ихъ поведенія и объявилъ, что при пер-

вой попыткѣ сдѣлать безпорядокъ онъ каждаго виновнаго въ силу предоставленной ему власти разстрѣляетъ на тюремномъ дворѣ. Покидая тюрьму, онъ мнѣ сказалъ, что я во всякое время дня и ночи могу рассчитывать на его помощь.

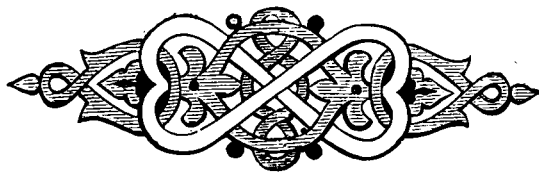
А дѣла мнѣ дѣйствительно было немало. Одна половина тюрьмы догорала, и огонь перешелъ уже на другую, которую во что бы то ни стало надо было спасти не только въ интересахъ казны, но и въ интересахъ общественной безопасности, ибо другого мѣста въ городѣ не было, куда можно было помѣстить арестантовъ тюрьмы и дисциплинарцевъ, грабившихъ и терроризировавшихъ населеніе. Между тѣмъ создать это было очень трудно: захолодало, вода замерзала, полиція, а слѣдовательно пожарные не исполняли не только моихъ требованій, но и своего начальства.

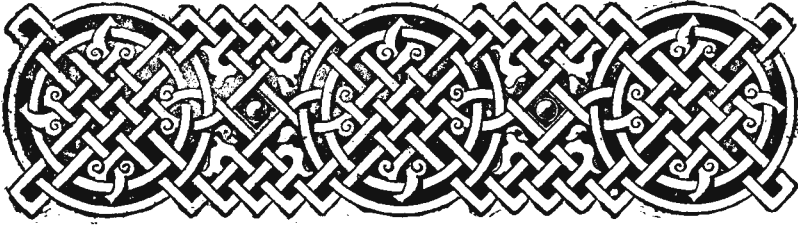
Днемъ еще мнѣ удалось кое-какъ производить тушеніе пожара, а ночью осталась пожарная команда лишь одной части, да и та объявила, что она не можетъ дальше работать, и требовала смѣны, а замѣстить ихъ, несмотря на мои настоятельныя требованія, никто не приѣзжалъ. Зданію грозила вѣрная гибель, если бы прекратить тушеніе до утра. Тогда я прибѣгъ къ послѣднему средству, т. е. пригрозилъ полиціи, что если немедленно не явятся пожарные двухъ частей, то я ѣду и разбужу генерала Струкова. Это было въ два часа ночи.

Угроза подѣйствовала, ибо всякій зналъ, что генераль не шутить съ виновными. Не болѣе какъ черезъ полчаса прибыли пожарныя команды двухъ частей, и къ утру пожаръ былъ потушенъ.

Въ тотъ же день я доложилъ генералу объ этомъ, и онъ вполне одобрилъ мои дѣйствія и до конца дней своихъ относился ко мнѣ доброжелательно.

Т. Лопато.





ИЗЪ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ ВЪ ПРИБАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ.



ОЛНА революціи, покрывшая въ 1905 году внутреннія губерніи Россіи, перекатываясь изъ губерніи въ губернію, постепенно дошла до Прибалтійскаго края. Кромѣ протеста противъ правительственной власти, революція нашла въ прибалтійскихъ губерніяхъ богатую почву въ національной враждѣ мѣстнаго населенія къ нѣмцамъ. Эта вражда складывалась исторически и вытекала изъ того положенія, которое занимали раньше, да и теперь еще занимаютъ въ краѣ нѣмцы-помѣщики. Ихъ предки вышли изъ Германіи въ XIII вѣкѣ и, просвѣтивъ мѣстное населеніе Прибалтійскаго края свѣтомъ христіанства, въ то же время завладѣли его землею и сдѣлались хозяевами всего края, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всѣ нити власти. Лишь въ самое послѣднее время эта власть какъ будто начинаетъ ускользать изъ ихъ рукъ, земля мало-по-малу переходитъ во владѣніе аборигеновъ — эстовъ и латышей. Находясь въ положеніи владыкъ края, нѣмцы всегда жили своею особою жизнью, совершенно отгородившись отъ мѣстнаго населенія, нисколько съ нимъ не смѣшиваясь. Воспитавъ въ немъ привычку и умѣнье работать, нѣмецкіе рыцари пользовались его работоспособностью для устройства собственнаго благополучія. Будучи культурнѣе аборигеновъ Прибалтійскаго края, они подчинили себѣ мѣстное населеніе и въ моральномъ отношеніи, совершенно заглушивъ въ немъ національное самосознаніе. Эти суровыя отношенія завоевателей къ завоеваннымъ породили не-

доброжелательныя чувства эстонцевъ и латышей ко всѣмъ нѣмцамъ. Мечта сбросить съ себя нѣмецкое иго и стать хозяевами роднаго края, втайнѣ лелѣемая мѣстнымъ населеніемъ Прибалтійскаго края въ продолженіе всей совмѣстной жизни съ нѣмцами, въ смутное время 1905 года до того сильно овладѣла имъ, что оно совершенно ослѣпло, потеряло голову, вообразивъ, что настало время расправиться со своими угнетателями, отомстить имъ за всѣ обиды и утѣсненія.

Первыми поднялись латыши, болѣе развитые и болѣе состоятельные, чѣмъ эстонцы. Изъ Лифляндской и Курляндской губерній пламя революціи, раздуваемое крайними лѣвыми газетами и подпольными изданіями, разносимое многочисленными «освободителями», постепенно дошло до Эстляндской губерніи. Прежде всего революціоннымъ движеніемъ былъ охваченъ городъ Ревель, а отсюда, какъ изъ центра, это движеніе разошлось по всей губерніи. Буквально какъ грибы послѣ теплаго лѣтняго дождя, росли въ Ревелѣ эстонскія газеты крайняго лѣваго направленія. Мѣстная администрація не успѣвала ихъ закрывать, какъ онѣ снова появлялись, мѣняя только названіе и подставныхъ отвѣтственныхъ лицъ. Какъ ни коротко было существованіе многихъ лѣвыхъ листовъ, все же они дѣлали свое дѣло. Неслыханная новизна и смѣлость проводимыхъ въ нихъ мыслей дѣйствовала на читателей, какъ сильнѣйшее наркотическое средство, ошеломляла воспитанныхъ въ повинновеніи долгу и закону эстонцевъ. Не привыкшая къ серьезному чтенію, но грамотная масса крестьянства съ жадностью набросилась на хлесткое писаніе дѣятелей революціи. Дешевизна появлявшихся изданій дѣлала ихъ доступными даже рабочей бѣднотѣ, городской и деревенской. Многіе листки сопровождались кричащими красочными рисунками, самыми нелѣпыми и бездарными. наскоро состряпанными, такъ что убогость ихъ должна была бы бросаться въ глаза, но тогда у всѣхъ была на глазахъ какая-то пелена, никто не могъ разобраться, что хорошо и что плохо.

Не было недостатка и въ подпольной литературѣ, какъ ревельскаго происхожденія, такъ и привозимой изъ Риги и внутреннихъ губерній Россіи. Услѣдить за всей этой литературой не было никакой возможности, потому что слишкомъ много ея было въ обращеніи. Революціонныя прокламаціи и брошюры распространялись въ громадномъ количествѣ какъ въ городахъ, такъ и по деревнямъ. Какая-то невидимая рука разбрасывала ихъ по проѣзжимъ дорогамъ, подкидывала въ мѣстахъ общественныхъ собраній; разныя воззванія и обращенія наклеивались кѣмъ-то на телефонныя и телеграфныя столбы, на заборы и стѣны домовъ. Однимъ словомъ, дотолѣ мирные обыватели были осаждены со всѣхъ сторонъ революціей, самый воздухъ казался насыщеннымъ революціонными микробами и всюду распространялъ заразу.

Такая усиленная дѣятельность революціонной арміи увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Въ Ревелѣ революція засѣла прочно и шумно давала о себѣ знать въ видѣ разнаго рода собраній, революціонныхъ пѣсенъ и особой разнузданности уличной толпы. Послѣ Ревеля революціонное движеніе охватило ближайшія къ нему мѣстности. Въ имѣніяхъ около Ревеля еще съ весны 1905 года замѣчалось что-то неладное. Мызные рабочіе странно вели себя: чаще обыкновеннаго собирались въ кучки, читали какіе-то печатные листки, о чемъ-то горячо толковали и, при приближеніи лицъ изъ мызной администраціи, замолкали; стали требовательными, давали иногда рѣзкіе отвѣты и даже устраивали забастовки. Все это были симптомы начавшагося народнаго движенія, но такъ какъ это было совсѣмъ неожиданно, то никто тогда не придавалъ такимъ выходкамъ особеннаго значенія, принимая ихъ за обычныя мелкія недоразумѣнія. За лѣто все какъ будто пришло снова въ норму, все стихло, никакихъ проявленій безпокойнаго настроенія не было. Къ тому же всѣ были поглощены несчастной японской войной, никому не приходило въ голову послѣдить. Это еще болѣе помогло разрастись революціонному броженію. Незамѣтно для глаза, почти не встрѣчая никакихъ препятствій, оно пропитывало дотолѣ здоровую деревенскую атмосферу ядомъ мести помѣщикамъ и возмущенія противъ власти. Несмѣлая попытка начать революцію еще весною съ наступленіемъ горячей лѣтней поры прекратились, потому что всѣмъ было не до революціи: нужно было убирать хлѣбъ. Но въ тиши лѣтнихъ работъ революція сдѣлала большіе успѣхи, такъ какъ активныя революціонныя выступленія начались тотчасъ по окончаніи полевыхъ работъ. Въ концѣ августа 1905 года одинъ за другимъ начались пожары, довольно рѣдкіе вообще въ Прибалтійскомъ краѣ; въ сентябрѣ они участились, приняли совсѣмъ хроническій характеръ. Сначала горѣли стоявшіе уединенно помѣщичьи сараи съ сѣномъ и соломой и стоги сѣна. Не приходило ни одной ночи, чтобы не случился пожаръ; иногда горизонтъ окрашивался заревомъ пожара сразу во многихъ мѣстахъ. Тушить пожары не представлялось возможнымъ, потому что огонь со всѣхъ сторонъ дружно охватывалъ сарай или стогъ; кромѣ того, къ немалому удивленію помѣщиковъ и управляющихъ экономіями, иногда оказывалось, что совсѣмъ хорошія и исправныя пожарныя машины не работали. Никто не зналъ, кто поджигалъ, всѣ отзывались полнымъ незнаніемъ. Мужики соболѣзновали горю помѣщиковъ, но сами посмѣивались себѣ въ усъ. Самимъ имъ мало было горя: горѣло только помѣщичье добро, крестьянское же оставалось цѣлехонькимъ. Это неволью бросалось въ глаза и служило указаніемъ, что существуетъ тайное движеніе противъ помѣщиковъ. Были случаи, что въ помѣщиковъ стрѣляли изъ-за кустовъ въ темные вечера. Это окончательно убѣждало, что на

помѣщиковъ-нѣмцевъ надвигается гроза народной ненависти. Мѣстная полиція дѣлала, что могла, въ огражденіе интересовъ помѣщиковъ, но ея помощи было недостаточно, потому что поджигатели и стрѣлявшіе въ нелюбимыхъ почему-либо помѣщиковъ дѣйствовали, очевидно, съ молчаливаго одобренія крестьянъ, такъ какъ всѣ виновники преступныхъ дѣяній остались не разысканными. Обращались помѣщики за помощью въ Ревель, но оттуда не могли оказать никакой поддержки, потому что и сами были обезсилены посылкой войскъ на театръ войны. Такимъ образомъ, деревня оказалась представленной самой себѣ. Это придало революціи и ея тайнымъ и явнымъ дѣятелямъ еще большую смѣлость и значительно послужило на ея пользу. Видя полную безнаказанность агентовъ революціи, самые лояльные и уравновѣшенные крестьяне мало-помалу начали поддаваться пропагандѣ. И они начали думать, что въ самомъ дѣлѣ насталъ конецъ могуществу помѣщиковъ, такъ что можно безнаказанно поживиться на ихъ счетъ; закрадывалась даже боязнь остаться за флагомъ въ то время, когда другіе, болѣе смѣлые и рѣшительные, воспользуются наступившимъ благоприятнымъ моментомъ.

Скоро всѣ сомнѣнія и колебанія рушились. Въ деревняхъ появились пропагандисты-революціонеры, которые открыто собирали народъ, произносили зажигательныя рѣчи противъ владычества помѣщиковъ, призывали раздѣлаться съ ними, отнять у нихъ землю и подѣлить ее между собою. Сначала все это казалось страннымъ, несбыточнымъ, но потомъ всѣ поосвоились, такъ что появились даже свои доморощенные ораторы, начались чуть не ежедневные митинги въ корчмахъ, лавкахъ, въ домахъ богатыхъ крестьянъ. Всякая работа была заброшена, всѣ ходили возбужденные, выбитые изъ обычной колеи. Рисовались заманчивыя перспективы стать настоящими хозяевами родной земли.

Освѣдомленные о происходящихъ вокругъ имѣній митингахъ доброжелателями изъ крестьянъ, помѣщики повиѣхали изъ своихъ насиженныхъ гнѣздъ. Нѣкоторые уѣхали въ Ревель, другіе боялись вообще оставаться въ Россіи и скрылись за границу. Это обстоятельство также много сыграло въ руку революціи. Пока помѣщики оставались въ своихъ владѣніяхъ, все-таки было что-то сдерживающее, революціонеры побаивались ихъ, потому что всѣ помѣщики были хорошо вооружены и были хорошіе стрѣлки. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы помѣщики, по крайней мѣрѣ способные защищаться, остались дома, революція такъ сильно не разыгралась бы.

Какъ только имѣнія опустѣли, сразу хуже сдѣлалось: осмѣлѣли и подняли голову даже самые трусливые изъ революціонеровъ. Мызные рабочіе совсѣмъ вышли изъ послушанія, такъ что справиться съ ними не было никакой возможности. Работы на мызахъ прекра-

тились, рабочіе то и дѣло ходили на митинги и не хотѣли работать. Насталъ настоящій хаосъ. Къ несчастью, власть отсутствовала. Почувствовавъ полную свободу и безнаказанность, подстрекаемые руководителями-революціонерами, мужики приступили къ дѣйствіямъ.

Несмотря на явную опасность оставаться въ имѣніяхъ, когда кругомъ уже хлестали сердитыя волны революціи и не было ниоткуда помощи, одинъ изъ помѣщиковъ Ревельскаго уѣзда, владѣлецъ имѣнія Пеннингби фонъ-Барановъ все-таки остался въ своемъ родномъ имѣніи. И на него, какъ на единственнаго въ той мѣстности оставшагося помѣщика, обратилась месть революціонеровъ. Не помогло и то обстоятельство, что господинъ фонъ-Барановъ былъ человѣкъ рѣдкой доброты, пользовавшійся за свою заботливость о рабочихъ и мягкое обращеніе всеобщимъ расположеніемъ. Ужъ такова судьба революціи: она набрасывается на людей, менѣе всего могущихъ передъ нею отвѣчать, она слѣпа и безцѣльно кровава.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ къ фонъ-Баранову однажды ночью явилось нѣсколько неизвѣстныхъ ему вооруженныхъ людей. Они потребовали отъ него уплатить революціонерамъ пятьсотъ рублей, обѣщая за это полную безопасность ему и угрожая смертью въ случаѣ неисполненія требованія. Фонъ-Барановъ согласился уплатить, — другого выхода не было. Съ большимъ трудомъ собравъ требуемую сумму, прибѣгнувъ для этого даже къ займу у служащихъ въ имѣніи, онъ передалъ деньги революціонерамъ и получилъ отъ нихъ расписку въ полученіи ихъ. Въ концѣ этой расписки было написано, что вслѣдствіе уплаты фонъ-Барановымъ въ пользу революціи требуемыхъ съ него пятьсотъ рублей онъ не подлежитъ болѣе никакому наказанію.

Послѣ такого визита революціонеровъ оставаться въ имѣніи, конечно, нельзя было, и прямо непонятно, почему фонъ-Барановъ все-таки остался дома со всѣмъ семействомъ. Можетъ быть, ему дали знать, что идетъ помощь. Скоро послѣ ночного визита революціонеровъ дѣйствительно присланы были изъ Ревеля по имѣніямъ для охраны ихъ и для водворенія порядка и спокойствія солдаты, хотя въ небольшомъ числѣ, — на каждое имѣніе человѣкъ восемь. Но и этого было достаточно для того, чтобы разомъ все стихло. Правда, тайные митинги продолжались, лѣвыя газеты и разныя прокламаціи продолжали сыпаться, какъ изъ рога изобилія; но все же стало спокойнѣе, и жизнь стала мало-помалу возвращаться въ свое прежнее русло. Благоразумные и спокойные элементы вздохнули свободнѣе, и въ дальнѣйшемъ можно было бы надѣяться на полное умиротвореніе. Къ несчастью для этого края, солдаты въ половинѣ декабря были изъ всѣхъ имѣній отозваны въ другія мѣста, тоже для усмиренія мятежниковъ. Какъ

только стало извѣстно объ уходѣ солдатъ, картина сразу рѣзко измѣнилась. Снова стало небезопасно ходить и ѣздить по дорогамъ, снова появились агитаторы, начались открытыя сборища по избамъ и на улицахъ; съ разныхъ проходимцевъ, крикуновъ и смутьяновъ снова снята была узда. Опять все пришло въ движеніе. На одномъ изъ митинговъ рѣшено было немедленно покончить съ пеннингбискимъ помѣщикомъ фонъ-Барановымъ, сжечь его домъ, а затѣмъ пройтись по всѣмъ другимъ имѣніямъ въ окрестности и спалить всѣ мызные дома. Не встрѣчая никакихъ препятствій, революціонеры сейчасъ же привели въ исполненіе принятое рѣшеніе: пролилась невинная кровь фонъ-Баранова, и великолѣпные замки помѣщиковъ со всѣмъ ихъ вѣками накопленнымъ добромъ подверглись всеуничтожающему дѣйствию огненной стихіи.

Оставшись безъ защиты, фонъ-Барановъ почувствовалъ опасность и рѣшилъ бѣжать изъ имѣнія. Но передъ этимъ онъ задумалъ устроить, по примѣру прежнихъ лѣтъ, елку для дѣтей мызныхъ рабочихъ: не хотѣлось измѣнять установленный порядокъ. Эта елка оказалась послѣдней для ея устроителя; не задержись фонъ-Барановъ ради нея въ имѣніи, онъ остался бы живъ.

15-го декабря были позваны всѣ дѣти рабочихъ повеселиться около приготовленной для нихъ елки въ домъ помѣщика. Они собрались веселыя, довольныя, играли, пѣли, ѣли сласти; каждый изъ дѣтей получилъ по подарку. Послѣ елки всѣ мирно разошлись по домамъ, ничто не предвѣщало кровавой развязки милого дѣтскаго праздника. Между тѣмъ палачи подстерегали свою жертву. Неслышно, крадучись, съ задняго крыльца они вошли въ домъ и направились въ кабинетъ фонъ-Баранова, чтобы достойнымъ образомъ наказать его за только что сдѣланное имъ доброе дѣло. Занятый неотвязными думами объ опасности своего положенія, фонъ-Барановъ слышалъ шаги многихъ людей. Безпокойное сердце подсказало опасность, и онъ пошелъ предупредить семью объ угрожающей опасности. Тутъ его настигла толпа мятежниковъ и на вопросъ его, что имъ надо, зачѣмъ они пришли, слышался отвѣтъ, что пришли убить его. Дрожащими руками фонъ-Барановъ вынулъ и показалъ пришедшимъ расписку революціонеровъ въ полученіи отъ него пятисотъ рублей за сохраненіе его жизни. Но и эта соломинка не спасла: изъ толпы отвѣтили выстрѣломъ въ упоръ въ фонъ-Баранова на глазахъ всей его семьи; раненый, онъ побѣжалъ къ двери и выбѣжалъ изъ дома, но его догнали и нѣсколькими выстрѣлами добились. Тѣло его осталось лежать около парадной двери. Въ ужасѣ отъ всего видѣннаго семья убитаго бѣжала изъ дома и скрылась въ лѣсу. Революціонеры же продолжали свое дѣло: разбили и разломали все, что было въ домѣ, и въ заключеніе подожгли его. Трупъ

убитаго фонъ-Баранова тайкомъ отъ революціонеровъ взялъ въ свою комнату мызный кучеръ и продержалъ его до возвращенія жены и семейства покойнаго спустя нѣсколько дней послѣ погрома.

Оставивъ нѣсколько человѣкъ для наблюденія за тѣмъ, чтобы никто не тушилъ пожара, революціонеры двинулись въ сосѣднее имѣніе Разикъ, гдѣ жилъ управляющій имѣніемъ нѣкто Л., нѣмецкаго происхожденія. Онъ жилъ въ большомъ особнякѣ вблизи громаднаго помѣщичьяго дома, въ то время необитаемаго.

Явившись къ Л. около двѣнадцати часовъ ночи, революціонеры потребовали отъ него пустить ихъ въ помѣщичій домъ. Понимая полную бесполезность сопротивленія, управляющій выпустилъ ихъ въ баронскій замокъ. Радостные, возбужденные полною безнаказанностью, сознавая на своей улицѣ праздникъ, революціонеры разбили и привели въ негодность положительно все, что попадалось на глаза въ богато обставленномъ домѣ: мебель, зеркала, картины, лампы, посуду, всѣ украшенія на потолкахъ и карнизы, даже печки разворотили, однимъ словомъ, —ничего цѣлаго не оставили. Затѣмъ хозяева положенія вѣжливо, но категорически, держа наготовѣ браунинги, потребовали отъ управляющаго имѣніемъ Л., чтобы онъ самъ, собственноручно поджегъ домъ. Пришлось и этому подчиниться. Въ одной изъ комнатъ замка, гдѣ незадолго передъ тѣмъ квартировали солдаты, осталось на полу много соломы, на которой они спали. Подъ наблюденіемъ неумолимыхъ дѣятелей революціи и по ихъ указанію управляющій разносилъ по комнатамъ солому и зажигалъ ее. Когда такимъ образомъ пламя было разнесено по всему дому и начало свою уничтожающую работу, революціонеры покинули имѣніе Разикъ, оставивъ, какъ и въ Пеннингби, нѣсколько человѣкъ для наблюденія за пожаромъ. Три дня подъ рядъ горѣлъ помѣщичій домъ и выгорѣлъ, понятно, основательно, такъ что остались однѣ каменныя стѣны да груды песку, камней и пепла. Всѣ другія хозяйственныя постройки остались цѣлыми и невредимыми въ тѣхъ видахъ, чтобы послѣ раздѣла имѣнія можно было ими воспользоваться, какъ своею собственностью.

Много имѣній сгорѣло въ ту ночь: поджигатели торопились со своей работой изъ боязни возвращенія солдатъ. И жгли вездѣ только барскіе дома, остальное все оставляли для себя.

Разойдясь во-всю, вскорѣ послѣ погрома и преданія огню разикскаго мызнаго дома, революціонеры рѣшили покончить также и съ самимъ управляющимъ имѣніемъ Разикъ, единственнымъ оставшимся «нѣмцемъ». Онъ, какъ бѣльмо на глазу, торчалъ у революціонеровъ, и хоть не могъ съ ними ничего подѣлать и былъ совершенно обезвреженъ (у него задолго передъ тѣмъ ночью отняли все оружіе, какое только было, даже такое, о которомъ знали

только его жена да прислуга), но все же былъ зрителемъ ихъ дѣяній и потому могъ послѣ навредить.

Хотя у Л. много было доброжелателей среди окрестныхъ крестьянъ, помнившихъ его добро, но не они были вершителями судебъ на происходившихъ ежедневныхъ митингахъ. Тамъ орудовали «сознательные» крикуны, алчные на чужое добро и мстившіе своимъ «утѣснителямъ»-помѣщикамъ, на счетъ которыхъ они сами жили. Терроризовавъ спокойную часть населенія, они принудили вынести разикскому управляющему смертный приговоръ. Кто-то изъ добрыхъ людей сообщилъ Л., что ночью придутъ убить его, и совѣтовалъ какъ можно скорѣе бѣжать. Это сообщеніе было получено Л. около 15-го—17-го декабря, вечеромъ. Управляющій и хотѣлъ было бѣжать, но куда побѣжишь, когда темень такая, что собственной руки не видно! Думали, думали, и рѣшили на семейномъ совѣтѣ такъ: жена Л. съ груднымъ ребенкомъ скроется у садовника, а самъ онъ будетъ пережидать подъ однимъ изъ мостовъ въ господскомъ саду.

Начали готовиться къ бѣгству. Нужно было главнымъ образомъ позаботиться о ребенкѣ. Самъ Л. пошелъ еще въ контору написать нѣсколько бумагъ по страхованію мызныхъ построекъ, а жеса хлопотала около дѣтей (ихъ было двое). Въ этихъ приготовленіяхъ совершенно незаметно прошло добрыхъ полтора-два часа, какъ вдругъ раздался сильный стукъ въ парадныя двери. Стукъ повторился еще и еще. Очевидно было, что пришли мятежники приводить надъ Л. свой приговоръ. Бѣжать было слишкомъ поздно, сопротивляться—нечѣмъ, да и какая польза?

— Кто тамъ?—спросилъ Л., подойдя къ двери.—Что падо?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ раздался знакомый голосъ мѣстнаго младшаго помощника начальника уѣзда. Не вѣря своимъ ушамъ, совершенно ошеломленный, управляющій открываетъ двери и видитъ не революціонеровъ, пришедшихъ за его жизнью, а хорошо знакомое лицо полицейскаго чиновника. Полный недоумѣнія, Л. спрашиваетъ:

— Какъ же вы сюда попали? И зачѣмъ пришли? Неужели захотѣли умереть въ Разикѣ?

Недоумѣніе Л. смѣнилось величайшею радостью, когда за плечами представителя полицейской власти онъ увидѣлъ офицера-моряка, а за нимъ нѣсколько матросовъ. Приходъ ихъ знаменовалъ спасеніе и водвореніе полного порядка.

Изъ разказа пришедшихъ оказалось, что они явились въ Разикъ совершенно случайно. Дѣло въ томъ, что объ убійствѣ пеннингбскаго помѣщика фонъ-Баранова все-таки какъ-то узнали въ Ревелѣ и, хотя поздно было, все же послали въ его имѣніе матросовъ для оказанія помощи семьѣ убитаго и для охраны его имущества. Такъ какъ желѣзная дорога давно прекратила вся-

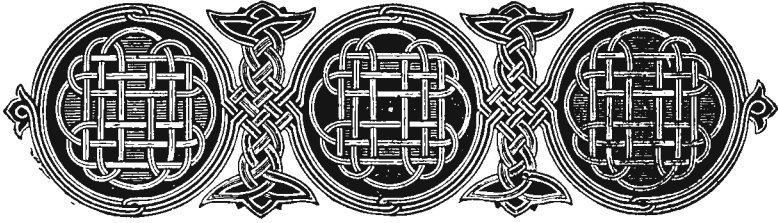
кое движеніе, то матросовъ съ офицеромъ послали въ Пеннингби пѣшкомъ. Дни тогда были короткіе, а разстояніе отъ Ревеля до этого имѣнія около двадцати пяти верстъ; въ короткій декабрьскій день матросы не могли дойти до цѣли своего путешествія. Проходя вблизи имѣнія Разикъ въ описываемый вечеръ и не надѣясь дойти до имѣнія Пеннингби, матросы рѣшили по пути зайти въ имѣніе Разикъ и тамъ переночевать. Такимъ образомъ, случайность привела ихъ сюда, и эта случайность спасла управляющаго Л. отъ вѣрной смерти. Идя въ Разикъ, матросы и не подозрѣвали, какая опасность угрожаетъ Л.

Бравый офицеръ, предводитель маленькаго отряда матросовъ, всю ночь не смыкалъ глазъ, поджидая революціонеровъ. Но они не явились. Всевидящее око революціи провѣдало о приходѣ матросовъ и предупредило кого слѣдуетъ, такъ что устроенная морякомъ-офицеромъ ночная засада не изловила никого.

Спасши Л., матросы двинулись на слѣдующій день въ имѣніе покойнаго фонъ-Баранова и тамъ навели порядокъ. Многіе крестьяне жестоко заплатились за свое увлеченіе, но, къ сожалѣнію, главные воротилы революціи и террора остались безнаказанными: они скрылись невѣдомо куда.

А. Соболевъ.





ТИМОФЕЙ АБРАМОВИЧЪ БОНДАРЕВЪ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

«... Русская мысль, съ тѣхъ поръ, какъ она начала выражаться, со всѣми своими университетами, академіями, книгами и журналами не создала ничего равнаго по глубинѣ и значительности произведеніямъ двухъ мужиковъ—Бондарева и Сютаева».

(Изъ письма Льва Толстого).



АКЪ сильно выразился величайшій изъ современниковъ нашихъ о двухъ людяхъ, самыя имена которыхъ почти неизвѣстны въ широкихъ кругахъ читающей публики.

Предлагая вниманію читателей наши коротенькія воспоминанія о личной встрѣчѣ съ однимъ изъ этихъ «мужиковъ» и краткую характеристику его «ученія», мы желали бы лишній разъ напомнить объ этомъ замѣчательномъ русскомъ чловѣкѣ—философѣ-самородкѣ и глубокомъ самобытникѣ, который никогда ничего, кромѣ Библии, не читалъ, ничего не слышалъ раньше ни объ ученіи Льва Толстого, ни о какихъ другихъ «ученіяхъ», а создалъ свое собственное, поразившее великаго «единовѣрца» своего—Толстого—«необыкновенной силой, ясностью и убѣжденіемъ, съ которой никто еще не излагалъ его», (Предисловіе Л. Толстого къ книгѣ Бондарева «Торжество земледѣльца», изданіе «Посред-

ника», № 597. 1906 г.) «... Справедливый, разумный и нравственный идеаль человеческого существованія не только сознательно подтверждается словомъ человѣка, принадлежащаго къ народной земледѣльской средѣ, не только совпадаетъ съ научнымъ опредѣленіемъ прогресса, но еще и говорить, что идеаль этотъ прочно таится въ самой народной душѣ, что она именно и живетъ во имя этого самаго идеала, — живетъ, вполнѣ сознавая его нравственность, справедливость и разумность», — такъ характеризуетъ ученіе Бондырева другой великій радѣтель и печальникъ за родной народъ, другой его «единовѣрецъ» Глѣбъ Успенскій (Собр. соч. изд. Маркса, т. V, «Трудами рукъ своихъ»).

Прилагаемый портретъ Тимошея Абрамовича Бондырева снятъ нами въ 1896 году при описанномъ здѣсь личномъ свиданіи съ нимъ и является, сколько намъ извѣстно, единственнымъ его портретомъ.

I.

Въ августѣ 1898 года сошелъ въ могилу мало знакомый интеллигентному классу, дожившій поздній вечеръ жизни своей въ полномъ и потому глубоко горестномъ духовномъ одиночествѣ крестьянинъ Тимошей Абрамовичъ Бондаревъ, авторъ сочиненія «Торжество земледѣльца или трудолюбіе и тунеядство».

Прочитывая это сочиненіе, читатель, даже предубѣжденный противъ ученія Л. Н. Толстого объ опрощеніи, невольно долженъ почувствовать правоту автора, ставящаго въ основу нравственности, въ священную обязанность каждаго человѣка (мужчины) буквальное исполненіе наложенной Богомъ на родъ человѣческой эпитемы: «въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой». Въ нарушеніи этого «первороднаго и первозданнаго, еще при сотвореніи неба и земли самимъ Богомъ даннаго человѣку закона» Бондаревъ видитъ единственную причину всѣхъ золъ, не подыскивалъ и не предлагая для искорененія ихъ никакого другого побочнаго нравственнаго принципа: онъ даже доказываетъ, удачно и вполнѣ основательно, что и любовь къ ближнему — добродѣтель односторонняя, мертвая безъ труда, потому что «трудъ въ себя любовь забралъ, а любовь въ себя труда не приняла». Доказываетъ Бондаревъ это, между прочимъ, и слѣдующимъ образомъ: «уничтожь и сгладь всѣ тѣ мѣста въ Писаніи, которыя направлены на утвержденіе любви къ ближнему, а на мѣстахъ тѣхъ пробѣловъ поставь разъясненіе этого закона, то есть «въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой»; а о любви не говори ни слова, а доведи до свѣдѣнія всякаго человѣка, — тогда въ короткое время, даже въ одинъ день, почувствуетъ всякій человѣкъ невольное влеченіе къ любви къ ближнему своему, потому что коренной домъ учитель-

ства ея въ хлѣбѣ да въ хлѣбопашцѣ» (стр. 53, изд. «Посредника» 1906 года).

Доказательство это сразу кажется не убѣдительнымъ, трудно даже сразу понять, что пменнѣо хочетъ сказать авторъ; но, вду-



Тимоей Абрамовичъ Бондаревъ.

мываясь, мы найдемъ здѣсь глубокой смыслъ: вѣдь въ самомъ дѣлѣ ученіе о любви къ ближнему, которую въ насъ воспитываютъ, «отъ похвалы которой у проповѣдниковъ уже и языки утомились», которую «во всѣхъ вѣрахъ и народахъ и даже среди дикарей превоз-
«истор. вѣстн.», июль 1913 г., т. сxxxiii, 14

носятъ», вѣдь эта любовь вообще говоря, не вытекаетъ изъ сущности самой природы человѣка; она завѣщена намъ Христомъ, представляеть религиозный законъ Новаго Завѣта, это—сущность христіанства, и, какъ таковая, стала неоспоримымъ принципомъ современной жизни, не соблюдаемымъ одними и соблюдаемымъ другими, послѣдними нерѣдко съ совершеннымъ забвеніемъ его священнаго источника.

Такъ, повидимому, разсуждая и находя въ полномъ согласіи съ Боклемъ, о которомъ онъ и не слышалъ, что «въ мірѣ нѣтъ плодовъ и дѣйствія отъ этихъ похвалъ и проповѣдей о любви къ ближнему», Бондаревъ предоставляетъ читателю вообразить, что было бы, если бы въ религиозной исторіи человѣчества ветхозавѣтной заповѣди было отведено мѣсто, занимаемое заповѣдью евангельскою.

Невообразимаго здѣсь нѣтъ ничего, а тѣмъ болѣе для религиознаго молоканина Бондарева.

На возникающій вопросъ, что же станетъ тогда съ заповѣдью о любви къ ближнему, Бондаревъ отвѣчаетъ, что человѣкъ, принявшій «съ жадностью» ветхозавѣтный законъ, никогда не пожелаетъ другому того, чего не желаетъ себѣ, не пожелаетъ и чужой собственности, а имѣя такую «чистую совѣсть, можетъ ли удержаться, чтобы не подать всевозможную руку помощи ближнему своему, т. е. видѣвши голоднаго, не накормить, странника въ домъ свой не ввестъ и т. д.».

Становясь на религиозно-правственную точку зрѣнія Бондарева, представляя себѣ человѣчество проникнутымъ сознаниемъ безусловнаго долга «работать хлѣбъ своими руками», «принимающимъ съ жадностью» этотъ правственный (религиозный) законъ, мы не можемъ не согласиться съ Бондаревымъ, что тогда любовь къ ближнему сама собою приложится.

Разсужденія о любви этой у Бондарева занимаютъ незначительную часть сочиненія; они, какъ и разсужденія собственно о «первородномъ законѣ», изложены отдѣльными параграфами въ 10—30 строкъ каждая, слѣдующими другъ за другомъ далеко не въ логическомъ порядкѣ; поэтому, чтобы вникнуть, а тѣмъ болѣе проникнуться ученіемъ Бондарева, сочиненіе его нельзя сдѣлать предметомъ «легкаго чтенія», а надо его штудировать.

Главное содержаніе книги Бондарева заключается въ доказательствахъ такой же непреложности перваго изъ двухъ первородныхъ законовъ, какою отличается и второй, данный женской половинойъ человѣческаго рода: въ болѣзняхъ родиши чада свои.

Этотъ религиозный аргументъ Бондаревъ подкрѣпляетъ цѣлымъ рядомъ ссылокъ на современную дѣйствительность, находя и доказывая, что уклоненіе людей отъ «работы хлѣба» создало цѣлый рядъ разновидностей тунеядцевъ, трутней, которые своимъ примѣромъ вдобавокъ еще и «ослабляютъ руки землепашца» въ его работѣ, создало крѣпостное право и наслѣдіе его—обширную земельную

собственность, является первопричиною тяжелыхъ условийъ крестьянской жизни, въ которой, чтобы накормить всѣхъ тунеядцевъ, «ради хлѣба страдаютъ не только одни сильные: близкія къ родамъ женщины, и тѣ тамъ же работаютъ, то-есть во чревѣ дитя, а уже страдаетъ ради хлѣба, котораго еще не ѣло». На почвѣ этого нарушения закона, нищеты, тунеядства, роскоши и лѣни возникаютъ всѣ преступленія.

Свое ученіе, въ которомъ всюду проглядываетъ русскій крестьянинъ-сектантъ, Бондаревъ построилъ вполнѣ самостоятельно; оно близко подходитъ къ ученію Толстого, почти тождественно съ ядромъ, основою послѣдняго.

Я рекомендую широкому кругу лицъ ознакомиться въ подлинникѣ съ сочиненіемъ Бондарева: это, какъ мнѣ кажется, поможетъ читателю лучше уразумѣть и самого Толстого. Впрочемъ, въ особенной рекомендаціи сочиненіе это и не нуждается послѣ того, какъ Л. Н. Толстой написалъ къ нему краткое, но очень сильное по содержанию предисловіе, вызывающее читателя на серьезные размышленія.

Сравнивая Бондарева съ Рескинымъ, «столь же не оцѣненнымъ культурной толпой нашего времени», и приводя слова послѣдняго: «физически невозможно, чтобъ существовало истинное религіозное познаніе или чистая нравственность между сословіемъ народа, которое не зарабатываетъ себѣ хлѣба своими руками», Л. Н. Толстой отдаетъ предпочтеніе Бондареву, потому что Рескинъ высказываетъ истину условно, съ оговорками, а Бондаревъ, «признавая хлѣбный трудъ основнымъ религіознымъ закономъ», выражаетъ «истину вполнѣ, безъ урѣзковъ, оговорокъ и прикрытій». Какое сильное впечатлѣніе произвело сочиненіе Бондарева на Л. Н. Толстого, можно судить по слѣдующему пророчеству, съ котораго онъ прямо началъ свое предисловіе:

«...Точно такъ же странно и дико должно показаться людямъ теперешнее мое утвержденіе, что сочиненіе Бондарева... переживетъ всѣ сочиненія, описываемыя въ исторіяхъ русской литературы, и произведетъ больше вліянія на людей, чѣмъ они всѣ, взятыя вмѣстѣ. А между тѣмъ я увѣренъ, что это такъ будетъ». И еще далѣе: «И потому все, кажущееся столь важнымъ и нужнымъ теперь, безслѣдно исчезнетъ и забудется, а то, что говоритъ Бондаревъ и къ чему призываетъ людей, не забудется, потому что люди самой жизнью ¹⁾ будутъ все больше и больше приводиться къ тому, что онъ говоритъ». Заканчиваетъ Толстой предисловіе заявленіемъ, что онъ не можетъ себѣ представить, «какимъ образомъ честный

¹⁾ Ссылка Л. Н. Толстого на самую жизнь привлекаетъ особенное вниманіе къ себѣ: за нею скрывается, повидимому, опредѣленное воззрѣніе на дальнѣйшую эволюцію человѣческихъ взаимоотношеній.

и думающій человѣкъ можетъ не согласиться» съ ученіемъ Бондарева.

Исполнится ли предсказаніе Толстого? Во всякомъ случаѣ каждому «думающему человѣку» слѣдуетъ познакомиться съ сочиненіемъ Бондарева.

II.

Цѣль настоящей статьи была не только напомнить о сочиненіи Бондарева, но я хотѣлъ бы, кромѣ того, подѣлиться съ читателемъ и своими личными воспоминаніями о самомъ авторѣ, съ которымъ имѣлъ случай видѣться въ 1896 году въ Сибири, въ селѣ Юдинскомъ Бейской волости Минусинскаго уѣзда, куда онъ переселился въ 1867 г. изъ Донской области со своимъ семействомъ и, вѣроятно, съ другими молоканами, составляющими исключительно населеніе названнаго села; село Юдино расположено почти на самомъ краю уѣзда въ Енисейской губерніи, верстахъ въ пятидесяти отъ предгорій Саянскаго хребта, широкою полосою верстъ въ 200—300 отдѣляющаго Сибирь отъ Монголіи. Бондаревъ жилъ почти отшельникомъ: онъ пріютился въ маленькой избушкѣ въ родѣ бани («зимовье») на дворѣ своего довольно большого дома, въ которомъ проживала остальная семья. Бондаревъ моего появленія не ждалъ, а я по указанію его сына на избушку вошелъ туда «за всяко просто» безъ доклада. Бондаревъ сидѣлъ на чемъ-то низенькомъ передъ низкимъ столомъ, сторбившись надъ рукописными листами; въ его взглядѣ, перенесенномъ съ рукописи на меня, пришедшаго неизвѣстно откуда и зачѣмъ, довольно долго держалась сосредоточенность прерваннаго мною размышленія, пока я не поторопился объяснить цѣль моего прихода; узнавши, что мнѣ хочется увидѣться съ нимъ, какъ съ авторомъ столь извѣстнаго, хотя еще не изданнаго (тогда) сочиненія, Бондаревъ чрезвычайно обрадовался, заговорилъ и засуетился, чтобы усадить меня гдѣ-нибудь поудобнѣе. Мы разговорились, главнымъ образомъ объ его сочиненіи, съ наиболѣе существенными мѣстами котораго онъ знакомилъ меня по рукописи, представлявшей цѣлую кучу не сшитыхъ и не въ порядкѣ лежавшихъ листовъ. Это была не единственная рукопись: одинъ или два списка были посланы Бондаревымъ въ другія мѣста; въ то время уже имѣлось печатное изданіе на французскомъ языкѣ ¹⁾. Бондаревъ жаловался,—и это отравляло его жизнь,—что не было возможности появиться его сочиненію на русскомъ языкѣ, сколько онъ объ этомъ ни

¹⁾ Первый списокъ былъ посланъ въ минусинскій музей и, кажется, оттуда онъ попалъ на глаза Г. Успенскому, который приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ него въ статьѣ «Трудами рукъ своихъ» («Скужающая публика»). Даже въ этихъ немногихъ выдержкахъ есть мѣста, которыхъ нѣтъ въ полномъ сочиненіи въ изданіи «Посредника»; очевидно, Бондаревъ передѣлывалъ свое сочиненіе и исправлялъ его.

писалъ просьбы разнымъ лицамъ и учрежденіямъ; вмѣстѣ съ просьбами ему приходилось посылать и выписки изъ своего сочиненія, но гласъ его вопіялъ въ пустынь. Вообразите положеніе старца, надъ которымъ уже закатывалось солнце жизни, заброшеннаго на край свѣта и кричащаго оттуда далекой толпѣ черезъ головы не понимающихъ и чуждающихся его сосѣдей, чтобы выслушали послѣднее слово его, и въ отвѣтъ встрѣчающаго явное нежеланіе что-либо слышать! Вѣдь это настоящія муки Таптала.

Единственнымъ, кажется, утѣшеніемъ для Бондарева были два или три письма къ нему Л. Н. Толстого, которыя онъ съ дѣтскою радостью хотѣлъ показать мнѣ, долго роясь въ бумагахъ по разнымъ мѣстамъ, но я подъ влияніемъ какого-то особеннаго настроенія постѣснился подслушать разговоръ двухъ такихъ чистыхъ душъ и попросилъ Бондарева не беспокоиться. Но какъ бы ни дороги были для Бондарева эти письма, могли ли они разсѣять для него то безильное безысходное горе, подъ тяжестью котораго онъ сходилъ въ могилу! И чтобы только облегчить это горе, Бондаревъ рѣшилъ жаловаться на современниковъ потомству и жалобу эту написать, выбить на плитахъ своей могилы; эта работа, какъ выбиванье обширныхъ, почти въ два писанныхъ листа, надписей на очень твердыхъ плитахъ песчаника и затѣмъ заботы объ устройствѣ могильнаго мѣста занимали собою послѣдніе годы Бондарева; въ глубокой старости онъ, конечно, не могъ самъ не нарушить своего завѣщанія, которое лѣтъ за двадцать до того онъ хотѣлъ было сдѣлать своему сыну Данилу,—похоронить его на пашнѣ, чтобы и надъ могилею его всегда воздѣлывался хлѣбъ: тяжело исчезать совсѣмъ.

И все же, несмотря на тягостныя, прямо трагическія страданія души, этотъ старецъ сохранилъ до конца жизни способность живо отдаваться впечатлѣнію и доходить до полнаго увлеченія, граничащаго, но не переходящаго въ экстазъ.

Особенно памятенъ мнѣ вечеръ, проведенный съ нимъ въ домѣ мѣстнаго богача, гдѣ мнѣ довелось переночевать. Послѣ колебаній хозяйка дома согласилась съ мужемъ на приглашеніе Бондарева «чай пить», т. е. въ гости; а колебаться было почему: во всемъ домѣ была поразительная чистота и умѣренная роскошь; столовая, гдѣ собралось нѣсколько человѣкъ, прямо-таки сіяла, освѣщенная большою висячей лампой; полъ блестѣлъ, какъ зеркало; скатерть

Не могу не привести нѣкоторыхъ словъ Г. Успенскаго, этого глубокаго знатока русской народной души, по поводу ученія Бондарева. Онъ находитъ здѣсь «цѣлую стройную теорію» и «послѣдовательное развитіе идей» и говоритъ слѣдующее: «Если читатель усвоитъ хотя мало-мальски ясныя очертанія справедливаго, разумнаго и нравственнаго типа существованія, провѣрить имъ себя и подумаетъ о будущемъ русскаго народа... то если онъ и не оживетъ и не воспрянетъ, все-таки онъ хоть думать начнетъ свѣтлѣе, увѣреннѣе, у него будетъ хоть что-нибудь впереди, по это что-нибудь навѣрное свѣтлое, справедливое, «божецкое».

на столѣ ослѣпляла своей бѣлизной, и вся обстановка комнаты говорила тономъ, почти аристократическимъ. И вотъ приходитъ сюда Бондаревъ; долго онъ обтиралъ сапоги отъ грязи въ передней, дверь въ которую изъ столовой была открыта, и лишь послѣ приглашенія хозяйки: «заходи, когда пришьель», — окончилъ приведеніе сапогъ въ порядокъ и вошелъ въ комнату. Здѣсь онъ уже чувствовалъ себя совершенно свободно, рѣшительно не обращая вниманія на окружающую обстановку, и, сидя за чаемъ, который онъ пилъ непрерывисто, какъ бы исполняя непріятную обязанность, сталъ все съ большимъ и большимъ увлеченіемъ отстаивать принципъ работы своими руками и попутно громить тунеядцевъ, къ числу которыхъ должны были отнести себя и хозяева дома. Съ Бондаревымъ сперва спорили, но потомъ отступились, тѣмъ болѣе, что онъ подъ конецъ очень повысилъ голосъ, и слушатели, чувствуя неловкость, предпочли дать Бондареву излить свою душу вволю: они, повидимому, хорошо знали старика и хотя не обижались на него, но, понятно, избѣгали такого собесѣдника.

Доставалось отъ него, какъ я потомъ слышалъ, и всѣмъ остальнымъ жителямъ села Юдинскаго, благодаря чему онъ почти не имѣлъ тамъ доброжелателей.

Въ 1902 году мнѣ пришлось проѣзжать мимо села Юдинскаго и по дорогѣ около кладбища посѣтить могилу Бондарева, обнесенную широкою оградой, съ тремя большими надгробными плитами, на которыхъ мелкими буквами было написано (выбито) послѣднее слово многострадальнаго старца. Въ оградѣ могилы росли шесть тополей, которые Бондаревъ привезъ за десять верстъ и посадилъ ихъ здѣсь. Состояніе могилы, съ такою заботливостью приготовленной Бондаревымъ, послѣднее время, какъ говорятъ, даже ночевавшимъ у могилы, само собою могло бы свидѣтельствовать о горькой жизненной долѣ покойника: одна или двѣ плиты были разбиты на нѣсколько кусковъ; надписи на нихъ кое-гдѣ замазаны грязью; небольшой деревянный столикъ съ выдвижнымъ ящикомъ, въ которомъ находились рукописи Бондарева, лежалъ въ сторонѣ безъ ножки, ящика и рукописей; все это, по словамъ одного крестьянина, сдѣлали недоброжелатели Бондарева; между прочимъ онъ упрекалъ односельчанъ и за работу въ воскресенье, за то главнымъ образомъ, что этимъ они не даютъ отдыха лошадамъ.

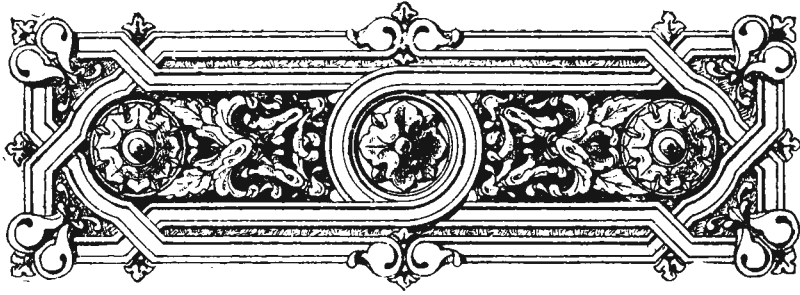
Надписи на плитахъ большею частью представляютъ собою выдержки изъ сочиненія Бондарева; въ другихъ же мѣстахъ Бондаревъ говоритъ о себѣ: называетъ свою жизнь «многострадальною и великаго оплакиванья достойной»; говоря, что и онъ является жертвою всеобщаго убѣжденія, по которому «тѣ люди хорошіе и даже святые отцы, которые прежде насъ были и послѣ насъ будутъ», и что онъ, испытавши на себѣ крѣпостное право и посмотрѣвши на злодѣянія и варварства на бѣломъ свѣтѣ, «какъ алчущій хлѣба

и жаждущій воды, желалъ смерти, которую съ душевнымъ аппетитомъ получилъ», просить «благочестивыхъ читателей, кромѣ нечестивыхъ», признавать его «не простымъ человѣкомъ, а великомученикомъ, чего подробно описывать здѣсь ни время, ни мѣсто».

Да не подумаетъ читатель, что Бондаревъ впалъ въ манію величія; если принять во вниманіе всѣ условія его жизни въ старости, то остается только удивляться, какъ въ немъ еще сохранился въ общемъ нормальный человѣкъ. И отчего въ самомъ дѣлѣ можетъ показаться страннымъ, что человѣкъ передъ смертью высказываетъ свою завѣтную мысль, которую онъ не находилъ удобнымъ выражать при жизни? Да и мысль эта здѣсь не что иное, какъ защита и возвеличеніе своихъ идей, своего ученья. Бондаревъ имѣлъ полное право высказать ее, почему я и счелъ своимъ долгомъ настоящими строками почтить его память.

К. Гор—енко.





ЗАБЫТЫЙ ПИСАТЕЛЬ.



НИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «Путь» сдѣлало русской публикѣ цѣнный подарокъ, переиздавъ библиографически рѣдкое и едва ли не наиболѣе содержательное и глубокое произведеніе самобытнаго писателя, князя Вл. Оед. Одоевскаго—«Русскія Ночи», подъ редакцію С. А. Цвѣткова, который совершенно правильно въ основу своей работы положилъ оказавшійся въ бумагахъ князя экземпляръ «Русскихъ Ночей» съ поправками, дополненіями, предисловіемъ и примѣчаніемъ, подготовленными еще самимъ авторомъ.

По отзыву уже В. Г. Бѣлинскаго эти рассказы князя Одоевскаго производятъ на «молодую душу дѣйствіе электрическаго удара, потрясающаго всю нервную систему», и критикъ считаетъ даже излишнимъ распространяться о достоинствѣ этихъ произведеній и о высокомъ талантѣ ихъ автора, равно какъ о неоспоримой важности его направленія и призванія, ибо нельзя отказать въ правѣ гражданства «поэтамъ, которые служатъ обществу, пробуждая и поддерживая въ его членахъ стремленіе къ сознанію, къ жизни умомъ и сердцемъ,—единой сообразной съ человѣческимъ достоинствомъ».

Что касается *идейной* стороны «Русскихъ Ночей», то Бѣлинскій восторгается «лаэосомъ истины», пламенными филиппиками «противъ ничтожности и мелочности положительной жизни, ва-

ляющейся въ грязи эгоистическихъ расчетовъ» и «молніеносными образами надзвѣздной страны идеала, гдѣ живутъ высокія чувствованія, свѣтлыя мысли, благородныя стремленія, доблестныя помыслы».

Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ это произведеніе «Русскаго Гофмана и мистагога» у «трезвыхъ реалистовъ», въ ихъ однобокомъ преклоненіи предъ матеріализмомъ, не могло быть въ фаворѣ, и только съ восьмидесятыхъ годовъ начинается посмертная реабилитация литературныхъ заслугъ забытаго писателя.

«Читателя «Русскихъ Ночей», — замѣчаетъ профессоръ Н. О. Сумцовъ, — невольно поражаетъ универсальность и обстоятельность знаній этого человѣка по самымъ разнообразнымъ отраслямъ. Можно положительно сказать, что до него и послѣ него не много найдется въ Россіи людей, которые обладали бы такимъ обширнымъ энциклопедизмомъ. Но князь Одоевскій любилъ дѣлиться своими познаніями не въ готовыхъ уже формулахъ и выводахъ, но заставляя читателей своихъ *анализировать* вмѣстѣ съ нимъ каждое явленіе, предлагаемое разсмотрѣнію, и доходить до выводовъ какъ бы обоюднымъ трудомъ»¹⁾.

Въ свою очередь, почетный академикъ А. О. Кони, немало потрудившійся для популяризаціи литературнаго имени князя Одоевскаго среди повѣйшихъ поколѣній, такъ характеризуетъ любимаго своего писателя: «Среди выдающихся людей въ области вдумчивой и творческой мысли есть такіе, которые горятъ ровнымъ и примирительнымъ огонькомъ *лампады* предъ образомъ, на которомъ изображены лучшія чаянія и требованія человѣческаго духа, свободнаго отъ низменныхъ и условныхъ узъ житейской прозы. Такою лампадою былъ и князь Одоевскій. А на образѣ, предъ которымъ она горѣла, были начертаны завѣты: *правда — знаніе — дѣятельная любовь къ людямъ*». «Главное мѣсто среди сочиненій князя Одоевскаго принадлежитъ, безспорно, «Русскимъ Ночамъ» — философской бесѣдѣ между нѣсколькими молодыми людьми, въ которую вплетены для иллюстраціи высказываемыхъ положеній рассказы и повѣсти, отражающіе въ себѣ задушевные мысли, надежды, симпатіи и антипатіи автора». Особенно интересны, въ глазахъ А. О. Кони: «Бригадиръ», въ которомъ онъ усматриваетъ аналогію со «Смертью Ивана Ильича» графа Л. Н. Толстого, и «Послѣднее самоубійство», «гдѣ рисуется сжатая картина погибающаго человѣчества, его горестныхъ сомнѣній въ достижимости какого-либо вида счастья и постепенно слагающагося убѣжденія въ жестокой неумолимости природы, — рассказъ этотъ не только отражаетъ въ поэтической формѣ теоретическія идеи барона Гольбаха, въ послѣдствіи блистательно подтвержденныя опытнымъ путемъ

¹⁾ Князь Вл. Оед. Одоевскій. Публичная лекція. Харьковъ, 1884.

Ч. Дарвиномъ, но даетъ еще и сжатый синтезъ ученія Шопенгауэра».

Являясь защитникомъ человѣческой личности, говоритъ А. О. Кони, князь Одоевскій «на первый планъ ставитъ не установленія, поглощающія личность, но ея духовныя свойства, придающія смыслъ и значеніе самой дѣятельности учреждений. Не оглушаетъ князя Одоевскаго ни громъ военной славы, ни шумный говоръ крикливаго патріотизма. Въ эпоху, когда исторія понималась только, какъ исторія государствъ, онъ высказывается за необходимость изученія бытовыхъ и духовныхъ свойствъ народа въ ихъ послѣдовательныхъ проявленіяхъ, такъ какъ безъ этого исторія обращается въ скучный романъ съ забвеніемъ о человѣкѣ; что же касается войны, то онѣ, въ глазахъ князя Одоевскаго, рисуются, какъ одно изъ величайшихъ преступленій человѣчества»¹⁾.

Ив. А. Кубасовъ въ біографическомъ очеркѣ князя Одоевскаго подчеркиваетъ: «Человѣкъ, все его окружающее, всѣ человѣческія права, всѣ завоеванія его въ области наукъ и искусствъ, всѣ движенія его впередъ въ сферѣ мысли и дѣла—все привлекало къ себѣ вниманіе этого пытливаго, безпокойнаго, въ добромъ смыслѣ, человѣка. «Ты знаешь,—говоритъ князь Одоевскій устами одного изъ своихъ героев,—любопытность или просто любопытство есть основная моя стихія, которая мѣшается во всѣ мои дѣла, ихъ перемѣшиваетъ и мнѣ жить мѣшаетъ; мнѣ отъ нея въ вѣкъ не отдѣлаться—все что-то манитъ, все что-то ждетъ вдали, душа рвется, страждетъ»...

«Человѣкъ трехъ поколѣній²⁾, онъ, однако, никогда не придерживался какой-либо партіи, не остался только представителемъ своего поколѣнія, но, по выраженію А. Н. Пыпина, сохранилъ живое сочувствіе къ лучшимъ движеніямъ дальнѣйшихъ эпохъ нашего литературнаго и общественнаго развитія»³⁾.

¹⁾ А. О. Кони. Очерки и воспоминанія. Спб. 1906.

А. О. Кони подчеркиваетъ, что «языкъ князя В. О. Одоевскаго, живой и бразный,—иногда слишкомъ богатый сравненіями и метафорами,—въ передачѣ сложныхъ и отвлеченныхъ понятій очень опредѣлительнъ и ясенъ». Самъ же Одоевскій оговаривается, что «люди никогда вполне другъ друга не понимаютъ, потому что языкъ нашъ не передаетъ вполне нашихъ идей и слушающій никогда не слышитъ всего того, что ему говорить, а или больше или меньше, или влѣво или вправо». Это вскользь оброненное княземъ Одоевскимъ мѣткое замѣчаніе составляло одну изъ завѣтныхъ мыслей почтеннаго харьковскаго профессора А. А. Потебни, который развилъ ее въ своихъ замѣчательныхъ и тоже несправедливо забытыхъ лингвистическихъ разысканіяхъ. В. Ш.

²⁾ «Человѣкъ благоволенія», какъ князя характеризовали близкіе ему люди, очертилъ себя самъ очень мѣтко: «Онъ не выживалъ изъ ума, потому что не выживалъ изъ людей. Три поколѣнія прошли мимо него, и онъ понималъ языкъ каждаго. Новизна его не пугала. Постоянно слѣдя за жизнью науки, онъ привыкъ видѣть естественное развитіе этого огромнаго дерева, гдѣ безпрестанно изъ открытія является открытіе, изъ наблюденія—наблюденіе, изъ мысли вырастаетъ другая мысль».

Умъ, сердце и образованность, обновляемые новыми опытами, наблюденіями и познаніями обезпечили за княземъ «секретъ никогда не старѣться».

³⁾ «Русскій Историческій Словарь». Спб. 1907.

Академикъ Н. А. Котляревскій въ своемъ сборникѣ такъ отзывается о «Русскихъ Ночахъ»: «Во всемъ остальномъ очень скромный человѣкъ, князь Одоевскій, какъ писатель, поставилъ себѣ грандіозную задачу. Всѣ усилія его мысли и фантазіи были направлены на то, чтобы на отдѣльныхъ частныхъ явленіяхъ, самыхъ незначительныхъ, показать, какаѣ глубокаѣ тайна жизни проглядываетъ сквозь земную оболочку человѣческихъ мыслей, чувствованій и дѣяній,—онъ хотѣлъ дать намъ узрѣть незримое и о неизреченномъ говорить въ конкретныхъ образахъ».

«Въ 1844 г. князь Одоевскій издалъ свои повѣсти подъ общимъ заглавіемъ «Русскія Ночи» и снабдилъ ихъ особымъ философскимъ комментариемъ, чѣмъ сразу повысилъ ихъ значеніе и цѣнность¹⁾. Онѣ оказались *не сказками, а философскимъ трактатомъ* въ лицахъ съ большою примѣсью публицистическаго элемента. Гуманистъ въ высшемъ значеніи слова, князь Одоевскій не хотѣлъ расчленять человѣка на его составныя духовныя части, но бралъ его въ цѣломъ, какъ мыслителя, художника, гражданина. Въ душѣ человѣческой философъ нашелъ четыре основныхъ элемента и захотѣлъ своею книгою показать, какъ эти элементы должны быть гармонично сочетаемы, чтобы человѣкъ сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ призванъ быть—а именно «стройною молитвою земли». «Русскія Ночи» дѣйствительно *молитвенная книга*».

«Выступая какъ обличитель современной ему цивилизаціи—эгоистической по своимъ нравственнымъ тенденціямъ и позитивной по своему міропониманію,—князь Одоевскій, увлекая слушателя отъ отрицанія къ отрицанію, оставляетъ въ душѣ каждаго вдумчиваго человѣка осадокъ спасительнаго скептицизма, не говоря уже о томъ, что многія стороны европейской культуры писателемъ обнаруживаются во всей ихъ жестокой наготѣ (хотя бы рабочій вопросъ, напримѣръ, съ его нравственными ужасами)».

«Лживую западную цивилизацію князь Одоевскій, впрочемъ, хоронилъ преждевременно, такъ какъ ни о какой гибели Запада не могло быть и рѣчи. Провозглашая мессіаниззмъ Россіи и ея призваніе сказать вѣщее слово, разрѣшающее всѣ недоумѣнія человѣчества, и отпѣвая Западъ, князь Одоевскій произноситъ за Россію *не столько благодарственную молитву, сколько просительную эктению*. Увы,—говоритъ онъ,—нашему поколѣнію принадлежитъ это великое дѣло. Мы еще раздѣляемъ страданія Европы. Мы еще не уединились въ самобытность. Мы—струна не настроенная—мы еще

¹⁾ Связь между разсказами и философскими разсужденіями не притянута за волосы argès соур, и самъ князь Одоевскій процессъ своего творчества объясняетъ такъ: «Инстинктуальная поэтическая дѣятельность духа отлична отъ разумной въ образѣ своихъ дѣйствій, но въ существѣ своемъ одинакова. Такъ бессознательно развивались во мнѣ одна за другою повѣсти... и, уже окончивши ихъ, я замѣтилъ, что онѣ имѣли между собою стройную философскую связь».

не поняли того звука, который мы должны занимать во всеобщей гармоніи. Тебя, новое поколѣніе, тебя ждетъ новое солнце!»

«Въ одномъ только князь Одоевскій не ошибся, считая наступленіе *славянскаго періода* всемірной исторіи дѣломъ ближайшаго будущаго».

«Русскія Ночи», по мнѣнію Н. А. Котляревскаго, «не только памятникъ жизни ихъ автора; *книга эта—исповѣдь цѣлаго поколѣнія*, свершившаго свое дѣло и уступающаго свое мѣсто новымъ вѣяніямъ. Прославленный идеализмъ сороковыхъ годовъ не создалъ ничего болѣе красиваго, болѣе продуманнаго, художественно-цѣннаго, чѣмъ «Русскія Ночи», которыя поглотили всю мудрость ихъ вѣка—онѣ насквозь пропитаны романтикою¹⁾, и метафизикою, и никогда эти русскія романтика и метафизика не были такъ красивы и краснорѣчивы, какъ въ этой книгѣ»²⁾).

Наконецъ П. Н. Сакулинъ отмѣчаетъ, что «хотя князь Одоевскій и не былъ оригинальнымъ философомъ, но является самостоятельнымъ, вдумчивымъ и искреннимъ мыслителемъ; никогда онъ не принадлежалъ къ слѣпымъ сторонникамъ какой-либо философы, но упорно стремился обосновать свое субъективное и вполне самобытное міропониманіе, пользуясь для этого разнороднѣйшими матеріалами».

«Русскія Ночи» какъ бы подводятъ итогъ идейнымъ исканіямъ князя Одоевскаго за періодъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Болѣе того. Можно вполне согласиться съ авторомъ, который въ 1862 году писалъ:

«Въ «Русскихъ Ночахъ» читатель найдетъ вѣрную оцѣнку той умственной дѣятельности, которой московская молодежь предавалась въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, о чемъ почти не сохранилось другихъ свѣдѣній. Эта эпоха имѣетъ свое значеніе: кипѣли тысячи вопросовъ, сомнѣній, догадокъ, которыя снова, но съ болѣею опредѣленностью возбудились въ настоящее время; вопросы чисто философскіе, экономическіе, житейскіе, народныя, нынѣ насъ занимающіе, занимали людей и тогда и много, много выговореннаго нынѣ и прямо и кривь и вкось, даже недавній славянофилизмъ—все это шевелилось уже въ ту эпоху»...

Касаясь эпилога «Русскія Ночи», П. Н. Сакулинъ отмѣчаетъ: «немногіе такъ глубоко понимали коллизію двухъ міропониманій и конфликтъ восточнаго и западнаго міровъ, сознавали истинную сущность этой проблемы и столь интенсивно переживали ея остроту, какъ князь Одоевскій. Въ этомъ отношеніи онъ можетъ быть поставленъ на ряду съ И. В. Кирѣевскимъ и Чаадаевымъ. Изъ своихъ

¹⁾ Кстати сказать, о *романтизмѣ* князя Одоевскаго, любознательный читатель можетъ почерпнуть интересныя данныя изъ спеціальнаго сочиненія профессора И. И. Замотина «Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія въ русской литературѣ». Т. I., Спб., 1911 г.

В. Ш.

²⁾ «Старинные портреты—изъ книгъ». Спб. 1907.

современниковъ, пожалуй, единственно князь Одоевскій и былъ въ состояніи дать названной проблемѣ не только философскую и публицистическую, но и художественную обработку»,—дѣйствительно опъ и создалъ своеобразную поэму философскихъ своихъ исканій и переживаній—«Русскія Ночи» произведеніе sui generis, *единственное* во всей русской литературѣ, какъ едины «Горе отъ ума» и «Евгеній Онѣгинъ»¹⁾.

Приведенные отзывы достаточно освѣщаютъ выдающееся значеніе сборника «Русскія Ночи», какъ продукта самобытнаго русскаго философскаго творчества, и оправдываютъ обширность нашей замѣтки, тѣмъ болѣе, что книга эта затрогиваетъ весьма существенные вопросы философіи исторіи.

Черезъ сопоставленіе текста «Русскихъ Ночей» съ аналогичными отрывками рукописей князя Одоевскаго, оглашенныхъ П. Н. Сакулинымъ, и съ позднѣйшими «Психологическими замѣтками» міровоззрѣніе князя Вл. О. Одоевскаго, можно установить довольно безошибочно.

Содержаніе разсужденій, разсѣянныхъ въ «Русскихъ Ночахъ», сводится къ опредѣленію основъ, памѣчающихъ *возможность и необходимость новой науки и искусства*, такъ какъ «человѣку въ сей жизни предлежитъ два труда: *понять то, что существуетъ и что должно существовать*»²⁾...

Во всѣ эпохи «душа человѣка стремленіемъ необоримой силы, невольно, какъ магнитъ къ сѣверу, обращается къ задачамъ, разрѣшеніе коихъ скрывается въ глубинѣ таинственныхъ стихій, образующихъ жизнь духовную и жизнь вещественную. Ничто не останавливаетъ этого стремленія, ни житейскія печали и радости, ни мятежная дѣятельность духа, ни смиренное созерцаніе. Это стремленіе столь постоянно, что иногда, кажется, оно происходитъ независимо отъ воли человѣка, подобно физическимъ отпавленіямъ. Проходятъ

¹⁾ «Изъ исторіи русскаго идеализма». Князь В. О. Одоевскій. Т. I. Ч. 1 и 2. М. 1913.

²⁾ Теперешнее состояніе человѣчества князь Одоевскій характеризуетъ однимъ словомъ: *недовольство*.

«Это болѣзненное состояніе походитъ на тотъ моментъ, когда птица роняетъ перья, змѣя сбѣгаетъ кожу, гусеница хочетъ разорвать свою куколку. Общее тайное слово, выговариваемое человѣчествомъ: «Приспѣло время мое».

«Нельзя не предчувствовать какой-то важной реформы въ общественномъ устройствѣ всего міра; въ чемъ она будетъ состоять, неизвѣстно... То, что называютъ судьбами міра, зависитъ въ эту минуту отъ рычажка, который изобрѣтается какимъ-нибудь голоднымъ оборвышемъ на какомъ-то чердакѣ въ Европѣ или Америкѣ и которымъ рѣшится вопрое объ управленіи аэростатами».

Какія бы перспективы, въ смыслѣ дальнѣйшаго эволюціонированія человѣчества, открыли для князя наши современные дирижабли, аэропланы и многообразные успѣхи техники, особенно въ области электричества!

столѣтія, все поглощается временемъ: понятія, нравы, привычки, направленіе, образъ дѣйствованія; вся прошедшая жизнь тонетъ въ недостижимой глубинѣ, а чудная задача всплываетъ надъ утопшимъ міромъ; послѣ долгой борьбы, сомнѣній, насмѣшекъ новое поколѣніе, подобно прежнему, имъ осмѣянному, испытуетъ глубину тѣхъ же таинственныхъ стихій; теченіе вѣковъ разнообразитъ имена ихъ, измѣняетъ и понятіе о нихъ, но не измѣняетъ ни ихъ существа, ни ихъ образа дѣйствія; вѣчно юныя, вѣчно мощныя, онѣ постоянно пребываютъ въ первозданной дѣвственности и ихъ неразгаданная гармонія внятно слышится посреди бурь, столь часто возмущающихъ сердце человѣка».

Авторъ, въ лицѣ своего alter ego, Фауста, и задается выясненіемъ сущности и цѣнности основныхъ стихій или элементовъ человѣческой жизни: *науки, искусства, любви и вѣры*, чтобы уже отсюда вывести идеальную человѣческую жизнь и опредѣлить задачу человѣческаго существованія. Съ этою цѣлью князь Одоевскій подвергаетъ анализу эти четыре стихіи и, выяснивъ съ тѣмъ вмѣстѣ современное состояніе европейской культуры, взвѣшиваетъ сравнительное значеніе отдѣльныхъ народовъ, а въ частности взаимоотношенія Запада и славянскаго Востока.

Въ исторіи народовъ имѣется вопросъ чрезвычайной важности— *вопросъ о гибели народовъ*. По воззрѣнію кн. Одоевскаго, истинная причина роста и паденія народовъ заключается въ томъ, правильно или ложно понята народомъ жизнь.

Подобно тому, какъ единичная личность силою свободной воли творитъ добро и зло на землѣ, удлиняетъ или укорачиваетъ свое бытіе и сама возлагаетъ на себя отвѣтственность за свое существованіе и преуспѣяніе, такъ же точно бѣдствія и благосостояніе человѣчества, его образованность и невѣжество сокрыты въ самоопредѣленіи человѣческихъ обществъ, и отъ нихъ самихъ зависитъ избрать тотъ или иной путь для своихъ дальнѣйшихъ судебъ.

Всякое тѣло, разсуждаетъ князь Одоевскій, существуетъ въ природѣ, доколѣ не приходятъ въ разрушеніе составные его элементы. Поэтому разъ мы найдемъ стихіи, управляющія дѣятельностью человѣка, и установимъ условія его гибели, то найдемъ причины паденія и возвышенія народовъ.

Жизнь человѣка есть непрерывное бореніе: съ природою, съ самимъ собою, съ другими людьми. Для борьбы съ природою человѣкъ создаетъ *науку* въ обширномъ смыслѣ слова; такъ какъ первымъ условіемъ бытія общества является побѣда надъ природою, то, другими словами, оно неизбѣжно овладѣваетъ и знаніемъ.

Современное научное знаніе, однакоже, не удовлетворяетъ князя Одоевскаго.

«Моя юность,—разсказываетъ онъ,—протекла въ ту эпоху, когда метафизика была такою же общею атмосферою, какъ нынѣ

политическія науки. Мы вѣрили въ возможность такой абсолютной теоріи, посредствомъ которой возможно было бы строить (мы говорили—конструировать) всѣ явленія природы, точно такъ, какъ теперь вѣрятъ въ возможность такой соціальной формы, которая бы вполне удовлетворяла всѣмъ потребностямъ человѣка; можетъ быть, дѣйствительно, такая теорія и такая форма будутъ когда-нибудь найдены, но *ab posse ad esse consequentia non valet*. Какъ бы то ни было, но тогда вся природа, вся жизнь казалась намъ довольно ясною, и мы немножко свысока посматривали на физиковъ, на химиковъ, на утилитаристовъ, которые рылись въ грубой матеріи. Изъ естественныхъ наукъ лишь одна намъ казалась достойною вниманія любомудра—анатомія, какъ наука о человѣкѣ, а въ особенности анатомія мозга. Мы принялись за анатомію практически..., не одинъ *кадаверъ* мы искрошили, но анатомія естественно натолкнула насъ на физиологію..., потомъ и въ физиологіи естественно намъ встрѣтились... вопросы, не объяснимые безъ физики и химіи... Дальнѣйшія наблюденія выявили мнѣ всю скудость моей науки и заставили меня убѣдиться, *какъ часто мы вовсе не знаемъ того, чему, какъ намъ кажется, мы научились превосходно*. Это наблюденіе заставило меня вникнуть въ разныя отрасли наукъ и убѣдило меня въ повости неожиданной, а именно какъ искусственно, какъ произвольно, какъ ложно дѣленіе человѣческихъ знаній... Въ обширномъ каталогѣ наукъ собственно нѣтъ ни одной, которая бы давала намъ опредѣленное понятіе о цѣльности предмета. Возьмите человѣка, животное, растеніе, малѣйшую пылинку—науки разорвали ихъ на части: кому досталось ихъ химическое значеніе, кому идеальное, кому математическое и пр., и эти искусственно разорванные члены названы специальностями... А между тѣмъ вѣкъ, въ который мы живемъ, если не нашель, то по крайней мѣрѣ ищеть возсоединенія всѣхъ раздробленныхъ частей знанія и ужь если съ самоотверженіемъ нисходитъ въ подробности и творить особыя науки, подъ названіемъ энтомологіи, ихтіологіи и пр. и пр., то лишь затѣмъ, чтобы найти точку соединенія между вещами и артеріями человѣческаго разумѣнія. Пока еще не образовалась наука общечеловѣческая, необходимо, чтобы каждый человѣкъ, отбросивъ схоластическія пеленки, образовалъ для себя, для круга своей дѣятельности, соразмѣрно пространству своего разумѣнія, свою особую науку, науку безыменную, которую нельзя подвести ни подъ какую цѣльную рубрику» ¹⁾.

¹⁾ По замѣчанію князя Одоевскаго, Ш. Фурье очень удачно раздѣляетъ людей на *solitones* и *omnitones*; «это роды людей, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою особенность: солитонисты необходимы въ мірѣ, но они лишь приготавливаютъ кормъ для омнитонистовъ, какъ рабочія пчелы для матки, которая одна оплодотворяетъ—*les hommes d'action doivent être omnitones*»... Человѣкъ дѣйствія по преимуществу, князь Одоевскій лихорадочно и не покладая рукъ проработалъ весь свой долгіи вѣкъ, но по

«Мы всё похожи на людей, которые пришли въ огромную библиотечку: кто читаетъ одну книгу, кто другую, кто смотритъ только на переплетъ... заговорили, каждый говорить о своей книгѣ,— какъ понять другъ друга?»

«Я вамъ рекомендую, господа, прежде всего запастись добрыми, хорошо вытертыми, ахроматическими очками, при употребленіи которыхъ предметы не помрачатся земными, радужными, фантастическими красками, а, во-вторыхъ,—читать двѣ книги: одна изъ нихъ называется «Природою»: напечатана она довольно четкимъ шрифтомъ и на языкѣ довольно понятномъ; другая (книга)— «Человѣкъ»—рукописная тетрадка, написанная на языкѣ мало извѣстномъ и тѣмъ болѣе трудномъ, что еще не составлено для него ни словаря, ни грамматики».

«Эти книги въ связи между собою и одна объясняетъ другую: однакоже, когда вы въ состояніи читать вторую книгу, тогда обойдетесь безъ первой, но первая поможетъ вамъ прочесть вторую».

«Для развлеченія можете читать и другія книги, будто бы написанныя о первыхъ двухъ книгахъ; но только остерегитесь,—читайте не строки, а между строками,—тамъ много найдете любопытнаго, при пособіи очковъ, на которыхъ я настаиваю».

«...Я не понимаю, какъ никто до сихъ поръ не догадался приложить къ исторіи того же способа изслѣдованія, какой, напримѣръ, химики употребляютъ при разложеніи тѣлъ органическихъ».

«Почемъ знать! Можетъ быть, историки, посредствомъ *аналитической этнографіи* дойдутъ до нѣкоторыхъ изъ такихъ же результатовъ, что и химики въ физическомъ мірѣ; откроютъ взаимное сродство нѣкоторыхъ элементовъ, взаимное противодѣйствіе другихъ, способъ уничтожить или мирить это противодѣйствіе; откроютъ ненарокомъ тотъ чудный химическій законъ, по которому элементы тѣлъ соединяются въ опредѣленныхъ пропорціяхъ и въ прогрессіи простыхъ чисель... можетъ быть, наткнутся на то, что химики съ отчаянія назвали *каталитическою силою*, т.-е. превращеніе одного тѣла въ другое, посредствомъ присутствія третьяго, но безъ явнаго химическаго соединенія. Можетъ быть, также убѣдятся они, что въ историческомъ производствѣ слѣдуетъ упо-

свойственной ему скромности всегда оставался далекъ отъ притязаній на постиженіе абсолютной истины въ своихъ научныхъ изысканіяхъ. Онъ говоритъ устами Фауста: «Мы похожи на странниковъ, зашедшихъ ночью въ незнакомую землю, о которой они имѣютъ свѣдѣнія и не подробныя, и не полныя. Въ этой землѣ они должны жить и потому изучить ее, но въ минуту исканія всякій *систематизмъ* былъ бы для нихъ дѣломъ свыше ихъ силъ, а, слѣдовательно, источникомъ заблужденія... Въ эту минуту ихъ можетъ скорѣе спасти догадка самопроизвольная, безсознательная, инстинктивная—поэтическая... всего важнѣе *искренность воли*; впоследствии они, можетъ быть, примѣтятъ свои заблужденія, оцѣнятъ свои догадки и найдутъ, пожалуй, что въ одной изъ нихъ и скрывается *искомая истина*...»

треблять реактивы чистые, безъ всякой примѣси, подъ страхомъ наказанія фальшивыми результатами»...

«Конечно, идеальной цѣлью аналитической этнографіи было бы возстановить исторію, т.-е., открывъ анализомъ основныя элементы народа, по симъ элементамъ систематически построить его исторію. Тогда, можетъ быть, исторія получила бы нѣкоторую достовѣрность, нѣкоторое значеніе и имѣла бы право на названіе науки, тогда какъ до сихъ поръ она только весьма скучный романъ, пренеполненный жалкихъ и неожиданныхъ катастрофъ, остающихся безъ всякой развязки, и гдѣ авторъ безпрестанно забываетъ о своемъ героѣ,—извѣстномъ подъ названіемъ человѣка»...

«Мои, напримѣръ, химическія операціи довели меня до четырехъ основныхъ элементовъ, общихъ всѣмъ человѣческимъ организмамъ; можетъ быть, ихъ больше или меньше, это зависитъ отъ искусства химика-аналитика, но я пока довольствуюсь ими, какъ атомистическая химія довольствуется шестью десятками такъ называемыхъ простыхъ тѣлъ. По-моему, эти четыре элемента называются очень просто: *потребностью истины, любви, благоговѣнія и силы или власти*».

«Эти элементы общечеловѣческіе; отъ ихъ различныхъ соединеній, отъ первенства одного надъ другимъ, отъ застоя того или другого происходятъ всѣ различныя ближайшія элементы. Должна быть опредѣленная пропорція между этими элементами... Не удивляйтесь, если эти элементы иногда производятъ дѣйствія, повидимому, весьма противоположныя,—это оптический обманъ!»...

Вообще же нужно помнить только одно: «изученіе наукъ должно состоять *въ постоянномъ интегрированіи духа*, въ возвышеніи его, въ увеличеніи самобытной его дѣятельности».

«Знаніе можетъ доставить человѣку высокое удовлетвореніе и послужить стимуломъ къ творческой работѣ единственно при соблюденіи двухъ условій: 1) если оно бываетъ плодомъ внутренней самодѣятельности человѣческаго духа и рождается *изнутри* человѣка, а не вкладывается въ него извнѣ, какъ въ порожній мѣшокъ, и 2) если анализъ соединяется съ синтетическимъ воспріятіемъ цѣлаго и человѣкъ постигаетъ міръ не однимъ только разумомъ, но и непосредственнымъ чувствомъ»...

Неудовлетворенный наличнымъ научнымъ знаніемъ, истощаясь въ трудной борьбѣ съ природою, человѣкъ впадаетъ въ изнеможеніе и оттого становится въ противоборство съ самимъ собою. Его неудовлетворенныя наукою потребности ищутъ «ненаходимаго» въ сей юдоли плача—вещественный міръ становится для него тѣсенъ. «Ему нуженъ другой, падзвѣздный міръ, удаленный отъ грубой, грязной природы—тотъ міръ, гдѣ человѣкъ не только властвуетъ надъ вещественностью, но и творитъ ее по своему образу и подобию: гдѣ онъ царь, а не воитель, гдѣ онъ отдыхаетъ, а не борется».

Это и есть стихія *искусства и поэзіи*.

Побѣда надъ природою и самое наслажденіе побѣдою всего лучше достигается въ союзѣ съ другими людьми. Индивидъ неизбѣжно наталкивается либо на противоборство, либо на содѣйствіе со стороны другихъ людей, а потому третьимъ необходимымъ условіемъ или стихіею общественности является *любовь*.

Альфюю и омегою всѣхъ стихій остается *вѣра*. Уже для самаго осуществленія всѣхъ прочихъ условій бытія человѣкъ долженъ вѣрить въ свое совершенство, силу и достоинство. Безъ вѣры въ самого себя человѣкъ ничего не можетъ предпринять. Въ конечномъ же результатѣ своихъ научныхъ и иныхъ стремленій человѣкъ обрѣтаетъ уже высшій объектъ вѣры—Творца, Провидѣніе. Здѣсь уже начинается міръ религіознаго чувства, связующаго науку и искусство въ *единство жизни*.

Наука, искусство, а тѣмъ болѣе вѣра и любовь «своими корнями уходятъ въ ирраціональныя глубины души, въ область инстинктуальнаго, безеознательнаго». Совокупность же этихъ стихій образуетъ то, что можно назвать *поэзіею жизни* въ широкомъ смыслѣ слова.

Неполнота развитія той или иной стихіи неминуемо влечетъ за собою неудовлетворенность жизнью. Человѣкъ и человеческое общество—живые организмы, а «для послѣднихъ необходимо полное развитіе его элементовъ въ цѣльное гармоничное ихъ сочетаніе»... «При отсутствіи равновѣсія и гармоніи между элементами организмъ уже страждетъ, и таковъ педантизмъ въ этомъ законѣ, что ничто не спасаетъ организмъ отъ страданія—ни развитіе воли, ни даръ творчества, ни сверхъестественное знаніе—будь онъ страною, обладающею всѣми средствами силы, называйся онъ Бетховеномъ или Бахомъ,—организмъ страждетъ, разъ онъ не осуществилъ всей полноты жизни»...

«Наибольшую роль во всей вселенной играетъ именно то, что менѣе осязаемо и менѣе утилитарно. Хотя нынѣ и существуетъ политическая экономія, и въ ней, можетъ быть, всѣ науки нѣкогда найдутъ осязательную опору, но она должна быть основана не на утилитаризмѣ и эгоизмѣ, а на любви, на принципѣ «счастіе для всѣхъ и каждаго».

... «Какъ для художника губительно грубое подражаніе природѣ, такъ и соціальный мыслитель впадетъ въ грубый промахъ, если въ основу своего ученія положитъ исключительно законы природы».

«Коль скоро человѣкъ начинаетъ подражать природѣ—онъ всегда оказывается ниже ея, но онъ всегда выше, когда творитъ своею внутреннею силою. Во внѣшней природѣ собственно нѣтъ зла, такъ какъ въ ней господствуютъ постоянные законы. Внѣшнюю природу ни умолишь, не тропешь ее раскаяніемъ, не знаетъ она и прощенія. И вотъ эти-то законы энциклопедисты XVIII вѣка и ихъ послѣдователи XIX вѣка вздумали пересадить въ область чело-

вѣческихъ взаимоотношеній»... Тѣмъ же духомъ прониклись теоріи Бентама и Мальтуса. Въ результатѣ преклоненіе предъ законами вещественной природы порождаетъ лишь безсмысленныхъ, сухихъ педантовъ, «деревяшекъ», людей, которые никого не любятъ, ничему не сострадаютъ, ни въ чемъ не раскаиваются, но слѣпо слѣдуютъ такъ называемому «закону природы».

...«Съ однимъ утилитаризмомъ и экономизмомъ человѣкъ не проживетъ, не можетъ онъ совершенно «оскотиться»—пусть онъ и весь погрязъ въ чувственности, анъ, глядь!—грусть нежданная, непонятная закрадывается въ сердце, душа проситъ иной жизни, и смущенный, стыдливый духъ человѣка снова бьется о неистижимыя врата райскихъ селеній—даже полное удовлетвореніе шкурныхъ интересовъ и потребностей человѣка не исключаетъ въ немъ тоски неодолимой, невыносимой»...

Каждый отдѣльный организмъ—индивидуальный или собирательный,—смыкаясь въ своихъ элементахъ, знаетъ ихъ однихъ и никакъ не можетъ постигнуть возможности иного элементарнаго соединенія. Этотъ общій законъ сказывается въ жизни народныхъ организмовъ, въ ихъ стремленіи сохранить самобытность, въ *національной замкнутости*.

«...Донетровская Русь представляла сильный молодой организмъ—но этой огромной системѣ силъ не доставало маятника. Поэтому чувство силы выражалось въ азіатской безпечности. Многосторонность духа, выражавшаяся дивною воспримчивостью и средняя чувству истины, не находила себѣ ниши и вяла въ бездѣйствіи. Рядомъ съ этимъ въ русскомъ организмѣ наблюдались стихіи, почти утраченныя другими народами,—чувство любви и единства, укрѣпленное вѣковой борьбою съ враждебными силами, чувство благоговѣнія и вѣры, освятившее вѣковыя страданія. Петръ Великій понялъ сильныя и слабыя стороны русскаго организма; онъ понялъ, что слѣдовало обуздать чрезмѣрное, возбудить заснувшее, и великій мудрецъ привилъ своему народу второстепенныя западныя стихіи, которыхъ ему не доставало. Онъ умѣрилъ чувство разгульнаго мужества—строеніемъ; народный эгоизмъ, замкнутый въ сферѣ своихъ повѣрій, расширилъ зрѣлищемъ западной жизни; воспримчивости далъ питательную науку».

Прививка была сильна, но могучій организмъ, переработавъ ее, «вдохнулъ вольно дыханіемъ жизни, поднялъ надъ Западомъ свою мощную главу, опустилъ на него свои свѣтлыя, непорочныя очи и задумался глубокою думой».

...«Россія стала выше Запада: она сохранила все лучшее, что было въ ея народномъ организмѣ, и слила это съ лучшими стихіями Запада. Теперь Россія представляетъ для Запада зрѣлище новое и неразгаданное»...

Такъ... «когда западные писатели пишутъ исторію человѣчества, они понимаютъ подъ этимъ словомъ лишь то, что вокругъ нихъ, забывъ иногда о бездѣлицѣ: напримѣръ, о девятой части земного шара и о сотнѣ милліоновъ людей. Когда же доходятъ до славянскаго міра, то готовы доказать, что онъ не существуетъ, ибо онъ не подходитъ подъ ту форму, которая образовалась изъ западныхъ элементовъ».

«Если бы рыбы умѣли писать, то и онѣ, навѣрно бы, доказали, и очень ясно, что птицы никакъ не должны существовать, ибо не могутъ плавать въ водѣ. Случается и наоборотъ»...

А между тѣмъ именно на Западѣ погибають три главныхъ фактора обществённости—наука, искусство и религія. «... Время скоро обгонитъ старую, дряхлѣющую Европу. Давно ужъ вдалекѣ отъ бурь міра Провидѣніе хранитъ народъ, долженствующій показать снова путь, съ котораго сбилось человѣчество, и занять первое мѣсто среди народовъ. Европа уже разъ назвала русскаго избавителемъ, теперь другая высшая побѣда—побѣда наукъ, искусствъ и вѣры—ожидаетъ насъ на развалинахъ дряхлой Европы»...—Страстному обличенію явной и скрытой лжи въ европейской культурѣ и посвящены самыя сильныя страницы эпилога «Русскихъ Ночей». Прошла пора ожидать иностраннаго вдохновенія, говорить князь Одоевскій, теперь наступило время отдавать отчетъ въ томъ, что происходитъ вокругъ насъ; въ томъ, что мы сами сдѣлаемъ; наступило время *вносить русскія мысли въ исторію міра*. Велико наше званіе и труденъ подвигъ. Его совершить, можетъ быть, *новое поколѣніе, которое сумѣетъ углубиться внутрь себя, уединится въ свою самобытность и разовьетъ самостоятельную дѣятельность на основѣ тріединства вѣры, науки и искусства*.

Впрочемъ, тому явленію, что будущее станетъ принадлежать Россіи и славянству, князь Одоевскій ставитъ предпосылку: «...для этого намъ еще надо выйти изъ состоянія броженія, которое осталось отъ прививки (Петромъ западно-европейской культуры къ Россіи), подождать той минуты, когда гармонически улягутся всѣ стихіи, насъ образующія, когда мы, подобно Ломоносову, будемъ черпать изъ всѣхъ чашъ, забывъ, которая своя, которая чужая,—эта минута недалека. А между тѣмъ нехудо приготовить къ принятію дорогихъ гостей, нашихъ старыхъ учителей:—прибрать горницу, наполнить ее всѣмъ нужнымъ для жизни, чтобы ни въ чемъ не было недостатка и самимъ принарядиться, да тщательно позаботиться о своихъ меньшихъ братьяхъ, напримѣръ, хоть передать имъ въ руки науку, чтобы они не зѣвали по сторонамъ; не худо подчасъ и бичомъ сатиры, по примѣру предковъ, стегнуть мышей, которыя забираются въ домъ, не спросясь хозяина; вообще же своего не чуждаться, чужого не бояться, а пуще всего: хорошенько протереть собственныя наши очки и помнить, что вся штука не въ

одной оправѣ, а также, что и лучшее стекло не годно, когда его затянетъ плѣсень».

Формулируя идеи, которыя въ видѣ существеннаго ингредиента, вскорѣ войдутъ въ обиходъ славянофильской идеологiи, князь Одоевскій рѣшительно отмежевывается отъ людей, «ударившихся въ ультраславянизмъ».

Его вѣра въ общечеловѣческое значенiе русскихъ стихiй объединяется съ культурнымъ европеизмомъ. Идеализмъ въ народѣ, на его взглядъ, проявляется большею частью именно въ видѣ терпимости къ другимъ народамъ и пониманiя ихъ. Единственно просвѣщенiемъ вырабатывается достоинство человѣка. А народность, конечно, великое слово! Но народность «есть одна изъ тѣхъ наслѣдственныхъ болѣзней, которою умираетъ народъ, если не подновить своей крови духовнымъ и физическимъ сближенiемъ съ другими народами».

Чтобы достигнуть полнаго гармоничнаго развитiя основныхъ общечеловѣческихъ стихiй, Западу, несмотря на всю величину его не достало другого Петра, который бы привилъ ему свѣжiе, могучiе соки славянскаго Востока.

«...Между тѣмъ, что не совершилось рукою человѣка, то совершается теченiемъ времени... Чуетъ Западъ приближенiе славянскаго духа, пугается его, какъ предки наши пугались Запада. Неохотно замкнутый организмъ принимаетъ въ себя чуждыя ему стихiи, а между тѣмъ онъ тянется къ нимъ невольно и безсознательно, какъ растенiе къ солнцу».

«Не бойтесь, братья по человѣчеству! Нѣтъ разрушительныхъ стихiй въ славянскомъ Востокѣ».

«Вы найдете у насъ частью ваши же силы, сохраненныя и умноженныя, вы найдете и наши собственныя силы, вамъ неизвѣстныя...»

¹⁾ Мысль о томъ, что юная Россiя призвана принести спасенiе будто бы одряхлѣвшей Европѣ, привилась къ представителямъ праваго и лѣваго славянофильства и въ николаевскую эпоху, въ атмосферѣ, насыщенной идеями національнаго самоопредѣленiя, расцвѣла въ пышный цвѣтокъ.

По мнѣнiю П. Н. Сакулина, у кн. Одоевскаго по отношенiю къ идеѣ мессiанизма больше сходства съ И. В. Кирѣевскимъ, чѣмъ съ кѣмъ-либо другимъ, и это объясняется тѣмъ, что самому Кирѣевскому, въ сущности, среди правовѣрныхъ славянофиловъ принадлежило весьма своеобразное мѣсто. Но доктрина о самобытности Россiи и ея мессiанизмъ въ интерпретацiи князя Одоевскаго совершенно свободна отъ духа нетерпимости или полнаго отрицанiя Запада. Въ немъ до конца его дней всегда жилъ «европеецъ» и, сохраняя близкiя связи съ Шевыревымъ и Кирѣевскимъ, онъ не могъ тѣсно слиться ни съ «Москвитяниномъ», ни съ славянофилами. Хомяковъ въ 1842 году жаловался, что князь Одоевскiй въ умственномъ отношенiи остался такимъ же, какъ въ 1832 году, — «попрежнему хочеть самыхъ свѣжихъ устрицъ и самаго гнилого сыра, т. е. современности индустриальной и матеріальной и древнихъ пыльныхъ знанiй алхимiи и каббалы (Барсуковъ, «Жизнь Погодина», т. VI, стр. 263—265).

«Вы найдете у насъ зрѣлище повое и для васъ доселѣ не разгаданное: вы найдете историческую жизнь, родившуюся не въ междоусобной борьбѣ между властью и народомъ, но свободно, естественно развившуюся чувствомъ любви и единства; вы найдете законы, изобрѣтенные не среди волненія страстей и не для удовлетворенія минутныхъ потребностей..., но медленно вѣками поднявшіеся изъ нѣдръ родной земли; вы найдете вѣрованіе въ возможность счастья не одного большого числа, но въ счастье всѣхъ и каждаго...; вы поймете, отчего вашъ папизмъ клонится къ протестантству, а протестантизмъ—къ папизму, т.-е. каждый къ своему отрицанію, и вы поймете, отчего лучшіе ваши умы (Баадеръ, Кенигъ, Баланшъ, Шеллингъ), углубляясь въ сокровищницу души человѣческой, неожиданно для самихъ себя выносятъ оттуда вѣрованія, которыя издавна сіяютъ на славянскихъ скрижаляхъ имъ невѣдомыхъ».

«Вы изумитесь, что существуетъ народъ, который началъ свою литературную жизнь, чѣмъ другіе кончаютъ—сатирою, т.-е. строгимъ судомъ надъ самимъ собою... вы изумитесь, узнавъ, что есть народъ, посты котораго, посредствомъ поэтическаго магизма, угадали исторію прежде исторіи и нашли въ душѣ своей тѣ краски, которыя на Западѣ черпаются изъ медленной давней разработки вѣковъ историческихъ;—вы изумитесь, узнавъ, что существуетъ народъ, понимающій музыкальную гармонію естественно, безъ матеріальнаго изученія;—вы изумитесь, узнавъ, что не всѣ мелодическія дороги истоптаны и что художникъ, порожденный славянскимъ духомъ, одинъ изъ членовъ триумвирата (Мейдельсонъ-Бартольди—Берліозъ—Глинка), сохраняющаго святыни [разрушеннаго, униженнаго, опозореннаго на Западѣ искусства, —нашелъ путь свѣжій, не початый;—наконецъ, вы увѣритесь, что существуетъ народъ, котораго естественное влеченіе—та всеобъемлющая многосторонность духа, которую вы тщетно стараетесь возбудить искусственными средствами;—вы увѣритесь, что существуетъ народъ, котораго самые льды и снѣга, васъ столько устрашающіе, заставляють невольно углубляться внутрь, а извиѣ побѣждать враждебную природу. Вы преклоните колѣна предъ неизвѣстнымъ вамъ человѣкомъ, который былъ и поэтомъ, и химикомъ, и грамматикомъ, и металлургомъ, прежде Франклина низвелъ громъ на землю, писалъ исторію, наблюдалъ теченіе звѣздъ и рисовалъ мозаики, стекломъ имъ отлитымъ,—и въ каждой отрасли подвинулъ далеко науку. Вы преклоните колѣна предъ Ломоносовымъ, этимъ самороднымъ представителемъ многосторонней славянской мысли, когда узнаете, что онъ, наравнѣ съ Лейбницомъ, съ Гёте, съ Карусомъ открылъ въ глубинѣ своего духа ту таинственную методу, которая изучаетъ не разорванные члены природы, но всѣ ея части въ совокупности и гармонически втягиваетъ въ себя всѣ разнообразныя знанія».

«Тогда вы повѣрите своей темной надеждѣ на полноту жизни; повѣрите приближенію той эпохи, когда будетъ одна наука и одинъ учитель, и съ восторгомъ произнесете слова, не замѣченные вами въ одной старой книгѣ: «Человѣкъ есть стройная молитва земли»...

Точка зрѣнія князя Одоевскаго на славянофильство совершенно опредѣлительна, — «всѣ эти взаимныя обвиненія въ славяннзмѣ, въ западолюбіи, въ старовѣрствѣ, въ иноземщинѣ — *не стоятъ выдѣннаго яйца*, потому что споръ лишь въ нѣсколькихъ неопредѣленныхъ словахъ; всѣ мы, Русскіе, любимъ Россію, но неужели смотрѣть на ея допотопную старину съ той или другой точки зрѣнія, — есть преступленіе? Неужели, признавая всѣ способности и качества русскаго человѣка, закрыть глаза и не видѣть въ его характерѣ недостатковъ? ¹⁾..

...«А что г.г. славянофилы толкуютъ о какомъ-то допотопномъ *славяно-татарскомъ* просвѣщеніи, то пусть оно при нихъ и останется, пока они не покажутъ намъ русской науки, русской живописи, русской архитектуры въ *до петровское* время. Но такъ какъ вся эта допотопная суть сохранилась лишь у крестьянъ, т.-е. у крестьянъ, не испорченныхъ «балуи-городами», — то мы легко можемъ увидѣть сущность этого допотопнаго просвѣщенія въ той безобразной кривулѣ, которою нашъ крестьянинъ царапаетъ землю, на его едва взбороненной нивѣ, — въ его посѣвахъ кустами, въ неумѣннн содержать скоть, на который ни съ того, ни съ сего находятъ чума, — въ его курной избѣ, въ его потасовкахъ женѣ и дѣтямъ, — въ особой привязанности сеѣкровъ къ молодымъ невѣсткамъ, — въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ, и наконецъ въ безграмотности...»

...«А все-таки русскій человѣкъ — первый въ Европѣ не только по способностямъ, которыя дала ему природа даромъ, но и по чувству любви, которое чуднымъ образомъ въ немъ сохранилось, несмотря на недостатокъ просвѣщенія, несмотря на превратное преподаваніе религіозныхъ началъ, обращенное лишь на обрядности, а не на внутреннее усовершенствованіе. Ужъ если русскій человѣкъ прошелъ сквозь такую передѣлку и не забылъ христіанской любви, то, стало быть, въ немъ будетъ прокъ, — *но это впереди, а не назадъ*»...

¹⁾ Уже въ 1847 году князь Одоевскій писалъ А. И. Кошелеву: «Я теперь убѣждаюсь, что всѣ эти господа славяне — все тѣ же нѣмцы, только въ зипунахъ, выстроили себѣ рядъ словъ съ неопредѣленнымъ значеніемъ и думаютъ, что они имѣ все истолковали; а надъ всѣмъ этимъ просто лѣнь помѣщика, только вмѣсто преферанса или грань-пасьянса они раскладываютъ лѣтописи и потому считаютъ себя въ правѣ ни въ грошъ не ставить наши пріюты, руководѣяни, общія квартиры, школы, престолярныя книги и прочую рухлядь, надъ которою мы потѣмъ, — у нихъ все это *Западъ и потому ересь*»...

Хотя, по искреннему убѣжденію князя Вл. Оед. Одоевского, «нѣтъ способнѣ русскаго человѣка во всей Европѣ», но столько же князя всегда поражало необычайное «рукавоспустье», дѣльное бездѣлье, халатность и спячка соотечественниковъ. «Что меня бѣситъ,—писаль онъ:—это наша страстная лѣнь, которая мѣшаетъ думать о вещахъ, что сами собою напрашиваются. Если бы Фурье пожилъ у насъ, то не написалъ бы своей «Системы гармонизаціи страстей», зане въ страсти лѣни онъ бы нашель такой элементъ, который уничтожаетъ все другіе».

Единственнымъ средствомъ для борьбы съ невѣжествомъ и лѣнью князю Одоевскому рисовалось поощреніе просвѣщенія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ,—чѣмъ больше людей въ школахъ, утверждалъ онъ, тѣмъ меньше ихъ въ тюрьмахъ ¹⁾).

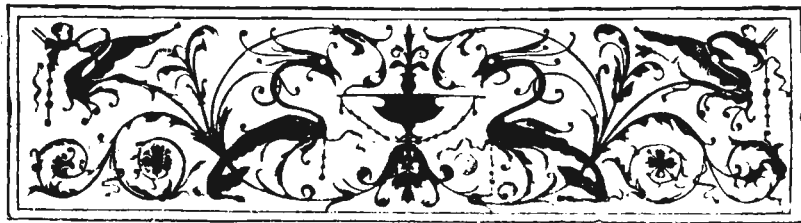
Очертивъ міровоззрѣніе князя Вл. Оед. Одоевского, мы смѣемъ думать, что обликъ его умственной личности возбудитъ симпатіи нашихъ современниковъ и мы будемъ счастливы, если наша замѣтка натолкнетъ иного читателя на желаніе поближе ознакомиться съ воззрѣніями и личностью не по заслугамъ забытаго писателя, благо библіографія о немъ широко представлена и въ очеркѣ И. А. Кубасова, и въ почтенномъ трудѣ П. Н. Сакулина.

Вл. ф.-Штейнъ.



¹⁾ Педагогическая дѣятельность самого Одоевского предала забвенію, а между тѣмъ его «Дѣтскія сказки», «Сельское чтеніе» и статьи въ журналѣ «Сельское Обзорѣніе» заслуживали бы переизданія.

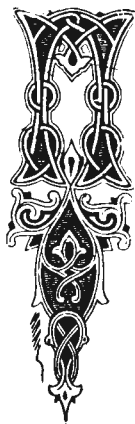
Въ этомъ отношеніи весьма цѣнна статья г-жи Е. Некрасовой «О писателяхъ для народа изъ интеллигенціи» («Сѣверный Вѣстникъ» за 1892 годъ, книга вторая), гдѣ читатель можетъ обстоятельно ознакомиться съ заслугами князя Одоевского въ этой области:—въ сотрудничествѣ съ Враскимъ и Заблоцкимъ-Десятовскимъ онъ первый—далеко ранѣе графа Л. Н. Толстого—показаль, «о чемъ прежде всего и настоятельнѣе всего *надо* говорить съ народомъ, и *какъ* надо говорить».



РАЗВѢНЧАННЫЕ ГЕРОИ РЕВОЛЮЦИИ 1905 Г.

1) Г. С. Хрусталева-Носарь¹⁾.

VI.



ВРВЕДЕННАЯ хронологическая канва событій бурныхъ 1904—1905 годовъ, если бы я сейчасъ живописалъ эти самыя событія, очень широка и потребовала бы вмѣщенія сюда огромнаго историческаго матеріала, но, какъ я уже упоминалъ выше, для настоящей серии статей о развѣнчанныхъ герояхъ революціи 1905 года мнѣ вся сумма тогдашнихъ событій не нужна, и я, въ интересахъ своей ближайшей задачи, воспользуюсь лишь главнымъ образомъ тѣми социальными-политическими квадратиками этой канвы, куда долженъ быть помѣщенъ рисунокъ, изображающій общую социальную схему революціоннаго движенія, а главнѣйше относящійся специально къ рабочему движенію и, какъ въпачанію этого движенія, къ исторіи совѣта рабочихъ депутатовъ, выдвинувшаго на авансцену русской жизни своего героя въ образѣ Хрусталева-Носаря. Но хотя моя тема такого рода постановкою вопроса суживается, я тѣмъ не менѣе на основаніи имѣющихся въ моемъ распоряженіи полуофициальныхъ документовъ долженъ коснуться и общеполитическаго положенія тогдашнихъ дѣлъ, которыя представлю здѣсь почти дословно въ

¹⁾ Продолженіе: См. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXII, стр. 984.

нѣкоторыхъ мѣстахъ статьи такъ, какъ оно обрисовано въ одной обширной офиціозной запискѣ, не издавшей печатнаго свѣта и хранящейся нынѣ въ одномъ изъ частныхъ архивовъ, но которая, повидимому, была и въ обладаніи г. А. Морского при составленіи цитированной выше брошюры «Исходъ російской революціи 1905 года и правительство Носаря».

Въ моихъ очеркахъ «Борьба за конституцію» и «Революціонный періодъ русской жизни», какъ равно и въ послѣдующихъ, появившихся на страницахъ «Историческаго Вѣстника» за послѣдніе два года, отмѣчалось въ хронологической послѣдовательности и въ возможной полнотѣ нарастаніе общественнаго движенія оппозиціоннаго характера. Пропуская сейчасъ исторію этого нарастанія за періодъ времени съ 1894 по 1902 годъ, о чемъ въ свое время у насъ еще будетъ рѣчь, отмѣчу лишь, что это общественное движеніе или, правильнѣе, общественная оппозиція достигла особаго напряженія въ годы 1902—1905, т.-е. именно въ то время, когда администраціей принимались особенно энергичныя мѣры къ полному ея подавленію. Не находя себѣ законныхъ формъ, жизнь и дѣятельность общества въ указанные годы по необходимости выливались въ формы «незаконныя», по мнѣнію администраціи. При этомъ одна часть общества, и въ количественномъ отношеніи наиболѣе обширная, ограничивалась лишь осторожными выраженіями недовольства существующимъ строемъ, другая—всячески поддерживала всѣ проявленія противоправительственной оппозиціи и снабжала таковую матеріальными средствами и, наконецъ, третья, наиболѣе энергичная, смѣлая, экспансивная и идейно фанатизированная, принимала въ нихъ явное, активное участіе. Какъ свидѣтельствуетъ мой офиціозный матеріалъ, «противоправительственная агитація почти не встрѣчала противодѣйствія въ обществѣ. Происходило это отчасти потому, что даже лица, принципально ей не сочувствовавшія, не считали себя въ правѣ выступать противъ нея, находя, что при существовавшемъ тогда положеніи борьба можетъ происходить только въ слишкомъ неравныхъ условіяхъ, а именно въ то время, какъ одна сторона—за правительствомъ—имѣетъ право все говорить открыто и безбоязненно, другая—противъ правительства—рискуетъ подвергнуться самому суровому наказанію, вплоть до лишенія свободы на многіе годы за одно неосторожное слово или за самый фактъ обнаруженія своего образа мыслей. Невозможность вести борьбу при столь неравныхъ условіяхъ заставляла молчать лучшую часть благонамѣреннаго общества, худшая же его часть своей нетактичностью, а иногда и недостаточною разборчивостью въ пріемахъ борьбы только дискредитировала дѣло правительства».

Объявленіе войны съ Японіей и крайне неудачное ея теченіе еще болѣе обострили антагонизмъ между правительствомъ и обще-

ством¹⁾. Последнее не понимало причинъ и смысла этой войны, видѣло въ ней только ненужную и опасную политическую авантюру и объясняло себѣ ея возникновеніе не государственными нуждами и потребностями, а своекорыстными стремленіями небольшой, но вліятельной группы лицъ, имена которыхъ тогда открыто назывались. Получавшіяся съ войны извѣстія, какъ официальные, такъ еще болѣе неофициальные, единогласно обнаруживали съ полной очевидностью и наглядностью полную нашу неподготовленность къ войнѣ и неблагоустройство важнѣйшихъ отраслей управленія—арміи, флота, путей сообщенія. Въ это же время знакомство съ противниками показало, какъ Японія, сорокъ лѣтъ тому назадъ полуварварская страна, благодаря правильному ходу государственной жизни, достигла высокой степени культурнаго развитія и какъ естественный выводъ отсюда—ея побѣдоносное преимущество надъ Россіей. Однако въ концѣ 1904 года настроеніе общества, въ его подавляющей массѣ, далеко еще не было революціоннымъ, и передовые классы его только заявляли на первомъ земскомъ съѣздѣ 6—8-го ноября 1904 года, что «правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ народомъ», и что «для созданія и сохраненія всегда живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ на основѣ вышеуказанныхъ началъ и обезпеченія правильнаго развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія, въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи», причемъ меньшинство находило даже это мнѣніе слишкомъ крайнимъ и готово было удовлетвориться однимъ участіемъ народнаго представительства въ законодательствѣ.

Правительство въ высочайшемъ указѣ правительствующему сенату отъ 12-го декабря 1904 года высказало свое согласіе съ критическою частью постановленій упомянутаго выше земскаго съѣзда и признало, что въ числѣ прочихъ подлежатъ коренной переработкѣ вопросы объ охраненіи полной силы закона, о земскихъ учрежденіяхъ, объ устройствѣ судебной части, о мѣрахъ по охраненію государственнаго спокойствія, о правахъ инородцевъ, объ устраненіи излишнихъ стѣсненій печати, о государственномъ страхованіи рабочихъ. Выходило такъ, что почти всѣ важнѣйшія

¹⁾ Въ слѣдующемъ 1914 году авторъ надѣется дать на страницахъ нашего журнала большую работу, раскрывающую причины этой войны. Работа эта будетъ базироваться такъ же, какъ и настоящіе очерки, на не использованномъ до сихъ поръ архивомъ матеріалѣ офиціознаго характера.

стороны государственной жизни имѣютъ быть пересмотрѣны и обновлены, но въ самый день опубликованія этого указа правительство рѣшительно отвергло ходатайство о привлеченіи общественныхъ силъ къ дѣлу правленія государствомъ (правительственное сообщеніе отъ 14-го декабря 1904 года).

Въ результатѣ этихъ актовъ явилась глубокая неудовлетворенность передовыхъ классовъ общества, которые, однако, будучи лишены прямыхъ и законныхъ способовъ воздѣйствія на правительство, выражали свое неудовольствіе только въ рядѣ политическихъ банкетовъ и резолюцій, а болѣе энергичныя лица, настроенныя въ революціонномъ направленіи и въ этой революціонной области достаточно тренированныя своею предшествовавшею дѣятельностью, проявляли это неудовольствіе въ видѣ усиленной пропаганды въ рабочей и крестьянской средѣ. Почва для такой пропаганды, въ особенности среди рабочихъ промышленныхъ предпріятій и желѣзныхъ дорогъ, оказалась крайне благоприятной. Съ одной стороны, чрезвычайно тяжелое экономическое положеніе рабочихъ стало еще тяжелѣе за время войны въ виду естественнаго въ такіе историческіе періоды сокращенія дѣятельности многихъ промышленныхъ предпріятій, съ другой же—интересъ къ войнѣ заставилъ рабочихъ сильнѣе прежняго интересоваться повременной печатью, откуда и узнавать о нашихъ неудачахъ и причинахъ этихъ неудачъ. Къ этому присоединилось вліяніе той революціонной агитаціи, которая велась во многихъ мѣстахъ имперіи, на примѣръ, Москвѣ, Одессѣ и другихъ мѣстахъ, а въ особенности въ Петербургѣ, при чемъ по роковой случайности и величайшему административному недоразумѣнію за счетъ и подъ покровительствомъ министерства внутреннихъ дѣлъ времени управленія имъ В. К. Плеве. Объ этомъ недоразумѣніи и провалѣ нашей внутренней политики я буду говорить въ очеркѣ, посвященномъ Георгію Гапону, а пока лишь отмѣчу, что министерство внутреннихъ дѣлъ, чтобы создать противо-дѣйствіе революціонной агитаціи, рѣшило взять таковую въ свои руки въ увѣренности, что такимъ образомъ ему удастся направить эту агитацію сообразно видамъ правительства.

Съ этою цѣлью еще съ начала 1904 года при фабрикахъ и заводахъ Петербурга былъ утвержденъ уставъ «с.-петербургскаго общества фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ», имѣвшаго цѣлью удовлетвореніе духовныхъ и нравственныхъ интересовъ рабочихъ и отвлеченіе ихъ отъ вліянія преступной пропаганды. Такія же общества съ разрѣшенія все того же министерства внутреннихъ дѣлъ открывались и въ другихъ мѣстностяхъ имперіи. Всѣ эти общества, дѣйствовавшія подъ наблюденіемъ охраннаго отдѣленія и при его содѣйствіи, устраивали для рабочихъ публичныя чтенія по экономическимъ и политическимъ вопросамъ, собирали деньги на стачечный фондъ, организовывали благонамѣренныя въ политическомъ

отношеніи процесси рабочих и санкціонировали стачки на заводахъ. Наиболѣе крайніе и сознательные революціонные элементы среди рабочих или держались въ сторонѣ отъ этихъ политическихъ организацій, или, наоборотъ, вступали въ нихъ для того, чтобы подъ ихъ покровомъ поддерживать и возбуждать противоправительственное броженіе среди рабочихъ массъ. Последнее проявилось съ особенною силою въ нашей сѣверной столицѣ, гдѣ во главѣ такой организаціи въ качествѣ предсѣдателя общества былъ поставленъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ священникъ Георгій Гапонъ, подъ руководствомъ котораго общество, укрывшись отъ бдительнаго надзора и властнаго воздѣйствія правительства, стало заниматься революціонной пропагандой, принявъ мѣры сближенія интеллигентнаго и рабочаго пролетаріата для совмѣстной противоправительственной борьбы. Руководимыя Гапономъ рабочія организаціи превратились въ правильные союзы борьбы и революціонной пропаганды, результатомъ которыхъ явилась сперва грандіозная стачка, а затѣмъ громкія и кровавыя событія 9-го и 11-го января 1905 года, о которыхъ мы будемъ говорить подробно въ статьѣ о Гапонѣ и послѣ которыхъ забастовки фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ съ забастовками рабочихъ и низшихъ служащихъ на многихъ желѣзныхъ дорогахъ широкою волною прокатились по всей Россіи, охватывая собою все большіе и большіе территориальные районы.

Однако забастовки служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ 1905 года не носили на себѣ спеціально революціоннаго отпечатка, какъ это видно изъ содержанія подававшихся въ то время многочисленныхъ петицій, весьма почтительныхъ по тону и имѣвшихъ своей конечною цѣлью удовлетвореніе экономическихъ потребностей. Именно экономическими причинами объяснялось возникновеніе стачекъ управляющими какъ частныхъ, напримѣръ, Рязанско-Уральской, желѣзныхъ дорогъ, такъ и казенныхъ, при чемъ наблюдалось то любопытное явленіе, что забастовки желѣзнодорожныхъ рабочихъ и служащихъ стояли въ непосредственной связи и протекали подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ забастовавшихъ еще раньше фабрично-заводскихъ рабочихъ, не позволявшихъ первымъ итти на какіе-либо компромиссы съ начальствомъ.

Практическимъ результатомъ январскихъ забастовокъ было объявленіе рабочимъ по высочайшему повелѣнію министромъ финансовъ и петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, гдѣ говорилось, что «министерство финансовъ готово приступить къ разработкѣ закона о дальнѣйшемъ сокращеніи рабочаго времени и такихъ мѣръ, которыя дали бы рабочему люду законные способы обсуждать и заявлять о своихъ нуждахъ». Желѣзнодорожные же рабочіе получили нѣсколько льготъ, главнымъ образомъ въ области заработной платы, при чемъ по большинству заявленныхъ рабочими ходатайствъ, какъ

требовавших особой разработки или утверждения их высшими органами управления, имъ было обѣщано въ полной мѣрѣ или въ частяхъ удовлетвореніе ихъ въ возможно скоромъ времени.

VII.

Событія 9-го января въ Петербургѣ и забастовки на фабрикахъ, заводахъ и желѣзныхъ дорогахъ вызвали сильное движеніе во всѣхъ слояхъ общества, но наиболѣе рѣшительно объявили себя на сторонѣ рабочихъ студенты высшихъ учебныхъ заведеній, въ средѣ которыхъ политическое броженіе, политическая пропаганда и агитация поддерживались не прекращавшимися многолѣтними безпорядками, достигшими особой интенсивности въ 1899 году, послѣ избіенія ихъ конной полиціей на набережной Васильевскаго острова въ день университетскаго акта 8-го февраля. Тогда еще учащаяся молодежь выдвинула въ качествѣ опредѣленнаго метода борьбы съ существующимъ порядкомъ вещей стачечное движеніе обструкціонной категоріи. Этой стороны нашей жизни я здѣсь касаться не буду; о ней когда-нибудь со временемъ я еще буду говорить, а пока отошлю интересующихся и незнакомыхъ съ этимъ движеніемъ къ статьѣ Н. И. Турданскаго, напечатанной въ № 9 журнала «Былое» за 1907 годъ.

Манифестація Гапона, желѣзнодорожныя и нынѣ забастовки довели оппозиціонное настроеніе студенчества до крайней степени кипѣнія и потому, признавая, что «при такомъ состояніи духа и при уtratѣ душевнаго равновѣсія никакія занятія невозможны», студенты постановили на своихъ сходкахъ закрыть учебныя заведенія, что и было приведено въ исполненіе повсемѣстно въ имперіи, при чемъ студенты встрѣтили въ данномъ направленіи полное сочувствіе и со стороны своихъ профессоровъ. Среди послѣднихъ начало наблюдаться также сильное движеніе уже въ 1904 году, а въ январѣ 1905 года была составлена и подписана нѣсколькимистами представителей высшихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній записка о современномъ положеніи и нуждахъ русской школы, гдѣ между прочимъ составители записки говорили: «Мы, дѣятели ученыхъ и высшихъ учебныхъ заведеній, высказываемъ твердое убѣжденіе, что для блага страны необходимо установленіе незыблемаго начала законности и неразрывно съ нимъ связаннаго начала политической свободы. Опытъ и исторія свидѣтельствуютъ, что эта цѣль не можетъ быть достигнута безъ привлеченія свободно избранныхъ представителей всего народа къ осуществленію законодательной власти и контролю надъ дѣйствіями администраціи. Только на этихъ условіяхъ обезпеченной личной и общественной свободы можетъ быть достигнута свобода академическая—это необходимое условіе истиннаго просвѣщенія».

Но еще болѣе, чѣмъ учебныя заведенія, заволновалась предъ лицомъ наступившихъ событій крупная промышленность, потрясенная русско-японской войной и видѣвшая въ развитіи рабочихъ безпорядковъ свое полное разореніе. По сему предмету используемые мною архивныя матеріалы свидѣтельствуютъ, что «уже въ серединѣ января 1905 года группа крупнѣйшихъ фабрикантовъ и заводчиковъ Москвы и московскаго района писала въ своей запискѣ, представленной предсѣдателю комитета министровъ слѣдующее: «Событія, переживаемыя Россіей въ послѣднее время, вызвали всеобщее движеніе культурныхъ элементовъ страны, захвативъ въ концѣ концовъ и рабочіе кадры, какъ наиболѣе отзывчивый классъ рабочей массы. Движеніе это обнаружило коренящееся внутри страны и въ ея населеніи глубокое неудовольствіе существующимъ порядкомъ, уже долгое время таившееся въ немъ и не высказанное благодаря исключительнымъ мѣропріятіямъ, которыя предпринимались правящей бюрократіей, наложившей запреты и оковы на печать, слово, мысль, однимъ словомъ, на всѣ тѣ законныя пути, при помощи которыхъ граждане, и въ томъ числѣ мы, промышленники, съ одной стороны, и рабочіе съ другой, — свободно могли бы заявить о своихъ нуждахъ и желаніяхъ». Затѣмъ записка указываетъ на искусственно поддерживаемое въ русскомъ народѣ невѣжество: «безъ ошибки можно сказать, — говорится здѣсь, — что русская народная масса со времени освободительной эпохи Александра II почти не двинулась впередъ въ отношеніи культурномъ, но зато въ ней выросъ глухой протестъ противъ всего того, что ее гнететъ и давитъ, что оскорбляетъ ея достоинство и честь, что отдаляетъ отъ другихъ сословіи созданіемъ для нея особыхъ судовъ и особой администраціи и что не даетъ ей никакихъ законныхъ способовъ требовать и достигать лучшихъ условій своего быта. Къ сожалѣнію, на русской промышленности тяжелыми ударами отзываются печальныя результаты перечисленныхъ ненормальностей; русской промышленности часто приходится испытывать накопившееся неудовольствіе занятыхъ въ ней рабочихъ, которое при прочномъ правовомъ порядкѣ, при равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, при неотъемлемыхъ гарантіяхъ неприкосновенности личности, при свободѣ коалицій и союзовъ различныхъ группъ населенія, связанныхъ общностью интересовъ, могло бы вылиться въ спокойныя, законныя формы борьбы, какъ это наблюдается въ Западной Европѣ и Америкѣ, гдѣ отъ этого промышленность не только не пострадала, но достигла, наоборотъ, такого расцвѣта, котораго далеко еще не наблюдается въ Россіи... Настоящія рабочія волненія, хотя и построены на экономической почвѣ, въ то же время являются крупнымъ политическимъ движеніемъ, связаннымъ съ общимъ настроеніемъ... Напрасно властвующая администрація приписываетъ всякое народное возмущеніе исключительно агитаціи лицъ, сѣющихъ смуту и непокорство. Слишкомъ очевидно,

что на вспаханной нивѣ не взойдетъ никакое сѣмя, не приметъ никакое зерно. Рабочіе и крестьянскіе беспорядки, непрестанно разбѣдающіе русскую промышленность, нанося ей огромные убытки, и широкой волной охватывающіе то одинъ, то другой районъ Россіи,—выражаясь часто въ грабежахъ, поджогахъ и насиліяхъ,—наивно объясняютъ воздѣйствіемъ революціонныхъ элементовъ. Нѣтъ, общее настроеніе государственной жизни, отсутствіе политическихъ правъ, отсутствіе гласнаго заступничества передъ престоломъ за народныя интересы въ лицѣ свободно избранныхъ представителей изъ народа, отсутствіе другихъ прерогативъ, составляющихъ неотъемлемую принадлежность свободной личности въ свободномъ государствѣ,—вотъ гдѣ слѣдуетъ искать главнѣйшія причины періодическихъ рабочихъ волненій». Въ виду этого крупнѣйшіе промышленники Москвы и московскаго района указываютъ, что «настроеніе народныхъ массъ въ странѣ является грознымъ предостереженіемъ существующему режиму, что никакими репрессіями не остановитъ движенія, имѣющаго глубокіе корни въ народѣ, съ каждымъ днемъ дающаго все новыя и новыя ростки», и что выходъ изъ этого положенія возможенъ лишь при установленіи элементарныхъ условій правового государства и привлеченіи народныхъ представителей къ участию въ законодательствѣ и обсужденіи бюджета.

Около того же времени была представлена докладная записка фабрикантовъ и заводчиковъ центрального района за подписью сорока семи промышленныхъ предпріятій съ 125 тысячами рабочихъ, гдѣ слѣдующимъ образомъ дано объясненіе причинамъ движенія въ январѣ 1905 года. «Обращаясь къ изслѣдованію этихъ причинъ,—сказано здѣсь:—мы прежде всего нагаливаемся на то въ высшей степени характерное явленіе, что рабочіе, пріостановивъ работы подъ предлогомъ различныхъ недовольствъ экономическаго свойства, объединяются затѣмъ въ группы и нѣ предѣловъ фабрикъ и предъявляютъ цѣлый рядъ другихъ, но уже политическихъ требованій. Сознательно ли формулированы означенныя требованія, или же они навѣяны стороннимъ вліяніемъ, это, по нашему убѣжденію, не имѣетъ особаго значенія, но во всякомъ случаѣ приходится констатировать, что онѣ являются отголоскомъ накопившагося въ странѣ недовольства на почвѣ общаго правового положенія, каковое одинаково испытываютъ какъ культурные элементы общества, такъ и народъ съ наиболѣе отзывчивымъ его классомъ—рабочими». Въ виду этого промышленники центрального района указываютъ на необходимость выполненія тѣхъ же по существу условій, что промышленники московскіе. Къ тому же выводу приходятъ съѣздъ уральскихъ промышленниковъ и высочайше утвержденная совѣщательная контора желѣзозаводчиковъ, изъ которыхъ послѣдняя является представительницей всей русской желѣзодѣлательной промышлен-

ности. Такимъ образомъ, наиболѣе консервативный классъ населенія высказался за коренное измѣненіе государственнаго строя и сдѣлалъ это, усматривая въ рабочемъ движеніи «грозное предостереженіе».

Въ томъ же направленіи высказались органы земскаго и городского самоуправленія, а отчасти и дворянское сословіе, какъ, напримеръ, нижегородское губернское земское и бессарабское губернское дворянское собранія.

VIII.

Въ это же время развивается усиленное объединеніе на почвѣ политическаго протеста разныхъ общественныхъ группъ. Это объединеніе началось еще въ концѣ 1904 года на устраивавшихся въ то время по разнымъ поводамъ товарищескихъ обѣдахъ и банкетахъ адвокатовъ, инженеровъ и т. д., гдѣ обсуждалось главнымъ образомъ современное положеніе Россіи. Результаты этихъ обсужденій вылились въ рядъ записокъ, изъ которыхъ наибольшій интересъ представляетъ записка инженеровъ, покрытая тысячами подписей. «Грозныя событія послѣднихъ дней, — свидѣлствуетъ эта записка: — создавшія тягостныя, невыносимыя условія для насъ, инженеровъ и техниковъ, работниковъ на разныхъ поприщахъ промышленности, заставляютъ насъ открыто высказать наше мнѣніе... Причина частыхъ за послѣдніе годы потрясеній нашей промышленности бурными взрывами рабочихъ движеній лежитъ не въ агитаціи такъ называемыхъ революціонеровъ и, конечно, ужъ не въ иноземномъ воздѣйствіи, а въ коренномъ и ясно сознаваемомъ всѣми мыслящими гражданами неуровнѣннѣ нашей государственной жизни... Мы опасаемся, что отечественная промышленность, нынѣ и безъ того находящаяся въ тяжелыхъ условіяхъ, можетъ быть поставлена въ безвыходное положеніе, при которомъ участіе въ ней капитала и интеллигентнаго труда сдѣлается совершенно невозможнымъ... Рабочему населенію должна быть открыта возможность на законной почвѣ самостоятельно отстаивать свои интересы. На томъ уровнѣ развитія, котораго достигла русская промышленность, мѣры бюрократическаго попеченія уже не въ силахъ вносить успокоеніе въ умы: напротивъ, своими постоянными колебаніями то въ направленіи односторонней защиты нанимателя, то въ сторону показной поддержки рабочихъ онѣ порождаютъ во всѣхъ слояхъ промышленнаго населенія неуверенность и раздраженіе. Удовлетвореніе же основнаго требованія рабочаго класса путемъ дарованія широкой свободы союзовъ и собраній предполагаетъ проведеніе въ жизнь началъ общегражданской политической свободы».

Уже самый фактъ подписанія такихъ записокъ до извѣстной степени объединилъ дѣятелей отдѣльныхъ специальностей (инженеровъ, адвокатовъ, профессоровъ и т. д.), указавъ каждому изъ

единомышленниковъ на необходимость дѣйствовать солидарно— прежде всего въ виду возможныхъ преслѣдованій со стороны администраціи. Это соображеніе заставило подписавшихъ записки лицъ сдѣлать слѣдующій шагъ на пути взаимнаго объединенія и образовать политическіе союзы—инженеровъ, адвокатовъ и т. п. Всѣ эти союзы образовывались безъ всякаго разрѣшенія, но дѣйствовали вполне открыто, не только не скрывая своихъ постановленій и списка своихъ членовъ, но всячески ихъ распространяя въ обществѣ. Такой смѣлый, до тѣхъ поръ невиданный образъ дѣйствій, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что во главѣ союзовъ стали пользующіеся большимъ уваженіемъ общественные дѣятели, сразу заставилъ смотрѣть на союзы, какъ на новую, но крупную общественную силу. Политическая программа, или, какъ ее называли въ самыхъ союзахъ заимствованнымъ изъ англійской парламентской практики терминомъ—«платформа», почти во всѣхъ союзахъ была одинакова. Старшій по времени изъ союзовъ—союз инженеровъ—такъ опредѣляетъ свою платформу: «Делегатскій съѣздъ инженеровъ всѣхъ національностей признаетъ, что внѣшнія и внутреннія условія настоящаго политическаго момента исключаютъ возможность развитія промышленности. Подготовленный долгими годами режима произвола и усмотрѣнія кризисъ охватилъ всю страну. Съ особенною силою тяжесть кризиса испытываютъ трудящіеся классы населенія. Рабочіе и крестьяне находятся въ состояніи непрерывнаго броженія.

«Такое положеніе дѣлъ заставляеть съѣздъ думать прежде всего не о техническомъ прогрессѣ, не о рынкахъ сбыта, не о частныхъ улучшеніяхъ въ положеніи рабочихъ, а о коренномъ измѣненіи государственнаго управленія.

«Съѣздъ признаетъ безусловно необходимымъ немедленный созывъ учредительнаго собранія на основахъ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ для всѣхъ совершеннолѣтнихъ гражданъ, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія для выработки формъ государственнаго устройства на демократическихъ началахъ при осуществленіи автономнаго устройства отдѣльныхъ территоріальныхъ и національныхъ частей (какъ-то: Польши, Литвы, Кавказа и др.) съ правомъ каждой національности на самоопредѣленіе при условіи сохраненія государственнаго единства Россіи.

«Автономія отдѣльныхъ частей должна осуществляться особыми представительными собраніями, избранными на указанныхъ выше основахъ, при общ. мѣ для всего государства представительномъ учрежденіи и при гарантіи всѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ для отдѣльныхъ національностей общей конституціей.

«Необходимымъ предварительнымъ условіемъ для созыва учредительнаго собранія съѣздъ считаетъ уничтоженіе положенія объ усиленной охранѣ, полную отмѣну во всемъ государствѣ всѣхъ

исключительныхъ и ограничительныхъ законовъ, неприкосновенность личности и жилища, передачу полиціи въ руки органовъ самоуправления, свободу совѣсти, слова, печати, стачекъ, собраній и союзовъ, манифестацій и полную амнистію всѣмъ преслѣдуемымъ и осужденнымъ за такъ называемыя политическія и религіозныя преступленія».

Наконецъ въ томъ же направленіи дѣйствовали и ученые общества. Такъ, 14-го января 1904 года состоялось засѣданіе императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства. На этомъ засѣданіи было сдѣлано постановленіе съ выраженіемъ протеста правительству за мѣры, принятыя при подавленіи рабочихъ волненій въ Петербургѣ 9-го января, и съ требованіемъ призыва народныхъ представителей. Это постановленіе было вскорѣ отпечатано съ цѣлью распространенія въ обществѣ. По всеподданнѣйшему докладу министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ объ этомъ постановленіи, московское общество сельскаго хозяйства лишено было права именоваться императорскимъ.

Такимъ образомъ, всѣ слои интеллигенціи, какъ городской, такъ и земельной, не исключая даже такихъ обычно консервативныхъ группъ, какъ дворянство и крупная промышленность, единогласно высказались за неотложность реформъ въ духѣ дарованія странѣ общегражданской свободы и привлеченія къ управленію страной представителей отъ населенія.

Что касается рабочихъ, то послѣ нѣсколькихъ дней волненій и забастовокъ они къ срединѣ января стали опять на работы. Ясно было, однако, что отъ такого начала работъ далеко еще до полного успокоенія и что рабочіе ждутъ только удобнаго случая и того момента, когда они съ большими шансами на успѣхъ смогутъ вновь выступить со своими требованіями. Въ виду этого 29-го января 1905 года, независимо отъ происходившаго по высочайшему повелѣнію обсужденія въ комитетѣ министровъ общихъ мѣръ для упорядоченія быта и положенія рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, Государемъ Императоромъ было высочайше повелѣно образовать, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта сенатора Шидловскаго, особую комиссію для безотлагательнаго выясненія причинъ недовольства рабочихъ въ Петербургѣ и его пригородахъ и изысканія мѣръ къ устраненію таковыхъ въ будущемъ. Комиссія эта должна была состоять изъ представителей всѣхъ заинтересованныхъ вѣдомствъ, назначаемыхъ по соглашенію предсѣдателя комиссіи съ подлѣжщими министрами, представителей промышленниковъ, по ихъ выбору, и рабочихъ, по избранію самихъ рабочихъ.

Рабочіе охотно начали производить выборы депутатовъ въ комиссію, особенно въ виду объявленія предсѣдателемъ комиссіи о томъ, что «никто изъ избранныхъ въ комиссію представителей рабочихъ не подвергнется преслѣдованію за откровенность въ дѣло-

выхъ сужденіяхъ». Однако крайнія партіи усиленно агитировали противъ участія рабочихъ. Сперва эта агитація была почти безуспѣшна, но когда выбранные отъ нѣкоторыхъ заводовъ (Балтійскаго) депутаты были арестованы, а на другихъ (экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ) уволены со службы, рабочіе, единодушно возмущившись, заявили, что они только въ томъ случаѣ могутъ приступить къ избранію своихъ представителей, если имъ будетъ дана возможность вполне свободно обсудить свои нужды и гарантирована будетъ полная неприкосновенность какъ самихъ рабочихъ, такъ и ихъ представителей. Въ отвѣтъ на это предсѣдателемъ комиссіи было объявлено, что многія изъ требованій рабочихъ не могутъ подлежать удовлетворенію, такъ какъ выходятъ изъ предѣловъ возложенной на комиссію задачи и полномочій ея предсѣдателя. Ознакомившись съ этимъ постановленіемъ, рабочіе отказались отъ производства выборовъ, вслѣдствіе чего комиссія была закрыта.

Вслѣдъ за симъ была учреждена новая комиссія по рабочему вопросу, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря В. Н. Коковцова, но уже безъ представителей отъ рабочихъ. Комиссія эта начала свои засѣданія только въ маѣ, рабочіе объ ея дѣятельности ничего не знали и ею не интересовались и видѣли только, что, когда они волновались, о нихъ думали и давали всяческія обѣщанія, а какъ только они успокоились, какъ бы забыло о нихъ и правительство. Такое убѣжденіе рабочихъ имѣло затѣмъ чрезвычайно важное вліяніе на весь ходъ рабочаго движенія во второй половинѣ года.

4-го февраля въ Москвѣ палъ жертвою террористическаго преступленія великій князь Сергій Александровичъ, но это печальное событіе въ жизни царствующаго дома и всей Россіи не воспрепятствовало правительству дѣлать попытки къ проведенію въ жизнь народа опредѣленныхъ реформъ. Такъ, именнымъ высочайшимъ указомъ правительствующему сенату отъ 18-го февраля 1905 года Государю Императору благоугодно было признать за благо облегчить всѣмъ вѣрноподаннымъ, радѣющимъ объ общей пользѣ и нуждахъ государственныхъ, возможность непосредственно быть услышанными Его Императорскимъ Величествомъ и въ виду сего возложить на совѣтъ министровъ, сверхъ дѣль, ему подвѣдомственныхъ, разсмотрѣніе и обсужденіе поступающихъ на высочайшее имя отъ частныхъ лицъ и учреждений видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія, благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія. Основной смыслъ и значеніе приведеннаго высочайшаго указа ясно выражались въ вослѣдовавшемъ одновременно съ нимъ высочайшемъ манифестѣ и всемилостивѣйшемъ рескриптѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ Булыгина. Этотъ историческій актъ былъ опубликованъ при сравнительно благопріятной общественной атмосферѣ, ибо, не-

смотря на нѣкоторые угрожающіе симптомы, подавляющая масса населенія ждала проведенія необходимыхъ реформъ въ смыслѣ призыва къ участию въ управленіи имперіей народныхъ представителей,— со стороны правительственной власти, т. е. ожидало добровольной реформы «сверху» и извѣстное обоснованіе своимъ ожиданіямъ усматривала въ высочайшемъ указѣ 12-го декабря 1904 года. Что касается рабочихъ, то только въ одинъ моментъ крайнія партіи взяли верхъ надъ настроеніемъ фабрично-заводской и желѣзнодорожной массы. Моментомъ этимъ было бойкотированіе комиссіи сенатора Шидловскаго, когда русское общество впервые услышало имя Хрусталева, но этотъ моментъ длился недолго и, можно сказать, большинство рабочихъ даже послѣ того обрѣталось въ довольно миролюбивомъ настроеніи.

Рескриптъ 18-го февраля былъ встрѣченъ въ общемъ сочувственно руководящими передовыми общественными силами, которыя усматривали въ немъ осуществленіе минимума политическихъ ожиданій, кристаллизовавшихся въ общественномъ сознаніи въ предыдущіе мѣсяцы, о коихъ у насъ шла рѣчь передъ тѣмъ. Такъ, вліятельный журналъ «Право» писалъ по сему предмету: «18-го февраля 1905 года навсегда останется памятнымъ въ нашей государственной жизни... Какъ бы ни смотрѣть на тѣ послѣдствія, которыя объявленіе о созывѣ народныхъ представителей повлечетъ за собой, день этотъ составитъ поворотный пунктъ въ нашей исторіи... Высочайшій рескриптъ 18-го февраля—та дверь, за которой рисуется перспектива свѣтлаго будущаго». Смущало общественное сознаніе только нѣкоторое противорѣчіе, усматривавшееся изъ сопоставленія рескрипта министру внутреннихъ дѣлъ съ манифестомъ, опубликованнымъ утромъ 19-го февраля ¹⁾. Это кажущееся противорѣчіе наводило нѣкоторыхъ скептиковъ на мысль, что отмѣченное противорѣчіе дастъ бюрократіи способъ и возможность не осуществить высочайшаго рескрипта на имя министра внутреннихъ дѣлъ такъ, какъ явствуетъ изъ его смысла и какъ того желаетъ общество.

IX.

Я упомянулъ о созывѣ особой комиссіи подъ предѣдательствомъ члена государственнаго совѣта сенатора Шидловскаго. Считаю нужнымъ нѣсколько остановиться на этомъ моментѣ нашей тогдашней общественной жизни и отмѣтить, какъ реагировали и въ концѣ концовъ сорвали сами рабочіе эту комиссію подъ вліяніемъ агитаціи социаль-демократической партіи, въ расчеты которой не входило осуществленіе этой комиссіи, имѣвшей цѣлью успокоеніе рабо-

¹⁾ Рескриптъ министру внутреннихъ дѣлъ былъ опубликованъ 19 февраля вечеромъ.

чпхъ массъ. Весь ходъ событій довольно подробно изложенъ въ книгѣ П. Алмазова «Наша революція (1902—1907 гг.)»¹⁾, въ статьѣ С. И. Сомова «Изъ исторіи социаль-демократическаго движенія въ Петербургѣ въ 1905 году», напечатанной въ журналѣ «Былое» за 1907 годъ, а также въ «Исторіи совѣта рабочихъ депутатовъ города С.-Петербурга»²⁾.

По инициативѣ тогдашняго генераль-губернатора Трепова, отъ петербургскихъ рабочихъ была вызвана въ Царское Село депутація, къ которой Государь обратился со слѣдующими словами: «Я вызвалъ васъ для того, чтобы вы могли лично отъ меня услышать мое слово и непосредственно передать его вашимъ товарищамъ. Прискорбныя событія, съ печальными, но неизбѣжными послѣдствіями смуты, произошли оттого, что вы дали себя вовлечь въ заблужденіе и обманъ измѣнникамъ и врагамъ нашей родины. Приглашая васъ идти подавать мнѣ прошеніе о нуждахъ вашихъ, они поднимали васъ на бунтъ противъ меня и моего правительства, насильно отрывая васъ отъ честнаго труда въ такое время, когда всѣ истинно-русскіе люди должны дружно и не покладая рукъ работать на одолѣніе нашего упорнаго внѣшняго врага. Стачки и мятежныя сборища только возбуждаютъ безработную толпу къ такимъ беспорядкамъ, которые всегда заставляли и будутъ заставлять власть прибѣгать къ военной силѣ, а это неизбѣжно вызываетъ и неповинныя жертвы. Знаю, что не легка жизнь рабочаго. Многое надо улучшить и упорядочить, но имѣйте терпѣніе. Вы сами по совѣсти понимаете, что слѣдуетъ быть справедливымъ и къ вашимъ хозяевамъ и считается съ условіями нашей промышленности. Въ попеченіяхъ моихъ о рабочихъ людяхъ озабочусь, чтобы все возможное къ улучшенію быта ихъ было сдѣлано и чтобы обезпечить имъ впредь законные пути для выясненія назрѣвшихъ нуждъ. Я вѣрю въ честныя чувства рабочихъ людей и непоколебимую ихъ преданность мнѣ, а потому прощаю имъ ихъ вину. Теперь возвращайтесь къ мирному труду вашему, благословясь принимайтесь за дѣло вмѣстѣ съ вашими товарищами, и да будетъ Богъ вамъ въ помощь».

Затѣмъ 29-го января послѣдовало высочайшее повелѣніе: «Независимо отъ происходящаго нынѣ по высочайшему повелѣнію обсужденія въ комитетѣ министровъ общихъ мѣръ для упорядоченія быта и положенія рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, образовать подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта сенатора дѣйствительнаго статскаго совѣтника Шидловскаго особую

¹⁾ П. Алмазовъ. «Наша революція (1902—1907 г.г.)». Историческій очеркъ. Кіевъ. 1907 г.

²⁾ Сборникъ статей Н. Троцкаго, А. Кузовлева, Г. Хрусталева-Носаря, В. Звѣдина, С. Введенскаго, А. Симановскаго, Б. Петрова-Радына, П. Злыднева, Н. Нѣмова и М. Киселевича.

комиссію для безотлагательнаго выясненія причинъ недовольства рабочихъ въ Петербургѣ и его пригородахъ и для изысканія мѣръ къ устраненію таковыхъ въ будущемъ». Въ комиссію входили представители всѣхъ заинтересованныхъ вѣдомствъ, назначаемые по соглашенію председателя комиссіи съ подлежащими министрами, выбранные фабрикантами и заводчиками представители промышленности и, наконецъ, представители рабочихъ, избранные ими самими. Председатель комиссіи имѣлъ право непосредственно обращаться съ всеподданнѣйшими докладами по ея дѣламъ.

«Понятно, что умиротвореніе рабочей массы и выясненіе верховной властью истинныхъ причинъ недовольства рабочихъ вовсе не входило въ планы подполья,—повѣствуетъ г. П. Алмазовъ.—«Намъ довольные рабочіе не нужны!» воскликнуть какъ-то въ минуту откровенности одинъ социаль-демократическій рабочій. Требовалось поэтому такъ или иначе затормозить, а то и вовсе разстроить проектированную высочайшимъ повелѣніемъ мѣру, которая грозила, чего добраго, въ самомъ дѣлѣ, внести умиротвореніе въ рабочую среду. Предоставленіе рабочимъ права выбирать своихъ представителей въ комиссію сенатора Шидловскаго создавало для агитаторовъ ту лазейку, черезъ которую они и не замедлили пролѣзть въ это дѣло»...

Представители революціи сумѣли овладѣть рабочей массою и привлечь къ себѣ ея вниманіе. «Какъ и слѣдовало ожидать,—разсказываетъ далѣе П. Алмазовъ,—вопросъ о выборахъ и о предстоящемъ изложеніи рабочихъ пожеланій вызвалъ сильное оживленіе въ рабочихъ кругахъ. И вотъ, по словамъ Сомова, «на почвѣ этого сильнаго интереса, вызваннаго комиссіей, социаль-демократической мѣстной группѣ удалось развить интенсивную агитацію и значительно расширить свою организацію». Сначала социаль-демократы думали покончить съ комиссіей Шидловскаго однимъ ударомъ, объявивъ ей бойкотъ. Убѣдившись, однако, что рабочія массы на это не пойдутъ, такъ какъ въ большинствѣ своемъ относятся сочувственно къ комиссіи, рѣшили «использовать» самые выборы для того, чтобы сорвать комиссію, не дать ей даже сформироваться. Вѣдь «выборы въ комиссію представляли такую прекрасную почву для политической агитаціи,—откровенно заявляетъ г. Сомовъ.—Въ виду этого немедленно по опубликованіи правилъ о выборахъ въ комиссію социаль-демократы рѣшили начать интенсивную выборную кампанію и, обходя нѣкоторыя избирательныя ограниченія, повсюду провести выборы выборщиковъ и, если окажется необходимымъ, и депутатовъ, но потомъ либо отказаться отъ выборовъ депутатовъ, либо отъ участія въ комиссіи, если не будетъ удовлетворенъ рядъ общедемократическихъ требованій, обнимающихъ всю гражданскія права и объединяемыхъ въ основномъ требованіи созыва учредительнаго собранія. Какъ извѣстно, всю эту кампанію удалось провести по этому плану».

Точно также Злыдневъ, заявляетъ: «Если 9-го января социаль-демократія не была во главѣ рабочаго движенія, то въ движеніи, связанномъ съ комиссіей сенатора Шидловскаго, она занимала мѣсто безусловной руководительницы. Агитація среди рабочихъ во время выборовъ, организація собраній выборщиковъ по районамъ, агитація среди выборщиковъ и, наконецъ, во время стачки послѣ отказа Шидловскаго удовлетворить требованія и ареста многихъ депутатовъ,—все это было дѣло рукъ социаль-демократіи. Резолюція, принятая на собраніи депутатовъ, была предложена социаль-демократіей. Наконецъ, вся тактика по отношенію къ комиссіи была выработана и проведена партіей... Среди депутатовъ было значительное количество социаль-демократовъ, входившихъ въ партійныя организаціи. Показателемъ вліянія и авторитета партіи въ этой кампаніи можетъ служить тотъ фактъ, что многіе депутаты, раньше лишь сочувствовавшіе революціонному движенію, послѣ комиссіи Шидловскаго стали членами партіи и затѣмъ принимали участіе въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ».

О первыхъ успѣхахъ агитаціи социаль-демократовъ въ средѣ рабочихъ свидѣтельствуетъ явившаяся въ началѣ февраля къ сенатору Шидловскому депутація рабочихъ съ просьбой предоставить имъ выбрать «лицъ интеллигентныхъ профессій»; однако эта просьба была рѣшительнымъ образомъ отклонена. Пришлось прибѣгнуть къ другимъ пріемамъ, о которыхъ сообщаетъ Сомовъ. «Надо замѣтить,—свидѣтельствуетъ г. Алмазовъ, что на этотъ разъ полиція, кое-чему наученная, уже не пускала, или, точнѣе, старалась не пускать разныхъ интеллигентовъ и вообще постороннихъ лицъ на предвыборныя совѣщанія рабочихъ, имѣвшія мѣсто на фабрикахъ и заводахъ. Однако, какъ повѣствуетъ лично присутствовавшій на этихъ собраніяхъ Сомовъ,—«въ большей части мастерскихъ выборы прошли подъ значительнымъ вліяніемъ социаль-демократовъ, и кандидаты, намѣченные ими, въ большинствѣ были избраны». О способахъ проникновенія на собранія рабочихъ можетъ дать понятіе сообщаемый имъ примѣръ изъ его личной практики. На одномъ изъ заводовъ рабочіе никакъ не могли столкаться насчетъ кандидатовъ. Тогда «одна недавно поступившая къ нимъ работница, умная и энергичная дѣвушка, которая вела знакомство съ социаль-демократическими рабочими-путиловцами, предложила собранію привести къ нимъ своего брата, выборнаго Путиловскаго завода, человекъ уже немолодого, токаря и «умницу», который и расскажетъ, какъ взялись за дѣло путиловскіе рабочіе. Предложеніе было охотно принято, и на слѣдующій день, въ качествѣ брата работницы, «умницы и путиловскаго токаря», попалъ къ нимъ на собраніе и авторъ этихъ строкъ».

По свидѣтельству все того же Сомова, «если социаль-демократическая агитація имѣла извѣстный успѣхъ среди рабочихъ, то лишь

благодаря тому, что въ силу эластичности своей «тактики» подпольные агитаторы умѣли искусно приноравливаться къ настроенію массы, большинство которой, несмотря ни на что, продолжало проявлять чисто черносотенное настроеніе, что Сомовъ приписываетъ «общему низкому культурному уровню большинства рабочихъ», а также «черносотенной агитаціи», которую вела администрація нѣкоторыхъ заводовъ, состоя преимущественно изъ «истинно-русскихъ иностранцевъ».

Когда на одинъ изъ такъ называемыхъ «отсталыхъ» заводовъ социаль-демократы попытались провести свою агитаторшу, то, по словамъ все того же Сомова, — «лишь только собраніе увидѣло передъ собою человѣка съ крамольной фізіономіей курсистки, какъ оно болѣе чѣмъ на три четверти уменьшилось: всѣ старые и вліятельные рабочіе немедленно искали спасенія отъ крамолы въ бѣгствѣ. Характерно и то удостовѣренное явленіе, что, несмотря на мобилизацію всѣхъ наличныхъ агитаторскихъ силъ, социаль-демократамъ далеко не удалось всюду провести въ выборные «своихъ», и во многихъ случаяхъ пришлось помириться на кандидатахъ изъ болѣе или менѣе «сознательныхъ», но не принадлежащихъ къ партійной организаціи. Положеніе, такимъ образомъ, создалось довольно затруднительное, но тѣмъ не менѣе социаль-демократы успѣли использовать рабочую массу, направивъ существовавшее въ этой массѣ экономическое недовольство въ политическое революціонное ложе. Достигнуто это было тѣмъ, что, благодаря своей настойчивой агитаціи, они провели въ выборщики депутатовъ исключительно «сознательныхъ», а этимъ послѣднимъ успѣли вручить свою программу, которая состояла въ томъ, чтобы предъявить сенатору Шидловскому цѣлый рядъ явно невыполнимыхъ предварительныхъ требованій. Дѣйствительно, таковыя требованія были вручены 18-го февраля, а черезъ день послѣдовало высочайшее повелѣніе о прекращеніи дѣятельности комиссіи. Такимъ образомъ, главная политическая цѣль социаль-демократіи — сорвать комиссію — была осуществлена.

Въ числѣ депутатовъ, явившихся съ предварительными переговорами къ Шидловскому, былъ и рабочій фабрики Чешера Хрусталева, дотолѣ извѣстный какъ въ рабочихъ, такъ и въ нѣкоторыхъ интеллигентныхъ политическихъ кругахъ подъ его настоящимъ именемъ Носаря.

Х.

Носари уроженцы Пирятинскаго уѣзда Полтавской губерніи и испоконъ вѣка состояли какъ по мужскимъ, такъ и женскимъ линиямъ въ крѣпостныхъ графовъ Кантакузеновъ и князей Барятинскихъ. Уже одинъ изъ предковъ героя 1905 года, явился жертвою крѣпостническаго режима, а отецъ Носаря представлялъ собою типъ распропагандированнаго народовольческимъ ученіемъ кре-

стьянина, былъ волостнымъ писаремъ, попавшимъ въ какую-то политическую исторію (кажется, участвовалъ въ крестьянскомъ безпорядкѣ), вслѣдствіе которой былъ сосланъ въ «мѣста не столь отдаленныя», гдѣ сошелся съ представителями нашей радикальной интеллигенціи, влачившей въ тѣ годы жизнь въ сибирскихъ тундрахъ. Кажется, въ воспоминаніяхъ сотрудника «Русскаго Богатства», извѣстнаго беллетриста Елпатьевского отецъ Носаря нашелъ себѣ упоминаніе. Далѣе, мы видимъ, какъ мнѣ сообщали изъ семейнаго источника Носарей, сосланный въ свое время Носарь-отецъ заслужилъ благоволеніе Н. К. Михайловскаго, который заочно считался и крестнымъ отцомъ его сыновей; кромѣ того, по возвращеніи изъ ссылки, онъ въ Переяславлѣ занимался частной адвокатурой и принялъ участіе въ качествѣ корреспондента съ юга въ «Сынѣ Отечества» редакціи С. Н. Кривенка и К. М. Станюковича. Изъ этой фамиліи справки усматривается, что слухъ о еврейскомъ происхожденіи Носарей ни на чемъ не основанъ и былъ той искусственной ниткой, помощью которой послѣ ареста Хрусталева-Носаря и во время слѣдствія надъ нимъ пытались пристегнуть еврейскій элементъ къ подвигамъ предсѣдателя совѣта рабочихъ депутатовъ.

Отецъ-Носарь постарался дать своимъ сыновьямъ нужное имъ среднее образованіе, въ чемъ ему оказали содѣйствіе и петербургскіе радикальные литературные круги. Благодаря своему отцу и будущій Хрусталева сначала учился въ переяславской гимназіи, а засимъ кончилъ курсы въ качествѣ экстерна при пятой кіевской гимназіи; уже во время своего пребыванія въ стѣнахъ средняго учебнаго заведенія онъ, съ одной стороны, явился участникомъ тогдашнихъ политическихъ движеній среди мѣстныхъ учениковъ, а съ другой—уже на школьной скамьѣ собственными заработками поддерживалъ своихъ братьевъ, осиротѣвшихъ послѣ смерти отца. 1899 годъ застаётъ Носаря въ стѣнахъ петербургскаго университета, куда онъ поступилъ при содѣйствіи Н. К. Михайловскаго и гдѣ разыгравшаяся въ то время студенческая забастовка послѣ актовыхъ событій 8-го февраля выдвигаетъ его имя, какъ участника забастовочнаго президіума и члена забастовочнаго организаціоннаго комитета, столь неуловимаго тогдашней полиціи. Вотъ что между прочимъ по сему предмету рассказываетъ Н. И. Юрданскій въ своихъ воспоминаніяхъ «Миссія П. С. Ванновскаго» («Былое», 1907, № 9): «...Придя съ поля битвы въ университетскую столовую, помѣщавшуюся тогда на 10-ой линіи Васильевскаго острова, публика сильно волновалась и толковала о томъ, что завтра же необходимо назначить сходку. Вечеромъ на обычныхъ вечеринкахъ также говорили о сходкѣ и ходило выпущенное кѣмъ-то приглашеніе. Но чрезвычайнаго возбужденія, которое показывало бы величину надвигавшихся событій, не было замѣтно. Въ кассѣ господствовало желаніе не использовать этотъ слу-



Г. С. Носарь-Хрусталеvъ.

чай только для политической агитации; никакихъ предприятий не намѣчалось, и вопросъ даже не обсуждался. По отношенію къ сходкѣ, назначенной на 9-ое февраля, держалась увѣренность, что она будетъ немногочисленной и разрѣшится бесплодной болтовней, какъ большинство мелкихъ сходокъ, успѣвшихъ уже надобѣсть старымъ студентамъ. Я былъ такъ увѣжденъ въ этомъ, что, несмотря на живое участіе во всѣхъ студенческихъ дѣлахъ, не хотѣлъ итти въ университетъ и спокойно сидѣлъ въ столовой, когда около двѣнадцати часовъ туда прибѣжалъ страшно возбужденный товарищъ и рассказалъ, что въ университетѣ собралось около трехъ тысячъ человекъ, что на площадкѣ не хватило мѣста и пришлось выломать двери въ актовомъ залѣ, что сходка протекаетъ въ образцовомъ порядкѣ, подъ руководствомъ предсѣдателя, и съ сильнымъ подъемомъ настроенія. Мы немедленно отправились въ университетъ и тамъ сразу увидѣли, что налетѣла буря. Когда масса самопроизвольно выходитъ изъ обычнаго аморфнаго состоянія и организуется, она способна совершить большія дѣла. Правда, во главѣ сходки стали солдаты студенческой старой гвардіи, знакомые члены студенческихъ организаций, но они были оторваны отъ этихъ организаций и выброшены наверхъ глубокой массовой волной. Содержаніе движенія и формы его дышали новою жизнью, накопленный опытъ былъ учтенъ только въ организаціонной техникѣ. Сходка 9-го февраля уже намѣтила общую линію движенія. Вечеромъ того же 9-го февраля состоялось засѣданіе правительственнаго собранія кассы взаимопомощи, на которомъ касса признала полномочія, полученныя отъ сходки группою лицъ, назвавшихъ себя «организаціоннымъ комитетомъ», и присоединилась къ общему движенію. Черезъ недѣлю всѣ высшія учебныя заведенія въ Россіи были закрыты, а менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли, 20-го февраля, растерявшееся правительство назначило генерала Ванновскаго для «разслѣдованія причинъ и обстоятельствъ» происходящихъ беспорядковъ. Разъ поставленное на дорогу движеніе развивалось быстро и рѣшительно. Но прежде, чѣмъ оно нашло эту дорогу, оно пережило колебанія, которыя, какъ и сама найденная дорога, чрезвычайно характерны для политическаго состоянія студенчества въ тотъ періодъ.

«Студенты, попавшіе въ первый организаціонный комитетъ, всѣ уже въ той или другой степени примыкали къ намѣтившимся въ то время соціально-политическимъ программамъ. Одни склонялись къ соціаль-демократіи, другіе—къ начинавшему возрождаться и складываться соціаль-народничеству. Но по отношенію къ выпавшей на ихъ долю задачѣ руководить возникшимъ движеніемъ у нихъ безъ особыхъ разногласій и треній составилъ особый планъ. Этотъ планъ не былъ выдуманъ заблаговременно злонамѣренными агитаторами, какъ потомъ утверждали правительство и его сторонники. Этотъ планъ созрѣлъ стихійно въ горячей атмосферѣ первыхъ сходокъ и

первыхъ засѣданій организаціоннаго комитета, какъ-то даже внѣ сознанія его авторовъ. Лучшее доказательство стихійнаго появленія плана—это его анонимность. До сихъ поръ никто не можетъ указать, кто именно высказалъ его впервые. Повидимому, каждый предлагалъ отдѣльныя мѣры, совокупность которыхъ и составила планъ кампаніи.

«Особенностью этой кампаніи были и ея средства, и ея цѣли. Въ качествѣ средства впервые рѣшено было примѣнить массовую стачку, которой суждено было сыграть такую рѣшающую роль въ славные октябрьскіе дни, и «обструкцію», т. е. насильственное прекращеніе лекцій въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ не удастся пріостановить мирнымъ путемъ. Цѣлью же являлось вырвать движеніе изъ рокового тупика пересмотра устава и придать ему тотъ политическій характеръ, который отвѣчалъ бы поводу волненій. Студенческія требованія на этотъ разъ должны были носить и достаточно широкій, и достаточно конкретный характеръ гражданскихъ требованій.

«Проведеніе плана организаціоннаго комитета встрѣтило значительныя трудности. Прежде всего, въ началѣ было нѣсколько трудно опредѣлить, куда клонится «тысячеголовое чудовище»—масса. Ораторы, выступавшіе изъ нея и неизвѣстные организованнымъ кругамъ, представляли «глазъ народа» довольно плохо. Какой-то студентъ, напяливъ на себя парадный мундиръ, билъ себя въ грудь и кричалъ, что нужно протестовать, ибо поругана честь мундира. Но масса, какъ и всегда, оказалась гораздо догадливѣе, чѣмъ о ней обыкновенно полагаютъ ея профессиональные печальники. Основная идея предложеннаго плана тотчасъ же была схвачена массою превосходно. Гораздо труднѣе было уладить дѣло съ вождями. Здѣсь организаціонный комитетъ долженъ былъ выдержать дружественныя стычки и съ академистами, и съ политиками.

«Академисты опять выдвинули требованіе пересмотра университетскаго устава и успѣли уже даже заручиться со стороны кое-кого изъ либеральныхъ профессоровъ обѣщаніями содѣйствовать петиціи въ этотъ смыслѣ. На первой сходкѣ сторонникомъ академистовъ выступилъ и Г. С. Носаръ, будущій предсѣдатель совѣта рабочихъ депутатовъ—Хрусталева. Онъ со свойственной энергіей и дѣловитостью произнесъ весьма содержательную рѣчь, гдѣ подробно изложилъ проектъ петиціи, даже съ указаніемъ различныхъ параграфовъ, которые слѣдовало отмѣнить или измѣнить въ университетскомъ уставѣ. Однако при дальнѣйшихъ переговорахъ съ нимъ организаціоннаго комитета оказалось, что Г. С. академистъ—изъ дипломатическихъ соображеній. Увидя, что масса способна стать на болѣе широкую точку зрѣнія, онъ присоединился къ организаціонному комитету и проявилъ тамъ энергичную дѣятельность. Съ другими же академистами пришлось достаточно поспорить прежде, чѣмъ удалось одержать побѣду».

Изъ приведенныхъ словъ г. Иорданскаго явствуетъ, что студентъ Носаръ въ 1899 г. эволюционируетъ въ сторону радикальной «политики», становится жертвою ея, исключается изъ университета и подвергается высылкѣ изъ столицы. Таковъ его юный политическій стажъ, гдѣ въ конечномъ результатѣ ему грозила, какъ то случилось со многими, подобными ему, гибель, но, на его счастье, онъ понравился почему-то Ванновскому, который призналъ въ немъ наличіе незауряднаго ума, благородства и волн. Старый государственный дѣятель, удостоенный высокими довѣріемъ Государя, принялъ участіе въ судьбѣ молодого «бунтаря» и далъ ему возможность получить дипломъ отъ Демидовскаго лица объ окончаніи имъ курса, послѣ чего Носаръ записывается въ сословіе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, не прерывая между тѣмъ и связей съ міромъ политической оппозиціи. Сначала онъ служитъ на Николаевской желѣзной дорогѣ, засимъ получаетъ мѣсто помощника юрисконсульта Харьковско-Николаевской желѣзной дороги и вмѣстѣ съ тѣмъ приобретаетъ на югѣ широкую адвокатскую практику, отчасти по памяти своего отца. 1905 годъ выдвигаетъ его въ ряды активныхъ дѣятелей, не принадлежащихъ къ опредѣленнымъ революціоннымъ организаціямъ, но стоящихъ въ приближеніи къ взбудараженной рабочей массѣ. Онъ послѣ образованія рабочаго стачечнаго комитета является его предсѣдателемъ, заводитъ ближайшія связи съ московскимъ типо-литографскимъ міромъ и такимъ образомъ въ качествѣ безпартійнаго, но примыкающаго нѣкоторыми сторонами своего политическаго міросозерцанія къ социаль-демократіи выдвигается фабрично-заводскими рабочими, какъ депутатъ въ комиссію Шидловскаго, но безъ тенденціи ея бойкотированія во что бы то ни стало. Рабочіе, какъ мы знаемъ, хлопотали о разрѣшеніи имъ выставить своими депутатами интеллигентовъ, но такое ходатайство не было уважено. Тогда Носаръ забываетъ о своемъ адвокатскомъ портфель, записывается въ рабочіе фабрики Чешера подъ именемъ Хрусталева и, какъ таковой, является предъ сенаторомъ Шидловскимъ, а засимъ, послѣ того, какъ комиссія была социаль-демократами сорвана, организуетъ лѣтомъ на станціи Удѣльной рабочей союзъ на основахъ социаль-демократическаго ученія. Опредѣляя свою политическую платформу къ тому времени, онъ формулируетъ ее въ цитированномъ выше письмѣ къ Троцкому-Бронштейну такъ: «Я не былъ экономическимъ чертежникомъ, выводящимъ перпендикуляромъ изъ брюха всѣ надстройки, до религін и искусства включительно. Такой упрощенный марксизмъ мнѣ претилъ, я боролся съ нимъ. Будучи социаль-демократомъ, я не велъ борьбы съ социаль-демократіей, но возставалъ противъ социаль-демократовъ, стоящихъ лѣвѣе здраваго смысла, которые въ погонѣ за новизной требовали бойкота комиссіи Шидловскаго, превращенія совѣта рабочихъ депутатовъ въ партійное учрежденіе, отставали

партийные профессиональные союзы и отдавали на разграбленіе кооперативное движеніе. Но, борясь съ такими социаль-демократами, я и мои ближайшіе рабочіе создали совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Официальная социаль-демократія не принимала въ его созданіи никакого участія. Генезисъ совѣта относится къ стачечному комитету, образованному нами 9-го января и предсѣдателемъ котораго я состоялъ вплоть до моего ареста, къ организаціоннымъ выступленіямъ по проведенію комиссіи Шидловскаго, къ собраніямъ рабочихъ, организованнымъ мною лѣтомъ 1905 года на Удѣльной. Мы создали совѣтъ...».

Такъ опредѣляетъ свою позицію въ рабочемъ движеніи, откуда возникъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ, Хрусталевъ-Носарь. Троцкий-Бронштейнъ освѣщаетъ то же явленіе—созданіе совѣта—нѣсколько иначе, но, какъ бы то ни было, оставляя тонкости политическихъ нюансовъ въ сторонѣ, мы видимъ, что дѣйствительно къ осени 1905 года Носарь, пройдя этапъ ареста и высылки, завоевываетъ себѣ среди рабочихъ значительную популярность и является среди нихъ въ своемъ родѣ излюбленнымъ человѣкомъ. Но прежде, чѣмъ повѣдать здѣсь дальнѣйшую судьбу этого «излюбленного человѣка», я долженъ обратиться къ разсмотрѣнію главнѣйшихъ моментовъ тогдашней политической жизни, приведшихъ ходъ событій къ диктатурѣ «правительства Носаря».

XI.

Несмотря на выраженное въ высочайшемъ рескриптѣ твердое намѣреніе правительства призвать народныхъ представителей, русское общество находилось, однако, въ тревожномъ и недоумѣвающимъ состояніи, такъ какъ всѣ другія желанія народа и общества объ установленіи началъ гражданской свободы и правового порядка въ странѣ оставались администраціей совершенно не удовлетворенными, и дѣйствія этой администраціи послѣ опубликованія рескрипта на имя министра внутреннихъ дѣлъ остались такими же, какими они были и до того. Отклонены были всѣ ходатайства общественныхъ организацій (земства и городовъ) о привлеченіи ихъ представителей, къ разработкѣ закона о созывѣ народныхъ представителей, работы комиссіи гофмейстера Булыгина были облечены глубокой тайной, самый же созывъ народныхъ представителей, очевидно, отдался на очень долгій срокъ. 18-го марта появилось первое правительственное сообщеніе о ходѣ работъ состоявшаго подъ предсѣдательствомъ Булыгина особаго совѣщанія, въ каковомъ сообщеніи указывалось на сложность предстоящихъ совѣщанію работъ и объявлялось, что при избранной совѣщаніемъ постановкѣ дѣла всѣ подготовительныя работы могли быть закончены не долѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, т. е. въ маѣ или іюнѣ, послѣ чего основанія эти будутъ обрѣжены въ

совѣтъ министровъ и далѣе дѣло перейдетъ въ государственный совѣтъ. Такой путь движенія вопроса, по мнѣнію «Новаго Времени», обѣщаль созывъ народныхъ представителей не ранѣе лѣта или осени 1906 года. Журналъ же «Право», достаточно освѣдомленный въ состояніи оппозиціонныхъ общественныхъ теченій, предупредительно по адресу правительства писалъ: «Въ эти полтора года жизнь не будетъ стоять на мѣстѣ, теперь... идетъ вѣдь вихрь событій, который каждую минуту грозитъ перейти въ настоящій ураганъ. Настроеніе таково, что малѣйшій толчокъ, отъ котораго нельзя уберечься при нынѣшнихъ условіяхъ, вызываетъ ужасные взрывы, гулъ которыхъ раскатывается по всей странѣ».

Дѣйствительно, мы наблюдаемъ въ эту полосу нашей исторической жизни нѣкоторую аналогію съ тѣмъ, что имѣло мѣсто въ эпоху великихъ реформъ. Верховная власть выдвигала опредѣленный государственный принципъ, а власть исполнительная, не желая поступаться своими полицейско-бюрократическими традиціонными привилегіями, не предпринимаетъ необходимыхъ дѣйствій къ согласованію верховной воли съ запросами страны и становится въ положеніе оппозиціи Его Величеству, какъ бы слагая на послѣдняго тяжесть исторической отвѣтственности за промедленіе проведенія въ жизнь тѣхъ самыхъ началъ, которыя верховная власть принципиально къ осуществленію установила. Отсюда нашъ историческій трагизмъ и вытекающія изъ него многія печальныя явленія нашей общественной и государственной жизни.

Пророчество журнала «Право» оправдалось фактами послѣдующей дѣйствительности: въ жизни страны, какъ это можно видѣть изъ приведенной мною въ предыдущей части очерка лѣтописи 1904—1905 г.г., происходитъ цѣлый рядъ печальныхъ событій въ видѣ террористическихъ актовъ, бунтовъ, экспроприаций, буйныхъ забастовокъ, стачекъ и аграрныхъ волненій, для подавленія которыхъ предпринимается рядъ карательныхъ репрессивныхъ дѣйствій безъ необходимыхъ, однако, мѣропріятій положительнаго творческаго характера и въ согласіи съ проявленной верховной волей, а въ это же именно время русская общественность, какъ въ своихъ верхнихъ, такъ и низшихъ напластованіяхъ, начала дифференцироваться въ цѣлый рядъ соціальныхъ организацій съ ярко обозначенными политическими тенденціями оппозиціоннаго характера, о чемъ бѣгло мы уже упоминали.

Уже въ концѣ апрѣля 1905 года начинается организація «все-россійскаго союза желѣзнодорожныхъ служащихъ», основаніе которому было положено въ Москвѣ 20-го апрѣля съѣздомъ представителей десяти казенныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Союзъ этотъ вскорѣ получилъ значительное распространеніе; въ одномъ изъ своихъ воззваній онъ говоритъ: «нигдѣ, быть можетъ, не чувствуется такой нужды въ объединеніи, въ организаціи служащихъ

для защиты своихъ интересовъ, какъ на желѣзныхъ дорогахъ; едва ли найдется другая сфера общественной дѣятельности, гдѣ бы въ такой степени царилъ полный неограниченный произволъ, полное господство сильнаго надъ слабымъ, какъ въ области желѣзнодорожной жизни». Въ другомъ своемъ воззваніи союзъ говорить: «Довольно съ насъ и одного бесплоднаго опыта съ пресловутыми петиціями, чтобы еще разъ ставить себя въ унижительное положеніе просителей о нашихъ насущныхъ нуждахъ передъ бездушными желѣзнодорожными бюрократами... образуемъ такой союзъ, который могъ бы организовать желѣзнодорожныхъ служащихъ въ сплоченную и внушительную массу—вотъ что прежде диктуетъ намъ переживаемое теперь время». Первоначальная программа желѣзнодорожныхъ служащихъ была почти исключительно экономическая, но съѣздъ указывалъ на то, что «и при предполагаемой организаціи на почвѣ профессиональныхъ нуждъ жизненность и плодотворность профессиональнаго союза все же немыслима при отсутствіи тѣхъ государственно-правовыхъ нормъ, которыя только и могутъ гарантировать успѣшное развитіе всякой общественной самодѣятельности. Успѣшность союза мыслима лишь при достиженіи свободы слова, печати, собраній, союзовъ, стачекъ, неприкосновенности личности, жилища... А отсюда само собою слѣдуетъ, что дѣятельность союза неизбежно должна принять политическій характеръ», и члены его «должны протянуть свою трудовую руку всѣмъ группамъ и организаціямъ, выступившимъ уже на путь освободительной борьбы для достиженія демократическаго государственнаго строя». Главнымъ орудіемъ борьбы для достиженія цѣлей союзъ выбралъ одновременную забастовку служащихъ и рабочихъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, указавъ въ своей программѣ, что устройство этой забастовки составляетъ его первую и ближайшую задачу. Съ образованіемъ именно желѣзнодорожнаго союза рабочее движеніе принимаетъ все болѣе и болѣе революціонный характеръ.

Въ этотъ же періодъ времени въ виду образованія ряда профессиональныхъ союзовъ, члены которыхъ на созванныхъ затѣмъ съѣздахъ выработали для каждаго союза въ отдѣльности программы дѣйствій или такъ называемыхъ «платформъ», по инициативѣ союзовъ адвокатовъ и агрономовъ возникла мысль о необходимости объединенія всѣхъ организацій подъ наименованіемъ всероссійскихъ союзовъ для достиженія общими силами намѣчаемыхъ политическихъ задачъ. Такимъ образомъ возникъ «союзъ союзовъ». Согласно программѣ главнѣйшая цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы создать на почвѣ профессиональнаго объединенія дѣеспособную политическую организацію, которая бы могла, самостоятельно или путемъ соглашенія съ другими общественными соединеніями (партіями), предпринимать рядъ дѣйствій, объективно доступныхъ ея членамъ въ дѣлѣ борьбѣ съ существующимъ режимомъ и для созда-

нія новыхъ политическихъ и соціальныхъ формъ, относительно которыхъ большинство членовъ союзовъ или единомышленны, или же пришли уже къ опредѣленному соглашенію. Поэтому важнѣйшей предварительной передъ осуществленіемъ какихъ-либо дѣйствій задачей «союза союзовъ» является организація возможно полнаго и всесторонняго обсужденія вызываемыхъ жизнью вопросовъ.

Первоначально въ составъ союза союзовъ вошли союзы: 1) академической, 2) адвокатовъ, 3) агрономовъ и статистиковъ, 4) врачей, 5) ветеринаровъ, 6) фармацевтовъ, 7) желѣзнодорожныхъ служащихъ, 8) журналистовъ и писателей, 9) земцевъ-конституціоналистовъ, 10) инженеровъ и техникувъ, 11) учителей, 12) конторщиковъ и бухгалтеровъ, 13) женскаго равноправія, 14) равноправія евреевъ.

Первыя собранія «союза союзовъ» происходили въ Москвѣ съ 14-го по 22-ое апрѣля 1905 года, гдѣ было образовано «центральное организаціонное бюро» для созыва слѣдующихъ съѣздовъ. Учредительный съѣздъ союза союзовъ состоялся съ 8-го по 9-ое мая 1905 года въ Москвѣ и выработалъ организацію этого союза, его тактику и структуру.

Послѣ гибели нашей эскадры, въ Москвѣ съ 24-го по 26-го мая состоялось второе собраніе союза союзовъ, на которомъ рѣшено было перейти отъ словъ къ дѣлу, при чемъ установлено было, что «всѣ средства теперь законны противъ страшной угрозы, заключающейся въ самомъ фактѣ дальнѣйшаго существованія настоящаго правительства, и всѣ средства должны быть испробованы». Было выработано обращеніе ко всѣмъ общественнымъ группамъ, партіямъ, союзамъ, организаціямъ, частнымъ кружкамъ, «ко всему, что есть живого и способнаго отозваться». Имъ рекомендовалось агитировать и дѣйствовать въ цѣляхъ созыва учредительнаго собранія, избраннаго народомъ на основахъ всеобщаго, тайнаго, равнаго и прямого голосованія, безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности (четырехвостка). Тогда же были сдѣланы постановленія объ образѣ дѣйствій членовъ союза во время политическихъ слѣдствій, а равно было поручено заняться вопросомъ о всеобщей забастовкѣ, собравъ предварительно всѣ необходимыя свѣдѣнія. Около 20-го іюня въ Москвѣ происходили частныя совѣщанія мѣстныхъ членовъ союза союзовъ, на которыхъ происходилъ сборъ денегъ на организацію въ Петербургѣ новаго съѣзда, который долженъ былъ главнымъ образомъ обсудить тактику въ отношеніи къ государственной думѣ. Всѣхъ политическихъ союзовъ, большинство которыхъ входило въ составъ союза союзовъ, было свыше пятидесяти.

Существенною поддержкою для крайнихъ партій послужило, какъ я уже говорилъ выше, крестьянское движеніе, отмѣченное, по «образному» выраженію покойнаго депутата первой государственной думы Герценштейна, «иллюминаціями» дворянскихъ усадебъ съ ихъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ и съ накопленнымъ въ нѣ-

которыхъ изъ нихъ сокровищами европейской культуры. На страницахъ «Историческаго Вѣстника» въ разныхъ статьяхъ было уже не разъ говорено объ этихъ «иллюминаціяхъ», а знакомясь сейчасъ по имѣющемуся въ моемъ распоряженіи офиціозному архивному матеріалу, гдѣ собрано немало показаній административныхъ властей съ мѣста, донесеній о причинахъ крестьянскихъ беспорядковъ, усматриваемъ, что главными причинами буйнаго аграрнаго движенія были: 1) крайне тяжелое экономическое положеніе крестьянъ, 2) эксплуатація ихъ помѣщиками, изъ которыхъ у нѣкоторыхъ наблюдалось «какое-то озвѣрѣлое чувство къ крестьянамъ» и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствія мѣстныхъ властей, нарушающія самые жизненные интересы крестьянъ. «Несомнѣнно, — читаемъ мы въ резюме цитируемой мною архивной записки:—что столь бурному проявленію крестьянскаго неудовольствія по всей Россіи въ весьма значительной мѣрѣ способствовало охватившее всѣ слои русскаго общества волненіе, но, по мнѣнію громаднаго большинства мѣстныхъ администраторовъ, пропаганда и агитація со стороны играли въ этомъ движеніи, по крайней мѣрѣ въ первой его половинѣ, совершенно второстепенную роль.

«Въ борьбѣ съ этими беспорядками принимались исключительно репрессивныя мѣры, какъ послѣдующія, когда войска призывались для подавленія уже начавшихся беспорядковъ, такъ и предупредительныя, когда имѣлось въ виду посылкой войскъ удержать крестьянъ отъ самаго устройства беспорядковъ. Что же касается основныхъ причинъ беспорядковъ, то для устраненія ихъ никакихъ мѣръ не предпринималось даже въ томъ случаѣ, когда правота крестьянъ для всѣхъ было очевидна. Это обстоятельство имѣло особо важное значеніе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ крестьяне возставали противъ эксплуатаціи помѣщиковъ. Въ такихъ случаяхъ репрессіи, оставляя крестьянъ еще въ болѣе тяжеломъ положеніи, чѣмъ прежде, невольно наталкивали ихъ на мысль, что правительство «держитъ руку» помѣщиковъ, и что только благодаря поддержкѣ правительства и становится возможнымъ для помѣщиковъ угнетать и эксплуатировать крестьянъ. Такимъ образомъ, самими фактами и дѣйствіями правительства создавалась почва для превращенія экономической борьбы противъ несправедливости помѣщиковъ въ революціонную борьбу противъ правительства. Въ обычное время это превращеніе, быть можетъ, не произошло бы такъ скоро, но, съ другой стороны, интересъ къ войнѣ облегчилъ газетѣ проникновеніе ея въ деревню, а съ другой—революціонная борьба противъ правительства уже происходила на глазахъ у крестьянъ—въ городахъ и на желѣзныхъ дорогахъ, и крестьянамъ оставалось только присоединиться къ ней, чему особенно способствовали многочисленныя дѣятели «крестьянскаго союза», широкою сѣтью распространявшіе революціонную пропаганду среди крестьянскаго населенія».

XII.

«Крестьянскій союзъ», занявшій видное мѣсто въ революціонномъ движеніи, былъ основанъ соціально-революціонной партіей еще въ 1898 году, съ первоначальнымъ названіемъ «братства для защиты народныхъ правъ» и съ задачею добиться на почвѣ борьбы съ правительствомъ полной самостоятельности крестьянскихъ обществъ въ сферѣ внутренняго самоуправленія, устройства въ Россіи представительныхъ учреждений съ выборными изъ крестьянъ и рабочаго класса и уничтоженія земельной собственности. Уже въ 1900—1901 годахъ было замѣчено возникновеніе среди крестьянскаго населенія особыхъ кружковыхъ организацій или братствъ, въ которыя входили наиболѣе развитые, даровитые и энергичные крестьяне, причемъ на собраніяхъ этихъ занимавшіеся пропагандою интеллигенты, главнымъ образомъ изъ учащейся молодежи, сообщали крестьянамъ разныя научныя свѣдѣнія, преимущественно по исторіи, соціологіи и рабочему движенію, и распространяли среди крестьянъ нелегальныя изданія и воззванія противоправительственнаго характера; независимо отъ того политическими агитаторами распространялись слухи о земельных передѣлахъ, а также подложные указы съ правительственнымъ обращеніемъ къ крестьянамъ о содѣйствіи для уничтоженія частнаго землевладѣнія и передачи земель въ ихъ, крестьянскія, руки. Въ 1902 году, принявъ названіе «крестьянскаго союза», эта организація имѣла въ виду по отношенію къ крестьянству достиженіе слѣдующихъ задачъ: 1) соціализаціи земли, т. е. перехода ея въ собственность всего общества и въ пользованіе трудящихся, 2) развитія въ крестьянствѣ всевозможныхъ видовъ общественныхъ соединеній и экономическихъ кооперацій для постепеннаго грядущаго коллективнаго земледѣльческаго производства. При этомъ въ программѣ «крестьянскаго союза» указывалось, что достиженіе соціалистическаго идеала невозможно безъ политическаго освобожденія, почему необходима общая политическая и соціально-революціонная агитація въ широкихъ массахъ крестьянства, и революціонная работа должна развиваться во всей силѣ.

Для достиженія своей задачи «крестьянскій союзъ» обращался къ призыву въ свои ряды съ особымъ воззваніемъ «ко всѣмъ работникамъ революціоннаго соціализма въ Россіи». Одновременно союзомъ изданъ былъ рядъ прокламацій и воззваній къ крестьянскому населенію, въ которыхъ крестьянинъ призывался къ уничтоженію существующаго строя, для чего ему вмѣнялось: отказаться отъ уплаты податей, отъ военной службы, отъ повиновенія начальству; намѣчаетъ земли, которыя желательно отобрать у казны, у удѣловъ и у помѣщиковъ; вооружиться, отбирая оружіе у солдатъ: соеди-

няться и готовиться къ борьбѣ за свободу, а пока бороться съ землевладѣльцами путемъ общей стачки, требуя повышенія заработной платы, а въ случаѣ отказа не допускать никого къ работѣ и уплатѣ аренды, причемъ если помѣщики не пойдутъ на уступки, то немедленно всѣмъ міромъ увозить принадлежащіе имъ хлѣбъ, сѣно и другіе предметы.

Во время происходившаго 24-го мая 1905 года въ Москвѣ засѣданія «союза союзовъ» представителями «крестьянскаго союза» была выработана особая политическая программа, гдѣ указано было, что «настоящее бѣдственное положеніе крестьянъ, вслѣдствіе мало-земелья, непосильныхъ поборовъ и налоговъ, неграмотности населенія и его безправія, не можетъ быть исправлено настоящимъ бюрократическимъ государственнымъ управленіемъ, а потому для достиженія намѣченныхъ благъ въ пользу народа и впредь до уравненія крестьянъ съ остальными сословіями учреждается всероссійскій крестьянскій союзъ изъ представителей всѣхъ губерній, по пяти отъ каждой, съ отдѣленіями на мѣстахъ; причемъ въ губернскія отдѣленія входятъ пять выборныхъ отъ уѣзда, а въ уѣздное— по пяти человекъ отъ волости; волостной же союзъ составляется изъ неограниченнаго числа лицъ, и всѣ дѣла въ немъ рѣшаются большинствомъ голосовъ». Въ уѣздномъ союзѣ дѣла должны были рѣшаться съѣздомъ уполномоченныхъ отъ волостныхъ союзовъ, въ губернскихъ— съѣздомъ уѣздныхъ уполномоченныхъ, а всероссійскаго союза— съѣздомъ губернскихъ уполномоченныхъ.

Для обсужденія агитаціоннаго движенія подь Москвою состоялся 31-го іюля и 1-го августа въ числѣ свыше ста человекъ съѣздъ союза крестьянъ, на который собрались представители двадцати пяти губерній въ цѣляхъ обсужденія вопросовъ: о правахъ личности, устройствѣ новаго сельскаго управленія, аграрномъ вопросѣ, народномъ представительствѣ и т. д., а также для окончательной выработки всѣхъ деталей организациі всероссійскаго крестьянскаго союза— волостныхъ, уѣздныхъ, губернскихъ. Постановленія съѣзда послѣдовали лишь по важнѣйшимъ вопросамъ: было признано желательнымъ упраздненіе волостныхъ правленій, выборы сельскихъ должностныхъ лицъ и полиціи путемъ прямой, равной, тайной и всеобщей баллотировки, учрежденіе мелкихъ земскихъ единицъ и объединеніе этихъ единицъ въ уѣздныхъ земствахъ, а также преобразование будущей государственной думы по образцу западно-европейскаго парламента. По аграрнымъ вопросамъ были приняты крайнія постановленія: упраздненіе частной земельной собственности, выкупъ земель отъ частныхъ владѣльцевъ для распредѣленія между лицами, ее обрабатывающими, съ тѣмъ, чтобы каждый имѣлъ такое количество земли, какое способенъ обрабатывать собственнымъ трудомъ; обращеніе лѣсныхъ пространствъ въ государственную

собственность; разрѣшеніе остальныхъ вопросовъ отложено было до слѣдующаго съѣзда.

Используемая нами архивная записка утверждаетъ, что «къ развитію среди крестьянскаго населенія противоправительственнаго броженія въ значительной мѣрѣ способствовали распространявшіяся печатныя изданія въ видѣ различныхъ брошюръ, воззваній и листовъ нелегальной печати. На ряду съ тайнымъ распространеніемъ революціонныхъ изданій оппозиціонные элементы прививали обществу и въ особенности рабочему и крестьянскому населенію свои идеи посредствомъ изданія, съ разрѣшенія цензуры, въ значительномъ количествѣ произведеній явно тенденціознаго направленія, и въ этомъ отношеніи особенно отличалось книгоиздательство «Донская Рѣчь» въ городѣ Ростовѣ на Дону Н. Парамонова, которое выпустило въ свѣтъ, кромѣ извѣстныхъ по своему направленію брошюръ, листки крайне тенденціознаго характера, напоминающіе своими заголовками и содержаніемъ противоправительственныя изданія социаль-демократической партіи. Таковы листки: «Что такое всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право», «Что нужно рабочимъ», «Какіе народные представители нужны народу», «Какъ защищаютъ рабочіе свои интересы», «Что такое земство и что оно дѣлаетъ» и т. п. Революціонныя организаціи не замедлили воспользоваться этими изданіями и, пріобрѣтая ихъ за деньги, въ огромномъ количествѣ экземпляровъ бесплатно распространяли ихъ среди крестьянъ и городского населенія, имѣя возможность это дѣлать совершенно открыто, въ виду допущенія цензурою означенныхъ листовъ къ обращенію».

Считаемъ нужнымъ къ этому добавить, что эти же листки въ большомъ количествѣ посылались и въ дѣйствующую нашу армію черезъ посредство лицъ, которымъ правительство довѣрило снабженіе арміи легальной литературой, имѣвшимъ для того свободные пропускные вагоны на Дальній Востокъ. На этой преступной операціи, какъ говорятъ, нѣкоторые транспортеры нажили большія средства.

Изъ изложеннаго мы видимъ, какъ распланировались среди населенія активныя оппозиціонныя силы, долженствовавшія по классовымъ группамъ привести всю страну въ хаотическое броженіе: всевозможные союзы съ «союзомъ союзовъ» во главѣ, «крестьянскій союзъ» и рабочія организаціи въ Петербургѣ, сформировавшія впослѣдствіи совѣтъ рабочихъ депутатовъ, — вотъ пружины тогдашней революціонной сцены дѣйствій.

Что касается представителей умѣренныхъ партій, сосредоточившихся въ земскихъ и городскихъ самоуправленіяхъ, то таковыя, хотя и пытались отстаивать необходимость дать правительству возможность самостоятельно выполнить взятое имъ на себѣ дѣло обновленія государственнаго строя, но послѣ цусимской

катастрофы они почувствовали себя въ необходимости отказаться отъ выжидательнаго образа дѣйствій.

Начинается длинный рядъ ходатайствъ о скорѣйшемъ созывѣ народныхъ представителей, завершившійся приѣмомъ Государемъ Императоромъ въ Петергофѣ 6-го іюня 1905 года депутаціи московскаго съѣзда, во главѣ которой стоялъ князь С. Н. Трубецкой.

Эта знаменательная встрѣча русскаго Государя съ представителями русской передовой общественности была въ свое время мною отмѣчена на страницахъ «Историческаго Вѣстника» и забывшихъ ее отсылаемъ къ № 11-му 1905 года.

Послѣ принятія Государемъ Императоромъ этихъ земскихъ и городскихъ дѣятелей среди нихъ возникла мысль созвать въ Москвѣ съѣздъ земскихъ представителей и городскихъ головъ для передачи имъ высочайшей воли о предстоящемъ созывѣ выборныхъ изъ народа и всего всемілостивѣйше сказаннаго. Несмотря на распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ и московскаго генераль-губернатора Козлова о недопущеніи съѣзда въ видахъ предупрежденія волненій, какія могъ бы внести съѣздъ въ общественное настроеніе, и безъ того непокойное, представители почти всѣхъ губерній и городовъ Россіи собрались къ 6-му іюля въ Москвѣ и въ этотъ же день на квартирѣ князя П. Д. Долгорукова состоялось первое засѣданіе общеземскаго съѣзда при участіи 224 лицъ. Предсѣдателемъ собранія былъ избранъ опочекій предводитель дворянства графъ П. А. Гейденъ. На этомъ засѣданіи обсуждался составленный министромъ внутреннихъ дѣлъ Булыгинымъ проектъ государственной думы и затѣмъ произнесено было много рѣчей. Всѣ ораторы въ своихъ рѣчахъ доказывали, что означенный проектъ, составленный въ глубинѣ бюрократическаго застѣнка, не жизнеспособенъ и, если онъ будетъ опубликованъ, не только не успокоитъ страну, но вызоветъ еще большія волненія и, какъ конечный результатъ, — анархію. «Такое народное представительно, какое предлагаетъ теперь бюрократія, Россіи не нужно». Далѣе ораторы указывали, что только конституціонный образъ правленія можетъ вывести Россію изъ того тягостнаго положенія, въ которое поставила ее бюрократія; правительство уже доказало свою непригодность и должно уступить зрѣлымъ общественнымъ силамъ и, если оно само этого не желаетъ, то народъ заставитъ его это сдѣлать».

На собраніи общеземскаго съѣзда 7-го іюля, происходившемъ въ той же квартирѣ князя Долгорукова, гдѣ присутствовало 318 лицъ, приступлено было къ разсмотрѣнію проекта народнаго представительства, выработаннаго комиссіею московской городской думы подъ редакціей гласнаго этой думы Ф. Ф. Кокошкина. Затѣмъ прослушанъ былъ проектъ государственнаго устройства, составленный гласнымъ московской городской думы Астыревымъ при участіи членовъ организационнаго бюро съѣзда профессора Мануйлова,

гласныхъ московской городской думы Пржевальскаго, Щепкина и Сазонова, который и принять быть единогласно всѣмъ съѣздомъ, какъ наиболѣе желательный. Вечеромъ 7-го іюля состоялось засѣданіе организационнаго бюро съѣзда, въ которомъ было составлено воззваніе отъ имени съѣзда «къ русскому народу», порицающее проектъ Булыгина, какъ допускавшій въ государственную думу только богатыхъ лицъ, и населеніе приглашалось къ единенію, дабы, не стѣсняясь препятствіями со стороны мѣстныхъ властей, сообща установить тотъ порядокъ, который не удастся получить отъ правительства, несмотря на его обѣщаніе, въ мирной борьбѣ.

Послѣднее собраніе общеземскаго съѣзда происходило 8-го іюля въ той же квартирѣ князя Долгорукова при участіи 270 лицъ и было открыто чтеніемъ адресовъ, полученныхъ съѣздомъ отъ рабочихъ и служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ и отъ московскаго, одесскаго и севастопольскаго сельско-хозяйственныхъ обществъ; всѣ эти адреса заключали въ себѣ заявленія о необходимости скорѣйшаго введенія въ Россіи конституціоннаго образа правленія на демократическихъ началахъ. Собраніемъ были приняты нижеслѣдующія постановленія: 1) Въ виду того, что правительство не желаетъ мирнымъ путемъ разрѣшить назрѣвшій вопросъ и пойти навстрѣчу легальнымъ требованіямъ народа, необходимо добиваться измененія существующаго порядка, всѣми средствами противоудѣствуя произволу и примѣняя всѣ способы мирной войны, до неповиновенія распоряженіямъ властей включительно. 2) Стараться всѣми возможными мѣрами пробуждать въ широкихъ массахъ населенія сознательное отношеніе къ политическимъ вопросамъ, войдя въ сношенія съ населеніемъ черезъ представителей земствъ и городовъ, участвующихъ въ съѣздѣ; стараться популяризировать взгляды настоящаго съѣзда на народное представительство и политическую жизнь Россіи, агитируя на сельскихъ сходахъ, собраніяхъ сельско-хозяйственныхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ и комментируя изустно и при посредствѣ популярныхъ брошюръ отношеніе земской Россіи къ вопросу объ освободительномъ движеніи. 3) Для наибольшей и успѣшной пропаганды въ народѣ взглядовъ земскихъ дѣятелей на истинныя и возможныя формы народнаго представительства войти въ соглашеніе съ существующими профессиональными союзами, распространяя на сельскихъ сходахъ и частныхъ групповыхъ совѣщаніяхъ правильное понятіе о необходимости для Россіи степенныхъ выборовъ, объ отношеніи народа къ правительственно-полицейскому произволу и противоудѣйствию ему, а также организовать возможно широкое распространеніе въ народѣ резолюцій политическаго характера и популярныхъ брошюръ по конституціоннымъ и соціально-экономическимъ вопросамъ. 4) Напечатать и распространить высочайшій указъ и рескриптъ 18-го февраля 1905 года, комментируя эти акты печатно

и изустно, а также распространяя среди населенія рѣчи депутатовъ на приѣмѣ 6-го іюня Государемъ Императоромъ представителей земствъ и городовъ и отвѣтъ Его Величества на эти рѣчи. 5) Обратиться ко всему русскому народу отъ имени этого съѣзда съ воззваніемъ и разъясненіемъ настоящаго положенія вещей, дабы русскій народъ понялъ, какъ стремятся защищать его интересы земскіе и городскіе дѣятели и какія противодѣйствія встрѣчаютъ эти стремленія со стороны правительственныхъ властей.

Затѣмъ съѣздъ постановилъ: 1) Требовать отмены смертной казни; 2) допустить избирательныя права женщинъ; 3) принять возможные мѣры для активной борьбы съ нынѣшней политической диктатурой.

Съѣздъ закрылся банкетомъ 9-го іюля въ залѣ литературно-художественнаго кружка, на которомъ присутствовало 420 человекъ. Предсѣдателемъ былъ выбранъ историкъ П. Н. Милюковъ, присутствовавшій на банкетѣ въ качествѣ делегата отъ союза писателей.

10-го іюля на квартирѣ темниковскаго уѣзднаго предводителя дворянства Ю. А. Новосильцева состоялось собраніе «союза польскихъ конституціоналистовъ», имѣвшихъ цѣлью сліяніе этого союза съ центральной организаціей всѣхъ возникшихъ въ Россіи профессиональныхъ союзовъ и «союзомъ союзовъ», въ виду чего въ этомъ собраніи присутствовали представители почти всѣхъ союзовъ. Предсѣдательствовалъ тамбовскій уѣздный предводитель дворянства В. М. Петрово-Соловово. На этомъ засѣданіи послѣ рѣчей присяжнаго повѣреннаго Мандельштама, гласнаго тверскаго земства Петрункевича и П. Н. Милюкова рѣшено было баллотировать въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о присоединеніи «союза конституціоналистовъ-освобожденцевъ» къ «союзу союзовъ», чѣмъ осуществлялось объединеніе всѣхъ существующихъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ группъ съ цѣлью веденія совмѣстной борьбы съ существующимъ порядкомъ.

Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).





ПОБѢДКА КЪ МОГИЛАМЪ ЕЛАГИНЫХЪ И БАТЕНЬКОВА.



ВЪ ВОСЕМНАДЦАТИ верстахъ отъ Бѣлева Тульской губерніи находится село Петрищево. Тамъ, у храма похоронены люди, праху которыхъ было бы грѣшно не поклониться живущему на родинѣ Жуковскаго. Тамъ похоронена Авдотья Петровна Елагина, мать славянофиловъ Кирѣевскихъ¹⁾, замѣчательнѣйшая русская женщина, сыгравшая огромную роль въ движеніи и развитіи русской литературы и русской мысли. Тамъ похороненъ извѣстный декабристъ Гавриилъ Степановичъ Батеньковъ, который былъ связанъ настолько тѣсными узами дружбы съ сыномъ Авдотьи Петровны Николаемъ Алексѣевичемъ Елагинымъ, что завѣщаль похоронить себя именно тамъ, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его кончины зарыли прахъ и его друга.

Послѣдній день августа. Солнце ярко свѣтитъ и грѣетъ. Мы выѣхали за городъ. За мостомъ черезъ рѣку Вырку, на которой стоитъ большая мельница-крупчатка, открывается обширный горизонтъ. Направо видны «рощи сладкогласны» села Мишенскаго: подъ сѣнью ихъ протекло дѣтство, зародился и росъ поэтический талантъ Жуковскаго. На опушкѣ рощи, на краю холма, стоитъ каменный храмъ. Отъ дороги до Мишенскаго—«зелены луга». Налѣво на нѣсколько верстъ раскинулась долина Оки. У Мишен-

¹⁾ Авдотья Петровна была замужемъ за Василиемъ Ивановичемъ Кирѣевскимъ, а затѣмъ, послѣ смерти его вступила во второй бракъ съ Алексѣемъ Андреевичемъ Елагинымъ.

скаго поднимаемся на Васькову гору. Отсюда открывается великолѣпный видъ на Бѣлевъ и окрестности. Жуковскій, до конца дней безумно любившій «холмы, поля родныя», восклицалъ:

О родина, всѣ дни твои прекрасны;
Гдѣ бъ ни быть я, но все съ тобой душой.

Сидя на террасѣ Финдлерова сада въ Дрезденѣ и любуясь открывшейся передъ нимъ картиной, онъ находить въ ней знакомое: «это былъ точно бѣлевскій видъ съ пригорка... Эльба, которая здѣсь немного шире нашей Оки, такъ же точно извивалась подъ горою; въ правой сторонѣ городъ; вдали на горѣ Рекницъ, похожій на Темрянь; за рѣкою обширный лугъ съ дорогами. Одна изъ нихъ, пыльницкая, по берегу Эльбы, какъ московская по берегу Оки, другая, на Рекницъ, какъ тульская; даже влѣво подъ горою домъ, точно напоминавшій дураковскую церковь; самое отдаленіе, несмотря на то, что синѣлись на немъ живописныя горы Саксонской Швейцаріи, имѣло что-то похожее на рощи, окружающія Жебынскую пустынь; однимъ словомъ, съ помощью воображенія можно было довольно живо видѣть вмѣсто Дрездена милую свою родину...»

И теперь, почти черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ были написаны Жуковскимъ эти строки, мы можемъ съ Васьковой горы любоваться этимъ видомъ: исчезла только большая часть рощъ, окружавшихъ Жебынскую пустынь, да у села Дуракова черезъ Оку перекинулся ажурный мостъ, и по дамбѣ, проложенной по долинѣ, бѣгаютъ поѣзда Рязанско-Уральской дороги.

Мы ѣдемъ по болховскому «большаку», бывшему украинскому тракту. По этому тракту 3-го мая 1826 года ѣхала изъ Таганрога умиравшая императрица Елизавета Алексѣевна, по этому тракту неоднократно ѣздила изъ Калуги въ Петрищево къ своему другу Елагину Гавріилъ Степановичъ и по этому же тракту былъ перевезенъ его прахъ на мѣсто вѣчнаго упокоенія.

Впереди большая пыльная дорога. Налѣво бѣгутъ телеграфныя столбы. Старыя ракиты, кое-гдѣ уцѣлѣвшія вдоль дороги, не тревожимыя вѣтромъ, склонили свои вѣтви. Всюду блестятъ и несутся безчисленныя нити осеннихъ паутинъ,—онѣ окутали телеграфныя проволоки и ракиты, покрыли сѣрымъ налетомъ высохшее желтое жнивье.

Проѣхали восемь верстъ. По обѣ стороны дороги стоитъ деревня Рука, раздѣляемая на двѣ части рѣкою того же названія.

За деревнею проѣзжаемъ мимо села Лабодина. Налѣво, на возвышенности, видна красивая усадьба господина Жданова при сельцѣ Фединскомъ. Направдо вдали виднѣется роща сельца Пронина, при которомъ находится имѣніе господъ Волчанецкихъ. Покойная мать послѣднихъ была урожденная Левицкая-Бунина

и происходила изъ рода тѣхъ Буниныхъ, къ которымъ принадлежали и Жуковскій и А. П. Елагина.

На двѣнадцатой верстѣ проѣзжаемъ по деревнѣ Таратухиной, а затѣмъ черезъ четыре версты—деревню Бобрискъ. Направо отъ Бобриска находится сельцо Уткино съ имѣнiемъ М. В. Бееръ. Марiя Васильевна дочь Василя Алексѣевича и Екатерины Ивановны Елагиныхъ и внучка со стороны отца знаменитой Авдотьи Петровны Елагиной, а со стороны матери—Марiи Андреевны Мойеръ, урожденной Протасовой, которую такъ горячо любилъ нашъ поэтъ.

Проѣхавъ съ версту отъ Бобриска, мы сворачиваемъ съ большой дороги влѣво и скоро подъѣзжаемъ къ селу Петрищеву. Налѣво—скромное сельское кладбище, а направо—усадьба М. В. Бееръ.

Вотъ мы и у храма, обнесеннаго кирпичной оградой.

У широкаго крыльца, ведущаго въ южныя врата храма, покоится прахъ Г. С. Батенькова. Скромная плита изъ темно-сѣраго мрамора лежитъ на могилѣ декабриста. Надпись на плитѣ гласитъ:

Здѣсь погребенъ

Дворянинъ

Гавриилъ Степановичъ

Батеньковъ.

Родился въ Tobольскѣ 25-го марта 1793 г.

Скончался въ Калугѣ 29-го октября 1863 г.

Миръ праху твоему.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ могилы Батенькова, у алтаря похоронены Елагины: Елизавета Алексѣевна, Авдотья Петровна, Николай Алексѣевичъ, другъ Батенькова, Василю Алексѣевичъ, Екатерина Ивановна, урожденная Мойеръ, Алексѣй Васильевичъ и Наталья Александровна (урожденная Волчанецкая). У всѣхъ могилъ поставлены кресты—у первыхъ пяти деревянные черные, а у двухъ послѣднихъ чугунные. На каждомъ крестѣ прибиты бронзовыя дощечки съ надписями, кто именно похороненъ, датами рожденiя и кончины и изреченiями изъ заповѣдей блаженства. Увядающiе цвѣты на каждой могилѣ грустно склонили свои головки... Могилы обнесены деревянной оградой, на половину уже развалившейся.

Тяжела мысль, что этихъ людей уже нѣтъ среди насъ, что отошли они въ вѣчность, но, къ счастью, чувствуется удовлетворенiе въ сознанiи того, что нѣкоторые изъ нихъ оставили намъ духовное богатство, что поработали они для счастья нашего и нашихъ потомковъ.

Вѣчная память имъ и миръ праху ихъ!

Андрей Фирсовъ.



НА БЛАГОДАТНОМЪ ЮГѢ.

I.



ВЪ КОНЦѢ августа минувшаго года я пріѣхалъ на благодатный югъ, въ Херсонъ. Портовый городъ, расположенный надъ Днѣпромъ, полонъ историческихъ достопримѣчательностей. На его плоскогорьѣ съ подземными ходами возвышаются остатки боевого вала, съ котораго открывается горизонтъ во всѣ стороны на нѣсколько десятковъ верстъ вдаль. Видны, какъ на ладони, Днѣпръ и степи: турку нельзя было спрятаться ни въ плавняхъ Днѣпра съ камышами, ни въ степномъ ковылѣ.

Тутъ же за валомъ стоятъ чрезвычайно стильные екатерининскій соборъ и потемкинскій дворецъ. Послѣдній обращенъ въ офицерскій клубъ, а екатерининскій дворецъ—въ арестантскія роты... Длинные съ колоннами зданія—очень типичны для екатерининской эпохи.

Екатерининскій соборъ окруженъ характерными памятниками, въ видѣ квадратныхъ и удлиненныхъ изъ дикаго камня катакомбъ, въ честь павшихъ воиновъ при Очаковѣ. Среди памятниковъ старины обращаютъ на себя вниманіе памятникъ «Праху во цвѣтѣ лѣтъ и добродѣтелямъ скончавшагося героя принца Александра Виртем-

бергскаго»; другой памятникъ со стихами, до сихъ поръ сохранившимся:

«Здѣсь другъ отечества, почтенный мужъ Корсаковъ,
 Къ сожалѣнію сыновъ Россіи, погребенъ.
 Онъ строилъ градъ сей и осаждалъ Очаковъ,
 Гдѣ бодрый его духъ отъ тѣла отлученъ».

Имѣются памятники генераль-майору Синельникову, убитому при осадѣ Очакова 1-го октября 1788 года, генераль-майору Максимовичу, убитому тоже при осадѣ Очакова 1-го ноября 1788 года, и памятникъ генералу артиллеріи Ивану Ивановичу Меллеръ-Закомельскому, убитому при осадѣ Кишин 10-го октября 1790 года.

Въ самомъ храмѣ множество старинныхъ иконъ. Имѣется нѣсколько старинныхъ экземпляровъ Евангелія, въ томъ числѣ запорожское Евангеліе. По срединѣ храма могила фельдмаршала Потемкина и недалеко отъ нея, за особой оградой, стоитъ кресло императрицы Екатерины II, на которомъ она отдыхала.

Я съ интересомъ осмотрѣлъ эту церковь, богатую воспоминаніями и очень просто, почти бѣдно украшенную внутри. Но именно это и придаетъ ей художественный видъ.

Іюльскіе жары уже давно миновали, и я съ удовольствіемъ ходилъ по городу, подъ тѣнистыми аллеями изъ густой бѣлой акаціи, со скамейками для отдыха противъ каждаго магазина на улицѣ. Общій видъ Херсона чрезвычайно красивъ. Въ немъ множество зданій, иногда напоминающихъ петербургско-аракчеевскія, а иногда красивыхъ и оригинальныхъ. Улицы перерѣзаны парками, съ памятниками Потемкину и Говарду.

Памятникъ Потемкина украшается по сосѣдству фонтаномъ, около котораго устроена обществомъ физическаго воспитанія дѣтей площадка для игръ послѣднихъ. Зрѣлище игръ и гимнастическихъ упражненій бываетъ очень оживленнымъ.

Надо вообще сказать, что херсонская молодежь очень бойкая. Обычай имѣть на улицахъ повсюду скамейки даетъ возможность гуляющимъ отдыхать на нихъ и вступать между собой въ разговоръ. Гимназисты и гимназистки запруживаютъ улицы по праздникамъ. Сближеніе это не опасно для возраста школьнаго періода, но уличный типъ молодежи какъ-то невольно бросается въ глаза. Чувствуется въ немъ практичность, находчивость и сообразительность, но, можетъ быть, вмѣстѣ съ этимъ утрачивается въ юности ея застѣнчивость, скромность и вся святость дѣтства. Здѣсь не вырастутъ тургеневскіе типы съ ихъ идеализмомъ и красивыми ошибками... Вмѣсто увлекающейся Аси или Наташи здѣсь здоровымясляція гимназистки, подготовленныя къ болѣе суровой дѣятельности, чѣмъ къ чуднымъ рѣчамъ Рудина. Материализація жизни въ дипломахъ и служебныхъ правахъ. Здѣсь мало идеализма, но чувствуется избытокъ практичности и холодной алчности.

Городская жизнь, кромѣ того, испорчена здѣсь нравами хохлацки-казацкаго населенія и еврейскаго. Ужъ очень большой тяжкодумъ малороссъ... Точно ему лѣнь понять вашъ вопросъ и отвѣтъ. Онъ даже удивленъ, если спросить его, какъ называется улица, по которой онъ идетъ. Нѣсколько разъ зачѣмъ-то повторитъ вашъ вопросъ, и вы, потерявъ терпѣніе, пойдете далѣе.

Мой пріятель все лѣто собирался устроить мнѣ охоту и каждый вечеръ рассказывалъ объ изобиліи въ днѣпровскихъ плавняхъ утокъ и гусей, въ степяхъ—дрофъ и стрепетовъ; какъ надо бы ему познакомиться съ мѣстными охотниками и взять меня съ собой на охоту; какъ ему уже обѣщаны приглашенія, и онъ ждетъ со дня на день письма и т. д. Разговоры повторялись объ этомъ каждый вечеръ, но пріятель мой забылъ, что онъ имѣлъ дѣло по охотѣ съ такими лѣбтягами, какъ и онъ самъ; что никто не станетъ писать ему приглашенія и что надо самому заѣхать за разрѣшеніемъ охотиться на чужой землѣ или заплатить за это владѣльцу, а не ждать отъ него любезности и услужливости. Удивительно, не умѣютъ здѣсь по-мужски:—да или нѣтъ,—рѣшать вопросы о самыхъ пустячныхъ дѣлахъ; но въ разговорахъ принимаютъ участіе всѣ присутствующіе, горячо оспариваютъ другъ друга, переимчиваютъ всякое рѣшеніе, каждый предлагаетъ свое, и все кончается ничѣмъ. Всѣ удивляются, что ничего не удается, хотя каждый разсуждаетъ мастерски... Они удивительно напоминаютъ мнѣ пошехонцевъ, когда тѣ хотѣли съ колокольни своего Пошехонья видѣть Москву: сбѣжались къ запертой на ключъ колокольнѣ, давятъ другъ друга, побрякиваютъ, совѣтуютъ одинъ другому пойти къ старостѣ за ключами колокольни, и никто не хочетъ отойти отъ ея дверей, боясь прозвѣвать захваченное мѣсто... А между тѣмъ всѣ кричатъ и вопятъ о ключахъ, не двигаясь. Эта манера «тянуть» всякое рѣшеніе вопроса выводитъ нервнаго человѣка изъ терпѣнія, и ему хочется уже отказаться отъ всякаго дѣла съ такими лѣбтивными и въ то же время «себѣ на умѣ», хитрыми и недовѣрчивыми людьми.

Сообразительности у малоросса достаточно, но онъ очень любитъ дурачка валять. Совершенно какъ въ анекдотѣ: идутъ два малоросса. Одинъ изъ нихъ далъ другому кожухъ, а тотъ пропилил его. Тогда первый спрашиваетъ: «Мы по дорогѣ шли?»—«Шлы».—«Въ корчму зашли?»—«Зашлы».—«Водку пыли?»—«Пыли».—«Я кожухъ снялъ?»—«Снялъ».—«Тебѣ отдалъ?»—«Отдалъ».—«А гдѣ кожухъ?»—«А какой кожухъ?» и т. д., опять сначала. Не хочется ему сознаться, что кожухъ пропилилъ, ну, и играетъ дурачка: «А какой кожухъ?»

Совсѣмъ не умѣетъ хохоль открыто и честно вести себя. Все отмачивается, ворчитъ себѣ подъ носъ, тянетъ съ рѣшеніемъ и всегда проигрываетъ въ дѣлахъ съ евреями и поляками. Ему нечего противопоставить еврейской сообразительности, всезнайству, трез-

востн, скупости, практичности, единодушiю и мошенничеству. Евреи здѣсь во всемъ опередили малоросса...

Я, конечно, не претендую на научную обоснованность моего взгляда на малороссовъ. Я сужу о нихъ, какъ великороссiйскiй обыватель, на котораго встрѣчи съ хохлами произвели сильное впечатлѣнiе. Для обобщенiя взгляда о цѣлой народности у меня нѣтъ достаточно фактовъ, но впечатлѣнiй много... Научное изслѣдованiе о «Двухъ русскихъ народностяхъ» имѣется въ «Историческихъ монографiяхъ» Н. Костомарова, гдѣ усиленно доказывается материальность великорусскаго племени и поэтичность малороссiйскаго; стадность перваго и индивидуализмъ втораго и т. д. Но эта разниця въ народностяхъ обусловлена географическимъ положенiемъ страны и случайностями ихъ политической жизни; а самая природа человѣка исключаетъ и арiйское благородство, и хамство семита. Природа человѣка объединяетъ всѣ расы, и въ этомъ залогъ нашей вѣры въ братство и могущество перевоспитанiя. «Судьба южно-русскаго племени,—замѣчаетъ Н. Костомаровъ,—устроилась такъ, что тѣ, которые выдвигались изъ массы, обыкновенно теряли и народность; въ старину они дѣлались поляками, а теперь дѣлаются великороссiянами». Но все же массы остаются массами, и нельзя не замѣтить въ нихъ особенныя черты, особый языкъ, складъ понятiй и вѣрованiй. Еврей на благодатномъ югѣ особенно типиченъ.

— Вы только посмотрите и зайдите,—шумитъ еврейчикъ въ дверяхъ магазина, если вы остановились передъ его окномъ на улицѣ.— Только зайдите сюда... Ну, не купите теперь, въ другой разъ зайдете... Развѣ нѣтъ времени посмотреть? Новинки внутри магазина...

Это соблазняетъ, по новинокъ въ магазинѣ нѣтъ, а есть явное желанiе заманить покупателя въ магазинъ... А разъ покупатель зашелъ въ еврейскiй магазинъ, надо непременно что-нибудь купить или разругаться...

— Гдѣ же новинки?—спрашиваешь.

— А все ново, что видите. Развѣ есть еще гдѣ что новѣе? Если это не ново, такъ не ищите нигдѣ...

Вы идете къ выходнымъ дверямъ, но приказчикъ послѣдуетъ вамъ вслѣдъ и громко кричить:

— Если не хотите купить зонтикъ, такъ, можетъ, нуженъ чемоданъ, изъ бѣлья чего?

— Ничего не надо.

— Человѣку всегда надо что-нибудь покупать...

— Отстаньте.

— Я хочу вамъ услужить

— Отстаньте, говорю...

— Ну, чего вы сердитесь? У насъ безъ запроса... Лишь одна цѣна...

Опять дашь себя убѣдить и начинаешь смотрѣть бѣлье. Еврей торгуется, сбавляетъ цѣну и увѣряетъ васъ, что бумажное бѣлье лучше полотна...

— Ну, полотно прохладнѣе, да въ немъ легче простудиться, а съ бумагой здоровѣе...

Если нѣтъ въ магазинѣ бумажнаго бѣлья, тотъ же еврейчикъ кричитъ, что бумага грѣетъ и лѣтомъ пельзя носить мадеполамъ, а полотно и холодитъ и прочнѣе. Надо вамъ купить карандашъ, вамъ даютъ грифель съ доской и убѣждаютъ, что это также хорошо и удобно для васъ.

Вы просите отпустить вамъ стараго сыра, вамъ рѣжутъ и отпускаютъ молодого, осуженно замѣчая:



Общій видъ Херсона.

— Зачѣмъ вамъ старый сыръ? Кто его ѣсть? Всѣ требуютъ молодого сыра, а стараго никому не надо. Развѣ есть что хорошаго въ старомъ?

Вы просите графитъ крѣпкій и сухой для черченія, вамъ даютъ его съ радостнымъ восклицаніемъ:

— Послѣдній остался! Какъ разъ такой, какой вамъ нуженъ...

Не показывая, завертываютъ его въ бумагу, и вы убѣждаетесь дома, что графитъ мягкій, именно такой, какой вамъ не нуженъ. Покупаете арбузъ съ условіемъ, чтобы онъ былъ сладкій, еврей взрѣзаетъ его и, не смотря на то, что арбузъ безъ вкуса, кричитъ:

— Развѣ можетъ быть слаще? Ну, посыпьте сахаромъ его. Ну, что стоитъ: какая разница? Онъ будетъ сладокъ.

истор. воспн., июль 1913 г., т. сxxxiii.

Покупаешь въ лавкѣ персики изъ одной кучи по такой-то цѣнѣ, вамъ отпустить ихъ изъ другой кучи и будутъ увѣрять, что эти персики мягче и болѣе зрѣлы; то же и съ яблоками, дынями, сливами. Вы довѣряетесь и дома всегда объ этомъ сожалѣете.

Покупаешь булку, крендель—на видъ большіе, но принесешь домой, булка легка, какъ пухъ, поздравата, пухла и подъ ножомъ не рѣжется, а сжимается въ лепешку; крендель рассыпается на куски, и получается одинъ соръ. Купишь гуммиарабика—онъ ничего не клеитъ... Все бракованное скуплено евреями и продается ими населенію.

Даже въ кухмистерской васъ аффрапируетъ кельнеръ изъ евреевъ, почтительно спрашивающій: не обѣдали ли вы здѣсь дня три-четыре тому назадъ? Вы утвердительно отвѣчаете, и тогда лакей уже увѣреннѣе замѣчаетъ, что онъ сдалъ вамъ сдачу за два блюда, а вы съѣли три... «Можетъ быть, не помню...»—отвѣчаете вы и отдаете ему его гривенникъ... Но эти «гривенники» очень сомнительны, такъ какъ въ слѣдующій разъ онъ также присталь почтительно съ такой же исторіей къ повому посѣтителю, обѣдающему въ этомъ ресторанѣ. Не менѣе противно и то, какъ онъ медленно отдаетъ сдачу денегъ, рассчитывая на психологію посѣтителя. Часто послѣдній, въ раздраженіи на медленность кельнера, уходитъ, не пересчитывая сдачу и не дополучивъ пяточка...

Пріѣзжаете въ городъ и останавливаетесь въ гостиницѣ, васъ каждый день спрашиваетъ еврей-комиссіонеръ о томъ, не уѣзжаете ли вы сегодня и не нужно ли вамъ взять билетъ на желѣзную дорогу.

— На вокзалѣ,—трещитъ онъ сбоку васъ,—въ касѣ не всегда хватаетъ билетовъ, а я раньше возьму на городской станціи... Только скажите, когда уѣзжаете...

— Я самъ не знаю.

— Возьмите номеръ телефона нашей гостиницы,—торопливо перебываетъ онъ и суетъ въ руку бумажку.—Когда покончите свои дѣла въ городѣ, дайте знать по телефону, и я побѣгу за билетомъ... Вамъ какъ: съ курьерскимъ и съ плацкартой?

— Когда что будетъ надо, я позову,—отвѣтите вы съ явнымъ нежеланіемъ говорить.

Но комиссіонеръ убѣдительно повторяетъ свои доводы и уже говорить цѣну билета и ждетъ денегъ.

Въ сильномъ волненіи вы ускоряете шагъ отъ надоедливаго еврея, силкомъ вырывающаго у васъ согласіе на его работу.

Вы понимаете умомъ страшную скученность и конкуренцію евреевъ изъ-за заработка, но не можете совладать съ своимъ чувствомъ.

Бѣдность создаетъ и на югѣ Россіи нравы навязчивыхъ людей. Еврей на богатомъ югѣ зарабатываетъ свои гроши характерно и унижительно для человѣческаго достоинства.

Всевозможныя мелочи изъ еврейскаго быта и торговли злятъ васъ ежедневно, и вы невольно начинаете понимать происхожденіе непріязненныхъ чувствъ къ семитамъ.

Мой товарищъ рассказывалъ мнѣ, какъ въ еврейскомъ семействѣ была жестоко обижена хозяйкой деревенская горничная. Уѣхавъ изъ Херсона на какія-то еврейскія празднества въ гор. Николаевъ, хозяйка вернулась дней черезъ десять домой и тотчасъ заявила прислугѣ, что за эти дни она ей не заплатитъ.

— Почему такъ?—изумилась молодая дѣвушка.

— Ты ничего въ эти дни не работала.

— Я оставалась при квартирѣ,—отвѣчаетъ та.—А что вы были



Видъ на Днѣпръ.

въ отъѣздѣ и я не готовила для васъ ни самовара, ни кушанья, такъ я тому не виновата.

— Ты ничего не дѣлала, за что же я буду тебѣ платить?

— Я бы не оставалась при квартирѣ, если бы знала, что вы сдѣлаете вычетъ...

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я не заплачу тебѣ за эти десять дней,—раскричалась хозяйка.—Я еще должна посмотрѣть, все ли въ квартирѣ у меня цѣло? Не пропало ли что изъ бѣлья? Откуда у тебя, я видѣла, два рубля? Я не отдамъ тебѣ паспортъ, пока все не провѣрю... Я позову полицію, если что у меня пропало...

Горничная съ перепугу затихла и уже не заикалась о десяти дняхъ, когда хозяйка, провѣривъ всѣ свои вещи, все-таки сдѣлала вычетъ изъ жалованья горничной. Последняя потихоньку стала

подыскивать себѣ новое мѣсто, стараясь угодить хозяйкѣ и разстаться съ ней по доброму соглашенію.

Такія прижимки со стороны евреевъ слабыхъ и робкихъ людей не могутъ не ожесточать послѣднихъ.

Не только торговля, но и ремесла, прачечныя, булочныя—все въ еврейскихъ рукахъ. Отдавая бѣлье въ стирку, вы должны послать за нимъ свою прислугу; отдавая починить зонтикъ или сдѣлать ключъ къ дверямъ по прилагаемому образцу, вы не дождетесь мастера съ ключомъ, но сами должны идти къ нему или посылать прислугу. Такъ привыкли здѣсь. Меня это очень удивляло, также какъ и неаккуратность мастеровъ. Закажешь еврею работу, отдашь матеріалъ, и онъ обѣщаетъ, что завтра будетъ готово, а завтра онъ заявляетъ, что раньше педѣли нельзя: праздникъ еврейскій, ему надо ѣхать въ Одессу, и онъ не успѣетъ раньше исполнить заказъ.

— Не все ли вамъ равно,—хладнокровно оправдывается онъ и увѣренно повторяетъ, что это для васъ безразлично.

Говоришь портнихѣ сдѣлать новый воротникъ къ женскому пальто и можетъ ли она подобрать въ магазинѣ такую же матерію, изъ которой сдѣлано все пальто...

— Ну, чего мы не можемъ?!—перебиваетъ еврейка.—Развѣ мы не видимъ матерію? Мы точку въ точку сдѣлаемъ... Точка въ точку...

Разумѣется, на дѣлѣ выходитъ иначе, и вы негодуете...

Цѣлая семья евреевъ кричитъ на васъ въ мастерской.

— Вы хотите невозможнаго! Точка въ точку... Это невозможно. Мы подобрали къ воротнику другой тонъ, а вашей матеріи не было. Накажи насъ Богъ, если это худо сдѣлано.

Съ наймомъ квартиръ и комнатъ у евреевъ надо быть тоже осторожнымъ. Мой пріятель проѣздомъ взялъ комнату въ еврейскомъ семействѣ за тридцать рублей въ мѣсяцъ, рассчитывая по одному рублю въ день. Но оказалось, что онъ обязанъ за весь мѣсяцъ заплатить впередъ, хотя ему пришлось прожить здѣсь всего десять дней. Несмотря на ясно выраженное имъ условіе за день одинъ рубль и обѣщаніе прожить, можетъ быть, около мѣсяца,—онъ оказался законтракованнымъ на весь срокъ и не могъ выѣхать изъ квартиры безъ ссоры. Удобства въ еврейской квартирѣ должны быть выговорены заранее. Иначе вмѣсто хорошаго утренняго чая съ французской булкой и масломъ вамъ будутъ подавать спитой чай съ ломтиками еврейскаго хлѣба и сквернаго масла; вмѣсто кровати съ мягкимъ матрацомъ поставятъ какую-то трепыхалку съ тугими подушками и грязнымъ одѣяломъ... Даже графинъ съ водой замѣнятъ бутылкой изъ-подъ пива въ полномъ убѣжденіи, что разъ деньги жильцомъ уплачены впередъ, можно какъ угодно обращаться съ обязательствами передъ нимъ... Вмѣсто него найдется другой пріѣзжій, котораго можно такъ же нагло одурачивать. Обо всемъ надо договариваться съ евреемъ не условно, а категорически и съ распиской, если хочешь избѣжать непріятностей.

Тотъ же пріятель взялъ у еврея передававшуюся до срока квартиру на очень выгодныхъ для квартиранта условіяхъ. Но въ день переѣзда еврей заявилъ:

— А за выѣздъ вы заплатите мнѣ пятьдесятъ рублей?

— За какой выѣздъ?

— А за то, что я выѣду до срока и передамъ вамъ такую хорошую квартиру на такомъ хорошемъ мѣстѣ? Если не хотите платить за выѣздъ, то я другого дождусь нанимателя...

Пришлось заплатить.

Какъ хохоль не знаетъ даже улицы, на которой вы съ нимъ встрѣтились и его «немогузнайство» поражаетъ васъ, такъ еврей все знаетъ... Онъ не только видѣлъ сейчасъ вашу жену на улицѣ,



Крѣпостныя ворота.

по онъ знаетъ, что недѣлю тому назадъ она пріѣхала изъ Москвы и въ вагонѣ ссорилась съ еврейкой, которая своимъ разговоромъ съ сосѣдками не давала ей спать. Онъ знаетъ все повья назначенія по городской администраціи, о которой вы сами ничего не слышали; онъ же первый предупредитъ васъ о ревизіи и т. д.

— Но почему это?

— Такая уже нація, — отвѣтилъ мнѣ старожиль, съ которымъ я осматривалъ городъ. — Еврей узнаетъ новость въ Петербургѣ и сообщаетъ ее еврею, который ѣдетъ въ Одессу. Одесскій еврей говоритъ о томъ же херсонскому, послѣдній новымъ евреямъ и т. д. Живой телеграфъ по всему краю. Мой комиссіонеръ, поставщикъ разнаго матеріала для портовыхъ работъ, отлично знаетъ, когда

мнѣ надо купить новыя брюки, сапоги, влюбиться и ревновать. Какъ неприятно его всезнайство, такъ еще болѣе неприятна его безцеремонность. Эта крикливая въ вагонѣ еврейка отвѣтила моею женѣ тѣмъ, что если бы она ѣхала съ какой-то Саррой, то весь вагонъ бы не спалъ отъ ихъ разговора... А кому не угодно слушать ихъ и кто хочетъ спать, тотъ пусть идетъ въ первый классъ. Это отвѣтъ интеллигентной еврейки, а не изъ шинка. Во всемъ еврей специфиченъ. Я вывѣсилъ у себя объявленіе, что по дѣламъ службы принимаю до шести часовъ, а позднѣе только по экстренному дѣлу... Но это объявленіе ничего не измѣнило. Стучить еврей въ семь часовъ и говорить, что пришелъ по экстренному дѣлу... На соревновательныхъ торгахъ даютъ мнѣ такую-то цѣну, а онъ хочетъ дать меньшую...

«— Да развѣ это экстренное дѣло?—кричу.

«— А какъ же? Для меня это экстренное дѣло. Могутъ другіе перебить...

«— Но уже были торги...

«— Ну, что такое торги? Были... Знаю... А я пришелъ теперь.

Слушая нападки моего пріятеля на еврея, я невольно спросилъ его:

— Вы антисемитъ?

— О, совсѣмъ не то,—отвѣтилъ онъ.— Я просто недолюбливаю еврея, какъ и всякаго человѣка съ такими качествами. Я не юдофилъ, но и не антисемитъ... Въ русскомъ магазинѣ для меня также неприятна оборотная сторона дѣла... Васъ совсѣмъ тамъ игнорируютъ и разговариваютъ съ вами какъ-то нехотя, не выпуская изъ рукъ газеты или постороннихъ счетовъ... Плюнешь и уйдешь. Но еврею, кромѣ равноправія съ нами, надо еще перестать быть жидомъ, если онъ хочетъ пріобрѣсти наши симпатіи. А какъ жидъ, онъ нисколько не страшенъ, но всегда противенъ... Можетъ быть, мы сами въ томъ виноваты! Евреи говорятъ о себѣ: «Мы кусаемся, потому что вы обращаетесь съ нами, какъ съ собаками». Правыя партіи любятъ отыгрываться на евреяхъ... Они все кричатъ, что дарованіе евреямъ высшаго образованія и правъ государственной службы кончится въ самое короткое время захватомъ евреями всѣхъ правительственныхъ мѣстъ. И сенатъ и сиподъ будутъ состоятъ изъ евреевъ, вся бюрократія изъ евреевъ, общественное мнѣніе фальсифицировано евреями, и все это кончится неизбежными погромами и избіеніемъ русскимъ народомъ еврейскаго населенія на всемъ пространствѣ земли русской. Но развѣ это не фантазія, прикрытая безправіемъ евреевъ, чтобы спасти ихъ отъ будущаго гнѣва русскаго народа? Я убѣжденъ, что русскій народъ серьезно страдалъ болѣе отъ своихъ завоевателей, чѣмъ отъ инородческаго гнета. Великороссійское населеніе самое способное, развитое и энергичное населеніе. Оно и до сихъ поръ, находясь со вре-

мень Грознаго подь опекой бояръ, поповъ, помѣщиковъ и чиновниковъ, въ минуты самодѣятельности успѣшно справлялось даже съ иноземными нашествіями. Если мы торопились прикончить японскую войну постыднымъ миромъ, то это не потому, что мы обнищали духомъ, а потому, что «духъ народа» пробуждался и пугалъ насъ. Въ вашихъ же книгахъ «Пробужденный народъ» и «Голоса земли» приведены отрывки изъ того, какъ народъ говорилъ, что онъ готовъ умирать за вѣру, царя и отечество, но что нашу вѣру въ этой войнѣ никто не оскорблялъ, царя всѣ уважали, а отечество наше не въ Манчжуріи... Это «голосъ народа» противъ непопулярной войны, но голосъ мощнаго и сильнаго народа. Ему ли бояться еврея и другихъ инородцевъ, особенно если собственные завоеватели перестанутъ стоять стѣной между народомъ и его интеллигенціей?

Видя мое вниманіе, ораторъ продолжалъ:

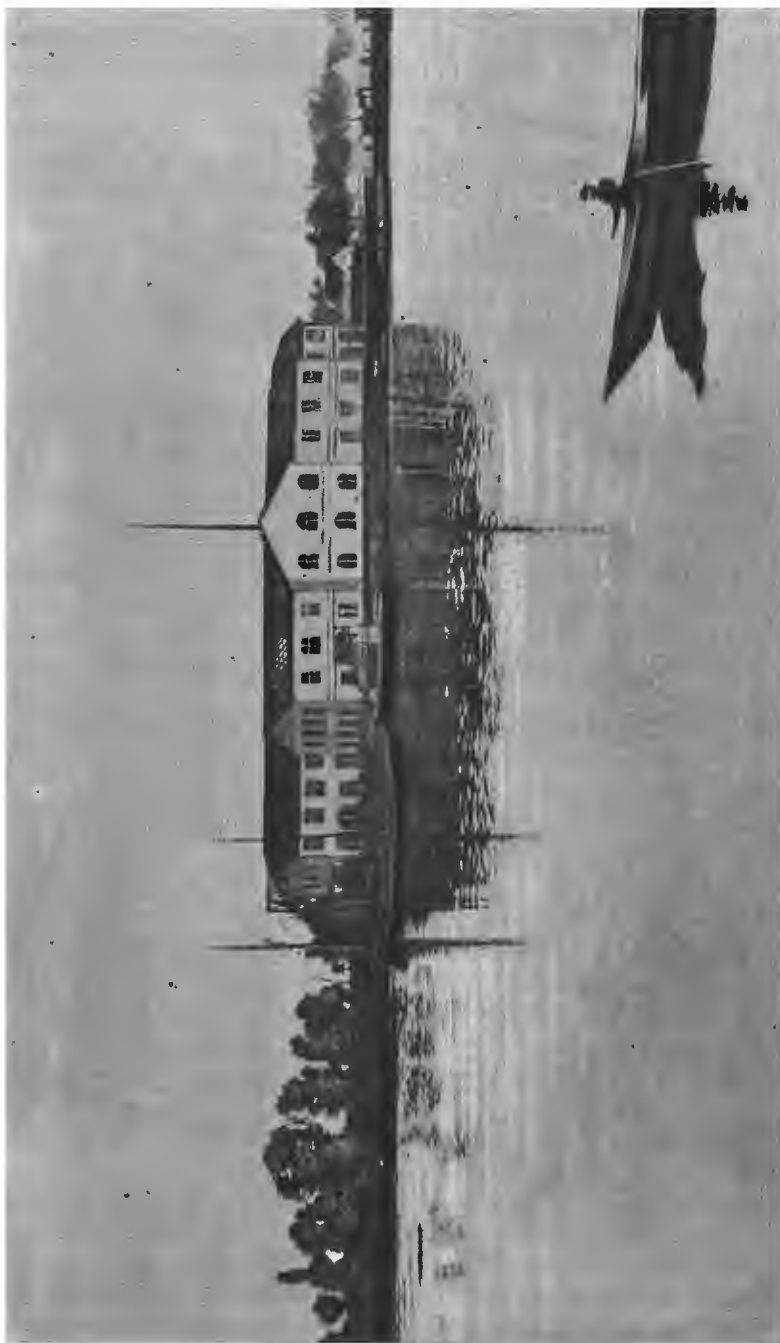
— До сихъ поръ народолобцы изъ интеллигенціи приведены въ бездѣйствіе, а между тѣмъ съ ними народъ не былъ бы лишень просвѣщенія и силъ. У него нашлись бы учителя, которые не бѣжали бы изъ сельскихъ школъ,—какъ это дѣлается теперь всюду по недостаточности вознагражденія,—то въ управляющіе господскимъ имѣніемъ, то въ волостные писаря, то въ агенты земскаго страхованія. Передъ нашими глазами прошли массы добровольцевъ изъ интеллигенціи, полагавшихъ свою жизнь въ служеніи народу и погибшихъ безъ времени. Ихъ можно укорять въ неумѣннѣ служить народу, но не въ недостаткѣ нравственныхъ чувствъ и благороднаго характера. Между тѣмъ совершенно вѣрно однажды замѣтилъ С. Ю. Витте о томъ, что пока сахаръ не растворится и не размѣшается въ чаю, до тѣхъ поръ послѣдній не годится для питья. Интеллигенція—тотъ же сахаръ, и, пока она не перемѣшалась съ народными пластами и не пропитала ихъ своимъ свѣтлымъ міросозерцаніемъ и мягкими нравами, до тѣхъ поръ нельзя сказать послѣдняго слова о народѣ. Тѣмъ болѣе нельзя говорить о безсиліи русскаго народа передъ инородцами, давно уже слившимися съ своей интеллигенціей и, несмотря на это, утратившимъ свою и территориальную, и политическую независимость. У русскаго народа все въ будущемъ... Онъ до сихъ поръ разобщенъ съ интеллигенціей и не знаетъ, какъ выйти изъ невѣжества и нищеты. Просвѣщеніе массъ измѣнить и реальное соотношеніе общественныхъ силъ, до сихъ поръ очень неблагоприятное для народа при всякомъ его выступленіи.

Ораторъ закончилъ свою рѣчь словами:

— Я не буду отыгрываться на евреяхъ и націонализмъ, когда вижу въ деревняхъ бѣдность, огрубѣніе нравовъ, абсентизмъ интеллигенціи, книгъ, газетъ, школъ, при синодальномъ и губернаторскомъ давленіи даже на выборы депутатовъ въ государственную думу. Нечего кивать головой на инородцевъ, а лучше на себя

обратить вниманіе... А то ужъ очень наивно всюду искать еврея! Хорошо еще, что евреямъ не приписываютъ исчезновенія на славянствѣ всякихъ слѣдовъ египетской, арабской и эллинской культуръ, хотя археологическія раскопки на югѣ Россіи доказываютъ проникновеніе древнихъ цивилизацій въ глубь скифо-сарматскихъ степей... Но все-таки многіе не прочь всѣ важнѣйшія роли въ европейской исторіи передать евреямъ только потому, что въ политической сферѣ евреи—революціонеры, въ религіозной—враги католической церкви, какъ только реформація стала содѣйствовать ихъ масонскимъ стремленіямъ по преимуществу въ протестантскихъ странахъ; въ экономическихъ сферахъ евреи—марксисты и, слѣдовательно, герои всѣхъ позднѣйшихъ событій. Но не много ли чести евреямъ, если такъ разсуждать о нихъ? Пожалуй, тогда ничего не останется другимъ народамъ въ исторіи всемірнаго прогресса. Тѣмъ же евреямъ приписывается разрушеніе патріотизма въ войскахъ, старой вѣры въ нихъ побѣдоносность, въ патріархальную честь общества и т. д. А между тѣмъ этимъ разрушеніемъ занимались и философія, и утописты противъ милитаризма, и современный пацифизмъ... Неужели безъ еврея не обойдется и здѣсь; неужели такъ-таки все использовано ими въ интересахъ юдаизма, и всѣ народы исполняли не свои, а исключительно еврейскія предначертанія? Можно ли такъ унижительно думать объ арійскихъ народахъ и пугать ихъ еврейскимъ засильемъ? Да развѣ мы не были свидѣтелями,—продолжалъ воодушевленно мой собесѣдникъ,—того переполоха въ средѣ евреевъ, который поднятъ былъ бойкотомъ въ Варшавѣ и грозилъ распространиться противъ евреевъ по всей Польшѣ? Развѣ въ Англіи боятся евреевъ? Самъ г. Яблонскій въ своей антисемической книгѣ о евреяхъ говоритъ, что это объясняется глубоко-практическимъ, дѣловымъ и энергичнымъ характеромъ англичанъ; что о силу здраваго разсудка англичанъ неминуемо должно было разбиться гешефтмахерство евреевъ... Совершенно вѣрно! Эти качества, конечно, развились въ странѣ политической свободы и что же мѣшаетъ намъ, русскимъ, добиться гарантій конституціонной жизни? Дайте русскому народу не только церковно-византійское, чисто обрядовое и схоластическое мышленіе, но и «практическое», и дѣловое, въ связи съ энергичнымъ характеромъ, этотъ народъ станетъ также непобѣдимъ.

Съ своей стороны, я замѣтилъ ему, что если бы полиція не препятствовала интеллигентской проповѣди о самопомощи среди крестьянъ даже въ видѣ сельско-хозяйственныхъ кооперацій, анти-еврейскихъ ярмарокъ, мелкаго кредита и т. д., іудейство, съ его посреднической и поставщицкой ролью, значительно было бы ослаблено; а если къ этому присоединить общія мѣры къ поднятію экономическаго и умственнаго уровня страны, то народъ нашъ и не почешется отъ равноправія съ инородцами.



Карагинский остров.

— Нечего насъ пугать ими,—перебилъ онъ меня.—Всѣмъ мѣста хватить въ благоустроенной странѣ. Откуда это такое счастье инородцамъ въ томъ, что они одни трезвы, сплочены и солидарны между собой, нравственны въ семьяхъ, грамотны и начитаны, а мы, русскіе, только пьяницы да недоброжелатели другъ другу и потому обречены на долгіе годы коснѣть подъ опекой и бояться соперниковъ? Да неужели не страдаетъ то же чувство патріотизма и націонализма отъ такого умаленія соотечественниковъ, будто бы не приспособленныхъ по своей природѣ къ политическому равноправію съ многочисленными народностями на земномъ шарѣ? Да вѣдь если еврей на югѣ изъ одного горшка сметаны дѣлаетъ три и продаетъ сметану дешевле, чѣмъ русскій крестьянинъ, то развѣ въ этомъ мошенничествѣ еврея сказывается его могущество? Вѣдь у него вездѣ все такъ, и это скорѣе свидѣтельствуетъ безвыходность его положенія, такъ какъ все, что дешево, то гнило, и гдѣ тонко, тамъ и рвется.

II.

Нельзя сказать, чтобы херсонскія впечатлѣнія о людяхъ были у меня пріятными. Я чувствовалъ, какъ изо дня въ день нарождалось у меня непріятное чувство къ типу южнаго человѣка, и я рвался изъ города на историческія волны Днѣпра и отдыхалъ на его просторѣ. Весь покрытый пароходами и парусными суднами, Днѣпръ очень красивъ.

Пловучіе элеваторы пристають къ баржамъ съ хлѣбомъ и поднимаютъ грузы на пароходы: то, что дѣлается руками въ три-четыре дня, при помощи элеваторовъ оканчиваютъ въ одинъ день.

Для заразно-больныхъ, пріѣзжающихъ на пароходахъ, имѣется на Днѣпрѣ островъ—карантинъ, что вполне изолируетъ очагъ заразы.

По величинѣ рѣчного бассейна и протяженію европейскихъ рѣкъ рѣка Днѣпръ занимаетъ 3-е мѣсто, по изслѣдованію кіевского округа путей сообщенія.

	Площадь бассейна.	Протяжен. въ верстахъ.
рѣка Волга	1,460,000 кв. килом.	3,345
» Дунай	817,000 » »	2,679
» Днѣпръ	520,000 » »	2,107

Днѣпръ, съ его судоходными притоками Березиной, Припетью, Сожомъ и Десной, охватываетъ 15 губерній съ населеніемъ болѣе 35 милліоновъ душъ.

Условія судоходства и сплава лѣсовъ и хлѣба, по указанію того же округа, значительно улучшены, особенно въ нижнемъ Днѣпрѣ. Порожистыя части рѣки отъ гор. Екатеринослава до Александров-

ска, около ста верстѣ, хорошо изслѣдованы. Для сплава въ порогахъ два хода. Одинъ старый или казацкій ходъ, придерживающійся естественнаго фарватера, располагающагося по преимуществу у праваго берега, другой новый ходъ черезъ искусственно открытые каналы, устроенные въ порогахъ у лѣваго берега. По старому ходу запорожцы спускались въ своихъ ладьяхъ къ Черному морю, почему онъ и получилъ названіе Казацкаго. Направленіе хода строго обусловлено переходомъ отъ одного камня къ другому. Всѣ такіе камни имѣютъ свое наименованіе. Если не удастся судну пройти въ должномъ отъ камня разстояніи, то попасть вновь на ходъ представляется почти невозможнымъ, и судно или плотъ долженъ потерпѣть аварію. Лавированіе между камнями, въ виду



Екатери́нинскій соборъ.

значительной скорости теченія, крайне затруднительно и возможно лишь благодаря существованію опытныхъ въ этомъ дѣлѣ лопмановъ. Въ ближайшемъ будущемъ проектируется шлюзование днѣпровскихъ пороговъ, и тогда торговый путь къ Черному морю по Днѣпру будетъ вполне безопасенъ.

Но, кромѣ торговаго значенія, Днѣпръ въ близкомъ будущемъ будетъ имѣть огромное значеніе на случай войны.

Херсонскій портъ чрезвычайно удобенъ для стратегическихъ цѣлей. Это въ Россіи единственный портъ, обставленный самыми счастливыми условіями. Находясь въ восемнадцати верстахъ отъ Чернаго моря, онъ въ то же время вполне удобенъ для стоянки военныхъ судовъ. Броненосцы и миноноски легко входятъ въ него по

Днѣпру и могутъ, слѣдовательно, во всякое время выйти въ море «на страхъ врагамъ». Жаль только, что флота нѣтъ...

— Такого порта, съ такими удобствами на случай войны, нѣтъ нигдѣ,—говорили мнѣ знатоки военного дѣла.

Противъ Херсона, на другомъ берегу Днѣпра, имѣется докъ французскаго гражданина Вадона для постройки крейсеровъ, и, слѣдовательно, здѣсь возможно въ будущемъ кораблестроеніе.

Росту Херсона нѣсколько мѣшаютъ техническія и правственнопобытовыя препятствія. Къ первымъ слѣдуетъ отнести хотя бы отсутствіе до сихъ поръ соединительной вѣтки отъ желѣзнодорожнаго вокзала къ портовой пристани. А устройство такой вѣтки устранило бы перевозку грузовъ на три-четыре версты на подводахъ. Къ неудобствамъ второго рода одно время можно было отнести какое-то двоевластіе между портомъ и министерствомъ путей сообщенія: первый, завѣдуя пагрузкой и выгрузкой судовъ, могъ игнорировать самое плаваніе судовъ; а второе—игнорировать путевыя нужды... Но теперь уже давно начальство порта и начальство судоходной дистанціи работаютъ солидарно, и произволъ въ водномъ дѣлѣ на Днѣпрѣ искореняется. А въ прошломъ его было достаточно: въ городѣ Алешкахъ одинъ пароходовладѣлецъ сталъ монополистомъ. Онъ хозяйничалъ, какъ ему было угодно, по рѣкамъ, соединяющимъ городъ Алешки и Херсонъ. Водное сообщеніе много лѣтъ велось имъ внѣ всякаго контроля, и онъ безпрепятственно наживался. Его примѣръ соблазнилъ другого предпринимателя, отставнаго генерала, который организовалъ новое пароходное общество и сталъ конкурировать съ первымъ пароходствомъ. Конкуренція двухъ предпринимателей между собою еще болѣе внесла безпорядковъ въ водное сообщеніе на Днѣпрѣ и его притокахъ. По рѣкѣ Конкѣ, извиистой и узкой, соединяющей Херсонъ съ Алешками, пароходчики устраивали между собою гонки, грозившія ежедневно пассажирамъ аваріей. Съ большимъ трудомъ начальству удалось подчинить пароходныя общества принудительному расписанію плаванія, подъ контролемъ берегового надзора и т. д.

Исторія съ «береговыми» надзорщиками была не менѣе характерна. Береговой надзоръ за приходящими и отходящими судами долгое время не былъ налаженъ, какъ слѣдуетъ. «Береговые» ходили по берегу, лущили сѣмечки, когда пагружали пароходы, и относились равнодушно къ тому, будетъ ли перегруженъ пароходъ кладью или пассажирами; есть ли на пароходѣ легковоспламеняющіеся матеріалы, или нѣтъ и т. д.

— Да какія твои обязанности? Для чего ты здѣсь поставленъ?—кричало начальство.—Ты думаешь, что тебѣ надѣли казенную форму для того, чтобы сносить ее, а не работать здѣсь? Ты не знаешь правилъ береговой службы по надзору за пароходами, плотами, бечевниками и т. д. Вотъ экземпляръ тебѣ правилъ, и если въ слѣ-

дующій разъ ты не будешь знать эти правила на зубокъ, то тогда до свиданія... Извини! Мы разстанемся!

Не менѣе затрачено было труда на землечерпательное дѣло, которое на участкѣ отъ Херсона до Александровска, на протяженіи двухсотъ шестидесяти верстѣ, съ шестьюдесятью перекатами (мелкими мѣстами) въ настоящее время сдѣлало значительные успѣхи. За послѣдніе два года судоходство здѣсь не знаетъ бѣдствій на перекатахъ, благодаря землечерпательнымъ и выправительнымъ работамъ. Пароходники болѣе «не набрасываютъ намѣтки», т. е. не измѣряютъ глубину Днѣпра, а идутъ полнымъ ходомъ спокойно. Мелкія мѣста углублены землесосами, а, чтобы вода не рвала бе-



Гимназическій бульваръ.

рега, послѣдніе укрѣплены хворостомъ и камнемъ; почти также уничтожено на рѣкѣ множество петель выправительными работами.

Успѣшность укрѣпленія береговъ и углубленія дна Днѣпра объясняется новой организаціей власти. Прежде каждая землечерпалка (караванъ) работала самостоятельно и должна была во всѣхъ случаяхъ по собственной инициативѣ рѣшать землечерпательную и выправительную задачу. Создавалось многовластіе: сколько землечерпалокъ—столько было и властей... Это отнимало время и создавало медленность въ работѣ. Теперь всѣ землечерпалки нижняго Днѣпра подчинены одному лицу, завѣдывающему землечерпаніемъ. Единеніе власти въ данномъ случаѣ оказалось полезнымъ. Нѣтъ отдѣльныхъ обсужденій, изслѣдованій и потери времени. Все сдѣлано заранѣе и подготовлено къ отдѣльному случаю. Не менѣе

содѣйствуетъ успѣху и качеству грунта на Днѣпрѣ изъ мелкаго песчаника, безъ гравія и глины. Это даетъ возможность замѣнить землечерпательные ковши землесосами, чего, напримѣръ, нельзя сдѣлать на Волгѣ. Землесосы болѣе энергично работаютъ, чѣмъ землечерпалки.

Съ бытовой стороны, конечно, желательно обязательное государственное страхование рабочихъ вмѣсто существующихъ добровольныхъ соглашеній съ рабочими за увѣчья и т. д. Желателенъ также болѣе опредѣленный и постоянный, штатный наборъ служащихъ вмѣсто случайнаго, какъ это водится теперь въ большинствѣ случаевъ.

Водное дѣло на Днѣпрѣ богато блестящей будущностью...

Историческое значеніе Днѣпра, какъ транзитнаго пути «изъ Варягъ въ Греки»,—возстанется вновь, какъ только осуществится проектъ соединенія Херсона съ Ригой путемъ спрямленія Днѣпра съ Западной Двиной, отъ Витебска до города Орши, каналомъ на протяженіи около семидесяти верстъ.

Осуществленіе этого проекта—вопросъ времени, и тогда днѣпровскій бассейнъ вернетъ свое прошлое значеніе. Киевскій округъ путей сообщенія издалъ въ 1908 г. цѣлую книгу о Днѣпрѣ, въ которой, между прочимъ, совершенно справедливо говорится, что съ перенесеніемъ центра политической жизни Русскаго государства изъ Кіева сначала во Владимиръ и затѣмъ въ Москву и Петербургъ историческая роль Приднѣпровья постепенно отходила на второй планъ. Но богатые естественныя и климатическія условія, удобный водный путь, прорѣзывающій край въ меридіональномъ направленіи на протяженіи слишкомъ 2.000 верстъ, не давали заглухнуть ни городамъ, ни краю, какъ заглухли, кончивъ свою политическую роль, Ладога, Новгородъ Великій и Владимиръ. Медленно, но прогрессируя, росли промышленность, земледѣліе и культура Днѣпровскаго бассейна, росли и богатѣли города, и на южномъ теченіи Днѣпра создались, благодаря естественнымъ богатствамъ, новые огромные промышленные и торговые центры, какъ Екатеринославъ, Александровскъ, Херсонъ.

Въ настоящее время число пароходовъ, уходящихъ изъ херсонскаго порта прямо за границу, безъ захода въ другіе порта Чернаго моря, растетъ изъ года въ годъ: въ 1908 г. было такихъ судовъ 47, въ 1909 г.—74, въ 1910 г.—154, а въ 1911 г.—уже 163. Соединеніе Херсона съ Ригой черезъ каналъ *Витебскъ—Орша*, разумѣется, усилитъ притокъ новыхъ грузовъ къ Черному морю. Лѣсопромышленники и теперь застраиваютъ лѣвый берегъ Днѣпра лѣсопильными заводами, въ ожиданіи того, когда лѣсъ днѣпровскаго района поплыветъ за границу черезъ Черное море, по примѣру лѣснаго оскудѣнія по сѣверо-двинскому району.

Широкое развитіе предстоитъ также и зерновому экспорту, о которомъ въ послѣднемъ отчетѣ о дѣятельности херсонскаго торго-

ваго порта за 1911 г. сказано, что при помощи элеваторовъ на иностранные пароходы перегружено 47.423.555 пудовъ и вручную артелями рабочихъ—12.215.125 пудовъ, т. е. около 20,5% всего вывезеннаго за границу груза. Общій грузооборотъ порта въ 1911 г. выражается въ 155.351.229 пудахъ.

III.

Я съ своимъ пріятелемъ сѣли въ Херсонѣ на пароходъ въ одиннадцать часовъ утра и, проѣхавши небольшое разстояніе Днѣпромъ, свернули въ узкую, но глубокую рѣчку Конку. Оба берега ея заросли безкопечными камышами, по одну сторону которыхъ тянулась Херсонская губернія, а по другую тотчасъ же начиналась Таврическая. Днѣпровскія плавни, покрытыя камышами, лѣтомъ полны дичи, а зимой даютъ тростникомъ топливо бѣдному населенію.

Въ ихъ высокой гущѣ нѣкогда прятались шайки гайдамаковъ, отправляясь на кровавые спектакли по ту сторону Днѣпра къ польскимъ панамъ и подпанкамъ... А теперь эти плавни прорѣзаны рѣчками и каналами, по которымъ снуютъ пассажирскіе пароходы и торговые лодки, переполненныя помидорами, арбузами и дынями.

Мы направились въ уѣздный городъ Алешки Таврической губерніи, въ одиннадцать верстахъ отъ города Херсона. Здѣсь по случаю «Ивана постнаго» была шестидневная ярмарка съ быками, лошадьми, арбузами, деревенской посудой, ситцемъ и холстомъ.

Пыль и жара очень скоро погнали насъ на отдыхъ въ соседній съ городомъ Успенскій монастырь. Мы проѣхали на лошадяхъ Алешкинскую слободу, за которой тотчасъ же показался храмъ съ общезжитіями монахинь. Недавнее происхожденіе женской обители меня очень заинтересовало, и я узналъ, что въ 1862 г. здѣсь поселилось нѣсколько благочестивыхъ сестеръ: двѣ Нестеренковы и Минькова. Онѣ стали заниматься обученіемъ крестьянскихъ дѣтей, и въ короткое время заслужили себѣ расположеніе мѣстныхъ жителей. Безукоризненная жизнь этихъ сестеръ и примѣрное трудолюбіе были причиною того, что къ нимъ вскорѣ присоединилось еще нѣсколько такихъ же женщинъ изъ окрестнаго населенія, жаждавшихъ тихой, уединенной жизни. Средства существованія этой небольшой общины служили собственныя труды ея членовъ. Сестры занимались рукодѣліемъ,—вышивали плащаницы, хоругви, воздухи и прочія церковныя облаченія, заказы на которыя получали изъ разныхъ мѣстъ, а лѣтомъ работали въ полѣ на арендуемыхъ ими участкахъ земли,—сами сѣяли и собственноручно убирали ихъ. Всматриваясь въ тихую, трудолюбивую жизнь маленькой общины, жители пригородной Алешкинской слободы пришли къ мысли устроить здѣсь женскій монастырь, воздвигнуть храмъ для удовлетворенія своихъ

религіозныхъ нуждъ и имѣть при храмѣ школу для обученія крестьянскихъ дѣвочекъ.

Постройка обители съ храмомъ и школой фактически давно уже была осуществлена прежде, чѣмъ указомъ 7-го іюня 1896 года синодъ официально призналъ существованіе женской общины съ такимъ числомъ монахинь, какое община въ состояніи содержать на свои средства.

Религіозный фанатизмъ и трудолюбіе монахинь, денежные пожертвованія со стороны, а главное искренняя вѣра прихожанъ въ чудеса передъ монастырской иконой Феодоровской Божіей Матери, копія съ такой же костромской Феодоровской Божіей Матери—родовой святыни царствующаго дома Романовыхъ—содѣйствовали матеріальному росту и процвѣтанію обители. Въ шнуровой монастырской книгѣ записано 63 чудесныхъ исцѣленія передъ названною иконой; въ книжной монастырской лавкѣ продается отдѣльная брошюра священника І. Воскресенскаго съ подробнымъ описаніемъ «Исторіи чудесныхъ знаменій, явленныхъ отъ Феодоровской чудотворной иконы Божіей Матери, находящейся въ Успенскомъ женскомъ монастырѣ, города Алешекъ, таврической епархіи».

Напившись чаю въ монастырской оградѣ и отдохнувши, я заинтересовался книжной торговлей при монастырѣ. Книжная лавка была украшена множествомъ картишъ, терроризирующихъ воображеніе простыхъ людей. Тутъ были самыя жестокія войны ангеловъ съ дьяволами; самое жестокое отношеніе къ безплодной смоковницѣ, символизирующей необходимость огня и топора противъ соціального зла и т. д.

Еще менѣе я сочувствовалъ брошюрамъ со сказаніями объ адѣ и раѣ, отдѣльнымъ листкамъ со слѣдующемъ расписаніемъ поѣздовъ желѣзной дороги для желающихъ путешествовать въ райскія обители:

Поѣзда отходятъ каждый часъ и каждую минуту.

Курьерскій поѣздъ. I классъ. Убожество, цѣломудріе, послушаніе.

Экстренный поѣздъ. I—II классъ. Честность, милосердіе, молитва.

Товаро-пассажирскій поѣздъ I—II—III классы. Соблюденіе десяти заповѣдей.

Поѣзда прибываютъ въ рай, если пассажиры окажутся достойными.

Цѣна мѣстамъ:

I класса. Любовь къ ближнему своему.

II класса. Желаніе добраго и борьба съ искушеніемъ.

III класса. Вѣчное терпѣніе.



Памятникъ Потемкину.

Примѣчаніе.

- 1) Билеты на обратный путь не продаются.
- 2) Путешествіе это не для развлечения.
- 3) Дѣти немущія разума ничего не платятъ.
- 4) Правленіе дороги проситъ г.г. и г-жъ пассажировъ никакого другого багажа, кромѣ добрыхъ дѣлъ, съ собою не брать, иначе они могутъ опоздать на поѣздъ или быть оставленными на предпоследней станціи.
- 5) Путешественники принимаются на всѣхъ станціяхъ.

«Истор. вѣстн.», июль 1913 г., т. сxxxiii.

19

6) Вагоновъ для курящихъ, а также и спальныхъ вагоновъ не имѣется.

7) Въ буфетахъ, кромѣ чернаго хлѣба и воды, ничего не отпущается.

Извлеченія изъ пролога и Четь-Миней украшены также невѣроятными картинками изъ загробной жизни о томъ, какъ грѣшники пылаютъ въ огнѣ и скрежещутъ зубами отъ боли, которую имъ наносятъ нечистые духи раскаленными трезубцами и обливаніемъ горючей смолой.

Самый текстъ поражалъ меня византизмомъ также и въ разсказѣ о путешествіи челоуѣка въ сопровожденіи двухъ ангеловъ съ земли на небо. По пути имъ, говорится въ текстѣ, «встрѣчались мытарства и мытари, которые стерегли ихъ и останавливали душу всякаго челоуѣка. Каждое мытарство принадлежало особому грѣху: одно лжи, другое зависти, третье гордости и превозношенію и т. д. Каждый грѣхъ имѣетъ своихъ истязателей на воздухѣ. Меня выручали отъ злыхъ дѣлъ моихъ—мои добрыя дѣла, которыя находились въ ковчезцѣ (судучкѣ) у сопровождавшихъ меня ангеловъ. И, миновавъ такимъ образомъ много мытарствъ, подходили мы уже къ воротамъ небеснымъ, гдѣ было блудное мытарство, тамъ удержали меня и представили всѣ дѣла мои блудныя, которыя я творилъ отъ юности дней моихъ до послѣдняго дня моей жизни. Здѣсь сопровождавшіе меня ангелы, сказали мнѣ: «Всѣ грѣхи твои, которые ты творилъ въ городѣ, простилъ тебѣ Богъ, потому что ты покаялся». То же самое говорили противники мои, но «по переселеніи твоёмъ, прибавили они, изъ города въ село ты согрѣшилъ съ женою воина». Услышавъ это, ангелы не нашли добраго дѣла, которымъ бы могли замѣнить этотъ грѣхъ и, оставивъ меня, отошли; меня тогда же окружили злые демоны и повергли въ бездну ада, гдѣ множество грѣшниковъ страшно мучались и, терзаемые укорами совѣсти, сознавали свою грѣховность и неописуемо страдали».

Впослѣдствіи, когда грѣшникъ достаточно пострадалъ въ аду, тѣ же ангелы пришли за нимъ и спасли его изъ ада.

Не менѣе любопытно и обращеніе евреевъ въ христіанство, когда послѣ диспута съ архіепископомъ евреи просили его умолилъ Бога, живущаго на небѣ, снизойти на землю и явиться всѣмъ присутствующимъ... Чудо было имъ явлено. Но увидѣвшіе Господа въ облакахъ ослѣпли, и надо было Господу сотворить новое чудо, чтобы вернуть имъ зрѣніе. Такимъ образомъ, духовная пища монастыря, которую прихожане здѣсь могутъ получить,—исполнена средневѣковой демонизаціи и христіанскихъ чудесъ. Страшные символы византийской церковности должны научить прихожанъ добру и милосердію. Между тѣмъ для современнаго челоуѣчества, думаю, поученія о добрѣ и злѣ въ болѣе свѣтскомъ духѣ были бы ближе къ сердцу. Монастыри первыхъ вѣковъ христіанства не чуждались мірской



Памятникъ Говарду.

логики и были проводниками грамотности и образованія въ народной средѣ. Образъ жизни монахинь въ Алешкинскомъ монастырѣ, исполненный труда и благонравія, гораздо больше скажетъ мірянамъ, чѣмъ черти на картинкахъ и брошюры съ чудесами.

Конечно, многіе иначе думаютъ и увѣрены, что черезъ устрашающіе символы и торжественные обряды монастырской службы грубая толпа способна дойти до ученія Христа и что до сихъ поръ всегда такъ шла религіозная жизнь русскаго народа. Однако и среди духовныхъ писателей это мифіе о церковности принимается съ оговорками. Въ книгѣ «Около церкви» священникъ Щукнинъ прямо говоритъ:

19*

«Чѣмъ больше мы признаемъ пользу и важность обряда, тѣмъ сильнѣе должны сказать, что необходимо оторвать отъ обряда пристально устремленный на него взглядъ нашъ. Не обрядъ, но вотъ этотъ неотступный, этотъ упорный, не отрывающійся взглядъ на него приносить намъ зло. Мы повернулись къ обряду всѣмъ лицомъ, на него только смотримъ, и оставляемъ въ тѣни площадь гораздо большаго объема, болѣе важнаго значенія, чѣмъ обрядъ. Сила обряда имѣетъ и свои границы: онъ далъ, сколько могъ, и далъ еще много, но онъ не можетъ дать сверхъ силъ. Идя старымъ путемъ, упорно продолжая надвѣяться на обрядъ, мы обезсилимъ его: въ немъ перестанутъ видѣть то, чего не видѣть нельзя; доведемъ до того, какъ уже и довели, что обрядъ будетъ неаппетитенъ для многихъ. И, жалѣя, оберегая его, мы должны сказать: не убивайте обряда усиленной охраной, чрезмѣрной о немъ заботой, не налагайте на него бремена, которыхъ онъ понести не въ силахъ» (стр. 121—124).

Такимъ образомъ, одухотвореніе христіанской вѣры наиболѣе правильно личными поступками людей, когда эти поступки направлены къ совершенствованію жизни, по указанію нашей совѣсти. Когда Безуховъ усомнился въ этой совѣсти и міровомъ разумѣ, мудрый масонъ сказалъ ему: «высшая мудрость и истина—есть какъ бы чистѣйшая влага, которую мы хотимъ воспринять въ себя. Могу ли я, печный сосудъ, воспринять эту чистую влагу и судить о чистотѣ ея? Только внутреннимъ очищеніемъ самого себя я могу до извѣстной чистоты довести воспринимаемую влагу». Хотѣлось бы теперь знать, до какой степени монастырское устрашеніе мірскаго ума чертовщиной и чудесами обновитъ человѣка и укажетъ ему его совѣстью достиженіе божественныхъ цѣлей въ нашей жизни?

IV.

Херсонская губернія издавна была ареной поисковъ и ограбленія могилъ богатыхъ покойниковъ, похороненныхъ съ золотыми украшеніями, оружіемъ и т. д. Позднѣе хищники стали искать деньги и сокровища, зарытыя въ южныхъ степяхъ турками, казаками, гайдамаками и т. д. Могилонекатели переродились въ кладонекателей, а послѣднихъ смѣнили, наконецъ, археологи. Разумѣется, они и въ настоящее время встрѣчаются вмѣстѣ, каждый съ своими собственными задачами, но тѣмъ не менѣе и ограбленныя могилы, и клады, и научныя раскопки имѣютъ свою картину.

Авторъ книги «Клады и древности Херсонской губерніи» В. Гошкевичъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что въ теченіе двадцати минувшихъ вѣковъ много разныхъ народовъ смѣнилось въ степяхъ, много тысячъ могилъ насыпали они надъ своими покойниками; и двадцать вѣковъ роются грабители въ этихъ могилахъ, отыскивая богатыя погребенія. Половина могильныхъ насыпей въ Херсон-

ской губерніи уже ограблена. Однѣ изъ нихъ разрыты такъ давно, что и раскопы снаружки совсѣмъ заровнялись; на иныхъ курганахъ еще видны впалыя вершущи или провалившіеся бока,—это слѣды, оставленные хищниками послѣднихъ вѣковъ.

Теперь наши кладонскатели мечтаютъ уже не о богатыхъ покойникахъ, а больше всего о зарытыхъ здѣсь деньгахъ. Множество боченковъ, котловъ, цѣлыхъ «фуръ» денегъ, по народнымъ рассказамъ, запрятано въ разныхъ мѣстахъ,—но гдѣ? Конечно, разсуждаютъ кладонскатели, среди ровной степи ни одинъ умный человѣкъ не станетъ закапывать богатства: его тамъ послѣ и самъ не отыщешь; должно быть, клады зарывали при какой-нибудь примѣтѣ. Поэтому каждое отдѣльно растущее дерево, торчащій изъ земли камень считаются примѣтами клада; клады предполагаютъ въ могилахъ, въ балкахъ, въ заброшенныхъ колодцахъ. И роютъ, ищутъ... А если при этихъ поискахъ найдеть человѣкъ хотя бы старый пятакъ—народная молва превратитъ его въ цѣлый возъ червонцевъ; найдеть заржавѣлый замокъ или крюкъ отъ дверей на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то стояла хата,—и готовъ разсказъ про откопанный входъ въ лехъ съ деньгами; найдеть въ курганѣ склепъ,—это уже и есть желанный лехъ, хоть и безъ денегъ.

Кладонскательство, утверждаетъ г. Гошкевичъ, занятіе очень распространенное въ Херсонской губерніи; имъ увлекаются всѣ: и темная масса, и тѣ люди, которые не чужды образованію. Въ поискахъ кладовъ перепорчены тысячи кургановъ; вмѣсто желанныхъ денегъ кладонскатели находятъ ни къ чему не нужныя имъ вещи и безжалостно уничтожаютъ эти научныя драгоцѣнности. Поэтому вопросъ о кладонскательствѣ слѣдуетъ считать важнымъ.

Въ настоящее время раскопки могилъ, кургановъ и древнихъ городищъ на общественныхъ земляхъ производятся уже съ разрѣшенія мѣстнаго начальства и императорской археологической комисіи въ Петербургѣ. На своихъ земляхъ частныя владѣльцы не спрашиваютъ такого разрѣшенія на раскопки.

Очень богатый херсонскій музей древностей даетъ живое представленіе о бытѣ разныхъ народовъ, населявшихъ когда-то Новороссію. Хранитель музея, тотъ же г. Гошкевичъ, не обезличиваетъ подаренные музею предметы, но обозначаетъ на нихъ названіе предмета, мѣсто, гдѣ онъ найденъ, и имя жертвователя.

«Эта наглядность,—говоритъ онъ,—привлекаетъ въ херсонскій музей множество посѣтителей. Онъ дѣлаетъ остатки старины доступными всѣмъ: и людямъ науки, и каждому любителю старины, и дѣтямъ, чтобы они пріучались уважать памятники человѣческаго ума, искусства, труда и въ этомъ уваженіи вырастали бы людьми культурными».

По сдѣланной имъ описи 1909 года въ Херсонскомъ музеѣ находилось около 17.000 отдѣльных предметовъ и фрагментовъ (отрывки

древнихъ сочиненій), распредѣленныхъ по эпохамъ мѣстнаго края. Къ доскинскимъ временамъ (ранѣе VII вѣка до Р. X.) относятся 1.316 предметовъ. Большинство изъ нихъ — кремневая оружія дикарей, посуда изъ твердаго камня, металлическія издѣлія и каменные идолы, которымъ тогда поклонялись люди. Издѣлія античныхъ скино-сарматской эпохи (VII в. до Р. X.—III в. по Р. X.) имѣется въ музеѣ 5.589 штукъ, среди которыхъ обращаетъ вниманіе бронзовый котелъ для варки приносимыхъ въ жертву животныхъ; каменные вазы съ орнаментами и издѣлія античной культуры, пошедшія въ Скицію изъ греческихъ колоній.

Переходя въ музеѣ къ бытовымъ предметамъ средневѣковыхъ кочевниковъ эпохи съ III вѣка по XIII вѣкъ, встрѣчаешь каменные статуи, изображающія средневѣковыхъ обитателей Херсонскаго края, типичныхъ монголовъ, широколицыхъ, безбородыхъ, съ тонкими длинными усами и тремя длинными косами, спускающимися съ затылка по спинѣ, въ отороченныхъ мѣхомъ короткихъ кафтанахъ, увѣшанныхъ при поясѣ луками, колчанами и другими предметами быта степняка того времени.

Стеняки эти владѣли Херсонскимъ краемъ около тысячи лѣтъ, отъ III до XIII столѣтія, когда на смѣну половцамъ явились новыя орды азіатовъ, на этотъ разъ—татарь, образовавшихъ подъ покровительствомъ Турціи Крымское ханство. Коллекція древностей татарско-турецкаго племени отъ половины XIII до конца XVIII столѣтія представляетъ мраморную гробницу какого-то богатаго турка, разукращенную изящными барельефами; турецкіе надгробные памятники, а надъ ними—глиняные кувшины того времени. Къ эпохѣ Запорожья и временамъ русской колонизаціи края (XVIII—XIX вѣка) относятся старинныя пушки и коллекціи ручнаго оружія, иконы, портреты, картины, разные предметы домашняго обихода нашихъ прадѣдовъ, нумизматическая коллекція и т. д.

Кладонскательство на югѣ Россіи—иногда съ колдовствомъ—явленіе бытовое, отмѣченное еще въ повѣстяхъ Гоголя. Здѣсь нерѣдко встрѣтить въ цѣломъ рядѣ поколѣній хранимое по наследству завѣщаніе о скрытомъ въ землѣ сокровищѣ, которое можно найти въ ста сажняхъ отъ кладбища, на ровномъ полѣ, въ ямѣ на десятисаженной глубинѣ и т. д. Когда у какого-нибудь крестьянина случайно найдется въ огородѣ или на пашнѣ камень съ высѣченнымъ подобіемъ человѣческой руки или головы, тотчасъ къ нему пріѣзжаютъ кладонскатели съ «описями» о «камняхъ со знаками» и увѣряютъ, что вблизи камня съ изображеніемъ руки есть «лехъ», а въ немъ зарыта лодка, наполненная кожаными мѣшками съ деньгами, золотой и серебряной посудой. Въ другихъ случаяхъ, по устной молвѣ, разыскиваютъ дубы, наклоненные другъ къ другу и наверху скованные двумя желѣзными обручами. Здѣсь зарыть

кладъ. Происхожденіе этого клада таково: въ коляскѣ ѣхали поляки, возли свое добро, за ними гнались гайдамаки; отъ быстрой ѣзды въ коляскѣ загорѣлась ось. Видя, что имъ не уйти отъ преслѣдователей, поляки выкопали глубокую яму, коляску покрыли шкурой, обвязали веревками, свалили ее въ яму и плотно засыпали землей: такъ она лежитъ и по сей день. Иногда запорожцы и гайдамаки, по тѣмъ же сказаніямъ, наполняли сокровищами лодку, опускали ее въ глубокое мѣсто Днѣпра у старой и бросающейся въ глаза развѣстной ветлы, привязывали лодку на цѣпь, и по этой цѣпи счастливый человѣкъ можетъ найти скрытое богатство. Вообще люди копаютъ балки, колодцы, курганы, пещеры по письменнымъ примѣтамъ или рассказамъ старыхъ людей, но находятъ зарытыя деньги только случайно: либо при обработкѣ баштановъ, либо при другихъ земляныхъ работахъ, либо водой вымоетъ деньги и т. д. Неудачи не расхолаживаютъ желаніе людей разомъ разбогатѣть, и когда нѣтъ средствъ заняться самому раскопкою кладовъ, люди продаютъ другимъ желающимъ «заниск о кладахъ», планы къ ихъ розыску и т. д. Въ большинствѣ случаевъ находятъ не деньги, а скелеты мертвецовъ, оружія, глиняные кувшины безъ денегъ, кости мамонта и т. д.

Въ народномъ воображеніи сокровища нерѣдко охраняются чертомъ, въ видѣ злого чернаго пса, который растерзалъ уже многихъ кладонскателей, а тѣ изъ нихъ, которые спаслись ночью бѣгствомъ, рассказываютъ, что, кромѣ злой собаки и змѣя на цѣпи, заклятые клады охраняются подземными огнями, колокольнымъ звономъ, бѣлыми тѣнями мертвецовъ и т. д. Кладъ часто не дается, и просто потому, что ему срокъ не вышелъ, что былъ онъ копанъ не въ ночное время и безъ соблюденія извѣстныхъ условій и что нечистая сила поглумилась надъ человѣкомъ—превратила кладъ въ горшечные черенки и кости. Чтобы овладѣть «заклятымъ» кладомъ, нужно въ день Ивана-Купала (24-го іюня) достать въ лѣсу среди тайнобрачныхъ растений (паноротники) «разрывъ-траву» или продать душу дьяволу. Совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Гошкевичъ, что, какъ азартный игрокъ, такой кладонскатель все сильнѣе и сильнѣе втягивается въ это занятіе и доходитъ до того, что цѣлью всей своей жизни ставитъ находку клада. Гошкевичъ видѣлъ несчастныхъ людей—хлѣбопашцевъ, мастеровыхъ,—у которыхъ кладонскательство составляетъ магію; нѣкоторые изъ нихъ бросили свои прямые занятія и весь вѣкъ скитаются въ поискахъ кладовъ. О чемъ бы вы ни заговорили съ такимъ человѣкомъ, онъ разсуждаетъ здраво, но ко всему относится какъ-то безучастно; а затроньте его больное мѣсто—заведите рѣчь о кладахъ,—и вы убѣдитесь, что предъ вами несчастный душевнобольной. Онъ тогда начнетъ плести нелѣпости, тутъ же придумываетъ самые невѣроятные рассказы о скрытыхъ въ землѣ сокровищахъ и не замѣчаетъ, что лжетъ самому себѣ: ему

хочется, чтобы создаваемые его фантазіей котлы, боченки и цѣлые погреба съ деньгами существовали въ дѣйствительности и именно тамъ, гдѣ онъ имъ назначилъ быть.

Всего-навсего въ Херсонской губерніи случайно найдено сорокъ кладовъ, и самымъ богатымъ изъ нихъ былъ тотъ, который выбранъ въ дер. Ивановкѣ Елисаветградскаго уѣзда, съ 305 руб. 40 коп. Но, утверждаетъ г. Гошкевичъ, такихъ кладовъ, какъ котель съ золотомъ, боченки золота, полные лехи золота, никто никогда не находилъ. Ихъ нѣтъ. Въ старое время денегъ было мало, гораздо меньше, чѣмъ теперь. Любители кладовъ особенно вѣрятъ въ существованіе огромныхъ гайдамацкихъ кладовъ. Правда, водились иногда деньги и у «голодранцевъ»-гайдамаковъ; но деньги у нихъ не залеживались: они такъ же легко сбывали ихъ, какъ и «наживали». Вотъ почему никто еще до сихъ поръ не нашелъ гайдамацкихъ «сокровищъ».

Вѣра въ зарытыя сокровища по югу Россіи поддерживается часто ссылками на живыхъ людей, которые изъ бѣдныхъ стали вдругъ богаты. Всѣ увѣрены, что они запрятали найденный кувшинъ съ золотомъ, тогда какъ эти богачи всего чаще разжились либо тайнымъ убійствомъ богатаго въ дорогѣ купца, либо умѣлымъ и не обнаруженнымъ производствомъ фальшивыхъ денегъ.

Но, кромѣ ограбленія могилъ и кладоискательства, Херсонская губернія богата и научными экскурсіями археологовъ и обследованіемъ забытыхъ древнихъ поселеній (городищъ).

Участуя въ этихъ экскурсіяхъ, г. Гошкевичъ даетъ любопытную картину раскопокъ древнихъ городовъ. «Сотни лѣтъ,—пишетъ онъ,—работали вѣтры для охраны ихъ останковъ, засыпая пылью развалины городскихъ стѣнъ и зданій, наполняя частицами земли глубокіе рвы предъ стѣнами. Руины скрыты теперь подъ слоемъ земли уже до аршина толщиной; цѣпкими корнями скрѣпили ту землю чебрець и степная полынь, такъ что поверхность городища вся состоитъ изъ сѣро-зеленыхъ холмиковъ и окружена какъ бы валомъ, замаскировавшимъ основаніе городской стѣны. Но силы природы не смогли защитить останковъ многихъ изъ этихъ погибшихъ городовъ отъ расхищенія людьми. Десятки, сотни уже лѣтъ идетъ эксплуатація ихъ на разныя постройки: много домовъ и хозяйственныхъ зданій, нѣсколько церквей, цѣлыя села выстроились изъ камня, легкимъ способомъ добытаго въ древнихъ развалинахъ. Эта разрушительная работа продолжается на нашихъ глазахъ, а въ нѣкоторыхъ городищахъ уже закончена: всѣ строительные матеріалы извлечены, поверхность городища выровнена и обращена въ пашню, баштанъ, виноградникъ, или застраивается. Сохраняются городища у крупныхъ помѣщиковъ: какъ земли неудобныя, они служатъ пастбищами для скота. Городище при колоніи Старошведской уже много лѣтъ энергично разрывается колонистами для извлеченія строительныхъ

матеріаловъ. Колонисты говорятъ, что по окончаніи этой операціи площадь городища будетъ выровнена и отведена подъ постройки. Городище при Бизюковомъ монастырѣ уже десятки лѣтъ служить монастырской каменоломней: изъ добытыхъ здѣсь древнихъ строительныхъ матеріаловъ возведено много зданій въ монастырѣ.

Хотѣлось бы думать, что древнія городища заслуживаютъ лучшей участи и пригодны для научныхъ изслѣдованій.

Въ одной изъ своихъ статей М. Меньшиковъ говоритъ:

«Раскопки древне-греческихъ колоній на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей свидѣтельствуютъ, что еще въ глубочайшей древности, за цѣлыя столѣтія до Геродота, эллинская культура процвѣтала тамъ. Въ видѣ всевозможныхъ орудій и предметовъ повседневнаго быта, а особенно въ видѣ предметовъ роскоши эллинская культура проникла вглубь Скиѣи и орошала собою, повидимому, все пространство Россіи. Доказано присутствіе черепковъ греческой посуды, украшеній и другихъ остатковъ торговли по всему пути отъ нижней Волги, Камы и черезъ Уралъ до Байкала. Чѣмъ объяснить, что за цѣлыя тысячелѣтія культурныхъ воздѣйствій скиѣо-сарматскія племена не приняли ни эллинской культуры, ни создали своей?»

Въ этомъ тонкомъ вопросѣ,—секретъ всего соціально-педагогическаго развитія русскаго народа, для изученія котораго совѣтую обратиться къ диссертациі Аѳ. Шапова («Соціально-педагогическія условія развитія русскаго народа»), къ ученымъ трудамъ Е. Голубинскаго («Исторія русской церкви»), Ф. Терповскаго («Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси», «Восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ») и т. д.

А. Фаресовъ.





КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Юридическіе памятники, издаваемые варшавскимъ главнымъ архивомъ древнихъ актовъ. Выпускъ I. Описаніе дѣлъ, хранящихся въ варшавскомъ главномъ архивѣ древнихъ актовъ. Томъ I. Книги привилегій и рѣшеній польской коронной канцеляріи и дѣлъ нѣкоторыхъ другихъ коронныхъ инстанцій XV—XVIII столѣтія. Варшава. 1912. Стр. IV+329+II. Цѣна 4 руб.



ВАРШАВСКИЙ главный архивъ древнихъ актовъ принадлежитъ къ крупнѣйшимъ и важнѣйшимъ по своему содержанію центральнымъ архивамъ; но объ немъ русская публика при всемъ своемъ желаніи не можетъ получить никакихъ свѣдѣній ни въ справочныхъ изданіяхъ, въ родѣ «Энциклопедическаго словаря» Брокгауза и Ефрона, ни въ специальныхъ работахъ, въ родѣ книгъ Д. Я. Самоквасова: «Архивное дѣло въ Россіи». И только благодаря тому, что по новымъ штатамъ 1911 года главный архивъ, при общемъ бюджетѣ въ 25,015 рублей, располагаетъ ежегодно 1000 рублями на печатаніе своихъ изданій, мы получили съ появленіемъ перваго выпуска «Юридическихъ памятниковъ» нѣкоторыя свѣдѣнія объ образованіи архива и о содержаніи наиболѣе древнихъ и важнѣйшихъ дѣлъ и актовъ.

Первоначально это былъ польскій государственный архивъ, тридцать лѣтъ, вплоть до штурма Праги Суворовымъ, хранившійся въ королевскомъ замкѣ. По повелѣнію императрицы Екатерины II, въ концѣ 1794 года весь этотъ архивъ былъ перевезенъ въ Петербургъ, подъ наблюденіемъ извѣстнаго кабинеть-секретаря Василія Попова, описанъ и раздѣленъ на части. Пергаментныя грамоты, находящіяся въ немъ, числомъ 81, были переданы на храненіе въ императорскую публичную бібліотеку. Посольскія книги и дипломатическая переписка поступили въ комиссію иностранныхъ дѣлъ, а послѣ въ главный ар-

хивъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ. Литовская метрика передана въ третій департаментъ правительствующаго сената, откуда въ 1887 году перевезена въ московскій архивъ министерства юстиціи. Пергаментныя грамоты по исторіи сношеній Польши съ Тевтонскимъ орденомъ переданы были въ Берлинъ. Въ Варшаву же возвращены лишь: книги коронной или польской метрики, сигиллаты, канцелярскіе акты, коніи съ книгъ литовской метрики до половины XVI столѣтія, рѣшенія ассесорскаго и референдарскаго судовъ, аппеляціонныя рѣшенія по Подлянской землѣ, а также часть люстрацій королевскихъ имѣній. Вотъ эти-то дѣла и документы, вмѣстѣ съ варшавскими градскими и земскими актами, и послужили, по возвращеніи ихъ въ Варшаву въ 1799 году, основаніемъ новаго «королевскаго южно-прусскаго главнаго архива края въ Варшавѣ», который черезъ восемь лѣтъ получилъ новый уставъ и новое наименованіе «общаго архива края». Не прошло и семи лѣтъ, какъ въ 1815 г. онъ былъ переименованъ въ «главный архивъ царства», вскорѣ затѣмъ переведенъ изъ королевскаго замка въ монастырь кармелитовъ и въ 1835 году въ нынѣшнее помѣщеніе на углу Долгой улицы и Красинской площади. Постепенно пополняемый новыми поступлениями, главный архивъ царства значительно возросъ и въ 1875—1876 гг. заключалъ въ себѣ отдѣльныхъ подлинниковъ, связокъ и томовъ до 30,286 номеровъ. Но когда въ царствѣ Польскомъ были введены судебныя уставы императора Александра II и было постановлено передать въ архивъ древніе градскіе и земскіе акты, а также привилегіи и судебныя книги городовъ царства Польскаго, хранившіяся въ архивахъ гражданскихъ трибуналовъ, переименованныхъ въ окружныя суды, то вышеприведенная цифра дѣлъ и документовъ въ архивѣ къ 1889 году болѣе чѣмъ утроилась (96—354). Въ этомъ же году архивъ получилъ новые штаты и новое нынѣшнее наименованіе «Варшавскаго главнаго архива древнихъ актовъ». Послѣ же новыхъ поступленій: въ 1893 году магистратскихъ дѣлъ гор. Варшавы по 1812 г., въ 1898 году старыхъ дѣлъ изъ варшавскаго и радомскаго управленій государственными имуществами и въ 1903—1904 гг.—дѣлъ бывшей правительственной комиссіи юстиціи, въ архивѣ въ 1911 году оказалось «грамотъ, привилегій, картъ, томовъ и дѣлъ въ общемъ числѣ 1.749,885, размѣщенныхъ въ 33 большихъ залахъ архивнаго зданія» (стр. III).

Въ разсматриваемомъ нами первомъ томѣ «Книги привилегій и рѣшеній польской коронной канцеляріи и дѣлъ нѣкоторыхъ другихъ коронныхъ инстанцій XV—XVIII столѣтій» помѣщены, по словамъ редактора «Описанія» и начальника архива, профессора Ѳ. Вержбовскаго, — «самыя древніе и самыя важныя въ историко-юридическомъ отношеніи дѣла главнаго архива». Въ виду ихъ многочисленности и сложности, они раздѣлены на двадцать пять группъ или отдѣловъ, при описаніи которыхъ «подробному перечню дѣлъ предпосланы замѣчанія объ общемъ характерѣ дѣлъ и ихъ судьбахъ, и затѣмъ показаны хронологическіе указатели и алфавиты, которые имѣются въ архивѣ въ подлежащей группѣ. Если книга или дѣло имѣютъ опредѣленное заглавіе, то оно приводится цѣликомъ въ подлинной редакціи; если же заглавія нѣтъ, то содержаніе дѣла или тома передается вкратцѣ на русскомъ языкѣ; затѣмъ при каждомъ дѣлѣ указываются предѣльные годы и число полулистовъ или

страницъ» (стр. IV). Чтобы дать хотя какое-нибудь представленіе объ этихъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ дѣлахъ, приведемъ заголовки отдѣловъ съ нѣкоторыми краткими поясненіями: 1) коронная метрика (1403—1794 гг.); 2) согиллаты (1658—1794); 3) канцелярскія книги (1735—1794) (книги всѣхъ этихъ трехъ отдѣловъ велись въ королевской канцеляріи и заключали въ себѣ привилегіи, пожалованія и назначенія); 4) литовская метрика (1386—1580),—это книги, представляющія собою копии съ первыхъ 66 книгъ записей литовской метрики; 5) королевскій ассессорскій судъ (1537—1794); 6) резолюціи судовъ сеймоваго и реляціоннаго (1591—1750); 7) рѣшенія референдарскаго суда (1591—1794), собственно по дѣламъ крестьянъ и колонистовъ, жившихъ въ королевскихъ имѣніяхъ, со старостами и арендаторами, постановляемыя королемъ по докладу референдаріевъ королевскаго двора; 8) апелляціонныя рѣшенія Подляпской земли (1538—1558), въ пяти книгахъ на латинскомъ языкѣ; 9) сеймовыя постановленія (1764—1792); 10) генеральныя конфедерации (1773—1775); 11) дѣла непремѣннаго совѣта (1775—1778); 12) книги сеймовыхъ судовъ (1549—1748); 13) дѣла маршалковскаго суда (1611—1794),—о нарушеніи общественной тишины, безпорядкахъ и безопасности въ районѣ одной мили въ мѣстѣ королевской резиденціи; 14) дѣла іезуитскія и эдукаціонной комиссіи (1710—1804); 15) дѣла коронной комиссіи финансовъ (1764—1794); 16) дѣла разныхъ комиссій и радомскаго трибунала (1543—1763); 17) дѣла военной комиссіи (1729—1794); 18) люстраціи и ревизіи королевскихъ имѣній (1549—1795); 19) акты экономій, камеръ и соляныхъ копей или имѣній королевскаго стола (1509—1798); 20) тарифы еврейскаго подушнаго сбора (1764—1787),—небольшая коллекція, выдѣленная изъ эдукаціонныхъ дѣлъ, переданныхъ въ главный архивъ изъ Кракова въ 1811 году; 21) дѣла польской нунціатуры (1578—1794); это книги, содержащія рѣшенія папскихъ нунціевъ въ апелляціонномъ порядкѣ по бракоразводнымъ и церковнымъ дѣламъ, а также рѣшенія, касающіяся бенефіцій, индульгенцій разнаго рода и т. п.; 22) дѣла банковской комиссіи (1723—1804); 23) коронныя трибуналы: петроковскій (1468—1792) и люблинскій (1579—1792); 24) акты городскіе и земскіе варшавскіе (1421—1808) и 25) акты гор. Варшавы и ея юридикъ (1427—1796).

«Описаніе» выполнено профессоромъ Вержбовскимъ и его главнымъ помощникомъ В. Бадовскимъ, конечно, безукоризненно, съ полнымъ знаніемъ дѣла и послужить прекраснымъ пособіемъ для всѣхъ желающихъ заниматься въ варшавскомъ главномъ архивѣ старыхъ дѣлъ.

В. Рудаковъ.

П. М. де-Ламартиньеръ. Путешествіе въ сѣверныя страны (1653 г.).
Переводъ и примѣчанія В. Н. Семенковича. Москва. 1912.

Переведенное В. Н. Семенковичемъ и изданное московскимъ археологическимъ институтомъ «Путешествіе въ сѣверныя страны» Ламартиньера, повидимому, не обратило на себя того вниманія, на которое оно имѣетъ несомнѣнное право. Объ этомъ приходится только пожалѣть.

До г. Семенковича о Ламартиньерѣ изъ русскихъ ученыхъ знали и пользовался имъ только одинъ Н. Н. Харузинъ. Даже В. О. Ключевскій въ своемъ специальномъ сочиненіи «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ» ни слова не говоритъ объ этомъ путешественникѣ. Ничего не говорятъ о немъ ни Е. Е. Замысловскій въ своемъ капитальномъ трудѣ «Сигизмундъ Герберштейнъ и его историко-географическія свѣдѣнія», ни С. М. Соловьевъ въ своихъ сочиненіяхъ. Выпуская въ свѣтъ свою работу, В. Н. Семенковичъ вводитъ такимъ образомъ въ широкій научный оборотъ новый источникъ свѣдѣній о древней Руси.

Трудъ Семенковича состоитъ изъ трехъ частей. Первую часть составляетъ введеніе, которое заключаетъ въ себѣ три главы: въ первой главѣ сообщаются біографическія свѣдѣнія о Ламартиньерѣ и приводятся библиографическія справки о книгѣ этого путешественника; во второй главѣ г. Семенковичъ разсуждаетъ о томъ, что знали о странахъ, которыя описываетъ Ламартиньеръ, его предшественники и современники, и, наконецъ, въ третьей главѣ, которая названа заключеніемъ, авторъ говоритъ о цѣли изданія книги Ламартиньера и ея значеніи въ исторической наукѣ. Вторая часть работы В. Н. Семенковича заключаетъ въ себѣ самый переводъ книги Ламартиньера. Переводъ сопровождается критическими замѣчаніями, помѣщенными въ концѣ каждой главы. Всѣхъ главъ въ этой части сорокъ пять. Наконецъ, въ третьей части содержится «переводъ разсказа лотарингскаго дворянина», помѣщеннаго въ амстердамскомъ изданіи (Э. Рожера) книги Ламартиньера, разсказа, представляющаго собой нѣчто самостоятельное и къ сочиненію Ламартиньера не имѣющаго никакого отношенія. Въ концѣ книги помѣщенъ французскій переводъ введенія г. Семенковича, что сдѣлано имъ главнымъ образомъ для французскихъ ученыхъ, соотечественниковъ Ламартиньера, на вниманіе которыхъ, не безъ претензіи, разсчитываетъ г. Семенковичъ.

Цѣль, которую поставилъ себя г. Семенковичъ при изданіи своей работы, заключалась въ томъ, чтобы познакомить интересующихся лицъ, съ прошлыми судьбами Россіи въ началѣ второй половины XVII вѣка. Книга Ламартиньера пользовалась большимъ успѣхомъ въ свое время, что доказывается обиліемъ ея изданій на французскомъ языкѣ и многочисленными переводами ея на языки почти всѣхъ западно-европейскихъ народовъ. Ее цитировали и на нее ссылались многіе писатели и ученые. Со временемъ книгу постигла странная судьба: одни ее позабыли, а другіе стали выдавать все въ ней написанное за ложь и выдумки. Произошло это оттого, что писавшіе или не трудились ознакомиться съ подлинной работой Ламартиньера и говорили съ чужихъ словъ, или цитировали книгу по позднѣйшимъ изданіямъ, появившимся послѣ смерти автора. Въ этихъ позднѣйшихъ изданіяхъ,—едва ли по желанію Ламартиньера, а скорѣе безъ его вѣдома,—появились цѣлыя полныя главы и многочисленныя вставки, которыя нисколько не улучшили собой, а только изуродовали первоначальное изданіе. Ламартиньера начали упрекать не только въ сообщеніи ложныхъ свѣдѣній, но заподозрѣвать даже и въ томъ, былъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ въ описываемыхъ имъ странахъ. Одни предполагали, что все путешествіе составлено со словъ какого-то ссыльнаго; другіе иронизировали, что народы, описанные авторомъ, видѣлъ только онъ одинъ.

Г. Семенковичъ взялъ первое изданіе книги Ламартиньера и пришелъ къ убѣжденію, что многое изъ сообщаемого авторомъ вовсе не выдумка, что, наоборотъ, въ немъ виденъ добросовѣстный наблюдатель. Переводъ сдѣланъ г. Семенковичемъ именно съ первоначальной редакціи книги Ламартиньера. Такимъ образомъ, Семенковичъ своимъ трудомъ возстановляетъ поруганную честь Ламартиньера и даетъ для ученыхъ новое критически провѣренное изданіе Ламартиньера.

Но, кромѣ этой чисто-научной задачи, къ переводу и изданію книги Ламартиньера г. Семенковича побуждали еще и практическія соображенія. Ламартиньеръ «открылъ путь съ Печоры на Обь, тотъ путь, о которомъ мы и по сей день еще не договорились... какъ разъ теперь возгорѣлась жестокая полемика именно объ этомъ пути: одни предполагаютъ искать дорогу къ богатствамъ Сибири морскимъ путемъ—черезъ Карское море, около сѣверныхъ береговъ ея, а другіе доказываютъ необходимость разработать и провести хорошую дорогу именно по мѣстамъ, гдѣ ѣхалъ Ламартиньеръ, причемъ доказывается возможность пользоваться тутъ и сухопутной перевозкой, и водяной, по системамъ соприкасающихся здѣсь большихъ рѣкъ—Печоры и Оби». Несомнѣнно поэтому, что при рѣшеніи названнаго вопроса книга Ламартиньера, дѣйствительно, можетъ имѣть и теперь существенное значеніе.

Для историка древней Руси большое значеніе можетъ имѣть тотъ «разсказъ лотарингскаго дворянина», переводъ котораго помѣщенъ г. Семенковичемъ въ третьей части своей работы. Этотъ «разсказъ» изобилуетъ такими свѣдѣніями, которыхъ нѣтъ у другихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію въ XVII вѣкѣ. Насколько достовѣрны такія свѣдѣнія, судить не приходится: по большей части они положительно нелѣпы. Вотъ, напримѣръ, одно любопытное описаніе: «Мужчины носятъ рубашки сверхъ штановъ и подпоясываются выше пупка. Они вѣрятъ, что поясъ увеличиваетъ силу и что не будетъ удачи, если они не станутъ его носить. Когда они плюютъ на что-нибудь, такъ кажется, что они чихаютъ. Языкъ ихъ и ихъ произношеніе не имѣютъ ничего общаго съ языками другихъ націй. Они свистятъ зубами, а не губами. Они качаютъ головой, когда выражаютъ удивленіе».

Такихъ неслѣроятныхъ описаній въ разсказѣ лотарингскаго дворянина немало. И г. Семенковичъ вполне правъ, когда утверждаетъ, что этотъ разсказъ никоимъ образомъ не могъ выйти изъ-подъ пера Ламартиньера.

Кѣмъ написанъ этотъ «разсказъ лотарингскаго дворянина» и когда онъ составленъ, этого г. Семенковичъ не изслѣдуетъ въ своей работѣ. Но эти вопросы имѣютъ очень существенное значеніе и знать автора «разсказа» и время его составленія для историка представляется далеко небезполезнымъ. Для отвѣта на первый вопросъ въ «разсказѣ» нѣтъ данныхъ, а для отвѣта на второй вопросъ въ немъ заключается очень много матеріала; на основаніи этого матеріала можно довольно точно опредѣлить термины, между которыми могъ появиться этотъ разсказъ. Г. Семенковичу попутно слѣдовало бы точнѣе выяснитъ и эти вопросы, насколько это возможно, конечно.

Переводъ сдѣланъ г. Семенковичемъ довольно тщательно; читается онъ легко и свободно. Примѣчанія къ тексту всегда носятъ характеръ серьезныхъ

и обстоятельных замѣчаній. Но введеніе, являющееся весьма важнымъ отдѣломъ труда г. Семенковича, написано имъ не совсѣмъ такъ, какъ слѣдовало бы это сдѣлать. Прежде всего бросается въ глаза небрежность автора въ отношеніи литературныхъ требованій. Авторъ, повидимому, не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на внѣшнюю форму выраженія мысли. Построеніе фразъ у него напоминаетъ иногда дѣтскій лепетъ, а иногда неудачные обороты ученическихъ упражненій. Если сравнить языкъ и стиль перевода и примѣчаній съ языкомъ и стилемъ «ученаго введенія», то всѣ преимущества окажутся на сторонѣ перваго, а не послѣдняго. Разница настолько велика, что невольно приходится на мысль, не является ли книга, изданная Семенковичемъ, коллективнымъ трудомъ.

Въ заключеніе мы должны сказать, что работа г. Семенковича, безусловно, полезный и интересный трудъ.

Н. Г. Выгодскій.

Г. К. Лукомскій. О древне-русскомъ зодчествѣ Чернигова. Спб. 1912. Стр. 32.—
Его же. Наши архитектурные вандализмы. Исторія рѣшетки Казанскаго со-
бора. Къ юбилею Отечественной войны. Спб. 1912. Стр. 33.

Въ первой изъ названныхъ брошюръ Г. К. Лукомскій, описывая наиболѣе типичные памятники церковнаго зодчества въ Черниговѣ, пытается въ то же время рѣшить вопросъ о происхожденіи формъ этого древне-русскаго зодчества. Не раздѣляя воззрѣній большинства нашихъ изслѣдователей, старыхъ и новыхъ, о преимущественномъ византійскомъ влияніи на древне-русское зодчество, авторъ говоритъ, что «не только кіевское и черниговское зодчество имѣетъ въ исходной основѣ близость къ зодчеству Арменіи; но и церкви Повгорода, особенно Владимира Суздальскаго носятъ слѣды плановаго сходства съ храмами армянскими» (стр. 8). А нѣсколько далѣе читаемъ: «Стиль нашихъ первоначальныхъ церквей, а южно-русскихъ въ особенности, въ значительной степени болѣе армянскій, нежели византійскій: все побережье Чернаго моря входитъ въ область армянскаго искусства и связывается съ традиціями Персіи, эпохи Сассанидовъ» (стр. 12). Въ пользу своихъ положеній, высказанныхъ съ большой категоричностью, Г. К. Лукомскій приводит и рядъ вѣскихъ данныхъ. Но одно его утвержденіе о томъ, что «участіе русскихъ мастеровъ въ первоначальныхъ постройкахъ приходится совершенно отрицать: нѣтъ и слѣдовъ его. Лишь въ XVI—XVII вѣкахъ вырастаетъ съ огромной силой самостоятельная работа русскихъ мастеровъ и создаетъ изумительные по самобытной переработкѣ формы и типы богатѣйшаго замысла» (стр. 12),—повергаетъ насъ въ большое смущеніе: неужели и зодчество повгородцевъ и псковичей въ XIV и XV вѣкахъ должно пойти на смарку...

Во второй своей брошюрѣ Г. К. Лукомскій, давая подробное описаніе рѣшетки Казанскаго собора, являющейся «рѣдкимъ и цѣннымъ памятникомъ отечественной архитектуры, построеннымъ въ Россіи архитекторомъ Ворони-

хинымъ» и въ то же время тѣсно связаннымъ съ Отечественной войной 1812 г., скорбять о гибели этого памятника и справедливо упрекать въ его небреженіи когда-то просвѣщенное, а нынѣ коммерческо-пріобрѣтательное вѣдомство учрежденій императрицы Маріи, позволяющее изъ-за дешевой арендной платы разныхъ фотографій и лавочекъ совершенно уничтожать эту рѣшетку. Скорбь и жалоба Г. К. Лукомскаго тѣмъ болѣе умѣстна и заслуживаетъ особаго вниманія, что въ нашей Сѣверной Пальмирѣ становится все меньше и меньше памятниковъ не только Петровской старины, но и XIX вѣка. Исчезъ, годъ тому назадъ, старый Гостинный дворъ, чудное наслѣдіе первой половины XVIII вѣка, сгорѣлъ лѣтомъ 1912 года Петровский дворецъ, а недавно выгорѣлъ и построенный въ 1703 году Троицкій соборъ. Слѣдующая очередь, по сообщенію газетъ, за уничтоженіемъ Екатерингофскаго дворца. Это ли еще не «вандализмы», какъ правильно выразился нашъ авторъ. И неужели они могутъ продолжаться и далѣе, теперь, въ такое время, когда, повидимому, пробудилось народное самосознаніе, воскресла въ обществѣ любовь къ родной старинѣ!.. Но нѣтъ выхода частной энергіи и инициативѣ, при безучастномъ отношеніи ко всему, не связанному съ личными матеріальными интересами высшей администраціи.

Брошюры изданы изящно, снабжены рядомъ прекрасно исполненныхъ рисунковъ и прочтутся всѣми не только дорожащими, но и интересующимися памятниками своей родины, съ большимъ интересомъ.

В. Р—въ.

И. Прыковъ. Нищія на Святой Руси. Матеріалы для исторіи общественнаго и народнаго быта въ Россіи. Издательство «Молодая Сила». Казань. 1913. Стр. 83. Ц. 50 к.

Въ послѣднее время у насъ замѣчается пробужденіе большого интереса къ родному прошлому, тщательное изученіе родной исторіи, опубликованіе цѣлаго ряда давно забытыхъ или совершенно неизвѣстныхъ произведеній выдающихся дѣятелей минувшаго, появляются основательныя изслѣдованія и біографіи старыхъ русскихъ мыслителей. Такъ, наприимѣръ, сдѣлались достояніемъ широкихъ слоевъ общества работы Сквороды, Печерина, Чаадаева, Кирѣевскаго и многихъ другихъ. Яркимъ показателемъ пробудившагося общественнаго интереса къ прошлому является увеличивающійся годъ отъ году успѣхъ старыхъ историческихъ журналовъ, появленіе періодическихъ и неперіодическихъ изданій того же характера не только въ обѣихъ столицахъ, но и въ провинціи, гдѣ много работаютъ на этомъ поприщѣ и университетскія силы, и члены различныхъ ученыхъ историческихъ обществъ, и частныя книгоиздательства. Разсматриваемая нами книга И. Г. Прыкова является плодомъ работы одного изъ такихъ провинціальныхъ издательствъ—«Молодая Сила».

Въ небольшомъ предисловіи къ настоящей книгѣ г. И. К—нъ сообщаетъ біографическія свѣдѣнія объ авторѣ «Нищихъ на Святой Руси»—Иванѣ Гавриловичѣ Прыковѣ. Это былъ крупный и оригинальный историкъ русскаго

быта, выросшій среди народа, хорошо знавшій и горячо любившій его. Кромѣ солиднаго историческаго образованія, Прыжовъ часто пользовался и непосредственнымъ самоличнымъ наблюденіемъ народной жизни, одѣвался въ лохмотья, странствовалъ, какъ свой братъ, съ нищими, богомольцами, рабочими, и пр. «Такъ, напримѣръ, когда одна изъ московскихъ ханжей, нѣкая Матрена Макарьевна, отправляясь въ Кіевъ молиться Богу, набрала съ собой цѣлую толпу различныхъ юродивыхъ, странниковъ, странницъ, Прыжовъ былъ среди нихъ, одѣтый въ рубище, съ сумой. Результатомъ этого путешествія была книжка о юродивыхъ, открывшая цѣлый міръ неслыханнаго фанатизма, невѣжества и разврата. Благодаря такимъ способамъ изслѣдованія, всѣ литературныя работы Прыжова отличаются необыкновенной живостью, яркостью и правдивостью изложенія и прекраснымъ знаніемъ народной среды». Къ сожалѣнію, многое изъ работъ Прыжова или пропало въ тискахъ цензуры, или было уничтожено самимъ авторомъ въ ожиданіи обыска. Сюда относятся: «Исторія мѣщанъ», «Алеша Поповичъ», «Исторія свободы въ Россіи», два тома «Исторіи питейныхъ откуповъ», касавшіяся кабацкаго быта, т. е. жизни въ этихъ народныхъ клубахъ, гдѣ начинались всевозможные бунты и волненія съ Разина и до 19-го февраля 1861 года». «Въ отдѣльности,—говорится въ предисловіи,—издано его сочиненій немного, если не считать многочисленныхъ статей, разбросанныхъ по газетамъ и журналамъ, а именно: «Нищія на Святой Руси», «Житіе Ивана Яковлевича», «Двадцать шесть московскихъ юродивыхъ» и «Исторія кабаковъ въ Россіи». Умеръ Прыжовъ въ 1885 г. въ Сибири, куда былъ сосланъ, запутанный въ знаменитое Нечаевское дѣло.

Настоящее изслѣдованіе Прыжова знакомитъ съ постепеннымъ развитіемъ нищенства на святой Руси съ самаго начала ея или, правильнѣе, съ принятія христіанства, когда «милостыня Христа ради» получила освященіе отъ самой церкви. Подробно выяснивъ связь европейскихъ нищихъ съ русскими, ознакомивъ съ различными подраздѣленіями этой корпораціи, авторъ переходитъ къ изученію русскаго нищенства, разсматриваетъ разные роды нищихъ, какъ, напримѣръ, нищихъ-идеалистовъ, избравшихъ нищенство, какъ «крестъ», какъ орудіе для спасенія, нищихъ-профессіоналовъ—дворцовыхъ, патріаршихъ, гулящихъ, соборныхъ, кладбищенскихъ, монастырскихъ и пр. и пр. Далѣе интересно описано отношеніе церкви и государственнаго законодательства къ нищимъ, дается обзоръ правительственныхъ мѣръ къ искорененію нищенства, и заканчивается книга главою о нищихъ въ настоящее время, причемъ авторъ широко пользуется на ряду съ литературнымъ матеріаломъ и собственными наблюденіями. Несмотря на солидную давность, книга И. Г. Прыжова не потеряла своей свѣжести, читается очень легко и съ большимъ интересомъ. Въ описаніяхъ своихъ самыхъ грязныхъ «пизовъ» народныхъ, самаго «дна», авторъ все же даетъ почувствовать свою любовь къ народу, вѣру въ него и надежду, что именно въ народѣ хранится будущее Россіи.

М—о.

**Великій князь Николай Михайловичъ. Письма высочайшихъ особъ къ графинѣ
А. С. Протасовой. Спб. 1913. XXIV+312 стр. Цѣна 10 р.**

Двоюродная сестра знаменитыхъ Орловыхъ, Анна Степановна Протасова, благодаря своему родству, попала во дворець, была сдѣлана фрейлиной и вскорѣ заняла при Екатеринѣ прочное положеніе, несмотря на свой ворчливый и капризный характеръ, соединенный къ тому же съ физическимъ безобразіемъ. Попытка императрицы выдать Протасову замужъ за Аркадія Моркова кончилась неудачей. Рябой женихъ отказался отъ безобразной невѣсты. Оставшись навсегда при дворѣ, Протасова сдѣлалась необходимой для Екатерины и затѣмъ была пожалована въ камеръ-фрейлины. Теперь ея вліяніе было такъ велико, что она почти каждый день обѣдала съ императрицей и сдѣлалась повѣренной ея тайнъ. Если вѣрить Гарновскому, Екатерина, полагаясь на вкусъ Протасовой, предварительно совѣщалась съ ней относительно будущихъ фаворитовъ. Ея имя попадаетъ даже въ поэзію, — о ней говоритъ въ своихъ стихахъ скабресный итальянецъ Джамбатиста Касти, выдающійся писатель своего времени. Касти былъ, между прочимъ, въ Петербургѣ, но въ благодарность за любезный пріемъ въ своей сатирической поэмѣ «Il Poema Tartaro» смѣшалъ съ грязью и Екатерину, и ея дворъ, не пощадивъ и Протасову. Послѣдняя фигурируетъ и въ Байроновскомъ «Донъ-Жуанѣ».

Смерть Екатерины была тяжелымъ ударомъ для Протасовой, которой, кромѣ того, пришлось лично участвовать въ катастрофѣ 6-го ноября 1796 года: когда императрица умирала, ея вѣрная камеръ-фрейлина въ продолженіе всей тридцатичасовой агоніи не отходила отъ своей повелительницы.

При вступленіи на престолъ Павла Петровича Протасова, которой племянница, Екатерина Петровна, была замужемъ за графомъ Ростопчинимъ, не только сохранила свое положеніе, но и была осыпана милостями со стороны новаго государя: въ день своей коронаціи Павелъ пожаловалъ Протасовой екатерининскій орденъ, пенсію и тысячу душъ крестьянъ.

При Александрѣ I Анна Степановна, получившая графскій титулъ, сумѣла сблизиться съ императрицей Елизаветой Алексѣвной и сдѣлалась постояннымъ членомъ интимнаго кружка новой государыни. Она даетъ ей уроки разговорнаго русскаго языка, проводитъ съ ней лѣто, сопровождаетъ ее въ ея поѣздкахъ за границу.

Большая, жестоко страдавшая отъ ожирѣнія и полуслѣпая, графиня все еще хотѣла играть выдающуюся роль въ придворномъ обществѣ, но ея назойливость и безцеремонность претили многимъ, начиная съ императрицы Елизаветы. Въ 1814 году Протасова во время печальной памяти вѣнскаго конгресса проживала въ Вѣнѣ, удивляя всѣхъ обиліемъ своихъ брильянтовъ и заодно своимъ безтактнымъ поведеніемъ. Спустя два года она окончательно ослѣпла, но не могла примириться со своимъ несчастьемъ.

12-го апрѣля 1826 года кончилось печальное существованіе графини Протасовой. Она воспитала пятерыхъ дочерей своего брата, Петра Степановича, но не въ русскомъ, а въ чисто французскомъ духѣ. Совершенно незнакомая съ истинами и духомъ православія, плохо понимавшія по-русски, свысока смотрѣв-

шія на соотечественниковъ, Протасовы всѣ, кромѣ одной, перешли при жизни тетки въ католицизмъ! Одна изъ нихъ даже издала сборникъ католическихъ молитвъ, другая, графиня Ростопчина, доставила мужу своимъ фанатизмомъ много семейныхъ огорченій, а когда графъ умеръ, не пожелала присутствовать на похоронахъ «схизматика»! Она и погребена отдѣльно отъ него на католическомъ кладбищѣ.

Къ книгѣ приложено шестнадцать портретовъ и факсимиле писемъ.

Изъ послѣднихъ особенно интересны письма Протасовой отъ императрицы Елизаветы Алексѣевны, кстати, наиболѣе многочисленныя. Изъ этихъ писемъ несомнѣнно, что супруга Александра I писала первое время по-русски не совсѣмъ правильно, но въ концѣ концовъ изучила нашъ языкъ очень хорошо, въ противоположность другой императрицѣ, Маріи Ѳеодоровнѣ. Послѣдняя никогда не могла одолѣть русскаго языка, объяснялась на немъ съ трудомъ и съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, а писать по-русски такъ-таки и не научилась.

Приводимъ нѣсколько выдержекъ изъ русскихъ писемъ Протасовой отъ императрицы Елизаветы Алексѣевны, относящихся къ 1801—1803 годамъ и наиболѣе характерныхъ со стороны слога.

Императрица сообщаетъ Протасовой въ одномъ письмѣ: «Я собираюсь ѣхать сегодня послѣ обѣды... въ Парголову... Надеюсь, что вы не подумите, что я хочу привести васъ въ замѣшательство черезъ моего вопроса».

Въ другомъ письмѣ говорится, между прочимъ: «Я рѣшилась звать Графиню Литту одна (т. е. одну) безъ мужа, потому что я вспомнилась, что всегда она безъ него у государю за столомъ бываетъ». Въ третьемъ письмѣ встрѣчаемъ слѣдующую фразу: «...если-бъ вы знали, какъ меня здѣсь мучуть, вы изъ жалости сами бы пришли меня завтра только видѣть». Или: «...отвѣчайте ему (одному герцогу), что я буду простится... съ нимъ завтра... и не хочу, чтобъ онъ нарочно безпокоился ко мнѣ».

Но позднѣйшія письма императрицы Елизаветы Алексѣевны, относящіяся къ 1820 годамъ, уже чужды этихъ ошибокъ и неправильностей.

Съ внѣшней стороны новое изданіе августѣйшаго автора, какъ всегда, — образецъ типографскаго искусства.

В. А — въ.

1812. Сто лѣтъ службы гвардейскихъ саперъ. Краткій историческій очеркъ. Составилъ Г. Габаевъ, капитанъ лейбъ-гвардіи сапернаго батальона. Спб. 1912. Стр. XIV+166. Цѣна не обозначена.

Авторъ вышеназваннаго очерка Г. С. Габаевъ въ десяти главахъ прослѣдилъ всю столѣтнюю историческую жизнь гвардейскихъ саперъ, съ особою тщательностью и любовью описывая ихъ даже болѣе мелкіе подвиги, начиная отъ командира до простого рядового сапера включительно. Разсказавъ въ первой главѣ объ учрежденіи по высочайшему указу императора Александра Павловича 27-го декабря 1812 года гвардейскаго сапернаго батальона, онъ затѣмъ послѣдовательно описываетъ службу батальона при императорѣ Але-

20*

ксандръ I, говоритъ объ охранѣ имъ дворца 14-го декабря 1825 года,—великій князь Николай Павловичъ былъ главнымъ начальникомъ саперъ,—объ его участіи въ турецкую и польскую войну и съ большими подробностями и любовно рисуеъ доблестныя дѣянія саперъ въ севастопольскую кампанію и русско-турецкую войну 1877—1878 гг. Свое изложеніе авторъ сопровождаетъ множествомъ рисунковъ, плановъ, чертежей, портретовъ и т. д., такъ что его историческій очеркъ является въ то же время иллюстрированнымъ и, несомнѣнно, прочтется очень многими, даже не специалистами-военными, съ живѣйшимъ интересомъ.

Въ «Приложеніяхъ» къ очерку помѣщенъ рядъ цѣнныхъ матеріаловъ для исторіи батальона.

В. Р.—въ.

Культурныя сокровища Россіи. Изданіе т-ва «Образованіе». 4 выпуска. Отъ 80 до 90 стр. каждый, со многими рисунками въ текстѣ и отдѣльно. Москва. 1912—1913. Цѣна отъ 2 р. до 2 р. 50 н.

Съ прошлаго года московское книгоиздательское товарищество «Образованіе» предпріяло чрезвычайно интересное изданіе подъ общимъ заглавіемъ «Культурныя сокровища Россіи». Первые два выпуска серіи, вышедшіе подъ этимъ заглавіемъ, посвящены художественно-археологическому описанію старинныхъ городовъ верхняго плеса Волги—Ярославля, Романова-Борисоглѣбска и Углича—въ первомъ, и Кіева во второмъ. Начиная съ третьяго выпуска, внѣшность изданія совершенно мѣняется: исчезаетъ тяжеловатая виньетка первыхъ двухъ выпусковъ, слова «культурныя сокровища Россіи» переносятся съ обложки на титульный листъ въ видѣ подзаголовка, а на обложкахъ значится: на третьемъ выпускѣ—«Подмосковныя», на четвертомъ—названія городовъ верхняго и нижняго Поволжья: «Казань, Кострома, Н.-Новгородъ», напечатанныя опять другимъ шрифтомъ. Такимъ образомъ, покупателю и собирателю нѣтъ возможности догадаться по внѣшнему виду этихъ книгъ, что всѣ онѣ составляютъ органическія части одного и того же изданія. Подобное не вызываемое сущностью изданія разнообразіе во внѣшнемъ обликѣ книги указываетъ, несомнѣнно, если не на полное отсутствіе общаго плана изданія, то на нѣкоторую его неопредѣленность, а это уже недостатокъ.

Тотъ же недостатокъ бросается въ глаза при ознакомленіи съ содержаніемъ выпущенныхъ уже товариществомъ книгъ. Судя по большей части текста и снимковъ, содержаніемъ этого изданія являются памятники нашей старинной художественной архитектуры, уцѣлѣвшіе отъ разрушительнаго вліянія времени и отъ не менѣе разрушительнаго воздѣйствія народнаго невѣжества. Таковы храмы, боярскія палаты, произведенія дворянско-усадебной архитектуры. Но рядомъ съ этимъ мы имѣемъ и снимки съ старинныхъ фресокъ и стѣнной иконописи, съ грубо сдѣланныхъ гравюръ, изображающихъ лѣтописца Нестора, со старинной церковной утвари, съ масонскими знаками, хранящихся въ одномъ подмосковномъ дворянскомъ гнѣздѣ и наконецъ съ найденныхъ тамъ же камзоловъ временъ Очакова и покоренья Крыма, которые уже

съ большой натяжкой можно причислить къ культурнымъ сокровищамъ Россіи. Правда, такихъ изображеній не много, но и ихъ не должно быть въ изданіи, строго выдержанномъ въ своихъ цѣляхъ.

Что касается текста, то и тутъ авторы забрасываются иногда въ сторону. Желая, очевидно, представить связь описываемыхъ архитектурныхъ памятниковъ съ культурной исторіей современнаго имъ общества, изложеніе уходитъ нерѣдко въ сторону слишкомъ далеко. Такъ, повѣствуя о зданіи казанскаго университета, авторъ рассказываетъ цѣлую исторію объ отношеніяхъ, существовавшихъ между университетомъ и мѣстнымъ обществомъ. Тутъ же и описанія спектаклей, разыгрывавшихся когда-то воспитанниками казанской гимназіи. Въ книгѣ о Кіевѣ, вѣроятно, для характеристики пышнаго расцвѣта въ матери городовъ русскихъ церковной архитектуры дано довольно подробное описаніе торжественныхъ ученыхъ диспутовъ, совершавшихся съ особой помпой въ присутствіи кіевскаго митрополита и т. п. Какъ ни интересны эти отступленія въ области бытовой исторіи, но они нарушаютъ непрерывность изложенія, отвлекаютъ читателя отъ главнаго предмета, которому посвящено изданіе.

Первый и третій выпускъ (верхній волжскій плесъ и подмосковныя) принадлежатъ перу г. Юрія Шамурина. Это настоящій поэтъ старины. Онъ остро чувствуетъ ея прилипчивый историческій запахъ. Описывая давно минувшую жизнь, видѣвшую инья лица, слышавшую инья рѣчи, онъ тоскуетъ и невольно впадаетъ въ подкупающій читателя лиризмъ. Оттого эти старыя зданія выходятъ у него окутанными поэтической дымкой. Это свойство автора особенно замѣтно въ томъ томѣ его труда, который посвященъ описанію величавыхъ, но заброшенныхъ и осиротѣвшихъ дворянскихъ гнѣздъ.

Четвертый выпускъ составленъ г. Е. Бѣловымъ. Изложеніе г. Бѣлова нѣсколько суше и бѣднѣе красками. Онъ строже придерживается рамки историческаго повѣствованія, но зато его изложеніе богаче историческимъ матеріаломъ. Онъ даетъ не только исторію памятниковъ, затронутыхъ его изложеніемъ, но и надежныя историческія свѣдѣнія о самыхъ городахъ.

Украшеніемъ настоящаго изданія служатъ приложенные къ тексту и воспроизведенные внутри его снимки съ памятниковъ. Эти фото-тинто-гравюры исполнены очень хорошо. Но и тутъ мы должны отмѣтить нѣкоторую субъективность, а, можетъ быть, и просто случайность выбора. Описывая знаменитое тсело Кусково—этотъ русскій Версаль,—принадлежащее графу С. Д. Шереметеву, авторъ даетъ снимокъ, на примѣръ, съ одной изъ боковыхъ аллей, а не даетъ общаго снимка съ высоты всего парка передъ дворцомъ, поразительнаго по своей красотѣ. Изъ нижегородскихъ построекъ приведенъ архангельскій соборъ и нѣтъ собора, въ которомъ схороненъ Мининъ. Зато есть нѣсколько снимковъ съ разрушающейся нижегородской кремлевской стѣны, не замѣчательной какими-либо особенностями въ сравненіи со стѣнами другихъ городовъ. Въ описаніи Костромы воспроизведена противная обычно-захолустная каланча, вѣроятно, только изъ-за того, что нижній ея этажъ не утратилъ еще облика Александровской эпохи. Но мало ли гдѣ найдутся архитектурные слѣды начала прошлаго вѣка, и причислять губернскую каланчу къ культурнымъ «сокровищамъ» Россіи какъ-то дико.

Кончая наши указанія, позволимъ себѣ дать авторамъ совѣтъ въ интересахъ болѣе художественнаго впечатлѣнія отъ ихъ труда строже относиться къ выбору матеріала.

А. В.

Записки графа Николая Егоровича Комаровскаго. Изданіе общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Москва. 1912. Стр. 112. Цѣна 1 рубль.

Авторъ изданныхъ недавно записокъ—родной внукъ графа Евграфа Федотовича Комаровскаго, умершаго въ городѣ Орлѣ въ 1843 году, перваго генераль-адъютанта при Александрѣ I, оставившаго свои любопытныя записки, относящіяся къ царствованію Павла I, извѣстныя всякому интересующемуся отечественной исторіею. Сынъ его Егоръ Евграфовичъ служилъ одно время въ конной гвардіи, былъ адъютантомъ принца Евгенія Виртембергскаго, назначеннаго командовать корпусомъ въ турецкую войну 1828 года, затѣмъ вступилъ въ бракъ съ сестрою поэта Дмитрія Владимировича Веневитинова, Софіею Владимировною, и, оставивъ военную службу переселился въ родовое имѣніе Городище въ тридцати пяти верстахъ отъ Орла. Въ числѣ пяти его сыновей былъ младшій сынъ Николай, родившійся въ 1843 году. По своимъ родственнымъ связямъ онъ имѣлъ всѣ данныя, чтобы сдѣлать, какъ говорится, блестящую служебную карьеру. Но онъ отказался отъ нея добровольно. Подъ вліяніемъ надвигавшихся вѣяній шестидесятыхъ годовъ онъ не пожелалъ служить лицамъ, а не самому дѣлу, не хотѣлъ подлаживаться ко мнѣніямъ и взглядамъ начальства, стремился поступать исключительно согласно велѣніямъ совѣсти и долгу принятой имъ присяги и, усмотрѣвъ, что все это чрезвычайно трудно осуществить, служба въ Преображенскомъ полку, въ который онъ поступилъ въ 1863 году, получивъ хорошее домашнее образованіе, молодой графъ Николай Егоровичъ, не обладая служебнымъ честолюбіемъ, покинулъ службу и вступилъ на поприще публициста, мечтая о широкой журнальной дѣятельности, о борьбѣ за исконные русскіе идеалы, которымъ былъ искренно преданъ. Онъ напечаталъ рядъ статей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» во времена блестящаго издательства ихъ М. Н. Катковымъ, личности и таланта котораго Комаровскій былъ горячій поклонникъ, писалъ также въ «Свѣтѣ», издаваемомъ Комаровымъ, напечаталъ брошюру въ память графа А. П. Игнатъева и т. д. Кромѣ того, онъ имѣлъ привычку записывать все болѣе или менѣе любопытное и важное, что слышалъ и видѣлъ съ ранней молодости, и этотъ матеріалъ подъ конецъ жизни сталъ обрабатывать въ связное изложеніе, но не успѣлъ довести свой трудъ до желаемого конца. Онъ скончался преждевременно въ Виллахъ въ Каринтіи 8-го августа 1909 года на шестьдесятъ шестомъ году жизни отъ послѣдствій операціи. Изданныя послѣ его кончины записки, или, точнѣе, воспоминанія, доведены далеко не до послѣднихъ дней его жизни; они заканчиваются, къ сожалѣнію, первыми годами второй половины XIX вѣка, когда авторъ только что поступилъ въ военную службу; начинаются же они разсказомъ объ удаленіи изъ Петербурга при Александрѣ I иезуитовъ, записанномъ со словъ его отца, бывшаго въ то самое

время однимъ изъ учениковъ извѣстнаго іезуитскаго пансіона въ Петербургѣ. Въ запискахъ имѣются любопытныя свѣдѣнія о дѣдѣ автора, о семействѣ Веневитиновыхъ, домъ которыхъ посѣщаль въ свое время знаменитый А. С. Пушкинъ, а также о графахъ Вѣльгорскихъ, бывшихъ въ родствѣ съ Веневитиновыми, изъ коихъ одинъ, графъ Матвѣй, былъ извѣстный виолончелистъ, а другой, Михаилъ Юрьевичъ,—близкій другъ Пушкина и одинъ изъ замѣчательныхъ людей своего времени (это семейство уже угасло въ настоящее время). Немало свѣдѣній сообщаетъ авторъ о дѣтяхъ великаго князя Константина Николаевича, при супругѣ котораго великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ состояла съ 1858 года фрейлиною старшая сестра автора записокъ, благодаря чему послѣдній былъ весьма часто при дворѣ великаго князя и проводилъ все свободное отъ уроковъ время съ его сыномъ, такимъ же юношею, какъ и онъ самъ, великимъ княземъ Николаемъ Константиновичемъ, участвовалъ въ различныхъ съ нимъ играхъ, прогулкахъ и т. д. во время пребыванія ихъ въ Стрѣльнѣ.

Графъ Комаровскій сообщаетъ немало о части общества, называемаго высшимъ, о которомъ имѣется немного свѣдѣній вообще, говорить о своемъ домашнемъ обученіи, объ образѣ жизни того времени, о самомъ Петербургѣ и т. д. Читаются записки чрезвычайно легко; немногимъ бывшимъ современникамъ графа они живо напоминаютъ годы ихъ молодости, а молодому современному поколѣнію представляютъ живую картину того отдаленнаго прошлаго, которое является для нихъ уже во многомъ совершенною terra incognita. Можно пожелать появленія на свѣтъ и остальныхъ бумагъ графа Комаровскаго, являющихся продолженіемъ его интересныхъ записокъ, при чемъ желательно было бы имѣть и алфавитный указатель именъ и фамилій лицъ, упоминаемыхъ въ дневникѣ, хотя бы съ самыми краткими біографическими о нихъ свѣдѣніями.

П. Майковъ.

В. Всеволодскій (Гернгроссъ). Исторія театральнаго образованія въ Россіи. Томъ I (XVII—XVIII вѣка). Изданіе дирекціи императорскихъ театровъ. Спб. 1913.

Имя В. Всеволодскаго (Гернгросса) извѣстно любителю театра по хорошей его книгѣ «Театръ въ Россіи въ эпоху Отечественной войны». Новая книга закрѣпляетъ за нимъ права любознательнаго и добросовѣстнаго работника на чрезвычайно интересной, но совершенно не распаханной нивѣ исторіи русской сцены. Почти нельзя безъ досадливаго чувства видѣть его новую книгу, посвященную все-таки частному вопросу о театральномъ образованіи, въ то время, какъ самыя основы исторіи театра остаются не разработанными. Читателю представляется утѣшиться тѣмъ, что казенныя средства, нашедшіяся для этой специальной работы, не пришли бы ему на помощь въ первомъ случаѣ.

Новый трудъ исполненъ по порученію дирекціи императорскихъ театровъ въ ознаменованіе двадцатипятилѣтія драматическихъ курсовъ при нашихъ казенныхъ театральныхъ училищахъ. Авторъ слѣдитъ за теоріею актерскаго искусства въ Россіи и за границей, спускаясь очень далеко къ нѣмецкимъ, англійскимъ и французскимъ комедіантамъ, къ теоріямъ ложно-классическаго

искусства и т. д. Что касается Россіи, то онъ заглядываетъ въ самую колыбель сценическаго искусства въ Кіевъ и въ Москвѣ. За введеніемъ слѣдуютъ пять главъ, посвященныхъ исторіи театральнаго образованія въ Россіи въ XVIII вѣкѣ. Описаны спектакли при Петрѣ и его преемникахъ, театральная школа при московскомъ воспитательномъ домѣ, придворный театръ при Екатеринѣ.

Совершенная новизна темы устанавливаетъ безусловную цѣнность работы г. Всеволодскаго, какіе бы недостатки метода и какіе бы мелкіе недочеты ни отличали его книгу. Чтобы написать этотъ томъ, безъ малаго въ 500 страницъ, автору пришлось поднять на свои плечи, безъ всякаго сомнѣнія, трудъ огромный. Примѣчанія, занявшія полтора печатныхъ листа, говорятъ о томъ, что ему пришлось стряхнуть пыль со множества старыхъ бумагъ, хранящихся въ архивѣ императорскихъ театровъ, съ многочисленныхъ фолиантовъ на разныхъ языкахъ, вплоть до латинскаго (для возстановленія старыхъ теорій искусства), съ цѣлаго ряда историческихъ изслѣдованій о театрѣ, начиная съ Тихонравова и кончая Морозовымъ, наконецъ, съ мемуаровъ—Жихарева, Бурнашева, Лонгинова, Горбунова, Сиротинина, Храповицкаго и т. д., гдѣ иногда нужную крупинку приходится выбирать изъ сотенъ страницъ, не имѣющихъ отношенія къ дѣлу.

Въ итогѣ этихъ изысканій передъ читателемъ воскресаютъ принципы стараго театральнаго искусства, характерныя, иногда почти комическія ученія бывшихъ законодателей вкуса, домашній театръ нашихъ царей, старая наша драматургія, съ такими перлами, какъ «Хоревъ», приемы ложно-классическаго искусства, традиціи Шумерипа или Плавильщикова, забытый документъ, сохранившій даже цифры жалованья нашихъ первыхъ актеровъ, перечни расходовъ на костюмы, копии контрактовъ, списки учащихся актеровъ и т. д.

Живой человѣкъ, Всеволодскій не хочетъ засушить свою книгу. Тамъ, гдѣ ему попадаетъ подъ руку старый анекдотъ, онъ не отказываетъ своему читателю въ удовольствіи познакомиться съ нимъ. А не анекдотомъ ли было уже и то, что театральная школа была прикрѣплена у насъ къ... воспитательному дому? Не анекдотъ ли то, что въ монастырѣ (Смольномъ), предназначенномъ сначала для трехсотъ монахинь, дѣвушки разыгрывали комедіи и трагедіи! Екатерина переписывалась съ Вольтеромъ по поводу этихъ спектаклей, и умный скептикъ, считаясь съ цѣломудріемъ дѣвиць, указывалъ вычерки, какіе нужно было дѣлать въ «Мизантропѣ» или «Скупомъ». Вольтера занимало, между прочимъ, какъ этотъ «батальонъ амазонокъ», поневолѣ играющій и мужскія роли, справляется съ амплуа стариковъ. Императрица должна была сознаться, что роли стариковъ наименѣе удаются барышнямъ.

Современный театръ, передъ которымъ нѣкоторыя положенія театра стариннаго просто жалки, не всегда, однако, можетъ чувствовать свое превосходство. Въ погонѣ за реализмомъ старинный театръ достигалъ такихъ эффектовъ, отъ которыхъ современный актеръ отшатнулся бы съ ужасомъ. Тить Андроникъ рѣзалъ горло своему сыну, и кровь капала въ сосудъ. Надо прямо удивляться, какъ при подобныхъ сценахъ не страдали сами актеры. Въпали тогда тоже на совѣсть. При повѣшеніи подъ мышками актера укрѣплялась веревка, а вокругъ шеи широкая петля. При побиваніи камнями камни дѣлались изъ бумаги и соответственно окрашивались, а подъ платьемъ побиваемыхъ придѣлывались

пузыри, чтобы из них лилась кровь. Въмѣсто рукъ отрубали набитыя перчатки. Чортъ плевалъ огнемъ, палачъ поднималъ отрубленную голову Поліевкта, а трупъ продолжалъ лежать въ крови, безъ головы...

Къ ярко интереснымъ анекдотическимъ эпизодамъ долженъ быть отнесенъ довольно подробно рассказанный случай съ воспитанницей театральной школы Лизанькой Федоровой, преслѣдуемой сластолюбцемъ Безбородко и едва ускользнувшей изъ его хищныхъ рукъ въ руки влюбленнаго въ нее актера Сандунова, къ которому лежало сердце и самой Лизаньки (эпизодъ, извѣстный по запискамъ Храповицкаго).

Уже не комическими, а драматическими тонами обвѣяна другая анекдотическая исторія—вызова съ Камчатки при Екатеринѣ женщинъ и мужчинъ для воспроизведенія передъ заинтересованной императрицей камчадалскихъ танцевъ и пѣсень. Командированный туда штатсъ-фурьеръ Шахтуровъ проявилъ при исполненіи порученія возмутительную жестокость истиннаго крѣпостника. Мужъ одной изъ увезенныхъ женщинъ утопился. Изъ числа вывезенныхъ мужчинъ и «дѣвокъ» шесть человѣкъ умерли дорогой. Все время пути у Шахтурова былъ настоящій гаремъ. Когда какой-то томскій купецъ вступился за одну изъ несчастныхъ дѣвушекъ, поставленныхъ въ положеніе настоящихъ рабынь, царицынъ посолъ безъ дальнихъ разговоровъ его сжегъ.

Г. Всеволодскій широко поставилъ свою тему, но захватилъ больше, чѣмъ изучилъ. Конечно, идеальное исполненіе намѣченнаго имъ труда—дѣло цѣлой комиссіи, а не одного человѣка. Въ результатъ такой непосильности—его книга болѣе цѣнна и интересна, какъ сборникъ сырого матеріала, иногда прямо неоцѣнимаго для того, кто хотѣлъ бы, не зарываясь самъ въ архивы театровъ, приподнять завѣсу съ интереснѣйшаго быта нашихъ старинныхъ театральныхъ школъ. Писатель, замышляющій стилизованную драму или повѣсть на этомъ фонѣ и изъ этой эпохи, скажетъ изслѣдователю глубокое спасибо.

Стороны критическая и прагматическая наиболѣе слабы въ изслѣдованіи г. Всеволодскаго. Мѣстами авторъ здѣсь вовсе слабъ и, говоря образно объ этихъ недочетахъ, можно сказать, что въ книгѣ попадаются прямо пустые листы. Чувствуется, что къ огромному дѣлу изученія и оцѣнки старой школы и стараго искусства авторъ подошелъ прежде, чѣмъ создалъ въ собственномъ умѣ прочныя основы для сужденія о томъ, что было приближеніемъ къ истинѣ и что явную ошибкой. На ряду съ этимъ вы не чувствуете въ самомъ авторѣ явнаго разграниченія важнаго и первостепеннаго отъ неважнаго и незначительнаго. Иногда, наоборотъ, выписки, характеризующія маловажное, совершенно заслоняютъ основное и главное. Изслѣдованіе съ такими методологическими недочетами, появившееся въ хорошо разработанной области, безъ сомнѣнія, не было бы признано удовлетворяющимъ требованіямъ, напримѣръ, ученой степени. Критикъ, считающійся съ такими недочетами въ книгѣ г. Гернгросса, долженъ помнить, что въ этой области она первая и—пока единственная.

Балластомъ, который, безъ сомнѣнія, не понадобится даже специалисту исторіи театра, являются разные списки, цѣликомъ перепечатанные изъ архивныхъ книгъ. Но это та дань юбилейному изданію, безъ которой не было бы и самаго изданія.

А. Измайловъ.

М. Г. Джанашвили. Къ матеріаламъ по исторіи и древностямъ Грузіи и Россіи. Забѣтки, переводы и комментаріи. Тифлисъ. 1912.

Книга М. Г. Джанашвили состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ первомъ изъ нихъ помѣщены одиннадцать статей различнаго содержания и достоинства. Въ первой статьѣ, подъ заглавіемъ: «Къ трехсотлѣтію дома Романовыхъ. Крестъ Михаила Ѳеодоровича, перваго царя изъ дома Романовыхъ» (стр. 1—9), описывается большой серебряный позолоченный крестъ, находящійся въ тифлискомъ церковномъ музеѣ грузинскаго духовенства и сдѣланный по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича въ 1632 году; крестъ въ 1637 году былъ присланъ грузинскому царю Теймуразу. Въ заключеніи краткой статьѣ г. Джанашвили слѣдующимъ образомъ характеризуетъ отношеніе Россіи къ Грузіи: «Русскіе государи всегда обходились съ грузинскими послами, царями и царевичами весьма ласково, внимательно, помогали имъ деньгами, давали имъ у себя убѣжище, присылали въ Грузію иконы и святые кресты, заступались за грузинскій народъ предъ дворами Персіи и Турціи; Персія же своимъ безчеловѣчнымъ обхожденіемъ сама толкала Грузію въ могучія объятія сѣвернаго колосса, всегда сострадательно обходящагося съ единовѣрной Грузіей и со всѣми народами Кавказа» (стр. 8).

Вторая статья содержитъ «Краткій обзоръ русско-грузинскихъ отношеній до присоединенія Грузіи къ Россіи» (стр. 10—16). Эти сношенія разсматриваются авторомъ отъ начала христіанства въ Грузіи и представлены въ формѣ политическаго и культурнаго общенія между Иверіей и нашимъ отечествомъ, завершившагося въ 1801 году присоединеніемъ Грузіи къ Россіи для «насажденія европейскаго просвѣщенія въ Грузіи и на Востокъ вообще».

Затѣмъ, въ статьѣ «Причины, сведшія царя Теймураза II и князя Голицына подъ Ганджу въ пасхальный день 1734 года» (стр. 47—55) сообщается о свиданіи князя Сергѣя Димитріевича Голицына, полномочнаго русскаго посла къ персидскому шаху Тамазъ-хану (Надырь), съ грузинскимъ царемъ Теймуразомъ II на Пасху 1734 года, когда они слушали божественную литургію, совершенную въ палаткѣ царя, и совмѣстно праздновали христіанскій праздникъ. Эпизодъ свидѣтельствуетъ о дружелюбныхъ отношеніяхъ между Россіей и Грузіей.

Статья «Грузины и армяне на російской службѣ» (стр. 56—59), представивъ нѣсколько данныхъ по вопросу, заканчивается такимъ выводомъ: «И въ бранное, и въ мирное время,—говоритъ авторъ,—русскіе и армяне жили вмѣстѣ и трудились братски, не разбирая, кто эллинъ, іудей или скиѣ» (стр. 59).

Съ интересомъ читается извлеченіе изъ путевыхъ замѣтокъ грузинскаго митрополита Іоны, подъ заглавіемъ: «Въ Молдавіи и Южной Россіи въ концѣ восемнадцатаго вѣка» (стр. 60—75), гдѣ сообщается о смерти и погребеніи князя Потемкина, о церковной жизни въ Молдавіи и Южной Россіи и пр.

Далѣе слѣдуютъ статьи: «Нашествіе Тамерлана въ Москву» (стр. 76—78), о которомъ разсказывается по руководству одной рукописи въ грузинскомъ церковномъ музеѣ, «Джачивсь-Сакдари» (стр. 79—81), гдѣ говорится объ одной древней грузинской церкви, «Грузинскій крестъ въ Свято-Троицкой Сергіев-

ской лавръ» (стр. 82—84), данный царицей Еленой въ 1654 году, «грузины и грузинки» (стр. 85—93)—по характеристикѣ различныхъ писателей.

Въ статьѣ «О грузинскихъ палестинскихъ древностяхъ» (стр. 94—99) содержится свѣдѣнія о грузинскихъ монастыряхъ и страннопріимныхъ домахъ въ Святой Землѣ. Здѣсь предложенъ въ русскомъ переводѣ и одинъ чуджарь (№ 553 церковнаго музея въ Тифлисъ) отъ 1675 года, указывающій на отношеніе грузинскихъ царей и католиковъ къ монастырю Святого Креста въ Иерусалимѣ.

Наконецъ, замѣтка «Живописная Грузія» (стр. 100—104) написана по поводу рукописнаго труда Михаила Тамарашвили, автора и «L'église géorgienne 1910».

Во второмъ отдѣлѣ книги помѣщено «Сказаніе объ осадахъ Константинополя персами, скиѣми-русскими (въ 626 году) и арабами» (стр. 105—145). Это переводъ грузинскаго текста «Сказанія», сохранившагося во многихъ рукописяхъ церковнаго музея въ Тифлисъ. Въ основу перевода положенъ пергаментный манускриптъ 1042 года (№ 500), принадлежащій извѣстному грузинскому церковному дѣятелю и переводчику Георгію Мтацминдели († 1066 г.). Несомнѣнно, грузинское «Сказаніе» есть переводъ съ греческаго, но сравнительно съ извѣстными византійскими его редакціями представляетъ нѣкоторыя особенности и варіаціи и содержитъ дополнительныя свѣдѣнія по вопросу о происхожденіи акаѣста. Переводъ снабженъ и небольшимъ комментариемъ историко-литературнаго характера.

Такимъ образомъ, рассматриваемая книга М. Г. Джанашвили содержитъ статьи неодинаковаго значенія и достоинства. На ряду съ переводами важнаго научнаго значенія («Сказаніе объ осадахъ Константинополя», гуджарь о монастырѣ Святого Креста) и со статьями полезнаго историческаго и археологическаго содержанія въ книгѣ имѣются и замѣтки случайнаго происхожденія и посредственнаго значенія («Грузинки и грузины», «Живописная Грузія»). Многія статьи касаются вопроса о сношеніяхъ Грузіи съ Россіей и написаны въ духѣ примирительномъ и въ тонѣ доброжелательномъ. Вообще же книга г. Джанашвили содержитъ полезныя матеріалы по исторіи и древностямъ Грузіи и Россіи и касается вопросовъ интересныхъ и недостаточно въ наукѣ обслѣдованныхъ. А если имѣть и въ виду, что въ области грузинологии въ настоящее время можно указать мало серьезныхъ изслѣдователей, трудъ же г. Джанашвили идетъ навстрѣчу живой научной потребности, то нельзя не пожелать распространенія въ обществѣ этой полезной книги.

Σ.

Русскій біографическій словарь. Рейтернъ—Рольцбергъ. Изданіе императорскаго русскаго историческаго общества. Спб. 1913. Стр. 436. Цѣна 5 руб.—Тоже. Яблоновскій—Өоминъ. Спб. 1913. Стр. 493. Цѣна 5 руб.

Начатый изданіемъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ «Русскій біографическій словарь» при руководствѣ А. А. Половцева появлялся въ свѣтъ рѣдко, въ видѣ якобы особаго литературнаго подарка; ускореніе, и довольно

значительное, по двѣ книги въ годъ, наблюдается лишь за послѣднее время, и теперь есть надежда, что сравнительно скоро мы дождемся и послѣднихъ томовъ «Словаря».

По своему содержанію первый изъ названныхъ въ заголовкѣ томовъ посвященъ преимущественно нашимъ дѣятелямъ «изъ нѣмецъ», среди которыхъ были и очень крупныя величины, описанныя въ довольно значительныхъ по размѣрамъ біографіяхъ; таковы: графъ Михаилъ Христофоровичъ Рейтернъ (1820—1890), министръ финансовъ, предсѣдатель комитета министровъ (біографія принадлежитъ перу В. Азанчевскаго); испанецъ Рибасъ (1749—1800), извѣстный адмиралъ; графъ Александръ Ивановичъ Рибопьеръ (1781—1865), дипломатъ, членъ государственнаго совѣта; графъ Ѳеодоръ Ивановичъ Ридигеръ (1784—1856), генераль-адъютантъ, членъ государственнаго совѣта; Рихманъ, Георгъ-Вильгельмъ (1711—1753), академикъ, физикъ, убитый грозой во время наблюденій; герцогъ Эммануилъ Осиповичъ Ришелье (Арманъ-Эммануилъ) (1766—1822), имя котораго особенно тѣсно связано съ гор. Одессою; Андрей Григорьевичъ Розенбергъ (1739—1813), генераль-отъ-инфантеріи, участникъ итальянскаго похода; баронъ Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ (1764—1832), извѣстный юристъ и писатель, и бароны Розены (1799—1884), декабристъ и писатель, и Григорій Владимировичъ (1782—1841), генераль-отъ-инфантеріи. Послѣднія двѣ біографіи написаны нѣкимъ В. Т—въ; біографія физика Рахмана—математикомъ В. В. Бобынинымъ, а остальные П. М. Майковымъ.

Изъ русскихъ дѣятелей наиболѣе крупныя біографіи принадлежатъ: Репнинымъ—Аникитѣ Ивановичу (1668—1726), генераль-фельдмаршалу, Василию Никитичу (1696—1748), генераль-фельдцейхмейстеру, и Николаю Васильевичу (1734—1801), генераль-фельдмаршалу, всѣ написанныя С. Д. Масловскимъ; затѣмъ князю Николаю Григорьевичу Репнину-Волконскому (1778—1845), генераль-адъютанту (авторъ П. М. Майковъ), и Александру Михайловичу Римскому-Корсакову (1753—1840), генералу-отъ-инфантеріи (тотъ же авторъ П. М. Майковъ).

Во второмъ разсматриваемомъ нами томѣ «Русскаго біографическаго словаря» находимъ наиболѣе крупныя біографіи о слѣдующихъ лицахъ: графъ Павлѣ Ивановичѣ Ягушинскомъ или Ягужинскомъ (1683—1736), генераль-аншефъ, генераль-прокуроръ сената и кабинетъ-министръ (авторъ В. Фурсенко); Николаѣ Михайловичѣ Языковѣ (1803—1846), извѣстномъ поэтѣ (авторъ Н. Сербовъ); Алексѣѣ Семеновичѣ Яковлевѣ (1773—1817), знаменитомъ рускомъ актерѣ (біографія неизвѣстнаго автора); Иванѣ Дмитриевичѣ Якушкинѣ (1793—1857), декабристѣ (авторъ Н. Сербовъ) и великомъ князѣ Ярославѣ I Мудромъ (авторъ М. З., т. е. М. Знаменскій). Сюда же вошла статья «Ярославскіе князья», подписанная: А. Экземплярскій. Далѣе довольно крупныя статьи В. Корсаковой о царяхъ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и Ѳеодорѣ Иоанновичѣ и В. Титлинова—о новгородскомъ архіепископѣ Ѳеодосіи Яновскомъ, Ѳеофанѣ (Говоровѣ), «замѣчательномъ іерархъ-подвижникѣ XIX в.», Ѳеофанѣ Прокоповичѣ и Ѳеофилактѣ Лопатинскомъ.

Изданы оба тома «Словаря» съ прежнею тщательностью и равномерностью біографій, насколько, конечно, позволяли наличные матеріалы; одна только

случайно попавшаяся мнѣ біографія Н. М. Ядринцева произвела нѣсколько невыгодное впечатлѣніе своею краткостью: видимо, авторъ ея, г. М. Курдюмовъ, пользовался только некрологами и вовсе не имѣлъ въ виду обстоятельнаго біографическаго очерка о Н. М. Ядринцевѣ, составленнаго Б. Б. Глинскимъ въ 1895 году.

В. Р—въ.

С. Д. Чистяковъ. Либава въ событіяхъ Отечественной войны 1812 года. Либава. 1912.

Хотя Курляндія по своему географическому положенію находилась въ сторонѣ отъ главныхъ операціонныхъ путей, но занятіе ея давало для французовъ извѣстныя выгоды, именно какъ обезпеченіе ихъ лѣваго фланга при наступленіи къ Москвѣ и въ особенности въ виду предполагавшейся осады города Риги, бывшей въ то время значительной крѣпостью, а сама Либава представляла интересъ, какъ пунктъ, гдѣ должны были находиться большіе хлѣбные запасы для вывоза за границу, и какъ мѣсто, откуда англійскій флотъ могъ угрожать десантомъ въ тылу французовъ, если бы послѣдніе не заняли Либавы.

Для оккупациі Курляндіи былъ назначенъ десятый корпусъ маршала Макдональда, герцога Тарентскаго, состоявшій изъ польско-баварско-вестфальской пѣхотной дивизіи Гранжана, прусской пѣхотной дивизіи Граверна и прусской кавалерійской бригады Массенбаха, всего около тридцати двухъ тысячъ войска.

Настроеніе жителей Либавы (ихъ было тогда всего шесть тысячъ человѣкъ), помнившихъ еще рассказы о бѣдствіяхъ своего города во время шведскаго владычества, было тревожное, такъ какъ къ началу кампаніи въ Либавѣ находилось только два нашихъ запасныхъ батальона весьма слабаго состава, занимавшихъ часть береговыхъ шансовъ и выславшихъ посты къ сторонѣ Полангена, и конная и пѣшая городская гвардія, изъ нѣсколькихъ десятковъ молодыхъ бюргеровъ каждая, которая, естественно, не имѣла боевого значенія.

На рейдѣ было нѣсколько небольшихъ русскихъ военныхъ судовъ, предназначенныхъ для конвоированія коммерческихъ кораблей, на которые спѣшно грузился хлѣбъ для отправки въ Ригу. Затѣмъ вблизи Либавы крейсировали англійскіе корабли изъ эскадры Мартенса.

Входъ въ гавань защищали небольшія старыя шведскія земляныя укрѣпленія да возведенный русскими четырехугольный редутъ съ палисадами и ровомъ у южнаго мола.

Когда сдѣлалось яснымъ, что непріятель сдѣлаетъ нападеніе на Либаву, было приказано вывозить изъ города въ Ригу или за Двину хлѣбные запасы, но за неимѣніемъ времени не все было выполнено до прибытія враговъ, несмотря на все усердіе либавскихъ военныхъ и гражданскихъ властей.

7-го іюля эскадронъ прусскихъ драгунъ вступилъ въ Либаву, оставшуюся, послѣ вызова изъ нея двухъ запасныхъ батальоновъ, безъ всякой защиты. «Страшныя преданія о походахъ шведскаго короля Карла XII внушали жи-

телямъ великій ужасъ передъ непріателемъ,—передаетъ очевидецъ, прусскій лейтенантъ Гартвигъ (1812. *Der Feldzug in Kurland*):—но когда эти опасенія совершенно не оправдались, мы были приняты весьма дружественно; особенно дамы старались выразить свою благодарность за пощадъ города».

10-го іюля пруссаки заняли вышеупомянутое русское укрѣпленіе, и здѣсь произошла первая и единственная въ Либавѣ и въ ея окрестностяхъ стычка съ русскими. На либавскомъ рейдѣ въ разстояніи полуторы версты отъ берега находились три фрегата, подъ русскимъ флагомъ, только что вошедшіе на рейдъ и спустившіе шлюпку съ пятнадцатью матросами при офицерѣ (здѣсь авторъ допускаетъ ошибку, говоря, что будто бы «Шлиппенбахъ считаетъ, что суда были англійскими». Въ дѣйствительности же Шлиппенбахъ («Враги въ Курляндіи», второе изданіе, стр. 20), говоря объ этомъ эпизодѣ, называетъ военный корабль «россійскимъ») Шлюпка направилась прямо къ укрѣпленію и здѣсь пристала къ набережной канала, предполагая, что Либавъ еще не занята непріателемъ.

Въ ту же минуту черезъ прорѣзъ амбразуры выскочилъ прусскій лейтенантъ фонъ-Франкенбергъ и закричалъ, чтобы морской офицеръ сдался, иначе онъ погибъ. Но послѣдній быстро сѣлъ обратно въ шлюпку и отвалилъ отъ берега прежде, чѣмъ прусскіе солдаты успѣли выбѣжать изъ-за укрѣпленія. Тогда Франкенбергъ приказалъ открыть огонь и провожалъ шлюпку залпами. Первыми же выстрѣлами былъ убитъ русскій лейтенантъ, а за нимъ еще двѣнадцать матросовъ. Когда шлюпка находилась внѣ ружейнаго обстрѣла пруссаковъ, то на ней оставались невредимыми три человѣка, которые спѣшно поставили окровавленный парусъ и держались на водѣ, пока другая шлюпка, спущенная фрегатомъ, не взяла ихъ на буксиръ.

Прусскій отрядъ оставался въ Либавѣ около двухъ съ половиной недѣль. Городская гвардія была обезоружена, и кривыя сабли голубого коннаго отряда этой гвардіи распредѣлены между прусскими офицерами. Отношенія къ жителямъ были все время хорошія, и солдатъ строго наказывали за нарушеніе порядка. Хуже стало, когда пруссаки, родственные либавскимъ бюргерамъ, ушли по направленію къ Митавѣ, а ихъ смѣнилъ отрядъ французскихъ морскихъ солдатъ подъ начальствомъ полковника Партуно. Началась жестокая система реквизиціи всякаго рода предметовъ, впрочемъ, какъ и по всей Курляндіи. Жители Либавы все-таки терпѣли менѣе жителей нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей Курляндіи, на которыхъ, помимо всего, лежала повинность по доставкѣ подводъ.

Могли ли послѣ этого жители Либавы чувствовать къ пришельцамъ что-либо, кромѣ ненависти? 3-го августа, въ день празднованія дня рожденія Наполеона, либавскій ксендзъ Харуцкій отказался молиться за успѣхъ французскаго оружія, несмотря на требованія и угрозы интенданта Монтиньи. Послѣдній, однако, угрозъ своихъ въ исполненіе не привелъ, а рѣшилъ какъ-нибудь уломать упрямаго католика болѣе мирными средствами и пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ вмѣстѣ съ нѣсколькими французами и курляндцами. Когда провозглашенъ былъ тостъ въ честь Наполеона и его супруги, Харуцкій попросилъ разрѣшенія провозгласить свой тостъ. Каково же было удивле-

ніе Монтины и смущеніе прочих гостей, когда Харуцкій поднялъ бокаль и произнесъ «hoch» въ честь императора Александра II

Произошла ссора, окончившаяся, впрочемъ, для каноника благополучно.

Въ Либавѣ же назначенъ былъ военный судъ подъ предсѣдательствомъ Партуно надъ управляющимъ виндавскою таможеню, обвинявшимся въ сношеніяхъ съ русскими. И самый ходъ засѣданія, и его окончаніе имѣли скорѣе характеръ издѣвательства: бѣднаго управляющаго Партуно приказалъ мѣстному пастору еще до суда приготовить къ смерти; самый же судъ свелся къ допросу, произведенному Партуно подъ звуки музыки, постепенно увеличивавшей игривость своихъ мотивовъ.

Этотъ фактъ, приведенный въ разбираемой книгѣ (стр. 28), противорѣчитъ слѣдующимъ словамъ автора (стр. 27): «Военный судъ подъ предсѣдательствомъ полковника Партуно дѣйствовалъ довольно снисходительно; относительно смертныхъ приговоровъ воспоминаній не сохранилось; всѣ наказанія сводились къ денежнымъ штрафамъ или къ усиленнымъ реквизиціямъ».

Наступила осень 1812 года. Несмотря на строгую французскую цензуру, до либавцевъ стали доходить слухи, что дѣла непріятели въ Москвѣ плохи, и настроеніе жителей становилось бодрѣе. 8-го декабря французскія войска оставили главный городъ Курляндіи Митаву и стали отступать къ границамъ, а къ Либавѣ направился русскій отрядъ въ двѣ тысячи пятьсотъ человекъ, по дорогѣ беря въ плѣнъ непріятели и собирая подводы и лошадей для артиллеріи и обоза и казаковъ. 10-го декабря французы оставили Либаву, захвативъ съ собою большое количество различныхъ колониальныхъ товаровъ.

Тутъ произошелъ слѣдующій инцидентъ: поздно вечеромъ пришла въ Либаву изъ Виндавы небольшая французская команда, конвоировавшая русскихъ плѣнныхъ матросовъ. Хотя жители знали, что русскія войска близко, но распространившійся слухъ, что на Либаву идетъ еще преслѣдуемая русскими трехтысячная колонна пруссаковъ, помѣшала либавцамъ открытою силой освободить русскихъ плѣнныхъ отъ малочисленнаго французскаго конвоя. Прибѣгли къ хитрости. Нѣсколько либавскихъ гражданъ перерѣзали веревки, прикрѣпившія оглобли къ санямъ, на которыхъ везли плѣнныхъ; произошла суматоха, во время которой плѣннымъ матросамъ удалось скрыться. Часть полузамерзшаго конвоя, видя бѣгство своихъ плѣнныхъ, побросала оружіе и рѣшила заночевать въ Либавѣ, не имѣя силъ итти больше и не боясь уже русскаго плѣна.

Къ сожалѣнію, авторъ не говоритъ въ своей брошюрѣ о трогательномъ поступкѣ одного таможеннаго чиновника, при приближеніи враговъ спрятавшаго у себя на дому портретъ императора Александра I, чтобы «уберечь его отъ нечистыхъ, ядовитыхъ взоровъ непріятели». «По уходѣ враговъ этотъ портретъ 13-го декабря былъ торжественно, въ сопровожденіи чиновниковъ и матросовъ, при звукахъ музыки, перенесенъ на старое мѣсто въ таможеню. Радость свѣтилась во взорахъ у каждого!»

Свою интересную работу г. Чистяковъ заканчиваетъ слѣдующими патетическими словами:

«Пережитыя общія испытанія закрѣпили связь Либавы съ великимъ Россійскимъ государствомъ; они показали, что Россія въ своихъ недавнихъ еще тогда подданныхъ-либавцахъ приобрѣла гражданъ, вѣрныхъ данной присягѣ. И если бы судьбѣ угодно было нынѣ вновь подвергнуть Россію боевымъ испытаніямъ, то вступившимъ въ Либаву врагамъ, откуда бы они ни шли, къ какому бы они племени и вѣроисповѣданію ни принадлежали, достанутся однѣ только развалины; въ каждомъ жителѣ Либавы, независимо отъ языка и религіи, они встрѣтятъ вооруженнаго защитника великой Россіи, готоваго жертвовать не только имуществомъ, но и своею жизнью на защиту Россійскаго государства и на гибель его враговъ».

А. Э. Мальмгрень.

Русская періодическая печать 1703—1900 гг. (Библиографія и критическія таблицы). Составилъ и издалъ Н. М. Лисовскій. Отдѣлъ 1. Библиографія русской періодической печати. Отдѣлъ 2. Графическія таблицы русской періодической печати. Вып. III. 1881—1900 г.г. Библиографія, листы 13—24 и предисл. Графическія таблицы, листы 25—48. Спб. 1913. 4°. Цѣна 5 рублей.

Настоящимъ выпускомъ заканчивается обширный трудъ, начатый печатаніемъ еще въ 1895 году и затѣмъ продолжавшійся въ 1901 году и тогда же (кн. 8, стр. 700—702) разработанный въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Какъ и два предшествующіе выпуска, третій состоитъ изъ двухъ частей: хронологическаго перечня изданій по годамъ ихъ возникновенія и въ алфавитномъ порядкѣ и графическихъ таблицъ, позволяющихъ наглядно ориентироваться какъ касательно продолжительности существованія каждаго изданія, такъ въ особенности касательно взаимоотношенія изданій и въ отдѣльные годы, и въ болѣе продолжительные промежутки времени. вмѣстѣ съ тѣмъ данныя таблицы содержатъ необходимый матеріалъ для любопытнѣйшихъ статистическихъ выводовъ въ области періодической печати, отчасти уже сдѣланныхъ авторомъ въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Эфрона (полут. 54, стр. 416). Такъ какъ печатаніе работы значительно затянулось, то Н. М. Лисовскій расширилъ свой первоначальный планъ, именно вмѣсто предполагаемаго имъ сперва списка изданій отъ 1703 до 1894 года онъ довелъ нынѣ этотъ перечень до 1900 года и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ рядъ дополненій, за время съ 1894 года по 1900 годъ включительно, къ хронологическому списку журналовъ и газетъ за 1703—1894 г.г. Къ законченному такимъ образомъ перечню нашихъ повременныхъ изданій за два столѣтія Н. М. Лисовскій предполагаетъ дать со временемъ алфавитный и систематическій указатели изданій и алфавитъ фамилій редакторовъ и издателей.

Считаемъ излишнимъ распространяться о насущной необходимости подобнаго труда для всѣхъ интересующихся культурнымъ развитіемъ нашей родины и образцовомъ выполненіи работы. Не даромъ на выставкѣ печатнаго дѣла трудъ Н. М. Лисовскаго, послѣ авторитетнаго отзыва А. Н. Пыпина, удостоенъ былъ той же наивысшей награды, какъ и всѣ изданія императорскаго общества любителей древней письменности.

Въ заключеніе позволимъ себѣ привести рядъ корректурныхъ погрѣшностей, замѣченныхъ нами при просмотрѣ книги: № 1813 (журнала) редакторъ В. Р. (а не А.) Розень; № 2253 В. М. Бехтеревъ (не Бехтеровъ); подъ № 2286 неправильно сказано, что оба тома «Филологической Библиотеки» содержали по нѣсколько выпусковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ оба тома этого изданія помѣчены 1894 г., а не 1893 т. I, какъ сказано у г. Лисовскаго; подъ № 2295 вмѣсто «латынскомъ» надо «латышскомъ»; № 2497 редакторъ Н. П. Загоскинъ (не Зогоскинъ); дополн. № 1404 подъ редакціей Н. П. Дашкевича (не Дашковскаго); дополн. № 2373 редакторъ Н. Θ. Арепьевъ (не Арсеньевъ).

А. М—въ

Родные Завѣты. Азбука для обученія письму и чтенію русскому и церковно-славянскому для школы и семьи. Стр. 128.—Хрестоматія. Часть I. Первая послѣ азбуки книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Стр. 69.—Часть II. Вторая книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Стр. 221 + VIII.—Часть III. Третья книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Стр. III + 352 + XI.—Часть IV. Четвертая книга для класснаго чтенія въ народныхъ училищахъ. Стр. III + 303 + XIV.—Для наставниковъ и руководителей. Руководящая замѣтка къ азбукѣ и четыремъ книгамъ для класснаго чтенія «Родные Завѣты» (Хрестоматія). Стр. IX + 125. Составилъ Θ. А. Тарапыгинъ. Редакція Θ. А. Витберга, преподавателя петербургскаго педагогическаго института, предсѣдателя союза ревнителей русскаго слова. Спб. 1913. Цѣна 25 коп., 40, 45 и 60 коп.

Составитель недавно еще появившейся и имѣвшей успѣхъ хрестоматіи «Матушка-Русь», строгій поборникъ русскаго направленія въ религіозно-историческомъ и бытовомъ прошломъ своего народа, Θ. А. Тарапыгинъ задумалъ теперь представить полный сборникъ матеріаловъ по русскому языку для чтенія и изученія, не исключая и азбуки, на весь курсъ начальной, народной школы, присоединивъ сюда и методическое руководство для учителей. Сборникъ этотъ или «хрестоматія», состоящій изъ пяти книжекъ, носитъ общее заглавіе «Родные Завѣты», которое, съ одной стороны, свидѣтельствуетъ о преобладающемъ содержаніи книжекъ, а съ другой—указываетъ на то, что такого рода содержаніе не подобрано согласно какимъ-либо цѣлямъ составителя, а что оно какъ бы завѣщано и опредѣлено трудами нашихъ лучшихъ педагоговъ и руководителей, согласно кореннымъ задачамъ народной и государственной жизни. Исходя, прежде всего, изъ плановъ и программъ officialнаго происхожденія, Θ. А. Тарапыгинъ, хорошо также знакомый и съ современной хрестоматической литературой, слѣдующимъ образомъ выполнилъ свою задачу.

Держась метода соединеннаго обученія чтенію и письму, онъ въ своей «Азбукѣ» предпослалъ тексту рядъ довольно большихъ картинъ «для предварительныхъ бесѣдъ, имѣющихъ цѣлью вызвать дѣтей на разговоръ, заинтересовать ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать учителю возможность приглядѣться къ индивидуальнымъ способностямъ, умственному развитію и воспримчивости каждаго изъ питомцевъ» («Руководящая замѣтка», стр. 15). Это въ нѣкоторомъ родѣ новость,

«истор. вѣстн.», июль 1913 г., т. сxxxiii.

21

долженствующая имѣть свое вліяніе. Что касается частей «хрестоматіи», то ихъ содержаніе отъ подобныхъ имъ хрестоматій отличается: 1) привлеченіемъ въ значительной мѣрѣ образцовъ русской народной словесности: былинъ, сказокъ, пословицъ и поговорокъ; 2) богатствомъ темъ религіозно-нравственнаго содержанія; 3) помѣщеніемъ графическихъ таблицъ: жителей Россіи по вѣроисповѣданіямъ и племенамъ, грамотности, площади лѣсовъ и пахотной земли, путей сообщенія, движенія торговли и т. д., и географическихъ картъ; 4) включеніемъ до 80 портретовъ русскихъ извѣстныхъ писателей, государственныхъ общественныхъ дѣятелей, художниковъ и музыкантовъ, полководцевъ и выдающихся архипастырей, и 5), наконецъ, помѣщеніемъ въ «приложеніяхъ» «иллюстрированныхъ народныхъ пѣсенъ съ нотами для пѣнія на одинъ и на два голоса».

Все содержаніе заимствуется изъ лучшихъ русскихъ писателей и поэтовъ, по преимуществу затрагивающихъ народный бытъ. Части вторая, третья и четвертая «Родныхъ Завѣтовъ» сопровождаются «объяснительными словарями». Въ четвертой части, наиболѣе богатой статьями по географіи и сельскому хозяйству Россіи, въ приложеніи помѣщены еще, кромѣ пѣсенъ, образцы писемъ и дѣловыхъ бумагъ. Въ общемъ выборъ статей и стиховъ долженъ быть признанъ весьма удовлетворительнымъ, хотя нельзя не замѣтить, что составитель, слѣдуя идеаламъ излюбленнаго имъ средняго достоинства педагога, Н. К. Кульмана, напрасно избѣгаетъ знакомить даже дѣтей старшаго возраста съ печальными сторонами крестьянской жизни, въ яркихъ краскахъ нашихъ художниковъ. Несомнѣнно, что хрестоматія эта будетъ имѣть успѣхъ, и съ ея наибольшимъ распространеніемъ пожелаемъ лишь увеличенія нѣкоторыхъ ея отдѣловъ и исправленія могущихъ оказаться редакторскихъ недосмотровъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о «Руководящей замѣткѣ». Авторъ ея большой поклонникъ «Методики русскаго языка» Н. К. Кульмана и потому многое излагаетъ согласно воззрѣніямъ послѣдняго. Больше всего онъ распространяется о методахъ обученія грамотѣ и примѣрныхъ урокахъ по своей азбукѣ; затѣмъ приводитъ отзывы «выдающихся русскихъ педагогическихъ писателей» о «задачахъ народной школы»—К. Ушинскаго, А. Анастасіева, Н. Ильминскаго, Д. Тихомирова, Н. Бунакова и М. Демкова; и далѣе говоритъ о «личности учителя» и о «программѣ обученія и книгахъ для класснаго и внѣкласснаго чтенія», на основаніи сужденій тѣхъ же педагоговъ. Въ «приложеніи» помѣщены краткія біографическія данныя къ тѣмъ портретамъ, которые имѣются въ 3-й и 4-й частяхъ «Родныхъ Завѣтовъ». Не входя въ разборъ этихъ «біографій», предназначенныхъ для учителей, я позволю себѣ сдѣлать дополненіе къ одной біографіи С. Д. Дрожжина. Послѣдній, вернувшись на родину въ началѣ 1880 годовъ, не занялся хлѣбопашествомъ, какъ сказано на стр. 109, отъ котораго отвыкъ, а еще усиленнѣе принялся за литературный трудъ, что видно и изъ его «Автобіографическихъ записокъ», напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» за 1884 г., и изъ его же «Стихотвореній 1866—1888 гг.»—3-е изданіе, исправленное и дополненное «Записками» автора (М. 1907 г.). Вскорѣ выйдеть второй томъ полнаго собранія стихотвореній С. Д. Дрожжина за 1889—1909 гг.

В. Р—въ.

Сочиненія В. П. Буренина. Томъ I, съ портретомъ автора. I. Мертвая нога (Таинственный процессъ). II. Романъ въ Кисловодскѣ. Изданіе седьмое. Спб. 1912. Стр. 305. Ц. 1 р.—Томъ II. Стихотворенія. Переводы. Изданіе третье. Спб. 1912. Стр. 219. Ц. 1 р.—Томъ III. Военно-политическіе отголоски. Пѣсни дня. Думы. Поэмы. Былины. Изданіе третье. Спб. 1912. Стр. 279. Ц. 1 р.

Вышли въ новомъ изданіи первые три тома сочиненій В. П. Буренина. Произведенія, помѣщенные въ этихъ томахъ, относятся къ начальному періоду литературной дѣятельности В. П. Буренина, ко времени 60-хъ и 70-хъ годовъ. Въ первомъ томѣ—знаменитая «Мертвая нога», буйная и яркая сатира, обличающая крайности и нелѣпости реформированнаго суда, и «Романъ въ Кисловодскѣ», красивое сочетаніе любовной лирики и тонкой литературной сатиры; во второмъ—образцовые переводы французскихъ и англійскихъ классиковъ; въ третьемъ—оригинальныя стихотворенія, сатирическія и лирическія. Содержаніе третьяго тома наглядно говоритъ о разносторонности дарованія В. П. Буренина: тутъ и политическая сатира, и общественные мотивы, и чистая лирика. Помимо историко-литературнаго значенія, эти начальныя произведенія В. П. Буренина привлекаютъ вниманіе и художественными достоинствами—типичностью изображеній, искренностью чувства, живостью изложенія. Созданія молодого таланта, они останавливаютъ вниманіе своею молододою непосредственностью.

Семидесятые годы—какъ они мѣтко очерчены въ «Пѣсняхъ дня» и «Думахъ»! Передъ читателемъ исторія, красочная и образная, эпоха во всемъ блескѣ и шумѣ своемъ. Франко-прусская война, бумажная турецкая конституція, нѣмцы и Бисмаркъ, козни австрійковъ, цвѣточки и ягоды роднаго прогресса. И такъ какъ В. П. Буренинъ въ своихъ политическихъ сатирахъ схватываетъ преимущественно характерныя національныя черты, то многія изъ этихъ сатиръ не теряютъ своего интереса и теперь. Народы не измѣняются; что высмѣивалъ Буренинъ тридцать лѣтъ назадъ, то знакомо и нашимъ днямъ: «Славный бой при гостиницѣ «Эрцгерцогъ Стефанъ»—шутливая баллада Буренина, въ которой осмѣивается страхъ австрійскихъ дипломатовъ передъ панславизмомъ, въ какихъ бы невинныхъ формахъ онъ ни проявлялся,—это смѣшить и сейчасъ, это, быть можетъ, вчера или третьяго дня было въ Прагѣ.

Любопытны также гражданскіе мотивы Буренина. Шестидесятникъ по литературному рожденію, онъ принесъ должную дань «музѣ мести и печали», послужилъ ей со всѣмъ пыломъ бодрой юности. Напускной цинизмъ, налетъ гейневской раздражительности, нахмуренный скептицизмъ—все это характерно для того времени, когда «гражданская скорбь» почиталась долгомъ писателя. («Прерванныя главы», «Диссонансы»).

Но В. П. Буренинъ росъ и перерасталъ свое время. Передъ нимъ раскрывалась правда жизни и литературы. Прогрессъ оказывался лицемѣриемъ, литература—змѣинымъ клубкомъ. На смѣну гражданской скорби пришла безпощадная сатира. Третій томъ ярко рисуетъ этотъ переломъ въ молодомъ писателѣ, его переходъ отъ идеализма и пафоса къ реализму и трезвости. Въ Буренинѣ вырастаетъ сатирикъ и критикъ.

Есть въ третьемъ томѣ и художественные мотивы. Звучны и красивы былины— плодъ увлеченія русской стариной («Микула Селяновичъ», «Чурила Пленковичъ» и другія.) Особенную силу былинный стихъ Буренина получаетъ тогда, когда тема несетъ юморъ («Чурила Пленковичъ»). Лирическія стихотворенія и «думы» В. П. Буренина подкупаютъ теплотою тона, серьезной озабоченностью мысли. Юношескій идеализмъ перерождается въ трезвенность и бодрость духа («Подругъ»).

Къ сожалѣнію, настоящее собраніе сочиненій В. П. Буренина не можетъ считаться полнымъ, — въ немъ, повидимому, не будетъ много важнаго и характернаго. Мы имѣемъ въ виду громадную полувѣковую работу Буренина-критика. Было бы желательнымъ появленіе въ слѣдующихъ томахъ хотя бы избранныхъ критическихъ очерковъ В. П. Буренина, — многіе изъ этихъ очерковъ имѣютъ не только историко-литературный, но и образцовый интересъ.

А. Бурнакинъ.

Варвара Духовская. Туркестанскія воспоминанія. Спб. 1913. Стр. 101.

Цѣна 1 р. 20 к.

Я бы не рѣшился обратить вниманіе читателей «Историческаго Вѣстника» на книгу госпожи Духовской, вдовы генераль-губернатора нашихъ средне-азиатскихъ владѣній, если бы эта книга не могла ввести ихъ въ заблужденіе, благодаря своему заманчивому заглавію и имени автора. Въ самомъ дѣлѣ: съ одной стороны, воспоминанія объ обширномъ, мало извѣстномъ намъ до сихъ поръ краѣ, а съ другой стороны—фамилія лица, бывшее положеніе котораго говоритъ за то, что оно могло бы сообщить много интереснаго въ своихъ воспоминаніяхъ. Но съ первыхъ же страницъ читатель убѣждается, что имѣетъ дѣло съ лишнимъ доказательствомъ уже достаточно признаннаго факта, что бумага все терпитъ. Въ своихъ «Туркестанскихъ воспоминаніяхъ» г-жа Духовская меньше всего касается Туркестана, его населенія, быта, нуждъ и пр. Зато она подробно останавливается на каждомъ букетѣ, который ей преподносился, какъ супругѣ высшаго начальствующаго въ краѣ лица, на почестяхъ, оказанныхъ ея особѣ населеніемъ и подчиненными мужа, на томъ, какъ любить поспать ея горничная, какъ она переѣзжала черезъ каждыя нѣсколько мѣсяцевъ изъ Ташкента въ Петербургъ и изъ Петербурга въ Ташкентъ и какъ она тосковала въ разлукѣ съ супругомъ. Просматриваешь оглавленіе и рябитъ въ глазахъ: Дорога въ Ташкентъ... Обратный путь въ Петербургъ... Назадъ въ Ташкентъ... Опять въ Петербургъ... Возвращеніе въ Ташкентъ по Волгѣ... Снова въ Питеръ... Обрато въ Ташкентъ... И т. д. въ томъ же духѣ. Когда же г-жа Духовская рѣшаетъ быть объективной, то это выражается въ открытіи такихъ Америкъ: «происхожденіе нефти спорное: болѣе новая теорія состоитъ въ томъ, что нефть—продуктъ разложенія животныхъ и морскихъ растений. Случается, что до залежей нефти добираются лишь послѣ двухлѣтняго буренія, тогда только забьетъ фонтанъ. Самый крупный владѣлецъ нефтяныхъ залежей въ настоящее время Нобель, а затѣмъ Ротшильдъ».

Тѣмъ не менѣ въ книгѣ г-жи Духовской имѣется нѣскольکو интересныхъ страничекъ. Такъ, мы узнаемъ кое-что объ опальномъ великомъ князѣ Николаѣ Константиновичѣ, который уже много лѣтъ живетъ въ Ташкентѣ, производитъ грандіозныя оросительныя работы, безуспѣшно стараясь превратить такъ называемую Голодную степь въ плодотворныя нивы. Совершенно безсознательно, очевидно, рассказываетъ авторъ о той непосильной контрибуціи, которую подъ видомъ добровольныхъ пожертвованій въ пользу родственниковъ убитыхъ русскихъ солдатъ заплатили ни въ чемъ неповинные туземцы послѣ извѣстнаго возстанія въ 1897 г. въ Андиганѣ. Обращаетъ на себя также вниманіе то обстоятельство, что при путешествіяхъ г-жи Духовской ее сопровождали воинскіе отряды во главѣ съ офицерами.

Но въ общемъ книга безсодержательна; а написана она удивительно легкимъ и красивымъ литературнымъ языкомъ и издана очень изящно.

И. Гурвичъ.

Ю. А. Яворскій. Великорусскія пѣсни въ старинныхъ карпато-русскихъ записяхъ. (Отдѣльный оттискъ изъ «Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ», т. XVII. 1912. Книга 1). Стр. 84. Спб. 1912.

О малорусскомъ вліяніи и его отраженіяхъ, какъ въ древнихъ, такъ и новѣйшихъ формахъ великорусской пѣсни говорилось неоднократно. Имѣется на эту тему рядъ любопытныхъ работъ (Перетца, Веселовскаго, Данилова и т. д.). Достаточно наглядно расчленили названные изслѣдователи сложный вопросъ о взаимоотношеніяхъ великорусской и малорусской пѣсни, обнаружили въ первой изъ нихъ пласты наносныхъ образованій, собрали значительный сырой матеріалъ.

Не менѣ, а, пожалуй, и болѣе интересная сторона подобныхъ изслѣдованій—присутствіе великорусскихъ элементовъ въ древней украинской пѣснѣ—оставалась до настоящаго времени въ тѣни.

Въ любыхъ отношеніяхъ двухъ смежныхъ народностей четко вырисовываются явленія духовнаго «осмоса», какъ обмѣна культурными цѣнностями, а равно и продуктами упадка, разложенія. Отличить прямую волну отъ обратной, отмѣтить значеніе и вліяніе обратной и представляло взятую на себя Ю. А. Яворскимъ задачу.

Заслуга автора въ томъ, что съ любовью и кропотливостью ученаго намѣчаетъ онъ первыя вѣхи для дальнѣйшихъ серьезныхъ изслѣдованій, переноситъ свои выводы изъ области догадокъ на твердую научную почву.

Находя въ старинномъ малорусскомъ пѣсенникѣ подлиныя «московскія» пѣсни, встрѣчаясь на каждомъ шагѣ съ фактическими указаніями фонетики, прежніе изслѣдователи, по словамъ автора, относили ихъ къ случайнымъ заносамъ, къ области «шутливыхъ пародій». Устная передача великорусскихъ напѣвовъ, конечно, еще болѣе затрудняла работу ученаго.

Лишь съ того момента, когда были рассортированы малорусскіе пѣсенники, открытые въ захолустьяхъ Украины и Карпатской Руси, удалось вы-

яснить проводные пути великорусской рѣчи. Основываясь на характерных особенностях найденных пѣсенъ, такими проводными путями авторъ считаетъ торговья сношенія, а въ виду повтореній солдатскихъ мелодій главнымъ образомъ военные походы русскихъ войскъ.

Въ основу параллельнаго обзора искаженныхъ великорусскихъ, малорусскихъ и карпатскихъ пѣсенъ легли извлеченные авторомъ изъ пяти карпато-русскихъ рукописныхъ пѣсенниковъ XVIII и начала XIX вѣковъ собранія А. С. Петрушевича тексты: пѣснь свѣтова московска, пѣснь свитова, пѣснь московска, пѣснь свитова москiев(с)ка, пѣснь свитова московска, пѣснь свѣцка московска (всего 14) и ихъ варианты.

В. Мар—скій.

В. Розановъ. Опавшіе листья. Спб. 1913. Стр. 526+VIII.

Цѣна 2 р. 50 к.

Говорить о книгѣ Розанова—значитъ говорить объ его душѣ. Въ его книгѣ вылилась его душа; вылилась подлинно, живо, стихійно. Стихійность—только этимъ словомъ объясняется его творчество; такое необычное, такое странное. Я не знаю писателя, чья интимная жизнь такъ непосредственно переливалась бы въ слово, передавалась имъ.

«Я—самый не реализующійся человѣкъ», сказалъ онъ о себѣ въ «Уединенномъ» и сказалъ глубокую правду. Стремленіе реализоваться, *быть* свойственно человѣку; природа, стихія никуда не стремятся—она просто есть, такъ и Розановъ. Его нельзя понять, какъ писателя, не понявъ его, какъ человѣка. Все когда-либо написанное имъ было лишь точной передачей словомъ своихъ душевныхъ переживаній—*каковыми бы они ни были*. Только себя писалъ онъ, хотя бы его слова говорили о церкви, общественности или о половомъ вопросѣ. Тѣмъ выпуклѣе вырисовывается это *себя* въ глубоко-интимной послѣдней книгѣ. Здѣсь, какъ и въ «Уединенномъ», Розановъ раскрываетъ свою душу до ея почти несознанной глубины, раскрываетъ ее въ словахъ нѣжныхъ, художественныхъ, иногда тусклыхъ и усталыхъ, но всегда правдивыхъ,—какъ правдива природа, производящая рядомъ колосья ржи и его же глушащій василекъ.

Попробуйте забыть стихійность души Розанова—и придется часто ужаснуться его откровенному цинизму. На страницѣ 279 «Опавшихъ листьевъ» онъ пишетъ: «Я самъ убѣжденъя мѣнялъ, какъ перчатки, и гораздо больше интересовался калошами (крѣпки ли), чѣмъ убѣжденіями (своими и чужими)». Розановъ беспощадно разбиваетъ путы и старой морали, морали смиренія и с амоуничтоженія: «На мнѣ и грязь хороша, потому что это—я» («Опавшіе листья», стр. 270); не лучше ладитъ онъ и съ моралью новой, утверждающей лишь свою волю, свое «хочу». Циникъ,—скажетъ хладнокровно читатель. Нѣтъ, циникъ не могъ написать (для Розанова значитъ почувствовать) слова: «Только горе открываетъ намъ великое и святое» («Опавшіе листья», стр. 321); циникъ не могъ такъ почувствовать религію:

Тихія, темныя ночи...
 Испугъ преступленья...
 Тоска одиночества...
 Слезы отчаянья, страха и пота труда,
 Вотъ ты, религія...
 Помощь согбенному...
 Помощь усталому...
 Вѣра больного...
 Вотъ твои корни, религія...
 Вѣчные, чудные корни...

(«Уединенное», 250 страница).

Ну, роль играетъ, интересничаетъ, скажутъ другіе,—и опять не то. Приведенныя выше выписки не могли вылиться изъ души фигляра,—актеру надо угодить зрителямъ, а Розановъ одинаково чуждъ всѣмъ—церкви и позитивистамъ, правой и лѣвой. Онъ чистъ, какъ природа, вѣриѣ, амораленъ, какъ она, и, какъ она же, не подлежитъ этическимъ категоріямъ. Грѣшныя мысли приходили въ голову и святымъ—только тѣ, *сознавая* ихъ, боролись съ ними; обыкновенные люди *сознательно* же ихъ скрываютъ, а Розановъ, переживая ихъ стихійно, переливаетъ ихъ въ слово,—природа не скрываетъ порождаемыхъ ею гадовъ и ядовитыхъ растеній.

Для природы нѣтъ хотѣнія помимо бытія,—для Розанова нѣтъ жизни не переходящей въ слово. Всѣ мы въ жизни нерѣдко мѣняемъ свое отношеніе къ людямъ и фактамъ: когда боленъ дорогой для насъ человѣкъ, мы не станемъ слушать Гофмана, который въ другое время доставляетъ намъ громадное наслажденіе. Только мы *сознаемъ* причину, измѣнившую наше отношеніе,—для Розанова не существуетъ этого регулирующаго сознанія,—отсюда его противорѣчивые отзывы объ однихъ и тѣхъ же людяхъ и явленіяхъ, отзывы, принесшіе ему столько тяжелыхъ обвиненій.

Стихія не сознаетъ самую себя; Розановъ, кажется, совершенно лишень чувства природы, пейзажъ не затрагиваетъ ни одной струны въ его душѣ.

Тотъ, кому приходилось много бывать на воздухѣ, знаетъ, что въ самой ликующей природѣ, въ ясномъ утрѣ и пѣснѣ жаворонка, въ пробужденіи свѣжаго лѣса отъ ночного сна—чувствуется какая-то мистическая грусть, грусть увяданія и заката. Этой грустью напоена душа Розанова: «Грусть—моя вѣчная гостья» («Опавшіе листья», стр. 164); «Основное, пожалуй, мое отношеніе къ міру есть нѣжность и грусть» («Опавшіе листья», стр. 303).

Въ «Опавшихъ листьяхъ» есть портреты членовъ семьи самого автора. Только полной непосредственностью, стихійностью душевной жизни можно объяснить этотъ странный фактъ; для *писателя*—это цинизмъ; для *Розанова*—просто само бытіе. Я ими (близкими людьми) живу,—значить, я о нихъ пишу. Для Розанова между жизнью и написаннымъ словомъ, пожалуй, нѣтъ даже простой послѣдовательности во времени,—онъ пишетъ, слушая музыку своей души.

«Опавшими листьями» назвалъ Розановъ свою книгу—но листья еще не пожелтѣли, они на стволѣ, полномъ жизненныхъ соковъ.

Н. Вальманъ.

Несторъ Котляревскій. Литературныя направленія Александровской эпохи. Пособіе для приступающихъ къ изученію русской изящной словесности XIX вѣка. Второе, переработанное изданіе. Спб. 1913. Стр. 407.

Эту книгу Н. А. Котляревскаго слѣдуетъ привѣтствовать вдвойнѣ: и за то, что онъ рѣшилъ написать (а теперь, переработавъ, выпустить вновь) пособіе для приступающихъ къ изученію русской изящной словесности, т.-е. приблизить, сдѣлать доступнымъ, облегчить пониманіе и самое даже чтеніе классиковъ нашей литературы; и за то, что онъ вступилъ на новый путь, видя въ литературѣ—литературу, а не дѣлая ее исторіей русской общественной мысли. Какъ лектору и педагогу, ему нужно было считаться съ предъявляемыми, и совершенно справедливо, требованіями тѣхъ, кто хочетъ стать образованнымъ въ литературномъ отношеніи человѣкомъ, но не можетъ итти для этого на филологическій факультетъ. Какъ ученому, Н. А. Котляревскому предстояла еще болѣе, несравненно болѣе трудная задача: не поступиться требованіями науки ради требованій популяризаціи. Правда, его вниманіе остановилось на томъ періодѣ русской словесности, который болѣе другихъ систематически и детально изученъ и обобщенъ здѣсь болѣе возможны, нежели въ отношеніи послѣдующихъ. Но авторъ книги отчетливо сознавалъ, какъ нелегко быть въ положеніи «безконтрольнаго судьи надъ всѣми русскими писателями и ихъ произведеніями: какъ разсортировать авторовъ, на комъ остановиться, какія произведенія ихъ выбрать для чтенія слушателямъ, какую указать «литературу предмета»? Наконецъ, синтетическое изученіе русской литературы все еще не начиналось, потому что подготовительная работа объ отдѣльныхъ писателяхъ все еще не завершена, и Н. А. Котляревскій совершенно вѣрно говоритъ, «что за рѣдкимъ исключеніемъ почти всѣ крупные наши писатели и по сію пору ждуть біографовъ и комментаторовъ». Вотъ маленькій примѣръ: Н. М. Языковъ. До сихъ поръ о Языковѣ самымъ извѣстнымъ и принятымъ является мнѣніе Вѣлинскаго, устарѣлое и пристрастное.

Во всей полнотѣ творчество этого поэта не обследовано. Но въ лучшемъ ли положеніи Баратынскій, Рылѣевъ, Веневитиновъ, полныхъ собраній сочиненій которыхъ до сихъ поръ нѣтъ?! Понятна теперь та громадная, подготовительная и синтезирующая работа и та отвѣтственность (вѣдь книга предназначается для широкаго читателя, она, быть можетъ, опредѣлитъ его вкусы и отношенія къ русской литературѣ на всю жизнь!), которую составитель такой книги ставитъ предъ собою. Н. А. Котляревскій называетъ свою работу «лишь первымъ опытомъ», и онъ правъ. Но этотъ опытъ стоитъ десятка шаблонныхъ исторій литературы. Авторъ книги стоитъ на той единственно правильной точкѣ, что исторія литературы «есть прежде всего исторія художественнаго творчества», и потому ей—первое мѣсто. Но не одну красоту оцѣниваетъ авторъ, всякій литературный памятникъ—документъ своей эпохи и документъ, объясняющій психику поэта, а посему долженъ быть изслѣдованъ въ исторической перспективѣ и снабженъ біографическими данными. Характеризуя александровскую эпоху въ русской литературѣ, какъ періодъ субъективнаго отношенія художника къ жизни, когда онъ интересовался не столько самой

окужавшей его жизнью, сколько своим отношеніемъ къ ней, авторъ оставивается, послѣ небольшого вступленія объ условіяхъ, при которыхъ начала развиваться наша изящная словесность, на творчествѣ Жуковского, Батюшкова, Пушкина, «Плеяды»—Баратынскомъ, Языковѣ, Веневитиновѣ, Рылѣевѣ, говоритъ о Крыловѣ, Грибоѣдовѣ, возвращается снова къ Пушкину, къ его «Евгенію Онѣгину», и заключаетъ выводами и краткимъ обзоромъ дальнѣйшихъ судебъ литературныхъ. Приятна свѣжесть приемовъ, съ которою составитель толкуетъ о литературныхъ направленіяхъ, о взглядахъ на поэзію, о художественной формѣ въ поэзіи, о языкѣ поэтическомъ, о романѣ и драмѣ того времени, не упуская, однако, изъ виду вопросовъ философскихъ и политическихъ тамъ, гдѣ это нужно. Конечно, книга читается легко и съ интересомъ, а твердому усвоенію прочитаннаго можетъ помочь подробнѣйшее, какъ конспектъ, оглавленіе. Въ числѣ писателей, включенныхъ въ книгу, намъ бы хотѣлось видѣть Дельвига, но авторъ ея и въ данномъ случаѣ правъ, заявляя: «если число упомянутыхъ въ книгѣ памятниковъ можетъ быть увеличено, то уменьшено оно ни въ коемъ случаѣ быть не можетъ».

Вл. Кн.

П. фонъ-Кауфманъ. Красный Крестъ въ тылу арміи въ японскую кампанію 1904—1905 г.г. Томъ I. Сибирскій районъ. 2 части. Томъ II. Забайкальскій районъ. 2 части. Спб. (цѣна не обозначена).

Дѣйствія Краснаго Креста въ минувшую войну съ самаго ея начала были стѣснены тѣмъ, что онъ, какъ и вся Россія, къ войнѣ не готовился, а въ дальнѣйшемъ не могли не сказываться общія неблагоприятныя условія: чрезвычайная отдаленность театра военныхъ дѣйствій отъ центра управленія, единственный одноколейный желѣзнодорожный путь, связывавшій армію съ предѣлами Европейской Россіи, слабая населенность, некультурность страны, суровость сибирскаго климата. Приходилось создавать почти все вновь, а между тѣмъ, приступивъ къ дѣйствіямъ, не сочли нужнымъ использовать въ достаточной мѣрѣ богатый опытъ предшествующей русско-турецкой войны 1877—1878 гг., результаты которой съ такою убѣдительною доводовъ изложены Пироговымъ въ книгѣ «Военно-врачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи», а также въ отчетахъ Рихтера и Абазы. Составитель отчета полагаетъ, что причиною забвенія опыта кампаніи 1877—78 гг. была поспѣшность, съ какою необходимо было приступить къ дѣлу, и тотъ колоссальный трудъ, который долженъ былъ поглотить всецѣло лицъ, стоявшихъ во главѣ дѣла; такимъ образомъ, многіе вполне устранимые недостатки въ организаціи добровольной помощи русско-турецкой войны повторились и въ японскую войну.

Немедленно послѣ объявленія войны была образована исполнительная коммиссія, которой въ направленіи дѣятельности, разработкѣ плана организаціи помощи больнымъ и раненымъ на театрѣ военныхъ дѣйствій и осуществленія этой организаціи предоставлены были права главнаго управленія. Завѣдываніе всѣмъ дѣломъ помощи раненымъ на мѣстахъ сосредоточено было въ вѣ-

дѣннїи пяти главноуполномоченныхъ общества, приче́мъ театръ военныхъ дѣйствїй раздѣленъ былъ на два района, а тылъ арміи—Забайкалье, Сибирь и мѣстность, прилегающая къ Самаро-Златоустовской желѣзной дорогѣ,—на три. Исполнительная комиссія, приступивъ къ организаціи помощи раненымъ, приняла на себя слѣдующіе виды помощи:

1) Помощь военно-лечебнымъ заведенїямъ, лазаретамъ, эвакуаціоннымъ пунктамъ и санитарнымъ поѣздамъ персоналомъ и снабженїемъ предметами, не полагающимся по табелямъ военного вѣдомства.

2) Устройство собственныхъ лазаретовъ на двѣсти, сто, двадцать пять и десять кроватей и легучихъ санитарныхъ отрядовъ какъ на театрѣ военныхъ дѣйствїй, такъ и въ тылу арміи; устройство, по настоянїю военного вѣдомства, собственныхъ этапно-питательныхъ пунктовъ и приспособленіе къ перевозкѣ раненыхъ парохода «Монголія», баржей и санитарныхъ поѣздовъ.

3) Организацію серїи складовъ для питанїя какъ военно-лечебныхъ заведенїй, такъ и учрежденїй Краснаго Креста на театрѣ военныхъ дѣйствїй и въ тылу арміи.

Черезъ недѣлю послѣ начала своихъ дѣйствїй исполнительная комиссія начала отправку санитарныхъ отрядовъ на театръ войны, а равно и отрядовъ сестеръ милосердія для службы какъ въ военно-лечебныхъ заведенїяхъ, такъ и въ лазаретахъ Краснаго Креста, а черезъ два мѣсяца послѣ начала кампанїи—двѣнадцать госпиталей Краснаго креста, семь легучихъ отрядовъ, шесть этапныхъ лазаретовъ и два санитарныхъ поѣзда, снаряженныхъ Краснымъ Крестомъ, работали на мѣстѣ боя; въ то же время нѣкоторые лазареты были на мѣстѣ назначенїя, но не были еще развернуты, другіе находились въ пути. Принявъ на себя эвакуацію воднымъ путемъ и участіе въ устройствѣ санитарныхъ поѣздовъ, Красный Крестъ организовалъ склады госпитального бѣлья, фармацевтическихъ и перевязочныхъ матеріаловъ и пищевыхъ продуктовъ, организовалъ бактеріологическіе и дезинфекторскіе отряды, приступилъ къ устройству прачечныхъ и бань, а также бараковъ для госпиталей; выслалъ ледодѣлательныя машины и прачечныя поѣзда съ дезинфекціонными камерами; при посредствѣ переселенческаго управленїя заготовилъ хлѣбъ и мясо, а при посредствѣ министерства земледѣлія—стерилизованное молоко и масло. Таковы были, въ общихъ чертахъ, первоначально намѣченныя задачи Краснаго Креста въ минувшую войну. Исполнительная комиссія не имѣла, однако, строго опредѣленнаго плана и имѣть его не могла, такъ какъ на запросы военному вѣдомству о томъ, въ какихъ районахъ, размѣрахъ и видахъ желательна ему помощь отъ Краснаго Креста, отвѣта комиссія на первыхъ порахъ не получила, если не считать просьбы намѣстника Дальняго Востока о снабженїи парохода «Монголія» всѣмъ необходимымъ и персоналомъ, и указанїя представителей военного вѣдомства на желательность снабженїя военно-санитарныхъ учрежденїй палатками отъ Краснаго Креста, учрежденїя этапныхъ пунктовъ послѣ первой линїи боя и улучшенїя питанїя на военныхъ этапныхъ пунктахъ и слабосильныхъ командъ («Журналъ исполнительной комиссіи», 14-го и 16-го февраля 1904 года). Официально военное вѣдомство ни въ чемъ не нуждалось, а потому главноуполномоченнымъ на мѣстѣ предстояло прихо-

дять на помощь военному вѣдомству во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужды его выяснялись на дѣлѣ, хотя бы и совершенно неожиданно.

Отчетъ захватываетъ слѣдующіе отдѣлы: 1) организаціонныя распоряженія; 2) леченіе: а) порядокъ открытія лазаретовъ; значеніе ихъ по мѣсту дѣйствія, б) организація лазаретовъ, в) снабженіе лазаретовъ продовольствіемъ, инвентаремъ, медикаментами, отопленіемъ и освѣщеніемъ, г) отчетность и медицинская статистика; 3) эвакуація: а) переправа раненыхъ и больныхъ черезъ озеро Байкаль въ 1904 г., б) сборные поѣзда, в) заполненіе госпиталей, г) линейная эвакуація и дѣятельность эвакуаціонныхъ органовъ въ Иркутскѣ; 4) профилактика: а) продовольственные пункты, б) общія санитарныя мѣры, бани и прачечныя, в) дезинфекторскіе и бактериологическіе отряды; участіе Краснаго Креста въ борьбѣ съ заразными заболѣваніями; чума; 5) дѣятельность иркутскихъ складовъ Краснаго Креста (Сибирскій районъ); 6) дѣятельность читинскаго центрального склада (Забайкальскій районъ); 7) отчеты врачей всѣхъ лазаретовъ, отрядовъ, отдѣленій госпиталей и санаторій. Приложены два списка лицъ, командированныхъ въ учрежденія Краснаго Креста обоихъ районовъ на время войны.

Изданіе снабжено портретами, многочисленными удачными снимками, таблицами, вѣдомостями движенія больныхъ, диаграммами и даетъ солидный матеріалъ для сужденія о дѣятельности учрежденія. Я—ъ.

В. Воцининъ. Переселенческій вопросъ въ государственной думѣ третьяго созыва. Спб. 1912. Стр. 168. Ц. 2 р.

Авторъ безпристрастно и очень живо излагаетъ исторію попытокъ третьей государственной думы дать правительству руководящія указанія по общей постановкѣ переселенческаго дѣла. Передъ читателемъ проходитъ рядъ ораторовъ различныхъ партій и рядъ высшихъ правительственныхъ чиновъ. Они всѣ говорятъ своими словами (по стенограммамъ), и на протяженіи пяти лѣтъ они не всегда помнятъ свои прежнія слова. За словами, однако, стоитъ дѣло. Оно продолжало развиваться: въ улучшеніи условій перевозки и устройства переселенцевъ третья государственная дума сдѣлала много, благодаря своей особой внимательности къ смѣтѣ вѣдомства. Книга г. Воцинина вводитъ читателя и въ эту менѣе замѣтную, но болѣе продуктивную сторону думской дѣятельности по переселенческому вопросу. Получается, такимъ образомъ, полная картина итоговъ, а отчасти—впрочемъ, въ болѣе слабыхъ тонахъ—и перспективъ переселенческаго дѣла. Авторъ намѣренно не входилъ въ оцѣнку происходившаго. Но, оставаясь только историкомъ, онъ могъ бы, избѣгая оцѣнки, давать объясненія нѣкоторымъ изъ отмѣченныхъ имъ фактовъ: почему, напримеръ, дума не могла справиться съ вопросами «общей постановки» дѣла; почему ко времени окончанія работъ третьей думы большинство ея охладѣло къ переселенческому вопросу; почему въ теченіе пяти лѣтъ вѣдомство мѣняло четыре раза свою политику въ отношеніи свободы переселенія; почему только

съ 1911 г. вѣдомство «рѣшилось» приступить къ заготовкѣ участковъ единоличнаго владѣнія въ значительномъ количествѣ. Читатель могъ бы потребовать отъ автора разрѣшенія этихъ неволью возникающихъ вопросовъ.

Г. Г—ъ.

Художникъ-иллюстраторъ А. А. Агинъ, его жизнь и творчество. Съ 45 иллюстраціями въ текстѣ, составилъ Константинъ Кузьминскій. Москва. Ц. 2 р.

Очень мало еще изслѣдована исторія русской литературной иллюстраціи, а между тѣмъ она достойна, чтобы о ней писали. Между другими иллюстраторами пятидесятихъ годовъ нельзя не отмѣтить работы Боклевскаго, иллюстрировавшаго нѣкоторыя произведенія Гоголя, художниковъ Башилова, Иванова и Галактіонова, а въ особенности А. А. Агина, иллюстрировавшаго «Мертвыя Души», при чемъ рисунки къ нимъ по проникновенію ближе подходятъ къ безсмертнымъ типамъ нашего великаго писателя, чѣмъ чьи-либо другіе. Агинъ жилъ именно въ то время, когда эти типы еще существовали, онъ близко ихъ зналъ, вращался въ ихъ средѣ. Въ настоящее время Гоголь иллюстрированъ и другими авторами, но вездѣ въ нихъ чувствуется вліяніе ихъ первоисточника—Агина, все это большей частью перепѣвы его характерныхъ рисунковъ, его глубокаго творчества. Составитель Кузьминскій въ разбираемой книгѣ привелъ біографію художника, далъ перечень всѣмъ его художественнымъ работамъ, часть которыхъ уже забыта, и снабдилъ книгу многими изъ нихъ. Глядя на эти характерные рисунки, можно убѣдиться, насколько велико значеніе А. Агина въ русской литературной иллюстраціи.

Книга издана очень хорошо, рисунки выполнены чрезвычайно отчетливо.

Г. Полиловъ.

Карикатуры Пэма. Библиотена «Вечерняго Времени». Изданіе Б. А. Суворина—Спб. 1913. Стр. 65. Ц. 1 р. 50 к.

Вышедшія въ началѣ настоящаго года карикатуры г. Пэма печатались въ газетѣ «Вечернее Время» и привлекали часто вниманіе читателей, благодаря своему остроумію, ѣдкости, колкости и умѣлому выбору наиболѣе злободневныхъ темъ. Составившія теперь цѣлый альбомъ, эти карикатуры ставятъ г. Пэма въ ряды лучшихъ нашихъ политическихъ карикатуристовъ, число которыхъ особенно возросло послѣ знаменитаго 1905 года, послѣ дарованія русской печати нѣкоторой свободы. Рисунокъ г. Пэма простъ, силенъ и мѣткъ. Содержаніе почерпается и изъ событій собственно политическихъ, и изъ области нашего петербургскаго городского самоуправления, а также даются и карикатурныя иллюстраціи жизни общественной, театральной, художественной и т. д. Громадный матеріалъ дали г. Пэму «знаменитые» Пуришкевичъ и Марковъ 2-й; нерѣдко фигурируетъ и покойный городской голова Петербурга Глазуновъ; особенно хороша карикатура на него подъ названіемъ «Гибель Великой арміи» (стр. 55). Затѣмъ нашли свое изображеніе, конечно, дипломаты, которые на ряду съ Пуришкевичемъ и Марковымъ и даютъ наиболѣе обильный

материаль для вдохновеній г. Пэма. Въ общемъ новое изданіе «Вечернаго Времени» заслуживаетъ вниманіе читающей публики и просмотрится съ интересомъ. Жаль только, что отсутствіе предисловія или какихъ-либо комментаріевъ затрудняетъ истинное пониманіе нѣкоторыхъ карикатуръ на событія, уже отошедшія до нѣкоторой степени въ области исторіи и вытѣсенныя новыми злобами дня.

М—о.

Ф. Герштекеръ. Вселенная. Разказы для дѣтей изъ физической, математической и политической географіи. Переводъ подъ редакцію Ф. Резенера, передѣланный и дополненный М. Л. Песковскимъ. Пятое русское подъ редакцію А. А. Ешевскаго изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Съ 229 рисунками, шестью картами въ краскахъ и восемью географическими картами. Спб. 1913. Стр. V+III+658. Цѣна не обозначена.

На страницахъ «Историческаго Вѣстника» нами уже отмѣчались книги г.г. Игнатѣева, Васильковскаго и др., предназначенныя для юношества и имѣющія научно-популярный характеръ. Къ этому же роду литературы принадлежить и великолѣпная книга Герштекера, предназначенная для дѣтей дошкольнаго возраста, цѣль которой—«дать дѣтямъ начальныя понятія о земномъ шарѣ и его обитателяхъ, объяснить имъ, что такое долина, рѣка, русло, берегъ, озеро и т. д., а затѣмъ постепенно перейти къ ознакомленію юныхъ читателей со странами и мѣстностями, съ жизнью, бытомъ и нравами ихъ жителей, съ ихъ растительностью, животнымъ міромъ и пр.». Кромѣ основъ космографіи и физическаго описанія земнаго шара, здѣсь разбросаны попутно свѣдѣнія и изъ этнографіи, даются характеристики нравовъ, сообщаются свѣдѣнія о производствѣ различныхъ товаровъ, о постройкѣ кораблей, о морѣ, о животномъ и растительномъ мірахъ покрытаго вѣчнымъ льдомъ сѣвера и вѣчно теплыхъ тропическихъ странахъ. Разказъ ведется въ видѣ бесѣды отца съ восьмилѣтнимъ сыномъ и шестилѣтней дочкой, изложеніе очень просто, удобопонятно, легко, изобилуетъ множествомъ мѣткихъ сравненій изъ обыденной жизни и вполне соотвѣтствуетъ словамъ автора, что ребенокъ долженъ учиться, полагая, что онъ играетъ. Книга богато иллюстрирована, дополнена, исправлена, согласно новѣйшимъ научнымъ даннымъ и включена въ опытъ каталога ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

М. А. О.

Евгеній Мюллеръ. Юность знаменитыхъ людей. Переводъ съ французскаго съ дополненіями для русскаго юношества Н. С. Кутейникова. Съ рисунками художника Эмиля Баяра. Изданіе второе, т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1913. Стр. X+134+223. Цѣна не обозначена.

Давно уже всѣмъ извѣстно, какое громадное воспитательное значеніе и какой большой интересъ представляеть собою жизнь знаменитыхъ людей, выдвинувшихся своими заслугами передъ человѣчествомъ. Поэтому нельзя не обра-

тить вниманія на новое изданіе извѣстной книги Е. Мюллера, которая переведена на многіе языки и пользуется большимъ успѣхомъ. Въ формѣ простой бесѣды дяди съ своими племянниками авторъ предлагаетъ читателю въ извѣстной системѣ черты изъ дѣтства и юности великихъ ученыхъ, изобрѣтателей, музыкантовъ, артистовъ, художниковъ, философовъ, писателей, военачальниковъ, путешественниковъ и просто хорошихъ людей, любовь, доброта и самоотверженность которыхъ даютъ имъ право на вниманіе къ нимъ. Съ самаго начала своего повѣствованія авторъ заявляетъ, что, во-первыхъ, строгому историческому порядку онъ слѣдовать не будетъ, во-вторыхъ—считаетъ себя въ правѣ доводить рассказъ о юности знаменитыхъ людей до той эпохи, когда ихъ призваніе становится совершенно ясно обоснованнымъ и, въ-третьихъ, онъ не говоритъ о современныхъ знаменитыхъ людяхъ. Галерея знаменитыхъ людей заключаетъ въ себѣ слѣдующихъ лицъ: Тюреннь, Лаландъ, Ронсаръ, Наполеонъ, Бюретъ, Карбонель, Рубенсъ, Турвиль, Фабій Максимъ, Клодь Лорренъ, Луи Каррашъ, Гретри, Расинъ, Буало, Антонемъ Карремъ, Александръ Македонскій, Лизимахъ, Жакъ Ферронье, Суворовъ, Баярдъ, Барра, д'Асса, Друо, Лапласъ, д'Аламберъ, Вуатюръ, Гей, Сикстъ V, Адрианъ IV, Амю, Сорбонъ, Фальконетъ, Антуанъ Лебель, митрополитъ Платонъ, Ломоносовъ, Гораций, Плутархъ, Монтень, Бержамень Констанъ, Фрагонаръ, Пьетро делла Франческа, Пьетро де-Кортоне, Винкельманъ, Блеклокъ, Лесюфъ, Гро, Клодь Балленъ, Френель, Мольеръ, Бальзакъ, Щепкинъ, Крыловъ, Гассенди, Гайднъ, Метастазъ, Доницетти, Паганини, Стонъ, Ролленъ, Седень, Пикъ де-ла-Мирандоль, Дюпонъ де-Немуръ, Лопе-де-Вега, Кальдеронъ, Аріосто, Тассо, Моцартъ, Бетховень, Керубини, Мендельсонъ, Шоронъ, Микель Анджело, Галилей, Бернини, Гендерсонъ, Гиббонъ, Бентамъ, Галлеръ, д'Обонье, Клеро, Паскаль, Софи Жермень, Малегуци, царь Давидъ, Марія Аньези, Катонъ, дю-Гекленъ, Гилляръ, Пушкинъ, Колумбъ, де-Жиранъ, Везалій, Сервантесъ, Мильтонъ, Камоэнсъ, Драйденъ, Эдмъ Шампіонъ, Клодь Мартенъ, Бѣлинскій, Геродотъ, Оукидидъ, Мейротто, Галль, Шаппъ, Брегетъ, Вашингтонъ, Карамзинъ, Люлли, Беранже, Фаваръ, Дюваль. Изъ вышесказаннаго видно, что матеріала въ этой небольшой книжечкѣ болѣе чѣмъ достаточно и можно опасаться только одного, что вмѣсто правильнаго представленія объ этихъ лицахъ въ головѣ маленькаго читателя получится нѣчто въ родѣ крошки, гдѣ чужія, иностранныя имена исчезли и остались только анекдоты, но анекдоты громаднаго интереса, знакомящіе читателя съ первыми жизненными шагами талантливыхъ людей по той дорогѣ, которая привела ихъ къ славѣ. Переводъ мѣстами шероховатъ. Ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія настоящая книга въ первомъ изданіи включена въ каталогъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно въ каталогъ книгъ для бесплатныхъ народныхъ читальнъ.

М. М. М.

В. Конради. Книга о святомъ Францискѣ. Спб. 1912.

Францискъ Ассизскій, основатель монашескаго ордена, играющаго до сихъ поръ видную роль въ католическомъ мірѣ, несомнѣнно, очень выдающаяся и интересная личность. О немъ написано множество книгъ, и г. Конради предлагаетъ намъ не новое изслѣдованіе, а переводъ жизнеописаній Франциска, составленныхъ въ тринадцатомъ вѣкѣ, и собраніе легендъ, сложившихся въ теченіе тринадцатаго и четырнадцатаго вѣковъ. Это не біографія Франциска, а только матеріалы для біографіи и баснословные рассказы, мало похожіе на правду. Взгляды современниковъ и легенды очень важны для историка, но надо умѣть обращаться съ ними, чтобы возсоздавать изъ нихъ историческій образъ общественнаго дѣятеля. Поэтому историкъ невозможно согласиться съ точкой зрѣнія, которая развивается въ предисловіи къ книгѣ о св. Францискѣ. Г. Конради говоритъ, что задача книги освободить образъ Франциска отъ всѣхъ наслоеній, образовавшихся въ теченіе вѣковъ, возсоздать вокругъ него атмосферу XIII вѣка. Такова задача историка, но съ этой цѣлью нельзя подносить публикѣ легенды, складывавшіяся въ теченіе двухсотъ лѣтъ и составляющія какъ разъ тѣ наслоенія, отъ которыхъ издатель хочетъ освободить образъ Франциска. «Кто сумѣетъ,—говоритъ далѣе г. Конради,—лучше рассказать о Христовомъ бѣдникѣ, чѣмъ тѣ, которые дѣлили его жизнь и воззрѣнія? Послушаемъ же ихъ, поддадимся таинственному очарованію, и образъ Франциска, подлинный его образъ встанетъ передъ нами». Въ такомъ случаѣ исторія пустое занятіе. Достаточно привести о какомъ-нибудь историческомъ лицѣ мнѣніе его современника, и дѣло сдѣлано. А если современники различно обрисовали это историческое лицо, какой образъ назовемъ мы подлиннымъ? Искусство историка въ томъ и заключается, чтобы найти этотъ подлинный образъ среди разнорѣчивыхъ и пристрастныхъ свидѣтельствъ современниковъ. Напрасно думаетъ г. Конради, что въ преданіи о жизни Франциска трудно разграничить правду отъ вымысла. Пусть возьметъ онъ, на примѣръ, не такъ давно вышедшую книгу о Францискѣ Ассизскомъ профессора Герье, и онъ увидитъ, что тутъ нѣтъ никакого смѣшенія правды съ вымысломъ. Не споримъ, что легенда часто раскрываетъ духъ эпохи глубже, чѣмъ сухіе историческіе факты, но только духъ эпохи, а никакъ не біографію общественнаго дѣятеля.

П. Б.

Густавъ Тейхмюллеръ. Дѣйствительный и кажущійся миръ. Новое основаніе метафизики. Казань. 1913 г. Стр. 389. Ц. 2 руб. 50 коп.

Несмотря на то, что книга нѣмецкаго философа изъ Дерпта Тейхмюллера въ оригиналѣ вышла въ свѣтъ, если не ошибаемся, около четверти вѣка тому назадъ, несмотря на то, что философія Тейхмюллера оказала довольно сильное вліяніе на русскую философскую мысль, въ особенности въ трудахъ покойнаго проф. Козлова, нѣмецкій оригиналъ является въ переводѣ только теперь. Причиной этого служитъ, конечно, слабость интереса къ философскимъ знаніямъ въ Россіи, а не содержаніе философіи Тейхмюллера. Напротивъ, онъ

первый изъ философовъ поставилъ на свое разрѣшеніе вопросъ, что такое самое понятіе бытія, и посвятилъ ему разбираемую книгу.

Тейхмюллеръ одинъ изъ немногихъ философовъ, которые стараются не напускать въ свою книгу множества иногда и ненужныхъ терминовъ, техническихъ выраженій, лишь затемняющихъ смыслъ изложенія. Онъ выражаетъ свои мысли ясно и просто и вполне доступно интеллигентному читателю, имѣющему, конечно, нѣкоторый навыкъ къ чтенію подобнаго рода произведеній. Мы, къ сожалѣнію, не имѣли подъ руками нѣмецкаго подлинника, чтобы сравнить переводъ, въ смыслѣ его вѣрности. Съ литературной же стороны онъ вполне удовлетворителенъ. Странно только то, что въ книгѣ нѣтъ оглавленія. Если его не имѣется въ оригиналѣ, то переводчику было бы не лишне сдѣлать его для русскаго изданія.

А. Б.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1912 годъ. Книга первая. Двѣсти сороковая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1912. Стр. XVII+282+28+24+28+288+72+50. Цѣна 3 рубля.

Минуя обширное изслѣдованіе Ал. Дм. Григорьева: «Повѣсть объ Акирѣ Премудромъ. Изслѣдованіе и тексты», которое вышло уже отдѣльнымъ изданіемъ и вызоветъ особую критику, мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ «Матеріалахъ», напечатанныхъ въ рассматриваемой книгѣ «Чтеній». Наиболѣе интересными и цѣнными изъ нихъ слѣдуетъ признать «Памятники обороны Смоленска 1609—1611 годовъ», составляющіе шестой выпускъ издаваемыхъ обществомъ матеріаловъ, подъ заглавіемъ: «Смутное время Московскаго государства, 1604—1613 годовъ», и напечатанные подъ редакціей и съ предисловіемъ Ю. В. Готье. «Памятники» эти составились изъ довольно многочисленныхъ смоленскихъ столбцовъ (наибольшіе изъ нихъ въ 45—46 листовъ), какимъ-то чудомъ попавшихъ въ Швецію и сохранившихся до сего времени въ Ску-Клостерскомъ замкѣ графа Брахе. Впервые эти столбцы обозрѣвалъ въ 1838 г. проф. гельсингфорскаго университета С. В. Соловьевъ, а послѣ него—Ю. В. Готье, раздѣляющій всѣ изслѣдованные имъ документы на 4 группы. Первая изъ нихъ, въ количествѣ 41 нумеровъ, относится ко времени до осады Смоленска и трактуется преимущественно о набѣгахъ на Порѣцкую и Щучейскую волости Александра и Симона Гонсѣвскихъ. Вторая—касается дѣлопроизводства смоленскаго воеводскаго управленія или дѣятельности «смоленской приказной изѣы»; третья, въ количествѣ 225 актовъ, касается собственно осады Смоленска, и, наконецъ, четвертая заключаетъ 11 челобитенъ, поданныхъ Сигизмунду подъ Смоленскомъ русскими перебѣжчиками и искателями королевскихъ милостей.

Всѣ эти акты заключаютъ въ себѣ немало новыхъ и цѣнныхъ свѣдѣній о самой осадѣ Смоленска, составѣ его гарнизона, составѣ смоленскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, внутренней жизни жителей города и т. п., и служатъ необходимымъ дополненіемъ къ тѣмъ матеріаламъ объ осадѣ Смоленска, которые напечатаны во II т. «Актовъ историческихъ».

Любопытна также переписка, хранящаяся в государственном архиве и сообщенная С. М. Горяиновым, «1) о генералѣ Костюшкѣ и другихъ полякахъ и объ отсылкѣ адъютанта его Фишера въ Нижній-Новгородъ и 2) о состояніи Костюшки и прочихъ поляковъ»; напечатана она подъ заглавіемъ: «Заточеніе Фаддея Костюшки въ крѣпости (1794—1795 г.г.)».

Наконецъ, В. С. Семеновъ сообщилъ найденные еще К. И. Якубовымъ въ числѣ рукописей упсальскаго университета «Отрывки шведскаго дневника времени царя Алексея Михайловича», веденнаго однимъ изъ членовъ посольства, которое было отправлено въ концѣ 1655 г. въ Москву, для подтвержденія «Столбовскаго доканчанія», и въ составъ котораго входили: государственный совѣтникъ баронъ Бьелке, генералъ-майоръ Александръ фонъ-Котенъ и совѣтникъ посольства Филиппъ фонъ-Крузенштернъ.

Въ заключеніе не могу еще не указать на помѣщенный въ отдѣлѣ «Смѣсь» историческій очеркъ «Чаженскаго раскольническаго скита», существовавшаго съ 1710 по 1854 г. въ Каргопольскомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи. Сообщенные о немъ свѣдѣнія и матеріалы Карпомъ А. Докучаевымъ-Басковымъ до сихъ поръ были почти вовсе неизвѣстны.

В. Р.—въ.

В. Т. Васильевъ. Вѣчное и неизмѣнное. Блескъ военной мысли. Подъ редакціей проф. А. А. Незнамова. 1912. 8+206 стр. Изд. В. К. Ильинчика. Цѣна 3 р. 75 коп.

Вѣчное и неизмѣнное это—афоризмы, крылатые слова мыслителей и военныхъ писателей о военномъ дѣлѣ. Сборники афоризмовъ—не новость. Имѣются такіе сборники и по военнымъ вопросамъ. Но въ большинствѣ случаевъ въ эти сборники включаются старые, заѣзженные афоризмы, набившіе всѣмъ оскомину.

Въ разбираемой книжкѣ афоризмы приведены изъ сочиненій и статей современныхъ писателей, слово которыхъ не покрыто паутиною времени и которые приняли во вниманіе и новую технику боя, и новыя условія государственно-общественной жизни. Это несомнѣнное достоинство книги. Точно также въ выгодную сторону выдѣляется этотъ сборникъ тѣмъ, что собиратель афоризмовъ не ограничился только иностранцами, а широко воспользовался нашими русскими писателями, среди которыхъ встрѣчаются фамиліи Незнамова, Елчанинова, Свѣчина, Михневича, Данилова. Афоризмы расположены въ календарномъ порядкѣ въ томъ правильномъ соображеніи, что ихъ нельзя читать запоемъ и что каждое изреченіе, при своей сжатой формѣ, имѣетъ широкій смыслъ, надъ которымъ можно и должно призадуматься. Книга посвящена офицерамъ императорской россійской арміи.

Чтеніе даже нѣкоторыхъ афоризмовъ приводитъ къ выводу, что заглавіе книгѣ дано очень удачно. Дѣйствительно, это—вѣчное и неизмѣнное, и пренебреженіе этимъ жестоко наказывается. Напримѣръ, въ нашу послѣднюю войну съ Японіей допущена крайняя произвольность въ составленіи высшихъ командныхъ единицъ и полковъ, а между тѣмъ еще Лееръ говоритъ: «организация не терпитъ импровизации». Точно также Гогенлоэ писалъ: «первый хотя бы
«истор. вѣстн.», июль 1913 г., т. сxxxiii.

маленькій успѣхъ на войнѣ—неоцѣнимъ»; между тѣмъ въ бою при Тюренченѣ мы это забыли. Пренебрегли мы также афоризмомъ: «смѣлыя рѣшенія покровительствуются судьбою, дряблыя ею казнятся»; это—перефразъ русскихъ поговорокъ: «смѣлымъ Богъ владѣеть» и «смѣлость города беретъ». Образно выражается Незнамовъ, вспоминая третью Плевну, Лаоянъ, Треббю: «въ извѣстный періодъ сраженія обѣ стороны переживаютъ кризисъ и считаютъ свое дѣло потеряннымъ; побѣдителемъ остается тотъ, кто опоздалъ отступить». Къ сожалѣнію, иногда эта истина забывалась,—и притомъ не по винѣ арміи. Вникая въ психологію борца, Головинъ выражается, что каждый бой представляетъ собою величайшую драму, ибо «въ душѣ бойца идетъ сознательная и подсознательная борьба двухъ стремленій—положительнаго, ведущаго его къ побѣдѣ, и отрицательнаго, вытекающаго изъ инстинкта самосохраненія и толкающаго его къ уклоненію отъ борьбы».

Книга издана изящно и напечатана четкимъ, яснымъ шрифтомъ. Распространеніе книги желательно не только въ одной офицерской средѣ.

М. С.

Тихоновъ. Въ отставкѣ. (Воспоминанія отставнаго чиновника). Спб. 1913. Стр. 395. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Настоящая книга г. Тихонова есть продолженіе его воспоминаній, вышедшихъ подъ заглавіемъ: «Двадцать пять лѣтъ на казенной службѣ», но содержаніе ея, по словамъ самого автора, имѣетъ лишь очень отдаленную связь съ предшествовавшими воспоминаніями. Для широкой массы читающей публики новая книга г. Тихонова слишкомъ тяжела, скучна и однообразна, хотя и заключаетъ въ себѣ много свѣжаго и цѣннаго матеріала; люди же, соприкасающіеся съ земледѣльческой Россіей, ознакомятся съ большимъ интересомъ съ наблюденіями автора, который многое перевидалъ на своемъ вѣку и тщательно записалъ все видѣнное, чтобы познакомить и кое-чему научить интересующихся этою областью отечественной жизни. Авторъ новой книги, чиновникъ и бывшій питомецъ Петровской академіи, выйдя въ отставку и скопивъ до 15.000 рублей, хочетъ вырваться изъ душнаго каменнаго-города, порвать со всѣми служебными дрязгами и поселиться гдѣ-нибудь на лонѣ природѣ. Начинаются поиски небольшого имѣнія. Г. Тихоновъ обстоятельно и подробно описываетъ всѣ свои поѣздки съ этою цѣлью, даетъ тщательную и почти исчерпывающую характеристику всѣхъ этихъ имѣній и въ Новороссійскомъ краѣ, и на Дону, и въ Тамбовской губерніи, знакомитъ со всѣми обитателями этихъ краевъ, съ ихъ промыслами и проч. Наконецъ, имѣніе приобрѣтено. Слѣдуетъ подробнѣйшее описаніе всего хозяйства, всѣхъ работъ, посѣвовъ, сѣнокосовъ, жатвы и прочее и прочее. Читатель основательно знакомится съ приготовленіемъ различныхъ кормовъ для скота, съ устройствомъ молочнаго хозяйства и т. д. на протяженіи 75 страницъ. Затѣмъ черезъ два года имѣніе было продано. Авторъ поселяется у одного своего друга въ его имѣніи и даетъ такое же подробное описаніе его образцоваго имѣнія. Въ слѣдующихъ главахъ авторъ сообщаетъ много свѣдѣній объ имѣніяхъ Пензенской и Пермской губерній, о тамошнихъ громаднѣхъ лѣс-

ныхъ богатствахъ, о заводахъ, описываетъ ихъ населеніе, начиная съ крестьянъ, мелкихъ конторщиковъ, учителей и кончая крупными управляющими и учеными агрономами съ высшимъ образованіемъ. Очень интересна глава о «подстоличныхъ имѣніяхъ»: Парголово подь Петербургомъ и Андреевское недалеко отъ Москвы. Заканчивается книга г. Тихонова описаніемъ двухъ крупныхъ имѣній («Двѣ Воронцовки») и имѣній крымскихъ—Алупка и Акъ-Мечеть.

Такимъ образомъ, г. Тихоновъ даетъ въ новой книгѣ подробное и тщательное описаніе крупной землевладѣльческой Россіи, знакомитъ съ состояніемъ сельскаго производства, характеризуетъ этотъ классъ населенія, не забывая вмѣстѣ съ тѣмъ занести въ свои воспоминанія и замѣтки о нашихъ ученыхъ, профессорахъ, чиновникахъ, управляющихъ и пр., близко соприкасающихся съ этимъ бытомъ. Встрѣчаются также и многочисленныя картинки изъ крестьянской жизни; не обойдены и не замолчаны и событія 1905 года, когда грозная волна аграрнаго движенія много смела старыхъ насиженныхъ «дворянскихъ гнѣздъ». Жаль, что, благодаря громоздкости и тяжелому изложенію, широкая масса читающей публики не сможетъ одолѣть до конца этой новой книги г. Тихонова.

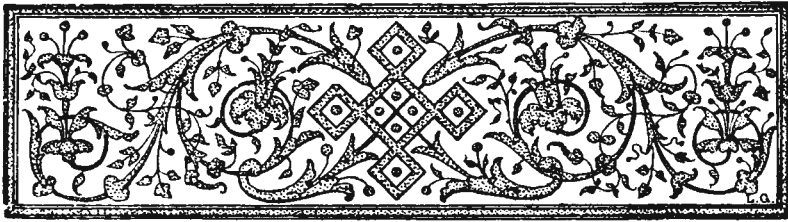
Д. А.

Изъ Митавской старины. Выпускъ 1-й. Къ 100-лѣтнему юбилею Отечественной войны. Враги въ Курляндіи. (1812 г.). Изданіе 2-е. Митава. 1912.

О первомъ изданіи этой брошюры (Митава, 1910 г.) въ «Историческомъ Вѣстникѣ» былъ уже данъ своевременно подробный отчетъ (1911 г., апрѣль). Вышедшее въ юбилейные дни 2-е изданіе ея представляетъ собою перепечатку перваго изданія, съ небольшими исправленіями (что, впрочемъ, не оговорено ни на заглавномъ листѣ, ни въ текстѣ). Авторъ (курляндскій дворянинъ и писатель баронъ Ульрихъ фонъ-Шлиппенбахъ) очень живо описываетъ злоключенія Курляндіи во время пятимѣсячнаго пребыванія въ ея предѣлахъ наполеоновскихъ войскъ (корпуса маршала Макдональда) и радость жителей, когда появились русскія войска. Издателемъ сохраненъ языкъ и правописаніе перваго русскаго перевода той статьи, появившагося на страницахъ «Сына Отечества» 1813 г.

А. М—нъ.





ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.



БЫЛЪ ли Гомеръ поэтомъ, или моралистомъ.— До сихъ поръ Гомера читали и критиковали въ общихъ чертахъ; теперь наступило время оцѣнки его какъ моралиста, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оцѣнки морали боговъ, религіи и народа его эпохи. Этотъ вопросъ разсматриваетъ членъ французской академіи Эмиль Фагэ въ послѣднемъ майскомъ номерѣ «Revue Bleue» ¹⁾.

Со времени Горація онъ считался самымъ большимъ моралистомъ, какъ и поэтомъ, а его поэмы восхваленіемъ добродѣтели, и это восхваленіе было главной цѣлью въ его произведеніяхъ. *Quis quid sit pulchrum, quid turpe, quid utile, quid non, plenius et melius Chrisippo et Crantore dicit.* Критики XVII вѣка считали Гомера не моралистомъ, а поэтомъ и его «Иліаду» и «Одиссею» не моральной поэмой, а поэмой диссертаціей. По ихъ мнѣнію, «Иліада» была написана для доказательства, что не слѣдуетъ разъединяться предъ непріятелемъ, а «Одиссея» для доказательства, что надо любить свою страну.

Фагэ хотя и считаетъ сужденія критиковъ XVII вѣка ложными, но все же находитъ, что они были ближе къ опредѣленію Гомера. Въ своихъ комментаріяхъ къ этому извѣстному двустихію Горацій говоритъ иначе, чѣмъ въ своемъ двустихіи, гдѣ Гомера онъ представляетъ дидактическимъ моралистомъ. По словамъ Горація, Гомеръ говоритъ о томъ, что прекрасно, что постыдно, что полезно, что бесполезно полнѣе, чѣмъ Хризишъ и Канторъ (философы стоики или платоники). Въ комментаріяхъ Горацій представляетъ Гомера простымъ живописцемъ нравовъ своего времени, а «Иліаду» и «Одиссею» простымъ зеркаломъ

¹⁾ La morale d'Homère. Par Emile Faguet. «Revue Bleue» 24 mai 1913.

той эпохи, гдѣ челоѣчество времени Горація еще узнавало себя, потому что челоѣчество не измѣняется. Такимъ образомъ, между двустипшѣемъ и комментаріями, безъ сомнѣнія, большая разница.

«Что мы видимъ въ комментаріяхъ?»—говоритъ Фагэ.—Греція и Азія ведутъ войну изъ-за любви Париса и Елены. Парисъ, охваченный страстью къ Еленѣ, отказывается се отдать, то есть отказывается быть счастливымъ. Ахиллъ отказывается отдать Бризеиду по тому же мотиву. Раздоры, вѣроломство, преступленія происходятъ повсюду: грѣшнать и въ самой Троѣ, и внѣ ея стѣнъ. Въ «Одиссеѣ» выражены отвага, терпѣніе, осторожность и ловкость Улисса, который настолько смысленъ, насколько его товарищи глупы. «Что касается насъ,—говоритъ Горацій о себѣ и своихъ современникахъ:—мы люди, рожденные для истребленія того, что производитъ земля, и мы узнаемъ себя въ претендентахъ Пенелопы и молодыхъ людяхъ, придворныхъ Алкиноя, занятыхъ украшеніемъ себя и бездѣльемъ».

Согласно комментаріямъ, Гомеръ живописецъ челоѣческихъ безумствъ и единственнаго добродѣтельнаго героя, а «Иліада» и «Одиссея» пространная челоѣческая комедія. По мнѣнію Фагэ, истина не въ заглавномъ двустипши, а въ комментаріяхъ и самое интересное въ Гомерѣ—его поэтической геній, то, что онъ рисуетъ міръ, гдѣ мораль не существуетъ, или гдѣ она еще въ зачаткѣ. Но объ этомъ Фагэ общаетъ поговорить въ другой разъ. Здѣсь Гомеръ, какъ моралистъ (потому что хотятъ, —замѣчаетъ онъ,—чтобы здѣсь Гомеръ былъ моралистомъ), особенно интересенъ. Въ гомеровскихъ поэмахъ находятся нѣсколько атомовъ морали, атомовъ въ зачаткѣ, существованіе которыхъ вызываетъ удивленіе. Въ общемъ получается впечатлѣніе, что мы имѣемъ дѣло съ очень точнымъ, вѣрнымъ живописцемъ, рисующимъ народъ, у котораго совершенно отсутствуетъ мораль.

«Иліада», по мнѣнію Фагэ, содержитъ ту главную мысль, что не надо разъединяться предъ непріателемъ, а «Одиссея», что есть люди, которые любятъ свою родину. Поэтому критики XVII вѣка въ своихъ сужденіяхъ о Гомерѣ не такъ неправы и ошибаются только относительно его намѣренія. Они думали, что «Иліада» написана, чтобы убѣдить грековъ, что не слѣдуетъ разъединяться предъ непріателемъ, а «Одиссея» съ цѣлью внушить любовь къ родинѣ. Но это очень мало вѣроятно, «Иліада», хотя была написана не для того, чтобы внушить ужасъ къ гражданскимъ раздорамъ, дѣйствительно его внушаетъ, а «Одиссея», написанная не съ цѣлью внушить любовь къ родинѣ, дѣйствительно се внушаетъ. Фагэ соглашается съ тѣмъ, что ужасъ, охватывающій челоѣка при мысли, что приходится разъединиться предъ непріателемъ, вызываетъ любовь къ родинѣ, а оттого изъ любви къ родинѣ не слѣдуетъ разъединяться предъ непріателемъ. Поэтому можно сказать, что общая мораль гомеровскихъ произведеній—любовь къ родинѣ. Но мораль Гомера на этомъ останавливается, и можно сказать, что она дальше этого не идетъ и другія добродѣтели не играютъ у него большой роли.

Любовь дѣтей къ родителямъ не проявляется въ его произведеніяхъ особенно амѣтно. Пріамъ, умолявшій Ахилла, напоминаетъ ему объ отцѣ и такимъ образомъ возбуждаетъ его сыновнюю любовь. Телемакъ въ Итакѣ сильно огор-

чается, думая о своемъ отсутствующемъ и, быть можетъ, умершемъ отцѣ съ большимъ горемъ, но онъ особенно или одинаково думаетъ и о томъ, что его убьютъ претенденты. Онъ слушается совѣтовъ Паллады отправиться въ поиски отца и говорить: «Какой славы достигъ божественный Орестъ, умертвивъ Эгиста, убійцу Агамемнона». Такимъ образомъ, безъ сомнѣнія, сыновняя любовь существуетъ въ гомеровскихъ поэмахъ, какъ всякое естественное чувство, а также какъ одна изъ формъ идеи о родинѣ, но она не занимаетъ виднаго мѣста.

Гомеръ много говоритъ въ своихъ поэмахъ относительно убійствъ; у него убійцы отдѣляются деньгами и продолжаютъ жить попрежнему среди людей своего общества, если заплатили большую сумму брату или сыну убитаго, какъ мы находимъ въ «Иліадѣ». На площади собралась большая толпа и поднялся крупный споръ относительно расплаты за убійство. Одинъ изъ спорящихъ утверждалъ, что заплатилъ полностью, второй отрицалъ, что получилъ плату. Въ другомъ случаѣ убійцу изгоняли только однимъ публичнымъ проклятиемъ. Когда какой-нибудь гражданинъ былъ убитъ, то его убійца бѣжалъ, покидая своихъ родителей, даже если не оказывалось многочисленныхъ мстителей за убійство. Впрочемъ, его хорошо принимали въ новомъ мѣстѣ жительства. Фагэ приводитъ примѣръ, когда молодой Патроклъ, разгорячившись, ударилъ во время игры сына Амфидамаса и неумышленно убилъ его. Меней отправилъ его изъ Эвпонта въ Юлкосъ къ Пелею, который принялъ его какъ родного и воспиталъ совместно съ своимъ сыномъ («Иліада» XXIII). Теоклименъ представилъ Телемаку со слѣдующими словами: «Я покидаю свою страну, гдѣ я убилъ мѣстнаго гражданина. Его многочисленные братья и товарищи, живущіе въ Аргосѣ, имѣютъ вліяніе среди жителей Аргоса, и я бѣжалъ, чтобы избѣгнуть смерти и мрачной Парки. Теперь моя судьба скитаться среди человѣчества. Прими меня на твой корабль, прибѣгаю къ тебѣ съ молюбою». И Телемакъ принялъ его. («Одиссея» XV). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, какъ мягко относились во время Гомера къ убійцамъ сравнительно съ примѣрами изъ Библии, по которой человѣкъ, умышленно убившій, подвергался смертной казни. «Не надо забывать,—говоритъ Фагэ,—что смягчающимъ вину обстоятельствомъ убійства являлась месть, бывшая въ почетѣ даже среди боговъ, потому что Паллада говоритъ о славѣ, которой добился Орестъ, мстя за убійство отца. Убійца, законно и юридически преслѣдуемый, подлежалъ лишь уплатѣ убытковъ».

Воровство, повидимому, не вызывало возмущенія. Его проклинала жертва, попавшаяся въ руки вора, но оно не считалось постыднымъ поступкомъ.

Прелюбодѣяніе оплачивалось деньгами. Когда Гефестъ умолялъ боговъ (исключая богинь, оставшихся у себя изъ цѣломудрія) взглянуть на Ареса и Афродиту попавшихся въ сѣть, то они нашли это только забавнымъ зрѣлищемъ, которое вызываетъ неудержимый смѣхъ. Но они не забыли сказать, что Гефестъ получить штрафъ, накладываемый на виновныхъ за прелюбодѣяніе.

Ложная клятва считалась важной вещью. Атрида, обращаясь къ богамъ, произносила слѣдующія слова: «Всемигущій Зевсъ, преславное Солнце, Рѣки,

Земля и вы, которые на днѣ ада наказываете смертью людей, виновныхъ въ ложной клятвѣ...»

Лгуновъ по гомеровскимъ поэмамъ не любили: ихъ энергично клеймили. «Я ненавижу, какъ дверь ада, того,—говорить Ахиллъ:—кто скрываетъ мысль въ своей душѣ и говорить не то, что думаетъ».

Гостепріимство въ то время процвѣтало, а негостепріимство считалось большимъ злодѣяніемъ. Нѣкоторые боги подавали примѣръ гостепріимства. Напримѣръ, когда Улиссъ, избѣжавъ морскихъ волнъ, находился въ устьѣ рѣки, то обратился къ богамъ со слѣдующими словами: «Рѣка... скитающагося человѣка уважаютъ безсмертные, а въ волны входитъ скитающійся человѣкъ...» И вдругъ богъ пріостановилъ теченіе, усмирилъ волны, давъ герою спокойныя воды, и уложилъ его на песокъ. Навзникая привѣтливо встрѣтила Улисса и сказала ему: «Тебѣ не будетъ недостатка ни въ чемъ, что требуется несчастному просителю». Внѣй говорилъ Улиссу, котораго не узналъ: «Гости и нищѣ посылаются намъ богомъ». По тогдашнему мнѣнію, къ бродягамъ надо относиться съ почтеніемъ, потому что они могутъ оказаться богами. Стыдно ударить несчастнаго бродягу, потому что онъ можетъ быть жителемъ неба. Боги подъ тысячею различныхъ видовъ посѣщаютъ города и людей...

Права человѣка состояли въ вѣрности клятвамъ. Менелай и Парисъ должны были сражаться. Агамемнонь, обращаясь къ богамъ, поклялся: «Если Парисъ убьетъ Менелая, то Елена достанется ему; если Менелай убьетъ Париса, троянцы возвратятъ Елену (такъ судилъ богъ). Но если Менелай убилъ бы Париса и троянцы не вернули Елены, то я останусь здѣсь до тѣхъ поръ, пока не достигну цѣли войны». Когда Пизандръ и Гипнологъ молили Агамемнона принять крупный штрафъ, то онъ сказалъ: «Такъ какъ вы сыновья Антимока, который когда-то въ собраніи троянцевъ, куда Менелай и божественный Улиссъ явились парламентарями, посовѣтовалъ убить ихъ... вы искупите преступленіе вашего отца». Для измѣнника и даже его сыновей нѣтъ прощенія и съ ними даже нельзя вести переговоры.

Согласно Нестору греки обязались сражаться предъ Троей до тѣхъ поръ, пока она падетъ, и тотъ, кто удалится, будетъ измѣнникомъ, а они будутъ наказаны богами и сдѣлаются «добычей смерти и жестокой судьбы».

Обязанности относительно женщинъ очень смутны. «Добрый, осторожный человѣкъ, — говоритъ Ахиллъ Улиссу:—любить свою жену и заботится о ней», и несомнѣнно, что Ахиллъ любитъ Бризеиду, хотя плѣнную, и что Улиссъ любитъ Пенелопу. Но, очевидно, въ то время существовала полигамія. Короли отводили плѣнныхъ женщинъ во дворецъ своихъ законныхъ женъ (Агамемнонь и Кассандра) и громогласно въ собраніи объявляли, что они ихъ привели, чтобы раздѣлить ложе.

Фагэ говоритъ, что когда самъ Улиссъ рѣшился убить служанокъ, находившихся въ сношеніяхъ съ претендентами, то произошла сцена совершенно какъ въ гаремѣ. Въ то время, какъ герой, размышляя въ своей душѣ о смерти претендентовъ, лежалъ безъ сна, а женщины, которыя уже давно раздѣляли любовь съ этими смѣльчаками, выходили изъ дворца возбужденныя, смѣясь и шутя между

собою, то его душу охватило волнение и онъ не зналъ, что сдѣлать: броситься ли на нихъ и убить, или оставить ихъ въ послѣдній разъ соединиться съ ихъ любовниками. Его сердце нашептывало ему, что надо убить. Наконецъ онъ ударилъ себя по груди и обратился къ сердцу со слѣдующими словами: «Потерпи еще, мое сердце, развѣ ты не переносило болѣе жестокихъ страданій».

На другой день Телемакъ приказалъ повѣсить всѣхъ двѣнадцать виновныхъ. «Очевидно,—говоритъ Фагэ:—что эти несчастныя принадлежали Улиссу, какъ женщины гарема. Пользовался онъ ими или нѣтъ, неизвѣстно, но онъ въ его присутствіи или отсутствіи измѣнили своимъ обязанностямъ, ведя жизнь свободныхъ женщинъ».

Обязанности относительно рабовъ у Гомера очень неясны. Повидимому, согласно «обычаю» отъ нихъ требовалось многое, пока они были молоды, и обращались съ ними въ старости хорошо, если ими были довольны. Старый слуга говоритъ Улиссу: «Боги мѣшаютъ возвращенію того, который меня любилъ. Онъ далъ мнѣ денегъ, домъ, долю въ своихъ поляхъ, привлекательную жену, какъ это дѣлаетъ благотворительный хозяинъ, когда его слуга страдаетъ отъ продолжительнаго утомленія. Мой хозяинъ вознаградилъ бы меня, если бы онъ состарился на этомъ островѣ».

Но какова санкція этой морали? Каково наказаніе за преступленіе, вознагражденіе за добродѣтель? По мнѣнію Фагэ, это самое важное, такъ какъ въ этомъ видятъ: «quid pulchrum, quid turpe, quid utile u quid pop». Санкція гомеровской морали — Аидъ, долина Асфодель. Въ Аидѣ никто не вознагражденъ, кромѣ одного человѣка, почти никто не наказанъ, и всѣ мертвецы находятся въ неопредѣленномъ состояніи, которое ближе къ несчастію, чѣмъ къ счастью. Вознагражденіемъ служить сохраненіе мысли и знанія въ потустороннемъ мірѣ, и это вознагражденіе выпало на долю только одного человѣка—божественнаго Терезія. Ему единственному, какъ говорится въ Хпѣ чѣ «Одиссеи», Прозерпина дала право сохранить мысль и знаніе послѣ его смерти; другіе умершіе только порхающія тѣни. Въ IV пѣснѣ «Одиссеи» представленъ рай, мѣстопробываніе вознагражденныхъ. Протей указалъ на него Менелая, который повѣдалъ объ этомъ Телемаку. «Менелай,—сказалъ Протей:—такъ какъ ты женился на Еленѣ и сталъ зятемъ Зевса, то не умрешь и не окончишь свое существованіе въ Аргосѣ, боги пошлютъ тебя въ Елисейскія поля (элизіумъ), гдѣ уже живетъ бѣлокуроая Радаманта. Въ этихъ мѣстахъ жизнь для человѣка легка. Тамъ неизвѣстны ни снѣгъ, ни продолжительные дожди, ни иней, но океанъ всегда распространяетъ нѣжное дыханіе Зефира».

Таково мѣсто вознагражденія для праведниковъ. «Телемакія» многими считается поэмой, прибавленной къ «Одиссеѣ» въ послѣдствіи, но этого впроса Фагэ не касается. Изъ другого источника видно, что, только одинъ Терезій былъ тамъ вознагражденъ, остальные смертныя дѣлались печальными блуждающими тѣнями, надѣленными смутными чувствами жизни въ родѣ сновидѣнія. Въ сущности, они въ общемъ несчастны, потому что, когда къ Ахиллесу, напившемуся крови, возвратилась небольшая доля способности мышленія, то онъ объявилъ, что лучше быть пахаремъ на землѣ, чѣмъ царемъ въ Аидѣ. Тамъ существуетъ адъ и пытки по приговору Мипоса; такъ, Тицій, насмѣявшійся надъ Латоной (Летой),

когда она проѣзжала панопейскую долину, подвергся слѣдующей пыткѣ: два ястреба, привязанные съ обѣихъ сторонъ терзали его внутренности. Танталъ, похитившій у боговъ нектаръ и амброзію и подавшій имъ, какъ кушанье, члены своего собственнаго сына, былъ приговоренъ за это вѣчно стоять въ водѣ, видѣть надъ собою спѣлыя плоды, но вѣчно томиться жаждою и голодомъ. Особенно Сизифъ считался большимъ разбойникомъ-грабителемъ. Онъ оскорбилъ боговъ, закрывъ стѣнами Коринѳскій перешеекъ, который долженъ былъ остаться открытымъ для путешественниковъ. Изъ этого видно, что главнымъ и единственнымъ грѣхомъ считалось оскорбленіе бога или неповиновеніе ему, и за это виновные наказывались послѣ смерти. О нарушеніи же клятвы ничего не говорится. Въ «Илліадѣ» же (III и XIX), напротивъ, видно, что наказанію подвергались грѣшники за ложныя клятвы и нарушеніе клятвы.

Фагъ останавливается на самой трудной сторонѣ вопроса: что именно приказывали боги и въ чемъ заключалось неповиновеніе? Въ тѣ времена не было ни богослововъ, ни религіозной морали, такъ какъ не было священниковъ, которые формулировали бы волю боговъ, а были только прорицатели, угадывавшіе ихъ волю. Жертвоприношенія и молитвы совершали цари или военачальники. Вообще понятіе о волѣ боговъ было смутное: сами они, по выраженію Фагъ, давали хорошіе уроки, въ то же время служа жалкимъ примѣромъ. Ихъ Олимпъ походилъ на разбойничій вертепъ, гдѣ они безконечно пили и ѣли послѣ удачныхъ походовъ въ окрестныя деревни. Они были расчетливые эгоисты, алчные до удовольствій, безусловно не щепетильные на выборъ средствъ. Зевсъ съ божественнымъ безсознаніемъ, съ предупредительною любезностію выставляетъ на видъ предъ своей женой всѣ свои безчисленныя прелюбодѣянія. Онъ даже обращается къ ней съ своеобразнымъ мадригаломъ, говоря: «Предадимся любви. Никогда ни боги, ни смертные не возбуждали во мнѣ столько желаній, какъ ты: ни жена Иксиона, ни Даная, мать Персея, ни дочь прославленнаго Феникса, родившая Миноса и Радаманту, ни Алкмена, мать Геркулеса, ни Семела, мать Діонисія. Нѣтъ, бѣлокурая Церея, Латонія и сама ты никогда не внушали мнѣ такой любви, какую я чувствую къ тебѣ сегодня».

Гермесъ, чтобы обладать Полимелой, забрался къ ней ночью въ ея дѣвственную комнату, какъ воръ. Посейдонъ соблазнилъ Тиро, какъ Зевсъ Алкмену, принявъ образъ рѣки, которую она любила. Смертоубійство не казалось имъ столь отвратительнымъ, и людямъ они давали сомнительные совѣты. Ѳетида увѣщевала своего сына Ахилла возвратить Пріаму тѣло Гектора, но въ то же время она совѣтуетъ ему предаться любви. «Мое дитя,—говоритъ она,—до какихъ поръ, все проливая слезы, хочешь ты изнурять свою душу, не вспоминая ни о столѣ, ни о постели, а между тѣмъ было бы хорошо, если бы ты соединился съ женщиной, ибо тебѣ не долго жить».

Боги Олимпа любили, чтобы ихъ почитали, обращались къ нимъ за совѣтомъ, приносили имъ жертвы и этимъ ихъ подкупали. Фениксъ говорилъ Ахиллу: «Мое дитя, укроти свою душу. Тебѣ не подходитъ выказывать немилосердное сердце. Сами боги, которые выше насъ по добродѣтели, славѣ и силѣ, не остаются непреклонны». Гермесъ въ награду за многочисленныя жертвоприношенія научилъ Антолика искусно обманывать и воровать.

Когда Платонъ выжывалъ къ пагонизму ужасъ и особенно презрѣніе, онъ думалъ именно объ этихъ недостаткахъ боговъ и особенно о легкости, съ какою боги прощали негодяевъ, почитавшихъ ихъ, и допускали себя до подкупа. Эти боги были особенно мстительны. Ихъ вмѣшательство въ человѣческія дѣла вызывалось, главнымъ образомъ, личными счетами. То они гнѣвались, что кто-нибудь забывалъ принести имъ жертву, то богиня, какъ это было съ Герой, сердилась, что не получила преміи за красоту, и за это упорно преслѣдовала троянецъ своей ненавистью. Посейдонъ безъ всякой причины вознегодовалъ на Улисса и преслѣдовалъ его личной безграничной ненавистью. Въ наказаніе за то, что спутники Улисса, умиравшіе съ голоду, убили нѣсколько быковъ, принадлежавшихъ ему, обратился къ богамъ съ жалобой, угрожая, что если боги не накажутъ ихъ, то Солнце будетъ свѣтить мертвецамъ. Зевсъ успокоилъ его: «Солнце,—сказалъ онъ,—продолжай свѣтить богамъ и хрупкому человѣчеству на плодородной землѣ. Я не замедлю поразить корабль Улисса лучами молніи и разобью его среди мрачныхъ волнъ».

Боги Гомера жестокосердые бандиты съ разнузданными страстями, которые вмѣстѣ съ тѣмъ желали, чтобы человѣкъ былъ справедливъ, даже добръ. Они наказывали за клятвopреступленіе, ложныя клятвы, но иногда и вознаграждали за добродѣтель простую смертную, реально женившись на ней и навсегда. Навзикая просила сойти съ небесъ, быть можетъ, бога, чтобы всегда обладать имъ. Боги ходили по землѣ подъ различными личинами, переодетые, чтобы ихъ не узнали и чтобы имѣть возможность отличать людей добрыхъ отъ злыхъ.

Вообще, по мнѣнію Фагэ, нѣтъ ничего болѣе неяснаго, смутнаго, какъ идея, какую себѣ составляли о божествахъ греки время Гомера. Они почти всегда подавали дурныя примѣры и только иногда давали хорошіе уроки. Сами дурные, они не хотѣли, чтобы люди были такими, какъ многіе отцы и матери, одержимые страстями и порочные, позволяя себѣ много дурнаго, хотя бы, чтобы ихъ дѣти были благонаправны и почитали ихъ. Греки именно такъ представляли себѣ своихъ боговъ. Сами по себѣ боги безнравственны, но для другихъ они сторонники добродѣтели. Они хотѣли, повидимому, чтобы люди были совершеннѣе ихъ и упрекали ихъ, что они таковы. Вообще они противорѣчивы, и въ результатѣ у людей являлось крайне сбивчивое понятіе о нравственности. Люди гомеровской эпохи дѣлились между полной безнравственностью, которая переходила къ нимъ отъ боговъ, и уроками нравственности, которые шли къ нимъ отъ того же самаго бога. Такъ они блуждали на неопредѣленной границѣ громадной безнравственности и смутно очерчивающейся нравственности. Долго живя въ безусловной безнравственности, люди почувствовали первое приближеніе нравственности, и не боги Олимпа, а они саміе ее создали. Они встрѣтили на землѣ опасныя естественныя силы, страшно смертельныя: моря, рѣки, ураганы, жару, громъ, пожары, дикихъ звѣрей. Иногда попадались благотворныя естественныя силы: свѣжій ручей или тѣнистый дѣсъ, хлѣбное поле, невинный цвѣтокъ, радующій взоръ. Всѣ эти силы они олицетворяли, какъ это дѣлаютъ дѣти, и они стали богами. «Кромѣ того, они создавали боговъ изъ собственныхъ страстей, и это всего естественнѣе, такъ какъ страсть кажется

страннымъ существомъ, которое въ насъ входитъ, даётъ намъ тотъ или другой толчокъ, — говоритъ Фагэ. — Они воображали, что боги составляютъ все, чѣмъ я хотѣлъ бы сдѣлаться, и дѣлаютъ все, что я хотѣлъ бы дѣлать. Я хотѣлъ бы оставаться всегда юнымъ, обладать всѣми прекрасными и молодыми женщинами, которыя возбуждаютъ во мнѣ желаніе, и т. д. Боги, по ихъ понятіямъ, все это дѣлали безнаказанно».

Примитивная міеологія, какою мы ее знаемъ, представляетъ психологическое и моральное состояніе примитивныхъ людей. Они были и старались быть, насколько это возможно, такими, каковымъ въ ихъ воображеніи былъ ихъ богъ. Ихъ безнравственность была безусловна. Проблески нравственности, плоды опыта, плоды особенно соціальной изобрѣтательности и соціальныхъ отношеній родились мало-по-малу и стали обрисовываться во время Гомера. Послѣдующія поколѣнія, очень увѣровавшія въ предшествовавшую міеологію и не умѣвшія думать иначе, какъ религіозно, перенесли на боговъ и ихъ дѣла ту малую дозу нравственности, которую сами только что приобрѣли. Они отчасти смотрѣли на нихъ, какъ на друзей человѣка, потому что въ нихъ появилась небольшая доля филантропическаго чувства. Это они могли довольно легко сдѣлать, потому что, по предположенію Фагэ, они могли замѣтить, что въ природѣ есть и благотворительныя божества. Они вложили въ своихъ боговъ немного нравственности, первые приступы которой почувствовали сами. Но, вложивъ въ своихъ боговъ нѣкоторую добродѣтель, они все-таки не могли лишить ихъ своей исторіи, традиціонной, отпечатавшейся въ ихъ памяти и поддерживаемой легендой. Изъ этого явились страшно развратные боги, сторонники и содѣйствники небольшой дозы добродѣтели, вдохновители небольшой доли хорошаго и хранители безнравственности, какъ видно изъ ихъ жизни. Тѣмъ болѣе они были хранителями безнравственности, что являлись представителями добродѣтели и воспитателями хорошаго человѣческаго закона, по въ то же время самохвалами. Это склоняло души къ подражанію всѣмъ ихъ дурнымъ примѣрамъ. Такая двойственность боговъ порождала универсальную безнравственность, по выраженію Фагэ, космическій скандалъ, который послужилъ наиболѣе заразительной безнравственностью.

Это примѣръ солидарности между послѣдующими поколѣніями, потому что люди были дикарями, варварами и свое варварство и дикость возвели въ религіозную систему, способную держаться долгое время и имѣть сильное вліяніе на души. Послѣдующія поколѣнія только съ большимъ трудомъ избавились отъ примитивнаго варварства и научились повиноваться своимъ новымъ инстинктамъ и самимъ себѣ. Но, уже отличаясь отъ предковъ, они все еще повиновались имъ, насколько ихъ допускало до этого ихъ различіе. Такъ было во времена Гомера.

Впослѣдствіи примитивная религія тяготила ихъ: одни отталкивали ее формально со скандаломъ и отвращеніемъ, какъ безнравственную, способную развратить людей и возвратить ихъ къ варварству. Другіе старались приблизить къ ней нравственныхъ боговъ и пропитать моралью религію, которая не содержала въ себѣ ни одного зерна морали. И такъ это длилось во все время, которое мы называемъ античнымъ. Время, обрисованное въ «Иліадѣ» и «Одис-

себѣ», особенно въ первой,—время парождающей нравственности, нѣсколько противорѣчащее наивному культу грубыхъ страстей и юному расцвѣту безсознательной морали. Въ немъ чувствуется еще почти примитивное челоуѣчество, обожествлявшее дурные инстинкты, но уже чувствовавшее приближеніе нѣкотораго угрызения совѣсти.

— Королевскіе браки въ Англіи. — Недавно въ Германіи состоялась свадьба принцессы Викторіи-Луизы съ принцемъ Эрнестомъ-Августомъ кумберлендскимъ, возбудившая толки о необходимости получить на нее разрѣшеніе короля Англіи. Этотъ обычай, которому подчиняются въ настоящее время члены семьи герцоговъ кумберлендскихъ, коннаутскихъ (дядя короля), саксенъ-кобургъ-готскихъ (его двоюродный братъ), имѣетъ свою исторію, которую г. Монжу-Капильери передастъ въ «Nouvelle Revue» за іюнь мѣсяць.

Формулированный подъ названіемъ Royal Marriage Act ¹⁾, этотъ законъ былъ вотиванъ въ 1772 году и до сихъ поръ еще остается въ силѣ относительно потомковъ по мужской линіи, не распространяясь на женскую линію. Если бы послѣдняя была не исключена, то многіе члены европейскихъ королеванныхъ семействъ не могли бы обойти это правило, какъ, напримѣръ, русскій императорскій домъ, германскій, испанскій, норвежскій. Изобрѣтатель этого обычая Георгъ III, одинъ изъ наиболѣе честныхъ королей и добродѣтельныхъ отцовъ, былъ въ то же время челоуѣкъ наиболѣе деспотическій, наиболѣе упрямый. Съ дѣтства находясь подъ тяжелымъ гнетомъ своей матери, женщины съ сухимъ сердцемъ и узкимъ умомъ, Георгъ III продолжалъ повиноваться ей, уже будучи королемъ, аккуратно посѣщая ее каждый вечеръ. Не имѣя понятія, что такое свобода, этотъ государь не научился поэтому уважать свободу другихъ и строго слѣдилъ, чтобы кто-нибудь изъ членовъ королевскаго дома не переступилъ бы ее. Въ его памяти все еще жило воспоминаніе о дисциплинѣ, царившей въ семьѣ герцоговъ брауншвейгскихъ, гдѣ самыя мелкіе факты повседневной жизни совершались въ теченіе дня по сигналу трубы, и не отвѣтившій на него лишался обѣда.

Не имѣя права проявлять деспотизма въ государственныхъ дѣлахъ, Георгъ III примѣнялъ его въ частной жизни. Эта эгоистическая черта проявилась у него до дикости подъ личиной страстной нѣжности, съ какой онъ не допускалъ своихъ дочерей до замужества, чтобы не лишиться себя ихъ общества. Относительно сыновей онъ былъ снисходительнѣе, но и тутъ онъ проявлялъ свой деспотизмъ, не допуская ихъ жениться на другихъ принцессахъ, какъ только на нѣмкахъ-протестанткахъ.

Строгій къ слабостямъ другихъ, Георгъ III самъ не избѣжалъ искушенія, и когда ему еще не было двадцати лѣтъ, онъ находился въ тайной близости съ племянницей суконщика Анной Лайтфутъ, хорошенькой квакершей. Потомъ, молодымъ челоуѣкомъ, онъ увлекся очаровательной (по свидѣтельству современниковъ) внучкой Карла II и Луизы де-Керуайль, отъ которой она наслѣдовала красоту, лэди Саррой Леноксъ. Онъ зналъ, что она отвѣчаетъ на его

¹⁾ Mariages des princes. Par Monjoux Capiller. «Nouvelle Revue» 1 Juin 1913.

любовь, но благоразумно женился на доброй, но скучной пѣмкѣ, очень некрасивой и очень мелочной—принцессѣ Шарлоттѣ Мекленбургъ-Стрелицкой, вполне пѣмкѣ и такой же протестанткѣ. Говорить, что, увидѣвъ ее, онъ не могъ скрыть гримасы. Быть можетъ, эти два эпизода, вызвавшіе въ немъ угрызенія совѣсти и сожалѣніе, сдѣлали его такимъ требовательнымъ и суровымъ относительно слабостей окружающихъ.

Легкость, съ какою англійскіе законы относились къ необдуманнѣмъ посѣбнымъ бракамъ, уже давно возмущала Георга III, но онъ молчалъ, пока обстоятельства не дали толчка, чтобы ограничить право принцевъ вступать въ бракъ по влеченію. Лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ палата лордовъ, испуганная большимъ количествомъ сыновей и дочерей аристократическихъ семействъ, вступавшихъ въ неравные и неудачные браки, добилаcь вотированія билля, по которому для брака необходимо требовались соблюденія нѣкоторыхъ формальностей,—какъ публикація, повторяемая три раза, церковное оглашеніе, присутствіе двухъ свидѣтелей и запись въ приходскую книгу. Такія мѣры для свободолюбивыхъ англичанъ, вѣками привыкшихъ совершать браки, ограничиваясь лишь обоюднымъ согласіемъ и соблюденіемъ каноническихъ правилъ, или, въ крайнемъ случаѣ, переѣздомъ границы Шотландіи, гдѣ царили прежніе порядки, показались драконовскими. Когда Георгъ III попросилъ у парламента право вмѣшательства по своему усмотрѣнію въ брачныя планы своихъ дѣтей и дѣтей родственниковъ, то депутаты общины и верхней палаты возмутились и принялись кричать о тирани, о произволѣ, о томъ, что требованіе короля противно англійскому духу, божественнымъ и человѣческимъ законамъ.

Причиной, вызвавшей вмѣшательство короля, былъ тайный бракъ его брата, герцога Кумберлендскаго, съ г-жю Хортонъ, дѣвушкой изъ аристократической семьи, но большой интриганкой. Въ то время во главѣ министерства находился лордъ Норсзъ, пламенный торій, преданный королю. Royal Marriage Act былъ представленъ въ палату и подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ: потомокъ принцессы, вышедшей замужъ за границу, которому было свыше двадцати лѣтъ, не подчинялся деспотическому вмѣшательству главы семьи. Но, несмотря на это смягченіе, Royal Marriage Act показался англійской публикѣ страшно суровымъ и возбудилъ негодованіе во всѣхъ, кого онъ коснулся. Для нихъ не оставалось надежды на морганатическій бракъ.

Но побѣда Георга III была недолговѣчна; узда, которую онъ хотѣлъ наложить этимъ закономъ на сердца своихъ потомковъ, забывая, что любовь сильнѣе всѣхъ законовъ, оказалась слишкомъ ничтожной и недолговѣчной. Не прошло и четырехъ мѣсяцевъ послѣ вотированія Royal Marriage Act, какъ его второй братъ, герцогъ Глочестеръ, сообщилъ ему, что онъ уже шесть лѣтъ какъ женатъ. Вмѣшательство короля запоздало, и если бы отъ этого брака родились дѣти, ничто не помѣшало бы имъ занять мѣсто среди наслѣдниковъ трона. Онъ былъ любимый братъ короля и наиболѣе серьезный и порядочный. Герцогу было девятнадцать лѣтъ, когда онъ влюбился во вдову графа Вальдегрэвъ, очаровательную Мэри Вальполь, овдовѣвшую послѣ четырехлѣтняго брака, отъ котораго у нея осталось трое дѣтей. Она была дочь сэра Эдуарда Валь-

поля и модистки Мэри Клементъ. Несмотря на свое незаконное происхождение, она носила имя своего отца, получила образование одинаковое съ его законными дочерьми, была принята въ высшемъ обществѣ и заключила очень для нея лестный бракъ. Ея дядя Горацій Вальполь смотрѣлъ на нее, какъ на второго себя, нѣжно заботился о ней, объ ея здоровьѣ и правдивости и старался ее развлекать. Онъ особенно высоко цѣнилъ въ ней одно качество: осторожность, и объявилъ ее самой блестящей по красотѣ партіей въ Англии. Онъ восхвалялъ ея цвѣтъ лица, великолѣпные глаза, темные волосы и прекрасные зубы. Ея состояніе, достоинства ея характера, благородныя манеры, неуязвимая репутация—все, казалось, служило ей защитой противъ сердечныхъ слабостей и двусмысленныхъ поступковъ. Поэтому, когда замѣтили настойчивое ухаживаніе герцога и ея отвѣтъ на нихъ, то это вызвало всеобщее изумленіе. Оно еще болѣе выросло, когда увидѣли, что къ цвѣту ливрей ея слугъ прибавился цвѣтъ ливрей герцога, и когда герцогъ, не объявляя официально о бракѣ, выказывалъ своимъ поведеніемъ желаніе прослѣдовать женатымъ.

Къ довершенію скандала «Gazette de France» напечатала, что Мэри Вальполь вышла замужъ за герцога Глостера. Людовикъ XV возмущенъ и поспѣшилъ выразить англійскому правительству свое сожалѣніе. Но его увѣрили, что король привыкъ къ безцеремонности англійской прессы и потому не придастъ большого значенія французской статьѣ. Но публика осталась при своемъ убѣжденіи. Въ семьѣ Вальполь ничего не знали объ этомъ бракѣ. Горацій Вальполь ему противился и совѣтовалъ племянницѣ объявить герцогу, что она слишкомъ высокопоставленная дама, чтобы сдѣлаться его любовницей, и недостаточно высокопоставленная, чтобы сдѣлаться его женою. Наконецъ въ 1771 году ея бракъ съ герцогомъ былъ официально объявленъ.

Эти два брака братьевъ Георга III значительно отличались одинъ отъ другого. Герцогъ Глостеръ три года оставался вѣрнымъ своей любви, упорно ухаживая за Мэри прежде, чѣмъ побѣдилъ эту гордую женщину. Герцогъ Кумберлендскій былъ совершенно иной типъ. Слабохарактерный, рабъ своихъ страстей, уже однажды тайно женатый, съ репутацией, запятнанной прелюбодѣянствомъ, лишившійся вліянія вслѣдствіе процесса, на которомъ присутствовавшіе изумлялись глупости, невѣжеству и незнанію орфографіи въ его письмахъ,—герцогъ повѣнчался второпяхъ. За этой свадьбой послѣдовалъ медовый мѣсяць, уже на половину закотившійся.

Лэди Вальдгрэвъ, несмотря на то, что была очень честолюбива, старалась ни въ чемъ не вредить положенію мужа: она ступевалась и даже отказалась отъ титуловъ и почестей. Г-жа Хортонъ, напротивъ, искала публичности и любила ее, она желала играть роль и свою свадьбу обставила всевозможною помпой. Она была умна и обладала инстинктомъ кокетки и задорной граціей. Ея смѣлая красота вызвала скорѣе восторгъ, чѣмъ уваженіе, и г-жа Дефантъ высказала свое мнѣніе объ этихъ женщинахъ въ двухъ строкахъ. Говоря о первой, она писала: «Надѣюсь, что ее отличать отъ ея невестки, она заслуживаетъ этого своимъ поведеніемъ».

Объ эти женщины ненавидѣли другъ друга и никогда не показывались въ оперѣ въ одной ложѣ и Кумберленды распускали разныя исторіи о

Глочестерахъ. По возвращеніи послѣднихъ въ Англію, послѣ продолжительнаго пребыванія въ Италіи по причинѣ болѣзни герцога, король, побужденный его подчиненіемъ и безупречнымъ поведеніемъ невѣстки, рѣшился его принять. Въ своемъ обращеніи съ ними онъ былъ добръ, и между ними установились семейныя отношенія, которыя повлекли за собою бракъ ихъ сына съ четвертой дочерью Георга III. Напротивъ, хотя бракъ Кумберлендовъ былъ узаконенъ, но они никогда не добились милости короля и по возвращеніи изъ Авиньона, гдѣ провели нѣсколько лѣтъ, они попрежнему не были приняты при дворѣ.

Георгу III было очень непріятно, что братья избѣжали правилъ Royal Marriage Act, но онъ рассчитывалъ, что эта мѣра пригодится и окажется дѣйствительной для его сыновей и эра неравныхъ браковъ наконецъ навсегда прекратится. Но, увы, эта надежда не оправдалась, и любовь не измѣнила для короля своихъ собственныхъ законовъ. Его два сына и двѣ дочери признали законы послѣдней сильнѣе всякихъ Royal Marriage Act.

Въ какомъ родѣ были ихъ похождения, окончательно не установлено, но романъ старшей дочери былъ сентиментальный; вторая дочь умерла преждевременно. Судьба сыновей вслѣдствіе тайныхъ браковъ измѣнилась. Если этотъ бракъ не могъ теперь внести спорнаго элемента въ королевскій родъ, то онъ сильно отразился на ихъ существованіи. Одного изъ нихъ онъ заставилъ лишиться правъ на корону, такъ какъ первый нарушившій правила Royal Marriage Act былъ наслѣдникъ престола Георгъ, принцъ Уэльскій, женившійся на Мэри Фитцгербертъ.

Когда онъ впервые встрѣтилъ эту молодую вдову, ему едва исполнилось двадцать лѣтъ. Избалованный легкими побѣдами, благодаря своему высокому положенію и воспитанію, онъ былъ покоренъ недоступностью красавицы, происходившей изъ аристократической семьи строгихъ нравовъ и бывшей два раза замужемъ за старинными аристократами, не менѣе суроваго права. Когда она поняла намѣреніе принца, то изъ страха послѣдствій для себя и для него отказалась видѣть его, отвѣчать на его письма и рѣшилась уѣхать за границу. Какія только ни дѣлалъ попытки наслѣдникъ престола, чтобы вернуть и удержать любимую женщину, она все-таки уѣхала. Какъ наслѣдникъ престола, онъ не могъ слѣдовать за нею безъ разрѣшенія короля, котораго онъ никогда не получилъ бы, и потому посылалъ къ ней посланіе за посланіемъ.

Два года онъ добивался ея любви, и наконецъ она сдалась, обѣщая сдѣлаться его женой. Эта женщина такъ его полюбила, какъ рѣдко кто-нибудь любилъ коронованную особу. Но осуществить его желаніе было очень трудно; этому мѣшали почти непреодолимыя препятствія, и главное изъ нихъ—гдѣ найти священника, который рѣшился бы ихъ обвѣнчать: Royal Marriage Act строго наказывалъ всѣхъ сообщниковъ по совершенію такого брака. Тѣмъ болѣе представлялось затрудненіе, что обвѣнчать ихъ могъ только священникъ, принадлежащій къ англиканской церкви. Невѣста уже соглашалась, чтобы ихъ обвѣнчалъ католическій священникъ, но тогда обвинили бы принца въ соглашеніи съ Римомъ. Наконецъ имъ удалось найти одного священника, нуждающагося въ деньгахъ, и бракъ состоялся въ салонѣ г-жи Фитцгербертъ 15-го декабря 1785 года.

Несмотря на то, что все это совершалось въ глубокой тайнѣ, король объ этомъ зналъ, и г-жа Фитцгербертъ была исключена изъ списка приглашенныхъ ко двору. Общественное мнѣніе болѣе и болѣе возстановлялось противъ молодой женщины, и ей пришлось переносить со всѣхъ сторонъ нападки. Два раза ея бракъ былъ официально не признанъ, сначала въ 1787 году, а вторично въ 1788 году. Въ первый разъ принцъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ парламенту ради ликвидаціи своихъ долговъ. Друзья принца, виги, согласились взять въ свои руки его дѣла, противники же, торіи, поняли, какой вѣскій доводъ окажется въ наемъ на тайный бракъ герцога и воспользовались имъ. Пораженіе принца было неизбѣжно, и оно повлекло за собою паденіе партіи виговъ. Мэри сдѣлалась жертвой политики, а ея честь принесена въ жертву на алтарь виговъ.

Годъ спустя Георгъ III серьезно заболѣлъ, и необходимость потребовала образовать регентство. Королева и ея старшій сынъ оспаривали другъ у друга первенство. Враги принца смекнули, что его пораженіе обезпечено, если намекнуть на его бракъ съ паписткой. Вторично Мэри была принесена на алтарь честности окружающихъ ея мужа. Но еще хуже для нея совершилось событіе 8-го апрѣля 1795 года: будущій Георгъ IV сдался на требованія отца и 8-го апрѣля 1795 года обвѣнчался съ Каролиной Брауншвейгской. На этотъ разъ Мэри Фитцгербертъ была принесена въ жертву самимъ любимымъ человѣкомъ и уволена въ отставку, какъ любовница. Тѣмъ не менѣе въ его глазахъ и въ собственныхъ она оставалась попрежнему его законной женой, чему есть много доказательствъ. Съ ея стороны могла быть месть: въ ея рукахъ находилось свидѣтельство о бракѣ, которое произвело бы скандалъ и даже могло служить обвиненіемъ герцога во многоженствѣ. Болѣе того: въ англійской конституціи есть законъ, выразившій въ 1689 году національную волю, согласно которой всѣ принцы, женившіеся на католичкахъ, теряли свои права на престолъ. Но Мэри оставила на днѣ сундука брачное свидѣтельство и письма: она не хотѣла мстить за себя.

Судьба беретла для нея удовлетвореніе. Годъ спустя послѣ этого политическаго брака принцъ порвалъ отношенія съ принцессой Уэльской. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ сталъ умолять Мэри возобновить прежнюю жизнь. Она все еще его любила, но ее удерживали сомнѣнія. Цѣлыхъ четыре года она сопротивлялась, но затѣмъ рѣшилась обратиться въ Римъ. Папа отвѣтилъ ей категорически, что она законная жена принца Уэльскаго согласно законамъ его церкви и можетъ возвратиться къ нему. Однако этотъ бракъ никогда не былъ объявленъ и только недавно выяснилось, насколько онъ былъ дѣйствителенъ: незаконный бракъ предъ гражданскимъ закономъ считался законнымъ предъ римской церковью. Вердиктъ, установленный церковью, былъ слѣдующій. Она была подчинена государству, обязана исполнять его указы. Съ другой стороны, ей нельзя было ихъ предписывать, не посоветовавшись съ нею, и она не подчинялась Royal Marriage Act, поэтому ея священники имѣли право не знать его. Задача становилась неразрѣшимой. Всѣ спрашивали, могъ ли ее рѣшить самъ глава англиканской церкви, король, зачинщикъ этого закона. Удастся ли ему это, и будетъ ли его мнѣніе какимъ-нибудь чудомъ благопріятно и, воз-

вращая внукамъ отца, не отнимать ли онъ неизбѣжно корону Англіи у своего сына—у сыновей своего сына?

Законъ 1772 года былъ нарушенъ, еще не будучи примѣненъ. Его примѣнили въ 1794 году по случаю брака Августа-Фридриха герцога Суссекскаго, шестого сына Георга III. Герцогъ, слабаго здоровья, какъ многіе изъ его братьевъ и сестеръ, былъ предрасположенъ къ туберкулезу и по этой причинѣ провелъ зиму 1792—93 гг. въ Римѣ. Въ ту пору ему было немного болѣе девятнадцати лѣтъ, и онъ весело проводилъ время въ обществѣ англійской молодежи, родители которой жили въ Римѣ. Среди молодыхъ дѣвушекъ находилась красавица и умница Августа Муррей изъ старинной аристократической семьи Думоръ, въ жилахъ которой текла королевская кровь. Эта женщина привлекла взоры принца, и онъ принялся за нею ухаживать. Отъ ея матери не ускользнуло это вниманіе, и она съ осторожностью отнеслась къ нему, принявъ во вниманіе всѣ препятствія, какія служатъ преградой между влюбленными. Молодая дѣвушка, откровенная и честная, сначала сопротивлялась настойчивымъ ухаживаніямъ своего поклонника и сама указала ему на неприятыя послѣдствія этого брака. Она, впрочемъ, признала, что ничѣмъ не рискуеть соединивъ себя съ нимъ клятвою въ вѣрности на библіи.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого Августъ-Фридрихъ потребовалъ отъ нея согласія на церковное вѣнчаніе. Онъ нашелъ англиканскаго священника Гуна, который брался ихъ обвѣнчать, если ему представить залогъ чести герцога. Лэди Августа отказалась прибѣгнуть къ такому способу тѣмъ болѣе, что ей навязывали роль, какой она не играла. Тогда молодой герцогъ прибѣгнулъ къ хитрости и, чтобы разжалобить сердце любимой женщины, онъ примѣнилъ голодь, увѣдомивъ ее, что, пока она не сдастся, онъ будетъ отказываться отъ пищи. Сорокъ восемь часовъ спустя послѣ такого режима онъ придумалъ новую хитрость, чтобы склонить Гуна. Онъ упросилъ молодую дѣвушку впустить его къ себѣ и предупредить священника объ этой неосторожности. Когда Гунъ узналъ, что они готовы идти на все, то посѣщилъ къ нимъ и рѣшился обвѣнчать ихъ.

Въ тотъ же день, когда лэди Думоръ не было дома, Гунъ, понавшись въ западню, обвѣнчалъ молодыхъ людей. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя по возвращеніи ихъ въ Англію этотъ бракъ былъ признанъ недѣйствительнымъ. Герцогъ, чтобы его укрѣпить, вторично совершилъ церемонію бракосочетанія. 13-го января 1794 года у нихъ родился сынъ. Въ моментъ слабости Августа открыла тайну брака своей сидѣлкѣ. Черезъ нѣсколько дней объ этомъ всѣ перешептывались, и вѣсть достигла ушей короля. Этотъ бракъ какъ разъ попалъ подъ законъ Royal Marriage Act, и король получилъ удовлетвореніе, когда ему объявили, что бракъ его сына считается недѣйствительнымъ и не совершавшимся.

Сначала герцогъ не обратилъ вниманія на этотъ приговоръ, а затѣмъ преклонился предъ нимъ и черезъ нѣсколько лѣтъ покинулъ лэди Августу, несмотря на то, что отъ этого брака родилось двое дѣтей—сынъ сэръ Августъ д'Эсть. Упорству, съ какимъ онъ добивался узаконенія, объясняется тѣмъ, что между

нимъ и англійскимъ престоломъ находилась только маленькая принцесса, въ то время двѣнадцати лѣтъ.

Несмотря на созданныя Георгомъ III энергичныя мѣры, все-таки законъ любви оказался сильнѣе ихъ, и въ теченіе двадцати лѣтъ на его глазахъ совершилось четыре тайныхъ брака.

Теперешній бракъ въ Германіи златокудрой и хорошенькой принцессы Викторіи-Луизы двадцати одного года съ двадцатилѣтнимъ герцогомъ Брауншвейгъ-Люнебургскимъ, сыномъ герцога Кумберлэндскаго, конечно, вполне соответствуетъ всѣмъ правиламъ Royal Marriage Act и вмѣстѣ съ тѣмъ является, по словамъ газетъ, союзомъ любви.

— Женщины и любовь въ сочиненіяхъ Эленъ Кей.—Извѣстная шведская писательница Эленъ Кей, въ свое время вызвавшая нападки критиковъ за свой взглядъ на право женщины свободно любить, не прикрываясь вуалью фарисейства, нашла горячаго защитника въ итальянцѣ Сципіо Сигеле, помѣстившемъ въ «Nuova Antologia» ¹⁾ статью. Эленъ Кей въ настоящее время вышла изъ рядовъ бойцовъ и спокойно доживаетъ свои дни въ маленькомъ бѣломъ домикѣ, который она выстроила на берегу большого озера Фэттернъ. Теперь до нея доносится лишь эхо этой борьбы; сама же она спокойно и даже радостно ожидаетъ своего окончательнаго ухода съ жизненной сцены, и въ бѣлый домикъ, гдѣ царитъ миръ и спокойствіе, проникаютъ только самые близкіе и преданные друзья.

Ни къ одному человѣку, какъ къ этой писательницѣ, говоритъ Сигеле, такъ не подходитъ ея собственная фраза: «Есть лица, которыя походятъ на нѣкоторые пейзажи и нѣкоторые образцовыя произведенія: только тогда начинаешь понимать ихъ вполне, когда перестаешь на нихъ смотрѣть». На ея сочиненія свѣтъ уже болѣе не смотритъ, поэтому время ихъ понять и разобрать въ нихъ. Какъ всѣ люди, чѣмъ-нибудь замѣчательные, Эленъ Кей не избѣгла участи служить темой для легендъ. На ея счетъ создавалась легенда, что источникомъ, откуда она черпала силу для поддержки и защиты своей теоріи, послужила тайная несчастная любовь. Писательница опровергла эту легенду, и, конечно, нельзя сомнѣваться въ искренности ея словъ, но, по мнѣнію Сигеле, если въ легендѣ нѣтъ истины, все-таки она правдоподобна. Нельзя написать такую страницу, какую написала Эленъ Кей о любви, если ее не продиктовала любовь. Когда женщина пишетъ страницы, которыя волнуютъ и остаются въ памяти, значить, что она исповѣдывается.

Такъ думала публика, и этимъ объясняется появленіе легенды. По мнѣнію Сигеле, это мнѣніе для авторши похвала: публика рѣшила, что ея книга не только литературна, но жизненна: въ ней трепещетъ не одна способность ея мозга, но и кровь ея сердца. Къ тому же сама авторша проговорила въ своей фразѣ: «Никогда не напишешь интересно и живо книги о любви, не пропитавъ ее кровью нашего сердца».

¹⁾ La donna e l'amore nell'opera di Elen Kej. Scipio Sighele. «Nuova Antologia» 1 Maggio 1913.

Какъ бы то ни было, но эта крупная интеллектуальная представительница феминизма, по мнѣнію Сигеле, въ сущности вполне романтична и сентиментальна, и то, что въ ней принимаютъ за опасную ересь и охотно передали бы сожженію, носитъ въ себѣ идеальный, мистическій смыслъ. Въ ея сочиненіяхъ есть нѣкоторыя противорѣчія, неясности и повторенія, которыя способны смутить слишкомъ педантичныхъ и логичныхъ читателей. Поэтому они предпочли бы маленькую книгу, гдѣ были бы въ порядкѣ выражены ея мысли, всѣмъ задорнымъ, сбивчивымъ и длиннымъ томамъ.

Главная оригинальность въ жизни Эллень Кей заключается именно въ томъ странномъ противорѣчій, что эта самая яркая феминистка начала свою литературную карьеру съ антифеминистскаго сочиненія. До тридцати лѣтъ она жила въ домѣ отца въ полномъ уединеніи, много читала, и размышляла. Такимъ образомъ сформировался ея умъ. Въ 1880 году она была назначена учительницей одной стокгольмской школы и выказала большія педагогическія способности. Но въ 1883 году, когда ее пригласили въ институтъ доктора Нюстрема, въ ней открылся новый талантъ—ораторскій. Съ этихъ поръ ее оспаривали другъ у друга шведы, датчане, норвежцы и финляндцы. Ея гармоническія слова, по словамъ Сегеле, воспаляли слушателей, говорила ли она объ искусствѣ, или о серьезныхъ задачахъ воспитанія.

Страстная, смѣлая, искренняя, Эллень Кей чувствовала потребность высказать истину, такъ долго умалчиваемую, и говорила ее откровенно даже до грубости. Въ то время въ Швеціи, быть можетъ, болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, феминистки находили необходимымъ сравнивать женщину съ мужчиной и лихорадочно желали завоевать для нея одинаковое мѣсто во всѣхъ формахъ соціальной и политической дѣятельности.

«Эллень Кей,—говоритъ Сигеле,—была слишкомъ женственна, слишкомъ умна, чтобы не увидѣть близорукость этого движенія, и возмутилась. Ея двѣ лекціи были крикомъ, красивымъ крикомъ, напомнившимъ женщинѣ ея два истинныя призванія—любовь и материнство. Швеція, сначала ее обожавшая, какъ своего кумира, съ негодованіемъ протестовала. Это негодованіе вызвали ея слова, что ошибка феминизма въ томъ, что эмансипація женщины направлена единственно къ завоеванію карьеры, открытой для мужчинѣ. Она высказала, что гораздо полезнѣе въ соціальномъ положеніи и морально достоинствѣ научиться вести хозяйство и воспитать дѣтей, чѣмъ быть мелкимъ чиновникомъ банка. Феминисты, по ея словамъ, не правы, что не занимаются замужними женщинами и презираютъ ихъ, какъ бѣдныхъ умомъ, а между тѣмъ важнѣе воспитать жену и мать. Не надо вѣрить феминизму, который осуждаетъ любовь, какъ безчестье, а надо сказать женщинѣ: «будь красива и любима». Потеря такого сокровища, какъ красота и любовь, была бы преступленіемъ предъ человѣчествомъ. Мораль евнуховъ поучаетъ отреченію, я же поучаю васъ радости: развивайте ваше здоровье, вашу физическую силу, вашъ умъ, вашу способность любить: такимъ образомъ вы станете лучше и сдѣлаете счастливыми окружающихъ».

Это восхваленіе естественной любви въ устахъ женщины возмутило шепетильныхъ шведовъ. Феминисты обвинили ее, зачѣмъ она нанесла ударъ фемин-

низу въ вопросѣ завоеванія мужской профессіи, между тѣмъ это завоеваніе необходимо для уничтоженія застарѣлаго предрасудка объ умственномъ превосходствѣ мужчинъ. Ей не слѣдовало,—говорили они,—снять раздоръ въ феминистскомъ лагерѣ въ моментъ сраженія. Феминистка Анна Сандстремъ сурово замѣтила, что нечестно ставить въ смѣшное положеніе женщину, которая лишена радости жизни и имѣетъ радость только въ религіи и въ работѣ.

Къ голосу феминистовъ просоединились голоса шведскаго мѣщанства, а потомъ и всего народа. Въ протестантской странѣ, какъ Швеція, выступленіе женщины, говорившей свободно о любви, было настоящимъ скандаломъ. Двѣ лекціи она напечатала въ одной книгѣ, озаглавленной «Женщина и любовь». Эллень Кей стали считать апостоломъ безнравственности и духомъ общественнаго разложенія. Между тѣмъ ея жизнь должна бы снискать общую симпатію. Уже своимъ выступленіемъ на общественномъ поприщѣ она доказала, что у нея слово и дѣло—одно и то же. Она выступила воспитательницей въ дѣтской школѣ, какъ бы въ подтвержденіе своей мысли, что если женщина не можетъ быть физиологически матерью, то она должна быть матерью морально. И это leit motif, къ которому она постоянно возвращается.

Эллень Кей дала толчокъ старой формѣ феминизма, и съ нимъ произошла эволюція, давшая типъ новой женщины не только съ развитымъ умомъ, но также съ нормально развитыми чувствами. Въ своей книгѣ «Женское движеніе», напечатанной въ 1910 году, она хотѣла заключить миръ со своими прежними врагами, а главное съ враждебно относившимися къ ней женщинами, приведя къ соглашенію двѣ противоположныя точки зрѣнія феминистовъ. Здѣсь она утверждала, что женщинѣ необходимо съ одинаковой степени съ мужчиной кооперировать во всѣхъ политическихъ функціяхъ. Она требовала равновѣсія для обоихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ попрежнему говорила, что если женщина потеряетъ свой женскій характеръ и свою нѣжность, тогда она приготовится къ этой соціальной миссіи, какъ землепашецъ, который отправляется въ поле съ усовершенствованными машинами, но безъ сѣмянъ. И это центральная мысль Эллень Кей. Она энергично желала, чтобы женщина политически преобразовалась, но только не лишаясь женственности и не приобретаая мужской грубости. По ея убѣжденію, истинное и самое нѣжное первое завоеваніе, котораго женщина должна добиться,—свобода любви, полное развитіе своей личности, какъ жены и матери.

Сципіо Сигеле подробно разсматриваетъ всѣ стороны ума и взглядовъ Эллень Кей. Мы ограничимся извлеченіемъ изъ его статьи взглядовъ Кей на женскую любовь.

По его мнѣнію, приговоръ критиковъ Эллень Кей слишкомъ суровъ. Можно было бы еще понять, что ее не одобряетъ третій полъ—женщины, отъ природы неспособныя чувствовать поэзію ихъ назначенія. Но ему непонятно, какъ люди со спокойнымъ нормальнымъ взглядомъ могли выражать свое гнѣвное порицаніе. Онъ находитъ нелѣпностью, богохульствомъ обвинять Эллень Кей въ безнравственности только потому, что она сказала: «жизнь женщины заключается въ любви и материнствѣ». Дѣйствительно ли читали эти критики ея произведенія и поняли ли они евангеліе, проповѣдуемое Эллень Кей? На первой стра-

лицъ ея книги «Любовь и бракъ», которая считается самой безнравственной изъ ея книгъ, она излагаетъ слѣдующее правило: «Жизненность народа измѣряется способностью и желаніемъ женщины дать жизнь здоровому ребенку и способностью и желаніемъ мужчинъ защищать родину». Ту же мысль, но въ болѣе краткой формѣ выразилъ Александръ Дюма-сынъ устами Франсильонъ: «La maternité c'est le patriotisme des femmes», вызвавшую на первомъ представленіи взрывъ овацій, длившихся пять минутъ.

«Женщинѣ надо жить,—пишетъ Элленъ Кей,—для человѣческаго рода и страдать ради него, въ этомъ ея любовь, чистое пламя, наиболѣе сильная воля, наиболѣе непоколебимая вѣрность, чѣмъ у мужчинъ. Когда ея стремленіе къ материнству не удовлетворено, оно уступаетъ мѣсто нѣжности, наиболѣе пылкой, наиболѣе нѣжной, наиболѣе преданной къ тому, кого она любитъ».

«Что въ этомъ безнравственнаго?—спрашиваетъ Сигеле.—Кто захотѣлъ бы указывать человѣчеству, что это безнравственно, если оно не хочетъ умирать, не лучше ли ему совѣтоваться съ голосомъ инстинкта, стараться направлять его полезно и честно, чѣмъ подвергаться риску заглушать его ложнымъ цѣломудріемъ, которое ведетъ къ заблужденіямъ и несчастіямъ».

Чувственная любовь плодородная почва для человѣческой эволюціи. Если бы знали, какъ ее воспитать, то повели бы человѣчество къ самому высшему совершенству. Но ее надо воспитать. Какъ бы ни пытались разобщить нравственность отъ чувственности, это не удастся, а лишь задержать эволюцію. Добиваться чистоты, какъ единственнаго идеала,—средство, которое защититъ на нѣкоторое время противъ небольшихъ опасностей; что же касается большой опасности, то это средство не будетъ имѣть силы, а явится лишь изгородью изъ кустовъ противъ пожара лѣса. Поэтому не слѣдуетъ препятствовать инстинкту, но надо его направлять для благородной жизни, стараться его очистить.

Женская психологія иная, чѣмъ мужская. У женщины любовь зарождается въ душѣ, а затѣмъ въ чувствахъ; у мужчинъ, наоборотъ, она зарождается въ чувствахъ, а затѣмъ переходитъ въ душу; но послѣднее бываетъ не всегда. И это самое печальное различіе между мужчиной и женщиной, и главная бѣда въ томъ, что женщина недостаточно даетъ себѣ отчетъ о чувственности, а мужчина о душѣ. Сильная любовь родится лишь тогда, когда желаніе соединиться съ существомъ другого пола основано на выборѣ душъ одинаковаго достоинства. Такая любовь, какъ пламя, чѣмъ болѣе воспламеняется, тѣмъ становится чище.

Конечно, идеи Элленъ Кей о сильной любви устарѣли; теперь, по убѣжденію Сигеле, нѣтъ «сильной любви»: цивилизація поощряетъ къ эротической клептоманіи. Но онъ признаетъ, что даже при нашей нервнобольной цивилизаціи есть желаніе, необходимость въ болѣе благородной любви. Женщины всегда гениальны на любовь, даже для самыхъ злыхъ невозможна любовь безъ участія души, и всѣ женщины желаютъ, чтобы «мужчина вкладывалъ въ любовь ту же деликатность, ту же стыдливость, что и женщина. Женщина хотѣла бы принадлежать только такому человѣку, который, даже сжимая ее въ своихъ объятіяхъ, всегда бы желалъ ея». Однимъ словомъ, чтобы онъ любилъ женщину какъ художникъ, а не какъ самецъ.

Въ брачную жизнь Эллень Кей хотѣла внести лучъ радости и мечтала объ эпохѣ, когда брачнымъ закономъ будетъ служить единственный параграфъ: «Любящіе другъ друга—мужъ и жена». Она считала бракъ по расчету фальшивымъ, приносящимъ больше зла, чѣмъ поддѣлка фальшивыхъ денегъ. Эмиль Фагэ находить безирравственнымъ объявлять, что если въ бракѣ нѣтъ болѣе любви и замѣшалось третье лицо, то слѣдуетъ разводиться. «Согласно Эллень Кей,—говоритъ онъ,—бракъ, какъ свободный союзъ, не создаетъ никакого долга, никакой обязанности, то есть она создала одинъ долгъ—возможность покинуть другъ друга, если нѣтъ болѣе любви. Это не только безирравственно, но непристойно».

Сигеле находить критику Фагэ несправедливой и совѣтуетъ ему лучше ознакомиться съ ея произведеніями. Онъ говоритъ, что неправда, будто Эллень Кей увѣряетъ, что бракъ не создаетъ никакихъ обязательствъ, никакого долга. Она говоритъ, что продолжать брачную жизнь безъ любви унижительно и разводъ былъ бы благодарніемъ для дѣтей и предпочтительнѣе, чѣмъ зрѣлище раздора между родителями. Фагэ не понялъ фразы Эллень Кей, какъ она ее сказала: она не одобряетъ разводъ, а беретъ его какъ необходимость и говоритъ, что жена, которая разводится, не попытаетъ всевозможныхъ средствъ извлечь счастье изъ перваго брака, по всей вѣроятности, разрушаетъ также возможность счастья во второмъ бракѣ. Въ сущности Эллень Кей желаетъ возможности легкаго развода, отчего браки стануть счастливѣе и соединившимся не потребуется разводиться,—явится страхъ потерять другъ друга. Еще Монтэнъ сказалъ: «Есть такія націи, у которыхъ ограды полей и садовъ, которые они хотятъ охранять, изъ бумажной сѣти, и она гораздо надежнѣе, чѣмъ наши рвы и заборы».

Сигеле въ заключеніе своей защиты говоритъ: «Эллень Кей—революціонерка, оружіе которой доброта, и сретичка, грѣшная въ томъ, что она мистична. За идеаль, которымъ дышатъ ея сочиненія, и достоинства, облагораживающія ея жизнь, ее можно считать свѣтской святой».

— Н ѣ м е ц к а я М о н т е с п а н ь ¹⁾.—Въ 1703 году однажды вечеромъ нѣсколько министровъ, придворныхъ и иныхъ высшихъ саксонскихъ сановниковъ обсуждали въ дрезденскомъ дворцѣ чрезвычайно важный вопросъ: у кого изъ нихъ наиболѣе красивая фаворитка? Ихъ король, Августъ II, курфюрстъ саксонскій и король польскій, присутствовалъ тутъ же, но присутствіе этой высочайшей особы ничѣмъ не стѣсняло свободы мнѣній: всѣмъ было извѣстно, что курфюрстъ, одаренный необыкновенными способностями по части любовныхъ похощеній, начиналъ уже тяготиться своей тогдашней фавориткой, гордой и заносчивой графиней Любомирской. Вотъ почему совѣтники и конфиденты короля, помогая ему опораживать бутылку за бутылкой, продолжали безъ стѣсненія описывать явныя и скрытыя прелести своихъ метрессъ, какъ вдругъ одинъ изъ наиболѣе захмелѣвшихъ собесѣдниковъ баронъ Альфредъ фонъ-Хоймъ, тщетно старавшій подняться со стула, обвелъ присутствовавшихъ презрительнымъ взглядомъ и пролепеталъ:

¹⁾ «Le Temps», № 18938.

— А вот у меня пѣтъ метрессы! Зато у меня есть жена, которую я люблю больше всякой метрессы и которая въ тысячу разъ достойнѣ любви, чѣмъ всѣ эти твари, о которыхъ вы тутъ болтаете.

И, подзадоренный общимъ недовѣрчивымъ смѣхомъ, баронъ фонъ-Хоймъ пустился въ подробное описаніе прелестей своей жены, которая жила въ его замкѣ недалеко отъ Дрездена и которую никто еще не видалъ, несмотря на то, что, женившись на ней гдѣ-то за границей, баронъ жилъ около Дрездена уже болѣе трехъ лѣтъ. Восторженный супругъ съ упоеніемъ расхваливалъ бѣлизну ея тѣла, ея огромные черные, какъ будто бархатные глаза и великолѣпные волосы, которые закрывали ее съ головы до ногъ. Она была высокаго роста и обладала той величавостью, которая изумительно сочетается съ удивительной граціей и изяществомъ.

Продолжавшійся смѣхъ собутыльниковъ еще сильнѣе подстрекалъ барона, который все болѣе и болѣе вдавался въ нескромныя разоблаченія своихъ семейныхъ утѣхъ. Курфюрстъ саксонскій, ухитрявшійся въ то же время быть и королемъ польскимъ, не разъ прерывалъ панегирикъ своего министра, стараясь вывести его изъ ослѣпленія, которое заставляетъ его столь очевидно преувеличивать тѣлесныя красоты его жены. Это еще болѣе подлило масло въ огонь, и зарвавшійся въ азартѣ баронъ крикнулъ, что онъ предлагаетъ пари въ тысячу дукатовъ, если его жена не превзойдетъ красотой всѣхъ метрессъ, какія только есть у его собутыльниковъ. Одинъ изъ нихъ, князь Фюрстенбергъ, поднялъ брошенный вызовъ съ условіемъ, что судьей въ этомъ дѣлѣ будетъ самъ король. Само собою разумѣется, что его величество, будучи знатокомъ въ такого рода дѣлахъ, не преминулъ согласиться принять на себя роль арбитра. Баронъ Хоймъ прежде, чѣмъ слуги отнесли его въ постель, не безъ труда нацарапалъ нѣсколько строкъ своей жепѣ, приказывая ей сейчасъ же явиться къ нему во дворецъ.

Велико было изумленіе нашего барона, когда, проспнувшись на другой день, онъ увидѣлъ около себя свою молодую жену. Съ самаго дня своей свадьбы онъ тщательно скрывалъ ее въ глубинѣ своего замка съ твердымъ намѣреніемъ никогда не показывать ее никому изъ своихъ придворныхъ товарищей, а въ особенности своему царственному покровителю, ужасающая влюбчивость котораго ему была хорошо извѣстна. Только благодаря полному охмелѣнію могли вырваться у него вчера признанія, которыя, къ сожалѣнію, оказались вполне соответствующими дѣйствительности.

Его женѣ было въ это время около двадцати четырехъ лѣтъ. Родомъ она была изъ старинной семьи Гольштейновъ, члены которой давно уже состояли на датской службѣ. Вслѣдствіе преждевременной смерти ея родителей она осталась въ состояніи, близкомъ къ нищетѣ, и отсутствіе у нея всякихъ личныхъ средствъ давало барону фонъ-Хойму надежду сохранить ее исключительно для себя.

Очнувшись окончательно, ревнивый супругъ готовъ былъ заплатить тройную ставку пари, если бѣ только ему позволили отказаться отъ него и скорѣе отправить жену обратно домой. Но всѣ уже узнали о пріѣздѣ баронессы, и волей-неволей приходилось представить ее ко двору. Прежде всего баронесса фонъ-

Хоймъ должна была представиться кроткой и печальной королево́й Эбергардинёй. Король, едва увидѣвъ ее на этомъ представленіи, воспылалъ къ ней безумной страстью и поклялся во что бы то ни стало покорить ее сердце. Онъ тутъ же объявилъ, что Фюрстенбергъ проигралъ пари.

— Я вижу, что мнѣ придется заплатить, чтобы помочь вашему величеству чужими руками жаръ загребать,—залепеталъ придворный, желая показать, что онъ совершенно понимаетъ планы своего государя.

И дѣйствительно, король приказалъ ему внести въ свою собственную шкапу сумму въ десять разъ большую, чѣмъ предложенное барономъ фонъ-Хоймомъ пари.

Послѣ этого легко воспламенявшійся монархъ, по своему обыкновению, началъ любовную атаку съ того, что пустилъ въ ходъ цѣлый рядъ цѣнныхъ подарковъ. Въ замокъ барона Хойма онъ прежде всего послалъ двѣ огромныхъ бочки токайскаго и издалъ указъ, чтобы изъ всѣхъ казенныхъ лѣсовъ ежегодно отпускалось ему по тридцати телѣгъ дровъ. Этотъ послѣдній подарокъ, очевидно, не могъ подогрѣть чувствъ молодой женщины, и ей пришлось подарить нѣчто другое—знаменитый турецкій паркъ въ окрестностяхъ Дрездена вмѣстѣ съ прелестнымъ дворцомъ, въ немъ находящимся. Съ этого времени буквально каждый день приносилъ ей какой-нибудь новый щедрый даръ, но павная баронесса, казалось, и не догадывалась, чего отъ нея хотятъ взаменъ этихъ подарковъ.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ упорнаго преслѣдованія баронесса фонъ-Хоймъ наконецъ поняла это, и король польскій едва не сошелъ съ ума отъ радости, получивъ отъ баронессы записку, гдѣ она указывала способъ, которымъ онъ можетъ покорить ее сердце. Красавица писала, что, не будучи въ состояніи воспретить или помѣшать королевскимъ ухаживаніямъ, она готова согласиться на его предложеніе, если король не сочтетъ чрезмѣрными пять-шесть условій, которыя она считаетъ необходимымъ ему поставить.

Вотъ эти условія. Прежде всего король долженъ отослать отъ себя свою прежнюю метрессу княгиню Любомирскую. Затѣмъ онъ долженъ добиться расторженія брака новой фаворитки съ барономъ фонъ-Хоймомъ. Въ-третьихъ, король дастъ письменное обязательство, что въ случаѣ смерти своей супруги онъ женится на ея-баронессѣ. Въ-четвертыхъ, онъ письменно обязуется дать княжеское достоинство дѣтямъ, которыя могутъ родиться отъ этой связи, и, наконецъ, выдать письменное обязательство, что новая фаворитка будетъ получать ежегодно изъ государственнаго казначейства скромное жалованье въ сто тысячъ талеровъ.

Для короля Августа Сильнаго, конечно, не оказалось никакихъ препятствій принять эти унижительныя для него и разорительныя для народа условія, лишь бы только поскорѣ завладѣть прелестной баронессой. А что касается дарованія княжескихъ титуловъ и расточенія народнаго достоянія, то въдь на то онъ и король, по тогдашнимъ понятіямъ.

Ему стало неловко только оттого, что онъ сыгралъ такую гадкую штуку съ своимъ вѣрнымъ слугою, барономъ фонъ-Хоймомъ. Но баронесса, не отличавшаяся такою щекотливостью, взялась лично устроить дѣло съ своимъ законнымъ мужемъ.

Въ одинъ прекрасный день, сіяющая и радостная, она входитъ къ нему въ его рабочій кабинетъ, садится къ нему на колѣни и объявляетъ, что ей выпало на долю рѣдкое счастье: король обратилъ на нее свое вниманіе, предложилъ ей быть официальной фавориткой, и что она, конечно, не можетъ отказаться отъ такой чести. И вотъ теперь она несетъ мужу войну или миръ, — отъ него зависитъ выбрать то или другое. Если онъ будетъ сопротивляться разводу, то, кромѣ королевской немилости, онъ ничего этимъ не достигнетъ и немедленно потеряетъ портфель министра. Наоборотъ, если онъ сразу станетъ благоразумнымъ, то сохранить за собой благорасположеніе своей бывшей супруги и сдѣлать себѣ карьеру.

Несчастный фонъ-Хоймъ такъ любилъ свою жену, что ему потребовалось три дня, чтобы набраться этого «благоразумія». Послѣ продолжительной бесѣды съ однимъ изъ своихъ друзей, графомъ Фицтумомъ, баронъ наконецъ принялъ рѣшеніе. Прежде всего онъ потребовалъ, чтобы король разрѣшилъ ему удалиться изъ Дрездена на нѣсколько мѣсяцевъ. Обрадованная успѣшнымъ ходомъ переговоровъ кандидатка въ королевскія одалиски подарила графу Фицтуму драгоценную табакерку съ собственнымъ портретомъ, которую графъ безъ всякаго труда сейчасъ же продалъ королю за двадцать тысячъ талеровъ.

Съ этого момента все пошло, какъ по маслу. По просьбѣ Августа, его старинный товарищъ по празднествамъ австрійскій императоръ Іосифъ I, ставшій впоследствии его крестнымъ отцомъ, когда Августу, избранному на польскій престолъ, понадобилось перейти въ католичество, пожаловалъ новой фавориткѣ титулъ графини фонъ-Козель. Бракъ ея съ барономъ Хоймомъ былъ торжественно расторгнутъ лютеранскою консисторіей. Августъ дошелъ даже до такого цинизма, что, вступая въ связь, издалъ всенародный манифестъ, въ которомъ открыто заявляетъ, что онъ будетъ жить съ графиней, какъ съ своей законной женой, и дѣти отъ этой связи будутъ считаться его законными дѣтьми!

Ни одна фаворитка—ни Монтеспагъ, ни сама маркиза Помпадуръ—не пользовались такой по истинѣ королевской властью, какой пользовалась эта датская проходимка при саксонскомъ и польскомъ дворахъ. Передъ ея дворцомъ въ Пильницѣ ставился воинскій караулъ. Министрамъ было приказано доставить въ ея распоряженіе все казенные лѣса, все королевскіе солеварни и рыбные садки. По свидѣтельству одного современника, добиться свиданія съ фавориткой стоило гораздо дороже, чѣмъ набрать цѣлую армію. Фонъ-Козель была дѣйствительной правительницей Саксоніи. Отъ нея зависѣли назначеніе, повышеніе и отставка высшихъ сановниковъ государства, она отмѣняла распоряженія самого Августа и скоро заставила все населеніе Саксоніи почувствовать свою тяжелую руку. Когда датскій король Фридрихъ IV, бывший государь фаворитки, посетилъ польскаго короля, обыкновенно и не заглядывавшаго въ свое славянское государство, при саксонскомъ дворѣ въ честь этого визита было устроено торжество, въ которомъ, между прочимъ, участвовала цѣлая мифологическая процессія. Роль Діаны исполняла фаворитка, Августъ вырядился Аполлономъ, а несчастная, оскорбленная королева Эбергардина появилась въ скромномъ, не лишеномъ ироніи въ ея положеніи костюмѣ весталки!

Какая типичная картина этого распущеннаго времени!

Цѣлыхъ девять лѣтъ продолжалось правленіе всесильной фаворитки. Но всему бываетъ конецъ. Августъ Сильный мало-по-малу охладѣлъ къ ней и завелъ новую связь съ пѣкской Денгофъ, съ которой изъ Дрездена переѣхалъ въ Варшаву. Ревнивая фаворитка помчалась было за соперницей въ Польшу, но ее остановили на пути и вернули обратно въ Дрезденъ. Скоро ее постигла страшная судьба. Попавъ въ руки новой фаворитки, этотъ двойной король рѣшилъ разъ навсегда обезопасить себя отъ своей прежней сожительницы и въ 1716 году приказалъ заключить ее, какъ государственную преступницу, въ крѣпость Столпень, которая стала ея могилой.

Такъ кончилась эта феерическая, разнузданная жизнь.

— Секретарь Робеспьера — Вечеромъ 17-го іюля 1791 года послѣ стычки, извѣстной подъ названіемъ «рѣзни на Марсовомъ полѣ», въ Парижѣ разнесся слухъ, что дворъ задумалъ истребить «патріотовъ». Многіе изъ нихъ не рѣшались вернуться къ себѣ и скрывались по городу. Робеспьеръ, узнанный толпою въ тотъ моментъ, когда онъ шелъ по улицѣ Сентъ-Онорэ, направляясь къ себѣ въ улицу Сэнтопжъ, тщетно старался скрыться, какъ вдругъ какой-то гражданинъ, выходявшій изъ своего дома, схватилъ его за руку и предложилъ укрыть его у себя до тѣхъ поръ, пока не успокоится уличное волненіе. Робеспьеръ принялъ его предложеніе и пошелъ за своимъ спасителемъ, который оказался столаромъ Дюпле. Дюпле зналъ Робеспьера только по внѣшности. Можетъ быть, они встрѣчались въ клубѣ якобинцевъ, но никакихъ иныхъ связей между ними не было. Слѣдовательно, его приглашеніе къ себѣ Робеспьера было порывомъ состраданія, желаніемъ вывести прохожаго изъ затруднительнаго для него положенія. Но всей вѣроятности, онъ былъ бы чрезвычайно удивленъ, если бы кто-нибудь тогда же сказалъ ему, что, закрывая дверь за своимъ гостемъ, онъ съ одной стороны приобщается къ неувыдаемой славѣ, а съ другой—завлекаетъ на свою семью ужасающія испытанія.

Оказать услугу «патріоту» и дать ему на нѣсколько часовъ у себѣ убѣжище—въ этомъ не было ничего необыкновеннаго. Необыкновенно было то, что Робеспьеръ провелъ въ этотъ домъ цѣлую ночь, остался и на другой день, наконецъ велѣлъ перенести сюда свои чемоданы и поселился здѣсь навсегда къ великому удовольствію семьи Дюпле, состоявшей изъ многочисленныхъ членовъ.

Эти добрые буржуа, повидимому, не удивлялись и не хвастались тѣмъ, что на ихъ долю выпало укрыть у себѣ живое воплощеніе революціи. Какъ интересны должны были быть ихъ обѣды въ маленькой столовой, выходящей окнами въ садъ, когда ихъ жилецъ къ вечеру возвращался изъ засѣданія конвента, торжествуя, что завтра же утромъ мимо ихъ оконъ повезутъ на эшафотъ цѣлыя телѣги его противниковъ. Такія вещи, повидимому, не нарушали покоя семьи Дюпле: дѣвѣцы попрежнему продолжали спокойно гладить, отецъ работать рубанкомъ, а мать хлопотать въ кухнѣ, и все вмѣстѣ трогательно ухаживали за своимъ страшнымъ нахлѣбникомъ. Онъ платилъ имъ тою же монетою: возилъ нерѣдко въ театръ дочерей своего хозяина, любилъ по вечерамъ декламировать имъ стихи, а иногда ѣздилъ съ семьей за городъ, откуда все возвращались съ полными руками цвѣтовъ. Эта идиллія длилась почти три года.

Въ началѣ 1793 года въ семьѣ Дюпле появилась новая личность. То былъ племянникъ самого Дюпле Симонъ Дюпле, молодой человекъ лѣтъ девятнадцати, по ремеслу также столяръ. Въ 1791 году онъ записался въ войска волонтеромъ и велъ себя очень храбро. Въ сраженіи при Вальми ядро раздробило ему бедро, онъ пролежалъ въ госпиталѣ семь мѣсяцевъ и въ чинѣ унтеръ-офицера вышелъ въ отставку съ деревяшкой вмѣстѣ ноги и съ пенсіей въ пятнадцать су въ день. Хотя онъ былъ малограмотенъ, но его выручала живость ума и сообразительность, и Робеспьеръ сдѣлалъ его своимъ секретаремъ. Онъ спалъ въ сосѣдней съ спальней Неподкупнаго комнатѣ и по утрамъ писалъ подъ его диктовку. По всей вѣроятности, этотъ Симонъ-Дюпле устроилъ маленькую тайную типографію, которая была найдена у «тирана» 9 термидора.

Термидорскій переворотъ разсѣялъ по тюрьмамъ всю семью Дюпле. Отъ ареста спасся только Симонъ Дюпле, сумѣвшій замести за собою всякій слѣдъ. До сего времени этотъ секретарь и фактстумъ Робеспьера считался пропавшимъ безъ вѣсти, и, только благодаря архивнымъ изслѣдованіямъ Леонса Гразилье, выпустившаго о немъ очень интересную работу ¹⁾, слѣдъ его отыскался, и отыскался тамъ, гдѣ, казалось, его никакъ нельзя было ожидать.

Оказывается, что Симонъ Дюпле послѣ термидорскаго переворота также попалъ подъ арестъ, причемъ его переводили изъ одной тюрьмы въ другую, Затѣмъ до 1799 года о немъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Люди, когда-то близкіе къ Робеспьеру, теперь считались паріями. По странному стеченію обстоятельствъ, бывшаго секретаря страшнаго диктатора подобралъ его заклятый врагъ Фуше, достигшій при директоріи поста министра полиціи. Симонъ Дюпле получилъ мѣсто въ особой канцеляріи по политическому сыску. Тамъ же оказались и два брата зятя Дюпле, Леба, покончившаго самоубійствомъ для того, чтобы избѣгнуть ареста. Но такова была безравственность и безсовѣстность той эпохи, что давнишніе друзья и приверженцы Робеспьера теперь обратились въ усердныхъ полицейскихъ сыщиковъ, преслѣдующихъ своихъ бывшихъ сотоварищей по партіи. Съ 1800 по 1805 годъ Дюпле пришлось составить цѣлый каталогъ именъ, когда-то ему близкихъ и дорогихъ, а теперь отмѣченныхъ, какъ имена презрѣнныхъ негодяевъ. Усердіе Дюпле было замѣчено, и въ 1804 году Наполеонъ поручилъ ему составить списокъ всѣхъ лицъ, такъ или иначе причастныхъ къ государственному перевороту. Дюпле прекрасно справился съ этой задачей: опираясь на личныя воспоминанія и знакомства, онъ составилъ цѣлую книгу, въ которую были занесены болѣе двухъ тысячъ пятидесяти человекъ. Эта «зеленая книга», такъ называлась она по цвѣту своего переплета, — была издана всего въ трехъ экземплярахъ: одинъ для Бонапарта, другой для Фуше, третій для полиціи. Первые два пропали, остался только третій экземпляръ этого памятника грандіознаго доноса и предательства, который въ настоящее время найденъ въ архивѣ парижской префектуры.

Но вотъ вѣтеръ подулъ съ другой стороны: Наполеонъ палъ, и на французскомъ престолѣ опять возсѣли реставрированные Бурбоны. Симонъ Дюпле обладалъ въ высшей степени тѣмъ, что въ чиновничьемъ мірѣ называется «бю-

¹⁾ Un secrétaire de Robespierre, Simon Duplay, par Leonce Grasilier. Paris, 1913.

рократическимъ тактомъ», и этотъ тактъ опять сослужилъ ему службу. Дѣло въ томъ, что лица, которыя слыли «опасными» при Наполеонѣ, теперь стали опорой трона и, наоборотъ, бывшіе «благонамѣренныя», поддерживавшіе Наполеона, въ глазахъ теперешняго правительства стали, несомнѣнно, подозрительными. Что касается тѣхъ «идеологовъ», которыхъ называли въ тѣ времена «хвостомъ Робеспьера», то правительство Людовика XVIII боялось ихъ больше, чѣмъ самъ Наполеонъ. При такомъ положеніи дѣла Симонъ Дюпле съ его личными знакомствами среди этихъ людей оказался опять неоцѣнимымъ чиновникомъ, и ему снова было поручено составить полный списокъ всѣхъ революціонныхъ силъ Франціи. Дюпле съ прежнимъ усердіемъ засѣлъ за эту новую работу и написалъ обширную докладную записку, въ которой излагаетъ организацію всѣхъ тайныхъ обществъ во Францію, носившихъ иногда весьма курьезныя названія, въ родѣ: «Спящій Левъ», «Жорнуны Бонапарта», «Черная шпилька» и т. п. Дюпле, перечисляя эти общества, занесъ въ свой списокъ и обстоятельства, при которыхъ они возникли, ихъ составъ и всѣ ихъ филиальныя отдѣленія. Этотъ послѣдній обломокъ террора, видимо, увлекался этой борьбой противъ враговъ возстановленной королевской власти, и его колоссальный трудъ остается для историковъ, интересующихся этимъ до сихъ поръ темнымъ періодомъ, однимъ изъ главныхъ источниковъ, откуда можно черпать свѣдѣнія о подпольныхъ пріемахъ, въ которые выродилась политическая борьба послѣ французской революціи.

— Т р а г е д і я Р а в а л ь я к а ¹⁾.—Равальякъ родился въ Ангулемѣ, гдѣ жилъ безвыгздно, добывая себѣ средства къ пропитанію разнаго рода письменными работами. Уже въ ранней молодости въ немъ сказывалась неуравновѣшенная, экзальтированная душа: онъ поступилъ бы въ одинъ монастырь, но монахи отказались давать ему кровъ и пропитаніе. Религіозная манія съ годами усиливалась все болѣе и болѣе, и Равальяку мерещились мрачныя видѣнія, отъ которыхъ его не избавляла даже молитва. Ему слышались голоса, повелѣвавшіе ему возстать пророкомъ своего времени, спасти этого безумнаго, покровительствующаго еретикамъ короля, превратившагося изъ гугенота въ добраго католика ради обладанія городомъ Парижемъ.

И вотъ въ одинъ прекрасный день на Пасхѣ, захвативъ въ собой два-три гроша и прикрѣпивъ на груди рукопись наивной молитвы, съ которой обращался къ Богу приговоренный къ смерти, Равальякъ отправился въ Парижъ. У него не было съ собой оружія, и самая мысль объ убійствѣ приводила его въ ужасъ. Онъ самъ не могъ дать себѣ отчета, почему въ этотъ ясный день пошелъ по пыльной дорогѣ, и только пламенно молился передъ каждой часовней, подававшейся ему по пути. Онъ шелъ и шелъ. Ему казалось, что онъ видитъ передъ собою ангела, который указываетъ ему путь.

До короля не могли донестись эти шаги его затеряннаго въ толпѣ подданнаго. Вокругъ него шла дѣловая суматоха. Генрихъ IV приготавлилъ большой походъ въ Германію, который долженъ былъ сокрушить эту враждебную ему страну. Но сердце его было занято другимъ. Незадолго до этого м-де-Монмо-

¹⁾ «Neue Freie Presse», 1913, № 17.498.

ранси, въ которую онъ былъ влюбленъ, какъ мальчакъ, вышла замужъ зъ принца Конде, и ревнивый супругъ, чтобы обезопасить ее отъ настойчивыхъ ухаживаній короля, отправилъ ее во Фландрію. Генрихъ слалъ къ ней посла за посломъ и даже угрожалъ испанцамъ оружіемъ, если бѣглянка не вернется къ его двору. Король Франціи всегда страдалъ излишней влюбчивостью.

Пока онъ диктовалъ эти гнѣвные посланія, ударяя кулакомъ по столу, у дверей его дворца Лувра топтался покрытый пылью человекъ въ разорванныхъ башмакахъ, тщетно добиваясь видѣть короля. Напрасно твердилъ онъ, что онъ долженъ сдѣлать важное сообщеніе королю,—стража со смѣхомъ говорила, что король занятъ теперь лишь бѣлокурой головкой, и гнала его прочь.

Проѣвъ свои послѣдніе гроши, бѣднякъ, побираясь, двинулся обратно въ свой Ангулемъ.

Вернувшись домой, онъ углубился въ Библію, читая о томъ, какъ Богъ ожесточилъ сердца Іуды и Израиля, какъ они не слушали предостереженій и не видѣли посылаемыхъ знаменій. Но Богъ не одинъ разъ предостерегалъ заблудившихъ, а нѣсколько, и потому онъ рѣшился еще разъ отправиться къ королю и попытаться спасти его отъ ереси.

Стояла жестокая зима, когда онъ второй разъ отправился со своей миссіей. Снова явился онъ въ Парижъ, снова толкался у дверей Лувра, обративъ на себя общее вниманіе. Его схватили, обыскали, но не нашли при немъ никакого оружія. Настойчивость Равальяка побѣдила всѣ препятствія: объ немъ было доложено королю.

Казалось, онъ достигъ теперь своей цѣли: одна тонкая дверь отдѣляла его отъ сердца короля, передъ которымъ онъ хотѣлъ предстать, какъ Іоаннъ передъ Иродомъ, какъ пророки—эти послы Господа и истины—передъ царями еврейскими. Онъ чувствовалъ, какъ складывалась внутри его пламенная рѣчь.

Но Генрихъ IV былъ не въ духѣ въ этотъ день и приказалъ прогнать чудака и не подпускать его къ Лувру. Равальякъ рѣшился на послѣднее средство. Онъ сталъ искать протекціи и обратился къ іезуитамъ, которымъ, между прочимъ, покааялся, что въ сердцѣ его зрѣетъ мысль объ убійствѣ человекѣ. Отцы-іезуиты успокоили его совѣсть, дали ему нѣсколько су, и вотъ Равальякъ опять одинъ-одинешенекъ въ огромномъ чужомъ городѣ. Умирая отъ голода и усталости, опять потащился онъ къ себѣ на родину, съ холодомъ въ тѣлѣ, съ разбитыми надеждами въ сердцѣ.

На Пасхѣ 1606 году Равальякъ въ третій разъ идетъ въ Парижъ. Постомъ и молитвою готовился онъ къ этому шествію. Въ груди его какъ будто раздается звонъ колоколовъ; мысль готова воплотиться въ дѣло. Самъ Богъ посылаетъ ему знаменіе, которое должно истребить всякое сомнѣніе въ его сердцѣ. Прибывъ въ Парижъ, онъ пріютился въ плохонькой гостиницѣ, гдѣ никто не обращаетъ на него вниманія. Его оставляютъ въ комнатѣ одного, даже не спрашивая, остается ли онъ въ гостиницѣ, или идетъ дальше. И вдругъ передъ нимъ на столѣ блеститъ ножъ. Онъ неотразимо тянетъ его къ себѣ. Равальякъ слышитъ гласъ Божій, хватается ножъ и спѣшитъ дальше.

Теперь впервые у него есть оружіе, но самая мысль объ убійствѣ все еще страшитъ его. Онъ бѣжитъ изъ Парижа къ себѣ на родину и по дорогѣ ломаетъ

о камень остріе ножа. Но онъ жжетъ ему руки. Тамъ въ далекомъ Парижѣ остался магнитъ, который могущественно притягиваетъ къ себѣ эту сталь.

Равальякъ возвращается въ Парижъ.

Темныя предчувствія уже нѣсколько дней томить короля. Его голубые глаза подернуты грустной дымкой, въ его шуткахъ не слышно болѣе веселости. Роковой день 14-го мая онъ начинаетъ съ того, что велитъ подать себѣ въ постель драгоценный молитвенникъ: молитва была его первой мыслью. До обѣда онъ занимается со своими генералами, обсуждая планъ войны. Потомъ онъ ѣдетъ въ церковь св. Роха помолиться.

А въ это время въ другой церкви, св. Бенедикта—молится Равальякъ, прося Бога благословить его на задуманное дѣло. Убийца и жертва въ одинъ и тотъ же часъ обращаются съ молитвой къ одному и тому же Богу. Одну секунду они были безконечно близки другъ къ другу. Затѣмъ король вернулся въ Лувръ. Дружелюбно побесѣдовавъ со своей супругой Маріей Медичи, онъ приказалъ заложить экипажъ и поѣхалъ на прогулку.

Въ воротахъ дворца скорчившись стоялъ Равальякъ. Онъ дрожалъ отъ нетерпѣнія, но нужно ждать: король не одинъ, его прикрывалъ съ боку герцогъ д'Эпернонь. Равальякъ, задыхаясь и дрожа отъ лихорадки, бѣжитъ за экипажемъ всю дорогу до самаго кладбища св. Иннокентія, куда ѣдетъ король. Но вотъ какая-то повозка преграждаетъ путь, королевскій экипажъ долженъ остановиться. Лакеи бѣгутъ впередъ, чтобы расчистить путь. Равальякъ вскакиваетъ на колесо и вонзаетъ ножъ въ грудь короля.

Генрихъ съ крикомъ опрокидывается вглубь экипажа. Онъ истекаетъ кровью и лежитъ неподвижно. Равальякъ также потерялъ способность двигаться: весь нить его сердца ушелъ въ этотъ ударъ, и его рука застыла въ воздухѣ, словно вѣтвь дерева. Его дѣло сдѣлано, и онъ спокойно отдается въ руки бующей вокругъ него толпы.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль таскаютъ его на допросъ, стараясь открыть его соучастниковъ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль рылись палачи въ старинныхъ фоліантахъ, стараясь найти тамъ самыя страшныя пытки. Но имъ все мало для этого жалкаго полупомѣшаннаго фанатика. Изобрѣтатели самыхъ утонченныхъ пытокъ толпою стекаются ко двору, рекомендуя каждый свое средство. Сама королева посылаетъ въ судъ палача, который вызвался содрать кожу съ живого преступника. Ни одинъ голосъ не поднимается въ защиту милосердія къ этому маньяку, который цѣлыми днями на колѣняхъ молится о спасеніи—не своего измученнаго пытками тѣла, а своей души.

Но народъ становится нетерпѣливымъ и не хочетъ болѣе ждать. И вотъ несчастная жертва религіознаго фанатизма отправляется въ свое послѣднее странствованіе. Онъ идетъ въ саванѣ, держа въ правой рукѣ горящую свѣчу, а въ лѣвой ножъ, которымъ онъ поразилъ короля. Воры и убійцы плюютъ на него, когда его выводятъ на тюремный дворъ. На телѣгъ, запряженной клячей, его везутъ къ Гревской площади среди шума бѣснующейся толпы, которую невозможно сдержать и которая забрасываетъ его камнями.

Передъ вратами собора Парижской Богоматери ему объявляютъ всѣ мученія, черезъ которыя онъ долженъ пройти и въ которыя вложена вся дьявольски-

жестокая изобрѣтательность нѣсколькихъ вѣковъ. Это не пугаетъ его и въ знакъ глубокаго смиренія передъ Богомъ онъ цѣлуетъ свѣчу.

Наступилъ страшный часъ. Четыре палача мучатъ это подобіе Божіе, сжигая его на сѣрномъ огнѣ, разрывая на части раскаленными щипцами, обливая расплавленнымъ свинцомъ. Равальякъ испускаетъ дикіе вопли, но проситъ лишь одного—святого причастія, въ которомъ ему сначала отказываютъ. Наконецъ просьба его удовлетворяется. Мученія на время прерываются съ тѣмъ, чтобы возобновиться съ новой силой. Наконецъ этотъ дымящійся кровью, вздрагивающій кусокъ мяса, въ которомъ еще держится кое-какъ жизнь, привязываютъ къ хвостамъ четырехъ лошадей, которыя и превращаютъ въ ничто это обезображенное человѣческое тѣло.

Въ этотъ моментъ на мѣсто казни врывается самый опасный изъ всѣхъ звѣрей—толпа. Всѣ рычатъ, рвутъ остатки того, что только что было Равальякомъ. Изъ его груди вырываютъ горячее сердце и разрываютъ его руками на тысячу кусковъ.

Но и сердцу короля Генриха суждено нѣкоторое время не находить себѣ покоя. Согласно его распоряженію, его вынимаютъ изъ груди, чтобы похоронить въ іезуитской коллегіи Ла-Флешъ, а затѣмъ предать землѣ въ аббатствѣ Сень-Дени. На вышитой золотомъ подушкѣ сердце убитаго короля вручается патерамъ. Одинъ изъ нихъ Жакино везетъ его въ экипажѣ, держа подушку на колѣняхъ, въ часовню, гдѣ оно должно пребыть три дня, чтобы народъ въ это время могъ поклониться ему. Послѣ этого королевское сердце отправляется въ послѣднее путешествіе. Его сопровождаютъ тысяча двѣсти всадниковъ и множество экипажей. По мѣрѣ приближенія кортежа безчисленные крестьяне стекшіеся въ Парижъ изъ окрестныхъ деревень, падаютъ на колѣни. По пути приходится не разъ останавливаться. Сердце кладется на алтарь ближайшей церкви и почіетъ тамъ среди молитвъ и кадильнаго дыма. А на утро снова запрягаютъ лошадей, снова начинается путь.

Четыре дня пасторъ Жакино, поддерживаемый двумя ассистентами, держитъ подушку съ королевскимъ сердцемъ, пока наконецъ земля не пріемлетъ въ свои нѣдра это теплое, красное сердце.

— О т о в с ю д у.—Барту, министръ народнаго просвѣщенія, представилъ въ парижскую академію интересныя воспоминанія Жана Масперо, члена французскаго института въ Каирѣ. Они касаются недавнихъ раскопокъ въ Бауи въ среднемъ Египтѣ, гдѣ онъ открылъ большой средневѣковый египетскій монастырь Апа-Аполло. Въ этомъ монастырѣ находилось зданіе для монахинь рядомъ съ мужскимъ монастыремъ. Сюда собирались богомольцы со всего Египта. Прекрасно сохранившаяся живопись VIII вѣка даетъ ясное понятіе о коптскомъ искусствѣ. Одна изъ картинъ представляетъ пародію на сцену въ судѣ. Она изображаетъ трехъ крысъ, явившихся предъ кошкой. Залы, комнаты, кельи, — все это даетъ возможность составить себѣ понятіе, что представлялъ большой египетскій монастырь въ VIII вѣкѣ.

«Grenzbotten» въ статьѣ «Diplomaten-Erziehung» Клейнофа среди различныхъ писемъ нѣмецкаго дипломата Кидерленъ-Вехтера напечатано письмо, въ которомъ онъ рассказываетъ о своей первой встрѣчѣ съ Бисмаркомъ

Въ декабрь 1881 года будущій государственный человекъ, въ то время третій секретарь австрійскаго посольства въ Петербургъ, находился проездомъ въ Берлинъ. Внезапно приглашенный на закрытіе парламента, онъ долженъ былъ взять напрокатъ фракъ, который съ нимъ сыгралъ скверную шутку, лохнувъ на спинъ въ тотъ моментъ, когда онъ цѣловалъ руку княгини Бисмаркъ. Смущенный и сконфуженный, Кидерленъ-Вехтеръ хотѣлъ удалиться, когда Бисмаркъ, которому жена успѣла шепнуть на ухо объ этомъ несчастіи, подошелъ къ нему и съ жаромъ сказалъ: «Счастливъ и признателенъ, что вижу ваше высочество здѣсь».

Кидерленъ-Вехтеръ понялъ ошибку, но рѣшился тотчасъ же удалиться, сознавая, что бесполезно давать объясненіе. Тогда Бисмаркъ настойчиво продолжалъ: «Ваши выборы идутъ хорошо. Къкой же у васъ былъ противникъ?»— «Очень жаль,—сказалъ на этотъ разъ Кидерленъ-Вехтеръ:—заше превосходительство, должно быть, ошиблись, я не депутатъ».—«Кто же вы?» Когда Кидерленъ-Вехтеръ объяснилъ ему, то Бисмаркъ ему сказалъ: «Какъ я замѣтилъ, вы должны имѣть большое сходство съ нимъ; но главная ошибка была со стороны моей жены. Надѣюсь, что впередъ мы будемъ видѣться довольно часто, и такимъ образомъ я буду знать васъ хорошо».

Это приключеніе они обратили въ шутку, и на другой день княгиня Бисмаркъ рассказывала со смѣхомъ объ этомъ приключеніи г-жѣ Шпитценбергъ.

Нѣсколько дней спустя Бисмаркъ давалъ обѣдъ, на который былъ, конечно, приглашенъ и Кидерленъ-Вехтеръ. «Едва я пріѣхалъ,—рассказываетъ онъ,—какъ меня привѣтствовали, какъ князя, и это заставило всѣхъ много смѣяться». За столомъ царило веселье. Онъ сидѣлъ возлѣ княгини Бисмаркъ, которая все время усиленно накладывала ему кушанья, а когда принесли блюдо съ гусемъ, его заставили съѣсть такое количество, что онъ даже задыхался, послѣ чего послѣдовала жареная утка. «А, вы предпочитаете холоднаго фазана,—спросилъ Бисмаркъ:—ничего не осталось отъ вчерашняго фазана?»

Когда подали фазана, онъ попросилъ передать ему блюдо. Бисмаркъ самъ отрѣзалъ Кидерлену кусокъ фазана, который оставилъ для себя за обѣдомъ накупить, и все время разговаривалъ. Онъ много пилъ, и это вызвало со стороны княгини замѣчаніе: «Но, Оттонъ, ты знаешь, что доктора запретили тебѣ пить вино».—«А, лицемѣръ! а мнѣ сказалъ, что это мнѣ хорошо. Знаете, господа, во время конгресса я пилъ каждое утро три стакана краснаго вина, хотя зналъ, что оно мнѣ вредно для здоровья. Я пилъ только потому, что отъ долгаго сидѣнія меня клонило ко сну; и такъ я всегда жертвую собой для неблагодарной Европы».

«Corriere della Sera» передаетъ анекдотъ, касающійся Бюлова и Бисмарка. Бюловъ, въ кругу родныхъ вспоминая о Бисмаркѣ, привелъ нѣсколько анекдотовъ и между прочимъ о своемъ отцѣ. Прежде, чѣмъ онъ ввелъ въ дипломатію своего сына, онъ самъ былъ дипломатъ и, вводя еще двухъ Бюловыхъ, онъ спросилъ Бисмарка: не слишкомъ ли много будетъ Бюловыхъ въ дипломатіи? На это желѣзный канцлеръ отвѣтилъ: «Нѣтъ, этого сорта людей никогда не будетъ слишкомъ много!»

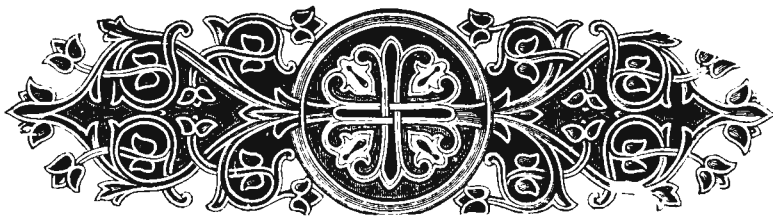
Представляясь Бисмарку, Бюловъ услышалъ, какъ кто-то сказалъ: «Зналъ ли онъ когда-нибудь, глупыхъ Бюловыхъ?» На это Бисмаркъ отвѣтилъ: «Да, но мало».

Бисмаркъ вспомнилъ и о другомъ Бюловѣ, который имѣлъ обыкновеніе говорить: «Мой братъ самый глупый изъ семьи, хотя онъ и лучший офицеръ».

«Liberta» получилъ свѣдѣнія изъ Буссето, что внучка Верди, г-жа Марія Верди Каррари, послѣ упорныхъ настояній и при вмѣшательствѣ авторитетной личности маэстро Тосканини, согласилась доставить въ Буссето для предстоящихъ празднествъ въ честь Верди неизданную симфонію къ «Аидѣ». Маэстро написалъ ее вмѣстѣ съ оперой «Аида», но на первомъ же испытаніи, происшедшемъ въ его присутствіи, онъ остался ею недоволенъ. Однажды въ дурномъ настроеніи онъ вырвалъ изъ партитуры страницы, гдѣ находилась симфонія, и хотѣлъ предать ихъ полному забвенію. Только усиленные просьбы его коллегъ удержали Верди отъ этого рѣшенія.

Недавно эта симфонія увидѣла свѣтъ. Сначала г-жа Верди-Каррари не хотѣла ее давать, чтобы исполнить желаніе дѣда. Теперь она уступила просьбамъ, возложивъ всю отвѣтственность на маэстро Тосканини.





С М Ъ С Ъ.



ВУХСОТЛѢТІЕ императорскаго ботаническаго сада. 11-го мая состоялось торжественное празднованіе двухсотлѣтняго юбилея императорскаго ботаническаго сада. Торжество происходило въ шестой новой оранжереѣ, украшенной тропическими растеніями, сѣльникомъ и національными флагами. Надъ временной эстрадой висѣли портреты императоровъ Петра I и Николая II. Между портретами, среди рѣдкихъ туркестанскихъ растеній, выращиваемыхъ въ ботаническомъ саду, стоялъ бюстъ Петра I, увѣнчанный двуглавымъ орломъ. На торжествѣ присутствовали ихъ высочества А. П. и П. А. принцы Ольденбургскіе, министры: юстиціи И. Г. Щегловитовъ, торговли и промышленности С. И. Тимашевъ, морской И. К. Григоровичъ, главноуправляющій земледѣліемъ и землеустройствомъ А. В. Кривошеинъ, члены государственнаго

совѣта и государственной думы, иностранные делегаты, представители ученыхъ учреждений, высшихъ учебныхъ заведеній, города и др. Послѣ торжественнаго молебствія засѣданіе объявилъ открытымъ А. В. Кривошеинъ, привѣтствовавшій всѣхъ собравшихся и служащихъ сада. Въ заключеніе А. В. Кривошеинъ указалъ, что почти на дняхъ внесенъ въ законодательныя учрежденія законопроектъ о новыхъ штатахъ сада. По законопроекту, значительно увеличиваются средства и штаты сада. Затѣмъ А. В. Кривошеинъ огласилъ высочайшую грамоту и высочайшій рескриптъ на имя покровительницы ботаническаго сада принцессы Евгениіи Максимиліановны Ольденбургской. Чтеніе высочайшихъ грамотъ и рескрипта было выслушано стоя и покрыто кликами «ура». Военный оркестръ трижды повторилъ народный гимнъ. Отъ имени всѣхъ присутствовавшихъ отправлены вѣрноподданническая телеграмма Государю Императору и принцессѣ Евгениіи Максимиліановнѣ Ольденбургской. Бурными аплодисментами была покрыта

рѣчь директора ботаническаго института въ Софіи профессора Стефана Петкова, привѣтствовавшаго садъ отъ имени царя болгарскаго Фердинанда, состоящаго почетнымъ членомъ ботаническаго сада. А. А. Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ прочиталъ затѣмъ краткій очеркъ сада. Ботаническій садъ, сказалъ онъ, оправдалъ свое назначеніе. Садъ служилъ и служить какъ наукѣ, такъ и практическимъ цѣлямъ. Служащіе сада изучаютъ всю растительность Россіи. Богата также литературная дѣятельность сада, выпускающаго свои «Труды» и «Извѣстія». Практическая дѣятельность сада выразилась въ томъ, что онъ внесъ въ нашу культуру около 1,500 новыхъ видовъ и разновидностей растений, полезныхъ въ промышленномъ, медицинскомъ и сельско-хозяйственномъ отношеніяхъ. Богата также научно-просвѣтительная дѣятельность сада, доступнаго для самыхъ широкихъ круговъ населенія. По своей доступности, садъ является первымъ въ Европѣ. Въ заключеніе А. А. Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ выразилъ пожеланіе, чтобы ботаническій садъ и впредь служилъ наукѣ и отечеству. Затѣмъ начались привѣтствія. Первыми выступили иностранные делегаты, спенально пріѣхавшіе на юбилей: директоръ ботаническаго сада при техническомъ институтѣ въ Штутгартѣ профессоръ Морицъ Фюнфштюкъ, профессоръ *Landesanstalt für Wasserhygiene* Рихардъ Колюицъ, Георгъ Кюкенталь изъ Кобурга, директоръ ботаническаго сада въ Кенигсбергѣ профессоръ Карлъ Мець, I. Ворнмюллеръ изъ Веймара, директоръ ботаническаго сада въ Лондонѣ профессоръ Отто Штапфъ, директоръ ботаническаго института въ Стокгольмѣ профессоръ Лагергеймъ, инспекторъ ботаническаго сада въ Упсалѣ I. Эртендаль и профессоръ ботаническаго сада въ Копенгагенѣ Т. Йенсенъ. Нѣсколько часовъ читались привѣтствія отъ имени русскихъ ученыхъ учреждений, высшихъ учебныхъ заведеній и обществъ: отъ имени академіи наукъ привѣтствовали академики князь Б. Б. Голицынъ, И. П. Бородинъ и Ѳ. Н. Чернышевъ. И. П. Бородинъ, кромѣ того, прочелъ привѣтствіе отъ имени ботаническаго сада академіи наукъ. Далѣе были заслушаны привѣтствія отъ имени петербургскаго университета (проф. Х. Я. Гоби), академіи художествъ (гр. П. Ю. Сюзоръ), военно-медицинской академіи (В. Н. Сиротининъ и В. К. Варлихъ), Александровской военно-юридической академіи, лѣснаго института, института экспериментальной медицины, публичной бібліотеки, ученаго комитета главнаго управленія землеустройства и земледѣлія, геологическаго комитета, географическаго общества, петербургскаго городского общественнаго управленія (Д. И. Демкинъ и ген. П. П. Дурново), вольно-экономическаго общества, петербургской школы садоводства, горнаго института (проф. Шредеръ), женскаго медицинскаго института и др. Отъ иногородныхъ учреждений на торжество прибыли для поднесенія поздравительныхъ адресовъ представители университетовъ Гельсингфорса, Саратова, Юрьева, Варшавы, московскаго сельско-хозяйственнаго института, высшихъ женскихъ курсовъ въ Одессѣ, уральскаго общества любителей естествознанія въ Екатеринбургѣ и др. Торжество закончилось рѣчью директора сада А. А. Фишеръ-фонъ-Вальдгейма, благодарившаго всѣхъ участниковъ торжественнаго засѣданія. Съ благодарственной рѣчью на французскомъ языкѣ онъ обратился къ иностраннымъ делегатамъ. Во время перерыва всѣмъ присутствовавшимъ было предложено шампанское и угощеніе.

Юбилей профессора А. Х. Гольмстена. 30-го мая праздновалось сорокалѣтіе ученой дѣятельности заслуженнаго профессора петербургскаго университета А. Х. Гольмстена. Онъ началъ свою профессорскую дѣятельность въ 1878 году преподавателемъ теоріи гражданскаго судопроизводства въ училищѣ правовѣдѣнія. Затѣмъ занялъ кафедру гражданскаго судопроизводства въ военно-юридической академіи, въ которой состоитъ нынѣ профессоромъ гражданскаго права. Въ петербургскомъ университетѣ онъ сталъ читать лекціи по гражданскому судопроизводству въ 1889 году въ качествѣ приватъ-доцента, въ 1896 году назначенъ профессоромъ, былъ дважды деканомъ юридическаго факультета и съ 1899 года по 1903 годъ ректоромъ университета. Кромѣ гражданскаго процесса, А. Х. въ разное время читалъ курсы торговаго права, семейнаго и наследственнаго права, конкурснаго процесса и др. Одновременно въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ занималъ кафедру гражданскаго права и судопроизводства въ Александровскомъ лицѣѣ и преподавалъ общее законовѣдѣніе въ горномъ институтѣ. Участвовалъ въ комиссіяхъ по составленію гражданскаго уложенія и по преобразованію законоположеній по судебной части. Ему принадлежатъ нѣсколько отдѣльно изданныхъ цѣнныхъ научныхъ трудовъ и множество статей. Въ 1894 г. вышелъ первый томъ собранія его сочиненій: «Юридическія изслѣдованія и статьи», нынѣ готовится къ выпуску второй томъ. Его «Учебникъ русскаго гражданскаго права» вышелъ пятымъ изданіемъ, «Принципы тождества» выдержалъ два изданія.

Сорокалѣтіе научной дѣятельности И. Я. Фойницкаго. 31-го мая исполнилось сорокалѣтіе научной дѣятельности одного изъ виднѣйшихъ нашихъ юристовъ профессора И. Я. Фойницкаго, дѣятельности, ознаменованной многими научными и законодательными работами. Окончивъ въ 1868 году петербургскій университетъ, И. Я. ѣдетъ за границу, гдѣ дѣятельно знакомится съ уголовнымъ правомъ и тюремновѣдѣніемъ. Въ 1870 году онъ выпускаетъ капитальный трудъ «Мошенничество по русскому праву», являвшійся однимъ изъ образцовъ сравнительно-догматической разработки вопросовъ особенной части. Получивъ степень магистра, онъ начинаетъ чтеніе лекцій въ петербургскомъ университетѣ. Здѣсь въ теченіе болѣе сорока лѣтъ онъ ведетъ преподаваніе, поставивъ его на большую высоту. Въ восьмидесятыхъ годахъ здѣсь впервые имъ начато чтеніе курса по тюремновѣдѣнію, результатомъ котораго было появленіе капитальнаго труда «Ученія о наказаніи» (1889 годъ). Въ 1895 году имъ образованъ кабинетъ, а позднѣе и музей уголовного права, занимающій одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ по богатству библіотеки и предметовъ. Его лекціи были посвящены разработкѣ началъ судебныхъ уставовъ, и не одно поколѣніе русскихъ юристовъ обязано И. Я. за то, что своею настойчивостью, часто даже суровостью, онъ заставлялъ ихъ усваивать эти начала, какъ цѣнный базисъ для позднѣйшей практической дѣятельности. Вышедшій недавно четвертымъ изданіемъ «Курсъ уголовного судопроизводства» является не превзойденнымъ образцомъ научной разработки процесса. Онъ подмѣчалъ публично-правовыя стороны процесса и посвятилъ рядъ работъ передовымъ институтамъ процесса, какъ защита на предварительномъ слѣдствіи, вознагражденіе невинно къ суду привлеченныхъ, при-

сяжныхъ и др. Другое научное произведеніе И. Я. «Курсъ уголовного права. Часть особенная» до сихъ поръ считается лучшимъ пособіемъ въ области ученія о личныхъ и имущественныхъ преступленіяхъ. И. Я. принималъ дѣятельное участіе въ комиссіяхъ по пересмотру судебныхъ уставовъ въ 1894—1899 гг. подъ предѣдательствомъ Н. В. Муравьева и въ комиссіи по составленію уголовного уложенія (1884—1895 гг.). Въ составѣ первой, будучи приглашенъ для пересмотра устава уголовного судопроизводства, онъ не скрывалъ своего рѣзко-отрицательнаго отношенія къ ломкѣ началъ судебныхъ уставовъ и по цѣлому ряду вопросовъ оставался при особомъ мнѣніи. Въ комиссіи по составленію уголовного уложенія онъ принялъ ближайшее участіе въ составленіи главъ, касающихся имущественныхъ преступленій; вмѣстѣ съ тѣмъ ему принадлежало много предложеній, направленныхъ къ реформѣ раздѣловъ относительно государственныхъ и религіозныхъ преступленій, предложеній, къ сожалѣнію, не принятыхъ большинствомъ. Обладая организаторскимъ талантомъ и активной инициативой, И. Я. содѣйствовалъ возникновенію у насъ ряда обществъ. Такъ, онъ явился однимъ изъ организаторовъ петербургскаго юридическаго общества и долгое время былъ предѣдателемъ уголовного его отдѣленія. Онъ былъ инициаторомъ и первымъ предѣдателемъ русской группы союза криминалистовъ и петербургскаго общества патронажа. Его энергичному заступничеству въ городской думѣ Петербургъ обязанъ быстрымъ введеніемъ суда для малолѣтнихъ. Совмѣщая научную и педагогическую дѣятельность съ судебной службой сначала въ должности товарища оберъ-прокурора, а затѣмъ и сенатора уголовного кассационнаго департамента, И. Я. приложилъ свою руку ко многимъ рѣшеніямъ сената, сыгравшимъ руководящую роль въ нашей практикѣ. Лишь въ самое послѣднее время разстроенное здоровье заставило его просить о переводѣ въ общее собраніе. Въ истекшемъ году И. Я. пришлось испытать тяжелый ударъ и разстаться съ каеедрой, которую онъ съ такою честью занималъ въ теченіе почти сорока лѣтъ.

Пятидесятилѣтній юбилей графа С. Д. Шереметева. 12-го іюня исполнилось пятидесятилѣтіе служебной дѣятельности члена государственнаго совѣта, графа Сергѣя Дмитріевича Шереметева. Имя графа С. Д., его широкое покровительство русской наукѣ, русскому искусству, его многолѣтнее служеніе родинѣ въ высшемъ значеніи этого слова хорошо извѣстно всей Россіи. Не занимая официально какихъ-либо административныхъ служебныхъ должностей, графъ С. Д. Шереметевъ, послѣ турецкой войны 1877 года, — въ ней онъ принималъ дѣятельное участіе въ отрядѣ государя наслѣдника, — всѣ свои силы въ теченіе полулѣтка посвятилъ на служеніе преимущественно отечественному просвѣщенію. Стоя во главѣ цѣлага ряда просвѣдительныхъ учрежденій: императорская археологическая комиссія, императорское общество любителей древней письменности, общество ревнителей историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III, комитетъ попечительства о русской иконописи и другихъ, — болѣею частью имъ же учрежденныхъ и руководимыхъ, графъ С. Д. Шереметевъ оказалъ весьма цѣнныя заслуги русской наукѣ, русскому искусству и вообще просвѣщенію и вполне заслуженно состоитъ почетнымъ членомъ императорской академіи наукъ, множества ученыхъ обществъ и учрежденій не только въ Россіи,

по и за границей. Подъ его предсѣдательствомъ и непосредственнымъ руководствомъ работаетъ болѣе четверти вѣка императорская археографическая комиссія, издавшая многіе десятки томовъ русскихъ лѣтописей, писцовыхъ книгъ, грамотъ, историческихъ актовъ и другихъ научныхъ матеріаловъ. Но едва ли не болѣе заслугъ оказано имъ русской наукѣ посредствомъ общества любителей древней письменности, издаваемаго цѣлый рядъ (болѣе ста шестидесяти) памятниковъ древней письменности и искусства съ такою фотографической точностью, какая только возможна при современномъ состояніи техники печатнаго дѣла. Благодаря этимъ великолѣпнымъ изданіямъ, графъ С. Д. познакомилъ русское общество не только съ цѣлымъ рядомъ мало извѣстныхъ произведеній древне-русской письменности, но, что особенно цѣнно, — и съ самой вышностью древнихъ рукописей, со всѣми ихъ художественными особенностями и тѣмъ заставилъ полюбить древнюю книгу, древнюю рукопись и оцѣнить ея самобытную красоту и художественность. Имъ изданъ цѣлый рядъ превосходнѣйшихъ древне-русскихъ лицевыхъ рукописей съ миниатюрами. Всѣ эти изданія, потребовавшія громадныхъ средствъ, не стоили казнѣ ни одной копейки, такъ какъ средства на это давались или самимъ графомъ С. Д. Шереметевымъ, или членами его общества, которыхъ онъ умѣлъ привлекать къ себѣ въ сотрудничество. Въ помѣщеніи общества любителей древней письменности графомъ С. Д. Шереметевымъ устроенъ прекрасный музей предметовъ русской старины, считающій свои коллекціи тысячами, и обширное собраніе древне-русскихъ рукописей (свыше тысячи пятисотъ). Какъ музей, такъ и рукописи охотно предоставляются ученой публикѣ для занятій и изученія, и всѣ работы по древней русской письменности и искусству, вышедшія въ свѣтъ за послѣднее время, не обошлись безъ помощи этого цѣннаго музея древностей и богатаго собранія рукописей общества. Обладая цѣлымъ рядомъ старинныхъ усадебъ (Кусково, Остафьево, Михайловское и другихъ) съ ихъ богатѣйшими памятниками искусства, съ ихъ собраніями предметовъ старины и старой русской культуры, графъ С. Д. Шереметевъ съ просвѣщенной бережностью относится ко всѣмъ этимъ усадьбамъ, и всѣ онѣ являются также своего рода цѣнными музеями, безъ изученія которыхъ не можетъ обойтись ни одинъ историкъ русской культуры и русскаго искусства. Въ послѣднее десятилѣтіе графомъ С. Д. Шереметевымъ былъ возбужденъ интересъ и къ русской иконописи, этой ранѣ заброшенной, но въ то же время весьма характерной и цѣнной отрасли древне-русскаго народнаго искусства, и къ старому древне-русскому церковному пѣнію. Со свойственной ему энергіей онъ учреждаетъ комитетъ попечительства о русской иконописи и, на средства комитета открывши множество иконописныхъ школъ въ центрахъ существованія этой отрасли народнаго искусства, изыскиваетъ мѣры для поднятія и дальнѣйшаго движенія этого искусства, предпринимаетъ множество весьма цѣнныхъ изданій, знакомящихъ русское общество съ памятниками древней русской иконописи, и тѣмъ возбуждаетъ живой интересъ къ этой отрасли русскаго національнаго искусства, привлекая къ работамъ комитета такія выдающіяся силы, какъ академикъ Н. П. Кондаковъ, профессоръ Н. П. Лихачевъ, Н. В. Покровский и другіе. Русскій душой, беззавѣтно любящій все родное, живо чувствующій красоты роднаго слова, роднаго искусства, графъ С. Д. Шереметевъ съ особымъ

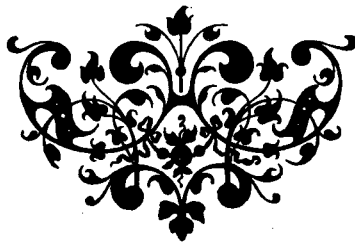
благотво́рнѣмъ хранить память о почившемъ государѣ императорѣ Александрѣ III и о тѣхъ началахъ, какія положены были имъ во главу русской жизни и русской культуры, и, желая глубже запечатлѣть въ сознаниі русскаго общества все величіе и плодотворность этихъ началъ, онъ учреждаетъ особое общество ревнителей историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III и издаетъ цѣлый рядъ сборниковъ («Старина и Новизна»), гдѣ личность государя и духъ его царствованія находятъ вѣрное отраженіе. Стоя во главѣ цѣлаго ряда правительственныхъ учреждений и ученыхъ обществъ, графъ С. Д. Шереметевъ во всѣхъ трудахъ этихъ обществъ принимаетъ самое дѣятельное участіе. Въ своихъ статьяхъ по русской исторіи съ особой любовью онъ обращается къ эпохѣ смутнаго времени, и цѣлый рядъ актовъ, изданныхъ имъ, значительно послужилъ къ освѣщенію этого темнаго періода нашей русской исторіи. Принадлежа къ старинному и знатному роду бояръ Шереметевыхъ, принимавшихъ живѣйшее участіе во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ, въ особенности въ царствованіе государей дома Романовыхъ, графъ С. Д. Шереметевъ немало положилъ труда для выясненія историческаго значенія выдающихся членовъ своего рода, и подъ его редакціей на средства графа С. Д. и А. Д. Шереметевыхъ вышло восемь томовъ обширнаго изслѣдованія А. П. Барсукова «Родъ Шереметевыхъ», доведеннаго лишь до конца XVII вѣка, которое является цѣннымъ вкладомъ въ русскую историческую науку. Стоя во главѣ страннопріимнаго дома графа Шереметева въ Москвѣ, попечительства при домово́й церкви въ Петербургѣ и многихъ другихъ благотворительныхъ учреждений, графъ С. Д. извѣстенъ и своею широкою благотворительностью.

Юбилей митрополита Владимира. 13-го іюня исполнилось двадцатипятилѣтіе служенія въ епископскомъ санѣ высокопреосвященнаго митрополита петербургскаго и ладожскаго Владимира, первенствующаго члена святѣйшаго синода. Митрополитъ, однако, отклонилъ всякія официальные чествованія и провелъ день обычнымъ порядкомъ въ занятіяхъ. Утромъ, въ шесть часовъ, владыка совершилъ въ своей Крестовой церкви въ митрополичьемъ домѣ Александроневской лавры раннюю обѣдню, въ сослуженіи намѣстника лавры архимандрита Теофана, ризничаго архимандрита Евгенія и эконома митрополичьяго дома архимандрита Филарета и іеромонаховъ. Послѣ литургіи поздравили владыку присутствовавшіе въ алтарѣ викарные епископы и намѣстникъ лавры съ братією, поднесшей владыкѣ икону. Въ петербургской духовной академіи ректоръ ея преосвященный Анастасій совершилъ благодарственный молебенъ въ присутствіи профессоровъ и студентовъ. Въ одиннадцать часовъ митрополитъ уѣхалъ на засѣданіе святѣйшаго синода. Передъ открытіемъ засѣданія митрополита поздравили присутствующіе въ святѣйшемъ синодѣ архіереи и оберъ-прокуроръ дѣйствительный тайный совѣтникъ Саблеръ, который затѣмъ прочиталъ привѣтственную телеграмму генерала Богдановича.

Памятникъ на могилѣ Нефедова. 19-го мая въ Москвѣ на Ваганьковскомъ кладбищѣ на могилѣ Ф. Д. Нефедова открытъ памятникъ. Памятникъ сооруженъ на средства, собранныя по подпискѣ между почитателями и знакомыми покойнаго писателя. Онъ изъ темнаго финляндскаго полированнаго гранита въ видѣ большого четырехсторонняго пьедестала, увѣнчаннаго гранитнымъ боль-

шимъ крестомъ. На лицевой сторонѣ пьедестала—медальонъ въ бронзовой рамкѣ для портрета, подъ нимъ высѣчена надпись: «Писатель Филиппъ Діомидовичъ Нефедовъ. Родился 6-го октября 1836 г. Скончался 12-го марта 1902 г.». Памятникъ окружаетъ массивная металлическая рѣшетка. Тутъ же рядомъ съ могилой Ф. Д. Нефедова находятся могилы писателей А. И. Левитова, М. И. Орфанова (Мишля), Воронова и невадалекъ—Н. В. Успенскаго. На могилѣ А. И. Левитова высится гранитная колонна. Послѣ открытія памятника на могилѣ Ф. Д. Нефедова была отслужена панихида. Почтить память покойнаго собрались его близкіе знакомые, президентъ общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи Д. Н. Анучинъ съ супругой, предсѣдатель общества любителей русской словесности А. Е. Грузинскій, его товарищъ П. Н. Сакулинъ, представитель литературно-художественнаго кружка Ю. А. Бунинъ, сотрудники «Русскихъ Вѣдомостей» и др. О. Т. Гавриловъ произнесъ послѣ панихиды стихотвореніе, посвященное памяти Ф. Д. Нефедова. Присутствовавшіе посѣтили затѣмъ могилы другихъ писателей-народниковъ. Могиламъ грозитъ разрушеніе, на нихъ кресты покачнулись, а на нѣкоторыхъ могилахъ совсѣмъ упали.

Конкурсъ имени С. Я. Надсона. Конкурсъ на лирическія стихотворенія имени С. Я. Надсона при обществѣ дѣятелей періодической печати и литературы далъ слѣдующіе результаты. Первая премія не присуждена никому. Вторыя преміи по пятидесяти рублей присуждены госпожамъ Ефименко, Вериге, господамъ Анфилову и Діесперову. Сто рублей, оставшіеся за неприсужденіемъ первой преміи, распределены поровну между лицами, получившими одобрительные отзывы—Ашунинимъ, Лебедискимъ, Губеръ-Грицей, Германомъ и неизвѣстнымъ авторомъ стихотвореній «Олофернъ» и «Зибелю». Деньги въ настоящее время отосланы всѣмъ авторамъ, за исключеніемъ послѣдняго, какъ не указавшаго своихъ имени, отчества, фамиліи и адреса. Всѣ рукописи, кромѣ одобренныхъ и награжденныхъ жюри преміями и отзывами, уничтожены.





НЕКРОЛОГИ.



ВЛЕКЛОВЪ, С. М. За границей скончался Степанъ Михайловичъ Блекловъ, извѣстный земскій статистикъ и общественный дѣятель. Покойный родился въ 1860 году. По окончаніи московскаго университета С. М. Блекловъ работалъ въ качествѣ статистика въ земствахъ Полтавской, Тверской, Орловской и Таврической губерній, занимая въ двухъ послѣднихъ должностъ завѣдующаго статистическимъ отдѣленіемъ. Въ 1902 году поступилъ статистикомъ въ московскую городскую управу, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ отстраненъ со службы по настоянію администраціи. Съ 1896 по 1905 годъ состоялъ гласнымъ тульского земства и городской думы. Въ 1904—1905 годахъ С. М. Блекловъ принималъ участіе въ «союзѣ освобожденія» и земскихъ сѣздахъ; въ концѣ 1905 году за участіе въ крестьянскомъ союзѣ былъ арестованъ, а затѣмъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ тюрьмы эмигрировалъ за границу, гдѣ и жилъ до самой смерти. С. М. Блекловъ извѣстенъ и на литературномъ поприщѣ. Онъ сотрудничалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Богатствѣ», «Правѣ» и «Русской Мысли»; въ 1905—1906 годахъ писалъ въ «Сынѣ Отечества», «Нашихъ Дняхъ» и «Сѣверной Россіи». Перу С. М. Блеклова принадлежитъ далѣе изданная на французскомъ языкѣ книга о статистическихъ работахъ русскаго земства; пользовались успѣхомъ его записки земскаго статистика «За фактами и цифрами» (М. 1894). Въ извѣстномъ сборникѣ «Мелкая земская единица» С. М. Блеклову принадлежитъ большая статья подъ заглавіемъ «Вопросъ о мелкой земской единицѣ въ земствахъ, комитетахъ о сельскохозяйственной промышленности и общественныхъ собраніяхъ за 1902 и начало 1903 года». С. М. пользовался большою популярностью въ интеллигентныхъ кругахъ Москвы. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1913 г., № 117).

† **Де-Брюксъ, Н. А.** Генералъ-майоръ въ отставкѣ Николай Александровичъ де-Брюксъ скоростипжно скончался въ Москвѣ 17-го мая сего года отъ разрыва сердца и погребенъ 20-го мая на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

Покойный родился въ 1848 году, происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ, образованіе получилъ въ Петровской полтавской военной гимназіи (нынѣ кадетскій корпусъ) и второмъ военномъ Константиновскомъ училищѣ, которое окончилъ по первому разряду; службу проходилъ въ войскахъ артиллеріи въ Западной Россіи и Сибири; участвовалъ въ русско-японской войнѣ. За отличіе въ бою на Кангуалинскихъ высотахъ близъ Симучена высочайшимъ приказомъ произведенъ въ генераль-майоры; главнокомандующимъ всѣми войсками за разновременныя дѣла съ японцами награжденъ золотымъ оружіемъ съ надписью «за храбрость». Генераль-майоръ Н. А. де-Брюксъ имѣлъ всѣ ордена до Станислава 1-ой степени съ мечами включительно. Покойнымъ оставлено нѣсколько брошюръ спеціальнаго характера: «Строевой артиллеріистъ въ полѣ» и другія.

† **Войнаровскій, П. Д.** 13-го іюня скончался профессоръ электротехническаго института и его бывший директоръ инженеръ Павелъ Дмитріевичъ Войнаровскій. Въ началѣ 1912 года П. Д. принужденъ былъ отправиться за границу для тяжелой операціи (ракъ горла) и оставить директорство. Къ концѣ года опять выѣхалъ изъ Петербурга и вернулся въ началѣ этого года въ тяжкомъ положеніи. Страданія его окончились 13-го іюня. Умеръ П. Д. еще совсемъ молодымъ и много общавшимъ нашей технической наукѣ. Родился въ 1866 году и учился сначала за границей въ Льежѣ, въ электротехническомъ институтѣ Монтефіоре и затѣмъ въ техническомъ училищѣ почтово-телеграфнаго вѣдомства. Службу покойный началъ по этому вѣдомству, занявъ должность техника на городскомъ телеграфѣ въ Москвѣ, гдѣ затѣмъ занялъ должность главнаго механика, защитивъ проектъ на званіе телеграфнаго инженера. Въ 1894 году главнымъ управленіемъ почтъ и телеграфовъ былъ командированъ за границу для усовершенствованія въ электротехникѣ и телеграфномъ дѣлѣ. Съ этою цѣлью покойный побывалъ въ Вѣнѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Цюрихѣ, Брюсселѣ и другихъ городахъ. Совѣтъ льежскаго университета удостоилъ его званія инженера-электротехника съ отличіемъ. До занятія кафедры въ электротехническомъ институтѣ состоялъ въ распоряженіи главнаго управленія почтъ и телеграфовъ, былъ редакторомъ «Электротехническаго Вѣстника», принималъ дѣятельное участіе въ электротехническихъ сѣздахъ, состоялъ сотрудникомъ «Записокъ общества инженеровъ-электротехниковъ» и производилъ рядъ научныхъ изслѣдованій, между прочимъ о вліяніи трамвайныхъ токовъ на телефоны. Впослѣдствіи наши провинціальныя города и обѣ столицы приглашали его для работъ и экспертизы по проектамъ сооруженія трамваевъ. Такъ, его знаніями воспользовались: Ярославль, Кременчугъ, Тула, Смоленскъ, его родной городъ, Севастополь и другіе. Съ 1904 года началась его профессорская дѣятельность въ институтѣ по кафедрѣ электротехники, и въ этотъ періодъ по порученію министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ испытывалъ электропередачу Эссенуки—Пятигорскъ—Кисловодскъ. Съ 1905 года занялъ въ институтѣ должность инспектора, а со слѣдующаго года должность директора, которую и оставилъ въ концѣ 1912 года, когда болѣзнь приняла угрожающій характеръ. Покойный оставилъ послѣ себя массу научныхъ трудовъ, не считая статей въ спеціальныхъ журналахъ. Между прочимъ имъ изданы популярныя

книги: «О примѣненіи электричества въ домашнемъ быту», «Теоретическое и практическое руководство по телефону», «Теоретическій и практический курсъ электротехники», «Общедоступный курсъ по динамо-машинамъ», «Основные свѣдѣнія изъ высшей математики» и много другихъ. Наша наука понесла въ его лицѣ большую утрату. (Некрологъ его: «Новое Время» 1913 года, № 13381).

† **Гейнце, Н. Э.** Въ Кіевѣ скончался 24-го мая писатель-беллетристъ и журналистъ, Николай Эдуардовичъ Гейнце, «ремесленникъ журнальнаго цеха», какъ онъ самъ себя называлъ. Юристъ по образованію, бывший московскій присяжный повѣренный и товарищ губернскаго прокурора Енисейской губерніи, Н. Э. занялся литературной работой съ 1886 года. Съ этого года онъ всецѣло отдался журналистикѣ, писалъ ежедневно то романы и повѣсти, то мелкія замѣтки и интервью. Его страсть къ литературнымъ занятіямъ проявилась впервые въ 1880 году. Еще тогда онъ удѣлялъ досуги своей адвокатской дѣятельности московскимъ повременнымъ изданіямъ. Изъ Сибири покойный переселился въ Петербургъ. Здѣсь издалъ первый сборникъ своихъ разказовъ «Петербургъ и Сибирь», сталъ печатать въ журналѣ «Лучъ» свой романъ «Въ тинѣ адвокатуры» и одновременно помѣщать мелкіе разказы, сценки и статьи въ «Петербургской Газетѣ», «Петербургскомъ Листкѣ» и ежедневномъ «Гражданинѣ». Съ 1888 года его замѣчательная трудоспособность сосредоточилась въ газетѣ «Свѣтъ». Онъ написалъ для газеты множество историческихъ, бытовыхъ и уголовныхъ романовъ самостоятельнаго и компилятивнаго характера. Изъ нихъ хорошій успѣхъ имѣли «Аракчеевъ» и «Князь Тавриды». Въ 1898 году эти романы, изданные подъ заголовкомъ «Полное собраніе сочиненій Н. Э. Гейнце», составили восемь объемистыхъ томовъ. Съ 1895 по 1899 гг. покойный редактировалъ совместно съ В. В. Комаровымъ газету «Свѣтъ», затѣмъ сотрудничалъ по преимуществу въ «Петербургской Газетѣ». Отъ этой газеты былъ корреспондентомъ на Дальнемъ Востокѣ во время войны съ Японіей. Его корреспонденціи, составившія отдѣльный томъ подъ заглавіемъ «Въ дѣйствующей арміи», вышли повторнымъ изданіемъ. Затѣмъ Н. Э. напечаталъ свой новый романъ «На театрѣ войны». Онъ издалъ также сборникъ своихъ стихотвореній: «Риемованныя мысли и шалости пера». Умеръ онъ 61 года. (Некрологъ его: «Новое Время» 1913 года, № 13363).

† **Ивашенцовъ, А. П.** 4-го іюня скончался членъ петербургской судебной палаты по первому гражданскому департаменту Александръ Петровичъ Ивашенцовъ. До своего назначенія членомъ судебной палаты покойный былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ судебнымъ слѣдователемъ Царскосельскаго уѣзда. Имя Ивашенцова хорошо извѣстно въ спортивныхъ кругахъ. Въ разнаго рода состязаніяхъ, преимущественно по стрѣльбѣ, онъ избирался неоднократно судьей. Имъ напечатано въ «Новомъ Времени» множество статей по спортивнымъ вопросамъ. Его капитальный трудъ «Охота и Спортъ» представляетъ собой цѣнное изданіе по богатству матеріала и обстоятельной его разработкѣ. Прекрасный стрѣлокъ, страстный охотникъ, покойный увлекался почти всѣми видами спорта. Въ началѣ 90-хъ годовъ онъ явился однимъ изъ первыхъ велосипедистовъ въ Царскомъ Селѣ. Затѣмъ специально занялся изслѣдованіемъ лучшихъ велосипедовъ и издалъ въ 1895 году цѣнную справочную книгу: «Современный вело-

сипедь, выборъ его и примѣненіе». (Некрологъ его: «Новое Время» 1913 года, № 13373).

† **Романовъ, И. Ѳ.** 16-го мая скончался писатель-публицистъ Иванъ Ѳедоровичъ Романовъ, извѣстный читателямъ нѣсколькихъ петербургскихъ газетъ: «Слова» Н. Н. Перцова, «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и другихъ подъ псевдонимами Рцы и Гатчинскій отшельникъ. Покойный родился въ 1861 году, образованіе получилъ въ московскомъ лицѣе цесаревича Николая. Свою литературную дѣятельность началъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» Гилярова-Платонова, писалъ также въ «Руси» И. С. Аксакова. Одновременно служилъ по судебному вѣдомству, затѣмъ перешелъ въ государственный контроль, оттуда въ министерство земледѣлія. Когда служба заставила его жить въ Кіевѣ, онъ основалъ тамъ свой небольшой журналъ «Листопадъ» и съ переѣздомъ въ Петербургъ перевелъ сюда и свой журналъ. Публицистическія статьи покойнаго посвящались обычно злобамъ дня общественно-политическаго характера, отличались бойкостью и искренностью. (Некрологъ его: «Новое Время» 1913 года, № 13356).

† **Сокольскій, В. А.** 16-го мая скончался профессоръ Николаевской инженерной академіи и училища генераль-майоръ Викторъ Александровичъ Сокольскій. Покойный родился въ 1879 году. Изъ полтавскаго кадетскаго корпуса перешелъ въ Николаевское инженерное училище, изъ котораго вышелъ офицеромъ и началъ службу въ первомъ саперномъ батальонѣ. Затѣмъ онъ кончилъ курсъ въ Николаевской инженерной академіи и былъ оставленъ при академіи ренетиторомъ по строительному искусству. Его трудъ «Принципы экономичности въ постройкахъ» доставилъ ему профессуру въ академіи, съ которой онъ не разставался до конца жизни, будучи недавно произведенъ въ генераль-майоры. Какъ талантливый преподаватель, онъ высоко цѣнился въ академіи и, несмотря на свою молодость (умеръ тридцати четырехъ лѣтъ), пользовался извѣстностью и по своей специальности. При постройкѣ Троицкаго моста онъ былъ инспекторомъ по постройкѣ. Городская дума и различныя учрежденія неоднократно приглашали его къ участию въ общественныхъ работахъ и въ экспертизѣ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1913 г., № 13355).

† **Сосняковъ, Н. А., протоіерей,** 4-го мая сего 1913 г. скончался отъ воспаленія легкихъ при тяжелой формѣ склероза сердца протоіерей Николай Адриановичъ Сосняковъ. Покойный—свѣтъ причетника села Борковъ Старорусскаго уѣзда Новгородской губерніи. Отецъ его за пятидесятилѣтнюю службу церкви Божьей въ скромной должности причетника по ходатайству сына-протоіерея 1-го августа 1892 года былъ возведенъ въ санъ дьякона на псаломщицкой вакансіи въ то же село. Покойный же отецъ протоіерей былъ питомецъ старой, еще не реформированной, суровой духовной школы, требовавшей отъ учащихся огромной затраты силъ и здоровья. Особенно трудной была духовная академія, гдѣ въ то время изучались всѣ богословскія науки, безъ раздѣленія ихъ на группы, какъ это дѣлается нынѣ, и, кромѣ того, изучались еще слѣдующія свѣтскія науки: философія, математика, логика, метафизика и психологія. Родился онъ 7-го мая 1845 года, девяти лѣтъ поступилъ въ старорусское духовное училище, гдѣ учился шесть лѣтъ, затѣмъ шесть же лѣтъ учился въ новгородской

семинаріи, по окончаніи которой былъ назначенъ въ петербургскую духовную академію и окончилъ ее въ 1869 году, со степенью кандидата. По окончаніи курса въ академіи былъ оставленъ при ней въ должности помощника секретаря академическаго правленія. Черезъ годъ, въ 1870 г., онъ получилъ мѣсто законоучителя мужской и женской гимназій въ городѣ Радомѣ и одновременно должность настоятеля единственной въ то время въ Радомѣ православной церкви. Въ 1876 году онъ перевелся въ Петербургъ священникомъ церкви святой Маріи Магдалины при школѣ фельдшерницъ и Рождественскихъ лазаретныхъ баракахъ петербургскаго дамскаго благотворительнаго общества, каковую службу соединилъ съ должностью законоучителя Маріинской женской гимназіи. Въ 1880 году онъ былъ перемѣщенъ на должность старшаго законоучителя Николаевского сиротскаго института, но продолжалъ въ то же время и законоучительство въ Маріинской женской гимназіи. Наконецъ, въ 1898 году онъ перешелъ на епархіальную службу ключаремъ въ Казанскій соборъ въ Петербургѣ, въ 1909 году былъ назначенъ настоятелемъ того же собора, каковую службу и продолжалъ до своей тяжелой болѣзни и смерти. Покойный былъ весьма добрый, отзывчивый человѣкъ; во все время своей службы въ Казанскомъ соборѣ онъ съ охотою завѣдывалъ пріютомъ престарѣлыхъ и больныхъ при Казанскомъ соборѣ; послѣдній годъ онъ состоялъ предсѣдателемъ попечительства о бѣдныхъ духовныхъ петербургской епархіи. 19-го марта, будучи уже больнымъ, онъ около пяти часовъ пробылъ на засѣданіи попечительства, гдѣ было рассмотрѣно свыше ста пятидесяти прошеній; послѣ такого труда, для него бывшаго уже непосильнымъ, онъ едва добрался до своей квартиры. Это былъ послѣдній его служебный выходъ и послѣднее служебное дѣло... Какъ питомецъ старой духовной школы, онъ былъ преданнымъ сыномъ церкви, любилъ церковность, свято соблюдалъ церковные уставы и любилъ все церковное. Уставно и благоговѣнно совершалъ богослуженіе и усердно заботился о благолѣпнн церковныхъ службъ въ соборѣ. Въ дни юбилейныхъ торжествъ царствующаго дома онъ уже большой участвовалъ въ торжественныхъ церковныхъ службахъ. За сорокъ три года его пастырской службы много было составлено и произнесено имъ проповѣдей на разныхъ мѣстахъ его служенія. Весьма желательно, чтобы его родственники собрали и издали собраніе его проповѣдей и поученій. Отпѣваніе его происходило 7-го мая въ Казанскомъ соборѣ архіерейскимъ служеніемъ, въ присутствіи его родныхъ, друзей и многочисленнаго собранія духовныхъ дѣтей, прихожанъ и знакомыхъ, а погребеніе 7-го же мая на Митрофаніевскомъ кладбищѣ. По странному совпаденію, день рожденія отца Николая сталъ и днемъ его погребенія. Скончался шестидесяти восьми лѣтъ отъ роду. По словамъ одного изъ его сослуживцевъ, соборныхъ протоіереевъ, почтившихъ его память своимъ словомъ при отпѣваніи, покойный, какъ свѣча, сгорѣлъ на своей многотрудной пастырской службѣ, гдѣ онъ не падалъ силъ и здоровья и, уже будучи больнымъ, шелъ на церковную службу. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г. № 13344).

† **Сувчинскій, П. Е.** 12-го іюня скончался послѣ тяжелой болѣзни дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Евтихѣевичъ Сувчинскій. По окончаніи въ 1866 году института путей сообщенія П. Е. Сувчинскій служилъ при постройкѣ

многихъ желѣзныхъ дорогъ, былъ управляющимъ Грязе-Царицынской желѣзной дорогой и предсѣдателемъ правленія этой дороги. Оставивъ желѣзнодорожную дѣятельность, П. Е. Сувчинскій занялся нефтянымъ дѣломъ и былъ однимъ изъ учредителей «Русскаго товарищества Нефть». Страстный любитель сельскаго хозяйства, онъ довелъ въ своемъ имѣннѣ Тхоровка, Кіевской губерніи, производительность почвы до небывалой высоты, завелъ племенные питомники скота и организовалъ образцовое хозяйство. Въ своей кипучей энергіи онъ затратилъ много труда и средствъ на поднятіе культурнаго уровня крестьянъ своего села. Имъ построены зданія для школы, и, благодаря его участию, церковно-приходская школа въ Тхоровкѣ можетъ служить примѣромъ правильной постановки школьнаго дѣла. Онъ построилъ въ этомъ селеніи лучшую въ уѣздѣ церковь, богослуженіе въ которой сопровождается пѣніемъ образцоваго церковнаго хора; устроилъ и содержалъ на свой счетъ бесплатный пріемный покой для жителей Тхоровки и окрестныхъ деревень, устроилъ для дѣтей дошкольнаго возраста дѣтскій садъ, въ которомъ дѣти, подъ надзоромъ воспитательницъ, проводятъ цѣлыя дни съ ранняго утра до поздняго вечера. Здѣсь ихъ моютъ, переодеваютъ въ чистыя платья и кормятъ. П. Е. Сувчинскій пожертвовалъ города Сквирѣ, близъ котораго находится его имѣніе, обширную усадьбу съ каменнымъ зданіемъ для мужской гимназіи и, благодаря его крупному пожертвованію, въ Сквирѣ имѣется въ настоящее время среднее учебное заведеніе. Съ прошлаго года онъ приступилъ къ постройкѣ большаго зданія въ 220,000 рублей для мужской гимназіи съ тѣмъ, чтобы въ ранѣе подаренномъ имъ помѣщеніи была открыта женская гимназія. Такова была кипучая и плодотворная дѣятельность покойнаго. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913, № 13381).

† **Тихомировъ, І. И.** 28-го мая скончался помощникъ предсѣдателя училищнаго совѣта при святѣйшемъ синодѣ и предсѣдатель издательской комиссіи того же совѣта протоіерей Іоаннъ Ильичъ Тихомировъ. Покойный—сынъ бѣднаго и многосемейнаго дьякона города Муромъ Владимирской губерніи; родился въ 1855 году. Несмотря на стѣсненныя матеріальныя условія, онъ съ успѣхомъ прошелъ курсъ духовныхъ семинаріи во Владимирѣ и московской академіи. Въ 1880 году былъ назначенъ преподавателемъ волынской духовной семинаріи. Въ ней пробылъ двѣнадцать лѣтъ, занимаясь параллельно въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ и состоя редакторомъ «Почаевского Листка». Въ этотъ періодъ дѣятельности І. И. напечаталъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ рядъ статей научно-богословскаго характера. Въ 1892 году І. И. переведенъ смотрителемъ житомирскаго духовнаго училища и принялъ священническій санъ. Въ то же время онъ былъ назначенъ сначала членомъ, затѣмъ предсѣдателемъ волынскаго епархіальнаго училищнаго совѣта. Пребываніе его въ этихъ должностяхъ отмѣчено рядомъ мѣропріятій въ пользу улучшенія школьнаго дѣла. Труды покойнаго были замѣчены въ синодальныхъ сферахъ, и въ 1903 году онъ былъ поставленъ въ центрѣ церковно-школьнаго управленія на постъ помощника предсѣдателя училищнаго совѣта при святѣйшемъ синодѣ и предсѣдателемъ издательской комиссіи того же совѣта. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913, № 13367).

† **Тихомировъ, К. И.** 19-го мая, въ 9 часовъ вечера, на шестьдесятъ второмъ году жизни скончался отъ крупознаго воспаленія легкихъ, начавшагося послѣ операциі кишечника, одинъ изъ старѣйшихъ книгоиздателей К. И. Тихомировъ. Покойный—младшій братъ извѣстнаго педагога Д. И. Тихомирова. Происходилъ изъ семьи сельскаго священника Костромской губерніи. Окончилъ курсъ въ юнкерскомъ училищѣ. Въ 1874 году онъ поступилъ офицеромъ въ 69-й Рязанскій пѣхотный полкъ, расположенный въ Тамбовѣ. Въ 1880 году вышелъ въ запасъ съ чиномъ штабсъ-капитана и въ этомъ же году совмѣстно съ Е. Н. Тихомировой началъ книжное дѣло подъ фирмой: «Учебный магазинъ начальной школы». Вскорѣ къ книгоиздательству примкнулъ и Д. И. Тихомировъ. Въ 1893 году Д. И. и Е. Н. оставили совмѣстное дѣло, а покойный К. И. продолжалъ издательство одинъ подъ фирмой «Книгоиздательство К. И. Тихомирова». Благодаря энергіи и недюжиннымъ способностямъ покойнаго, его книгоиздательство достигло того блестящаго состоянія, въ которомъ оно находится въ настоящее время. Первой задачею книгоиздательства было изданіе учебной и дѣтской литературы. Особенное вниманіе К. И. обращалъ на созданіе популярной сельско-хозяйственной библіотеки. Имъ было издано много дешевыхъ брошюръ по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ для распространенія въ народѣ. Чтобы имѣть понятіе о томъ, какая педагогическая библіотека была издана покойнымъ, достаточно указать на такія популярныя сочиненія, какъ: Коменскій—«Великая дидактика», Джонъ Локкъ—«Мысли о воспитаніи», Песталоцци—«Педагогическія сочиненія», Кантъ—«О педагогикѣ», Вильманнъ—«Дидактика, какъ теорія образованія въ ея отношеніяхъ къ социологін и исторіи образованія», Вентцель—«Этика и педагогика творческой личности», затѣмъ сочиненія Гербарта, Ге, Франсуа, М. И. Демкова, Жюль-Жака Руссо и многія другія. Съ основанія фирмы по первое января нынѣшняго года К. И. было издано 1,073 названія книгъ и брошюръ, выдержавшихъ 2,043 изданія. Всего было выпущено въ свѣтъ книгоиздательствомъ около пятнадцати милліоновъ экземпляровъ на сумму свыше четырехъ милліоновъ рублей. За то же время было продано болѣе двѣнадцати съ половиной милліоновъ экземпляровъ, приблизительно на три съ половиной милліона рублей. Покойный за книгоиздательство получилъ свыше двадцати различныхъ наградъ—дипломовъ, золотыхъ и серебряныхъ медалей. Покойный былъ человекомъ очень отзывчивымъ къ нуждамъ учащихся. Почти всеѣмъ московскимъ гимназіямъ онъ предоставлялъ бесплатно извѣстное количество учебныхъ пособій и учебниковъ для раздачи бѣднымъ ученикамъ. Покойный никогда не оставлялъ безъ удовлетворенія просьбы разныхъ учреждений о присылкѣ книгъ. Немало выражений благодарности присылали и присылаютъ ему до сихъ поръ различные колоніи и пріюты. Состоя членомъ многихъ благотворительныхъ обществъ, К. И., помимо членскихъ взносов, жертвовалъ иногда крупныя суммы. Онъ былъ однимъ изъ основателей научнаго института. При школѣ села Тишилова Дмитровскаго уѣзда, гдѣ находится имѣніе К. И., существуетъ основанная имъ большая библіотека. Тамъ же онъ началъ устраивать ремесленное отдѣленіе при земской школѣ. Послѣ смерти покойнаго книгоиздательство будетъ продолжаться подъ фирмою «Наслѣдники К. И. Тихо-

мирова». Въ немъ дѣло будутъ вести сынъ и дочь покойнаго, Д. К. и А. К. Тихомировы. Почившій, отличаясь скромностью въ жизни, просилъ не возлагать на его гробъ вѣнковъ и не надѣвать траура. (Некрологъ его: «Русское Слово», 1913, № 116).

† **Холоднякъ, И. И.** 19-го мая скончался профессоръ императорскаго петербургскаго историко-филологическаго института Иванъ Ильичъ Холоднякъ, магистръ римской словесности. Покойный родился въ 1857 году и по окончаніи курса въ петербургской пятой гимназій съ золотой медалью поступилъ на историко-филологическій факультетъ петербургскаго университета. Его студенческое конкурсное сочиненіе на тему: «Слѣды народной латыни въ стѣнныхъ помпейскихъ надписяхъ и сатирахъ Петронія», отмѣчено золотой медалью. Вскорѣ по сдачѣ экзаменовъ на степень кандидата онъ былъ приглашенъ петербургскимъ университетомъ въ качествѣ преподавателя латинскаго языка и съ 1884 года читалъ въ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента лекціи по классической филологіи. Послѣ заграничной командировки онъ защитилъ въ 1888 году магистерскую диссертацию «Очеркъ развитія флексіи Genetivus singularis въ именныхъ основахъ на а—е—о» и былъ приглашенъ въ историко-филологическій институтъ профессоромъ по кафедрѣ римской словесности. Одновременно покойный читалъ классическую филологію на высшихъ женскихъ курсахъ и въ психо-неврологическомъ институтѣ. Въ послѣдніе годы состоялъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Ему принадлежатъ нѣсколько цѣнныхъ научныхъ работъ по его специальности. Между прочимъ имъ переведены стихами комедіи Плавта «Menacchmi», элегіи Проперція и др. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913, № 13358).



прошломъ, если они были храбры и надежны. Говорили, что я былъ суровъ до крайности, но, очевидно, я не былъ плохимъ начальникомъ.

— Вы всё согласны на это?—громко и ясно спросилъ я.

Къ этому времени сошло внизъ еще нѣсколько солдатъ, остальные находились на бастионахъ.

— Подумайте хорошенько о томъ, что вы хотите сдѣлать!

— Мы уже думали, — отвѣчала сотня голосовъ. — Да здравствуетъ донъ Хаимъ!

И опять этотъ крикъ повторился въ сводахъ воротъ.

Я поклонился имъ.

— Спасибо вамъ, молодцы. Я не забуду этого часа. Теперь садитесь на коней и слѣдуйте за мной, какъ бывало прежде.

Они выбрали лошадей, которыхъ заранѣе по моему приказанію держали наготовѣ недалеко отъ воротъ.

— Что вы сдѣлали съ дономъ Хуаномъ Гарціа?—спросилъ я сержанта.

— Мы связали его и оставили наверху. Какъ прикажете съ нимъ поступить, синьоръ?

— Оставьте его тамъ же. Онъ самъ выбралъ для себя судьбу и, быть можетъ, очень умно.

Когда я вышелъ за ворота Гертруденберга, мои старые солдаты были опять около меня—единственное, что мнѣ осталось отъ былого величія и силы, съ которыми я когда-то вступилъ въ этотъ городъ. Мои надежды были похоронены и остались теперь позади.

Мы быстро подвигались впередъ въ теченіе часа или двухъ. Вдругъ изъ арберггарда прискакалъ всадникъ: женщины и раненые не могутъ ѣхать дальше, если не дать имъ отдохнуть. Рано или поздно, намъ все равно надо было остановиться, чтобы дать отдыхъ конямъ. Поэтому я приказалъ сдѣлать привалъ.

Небо прояснилось, на немъ показались звѣзды. Вѣтеръ попрежнему былъ лѣдяной. Женщинъ сняли съ лошадей и усадили по краямъ дороги. Онѣ плакали и дрожали отъ холоду. Многія изъ нихъ были едва одѣты, большинство не умѣло ѣздить верхомъ. Я старался, насколько могъ, утѣшить ихъ, но страданія и страхъ лишили ихъ всякой силы. Тѣмъ не менѣе скоро надо было опять идти впередъ.

Я сталъ искать донну Маріонъ. Раньше я не обращалъ на нее вниманія, зная, что она сильна и отлично умѣетъ управляться съ лошадыю. Теперь я никакъ не могъ ее отыскать, и никто не зналъ, что съ нею произошло. Конечно, нельзя было требовать, чтобы люди неустанно слѣдили за каждой женщиной, если принять во вниманіе, при какихъ обстоятельствахъ мы выбрались изъ города. Несомнѣнно, что она осталась въ городѣ, какъ-нибудь отбившись

отъ насъ. Ибо когда мы прошли послѣднія ворота, женщины и раненые были помѣщены въ срединѣ, а сзади двигался сильный арьергардъ вооруженныхъ силъ.

— Донна Маріонъ,—громко крикнулъ я нѣсколько разъ, стараясь разглядѣть ее въ темнотѣ. Отвѣта не было.

Она, вѣроятно, отбилась отъ насъ во время схватки у башни. Но почему она отстала отъ насъ? Сколько я ни думалъ, я не могъ найти объясненія.

Между тѣмъ время шло, и надо было двигаться дальше. Я вздохнулъ и приказалъ выступать. Чтобы избѣгнуть разспросовъ старика Ванъ-деръ-Веерена о моей женѣ, я приказалъ, держать его подъ благовиднымъ предлогомъ подальше отъ женщинъ. Скоро я долженъ былъ самъ сказать ему правду, но теперь я этого сдѣлать не могъ.

Печально и медленно подвигались мы впередъ. По мѣрѣ того, какъ проходила ночь, длинная зимняя ночь, остановки приходилось дѣлать все чаще и чаще. Наконецъ на востокъ показалась слабо освѣщенная красная полоска. Но наступавшій день обѣщаль быть ужаснымъ. Тяжелыя облака массаами клубились на горизонтѣ. Мѣстность, по которой мы двигались, какъ нельзя лучше гармонировала съ сѣрымъ небомъ. То была обширная равнина съ рѣдкими, разбросанными тамъ и сямъ группами низкорослыхъ сосенъ, вѣтви которыхъ были искривлены и согнуты бурями. Извивавшаяся передъ нами дорога вела внизъ къ большой рѣкѣ, смутно бѣлѣвшей вдали...

Воздухъ сырой. Предразсвѣтный вѣтерокъ. Я дрожалъ. Какая-то странная усталость овладѣла мной. Я чувствовалъ себя разбитымъ и соннымъ. Шлемъ, казалось, давилъ меня съ такою силой, что я былъ не въ состояніи носить его. Я, вѣроятно, ѣхалъ, покачиваясь на сѣдлѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, очнувшись, я увидѣлъ, что я сижу, прислонившись къ краю дороги, а баронъ фонъ-Виллингеръ держитъ бутылку у моего рта.

Я бросилъ взглядъ вокругъ себя. Сначала я никакъ не могъ понять, гдѣ мы. Все вокругъ меня имѣло такой величавый и странный видъ. Все было бѣло. Невдалекѣ отъ насъ отрядъ войскъ темнымъ пятномъ тяжело расположился на снѣгу. Лошади понурили головы, и однѣ лишь пики торчали къ небу. За ними разстилалась обширная, пустынная равнина. Казалось, какъ будто мы затеряны въ этомъ бѣломъ безбрежномъ пространствѣ. Стоя недвижимо въ едва брезжущемъ свѣтѣ зари, солдаты имѣли какой-то необычно торжественный и вмѣстѣ съ тѣмъ печальный видъ. Сначала я не могъ понять, что все это значить.

— Это все результаты паденія на васъ этого проклятаго горшка, донъ-Хаймъ,—сказалъ баронъ.—Позвольте мнѣ снять вашъ шлемъ и промыть вамъ голову.

Тутъ я все вспомнилъ.

Онъ откуда-то принесъ воды, и я предоставилъ ему дѣйствовать, какъ онъ знаетъ. Вдругъ онъ взглянулъ на меня съ изумленіемъ и сказалъ:

— Вы посѣдѣли, донъ Ханмъ!

— Неужели?—спросилъ я равнодушно.

— Я сначала думалъ, что это отъ дыма, или, можетъ быть, пристала зола. Но это не отходить. Хорошій ударъ вы получили въ это мѣсто. Впрочемъ, дѣло ограничилось однимъ лишь ушибомъ. Черезъ день или два вы будете чувствовать себя опять молодцомъ. Надѣюсь, графиня здорова?—спросилъ онъ, поглядывая на меня.

— Не знаю,—отвѣчалъ я.—Она осталась въ Гетруденбергѣ.

Баронъ съ удивленіемъ сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Пресвятая Дѣва!—воскликнулъ онъ.

Онъ былъ лютеранинъ, но предпочиталъ выражать свои чувства, какъ то дѣлаютъ католики.

— Если бъ вы сказали мнѣ, донъ-Ханмъ, то не оказалось бы такого мѣста, котораго мы не взяли бы съ бою ради нея.

— Я знаю это и самъ не хотѣлъ уѣзжать изъ Гетруденберга безъ нея, но я не знаю, гдѣ она. Вѣроятно, ея разсудокъ не выдержалъ всѣхъ этихъ потрясеній.

Эту унижительную ложь я повторялъ всѣмъ, кто спрашивалъ меня о женѣ.

— Когда я вошелъ въ ея комнату, чтобы взять ее съ собой, ея тамъ не оказалось, а ждать ее было невозможно.

— Пресвятая Богородица!—повторялъ онъ.—Теперь я понимаю, отчего у васъ волосы посѣдѣли. Она въ Гетруденбергѣ, гдѣ донъ Педро полновластный хозяинъ!

Послѣднія слова онъ пробормоталъ себѣ въ бороду, думая, вѣроятно, что я его не услышу.

— Да,—отвѣчалъ я.—Но я выкололъ ему глаза. Хотя, признаюсь, могъ бы и совсѣмъ убить его.

Баронъ опять сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Heiliger Gott!—воскликнулъ онъ на этотъ разъ по-нѣмецки.—Много же вы натворили въ одну ночь!

— Да, не мало,—грустно отвѣчалъ я.—И еще больше предстоитъ сдѣлать. Прислушайтесь-ка.

Фонъ-Виллингеръ насторожился, потомъ сталъ на колѣни и позвалъ своего помощника и приказалъ ему строиться въ боевой порядокъ.

— Вы можете сидѣть на лошади, донъ-Ханмъ?—съ тревогой спросилъ онъ.

— Да, конечно. Теперь не время думать о своихъ болѣзняхъ.

Самой важной задачей было доставить женщинъ, раненыхъ

и вьючныхъ лошадей и вообще все, что задерживало ходъ войска, поскорѣе къ рѣкѣ, и если окажется возможнымъ, посадить ихъ на суда прежде, чѣмъ произойдетъ столкновение. Лодки, которыми я запасся заранѣе, были уже здѣсь и черной линіей тянулись по водѣ. Но ихъ было недостаточно, чтобы забрать насъ всѣхъ. Къ тому же не было и времени всѣмъ усѣсться въ нихъ. Мы еще не могли видѣть враговъ, такъ какъ съ четверть мили намъ пришлось ѣхать подъ уклонъ, но уже слышно было, какъ гдѣ-то вдали скачутъ лошади. Шумъ доносился еще издалека, былъ чуть слышенъ, но, если приложить ухо къ земли, становился совершенно явственнымъ.

Я считалъ, что мы уже внѣ опасности преслѣдованія, или, если сказать правду, я не обращалъ должнаго вниманія на то, насколько мы подвигаемся впередъ. Ибо цѣлую ночь я тщетно боролся съ судьбой. Раньше мнѣ удавалось раза два заставить ее уступить передъ моей волей, но въ рѣшительный часъ моей жизни она оказалась сильнѣе меня. Когда настало утро, я былъ уже обезсиленъ и не учитывалъ, какъ слѣдовало бы, время. Мы замѣшкались на нашемъ пути, опоздали на цѣлый часъ, а этотъ часъ значилъ многое.

Мы выслали впередъ багажъ и всѣхъ неспособныхъ сражаться и поторопили ихъ всячески. Но среди нихъ была, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, лишь суматоха и паника. Женщины кричали; нѣкоторыя изъ нихъ упали съ лошадей; нѣсколько лошадей отъ испуга шарахнулись въ сторону; мужчины ругались. Нѣкоторое время здѣсь былъ прямо адъ, пока я не протискался въ толлу и не водворилъ порядокъ.

Я наблюдалъ за этимъ авангардомъ, пока онъ не исчезъ въ оврагъ, черезъ который извивалась ведущая къ рѣкѣ дорога. Теперь онъ былъ въ безопасности: черезъ десять минутъ всѣ будутъ уже на берегу, черезъ полчаса всѣ успѣютъ усѣсться на лодки и будутъ въ безопасности на сѣрой водѣ. Что касается насъ, остающихся на берегу, то, конечно, мы могли долше выдержать натискъ, но какъ долго—этого никто не могъ сказать. Я сдѣлалъ послѣднія распоряженія. Потомъ мы остановились на дорогѣ и стали ждать.

Пошелъ снѣгъ, падавшій тихо и медленно. Отлично. По крайней мѣрѣ гѣмъ, чей часъ уже насталъ, будетъ мягче лежать, и ихъ могила будетъ красивѣе подъ этимъ безукоризненно-бѣлымъ покровомъ. Я самъ ждалъ для себя такой могилы. Хотя лошади будутъ топтать мой трупъ, но слѣды ихъ копытъ будутъ незамѣтны подъ хлопьями снѣга. Мои заблужденія и преступленія будутъ навѣки похоронены подъ этой густой пеленой. Вѣченъ и глубоко будетъ мой сонъ. И весной, когда дорогой поскачутъ цѣлые эскадроны, ихъ шумъ уже не потревожитъ меня. Я готовился жизнью уплатить свой долгъ королю и своей женѣ. Но пока она была

еще въ Гертруденбергѣ, я не могъ сдержать этого послѣдняго обѣщанія. Я долженъ жить,—если смерть не рѣшитъ иначе.

Итакъ, мы сидѣли на коняхъ и ждали. На нашихъ шлемахъ отъ снѣга образовались маленькія бѣлыя горки. Передъ нами стлалась бѣлая пустынная дорога.

Вдругъ на томъ мѣстѣ, откуда дорога начинается понижаться, появился темнымъ пятномъ авангардъ непріятеля. Увидѣвъ насъ, они приостановили лошадей; потомъ, не давъ имъ передохнуть и не дожидаясь, пока всѣ выстроятся въ боевой порядокъ, они разомъ ринулись внизъ по дорогѣ. Донъ-Альваръ былъ молодъ и нетерпѣливъ, но, когда преслѣдуешь тигра, эти качества не приводятъ къ добру.

Мы ждали, пока они полнымъ карьеромъ проскакали половину дороги отъ начала склона до насъ. Затѣмъ, вдругъ раздѣлившись на правый и лѣвый флангъ, бросились на нихъ съ возвышенности, поднимавшейся по обѣимъ сторонамъ дороги. Столкновение было ужасно, но длилось недолго: они были захвачены какъ бы желѣзными тисками, изъ которыхъ нельзя было вырваться.

Лишь немногимъ удалось послѣдовать за дономъ-Альваромъ, который едва спасъ свою жизнь и пытался соединиться съ остальными войсками, показавшимися на гребнѣ дороги. Длинные сабли нѣмцевъ сдѣлали свое ужасное дѣло. Въ этой схваткѣ было проявлено немало храбрости, много старыхъ счетовъ было сведено въ этотъ день!

По дорогѣ неслись уже свѣжія войска, встрѣчая на подорогѣ остатки своего разбитаго авангарда. У насъ едва было времени передохнуть и вытереть кровь.

Мы бросились на нихъ вторично. На этотъ разъ они встрѣтили насъ на ровномъ мѣстѣ: дорога была завалена трупами.

Мы еще разъ выдержали бурю, но это стоило намъ дорого. Вѣтеръ дулъ намъ въ лицо, снѣгъ билъ прямо въ глаза, и я самъ принужденъ былъ вести въ битву своихъ людей. Дважды я становился во главѣ моего отряда, и мы врѣзались въ ряды враговъ, какъ желѣзный клинъ, и дважды мы были отброшены. Только на третій разъ удалось намъ сломить ихъ, но это обошлось намъ дорого. Я не обращалъ вниманія на число убитыхъ—ихъ было много.

На дорогѣ показались новыя силы, и сквозь падающій снѣгъ мы видѣли, какъ вдали они выстраивали свои ряды въ боевой порядокъ.

— Чортъ побери! Они, кажется, выслали сюда весь гарнизонъ Гертруденберга!—пробурчалъ себѣ въ бороду фонъ-Шварцау, подѣхавшій ко мнѣ за приказаніями.—Кажется, они не оставили въ городѣ ни одного человѣка, который можетъ сидѣть на сѣдлѣ. Это большая честь для насъ, или, скорѣе, для васъ, синьоръ. Что касается меня, то я предпочелъ бы, чтобы такого отличія не было.

Вѣтеръ немного стихъ, пространство между нами было чисто, и я ясно различалъ каталонцевъ дона Альварца, которые сгруппировались, приготовляясь къ атакѣ. Это была лучшая часть моего войска, и я обыкновенно самъ водилъ ихъ въ битву. Если бы они бросились на насъ сейчасъ же, намъ былъ бы конецъ. Лошади наши были утомлены, да и сами мы ослабли отъ напряженія и потери крови. Я сталъ махать рукой барону фонъ-Виллингеру, командовавшему на лѣвомъ флангѣ, который мнѣ отвѣтилъ тѣмъ же: онъ понималъ значеніе моего жеста.

Сзади меня былъ старый Родриго, который вчера вечеромъ выступилъ парламентаромъ отъ моей бывшей гвардіи. О себѣ я не заботился, но ихъ участь тревожила меня.

— Глупо ты сдѣлалъ, Родриго, что пошелъ за мной,—сказалъ я, повернувшись къ нему.

— Ничего, синьоръ. Для насъ это лучше. Не правда ли, товарищи? Да здравствуетъ донъ Хаимъ де-Хорквера, или смерть!

Сабли поднялись вверхъ, и порѣдѣвшіе ряды моихъ войскъ энергично повторили этотъ возгласъ.

Я поклонился и поблагодарилъ ихъ. Если бъ только не было съ моей стороны измѣны, я и не желалъ бы для себя лучшаго конца.

Такъ ждали мы послѣдней атаки, а съ нею и смерти. Но смерть не явилась.

Я видѣлъ, какъ донъ-Альваръ и его офицеры подняли шпаги и скомандовали атаку, но стоявшіе сзади ихъ ряды остались неподвижны. Онъ еще разъ приказалъ двигаться впередъ, но и на этотъ разъ солдаты не тронулись съ мѣста. Тутъ снѣгъ пошелъ прямо намъ въ лицо, и я не могъ видѣть, что было дальше.

Мы продолжали ждать. Но все было тихо. Только снѣгъ попрежнему летѣлъ на насъ густой пеленой, да слышны были крики вороновъ, усѣвшихся на мертвыя тѣла.

— Вы одержали огромную побѣду, донъ-Хаимъ,—послышался около меня голосъ Шварцау.—Это больше, чѣмъ отразить атаку. Этимъ можно гордиться.

И я, дѣйствительно, гордился. Не знаю, имѣлъ ли я на это право. Вѣдь я былъ измѣнникомъ, а мои бывшія войска возмутились противъ начальства изъ-за меня. А все произошло изъ-за одной женщины, которая оскорбила меня, насмѣялась надо мной и сторонилась меня при всякомъ моемъ приближеніи.

Мы подняли раненыхъ и медленно двинулись дальше къ рѣкѣ. Тутъ мы стали кричать лодкамъ, чтобы онѣ вернулись и захватили насъ съ собой.

На другомъ берегу бѣглецы сбились въ жалкую продрогшую кучу. Но здѣсь они были въ безопасности. Конечно, это чего-нибудь да стоило.

Тутъ былъ высшій законъ, чѣмъ простая присяга королю, который тысячами жегъ своихъ подданныхъ только за то, что они поклонялись Господу Богу не такъ, какъ это было установлено его духовенствомъ.

Можетъ быть, больше позора для меня было въ томъ, что я такъ долго служилъ ему, чѣмъ въ томъ, что я нарушилъ наконецъ свою присягу.

Въ первый разъ чувство стыда не давило меня больше, когда я увидѣлъ тѣхъ, кого спасъ. И въ часъ битвы не проклетіе, а благословеніе низошло на меня.

Мы перевязали наши раны и остановились для отдыха. Печальная то была остановка среди крутившагося снѣга. Я подошелъ къ женщинамъ, чтобы взглянуть, что имъ нужно. Тутъ ко мнѣ бросился старикъ ванъ-деръ-Вееренъ.

— Дочери моей, вашей жены, донъ Хаимъ, ея нѣтъ здѣсь!— кричалъ онъ.—Никто ничего не можетъ сообщить о ней!

Часъ объясненія насталь.

— Я знаю это, донъ Генрикъ. Сначала позвольте мнѣ осмотрѣть этихъ несчастныхъ, а потомъ мы поговоримъ съ вами.

Кое-какъ мы развели нѣсколько костровъ и стали готовить пищу. Пока другіе ѣли, я отвелъ ванъ-деръ-Веерена въ сторону и открылъ ему всю правду.

— О, бѣдное дитя мое!—закричалъ онъ, закрывая лицо руками.

— Я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ. И сдѣлалъ бы еще больше, если бы она не покинула меня. Послѣдуй она за мной, она теперь была бы свободна. Теперь же я долженъ жить.

— Я не обвиняю васъ, донъ Хаимъ. Богъ запрещаетъ дѣлать то, что, по вашимъ словамъ, она сдѣлала. О, это все горячая испанская кровь! О, если бъ вы сказали мнѣ раньше! Да сжалятся надъ нами Господь!

— Не падайте духомъ, донъ Генрикъ. Можетъ быть, не все еще погибло. Если будетъ можно, я возьму обратно Гертруденбергъ.

Приказано было итти дальше. Мы сѣли на лошадей и по снѣжной метели двинулись къ лагерю принца Оранскаго.

Я не ясно теперь помню все, что съ нами было, пока мы не добрались до принца Оранскаго. Моя голова горѣла, и мнѣ представлялись странныя зрѣлища,—не знаю только, было ли все это въ дѣйствительности. Трудный то былъ путь сквозь градъ и снѣгъ, а тутъ еще въ арберггардѣ тянулась длинная печальная вереница раненыхъ. Дологъ былъ нашъ путь, ибо намъ приходилось дѣлать огромный крюкъ, чтобы обходить города, занятые гарнизономъ герцога, отдаваться же во власть возставшихъ мнѣ не хотѣлось, пока я не переговорю съ принцемъ.

Его лагерь находился подъ Сассенгеймомъ, на южномъ концѣ Гаарлемскаго озера. Но было вѣроятнѣе, что мы скорѣе найдемъ его въ Лейденѣ, лежавшемъ на нѣсколько миль южнѣе. Поэтому мы направили свой путь къ этому городу.

Помните, какъ-то разъ отрядъ королевскихъ войскъ пытался преградить намъ путь. Кто командовалъ этимъ отрядомъ, какъ великъ онъ былъ—этого я не могу припомнить. Не могу припомнить и того, почему они пропустили насъ. Мы проѣхали мимо, и тѣмъ дѣло и кончилось.

Наконецъ мы подъѣхали къ воротамъ Лейдена. Помните, это было утромъ 29-го. А, можетъ быть, это произошло днемъ позже или раньше,—хорошенько не могу припомнить. Мы выслали впередъ женщинъ и раненыхъ и просили разрѣшенія войти въ городъ.

Насъ спросили, кто мы такіе.

— Бѣглецы съ юга,—отвѣчалъ я.—Несемъ важное извѣстіе для принца.

Дежурный офицеръ посмотрѣлъ на насъ съ удивленіемъ, сначала на меня, затѣмъ на повозки съ женщинами и ранеными, наконецъ на длинную вереницу всадниковъ, конецъ которой терялся въ туманѣ. Они казались грознѣе, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ: съ тѣхъ поръ, какъ мы выѣхали изъ Гертруденберга, ряды ихъ сильно порѣдѣли.

— Съ вами порядочныя силы, какихъ не бываетъ у бѣглецовъ,—произнесъ офицеръ.—Его высочеству уже извѣстно о вашемъ прибытіи?

— Нѣтъ. Поэтому я былъ бы очень благодаренъ вамъ, если бы вы доложили о насъ, — сухо отвѣтилъ я.—Ему нечего бояться,—прибавилъ я.—Я прошу только пропустить въ городъ женщинъ, раненыхъ и лицо, которое должно передать ему важныя извѣстія. Войска отойдутъ на такое разстояніе, на какое ему будетъ угодно, и будутъ ждать его рѣшенія.

Офицеръ отправился съ рапортомъ къ своему начальству, а мы остались ждать.

Черезъ нѣкоторое время онъ вернулся и сообщилъ, что моя просьба уважена, но что войска должны отойти по крайней мѣрѣ на четверть мили и стоять тамъ прежде, чѣмъ отворятся ворота для впуска подводы.

Я изъясилъ свое согласіе и сдѣлалъ необходимыя распоряженія.

— Кто желаетъ говорить съ принцемъ?—спросилъ затѣмъ офицеръ.

— Это я,—отвѣчалъ я.

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня.

Баронъ фонъ-Виллингеръ, ѣхавшій рядомъ со мной, тихо сказалъ:

— Вы сильно рискуете, донъ Хаимъ. Хорошо ли вы обдумали то, что вы дѣлаете?

— Да, баронъ, я хорошо обдумалъ все. Но я хочу вѣрить принцу. Кромѣ того, если бы рискъ былъ еще больше, то и тогда я поступилъ бы такъ же, ибо я долженъ сдѣлать это. Мы немало рисковали за эти три дня. Разрѣшите сначала пропустить повозки?—спросилъ я офицера.

— Мнѣ приказно прежде всего пропустить лицо, желающее говорить съ принцемъ,—отвѣчалъ онъ.

— Отлично, я готовъ слѣдовать за вами.

— Не ходите одинъ, донъ Хаимъ,—прошенталъ баронъ фонъ-Виллингеръ.—Позвольте мнѣ итти съ вами.

— Благодарю васъ. Но вы и такъ уже много для меня сдѣлали. А что еще остается сдѣлать, это долженъ сдѣлать я. Какъ я уже сказалъ, мнѣ хочется вѣрить принцу.

Офицеръ посмотрѣлъ на меня съ большимъ любопытствомъ, когда я проходилъ подъ темными сводами воротъ. Но наличникъ у меня былъ спущенъ, и онъ не многое могъ видѣть. Пройдя ворота, я нашелъ конвой изъ четырехъ вооруженныхъ людей: два изъ нихъ пошли впереди меня, два сзади. При желаніи я могъ воображать, что это почетный карауль. Но можно было думать также, что меня конвоируютъ, какъ плѣнника.

Такимъ образомъ шель я по улицамъ Лейдена, направляясь къ дому принца.

Городъ Лейденъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ и красивѣйшихъ городовъ Голландіи. Онъ еще не такъ давно сбросилъ съ себя иго герцога и изгналъ испанскій гарнизонъ. Когда я шель по улицамъ, всюду виднѣлись огромныя пристани, красивые многоэтажные дома, въ которыхъ, очевидно, собрано такъ много богатствъ. Хотѣлъ бы я знать, что ожидаетъ этотъ городъ въ будущемъ. Сегодня надъ нимъ висѣли мрачныя тяжелыя облака: такъ же темна казалась и его дальнѣйшая судьба.

Никто изъ насъ въ герцогскомъ войскѣ не вѣрилъ, чтобы оставшіе могли имѣть хотя бы тѣнь успѣха.

Да и какъ можно было этому вѣрить? Мы переходили отъ побѣды къ побѣдѣ, брали городъ за городомъ и нигдѣ не встрѣчали серьезнаго сопротивленія. Только города на сѣверо-западѣ, зажатые между океаномъ и плотинами, держались еще противъ арміи короля.

Хотѣлъ бы я знать, что думали лейденцы, но они шли по своимъ дѣламъ совершенно спокойно, и ихъ поведеніе не говорило ни о страхѣ, ни о надеждахъ. Едва ли кто-нибудь обращалъ на насъ вниманіе, но, проходя, я замѣтилъ два-три любопытныхъ взгляда, брошенныхъ на насъ.

Мои мысли были заняты принцемъ. Я говорилъ съ барономъ фонъ-Виллингеромъ совершенно искренно, но тѣмъ не менѣе въ глубинѣ души я не былъ такъ увѣренъ.

Мнѣ никогда не приходилось ни видѣть принца, ни бесѣдовать

съ нимъ. Но я много слышала о немъ. Ни о комъ, кромѣ герцога Альбы, не говорили въ странѣ такъ много, какъ о немъ. Его надѣляли всѣми возможными качествами—хорошими и дурными. Храбрость и трусость, патриотизмъ и эгоизмъ, государственный умъ и полная неспособность къ правленію, сила и слабость, величіе и ничтожество—все это по очереди приписывалось ему. Что касается трусости, то, на мой взглядъ, такое мнѣніе представлялось наименѣе обоснованнымъ. Человѣкъ, который не побоялся въ 1566 году лицомъ къ лицу столкнуться съ разъяренной толпой въ Антверпенѣ, который одинъ, безъ всякой помощи боролся противъ короля Филиппа и Испаніи, который теперь окончательно связалъ себя съ дѣломъ, которое казалось заранѣе проиграннымъ,—такого человѣка, конечно, нельзя было упрекнуть въ недостаткѣ мужества. Что касается его талантовъ, то ихъ покажетъ будущее. Онъ говорилъ мало и не любилъ выставляться напоказъ. Но это, конечно, нисколько не доказывало его неспособности. Графъ Эгмонтъ былъ самымъ блестящимъ человѣкомъ въ Брюсселѣ. Народъ боготворилъ его. Но если въ Брюсселѣ былъ тщеславный и пустой глупецъ, то это былъ не кто иной, какъ побѣдитель при С.-Кентенѣ. Принцъ не могъ похвалиться подобными успѣхами. Но при современномъ положеніи дѣлъ онъ и не могъ ихъ имѣть.

Я не могъ уяснить себѣ причинъ, по которымъ онъ принялъ участіе въ этой войнѣ: онѣ были извѣстны ему да Господу Богу. Менѣе, чѣмъ кто-либо, принцъ позволялъ заглядывать себѣ въ душу. Если онъ думалъ не только о судьбѣ Голландіи, но принималъ въ расчетъ себя и свою семью,—что жъ, это вполнѣ естественно для каждаго, и я менѣе, чѣмъ кто-либо, могъ осуждать его за это.

Вотъ что было извѣстно о принцѣ Вильгельмѣ Оранскомъ, какъ объ общественномъ дѣятелѣ.

Объ его частной жизни мнѣ не было извѣстно ничего. Судьба до сего времени не благоволила къ нему. Невзгоды и несчастья не служатъ, впрочемъ, вѣрнымъ оселкомъ для испытанія людей. Имъ служить только власть, которой они уже успѣли вкусить. Не могу сказать, былъ ли онъ великодушенъ или мстителенъ, величавъ или мелоченъ въ своемъ обращеніи съ другими. Это странно, но люди таланта и счастливой звѣзды могутъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма мелочны. Герцогъ Альба, на примѣръ, никогда не могъ забыть словъ, сказанныхъ ему графомъ Эгмонтомъ послѣ побѣды при С.-Кентенѣ, и спустя десять лѣтъ помнилъ ихъ такъ же хорошо, какъ минуту спустя послѣ того, какъ они были сказаны.

Я принималъ участіе во всѣхъ битвахъ, которыя принцъ давалъ герцогу Альбѣ. При переходѣ черезъ Гету я помогъ разсѣять его арьергардъ; въ битвѣ при Монсѣ я едва не захватилъ принца въ плѣнъ. По моему совѣту, его сына отправили въ качествѣ не то заложника, не то плѣнника въ Испанію. И вотъ теперь я предаю себя

въ его руки, безъ всякихъ предосторожностей, отчасти по инстинкту, отчасти по отсутствію для меня всякаго иного выхода. Пройдетъ ли это мнѣ даромъ—неизвѣстно.

Наконецъ мы прибыли къ его дому. Я слѣзъ съ лошади, совершенно окоченѣлый отъ холода: зима была необыкновенно сурова, а я просидѣлъ въ сѣдлѣ уже нѣсколько часовъ. Тѣмъ не менѣе самообладаніе вернулось ко мнѣ, ибо въ настоящій часъ должна была рѣшиться судьба моей жены.

Въ дверяхъ меня встрѣтилъ дежурный офицеръ.

— Вотъ лицо, которое желаетъ говорить съ принцемъ,—сказалъ старшій конвойный.

Офицеръ внимательно оглядѣлъ меня. Мое вооруженіе и сбруя моей лошади были довольно цѣнны.

— Какъ прикажете доложить о себѣ и отъ чьего имени вы явились къ принцу?—спросилъ офицеръ.

— Я донъ Хаимъ де-Хорквера графъ Абенохара и являюсь по своей собственной инициативѣ, — отвѣчалъ я, поднимая наличникъ.

Онъ впился въ меня взглядомъ, словно передъ нимъ предстало привидѣніе.

Такъ какъ онъ молчалъ и не двигался, то, выждавъ минуту, я спокойно повторилъ:

— Донъ Хаимъ де-Хорквера графъ Абенохара. Сначала довольно трудно произнести это имя, но потомъ мало-по-малу къ нему привыкаешь.

Онъ снова бросилъ на меня любопытный взглядъ и сказалъ:

— Мнѣ ваше имя хорошо извѣстно, но я былъ очень удивленъ, что пришлось его услышать здѣсь. Прошу извинить меня. Я сейчасъ доложу о васъ его высочеству.

Онъ скоро вернулся обратно и пригласилъ меня слѣдовать за нимъ.

Минуты черезъ двѣ я стоялъ передъ принцемъ. Я хорошо помню все, какъ было, ибо это былъ весьма унижительный моментъ. Я никогда не любилъ ренегатовъ и не могъ сказать принцу, что я пришелъ къ нему изъ любви къ Голландіи, которая, хотя и поздно, проснулась во мнѣ. Я пришелъ къ нему потому, что нуждался въ его помощи для того, чтобы спасти мою жену. И хотя я прибылъ не съ пустыми руками, однако могло показаться, что то, чего я требовалъ, превышало то, что я могъ предложить. А я былъ не мастеръ выпрашивать.

Комната, въ которую меня ввели, была не велика и слабо освѣщена: день былъ сумрачный, а потолокъ темнаго дуба поглощалъ и тотъ слабый цвѣтъ, который проникалъ черезъ низкое окно. На письменномъ столѣ горѣли еще двѣ свѣчи. На каминѣ противъ двери горѣло нѣсколько большихъ полѣньевъ дровъ.

Принцъ стоялъ, прислонившись спиной къ камину. Его окружали три или четыре лица, которыхъ я не зналъ.

Я сразу узналъ принца, хотя я никогда не видалъ его раньше. Несмотря на то, что онъ держалъ себя спокойно и въ высшей степени скромно, никого другого изъ присутствовавшихъ нельзя было принять за главнаго начальника. Его волосы уже порѣдѣли и начинали сѣдѣть на вискахъ, хотя ему было всего тридцать девять лѣтъ. Но глаза его блестѣли и выдавали большую внутреннюю силу.

Я поклонился и ждалъ.

— Вотъ неожиданный визитъ, графъ,—началъ принцъ по-испански.—Да еще при самыхъ странныхъ обстоятельствахъ. Могу спросить, чему я обязанъ удовольствіемъ видѣть васъ здѣсь?

— Ваше высочество,—отвѣчала я по-французски:—я прибылъ сюда для того, чтобы предложить вамъ мою шпагу и нѣсколько сотенъ всадниковъ, если Голландіи могутъ понадобится наши услуги.

Мои слова, по всей вѣроятности, изумили принца, но онъ не показавъ и виду. Всѣ окружавшіе его были удивлены. Всѣ смотрѣли на меня, какъ смотрѣли бы на дьявола, входящаго въ рай съ просьбой дать ему мѣсто въ рядахъ небснаго воинства. Но принцъ оставался спокойнымъ и невозмутимымъ.

— Если мы примемъ ваше предложеніе, то каковы будутъ ваши условія?—спросилъ онъ.

— Я не ставлю никакихъ условій, ваше высочество. Если вы примете наши услуги, то, можетъ быть, я попрошу у васъ одной милости. Но условій я никакихъ не ставлю.

Принцъ въ упоръ сталъ смотрѣть мнѣ прямо въ глаза, какъ бы стараясь прочесть въ моей душѣ. Выдерживать этотъ взглядъ съ ложью на сердцѣ было не особенно пріятно. Но для меня не было необходимости скрываться отъ его взгляда. Я говорилъ искренно, и самое унижительное для меня было впереди.

Я также впервые встрѣтилъ человѣка, который не боялся моего взора, и сразу почувствовалъ къ нему какую-то странную симпатію, которая обыкновенно невольно вспыхиваетъ между двумя сильными натурами.

— Какое ручательство вы можете представить?—гѣмъ же спокойнымъ, холоднымъ тономъ спросилъ принцъ.

— Кромѣ себя самого, никакого,—отвѣчала я.

Тотъ же вопросъ поставила мнѣ когда-то донна Изабелла и получила тотъ же отвѣтъ. Но у принца было больше основаній задать такой вопросъ.

— Гордый отвѣтъ, графъ.

— Можетъ быть. Прошу извинить меня, такъ какъ другого дать я не въ состояніи.

— Разрѣшите мнѣ, ваше высочество, сказать нѣсколько словъ,—промолвилъ одинъ изъ стоявшихъ около принца.

— Говорите,—отвѣчалъ принцъ, полуобернувшись къ нему.

— Позвольте предостеречь васъ: не довѣряйтесь этому человеку. Онъ былъ злымъ гениемъ герцога Альбы: онъ исполнялъ все, что тотъ приказывалъ; сжигалъ и конфисковалъ всюду, куда бы его ни послали. Изъ всего этого проклятаго народа онъ самый проклятый. По его настояніямъ увезли вашего сына въ Испанію—не забывайте этого, ваше высочество. Дѣйствительно, донъ Хаимъ де-Хорквера, вы обнаружили громадное мужество, явившись сюда одинъ и предавъ себя въ руки принца и его друзей.

— Я пришелъ сюда, довѣряя принцу, ибо онъ принцъ,—просто отвѣчалъ я. — Что касается его друзей, то я готовъ свести съ ними счеты, какимъ имъ будетъ угодно образомъ, въ томъ числѣ и съ вами, графъ.

Судя по его манерамъ, я былъ почти увѣренъ, что предо мной былъ графъ Люмей де-Ламаркъ. И я дѣйствительно не ошибся.

— Теперь я только прибавлю, что я всегда былъ увѣренъ, что поступаю такъ, какъ это приличествуетъ моему имени. Герцогу незачѣмъ было заставлять меня. Ибо и безъ меня онъ привелъ съ собой достаточно народу изъ Испаніи. Да и здѣсь въ Брюсселѣ нашлось немало такихъ, которые готовы были исполнять его волю. Что касается остального, то я исполнялъ приказанія, которыя мнѣ передавались отъ имени короля, иногда даже вами, какъ это было, напримѣръ, при Горкѣ.

Онъ покраснѣлъ и схватился рукой за шпагу. Я глядѣлъ на него холодно и даже пальцемъ не пошевелилъ, ибо съ графомъ Люмеемъ считался меньше, чѣмъ съ кѣмъ-либо.

Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ что-нибудь отвѣтить, принцъ поднялъ руку и сказалъ тѣмъ спокойнымъ, но повелительнымъ тономъ, который исключалъ всякую возможность противорѣчія:

— Тише, де-Ламаркъ. Извините, графъ Абенохара. Но завѣренія испанцевъ, которыя они даютъ еретикамъ, до сего времени были таковы, что не исключали необходимости принимать мѣры предосторожности. Согласитесь, что появленіе испанскаго военачальника, имѣющаго такую репутацію и положеніе, какъ вы, и покидающаго герцога, чтобы перейти ко мнѣ, не имѣющему возможности похвастаться ни одной побѣдой, согласитесь, что это странная вещь, и что мы имѣемъ право удивляться.

— Ваше высочество, вы изволите забывать, что я ношу не только испанскій титулъ, но по моему отцу я вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Авендорпскій, а это уже касается голландской земли. Иначе не было бы оправданія тому шагу, который я сдѣлалъ.

Это, казалось, подѣйствовало на принца. По крайней мѣрѣ голосъ его звучалъ уже не такъ холодно, когда онъ сказалъ:

— Вы правы. Я забылъ объ этомъ, Извините меня. Но я не могу говорить съ вами, какъ бы хотѣлъ,—какъ дворянинъ съ дворяни-

номъ. Ибо народъ ввѣрилъ свою судьбу въ мои руки и разсчитываетъ, что, при всей ихъ слабости, онѣ будутъ защищать его противъ величайшей державы міра. Поэтому разрѣшите мнѣ прежде, чѣмъ принять ваше предложеніе, задать вамъ два-три вопроса.

— Охотно,—отвѣчалъ я.—Спрашивайте, ваше высочество.

— Я слышалъ, что вы привели съ собою бѣглецовъ. Не пожелаете ли дать намъ объясненія относительно ихъ? Можетъ быть, намъ придется благодарить васъ гораздо больше, чѣмъ это мы предполагаемъ.

— Это плѣнники инквизиціи въ Гертруденбергѣ, которымъ я управлялъ всего три дня тому назадъ. Рѣшивъ сдѣлать то, что я сдѣлалъ, я освободилъ ихъ и привелъ ихъ съ собой вмѣстѣ съ частью гарнизона, который пожелалъ раздѣлить мою участь, даже если ему придется сражаться противъ короля Филиппа. То, что я сказалъ, могутъ подтвердить сами бѣглецы.

— Я не говорилъ, графъ, что я сомнѣваюсь въ вашихъ словахъ. Я только просилъ разрѣшить мнѣ нѣсколько вопросовъ.

Я поклонился и продолжалъ:

— Я скажу вамъ больше, ваше высочество, не дожидаясь, пока вы меня будете спрашивать. Я буду откровененъ и не буду утверждать, что явился сюда только изъ любви къ Голландіи. Нѣтъ, не эта причина руководила моими дѣйствіями, хотя, можетъ быть, это и должно было бы быть. Но я скажу вамъ истинную причину. Я прибылъ сюда потому, что у меня не было другого выхода. Я совершилъ два преступленія: я спасъ женщину отъ костра и далъ возможность ускользнуть полусотнѣ еретиковъ, чтобы тѣмъ снискать расположеніе моей жены-еретички. Если бъ я не сдѣлался бунтовщикомъ, я теперь шагаль бы арестантомъ по дорогѣ въ Испанію. Я говорю вамъ это, ваше высочество, для того, чтобы вы сами могли видѣть, что возврата для меня нѣтъ и что вы смѣло можете мнѣ довѣриться. Все, что я сказалъ, вы можете провѣрить путемъ разспроса другихъ.

— Повторяю, что я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ вашихъ словахъ, графъ. Благодарю васъ за откровенность и не буду больше колебаться. Если вы отнынѣ хотите вѣрно служить Голландіи, мы не будемъ больше спрашивать, какіе мотивы руководятъ вами. Больше того, мы откровенно скажемъ вамъ, что съ радостью принимаемъ ваше предложеніе, ибо сильно нуждаемся въ помощи. Судьба Голландіи зависитъ отъ судьбы Гаарлема. Страна напрягаетъ всѣ силы, чтобы спасти его. Скоро туда будетъ отправленъ новый транспортъ. Вы примете командованіе надъ нимъ.

— Благодарю васъ, ваше высочество. Позвольте мнѣ напомнить, что я просилъ у васъ одной милости. Дайте мнѣ небольшой отрядъ, чтобы овладѣть Гертруденбергомъ. Потомъ вы можете посылать меня куда вамъ угодно; если даже меня будетъ ждать вѣрная смерть, я буду благодаренъ вамъ.

— Ваше высочество,—вдругъ вмѣшался опять де-Ламаркъ:—

извините, что я прерываю вашъ разговоръ. Но это уже слишкомъ. Этотъ человѣкъ, по его собственному сознанию, явился сюда безпомощнымъ бѣглецомъ съ пустыми руками. И онъ смѣетъ ставить какія-то условія! Онъ долженъ быть радъ, если мы дадимъ ему пріютъ.

Я выпрямился.

— Я говорилъ не съ вами, графъ, а съ принцемъ. Если я прибылъ сюда, какъ вы изволили выразиться, бѣглецомъ, то во всякомъ случаѣ не съ пустыми руками. Мое имя и моя шпага что-нибудь да значать.

Принцъ горделиво повернулся къ де-Ламарку.

— Кто здѣсь рѣшаетъ? Я, или вы, графъ? Извините за это вмѣшательство,—продолжалъ онъ, обращаясь прямо ко мнѣ.—Вы правы, и я не отказываю вамъ въ вашей просьбѣ. Какъ только судьба Гаарлема будетъ рѣшена, ваше желаніе будетъ исполнено.

— Ваше высочество, я не могу ждать. Я не многого требую. Дайте мнѣ тысячу человѣкъ на мѣсяцъ, но дайте сейчасъ. Потомъ будетъ уже поздно.

Принцъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Гаарлемъ тоже не можетъ ждать,—сказалъ онъ серьезно.—Если мы не поспѣшимъ на его выручку, тоже будетъ поздно.

— Если нельзя будетъ дать мнѣ тысячу людей, дайте пятьсотъ на двѣ недѣли. Не считайте меня эгоистомъ. Вспомните, что Гертруденбергъ—ключъ къ Брабанту и что обозы герцога Альбы проходятъ какъ разъ мимо него. Взавъ его, вы тѣмъ самымъ поможете и Гаарлему. Ваше высочество, — продолжалъ я, преклоняя предъ нимъ колѣна:—я еще ни передъ кѣмъ не становился на колѣни, кромѣ короля. Но теперь я преклоняюсь. Исполните мою просьбу, и я сдѣлаю все, что можетъ сдѣлать человѣкъ, чтобы отблагодарить за вашу милость.

— Прошу васъ, графъ, встаньте. Я еще не король, и я не хочу, чтобы передо мной становились на колѣни. Но скажите мнѣ причину, почему вы такъ на этомъ настаиваете?

Не поднимаясь съ колѣнъ, я отвѣчалъ:

— Въ Гертруденбергѣ осталась моя жена, и я боюсь, что она во власти инквизиціи.

— Боже мой!—тихо промолвилъ принцъ.

Всѣ, казалось, были взволнованы. Даже графъ де-Ламаркъ что-то пробормоталъ себѣ въ бороду.

— Можемъ мы отдѣлить тысячу человѣкъ, господа?—спросилъ принцъ.—Наша соотечественница находится въ бѣдѣ.

— Мы не можемъ отдѣлить ихъ, ваше высочество,—сказалъ высокий, серьезный человѣкъ, стоявшій справа отъ принца.—Транспортъ, быть можетъ, послѣдній передъ оттепелью, отправляется черезъ нѣсколько дней, и мы должны отослать съ нимъ всѣхъ людей: мы общали усилить гарнизонъ Гаарлема. Нельзя также ослаблять

и лагерь подъ Сассенгеймомъ. Если донъ-Фредерикъ не сниметъ осады, намъ понадобится каждый солдатъ, каждая лошадь для того, чтобы сдѣлать послѣднее отчаянное усиліе освободить это мѣсто.

— Но въ настоящее время, теперь...—продолжалъ настаивать принцъ:—неужели, мы на время не можемъ отдѣлить отрядъ?

— Нельзя, ваше высочество, ибо мы не знаемъ, когда придетъ нашъ часъ. Нельзя—ни тысячи, ни пятисотъ. То есть, если вы прикажете, мы ихъ отдѣлимъ. Но вся страна и всѣ города будутъ удивлены, что, потребовавъ отъ нихъ всѣхъ до послѣдняго человѣка, котораго они могутъ выставить, вы находите и солдатъ, и деньги для новыхъ завоеваній въ то время, когда Гаарлемъ гибнетъ. Ихъ рвеніе ослабнетъ, да и,—простите меня, ваше высочество,—вашъ авторитетъ пострадаетъ.

Я чувствовалъ, что этотъ человѣкъ говоритъ правду, и мое сердце упало. Я зналъ, что принцъ не можетъ исполнить мою просьбу. Если бъ онъ это сдѣлалъ, онъ не былъ бы человѣкомъ, способнымъ освободить страну. Я преклонялся передъ нимъ за то, что онъ приучилъ своихъ помощниковъ говорить ему въ лицо неприкрашенную правду.

Съ минуту принцъ молчалъ. Потомъ, обращаясь къ блѣдному человѣку, стоявшему отъ него влѣво, спросилъ:

— А вы, Филиппъ, какъ думаете? Нельзя ли набрать этотъ отрядъ въ вашихъ городахъ, взявъ отовсюду понемногу?

— Ваше высочество, гарнизонъ моихъ городовъ очень невеликъ. Если вы думаете только объ интересахъ государства, то вамъ нѣтъ выбора. Но...

При этомъ въ его глазахъ сверкнулъ какой-то теплый огонекъ, указывавшій на то, что этотъ человѣкъ не только администраторъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ энтузіастъ и поэтъ.

— Но государство вѣдь составляютъ мужчины и женщины. Само по себѣ государство—мертвое названіе. Ему даютъ жизнь люди. Оно существуетъ ими, и иной разъ, можетъ быть, не такъ благоразумно, зато благородно прежде всего вспомнить о страдающемъ человѣкѣ, а потомъ уже о всемъ народѣ. И если захочетъ Господь, безумная любовь можетъ принести въ концѣ концовъ лучшіе плоды, чѣмъ вся мудрость дѣтей міра сего.

Нѣсколько минутъ принцъ стоялъ въ глубокомъ раздумьѣ. Я ждалъ его отвѣта со страхомъ, хотя и предвидѣлъ его. Мнѣ кажется, я распозналъ его характеръ, какъ только вошелъ въ эту комнату.

— Я долженъ думать только о государствѣ,—тихо заговорилъ онъ.—Оно ввѣрило себя въ мои руки—и я не смѣю думать ни о чемъ другомъ. Страна борется на жизнь и смерть. Графъ, — продолжалъ онъ, подходя ко мнѣ и поднимая меня:—я глубоко сожалѣю, но я долженъ отклонить вашу просьбу. Я желалъ бы, чтобы мои силы были больше—ради Голландіи, ради васъ и вашей жены. Но Богу

извѣстно, что они не велики. Я тоже хотѣлъ бы ѣхать въ Испанію и освободить моего сына—и не могу. Для каждаго, кто стоитъ во главѣ государства, наступаетъ моментъ, когда его силы оказываются слишкомъ малы по сравненію съ тѣмъ, что требуется,—такъ малы, что ихъ только въ насмѣшку можно называть силой. Для меня такой моментъ наступалъ не разъ. Но я хочу сказать вамъ только одно. Не знаю, можетъ ли это васъ утѣшить. Вы объявили, что пришли сюда не изъ любви къ Голландіи, а потому, что для васъ не было другого выхода. Поэтому я не заставляю васъ думать объ нашей странѣ, хотя ея право на васъ освящено вѣками. Но въ вѣчной борьбѣ между правдой и кривдой, между свѣтомъ и тьмою, свободой и угнетеніемъ, борьбой, столь же древней, какъ и самъ человѣкъ, борьбой, которая теперь съ особой силой поднялась среди болотъ Голландіи, вы сдѣлали, можетъ быть, больше, чѣмъ вы думаете. Въ этой борьбѣ каждый изъ насъ долженъ быть готовъ на какую-нибудь жертву. Если на вашу долю выпадетъ принести наибольшую жертву, считайте, что судьба ваша стала великой. Жизнь измѣряется не радостями, а жертвами. Чѣмъ больше вы ихъ приносите, тѣмъ больше превосходите вы другихъ. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать.

Я получилъ теперь тотъ самый отвѣтъ, который когда-то въ старинные дни давалъ другимъ, хотя и не съ такой выразительностью. И увя! въ великой борьбѣ, о которой говорилъ принцъ, моя роль была не такая, какъ онъ предполагалъ. Его слова прозвучали для меня не утѣшеніемъ, а скорѣе упрекомъ.

Съ болью въ сердцѣ поднялся я съ колѣнъ. Моя просьба была безнадежна. Я стоялъ на колѣняхъ, и стоялъ напрасно. Но мнѣ нужно было дать ему отвѣтъ.

— Вы правы, ваше высочество. Я понимаю, что вы не можете исполнить того, о чемъ я просилъ. Теперь я вѣрю въ то, во что не вѣрилъ до сихъ поръ: вы можете освободить Голландію.

Слабый румянецъ показался на его щекахъ.

— Дай-то Богъ,—тихо промолвилъ онъ.—Но вы, кажется, не совсемъ здоровы, графъ?

Онъ имѣлъ основаніе задать мнѣ этотъ вопросъ. Странное чувство, которое я не сумѣю назвать, вдругъ охватило меня. Все двигалось вокругъ меня, все вдругъ потеряло для меня смыслъ и значеніе. Принцъ и его совѣтники, стоявшіе передо мной, серьезные и сосредоточенные, говорившіе мнѣ о правдѣ и несправедливости, о свободѣ и Гаарлемѣ,—какъ будто мнѣ это не все равно! Я желалъ одного: освободить мою жену. Сколько городовъ было взято приступомъ и разграблено—что мнѣ за дѣло, если къ ихъ списку прибавится еще одинъ? Толковать мнѣ о Гаарлемѣ! Это было нелѣпо. Помню, какъ у меня вдругъ явилось желаніе смѣяться, но смѣха у меня не было.

Но все это было глупо. Я просто бредилъ. Мнѣ казалось, что поль разверзается у меня подъ ногами, и, чтобы не упасть, я тяжело оперся на свою шпагу.

— Дайте стулъ для графа,—крикнулъ принцъ.—Боюсь, что вы нездоровы. Можетъ быть, вы ранены?

Но я уже побѣдиль свою слабость.

— Благодарю васъ, ваше высочество,—отвѣчалъ я, отодвигая поданный мнѣ стулъ.—Я слегка раненъ въ голову, и это иногда вызываетъ головокруженіе. Но это пустяки.

— Тѣмъ не менѣ вамъ нужно отдохнуть,—мягко сказалъ принцъ.—Прошу васъ воспользоваться моимъ гостепрїимствомъ.

Принцъ позвонилъ.

— Г. де-Виллье,—сказалъ онъ вошедшему камергеру:—это графъ Абенохара, который прїѣхалъ ко мнѣ въ гости. Пожалуйста, примите всѣ мѣры, чтобы онъ ни въ чемъ не нуждался. До свиданія, графъ. Мы увидимся съ вами, когда вы отдохнете. Можетъ быть, вамъ что-нибудь нужно?

— Среди бѣглецовъ находится отецъ моей жены ванъ-деръ-Вееренъ. Я былъ бы очень благодаренъ, если бы ему передали все, что здѣсь произошло. Кромѣ того, позвольте рекомендовать вашему вниманію, принцъ, моихъ людей. Они еще ждутъ на холоду, а сегодня имъ пришлось много поработать.

— Не беспокойтесь, о нихъ позаботятся. Помните, что судьба Гаарлема должна скоро рѣшиться къ худшему или къ лучшему. Если бы у меня была тысяча человѣкъ, я непременно далъ бы вамъ ихъ.

Я поблагодарилъ принца и вышелъ изъ комнаты, въ которой я поставилъ на карту свою послѣднюю ставку—и проигралъ.

Гаарлемъ, бѣдный, храбрый городъ! Никто изъ тѣхъ, кто стоялъ сегодня около принца, и не подозрѣвалъ, что его агонія будетъ продолжаться цѣлыхъ пять мѣсяцевъ и что всѣ его страданія и геройскія усилія останутся тщетными. Впрочемъ, это не совсѣмъ вѣрно: и въ самомъ своемъ паденіи онъ одержалъ побѣду. Онъ вернулъ Голландіи самоуваженіе и самоувѣренность. Онъ доказалъ, что за маленькую полоску земли, на половину затерянную среди сѣверныхъ морей, на которыхъ почти полгода висятъ густые темные туманы, люди готовы умереть съ такою же радостью, какъ и за солнечную Испанію, которую никогда не покидаетъ свѣтъ.

Гаарлемъ палъ, но не даромъ. Я пробился черезъ армію герцога Альбы послѣ взятія его города, и могу сказать, что это не была армія побѣдителя. Еще одна такая побѣда, и его армія будетъ лежать въ могилѣ. Но въ то время никто изъ насъ не могъ предвидѣть этого.

Принцъ все время былъ со мной чрезвычайно любезенъ. Все для меня было приготовлено, и слуги ждали моихъ приказаній.

Когда сняли съ меня доспѣхи, я остался одинъ и сѣлъ въ кресло.

Странное ощущеніе, какъ будто я падаю, опять охватило меня, какъ сегодня утромъ. Но теперь я сидѣлъ въ своей комнатѣ одинъ и не стоило обращать на это вниманія.

Я пришелъ уже къ убѣжденію, что жена моя потеряна для меня навсегда,—потеряна, если Господь не совершитъ чуда. Теперь я смотрѣлъ на вещи хладнокровнѣе и яснѣе, чѣмъ въ тотъ ужасный вечеръ. Нельзя было предположить, чтобы донъ Педро, подстрекаемый страстью и жаждой мести, не схватилъ ее въ одинъ изъ ближайшихъ же дней. И она считала его своимъ лучшимъ другомъ! Конечно, все, что потомъ произошло, должно было наконецъ открыть ей глаза. Но есть ли гдѣ-нибудь конецъ женскому сумасбродству? Донъ Педро обладаетъ даромъ краснорѣчія—я это испыталъ на себѣ. Его выколотые глаза, пожалуй, будутъ говорить въ его пользу сильнѣе, чѣмъ говорили его глаза. Правда, тамъ остались донъ Руицъ и Діэго, но что они могутъ сдѣлать въ такихъ обстоятельствахъ?

У меня еще было время—недѣля-двѣ, можетъ быть, и цѣлый мѣсяць. Донъ Педро быть не такой человѣкъ, чтобы довольствоваться актомъ грубой мести. Нѣтъ, его мечь будетъ утонченной. Онъ погубитъ не только ея тѣло, но и душу. Какъ онъ ни хитеръ, на это все-таки потребуются нѣсколько дней.

Когда я вышелъ отъ принца, у меня мелькнула дикая мысль: на зло королю и принцу, на зло обоимъ, собрать на деньги ванъ-деръ-Веерена собственный вооруженный отрядъ. Но это была только мечта: Германія была далеко, дороги небезопасны, а здѣсь нельзя было достать ни одного солдата. Нѣтъ, единственной надеждой для меня былъ Гаарлемъ—освободится ли онъ, или падетъ—все равно. Когда его судьба рѣшится, я могу вернуться и подумать, что возможно сдѣлать для спасенія моей жены. Жалкая надежда, конечно, но другой у меня не было.

Не знаю, сколько времени просидѣлъ я, погружившись въ эти мысли. День былъ темный, и переходъ отъ дня къ вечеру былъ незамѣтенъ. Вдругъ въ дверь кто-то постучалъ, и въ комнату вошелъ принцъ.

— Я пришелъ взглянуть, не нужно ли вамъ чего-нибудь,— началъ онъ.

Онъ опять заговорилъ со мной по-испански, чувствуя съ присущимъ его тонкимъ тактомъ, который давалъ ему такую власть надъ людьми, что я предпочитаю материнскій языкъ всякому другому.

— Необходимо,—продолжалъ онъ съ улыбкой,—освободить лейденскую дорогу отъ новыхъ друзей, которыхъ вы привели съ собой. Баронъ фонъ-Виллингеръ, которому вы передали начальствованіе, не хочетъ двинуться съ мѣста, если не получитъ на то приказанія, написаннаго вами собственноручно. Онъ остановилъ нѣсколько повозокъ и всѣхъ тѣхъ, кто проходилъ мимо него къ Лейдену. Онъ

безъ всякой церемоніи задержалъ даже самого графа Люмея, который вышелъ къ нему, чтобы пригласить его войти въ городъ. Онъ прислалъ назадъ конвой графа съ заявленіемъ, что если ему не дадутъ доказательствъ, что вы живы и на свободѣ, то онъ повѣситъ всѣхъ, кого ему удалось захватить на дорогахъ, въ томъ числѣ графа Люмея перваго. Посланный передавалъ мнѣ, что графъ Люмей задыхался отъ ярости, но баронъ фонъ-Виллингеръ удѣлилъ ему не больше вниманія, чѣмъ какому-нибудь лавочнику, и приказалъ двумъ своимъ людямъ держать его. Теперь ихъ трудно будетъ помирить. Я узнаю въ этомъ заведенную вами выучку, донъ Ханмъ.

Невольно я тоже улыбнулся, воображая себѣ эту сцену. Баронъ фонъ-Виллингеръ избралъ самый отчаянный способъ дѣйствія, который могъ свести съ ума кого угодно. Было бы очень любопытно посмотрѣть на графа де-Ламарка, который былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ страшно вспыльчивый.

— Я немногому могъ выучить барона въ этомъ отношеніи, — отвѣчалъ я. — Прошу извинить его, изъ дружбы ко мнѣ онъ преувеличилъ предосторожность. Онъ васъ не знаетъ, ваше высочество.

— А вы меня знаете? — спросилъ принцъ, бросивъ на меня острый взглядъ.

— Сегодня я встрѣтился съ вами впервые, но я не разъ смотрѣлъ на вашъ портретъ въ Брюсселѣ. А лицо говоритъ многое. Я удерживалъ въ своей памяти все, что о васъ говорили, — а говорили о васъ немало, ибо вашъ характеръ былъ загадкой для арміи герцога. Немногіе, повидимому, разрѣшили ее правильно.

— Въ томъ числѣ и вы?

— Не могу этого сказать, ваше высочество. Да я и не смѣю этого сказать. Но я прибылъ сюда, довѣряя вамъ инстинктивно, и результатъ оказался вѣрнымъ. Но прошу васъ простить барона фонъ-Виллингера, который не размышлялъ о васъ такъ много, какъ я.

— Съ большой охотой. Я желалъ бы имѣть побольше такихъ друзей, — отвѣчалъ принцъ, слегка вздохнувъ. — Но подпишите, пожалуйста, этотъ приказъ, ибо въ этомъ дѣлѣ я безсиленъ. Хотя у графа Люмея есть свои недостатки, но я не хочу, чтобы его повѣсили.

Я написалъ приказъ, который принцъ приказалъ отправить сейчасъ же.

Когда мы остались вдвоемъ, онъ сказалъ:

— Вы сказали, что изучали мой характеръ, донъ Ханмъ. Къ какому же заключенію вы пришли? Скажите мнѣ объ этомъ не какъ штатгальтеру Голландіи, а какъ простому человѣку.

— Вы многого требуете, ваше высочество. Кто можетъ сказать, что онъ знаетъ своего ближняго, а тѣмъ болѣе человѣка, поставленнаго выше его? Никому, кромѣ васъ, я не сказалъ бы того, что вы желаете отъ меня слышать. Я считаю васъ достаточно великимъ,

чтобы выслушать спокойно мнѣнія, которыя, быть можетъ, не будутъ соответствовать вашимъ ожиданіямъ. Кромѣ того, я прошу васъ не забывать, что я лично знаю васъ всего нѣсколько часовъ, правда, эти часы для меня имѣютъ огромное значеніе, но все-таки это слишкомъ короткое время. Вотъ почему я прошу васъ извинить меня, если мои сужденія о васъ будятъ не совѣтъ вѣрны.

— Извиняю заранее. Я не очень люблю лести, не люблю настолько, что мнѣ даже не нравится, когда другіе говорятъ объ этомъ. Поэтому говорите безъ всякихъ опасеній,—продолжалъ онъ съ той привлекательной улыбкой, которая такъ располагала всѣхъ къ нему.

— Слушаю, ваше высочество. Позвольте прежде всего напомнить вамъ, что нѣтъ человѣка, который бы совершенно былъ нечувствителенъ къ похвалѣ или порицанію: мы не въ состояннн воспрепятствовать себѣ почувствовать эту приправу къ кушанью. Это въ природѣ человѣка, а человѣкъ, котораго я собираюсь описывать вашему высочеству, есть также человѣкъ, хотя, быть можетъ, его мысли настроены выше, чѣмъ у другихъ. Никто изъ насъ не можетъ подняться выше той борьбы, которую испытываешь, видя и желая себѣ то, чего не можешь достигъ. Мы выпуждены оставаться ниже нашихъ идеаловъ, и только высотой, на которую мы ихъ возносимъ, и опредѣляется различіе между нами. Когда высказываешь такъ много и получаешь за то прощеніе, то остальное легко угадать.

Я замолчалъ.

— Продолжайте, донъ Хаимъ. Пока вы еще не сказали ничего, за что нужно было бы прощать. Впрочемъ, немногіе рѣшились бы сказать это.

— Я плохой придворный, ваше высочество, и вы должны извинить меня. Но я буду говорить дальше. Въ Голландіи о васъ существуютъ два мнѣнія. Одно, которое преобладаетъ въ совѣтѣ герцога Альбы и вообще въ испанскомъ лагерѣ, гласитъ, что вы задались цѣлью исключительно увеличить ваше собственное состояніе, что вы человѣкъ безпринципный и неразборчивый на средства, что вы безъ всякаго колебанія продали бы послѣдняго голландца, если бы король Филиппъ предложилъ вамъ выгодную для васъ сдѣлку, что вы потерпѣли неудачу въ своихъ планахъ только по недостатку ловкости и мужества. Другое мнѣніе состоитъ въ томъ, что вы герой, которому чужды всѣ человѣческія чувства, который приноситъ въ жертву освобожденію Голландіи отъ инквизиціи и деспотизма свою кровь, состояніе и даже свою семью. Онъ не думаетъ о себѣ и охотно сталъ бы бродить по землѣ бездомнымъ бродягой, если бы этимъ онъ могъ обезпечить каждому голландскому торговцу безпрепятственное обладаніе капиталами. Онъ не имѣлъ до сего времени успѣха, потому что съ нимъ вступилъ въ борьбу самъ дьяволъ. Этотъ человѣкъ далекъ отъ свойственныхъ людямъ ошибокъ и чуждъ человѣческихъ страстей.

Принцъ слушалъ меня совершенно спокойно. По лицу его блуждала слабая, едва уловимая улыбка..

— А каково ваше мнѣніе, донъ Хаимъ?

— Мое, ваше высочество? Я считаю васъ человѣкомъ, а не ангеломъ, великимъ, но не совершеннымъ. По моему мнѣнію, вы совершили немало крупныхъ ошибокъ. Но основатель государства рѣдко бываетъ способенъ класть камень за камнемъ безъ того, чтобы потомъ не приходилось перестраивать и передѣлывать. Отвѣтственность за неуспѣхъ въ послѣдней войнѣ, конечно, едва ли можетъ падать на васъ. Скорѣе виноваты въ этомъ церковь и Екатерина Медичи, хотя, не будь Варооломеевской ночи, вы не одолѣли бы такъ легко герцога и насъ. Удалившись послѣ того, какъ кампанія была проиграна, въ этотъ уголокъ Голландіи, затерянный въ океанѣ, вы обнаружили большую смѣлость и большую мудрость: ибо сила Голландіи—между ея плотинами. Если она когда-нибудь будетъ освобождена, то ея освобожденіе начнется отсюда. Что касается вашего сердца, ваше высочество, то я его не знаю. Но вы не давали людямъ повода думать, что оно склонно къ низости и мелочности. Если бъ вамъ нужны были только деньги и земля, то вы могли бы въ любой день заключить миръ съ королемъ. Но вы, очевидно, не успокоитесь, пока не создадите новаго государства съ новой вѣрой. Если вы мечтали о коронѣ, то, конечно, не ради блеска и тщеславія. Вамъ казалось, что тонкій золотой вѣнецъ на вашей головѣ будетъ значить такъ же много для трехъ милліоновъ людей, какъ и для васъ самого, а, можетъ быть, даже больше. Мнѣ кажется, ваши идеалы гораздо выше, чѣмъ идеалы большинства людей, хотя вы также находите, что вамъ ихъ не достичь. Я слышалъ, какъ вы говорили сегодня утромъ, и считаю васъ достаточно великимъ, чтобы вести эту страну къ побѣдѣ надъ Испаніей. Однако я не считаю васъ какимъ-то небеснымъ существомъ, которое способно сбиться съ пути, потому что ноги его не дѣлаютъ отпечатка на землѣ. Короче говоря, я считаю васъ государственнымъ человѣкомъ, но не энтузіастомъ и во всякомъ случаѣ настоящимъ дворяниномъ.

Я смолкъ. Я не могъ ничего уловить на лицѣ принца. Оно было совершенно непроницаемо.

— По вашимъ словамъ, вы плохой придворный, донъ Хаимъ,—заговорилъ принцъ, помолчавъ немного;—но я считаю васъ слишкомъ тонкимъ царедворцемъ для моего скромнаго двора. Если бъ я былъ королемъ, я заподозрѣлъ бы васъ въ самой утонченной лести.

— Я не имѣю охоты къ ней, ваше высочество. Да тутъ нѣтъ для нея и цѣли. Вы отказали мнѣ въ томъ, что для меня дороже жизни, и я понимаю, что вы должны были такъ поступить. Послѣ этого мнѣ нечего льстить вамъ. Если бъ я имѣлъ несчастье навлечь

на себя ваше полное неудовольствіе, то и тогда вы не могли бы нанести мнѣ большаго вреда.

— Повѣрьте, я сильно огорченъ тѣмъ, что долженъ былъ отказать вамъ. Вотъ почему я пришелъ сюда посмотрѣть, не могу ли помочь вамъ какъ-нибудь иначе. Я не хочу вынуждать васъ на откровенность. Однако, если бъ я зналъ о васъ побольше, можетъ быть, мнѣ и удалось бы что-нибудь сдѣлать для васъ.

Это было сказано съ такой теплотой, что трудно было не поддаться.

Я рассказалъ ему все, что могъ. Когда я кончилъ, принцъ сидѣлъ молча, не зная, что сказать. Наконецъ онъ замѣтилъ:

— Несмотря ни на что, я не думаю, что вы должны отказаться отъ всякой надежды, донъ Ханмъ. Графиня уже давно принадлежитъ къ опальной религій, и за эти дни рабства мы многому научились, открыли немало путей къ спасенію, о которыхъ вы и не догадываетесь.

— Но за эти годы усовершенствовалось и преслѣдованіе. Мы тоже привезли изъ Испаніи средства борьбы, о которыхъ вы тоже не догадываетесь. Нѣтъ, ваше высочество. Тутъ надежды мало. Но когда совершится судьба Гаарлема, я могу исполнить свое желаніе,—такъ вы изволили сказать. Позвольте просить васъ запомнить это обѣщаніе. А теперь я готовъ ѣхать въ Гаарлемъ, ваше высочество.

Принцъ взглянулъ на меня.

— Да будетъ такъ, какъ вы желаете. Если вы останетесь здѣсь, то я не могу предложить вамъ соответствующаго мѣста. Въ Гаарлемѣ начальствуетъ Вибольдъ Рибберда и начальствуетъ искусно и мужественно.

— Для меня безразлично, буду ли я начальникомъ, или подчиненнымъ. Кто хочетъ начальствовать, тотъ долженъ умѣть, въ случаѣ надобности, и повиноваться.

— Еще одно обстоятельство. Въ Гаарлемѣ не осталось ни одной католической церкви. Вы увидите, что въ этомъ отношеніи народъ тамъ крайне непочтителенъ и нетерпимъ, настолько нетерпимъ, насколько это могутъ сдѣлать долгія преслѣдованія и великія страданія. Если вы сохранили въ себѣ привязанность къ католичество, вамъ тамъ будетъ не по себѣ. Впрочемъ, судя по вашимъ поступкамъ, вы принадлежите къ нашей вѣрѣ.

— Не знаю, ваше высочество. Я не вѣрю ни въ одну церковь, которая говоритъ: «Господь принадлежитъ намъ», и запираетъ Его въ четырехъ стѣнахъ. Я не вѣрю ни въ одну церковь, которая мечомъ загоняетъ вѣрующихъ въ храмъ. Когда я увижу такое же явленіе въ Гаарлемѣ, то, безъ сомнѣнія, мнѣ будетъ не по себѣ. А можетъ быть,—и это вѣроятнѣе,—я просто разсмѣюсь при видѣ этого: несмотря на всѣ претензіи реформировать людей, они по-прежнему остаются все такими же.

— Развѣ вы не думаете, что я также стою за вѣротерпимость?— спросилъ принцъ съ гораздо большимъ одушевленіемъ, чѣмъ это было до сихъ норъ.— Я принадлежу къ реформатской церкви, но знаю, что ни Лютеръ, ни Кальвинъ не обладаютъ привилегіей толковать слово Божіе. Какъ часто меня просили въ той или другой формѣ устроить релігіозное гоненіе. Но я всегда этому сопротивлялся и, дасть Богъ, никогда не допущу этого. Если мнѣ предназначено освободить эту страну, то мнѣ же да будетъ предназначено и воспрепятствовать ей вернуться опять къ тому положенію вещей, которое довело насъ до революціи. Но я понимаю, что жители Гаарлема, имѣя постоянно передъ глазами нѣчто худшее, чѣмъ смерть, стануть въ минуты особаго ожесточенія обращаться съ другими такъ, какъ раньше обращались съ ними самими. Я не могу предотвратить этого. Я не энтузіастъ, но я и не скептикъ, какъ вы, и вѣрю въ конечную судьбу міра. Реформа все-таки дала кое-что для насъ. Можетъ быть, другой вѣкъ болѣе правильно истолкуеть слова Христа.

Онъ смолкъ и сталъ смотрѣть на меня. Меня поразили благородный тонъ, которымъ онъ говорилъ со мной, и я молчалъ.

— За эти нѣсколько часовъ,—началь опять принцъ,—я почувствовалъ къ вамъ какую-то необъяснимую симпатію. Можетъ быть, потому, что вы живо напомнили мнѣ недавніе дни, когда я ходилъ, упрасивая, по всеѣмъ дворамъ Европы,—и напрасно. Помните, что у васъ здѣсь есть другъ. А теперь прощайте: у меня нѣтъ больше времени. У меня немного досуга, даже для моихъ друзей.

Я былъ глубоко тронутъ его словами.

— Ваше высочество, благодарю васъ отъ всего моего сердца. Постараюсь заслужить то, что вы мнѣ предложили. Я не забуду вашихъ словъ. Когда я уѣду отсюда, я увезу съ собою образъ дѣйствительно великаго человѣка,—а это немалое утѣшеніе въ здѣшнемъ мірѣ.

Принцъ печально улыбнулся.

— Кто на самомъ дѣлѣ великъ?—спросилъ онъ.—Увы! Какъ вы сказали сами, мы все люди и подвержены людскимъ слабостямъ. Однако я долженъ идти.

Онъ протянулъ мнѣ руку. Я нагнулся, чтобы поцѣловать ее, какъ дѣлають испанцы. И дружба, завязавшаяся въ часы страданій, длится и до сего времени и, я увѣренъ, будетъ процвѣтать и дальше.

31-го числа, въ полночь или немного позднѣе, мы сѣли на коней и тронулись къ Гаарлему. Съ нами былъ транспортъ въ сто семьдесятъ саней, который прикрывали пятьсотъ человѣкъ противъ арміи въ двадцать тысячъ. Намъ помогали туманъ и ночной мракъ, а, можетъ быть, это-то самое и могло погубить насъ. Еще недавно изъ-за этого погибли графы де-Люмей и Батенбургъ. Сами они успѣли спастись, но ихъ отряды были разбиты на голову, и весь

транспортъ попалъ въ руки враговъ. То же самое легко могло случиться и съ нами.

Я скомандовалъ, и мы тронулись во мракѣ по замерзшей землѣ.

По обѣимъ сторонамъ отъ насъ тянулась стѣна безпросвѣтнаго мрака. Только по копытамъ нашихъ лошадей слабо поблескивалъ иногда ледъ. Передо мной изъ тумана вдругъ вынырнуло прекрасное лицо, такъ хорошо мнѣ знакомое, а за нею темная фигура съ протянутыми руками. И я видѣлъ, какъ эти руки скользили по прекрасному тѣлу, какъ по смуглой кожѣ лишеннаго очей лица пробѣжала торжествующая улыбка.

Я поднялся на стременахъ и испустилъ самое сильное ругательство, какое только зналъ на испанскомъ языкѣ. Но видѣніе не исчезало.

Ѣхавшій возлѣ меня баронъ спросилъ, что случилось, ибо хотя его испанскій языкъ и былъ не свободенъ отъ ошибокъ, тѣмъ не менѣе онъ хорошо зналъ испанскія ругательства.

Не помню, что я ему сказалъ. Знаю только, что я всячески хотѣлъ отдѣлаться отъ этого видѣнія и не могъ.

Наконецъ я приказалъ одному изъ моихъ людей дать мнѣ кусокъ льда, который я и положилъ себѣ на голову подъ шлемомъ. Это подѣйствовало, и я почувствовалъ себя лучше.

Не могу сказать, сколько времени мы ѣхали, отъ Сассенгейма до Гаарлема не больше шести миль, но для меня это разстояніе казалось вѣчностью. Разсвѣтъ наступалъ совершенно незамѣтно. Онъ казался болѣе слабой тѣнью ночи, пока не превратился наконецъ въ настоящій день. Туманъ понемногу разсѣялся, и передъ нами показалась башня города С.-Баво, которую можно было видѣть издали. День былъ пасмурный, темное облако дыма висѣло надъ городомъ. Вдали были слышны испанскія пушки.

И вдругъ мы попали въ самый центръ схватки. На дорогѣ показалось нѣсколько лошадей, мчавшихся безъ всадниковъ. За ними скакалъ остатокъ нашего авангарда. Имъ командовалъ одинъ изъ молодыхъ офицеровъ принца: ему было приказано задержать наступленіе непріятеля, пока не подойдутъ главныя силы. Но онъ оказался не въ состояніи это сдѣлать. Я и люди, на которыхъ можно положиться, ѣхали во второй линіи, а передъ нами двигались сани. Онѣ должны были попасть въ городъ, во что бы то ни стало. Сопровождавшему ихъ конвою было приказано двинуться къ Гаарлему тотчасъ же, какъ будетъ очищена дорога къ воротамъ, и дать сигналъ, когда они будутъ уже въ безопасности.

Испанцы быстро расправились съ нашимъ авангардомъ и въ упоеніи побѣды бросились на насъ разстроенными рядами. Это была кавалерія дона Габріэля Нералта, которая, очевидно, была невысокаго мѣня о кавалеріи принца. Но на этотъ разъ они наскочили на желѣзную стѣну, которую они не могли сломить.

Медленно, но неуклонно мы погнали ихъ назадъ, пока сани продолжали подвигаться къ Гаарлему. Я слышалъ, какъ донъ Габріэль осыпалъ своихъ людей ругательствами. Но все было напрасно. Бываютъ въ жизни моменты, когда приходится отступать, и теперь такой моментъ пришелъ для васъ, донъ Габріэль Нералта. Но разбить ряды, къ которымъ я самъ принадлежалъ всего нѣсколько дней тому назадъ, не доставило мнѣ особаго удовольствія.

Когда я поднялъ саблю и хотѣлъ ударить ею юнаго офицера, который съ безразсудной смѣлостью вступилъ со мной въ бой одинъ на одинъ, я вдругъ замѣтилъ, какъ его глаза расширились отъ ужаса.

— Донъ Хаимъ!—вскрикнулъ онъ.

Я вспомнилъ, что недавно прибылъ въ Голландію сынъ моей сестры, донъ Мигуэль де-Ибарра, о которомъ мать такъ просила меня позаботиться и котораго я еще не видалъ. И вотъ теперь...

Онъ первый узналъ меня. Я перемѣнился меньше, чѣмъ онъ съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ его мальчикомъ. Бѣдный малый. Онъ инстинктивно опустилъ забрало, но если бы онъ и не сдѣлалъ этого, все равно спасенія ему не было. Разъ моя шпага поднята, она опускается быстро и тяжело.

Но не будемъ больше думать объ этомъ. Такова всегда участь ренегата. По ужаса, отразившагося въ его глазахъ, я не забуду до конца дней моихъ. Проклятіе исполнилось теперь во всемъ.

Я остановился, чтобы мои всадники не могли его раздавить своими лошадьми. Но въ этотъ моментъ на меня налетѣлъ донъ Габріэль Нералта съ полдюжиной своихъ людей. Они окружили меня тройнымъ кольцомъ. Приходилось думать о спасеніи собственной жизни и предоставить умирающихъ ихъ собственной участи.

Донъ Габріэль также узналъ меня.

— Гнусный измѣнникъ!—крикнулъ онъ и, пришпоривъ лошадь, бросился прямо на меня.

Я былъ очень благодаренъ ему за его слова. Они вернули мнѣ хладнокровіе. Я молча собралъ всѣ свои силы. Если бы я былъ суевѣрнымъ, подобно моимъ нѣмцамъ, могъ бы сказать, что дьяволъ хочетъ, чтобы я остался живъ. Ибо до сихъ поръ я не могу понять, какъ я могъ уцѣлѣть въ этой свалкѣ,—вѣдь шесть человекъ горѣли желаніемъ убить меня,—пока не подоспѣла моя кавалерія и не выручила меня. Я видѣлъ, какъ солдаты унесли съ собой дона Габріэля. Я разгорячился, и мы бурно бросились впередъ. Ихъ линія поколебалась и была прорвана. Мы летѣли впередъ, пока до моихъ ушей не донесся долгій и слабый сигналъ, извѣщавшій, что транспортъ уже въ безопасности.

Я приказалъ возвращаться обратно. Я не могъ двигаться дальше и атаковать испанскій лагерь. Но очень хотѣлъ бы этого.

Возвращаясь по той же дорогѣ, я со страхомъ искалъ глазами тѣло бѣднаго дона Мигуэля, хотя и зналъ, что это будетъ напрасно.

Нельзя было надѣяться распознать тѣло, по которому во время битвы дважды проскакалъ цѣлый полкъ.

Его расширенные отъ ужаса глаза продолжали мерещиться мнѣ, когда я вступала въ Гаарлемъ.

Не буду описывать здѣсь моего пребыванія въ Гаарлемѣ въ теченіе этихъ злосчастныхъ пяти мѣсяцевъ. Можетъ быть, когда-нибудь я это сдѣлаю въ другой книгѣ, но не теперь и не здѣсь. Эта книга содержитъ въ себѣ исторію моей жизни, а въ Гаарлемѣ я былъ живъ только на половину.

Я дѣлала свое дѣло. Когда выдавалось время отдохнуть,—это бывало очень не часто,—я отдыхала, но не находила себѣ покоя.

Когда человѣкъ смертельно усталъ, ему хочется спать. Но спала ли я, или бодрствовалъ, меня никогда не покидалъ страхъ. Это былъ какой-то продолжительный и странный сонъ, который ничто не могло измѣнить или сократить.

Для себя самого и для Гаарлема я не могъ сдѣлать ничего. Я схоронилъ себя въ погибшемъ городѣ. Иногда мнѣ думалось, что, будь я главнокомандующимъ, я бы только быстрее погубилъ жителей Гаарлема. Даже это было бы лучше въ сравненіи съ тѣмъ, что насъ ожидало. Но тогда нельзя было предвидѣть такого конца, и Рибберда не имѣлъ права рисковать. Это былъ храбрый, закаленный въ бояхъ солдатъ, и, стоя теперь на краю могилы, я, заноса эти строки, вспоминаю о немъ съ почтеніемъ. Съ тѣмъ же чувствомъ вспоминаю я о всѣхъ гаарлемцахъ, которые тамъ и сямъ спятъ теперь въ сырой землѣ. Не всѣмъ имъ выпала на долю спокойная кончина, но всѣ они показали себя храбрецами свыше всякаго ожиданія.

Не буду здѣсь описывать страданій этого злосчастнаго города—неудачныхъ схватокъ, голода, отчаянія послѣднихъ дней и наконецъ судьбища. Страницы этой книги и безъ того довольно мрачны и незачѣмъ омрачать ихъ еще разсказомъ о судьбѣ Гаарлема. Я ускользнулъ отъ смерти какимъ-то чудомъ. Я уцѣлѣлъ въ то время, какъ лучшіе люди сложили свои головы на плахѣ или погибли на висѣлицахъ.

Я взялъ Гертруденбергъ. Въ одну бурную ночь мы лѣзли на его стѣны, пока надъ нашими головами грохоталъ громъ и небо казалось объятымъ пламенемъ. Былъ моментъ, когда мы висѣли на самомъ краю стѣны, не будучи въ состояніи ни двинуться впередъ, ни отступить. Колеблясь между жизнью и смертью, мы вцѣпились въ стѣну зубами. Былъ моментъ, когда мы держались за скользкіе камни, ослѣпляемые дождемъ, а по стѣнѣ неслись, какъ бурная рѣка, потоки дождевой воды. Казалось, вырвались на волю всѣ демоны, пытаясь вырвать отъ меня мою добычу. Но на этотъ разъ часъ былъ мой.

Съ дымящейся кровью шпагой подѣхалъ я къ городскому дому, лишь только сквозь разорванныя бурей облака забрезжила утрен-

няя заря. Я гордо смотрѣлъ на окна. Опять все здѣсь зависѣло отъ моей воли, и мнѣ казалось, что проклятіе спало съ меня. Но напрасно.

Завоеваніе Гертруденберга оказалось для меня бесполезно: я не нашелъ никакихъ слѣдовъ той, ради которой я сюда явился.

Я прибылъ сюда, рѣшившись не терять времени на пустяки. Я далъ себѣ клятву, что для меня будетъ только одно святое дѣло, и горе тѣмъ, кто вздумаетъ сопротивляться мнѣ. Но человѣкъ не имѣетъ власти надъ мертвыми, а ихъ было немало: донъ Педро, донъ Руицъ, Діэго. Было много и другихъ—длинный былъ бы ихъ списокъ. Когда бургомистръ де-Веердъ разсказалъ мнѣ о всемъ, я топнулъ ногой объ полъ. Бургомистръ и его коллеги затрепетали въ своихъ фижмахъ.

— Ваше превосходительство, — робко замѣтилъ наконецъ бургомистръ: — у насъ была война, болѣзни и преслѣдованія, а семь мѣсяцевъ — срокъ не малый.

Увы! Онъ былъ правъ. Разгоряченный битвой и побѣдой, я совсѣмъ забылъ объ этомъ. Охваченный одной мыслью, я забылъ, что время все мѣняетъ, что оно несетъ съ собой смерть, болѣзни и перемѣны и не стоитъ на одномъ мѣстѣ.

Когда мои войска вступили въ городъ, народъ взялъ тюрьму приступомъ. Подъѣхавъ къ воротамъ ея, я пришелъ въ ярость отъ этого непредвидѣннаго событія, которое перевертывало всѣ мои планы. Но дѣло было уже сдѣлано. Я пришелъ сюда тайно, какъ воръ ночью, и тѣмъ не менѣе меня предупредили. Палачъ, его помощники, жена и дочь, словомъ, всѣ, кто могъ бы дать мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, всѣ были убиты. Вокругъ ихъ обнаженныхъ труповъ плясали какія-то женщины съ распущенными волосами и вонили:

— Они жирѣли нашей кровью и нашими несчастьями. Встрѣчаясь съ нами на улицѣ, они, разодѣтые въ красивые наряды, едва достаивали взглянуть на насъ, на деньги которыхъ они франтили. Теперь они не будутъ уже смотрѣть на насъ свысока.

— Нѣтъ, теперь вы будете смотрѣть на нихъ свысока, — крикнулъ я и велѣлъ повѣсить ихъ.

Мщеніе—вещь хорошая, только не надо мѣшать моему въ Гертруденбергѣ. Онѣ проклинали меня, но я уже привыкъ къ проклятіямъ. Я видѣлъ, какъ ихъ вздернули, но это не могло поправить дѣло.

Я такъ и не узналъ, что произошло въ тюрьмѣ за время моего отсутствія.

Что касается дона Педро, то дьяволъ вырвалъ его изъ моихъ рукъ, къ счастью для него. Онъ умеръ недѣли черезъ три послѣ моего ухода. Говорили, что онъ умеръ отъ удара. На его мѣсто больше не присылали инквизитора: нашли, что здѣсь мѣсто нездоровое, какъ сообщила мнѣ съ свирѣпымъ юморомъ какая-то старуха въ тюрьмѣ. Впрочемъ, преслѣдованія продолжались до послѣдняго

дня, но спорадически. Людей попережнему бросали въ тюрьмы и мучали, казнили или освобождали, смотря по тому, какая фантазія приходила въ голову власти имущимъ. Я не могъ узнать имена этихъ несчастныхъ. Палачъ Якобъ былъ убитъ, и всѣ списки сожжены.

Что касается дона Педро, то онъ остался на своемъ мѣстѣ до самой своей смерти. Повидимому, никто въ городѣ не зналъ въ точности, что съ нимъ случилось. Никто не зналъ и о моей женѣ. Когда я спрашивалъ о ней, всѣ смотрѣли на меня, какъ на сумасшедшаго: всѣ были увѣрены, что я взялъ ее съ собою.

Если и были лица, которымъ обстоятельства были извѣстны лучше, если и нашлись бы люди, которые принимали болѣе близкое участіе въ ея судьбѣ, то они старались держаться какъ можно подалеже. Явись я сюда безъ всякаго триумфа, одинъ, безъ шапки и власти, то, можетъ быть, мнѣ и удалось бы узнать истину.

Донъ Альваръ и мои старыя войска ушли. Имъ приказано было идти подъ Гаарлемъ на пополненіе порѣдѣвшихъ рядовъ осаждающей арміи. Весь гарнизонъ въ Гертруденбергѣ перемѣнился. Изъ прежнихъ офицеровъ остался только одинъ. Я видѣлъ его лежащимъ на улицѣ, и на мои вопросы онъ уже не могъ отвѣчать.

Такъ я и до сего времени ничего не знаю объ участи моей жены. Я не скушлся ни на золото, ни на угрозы, но это не помогало. По ночамъ, когда мнѣ не спалось, я не переставалъ думать о донѣ Педро о и моей женѣ,—и это было все, что мнѣ оставалось.

Возможны были два предположенія: или она пала жертвою дона Педро, кончила свою жизнь въ тюрьмѣ, забытая всѣми, или же она спаслась, и я не хотѣлъ разстаться съ этой послѣдней надеждой. Тяжело было думать, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ она не потрудилась даже дать мнѣ знать о себѣ. Не могла же она не слышать о моемъ возвращеніи въ Гертруденбергъ. Объ этомъ вездѣ говорили болѣе, чѣмъ стоило.

Возможны были только эти два предположенія, и тутъ я могъ строить какія угодно догадки.

Не было никакихъ слѣдовъ и донны Маріонъ. Что съ ней стало и почему она покинула меня въ ту достопамятную ночь,—все это было мнѣ неизвѣстно.

Здѣсь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о другихъ. Донъ Руицъ умеръ два дня спустя послѣ моего ухода—отъ простуды, какъ было объявлено. Но я хорошо зналъ эту простуду, отъ которой крѣпкій, сильный человѣкъ умираетъ въ два дня. Бѣдный другъ! Я такъ надѣялся упрочить тебѣ благосостояніе и обезпечить за тобой власть! Впрочемъ, на что только я не надѣялся!

Да, когда наступятъ длинные скучные вечера, у меня будетъ довольно времени подумать о донѣ Руицѣ, Діэго и о другихъ. Ванъ-деръ-Вееренъ также скончался шесть мѣсяцевъ тому назадъ. Длинное путешествіе въ холодную снѣжную ночь, а больше всего горе убили

его. Не увижу я больше его старческой красивой головы и аристократической осанки, не услышу его голоса, который такъ пріятно было слушать, ибо онъ могъ говорить, какъ никто. Когда послѣ битвы при Рейнѣ, во время нашей послѣдней остановки въ снѣжную метель, я сказалъ ему о судьбѣ его дочери, онъ не проронилъ ни слова. Потомъ онъ воздавалъ должное и мнѣ, и ей. Онъ обладалъ такой деликатностью, что, несмотря на его осужденіе, самыя рѣзкія его слова давали надежду на утѣшеніе въ будущемъ. Человѣкъ можетъ быть гордымъ и самоувѣреннымъ и тѣмъ не менѣе не находить такихъ словъ. Но теперь я уже не услышу его.

Я опять сидѣлъ въ моей прежней комнатѣ городского дома и смотрѣлъ черезъ крыши домовъ. Такъ же, какъ и прежде, облака неслись мимо колокольни св. Гертруды, но я не могъ уже надѣяться, что они разсѣются и все измѣнится. Мое жилище—великолѣпно, какъ и подобаетъ жилищу человѣка, слава котораго можетъ принести смерть. Но хотя смерть быстро является къ моимъ услугамъ, жизнь мнѣ не повинуется.

Словно купецъ, подводящій въ концѣ года итогъ барышей и убытковъ, сижу я за своимъ письменнымъ столомъ и подвожу итоги своей прожитой жизни.

Сегодня первое октября. Въ этотъ самый день ровно двѣнадцать мѣсяцевъ тому назадъ пріѣхалъ я въ Гертруденбергъ. Поистинѣ, ничтожно владычество человѣка. Ибо здѣсь, гдѣ я былъ гораздо независимѣе, чѣмъ король Филиппъ въ Мадридѣ, всего моего могущества оказалось недостаточно, чтобы добыть мнѣ любовь моей жены, а въ то же время я принужденъ былъ отпратить на костеръ женщину, послѣднимъ желаніемъ которой былъ поцѣлуй отъ меня.

Всѣ мои лучшіе друзья умерли, и умерли по моей винѣ. Изъ моей гвардіи уцѣлѣла лишь половина. Людей барона фонъ-Виллингера, которые такъ храбро выручили меня въ ту роковую ночь, я могу перечесть по пальцамъ. Я взялъ много жизней, но напрасно. Я былъ убѣжденъ, что сильной рукой заставлю судьбу преклониться передо мной, но она оказалась сильнѣе меня. Въ рѣшительную минуту мое могущество обрушилось на мою голову, какъ обвалившійся домъ, похоронивъ подъ собой меня и всѣхъ тѣхъ, кому оно должно было служить прикрытіемъ. Воистину гордость моя принижена долу. Теперь лучшая часть моей жизни уже прожита, и волосы мои сѣды.

— Никогда не стремись къ невозможному,—говаривалъ мой дядя инквизиторъ.—Это весьма печальная философія, но, можетъ быть, онъ былъ правъ. Что, однако, говорилъ проповѣдникъ? «Братья, не отчаивайтесь, ибо у Бога нѣтъ ничего невозможнаго». Желалъ бы я имѣть такую вѣру, но не могу.

«Вѣрьте, что у каждаго человѣка есть свое назначеніе». Когда я прибылъ сюда, моимъ назначеніемъ было управлять, и съ перваго же

дня я старался быть справедливымъ. Не моя вина, если моя справедливость оказалась несовершенной. Я дѣлалъ все, что могъ, но проклятіе тяготѣло надъ моей работой. Правда, въ одномъ я былъ эгоистиченъ и не могу уравнивать своего эгоизма жизнью пятидесяти людей, которыхъ я спасъ. Если бы донна Изабелла отвергла мое предложеніе, мнѣ кажется, я смегъ бы ихъ такъ же спокойно, какъ мой дядя инквизиторъ. Но Богу извѣстно, что я спасъ донну Маріонъ безъ всякой цѣли.

Я знаю, что отвѣтилъ бы мнѣ проповѣдникъ. «Если ты не видишь результатовъ, то все-таки будь доволенъ. Ибо кто ты, чтобы судить Господа?» Я знаю, онъ смотритъ вверхъ, къ небу; для него здѣшняя жизнь есть только странствованіе, приготовленіе. Но если въ этой жизни наше сердце становится отъ незаслуженныхъ страданій жестокимъ, а въ душѣ водворяется мракъ, несомѣстимость съ будущимъ блаженствомъ,—что тогда? Нѣтъ, отвѣтъ проповѣдника мелокъ; онъ рѣшительно не для меня.

Я хочу судить себя при свѣтѣ того міра, въ которомъ мы теперь живемъ. При этомъ свѣтѣ я хочу взвѣсить мои ошибки и дѣла. Итогъ, конечно, не сойдется. Проклятіе отъ мой жены, названіе измѣнника отъ короля. Съ другой стороны, спасеніе женщины, ударъ мечомъ въ защиту реформатской церкви и Голландіи. Они, конечно, немногаго стоятъ, ибо не въ нихъ было сердце мое. Кромѣ того, противъ спасенія одной женщины надо записать гибель въ то же время другой. А теперь еще нужно прибавить и гибель моей жены, хотя вина въ этомъ случаѣ падаетъ не на меня одного.

Каковъ бы ни былъ въ концѣ концовъ итогъ, потери далеко превышаютъ пріобрѣтенія. Мало радости принесъ я себѣ и другимъ. Жестоко было основаніе, на которомъ приходилось строить остальную половину жизни. Но эта половина должна принадлежать принцу и государству, если ей не суждено принадлежать моей женѣ. Они дали мнѣ средства завладѣть опять Гертруденбергомъ и они въ правѣ ожидать, что я верну имъ нѣчто лучшее, чѣмъ маленькій городокъ.

Каждый долженъ примириться съ собой и съ своими думами.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Гуда, ноябрь 1575 года.

Сегодня я случайно принялся опять за эту книгу. Послѣ минутнаго колебанія я открылъ ее и сталъ читать.

Больше двухъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я записалъ въ ней послѣднія строки въ Гертруденбергѣ. Я помню, что лишь только засохли чернила, я закрылъ мой дневникъ и спряталъ его.

Моя жизнь, казалось, также была закончена. Не стоило записывать все то, что съ тѣхъ поръ произошло. Я сражался, то тамъ, то сямъ бралъ или защищалъ города. Но это вѣдь постоянно происходитъ во время войны, и, осаждая одинъ городъ, забываешь о другомъ. Какое мнѣ до всего этого дѣло?

Но теперь, когда я вновь открылъ эту книгу, я долженъ записать въ нее нѣсколько строкъ. Я какъ будто буду говорить съ другомъ, и расскажу ему просто все, что заслуживаетъ воспоминанія, хотя такихъ воспоминаній наберется немного.

До нынѣшняго дня я ничего не зналъ объ участи моей жены.

Всѣ мои усилія разбились о судьбу или волю женщины—хорошенько не знаю. Не хочется опять говорить объ этомъ.

Я не остался въ Гертруденбергѣ и просилъ принца назначить новаго губернатора, а меня послать куда-нибудь въ другое мѣсто. вмѣстѣ съ войной я странствовалъ туда и сюда. Я надѣялся освободить Лейденъ, но былъ посланъ сюда въ Гуду.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ я въ качествѣ намѣстника принца вѣхалъ въ Гертруденбергъ. Между прочимъ, исчезло и мое прежнее имя. Но у человѣка должно быть какое-нибудь имя. Такъ какъ мои владѣнія въ Голландіи были конфискованы герцогомъ Альбой и отданы вмѣстѣ съ титулами какому-то нуждающемуся дворянину изъ тѣхъ, которые терлись около него, то принцъ пожаловалъ мнѣ земли, которыя, въ свою очередь, были у кого-то отняты. Я теперь превратился въ графа ванъ-Стинена. Въ моемъ положеніи годится всякое имя. Я всегда мечталъ о какомъ-нибудь древнемъ имени, но не всегда удается получить то, что хочешь.

Перемѣнилась и моя религія. Я теперь—кальвинистъ, какъ самъ принцъ и всѣ его приближенные. Если я могъ прежде относиться съ почтеніемъ къ каждому святому, то отчего теперь я не могу присутствовать и при протестантскомъ богослуженіи, хотя стѣны церкви только выбѣлены краской, а пѣвцы порядочно разногласятъ? Ибо если самое богослуженіе стало теперь не такъ художественно, зато оно сдѣлалось несравненно болѣе искреннимъ. Кромѣ того, при новой системѣ нѣтъ инквизиторовъ, а это что-нибудь да значить. Не знаю, не вздумаютъ ли они установить нѣчто подобное впоследствии. Надѣюсь, что въ мое время этого не случится. Какъ бы то ни было, я бы не хотѣлъ, чтобы они явились ко мнѣ въ Гуду.

Мнѣ кажется, меня послали управлять добрыми обывателями Гуды потому, что они оказались нѣсколько упорными, и принцъ рѣшилъ, хотя и не сказалъ мнѣ этого прямо, что нѣкоторый возвратъ къ прежнимъ порядкамъ пойдетъ имъ на пользу. И они не могутъ пожаловаться на то, что я особенно церемонился съ ними. Я управлялъ ими по старинному, по-испански, хотя я теперь голландецъ и кальвинистъ, и они ненавидятъ меня за мои ежевыя рукавицы.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.

«Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ЮНѢ 1913 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 6-й.

Богословіе.

КРАСОВЪ, А. Историческія свѣдѣнія о вѣншемъ образѣ Иисуса Христа. Съ 7-ю рис. Изслѣдованіе. Спб. 1913. Ц. 1 р.	диненіе старообрядчества въ одну церковь. М. 1913. Ц. 60 к.
МЕЛЬНИКОВЪ, О. Возможно ли объ-	ЩУКИНЪ, С., свящ. Около церкви. Сборникъ статей. М. 1913. Ц. 1 р.

Философія, психологія, логика.

ЛУКРЕЦІЙ. О природѣ вещей. Перев. И. Рачинскаго. М. 1913. Ц. 2 р. 25 к.	РОДОНАЧАЛЬНИКИ позитивизма. Вып. 5-й. Огюсть Контъ. Ц. 1 р. 50 к.
МЕЙМАНЪ, Э. Экономія и техника памяти. Экспериментальныя изслѣдованія о запечатлѣніи и заминаніи. Перев. съ 3-го нѣмецк. изд. прив.-доц. Н. Самсонова. М. 1913. Ц. 2 р. 50 к.	ФИЛОСОФІЯ ОБЩАГО ДѢЛА. Статьи, мысли и письма Н. Ф. Федорова. Томъ 2. М. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

АРХАНГЕЛЬСКІЙ, А. Изъ лекціи по исторіи русской литературы Московскаго государства. Казань 1913. Ц. 4 р. 50 к.	1842—1850 гг. изъ картоновъ Фарнгагена фонъ-Энзе). Спб. 1913. Ц. 4 р.
ЖУКОВСКІЙ, В. А. Письма и рисунки поэта. (По неизданнымъ документамъ	СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1911 г. Ц. 60 к. За 1912 г. Ц. 90 к.

«истор. вѣстн.», июль 1913 г., т. сxxxiii.

1/225

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- АБЕЛЬДЯЕВЪ, Д. Тѣнь вѣка сего. Романъ въ пяти частяхъ. Москва. 1913. Ц. 3 р.
- АМФИТЕАТРОВЪ, А. На вѣнскій звукъ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- Радъбъгъ. Романъ. Спб. 1913. Ц. 2 р. 25 к.
- Эхо. Москва 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- АНДРЕЕВСКІЙ, С. Литературные очерки. Спб. 1913. Ц. 2 р.
- А—ОВЪ, И С.—Б. Гюли и Рашидъ. (Этнодъ изъ персидской жизни). Баку. 1913. Ц. 20 к.
- ВАЛЬТЕРЪ-СКОТЪ, Карлъ Смѣлый. Историческій романъ. Съ рис. Спб. 1913. Ц. 1 р. 35 к.
- ВУЧЕТИЧЪ, Н. Дорогой гость. (Святочный рассказъ). Съ рисунками А. П. Авсита. Москва. 1913. Ц. 30 к.
- «ВѢТВИ». Литературный сборникъ. Спб. 1913. Ц. 1 р.
- ГЕТЕ, Германъ и Доротея. Переводъ Н. Гирировой. Съ иллюстраціями. М. 1913. Ц. 40 к.
- ДРАГЕЙМЪ-СРЪТЕНСКАЯ, Г. Подъ рантией. Романъ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- КЛЮЕВЪ, Н. Лѣсныя были. Книга третья. М. 1913. Ц. 60 к.
- КОНОПНИЦКАЯ, МАРИЯ. Собрание сочиненій. Подъ редакціей и со вступ. статей профессора И. А. Бодуэнь-де-Куртена. Т. I. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- КРЫЖАНОВСКАЯ, В. (Рочестеръ). Во власти прошлаго. Спб. 1913. Ц. 1 р. 80 к.
- КУРДЮМОВЪ, В. Нудренное сердце. Стихи. Спб. 1913. Ц. 75 к.
- ЛАДЫЖЕНСКІЙ, ВЛ. Дома. Рассказы. Спб. 1913. Ц. 1 р.
- ЛПСОВСКІЙ, Ю. Предатели. Беллетристическій очеркъ. Ц. 80 к.
- МЮРЖЕ, А. Бюгема. Романъ. Переводъ съ французскаго А. Н. Горлина. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- НЕДЕШЕВА, В. Душа женщины. Рассказы. Кн. I-я. Ц. 75 к.
- ОРДЫНЦЕВЪ, М. Строитель Государевъ. Истор. рассказъ. Ц. 35 к.
- ПАХАРНАЕВЪ, А. За что?! Повѣсть. Спб. 1913. Ц. 20 к.
- САМОПЛЮВЪ, А., графъ. Филаретъ Никитичъ. Историческая драма въ пяти дѣйствіяхъ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 35 к.
- СЕРГІЕВЪ-ЦЕНСКІЙ, С. Собрание сочиненій. Т. VI. Рассказы. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- СЛАДКОПЪВЦЕВЪ, В. Мои рассказы. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- СОЛОВЬЕВА, П. (Allegro). Переверстовъ. Повѣсть въ стихахъ. Спб. 1913. Ц. 50 к.
- СВЕРЦЕВЪ-ПОЛЮВЪ, Г. Вездѣ женщины! Рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
- СВЕРЯНИНЪ, И. Громкопящій кубокъ поэзіи. М. 1913. Ц. 1 р.
- ТАССАРЪ, Ф. Воспоминанія о Гюи де-Монассанъ его слуги Франсуа. Переводъ съ французскаго. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- ЧТЕЦЪ-ДЕКЛАМАТОРЪ. Литер.-худож. сборникъ. Томъ I. Ц. 1 р. 25 к.
- ШАДРИНЪ, П. Буря. Повѣсть изъ современной жизни духовныхъ семинарій и духовенства. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- ШЛИХТЪ, Ф. Лейтенантъ Викторъ. Романъ. Ц. 80 к.
- ЮНКЕВИЧЪ, С. Голуби. Повѣсть. М. 1913. Ц. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

- АЛАБИНА-СОКРАТОВА, Т. Картины изъ жизни государства Аонискаго. М. 1913. Ц. 35 к.
- ГРИГОРЬЕВЪ, В. Историческій очеркъ участія вѣдомства путей сообщенія въ Отечественній войнѣ. Спб. 1912. Ц. 50 к.
- ДѢТСТВО НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСѢЯ НИКОЛАЕВИЧА. Альбомъ-книжка. Спб. Ц. въ издѣн. череплетъ 5 р.
- ЕЛЧАНИНОВЪ, А., проф. Державный Домъ Романовыхъ. Москва. 1913. Ц. 30 к.
- КАРБЕВЪ, Н. Теорія историческаго знанія. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- КАССО, Л. Россія на Дунаѣ и образование Бессарабской области. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- КУЛАКОВСКІЙ, Ю. Исторія Византии. Т. I. Кіевъ. 1913. Ц. 3 р.
- МІЛЮКОВЪ, П. Главныя теченія русской исторической мысли. Спб. 1913. Ц. 1 р. 60 к.
- ПЕТРУШЕВСКІЙ, Д., проф. Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства. Изд. 3-е, исправл. и дополн. М. 1913. Ц. 2 р. 60 к.
- ПРИКАЗЫ ГЕНЕРАЛА СКОБЕЛЕВА (1876—1882). Изданіе второе, подъ редакціей А. Н. Маслова. Спб. 1913. Ц. 60 к.
- РАВИНОВИЧЪ, П. Роль Дома Романовыхъ въ исторіи русскаго просвѣщенія и русской науки. Спб. 1913. Ц. 25 к.
- СЕНИГОВЪ, Г. Міровое значеніе Царя Наставника (Петръ Великій). Спб. 1913. Ц. 12 к.
- СИМОНОВЪ, И. Грановскій—учитель. Въ 100-лѣтію со дня рожденія. 9-го марта 1813 г.—9-го марта 1913 г.). Спб. 1913. Ц. 25 к.
- ЦАРСТВЕННЫЯ ЖЕНЩИНЫ ДОМА РОМАНОВЫХЪ. Мѣсяцесловъ на 1913 г. Ц. 1 р. 25 к. и 2 р. 25 к.
- ЦАРСТВОВАНИЕ ДОМА РОМАНОВЫХЪ. Юбилейный альбомъ. Спб. 1913. Ц. 75 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- АЛЕКСАНДРОВСКІЙ, Ю. Уставъ о вѣнской повинности. Спб. 1913. Ц. 2 р.
- БУВНОВЪ, Н. Ученія права русскаго языка. Въ защиту равноправія русскаго языка на международныхъ историческихъ конгрессахъ. Кіевъ. 1913. Ц. 30 к.
- ВАСЬКОВСКІЙ, Е. Руководство къ толкованію и примѣненію законовъ. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- ГЕП, Э. Облѣгіе кислотами. Уголовно-антропологическій очеркъ. Спб. 1913. Ц. 25 к.

- ГИЛЬФЕРДИНГЪ, Р. Финансовый капитал. Новѣйшая фаза въ развитіи капитализма. Пер. съ нѣм. М. 1912. Ц. 3 р.
- ЗАКОНОПОЛОЖЕНІЯ по защитѣ промышленной собственности. Спб. 1913. 1 руб.
- КАЗИМІРОВЪ, В. Повторительный курсъ уголовного права. X. 1913. Ц. 1 р. 75 к.
- КНАШЪ, Г. Очерки государственной теории денегъ. Деньги. Денежная система Одесса. 1913. Ц. 40 к.
- КОМАРОВЪ, А. Правда о переселенческомъ дѣлѣ. Спб. 1913. Ц. 60 к.
- МІРЛЕСЪ, А. Краткій курсъ статистики. Кіевъ. 1913. Ц. 1 р. 20 к.
- МИХАЙЛОВЪ, П. Новое ученіе о частномъ и публичномъ правѣ. Ярославль. 1912. Ц. 30 к.
- МОШКОВЪ, В. Болгарія, ея други и недруги, разсмотрѣнные со стороны вырожденія. Варшава. 1913. Ц. 45 к.
- МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА, ихъ взаимныя отношенія и положеніе, занимаемое въ современной культурной жизни. Т. III. Вып. 4—5. Спб. 1913. Ц. 1 р.
- Томъ III. Вып. 6 — 7. Спб. 1913. Ц. 1 р.
- НОВЫЙ ЗАКОНЪ 5-го іюля 1912 г. О государственной измѣнѣ путемъ шпионства, съ разъясн. Спб. 1913. Ц. 50 к.
- НУДЛІНЪ, Э. Составитель прошеній и дѣловыхъ бумагъ. Ц. 1 р.
- ПЕРВАЯ ХАРЬКОВСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСЬ. Харьковъ. 1912. Ц. 50 к.
- ПЛАТОНОВЪ, К. «Екатерина Ивановна» Л. Андреева. Судебно-психологическій этюдъ. X. 1913. Ц. 25 к.
- РУССКІЙ ГРАЖДАНИНЪ. Настольная справочная книга. Спб. 1913. Ц. 2 р. 25 к.
- РѢШЕНІЯ граждан. касающ. департ. Правит. Сената за 1911 г. Одесса. Ц. 1 р.
- СТАРЫЙ ЗЕМЕЦЪ. Мысли о земствѣ. Матеріалы для земской реформы. М. 1913. Ц. 50 к.
- СЫРОМЯТНИКОВЪ, С. и ЮРЬЕВСКІЙ, Б. Землеустроительный смотръ. Земельный вопросъ въ Россіи. Спб. 1913. Ц. 35 к.
- ШАЛЛАНДЪ, Л. Иммуитетъ народныхъ представителей. Т. 2-й. Юрьевъ. 1913. Ц. 3 р.

Искусство.

- БАЛЛОДЪ, Ф. Древній Египетъ, его живопись и скульптура. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- ВОЛКОНСКІЙ, С., князь. Выразительный человѣкъ. Сценическое воспитаніе жеста. Спб. 1913. Ц. 2 р.
- ИНОСТРАННЫЯ карикатуры послѣднихъ дней. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- КУДРИНЪ, А. Теорія живописи. М. 1913. Ц. 50 к.
- ЛЕНЦЪ, Н. Какъ оратору и пѣвцу владѣть голосомъ. Спб. 1913. Ц. 1 р.
- ПРОТАСОВЪ, П. Архитектура храма и настроеніе. (Вступительная лекція). Съ тремя рисунками. Сергіевъ-Посадъ. 1913. Ц. 25 к.
- Новшества въ московскомъ храмовомъ зодствѣ конца XVII вѣка. Сергіевъ Посадъ. 1913. Ц. 15 к.

Естествознаніе и математика.

- WEBER, H. и WELLSTEIN, I. Энциклопедія элементарной математики. Т. 2, кн. I. Одесса. 1913. Ц. 3 р.
- ВЕЙМАРНЪ, П. Обь электропроводности металловъ и ихъ сплавовъ съ точекъ зрѣнія дисперсионной химіи. Спб. 1912. Ц. 15 к.
- ДЭЛЪПЪ, Г. Сборникъ задачъ по дифференціальному и интегральному исчисленію. Рига. 1913. Ц. 1 р.
- ЗАХАРОВЪ, С. Почвы Мильской степи и содержаніе въ нихъ легкорастворимыхъ солей. Отчетъ объ изслѣдованіяхъ лѣтомъ 1911 г. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- КАРПОВЪ, В. И. Основныя черты органическаго пониманія природы. М. 1913. Ц. 80 к.
- КЕПЦЕНЪ, В., д-ръ. Климатовѣдѣніе. Общее ученіе о климатѣ. Съ 7 таблицъ, и 2 чертѣж. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- «НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ХИМИИ». Неперіодическое изд., выходящее подъ редакціей проф. Спб. универс. Л. А. Чугаева.
- Сборникъ № 2. Радиоакт. вещества. I. Спб. 1913. Ц. 80 к.
- Сборникъ № 5. Теорія познанія. II. Спб. 1913. Ц. 80 к.
- ОСТРОВСКИХЪ, К. Свѣтъ солнца. Единство солнечнаго мировоззрѣнія. Спб. 1913. Ц. 1 р.
- ПЕЛЬНСКІЙ, И. Таблицы квадратовъ пѣрыхъ чиселъ отъ 0 до 100,000 и основанія приращеній прямоугольныхъ координатъ. Подгата. 1912. Ц. 2 р.
- РИПЦАСЪ, В. Въ подтвержденіе ложнаго принципа въ математикѣ. 2-е значительно исправл. и дополн. изданіе. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- СЕЛИВАНОВЪ, Д. Курсъ введенія въ анализъ. Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.
- ХВОЛЬСОНЪ, О. Сохраненіе и разбѣненіе энергій. Ц. 25 к.
- ЧАЙКОВСКІЙ, М., инж. Причины всемірнаго тяготѣнія и гипотеза космич. излученія. Тифлисъ. 1912. Ц. 80 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- ИЛЬБИНА, М. Поѣздка въ Сванетію. Черезъ Мингрелію. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- ЛИГИНЪ, Ю. На Дальнемъ Востокѣ. М. 1913. Ц. 70 к.
- ПАНОВЪ, В. Дальневосточное положеніе. Очеркъ Приамурья. Ц. 50 к.
- УЛЬЯНОВЪ, ДАНБО. Предсказанія Будды о Домѣ Романовыхъ и краткій очеркъ монахъ путешествій въ Тибетъ въ 1904—1905 гг. Спб. 1913. Ц. 1 р.
- ШРАДЕРЪ, О., проф. Библиотека знанія. Индо-европейцы. Съ 6-ю таблицами рис. Спб. 1913. Ц. 1 р.

Языковѣдѣніе.

- КАВАНОВЪ, Н. Вспомогательный международный языкъ Эсперанто. Съ письмомъ Л. Н. Толстого объ языкъ Эсперанто. Изд. 2-е, исправл. и знач. дополн. М. 1913. Ц. 15 к.
- ШАВИНСКИЙ, З. Новые русско-польскій и польско-русскій словари. Ц. по 1 р.

Сельское хозяйство и домоводство.

- БУДРИНЪ, П. Селекція сельско-хозяйственныхъ растений и значеніе ея въ отношеніи хлѣбовъ. Харьковъ. 1913. Ц. 25 к.
- ДАЛМАТИНСКИЙ, Г. Домашнее медо-вареніе. Ц. 25 к.
- ДЕМЧИНСКИЙ, Н. Дождеваніе. Новая система орошенія полей. М. 1913. Ц. 40 к.
- ДОНЪ-КИХОТЪ, А. Агрономическіе службы. Х. 1913. Ц. 1 р.
- ЕЖЕГОДНИКЪ, отдѣла земельныхъ улучшеній за 1911 годъ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- ПЕВЛЕВА, П. Кролиководство. М. 1913. Ц. 25 к.
- КАТАЛОГЪ сельско-хозяйственного отдѣла кн. маг. «Новаго Времени». Спб. 1912. Безплатно.
- КОЗЛОВСКИЙ, Г. Краткое руководство по частному земледѣлю. (Изложено применительно къ условіямъ юга и юго-запада Россіи). Для средн. и выш. сельско-хозяйств. школъ и для самообразованія. Съ 50 рис. Спб. 1913. Ц. 1 р.
- КРЫЛОВА, В. Куры. Разведеніе, воспитаніе и уходъ. Спб. 1913. Ц. 30 к.
- РАШЕВСКИЙ, Н. Сахаро-рафинадное производство. Кіевъ. Ц. 1 р. 50 к.
- СПРАВОЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА на 1913 г. Составленъ подъ редакціей ассист. К. П. и С. Н. Богоявленскаго и Е. В. Перепелкина. Кіевъ. 1913. Ц. 60 к.
- ФРАНКФРУТЪ, С. Что нужно знать земледѣльцу, чтобы успѣшно воздѣлывать сахарную свекловичу. Кіевъ. 1913. Ц. 30 к.
- ШПЕТЛЕ, Осушеніе почвы подземнымъ дренажемъ. М. Ц. 1 р.
- ШТУТЦЕРЪ, А., д-ръ. Практика расчетовъ кормовыхъ дачъ. Практическое руководство для сельскихъ хозяевъ и членовъ контрольныхъ союзовъ. Спб. 1913. Цѣна 40 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- ВИГДОРЧИКЪ, Н. Опасность промышленнаго труда. Спб. 1913. Ц. 1 р.
- ГУЛЯЕВЪ, А. Начала коммерческаго счетоводства. М. 1913. Ц. 2 р. 25 к.
- ДЕНИСОВЪ, В. Наша промышленность. Спб. 1913. Ц. 80 к.
- Современное положеніе русской торговли. Ц. 80 к.
- ЛИСЕНКО, В. Ближній Востокъ, какъ рынокъ сбыта русскихъ товаровъ. Спб. 1913. Ц. 3 р.
- ПЕРШКЕ, С. Русская нефтяная промышленность, ея развитіе и современное положеніе въ статистическихъ данныхъ. Тифлисъ. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- ШЕЙНОВЪ, П. Торговый обмѣнъ между Россіей и Турціей. Кіевъ. 1913. Цѣна 40 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- БАЛДИНЪ, С. Двигатели внутреннего горенія. Спб. 1913. Ц. 2 р. 75 к.
- ГОРТИКОВЪ, А. и ГОРЛОВЕЦКИЙ, Б. Строитель. Практическое руководство при постройкѣ домовъ. Спб. 1913. Ц. 60 к.
- ГРУБЕРЪ, А. Какъ сдѣлать самому пантографъ. М. 1913. Ц. 15 к.
- ДУКЕЛЬСКИЙ, М., прив.-доц. Химическая технологія. Съ 318 рис. Спб. 1913. Ц. 3 р. 50 к.
- ЕФИМОВИЧЪ, Н. Календарь для инженеровъ и техниковъ путей сообщенія на 1913 г. Спб. Ц. со справочн. книгой 6 р.
- КОЦЕНТЪ-ЗЕЛИНСКИЙ, В. Новѣйшія машины и орудія для моторнаго хозяйства. Кіевъ. 1913. Ц. 75 к.
- ЛВБЕДЕВЪ, А. Двигатель «Гномъ» въ 70 л. с. Съ прилож. инструкціи для сборки и разборки двигателя. Спб. 1912. Ц. 2 р.
- МАЙЗЕЛЬСЪ, Л. Электрическіе звонки, сигнализациа и телефонъ. Практическое руководство для самостоятельнаго оборудованія электрическихъ звонковъ. Кіевъ. 1913. Ц. 75 к.
- Электрическое освѣщеніе. Практическое руководство для оборудованія дешеваго домашняго электрическаго освѣщенія. Кіевъ. 1913. Ц. 60 к.
- МОРОШКИНЪ, А. Постройка желѣзобетонныхъ регуляторовъ для орошенія Мургабскаго Государева имѣнія. Ц. 80 к.
- ОРЛОВСКИЙ, П. Автомобильные двигатели. Спб. 1913. Ц. 5 р.
- ОТЧЕТЪ объ испытаніи легковыхъ автомобилей военнаго вѣдомства. Май—июнь. 1912. Ц. 5 р. и 8 р.
- РЮМИНЪ, В. Что нужно знать по химіи каждому электротехнику. Ц. 50 к.
- СТОРИ, В. Фасады городскихъ домовъ. 42 таблицы. Ц. 3 р.
- СУДЕЙКИНЪ, Г. Альбомъ проектовъ дачъ-особняковъ. 40 проект. Ц. 2 р. 50 к.
- ЮШОМЪ, К. Самоучитель мыловаренія. Курсъ мыловареннаго производства. Обработано по нѣмецкимъ и русскимъ источникамъ. Кіевъ. 1913. Ц. 60 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія

БОАСЪ, Г., проф. Диагностика и терапия болѣзней желудка. Т. I. Съ предисловіемъ проф. Д. Д. Шлетнева. Москва. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

DOST и HILGERMANN. Практическое руководство къ физическому и химическому изслѣдованію питьевыхъ и сточныхъ водъ. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ДУГОВСКАЯ, врачъ. Куда везти больныхъ дѣтей. Санаторіи, больницы, колоніи и др. учр. Спб. 1913. Ц. 80 к.

ЖУКЪ, В. Ребенокъ. Общедоступная гигиена. 2-е, доп. изд., съ 60 рис. Спб. 1913. Ц. 1 р.

КОНТЕЙМЪ, П. Болѣзни пищеваго, желудка и кишечника. М. 1913. Ц. 2 р.

РОБЕРТСОНЪ, Б. Бѣлковыя вещества. Спб. 1913. Ц. 2 р.

УИШЛЪ, Г., проф. Руководство къ изслѣдованію физической и психической дѣятельности дѣтей школьнаго возраста. М. 1913. Ц. 3 р.

ФУКСЪ, А., прив.-доц. Нервные болѣзни. Для врачей и студентовъ. Съ 69 рис. въ текстѣ и 9 таблицами фототипій. Спб. 1913. Ц. 3 р.

ХЕЙГЪ, А. Дѣта и пища въ связи со значеніемъ мочевой кислоты, какъ причины болѣзней. М. 1913. Ц. 60 к.

ШАНЦЪ, А. Курсъ фармакологіи. Спб. 1913. Ц. 2 р. 75 к.

Военное и морское дѣло.

ЛАНГЪ-фонъ, П. Среди неудачъ. Изъ русско-японской войны. Ц. 1 р.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

ANTON. О разстройствахъ развитія у дѣтей. М. 1913. Ц. 50 к.

БОРГМАНЪ, А. Русская исторія. (Пособіе для средней школы и самообразованія). Часть II. Съ Петра Великаго. Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

ВАХНИНЪ, А. Военныя училища. Изд. 10-е, исправл. и дополн. Одесса. 1913. Ц. 1 р.

ВЛАДИСЛАВЛЕВЪ, И. Русскіе писатели XIX и XX ст. М. 1913. Ц. 1 р.

ДЕМКОВЪ, М. Начальная педагогика. Для учащихся въ народной школѣ и для грамотныхъ крестьянъ. М. 1913. Ц. 20 к.

ДУЧИНСКІЙ, Н. Три столѣтія 1598—1613—1913 г.г. Историко-литературная хрестоматія. М. 1913. Ц. 35 к.

КАДМИНЪ, Н. И. А. Гончаровъ. Жизнь, личность и творчество. Ц. 25 к.

— М. Ю. Лермонтовъ. Ц. 25 к.

— И. С. Тургеневъ. Ц. 25 к.

КАРАБАНОВЪ, Н. Россія за триста лѣтъ въ произведеніяхъ русскихъ писателей и поэтовъ. Хрестоматія для семьи и школы. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

КОВАЛЕВСКІЙ, М. Русская исторія. Для средней школы и для самообразованія. Ч. вторая. Москов. государство. В. I. М. 1913. Ц. 1 р. 10 к.

КОРЧИНСКІЙ, Х. Нѣсколько словъ по поводу изданія церковно-славянскаго словарика для народныхъ школъ. Спб. 1913. Ц. 40 к.

КРАСЕВЪ, А., бывшій директоръ народныхъ училищъ. О преподаваніи Закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ. М. 1913. Ц. 50 к.

ЛУКЪЯНСКАЯ, В. Другъ животныхъ. Зоологическая хрестоматія. Часть II. Для старшаго возраста. Выпускъ III, съ рисунками. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЯНЧЕНКОВЪ, М. Математическая хрестоматія для школы и семьи. Спб. 1913. Ц. 60 к.

МАРГОЛИНЪ, Д. Справочникъ по низшему образованію. Часть I-я. Программы и правила общеобразовательныхъ низшихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1913. Ц. 40 к.

МИРЛЕСЪ, А. Какъ научиться писать сочиненія? Пособіе для учащихся. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Киевъ. 1913. Ц. 90 к.

— Темникъ-хрестоматія. «Важнѣйшія темы». Томъ III. (224 темы основныя и 205 дополнит.). Изд. 4-е. Киевъ. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

НОВИКЪ, Е. Православно-христіанское въроученіе. Учебникъ по Закону Божію. Одесса. 1912. Ц. 85 к.

ПОПОВЪ, Е. Новая геометрія. Систематическій курсъ геометріи, изложенный согласно съ законами познанія. Съ 542 рис. и чертежами. М. 1913. Ц. 1 р. 20 к.

ПРАКТИЧЕСКОЕ руководство къ обученію письму. Рекомендуются родителямъ для занятія съ дѣтми дошкольнаго возраста. Подготовительный курсъ. № 1. Спб. 1913. Ц. 10 к.

РОМАНОВСКІЙ, В. Планы и конспекты по исторіи XIX вѣка. М. 1913. Ц. 50 к.

СЕВАСТЬЯНОВЪ, П. Ариѳметика по программѣ средн. учебн. заведеній. Составлена въ снатовъ формѣ. М. 1913. Ц. 25 к.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЕ вопросы по исторіи русской литературы. Ц. 50 к.

СОВМѢСТНОЕ ВОСПИТАНІЕ и ОБРАЗОВАНІЕ. Четыре доклада въ московскихъ кружкахъ «совмѣстнаго воспитанія и образованія дѣтей» и «Педагогическому кружкѣ» А. С. Буткевича, Н. А. Кабанова, С. Н. Дурылина и Ф. К. Лебединцева. М. 1913. Ц. 40 к.

СОКОЛОВЪ, Н. Ариѳметика. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній и самостоятельнаго изученія. М. 1913. Ц. 50 к.

ТЕМКИНЫ, Б. и М. Русскій учитель. Руководство, примѣненное къ обученію русскому языку въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ дѣти при поступленіи не умѣютъ говорить по-русски. Ч. I. Букварь и первая послѣ буквари книга для чтенія. Съ 500 рис. Спб. 1913. Ц. 25 к.

ТУРАЕВА, К. Первоначальныя свѣдѣнія по русской грамматикѣ. Для пригото-

товит. классовъ средн. учебн. заведеній и для городск. и сельск. нач. училищъ. Вып. I. Спб. 1913. Ц. 10 к.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТИЯ. Т. I-й. Античный мѣръ. Кіевъ. 1913. Ц. 1 р. 80 к.

ИСИНСКИЙ, Е. Систематическій диктантъ для среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Часть I. Этимология. Правонаписаніе, согласно съ руководствомъ Я. Грота, Москва. 1913. Цѣна 60 к.

Книги для дѣтей и юношества.

ДИККЕНСЪ, Ч. Дѣти богача. (Домби и сынъ). Въ излож. В. Лукьяновой. Съ рис. М. 1913. Ц. 60 к.

ДОДЭ, А. Фроманъ младшій и Рислеръ старшій. Спб. 1913. Ц. въ переплетѣ 90 к.

ЗАРИНЪ, А. Царскія развлечения и забавы за 200 лѣтъ. Историческіе очерки. М. 1913. Ц. 30 к.

КАЧЕВСКАЯ, М. Веселыя кашинулы. Научно-беллетристическій очеркъ для дѣтей средняго возраста. Съ 15 карт. и 10 рис. худ. В. В. Спасскаго. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

ОРДЫНЦЕВЪ, М. На Куликовомъ полѣ. Историческій рассказъ. Съ рис. и портретами. Спб. 1913. Ц. 12 к.

ТРЕТЬЯКОВЪ, Д. Доисторическій человекъ. Древн. каменный вѣкъ. Ц. 30 к.

УИДА. Приключеніе маленькаго графа. Спб. 1913. Ц. 20 к.

ФУРМАНЪ, П. Саардамскій плотникъ. Историческая повѣсть. Редакция В. П. Авенариуса. Рис. Р. Г. Шейдера. М. 1913. Ц. 40 к.

ЧЕРСКИЙ, Л. Богомъ данный. Боярская дума. Историч. рассказы. Ц. 10 к.

ЩЕНКИНА-КУПЕРНИКЪ, Т. Изъ дѣтства Литы. Сборникъ рассказовъ для дѣтей старшаго возраста. М. 1913. Ц. 1 р.

ЮНГЪ, Э. Гекторъ—мой собака. Рассказъ. Спб. 1913. Ц. 1 р.

Спортъ, охота и игры.

СОВРЕМЕННОЕ ДРОБОВОЕ ОХОТНИЧЬЕ ОРУЖІЕ. (Практ. руководство

для руж. охотниковъ). М. 1913. Ц. 1 р. 75 к.

Справочныя книги.

ВСЯ РОССИЯ. Справочная книга. Третій томъ. Кіевъ. 1913. Ц. 3 р., съ картой 5 р.

ГАВРИЛОВЪ, П. Путеводитель по кумысолечебницамъ. 1913. Ц. 25 к.

КЛЯЧКО, В. Сборникъ готовыхъ разстояній. Ч. 2-я. Ростовъ на-Дону. 1913. Ц. 3 р.

ПЛАНЪ - ПАНОРАМА ГОРОДА САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГА. Спб. 1913. Ц. 75 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по Великой Сибирской желѣзной дорогѣ на 1913 г. Отъ С.-Петербурга до Владивостока. Составленъ по офиц. даннымъ, подъ редакц. А. И. Дмитриева-Мамонова. 150 фото-типографуръ, 2 большія карты желѣзн. дорогъ Европейской Россіи и Сибири на одномъ листѣ. (Оф. Ук. М. П. С.). Изд. 11-е. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Разныя книги.

АБРАМОВЪ, Н. Даръ слова. Выпускъ шестнадцатый. Спб. 1913. Ц. 25 к.

УСПѢШНАЯ РЕКЛАМА И КАКЪ ЕЮ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ. Кіевъ. 1913. Ц. 50 к.

ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Открыта подписка на роскошный художественно-литературный журнал по образцу **большихъ заграничныхъ иллюстрацій**

„ЕВРОПЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ“

Вѣстникъ русской и заграничной жизни, политики, литературы, путешествій, искусства, театра и модь.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

Жизнь Европы. Парижъ, Берлинъ, Петербургъ, Вѣна, Римъ, Нью-Йоркъ и т. д. — Придворный и парламентскій бытъ. — Великосвѣтское общество. — Литература, искусство, ученые, артисты. — Уголки русской жизни за границей. — Путешествія, романы, повѣсти. — Миръ изящнаго. — Красота на сценѣ и въ жизни. — Портреты артистокъ, балеринъ и красавицъ, рисунки, сцены. — Отдѣлъ парижскихъ модь. — Веселые наброски, юмористика. — Театры. — Особый отдѣлъ: изъ міра таинственнаго, необычайныя явленія, загадки бытія. — Миръ духовъ.

Галлерей картинъ „ПАРИЖСКАГО САЛОНА“

12 ежемѣсячныхъ богато-иллюстрированныхъ выпусковъ журнала въ видѣ роскошныхъ большихъ тетрадей парижскаго образца—составляютъ цѣнное художественное украшеніе гостиной, салона, кабинета, собраній, читальнъ.

ГОДОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ

◆ **ДВѢ ПРЕМІИ** ◆ въ 1913 году ◆ **ДВѢ ПРЕМІИ** ◆

I. Знаменитый романъ „ПАРИЖЪ“ Эм. Золя или (на выборъ) „ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ДРУГІЕ МІРЫ“, таинственный романъ, посвященный разрѣшенію проблемъ міра, Д. Эстора, съ иллюстраціями заоблачнаго царства.

◆ При подпискѣ **обязательно** указывать, какую изъ этихъ двухъ премій желаютъ получить ◆

II. „**Всеобщій Иллюстрированный Путеводитель**“. Новое изданіе. **Лѣтнія поѣздки на 1913 г.**

Подписная цѣна: въ годъ съ преміями 4 р., на полгода 2 р.
За границу 6 р. въ годъ (съ преміями).

Особенно роскошные (веленевые) экземпляры 6 р. въ годъ (съ преміями).

Форматъ журнала увеличенъ. Подписка принимается **въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени»** и въ редакціи «Европейской Жизни»:

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 94.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ
ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Т-ва А. С. Суворина—, «Новое Время»

КНИГА

Б. Б. ГЛИНСКАГО:

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ (1861-1881 гг.)

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ портретами и иллюстраціями. Цѣна за обѣ части 5 р. 50 к.

Въ этой книгѣ изложены историческія событія въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ и вплоть до мученической кончины Императора Александра II. Въ первой части авторъ слѣдитъ за нарожденіемъ оппозиціи внутренней политикѣ правительства и по преимуществу сосредоточиваетъ свое вниманіе на борьбѣ либеральныхъ общественныхъ элементовъ съ консервативными тенденціями правящихъ сферъ. Событія революціоннаго порядка отмѣчаются, какъ явленія единичныя, безъ поддержки ихъ значительнымъ количествомъ соучастниковъ. Во второй части передъ читателями развертывается дѣятельность «землевольтескихъ» и «народовольческихъ» группъ, и на сцену выступаютъ фанатизированные террористы, жертвою преслѣдованія со стороны которыхъ является Царь-Освободитель. Обѣ части книги обильно иллюстрированы портретами русскихъ государственныхъ, общественныхъ и революціонныхъ дѣятелей второй половины XIX вѣка.

ТОГО ЖЕ АВТОРА продается книга:

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ

(1612-1861 гг.).

Историческіе очерки

СЪ ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Цѣна 3 р. 50 коп.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.



Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.



Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13





Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ.

АВГУСТЪ, 1913 г.

	СТРАИ.
I. Борьба у престола. (Историческій романъ). Часть вторая. XIII—XVII. (Продолженіе). Ф. Е. Зарина-Шевшицаго . . .	385
II. Дневникъ О. М. Бодянскаго. М. Г. Попруженка	413
III. У родственниковъ. (Повѣсть). I—VIII. М. Е. Васильевой . .	432
IV. За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). II. (Продолженіе). В. Б. Бергенса	460
V. Во хмелю. (Изъ жизни современной деревни). М. С. Семенова .	485
VI. Изъ монахъ воспоминаній о еврейскомъ прошломъ. С. К. Эфрона (Литвина)	495
VII. Петербургскіе наброски. (Трагедія директора банка). Г. К—ка .	527
VIII. Неурожай въ Тобольской губерніи 1891 года. В. А. Троицкаго	536
IX. Родители А. С. Суворина. Б. Г.	553
Иллюстраціи: 1) Александра Львовна Суворина.—2) Домъ С. Д. Суворина въ Коршевъ.—3) Формулярный списокъ С. Д. Суворина.	
X. Художникъ слова и пера. (Бѣглыя замѣтки и отрывочныя воспоминанія, вызванныя вторымъ томомъ на «Жизненномъ пути» А. О. Кони). А. Витмера	566
XI. Памяти В. Е. Рудакова. Б. Глинескаго	580
Иллюстрація: Василій Егоровичъ Рудаковъ.	
XII. Изъ жизни старообрядчества на сѣверѣ Россіи. Н. Н. Оглоблина	593
XIII. Развѣнчанные герои революціи 1905 г. 1) Г. С. Хрусталева-Носарь. XIII—XVIII. (Продолженіе). Б. Глинескаго	598
XIV. Къ столѣтію Кульмскаго боя. 17 августа 1813—1913 года. К. Бурлиева	630
Иллюстраціи: 1) Русскій памятникъ.—2) Братская могила.—3) Германскій памятникъ.—4) Австрійскій памятникъ.	
XV. Красное село. (Историческій очеркъ). Е. Каменскаго	638
Иллюстраціи: 1) Красное село въ царствованіе Николая I. (Возвращеніе войскъ съ Военнаго поля).—2) Церковный парадъ въ лагерьъ подъ Краснымъ Селомъ въ царствованіе императора Николая I.—3) Сигнальная пушка въ Красномъ Селѣ.—4) Дворецъ Государя въ Красномъ Селѣ.—5) Памятникъ Императору Александру II.—6) Царская ферма въ Дудергофѣ.	
XVI. Критика и библиографія.	662
1) П. Пирлингъ. Историческія статьи и замѣтки. Спб. 1913. к.—2) Труды вятской ученой архивной комиссіи. 1912 г. Выпускъ I—II. Посвящается памяти преподобнаго Трифона, вятскаго чудотворца, по случаю трехсотлѣтняго юбилея со дня его блаженной кончины.—Вып. III. Посвящается памяти отечественной и освободительной войны 1812—1813—1814 г. Вятка. 1912. В. Рудакова.—3) Владимиръ Китченко. Руины замка въ Гапсальѣ. Ревель. 1912. 2) Гапсальскій замокъ, его настоящее и прошлое. Гапсаль. 1912. А. Мальмгрена.—4) François Charles-Roux. Alexandre II, Gortschakoff et Napoléon III. Paris. 1913. А. Б.—5) Логофетъ, Д. Н. Въ горахъ и на равнинахъ Бухары. (Очерки Средней Азіи). Спб. 1913. В. Бр.—6) Д. А. Скалонъ. Мои воспоминанія 1877—1878 гг. (См. слѣд. стран.).	

Томъ I. 1918. М. Соколовскаго.—7) Сборникъ статей въ честь Дмитрія Омиича Кобеко, съ прилож. портрета г. Кобеко и многими фототипіями, въ томъ числѣ съ грамоты царя Бориса къ императору Рудольфу II. 1602 г. П. Майновъ. Спб. 1913.—8) Дневникъ Вѣры Сергѣевны Аксаковой. 1854—1855. Редакція и примѣчанія князя Н. В. Голицина и П. Е. Щеголева. Спб. 1913. Вл. н.—9) Письма А. П. Чехова. Томы I—IV. Съ иллюстраціями. Москва. 1913. Д. Маслянина.—10) Виблѳграфическій ежегодникъ. Выпускъ II. Подъ редакціей И. В. Владиславлева. Систематическій указатель литературы за 1912 годъ. Москва. 1913. В. Д.—ова.—11) Горнфельдъ, А. Г. О русскихъ писателяхъ. Томъ I. Спб. 1912. Б.—на.—12) П. Н. Сакулинъ. Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь В. Ө. Одоевскій — мыслитель-писатель. Тома I части I и II. Москва. 1913. Вл. ф.—Штейна.—13) Витторіо Альфьери. Жизнь и произведенія. Исслѣдованіе И. И. Гливенко. Томъ I. (4 портрета и 4 приложения). Спб. 1912. П. и А.—14) Н. Карѣевъ. Теорія историческаго знанія. Спб. 1913. П. Б.—15) Ф. Тассаръ. Воспоминанія о Гюи де-Мопассанѣ его слуги Франсуа. Переводъ съ французскаго. Спб. 1913. Я.—16) Краткій очеркъ римскихъ древностей. Для гимназій, прогимназій и самообученія. Составилъ Н. Санчурскій, бывшій окружный инспекторъ петербургскаго учебнаго округа, при участіи А. Гофмана и М. Янко—директоровъ петербургскихъ гимназій, П. Барсова, И. Домидова и Г. Сѣдлатаго—инспекторовъ петербургскихъ гимназій, Э. Кесслера и В. Марданова—преподавателей петербургскихъ гимназій. Четвертое изданіе пересмотрѣнное Спб. 1913. А. М.—нъ.—17) Древній мѣръ и средніе вѣка. Историческіе очерки. Составили И. Н. Бороздинъ, профессоръ С. А. Котляревскій, В. В. Филатовъ, А. Г. Штейгеръ и М. А. Эртель. Съ рисунками въ текстѣ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва. 1913. Пант.—18) Г. Гинсъ. Переселеніе и колонизація. 1913. П. С.—ва. 19) Архимандритъ Іона. Римскій папа и православный Востокъ. Очерки и этюды по вопросу о современныхъ отношеніи Рима къ Россіи и Ближнему Востоку. Спб. 1913. Е.—20) Переселеніе и землеустройство за Ураломъ въ 1906—1910 г. и отчетъ по переселенію и землеустройству за 1910 г. Изданіе переселенческаго управленія, съ многими геологическими и съ десятью географическими картами. Спб. П. Майнова.—21) С. Э. Терменъ. Призрѣніе несчастнорожденныхъ въ Россіи. Спб. 1912. Г. Гинса.—22) Общество славянскаго научнаго единенія. Славянскій вопросъ въ его современномъ значеніи. (Рѣчи и статьи члена государственной думы А. М. Александрова, академика В. М. Вехтерева, профессора М. М. Ковалевскаго. Янко Ларвина, профессора П. А. Лаврова, Д. И. Семиза и профессора М. П. Чубинскаго). Спб. 1913. В. Мар.—скаго.—23) М. К. Соколовскій и князь А. С. Эристовъ. Славное прошлое изюмскихъ гусаръ. Памятка 11-го гусарскаго Изюмскаго его королевскаго высочества принца Генриха прусскаго полка. Спб. 1912. А. М.—24) А. Г. Петискусъ Олимпъ. Мисология грековъ и римлянъ. Третье русское изданіе, переработанное (по 21 нѣмецкому изданію) подъ редакціей К. А. Тюделлева. Съ рисунками въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Спб. 1913. Д. М.—25) У. Г. Иваскъ. Григорій Николаевичъ Геннадіи. (Обзоръ жизни и трудовъ). М. 1913. В. Руданова.—26) Спутникъ по древнему Владимиру и городамъ Владимирской губерніи. Историко-археологическое описаніе всѣхъ городовъ Владимирской губерніи. Составилъ Н. Н. Ушаковъ. А. в. с.—27) Riga vor Hundert Jahren. Riga 1912. А. М.—на.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 705

1) Карточная игра.—2) Воспоминанія Россіи о своемъ дѣтствѣ.—3) Переписка между Гете и Карлейлемъ.—4) Гобино, Ницше и Вагнеръ.—5) Дѣятельность англо-русскаго литературнаго общества въ Лондонѣ.—6) Двадцатипятилѣтній юбилей Вильгельма II.—7) Настоящая madame Дюбарри.—8) Прототипъ Гамлета.—9) Приключенія одного изъ роялистовъ.—10) Къ исторіи Албаніи.—11) Отовсюду.

XVIII. Смѣсь 739

1) Древнее кладбище въ городѣ Смоленскѣ.—2) Романовскій обелискъ на Цвѣтномъ бульварѣ въ Москвѣ.—3) Отчетъ комитета для устройства празднованія 300-лѣтія царствованія Романовыхъ.—4) Открытіе памятниковъ Пушкину, Жуковскому и князю Вяземскому.—5) Храмъ-памятникъ въ городѣ Холмѣ.—6) Пятистолѣтніе храма.—7) Юбилей Н. Я. Марра.—8) Тридцатипятилѣтній юбилей И. Ө. Богданова.

XIX. Некрологи 743

1) Выстровъ, Ө. Н.—2) Княжна Грузинская, Ө. И.—3) Демьяновъ, М. А.—4) Казанскій-Соршеръ, В. А.—5) Забѣлинъ, Н. Н.—6) Кондратьевъ, А. М.—7) Котурнидѣй, П. В.—8) Кудринскій, М. А.—9) Кузнецко, Г. Е.—10) Кузнецовъ, М. М.—11) Пруссакъ, В. К.—12) Рудневъ, В. Ө., контръ-адмиралъ.—13) Соломинъ, С. Я.—14) Творожниковъ, А. И.—15) Табурно, Г. П.—16) Щербина-Крамаренко, Н. Н.

Приложенія: 1) Портретъ Алексѣя Сергѣевича Суворина.—2) Тѣнь власти. Историческій романъ Юлія Бертрама. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. (Продолженіе).



БОРЬБА У ПРЕСТОЛА 1.

(Романъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ХІІІ.



ОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ крѣпкаго сладкаго венгерскаго вина, медовъ и гданской водки гости императрицы замѣтно оживились. Сама Анна ничего не пила, но ея сестры съ удовольствіемъ пригубили и вина, и меду, не говоря уже о принцессѣ Елизаветѣ. Та каждый кусочекъ запивала глоткомъ вина. Ея прекрасное лицо разгорѣлось. Она смѣялась, угощала своихъ сестрицъ и совсѣмъ не походила на женщину, къ которой еще такъ недавно былъ до такой степени близокъ тронъ, что, казалось, ей стоило только протянуть руку, чтобы взять корону.

Анна и не видѣла сейчасъ въ ней соперницы власти; ея сердце больнѣе уязвляла молодость цесаревны, и она невольно вспоминала свою печальную молодость. Нѣсколько разъ подъ вліяніемъ ревнивой тоски она враждебно взглядывала на Елизавету.

Всегда нѣсколько сонная Прасковья Ивановна оживилась и благосклонно слушала сидѣвшаго съ нею рядомъ Василія Лукича.

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХХХІІІ, стр. 5.
«Истор. вѣстн.», августъ 1913 г., т. СХХХІІІ.

На концѣ стола Шастуновъ что-то весело вполголоса разсказывалъ Юліанѣ, и та, оживленная и радостная, закрывая ротъ платкомъ, едва сдерживалась отъ смѣха. Аріальдъ, стоя за кресломъ императрицы, строилъ уморительныя гримасы и подмигивалъ на Юліану.

Нѣсколько разъ Анна бросала милостивые взоры на этотъ молодой уголокъ стола. Она привыкла къ своимъ «дѣвкамъ», какъ она называла фрейлинъ. Кромѣ того, теперь, при ея настроеніи, ей особенно было дорого всякое воспоминаніе о Митавѣ, а эти дѣвушки напоминали ей многое.

— Однако, поручикъ,—громко сказала она, обращаясь къ Шастунову:—ты, я вижу, даромъ времени не тратишь.

Она улыбнулась и погрозила Арсенію Кирилловичу толстымъ пальцемъ.

Арсеній Кирилловичъ смутился, покраснѣлъ и вскочилъ съ мѣста.

— Ваше императорское величество...—началъ онъ.

— Сиди, сиди,—прервала его Анна:—да что вы все шушукаетесь тамъ да хихикаете. Вамъ, видно, очень весело. Такъ повеселите и насъ...

Глаза Юліаны засверкали удовольствіемъ при словахъ императрицы.

Самъ Василій Лукичъ тоже былъ доволенъ. Онъ былъ обрадованъ такимъ настроеніемъ императрицы. Онъ предпочиталъ его тому угрюмому и раздраженному состоянію, въ которомъ Анна находилась все это время.

«Она примиряется со своимъ положеніемъ,—думалъ онъ:—тѣмъ лучше. Въ Москвѣ, окруженная пышнымъ дворомъ и виѣшнимъ почетомъ, въ богатствѣ, роскоши, среди празднествъ, она будетъ вполнѣ счастлива и довольна.

Хотя герцогиня мекленбургская сидѣла рядомъ съ императрицей, ей никакъ не удавалось сказать Аннѣ тайно даже нѣсколько словъ. Съ другой стороны сидѣла царевна Прасковья съ Василюмъ Лукичемъ. А Василій Лукичъ, несмотря на то, что, казалось, былъ поглощенъ разговоромъ съ царевной, ни на минуту не прекращалъ своихъ наблюденій и при каждомъ словѣ императрицы почтительно смолкалъ.

А императрицѣ страстно хотѣлось узнать, на что намекала Екатерина. Разъ или два она вопросительно взглянула на нее, но въ отвѣтъ Екатерина переводила глаза на Василю Лукича, и Анна понимала ее.

Мама, успокоенная словами императрицы, тоже приняла живое участіе въ веселомъ шушуканьи молодежи. Только ея мать сохраняла грустное выраженіе лица.

Вскорѣ послѣ обѣда Ягужинская, поблагодаривъ императрицу за милость, отправилась домой.

Императрица на прощанье снова неопредѣленно и милостиво сказала ей:

— Не убивайся, Анна Гавриловна.—Богъ милостивъ. Все какъ-нибудь уладится.

Василій Лукичъ глубоко поклонился Ягужинской, но она сдѣлала видъ, что не замѣтила его.

Императрица продолжала милостиво бесѣдовать съ гостями, но князю Шастунову надо было вернуться къ своимъ обязанностямъ, къ великому огорченію Юліаны.

Онъ взглянулъ на Долгорукова и сдѣлалъ движеніе встать. Василій Лукичъ понялъ его и сейчасъ же испросилъ разрѣшеніе императрицы удалиться князю.

Анна милостиво кивнула головой и шутя произнесла:

— Ты смотри у меня. Не смущай моихъ дѣвочекъ.

Шастуновъ низко поклонился и вышелъ.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ онъ вернулся снова и доложилъ, что прибыла Прасковья Юрьевна Салтыкова и просить милостиваго разрѣшенія явиться къ императрицѣ.

Анна бросила вопросительный взглядъ на Василія Лукича, но не успѣлъ онъ произнести слова, какъ Екатерина крѣпко сжала руку сестры, словно призывая ее къ самостоятельности, и Анна громко сказала:

— Позови Прасковью Юрьевну.

Этотъ день былъ не особенно удаченъ для Василія Лукича. Ему не нравилось поведеніе императрицы. И въ душѣ онъ рѣшилъ принять нѣкоторыя мѣры.

Пріѣздъ сестеръ, особенно Екатерины, въ которой онъ видѣлъ открытаго врага. Потомъ просьба Ягужинской, теперь пріѣздъ Салтыковой, сестры униженнаго верховниками фельдмаршала Ивана Юрьевича и жены генерала Семена Андреевича Салтыкова, майора Преображенскаго полка, явно сторонившагося верховниковъ и притомъ родственника императрицы.

Но дѣлать было нечего. Прасковья Юрьевна уже входила въ комнату.

Императрица приняла ее съ видимой радостью.

Живая и бойкая, Прасковья Юрьевна сдѣлала глубокой реверансъ императрицѣ, запросто, по родственному поздоровалась съ царевнами, кивнула Василію Лукичу, улыбнулась фрейлинамъ, щипнула за ухо Аріальда и быстро заговорила, бросивъ выразительный взглядъ на герцогиню мекленбургскую. Та слегка наклонила голову.

— Ваше величество, а я къ вамъ съ презентомъ.

Анна улыбнулась.

— Съ презентомъ?—спросила она.—Въ чемъ дѣло?

— Сейчасъ, ваше величество,—позвольте этому мальчику (она указала на Аріальда) велѣть принести презентъ. Я его оставила въ пріемной.

— Иди, Аріальдъ,—сказала заинтересованная императрица.

Заинтересованы были и всѣ окружающіе, даже самъ Василиій Лукичъ.

Черезъ нѣсколько минутъ вернулся Аріальдъ въ сопровожде- ній камеръ-лакея, осторожно неспяго за нимъ довольно большой ящикъ нѣжнаго палисандроваго дерева.

По указанію императрицы ящикъ поставили на столикъ пе- редъ ея кресломъ.

Василиій Лукичъ подошелъ ближе. Всѣ столпились около столика.

Салтыкова бѣгло взглянула на Екатерину и вынула изъ кар- мана ключикъ.

Медленно, словно для того, чтобы возбудить еще большее лю- бопытство, она открыла футляръ. Въ футлярѣ оказались часы. Она вынула ихъ и поставила на столикъ.

— Вотъ такъ презентъ!—съ удовольствіемъ произнесла Анна, любуясь часами.

Часы дѣйствительно были красивы.

Серебряный циферблатъ съ золотыми стрѣлками, былъ вдѣланъ въ скалу изъ бѣлоснѣжнаго фарфора. Скалу увѣнчивала группа, изящно исполненная, изображающая Амура и Психею.

Часы шли. Салтыкова надавила пружинку, и они отчетливо, серебристымъ звономъ пробили три и четверть.

— Это ежели проснуться ночью,—пояснила она:—то и безъ огня можно узнать, который часъ.

Анна, какъ ребенокъ, любовалась часами.

— Да откуда у тебя это чудо?—спросила она.—Спасибо, Пра- сковья Юрьевна.

— А это мужу привезъ саксонскій резидентъ Лефортъ,—отвѣ- тила Прасковья Юрьевна.—У нихъ въ Саксоніи какой-то чудо- дѣй еще при королѣ Августѣ составъ такой нашель. Во всемъ мірѣ, говорятъ, такого нѣтъ. Только въ Китаѣ одномъ. Да тѣ свой секретъ крѣпко держатъ,—продолжала Прасковья Юрьевна.— Вотъ этотъ Лефортъ и привезъ мужу диковинку. А мужъ и говоритъ: такая штука одна въ Россіи. Надлежитъ быть ей у императрицы. Вотъ я и привезла.

— Спасибо, спасибо,—говорила Анна, любуясь часами.—По- благодарите Семена Андреевича. Потомъ и мы отблагодаримъ его.

Анна нѣсколько разъ нажимала пружину.

— Чудно,—говорила она:—этакую махинацію выдумать.

— Вотъ, сестрица, сзади золотая доска,—показала Екатерина:— а за ней вся махинація.

При этихъ словахъ она незамѣтно надавила ногой на ногу императрицы.

— Да, за ней вся махинація,—повторила она, снова нажавъ ногу Анны.

Анна бросила на нее быстрый взглядъ и сейчасъ же опустила глаза.

— Прикажи, Василій Лукичъ, поставитъ ко мнѣ въ опочивальню,—сказала она.

Василій Лукичъ поклонился, но, не желая оставлять императрицу съ сестрами, сдѣлалъ знакъ Аріальду.

Императрица стала задумчива.

Отойдя въ сторонку, Юліана что-то шептала Адели. Цесаревна Елизавета едва скрывала свою зѣвоту. Послѣ сытнаго обѣда и выпитаго вина ее клонило ко сну. Царевна Прасковья послѣ оживленія, вызваннаго презентомъ, снова погрузилась въ свое полусонное состояніе.

Императрица встала, давая этимъ понять, что пора расходиться.

Сестры распрощались.

Василій Лукичъ вздохнулъ свободнѣе. У него было очень много дѣлъ.

Входъ въ Москву былъ назначенъ, съ согласія Анны, на 15-е февраля, а 14-го былъ назначенъ во Всесвятскомъ дворцѣ официальный пріемъ верховнаго совѣта, генералитета, синода и иностранныхъ резидентовъ.

Императрица удалилась въ свои апартаменты.

Фрейлины побѣжали къ себѣ.

Это былъ часъ, когда императрица чувствовала себя свободной, безъ докучнаго надзора Василія Лукича, когда она могла предаваться своимъ печальнымъ мыслямъ и дѣлиться ими съ вѣрной Анюсией, единственной подругой своего одиночества. За ужиномъ она опять встрѣтитъ острый, наблюдающій взглядъ Василія Лукича, будетъ выслушивать отъ него доклады и рѣшенія верховнаго совѣта, уже приведенныя въ исполненіе. Василій Лукичъ заставитъ ее подписать то, что рѣшено уже безъ нея. А потомъ—полубезсонная ночь, съ воспоминаніями о Биренѣ, съ тоской о маленькомъ Карлушѣ...

Придя къ себѣ, Анна увидѣла уже на столѣ презентъ, который привезла ей Салтыкова.

Сердце ея сжалось. Куда влекли ее ея друзья? Имъ легко говорить, совѣтовать, интриговать. Но вѣдь въ отвѣтъ будетъ она одна.

Въ отвѣтъ?

Давно ли самодержцы россійскіе боятся отвѣта!

Всю жизнь боятся отвѣта! Подъ грозной рукой дяди, подъ легкомысленнымъ правленіемъ племянника, а теперь подъ желѣзнымъ игомъ верховнаго совѣта...

Анна выслала изъ комнаты Анѳису, чтобы поскорѣе остаться одной.

Когда Анѳиса вышла, она подошла къ часамъ, взяла ихъ въ руки и стала внимательно разсматривать.

— За этой доской вся махинація,—припомнила она слова сестры.

Она потянула золотую заднюю доску въ одну, въ другую сторону. Доска подалась и легко выдвинулась.

Анна едва удержала крикъ, когда изъ-подъ доски выпалъ на полъ сѣрый конвертъ.

Она торопливо наклонилась и подняла его. Руки ея дрожали. Страхъ овладѣлъ ею.

Она поняла, что ее вовлекають въ какой-то заговоръ, и минутная рѣшимость, вспыхнувшая въ ней сегодня при намекѣ Екатерины, растаяла сейчасъ при мысли объ угрожающей ей опасности. Развѣ она не была въ рукахъ верховниковъ? Развѣ она не общалась своимъ царскимъ словомъ соблюдать подписанныя ею кондиціи, подъ угрозой лишиться короны россійской?

Съ трепетомъ распечатала она письмо и прежде всего быстро взглянула на подпись:

Остерманъ.

Это имя мгновенно успокоило ее. О, Андрей Ивановичъ остороженъ! Даже слишкомъ остороженъ. Онъ не посовѣтуетъ легкомысленно. Онъ всегда знаетъ, куда итти и какимъ путемъ итти.

И письмо Остермана, дѣйствительно, указывало ей пути, и по мѣрѣ того, какъ она читала его, ея страхъ вновь смѣнялся рѣшимостью, и надежды вновь возрождались въ ея сердцѣ.

На этотъ разъ Остерманъ писалъ ясно и опредѣленно. Онъ началъ съ того, что, хотя чужеземецъ, онъ глубоко и искренно любить Россію, которой отдалъ всю свою жизнь. Онъ былъ почтенъ дружбой великаго императора, вознесшаго Россію на небывалую высоту. Русскій народъ—великій и могучій; Петръ I пробудилъ его силы, несмотря на противодѣйствіе окружающихъ. И если онъ сдѣлалъ то, что сдѣлалъ; то только потому, что былъ самодержавенъ! Если бы его власть была кѣмъ-нибудь ограничена, то весь народъ возсталъ бы противъ его новшествъ, противныхъ невѣжественнымъ традиціямъ большинства. Исходя отсюда, Остерманъ писалъ, что, какъ человекъ, посвятившій свою жизнь Россіи, онъ видитъ залогъ ея счастливаго процвѣтанія на всѣхъ путяхъ въ непоколебимости самодержавія. Онъ умолялъ императрицу быть твердой и рѣшительной, потому что народъ на ея сторонѣ. «Кучка олигарховъ не должна внушать вамъ страха,—писалъ онъ.—Пусть они знатны и имѣють сторонниковъ, но есть столь же знатныя персоны—ихъ враги и сторонники императрицы». Дальше Остерманъ ярко изобразилъ положеніе. Знатныя лица недовольны тѣмъ, что обойдены верховниками,—Черкасскій, Трубецкой, Салтыковъ. Шляхетство

хлопочеть о льготахъ, но оно предпочтетъ получить эти льготы не изъ рукъ верховниковъ, которымъ не вѣрять и которыхъ боится, а изъ рукъ императрицы. Духовенство, во главѣ съ Теофаномъ, ненавидимое княземъ Дмитріемъ Голицынымъ, всецѣло на сторонѣ императрицы. Въ гвардіи сильное недовольство. Еще со временъ Петра всѣ озлоблены противъ Алексѣя Долгорукаго, нынѣ члена верховнаго совѣта, гвардія ропщетъ, видя, въ какомъ порабощеніи находится императрица. Остерманъ совѣтовалъ проявить свою державную волю. Чтобы привлечь на свою сторону гвардію, онъ совѣтовалъ императрицѣ объявить себя полковникомъ Преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ. Онъ писалъ, что приметъ мѣры къ тому, чтобы эти дни караулъ у дворца состоялъ изъ преданныхъ людей. Это провозглашеніе будетъ первымъ ударомъ врагамъ самодержавія. Что будетъ дальше,—по прибытіи на Москву,—покажутъ обстоятельства. Остерманъ просилъ довѣриться ему и преданнымъ людямъ. Въ заключеніе хитрый и предусмотрительный вице-канцлеръ просилъ уничтожить это письмо.

Но Анна и сама боялась сохранять его.

Впервые передъ ней ясно обнаружилось положеніе вещей. Она увидѣла, что можетъ бороться. Бороться! Да. Но если поражение? Если верховники разсѣютъ ея сторонниковъ прежде, чѣмъ они сплотятся. Примѣръ Ягужинскаго ясно показалъ, что они не останутся ни передъ чѣмъ.

Объявить себя полковникомъ Преображенскаго полка, капитаномъ кавалергардовъ, вопреки кондиціямъ.

Вѣдь она никого не можетъ жаловать чиномъ выше простого полковника. А почетное званіе даже поручика Преображенскаго полка равнялось генераль-майору. Фаворитъ покойнаго императора оберъ-камергеръ, генераль-аншефъ Иванъ Долгорукій былъ лишь майоромъ Преображенскаго полка.

— Никого не жаловать,—думала императрица:—а себя? Того нѣтъ въ кондиціяхъ. И Петръ I, и его вдова, и его внукъ—всѣ были полковниками Преображенскаго полка. Это званіе неразлучно съ короной. Я такъ и скажу Василию Лукичу. Вотъ это дѣйствительно будетъ презентъ!

И, несмотря на свои горькія мысли, Анна невольно улыбнулась.

XIV.

Никогда залы дворца имеретинской царевны не видѣли такого общества.

Это былъ первый торжественный большой пріемъ новоизбранной императрицы передъ въѣздомъ ея въ Москву.

Въ красныхъ камзолахъ, въ гренадерскихъ шапкахъ, вокругъ зарафѣе приготовленнаго возвышенія, на которомъ подъ краснымъ

бархатнымъ балдахиномъ, затканнымъ золотыми двуглавыми орлами и увѣнчаннымъ императорской короной, было поставлено тронное кресло, стояли преображенцы и кавалергарды. Въ этотъ день во главѣ преображенцевъ былъ Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, а во главѣ кавалергардовъ—графъ Федоръ Андреевичъ Матвѣевъ.

Остерманъ сдержалъ свое слово. И офицеры, и рядовые были на этотъ день подобраны изъ самыхъ ярыхъ ненавистниковъ верхниковъ. Это было умѣло устроено главнымъ образомъ Салтыковымъ и графомъ Матвѣевымъ.

Залу наполняли представители знати и высшаго шляхетства. Впереди всѣхъ стояли сестры императрицы и цесаревна Елизавета. Въ сторонѣ отъ нихъ, тоже на первомъ мѣстѣ стояли иностранные резиденты, окруженные блестящей свитой: датскій — Вестфаленъ, французскій — Маньянъ, саксонско-польскій — Лефортъ, цесарскій—графъ Вратиславъ, испанскій — герцогъ де-Лирія и де-Херико...

Среди свиты, окружавшей французскаго резидента, выдѣлялся черный камзолъ виконта де-Бриссака съ брильянтовой звѣздой ордена Благовѣщенія на груди.

За царевнами стояли придворныя дамы въ черныхъ одеждахъ, съ траурными уборами на головѣ.

Цесаревна Елизавета ревнивымъ взглядомъ оглядывалась на Лопухину, ослѣпительную въ своей красотѣ, обращающую на себя всеобщее вниманіе.

Архіепископы и члены синода стояли темной толпой, во главѣ съ Теофаномъ.

Цвѣтные, шитые золотомъ камзолы генералитета и придворныхъ чиновъ наполняли залы.

Былъ и графъ Рейнгольдъ, и при взглядѣ на Лопухину его сердце наполнялось гордостью. Никто вокругъ не могъ соперничать съ нею въ красотѣ, даже Варенька Черкасская, стоящая съ ней рядомъ, признавая первой красавицей Москвы. А Лопухина—первая красавица и Москвы и Петербурга. Даже надменная княжна Юсупова со своими трагическими глазами и строгимъ и нѣжнымъ профилемъ!

Но были еще глаза, которые глядѣли на Лопухину не съ гордымъ тщеславіемъ, а съ безконечнымъ обожаніемъ. Это были глаза Арсенія Кирилловича.

Вмѣстѣ съ Дивинскимъ онъ замѣшался въ блестящую толпу, и оба были заняты исключительно этой группой женщинъ, среди которыхъ были Лопухина и Юсупова.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали императрицу.

А императрица въ это время уже совершенно готовая ожидала въ своей комнатѣ прихода верхниковъ.

Около нея находился неизбѣжный Василій Лукичъ.

Верховники были въ сосѣдствѣ, въ домѣ, занимаемомъ Михаиломъ Михайловичемъ Голицынымъ-младшимъ,—за три дома отъ дворца. Тамъ они въ послѣдній разъ внимательно прослушали рѣчь, которую долженъ былъ произнести передъ императрицей Дмитрій Михайловичъ.

— Однако уже пора, Василій Лукичъ,—произнесла императрица въ видимомъ волненіи.

— Я уже послалъ оновѣстить господъ членовъ верховнаго совѣта, что ваше величество изволите быть готовы,—отвѣтилъ Василій Лукичъ.

Среди разступившихся блестящихъ мундировъ медленно и важно приближались къ трону члены верховнаго тайнаго совѣта.

— Пять королей Россіи,—шепнулъ Лефорть, наклоняясь къ уху Маньяна.

Маньянъ пожалъ плечами.

Слѣдомъ за верховниками правитель дѣлъ совѣта, Василій Петровичъ, торжественно несъ на серебряномъ вызолоченномъ блюдѣ «кавалерію святаго Андрея и звѣзду».

Верховники остановились у ступеней трона.

Наступалъ торжественный моментъ.

Всѣ обратили вниманіе на то, что верховники какъ бы жалуютъ императрицу орденомъ, принадлежащимъ ей по праву рожденія.

Лицо Дмитрія Михайловича было величаво-спокойно. Энергичныя и суровыя лица фельдмаршаловъ вселяли невольное уваженіе. Головкинъ, хотя и канцлеръ, былъ какъ-то незамѣтенъ, а надутая, напыщенная фигура князя Алексѣя Григорьевича возбуждала улыбки. Онъ гордо озирался вокругъ, словно при Петрѣ II. Но долго не могъ выдержать важнаго вида, и то и дѣло суетливо обращался къ своимъ сосѣдямъ. Но отъ него нетерпѣливо отворачивались.

Алексѣй Григорьевичъ сегодня опять получилъ «репримандъ» отъ своей дочери, «государыни-невѣсты». Екатерина опять отказалась поѣхать.

Императрица вышла, низко поклонилась присутствовавшимъ и, медленно поднявшись по ступенькамъ трона, остановилась у кресла. Сопровождавшій ее Василій Лукичъ присоединился къ верховникамъ. На ступеняхъ трона остановились Юліана и Адель. Маленькій Аріальдъ, поправка шлейфъ императрицы, сталъ за высокимъ троннымъ кресломъ, такъ что его почти не было видно. У двери неподвижно остановился Артуръ Вессендорфъ, тоже сопровождавшій императрицу.

Тогда выступилъ впередъ Дмитрій Михайловичъ и среди напряженнаго молчанія началъ громкимъ, увѣреннымъ голосомъ:

— Благочестивѣйшая и всемилостивѣйшая государыня...

Онъ на минуту пріостановился, какъ бы давая всѣмъ время вникнуть въ самую форму обращенія, безъ обычнаго прибавленія «самодержавнѣйшая».

— Мы, всенижайшіе и вѣрные подданные вашего величества, члены россійскаго верховнаго совѣта, вмѣстѣ съ генералитетомъ и россійскимъ шляхетствомъ, признавая тебя источникомъ славы и величія Россіи, являемя вручить тебѣ твой орденъ святаго Андрея, первѣйшій и самый почетный...

Блѣдная, съ опущенными глазами, слушала Анна рѣчь Дмитрія Михайловича. Каждое слово этой рѣчи, начиная съ самаго обращенія, отзывалось въ ея душѣ обидой. Она чувствовала себя униженной...

Гнѣвъ и обида кипѣли въ ея сердцѣ. Она плохо слушала, что говорилъ дальше Дмитрій Михайловичъ. Самый тонъ его, свободный и властный, походилъ на тонъ владыки, награждающаго своего подданнаго.

Но вотъ ея слуха коснулись слова:

— ...Благодаримъ мы тебя и за то, что ты соизволила подписать кондиціи, которыя нашимъ именемъ предложили тебѣ наши депутаты на славу тебѣ и на благо твоему народу. Вотъ почему, всемилостивѣйшая императрица, мы всѣ явились передъ твоимъ величествомъ... Примите сіе милостиво и положитесь на нашу ненарушимую вѣрность къ особѣ вашей...

Анна овладѣла собой.

Затаивъ боль и обиду, чувствуя себя безсильной передъ этими самоувѣренными и смѣлыми врагами, заключенная въ желѣзное кольцо ихъ упрямой воли, она подняла голову и обратилась къ собравшимся.

Въ своей отвѣтной рѣчи Анна сказала, что смотреть на свое избраніе, какъ на выраженіе преданности къ ней, что согласно общему желанію она подписала въ Митавѣ кондиціи, и прибавила:

— Вы можете быть убѣждены, что я ихъ свято буду хранить до конца моей жизни, въ надеждѣ, что вы никогда не преступите границъ вашего долга ко мнѣ и отечеству, коего благо должно составлять единственную цѣль нашихъ заботъ и трудовъ...

Эта исполненная покорности рѣчь въ то время, когда грудь разрывалась отъ возмущенія и гнѣва, много стоила Аннѣ.

Но зато она вполне удовлетворила верховниковъ. Анна сказала все, что они желали. Она признала, что избрана ими, снова подтвердила обѣщаніе свято хранить кондиціи и послѣдними словами: «нашихъ трудовъ и заботъ», ясно показала, что правленіе не будетъ только въ однѣхъ ея рукахъ.

Снявъ съ блюда орденскую ленту, старый канцлеръ, какъ старѣйшій кавалеръ ордена Андрея Первозваннаго, поднялся по ступенямъ трона, въ сопровожденіи Дмитрія Михайловича, то же

одного из старѣйшихъ кавалеровъ ордена, и надѣлъ ленту на государыню, причемъ знаки ордена поддерживалъ Дмитрій Михайловичъ.

Эти минуты были настоящей пыткой для Анны. Никогда, кажется, ея ненависть къ верховникамъ не достигала такого напряженія. Ей хотѣлось сорвать съ себя эту голубую ленту и бросить орденскіе знаки въ ненавистное лицо князя Дмитрія.

Но она принудила себя улыбнуться и милостиво протянула руку. Головкинъ и Голицынъ почтительно поцѣловали руку.

Но когда они стали на свои мѣста и наступила минута принесенія поздравленій присутствовавшими—Анной вдругъ овладѣло непобѣдимое желаніе показать этимъ верховникамъ, что она не совсѣмъ ихъ раба, и, не давая себѣ времени одуматься, она вдругъ громко, слегка дрожащимъ отъ волненія голосомъ произнесла:

— Семень Андреичъ, графъ Ѳедоръ Андреичъ!

Салтыковъ и Матвѣевъ выступили впередъ и, отсалютовавъ шпагами, неподвижно остановились у ступеней трона.

Верховники переглянулись. Фельдмаршалъ Василій Владимировичъ сдѣлалъ шагъ впередъ, словно хотѣлъ что-то сказать, но не успѣлъ.

Въ глубокой тишинѣ пронесся нервный, странно звенящій, словно вызывающій голосъ императрицы:

— Въ изъявленіе моего благоволенія къ славной и вѣрной гвардіи моей объявляю себя полковникомъ Преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ...

Горящими глазами взглянула она на растерянные лица верховниковъ...

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе, и вдругъ загремѣли восторженные крики преображенцевъ и кавалергардовъ:

— Да здравствуетъ императрица Анна Іоанновна!

Въ воздухѣ засверкали обнаженные шпаги.

Долго не умолкали восторженные крики.

Василій Владимировичъ сильно поблѣднѣлъ и схватилъ руку Михаила Михайловича.

— Я велю имъ положить оружіе,—прошепталъ онъ, задыхаясь.—Я выгоню ихъ отсюда и черезъ часъ буду судить ихъ военнымъ судомъ!

— Опомнись, Василій Владимировичъ,—сказалъ Михаилъ Михайловичъ, удерживая его за руку:—вѣдь они только отвѣчали императрицѣ. Они не могли отвѣтить иначе...

— Да, ты правъ,—тяжело дыша, отвѣтилъ старый фельдмаршалъ:—тогда...

— Тсс!...—прервалъ его Михаилъ Михайловичъ:—мы обсудимъ это потомъ.

Графъ Матвѣевъ, обратясь къ императрицѣ, громко крикнулъ:

— Дозволь, всемилостивѣйшая государыня, тотчасъ объявить сію великую радость товарищамъ, что стоятъ у дворца.

— Иди,—сказала императрица.

Матвѣевъ бросился вонъ.

Черезъ нѣсколько минутъ послышались подъ окнами дворца восторженные крики солдатъ.

— Но это форменный актъ самодержавія,—сказалъ Вестфаленъ, обращаясь къ графу Вратиславу.

— И слава Богу,—отвѣтилъ цесарскій посоль.

XV.

Больше всѣхъ былъ возмущенъ самовластнымъ поступкомъ Анны фельдмаршалъ Василій Владимировичъ.

На вечернемъ засѣданіи члены совѣта обсуждали поступокъ императрицы.

Фельдмаршалъ Долгорукій былъ подполковникомъ Преображенскаго полка и, согласно кондиціямъ, былъ подчиненъ только верховному совѣту. Теперь же съ провозглашеніемъ императрицы себя полковникомъ Преображенскаго полка получалась путаница. Съ одной стороны—полкъ, какъ и вся гвардія, находился въ полномъ подчиненіи совѣту, съ другой, по примѣру прошлыхъ царствованій, во главѣ полка былъ вѣнценосный полковникъ, которому полкъ обязанъ безусловнымъ повиновеніемъ, къ чему уже привыкли гвардейцы за прошлыя царствованія. Такимъ образомъ, императрица какъ будто вырывала изъ рукъ верховнаго совѣта власть надъ первымъ полкомъ въ имперіи и привилегированной ротой кавалергардовъ.

Спокойнѣе всѣхъ отнесся къ этому фельдмаршалъ Михайлъ Михайловичъ.

— Ну, что жъ?—сказалъ онъ:—пусть она будетъ полковникомъ Преображенскаго полка. Въ гвардіи все равно и такъ большой соблазнъ. Много тамъ противниковъ нашихъ. Не въ нихъ сила наша. Наша сила въ армейскихъ полкахъ, въ моихъ украинскихъ полкахъ, изъ коихъ многіе теперь въ Москвѣ. Эти славные полки помнятъ своего стараго фельдмаршала! Немного лѣтъ тому назадъ одно движеніе моей руки могло опрокинуть тронъ Екатерины!

Всѣмъ было еще памятно это недавнее время, о которомъ говорилъ фельдмаршалъ. Когда Меншиковъ возвелъ на престолъ Екатерину при помощи гвардіи, то и онъ и новая императрица съ тревогой ждали, что скажетъ армія, т.е. что скажетъ Михайлъ Михайловичъ, любимецъ всей арміи. Вѣчной угрозой для Петербурга былъ находившаяся подъ его начальствомъ украинская армія, и въ первые дни новаго царствованія боялись, что Голи-

цынь двинеть армию на Петербургъ, чтобы провозгласить императоромъ прямого внука Петра Великаго, вполсѣдствіи Петра II.

Фельдмаршалъ напомнилъ это время, въ гордомъ сознаніи своего вліянія и своей популярности въ арміи.

Въ настоящее время въ Москвѣ армія была сильнѣе гвардіи. Туда стянули къ предполагаемому бракосочетанію Петра II полки: первый и второй Московскій, Капорскій, Выборгскій, Воронежскій, Вятскій, Сибирскій, Бутырскій... Всѣ эти полки знали и любили Михаила Михайловича. Это была грозная сила.

— Ты правъ, братъ,—послѣ глубокаго раздумья сказалъ Дмитрій Михайловичъ:—сила въ твоихъ рукахъ. Мы знаемъ это. Но все же надлежитъ указать императрицѣ, что мы все видимъ. Не годится намъ закрывать глазъ. Я предлагаю,—продолжалъ онъ, помолчавъ:—апробировать поступокъ императрицы и постановленіемъ верховнаго совѣта поднести ей патентъ на званіе полковника Преображенскаго полка и капитана кавалергардовъ. Изъ сего императрица пойметъ, что безъ верховнаго совѣта ея провозглашеніе недѣйствительно. При этомъ ты, Василій Лукичъ, укажешь государынѣ противность ея поступка кондиціямъ.

Предложеніе князя Дмитрія Михайловича было, дѣйствительно, почетнымъ выходомъ изъ положенія, и всѣ сразу присоединились къ нему.

— Хорошо,—произнесъ Василій Лукичъ:—я передамъ императрицѣ патентъ и скажу, что надо.

— Василій Петровичъ,—обратился Дмитрій Михайловичъ къ Степанову:—заготовь-ка патентъ.

Степановъ поклонился и, взявъ листъ бумаги съ титуломъ верховнаго тайнаго совѣта, началъ писать. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже представилъ членамъ совѣта къ подписи патентъ. Это былъ самый обыкновенный патентъ на производство, только слово «пожаловать» было замѣнено словомъ «поднести».

Одинъ за другимъ члены совѣта подписали патентъ, и онъ былъ врученъ Василію Лукичу для поднесенія императрицѣ.

Кромѣ того, было рѣшено поспѣшить съ присягой и обнародованіемъ кондицій и проекта князя Дмитрія Михайловича. Затѣмъ верховники приступили къ разсмотрѣнію подробностей вѣзда.

День былъ необычайно свѣтлый и ясный.

Траурное убранство домовъ было замѣнено праздничнымъ. Всюду развѣвались флаги, балконы были убраны цвѣтными коврами.

По всему намѣченному пути слѣдованія императрицы улицы были усыпаны пескомъ и противъ cadaго дома воткнуты елки.

При въѣздѣ въ Земляной городъ и Китай-городъ были воздвигнуты убранныя гирляндами искусственныхъ цвѣтовъ и разноцвѣтными матеріями триумфальныя арки, увѣнчанныя вензелями, коронами и двуглавыми орлами.

Толпы народа, возбужденнаго ожидаемымъ зрѣлищемъ, наполнили всѣ свободныя мѣста, куда только пускали. Цѣпи солдатъ съ трудомъ сдерживали напоръ любопытныхъ.

Отъ Земляного города до Воскресенскихъ воротъ были вытянуты ряды армейскихъ полковъ. Отъ Воскресенскихъ воротъ и Красной площади до Успенскаго собора выстроились гвардейцы.

Яркое солнце освѣщало блестящую картину императорскаго кортежа.

Шествіе открывала гренадерская рота Преображенскаго полка, верхами; за ними слѣдовали запряженныя цугомъ, съ форейторами и слугами въ цвѣтныхъ, парадныхъ ливреяхъ, пустыя кареты, счетомъ двадцать одна, генералитета и знатнаго шляхетства. За ними ѣхало восемь каретъ, каждая въ шесть лошадей цугомъ. Въ этихъ каретахъ помѣщались нѣкоторые члены верховнаго тайнаго совѣта, фельдмаршалъ Иванъ Юрьевичъ, князь Юсуповъ, Лопухинъ и еще нѣсколько знатнѣйшихъ лицъ.

За этими каретами, въ камзолахъ, расшитыхъ золотыми галунами, съ изображенными на нихъ двуглавыми орлами, важно выступали четыре камеръ-лакея; за ними, запряженныя лошадьми въ золоченыхъ шорахъ, съ форейторами и кучерами въ придворныхъ ливреяхъ, двигались семь каретъ, изъ нихъ въ трехъ помѣщались придворныя дамы, между которыми, по желанію императрицы, была графиня Ягужинская съ дочерью. Здѣсь же были Лопухина, Юсупова, Чернышева, Салтыкова, фрейлины императрицы и другія.

На великолѣпномъ бѣломъ конѣ, съ чепракомъ, украшеннымъ золотыми гербами, ѣхалъ во главѣ двадцати всадниковъ, представителей знатнѣйшаго шляхетства, генераль князь Шаховской. У чиновъ шляхетства всѣ кони были бѣлые, какъ на подборъ, въ золоченыхъ уздечкахъ и стременахъ.

Наконецъ показались трубачи и литаврщики, съ серебряными трубами и литаврами, а за ними на вороныхъ коняхъ кавалергарды въ красныхъ съ золотымъ шитьемъ мундирахъ, съ длинными палашами съ вызолоченнымъ эфесомъ. Ихъ вороные кони были покрыты красными чепраками. Также краснымъ сукномъ были обтянуты сѣдла, уздечки, чутки для пистолетовъ и весь конскій приборъ. Стремена были вызолочены. Во главѣ кавалергардовъ ѣхалъ мужъ царевны Прасковьи, Иванъ Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ. За кавалергардами ѣхали два камеръ-фурьера, шли двѣнадцать придворныхъ лакеевъ и четыре арапа и скорохода, и вотъ показалась запряженная девятью богато убранными попо-

нами голубого бархата съ серебряными вензелями лошадыми тяжелая, парадная карета императрицы съ большими зеркальными стеклами.

Лошадей вели подь уздцы придворные конюхи.

У правой дверцы кареты ѣхали Василій Лукичъ и генераль Леонтъевъ, у лѣвой—Михаилъ Михайловичъ Голицынъ младшій, генераль Шуваловъ и, по желанію императрицы, Артуръ Вессендорфъ, обращавшій на себя вниманіе золоченымъ шлемомъ, золотыми латами и всѣмъ своимъ рыцарскимъ нарядомъ.

За каретою снова ѣхаль отрядъ кавалергардовъ подь командой князя Никиты Трубецкого, брата фельдмаршала.

Шествіе замыкалось гренадерской ротой Семеновскаго полка.

Въ каретѣ вмѣстѣ съ императрицей сидѣли ея сестры и принцесса Елизавета.

Анна была блѣдна. Глубокое волненіе все больше овладѣвало ею, по мѣрѣ приближенія къ Москвѣ...

Кортежъ вступилъ въ Земляной городъ. Стоявшія на пути слѣдованія войска взяли на карауль. Музыка заиграла встрѣчу, медленно склонились побѣдныя знамена. Забили литавры и заплѣли серебряныя трубы кавалергардовъ, и вдругъ воздухъ дрогнулъ отъ оглушительнаго салюта изъ семидесяти одного орудія...

Словно наяву свершался чудесный сонъ. Еще не замеръ гулъ орудій, раздался звонъ, казалось, почти одновременно, со всѣхъ безчисленныхъ колоколенъ святой Москвы. Этотъ красный колокольный звонъ сливался съ торжественными звуками военной музыки и восторженными криками народа.

— Императрица всероссійская!

— Ты слышишь, Анна!—съ загорѣвшимися глазами говорила Екатерина:—вѣдь это все твое! И эта Москва, и это войско, и этотъ народъ! Будь смѣла! Если бы я была на твоемъ мѣстѣ, я приказала бы своему караулу выкинуть этихъ верховниковъ въ окно!

Анна крѣпко сжала ей руку, указывая глазами на Елизавету.

Но цесаревна, повидимому, не слыхала этихъ словъ. Она сидѣла выпрямившись, блѣдная, съ нахмуренными бровями.

Ея сердце мгновенно обожгла мысль, что все это могло бы быть ея! Что эти войска, этотъ народъ такъ же привѣтствовали бы ее! И она пожалѣла, что въ свое время не послушалась энергичнаго Лестока!

Гудѣли колокола, играла музыка, и гремѣло восторженное «ура».

И чѣмъ ближе подвигался кортежъ къ самому сердцу Москвы, къ Кремлю, тѣмъ, казалось, радостнѣе звонили колокола и восторженнѣе раздавались крики народа.

Еще оглушительнѣе раздался залпъ изъ восьмидесяти пяти орудій, когда кортежъ вступилъ въ Бѣлый городъ. Тамъ у триумфальныхъ воротъ Анну встрѣтили члены синода, все высшее духовенство

бывшее въ то время въ Москвѣ, во главѣ съ Теофаномъ Прокоповичемъ,—съ крестами и иконами.

Въ Кремлѣ Анна прежде всего направилась въ Успенскій соборъ. У собора блестящей толпой стояли въ парадныхъ одеждахъ сенаторы, члены и президенты коллегій, не принимавшіе участія въ кортежѣ, а также не находившіеся въ строю офицеры и придворныя дамы.

Въ сторонѣ отъ нихъ съ надменнымъ видомъ стояла государыня-невѣста, наконецъ согласившаяся показаться императрицѣ, главнымъ образомъ изъ желанія самой посмотреть на нее. Рядомъ съ ней, блѣдная, томимая печальными предчувствіями, стояла Наташа Шереметева.

Среди офицеровъ были и три друга—Шастуновъ, Дивинскій и Макшеевъ. Макшеевъ имѣлъ недовольный и хмурый видъ. Онъ всю ночь игралъ въ карты и проигрался до послѣдняго гроша; уже рано утромъ онъ отправилъ своего Оому въ Тулу къ отцу за деньгами. Онъ зналъ по опыту, что раньше трехъ дней ему не обернуться. Онъ, конечно, легко могъ бы достать денегъ у Шастунова и Дивинскаго, но не хотѣлъ, рѣшивъ провести три дня «по-человѣчески»—отдохнуть и выспаться.

Императрица вступила на паперть собора. И снова грянулъ салютъ изъ ста одного орудія, такъ что дрогнули старыя стѣны Кремля, и ему отвѣтили троекратнымъ бѣглымъ огнемъ отъ Успенскаго собора до Земляного вала разставленныя войска.

Изъ Успенскаго императрица прошла въ Архангельскій соборъ поклониться гробницамъ предковъ и новопреставленнаго императора. Затѣмъ, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ лицъ, она отбыла въ приготовленный ей кремлевскій дворецъ.

Государыня-невѣста, несмотря на уговоры отца, рѣзко отказалась ѣхать во дворецъ. Отказалась и Наташа.

— Я боюсь ея,—въ суевѣрномъ ужасѣ шептала она.

Когда дѣвушки сѣли въ карету, Наташа прильнула къ плечу Екатерины и тихо заплакала.

У суровой Екатерины не было слезъ, хотя едва ли другая женщина въ восемнадцать лѣтъ испытала столько. Страстная любовь, насильственно принесенная въ жертву честолюбію родни. Небывалое возвышеніе и паденіе съ ослѣпительной высоты. И что же теперь? Опустошенное сердце, униженное самолюбіе, тайное злое радство тѣхъ, кто недавно пресмыкался передъ ней, темное будущее и затаенная, подозрительная ненависть новой императрицы!

А вѣдь она сама была почти императрицей! И все отнято! Все, все!.. Никого вокруг!

Въ своей семьѣ она чувствовала себя чужой. Отецъ и старшій братъ видѣли въ ней всегда только возможность своего возвышенія, другой братъ—легкомысленный юноша, остальные—дѣти. Плачу-

щая мать, но плачущая не за нее, а за погибшія надежды мужа и старшаго сына. Ее никто не принимаетъ теперь въ расчетъ! Она одинока! Единственный человѣкъ, дѣйствительно любящій ее— это маленькая Наташа Шереметева, невѣста ея распутнаго брата, тоже жертва тщеславія своего старшаго брата Петра, теперь отшатнувшася отъ Долгорукихъ. Но эта почти дѣвочка, согласившаяся отдать въ угоду брату свою руку фавориту императора, безъ любви, изъ одной покорности, вдругъ въ минуты паденія Долгорукихъ нашла въ своей душѣ великую силу женщины и полюбила Ивана за то, что онъ былъ несчастливъ, и теперь отказывается разорвать навязанный союзъ, готовая на муки и даже на смерть, только бы поддержать того, кого не она избрала себѣ въ спутники жизни!

Екатерина нѣжно обняла Наташу.

— Мнѣ страшно,—прерывающимся голосомъ говорила Наташа:—отъ нея наша погибель. Какъ она взглянула на насъ! Какой пресстрашный взоръ!.. Ты развѣ не замѣтила, какъ она взглянула на насъ? Какое отвратное лицо! И какая она большая, большая!.. Ты не видѣла? Огромная, выше всѣхъ, она, кажется, заслоняла собою солнце!..

— Наташа, Наташа, успокойся,—говорила Екатерина.

Но Наташа, какъ въ бреду, продолжала:

— Нѣтъ, Катя, она всѣхъ заслонила собой. Она дѣлалась все выше и выше, огромнѣе и страшнѣе... Я думала, что она не войдетъ въ двери собора... Страшные глаза... Ужасное лицо... Она погубить всѣхъ.

— Наташа, успокойся,—въ тревогѣ повторила Екатерина:—она ростомъ не выше меня, ничего въ ней нѣтъ страшнаго...

— Нѣтъ, нѣтъ,—въ паническомъ ужасѣ твердила Наташа:—кавалеры едва до ея плеча... Огромная голова... Страшная... я ночь не буду спать...

И Наташа истерически рыдала.

XVI.

Всѣ кабачки, всѣ трактиры и гостиницы Москвы были открыты. На улицахъ, переполненныхъ народомъ, горѣли плошки, костры, смоляныя бочки. Весь Кремль былъ роскошно иллюминированъ. На нѣкоторыхъ домахъ горѣли вензеля императрицы. Окна были ярко освѣщены.

Передъ Кремлевскимъ дворцомъ тѣснился народъ съ криками въ честь императрицы.

Трауръ былъ снятъ на три дня.

Послѣ тишины и строгихъ мѣръ, принятыхъ верховниками со дня смерти императора, настали дни полной распущенности.

Утомительный пріемъ во дворцѣ былъ кончеңъ. Дворецъ пустѣлъ.

Восторженные крики толпы передъ дворцомъ возбуждали въ душѣ Анны и надежды, и мечты, и глубокую тоску. Минуть ея торжества не видѣлъ самый близкій ей человѣкъ, раздѣлявшій въ продолженіе семи лѣтъ ея «мизерное» положеніе. Онъ теперь тамъ, въ далекой Митавѣ, тоскуеть, томится неизвѣстностью, навсегда разлученный съ нею...

Съ какимъ бы наслажденіемъ она увидѣла теперь рядомъ съ собой его преданное лицо, какъ бы прижала къ сердцу маленькаго Карлушу, какими нѣжными именами называла бы она его.

Послѣдняя изъ ея подданныхъ, въ нищетѣ и униженіи, можетъ обнять мужа и ласкать своего сына!

А она, императрица всероссійская, Божья помазанница, кому завидуютъ и кого считаютъ чуть не всемогущей, лишена этой единой, дѣйствительной радости жизни!

И вмѣсто любимыхъ лицъ она видитъ передъ собою насмѣшливое, изящное лицо Василия Лукича; вмѣсто полной любви рѣчи она слышитъ властные слова Дмитрія Голицына. Вмѣсто маленькой свободы въ маленькомъ Курляндскомъ герцогствѣ она нашла великолѣпную тюрьму въ обширнѣйшей въ мірѣ имперіи!

Она стонала отъ бѣшенства и злобы!

И опять этотъ ненавистный Василій Лукичъ поселился въ томъ же дворцѣ. И опять она слышитъ его почтительный и властный голосъ, докладывающій ей о дѣлахъ, уже рѣшенныхъ безъ нея!..

Василій Лукичъ стоялъ передъ ней въ почтительной позѣ, склонивъ слегка свою красивую голову, и докладывалъ ей текстъ присяги, выработанной верховнымъ совѣтомъ.

Не все ли равно,—съ горечью думала Анна:—зачѣмъ это? Будетъ ли она возражать, или согласится сразу,—это не измѣнить дѣла, и результатъ останется одинъ и тотъ же!

— Я согласна,—устало произнесла она:—я подпишу указъ о присягѣ.

— А также манифестъ, указы въ провинціи и объявленія иностраннымъ резидентамъ,—сказалъ Василій Лукичъ, раскладывая на столѣ бумаги и подвигая императрицѣ чернильницу.

Анна равнодушно и машинально подписала подъ указами: Анна. Анна. Анна.

— Все?—спросила она, сдѣлавъ послѣднюю подпись.

— Да, съ подписями все,—отвѣтилъ Василій Лукичъ, бережно собирая указы.—Но имѣю еще доложить вашему величеству...

Анна подняла голову.

— Вы изволили провозгласить себя полковникомъ Преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ,—продолжалъ Василій Лукичъ.—Верховный совѣтъ, разсмотрѣвъ вашу препецицію, изволилъ поручить мнѣ представить вамъ патентъ на сіи званія.

Съ этими словами онъ положилъ на столъ грамоту совѣта.

Анна страшно поблѣднѣла.

— А развѣ я, Василь Лукичъ,—начала она срывающимся голосомъ:—не вольна была въ томъ?

— Вы изволили позабыть кондиціи,—сухо отвѣтилъ Василій Лукичъ:—кондиціи, подписанныя вашимъ величествомъ. Верховный тайный совѣтъ,—продолжалъ онъ,—могъ бы усмотрѣть въ ономъ поступкѣ нарушеніе императорскаго слова; но затѣмъ, что въ кондиціяхъ не упомянуто о самой священной личности императрицы, на сей разъ совѣтъ призвалъ за благо утвердить вашу единоличную волю. Только на сей разъ,—съ отгѣнкомъ угрозы въ голосѣ закончилъ онъ.

Анна порывисто встала съ мѣста и властнымъ движеніемъ руки сбросила со стола на полъ патентъ верховнаго совѣта.

— Вы слышали,—звенящимъ голосомъ начала она:—какъ встрѣтила гвардія мои слова! Мнѣ не надо вашего патента! Что сдѣлано, то сдѣлано! Я все же императрица всероссійская, Божіею милостію!

— Оставьте, ваше величество, имя Божіе,—саркастически улыбаясь, произнесъ Василій Лукичъ:—вы избраны верховнымъ совѣтомъ. Генералитетъ, сиподъ и шляхетство вняли голосу верховнаго совѣта... Не забудьте, ваше величество,—рѣзко продолжалъ онъ:—что еще живъ кильскій ребенокъ...

— Голштинскій чортушка!—вырвалось у Анны.

— Именно,—подтвердилъ Василій Лукичъ:—но это все равно, какъ будетъ угодно вашему величеству называть этого законнаго наслѣдника великаго Петра. Здравствуетъ дочь императора, имѣющая права на престолъ своего отца... А вы, ваше величество, еще не коронованы. Вамъ даже еще не присягали, ваше величество,—закончилъ онъ.

Онъ стоялъ въ той же почтительной позѣ, слегка склонивъ голову.

Императрица, возмущенная и ошеломленная, неподвижно смотрѣла на него расширенными глазами.

Если бы взглядъ могъ убивать, то Василій Лукичъ уже былъ бы мертвъ; столько ненависти было въ глазахъ императрицы!

— Хорошо, ты больше не нуженъ мнѣ, Василь Лукичъ,—тяжело дыша, сказала Анна.

Василій Лукичъ глубоко поклонился, поднялъ съ пола патентъ, положилъ его на столъ и вышелъ.

Когда онъ вышелъ, императрица заломила руки п съ безсильными слезами гнѣва и отчаянья упала на диванъ...

Ей казалось, что всю жизнь ей суждены одни только униженія...

О, лучше быть простой бюргершей въ Митавѣ, но свободной и независимой въ своемъ маленькомъ хозяйствѣ, въ своей любви и привязанности, чѣмъ плѣнницей на тронѣ, лишенной всего дорогого, куклой въ рукахъ чужихъ, честолюбивыхъ людей!

Ей казалась бесплодной всякая борьба, всякое усиліе свергнуть ненавистное иго. Она не вѣрила уже ни въ Остермана, ни въ слова сестры, ни въ тѣхъ людей, о которыхъ писалъ ей Остерманъ...

А завтра опять комедія представленій, аудіенцій резидентамъ, ихъ предложенія, на которыя она опять должна отвѣчать по указкамъ верховнаго совѣта... И всѣ это понимаютъ, всѣ знаютъ, всѣ почтительно относятся къ ней, дѣлая видъ, что она властительница судебъ имперіи, а сами заискиваютъ передъ этимъ Василиемъ Лукичемъ, передъ надменнымъ Дмитриемъ Михайлычемъ, передъ суровыми фельдмаршалами. О, какъ ненавистны они ей! Съ какимъ бы удовольствіемъ она положила эти головы подъ топоръ!..

А на площади гремѣли привѣтственные крики. Горѣли огни...

Толпы людей глядѣли на освѣщенные окна дворца и считали ее могущественной и счастливой...

«Кильскій ребенокъ еще живъ,—вспомнила она слова Василій Лукича,—жива и дочь Великаго Петра, юная, прекрасная, любимая привыкшимъ къ ней народомъ и арміей, не забывшей ея великаго отца!»

А ей еще не присягали!

Какая борьба возможна съ этими людьми!

XVII.

Все, что было въ Москвѣ знатнаго—генералитетъ, иностранные резиденты, блестящіе гвардейцы,—съѣзжалось къ ярко освѣщенному дворцу канцлера графа Головкина, устроившаго, съ соизволенія императрицы, въ честь ея пріѣзда роскошный балъ «безъ танцевъ», какъ выразила желаніе государыня.

Хотя трауръ и былъ снятъ на три дня, но все же Анна нашла неудобнымъ допустить танцы.

Огромныя залы дворца были ярко освѣщены. Многочисленные лакеи въ малиновыхъ камзолахъ съ золотыми галунами, съ гербомъ графа, шпалерами выстроились вдоль роскошной лѣстницы, убранной пышными цвѣтами, покрытой дорогимъ пушистымъ ковромъ.

Передъ большимъ венеціанскимъ зеркаломъ на верхней площадкѣ дамы торопливо въ послѣдній разъ оправляли свои при-

чески и входили въ пріемную залу, гдѣ гостей встрѣчали графъ Гаврило Иванычъ съ женой Домной Андреевной.

Бѣдный сынъ мелкопомѣстнаго алексинскаго дворянина, теперь графъ и обладатель тридцати тысячъ душъ крестьянъ, Гаврило Иванычъ умѣлъ и любилъ принимать гостей, когда было надо, съ ослѣпительной пышностью.

Мало-по-малу просторныя залы дворца наполнялись.

Дамы словно обрадовались возможности снять трауръ. Въ цвѣтныхъ «робахъ», съ обнаженными плечами и руками, сверкая брильянтами, онѣ оживленно и весело входили въ залу.

Цвѣтные камзолы военныхъ, шитые золотомъ мундиры гражданскихъ высшихъ чиновъ, звѣзды, ленты—представляли пеструю, живописную картину.

Одна изъ залъ была обращена въ открытый буфетъ съ разнообразными винами, фруктами и изысканными закусками. Въ другой были приготовлены карточные столы.

Баль Головкина удостоили своимъ присутствіемъ герцогиня Екатерина и цесаревна Елизавета.

Въ числѣ гостей былъ и князь Шастуновъ. Дивинскій тоже пріѣхалъ съ Юсуповыми.

Императрица разрѣшила посѣтить балъ и своимъ юнымъ фрейлинамъ—Юліанѣ и Адели, а также и Артуру.

Молодые дѣвушки пріѣхали съ Авдотьей Ивановной Чернышевой, пожалованной въ этотъ день въ статсъ-дамы. Съ любопытствомъ и робостью озирались онѣ вокругъ: Юліана съ тайной надеждой встрѣтить Арсенія Кирилловича, Адель—Макшеева.

Но Шастунову было не до нихъ. Онъ жадно сторожилъ приходъ Лопухиной.

Онъ безпокойно ходилъ по залѣ, все время поглядывая на дверь. Онъ видѣлъ пріѣздъ фрейлинъ императрицы и поспѣшилъ замѣшаться въ толпѣ, чтобы не быть вынужденнымъ подойти къ нимъ.

Пріѣхала съ братомъ Наташа Шереметева, блѣдная и печальная. Черкасскій съ красавицей Варенькой. А Лопухиной все не было.

Графъ съ графиней перестали встрѣчать въ первой залѣ гостей, такъ какъ знатнѣйшіе гости уже пріѣхали. Послѣднимъ, кого встрѣтилъ канцлеръ, былъ Маньянъ и съ нимъ Бриссакъ.

Графъ очень любезно встрѣтилъ обоихъ. Виконтъ де-Бриссакъ уже ранѣе былъ у него съ письмомъ отъ его сына Александра, посла во Франціи.

Въ письмѣ, переданномъ Бриссакомъ, Александръ Гавриловичъ просилъ отца оказать возможное вниманіе его другу де-Бриссаку, человѣку очень близкому ко двору, интересующемуся Россіей. «Вы сами оцѣните его замѣчательный умъ и исключительную пріятность обращенія», заканчивалъ письмо Александръ.

Кромѣ этого письма, графъ получилъ обычнымъ порядкомъ и другое, въ которомъ сынъ подробно писалъ о де-Бриссакѣ. Это былъ одинъ изъ знатнѣйшихъ дворянъ и любимецъ двора. Онъ очень много путешествовалъ, преимущественно по Востоку, и, какъ говорили, вывезъ оттуда особенныя таинственныя знанія.

Вмѣстѣ со своимъ другомъ, очень извѣстнымъ при дворѣ шевалье де-Сентъ-Круа, онъ пользовался репутаціей ученаго человѣка, чуждаго обычныхъ свѣтскихъ развлеченій, немного колдуна и загадочной личности.

Но во всякомъ случаѣ этотъ человѣкъ—рыцарь съ головы до ногъ.

Подъ вліяніемъ этихъ писемъ графъ любезно принялъ де-Бриссака, который произвелъ на него очень хорошее впечатлѣніе. Де-Бриссакъ, между прочимъ, сказалъ, что онъ лично извѣстенъ князю Василию Лукичу, но, къ сожалѣнію, не могъ его еще повидать.

Дѣйствительно, только утромъ въ день бала де-Бриссаку удалось встрѣтиться съ Василиемъ Лукичемъ, такъ какъ, когда послѣ смерти императора де-Бриссакъ, по указанію Шастунова, поѣхалъ въ Мастерскую палату, не было никакой возможности повидать Василю Лукича, а потомъ онъ уѣхалъ въ Митаву. На пріемъ же у императрицы было не до того.

Графъ Гаврило Ивановичъ слышалъ, кромѣ того, о де-Бриссакѣ отъ Маньяна и пригласилъ его къ себѣ на балъ.

Взявъ подъ руку Маньяна, канцлеръ въ сопровожденіи де-Бриссака прошелъ во внутреннія комнаты.

Князь Шастуновъ тоскливо поглядывалъ по сторонамъ и очень обрадовался, когда къ нему подошелъ запоздавшій Макшеевъ.

— Вотъ и я,—сказалъ Макшеевъ.—Я малость запоздалъ. Виной этотъ чортъ Трегубовъ, семеновецъ. Знаешь?

Шастуновъ кивнулъ головой.

— Я какъ смѣнился съ караула,—продолжалъ Макшеевъ:—хотѣлъ, какъ добрый, пойти къ себѣ хорошенько отоспаться, тѣмъ болѣе, что мой старицъ еще не прислалъ мнѣ денегъ. Да тутъ этотъ Ванька Трегубовъ! Пойдемъ, говорить, ко мнѣ. Я было не хотѣлъ, да уговорилъ, чортъ. А тамъ ужъ и компанія. Ну, что подѣлаешь, взялъ у него, не выдержалъ, десять золотыхъ, да и перекинулся въ картишки!.. Одно хорошо,—со смѣхомъ добавилъ онъ:—не даромъ время потерялъ. Хоть не выспался, да зато...—и онъ ударилъ себя по карману.

Шастуновъ улыбнулся.

— Смотри, Алепа, не засни здѣсь гдѣ-нибудь въ уголку.

Макшеевъ разсмѣялся.

— Ничего,—сказалъ онъ:—мнѣ бы только освѣжиться немного. Что-то сухо. Пойду поискать чего-нибудь. Прощай, братъ.

И, кивнувъ Шастунову, онъ прямо направился въ буфетъ.

Гости разбились на группы. Всюду слышались оживленный смѣхъ и разговоры.

Шастунову стало еще тоскливѣе. Онъ уже собирался пойти за Макшеевымъ, чтобы не чувствовать себя въ одиночествѣ, какъ вдругъ увидѣлъ входящую Лопухину. Но первое чувство радости мгновенно смѣнилось въ немъ тяжелой тоской, когда онъ увидѣлъ рядомъ съ ней надменную, красивую фигуру Рейнгольда.

Хотя Рейнгольдъ слѣдовалъ за Натальей Ѳедоровной въ разстояніи полушага, съ обычнымъ видомъ свѣтскаго человѣка, провожающаго даму, но въ той манерѣ, съ какой Наталья Ѳедоровна раза два повернула къ нему голову и что-то сказала, по той улыбкѣ, съ какой онъ отвѣтилъ на ея слова, Шастуновъ инстинктомъ влюбленнаго понялъ, что они не чужіе другъ другу.

Его сердце похолодѣло. Какъ прикованный, остался онъ на мѣстѣ, когда мимо него, шурша атласомъ платья, ослѣпительно красивая, какъ всегда, прошла Лопухина, благоухая знакомымъ ему запахомъ тонкихъ духовъ.

Она не замѣтила его.

Приходъ Лопухиной былъ встрѣченъ, какъ всегда, сдержаннымъ шопотомъ восторга. Казалось, къ ея красотѣ до сихъ поръ не могли привыкнуть.

Лопухина съ сіяющей улыбкой, кивая направо и налево, прошла среди разступавшихся гостей прямо въ залу, гдѣ, окруженные своимъ штатомъ и блестящей молодежью, сидѣли принцессы.

Герцогиня равнодушно поздоровалась съ ней, а Елизавета, какъ всегда, встрѣтила ее сухимъ враждебнымъ взглядомъ и холодно отвѣтила на ея низкій реверансъ.

Лопухину тотчасъ же окружили, и она сразу, какъ обычно, сдѣлалась центромъ всеобщаго вниманія.

Шастуновъ издали слѣдилъ за ней, полный ревниваго отчаянья.

Рейнгольдъ отдѣлился отъ толпы и прошелъ дальше къ хозяйкѣ дома.

Легкое прикосновеніе къ плечу заставило Шастунова остановиться и повернуть голову.

За нимъ стоялъ де-Бриссакъ, смотря на него пронизательными темными глазами, съ легкой улыбкой на губахъ.

— Дорогой другъ,—сказалъ виконтъ:—я такъ давно не видѣлъ васъ,—и онъ протянулъ Шастунову руку.

Шастуновъ почти обрадовался ему. Почему-то подъ взглядомъ этихъ умныхъ, доброжелательно смотрящихъ на него глазъ ему стало легче.

— А, это вы, господинъ колдунъ,—улыбаясь сказалъ онъ, пожимая протянутую руку.—Ваши пророчества сбылись. Я былъ въ Митавѣ...

— А,—воскликнулъ де-Бриссакъ,—не слѣдуетъ преувеличивать моихъ способностей, милый другъ. Очень часто то, что кажется колдовствомъ, объясняется чрезвычайно просто... Васъ удивило,—продолжалъ онъ:—что я, только что пріѣхавши въ ночь 19-го января, уже зналъ о избраніи теперешней императрицы и о предложенныхъ ей условіяхъ? Но, прекрасный юноша, я открою вамъ свою тайну. Но уйдемте изъ толпы.

Онъ взялъ Шастунова подъ руку, и они прошли въ маленькую залу, гдѣ сѣли въ отдаленный уголъ, закрытые высокими цвѣтами.

— Ну, такъ вотъ,—началъ, посмѣиваясь, Бриссакъ:—прежде всего, я пріѣхалъ еще наканунѣ и былъ у моего друга, французскаго резидента. 19-го января пріѣхали однѣ мои вещи изъ Парижа, самъ же я—только отъ Маньяна. Я не хотѣлъ, чтобы это было извѣстно, и отъ заставы меня извѣстили о прибытіи вещей, такъ что я пріѣхалъ съ ними вмѣстѣ. Избраніе состоялось въ три часа ночи, и мой другъ не оправдалъ бы довѣрія своего правительства, если бы въ половинѣ четвертаго не зналъ объ этомъ, когда объ этомъ уже знали сотни людей.

— Васъ еще смущаетъ вопросъ, откуда я узналъ объ ограниченіи власти императрицы,—продолжалъ виконтъ:—но это также просто, и вы перестанете удивляться, когда я объясню, въ чемъ дѣло. Это вопросъ простой логики.

«— Въ ночь избранія уже громко говорили, что верховный тайный совѣтъ задумалъ ограничить самодержавную власть русскихъ государей. Но никто не зналъ, какъ именно и чѣмъ? Такъ?»

Шастуновъ кивнулъ головой.

— Теперь сопоставьте съ этимъ тотъ фактъ, что вашъ замѣчательный по уму и просвѣщенности князь Дмитрій Михайловичъ удастиваетъ съ давнихъ поръ большой дружбы господина Маньяна. Всѣмъ это извѣстно. Еще при жизни императора князь въ дружеской бесѣдѣ съ резидентомъ не разъ указывалъ на несовершенство государственнаго строя въ Россіи и развивалъ свои проекты. Онъ даже вмѣстѣ съ господиномъ Маньяномъ обсуждалъ вопросъ о преимуществахъ конституцій—польской, англійской и шведской. Естественно, что князь Голицынъ имѣлъ единомышленниковъ въ русскомъ обществѣ, въ чемъ имѣлъ случай убѣдиться господинъ Маньянъ, и я открываю вамъ дипломатическую тайну, о чемъ онъ поставилъ въ извѣстность свой дворъ.

— Не правда ли, все это очень просто?

Шастуновъ снова кивнулъ головой.

— Самый выборъ на престолъ герцогини курляндской, то-есть лица, не имѣвшаго прямого права на корону, и, слѣдовательно, наиболѣе податливаго, показываетъ стремленіе совѣта осуществить то ограниченіе власти, о какомъ мечталъ князь Дмитрій. И это поняли всѣ.

— Все это просто,—задумчиво сказалъ Шастуновъ:—вы могли знать и объ избраніи герцогини курляндской, и о готовящемся ограниченіи ея власти...

— И естественно о депутаціи въ Митаву,—смѣясь перебилъ его де-Бриссакъ:—вѣдь должна же была узнать герцогиня о своемъ избраніи!..

— Да,—отвѣтилъ Шастуновъ:—но почему вы знали, что въ составѣ посольства ѣду я, и еще?..

Шастуновъ смущенно замолчалъ.

— И про черные глаза?—тихо и серьезно произнесъ де-Бриссакъ:—въ этомъ вы правы. Это не такъ просто. Но я уже напоминалъ вамъ, что у Сентъ-Круа вы видѣли такія же удивительныя вещи. «Мы» не пророки, не ясновидящіе, но иногда можемъ приподнять уголокъ завѣсы будущаго...

— «Мы»? Кто «мы»?—въ волненіи спросилъ Шастуновъ.—Вы способны нагнать страхъ!..—и онъ нервно засмѣялся.

— Страхъ?—спросилъ де-Бриссакъ:—развѣ мы проповѣдники зла? Развѣ въ кружкѣ Сентъ-Круа вы видѣли или слышали что-нибудь, что могло бы противорѣчить истинной добродѣтели?

— Нѣтъ, нѣтъ,—торопливо воскликнулъ Шастуновъ,—нѣтъ!... Сентъ-Круа и его друзья забросили въ мою душу новыя мысли. Они пробудили во мнѣ жажду свободы, братства съ людьми и всемірнаго счастья.

Де-Бриссакъ слушалъ его, опустивъ глаза.

— Мы не ошиблись въ васъ,—тихо началъ онъ:—но вы еще такъ молоды и въ васъ слишкомъ сильна жизнь. Вы еще не научились владѣть собою и побѣждать свои страсти. Но въ васъ есть прекрасныя задатки. Все остальное придетъ со временемъ, если, если...

Де-Бриссакъ не кончилъ. Облако печали прошло по его благородному лицу, онъ словно съ грустной нѣжностью взглянулъ на юное лицо князя...

— Если?—съ невольнымъ трепетомъ спросилъ князь.

— Вы стойте на порогѣ страшныхъ событий и жестокаго будущаго,—не отвѣчая на вопросъ князя, произнесъ де-Бриссакъ.

— *Vae victis!*—закончилъ онъ, вставая.

— Я не смѣю спрашивать васъ, виконтъ,—взволнованно сказалъ Шастуновъ, поднимаясь съ мѣста.—Но, ради Бога, одинъ вопросъ...

— Спрашивайте, дорогой другъ,—ласково отвѣтилъ виконтъ.

— Скажите, кто вы?—произнесъ Шастуновъ.

Де-Бриссакъ выпрямился, глаза его сверкнули, и, поднявъ руку, онъ торжественно и медленно отвѣтилъ:

— Мы—рыцари Кадоша, мы—рыцари Креста Розы, мы слуги свободы и добродѣтели, мы сѣятели правды, во имя Верховнаго существа—Солнца Любви и Справедливости! Настанетъ время, когда

наши братства непрерывной сѣтью покрываютъ весь міръ,—тихо и страстно продолжалъ онъ:—со звономъ падуть цѣпи рабства народовъ! Во имя свободы духа мы боролись съ Римомъ и съ папствомъ и съ ихъ религіей ненависти! Мы боролись съ исламомъ! Боролись съ инквизиціей! У насъ тоже есть герои и были мученики!..

— Наши верховные братья уже распространили нашу вѣру въ Англіи, Шотландіи, Германіи и Франціи. Она найдетъ своихъ учениковъ и въ вашей великой и благородной странѣ!..

— Такъ вы...—началь Шастуновъ...

Но Бриссакъ словно опомнился. Онъ овладѣлъ собою, лицо его приняло обычное выраженіе.

— Тсс!—улыбаясь произнесъ онъ:—мы, кажется, забыли, что находимся на балу. Пойдемте, дорогой другъ, лучше полюбоваться на черные, голубые и сѣрые глаза вашихъ красавицъ.

При словахъ де-Бриссака о черныхъ глазахъ Шастуновымъ сразу овладѣла ревнивая тоска.

Онъ молча послѣдовалъ за виконтомъ въ большую залу.

— Но, клянусь,—воскликнулъ де-Бриссакъ:—ни въ одной столицѣ міра я не видѣлъ столько красавицъ!

Его восклицанье могло быть искренне.

Тутъ былъ цвѣтъ красоты.

Цесаревна Елизавета, величественная и стройная, съ короной темно-бронзовыхъ волосъ и большими, яркими, голубыми глазами; олицетворенная женственность и грація, полная томной нѣги и почти чудеснаго обаянія, Наталья Ѳедоровна, трагическая красота Юсуповой, нѣжная прелесть Наташи Шереметевой, невинныя личики Юліаны и Адели и строгое, точеное, какъ изъ мрамора, лицо Вареньки Черкасской.

Около царевны стоялъ самъ канцлеръ и, слегка наклонившись, слушалъ ее. Макшеевъ что-то нашептывалъ Адели, Дивинскій стоялъ за стуломъ Юсуповой, а молодой Артуръ Вессендорфъ, не сводя влюбленнаго взгляда съ Лопухиной, о чемъ-то оживленно говорилъ, и она слушала его со своей обычною манерой слушать ласково-внимательно, такъ что каждому говорящему съ ней казалось, что онъ сумѣлъ ее исключительно заинтересовать, отчего, дѣйствительно, каждый въ разговорѣ съ ней былъ интереснѣе обыкновеннаго.

Въ этой блестящей, оживленной толпѣ красавицъ только двѣ сохраняли на своемъ лицѣ выраженіе печали: Наташа Шереметева и баронесса Юліана.

Шастуновъ хотѣлъ подойти къ этому кружку, но чувство самолюбія и ревнивой злобы не позволяло сдѣлать этого.

Онъ взглянулъ на де-Бриссака и вдругъ былъ пораженъ страннымъ выраженіемъ его лица. Оно было чрезвычайно блѣдно. Въмѣсто недавняго восторга на немъ виднѣлось почти выраженіе ужаса.

Широко открытые глаза не отрываясь смотрѣли на эту прекрасную, живописную группу.

— Виконтъ, что съ вами?—съ тревогой спросилъ Шастуновъ, касаясь его руки.

Де-Бриссакъ вздрогнулъ, словно пробудился отъ тяжелаго сна.

Онъ провелъ рукой по лбу и со слабой улыбкой произнесъ, какъ будто про себя:

— Какія страшныя видѣнія! Какъ ужасна ваша страна!

— Что вы хотите сказать, виконтъ?—въ изумленіи спросилъ Арсеній Кирилловичъ.

— А, что я сказалъ?—отозвался де-Бриссакъ, съ усиленіемъ отрываясь отъ своихъ мыслей.—Не обращайтесь вниманія на мои слова,— продолжалъ онъ.—Я на минуту предался печальнымъ мыслямъ о глѣбности красоты и земнаго счастья. Но, князь,—въ волненіи сказалъ онъ:—запомните это прелестное дѣвичье лицо! (онъ указалъ глазами на блѣдную и печальную Наташу Шереметеву, стоявшую нѣсколько поодаль отъ другихъ)—запомните хорошенько это лицо, чтобы потомъ сказать дѣтямъ вашимъ, если они будутъ у васъ, что вы видѣли ее!

— Но,—въ изумленіи произнесъ князь, не понимая волненія де-Бриссака,—это Наталья Борисовна Шереметева, невѣста Ивана Долгорукаго, бывшаго фаворита покойнаго императора.

— Это святая и мученица,—тихо отвѣтилъ де-Бриссакъ:—она дастъ иной блескъ знаменитой фамиліи Долгорукихъ!

Какая-то тайная дрожь овладѣла Шастуновымъ.

— Какъ печальна жизнь,—проговорилъ де-Бриссакъ,—и какъ мудро поступило Провидѣніе, скрывъ отъ глазъ людей будущее. Призраки гибели, разбитой жизни, страшныхъ мукъ и эшафота, истерзанной красоты, поруганной добродѣтели отравили бы имъ каждую минуту счастья, возможнаго въ настоящемъ!

И его глаза съ тяжелымъ, мрачнымъ выраженіемъ по очереди останавливались на лицахъ Наташи, Юсуновой и Лопухиной.

Шастуновъ вздрогнулъ, когда глаза де-Бриссака дольше остановились на лицѣ Лопухиной.

Онъ хотѣлъ спросить, но виконтъ быстро повернулся къ нему.

— Не надо вопросовъ, дорогой другъ,—мягко сказалъ онъ:—я печальный пророкъ. Но въ минуты радости, торжества и успѣховъ смиряйте себя мыслью, что человѣкъ—ничтожество передъ лицомъ Того, Кто вдохнулъ въ него безсмертную душу. Однако я, кажется, нагналъ на васъ тоску,—съ насильственной улыбкой закончилъ виконтъ.—Но позвольте мнѣ еще разъ быть вашимъ пророкомъ. Я предсказываю вамъ, что одинъ ласковый взглядъ черныхъ глазъ заставитъ васъ забыть всѣ мрачныя мысли.

— Я долженъ бояться ихъ?—повидимому, шутливо, но съ тайнымъ волненіемъ сказалъ князь.

— Вы не послушались меня тогда,—и ваша судьба совершилась,—серьезно отвѣтилъ де-Бриссакъ:—въ жизни каждаго человѣка бываютъ минуты, когда судьба вдругъ останавливается, словно въ раздумьи, свой ходъ, и когда человѣкъ является свободнымъ. Вы не воспользовались минутой своей свободы и сами избрали свой путь.

Сказавъ эти загадочныя слова, виконтъ пожалъ руку Арсенію Кирилловичу, прибавивъ съ улыбкой:

— До скорого свиданія,—и торопливо направился навстрѣчу входившему въ залу Василию Лукичу.

Во время утѣняго свиданія онъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ княземъ и передалъ ему письмо отца Жюбе, ловкаго іезуита, пользовавшагося большимъ вліяніемъ среди известной части духовенства Франціи и вмѣстѣ съ тѣмъ сумѣвшаго пріобрѣсти уваженіе свободомыслящихъ кружковъ, къ какимъ принадлежали Сентъ-Круа и де-Бриссакъ.

Онъ очень искусно, но съ вѣдома своего высшаго начальства въ Римѣ умѣлъ выступать противъ духовенства, притворяясь опальнымъ, навлекать на себя видимый гнѣвъ епископа и подъ шумокъ неустанно работать во славу и процвѣтаніе своего ордена.

Василій Лукичъ очень цѣнилъ его выдающійся умъ и часто встрѣчался съ нимъ въ Парижѣ, а Жюбе, зная о высококомъ положеніи князя, рѣшилъ возобновить съ нимъ сношенія, мечтая о допущеніи въ Россію іезуитовъ.

Но опытный дипломатъ отлично понималъ игру отца Жюбе и только посмѣивался, читая искусно написанное письмо, въ которомъ Жюбе говорилъ исключительно о необходимости просвѣщенія для Россіи и приводилъ въ примѣръ Петра Великаго, призвавшаго для этой цѣли иностранцевъ. Тутъ же онъ предлагалъ свои услуги прислать въ Россію цѣлый кадръ ученыхъ во всѣхъ областяхъ.

Василій Лукичъ съ видимымъ интересомъ встрѣтилъ де-Бриссака и вступилъ съ нимъ въ оживленный разговоръ.

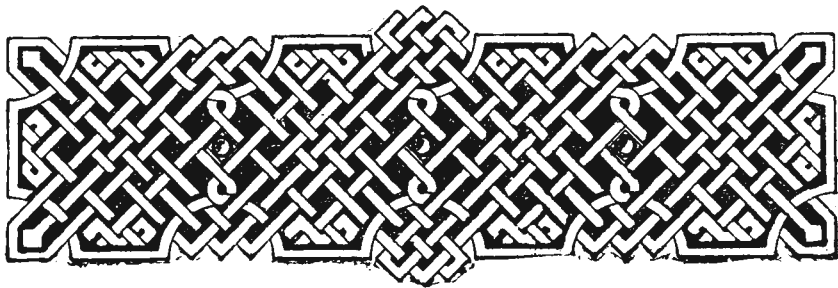
Ф. Е. Заринъ-Несвицкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).





АЛЕКСѢЙ СЕРГѢЕВИЧЪ СУВОРИНЪ.



ДНЕВНИКЪ О. М. БОДЯНСКАГО.



НМЯ ОСИПА Максимовича Бодянского, знаменитаго профессора славяновѣдѣнія въ московскомъ университетѣ періода 1842—1868 г., пользуется широкой извѣстностью въ Россіи. Будучи большимъ знаткомъ своего предмета, надъ разработкой котораго онъ дѣятельно, усердно и плодотворно трудился, Бодянской находилъ время для занятій и другими областями знанія. Благодаря этому, онъ не устранился отъ работы въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, какъ не устранился и вообще отъ жизни, присматриваясь къ ея явленіямъ, внимательно наблюдая ихъ и дѣлая имъ оцѣнку. Оригинальный умъ, масса знаній, большія связи среди москвичей выработали изъ него извѣстнаго рода лѣтописца своего времени, за которымъ онъ внимательно слѣдилъ. Результатомъ этого и явился тотъ его дневникъ, о которомъ свѣдѣнія давно уже проникли въ нашу историческую литературу.

Вскорѣ послѣ смерти Бодянскаго (6-го сентября 1877 г.) стало извѣстно, что среди его бумагъ нужно искать рядъ тетрадокъ и отдѣльных листовъ съ записями и замѣтками по днямъ, такъ какъ не было секретомъ, что онъ велъ дневникъ въ теченіе всей своей ученой дѣятельности.

Въ 1887 году свѣдѣнія эти вполне подтвердились. Ученикъ его, нынѣ также покойный славистъ-профессоръ А. А. Кочубинскій

(† въ 1907 г.) въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1887 годъ помѣстили статью «О. М. Бодянский въ его дневникѣ». Изъ нея стало извѣстно, что напечатанные здѣсь изъ дневника Бодянскаго за 1852—1854 г.г. отрывки извлечены А. А. Кочубинскимъ изъ тѣхъ тетрадокъ Бодянскаго, которыя получены имъ отъ Нестора Александровича Котляревскаго, сына извѣстнаго нашего слависта, также ученика Бодянскаго.

А. А. Кочубинскій, сообщая «наиболѣе интересныя страницы» дневника и замѣчая, что «цѣликомъ дневникъ изданъ быть не можетъ», говоритъ, что «собственноручныя записки Бодянскаго кончаются 1857 годомъ».

Черезъ годъ послѣ статьи А. А. Кочубинскаго, т. е. въ 1888 году, въ «Русской Сторонѣ» появились новыя свѣдѣнія о дневникѣ Бодянскаго.

Въ третьей книгѣ этого журнала за указанный годъ А. А. Гатцукъ, говоря (стр. 762), что ему удалось отъ вдовы Бодянскаго приобрѣсти часть его бумагъ, замѣчаетъ, что среди этихъ бумагъ была найдена и часть дневника Бодянскаго; указаній, къ какимъ годамъ эта часть относится, — Гатцукъ не сдѣлалъ.

Въ XI книгѣ «Русскаго Старины» за тотъ же 1888 годъ и въ X за 1889 годъ мы находимъ статью И. Ф. Павловскаго «О. М. Бодянский въ его дневникѣ 1849—1852 г.г.».

Изъ введенія къ ней мы узнаемъ, что г. Павловскій отъ племянника Бодянскаго Н. М. Артемьева получилъ «нѣсколько листовъ и клочковъ, написанныхъ собственноручно Бодянскимъ»; это и оказалось частью дневника Бодянскаго за указанные годы.

Напечатанныя А. А. Кочубинскимъ и И. Ф. Павловскимъ части дневника отличаются большимъ интересомъ и имѣютъ немалое значеніе для изученія длиннаго ряда лѣтъ жизни русскаго общества.

«Зная испытанную правдивость автора, — говоритъ А. А. Кочубинскій, — его строгое отношеніе къ перу: что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ — была любимая его поговорка, — мы вполне можемъ довѣряться сообщеніямъ этой лѣтописи сердца старѣйшаго слависта — привирать не было въ его природѣ». Съ этимъ мнѣніемъ А. А. Кочубинскаго, искренняго почитателя своего учителя, котораго онъ, конечно, хорошо зналъ, нельзя не согласиться, а потому нельзя и не желать, чтобы возможно большая часть дневника Бодянскаго въ интересахъ освѣщенія прошлой жизни нашего общества стала извѣстна русской читающей публикѣ.

Въ виду этого и я рѣшаюсь обратиться къ дневнику Бодянскаго.

Среди бумагъ (главнымъ образомъ писемъ разныхъ лицъ), которыя переданы мнѣ или непосредственно моимъ покойнымъ учителемъ А. А. Кочубинскимъ, или послѣ его смерти членами его семьи, оказались листки и тетрадки дневника Бодянскаго. Здѣсь

имѣется именно та часть его, изъ которой извлекалъ «наиболѣе интересныя страницы» А. А. Кочубинскій для своей статьи, т. е. часть, относящаяся къ 1852—1854 годамъ, а также и та часть, о которой онъ лишь въ ней упоминаетъ, т. е. относящаяся къ 1855—1857 годамъ, а, кромѣ, этого и часть, относящаяся къ 1863 году, о которой А. А. Кочубинскій совсѣмъ ничего не говоритъ въ своей статьѣ. Всѣ находящіяся у меня тетрадки и листки, конечно, только остатки большой и цѣльной рукописи, можетъ быть, нѣкогда представлявшей весь дневникъ за періодъ съ 1852 года; въ нихъ очень много, повидимому, утрачено, изложеніе записей за нѣкоторые года прерывается на половинѣ фразы, записи другихъ лѣтъ (напр. 1863 г.) очень немногочисленны, а записей отъ 1858—1862 годовъ совсѣмъ нѣтъ.

Несмотря, однако, на все это, въ находящихся у меня тетрадкахъ и листкахъ много очень интереснаго. Здѣсь такъ же, какъ говорилъ А. А. Кочубинскій, нашли себѣ мѣсто «политическіе вопросы, злоба дня, университетъ, наука, литературныя явленія»; все это изложено съ обстоятельностью, свойственною Бодянскому, который въ своихъ сообщеніяхъ захватываетъ значительную часть интересовъ образованной части, пожалуй, не только Москвы, но и всей Россіи...

Не считая возможнымъ цѣликомъ издать всю имѣющуюся у меня часть дневника Бодянскаго даже уже въ виду ея объема, я также ограничусь лишь извлеченіемъ изъ нея нѣкоторыхъ записей, которыя приведу по возможности словами автора, но измѣняя его орфографіи на общепринятую.

Изъ политическихъ вопросовъ въ 1855 году Бодянский особенно интересуется ходомъ Крымской войны.

Подъ 16-мъ февраля онъ пишетъ: «узналъ о выборѣ вчера А. П. Ермолова въ начальника московскаго ополченія: изъ 280 шаровъ только шесть черныхъ, а сегодня, говорятъ, получено уже утвержденіе по телеграфу, или же извѣстіе о томъ. Послѣ выбора «ура» продолжалось четверть часа». Это восторженное отношеніе дворянства къ своему избранному Бодянский, между прочимъ, объясняетъ тѣмъ, что находившагося тогда въ опалѣ А. П. Ермолова «генераль-губернаторъ (гр. А. А. Закревскій) будто бы считалъ своей обязанностью предупредить, что-де, вѣроятно, онъ откажется отъ выбора въ начальники ополченія на случай, если бъ его выбрало московское дворянство». Бодянский передаетъ, что Ермоловъ отвѣчалъ на это съ большимъ достоинствомъ письменно: «Благодарю васъ покорнѣйше за сообщеніе мнѣнія вашего по предмету предстоящихъ выборовъ и со всего откровенностью отвѣчаю вамъ. Не знаю, можно ли избирать меня по носимому мною званію, но, если я буду удостоенъ избранія московскаго дворянства, я не долженъ уклоняться отъ службы наравнѣ съ каждымъ дворяниномъ, не имѣя предъ лицомъ закона никакихъ особенныхъ правъ и не давая мѣста

сужденію, еще менѣ негодованію, и если бы даже не утверждень былъ въ званіи начальника губернскаго ополченія, въ какое я, вѣроятно, могу быть избираемъ. Легче всего могутъ найтись люди способные и не въ праздности дождавшіеся престарѣлыхъ моихъ лѣтъ, двадцать четыре года вышедшаго изъ службы по приказанію. Я не былъ употребленъ на службу дѣятельную, и въ теперешнемъ случаѣ нимало не удивлюсь и не приму къ сердцу, если, какъ и прежде, не признанъ буду за годнаго. Впрочемъ, благодаря Бога, я доволенъ совершенно моимъ положеніемъ; ничего не желаю и, конечно, искать не стану. Вотъ моя исповѣдь почтеннѣйшему графу, и никому другому я не скажу иначе...».

Бодянской замѣчаетъ, что это письмо «списывали всѣ, и оно разошлось по городу молніей».

19-го февраля Бодянской пишетъ: «Въ три часа съ небольшимъ завернулъ А. А. Майковъ съ вѣстью о кончинѣ государя; по его словамъ, онъ умеръ отъ воспаленія или, вѣрнѣе, удара—вслѣдствіе водяной, бывшей незадолго передъ тѣмъ». «Припоминаю,—пишетъ Бодянской:—что 6-го февраля Шевыревъ читалъ намъ описаніе своего недавняго представленія царю и замѣтилъ, что при первомъ взглядѣ онъ показался ему молодцомъ: «прежней обрюзглости, еще такъ недавно замѣтной, совершенно не видать было». «Онъ намъ», говорилъ Шевыревъ, «показался человѣкомъ бодрымъ, крѣпкимъ, рѣшительнымъ...».

20-го февраля новому государю Александру Николаевичу и его наслѣднику Николаю Александровичу присягали профессора въ университетской церкви. «Тутъ же,—пишетъ Бодянской,—читанъ въ первый разъ, бѣгло, манифестъ о вступленіи на престолъ; манифестъ написанъ весьма скромно и съ достоинствомъ. Объявлено о намѣреніи слѣдовать примѣру Петра I, Екатерины II, Александра I и Николая I».

Въ рядѣ записей Бодянской сообщаетъ о различныхъ ходившихъ въ то время по Москвѣ слухахъ и о настроеніи москвичей, желавшихъ различныхъ «предзнаменованій»; подробно говорится о впечатлѣніи, произведенномъ на москвичей паденіемъ съ «Ивана Великаго» большого колокола въ 2500 пудовъ: «несчастіе случилось тотчасъ послѣ присяги, въ то самое время, когда митрополитъ сѣлъ въ карету и ему захлопнули двери» и проч.

Среди подобныхъ сообщений подъ 22-е февраля записано: «Въ книжной лавкѣ И. В. Базунова слышалъ отъ его приказчика (И. Г. Соловьева), что какой-то не русскій, судя по лицу, въ какой-то церкви остановилъ было діакона словами: «Возглашай Константина!» и, когда тотъ не послушался, онъ еще разъ повторилъ; но вслѣдъ за тѣмъ одинъ изъ бывшихъ тутъ купцовъ подошелъ къ нему и со всего размаха положилъ его на полъ, приговаривая: «Вотъ тебѣ и Константинъ!»

Затѣмъ его тотчасъ вывели изъ церкви и отправили по командѣ. Послѣ говорили, что было нѣсколько, а не одинъ, и кричали: «Не бойтесь! Самъ Раевскій здѣсь!» Ихъ всѣхъ перехватили. Кто таковъ Раевскій, неизвѣстно. Другіе, напротивъ, увѣряли, что всю кутерьму поднялъ какой-то сумасшедшій грекъ, называвшій себя царемъ и прежде, а теперь кричавшій: «Мнѣ, мнѣ присягайте! Я вашъ царь!»

Сообщивъ 25-го февраля нѣсколько слуховъ о подробностяхъ смерти императора Николая I (по письмамъ изъ Петербурга), Бодянскій записываетъ: «Ланской, привезшій извѣстіе о кончинѣ Николая Павловича и манифестъ о восшествіи на престолъ Александра Николаевича, получилъ дорогой кубокъ отъ дворянъ и нѣсколько тысячъ червонцевъ отъ купечества—поступокъ, нѣсколько странный. Впрочемъ, не худо было бы отдѣлить эти два извѣстія и въ самомъ вѣстникѣ, тогда не было бы этой странности».

Этой записью оканчивается одна изъ тетрадокъ, и въ дневникѣ наступаетъ перерывъ до августа, съ котораго начинается новая тетрадка. Вѣроятно, нѣсколько тетрадокъ утрачено.

Августъ мѣсяць пачинается 30-мъ числомъ. Въ этотъ день (вечеромъ) Бодянскій записалъ: «Вчера мой служитель Андрей пришелъ отъ портного, къ которому былъ посланъ, и сказалъ, что, молъ, Севастополь взятъ.—«Какъ?»—«Да такъ-съ, говорятъ ужъ и читаютъ, взятъ, молъ, съ бою французами. Народъ сотнями толпится въ трактирахъ въ городѣ, охаютъ и крестятся отъ ужаса...» «Сегодня,—продолжаетъ Бодянскій,—весь городъ узналъ о томъ изъ особыхъ прибавленій къ «Московскимъ университетскимъ вѣдомостямъ» и изъ «Полицейскихъ»... Ударъ страшный тѣмъ болѣе, что не ожиданъ никѣмъ. Всѣ уже повѣрили и частнымъ и печатнымъ, своимъ и чужимъ объявленіямъ о недоступности Севастополя. Многіе изъ москвичей лишились отъ одной вѣсти о взятіи неодолимаго своихъ членовъ, на примѣръ, говорятъ объ Ермоловѣ, что у него отнялись на время ноги. Я знаю одного москвича, который созвалъ было къ себѣ гостей на обѣдъ, какъ именинникъ, и, когда только подано было первое блюдо, то новый гость, изъ почтамта, вошелъ къ нему и при всѣхъ разсказалъ о паденіи Севастополя: гости не могли болѣе продолжать обѣдъ, встали и разошлись...»

1-го сентября Бодянскій записалъ о прибытіи въ Москву государя и позже въ рядѣ замѣтокъ сообщилъ о приѣмѣ государемъ должностныхъ лицъ, дворянъ и проч. 8-го сентября записано:

«Подошедши къ дворянству, государь сказалъ: «Я благодарю только за хорошее», и, быстро обернувшись къ гражданскому губернатору и предводителю дворянства, сталъ передъ университетомъ (т. е. передъ профессорами), которому сказалъ: «Я все почти читалъ, что приготовлено университетомъ къ своему столѣтнему торжеству. Вы знаете, господа, какъ покойный родитель мой остался вами

доволенъ, и я не уступлю ему. Министръ и попечитель весьма хорошо отзываются о васъ»...

Послѣ цѣлаго ряда записей о различныхъ слухахъ, о новыхъ назначеніяхъ, о состоявшихся перемѣщеніяхъ, о смерти бывшего министра графа С. С. Уварова, а также о своихъ встрѣчахъ съ министромъ А. С. Норовымъ, пріѣхавшимъ въ Москву вмѣстѣ съ государемъ, Бодянский подъ 8-е сентября подробно говоритъ о настроеніи государя, который въ этомъ день неожиданно посѣтилъ Успенскій соборъ съ супругой и матерью. «Ключарь собора (какъ самъ рассказывалъ), оставшійся одинъ послѣ обѣдни, едва успѣлъ приказать постлатъ ковры и, накинувъ облаченіе, явиться у дверей съ крестомъ и водой. Поклонившись и приложившись къ иконамъ, государыня-мать спросила, гдѣ гробъ патріарха Филарета, и, когда онъ былъ указанъ, она долго молилась у него и близъ лежащихъ митрополитовъ (Фотія и Кипріана), равно какъ и у ризы Господней, сильно обливаясь слезами сама, благословляя сына, который тоже крѣпко плакалъ, обнимая ее; государыня-супруга стояла поодаль съ заплаканными глазами. То же самое, говоритъ ключарь, произошло и въ лаврѣ Сергіевской, именно въ скитѣ, когда владыка поднесъ ему тотъ самый образъ, который былъ также въ походахъ царя Михаила Ѳеодоровича, Петра I и московскихъ ополченій. Государь, принимая и лобызая его, почти навзрыдъ плакалъ».

Подъ 10-мъ сентября среди другихъ записей находимъ:

«Въ сегодняшнемъ (№ 109) «Московскихъ Вѣдомостей» напечатана статья о пребываніи государя въ Москвѣ, написанная М. П. Погодинымъ по приглашенію. Замѣчательно, что сочинитель, говоря о томъ, какъ онъ показывалъ государю Москву, когда тотъ въ первый разъ посѣтилъ ее по окончаніи ученія, во время своего путешествія по Россіи, ошибся въ годъ, поставивъ 1838 вмѣсто 1837, что государь и исправилъ. Это единственная поправка во всей статьѣ, которую онъ вопреки министру военному (князю Долгорукову), не пропустившему ее, приказалъ сдѣлать извѣстной, написавъ собственноручно: «Можно печатать». Она произвела необыкновенное впечатлѣніе, что и естественно, когда мы въ ней въ первый разъ, наконецъ, читаемъ, между прочимъ: «Вотъ онъ, вотъ онъ, нашъ добрый, благодушный, милостивый, вотъ онъ... нашъ новый царь, что, принявъ таинственное знамя изъ рукъ покойнаго родителя, ободрилъ народъ въ первую минуту своего царствованія любезными намъ именами Петра, Екатерины и Александра!...» «Чѣмъ грознѣе время, чѣмъ труднѣе обстоятельства, чѣмъ сложнѣе опасность, тѣмъ завѣтъ, союзъ царя и народа бываетъ тверже, святѣе, лишь бы они понимали другъ друга, какъ учить наша исторія...» «Севастополь показалъ въ полномъ блескѣ все, что есть прекраснаго и высокаго въ русской природѣ, но тамъ же увидѣли и многіе суще-

ственные наши недостатки, особенно въ отношеніи къ европейской искусственности, или вообще къ образованію, которое по всѣмъ частямъ необходимо должно быть у насъ уравнено съ нашими врагами»... «Государь! Мы ожидаемъ отъ тебя новыхъ указаній, возбужденій, поощреній, мы ожидаемъ отъ тебя милости, льготы, наряда!» Приведя въ своей записи еще нѣсколько подобныхъ же отрывковъ изъ этой статьи Погодина, Бодянскій замѣчаетъ: «Министръ военный, испуганный всѣмъ этимъ, домогался смягченія, говоря: «Что скажутъ обо всемъ этомъ царедворцы?» Но сочинитель сказалъ въ отвѣтъ ему: «Такъ я думалъ, такъ и написалъ: еже писахъ—писахъ».

По вопросу объ этой же статьѣ Погодина въ дальнѣйшемъ мы находимъ еще одну записку; я приведу ее здѣсь же: «2-го октября П. М. Леонтьевъ разсказывалъ въ профессорской, что Назимовъ, какъ попечитель, обратился будто бы къ военному министру (Долгорукову) по вопросу о статьѣ Погодина и получилъ въ отвѣтъ письмо, въ которомъ сказано объ этой статьѣ слѣдующее: «не только нельзя въ ней находить ничего предосудительнаго, но желательно было бы, если бы она была отпечатана въ столькихъ экземплярахъ, сколько вообще жителей въ русскомъ царствѣ».

Изъ записей, относящихся къ 1855 году, приведу еще только одну, но почти полностью—въ виду того горячаго чувства, съ которымъ Бодянскій въ ней говоритъ о Т. Н. Грановскомъ; она относится къ 5-му октября.

«Кончивши лекцію, второй часъ, я остановился на нѣсколько минутъ въ профессорской, поджидая А. Н. Драшусова, чтобы съ нимъ отправиться къ нему обѣдать по случаю приѣзда его жены. Прочитавши до 20 минутъ лекцію, неудивительно, что никого не нашель въ этой комнатѣ. Вдругъ входитъ раздосадованный П. Я. Петровъ и говоритъ, что онъ никого не засталъ въ своей аудиторіи, что чрезвычайно удивляетъ его. Я сказалъ, что и у меня вопреки обычаю мало было студентовъ, едва 15, но странность эта объяснится скоро кѣмъ-либо изъ слушателей: должна же быть тому причина, и причина недюжинная. «А!—вскричалъ онъ тутъ:—понимаю! Знаете, что Грановскій умеръ?»—«Что?» спросилъ я его. «Грановскій еще вчера умеръ».—«Полноте шутить! Онъ боленъ,—это правда».—«Ну, а теперь и умеръ!» сказалъ онъ въ третій разъ. Долго я не вѣрилъ ему, и, чтобы убѣдиться на самомъ дѣлѣ, предложилъ тотчасъ же отправиться со мной въ домъ предмета нашего спора. Сказано и сдѣлано. Дорогой онъ сказалъ мнѣ, что эту новость услыхалъ онъ еще вчера, отправляясь на чугунку около десяти часовъ утра, чтобы проводить министра народнаго просвѣщенія, отъ одного изъ товарищей-профессоровъ, а на самой чугункѣ всѣ уже говорили о томъ, хотя, судя по всему, самому министру едва ли сказано было.

«И дѣйствительно, послѣ я узналъ, что ректоръ не захотѣлъ сообщить ему этой печальной новости, вѣроятно, опасаясь, чтобы онъ не остался на похороны покойнаго. Говорятъ, что онъ умеръ отъ расширенія венозной жилы въ животѣ, а это произошло отъ почечуя или гемороа и появленія уже каменной болѣзни, образовавшейся вслѣдствіе долгаго сидѣнія за учебнымъ и игральнымъ столомъ. Вставши утромъ, онъ сталъ одѣваться: жена принялась помогать ему надѣть сапоги, но онъ не допускалъ ее и, когда нагнулся, чтобы надѣть сапоги, вдругъ почувствовалъ себя дурно, упалъ безъ памяти; потомъ пришелъ въ себя, перекрестился, подозвалъ жену, простился съ нею, сказавъ: «Бѣдная!» скончался на сорокъ третьемъ году отъ рожденія.

«Пріѣхавши къ нему, мы застали его уже на столѣ, въ залѣ, по срединѣ, а вокругъ него камеліи и лавровые вѣнки. Жена сидѣла подлѣ, положивъ лѣвую руку на его руки, вперила глаза свои въ него и не замѣчала никого. Это до того поразило меня, что я не могъ и пяти минутъ перенести: слезы брызнули ручьемъ отъ такой безмолвной, глубоко сосредоточенной въ высшей степени горести, и отъ всей души пожелалъ ей слезъ, которыя могли бы облегчить ее, а, статья можетъ, и спасти. Ничья смерть такъ сильно не поражала университета, какъ смерть его: всѣ безъ исключенія были подъ гнетомъ ея; съ утра до поздней ночи двери жилища его не затворялись какъ отъ университетскихъ, такъ и вообще московскаго общества. Только на третій день вынесли его въ университетскую церковь: торжественность была полная; но и того полнѣе была она на другой день, когда хоронили его.

«Послѣ обѣдни, совершенной ректоромъ семинаріи Леонидомъ (нѣкогда мичманомъ, но послѣ кончившимъ ученіе въ московской духовной академіи, отлично совершающимъ богослуженіе, особенно поражающимъ своимъ чтеніемъ), и панихиды профессора историко-филологическаго факультета при помощи нѣкоторыхъ и изъ другихъ, а также и самого попечителя вынесли гробъ его изъ церкви до сѣнныхъ дверей и сдали студентамъ, которые и понесли его на своихъ рукахъ черезъ весь городъ на Пятницкое кладбище.

«Путь былъ усыпанъ цвѣтами и лавровыми листьями; провожающихъ было видимо-невидимо. Давно уже столица наша не видѣла подобныхъ похоронъ, давно никого она такъ славно, такъ единодушно не чтила. Какъ можно сравнить похороны его съ похоронами человѣка, далеко и дальше его дѣйствовавшаго на одномъ и томъ же поприщѣ, поприщѣ просвѣщенія, и притомъ большею частью во главѣ, — разумью похороны бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, случившіяся ровно мѣсяць назадъ. Тамъ все было должностное, такъ сказать, заказное; здѣсь, наоборотъ, — добровольное, непринужденное чествованіе. Честь и благодарность Москвѣ, умѣвшей понять, оцѣнить и отдѣлить

истинныя заслуги отъ мнимыхъ. Прекрасно охарактеризоваль въ короткихъ, но полновѣсныхъ словахъ умершаго М. Н. Катковъ въ № 120 «Московскихъ Вѣдомостей», извѣщая по долгу издателя послѣднихъ о кончинѣ его. Лучше, благороднѣе и съ большимъ сочувствіемъ и оцѣнкой нельзя сдѣлать извѣщенія о подобномъ событіи. Собирають подписку для содержанія на проценты кандидата въ продолженіе двухъ лѣтъ, желающаго получить магистерство по нашему факультету. Самый прочный и благородный памятникъ покойному! Безъ сомнѣнія, сборъ будетъ больше, чѣмъ сколько нужно. Покойникъ былъ нашимъ факультетомъ избранъ весной, въ маѣ, въ деканы, потомъ въ августѣ утверждень министромъ и только разъ подписался деканомъ...»

Въ записи подъ 8-мъ октября Бодянской говоритъ:

«На другой день попечитель, призвавши въ одну изъ аудиторій декановъ и нѣсколькихъ профессоровъ и студентовъ, сталъ выговаривать имъ за вѣнки (лавровые), которыми наканунѣ забросали Грановскаго при опущеніи въ могилу гроба его. «Это обычай рѣшительно языческой, противный нашей церкви. Какой-нибудь аѳинскій ареопагъ или римская академія могли это дѣлать, но намъ, христіанамъ, такія дѣла неприличны...» Что прикажете съ такими головами дѣлать! А туда же еще съ ссылками на исторію! Ждите тутъ проку и толку отъ нихъ для университета...»

Дневникъ за 1856 годъ начинается съ двадцатыхъ чиселъ марта мѣсяца; и здѣсь, вѣроятно, нужно предположить потерю тетрадокъ или листовъ. Въ одной изъ первыхъ записей (22-го марта) Бодянской говоритъ, что уже напечатанъ манифестъ о заключеніи мира въ Парижѣ. «Какъ ни хитрились,—говоритъ онъ,—скрыть, но подъ конецъ должно было сказать, что война прекращается и мы дали согласіе на установленіе нѣкоторыхъ особыхъ предосторожностей противъ столкновенія нашихъ вооруженныхъ судовъ съ турецкими въ Черномъ морѣ, желая отвратить даже въ будущемъ самую мысль о какихъ-либо съ нашей стороны видахъ честолюбія и завоеваній, а также и на проведеніе новой граничной черты въ южной, ближайшей къ Дунаю части Бессарабіи. На такія условія по добру по здорovu не побѣжденные не соглашаются. Срамъ и горе намъ!»

Послѣ этой записи слѣдуетъ рядъ очень обстоятельныхъ записей о различныхъ событіяхъ жизни, напримѣръ, о смерти Ф. Ф. Вигеля, о значеніи дѣятельности котораго Бодянской говоритъ очень длинно и детально. Время съ 29-го марта по 2-ое апрѣля отмѣчено одной записью; тогда въ Москвѣ былъ государь, а потому было много поводовъ для сужденій о его замыслахъ и предположеніяхъ. Бодянской весьма сочувственно говоритъ о каждомъ намѣреніи государя что-либо улучшить. «При разводѣ,—говоритъ Бодянской,—государь болѣе всего обращалъ вниманіе не на шагъ,

выправку и всю, такъ называемую, шагистику, но на умѣнїе владѣть ружьемъ въ стрѣльбѣ и нападенїи, т.-е. фехтованїе ружьемъ. То и другое до него было совершенно запущено, хотя многіе давно говорили и вопїали о томъ, что солдатъ силенъ не выправкой, а умѣньемъ владѣть оружіемъ. Потому-то, когда мы такъ осрамылись своей выправкой подъ Альмой, Инкерманомъ и т. п., было публично предписано учить, наконецъ, тому, чему всегда слѣдовало учить до такого печальнаго урока».

Приведа рѣчь государя, сказанную московскому дворянству съ цѣлью выразить твердое намѣренїе освободить крестьянъ, Бодянской замѣчаетъ:

«Дай-го, Боже, чтобы хоть на этотъ разъ въ добрый часъ!»

Подъ 4-мъ апрѣля Бодянской записываетъ, что на докладѣ о назначенїи воспитателями Александровскаго лицея и училища правовѣдѣнїя наравнѣ съ офицерами и лицъ гражданскаго вѣдомства государь собственноручно надписалъ: «Согласенъ и впредь не желаю, чтобы военные офицеры были назначаемы въ подобныя должности, вообще по гражданскимъ заведенїямъ».

По этому поводу Бодянской замѣчаетъ: «Честь и слава государю, освобождающему гражданскія мѣста отъ военнаго мандаринства! Эта мѣра его принята всѣми съ восторгомъ. Не наговорятся о ней!»

«И. Н. Березинъ,—сообщаетъ здѣсь же Бодянской,—пишетъ изъ Петербурга объ утвержденїи трехъ докладовъ государемъ, именно: объ основанїи женскихъ гимназій, уничтоженїи комитета разсмотрѣнїя учебниковъ и о позволенїи отправлять за море молодежь набираться уму-разуму. Кромѣ того, Березинъ передаетъ разговоръ, происходившій въ его присутствїи о «Русскомъ Вѣстникѣ»: осуждаютъ въ несостоятельности, вялости, безцвѣтности и т. п.»—Бодянской вполне раздѣляетъ это мнѣнїе о «Русскомъ Вѣстникѣ». «Часа черезъ два, встрѣтившись на лекціи, прочиталъ Леонтьеву и Кудрявцеву письмо Березина. Оба призадумались. Не думаю, однако, чтобы замѣчанїя эти образумили издателей»

«Подъ 24-мъ апрѣля Бодянской говоритъ о П. Я. Чаадаевѣ по поводу его смерти (14-го апрѣля). Разсказавъ о послѣднихъ дняхъ и о самыхъ обстоятельствахъ смерти Чаадаева, Бодянской даетъ такую характеристику его: «Едва ли кто изъ москвичей такъ любилъ общество, какъ онъ, и такъ былъ постоянно привязанъ къ Москвѣ, хотя, надо сказать, по-своему. При всѣхъ добрыхъ качествахъ (а ихъ немало у него было), онъ страстно, вопреки всѣмъ, стоялъ за папу и папство. Извѣстенъ случай съ Н. И. Надеждинымъ по поводу его французскихъ писемъ о папѣ и католичествѣ, изъ коихъ одно переведенное помѣщено было въ «Телескопѣ», который за то запрещенъ, издатель сосланъ въ Усть-сысольскъ, цензоръ лишенъ всѣхъ мѣстъ: Болдыревъ, ректоръ университета, вскорѣ отъ горя умершій, а сочинитель объявленъ

сумасшедшимъ. Послѣднее вызвало: «Aprologie d'un fou». Недавно я получилъ ее отъ И. И. Молнара, списавшаго оную. Прелюбопытная. Пушкинъ былъ съ нимъ довольно въ тѣсныхъ отношеніяхъ, по знакомству еще въ Царскомъ Селѣ, въ лицѣ, когда Чаадаевъ стоялъ тамъ съ своимъ лейбъ-гусарскимъ полкомъ. Въ отечественную войну былъ адъютантомъ у Васильчикова, участвовалъ въ битвѣ подъ Кульмомъ, о которой любилъ поразсказать, равно какъ и о Парижѣ, взятомъ нами. Сильно оторчался почестями севастопольцамъ въ Москвѣ, говоря, что намъ, на возвратѣ изъ Франціи, послѣ избавленія Россіи отъ Наполеона I, никто даже хлѣба и соли не вынесъ, ласковаго слова не сказалъ».

«Вообще, сколько видно было, онъ любилъ во всемъ свой взглядъ, который очень часто бывалъ совершенно противоположенъ общему, почему и доставалось ему. Но въ борьбѣ слабого съ сильнымъ онъ всегда держался перваго. Когда огласилась исторія моя съ министромъ народнаго просвѣщенія ¹⁾, онъ одинъ изъ первыхъ посѣтилъ меня, бывши до того вовсе незнакомъ со мною, и послѣ охотно встрѣчался всюду... Можетъ быть, я единственный человекъ, съ которымъ онъ никогда не спорилъ, любя до страсти противорѣчія...»

24-го апрѣля въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» былъ напечатанъ договоръ «съ союзными врагами нашими». Отмѣчая это, Бодянскій замѣчаетъ: «Какъ ни мудрили, а правда открылась; шили, крыли, а швовъ не скрыли». Въ длинной записи Бодянскій подвергаетъ критикѣ рядъ статей договора и въ заключеніе говоритъ: «Со времени Столбовскаго и Деулинскаго договоровъ не было болѣе безчестнаго договора, какъ нынѣшній. Въ первый разъ покатила Россія назадъ. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ, если не прибрѣтала, то, по крайней мѣрѣ, ничего не теряла изъ прибрѣтеннаго прежде. Теперь начало потерямъ. Грустно итти назадъ, особливо, когда не видишь къ тому необходимости. Но такова ужъ воля Божія за нашу гордость и самонадѣянность во всемъ. Тридцать лѣтъ мы спали и проспали все, и въ то время, когда въ самосознаніи считали себя распорядителями міра, плевали на все и знать ничего не хотѣли, увидѣли въ одно прекрасное утро альмское солнце, которое освѣтило всю мишуру нашего величія. Какъ обыкновенно водится, гордость и надутость смѣнились малодушіемъ и униженіемъ, приведшими насъ къ такимъ блистательнымъ итогамъ. Богъ судья виновникамъ ихъ!»

Какъ бы дополненіемъ къ разбору вопроса о парижскомъ договорѣ Бодянскій дѣлаетъ такое замѣчаніе:

¹⁾ Бодянскій здѣсь, конечно, имѣлъ въ виду неприятности, которыя вышли у него вслѣдствіе изданія имъ перевода сочиненія Флетчера. Объ этомъ говорилъ Бодянскій въ своемъ дневникѣ въ 1852 году. См. у А. Кочубинскаго «Историческій Вѣстникъ» 1887 г., книга 12.

«Говорять, Карамзинъ, сынъ покойнаго исторіографа, какъ ополченецъ нижегородскій, написалъ отъ лица всѣхъ своихъ товарищей прошеніе къ государю, заклиная его не жалѣть ихъ жизни и имущества для отраженія враговъ отечества и заключенія честнаго и выгоднаго мира. Начальникъ корпуса, къ которому это ополченіе было приписано, не допустилъ его подавать прошеніе, но послѣ нашли случай, и оно дошло куда слѣдуетъ. Впрочемъ, какъ видно, не имѣло своего дѣйствія, подобно другимъ такого же рода предложеніямъ».

Изъ приводимыхъ Бодянскимъ примѣровъ настроенія русскаго общества по поводу заключенія мира беру еще одинъ:

«А. М. Марковичъ рассказываетъ, что когда онъ былъ въ Петербургѣ, то въ то время играли репетицію представленія трагедіи «Дмитрій Донской» въ бенефісь Орловой, бывшей въ Севастополѣ въ числѣ сестеръ милосердія. При стихѣ: «Лучше смерть, чѣмъ миръ позорный», публика неистово хлопала, многіе до того стучали, что при выходѣ были взяты подъ стражу, и о нихъ доложено государю, какъ о людяхъ безпокойныхъ...»

Несмотря на свое увлеченіе жгучимъ вопросомъ ликвидаціи «севастопольской эпопеи», Бодянский не оставляетъ безъ вниманія и другихъ фактовъ общественной жизни, университетскихъ событій и проч. Такъ, къ этому времени (май—іюнь 1856 года) относятся, напримѣръ, длинныя записи о свиданіи его съ А. В. Горскимъ, о диспутѣ А. Вицына, о встрѣчахъ съ М. С. Щепкинымъ, сообщавшимъ различнаго рода слухи политическаго характера и прочее. Чтобы покончить съ 1856 годомъ, приведу еще нѣсколько выписокъ изъ дневника. Подъ седьмымъ іюня читаемъ: «Племянникъ Н. В. Сушкова, тоже Сушковъ, помѣщикъ Полтавской губерніи, рассказывалъ за обѣдомъ у перваго, что онъ былъ товарищемъ по ученію Гоголя въ Нѣжинскомъ лицей, изъ коего потомъ перешелъ въ харьковскій университетъ и слушалъ въ немъ юридическія науки вмѣстѣ съ И. И. Срезневскимъ. «Никто не думалъ изъ насъ,—говоритъ онъ:—чтобы Гоголь могъ быть когда-либо писателемъ, даже посредственнымъ, потому что онъ извѣстенъ былъ въ лицей за самаго перадиваго и обыкновеннаго слушателя и отличался наиболѣе *жартами*, которыми часто заставлялъ всѣхъ товарищей хохотать до безпамятства. Довольно бывало ему сказать одно слово, сдѣлать одно движеніе, чтобы всѣ въ классѣ, какъ бѣшеные или сумасшедшіе, захохотали въ одно горло при учителѣ, директорѣ даже, онъ же оставался, какъ ни въ чемъ не бывало: спокоенъ и важенъ. Пока не знали причинъ нашего смѣха, обыкновенно наказывали насъ за него тѣмъ, что мы должны были, провинившись, стоять, а онъ одинъ сидѣть; но когда намъ наскучило это и мы объявили, въ чемъ дѣло, уже одинъ онъ стоялъ, а мы сидѣли. Въ театральныхъ представленіяхъ не было ему равнаго: тутъ Гоголь и тогда

казался намъ совершенствомъ. Соученикомъ его,—говорилъ Сушковъ,—кромѣ меня, былъ и Рѣдкинъ».

Подъ 13-мъ августа находится запись, въ которой также говорится о Гоголѣ. Бодянскій, рассказывая о представленіи своемъ министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову, который прибылъ въ Москву на коронацію, передаетъ о томъ, что министръ познакомилъ его съ своимъ товарищемъ княземъ П. А. Вяземскимъ. Князь «сейчасъ же свель рѣчь на Гоголя, сказавъ,—какъ говоритъ Бодянскій,—что въ недавно изданномъ сочиненіи о немъ («Записки о жизни» и т. д. Кулиша) онъ часто встрѣчалъ мое имя».

«Я,—продолжаетъ Бодянскій,—отвѣчалъ ему, что точно мое имя въ нихъ попадаетъ, хотя и не совсѣмъ часто. Продолжая разговоръ, князь замѣтилъ, что Гоголь слишкомъ высоко было поднялъ тонъ въ «Мертвыхъ душахъ» и едва ли бы могъ выдержать его въ нихъ.

«— А скажите, пожалуйста,—спросилъ онъ меня вдругъ, круто поворачиваясь:—отчего Гоголь умеръ?—и, не дожидаясь отвѣта, прибавилъ тутъ же:—«Говорятъ, отъ онанизма. Правда ли?»

«— Не думаю,—отвѣчалъ я:—по крайней мѣрѣ, никогда ни отъ кого не слыхалъ такого предположенія.

«— Впрочемъ, я припоминаю,—прибавилъ Ѳ. И. Буслаевъ, стоявшій рядомъ и вмѣшавшійся въ разговоръ:—въ первое время по кончинѣ Гоголя ходили, дѣйствительно, слухи объ этой причинѣ, но они скоро были объявлены, какъ неосновательные.

«— Что до меня,—сказалъ тогда я:—причиной смерти его была, какъ я и тогда и теперь полагаю и полагаю,—отставка его желудка.

«Гоголь, какъ я замѣчалъ всегда, обѣдая съ нимъ очень часто въ домѣ С.Т. Аксакова, любилъ порядкомъ поѣсть, подобно отцу своему, и, подобно ему, часто страдалъ послѣ плотнаго обѣда; это была наследственная страсть или влеченіе, какъ хотите,—къ столу; какъ отецъ, по его же самого рассказамъ, поплатился за это жизнью, умерши отъ неваримости въ желудкѣ, такъ и онъ не избѣжалъ той же судьбы. Скажутъ, что онъ въ послѣднія двѣ-три недѣли постничалъ,—да, постничалъ поневолѣ и постничаньемъ только доканалъ, то есть поворотилъ слишкомъ круто въ крайность. Естественнымъ послѣдствіемъ того было ослабленіе пищеварительнаго канала, кончившееся воспаленіемъ, отъ котораго, по выраженію малороссіянь,—и дуба давъ».

Въ 1856 году Бодянскій послѣднюю запись сдѣлалъ 28-го августа и до конца этого года за дневникъ свой по какимъ-то причинамъ не брался. Въ данномъ случаѣ утрату листковъ или тетрадокъ здѣсь предполагать нельзя, такъ какъ записи 1857 года начинаются непосредственно за 1856 годомъ: на страницѣ, гдѣ кончается запись 28-го августа 1856 года, находимъ первую запись 1857 года. Подъ

1-го января Бодянский записывает переданную ему Н. А. Драшусовым «новость о томъ, что Шевыревъ *избитъ* Снѣгиревымъ».

«Вечеромъ,—продолжаетъ Бодянский,—я узналъ, что, дѣйствительно, первый тутъ замѣшанъ, но вмѣсто второго соперникомъ былъ графъ Бобринскій» Эта краткая новогодняя запись была имъ продолжена уже въ другое время, такъ какъ въ ней сообщены позднѣйшіе факты.

«Послѣ,—пишетъ Бодянский,—открылось, что Шевыревъ въ спорѣ съ послѣднимъ (то есть Бобринскимъ) въ засѣданіи совѣта московскаго художественнаго общества, происходившемъ въ домѣ вице-президента А. Д. Черткова, дѣйствительно, былъ сильно и безобразно избитъ своимъ противникомъ: рѣзкость одного наткнулась на буйство другого и получила свое.

«Мѣсяца черезъ два,—продолжаетъ Бодянский,—государь по донесенію генераль-губернатора рѣшилъ Бобринскому удалиться въ свою деревню и не вѣзжать въ Москву до разрѣшенія, Черткову сдѣлать выговоръ и удалить отъ мѣста, а Шевырева уволить изъ университета (съ полной, впрочемъ, пенсіей) и сослать въ Ярославль.

«Это событіе,—замѣчаетъ Бодянский дальше,—надѣлавшее большого шуму и соблазна въ Москвѣ и по Россіи и даже описанное въ нѣкоторыхъ заграничныхъ газетахъ, повлекло за собою много перемѣнъ въ университетѣ и обществѣ исторіи и древностей русскіихъ». Послѣ сообщенія этихъ фактовъ Бодянский въ обстоятельной записи рассказываетъ только о перемѣнахъ въ обществѣ исторіи и древностей русскіихъ. Перемѣны эти выразились въ томъ, что, благодаря стараніямъ Бодянскаго, вмѣсто Черткова президентомъ опять былъ избранъ графъ С. Г. Строгановъ, принявшій это мѣсто подъ условіемъ, если Бодянский согласится снова принять на себя руководство «Чтеніями», изданіе которыхъ было возобновлено съ избраніемъ графа С. Г. Строганова. Бодянский согласился и такимъ образомъ опять возвратился къ активной дѣятельности въ обществѣ, отъ котораго былъ вдали со времени уже упомянутой выше исторіи съ изданіемъ сочиненія Флетчера, то есть съ 1848 года.

«Вышла сегодня,—записано въ дневникѣ 6-го іюня,—въ особомъ прибавленіи въ двѣнадцатому номеру «Молвы» статья моя: «*Добросовѣстность, наука и народность*», направленная противъ «Русскаго Вѣстника». Что-то скажутъ. Но что бы ни сказали, а мнѣ нужно было все это высказать: больше терпѣть нельзя. Многіе ли догадаются, кто ее писалъ, потому что подписъ подъ ней — *Е. Радушинъ, Спб., мая 28 дня*». Кромѣ К. Аксакова, отца его, А. Майкова (переписывавшаго ее) да П. И. Бартенева,—никто не знаетъ этого».

1-го августа Бодянский очень длинно и обстоятельно записалъ свой разговоръ съ Рачинскимъ, который его въ этотъ день посѣтилъ. Бодянский говоритъ о немъ только, что онъ «состоялъ при южной

арміи, у Лидерса» и «былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ князю В. И. Васильчикову, съ которымъ заодно дѣйствовалъ», вѣроятно, тогда, когда Васильчиковъ, будучи начальникомъ штаба южной арміи, высказывалъ свои горячія симпатіи славянскому дѣлу ¹⁾). Сообщая Бодянскому много свѣдѣній о не всегда корректномъ отношеніи русскихъ администраторовъ къ болгарамъ и другимъ южнымъ славянамъ, Рачинскій между прочимъ говорилъ: «Въ дѣлѣ образованія общества вспоможенія славянамъ южнымъ, которое предположено образовать изъ комитета болгаровъ одесскихъ, съ пособіемъ отъ нашего правительства,—архіепископъ Иннокентій играетъ незавидную роль. Всѣ его дѣйствія, какъ теперь открылось, послѣ его смерти,—клонились къ тому, чтобы при нашемъ посредничествѣ получить титулъ болгарскаго патріарха. Кажется, это было бы большое несчастіе для болгаръ, потому что Иннокентій не меньше бралъ бы греческаго патріарха, какъ показываютъ жалобы киевлянъ, харьковцевъ и херсонянъ, у которыхъ онъ находился въ санѣ епископскомъ».

Опубликовывая такой взглядъ на херсонскаго архіепископа Иннокентія (Борисова, ум. 26 мая 1857), одного изъ его современниковъ, я не могу здѣсь не отмѣтить, что въ настоящее время, когда дѣятельность Иннокентія стала вполне уже достояніемъ исторіи и уже достаточно извѣстно матеріаловъ для ея изученія,—мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что, энергично и любовно работая на пользу просвѣщенія болгаръ, архіепископъ Иннокентій имѣлъ въ виду какія-либо корыстныя цѣли. Не считая возможнымъ въ настоящей статьѣ подробно излагать заслуги архіепископа Иннокентія въ исторіи возрожденія болгаръ, скажу только, что при изученіи этой эпохи я всегда встрѣчался съ указаніями, что сами болгары считали и считаютъ архіепископа Иннокентія заслуживающимъ самой искренней съ ихъ стороны признательности.

Въ своей статьѣ «Роль Одессы въ исторіи возрожденія болгарскаго народа» ²⁾ я отмѣтилъ достаточно фактовъ безкорыстной дѣятельности архіепископа Иннокентія для возрожденія и просвѣщенія болгаръ. Освѣщена въ этомъ направленіи дѣятельность архіепископа Иннокентія и протоіереемъ С. В. Петровскомъ въ его рѣчи по случаю столѣтія рожденія архіепископа ³⁾, имя котораго въ исто-

¹⁾ Я думаю, что это былъ А. В. Рачинскій, о симпатіяхъ котораго къ дѣлу болгарскаго возрожденія подробно можно узнать изъ недавно опубликованныхъ болгарской академіей наукъ матеріаловъ: «Изъ архивата на Н. Геровъ», Софія, 1911. М. П.

²⁾ Записки императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей. т. XXX.

³⁾ Рѣчь написана въ Софіи въ 1900 году. Въ недавно вышедшемъ и названномъ уже мной изданіи болгарской академіи «Изъ архивата на Н. Геровъ» мы находимъ рядъ писемъ видныхъ дѣятелей болгарскаго возрожденія, которые въ 1857 году съ искреннимъ горемъ оплакивали смерть архіепископа Иннокентія, именно, какъ безкорыстнаго «болгаролюбца».

рїи и нынѣ существующаго «одесскаго болгарскаго настоятельства» незабвенно. Вообще въ записанномъ со словъ Рачинскаго отзывѣ объ архіепископѣ Иннокентіи слышится какая-то личная раздраженность.

Сообщеніемъ указанныхъ выше свѣдѣній объ архіепископѣ Иннокентіи Рачинскій въ разговорѣ съ Бодянскимъ не ограничился, и мы въ дневникѣ его находимъ: «Въ частыхъ моихъ сношеніяхъ съ Иннокентіемъ,—говорилъ Рачинскій,—много наслышался я отъ него. Помню, разъ онъ сказалъ мнѣ, когда мы разговорились было, о разныхъ сектахъ въ Россіи: «А знаете ли вы что? Раскольники-то раскольники, а вѣдь, надо признаться, —все наше спасеніе отъ Запада—они, т. е. для нашей народности и, пуще всего, для нашего православія». Въ другой разъ сказалъ Иннокентій мнѣ, что съ величайшимъ вниманіемъ читаль онъ «Русскіе вопросы» въ «Полярной Звѣздѣ» и совершенно сочинителю ихъ сочувствуетъ. Да, рѣшительно правда,—говорилъ архіепископъ Иннокентій Рачинскому,—русскій народъ привыкъ къ гласности и на своихъ сходкахъ или мірахъ, испоконъ существующихъ, и на третейскихъ судахъ, когда-то существовавшихъ. Все это гласность, чистая гласность. Въ старинномъ судопроизводствѣ, также справедливо, было и есть много такого, что способнѣе основать и развить у насъ правосудіе, чѣмъ всѣ латинскіе и нѣмецкіе законы и учрежденія, опирающіеся на пустой формализмъ, который въ свой чередъ опирается на лихоимство, почюющее на безгласности. Если будетъ гласность, не будетъ крестьянства, а не будетъ крестьянства—не будетъ величайшаго зла, пятна самаго яркаго, самаго страшнаго на Руси современной. Забываемъ мы, что христіанство каждый день призываетъ насъ къ тому, что церковь ежечасно осуждаетъ насъ и всѣхъ подобныхъ намъ, потому что въ ней «нѣсть раба», а «всѣ люди братія о Господѣ». Несомнѣнно, что нѣкоторыя переданныя Рачинскимъ сужденія архіепископа Иннокентія заинтересовали Бодянскаго; это видно изъ сдѣланной имъ 15-го августа 1875 года записи: «Въ нынѣшнемъ нумерѣ «Московскихъ Вѣдомостей» (98-мъ) въ описаніи «Освященія третьей православной церкви въ Преображенскомъ богадѣленномъ домѣ» въ заключеніе приведены слова изъ «слова» архіепископа херсонскаго Иннокентія, сказаннаго имъ 28-го октября 1856 года въ Одессѣ по возвращеніи изъ Москвы и относящіяся къ посѣщенію имъ во время коронаціи этого дома, именно: «теперь тамъ вмѣсто вѣковой вражды водворилось благое начало единства съ церковью православною и взаимной любви Христовой, такъ что тѣ, кои составляли собою язву на тѣлѣ церкви, *скоро могутъ составить одно изъ лучшихъ ея украшеній*». Подчеркнутое прямо объясняетъ его мнѣніе, обнаруженное имъ однажды г. Рачинскому насчетъ того, что со временемъ очень можетъ статься, что раскольники сдѣлаются самыми равностными требователями и защитниками православія и народности нашей».

Сообщивъ приведенное объ архіепископѣ Иннокентіи, Бодянский записываетъ нѣсколько замѣчаній по вопросамъ, затронутымъ уже нами въ другихъ мѣстахъ и, конечно, въ то время очень волновавшимъ русское образованное общество: «П. И. Бартеневъ, пришедши ко мнѣ, между прочимъ сказалъ, что онъ слышалъ, будто государь, бывши за границей, говорилъ князю Трубецкому, который давно живетъ въ Парижѣ, сдѣлавшись католикомъ, что онъ первымъ своимъ дѣломъ по возвращеніи считаетъ пригласить дворянство собираться по губерніямъ и толковать о томъ, какъ бы лучше всего освободить крестьянъ». «Никогда еще русская книга не расходилась въ такомъ числѣ и съ такой быстротой, какъ «Восшествіе на престолъ Николая I». «Лишь только напечатано было объ отпечатаніи ея въ газетахъ, какъ всѣ бросились въ книжныя лавки. Въ одинъ часъ продалъ Базуновъ двадцать пять экземпляровъ, а потомъ въ день продажа доходила далеко за сто. Говорятъ, на первый разъ отпечатано пятнадцать тысячъ. Я прочелъ, можно сказать, въ одинъ духъ. Такъ она занимательна. Увѣряютъ, что въ ней противу напечатаннаго дважды особо только для царскаго семейства рѣшительно ничего не измѣнено. Въ добрый часъ съ такимъ началомъ гласности! По мнѣ, это ведетъ къ чему-нибудь особенному. По крайности, не можетъ быть пропущено безъ вниманія то мѣсто въ письмѣ покойнаго государя Александра I къ Кочубею, гдѣ говорится о господствѣ неимовѣрнаго безпорядка въ дѣлахъ государства, повсемѣстномъ грабежѣ, дурномъ правленіи и, главное, о невозможности одному человѣку управлять государствомъ и исправить укоренившіяся въ немъ злоупотребленія. Лучше совсѣмъ не браться за дѣло, чѣмъ исполнять его дурно,—говоритъ Александръ далѣе. Не хочетъ ли Александръ II ввести у насъ областное управленіе отвѣтственное? Давай Богъ! По мнѣ, ничего лучше нельзя придумать этого средства для искоренія тѣхъ золъ, которыя и теперь, какъ за шестьдесятъ лѣтъ, царятъ у насъ, особливо, если прибавить къ тому гласность во всемъ, что можетъ и должно быть гласно, и освобожденіе «меньшей братіи».

Записью 16-го августа заканчивается находящаяся у меня тетрадка дневника за 1857 годъ. Запись эта, заключающая въ себѣ передачу интересныхъ сообщеній цензора И. М. Снѣгирева, къ сожалѣнію, обрывается на половинѣ фразы. Встрѣтившись у Н. В. Сущкова съ И. М. Снѣгиревымъ, Бодянский выразилъ увѣренность, что Снѣгиреву въ теченіе долгой службы въ качествѣ цензора пришло много видѣть, многое испытать. «Мало ли чего случилось со мной,—сказалъ Снѣгиревъ.—Напримѣръ: покойный князь Д. В. Голицынъ прислалъ мнѣ проектъ устава для воспитанницъ нашего московскаго воспитательнаго дома, уже подписанный государыней Маріей Ѳеодоровной, но съ условіемъ не выпускать, не показавши напередъ цензору. Я не подписалъ и, когда князь призвалъ меня

къ себѣ и спросилъ очень вѣжливо о причинѣ, то я указалъ ему на выраженіе въ уставѣ: «Воспитанницы въ свободное время сами зашиваютъ себѣ дыры»; князь такъ и покотился со смѣху. «Очень уважительная причина, очень», сказалъ онъ мнѣ и тотчасъ довелъ до свѣдѣнія государыни, которая, призвавши меня къ себѣ, сказала также: «Благодарю васъ за указаніе на неточное выраженіе въ моемъ уставѣ. Оно, конечно, понимаете, нехорошо дыры, дыры и воспитанницы, понимаете... Благодарю васъ» и тутъ же, взявши у стоявшаго наготовѣ чиновника, подала мнѣ дорогую табатерку...».

Отъ дневника за 1858—1862 г.г. у меня нѣтъ ничего. Отъ 1863 г. сохранился одинъ только листъ, на которомъ находимъ нѣсколько записей, сдѣланныхъ безъ хронологической послѣдовательности. Въ первыхъ числахъ мая Бодянский познакомился съ Петромъ Дмитриевичемъ Хрущовымъ, который предложилъ для «Чтеній въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей» нѣкоторые матеріалы. «Черезъ нѣсколько дней,—говоритъ Бодянский,—онъ принесъ мнѣ описаніе нашей войны съ поляками въ 1830—1831 годахъ съ исправленіями и дополненіями генерала Анненкова (что нынѣ генералъ-губернаторъ кievскій, волынскій и подольскій), прибавивъ, что послѣдній удивлялся обстоятельности этого описанія. «Оно мнѣ стоило большого труда,—говорилъ Хрущовъ:—такъ какъ много мнѣ пришлось перечитать». Бодянский обѣщалъ «съ нѣкоторыми смягченіями» напечатать это описаніе, но, какъ замѣчено имъ въ припискѣ къ этому мѣсту дневника, въ виду появленія другихъ описаній этой войны трудъ Хрущова не пришлось напечатать.

«Бесѣдуя разъ съ Хрущовымъ о 1812 годѣ,—говоритъ Бодянский,—узналъ отъ него, что планъ войны съ Наполеономъ былъ сдѣланъ кѣмъ-то изъ итальянцевъ, находившихся у (фамиліи въ рукописи нельзя разобрать), бывшего посланника и женатаго на русской, который и былъ сообщенъ государю, а тотъ передалъ его Барклаю де-Толли для исполненія. Барклай сообщилъ его начальнику своей канцеляріи подъ величайшей тайной, у котораго, однако, какъ-то похитилъ его Хрущовъ, бывший агентъ французскій, о чемъ узнавши, императоръ велѣлъ его сослать куда-то. Когда въ Вильнѣ государь обратился къ Кутузову съ предложеніемъ просить у него что ему угодно въ награду за его труды, то старикъ попросилъ возвратить Хрущова, женатаго на его дочери». «Посѣтивъ Хрущова,—говоритъ Бодянский подъ 1-мъ іюня,—пересмотрѣлъ всѣ записочки къ нему отъ А. П. Ермолова, съ которымъ онъ былъ въ послѣдніе годы довольно коротокъ. Въ нихъ есть нѣсколько замѣчательныхъ свѣдѣній кой о чемъ современномъ послѣдней войнѣ (1854—1855). Онъ не вѣрилъ высадкѣ въ Крымъ, какъ и всѣ почти русскіе. Разговаривавшись о немъ, я спросилъ: «Но за что же Ермолова отставили?»—«Ничего не бываетъ безъ причины,—сказалъ мнѣ Хрущовъ.—Я старался разузнать объ этомъ и скажу вотъ что.

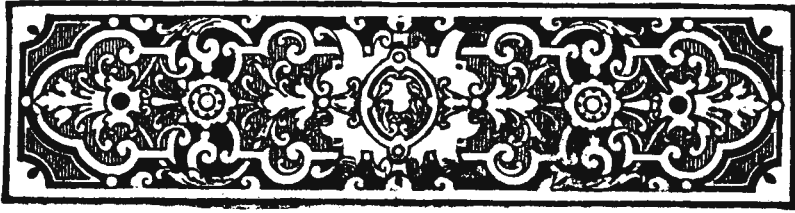
Южное общество заговорщиковъ послало одного изъ своихъ спросить Якубовича на Кавказѣ, готовы ли они. «Готовы,—сказалъ онъ,—здѣсь *все готовы*, если только вы готовы». Этотъ отвѣтъ, вѣроятно, былъ кѣмъ-либо послѣ, при слѣдствіи, переданъ или найденъ въ бумагахъ кого-либо изъ подсудимыхъ. Подъ «все» разумѣли, безъ сомнѣнія, и Ермолова, который вообще всегда былъ несдержанъ на языкъ и очень свободомыслящъ».

Настоящую свою статью о дневникѣ Бодянского я позволю себѣ закончить заключительными словами А. А. Кочубинскаго, впервые, какъ мы знаемъ, познакомившаго русскую публику съ этимъ любопытнымъ историческимъ матеріаломъ: «Смѣемъ думать, что русскій читатель не посѣтуетъ на насъ, прочтя отрывочныя, но полныя интереса, жизни, пестрыя замѣтки глубоко честнаго русскаго человѣка недавняго прошлаго: въ нихъ не безъ поученія и для нашего времени, и изъ нихъ

«... вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу».

М. Г. Полруженко.





У РОДСТВЕННИКОВЪ.

Повѣсть.

I.



ВДОВА генерала Екатерина Петровна Крушина съ нетерпѣніемъ ожидала телеграммы отъ своей больной дочери и, не получая ея, сильно волновалась. Ея дочь, Марія Николаевна Култашева, жила въ провинціи и съ мѣсяць какъ овдовѣла; уже собиралась ѣхать жить къ матери, но наканунѣ своего отъѣзда, идя по улицѣ, поскользнулась и упала; вслѣдствіе паденія почувствовала себя дурно; призванный докторъ уложилъ ее въ постель и объявилъ, что ей угрожаютъ преждевременные роды.

Все это Екатерина Петровна узнала изъ письма дочери, которое было написано той, уже лежа въ постели. Въ письмѣ дочь просила мать не беспокоиться, увѣряла, что ей уже стало легче, и что докторъ, вѣроятно, ошибся относительно прсждевременныхъ ея родовъ, она только полежитъ нѣсколько дней въ постели и встанетъ совершенно здоровой, а тогда и пришлетъ телеграмму матери о днѣ своего выѣзда.

Письмо было получено уже двѣ недѣли, а телеграммы отъ Маріи Николаевны все не было. Сначала Екатерина Петровна сама хотѣла поѣхать къ больной дочери, но простудилась и, пролежавъ съ не-

дѣлю въ кровати, еще чувствовала себя слишкомъ слабой, чтобы пуститься въ далекій путь.

Между тѣмъ ея безпокойство о больной дочери съ каждымъ днемъ все росло и росло. Иногда ей казалось, что ея дочь въ родахъ умерла, и въ эти минуты отчаянью матери не было границъ: она то бѣгала, ломая руки, по комнатѣ, то бросалась передъ образомъ на колѣни и начинала молиться, давая при этомъ разныя обѣщанія. Каждый звонокъ въ квартиру ее страшно пугалъ: ей казалось, что теперь, если ей принесутъ телеграмму, то она уже будетъ не о прїѣздѣ ея дочери, а о ея смерти. Но бывали минуты, когда Екатерина Петровна думала, что ея дочь жива, но еще не совсѣмъ поправилась и вслѣдствіе этого не смѣетъ телеграфировать о днѣ своего выѣзда. Въ эти минуты старушка успокаивалась и, сидя за круглымъ столомъ въ своей уютно обставленной мягкой мебелью и высокими живыми растеніями гостиной, раскладывала пасьянсъ. Загадывала она постоянно объ одномъ и томъ же: скоро ли увидится со своею дочерью. Однажды вечеромъ она сидѣла за пасьянсомъ, гостиная была освѣщена одной лампой, въ квартирѣ царила полная тишина, только доносились съ улицы частые звонки оставливавшихся конокъ, да снизу изрѣдка хлопали входными дверями.

Послѣ нѣсколькихъ неудачъ у Екатерины Петровны наконецъ вышелъ самый трудный пасьянсъ.

«Маня здорова и скоро прїѣдетъ», подумала она.

И въ эту же минуту швейцаръ снизу далъ звонокъ въ ея квартиру.

Старушка испугалась и блѣдными губами прошептала:

— Телеграмма! Господи! только бы моя Маня была жива!

На порогѣ гостиной появилась съ засученными руками молодая кухарка Лукерья. Звонокъ оторвалъ ее отъ мытья посуды.

— Прикажете принять?

— Ужъ не телеграмма ли отъ нашей Маріи Николаевны?—съ испуганнымъ лицомъ смотря на Лукерью, проговорила Екатерина Петровна.

— Нѣтъ-съ, это кто-нибудь изъ гостей, про телеграмму швейцаръ не сталъ бы давать снизу звонка, онъ самъ бы ее принесъ.

— И то правда,—сразу повеселѣвъ, согласилась Екатерина Петровна:—но кто же такъ поздно могъ ко мнѣ прійти, ужъ не мой ли сынокъ, Петръ Николаевичъ, наконецъ, вздумалъ меня навѣстить?—подумала она и набросила на плечи бѣлую пуховую накидку.

Лукерья быстро освѣтила переднюю, открыла дверь и, стоя на порогѣ, ждала гостей.

Екатеринѣ Петровнѣ изъ гостиной было видно, какъ въ открытую дверь передней вошла высокая молодая дама въ черной мѣховой шапочкѣ и въ черномъ жакетѣ, сзади нея шелъ швейцаръ и

бережно несъ что-то завернутое въ мѣховое одѣяло, свою пошу онъ положилъ въ передней на столъ, передъ зеркаломъ.

Дама подбѣжала и начала развертывать одѣяло.

— Кто бы это могъ быть?—недоумѣвала Екатерина Петровна, глядя издали на совершенно незнакомую ей даму съ крупными чертами и энергичнымъ, выразительнымъ лицомъ. Сердце Екатерины Петровны вдругъ болѣзненно заныло, предчувствуя недоброе; она уже не могла ждать и пошла въ переднюю.

Приѣзжая дама, замѣтивъ приближающуюся величественную старуху, пошла къ ней навстрѣчу.

— Позвольте вамъ представиться,—сказала она:—Настасья Ивановна Култашева, родная сестра покойнаго мужа вашей дочери, Маріи Николаевны. Мы съ Маней были очень дружбы, и она именно меня умоляла поѣхать къ вамъ...

Тутъ голосъ Настасьи Ивановны оборвался, и съ минуту она молчала, не рѣшаясь продолжать, наконецъ тихимъ голосомъ донесла:

— Я привезла вамъ печальную вѣсть.

— Моя дочь умерла?!—не своимъ, а какимъ-то хриплымъ голосомъ воскликнула Екатерина Петровна и вдругъ пошатнулась.

Ей не дали упасть, подхватили и подъ руки довели до стула.

Лицо старушки помертвѣло, голова упала на спинку стула, руки, словно плети, повисли по сторонамъ.

— Обмерла моя барынька! охъ ти, обмерла!—слезливо заголосила Лукерья.

Но Настасья Ивановна не потерялась, приказала Лукерьѣ держать Екатерину Петровну, швейцара послала въ кухню за водой, и сама, разспросивъ, гдѣ спальня, разыскала нашатырный спиртъ.

Когда Екатерина Петровна раскрыла глаза и вспомнила о своемъ горѣ, она громко зарыдала. Лукерья бросилась къ ней съ соболѣзнованіемъ, Настасья Ивановна прикрикнула на нее:

— Не мѣшайте барынь плакать, слезы облегчатъ ея сердце.

Но чрезъ нѣсколько минутъ она сама подошла къ рыдающей старушкѣ, и, ставъ передъ нею на колѣни и цѣлуя ея руки, сказала:

— Успокойтесь, голубушка, во всемъ воля Божья, и хотя наша дорогая Маня умерла, но вмѣсто себя она прислала вамъ свою дочь и просила васъ замѣнить сиротѣ родителей.

Тутъ Настасья Ивановна встала съ колѣнъ, взяла со стола завернутаго въ мѣхъ ребенка и поднесла его къ Екатеринѣ Петровнѣ.

— Вотъ ваша внучка,—сказала она:—ее назвали въ честь васъ Екатериной.

Когда до Екатерины Петровны донесся изъ мѣха слабый пискъ ребенка, она вся встрепелась.

— Гдѣ она? гдѣ Манина дѣвочка?—заговорила она, вытирая слезы:—покажите мнѣ ее!

И вмѣстѣ съ Настасьей Ивановной Екатерина Петровна дрожащими руками начала развертывать мѣховое одѣяльце, изъ котораго чуть-чуть выглядывало сморщенное красное личико.

— Она недоносочекъ,—разсказывала Настасья Ивановна:—семи мѣсяцевъ, оттого мы ее и держимъ въ мѣху... Вотъ ваша внучка! внучка!—повторила она, вынувъ изъ одѣяла спеленатое крошечное и беспомощное существо, которое жмурило отъ свѣта свои словно прорѣзанные и безъ рѣсницъ глазки и открытымъ ротикомъ искало выпавшій рожокъ.

Бабушка взяла изъ рукъ Настасьи Ивановны внучку и торжественно произнесла:

— Если Господу будетъ угодно продлить мою жизнь, я клянусь сиротѣ замѣнить родителей!—и, обернувшись на образъ, висѣвшій въ гостиной, она перекрестилась.

За ней перекрестились и всѣ присутствовавшіе.

II.

У Екатерины Петровны, кромѣ умершей дочери Маріи Николаевны, былъ еще сынъ, Петръ Николаевичъ, который уже нѣсколько лѣтъ былъ женатъ, служилъ и имѣлъ чинъ статскаго совѣтника. Въ чиновничьемъ мѣрѣ Крушинина считали хорошимъ и исполнительнымъ чиновникомъ, начальство его отличало и мѣтило на высокой постъ; но подчиненные Петра Николаевича не любили, считали человѣкомъ безъ сердца и сухимъ формалистомъ.

Наружность Крушининъ имѣлъ представительную: онъ былъ большого роста, прямой, широкий въ плечахъ, а его лицо, круглое, съ крупными и расплывшимися чертами, имѣло надменное выраженіе. Своею представительностью Петръ Николаевичъ былъ доволенъ и у себя въ гостиной любилъ иногда постоять передъ большимъ зеркаломъ и полюбоваться собою, особенно, когда на немъ былъ мундиръ и всѣ его ордена. Екатерина Петровна сначала одинаково любила своихъ дѣтей, какъ дочь, такъ и сына; но послѣ смерти ея мужа, который, умирая, завѣщалъ на словахъ сыну раздѣлить его капиталъ, лежавшій на сохраненіи въ государственномъ банкѣ, поровну между имъ и его сестрою, Петръ Николаевичъ не исполнилъ воли отца и, ссылаясь на законъ, взялъ себѣ изъ наслѣдства львиную долю. Съ тѣхъ поръ мать охладѣла къ сыну и жаловалась всѣмъ своимъ знакомымъ, что онъ обидѣлъ сестру, и тогда же рѣшила всѣ свои деньги, которыя останутся послѣ ея смерти, отдать дочери.

Вскорѣ послѣ смерти отца Петръ Николаевичъ женился на паннѣ Розаліи Станишевской, которая была изъ польской аристократи-

ческой, но разорившейся семьи. Панна Розалія очаровывала молодых и старых, она была красива, изящна и свѣтски образована, чудно играла на роялѣ и хорошо владѣла французскимъ языкомъ, характеръ же имѣла своенравный и была легкомысленна. Сначала она была обручена съ однимъ польскимъ юношей, который за принадлежность къ партіи социалистовъ попалъ въ тюрьму, а потомъ былъ сосланъ. Невѣста не долго плакала о женихѣ, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже сдѣлалась невѣстой русскаго офицера. Этому она отказала, когда влюбилась въ блестящаго и богатаго князя Хованскаго; но, несмотря на ея кокетство, князь, повидимому, оставался равнодушень къ красивой паннѣ Розаліи, и это выводило ее изъ себя.

Тутъ вскорѣ ей былъ представленъ Крушининъ, онъ только что получилъ въ наслѣдство отъ отца двадцать пять тысячъ; но въ обществѣ прошелъ слухъ, что онъ не двадцать пять, а сто тысячъ получилъ, а также все говорили, что онъ скоро сдѣлаетъ блестящую служебную карьеру.

Крушининъ съ перваго взгляда влюбился въ панну Розалію, а та кокетничала и съ нимъ и съ княземъ Хованскимъ.

Разъ она сказала князю:

— Я, на зло вамъ, выйду замужъ за Крушинина.

— И выходи,—отвѣтилъ тотъ спокойно.

Своенравная панна Розалія исполнила свое обѣщаніе и вышла замужъ за Крушинина. вмѣстѣ съ женой Петру Николаевичу пришлось взять въ домъ и тещу, суровую пани Гедвигу, которая гордилась своимъ аристократическимъ происхожденіемъ и ненавидѣла всехъ русскихъ. Панна Розалія вышла за Крушинина противъ желанія своей матери, и съ первыхъ же дней теща возненавидѣла зятя и начала его подозрѣвать, что онъ склоняетъ свою жену принять православіе. Но это была неправда: Петръ Николаевичъ хотя и сознавалъ, что, женись на католичкѣ, онъ нѣсколько повредилъ своей служебной карьерѣ, но религіозныя убѣжденія своей жены не насилывалъ. Онъ только возмущался тѣмъ, что пани Гедвига вооружаетъ свою дочь противъ него и ввела въ его домъ польскую рѣчь.

Что же касается его матери, Екатерины Петровны, то, будучи очень религіозной, она огорчилась женитьбой сына на иновѣркѣ, а также ей не нравилась и пани Гедвига, которая жила на хлѣбахъ у зятя, между тѣмъ себя гордо держала не только съ нимъ, но и съ нею, Екатериной Петровной, и въ ея присутствіи называла русскихъ священниковъ «попами», а также смѣялась надъ русскими купцами, зная, что мать ея зятя изъ купеческой семьи.

Когда же панни Гедвига настояла, чтобы къ первому сыну Крушининныхъ Володѣ была взята кормилица-полька, а русской кормилицѣ, которую рекомендовала Екатерина Петровна, было отка-

зано, тогда Петру Николаевичу мать прямо объявила, что она обижена, что ея ноги въ его домъ больше не будутъ.

— Живи, окруженный поляками,—сказала она.

Сыну неудобно было ссориться съ матерью, онъ зналъ, что у нея въ банкѣ были деньги, на которыя послѣ ея смерти онъ рассчитывалъ, а также ему было неприятно, что его мать не только вооружена противъ его тещи, но не любитъ и его жену, и онъ часто увѣрялъ Екатерину Петровну, что его Розалія вовсе не такая фанатичка, какъ ея мать, и, не будь пани Гедвиги въ ихъ домъ, онъ увѣренъ, что его жена изъ любви къ мужу, а также ради его служебной карьеры, навѣрно бы приняла православіе.

— Не нужно намъ такихъ православныхъ, которые ради выгодъ къ намъ переходятъ,—говорила сыну Екатерина Петровна.

Розалія же Игнатьевна, дѣйствительно, не была тверда въ своихъ религиозныхъ убѣжденіяхъ; будучи невѣстой поляка, она была большою патриоткой и очень часто ходила въ костель и часто исповѣдывалась, но, сдѣлавшись невѣстой русскаго офицера, стала уже рѣже ходить въ костель и къ ужасу своей матери иногда высказывала, что богослуженіе въ православныхъ церквахъ ей нравится лучше, чѣмъ въ костелахъ. Когда же Розалія Игнатьевна вышла замужъ за Крушинина, она уже совсѣмъ перестала ходить въ костель и на упреки матери дерзко отвѣчала:

— Молитесь сами.

Пани Гедвига находила, что ея дочь съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ, стала съ нею обращаться непочтительно, и въ этомъ винила зятя и въ его домъ чувствовала себя обиженной и одинокой и, злобно сжимая свои тонкія губы, молчала, или же спѣшила уйти въ гости къ знакомымъ полякамъ, съ которыми она могла поговорить по душѣ, поплакать и пожаловаться на свою дочь и зятя.

Розалія же Игнатьевна часто высказывала, что ей некогда ходить въ костель. И дѣйствительно, она цѣлый день была занята: утро (которое начиналось у нея въ полдень) она отдавала своимъ туалетамъ и примѣркамъ платьевъ,—потомъ дѣлала визиты или сама принимала у себя гостей, наконецъ ей нужно было съѣздить въ магазины, а вечера она проводила то на балахъ, то въ театрѣ, къ этому еще у нея начался романъ съ княземъ Хованскимъ, который уже серьезно началъ теперь за ней ухаживать: онъ сдѣлалъ имъ визитъ, сумѣлъ расположить къ себѣ ея мужа и довольно часто бывалъ у нихъ. Петръ Николаевичъ былъ изъ тѣхъ мужей, которые любятъ, чтобы ихъ женами восхищались не только они сами, но и другіе мужчины, а ухаживанье за его женой такого аристократа, какъ князь Хованскій, ему даже было лестно. Тѣмъ болѣе, что Розалія Игнатьевна оказалась очень хитрой и сумѣла отлично замаскировать свою любовь къ князю. Петръ Николаевичъ былъ убѣжденъ, что жена ему рассказываетъ все, что ей говорить князь.

Онъ даже зналъ, что Розалія Игнатьевна держала изъ-за чего-то съ княземъ пари, и князь ей проигралъ очень дорогой браслетъ, который и былъ показанъ Петру Николаевичу, а этотъ хотя и любилъ жену, но на ея прихоти неохотно бросалъ деньги и, разсматривая браслетъ, съ довольной улыбкой думалъ:

— И отлично—не изъ дома, а въ домъ,—и тогда же мужъ и жена вмѣстѣ посмѣялись надъ щедростью влюбленнаго князя...

Екатерина Петровна держала свое слово и не бывала у сына, а Розалія Игнатьевна только разъ въ годъ, въ день именинъ, навѣщала свою свекровь «изъ купчихъ»; пріѣзжала она къ Екатеринѣ Петровнѣ въ каретѣ и всегда роскошно и со вкусомъ одѣтая. Ея пріѣздъ только раздражалъ старуху: глядя на дорогіе наряды невѣстки, она вспоминала, что Петръ Николаевичъ обобралъ свою сестру.

— Вотъ куда ушли Манины деньги,—съ грустью думала она.

III.

О подробностяхъ семейной жизни своего сына Екатерина Петровна узнавала отъ своей кухарки Лукерьи, которая каждый вечеръ, убравъ посуду, приходила въ спальню къ барынѣ и, натирая мазью ея больныя ноги, рассказывала всѣ сплетни, которыя узнавала отъ прислугъ молодыхъ Крушининыхъ. Екатерина Петровна не огорчилась, когда узнала, что ея невѣстка не любитъ своего мужа и измѣняетъ ему.

— И по дѣломъ—я ему говорила: не женись на иновѣркѣ,—съ злорадствомъ сказала она.

Петръ Николаевичъ довольно часто навѣщалъ свою мать. Иногда онъ приходилъ къ ней попросить денегъ, а иногда и пожаловаться на тещу, такъ какъ зналъ, что его мать не любила пани Гедвигу.

— Повѣрите ли, маменька,—однажды рассказывалъ онъ:—теща игнорируетъ въ моемъ же домѣ мое присутствіе и на мои вопросы не отвѣчаетъ, дѣлаетъ видъ, что она не понимаетъ по-русски, а я знаю, что она хорошо понимаетъ, только не хочетъ мнѣ отвѣчать. Вижу я ее только за обѣденнымъ столомъ и съ лицомъ всегда обиженнымъ, а сидитъ неподвижно, какъ мумія, и почти ничего не ѣстъ. Когда же Розалія спрашиваетъ ее, конечно, по-польски, почему она не отвѣчаетъ на мои вопросы—«не розумемъ», страдальческимъ голосомъ произноситъ она. Изъ нашихъ же гостей только, кажется, и любитъ одного князя Хованскаго, который всегда подходитъ къ ея рукѣ и разговариваетъ съ нею по-французски.

— А вотъ я такъ не люблю твоего князя Хованскаго,—сказала сыну Екатерина Петровна.

— Что вы, маменька, князь чудный человѣкъ и аристократъ!— воскликнулъ Крушининъ.

— Простофиля ты, простофиля!— качая головой, продолжала мать:— неужели ты до сихъ поръ не знаешь, что твоя жена въ него влюблена и вмѣстѣ съ нимъ тебя обманываетъ?

Въ первую минуту Петръ Николаевичъ на слова матери даже засмѣялся,—такъ они ему показались нелѣпыми.

— Охота вамъ, маменька, вѣрить всякимъ сплетнямъ. Что же касается князя, онъ, дѣйствительно, восхищается моей женой, и я не могу никому запретить восхищаться ею—она красавица,— гордо отвѣтилъ онъ.

Но слова матери все-таки возмутили спокойствіе Петра Николаевича.

«Уже ходять сплетни!» мелькнуло у него въ умѣ, и вдругъ онъ припомнилъ нѣкоторые слова и взгляды жены и князя, и у него непріятно заняло сердце.

Екатерина Петровна продолжала:

— Мнѣ говорили, что твоя жена, ссылаясь на нездоровье, приказываетъ твою кровать выносить изъ спальни въ кабинетъ, гдѣ ты и спишь по недѣлямъ, а въ это время...

— Замолчите, маменька,—прервалъ ее, уже взбѣшенный, Петръ Николаевичъ:—я никому не позволю, даже вамъ, позорить мою жену,—и, схвативъ со стола шляпу, онъ ушелъ, не простившись съ матерью.

Съ тѣхъ поръ ни сынъ, ни невѣстка уже не навѣщали Екатерину Петровну.

Такъ продолжалось два года, когда до молодыхъ Крушининыхъ дошла вѣсть о смерти Маріи Николаевны и о водвореніи въ домѣ бабушки маленькой Кати, а также и о томъ, что бабушка при свидѣтеляхъ поклялась замѣнить сиротѣ родителей.

Петръ Николаевичъ и Розалія Игнатьевна не на шутку встревожились.

«Старуха, навѣрно, послѣ своей смерти оставить свой капиталъ внучкѣ», думали они и рѣшили помириться съ матерью, поѣхать вмѣстѣ къ ней и выразить свое сочувствіе по поводу смерти ея дочери, Маріи Николаевны, а также посмотреть, насколько бабушка привязана къ своей внучкѣ...

А маленькой Катѣ хорошо жилось у бабушки: у нея была здоровая кормилица, свѣтлая и большая дѣтская, спала Катя въ дорогой колясочкѣ подъ кружевнымъ пологомъ, одѣвали ее въ батистовыя рубашечки и завертывали въ шелковыя одѣяльца. Бабушка въ Катѣ души не чаяла, малѣйшее нездоровье дѣвочки приводило ее въ отчаянье, и она не только баловала внучку, покупая для нея дорогія игрушки, которыми была уставлена вся дѣтская, но баловала и ея кормилицу Степаниду, дѣлая той хорошіе подарки.

Мыли Катю каждый день въ мраморной ванночкѣ въ угловой комнатѣ, гдѣ въ это время ярко топились каминъ. Тутъ же, возлѣ ванночки, ставили кресло для бабушки, которая во время мытья поддерживала внучкину головку.

Катя, когда ее мыли, не плакала и даже съ видимымъ наслажденіемъ лежала въ теплой водѣ, вытягивая свое уставшее отъ свивальниковъ тѣльце.

Бабушка нагрѣвала сама у камина простыньку и одѣяльце и, завернувъ въ нихъ послѣ мытья внучку, несла въ дѣтскую, чтобы уложить въ колясочку, и сидѣла возлѣ Кати до тѣхъ поръ, пока та не заснетъ.

Внучка у бабушки уже жила нѣсколько мѣсяцевъ, когда молодые Крушинины пріѣхали къ Екатеринѣ Петровнѣ. Она сначала встрѣтила ихъ холодно; но когда Петръ Николаевичъ заговорилъ, со скорбью въ голосъ, о покойной своей сестрѣ, а Розалія Игнатьевна выразила желаніе посмотрѣть на сироту, старуха заговорила съ ними ласковѣе и даже сама принесла показать дѣвочку.

— Посмотри, Петь, она Манинъ портретъ.

Петръ Николаевичъ мелькомъ взглянулъ на Катю и, обращаясь къ женѣ, сказалъ:

— Взгляни, Розалія, какъ дѣвочка похожа на маменьку, тотъ же носъ, тѣ же глаза.

Розалія Игнатьевна поднялась съ дивана и, шурша шелковыми юбками, подошла къ Катѣ, начала ласкать, даже взяла ее съ рукъ бабушки и покачала съ минуту на своихъ рукахъ. Отдавая дѣвочку обратно, она съ грустью въ голосъ произнесла:

— Бѣдная дѣвочка, вырастетъ безъ матки!—и Розалія Игнатьевна поднесла къ глазамъ носовой платокъ.

Свекровь бросила дружескій взглядъ на невѣстку.

— Я не знала, что у васъ доброе сердце.

— Да, маменька, у Розаліи доброе сердце,—подхватилъ слова матери Крушининъ:—и я очень бы желалъ, чтобы вы ее лучше узнали.

— Лишь бы тебя любила!—Да вотъ эту сиротку, когда я умру, не оставьте,—уже со слезами въ голосъ произнесла Екатерина Петровна.

— Въ этомъ будьте покойны,—торжественно началъ Петръ Николаевичъ:—если, сохрани Богъ, съ вами что случится, Катя будетъ расти и воспитываться паравнѣ съ моими дѣтьми.

— Спасибо, теперь мнѣ и умирать не страшно,—и Екатерина Петровна освѣдомилась о здоровьѣ своего внука, ихъ сына Володи, а также и о пани Гедвигѣ.

— Мой Владекъ красивый мальчикъ, а мама все хвораетъ и тоскуетъ по ойчизнѣ.

— По родинѣ,—поправилъ жену Крушининъ.

— Вы по-русски теперь лучше говорите,—замѣтила невѣсткѣ свекровь.

— Да, Розалія по-русски теперь хорошо говорить,—вмѣшался Петръ Николаевичъ:—мнѣ только бѣда съ пани Гедвигой—та не хочетъ произнести ни одного слова по-русски и все сидитъ, запершись въ своей комнатѣ, и читаетъ польскія газеты.

— Ты самъ очень грубъ съ мамой и ее часто раздражаешь,—съ неудовольствіемъ замѣтила мужу Розалія Игнатьевна.—Представьте,—обратилась она къ свекрови:—Ріегге постоянно при мамѣ говорить, что нужно всѣ костелы превратить въ православныя церкви.

— Конечно, это со стороны Пети нехорошо,—согласилась Екатерина Петровна:—но нехорошо и со стороны пани Гедвиги учить вашего сына молиться по-польски, когда онъ православный. Вы обязаны воспитывать вашего сына въ православной вѣрѣ.

У Розаліи Игнатьевны лицо вдругъ сдѣлалось злое; она уже была готова наговорить массу дерзостей «свекрови изъ купчихъ»,—какъ она смѣетъ вмѣшиваться въ воспитаніе ея сына; но ей бросилась въ глаза большая брилльянтовая брошь, приколотая возлѣ шеи Екатерины Петровны, и тутъ же она вспомнила и рассказы мужа, что у его матери очень много брилльянтовъ.

Невѣстка раздумала ссориться со свекровью и, засмѣявшись, сказала:

— Мнѣ и самой отъ мамы попадаетъ, зачѣмъ я не хожу въ костель.

Разстались Крушинины съ матерью очень дружелюбно; когда же прощались, то, чтобы угодить старухѣ, оба поцѣловали Катю, но зато, когда вернулись домой, были серьезны и озабочены.

— Я увѣрена,—говорила Розалія Игнатьевна:—что у старухи—большой капиталъ: у нея прекрасная квартира, богатая обстановка, а свою курносую внучку она уже теперь завертываетъ въ простыньки, обшитыя настоящими кружевами, и я увѣрена, что послѣ своей смерти она оставитъ все свое состояніе не тебѣ, а внучкѣ.

«И зачѣмъ эта дѣвчонка не умерла вмѣстѣ съ матерью,—думалъ Петръ Николаевичъ, ходя по комнатѣ.—Ну, теперь уже дѣлать нечего, нужно быть поласковѣе со старухой, чтобы, въ случаѣ своей смерти, она назначила меня хотя бы опекуномъ своей внучки.»

IV.

Прошло больше года съ тѣхъ поръ, какъ Настасья Ивановна Култашева привезла внучку Екатерину Петровну. За это время Катя изъ сморщенного краснаго ребеночка превратилась въ хорошенькую дѣвчонку съ синими глазками и темными кудрявыми воло-

сиками; за это время Катю уже успѣли отучить и отъ груди, хотя кормилица ея, Степанида, все еще оставалась при ней.

Кончивъ кормить, Степанида уже совсѣмъ было собралась уѣхать домой, когда получила письмо отъ мужа и свекрови, гдѣ они писали, что у нихъ это лѣто былъ недородъ, что на зиму хлѣба, навѣрно, не хватить, и чтобы она не спѣшила ѣхать домой, а пожила еще въ городѣ и заработала на зиму денегъ.

Степанида скучала въ Петербургѣ, ее давно тянуло въ деревню къ своимъ дѣтямъ; но нужда заставила остаться въ городѣ, и она осталась при Катѣ няней.

Тайкомъ Степанида часто плакала и говорила Лукерьѣ:

— Хоть Катеньку мнѣ жалко, а только своихъ дѣтей вдвое жалче.

Екатерина Петровна была рада не разставаться со Степанидой, которую любила ея внучка, и, чтобы Степанида не скучала и не раскаивалась, что осталась на зиму въ городѣ, сдѣлала ей подарокъ—мѣховую, довольно дорогую шубу.

Объ этомъ подаркѣ даже говорили въ домѣ молодыхъ Крушинныхъ.

Розалія Игнатьевна была возмущена, зачѣмъ ея свекровь дѣлаетъ прислугѣ такіе дорогіе подарки, а сыну еще недавно отказала дать заимобразно тысячу рублей.

— Все это доказываетъ,—говорила она:—что Екатерина Петровна свою внучку любить больше сына.

Бабушка, дѣйствительно, ничего не жалѣла для своей внучки и каждый день молила Бога, чтобы онъ помогъ ей вырастить Катю. Между тѣмъ здоровье старушки за это время ухудшилось. Главное, ее пугали частые обмороки, которые съ нею случались безъ всякой видимой причины, и она сердилась, когда ей докторъ говорилъ, что во всемъ виноваты ея годы: сердце слабо.

— При чемъ тутъ мои годы?—спорила съ нимъ старушка:—моей матери, когда она умерла, было девяносто лѣтъ, а мнѣ нѣтъ еще и семидесяти.

Но когда докторъ уходилъ, на Екатерину Петровну нападала тоска; ей уже казалось, что она должна очень скоро умереть.

— Я боюсь не смерти,—говорила она Лукерьѣ:—а какъ бы мой Петръ Николаевичъ не обобралъ Катю, какъ онъ это сдѣлалъ съ ея матерью.

Но Екатеринѣ Петровнѣ сейчасъ дѣлалось совѣстно, зачѣмъ она такъ дурно думаетъ и говоритъ о своемъ сынѣ, съ которымъ теперь уже помирилась, и онъ на ея глазахъ ласкается и, видимо, любитъ Катю.

И она спѣшила сказать:

— Но это было прежде, когда Петя былъ бѣденъ, а въ настоящее время онъ получилъ мѣсто съ большимъ окладомъ, и, навѣрное, не польстится на сиротскія деньги.

Что же касается духовнаго завѣщанія, старушка каждый день собиралась его написать и все откладывала; ей казалось, что какъ только она его сдѣлаетъ, такъ сейчасъ и умереть.

Петру же Николаевичу за это время повезло: онъ не только получилъ мѣсто съ большимъ окладомъ, но и былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, и въ домѣ у него стало спокойнѣе: умерла пани Гедвига, и въ его семьѣ не только прекратилась польская рѣчь, но и всѣ знакомые покойной пани Гедвиги поляки перестали посѣщать его домъ. Отъ Розаліи Игнатьевны польскія семейства и раньше, при жизни пани Гедвиги, сторонились за то, что она вышла за русскаго и не ходитъ въ костель; между ними даже ходилъ слухъ, что она приняла православіе. Другомъ дома Крушининыхъ былъ и теперь князь Хованскій. Петръ Николаевичъ въ душѣ князя не любилъ (онъ и до сихъ поръ не забылъ словъ матери, что жена вмѣстѣ съ княземъ его обманываютъ), но всѣхъ увѣрялъ, что князь чудный человѣкъ и онъ его очень любить.

При этомъ нужно сказать, что Петръ Николаевичъ и до сихъ поръ не имѣлъ никакихъ доказательствъ невѣрности своей жены и попрежнему былъ въ нее влюбленъ; а Розалія Игнатьевна послѣ смерти матери, а также послѣ рожденія ихъ дочери Лидіи начала мужу выказывать еще больше любви, чѣмъ прежде; кромѣ того, ихъ еще соединялъ теперь и общій интересъ — не выпустить изъ своихъ рукъ капитала Екатерины Петровны.

А Катя уже бѣгала и почти все говорила; она была здоровый и рѣзвый ребенокъ, а для своей бабушки Катя казалась чуть не гениемъ; она не уставала рассказывать своимъ знакомымъ объ умѣ своей внучки,—между тѣмъ дѣтей Петра Николаевича старуха не любила. Владекъ раздражалъ ее своими шумными шалостями и своей на половину польской рѣчью, а Лидію Екатерина Петровна не признавала своей внучкой и увѣряла, что та, какъ двѣ капли воды, похожа на князя Хованскаго.

— У меня одна Катя,—говорила она Лукерья:—и о ней одной я только и забочусь.

И эти заботы не давали ей спать ночей. Наконецъ боязнь оставить сироту безъ всякихъ средствъ пересилила предрасудокъ, и Екатерина Петровна попросила одного изъ своихъ знакомыхъ составить ей духовное завѣщаніе и все свое состояніе, заключающееся въ двѣнадцать тысячъ деньгами и шести тысячъ въ брильянтахъ (деньги и брильянты находились на сохраненіи въ государственномъ банкѣ) бабушка оставляла своей внучкѣ Екатеринѣ Степановнѣ Култашевой. Опекуномъ же до ея совершеннолѣтія или до выхода замужъ назначался все-таки Петръ Николаевичъ Крушининъ.

Екатерина Петровна съ трепетомъ писала духовное завѣщаніе,

а чиновникъ, составлявшій его, засвидѣтельствовалъ ея подписи и то, что она писала завѣщаніе въ здоровомъ умѣ и твердой памяти.

— Чтобы духовное завѣщаніе было дѣйствительнымъ,—сказалъ чиновникъ:—нужны подписи еще двухъ свидѣтелей.

— И они у меня будутъ,—отвѣтила Екатерина Петровна:—одинъ мой докторъ, другой—духовникъ.

Въ домѣ одной Лукерья было показано, гдѣ спрятано духовное завѣщаніе, и ей было сказано, что, когда будетъ умирать Екатерина Петровна, она должна вынуть завѣщаніе изъ шкатулки и дать его подписать доктору и духовнику Екатерины Петровны.

Объяснивъ все Лукерья, старушка, боясь смерти, уже о своемъ духовномъ завѣщаніи больше и не вспоминала. Разъ за чайнымъ столомъ ей сдѣлалось дурно; когда же обморокъ прошелъ, Екатерина Петровна пошла пройти по комнатамъ.

Черезъ нѣкоторое время въ столовую вошла Лукерья и спросила Степаниду, которая съ Катей на рукахъ еще сидѣла возлѣ чайнаго стола:

— Гдѣ генеральша?

— Въ угловой комнатѣ,—отвѣтила кормилица.

— Бабуська тамъ!—указывая ручкой, сказала и Катя и, соскочивъ съ колѣнъ Степаниды, дѣвочка побѣжала по комнатамъ искать бабушку.

Степанида съ Лукерьей послѣдовали за нею.

Когда онѣ вошли въ угловую комнату, то увидѣли Екатерину Петровну, лежавшую на полу передъ каминомъ ничкомъ и съ коцергой въ рукѣ.

Ни нашатырный спиртъ, ни прысканье водой въ этотъ разъ не помогли, Екатерина Петровна не приходила въ себя.

Лукерья побѣжала къ швейцару, чтобы тотъ по телефону вызвалъ доктора; а тотъ догадался вызвать и Петра Николаевича. Докторъ и сынъ пріѣхали почти въ одно и то же время.

Докторъ констатировалъ смерть отъ разрыва сердца. Когда Лукерья узнала, что ея барыня умерла, она вспомнила о духовномъ завѣщаніи покойной и поднесла его подписать доктору.

Присутствовавшій при этомъ Петръ Николаевичъ выхватилъ бумагу изъ рукъ кухарки, пробѣжалъ ее быстро глазами, и, замѣтивъ, что подъ завѣщаніемъ нѣтъ подписей трехъ законныхъ свидѣтелей, возвратилъ его обратно Лукерья и при этомъ сказалъ, что теперь, послѣ смерти его матери, ея духовное завѣщаніе подписывать уже нельзя и что бумагу она должна при свидѣтеляхъ положить на прежнее мѣсто, а онъ сейчасъ по телефону вызоветъ полицію для наложенія печатей на всѣ вещи покойной.

Хоронилъ Петръ Николаевичъ свою мать богато, и на панихидахъ собирались знакомые покойной, и мать Крушининъ со всей семьей присутствовалъ на всѣхъ панихидахъ.

Близкіе знакомые покойной были сильно заинтересованы, успѣла ли бабушка обезпечить внучку, а нѣкоторые изъ нихъ спрашивали объ этомъ и Крушинина, и тотъ объяснялъ, что хотя его мать не успѣла сдѣлать, какъ слѣдуетъ по закону, духовнаго завѣщанія, но онъ, зная, какъ Екатерина Петровна любила свою внучку, самъ позаботится обезпечить сироту, а пока она будетъ жить у него въ домѣ и воспитываться вмѣстѣ съ его дѣтьми.

Его словамъ почему-то не особенно довѣряли и на панихидахъ почти всѣ горевали о бѣдной, безъ всякихъ средствъ оставленной сироткѣ.

Только сама Катя не думала о томъ, что съ нею будетъ, и, одѣтая въ траурное платьице, ходила съ беззаботнымъ личикомъ вокругъ бабушки у гроба и, приложивъ пальчикъ къ ротику, говорила:

— Тисе,—бабуська пить!

Но только что успѣли зарыть гробъ Екатерины Петровны, какъ въ домѣ ея сына было рѣшено: не брать Катю въ домъ, а отдать ее на воспитаніе въ деревню, къ ея же кормилицѣ.

И когда Степанида уже собиралась со своей питомицей ѣхать домой, въ квартиру покойной Екатерины Петровны явилась Розалія Игнатьевна. Она прошла прямо въ дѣтскую, на Катю не взглянула: племянницу своего мужа такъ же, какъ и его мать, она не любила и, только имѣя въ виду добиться отъ свекрови наслѣдства, ласкала при ней дѣвочку. Послѣ же смерти Екатерины Петровны Розалія Игнатьевна сдѣлала мужу сцену, зачѣмъ онъ хочетъ Катю взять къ себѣ въ домъ, и вслѣдствіе ея настоянія дѣвочка отправлялась въ деревню.

Войдя въ дѣтскую, Розалія Игнатьевна все свое вниманіе обратила на гардеробъ кормилицы, развѣшанный по стѣнѣ. Замѣтивъ мѣховую шубу, она приказала ее снять и объявила Степанидѣ, что она знаетъ отъ своей покойной свекрови, что мѣховая шуба—собственность Екатерины Петровны и дана была Степанидѣ только на время, а такъ какъ всему состоянію, оставшемуся послѣ покойной, наслѣдникъ ея мужъ, Петръ Николаевичъ, то шубу она беретъ отъ Степаниды, чтобы передать ее кормилицѣ своей дочери. Степанида плакала и клялась, что шуба ей была подарена покойной генеральшей.

Но Розалія Игнатьевна не любила много разговаривать съ прислугой и, приказавъ швейцару положить Степанидину шубу въ ея карету, уѣхала домой.

Въ деревню Катю провожали не родные, а одинъ изъ чиновниковъ, служившій подъ начальствомъ Крушинина. Онъ же отъ имени Петра Николаевича и вручилъ Степанидѣ пять рублей—мѣсячную плату за содержаніе дѣвочки.

Степанида неутѣшно плакала о своей шубѣ и жаловалась провозжавшему ихъ чиновнику на молодую генеральшу.

— Мнѣ барышню жалко бросить,—говорила она:—а то бы я и до царя дошла, а свою шубу отъ молодой генеральши оттягала бы!

V.

Семья Степаниды жила бѣдно. Катя послѣ свѣтлыхъ и высокихъ бабушкиныхъ комнатъ очутилась въ курной избѣ.

По деревнѣ сейчасъ же разнеслась вѣсть, что Степанида привезла изъ Петербурга свою питомку, за которую родные будутъ платить большія деньги.

Мужики и бабы поспѣшили собраться въ избу къ Степанидѣ—посмотрѣть на маленькую барышню.

И Степанида всѣмъ со слезами жаловалась, что барышнины родные ее обидѣли, отняли мѣховую шубу, которую ей подарила старая генеральша за то, что она осталась при Катенькѣ.

— Родные не только меня, но и ее обобрали,—разсказывала Степанида:—бабушка Катенькѣ оставила большія деньги и все свое состояніе, а сынъ покойной барыни, анараль, сказалъ кухаркѣ Лукерьѣ, что онъ одинъ наслѣдникъ послѣ своей матери, и, чтобъ Катеньку никто не видѣлъ и чтобы люди его не осуждали, что онъ сироту ограбилъ,—барышню со мной въ деревню и отправилъ, и намъ не отдали ни ея шелковыхъ платьицъ, ни игрушекъ; я только одинъ узелокъ барышнинныхъ платьевъ съ собой привезла, и все-то отдали намъ самое худое.

Бабы, глядя на обиженную родными сиротинку, плакали, а мужики возмущались поступкомъ Катинаго дяди генерала.

— Если бабушка внучкѣ свои всѣ деньги подписала,—говорили они:—то, когда эта вырастетъ, она можетъ свои деньги отъ дяди и назадъ отобрать.

— А я за шубу Степаниды и теперь еще съ ними потягаюсь!—кричалъ на всю избу, размахивая руками, маленькій мужичонка съ козлиной бородкой, Арсентій, мужъ Степаниды (на деньги, привезенныя женой, онъ уже успѣлъ изрядно выпить).

— Не кричи, барышню испужаешь,—остававливала мужа Степанида.

— Чего я буду молчать, я ихъ не боюсь,—хорохорился Арсентій:—ты у нихъ не даромъ жила; а я изъ-за нихъ почти два года безъ бабы обходился: послѣ смерти матери одинъ съ малолѣтними дѣтьми хозяйство велъ, и анаральша мнѣ твою шубу подай!.. Такъ-то, маленькая!—и, подбѣжавъ къ Катѣ, онъ грубо погладилъ ее по головкѣ.

Катя еще и до этого съ испуганнымъ личикомъ смотрѣла на бородатыхъ лица мужиковъ и все крѣпче и крѣпче обнимала ручками

шею кормилицы и шептала той на ухо: «Домой хощу,—пойдемъ къ бабуськѣ», а теперь, когда до нея дотронулся Арсеній, дѣвочка страшно испугалась и неистово закричала.

Степанида начала браниться съ мужемъ, зачѣмъ онъ испугалъ барышню.

— Если она барышня,—кричалъ пьяный Арсеній:—такъ и плати мнѣ за нее не пять, а десять рублей. Изъ воспитательнаго за питомокъ платятъ такія же, какъ и за нее, пять-то рублей!..

А Катя уже кричала, какъ зарѣзанная. Степанида испугалась, чтобы съ барышней не сдѣлалось родимчика, и выгнала всѣхъ изъ избы, но Катя и потомъ еще долго кричала.

Наконецъ ея крики стали тише и, еще всхлипывая, она начала дремать.

Степанида укачала ее на рукахъ, а потомъ положила на кровать Арсентія, гдѣ вмѣсто одѣяла была брошена старая нагольная шуба, а чтобы Катя не упала съ кровати, Степанида посадила возлѣ нея свою шестилѣтнюю дочь Анютку караулить барышню.

Испугъ ли подѣйствовалъ на Катю, или же она въ дорогѣ простудилась, только съ перваго дня пріѣзда въ деревню она заболѣла и пролежала въ сильномъ жару дней десять...

Степанида вернулась домой весной, когда народъ начиналъ работать въ полѣ. Одни пахали землю, а другіе ее уже борошили, и Степанида съ Арсентіемъ съ ранняго утра отправлялись на работу въ поле. Если Степанида нѣсколько минутъ оставалась возлѣ больной Кати, Арсентій на жену кричалъ:

— Не десятирублевая твоя барышня, побудеть и съ Анюткой; а ты должна помнить, что если мы въ-время землю не поднимемъ, то зимой и безъ хлѣба насидимся.

И Катя была отдана на руки Анюткѣ, которая и сама была ребенкомъ; ей не хотѣлось сидѣть въ избѣ, когда на дворѣ была весна и она видѣла изъ окна, какъ по зеленой свѣжей травкѣ бѣгаютъ сосѣди-ребятишки; ее тоже тянуло побѣгать съ ними и погрѣться на солнышкѣ.

«Батька съ маткой не узнаютъ», думаетъ Анютка и, захвативъ съ собой младшаго брата Ваську, убѣгаетъ изъ избы и остается на улицѣ цѣлые часы.

А Катя, красная, какъ кумачъ, лежитъ въ забытьѣ на кровати и мечется, иногда бредитъ, зоветъ мамку, «бабуську» или проситъ пить, открывая пересохшій ротикъ. Нѣсколько разъ ее находили на полу, упавшей съ кровати.

Катю не лечили, и она во время болѣзни была совсѣмъ заброшена; но пословица русская говоритъ: «кому жить, тотъ не умретъ», такъ случилось и съ Катей, она выздоровѣла и снова стала здоровымъ и рѣзвымъ ребенкомъ, привыкла къ Анюткѣ и Васькѣ и вмѣстѣ съ ними, а также и съ другими ребятишками бѣгала бо-

сая и въ одной рубашонкѣ по улицѣ, грызла, какъ и другія дѣти, корки чернаго хлѣба и играла въ камешки.

Сначала бѣленькая и нѣжная, она отличалась отъ грубыхъ и загорѣлыхъ деревенскихъ дѣтей. Между ними, полевыми цвѣточками, она казалась бѣлой маргариткой, выросшей въ саду, но скоро и ея щеки и тѣло загорѣли, кожа огрубѣла и отъ солнца начала лушиться, а когда къ концу лѣта Катя выросла изъ своихъ тонкихъ рубашечекъ и Степанида надѣла на нее толстую рубаху, перешитую изъ своей собственной, она уже ничѣмъ не стала отличаться отъ другихъ деревенскихъ дѣтей.

Время шло, Катя росла. Степанида перестала ее называть барышней и даже чаще, чѣмъ своимъ дѣтямъ, давала подзатыльники и драла за волосы. Когда же вспоминала, какъ ее обидѣли Катины родные, Степанида вмѣстѣ съ ними теперь обвиняла и Катю. Особенно съ тѣхъ поръ начала она попрекать дѣвочку ея родными, когда Крушининъ вмѣсто пяти обѣщанныхъ рублей въ мѣсяцъ началъ за нее высылать только четыре.

Отнятый рубль былъ чувствителенъ для семьи Степаниды, и Крушинину посылались письма, въ которыхъ говорилось, что содержаніе Кати дороже стоитъ четырехъ рублей и что у нея нѣтъ ни платья, ни башмаковъ.

На письма Петръ Николаевичъ не отвѣчалъ и продолжалъ высылать только четыре рубля.

Изъ-за этого Степанида и Арсентій часто Катю и попрекали родными и говорили, что она имъ дорого стоитъ.

Между тѣмъ содержаніе Кати стоило не дорого: ѣла она со всей семьей изъ одной чашки, лѣтомъ лукъ съ квасомъ, а зимой капустный щи и горохъ, ходила въ будни и праздникъ босая и въ одномъ и томъ же ситцевомъ платьѣ, перешитомъ изъ сарафана Степаниды.

Кромѣ того, вырастая, Катя дѣлалась и полезной для семьи. Шести лѣтъ она уже замѣняла Анютку, которая не жила дома и была отдана за деньги въ няньки. Катя нянчила новорожденного Степанидина ребенка, помогала и въ хозяйствѣ: лѣтомъ полола въ огородѣ и ходила съ другими дѣвочками въ лѣсъ за ягодами, а потомъ носила ихъ продавать въ корзиночкахъ, сдѣланныхъ изъ бересты, за двѣ версты на вокзалъ пассажирамъ.

А тѣ часто изъ окна вагона любовались на дѣвочку въ красномъ платочкѣ, изъ-подъ котораго выглядывало хорошенькое личико съ большими синими ясными глазами. Благодаря Катиной миловидности, у нея пассажиры чаще покупали ягоды, чѣмъ у другихъ дѣвочекъ, а за кротость и готовность услужить всякому ее любили и сосѣдки-крестьянки.

Особенно ее любила одна старуха, бобылка Авдотья; она жила на краю деревни, въ избушкѣ, подпертой коломъ. Авдотья была раз-

бита параличомъ и существовала милостыней, которую ей приносили добрые люди на домъ.

Степанида тоже ей присылала съ Катей остатки щей и гороха. Когда дѣвочка приходила къ больной старухѣ, она всегда убирала ее избу, топила печку, приносила изъ колодца воды, а также бабуску Авдотью и умоеть и гребешкомъ расчесеть ее сбдые волосы.

Старуха Катю ожидала всегда съ большимъ нетерпѣніемъ и присасала для нея лучшіе кусочки изъ поданной ей милостыни, а также рассказывала ей сказки, слушать которыя Катя любила. Рассказывала ей Авдотья и про трехглаваго змѣя, и про лѣшнихъ, и про домовыхъ, но любимая Катина сказка была про сироту и злую мачеху.

Лежить старуха на соломенникѣ, а Катя сидить у нея въ ногахъ и слушаетъ, какъ та тягучимъ голосомъ рассказываетъ:

«Полюбилась Ивану царевичу красавица сирота, и позавидовала сиротѣ ея злая мачеха. И съ той поры возненавидѣла она падчерицу, возненавидѣла и убила и во своемъ саду зарыла.

«Гуляетъ по саду молодой царевичъ, рядомъ съ нимъ идетъ злая мачеха. Проходятъ они мимо могилы убитой сироты, а на могилѣ той уже выросли большіе стволы.

«Царевич сорвалъ одинъ стволъ и приложилъ его, когда гулялъ, къ своему рту, и вдругъ стволъ зацѣлъ:

«Что за чудо?!» думаетъ царевичъ, бѣжитъ онъ назадъ къ могилѣ, срываетъ съ нея другой стволъ, и этотъ зацѣлъ то же самое.

«Взглянулъ тогда царевичъ на мачеху, а та стоитъ и дрожить передъ нимъ, какъ осиновый листъ.

«Догадался тогда царевичъ, что это она убила свою падчерицу, и схватилъ онъ ее за руку и страшнымъ голосомъ закричалъ:

«— Покайся сейчасъ мнѣ во всемъ!

«Повалилась царевичу мачеха въ ноги и призналась ему въ своей винѣ.

«Разгорѣлся гнѣвомъ на нее царевичъ, выхватилъ кинжалъ изъ-за пояса и убилъ имъ злую мачеху.

«А потомъ началъ онъ рыть подъ стволами могилу и видитъ: лежить подъ землей дѣвица, какъ живая, только слова не промолвить.

«Осѣдлалъ царевичъ вороного коня, взялъ на руки дѣвицу и поѣхалъ съ ней въ свое царство.

«Призываетъ онъ тамъ знахарей и говоритъ имъ:

«— Я дамъ вамъ половину царства своего, только оживите мою невѣсту.

«Знахари достали живой воды и sprыснули ею дѣвицу, а та, какъ только почувствовала на себѣ живую воду, такъ глаза и открыла.

«истор. вѣстн.», августъ 1913 г., т. сxxxiii.

5

Тогда царевич повелъ свою невѣсту къ отцу съ матерью; тѣмъ понравилась сирота, и они позволили сыну жениться на ней. И я на свадьбѣ была и медь пила, по усамъ текло, а въ ротъ не попало».

Когда Авдотья въ своихъ сказкахъ упоминала о сиротѣ и злой мачехѣ, Катины ясныя глазки затуманивались слезами—въ эти минуты она думала о себѣ и о своихъ богатыхъ родныхъ. Степанида, рассказывая о Крушининыхъ, успѣла обрисовать ихъ передъ Катей въ такихъ краскахъ, что дѣвочка ихъ представляла себѣ не иначе, какъ злодѣями. И если ей кто-нибудь говорилъ, что родные за ней пріѣдутъ и возьмутъ къ себѣ, Катя начинала плакать и говорила:

— Я отъ нихъ въ овины спрячусь, я отъ нихъ въ лѣсъ убѣгу.

Когда Катѣ исполнилось восемь лѣтъ, присылка денегъ отъ Крушинина вдругъ прекратилась. Степанида и Арсентій не знали, что и думать, особенно когда даже на ихъ заказное письмо къ Крушину отвѣта не было. Они боялись, ужъ не умеръ ли Катинъ дядя, тогда дѣвочка осталась бы у нихъ на всю жизнь, и хотя они Катю любили и къ ней привыкли, но ее нужно было еще долго кормить и одѣвать, пока она станетъ для нихъ настоящей работницей. Семья же Степаниды и сама жила впроголодь.

VI.

Деревня, въ которой жила Катя, была расположена на берегу рѣки. Лѣтомъ въ жаркую пору ребятишки проводили большую часть времени на берегу, и особенно ихъ много собиралось подъ вечеръ, когда рѣка блестѣла подъ лучами заходящаго солнца и въ ней, какъ въ зеркалѣ, отражались и голубое небо, и высокія березы, и сложенные на берегу бревна, а также и большая лодка, вслѣ которой собирались дѣти. Одни, самые маленькія, бѣгали нагишомъ по берегу и, заливаясь серебристымъ смѣхомъ, бросали другъ въ друга пескомъ, другіе плескались, стоя въ водѣ у самага берега. Старшіе мальчики прямо изъ лодки кидались въ рѣку и, плавая, поднимали возлѣ себя мнѣры водыныхъ брызгъ. Дѣвочки купались въ сторонѣ отъ мальчиковъ и раздѣвались за сложенными на берегу бревнами; между ними была и Катя.

Однажды, когда она только что хотѣла сбросить съ себя платье, вдругъ замѣтила бѣжавшую къ ней Степаниду, которая издали махала рукой. Дѣвочка побѣжала мамкѣ навстрѣчу.

— Пойдемъ, Катенька, домой,—ласково, но въ то же время и грустнымъ тономъ начала Степанида:—твой дяденька анаралъ за тобой прислалъ своего лакея;—дяденька тебя отъ насъ совсѣмъ беретъ, онъ намъ и деньги, что оставались за нимъ, прислалъ... Да чего ты, дурочка, вся затряслась? Не пужайся, не къ чужимъ людямъ поѣдешь, а къ родному дяденькѣ.

Присланныя Крушининымъ деньги уже расположили Степаниду въ его пользу.

— Мамка, я не хочу ѣхать,—заревѣла Катя:—спрячь меня, скажи, что я въ лѣсу потерялась, что меня цыгане увезли.

— Что ты дуручка, этого нельзя: анараль за тебя насъ засудить, въ тюрьму посадить,—и Степанида, говоря это, приглаживала рукой растрепанные волосы дѣвочки и застегивала на груди ея платье.—Ты не бойся родныхъ,—продолжала она:—они тебя не тронуть, они и платье тебѣ хорошее въ узелкѣ прислали и шляпку съ розовыми лентами.

Но какъ мамка ни утѣшала Катю, та не переставала плакать, и горько плачущую дѣвочку Степанида за руку повела домой.

По дорогѣ онѣ встрѣтили сосѣдку, которая, видя, какъ горько плачетъ Катя, спросила у Степаниды:

— Никакъ ты Катюшку драть ведешь, что она у тебя такъ плачетъ.

Степанида остановилась и рассказала, что Катя оттого плачетъ, что не хочетъ отъ нихъ уѣзжать и что за ней изъ Петербурга родной дяденька, анараль, своего лакея, Степана Никифоровича, прислалъ:

— Вонъ,—указала она,—возлѣ нашей избы и извозчикъ стоитъ, паша Катенька не пѣшкомъ на вокзалъ поидеть. И Катенькины родные хороши—ей одежонку прислали, а она, смотри на нее, все плачетъ...

Въ это же время лакей Крушинина Степанъ сидѣлъ въ избѣ и, поджидая барышню, рассказывалъ Арсентію всѣ подробности о семейной жизни его господъ.

Изъ себя Степанъ былъ видный мужчина, лѣтъ тридцати пяти, одѣтъ щеголемъ, въ пальто и шляпу своего барина и, видимо, Степанъ копировалъ Крушинина—такъ же, какъ тотъ, не носилъ усовъ и взбивалъ на лбу хохоль, даже сидѣлъ на стулѣ, какъ его баринъ, закинувъ ногу на ногу, и курилъ поминутно папиросу за папиросой, но разговоръ у Степана все-таки былъ лакейскій: сплетничалъ про своихъ господъ и хвасталъ, что отъ гостей Крушинина онъ на чай меньше рубля не получаетъ.

Увидавъ входившую въ избу Степаниду, которая насильно тащила Катю въ избу, Степанъ передъ барышней хотѣлъ было подняться со стула; но, замѣтивъ, что она босая и оборванная, снова сѣлъ и, указывая на узелъ, лежавшій возлѣ него на столѣ, сказалъ:

— Вотъ вещи, присланныя ихъ превосходительствомъ для барышни, надѣньте на нихъ, а въ такомъ видѣ, въ которомъ онѣ находятся, ихъ нельзя представить ихъ превосходительствамъ.

Степанида взяла узелъ и вмѣстѣ съ Катей пошла за перегородку. Черезъ нѣкоторое время она вывела дѣвочку уже одѣтую въ батишовое голубое платье, на головѣ соломенная шляпка, на ногахъ черные чулки и башмаки.

— Не по нихъ шито,—усмѣхнулся Степанъ:—эти вещи съ нашей барышни Лидіи Петровны—тѣ будутъ повыше и повиднѣе.

— Прощай, Катенька, прощай, желанная, не поминай насъ лихомъ!—вдругъ заголосила Степанида.

Въ избу набрались бабы и мужики. Бабы, прощаясь съ Катей, плакали, и одна изъ нихъ рассказывала, что заходила къ параличпой Авдотѣ, которой кто-то уже сказалъ, что Катюшку родные въ Питерь берутъ.

— Такъ рѣкой старуха и разливается; кто, говорить, теперь мнѣ такъ услужить, какъ бывало Катенька и, непременно, говорить, ты, Настасья, скажи ей отъ меня: пушай учится читать и, когда я помру, по мнѣ псалтырь почитаетъ.

— Мамка, я къ бабушкѣ Авдотѣ побѣгу,—снова заревѣла Катя.

Степанида начала просить лакея Крушинина, чтобы онъ позволилъ Катенькѣ съ больной бабушкой проститься.

Степанъ вынулъ изъ бокового кармана серебряные часы и важно произнесъ:

— Никакъ невозможно,—на поѣздъ опоздаемъ.

Плачущую Катю повели на улицу, гдѣ стоялъ извозчикъ, и возлѣ лошади уже вертѣлись и шалили мальчишки.

Увидавъ Катю въ нарядномъ платьѣ и шляпкѣ, дѣти выпучили отъ удивленія глаза. Арсентій вдругъ что-то вспомнилъ и, попросивъ Степана минуточку обождать, бѣгомъ бросился черезъ дорогу къ лавкѣ.

Пока онъ ходилъ, Катю усадили на дрожки, съ нею рядомъ сѣлъ и Степанъ.

Арсентій, запыхавшись, вернулся съ кускомъ ситника въ рукахъ.

— Это ей, Катенькѣ, на дорогу,—сказалъ онъ, протягивая Степану ситникъ.

Степанъ презрительно отвелъ отъ себя протянутую руку съ кускомъ ситника и объявилъ, что его превосходительство дали ему денегъ на все.

— Пошелъ!—крикнулъ Степанъ извозчику—точь-въ-точь такимъ голосомъ, какъ его баринъ кричалъ своему кучеру.

А Арсентій со Степанидой еще долго стояли со своими сосѣдями на улицѣ и толковали о перемѣнившейся Катиной судьбѣ.

VII.

Въ богато убранной гостиной собралась вся семья Крушинныхъ. Петръ Николаевичъ, заложивъ руки назадъ, ходилъ по комнатѣ. За послѣднія шесть лѣтъ онъ мало измѣнился, немножко пополнилъ, и видъ у него сдѣлался еще внушительнѣе прежняго.

Розалія Игнатьевна полулежала на кушеткѣ; она была попрежнему одѣта богато и съ большимъ вкусомъ, она была еще красива, только кожа на ея лицѣ сдѣлалась нѣсколько дряблой, и на ней была видна пудра, возлѣ же великолѣпныхъ черныхъ глазъ уже замѣтны были и мелкія морщинки.

Сынъ Крушининыхъ, Владекъ, тринадцатилѣтній кадетъ, стоялъ у окна и смотрѣлъ на улицу. Онъ былъ очень красивый мальчикъ, похожій на мать, высокій, стройный, съ тонкимъ и правильнымъ лицомъ. Владекъ былъ баловень отца и матери, и въ ихъ присутствіи держался непринужденно и говорилъ смѣло. Дочь Крушининыхъ, семилѣтняя Лидія, стояла у трюмо и любовалась собою. Для своихъ лѣтъ она была высока и лицомъ не похожа ни на отца, ни на мать. Знакомые Крушининыхъ говорили, что у Лидіи такіе же, какъ у князя Хованскаго, свѣтлые волосы и такіе же большіе голубые глаза. Лидія уже знала, что она красива; мать одѣвала ее по послѣдней модной дѣтской картинкѣ; а ея длинныя волосы горничная каждый день завивала въ локоны.

Между Петромъ Николаевичемъ и его женою шель разговоръ о Катѣ, которую Степанъ долженъ былъ въ этотъ день привезти изъ деревни.

— Я удивляюсь тебѣ,—говорила Розалія Игнатьевна:—для чего сюда пріѣдетъ Катя. Платилъ бы за нее попрежнему четыре рубля въ мѣсяцъ, и пусть бы она жила въ деревнѣ. На тебя подѣйствовали письма ея родственниковъ. Одно, кажется, было отъ помѣщиковъ Прокофьевыхъ, и ты рассказывалъ, что жена Прокофьева приходится Катѣ двоюродной бабкой, которая никогда не видѣла своей внучки и, вѣроятно, изъ простаго любопытства интересуется ея судьбою, второе письмо было отъ Катиной родной теткы,—какъ ее тамъ, Настасья Култашевой.

— Нѣтъ, на ихъ письма я не обратилъ бы вниманія,—сказалъ Крушининъ:—а дѣло въ томъ, что ты, какъ ни говори, но нельзя же уничтожить фактъ, что я Катѣ родной дядя. У меня о ней многіе освѣдомляются, и не только родные, но и знакомые моей покойной матери, даже губернаторъ Карцевъ, пріѣхавшій недавно въ Петербургъ, спрашивалъ меня о ней; онъ, оказывается, знаетъ не только мою покойную мать, но и мою покойную сестру и ея мужа; онъ знаетъ и то, что Катя была взята на воспитаніе бабушкой и что духовное завѣщаніе было составлено въ пользу внучки и что окружный судъ не утвердилъ его, вслѣдствіе недостаточнаго количества свидѣтелей. Прощаясь со мною, Карцевъ сказалъ: «Я увѣренъ, что относительно вашей племянницы вы будете придерживаться не буквы закона, а вашей совѣсти».

— Скажите пожалуйста!—съ неудовольствіемъ воскликнула Розалія Игнатьевна:—ужъ не думаетъ ли этотъ дурень, что мы Катѣ отдадимъ всѣ деньги и брильянты, которые ты получилъ отъ матери!

— Ну, это было бы уже слишкомъ много,—засмѣялся Крушининъ:—состояніе матери по закону переходить къ сыну, а не къ внучкѣ. Что же касается Карцева, то онъ, разговаривая со мною, имѣлъ въ виду, что я позабочусь въ будущемъ обезпечить Катю.

— Очень нужно!—сквозь зубы проговорила Розалія Игнатьевна.—Знаешь что,—обернулась она къ мужу:—отдай ты дѣвочку Култашевой; она ей родная тетка, пусть съ нею она и возится, а у насъ свои дѣти растутъ.

— Култашевой я не могу ее отдать, Култашева сама бѣдна и живетъ только своимъ трудомъ.

— Тогда отдай Катю Прокофьевымъ, они люди со средствами,—настаивала Розалія Игнатьевна.

— Нѣтъ, и это невозможно: Прокофьевыхъ я отлично знаю, они не возьмутъ такую маленькую дѣвочку, которую нужно воспитывать. Прокофьевы очень расчетливы, и, наконецъ, у нихъ есть свой сынъ.

— Приѣхали, Катю Степанъ привезъ!—закричалъ Владекъ и отъ радости захлопалъ въ ладоши.

Черезъ нѣсколько минутъ Степанъ и Катя стояли у порога въ гостиной.

Степанъ докладывалъ господамъ, въ какой бѣдности онъ нашелъ семью Степаниды, и какъ оба, мужъ и жена, обрадовались присланнымъ за Катю деньгамъ.

Катя же, стоя передъ своими родственниками, не плакала, а только, какъ загнанный въ западню звѣрекъ, смотрѣла на нихъ исподлобья и недовѣрчиво. Черезъ нѣкоторое время она осмѣлилась поднять глаза на атласныя голубыя ширмы, на которыхъ были нарисованы красивыя розы, а потомъ она перевела глаза и на свою нарядную двоюродную сестру Лидію, а та уже давно съ презрительной гримаской разсматривала Катю и шопотомъ говорила матери:

— Она не красивая, черная.

Степанъ разсказалъ господамъ и о томъ, что Арсеній принесъ на дорогу барышнѣ кусокъ ситника.

— Дѣвочка, можетъ быть, ѣсть хочетъ?—вдругъ вспомнилъ Петръ Николаевичъ.

— Въ кухнѣ ее накормятъ,—сказала Розалія Игнатьевна.

Крушининъ все смотрѣлъ на Катю, и ему припомнилась ея мать, когда та еще была маленькой дѣвочкой, а онъ гимназистомъ, и какъ онъ любилъ свою маленькую сестренку и покупалъ для нея игрушки. Нѣжность къ покойной сестрѣ на минуту закралась въ сердце Петра Николаевича, ему стало жаль и ея дочь, сиротку Катю.

Сидя въ креслѣ, онъ сказалъ:

— Катя, подойди ко мнѣ, я хочу разсмотрѣть тебя поближе, похожа ли ты на свою мать.

Дѣвочка насушилась и не трогалась съ мѣста.

— Подойди, не бойся, я свой дядя.

Катя и теперь не трогалась съ мѣста и въ смущеніи теребила рукавъ своего платья.

— Идите, барышня, къ ихъ превосходительству, — понукаль ее и Степанъ.

— Я къ мамкѣ хочу, въ деревню, — со слезами въ голосѣ произнесла тихо Катя.

— Она совсѣмъ простая и дикая, — замѣтила брезгливо Розалія Игнатьевна.

— Мама, смотри, у нея тряпка въ волосахъ, — подойдя къ Катя, сказалъ Владекъ и въ это же время сильно дернулъ за красную тряпочку, вплетенную въ Катину косичку.

Дѣвочка заревѣла.

— Уберите ее, она меня нервуется, я не могу слышать такого рева! — прикладывая ладони къ ушамъ, жалобно говорила Розалія Игнатьевна.

— Степанъ, уведи дѣвочку въ кухню, — сказалъ и Крушининъ: — да не забудьте ее накормить!

Степанъ взялъ за руку Катю и повелъ изъ гостиной.

— А ты, Владимиръ, зачѣмъ ее дернулъ за волосы? — строго спросилъ Петръ Николаевичъ сына. — Она твоя кузина.

— Я деревенскую дѣвочку не буду называть кузиной, — дерзко отвѣтилъ тотъ.

— И я, мама, не хочу, чтобы ты мои платья отдавала Катѣ, — капризничала Лидія.

— Я недоволенъ, что наши дѣти такія безсердечныя! — произнесъ Петръ Николаевичъ, направляясь въ кабинетъ.

Жена пошла за нимъ.

— Ты какъ хочешь, Пьеръ, а я не желаю, чтобы эта дѣвчонка росла вмѣстѣ съ нашими дѣтьми, пусть живетъ въ кухнѣ съ прислугой.

— Она дворянка, она моя племянница!

— Пусть она дворянка, пусть она ваша племянница, но я не сравняю ее съ нашими дѣтьми, въ нихъ, кромѣ вашей, и моя кровь — княжеская.

Петръ Николаевичъ съ минуту злобно смотрѣлъ на жену, и лицо у него не только было блѣдно, но даже потемнѣло, когда онъ шопотомъ произнесъ:

— Я знаю, что въ вашей Лидіи дважды княжеская кровь.

Розалія Игнатьевна въ первую минуту такъ потерялась, что ничего не могла отвѣтить мужу.

Она всѣ эти годы была увѣрена, что такъ искусно вела романъ съ княземъ на глазахъ мужа, что тотъ ничего и не подозрѣвалъ. Она только вполнѣ поняла, что случилось, когда вошла въ спальню.

«Прежде всего я должна не выдавать себя», мелькнула у нея въ головѣ.

Петръ Николаевичъ замѣтилъ, что на его оскорбленіе жена не произнесла ни одного слова, только, гордо поднявъ голову, прошла въ свою комнату. Его уже мучила совѣсть.

— Она невинна, она чиста, и я ее обидѣлъ!—повторялъ онъ.

Когда же услышалъ, что жена его рыдаетъ, онъ бросился къ ней, чтобы на колѣняхъ вымолить прощенье.

Но дверь спальни оказалась запертой на ключъ.

Вечеромъ Степанъ съ горничной Машей вынесли его кровать изъ спальни въ кабинетъ.

— Теперь ужъ Розалія мнѣ никогда не простить, и все это изъ-за Кати, изъ-за дѣвчонки, которая никому не нужна!..—въ отчаяніи думалъ Петръ Николаевичъ, прохаживаясь по своему кабинету.

И въ эту минуту онъ ненавидѣлъ свою племянницу.

VIII.

Катя такъ и осталась жить въ кухнѣ между прислугой.

Дядя и его жена о ней, казалось, совсѣмъ забыли; но ихъ дѣти иногда прибѣгали въ кухню посмотрѣть на нее—Владекъ, чтобы подразнить, посмѣяться надъ ней, а то и для того, чтобы больно ущипнуть. Катя плакала и его прихода боялась, какъ огня. Лидія приходила, чтобы передъ ней похвастать своими нарядами, и тогда ся красивая и напыщенная фигурка такъ и говорила:

«Смотри на меня, какая я красивая, нарядная, бѣленькая, чистая, а ты грязная, чумазая дѣвчонка».

Прислуга Крушининыхъ сначала жалѣла Катю и осуждала своихъ господъ, что тѣ удалили отъ себя родную племянницу и вовсе не заботятся о ней. Только молоденькая горничная Маша защищала Розалію Игнатьевну.

— Нашей барынѣ стыдно,—говорила она,—такую простую родню мужа показывать своимъ гостямъ.

Но вскорѣ уже не стали обращать вниманія на Катю, одна кухарка заботилась о дѣвчкѣ, давала ей ѣсть и, замѣтивъ, что Катя отъ грязи покрыта насѣкомыми, сводила ее на свой счетъ въ баню. Но Катя не сидѣла сложа руки, она работала: мыла посуду, чистила ножи и часто бѣгала по приказанію кухарки въ лавочку.

Петръ Николаевичъ и Розалія Игнатьевна все еще были въ ссорѣ.

Жена не только не разговаривала съ мужемъ, но даже игнорировала въ домѣ его присутствіе, чѣмъ и приводила Петра Николаевича въ полное отчаяніе.

Крушининъ любилъ свою жену, ревновалъ, но до сихъ поръ тщательно скрывалъ свою ревность, не только отъ жены, но и отъ всѣхъ; и теперь не могъ понять, какъ онъ рѣшился оскорбить, и еще

такъ грубо, свою жену, когда подлинныхъ доказательствъ ея измѣны онъ не имѣеть.

«Только моя покойная мать мнѣ говорила, будто жена и князь меня обманываютъ,—думалъ Крушининъ, сидя въ своемъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ:—покойница, Богъ ей судья, и поселила во мнѣ недовѣріе къ Розаліи, которое всѣ эти годы отравляетъ мою жизнь. Между тѣмъ, развѣ я могу въ чемъ-нибудь упрекнуть свою жену. Раньше я даже шпионилъ за ней. Маменька говорила, что Розалія больной притворяется для того, чтобы удалить меня, какъ мужа, отъ себя, и въ то время, когда я былъ выгнанъ изъ спальни (тутъ Петръ Николаевичъ бросилъ взглядъ на ширмы, за которыми стояла его кровать)... вотъ, какъ теперь выгнанъ,—повторилъ онъ со злобой.—Но не стоитъ вспоминать объ этомъ,—махнулъ онъ рукой,—да, но все-таки я тогда слѣдилъ, не спалъ ночей, пробирался тайкомъ въ спальню жены, и никогда ничего не замѣтилъ. Не понимаю, почему мнѣ пришло въ голову именно въ тотъ день, когда Степанъ привезъ Катю, уколотъ мою жену... Ахъ, да, вспомнилъ: мнѣ бросилось въ глаза сходство Лидіи съ княземъ Хованскимъ, а въ сущности это сходство только въ моемъ воображеніи. Лидія возсе не похожа на князя, развѣ только тѣмъ, что она, какъ и тотъ, бѣлокурая, что же касается лба и носа, они у нея мои... Какое несчастіе быть ревнивымъ, подозрительнымъ! Однимъ словомъ, уже испорчена навсегда наша жизнь Розалія горда, она мнѣ не простить!»

Въ эту минуту Крушининъ услышалъ въ сосѣдней комнатѣ легкіе шаги и шорохъ шелковыхъ юбокъ.

— Неужели она идетъ ко мнѣ мириться!—не вѣря своимъ ушамъ, но уже весь сіяя отъ радости, произнесъ онъ.

Черезъ минуту Розалія Игнатьевна, еще не одѣтая и не причесанная, въ бѣломъ пеньюарѣ, съ распущенными длинными волосами, появилась на порогѣ кабинета.

— Ты, Розалія?!—бросаясь къ ней навстрѣчу и протягивая руки, воскликнулъ радостно Крушининъ.

Но она гордымъ жестомъ отвела отъ себя его руки и сурово произнесла:

— Я къ вамъ по дѣлу, вы должны выбрать сейчасъ же между мною и вашей племянницей: или я остаюсь въ вашемъ домѣ, или она.

— Что ты, что съ тобой, дорогая Розалія!—придвигая предупредительно кресло къ женѣ, съ испуганнымъ лицомъ спрашивалъ Крушининъ.

— Знаете ли вы, что это было, что эта дѣвчонка рассказываетъ?—сядась въ кресло, злобно начала Розалія Игнатьевна:—будто ей бабушка оставила все свое состояніе, а вы ее обобрали, а также, что и я обобрала ея кормилицу.

— Но откуда Катя все это знает? Она была такъ мала, когда умерла моя мать.

— Маша! идите сюда,—громко позвала Розалія Игнатьевна.

Горничная, должно быть, была не далеко; черезъ минуту она уже стояла передъ господами.

— Что у васъ тамъ въ кухнѣ вышло?—нахмураясь, спросилъ Петръ Николаевичъ.

— Все вышло-съ изъ-за одной женщины, Лукеріи-съ,—улыбаясь и бойко начала Маша:—эта женщина жила въ кухаркахъ у вашей покойной маменьки, при Лукерьи и трехнедѣльную барышню привезли къ генеральшѣ, при ней генеральша и скончалась. А эта Лукерья живетъ здѣсь недалеко-съ у однихъ господъ въ кухаркахъ. Отъ кого-то она и узнай, что ея маленькую барышню привезъ Степанъ Никифоровичъ изъ деревни. Вчера-съ прибѣгаетъ она къ намъ въ кухню; а барышня въ это время вмѣстѣ съ нашей кухаркой чистятъ самоваръ. Лукерья, какъ вырветъ изъ ручекъ барышнинныхъ самоваръ, какъ заплачетъ и, обнявши Катеньку, начала причитать, что она живетъ у родныхъ-аспидовъ, которые ее обобрали, и что у покойной бабушки Катенька въ шелку да батистѣ ходила, а теперь аспиды-родные изъ барышни прислугу сдѣлали и...

— Довольно,—нахмуривъ брови, прервалъ Машу Крушининъ.— Но при чемъ тутъ сама Катя?—обратился онъ къ женѣ.

Маша опять заговорила:

— А барышня, Екатерина Степановна, хоть маленькія и въ деревнѣ выросли, а съ хитришкой: видятъ, что Лукерья ихъ жалѣетъ, заплакали и говорятъ:

«И я отъ своей мамки слышала, что моя покойная бабушка деньги подь меня подписала, а дяденька все себѣ взялъ, и мамка мнѣ рассказывала, что и ее тетенька Розалія Игнатьевна обидѣла, отняла хорошую мѣховую шубу...»

— Теперь вы можете идти,—махнулъ рукой Крушининъ.

Когда же Маша ушла, онъ подошелъ къ женѣ и, заглядывая ей въ лицо, влюбленными глазами, нѣжно произнесъ:

— Все, что только прикажешь, я готовъ сдѣлать; но не будемъ больше говорить о Катѣ, скажи лучше, прощаешь ли ты своего виноватаго мужа.

Розалія Игнатьевна больше всего ненавидѣла Петра Николаевича, когда тотъ начиналъ сантиментальничать, и теперь, вырвавъ отъ него свою руку, съ сердцемъ сказала:

— Оставьте свои нѣжности, лучше избавьте меня поскорѣй отъ вашей племянницы.

Розалія Игнатьевна сейчасъ же ушла, но, несмотря на это, Петръ Николаевичъ чувствовалъ, что онъ будетъ прощенъ, если только удалить Катю изъ своего дома.

«Ну, куда я ее дѣну?—съ досадой думалъ онъ:—и къ чему

эта дѣвочка живетъ, лучше бы умерла и никому не мѣшала, а теперь возись съ нею!»

Походивъ по комнатѣ, онъ сѣлъ и развернулъ газету «Новое Время». Крушининъ въ газетахъ прежде всего любилъ посмотрѣть объявленія, и теперь ему бросилось въ глаза слѣдующее:

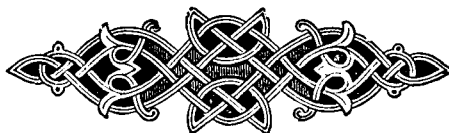
«Благородная дама за умѣренную цѣну учить кройкѣ и шитью платьевъ, по желанію читать и писать.. Дѣвочекъ беретъ къ себѣ жить отъ семи до двѣнадцати лѣтъ. Приходящіе могутъ быть и старше».

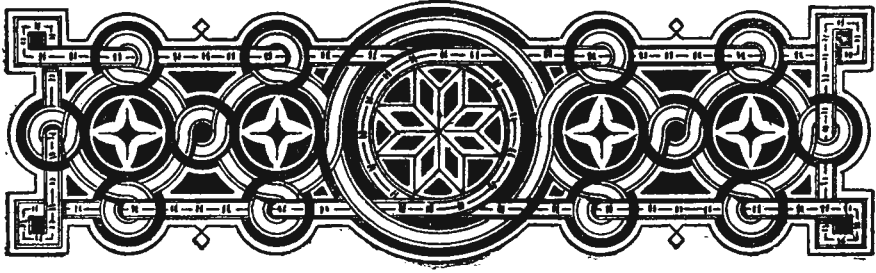
— Вотъ что намъ нужно!—громко произнесъ Петръ Николаевичъ и съ газетой въ рукахъ пошелъ къ женѣ.

Въ этотъ же день было рѣшено отдать Катю къ благородной дамѣ учиться шитью платьевъ.

М. Е. Васильева.

(Окончаніе съ слѣдующей книжкѣ)





ЗА ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ ¹⁾.

II.

Красавица-рецидивистка. — А. А. Скальковскій. — Графъ В. В. Левашовъ. — Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ. — Чума въ Ветлянкѣ и проф. Э. Э. Эйхвальдъ. — Верховная распорядительная комиссія. — Н. М. Б—ъ. — Встрѣча съ однимъ изъ Азефовъ. — Градоначальникъ А. В. Федоровъ. — О, Іоаннъ Кронштадтскій.



РИ ПОСТУПЛЕНІИ моемъ въ петербургскую медико-хирургическую академію я между прочимъ началъ мечтать, какъ бы, помимо даванія уроковъ (какъ средства къ жизни), заняться еще чѣмъ-нибудь «развитіемъ», разумѣется, не въ томъ смыслѣ, какъ это дѣлалось недавно у насъ, т.-е. не въ смыслѣ выработки «сознательныхъ» товарищей или чего-нибудь въ этомъ родѣ!.. Отнюдь нѣтъ!

О такого рода развитіи не только въ тѣхъ студенческихъ кружкахъ, въ которыхъ я вращался, но и вообще въ другихъ, болѣе крайнихъ кружкахъ не было и рѣчи.

Тогдашнее студенчество и люди, желавшіе, какъ они полагали, добра своему ближнему, недовольные существующимъ режимомъ, уходили въ крайнемъ случаѣ «въ народъ», подготавливая его къ воспріятію цивилизаторскихъ идей... и только!..

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXXIII, стр. 78.

Въ моихъ юношескихъ мечтахъ и желаніяхъ помогъ мнѣ случай, и случай довольно казусный...

Не будь у меня брата (въ то время ассистента профессора Э. Э. Эйхвальда), имѣвшаго уже тогда довольно обширную практику и пользовавшаго, между прочимъ, тогдашняго начальника сыскной полиціи, извѣстнаго А. Д. Путилина, случай, который, я собираюсь передать читателямъ, разумѣется, могъ бы имѣть для меня весьма печальныя послѣдствія...

Дѣло въ слѣдующемъ.

Какъ-то вечеромъ одинъ изъ друзей моего брата, австріецъ, жившій всегда за границею и только по дѣламъ изрѣдка пріѣзжавшій въ Петербургъ и совсѣмъ не говорившій по-русски, упротилъ меня пойти съ нимъ въ русскую оперу, гдѣ онъ еще ни разу не былъ.

Русская опера во времена моего студенчества была въ апогеѣ своей славы. Тогда блистали Лавровская, Меньшикова, Никольскій, не потерявшій еще своего чуднаго голоса, Орловъ, Мельниковъ, Корсовъ, Петровъ, знаменитый басъ (выходившій на сцену подъ громъ аплодисментовъ, не смолкавшихъ нѣсколько минутъ), и такъ далѣе.

Шель, какъ тогда помню, «Русланъ».

Въ антрактѣ, повернувшись спиною къ оркестру, мы, стоя у своихъ кресель, разглядывали биткомъ набитый залъ.

Вдругъ взоръ нашъ упалъ на двухъ сидѣвшихъ дѣвушекъ, видимо, знакомыхъ между собою и занимавшихъ мѣста въ слѣдующемъ отъ насъ ряду.

Одна изъ нихъ, лѣтъ около двадцати пяти, на видъ нѣмецкаго происхожденія, съ бѣловатыми, похожими на ленъ волосами, красотою не отличалась и по своей наружности ничего привлекательнаго не представляла, если не считать бросавшейся въ глаза изрядной полноты, соединенной съ прекраснымъ цвѣтомъ лица.

Такая полнота, которой мой знакомый придавалъ вообще большое значеніе, была причиною, обратившей на себя его просвѣщенное вниманіе... На ея же сосѣдку онъ почти не смотрѣлъ; а между тѣмъ именно она была на рѣдкость хорошенькая, мало сказать — просто красавица.

Представьте себѣ дѣвушку лѣтъ восемнадцати-двадцати, не большого роста и пропорціональнаго сложенія.

Смуглые, прелестные по формѣ и по выраженію темно-каріе глаза, казавшіеся совсѣмъ черными, положительно сіяли на ея выразительномъ личикѣ; правильный носикъ и черные, какъ смоль, волосы, маленькія ушки, губы,—все какъ изваянное,—дѣлали ее еще болѣе хорошенькой.

Чудные, однако, глаза ея, какъ я потомъ наблюдалъ не разъ, сохраняли выраженіе какой-то грусти и какъ бы упрека.

Слегка очарованный, невольно я сталъ глядѣть на поразившую меня дѣвушку.

Очарованіе это не было тѣмъ знаменитымъ «coup de foudre», какъ это наглядно изображено, напримѣръ, въ балетѣ «Конекъ-Горбунокъ» при первой встрѣчѣ турецкаго паши съ Царь-Дѣвицею, когда, по выраженію французовъ, человѣкъ сразу безумно влюбляется (случай вполне возможный, вѣдь, мнѣ тогда было только восемнадцать лѣтъ). Нѣтъ, это просто было такое же восхищеніе, какъ восхищеніе великолѣпною картиною, какъ безсмертнымъ скульптурнымъ произведеніемъ, причемъ восхищеніе это углублялось сознаниемъ, что это живое существо такое, какого до сихъ поръ мнѣ не приходилось встрѣчать!

Заговорить съ нею мнѣ все-таки хотѣлось; хотѣлось ей высказать все свое восхищеніе, узнать, кто и что она, но... по своей юношеской робости, на такой смѣлый поступокъ я, разумѣется, едва ли бы рѣшился.

Очаровательная дѣвушка, раза два украдкою взглянувъ на меня, чутьемъ, какъ кажется, догадалась, съ какимъ чистымъ чувствомъ, чувствомъ искренняго восхищенія, смотрѣлъ я на нее.

Пока шло представленіе, мы съ заинтересовавшими насъ дѣвушками, какъ не подававшими къ этому никакого повода, не обмѣнялись ни единымъ словомъ.

Наконецъ опера кончилась.

Мы бросились одѣваться и въ это время потеряли ихъ изъ вида. Можете себѣ вообразить наше отчаяніе, скажемъ для точности: мое отчаяніе!

Въ эту ночь, къ счастью, погода была чудная; осенняя, лунная ночь располагала къ прогулкѣ, поэтому мы рѣшились пройти немного пѣшкомъ.

Съ горя я даже предложилъ моему знакомому проводить его до гостиницы Клея, гдѣ онъ жилъ (нынѣшняя «Европейская»), въ десятый разъ высказывая ему сожалѣніе, что я не увижу больше своей красавицы.

Когда мы, однако, прошли Театральную площадь, то на углу Офицерской улицы совершенно неожиданно очутились около тѣхъ же двухъ дѣвушекъ.

Мы рѣшились слѣдовать за ними, но, по моей просьбѣ, только издали.

Шли мы такъ до Аничкова моста, позабывъ совершенно и про гостиницу Клея (надобно сознаться, что обѣ дѣвушки до того времени ни разу не обернулись въ нашу сторону), какъ вдругъ на самомъ мосту внезапно были остановлены словами повернувшейся къ намъ старшей изъ дѣвушекъ, сказанными по-нѣмецки:

— Почему вы насъ преслѣдуете?

— Едва ли это можно назвать преслѣдованіемъ,—былъ отвѣтъ моего иностранца.—Мы вѣдь ни разу даже не заговорили съ вами.

Слово за слово, но кончилось тѣмъ, что мы все-таки проводили дѣвушекъ до дому (гдѣ-то на Фонтанкѣ).

Чѣмъ кончилось затѣмъ знакомство моего заграничнаго прія-теля съ особою, говорившею по-нѣмецки и оказавшеюся впоследствіи особою aus Mitau, мнѣ неизвѣстно.

Но съ подругою, Ольгою Николаевною Р., послѣ короткихъ свиданій на улицѣ мы познакомились, и я сталъ у нея бывать.

Въ началѣ нашего знакомства она ограничилась словами, что родныхъ у нея нѣтъ, она швея, цѣлый день занята и свободна только по вечерамъ, и то не каждый день.

Жила Ольга Николаевна въ одной комнатѣ, на рѣдкость чистой.

Комнату она снимала въ какой-то семьѣ.

Только послѣ долгихъ колебаній она все-таки приняла, какъ мнѣ показалось, съ радостью мое предложеніе заняться ея развитіемъ...

А развитія Ольга Николаевна требовала и особенно грамотности.

Перетащивъ къ ней вскорѣ на квартиру часть своихъ гимназическихъ учебниковъ, я въ тотъ же день приступилъ къ занятіямъ.

Занимались мы обыкновенно по вечерамъ.

Ученицею она оказалась понятливою, и долженъ сказать, что къ веснѣ слѣдующаго года я могъ съ удовольствіемъ замѣтить, что моя красивая ученица сдѣлала значительные успѣхи какъ въ русскомъ языкѣ, такъ и въ основахъ общеобразовательныхъ предметовъ.

По молодости лѣтъ и тогдашней абсолютной чистотѣ взгляда на женщинъ, я тогда, разумѣется, не вникалъ въ то, дѣйствительно ли Ольга Николаевна портниха, не докапывался, почему она иногда присылала мнѣ съ посылнымъ внезапный отказъ отъ урока, есть ли у нея, кромѣ меня, еще какіе-нибудь знакомые, и такъ далѣе.

Въ одномъ смѣю увѣрить, что за Ольгой Николаевною я не ухаживалъ и за все время моихъ занятій съ нею у насъ ни разу не возникало даже разговора относительно возможности «флирта»,—слово это, впрочемъ, тогда только входило въ моду.

Попрежнему я къ ней относился въ высшей степени просто, скорѣе какъ учитель къ ученицѣ, не больше.

И она, повидимому, смотрѣла на меня только съ утилитарной точки зрѣнія, разумѣется, въ смыслѣ—занятій.

Ольга Николаевна была удивительно молчаливою и скрытною женщиной, но державшею себя съ большимъ достоинствомъ.

За цѣлый почти годъ нашихъ занятій, какъ я сказалъ, обыкновенно происходившихъ только по вечерамъ, въ строго ея же опредѣленные часы, она не вымолвила про себя лишняго слова.

Я про нее зналъ годъ спустя то же, что и годъ назадъ.

Лично на меня, въ смыслѣ подчиненія ей моей особы, эта красивая дѣвушка не вліяла.

А сдѣлать ей это было не трудно...

Вѣрнѣе, причина была, что Ольга Николаевна сама не хотѣла почему-то имѣть на меня вліяніе, и для нея я былъ, повидимому, только фономъ для декораціи.

Но я, задавшись опредѣленною и, какъ мнѣ тогда казалось, святой цѣлью принести ей пользу, продолжалъ смотрѣть на нее тѣми же чистыми глазами, что и въ день нашего перваго знакомства.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ разгаръ нашихъ занятій я сталъ относиться къ ней, какъ къ старой знакомой, и настолько къ ней привыкъ, что пересталъ даже замѣчать ея поразительную красоту...

Такъ, вѣроятно, сторожа дрезденской галереи относятся къ Рафаэлевой мадоннѣ...

Наступило лѣто. Въ тотъ годъ мнѣ пришлось на три лѣтнихъ мѣсяца уѣхать въ деревню. Тамъ на лонѣ природы прекрасный образъ моей красавицы-ученицы сталъ меркнуть и въ концѣ лѣта даже совсѣмъ исчезъ.

Я почти забылъ объ Р—ой, тѣмъ болѣе, что я съ нею не переписывался. Только въ концѣ осени, когда я хотѣлъ было снова къ ней заѣхать, мнѣ приносятъ довольно большой свертокъ и записку. Записка оказалась отъ Р—ой.

«Такъ какъ,—писалось въ ней,—вы позабыли обо мнѣ и, видимо, не желаете больше заниматься со мною, то посылаю вамъ ваши книги обратно...»

Я было хотѣлъ тотчасъ поѣхать къ ней объясниться.

Не успѣвъ, однако, сдѣлать это въ тотъ же день, сталъ, какъ это всегда бываетъ, откладывать свое посѣщеніе со дня на день и въ концѣ концовъ въ водоворотѣ запятій (на второмъ курсѣ медико-хирургической академіи мы усиленно занимались, и занятія шли непрерывно почти цѣлый день) позабылъ совершенно о своемъ визитѣ.

Такъ прошелъ почти годъ.

Однажды весною собирался я въ Дворянское собраніе послушать одну пріѣзжую знаменитость.

Вошедшая въ это время горничная сообщила мнѣ, что меня спрашиваетъ какой-то господинъ.

Дверь затѣмъ пріотворилась, и въ ней показался какой-то господинъ неопредѣленнаго вида, скромно объявившій мнѣ свое званіе и фамилію.

— Сыщикъ Ивановъ, по порученію начальника сыскной полиціи. Не волнуйтесь,—сказалъ онъ мнѣ мягко. — Я пришелъ къ вамъ по приказанію моего начальника, который знаетъ хорошо вашего брата. Г. Путилинъ желаетъ только знать, не можете ли вы

вспомнить или указать на то, не злоупотреблялъ ли кто-нибудь вашимъ именемъ и не находились ли вы случайно въ сомнительной компаніи?

— Да что такое случилось?—взмолился я (въ то время я еще не зналъ, что Путилинъ былъ глава раскрытія преступленій не политическаго характера, а потому опасался, не числилось ли за мною такого политическаго преступленія, въ которомъ городъ Виллюйскъ въ глазахъ третьяго отдѣленія могъ совершенно свободно сойти за городъ Белладжіо на Кюмскомъ озерѣ).

— Видите,—началь г. Ивановъ—вчерашняго числа великій князь Константинъ Николаевичъ, позавтракавъ въ Мраморномъ дворцѣ, легъ на кушетку отдохнуть. На столѣ рядомъ съ кушеткой великій князь положилъ чудные карманные часы съ цѣпочкой, подаренные ему государемъ Александромъ II. Когда великій князь проснулся, часовъ на столѣ не оказалось. Никто изъ окружающихъ великаго князя не могъ дать никакихъ рѣшительно указаній относительно такой удивительной метаморфозы. Тогда великій князь отправился къ государю.

«— Какова у тебя полиція и какъ вообще насъ охраняютъ,—сказалъ государю великій князь,—если меня безслѣдно обворовываютъ въ собственномъ моемъ дворцѣ!»

Александръ II тотчасъ же призвалъ къ себѣ генерала Трепова, бывшаго тогда петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, и приказалъ во что бы то ни стало и немедленно же отыскать пропавшіе часы.

И вотъ, по словамъ сыщика, со вчерашняго дня вся полиція поставлена на ноги.

— Мы объѣхали,—говорилъ онъ,—всѣ кассы ссудъ, перерыли весь Апраксинъ дворъ, опросили всѣхъ часовщиковъ и только сегодня, заѣхавъ къ часовщику Буре, нашли пропавшіе часы у него въ магазинѣ.

Буре, какъ оказалось, купилъ ихъ у одной очень красивой молодой дамы, подъѣхавшей къ его магазину на собственной великолѣпной лошади (быть можетъ, и на лихачѣ,—этого Буре точно не могъ сказать) и на вопросъ, кто продаетъ эти часы и гдѣ проживаетъ продавецъ, заявившей: «Фамилія моя Б—нъ, живу на Караванной, д. 12, кв. 12»,—т.-е. попросту дала мой тогдашній адресъ!

Въ эту минуту вспомнить про Ольгу Николаевну мнѣ не пришло и въ голову.

Успокоившись за свою судьбу, я, разумѣется, обѣщаль дать знать въ управленіе начальника сыскной полиціи обо всемъ, что я вспомню или узнаю про это дѣло, послѣ чего сыщикъ тотчасъ же удалился.

Въ концертѣ я въ тотъ же вечеръ встрѣтился съ братомъ, который сказалъ мнѣ, что весь разговоръ, бывший у меня съ сыщикомъ, со словъ Путилина ему уже извѣстенъ.

Я повторилъ брату про мое полнѣйшее невѣдѣніе относительно того, кто бы это могъ воспользоваться моимъ именемъ, въ особенности въ такомъ гнусномъ дѣлѣ, какъ кража въ Мраморномъ дворцѣ...

Черезъ два или три дня, по слухамъ, воровку разыскали. Но меня, благодаря Путилину, даже ни разу не пригласили для дачи показаній.

Прошло еще мѣсяцевъ семь

И за это время я рѣшительно не вспомнилъ объ Ольгѣ Николаевнѣ, въ связи, разумѣется, съ кражею.

Въ одной изъ мелкихъ петербургскихъ газетъ я прочиталъ случайно судебную хронику, подъ рубрикою: «Дѣло о кражѣ во дворцѣ великаго князя Константина Николаевича».

Изъ этого дѣла выяснилось, что кражу совершила дочь истопника Мраморнаго дворца, къ величайшему моему удивленію, не кто иная, какъ Ольга Николаевна Р., моя красивая ученица, увь, оказавшаяся къ тому же рецидивисткою.

Какъ могла эта дѣвушка безнаказанно проникнуть во внутренніе покои великаго князя, да еще въ комнату, гдѣ легъ отдыхать великій князь, изъ весьма короткаго пересказа дѣла не видно вовсе.

Приговорили ее, насколько мнѣ помнится, къ двухлѣтнему тюремному заключенію...

Теперь возникаетъ вопросъ, почему эта дѣвушка съ такимъ удивительно красивымъ лицомъ могла пойти на такое дѣло, которое въ лучшемъ случаѣ не могло ей много дать, а не сдѣлалась женою или любовницею какого-нибудь богатаго человѣка? Вѣдь ей представлялись тысячи путей иначе получить все это золото, добыть себѣ настоящую роскошь?

Отвѣтъ на мои вопросы я получилъ только лѣтъ шесть спустя.

Въ «Новомъ Времени», кажется, за 1882 годъ появился не подписанный даже первою буквою фельетонъ, подъ общимъ названіемъ: «За рѣшеткою и на волѣ».

Въ началѣ этой статьи, написанной, судя по всему, женщиною, говорится довольно подробно про устройство, нравы и обычаи одной изъ нашихъ женскихъ тюремъ.

Какая это тюрьма, — мнѣ не удалось узнать.

Свое, такъ сказать, предисловіе авторъ фельетона заканчиваетъ слѣдующими словами:

«Сколько сдержанныхъ страстей, сколько погибшихъ жизней и не достигнутыхъ цѣлей, сколько несчастныхъ, жертвою случая попавшихъ на ложную дорогу! Безъ сомнѣнія, масса — крайне испорченные люди; ихъ, какъ горбатыхъ, только могила исправитъ.

«Но есть личности, не безвозвратно погибшія, личности съ теплою душою, ставшія жертвами несчастнаго случая, воспитанія,

среды, личности, которыя при счастливомъ стеченіи обстоятельствъ и при хорошемъ вліяніи съ охотою возвращаются на путь истинный, стараясь снискать себѣ сочувствіе общества.

«Съ одною изъ такихъ выдающихся личностей читатель можетъ ознакомиться ниже. Она очерчена непосредственно съ оригинала. Пусть сами читатели оцѣнятъ ее по достоинству».

Описанію одной изъ такихъ интересныхъ личностей посвящена остальная часть фельетона.

Носила эта часть названіе—«Неисправимая».

Въ ней, несомнѣнно, шла рѣчь о той же Ольгѣ Николаевнѣ Р.

Авторъ оставилъ ей то же имя, но, по понятнымъ побужденіямъ, только измѣнилъ фамилію.

Отецъ Ольги Николаевны, оказывается, былъ лакеемъ (истощникомъ) у одного высокопоставленнаго лица (по судебному отчету у великаго князя Константина Николаевича), который за кражу былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ.

Мать, еще красивѣе, чѣмъ Ольга Николаевна, также сидѣла въ тюрьмѣ за разныя кражи три раза и умерла въ тюрьмѣ еще до окончанія своего срока.

Отданная матерью въ модный магазинъ въ ученье, маленькая Ольга не устояла предъ красивыми лентами и кружевами, скрала ихъ и была приговорена къ тюремному заключенію, какъ малолѣтняя.

Во второй разъ причиною ареста Ольги была тоже не крупная кража.

Въ третій разъ она обокрала одну изъ пригородныхъ дачъ княгини N., гдѣ она, влѣзши въ открытое окно спальни княгини, похитила съ туалета всѣ золотыя вещи.

Въ четвертый разъ, почти въ то самое время, когда я имѣлъ честь заниматься ея развитіемъ и когда въ благодарность за это она хотѣла меня приурочить къ участию въ кражѣ, въ это самое время она украла часы у великаго князя и за это снова попала въ тюрьму, получивши на судѣ и на этотъ разъ снисхожденіе...

По словамъ наблюдавшаго за нею въ тюрьмѣ автора фельетона, Ольга безпрекословно исполняла всѣ тюремныя работы.

Во второй и третій сроки заключенія она посѣщала школу, очень любила читать, особенно стихотворенія, въ которыхъ опозитизировывались погибшія, но милыя созданія.

На вопросы, почему она съ такимъ хорошенькимъ лицомъ не вышла замужъ, она отвѣчала: «За бѣдняка, даже любя, не стоитъ. За невѣжественнаго мужика (такой недавно за меня сватался) не хочу сама. Потомъ битъ начнетъ! На деликатные вопросы, какъ дошла она до воровства, она кратко отвѣчала: «Была дура».

Въ послѣдній срокъ заключенія она и въ школу не ходила, только читала. Вкусы были, какъ и всегда, тѣ же: беллетристика,

гдѣ описывалась судьба несчастныхъ молодыхъ дѣвушекъ, при чемъ сопоставленіе себя съ описываемой личностью доставляло ей особенное удовольствіе.

Въ это время былъ замѣченъ большой прогрессъ въ ея развитіи.

На вопросъ, какъ это случилось, она съ охотою отвѣчала: съ умными людьми водилась, студенты не переводились, книжки носили.

Когда великій князь Константинъ Николаевичъ, пожелавшій присутствовать при ея допросѣ, пытался заставить ее сознаться, выдавъ сообщниковъ, она, несмотря на невыгоду такого поведенія, въ теченіе двухъ съ половиною часовъ упорно молчала на всѣ его вопросы; даже обѣщанія снисхожденія не подѣйствовали.

«Я дѣлала все одна, мнѣ никто не помогаль»—вотъ все, чего могли отъ нея добиться и на дальнѣйшихъ неоднократныхъ допросахъ.

Дѣло же было такого рода, что совершить его одной было невозможно. Это было признано всѣми.

По освобожденіи въ послѣдній разъ изъ тюрьмы ее надо было выслать изъ Петербурга и отдать подъ надзоръ полиціи на два года. Но и тутъ ея красота и наружная скромность сослужили ей свою службу.

Одинъ извѣстный проповѣдникъ, усиленно проповѣдывавшій въ то время въ тюрьмахъ, пожелалъ спасти ея падшую душу.

Онъ выхлопоталъ, несмотря на большія затрудненія, разрѣшеніе взять ее сестрой милосердія въ свою деревенскую больницу и тѣмъ спасти отъ тяжелаго положенія «подъ надзоромъ», конечно, съ обязательствомъ слѣдить за нею.

Мѣсяць она выдержала искусь, но черезъ мѣсяць бѣжала изъ его деревни и скрывалась неизвѣстно гдѣ все время своего «надзора», несмотря на самые тщательные розыски какъ самого проповѣдника, такъ и полиціи.

Лично я съ Ольгою Николаевною больше не встрѣчался, но на долю учительницы школы той тюрьмы, гдѣ сидѣла эта хорошенькая, ловкая и вмѣстѣ съ тѣмъ симпатичная преступница, случай съ нею встрѣтиться выпалъ еще разъ.

Дѣло было четыре года спустя послѣ ея освобожденія изъ тюрьмы.

Вышеозначенная тюремная учительница какъ-то повстрѣчалась въ одной кондитерской съ одной красивою, изящно одѣтою, съ большими брильянтами въ ушахъ дамою, которая вела за руку прелестнаго ребенка.

— Вы меня, вѣроятно, не узнали,—почти шопотомъ произнесла элегантная дама, подошедши къ учительницѣ и всматриваясь въ нее пристально.—Я—Ольга Р.!!

Послѣдовавшіе затѣмъ вопросы выяснили, что Ольга Николаевна уже три года, какъ замужемъ за чиновникомъ министерства

государственныхъ имуществъ, что у нея сынъ, что она очень счастлива и что мужъ ее очень любить.

Вопросъ теперь только въ томъ, насколько прочно такое счастье? Вѣдь Ольга Николаевна, несомнѣнно, дегенератка.

Если, съ одной стороны, принять во вниманіе, что ея отецъ и мать, несмотря на относительное благосостояніе и особенно на красоту ея матери (которая одна могла дать ей возможность выйти за богатаго человѣка и жить безбѣдно), все-таки оказались профессиональными ворами, то ясно, что они оба были, несомнѣнно, психическими больными.

Съ точки зрѣнія государственныхъ цѣлей, они впредь до вы, здоровленія должны были бы быть не просто ввергнуты въ тюрьму-а находиться подъ врачебнымъ присмотромъ.

Съ другой же стороны, успѣхи врачебнаго дѣла, ровно какъ гуманности, способствующіе сохраненію больныхъ, слабыхъ и пораженныхъ вырожденіемъ людей, растворяютъ передъ ними широко двери и даютъ имъ, такимъ образомъ, возможность размножаться...

Попробуйте разобраться въ такой дилеммѣ?

Ясно поэтому, что Ольга Николаевна, разъ уже появившись на свѣтъ, несомнѣнно, больная отъ рожденія, вмѣсто того, чтобы послѣ первой же кражи быть отданной въ какое-нибудь исправительное заведеніе, была все-таки четыре раза судима и, какъ говорили ея товарки по тюрьмѣ, только потому, что она оказалась хорошенькою, судъ каждый разъ давалъ ей снисхожденіе...

Перехожу къ воспоминаніямъ, близкѣ предшествовавшимъ 1-му марту 1881 года.

У извѣстнаго лѣтописца славнаго запорожскаго войска и важнѣйшаго историка Новороссійскаго края, Аполлона Александровича Скальковскаго, кромѣ выдающагося публициста и государственнаго дѣятеля Константина Аполлоновича, было еще два сына.

Старшій изъ всѣхъ братьевъ, Александръ Аполлоновичъ, по окончаніи камеральнаго факультета новороссійскаго лицея (теперь юридическій факультетъ новороссійскаго университета) служилъ долго на Кавказѣ членомъ окружнаго суда въ Кутаисѣ, главнымъ образомъ во время губернаторства графа В. В. Левашова.

Когда графъ Левашовъ изъ Кутаиса былъ переведенъ потомъ въ Одессу градоначальникомъ, то въ виду дружескихъ отношеній, существовавшихъ между нимъ и А. А. Скальковскимъ, графъ предложилъ Скальковскому перейти къ нему на службу правителемъ канцеляріи.

А. А. Скальковскій съ удовольствіемъ согласился, тѣмъ болѣе, что въ Одессѣ, его родинѣ, жила тогда вся его семья.

Общій любимецъ всѣхъ его знавшихъ, человѣкъ большихъ способностей, умный, воспитанный, пріятный въ обращеніи, очень разговорчивый, съ тонкимъ незлобивымъ юморомъ, Александръ Аполлоновичъ могъ рассчитывать на лучшую карьеру, но, не будучи вовсе карьеристомъ, къ тому же никогда ничего не предпринимавшій для своего служебнаго возвышенія, онъ, видимо, былъ доволенъ своимъ новымъ назначеніемъ, предполагая на новомъ мѣстѣ спокойно просидѣть довольно долго.

Времена, однако, наступили вскорѣ иныя. Революціонныя событія, ареною которыхъ оказался въ концѣ семидесятыхъ годовъ нашъ югъ, въ частности Одесса, были причиною, что мечтамъ Скальковскаго не суждено было сбыться.

Вооруженное сопротивленіе въ Одессѣ, начавшее собою, такъ сказать, новую эру борьбы революціонной партіи съ тогдашнимъ правительствомъ, нераскрытое въ началѣ убійство въ Одессѣ же жандармскаго офицера барона Гейкинга, котораго революціонеры считали почему-то опаснымъ, всполошили и правительство и общество. Когда правительство наконецъ рѣшилось для искорененія всѣхъ возникшихъ безпорядковъ принять серьезныя мѣры, оно попутно принялось и за тѣхъ администраторовъ, которые не удовлетворяли своему назначенію.

И вотъ въ одинъ прекрасный день Скальковскій отправился въ одесскій Англійскій клубъ по обыкновенію почитать газеты. Разворачиваетъ свѣжій листъ «Правительственнаго Вѣстника» и къ своему неопisanному удивленію читаетъ на видномъ мѣстѣ высочайшій выговоръ его патрону и другу одесскому градоначальнику, графу В. В. Левашову. Какъ мнѣ передавалъ Александръ Аполлоновичъ, неожиданный выговоръ въ официальной газетѣ, безъ предупрежденія о возможности такого выговора, такъ повліялъ на графа, что онъ немедленно подалъ въ отставку.

Связанный съ графомъ Левашовымъ дружескими и служебными отношеніями, А. А. Скальковскій, въ свою очередь, не хотѣлъ остаться въ Одессѣ на службѣ. Скольکو ни убѣждалъ его графъ Левашовъ въ нелѣпости подачи въ отставку (графъ зналъ, что у Скальковскаго своихъ средствъ не было), послѣдній настоялъ на своемъ, и вскорѣ не только графъ Левашовъ, но и Скальковскій, пріѣхавшій хлопотать о новомъ мѣстѣ, очутились въ Петербургѣ.

Принимая во вниманіе всегдашнюю скромность А. А. Скальковскаго, а также то, что у него въ то время не было никакой протекціи, новаго назначенія ему пришлось бы ждать, вѣроятно, долго. Подвернувшійся случай помочь, однако, этому способному человѣку выдвинуться въ первые ряды тогдашняго чиновничества. Въ началѣ 1879 года у правительства возникла мысль учредить въ виду появленія чумы въ Ветлянкѣ (Астраханской губерніи) временное генераль-губернаторство въ губерніяхъ Астраханской, Саратов-

ской и Самарской. Слухи о чумѣ, въ то время еще совершенно не изученной, при отсутствіи врачей въ Астраханской губерніи и примѣненія какихъ бы то ни было санитарныхъ мѣръ, приняты, дойдя Петербурга, гомерическіе размѣры.

Страхъ предъ ужасною болѣзною, неопредѣленность возможнаго ея распространенія—на занятіе открывающагося мѣста никого, повидимому, не соблазняли, несмотря на огромнѣйшую власть, предназначенную новому временному генераль-губернатору.

Совершенно неожиданное назначеніе на это мѣсто одного изъ героевъ войны съ турками 1877—78 годовъ, графа Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова, никогда раньше не занимавшаго административнаго поста, повергло всѣхъ своею неожиданностью въ немалое удивленіе, но, какъ извѣстно графъ, справился съ своимъ назначеніемъ быстро и умѣло, разсѣявъ очень скоро всѣ вздорные слухи о значительности и чрезвычайной опасности ветлянской чумной эпидеміи. Во время поисковъ въ Петербургѣ правителя своей имѣющей еще возникнуть канцеляріи (охотниковъ занять это мѣсто было еще меньше, чѣмъ генераль-губернаторское) тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Маковъ, со словъ графа Левашова, указалъ графу Лорисъ-Меликову на А. А. Скальковскаго, очень скоро согласившагося занять предложенное ему мѣсто, въ особенности послѣ переговоровъ съ графомъ Михаиломъ Таріеловичемъ, этимъ удивительнымъ *charmeur*'омъ.

Когда впослѣдствіи мнѣ пришлось раза два-три быть въ обществѣ графа Лорисъ-Меликова, глядя на его симпатичную фигуру, всматриваясь въ него, слушая его пріятную рѣчь, находясь все время подъ впечатлѣніемъ его прекрасныхъ глазъ, я вполне понималъ тотъ родъ гипноза, которымъ дѣйствовалъ на окружающихъ этотъ даровитый государственный человѣкъ.

Вмѣстѣ съ графомъ Лорисъ-Меликовымъ усмирять чуму былъ посланъ въ качествѣ завѣдующаго всей медицинской частью въ зараженной мѣстности и профессоръ внутреннихъ болѣзней тогдашней медико-хирургической академіи Э. Э. Эйхвальдъ.

Во время снаряженія профессора Эйхвальда въ Ветлянку и впослѣдствіи, во время писанія имъ отчета мнѣ, тогда еще студенту выпускнаго курса, пришлось помогать Эдуарду Эдуардовичу во всѣхъ его трудахъ.

Когда же по возвращеніи изъ Ветлянки профессоръ Эйхвальдъ, никогда и ничего не дѣлавшій на половину и любившій видѣть то же въ своихъ помощникахъ, засѣлъ за отчетъ, готовясь въ то же время къ чтенію лекціи объ чумѣ въ Астраханской губерніи студентамъ пятаго курса, онъ возложилъ на меня приведеніе въ порядокъ всѣхъ добытыхъ имъ данныхъ, заставляя и меня работать съ девяти часовъ утра и чуть ли не до трехъ часовъ ночи.

Мнѣ, однако, не пришлось окончить вмѣстѣ съ профессоромъ

Эйхвальдомъ всей его работы изъ-за необходимости самому готовиться къ выпускному экзамену. Хотя послѣ вспышки чумы въ Ветлянкѣ, которая при своемъ развитіи могла бы надѣлать Россіи неисчислимыхъ бѣдъ, прошло едва тридцать три года, вспоминая общее незнакомство съ этою болѣзью не только публики, но въ сущности и врачебнаго персонала, припоминая тѣ сомнительныя предосторожности, которыми хотѣлъ окружить себя даже такой серьезный клиницистъ, какъ профессоръ Эйхвальдъ, въ родѣ пріобрѣтенія наглухо закрывающейся одежды съ проведенною въ ротъ гуттаперчевою трубкою для дыханія, какія употреблялись въ такихъ случаяхъ въ средніе вѣка и т. д., приходится удивляться тому, какой громадный шагъ впередъ сдѣлала теперь въ опредѣленіи и предупрежденіи всѣхъ заразныхъ болѣзней и въ частности чумы такая относительно молодая наука, какъ бактериологія, давшая намъ вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ предохранительныхъ сыворотокъ и противочумную, несомнѣнно, предохраняющую отъ зараженія чумою!

Когда послѣ кратковременнаго пребыванія графа Лорисъ-Меликова временнымъ генераль-губернаторомъ трехъ волжскихъ губерній, тотчасъ же послѣ покушенія на жизнь Александра II Соловьева онъ сдѣланъ былъ временнымъ генераль-губернаторомъ уже шести губерній, онъ взялъ съ собою въ Харьковъ, свою, такъ сказать, резиденцію, и А. А. Скальковского.

Не прошло, кажется, и года, — вслѣдствіе не прекращающихся покушеній на жизнь государя, послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ и развитія во всей странѣ анархическаго движенія была учреждена верховная распорядительная комиссія, иначе говоря — диктатура, во главѣ которой, какъ извѣстно, былъ поставленъ вызванный изъ Харькова графъ Лорисъ-Меликовъ.

Графъ Михаилъ Таріеловичъ, еще въ Харьковѣ зарекомендовавшій себя передъ населеніемъ съ самой лучшей стороны, пріобрѣвшій и въ остальной Россіи массу приверженцовъ, былъ встрѣченъ при назначеніи диктаторомъ общимъ восторгомъ.

Хотя подъ диктатурою, въ виду исключительности ея созданія, понималось во всѣ времена принятіе особо строгихъ мѣръ, но въ Россіи, странѣ курьезовъ, такое назначеніе, какъ оказалось, вовсе не означало, что поставленный въ ея главѣ новый временщикъ съ царскими правами и полномочіями намѣренъ слѣдовать по стопамъ, на примѣръ, Бирона. Такимъ образомъ, впервые диктатура... «сердца», какъ ее удачно окрестилъ покойный А. С. Суворинъ, ознаменовала собою не что иное, какъ начало эры русской государственности и ея будущаго благополучія.

Особенно гордились назначеніемъ графа Лорисъ-Меликова казакскіе уроженцы. Они просто захлебывались отъ восторга. Дѣлая въ разговорахъ съ русскими оцѣнку Михаила Таріеловича, на

вопросъ, какой это Лорисъ-Меликовъ, туземцы, какъ говорятъ, обыкновенно отвѣчали: «разви не знаешь?»

«Одна Кура—одинъ Терекъ,
Одинъ Лорисъ—одинъ Меликъ!»

Директоромъ канцеляріи верховной распорядительной комиссіи, то есть правой рукою Михаила Таріеловича, былъ тогда же сдѣланъ А. А. Скальковскій, въ полной мѣрѣ и въ прежнихъ своихъ назначеніяхъ оправдавшій павшій на него выборъ графа Лорисъ-Меликовъ.

Когда назначеніе А. А. Скальковскаго состоялось, въ его канцелярію, помѣщавшуюся тогда на Мойкѣ у Прачечнаго моста, куда впослѣдствіи переѣхала редакція «Новостей», а въ послѣднее время литографія Кене, вошелъ среди другихъ лицъ и Николай Михайловичъ Б.

Близкій родственникъ П. А. Рихтера, тогдашняго управляющаго департаментомъ удѣловъ, вскорѣ преобразованнымъ въ главное управленіе удѣловъ, камеръ-юнкеръ Б. сразу же освоился и со своимъ мѣстомъ (докладчика) и со своими новыми обязанностями.

Не безъ способностей, быстро все схватывающій, съ громаднымъ, однако, самомнѣніемъ и важностью, съ большою, чисто чиновничьею памятью, въ общемъ лѣнливый, съ склонностью къ кутежамъ и попойкамъ, но очень добрый по природѣ, молодой этотъ чиновникъ, благодаря безхарактерности А. А. Скальковскаго и собственной природной смѣлости, взялъ на себя роль, не соответствующую занимаемому имъ служебному положенію.

Временами казалось, что не А. А. Скальковскій его начальникъ, а онъ глава и распорядитель всей канцеляріи. Правда, въ дикторскихъ замашкахъ Н. М. большое значеніе имѣло то заискиваніе и раболѣпство, которыми старались окружить всѣхъ людей, прямо или косвенно соприкасавшихся съ графомъ Лорисъ-Меликовымъ.

Заискивали не только у людей, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ управленію графа Михаила Таріеловича, но на всякій случай кадили даже мнѣ, едва окончившему врачу, изъ-за того, что я приходился родственникомъ А. А. Скальковскому и, что всего важнѣе, былъ съ нимъ въ чисто дружескихъ отношеніяхъ. Должно сознаться, что въ описываемое время я не такъ строго анализируювалъ прорывавшіяся по временамъ чувства искренней ко мнѣ любви и преданности со стороны людей, значительно выше меня стоявшихъ на іерархической лѣстницѣ или слишкомъ мало меня знавшихъ. Мнѣ лично, едва вступившему въ свѣтъ, казалось, что все это такъ и должно быть... Визиты ко мнѣ разныхъ «особъ» только льстили моему самолюбію, но не удивляли меня.

Возвращаюсь, однако, къ Н. М. Б—у. Къ А. А. Скальковскому въ канцелярію верховной распорядительной комиссіи заѣхалъ какъ-то

его близкій родственникъ, занимавшій и тогда въ обществѣ болѣе чѣмъ высокое положеніе. Н. М. Б., знавшій вошедшаго въ канцелярію господина настолько хорошо, что при случаѣ прибѣгалъ къ его вліянію на А. А. Скальковскаго, но въ канцеляріи проникнутый собственнымъ чиновничьимъ величіемъ, спросилъ его сухо: «Вамъ что угодно?»

Но подобнаго рода величіе сказывалось у него не всегда.

Такъ, въ одно прекрасное утро (дѣло было въ воскресенье) встрѣтился я съ нимъ у Полицейскаго моста. Въ это время сталъ подходить къ намъ общій нашъ знакомый полковникъ Иксъ, занимавшій видное мѣсто въ градоначальствѣ.

— А вы, господа, завтракали?—на манеръ гоголевскаго П. П. Пѣтуха издали еще спросилъ насъ полковникъ, въ общемъ очень любезный и обязательный человекъ.

Мы отвѣтили, что нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ милости прошу позавтракать со мною въ «Малый Ярославецъ».

Перо мое слишкомъ слабо, чтобы описать грандіозную встрѣчу, приготовленную намъ правилами «Малаго Ярослава».

Хозяинъ или буфетчикъ, хорошенько не знаю, окруженный лакеями съ зажженными канделябрами, выбѣжалъ навстрѣчу шедшему впереди насъ полковнику.

Завтракъ или, вѣрнѣе, по числу блюдъ, обѣдъ, которымъ Н. М. Б. и меня угостилъ полковникъ Иксъ, былъ роскошный. На закуску были принесены аршинныя рыбы, свѣжая икра въ боченкахъ и прочее. Затѣмъ намъ было подано по особому заказу два или три блюда, раскупорено нѣсколько бутылокъ шампанскаго и т. д. По окончаніи пиршества нашъ амфитріонъ изъ вѣжливости спросилъ насъ, остались ли мы довольны завтракомъ? Спутникъ мой отвѣтилъ, что все было хорошо, но къ кофе не былъ поданъ ликеръ бенедиктинъ, бывшій въ 80-хъ годахъ особенно въ модѣ.

Надобно замѣтить, что счетъ за завтракъ полковникомъ Иксомъ былъ за нѣсколько минутъ до того уже оплаченъ. При остротѣ, однако, моихъ молодыхъ глазъ я замѣтилъ, что счетъ за этотъ лукулловскій завтракъ (обыкновенному обывателю пришлось бы уплатить рублей шестьдесятъ) не превышалъ... шести рублей съ копейками...

Въ отвѣтъ на замѣчаніе Б. бутылка бенедиктина была немедленно принесена.

Черезъ часъ—полтора отъ бенедиктина безъ моего участія (я вообще почти ничего не пью) осталось одно воспоминаніе.

Вынувъ передъ уходомъ нашимъ изъ «Малаго-Ярослава» деньги, полковникъ Иксъ приказалъ лакею получить и за не оплаченную бутылку бенедиктина.

— Помилуйте-съ,—подобострастно отвѣтилъ «услужаящій»:— за все-съ заплачено раньше!

Противъ подобной предупредительной очевидности полковникъ спасоваль, и мы съ прежнимъ почетомъ, какъ и при встрѣчѣ, отбыли изъ ресторана.

Припоминается мнѣ, какъ дружба моя съ А. А. Скальковскимъ въ одномъ могшемъ для меня крайне непріятно окончиться инцидентѣ случайно помогла мнѣ выйти совершенно благополучно изъ этого непріятнаго положенія.

Ко мнѣ обратились одни зкакомые, желая получить свѣдѣнія о предлагающемъ свои услуги русскомъ врачѣ, кончившемъ курсъ за границею, но въ виду отсутствія практики и мѣста собиравшемся перемѣнить свою профессію на гувернерскую.

Когда я узналъ фамилію претендента, то я сейчасъ же вспомнилъ недавнюю съ этимъ врачомъ въ медико-хирургической академіи исторію. Какъ-то во время совмѣстныхъ его занятій съ нами, студентами, онъ былъ изловленъ въ кражѣ дорогихъ атласовъ по анатоміи. Занимался этотъ господинъ потому одновременно съ нами, что желалъ сдать и въ Россіи экзаменъ на степень врача, полученную имъ въ одномъ изъ заграничныхъ университетовъ.

Студенты такъ были раздражены такою выходящей изъ ряда вонъ кражею, что рѣшили позвать полицію для составленія протокола. Разумѣется, потомъ врача этого мы больше не видѣли.

Все вышесказанное я, конечно, не могъ скрыть отъ моихъ знакомыхъ, въ особенности въ виду учительской профессіи, которой хотѣлъ себя посвятить этотъ заграничный врачъ. Нечего и говорить, что услуги такого субъекта не были приняты. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда я разъ лѣтомъ благодушествовалъ, сидя вечеромъ въ Лѣтнемъ саду, въ ресторанѣ Балашева, попивая въ одиночествѣ чай, подходитъ ко мнѣ какой-то господинъ въ крылаткѣ и спрашиваетъ: не я ли докторъ Бертенсонъ? Надобно знать, что въ 80-хъ годахъ Лѣтній садъ былъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ небогатый Петербургъ могъ безъ особенныхъ затратъ убить время съ извѣстнымъ удовольствіемъ.

Петербургскіе увеселители того времени въ устройствѣ городскихъ и загородныхъ увеселеній были стѣснены монополіею, которую не выпускала изъ своихъ рукъ дирекція императорскихъ театровъ. Публика, не имѣя, какъ теперь, трамваевъ, до минимума удешевляющихъ проѣздъ, сидѣла поневолѣ въ городѣ и довольствовалась оркестромъ, игравшимъ въ Лѣтнемъ саду у залитаго огнями Балашевского ресторана, буквально переполненнаго публикою.

Едва успѣвъ отвѣтить утвердительно на заданный вопросъ, я въ подошедшемъ ко мнѣ субъектѣ узналъ того самаго врача, о которомъ мнѣ пришлось сообщить моимъ знакомымъ не особенно лестный отзывъ.

— Въ отместку за ваши слова о происшедшей со мною непріятности,—сказалъ невольный мой собесѣдникъ,—я вамъ, какъ до-

рожащему, вѣроятно, своею репутаціею, немедленно же ее испорчу. Хотите, я крикну на весь садъ, что вы у меня стащили портмонэ? Пока разберутъ, въ чемъ дѣло, вы попадете въ участокъ и стоустая молва разнесетъ всѣмъ, что докторъ Бертенсонъ въ Лѣтнемъ саду обвинялся въ кражѣ денегъ!

Вскочивъ съ своего мѣста и не давъ ему опомниться, я торопливо заговорилъ:

— Знаете ли вы, кто такой графъ Лорисъ-Меликовъ (а кто этого тогда не зналъ) и что у графа мой родственникъ Скальковскій правителемъ канцеляріи? Я немедленно поѣду къ нему и расскажу про шантажъ, который вы собирались мнѣ устроить!

Надо было видѣть, какъ поблѣднѣлъ этотъ негодай.

— Увѣряю васъ,—началь онъ:—я говорилъ вовсе не серьезно. Я не дольше, какъ недѣлю тому назадъ, писалъ г. Скальковскому, прося меня принять и выслушать, обѣщая быть ему полезнымъ.

Я все-таки тотчасъ же поѣхалъ къ Скальковскому.

— Врачъ названной фамиліи мнѣ дѣйствительно писалъ,—сказалъ Скальковскій.—Я велю его вызвать въ канцелярію, а пока распоряджусь о доставкѣ изъ полиціи необходимыхъ о немъ свѣдѣній.

Оказалось, что этотъ господинъ, предтеча разныхъ Азефовъ, былъ хорошо извѣстенъ не только департаменту полиціи (третьему отдѣленію), но и сыскной полиціи. Получивъ въ канцеляріи верховной распорядительной комиссіи основательную взбучку, презрѣнный этотъ врачъ (фамилію его я, къ сожалѣнію, забылъ) былъ затѣмъ съ позоромъ оттуда изгнанъ.

Такимъ образомъ мнѣ не пришлось узнать, какого рода услуги желалъ предложить верховной распорядительной комиссіи шантажистъ и бывший сыщикъ.

Не зная новыхъ вѣяній, онъ, вѣроятно, вопреки латинской поговоркѣ «non bis in idem» (не повторяйся), вздумалъ, вѣроятно, предложить и верховной комиссіи, во главѣ которой стоялъ человекъ рѣдкой честности и нравственной чистоты, заняться, по бывшимъ примамъ, дѣломъ сыска.

Не мнѣ, скромному свидѣтелю событій, совершившихся въ 1880—1881 годахъ, во время диктатуры сердца, приподнять хотя уголокъ завѣсы этой до сихъ поръ не вполне раскрытой и детально не разработанной эпохи. Будущій историкъ графа Лорисъ-Меликова, этого умнѣйшаго и безкорыстнѣйшаго дѣятеля на пользу Россіи, несомнѣнно, воздастъ графу Михаилу Таріеловичу должное. Лично я могу сказать одно: со времени назначенія графа Лорисъ-Меликова диктатура сердца такъ или иначе давала о себѣ знать. Существовавшее въ видѣ анахронизма знаменитое 3-е отдѣленіе было уничтожено исключительно по настоянію графа Лорисъ-Меликова. Печать и безъ изданія новыхъ законовъ, размѣряющихъ ея функціи, оказалась почти свободною. Вообще не было того рода дѣятельности, на ко-

торомъ не отразилось бы благотворное вліяніе внутренней политики графа Михаила Таріеловича. Не будь несчастнаго 1-го марта, добровольная конституція (созывъ общей комиссіи), уже подписанная государемъ и своевременно обнародованная, навѣрно избавила бы Россію отъ манчжурскаго позора и печальныхъ революціонныхъ дней, послѣдовавшихъ вслѣдъ за объявленными свободами 1905 года.

Послѣ смерти графа Лорисъ-Меликова (графъ скончался въ Ниццѣ въ 1888 году) А. А. Скальковскій подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, какъ участникъ событій 1879—1881 годовъ, написалъ объ этомъ времени очень интересныя записки.

Предназначенныя для помѣщенія въ «Русскую Старину», онѣ, однако, по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ не могли быть напечатаны. Черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ и самъ авторъ воспоминаній, вскорѣ послѣ ухода графа Лорисъ-Меликова назначенный на постъ помощника начальника главнаго управленія почтъ и телеграфовъ.

По словамъ его вдовы, вышеозначенную рукопись и еще пѣкторыя, по общему мнѣнію, интересныя бумаги она отдала брату покойнаго, Константину Аполлоновичу. Когда же по смерти Константина Аполлоновича, послѣдовавшей въ 1906 году, мнѣ въ качествѣ его душеприказчика пришлось порыться въ оставленныхъ имъ въ строгомъ порядкѣ письмахъ и бумагахъ, то ничего изъ написаннаго Александромъ Аполлоновичемъ я, къ великому сожалѣнію, не нашелъ.

Въ числѣ лицъ, близко по своей должности стоявшихъ къ графу Лорисъ-Меликову, былъ и петербургскій градоначальникъ, генераль-майоръ А. В. Ѳедоровъ. Сдѣланный послѣ генерала Зурова, кажется, въ началѣ мая 1880 года, изъ помощниковъ градоначальника исполняющимъ должность градоначальника, полковникъ А. В. Ѳедоровъ, всегда со всѣми одинаково ровный и любезный, видный, плотный мужчина въ роговыхъ очкахъ, былъ, по общему отзыву, только строгій исполнитель закона, придерживавшійся исключительно указаній своего непосредственнаго начальника, то есть министра внутреннихъ дѣлъ.

Своей политики генераль Ѳедоровъ не дѣлалъ и не имѣлъ. Тѣмъ не менѣе первую искупительною жертвою палъ именно онъ. Хотя въ промежуткѣ между 1 и 10 марта, когда послѣдовало увольненіе петербургскаго градоначальника отъ должности, прошло не больше недѣли, графъ Лорисъ-Меликовъ, тѣмъ не менѣе, по словамъ генерала Ѳедорова, нѣсколько разъ говорилъ ему, что отвѣтственность за 1-ое марта должна пасть на лицъ, дѣйствительно не уберегшихъ Александра II, а никакъ не на него, потому генераль долженъ быть за себя совершенно спокоенъ, на самомъ же дѣлѣ вышло не совсѣмъ такъ. Правда, увольненіе генерала А. В. Ѳедорова, на первыхъ порахъ, было почетное. Въ чинѣ генераль-майора,

съ содержаніемъ въ пять тысячъ рублей, его причислили къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Но впоследствии, при дальнѣйшемъ выясненіи, къ сожалѣнію, не всѣхъ истинныхъ причинъ царевубійства, градоначальнику былъ вѣнченъ въ служебное преступленіе недостаточный осмотръ, сдѣланный техникомъ градоначальства генераль-майоромъ Муравинскимъ (отцомъ пѣвицы Мравиной), лавки на бывшей Малой Садовой (нынѣ Екатерининская улица) съ молочными продуктами Кобозева, гдѣ впоследствии оказался подкопъ, шедшій въ поперечномъ направленіи къ Аничкову дворцу. Вслѣдствіе этого обстоятельства генераль Ѳедоровъ былъ уволенъ вовсе отъ службы съ пенсіею въ годъ всего около 550 рублей.

По поводу якобы не вполне строгаго осмотра лавки Кобозева, сдѣланнаго генераломъ Муравинскимъ, бывшій градоначальникъ генераль Ѳедоровъ, которому при вступленіи въ должность Муравинскій, тогда еще полковникъ, былъ особенно горячо рекомендованъ генераль-адъютантомъ Треповымъ, рассказалъ мнѣ какъ-то интересный случай изъ его собственной практики.

Состоя для особыхъ порученій при тогдашнемъ шефѣ жандармовъ, онъ, будучи еще въ поручичьемъ чинѣ, получилъ приказаніе сдѣлать подъ руководствомъ нѣкоего жандармскаго полковника Х. строжайшій обыскъ у сосланнаго потомъ въ Сибирь знаменитаго публициста Н. Г. Чернышевскаго.

Поводомъ къ обыску были положительныя указанія о нахожденіи у Чернышевскаго, жившаго тогда въ какомъ-то особнякѣ, противоправительственныхъ прокламацій. По словамъ разсказчика, обыскъ, длившійся нѣсколько часовъ, сдѣланный весьма и весьма тщательно, въ началѣ не далъ никакихъ результатовъ, хотя все рѣшительно въ домѣ было осмотрѣно и перерыто. Даже мебель была во многихъ мѣстахъ подпорота, надъ чѣмъ особенно глумился жандармскій полковникъ Х., хотя и дѣлавшій обыскъ вмѣстѣ съ поручикомъ Ѳедоровымъ. Жандармы уже хотѣли было удалиться, какъ вдругъ жандармскій вахмистръ, выслушавъ какое-то приказаніе поручика Ѳедорова и повернувшись затѣмъ вполоборота вправо, зацѣпился шпорою за дорожку, устилавшую почти всю чистенькую квартиру Чернышевскаго. Послѣдствіемъ такой случайности обнаружилась масса искомыхъ прокламацій, аккуратно разложенныхъ по всей длинѣ дорожки...

— Неужели, — добавилъ генераль Ѳедоровъ: — не будь этого, меня все-таки могли бы обвинить въ нерадѣніи или въ небрежномъ совершеніи обыска?! А вѣдь именно благодаря тщательности обыска я даже почему-то удостоился насмѣшекъ со стороны дѣлавшаго одно со мною дѣло полковника Х.!

Что касается, такъ сказать, косвеннаго виновника увольненія генерала Ѳедорова, графа Лорисъ-Меликова, то, несмотря на это, пострадавшій петербургскій градоначальникъ, сколько мнѣ извѣстно, всегда былъ на сторонѣ Михаила Таріеловича.

Привлеченный въ бытность уже министромъ внутреннихъ дѣлъ графа Игнатъева къ слѣдствію, генераль Ѳедоровъ на указаніе графа Игнатъева, что въ бывшемъ кабинетѣ графа Лорисъ-Меликова было найдено въ присутствіи генерала Ѳедорова письмо, предупреждавшее о подробностяхъ имѣющаго совершиться царевубійства и брошенное, какъ ненужная бумага, графомъ Лорисъ-Меликовымъ въ столъ, генераль Ѳедоровъ категорически это отвергъ и тѣмъ, быть можетъ, ухудшилъ свое собственное положеніе, тѣмъ болѣе, что о доказательствахъ, якобы, преступной небрежности графа Лорисъ-Меликова, основанной на сокрытіи вышеназваннаго письма, было графомъ Игнатъевымъ уже должноено государю Александру III...

Когда я, одно время поддерживавшій знакомство съ генераломъ А. В. Ѳедоровымъ, вмѣстѣ съ десятками другихъ лицъ, пользовавшихся его гостепріимствомъ, прочелъ 10-го марта въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» указъ объ его увольненіи, то я рѣшилъ тотчасъ же отправиться къ нему, чтобы выразить ему свое сочувствіе.

Пріѣзжаю къ дому градоначальника. На вопросъ мой швейцара, дома ли генераль Ѳедоровъ, наглець этотъ, въ прежнее время безъ трепета не произносившій имени градоначальника, стибавшійся не только предъ нимъ, но и предо мною въ три погибели, нахально отвѣтилъ: «а кто его знаетъ, здѣсь ли онъ?»

Обругавъ, какъ слѣдуетъ, этого новоявленнаго оппортуниста, я, тѣмъ не менѣе, поднялся наверхъ и, пожавъ руку осунувшемуся и поблѣднѣвшему генералу Ѳедорову, сказавъ ему два слова утѣшенія, съ грустными мыслями о тщетѣ всего земного отправился восвояси.

Кромѣ меня, другихъ соболѣзновавшихъ, увы, не было!

Когда въ прошломъ году окончились печатаніемъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» мои воспоминанія, мнѣ тогда же пришлось услышать, правда, изъ нѣжныхъ дамскихъ устъ, упрекъ за отсутствіе въ моихъ писаніяхъ преемственной связи.

Опасаясь заслужить тотъ же упрекъ и нынѣ, нахожу нужнымъ повторить здѣсь нѣсколько словъ изъ введенія въ первую главу моихъ воспоминаній, въ которомъ я винюся именно въ томъ, что предлагаемыя воспоминанія вовсе не связаны другъ съ другомъ ни единствомъ дѣйствія, ни времени...

Вотъ на этомъ основаніи я позволяю себѣ перейти и теперь, сейчасъ же послѣ нѣсколькихъ страничекъ о времени графа Лорисъ-Меликова, къ моему знакомству съ... отцомъ Іоанномъ Кронштадтскимъ (Сергіевымъ).

Кому въ семидесятыхъ—восьмидесятыхъ годахъ не была извѣстна фигура молитвенника за больныхъ и великаго благотворителя, отца

Іоанна Кронштадтскаго?! Кто не знаетъ, что вліяніе не на одну темную массу, но и на извѣстную часть интеллигенціи отца Сергіева, этого, какъ никакъ, выдающагося пастыря, было прямо поразительно.

Вотъ единственная личность, которая при желаніи могла бы въ прошломъ повести за собою не однихъ рабочихъ, какъ это сдѣлалъ 9-го января 1905 года пресловутый отецъ Гапонъ, но весь народъ, и могла повести его когда и куда угодно!..

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мнѣ пришлось силою обстоятельствъ довольно часто видѣть отца Іоанна у себя въ домѣ. На меня онъ производилъ впечатлѣніе, несмотря на странность его выѣздовъ и обстановки, которою онъ себя окружилъ, человѣка не обидѣннаго. Даже произносимыя имъ большею частью импровизированныя молитвы, къ которымъ онъ приступалъ обыкновенно тотчасъ при посѣщеніи не только моего дома, говорили скорѣе въ пользу выраженнаго мнѣнія.

Молился отецъ Іоаннъ хотя скороговоркою, но красиво и убѣдительно, такъ, что слово его западало въ души даже людей не особенно религіозныхъ.

Какъ-то послѣ одного такого богослуженія, когда отецъ Іоаннъ сидѣлъ у насъ за трапезою, я обратился къ нему съ просьбою вписать что-нибудь въ мой альбомъ автографовъ, о которомъ я уже не разъ упоминалъ.

— Мнѣ особенно было бы пріятно,—добавилъ я:— если бы написанное коснулось вліянія молитвъ, вами произносимыхъ, на людей вообще, и въ частности на больныхъ.

Отецъ Іоаннъ съ охотою согласился исполнить мою просьбу. Вотъ буквальный текстъ имъ написаннаго:

«Христосъ моя сила Богъ и Господь. Имъ я живу, спасаюсь, оживотворяюсь, укрѣпляюсь, юнѣю духомъ и тѣломъ. Имъ влечется ко мнѣ народъ; Имъ я господствую надъ умами и сердцами; Имъ исцѣляю страсти и болѣзни духа и тѣла».

Въ вышеозначенныхъ словахъ, полныхъ глубокаго смысла и значенія, таится міровоззрѣніе отца Іоанна и отвѣтъ на мой вопросъ. «Мы съ вами идемъ къ одной цѣли, но идемъ только разными путями», сказалъ онъ какъ-то моему брату, встрѣтившись съ нимъ у постели одного и того же больного.

Вмѣстѣ съ его достоинствами, какъ пастыря, украшенными силою слова и убѣжденія, вмѣстѣ съ безсребреничествомъ (отецъ Іоаннъ хотя и бралъ деньги со всѣхъ тѣхъ, за кого молился, но бралъ только для того, чтобы имѣть возможность, въ свою очередь, дѣлать добро), у него были мелкіе слабости и недостатки, причина которыхъ лежала, несомнѣнно, въ необыкновенной популярности и въ томъ кажденіи, которое постоянно и всюду раздавалось при одномъ появленіи скромной фигуры отца Іоанна. Кто въ нашъ вѣкъ былъ

такъ почитаемъ и любимъ, какъ отецъ Іоаннъ? Какое другое имя могло бы привлечь столько богомольцевъ, столько вѣрующихъ, столько жертвователей, какъ его? Вѣдь къ настоятелю кронштадтскаго собора ежегодно стекались, какъ извѣстно, десятки тысячъ рублей.

Было бы удивительно, если бы плодомъ такого долготѣлаго и невѣроятнаго обожанія у отца Іоанна не развились маленькія слабости.

Постоянно сыпавшіеся на голову отца Сергіева упреки со стороны извѣстной части публики, находившейся въ оппозиціи съ духомъ благотворительной дѣятельности отца Іоанна изъ-за, такъ сказать, кабалы, омрачавшей эту дѣятельность, кабалы, въ которой столько лѣтъ держалъ его рядъ женщинъ, развозившихъ по цѣлымъ днямъ этого пастыря къ тысячамъ лицъ, жаждавшихъ его молитвъ, исцѣленія тѣла и души, имѣли, конечно, свое основаніе. Отецъ Іоаннъ не могъ, разумѣется, не знать, что весь его ореолъ, помимо большихъ способностей, какъ проповѣдника, все это было создано ему женщинами, правда, исключительно истеричками.

Обвиненіе, что отецъ Іоаннъ дѣлалъ добро ради любящихъ женщинъ, которыхъ онъ, въ свою очередь, любилъ, по-моему, не выдерживаетъ критики. На женщинъ, какъ на женщинъ, онъ не смотрѣлъ вовсе. Я имѣю на это нѣкоторыя доказательства, о чемъ скажу ниже.

Но имъ, какъ виновницамъ, хотя и заслуженной, славы, онъ, конечно, не могъ воспретить воспользоваться нѣкоторыми выгодами, проистекавшими изъ ихъ совмѣстныхъ поѣздокъ; къ тому же хитроумная организація путешествій по больнымъ и умирающимъ, а также сложная охрана отца Іоанна отъ разныхъ кликушъ и пр. сильно бы пострадала, если бы была не въ женскихъ рукахъ. Мужчина въ роли такого охранителя едва ли бы былъ на должной высотѣ. Для этого у мужчинъ нѣтъ необходимой выдержки. Перехожу къ одной маленькой слабости отца Іоанна. Отецъ или батюшка, какъ его обыкновенно называли, чувствовалъ какое-то особое пристрастіе къ довольно дорогому елисеѣвскому хересу, на этикеткѣ котораго былъ изображенъ золотой корабликъ. Только это вино онъ охотно пилъ, но и то въ послѣднее время не больше рюмки.

Однажды, когда отецъ Іоаннъ пообѣщалъ заѣхать къ намъ, мы съ женою вспомнили, что хересъ съ корабликомъ у насъ на исходѣ. Такъ какъ у меня въ то время было нѣсколько бутылокъ уже испробованной весьма рѣдкой мадеры, подаренной мнѣ однимъ чрезвычайно богатымъ помѣщикомъ и большимъ знатокомъ вина, то елисеѣвскаго хереса, несмотря на дороговизну его, несомнѣнно, гораздо худшаго качества, я не купилъ, а откупорилъ ожидавшемуся гостю имѣвшуюся у меня мадеру. Еще не испробовавъ моего вина, отецъ Іоаннъ сказалъ мнѣ съ упрекомъ:

СИНОП. ВѢСТН., АВГУСТЪ 1913 Г., Т. СХХХІІІ.

7

— А ты, мой другъ, видно, поскупился и не приобрѣлъ моего любимаго вина?

— Странно, что вы, батюшка, еще не отвѣдавъ предложеннаго вамъ вина, въ десять разъ лучше елисеѣвскаго, нашли возможнымъ обвинить меня въ скупости. Неужели бы вамъ, крестному отцу моего сына, я пожалѣлъ нѣсколько рублей на покупку елисеѣвскаго хереса!

— Винюсь, винюсь, — нѣсколько сконфуженнымъ голосомъ произнесъ отецъ Иоаннъ и сталъ пробовать стоявшую передъ нимъ мадеру.

Вино, какъ и слѣдовало ожидать, чрезвычайно понравилось отцу Иоанну, и вопреки своему правилу онъ выпилъ не одну, а двѣ рюмки...

Въ началѣ мая 1908 года, когда изъ Кронштадта со всѣхъ сторонъ шли слухи о серьезномъ заболѣваніи отца Иоанна, вдругъ получаю я оттуда же телеграмму за подписью одной особы, въ послѣднее время возившей отца Иоанна по больнымъ, въ которой значилось: «Батюшка проситъ васъ пріѣхать, какъ врача». Немного удивившись такому приглашенію, такъ какъ я сознавалъ, что въ распознаваніи болѣзни, которою страдалъ, по слухамъ, отецъ Иоаннъ, я совершенно не былъ компетентенъ, я все-таки на другой день поѣхалъ въ Кронштадтъ.

Только живые еще глаза на страшно похудѣвшемъ и покрытомъ мелкими морщинами лицѣ отца Иоанна освѣщали его выразительныя и умныя черты. Отца Иоанна я не видѣлъ больше полугода.

— Вотъ наконецъ и васъ, какъ добраго своего знакомаго, я рѣшился побеспокоить, — сказалъ, расцѣловавшись со мною, отецъ Иоаннъ. — Хочется мнѣ знать откровенно, можно ли мнѣ помочь и есть ли какая-нибудь надежда, хотя бы на неполное выздоровленіе? Мнѣ доктора-специалисты уже давно называли мое основное страданіе. Человѣкъ, однако, живъ надеждою. Быть можетъ, вы, какъ врачъ, пользующій внутреннія болѣзни, взглянете на мою болѣзнь не съ узкой точки зрѣнія специалистовъ?

Осмотрѣвъ тщательно отца Иоанна, я, хотя и не сдѣлалъ специальныхъ изслѣдованій, все-таки могъ сказать съ достовѣрностью, что заболѣваніе предстательной железы и мочевого пузыря, которымъ въ послѣднее время страдалъ бѣдный батюшка, повидимому, достигло высокой степени.

— Вы хотите знать мое вполне откровенное мнѣніе? — сказалъ я отцу Иоанну по окончанію моего осмотра.

— Я его требую; я уже зажился на свѣтѣ, мнѣ вѣдь восемьдесятъ одинъ годъ, — проговорилъ отецъ Иоаннъ. — Смерти я не боюсь!

— Специальное леченіе подъ руководствомъ врача-специалиста, полнѣйшій отдыхъ, постоянное пребываніе на чистомъ деревенскомъ

воздухѣ, строжайшій режимъ, отказъ отъ всякаго богослуженія— могутъ въ настоящемъ облегчить ваши страданія и даже нѣкоторое время отдалить неминуемый конецъ,—со смущеніемъ произнесъ я свой грустный приговоръ...

— Спасибо,—отвѣтилъ мнѣ совершенно спокойно отецъ Іоаннъ.— Но отъ богослуженій, отъ постовъ и отъ молитвъ за болящихъ я никогда не откажусь, покуда болѣзнь окончательно не прикуетъ меня къ постели. Только одинъ изъ вашихъ совѣтовъ я исполню: поѣду, какъ и каждый годъ, въ Архангельскую губернію, но находиться подъ постояннымъ наблюденіемъ спеціального врача—этого я сдѣлать тоже не могу.

Затѣмъ, еще разъ поцѣловавъ меня, произнесъ твердымъ голосомъ, безъ малѣйшихъ признаковъ волненія:

— Спасибо, спасибо!

Выйдя потомъ въ слѣдующую комнату, гдѣ возсѣдала батюшкина жена, молчаливая, тучная, шарообразная особа, только на нѣсколько мѣсяцевъ пережившая своего мужа, и еще какія-то невзрачныя съ виду, совсѣмъ простенькія женщины, отецъ Іоаннъ тѣмъ же спокойнымъ голосомъ, даже скорѣе довольнымъ, сказалъ имъ всѣмъ, дожидавшимъ, видимо, съ нѣкоторымъ волненіемъ результатовъ моего осмотра:

— А меня докторъ обнадежилъ, но посовѣтовалъ поскорѣе уѣхать на родину.

Время, которое я посвятилъ на изслѣдованіе больного, отчасти ушло на подробный разговоръ отца Іоанна относительно его физической жизни за послѣднія тридцать-сорокъ лѣтъ. Конечно, всего того, что мнѣ говорилъ отецъ Іоаннъ, передать въ печати нельзя по многимъ причинамъ; но зато я вынесъ положительное убѣжденіе, что женщины, какъ таковыя, у отца Іоанна никакой роли не играли. На нихъ онъ смотрѣлъ исключительно съ жалостливой стороны...

Этимъ-то и объясняется широкое покровительство женщинамъ со стороны отца Іоанна. Это покровительство дало жизнь нѣсколькимъ новымъ женскимъ монастырямъ, во главѣ которыхъ стоитъ въ Петербургѣ Іоанновскій монастырь, недавно устроенный здѣсь на рѣкѣ Карповкѣ.

Настоятельницаю послѣдняго состоитъ энергичная мать Ангелина. Зная о моихъ отношеніяхъ къ покойному «батюшкѣ», она неоднократно приглашала меня посѣтить ихъ монастырь.

Во время осмотра обители мать Ангелина пододвинула ко мнѣ книгу посѣтителей, прося написать въ ней что-нибудь въ память объ отцѣ Іоаннѣ, учредителѣ монастыря.

Вотъ что пришлось мнѣ написать въ этой книгѣ, конечно, не въ тотъ же день, а при вторичномъ посѣщеніи монастыря, строго обдумавъ написанное:

«Какъ никому не удавалось до сихъ поръ охватить истинныхъ

черть Божественнаго лика, такъ никому не удалось точнымъ образомъ передать и Евангелія.

«Честь же и хвала отцу Иоанну Крошштадтскому, одному изъ немногихъ людей, которому дана была возможность живымъ и одухотвореннымъ словомъ приблизиться къ точному разъясненію евангельскихъ истинъ».

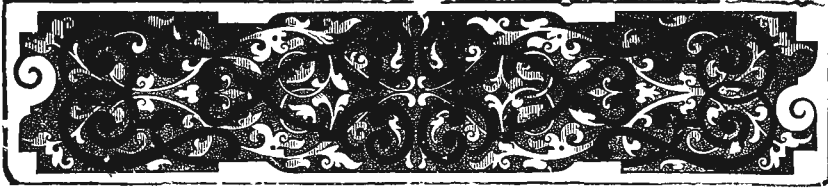
Вскорѣ послѣ моего посѣщенія въ Крошштадтѣ отца Иоанна батюшка приобрѣлъ два золотыхъ яйца-складня, очень хорошей работы, на которыхъ были изображены Спаситель и Николай Чудотворецъ.

Яйцо съ изображеніемъ Спасителя отецъ Иоаннъ, по его словамъ, поднесъ наслѣднику цесаревичу; второе же яйцо отдалъ моему сыну, своему крестнику.

В. Б. Бертенсонъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).



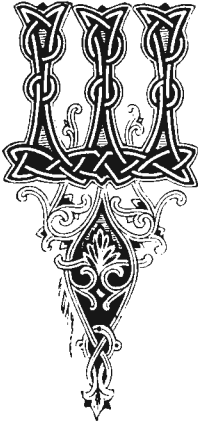


В О Х М Е Л Ю .

(Изъ жизни современной деревни).

I.

Ярмарка.



ЕСТОГО августа 1905 года по случаю храмового праздника въ селѣ Кудеяровѣ была ярмарка. Лѣто выдалось жаркое, и знойнымъ днямъ, казалось, конца не будетъ. Съ большими полевыми работами покончили, а потому на «ярманку» народъ валомъ валилъ, точно изъ мѣшка кто «вытряхнулъ». Сквозь зной и пыль солнце казалось рыжимъ пятномъ. Улица ломилась отъ народу. Съ утра напоздравлявшіеся мужики были навеселѣ, а молодежь разошлась во всю. Только гуль стоялъ отъ визга гармоникъ, пѣнія частушекъ, топанья ногъ, зазыванія торговцевъ. Вотъ изъ «маличьего» ряда выскочилъ молодой парень и ломаясь, въ пьяномъ азартѣ, пригѣваль:

Ахъ родители, губители,
Зарѣзники мои...

— Ахъ, шельма, какъ это у него складно!

Ахъ, у милашки у моей
Заболѣла нога въ ей...

— Ишь, ты! И откуда у него берется...

Ахъ, родители мои,
Подвяжите мнѣ штаны!

Откуда-то, со стороны вломился въ толпу другой пьяный, въ красной рубахѣ и безъ пояса. Глаза его были красны отъ перепоя. Онъ былъ страшенъ и противенъ.

— Хо-хо-хо!—одобряла его пьяная толпа:—знай нашихъ!

— Гы-ы-ы!—зарычаль онъ неистово, бессмысленно поводя пьяными бычачьими глазами.

— Уймись, дуракъ!—удерживала баба буяна:—постыдись людей.

— У-у-у!.. Убью!—ломался и ругался онъ:—ы-ы-ы-ыхъ!..

— Тррр... тррр...—раздался свистокъ урядника.

Буяна убрали.

— Барышни, барышни, заходите! заходите!—зазываль приказчикъ къ балагану съ гостинцами.

— Къ намъ, барышни, къ намъ красавицы!—перебиваль другой.—Всегда у насъ брали. У насъ, какъ въ парижскомъ салонѣ, хоть на соломѣ да съ танцами и оперой,—указаль онъ на кривлянье проходившихъ парней.—Вишь, какой десертъ съ дивертисментомъ, опера съ балетомъ.

Дѣвки останавливались, жеманились, закрывались руками, лукаво хихикали и лущили сѣмечки.

— Да у васъ все дорого, Семень Ивановичъ.

— Зато какъ въ городѣ,—разсыпался тотъ мелкимъ бѣсомъ:—за три копейки съ бархатомъ.

Толпа смѣялась и покупала.

— А надѣлите, Христа ради, сляпова, убогова, милосердные благодѣтели,—причитали у воротъ церковной ограды.

Тутъ же рядомъ хоръ нищихъ испитыми, осипшими голосами, нестройно пѣлъ:

А и помяни то и Господи,
А и вашихъ родителей,
А и тегушекъ, дядошекъ,
А и дѣдушекъ, бабушекъ,
А и матушекъ крестныхъ,
А и бабушекъ пупорѣзныхъ,
А и всѣхъ вашихъ сродниковъ,
А и на войнѣ убиенныхъ,
А и на водахъ потопленныхъ,
А и сотвори имъ вѣчную память!

За оградою, возлѣ церкви, кучками играли въ карты. Отъ одной партіи отдѣлился молодой парень, быстро перепрыгнувъ черезъ ограду и, видимо, спасаясь отъ толпы, бросился бѣжать въ сторону. Занимъ погнались. Толпа хлынула туда. Видно было, какъ махали руками, визжали дѣвки и бабы. Явилась полиція. Толпа лѣнливо разошлась.

Въ сторонкѣ отъ сутолоки, не обращая ни на что вниманія, задерганный, сѣдой, какъ лунь, съ выщипанной козлиной бороде-

кой старикъ, опираясь на дубинку, пробоваль плясать. Выпитое вино и старость сильно мѣшали, но старикъ не унывалъ и упорно старался выкинуть колѣно.

— Вали, вали, дѣдъ, гдѣ-нибудь играютъ!—смѣялись ему.

Онъ не обращаль вниманія на насмѣшки, дрыгалъ задомъ, семеняль ногами, шевелиль беззубымъ ртомъ и размахиваль руками.

II.

Нежданный гость.

У «рендака» Андреяна Поликарпова сегодня вдвойнѣ весело. Первое—благодарить Создателя—дождались годового праздника; второе—передъ самой обѣдней, неожиданно-негаданно, пришелъ изъ солдатъ на мѣсяць Никашка. Молодуха Аниска все утро ходила сама не своя... «Спужалась» и обрадовалась. Душа такъ и замирала отъ радости. Шутка ли? Не пожила замужемъ мѣсяца, только начала привыкать, и Никашу сдали въ солдаты. Съ тѣхъ поръ больше году не видались. А сегодня такое привалило... При воспоминаніи отъ счастья у молодухи все лицо заливалось краскою, уши горѣли.

Старикъ хлопоталь о томъ, какъ бы раздобыть еще винца, боялся, что запасеннаго не хватитъ. Свекровь «гомозилась» подлѣ печки, готовила для дорогихъ гостей, а Аниска безъ толку совалась туда и сюда, готовая помочь хозяйкѣ. Счастливая и радостная, поминутно высказывала въ сѣни и поглядывала на пологъ, гдѣ съ дороги отдыхаль Никаша.

— Анисъ! подай-ка кисеть, тамъ на окнѣ...

Аниска такъ и шарахнулась. А Поликарповъ мягко спросилъ:

— Никашъ! Пойдешь, что ли, на ярманку? Такъ вставать пора...

— Сичасъ встану...

Молодуха помогала ему одѣться. Умываясь, онъ спросилъ:

— У твоихъ-то родителейъ за озеромъ тихо ль? Здоровы? Жеребеночекъ-то растеть, ай проданъ? Не поѣхать ли провѣдать ихъ для праздника?

— Ну, Никашъ!—воскликнула она, вся зардѣвшись отъ радости:—я попрошусь у матыньки... Завтра вернемся «до иконъ».

— Ладно, просись.

Погулявши часокъ-другой на ярмаркѣ, они вернулись домой, попили чайку, перекусили и стали справляться къ своимъ въ деревню Паново, за озеро. Деревня Кудеярово стояла на одномъ берегу озера, а на другомъ деревня Паново, гдѣ жили родители Аниски. Кругомъ озера приходилось итти версть шесть, а черезъ озеро всего версты три. Никандра и Аниска раздобыли челнъ и отправились къ своимъ прямикомъ.

— Только обязательно завтра чтобъ до иконъ воротиться. Не порядокъ это... Годовой праздникъ, милость Божья въ домъ придеть, а васъ не буде дома. Какъ «поповъ» отпустимъ, гостей проведемъ, такъ я обоихъ отпущу хоть на недѣлю,—говорилъ Андреянъ Поликарповъ, отпуская ихъ.

— Безпремѣнно, батенька, на свѣту воротимся,—увѣряла молодуха, прощаясь съ семьей и торопя мужа со сборами.

— Своимъ кланяйся,—говорилъ Андреянъ, провожая ихъ на озеро.—Скажи свату,—обратился онъ къ Никандру:—чтобы завтра тоже приходилъ къ намъ въ праздничную... Всѣ вмѣстѣ соберемся. Иконы будутъ и все такое. А тамъ и мы съ хозяйкой къ нему въ гости.

— Ладно, батенька!—отвѣтила за мужа Анисья уже въ лодкѣ.

III.

Б ѣ д а.

— Караулъ!.. человекъ тонетъ на озерѣ!—пронесся по утренней зарѣ крикъ по улицѣ селенія Кудеярова. Вслѣдъ за нимъ набатный звонъ прорѣзалъ предразсвѣтную тишину и разлился по окрестности. Все село, какъ одинъ человекъ, высыпало на улицу. Въ ночь погода измѣнилась. Надъ озеромъ стояла черная злобщая туча и тянулъ рѣзкій вѣтеръ. Вдали чуть-чуть погромыхивало, точно невѣдомый страшный звѣрь ворчалъ сердито. Сквозь сѣрбующій разсвѣтъ было плохо видно.

— По-мо-ги-и-те!..—какъ стонъ, донеслось отъ озера. Всѣ бросились туда. Вѣтеръ крѣпчалъ. Туча быстро росла, грозно надвигаясь.

— Господи! Неужто нашъ Никанька?—запахиваясь и ежась отъ утренняго холода, стуча зубами, говорилъ Андреянъ испуганнымъ и заспаннымъ голосомъ.

— Больше некому, какъ имъ,—подтвердилъ догадку Прокопій, старшій сынъ Андреяна:—коли онъ сказалъ, что будетъ, такъ его ничѣмъ не удержишь... Особливо выпито.

— А, можетъ, кто другой въ ихнемъ челну,—выбивая дробь, переспросилъ Андреянъ, спѣша къ озеру.

Безпорядочная, полусонная, не успѣвшая за ночь протрезвиться, толпа безъ толку суетилась на берегу. Никто ничего не зналъ. Въ полутемнотѣ не разобрать.

— Го-о-о!..—пронеслось надъ озеромъ. Вслѣдъ за этимъ сверкнула молнія. На мгновение раздвинулся черный небесный занавѣсъ, и на одинъ моментъ открылась бушующая бездна озера.

Всѣ отчетливо различили саженяхъ во ста отъ берега челнъ, въ которомъ два человекъ тщетно боролись съ волпами.

— Господи!—невольнo вырвалось у всѣхъ.

— ... ги-ите...—пронесъ вѣтеръ отрывокъ.

Всѣ замерли въ безмолвномъ ожиданіи, зорко всматриваясь въ темноту.

Озеро бушевало. Туча поминутно изрыгала на мгновение изъ своей пасти ослѣпительный свѣтъ, послѣ чего становилось еще темнѣе.

— Держись, Ника-андра!..

Прокопій съ Андреяномъ толкались по берегу. То войдутъ въ воду по колѣно, то опять назадъ.

— Лодку бы,—сказалъ кто-то.

Единственная лодка мѣстнаго торговца оказалась на замкѣ. Сорвали замокъ. Побѣжали въ село за весломъ. Кричали, совались туда и сюда, давали совѣты, кто-что.

Мать Никандра, растрепанная, въ одной рубахѣ, какъ вскочила съ кровати, металась по берегу и, ломая руки, причитала:

— Жедобное мое дитяtko! Прилетѣлъ на родимую сторонущку для своей смеретушки... Родимые мои! помогите, Христа ради... Вѣдь это мой Никанька съ Аниской...

— Гдѣ жъ тутъ помочь!

— Веревку бы али жердь подлиннѣе,—посовѣтовалъ кто-то, но не встрѣтилъ одобренія. Нелѣпость совѣта была такъ очевидна.

Вѣтеръ свирѣпѣлъ. Связно нельзя было говорить. Слова отрывались и уносились, не достигая цѣли.

— А-а-а!—доносилось сквозь шумъ.

Толпа крестилась.

Р-р-р-р-бумъ!.. Р-р-р-р-бумъ!—грохотала туча.—Ж-ж-ж-буммъ... Кто-то невидимый ворочалъ гигантскими жерновами.—Пшлапланъ!.. ишлапланъ!..—о чемъ-то зловѣще шептались волны...

Принесли изъ села весло.

У всѣхъ мелькнулъ лучъ надежды. Молодой парень вырвалъ принесенное весло и бросился съ нимъ въ лодку. Всѣ заволновались еще болѣе...

— Это было въ девяностомъ году,—отвертываясь отъ вѣтра, ни къ кому не обращаясь, началъ одинъ:—на Полистовскомъ озерѣ... Днемъ... семь человекъ... съ конторы ѣхали. Тожъ такъ... Поднялась буря... и Господи... Полверсты не отѣхали. Вотъ жалости-то было... Батюшка вышелъ... съ крестомъ... Отходную началъ читать. Такъ на глазахъ всѣхъ и...

Вдругъ невидимая рука снова раздвинула гигантскій черный занавѣсъ и задержала на мгновение. Раздался страшный ударъ, хлынул ливень, и всѣ отчетливо увидѣли, какъ лодка съ пловцами опрокинулась въ двадцати саженьяхъ отъ берега.

— Га-а-а!

— Господи, спаси рабовъ Божьихъ Никандру и Анисью!—вырвалось у всѣхъ. Бабы завыли.

Многіе упали на колѣни и молились. Мать Никандра въ отчаяніи билась на землѣ. Андреянъ съ Прокопьемъ бѣгали по берегу, какъ безумные, и только твердили: «братцы! братцы!»

— Держись правѣ! Тамъ мелко!.. Но вѣтеръ вырвалъ слова и унесъ въ противоположную сторону.

Сквозь сѣрѣющую мглу видно было, какъ два человѣка, выбиваясь изъ силъ, ныряли въ волнахъ.

Парень тщетно барахтался съ лодкою, стараясь отплыть отъ берега...

Туча пронеслась...

IV.

Фельдшеръ и докторъ.

Фельдшеръ Огурцовъ съ утра лежалъ на кровати и пилъ пиво. Сегодня кончился зарокъ его трезвости, котораго онъ ждалъ съ сладострастнымъ нетерпѣніемъ. Задолго до этого, смокуя, онъ твердилъ:

— Выпишу своего пріятеля Шрамова, заготовлю корзину пива, чтобы утромъ, какъ проснусь, такъ и начать. Три дня будемъ пить. И доктору объ этомъ уже сказано: три дня меня не тронь, а потомъ шабашъ пить. Опять зарекусь не пить пива и водки. Это я могу. Хоть годъ, хоть два могу не пить. Вотъ Шрамовъ слабъ, тотъ не можетъ удержаться и чрезъ присягу пить начнетъ. А я коли скажаль—шабашъ. Мое слово—олово.

Послѣ двадцатой бутылки отвыкшій за годъ отъ алкоголя организмъ не выдержалъ. Огурцовъ, будучи не въ силахъ болѣе протянуть руки за пивомъ, прохрипѣлъ:

— Дарья, пива...

Не допивъ налитаго стакана, онъ безсильно склонилъ голову на подушки и заснулъ.

Въ девять часовъ вечера пріѣхаль Шрамовъ, подошли еще кое-кто. Попойка началась снова и затянулась далеко за полночь. Воздухъ пропитался перегаромъ. Было грязно, дымно, пыльно и шумно.

— Что мнѣ докторъ? Плевать я на него хотѣлъ!—кричалъ въ отвѣтъ на сдѣланное замѣчаніе пьяный Огурцовъ, размахивая руками.—Много ихъ въ Кудеяровѣ перебыло. Огурцовъ всѣхъ пережилъ... и этого переживу! Не будь я Огурцовъ, если черезъ полгода его не выживу.

— Тамъ васъ спрашиваютъ,—вошла въ комнату Дарья.

— Что такое?—установился на нее посоловѣлыми глазами Огур-

цовъ.—Сказано, никого не принимать—и шабашъ. Коли къ больному—не поѣду. Не помрутъ за три дня. Пошли къ доктору.

— Тамъ мальченко прибѣжалъ. На озерѣ Никандра съ Аниской тонуть, такъ за докторомъ прислали.

— Ну, и пусть идутъ къ доктору, дура.

— Да докторъ за вами прислалъ. Онъ боленъ.

— Боленъ... Черти... Встать не хочеть. Баринъ тоже... Лошадь!

— Лошадь готова.

Дорогою посланный разсказалъ, что на озерѣ сегодня на свѣту утонули Никандра и Анисья Арендательевы. Аниску не нашли, а Никандру вытащили и «качаютъ».

Едва пересиливая одолѣвшую дремоту, Огурцовъ пріѣхалъ на берегъ озера.

Завидѣвъ пьянаго Огурцова, толпа заволновалась.

— Чаво докторъ не пріѣхалъ? — раздались недовольные голоса:—ѣтъ гдѣ жъ?

— Лѣшій его знаетъ,—отвѣтилъ пьяный Огурцовъ.

— Намъ и все такъ!

— Кабы къ Гардинской енеральши, небось, поѣхалъ бы!

— Намъ и пьянаго фершала полно...

— Идолы!..

— Чаво тамъ, бѣги опять за докторомъ...

Кое-какъ выбравшись изъ тарантаса, Огурцовъ, заплетаясь, пошлакъ къ трупу.

— Что вы тутъ съ нимъ дѣлали, черти?

— Мы ничего... покачали малость...—раздалось несмѣло.

— Невожъ васъ, идоловъ, дожидать!

Огурцовъ плюхнулся возлѣ трупа и приложилъ ухо къ груди.

Толпа нервничала, не сдерживалась. Всѣ ждали съ напряженіемъ.

— Несите къ доктору, я ничего не могу подѣлать,—съ трудомъ однявшись съ земли, сказалъ Огурцовъ и пошелъ къ лошади.

— А-а-а!..—вырвалось вдругъ у всѣхъ:—вотъ что!

— Мы и такъ видимъ, что не можешь. Идолы...—загалдѣли всѣ разомъ.

— И впрямъ, братцы, идемъ къ доктору. Чаво намъ тутъ канителиться и дожидать.

— Да докторъ спитъ.

— Разбудимъ!

— Не поглядимъ, что рано. Встане, не баринъ...

Мужики подхватили трупъ и быстро направились въ Кудеярово.

Было свѣтло. Дорогою толпа освѣжилась новыми силами. Чѣмъ ближе къ селу, тѣмъ сильнѣе нарастало раздраженіе. Одни подзадоривали другихъ. Опьянѣніе росло. Злоба кипѣла. Нѣкоторые колотили себя въ грудь.

Кто-то кому-то грозилъ. Махали руками.

— Мы уже... погоди!.. Мы имъ покажемъ... Узнаютъ Кузькину мать...

— Идолы!

— Жалованье хотятъ получать...

— Управы на нихъ нѣтъ. Найдемъ!

— Ладно... Ужо-ка... Погоди-ка...

Съ шумомъ и гамомъ подошли къ квартирѣ доктора и начали колотить кулаками въ дверь.

Перепуганная прислуга, не разобравъ, въ чемъ дѣло, открыла дверь и, увидѣвъ покойника, бросилась назадъ съ крикомъ:

— Мертвецъ, мертвецъ!

Разъяренная толпа ввалилась въ комнаты.

Не обращая вниманія на крики раздѣтой и обезумѣвшей отъ страха докторши, мужики достигли спальни и положили трупъ на кровать рядомъ съ докторомъ, крикнувъ ему:

— Лечи, проклятый, на дому, коли не хотѣлъ пріѣхать туда!..

V.

На волосокъ отъ смерти.

— Петръ Степановичъ! Петръ Степановичъ! Да проснитесь же скорѣе,—тормошила полуобезумѣвшая докторша своего гостя.— Ради Бога, скорѣе... Они его убьютъ, моего Леву, убьютъ.

— Что такое? Кого убьютъ?—пробуждаясь и ничего не соображая, спросилъ Стаевъ, учитель мѣстной земской школы.

Онъ поздно вернулся съ вечеринки и спалъ сладкимъ сномъ на сѣнѣ въ сараѣ.

— Моего Леву... Они убьютъ... Скорѣе... Принесли утопленника... въ спальню... на кровать... Скорѣе... ради Бога!.. — ломала она руки.—Спасите...

— Какой утопленникъ?—быстро вскакивая и начавъ одѣваться, спросилъ онъ, еще ничего не понимая.

— Ради Бога, Петръ Степановичъ! Скорѣе!—воскликнулъ вбѣжавшій въ сарай блѣдный ветеринарный студентъ.

— Да говорите толкомъ, что тамъ такое?

И, не дожидаясь отвѣта, въ предчувствіи чего-то недоброго, нервно застегивая на ходу пиджакъ, Стаевъ быстро направился къ квартирѣ доктора.

Ни одинъ мускулъ на лицѣ не выдавалъ его волненія. Только руки нервно перебирали пуговицы пиджака, то застегивая ихъ, то опять разстегивая.

По пути его обогнали, не здороваясь съ нимъ, нѣсколько человѣкъ съ нахмуренными лицамп.

— Будьте осторожны, Петръ Степановичъ. Пьяны всѣ... Озлоблены... —торопливо на ходу говорилъ студентъ:—нить порвалась... звѣрь проснулся... давнишнее назрѣло, накипѣло... Помилуй Богъ, прорвется, не устоять ни доктору, ни мнѣ, ни вамъ, ни Огурцову... Докторъ ни при чемъ тутъ. Онъ хорошій... Это противъ насъ, всѣхъ сюртучниковъ... Я шелъ съ толпою до квартиры... слышалъ... Разсчитаться хотять...

— Э, полно вамъ безъ времени отходную читать, —досадливо отмахнулся Стаевъ.—Смѣлѣе! Не отставайте отъ меня.

Онъ вбѣжалъ въ настежь распахнутыя двери и остановился въ оцѣпенѣннн.

Прилично обставленная, чистенькая квартира доктора была въ полномъ распоряженіи пьяной толпы. Мужики съ грязными ногами расхаживали по комнатамъ, топтали дорогіе ковры, сидѣли въ мокрыхъ кафтанахъ на мягкой бархатной мебели, махали руками, кричали и ругались. Кто-то колотилъ кулакомъ по раскрытому піанино.

Стаевъ бросился въ спальню.

Въ одномъ бѣлѣ, безъ кровинки въ лицѣ, докторъ сидѣлъ на кровати, прикрывъ ноги одѣяломъ. Рядомъ съ нимъ на постели лежалъ голый трупъ утопленника. Докторъ безсознательно мялъ ему рукою животъ и, обратясь лицомъ ко входу, бессмысленно твердилъ:

— Что я могу подѣлать?.. Что я могу подѣлать?!

Съ остервенѣлыми лицами мужики обступили кровать, сучили руками и кричали:

— Самъ не хотѣлъ ѣхать! Пьянаго фершела прислалъ...

— Возлюжаться надъ нами вздумалъ... Господинъ не мелкій!..

— Не выспался!.. Заработался... Съ сохой ходилъ!..

— Что я могу подѣлать?! Что я могу подѣлать?

— Лечи, проклятый!.. На берегъ не пріѣхалъ... съ женой спалъ.

Лѣнь встать было!

— Вотъ мы тебя разбудимъ... Мы тебя заставимъ...

— Что я могу подѣлать? Что я могу подѣлать?

— Ничего не можешь?! А жалованье получать можешь? Гривенники за лекарство брать можешь?—брызгая слюнями, соваль кулаками въ лицо пьяный мужикъ.

— Водой лечить можешь? Идолъ этакій!..

— Что вы тутъ дѣлаете? Зачѣмъ собрались? —всматриваясь въ лица и не узнавая ихъ, крикнулъ Стаевъ.

И сразу почувствовалъ, что той власти, какую онъ всегда имѣлъ надъ толпою, онъ не имѣетъ. Слова затерялись въ общемъ шумѣ и гамѣ и не произвели впечатлѣнн.

Болѣе страшнаго момента ему не приходилось переживать.

— И ты за нихъ? Откуда такой заступникъ выискался!

— Что тебѣ тутъ надо?—оттолкнувъ незнакомаго мужика и ставъ между имъ и докторомъ, крикнулъ Стаевъ.

— А вотъ что!

Осатанѣлый дѣтина съ налитыми, какъ у быка, глазами, сорвалъ одѣяло, обнаживъ голыя, безъ бѣлья ноги доктора.

— А-а!..—зарычала толпа при видѣ полунагого доктора.—Вотъ чѣмъ ты боленъ?.. Вотъ почему не поѣхалъ!..

— Прочь руки!—вырвавъ одѣяло и бросивъ на ноги доктору, крикнулъ, наступая на толпу, Стаевъ.

— Чаво тамъ глядѣть?.. робята!..

— Не тронь!..—заревѣлъ Стаевъ.—Отвѣчать будете...

Толпа притихла.

— Василій Васильевичъ!—узналъ онъ мужика въ толпѣ.—Ко мнѣ... Помогите!

Мужикъ нехотя подошелъ.

— Гаврила, Антопъ, Пропойй,—узналъ Стаевъ мужиковъ.—Подходите, живо.

Толпа потеряла свою сплоченность. Ихъ узнали... Мужиковъ называютъ по имени. Страхъ отвѣтственности и власть прежней дружбы съ учителемъ охладили накипѣвшій гнѣвъ.

— Скорѣе! берите тѣло... Дай дорогу... Уходи!

Мужики, потупивъ въ землю полные ненависти глаза, вяло подошли, нехотя взялись за трупъ... и быстро, быстро направились къ выходу.

За ними, закутываясь въ воротники кафтановъ, хлынули остальные.

Обливаясь потомъ, Стаевъ вышелъ на крыльцо и въ изнеможеніи опустился на ступеньку. Во рту у него пересохло.

На улицѣ толпились мужики и любопытные. Билась въ истерикъ докторша.

У раскрытаго окна своей квартиры, напротивъ, сидѣлъ Огурцовъ, пилъ пиво и ругался.

М. С. Семеновъ.





ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ЕВРЕЙСКОМЪ ПРОШЛОМЪ.



ТЕПЕРЬ, когда вся жизнь уже въ прошломъ и впереди ни упованій, ни надеждъ, это прошлое, хотя мало счастливое и рѣдко, рѣдко пріятное и радостное,—стало для меня дорогимъ. И имъ, только имъ однимъ живу теперь и дышу. Въ свойственныя старости бессонныя ночи, когда меня одолѣваютъ немощи и боли, то о тѣхъ и другихъ почти забываю, когда вдругъ воскресаютъ въ памяти событія и образы, давно минувшіе. И вновь переживаю то, что было: прошлыя горести, печали, радости... И опять горюю я, печалюсь и радуюсь... Опять, какъ будто, живу настоящей, бьющей живымъ ключомъ жизнью... Величавые образы когда-то близкихъ, давно отошедшихъ въ вѣчность и рядомъ съ ними незначительныя личности и всякая мелкота, факты и событія изъ дали прошлаго вырисовываются предо мною съ поразительной яркостью, точно живыя. До чего живо воскресаютъ въ памяти иныя воспоминанія! До чего вырисовываются картины, сцены и лица! Кажется иногда, что дышишь даже воздухомъ прошлаго. И какъ пріятенъ тотъ воздухъ, и какъ живительно дѣйствуетъ онъ на ослабѣвшій старческой организмъ...

Какое великое благо въ воспоминаніяхъ, тѣмъ болѣе, когда есть что вспомнить, все равно: хорошее или дурное. Послѣднее вспоминается съ облегченіемъ, со спокойною удовлетворенностью, съ

сознаніемъ, что это ужъ прошло и никакой боли не причиняетъ. Не будь этихъ воспоминаній, старость была бы гораздо печальнѣе, мучительнѣе. Нахлынуть воспоминанія, становится не только легко, но и радостно, не скажу — жить, а доживать, дотащиться до ожидаемаго конца. Вѣдь мы, старики, только о концѣ и думаемъ, и это — куда невесело. А потому только они — воспоминанія — красятъ наше существованіе, бодрятъ нашу старость. Пріятно забыться и забыть настоящее и воскрешать себя въ прошломъ. И опять — хоть въ мечтахъ, но видѣть себя молодымъ и, хоть мысленно лишь, вновь переживать свою молодость...

Замѣчательно. Предо мною, старикомъ, постоянно оживаютъ годы самой ранней юности и болѣе живо и выпукло вырисовываются памятью, чѣмъ годы расцвѣта моей дѣятельности: работы, борьбы, удачъ и неудачъ. Послѣднія точно померкли, обезцвѣтились и обезцѣнились и какъ бы только случайно вторгаются въ мои старческія думы, и моя стариковская память скупю ихъ оживляетъ. Въ мысляхъ о нихъ чувствуешь отсутствіе колорита, сочности переживанія. И, какъ отъ назойливыхъ мухъ, стараешься освободиться отъ надоѣдливыхъ думъ.

Итакъ, да здравствуетъ молодость и въ прошедшемъ — въ дѣйствительномъ, и въ настоящемъ — въ мечтахъ и сновидѣніяхъ. Право же, мечта равноцѣнна дѣйствительности; она такъ же пріятна, такъ же краситъ и отравляетъ жизнь. Наконецъ, кто опредѣлитъ настоящую грань и скажетъ, гдѣ кончается въ жизни дѣйствительность и начинается мечта, и наоборотъ?...

Подѣлюсь съ читателемъ клочками моей жизни, какъ оживаютъ они въ моей памяти. Всѣ они въ прошломъ и все же живы для меня; живѣе нынѣшняго дня и нынѣшней дѣйствительности. Послѣдніе — нынѣшній день и нынѣшняя дѣйствительность — напоминаютъ мнѣ о себя старческими недугами, болями, бессонницей, отсутствіемъ радостей и упованій. То ли дѣло — думы о пережитомъ: онѣ бодрятъ и мирятъ съ жизнью.

Предупреждаю: никакой стройности, никакого систематическаго изложенія фактовъ и событій въ моихъ воспоминаніяхъ читатель не найдетъ. Не законченную автобіографію собираюсь написать, а хочу лишь передать бумагѣ разрозненные клочки изъ пережитаго мной въ томъ порядкѣ, въ какомъ воскрешаетъ ихъ нынѣ моя память, причемъ изложу, конечно, тѣ факты и событія моей личной жизни и жизни моихъ родныхъ, знакомыхъ и друзей, которые имѣютъ интересъ бытовой и историческій, а, слѣдовательно, и общественный.

Ну, кажется, все. На этомъ покончу съ предисловіемъ и приступлю къ воспоминаніямъ.

Равви Элій-гаонъ.

I.

Равви Элій былъ послѣднимъ «гаономъ» въ Израилѣ. Съ его кончиной этотъ титулъ никому ужъ не можетъ быть присвоенъ до пришествія ожидаемаго Мессіи. Сначала у евреевъ были патріархи: Авраамъ, Исаакъ и Иаковъ, потомъ были пророки; послѣ пророковъ появились *танаи*. Они собрали «устное ученіе» (торетъ б'аль-пэ)— Мишну, а слѣдовавшіе за «танаи» — «аммороимы» истолковали Мишну своими разъясненіями. Разъясненія эти извѣстны подъ заглавіемъ: «Гемора». А «Мишна» и «Гемора» въ соединеніи составляютъ Талмудъ. Съ завершеніемъ Талмуда исчезли «аммороимы», и появились гаоны. Такимъ образомъ, съ VI вѣка великіе во Израилѣ титуловались «гаонами» вплоть до начала XIX вѣка, и послѣднимъ гаономъ былъ равви Элій, который родился, жилъ и умеръ въ Вильнѣ въ первой четверти XIX столѣтія.

Почему начинаю свои воспоминанія съ гаона равви Элія, который умеръ почти за полвѣка до моего рожденія? Это станетъ понятно изъ нижеслѣдующаго.

Въ моей семьѣ почитаніе памяти гаона Элія вылилось буквально въ религіозный культъ. Во всѣ выдающіеся случаи нашей жизни родители мои отправлялись на старое кладбище и тамъ на могилѣ гаона плакали и молили, чтобы праведникъ заступился за нихъ предъ Богомъ, если дому нашему грозило несчастье; точно также они на его могилѣ справляли благодарственные молебны, когда ихъ постигали удачи, и поручали святому равви, чтобъ онъ адресовалъ ихъ моленія по назначенію, къ Господу Богу. Мои родители были убѣждены, что ихъ слезы, мольбы, благодарственные молебны и вообще всякія ихъ моленія скорѣе и вѣрнѣе доходятъ до Бога при посредничествѣ святого праведника. Кромѣ того, они крѣпко вѣрили, что святой, передавая Господу ихъ моленія, прибавляетъ къ нимъ и свои имъ на пользу. Много было этому доказательствъ. И не простыхъ, а прямо-таки чудесныхъ...

Чудеса гаона равви Элія сыграли немалую роль лично въ моей жизни, а потому и я не меньше моихъ родителей чтилъ память равви Элія и глубоко вѣрилъ въ его заступничество предъ Богомъ какъ за меня и моихъ родителей, такъ и за весь Израиль. Особое заступничество праведника за меня было дважды съ несомнѣнною очевидностью проявлено имъ, и выразилось оно въ томъ, что на первый разъ онъ спасъ меня отъ солдатчины, а въ другомъ случаѣ — отъ неминуемой вѣрной смерти.

Въ первую половину пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія обрушилась на евреевъ въ Россіи великая «гзейра» (несчастье), которая до сихъ поръ памятна евреямъ и извѣстна подъ назва-

ніемъ «гзейры» о «пойманникахъ». Ни молитвы, ни посты, ни даже большія взятки значительнымъ чиновникамъ не могли предотвратить эту «гзейру». Всѣ мѣропріятія евреевъ, и религіозны и матеріальныя, не вели ни къ чему. Всякія старанія въ этомъ направленіи разбивались о ясно и неуклонно выраженное высочайшее повелѣніе императора Николая I, состоявшее въ томъ, что всякое еврейское общество обязывалось неукоснительно доставить требуемый контингентъ солдатъ-евреевъ для пополненія состава русскаго войска. Дабы облегчить еврейскимъ обществамъ (кагаламъ) эту задачу, имъ было предоставлено право ловить всякихъ безпаспортныхъ евреевъ и сдавать ихъ въ солдаты. Кромѣ взрослыхъ людей, обществамъ предоставлялось сдавать и малолѣтнихъ, которыхъ зачисляли въ кантонисты. Кромѣ того, обществамъ предоставлялось право сдавать не только полный комплектъ рекрутовъ, но и сверхъ комплекта безъ ограниченія количества, и излишекъ принятыхъ зачислялся за ними въ дополненіе будущихъ рекрутскихъ наборовъ.

Жестокъ былъ указъ, и главнымъ образомъ въ той его части, которая касалась малолѣтнихъ. Исполненіе же указа сопровождалось такими ужасами, о которыхъ вспомнить даже не хочется. На этотъ разъ евреевъ постигла дѣйствительно великая «гзейра»!

Но и правительство не даромъ прибѣгло къ такимъ жестокимъ мѣрамъ въ то, замѣтитъ надо, жестокое время.

Къ отбыванію воинской повинности евреи впервые были привлечены въ Россіи въ 1844 году. Императоръ Николай I не любилъ евреевъ. Но надо отдать ему справедливость,—не любя ихъ, онъ все же пекся о нихъ, какъ о своихъ подданныхъ: онъ расширилъ ихъ права въ мѣстахъ ихъ пребыванія (въ чертѣ осѣдлости), открылъ для нихъ школы, насильно загонялъ ихъ въ эти школы; заставлялъ ихъ перемѣнить свой внѣшній видъ: подстригалъ имъ пейсы при посредствѣ полицейскихъ на улицахъ и площадяхъ; укорачивалъ имъ «лапсердаки», опять-таки при полицейской помощи. Однимъ словомъ, онъ стремился просвѣтить евреевъ, уничтожить ихъ обособленность и сдѣлать ихъ полезными и терпимыми подданными. Поступая такъ, онъ желалъ, чтобы евреи несли и всѣ обязанности русскихъ подданныхъ. И въ 1844 году онъ привлекъ ихъ къ исполненію воинской повинности. Прошло около десяти лѣтъ, и законъ этотъ остался почти мертвой буквой: евреи не доставляли и 12 процентовъ того количества солдатъ, какое съ нихъ требовалось. Да что и за солдаты были тѣ 12 процентовъ, которые они доставляли; это была никуда негодная дрянь: старики, кривые, хромые, чахоточные,—одно горе, а не солдаты. Какъ ни бились съ кагалами, какія мѣры ни предпринимались противъ кагаловъ,—ничто не помогло. Тогда-то и послѣдовалъ вышеупомянутый указъ.

Осуществленіе этого указа сопровождалось ужасами неслыханными, но въ нихъ правительство не было ужъ виновато, а были виноваты еврейскіе кагалы.

Кагалы организовали многочисленныя банды «хаперовъ» (ловцовъ) и разсылали ихъ въ сосѣдніе города и мѣстечки ловить взрослыхъ и дѣтей. Ловцы врываются въ дома и, случалось, забирали цѣлыя семьи. Хотя законъ предоставилъ имъ забирать только безпаспортныхъ, но хаперы этимъ не стѣснялись: паспорта отнимались и уничтожались. Больше всего хватали дѣтей, съ ними было меньше возни. Разумѣется, хаперамъ во многихъ случаяхъ оказывали сопротивленіе, отъ нихъ отбивались, какъ отъ разбойниковъ; въ стычкахъ съ ними доходили иногда до увѣчий съ той и другой стороны. Но хаперы являлись по большей части врасплохъ, вооруженные дубинами, и быстро справлялись со своими жертвами. Они нападали преимущественно на дома бѣдняковъ и ремесленниковъ и тамъ набирали свои жертвы; но, случалось, и домъ богатаго еврея подвергался нападенію.

II.

Вышеприведенный указъ императора Николая I засталъ нашу семью въ мѣстечкѣ Молодечно. Отецъ мой тогда ужъ потерялъ свое состояніе и поступилъ на службу къ своему дядѣ, подрядчику по строительной части. Въ Молодечнѣ дядя взялъ съ торговъ подрядъ перестройки зданія какого-то учебнаго заведенія, которая продолжалась болѣе двухъ лѣтъ. Какого учебнаго заведенія зданіе перестраивалось, — въ точности не помню. Должно быть, это было зданіе католической семинаріи. Думаю я такъ потому, что смутно припоминаются мнѣ юноши, одѣтые въ черное, которые гуляли по большому двору и, какъ теперь ихъ себѣ представляю, это были семинаристы. И что это были католики, — для меня несомнѣнно. Въ памяти моей запечатлѣлось, что нѣкоторые изъ нихъ ко мнѣ хорошо относились: заговаривали со мной, давали мнѣ груши, яблоки, забавлялись мной...

— Шепке, ходяъ тутъ, — раздается до сихъ поръ въ моихъ ушахъ призывъ семинариста, а я на это отвѣчалъ:

— Ихъ гей (иду)... — и храбро ковылялъ къ пріятелю.

Матери моей не нравилась эта дружба моя съ паничами. Она боялась, чтобъ они меня не «отрефили»: чтобъ не вымазали мнѣ губы саломъ, или не накормили колбасой. Это и случалось нѣсколько разъ. Въ первомъ случаѣ, т.-е. когда мнѣ мазали губы свинымъ саломъ, — мать вытирала мнѣ ихъ до крови; а во второмъ случаѣ, — когда накормятъ колбасой, — давала мнѣ въ большомъ количествѣ касторку и тоже до крови терла мнѣ губы, языкъ и небо. Слезы мои ее не трогали, хотя она меня очень любила; понятно, она еще больше любила Бога и Его законы: она желала меня имѣть «кошернымъ», а не «трефнымъ». Я же, при моемъ тогдашнемъ возрастѣ (мнѣ шелъ пятый годъ), не понималъ этого и забы-

валь наставленія матери, ея приказанія и даже шлепки и разныя непріятности въ родѣ касторки. И стоило мнѣ только услышать:

— Шепке, ходзь тутъ...—и я непремѣнно отвѣчалъ:

— Ихъ гей (иду)...—и слѣшилъ къ пріятелю за подачкой.

Дядя-подрядчикъ жилъ постоянно въ Вильнѣ и работами по постройкѣ завѣдывалъ мой отецъ. У моей матери было свое занятіе. Она держала въ аренду право пропинацій (торговлю водкой). Водка у насъ продавалась только на выносъ и только ведрами и гарнцами (четвертями). Покупателями были содержатели постоянныхъ дворовъ и шинковъ; частнымъ лицамъ не продавали. Торговля, главнымъ образомъ, начиналась въ полдень и продолжалась часа два; остальное время было тихо. Такимъ образомъ, мать не особенно тяготилась своей торговлей, и у ней было много свободного времени для хозяйства. Отецъ съ утра до вечера былъ занятъ на постройкѣ. Онъ вставалъ очень рано, часа за два до начала работъ на постройкѣ, чтобы имѣть возможность не слѣша справиться съ утренней молитвой, которая отнимала у него около часа времени, почитать главу изъ Библии, отдѣлъ Мишны, листъ Талмуда. Затѣмъ онъ слѣшно завтракалъ и отправлялся на постройку. Мать вставала, когда отецъ ужъ давно уходилъ.

Мы занимали цѣлый домикъ, состоявшій изъ передней и примыкающей къ ней кухни и трехъ комнатъ. Первая комната была очень большая и имѣла пять оконъ. Въ ней мебели почти не было, да въ ней и не жили. Направо отъ входа, у стѣны, на низенькихъ подставкахъ въ рядъ лежали до десяти громадныхъ бочекъ съ мѣдными, блестящими, какъ золото, кранами, наполненныя водкой и спиртомъ. Подъ каждымъ краномъ стоялъ мѣдный тазъ, въ каковой изъ неисправнаго крана каплями падали спиртъ и водка, отчего воздухъ въ этой комнатѣ стоялъ тяжелый, опьяняющій. У противоположной стѣны, у средняго окна стоялъ небольшой столъ съ двумя выдвигаемыми ящиками и двѣ табуретки. У остальныхъ стѣнъ стояло по узенькой скамейкѣ. Здѣсь торговала моя мама, и дверь въ этой комнатѣ была всегда тщательно закрыта, дабы предохранить отъ спиртнаго запаха слѣдующія. Вторая комната, тоже довольно большая, служила намъ столовой, гостиной, залой и спальней нашему приказчику Боруху и мнѣ. Въ послѣдней комнатѣ спали отецъ, мать и двухлѣтній братъ мой, Янкельке.

Я уже говорилъ, что отецъ вставалъ очень рано. Тихонько, на цыпочкахъ, изъ спальни онъ проходилъ черезъ среднюю комнату и входилъ въ первую. Тамъ на одной изъ скамеекъ для него съ вечера ставили кувшинъ съ водой и тазъ. Онъ трижды ополаскивалъ сначала лѣвую руку, потомъ правую, какъ это предписано, а потомъ ужъ мылъ лицо. Свое омовеніе онъ совершалъ впотъ-

махъ. Впотьмахъ же произносилъ онъ шопотомъ пять установленныхъ краткихъ предварительныхъ молитвословій и затѣмъ ужъ зажигалъ «сточикъ»: тоненькую, длинную, въ нѣсколько сажень восковую свѣчу, свернутую въ клубокъ. Изъ праваго выдвижнаго ящика стола доставалъ онъ шелковую торбу, въ которой хранились его молитвенныя принадлежности—«талеть» и «тефилинъ» (шерстяная простыня съ серебряною вышивкой одного ея края и съ «цицесъ»—висящими нитями на всѣхъ четырехъ концахъ ея и филактеріи). Онъ вынималъ изъ торбы сначала «талеть», благоговѣнно цѣловалъ его трижды и откладывалъ въ сторону; потомъ доставалъ изъ большой торбы другую, маленькую, въ которой хранились «тефилинъ» (филактеріи). Оголивъ лѣвую руку, онъ закрѣплялъ священный кубикъ на внѣшнемъ ея стибѣ, семь разъ оборачивалъ «рецуе» (священный ремень) вокругъ локтя такъ, чтобы послѣдній оборотъ приходился у самой ладони, на которой онъ также наворачивалъ «рецуе» такимъ образомъ, чтобы на наружной сторонѣ ладони образовалась буква «шинъ» (ша), первая буква слова «Шадаі» (одно изъ наименованій Іеговы). Другую филактерію онъ надѣвалъ на верхушкѣ лба такъ, чтобы кубикъ совпадалъ съ прямой линіей къ вершинѣ носа. Покончивъ съ филактеріями, онъ разворачивалъ «талеть», прикрывался имъ сначала чрезъ голову, потомъ опускалъ его на плечи и приступалъ къ молитвѣ.

Я всегда просыпался одновременно съ отцомъ и любилъ присутствовать какъ при его приготовленіяхъ къ молитвѣ, такъ и при самой молитвѣ. Если не одновременно съ отцомъ, то во всякомъ случаѣ раньше, чѣмъ успѣвалъ онъ зажигать «сточикъ», я ужъ присоединялся къ нему. Одѣтый въ шубенку на заячьемъ мѣху, въ валенкахъ, ермолкѣ съ шапкой и завернутый въ большую простыню, которую я бралъ со своей кровати, и которая замѣняла мнѣ «талеть», я тихонько усаживался на табуреткѣ противъ отца и подпѣвалъ за нимъ. Отецъ одобрительно кивалъ мнѣ головой въ промежуткахъ между молитвами. Иногда онъ выставлялъ мнѣ свой лѣвый локоть, и я цѣловалъ кубики филактеріи. Бывало онъ при этомъ спрашивалъ меня:

— Что, Шешинке, что, сынокъ мой, первенецъ мой, сладко?

— Сладко, отецъ, очень сладко,—отвѣчалъ я и даже облизывался.

— Да, да, что можетъ быть слаще святости и молитвы Господу...

— И «цдоке» (благотворительность) тоже сладко,—прерывалъ я.

— Да, да, и «цдоке»...—одобрительно кивалъ отецъ головой, выпрямлялся и продолжалъ молиться.

Изъ утреннихъ самая важная молитва считается «шмейне-эсре» (семнадцатичленная). Она состоитъ изъ семнадцати отдѣльныхъ маленькихъ молитвъ. Она не читается вслухъ, а произносится тихимъ шопотомъ, стоя, съ закрытыми глазами и непремѣнно съ

устремленнымъ внутреннимъ взоромъ къ востоку, къ существующимъ далеко, далеко, въ Святой Землѣ остаткамъ развалинъ іерусалимскаго храма. Эту молитву нельзя прервать даже въ томъ случаѣ, если молящемуся угрожаетъ смерть. Когда отецъ, бывало, читалъ «шмейне-эсре», я громко дышать не смѣлъ и замиралъ.

III.

И вотъ, однажды, —это было въ пятницу, —когда отецъ произносилъ молитву «шмейне-эсре», вдругъ съ шумомъ и трескомъ раскрылась внутренняя дверь, и мать моя, полураздѣтая, безъ парика, съ распущенными волосами, словно ураганъ, ворвалась къ намъ съ плачемъ и крикомъ.

Она прямо бросилась ко мнѣ, обхватила обѣими руками, приподняла и такъ крѣпко прижала къ своей груди, что кости мои захрустѣли и мнѣ стало больно.

— Не отдамъ... Не отдамъ, —рыдая и цѣлуя меня, выкрикивала она:—первенецъ ты мой... Корона головы моей!.. Жизнь свою отдамъ, а тебя спасу!.. Спасу!.. Калмень, Калминке!—продолжала она выкрикивать, не спуская меня съ рукъ и все больнѣе и больнѣе сжимая меня въ своихъ объятіяхъ: —ой, а грейсе цоре... а цоре а грейсе (большое несчастье... великое несчастье)!..

Отецъ, какъ стоялъ, обернувшись къ восточной стѣнѣ, такъ и продолжалъ стоять и молиться шопотомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на выкрики матери.

— Что же ты, Калмень?—еще громче крикнула она и сдѣлала шагъ впередъ. Но вдругъ она остановилась и затихла.—Онъ произносить «шмейне-эсре»... А я-то, я-то...—прошептала она сокрушенно и быстро удалилась въ свою спальню, унеся меня на рукахъ.

Она уложила меня на свою кровать, прикрыла чрезъ голову периной и шопотомъ произнесла:

— Лежи тихо, тихо... Не двигайся, не поворачивайся, а то замѣтятъ и отнимутъ тебя у меня...

Я, конечно, былъ очень испуганъ и не могъ не плакать; но плакалъ я тихо, вѣрнѣе, еле-еле всхлипывалъ, проглатывая свои слезы. Сколько времени пролежалъ я, прикрытый периной? Вѣроятно, не особенно долго, но мнѣ казалось, что прошла цѣлая вѣчность, пока мать вспомнила обо мнѣ, освободила отъ перины, опять взяла на руки, крѣпко прижимая къ груди, и молча понесла къ отцу.

Я замѣтилъ, что за это время она привела въ порядокъ свой костюмъ, и это подѣйствовало на меня успокоительно.

Отца мы застали въ тотъ моментъ, когда онъ задомъ отходилъ на три шага отъ стѣны и отплевывался, какъ это и полагается въ концѣ молитвы «шмейне-эсре». Когда онъ опять приблизился къ

стѣнѣ, онъ наконецъ обернулся къ намъ лицомъ и, укоризненно качая головой, произнесъ:

— Ахъ, Хане, Хане, развѣ это можно? Еврей произносить «шмейне-эсере», и ему помѣшать!..

— Мой грѣхъ!.. Мой грѣхъ!..—отвѣтила мать плачевнымъ голосомъ.—Но я такъ напугана, такъ напугана! Калминке, я очень напугана...—и она разрыдалась.

— Успокойся, Ханеле... Успокойся, жена моя, и скажи: чѣмъ ты напугана?

Мать сказала меня такъ крѣпко, что я закричалъ отъ боли и она еще громче зарыдала.

— Оставь, Ханеле, ребенка, и скажи, что случилось?

— Ребенка оставить?.. Оставить ребенка!..—всхлипывая, произнесла мать.—Нѣтъ, не оставлю его... Не оставлю...—и опять громкій плачь, и опять прижиманіе меня къ груди.

— Скажешь, наконецъ, что случилось?—возвысилъ отецъ свой голосъ. Онъ, очевидно, началъ сердиться, что мѣшаютъ ему окончить молитвы.

— У меня было видѣніе... Я видѣла сонъ!..—со стономъ произнесла мать.

— Сонъ?..

— Да, сонъ, сонъ!.. Страшный сонъ!..

— Ну, что такое сонъ?.. Сны не всегда сбываются... Бываютъ глухие сны...

— Не говори, не говори, Калминке!.. Я видѣла во снѣ его!.. Онъ, онъ самъ явился мнѣ во снѣ!..

— Кто? Кто явился?..

— Самъ равви!.. Гаонъ Элій!..

— Равви Элій, гаонъ?!—и отецъ мой, очевидно, смутился.

— Я видѣла его, какъ вижу теперь тебя,—быстро заговорила мать:—онъ тоже былъ завернуть въ «талетъ», на головѣ его серебряный край «талета» блестѣлъ, какъ золотой вѣнецъ, а на лбу точно звѣзда сіялъ «тефилинъ»... Онъ былъ такой красивый, какъ ангель... И такой строгій!.. Ой, какой строгій!.. Я такъ была счастлива, что вижу его, но мнѣ сдѣлалось такъ страшно.. Калминке, мнѣ такъ страшно сдѣлалось... А онъ смотрѣлъ на меня и кивалъ головой... Потомъ онъ заговорилъ, и я совсѣмъ испугалась...—мать умолкла, вѣроятно, припоминая подробности сна.

— Ну,—нетерпѣливо перебилъ отецъ наступившее молчаніе:—что же дальше?

— Дальше было еще страшнѣе... Охъ, Калминке, какъ страшно!.. Голосъ равви Элія былъ такой печальный и такой строгій... Онъ наклонился ко мнѣ и сказалъ: Хане «эйшесъ Калмень» (жена Калмана), несчастье грозитъ твоему дому! Злой «шедъ» (чортъ) хочетъ поразить тебя въ самое еврейское твое сердце; онъ хочетъ,

чтобъ ты сдѣлалась несчастной матерью!.. Я затрепетала отъ страха и слушала, какъ равви говорилъ дальше. «Шедъ» (чортъ) направить въ домъ твой хаперовъ (ловцовъ), чтобы схватить твоего первенца и отдать его иновѣрцамъ!.. Такъ вотъ, я пришелъ предупредить тебя и сказать: оберегай своего первенца, дабы не попалъ онъ къ иновѣрцамъ!..»

Мать замолчала и тихо заплакала. Отецъ точно застылъ въ страхѣ.

— Вотъ что, Хане,—заговорилъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія.—Мнѣ нужно окончить молитвы; бери съ собой Шепенку и уходи въ спальню. Да ты не плачь и не очень горюй: Богъ на нашей сторонѣ, если Онъ предупредилъ насъ о несчастіи чрезъ избранника Своего, гаона равви Элія! Мы примемъ мѣры и сбережемъ наше дитя...

— Какія же мѣры?—всхлинула мать.

— Говорю тебѣ: дай окончить молитвы... Ну, иди себѣ, иди... И не плачь...

Мать опять унесла меня въ спальню и спрятала подъ периной.

Когда отецъ окончилъ молитву, онъ пришелъ въ спальню.

— Ой, Хане, отъ страха ты лишилась разсудка и дѣлаешь глупости,—заговорилъ отецъ, высвобождая меня изъ-подъ перины.—Мальчикъ могъ задохнуться: ты такъ плотно его прикрыла... Какъ будто перина защитила бы его отъ «хаперовъ», если бъ они явились сюда... Садись, мальчикъ, ко мнѣ на колѣни и не бойся...

— Я не боюсь,—произнесъ я, чувствуя себя въ безопасности у отца на колѣняхъ.

— И хорошо не бойся. Ну, теперь и подумаемъ, какъ быть,—обратился отецъ къ матери.—Садись, Ханеле, и давай подумаемъ!..

Мать присѣла рядомъ съ отцомъ и долго молча думали. Я затаялъ дыханіе и со страхомъ смотрѣлъ то на отца, то на мать. Несмотря на юный мой возрастъ, серьезность момента я вполне понималъ. Отецъ все время теръ лѣвой рукой лобъ, словно выжимая мысли изъ головы, а мать сидѣла пригорюнившись, словно застывши въ своемъ горѣ. Такъ продолжалось долго, очень долго. Вдругъ отецъ прервалъ молчаніе громкимъ вздохомъ и произнесъ:

— У меня много плановъ, и не знаю, на какомъ остановиться... Вотъ выслушай меня и обсудимъ...

И отецъ тихимъ шопотомъ сталъ излагать разные планы, какъ спрятать и скрыть меня отъ хаперовъ.

Мать все качала отрицательно головой и не одобряла его плановъ. Одинъ изъ нихъ даже вызвалъ у ней гнѣвное негодованіе. Это когда отецъ предложилъ спрятать меня въ домъ архитектора Зарембы, который состоялъ при казенной нашей постройкѣ и съ которымъ отецъ очень дружилъ, т.-е. давалъ ему часто взятки. Мать привскочила даже съ мѣста, не ожидая такого невѣроятнаго

плана отца. Она пришла въ негодованіе и гнѣвно заявила, что скорѣе согласится собственными руками убить своего первенца, чѣмъ помѣстить его въ домъ «гоя», гдѣ его могутъ отрефить... Лучше видѣть ей своего сына мертвымъ, чѣмъ отрефленнымъ!.. закрычала она.

— Ну, ну, успокойся; вѣдь я это такъ...—оправдывался отецъ:— я думаль...

— Нельзя такъ думать, нельзя...—не хотѣла уговориться мать:— какъ могло тебѣ прийти въ голову отдать на «отрефленіе» собственного сына?.. Такой большой грѣхъ!.. Такой большой грѣхъ!.. Это либо ты разума лишился, либо «шедь» подсказаль тебѣ такой безбожный планъ?.. Тьфу, тьфу, тьфу!—и мать стала отплевываться. Когда она успокоилась и утихла, отецъ заявилъ, что остается только одно: отбиваться отъ хаперовъ.

— Ну, и будемъ отбиваться и повѣрь, Богъ намъ поможетъ, Калминке,—совершенно, повидимому, успокоившись, рѣшительно одобрила мать.—И такъ это и будетъ,—увѣренно добавила она:— не даромъ равви Элій, гаонъ, будь благословена его память, самъ явился предупредить насъ...

IV.

Дальнѣйшая бесѣда между отцомъ и матерью тянулась до утренняго разсвѣта, но происходила она безъ волненій, спокойно и имѣла исключительно дѣловой характеръ. Въ заключеніе было рѣшено, что самыхъ здоровыхъ рабочихъ по постройкѣ отецъ уговорить ночевать въ первой комнатѣ нашей квартиры. Онъ пересчиталь по пальцамъ, называя ихъ по имени, и насчиталь болѣе двухъ десятковъ человекъ. Это были все силачи, богатыри. Съ такими силачами не трудно будетъ отбиться отъ любой банды хаперовъ, тѣмъ болѣе, когда рабочіе будутъ вооружены палками, дубинами, ломами и кочергами. Конечно, въ дракѣ имъ попадетъ; нѣкоторые, пожалуй, получатъ увѣчья. Ну, ихъ придется вылечивать на свой счетъ и вознаграждать за увѣчья. Но что дѣлать, безъ этого ужъ нельзя обойтись? Стали обсуждать, уляжется ли такая масса людей на полу въ первой комнатѣ и не надо ли будетъ часть ихъ помѣстить на полу второй комнаты? Вопросъ этотъ не былъ окончательно рѣшенъ, такъ какъ въ точности не было еще извѣстно количество людей, потребныхъ для охраны. Отецъ утверждалъ, что два десятка вполне достаточно, а мать настаивала на количествѣ вдвое большемъ. И о многомъ другомъ бесѣдовали мои родители, пока не стало свѣтать.

— Ну, мнѣ пора,—засуетился вдругъ отецъ:—ужъ Талмуда почитать мнѣ сегодня не придется. Помогн мнѣ, Боже, хоть главу изъ Мишны одолѣть до начала работъ...

И отецъ ушелъ изъ спальни. Мать уложила меня опять въ своей кровати, прикрыла периной, но ужъ только до шеи, а не чрезъ голову, омочила пальцы рукъ водой, вытерла ихъ фартукомъ и вполголоса запѣла утреннія молитвы.

Мать не выпустила меня не только изъ спальни, но и изъ кровати до полудня. Когда она уходила, запирала меня на ключъ и приказывала не сойти съ кровати и не сбросить съ себя перину. Но очень часто приходила она меня провѣдать, приносила сласти и утѣшала.

Мнѣ было и боязно, и тоскливо; но я не жаловался и не плакалъ. Я сознавалъ, что это не наказаніе за шалости, а для спасенія меня отъ большой бѣды запираютъ меня.

Когда отецъ пришелъ завтракать, меня выпустили изъ спальни. Онъ объяснилъ, что днемъ нѣтъ никакой опасности, что халеры днемъ никого не ловятъ въ городахъ и мѣстечкахъ, а промышляютъ только по проѣзжимъ дорогамъ, гдѣ ловятъ одинокихъ путниковъ.

Во время завтрака отецъ разсказалъ, что онъ набралъ тридцать одного человѣка для охраны, между ними и рябой силачъ плотникъ Шмуль и не меньшій силачъ, косоглазый Айзикъ, печникъ; да и всѣ прочіе, какъ на подборъ, крѣпыши. Всѣ они придутъ, какъ только кончится работа, будутъ съ нами встрѣчать субботу,—мы ужъ дома помолимся и въ синагогу не поидемъ,—и останутся у насъ до утра...

— Значить, мнѣ на всю эту ораву готовить ужинъ?—взволнованно перебила мать.

— Непремѣнно,—отвѣтилъ отецъ:—какъ стемнѣетъ, намъ ни минуты нельзя безъ охраны...

— Но гдѣ же я наберу столько «хале» (субботній хлѣбъ), да и фаршированной рыбы у меня не хватитъ для всѣхъ... А «цимесь», ты думаешь, я успѣю на всѣхъ наготовить?..

— Должна успѣть, на то ты и хорошая хозяйка.

— У меня голова начинаетъ трескаться, а все не придумаю, какъ мнѣ быть съ хале; вѣдь тѣсто надо было вчера съ вечера ставить; да и столько рыбы у меня нѣтъ, чтобъ всѣхъ накормить... А если рыбу еще достать, то не успѣешь ее нафаршировать...

— Ну, о чемъ ты хлопочешь, Хане,—успокоилъ ее отецъ.—Хале не хватаетъ, такъ купи готовыя булки; приготовь рубленыя селедки, и это сойдетъ за рыбу... Но «цимесь», постарайся, чтобы на всѣхъ хватило... И всѣ останутся довольны прекраснымъ ужиномъ.

— Непрiятно мнѣ, но я вынуждена такъ сдѣлать,—съ сокрушеніемъ проговорила мать:—но стыдъ какой!.. Какой стыдъ! Скажутъ, что это я отъ скупости такой непарадный ужинъ приготовила для встрѣчи субботы!..

— Но вѣдь будетъ же «цимесь», значить и парадъ будетъ,—

утѣшаль отецъ:—забылъ я тебѣ сказать,—продолжалъ онъ:— что Янукъ и Стасъ сами вызываются тоже у насъ ночевать...

— Янукъ и Стасъ?..—радостно перебила мать.

— Да, Янукъ и Стасъ...

— Ай, какъ это хорошо!.. Какъ хорошо!.. Они такіе буяны!.. Они умѣютъ драться, какъ настоящіе разбойники... И Янукъ и Стасъ каждый изувѣчитъ цѣлый десятокъ евреевъ... Пускай придутъ хаперы,—Янукъ и Стасъ ихъ до смерти изобьютъ?..

Вдругъ мать пригорюнилась и озабоченно продолжала:

— Но куда мы дѣнемъ этихъ «орейлимъ» (необрѣзанныхъ)? Гдѣ же мы ихъ спать положимъ?.. Нельзя же эту нечисть помѣстить въ комнатѣ съ евреями. И евреи не захотятъ рядомъ съ ними спать...

— Конечно, не захотятъ?.. Дѣлать нечего, скажу Януку и Стасу, чтобы не приходили.

— Ой, Калмень, не дѣлай этого. Пускай Янукъ и Стасъ приходятъ... Я на нихъ больше надѣюсь, чѣмъ на десятки евреевъ... Ой, пускай они приходятъ... Я имъ и водку дамъ выпить и рубленой селедкой накормлю... Я ихъ угощу на славу, и они изувѣчатъ хаперовъ...

— Но гдѣ же мы ихъ спать положимъ?—перебилъ отецъ.

— Надо ихъ гдѣ-нибудь положить... Придумаемъ, Калминке... Знаешь, я готова даже нашу спальню предоставить имъ...

— Ну, этого нельзя.

— Разумѣется, нельзя; но если бъ можно было, я бы не отказалась...—Вдругъ мать просіяла.—Такъ мы и сдѣлаемъ,—продолжала она:—Фрейде (наша кухарка) будетъ ночевать во второй комнатѣ, Борухъ перейдетъ въ первую, мы туда перенесемъ его кровать, а Стасъ и Янукъ будутъ ночевать на кухнѣ...

На этомъ и порѣшили.

Послѣ завтрака отецъ взялъ меня съ собой на постройку. Евреи-работчіе встрѣтили меня съ привѣтствіями. Столяры дали мнѣ играть стамесками; маляры—кисточками; другіе работчіе тоже старались меня развлекать орудіями своего мастерства; и всякій изъ нихъ почиталъ своимъ долгомъ заявить мнѣ, что бояться не слѣдуетъ, что не дадутъ меня въ обиду и что хаперамъ не одобрсвать, если они осмѣлятся прійти забрать меня. Участіе ихъ къ моей собѣ было мнѣ весьма пріятно, и я очень весело провелъ время до окончанія работъ.

Мы пришли съ отцомъ домой еще засвѣтло. Въ домѣ все уже было убрано и готово для встрѣчи субботы. Мать поспѣшила обрадовать отца, что «хале» она достала вдоволь и на всѣхъ хватить, и что фаршированной рыбы, если нарѣзать ее маленькими кусками, тоже каждому достанется, хотя холодной рыбы на «сопе-судесъ» (третья субботняя трапеза) не останется ни куска, но съ этимъ

надо ужъ помириться. И селедокъ она нарубила много; хотя это, пожалуй, и лишнее, но надо же накормить евреевъ досыта.

Еще совсѣмъ засвѣтло, только что мать успѣла зажечь «шабасовыя» свѣчи, явились и рабочіе. Всѣ почти въ чистыхъ платьяхъ, умытые и причесанные. Начали сейчасъ же справлять «шабашъ»: отецъ, за кантора, пропѣлъ «Встрѣчу субботѣ»; рабочіе чинно и умѣло ему вторили; прочитали вечернія молитвы, помыли руки и сѣли за столъ. Отецъ на этотъ разъ совершилъ «кидешъ» (освященіе субботы), пользуясь не обычнымъ, маленькимъ серебрянымъ бокаломъ, наполненнымъ изюмнымъ виномъ, а бокаломъ огромныхъ размѣровъ, такъ что содержимаго его хватило для всѣхъ, разумѣется, по маленькому глотку. Трапеза прошло довольно шумно, но не весело. Мать все время не спускала съ меня глазъ и тяжело вздыхала; отецъ, хоть и храбрился, но тоже посматривалъ на меня съ тревогой. Но это не помѣшало имъ обоимъ усиленно потчевать гостей, хотя послѣдніе въ этомъ совершенно не нуждались: аппетитъ у нашихъ гостей былъ хорошій, и каждый изъ нихъ во славу невѣсты-субботы старался изо всѣхъ силъ насыщаться. Съ одинаковой охотой уничтожали они и фаршированную рыбу, и рубленную селедку, а о «цимесѣ», и говорить нечего...

Къ концу трапезы пришли Стасъ и Янукъ. Мать имъ очень обрадовалась и повеселѣла. Это были мѣстные мѣщане, сжившіеся съ евреями, знавшіе всѣ еврейскіе обычаи и праздники и умѣвшіе говорить на еврейскомъ жаргонѣ, какъ любой еврей.

— Гутъ шабесъ, идень (съ доброй субботой, еврей)!..—произнесли оба въ одинъ голосъ привѣтствіе.

— Спасибо вамъ, спасибо,—поднялась имъ мать навстрѣчу.— Вотъ я васъ сейчасъ угощу... Хорошо угощу, а вы ужъ хаперовъ угостите, если они придуть, и спасите отъ нихъ моего сына...

— Будь покойна, хозяйка, угостимъ хаперовъ,—отвѣтилъ Янукъ.—Такъ угостимъ, что не забудутъ нашего угощенія!..

И онъ вытянулъ впередъ правую руку съ огромнымъ сжатымъ кулакомъ. И Стасъ тоже, но молча, показалъ и свой огромный кулачище.

— У насъ и дубины здоровыя есть,—добавилъ Янукъ.—Ничего, зададимъ имъ «цимесъ»...

Мать съ восхищеніемъ осмотрѣла ихъ здоровые кулаки и съ радостной улыбкой прислушивалась къ словамъ Янука.

— Вы ужъ постарайтесь для насъ,—проговорила она, дружески улыбаясь:—и завтра я вамъ цѣлую квартиру водки поднесу... Теперь къ ужину я вамъ полквартиры дамъ... И закуску знатную получите... А вы только постарайтесь...

И мать подала имъ графинчикъ водки съ закуской, дѣйствительно, знатной: и цѣлую «хале», и рубленную селедку, и огромный кусокъ фаршированной рыбы (въ скобкахъ замѣчу: не всѣмъ евреямъ

досталась къ ужину рыба, а для нихъ былъ все же оставленъ огромный кусокъ) и даже полную, съ верхомъ, тарелку «цимеса».

Янукъ и Стасъ приняли все съ удовольствіемъ, благодарили и отправились, по указанію матери, на кухню, гдѣ и поужинали и улеглись спать.

Нашъ ужинъ тоже скоро кончился, и всѣ мы тоже отправились на покой. Рабочіе всѣ улеглись вповалку на полу въ первой комнатѣ, тамъ же помѣстился Борухъ на своей кровати, а родители мои и я въ спальнѣ, куда была перенесена моя кроватка. Раньше, чѣмъ лечь, отецъ осмотрѣлъ всѣ ставни въ домѣ: тщательно ли они привинчены.

Лежа въ постели, мать съ особымъ усердіемъ, и на этотъ разъ не шопотомъ, а громко, прочитала «кришме» и настойчиво умоляла ангеловъ Гавріеля, Михоеля и Касріеля не отлучаться во время нашего сна и стоять для охраны насъ отъ «шейдимъ» и «катлецинимъ» (чертей и злыхъ духовъ) на назначаемыхъ имъ мѣстахъ: Гавріелю— съ правой стороны, Михоелю—съ лѣвой, а Касріелю—у изголовья.

Но и по окончаніи «кришме» мать долго сама не могла заснуть и не давала спать отцу и миѣ. Она шопотомъ высказывала свои опасенія, и отецъ ее успокаивалъ, пока наконецъ не разсердился и заявилъ ей, что она ума лишилась, и что она во всякомъ случаѣ поглупѣла отъ страха и что онъ ей больше не отвѣтитъ, потому что онъ хочетъ спать. Отецъ шумно повернулся къ стѣнѣ на своей кровати, и вскорѣ въ спальнѣ раздался его тихій храпъ. Мать еще долго ворочалась съ боку на бокъ и вздыхала. Наконецъ все затихло въ спальнѣ: заснула мать, заснулъ и я...

V.

Долго ли мы всѣ мирно спали? сказать не могу. Проснулся я отъ страшнаго шума и крика у матери на рукахъ. Она взяла меня съ моей кровати, перенесла на свою, уложила къ стѣнѣ и сама усѣлась рядомъ. Она была въ одной сорочкѣ, ноги ея были оголены, волосы не прикрыты и распущены, глаза заплаканы. Она то прислушивалась къ шуму и крику, то ощупывала меня руками, чтобы увѣриться, что я на мѣстѣ, при ней, цѣлъ и невредимъ, вздыхала, шевелила губами, вѣроятно, молилась, и слезы неудержимо лились изъ глазъ ея; но громко она не плакала, чтобъ меня еще болѣе не напугать и чтобъ голосомъ своимъ не привлечь вниманіе хаперовъ на спальню. А шумъ и гвалтъ доходилъ до насъ адскій: ругательства, удары, крики, стоны, все это образовало какой-то ужасный гулъ, всѣ голоса смѣшались, и нельзя было различить, какой кому принадлежитъ... И весь этотъ адъ продолжался долго, и казалось, конца ему не будетъ... Но вдругъ среди этого адскаго гула раздался такой ужас-

ный крикъ, неизвѣстно кому принадлежавшій, который покрылъ собою всѣ другіе голоса и крики. Въ этомъ крикѣ почувствовалась такая боль, что мать затрепетала вся и настолько забылась, что сама закричала:

— Боже, Боже Ты мой! человѣка убили!..

И она бросилась къ двери. Къ счастью, она оказалась запертой. Это отецъ предусмотрительно заперъ ее на ключъ, когда уходилъ изъ спальни, чтобъ принять участие въ битвѣ съ хаперами.

Скоро послѣ этого раздиравшаго душу крика шумъ уменьшился, стали все болѣе и болѣе затихать и, наконецъ, совсѣмъ почти затихъ. Послышался звукъ ключа въ двери спальни, дверь открылась, и на порогѣ появился отецъ. Онъ былъ блѣденъ, безъ ермолки на головѣ, на лбу его былъ большой шрамъ, и изъ него сочилась кровь, которой было испачкано все лицо, руки его тоже были испачканы кровью, платье на немъ было во многихъ мѣстахъ изорвано, но, тѣмъ не менѣе, онъ весело улыбался и ликующе говорилъ:

— Богъ помогъ, отбились!..

— Но, Калминке, въ какомъ ты видѣ!..—возбужденно крикнула мать и ринулась къ нему.

— А ты въ хорошемъ видѣ?—съ усмѣшкой, ласково отстранилъ онъ отъ себя мать.—Раздѣтая, съ непокрытой головой... Развѣ такъ подобаетъ благочестивой еврейкѣ...

Мать бросилась къ своимъ платьямъ, но не успѣла справиться со своимъ туалетомъ, какъ въ спальню вошли Янукъ и Стасъ.

— Ай, ай, ай!.. Вей миръ!...—закричала мать.—Уходите!.. Уходите!..

— Постой, хозяйка, не гони насъ!..—сказалъ Янукъ.

— Не гони насъ,—поддержалъ товарища Стасъ.

— Мы твоего сына отстояли...—сказалъ Янукъ.

— Отстояли, отстояли твоего сына!..—опять поддержалъ Стасъ.

— Ты намъ обѣщала бутылку водки...

— Уходите и подождите въ той комнатѣ,—вмѣшался отецъ.—Срамъ какой, не видите, что она не одѣта?..

— Ну, какой тутъ срамъ,—сказалъ Янукъ.—Тутъ чужихъ нѣтъ; а мы—свои...

Все-таки они ушли въ другую комнату. Когда мать одѣлась, она вышла къ нимъ и дала водку. Отецъ помылся, переодѣлся и вообще привелъ себя въ надлежащій видъ.

— Стасу вывихнули правую руку,—сказала мать, возвратившись въ спальню.—Онъ говоритъ, что ему очень больно.

— Всѣмъ досталось... Всѣмъ больно...—сказалъ отецъ.

— Расскажи, Калминке, что тамъ было?

Отецъ рассказалъ.

Хаперы выбили окно и ворвались въ первую комнату. Они

потушили шабасовую свѣчу и въ темнотѣ хотѣли перевязать всѣхъ рабочихъ, которые послѣ сытнаго ужина крѣпко спали. Двухъ они успѣли такъ крѣпко связать, что ихъ только послѣ драки развязали. Янукъ и Стасъ услышали шумъ и пришли со свѣчкой; они поспѣли какъ разъ во время, такъ какъ, когда одни изъ хаперовъ перевязывали спящихъ, другіе собирались выломать двери, чтобъ забраться въ спальню. Первымъ дѣломъ Стасъ своей дубиной прогналъ хаперовъ отъ двери и началъ съ ними драться, а Янукъ поднялъ большой крикъ, и всѣ евреи проснулись. Свѣчка была потушена. Дрались впотѣмахъ и кто кого билъ—неизвѣстно; попадало и своимъ отъ своихъ? Ничего разобрать нельзя было въ темнотѣ... Стасъ все время стоялъ спиной къ двери и охранялъ ее. Если кто-нибудь подходилъ, онъ билъ его дубиной и гналъ прочь. Отъ него здорово досталось многимъ. Къ нему кто-то подкрался и схватилъ его дубину обѣими руками, но Стасъ держался за нее крѣпко, хотя противникъ вывихнулъ ему лѣвую руку. На помощь Стасу подоспѣлъ Янукъ и ломомъ ударилъ хапера такъ сильно по ногамъ, что раздробилъ ему кости. Раненый такъ закричалъ отъ боли, что всѣ испугались и перестали драться. Янукъ зажегъ свѣчку. У самыхъ дверей лежалъ хаперъ съ переломанной ногой и стоналъ. Это былъ Симха-Беръ, извѣстный силачъ и главный хаперъ, распорядитель банды. Тогда всѣ хаперы очень перепугались и убѣжали. Симхѣ-Беру перевязали ногу и перенесли въ кухню, тамъ онъ и остался лежать...

— Ой, Калмень, его надо выбросить на улицу,—перебила мать рассказъ.—Пускай онъ тамъ околѣетъ, какъ собака, а не въ нашемъ домѣ...

— Что ты, что ты, Хане,—возразилъ отецъ.—Симха-Беръ все же еврей, а еврея оставить въ такомъ положеніи грѣхъ!..

— Но онъ разбойникъ!.. Онъ хаперъ!..—не унималась мать.— Онъ грѣшникъ!..

— За грѣхи свои и разбой онъ дастъ отвѣтъ Богу... И почему мы знаемъ? Онъ можетъ еще раскаяться и умереть смертию праведника... Вѣдь еврей все-таки остается евреемъ..

Мать притихла и больше не настаивала на своемъ: съ резонами отца не могла она не согласиться.

Все мѣстечко было поражено событіемъ въ нашемъ домѣ. Но не тѣмъ, что на нашъ домъ напали хаперы, это было въ то время обычно, а тѣмъ, что Элій-гаонъ явился матери во снѣ и предупредилъ ее о готовящемся несчастіи. Евреи усмотрѣли въ этомъ великое знаменіе для моей будущности и полагали, что мнѣ предназначено стать со временемъ великимъ во Израилѣ. И мать моя охотно этому вѣрила, и, кажется, еще болѣе полюбила меня, чѣмъ раньше. Такимъ

образомъ, становится понятнымъ, почему она возненавидѣла Янука, который, считая себя главнымъ моимъ спасителемъ отъ хаперовъ,—а вѣдь такъ оно и было,—позволялъ себѣ обращаться со мной при частыхъ встрѣчахъ запросто, чуть ли не запанибрата и не иначе называлъ меня, какъ—племянничекъ Шепинке!..

— Онъ унижаетъ наше дитя,—со слезами жаловалась она отцу.—Какъ смѣетъ этотъ «орелъ» (необрѣзанный) называть племянникомъ будущее свѣтило во Израилѣ!..

Она пробовала подкупать Янука водкой и умоляла его, чтобъ не называлъ меня племянникомъ; но Янукъ угощался ея водкой охотно, а меня продолжалъ называть Шепинкой-племянничкомъ... Изувѣченіе первой партіи хаперовъ въ нашемъ домѣ отбило охоту и у другихъ партій напасть на него. Тѣмъ болѣе, когда всѣмъ было извѣстно, что знаменитые силачи Янукъ со Стасомъ перебрались на жительство къ намъ на кухню и неусыпно охраняютъ меня.

Окончу разсказъ о моемъ спасеніи отъ рекрутчины, благодаря заступничеству равви Элія-гаона тѣмъ, что передамъ вкратцѣ о дальнѣйшей судьбѣ хапера Симхи-Бера.

Долго онъ пролежалъ больной у насъ на кухнѣ. За нимъ, какъ за братомъ, усердно ухаживали Янукъ и Стась. Впрочемъ, и мать часто навѣщала его, пригласила къ нему костоправа и кормила его самыми лучшими кусками съ нашего стола. Когда онъ выздоровѣлъ, то оказался калѣжкой на всю жизнь. Безъ костылей онъ не могъ сдѣлать ни шагу. Дѣться ему было некуда, и онъ такъ и остался жить у насъ до конца дней своихъ.

Къ настоящей работѣ онъ сталъ неспособенъ, ибо ноги его дѣйствовали слабо, и даже при помощи костылей онъ съ большимъ трудомъ, еле-еле переходилъ съ мѣста на мѣсто. Долгое время просиживалъ онъ по цѣлымъ днямъ въ отведенномъ ему углу на кухнѣ безъ занятій, въ одиночествѣ, съ поникшей головой, пребывая въ молчаніи и постоянно вздыхая. Пищи хоть отпускали ему много, но ѣлъ онъ мало, а спалъ онъ еще меньше. Старуха, наша кухарка, жаловалась, что онъ постоянно стонетъ и вздыхаетъ по ночамъ и не даетъ ей спать. Окружающіе хоть и жалѣли калѣку, все же презирали его, какъ бывшаго хапера, и сторонились отъ него. Но это ужасное его положеніе кончилось, когда онъ выдумалъ для себя занятіе. Онъ сталъ выдѣлывать нитки изъ шерсти и прясть ленъ; изъ нитокъ онъ нарѣзывалъ священные пучки «цицесъ» и продавалъ. Занятіе, нельзя сказать, чтобъ было особенно прибыльное, но зато весьма почтенное. Это почтенное занятіе примирило съ нимъ окружающихъ и къ нему стали относиться все лучше и лучше. Отецъ даже распорядился, чтобъ онъ обѣдалъ и ужиналъ съ нами за общимъ столомъ, а не на кухнѣ, какъ до тѣхъ поръ.

Съ началомъ своихъ занятій Симха-Беръ весь переродился до неузнаваемости. Онъ сталъ веселъ, говорливъ и даже шутливъ.

Работалъ онъ по цѣлымъ днямъ почти безъ перерывовъ; первое время—молча; потомъ сталъ тихо подпѣвать себѣ разныя духовныя молитвы. Голосъ у него былъ пріятный. Какъ-то разъ кухарка попросила его спѣть громко; онъ согласился и запѣлъ такъ задушевно и красиво, что мать, услышавъ издали его пѣніе, отправилась къ нему на кухню и долго тамъ пробыла и все слушала его пѣніе. Съ тѣхъ поръ сталъ онъ громко пѣть не только на кухнѣ, но и за нашимъ столомъ, за нашими торжественными трапезами по субботамъ и праздникамъ? Даже когда собирались къ намъ гости въ праздники, то ихъ стали угощать, между прочимъ, и неподобнымъ пѣніемъ Симхи-Бера.

Симха-Беръ прожилъ у насъ около десяти лѣтъ. Когда перестройка въ Молодечнѣ была окончена и мы переѣхали на нѣкоторое время въ Минскъ, гдѣ дядя взялся за новый подрядъ, мы его взяли съ собой. Потомъ онъ съ нами переѣхалъ изъ Минска въ Вильну. Словомъ, онъ сдѣлался заправскимъ членомъ нашей семьи, и мы всѣ къ нему и онъ ко всѣмъ намъ привязались, и полюбили мы его и онъ насъ.

Однакожь за годъ до своей смерти онъ пожелалъ переселиться въ «бетъ-медрешъ» (молитвенный домъ), чтобы замолить грѣхи юности. Въ «бетъ-медрешъ» онъ и умеръ и завѣщалъ оставшіеся послѣ него 137 рублей, за вычетомъ пятидесяти рублей на похороны, сироткѣ-дѣвушкѣ, которая жила въ нашемъ домѣ и воспитывалась моею матерью, на приданое.

Предсказаніе отца моего относительно Симхи-Бера, такимъ образомъ, сбылось: кончина его была праведная, и бывшій хаперъ отошелъ въ вѣчность съ честью.

Перехожу къ другому случаю проявленія заступничества за меня равви Элія-гаона.

V.

Случай этотъ, хотя тоже долженъ быть отнесенъ къ чудеснымъ, но на этотъ разъ равви заступился за меня не по собственной инициативѣ, а по моленіямъ моей матери, которая обратилась къ нему въ критическій моментъ съ ходатайствомъ о помощи и заступничествѣ. На этотъ разъ обстоятельства были настолько серьезны, что мать не ограничилась одними моленіями на могилѣ святого мужа, но и совершила нѣкое «дѣйство» на его могилѣ, которое, несомнѣнно, было пріятно равви Эліи, а потому мало удивительнаго въ томъ, что гаонъ снизошелъ къ ея моленіямъ и по его ходатайству предъ Всевышнимъ совершилось то чудо, котораго мать такъ пламенно желала и съ вѣрой ожидала.

На двѣнадцатомъ году моей жизни я заболѣлъ какой-то острой болѣзью. Разумѣется, родители мои прибѣгли къ всевозможнымъ средствамъ, чтобы выходить меня. Помимо постоянного доктора, ко-

торый пользовалъ меня, были созданы консилиумы. Хотя семья наша не принадлежала къ толку «хасидовъ» и относилась къ «цадикамъ» (хасидскіе чудотворцы) совершенно равнодушно и, пожалуй, даже съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, считая ихъ «цвіяками» (ханжами) и лицемѣрами, все же въ трудную минуту прибѣгла и къ ихъ помощи и ежедневно посылала «цадику» «пидіенъ» (вознагражденіе) въ размѣрѣ «хай» (восемнадцати) золотыхъ, дабы онъ при посредствѣ каббалы совершилъ чудо и спасъ меня отъ смерти. Мало того, по настоянію матери, «цадикъ» дважды былъ приглашенъ къ намъ на домъ и совершалъ свои каббалистическія манипуляціи у изголовья моего и получалъ за каждый свой визитъ не простой «хай» (восемнадцать) золотыхъ, а тройной; былъ приглашенъ къ моему болѣзненному одру съ Татарской улицы и «кейдеръ» (колдунъ) Магометъ, который обкуривалъ меня какими-то травами и напоилъ меня изъ большой черной бутылки вонючей и горькой жидкостью. Бутылку съ вонючей жидкостью онъ оставилъ у насъ и приказалъ, чтобы не только меня поили ею два раза въ день по столовой ложкѣ, но чтобы ту же порцію непременно принималъ и тотъ, кто будетъ меня поить его лекарствомъ и бѣдная моя мама, которая давала мнѣ лекарство, тоже глотала эту мерзость. Что ежедневно цѣлый «миніенъ» (десятокъ) евреевъ трижды молились о моемъ выздоровленіи у моей кровати, само собой подразумѣвается.

Но ни доктора, ни «цадикъ», ни «кейдеръ», ни «миніенъ» ни капельки не помогли мнѣ. Болѣзнь моя прогрессировала и дошла до того, что я ужъ лежалъ безъ сознанія и доктора отъ меня отказались, объявивъ, что на выздоровленіе мое нѣтъ никакой надежды.

Но тутъ-то, въ великомъ горѣ, мать мою осѣнило слѣдующее: вѣдь не даромъ же равви Элій явился къ ней во снѣ, чтобы спасти меня отъ рекрутчины; потрудился же святой равви не для того, чтобы я умеръ въ юности; не даромъ же всѣ были увѣрены, что мнѣ предстоитъ сдѣлаться великимъ во Израилѣ, значить, нельзя допускать моей смерти, я долженъ и буду жить!.. А чтобъ такъ оно и было, остается послѣднее и самое вѣрное средство: отправиться на могилу равви Элія и попросить его вспомнить, съ какой цѣлью спасъ онъ меня отъ рекрутчины, и если цѣль его была та, что мнѣ предстоитъ быть великимъ во Израилѣ, то онъ долженъ завершить до конца свое дѣло: умолить Бога возвратить меня, ея первенца, къ жизни...

И, ободренная осѣнившими ее мыслями, никому объ этомъ не сообщивъ, она немедленно приступила къ выполненію задуманнаго.

Она наняла городского кантора съ его хоромъ въ полномъ составѣ, человѣкъ пятнадцать-восемнадцать, не считая дѣтей-пѣвчихъ, и отправилась съ ними на Старое кладбище. Тамъ, у могилы гаона равви Элія канторъ съ хоромъ празднично-торжественно про-

пѣль «Эйль-Моле-Рахмимъ» (Господь полонъ силъ)!.. за упокой души праведника. И все время, что канторъ и хоръ пѣли эту длѣтельную молитву, мать лежала на снѣжномъ холмѣ могилы праведника, уткнувшись лицомъ въ мерзлый снѣгъ, и горячо молилась о душѣ равви и о моемъ выздоровленіи... Когда пѣніе кончилось, она, при содѣйствіи кантора, обмѣрила толстой ниткой окружность могилы восемнадцать разъ и, намотавъ эту нитку въ клубокъ, положила этотъ клубокъ на могилу, сама припала къ ней и громко взмолилась:

— Равви! знай, что я вымѣряла твою могилу «хай» разъ и нитки, лежація на твоей могилѣ, свидѣтельствуютъ правду словъ моихъ. Нитку эту превращу въ свѣчу чистаго воску, и возжена она будетъ, и будетъ горѣть и свѣтить праведнымъ евреямъ, которые будутъ пѣть псалмы въ помянь чистой души твоей. Собери слезы мои, бери скорбь мою, отнеси къ престолу Всевышняго и умоли Его прогнать «малаха-гамовесь» (ангела смерти) отъ изголовья болѣющаго сына моего, первенца моего, Шабса!.. Такъ заступись!.. и молись!.. Скажи же, скажи «аминь» мнѣ въ отвѣтъ!..

Со Стараго кладбища мать возвратилась успокоенная и чуть ли не радостная. Извѣстіе отца, что мнѣ хуже, что дыханіе мое прекращается, она выслушала съ улыбкой и съ опредѣленной увѣренностью сообщила ему, что мое выздоровленіе близко и что «малахъ-гамовесь» будетъ прогнанъ отъ моего изголовья, что это ей обѣщано самимъ гаономъ, ибо она ясно слышала голосъ равви, который раздался въ ея ушахъ и трижды произнесъ «аминь» въ отвѣтъ на ея мольбы...

Къ утру этой ночи я, дѣйствительно, очнулся и попросилъ пить. Выздоровленіе мое, вопреки увѣреніямъ врачей, хотя и медленное, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе становилось очевиднымъ. Мать моя торжествовала. Она была увѣрена, что сама она избраница Господа, если Онъ надоумилъ ее обратиться къ заступничеству равви Элія. А что только заступничество гаона спасло меня отъ смерти, въ этомъ не сомнѣвался никто. И всѣ считали это вторымъ великимъ чудомъ, которое совершилъ онъ для меня. И тутъ всѣ еще болѣе увѣровали, что жизнь моя будетъ ознаменована еще и другими чудесами и что мнѣ предстоитъ совершать великія дѣла во славу Израіля и въ утѣшеніе и на гордость моимъ родителямъ.

Послѣ этого выздоровленія культъ почитанія памяти гаона равви Элія еще болѣе утвердился въ нашемъ домѣ.

Аппокрифическія сказанія о гаонѣ.

Существуетъ, вѣроятно, печатное жизнеописаніе гаона Элія, но мнѣ таковое въ руки ни разу не попадало. Оно и не удивительно. Я былъ очень молодъ, когда культъ гаона былъ мнѣ дорогъ, и ни о какихъ книгахъ, кромѣ тѣхъ, которыя входили въ установленную

программу обученія еврейскихъ мальчиковъ и юношей, не имѣлъ понятій. Когда же наступила моя возмужалость, почитаніе мое гаона и вѣра моя въ чудеса его настолько отошли на задній планъ, что я не особенно искалъ ознакомиться съ подробнымъ его жизнеописаніемъ. Съ моею возмужалостью, надо прибавить, совпадаетъ и переломъ въ религіозномъ міровоззрѣніи всего моего семейства и даже моей набожной матери. И имя гаона равви Элія стали производить въ нашемъ домѣ все рѣже и рѣже, и то случайно.

Все же многое о его жизни изъ тѣхъ разсказовъ, которыхъ слышался въ дѣтствѣ, запечатлѣлось въ моей памяти навсегда. Хотя свѣдѣнія мои о немъ носятъ больше легендарный характеръ, тѣмъ не менѣе они любопытны, въ смыслѣ обрисовки вѣрованій и быта евреевъ конца XVII и начала, пожалуй, даже всей первой половины XIX вѣка.

Наружность равви Элія, если судить по сохранившемуся портрету его, была довольно внушительная. Это былъ человѣкъ крупныхъ размѣровъ, высокаго роста и широкой въ плечахъ. Блѣдное продолговатое лицо съ крупнымъ орлинымъ носомъ украшено чрезвычайно длинной сѣдой бородой лопатой, лобъ широкий, выдающийся, весь изрытъ морщинами; пейсы его, сѣдыми кольцами вьющіеся, и достигающіе до самыхъ плечъ, сообщаютъ оригинальную красоту портрету. Такъ и кажется, что лицо равви окружено серебристой рамкой. Глаза, большіе сѣрые, смотрятъ изъ-подъ густыхъ серебристыхъ бровей съ сосредоточенно-строгой суровостью. Въ общемъ же выраженіе лица вдохновенно-задумчивое, сурово-мечтательное. Изображенъ онъ сидящимъ на скамьѣ въ «беть-медрешъ», у восточной стѣны, рядомъ съ кивотомъ Завета, а передъ нимъ стоитъ «стендеръ» (пюпитръ) и надъ нимъ громадный фоліантъ. Равви одѣтъ въ «талетъ» и «тефилинъ».

Полный титулъ его—«равви Элій, гаонъ виленскій, хосидъ» («хосидъ»—праведникъ; не слѣдуетъ смѣшивать съ «хасидъ»—названіе толка).

Сорокъ съ чѣмъ-то лѣтъ равви Элій официально стоялъ во главѣ виленаго кагала, номинально занимая постъ «авъ гакооль» (отца кагала, т. е. предсѣдательствующаго). На самомъ же дѣлѣ кагаломъ не руководилъ и на засѣданіяхъ его не только не предсѣдательствовалъ, но и не присутствовалъ. Равви своимъ громаднымъ авторитетомъ служилъ и украшеніемъ кагалу и, какъ отвѣтственное официальное лицо, отвѣчалъ за проступки кагала.

Равви прожилъ послѣднія сорокъ лѣтъ своей жизни, не выходя изъ «беть-медреша», который самъ же построилъ и который носитъ его имя: «Изба-Хосида». Этотъ «беть-медрешъ» существуетъ до сихъ поръ, тщательно ремонтируется и поддерживается. Скамья, на которой просидѣлъ сорокъ лѣтъ равви, и предъ ней «стендеръ» (пюпитръ) его стоятъ на томъ же мѣстѣ, на которомъ стояли при его

жизни, у восточной стѣны, рядомъ съ кивотомъ Завета. Въ день «іомъ-кипура» (судный день) равви невидимо присутствуетъ на своемъ мѣстѣ въ «бетъ-медрешѣ» и вмѣстѣ съ живыми молится объ освобожденіи отъ «голуса» (ига разсѣянія) и возстановленіи царства Израильскаго и храма.

Гаону исполнилось тридцать четыре года, когда онъ закончилъ постройку своего «бетъ-медреша». Когда онъ въ первый разъ приложился къ свитку Торы (пятикнижіе Моисея), то далъ Богу два зарокъ: не переступать обратно порогъ святой «избы» и не произносить ни одного слова на жаргонѣ и пользоваться только священнымъ языкомъ Библии.

Первый зарокъ не сподобилъ его Господь исполнить въ точности. Два раза былъ онъ извлеченъ оттуда насильно, по повелѣнію начальства. Подробности объ этомъ сообщу ниже. Зато второй зарокъ онъ выполнилъ даже въ болѣе суровой формѣ: послѣдніе двадцать два года своей жизни онъ пребывалъ въ совершеннѣйшемъ и абсолютномъ молчаніи.

Переступивъ порогъ своей «избы», онъ надѣлъ «талеть» и «тефилинъ» и ужъ больше не снималъ ихъ съ себя до самой кончины. Время его проходило: днемъ—въ молитвѣ и изученіи Талмуда и Мишны; ночью—въ изученіи Каббалы и всѣхъ существующихъ наукъ, въ бесѣдахъ съ ангелами и архангелами и въ созерцаніи райскихъ веселій и мукъ ада. Во снѣ онъ не нуждался: онъ пріучилъ себя, подобно ангеламъ, не спать, а «менагемъ к'сусъ» (дремать, какъ лошадь) ровно минуту въ сутки. (Объ этомъ способѣ ангеловъ дремать, какъ лошадь, извѣстно изъ Мидраша, гдѣ подробно разсказывается о житіи—бытіи ангеловъ и о всякихъ небесныхъ порядкахъ). Бѣлъ онъ мало и не употреблялъ «ейверъ-минъ-га-хай» (куска живого), т. е. онъ былъ вегетеріанцемъ; пилъ только воду. Талмудъ и Мишну онъ читалъ и разъяснялъ всѣмъ своимъ ученикамъ, но въ Каббалу посвящалъ только избранныхъ; а о своихъ бесѣдахъ съ ангелами и архангелами и о своихъ видѣніяхъ въ потустороннихъ мірахъ прямо никому не говорилъ, и избранные ученики догадывались о нихъ лишь по нѣкоторымъ признакамъ и по незначительнымъ намекамъ...

Какъ знатокъ всевозможныхъ наукъ, онъ, конечно, зналъ и медицину. Къ нему стекались трудно больные со всѣхъ концовъ свѣта, но всѣхъ лечить у него не было времени,—ему тяжело было оторваться отъ изученія «закона» и расходовать драгоценное время на стороннія занятія,—и пациентовъ не всѣхъ къ нему допускали. Лечилъ онъ больныхъ молитвой и возложеніемъ рукъ на ихъ головы. Не было примѣра, чтобъ больной ушелъ отъ него не излеченнымъ.

Такъ жилъ онъ, затворникомъ, предаваясь ученію и обученію, молитвѣ и созерцанію, и никакими дѣлами не интересовался.

И вотъ этотъ-то затворникъ числился официальнымъ главою виленскаго кагала и, прикрываясь его именемъ, фактическіе дѣятели кагала и «бетъ-дина» (суда) управляли громадной общиной и, разумѣется, не всегда безупречно. Но послѣднее не мѣшало виленскому кагалу считаться славнѣйшимъ и благословеннѣйшимъ среди прочихъ кагаловъ Литвы и Польши. Самъ городъ Вильна получилъ особое значеніе въ глазахъ всего еврейства и былъ названъ Іерусалимомъ плѣненія («голуса»), каковое названіе сохранилъ онъ и понынѣ.

Хотя гаонъ былъ только номинальнымъ главою кагала, тѣмъ не менѣе онъ дважды пострадалъ, какъ официальный его предсѣдатель, каковымъ знала его мѣстная администрація и считала фактическимъ представителемъ кагала.

Одинъ разъ онъ былъ вызванъ въ судъ и у него требовали разъясненія въ какихъ-то неблагоприятныхъ поступкахъ кагала, а въ другой разъ его даже посадили въ острогъ. Разумѣется, равви не имѣлъ никакого понятія какъ о томъ, зачѣмъ его требовали въ судъ, такъ и о томъ, за что его повлекли въ острогъ. Въ первомъ случаѣ, какъ преданіе говоритъ, даже и кагалъ не зналъ, почему потребовали равви въ судъ. Его тамъ не допрашивали, и никакихъ показаній гаонъ судьямъ не давалъ, онъ даже рта не открывалъ на судѣ. Каждый разъ, когда тотъ или другой судья пытался задавать гаону вопросъ, языкъ его прилипалъ къ гортани и онъ лишался способности рѣчи. Судьи испугались могущества равви и отпустили его съ миромъ безъ допроса. Когда же гаона посадили въ острогъ, то и тутъ дѣло не обошлось безъ чуда. Хотя двери его тюрьмы были накрѣпко заперты желѣзными засовами и правая нога его была заключена въ тяжелой колодкѣ; но и двери тюрьмы сами собой открылись, и тяжелая колодка сама собой спала съ его ноги, и ангелы на рукахъ перенесли равви изъ тюрьмы и водворили его на мѣсто, въ «бетъ-медрешъ», какъ разъ къ началу вечерней молитвы.

Хотя оба эти случая послужили къ прославленію равви даже среди иновѣрцевъ, но самъ гаонъ былъ опечаленъ ими. Ибо, хотя и невольно съ его стороны, но этими случаями былъ нарушенъ первый его зарокъ о томъ, что до конца жизни ноги его не переступятъ черезъ порогъ «бетъ-медреша».

Императоры Александръ I и Наполеонъ у гаона.

Въ послѣдніе годы его жизни слава о его мудрости, учености и святости распространилась на весь міръ. Не только евреи, но и иновѣрцы почитали его и благоговѣнно относились къ его подвигамъ. Изъ разныхъ городовъ стекались въ Вильну благочестивые люди, чтобы удостоиться лицезрѣть его. Иновѣрцы допускались видѣть его только издали: съ порога «бетъ-медреша». И, какъ

удостоверяетъ преданіе, только императоръ Александръ I и императоръ Наполеонъ имѣли съ нимъ свиданія, и первый изъ нихъ бесѣдовалъ съ нимъ весьма продолжительное время.

Подробности этихъ свиданій таковы.

Императоръ Александръ I, еще живя въ Петербургѣ, слыхалъ, что въ Вильнѣ главою кагала состоитъ великій мудрецъ, каббалнѣсть и духовидецъ, имѣющій постоянное общеніе съ ангелами и архангелами. Когда онъ пріѣхалъ въ Вильну, то спросилъ генераль-губернатора, правда ли все то, что дошло до него о гаонѣ. Генераль-губернаторъ отвѣтилъ, что не только правда то, что императору извѣстно, но десятой части подвиговъ гаона не заключается въ свѣдѣніяхъ его. Услышавъ это, императоръ пожелалъ видѣть гаона, чтобы посовѣтоваться насчетъ своего государства и попросить его открыть ему будущее. Императоръ, по своей вѣрѣ, отличался религіозностью и благочестіемъ и любилъ и чтилъ благочестивыхъ людей и чужихъ вѣрѣ. Онъ былъ добрый и деликатный человѣкъ и поступалъ всегда вѣжливо. Онъ не послалъ жандармовъ, чтобъ привели къ нему гаона, а самъ отправился къ нему въ «беть-медрешъ». Въ сопровожденіи всей своей царской свиты прибылъ императоръ на синагогальный дворъ и, слѣзая съ коня у самыхъ дверей «избы» гаона, обратился къ прибѣжавшимъ встрѣчать его кагальникамъ съ вопросомъ:

— Можно ли видѣть гаона и побесѣдовать съ нимъ?

На вѣжливый вопросъ императора кагальники вѣжливо отвѣтили:

— Можно...

Тогда императоръ опять вѣжливо попросилъ одного изъ кагальниковъ пойти къ гаону и доложить ему о немъ. Кагальникъ въ одинъ мигъ сбѣгалъ и, возвратившись, доложилъ, что гаонъ еще вчера зналъ, что царь придетъ къ нему, и онъ его дожидается. Александръ приказалъ свитѣ остаться на дворѣ и одинъ пошелъ къ гаону. Равви Элій встрѣтилъ царя стоя, съ поднятыми вверхъ обѣими руками. И когда царь приблизился къ нему, громко, радостно и благоговѣнно произнесъ установленную при лицезрѣніи царя бенедикцію:

— Се, съ переполненнымъ радостью сердцемъ благодарю Тебѣ, Владыка неба и земли, Творецъ всего существующаго, что удостоилъ Ты меня, раба Своего, лицезрѣть отраженіе небесной славы Твоей и величія Твоего на землѣ, и сподобилъ меня приблизиться къ Помазаннику Твоему!...

Окончивъ бенедикцію, гаонъ привѣтствовалъ царя поклономъ, а послѣдній, въ свою очередь, поклонился гаону.

Царь и гаонъ усѣлись рядомъ и приступили къ бесѣдѣ. Царь говорилъ по-русски, а гаонъ на священномъ языкѣ Библии. И удивительно и чудесно въ ихъ бесѣдѣ было то, что каждый изъ нихъ не имѣлъ понятія о языкѣ, на которомъ говорилъ собесѣдникъ, тѣмъ не

менѣ другъ друга понимали до тонкости, какъ будто они разговаривали на одномъ, общемъ для обоихъ, родномъ языкѣ. Разумѣется, это чудо гаонъ сотворилъ въ честь царя.

Царь открылъ гаону всю свою душу, разсказалъ всѣ государственныя тайны, даже и такія, о которыхъ онъ не говорилъ своимъ министрамъ; изложилъ ему всѣ свои тревоги и мученія. А мучился и тревожился тогда царь сверхъ всякой мѣры: его беспокоила война съ Наполеономъ; онъ боялся, что Наполеонъ побѣдитъ его и отниметъ у него Россію. О всѣхъ своихъ мысляхъ и думахъ онъ разсказалъ гаону.

Гаонъ внимательно выслушалъ царя до конца и сказалъ ему, что онъ тревожится напрасно, что побѣда будетъ на его сторонѣ и Наполеонъ со срамомъ изъ Россіи убѣжитъ. И чтобы совершенно успокоить царя, онъ открылъ ему нѣкоторыя тайны. Онъ подробно разсказалъ, какъ близко знаетъ силу и мощь «шара» Александра и «шара» Наполеона¹⁾; съ тѣмъ и другимъ онъ хорошо былъ знакомъ, онъ бесѣдовалъ съ ними много разъ и въ достаточной мѣрѣ изучилъ силу каждаго изъ нихъ. «Шаръ» Александра одаренъ большими преимуществами и большей силой, чѣмъ «шаръ» Наполеона. И побѣдитъ Александръ, хотя, конечно, не безъ большихъ трудовъ и многихъ опасностей, потому что и сила «шара» Наполеона тоже не маленькая.

Посвятивъ, такимъ образомъ, царя въ то, что было открыто ему самому тайнымъ проникновеніемъ и Каббалой, онъ на прощаніе подвелъ его къ кивоту Захѣта и далъ ему поцѣловать священный свитокъ Торы. Послѣднимъ царь былъ весьма тронутъ и общалъ гаону дѣлать добро евреямъ.

Свиданіе Наполеона съ гаономъ было неблагополучно для обоихъ.

Наполеонъ былъ человѣкъ грубый и нахальный. И то: родился онъ отъ простыхъ родителей, которые на какомъ-то островѣ занимались разбоемъ. Ни деликатности, ни вѣжливому обращенію родители не научили его, потому что сами они не имѣли объ этомъ никакого понятія. Можно себѣ представить, какъ возгордился сынъ разбойника, сдѣлавшись царемъ! Никого онъ знать не хотѣлъ, никого не почиталъ, и даже Бога не совсѣмъ признавалъ. Все же, прибывъ въ Вильну и наслышавшись о величій и славѣ гаона, захотѣлъ съ нимъ побесѣдовать.

¹⁾ «Шаръ» или «Саръ»—подъ этимъ названіемъ извѣстны ангелы, приставленные къ царямъ. По Мидрашу и Каббалѣ, при рожденіи мальчика или дѣвочки, которымъ предназначено царствовать, Господь призываетъ къ себѣ одного изъ ангеловъ и поручаетъ ему охранять его или ее и руководить ими. Ангелъ долженъ непрерывно бодрствовать надъ поручаемымъ ему и преданно служить ему. Чѣмъ большей силой и большимъ могуществомъ обладаетъ ангелъ, тѣмъ, конечно, больше пользы царю отъ него, тѣмъ многочисленнѣе побѣды послѣдняго и славнѣе его царствованіе.

На свою бѣду, Наполеонъ выбралъ для этого совсѣмъ неподходящее время. Гаонъ былъ занятъ утренней молитвой и въ тотъ моментъ, когда онъ только началъ читать «Шема Исроель!» («Слушай, Израиль!»)—прибавлю: важнѣйшая изъ молитвъ), Наполеонъ съ дерзостью ворвался въ «бетъ-медрешъ» въ сопровожденіи своей многочисленной свиты, состоявшей, разумѣется, изъ иновѣрцевъ. Но, переступивъ порогъ, онъ вынужденъ былъ остановиться: ноги его отказались двигаться дальше. И со свитой его случилось то же самое. Разгнѣвался Наполеонъ, но ничего подѣлать не могъ, и до тѣхъ поръ, пока гаонъ не дочиталъ «Шема Исроель» до послѣдняго слова, ноги отказались служить ему, и невидимая сила принудила его стоять у порога и ждать. Получилъ онъ способность опять двигаться ногами, когда «Шема» кончилась, и поспѣшилъ приблизиться къ гаону. Равви привѣтствовалъ его поднятіемъ обѣихъ рукъ и произнесеніемъ установленной бенедикціи. Но произнесъ онъ бенедикцію не громко, вслухъ,—какъ онъ поступилъ при свиданіи съ Александромъ,—а мысленно, про себя. Наполеонъ понялъ, что гаонъ къ нему не привѣтливъ въ должной мѣрѣ. Это ему не понравилось, и онъ еще больше разгнѣвался. Не желая возстановить противъ себя гаона, онъ затаилъ гнѣвъ свой и милостиво отвѣтилъ на его привѣтствіе. Устремивъ на равви свой взоръ, онъ заговорилъ съ такой быстротой, что произносилъ больше трехъ словъ въ секунду. Онъ рассказалъ равви о разныхъ своихъ затрудненіяхъ и просилъ его обдумать все и дать ему совѣты и указанія. Равви, разумѣется, понялъ императора до тонкости, хотя онъ изъяснялся съ нимъ на невѣдомомъ ему французскомъ языкѣ и, какъ замѣчено, съ необыкновенной быстротой. Но совѣтовать Наполеону и давать ему указанія равви, по ему одному извѣстнымъ причинамъ, не нашель возможнымъ, и ограничился тѣмъ, что открылъ предъ нимъ маленькую щелочку въ будущее. Какъ только императоръ заглянулъ въ щелочку и увидѣлъ тамъ, что его «шаръ» побѣжденъ «шаромъ» императора Александра, онъ пришелъ въ ярость и не постѣснялся вымѣстить гнѣвъ свой на ни въ чемъ не повинномъ равви! Онъ далъ равви щелчокъ по лбу, плюнулъ ему въ лицо, крикнулъ: «дуракъ!...» повернулся къ равви спиной и убѣждалъ отъ него съ такой поспѣшностью, очевидно, въ смущеніи, что опрокинулъ, въ своемъ бѣгствѣ, по пути два «стендера» (пюпитра). Свита его въ испугѣ кинулась за нимъ, тоже бѣгомъ.

Равви не разсердился на Наполеона. Онъ грустно провожалъ его добрымъ взглядомъ, вытеръ досуха лицо и со скорбью и печалью произнесъ ему послѣдъ:

— Бѣдный вѣнценосецъ! Какъ слабо держится корона на твоей головѣ!... Шатается!...

Произнесъ онъ это, конечно, мысленно, ибо въ то время онъ подчинялся уже своему обѣту молчанія.

Сказаніе о «гейломѣ».

О многочисленныхъ чудесахъ, которыя равви творилъ и при жизни своей и послѣ кончины своей, существуетъ множество устныхъ сказаній. По существу своему, чудеса, приписываемыя гаону Элію, въ большинствѣ своемъ мало разнятся отъ чудесъ, приписываемыхъ и другимъ раввинамъ праведной и святой жизни. Но одно чудо, которое сотворилъ равви Элій, настолько удивительно и выдается своей необычайностью среди всякихъ чудесъ, что о немъ стоитъ рассказать въ подробности.

Равви Элій сотворилъ нѣчто такое, что до него никому изъ праведниковъ сотворить не было по силамъ. Онъ сдѣлалъ для себя «гейлома» (гомункула) изъ глины, который замѣнялъ ему прислужника въ теченіе четырнадцати лѣтъ и семи мѣсяцевъ и трехъ дней, т. е. вплоть до самой кончины гаона.

Подробности этого чуда преданіе рассказываетъ такъ.

Гаонъ очень тяготился тѣмъ, что для личныхъ ему услугъ ему приходилось отрывать отъ ученія своихъ учениковъ и заставлять ихъ тратить время на занятія, не соотвѣтствующія ихъ положенію. Конечно, «услуживать «талмудъ-хахаму» (ученому мудрецу) заслуга предъ Господомъ», — но это изреченіе Мидраша слѣдуетъ отнести не къ тѣмъ, которые сами занимаются изученіемъ закона. Изученіе закона—самая высшая заслуга предъ Господомъ, и занимающійся закономъ освобождается отъ всякихъ другихъ, кромѣ молитвы, обязанностей.

Гаону, волей-неволей, въ теченіе многихъ лѣтъ все-таки приходилось пользоваться услугами учениковъ своихъ. Не могъ онъ обходиться ни безъ пищи, ни безъ дровъ, ни безъ воды. Для того, чтобы все это самому добыть, необходимо было бы выходить изъ «бетъ-медреша», а, по данному имъ зароку, онъ даже не могъ переступить и за порогъ его. Такимъ образомъ, каждый разъ, когда онъ вынужденъ бывалъ приказать ученикамъ своимъ исполнить ту или другую мірскую работу, онъ болѣлъ душою и горевалъ, что отрываетъ ихъ отъ изученія закона.

Сокрушаясь постоянно безвыходностью такого его положенія, онъ никогда не переставалъ думать о томъ, какъ отъ него освободиться. Послѣ многолѣтнихъ думъ и размышленій средство было имъ найдено. Изучая по ночамъ Каббалу, онъ открылъ смыслъ одной таинственной формулы, до котораго до него никто не могъ добраться. И открытіе это вывело его изъ затрудненія: оно освободило его отъ необходимости пользоваться услугами учениковъ своихъ, тратить ихъ время на мірскія работы и отрывать ихъ отъ изученія закона.

На слѣдующій день послѣ своего открытія, когда закончилась утренняя молитва, гаонъ собралъ вокругъ себя всѣхъ учениковъ

своихъ и радостно объявилъ имъ, что отнынѣ онъ не будетъ больше отрывать ихъ отъ изученія закона для личныхъ ему услугъ и обращается къ нимъ въ послѣдній разъ съ просьбой услужить ему. Онъ попросилъ, чтобы они немедленно принесли ему размягченной глины, мужскую рубашку, «арбе-канфесъ» (кусокъ шерстяной матеріи, приблизительно въ аршинъ длины и поларшина ширины, на четырехъ концахъ котораго продѣты священныя нити—«цицесъ», и имѣющій въ серединѣ круглый вырѣзь, чрезъ который свободно проходитъ голова. «Арбе-канфесъ» иначе называется:—«талеть-котонъ» (малый талеть). Каждый еврей обязанъ постоянно носить «арбе-канфесъ» и снимать его только во время сна. Простые евреи носятъ его открыто, и ихъ не стѣсняють висящіе на немъ «цицелесъ») и ермолку.

Когда все было ему доставлено, онъ въ присутствіи учениковъ приступилъ къ работѣ. Изъ размягченной глины сталъ онъ вылѣплять человѣческую фигуру, и, что было удивительно, руки его такъ быстро и умѣло работали, точно равви обучался гончарному искусству съ молодости. Чрезъ какой-нибудь часъ на полу «бетъ-медреша» лежала совершенно готовая фигура, роста средняго человѣка, изъ мягкой глины. Равви трижды дунулъ на фигуру, и она моментально просохла и сдѣлалась тверда, какъ каменная. Тогда равви поставилъ ее на ноги и надѣлъ на нее рубашку и «арбе-канфесъ». Попросивъ одного изъ учениковъ поддерживать фигуру, чтобы она не упала и не разбилась, равви уединился въ каморку, въ которой проводилъ ночи, и чрезъ нѣкоторое время возвратился оттуда со сложеннымъ въ трубочку маленькимъ кускомъ пергамента, на которомъ была имъ начертана никому не извѣстными знаками таинственная каббалистическая формула. Равви положилъ трубочку на голову фигуры и прикрылъ голову ермолкой.

— Оставь его, — обратился равви къ ученику, поддерживавшему фигуру. — «Гейломъ» готовъ и не нуждается въ твоей помощи.

Ученикъ выпустилъ его изъ рукъ, и «гейломъ», оставленный безъ поддержки, продолжалъ твердо стоять на своихъ глиняныхъ ногахъ.

— А теперь иди! — приказалъ равви, обращаясь къ «гейлomu». — И «гейломъ» запаталъ по прямому направленію. Приблизившись къ стѣнѣ, онъ такъ сильно ударился въ нее, что она дала трещину, еще одинъ такой ударъ, и стѣна разлетѣлась бы, но равви громко крикнулъ ему:

— Остановись!...

«Гейломъ» остановился.

— Теперь, — опять обратился равви къ «гейлomu», — обернись, проходи той же дорогой и на прежнемъ стань мѣстѣ.

И, когда «гейломъ» и это исполнилъ, равви объяснилъ ученикамъ своимъ, что созданіе его представляетъ собой только силу механи-

ческую и что оно лишено всякаго разума. Всякое порученіе необходимо давать «гейлому» съ величайшей осторожностью и объяснить ему точно какъ что отъ него требуется, такъ и то, какъ долженъ онъ исполнить требуемое отъ него. Въ противномъ случаѣ, «гейломъ» можетъ натворить много бѣдъ. Такъ, они сами были свидѣтелями, какъ чуть не случилась бѣда, когда равви сказалъ «гейлому»: «иди», и забылъ прибавить: «до стѣны и тамъ остановись», или: «и вернись назадъ и стань на прежнее мѣсто». Если бъ равви ео-время не остановилъ его, онъ продавилъ бы стѣну и продолжалъ бы шагать до скончанія міра по одному и тому же направленію, преодолевая и разрушая на пути своемъ всякія препятствія. И кружился бы такъ вѣчно, безостановочно по земному шару, по однажды навсегда намѣченному кругу.

— И никто не могъ бы остановить его?—спросилъ равви одинъ изъ учениковъ.

— Его всякій могъ бы остановить,—отвѣтилъ равви:—если бъ догадался подойти къ нему и убрать изъ-подъ его ермолки начертанную на пергаментѣ каббалистическую формулу; но никакому чело-вѣку не пришло бы это въ голову.

— Но,—спросилъ другой ученикъ,—«гейломъ» встрѣтилъ бы на пути своемъ океаны и моря. Какъ бы онъ тогда поступилъ? Вы не приказали ему переплыть ихъ, а самъ онъ вѣдь догадаться не можетъ?

— Это ничего не значить,—отвѣтилъ равви.—«Гейлому» никакой надобности нѣтъ переплывать океаны и моря, когда онъ можетъ переходить по нимъ по ихъ дну.

Съ тѣхъ поръ равви не нуждался въ услугахъ людей, и все, что нужно было, исполнялъ для него «гейломъ».

Въ первое время, пока гаонъ еще недостаточно освоился съ своимъ слугой, случались недоразумѣнія.

Такъ, однажды въ забывчивости гаонъ приказалъ ему принести воду и приказаніе свое не разъяснилъ «гейлому» съ достаточной точностью и нужными подробностями. «Гейломъ» немедленно приступилъ къ носкѣ воды и продолжалъ это занятіе нѣсколько часовъ подъ рядъ. Онъ все носилъ воду и носилъ. Давно уже наполнилъ онъ кадку до краевъ и все продолжалъ приносить полныя ведра и выливать въ кадку. Вода, разумѣется стекала на полъ «бетъ-медреша» и чуть не затопила его. Равви въ это время былъ такъ углубленъ въ Тору, что ничего не замѣтилъ. Равви очнулся только тогда, когда почувствовалъ страшный холодъ въ ногахъ, которыя промокли. Вода была ключевая, изъ общественнаго колодца, и онъ очень продрогъ. Равви приказалъ «гейлому» прекратить его занятіе, а то сдѣлалось бы наводненіе.

Разъ изъ-за «гейлома» произошло и несчастье.

Раввинъ пригорода Антоколи, рабби Хацкель, обратился письменно къ гаону съ просьбой разъяснить ему темное мѣсто въ

Талмудъ и немедленно прислать разъясненіе съ нарочнымъ, такъ какъ на слѣдующее утро онъ долженъ объяснить это темное мѣсто въ Талмудъ своимъ ученикамъ. Гаонъ, не предполагая никакой хитрости со стороны рабби Хацкеля, немедленно изготовилъ отвѣтъ и передалъ его «гейлому», чтобъ доставилъ по назначенію. Но рабби Хацкель совершенно не нуждался въ отвѣтѣ гаона, ему только нужно было, чтобы гаонъ прислалъ къ нему «гейлома». Дѣло въ томъ, что рабби Хацкель тоже занимался Каббалой и достигъ въ этой тайной наукѣ большихъ знаній; но, разумѣется, до знаній гаона онъ даже и приблизиться не могъ. Былъ онъ гордъ и завистливъ. Когда гаонъ сдѣлалъ себѣ слугу «гейлома», то рабби Хацкель проникся завистью и тоже захотѣлъ сдѣлать для себя «гейлома». Но, сколько онъ ни трудился, сколько ни углублялся въ Каббалу, таинственная формула, которая можетъ сообщить жизнь глиняной фигурѣ, не была имъ открыта. Тогда онъ вздумалъ прибѣгнуть къ хитрости и изучить начертаніе формулы на «гейломѣ» гаона, и для этого ему нужно было, чтобъ гаонъ прислалъ «гейлома» къ нему на домъ, что, благодаря его хитрости, и случилось.

Но былъ же рабби Хацкель и наказанъ за свою хитрость.

Поджидая къ себѣ «гейлома», онъ услалъ на цѣлый день своихъ домашнихъ изъ дома, дабы никто не могъ видѣть его хитраго поступка. И когда «гейломъ» пришелъ къ нему, онъ заперъ за нимъ дверь на ключъ, чтобъ никто не могъ войти и помѣшать ему въ его зломъ дѣлѣ. «Гейломъ» отдалъ ему письмо гаона, повернулся къ нему спиной, чтобы уйти, но рабби Хацкель сзади подскочилъ къ нему, сорвалъ съ головы его ермолку и схватилъ обѣими руками завернутый въ трубочку кусочекъ пергамента. «Гейломъ», какъ разъ стоялъ на одной лѣвой ногѣ, ибо онъ готовился сдѣлать шагъ, и правую поднималъ. Съ исчезновеніемъ съ головы его каббалистической формулы онъ, разумѣется, лишился жизненныхъ силъ и превратился въ простую глиняную фигуру, а потому на одной ногѣ устоять не могъ и упалъ; и при этомъ отбилъ ступню поднятой правой ноги. Но рабби Хацкеля это не смутило, и, не обративъ никакого вниманія на раненнаго «гейлома», онъ поспѣшно развернулъ трубочку, желая поскорѣ прочесть таинственную формулу. Но лишь только поднесъ развернутый кусочекъ пергамента къ глазамъ своимъ, какъ почувствовалъ въ нихъ острую боль и лишился зрѣнія. Отъ боли и испуга онъ закричалъ. Но еще болѣе онъ испугался и въ еще большій пришелъ онъ ужасъ, когда хотѣлъ положить на столъ находившійся въ его рукахъ кусочекъ пергамента и убрался, что руки его не дѣйствуютъ и что онѣ повисли у него, какъ плети. И остался онъ въ безпомощномъ состояніи до тѣхъ поръ, пока не пришли его домашніе.

Но и домашніе его не могли облегчить его страданія и утишить его боли.

Узнавъ о случившемся, гаонъ, хотя и разсердился, все же пришелъ рабби Хацкелю на помощь. Онъ вымолилъ у Бога, чтобъ ему было возвращено зрѣніе, ибо глаза рабби Хацкеля грѣха не совершили: они не успѣли увидѣть таинственныя начертанія на пергаментѣ, но вымолить выздоровленіе его рукъ было не по силамъ и гаону. Руки рабби Хацкеля тяжело согрѣшили: онѣ сорвали съ «гейлома» ермолку и разворачивали трубочку.

Когда, по порученію гаона, любимый «талмидъ» (ученикъ) его, рабби Гедалій, отправился на квартиру рабби Хацкеля и снова возложилъ на голову «гейлома» трубочку и надѣлъ ему его ермолку и «гейломъ» всталъ и пошелъ домой, то оказалось, что онъ прихрамываетъ на правую ногу, у которой была отбита ступня. Такъ онъ и остался навсегда искалѣченнымъ, но это не ослабило его силъ и не мѣшало ему въ работѣ.

За день до своей кончины гаонъ снялъ съ головы «гейлома» ермолку, зажегъ сальную свѣчку и приблизилъ пламя къ трубочкѣ. Она сторѣла до тла на глиняной головѣ «гейлома» и превратилась въ пепель. Гаонъ дунулъ и пепель исчезъ, а самъ «гейломъ» упалъ на полъ, превращенный навсегда въ простую глиняную фигуру.

Гаонъ приказалъ убрать эту фигуру изъ «бетъ-медреша» и положить ее на чердакъ Старой виленской синагоги, и чтобы тамъ она находилась въ сохранности до поры воскресенія мертвыхъ, когда онъ снова оживить ее.

Приказаніе его было исполнено. И останки «гейлома», какъ удостовѣряютъ, покоятся тамъ и теперь, и всякій можетъ ихъ видѣть. Но лучше не любопытствовать, ибо лицезрѣніе остатковъ «гейлома» причиняетъ головную боль и вредно для глазъ...

На этомъ и оканчивается сказаніе о «гейломѣ».

Память о гаонѣ и его чудесахъ, я увѣренъ, до сихъ поръ еще жива въ еврейской массѣ. Но такъ ли чтится его память въ настоящее время и такъ ли крѣпка вѣра въ чудеса его, какъ это еще не такъ давно было?—врядъ ли...

Хотя такъ и быть должно. Люди, развиваясь умственно, перерастаютъ много вѣрованій и освобождаются отъ суевѣрій. Но становятся ли они отъ этого счастливѣе?

Вспоминая теперь о годахъ моего дѣтства и юности, когда жизнь была проникнута крѣпкой вѣрой и не была чужда и суевѣрія, и сравнивая ту жизнь съ настоящей, скажу откровенно: мнѣ жаль моей прежней крѣпкой вѣры, я такъ грущу по ней...

С. Эфронъ (Литвинъ).





ПЕТЕРБУРГСКІЕ НАБРОСКИ.

Трагедія директора банка.



ЛОЖНАЯ штука жизнь, и весьма сложная. Когда проживешь уже достаточно, чтобы имѣть изрядный запасъ воспоминаній, то, сравнивая, въ минуты досуга, прежній строй жизни съ настоящимъ, съ поразительной ясностью видишь, насколько настоящій укладъ жизни разнится даже въ мелочахъ отъ того, среди котораго вращался еще такъ недавно, помимо даже потрясеній и ломки всего строя прежней жизни, испытанной Россіей за послѣдніе года.

Какой-то мыслитель сказалъ, что жизнь мѣняется для cadaго отдѣльнаго лица замѣтно для него самого каждые три года,—годъ тутъ не играетъ большой роли. Десятилѣтія даютъ уже рѣзкія, опредѣленные границы и отмѣчаются уже въ видѣ эпохъ словами: «Это было въ 60-хъ годахъ, 70-хъ» и т. д. Каждая такая эпоха, въ особенности въ русской жизни, имѣетъ свою фязіономію, часто диаметрально противоположную предыдущей. Такъ, шестидесятые года были временемъ великихъ реформъ, пробудившихъ русское общество отъ вѣковой спячки, хожденія въ народъ и т. п. Самое названіе «шестидесятники» даетъ до сихъ поръ представленіе о свѣтлыхъ дѣятеляхъ на зарѣ возрожденія русской жизни.

Совсѣмъ иное настроеніе дали семидесятые года; то было время желѣзнодорожныхъ и иныхъ концессій, стремленій къ различнымъ комбинаціямъ на почвѣ наживы, охватившихъ всѣ классы русскаго общества. Изумительное время, когда мужики въ лаптяхъ

изъ простыхъ десятниковъ дѣлались миллионерами, столбовые дворяне, прокутивъ свои «Санъ-Суси» и «Проплеванная», бросались въ Петербургъ за «дѣломъ». Разночинцы, служащіе въ различныхъ вѣдомствахъ, также не отставали отъ общаго теченія и стремились въ столицу въ погонѣ за тѣмъ, чтобы урвать и на свою волю кусокъ казеннаго или акціонернаго пирога, причемъ и они часто дѣлали чисто феерическую карьеру.

О мужичкахъ-миллионерахъ и дворянахъ-концессионерахъ семидесятыхъ годовъ писалось очень много, представители же послѣдней категоріи, блеснувшіе метеорами въ эту эпоху денежной вакханаліи, остались какъ бы въ тѣни. Съ біографіей одного изъ представителей этого жанра, извѣстнаго въ свое время всему Петербургу, жизнь котораго, полная разныхъ неожиданностей и закончившаяся трагической развязкой, представляетъ собою много интереснаго для характеристики людей этой эпохи, мы и ознакомимъ читателей, причемъ тутъ измѣнено лишь нѣсколько имя, всѣ же факты переданы съ возможной точностью.

Въ одномъ изъ сѣверныхъ губернскихъ городовъ, представлявшихъ собою въ началѣ семидесятыхъ годовъ добрую глушь, съ почти полнымъ отсутствіемъ удобныхъ сообщеній въ большую часть года и извѣстнымъ только, какъ административный центръ губерніи, да отчасти какъ мѣсто административной ссылки, жилъ и служилъ въ то время въ акцизномъ вѣдомствѣ Петръ Вячеславовичъ Смольскій, занимавшій мѣсто, представлявшее нѣчто среднее, то есть не особенно выдающееся и не особенно низменное. Представительная наружность, элегантныя манеры, извѣстная корректность въ отношеніяхъ къ окружающимъ и природный умъ, нѣсколько скептической складки—сдѣлали его любимцемъ всего нетребовательнаго губернскаго общества, въ особенности прекрасной его половины.

Къ этому надо прибавить, что по рожденію онъ былъ дворянинъ, изъ семьи когда-то богатѣйшихъ помѣщиковъ Юго-Западнаго края, и наследовалъ отъ родителей лишь широкую барскую натуру и никакихъ ресурсовъ. Помимо того, это былъ человѣкъ въ высшей степени добрый и отзывчивый на всякое доброе дѣло. Губернскія благотворительницы немало стригли его на всевозможныхъ вечерахъ, зная, что отказывать онъ совсѣмъ не умѣлъ.

Случайно судьба столкнула его съ извѣстнымъ писателемъ Ш., высланнымъ въ губернію на жительство изъ Петербурга, а черезъ него Смольскій познакомился и съ его семьей, пріѣхавшей навѣстить Ш. въ мѣсто ссылки.

Вскорѣ онъ бросаетъ свою службу, которой, очевидно, давно тяготился, и переезжаетъ на постоянное жительство въ столицу. Знакомство съ семьей пострадавшаго за убѣжденія писателя, съ которой онъ близко сошелся, открыло ему двери въ различные ли-

тературные кружки, а личные его качества и въ особенности полная готовность всякому услужить и сдѣлать что-либо пріятное—сдѣлали его своимъ человѣкомъ у П. А. Гайдебурова, А. К. Шеллера-Михайлова, издателя «Дѣла» Благосвѣтлова и другихъ редакторовъ-издателей, на журфиксахъ которыхъ, гдѣ, кромѣ литераторовъ, собирались также и нѣкоторые представители финансоваго и бюрократическаго міра, онъ былъ неизмѣннымъ гостемъ.

Мало-по-малу Смольскій сталъ бывать запросто у многихъ тузовъ и въ одинъ прекрасный день получилъ, черезъ извѣстнаго милліонера Кокорева, умѣвшаго сразу и безошибочно распознавать полезныхъ для него людей, мѣсто директора «Сѣвернаго общества», по вновь организованному, впервые у насъ въ Россіи, операціямъ по выдачѣ варантовъ подъ товары, находящіеся на храненіи въ колоссальныхъ складахъ, построенныхъ для этой цѣли Кокоревымъ у Александрo-Невской лавры.

Шагъ былъ сдѣланъ крупный: скромный акцизный чиновникъ изъ провинціи превратился въ директора банка съ почти министерскимъ окладомъ и въ крупнаго дѣятеля по новому финансовому предпріятію въ Петербургѣ.

Занимая нѣсколько роскошно обставленныхъ апартаментовъ на Большой Морской, въ домѣ Кононова, онъ велъ широкую жизнь ни въ чемъ не отказывающаго себѣ холостяка, не желая связывать себя узами Гименея, несмотря на то, что ему было уже подѣ 50 лѣтъ и партіи представлялись самыя блестящія.

Но это была лишь первая стадія дальнѣйшей карьеры Смольскаго. Вспыхнула война за освобожденіе Болгаріи, и вслѣдъ за арміей потянулась за Дунай цѣлая туча интендантской саранчи, частныхъ предпринимателей и гешефтмахеровъ всѣхъ сортовъ, жаждущихъ нажить состоянія на разутой и раздѣтой арміи. Тамъ, близъ театра военныхъ дѣйствій, жизнь была ключомъ, и золото текло рѣкой, но главнымъ и самымъ виднымъ дѣятелемъ во всей этой балканской вакханаліи было пресловутое тріо: Грегера, Когана и Горвица, составившее контрагентство по поставкамъ всевозможныхъ предметовъ какъ первой необходимости, такъ и роскоши, на весь европейскій театръ военныхъ дѣйствій. Какого сорта были эти товары, и по какой цѣнѣ они покупались, знаютъ, конечно, тѣ немногіе участники этой компаніи, которые находятся еще въ живыхъ, да та часть публики, которая слѣдила за газетными отчетами по процессу, возникшему между казною и контрагентствомъ вслѣдъ за окончаніемъ этой войны.

Однако было время, когда дѣла этой компаніи внезапно пошатнулись. Справедливыя жалобы всѣхъ почти командировъ отдѣльныхъ частей, явная и очевидная для всѣхъ недобросовѣстность поставщиковъ и агентовъ контрагентства, въ связи со страшной неурядицей въ самой постановкѣ этого дѣла, вызванной безпощадной

эксплоатаціей крестьянъ-возчиковъ, прельстившихся якобы крупнымъ заработкомъ и наѣхавшихъ въ Румынію со всѣхъ ближайшихъ къ ней окраинъ нашего отечества, благодаря чему полшубки приходили въ то время, когда въ нихъ не было ни малѣйшей надобности, чай подмоченнымъ и т. п.,—сдѣлали, наконецъ, то, что на все это обратила вниманіе и главная квартира, откуда являвшихся туда для подписанія счетовъ представителей контрагентства буквально гнали въ шею, не желая производить никакихъ расчетовъ, такъ какъ тутъ сложилось твердое убѣжденіе, что все это воры и мошенники.

Однако заводы за границей, и въ особенности въ Англіи, относившіеся вообще довольно недоброжелательно къ этой кампаніи, направленной противъ «больной» Турціи и грозившей ея распаденіемъ, требовали отъ контрагентства немедленныхъ расчетовъ, грозя прекратить въ противномъ случаѣ всякія поставки товаровъ и въ особенности лимонной кислоты, полное отсутствіе которой грозило страшнымъ бѣдствіемъ для арміи, гдѣ уже началась распространяться въ грандіозныхъ размѣрахъ цынга.

При этихъ исключительныхъ обстоятельствахъ контрагентству не оставалось иного выхода, какъ пригласить на службу чело-вѣка, могущаго поставить дѣло на совершенно новыхъ началахъ и имѣющаго извѣстныя связи въ финансовомъ и военномъ мірѣ. Выборъ палъ на П. В. Смольскаго, которому компанія и предложила переходъ на ея службу съ крупнымъ окладомъ по пяти тысячъ рублей золотомъ ежемѣсячно, при всѣхъ расходахъ за счетъ контрагентства и съ обязательствомъ уплаты 60 тысячъ золотомъ по окончаніи всѣхъ расчетовъ съ казною.

Предложеніе было настолько заманчиво, что Смольскій, не задумываясь, бросилъ свое директорство въ Сѣверномъ обществѣ и немедленно отправился въ Болгарію въ качествѣ представителя контрагентства при главной квартирѣ главнокомандующаго. Тутъ онъ весьма быстро вошелъ въ роль главнаго уполномоченнаго и, благодаря широкой барской натурѣ и умѣнью держать себя во всевозможныхъ кругахъ, сталъ своимъ чело-вѣкомъ среди высшихъ чиновъ штаба и пользовался довѣріемъ начальника штаба, генерала Непокойчицкаго, чѣмъ, несомнѣнно, много помогъ дѣлу контрагентства.

Кончилась кампанія, и начался безконечный процессъ контрагентства съ казною. В. П. Смольскій остался не у дѣлъ, схвативъ вдобавокъ въ Болгаріи страшный ревматизмъ. Однако онъ не упалъ духомъ. Деньги были, и довольно крупныя, такъ какъ агентство, хотя его и поднадуло при окончательномъ расчетѣ, но все-таки, несмотря на то, что оно не получило полнаго расчета съ казной, было вынуждено заплатить Смольскому около 40 тысячъ золотомъ, да, кромѣ того, несмотря на громадныя суммы, затраченныя на извѣстное пред-

ставительство за время кампаніи, у Смольскаго образовалась экономя тысячь въ 25.

Первымъ дѣломъ предстояло выгнать ревматизмъ, твердо за-сѣвшій въ здоровомъ еще и крѣпкомъ, какъ камень, тѣлѣ, здоровье было распатано невзгодами походной жизни, когда подчасъ приходилось оставлять сравнительно удобныя помѣщенія въ различныхъ румынскихъ Плоэшти и Фратешти, слѣдуя за арміей въ глубь Болгаріи, ночевать у костровъ, гдѣ съ одной стороны тѣло накалялось огнемъ, а съ другой заметалось снѣгомъ.

Смольскій отправился сначала лечиться въ Монь-Суманъ, гдѣ въ то время собрался громаднѣйшій кружокъ военныхъ, выздоравливающихъ отъ ранъ и всевозможныхъ болѣзней, пріобрѣтенныхъ за время турецкой кампаніи, а затѣмъ отдохнуть въ Вѣнѣ.

Здѣсь, вращаясь по преимуществу въ финансовыхъ кругахъ, онъ случайно познакомился съ замѣчательной красавицей, дочерью командира гусарскаго полка, стоявшаго близъ Вѣны, Ольгой П—ръ, славившейся своими пепельнаго цвѣта волосами, которые въ распущенномъ видѣ образовывали какъ бы бесѣдку кругомъ ея отъ головы до самыхъ пятъ. Уже почти на склонѣ лѣтъ, Смольскій безумно влюбился въ вѣнскую красавицу и сталъ упорно ухаживать за нею.

Питала ли она какія-либо чувства къ нему, является вопросомъ весьма спорнымъ, но, во всякомъ случаѣ, кокетничала она съ нимъ напропалую, думая, вѣроятно, что у этого русскаго медвѣдя тѣмъ денегъ, такъ какъ Смольскій жилъ очень широко и вообще умѣлъ пускать пыль въ глаза еще со временъ директорства, когда требовался извѣстный антуражъ. Тутъ не мѣшаетъ замѣтить, что страстно влюбленный женихъ ни слова не говорилъ по-нѣмецки и очень плохо по-французски, а невѣста, разумѣется, ни полслова по-русски. Предложеніе Смольскаго было, хотя и не безъ нѣкоторыхъ колебаній, принято, и въ русской посольской церкви въ Вѣнѣ состоялось ихъ бракосочетаніе.

Послѣ свадьбы молодые отправились въ путешествіе по различнымъ моднымъ курортамъ, посѣщали Парижъ, Ниццу и затѣмъ Петербургъ, гдѣ занимали роскошныя апартаменты въ «Европейской гостиницѣ» и взяли съ собой въ Вѣну русскую кормилицу для будущаго ребенка.

По возвращеніи въ Вѣну у счастливой четы родилась дочь, вскорѣ послѣ рожденія которой молодая вновь всецѣло отдалась той свѣтской жизни, къ которой привыкла до замужества.

Смольскій, конечно, адски скучалъ, почти не зная языка и будучи поставленъ въ весьма смѣшное положеніе, но добросовѣстно слѣдовалъ, какъ тѣнь, повсюду за своей красавицей-женой, сдѣлавшейся царицей сезона.

Не отказывая ей ни въ чемъ, безумно ее любя и будучи самъ по себѣ человѣкомъ съ широкимъ размахомъ, въ одинъ прекрасный

день онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что подобный режимъ долѣе невыслимъ: капиталъ его растаялъ въ продолженіе около полугода больше, чѣмъ на двѣ трети.

Оставалось предпринять что-либо рѣшительное, чтобы не остаться нищимъ, и вотъ Смольскій рѣшилъ приобрести гдѣ-то въ Тироляхъ продававшееся по случаю имѣніе-ферму съ цѣлью жить тамъ круглый годъ и заняться хозяйствомъ, конечно, не учитывая того, что въ этомъ хозяйствѣ онъ ровно ничего не понималъ. Въ особенности трудно было вести его при полномъ незнаніи языка и мѣстныхъ условій, такъ какъ главнымъ продуктомъ являлись молочные скопы, требующіе специальныхъ знаній и большой практичности для утилизации ихъ

Въ свои планы онъ посвятилъ и жену, которая съ радостью ухватилась за эту идею, такъ какъ сезонъ кончался и «вся Вѣна» разбѣзжалась по своимъ помѣстьямъ. Совершенно не входя въ дѣла мужа и, требуя отъ него лишь на расходы и не помышляя о надвигавшемся кризисѣ, веселая барыня дала лишь одинъ совѣтъ: купить имѣніе на ея имя, отъ чего, однако, Смольскій благоразумно воздержался.

Имѣніе было куплено за нѣсколько тысячъ гульденовъ, и въ качествѣ управляющаго былъ нанятъ какой-то итальянецъ, долго жившій въ Тироляхъ и якобы хорошо освѣдомленный въ дѣлѣ мѣстнаго хозяйства.

Въ горахъ Тироля, на лонѣ роскошной природы, незамѣтно промчалось лѣто, наступилъ новый сезонъ, и молодую жену Смольскаго стало неудержимо тянуть въ Вѣну, въ тотъ кипучій водоворотъ свѣтской жизни, къ которому она привыкла съ дѣтства. Она стала хирѣть, нервничать и, наконецъ, категорически заявила мужу, что не останется на зиму въ деревнѣ и уѣдетъ на сезонъ въ Вѣну.

Послѣ цѣлаго ряда сценъ, впервые омрачившихъ по виду счастливую жизнь супруговъ, жена поняла, что «русскій медвѣдь» далеко не такъ богатъ, какъ предполагала она и вся ея семья, судя по той широкой жизни, которую вель Смольскій, ни въ чемъ не отказывая любимой женщинѣ. Состоялось, наконецъ, соглашеніе между супругами, причемъ глава семейства отправился въ Россію искать новаго мѣста, надѣясь получить его, благодаря крупнымъ связямъ, а жена съ ребенкомъ переселилась въ Вѣну. Имѣніе же рѣшено было по взаимному соглашенію отдать въ аренду итальянцу управляющему, причемъ Смольскій опять-таки удержался отъ упорныхъ настояній жены о переводѣ его на ея имя, хотя и отдалъ ей почти всю свою личность.

И вотъ бывшій директоръ банка очутился снова въ Петербургѣ, но далеко не столь жизнерадостнымъ, какъ въ первый свой пріѣздъ въ столицу. Остановился онъ въ той же «Европейской гостиницѣ», но уже въ самомъ скромномъ номерѣ, гдѣ-то въ четвертомъ этажѣ.

Началось возобновленіе старыхъ знакомствъ и связей и упорное исканіе мѣста.

Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, прежніе друзья и даже лица, въ свое время одолжавшіяся у Смольскаго, сначала встрѣтили его съ распростертыми объятіями, памятуя его широкое гостепримство въ былые годы и широкій размахъ въ жизни, а также зная, что онъ получилъ крупныя куши съ бывшаго контрагентства. Когда же они раскусили, что онъ ухитрился въ короткое время все прожить и мало-по-малу впадалъ въ нужду, то стали постепенно его чуждаться.

Правда, въ первое время нашлись люди, знавшіе его дѣловитость и оборотливость и желавшіе утилизировать эти качества въ свою пользу, почему нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, богачи Базилевскіе, предлагали ему довольно крупныя мѣста на волжскихъ рыбныхъ промыслахъ, на кавказскихъ нефтяныхъ источникахъ и т. п., но онъ съ упорствомъ добивался виднаго мѣста въ Петербургѣ, стремясь выписать сюда горячо любимую жену и ребенка. Однако такого мѣста не выходило, а время шло.

Единственнымъ ресурсомъ ех-директора были въ это время небольшія суммы денегъ, время отъ времени высылаемыя итальянцемъ изъ Тироля, почему всѣ знакомые и прозвали Смольскаго «тирольскимъ помѣщикомъ», однако въ дальнѣйшемъ и этотъ источникъ къ жизни сталъ постепенно уменьшаться, а затѣмъ изсякъ и совершенно. Неизвѣстно, надулъ ли его управляющій, или самъ онъ продавалъ по частямъ свой хуторъ, чтобы дать возможность женѣ поддерживать тотъ блестящій образъ жизни, какой она вела въ Вѣнѣ.

Затѣмъ пошли займы у знакомыхъ, сначала крупными суммами, а въ дальнѣйшемъ и самыми мизерными, что, конечно, сильно портило взаимныя отношенія, и Смольскій радъ уже былъ бы взять руками и ногами одно изъ тѣхъ мѣстъ, которыя ему предлагали раньше, но теперь они ускользнули отъ него безвозвратно.

Въ одинъ прекрасный день, когда уже всѣ цѣнныя вещи, вывезенныя изъ-за границы, были заложены и изсякъ кредитъ и въ отелѣ, составившій крупную сумму, въ виду того, что администрація гостиницы хорошо знала Смольскаго во время его директорства, онъ выпелъ изъ своего номера лишь съ однимъ портфелемъ, въ которомъ находилось самое необходимое бѣлье, и поселился, кое-какъ перебиваясь, въ какихъ-то третьестепенныхъ меблированныхъ комнатахъ, часто ихъ мѣняя, а иногда и совсѣмъ не имѣя квартиры и ночуя у нѣкоторыхъ изъ не оставившихъ его друзей, по большей части столь же нуждавшихся, какъ и онъ самъ.

Правда, были моменты, когда и въ этотъ грустный періодъ жизни у Смольскаго вдругъ появлялись деньжонки и одежда съ иголочки. Это было когда ему удавалось, благодаря сохранившейся еще

представительности и весьма внушительной виѣшности, временно пристроиться подставнымъ лицомъ на акціонерныхъ собраніяхъ, съ фиктивно записанными за нимъ акціями, къ конкурсамъ, крупнымъ аукціонамъ и т. п. Тутъ Смольскій моментально перерождался и чувствовалъ себя снова большимъ бариномъ, завтракалъ и обѣдалъ въ лучшихъ ресторанахъ, гдѣ собираются различные финансовые дѣльцы, пускалъ пыль въ глаза, конечно, лицамъ со-всѣмъ не знающимъ его, ухитрялся дѣлать займы, заводилъ новыя знакомства уже съ весьма сомнительными петербуржцами. Продолжалось это до тѣхъ поръ, пока у Смольскаго оставался въ карманѣ хоть одинъ цѣлковый, истративъ который онъ временно, до лучшихъ дней, совершенно исчезалъ съ горизонта.

Тутъ произошло событіе, которое и должно было рано или поздно случиться. Жена его, видя, что изъ мужа вытягивать больше нечего, и потерявъ надежду на полученіе имъ крупнаго мѣста въ Петербургѣ, хотя въ возможности занять такое мѣсто онъ не переставалъ увѣрять ее въ нѣжныхъ письмахъ, которыя, въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, неизмѣнно посылалъ ей разъ въ недѣлю, часто не имѣя самъ даже угла, гдѣ преклонить голову, наконецъ сошлась съ вѣнскимъ банкиромъ Г—мъ и сдѣлалась одной изъ первыхъ лъвицъ Вѣны, блистая тамъ брильянтами, туалетами и выѣздами и именуясь на визитныхъ карточкахъ «Olga de Smolski», одну изъ которыхъ одинъ услужливый вѣнецъ и переслалъ мужу, съ соответствующими комментаріями.

Ударъ былъ очень силенъ для безконечно любящаго свою жену мужа, который не переставалъ до послѣдняго момента на что-то надѣяться и чего-то ждать, хотя ожидать было рѣшительно нечего и для всѣхъ близко знавшихъ этого человѣка было ясно, какъ день, что онъ катится по наклонной плоскости все ниже и ниже.

Узнавъ объ измѣнѣ жены, оставившей при себѣ и ребенка, Смольскій какъ-то сразу опустился, сталъ избѣгать всѣхъ знакомыхъ, даже на улицѣ показывался не иначе, какъ съ поднятымъ воротникомъ плохонькаго пальто и при встрѣчахъ съ кѣмъ-либо изъ знакомыхъ переходилъ на другую сторону улицы. Такое угнетенное состояніе продолжалось нѣсколько лѣтъ. Для всѣхъ знавшихъ Смольскаго было тайной, въ которую, однако, никто и не пытался проникнуть, гдѣ и чѣмъ онъ существуетъ.

Однажды, уже въ 90-хъ годахъ, открылся ночлежный домъ, гдѣ-то въ Измайловскомъ полку, построенный на средства какой-то богатой купчихи-вдовы, можетъ быть, вспомнившей на склонѣ лѣтъ о разныхъ «несчастенькихъ», раздѣтыхъ ея покойнымъ супругомъ. Приютъ этотъ блисталъ при открытіи своею чистотой, массой свѣта и воздуха и былъ построенъ по послѣднимъ требованіямъ строительнаго искусства и гигиены, съ усовершенствованнымъ отопленіемъ, вентиляціей и т. п. Въ газетныхъ замѣткахъ по поводу торжества

открытія репортеры не скупились на восхваленія сердобольной купчихи, и въ одной изъ нихъ было, между прочимъ, написано: «Жертвовательница, въ своемъ стремленіи дать пріютъ обездоленнымъ, не оставила безъ вниманія и интеллигентовъ, вившихъ въ нищету, и въ отдѣльномъ помѣщеніи устроена громадная спальня, въ которую, за нѣсколько повышенную плату, допускаются лишь бывшіе люди изъ общества, которымъ предоставлены для спанья не традиціонныя нары, а отдѣльныя кровати со столиками, чистымъ бѣльемъ и т. п. Тутъ мы встрѣтили извѣстнаго всему Петербургу бывшего директора одного изъ столичныхъ обществъ, блиставшаго въ финансовомъ и бюрократическомъ мѣрѣ. Онъ вошелъ въ помѣщеніе, стараясь быть незамѣченнымъ и, не говоря ни съ кѣмъ ни слова, пробрался въ самый дальній уголъ спальни, наскоро раздѣлся и улегся на свою кровать».

Это былъ Смольскій... столь быстро сдѣлавшій свою почти феерическую карьеру и дошедшій до койки въ ночлежномъ домѣ.

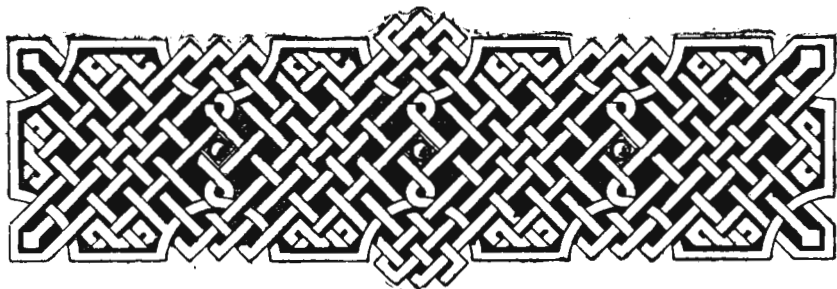
Прошло еще года два, а о немъ не было ничего слышно и даже лица, пытавшіяся разыскать его, не могли найти никакихъ слѣдовъ, такъ какъ въ адресномъ столѣ онъ не значился жителемъ въ Петербургѣ и, вѣроятно, ютился гдѣ-нибудь въ трущобахъ пригородовъ и не показывался даже въ усовершенствованной ночлежкѣ.

Однако внезапно онъ нашелся и уже въ послѣдній разъ при весьма трагическихъ обстоятельствахъ.

Полиціей было сдѣлано объявленіе, что неизвѣстный весьма бѣдно одѣтый мужчина, лѣтъ шестидесяти, повидимому, изъ интеллигентнаго класса, открылъ себѣ жилы въ номерѣ одной изъ торговыхъ банъ по Вознесенскому проспекту и, по вскрытіи дверей, найденъ былъ уже безъ признаковъ жизни въ горячей ваннѣ, причеиъ смерть послѣдовала отъ потери крови. Никакихъ бумагъ, удостоверяющихъ личность покойнаго, не было найдено; при немъ оказался лишь фотографическій портретъ женщины съ распущенными до пятъ волосами. Для опознанія тѣла вызывались дворники и различные чины явной и тайной полиціи, но никто не могъ опредѣлить, кому принадлежитъ этотъ таинственный трупъ, пока случайно въ страшно измѣнившемся лицѣ мертвеца одинъ швейцаръ не узналъ бывшего жильца одного изъ домовъ, гдѣ онъ раньше проживалъ. Самоубійца оказался Петромъ Вячеславовичемъ Смольскимъ, очевидно, дошедшимъ до крайности и не выдержавшимъ нищеты и всѣхъ превратностей судьбы, въ изобиліи выпавшихъ на его долю.

Г. К—къ.





НЕУРОЖАЙ ВЪ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ 1891 ГОДА.

ВЪ АПРѢЛЬСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1913 годъ помѣщена статья «Голодъ въ Сибири» и князь Голицынъ. (Воспоминанія бывшаго волостного писаря)», подписанная К. Власовымъ.

Въ началѣ своей статьи г. Власовъ заявляетъ, что у него хранятся записки о голодѣ 1891 и 1892 годовъ; онъ не хотѣлъ раньше предавать ихъ гласности изъ понятнаго деликатнаго чувства, такъ какъ, описывая голодъ и борьбу съ нимъ, онъ однимъ воздаетъ хвалу, а другимъ дѣлаетъ снисходительную укоризну, и потому онъ выжидалъ, пока главные дѣятели этого печальнаго времени сойдутъ въ могилу. Еще болѣе деликатно поступилъ г. Власовъ въ томъ, что, называя полнымъ именемъ князя Голицына, дѣятельность котораго онъ ставитъ высоко, онъ не называетъ фамиліи бывшаго тобольскаго губернатора, котораго онъ не хвалитъ, а ставитъ лишь одну букву Т.

Къ сожалѣнію, хорошія побужденія автора оказались безуспѣшными: именно тотъ губернаторъ Т., которому онъ дѣлаетъ снисходительную укоризну, живъ, и такъ какъ я не имѣю основаній скрывать своего имени, то я и называю его: губернаторомъ въ Тобольской губерніи въ 1891 году и до 3-го декабря 1892 года состоялъ я, Владимиръ Александровичъ Тройницкій.

У меня также сохранились подробныя записки за время голода въ Сибири, и притомъ подтверждаемая официальными справками изъ дѣлъ; но я не думалъ ихъ печатать, такъ какъ въ нихъ слишкомъ мало свѣтлыхъ штриховъ и, говоря о дѣятельности тогдашняго министерства внутреннихъ дѣлъ и командированнаго въ губернію князя Голицына, мнѣ невозможно обойти молчаніемъ отрицательной стороны этой дѣятельности; а мнѣ не хотѣлось говорить худое о людяхъ умершихъ, тѣмъ болѣе, что въ живыхъ остались ихъ близкіе родственники.

Со времени голода прошло болѣе двадцати лѣтъ, но срокъ этотъ слишкомъ коротокъ. Я надѣялся, что лѣтъ черезъ сорокъ или пятьдесятъ тѣ, въ чьи руки попадутъ мои записки, могли бы извлечь этотъ матеріалъ для историческаго описанія бѣдствія; но теперь, разъ, что мое имя затронуто, я вынужденъ, въ цѣляхъ исторической правды, освѣтить происходившее съ болѣе точной и правдивой стороны, и, если въ моихъ словахъ попадутся укорины относительно нѣкоторыхъ дѣятелей того времени, я прошу въ томъ извиненія у людей имъ близкихъ.

Записки мои о времени неурожая и пріѣзда князя Голицына занимаютъ тридцать писанныхъ листовъ; но я не хочу приводить ихъ цѣликомъ, время для этого еще не настало, и коснусь лишь тѣхъ сторонъ моей дѣятельности, которая заслужила порицаніе со стороны автора приведенной статьи. Въ запискахъ моихъ отведено значительное мѣсто тогдашнимъ дѣтелямъ министерства внутреннихъ дѣлъ; но хотя они всѣ ушли въ другой міръ, родственники ихъ еще живы, и я не стану называть никого и буду говорить лишь о министерствѣ.

Авторъ названной статьи, проводя сравненіе между мною и княземъ Голицынымъ, говоритъ, что по природнымъ нашимъ качествамъ мы сильно разнились. Съ одной стороны, могучая фигура князя, обладавшаго громадной энергіей, съ другой—маленькая фигурка безвольнаго человѣка.

Наружная разница подмѣчена вѣрно: дѣйствительно, князь былъ роста выше средняго и очень тучный человѣкъ, я же роста ниже средняго; что же касается моей безвольности и недостатка энергіи, то, быть можетъ, г. Власовъ, какъ поступившій на службу волостнымъ писаремъ лишь въ послѣдніе мѣсяцы моей службы, не имѣлъ возможности изучить мой характеръ и мою служебную дѣятельность. Отвѣтомъ ему могутъ служить дальнѣйшія строки, въ которыхъ я излагаю борьбу, которую мнѣ пришлось вести не только съ народнымъ бѣдствіемъ, но и съ министерствомъ, отъ котораго я получалъ не помощь, а противодѣйствіе.

Авторъ, очевидно, съ чужихъ словъ ставитъ мнѣ въ вину то, что я окружалъ себя плохими людьми и поддавался ихъ вліянію, указы-

вая между прочимъ на очень приближеннаго мною чиновника П., пользовавшагося плохую репутаціей.

На это я могу сказать, что вообще въ Сибири составъ служащихъ былъ певысокаго уровня, и не только изъ мѣстныхъ уроженцевъ, но въ особенности изъ пріѣзжихъ. Въ Сибирь большею частью ѣхали на службу неудачники по службѣ, или вынужденные уѣхать по семейнымъ неладамъ, или спасаясь отъ долговъ. Къ тому же содержаніе служащихъ по министерству внутреннихъ дѣлъ ничтожное и мало находилось охотниковъ ѣхать на службу въ Сибирь. Приходилось обходиться тѣми людьми, которые находились на мѣстахъ, и я зорко слѣдилъ лишь за тѣми, чтобы они не допускали злоупотребленій; что же касается часто встрѣчавшейся медленности въ дѣлахъ, то съ этимъ приходилось мириться. На громадную губернію, равную по размѣрамъ тремъ Франціямъ, было два чиновника особыхъ порученій, которые весь годъ были въ разъѣздахъ, производя дознанія, и возвращались въ губернской городъ недѣли на двѣ, чтобы сдать дознанія и получить новыя дѣла.

При поѣздкахъ моихъ я всегда старался мѣнять моихъ спутниковъ, съ одной стороны, чтобы не отрывать одно и то же лицо отъ его постоянного дѣла, а съ другой—именно во избѣжаніе излишней приближенности кого-либо изъ служащихъ. Поэтому одинъ разъ меня дѣйствительно сопровождалъ чиновникъ П., но изъ этого нельзя выводить заключеніе о его на меня вліяніи. Наконецъ скажу, что, сколько бы ни было нареканій на подчиненныхъ мнѣ людей, надо думать, что они не проявляли какой-либо преступной дѣятельности, если даже князь Голицынъ, который ежедневно грозилъ тюрьмой и ссылкой, не предалъ суду ни одного изъ моихъ чиновниковъ.

Службу тобольской полиціи во время неурожая я всегда вспоминаю съ благодарностью. Если мнѣ удалось въ-время купить и развезти по мѣстамъ хлѣбъ, если нигдѣ не вспыхнуло волненій, кромѣ пустого случая, приведеннаго авторомъ, то я этимъ обязанъ самоотверженному труду исправниковъ и земскихъ засѣдателей, а также помощи, данной мнѣ по личному повелѣнію государя императора Александра III. Въ ноябрѣ 1891 года я сдѣлалъ представленіе министру о недостаткѣ рабочихъ рукъ. Министерство ходатайствовало о назначеніи временно шести лишнихъ чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ; но государь Александръ III мудро рѣшилъ дѣло. Онъ высказалъ, что назначеніе чиновниковъ займетъ продолжительное время и люди пріѣдутъ неопытные; посему онъ повелѣлъ по телеграфу дать въ мое распоряженіе троихъ офицеровъ изъ мѣстнаго пѣхотнаго батальона и троихъ изъ Омскаго казачьяго войска. Эти люди, знающіе край и привыкшіе къ дисциплинѣ, оказались мнѣ незамѣнимыми помощниками.

Перейду къ другому важному обвиненію, которое дѣлаеть

мнѣ авторъ устами князя Голицына. Авторъ приводитъ слова князя, сказанныя имъ мнѣ во время нашего общаго пребыванія въ Ишимѣ: «Теперь поздно оправдываться, надо было заранѣе предвидѣть бѣдствіе». Слова эти я дѣйствительно слышалъ и возражать не могъ, такъ какъ князь, съ кѣмъ бы ни говорилъ, возраженій не слушалъ, говорилъ, скорѣе кричалъ, въ рѣзкой, почти грубой формѣ и затѣмъ удалялся, на давая собесѣднику вставить ни одного слова.

О томъ, насколько справедливъ этотъ упрекъ, предоставляю судить читателямъ.

Всходы хлѣбовъ и травъ въ началѣ 1891 года были прекрасные, и урожай ожидался хорошій. Результаты урожая выясняются въ іюль, послѣ жатвы.

3-го іюля я долженъ былъ выѣхать на пароходѣ на сѣверъ, до Сурута, для встрѣчи и сопровожденія по губерніи его императорскаго высочества наслѣдника цесаревича Николая Александровича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Его высочество слѣдовалъ изъ Японіи черезъ Сибирь, и на мнѣ лежала отвѣтственность за благополучный проѣздъ его отъ границы Томской губерніи до Омска. Путешествіе заняло у меня время вплоть до 20-го іюля, когда я вернулся въ Тобольскъ. Мѣстность, по которой мы ѣхали, была лишена телеграфа; остановки на станціяхъ были весьма коротки, и никто не доводилъ до моего свѣдѣнія о грядущихъ бѣдствіяхъ, да и стало оно угрожать только между 15-го и 18-го іюля.

20-го іюля, вернувшись въ губернской городъ, я получилъ телеграммы изъ трехъ хлѣбныхъ уѣздовъ губерніи: Курганскаго, Ялуторовскаго и Ишимскаго—о томъ, что тамъ массою появилась кобылка, идущая изъ Оренбургской губерніи.

Кобылка—это родъ саранчи, нѣсколько мельче послѣдней, но столь же прожорливая, которая на пути своемъ истребляетъ хлѣбъ, траву и даже листья на деревьяхъ.

Сѣно было уже скошено, но хлѣбъ стоялъ еще не убранный, и на лугахъ оставалось масса травы, такъ какъ сибирскіе крестьяне вообще съ уборкой не спѣшатъ, предпочитая пасти скотъ и лошадей на подножномъ корму.

Бѣдствіе было серьезно. Кромѣ несобраннаго урожая, крестьяне трехъ уѣздовъ теряли возможность сохранить свой скотъ, а крестьяне этихъ уѣздовъ въ то время были очень зажиточны. Крестьянинъ, имѣющій три или пять лошадей, считался бѣднякомъ; а состоятельные мужики имѣли ихъ до двадцати головъ. Въ прежнія времена случались также недороды, и крестьяне обыкновенно спасали себя тѣмъ, что уходили «къ хлѣбу», т. е. оставляли старыхъ и слабыхъ дома для охраны усадебъ, а все здоровое населеніе со скотомъ уходило въ урожайныя мѣстности за пятьсотъ и далѣе верстъ,

тамъ работало на мѣстныхъ крестьянъ за дешевую цѣну, лишь бы прокормить себя и скотъ и возвращалось домой ко времени полевыхъ работъ слѣдующаго года.

Съ того времени, какъ до крестьянъ дошли слухи о томъ, что правительство даетъ голодающимъ пособіе, крестьяне успокоились, воображая, что казна должна прокормить ихъ всѣхъ и ихъ скотъ, давая пособіе всѣмъ безразлично, бѣднымъ и богатымъ.

Какъ бы то ни было, а оставить народъ безъ помощи было нельзя. Ожидать подробныхъ свѣдѣній, сколько десятинъ погибло, не было времени, да притомъ, пока свѣдѣнія собираютъ, кобылка продолжаетъ свою работу и остановить ее могла только зима.

21-го іюля я собралъ губернской совѣтъ изъ всѣхъ высшихъ представителей различныхъ вѣдомствъ и ознакомилъ ихъ съ ожидаемымъ бѣдствіемъ. Всѣ согласились со мной, что времени на собраніе свѣдѣній терять нельзя, и мы рѣшили обратиться къ статистикѣ. Мы приняли въ расчетъ число десятинъ пострадавшихъ уѣздовъ, количество ежегоднаго засѣва, число населенія и приблизительное число скота и сдѣлали расчетъ, сколько придется купить сѣмянъ для озимаго и яроваго посѣва и сколько хлѣба для продовольствія людей примѣрно съ сентября 1891 года по августъ 1892 годъ, т. е. до снятія новаго урожая. Переведя это количество хлѣба, сѣменнаго и продовольственнаго, на деньги, мы получили огромную сумму 4.000,000 рублей.

Въ тотъ же день я послалъ министру внутреннихъ дѣлъ телеграмму съ просьбой отпустить эту сумму въ распоряженіе продовольственнаго комитета.

Черезъ два дня, 23-го іюля, я получилъ депешу объ ассигнованіи въ мое распоряженіе 50,000 руб. и требованіе донести, сколько десятинъ затронуто кобылкой и сколько еще можетъ быть затронуто.

Тотчасъ я телеграфировалъ вновь, объясняя, что собраніе свѣдѣній займетъ не менѣе двухъ недѣль и, кромѣ того, впередъ нельзя опредѣлить, сколько десятинъ будетъ погублено; а между тѣмъ озимый посѣвъ кончается 10-го августа и сѣмена нужны немедленно.

Черезъ недѣлю я получилъ лаконическую телеграмму: мнѣ отпущалось еще 200,000 руб., а для выясненія степени необходимой помощи населенію командировался въ губернію членъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ генераль-лейтенантъ графъ Кутайсовъ.

Подобная командировка, во-первыхъ, показывала, что министерство мнѣ мало довѣряло, а, во-вторыхъ, пока графъ пріѣдетъ, пока ознакомится съ дѣломъ, пока снесется съ министерствомъ, пройдетъ много времени, а хлѣбъ дорожаетъ съ каждымъ днемъ.

Спорить съ министерствомъ я не могъ и рѣшился обезпечить населеніе хлѣбомъ хотя на первые мѣсяца до января. Отпущенные 250,000 руб. были израсходованы скоро. Денегъ не было, цѣны росли ежедневно, мимо Тобольска часто проходили огромныя баржи съ

хлѣбомъ и направлялись въ Тюмень, а оттуда на уральскіе заводы, а я не имѣлъ средствъ на покупку.

Тогда я рѣшился на слѣдующую мѣру. Я поѣхалъ въ Тюмень, гдѣ тогда сосредоточилась продажа всего сибирскаго хлѣба. Пароходчики, чувствуя силу, сговорились и не стали брать перевозку чужого хлѣба, а стали скупать сами хлѣбъ въ дешевыхъ мѣстахъ. Томской губерніи и, довезя до Тюмени, продавали перекупщикамъ изъ Европейской Россіи.

Въ Тюмени тогда жилъ и живетъ до сихъ поръ Ив. Ив. Игнатовъ. Онъ былъ представителемъ большой фирмы «Игнатовъ и Курбатовъ», имѣлъ своихъ шестнадцать пароходовъ, свой пароходный заводъ, но, кромѣ богатства, пользовался удивительнымъ почетомъ и довѣріемъ въ средѣ пароходчиковъ. Къ нему часто приходили судиться вмѣсто коммерческаго суда, и приговоры его исполнялись безпрекословно.

Къ нему я и поѣхалъ. Надѣвъ форму, я пріѣхалъ къ нему и заявилъ, что я пріѣхалъ просителемъ. На его удивленный вопросъ я объяснилъ, что я проситель отъ имени голодающихъ крестьянъ. Мнѣ нуженъ хлѣбъ, а министерство медлитъ, цѣны растутъ. Я просилъ его убѣдить пароходчиковъ нѣсколько дней не продавать хлѣба въ чужія руки, а продать мнѣ, сколько мнѣ нужно на первую помощь. Игнатовъ всталъ, поклонился и сказалъ: «Я самъ изъ крестьянъ, нужду видѣлъ и благодарю васъ за такую лестную для меня просьбу. Даю вамъ слово, что, пока вы не купите, сколько вамъ нужно, мы не вывеземъ за Уралъ ни одного пуда».

Онъ сдержалъ слово. Долго заставлялъ всѣхъ держать хлѣбъ я не могъ и тутъ же въ теченіе нѣсколькихъ дней купилъ большую партію въ долгъ. Денегъ я не имѣлъ и не зналъ, когда расплачусь. Если бы министерство денегъ не дало, я рисковалъ всѣмъ своимъ состояніемъ, но размышлять было некогда, надо было дѣйствовать.

Часть хлѣба была куплена, остальное я надѣялся закупить черезъ комиссіонеровъ въ Війскомъ и Барнаульскомъ уѣздахъ и доставить гужомъ зимой; оставалось устроить доставку. Хлѣбъ я купилъ въ баржахъ на рѣкѣ Турѣ. Населеніе здѣсь не бѣдствовало, но, въ виду обмелѣнія рѣки, многія баржи не дошли до Тюмени, и хлѣбъ перевозили на лошадахъ. Цѣны перевозки дошли до невѣроятныхъ размѣровъ, и извозчики не хотѣли ѣхать въ пострадавшіе уѣзды, боясь загубить лошадей.

Съ первымъ снѣгомъ я поѣхалъ въ Курганскій округъ и тамъ въ теченіе недѣли объѣзжалъ большія села и убѣждалъ крестьянъ взять на себя перевозку хлѣба съ рѣки Туры до своего уѣзда, такъ какъ хлѣбъ этотъ предназначался для помощи имъ же. Много мнѣ пришлось убѣждать ихъ, говорилъ я въ каждомъ селѣ до хрипоты, по нѣсколько часовъ, чтобы сломить упорство сибиряковъ. Во-

первых они заявляли мнѣ, что ржи не примутъ, такъ какъ они не каторжники и къ черному хлѣбу не привыкли; во-вторыхъ, по ихъ мнѣнію, казна должна сама доставить хлѣбъ, раздать его безвозвратно и на всѣхъ поровну. О выдачѣ пособія только на нуждающихся они и слышать не хотѣли. Возить хлѣбъ они не желали, лошади отошали, а ѣхать на двухъ-трехъ лошадяхъ не стоитъ.

Я имъ приводилъ, какъ доводъ, что когда годъ обыкновенный, то зимой, когда работы нѣтъ, они сами ѣздятъ въ Тобольскъ и Тюмень за рыбой и получаютъ копейекъ двадцать за пудъ; теперь же я предлагаю имъ пятьдесятъ копейекъ съ пуда; всякій, кто поѣдетъ, прокормится самъ, прокормитъ лошадь и еще привезетъ нѣсколько рублей. Вѣдь это лучше, чѣмъ сидѣть дома, смотрѣть, какъ дѣти не доѣдаютъ, а лошади къ веснѣ падутъ отъ безкормицы.

Крестьяне отмалчивались, но, когда послѣ недѣльнаго объѣзда я пріѣхалъ въ городъ Курганъ, ко мнѣ въ первый день наѣхало шестьсотъ человекъ съ подводами, чтобы ѣхать за хлѣбомъ.

Перевозку изъ Томской губерніи я наладилъ иначе. Въ Бійскѣ и Барнаулѣ хлѣбъ и кормъ были дешевы; но подряжать возчиковъ въ голодающія мѣстности было трудно, и потому я подряжалъ возчиковъ только до Ишима. Городъ этотъ имѣетъ ярмарку, тамъ было много амбаровъ, и по просьбѣ моей курганскій купецъ Смолинъ, имѣвшій тамъ большіе амбары, безплатно уступилъ ихъ мнѣ. Туда ссыпали хлѣбъ, привезенный изъ Томска, а отсюда уже брали мѣстные крестьяне, которыхъ я подряжалъ вышеуказаннымъ способомъ.

Графъ Кутайсовъ пріѣхалъ лишь въ началѣ ноября 1891 года и направился прямо въ Курганъ, куда пригласилъ и меня пріѣхать. Мы прожили тамъ съ недѣлю. Онъ изучалъ положеніе дѣла и присматривался ко мнѣ.

Въ концѣ недѣли онъ въ откровенномъ разговорѣ сказалъ мнѣ, что министерство поручило ему дать обо мнѣ отзывъ и въ случаѣ плохого отзыва я тотчасъ буду отозванъ и на мое мѣсто уже готовы кандидаты. Тутъ же онъ показалъ мнѣ его личное письмо на имя товарища министра, въ которомъ онъ писалъ, что, Тройницкій человекъ молодой, энергичный и прекрасно знаетъ губернію и населеніе и если назначить человека свѣжаго, то, конечно, дѣло пострадаетъ, такъ какъ онъ не будетъ въ состояніи скоро такъ изучить губернію и населеніе, какъ изучилъ я.

Кстати сказать, бѣдствіе было немалое и въ особенности поразило крестьянъ, которые были сильно избалованы привольной жизнью; но острой нужды пока не было. Были случаи, что люди пекли хлѣбъ изъ камыша, изъ озернаго ила, подвѣшивали лошадей на холсты, чтобы не ложились и могли ѣсть; но это все были случаи единичные и скорѣе имѣли видъ декоративный. Испечетъ крестьянинъ хлѣбъ изъ ила, получится какой-то грязный комокъ; ѣстъ

онъ его не ѣсть, а несетъ къ чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ или къ жандармскому офицеру, а тѣ пересылаютъ его къ губернатору, для убѣжденія, хотя недородъ былъ и безъ этого ясенъ. Массу денегъ отнимали у крестьянъ адвокаты изъ ссыльныхъ. Пользуясь волненіемъ и суматохой, они установили таксу на прошенія и подбивали крестьянъ подавать всѣмъ прошенія, увѣряя, что кто не подастъ прошенія, тотъ не получитъ пособія. Прошенія на имя губернатора писали за одинъ рубль; на имя графа Кутайсова за три рубля, а на высочайшее имя за десять рублей. Конечно, чѣмъ дороже было прошеніе, тѣмъ медленнѣе оно доходило до цѣли, такъ какъ въ концѣ концовъ всѣ они стекались ко мнѣ. За все время я не подсчитывалъ, но за восемь дней моего пребыванія въ Курганѣ вмѣстѣ съ графомъ на мое имя подано четыреста прошеній и на его имя триста, итого тысяча триста рублей выброшенныхъ денегъ.

Кабаки и ярмарки торговали сильно во все время неурожая. Получая пособіе зерномъ, а иногда деньгами, получая задатокъ на поѣздку за хлѣбомъ, крестьяне рѣдко удерживались отъ того, чтобы не вспрыснуть пособіе или купить какой-нибудь гостинецъ своимъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ приѣзда графъ Кутайсовъ вмѣстѣ со мною объѣхалъ пострадавшіе уѣзды и прибылъ въ Тобольскъ въ первыхъ числахъ декабря. Здѣсь онъ поручилъ мнѣ составить представленіе о размѣрахъ необходимой помощи, сравнилъ его со своими замѣтками и, вполне согласившись со мною, взялъ представленіе съ собой. Передъ отъѣздомъ онъ далъ мнѣ слово, что до Рождества я получу ассигнованіе, и сумма, мною исчисленная, не будетъ уменьшена. Въ іюлѣ я просилъ 4.000,000 рублей, а въ декабрѣ, въ виду вздорожанія хлѣба, пришлось просить 4.700,000 рублей, которые и были ассигнованы. Графъ сдержалъ слово, и 23-го декабря я получилъ извѣщеніе объ ассигнованіи просимой суммы.

До сихъ поръ я вспоминаю съ благодарностью память покойнаго графа Павла Ипполитовича Кутайсова. Его командировка, вѣроятно, обошлась казнѣ не особенно дорого, такъ какъ онъ приѣзжалъ одинъ, безъ свиты. Человѣкъ опытный и трудолюбивый, онъ быстро ознакомился съ дѣломъ и помогъ мнѣ спасти губернію отъ голода. Позже онъ служилъ иркутскимъ генераль-губернаторомъ и скончался въ Петербургѣ въ званіи члена государственнаго совѣта и въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи.

Дѣло налаживалось. Руки у меня были развязаны, и я сталъ закупать дальнѣйшія партии хлѣба и сѣмянъ. Въ виду запозданія съ покупкой и доставкой кое-гдѣ приходилось выдавать пособіе деньгами, а въ Курганѣ даже мясомъ, такъ какъ хлѣбъ еще не могъ быть привезенъ, мясо же, въ виду дешевизны скота, можно было пріобрѣсти выгодно.

Въ февралѣ 1892 года я послѣдній разъ, седьмой по счету, объѣхалъ пострадавшія мѣста и вернулся домой со спокойной душой: хлѣбъ былъ закупленъ, сѣмена также, перевозка была налажена, и надо было ждать только весны съ надеждой на хорошій урожай.

Тотчасъ по пріѣздѣ получилъ я телеграмму изъ министерства, какъ громомъ меня поразившую. Министръ телеграфировалъ: «Для устройства непорядковъ по управленію губерніей, въ особенности по продовольственной части, командированъ въ Тобольскъ сенаторъ, генераль-лейтенантъ, князь Григорій Сергѣевичъ Голицынъ».

Какіе непорядки министерство могло найти послѣ лестнаго отзыва графа Кутайсова, я понять не могъ. Тонъ депеши показывалъ, что, вмѣсто благодарности со стороны министерства за мои, дѣйствительно, непосильные труды, я могъ ожидать опалы.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ письмо отъ моего брата, жившаго въ Петербургѣ, который также извѣщалъ меня, что ко мнѣ командированъ князь Голицынъ, и прибавлялъ, что меня можно поздравить, такъ какъ князь Голицынъ пользуется репутаціей прямого русскаго человѣка, который во все входитъ самъ и потому я могу рассчитывать на его поддержку.

Скоро, въ началѣ марта, пріѣхалъ и самъ князь, но какъ непохожъ былъ описанный выше портретъ его на его дѣйствительный характеръ.

Командировка была дана князю въ три губерніи: Оренбургскую, Тобольскую и Пермскую. Пріѣхалъ князь скоро; но сперва поѣхалъ въ Ирбитъ, провелъ тамъ дня три, навелъ панику на все купечество; затѣмъ пріѣхалъ въ Тюмень, гдѣ и установилъ свою штабъ-квартиру. Авторъ статьи, о которой я упоминаю, полагаетъ, что Тюмень была избрана въ виду близости желѣзной дороги, по которой можно было получать хлѣбъ; это мнѣніе кажется мнѣ ошибочнымъ: черезъ Тюмень изъ Европейской Россіи къ намъ хлѣбъ не везли, но князю и его свитѣ, вѣроятно, было удобно жить вблизи желѣзной дороги, такъ какъ дѣятельность всѣхъ пріѣхавшихъ распространялась не только на Тобольскую губернію, а еще и на двѣ другія.

Командировка князя, не знаю, принесла ли какую-либо пользу, но обошлась казнѣ весьма дорого. Князь получалъ прогоны на двѣнадцатъ лошадей, а свита его каждый по чину; князь получалъ сутокныхъ двадцать пять рублей въ день, а свита отъ семи до пятнадцати рублей; если взять въ среднемъ десять рублей, получится сто рублей въ день. Свита состояла изъ десяти человѣкъ и всѣ почти постоянно были въ разъѣздахъ, слѣдовательно, вся командировка обошлась въ тридцать пять или сорокъ тысячъ.

Свита князя состояла почти вся изъ военныхъ, среди нихъ былъ одинъ исправникъ и одинъ докторъ, такъ какъ князь страдалъ подаг-

рой. Особаго секретаря у князя не было, и онъ пользовался услугами тѣхъ, кто былъ подъ рукой. Иногда онъ пробовалъ написать телеграмму лично, но такъ какъ онъ постоянно волновался, то это ему не удавалось и мнѣ случалось оказывать ему въ этомъ помощь.

Воздавая хвалу князю Голицыну за его энергію, авторъ статьи приводитъ нѣсколько фактовъ изъ разговоровъ князя, показывающихъ, что послѣдній легко воспламенялся по первому слуху и на вѣту, доходившему до него; нападая на того, кто попадался ему подъ руку, не стѣснялся ни его положеніемъ, ни тѣми выраженіями и угрозами, которыми онъ осыпалъ собесѣдника, доходя даже до собственноручной расправы палкой. Такихъ случаевъ у меня записано много, но я привожу лишь тѣ, которые касались меня лично.

Свѣдѣнія автора о положеніи дѣла также не вполне точны.

Такъ, онъ приписываетъ князю Голицыну открытіе народныхъ столовыхъ, тогда какъ ихъ открывалъ не князь, а дѣйствительный статскій совѣтникъ Чайковскій, командированный одновременно съ пріѣздомъ князя Краснымъ Крестомъ. Открывала ихъ и одна крупная московская благотворительница, пріѣзжавшая для этого лично въ Ишимъ.

Г. Власовъ упоминаетъ о разговорѣ князя Голицына въ Ишимѣ съ новымъ губернаторомъ Богдановичемъ, въ то время, какъ я будто бы былъ отозванъ въ Петербургъ, приводитъ разговоръ князя съ тѣмъ же Богдановичемъ при окончательномъ отъѣздѣ Голицына въ Петербургъ. Эти свѣдѣнія, конечно, не точны. Князь Голицынъ уѣхалъ изъ Сибири 10-го августа 1892 года, и проводилъ его изъ Тюмени я. Затѣмъ въ сентябрѣ я послалъ прошеніе объ отпускѣ, въ октябрѣ выѣхалъ въ Петербургъ. Въ отставку я уволенъ 3-го декабря; слѣдовательно, замѣнившій меня Н. М. Богдановичъ былъ назначенъ лишь въ началѣ 1893 года и не могъ быть въ Ишимѣ и Тюмени въ 1892 году.

Какъ я уже говорилъ, князь Голицынъ избралъ себѣ постояннымъ пунктомъ для жизни Тюмень. Въ Тобольскъ онъ пріѣхалъ впервые въ серединѣ марта 1892 года. Наружно князь старался показывать большую простоту, ѣздилъ не въ большомъ возкѣ, какъ пишетъ г. Власовъ, а въ открытыхъ саняхъ; когда я предложилъ ему остановиться въ губернаторскомъ домѣ, онъ отказался, заявивъ, что онъ отлично проживетъ на отводной квартирѣ; но когда одинъ изъ его свиты пріѣхалъ заранѣе въ Тобольскъ и осмотрѣлъ эту весьма скромную квартиру, то онъ заявилъ, что такъ князю жить нельзя.

Мнѣ удалось упросить одну богатую купчиху, у которой былъ свободный небольшой домъ, отвести его для князя, и онъ тамъ помѣстился.

Первая встрѣча моя съ Голицынымъ была официальная. У входа въ приготовленный для него домъ его встрѣтили я и старшіе чины

другихъ вѣдомствъ. Онъ просилъ всѣхъ войти въ комнаты, сухо со всѣми поздоровался, не подавая никому руки, и отпустилъ всѣхъ, а меня просилъ прійти вечеромъ съ бумагами.

Въ семь часовъ я явился къ нему и на первые его вопросы доложилъ, что борьба съ неурожаемъ можетъ считаться конченною, такъ какъ хлѣбъ закупленъ, доставка обезпечена, а для бѣднѣйшаго населенія на югѣ губерніи предполагаются общественныя работы по постройкѣ Сибирской желѣзной дороги и расчисткѣ казеннаго лѣса близъ Кургана.

Выслушавъ меня, князь вспылить и, забывъ всякую сдержанность, сталъ кричать, что, значить, по моему мнѣнію, его посылать было незачѣмъ, что онъ облеченъ правами всѣхъ отстранить отъ службы, предать суду и т. д. Сохраняя насколько возможно хладнокровіе, я объяснилъ ему, что если бы министерство сразу повѣрило моимъ расчетамъ, то на помощь губерніи потребовалось бы четыре милліона, а въ виду затыжки министерство должно было назначить 4.700,000, и вотъ, вѣроятно, причина, почему министерство желаетъ найти виновнаго на мѣстѣ и снять вину съ себя. Князь такъ раскричался, что я не считалъ болѣе возможнымъ его слушать и, сдѣлавъ поклонъ, ушелъ домой.

Въ первую минуту мнѣ пришла мысль тотчасъ же послать прошеніе объ отставкѣ, но, одумавшись, я рѣшилъ этого не дѣлать до окончанія командировки князя. Вѣдь про меня могли сказать, что я запуталъ что-нибудь въ денежныхъ дѣлахъ, если я ушелъ въ первый день пріѣзда ревизора. Кромѣ того, губернію довѣрилъ мнѣ не князь Голицынъ, а государь, и я боялся оставить населеніе до окончанія бѣдствія, тѣмъ болѣе, что сдать губернію пришлось бы только что назначенному вице-губернатору барону Фредериксу, получившему впослѣдствіи печальную извѣстность по дѣлу Линдлея въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Нѣсколько дней князь прожилъ въ Тобольскѣ, я каждый день являлся къ нему съ докладомъ, но онъ никогда меня не слушалъ, громко выставлялъ свою энергію, рассказывая, какъ онъ напугалъ купчиковъ въ Ирбитѣ и Тюмени. Однажды утромъ, когда я пришелъ, князь былъ особенно гнѣвенъ и, не давъ мнѣ даже времени поздороваться, забѣгалъ по комнатѣ, громко крича, что это не губернаторъ, а тряпка, что онъ пошлетъ телеграмму государю, что въ губерніи голодь, а дорогъ не могутъ поправить и т. п. Кое-какъ мнѣ удалось спросить его, на кого онъ гнѣвается; оказывается, что онъ бранилъ оренбургскаго губернатора, а кричалъ на меня. За дверьми стояли люди, и къ вечеру разнесся слухъ, что меня уже отставили отъ мѣста,

Скоро мы выѣхали въ Ишимъ, князь въ сопровожденіи пяти или шести человѣкъ свиты и съ денщикомъ (никакой кухни за нимъ не слѣдовало) и я съ однимъ чиновникомъ для переписки.

Нѣкоторое понятіе о манерѣ князя Голицына держать себя даетъ авторъ статьи г. Власовъ, приводя слова князя въ селѣ Казанскомъ, сказанныя при толпѣ народа. Когда онъ услыхалъ, что губернаторъ у нихъ не былъ, князь громко сказалъ:

— Это вездѣ такъ.

Объѣзжая губернію семь разъ, я достаточно ознакомился съ положеніемъ дѣла и если я не былъ во всѣхъ безъ исключенія селахъ, то этого и требовать трудно; слова же, сказанныя княземъ при моихъ подчиненныхъ и при народѣ, конечно, подрывали мой авторитетъ и не могутъ быть признаны тактичными. Тотъ же тактъ выказалъ князь и въ разговорѣ со мной въ Ишимѣ, въ присутствіи множества чиновниковъ, когда онъ упрекалъ меня въ томъ, что благодаря мнѣ можетъ возгорѣться народное волненіе. Не онъ ли самъ подавалъ къ этому поводъ?

Разговоръ о помощи населенію лошадьми князь велъ не съ Богдановичемъ, а со мною. Я, дѣйствительно, высказался противъ этой мѣры. Князь поступилъ по-своему, и результаты оказались мало удачными. Князь закупилъ тысячу лошадей въ Томской губерніи. Лошади эти прибыли въ Ишимъ послѣ пахоты, т.-е. были не нужны, были такъ истощены, что ихъ надо было кормить мѣсяцъ прежде, чѣмъ они стали годными къ работѣ, и стоили по двадцати рублей, а въ Тобольской губерніи въ тѣ времена лошадь можно было легко купить за десять и пятнадцать рублей. Лошадей этихъ пришлось насильно навязывать крестьянамъ.

Дѣло было въ концѣ поста. Сѣмена и продовольствіе подвозили; нужно было опредѣлить—кому давать. Князь разослалъ по деревнямъ всю свою свиту и всѣхъ чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ; я послалъ своего единственного спутника. На разборъ безпорядка въ какой-то волости, какъ пишетъ г. Власовъ, я не выѣзжалъ, а оставался одинъ въ Ишимѣ. Князь уѣхалъ въ Тюмень, а я ждалъ возвращенія чиновниковъ, посланныхъ для повѣрки числа крестьянъ, имѣющихъ право на пособіе. Когда всѣ собрались, я послалъ князю нужныя свѣдѣнія и въ Страстную пятницу выѣхалъ домой.

Тотчасъ послѣ Пасхи князь Голицынъ уѣхалъ въ Оренбургскую и Пермскую губерніи и проѣздилъ до іюня.

Вернувшись въ Тюмень, онъ сталъ ждать возможности уѣхать въ Петербургъ, нужно было ждать результатовъ урожая 1892 года, т.-е. окончанія борьбы съ неурожаемъ. Въ это время въ губерніи появилась холера. Борьба съ этимъ бичомъ была невозможна въ губерніи столь обширной, лишенной врачебной помощи и медикаментовъ, и князь, пославъ въ Петербургъ телеграмму о высылкѣ врачей, ничего не могъ подѣлать и даже рѣже сталъ обрушивать свой гнѣвъ на окружающихъ. Одна изъ послѣднихъ его вспышекъ, впрочемъ, была настолько характерна, что я ее привожу.

Близъ Ялуторовска существовала болѣе пятидесяти лѣтъ водяная мельница, принадлежавшая почтенному и богатому купцу-старообрядцу. Желая провезти продовольственный хлѣбъ не на лошадахъ, а водой, князь приказалъ этому купцу снять мельницу, а когда тотъ не согласился, послалъ приказаніе выслать его въ Березовъ. Купецъ далъ подписку о снесеніи мельницы и сталъ ждать.

Черезъ нѣсколько времени князь пріѣхалъ въ Тобольскъ. Тутъ онъ поручилъ мнѣ собрать губернской совѣтъ и самъ прибылъ въ засѣданіе. Я уступилъ ему предѣлательское кресло. Князь началъ съ того, что, обращаясь ко мнѣ, сказалъ слѣдующее:

— У васъ въ губерніи на судоходной рѣкѣ незаконно существуетъ мельница, а на это смотреть сквозь пальцы. Здѣсь чѣмъ-то пахнетъ.

Зная, въ чемъ дѣло, я возразилъ князю, что рѣка по картѣ судоходной не числится, а мельница разрѣшена управленіемъ государственныхъ имуществъ въ 1840 году; я же родился лишь въ 1847 году и за это отвѣчать не могу.

Тогда князь покраснѣлъ и сказалъ, что онъ «вообще» мною недоволенъ, и быстро уѣхалъ. Свидѣтелями этому былъ цѣлый совѣтъ. Тяжело было мнѣ выслушивать подобныя оскорбленія, но я рѣшилъ терпѣть до конца.

Желая выдвинуть себя какими-либо распоряженіями на пользу народа, князь предположилъ устроить общественныя работы. Когда онъ спросилъ мое объ этомъ мнѣніе, я доложилъ ему, что въ Курганѣ начинается постройка Сибирской желѣзной дороги; тамъ же необходима расчистка казеннаго лѣса, и работы учредить не трудно. Давъ на это согласіе, князь пожелалъ еще организовать работы въ Тобольскѣ, для чего предположилъ начать проведеніе колесной дороги отъ Тобольска до села Самаровскаго, т.-е. до впаденія Иртыша въ Обь. Вопросъ объ этой дорогѣ былъ поднятъ давно; но министерство финансовъ не давало денегъ, а министерство внутреннихъ дѣлъ не могло устроить эту дорогу трудомъ крестьянъ. Проектъ дороги находился у генерала Анпенкова, завѣдывавшаго общественными работами въ Россіи, и князь передъ выѣздомъ своимъ взялъ этотъ проектъ и получилъ кредитъ въ семьдесятъ пять тысячъ рублей на начало работъ.

Князь спросилъ о моемъ мнѣніи, можно ли немедленно начать эту работу. Я высказалъ ему, что проектъ этотъ неисполнимъ. Если бы дорогу провести по берегу Иртыша, она принесла бы пользу населенію, которое все ютилось близъ рѣки; вести же дорогу прямой линіей, сквозь тайгу, смысла не имѣетъ. Ее пришлось бы еще заселять и, кромѣ пятисотъ—шестисотъ тысячъ на свое проведеніе, дорога потребовала бы милліоновъ на заселеніе.

Князь ничего мнѣ не отвѣтилъ и вызвалъ старшаго лѣсничаго, чтобы посоветоваться съ нимъ. Лѣсничій, человекъ осторожный

не сталъ перечить князю и сказалъ, что онъ не можетъ судить о пользѣ дороги; но въ настоящій моментъ ее начинать нельзя, такъ какъ въ тайгѣ лежитъ на аршинъ и на два снѣгу.

Тогда князь призвалъ состоявшаго при немъ сапернаго офицера и приказалъ немедленно приступить къ работѣ.

Сказано—сдѣлано. Сперва наняли босяковъ изъ Тобольска, затѣмъ стали высылать крестьянъ, которые были побѣднѣе, изъ Кургана за четыреста верстъ. Ихъ пересылали этапомъ отъ одной столовой Краснаго Креста до другой, кормили и везли дальше на обывательскихъ подводахъ. Въ Тобольскѣ имъ давали по двадцати копеекъ въ день на продовольствіе. Проработавъ недѣлю-двѣ, крестьяне уходили домой, ничего не заработавъ и изорвавъ свое платье на рубкѣ лѣса. Дальше курганскіе крестьяне, избалованные легкой работой и хорошей пищей, не выдерживали, да и очень страдали отъ страшныхъ сибирскихъ комаровъ. На ихъ мѣсто высылали другихъ. Помощи населенію работа не оказала, а самая дорога осталась только на бумагѣ. Правда, на разстояніи пятидесяти—шестидесяти верстъ сдѣлана была просѣлка и выровнено полотно дороги, но между отдѣльными участками дороги не было мостовъ и потому проѣхать черезъ глубокіе овраги было невозможно. Въ іюнѣ начались работы, а въ сентябрѣ я проѣхалъ весь путь верхомъ, чтобы ихъ осмотрѣть, и видѣлъ, какъ быстро зарастала сдѣланная просѣлка молодымъ лѣсомъ. Семьдесятъ пять тысячъ рублей были израсходованы, больше денегъ не было, князь уѣхалъ, и работа брошена.

Когда приближался отъѣздъ князя Голицына изъ губерніи, появился новый бичъ народа—холера.

О холерѣ я не собирался говорить, такъ какъ эта бѣда пришла совершенно отдѣльно отъ недорода, и князь Голицынъ не принималъ въ борьбѣ съ нею участія. Приведу только одинъ эпизодъ изъ моей дѣятельности, который покажетъ, быть можетъ, автору указанной выше статьи, что человѣкъ, хотя бы малаго роста, можетъ найти въ себѣ довольно рѣшимости, когда дѣло этого требуетъ.

Холера въ Сибирь занесена была изъ Европейской Россіи переселенцами, между которыми появились первые случаи заболѣваній, не имѣвшіе характера эпидеміи. Такъ какъ переселенцы двигались отъ Тюмени сухимъ путемъ, то постепенно они разносили заразу въ Ялуторовскъ, Ишимъ, Тюкалинскъ и Тару. Въ самый Тобольскъ холеру занесли арестанты. Въ теченіе всего лѣта изъ Тюмени отправлялась еженедѣльно баржа съ шестьюстами и семьюстами арестантами. Часть ихъ, не болѣе ста человѣкъ, оставалась въ Тобольскѣ, остальные направлялись дальше до Томска и оттуда уже разсылались сухимъ путемъ до мѣста назначенія. Въ началѣ іюля пришла въ Тобольскъ подобная баржа. Посѣтившій ее полицеймейстеръ остановилъ высадку арестантовъ и тотчасъ до-

ложилъ мнѣ, что на баржѣ много заболѣвшихъ холерою и есть умершіе. Отправившись тотчасъ на мѣсто, я осмотрѣлъ баржу, на которой оказалось шестьсотъ человѣкъ, изъ нихъ въ пути заболѣло человѣкъ тридцать и девять уже скончались. При посадкѣ изъ Тюмени арестанты, даже недомогавшіе, скрыли это, желая скорѣе выйти изъ душной тюрьмы, но въ дорогѣ было жарко, люди пили воду изъ мутной съ тихимъ теченіемъ рѣки Туры, и болѣзнь захватила людей сразу; помогала, конечно, и паника.

Я задержалъ высадку часа на два, пока вся публика съ парохода разошлась; затѣмъ всѣхъ здоровыхъ арестантовъ, подлежащихъ оставленію въ Тобольскѣ, направилъ въ одну изъ тюремъ, въ которой производился ремонтъ и другихъ арестантовъ не было.

Умершихъ вывезли ночью на кладбище, утромъ ихъ отпѣли и схоронили.

Баржу съ остальными арестантами и съ больными я велѣлъ отвести на противоположный берегъ, къ пустынному острову, и тамъ поставить на якорь.

Утромъ я устроилъ на островѣ воинскій караулъ и предложилъ арестантамъ выйти на берегъ и устроить себѣ шалаши; не желающіе могли оставаться на баржѣ. Всѣ здоровые съ удовольствіемъ разошлись по острову, построили себѣ шалаши и стали жить, какъ на дачѣ. Пищу получали съ баржи, у кого былъ чай, пили у себя, куренье я велѣлъ не воспрещать, настроеніе людей стало бодрѣе, и заболѣвшихъ вновь было очень мало. Чистый воздухъ вмѣсто душнаго трюма помогъ. Больные пока оставлены были на баржѣ.

Вернувшись въ городъ, я телеграммой донесъ о происшествіи въ главное тюремное управленіе и просилъ ассигновать мнѣ деньги на постройку временнаго барака для больныхъ и пріостановить дальнѣйшую присылку арестантовъ до окончанія болѣзни. Тюремное управленіе отвѣтило мнѣ, что оно не считаетъ возможнымъ нарушить расписаніе пересылки арестантовъ, и требовало отъ меня, чтобы я немедленно отправилъ дальше остановленную мною баржу.

Тогда я вторично телеграфировалъ главному тюремному управленію, указавъ на статью закона, предоставляющую мнѣ право не исполнять требованіе начальства, если я признаю таковое противозаконнымъ, посему я заявилъ, что дальше баржу я не отправлю, просилъ объ ускореніи ассигнованія денегъ на бараки и объ отвѣтѣ моимъ довелъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ.

Тогда тюремное управленіе согласилось, ассигновало деньги и пріостановило высылку арестантовъ отъ Перми.

Тотчасъ я распорядился постройкою временнаго барака тамъ же на островѣ, причемъ мнѣ пришлось лично распланировывать мѣсто, такъ какъ архитекторъ, которому это было поручено, рѣшилъ

подать въ отставку, только бы не ѣхать на островъ, гдѣ были холерные.

Пока строили бараки, подошла вторая партія арестантовъ, которая еще не была задержана. Я опять остановилъ баржу и поступилъ тѣмъ же порядкомъ.

Результатъ моихъ распоряженій оказался удачнымъ. Въ Тобольскѣ пять тюремъ, но, кромѣ одной, куда я направилъ арестантовъ съ первой баржи, въ другихъ тюрьмахъ случаевъ заболѣваний не было.

На островѣ было всѣхъ больныхъ до пятидесяти человѣкъ, часть коихъ выздоровѣла, остальные умерли. Дальше Тобольска холера по рѣкѣ не пошла, и я уберечь отъ этого бича не только все прибрежное населеніе моей губерніи, но также и томское отъ несомнѣннаго заноса эпидеміи.

Вотъ, въ краткихъ словахъ, отчетъ о борьбѣ съ неурожаемъ. Князь Голицынъ давно покоится вѣчнымъ сномъ. Чувство горькой обиды, которое я питалъ къ нему первое время, остыло. Да будетъ миръ праху его! Онъ сознательно не дѣлалъ зла никому; а то, что онъ наносилъ всѣмъ окружающимъ безпрестанно оскорбленія своими рѣзкими выходками, онъ, вѣроятно, не сознавалъ. Онъ получилъ наставленіе изъ министерства. Ему было поручено найти виновныхъ губернаторовъ и снять обвиненіе съ министерства, и это онъ исполнилъ. Оренбургскій губернаторъ генералъ Маслаковецъ уволенъ былъ отъ службы тотчасъ по пріѣздѣ князя. Я вытерпѣлъ шесть или семь мѣсяцевъ его пребыванія и подалъ въ отставку послѣ его отъѣзда, а пермскій губернаторъ Лукошковъ пріѣхалъ въ Петербургъ послѣ меня и тоже вышелъ въ отставку.

Какъ я уже упоминалъ выше, князь уѣхалъ обратно 10-го августа. Послѣднее время ему совсѣмъ нечего было дѣлать, и онъ тянулъ отъѣздъ, желая порадовать министерство успѣхомъ своей командировки. Какъ только, въ первыхъ числахъ августа, я донесъ ему, что виды на урожай хорошіе, народъ поправился, сохраненный скотъ имѣетъ уже приплодъ, князь назначилъ тотчасъ свой отъѣздъ.

Я проводилъ князя при отъѣздѣ его изъ Тюмени, простился съ нимъ сухо и возвратился въ Тобольскъ.

Тогда же я составилъ подробный денежный отчетъ о расходахъ, произведенныхъ по случаю неурожая изъ даннаго мнѣ кредита, и послалъ въ омскую контрольную палату. Прошло уже двадцать одинъ годъ, и никакихъ запросовъ я не получалъ и потому думаю, что отчетъ былъ признанъ правильнымъ. Затѣмъ я послалъ въ Петербургъ прошеніе отъ отпускъ на два мѣсяца.

Когда я получилъ отпускъ, я рѣшилъ въ губернію болѣе не возвращаться, распродалъ лишнюю мебель, экипажи и лошадей, остальную мебель выслалъ транспортомъ въ Петербургъ и самъ

съ семьей выѣхаль на послѣднемъ пароходѣ, отходившемъ изъ Тобольска въ Тюмень. Было уже начало октября, и на берегу лежалъ снѣгъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я представился кому нужно въ министерствѣ и заявилъ, что я, послѣ посѣщенія губерніи княземъ Голицынымъ, вернуться къ своему мѣсту службы не могу и прошу о переводѣ меня въ другую губернію. Въ переводѣ мнѣ уклончиво отказали, и мнѣ не оставалось ничего, кромѣ выхода въ отставку. Я подалъ прошеніе и былъ уволенъ отъ службы 3-го декабря 1892 года съ усиленной пенсіей и съ правомъ ношенія мундира, послѣдней должности присвоеннаго.

Но прежде, чѣмъ подавать прошеніе объ отставкѣ, я испросилъ дозволеніе представиться государю. Императоръ Александръ III принялъ меня въ гатчинскомъ дворцѣ. Подавъ мнѣ руку, его величество освѣдомился о цѣли моего пріѣзда. Я объявилъ, что пріѣхаль, чтобы дать отчетъ по борьбѣ съ неурожаемъ и холерой, посѣтившими Тобольскую губернію.

Тогда государь изволилъ спросить: «Ну, какъ же у васъ прошло дѣло?» Я въ краткихъ словахъ доложилъ, что неурожай явился внезапно, вслѣдствіе налета изъ Оренбургской губерніи кобылки (саранчи), что пострадало три уѣзда, но, благодаря помощи, оказанной правительствомъ, мнѣ удалось снабдить населеніе и продовольствіемъ, и сѣменами, такъ что не только смертныхъ случаевъ, но даже болѣзней, обычныхъ спутниковъ голода, не было и мнѣ удалось сберечь изъ отпущенныхъ четырехъ милліоновъ семисотъ тысячъ рублей—пятьсотъ тысячъ. Холера была сильная, изъ двадцати восьми тысячъ заболѣвшихъ умерло четырнадцать, но, благодаря Бога, ни во время голода, ни во время эпидеміи нигдѣ въ губерніи не было вспышекъ народныхъ волненій, случавшихся въ другихъ мѣстахъ нерѣдко. Его величество второй разъ протянулъ мнѣ руку и изволилъ сказать: «Слава Богу, что у васъ это прошло такъ благополучно». Милостивыя слова монарха успокоили и вознаградили меня за пятнадцатимѣсячные непосильные труды и незаслуженныя оскорбленія и до послѣдней минуты моей жизни останутся запечатлѣнными въ моемъ сердцѣ.

В. Тройницкій.





РОДИТЕЛИ А. С. СУВОРИНА.



ВГУСТА 11-го дня исполняется годовщина со дня кончины Алексѣя Сергѣевича Суворина. Отмѣчая это печальное событіе въ жизни русскаго общества, мы, какъ дань памяти усопшему, помѣщаемъ въ настоящей книжкѣ неизвѣстное еще до сихъ поръ въ нашей иконографіи его изображеніе, воспроизведенное съ портрета, рисованнаго масляными красками и висящаго въ рабочемъ кабинетѣ его сына, редактора «Новаго Времени», Михаила Алексѣевича. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы даемъ въ настоящей замѣткѣ и свѣдѣнія о родителяхъ Алексѣя Сергѣевича, капитанѣ Сергѣѣ Дмитріевичѣ и женѣ его Александрѣ Львовнѣ, заимствуя таковыя свѣдѣнія изъ «Памятной книжки Воронежской губерніи на 1913 годъ», гдѣ В. В. Литвиновымъ представлены любопытныя данныя объ «участникахъ отечественной войны и заграничныхъ походовъ 1813—1815 гг. изъ дворянъ и уроженцевъ Воронежской губерніи». Свои данныя г. Литвиновъ почерпнулъ изъ архива воронежскаго депутатскаго дворянскаго собранія, каковой до него въ этихъ цѣляхъ еще никѣмъ не былъ использованъ. Къ настоящей замѣткѣ мы прилагаемъ и фотографическій снимокъ съ формуляра Сергѣя Дмитріе-

вича, какъ онъ въ фотографической же копіи хранится у его внуковъ.

Сергѣй Дмитріевичъ Суворинъ родился въ 1784 г. въ большой семьѣ крестьянъ-однодворцевъ села Коршева Бобровскаго уѣзда. Онъ былъ младшимъ въ семьѣ, состоявшей изъ нѣсколькихъ братьевъ, росъ обыкновеннымъ рядовымъ крестьяниномъ и восемнадцати лѣтъ женился на мѣстной крестьянкѣ, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей. Войны съ Наполеономъ потребовали усиленнаго набора молодыхъ людей, и С. Д. Суворину скоро пришлось отбывать тяжелую въ то время воинскую повинность. 7-го мая 1807 г. онъ былъ принятъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Впослѣдствіи онъ съ благодарностью вспоминалъ о «дядкѣ» по ротѣ, который относился къ нему хорошо и помогъ выучиться грамотѣ по азбукѣ, купленной на толкучемъ рынкѣ. Въ 1808 г. С. Д. Суворину уже пришлось отправиться въ Финляндію, въ ряды войскъ, дѣйствовавшихъ противъ шведовъ. 13-го іюня онъ участвовалъ въ сраженіи у гор. Вазы и въ самомъ городѣ, когда былъ нами уничтоженъ отрядъ полковника Бергенстрале, 21-го августа—при деревнѣ Сальмѣ и 2-го сентября—при Оровайсѣ, гдѣ нашими войсками (графъ Н. М. Каменскій) были нанесены рѣшительныя пораженія шведскому главнокомандующему Клингспору. Съ 27-го февраля по 14-го марта 1809 г. С. Д. Суворинъ находился въ корпусѣ Багратіона, занимавшемъ Аландскіе острова и выдержавшемъ рядъ мелкихъ сраженій съ непріятелемъ. 7-го ноября 1811 г. С. Д. былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ и въ рядахъ его сражался во время отечественной войны подъ Витебскомъ, Смоленскомъ и при Бородинѣ. Полученныя въ послѣднемъ сраженіи раны (пулями навывлетъ) въ стопу правой ноги и лѣвую руку ниже локтя приковали его на годъ къ постели. Оправившись отъ ранъ, онъ съ 22-го августа 1813 г. попалъ въ отрядъ, блокировавшій Модлинъ (нынѣ Новогеоргіевскъ) и находился здѣсь, въ резервномъ батальонѣ, до взятія крѣпости (19-го октября), послѣ чего опять по болѣзни, будучи 26-го августа 1813 г. произведенъ въ унтеръ-офицеры, получилъ отпускъ. 29-го марта 1822 г. онъ былъ произведенъ въ фельдфебели, а 12-го декабря 1823 г. въ подпоручики съ переводомъ въ Костромской пѣхотный полкъ. Зарекомендовавъ себя здѣсь честнымъ и толковымъ офицеромъ, С. Д. 6-го августа 1825 г. былъ назначенъ полковымъ квартирмейстеромъ и исполнялъ эту должность по 21-е апрѣля 1830 г. Свидѣтельствомъ его усерднаго отношенія къ своимъ служебнымъ обязанностямъ служить также высочайшія благоволенія (приказами отъ 12-го, 15-го, 16-го и 17-го мая, 11-го іюля и 16-го сентября 1827 г.) за смотры въ высочайшемъ присутствіи, за успѣшное производство работъ въ Крон-



Александра Львовна Суворина.

штадтѣ и сбереженіе людей (приказъ 10-го августа 1827 г. ¹⁾). Въ память бывшаго августа 1826 г. коронованія императора Николая I онъ получилъ высочайше пожалованное сукно на мундиръ, сюртукъ и рейтузы, а за бывшій въ маѣ 1827 г. высочайшій смотръ третное не въ зачетъ жалованья. Произведенный 22-го іюня 1827 г. въ поручики, С. Д. черезъ годъ принялъ участіе въ войнѣ съ Турціей. За участіе въ этой кампаніи С. Д. Суворинъ былъ награжденъ серебряной медалью и получилъ годовое не въ зачетъ жалованья, причеъ во время самой кампаніи, 25-го декабря 1829 г. былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны. Спустя годъ онъ отправился на усмиреніе возставшихъ поляковъ и участвовалъ въ стычкѣ въ Ружанскомъ лѣсу (3-го іюня) и въ сраженіи при мѣстечкѣ Дзензіолѣ (12-го іюля), а съ 28-го сентября находился въ предѣлахъ царства Польскаго вплоть до полнаго прекращенія военныхъ дѣйствій. 16-го іюня 1832 г. С. Д. Суворинъ уволился въ отставку съ производствомъ въ капитаны и возвратился на родину въ с. Коршево. За годъ предъ тѣмъ умерла его жена (Ксенія Емельяновна) отъ холеры, и онъ женился вторично на дочери мѣстнаго протоіерея, Александрѣ Львовнѣ Соколовой. Отъ этого брака у него родилось девять человѣкъ дѣтей: шесть дочерей и три сына: Алексѣй, извѣстный публицистъ и издатель (род. 1834 г., умеръ 11-го августа 1912 г.), Петръ, нынѣ подполковникъ въ отставкѣ, и Дмитрій, умершій двадцати одного года отъ чахотки.

О жизни С. Д. Суворина въ отставкѣ г. Литвиновъ сообщаетъ по воспоминаніямъ его сыновей. Въ своихъ автобіографическихъ запискахъ А. С. Суворинъ, описывая годы своего дѣтства, рассказываетъ: «Отецъ дослужился до офицерства. Его любили какъ хорошаго служаку и честнаго человѣка. Онъ былъ квартирмейстеромъ и казначеемъ въ Костромскомъ пѣхотномъ полку, дослужился до штабсъ-капитана и вышелъ капитаномъ въ отставку съ шестьюстами рублями ассигнаціями пенсіи ²⁾. Во время службы онъ съэкономилъ тысячу рублей ассигнаціями, съ которыми и пріѣхалъ въ Коршево. Онъ отличился большою дѣятельностью, построилъ вѣтряную мельницу, потомъ крупорушку. Самъ бывалъ на мельницѣ, самъ готовилъ жернова, насыпалъ рожь, запрягалъ лошадь, любилъ пчеловодство. Здоровье у него было крѣпкое. Жили мы похуже духовенства. Домъ нашъ состоялъ изъ двухъ избъ, сѣнецъ и «горницы», которая состояла изъ передней

¹⁾ Находясь однажды ночью на караулѣ въ Кронштадтѣ, С. Д. замѣтилъ какъ кой-то подплывающій къ судамъ предметъ. Онъ сообщилъ объ этомъ командѣ. Предметъ оказался взрывчатимъ снарядамъ и былъ разстрѣлянъ. Это и вызвало высочайшее благоволеніе за «сбереженіе людей».

²⁾ Благодаря офицерскому званію, С. Д. Суворинъ, по его ходатайству, былъ согласно опредѣленія воронеж. дворян. депутат. собранія 12 іюня 1845 г. внесенъ во 2 ч. родослови. кн. дворянства Воронеж. губ.

и двухъ комнатъ. Крытъ былъ домъ соломой, какъ всѣ деревенскія избы. У насъ былъ маленькій садъ, гумно и баня. Нанимали мы кухарку и работника. Обѣдали мы обыкновенно въ кухнѣ, т.-е. въ избѣ, всѣ вмѣстѣ съ работниками. По воскресеньямъ обѣдали въ горницѣ, отдѣльно, гдѣ пили чай. Чай мы пили только по праздникамъ, въ прикуску. Послѣ бани чай былъ всегда. Мебель у насъ была самодѣльная, ложки деревянные и большею частью издѣлія отца, который дѣлалъ ихъ изъ липы и очень изящно при помощи круглаго долота и ножики. Заходили къ намъ родные и знакомые отца, коршевскіе мужики. Отецъ пользовался уваженіемъ и съ нимъ любили посовѣтоваться, поговорить. Никакого чванства у отца



Домъ С. Д. Суворина въ Коршевѣ.

не было, онъ какъ-то со всѣми былъ ровень. Утромъ и вечеромъ отецъ становился на молитву и долго молился, читая вслухъ много молитвъ. Иногда онъ заставлялъ и всѣхъ насъ молиться. На Страстной недѣлѣ онъ читывалъ Евангеліе намъ всѣмъ, стоя передъ образами. Единственная книга, которая была у насъ, это Евангеліе на русскомъ языкѣ, изданіе библейскаго общества. Если отецъ не работалъ, то сидѣлъ въ очахъ и читалъ Евангеліе. Впослѣдствіи, съ увеличеніемъ семьи, мы значительно обѣднѣли, и отецъ немного опустился и становился мрачнымъ. Цѣлыя ночи онъ мучительно кашлялъ, сидя на лежанкѣ. По словамъ подполковника П. С. Суворина ¹⁾, отецъ его былъ крѣпкаго тѣлосложенія, высокъ ростомъ, съ мужественной осанкой ²⁾. Отличался недюжиннымъ природ-

¹⁾ Передано намъ учителемъ бобровск. второкл. церк.-прих. школы Я. Ф. Селвановымъ. Примѣчаніе г. Литвинова.

²⁾ Портрета С. Д. не сохранилось въ его семьѣ.

нымъ умомъ и необыкновенною правдивостью и честностью. Въ Коршевѣ, по выходѣ изъ военной службы, онъ занялся земледѣліемъ, снималъ казенныя земли, часть ихъ передавалъ въ аренду, а часть засѣвалъ самъ. Кромѣ того, имѣлъ большую и прибыльную «толоку», развелъ плодовый садъ, построилъ вѣтряную мельницу. Однако вслѣдствіе многосемейности особымъ достаткомъ не обладалъ. Смерть С. Д. Суворина (въ 1855 г.) была неожиданна. Въ одну изъ поѣздокъ по найму рабочихъ для уборки сѣна лошадь его чего-то испугалась, понесла; С. Д. выпалъ изъ экипажа, сильно разбился (перебиты были ключица и нѣсколько реберъ) и вскорѣ умеръ. Погребенъ былъ въ Коршевѣ, на общественномъ кладбищѣ. Съ теченіемъ времени могила его затерялась, и теперь мѣсто погребенія его не могутъ точно установить даже его дѣти.

У проживающей въ гор. Бобровѣ дочери С. Д. Суворина Варвары Сергѣевны сохранилась принадлежавшая отцу фарфоровая походная чайница, исторія которой (какъ рассказывалъ самъ С. Д.) такова. Раненый подъ Бородиномъ, С. Д. былъ положенъ въ одинъ изъ московскихъ госпиталей. По сдачѣ Москвы непріятелю раненыхъ сѣшно укладывали на подводы и увозили. С. Д. былъ положенъ на подводу съ сухарями. На эту же подводу къ-мъ-то были брошены самоваръ и чайница. Самоваръ потомъ скоро исчезъ, а чайница осталась у С. Д. У другой дочери С. Д., тоже проживающей въ Бобровѣ, Анны Сергѣевны, до послѣдняго времени хранился дневникъ отца (объемистая тетрадь), содержавшій его записки о службѣ и военныхъ походахъ, но онъ взятъ года два назадъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Суворинымъ. По смерти С. Д. жена его, Александра Львовна, продала домъ и помѣстье мужа въ Коршевѣ и переѣхала въ Бобровъ. Здѣсь она и умерла. На могилѣ ея (на городскомъ кладбищѣ) сыномъ, А. С. Суворинымъ, поставленъ солидный мраморный памятникъ, на гранитномъ пьедесталѣ, съ надписью: «Александра Львовна Суворина. Род. 1808 г. 23-го апрѣля. Сконч. 1889 г. марта. Житія ея было 81 годъ и 24 дня». Издатель «Новаго Времени» высоко ставилъ нравственный обликъ своихъ родителей и въ значительной степени относилъ къ ихъ природнымъ свойствамъ свои жизненные успѣхи, вытекшіе изъ его замѣчательной работоспособности.

А. С. Суворинъ купилъ впослѣдствіи отцовскую усадьбу въ Коршевѣ и вмѣстѣ съ садомъ (болѣе 1 десятины) подарилъ ее подъ двухклассное училище, открытое въ 1907 году.

Б. Г.

Формулярный списокъ С. Д. Суворина.



По Указу

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО

и проч., и проч., и проч.

Предъявитель сего, Капитанъ, Сергей Суворинъ,

съ сего Суворова, какъ изъ формулярнаго описанья

въ его спискахъ означены имѣть секретнаго и не

печатнаго: въ память 1812^{го} и за Шурецкую войну 1826^{го}

и 1829^{го} годовъ утѣшевными. Производствъ: вѣнскій

Правитель вѣнскихъ родовъ 4^{го} экз. 1807^{го} года, крестомъ

вѣнск. Виртебургской губернии, Боброевскаго уѣзда, в.

Курляндска. Подваго и благодарственнаго знака

за службу, радителемъ и уснаго его не состоитъ

въ службу вѣнскій правитель 1807^{го} года, вѣнскій

губернаторъ вѣнскій въ Преображенской полку; пере

веденъ с вѣнск. Гвардии въ Московскій полкъ 1811^{го}

года, гвард. призывенъ въ артилл. бригаду 1812^{го}

№ 629

Августа 26^{го}, приезд в Россию 1822^{го} Марта
29^{го}, за выслушанием гражданских дел в Сенате в
Сенате в Петербурге 1823^{го} Декабря 12^{го} в Костром-
ский полковой штаб, в том же городе; на том
же посылкою в Курьерский корпус 1825^{го} Авгу-
ста 6^{го}, на вакансию, произведен в Поручик
1827^{го} июня 22^{го}, в отпуске по службе, в
Монахов Канцелярии 1830^{го} Марта 11^{го} со-
старинством с 25^{го} Декабря 1829^{го} года
отчислен в отставку 1836^{го} Августа 21^{го}
В походах и делах против неприят-
ля находившись в войсках со Шведами, 1808^{го}
года в Финляндии, июня 15^{го} в Делье, у
Вазы, Августа 21^{го} при в. Сивиса, Сентя-
бря 2^{го} при переезде Суворова, 1809^{го} года с
27^{го} февраля по 14^{го} Марта в экспедиции,
для санитара в Калевалах в отпуске. В
войсках против Французов, 1812^{го} года, в

наблюдением и шотъ своего ханства, не делаясь
Ураганами и другими, в ксиле прохвот, Неприятно
благославная, объявляющая в Высочайшия при
казахъ: 1877 года с Мая 12, 15 и 17, онъ сего
Князя и Императорова вайока 2^{го} по счету
Корпуса, предводительствуетъ и устроитъ в
околице, в браня и ксиле ухотъ и ксиле
Видно, прачина 2^{го} ксиле в ксиле
убавитъ ему в ксиле ухотъ и ксиле
ураганами, ухотъ и ксиле и ухотъ, ксиле
человекъ. Сего Императорова 2^{го} по счету
показавъ 2^{го} по счету 4^{го} по счету в ксиле, при
Его же охотъ ухотъ ухотъ. Сего, с ухотъ и
ухотъ ухотъ ухотъ в ксиле ухотъ и
ухотъ ухотъ ухотъ, и ксиле ухотъ и ксиле
ухотъ Императорова ухотъ ухотъ в
в. Императорова 2^{го} по счету ухотъ ухотъ
ухотъ ухотъ. Не ксиле ухотъ ухотъ

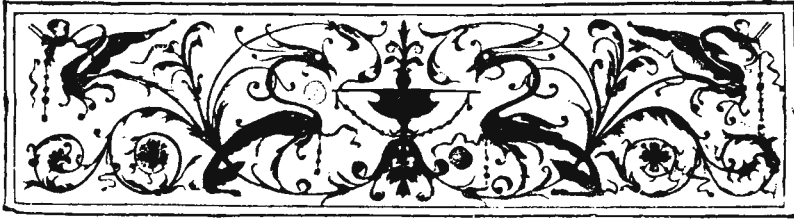
Линейными, от изданных и исполненных по высшему
указу. Во свидетелство коего, по Высочай-
шему повелению, ниже подписавшимся
сей за подписавшим, в присутствии герцога
почетли Главной Квартира в с. Варшавы,
Генералъ - 23. - Дня 1840-го года.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Все-
милостивейшаго ГОСУДАРЯ моего, Генераль-
Фельдмаршала, Генераль-Адъютанта, Главно-
командующей Действующей Арміею, Генераль-Ин-
спектора всей Польши, Шефа Избраннаго и Кгер-
скаго Императорскаго полковъ, Навсѣнскихъ и Пер-
сидскихъ Польскихъ, Государственнаго Совета Членъ,
Императорскій Портретъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА алмазами украшенный, и Орде-
новъ: Св. Андрея Первозваннаго алмазами укра-
шеннаго, Св. Великомученика и Побѣдоносца,
Георгия 1-го класса большаго креста, Св. равно-
апостольнаго Князя Владимира 1-й степени больша-
го креста, Св. Александра Невскаго украшенна-
го алмазами, Вѣлаго Ордена, Св. Анны 1-й степени
алмазами украшеннаго, и иностранныхъ: Прусскихъ
Чернаго Ордена алмазами украшеннаго и Краснаго
Ордена 1-й степени, Персидскаго Ляза и Солнца 1-й
степени на золотой цепи и Турецкой Луны
Кавалера, и иныи: Золотую шапку алмазами
украшенную, съ надписью: *За храбрость - Персия*
и Египетъ, Золотую шапку съ надписью:
За храбрость, Золотую шапку, алмазами украше-
нную, пожалованную Его Величествомъ Коро-
дямъ Прусскимъ и Польскимъ Знакъ Отличія за Во-
енныя достоинства 1-й степени, Князь Варшавскій

Генералъ Николай Ивановичъ

За отсутствиемъ Дежурнаго Генерала
Действующей Арміи, Старшинъ Адъютанта, Уварова полковника.

Указъ данный объ отставкѣ, уволеніи и увольненіи, записанъ въ
Историческомъ похозяйствѣ, а также въ журналы, и
по указу Суворова



ХУДОЖНИКЪ СЛОВА И ПЕРА.

(Бѣглыя замѣтки и отрывочныя воспоминанія, вызванныя вторымъ томомъ на «Жизненномъ пути» А. Ѳ. Кони).



ТИЛЬ—человѣкъ», говорятъ французы и говорятъ, несомнѣнно, правду.

Посмотрите, на примѣръ, какъ изящество природы Тургенева такъ и бьетъ въ глаза во всѣхъ его произведеніяхъ, даже помимо ихъ содержанія.

То же изящество, но съ отбѣнкомъ чрезвычайной корректности и дисциплинированности природы, проглядываетъ въ Гончаровѣ.

Безпорядочность стили современныхъ беллетристовъ даже независимо отъ содержанія рѣзко рисуетъ природу и кругозоръ авторовъ.

Слогъ автора «Жизненнаго пути», несомнѣнно, носитъ характеръ строгой дисциплинированности судьбы, но дисциплинированность эта не мертвая, не сухая, не чиновничья, чуждая педантизма—выливается въ форму, безспорно, изящную, благодаря которой строгая дѣловитость содержанія не исключаетъ интереса прямо-таки художественнаго.

Стиль рельефно рисуетъ также оратора. Какъ бы ни былъ краснорѣчивъ ораторъ, но многословіе, цвѣтистость и фразерство служатъ плохимъ показателемъ и, наоборотъ, сжатость формы, выражающей мысль, мѣткость выражений, сопоставленій и яркость образовъ рисуютъ природу столь же дѣловитую, какъ и художественную.

Я имѣлъ высокую честь и, даже прямо скажу, счастье бесѣдовать въ теченіе цѣлыхъ двадцати минутъ съ величайшимъ молчальникомъ,

который, какъ говорили его соотечественники, умѣлъ молчать почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Этотъ человѣкъ былъ Мольтке, которому Пруссія была обязана всѣми своими побѣдами, а, слѣдовательно и настоящимъ своимъ величіемъ.

Командированный въ 1869 году, наканунѣ франко-прусской войны, для знакомства съ французской и прусской арміями, я имѣлъ право представиться начальнику генеральнаго штаба прусской арміи и, конечно, воспользовался этимъ правомъ. И, конечно, при представленіи старался больше молчать и заставить говорить безусаго, безбородаго старика съ строгимъ римскимъ профилемъ Цезаря и жесткими чертами лица. Онъ, наоборотъ, по привычкѣ ли, или намѣренно старался говорить какъ можно меньше и разспрашивать какъ можно больше.

Отвѣчая на вопросы въ возможно сжатой формѣ, я старался, въ свою очередь, каждый отвѣтъ свой сопровождать вопросами, такъ что молчальнику, желавшему быть и бывшему крайне любезнымъ въ отношеніи къ совѣмъ молодому офицеру генеральнаго штаба, посланному въ Пруссію отъ дружественной державы, оказавшей ей такую услугу въ только что минувшую австро-прусскую войну, поневолѣ приходилось давать отвѣты и разъясненія, хотя немногословныя, въ самой сжатой формѣ, но поражавшія меня своей опредѣленностью, мѣткостью и строгой дѣловитостью.

Дѣловитость, однако, точность и опредѣленность, столь драгоценныя качества въ дѣловыхъ отношеніяхъ, внѣ этой сферы невольно порождаютъ скуку, а, по мѣткому выраженію умнаго француза, къ которому обратился за совѣтомъ Жанъ-Жакъ Руссо, «всѣ роды поэзіи и литературы хороши, исключая рода скучнаго».

И нуженъ огромный художественный талантъ, чтобы заставлять читать, какъ это удалось А. О. Кони, не только безъ скуки, но съ увлеченіемъ свои строго построенныя, полныя дѣловитости и логики обвинительныя рѣчи по дѣламъ давно минувшимъ и увлекать этимъ чтеніемъ не специалистовъ, а просто культурную образованную публику, не исключая и чуждой дѣловитости прекрасной половины человѣческаго рода. И съ увлеченіемъ читаете рѣчи не защитника, а обвинителя, тогда какъ по свойству человѣческой природы человѣкъ всегда склоняется на сторону слабого, на сторону защиты, а не обвиненія:

Но если такимъ успѣхомъ пользовались полные психологическаго интереса, но подчасъ суровыя судебныя рѣчи автора «Жизненнаго пути», то совершенно естественнымъ явился тотъ горячій пріемъ, который встрѣтилъ автора судебныхъ рѣчей, когда онъ захотѣлъ подѣлиться съ публикой тѣмъ, что случилось ему видѣть, слышать, съ кѣмъ входитъ въ общеніе въ продолженіе его полного интереса «жизненнаго пути».

Въ первомъ томѣ этого «Пути» («изъ записокъ судебного дѣателя»)

читатель знакомится съ интереснѣйшими судебными дѣлами и лицами былого, едва минувшаго времени. Встаютъ во весь ростъ такіе крупные преступники, какъ Овсянниковъ или Лансбергъ, и элегантныя преступицы, какъ Гулакь-Артемовская, Жюдикъ или мать Митрофанія, и даровитый князь Урусовъ, и неподкупный талантливый Боровиковскій, и звѣроподобный, но золотого сердца Половцовъ.

Все это не только полно живого интереса, но невольно будить въ читателѣ здоровую мысль.

Но если первый томъ «Жизненнаго пути» можетъ удовлетворить не только всякаго мыслящаго, но и просто любознательнаго человѣка, то второй томъ, отвѣчая потребностямъ первыхъ, даетъ обильный матеріалъ даже для человѣка только любопытнаго, въ разумныхъ, конечно, предѣлахъ этого свойства человѣческой природы.

Стремленіе къ удовлетворенію потребностей не только физическихъ, но и нравственныхъ потребностей лежитъ въ натурѣ человѣка. «Хлѣба и зрѣлищъ»—требовала и требуетъ грубая толпа,—зрѣлищъ какихъ бы то ни было,—самыхъ кровожадныхъ въ родѣ боя гладиаторовъ и быковъ или возвышенныхъ, религіозныхъ, но непремѣнно зрѣлищъ.

Помимо зрѣлищъ, въ дѣтствѣ—возраста или мысли—нравственную сторону человѣка удовлетворяютъ сказки, даже самыя наивныя. Въ юности является потребность къ беллетристикѣ, подчасъ также крайне незатѣйливой. И только въ зрѣлости вымыселъ увлекаетъ лишь тогда, когда онъ выходитъ изъ-подъ пера настоящаго художника, когда изъ-подъ вымышленной фэбулы выступаетъ настоящая реальная жизнь съ ея страстями, типами и характерами.

Но беллетристы-художники—явленіе, однако далеко не обычайное. Выдаются періоды, когда ихъ выступаетъ цѣлая плеяда, но за этими періодами слѣдуютъ десятилѣтія, отмѣченные ремесленной бездарностью.

Зрѣлый человѣкъ въ часы досуга поневолѣ обращается тогда къ исторіи, къ мемуарамъ, къ воспоминаніямъ очевидцевъ о событіяхъ и людяхъ, представлявшихъ и представляющихъ большій или меньшій интересъ.

Но хотя здѣсь вымыселъ въ большинствѣ случаевъ и не имѣетъ мѣста, интересъ рѣдко является, однако, захватывающимъ: въ смыслѣ содержанія, чаще всего заботятся авторы главнымъ образомъ о повѣствованіи событій своей жизни, ни для кого не занимательныхъ, что же касается формы, то форма художественная является какъ самое рѣдкое исключеніе.

Поэтому-то повѣствованіе о событіяхъ и лицахъ, представляющихъ огромный интересъ, да при томъ еще облеченное въ изящную художественную форму, могущую удовлетворить самаго требовательнаго эстета, слѣдуетъ по справедливости признать явленіемъ

исключительнымъ, единичнымъ, и вотъ именно такое явленіе представляютъ собою воспоминанія А. Θ. Кони — пройденный имъ «Жизненный путь», второй томъ котораго лежитъ предъ нами.

Передъ читателями проходитъ картинная галерея яркихъ образовъ такихъ людей, какъ Левъ Толстой, Тургеневъ, Достоевскій, Некрасовъ, Апухтинъ, Писемскій, Чупровъ, Ключевскій, Стасюлевичъ, Арсеньевъ, Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ.

Если многіе изъ этихъ образовъ хорошо знакомы читающей публикѣ, то нѣкоторые, представляющіе собою огромный интересъ, являются впервые въ такомъ яркомъ, выпукломъ изложеніи.

Даже о личности такого извѣстнаго писателя, какъ Писемскій, въ свое время оказавшій большое вліяніе на русское общество, романомъ котораго «Тысяча душъ» мы, молодежь шестидесятыхъ годовъ, зачитывались до «бѣла-свѣта», въ нашей литературѣ не осталось ничего, кромѣ трафаретныхъ статей, сильно отзывающихся некрологомъ.

Подъ рѣзцомъ же А. Θ. Кони встаетъ, какъ живая, фигура этого оригинальнаго человѣка, оригинальнаго по своей наружности, говору костромскаго мужика, не утраченному, несмотря ни на вліяніе университетскихъ аудиторій, ни на жизнь среди самаго интеллигентнаго общества.

Фигура этого писателя, человѣка огромнаго ума, и несомнѣнно, большого таланта, поднимается среди «Жизненнаго пути» въ образѣ положительно трагическомъ, когда онъ, послѣ мастерскаго чтенія «Бывыхъ соколовъ», «безъ галстука, мрачный, угрюмый, съ тяжелымъ взоромъ», поддаваясь ужасной наклонности русскаго человѣка искать забвенія въ той свѣтлой на видъ и самой черной по существу влагѣ, отъ которой «всѣ качества», въ которой потонуло столько русскаго ума и таланта, когда онъ, на мягкія предостереженія жены и пріятеля, отвѣчаетъ:

— Понимашъ ты, я безъ этого не засну. Не могу я спать безъ этого. Они—вотъ тѣ, о комъ я вамъ читаль, не даютъ мнѣ спать. Стоять вокругъ меня и предо мной всю ночь и смотреть на меня, и жить, и не даютъ мнѣ заснуть. И не могу я безъ этого, понимаешь?

Онъ потряхнулъ косматою головою, какъ бы стараясь освободиться отъ созданныхъ его творчествомъ образомъ... и потянулся къ пятой рюмкѣ...

Я, по крайней мѣрѣ, встрѣчавшій нѣсколько разъ Писемскаго въ обществѣ интеллигентныхъ людей, такъ и вижу эту коренастую, крупную, хотя не очень высокаго роста, небрежно одѣтую фигуру съ большою головою, съ высокимъ лысѣющимъ лбомъ, переходящимъ въ пучъ черныхъ, тогда всключенныхъ волосъ, съ огромными выпуклыми карими глазами и черной, небольшою, жидковатою, но опять-таки всключенною бородою; такъ и слышу его оригиналь-

ную образную рѣчь, не останавливающуюся не только передъ тѣмъ, что англичанки называютъ «шокингъ», но даже просто-таки передъ циническими фразами, недопустимыми въ «порядочномъ» обществѣ, съ произношеніемъ мужика на «о», съ его «знашь», «понимашь», «слава Тѣ, Господи» и «гуляшша баба», какъ онъ аттестовалъ одну изъ своихъ героинь.

Совершенно противоположностью грубаго по внѣшности циника Писемскаго является невольно подкупающій всякаго, прямо-таки обворожительный образъ чистаго душою, привлекательнаго наружностью, мягкаго, обаятельнаго Александра Ивановича Чупрова.

Благодаря портрету, написанному авторомъ «Жизненнаго пути» свѣтлыми, акварельными красками, Александръ Ивановичъ также, какъ живой, встаетъ въ моемъ воспоминаніи, хотя я видѣлъ его только одинъ разъ у московскаго милліонера, самодура, способнаго вышибать копейки, душить должника, но подчасъ жертвовать тысячи на хорошее дѣло и при томъ, что всего удивительнѣе, совсѣмъ не изъ чувства тщеславія, не для рекламы.

Приходитъ къ нему, къ этому милліонеру-вышибалѣ въ изящномъ костюмѣ отъ Тедеско, при мнѣ Александръ Ивановичъ и въ необычайно мягкой формѣ просить помочь женскимъ, сколько помню, фельдшерскимъ курсамъ.

Милліонеръ оказался уже знающимъ Александра Ивановича и, поддаваясь, конечно, его обаятельной внѣшности, очень любезно усадилъ его и спрашиваетъ:

— Да сколько же вамъ надо?

— Да надо-то вѣдь много, —отвѣчаетъ Александръ Ивановичъ.

— Да сколько же?—повторяетъ милліонеръ.

— Я, право, даже сказать боюсь. Вотъ если на все, то вѣдь много потребуется, —говоритъ съ необычайно милымъ колебаніемъ и подкупающею застѣнчивостью крупная извѣстность, которую знала и почитала вся Москва.

— Да сколько же, наконецъ?—добивался, улыбаясь, зараженный симпатическимъ образомъ и мягкой рѣчью милліонеръ.

И наконецъ, послѣ долгихъ колебаній и просьбъ милліонера сказать наконецъ цифру, едва слышится:

— Да вѣдь на все-то, вѣдь тысячи три понадобится.

— Ну, давно бы такъ и сказали.

И милліонеръ съ веселымъ лицомъ, даже освѣщеннымъ тѣмъ заразительнымъ, мягкимъ свѣтомъ, которымъ свѣтилось лицо собесѣдника, быстро идетъ къ нестораемому шкапу, вынимаетъ три тысячи и съ видимымъ удовольствіемъ, что идетъ навстрѣчу просьбѣ хорошаго человѣка, дѣлаетъ хорошее дѣло, передаетъ ихъ застѣнчивому «просителю».

— Милый человѣкъ, —говоритъ милліонеръ, проводивъ «просителя» до самой передней.

Да, именно «милый человекъ». И вотъ такимъ-то «милыми», мягкими красками нарисованъ онъ художникомъ слова въ «Жизненномъ пути».

Если велика заслуга автора въ томъ, что онъ знакомить съ такими свѣтлыми личностями, какъ Александръ Ивановичъ Чупровъ, пользовавшимся и пользующимся почтенной популярностью среди ученыхъ и учениковъ своихъ, но мало извѣстнымъ большой публикѣ, то не менѣе цѣннымъ является портретъ памятнаго всѣмъ дѣятеля, сотрудника царя-Освободителя, графа Дмитрія Алексѣевича Милютина, имя котораго, въ противоположность имени Александра Ивановича, хорошо извѣстно всей грамотной Россіи, но извѣстно только съ чисто официальной стороны.

Много уже было написано объ этомъ замѣчательномъ человекѣ, но все написанное носить какой-то официальный характеръ. Много было восхваленій его дѣятельности и личности, но все это какъ-то не рисовало человека. Человекомъ же является Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, по-моему, по крайней мѣрѣ, впервые лишь подъ перомъ автора «Жизненнаго пути».

Всякій крупный государственный дѣятель заслуживаетъ портрета въ двухъ образахъ—какъ дѣятель и какъ человекъ. Государственная же дѣятельность Д. А. Милютина, въ свою очередь, должна быть оцѣнена съ двухъ точекъ зрѣній: онъ былъ не только военнымъ министромъ, но и ближайшимъ совѣтникомъ царя-Освободителя, дѣятельнымъ сторонникомъ всѣхъ его благихъ начинаній и реформъ въ духѣ прогресса.

Считаю умѣстнымъ остановиться на обрисовкѣ этого государственнаго дѣятеля, потому что хорошо зналъ его лично (хотя почти исключительно по служебной дѣятельности) и не разъ участвовалъ подъ его предѣлательствомъ въ совѣщаніяхъ и комиссіяхъ, до которыхъ покойный графъ былъ большой охотникъ.

Это былъ человекъ, несомнѣнно, обширнаго ума, разносторонняго образованія, превосходный, находчивый діалектикъ, выходявшій, благодаря этому дару, изъ самыхъ трудныхъ положеній и остававшійся побѣдителемъ въ борьбѣ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда правда была не на его сторонѣ, когда онъ заблуждался, хотя заблуждался искренно, и когда противникомъ его являлся даже такой крупный человекъ, какъ Александръ Ивановичъ Барятинскій, другъ государя.

Онъ могъ, конечно, заблуждаться и заблуждался дѣйствительно, но заблуждался искренно и чистости былъ неподкупной, не только въ денежномъ отношеніи, но и въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Поставленный въ необходимость лавировать между подводныхъ камней интригъ дворцовыхъ и всякаго рода, онъ, мягкій по натурѣ и по культурности, проявлялъ подчасъ извѣстную гибкость, но тѣмъ

не менѣе твердо становился на сторонѣ дѣла, которое считалъ правымъ.

Къ этимъ высокимъ качествамъ Милютина надо присоединить необычайное, почти сверхъестественное трудолюбіе и работоспособность. Мнѣ не разъ случалось видѣть ежедневные доклады, вынесенные отъ министра; это были цѣлыя груды бумагъ, и на каждой, на поляхъ или въ концѣ, четкимъ, красивымъ и аккуратнымъ почеркомъ положена была резолюція министра, по большей части настолько основательно подробная, что исполнителю не оставалось ничего болѣе, какъ почти цѣликомъ переписать резолюцію.

Я, естественно, не могъ не удивляться такому трудолюбію, такой работоспособности, но отнюдь, однако, не восхищался ими, ибо, по моему глубокому убѣжденію, которое старался внушить всѣмъ ученикамъ и пріятелямъ, дѣлавшимъ крупную карьеру, всякій дѣятель, призванный играть крупную роль, долженъ поставить себѣ правиломъ: «никогда не дѣлать самому того, что можетъ хорошо сдѣлать другой».

И это совсѣмъ не парадоксъ, потому что у крупнаго дѣятеля, какъ бы онъ ни старался заставлятъ работать другихъ, работы, которой нельзя поручить другому, всегда останется слишкомъ достаточно. Помимо этого, крупному дѣятелю необходимъ досугъ, чтобы онъ имѣлъ возможность не только удовлетворять потребностямъ дня, но и не размѣниваться по мелочамъ, а имѣть время подумать о серьезныхъ мѣропріятіяхъ для будущаго. Не говорю уже о томъ, что всякій подчиненный, котораго не ведутъ все время на помочахъ, относился несравненно ревностнѣе къ своему дѣлу, за которое лежитъ на немъ отвѣтственность, чѣмъ тотъ, который исполняетъ роль только слѣпago исполнителя, роль удручающую, роль отупляющую, дѣлающую человека способнымъ ходить только на помочахъ и никуда больше негоднымъ.

Я говорю: «не дѣлать самому того, что можетъ хорошо сдѣлать другой». Изъ этого афоризма вытекаетъ первостепенная важность для каждаго крупнаго дѣятеля выбора способныхъ, дѣльныхъ помощниковъ. Какъ ни простъ, ни естествененъ такой выводъ, но у насъ на Руси очень немногіе понимаютъ это и ищутъ себѣ даровитыхъ сотрудниковъ. Нѣкоторые боятся померкнуть отъ лучей приближенной даровитости; иные избѣгаютъ даровитости, потому что она почти всегда самостоятельна, а это часто бываетъ непріятно человеку, пропитанному собственнымъ величіемъ; большинство же просто не умѣетъ разобраться въ людяхъ. И вотъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, Д. А. Милютинъ далеко не чуждъ былъ слабости къ бездарнымъ, которыми и окружалъ себя, старательно избѣгая людей даровитыхъ, самостоятельныхъ.

Изъ всѣхъ лицъ, его окружавшихъ, единственно способнымъ человекомъ былъ Обручевъ, слѣпой исполнитель рѣшеній Милю-

тина, никогда ему не противорѣчившій, котораго министръ считалъ человѣкомъ преданнымъ лично ему и былъ крайне удивленъ тѣмъ, что Обручевъ и при Ванновскомъ счелъ для себя удобнымъ оставаться въ той же роли, какъ при Дмитріи Алексѣевичѣ, и служить новому министру также съ такимъ же усердіемъ, какъ его предшественнику.

Удивленіе это отдавало нѣкоторой наивностью и совсѣмъ ужь плохимъ знаніемъ и пониманіемъ людей. Какъ будто человѣкъ, всего себя отдавшій карьерѣ, можетъ поступиться своими личными выгодами изъ личной преданности къ начальнику. Въ данномъ случаѣ начальникъ пожалъ то, что посѣялъ. Насколько же былъ правилень взглядъ этого начальника на своихъ ближайшихъ помощниковъ, можетъ служить иллюстраціей слѣдующій фактъ, переданный мнѣ М. А. Домонтовичемъ, кончившимъ службу членомъ военнаго совѣта и служившимъ вмѣстѣ со мною въ академіи генеральнаго штаба.

У Д. А. Милютина собирался иногда по вечерамъ, разумѣется, безъ картъ и на самое непродолжительное время, кружокъ, преимущественно военный. Въ домъ къ министру былъ вхожъ и Д. А. Домонтовичъ. Вечера эти изрѣдка посѣщали также и Николай Алексѣевичъ Милютинъ, извѣстный всей Россіи по работамъ освобожденія крестьянъ и впоследствии—устройства крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ. Человѣкъ этотъ былъ, по общимъ отзывамъ, чрезвычайно свѣтлаго ума и не лишень былъ при этомъ горячаго темперамента, чѣмъ отличался отъ своего брата-министра.

Однимъ изъ ближайшихъ помощниковъ Дмитрія Алексѣевича былъ генералъ М—въ, человѣкъ крайне недалекій, но трудолюбивый, слѣпой исполнитель, которому была ввѣрена роль такой огромной важности, какъ завѣдываніе личнымъ составомъ офицеровъ генеральнаго штаба. Онъ отличался чрезвычайно безтактностью и при несомнѣнномъ добродушіи и даже сердечности позволялъ себѣ набрасываться на людей безъ малѣйшаго основательнаго повода. Отличался, наконецъ, большою говорливостью. Такъ, помню, когда я явился къ нему въ первый разъ по случаю перехода въ генеральный штабъ, онъ меня продержалъ часа полтора и все это время говорилъ и говорилъ, не давая мнѣ возможности дѣлать реплики. Говорилъ о томъ, какъ онъ занятъ, сколько у него работы. Говорилъ про свой курсъ ариѳметики. Говорилъ обо всемъ и вынесъ, повидимому, обо мнѣ самое лучшее мнѣніе, хотя нисколько не потрудился пощупать, что за человѣкъ его новый подчиненный, поступившій изъ фронта, въ гусарскомъ мундирѣ прямо на профессуру. Онъ вовсе не интересовался узпать новаго человѣка и, наоборотъ, употреблялъ всѣ силы внушить ему самое лестное мнѣніе насчетъ своей собственной особы.

Съ такою же, безъ сомнѣнія, цѣлью на вечерѣ своего министра

онъ атаковалъ большого умницу Николая Алексѣевича Милютина и неотступно держалъ его въ осаду чуть не цѣлый часъ.

Освободившись наконецъ, Николай Алексѣевичъ подходитъ къ брату и говорить:

— Что много у тебя такихъ дураковъ, какъ этотъ М.?

— Есть у меня еще и не такіе,—смѣясь, отвѣчаетъ Дмитрій Алексѣевичъ.

И дѣйствительно, въ числѣ ближайшихъ помощниковъ и сотрудниковъ министра были «и не такіе». Но тѣмъ не менѣе подобный отзывъ въ устахъ, несомнѣнно, либеральнаго министра о подчиненныхъ, которыхъ вѣдь выбиралъ самъ же онъ, сильно отдаетъ безцеремоннымъ цинизмомъ власти. Д. А. Милютинъ, какъ человекъ, несомнѣнно, умный, хорошо понималъ, какія ничтожества его окружали и ничего, между тѣмъ, не дѣлалъ, чтобы выбрать себѣ не только помощниковъ, исполнителей, но сотрудниковъ, которые могли бы предостеречь его отъ ошибокъ, не дѣлалъ потому, что не терпѣлъ противорѣчій и подъ скромной, подкупающей внѣшностью носилъ въ себѣ деспота.

Вотъ двѣ основныя слабыя стороны Милютина, какъ военнаго министра: неумѣнье и даже нежеланье окружать себя способными людьми и стремленіе все сдѣлать самому. Эта послѣдняя слабость имѣла слѣдствіемъ, что, занимаясь мелочами, для дѣятельности министра совсѣмъ не подходящими, онъ не разъ упускалъ главное, и между пальцевъ у него, честнѣйшаго человѣка, проходили подчасъ дѣла не только серьезныя, но даже возмутительныя, какъ, напримѣръ, извѣстное дѣло съ Фейгинской мельницей, перешедшей впослѣдствіи къ Овсянникову и послужившей поводомъ для знаменитаго овсянниковскаго процесса, въ которомъ А. О. Кони сыгралъ такую видную, карательную роль (см. I томъ «Жизненнаго пути»).

Но дѣятельности Д. А. Милютина, какъ министра, авторъ «Жизненнаго пути», повторяю, не касается вовсе, а, упомянувъ лишь о крупныхъ заслугахъ его внѣ военной сферы, какъ помощника и сотрудника государя, рисуется человѣка самыми симпатичными красками и при томъ въ такомъ свѣтѣ, какимъ онъ не представлялся даже людямъ, хорошо его знавшимъ.

Это былъ человекъ необычайно мягкій, деликатный, вполне культурной формы. Всякому прапорщику онъ подавалъ руку, и я не могу себѣ представить, чтобы за все двадцатипятилѣтіе своего министерства онъ позволилъ себѣ накричать на кого бы то ни было. И между тѣмъ за этой мягкой, культурной оболочкой скрывался, повторяю, деспотъ, не любившій возраженій и старательно избѣгавшій лицъ, способныхъ не раздѣлять его мнѣнія. Я имѣлъ случай испытать на себѣ это свойство даровитаго министратруженика по поводу, входить въ подробности котораго считаю

здѣсь неумѣстнымъ. Затѣмъ, это былъ человѣкъ въ полномъ и самомъ широкомъ смыслѣ гуманный, но мнѣ никогда не казался онъ человѣкомъ сердечнымъ: гуманность его была мозговая, но горячаго сердечнаго порыва, на который бывають способны даже натуры грубыя, даже безтолковые крикуны, отъ Д. А. Милютина, по моему о немъ представленію, ожидать было нельзя.

И вотъ въ обрисовкѣ автора «Жизненнаго пути» бывшій полномочный министръ является не только мягкимъ и деликатнымъ человѣкомъ, но способнымъ на самыя сердечныя проявленія. Мы видимъ, напримѣръ, восьмидесятилѣтняго старца провожающимъ своего посѣтителя изъ сибирскаго уединенія до самаго Мисхора, т.-е. на разстояніи почти десяти верстъ по горной мѣстности. И если такой подвигъ можно объяснить тѣмъ исключительнымъ интересомъ, который представлялъ собою этотъ посѣтитель, какъ собесѣдникъ, то самое увлеченіе интересной бесѣдой является въ моихъ глазахъ, по крайней мѣрѣ неожиданнымъ для такой строго уравновѣшенной во всѣхъ отношеніяхъ личности, какъ покойный министръ.

Вспоминаю, впрочемъ, при этомъ единственный случай, когда мнѣ довелось видѣть Д. А. Милютина, ушедшаго уже на покой, въ частномъ домѣ, въ Ялтѣ, у добродушнѣйшаго князя Юрія Александровича Оболенскаго. Я былъ въ тотъ вечеръ, что называется, въ ударѣ и крайне удивился самому искреннему, добродушному смѣху моего бывшаго министра, особенно, когда я передалъ въ лицахъ разговоръ мой съ однимъ изъ собственниковъ Ялты, крупнымъ симбирскимъ помѣщикомъ, упорно старавшимся разговаривать не иначе, какъ по-французски. Французъ этотъ, къ удивленію, бывшій артиллерійскій офицеръ, окончившій курсъ въ артиллерійскомъ училищѣ, утверждалъ, что бывшее наканунѣ затменіе луны произошло отъ того, что луну заслонила планета, и спрашивалъ меня: какая именно была эта планета? Когда же я, едва придя въ себя отъ удивленія при встрѣчѣ съ такимъ колоссальнымъ невѣжествомъ, началъ пояснять, въ чемъ дѣло, то русскій французъ просто-таки прыснулъ отъ смѣха, до того нелѣпымъ показалось ему мое объясненіе, и убѣдился въ моей правотѣ только послѣ нагляднаго обученія, причѣмъ роль солнца играла лампа, земли—мой кулакъ, и поверхности луны—кругъ, начерченный на листѣ бѣлой бумаги.

Дмитрій Алексѣевичъ хотеть при этомъ разсказѣ отъ души, смѣхомъ чисто дѣтскимъ, что меня тогда же немало удивило, потому что до этого не случилось его видѣть даже улыбающимся, а всегда серьезнымъ, съ крупными поперечными морщинами на лбу—признакомъ большого напряженія мысли и неустаннаго трудолюбія.

Въ неожиданномъ свѣтѣ предсталъ предо мною и Михайлъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ.

Я помню его совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, когда онъ только что началъ читать свои лекціи въ петербургскомъ университетѣ и сразу же приобрѣлъ поклоненіе молодежи.

Въ свободные часы я перебѣгалъ изъ академіи генеральнаго штаба черезъ Неву въ университетъ, чтобы послушать молодого, тщательно причесаннаго и одѣтаго, изящнаго во всѣхъ отношеніяхъ профессора съ его строго правильной суховатой рѣчью, такою безукоризненною по формѣ, что—записывай и прямо отдавай въ печать. Помню до сихъ поръ его лекціи объ александрійской школѣ философовъ и о Филонѣ.

Какъ ни странно, но, живя въ Петербургѣ, я послѣ этого никогда не встрѣчался съ Михаиломъ Матвѣевичемъ. Въ памяти моей остался, однако, вполне корректный, нѣсколько накрахмаленный образъ молодого лектора, и аккуратность во всѣхъ отношеніяхъ «Вѣстника Европы», начиная съ неизмѣннаго появленія его въ свѣтъ каждое первое число, къ чему тогдашніе толстые журналы, опаздывавшіе иногда на нѣсколько мѣсяцевъ, публику не пріучили, въ моемъ представленіи подтверждала эту накрахмаленность Стасюлевича, его аккуратность и отсутствіе склонности къ увлеченіямъ, къ порыву. Я никогда не могъ и представить себѣ этого человѣка способнымъ броситься въ воду и спасать утопающаго. Полагаю, что и большинство читающей публики было мнѣнія о Михаилѣ Матвѣевичѣ, очень близко подходящаго къ моему.

Велика, поэтому, заслуга автора «Жизненнаго пути», что онъ далъ намъ портретъ этого достойнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ общественнаго дѣятеля въ яркихъ и симпатичныхъ краскахъ не только какъ человѣка ума, но и благороднаго, прекраснаго сердца, способнаго на борьбу съ водной стихіей, чтобы вырвать у нея погибающаго.

Вторая половина лежащей передъ нами книги передаетъ публичные чтенія автора и рѣчи въ верхней палатѣ.

Первыя начинаются съ рѣчи по случаю столѣтняго юбилея со дня рожденія Пирогова.

Кажется, что можетъ быть фальшивѣе, шаблоннѣе, ходульнѣе, скучнѣе юбилейныхъ рѣчей, —и, между тѣмъ, авторъ доклада по случаю столѣтняго юбилея Пирогова сумѣлъ вложить въ него столько содержания, искренности, сердечности, что, читая его, жалѣешь только объ одномъ: что не слышишь рѣчи автора, этого первокласснаго исключительнаго оратора.

Такою же содержательностью и тѣми же достоинствами отличаются и другія юбилейныя рѣчи. Конецъ же слова въ честь Ивана Сергѣевича Тургенева, гдѣ авторъ говоритъ о несчастной любви незабвеннаго художника, доставлявшаго и доставляющаго столько эстетическаго наслажденія своимъ читателямъ и вынужденнаго жить на старости лѣтъ въ самой тягостной обстановкѣ, такъ мало отвѣчающей его таланту, золотому сердцу, его всемірной славѣ и

всеобщему обожанію, изложенъ такъ искренно и сердечно, что долженъ вызвать и вызываетъ спазматическое сжатіе горла даже у людей далеко не слезливыхъ. Передавать эти рѣчи, ихъ яркое содержаніе невозможно: краски поневолѣ выйдутъ настолько блѣдными, что не дадутъ понятія о силѣ, красотѣ и содержательности оригинала, о выпуклости тѣхъ образовъ, которые проходятъ передъ читателемъ.

Третій отдѣлъ—рѣчи въ верхней палатѣ отличаются строгой логичностью, послѣдовательностью выводовъ и выдержанностью масштаба. Онѣ, конечно, не могутъ представить для зауряднаго читателя того интереса и художественнаго наслажденія, какое даютъ воспоминанія о крупныхъ дѣятеляхъ, съ которыми имѣлъ такое близкое соприкосновеніе авторъ «Жизненнаго Пути», но для серьезнаго, мыслящаго читателя рѣчи въ верхней палатѣ представляютъ особый, незаурядный интересъ уже по одному тому, что затрагиваютъ вопросы чрезвычайной государственной важности, отличаются примѣрной содержательностью, внимательной разработкой трактуемаго вопроса и дышатъ самой искренней гуманностью и широкимъ кругозоромъ истинно государственнаго человѣка. Такова, на примѣръ, первая же изъ помѣщенныхъ въ разсматриваемой книгѣ рѣчь—«Старообрядческія общины».

Размѣры статьи дѣлаютъ невозможнымъ болѣе подробный отчетъ объ интереснѣйшемъ во всѣхъ отношеніяхъ трудѣ автора. Нельзя однако, умолчать о томъ наслажденіи, которое доставляетъ его языкъ, гибкій, изящный, образный, чуждый фальшивости, изящный по своей простотѣ и вмѣстѣ разнообразный по формѣ, невольно вызывающій преклоненіе предъ неистощимымъ богатствомъ русскаго языка, съ которымъ такъ небрежно, такъ неряшливо, такъ варварски обращаются современные борзописцы.

Въ авторѣ «Жизненнаго пути» виденъ художникъ, тонкій цѣнитель, натура, чутко реагирующая на красоту, на изящество.

Не всегда можно соглашаться съ нимъ. Такъ, я лично не могу признать правильнымъ взглядъ его на Писемскаго, что якобы его романъ «Тысяча душъ» по праву долженъ стоять на первомъ мѣстѣ послѣ «Мертвыхъ душъ». Несмотря на все мое уваженіе къ таланту и особенно уму Писемскаго, полагаю, что «Тысяча душъ» и «Мертвыя души»—двѣ вещи не только несомвѣстимыя, но и не сопоставляемыя.

Здѣсь, впрочемъ, очевидное недоразумѣніе: авторъ «Жизненнаго пути» хотѣлъ, безъ сомнѣнія, сказать, что въ «Тысячѣ душъ» Писемскій далъ вѣрное изображеніе той части русскаго общества, которой не коснулся Гоголь, и что именно въ этомъ смыслѣ «Тысяча душъ» можетъ служить какъ бы дополненіемъ къ «Мертвымъ душамъ», хотя вѣрная картина, данная Писемскимъ, понятно, не можетъ итти даже въ сравненіе съ тѣми яркими красками и несравнен-

нымъ юморомъ, которые сдѣлали безсмертнымъ имя автора «Мертвыхъ душъ».

Кстати, объ юморѣ.

Не могу также согласиться съ даровитѣйшимъ авторомъ «Жизненного пути», что произведенія Гончарова, какъ и Льва Николаевича Толстого, лишены юмора. И если въ отношеніи Л. Н. Толстого это тонкое замѣчаніе дѣйствительно справедливо, то лишь до нѣкоторой степени. Тотъ, кто читалъ «Слугъ» Гончарова, даже «Обыкновенную исторію», или характеристику личнаго состава фрегата «Паллады» и даже самого «Обломова», не можетъ не признать юмора, самага тонкаго, не вымученнаго, не назойливаго, не балаганнаго, въ изящномъ и корректномъ авторѣ указанныхъ произведеній. Юморъ отсутствуетъ только въ «Обрывѣ».

Но, не соглашаясь съ авторомъ «Жизненного пути» въ указанныхъ отношеніяхъ, нельзя не признать въ немъ самага тонкаго эстета, художника не только своего собственнаго слова, но чутко реагирующаго вообще на все прекрасное, все изящное. Эти свойства автора такъ и даютъ себя чувствовать едва ли не на каждой страницѣ его труда.

Въ заключеніе позволю себѣ приподнять слегка край завѣсы, скрывающей секретъ необычайной гибкости, легкости, чарующаго слога автора «Жизненного пути», съ какими онъ рисуетъ факты, передаетъ впечатлѣнія и выводитъ строго-логическія заключенія, такъ краснорѣчиво говорящія за неисчерпаемыя богатства нашего роднаго слова.

Прихожу я какъ-то въ типографію, гдѣ печаталась и печатается «Русская Старина». Прихожу съ корректурой самолично, чтобы извиниться за тѣ поправки и вставки, не бывшія въ рукописи, которыя себѣ позволилъ въ корректурномъ листѣ.

«Помилуйте,—слышу въ отвѣтъ:—не безпокойтесь, это вѣдь поправки и вставки незначительныя. Вотъ если бы вы видѣли корректуры г. Кони. Ну, тамъ, дѣйствительно, приходится много работать. Отъ нихъ корректуры всегда приходятъ съ большими передѣлками».

Мнѣ вспомнилось при этомъ факсимиле Пушкина. Сколько въ въ нихъ передѣланнаго, перечеркнутаго, сколько работы и какая въ результатѣ, при глубинѣ содержанія, легкость, прелесть, воздушность формы, не позволяющей даже заподозрѣть, сколько упорнаго труда для достиженія чарующей прелести вложилъ въ свое произведеніе гений.

То же видимъ у Тургенева, Гончарова, Л. Н. Толстого, Флобера, братьевъ Гонкуровъ—всѣхъ художниковъ слова.

И тѣмъ грустнѣ слышать отъ современныхъ писателей похвалъбу, что они пишутъ безъ помарокъ и кичатся этимъ. Для газетнаго работника это, пожалуй, почти необходимо—спѣшность работы

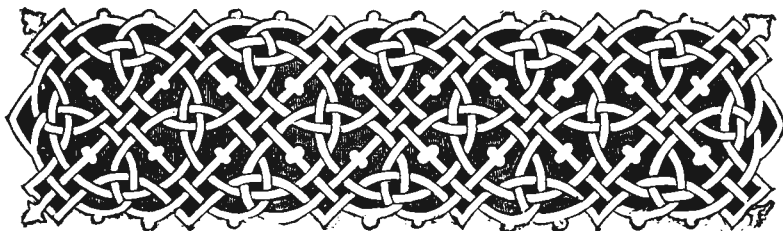
обязываетъ не слишкомъ строго относиться къ формѣ, но я знаю даже двухъ стихотворцевъ, именующихъ себя поэтами (не хочу называть ихъ) и не лишенныхъ въ молодости даже таланта, показывавшихъ мнѣ свои рукописи безъ малѣйшихъ помарокъ. И стихотворная форма въ нихъ была выдержана, — рука, значить, набита достаточно, — но о глубинѣ содержанія, сжатости мысли, прелести образовъ, конечно, не могло быть и рѣчи.

Строгость къ себѣ — непремѣнное условіе настоящаго таланта, и особенно цѣнна эта строгость къ данному отъ Всевышняго таланту со стороны удивительнаго оратора, говорящаго даже строго дѣловыя рѣчи въ художественной, образной формѣ, по нѣскольку часовъ къ ряду, «безъ малѣйшихъ помарокъ» и такъ честно относящагося къ родному слову, разъ идетъ дѣло о закрѣпленіи мыслей и образовъ путемъ пера на долгія времена, на пользованіе и часто наслажденіе многихъ тысячъ интеллигентныхъ читателей.

Рѣдкій примѣръ, вполне заслуживающій не рѣдкаго подражанія.

А. Витмеръ.





ПАМЯТИ В. Е. РУДАКОВА.



СЛѢДЪ за редакторомъ «Историческаго Вѣстника», незабвеннымъ Сергѣемъ Николаевичемъ Шубинскимъ, отошелъ въ вѣчность его постоянный сотрудникъ, своего рода столпъ изданія, Василій Егоровичъ Рудаковъ, чье имя въ теченіе двадцати лѣтъ неизмѣнно ежемѣсячно появлялось на страницахъ журнала подъ замѣтками въ отдѣлѣ критики и библиографіи или подъ статьями болѣе отвѣтственнаго характера. Годъ для нашего журнала выдался тяжелый: смерть, начиная съ марта мѣсяца, вырвала изъ нашихъ рядовъ пятерыхъ дѣятелей разнаго литературнаго значенія и положенія, но которые такъ или иначе оставили по себѣ слѣдъ въ тридцатичетырехлѣтней жизни «Историческаго Вѣстника». 16-го марта скончался Евгенийъ Валентиновичъ Коршъ, чьи «Брызги памяти» были напечатаны въ іюньскомъ номерѣ журнала; вслѣдъ за нимъ на Литераторскихъ мосткахъ Волкова кладбища опустили въ могилу Михаила Викторовича Шевлякова, съ посмертными произведеніями котораго читатель еще встрѣтится въ нашемъ журналѣ; 17-го мая скончался Александръ Павловичъ Чеховъ-Сѣдой, чьи «Записки репортера», у насъ напечатанныя, привлекли къ себѣ вниманіе читающихъ. 28-го мая въ жизни журнала совершился переломъ: мы лишились нашего дорогого редактора, и вотъ не прошло и мѣсяца, какъ новая траурная рамка на первой страницѣ «Новаго Времени» оповѣстила насъ о новой утратѣ: въ лѣтнихъ баракахъ военно-клиническаго госпиталя на Нижегородской улицѣ смежилъ

навѣки свои очи нами столь любимый, тихій, симпатичный и трудоспособный В. Е. Рудаковъ.

Для большинства сотрудниковъ журнала, такъ тѣсно сжившихся за много лѣтъ съ Василюмъ Егоровичемъ, эта смерть была неожиданною, но для меня, увы! его ближайшаго друга и товарища по работѣ, давно предвидимою. Для меня это былъ вопросъ времени, ибо уже съ весны доктора опредѣляли, что дни Рудакова не долги, особенно имѣя въ виду его неумѣніе подчиниться тому строгому режиму, котораго отъ него требовала медицина. Хворать онъ сталъ ужъ съ годъ тому назадъ, и уже тогда пользовавшій его врачъ В. В. Бертенсонъ настоятельно требовалъ отъ него слѣдованія тѣмъ указаніямъ, которыя онъ ему въ интересахъ сохраненія здоровья предписывалъ. И дѣйствительно, Рудаковъ началъ нѣсколько беречь себя, на лѣто уѣхалъ въ Череповецъ вмѣстѣ съ старушкой-матерью Дарьей Ивановной къ своей любимой сестрѣ Елизаветѣ Егоровнѣ Львовой и на мой почтовый запросъ о его самочувствіи весело писалъ мнѣ: «Amicissime! Обрѣтаюсь на лонѣ природы, ѣмъ, пью молоко и сплю по три раза въ сутки, заполняя остальное время броженіемъ съ племяшами въ окрестностяхъ города и кой-какимъ чтеніемъ... Здѣсь тепло велие, вѣроятно, такожде и въ Питерѣ. Полагаю, что, сидя ради жары у себя въ прохладномъ кабинетѣ, ты натворилъ цѣлый ворохъ статей»...

Осенью Василій Егоровичъ вернулся освѣженный и подправившійся, но затѣмъ вредная жизнь Петербурга, которую онъ велъ, съ ея нѣкоторыми излишествами испортила все то, что наладилъ Череповецъ. Появилась одышка, ослабленіе дѣятельности сердца, недомоганіе печени и общее разслабленіе организма съ вытекающей отсюда потерей силъ. Нездоровая обстановка маленькой квартиры и отсутствіе постоянного надзора и контроля надъ нимъ врача заставили меня и В. В. Бертенсона оказать на больного давленіе, чтобы онъ легъ въ больницу. Прогрессирующая водянка и его самого напугала, и въ началѣ мая онъ легъ въ клинику профессора Яновскаго. Здѣсь стало ему легче, но переходъ этой клиники на лѣтнее барачное положеніе, къ несчастью, заставилъ его выписаться, однако эта выписка оказалась роковою, и по ходатайству д-ра Е. П. Таубе, замѣнившаго собою за отъѣздомъ изъ Петербурга Бертенсона, онъ былъ принятъ въ другіе бараки того же госпиталя. И вотъ здѣсь-то и настигъ его послѣдній часъ. Еще за день передъ тѣмъ я навѣстилъ своего друга. Онъ казался нѣсколько окрѣпшимъ и велъ бесѣду со мною о предстоящей поѣздкѣ на югъ, въ самарскія степи, гдѣ вольный воздухъ, тепло и солнце должны были согрѣть и оживить приходившія въ разрушеніе части его больного организма. Въ разговорѣ со мной онъ высказывалъ какъ будто увѣренность въ возможность этой поѣздки, ожидая только испрошеннаго имъ пособія по мѣсту службы въ герольдейскомъ архивѣ сената; но это пособіе мед-

лило прибытіемъ, и въ результатѣ оказалось до смѣшного скуднымъ, что больного чрезвычайно огорчило. Я чѣмъ и какъ могъ пытался поддержать его оптимистическое настроеніе, старался отвлечь его отъ печальныхъ мыслей и 24-го мая далъ ему послѣднее прощальное лобзаніе съ тѣмъ, чтобъ черезъ день принести радостную вѣсть о финансовой возможности для него столь ожидаемой имъ поѣздки. Уходя, я бросилъ на его желтое, какъ-то вздущееся лицо тревожный взглядъ, и невольное сомнѣніе пробѣжало въ моемъ мозгу: каковымъ-то я тебя увижу въ будущій разъ и увижу ли вообще? Уже вечеромъ 26-го мая д-ръ Таубе сообщилъ мнѣ по телефону, что его паціентъ очень плохъ и что катастрофа не за горами. Оказалось, что послѣ кануннаго нѣкотораго успокоенія, Рудаковъ во весь слѣдующій день чувствовалъ себя крайне безпокойно, отхаркиваніе кровью становилось чаще, приступы удушья дѣлались сильнѣе, онъ постоянно просилъ перевести себя съ кресла на постель и обратно, а въ началѣ десятаго часа выразилъ желаніе лечь заснуть и въ десять часовъ пятнадцать минутъ послѣ двухъ-трехъ тяжелыхъ вздоховъ дѣйствительно впалъ въ сонъ, но не въ желанный и укрѣпляющій, а въ вѣчный, суровый и непробудный. Въмѣсто ожидаемаго имъ приволья самарскихъ степей его настигъ холодъ могилы Волкова кладбища съ ея предварительнымъ этапомъ въ мертвецкой часовнѣ госпиталя, гдѣ я и нашелъ его рано утромъ 27-го іюня. Какая печальная и тяжелая участь—обратиться въ какого-то могильщика и три мѣсяца подъ рядъ отдавать послѣдній долгъ отошедшимъ въ вѣчность друзьямъ и выполнять ихъ послѣднюю волю. Шевляковъ, Шубинскій, Рудаковъ—вотъ три могильныхъ креста, которые осѣнили мое лѣто 1913 года. Роковой, тяжелый годъ! Три креста и три поминальныхъ слова въ журналѣ. Буду надѣяться, что настоящее слово наконецъ-то послѣднее и вслѣдъ за некрологомъ Рудакова мнѣ можно будетъ сломать свое похоронное перо со слѣдами на немъ траурныхъ чернилъ...

В. Е. Рудаковъ родился 26-го апрѣля 1864 года въ Архангельскѣ, гдѣ отецъ его служилъ старшимъ межевщикомъ; предки же его происходили изъ духовнаго званія. У Рудаковыхъ было четверо дѣтей: три дочери и одинъ сынъ, именно нашъ милый, нынѣ скончавшійся Василій Егоровичъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Петрозаводскѣ въ приходской школѣ, откуда былъ переведенъ въ мѣстную гимназію, по окончаніи которой поступилъ въ петербургскій историко-филологическій институтъ. Отличаясь съ дѣтства любознательностью и чувствуя влеченіе къ наукѣ и литературѣ, онъ въ институтѣ особенно усердно занимался на лекціяхъ Е. Е. Замысловскаго, В. Е. Васильевскаго, И. Н. Жданова, а также

классическими языками. По выходѣ изъ института Рудаковъ нѣсколько лѣтъ состоялъ преподавателемъ въ здѣшней первой классической гимназіи и женской гимназіи Е. М. Гедда, но какія-то непріятности съ однимъ изъ окружныхъ инспекторовъ побудили его бросить официальную педагогику и выйти въ отставку. Тутъ наступилъ для него очень трудный въ матеріальномъ отношеніи



Василій Егоровичъ Рудаковъ.

періодъ жизни, когда онъ испытывалъ всѣ печали безработнаго интеллигента, не увѣреннаго въ завтрашнемъ днѣ и перебивающагося дешевыми случайными уроками и такою же случайной литературной работой. Въ этотъ періодъ онъ начинаетъ посѣщать лекціи въ археологическомъ институтѣ, гдѣ сблизается съ директоромъ этого института проф. И. Е. Андреевскимъ, который приближаетъ его къ себѣ и при формированіи штата сотрудниковъ для энциклопедическаго словаря Эфрона и Брокгауза беретъ В. Е. въ первую же очередь ближайшимъ сотрудникомъ, поручивъ ему археологическую часть словаря. Впослѣдствіи, по кончинѣ Андреевскаго, Рудаковъ

сумѣль должнымъ образомъ отблагодарить своего наставника, посвятивъ ему въ 1891 году на страницахъ журнала (№ 11) «Русскаго общества охраненія народнаго здравія» небольшую справочную статью, гдѣ далъ полный хронологическій указатель всѣхъ литературныхъ трудовъ профессора, до мельчайшей статьи включительно, съ указаніемъ и всѣхъ рецензій на его труды и работы. Къ памяти своего наставника онъ обращался и впоследствии каждый разъ, когда приходилось говорить или объ археологическихъ институтахъ, или о разныхъ моментахъ изъ исторіи нашей археологии.

Еще будучи преподавателемъ въ сказанныхъ гимназіяхъ, онъ, слѣдуя своей склонности къ классическимъ древностямъ, переводитъ и выпускаетъ отдѣльными изданіями слѣдующихъ классиковъ: 1) Саллюстія Криспа. «О войнѣ съ Югуртой». Введеніе, переводъ и примѣчанія. Спб. 1893 г. 2) Саллюстія Криспа. Полное собраніе сочиненій. Спб. 1894 г. (Сюда вошли ранѣе изданные переводы: «Заговоръ Катилины», «О войнѣ съ Югуртой» и впервые появившіяся полностью въ русской литературѣ историческіе «Отрывки», съ объяснительными реальными примѣчаніями и указателемъ именъ ко всѣмъ тремъ выпускамъ). 3) М. Т. Циперонъ. «Рѣчи противъ Верреса». Пятая рѣчь второй сессіи, «О казняхъ». Введеніе, переводъ и примѣчанія. Спб. 1893 г. 4) Г. Юлій Цезарь. «Записки о Галльской войнѣ». Переводъ съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ автора. №№ 88, 89 и 90 «Моей Библіотеки», изд. М. М. Ледерле. Спб. 1893 г. 5) Овидій Назонъ. «Письма съ Понта». Переводъ съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ автора. №№ 64 и 65 то же «Библіотеки». Спб. 1894 г. Всѣ эти изданія были одобрены ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, а также вызывали сочувственные отзывы рецензентовъ, на примѣръ, «Русской Мысли», журнала «Гимназія» и друг. и, какъ пособія для изученія классиковъ, не потеряли своего значенія и по сю пору.

Выйдя на сцену сознательной жизни подъ педагогическимъ знаменемъ, В. Е. Рудаковъ сохранилъ тяготѣніе къ вопросамъ педагогики и русскаго просвѣщенія въ широкой ихъ постановкѣ до конца своихъ дней. Какихъ-нибудь спеціальныхъ изслѣдованій по сему предмету имъ не было написано, но тяготѣніе это наблюдается во всѣхъ его работахъ—въ рецензіяхъ, въ некрологахъ, въ юбилейныхъ очеркахъ и въ статьяхъ археологическаго характера, печатавшихся по преимуществу на страницахъ нашего журнала, а также «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», въ «Наблюдателѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», въ «Вѣстникѣ и библіотекѣ самообразованія», а также въ словарѣ Брокгауза и Эфрона, въ критико-біографическомъ словарѣ С. А. Венгерова и въ русскомъ біографическомъ словарѣ императорскаго русскаго историческаго

общества, какъ равно и въ газетныхъ замѣткахъ, появившихся на столбцахъ «Русской Жизни» А. Пороховщикова, «Новостей» К. Нотовича, «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», «Правительственного Вѣстника» и «Новаго Времени». Перечислить всѣ статьи Василя Егоровича, особенно по отдѣлу критики и библиографіи нашего журнала и журнала министерскаго, не представляется возможнымъ; это заняло бы почти печатный листъ. Если поглядѣть ежегодные указатели «Историческаго Вѣстника», то читатель увидитъ на буквы Р, В. Р., В. Р.—въ и т. д. цѣлые столбцы петита, гдѣ перечислены библиографическія замѣтки, помѣщенные за тотъ годъ Василямъ Егоровичемъ, начиная съ 1892 года. Отмѣтимъ здѣсь лишь главнѣйшія работы Рудакова, которымъ онъ и самъ придавалъ значеніе и которыя, по моему мнѣнію, наиболѣе полно выражаютъ его научно-литературный образъ. Вотъ эти работы:

„Историческій Вѣстникъ“.

Некрологи.

- 1) Василій Григорьевичъ Васильевскій (1899, іюнь).
- 2) Василій Павловичъ Васильевъ (1900, іюнь).
- 3) Петръ Андреевичъ Гильтебрандтъ.
- 4) Василій Ивановичъ Жмакинъ, редакторъ «Церковныхъ Вѣдомостей», изслѣдователь исторіи русской церкви и древней литературы.
- 5) Мих. Ник. Капустинъ (1900, янв.).
- 6) Леонидъ Ник. Майковъ (1900, май).
- 7) Алексѣй Иван. Маркевичъ, проф. новороссійскаго университета, историкъ (1903, сент.).
- 8) Ив. Вас. Помяловскій, заслуженный профессоръ петербургскаго университета.
- 9) Григ. Косьмичъ Рѣпинскій, сенаторъ, историкъ (1906, мартъ).
- 10) Ник. Петр. Семеновъ, поэтъ, общественный дѣятель, историкъ освобожденія крестьянъ.
- 11) Ник. Александр. Сергіевскій (1901, февр.).
- 12) Н. И. Сухомлиновъ и И. Н. Ждановъ (1901, окт.).
- 13) Аскалонъ Ник. Труворовъ, историкъ, директоръ археологическаго института (1896, май).
- 14) Викт. Никитичъ Никитинъ (1908, май).
- 15) Петръ Александр. Ефремовъ.
- 16) Николай Дмитриевичъ Сергѣевскій, профессоръ и государственный дѣятель (1908, ноябрь).
- 17) Андрей Александр. Титовъ (1911, дек.).
- 18) В. О. Ключевскій (1911, іюнь).
- 19) Александръ Ник. Веселовскій.
- 20) Н. О. Дубровинъ.
- 21) К. О. Хартулари (1909, январь).
- 22) А. С. Верещагинъ (1909, мартъ).
- 23) Н. Н. Гераковъ (1909, іюль).
- 24) И. И. Ореусъ (1909, іюль).
- 25) О. О. Соколовъ (1909, іюль).
- 26) В. Р. Завадскій (1911, февраль).

Ю б и л е и.

- 1) «Археологическая дѣятельность гр. А. А. Бобринскаго». (1911, №3).
- 2) «Юбилей К. К. Арсеньева» (1908, янв.).
- 3) «Столѣтіе общества любителей россійской словесности при московскомъ университетѣ» (1911, июнь).
- 4) «Юбилей П. И. Бертенева» (1902, янв.).
- 5) «Чествованіе Б. Б. Глинскаго 21-го февраля 1912 г.». (1912, мартъ).
- 6) «Юбилей Э. А. Вольтера» (1911, май).
- 7) «Юбилей И. И. Благосвѣтлова» (1910, октябрь).

Археологія.

- 1) «Археологія и исторія въ трудахъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій» (1899, июнь).
- 2) То же самое (1901, дек.).
- 3) «Что грозитъ общедворянскому архиву».
- 4) «Историко-археологическій сѣздъ въ Костромѣ (1909, сент.)».
- 5) «Страничка изъ исторіи нашихъ архивовъ». (1910, сентябрь)
- 6) «Что объщаетъ XVI археологическій сѣздъ».
- 7) «Пятидесятилѣтіе археологическаго общества (1896, май)».
- 8) «Два археологическихъ юбилея» (По поводу тридцатипятилѣтія императорскаго археологическаго института) (1913, мартъ).
- 9) «Памяти графа А. С. Уварова» (1910, февраль).

Статьи общаго характера.

- 1) «Студенческія научныя общества» (историч. очеркъ) (1899, дек.).
- 2) «Монаршее милосердіе» (1899, июль).
- 3) «Къ исторіи крестьянскаго движенія при Павлѣ I» (1900, мартъ).
- 4) «Петрозаводскъ». (По поводу двухсотлѣтія со дня его основанія) (1903, авг.).
- 5) «Къ біографіи П. Я. Чаадаева» (1907, ноябрь).
- 6) «Къ вопросу о происхожденіи крѣпостного права въ Россіи» (1910, май).
- 7) «Князь Д. М. Пожарскій и его усыпальница» (1912, ноябрь).
- 8) «Академическій Кольцовъ» (1909, ноябрь).
- 9) «XIV археологическій сѣздъ и тысячелѣтіе города Чернигова (1908, окт.)».
- 10) «Послѣдніе дни цензуры въ министерствѣ народнаго просвѣщенія» (Предсѣдатель петербургскаго цензурнаго комитета В. А. Цеэ)», (издано отдѣльною книгою въ 1911 году).
- 11) «Архивныя розыски о рожденіи Бѣлинскаго и происхожденіи его матери» (1911, май).

Журналъ „Министерства Народнаго Просвѣщенія“.

Некрологи.

- 1) Преосв. Борисъ (Плотниковъ), членъ святѣйшаго синода, писатель.
- 2) М. А. Веневитиновъ, изслѣдователь русской старины.
- 3) П. А. Гильтебрандтъ.

- 4) Вас. Вас. Крестининъ. (По поводу столѣтїя со дня смерти историка-самоходка).
- 5) И. И. Малышевскій, историкъ русской церкви.
- 6) Л. Н. Моздалевскій, извѣстный педагогъ и писатель.
- 7) Н. А. Сергѣевскій, выдающійся педагогъ и дѣятель въ Сѣверо-Западномъ краѣ.
- 8) А. А. Скальковскій.
- 9) Н. И. Суворовъ, археологъ.
- 10) А. Н. Труворовъ.
- 11) А. А. Титовъ.
- 12) П. И. Бартевевъ.
- 13) Г. Д. Филимоновъ, археологъ и знатокъ церковныхъ древностей.
- 14) В. Н. Юргевичъ, проф. новороссійскаго университета.
- 15) С. Ѳ. Огородниковъ, историкъ Архангельскаго края и знатокъ военно-морской исторїи.

Статьи.

- 1) «Всероссійское хранилище дворянскихъ дѣлъ» (1907, № 5).
- 2) «Императорскій археологическій институтъ». (Къ тридцатипятилѣтїю его существованїя (1913, № 4).
- 3) «Археологическій съездъ въ Новгородѣ» (1912, № 7).
- 4) «Столбцы мѣстнаго приказа» (1908, № 4).
- 5) «Хронологическій указатель литературныхъ трудовъ Л. Н. Майкова» (1900, № 10).

Отдѣльныя изданїя.

- 1) «Генералиссимусъ князь А. В. Суворовъ въ анекдотахъ и разсказахъ современниковъ» (Спб. 1899).
- 2) «Систематическій каталогъ книгъ и брошюръ, находящихся въ библиотекѣ К. Ѳ. Харгулари» (Спб. 1901).
- 3) «Третій областной историко-археологическій съездъ въ городѣ Владимирѣ» (Спб., 1906).
- 4) «Четырнадцатый археологическій съездъ и тысячелѣтїе гор. Чернигова» (Спб., 1908).
- 5) «Архивъ департамента герольдїи правительствующаго сената». Историко-статистическія свѣдѣнїя (Владимиръ, 1908).
- 6) «Полтавская битва. Двухсотлѣтняя ея годовщина. 1709 г.—27-го юня—1909 г. (Спб., 1909).

Кромѣ того, въ послѣднее время онъ принялъ участіе въ изданїяхъ Ѳ. А. Тарапыгина, посвященныхъ описанію родной станицы.

Если, какъ уже сказано выше, покойный писатель еще на школьной скамьѣ проявлялъ тяготѣніе къ литературной работѣ, то, несомнѣнно, именно приближеніе къ И. Е. Андреевскому дало толчокъ его дремавшимъ способностямъ. Онъ дѣятельно работаетъ въ первыхъ томахъ «Энциклопедическаго Словаря Брокгауза-Ефрона», начавшаго выходить подъ редакціей Андреевскаго, и школа, пройденная имъ подъ руководствомъ этого ученаго, а равно методы работы, усвоенные имъ изъ занятій въ историко-филологическомъ институтѣ на лекціяхъ профессоровъ Е. Е. Замысловскаго и В. Е. Васильевскаго, опредѣлили всѣ достоинства литературныхъ разы-

сканій Рудакова: ихъ фактическую точность, сжатость и обоснованность на первоисточникахъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ неоцѣнимымъ сотрудникомъ изданій, гдѣ работалъ. На него можно было положиться, и статьи и замѣтки его со стороны ихъ хронологической, генеалогической и фактической достовѣрности не требовали редакціонной провѣрки. Не обладая повѣствовательнымъ даромъ и способностями портретиста при воспроизведеніи біографій или характеристикъ описываемыхъ лицъ, онъ для массы читателей былъ, пожалуй, нѣсколько тяжелъ и скученъ, но для исторіи русскаго просвѣщенія онъ оказалъ своей добросовѣстностью въ работѣ и трудолюбіемъ безусловно важныя услуги. Состоя на службѣ съ начала 90-хъ годовъ въ архивѣ департамента герольдіи, Василій Егоровичъ располагалъ, благодаря этому, драгоценнымъ матеріаломъ въ интересахъ установленія правильныхъ датъ и фактовъ русскаго дворянскаго родословія. Часто, прочитывая по утрамъ въ газетахъ напечатанные тамъ некрологи тѣхъ или иныхъ выдающихся дѣятелей нашей жизни, онъ приходилъ въ негодованіе отъ того фактическаго вранья, которое въ этихъ некрологахъ появлялось по части хронологіи и родословной, и всегда спѣшилъ предупредить меня, какъ составителя некрологовъ для «Историческаго Вѣстника», чтобы я не повторилъ газетныхъ промаховъ и вносилъ въ данныя для нашего журнала нужныя коррективы. Всѣ его некрологическія статьи въ этомъ отношеніи чрезвычайно цѣнны, и будущій историкъ нашей общественности найдетъ здѣсь безспорный матеріалъ, строго провѣренный, съ осторожными отсюда выводами. Какъ образецъ такого добросовѣстнаго отношенія Рудакова къ дѣлу, можетъ служить напечатанная имъ монографія «Великій русскій критикъ В. Г. Бѣлинскій», изданная отдѣльной брошюрой № 369 «Дешевой Библіотекѣ» А. С. Суворина. Здѣсь онъ установилъ точныя свѣдѣнія о родословной Бѣлинскаго, для чего воспользовался данными архива департамента герольдіи, а также другихъ правительственныхъ учрежденій. Я помню, сколько стараній приложилъ Василій Егоровичъ, чтобы точно опредѣлить подробности изъ формулярнаго списка отца Бѣлинскаго, для чего вынужденъ былъ предпринять даже экскурсіи за предѣлы Петербурга; помню также, какъ онъ волновался, когда около этихъ родословныхъ вопросовъ возникъ въ печати споръ, въ результатъ котораго правда оказалась на его сторонѣ.

«Пущенный въ литературу» Андреевскимъ, Рудаковъ въ то же время сначала причислился къ департаменту герольдіи сената, а потомъ и получилъ здѣсь мѣсто завѣдывающаго архивомъ. На этомъ мѣстѣ онъ сталъ въ приближеніе къ такому знатоку нашей дворянской геральдики, какъ управляющій гербовымъ отдѣленіемъ департамента А. П. Барсуковъ; тогда же онъ познакомился съ покойнымъ нынѣ адвокатомъ и дѣятелемъ по тюремному вѣдомству К. Э. Хартулари, сталъ вхожъ въ его домъ и черезъ его посредство на много

лѣтъ сроднился и съ библиотечнымъ тюремнымъ дѣломъ, служенію которому онъ отдалъ много времени и силъ. Только со смертью Хартулари, въ связи съ новѣйшими вѣяніями въ внутренней тюремной политикѣ, В. Е. отошелъ отъ тюремныхъ библиотекъ, находя новый тюремный курсъ несогласнымъ съ своими прогрессивными убѣжденіями.

Въ началѣ 90-хъ годовъ, какъ я уже упоминалъ выше, Рудаковъ вступилъ въ составъ журнальной семьи «Историческаго Вѣстника» и скоро такъ съ нею сроднился, что сталъ при С. Н. Шубинскомъ своимъ человѣкомъ. Покойный редакторъ «Историческаго Вѣстника» полюбилъ своего нѣсколько молчаливаго, добродушнаго, покладистаго и добросовѣстнаго сотрудника, который и съ своей стороны платилъ своему редактору тѣмъ же добрымъ чувствомъ, участвуя въ качествѣ члена организаціоннаго комитета всѣхъ юбилейныхъ чествованій, устраиваемыхъ Шубинскому его сотрудниками по журналу. Насколько отношенія между тѣмъ и другимъ были тѣсны, всего лучше явствуетъ изъ слѣдующаго къ нему письма Сергѣя Николаевича. Вотъ оно:

«Многоуважаемый Василій Егорович!

«Способны ли вы на дружеское одолженіе. Если вамъ неудобно исполнить то, о чемъ я хочу васъ просить, то не стѣсняйтесь нисколько, откажите, и вѣрьте, что я на это *ни малѣйше не обижусь*. Дѣло вотъ въ чемъ:

«Печатается четвертое изданіе моихъ «Историческихъ очерковъ и рассказовъ». Къ нимъ нуженъ «Указатель личныхъ именъ». Самъ я положительно не въ силахъ исполнить эту работу. Не сдѣлаете ли вы ее вмѣсто меня? При третьемъ изданіи есть «Указатель», что облегчить работу. Добавлено въ четвертомъ изданіи всего пять или шесть новыхъ статей, къ которымъ и нужны новыя имена, а въ старыхъ придется лишь пересмотрѣть цифры страницъ.

«Отвѣтите съ полной откровенностью.

«Вашъ С. Шубинскій».

Работу эту Рудаковъ долженъ былъ сдѣлать изъ любезности, даромъ, и трудъ, сюда вложенный, выходилъ вовсе не такъ простъ, какъ это можетъ показаться съ перваго раза, судя по письму Сергѣя Николаевича. Здѣсь надо было потратить много времени, знаній и силъ, и Рудаковъ, любя своего редактора, охотно пошелъ на эту жертву, понимая, что изъ наличнаго состава тогдашнихъ сотрудниковъ журнала, кромѣ него, никто не въ состояніи удовлетворить строгой требовательности Шубинскаго. И дѣйствительно, В. Е. прекрасно выполнилъ свою задачу, и всѣ послѣдующія изданія «Историческихъ очерковъ и рассказовъ» выходили съ указателями, имъ составленными, что въ значительной мѣрѣ повышало цѣнность книги С. Н. Шу-

бинскаго. Послѣдній цѣнилъ услугу, ему оказанную, и писалъ къ составителю указателя изъ Любани (1907 года): «Письмо получилъ, но отвѣчать тотчасъ не могъ, потому что одновременно съ письмомъ получилъ жестокой приступъ подагры, которая уложила меня въ постель. Особенно досадно, что эта несносная болѣзнь оттянетъ мой переѣздъ въ городъ, по крайней мѣрѣ на двѣ недѣли. Какой я теперь редакторъ; самое лучшее устроиться куда-нибудь въ богадѣльню.

«Искренно благодарю за дружеское участіе ко мнѣ. Буду молить Бога, чтобы у васъ никогда не было ни подагры, ни другихъ болѣзней.

«Я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы типографія доставляла вамъ верстанные листы ¹⁾. Еще разъ сердечно благодарю».

Подъ письмомъ Сергѣй Николаевичъ, какъ то онъ любилъ иногда дѣлать, нарисовалъ низко кланяющагося старичка съ фуражкой въ рукахъ и въ наглухо застегнутомъ мундирѣ ²⁾.

Любя своего старательнаго, плодовитаго и покорнаго сотрудника, Шубинскій въ бесѣдѣ съ Рудаковымъ принималъ всегда добродушно-шутливый тонъ, подсмѣиваясь надъ его археологическими писаніями и описательными рецензіями, а также надъ его полнотою и пристрастіемъ къ пиву.

— Ну, смотрите, вѣдь онъ лопнетъ когда-нибудь здѣсь въ кабинетѣ и пивомъ залетѣть всю мою библіотеку.

Всѣ мы смѣялись и особенно самъ объектъ шутки, понимая, что въ безобидныхъ словахъ Сергѣя Николаевича кроется какъ бы отеческая любовь къ блудному сыну и обычный ему шаржъ. Пилил иногда Шубинскій его и за частую перемѣну квартиръ, что вносило безпорядокъ въ адресную книжку аккуратнаго редактора «Историческаго Вѣстника». Въ отчаяніи отъ необходимости переписывать его адреса онъ ему пишетъ: «Опять новая квартира! Экій непосѣда. Изъ Новаго переулка въ Казанскую; изъ Казанской въ Офицерскую, изъ Офицерской въ Эртелевъ; изъ Эртелева въ Колокольную. Теперь изъ Колокольной куда?»

Цѣня въ Рудаковѣ его рабочую точность и аккуратность, Сергѣй Николаевичъ съ конца 90-хъ годовъ поручилъ ему составленіе ежегодныхъ указателей журнала, и нужно отмѣтить, что именно эти указатели, составленные Рудаковымъ, отличаются отъ всѣхъ прежнихъ указателей ясностью, толковостью и удобствомъ пользованія. На него было возложено и составленіе общаго указателя къ журналу за годы, послѣдовавшіе вслѣдъ за юбилейнымъ катало-

¹⁾ Указателя.

²⁾ Кстати, я забылъ отмѣтить въ своей біографіи С. Н. Шубинскаго, что онъ очень недурно рисовалъ перомъ карикатуры. Много такихъ карикатуръ имъ было помѣщено въ литературномъ альбомѣ Д. Л. Мордовцова, судьба какового альбома мнѣ, однако, неизвѣстна.

гомъ «Историческаго Вѣстника». Шубинскій, исполняя въ данномъ случаѣ волю Алексѣя Сергѣевича Суворина, торопилъ составителя съ этой работой и мечталъ видѣть ее осуществленною при своей жизни, но болѣзнь, захватившая Рудакова съ зимы 1912 года, помѣшала этому осуществленію. Собственно работу по существу онъ закончилъ и осталось только составить «Алфавитъ личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ статей». Когда за день до его кончины я сидѣлъ у него въ палатѣ, на мой вопросъ о судьбѣ указателя онъ отвѣтилъ:

— Вотъ вернусь съ юга, быстро все закончу. На карточки все разнесено и осталось работы всего на два-три вечера.

Но ни Шубинскому, ни Рудакову не суждено было видѣть это изданіе вышедшимъ въ свѣтъ. Это долгъ передъ издателями ложится на насъ, уцѣлѣвшихъ отъ погрома нашей журнальной семьи, какъ равно на насъ лежитъ обязанность постановки памятника на могилѣ Василія Егоровича. Въ этихъ видахъ я открываю у себя подписку и прошу всѣхъ сотрудниковъ журнала, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ, а равно знакомыхъ и почитателей его, направлять свои лепты на памятникъ, не стѣсняясь ихъ размѣромъ, по моему адресу: Бассейная, 28.

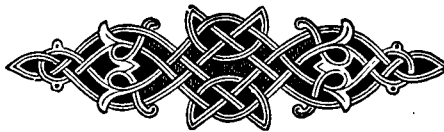
Поручая Рудакову хотя и скучныя, кропотливыя, *не* показныя работы, С. Н. Шубинскій, мало довѣрившій въ жизни окружающимъ, однако, охотно довѣрялъ В. Е. Рудакову представительство отъ журнала на разныхъ археологическихъ съѣздахъ, результатомъ какового представительства и были его статьи въ этой области, выше переименованныя. Поѣздки на эти съезды Рудаковъ дѣлалъ на свой счетъ, какъ членъ этихъ комиссій, сотрудникъ ученыхъ журналовъ и участникъ нѣкоторыхъ научно-литературныхъ обществъ. Изъ числа послѣднихъ его симпатіями особенно пользовалось библиологическое общество, гдѣ онъ даже состоялъ секретаремъ. Кромѣ этого общества, онъ состоялъ членомъ военно-историческаго общества и общества ревнителей исторіи. Принимая участіе въ судьбахъ литературной среды, Рудаковъ состоялъ и членомъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, а также принималъ участіе въ писательскихъ съѣздахъ.

Завоевавъ расположеніе С. Н. Шубинскаго, Василій Егоровичъ вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣлъ и любовь и дружбу всѣхъ остальныхъ сотрудниковъ журнала, но въ особенную интимную близость онъ вступилъ только съ авторомъ настоящаго очерка, при чемъ не могу не отмѣтить, что эта близость и интимность образовались лишь за послѣднія пять лѣтъ, а до тѣхъ поръ онъ какъ-то меня чуждался. Но однажды, приблизившись ко мнѣ, онъ дѣйствительно меня полюбилъ и сдѣлался мнѣ во-истину преданнымъ человѣкомъ, обнаруживъ особенно свои добрыя чувства ко мнѣ въ дни моего юбилейнаго чествованія. Да и я платилъ этому милому человѣку искрен-

ней любовью и сердечно дѣлился съ нимъ всѣми своими радостями и горестями. Вотъ почему въ нынѣшніе отвѣтственные для меня дни кончина Василя Егоровича была мнѣ особенно тяжка: я потерялъ личнаго друга, совѣтчика и, пожалуй, въ будущемъ ближайшаго сотрудника по журналу.

Въ своей личной жизни Рудаковъ оказался незадачливъ. Чувствуя тяготѣніе къ семейному началу, страстно любя свою родню, мать, сестру, племянниковъ, онъ тѣмъ не менѣе не сумѣлъ себѣ сколотить прочнаго семейнаго очага. Только года три тому назадъ мы съ Сергѣемъ Николаевичемъ неожиданно узнали, что Рудаковъ женился, я сталъ даже бывать у него, но супружеское его гнѣздо оказалось недолговѣчнымъ, и послѣдніе два года онъ перешелъ на жизнь вдвоемъ съ старушкой-матерью, которую для смягченія одиночества выписалъ къ себѣ изъ Череповца. Однако видимо было, что какая-то скука и тоска угнетали его, и онъ иногда, къ вѣщему огорченію Дарьи Ивановны, исчезалъ изъ дому съ утра и до утра. Эти исчезновенія и были роковыми для Василя Егоровича. Мы знаемъ, какимъ путемъ дошелъ онъ до бараконъ военно-клиническаго госпиталя. 26-го іюня, поздно вечеромъ его не стало, а 28-го я опустилъ дорогаго друга въ холодную могилу Волкова кладбища на Михневичевскихъ мосткахъ, рядомъ съ могильнымъ мѣстомъ сотрудниковъ «Петербургскаго Листка» и напротивъ могилы недавно скончавшагося писателя С. Соломина-Стечкина. Была глухая лѣтняя пора, почти всѣ знакомые и друзья покойнаго оказались въ разъѣздѣ, и лишь очень небольшая кучка людей проводила скромную погребальную колесницу съ бранными остатками Василя Егоровича до мѣста ихъ вѣчнаго упокоенія. Лѣтнее солнце горѣло ясно, въ воздухѣ разлита была теплота, а на душѣ было такъ холодно, сиво и жутко...

Б. Глинскій.





ИЗЪ ЖИЗНИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА НА СЪВЕРЬ РОССІИ.



РОШЛО уже нѣсколько лѣтъ со времени обнародованія закона о вѣроисповѣдной «свободѣ». Новый законъ успѣли значительно урѣзать, исказить и «разъяснить» позднѣйшими циркулярами, но все же онъ настолько оказался жизненнымъ, что и теперь уже сказываются благотворные результаты его. Такое вліяніе его особенно ярко наблюдается въ области старообрядчества. Небывалое оживленіе и ростъ послѣдняго въ наши дни не разъ отмѣчались въ журналистикѣ. Къ фактамъ этого рода относятся и ниже приводимыя данныя, тѣмъ болѣе цѣнныя, что они взяты изъ печатнаго источника, изданнаго представителями господствующей церкви... Эти данныя дополняю лично собранными свѣдѣніями во время поѣздки на рѣку Вычегду въ 1911 году.

Послѣ этой поѣздки попалъ въ мои руки любопытный отчетъ за 1909—1910 гг. о дѣятельности православнаго Стефано-Прокопіевскаго братства въ гор. Великомъ Устюгѣ вологодской епархіи. Завѣдуя главнымъ образомъ церковно-приходскими школами устюжскаго викаріатства (куда входятъ пять обширныхъ уѣздовъ—Устюжскій, Никольскій, Сольвычегодскій, Яренскій и Устьысольскій), братство удѣляетъ большое вниманіе и миссіонерской дѣятельности. Но насколько сравнительно успѣшно оно работаетъ въ области народнаго просвѣщенія, настолько же слабо его миссіонерство, по собственному мужественному сознанію официальнаго отчета...

Старообрядчество довольно значительно распространено въ указанныхъ пяти уѣздахъ, особенно по Сѣверной Двинѣ (въ Устюжскомъ уѣздѣ), въ Удорскомъ краѣ (Яренскаго уѣзда) и на Печорѣ (Устьысольскаго уѣзда). По официальнымъ даннымъ, здѣсь числится около пяти тысячъ старообрядцевъ, но въ дѣйствительности

ихъ много больше, по крайней мѣрѣ вдвое противъ приведенной цифры. Кромѣ старообрядческихъ семей, издавна занесенныхъ въ списки разныхъ толковъ и согласій, есть масса «отпавшихъ» отъ православія въ недавнее время, но продолжающихъ еще числиться въ лонѣ господствующей церкви. Не говорю уже о большомъ количествѣ сочувствующихъ, колеблющихся, готовыхъ окончательно отпасть въ старую вѣру.

Первое, что рѣзко бросается въ глаза въ мѣстномъ старообрядчествѣ,—распространеніе его среди инородцевъ-зырянъ. Правда, это издавна и сильно обрусѣлое племя. Но мы знаемъ и другихъ обрусѣлыхъ инородцевъ, однако старообрядчество среди нихъ (напримѣръ, у приволжскихъ черемисовъ, чувашъ, мордвы и др.) встрѣчается какъ чрезвычайно рѣдкое, случайное и единичное явленіе. На сѣверѣ же старообрядцы-зыряне насчитываются тысячами.

Объясняется это, вѣроятно, раннимъ распространеніемъ христіанства среди зырянъ, еще со временъ св. Стефана Пермскаго. Преданія о немъ до сихъ поръ живучи у зырянъ, сосредоточиваясь около гор. Усть-Выми (на Вычегдѣ), гдѣ была резиденція этого «апостола зырянъ», и распространяясь отсюда вверхъ по Вычегдѣ, до рѣки Вишеры (правый притокъ) и дальше.

На пароходѣ «Сольвычегодскъ», на которомъ пришлось ѣхать по Вычегдѣ, возвращалось съ Урала немало зырянъ, и среди нихъ не разъ наблюдались такія сцены: старикъ-зырянинъ читалъ вслухъ какую-то древнюю старообрядческую книгу, а зыряне благоговѣнно внимали ему. Читая чуть не по складамъ славянскій текстъ, старикъ давалъ очень толковыя и ясныя объясненія къ тексту. Иногда слушатели задавали ему вопросы и получали надлежащія разъясненія, но споровъ не возникало: очевидно, это были группы принадлежащихъ къ одному толку, согласію.

Здѣсь преобладаютъ безпоповцы разныхъ толковъ: всего больше встрѣчается «аароновцевъ», затѣмъ идутъ—«еодосѣвцы», «филиповцы», «даниловцы», «странники» и др. болѣе мелкія группы (восемь человѣкъ «крупкиныхъ» и пр.). Въ Печорскомъ краѣ въ послѣднее время наблюдается усиленное тяготѣніе къ «австрійскому» согласію, съ представителями коего въ Москвѣ печорцы уже завязали сношенія.

Составители братскаго отчета сами ставятъ любопытный вопросъ, жгучій для всего старообрядчества: какъ повліяла на него вѣроисповѣдная «свобода»?—Отвѣтъ получается странный, какой-то колеблющійся, неувѣренный... На словахъ выходитъ одно, а факты, не скрываемые отчетомъ, говорятъ другое.

Съ одной стороны, вопросъ рѣшается въ желательномъ для православія смыслѣ: составители «Отчета» дѣлаютъ поспѣшный выводъ, будто «расколъ слабѣетъ, теряетъ свое бывшее значеніе и силу и держится лишь среди стариковъ» (стр. 18), будто данная

свобода «заставила поступиться однимъ изъ главныхъ доказательствъ правоты «старой вѣры»—ея «гонимостью»: «та вѣра права, кая гонима» (стр. 12—13).

Однако сообщаемые отчетомъ же факты говорятъ совершенно иное. Ни о какомъ ослабленіи старообрядчества нельзя говорить, когда сами же составители отчета утверждаютъ, что «дарованная свобода нѣсколько окрылила духъ старообрядцевъ» (стр. 12), что «послѣ «свободъ» раскольники проявляютъ усиленную дѣятельность» (стр. 15)—строятъ новыя моленныя, заводятъ скиты, усердно и успѣшно распространяютъ старую вѣру среди православныхъ, такъ что «нѣкоторые изъ православныхъ, даже ревнителѣй... оказываются перекрещенными и по смерти погребаются на раскольническихъ кладбищахъ» (ibid.). Вообще, «обращенія въ православіе» крайне рѣдки, а «совращенія въ расколъ» гораздо многочисленнѣе...

Приведа всего четыре (?) «отрадныхъ (для православія) факта» (обращеніе двухъ женщинъ и еще не осуществившееся стремленіе къ тому же двухъ древнихъ старушекъ), отчетъ невольно восклицаетъ: «нельзя не признать относительную жизненность раскола среди двинскихъ обитателей» (стр. 20).

Несомнѣнные успѣхи старообрядчества и всюду наблюдаемое «отчужденіе народа отъ церкви» братскій отчетъ объясняетъ, между прочимъ, «громкими разстояніями приходскихъ храмовъ отъ поселеній»: многія деревни отстоятъ отъ своихъ погостовъ на десять, пятнадцать и т. д. до сорока верстъ, а есть поселки въ шестидесяти пяти и восьмидесяти пяти верстахъ отъ своихъ церквей. Дѣйствительно, при такихъ условіяхъ не мудрено, что безпоповство пустило здѣсь глубокіе корни и продолжаетъ расти, а не итти на убыль.

Вообще отчетъ откровенно сознается, что «миссіонерская дѣятельность въ округѣ слаба» (стр. 31), хотя братство немало тратитъ своихъ средствъ на эту безплодную дѣятельность... Во главѣ этого дѣла стоятъ два «помощника епархіальнаго миссіонера»—священникъ и мірянинъ. Послѣдній—членъ третьей государственной думы С. Н. Ключковъ, котораго на мѣстѣ замѣняли два помощника его, а самъ онъ, состоя въ думѣ, говоритъ отчетъ, «никакого вознагражденія отъ братства не получаетъ».

Еще бы!.. на Вычегдѣ посмѣивались, что депутатъ-миссіонеръ нигдѣ не проявилъ своей дѣятельности, ни въ государственной думѣ, ни на мѣстѣ, если не считать... сооруженія имъ двухъ собственныхъ домовъ въ гор. Устьсысольскѣ на остатки отъ депутатскаго жалованья.

У миссіонеровъ есть немало «помощниковъ» изъ священниковъ и нѣсколько «сотрудниковъ», въ числѣ ихъ одинъ крестьянинъ и «мѣстныя крестьянскія дѣвицы Ксенія Ѳедорова и Евдокія Корвина», окончившія курсъ вятской «противораскольнической школы» (всѣ трое получаютъ по шестидесяти рублей въ годъ).

Братство имѣеть и свою «миссіонерскую школу» въ Устюгѣ. Окончившіе въ ней курсъ идутъ въ учителя братскихъ школъ и въ псаломщики, состоя въ то же время «сотрудниками» по миссіонерству. Въ одной второклассной школѣ (въ с. Верхняя Тойма, на Сѣверной Двинѣ) введены «дополнительные уроки» по «исторіи и обличенію раскола».

Помогаютъ, наконецъ, миссіонерамъ и добровольцы, любители-начетчики изъ мѣстныхъ крестьянъ, «ревнителей православія». Они очень усердно ведутъ «прю» съ старообрядцами, но безъ видимыхъ результатовъ, какъ это повсюду наблюдается на добровольческихъ преніяхъ—на Ветлугѣ, на озерѣ Свѣтлоярѣ и т. д.

Словомъ, всевозможные миссіонеры работаютъ во всю на Сѣверной Двинѣ и Вычегдѣ, а «возъ и понынѣ тамъ»... И не только старообрядчество продолжаетъ, по невольному признанію самихъ миссіонеровъ, обнаруживать «жизненность» и прогрессивный ростъ, но и сектантство растетъ тамъ замѣтно. Изъ недавно зародившихся новыхъ сектъ обращаютъ особое вниманіе іоанниты. Они появились съ 1908 года въ шарженскомъ приходѣ Никольскаго уѣзда, и число ихъ, по отчету, доходило въ 1909—1910 гг. до 55 человекъ. Во главѣ іоаннитовъ стоялъ тогда отставной матросъ А. П. Каренинъ. Въ его домѣ, въ дер. Ильинской, собирались сектанты по ночамъ. На этихъ сборищахъ они поютъ «стихи въ честь о Іоанна», «крестятся и дѣлуютъ его фотографическую карточку» (она помѣщается «на божницѣ», вмѣстѣ съ иконами), читаютъ евангеліе, апокалипсисъ и посланія апостола Павла (ихъ любимыя книги).

Вѣруя, что «о. Іоаннъ Кронштадтскій—самъ Іисусъ Христосъ, іоанниты представляютъ секту, вредную и въ общественномъ смыслѣ: болѣе фанатичные изъ нихъ «ничего не дѣлаютъ, ибо скоро будетъ страшный судъ»... Если вѣрить отчету, самъ «народъ въ настоящее время понимаетъ дикое (дикость?) ученіе (ученія?) іоаннитовъ и начинаетъ презирать и избѣгать ихъ» (стр. 12, 21—23).

На ряду со всѣми этими отрицательными для православія явленіями отчетъ не скрываетъ горькой для господствующей церкви истины, что среди ея чадъ наблюдается полное паденіе религіозности. Одинъ миссіонеръ пишетъ въ своемъ отчетѣ: «народъ погруженъ въ свои дѣла..., а къ посѣщенію храма... болѣе чѣмъ равнодушенъ»... Случалось, «что и въ Пасху въ храмъ приходило 2—3 человекъ» (стр. 37—38). Другой миссіонеръ жалуется на своихъ прихожанъ: «жители не ходятъ въ храмъ и не исповѣдаются» (стр. 48). Третій пишетъ: «народъ, видимо, мало интересуется вопросами вѣры» (стр. 56). Священникъ одного прихода, гдѣ «на двадцати годахъ перемѣнилось шестнадцать священниковъ», прямо называетъ своихъ пасомыхъ «безвѣрами» (*ibid.*).

Число «безвѣровъ» (это то же, что «немоляки» на Волгѣ, Ветлугѣ и др.) растетъ на сѣверѣ Россіи, какъ и вездѣ. Конечно, составлен-

ный духовными лицами отчетъ умалчиваетъ, что отвѣтственность за паденіе религіозности слѣдуетъ прежде всего возложить на православное духовенство. Самъ отчетъ называетъ «печальнымъ фактомъ» смѣну въ одномъ приходѣ 16 священниковъ въ теченіе двадцати лѣтъ... Много и другихъ «печальныхъ фактовъ» изъ жизни мѣстнаго духовенства приходилось слышать дорогою.

Разсказывали объ одномъ старикѣ-священникѣ Устьсысольскаго уѣзда, который разбогатѣлъ отъ счастливой карточной игры. Когда онъ былъ помоложе, то каждый почти день ѣздилъ вечеромъ въ городъ (за нѣсколько десятковъ верстъ) и тамъ проводилъ всю ночь за картами. Въ доказательство богатства этого попа-картежника вычегодцы приводили тотъ фактъ, что недавно онъ купилъ серебряный самоваръ съ чайнымъ сервизомъ за пятьсотъ рублей.

Вычегодцы подсмѣиваются добродушно надъ подобными попами: что же, говорятъ они, прикажете попамъ дѣлать, если приходы состоятъ то изъ старовѣровъ, то изъ безвѣровъ?! Землею батюшки не любятъ здѣсь заниматься, сдаютъ ее «половникамъ», а иногда, за отсутствіемъ послѣднихъ, церковныя земли просто забрасываются. Вотъ и пускаются попы, кто во что гораздъ: одни картежничаютъ, другіе запиваютъ, тѣ промышляютъ чѣмъ-нибудь и т. д.

Разсказывали объ одномъ возмутительномъ «промыслѣ» нѣкоторыхъ поповъ. Во всѣхъ почти зырянскихъ селеніяхъ, несмотря на ихъ давнее православіе, сохранились нѣкоторые пережитки язычества, явно поддерживаемые православнымъ духовенствомъ. Въ день Ильи, а въ другихъ мѣстахъ еще на Покровъ и на зимняго Николу, открыто совершаются языческія жертвоприношенія, при благосклонномъ участіи самого духовенства... Послѣ церковнаго молебствія избранные почетные старики, придерживаясь вѣками установленнаго ритуала, закалываютъ быка, варятъ его и обдѣляютъ всѣхъ кусками, причѣмъ причту полагается голова и одна изъ заднихъ ногъ... Часть освященнаго быка пожирается присутствующими тутъ же, на мѣстѣ жертвоприношенія, и обильно заливается російскимъ «виномъ», а остатки разносятся по домамъ.

Православное духовенство не только участвуетъ въ этихъ языческихъ жертвоприношеніяхъ, не только освящаетъ ихъ молитвою церкви, но мѣстами занимается выгоднымъ промысломъ—«воспитываетъ жертвенныхъ быковъ» и продаетъ ихъ «міру»...

Понятно, что «воспитаніе быковъ» куда легче воспитанія христіанъ... Не мудрено, что съ такими попами далеко не уѣдешь и скорѣе толкнешь православныхъ то въ безвѣры, то въ старовѣры. Несомнѣнный ростъ старообрядчества на сѣверѣ Россіи, засвидѣтельствованный отчетомъ православнаго братства, служитъ яркимъ показателемъ упадка господствующей церкви.

Н. Н. Оглобинъ.



РАЗВѢНЧАННЫЕ ГЕРОИ РЕВОЛЮЦИИ 1905 Г.

1) Г. С. Хрусталева-Носарь¹⁾.

XIII.



ОЧТИ одновременно съ съѣздомъ земскихъ и городскихъ дѣятелей состоялся въ окрестностяхъ Москвы второй всероссійскій съѣздъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, программа котораго главнымъ образомъ касалась организаціи забастовокъ: степень несложности общей желѣзнодорожной забастовки, срокъ ея объявленія, внутренняя организація и характеръ ея, именно: а) должна ли забастовка быть демонстративной, или боевой, понимая подъ демонстративной забастовкой такую, которая назначена также на опредѣленный срокъ безъ обязательства продолжать ее до удовлетворенія заявленныхъ требованій, но условливаясь, что срокъ забастовокъ будетъ продленъ, если она будетъ проходить достаточно дружно; а подъ боевой разумѣя такую, которая назначается безъ срока, съ обязательствомъ не прекращаться, пока главные требованія не будутъ удовлетворены болѣе или менѣе полно; б) должна ли быть забастовка рѣшена, а, слѣдовательно, и начата всѣми дорогами безъ исключенія, или только болѣею частью ихъ; в) должна ли забастовка быть объявлена однимъ всероссійскимъ съѣздомъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, или необходимо согласіе съ другими организаціями: союзами, партіями и т. д.,

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXIII, стр. 233.

съ какими именно и какого характера, т. е. обязательное для всѣхъ сторонъ соглашеніе, или лишь взаимное оповѣщеніе со свободой дѣйствій каждой отдѣльной организаціи.

Въ программу съѣзда, по предположенію центрального бюро, включены были также вопросы, относящіеся до обсужденія общихъ политическихъ положеній, пополненіе программы виленскаго съѣзда, пересмотръ и пополненіе принциповъ организаціи союза, выработанныхъ на московскихъ съѣздахъ 20—21-го августа, сообразно требованіямъ жизни.

На этомъ съѣздѣ вопросъ объ общей «боевой политической» забастовкѣ рѣшенъ былъ безусловно въ положительномъ смыслѣ съ указаніемъ на необходимость ея осуществленія всѣми имѣющимися въ распоряженіи союза мѣрами.

Какъ эта дѣятельность «всероссійскаго союза желѣзнодорожныхъ служащихъ», такъ и дѣятельность многочисленныхъ отдѣльныхъ мѣстныхъ союзовъ, подготовлявшихъ забастовку, не преслѣдовалась министерствомъ путей сообщенія, и когда департаментомъ полиціи было сообщено министру путей сообщенія кн. Хилкову о возникновеніи на Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогахъ мѣстнаго союза служащихъ и рабочихъ, то въ отвѣтъ на это сообщеніе временно управляющій министерствомъ путей сообщенія товарищъ министра Мясоѣдовъ-Ивановъ, въ письмѣ отъ 27-го августа, за № 325, уведомилъ, что объ агитаціи среди служащихъ дороги ему извѣстно отъ управляющаго дорогою, но что министерство не считаетъ себя въ правѣ принимать въ этомъ отношеніи какія-либо мѣры, такъ какъ агитація ведется не на служебной почвѣ и, слѣдовательно, относится къ предметамъ вѣдомства полиціи.

25-го іюня 1905 года состоялось собраніе «московскаго отдѣленія всероссійскаго союза инженеровъ и техниковъ» въ гостиницѣ «Континенталь». Въ такъ называемомъ Бѣломъ залѣ собралось 162 лица и въ томъ числѣ 26 женщинъ. Предсѣдательствовала инженеръ-технологъ В. А. Рождественскій. Собраніе успѣло обсудить большинство стоявшихъ на очереди вопросовъ, когда въ залъ вошелъ исполняющій должность полицеймейстера подполковникъ Носковъ и объявилъ собравшимся, что по распоряженію московскаго генераль-губернатора и руководствуясь телеграммой департамента полиціи, онъ закрываетъ настоящее собраніе и проситъ присутствующихъ, подписавъ протоколъ, разойтись. Предсѣдатель собранія объявилъ подполковнику Носкову, что такъ какъ собраніе это всѣми членами считается вполне законнымъ и происходящимъ на точномъ основаніи смысла высочайшаго указа 18-го февраля 1905 года и рескрипта министру внутреннихъ дѣлъ, то они добровольно не разойдутся и подчиняются распоряженію полиціи лишь потому, что при неисполненіи требованія разойтись полиціей будутъ приняты насильственные мѣры. Былъ составленъ протоколъ,

но, несмотря на это, слѣдующее собраніе союза было назначено въ томъ же ресторанѣ на 7-го іюля, но оно не состоялось въ виду принятія полицейскихъ мѣръ.

Кромѣ полицейскихъ мѣръ къ закрытію съѣздовъ, правительственными органами средствомъ борьбы съ союзами предпринято было возбужденіе противъ ихъ членовъ уголовного преслѣдованія. Первоначальному преслѣдованію подвергся союзъ адвокатовъ, членамъ котораго, участникамъ петербургскаго съѣзда 28—30-го марта 1905 года, присяжнымъ повѣреннымъ Винаверу и Беренштаму было предъявлено обвиненіе по 126 ст. угол. уложенія, т. е. въ составленіи сообщества, стремящагося къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя. Одновременно были произведены преслѣдованія противъ присяжныхъ повѣренныхъ: въ Петербургѣ — Андронникова, Родичева; въ Москвѣ — Жданова, Нейфаха, Переса, Стаала, Тесленка; въ Кіевѣ — Куперника; въ Саратовѣ — Кальмановича и Токарскаго. По свидѣтельству используемой мною неофициальной архивной записки, «выборъ именно союза адвокатовъ для возбужденія противъ него уголовного преслѣдованія обѣщала тяжелую борьбу, такъ какъ въ этомъ союзѣ группировались почти всѣ лучшія юридическія силы страны, и члены его объединены издавна существующей легальной организаціей въ видѣ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Привлеченіе къ отвѣтственности видныхъ и пользующихся среди товарищей большимъ уваженіемъ адвокатовъ вызвало сильное движеніе, выразившееся въ подачѣ ряда однородныхъ по содержанію прошеній съ ходатайствами также о привлеченіи и подписавшихъ эти прошенія лицъ къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ за участіе въ союзѣ. Министерство внутреннихъ дѣлъ не могло, однако, рѣшиться посадить на скамью подсудимыхъ всю русскую адвокатуру, и изъ самой попытки ничего не вышло, на общественное же мнѣніе неудача правительства произвела вполне опредѣленное впечатлѣніе. Въ связи съ цѣлымъ рядомъ предшествующихъ фактовъ она показала, какъ думали въ обществѣ, что правительство хотѣло бы помѣшать освободительному движенію, но въ сущности уже совершенно не въ силахъ это сдѣлать и вынуждено отступать всякій разъ, когда оно встрѣчаетъ рѣзкій и организованный отпоръ, а отсюда естественно послѣдовалъ выводъ—необходимо организоваться, а организовавшись, можно будетъ дать отпоръ.

«Между тѣмъ, въ то самое время, когда престижу правительства нанеслись тяжкіе удары, произошелъ рядъ событій, которыхъ не могли объяснить и оправдать даже наиболѣе благорасположенные къ правительству круги общества, а именно погромы и избиенія въ разныхъ городахъ. Наибольшее вниманіе, однако, обратили на себя еврейскій погромъ въ Житомирѣ, избиеніе интеллигенціи въ Нижнемъ-Новгородѣ и совершенное вновь террористическое высту-

пление въ Москвѣ—убійство тамошняго градоначальника графа П. П. Шувалова, убійцею котораго оказался дворянинъ Куликовскій, принадлежащій къ боевой дружинѣ партіи социалистовъ-революціонеровъ, который по террористическимъ побужденіямъ задумалъ лишить жизни графа Шувалова за его дѣятельность по отношенію къ названной партіи въ Одессѣ и Москвѣ.

«Изъ изложеннаго видно, что въ половинѣ февраля, т. е. ко времени опубликованія рескрипта 18-го февраля, всѣ слои общества находились уже въ движеніи, но ожидали дарованія гражданской свободы и общаго обновленія государственнаго строя Россіи отъ правительства. За время, протекшее съ тѣхъ поръ до конца іюля, движеніе во всѣхъ направленіяхъ страшно разрослось, и характеръ его рѣзко измѣнился въ томъ отношеніи, что все болѣе и болѣе выяснялось, что правительство не имѣетъ силъ бороться съ этимъ освободительнымъ движеніемъ, что противъ организованныхъ сообществъ ничего сдѣлать не можетъ и не можетъ болѣе всецѣло положиться даже на свое войско и флотъ.

«При такомъ настроеніи общества были опубликованы законы 6-го августа 1905 года. Общество, несомнѣнно, удовлетворилось бы ими тогда, когда оно вѣрило еще въ готовность правительства дать необходимыя по всеобщему убѣжденію реформы и когда оно считало, что сила въ рукахъ правительства и отъ него зависитъ дать ихъ или не дать. Но 6-го августа ни той, ни другой увѣренности уже не было, между тѣмъ въ новыхъ законахъ обращали на себя особенное вниманіе общества двѣ ихъ особенности: крайне ограниченныя права государственной думы, какъ совѣщательнаго учрежденія безъ права инициативы по предметамъ, касающимся «началь государственнаго устройства, установленныхъ законами основными (§ 34 учрежд. гос. думы), и незначительность круга лицъ, имѣющихъ право выбора въ думу, какового права оказались лишены почти вся городская интеллигенція, рабочіе и значительная часть крестьянства. Кромѣ того, оставались совершенно не обеспеченными основныя права гражданской свободы: болѣе того, съ изданіемъ законовъ 6-го августа общество оказалось лишеннымъ и того небольшого права собраній и петицій, которое ему давалъ высочайшій указъ правительствующему сенату 18-го февраля 1905 года, взамѣнъ же этого ничего дано не было, и положеніе послѣ 6-го августа оказалось еще хуже, чѣмъ до того. Естественно было, что данная при такихъ обстоятельствахъ государственная дума не удовлетворила никого: ни тѣхъ, кто могъ въ нее попасть, ни тѣхъ, кто этого права былъ лишенъ. Первые предлагали итти въ думу, чтобы объявить ее учредительнымъ собраніемъ, т. е. пересмотрѣть законъ о выборахъ и правахъ думы, и, добившись обращенія своего постановленія въ законъ, объявить думу распущенной и произвести новые выборы на началахъ, установленныхъ учреди-

тельными собраніемъ. Вторые предлагали бойкотъ и даже вооруженное сопротивленіе производству выборовъ.

«Въ самый разгаръ этихъ споровъ о правильности того или иного пути послѣдовалъ указъ правительствующему сенату 27-го августа объ университетской автономіи, каковая разсматривалась, какъ единственная мѣра умиротворенія учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и отвлеченія ихъ въ сторону академическихъ дѣлъ отъ вопросовъ политическихъ. Но молодежь была уже длиннымъ рядомъ предшествовавшихъ годовъ, такъ сказать, спаяна съ общимъ ходомъ внутреннихъ политическихъ дѣлъ страны, а потому надѣленіе учебныхъ заведеній автономіей безъ дарованія требуемыхъ общественнымъ мнѣніемъ благъ гражданской свободы не только не привело инициаторовъ автономіи къ желаннымъ результатамъ, но лишь споспѣшествовало быстрѣйшему развертыванію назрѣвшихъ революціонныхъ событій.

12-го и 13-го сентября 1905 года въ петербургскомъ университетѣ и политехникумѣ состоялись многочисленныя сходки, гдѣ студенчество раздѣлилось на двѣ партіи: одни говорили, что студенты своею задачею должны поставить широкую агитацію на «землѣ», должны итти къ крестьянину, дабы облегчить ему возможность болѣе справедливаго и легкаго политическаго и соціально-экономическаго бытія. «Послѣдній сознательнъ, но дѣйствуетъ безъ планомѣрности и организованности, — говорили сторонники этого мнѣнія:—указанныя цѣли—агитація и движеніе навстрѣчу крестьянину—необходимо осуществить именно теперь. Университетъ нужно закрыть: пусть фактъ закрытія будетъ нашимъ принципиальнымъ положеніемъ. Обратимся къ пропагандѣ, къ митингамъ, къ практической дѣятельности на почвѣ обновленія всего соціального строя». Другіе студенты возражали: «Только романтики могутъ полагать, что вся среда студенчества можетъ служить агитаціоннымъ очагомъ. Едва ли сотня изъ насъ готова къ этому назначенію. Мы ставимъ иныя задачи. Такъ какъ условія измѣнились только въ сторону близости общаго исхода, мы должны подготовиться, образовать изъ себя новыя силы».

Исходя изъ этихъ положеній, въ политехническомъ институтѣ постановили прекратить забастовку, считая ее для даннаго момента слишкомъ пассивнымъ орудіемъ. Измѣняя тактику, студенчество положило въ основу своихъ дѣйствій нижеслѣдующую программу: 1) студенчество будетъ фактически осуществлять право собраний, предоставивъ помѣщеніе общежитія для митинговъ и сходокъ и защищая это право всѣми средствами, которые находятся въ его распоряженіи; 2) студенчество будетъ осуществлять завоеванную академическую свободу въ самой широкой формѣ; 3) студенчество будетъ стремиться къ расширенію аудиторіи въ формѣ вечернихъ лекцій по вопросамъ общественнаго характера для всѣхъ желающихъ.

Также и въ петербургскомъ университетѣ вынесена была аналогичная резолюція, гласившая: «отложить объявленіе о забастовкѣ впредь до момента, когда это будетъ выгодно по соображеніямъ руководящихъ партій; открыть университетъ для развитія въ стѣнахъ его политической пропаганды, митинговъ, союзовъ и проч., служащихъ подготовкой для дальнѣйшаго; открытый университетъ болѣе имѣетъ значенія, чѣмъ университетъ бастующій». Такимъ образомъ, въ университетахъ и иныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ всей Россіи открылась эра безпрепятственныхъ «народныхъ митинговъ» съ участіемъ въ нихъ всѣхъ перечисленныхъ выше «союзовъ», причѣмъ въ аудиторіи приходили съ улицы всѣ, кто хотѣлъ и кому было не лѣнь, и гдѣ говорилось въ самой рѣзкой формѣ все, что накипѣло въ теченіе многихъ лѣтъ у обывателей на душѣ и въ духѣ, согласно съ политическими тенденціями крайнихъ партій. Конечно, главными ораторами, дававшими по партійному политическому камертону настроеніе всей говорильной массѣ, были представители социаль-демократической партіи, ловко и умѣло распоряжавшейся ходомъ событій согласно своей политической программѣ. При этомъ нельзя не отмѣтить, что въ интересахъ наибольшаго гипноза аудиторій были пущены въ ходъ средства «маскараднаго», такъ сказать, характера. Подъ видомъ ораторовъ изъ рабочихъ и изъ народа выступали представители студенческой среды. Такого рода выступленія явились даже опредѣленной профессіей за опредѣленное вознагражденіе. Фальсификація или маскарадъ съ переодѣваніемъ дѣлались довольно грубо и аляповато. Бросалось порою въ глаза, когда, напримѣръ, «товарищъ» съ какого-нибудь завода, расписывая передъ слушателями печальную участь своихъ собратьевъ по работѣ, на которой руки покрываются мозолями и ранами, потрясалъ въ воздухъ бѣлыми руками, обнаруживавшими, что ораторъ никогда никакого касательства не имѣлъ къ черному труду. Но зато аудиторія могла приходиться въ восторгъ отъ начитанности «представителя отъ народа» и убѣдиться, какъ высоко стоитъ его «сознательность» и освѣдомленность во всѣхъ тонкостяхъ ученія Маркса, Энгельса и другихъ корифеевъ социаль-демократіи.

Такого рода употребленіе академической свободы на послуги революціонной политикѣ не встрѣтило благопріятнаго сочувствія профессуры и университетскаго начальства, откуда между студентами и руководителями научнаго знанія произошелъ рядъ конфликтовъ, гдѣ нѣкоторые непоколебимые дотолѣ академическіе авторитеты понесли ущербъ своей популярности.

XIV.

Митинги въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вселили всѣмъ окончательное убѣжденіе, что теперь все дозволено и что правительство рѣшительно не въ состояніи чему бы то ни было помѣшать.

Какъ сообщаетъ мой архивный матеріалъ, когда собирались съѣзды земцевъ или профессиональныхъ союзовъ и полиція, несмотря на свои угрозы, не разгоняла ихъ, этому находили оправданіе и объясненіе въ томъ, что, повидимому, правительство не желаетъ принимать слишкомъ рѣзкихъ мѣръ, быть можетъ, не считая эти собранія достаточно для себя опасными, а, быть можетъ, и боясь этимъ вызвать движеніе народныхъ массъ. Но когда изо дня въ день стали собираться народныя собранія въ тысячи, а иногда и въ десятки тысячъ людей и тамъ открыто произносились самыя рѣзкія рѣчи, съ призывомъ даже къ вооруженному возстанію, и правительство все-таки ничего не предпринимало, то всѣ прежнія объясненія падали и приходилось создавать новыя. Одни говорили, что правительство сознательно допускаетъ митинги въ надеждѣ на то, что такимъ образомъ движеніе скорѣе выйдеть на улицу, что дастъ возможность подавить его вооруженной силой,—иными словами, митинги допускаются въ цѣляхъ провокаціи. Другіе говорили, что правительство допускаетъ митинги потому, что оно бессильно имъ помѣшать. Что же касается объясненія, что митинги допускаются потому, что правительство не считаетъ себя въ правѣ послѣ закона 27-го августа вмѣшиваться въ происходящее въ стѣнахъ университета, то этому никто не вѣрилъ, такъ какъ, по всеобщему убѣжденію, правительство не постѣснялось бы нарушить или отмѣнить законъ, если бы онъ дѣйствительно стѣснялъ его въ его дѣйствіяхъ.

Такимъ образомъ, революціонное настроеніе массъ создавалось уже самими фактами и все болѣе укоренившимся въ сознаніи массъ,—отчасти благодаря этимъ же фактамъ—убѣжденіемъ, что хотя правительство побѣждено и не въ состояніи болѣе отстоять свои позиціи, оно все же пытается еще возвратитъ народъ къ старому положенію вещей и отнять или ограничить тѣ его права, которыя стали ему дороги за этотъ короткій промежутокъ времени.

Падая на такую неустойчивую почву, революціонная пропаганда не могла не оказать самаго серьезнаго воздѣйствія даже на такіе слои населенія, которые при иныхъ условіяхъ остались бы, несомнѣнно, глухи къ ней, какъ, напримѣръ, войска и полиція. Между тѣмъ уже въ срединѣ періода митинговъ въ аудиторіяхъ начинаютъ сначала появляться, а затѣмъ и говорить, воинскіе чины, а въ концѣ періода происходятъ митинги дворниковъ, городскихъ и солдатъ.

Въ началѣ сентября вниманіе общества обращено было на готовящійся въ Москвѣ всероссійскій съездъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Общество интересовалось знать, какъ отнесутся эти дѣятели къ послѣдовавшему государственному акту 6 августа 1905 г.—«учрежденію государственной думы» и «положенію о выборахъ».

Этотъ съездъ открытъ былъ 12-го сентября въ квартирѣ темниковскаго уѣзднаго предводителя дворянства Ю. А. Новосильцева.

На съѣздъ этотъ прибыло 126 представителей земствъ и 68 представителей городскихъ самоуправленій. Впервые въ совѣщаніи принимали участіе представители неземскихъ губерній, т. е. Сѣверо-Западнаго края, области войска Донскаго и Сибири. На съѣздѣ по уполномочію московскаго генераль-губернатора присутствовалъ управляющій его канцеляріею А. А. Воронинъ. Предсѣдателемъ съѣзда былъ избранъ графъ Н. А. Гейденъ.

По выслушаніи доклада организаціоннаго бюро «Объ участіи общественныхъ дѣятелей въ предстоящихъ выборахъ въ государственную думу» съ критическою оцѣнкою законодательнаго акта 6-го августа, съѣздъ принялъ слѣдующую резолюцію: «Совѣщаніе земскихъ и городскихъ дѣятелей полагаетъ, что государственная дума, имѣющая быть созванной на основаніи закона 6-го августа 1905 года, не является народнымъ представительствомъ въ истинномъ смыслѣ слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду, что выборное собраніе, объединяющее значительную часть общественныхъ силъ на всемъ пространствѣ имперіи, можетъ послужить средоточіемъ и точкой опоры для общественнаго движенія, стремящагося къ достиженію политической свободы и правильнаго народнаго представительства, признаетъ желательнымъ, чтобы русскіе граждане, примкнувшіе къ политической программѣ, установленной совѣщаніемъ земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 года и 22—26 апрѣля 1905 года и совѣщаніемъ городскихъ дѣятелей 15—16 іюня 1905 г., вошли въ возможно большемъ числѣ въ государственную думу и образовали тамъ сплоченную группу съ цѣлью достигнуть черезъ ея посредство гарантій гражданской свободы и равенства, указанныхъ въ постановленіяхъ совѣщаній 6—9 ноября 1904 года и введенія народнаго представительства на началахъ, установленныхъ совѣщаніями земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 года и 22—26 апрѣля 1905 года и совѣщаніемъ городскихъ дѣятелей 15—16 іюня 1905 года».

Перейдя къ обсужденію предвыборной кампаніи, съѣздомъ рѣшено было образовать центральный комитетъ и комитеты на мѣстахъ, но пока исключительно для предоставленія населенія юрисконсультскихъ и справочныхъ данныхъ. По отношенію къ политической программѣ были приняты предложенія: 1) Полное и всестороннее проведеніе въ практику государственнаго управленія начала законности, равно обязательнаго какъ для частныхъ лицъ, такъ и для представителей самой власти, отвѣтственныхъ наравнѣ съ гражданами передъ общимъ судомъ и въ общемъ порядкѣ судопроизводства за допущенное ими нарушеніе закона. 2) Признаніе полнаго равенства личныхъ (гражданскихъ и политическихъ) правъ всѣхъ гражданъ Россійской имперіи, въ частности коренное измѣненіе нынѣшняго неполноправнаго и приниженаго положенія крестьянъ и другихъ, находящихся съ ними въ одинаковыхъ условіяхъ сельскихъ обы-

вателей, для чего необходимо: уравнивать сельское население въ личномъ правѣ съ лицами другихъ сословій, освободить сельское население отъ административной опеки во всѣхъ проявленіяхъ его личной и общественной жизни, упразднить институтъ земскихъ начальниковъ, оградить крестьянъ наравнѣ съ другими сословіями правильной формой суда. 3) Признаніе и немедленное проведеніе въ жизнь началъ неприкосновенности личности и частнаго жилища, обезпеченіе свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, свободы собраній и союзовъ, свободы передвиженія при отмѣнѣ паспортной системы. 4) Устройство народнаго представительства, состоящаго изъ двухъ палатъ и участвующаго въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью и правильностью дѣйствій высшей и низшей администраціи. Безъ согласія народныхъ представителей не долженъ быть издаваемъ ни одинъ законъ, не устанавливаемъ ни одинъ государственный налогъ, не производимъ никакой расходъ изъ государственной казны. 5) Въ организаціи народнаго представительства не должны быть допущены ни сословное представительство, ни такъ называемое представительство интересовъ. Въ основу этой организаціи должны быть положены выборы представителей отъ населенія путемъ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ. 6) На ряду съ представительнымъ собраніемъ, избираемымъ путемъ всеобщаго и прямого голосованія, должно быть образовано особое представительство отъ реорганизованныхъ на демократическихъ началахъ и распространенныхъ на всю Россію органовъ мѣстнаго самоуправленія. Обѣ палаты должны быть равноправны.

Затѣмъ обсуждались слѣдующія положенія политической программы: полное отдѣленіе судебной власти отъ административной, начало несмѣняемости судей, возстановленіе института выборныхъ мировыхъ судей, упраздненіе существующихъ изъятій изъ общаго порядка уголовного судопроизводства, строгое проведеніе того начала, что безъ приговора подлежащей судебной власти нѣтъ никакой кары, никакого взысканія, никакого ограниченія пользованія правами. Смертная казнь отмѣняется навсегда; признаніе, что никакого изъятія изъ основныхъ началъ неприкосновенности личности и основныхъ правъ россійскихъ гражданъ и нормальной подсудности не можетъ быть устанавливаемо; повсемѣстное снятіе положеній объ усиленной охранѣ и военнаго; недопущеніе чрезвычайныхъ военныхъ и иныхъ судовъ; полная амнистія осужденнымъ за такъ называемыя политическія преступленія; отмѣна налоговъ за тѣ же преступленія административныхъ взысканій и прекращеніе начатыхъ политическихъ преслѣдованій.

Одобривъ эту программу, которой члены съѣзда должны будутъ слѣдовать въ своей дѣятельности въ качествѣ членовъ государственной думы, собраніе перешло къ разсмотрѣнію слѣдующихъ поло-

женій: 1) основной законъ Россійской имперіи долженъ гарантировать всѣмъ населяющимъ имперію народностямъ право культурнаго самоопредѣленія, полную свободу употребленія разныхъ языковъ и нарѣчій въ общественной жизни и свободу собраний, союзовъ, учебныхъ заведеній и всякаго рода учреждений, имѣющихъ цѣлью сохраненіе и развитіе языка, литературы и культуры каждой народности; 2) русскій языкъ долженъ оставаться языкомъ центральныхъ государственныхъ учреждений, арміи и флота; 3) употребленіе на ряду съ общегосударственнымъ мѣстныхъ языковъ въ мѣстныхъ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ и въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на средства государства, и въ органахъ самоуправленія регулируется общими или мѣстными законами и въ предѣлахъ закона—постановленіями подлежащихъ установленій. При этомъ должно быть наблюдаемо, чтобы населеніе каждой мѣстности могло получать начальное, а по возможности и дальнѣйшее образованіе на своемъ родномъ языкѣ.

По вопросу о децентрализаціи управленія докладъ сводился къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) кругъ вѣдомства органовъ мѣстнаго самоуправленія долженъ простирается на всю область мѣстнаго самоуправления, включая сюда и полицію безопасности и благочинія, за исключеніемъ лишь тѣхъ отраслей управленія, которыя по условіямъ современной государственной жизни необходимо требуютъ централизаціи; 2) дѣятельность мѣстныхъ представителей центральной власти должна сводиться къ надзору за законностью дѣятельности органовъ мѣстнаго самоуправления, причемъ окончательное рѣшеніе по возникающимъ въ этомъ отношеніи спорамъ и сомнѣніямъ должно принадлежать судебнымъ учрежденіямъ; 3) органамъ мѣстнаго самоуправления должна принадлежать широкая власть издавать въ предѣлахъ законовъ обязательныя постановленія, при этомъ возможно большая часть предметовъ, подлежащихъ нынѣ вѣдѣнію законодательной власти, должна быть отнесена къ кругу дѣйствій обязательныхъ постановленій.

По вопросамъ о децентрализаціи законодательства введены слѣдующія основныя положенія: 1) образованіе мѣстныхъ представительныхъ собраний, обладающихъ правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти, по извѣстнымъ предметамъ является нынѣ уже потребностью нѣкоторыхъ частей имперіи и въ будущемъ можетъ сдѣлаться потребностью повсемѣстной; 2) послѣ установленія права гражданской свободы и правильнаго народнаго представительства съ конституціонными правами долженъ быть открытъ законный путь для установленія мѣстной автономіи по мѣрѣ выясненія потребностей въ ней мѣстнаго населенія и естественныхъ границъ автономныхъ областей; 3) образованіе автономныхъ областей должно совершаться путемъ изданія каждый разъ особаго закона; 4) мѣстныя законодательныя собранія должны избираться путемъ всеобщей,

прямой, равной и тайной подачи голосовъ; 5) всѣ постановленія основного закона, за исключеніемъ тѣхъ постановленій въ кругѣ вѣдомствъ центральныхъ государственныхъ учреждений, которыя будутъ видоизмѣнены, а равно общеимперскій законъ о выборахъ въ палату народныхъ представителей дѣйствуетъ и въ предѣлахъ автономныхъ областей; 6) представительство отъ органовъ мѣстнаго самоуправления въ земской палатѣ замѣняется для автономныхъ областей представительствомъ отъ мѣстныхъ законодательныхъ собраній; 7) въ предѣлахъ общеимперскаго основного закона и закона объ автономіи внутреннее устройство каждой автономной области опредѣляется мѣстнымъ законодательнымъ собраніемъ.

Резолюція объ автономіи Польши принята была въ слѣдующей редакціи: «Имѣя въ виду, что царство Польское въ большей части своей представляетъ совершенно однородное въ національномъ и культурно-бытовомъ отношеніяхъ и рѣзко обособленное отъ остальныхъ частей имперіи цѣлое, признать необходимымъ немедленно по установленіи общеимперскаго демократическаго народнаго представительства съ конституціонными правами выдѣленіе царства Польскаго въ особую автономную единицу съ сеймомъ, избираемымъ путемъ всеобщаго, прямого и тайнаго голосованія, при условіи сохраненія государственнаго единства имперіи и установленія возможнаго исправленія границъ между царствомъ Польскимъ и сосѣдними губерніями по обоюдному соглашенію, какъ въ ту, такъ и въ другую сторону въ соотвѣтствіи съ племеннымъ составомъ мѣстнаго населенія и съ его желаніями. При этомъ въ царствѣ Польскомъ должна дѣйствовать общеимперская гарантія гражданской свободы и право національности къ культурному самоопредѣленію и должны быть обезпечены права меньшинства.

Далѣе съѣздъ предначерталъ широкую экономическую программу, поручивъ бюро продолжать начатую работу для представленія ея результатовъ ближайшему съѣзду.

Затѣмъ съѣздъ остановился только на вопросахъ о народномъ образованіи и принялъ слѣдующіе тезисы: «вопросы народнаго просвѣщенія должны быть выдвинуты впередъ въ правительственной политикѣ, которой необходимо совершенно измѣнить свое отношеніе къ интересамъ и задачамъ образованія. Въ частности необходимо: 1) введеніе всеобщаго бесплатнаго начальнаго образованія съ расширеніемъ и поднятіемъ курса начальной школы, которая всецѣло должна быть передана органамъ мѣстнаго самоуправления; развитіе всѣхъ видовъ и средствъ дополнительнаго и вѣтшкольнаго образованія; 2) увеличеніе числа среднихъ учебныхъ заведеній въ виду общественной потребности; пересмотръ программы средней школы и положенія о ней; близкое участіе органовъ мѣстнаго самоуправления и общества въ завѣдываніи средней школой; возможная свобода въ программѣ средней школы и въ постановкѣ въ ней

учебнаго дѣла; 4) автономія университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній; доступъ въ нихъ женщинамъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ мужчинами; свобода академическаго преподаванія; увеличеніе числа высшихъ учебныхъ заведеній; 5) развитіе техническаго и профессиональнаго образованія и 6) свобода общественной и частной инициативы въ дѣлѣ просвѣщенія.

На этомъ съѣздѣ политическая часть программы земской партіи вылилась въ стройную систему. Въ самой трудной области—разграниченіи правъ и интересовъ русскаго народа съ правами и интересами его сожителей по государственному дому—съѣздъ дѣйствовалъ свободолюбиво и послѣдовательно. Категорически признавая потребность для отдѣльныхъ частей имперіи въ образованіи мѣстныхъ представительныхъ собраній, съѣздъ не менѣе категорически постановилъ, что мѣстныя автономіи могутъ возникнуть послѣ установленія правъ гражданской свободы и правильнаго народнаго представительства съ конституціонными правами для всей имперіи. Создана политическая программа ясная, опредѣляющая вполнѣ настроеніе мирной и умѣренно-прогрессивной части русскаго общества, стремящагося къ истинному парламентаризму и къ полной свободѣ гражданина и личности.

Критическое отношеніе къ законодательному акту 6-го августа, выраженное въ резолюціяхъ и тезисахъ съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей, еще сильнѣе и категоричнѣе было выражено радикальными органами печати, признававшими, что «государственной думѣ реформой отводится только жалкое мѣсто на задворкахъ бюрократическаго режима, а потому она не можетъ ни успокоить общественнаго мнѣнія, ни обмануть его. «На какую роль составители учрежденія обрекаютъ государственную думу? Гдѣ то непосредственное общеніе народнаго представительства съ верховною властью, которое объявляется великою цѣлью реформы? Что такое государственный совѣтъ, какъ не бюрократическое средостѣніе, отдѣляющее народъ отъ верховной власти? Народное представительство не можетъ быть ширмою бюрократическаго режима. Народное представительство должно быть властью или вовсе не быть!.. Общественное мнѣніе Россіи никогда не признаетъ и не можетъ признать своимъ уполномоченнымъ органомъ государственную думу, созданную реформой 6-го августа. Поэтому эта дума нежизнеспособна. Вполнѣ понятно то чувство всеобщаго и глубокаго разочарованія, съ которымъ была встрѣчена реформа».

Подъ вліяніемъ этого чувства въ нѣкоторыхъ наиболѣе радикальныхъ кругахъ русскаго общества высказана была мысль бойкотировать думу.

Потокъ безпорядковъ разливался по всей странѣ все шире и сильнѣе, принимая въ нѣкоторыхъ случаяхъ характеръ цѣлыхъ возстаній и бунтовъ, для подавленія которыхъ требовалась военная сила,

каковая, однако, въ распоряженіи правительства было недостаточно въ виду невозможности быстро перекинуть необходимыя воинскія части съ дальневосточной окраины во внутрь страны. Последняя была, такъ сказать, оголена отъ войскъ, и вотъ тогда-то, по предложенію Д. Э. Трепова, правительство и рѣшилось прибѣгнуть къ содѣйствию казачества, которое выступило съ полнымъ самопожертвованіемъ на защиту власти и безопасности населенія ¹⁾.

XV.

Мы изложили въ главѣ пятой настоящаго очерка послѣдовательный ходъ событій, развернувшихся въ теченіе сентября 1905 года. Продолжая нынѣ перечисленіе фактовъ, явно свидѣтельствующихъ, что страна обрѣталась тогда уже въ несомнѣнно опредѣлившемся революціонномъ состояніи и что пламя революціоннаго пожара охватило собою не только города, но и всю имперію, приведемъ здѣсь и дальнѣйшіе главнѣйшіе факты, явившіеся результатомъ той подготовительной агитаціи, которую въ общихъ чертахъ мы выше обрисовали.

Въ концѣ сентября въ гор. Саратовѣ арестована была цѣлая группа лицъ во главѣ съ Гороховымъ и Рудневой, принадлежавшихъ къ боевой организаціи социалистовъ-революціонеровъ, причемъ была обнаружена лабораторія для изготовленія взрывчатыхъ веществъ. Этотъ арестъ раскрылъ широкую связь съ другими революціонерами, почему произведены были во многихъ городахъ обыски и аресты.

1-го октября въ гор. Витебскѣ произведены были слѣдственные дѣйствія у членовъ мѣстныхъ революціонныхъ организацій, причемъ обнаружена была тайная типографія, революціонная литература и складъ оружія.

1-го октября въ гор. Кіевѣ на похороны присяжнаго повѣреннаго Куперника собралось до 10000 человекъ, преимущественно еврейскаго населенія, причемъ революціонными организаціями были возложены на гробъ вѣнки и произнесены нѣкоторыми ораторами рѣчи противоправительственнаго содержанія. По окончаніи похоронъ толпа съ пѣніемъ «Марсельезы» вышла съ кладбища, причемъ изъ среды ея по адресу наряда полиціи произведено было нѣсколько выстрѣловъ. Усиліями полиціи и войска толпа была разсѣяна.

3-го октября въ гор. Екатеринодарѣ въ театрѣ была произведена противоправительственная демонстрація, сопровождавшаяся пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и разбрасываніемъ возмутительныхъ воззваній, а на слѣдующій день безпорядки возобновились уже на улицѣ города при участіи запасныхъ нижнихъ чиновъ, предводительствуемыхъ мѣстными революціонерами, причемъ во время

¹⁾ Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ нашего журнала мы дадимъ статью о роли казачества въ періодъ послѣдней русской смуты. *Ред.*

безпорядковъ былъ разграбленъ оружейный магазинъ и избиты полицейскіе приставы и городовые. Вызванные для подавленія волненія войска встрѣчены были со стороны толпы камнями и выстрѣлами, почему войсками былъ открытъ огонь, и волненіе прекратилось.

Противопрavitельственная агитація съ распространеніемъ въ народѣ революціонныхъ воззваній и частью съ проявленіемъ насилій надъ органами полиціи, по донесеніямъ мѣстныхъ властей, какъ это видно изъ данныхъ, сосредоточенныхъ въ департаментѣ полиціи, за періодъ времени отъ 1-го сентября по 17-го октября обнаружены были въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: Баку, Бердичевѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлостокѣ, Варшавѣ, Вильнѣ, Витебскѣ, Вологдѣ, Вяткѣ, Двинскѣ, Екатеринославѣ, Екатеринбургѣ, Иркутскѣ, Казани, Кіевѣ, Кременчугѣ, Курскѣ, Кутаисѣ, Либавѣ, Мелитополѣ, Минскѣ, Могилевѣ, Николаевѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Перми, Полоцкѣ, Ревелѣ, Рязани, Ростовѣ-на-Дону, Севастополѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Симферополѣ, Слупскѣ, Таганрогѣ, Таращѣ, Томскѣ, Твери, Тетюшахъ, Тифлисѣ, Харьковѣ, Черкессахъ, Чигиринѣ, Ярославлѣ и во многихъ мѣстностяхъ Финляндіи.

Надвигались, такимъ образомъ, событія особой важности.

23-го сентября въ Москвѣ началась забастовка типографскихъ рабочихъ, основанная на экономическихъ и политическихъ требованіяхъ, и уже въ этотъ день были небольшія столкновенія рабочихъ съ полиціей, нѣсколько наборщиковъ было арестовано, такъ какъ оказалось, что они образовали центральный комитетъ по организаціи стачекъ; 24-го сентября ни одна московская газета не вышла, на Тверскомъ бульварѣ, гдѣ состоялась сходка и произносились противопрavitельственныя рѣчи, были даны залпы боевыми патронами для разсѣянія толпы, стрѣлявшей изъ револьверовъ и бросавшей камнями въ нарядъ полиціи и въ казачьи разъѣзды. На Пречистенскомъ бульварѣ и у Каменнаго моста состоялись митинги, на которыхъ говорились рѣчи экономического и политического агитаціоннаго характера.

26-го сентября забастовали рабочіе булочной Филиппова на Тверской и начали бросать съ пятого этажа камни въ полицію и казаковъ, вслѣдствіе чего домъ Филиппова былъ обстрѣлянъ спѣшившимися казаками и затѣмъ по оцѣпленіи его тамъ задержано 180 булочниковъ, изъ которыхъ 53 человекъ отправлены въ тюрьму. 26-го сентября происходили столкновенія толпы съ отрядами казаковъ на Никитскомъ бульварѣ, на Трубной площади, на Мясницкой и Стрѣтенкѣ, гдѣ у нѣкоторыхъ группъ рабочихъ виднѣлись въ рукахъ красные флаги съ надписями. Толпа волновалась, собираясь громить оружейные магазины.

Съ 27-го сентября рабочее движеніе за неудовлетвореніемъ экономическихъ требованій наборщиковъ и булочниковъ и подѣ влія-

нісмь революціонной пропаганды начинаетъ особенно разрастаться и быстро распространяться на цѣлый рядъ заводовъ. Рабочіе предъявили рядъ требованій, изъ которыхъ главными являлись восьми-часовой рабочій день и неприкосновенность выборныхъ депутатовъ, которые должны вѣдать всѣми сферами рабочей жизни.

29-го сентября началось броженіе въ мастерскихъ Московско-Курской желѣзной дороги. Такъ забастовка при постоянныхъ волненіяхъ продолжалась всю слѣдующую недѣлю. Выдающимися событіями за истекшую недѣлю были похороны ректора университета кн. Трубецкого. Послѣ погребенія многочисленная толпа, преимущественно изъ учащейся молодежи, устроила демонстративное шествіе по улицамъ Москвы съ пѣніемъ «Марсельезы» и съ красными флагами. Неоднократно эта толпа разсѣивалась казаками и вновь собиралась для дальнѣйшей демонстраціи. Когда послѣдовали выстрѣлы изъ толпы въ казаковъ, то толпа была совершенно разогнана, оставивъ на мѣстѣ много ушибленныхъ и раненыхъ,

Вечеромъ 6-го октября началось волненіе на Московско-Казанской желѣзной дорогѣ, гдѣ пришлось прекратить движеніе поѣздовъ. Съ 8-го октября забастовка распространилась на всѣ желѣзныя дороги, прилегающія къ Москвѣ, за исключеніемъ Николаевской. 9-го октября забастовали многія службы телеграфа, и московскіе вокзалы всѣхъ дорогъ поступили въ охрану войскъ. Въ ночь на 9-го октября были арестованы въ Москвѣ десять членовъ «всероссійскаго союза желѣзнодорожныхъ служащихъ», что дало сильнѣйшій аргументъ въ пользу всеобщей стачки. 10-го октября забастовали всѣ служащіе Николаевской желѣзной дороги, и Москва совершенно изолировалась въ сношеніяхъ съ другими городами. 10-го октября къ министру путей сообщенія князю Хилкову, находившемуся въ Москвѣ, явилась депутація желѣзнодорожныхъ служащихъ, просившая распорядиться объ освобожденіи арестованныхъ товарищей; не получивъ отъ министра обѣщанія въ исполненіи своей просьбы, депутація отказалась отвѣчать на заданные ей вопросы. Въ этотъ же день послѣдовала забастовка тридцати пяти аптекъ, какъ протестъ противъ распоряженій полиціи. 11-го октября желѣзнодорожная забастовка охватила шестнадцать дорогъ: Казанскую, Московско-Курскую, Московско-Ярославскую, Московско-Брестскую, Московско-Виндавскую, Московско-Нижегородскую, Рязано-Уральскую, Юго-Восточную, Харьковско-Николаевскую и Екатерининскую, Полѣвскія, Полоцкъ—Сѣдлецъ. Во дворѣ управленія Московско-Курской желѣзной дороги состоялась 10,000-ная сходка забастовщиковъ, постановившая прекратить дѣйствія почвы и телеграфа. Къ вечеру прекратились занятія въ центральной станціи правительственнаго почтамта и телеграфа. На Чистопрудномъ бульварѣ состоялась сходка 2,000 забастовавшихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, направившаяся къ почтамту, которая была разогнана

прибывшими казаками и драгунами. Забастовали рабочіе нѣкоторыхъ чайныхъ. Цѣны на всѣ жизненные припасы значительно повысились. 12-го октября забастовали служащіе въ городской управѣ. Делегаты всѣхъ московскихъ профессиональныхъ союзовъ и рабочихъ организацій постановили примкнуть къ забастовщикамъ.

13-го октября къ забастовкѣ присоединились линіи желѣзныхъ дорогъ: Владикавказской, Приморской, Виндаво-Рыбинской, Риги-Орловской, Оренбургъ-Ташкентской, Гербы-Ченстоховской, Лодзинской, Балтійской, Ириновской, Царскосельской. Забастовали городскіе рабочіе и рядъ фабрикъ и заводовъ. Произошло нѣсколько столкновеній забастовщиковъ съ войсками. 14-го октября забастовала Средне-Азіатская желѣзная дорога, началась забастовка на Сибирской. Забастовщиками разгромлены лари и палатки на Сухаревской, Лефортовской и Мусской площадяхъ, многія торговыя фирмы закрыли свои магазины. Прекратилось движеніе городскихъ электрическихъ трамваевъ, а также кончное движеніе вагоновъ въ городѣ. Прекратили занятія большинство средне-учебныхъ заведеній, группы бастовавшихъ учениковъ ходили по другимъ учебнымъ заведеніямъ и предлагали присоединиться къ нимъ. Началось ощущаться недостатокъ воды вслѣдствіе забастовки рабочихъ на Мытищенскомъ водопроводѣ. Электрическое освѣщеніе прекратилось, всѣ улицы были во тьмѣ и совершенно опустѣли. Вечеромъ почти во всѣхъ свободныхъ помѣщеніяхъ были многочисленные митинги, куда значительная часть публики, вслѣдствіе прекращенія электричества, приходила со свѣчами и огарками; на этихъ митингахъ обсуждался вопросъ объ активной борьбѣ.

15-го октября съ утра на центральныхъ улицахъ большинство торговыхъ фирмъ совершенно не открывало магазиновъ. Движеніе трамвая и конки не производилось; водопроводъ, электричество, газъ и телефонъ оставались въ бездѣйствіи. Между тѣмъ въ центрѣ города замѣчалось необыкновенно взволнованное движеніе публики. Толпы забастовщиковъ ходили по улицамъ и выбивали камнями стекла въ магазинахъ, производившихъ торговлю. Въ различныхъ мѣстностяхъ произошли побоища между забастовщиками и охотнорядцами, а также и другими рабочими партіями. Часть забастовщиковъ была разсѣяна казаками и драгунами. Прекратили занятія банковыя учрежденія, присоединясь къ общей забастовки. Прекратилось совершенно телеграфное сообщеніе вслѣдствіе забастовки служащихъ. Въ городской думѣ состоялось совѣщаніе представителей различныхъ общественныхъ организацій гор. Москвы по поводу объединенія ихъ дѣятельности для водворенія спокойствія и порядка въ столицѣ.

16-го октября къ забастовкѣ присоединились Финляндскія желѣзныя дороги и Савеловская вѣтка. Собравшіеся въ университетскомъ зданіи еще 15-го числа студенты и постороннія лица въ коли-

чествѣ 1,500 человекъ, проведя тамъ ночь, оставались до шести часовъ вечера въ зданіяхъ стараго и новаго университета, которыя были забаррикадированы по распоряженію центрального комитета, образовавшагося среди студентовъ. Только вслѣдствіе увѣщаній ректора университета и помощника градоначальника генерала Руднева о прекращеніи дальнѣйшей обороны университета собравшіеся оставили его. 17-го октября положеніе Москвы оставалось безъ перемѣнъ, началъ лишь дѣйствовать водопроводъ. Большое побоище произошло между желѣзнодорожными забастовщиками и рабочими нѣкоторыхъ фабрикъ и заводовъ, желавшими стать на работу. Побоище было прекращено прибывшими казаками и полиціей.

XVI.

Петербургъ переживалъ не менѣе тревожное смутное время, чѣмъ Москва, каковое въ самыхъ общихъ чертахъ мы здѣсь и представимъ.

20-го сентября въ электротехническомъ институтѣ состоялась сходка, въ которой участвовало до 800 человекъ и въ томъ числѣ до триста человекъ студентовъ и курсистокъ. Произнссились рѣчи преимущественно социаль-революціонерами и анархистами. Одинъ изъ ораторовъ, разъяснивъ слушателямъ программу социалистовъ-революціонеровъ, перешелъ къ обсужденію значенія террора, доказывая, что польза террора въ настоящее время настолько очевидна, что даже социаль-демократы, ранѣе принципиальные противники террористическихъ выступленій, теперь организуютъ «боевыя дружины». Другіе два оратора изъ группы анархистовъ, послѣ опредѣленія своей программы, изложили теорію приготовленія бомбъ и, указавъ на крайнюю простоту и несложность работы, призывали слушателей заняться этимъ дѣломъ, а также принять участіе въ борьбѣ противъ всѣхъ агентовъ правительства, которыхъ надо уничтожить.

21-го сентября съ разрѣшенія министра путей сообщенія состоялась «первый всероссійскій делегатскій съѣздъ желѣзнодорожныхъ служащихъ».

Въ программу съѣзда входили вопросы экономическаго характера по обезпеченію главнѣйшихъ требованій служащихъ: а) государственнаго страхованія; б) пенсіонной кассы; в) вспомогательныхъ сберегательныхъ кассъ; г) другіе виды обезпеченія. Засѣданія съѣзда происходили подъ предѣдательствомъ Орѣхова и Архангельскаго. Съ первыхъ же засѣданій съѣздъ принялъ противоправительственный агитаціонный образъ дѣйствій, оказывая тѣмъ революціонное вліяніе на служащихъ всей желѣзнодорожной сѣти имперіи, завершившееся забастовкою. Со всѣхъ концовъ Россіи отъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ съѣздъ получалъ телеграммы, одобрявшія его образъ дѣйствій; эти телеграммы безпрепятственно печата-

лись съ разрѣшенія цензуры въ издававшихся въ Петербургѣ «Бюллетеняхъ съѣзда», не вызывая никакихъ мѣропріятій со стороны наиболѣе заинтересованнаго вѣдомства — министерства путей сообщенія.

Въ засѣданіи 6-го октября результатомъ обсужденія экономическихъ условій жизни желѣзнодорожныхъ служащихъ съѣздомъ признано было, между прочимъ, неотложно необходимымъ: 1) повышение заработной платы; 2) отмена денежных штрафовъ; 3) отмена сверхурочныхъ работъ; 4) установленіе восьмичасового рабочаго дня; 5) улучшеніе санитарно-гигіеническихъ условій труда; 6) введеніе всеобщаго начальнаго обученія для дѣтей служащихъ и рабочихъ на счетъ дорогъ; 7) допущеніе на всѣ должности лицъ обоаго пола безъ различія національностей и вѣроисповѣданій, уравнивая ихъ права. Признавъ затѣмъ необходимымъ образованіе корпоративной организаціи для всѣхъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ и выработавъ для сего основныя положенія, съѣздъ перешелъ къ обсужденію политическихъ вопросовъ.

По мнѣнію съѣзда, «политическая мысль бюрократіи разрѣшилась лишь созваніемъ государственной думы, получившей міровую историческую извѣстность, какъ грубый опытъ все того же закрѣпощенія народныхъ массъ за классами, составляющими опору современнаго строя, помощью цензовыхъ выборовъ, которые устраняютъ отъ участія въ думѣ весь пролетаріатъ, вынесшіи на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы за свободу и право». — «Мы, орудіе нашихъ товарищей, мы, слуги народа, не можемъ молчать, когда заговорилъ весь народъ, какъ частица многомилліонной трудовой пролетарской массы, сплоченнымъ строемъ борющейся за свои права, мы требуемъ: 1) немедленной отмены положеній объ усиленной охранѣ и военнаго; передачи полиціи въ руки органовъ самоуправленія, уничтоженія жандармской полиціи; 2) отмены смертной казни; 3) всеобщей амнистіи пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія; 4) объявленія законодательнымъ порядкомъ свободы совѣсти, слова, печати, неприкосновенности личности и жилища, свободы стачекъ, собраній, союзовъ; 5) устраненія всѣхъ національныхъ ограниченій и признанія за каждой націей права на самоопредѣленіе; 6) немедленнаго созыва учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго, равнаго избирательнаго права при условіи прямого и тайнаго голосованія»¹⁾.

8-го октября происходили продолжительные митинги въ военно-медицинской академіи, въ технологическомъ институтѣ и въ другихъ помѣщеніяхъ, на которыхъ присутствовали тысячи рабочихъ и частью предѣлательствовали выборные отъ самихъ рабочихъ; обсуждались вопросы общественнаго и государственнаго порядка.

9-го октября въ политехническомъ институтѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ состоялись оживленные митинги, собравшіе

¹⁾ Четырехвостка.

огромное количество рабочихъ, работницъ, курсистокъ и студентовъ; обсуждались вопросы политическаго характера на ряду съ профессиональными.

11-го октября начались забастовки на заводахъ Обуховскомъ, Семянниковскомъ, Александровскомъ. Въ университетѣ состоялся огромный митингъ, на которомъ присутствовало до 30,000 человѣкъ. 12-го октября въ министерство путей сообщенія явилась депутація отъ желѣзнодорожныхъ линейныхъ служащихъ и обратилась къ служащимъ въ управленіи дорогъ и управленіи сооружений съ приглашеніемъ поддержать ихъ въ забастовкѣ. По уходѣ депутаціи въ коридорахъ управленія состоялся митингъ, на которомъ почти единогласно рѣшено было выразить сочувствіе бастующимъ и забастовать самимъ на три дня. Къ забастовкѣ примкнули служащіе петербургской земской управы.

Городская дума въ экстренномъ засѣданіи, вызванномъ осложнившимися обстоятельствами, приняла слѣдующую резолюцію: «Петербургская городская дума считаетъ своею обязанностью въ настоящій тяжелый моментъ, переживаемый столицей вмѣстѣ со всею страной, указать на необходимость принятія со стороны правительства безотлагательно мѣръ къ удовлетворенію назрѣвшихъ экономическихъ и политическихъ требованій населенія».

13-го октября на Обуховскомъ заводѣ происходилъ митингъ въ 5,000 человѣкъ, на которомъ рѣшено было присоединиться къ политической забастовкѣ. Толпа приказчиковъ обходила магазины гостинаго двора, прося закрывать ихъ. Тотчасъ же магазины были закрыты. Забастовали всѣ конки. Собраніе бюро «союза союзовъ» постановило присоединиться къ забастовкѣ желѣзнодорожниковъ. Служащіе въ банкахъ и конторахъ на собраніи, состоявшемся въ зданіи университета, постановили примкнуть къ всеобщей политической забастовкѣ, желая тѣмъ выразить свое сочувствіе освободительному движенію. Бюро союза фармацевтовъ объявило всеобщую политическую забастовку, вслѣдствіе чего въ столицѣ было закрыто восемьдесятъ семь аптекъ. Семь аптекъ, не пожелавшія примкнуть къ всеобщей забастовкѣ, были закрыты насильно. Всѣ служащіе въ канцеляріяхъ отдѣленій петербургскаго окружнаго суда, кандидаты на судебныя должности, а также волнонаемные писцы рѣшили прекратить занятія на три дня. Присяжные засѣдатели заявили предсѣдателю суда о невозможности заниматься рѣшеніями дѣлъ при настоящемъ тревожномъ настроеніи, почему сессія была прервана и разборъ дѣлъ отложенъ на неопредѣленное время. Прекратили свои занятія учебныя заведенія.

14-го октября напечатано и расклеено было на улицахъ слѣдующее знаменитое въ своемъ родѣ извѣщеніе генерала Трепова: «Населеніе столицы встревожено слухами о предстоящихъ якобы массовыхъ беспорядкахъ. Мѣры къ охраненію личности и

имущества въ столицѣ приняты, поэтому прошу населеніе указаннымъ слухамъ не вѣрять. Если бы, однако, гдѣ-либо возникли попытки къ устройству безпорядковъ, то таковыя будутъ прекращены въ самомъ началѣ, слѣдовательно, серьезнаго развитія не получаютъ; войскамъ и полиціи мною дано приказаніе всякую подобную попытку подавить немедленно самымъ рѣшительнымъ образомъ; при оказаніи же со стороны толпы сопротивленія—холостыхъ залповъ не давать и патроновъ не жалѣть. Считаю долгомъ предупредить объ этомъ населеніе столицы, дабы каждый обыватель, примкнувшій къ толпѣ, производящей безпорядки, зналъ, чѣмъ онъ рискуетъ. Благоразумное же населеніе столицы, во избѣжаніе тяжкихъ послѣдствій, приглашаю къ сборищамъ, направленнымъ къ нарушенію порядка, не примыкать».

Петербургъ раздѣленъ былъ на четыре военныхъ района.

Это извѣщеніе не только не принесло ожидавшагося отъ него успокоенія населенія, но угрозами принятія суровыхъ репрессивныхъ мѣръ вызвало даже среди благонамѣренной части населенія явное ожесточеніе, особенно къ той власти, отъ которой оно исходило¹⁾. Несмотря на строгость распоряженія, запрещавшаго митинги, состоялись очень многочисленные митинги въ университетѣ и технологическомъ институтѣ. Къ шести часамъ вечера всѣ улицы, прилегающія къ университету, были полны толпами. Всего было около 40.000 человѣкъ; всѣ аудиторіи были заняты отдѣльными союзами. Вечеромъ въ зданіи университета состоялись митинги конторщиковъ, бухгалтеровъ и служащихъ въ частныхъ и казенныхъ учрежденіяхъ и собраніе адвокатовъ для поддержанія общей политической забастовки. Къ вечеру забастовали электрическія станціи, и городъ погрузился во мракъ; на Невскомъ проспектѣ освѣщеніе поддерживалось прожекторомъ съ адмиралтейства. Въ технологическомъ институтѣ вечеромъ собрались желѣзнодорожные служащіе; настроеніе было крайне возбужденное, такъ какъ опасались вторженія войскъ. При выходѣ толпы изъ института въ часъ ночи казаки начали разгонять уходящихъ, почему часть публики до 300 человѣкъ рѣшила остаться ночевать въ институтѣ.

15-го октября забастовали наборщики и всѣ газеты; вышли только «Правительственный Вѣстникъ» и «Вѣдомости С.-Петербургскаго Градоначальства». Къ вечеру прекратили свою дѣятельность телеграфисты и телефонные служащіе. Забастовали конки, прекратили работу многіе булочники. Въ вольно-экономическомъ обществѣ состоялось общее собраніе чиновниковъ государственнаго банка и министерства финансовъ, постановившее присоединиться къ всеобщей политической забастовкѣ. Состоялись грандіозные митинги въ технологическомъ институтѣ, гдѣ перебывало до 50,000 человѣкъ, и въ университетѣ, гдѣ было до 30,000 человѣкъ.

¹⁾ Т. е. къ Трепову.

16-го октября съ утра всѣ высшія учебныя заведенія были закрыты по распоряженію администраціи и окружены войсками, почему въ этотъ день митинги не могли состояться. На улицахъ разъѣзжали патрули для предупрежденія скопища населенія.

17-го октября въ числѣ прочихъ многочисленныхъ учреждений забастовали государственный банкъ, чиновники сенатской канцеляріи, а также примкнули къ общей забастовкѣ артисты императорской балетной труппы.

Одновременно со столицами однородныя волненія, вызывавшіяся тѣмъ же освободительными общественными стремленіями, обнимали какъ центральныя губерніи, такъ и отдаленныя окраины Россіи.

Кромѣ желѣзнодорожной и телеграфной забастовокъ, общихъ по всей имперіи¹⁾, во многихъ городахъ собирались многолюдные митинги, на которыхъ мѣстные ораторы говорили рѣчи экономическаго и политическаго содержанія, происходили забастовки мѣстныхъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ и т. п.

9-го октября состоялись митинги въ Кіевѣ—въ политехническомъ институтѣ, въ Одессѣ—въ университетскихъ аудиторіяхъ, гдѣ собралось до 10,000 человекъ, въ Смоленскѣ—въ городскомъ саду. 11-го октября въ Харьковѣ состоялись митинги на паровозостроительномъ заводѣ и въ университетѣ. Какъ только распространился слухъ, что идутъ войска, чтобы разогнать собравшихся въ университетѣ, участники митинга забаррикадировали улицы и выкинули красныя флаги. Университетъ превратился въ крѣпость съ 2,000 человекъ, изъ которыхъ большая часть была вооружена. Только на другой день, 12-го октября, послѣ продолжительныхъ увѣщаній забаррикадировавшіеся сдали оружіе и разошлись съ тѣмъ, чтобы снова собраться на слѣдующіе митинги. Въ Екатеринославѣ началась обширная забастовка въ екатеринославскихъ и нижнеднѣпровскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ съ уличными беспорядками, прекращенными лишь залпами войскъ. 12-го октября въ Курскѣ прекратили занятія всѣ учебныя заведенія; распространились ужасныя слухи объ избіеніи учащихся. Въ Полтавѣ къ желѣзнодорожной забастовкѣ присоединились служащіе мѣстныхъ типографій. Въ Саратовѣ забастовали рабочіе всѣхъ мельницъ и служащіе земской и городской управъ; всѣ магазины закрылись, въ городѣ царило необыкновенное волненіе, собирались митинги. Въ Самарѣ состоялась общая забастовка, закрылась вся торговля, перестали функціонировать банки, прекратили занятія учебныя заведенія. За городомъ и въ городѣ собирались митинги, на кото-

¹⁾ О большой части этихъ забастовокъ и сопровождавшихъ ихъ грубыхъ эксцессахъ со стороны забастовщиковъ, ихъ вдохновителей и имъ сочувствующихъ элементовъ разныхъ городовъ въ нашемъ журналѣ были періодически даваемы обстоятельныя описанія.

рыхъ возбуждался вопросъ о прекращеніи сношеній съ Петербургомъ и объ учрежденіи временнаго правительства. 13-го октября въ Екатеринославѣ собиравшіяся толпы народа, разгоняемыя казачьими патрулями, устраивали баррикады и проволочныя загражденія. На высокихъ шестахъ выставлялись революціонныя знамена. Только при содѣйствіи войскъ къ вечеру баррикады стали разбираться, причѣмъ было нѣсколько человѣческихъ жертвъ влѣдствіе оказаннаго сопротивленія войскамъ. Въ Минскѣ, Ярославлѣ, Симбирскѣ, Смоленскѣ, Челябинскѣ и другихъ городахъ осуществлена была всеобщая забастовка. 14-го октября Харьковъ объявленъ былъ на военномъ положеніи. Въ Одессѣ прекратили занятія всѣ средне-учебныя заведенія; противъ учащихся принимались мѣры полицейскаго воздѣйствія общество волновалось слухами объ одесскомъ избіеніи учащихся, превозшедшемъ, будто бы, своими размѣрами курскія избіенія. 15-го октября въ Вильнѣ мѣстными соціалъ-демократическими органами объявлена была всеобщая политическая забастовка. Началась забастовка въ Одессѣ, Тифлисѣ, Ревелѣ. 16-го октября въ Одессѣ разграблены были оружейныя магазины; на многихъ улицахъ воздвигались баррикады, которыя уничтожались только при помощи залповъ казаковъ и пѣхоты. Въ Вильнѣ остановилась вся обыденная жизнь; закрылись всѣ магазины, банки, конторы; прекратилась работа во всѣхъ заводахъ, фабрикахъ, мастерскихъ и на электрической станціи. Губернаторъ графъ Паленъ, проѣзжая по улицѣ, былъ раненъ выстрѣломъ изъ револьвера, произведеннымъ неизвѣстнымъ лицомъ изъ толпы. 17-го октября въ Твери разнородная черная толпа произвела избіеніе служащихъ въ губернской земской управѣ, а затѣмъ предала пламени всѣ зданія управы. Бастовали въ Юрьевѣ, Новочеркасскѣ, Батумѣ, Томскѣ.

Такова была печальная картина положенія внутреннихъ дѣлъ Россіи, объятаго смутами и волненіями, какъ это рисуетъ имѣющая въ моемъ распоряженіи архивная записка.

XVII.

Мы видимъ такимъ образомъ, что начиная съ 8-го октября и вплоть до 17-го, жизнь въ страны въ смыслѣ правильнаго отправленія ея жизненныхъ функцій постепенно парализовалась и правительство, заинтересованное скорѣйшимъ возвращеніемъ съ театра военныхъ дѣйствій воинскихъ частей для подавленія охватившей страну смуты, оказалось въ критическомъ положеніи. Обычными мѣрами тутъ ничего подѣлать было невозможно, надо было прибѣгнуть или къ военной диктатурѣ, или пойти навстрѣчу тѣмъ пожеланіямъ и требованіямъ, которыя выдвигались земскими и городскими союзами и разными другими соціальными группами, стояв-

шими какъ никакъ, а на высотѣ государственныхъ требованій и непричастными къ эксцессамъ, сказывавшимся въ крикахъ и резолюціяхъ крайнихъ группъ. Для объявленія военной диктатуры въ странѣ не было полного наличія того, что обнимаетъ собою понятіе военной диктатуры въ виду, какъ уже сказано выше, обнаженія территоріи имперіи отъ необходимой для того и достаточной воинской силы. Посему правительство вступило на второй путь дѣйствія, т. е. пошло навстрѣчу требованіямъ прогрессивной интеллигенціи, а именно—дарованія той конституціи, о которой мечтали видные представители интеллигенціи еще во времена Анны Иоанновны, за которую пролили кровь на Сенатской площади декабристы, въ пользу которой шла непрерывная агитація въ печати въ продолженіе всего XIX вѣка и ради завоеванія каковой принесены были всѣмъ русскимъ обществомъ многочисленныя жертвы.

Вернувшійся къ тому времени С. Ю. Витте послѣ заключенія имъ Портсмутскаго договора и возведенный за это государственное дѣяніе волею Государя Императора въ графское достоинство, представилъ по должности предсѣдателя совѣта министровъ, каковую онъ только что принялъ, свой знаменитый всеподданиѣйшій докладъ, который былъ уже нами приведенъ въ № 2 «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ. Дабы рисуемая нами картина хода историческихъ событій за 1905 годъ сохранила свою полноту, приводимъ этотъ знаменательный докладъ еще разъ полностью.

«Вашему Императорскому Величеству благоугодно было передать мнѣ высочайшія Вашего Величества указанія относительно направленія, по которому должно слѣдовать правительство, въ связи съ соображеніями о современномъ состояніи Россіи, и приказать соотвѣтственно сему представить всеподданиѣйшій докладъ.

«Вслѣдствіе сего приѣмлю долгъ всеподданиѣйше представить нижеслѣдующее:

«Волненіе, охватившее разнообразныя слои русскаго общества, не можетъ быть разсматриваемо какъ слѣдствіе частичныхъ несовершенствъ государственнаго и соціальнаго устроенія, или только какъ результатъ организованныхъ дѣйствій крайнихъ партій. Корни этого волненія, несомнѣнно, лежатъ глубже. Они въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни. Россія переросла форму существующаго строя. Она стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы.

«Въ уровень съ одушевляющей благоразумное большинство общества идеей должны быть поставлены и внѣшнія формы русской жизни. Первую задачу правительства должно составлять стремленіе къ осуществленію теперь же, впредь до законодательной санкціи черезъ государственную думу, основныхъ элементовъ право-

вого строя: свободы печати, совѣсти, собраній, союзовъ и личной неприкосновенности. Укрѣпленіе этихъ важнѣйшихъ сторонъ политической жизни общества должно преслѣдовать путемъ нормальной законодательной разработки, наравнѣ съ вопросами, касающимися уравненія передъ закономъ всѣхъ подданныхъ Вашего Императорскаго Величества, независимо отъ вѣроисповѣданія и національности. Само собою разумѣется, что предоставленіе населенію правъ гражданской свободы должно сопутствоваться законнымъ ограниченіемъ ея для твердаго огражденія правъ третьихъ лицъ, спокойствія и безопасности государства.

«Слѣдующей задачей правительства является установленіе такихъ учрежденій и такихъ законодательныхъ нормъ, которыя соотвѣтствовали бы выяснившейся политической идеѣ большинства русскаго общества и давали положительную гарантію въ неотъемлемости дарованныхъ благъ гражданской свободы. Задача эта сводится къ устроенію правового порядка. Соотвѣтственно цѣлямъ водворенія въ государствѣ спокойствія и безопасности, экономическая политика правительства должна быть направлена ко благу широкихъ народныхъ массъ, разумѣется, съ огражденіемъ имущественныхъ и гражданскихъ правъ, признанныхъ во всѣхъ культурныхъ странахъ.

«Намѣченныя здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ основанія правительственной дѣятельности для полнаго осуществленія своего требуютъ значительной законодательной работы и послѣдовательнаго административнаго устроительства. Между выраженнымъ съ наибольшей искренностью принципомъ и осуществленіемъ его въ законодательныхъ нормахъ, а въ особенности проведеніемъ этихъ нормъ въ правы общества и приемы правительственныхъ агентовъ, не можетъ не пройти нѣкоторое время. Принципы правового порядка воплощаются лишь постольку, поскольку населеніе получаетъ къ нимъ привычку—гражданскій навыкъ. Сразу приготовить страну со 135-милліоннымъ разнороднымъ населеніемъ и обширнѣйшей администраціей, воспитанными на иныхъ началахъ, къ воспріятію и усвоенію нормъ правового порядка не по силамъ никакому правительству. Вотъ почему далеко недостаточно власти выступить съ лозунгомъ гражданской свободы. Чтобы водворить въ странѣ порядокъ, нужны трудъ, неослабѣвающая твердость и послѣдовательность.

«Для осуществленія сего необходимымъ условіемъ является однородность состава правительства и единство преслѣдуемой имъ цѣли. Но и министерство, составленное, по возможности, изъ лицъ одинаковыхъ политическихъ убѣжденій, должно еще приложить всѣ старанія, чтобы одушевляющая его работу идея стала идеей всѣхъ агентовъ власти отъ высшихъ до низшихъ. Заботой правительства должно быть практическое водвореніе въ жизнь

главныхъ стимуловъ гражданской свободы. Положеніе дѣла требуетъ отъ власти пріемовъ, свидѣтельствующихъ объ искренности и прямотѣ ея намѣреній. Съ этой цѣлью правительство должно поставить себѣ непоколебимымъ принципомъ полное невмѣшательство въ выборы въ государственную думу и, между прочимъ, искреннее стремленіе къ осуществленію мѣръ, предрѣшенныхъ указомъ 12-го декабря.

«Въ отношеніи къ будущей государственной думѣ заботой правительства должно быть поддержаніе ея престижа, довѣрія къ ея работамъ и обезпеченіе подобающаго сему учрежденію значенія. Правительство не должно явиться элементомъ противодѣйствія рѣшеніямъ думы, поскольку эти рѣшенія не будутъ, что невѣроятно, кореннымъ образомъ расходиться съ величіемъ Россіи, достигнутымъ тысячелѣтней ея исторіей. Правительство должно слѣдовать мысли, высказанной Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ манифестѣ объ образованіи государственной думы, что положеніе о думѣ подлежитъ дальнѣйшему развитію въ зависимости отъ выяснившихся несовершенствъ и запросовъ времени. Правительству надлежитъ выяснитъ и установить эти запросы, руководствуясь, конечно, господствующей въ большинствѣ общества идеей, а не отголосками хотя бы и рѣзко выраженныхъ требованій отдѣльныхъ кружковъ, удовлетвореніе которыхъ невозможно уже потому, что они постоянно мѣняются. Но удовлетвореніе желаній широкихъ слоевъ общества путемъ той или иной формулировки гарантій гражданского правопорядка необходимо.

«Весьма важно сдѣлать реформу государственнаго совѣта на началахъ виднаго участія въ немъ выборнаго элемента, ибо только при этомъ условіи можно ожидать нормальныхъ отношеній между этимъ учрежденіемъ и государственной думой.

«Не перечисляя дальнѣйшихъ мѣропріятій, которыя должны находиться въ зависимости отъ обстоятельствъ, я полагаю, что дѣятельность власти на всѣхъ ступеняхъ должна быть охвачена слѣдующими руководящими принципами:

«1. Прямота и искренность въ утвержденіи на всѣхъ поприщахъ даруемыхъ населенію благъ гражданской свободы и установленіе гарантій сей свободы.

«2. Стремленіе къ устраненію исключительныхъ законоположеній.

«3. Согласованіе дѣйствій всѣхъ органовъ правительства.

«4. Устраненіе репрессивныхъ мѣръ противъ дѣйствій, явно не угрожающихъ обществу и государству,

«и 5. Противодѣйствіе дѣйствіямъ, явно угрожающимъ обществу и государству, опираясь на законъ и въ духовномъ единеніи съ благоразумнымъ большинствомъ общества.

«Само собою разумѣется, что осуществленіе поставленныхъ выше задачъ возможно лишь при широкомъ и дѣятельномъ содѣйствіи общества и при соотвѣтствующемъ спокойствіи, которое позволило бы направить силы къ плодотворной работѣ. Слѣдуетъ вѣрить въ политическій тактъ русскаго общества. Не можетъ быть, чтобы русское общество желало анархіи, угрожающей, помимо всѣхъ ужасовъ борьбы, расчлененіемъ государства».

На подлинномъ Государю Императору въ Петергофѣ, въ 17 день октября 1905 года, благоугодно было собственноручно начертать: «Принять къ руководству».

Такого рода резолюція давала основанія предполагать, что будетъ предпринятъ рядъ реформъ, которымъ суждено будетъ преобразовать русскую жизнь на началахъ, указываемыхъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ статсъ-секретаря графа С. Ю. Витте, но путемъ значительной «законодательной работы и послѣдовательнаго административнаго устроительства», т. е. подразумѣвалось, что для проведенія всѣхъ этихъ реформъ требуется определенное время. Однако данный въ тотъ же день 17-го октября 1905 года высочайшій манифестъ до нѣкоторой степени какъ бы опровергъ необходимость выжидательнаго положенія и сразу намѣтилъ въ качествѣ непреложнаго реальнаго факта новый историческій путь, на который высочайшею волею уже поставлена государственная колесница Россіи, а съ ней вмѣстѣ и вся русская жизнь. Манифестъ этотъ гласилъ:

«Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ имперіи нашей великою и тяжкою скорбью преисполняютъ сердце наше. Благо російскаго Государя неразрывно съ благомъ народнымъ, и печаль народная—его печаль. Отъ волненій, нынѣ возникшихъ, можетъ явиться глубокое нестроеніе народное и угроза цѣлости и единству державы нашей».

«Великій обѣтъ царскаго служенія повелѣваетъ намъ всѣми силами разума и власти нашей стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для государства смуты. Повелѣвъ подлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій, въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долга, мы для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ преднамѣчаемыхъ нами къ умиротворенію государственной жизни мѣръ признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго правительства».

«На обязанность правительства возлагаемъ мы выполненіе непреклонной нашей воли:

1) Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ».

«2) Не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ государственную думу, привлечь теперь же къ участию въ думѣ, въ мѣрѣ возможности, соответствующей краткости остающагося до созыва думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ засимъ дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку

«и 3) Установить, какъ неизблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія государственной думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ насъ властей.

«Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомнить долгъ свой передъ родиной, помочь прекращенію сей неслыханной смуты и вмѣстѣ съ нами напрячь всѣ силы къ возстановленію тишины и мира на родной землѣ».

Я не буду касаться здѣсь обстоятельствъ, при которыхъ былъ данъ этотъ манифестъ. Современемъ, быть можетъ, мы и прольемъ на эти обстоятельства нужный свѣтъ. Теперь же отмѣтимъ, что этотъ величайшій въ исторіи Россіи актъ, стоящій по своему значенію на одной доскѣ съ актомъ 19-го февраля 1861 года, не былъ по достоинству и всей справедливости оцѣненъ населеніемъ въ полной его совокупности. Самодержавною своею волею царь раздѣлил съ народомъ бремя власти и, такимъ образомъ, на народъ перенесено было и бремя отвѣтственности, но нѣкоторыя напластованія этого народа, руководимыя крайними представителями революціонной доктрины, на первыхъ порахъ отозвались не на призывъ къ отвѣтственности, а потребовали моментальнаго осуществленія свободъ, указанныхъ манифестомъ 17-го октября, не желая считаться съ тѣмъ, что реально-фактическое осуществленіе этихъ свободъ требуетъ именно длительного законодательнаго пути и «последовательнаго административнаго устройства», какъ то указывалось во всеподданнѣйшемъ докладѣ графа С. Ю. Витте. Темпъ нетерпѣливости, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и злонамѣренности родиль своего рода противорѣчіе между всеподданнѣйшимъ докладомъ и манифестомъ, что, несомнѣнно, и послужило въ значительной мѣрѣ къ развитію дальнѣйшей смуты.

XVIII.

Согласно имѣющемуся въ моемъ распоряженіи офиціозному матеріалу, опубликованіе манифеста 17-го октября вызвало на мѣстахъ несомнѣнную радость большей части населенія, утомленнаго царившею уже около года смутой и видѣвшаго въ немъ залогъ приближающагося успокоенія. Изъ многихъ мѣстъ слѣдовали къ подножію

престола выраженія вѣрноподданнической преданности, но такое настроеніе не встрѣчало сочувствія крайнихъ партій, органъ которыхъ въ Петербургѣ, «Извѣстія совѣта рабочихъ депутатовъ», во главѣ котораго къ тому времени уже стоялъ Хрусталевъ-Носарь, въ № 2 отъ 18-го октября писалъ: «Буржуазія ликуетъ. Либералы и черносотенцы петербургской думы встрѣтили... манифестъ кликами радости. Они цѣловались другъ съ другомъ, служили съ попами молебны и пили шампанское... Правительство нашло опору въ рядахъ либераловъ и буржуазіи». Въ № 3 тѣхъ же «Извѣстій», являвшихся выразителями всей коллективной оппозиціонной и революціонной мысли, послѣ перечисленія данныхъ въ манифестѣ 17-го октября обѣщаній говорилось: «Они (обѣщанія эти) далеко не удовлетворяютъ многихъ существенныхъ требованій народа. Если объявляется свобода вѣроисповѣданія, слова, собраній и союзовъ, то почему же наши братья, боровшіеся за свободу народа, томятся въ тюрьмахъ и ссылкахъ? Мы требуемъ немедленнаго освобожденія сосланныхъ и заключенныхъ за такъ называемыя политическія и религіозныя преступленія, а также за стачки и крестьянскіе беспорядки.

«Если объявлена неприкосновенность личности, почему половина Россіи находится на военномъ положеніи или на положеніи усиленной охраны? Мы требуемъ немедленной отмѣны военного положенія и усиленной охраны повсемѣстно, гдѣ они существуютъ.

«Далѣе. Какъ возможна дѣйствительная гражданская свобода, если 100 милліоновъ крестьянъ остаются полусвободнымъ сословіемъ? Мы требуемъ немедленнаго уничтоженія сословныхъ привилегій и уравнианія крестьянъ въ правахъ со всѣми остальными російскими гражданами.

«Манифестъ говоритъ, что... чиновники будутъ отданы подъ контроль народныхъ представителей, когда тѣ соберутся. Но можетъ ли народъ допустить, чтобы чиновники... продолжали править имъ хотя бы подъ контролемъ его представителей?»

Такимъ образомъ,—гласитъ цитируемая мною архивная записка,—«крайнія партіи указывали на полное несоотвѣтствіе существующаго положенія страны съ высказаннымъ въ манифестѣ великимъ принципомъ гражданской и политической свободы и выражали недовѣріе тому, что данныя манифестомъ обѣщанія будутъ выполнены правительствомъ. Къ сожалѣнію, за истекшій годъ населеніе неоднократно считало себя въ правѣ жаловаться на неискренность правительства и указывать на случаи неисполненія имъ своихъ обѣщаній, а потому естественно, что и на этотъ разъ народъ, привѣтствуя манифестъ въ принципѣ, только въ сравнительно немногихъ случаяхъ счелъ освободительную борьбу законченной, въ большинствѣ же—занялъ выжидательное положеніе, желая посмотреть, какія измѣненія въ дѣйствительную жизнь внесетъ этотъ манифестъ. Что же касается крайнихъ партій, то онѣ,

какъ и всегда, утверждали, что правительство никакой свободы давать народу не желаетъ и что манифестъ есть не что иное, какъ политическій маневръ, къ которому правительство вынуждено было всеобщею стачкою, забастовкой желѣзныхъ дорогъ, открытымъ возстаніемъ во многихъ большихъ городахъ и все усиливающимся броженіемъ въ войскахъ.

«Агитація крайнихъ партій оказывалась вначалѣ успѣшной только тамъ, гдѣ почва для беспорядковъ была уже подготовлена или невыносимо тяжелыми экономическими условіями, или угнетеніемъ болѣе сильныхъ классовъ, или неумѣлыми и неискренними дѣйствіями администраціи, причемъ главнымъ образомъ крайнія партіи пріобрѣли силу потому, что, рѣзко критикуя каждое дѣйствіе правительства, онѣ слишкомъ часто оказывались правыми, и въ концѣ концовъ, когда массы были революціонизированы всеѣмъ происходившимъ за этотъ годъ, крайнія партіи совершенно для себя незаслуженно оказались во главѣ этого революціонизированнаго не ими народа. На почвѣ манифеста 17-го октября правительство давало крайнимъ партіямъ, если можно такъ выразиться, генеральное сраженіе, и, несомнѣнно, эти партіи потеряли бы значительную часть своего престижа, если бы массы тотчасъ по распаданіи манифеста увидѣли, что правительство дѣйствительно рѣшило пойти по новому, начертанному въ манифестѣ, пути и что оно идетъ по нему». Къ сожалѣнію, благодаря, какъ сказано выше, неумѣлымъ и неискреннимъ дѣйствіямъ администраціи, а также, пожалуй, невозможности точно по щучьему велѣнію сразу порвать со старыми традиціями,—случилось нѣчто обратное, и крайнія партіи имѣли еще разъ случай до нѣкоторой степени отпраздновать торжество своихъ постоянныхъ увѣреній.

«Первый же день по опубликованіи манифеста въ Петербургѣ ознаменовался пролитіемъ крови, а именно стрѣльбой въ толпу, которая въ мирной манифестаціи, хотя и въ приподнятомъ настроеніи, шла отчасти по Гороховой, отчасти по Загородному проспекту, а затѣмъ слѣды крови покрыли собою многія пространства Россіи. Число убитыхъ и тяжело раненыхъ съ обѣихъ сторонъ въ послѣдовавшіе за опубликованіемъ манифеста 4—5 дней трудно исчислить, но, по нѣкоторымъ источникамъ, оно опредѣляется въ нѣсколько десятковъ тысячъ. «Хуже всего, однако, было то, — говоритъ архивная записка:—что у населенія при этомъ создалось вполне твердое убѣжденіе, что все эти погромы, такъ неожиданно и вмѣстѣ съ тѣмъ одновременно прокатившіеся по всей Россіи и залившіе кровью ликовація по поводу дарованной населенію свободы, провоцировались и направлялись одною и тою же рукою, и притомъ рукою властной. Голосъ народа и печати утверждалъ, что погромы являлись результатомъ провокаціи администраціи для того, чтобы не дать осуществиться обѣщаніямъ манифеста. Къ со-

жалѣнію, населеніе имѣло весьма серьезныя основанія такъ думать. Какъ мѣстныя, такъ и высшія власти съ первыхъ же дней отнеслись къ манифесту если не недружелюбно, то во всякомъ случаѣ далеко не сочувственно».

Особенно смущало населеніе то обстоятельство, что военное положеніе сохраняется въ большинствѣ мѣстностей во всей силѣ, изъ чего дѣлалось заключеніе, что это дѣлается потому, что при военномъ положеніи легче не осуществлять дарованныхъ населенію свободъ. Отсюда беретъ свое начало до извѣстной степени и протестъ, и тѣмъ болѣе рѣзкій, что населеніе получаетъ какъ бы право борьбы не на почвѣ революціонной, а на строго конституціонной, борьбы не для завоеванія новыхъ свободъ, а за отстаиваніе милостей, дарованныхъ населенію высочайшимъ манифестомъ. Съ этого момента, по убѣжденію населенія, именно оно стало на почву закона и защитникомъ прерогативъ императорской власти, а администрація въ союзѣ съ высшими представителями центральной власти дѣлала контръ-революцію, чтобы внѣзаконнымъ путемъ отнять у народа дарованныя ему права свободы. Всего болѣе, однако, населеніе возмущалось при этомъ тѣмъ, что борьба ведется внѣзаконными, какъ оно думало, мѣрами грубаго насилія и погромовъ, производимыхъ отбросами населенія подъ руководствомъ, въ иныхъ случаяхъ, полиціи, а также съ вѣдома, иногда и поощренія, высшихъ мѣстныхъ властей.

Было ли это, однако, такъ въ дѣйствительности?—ставитъ авторъ исползуемой мной архивной записки вопросъ, и даетъ такой отвѣтъ: «Вопросъ этотъ настолько важенъ, что трудно рѣшиться прямо отвѣтить на него, по во всякомъ случаѣ можно сказать, что населеніе, которое судитъ о намѣреніяхъ властей прежде всего по ихъ дѣйствіямъ, имѣло весьма серьезныя основанія для обвиненія ихъ въ организаціи и провокаціи погромовъ. По официальной версіи погромы всюду происходили такимъ образомъ: толпа патріотическихъ манифестантовъ шла съ портретомъ Государя Императора, въ нее стрѣлялъ какой-нибудь еврей, и толпа разъярялась и кидалась громить и убивать евреевъ, причемъ власти въ теченіе одного, двухъ или трехъ дней оказывались безсильными, а затѣмъ, чаще всего безъ выстрѣла, разгоняли погромщиковъ и водворяли порядокъ. Населеніе указывало прежде всего на странность того, что все происходило такъ однообразно: всюду толпа шла съ портретомъ Государя Императора, чего прежде никогда не дѣлалось, всюду находился такой еврей, который въ нее стрѣлялъ, и опять-таки всюду этотъ выстрѣлъ имѣлъ одинаковыя послѣдствія, вплоть до безсилія властей подавить погромы, которые однако, производились очень небольшою кучкой людей. И населеніе давало другую версію этихъ погромовъ, которая съ внѣшней стороны дѣйствительно лучше объясняла однообразіе происходившаго повсюду. По этой версіи толпа патріоти-

ческих манифестантовъ состояла изъ набранныхъ мѣстной полиціей, часто за деньги, подонковъ населенія, хулигановъ, выстрѣлтвъ въ нее, чаще всего безвредный, дѣлался полицейскимъ провокаторомъ, и затѣмъ толпа подъ руководствомъ полиціи бросалась громить и убивать до тѣхъ поръ, пока та же полиція не давала ей сигнала прекратить».

Для установленія того, какая изъ двухъ версій болѣе справедлива, записка приводитъ рядъ фактовъ, почерпнутыхъ изъ документовъ департамента полиціи, и приходитъ къ выводу, что правительство, то есть правильнѣе мѣстная администрація съ согласія высшихъ чиновъ (Д. О. Трепова) центрального правительства, занималась на мѣстахъ организаціей своихъ сторонниковъ, а также констатируетъ фактъ, что патріотическія манифестаціи обставлялись такими особенностями, которыя позволяютъ полагать, что онѣ были инсценированы полицейскими властями; другія же манифестаціи, хотя бы онѣ вели себя вполнѣ прилично, безпощадно разгонялись, подвергались преслѣдованіямъ и гоненіямъ, причемъ дѣйствовавшимъ противъ послѣднихъ участникамъ патріотическихъ манифестацій разрѣшалось съ молчаливаго согласія мѣстной власти производство грабежей и убійствъ, противъ каковыхъ полицейскими силами не всегда и не во всѣхъ мѣстахъ принимались надлежащія мѣры подавленія. Особенно это наблюдалось въ случаяхъ погромовъ, направленныхъ противъ евреевъ, какъ, на примѣръ, это имѣло мѣсто въ Кіевѣ, Одессѣ и другихъ мѣстахъ. «Такимъ образомъ,— говоритъ архивная записка,— даже взятыя изъ дѣлъ департамента полиціи матеріалы съ полной очевидностью показываютъ, что значительная часть тяжелыхъ обвиненій, взведенныхъ на правительство обществомъ и народомъ въ ближайшіе послѣ манифеста дни имѣли подъ собою вполнѣ серьезныя основанія: существовали созданныя высшими мѣстными властями партіи для «организованнаго отпора крайнимъ элементамъ»; организовались правительствомъ патріотическія манифестаціи, и въ то же время разгонялись другія; стрѣляли въ мирныхъ демонстрантовъ, и позволяли на глазахъ у полиціи и войскъ избивать людей и жечь губернскую земскую управу (въ Твери); не трогали погромщиковъ и залпами стрѣляли въ тѣхъ, кто позволялъ себѣ защищаться отъ нихъ; сознательно или бессознательно подстрекали толпу къ насиліямъ официальными объявленіями за подписью высшаго представителя мѣстной власти въ большомъ городѣ, и когда затѣмъ беспорядки возникали, не принимали мѣръ къ ихъ подавленію. Всѣ эти факты произошли на протяженіи 3—4 дней въ разныхъ концахъ Россіи и вызвали такую бурю негодованія среди населенія, которая совершенно смела первое радостное впечатлѣніе отъ чтенія манифеста 17-го октября».

Я отмѣтилъ здѣсь сколькія дѣйствія администраціи, шедшія вразрѣзъ съ существомъ вопросовъ о свободахъ, выдвинутыхъ манифе-

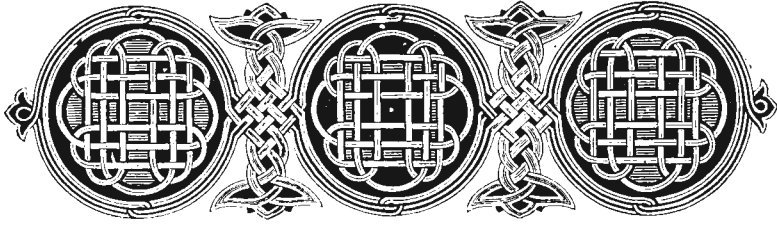
стомъ 17-го октября. Но если эти дѣйствія администраціи не всегда заслуживаютъ поощренія, то еще съ большимъ осужденіемъ должна отнестись исторія и къ тѣмъ эксцессамъ, которые создавались какъ въ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ городахъ, а также на территоріи сельской Россіи подъ вліяніемъ упорной и непримиримой агитаціи крайнихъ лѣвыхъ партій, ловко пользовавшихся сбитымъ съ толку настроеніемъ населенія, промахами мѣстной администраціи и пассивностью либеральныхъ общественныхъ элементовъ, оказывавшихся не въ силахъ дать съ своей стороны мужественный отпоръ революціонной пропагандѣ».

Страницы «Историческаго Вѣстника» за послѣдніе годы были гостеприимно отданы въ распоряженіе тѣхъ, кто былъ свидѣтелемъ этихъ эксцессовъ, и революціонная волна, прокатившись въ 1905 году по лицу нашей земли, была достаточно наглядно нами представлена, почему повторять всего сказаннаго у насъ въ настоящемъ случаѣ я не буду и тѣмъ болѣе, что и безъ того, вопреки своему намѣренію сузить тему текущаго очерка, я уклонился отъ этого намѣренія и представилъ, увлекшись архивными документами, картину русской революціи 1905 года болѣе полно, чѣмъ того хотѣлъ. Но мнѣ кажется, что читатели нашего журнала не посѣтуютъ на меня за это: исторія Россіи и особенно новѣйшая полна захватывающаго интереса, полна поучительности, и всякое свѣдѣніе, сюда внесенное, можетъ пойти только на пользу. Вотъ почему мнѣ и казалось, что прежде, чѣмъ говорить о совѣтѣ рабочихъ депутатовъ и параллельно о политикѣ обновленнаго правительства во главѣ съ графомъ С. Ю. Витте, вполне умѣстно нарисовать общій фонъ, на которомъ выступили взаимоотношенія тогдашняго премьера къ историческому отнынѣ совѣту, сумѣвшему къ серединнымъ днямъ октября 1905 года стянуть въ свои руки всѣ нити революціонной оппозиціи и создать то критическое положеніе, въ какомъ очутилась Россія наканунѣ манифеста 17-го октября и въ послѣдующіе дни.

Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).





КЪ СТОЛѢТІЮ КУЛЬМСКАГО БОЯ.

17 августа 1813—1913 года.



Е ЗНАЮ, какъ другіе, но я переживаю какое-то особенное волненіе всякій разъ, когда мнѣ приходится бывать въ мѣстахъ, освященныхъ историческими событіями. И чѣмъ тише, чѣмъ обыденнѣе теперешняя обстановка этихъ мѣстъ, тѣмъ ярче и величественнѣе выступаютъ для меня картины былого, давно миновавшаго, когда здѣсь разыгрывались событія, служившія иногда поворотными пунктами въ исторіи цѣлыхъ государствъ и народовъ.

Особенно сильное волненіе и какое-то радостное и въ то же время остро-болѣзненное чувство неразрывной связи съ далекой родиной я испыталъ недавно, когда, воспользовавшись своимъ пребываніемъ въ Теплицѣ, въ Богеміи, я посѣтилъ то мѣсто, гдѣ сто лѣтъ тому назадъ, 17-го августа 1813 года, произошелъ знаменитый Кульмскій бой, отъ исхода котораго зависѣло такъ много и для насъ и для Европы.

Какъ тихо тамъ теперь, какъ мирно шелестятъ листья кукурузы и колосья ржи на мѣстѣ кровавой сѣчи, и только величественный памятникъ, высоко поднимающійся среди зелени полей, свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь когда-то совершилось нѣчто великое.

Здѣсь дѣйствительно совершилось великое дѣло: здѣсь небольшою русскою отрядъ подъ начальствомъ графа Остермана помѣшалъ Наполеону замкнуть тотъ адскій капканъ, въ которомъ онъ собирался раздавить союзную армію и заставить насъ, пришедшихъ сюда послѣ тяжелаго 1812 года спасать Европу, самимъ спасаться отъ

полнаго разгрома. Замысль дѣйствительно была адскій, и какъ близокъ онъ былъ къ тому, чтобы осуществиться!.. А осуществись онъ — карта Европы и вся исторія ея за минувшее столѣтіе были бы совершенно иныя.

Напомню вкратцѣ этотъ выдающійся моментъ нашей военной исторіи, чрезвычайно важный по своимъ послѣдствіямъ и въ то же время крайне характерный, не потерявшій своей свѣжести до сихъ поръ, для оцѣнки нашихъ боевыхъ достоинствъ и недостатковъ.

Послѣ заключенія союзнаго договора между Россіей и Пруссіей въ Калишѣ 15-го февраля 1813 года войска союзниковъ подъ главнымъ начальствомъ графа Витгенштейна въ числѣ около 90.000 человекъ занимали Саксонію, сосредоточиваясь около Лейпцига. У Наполеона было въ то время около 170.000. Главной задачей Наполеона было обойти правый флангъ союзниковъ, отбросить ихъ на югъ въ Богемскія горы и отрѣзать путь отступленія въ Силезію. Въ концѣ апрѣля Наполеону удалось оттѣснить союзниковъ за Эльбу, занять сначала Дрезденъ, а потомъ, послѣ неудачныхъ для союзниковъ сраженій при Люценѣ и Бауценѣ, и всю Саксонію.

Главной причиною неудачъ было ложное положеніе главнокомандующаго графа Витгенштейна, дѣятельность котораго была стѣснена пребываніемъ въ арміи обоихъ союзныхъ монарховъ и отсутствіемъ должной дисциплины, благодаря прусскимъ генераламъ, а отчасти и русскимъ—Милорадовичу и Барклаю-де-Толли, старшимъ по чину въ сравненіи съ главнокомандующимъ.

Послѣ перемирія, заключеннаго въ Неймарктѣ 23-го мая, военныя дѣйствія возобновились только въ августѣ, когда къ коалиціи противъ Наполеона присоединились Австрія и Швеція. Къ этому времени у союзниковъ было до 500.000 штыковъ, у Наполеона—440.000. Главныя силы союзниковъ въ составѣ 230.000 подъ начальствомъ князя Шварценберга расположились въ Богеміи; при этой арміи находились и три союзныхъ монарха—императоры русскій и австрійскій и король прусскій. Послѣ неудачнаго для союзниковъ двухдневнаго боя подъ Дрезденомъ армія эта принуждена была отступить въ глубь Богеміи. Вотъ тутъ-то Наполеонъ и разставилъ свой страшный капканъ. Наперерѣзъ отступающимъ онъ двинулъ къ Кенигштейну 40-тысячный корпусъ генерала Вандамма. Со стороны союзниковъ къ тому же Кенигштейну двинулся 13-тысячный отрядъ подъ начальствомъ графа Остермана, усиленный потомъ первой гвардейской пѣхотной дивизіей подъ командой Ермолова.

Этому отряду предстояло помѣшать переправѣ корпуса Вандамма черезъ Эльбу и прикрыть единственно удобный путь черезъ горы—Петерсвальдское шоссе на Кульмъ и Теплицъ. Помѣшать переправѣ французовъ черезъ Эльбу отряду графа Остермана не удалось, и 16-го августа началось отступленіе союзной арміи черезъ горы. Войска и обозы стѣснились въ узкомъ ущельѣ... Направивъ свои

главныя силы на преслѣдованіе союзниковъ въ горахъ, Наполеонъ приказалъ Вандамму двинуться по Петерсвальдскому шоссе въ Богемію и занять выходы изъ горъ съ юга, ведущіе на Теплицъ и



Русскій памятникъ.

Ауссигъ. Такимъ образомъ союзной арміи угрожала страшная опасность быть запертой съ сѣвера и съ юга въ узкихъ горныхъ тѣснинахъ... Этотъ планъ, несомнѣнно, удался бы, если бы графъ

Остерманъ исполнилъ приказаніе, полученное имъ изъ главнаго штаба арміи, и отступилъ бы, какъ ему было приказано, къ Максену на соединеніе съ австрійцами. Къ счастью, онъ этого не сдѣлалъ и по совѣту принца Евгенія Виртембергскаго и Ермолова рѣшился двинуться черезъ тѣснину Гисгюбеля въ Петерсвальде и преградить вдвое сильнѣйшему корпусу Вандамма путь къ Теплицу.

«Отъ удачнаго выполненія этого смѣлаго намѣренія зависѣло спасеніе всей союзной арміи», такъ характеризуетъ значеніе этого маневра военная исторія ¹⁾.



Братская могила.

«Послѣ упорнаго боя за обладаніе тѣсниною у Гисгюбеля, отряду Остермана удалось пробиться 16-го числа къ Петерсвальде.

«На слѣдующій день Остерманъ отошелъ къ Кульму и, занявъ позицію позади его у с. Пристенъ, рѣшилъ обороняться до послѣдней крайности, чтобы дать всей арміи возможность дебушировать изъ горъ къ Теплицу.

«Лѣвый флангъ нашихъ войскъ, состоявшій изъ лейбъ-гвардіи Егерскаго и Муромскаго полковъ, упирался въ горы, занявъ деревню Страденъ. Въ центрѣ, у Пристена, стояло десять батальоновъ 1-го и 2-го пѣхотныхъ корпусовъ; на правомъ флангѣ, правѣе Пристена,

¹⁾ «Русская военная сила», т. II, стран. 298.



Германскій памятникъ.

кирасирскій полкъ Ея Величества. Въ резервъ, за центромъ, стояли полки: Измайловскій, Семеновскій, Преображенскій и лейбъ-гусарскій; всего въ нашемъ отрядѣ было не болѣе 15.000 человекъ. Утромъ 17-го августа Вандаммъ съ 30.000 человекъ подошелъ къ Кульму»...

Бой продолжался цѣлый день 17-го августа. Дрались съ ожесточеніемъ. Селеніе Пристенъ три раза переходило изъ рукъ въ руки.



Австрійскій памятникъ.

Къ вечеру по распоряженію императора Александра, почевавшаго въ Альтенбургѣ и изъ Кроутена замѣтившаго отчаянное положеніе отряда графа Остермана, подоспѣли подкрѣпленія—лейбъ-драгуны и уланы.

«Непріятель отступилъ, потерявъ одними плѣнными до 500 человекъ. Ночь прекратила бой. Отрядъ Остермана, сражавшійся цѣлый день противъ вдвое сильнѣйшаго непріятеля, спасъ своимъ

геройскимъ самоотверженіемъ всю союзную армію, давъ ей возможность выйти изъ горъ. Но дорого стоилъ ему этотъ успѣхъ: почти половина людей выбыла изъ строя ¹⁾».

На другой день, 18-го августа, въ тылу корпуса Вандамма появились пруссаки.

«Союзники ударили на непріятеля съ фронта и съ тыла. Весь корпусъ Вандамма былъ разсѣянъ и уничтоженъ. Одними плѣнными французы потеряли до 10.000 человекъ, въ числѣ ихъ находился самъ Вандаммъ; сверхъ того въ руки союзниковъ досталась вся ихъ артиллерія, въ числѣ свыше 80 орудій.

«Таковы были результаты геройскаго подвига небольшого русскаго отряда. Пораженіе Вандамма подъ Кульмомъ лишило Наполеона всѣхъ плодовъ побѣды, одержанной имъ при Дрезденѣ» ²⁾.

Съ тѣхъ поръ прошло сто лѣтъ... Теперь все тихо и мирно у Пристена и на Кульмѣ. По изрытой гранатами землѣ много разъ уже за эти сто лѣтъ прошли плугъ и борона...

Вы выѣзжаете изъ Теплица по шоссе на Боденбахъ черезъ Турнъ и Собохлебенъ и минутъ черезъ 40 въ девяти километрахъ отъ Теплица видите слѣва отъ дороги у селенія Пристенъ русскій памятникъ—на гранитномъ цоколѣ гранитная четырехгранная пирамида, увѣнчанная статуей побѣды; у самой дороги домикъ, гдѣ живетъ австрійскій ветеранъ, на обязанности котораго лежитъ поддерживать въ порядкѣ садикъ и площадку около памятника. Памятникъ этотъ воздвигнутъ 17-го августа 1835 года и открытъ въ присутствіи императора Николая I.

Средства на содержаніе памятника были даны широкой рукой и, надо отдать справедливость нѣмцамъ, нашъ русскій памятникъ сохранился дѣйствительно прекрасно, лучше даже, чѣмъ памятники германскій и австрійскій, находящіеся дальше за Кульмомъ, въ четырехъ километрахъ отъ русскаго памятника. Нашъ памятникъ и красивѣе нѣмецкихъ и величественнѣе. Говорю это совершенно безпристрастно и съ гордостью тѣмъ болѣе понятной, что по части памятниковъ и заботы о нихъ, нельзя не сознаться, мы во многомъ уступаемъ нѣмцамъ. Тутъ же вышло какъ разъ наоборотъ.

Съ четырехъ сторонъ гранитной пирамиды сдѣланы надписи о самомъ событіи, въ ознаменованіе котораго воздвигнутъ этотъ памятникъ, и о времени постановки его.

При сооруженіи этого *русскаго* памятника на *нѣмецкой* землѣ, несомнѣнно, возникалъ трудный вопросъ: на какомъ же языкѣ сдѣлать на памятникѣ надписи? Если на русскомъ, то кому же, кромѣ немногихъ русскихъ, попадающихъ въ Богемію, будутъ понятны эти надписи? Если на нѣмецкомъ, то для русскихъ будетъ не вразу-

¹⁾ «Ibid», стран. 299.

²⁾ «Ibid», стран. 300.

мительно, да и обидно, — все же памятникъ-то русскій. Повидимому, чтобы никого не обидѣть и чтобы одинаково всѣмъ было непонятно, рѣшено было сдѣлать надписи по-латыни. Конечно, латинскій языкъ болѣе или менѣе долженъ быть извѣстенъ всякому сколько-нибудь образованному человѣку, но вѣдь это только теоретически, а практически черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ окончанія гимназіи мы помнимъ вѣдь «не безъ грѣха изъ Энеиды два стиха».

Это засвидѣтельствовалъ еще Пушкинъ, а въ его время латынь изучали куда лучше, чѣмъ теперь. Со словаремъ эти надписи, конечно, разбереть каждый бывшій гимназистъ, но кто же возить съ собою на воды словарь Кронеберга? Стиль школьной латыни въ надписяхъ выдержанъ вполне. Въ нихъ говорится о русскихъ когортахъ, сражавшихся съ галлами (французами), и даже время событія отнесено къ IV сентябрской календѣ 1813 года.

Но это мелочь, конечно. Самъ же по себѣ памятникъ дѣйствительно великолѣпнень.

Недалеко отъ памятника, саженьяхъ въ 300 не болѣе, виденъ небольшой сосновый лѣсокъ, какъ бы окаймляющій небольшую полянку, обращенную къ памятнику. Тамъ стоитъ крестъ надъ группой крупныхъ гранитныхъ камней, не отдѣланныхъ, но очень красиво сложенныхъ. Это братская могила. Могила дѣйствительно *братская!* Тутъ и русскіе, и нѣмцы, и французы; конечно, русскихъ больше всего, потому что ближайшая къ могилѣ мѣстность во время боя составляла русскія позиціи.

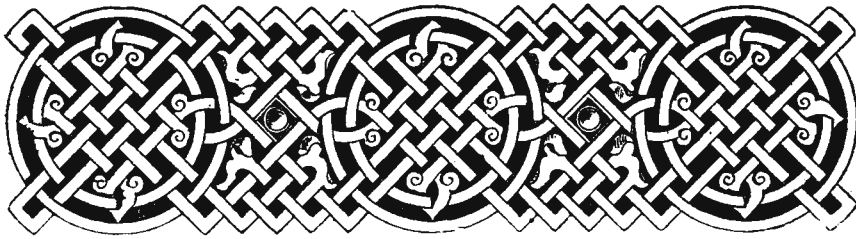
Миръ праху героевъ... Слава подвигамъ ихъ!..

Въ домикѣ сторожа есть нѣсколько портретовъ, въ томъ числѣ хорошій портретъ графа Остермана, главнаго героя Кульмскаго боя, и картина, изображающая взятіе въ плѣнъ нашими казаками генерала Вандамма.

Отъ русскаго памятника до Кульма два километра, а въ двухъ километрахъ за Кульмомъ, у той же дороги на Боденбахъ воздвигнуты памятники германскій и австрійскій. Памятники стоятъ близко другъ отъ друга—германскій слѣва отъ дороги, если ѣхать изъ Теплица, австрійскій—справа.

Все тихо теперь на поляхъ Кульма, и только три величественныхъ памятника, точно сторожащіе дорогу къ нему, служатъ нѣмыми свидѣтелями того, что здѣсь когда-то рѣшалось великое дѣло, рѣшалась судьба Европы.

К. Бурляевъ.



КРАСНОЕ СЕЛО.

(Историческій очеркъ).



ВѢЛЫЙ рядъ побѣдъ Петра Великаго на рѣкахъ Ижорѣ и Невѣ придвинулъ Россію къ давно желанному выходу въ Балтійское море.

Съ завоеваніемъ Ингерманландіи красивая мѣстность около Дудергофскихъ горъ сразу обратила на себя вниманіе Петра, какъ по своей красотѣ, такъ и по стратегическому значенію, какъ узелъ дорогъ въ иноземельныя страны, на Колывань (Ревель) и въ Курляндію.

Задумавъ заселить это мѣсто русскими людьми, онъ повелѣлъ переселить сюда изъ-подъ Москвы, съ «Красныхъ горъ» и изъ-подъ Коломны крестьянъ; назвалъ это новое селеніе—«Краснымъ», причемъ удержалъ названія тѣхъ слободъ, изъ которыхъ были выселены первые поселенцы Краснаго Села: Коломенская, Братошинская и Павловская.

Для себя Петръ построилъ небольшой деревянный домъ на мѣстѣ нынѣшняго военнаго госпиталя въ Красномъ Селѣ, и съ тѣхъ поръ мѣсто это называлось Дворцовымъ селеніемъ.

Красное Село находится въ Царскосельскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи и отстоитъ въ двадцати пяти верстахъ отъ Петербурга, по шоссе. Оно расположено на горѣ почти на трехверстномъ протяженіи. Гора эта называется Красносельской и возвышается надъ уровнемъ моря на шестьдесятъ двѣ сажени.

При шведскомъ владычествѣ, въ концѣ XVII столѣтія, районъ Краснаго Села принадлежалъ шведскому барону Дудеру, отъ имени котораго получили названіе какъ горы, прилегающія къ Красному Селу, такъ и озеро съ чистою ключевою водою, расположенное у подножія Дудергофскихъ горъ. Горы эти поднимаются на восемьдесятъ двѣ сажени надъ уровнемъ моря и представляютъ собою два холма, связанныхъ пониженною сѣдловиною.

Живописность этихъ горъ въ окрестностяхъ новой столицы не могла не остановить на себѣ вниманія Петра Великаго, который любилъ посѣщать Дудергофъ и устроилъ тамъ ботаническій садикъ, напустивъ въ лѣса, покрывавшіе горы, въ большомъ количествѣ фазановъ.

Великій преобразователь своимъ практическимъ умомъ сразу оцѣнилъ значеніе паденія водъ Дудергофскаго озера и у него явилась мысль воспользоваться эксплоатаціей ихъ, какъ даровой силы. Онъ тотчасъ вызвалъ одного голландца и предложилъ ему устроить какую-нибудь фабрику. Смѣтливый голландецъ не замедлилъ воспользоваться этимъ царскимъ даромъ и устроилъ тутъ полотняную фабрику.

31-го октября 1710 года состоялось въ Петербургѣ бракосочетаніе племянницы Петра Великаго Анны Іоанновны съ герцогомъ курляндскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ (послѣднимъ изъ династии Кетлеровъ), причѣмъ въ честь молодыхъ былъ данъ рядъ празднествъ съ обильными возліянiями, настолько отразившимися на молодомъ супругѣ, что за нѣсколько дней передъ выѣздомъ изъ Петербурга онъ занемогъ и на второй станціи отъ столицы въ Kippingshoff (нынѣ Кипень) по Нарвскому тракту 10-го января 1711 года внезапно скончался. Тѣло его было перевезено въ бѣдную мѣстную кирку на Дудергофъ, куда собралась вся царская фамилія и гдѣ Петръ простился съ нимъ. Отсюда, въ сопровожденіи эскорта изъ четырехсотъ кавалеровъ, тѣло герцога было отправлено въ Митаву, гдѣ и покоится до настоящаго времени въ склепѣ митавскаго замка. Нѣмецкій историкъ Крузе предполагаетъ, что смерть герцога послѣдовала отъ оспы, которая свирѣпствовала въ этомъ году въ Нарвѣ, другіе же увѣряютъ, будто онъ умеръ, не выдержавъ петровскаго кубка «Большого орла».

Красное Село Петръ Великій подарилъ супругѣ своей императрицѣ Екатеринѣ I, которая построила здѣсь небольшой дворецъ и церковь во имя святой Екатерины. Церковь была деревянная и просуществовала она до 1732 года, когда погибла отъ пожара.

Нынѣ существующій въ Красномъ Селѣ каменный храмъ былъ построенъ на карманныя деньги императрицей Анной Іоанновной, которая пожертвовала триста пятьдесятъ рублей на постройку каменной церкви во имя Святой Троицы. Закладка церкви происходила 16-го августа 1733 года. Храмъ этотъ вновь перестроенъ и

расширенъ, но безъ измѣненія его внутренняго вида, по высочайшему повелѣнiю, по рисункамъ, утвержденнымъ собственноручно 26-го августа 1854 года императоромъ Николаемъ I. Перестройкой завѣдывалъ архитекторъ А. И. Резяновъ. Въ красносельскомъ храмѣ имѣется серебряный крестъ, въ который вложенъ другой, кипарисный, съ семьюдесятью двумя частицами мощей. Крестъ этотъ весьма древнiй и поступилъ въ церковь въ 1853 году. Затѣмъ замѣчательна икона святого Симеона Богопріимца. Сдѣланный на изображеніи святого вѣнецъ обложенъ въ два ряда крупнымъ жемчугомъ, а въ середину вдѣланъ пожалованный 15-го мая 1800 года императрицею Маріею Ѳеодоровною драгоценный перстень съ зеленымъ яхонтомъ, вѣсомъ въ четыре карата, и обложенный брилльянтами. Въ 1864 году императоромъ Александромъ II переданы на храненіе въ красносельскую церковь три бунчука, доставшіеся въ числѣ трофеевъ нашимъ войскамъ при взятіи укрѣпленія Ауэліата.

До 1812 года красносельская церковь была въ завѣдываніи городскаго правленія города Павловска, подъ непосредственнымъ покровительствомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, а затѣмъ переведена на положеніе приходской, съ подчиненіемъ епархіальному вѣдомству.

Устроенная Петромъ Великимъ красносельская полотняная фабрика, а также поставленная и въ Ропшѣ—въ царствованіе Анны Іоанновны были переданы въ казну, потомъ куплены отъ казны голландскимъ купцомъ фонъ-Лиляромъ, а отъ него куплены въ 1764 году англійскимъ купцомъ Ричардомъ Конзесомъ, который и перестроилъ ее въ писчебумажную. Фабрики эти работали не только водяной силой, но и при помощи вѣтряныхъ мельницъ. Остатки такой вѣтряной мельницы сохранились и до сихъ поръ на берегу озера.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II на этихъ бумажныхъ фабрикахъ впервые въ Россіи стали дѣлать бумагу для асигнацій.

Впослѣдствіи казенная бумажная красносельская фабрика была переведена въ Петергофъ, на мѣсто нынѣшней гранильной фабрики, а затѣмъ въ Петербургъ, подъ названіемъ «экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ».

Съ переводомъ бумажной фабрики въ Петергофъ императрица Екатерина II подарила какъ самую красносельскую фабрику, такъ и прилегающія къ ней земли своему любимцу, князю Григорію Потемкину, который на южномъ склонѣ красносельской возвышенности, гдѣ прежде былъ дворецъ Петра и гдѣ теперь расположенъ военный госпиталь, разбилъ паркъ, липы котораго сохранились и понынѣ, и построилъ себѣ загородный дворецъ. Послѣ смерти князя Потемкина вся подаренная ему земля отошла въ удѣльное вѣдомство, а собственно фабрика еще при жизни князя была по-



Красное Село въ царствованіе Николая I. (Возвращеніе войскъ съ Военнаго поля).

дарена имъ своей родственницѣ Хлѣбниковой. Отъ Хлѣбниковой фабрика перешла къ помѣщику Полторацкому, который на южномъ берегу Безыменнаго озера разбилъ небольшой паркъ и выстроилъ каменный двухэтажный домъ. Въ царствованіе императора Александра I усадьба Полторацкаго была приобрѣтена удѣльнымъ вѣдомствомъ, и каменный домъ его обращенъ въ охотничій императорскій домикъ, въ которомъ государь и останавливался при приѣздахъ своихъ въ Красное Село. Отъ Полторацкаго писчебумажная фабрика въ 1831 году перешла въ аренду технолога Печаткина, который въ 1837 году купилъ ее въ собственность. Потомки Печаткина и понынѣ владѣютъ этой фабрикой, совершенно перестроивъ ее и усовершенствовавъ ее новѣйшими машинами и приспособленіями. При фабрикѣ въ послѣдніе годы построена церковь, устроены ясли для дѣтей рабочихъ, дешевая столовая, экономическая лавка и построена аудиторія для лекцій со сценой для спектаклей.

При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ значеніе Краснаго Села, какъ дворцовой вотчины, значительно возросло. Въ XVII столѣтіи окрестности Краснаго Села изобиловали разнаго рода дичью, и потому онѣ и были избираемы императрицей мѣстомъ для придворныхъ охотъ. Самая парадная изъ нихъ состоялась 30-го сентября 1751 года. Въ ней, кромѣ императрицы и наслѣдника престола Петра Ѳеодоровича, принимали участіе, не считая придворныхъ, еще знатные иностранные гости: графъ Колорадо и чрезвычайный посолъ римскаго императора баронъ Бретлахъ, для котораго собственно и была устроена охота.

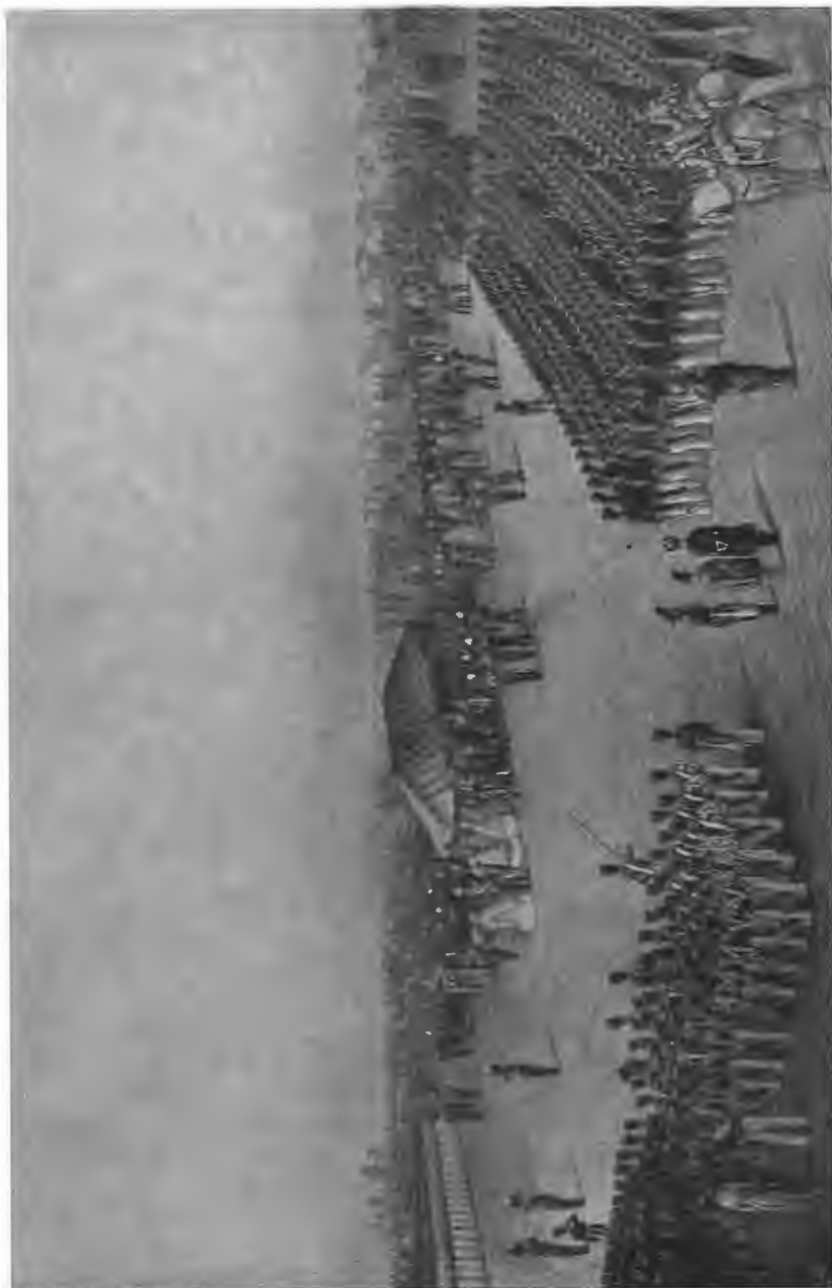
Началась она съ того, что мимо красносельскаго дворца, при звукѣ роговъ и въ богатомъ платьѣ, продефилировало «превелико множественнаго числа убранныхъ охотниковъ». Впереди нихъ проѣхалъ егермейстеръ Хитрово, за нимъ стремянные, потомъ ведены были псарями борзые собаки, а затѣмъ прошли охотники съ двумя стаями гончихъ.

За императорской охотой дефилировали охота оберъ-егермейстера и охоты всѣхъ присутствовавшихъ придворныхъ кавалеровъ.

Послѣ этого всѣ присутствовавшіе отправились «на поля», при чемъ его высочество «купно съ барономъ Бретлахомъ и графомъ Колорадо въ линеѣ большой поѣхали», а за ними послѣдовала и государыня.

При приближеніи ея величества все поле огласилось звуками роговъ, а потомъ Елизавета Петровна приказала пустить гончихъ въ острова, гдѣ до самаго поздняго вечера съ большимъ увлеченіемъ травили зайцевъ.

По окончаніи охоты всѣ приглашенные возвратились въ Красное Село, гдѣ за мельницей уже были разбиты палатки и шатры. Тутъ императрица «вечернее кушанье за приготовленными пребогато столами имѣть благоволила».



Церковный парадъ въ лагерьъ подъ Краснымъ Селомъ въ царствованіе императора Николая I.

Религіозная императрица не забывала и красносельской церкви, въ которую пожертвовала литое позолоченное паникадило, на большомъ шарѣ котораго имѣется слѣдующая надпись: «Сіе паникадило ея императорскаго величества, всепресвѣтлѣйшей самодержавнѣйшей великой государыни императрицы Елизаветы Петровны всея Россіи, Копорскаго уѣзда, въ село Красное, къ церкви Живоначальныя Троицы, выписано изъ Стокгольма въ 1750 году, вывезено на кораблѣ петербургскаго купца Ивана Чиркина».

1. Первый сборъ войскъ подѣ Краснымъ селомъ въ 1765 г.

Въ числѣ реформъ по обученію войскъ въ царствованіе императрицы Екатерины II воинская комиссія установила лагерные сборы, гдѣ бы войска могли обучаться въ болѣе крупныхъ составѣхъ, и такой болѣе значительный сборъ войска былъ назначенъ въ 1765 году подѣ Краснымъ Селомъ: «такими корпусами, въ какихъ можно было не солдатство токмо ружейной экзерциціи обучать, но и пользу установленныхъ ея императорскимъ величествомъ учреждений видѣть»—гласить постановленіе воинской комиссіи. Въ лагерномъ сборѣ подѣ Краснымъ Селомъ должны были участвовать: первая дивизія генерала Бутурлина, состоявшая изъ войскъ гвардіи, вторая дивизія князя Голицына, состоявшая изъ восьми армейскихъ полковъ пѣхотныхъ, и двухъ карабинерныхъ полковъ кавалерійскихъ. Кромѣ того, въ лагерь были вызваны: грузинскіе гусары, а также казаки и калмыки. Главное начальствованіе надъ всѣми войсками приняла на себя сама императрица.

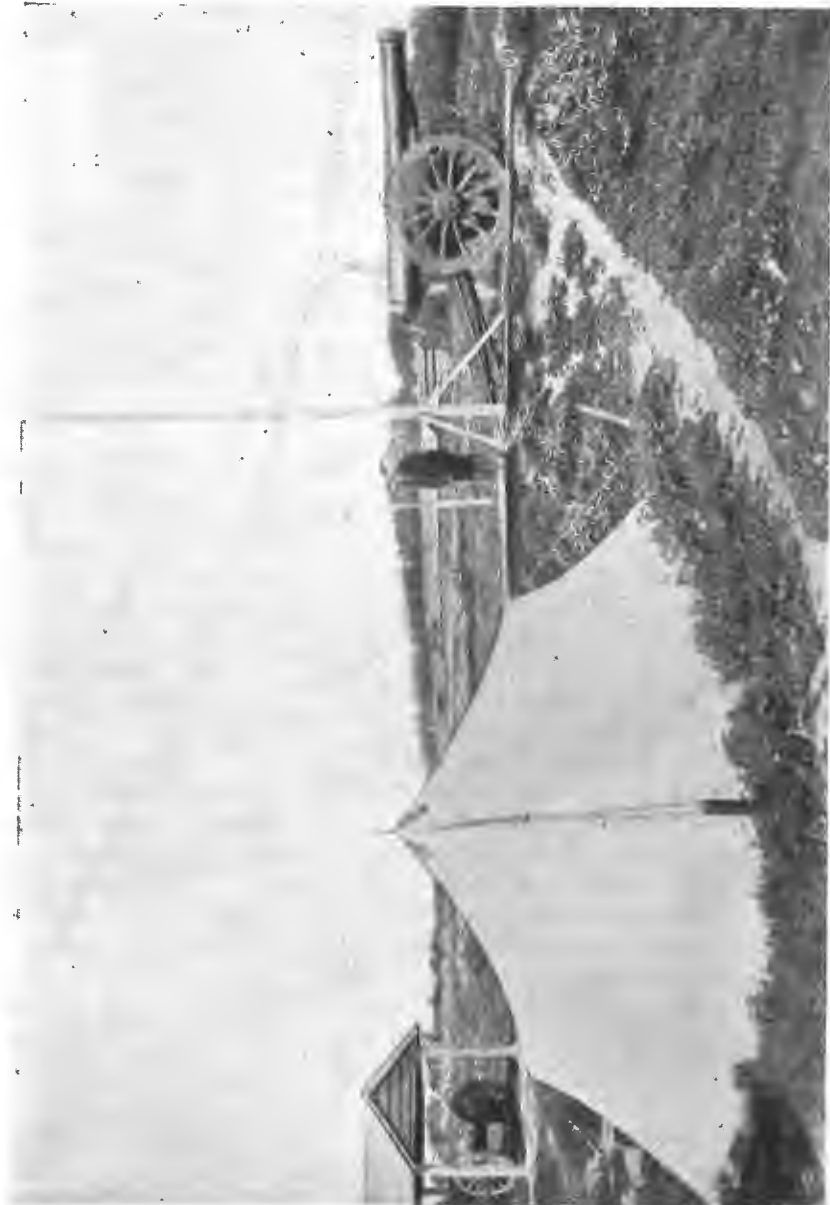
Мѣстомъ для лагеря избрана равнина нынѣшняго Военнаго поля, гдѣ теперь расположены лагеря: гвардейскихъ стрѣлковъ, военныхъ училищъ и офицерской кавалерійской школы. Войска стали прибывать къ 15-му іюня и располагаться въ слѣдующемъ порядкѣ: въ первой линіи фронтомъ къ Дудергофскому озеру расположились: конная гвардія, Преображенскій, Семеновскій, Смоленскій, Ярославскій, Вологодскій и Великолуцкій пѣхотные полки съ кирасирами ея величества на лѣвомъ флангѣ.

Во второй линіи: третій кирасирскій полкъ на правомъ флангѣ, затѣмъ Измайловскій, Нарвскій, Нашебургскій и Низовскій пѣхотные полки; въ срединѣ ихъ была поставлена артиллерія, а на лѣвомъ флангѣ Новгородскій карабинерный полкъ.

Въ третьей линіи: Архангелогородскій карабинерный полкъ на правомъ флангѣ, а затѣмъ Московскій, Рязанскій, Тобольскій, Кабардинскій, Копорскій и Псковскій пѣхотные полки и Нарвскій карабинерный на лѣвомъ флангѣ.

Въ четвертой линіи по срединѣ стояла артиллерія.

Въ пятой линіи за артиллеріей, — пять эскадроновъ грузинскихъ гусаръ.



Сигнальная пушка въ Красномъ Селѣ.

Въ шестой линіи: на правомъ флангѣ Петербургскій карабинерный полкъ, затѣмъ Суздальскій пѣхотный и три эскадрона сербскихъ гусарь.

Въ седьмой линіи стояли казаки и калмыки. Палатка императрицы примыкала къ самой подошвѣ Дудергофской горы по ту сторону озера.

Первые три дня войска употребили на устройство лагеря, а затѣмъ, для учрежденія порядка въ лагерѣ было приказано: 1) въ каждомъ полку имѣть карауль при знаменахъ и сигналы принимать отъ пушки, поставленной у ставки государыни; 2) для печенья хлѣба отвести Павловскую слободу, причемъ наблюсти, чтобы хлѣбопековъ не ставить въ тѣ дома, гдѣ будутъ помѣщены иностранные министры; 3) воду брать изъ Дудергофскаго озера, но какъ берега его вязки и мелки, то устроить мостки, гдѣ имѣть карауль для порядка. Водопой лошадей имѣть ниже плотины, въ рѣчкѣ; 4) больныхъ отсылать на бумажную мельницу; 5) дисциплину имѣть крѣпкую и засѣянныхъ полей не топтать.

17-го іюня, въ десять часовъ вечера прибыла императрица, которая, будучи встрѣчена всѣмъ генералитетомъ, тотчасъ по прибытіи приняла рапорты командующихъ дивизіями и допустила ихъ къ своей рукѣ.

19-го іюня, послѣ обѣдни, императрица принимала всѣхъ генераловъ, а въ пять часовъ вечера произвела объѣздъ лагеря, одѣтая въ мундиръ конной гвардіи и сопровождаемая многочисленною свитою. Для объѣзда всѣ полки, въ парадной формѣ, были выстроены передъ своими палатками въ двѣ линіи. Наслѣдникъ престола великій князь Павелъ Петровичъ въ полномъ полковничьемъ уборѣ и въ кирасѣ находился въ строю и командовалъ кирасирскимъ своего имени полкомъ. Объѣздъ продолжался два часа, и когда императрица возвратилась къ правому флангу, то войсками былъ произведенъ бѣглый огонь изъ ружей и пальба изъ пушекъ. Императрица была верхомъ. Окончивъ объѣздъ, государыня изъявила свое благоволеніе за отличное состояніе войскъ и отбыла въ свою палатку.

20-го іюня императрица сопровождала третью дивизію графа Панина въ лагерь за рѣку Пудость къ деревнѣ Пурско, гдѣ эта дивизія должна была изображать непріятели на предстоящихъ маневрахъ.

Военныя дѣйствія на маневрахъ начались 21-го іюня. Екатерина сама назначила войска для рекогносцировки противника, причемъ выѣзжала до деревни Тихвинки съ конвоемъ изъ конно-гвардейскаго полка и съ авангардомъ изъ двухсотъ гусарь и казаковъ, С.-Петербургскаго карабинернаго полка и батальона Суздальскаго пѣхотнаго полка. 22-го іюня былъ отдыхъ (растагъ). 23-го іюня на поддержку авангарда были посланы конная гвардія и бригада

генерала Бенкендорфа, такъ какъ непріятель началъ наступленіе. Но графъ Панинъ, дойдя до мызы Тайцы, остановилъ свою дивизію и занялъ крѣпкую позицію. Тогда императрица приказала выслать сильныя отряды конницы, подѣ натискомъ которыхъ графъ Панинъ очистилъ позицію и отошелъ въ лѣсъ.

Преслѣдовать непріятеля было не приказано. Тѣмъ окончился маневръ этого дня. На утро 24-го числа главныя силы, предводимыя самой императрицей, выступили изъ лагеря двумя колоннами, появленіе которыхъ заставило графа Панина занять крѣпкую позицію и ожидать атаки. 25-го іюня, въ четыре часа пополудни, войска главныхъ силъ сняли свой лагерь и, уложивъ его въ обозъ, двинулись на непріятеля пятью колоннами, имѣя головы колоннъ на линіи; впереди каждой колонны двигались по двѣ пушки. Императрица, пропустивъ всѣ колонны мимо себя, слѣдовала позади ихъ и наблюдала, какъ они наступали и какъ произошло примѣрное сраженіе. Этимъ и закончились маневры.

Характерная черта маневровъ заключалась въ правилѣ, котораго держались обѣ стороны: «не побѣждать часть русскаго непобѣдимаго войска, а только одерживать надъ противникомъ легкую поверхность».

28-го іюня, въ день восшествія на престоль, утромъ императрица съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ въ каретѣ выѣхали въ полковую церковь лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Государыню сопровождалъ весь кавалергардскій корпусъ на коняхъ, въ новомъ богатомъ и великолѣпномъ уборѣ, имѣя во главѣ графовъ Григорія и Алексѣя Орловыхъ.

Вся армія съ артиллеріей были построены вокругъ церкви въ видѣ громаднаго карре, имѣя кавалерію на коняхъ. Всѣми войсками командовалъ генераль-фельдмаршалъ графъ Бутурлинъ. По окончаніи богослуженія всею арміей произведенъ троекратно бѣглый огонь, а изъ орудій сдѣланъ сто одинъ выстрѣлъ. Отсюда императрица возвратилась въ новопостроенный дворецъ въ Красномъ Селѣ, гдѣ принимала поздравленія отъ дипломатическаго корпуса и отъ знатныхъ персонъ, «въ великомъ множествѣ собравшихся изъ города».

Въ этотъ день генералитетъ, а именно: графъ Бутурлинъ, князь Голицынъ, Панинъ, графъ Чернышевъ, графъ Григорій и Алексѣй Орловы и Брюсъ испросили разрѣшеніе императрицы отпраздновать день 28-го іюня въ лагерѣ и просили императрицу удостоить праздникъ своимъ монаршимъ присутствіемъ.

Въ какіе-нибудь сорокъ часовъ времени на пустомъ пространствѣ было воздвигнуто изъ полотна особое зданіе для праздника. Домъ имѣлъ четыре фаса, по тридцати сажень длины и восьми сажень ширины.

Внутри получившагося, такимъ образомъ, двора были устроены

великолѣпныя триумфальныя ворота. Домъ этотъ включилъ въ себя двѣ танцевальныя залы, четыре кабинета, гдѣ стояли столы для карточной игры, и еще нѣсколько комнатъ.

По прїѣздѣ императрица была встрѣчена звуками трубъ и литавръ. До двѣнадцати часовъ ночи продолжался балъ, а въ двѣнадцать часовъ артиллерійскимъ огнемъ и устроеннымъ подкопомъ сожженъ воздвигнутый на полѣ деревянный городокъ, изображавшій современную крѣпость.

Потомъ начался великолѣпный фейерверкъ. Къ сожалѣнію, нѣсколько разъ начинавшійся дождь мѣшалъ торжеству празднества. Затѣмъ былъ ужинъ, за которымъ попарно усѣлись триста шестьдесятъ пять персонъ. Изъявивъ свое благоволеніе, императрица въ два часа ночи возвратилась въ Красное Село.

Великій князь вернулся раньше, протанцовавши пять меццетовъ.

29-го іюня, въ день тезоименитства великаго князя, императрица была за обѣдней въ церкви Краснаго Села, потомъ принимала поздравленія, присутствовала на обѣдѣ и вечеромъ была на балу.

30-го іюня во всѣ полки розданы были быки и «погребъ» вина и пива, такъ какъ 28-ое число, когда должна была состояться эта выдача, пришлось на постный день.

1-го іюля императрица простилась съ генералитетомъ и, объявивъ свое благоволеніе всѣмъ начальникамъ, выѣхала въ Петербургъ.

Въ тотъ же день войска стали выступать изъ лагеря на свои зимнія квартиры.

При императорѣ Павлѣ на склонѣ Дудергофской горы былъ выстроенъ еще дворецъ въ видѣ большой избы, а въ 1799 году Красное Село съ мызами и деревнями было пожаловано Павломъ супругѣ своей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которая въ 1819 году, въ виду удобствъ этой мѣстности для устройства военныхъ лагерей и производства маневровъ, предоставила Красное Село въ даръ императору Александрѣ I.

2. Лагерные сборы войскъ.

Послѣ опыта сбора войскъ въ 1765 году для военныхъ упражненій войска не выводились болѣе въ Красное Село. Однако императоръ Александръ I, признавая пользу лагернаго расположенія войскъ, устроилъ первый лагерь въ 1802 году на Волковскомъ полѣ, близъ Петербурга. Части гвардіи чередовались, отправляя въ лагерь по одному батальону на шесть недѣль. Насколько непривычна была для войскъ стоянка въ лагеряхъ, видно изъ того, что передъ выступленіемъ каждому частному начальнику давались особыя инструкціи съ подробнымъ объясненіемъ правилъ



Дворецъ Государя въ Красномъ Селѣ.

о караулахъ, разводахъ, составленіи ружей и разбивкѣ палатокъ. Конечно, этотъ первый лагерный сборъ интересовалъ государя, и онъ въ концѣ іюня посѣтилъ его, объѣхалъ все расположеніе войскъ и произвелъ маневры.

Въ слѣдующемъ 1803 году маневры были гораздо значительнѣе по числу войскъ. На маневры пріѣзжалъ государь со всѣмъ дворомъ. По вечерамъ бывали балы. Императрица Елизавета Алексѣевна часто выѣзжала обозрѣвать красивыя картины маневровъ и нерѣдко посѣщала биваки войскъ. Маневры какъ 1803 года, такъ и въ 1804 году происходили около Петергофа.

Возникновеніе собственно красносельскаго лагеря относится къ 1819 году, когда впервые послѣ десятилѣтнихъ войнъ съ Наполеономъ гвардія выступила для лѣтнихъ занятій въ окрестности Краснаго Села.

До этого времени, исходя изъ хозяйственныхъ санитарныхъ соображеній, полки хотя и располагались на лѣтнее время въ палаткахъ, но всегда по близости отъ своихъ казармъ, обыкновенно на своихъ «парадныхъ или учебныхъ» мѣстахъ.

3. Лагерь подъ Краснымъ Селомъ.

Съ возвращеніемъ въ 1815 году изъ заграничнаго похода, по приведеніи въ порядокъ войскового хозяйства было установлено собирать войска отдѣльнаго гвардейскаго корпуса для полевыхъ занятій въ постоянный лагерь подъ Красное Село.

Устройство лагеря не потребовало большихъ приготовленій, такъ какъ въ немъ совершенно отсутствовали всякія деревянныя постройки.

Нижніе чины и ихъ начальники располагались въ двухскатныхъ палаткахъ, причемъ офицерскія и генеральскія палатки отличались отъ солдатскихъ едва ли не одними наружными украшеніями.

Войсковые штабы, пріемные покои, мастерскія, склады и имущества помѣщались у жителей въ самомъ Красномъ Селѣ и близъ лежащихъ деревняхъ.

Лагерныя мѣста не принадлежали постоянно одной и той же части войскъ, а каждый годъ мѣнялись, тѣмъ болѣе, что гвардія выступала въ лагерь не одновременно вся, а чередуясь, побригадно. При этомъ случалось, что иногда полки попадали изъ большаго лагеря въ авангардный и наоборотъ.

На лѣвомъ флангѣ авангарднаго лагеря, возлѣ Дудергофскаго озера были построены укрѣпленія, а потому эта часть называлась укрѣпленнымъ лагеремъ.

Хлѣбопекарень вовсе не было устроено, а печеный хлѣбъ, въ двухдневной пропорціи, доставлялся на полковыхъ подъемныхъ лошадяхъ изъ Петербурга и другихъ мѣстъ постоянного квартиро-

ванія полковъ.. Котлы для варки пищи полки занимали напрокатъ, а вмѣсто чашекъ для ѣды служили крышки отъ кашныхъ котловъ.

Тогдашній красносельскій лагерь имѣлъ холодный и уютный видъ; море бѣлыхъ палатокъ, раскинутыхъ на совершенно открытой, голой мѣстности, ни деревцо, ни зеленый кустикъ не ласкали глаза,—все было пусто и мертво. Офицеры позволяли себѣ сажать только цвѣты въ горшкахъ по краямъ дерновыхъ скамеекъ, устроенныхъ возлѣ ихъ палатокъ,—это была единственная роскошь, которая разрѣшалась въ то суровое время; разведеніе же цвѣтниковъ, клумбъ и посадка деревьевъ строго запрещалась.

Само собой понятно, что комфорта и удобства не было, какъ не было и внѣшней красоты. Сегодня разбитый лагерь, снятый завтра, не оставлялъ никакихъ слѣдовъ,—ровное поле и больше ничего.

Въ офицерской палаткѣ размѣщалось по два офицера. Полы были земляные, или, вѣрнѣе, сказать, ихъ вовсе не было. Значительно позднѣе офицеры стали на свой счетъ дѣлать деревянные полы, потомъ дверцы и окошки и, наконецъ, цѣлые внутренніе деревянные домики, прикрытые снаружи той же деревянной палаткой. Но все-таки подобныя постройки были запрещены, и начальство старалось дѣлать видъ, что не замѣчаетъ этого.

Въ праздники и въ дни, свободные отъ занятій, дѣлались разводы съ церемоніей. Вечерняя заря проходила всегда съ церемоніей, которая въ то время занимала много времени и требовала активного участія всѣхъ офицеровъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ въ бытность свою командиромъ гвардейскаго корпуса нерѣдко пріѣзжалъ къ разводу или къ зарѣ и строго слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ всѣхъ правилъ.

Первыя деревянныя постройки въ лагерьѣ появились въ 1827 году, когда на каждый батальонъ было выстроено по два солдатскихъ балагана для храненія съѣстныхъ припасовъ и по пяти офицерскихъ кухонь; для лошадей были сдѣланы навѣсы. Въ лагерьѣ былъ устроенъ водопроводъ, конечно, самага первобытнаго типа. При помощи тридцати двухъ полковыхъ лошадей вода поднималась изъ Дудергофскаго озера и по деревяннымъ трубамъ протекала по всему лагерю. Теперь весь лагерь снабженъ прекрасной ключевой водой и устроенъ водопроводъ.

Рекрутская система комплектованія арміи и суровость служебныхъ требованій побуждали принимать всевозможныя мѣры для борьбы съ побѣгами, составлявшими въ войскахъ заурядное хроническое явленіе, поэтому полевые и задніе караулы содержали вокругъ всего лагеря цѣпь парныхъ часовыхъ, не позволявшую нижнимъ чинамъ самовольно отлучаться отъ своихъ частей. При зад-

нихъ караулахъ, получившихъ въ обиходѣ старое названіе «палочныхъ», производились и всѣ экскурсіи надъ провинившимися нижними чинами.

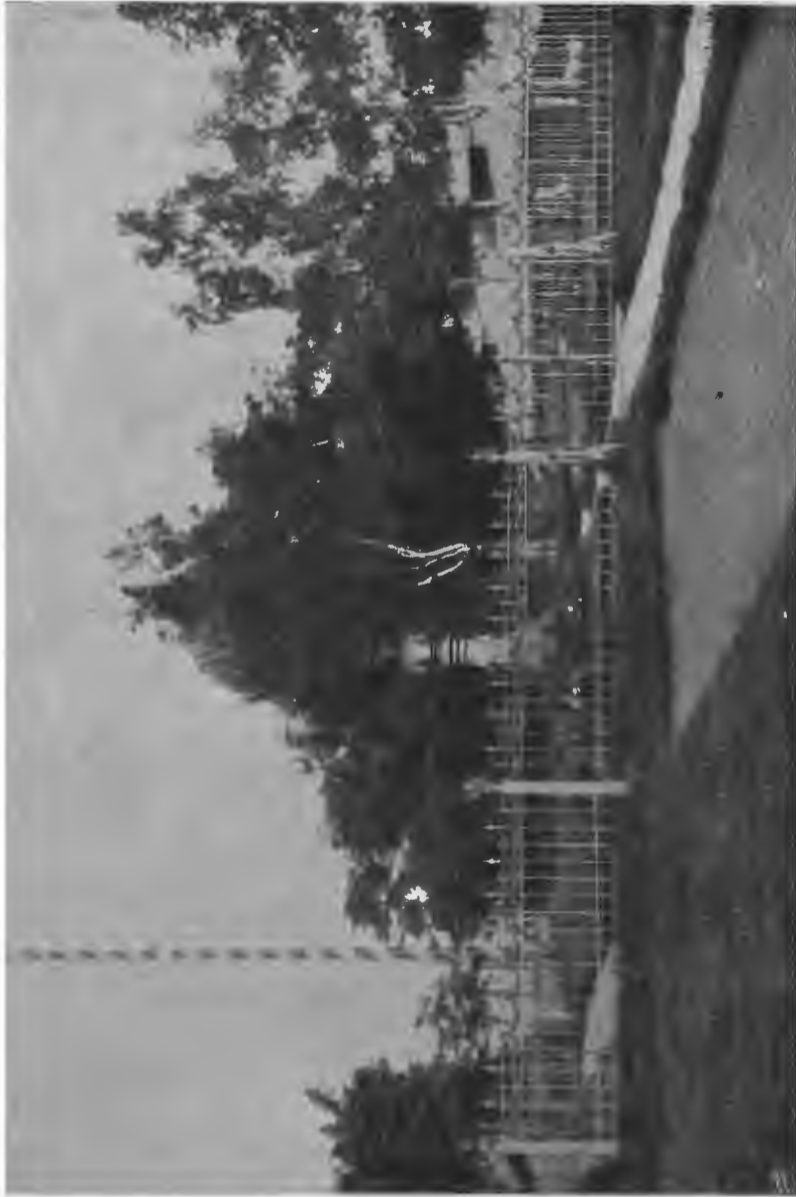
День въ лагерѣ начинался рано: утромъ отъ пяти до семи часовъ производились строевыя занятія, «ученья съ порохомъ», офицерскія двѣнадцатирядныя ученья и т. п. По вечерамъ отъ восьми часовъ производились занятія съ рекрутами и съ не бывшими на утреннихъ ученьяхъ. Стрѣльбой въ цѣль почти не занимались, такъ какъ гладкоствольное ружье съ кремневымъ куркомъ не имѣло даже прицѣла и допускало стрѣльбу не далѣе трехсотъ шаговъ; ненадежность результатовъ стрѣльбы не вызывала охоты совершенствоваться въ этомъ искусствѣ. Порохъ и свинець отпускались въ скудныхъ размѣрахъ, поэтому войска практиковались исключительно въ стрѣльбѣ холостыми зарядами въ примѣрномъ заряджаніи на двѣнадцать темповъ.

Въ іюлѣ лагеръ объѣзжалъ государь императоръ. Для встрѣчи его величества дѣлались заблаговременно распоряженія, а въ день прибытія приказывалось нижнимъ чинамъ фабрить усы. Интересно отмѣтить, что въ то время, въ двадцатыхъ годахъ, національнаго гимна у насъ еще не было, и при встрѣчѣ государя музыканты играли англійскій гимнъ «God save the King» (Боже, спаси царя).

Государь Александръ I иногда пріѣзжалъ въ лагеръ на нѣсколько дней, причемъ останавливался обыкновенно въ лагеряхъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, гдѣ для его величества была устроена такъ называемая «шефская палатка», на мѣстѣ нынѣшней Царской ставки. Впослѣдствіи императоръ останавливался въ охотничьемъ домикѣ на Фабрикантской.

Въ 1833 году, согласно высочайше утвержденному плану, войска гвардейскаго корпуса впервые заняли точно опредѣленные имъ мѣста въ красносельскомъ лагерѣ. При этомъ въ большомъ лагерѣ были расположены первая и вторая гвардейскія пѣхотныя дивизіи съ ихъ артиллеріей и образцовый пѣхотный полкъ; въ авангардномъ и бывшемъ укрѣпленномъ лагерѣ стояли: третья гвардейская пѣхотная дивизія съ ея артиллеріей, лейбъ-гвардіи Финскій стрѣлковый батальонъ, учебный саперный батальонъ, учебный карабинерный полкъ, учебная артиллерійская бригада и образцовая пѣшая артиллерійская рота. Кавалерія стояла по деревнямъ, отдѣльнымъ лагеремъ у деревни Константиновки, а саперы у деревни Сашино подъ Петергофомъ.

Въ 1835 году былъ утвержденъ образецъ новой квадратной палатки на пятнадцать человекъ. Съ этого времени красносельскій лагеръ начинаетъ быстро застраиваться и улучшаться въ смыслѣ своего благоустройства. За линіей водопровода устроены кухни и балаганы съ русскими печами для хлѣбопеченія, которое было



Памятникъ императору Александру II.

рѣшено производить въ лагерѣ; устроены лавочки и харчевни для нижнихъ чиновъ. Въ лагерѣ нѣкоторыхъ полковъ устраиваются пруды для бань и собственные лазареты. Въ этомъ же году на землѣ деревни Кирпуны устроена лабораторія.

Къ выступленію въ лагерь полки готовились, какъ къ дальнему походу: снаряжали весь обозъ, забирали всѣ предметы продовольствія и фуражъ. Передвиженіе въ лагерь совершалось, конечно, пѣшкомъ, походнымъ порядкомъ. Приваломъ обыкновенно служилъ такъ называемый «Красный кабачокъ», знаменитый тѣмъ, что здѣсь въ 1764 году, во время своего историческаго похода въ Петергофъ, ночевала съ Дашковой императрица Екатерина II, возвратившаяся изъ этого похода самодержавной государыней. Этотъ «Красный кабачокъ» существовалъ очень долгое время, но расцвѣтъ его прошелъ съ проведеніемъ желѣзной дороги, когда въ немъ кончились кутежи и бросаніе денегъ богатой помѣщичьей молодежи. Теперь это простой трактиръ для всѣхъ.

Въ то время общихъ столовыхъ не существовало, и офицеры сходились въ артели, въ большинствѣ случаевъ поротно, и выбирали артельщиковъ, на обязанности которыхъ лежало не только продовольствіе товарищей, но и обзаведеніе всѣми предметами офицерскаго обихода еще до выступленія въ лагерь. О роскоши обстановки или изысканности обѣдовъ, конечно, не могло быть и рѣчи.

Увольненіе изъ лагеря въ столицу разрѣшалось исключительно по праздникамъ и было сопряжено съ большими затрудненіями, такъ какъ желѣзной дороги еще не существовало, а наемъ хотя бы одноконной подводки обходился очень дорого. Извозчики за провозъ изъ лагеря въ Петербургъ и обратно брали двадцать четыре рубля ассигнаціями.

Офицеры, увольняемые въ столицу болѣе чѣмъ на сутки, должны были имѣть билетъ и по приѣздѣ явиться къ великому князю Михаилу Павловичу.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ лѣтнія занятія войскъ начинались въ половинѣ іюня малыми маневрами въ окрестностяхъ Краснаго Села, большею частью въ высочайшемъ присутствіи. Въ началѣ августа лагерный сборъ заканчивался обыкновенно корпуснымъ линейнымъ ученіемъ и маневромъ.

Такіе маневры представляли мало поучительности, такъ какъ всѣ передвиженія были предусмотрѣны инструкціями и никакихъ случайностей не допускалось. Роли воюющихъ сторонъ иногда разучивались на предварительныхъ репетиціяхъ; поэтому начальники могли проявлять свои способности только на точномъ исполненіи главной задачи.

Маневры совершались съ большимъ шумомъ, сигналами, барабаннымъ боемъ и холостой стрѣльбой... все это составляло картину,

приятную для глазъ, но лишнюю поучительности и внутренняго содержанія.

Трудно было пережить лагерный сборъ солдату, но не легко давался онъ и офицеру. Лагерная жизнь была не весела, ученья продолжительныя, частыя и утомительныя. Въ часы свободныя отъ занятій отдыхать было негдѣ, кромѣ какъ закупоренными въ своихъ палаткахъ, а внѣ палатокъ приходилось оставаться на солнцепекѣ.

Императоръ Николай I видѣлъ эти недостатки красносельскаго лагеря и еще въ 1849 году утвердилъ планъ засадки лагеря деревьями, а 23-го сентября 1850 года было объявлено высочайшее повелѣніе, чтобы въ лагерѣ гвардейскаго корпуса подъ Краснымъ Селомъ были разведены сады. Въ слѣдующемъ году были засажены деревьями, привезенными изъ Таврическаго сада, ставки государя императора у лагеря лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка и наслѣдника цесаревича—у лагеря лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра II красносельскій лагерь сталъ обогащаться новыми постройками; такъ, въ 1865 году былъ построенъ военный госпиталь на мѣстѣ бывшаго Потемкинскаго и дворца Петра Великаго; въ 1873 году выстроено зданіе около военнаго госпиталя для штаба армейскихъ войскъ. Въ томъ же году наиболѣе ветхія строенія крестьянъ Коломенской слободы были отчуждены въ казну. На этихъ мѣстахъ выстроены прекрасныя бараки для гвардейскихъ штабовъ первой и второй пѣхотныхъ и первой и второй кавалерійскихъ дивизій, стрѣлковой бригады и лейбъ-гвардіи жандармскаго полубатальона. Этотъ послѣдній баракъ въ 1874 году, съ образованіемъ штаба гвардейскаго корпуса, былъ переданъ этому штабу, а офицерамъ лейбъ-гвардіи жандармскаго полубатальона отведенъ былъ баракъ во дворѣ управленія гвардейской артиллеріи; солдаты же и лошади оставались на мѣстѣ до 1882 года, когда для гвардейскихъ жандармовъ былъ отведенъ домъ расформированной гвардейской берейторской школы (бывшій дворецъ императора Александра I), гдѣ они помѣщаются и понынѣ. Затѣмъ, въ 1876 году были построены бараки учебному кавалерійскому эскадрону. Въ царствованіе же императора Александра III въ 1884 году построены бараки для авангарднаго лагеря; въ 1883 г. устроена водокачальная башня съ каланчой военно-пожарной команды; въ 1886 году—баракъ для окружнаго военномедицинскаго управленія; въ 1888 и 1889 годахъ построены бараки для с.-петербургскаго юнкерскаго училища и для офицерской артиллерійской школы; наконецъ въ 1893 году былъ построенъ домъ для командира гвардейскаго корпуса. До постройки этого зданія командиры гвардейскаго корпуса графъ Шуваловъ, принцъ Ольденбургскій и генераль-адъютантъ Манзей жили въ придворныхъ зданіяхъ.

Лагерныя деревянныя церкви построены въ царствованіе императора Александра III на пожертвованныя разными лицами деньги. Первая такая церковь для первой гвардейской пѣхотной дивизіи выстроена въ 1882 году; затѣмъ была построена церковь авангарднаго лагеря и послѣ нея церковь второй гвардейской пѣхотной дивизіи и др.

4. Постройка театра.

Въ 1850 году наслѣдникъ цесаревичъ, командовавшій гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусомъ, задумалъ для развлеченія офицеровъ устроить въ лагерномъ расположеніи войскъ гвардейскаго корпуса въ Красномъ Селѣ лѣтній деревянный театръ.

Входя по этому вопросу къ министру императорскаго двора, военный министръ, въ отношеніи своемъ отъ 14-го декабря 1850 года за № 12073, сообщилъ, что наблюденіе за устройствомъ театра наслѣдникъ цесаревичъ возлагаетъ на дежурнаго штабъ-офицера полковника Синельникова, а самое устройство принимаетъ на себя безвозмездно губернской архитекторъ инженеръ Свичевъ. При этомъ его высочество полагаетъ представленія въ красносельскомъ театрѣ давать придворнымъ актерамъ, которыхъ доставлять туда и обратно въ почтовыхъ дилижансахъ, съ производствомъ проспекта-кальной платы изъ доходовъ театра. Имѣя въ виду ограниченность суммы, опредѣленной на постройку театра (назначено на всю постройку съ кулисами, занавѣсомъ и внутреннимъ оборудованіемъ всего 6,500 руб. сер.), представляется необходимымъ испросить: 1) чтобы для представленій въ театрѣ, по два раза въ недѣлю во время лагерей, преимущественно въ будніе дни, были назначаемы актеры и пьесы, заслуживающія одобренія образованной части публики; 2) такъ какъ на назначенномъ для устройства театра мѣстѣ будетъ разведенъ садъ, то дозволить нынѣ же приступить къ разбивкѣ и планировкѣ сего мѣста; 3) дозволить полковнику Синельникову снимать размѣры разныхъ принадлежностей, въ столичномъ и каменноостровскомъ театрахъ, для образца кресла, стула и проч.; 4) по возведеніи театра командировать въ Красное Село отъ театральной дирекціи лицъ для указаній по устройству сцены и 5) въ особенности испрашивать милостивое содѣйствіе министра императорскаго двора къ изысканію возможности устроить занавѣсъ и кресла.

Черезъ двѣ недѣли князь Волконскій увѣдомилъ военнаго министра князя Чернышева о высочайшемъ соизволеніи на постройку деревяннаго театра въ Красномъ Селѣ, съ отводомъ мѣста по правую сторону новаго Фабрикантскаго шоссе. Съ весны 1851 года приступлено къ постройкѣ театра, порученной самимъ войскамъ. Каменныя работы были исполнены лейбъ-гвардіи Сапер-



Царская ферма въ Дудергофъ.

нымъ батальономъ; на подпоручика этого батальона Херодынова была возложена разбивка театральнаго парка. Каждый изъ полковъ выставилъ двѣсти двадцать подводъ для подвозки лѣса и строительныхъ матеріаловъ, и на каждый полкъ возложена работа сорока двухъ креселъ по образцу, имѣющемуся въ штабѣ наслѣдника цесаревича. Деревья и кусты были доставлены тоже на полковыхъ лошадяхъ изъ Таврическаго сада и Танцкой вотчины. Постройка зданія подвигалась съ удивительной быстротой, и къ 1-му іюля 1851 года театръ былъ готовъ, а 3-го іюля послѣдовало его освещеніе.

На переднемъ занавѣсѣ театра былъ изображенъ видъ большого красносельскаго лагеря по картинамъ изъ Александровскаго Царскосельскаго дворца.

Открытіе театра послѣдовало 4-го іюля. Были поставлены пьесы: «Вѣлая камелія», «Провинціалка» и «Домашняя исторія».

Предполагалось при поднятіи занавѣса представить часть лагеря, около раскинутыхъ палатокъ офицеры разныхъ полковъ сходятся къ главной палаткѣ и, составивъ кружокъ, одинъ изъ офицеровъ долженъ пропѣть «здравную пѣснь», сочиненную артистомъ Григорьевымъ.

Однако цесаревичъ, которому былъ представленъ проектъ чествованія открытія красносельскаго театра, нашелъ неудобнымъ появленіе на сценѣ офицеровъ, а императоръ Николай I самъ приказалъ выпустить нѣкоторые мѣста изъ пѣсни.

На открытіи театра присутствовали: государь, наслѣдникъ, великіе князья Константинъ, Николай и Михайлъ Николаевичи и принцъ Гессенскій.

Такимъ образомъ, съ началомъ пятидесятихъ годовъ внѣшность лагеря совершенно преобразилась, и вмѣсто непригляднаго, однообразнаго голаго бивака появились красивые бараки, въ русскомъ стилѣ, окруженные массой зелени, кочковатое болото позади лагеря обращено въ сады; начали строить офицерскія столовыя; словомъ, порядки, служба и образъ жизни стали быстро измѣняться.

Культура и стремленіе къ удобству стали настойчиво предъявлять свои требованія, и въ то время, когда приступили къ постройкѣ желѣзной дороги отъ Петербурга въ Петергофъ, неволью стала зарождаться мысль о соединеніи желѣзной дорогой и Краснаго Села со столицей.

Въ память командованія наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ (впослѣдствіи императоръ Александръ II) второй гвардейской пѣхотной дивизіей поставленъ памятникъ въ видѣ бюста императора Александра II изъ бронзы на гранитномъ постаментѣ, окруженный цвѣтникомъ и рѣшеткой. Памятникъ стоитъ между лагерями полковъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго и

лейбъ-гвардіи Павловскаго, на томъ мѣстѣ, гдѣ была ставка августѣйшаго начальника дивизіи.

Въ память пребыванія императора Александра III, въ бытность великимъ княземъ, въ офицерской стрѣлковой школѣ (въ то время, въ 1864 году, въ учебномъ батальонѣ) въ саду, противъ барака начальника школы, въ 1896 году поставленъ бронзовый бюстъ покойнаго государя.

5. Желѣзная дорога.

Еще при устройствѣ Петергофа Великій Петръ писалъ Меншикову: «Зѣло прошу, дабы прилежно надсматривать надъ Петергофскою дорогою», и только въ 1853 году баронъ Штиглицъ приступилъ къ постройкѣ столь нужной для обывателей столицы желѣзной дороги на Петергофъ.

Постройка велась на собственный счетъ Штиглица съ правомъ владѣнія имъ этой дорогой впредь до выкупа ея правительствомъ, но не ранѣе, однако, пятнадцати лѣтъ. Постройка закончена только въ 1857 году, а въ слѣдующемъ году, благодаря энергичному ходатайству бывшаго начальника штаба отдѣльнаго гвардейскаго корпуса генераль-адъютанта Э. Т. Баранова, сумѣвшаго склонить барона Штиглица на постройку Красносельской вѣтки отъ Лигова до Краснаго села, было приступлено къ постройкѣ и этой вѣтки.

Дорога эта строилась очень быстро, причемъ графъ Барановъ испросилъ разрѣшеніе на командированіе для постройки этой вѣтки по ста восьмидесяти человѣкъ отъ каждаго полка. Постройка началась въ октябрѣ 1858 года, а уже 14-го іюня 1859 года дорога была открыта для движенія. Впослѣдствіи дорога эта протянулась до Ревеля.

Проведеніе желѣзной дороги внесло въ жизнь красносельскаго лагеря такъ много удобствъ, что пребываніе въ лагеряхъ уже не было столь тягостнымъ, какъ прежде. Удобство и быстрота сообщеній уже не дѣлали жизнь въ лагеряхъ замкнутой и вносили совершенно новыя условія жизни въ лагеряхъ. Войска все еще продолжали переходы въ лагерь совершать пѣшкомъ, походнымъ порядкомъ, но впослѣдствіи и это измѣнилось, и перевозка пѣхоты стала производиться по желѣзной дорогѣ на счетъ войсковыхъ частей. Однако въ послѣдніе годы съ учебною и воспитательною цѣлями войска совершаютъ переходы пѣшкомъ, какъ въ лагерь, такъ и обратно, даже въ случаяхъ, такъ сказать, экстреннаго характера.

6. Красносельскіе дворцы.

Получивъ въ даръ Красное Село, императоръ Александръ I повелѣлъ причислить Красное Село къ числу удѣльныхъ имѣній, и съ этого времени начинается постепенное устройство въ Красномъ

Селѣ дворцовъ и разныхъ при нихъ зданій для помѣщенія въ лагерное время особъ императорской фамиліи и должностныхъ лицъ. Съ приобретіемъ имѣнія Полторацкаго императоръ Александръ I во время своихъ пребываній въ Красномъ Селѣ, за отсутствіемъ другихъ помѣщеній, останавливался въ каменномъ двухъэтажномъ домѣ при бывшей бумажной фабрикѣ. Домъ этотъ, именовавшійся поэтому дворцомъ императора, въ 1862 году съ высочайшаго соизволенія былъ переданъ въ распоряженіе военнаго вѣдомства. Здѣсь съ 1862 по 1882 годъ была расположена гвардейская берейторская школа, а по расформированіи ея зданіе это съ садомъ и постройками передано для лагернаго размѣщенія гвардейскаго полевого жандармскаго эскадрона, который и понынѣ занимаетъ это помѣщеніе.

Въ царствованіе Александра I, кромѣ работъ по приспособленію дома Полторацкаго подъ императорскій дворецъ, были также выстроены отдѣльные дома для великихъ князей Николая и Михаила Павловичей и для ихъ свиты. Для помѣщенія же другихъ лицъ, прибывавшихъ на маневры, въ то время снимались квартиры въ простыхъ крестьянскихъ домахъ.

Въ послѣдній годъ своего царствованія императоръ Александръ I высочайше повелѣлъ перестроить и вновь распланировать Красное Село, чтобы придать ему болѣе красивый видъ и въ то же время перенесеніемъ крестьянскихъ домовъ освободить мѣсто для сооруженія новыхъ дворцовыхъ зданій. Работы эти продолжались пять лѣтъ.

Въ послѣдующія царствованія, по мѣрѣ надобности, также производились постройки помѣщеній для императорской фамиліи и лицъ свиты.

Въ 1864 году значительная часть построекъ была уничтожена пожаромъ, послѣ чего взаменъ сгорѣвшихъ были выстроены новые дома и службы, причѣмъ нѣсколько измѣненъ планъ расположенія ихъ.

Въ настоящее время въ Красномъ Селѣ существуютъ слѣдующіе дворцы: 1) императора Николая I, состоящій всего изъ нѣсколькихъ комнатъ, съ башней, откуда государь любилъ смотрѣть на лагерь; 2) императора Александра II, въ которомъ во время лагернаго сбора войскъ обычно изволилъ имѣть пребываніе нынѣ благополучно царствующій Императоръ Николай II; 3) императора Александра III, построенный въ 1866 году на углу Штабной улицы и ската съ красносельской возвышенности и выходящій однимъ фасадомъ на улицу, а остальными тремя въ дворцовый садъ; 4) бывшій великаго князя Владимира Александровича (а до того великаго князя Константина Николаевича); 5) великаго князя Павла Александровича; 6) великихъ князей Николая и Петра Николаевичей (бывшій великаго

князя Николая Николаевича Старшаго) и 7) посольскій домикъ для великихъ князей.

Въ этомъ домѣ всегда останавливались королева греческая Ольга Константиновна и великій князь Михаилъ Николаевичъ.

Кромѣ того, въ такъ называемой Дворцовой слободѣ находятся еще тридцать три жилыхъ дома съ мебелью и обстановкой, построенные для посѣщенія прибывающихъ на лагерное время и на маневры лицъ императорскаго двора, свиты и приглашенныхъ иностранныхъ гостей. Вдоль шоссе противъ гауптвахты находится красивое длинное зданіе, называемое «большая столовая палатка», въ которой обыкновенно бываютъ завтраки и обѣды, какъ парадные, такъ и для лицъ гофмаршальскаго стола. За этой столовой въ царствованіе императора Александра III построено каменное двухэтажное зданіе главной кухни. Затѣмъ обращаютъ на себя вниманіе вновь устроенныя роскошныя цвѣточные оранжереи и теплицы для тропическихъ растений, громадныя конюшни и прочія службы.

Всѣ эти зданія находятся въ вѣдѣннн главнаго управленія удѣловъ и собственно завѣдываніе красносельскими дворцовыми зданіями, въ виду ихъ значительнаго числа и большой стоимости, съ 1865 года возложено на особое лицо, непосредственно подчиненное главному управленію удѣловъ ¹⁾.

Е. С. Каменскій.



¹⁾ Источниками для статьи послужили: Очеркъ красносельской церкви. Дмитриева. Спб. 1908 года. «Русскій Инвалидъ» 1898 года, №№ 139 и 140. Воспоминанія К. К. Грабовской. «Историческій Вѣстникъ» 1896 года, К. Военскій. Crusé. Curland unter den Herzogen. Mitau. 1833 года. Михайловскій. «Очеркъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ». Спб. 1910 года. Петрушевскій, «Генералиссимусъ Суворовъ». Т. I. «Исторія столѣтія удѣловъ», т. I. «Исторія лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка». «Военный сборникъ» 1877 года, № 1. Шильдеръ, «Императоръ Николай I», т. I. «Архивъ императорскаго двора», «Опись 90—929 дѣло № 254». «Опись 94—929 дѣло № 187», Верландеръ, «Путеводитель по Балтійской жел. дор.». Спб. 1883 года.



КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

П. Пирлингъ. Историческія статьи и замѣтки. Спб. 1913. Стр. 191.
Ц. 1 р. 25 к.



ИНТЕРЕСЪ къ русской исторіи въ настоящее время растетъ и крѣпнетъ не только въ средѣ русскаго общества, но и за границей. Уже немало иностранныхъ ученыхъ посвящаютъ свое время и трудъ изслѣдованіямъ по русской исторіи; въ ряду подобныхъ историковъ одно изъ первыхъ мѣстъ, несомнѣнно, занимаетъ и авторъ настоящей книги Пирлингъ, показавшій себя, какъ осторожный, точный и безпристрастный изслѣдователь. Тонкій анализъ историческихъ событій, остроумныя догадки въ связи съ живостью его выразительнаго языка дѣлаютъ изученіе его работъ увлекательнымъ занятіемъ. Въ-особенности слѣдуетъ отмѣтить строгость автора въ соблюденіи требованій научной достовѣрности; онъ не гонится за тѣмъ, чтобы непременно навязать читателю свои выводы, и въ сомнительныхъ случаяхъ обычно приводитъ доводы и pro и contra, предоставляя читателю самому сдѣлать окончательное заключеніе.

Настоящій сборникъ составился изъ статей и замѣтокъ автора, появившихся въ разное время въ «Русской Старинѣ» и въ «Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей». Впрочемъ, «секретнѣйшая» депеша русскаго посланника появляется въ сборникѣ впервые. Большинство очерковъ относится къ исторіи смутнаго времени и вообще эпохи XVIII вѣка. Къ числу наиболѣе интересныхъ слѣдуетъ отнести замѣтку о полной превратностей, драматической судьбы Марины Мнишекъ послѣ майскаго погрома. Авторъ своимъ изложе-

ніем убѣждаетъ читателя, что Марина, вынесенная судьбой въ чуждую ей Московію, поставленная въ кипучій водоворотъ бурныхъ историческихъ событій, не потерялась, но оказалась на высотѣ требованій времени, обнаруживъ задатки незаурядной личности. Такъ какъ спеціальной монографіи о Маринѣ Мнишекъ на русскомъ языкѣ не существуетъ, очеркъ автора приобретаетъ поэтому особенную цѣнность. Пирлингъ начинаетъ свое описаніе съ указанія на то, что въ роковую ночь гибели Лжедмитрія Марина едва сама спаслась отъ смерти. Буйная толпа заговорщиковъ, вломившись во дворецъ, бросилась во внутренніе покои: на нѣкоторое время она была задержана геройскимъ сопротивленіемъ Яна Осмольского, пытавшагося въ узкомъ проходѣ преградить мятежникамъ дальнѣйшее движеніе, но онъ вскорѣ былъ пораженъ. Ворвавшись на половину царицы, заговорщики наткнулись на толпу испуганныхъ и полуодѣтыхъ полекъ и стали требовать «Маринку». «Никто ея лично не зналъ да и узнать ее въ данныхъ условіяхъ было бы трудно. Одно предательское слово, и она пропала: ее ожидала лютая смерть. Къ счастью, измѣнницы не нашлось. Вслѣдъ за чернью во-время подоспѣли бояре и выручили несчастную царицу». Отецъ Марины, Юрій Мнишекъ, также только благодаря счастливой случайности избѣгъ опасности.

Между тѣмъ событія шли быстрымъ темпомъ. Въ августѣ Юрія Мнишка съ дочерью и другими членами семейства въ сопровожденіи шляхтичей и служителей отправили въ ссылку въ Ярославль. Здѣсь они протомились около двухъ лѣтъ безвыѣздно, подъ назойливымъ надзоромъ особо назначенныхъ приставовъ. Ихъ уединенная, замкнутая жизнь была неожиданно нарушена только волнующимъ слухомъ о спасеніи Дмитрія. Лишь въ маѣ 1608 года были они вызваны приказомъ изъ Ярославля въ Москву, а вскорѣ послѣ того, согласно перемирію, и освобождены, въ томъ числѣ Юрій Мнишекъ съ Мариной. Освобожденные всѣ вмѣстѣ и выѣхали изъ Москвы на родину, при чемъ имъ были даны нѣсколько сотенъ ратныхъ людей (подъ начальствомъ князя В. Т. Долгорукаго) въ охрану, ибо дорога считалась ненадежной: Дмитрій II стоялъ въ Тушинѣ, и въ Москвѣ опасались, какъ бы онъ не захватилъ Марину. Поляковъ изъ осторожности направили къ границѣ окольными путями черезъ Тверь. Отрядъ приближался уже къ Волгѣ, какъ вдругъ развѣдчики принесли тревожную вѣсть о томъ, что позади настагаетъ погоня Дмитрія. Тогда голоса раздѣлились: одни совѣтовали свернуть съ пути и переждать, другіе вмѣстѣ съ главнымъ посломъ Олесницкимъ настаивали на томъ, чтобы ѣхать далѣе по болѣе краткой, хотя и опасной дорогѣ. Послѣдняго мнѣнія придерживался и Юрій Мнишекъ съ Мариной. Противники, потерявъ въ спорахъ цѣлыхъ два дня, къ соглашенію все-таки не пришли и, разбившись на два отряда, отправились каждый своимъ путемъ. «Случилось то, что можно было предвидѣть. Погоня Дмитрія, нагнавъ Олесницкаго, привела его въ Тушино вмѣстѣ съ Юріемъ Мнишкомъ и Мариной». Надо думать, что вся эта исторія съ погоней Дмитрія прошла не безъ участія самого Мнишка. Есть всѣ данныя заключить (и апримѣръ, на основаніи переписки Юрія Мнишка съ Дмитріемъ), что «между самозванцемъ и воеводой была, по крайней мѣрѣ, попытка соглашенія» (стр. 53). Было подобное соглашеніе, или нѣтъ, — во всякомъ случаѣ все уладилось въ пользу

самозванца, и Марина сочеталась съ нимъ бракомъ. «Не трудно угадать ея соображенія: почитая себя московскою царицею, она, обладая правомъ на престолъ, своимъ бракомъ съ самозванцемъ возводила его на степень царицына мужа и законнаго царя». Тѣмъ не менѣе положеніе Марины было крайне безотраднѣе, и она нуждалась въ самомъ необходимомъ; но, «вопреки плѣненію и невзгодамъ, царскій духъ не угасалъ въ Маринѣ. Всегда мечтая о престолѣ, она не поступаетъ своими, по ея мнѣнію, непоколебимыми правами. Даже въ письмахъ къ отцу она подписывается «szagowa». Она заботится, чтобы посланцамъ Димитрія оказывались почести въ Варшавѣ. Она обращается къ папѣ, къ папскому нунцію, къ королю, но безъ всякаго раболѣпія, съ полнымъ сознаниемъ своего достоинства» (стр. 59).

Сильнымъ ударомъ для нея была трагическая смерть второго Лжедмитрія. Если вѣрить нѣкоторымъ извѣстіямъ, это такъ подѣйствовало на Марину, что она хотѣла лишиться себя жизни. Однако и теперь Марина еще не падаетъ духомъ. Найдя опору въ Заруцкомъ, она пытается продолжать борьбу за осуществленіе своихъ правъ на царство. Но времена были уже не тѣ: смута подходила къ концу. Въ іюнѣ 1614 года Заруцкій вмѣстѣ съ Мариной и другими былъ выданъ самими казаками московскимъ стрѣльцамъ. Дальнѣйшая судьба Марины съ достовѣрностью неизвѣстна. Согласно свѣдѣніямъ изъ русскихъ источниковъ, Заруцкаго посадили на колъ, пятилѣтняго Ивашку, сына Марины, умертвили, а Марину, всего вѣроятнѣе, держали въ заключеніи. Преданіе о коломенской кирпичной многогранной башнѣ говоритъ, что Марина умерла въ этой башнѣ «съ тоски по волѣ».

Къ числу наиболѣе интересныхъ статей въ данномъ сборникѣ необходимо также причислить и очерки относительно Лжедмитрія I, объ отношеніяхъ его къ польскимъ аристамъ, къ Адаму Вишневецкому и т. д. Что касается «секретнѣйшей» депеши русскаго посланника (Іоакима Лизакевича), то здѣсь говорится объ отношеніи папы Пія VII къ избранію Павла I гроссмейстеромъ мальтійскихъ рыцарей и намѣреніи папы относительно соединенія церквей. Піи VII прямо говорилъ Лизакевичу: «Будьте благонадежны, что я превеличайшее желаніе имѣю распорядить сіе дѣло (Мальтійское) въ угодность его императорскаго величества. Мое желаніе далѣе еще простирается, а именно присоединить греческую съ католическою вѣрою; для сего столь важнаго предмета, который вѣчно прославить и сдѣлаетъ безсмертнымъ имя великаго Павла Перваго, я готовъ самъ ѣхать въ С.-Петербургъ, изустно трактовать съ государемъ, коего характеръ основанъ на истинѣ, правосудіи и вѣрности». Піи VII очень торопиль Лизакевича съ отправкою этихъ свѣдѣній, но катастрофа 11-го марта разбила расчеты ватиканскихъ политиковъ.

Съ внѣшней стороны книга издана хорошо; плотная бумага, четкій шрифтъ. отсутствіе опечатокъ. Цѣну слѣдуетъ признать невысокой.

К.

Труды вятской ученой архивной комиссії. 1912 годъ. Выпускъ I—II. Посвящается памяти преподобнаго Трифона, вятскаго чудотворца, по случаю трехсотлѣтняго юбилея со дня его блаженной кончины. Стр. 75 + XII + 217 + 128 + IV + 43. Цѣна 1 руб.—Выпускъ III. Посвящается памяти отечественной и освободительной войны 1812—1813—1814 г. Стр. 86 + 101 + VII + 123 + VII. Цѣна 1 р. Вятка. 1912.

Молодая еще вятская ученая церковная комиссія, дѣйствующая всего восемь лѣтъ, проявляетъ свою дѣятельность все шире и шире на почвѣ разработки мѣстной исторіи. Въ 1912 году она издала два объемистыхъ тома, въ трехъ выпускахъ, своихъ «Трудовъ». Первый изъ нихъ содержитъ «Житіе преподобнаго отца нашего Трифона, вятскаго чудотворца», статьи: «Историческій очеркъ почитанія преподобнаго Трифона» и «Въ какомъ году скончался преподобный Трифонъ?» и «Указатель литературы о преподобномъ Трифонѣ и основанныхъ имъ монастыряхъ». Всѣ эти работы исполнены протоіереемъ І. М. Осокинымъ, которому болѣе всего должны быть благодарны ученые археологи за изданіе «Житія» преподобнаго Трифона древнѣйшей редакціи. «Печатаемое нами житіе, — читаемъ въ его предисловіи, — представляетъ изъ себя совершенно отличную редакцію отъ житій, уже извѣстныхъ въ печати, изданныхъ въ 1868 г. П. Шестаковымъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ», и въ 1905 году В. Я. Струминскимъ въ «Трудахъ» пермской ученой архивной комиссії. Отличіе это, при общемъ сходствѣ его съ обѣими указанными редакціями въ повѣствованіи и основномъ фактическомъ матеріалѣ, заключается, помимо риторическихъ украшеній, въ обиліи новыхъ свѣдѣній относительно автора житія, времени написанія и источниковъ, на основаніи которыхъ создавалось это житіе, что и придаетъ ему особенную важность историческую цѣнность. Изъ житія этого узнаемъ, что авторъ его, неизвѣстный по имени и фамиліи, былъ родомъ вятчичъ и въ молодости былъ человѣкомъ близкимъ къ монастырю. Дѣдъ его Тимофеевъ былъ въ числѣ братіи монастыря при самомъ преподобномъ Трифонѣ и пользовался его особымъ вниманіемъ; родители его часто и много рассказывали въ своей семьѣ о Трифонѣ... Проживая въ Пыскорскомъ Пермской губерніи, Сольвычегодскомъ-Коряжемскомъ и, наконецъ, въ Успенскомъ Трифономомъ монастырѣ, этотъ невѣдомый по имени и отчеству авторъ тщательно сообщаетъ свѣдѣнія отъ всѣхъ, такъ или иначе помнившихъ преподобнаго Трифона; открылъ «въ казенной келіи часть въ тетрадяхъ, часть въ малыхъ хартіяхъ» древнѣйшее описаніе житія преподобнаго Трифона и его чудесъ и получилъ отъ «нѣкоего священническаго чина человѣка собственноручную духовную грамоту» преподобнаго, списокъ съ которой положилъ въ «прикладъ» къ житію. По предположенію І. М. Осокина, житіе это составлено около 1650 года и лучше всего сохранилось въ рукописи конца XVII или начала XVIII вѣковъ, которая пріобрѣтена комиссіей въ 1911 году отъ старообрядки Мыльниковой. Печатаемая «Житіе» этой «Мыльниковской» рукописи, онъ даетъ въ примѣчаніяхъ разночтенія изъ другой весьма сходной рукописи, принадлежащей церкви с. Малой Жемнюжки Архангельской губерніи и также до сихъ поръ не опубликованной.

Какъ бы въ дополненіе къ матеріаламъ о преподобномъ Трифонѣ напечатаны еще повѣя дапныя и о монастыряхъ, имъ основанныхъ, — «Вѣдомость о вятскомъ

архіерейскомъ домѣ и о монастыряхъ вятской епархіи первой четверти XVIII в.», «Перечневья табели о домѣ вятскаго архіерея, о монастыряхъ вятской епархіи и о дѣвичьихъ монастыряхъ вятской епархіи», «Роспись преосвященнаго Іоны, архіепископа вятскаго и великопермскаго, келейнымъ его церковнымъ предметамъ и вещамъ» (эти три документа сообщены В. И. Шабалинымъ) и «Челобитная вятскаго мужского монастыря 1711 года декабря 27-го» (сообщ. Д. В. Фаворскій).

Второй томъ или третій выпускъ «Трудовъ» содержитъ «Матеріалы для исторіи отечественной и освободительной войны 1812—1813—1814 гг. по Вятской губерніи», собранные В. Р. Апухтинымъ въ московскомъ отдѣлѣ архива главнаго штаба и общемъ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Хотя матеріаловъ этихъ сравнительно немного, всего около сорока документовъ (письма, донесенія, разнаго рода списки, высочайшіе рескрипты и указы, рапорты и проч.), но они новы и даютъ возможность составить себѣ нѣкоторое представленіе о формированіи вятскаго земскаго народнаго ополченія, его передвиженіи сперва въ 1812 году въ Малороссію и Вольню, а затѣмъ за границу и о военныхъ дѣйствіяхъ вятичей, которые, соединившись въ 1813 году съ казанскимъ ополченіемъ, дошли до береговъ Эльбы и «покрыли себя славой въ сраженіи подъ Дрезденомъ». Вслѣдъ за этими документами напечатаны извлеченные изъ дѣлъ вятской духовной семинаріи «матеріалы», свидѣтельствующіе объ участіи въ отечественной войнѣ вятскаго духовенства, во главѣ съ своимъ епископомъ Гедеономъ, которое собрало однѣми деньгами свыше 13,000 рублей, и затѣмъ документы, относящіеся къ 1812—1813 гг. изъ архива вятскаго губернскаго правленія. (Здѣсь наиболѣе цѣнна «Опись дѣлъ и переписокъ, относящихся до великой отечественной войны Россіи съ Наполеономъ въ 1812—1814 гг.», сообщенная Д. В. Фаворскимъ).

Нельзя не указать еще на помѣщенные въ третьемъ отдѣлѣ выпуска, во-первыхъ, весьма любопытные по содержанію и изложенію отрывки изъ «Дневника бывшаго ректора вятской духовной семинаріи, потомъ епископа енисейскаго и красноярскаго, Никодима Казанскаго, а именно: «Мое ректорство въ Вяткѣ отъ 19-го февраля 1835 года по 26-го мая 1838 года» и «Жизнь въ Вяткѣ» (1844 г.), во-вторыхъ, «Письмо 1837 года очевидца о пребываніи въ гор. Вяткѣ государя наслѣдника великаго князя Александра Николаевича», писанное Ѳ. И. Пинегинимъ къ его дядѣ и найденное въ гор. Слободскомъ на рынкѣ, въ качествѣ обертки для какого-то товара, и, въ-третьихъ, «Формулярный списокъ о службѣ сарапульскаго городничаго Андрея Васильевича Дурова (отца героини 1812 года кавалериста-дѣвicy Надежды Андреевны Дуровой-Александровой)».

Отдавая полную справедливость безвозмезднымъ труженикамъ вятской ученой архивной комиссіи за ихъ цѣнныя въ историческомъ отношеніи работы, я не могу въ то же время не похвалить на редактора «Трудовъ», допускающаго въ послѣднемъ немало опечатокъ и притомъ досадныхъ, напримѣръ, фамилія епископа Никодима на стр. II напечатана «Казанцевъ», а на стр. I—«Казанскій», и терпящаго такую брошюровку выпускать, при которой нельзя прочесть послѣднихъ словъ страницы, примыкающихъ къ корешку.

В. Рудаковъ.

1) Владимиръ Китченко. Ручны замка въ Гапсалѣ. Ревель. 1912. 2) Гапсальскій замокъ, его настоящее и прошлое. Гапсаль. 1912.

Въ былые годы эстляндскій курортъ Гапсаль служилъ любимымъ лѣтнимъ мѣстопробываніемъ членовъ царской семьи и аристократическихъ фамилій. Затѣмъ, съ развитіемъ другихъ балтійскихъ курортовъ (главнымъ образомъ Аренсбурга) онъ въ значительной степени утратилъ свое значеніе, хотя и до сего времени служить однимъ изъ любимыхъ мѣстъ лѣтняго сѣзда. Приманки Гапсаля—живописное расположеніе города и окрестностей, мягкій воздухъ, цѣлебныя грязи, морскія купанья.

Около семи-восьми лѣтъ назадъ гор. Гапсаль соединенъ желѣзною дорогою съ сѣтью русскихъ желѣзныхъ дорогъ, а текущею зимою изъ него образованъ и зимній курортъ.

При приближеніи къ городу уже издали можно видѣть развалины («руины») стараго замка, основаннаго въ XIII вѣкѣ (въ томъ же столѣтіи, но позже, положено основаніе городу) и за свои семь столѣтій пережившаго много тяжелыхъ невзгодъ, неоднократно переходя изъ рукъ въ руки.

Когда-то весь городъ былъ обнесенъ стѣною съ четырьмя башнями, но онѣ были разрушены безслѣдно еще въ концѣ XVII вѣка, отъ замка же и донинѣ сохранились стѣны, главное зданіе съ церковью, колокольней, дымовой трубой, остатками жилыхъ помѣщеній, валы съ подземнымъ ходомъ (засыпанъ), подвалы. (Много камней и плить, къ сожалѣнію, расхищены жителями города для постройки домовъ). Но все это еще ждетъ подробныхъ археологическихъ разысканій и раскопокъ, которыя могутъ многое освѣтить въ многовѣковой исторіи гапсальскаго замка.

Изъ разбираемыхъ книжекъ первая (В. Китченка) выгодно отличается отъ второй своимъ внѣшнимъ видомъ съ недурно исполненными рисунками. Это—спинки съ разныхъ частей замка, а также съ предметовъ древности (надгробныхъ плить, статуэтокъ и пр.).

Авторъ прежде всего излагаетъ историческое прошлое замка и города Гапсаля, затѣмъ подробно описываетъ нынѣшній замокъ и заканчиваетъ нѣсколькими легендами. (Бѣлая дама, клятвопреступникъ, осада, адская собака, Яковъ де-ла-Гарди, дубъ, императоръ Петръ I, мертвая собака, погрузившаяся часовня).

Вторая книжка (анонимная) издана очень небрежно, на плохой бумагѣ, съ скверно отпечатанными рисунками. Содержаніе ея аналогично съ первой книжкой, только народныхъ сказаній приведено больше, чѣмъ у Китченка, и, кромѣ того, данъ списокъ домовъ гор. Гапсаля. Изданіе выиграло бы еще болѣе, въ смыслѣ практичности, если бы въ послѣднемъ списокѣ были указаны число комнатъ домовъ и наемная (за лѣтніе мѣсяцы) плата.

Обѣ книжки прочтутся съ большимъ интересомъ дачниками Гапсаля, любимымъ мѣстомъ прогулокъ которыхъ всегда были именно «руины», живописныя и полныя грустной поэзіи.

А. Мальгревъ.

**François Charles-Roux. Alexandre II, Gortshakoff et Napoléon III.
Paris. 1913. Librairie Plou. Pp. 560. Pr. 7 fr. 50.**

Г. Шарль-Ру написал очень серьезный и обстоятельный исторический очерк дипломатических сношений России с Францией с 1855 по 1872 годъ. Открывается его книга повѣствованіемъ о томъ впечатлѣніи, которое произвела смерть императора Николая I,—впечатлѣніи, весьма сдержанномъ и корректномъ въ сравненіи съ шумнымъ злорадствомъ англичанъ, и кончается телеграммами, которыми обмѣнялись между собою императоръ Александръ II и Вильгельмъ I по поводу заключенія мира между Пруссіей и Франціей, телеграммами, вызвавшими такое горькое чувство въ Франціи и общественное недовольство въ Россіи. Такимъ образомъ, изложеніе г. Шарля-Ру охватываетъ періодъ въ семнадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ главнымъ руководителемъ европейской политики былъ Наполеонъ III, а Россія была представлена на дипломатической шахматной доскѣ княземъ Горчаковымъ.

Подробно анализируя факты дипломатическихъ сношеній между Россіей и Франціей, авторъ показываетъ, какъ князь Горчаковъ съ самаго начала своей дѣятельности сумѣлъ вѣрно понять и оцѣнить все значеніе франко-русскаго сближенія. Мысль объ этомъ сближеніи не покидала русскаго канцлера, и не его вина въ томъ, что идея этого сближенія осуществилась много лѣтъ спустя, когда его уже не было. Всѣ попытки Горчакова сблизить Россію съ недавней противницей разбивались, съ одной стороны, о тупую и недалновидную политику Наполеона III. Не замѣчая выраставшей мощи Германіи, считая начавшееся объединеніе германскихъ государствъ дѣломъ естественнымъ, которое не можетъ внушать никакихъ опасеній Франціи, и взявъ на себя роль поддерживать, въ явный ущербъ интересамъ Россіи, уже создавшееся положеніе, Наполеонъ отвертывался всякій разъ, когда Россія шла къ нему навстрѣчу. Такихъ моментовъ въ исторіи указаннаго періода было нѣсколько.

Послѣ севастопольской кампаніи французскимъ посланникомъ въ Россіи былъ назначенъ родной братъ Наполеона, герцогъ Морни (сынъ королевы Гортензіи и генерала Флаго). Морни также былъ сторонникомъ франко-русскаго соглашенія и дѣйствовалъ въ этомъ направленіи такъ энергично, что между братьями произошла размолвка и герцогъ Морни былъ отозванъ изъ Россіи.

Съ другой стороны, франко-русскому сближенію мѣшало и германофильство императора Александра II и его въ началѣ явное нерасположеніе къ личности Наполеона III. Въ 1857 году въ Штутгартѣ состоялась первая личная встрѣча обоихъ императоровъ, причемъ Александръ II произвелъ на французовъ впечатлѣніе челоуѣка угрюмаго, а императрица Марія Александровна, находившаяся въ Дармштадтѣ, подъ какимъ-то предлогомъ отказалась пріѣхать въ Штутгартъ, что было истолковано, какъ пренебреженіе и нежеланіе знакомиться съ императрицей Евгеніей.

Послѣ пораженія Австріи при Садовой у Россіи и Франціи открылись наконецъ глаза на растущую опасность со стороны усиливавшейся Пруссіи. Россія опять пошла навстрѣчу Франціи, и Александръ II въ 1867 году отпра-

вляется въ Парижъ. На этотъ разъ судьба оплатила ему за Штутгартъ. Наполеонъ принялъ его чрезвычайно пышно и любезно, но уклонялся, видимо, намѣренно отъ всякихъ политическихъ разговоровъ какъ съ самимъ императоромъ, такъ и съ канцлеромъ Горчаковымъ. Однажды Александръ II улучилъ было подходящий моментъ рѣшительно объясниться съ Наполеономъ, но какъ разъ въ эту минуту въ кабинетъ императора вошла, словно нарочно, императрица Евгенія. Моментъ былъ упущенъ и никогда уже не повторился болѣе. Александръ II остался очень недоволенъ поѣздкой въ Парижъ. Покушеніе на его жизнь поляка Березовскаго, признаннаго виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія, общій враждебный русскому императору тонъ французской прессы, ставившей Александру II въ вину даже то, что онъ присутствовалъ какъ-то на представленіи процвѣтавшей тогда оперетки «Герцогиня Герольштейнская», рѣзкія выходки по адресу Россіи во французской палатѣ депутатовъ,—все это только подливало масла въ огонь взаимной непріязни. Между Россіей и Франціей стала Польша.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ эти чувства, идея франко-русскаго сближенія силою обстоятельствъ продолжала забирать силу. «Его величество теперь правильнѣе цѣнить своихъ союзниковъ, и не въ эту сторону обращены его взгляды», говорилъ князь Горчаковъ. Но было уже поздно. Историческій моментъ сумѣла использовать Пруссія. Не дожидаясь, когда наконецъ Россія вынуждена будетъ отшатнуться отъ нея, она бросилась на Францію и разгромила ее. Послѣ франко-прусскаго войны карта Европы совершенно измѣнилась: между Россіей и Франціей выросла могучая Германія—эта вѣчная угроза миру. Франко-русское сближеніе изъ желательнаго стало необходимымъ, и при Александрѣ III превратилось въ совершившійся фактъ.

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе весьма основательной книги г. Шарль-Ру и ее смѣло можно рекомендовать вниманію лицъ, занимающихся исторіей новѣйшаго періода европейской исторіи.

А. В.

Логофеть, Д. Н. Въ горахъ и на равнинахъ Бухары. (Очерки Средней Азіи). Спб. 1913. Стр. 619. Цѣна 3 рубля.

Талантливый Д. Н. Логофеть уже извѣстенъ, какъ авторъ интересно написанныхъ книгъ о Средней Азіи. Его трехтомное сочиненіе «На границахъ Средней Азіи» посвящено описанію персидской, русско-афганской и бухарско-афганской границъ. Есть книга путевыхъ очерковъ «По Каспійскому морю», имѣются два интересныхъ тома «Очерковъ и рассказовъ», изъ которыхъ первый томъ посвященъ описанію жизни «пограничниковъ», нашихъ солдатъ, охраняющихъ границы, и второй томъ—описанію военной жизни въ пустынныхъ и дикихъ горахъ Средней Азіи. Наконецъ г. Логофетомъ опубликованы два большихъ тома, посвященныхъ Бухарѣ: «Страна Безправія»—бухарское ханство и его современное состояніе, и «Бухарское ханство подъ русскимъ протекторатомъ».

Разсматриваемая нами книга «Въ горахъ и на равнинахъ Бухары» является какъ бы добавленіемъ двухъ предыдущихъ изданій, и надо отмѣтить, что новый трудъ г. Логофета написанъ такъ же интересно, какъ и всѣ вообще его книги, посвященныя Средней Азіи. Г. Логофетъ безпритязательный описатель того, что имъ непосредственно было наблюдено. Иногда онъ довольно полно описываетъ и свои переживанія, рисуя картины быта туземцевъ страны или военныхъ, въ силу служебнаго долга вынужденныхъ оторваться отъ родины ради мирныхъ или воинскихъ завоеваній пустынь Азіи. Описывая мѣстности, по которымъ авторъ проѣзжалъ или проходилъ, и народъ, съ которымъ ему приходилось встрѣчаться, г. Логофетъ, попутно набрасываетъ историческое прошлое старинныхъ бухарскихъ крѣпостей и городовъ или описываетъ новыя мѣста, завоеванныя русскими. Не ускользаетъ отъ вниманія путешественника-бытописателя и религіозное вѣрованіе тѣхъ народовъ, по обиталищамъ которыхъ онъ проѣзжаетъ; при этомъ мы должны особенно отмѣтить корректное и осторожное отношеніе къ религіи народовъ или отдѣльныхъ лицъ, съ которыми г. Логофету приходилось сталкиваться какъ путешественнику. Имѣются въ книгѣ географическія и этнографическія свѣдѣнія мѣстъ наблюденій автора.

Можно пожалѣть только о томъ, что въ книгѣ г. Логофета очень мало данныхъ, характеризующихъ экономическое состояніе народа, о которомъ онъ пишетъ, не особенно тщательно изслѣдованъ имъ и социальный бытъ народовъ, заселяющихъ Бухару, а вѣдь эти свѣдѣнія также были бы не лишними тому читателю, для котораго авторъ предназначаетъ свои книги.

Какъ военный, г. Логофетъ съ особенной похвалою относится къ военнымъ, или положившимъ животъ свой на завоеваніе новаго края, или отдавшимъ свои силы ради мирнаго завоеванія страны: устройство укрѣпленныхъ мѣстъ, проведеніе дорогъ и т. п. Отмѣтить и поощрить труженниковъ завоеванія новыхъ странъ, конечно, слѣдуетъ, но не надо забывать и объ объективныхъ цѣнностяхъ исторіи. Было, вѣроятно, что-либо и отрицательное въ воинскихъ экспедиціяхъ въ Среднюю Азію. Какъ же бы не отмѣтить и этого, вѣдь нужно же знать и подвиги военныхъ, и ихъ ошибки. Трудъ г. Логофета—серьезное изслѣдованіе, а не полемическая брошюра, и его критическое отношеніе къ дѣйствительности было бы только полезно хотя бы ради того, чтобы не повторить въ будущемъ невольныхъ и неизбежныхъ ошибокъ въ каждомъ новомъ и сложномъ дѣлѣ. Не къ безразличной полемикѣ мы призываемъ г. Логофета, а къ болѣе полному и всестороннему изслѣдованію вопроса.

Отмѣтивъ эти пробѣлы въ книгѣ г. Логофета, мы должны, однако, закончить свою рецензію замѣчаніемъ, что, несмотря на эти пробѣлы, книга г. Логофета читается съ большимъ интересомъ. Есть мѣста, написанныя настоящимъ профессиональнымъ беллетристомъ, напримѣръ,—описаніе грозы въ горахъ или описаніе встрѣчи съ мертвыми всадниками, или описаніе того русскаго ефрейтора, который измѣнилъ вѣрѣ отцовъ и принялъ магометанство. Мѣстные бухарскіе пейзажи описаны авторомъ сочно, и человекъ въ борьбѣ съ природой зарисованъ, какъ боецъ, какъ вѣчный завоеватель. Есть въ книгѣ и невольное курьезное отступленіе автора. Спутникъ г. Логофета, офицеръ В., рассказываетъ, какъ ему удалось побѣдить тигра, имѣя въ рукахъ ружье, за-

ряженное дробью, т.-е. выстрѣломъ, предназначеннымъ для фазановъ. Отъ этой страницы книги вѣдетъ невинно-ложнымъ охотничьимъ рассказомъ, но авторъ въ этомъ разказѣ не повиненъ. Это говоритъ скорѣе за его объективность, такъ важную въ описаніяхъ путешествій.

Въ книгѣ имѣются иллюстраціи—заставки, виньетки. Эти иллюстраціи положительно не выдерживаютъ критики: во-первыхъ, ихъ немного, и въ началѣ или въ концѣ каждой главы по всей книгѣ повторяются одни и тѣ же снимки средне-азиатскихъ ландшафтовъ, видовъ городовъ и крѣпостей и т. д., во-вторыхъ, рисунки эти чаще всего не иллюстрируютъ текстъ, а наводятъ на какія-то новыя не соответствующія содержанию представленія. А сколько интересныхъ событій описалъ г. Логофеть, и снабженіе этихъ описаній соответствующими иллюстраціями сдѣлало бы книгу г. Логофета еще интереснѣе. Еще можно пожалѣть о томъ, что къ книгѣ не приложена карта Бухары, или, по крайней мѣрѣ, той мѣстности, гдѣ проѣзжалъ авторъ.

В. Бр.

Д. А. Скалонъ. Мои воспоминанія 1877—1878 гг. Томъ I. 1913. Стр. 400. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг., т.-е. послѣдняя наша война съ Турціей, имѣетъ обширную мемуаристику. Не говоря уже о воспоминаніяхъ болѣе мелкаго масштаба, достаточно припомнить трехтомное сочиненіе П. Д. Паренсова «Изъ прошлаго» или «Мой дневникъ» М. А. Газенкампа. Однако нѣкоторыя стороны этой побѣдоносной въ конечномъ результатѣ войны, при которой успѣхъ дался намъ не сразу и мы не завладѣли Константинополемъ, остаются все еще не вполне освѣщенными. Д. А. Скалонъ, бывший въ этой войнѣ личнымъ адъютантомъ великаго князя Николая Николаевича, восполняетъ своими воспоминаніями пробѣлъ въ изображеніи главнаго героя этой войны—августѣйшаго генералъ-фельдмаршала.

Забытый фельдмаршалъ... Конечно, забытый, вслѣдствіе нашей россійской распущенности, вслѣдствіе утраты нами культа предковъ, вслѣдствіе нашей близости къ эпохѣ освобожденія славянъ, при которой неизбѣжныя промахи заслонили въ нашихъ глазахъ наши крупныя достоинства. Забытый фельдмаршалъ, потому что мы занялись Витгенштейнами и Барклаями и освободительная славянская война не пользуется нашимъ фаворомъ...

Нынѣ въ нашемъ забвеніи августѣйшаго полководца пробита брешь. Мы созидаемъ ему памятникъ, а Д. А. Скалонъ, какъ его личный адъютантъ, посвящаетъ ему только что вышедшія воспоминанія. Эти воспоминанія—очень цѣнны, такъ какъ они—искренни, сердечны, задушевы, и правъ авторъ мемуаровъ, когда онъ, обращаясь къ дневнику, пишетъ: «много чувствъ сердечныхъ и душевныхъ думъ занесено на твои страницы, и какъ зеркало безпристрастно рисуетъ нашъ наружный обликъ, такъ же точно я старался рисовать и заносить въ тебя, чрезъ мой душевный образъ, все, что видѣлъ, слышалъ и пережилъ».

Много, очень много новых черточек и свѣдѣній раскинуто въ интересной книгѣ Д. А. Скалона.

Рѣшеніе двинуть на театр военных дѣйствій гвардію было принято еще въ апрѣлѣ, когда наслѣдникъ цесаревичъ выговорилъ для себя отправку на войну гвардейскаго корпуса, съ которымъ онъ сроднился. На самомъ дѣлѣ мобилизація этого корпуса произошла въ іюль, и ея прибытіе на войну состоялось лишь въ сентябрѣ. Первый разъ въ огнѣ въ эту войну великій князь былъ 24-го апрѣля, сказавъ при этомъ, что 24-ое число играетъ мистическую роль въ его жизни: впервые вообще въ огнѣ онъ былъ 24-го октября 1854 года подъ Инкерманомъ около Селенгинскаго и Якутскаго полковъ; въ послѣдній разъ въ восточной войнѣ онъ былъ подъ пулями 24-го ноября 1854 года во время вылазки въ Севастополь. Умѣлъ разговаривать съ солдатами нашъ главнокомандующій, доказывая, что ему близко русскій солдатъ и понятенъ его міръ. Такъ, поѣдетъ великій князь къ солдатамъ, поздороуется, поговоритъ съ молодыми, а потомъ крикнетъ имъ: «Спасибо, братцы! молодцами глядите!» И въ отвѣтъ несется громовое ура. Въ другой разъ великій князь разспрашиваетъ солдатъ про то, хорошъ ли хлѣбъ, умѣютъ ли они стрѣлять и работать штыкомъ, а потомъ подберетъ заднія фалды, сдвинетъ шапку на затылокъ и, балагурия труса и сгибая колѣни, побѣжитъ: «смотри, чтобы турка— вотъ какъ побѣжалъ!»—приговариваетъ главнокомандующій. И изъ солдатскихъ рядовъ стономъ несется ревъ ура.

Скалонъ придерживается того взгляда, что присутствіе государя на театрѣ военных дѣйствій вредило общему успѣху дѣла, стѣсняло главнокомандующаго и невыгодно отражалось на его душевномъ настроеніи. И къ этому положенію мемуаристъ возвращается не разъ. Такъ, подъ 28-мъ мая Скалонъ пишетъ про великаго князя: «У него всегда нервное состояніе, когда онъ съ государемъ; такъ было постоянно въ Красномъ Селѣ или на разводахъ, или въ ожиданіи царскаго смотра въ особенности; его высочество въ присутствіи государя всегда испытывалъ чувство какъ бы мы передъ экзаменами». 8-го іюля великій князь говоритъ Скалону, что онъ желалъ бы удалить государя изъ арміи, дабы онъ не видѣлъ мелкихъ, неизбѣжныхъ безпорядковъ и недосмотровъ. 3-го сентября Скалонъ пишетъ на ту же тему: «Великій князь въ присутствіи государя похожъ на человѣка, находящагося подъ какими-то невѣдомыми, непонятными чарами. Онѣ не потеряли своего магическаго дѣйствія въ такія грандіозныя минуты, какъ 30-го и 31-го августа. Его высочество не могъ настоять на своемъ, чтобы государь не пріѣзжалъ на поле битвы, и великій князь не былъ бы вынужденъ на время оставаться при его величествѣ, несмотря на то, что его тянуло на нашъ лѣвый флангъ, гдѣ шла главная атака Скобелева и четвертаго корпуса». 8-го октября, когда черезъ графа Витгенштейна было передано великому князю высочайшее повелѣніе передвинуть третью гренадерскую дивизію въ отрядъ цесаревича, Скалонъ записалъ: «Государь, несмотря на общаніе не мѣшаться, постоянно приказываетъ и дѣлаетъ распоряженія помимо его высочества».

Неисправностей и ошибокъ въ войну съ Турціей мы надѣлали немало. Географическія карты были у насъ плохи, и русскій главнокомандующій сдѣ-

далъ весь походъ по австрійскимъ картамъ. Дипломаты дурно обслуживали русское дѣло. Это вызываетъ колкое замѣчаніе мемуариста, что наши дипломаты, куда попали на Западѣ, ту національность и принимаютъ и начинаютъ защищать не наши интересы, а скорѣй страны, гдѣ живутъ; это не то, что наши старинные бояре-послы, который стояли твердо. По поводу этого великій князь сдѣлалъ замѣчаніе: «Въ дипломаты слѣдуетъ брать людей твердыхъ въ любви къ родинѣ, а для этого посылать за границу не иначе, какъ если прокомандуетъ три года эскадрономъ или ротой; такой дипломатъ пропитается любовью къ русскому солдату навѣкъ и никогда не поступится русскими интересами». Задача, поставленная арміи, не соотвѣтствовала ея численности. Чуть ли не десять разъ великій князь просилъ о прибавленіи войскъ и почти всегда эту прибавку давали поздно. Мольбѣ въ своемъ описаніи кампаній 1828—1829 гг. уже указывалъ на эту коренную ошибку—несоотвѣтствіе силъ съ заданіемъ; но эта же ошибка повторилась и въ 1877—1878 г., а затѣмъ и въ 1904—1905 гг. Артиллерійское вооруженіе было у насъ плохо: противъ турецкихъ дальнобойныхъ орудій мы дѣйствовали четырехфунтовыми пушками, которыя, по мѣткому выраженію великаго князя, обратились въ салютационное орудіе. Подмѣчалось также малое знакомство высшихъ начальниковъ съ требованіями полевого устава. Выражалось это въ томъ, что «передъ боемъ—все въ порядкѣ, послѣ—какой бы ни былъ исходъ,—полный беспорядокъ въ несеніи службы, и это поголовно, какъ у нижнихъ чиновъ, такъ и среди офицеровъ; отзвонили, да и съ колокольни долой, до слѣдующаго звона». Наконецъ, слабую частью являлось хозяйство, при веденіи котораго на каждомъ шагѣ встрѣчались нераспорядительность, недостаточная заботливость и даже недобросовѣстность. По мнѣнію мемуариста, интенданта необходимо выработать въ мирное время и стараться сохранить его родство съ войскомъ; «но такъ какъ дѣятельность интенданта чисто коммерческая, то необходимо принимать въ соображеніе и наживу, которая всегда будетъ искушать и которую нельзя не учитывать; вообще эта задача—въ родѣ того, что смѣшать масло съ водой, и кому это удастся, тотъ достоинъ удивленія».

Въ не вполне благопріятномъ свѣтѣ вырисовывается дѣятельность графа Милютина. Какъ военный министръ, онъ не способствовалъ увеличенію численности дѣйствующей арміи, мало заботился о заготовкѣ мундирныхъ вещей въ ближайшихъ складахъ, не прилагалъ усилій къ подлежащему вооруженію русской артиллеріи, которая оказалась хуже турецкой. Милютинъ былъ вообще сторонникомъ осторожности, методизма, не раздѣлялъ способа смѣлой войны, быстрого налета и осуждалъ, когда начальники рассчитывали на одно безпредѣльное самоотверженіе и храбрость русскаго солдата и тѣмъ грозили въ короткое время истребить великолѣпную русскую армію. Главнокомандующій, безпредѣльно любя солдата и щадя его жизнь, считалъ, однако, что важно дѣйствовать быстро и не упускать момента.

Съ другой стороны, въ противовѣсъ милютинской медлительности были голоса изъ корпораціи генеральнаго штаба о томъ, что можно дойти въ три дня до Шипки и въ двѣ недѣли до Константинополя... Поистинѣ на всѣхъ не угодишь. И правъ былъ великій князь, когда онъ, опутанный предписа-

ніями, проектами и записками, слышавшій разнородныя мнѣнія, далъ себѣ слово никогда не брать болѣе на себя бремя главнокомандующаго...

Воспоминанія Д. А. Скалона, написанныя литературнымъ языкомъ, проникнутыя неподдѣльною искренностью и рыцарскимъ чувствомъ благоговѣнія къ почившему великому князю, читаются съ не ослабѣвающимъ интересомъ. Это—цѣнный вкладъ въ русскую мемуаристику, и безъ нихъ не обойдется ни одинъ историкъ освободительной войны. Заурядному же читателю эти записки любопытны потому, что авторъ мемуаровъ много видѣлъ, много слышалъ и много передумалъ.

Желаемъ скорѣйшаго выхода въ свѣтъ второго тома воспоминаній, который уже находится въ печати.

М. Соколовскій.

Сборникъ статей въ честь Дмитрія Ѳомича Кобеко. Спб. 1913. Стр. 257, съ прилож. портрета г. Кобеко и многими фототипіями, въ томъ числѣ съ грамоты царя Бориса къ императору Рудольфу II 1602 года. Цѣна не обозначена.

Въ день десятой годовщины (29-го апрѣля 1912 года) со дня вступленія Дмитрія Ѳомича Кобеко въ должность директора императорской публичной библиотеки сослуживцы его по означенной библиотекѣ возымѣли мысль издать въ честь его сборникъ статей по различнымъ отраслямъ наукъ, считая такую форму чествованія наиболѣе отвѣчающей просвѣщенной дѣятельности Д. Ѳ. Кобеко по управленію отечественнымъ книгохранилищемъ. Въ настоящее время, т.-е. всего черезъ годъ, таковой сборникъ изданъ уже и содержитъ въ себѣ рядъ (болѣе двадцати) очень разнообразныхъ и весьма интересныхъ статей, написанныхъ сослуживцами почтеннаго директора, изъ числа которыхъ очень многіе уже имѣютъ извѣстность въ учено-литературномъ мірѣ.

Такъ, Н. П. Лихачевъ помѣстилъ въ упомянутомъ сборникѣ нѣсколько историко-археографическихъ замѣтокъ, какъ, на примѣръ, о бывшихъ въ нашемъ отечествѣ одновременно двухъ митрополитахъ, когда по перенесеніи митрополичьяго стола изъ Кіева во Владимиръ, а затѣмъ въ Москву, избранъ былъ въ митрополиты Алексѣй, и поставленный въ Царьградъ отъ патріарха митрополитомъ на всю русскую землю. Въ то же время «изъ вражія зависти и человѣческаго ради сребролюбія» былъ избранъ митрополитомъ на Русь другое лицо, Романъ, также отправившійся въ Царьградъ за утвержденіемъ его въ должности. Онъ прибылъ въ Константинополь и былъ посвященъ тамъ въ то время, когда еще не уходилъ изъ Константинополя Алексѣй. Между ними возникли всякія пререканія и распри,—«бысти межѣ ихъ нелюбіе веліе», говорить лѣтописецъ. Чтобы помирить соперниковъ, въ Царьградѣ рѣшили: Алексѣю быть митрополитомъ на всю Русскую землю, а Роману—на Литовскую и Волынскую. Однако это раздѣленіе областей не помирило соперниковъ, и только смерть Романа въ исходѣ 1361 года прекратила распри и сдѣлала Алексѣя единственнымъ митрополитомъ всей Руси. Очень любопытны также и другія статьи того же автора, какъ-то: генеалогія изъ дворянъ Корсаковыхъ; вымышленный указъ царя Алексѣя Михайловича 1651 года о томъ,

чтобы «ихъ б.....ъ дѣтищъ нѣмцевъ на воеводства не посылать и къ воеводствамъ не опредѣлять, а быть имъ только въ Москвѣ и записываться по Черной сотнѣ и въ службу нашу царскую вступать по нуждѣ въ ратную». Этотъ, къ сожалѣнію, вымышленный указъ, свидѣлствуетъ, конечно, что нѣмцевъ на Руси было немало и во времена Тишайшаго царя. Также любопытна статья о грамотѣ царя Бориса, данной гостю Гансу Крамеру въ декабрь 1602 года и адресованной императору священной Римской имперіи Рудольфу II, съ приложеніемъ изображенія самой грамоты.

Н. Д. Чечулинъ помѣстилъ нѣсколько словъ о воинскихъ уставахъ Павла Петровича, изданныхъ имъ дней черезъ двадцать послѣ вступленія на престолъ, именно 29-го ноября 1796 года, и самими размѣрами своими свидѣлствующихъ, что они были составлены еще въ бытность Павла I наслѣдникомъ престола. Ихъ четыре устава, довольно объемистыхъ, именно: воинскій уставъ о полевой службѣ, таковой же о кавалерійской, правила кавалерійской службы (всѣ три содержать двѣсти страницъ in 4° въ два столбца) и затѣмъ штаты полковъ. Предоставляя читателямъ непосредственно ознакомиться съ этою интересною статьею нашего заслуженнаго ученаго, скажемъ только, что императоръ и въ этомъ дѣлѣ спѣшилъ упразднить все существовавшее при его великой предшественникѣ, онъ въ своихъ уставахъ вдался, по словамъ г. Чечулина въ подробныя описанія сложныхъ ружейныхъ приѣмовъ (ихъ было не менѣе 115 темповъ), маршей, контрмаршей, сложныхъ церемоній, смѣны карауловъ и т. д., словомъ, солдатъ обучали не тому, что важно для боя, а приѣмамъ эффектнымъ на парадахъ. Императоръ спѣшилъ упразднить ненавистную ему потемкинскую форму обмундированія (туалетъ солдата таковъ,—всталъ, встряхнулся и готовъ) и вводилъ для солдатъ камзолы со шнурковою сзади (такъ, что солдата долженъ былъ одѣвать кто-либо другой), предписывалъ кафтаны шить такъ, чтобы зимою они могли быть распускаемы по рукавамъ и прочимъ швамъ для фуфаекъ; чтобы солдаты въ строю пудрились, имѣли косы, причемъ коса къ концу должна быть тоньше и сверхъ оной длиною на ладонь висѣлъ конецъ ленты и т. д. При этомъ въ уставахъ совершенно упускалось изъ вида воспитаніе солдата и весьма часто говорится о ретирадахъ, т.-е. отступленіяхъ, и т. д.

Очень интересна статья В. И. Саитова «Сергій Александровичъ Соболичковъ» (родился въ Ригѣ 10-го сентября 1803 года и умеръ 6-го октября 1870 года), авторъ множества остроумныхъ эпиграммъ и немногихъ историко-литературныхъ и библиографическихъ статей. Человѣкъ очень образованный, съ немалыми средствами, Соболичковъ блисталъ на великосвѣтскихъ раутахъ, балахъ, на вечерахъ княгини З. А. Волконской, задавалъ гастрономическіе обѣды, устраивалъ холостыя попойки, посѣщалъ литературные и философскіе кружки, принималъ живое участіе въ основаніи «Московского Вѣстника», сошелся съ пріятелемъ Кирѣевскихъ, Рожалинымъ, также княземъ П. А. Вяземскимъ и особенно княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и самимъ Пушкинымъ, который называлъ своего безалабернаго пріятеля въ дружескихъ письмахъ то Калибаномъ, Фальстафомъ, а то обжорой, животнымъ. Этотъ человѣкъ тѣмъ не менѣе собралъ драгоценную библиотеку, изъ 25,000 томовъ, съ рѣдчай-

шими изданіями преимущественно путешествій, которую наше общество не сумѣло сохранить или точнѣе удержать въ предѣлахъ нашего отечества; она была куплена за ничтожную сумму въ двадцать пять тысячъ талеровъ нѣмцемъ, лейпцигскимъ книгопродавцемъ Альбертомъ Кономъ, который, какъ торгошъ, распродалъ ее по частямъ. Нельзя не поблагодарить графа С. Д. Шереметева, что онъ купилъ важное собраніе рукописей Соболевщикова и хранить ихъ у себя въ своемъ замѣчательномъ архивѣ.

Очень любопытна статья В. М. Андерсона «Дружба» 1860 года, сообщающая свѣдѣнія о журналѣ, который, имѣя ученическій характеръ, не печатался, но выходилъ въ рукописи, при ближайшемъ сотрудничествѣ юныхъ сыновей императора Александра II, именно великихъ князей Николая, Александра и Владимира Александровичей, въ тѣ годы, когда ихъ обученіемъ завѣдывалъ извѣстный академикъ Яковъ Карловичъ Гротъ, находившій, что въ ученіе порученныхъ ему царскихъ дѣтей должны входить науки, которыя разрабатываютъ внутренняго челоуѣка, а не тѣ, которыя только знакомятъ его съ внѣшними явленіями природы. Гротъ находилъ, что безъ основательнаго знанія отечественнаго языка не могутъ обойтись лица, которымъ суждено стать во главѣ общества. Онъ обращалъ самое серьезное вниманіе на чтеніе своихъ высокопоставленныхъ питомцевъ, на ознакомленіе ихъ съ выдающимися образцами словесности и подвинулъ ихъ, вѣроятно, и на первые опыты писательства, проявившіеся воскреснымъ журналомъ «Дружба», вышедшимъ 31-го января 1860 года на немудрой бумагѣ, въ которомъ были помѣщены путевыя записки великаго князя Александра Александровича (будущаго императора), веденныя имъ во время поѣздки въ Финляндіи лѣтомъ 1858 года. Въ этомъ журналѣ принимали участіе, кромѣ трехъ великихъ князей, также графъ Н. А. Адлербергъ, Григорій Григорьевичъ Гогель, Θεодоръ Константиновичъ Опочининъ, князь Александръ Владимировичъ Барятинскій, два князя Дадіани (Николай и Андрей Давидовичи), графъ Яковъ Θεодоровичъ Ламбертъ, Александръ Александровичъ Паткуль и пр. Журналъ закончился 8-го мая, давъ тринадцать номеровъ на двадцати семи листахъ обыкновеннаго, т.-е. писчаго формата. Предѣлы замѣтки не дозволяютъ намъ подробнѣе ознакомить читателей съ содержаніемъ какъ означенной статьи г. Андерсона, такъ и многихъ другихъ, какъ, напримѣръ, профессора г. Сакетти «Отношеніе Пушкина къ музыкѣ», В. В. Майкова, а также А. В. Карташева, посвященной катихизису Θεофана Прокоповича и вопросу о православіи Θε. Прокоповича, причемъ г. Карташевъ доказываетъ, что послѣдній былъ по убѣжденіямъ протестантъ; г. Абрамовича—«Записная книжка Θεодора Петровича Львова» (отца извѣстнаго музыкальнаго композитора Алексѣя Θεодоровича), тайнаго совѣтника и директора придворной гѣвческой капеллы, подъ вліяніемъ сочиненій Блэкстона и Делольма писавшаго (въ своихъ запискахъ, конечно, о конституціи и о преобразованіи государственнаго строя въ нашемъ отечествѣ еще въ 1821 году ¹⁾); статья В. М. Пушина—«Изъ воспоминаній майора В. Θε.

¹⁾ Замѣтимъ, что г. Абрамовичъ ошибочно указываетъ, что Θε. П. Львовъ умеръ въ 1835 году. Онъ скончался 14-го декабря 1836 года и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ (см. петербургскій некрологъ—Сайтова).

Раевского о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ» и т. д. Въ заключеніе нашей замѣтки необходимо упомянуть, что книга издана прекрасно, отличается разнообразіемъ содержанія и снабжена подробнымъ библиографическимъ спискомъ, составленнымъ Н. Д. Игнатьевымъ, всѣхъ научно-литературныхъ трудовъ маститаго юбиляра, который еще недавно, при сильно разстроенномъ зрѣніи, написалъ такую интересную книгу, какъ «Императорскій Царскосельскій лицей.—Наставники и питомцы». Можно пожелать полного успѣха указанному сборнику.

П. Майковъ.

Дневникъ Вѣры Сергѣевны Ансаковой. 1854—1855. Редакція и примѣчанія князя Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. Спб. 1913. Изданіе книгоиздательства «Огни». 174 стр.+ VII+4 портрета-факсимиле.

Передъ нами дневникъ старшей дочери С. Т. Аксакова, полностью напечатанный гг. княземъ Н. В. Голицынымъ и П. Е. Щеголевымъ съ подлинной рукописи, предоставленной въ ихъ распоряженіе Ольгою Григорьевною Ансаковой, родною племянницею Вѣры Сергѣевны. Въ отрывочномъ видѣ онъ печатался въ 1908 году въ журналѣ «Минувшіе Годы», но и прежняя неполнота его, и трудность достать упомянутый журналъ дѣлаютъ вполне умѣстнымъ новое и хорошее изданіе этой изрядно интересной книги.

Вѣра Сергѣевна получила воспитаніе болѣе серьезное, болѣе мужское, чѣмъ остальные ея сестры. Въ характеристикѣ Ольги Григорьевны Вѣра Сергѣевна рисуется, какъ натура богато одаренная, «какъ индивидуальность, какъ чрезвычайно обаятельное существо». Она «могла многое понимать, была образована, прекрасно рисовала карандашомъ и писала масляными красками. Она была не чужда экзальтаціи, сильно увлекалась и чувствовала большую склонность къ мистицизму и философіи». И дѣйствительно, перечитывая дневникъ, видимъ женщину не совсѣмъ обыкновенную. Это—человѣкъ любящій, очень религіозный, чрезвычайно серьезно настроенный; вопросы общественные для нея столь же близки и волнующи, какъ и для ея братьевъ. Съ усердіемъ и аккуратностью женщины она ведетъ свой дневникъ почти изо дня въ день въ теченіе двухъ чрезвычайно интересныхъ, чрезвычайно важныхъ, въ полномъ смыслѣ слова «историческихъ» лѣтъ—1854—1855. Вотъ вторая причина, послѣ личности автора, почему эта книга заслуживаетъ полного вниманія русскаго читателя.

Для того, чтобы дать представленіе о дневникѣ, остановимся на одномъ вопросѣ, выбравъ его изъ числа многихъ другихъ общественныхъ дѣлъ, интересовавшихъ Вѣру Сергѣевну въ ту пору, потому что 1854—1855 годы всецѣло стоятъ подъ знакомъ политики. Какъ горячую и даже нѣсколько нетерпимую славянофилку, ее сильно волнуетъ отношеніе русскаго правительства къ Австріи и южному славянству. Въдъ вопросъ о незавидномъ положеніи турецкихъ славянъ и былъ однимъ изъ поводовъ къ войнѣ съ турками, развернувшейся въ Крымскую кампанію. Русскіе считались покровителями дунайскихъ княжествъ. Но что же изъ всего этого вышло? За помощь въ венгерскомъ возстаніи

Австрія въ 1854 году стала намъ поперекъ дороги, почти угрожая войной, пользуясь удобнымъ случаемъ ослабить наше вліяніе на Балканахъ. И русское правительство вступило на путь уступокъ, вынужденное къ тому несчастной войной. И каждая уступка, и каждая новая неудача, каждая новая унижительная для достоинства Россіи выходка дипломатіи глубокою болью отдаются въ сердца составительницы дневника. «Мы,—пишетъ Вѣра Сергѣевна,—заботимся объ Австріи, конечно, столько, сколько и она, и боимся сами не менѣе ея средствъ, находящихся въ нашихъ рукахъ для ея гибели. Конечно, нельзя повѣрить, чтобы намъ была страшна война съ нею. Славяне, венгры, итальянцы отдѣлятся отъ нея и будутъ нашими союзниками, стоитъ только Россіи объявить войну. Чего же мы боимся? Мы, т. е. правительство, боимся разрушенія стараго порядка вещей. Наше правительство все живетъ нѣмецкими началами, нѣмецкой политикой; чувствуетъ нераздѣльное средство свое со всей системой Австріи, и Нессельроде дѣйствуетъ очень сознательно... поддерживать славянъ это значитъ поддерживать демагогическое начало... опора нашего правительства есть Австрія...» И это говорилось въ то время, когда Австрія наглядно доказала, какая она опора. По мнѣнію Вѣры Сергѣевны, не внѣшніе враги намъ страшны, а внутренніе—«старый порядокъ вещей», наше правительство, «дѣйствующее враждебно противъ народа, парализующее силы духовныя, приносящее въ жертву своихъ личныхъ нѣмецкихъ выгодъ его душевныя стремленія, его силы, его кровь». И развѣ исторически это не вѣрно? Въ самомъ началѣ XIX вѣка русскій флотъ и десанты защищали берега Адриатики противъ Наполеона, тѣ самые берега Адриатики, славянскіе берега, о которыхъ такъ постаринному увлекательно разсказывается въ «Письмахъ морского офицера» (М., 2 т. т., 1825—26 г. г.) и которые нынѣ стали австрійскими. Во время венгерскаго возстанія была пролита русская кровь за австрійцевъ, а въ 1854 году восторжествовали австрійскіе интересы. Въ началѣ войны Россія торжественно объявила себя защитницею славянъ, для того, чтобы въ декабрѣ 1854 года, «въ официальной нессельродовской нотѣ», отказаться отъ этого. «Всѣ эти постыдныя уступки,—пишетъ Вѣра Сергѣевна,—мы дѣлаемъ для того, сказано въ нотѣ, чтобы предупредить раздѣленіе въ германскихъ государствахъ. Въ ту минуту, когда Россія гибнетъ и кровь русская проливается, насъ пугаетъ только одно, что цѣлость Германіи будетъ нарушена, между тѣмъ: какъ это самое раздѣленіе было бы для насъ выгодно!» Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Севастополь палъ. Все рисуется въ черномъ мрачномъ свѣтѣ. «Какія несчастія, какія страданія,—заноситъ Аксаковъ въ дневникъ:—какія невозвратимыя, незамѣняемыя потери... Нахимова нѣтъ! Онъ погибъ и такъ напрасно!.. Ради Нессельроде, Долгорукова и Горчакова, хотя и не дурного человѣка, но вовсе неспособнаго начальника, должна страдать и гибнуть Россія... Лучшіе люди отнимаются и допускаются дѣйствовать тѣ, которые губятъ Россію. Твердыня зла возносится надъ всѣмъ, грабежъ вездѣ». Зло такъ велико, что отвратить его не могутъ никакія личныя усилія, ни воля даже самого государя. «Только внутреннее, страшное потрясеніе можетъ искоренить его и обновить и возродить Россію, если на то есть благая воля Господа, и, кажется,—замѣчаетъ Вѣра Сергѣевна,—намъ не избѣжать этихъ страшныхъ внутреннихъ потрясеній». Не надо

думать, что эти мрачныя мысли автора дневника единственно его личныя мысли, нѣтъ, чувствуется, что такъ думаютъ всѣ, что Вѣра Сергѣевна лишь выражаетъ въ записяхъ общее настроеніе окружающихъ: такъ, видимо, думаютъ отецъ и братья, съ этимъ согласенъ Хомяковъ и пріѣхавшій въ Абрамцево читать свой проектъ объ уничтоженіи крѣпостного права Самаринъ, и цензоръ Гиляровъ-Платоновъ, пишущій «отчаянное» письмо С. Т. Аксакову. И дѣло вовсе не въ томъ, вѣрно или невѣрно было такое отношеніе къ власти и сколько въ этомъ отношеніи пристрастности, это въ данномъ случаѣ второстепенно. Характерно такое настроеніе наканунѣ эпохи реформъ, характерно и поучительно.

Нѣтъ ни надобности, ни возможности останавливаться долѣе на этомъ интереснѣйшемъ дневникѣ. Только, чтобъ не подумалъ читатель, будто вся книжка полна политики, должно сказать, что здѣсь разсѣяна масса любопытнѣйшихъ во всѣхъ отношеніяхъ подробностей объ Аксаковѣ, Гоголѣ, Кулишѣ, Тургеневѣ, Хомяковѣ, Самаринѣ и рядѣ другихъ лицъ, серія разсказовъ, иногда, быть можетъ, и апокрифическихъ, но для историка небезынтересныхъ, наконецъ, здѣсь, въ лицѣ автора дневника, выступаетъ правовѣрное славянофильство, и эти страницы книги могутъ пригодиться тому, кого влечетъ это направленіе русской мысли.

Примѣчанія, составленныя редакторами, весьма облегчаютъ работу читателя. Не можемъ только не отмѣтить одного редакторскаго промаха: почему не раскрыты инициалы «Шаб.» (стр. 9 и 10)? Намъ думается, это не было особенно труднымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что вся родня этой «молодой хорошенькой дѣвушки»—Шаб. названа въ дневникѣ.

Вл. К.

Письма А. П. Чехова. Томъ I (1876—1887 гг.). 1912. Стр. XXIV+374. Цѣна 1 р. 25 к.—Т. II (1888—1889 гг.). Стр. XIV+458. Цѣна 1 р. 50 к.—Т. III (1890—1891 гг.). Стр. XII+360. Съ иллюстраціями. Москва. 1913. Изданіе М. П. Чеховой. Цѣна 1 р. 25 к.

Нужно ли говорить, какую громадную цѣнность имѣютъ вышедшія нынѣ въ свѣтъ письма А. П. Чехова для его будущей полной біографіи, для выясненія его художественныхъ принциповъ, для пониманія его взглядовъ на искусство, на свои собственныя произведенія, наконецъ для оцѣнки того круга литераторовъ и интеллигенціи, въ которомъ приходилось жить и работать покойному писателю и т. д. и т. д. Для этого требуется обстоятельная статья, мы же въ настоящей рецензіи постараемся лишь познакомить читателя въ общихъ чертахъ съ тѣмъ глубоко интереснымъ фактическимъ матеріаломъ, котораго такъ много заключено въ рассматриваемыхъ трехъ томахъ писемъ А. П. Чехова. Небольшая часть этихъ писемъ уже была напечатана кое-гдѣ въ журналахъ, напримѣръ, «Солнце Россіи», и всегда жадно прочитывалась всею публикою; что лишній разъ подтверждаетъ тотъ огромный интересъ и то глубокое почтаніе, которое чувствуетъ вся читающая Россія передъ памятью покойнаго автора «Вишневаго сада». Но письма эти, появившіяся случайно въ разныхъ журналахъ, часто неправильно прочитанныя издателями, часто снаб-

женныя сомнительными, а то и совершенно невѣрными комментаріями, съ пропусками и проч., не представляли для изслѣдователей достаточно достовѣрнаго научнаго матеріала, а потому особенно нужно привѣтствовать тотъ фактъ, что настоящее изданіе выходитъ подъ наблюдениемъ такихъ компетентныхъ лицъ, какъ братъ и сестра А. П. Чехова, въ распоряженіе которыхъ предоставлено значительное число сохранившихся писемъ и соответствующихъ комментариевъ къ нимъ.

Первый томъ заключаетъ въ себѣ письма начиная съ 1876 года и кончая 1887 годомъ, захватывая, такимъ образомъ, юность А. П. Чехова и начало его литературной дѣятельности, когда онъ усиленно работалъ въ разныхъ «Будильникахъ», «Осколкахъ», «Петербургской Газетѣ» и прочихъ петербургскихъ и московскихъ газетахъ и юмористическихъ журналахъ. И въ письмахъ къ Н. А. Лейкину, В. В. Вилибину, Ф. О. Шехтелю, И. Л. Леонтьеву-Щеглову, къ роднымъ и знакомымъ, особенно къ М. В. Киселевой, разсыпано множество любопытныхъ свѣдѣній объ этой порѣ, когда Чеховъ отличался большою литературною плодовитостью, очень часто въ ущербъ художественности. Чеховъ въ полномъ смыслѣ «чепъ рассказики», какъ онъ смѣялся въ одномъ изъ писемъ къ Лейкину. Но это многописаніе не спасало молодого писателя отъ нужды, порою очень сильной. Работа оплачивалась дешево, да и не аккуратно. «Бывало я хаживалъ въ «Будильникъ» за трехрублевкой разъ по десяти», рассказывалъ впоследствии Чеховъ Лейкину о своихъ денежныхъ дѣлахъ въ тѣ времена. Несмотря на смѣлость молодости, на неизякаемый природный ключъ всякихъ каламбуровъ и смѣшныхъ сюжетовъ, Чехову нерѣдко приходилось очень туго; постоянное напряженное выколачиваніе строчекъ, срочная работа въ журналахъ и газетахъ, непрестанное понукиваніе редакторовъ и пр. и пр. видимо истощали молодого писателя. Въ письмахъ часто слышится жалоба «нѣтъ темъ», «темъ совсѣмъ нѣтъ. Не знаю, что дѣлать», «истрепался и исписался», «нужно писать, а темъ нѣтъ и нѣтъ» и т. д. и т. д. И наряду съ этимъ у Чехова въ письмѣ къ Лейкину вырывается признаніе: «Да, непрочный кусокъ хлѣба даетъ литература, и умно вы сдѣлали, что родились раньше меня, когда легче и дышалось, и писалось...». Несмотря на возрастающую къ тому времени популярность и матеріальное улучшеніе, легкая юмористика и сотрудничество въ «Осколкахъ», «Будильникѣ» и пр., видимо, не удовлетворяли художественныхъ требованій Чехова къ самому себѣ, въ его творчествѣ и настроеніи назрѣвалъ переломъ, и письмо стараго Д. В. Григоровича, первымъ признавашаго большой талантъ въ незамѣчаемомъ серьезной критикой А. Чехонте, вмѣстѣ съ приглашеніемъ А. С. Суворина работать въ «субботникахъ» «Новаго Времени», направило Чехова на большую литературную дорогу и во время поддержало и укрѣпило его талантъ. Вотъ что писалъ самъ Чеховъ по этому поводу Григоровичу: «Доселѣ относился я къ своей работѣ крайне легкомысленно, небрежно, зря. Не помню я ни одного своего рассказа, надъ которыми я работалъ бы болѣе сутокъ, а «Егеря», который вамъ понравился, я писалъ въ купальнѣ! Какъ репортеры пишутъ свои замѣтки о пожарахъ, такъ я писалъ свои рассказы, машинально, полубезсознательно, нисколько не заботясь ни о читателѣ, ни о самомъ себѣ... Писалъ и всячески старался не по-

тратить на рассказ образовъ и картинъ, которые мнѣ дороги и которые я Богъ знаетъ почему, берегъ и тщательно пряталъ. Первое, что толкнуло меня къ самокритикѣ, было очень любезное и, насколько я понимаю, искреннее письмо Суворипа. Я началъ собираться написать что-нибудь путевое, но все-таки вѣры въ собственную литературную путевость не было. Но вотъ неожиданно-негаданно явилось ко мнѣ ваше письмо. Простите за сравненіе, оно подѣйствовало на меня, какъ губернаторскій приказъ «выѣхать изъ города въ двадцать четыре часа», т.-е. я вдругъ почувствовалъ обязательную потребность спѣшить, скорѣе выбраться оттуда, куда завязъ»...

Вмѣстѣ со вниманіемъ публики и такихъ представителей литературы, какъ Григоровичъ и Суворипъ, Чеховъ начинаетъ привлекать вниманіе и «вислоухихъ критиковъ» толстыхъ журналовъ. Самъ Чеховъ такъ рассказываетъ объ этомъ одной своей знакомой: «Въ новогоднихъ (1887 г.) нумерахъ всѣ газеты поднесли мнѣ комплиментъ, а въ декабрьской книжкѣ «Русскаго Богатства», гдѣ печатается Левъ Толстой, есть статья Оболенскаго (два печатныхъ листа) подъ заглавіемъ «Чеховъ и Короленко». Малый восторгается мной и доказываетъ, что я больше художникъ, чѣмъ Короленко... Вѣроятно, онъ вреть, но все-таки я начинаю чувствовать за собою одну заслугу: я единственный, не печатавшій въ толстыхъ журналахъ, писавшій газетную дрянь, завоевалъ вниманіе вислоухихъ критиковъ,—такого примѣра еще не было»... Постановкой пьесы «Ивановъ» въ 1887 году оканчивается первый томъ писемъ А. П. Чехова.

Второй и третій томы, охватывая собою время съ 1888 по 1891 гг., знакомятъ преимущественно съ Чеховымъ, какъ художникомъ и вдумчивымъ, чуткимъ критикомъ, поддерживающимъ начинающихъ писателей, дающимъ цѣнныя указанія своимъ товарищамъ по литературѣ и пр. А. П. Чеховъ въ этихъ томахъ является уже всѣми признаннымъ въ качествѣ талантливаго беллетриста, крупнаго драматурга, своеобразнаго, оригинальнаго и чуждаго какихъ бы то ни было литературныхъ подворій и приходовъ. Особенно интересны письма къ А. С. Суворину, А. Н. Плещеву и И. Л. Щеглову, съ которыми Чеховъ много бесѣдовалъ по вопросамъ литературы; здѣсь найдется много очень любопытныхъ сужденій и о собственныхъ своихъ произведеніяхъ, много искренности и тонкаго художественнаго чутья находится и въ критическихъ замѣткахъ о сочиненіяхъ своихъ корреспондентовъ, особенно А. С. Суворина и И. Л. Щеглова, разсыпано множество цѣнныхъ совѣтовъ и наставленій начинающимъ молодымъ писателямъ, работы которыхъ Чеховъ любовно и внимательно прочитывалъ, исправлялъ и отсылалъ въ редакціи съ своими рекомендаціями. Это любовное, сердечное отношеніе къ начинающимъ писателямъ доходило до того, что онъ просилъ Суворина присылать ему все «забракованное» изъ беллетристики, возился съ нимъ, исправлялъ, сокращалъ, часто добивался того, что эти рассказы годились для печати, и, замѣтивъ искру дарованія въ молодомъ писателѣ, всячески помогалъ выбраться на настоящую дорогу. Особенно интересны письма Чехова къ А. С. Суворину (шестьдесятъ шесть писемъ во второмъ томѣ и шестьдесятъ пять въ третьемъ томѣ) и отчасти къ А. Н. Плещеву, дружба котораго съ первымъ вызвала столько недоумѣній въ «пе-

редовыхъ» кругахъ нашего общества. Объясняется это тѣмъ, что Чеховъ далекъ былъ отъ всякой кружковщины и партійности, а также и тѣмъ, что въ вопросахъ искусства между нимъ и Суворинымъ очень много общаго, несмотря на ихъ споры. Только въ 1890 году, когда Чеховъ предпринялъ поѣздку на Сахалинъ, начинаетъ чувствоваться назрѣвающій разладъ его съ руководителемъ «Новаго Времени», причемъ корни этого разлада и расхожденія бывшихъ друзей находятся въ вопросахъ общественныхъ, а не въ вопросахъ искусства. Вотъ какъ объяснилъ Чеховъ Суворину причину своей внезапной поѣздки въ отвѣтъ на «неубѣдительные» доводы послѣдняго: «Я еще не ѣздилъ, но, благодаря тѣмъ книжкамъ, которыя прочелъ теперь по необходимости, я узналъ многое такое, что слѣдуетъ знать всякому подъ страхомъ сорока плетей, и чего я имѣлъ невѣжество не знать раньше... Вы пишете, что Сахалинъ никому не нуженъ и ни для кого не интересенъ. Будто бы вѣрно? Сахалинъ можетъ быть ненужнымъ и неинтереснымъ только для того общества, которое не ссылаетъ на него тысячи людей и не тратитъ на него миллионъ... Сахалинъ—это мѣсто невыносимыхъ страданій, на какія только бываетъ способенъ человѣкъ вольный и подневольный... Жалѣю, что я не сентименталенъ, а то я сказалъ бы что въ мѣста, подобныя Сахалину, мы должны ѣздить на поклоненіе, какъ турки ѣздить въ Мекку, а моряки и тюрьмовѣды должны глядѣть въ частности на Сахалинъ, какъ военные на Севастополь. Изъ книгъ, которыя я прочелъ и читаю, видно, что мы сгноили въ тюрьмахъ миллионы людей; сгноили зря, безъ разсужденія, варварски; мы гоняли людей по холоду въ кандалахъ десятки верстъ, заражали сифилисомъ, развращали, размножали преступниковъ и все это сваливали на тюремныхъ красноносыхъ смотрителей. Теперь вся образованная Европа знаетъ, что виноваты не смотрители, а всѣ мы, но намъ до этого дѣла нѣтъ, это неинтересно... Увѣряю васъ, Сахалинъ нуженъ и интересенъ и нужно пожалѣть только, что туда ѣду я, а не кто-нибудь другой, болѣе смыслящій въ дѣлѣ, болѣе способный возбудить интересъ въ обществѣ».

Путевыя письма съ Сахалина, а затѣмъ изъ-за границы, куда онъ поѣхалъ въ 1891 году съ Суворинымъ, занимаютъ большую часть третьяго тома. Наступившій въ концѣ 1891 года голодъ заставилъ Чехова близко принять къ сердцу заботы о помощи голодающему крестьянству, и письма этого времени наполнены хлопотами объ изданіи «сборниковъ» въ пользу голодающихъ, причемъ опять выступаетъ характерная для Чехова самостоятельность и отсутствіе партійной и кружковой узости. Этимъ и заканчиваются вышедшія пока въ свѣтъ письма А. П. Чехова.

Письма Чехова не только съ удовольствіемъ встрѣтятся изучающими русскую литературу т. к. въ нихъ имѣется богатый матеріалъ, для характеристики нашихъ общественныхъ настроеній 80-хъ годовъ, для уразумѣнія хода развитія его дарованія, вкусовъ и общественныхъ идеаловъ, но и безусловно прочтутся всею широкою массою читающей публики, благодаря блестящей формѣ, множеству всякихъ каламбуровъ, юмористическихъ выпадовъ, комическихъ эпизодовъ и пр. Изданы всѣ три тома вполне удовлетворительно, со множествомъ портретовъ, семейныхъ группъ, видовъ и пр. и снабжены двумя указателями.

Д. Масляненко.

Библиографическій ежегодникъ. Выпускъ II. Подъ редакціей И. В. Владиславлева. Систематическій указатель литературы за 1912 годъ. Москва. Книгоиздательство «Наука». 1913 г. Стр. 312. Цѣна 90 к.

Задачею даннаго изданія является, какъ сказано въ предисловіи, «желаніе подвести посильные итоги тому, что дается за годъ русскимъ книжнымъ рынкомъ и русскою періодическою печатью, въ лицѣ ея наиболѣе крупныхъ и наиболѣе извѣстныхъ органовъ». Только съ этою оговоркою: «посильные», и можетъ быть выполненъ подобный библиографическій трудъ, такъ какъ свести воедино весь потокъ русскаго книжнаго производства, послѣ Германіи занимающаго второе мѣсто по количеству выбрасываемыхъ на рынокъ книгъ, нѣтъ никакой возможности. Вѣдь годомъ раньше, въ 1911 году въ Россіи было напечатано 29 тысячъ книгъ, тогда какъ въ Соединенныхъ Штатахъ и Англіи по одиннадцати тысячъ, въ Италіи, Франціи и Швейцаріи по десяти тысячъ! Но даже при этомъ условіи и при указанной оговоркѣ пропускъ составителями нѣкоторыхъ крупныхъ изданій неизвинителенъ. Не говоря объ отдѣльныхъ книгахъ, укажемъ, что въ «Ежегодникѣ» нѣтъ указаній на такое изданіе, какъ «Русскій Архивъ», хотя кое-что изъ «Историческаго Вѣстника» и «Русской Старины» введено въ библиографію; а изъ специальныхъ филологическихъ органовъ указаны второстепенныя «Филологическія Записки», и нѣтъ даже упоминанія о лучшемъ органѣ русской филологіи «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ», издающемся въ Варшавѣ профессоромъ Е. Θ. Карскимъ. Точно также изъ изданій архивныхъ комиссій произвольно указаны только нѣкоторые.

В. Д—овъ.

Горнфельдъ, А. Г. О русскихъ писателяхъ. Томъ I. Спб. 1912. Стр. 292. Цѣна 1 р. 25 коп.

А. Г. Горнфельдъ—критикъ эстетической школы, и, несмотря на близость къ одному изъ толстыхъ партійныхъ изданій, во всѣхъ своихъ работахъ остается вѣрнымъ себѣ, что особенно цѣнно при опредѣленіи писательской фізіономіи нашего автора. Въ книгѣ «О русскихъ писателяхъ» авторомъ сосредоточены статьи, написанныя имъ въ семнадцатилѣтній періодъ литературной дѣятельности (1893—1910 гг.). При этомъ авторъ самъ оговаривается, что въ статьяхъ о Θ. И. Тютчевѣ, С. Т. Аксаковѣ и И. А. Куцевскомъ имъ даны «общія характеристики», въ другихъ же статьяхъ авторъ затрагиваетъ тѣ или другіе «частныя» вопросы, связанныя съ литературной дѣятельностью авторовъ, оставившихъ его вниманіе.

Изъ первой серіи статей особенно интересна статья о И. А. Куцевскомъ, авторѣ романа «Николай Негоревъ, или благополучный россиянинъ». Появившись въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ 1871 году, романъ этотъ имѣлъ успѣхъ у читателя того времени. Впослѣдствіи имя Куцевскаго было заслонено послѣдующими писателями, а въ наше время, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ книги, едва ли кто и читаетъ «Негорева». Между тѣмъ въ исторіи литера-

туры, а въ особенности въ исторіи русскаго самосознанія романъ покойнаго Кушевскаго долженъ занять подобающее мѣсто.

Интересна и статья подъ названіемъ «На порогѣ двойного бытія», о поэтической дѣятельности Ѳ. И. Тютчева. Тютчевъ также, но только по другимъ причинамъ, нежели Кушевскій, былъ въ забвеніи нѣсколько лѣтъ, и только наши «модернисты» учились у него писать стихи и претворять свои настроенія въ философскихъ обобщенія и образы, которые такъ тонко созданы Тютчевымъ. Недавно маленькій томикъ стихотвореній Тютчева считался библиографической рѣдкостью, и книгу эту имѣли только особенные любители и знатоки поэзіи. Появленіе статьи г. Горнфельда въ его книгѣ особенно своевременно въ наши дни особаго интереса къ Тютчеву.

С. Т. Аксакова, автора «Семейной хроники», г. Горнфельдъ относитъ къ второстепеннымъ писателямъ, но и существенно оговаривается: «Полвѣка прошло со смерти С. Т. Аксакова, семьдесятъ лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ набросанъ былъ первый очеркъ «Семейной хроники», а образы ея свѣжи, какъ въ первый день созданія, а языкъ ея есть нашъ современный языкъ. Это—безсмертіе,—и безсмертіе, быть можетъ, болѣе поучительное, чѣмъ естественное безсмертіе великихъ».

Изъ остальныхъ статей особенно интересна работа, реабилитирующая Н. А. Некрасова, какъ автора дивной поэмы «Русскія женщины». Послѣ появленія поэмы и долгое время спустя критики семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія брали подъ сомнѣніе твореніе Некрасова, иногда обличая автора во лжи, и даже Достоевскій говорилъ о «Русскихъ женщинахъ», какъ о поэмѣ «съ мундирнымъ сюжетомъ», и даже талантъ Некрасова считалъ «заключеннымъ въ мундиръ». Г. Горнфельдъ ссылками на «Записки княгини М. Н. Волконской» доказываетъ, что Некрасовъ ничего не сочинилъ, а сюжетъ поэмы обосновывалъ на выдержкахъ изъ этихъ записокъ.

Статья «Книга о языкѣ Гоголя» посвящена разбору книги гельсингфорскаго профессора І. Мандельштама—«О характерѣ Гоголевскаго стиля». Работу г. Мандельштама г. Горнфельдъ считаетъ богатой по части матеріала и по части попытки сдѣлать выводы изъ этихъ матеріаловъ, но авторъ статьи не со всѣми выводами г. Мандельштама согласенъ. Особенно интереснымъ представляется намъ сомнѣніе относительно доказательства народности Гоголевскаго языка, на которомъ останавливается г. Мандельштамъ.

Нельзя не отмѣтить также и статьи г. Горнфельда подъ названіемъ «Эстетика Глѣба Успенскаго». Эту статью можно привѣтствовать, какъ работу, особнякомъ стоящую въ циклѣ работъ другихъ авторовъ, писавшихъ объ Успенскомъ. Эстетика и Глѣбъ Успенскій—эти два положенія, если не противопоставлялись одно другому, то уже навѣрное никто не пытался сблизить автора «реалистическихъ новеллъ, часто похожихъ на корреспонденціи» съ эстетикой. Попытка эстета г. Горнфельда въ этомъ отношеніи весьма любопытна и заслуживающая вниманія.

Въ книгѣ имѣются еще статьи: «Замѣтка о реализмѣ», «Моцартъ и Сальери», «Объ одной фамилии у Льва Толстого» и «Литература и героизмъ». И въ этихъ работахъ г. Горнфельдъ, какъ всегда, выступаетъ вдумчивымъ критикомъ раз-

сматриваемаго положенія или произведенія художественной литературы. Убѣждаетъ читателя авторъ и доказательностью своихъ выводовъ и ссылками на того или другого автора или на то или иное произведение.

В—нѣ.

П. Н. Сакулинъ. Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь В. Ө. Одоевскій—мыслитель-писатель. Тома I части I и II. Москва. 1913.

Есть въ литературѣ, какъ и въ жизни, незадачники, которымъ, несмотря на таланты и дарованія, счастье не хочетъ улыбнуться. Къ числу ихъ принадлежить и князь Вл. Өд. Одоевскій.

Судьба въ разное время четыре раза обездоливала князя, и это весьма существенно отозвалось на его литературной репутаціи.

Юношею, окончившимъ московскій благородный пансіонъ, князь зачислился въ московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ и серьезно увлекся занятіями философіею и литературою. Весьма любопытнымъ памятникомъ этихъ увлеченій и явился альманахъ «Мнемозина», изданный княземъ совмѣстно съ В. К. Кюхельбекеромъ.

Но тутъ разразилась декабрьское возстаніе, и князь Одоевскій, близкій ко многимъ декабристамъ по салоннымъ связямъ и родству съ своимъ двоюроднымъ братомъ, княземъ А. И. Одоевскимъ, а въ довершеніе ко всему прочему избличенный въ близости съ Кюхельбекеромъ по совмѣстному издательству «Мнемозины», имѣлъ серьезныя основанія бояться привлеченія къ слѣдствію и суду надъ декабристами,—по натурѣ человекъ робкій и боязливый, князь В. Ө. Одоевскій настолько былъ потрясенъ декабрьской исторіею, что счелъ за благоразумное пріостановиться съ гласными выступленіями въ литературѣ, чтобы не обращать на себя вниманія подозрительныхъ властей—имя, его исчезаетъ со столбцовъ журналовъ вплоть до второй половины тридцатыхъ годовъ, и г. Сакулину принадлежит почтенная заслуга разысканія статей князя Одоевскаго, прятавшагося подъ неизвѣстными псевдонимами: Гр., Плакуна Горюнова, С. Размоткина, Биттермана и т. д.

Та же исторія повторилась съ княземъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда князь Одоевскій и принцъ Лейхтенбергскій, стоявшіе во главѣ «общества посѣщенія бѣдныхъ», этимъ навлекли на себя неудовольствіе государя Николая Павловича. Общество, весьма популярное въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ и преслѣдовавшее чисто гуманитарныя филантропическія цѣли, было заподозрѣно чуть ли не въ социалистическихъ проискахъ и подверглось упраздненію, оставивъ послѣ себя единственный непреходящій памятникъ—Максимілиановскую лечебницу. Князь тутъ опять заробѣлъ и на нѣсколько лѣтъ вновь замолчалъ въ литературѣ.

Одни ужъ эти продолжительные перерывы въ литературной дѣятельности настолько отзывались на писательскомъ имени князя Одоевскаго, что во всѣхъ литературныхъ мемуарахъ съ двадцатыхъ по пятидесятые годы о немъ упоминается больше, какъ о меценатѣ и доброжелателѣ пишущей братіи, чѣмъ

какъ о писателѣ, весьма плодovitомъ, разностороннемъ и крайне оригинальномъ.

Въ собраніе сочиненій князя Одоевскаго, изданное въ 1844 году содержаниемъ когда-то извѣстной библиотеки и издателемъ «Литературной Газеты» А. И. Ивановымъ, не вошли вовсе уже напечатанныя подъ псевдонимами статьи, а въ довершеніе всего почти весь заводъ изданія погибъ, вмѣстѣ съ Ивановской кладовою, во время апраксинскаго пожара въ 1862 году.

Позднѣе князь не разъ задумывалъ переиздать свои сочиненія, но, занятый службою по должности первоприсутствующаго московскихъ департаментовъ сената, такъ и не удосужился этого сдѣлать.

Все это я веду къ тому, чтобы сказать, что П. Н. Сакулинъ въ нѣкоторомъ родѣ открываетъ поистинѣ Америку, знакомя читателей XX вѣка съ писателемъ XIX вѣка, далеко не оцѣненнымъ современниками по заслугамъ.

Книга Сакулина, имѣющая составить четыре тома убористой печати, весьма подробно и шагъ за шагомъ знакомитъ и съ философскими воззрѣніями, и съ разнообразною литературною дѣятельностью князя, причѣмъ попутно авторъ въ обстоятельныхъ экскурсахъ очерчиваетъ педагогическую дѣятельность Прокоповича Антонскаго, эстетико-литературныя воззрѣнія Давыдова и Мерзлякова, даетъ характеристику шеллингянства, мессіанизма и пр. и пр.

Нельзя не пожалѣть, что въ такомъ обширномъ и исчерпывающемъ трудѣ П. Н. Сакулинъ совершенно отбрасываетъ сообщеніе біографическихъ свѣдѣній о князѣ В. Ѳ. Одоевскомъ.

Насколько интересна личность князя В. Ѳ. Одоевскаго, можно судить по слѣдующему.

«Воспитаніе онъ получилъ еще въ допожарной, «грибоѣдовской Москвѣ», а умеръ въ 1869 г. въ Россіи, уже обновленной реформами великаго царствованія».

«Такимъ образомъ, князь изжилъ продолжительный и важный періодъ русской исторіи, начиная съ того момента, когда только что назрѣвало возстаніе декабристовъ, и кончая тѣмъ временемъ, когда Россія, послѣ тяжелыхъ сумерекъ николаевской эпохи, приступила наконецъ къ неотложнымъ общественнымъ преобразованіямъ и вошла въ полосу острыхъ социальнo-политическихъ движеній. Медленно подготовляемый сложными социальнo-экономическими и идейными причинами, совершался крупнѣйшій переворотъ въ самыхъ основахъ нашей внутренней жизни. Съ неуклонною послѣдовательностью разрушались старыя формы экономическаго быта. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права официально прекратилъ свое существованіе дворянскій періодъ русской культуры, да и фактически, лишившись своего экономическаго фундамента, дворянство утратило извѣстную долю былого руководящаго вліянія, а въ строительствѣ жизни все большее и преобладающее значеніе получали «разночинцы», словомъ, въ социальныхъ условіяхъ русской жизни свершился цѣлый сдвигъ. Этотъ процессъ, дивившійся нѣсколько десятилѣтій, держалъ въ напряженіи общественную мысль и опредѣлялъ рамки и формы дѣятельности самыхъ сильныхъ личностей».

Казалось бы, потомокъ св. Михаила Черниговскаго, Рюриковичъ, гофмей-

стеръ высочайшаго двора, почетный опекунъ и сенаторъ, прибавимъ мы отъ себя, скорѣе долженъ былъ бы тяготѣть къ старинѣ, чѣмъ къ новизнѣ, но князь Одоевскій до конца дней своихъ проявляетъ удивительную молодость и пониманіе злбодневныхъ интересовъ.

Такъ, въ довѣрительной запискѣ, представленной государю Александру Николаевичу въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, князь Одоевскій сочувственно защищалъ тогдашнюю молодежь отъ незаслуженныхъ нареканій и вздорныхъ заподозриваній, а въ рѣзкостяхъ и крайностяхъ нигилизма усматривалъ лишь реакцію прежнимъ дореформеннымъ переживаніямъ и находилъ, что въ конечномъ результатѣ крѣпостническія вождельнія масса общества оказываются для правильного и спокойнаго общественно-государственнаго развитія куда опаснѣе, чѣмъ увлеченіе молодежи философскимъ материализмомъ.

Эта широта взглядовъ, отзывчивость и пониманіе вѣяній современности у князя Одоевскаго объясняются незауряднымъ научнымъ и философскимъ образованіемъ. Чѣмъ только онъ не занимался—черепословіемъ и библиологіей, химією и музыкою, построеніемъ органовъ и астрономією, собираніемъ церковныхъ налѣвовъ и педагогією, изученіемъ мистагоговъ и патристики и пр. пр. Меня, напримѣръ, страшно поразили рукописныя замѣтки князя, относящіяся къ началу тридцатыхъ годовъ и трактующія очень подробно и сочувственно о «Мірѣ, какъ волѣ и представленіи» и «Волѣ въ природѣ» А. Шопенгауэра, когда и въ Германіи «гамбургскій отшельникъ» былъ еще совсѣмъ невѣдомъ и замалчиваемъ.

Аристократъ по происхожденію и всему складу своего первоначальнаго міросозерцанія, отмѣчаетъ П. Н. Сакулинъ, «Одоевскій въ теченіе первыхъ двухъ десятилѣтій своей литературной дѣятельности горячо ратуетъ противъ экономики во имя чистаго идеализма, думая не о преобразованіи формъ жизни. Позднѣе, съ пятидесятихъ годовъ, князь Одоевскаго глубоко захватываетъ социальная проблема, и онъ дѣлается горячимъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ и основныхъ реформъ новаго царствованія, въ вопросахъ политическихъ занимая, умѣренно-прогрессивную позицію.

Это сложное эволюціонированіе мысли Одоевскаго сказывалось и на поэтическомъ творчествѣ его,—еще Бѣлинскій отмѣтилъ въ князѣ Одоевскомъ писателя, который «имѣетъ не временное значеніе и важность» и въ «своихъ сочиненіяхъ отражаетъ всего себя, какъ въ зеркалѣ... живетъ, какъ пишетъ, и пишетъ, какъ живетъ».

Эта оцѣнка кн. Одоевскаго раздѣляется и современными учеными; такъ, академикъ Н. А. Котляревскій въ «Старинныхъ портретахъ» такъ характеризуетъ кн. Одоевскаго: «Какъ художникъ, онъ обогатилъ нашу литературу новымъ родомъ творчества: онъ создалъ образцы русской философской повѣсти, какъ мыслитель, онъ былъ искуснымъ проводникомъ философскаго идеализма въ широкіе круги нашего общества; былъ служителемъ истины, глубоко убѣжденнымъ въ томъ, что ея храмъ долженъ быть построенъ на самой людной площади. Какъ ревнитель добра, онъ про каждую нравственную сентенцію, философски и поэтически имъ выраженную, могъ сказать, что она осуществлена имъ на дѣлѣ въ борьбѣ и трудѣ...»

Съ особеннымъ интересомъ слѣдуетъ ожидать второго тома изслѣдованія П. Н. Сакулина, такъ какъ, по расположенію матеріаловъ, онъ, очевидно, будетъ посвященъ разсмотрѣнію того неизвѣстнаго и любопытнаго, что таится въ объемистыхъ рукописяхъ вѣчно юнаго князя, который еще незадолго передъ смертію бодро говорилъ: «... Не бѣда, что мы старѣемся и въ послѣднія минуты мы не скажемъ Россіи, какъ гладиаторы римскому цезарю: «умирая, мы съ тобою раскланиваемся», но припомнимъ «Go ahead, never mind, help yourself» — что по-русски переводится: «Брось прохладушки, недѣланнаго дѣла много!»

Вл. ф.-Штейнъ.

Витторіо Альфьери. Жизнь и произведенія. Изслѣдованіе И. И. Гливенна. Томъ I. (4 портрета и 4 приложения). Спб. 1912. Стр. XX + 364 + IV + 108. Цѣна 2 р. 50 к.

Смѣлый, гордый умъ, натура сильная, независимая — вотъ характерныя черты талантливаго итальянскаго драматурга XVIII вѣка. На долю его выпала рѣдкая слава. Его трагедіи пользовались успѣхомъ, создали своего рода моду, не сходили со сцены. Очень скоро послѣ появленія онѣ стали переводиться на другіе языки, вызывали подражанія. Интересна и жизнь Альфьери.

Въ первомъ томѣ изслѣдованія И. И. Гливенко знакомитъ насъ съ биографіей великаго драматурга Италіи, съ его литературными воззрѣніями и идеалами.

Литература объ Альфьери очень обширна. Внимательно изучали его не одни итальянцы. Припомнимъ хотя бы недавно появившуюся работу о вліяніи Альфьери на извѣстнаго польскаго драматурга Фелинскаго (Sz. Korytko, «Stosunek Wirginii Felinskiego do Wirginii Alfierego», Brody, Progr. d. Gymnasium. 1910). Чтобы судить о его популярности, достаточно сказать, что автобиографія выдержала около сорока изданій. Впрочемъ, это не удивительно, такъ какъ это — своего рода художественное произведеніе съ очень тонкой психологіей, предназначенное самимъ Альфьери «для печати». Эта книга и послужила, конечно, исходнымъ пунктомъ при составленіи биографіи итальянскаго драматурга, равно какъ и трудъ профессора Бертана «Vittorio Alfieri studiato nella Vita, nel Pensiero e nell' Arte con lettere e documenti inediti, ritratti e facsimile». Torino. 1904). Съ послѣднимъ, впрочемъ, И. И. Гливенко полемизируетъ.

Авторъ долго останавливается на пребываніи Альфьери въ Англіи, Франціи, Голландіи, Австріи, Пруссіи, Норвегіи и Россіи, передаетъ подробности постановки его трагедій, освѣщаетъ роль графини Альбани въ жизни писателя, разочарованія послѣднихъ лѣтъ и т. д. Все это иллюстрируется выдержками изъ дневника, написано легко, читается съ интересомъ. Это и понятно: жизнь Альфьери богата фактами и душевными переживаніями, а человекъ онъ былъ оригинальный, который по-своему хотѣлъ жить и по-своему творить. «Я, — говоритъ Альфьери, — пользовался славой человека необыкновеннаго (въ дурномъ смыслѣ того слова), такъ какъ мало приспособлялся къ образу мыслей, обычаямъ, сплетнямъ и службѣ на своей родинѣ и не былъ особенно остороженъ въ порицаніи и насмѣшкахъ надъ иными обычаями, — вещь, которая (и по правдѣ сказать, справедливо) не прощается»...

Вторая часть изслѣдованія И. И. Гливенка—«Поэтика Альфьери» — представляет особенную важность для пониманія художественныхъ произведеній итальянскаго драматурга. Это—изложеніе взглядовъ Альфьери на поэтическое творчество, на цѣли литературы и призваніе поэта. Характерно для эпохи, между прочимъ, то, что зарожденіе всѣхъ искусствъ онъ объясняетъ «любовью къ славѣ», которая является главнымъ двигателемъ людей.—«Этотъ импульсъ есть кипѣніе сердца и мозга, вслѣдствіе котораго не находишь себѣ ни мѣста, ни покоя; ненасытная жажда благотворенія и славы; убѣжденіе въ томъ, что все сдѣланное—ничто, и что все еще предстоитъ дѣлать, никогда не отказываясь отъ разъ задуманнаго; пламенное и рѣшительное желаніе и необходимость: или быть первымъ между лучшими, или небыть ничѣмъ» (стр. 272). Далѣе рисуется возвышенный и благородный образъ поэта: «Смѣлый, правдивый писатель есть естественный, почтенный и высокій трибунъ народный. Побуждаемый къ такой высокой обязанности только силою своего естественнаго импульса, онъ въ тысячахъ различныхъ формъ, всегда горячихъ, убѣдительныхъ и энергичныхъ, долженъ врѣзать въ сердце народа любовь къ истинѣ, великому, полезному, праву и свободѣ. Театръ, исторія, поэма, ораторское искусство, вся вообще литература должна стать школой добродѣтели и свободы, и писатели, и главнымъ образомъ поэты, этотъ высокій и первый разрядъ писателей, будутъ учителями и наставниками народовъ».

Въ концѣ изслѣдованія дѣлается любопытное сопоставленіе между поэтикой и жизнью Альфьери. Авторъ отмѣчаетъ, насколько писатель осуществлялъ на дѣлѣ свои теоретическія воззрѣнія, и даетъ свою оцѣнку личности Альфьери, его взглядовъ на творчество и подробно останавливается на теоріи трагедіи. «Теорія альфьерианской трагедіи необыкновенно ясно отражаетъ въ себѣ всю натуру этого политическаго романтика, со всѣмъ самомнѣніемъ и со всѣмъ объективизмомъ, свойственнымъ именно романтикамъ. И этотъ объективизмъ является второй отличительной особенностью теоріи Альфьери, мечтавшаго создать какую-то не только политическую, но и лирическую трагедію; такое сочетаніе звучитъ нѣсколько парадоксально, но оно неизбѣжно запрашивается при рассмотрѣніи теоріи нашего поэта».

Въ заключеніе И. И. Гливенко говоритъ, что всѣ принципы поэтики Альфьери оригинальны, и каждый изъ нихъ имѣетъ источникъ въ какой-нибудь сторонѣ внутренняго міра великаго итальянца. «Поэтика Альфьери не есть отраженіе мудрости, вычитанной имъ изъ книжекъ, а есть выраженіе Альфьери-человѣка».

Въ видѣ приложенія къ изслѣдованію помѣщены въ оригиналѣ неизданныя произведенія итальянскаго драматурга, замѣтки къ его стихотвореніямъ и хорошій переводъ его трагедіи «Филиппъ». Появленіе книги русскаго ученаго, дающей такъ много новаго, при существованіи, какъ уже замѣчено раньше, обширной литературы объ Альфьери на Западѣ—слѣдуетъ привѣтствовать. Во второй томъ долженъ войти разборъ художественныхъ произведеній Альфьери. Будемъ ожидать продолженія работъ автора, начатыхъ такъ удачно.

П. И. А.

Н. Карѣвъ. Теорія историческаго знанія. Спб. 1913.

Н. И. Карѣвъ одинъ изъ немногихъ у насъ историковъ, занимающихся не только изученіемъ историческихъ фактовъ, но и теоріей исторіи. Онъ приобрѣлъ широкую извѣстность своими трудами, устанавливающими впервые основы историческаго процесса вообще, исторической эволюціи и прогресса въ частности. Передъ нами новое его сочиненіе, составившееся изъ лекцій, читанныхъ на высшихъ женскихъ курсахъ. Тутъ сжато изложены общіе взгляды на исторію, высказывавшіеся авторомъ и раньше, но отрывочно по разнымъ поводамъ и съ разныхъ точекъ зрѣнія: историко-теоретической, социологической, педагогической и общественной. Вопреки нѣкоторымъ философамъ Н. И. Карѣвъ очень убѣдительно доказываетъ, что исторія—наука, имѣющая свое отдѣльное отъ другихъ наукъ содержаніе, свои отдѣльные приемы и задачи. Становясь на вполне безпристрастную точку зрѣнія, авторъ косвенно подтверждаетъ свое мнѣніе. Теорія историческаго процесса,—говоритъ онъ,—какъ и всякая другая научная теорія, должна быть теоріей самодовлѣющей, отнюдь не обоснованіемъ или оправданіемъ какого бы то ни было политическаго направленія, ни реакціи, ни консерватизма, ни либерализма, ни радикализма, ни социализма, ни коммунизма, ни анархизма. Теорія историческаго процесса должна основываться исключительно на логическомъ и фактическомъ фундаментахъ безъ малѣйшей примѣси чего-либо, что имѣетъ свой корень въ общественной партийности. Очень пріятно видѣть, что авторъ не поддакъ модной теоріи экономическаго матеріализма, считавшейся единственно прогрессивной, и относится къ ней критически. По совершенно справедливому мнѣнію профессора Карѣва, экономическій матеріализмъ не создалъ цѣльной и всеобъемлющей теоріи историческаго процесса, но обогатилъ ее той частью своего содержанія, противъ которой безпристрастная критика возразить ничего не можетъ. Съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма въ историческомъ процессѣ объясняется многое, но далеко не все; ошибка его послѣдователей та, что они настаиваютъ на необходимости выводить все изъ одного начала, объясняющаго только нѣчто, хотя бы это нѣчто и было очень важнымъ. Въ самомъ дѣлѣ крупныя народныя движенія, въ которыхъ проявлялись духовныя стремленія, какъ, напримѣръ, крестовые походы и даже французскую революцію, нельзя сводить къ цѣнѣ на хлѣбъ и элементарнымъ требованіямъ желудка. Авторъ очень хорошо сдѣлалъ, что устранилъ такъ называемый ученый аппаратъ и ограничилъ крайне необходимымъ подстрочныя примѣчанія и ссылки. Отъ этого книга уменьшилась въ объемъ, стала доступнѣе по цѣнѣ, сохраняя все, однако, существенное. Не подлежитъ сомнѣнію, что новый трудъ Н. И. Карѣва, содержащій глубокія и оригинальныя мысли, будетъ прочтенъ съ интересомъ всѣми любителями историческаго знанія.

П. В.

Ф. Тассаръ. Воспоминанія о Гюи де-Мопассанѣ его слуги Франсуа. Переводъ съ французскаго. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Для русскаго читателя, давно полюбившаго блестящаго и глубокаго французскаго беллетриста, книга воспоминаній г. Тассара даетъ желанное знакомство съ его личностью, такъ какъ о ней и о жизни писателя у нашего общества было до послѣдняго времени мало свѣдѣній. (Лишь совсѣмъ недавно появилась обстоятельная біографія въ собраніи сочиненій, изданномъ «Шиповникомъ»). Авторъ книги прослужилъ въ теченіе десяти лѣтъ (съ 1883 года) въ качествѣ комнатнаго слуги и вмѣстѣ повара и, зная, съ кѣмъ его столкнула судьба, внимательно присматривался къ мыслямъ и настроеніямъ своего патрона, къ его привычкамъ и занятіямъ. Воспоминанія набросаны довольно отрывочно, съ большими промежутками во времени, но это не умаляетъ ихъ интереса, такъ какъ г. Тассаръ умѣлъ быть наблюдательнымъ и на ряду съ забавными эпизодами и мелочами жизни правдиво схватилъ впечатлѣніе надвигающейся грозы, погубившей великаго писателя. Заслуживаетъ быть отмѣченной пріятная черта, отличающая г. Тассара отъ другихъ «воспоминателей» подобаго рода— онъ скромнѣе и очень искусно вуалируетъ слишкомъ личныя подробности біографіи, напримѣръ, романтическія находженія Мопассана, постояннымъ и близкимъ свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ по своему положенію. Онъ не обходитъ ихъ, но и не останавливается на нихъ и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда съ нескрываемымъ раздраженіемъ говоритъ о дамѣ, принесшей его патрону лишь одно несчастье, о «вампириѣ», онъ пользуется одними штрихами, не разоблачая фактовъ, упоминаніе о которыхъ было бы, вѣроятно, непріятно его «господину». Уваженіемъ къ Мопассану проникнута каждая высказанная о немъ мысль, каждая относящаяся къ нему фраза, но это чувство у г. Тассара не имѣетъ ничего общаго съ «лакействомъ» и спасаетъ отъ возможнаго въ этомъ случаѣ налета сентиментальности или пошлости. Мы знакомимся съ Мопассаномъ— охотникомъ, рыболовомъ, спортсменомъ всякаго рода, особенно любителемъ морскаго спорта, путешественникомъ, любуемся здоровьемъ, мужествомъ, силою въ лучшую его пору. Подробности біографіи Мопассана тѣмъ интереснѣе, что онъ въ большой мѣрѣ обладалъ способностью веселой и художественной выдумки въ самой жизни (какъ Пушкинъ, Чеховъ), чувствовалъ всю полноту жизненныхъ ощущеній, что достушно не всѣмъ великимъ. Не сомнѣваемся въ успѣхѣ этой книги.

Я.

Краткій очеркъ римскихъ древностей. Для гимназій, прогимназій и самообученія. Составилъ Н. Санчурскій, бывшій окружный инспекторъ петербургскаго учебнаго округа, при участіи А. Гофмана и М. Янко—директоровъ петербургскихъ гимназій, П. Барсова, И. Діомидова и І. Сѣдлатаго—инспекторовъ петербургскихъ гимназій, и Э. Кесслера и В. Марданова—преподавателей петербургскихъ гимназій. Четвертое изданіе, пересмотрѣнное. Спб. 1913. Стр. VIII+256. Ц. 1 р. 25 коп.

Руководство покойнаго Н. В. Санчурскаго подверглось въ посмертномъ (третьемъ) изданіи, вышедшемъ въ 1912 году, значительному расширенію и, во многихъ случаяхъ, коренной переработкѣ. Книга приняла размѣры, превосхо-

20*

дѣше объемъ скромнаго гимназическаго учебника по римскимъ древностямъ. Но зато она сдѣлалась единственнымъ на русскомъ языкѣ пособіемъ, охватывающимъ рѣшительно всѣ стороны древне-римской жизни, какъ государственной и религіозной, такъ и частной. вмѣстѣ съ тѣмъ изложеніе повсюду удачно иллюстрировано многочисленными рисунками, тщательно исполненными по античнымъ памятникамъ. Между прочимъ, въ книгѣ впервые воспроизведены многіе предметы древне-римскаго частнаго быта, хранящіеся въ императорскомъ эрмитажѣ. Наконецъ, изложеніе книги, несмотря на вполне общедоступный характеръ руководства, всюду стоитъ на высотѣ современной науки, и обработка нѣкоторыхъ отдѣловъ, какъ, напримѣръ, описаніе памятниковъ древняго Рима и его религіи, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Всѣ эти качества способствовали тому, что третье изданіе разошлось менѣе, чѣмъ въ годъ. Понятно отсюда, что въ вышедшемъ нынѣ четвертомъ изданіи редакторы могли сдѣлать только нѣсколько самыхъ незначительныхъ исправленій, причемъ отчасти руководствовались указаніями критики на третье изданіе. Будемъ надѣяться, что четвертое изданіе встрѣтитъ тотъ же заслуженный успѣхъ, какъ и предшествующее, а въ новомъ пятomъ изданіи будутъ восстановлены существовавшіе въ двухъ первыхъ обработкахъ книги указатели именъ и предметовъ и ссылки на источники, откуда взяты рисунки, иллюстрирующие книгу.

А. М.—въ.

Древній міръ и средніе вѣка. Историческіе очерки. Составили И. Н. Бороздинъ, профессоръ С. А. Котляревскій, В. В. Филатовъ, А. Г. Штейгеръ и М. А. Эртель. Съ рисунками въ текстѣ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва. 1913. Стр. 236.

Пять авторовъ этой книги неравномѣрно участвовали въ ея составленіи: профессору С. А. Котляревскому принадлежать всего четыре странички; г. Бороздинъ написалъ двадцать страницъ, г. Эртель—двадцать четыре. Наибольшее участіе въ работѣ приняли гг. Филатовъ и Штейгеръ, давшіе сборнику почти по сотнѣ страницъ. Статейка профессора Котляревскаго—изящная миниатюра о задачахъ исторіи, и его набросокъ каждый прочтетъ съ большимъ удовольствіемъ. Выдѣливъ эти четыре страницы изъ книги, прежде всего необходимо рѣшить вопросъ, какихъ именно читателей подразумѣвали остальные авторы, составляя свой сборникъ. Ихъ изложеніе столь элементарно по содержанію и въ фактической своей части такъ отрывочно и кратко, что мало-мальски образованному человѣку эта книга совершенно не нужна. А такъ какъ она входитъ въ составъ серіи «Народный университетъ», то это названіе, вѣроятно, надо понимать буквально. Но именно народъ—невѣжественныхъ читателей изъ класса крестьянъ и рабочихъ, ищущихъ серьезнаго самообразованія,—надо всѣми силами оберегать и предостерегать отъ просвѣтителей-добровольцевъ вродѣ перечисленныхъ. Общедоступность ихъ очерковъ свелась къ краткости: одинъ изъ авторовъ въ десяти строкахъ передаетъ содержаніе

«Одиссеи», другой въ девятнадцати рассказываетъ исторію Жанны д'Аркъ. Это стиль не книги для чтенія, а ученическаго конспекта или статьи изъ энциклопедическаго словаря. Не выходя въ своемъ изложеніи за предѣлы школьныхъ программъ, авторы качествомъ и количествомъ историческаго матеріала ихъ книги значительно уступаютъ хорошимъ общедоступнымъ учебникамъ гг. Мельгунова, Виппера, Карѣева и Виноградова. Къ этимъ составителямъ и надо отослать невѣжественныхъ читателей, желающихъ учиться исторіи. Компания популяризаторовъ, составившихъ разбираемую книгу, работала, повидимому, вразбродъ: у нихъ не было объединяющаго работу редактора, и каждый велъ свою линію. Г. Штейгеръ (Греція и Римъ) старается быть какъ можно болѣе популярнымъ. Онъ не скажетъ просто «богатство», а сейчасъ же добавитъ—«большіе капиталы» (стр. 50); ему мало сказать «культура», не добавивъ немедленно «развитіе» (стр. 36). Полная противоположность ему г. Филатовъ. Классъ бордаріевъ, пишетъ онъ на стр. 180, «несомнѣнно, близокъ къ теперешнимъ коттеджерамъ». Высказавъ эту мысль, авторъ оставляетъ читателей дивиться на свою ученость и тщетно допытываться, о комъ, собственно, онъ велъ рѣчь. Въ общемъ, всѣ страницы г. Филатова производятъ впечатлѣніе написанныхъ второпяхъ. Онѣ скучны и сухи, хотя авторъ и пытается игривымъ тономъ «оживить» свое изложеніе, называя священниковъ попами (стр. 174). Остальные два автора—гг. Бороздинъ и Эртель—писали въ книгѣ сравнительно мало и ничѣмъ не успѣли проявить себя. Книга московскихъ популяризаторовъ выходитъ въ настоящее время вторымъ изданіемъ и, значить, не одна ужъ тысяча простаковъ попалась впросакъ на этой работѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что настоящее второе изданіе оказывается «исправленнымъ и дополненнымъ». «Въ V вѣкѣ въ Аѳинахъ дѣйствуютъ знаменитые трагики Эсхиль, Софокль и Эврипидъ...», читаемъ на стр. 67. Что же дѣлали эти великіе греки въ первомъ изданіи, если послѣ исправленія книги авторъ говоритъ о нихъ въ столь неудачной формѣ? Любопытно, какъ бы отнесся г. Штейгеръ, если бы въ поданномъ ему сочиненіи ученикъ писалъ: «Пушкинъ началъ дѣйствовать въ александровскую эпоху?» Какой же ужасный видъ должно было имѣть первое изданіе, если второе—исправленное!—такъ вопіюще неряшливо. Вотъ рисунокъ дома знатнаго римлянина (стр. 81); на каждой части зданія аккуратноенько проставлено два десятка номеровъ. Такъ обыкновенно дѣлаютъ, чтобы въ сноскѣ объяснить читателямъ значеніе каждой части дома. Въ этой же книгѣ никакого объяснительнаго текста къ номерамъ не дано. Это явно пренебрежительное отношеніе къ читателямъ еще подчеркивается на страницѣ 222 и 229, гдѣ въ текстѣ пропущено нѣсколько строкъ, что дѣлаетъ изложеніе совершенно бессмысленнымъ. Карты выполнены отвратительно.

Пант.

Г. Гинсъ. Переселеніе и колонизація. 1913 г.

Въ настоящей брошюрѣ авторъ характеризуетъ задачи современной политики, сходящей съ точки одного лишь переселенія и переходящей къ настоящей колонизаціи, подъ коей слѣдуетъ подразумѣвать всестороннее культурное

развитіе уже населенныхъ и еще слабо заселенныхъ пространствъ. Подводя итоги вліянія переселенія на развитіе окраины, авторъ указываетъ на приливъ денежныхъ средствъ въ Сибирь, выразившійся за послѣднія пять лѣтъ сотнями миллионныхъ рублей. Такая сумма слагается изъ казенныхъ ассигнованій въ 61 миллионъ рублей, денегъ, привезенныхъ съ собой переселенцами, и, наконецъ изъ суммъ, ассигнованныхъ на казенное строительство и гидротехническія работы. Внезапный ростъ городовъ, такихъ, какъ Славгородъ и Алексѣевскъ, является однимъ изъ главныхъ показателей культурнаго развитія окраины, возродившейся подъ вліяніемъ переселенія. Но, кромѣ правительственныхъ мѣропріятій, имѣетъ большое значеніе частная предпріимчивость въ дѣлѣ колонизаціи и связанное съ нею установленіе частной собственности. Въ этихъ дѣлахъ главное управленіе земледѣлія и землеустройства выработало правила сдачи въ аренду безъ торговъ участковъ для скотоводства.

По вопросу о частной собственности въ Сибири авторъ приводитъ докладъ г. Гольмана, прочитанный 12-го февраля 1912 года въ германской сельскохозяйственной палатѣ, коего выводы сводятся къ 1) необходимости введенія института собственности и 2) образованію крупныхъ сельскихъ хозяйствъ.

Говоря о русской колонизаціи, докладчикъ противопоставляетъ ее американской. Насколько Сибирь похожа на Канаду, по удостовѣренію американскаго профессора Рила Ганзена, много разъ исколесившаго Сибирь по порученію правительства Соединенныхъ Штатовъ, настолько, по словамъ г. Гольмана, сибирская колонизація рѣзко отличается отъ американской. Въ Америкѣ духъ капитализма, въ Сибири антикапиталистическій. Въ Америкѣ индивидуализмъ и собственность, въ Сибири отсутствіе самоуправленія и условій, въ которыхъ могли бы образоваться классы населенія, способные представлять мѣстные интересы.

Отрадное впечатлѣніе производитъ эта небольшая брошюра г. Гинса, указывающая на знакомство автора съ иностранными источниками и исторіей вопроса колонизаціи въ другихъ странахъ, что большею частью игнорируется въ русскихъ сочиненіяхъ на эту тему. Между тѣмъ имѣется масса поучительныхъ аналогій и выводовъ въ сопоставленіи политики Западной Европы по отношенію къ своимъ колоніямъ и нашей.

Такіе теоретики колонизаціи, какъ Жиро, Мериньякъ, Леруа-Болье; намѣтили три типа колонизаціонной законодательной политики: систему подчиненія (*l'assujettissement*), самоуправленія (*l'autonomie*) и урвненія съ метрополіей (*l'assimilation*).

По мнѣнію автора, «современная русская колонизаціонная политика ближе всего подходитъ къ системѣ урвненія. Русскія колоніи составляютъ непосредственное продолженіе государственной территоріи; образовались онѣ путемъ постепеннаго завоеванія и постепенно приобщались къ общему государственному порядку. Порядокъ законодательства, администрація, судъ, финансовая и торговая политика распространяются на всю имперію, но особенно и отклоненій отъ начала урвненія все же очень много, и эти отклоненія не въ сторону системы автономіи, а въ сторону системы подчиненія.

«Во многихъ частяхъ Азіатской Россіи сохраняются особыя формы управле-

ніа, отличающіяся особою широтою полномочій администраціи. Военная повинность на большинство туземцев не распространяется. Режимъ подчиненія сказывается затѣмъ въ большихъ, чѣмъ въ другихъ частяхъ имперіи, стѣсненіяхъ публичныхъ правъ, въ различныхъ ограниченіяхъ по отношенію къ нежелательнымъ почему-либо элементамъ населенія, пользующимся свободою во всѣхъ остальныхъ частяхъ имперіи, наконецъ, въ ограниченномъ участіи населенія въ выборахъ народныхъ представителей.

«Такимъ образомъ, въ случаѣ намѣренія правительства проводить полностью въ его колонизаціонной политикѣ принципъ уравниенія, открывается широкое поле для постепенной реформаторской дѣятельности, общающей обновленіе и подъемъ культурной жизни Азіатской Россіи и болѣе тѣсное сближеніе ея съ метрополіей, Россією Европейской».

Нельзя къ этому мнѣнію не присоединиться съ пожеланіемъ скорѣйшаго осуществленія этого принципа уравниенія и ожидаемаго отъ него подъема культурной жизни нашей окраины.

П. О—въ.

Архимандритъ Іона. Римскій папа и православный Востокъ. Очерки и этюды по вопросу о современномъ отношеніи Рима къ Россіи и Ближнему Востоку. Спб. 1913. Стр. 124. Цѣна 1 р. 25 коп.

По вопросу объ отношеніи римскаго престола къ православному Востоку вообще и къ Россіи въ частности существуетъ немалая у насъ литература, и книга архимандрита Іона, настоятеля русской посольской церкви въ Константинополѣ, выдѣляется изъ ряда другихъ изданій интереснымъ подборомъ важнаго и полезнаго матеріала, непосредственнымъ свидѣтельствомъ живого опыта, создавашагося въ теченіе многолѣтняго пребыванія на Востокѣ, правильнымъ и разностороннимъ освѣщеніемъ любопытнаго вопроса.

Книга состоитъ изъ семи отдѣльныхъ очерковъ. Въ первомъ очеркѣ, подъ заглавіемъ «Римъ и православный Востокъ», характеризуется общая политика римскаго престола, направленная къ духовному завоеванію православнаго Востока и къ безраздѣльному здѣсь владычеству *ad maiorem papae gloriam*.

Во второмъ очеркѣ рѣчь идетъ о напумѣвшей книгѣ саксонскаго принца Макса по восточному вопросу и вскрыта замаскированная сторона уніональнаго плана, предложеннаго саксонскимъ принцемъ и направленнаго къ тому же торжеству Рима на Востокѣ.

Третій очеркъ содержитъ отвѣтъ на латинскій памфлетъ противъ русской церкви, принадлежащій отцу Аврелію Пальміери, мнимому доброжелателю русскаго церковнаго общества, зло и несправедливо осудившему русскую церковь,—опять по мотивамъ папскаго властолюбія.

Въ четвертой статьѣ предложенъ переводъ критическаго этюда о заблужденіяхъ и убѣжденіяхъ Вл. С. Соловьева, принадлежащаго извѣстному старокатолическому богослову Е. Мишо.

Весьма интересны пятый и шестой очерки книги, въ которыхъ изложена «Краткая исторія іезуитовъ до поселенія ихъ въ Россіи» (переводъ съ фран-

пуэскаго) и «Тайныя постановленія общества іезуитовъ» (переводъ съ латинскаго). Въ этихъ очеркахъ весьма ярко и выразительно характеризуется запутанная и сложная система хитросплетеній іезуитской казуистики въ области моральныхъ и религіозныхъ отношеній. Смущеніе и ужасъ навѣваютъ на читателя категорическія формулы іезуитской морали, въ которыхъ, кажется, не остается мѣста ученію евангельскаго Иисуса.

Въ седьмомъ очеркѣ, подъ заглавіемъ «Перамское дѣло», раскрываются подвиги латинской пропаганды въ Малой Азіи.

Заключеніе книги содержитъ рѣзкое и справедливое осужденіе завоевательной политики римскаго престола на Востокъ, принадлежащее знаменитому вселенскому патріарху Іоакиму третьему, скончавшемуся 13-го ноября 1912 года.

Вообще вся книга архимандрита Іоны проникнута одной идеей—о той опасности, которая грозитъ православію въ Россіи и на Ближнемъ Востокѣ со стороны неразборчивой въ средствахъ латинской пропаганды. Книга читается съ большимъ интересомъ.
Σ.

Переселеніе и землеустройство за Ураломъ въ 1906—1910 г. и отчетъ по переселенію и землеустройству за 1910 г. Изданіе переселенческаго управленія. Стр. 501, со многими гелиографюрами и съ десятью географическими картами. Спб. Цѣна не означена, но 5 рублей.

Главные, центральныя учрежденія въ послѣднее время издають, подъ именемъ отчетовъ, изслѣдованій, трудовъ и т. д., не мало цѣнныхъ и очень любопытныхъ сочиненій, которыя, однако, не всегда пользуются должнымъ и соответствующимъ распространеніемъ среди нашего общества. Причиною этого является, съ одной стороны, относительная специальность подобнаго рода изданій, а съ другой—ихъ малоизвѣстность вообще, т.-е. о появленіи ихъ въ свѣтъ мало публикуется, о содержаніи и достоинствѣ ихъ рѣдко встрѣчаются отзывы въ журналахъ, и экземпляры ихъ не всегда рассылаются по редакціямъ главныхъ органовъ печати, и даже самая продажа ихъ не всегда производится въ книжныхъ магазинахъ или по крайней мѣрѣ далеко не во всѣхъ, такъ что читающая публика не всегда имѣетъ возможность узнать и при томъ своевременно о появленіи того или другого капитальнаго во многихъ отношеніяхъ труда ¹⁾. Этого удѣла не избѣгъ и въ высшей степени любопытный трудъ, составленный подъ выше приведеннымъ загла-

¹⁾ Для примѣра укажемъ хотя бы на всѣ труды и изслѣдованія въ различныхъ отношеніяхъ нашихъ колонизаціонныхъ районовъ, перечисленные на стр. 133—140 того же «Переселенія и землеустройства». Многимъ ли извѣстны труды, напечатанные комиссіею для составленія свѣдѣній по финляндскимъ законамъ и систематизаціи сихъ законовъ, или изданная во многихъ томахъ «Опись дѣлъ архива государственнаго совѣта съ самаго учрежденія онаго», а также «Опись дѣлъ статей-секретаріата герцогства Варшавскаго и царства Польскаго съ 1807 г. по 1825 г.» и многія тому подобныя изданія и труды?

віемъ переселенческимъ управленіемъ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія, съ содержаніемъ котораго мы познакомимъ нашихъ читателей въ немногихъ словахъ. Всѣмъ почти извѣстна важность совершающагося на глазахъ нашихъ ежегоднаго переселенія немалой части нашего сельскаго населенія изъ Европейской Россіи въ Азіатскую, т.-е. за Уральскій хребетъ; на Кавказъ и на берега Черноморья переселеніе въ настоящее время почему-то закрыто, и этимъ должно объяснить причину, что наша очаровательная черноморская Ривьера до крайности мало населена и по настоящее время. Все переселеніе направлено за Уралъ, при чемъ въ обширныхъ пространствахъ нашихъ азіатскихъ владѣній отъ Урала до Тихаго океана большіе запасы участковъ земель для переселенія имѣются только въ восточныхъ районахъ Сибири, именно въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ и въ особенности въ областяхъ Амурской, Приморской и Забайкальской; въ этихъ мѣстахъ имѣются еще свободныя земли для заселенія, которыхъ уже почти *не имѣется* въ степныхъ частяхъ губерній Тобольской и Томской (на Алтаѣ и вблизи желѣзной дороги), а также въ областяхъ Семипалатинской, Акмолинской и Семирѣченской. Во всей Западной Сибири свободныя переселенческіе участки остались только въ далекомъ разстояніи отъ желѣзной дороги, на югѣ Киргизской степи и въ таежныхъ сѣверныхъ частяхъ Тобольской и Томской губерній. Въ Туркестанскомъ краѣ переселеніе производится только въ одну Семирѣченскую область ¹⁾.

Переселеніе во всѣ означенныя выше мѣстности быстро возрастаетъ, какъ можно заключить изъ слѣдующихъ цифръ. Въ десятилѣтіе 1896—1905 г. прослѣдовало переселенцевъ обоого пола: 1) въ четыре сибирскія губерніи 913.091 душа, 2) въ Степной край—294.297 и 3) въ области Дальняго Востока—72.521 душъ, всего 1.279.909 душъ. Въ ближайшія къ намъ слѣдующія *пять лѣтъ*, т.-е. въ теченіе 1906 по 1910 г. эти цифры удвоились, именно: въ тѣ же сибирскія губерніи переселилось 1.485.143 души, въ Степной край—770.211 душъ и въ области Дальняго Востока—260.721 душъ, всего 2.516.075 душъ, такъ что въ пятнадцать лѣтъ, съ 1896 по 1910 г., переселилось вообще болѣе 3.795.000 душъ. Конечно, не всѣ переселенцы нашли подходящія для себя земли и прочно осѣли; трудныя условія водворенія на новыхъ мѣстахъ понудили многихъ возвратиться на родину. Число таковыхъ вообще не особенно значительно, и за весь періодъ времени съ 1896 г. по 1910 г. всего возвратилось переселенцевъ 454.288 человекъ, въ томъ числѣ изъ четырехъ сибирскихъ губерній 265,764 человекъ, изъ Степного края—159.089. и изъ областей Дальняго Востока 29.435 человекъ.

Вышеуказаннымъ переселенцамъ былъ отведено въ пятилѣтіе 1906—1910 г.—21.819.859 десятинъ и, кромѣ того, обращено подъ оброчныя статьи, запасныя участки, лѣсныя дачи и другія надобности—1.953.536 десятинъ, всего 23.773.395 десятинъ, въ два раза болѣе, чѣмъ во всѣ предшествующія тринадцать лѣтъ (1893 г. по 1905 г. включительно), когда въ годъ отводилось въ среднемъ

¹⁾ Въ остальныхъ области этого края: Сыръ-Дарьинскую, Самаркандскую, Ферганскую и Закаспійскую, переселенія не производится, по неимѣнію въ этихъ областяхъ заготовленныхъ земель для новыхъ переселенцевъ.

земель до 938.000 десятинъ, а за все время отведено было до 12.197.000 десятинъ. Однѣ эти цифры показываютъ, какъ значительно должно быть число различнаго рода должностныхъ лицъ, занятыхъ исключительно работами по обмѣру и устройству участковъ земель, отводимыхъ переселенцамъ, причемъ, кромѣ собственно обмѣра и разграниченія участковъ, весьма часто проводятся и устраиваются дороги, производятся различныя гидротехническія сооруженія для орошенія земель и мѣстами для ихъ осушенія, копаются колодцы и устраиваются водохранилища. Предоставляя читателямъ самимъ ознакомиться со всѣмъ этимъ сложнымъ дѣломъ переселенія, подробно изложеннымъ, съ приложеніемъ множества геліографическихъ изображеній, въ лежащемъ предъ нами изданіи «Переселеніе и землеустройство», упомянемъ еще, что для удобства переселенцевъ въ колонизаціонныхъ районахъ устраиваются особые сельско-хозяйственные склады и товаро-продовольственные лавки, въ которыхъ переселенцы могутъ пріобрѣтать себѣ по умѣреннымъ цѣнамъ различныя необходимыя имъ продукты и также сельскохозяйственныя орудія. Такихъ складовъ и лавокъ насчитывалось въ 1912 году до 195 уже. О дѣятельности ихъ можно судить уже по тому, что за первое десятилѣтіе 1896—1905 г. они распространили *однихъ земледѣльческихъ орудій и машинъ* на сумму—9.625.560 рублей; въ слѣдующее же пятилѣтіе эта продажа машинъ и орудій достигла цифры двадцать одного миліона рублей. При сельско-хозяйственныхъ складахъ имѣется особый продовольственный отдѣлъ, который вѣдаетъ двадцатью двумя казенными зернохранилищами, изъ которыхъ уже въ 1906—1910 годахъ были выданы, по случаю неурожая, новоселамъ въ ссуды до 2.427.342 пуда хлѣба.

Для содѣйствія новоселамъ въ устройствѣ ихъ жилищъ организованы особые лѣсные склады, которые занимаютъ тремя отдѣльными операціями, именно: 1) заготавливаютъ и доставляютъ въ безлѣсныя мѣстности для продажи по возможно дешевымъ цѣнамъ лѣсные матеріалы; 2) занимаютъ въ Тобольской губерніи, на особыхъ заводахъ, переработкою малоцѣннаго лѣса и пней, добываемыхъ при корчеваніи, на продукты сухой перегонки, какъ-то: деготь, смолу, уксусную кислоту, скипидаръ, при чемъ, уплачивая поселенцамъ за доставляемые ими пни, содѣйствуютъ имъ тѣмъ самымъ въ расчисткѣ земель подъ пашни и покосы; 3) кромѣ того, лѣсные склады на трехъ небольшихъ заводахъ выдѣлываютъ, отчасти съ показательными цѣнами, кирпичъ для строительныхъ нуждъ степной полосы.

Для оказанія врачебной помощи переселенцамъ устроены врачебныя и фельдшерскіе пункты. Нельзя въ заключеніе не упомянуть, что для удовлетворенія религіозныхъ потребностей новоселовъ открыты въ разныхъ мѣстахъ Сибири 172 прихода и обезпечена постройка девяносто пяти церквей, двадцати пяти молитвенныхъ домовъ и восемидесяти одного причтоваго дома. Въ виду того, что переселенцы послѣднихъ лѣтъ селятся на участкахъ, отстоящихъ отъ жилищъ мѣсть не только на многіе десятки, но даже на сотни верстъ, и нерѣдко живутъ въ мѣстахъ съ инородческимъ населеніемъ, чуждымъ имъ по духу и вѣрѣ, рѣшено было въ 1909-и 1910 г. содержать особые разъѣздные причты съ походными церквями, періодически объѣзжающіе назначенныя имъ переселенческіе участки. Но помимо недостатка въ самыхъ зданіяхъ церковныхъ, встрѣ-

чается въ зауральскихъ епархіяхъ недостатокъ мѣстныхъ кандидатовъ на мѣста священнослужителей во вновь открываемыхъ приходахъ. Для возможнаго устраненія этого въ Москвѣ при Знаменскомъ монастырѣ съ 1909 года открыты особые пастырскіе курсы для подготовки священнослужителей въ сибирскіе приходы. Но, вообще говоря, въ переселенческихъ поселкахъ чувствуется необходимость въ сооруженіи храмовъ Божьихъ. Несмотря на то, что открытый въ 1886 г. особый сборъ, образовавшій собою особый фондъ имени въ Бозѣ почившаго императора Александра III далъ возможность построить немало церквей въ Сибири вообще, тѣмъ не менѣе и понынѣ нужда въ нихъ очень велика въ переселенческихъ районахъ. А такъ какъ при каждой приходской церкви имѣется обыкновенно и церковно-приходская школа для первоначальнаго обученія, то недостатокъ церквей въ переселенческихъ районахъ влечетъ за собою и недостатокъ въ подобныхъ школахъ, который ощущается и понынѣ.

Съ изданіемъ закона 19-го апрѣля 1909 г. о выдачѣ ссудъ на общепользныя надобности явились со стороны переселенцевъ ходатайства о выдачѣ ссудъ также и на школьное строительство, такъ что въ 1910 году, вмѣстѣ съ учрежденіемъ на мѣстахъ особыхъ школьныхъ комиссій, удалось въ районахъ водворенія переселенцевъ открыть тридцать шесть церковно-приходскихъ и 212 школъ министерскихъ (т.-е. министерства народнаго просвѣщенія). Эти цифры, надо надѣяться, увеличатся въ самомъ непродолжительномъ времени.

Лишнее добавлять, что вся книга «Переселеніе и землеустройство» издана во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно и читается съ большимъ интересомъ.

П. Майковъ.

С. Э. Термень. Призрѣніе несчастнорожденныхъ въ Россіи. Спб. 1912. Стр. 245 и 15 статист. табл. Ц. 2 р.

Къ 1 января 1901 г. въ Россіи насчитывалось 8,855 учреждений, оказывающихъ призрѣніе «несчастнорожденнымъ» дѣтямъ. Къ этой категоріи авторъ относитъ не только внѣбрачныхъ, тѣхъ, которыя по уложенію царя Алексѣя Михайловича именовались «выблудками», а въ петровскихъ указахъ «засорными дѣтьми», но и тѣхъ, которыя, хотя и происходятъ отъ законнаго брака, но по тѣмъ или инымъ причинамъ находятся въ совершенно ненормальныхъ условіяхъ жизни и воспитанія. Авторъ даетъ краткій историческій очеркъ призрѣнія несчастнорожденныхъ дѣтей въ Россіи, подробно затѣмъ останавливается на исторіи и современномъ положеніи дѣла призрѣнія въ императорскомъ с.-петербургскомъ воспитательномъ домѣ и наконецъ предлагаетъ основанія для реформы призрѣнія. Фактическія данныя о дѣятельности петербургскаго воспитательнаго дома, ежегодно принимающаго до 7.000 дѣтей и имѣющаго подъ своимъ попеченіемъ до 30,000 дѣтей, представляютъ наибольшій интересъ, и г. Термень отводитъ этому громадному учрежденію больше половины своей книги. На примѣрѣ этого учрежденія и его 250-лѣтнемъ опытѣ (изложеніе ведется исторически, исторія правилъ пріема, постановки вскармливанья и т. д.)—выясняются положительныя и отрицательныя стороны современной постановки при-

зрѣнія дѣтей. Такъ, напримѣръ, авторъ отмѣчаетъ, что со времени привлеченія матерей къ вскармливанію ихъ дѣтей, приносимыхъ въ домъ, смертность дѣтей въ возрастѣ 1—7 лѣтъ понизилась на 5%. Число дожившихъ до полученія вѣчно-увольнительныхъ свидѣтельствъ по открытіи с.-петербургскаго воспитательнаго дома давало «всего одинъ %», за десятилѣтіе 1880—1890 г. превысило 15%, а за время послѣ изданія правилъ 1890—1894 гг. превышаетъ 20%» (стр. 172). Увеличилось и число возвращеній дѣтей матерямъ. Но все же смертность еще очень велика, постановка воспитанія (особенно «питомнической» промыселъ—отдача на сторону) и образованія (особенно профессиональнаго)—не вполне удовлетворительна, несмотря даже на 100 школъ воспитательнаго дома, учительскую семинарію, училище съ курсами для нянь и фельдшерницъ, такъ какъ все же многіе питомцы остаются безъ подлежащей подготовки къ жизни. Все это заставляетъ автора сдѣлать рядъ указаній (въ общемъ весьма дѣльныхъ) на необходимыя преобразованія. Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что авторъ нѣсколько увлекается системой отобранія дѣтей у родителей судебнымъ порядкомъ. Для такого отобранія надо быть слишкомъ увѣреннымъ въ благопріятныхъ результатахъ столь «соціалистической» мѣры въ нашихъ современныхъ условіяхъ.

Изъ нѣкоторыхъ неточностей отмѣтимъ допущенную (на стр. 205) ошибку въ опредѣленіи условій усыновленія. Для послѣдняго требуется согласіе родителей усыновляемаго безъ ограниченія возрастомъ (ст. 149 т. X ч. 1). Далѣе, едва ли правильно утвержденіе (стр. 1), что благотворительность начинается съ дряхлыхъ и въ самомъ концѣ своего развитія «доходитъ до дѣтей самаго перваго возраста».

Въ общемъ книга г. Терменъ весьма дѣльна, интересна, добросовѣстна и заслуживаетъ полнаго вниманія и благодарности. Г. Гяць.

Общество славянскаго научнаго единенія. Славянскій вопросъ въ его современномъ значеніи. (Рѣчи и статьи члена государственной думы А. М. Александрова, академика В. М. Бехтерева, профессора М. М. Ковалевскаго, Янко Лаврина, профессора П. А. Лаврова, Д. И. Семиза и профессора М. П. Чубинскаго). Стр. 139+15. Спб. 1913. Цѣна 60 коп.

Небольшая, скромная книжка въ скромной сѣрой обложкѣ. Вы начинаете перелистывать, не ожидая встрѣтить что-либо новое. И черезъ нѣсколько минутъ вы увлечены яснымъ толковымъ изложеніемъ, objaснющимъ корни томительныхъ неизбѣжныхъ вопросовъ. Языкъ цифръ—убѣдительный, безпощадный языкъ. И неодоушевленные цифры больше говорятъ о назрѣвшей остротѣ юго-славянскихъ нуждъ и интересовъ, чѣмъ красочныя описанія турецкихъ звѣрствъ.

Для сознательной и плодотворной работы славянства не достаточно красивыхъ, но неосуществимыхъ фантазій, нужны реальныя, осязаемыя интересы; для культурныхъ завоеваній необходима твердая почва опредѣленныхъ экономическихъ отношеній.

Доказать, что настоящий момент благоприятствует реальным начинаниям, что стремления славян вылились в новую, вполне определенную форму, составляло задачу сборника. И задача эта выполнена блестяще.

Просматривая статью Д. И. Семиза «Сербский народ накануне войны», посвященную экономическому вопросу, как основѣ, вокруг которой должны выкристаллизоваться силы славянства, нельзя не проникнуться удивленіем перед колоссальной энергіей и культурной трудоспособностью балканских государств.

Такое же впечатлѣніе вынесет читатель, знакомясь и съ остальными вошедшими в первый сборникъ статьями. Любопытенъ матеріалъ, собранный профессоромъ Лавровымъ. Съ интересной стороны освѣщаетъ художественно литературное сближеніе славянъ и культурныя задачи славянства статья Янко Лаврина.

Лозунгъ книги—культурное единеніе и твердое пониманіе реальныхъ интересовъ родственныхъ по духу народовъ.

Къ сборнику приложенъ уставъ общества славянскаго научнаго единенія.

В. Мар—скій.

М. К. Соколовскій и князь А. С. Эристовъ. Славное прошлое изюмскихъ гусаръ. Памятка 11-го гусарскаго Изюмскаго его королевскаго высочества принца Генриха Прусскаго полка. Спб. 1912. Стр. 48.

Въ знаменательный годъ юбилейныхъ торжествъ Отечественной войны для гусаръ-изюмцевъ выпущено изящно выполненное художественное изданіе: «Памятка» полка, вступившаго въ 262-й годъ своей полной геройскихъ подвиговъ военной дѣятельности.

Съ именемъ полка, согласно высочайшей волѣ «сохранить на вѣчныя времена въ рядахъ арміи имена наиболѣ видныхъ героев» отечественной войны, связано нынѣ имя извѣстнаго партизана генерала Дорохова.

«Памятка» начинается стихотвореніемъ Н. В. Гербеля, служившаго офицеромъ полка съ 1848 по 1851 г. Затѣмъ слѣдуетъ краткій историческій очеркъ полка, написанный хорошимъ литературнымъ и понятнымъ языкомъ. Заботливо отгѣнены геройскіе подвиги какъ вождей, такъ и нижнихъ чиновъ полка въ борьбѣ ихъ съ татарами (XVII в. и XVIII в.), со шведами (начало XVIII в.), поляками (1734 и 1792—1794, 1831 г.г.), турками (1736—1739, 1828, 1771, 1853, 1877), венгерцами (1849 г.) и французами—въ Отечественную войну.

Кромѣ Дорохова, въ рядахъ полка числились два выдающихся дѣятеля Отечественной войны, Барклай-де-Толли и Беннигсенъ.

Войны съ Наполеономъ (1805—1814 г. г.) доставили изюмцамъ высокую военную награду—георгіевскіе штандарты.

Приложеніями къ изданію служатъ: списки георгіевскихъ кавалеровъ полка, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, и таблица боевой хроники полка.

Книжка украшена нѣсколькими художественно выполненными рисунками. Такъ, въ краскахъ переданы: знамя полка и современное обмундированіе изюмцевъ; остальные рисунки представляютъ рядъ портретовъ русскихъ государей,

верховныхъ вождей арміи, начиная съ царя Алексѣя Михайловича, шефовъ полка—знаменитаго партизана Дорохова и принца Генриха Прусскаго; два рисунка иллюстрируютъ наиболѣе выдающіеся въ исторіи полка геройскіе подвиги.

А. М.

А. Г. Петискусъ. Олимпъ. Мифологія грековъ и римлянъ. Третье русское изданіе, переработанное (по 21 нѣмецкому изданію) подъ редакціей К. А. Тюлеліева. Съ рисунками въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. 1913. Стр. III+432+V+IV+II. Цѣна не обозначена.

Настоящая книга г. Петискуса, вышедшая въ подлинникѣ почти сто лѣтъ назадъ, до сихъ поръ не перестаетъ оставаться со внесенными различными специалистами поправками и перемѣнами однимъ изъ лучшихъ руководствъ по мифологіи древнихъ грековъ и римлянъ, благодаря научности матеріала и живости изложенія его. Предназначенная собственно для юношества, она способна вполне отвѣчать интересамъ и болѣе широкаго круга читателей, являясь полнымъ, солиднымъ и общедоступнымъ справочникомъ о богахъ и герояхъ, Олимпа. Во введеніи авторъ даетъ понятіе о характерѣ и значеніи боговъ классической древности. Все послѣдующее содержаніе раздѣлено имъ на шесть частей: первая часть повѣствуетъ о сотвореніи міра (ѳеогонія); вторая объ олимпійскихъ богахъ, гдѣ сообщается также и о прочихъ родственныхъ и сопутствующихъ олимпійцамъ божествахъ, о римскихъ домашнихъ и семейныхъ богахъ, говорится о сотвореніи человѣка и о періодахъ жизни его—золотомъ, серебряномъ, мѣдномъ и желѣзномъ вѣкахъ; третья часть посвящена богамъ моря и водъ, четвертая—владыкамъ земли, пятая—божествамъ подземнаго міра и, наконецъ, шестая предметомъ своего повѣствованія имѣетъ мифы о герояхъ, гдѣ прихотливая, вѣчно дѣятельная фантазія грековъ, восполняя исчезнувшія свѣдѣнія о своемъ происхожденіи и первоначальномъ времени своего существованія, воскрешаетъ отжившій бытъ народа, передаетъ его наивныя вѣрованія, выражаетъ свой идеалъ человѣка. Мифы о герояхъ раздѣлены г. Петискусомъ на три части: первобытный міръ, сотвореніе человѣка и древнѣйшій періодъ; областныя сказанія о герояхъ и эпоха младшихъ героев—походъ па Фивы и Троянская война. Много увеличиваетъ цѣнность этой книги громадное обиліе иллюстрацій, число которыхъ достигаетъ свыше трехсотъ, въ пять разъ больше, чѣмъ въ послѣднемъ, двадцатъ первомъ изданіи нѣмецкаго подлинника. Пользованію книги въ качествѣ справочника много помогаетъ приложенный къ ней алфавитный указатель именъ, въ который вошло больше шестисотъ именъ. Большую пользу должна принести настоящая книга Петискуса и для нашей учащейся молодежи въ качествѣ обстоятельнаго и очень живо написаннаго пособия при изученіи мифологіи древняго міра. Въ первомъ своемъ изданіи «Олимпъ» включенъ въ опытъ каталога ученическихъ, средняго возраста, библиотекъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Д. М.

**У. Г. Иваскъ. Григорій Николаевичъ Геннади. (Обзоръ жизни и трудовъ).
М. 1913. Стр. 64.**

Скончавшійся въ 1890 году Г. Н. Геннади, какъ библиографъ, извѣстенъ въ очень широкихъ кругахъ, особенно своими «Списками книгъ», «Справочнымъ словаремъ», «Русскими Книжными Новостями», многочисленными указателями къ «Губернскимъ Вѣдомостямъ», «Краткими свѣдѣнiями» объ умершихъ русскихъ писателяхъ и проч. Но болѣе или менѣе полного очерка его жизни и дѣятельности до сихъ поръ нѣтъ. Восполнить этотъ пробѣлъ рѣшился У. Г. Иваскъ, обратившій, впрочемъ, главное свое вниманiе на то, чтобы «представить въ наибольшей полнотѣ списокъ трудовъ и изданiй Г. Н. Геннади». Не касаясь этого списка, я позволю себѣ пополнить нѣсколько свѣдѣнiй г. Иваска относительно дѣда и отца нашего знаменитаго библиографа. Про перваго онъ говоритъ такъ: «Дѣдъ Александръ Геннади, переселившись въ Россiю, служилъ при дворѣ императрицы Екатерины II. Онъ числился въ спискахъ Семеновскаго полка и завѣдывалъ привозившимися въ кабинетъ мѣхами». По даннымъ архива департамента герольдiи оказывается, что Александръ Ивановичъ Геннади (такъ онъ подписывался) родился около 1761 года, греческой наци, изъ молдавскихъ уроженцевъ, въ русскую службу вступилъ въ 1783 году фейерверкеромъ лейбъ-гвардiи Преображенскаго полка; въ 1789 году былъ уже произведенъ въ капитаны; въ 1794 году занялъ мѣсто оберъ-провiантмейстера и въ 1796 году уволился въ отставку, съ чиномъ премьеръ-майора. Въ слѣдующемъ году «опредѣленный къ статскимъ дѣламъ» переименованъ въ «коллежскiе ассесоры и состоялъ «въ вѣдомствѣ герольдмейстерской конторы». По отношенiю къ Николаю Александровичу, отцу библиографа, добавлю, что онъ родился 3-го декабря 1796 года; въ службѣ съ 1809 года канцеляристомъ въ петербургскомъ казначействѣ, гдѣ пробылъ, или, скорѣе, числился, всего три года и затѣмъ черезъ пять лѣтъ опредѣлился въ коллегию иностранныхъ дѣлъ, сначала канцелярскимъ служителемъ, а потомъ съ 1819 г. переводчикомъ; въ 1831 году уволился въ отставку съ чиномъ коллежскаго совѣтника. Записанъ дворяниномъ Смоленской губерни.

В. Рудаковъ.

Спутникъ по древнему Владимиру и городамъ Владимирской губерни. Историко-археологическое описанiе всѣхъ городовъ Владимирской губерни. Составилъ Н. Н. Ушаковъ. Владимиръ. 1913. 8°. VIII+474+3 нен.+II+II стр. и 44 рис. на отдѣльныхъ листахъ. Ц. 3 р.

Владимирская губерня, представляющая значительный интересъ и по развитой въ ней торговой промышленности, и по богатству памятниками старины, давно заслуживала болѣе или менѣе подробнаго описанiя во всѣхъ отношенiяхъ. Нельзя сказать, что она до сего времени оставалась мало изслѣдованной: существующая здѣсь ученая архивная комиссiя вотъ уже пятнадцать лѣтъ посвящаетъ свое вниманiе изслѣдованiямъ губерни съ различныхъ сто-

ронъ; до нея надъ изученіемъ губерніи трудились такіе работники, какъ памятный многимъ К. Н. Тихонравовъ, далѣе—Н. А. Артлебенъ, еще ранѣ ихъ—іеромонахъ Іоасафъ (Гапоновъ), потомъ И. А. Голышевъ, В. И. Доброхотовъ, И. М. Лядовъ и многіе другіе; въ послѣдніе годы многіе изъ членовъ архивной комиссіи начали усердно и толково заполнять оставшіеся отъ прежнихъ труженниковъ пробѣлы, и Владимирская губернія, можно безъ преувеличенія сказать, теперь почти вся изслѣдована: не найдется ни одного города, ни одного почти монастыря и т. п., о которыхъ нельзя было бы достать даже отдѣльную монографію или полную, всеисчерпывающую статью. Правда, есть нѣкоторыя исключенія, но они объясняются тѣмъ, что нѣкоторые города губерніи были въ свое время преобразованы въ административныя единицы изъ захолустныхъ сель, прежде ничѣмъ не отличавшихся, а нынѣ цивилизуемыхъ фабриками...

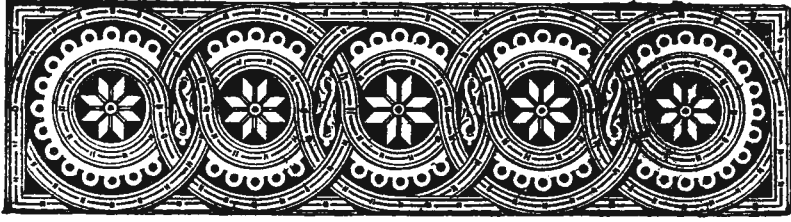
Такого труда, какъ трудъ г. Ушакова, у насъ еще не было: прежде никто не взялся свести въ одну книгу имѣвшіяся свѣдѣнія о городахъ губерніи, о замѣчательныхъ въ нихъ древностяхъ. Настоящимъ «Спутникомъ» эта задача выполнена. Приходится пожалѣть только объ одномъ: Владимирская губернія, а стало быть и города ея богаты не однѣми древностями, но и извѣстными въ Россіи фабриками, иногда съ миллионнымъ производствомъ, но о фабрикахъ и мѣстныхъ кустарныхъ промыслахъ въ книгѣ нѣтъ даже и намека. Конечно, книга и безъ того вышла большая, здѣсь подробно описаны города Владимиръ, Суздаль, Переяславль и Муромъ, приведено въ текстѣ восемьдесятъ семь изображеній наблюдаемыхъ въ нихъ древностей, а остальные города описаны кратко, приведена только ихъ исторія и помѣщены на отдѣльныхъ листахъ виды всѣхъ городовъ губерніи, но составитель этимъ только и ограничился. Издана книга очень изящно, и цѣна ей (три рубля) назначена очень не высокая.

А. В. О.

Riga vor Hundert Jahren. Riga. 1912.

Небольшая брошюра, иллюстрированная нѣсколькими старинными рижскими видами, планомъ и одиннадцатью портретами (Барклая де-Толли, генерала Левиза, генерала Эссена, маркиза Паулуччи, маршала Макдональда, прусскаго генераль-лейтенанта фонъ-Юрка, прусскаго генерала фонъ-Клейста и др.), посвящена рижскимъ событіямъ во время отечественной войны, когда Рига—въ то время значительная крѣпость—сыграла не послѣднюю роль, задержавъ подъ своими стѣнами цѣлый корпусъ (маршала Макдональда) Наполеоновской арміи. Нѣсколько снимковъ относятся къ знаменитому пожару въ ночь съ 11-го на 12-го іюля 1812 г., когда были сожжены, по приказанію лифляндскаго и курляндскаго военнаго губернатора генерала Эссена, предместья города.

А. М.—въ.



ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.



ВАРТОЧНАЯ игра.—Азартныя карточные игры также имѣли свою исторію, различные этапы которой вполне зависѣли отъ правительства. Взглядъ французскаго правительства на азартныя игры былъ очень измѣнчивъ, противорѣчивъ и въ полномъ разладѣ съ логикой,—говоритъ Э. Клерэ въ своей статьѣ, напечатанной въ «Figaro»,—вообще же во всѣ эпохи чѣмъ болѣе увлекались азартными играми сильныя міра, тѣмъ суровѣе тяготѣла надъ азартномъ рука правосудія. Страсть къ картамъ всегда считалась пагубной, а между тѣмъ карточная игра вполне благороднаго происхожденія. Она зародилась въ трагическій моментъ и при трагической обстановкѣ, во время войны, когда морально переутомленные солдаты искали въ ней забвенія.

Первое вмѣшательство правительства въ карточную область было вызвано чисто моральной причиной и безъ всякой примѣси расчета. Когда Карль V и св. Людовикъ запрещали игру въ трикъ-тракъ, нарушившіе это запрещеніе наказывались кнутомъ и будь то духовныя лица, или свѣтскія,—все равно ихъ одинаково лишали причастія. А когда французы XIII вѣка, лишеныя удовольствія играть въ эти игры, принимались за игру въ шары, то и это развлеченіе имъ запрещалось по причинѣ пари, которое играло здѣсь роль.

Францискъ нѣсколько смягчилъ такое чрезмѣрно суровое отношеніе къ игрѣ, этотъ король питалъ страсть къ игрѣ въ мячъ и потому разрѣшилъ ее указомъ, назвавъ игрою благородной, плодотворной. Всѣ, играющіе въ эту игру, говорилось въ указѣ, будутъ уплачивать проигрышъ, какъ благоразумный долгъ тому, кто выигралъ, а выигравшій можетъ его считать пріобрѣтеніемъ,

«истор. вѣстн.», августъ 1913 г., т. сxxxiii.

21

заработанным личным трудом. Для избѣжанія споровъ былъ назначенъ главный стражъ надъ ставками для всѣхъ городовъ королевства. Это былъ предтеча будущаго крупье. Для доказательства выигрыша требовались четыре свидѣтеля, въ пользу которыхъ отчислялось восемнадцать процентовъ съ ливра. Это была счастливая эпоха, говоритъ авторъ, когда государственныя лотереи, обогащавшія казну, признавались необходимымъ удовольствіемъ. Игрные дома и академіи различныхъ игръ широко раскрыли свои двери. Только для духовныхъ лицъ и казначеевъ короля были недоступны эти удовольствія, подъ страхомъ отказа отъ службы, розогъ, безерочнаго изгнанія и конфискаціи имущества. Тотъ, кто съ ними игралъ, уплачивалъ штрафъ въ размѣрѣ двойного выигрыша.

Преемники Франсиска распространяли это правило и на платящихъ подати. Въ 1548 году аугсбургскій совѣтъ лишилъ причастія игроковъ, у которыхъ игра вошла въ привычку. Мало того, были запрещены совсѣмъ невинныя игры, по которыя могли нарушить общественную тишину и спокойствіе, какъ, напри- мѣръ, игра въ палки, которыя могли попасть въ прохожихъ, кегли, шары, которыми могли нанести ударъ прохожимъ, волапъ, часто разбиравшій фонари. Въ этомъ случаѣ правительство принимало во вниманіе не общественную нравственность, а нарушеніе тишины и спокойствія. Но все-таки во вниманіе принимались и заботы о нравственности, нежеланіе подать поводъ къ увлеченію азартномъ.

Изъ старинныхъ академій игръ, напечатанныхъ въ XVIII вѣкѣ для амстердамской и лондонской цензуры, сдѣлавшихся въ настоящее время рѣдкостью, видно, насколько разнообразенъ былъ выборъ азартныхъ игръ. Большимъ успѣхомъ пользовались: бириби, хокка, башеть, ландскнехтъ, фараонъ, дураки, англійская удача, четь или нечеть и т. д. Игроки особенно увлекались хокка. Это была смѣсь пикета и бреапа, въ которыхъ играли роль масти или карты одинаковой цѣности; при этомъ игроки примазывали, какъ тогда говорили, т. е. ставили суммы сверхъ ставки. Въ принципѣ это былъ настоящій bluff, и это заигрывало, увлекало игроковъ. Маркизь Сень-Морисъ въ 1671 году говорилъ, что королева и г-жа Монтеспанъ, живя въ Фонтенбло, проигрывали значительныя суммы въ хокка. Въ основѣ этой игры также главную роль играла маза. Эта карточная игра сдѣлалась знаменитой, только переплывъ море и англизировавшись. Фараонъ и ландскнехтъ произошли отъ бассета, изобрѣтеннаго итальянцемъ Бассети, кончившимъ жизнь въ Бастиліи. Нѣсколько передѣланный ландскнехтъ преобразовался въ современную баккара.

Любимыми играми были также омбръ, для двоихъ, троишъ и четверыхъ, или кадрийъ, служившій развлеченіемъ прекраснаго пола, какъ говорится въ сборникѣ 1777 года, медіаторъ и пикеть. Реверси была принята при дворѣ и появилась изъ Испаніи; это названіе произошло отъ правила, противоположнаго другимъ играмъ—брать какъ можно менѣе взятокъ. Имперіаль, амбию, тонтинъ и папильонъ, всѣ имѣютъ между собою сходство, и основой у всѣхъ правило—реверси, разница главнымъ образомъ заключается въ отсутствіи той и ли другой карты—десятки или валета или какой-нибудь другой карты, которую вынимаютъ прежде, чѣмъ начать игру.

Большимъ успѣхомъ пользовалась игра оместези похожая на экартэ съ козыремъ, который назывался «триумфомъ», а также мушка, памфиль, кенгэгъ, красавица, жилетъ, кукушка и броскамбиль, въ которыхъ играетъ главную роль тузъ и десятка, какъ въ мавильи. Въ другихъ играхъ не взятки имѣли значеніе, а выборъ одинаковой масти, остальные карты передавались сосѣду, таковы были гэмбаръ. Все это были невинныя игры, принятыя въ семейныхъ домахъ.

Все сочиненія объ играхъ, или, какъ ихъ называли, «академіи игръ», предвидѣли «плутовство», тогда какъ темерешнія сочиненія о вистѣ и винтѣ упоминаютъ лишь объ ошибкахъ. Несмотря на это, игорныя дома богатѣли, поэтому Людовикъ XIII и Людовикъ XIV издали противъ нихъ законы; напротивъ, сильные партіи при дворѣ стояли за нихъ. Приказы 1611—1612—1629 года часто примѣнялись, и въ полицейскихъ документахъ находится протоколъ, помѣченный 21-мъ апрѣля 1639 года, въ которомъ шесть игроковъ приговаривались къ десяти тысячамъ ливровъ штрафа каждый и выдачѣ третьей части доносчикамъ; первый разъ карточное преступленіе наказывалось подобнымъ штрафомъ, но если вторично попадались въ этомъ проступкѣ, то виновные публично наказывались розгами.

Содержатели игорныхъ домовъ въ трикъ-трикъ, наживавшіе деньги въ карточные игры, перешли затѣмъ къ бильярду. Но итальянцы не дремали: Промити, Рофаси, синьора Анна увеличили количество игорныхъ домовъ въ хокка, изгнавшую изъ церковной области папы. Увлеченные игроки стали проигрывать такія крупныя суммы, что это вызвало громадный скандалъ, и парламентъ запретилъ ее въ 1658 году. Но хокка продолжала царить подъ названіемъ «бассетъ» и «барбакола», а подъ названіемъ «фараона» она достигла высшей точки успѣха и держалась до самой революціи, которой удалось съ нею справиться. По законъ 1658 года все-таки оставался мертвой буквой: хокка въ 1661 году устроила свою главную квартиру въ отеляхъ Немуровъ, Тремуйль и даже въ конюшняхъ герцога Орлеанскаго. Одинъ изъ такихъ содержателей игорнаго дома, Франке Полеонъ, приговоренный къ штрафу, опять попался въ шулерствѣ въ 1664 году въ томъ же отелѣ Тремуйль въ предмѣстьѣ Сень-Жерменъ. Но онъ былъ на сторожѣ: полиція нашла его вооруженнымъ, и ему удалось ускользнуть.

Выигрышъ въ карты игралъ большую роль въ ту эпоху. Многіе благодаря выигрышу заняли видное мѣсто въ обществѣ и даже добились почетныхъ положеній на государственной службѣ. Тщетно слѣдовали конфискаціи, штрафы, еще болѣе строгія наказанія, но страсть къ азарту не уменьшалась. Тогда правительство придумало использовать эту страсть къ азарту для науки. «Нашъ возлюбленный дорогой военный комиссаръ,—такъ начиналась грамота (іюля 1675 года),—изобрѣлъ геометрическую игру, названную «Игрой линій», и канцлеръ нашелъ ей подходящее примѣненіе: отдано официальное распоряженіе распространить «игру линій», что послужитъ какъ удовольствіемъ, такъ и развлеченіемъ всякаго рода лицамъ, будучи также вступленіемъ въ геометрію и фортификацію, тѣмъ болѣе, что обученіе ей будетъ неразрывно связано съ удовольствіемъ». Къ тому же, взявъ во вниманіе, что эта игра, разматри-

ваемая, как полезная и честная, может отвлечь большинство наших подданных от слишком большой привязанности къ азартнымъ играмъ, надо ее сдѣлать обязательной для обученія, но не бесплатнаго». Де-Мартэть получилъ привилегію устроить во всемъ королевствѣ свою игру линій и пользоваться доходомъ въ теченіе тридцати лѣтъ. Въ будущемъ ей предстояло быть научнымъ развлеченіемъ и бесплатнымъ. Содержателямъ игорныхъ домовъ такое распоряженіе было на руку. «Мартэнъ сдѣлалъ бы гораздо умнѣе, — говорилъ г. Кларъ, — упробить короля наложить запрещеніе на эту игру, а не издавать приказа ее распространять, тогда каждый отвернулся бы отъ этой естественной игры, рекомендованной самимъ правительствомъ, и хозяева игорныхъ домовъ хокка извлекли выгоду изъ самаго презрѣнія къ себѣ общества. Приказы и аресты увеличились, и изъ нихъ видно, что въ Парижѣ не было квартала, гдѣ не ютились бы игорные дома, въ которыхъ открыто играли въ азартныя игры. Было постановлено, что всякій проигравшій имѣеть право на возвращеніе проиграннаго и ему повѣрять на слово, если онъ докажетъ, что тамъ играли въ указанное время. Но и этотъ тяжелый ударъ не былъ смертеленъ для содержателей игорныхъ домовъ: женщины продолжали играть неистово, и Мольеръ въ «Школѣ женщинъ» даетъ совѣтъ, который прекрасно освѣщаетъ ту эпоху.

Въ 1679 году штрафы съ содержателей игорныхъ домовъ увеличились до 3,000 ливровъ. Въ 1680 году бассетъ былъ, въ свою очередь, изгнанъ, въ 1681—ладдсклетъ, а въ 1685 году «за и противъ». Въ 1688 году въ полицейскихъ донесеніяхъ королю говорится о безпорядкахъ въ игорныхъ домахъ, гдѣ шла игра въ «общество» и «фортификацію», подъ этимъ предлогомъ собирались всякаго сорта люди. Это была когда-то рекомендованная правительствомъ невинная игра въ линіи и фортификацію, но лишь преобразованная въ азартную. Въ концѣ концовъ воспитательная игра короля дала неожиданные для него результаты, и онъ самъ ее запретилъ. Въ 1691 году государственнй совѣтъ постановилъ наказывать штрафомъ въ 6000 ливровъ или подвергать годовому тюремному заключенію содержателей игорныхъ домовъ. Игрокъ также несъ кару: его наказывали шестью тысячами ливровъ штрафа или подвергали четырехмѣсячному тюремному заключенію. Но это не помогло, страсть къ азарту одержала верхъ надъ правительствомъ: игорные дома придумали новую игру—галлетъ. Въ 1722 году Брильонъ писалъ: «это правило примѣняется часто полицейскими чиновниками въ виду несправимости игроковъ и профессиональных игроковъ-женщинъ».

Въ сущности запрещенныя игры такъ широко распространились въ высшихъ сферахъ, что полицейскій контроль надъ игорными домами раздражалъ игроковъ. Кончилось тѣмъ, что полиція вмѣшивалась лишь только при слишкомъ громкихъ скандалахъ, когда пострадавшіе подавали жалобу. Шулерство считалось нехотомъ изъ дурныхъ обстоятельствъ, и одинъ изъ шулеровъ такъ объясняетъ свое вступленіе въ эту профессію: «Ничего не оставалось дѣлать, какъ воровать: я сдѣлался банкометомъ въ игрѣ «фараонъ». Тогда, добрые люди, я ужиналъ въ городѣ: такъ называемые порядочные люди оставляли меня у себя, удерживая себѣ двѣ-трети прибыли... Я могъ бы подняться, но такъ какъ вокругъ меня всѣ грабили, требуя, чтобы я былъ честенъ, то мнѣ приходилось гибнуть».

Въ концѣ концовъ полиція перестала слѣдить за игорными домами и сдѣлалась до крайности снисходительна при старомъ режимѣ. Игры, прежде запрещенныя, вновь появились. Правительство, съ своей стороны, снисходительно смотрѣло на нихъ, рѣшивъ использовать народныя пороки для обогащенія казны. Съ тѣхъ поръ страсть къ азартнымъ играмъ и къ алкоголю стала неистощимымъ источникомъ доходовъ казны.

— В о с п о м и н а н і я Р о с с и и о с в о е м ѣ д ѣ т с т в ѣ. — «*Cronica musicale*» удѣляетъ нѣсколько страницъ воспоминаніямъ Россини объ его дѣтскихъ годахъ, переданнымъ его другомъ Эдмондомъ Микоттомъ съ его словъ. Для большей достовѣрности Э. Микоттъ передаетъ ихъ разговоры слово въ слово, но для краткости мы возьмемъ изъ нихъ извлеченія.

Россини до старости хранилъ къ своей матери самое нѣжное чувство. Единственная дочь пезарскаго булочника, Анна Гвидарини, какъ звали ея мать, отличалась необычайной красотой, даже можно сказать, она была совершенствомъ красоты, чистый типъ Мадонны Рафаэля. Россини былъ убѣжденъ, что маэстро избралъ бы ее своей моделью, если бы она жила въ его эпоху. Еще въ самомъ юномъ возрастѣ Россини инстинктивно влекло къ милovidному женскому лицу; но лицо его матери была настолько прекрасно, что невозможно было на него смотрѣть и не восторгаться. По воскресеньямъ, снявъ рабочее платье, она надѣвала свое самое красивое, праздничное и отправлялась въ церковь. Маленькій Россини съ гордостью шелъ возлѣ нея. «Мама казалась мнѣ сверхъестественнымъ существомъ,—говорилъ онъ,—и не повѣрите, какой длинной казалась мнѣ нѣдѣля, которая меня отдѣляла отъ этого благословеннаго воскресенья, и я считалъ дни».

Еще ребенкомъ онъ слышалъ, что папу называли «святымъ отцомъ» и говорили, что онъ духовный и мірской владыка, такъ какъ Пезаро въ то время принадлежалъ къ церковной области. Россини спрашивалъ себя, почему это папу называютъ святымъ: слово святой самое нѣжное, какое только можно дать самому любимому человѣку. «Тогда я хочу называть такъ же и мою маму: моя святая мать». Это ему понравилось, и онъ сталъ ее такъ называть. По однажды къ нимъ пришелъ родственникъ отца, приходскій священникъ, и въ разговорѣ сказалъ ему: «Знаешь ли, кто святая мать?»—«Моя мать, не правда ли?»—«Святая Мать на небѣ,—возразилъ онъ:—это Мадонна. Только ее одну можно такъ называть».—«Это меня смутило,—говоритъ Россини:—мнѣ казалось, что я менѣе бы любилъ мою мать, если бы долженъ былъ отказаться называть ее такимъ нѣжнымъ именемъ». Къ довершенію досады мальчика, мать сказала, что священникъ правъ, онъ не долженъ ее такъ называть. «Ну, хорошо,—сказалъ я:—такъ какъ Святая Мать на небѣ, какъ же называть тебя мнѣ, твоему сыну? Я хочу тебя называть также «*Santa Mama!*..» Она посмѣялась надъ эт имъ упорствомъ его дѣтскаго мозга, и у него такъ и осталась привычка называть ее *Santa Mama*.

Отличаясь веселымъ характеромъ, она была всегда въ хорошемъ настроеніи, и улыбка не сходила съ ея губъ. «Она не знала,—говорилъ онъ,—ни одной музыкальной ноты, но у нея была чудная память на запоминаніе народныхъ романскихъ пѣсенъ. Она всегда пѣла, даже когда исполняла домашнюю работу. Какъ мнѣ запомнились эти прелестныя лѣтніе вечера! Воз-

духъ освѣжался прохладнымъ адриатическимъ вѣтеркомъ, и лазоревый небесный сводъ сіялъ, усѣянный звѣздами. Предъ домою собирались моя бабушка, моя мать, мой отецъ и нѣкоторые сосѣди; среди нихъ какъ сейчасъ вижу мясника, прозваннаго «громбонистомъ». Потомъ тамъ бывалъ сынъ аптекаря—длинный, худой, прозванный вѣтерокъ. У всѣхъ было прозвище, и мой отецъ, извѣстный подъ прозвищемъ «живчикъ», имѣлъ обыкновеніе окрещивать всѣхъ эпитетами, отъ которыхъ не освобождались всю жизнь».

Всѣ они усаживались на землю въ кружокъ, между тѣмъ маленькаго Россини брала на колѣни мать. Курили, болтали, а главное, страшно спорили о политикѣ. Когда водворялось спокойствіе, то мать принималась пѣть, а отецъ Россини аккомпанировалъ ей на волторнѣ по слуху, потому что онъ не зналъ музыки; но у нихъ все шло очень гармонично. При первыхъ же звукахъ маленькій Россини пробуждался и приходилъ тогда въ такое блаженное настроеніе, такое упоеніе, что не могъ ничего сознавать. «Какъ мнѣ помнится, я чувствовалъ себя какъ бы неподвижнымъ отъ экстаза,—говоритъ онъ,—до послѣдней ноты этого дуэта, который производилъ на меня такое впечатлѣніе, подобное которому ничто не производило на меня во всю мою послѣдующую жизнь. Моя мать уносила меня спать, и я не могъ произнести ни одного слова. Мама была, какъ мы въ Италіи говоримъ, «огесchianta», т. е. пѣла по слуху. Она легко запоминала все; что ей доводилось слышать въ пѣніи, такъ что, когда впоследствии она была ангажирована въ одну изъ бродячихъ труппъ, которыя работали въ маленькихъ провинціальныхъ театрахъ, то легко выучивала предназначенныя ей партіи. Ея голосъ былъ отъ природы выразительный, красивый, полный прелести, нѣжный, какъ и все ея лицо».

Это было самое дорогое воспоминаніе Россини. Другое воспоминаніе дѣтства тоже касалось матери. Въ Пезаро ожидался пріѣздъ легата папы, и, какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ, весь городъ оживился и принялся за приготовленіе торжественной встрѣчи. Было рѣшено устроить процессію съ участіемъ дѣтей въ возрастѣ Россини. Маленькому Россини предназначалось участвовать въ группѣ дѣтей, которыя съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ окружали изображеніе Христа по пути его въ Иерусалимъ. Участіе въ процессіи маленькаго Россини вызвало въ хозяйствѣ нѣкоторый безпорядокъ, и мальчикъ слышалъ, какъ отецъ на просьбу матери дать денегъ на обѣдъ отказалъ, ссылаясь на то, что всѣ деньги потратили на одежду сына для процессіи и въ данный моментъ у него не было ни копейки. «Вѣдная мама была сильно этимъ удручена,—говоритъ Россини:—потому что всѣ наши сосѣди весело приготовлялись пировать, а мы не могли сдѣлать того же. Тогда я не пошелъ на улицу смотрѣть на подготовленія къ празднеству, какъ это было принято; я былъ очень огорченъ, думая о печали матери. И ко мнѣ пришло вдохновеніе: я пораньше забрался къ красивому дворцу, который весь былъ украшенъ гирляндами изъ цвѣтовъ, гдѣ жила личность, выдававшая себя за богача, котораго всѣ называли банкиромъ. Онъ стоялъ предъ дверью, бросая послѣдній взглядъ на украшеніе своего дома. «Синьоръ,—сказалъ я:—какъ хорошо быть богатымъ и имѣть возможность сдѣлать столько прекрасныхъ вещей. Если бы у моихъ родителей были деньги, то они, какъ и вы, украсили бы свой домъ для шествія процессіи, но у нихъ

нѣтъ ни одного сольди». Какъ сейчасъ вижу его изумленіе при видѣ стоящаго рядомъ съ нимъ глушышки, который говоритъ съ такой увѣренностью.

«А какъ тебя зовуть?»—«Джіоаккино Россини».—«А! такъ твоя мать красавица Анна?»—«Да, синьоръ». Все Пезаро называло такъ мать Россини.—«На самомъ дѣлѣ, ты походишь на неѣ».—«Думаю, навѣрно», отвѣтилъ я съ нѣкоторою гордостью.—«Но развѣ она такъ бѣдна?»—«Ни одного баіацко въ домѣ, синьоръ, все издержали на мою одежду, чтобы я могъ выступить въ процессіи.»—«Пойдемъ, малютка. Приди ко мнѣ».

Онъ заставилъ Россини войти въ красивый залъ, откуда тотъ могъ видѣть въ сосѣднемъ залѣ большой столъ, приготовленный для баккета. «Я никогда не видалъ ничего столь великолѣпнаго—говорилъ онъ.—Онъ позвалъ свою жену, которая бросала послѣдній взглядъ на приготовленія и украшенія стола. «Приди, посмотри этого мальчугана,—сказалъ онъ ей:—узнаешь его? Развѣ это не портретъ Анны? Это маленькій Джіоаккино, ея сынъ».

Вынувъ изъ кармана пять лиръ, онъ вложилъ ихъ мальчику въ руку, произнося: «Держи, мальчуганъ, ты это отдашь твоей мамѣ на празднество и передай ей нашъ поклонъ».

«Я не вѣрилъ своимъ глазамъ,—говоритъ Россини,—и опѣмѣлъ отъ изумленія. Но вдругъ синьора сказала: «Сію минуту». Она пошла въ сосѣдній залъ и возвратилась, несъ дыню и бутылку вина, которую поспѣшно дала мнѣ въ руки, произнося: «Возьми еще это, чтобы дополнить пиръ». Увидѣвъ меня нагруженнымъ этими вещами, она спросила: «Можешь ли ты все это спести?»—«О! что касается этого, добрая синьора,—отвѣтилъ я:—если бы мнѣ представился случай, то я легко спестъ бы даже вдвое». Помню, что такой нахальный отвѣтъ очень развеселилъ этихъ добрыхъ людей. Но вотъ я на улицѣ съ моей дыней, бутылкой вина и главнос—съ пятью лирами. Тогда мой маленькій мозгъ пришелъ въ большое смущеніе. Что дѣлать со всѣми этими деньгами? Онѣ были даны мнѣ для передачи мамѣ на «пирушку», слѣдовательно, онѣ послужатъ для покупки чего-нибудь хорошаго на обѣдъ. Но что если я куплю это самъ? Мои еще болѣе будутъ удивлены, увидѣвъ меня со столькими лакомствами».

Сказано—сдѣлано. Маленькій Россини вошелъ въ кондитерскую и купилъ на три сольди сладкихъ пирожковъ. Къ дынѣ и бутылкѣ вина прибавились еще пирожки. У него оставались еще два сольди. И вотъ онъ увидѣлъ вывѣшеннаго на двери лавки зайца. Мальчуганъ мечталъ, что это должно быть очень хорошее, потому что такое животное рѣдко переступало порогъ его дома. Но его ожидало разочарованіе: заяцъ стоялъ два съ половиной сольди, а у него было только два сольди. Тогда онъ повѣдалъ хозяину лавки о своей несостоятельности. Онъ сообщилъ ему и о томъ, что мать потратила всѣ деньги для его участія въ процессіи и что у него осталось только два франка для маленькой пирушки. Лавочникъ зналъ родителей и самого маленькаго виновника, а Россини зналъ его сына, который долженъ былъ стоять рядомъ съ нимъ въ процессіи, и онъ уступилъ ему зайца за два сольди. Но такъ какъ этотъ новый трофей нельзя было присоединить ко всей его пошѣ, то его маленькій товарищъ помогъ ему донести звѣрька до дому.

«Можно себѣ представить наше появленіе,—говорить Россини:—и изумленіе моей матери и бабушки, присутствовавшихъ при распаковкѣ столькихъ съѣстныхъ припасовъ,—говорить Россини.—Между тѣмъ, когда я рассказывалъ о своей храбрости, вошелъ батюшка. Едва онъ узналъ, въ чемъ дѣло, какъ страшно разгнѣвался. Надо знать, что, когда онъ былъ чѣмъ-нибудь разсерженъ, то приходилъ въ ярость, но чрезъ нѣкоторое время его гнѣвъ успокаивался. Когда прошелъ первый припадокъ гнѣва, онъ тѣмъ не менѣе все еще былъ раздосадованъ. Сказавъ, что онъ ничего не понималъ изъ всей этой исторіи, онъ захотѣлъ, чтобы я сопровождалъ его къ банкиру, у котораго онъ рассчитывалъ узнать всю правду. Онъ опасался, что я просилъ милостыню и въ такомъ случаѣ я долженъ былъ отнести все обратно этому великодушному человѣку. Можно судить, какъ билось мое сердце,—говорить Россини.—По счастью, банкиръ, знавшій раздражительный характеръ моего отца «живчика», тотчасъ же понималъ, въ чемъ дѣло. Онъ такъ хорошо повернулъ дѣло, что мой отецъ, немного смущенный, не могъ ничего другого сдѣлать, какъ разсыпаться въ благодарностяхъ. Банкиръ сказалъ, что красавица и милая Анна, когда была дѣвочкой, каждое утро приносила ему хлѣба. Онъ замѣтилъ, что мое лицо напоминало ему ея лицо, почему онъ не могъ удержаться отъ удовольствія сдѣлать мнѣ какой-нибудь подарокъ по случаю такого прекраснаго дня праздника, и это ему кажется совершенно естественнымъ. Я вздохнулъ отъ облегченія. Пока мы выходили, намъ попалась по дорогѣ хозяйка дома, и ея мужъ рассказалъ ей мотивъ нашего присутствія. Увидѣвъ, что я плакалъ, она меня обняла, поцѣловала и велѣла придти къ ней. Признаваться ли? Она была страшно некрасива, а я инстинктивно чувствовалъ отвращеніе къ некрасивымъ женщинамъ. Меня пробирала такая дрожь отъ ея прикосновенія, что если я его представлялъ въ воображеніи, то въ тысячу разъ предпочелъ бы ему тяжелые палочные удары батюшки».

Когда они вернулись домой, отецъ будущей знаменитости успокоился. «Я былъ доволенъ,—говорить Россини:—что избѣжалъ палочныхъ ударовъ. Бабушка и мама, тревожившіяся во все время нашего отсутствія, успокоились, едва увидѣли улыбающееся лицо палъ».

Между тѣмъ развязали пирожки, и они заняли весь столъ. Что же касается зайца, то этотъ вопросъ было не такъ легко рѣшить. Въ этотъ день жарить его было уже поздно и потому это блюдо отложили до слѣдующаго дня. Къ тому же приближался моментъ участвовать въ процессіи, надо было думать о моемъ переодѣваніи и переодѣваніи отца, также участвовавшаго во главѣ процессіи, почему зайца отложили до другого дня. Но предстояло большое затрудненіе снять съ него шкуру: въ домѣ Россини никогда не бывало такого событія. Отецъ, мать, бабушка, всѣ принялись за эту операцію. Около часа они возились надъ нимъ, и маленькій Россини съ любопытствомъ смотрѣлъ на эту операцію. Наконецъ, послѣ большихъ усилій, съ зайца была снята шкура, и они принялись обдумывать, какъ его приготовить. Отецъ предложилъ нарѣзать его кусочками и положить въ кастрюлю, но у бабушки явилась блестящая мысль. Она пошла къ сосѣдкѣ взяла у нея котель и, тщательно вычистивъ зайца, поставила его на жаркій огонь, наложивъ горсть луковицъ. Когда заяцъ былъ поданъ на столъ, то всѣ согласились, что онъ не стоитъ мѣднаго гроша, и ма-

ленькій Россини горько сожалѣлъ о своихъ двухъ сольди. Единственный разъ въ жизни онъ ѣлъ зайца въ котлѣ и съ тѣхъ поръ никогда не рекомендовалъ его въ такомъ видѣ.

Нѣсколько времени спустя, въ 1798 году, его родители покинули Пезаро и отправились на жительство въ Болонью. «Много лѣтъ спустя, когда я уже приобрѣлъ нѣкоторую извѣстность,—говоритъ Россини:—то проѣздомъ былъ въ Пезаро и вспомнилъ о великодушномъ банкирѣ, которому хотѣлъ сдѣлать визитъ, но онъ уже умеръ. Я пошелъ, однако, привѣтствовать вдову, вспомнивъ о добротѣ, выказанной ею и ея мужемъ мальчику Анны, сдѣлавшемуся теперь юношей. Но, снова увидѣвъ эту даму, я не могъ не подумать о томъ достопамятномъ поцѣлуѣ, при которомъ все мое существо содрогнулось отъ отвращенія».

— Переписка между Гете и Карлейлемъ. — Въ нѣсколькихъ книжкахъ «Revue Bleue»⁴⁾ появилась переписка Гете и Карлейля, обнимающая періодъ отъ 1827—1829 г. Въ ней ясно выражена обоюдная симпатія между нѣмецкимъ поэтомъ-мыслителемъ и его англійскимъ критикомъ. Карлейль въ каждомъ письмѣ выражалъ свое поклоненіе предъ этимъ «мировымъ чудомъ», какъ онъ называлъ Гете. Съ своей стороны, Гете цѣнилъ въ немъ пропагандиста нѣмецкой литературы среди англичанъ, вкладывавшаго собственный гений въ свои критическія статьи о нѣмецкихъ писателяхъ, а главное о самомъ поэтѣ. Гете оказывалъ всевозможное вниманіе не только ему, но и его женѣ, присылая всякаго рода подарки; ихъ жены, въ свою очередь, тоже обмѣнивались подарками въ видѣ рукодѣлій.

Получивъ отъ Гете его книгу съ надписью: «любезной четѣ Карлейль» и «А. М. Карлейлю дружеское воспоминаніе», онъ пишетъ, что никакой королевскій подарокъ не былъ бы для него драгоценнѣе и его оцѣнить также будущія поколѣнія. Гете прислалъ его женѣ драгоценное ожерелье, и Карлейль отвѣтилъ ему, что оно сохраняется среди самыхъ дорогихъ подарковъ и его берегутъ для торжественныхъ случаевъ, какъ ernste Zierd, торжественное ожерелье, предназначенное къ пошению лишь въ присутствіи поэтовъ и ученыхъ. Онъ сообщалъ Гете, что вся его квартира, можно сказать, переполнена имъ и его книги замѣстили даже «Іерусалимъ» Тассо. «Снисхожденіе и доброта, съ которыми вы относитесь къ моимъ трудамъ по нѣмецкой литературѣ, не должны возбуждать во мнѣ тщеславія. Напротивъ, они должны поощрять меня, дѣлать новыя усилія усваивать себя прекрасное и истинное повсюду, гдѣ я это обнаружу. Если дѣйствительно любовь помогаетъ совершенствовать знаніе, то я могу надѣяться, что достигну со временемъ болѣе полного знакомства съ Шиллеромъ и его другомъ, ибо любовь такихъ людей пускаетъ глубокіе корни въ сердцѣ и соединяетъ все, что содержитъ въ себѣ благороднаго».

Карлейль благодарилъ Гете за его намѣреніе развить болѣе свободныя духовныя сношенія между націями съ помощью современной поэзіи. «Елену» Гете онъ называлъ блестящимъ мистическимъ видѣніемъ съ ея классической строгостью и готическимъ великолѣпіемъ. «Однако мнѣ необходимо ее перечитать и еще перечитать прежде, чѣмъ ея сложный смыслъ появится предо

⁴⁾ Correspondance Goethe-Carlyle. «Revue Bleue» 24—31 Mai, 7—14 Juin 1913.

мною съ безусловной ясностью. Если простыя человѣческія просьбы могли бы имѣть преимущество надъ эстетической необходимостью, Фаустъ одержалъ бы побѣду надъ врагомъ и надъ самимъ собою и самымъ легкимъ способомъ: одинъ пошелъ бы на небо, а другой въ свою родную пещеру. Ибо не существуетъ другого трагическаго героя, къ которому бы проявили болѣе глубокое состраданіе, чѣмъ къ Фаусту».

Гете интересовался прошлой жизнью Карлейля, и послѣдній признавался, что произведенія Гете были для него зеркаломъ. Кромѣ надежды, которую онъ черпалъ изъ нихъ, мудрость поэта была для Карлейля совѣтникомъ. «Душевное спокойствіе и здоровье посѣщали меня лишь на разстояніи,—говорить онъ.—Ибо я былъ когда-то невѣрующій не только въ отношеніи религіи, но и относительно того, что составляетъ состраданіе и красоту. Въ моемъ воображеніи бушевала буря; я былъ человѣкъ обособленный отъ другихъ, ожесточенный, несчастный, такъ сказать, доведенный до отчаянія. Дикое проклятіе Фауста казалось мнѣ единственнымъ понятнымъ способомъ привѣтствовать человѣческое существованіе, и его страстный возгласъ: «Fluch vor allem der Geduld» раздавался въ глубинѣ моего сердца. А теперь, благодаря Бога, при болѣе благопріятныхъ предзнаменованіяхъ, хотя физическое здоровье, потерянное среди этой борьбы, совсѣмъ не поправилось и не можетъ поправиться,—проглядываетъ сердце, полное восторженности, и жизнь, посвященная литературѣ».

Въ 1831 году хотя Гете уже удалился отъ свѣта, но все-таки продолжалъ принимать иностранцевъ у себя, въ Веймарѣ. Теккерей, описывая веймарское общество того времени, передавалъ, что у Гете собиралось многочисленное общество; вечеръ за вечеромъ проходилъ въ забавныхъ разговорахъ, и гости наслаждались прекрасной музыкой и чтеніемъ стиховъ на французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Самъ Теккерей въ эту эпоху рисовалъ карикатуры для дѣтей.

Гете обыкновенно оставался въ своихъ апартаментахъ, куда допускались лишь близкія лица, но его все занимало, и онъ интересовался иностранцами. Роль хозяйки брала на себя его невѣстка и угощала гостей чаемъ. Теккерей съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда онъ, девятнадцатилѣтній юноша, будетъ принять самимъ Herr Geheimrath. Наконецъ онъ дождался этого момента, и аудіенція состоялась въ прихожей. Гете въ длинномъ сѣромъ или каштановомъ сюртукѣ, въ бѣломъ галетукѣ и съ красной ленточкой въ петлицѣ стоялъ, заложивъ руку за спину. Цвѣтъ его лица былъ свѣжій, розовый, а глаза необыкновенно черны, блестящи и пронизательны. Теккерей въ присутствіи этихъ глазъ ощущалъ страхъ и сравнивалъ ихъ съ глазами героя одного романа, озаглавленнаго «Мельмотъ-Скиталецъ», который въ дѣтствѣ доводилъ его до кошмара. По его выраженію это были глаза человѣка, заключившаго договоръ съ «нѣкою личностью». «Я воображаю себѣ, что Гете, должно быть, еще красивѣе былъ въ старости, чѣмъ въ молодости. Голосъ его былъ полный, нѣжный. Но-французски онъ говорилъ съ дурнымъ нѣмецкимъ акцентомъ. Всѣ англійскіе гости, получившіе англійскіе журналы, доставляли ихъ своему радушному хозяину, который очень интересовался ими и только однажды пришелъ въ гнѣвъ, увидѣвъ въ «Fraser's Magazine» карикатуру, которую онъ съ гнѣвомъ оттолкнулъ. «Они

и меня представлять такъ же!» воскликнулъ онъ. Теккерей находилъ это невозможнымъ. По его мнѣнію, нельзя было вообразить болѣе спокойную, величественную и здоровую виѣшность, чѣмъ у Гете. Хотя онъ уже былъ на закатѣ дней, но небо, окружавшее его, было спокойно, блестяще, и онъ былъ свѣточемъ Веймара. Во всѣхъ его привѣтливыхъ гостиныхъ постоянно велись разговоры объ искусствѣ и литературѣ. Хотя въ веймарскомъ театрѣ не было замѣчательныхъ актеровъ, но ими умно руководили, они интересовались литературой и были, по мнѣнію Теккера, благородные gentlemen. Поэтому иностранцы, среди которыхъ было много англичанъ, не скучали въ Веймарѣ, и Карлейль, кромѣ переписки съ самимъ поэтомъ, имѣлъ о немъ свѣдѣнія чрезъ нихъ.

Гете высказалъ въ одномъ письмѣ свое мнѣніе о Карлейлѣ, какъ о чловѣкѣ, способномъ не только открыть прекрасное и чловѣческое доброе и великое въ нѣмецкой литературѣ, но также внести собственный вкладъ, одаривъ насъ сокровищемъ собственнаго гениа. «Надо согласиться, что онъ ясно судитъ о нашей литературѣ и обладаетъ способностью развивать въ себѣ самыя существенныя элементы Добра и Красоты,—говоритъ онъ.—Въ этомъ смыслѣ въ немъ можно видѣть чловѣка, способнаго занять каѣдру моральной философіи».

Щеблясь предъ «міровымъ чудомъ», Карлейль, давній критическій отчетъ относительно «Елены» Гете, долженъ былъ дать болѣе подробный отчетъ о самой личности Гете. А между тѣмъ онъ былъ еще для него загадкой, которую онъ никакъ не могъ разгадать. Въ письмѣ къ своему брату Джону Карлейлю онъ просилъ его проѣхать черезъ Веймаръ, чтобы увидѣть Гете и высказать о немъ мнѣніе. «Ты намъ скажешь вполне откровенно,—писалъ онъ:—какого сорта этотъ чловѣкъ, такъ какъ со дня на день онъ становится для меня необъяснимѣе. Одно письмо у него написано въ стилѣ оракула, слѣдующее же докучливая болтовня. Какъ авторъ «Faust» и «Wilhelm Meister» могъ пережевывать характеры въ родѣ господина X., самаго глупаго чловѣка, мстительнаго, своего времени, и капитана, чловѣка мелочнаго, очень музыкальнаго и очень меланхоличнаго. Гете гораздо выше чловѣчества. Не пришелъ ли онъ въ упадокъ въ старости? Чловѣкъ выше чловѣчества безпримѣренъ. Другое предположеніе не допустимо. Взгляни на него и скажи намъ правду. Онъ приметъ тебя хорошо».

Въ одномъ изъ писемъ Карлейль жаловался на дурной англійскій переводъ «Faust» и «Torquato Tasso». «Къ сожалѣнію, я долженъ объявить вамъ безъ всякихъ оговорокъ, что онъ тривиаленъ и болѣе того еще—безусловно ничтоженъ». Самъ Карлейль переводилъ Гете прекрасно, и Эккерманъ, секретарь Гете, въ своемъ письмѣ къ нему пишетъ, что рѣдко ему приходилось испытывать наиболѣе сильное удовлетвореніе, какое онъ переживалъ, читая критику «Елены» и его прекрасный переводъ. Первая значительная критика, появившаяся относительно «Елены», была во французскомъ журналѣ «Globe». Затѣмъ появилась,—говоритъ Эккерманъ,—критика молодого русскаго поэта изъ Москвы, въ которой онъ также говоритъ о немъ много хорошаго. «Но вы идете далѣе этого, гораздо серьезнѣе, полнѣе разсматривая суть, состоящую изъ

ясныхъ подробностей, тогда какъ другія ограничиваются общеніемъ». Далѣ Эккерманъ признаетъ «Фауста» въ переводѣ Карлейля лучшимъ на англійскомъ языкѣ.

Сообщая о смерти эрцгерцога, Гете прибавляетъ, что написалъ по этому поводу небольшую вещь и по ней Карлейль можетъ судить, какъ глубоко его горе и какъ сильно онъ опечаленъ, проживъ съ нимъ въ общеніи болѣе пятидесяти лѣтъ.

Гете продолжалъ посылать маленькіе подарки Карлейлю и его семьѣ, и послѣдній писалъ ему, какъ это кажется имъ необыкновенно, что онъ и его близкіе, заняты великими вопросами, которыми интересуется весь міръ, еще находятъ время думать о живущихъ такъ далеко отъ ихъ сферы и располагающихъ такимъ малымъ вліяніемъ съ точки зрѣнія, интересующей Гете. «Но такова природа этой сложной вселенной, что всѣ человѣческія существа связаны съ другими,—говоритъ онъ,—и самые великіе доходятъ до общенія съ наименьшими. Въ горькіе моменты, когда отъ васъ отнимаются старые друзья, вамъ служить утѣшеніемъ думать, что ни въ настоящее время, ни позже вы не останетесь одинъ, по повсюду, гдѣ люди ищутъ духовной правды, свѣта и красоты, у васъ будутъ братья и дѣти. Молю небо, чтобы оно на долгіе годы оставило васъ хорошо видѣть и хорошо дѣйствовать въ этомъ мірѣ. Безъ васъ существующая литература, даже въ Германіи, насколько я могу ее видѣть, была бы бѣдна». Гете оказывалъ вещественное вниманіе не одному Карлейлю. Онъ послалъ медали Вальтеръ-Скотту черезъ англійскаго критика Джеффрия. Карлейль писалъ Гете, что Скоттъ крайне тронутъ такой честью со стороны одного изъ своихъ учителей въ искусствѣ. Кромѣ того, розданы медали и другимъ англійскимъ писателямъ, знакомившимъ англичанъ съ нѣмецкой литературой. Въ общемъ выраженіе симпатіи Гете Карлейлю служило какъ бы наградой за пропагандированіе нѣмецкой литературы среди англичанъ, что онъ продолжалъ дѣлать и въ 1823 г. Эккерманъ, увѣдомляя его о посылкѣ ящика съ разными вещами, пишетъ, что онъ часто занимаетъ ихъ мысли и его статья о Гете въ «Foreign Review» возбудила большой интересъ въ Германіи.

Пересылая переписку Гете съ Шиллеромъ и новое изданіе «Годы путешествій», Эккерманъ прибавляетъ, что въ нихъ обнаружится послѣдовательный этапъ въ развитіи этого замѣчательнаго человѣка, какъ и его интимныя отношенія съ Гете. «По мнѣ,—говоритъ Эккерманъ,—Шиллеръ никогда не казался столь достойнымъ быть любимымъ, какъ въ этихъ письмахъ.» Самъ Гете, присылая первую часть переписки, говорилъ, что въ этихъ письмахъ Карлейль увидитъ двухъ друзей, которые, исходя изъ двухъ противоположныхъ точекъ, стараются понять другъ друга, подняться и взаимно поучиться другъ у друга.

28-го августа 1829 года Гете исполнилось восемьдесятъ лѣтъ, и онъ объ этомъ напоминаетъ Карлейлю. «Если это письмо дойдетъ до васъ ранѣе 28-го августа, то я попрошу бы васъ справить этотъ день въ самой строгой интимности, пожелайте мнѣ отъ всего сердца соразмѣрной пропорціи силъ для предназначенныхъ мнѣ дней». Этихъ силъ было для него достаточно, судя по словамъ Эккермана. «Гете пользовался здоровьемъ, и когда видишь румяный цвѣтъ его

лица,—говоритъ онъ,—его сіяющіе глаза, наблюдаешь за его легкой походкой, когда не обнаруживаешь въ его умѣ и въ живости его словъ никакого слѣда старости, то можно выразить радостную надежду—еще въ теченіе долгихъ лѣтъ видѣть его среди насъ за работой». О своей теоріи окрасокъ Гете отзывался не только какъ о естественной философій, но въ ней онъ находилъ многія мѣста, имѣющія общее значеніе и чисто человѣческой интересъ.

Карлейль увѣрялъ Гете, что шесть лѣтъ назадъ получить письмо отъ «мірового чуда»—было для него химерой, такимъ же чудомъ, какъ письмо отъ Шекспира или Гомера. «А между тѣмъ это осуществилось,—пишетъ онъ.—Человѣкъ, которому я обязанъ болѣе, чѣмъ кому-нибудь другому, знаніемъ и нѣкоторой дозой свѣта и духовной свободы, для меня не простая химера, но существо во плоти и костяхъ. Позвольте мнѣ только пожелать, чтобы это еще долго продолжалось и если ученику не удастся встрѣтиться съ учителемъ лицомъ къ лицу въ этомъ мірѣ, пусть совершится торжественная встрѣча въ другой непостижимой оболочкѣ».

Въ послѣднемъ письмѣ Карлейль, сообщая, что въ Оксфордѣ уже приняты два или три нѣмца для преподаванія нѣмецкаго языка, говоритъ: «Никто не можетъ сомнѣваться въ выгодахъ, которыя въ концѣ концовъ скажутся въ результатѣ: пусть націи, какъ и отдѣльныя личности, научатся узнавать другъ друга и взаимная вражда дастъ мѣсто обоюдной помощи, и вмѣсто естественныхъ враговъ, какъ иногда называютъ себя сосѣднія страны, мы всѣ сдѣлаемся естественными друзьями».

— Г о б и н о, П и ц ш е и В а г н е р ь.—Идеи французскаго философа Гобино не распространились въ широкихъ кругахъ даже Франціи, и немногіе съ ними знакомы въ Англіи и Америкѣ, но въ Германіи его хорошо знаютъ. Такая популярность французскаго писателя среди нѣмцевъ объясняется тѣмъ, что въ своемъ сочиненіи «Essai sur l'inégalité des races humaines» онъ возвелъ нѣмцевъ на одну изъ первыхъ націй среди европейскіхъ расъ. Отъ вліянія идей англійскаго философа не ускользнулъ нѣмецкій философъ Ницше, какъ старается доказать англичанинъ Чатертонъ Хилль въ своей статьѣ о Гобино, Ницше и Вагнерѣ въ «Nineteenth Century».

Капитальнымъ трудомъ Гобино было его «Essai sur l'inégalité des races humaines». Здѣсь онъ провелъ идею, что самый важный факторъ развитія человѣческаго рода—іерархія различныхъ расъ. Сильныя расы играютъ въ міровой трагедіи господствующую роль; болѣе слабыя должны довольствоваться болѣе скромной ролью и скромно проявлять свою дѣятельность. О. Контъ приписывалъ первенство—идеямъ, Тэнъ—вліянію среды, а Марксъ—формѣ экономической продуктивности. На это Гобино возражалъ, что социальная эволюція принципиально опредѣляется, если не исключительно, борьбой за пережитіе расъ и господство между ними; именно въ этомъ надо искать ключъ къ человѣческой исторіи. Французскій философъ признавалъ превосходство бѣлой расы надъ двумя другими, а арійцевъ считалъ гораздо выше семитовъ. Народы и семьи арійской расы, сохранившіе чистую, безъ примѣси, кровь, по его мнѣнію, бѣли избранныками человѣчества. И въ этомъ отношеніи нѣмецкая нація сохранила наиболѣе чистой свою арійскую кровь. Среди латинскихъ народовъ

старая аристократія, происшедшая отъ германскихъ завоевателей, наиболѣе аріійская, чѣмъ остальная часть народа: она гораздо выше этой и въ правѣ ею командовать.

Эта старинная теорія нѣмецкаго аристократическаго происхожденія впервые была провозглашена Булэвильяромъ, затѣмъ поддержана Монтескье, Моплазье и даже Огюстомъ Тьерри, а впоследствии совершенно заброшена историками. Самые древнія дворянскія семьи произошли отъ чиновниковъ имперіи Каролинговъ, которые набирались безъ разбора ихъ происхожденія. Самъ Гобино былъ нормандецъ и считалъ себя потомкомъ знаменитаго норвежскаго пирата Оттона Ярма, поселившагося въ странѣ въ началѣ IX вѣка. Но доказательства этому онъ далъ сомнительныя.

Согласно Гобино, народъ, у котораго есть національное сознание и который началъ играть крупную историческую роль, долженъ уклоняться отъ связи съ чуждымъ элементомъ, чтобы сохранить чистой свою кровь; каково бы ни было его положеніе этническое, онъ можетъ только испортиться, выродиться, если слишкомъ ассимилируется съ чужеземными элементами. Онъ долженъ сохранить себя, свою подлинность, если хочетъ нормально развиваться, продолжать расти и вполнѣ выполнить свою судьбу. Народы-побѣдители, которые смѣшивались съ побѣжденными ими народами, всегда оказывались жертвою вырожденія. Онъ съ сожалѣніемъ отмѣчалъ, что европейскія націи все болѣе и болѣе растворяются между собою и такимъ образомъ теряютъ свой этническій характеръ.

То же явленіе отмѣчаетъ Гобино по отношенію смѣшенія классовъ общества и говоритъ: гдѣ теперь найдешь первобытныхъ индійскихъ браминновъ, героевъ Иліады и скандинавскихъ воиновъ? Всѣ они выродились.

Эти идеи Гобино высказалъ въ своемъ трудѣ «Essai sur l'Inégalité», напечатанномъ въ 1853 г., и Чаттертонъ Хилль нашелъ ихъ въ сочиненіяхъ Ницше, появившихся послѣ его разрыва съ Вагнеромъ, въ «Зарѣ», «Веселой наукѣ», «По ту сторону добра и зла», «Вольѣ и могуществу», «Такъ говоритъ Заратустра». Хотя мысли Гобино были выражены въ другой формѣ, сущность ихъ одна и та же, но выводы Ницше сдѣлалъ «капдальные», и Чаттертонъ не можетъ повѣрить, чтобы здѣсь было лишь совпаденіе. Къ тому же Ницше нигдѣ не упоминаетъ о Гобино, и въ его библиотекѣ въ веймарскомъ архивѣ не находится сочиненій французскаго философа. Впрочемъ, это еще не доказательство: послѣ его смерти многія книги исчезли.

Когда одинъ его критикъ, докторъ Кретцеръ, приготавливая свой трудъ «Графъ Гобино, его жизнь и сочиненія», спросилъ сестру Ницше, г-жу Форстеръ-Ницше, не читалъ ли ея братъ сочиненій этого философа, то она отвѣтила, что дѣйствительно она ему читала «Essai sur l'Inégalité des races humaines» зимою 1877—78 гг. Она вспомнила, что Ницше очень сожалѣлъ о смерти Гобино и нѣсколько лѣтъ спустя онъ говорилъ ей: «Его больше нѣтъ и осталось мало людей, достойныхъ его». По ея словамъ, впервые онъ услышалъ о Гобино отъ своего друга Мальвиды Мейзенбургъ осенью 1877 г., а послѣ этого онъ просилъ сестру прочитать ему «Essai sur l'Inégalité», но, по ея увѣреніямъ, онъ недолго интересовался его сочиненіемъ.

Напротивъ, профессоръ Овербекъ, старый интимный другъ Ницше, рассказывалъ доктору Крейцеру, что Ницше во время своего профессорства въ Балѣ часто говорилъ о Гобино и очень его уважалъ. Онъ даже спрашивалъ себя, не находятся ли оба писателя въ личныхъ сношеніяхъ.

Съ Вагнеромъ Гобино познакомился въ 1877 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до его разрыва съ Ницше. Въ это время Гобино былъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Швецію. Онъ сопровождалъ императора Бразиліи дона Педро въ его продолжительномъ путешествіи по Россіи, Греціи, Италіи. Здѣсь донъ Педро, горячій поклонникъ Вагнера, пріѣхавшаго отдохнуть послѣ окончанія постройки байрейтскаго театра, познакомилъ его съ Гобино. Въ 1880 г. Вагнеръ и Гобино встрѣтились въ Венеціи, и между ними завязалась тѣсная дружба. Французскій философъ уже страстно обожалъ Вагнера, а маэстро, увлекавшійся философіей, приходилъ въ восторгъ отъ его философіи. Онъ залпомъ прочиталъ его сочиненія, нашелъ ихъ великогѣпными и сталъ проповѣдывать гобинизмъ своимъ друзьямъ. Въ 1881—82 гг. Гобино гостилъ у Вагнера на виллѣ Ванфридъ въ Байрейтѣ. Когда въ концѣ этого года умеръ Гобино, то «*Vueitset Blätter*», гдѣ онъ однажды помѣстилъ свою статью, расхвалилъ его. Профессоръ Шемманъ, основатель и президентъ общества Гобино, былъ увлеченъ въ гобинизмъ своимъ другомъ Вагнеромъ, которымъ восторгался. Поэтому въ основанномъ имъ обществѣ понадалось немало именъ вагнеріанцевъ и между прочимъ Ганца Фальдгогена и прославившагося князя Филиппа Эйленбурга.

Чартертонъ Хилль восторгается гениемъ Гобино, сравниваетъ его съ Ницше и обращаетъ вниманіе на то, насколько ихъ аристократизмъ имѣетъ сходства, какъ они похожи другъ на друга своими историческими взглядами и ресурсами антропологической эрудиціи. Онъ оканчиваетъ статью мыслью, что Гобино своими трудами уже воздвигнулъ себѣ памятникъ.

— Дѣятельность англо-русскаго литературнаго общества въ Лондонѣ.—Президентъ этого общества г. Казалетъ съ прежней энергіей работаетъ для сближенія англійскаго и русскаго общества, знакомя англійскую публику съ исторіей Россіи и русскою литературой и жизнью. Въ появившемся отчетѣ за февраль, мартъ и апрѣль мѣсяцы видно, съ какимъ вниманіемъ члены этого общества слѣдятъ за теченіемъ литературы не только именно русскою, но и всѣхъ народностей, составляющихъ атомы большого тѣла Россіи. Отчетъ за три мѣсяца настолько пространный, что мы имѣемъ возможность бросить на него лишь бѣглый взглядъ.

Февраль мѣсяць былъ посвященъ Финляндіи, ея исторіи, старой, новой и современной литературѣ. Миссъ Розалинда Треверсъ, очевидно, потрудившаяся надъ исторіей финской литературы и вообще интересующаяся Финляндіей и ея исторіей, дала матеріалъ для лекціи, такъ какъ ея перу принадлежатъ «*Letters from Finlande*».

Авторша, между прочимъ, нашла, что неизбѣжно приходится сравнить финляндскихъ поэтовъ съ ирландскими, какъ презлыми, такъ и теперешними, и провела параллель между обѣими странами. Обѣ онѣ обладаютъ сокровищами

1) «*The Anglo-Russian Literary Society*». February, March and April 1913.

цей древних туземных мифов и песен, еще не вполне исследованных. Оби они многие сотни лет пребывали под господством чуждых рас— шведской и английской, изучали их язык и пользовались им. В обоих случаях победившая нация действовала очень практично, и оба народа сознательно прилагали силы, чтобы усвоить литературный тип и идеал своих завоевателей. Как в Финляндии, так и в Ирландии патриотическое возвращение к туземному и национальному породило новую литературу и новый народ. Вместе с тем между этими двумя странами есть очевидная разница. История завоевания Ирландии—длинная трагедия, полная раздоров, притеснений и бедствий. Между Финляндией же и Швецией были незначительные неудовольствия.

Потребовалось бы слишком много места для подробного рассмотрения взглядов авторши на Финляндию и ее литературу. Отметим только, что она указывает, какой незамысловатый след оставила финско-русская борьба на финляндской литературе. Затем был прочитан обзор современной финской литературы профессора коммерческого училища в Гельсингфорсе Артура Коттера. Он разделил ее на три периода: переходной от «Калевала» до «Киви» 1835—1870, период реализма и период, пронитанный неоромантизмом. В сочинениях реалиста Пиотари Нийвиринта находятся следы влияния Диккенса. Молодые финские писатели модернизировались, и в этом поворот играют значительную роль французские образцовые произведения.

Март месяц был посвящен 1812 году—походу французов в Россию—и в заключение первой лекции г. Казалец упомянул о «пожаре Москвы» Данилевского, переведенном в «Revue Suisse», также как и о «Войне и мире» Толстого. Кроме того, г. Казалец прочитал несколько стихов из «Ворошино» Мермونتова, а Лорэнс Питр, автор «Napoleon last Campaign in Germany», дал материал для лекции Матимеру.

Апрель месяц был посвящен славянской литературе, и доктор Д. Поллен говорил о славянских поэтах. Затем был сделан обзор английских книг касательно России. Первая книга, о которой упоминалось, была «Siberia» М. П. Прайса, посетившего Западную и центральную Сибирь и часть Монголии. Его товарищи по путешествию г.г. Кэрусзерс и Миллер еще в марте сообщили в королевское географическое общество о результатах своих научных исследований. г. Прайса очень интересовали экономические и социальные условия, и он вывел заключение, что интересы Сибири противоположны интересам Европейской России. «Чем больше я узнаю сибирского крестьянина,—говорит Прайс,—тем больше я люблю его. Быть может, он безтолков, ленив, как повсюду крестьяне на всем свете, но он безстрашен, безропотен, вынослив и очень дружелюбен. Здесь в Сибири почти нетронутая житница, снабжающая Европу, и девственные леса с ценным строевым лесом».

Ощутительный недостаток Сибири—это способ перевозки товаров и высокая пошлина, препятствующие развитию сибирской торговли. Автор повторяет при многих случаях, что Сибирь напоминает ему Канаду в разных отношениях. Ему приходилось беседовать с различными классами об-

щества посвященъ и онъ вынесъ впечатлѣніе, что русская система неподвижной агрикультурной колонизаціи въ прямомъ антагонизмѣ съ кочевой жизнью татаръ.

Что касается Монголіи, то авторъ воспользовался интересными сообщеніями профессора томскаго университета Соболева.

Очевидно было, что въ недавніе годы китайскія власти прилагали большія усилія, чтобы заставить Монголію подчиниться Пекину. Опасность отъ русской дѣятельности въ Монголіи, кажется англичанину, происходитъ не отъ политики русскаго правительства, но отъ шовинизма русской національной прессы.

П. Нейманъ (Джонъ Муррей) написалъ книгу о русскихъ евреяхъ подъ заглавіемъ «Simon Brandin», въ которой выведены русскіе «чиновники» и «бюрократы». Затѣмъ упоминается о письмѣ въ «Times», W. J. Birbecka, посѣтившаго Галицію съ цѣлью провѣрить сообщеніе графа Владимира Вобринскаго о преслѣдованіи православныхъ крестьянъ въ Галиціи, въ которомъ сообщилъ сдѣланныя имъ наблюденія.

Р. Рейнольдсъ написалъ пространную книгу о Россіи подъ заглавіемъ «My Russian Year». Авторъ считаетъ, что идеализмъ является главнымъ пунктомъ, на которомъ расходятся русскіе и западные народы. Онъ называетъ Россію страной идеаловъ и между прочимъ приводит нѣкоторые наблюденія надъ русскими. Между прочимъ онъ говоритъ, что британскій рабочій не можетъ жить безъ пива, а русскій рабочій—безъ чаю. Фешенбельное общество въ Петербургѣ авторъ находитъ забавнымъ, а интеллигентное—безконечно болѣе интереснымъ. Русскій крестьянинъ, по его оцѣнкѣ, существо любезное, любящее, но при случаѣ это существо превращается въ настоящее чудовище. Авторъ передаетъ всестороннія наблюденія надъ русскимъ обществомъ всѣхъ слоевъ, не исключая «германскихъ бароновъ» въ Эстляндіи и крестьянъ-эстонцевъ.

Истридде Оршанекій (Джонъ Лонгъ) написалъ въ этомъ году романъ изъ жизни крымскихъ татаръ-проводниковъ, взявъ сюжетомъ искреннюю любовь молодого идеалиста-татарина къ русской великосвѣтской женщинѣ. Жоржъ въ своемъ «Israel Kalich» вывелъ еврея-революціонера, теоретика-анархиста тина Кропоткина.

Среди англійскихъ книгъ приведены французскія воспоминанія о Россіи г-жи Адагъ. Въ «The three Destinies» Ллойда, автора «Двухъ русскихъ реформъ» и «Великаго реалиста», выведена молодая русская дѣвушка съ либеральнымъ направленіемъ.

Затѣмъ упоминается о воспоминаніяхъ г-жи Смирновой, урожденной Розетти, жены петербургскаго губернатора. Среди сочиненій о Россіи находится книга Эллень Терри «The Russian Ballet» и статья «The Russian Dancero» въ журналѣ «Vegetarian». Г-жа Терри восхищается г-жой Павловой и Фокинымъ и говоритъ: «откровенно признаюсь, что я не питала любви къ обыкновеннымъ танцамъ на носкахъ—но Павлова и Фокинъ измѣнили мое мнѣніе. Жизненность русскихъ балетныхъ классическихъ танцевъ и ихъ техническое совершенство прославили ихъ.

Въ статьѣ журнала «Vegetarian» увѣряютъ, что секретъ граціи и красоты русскихъ танцовщицъ и танцоровъ—не болѣе, не менѣе, какъ вегетаріанское питаніе. Эти свѣдѣнія о режимѣ питанія русскихъ доставила г-жа Грессъ Эспиналь.

Кромѣ англійскихъ трудовъ о Россіи, въ отчетѣ англо-русскаго литературнаго общества упоминается о русскихъ сочиненіяхъ, переведенныхъ на иностранные языки. Между прочимъ упоминается объ «Исторіи русскаго права» Филиппова, «Курсѣ исторіи русскаго права» Самоквасова и «Трудахъ Ломоносова» академика Сухомлинова, изданныхъ нашей академіей наукъ. Слишкомъ долго было бы приводить всѣ сочиненія касательно Россіи, о которыхъ говорится въ отчетѣ англо-русскаго литературнаго общества. Въ заключеніе помѣщено стихотвореніе Мицкевича, переведенное на англійскій языкъ.

— Двадцатипятилѣтній юбилей Вильгельма II.— По случаю двадцатипятилѣтняго царствованія Вильгельма II въ «Revue Hebdomadaire» напечатанъ его психологическій портретъ. Авторъ очерка А. Тибаль признается, насколько трудно французу хладнокровно отнестись къ этой задачѣ, для него легче дать портретъ микадо или шаха, чѣмъ императора Германіи. Какъ ни щедръ Вильгельмъ на телеграммы поздравительныя или утѣшительныя, какіе ни оказываетъ онъ любезныя пріемы иѣкоторымъ французскимъ актрисамъ, но все-таки за послѣдніе годы онъ при каждомъ удобномъ случаѣ встаетъ поперекъ дороги французамъ.

Изъ-подъ пера Тибалья Вильгельмъ выходитъ двуликимъ Янусомъ, и это, по мнѣнію автора, совершенно естественное явленіе: онъ росъ подъ сѣнью двухъ поколѣній, изъ которыхъ одно жило прошедшимъ, другое—будущимъ. Находясь подъ вліяніемъ дѣда, онъ пріобрѣлъ недостатки и качества прусскаго Гогенцоллерна, а руководимый отцомъ-либераломъ, къ тому же женатымъ на либеральной англичанкѣ, интересовавшимся новыми идеями,—онъ въ то же время сдѣлался новымъ, современнымъ человѣкомъ, представителемъ новой линіи Гогенцоллерновъ, разставшихся съ прежними традиціями. Но закваска уѣда крѣпко засѣла въ Вильгельмѣ, а Фридрихъ III еще оставилъ ему въ наслѣдіе романтичность и даже химеричность, привычку смотрѣть на настоящее чрезъ призму прошедшаго. Отсюда получился тотъ «необыкновенный» человѣкъ, о которомъ въ ноябрѣ 1908 года Бюловъ сказалъ рейхстагу, не расположенному выслушивать похвалу по адресу Вильгельма: «Какъ бы вы его ни упрекали, но это человѣкъ необыкновенный!»

Тибаль не отнимаетъ отъ него заслуженныхъ похвалъ и говоритъ, что при всей его фантастичности, при всей внезапности и легкости, съ какими онъ мѣняетъ оружіе и средства, онъ, однако, не измѣняетъ цѣли, руководящихъ идей и вкусовъ. Въ его рѣчахъ, произнесенныхъ имъ въ теченіе двадцати лѣтъ, всегда окажутся тѣ же самыя фразы. Его обвиняютъ въ томъ, что онъ ничему не выучился и ничего не забылъ. Его воспитатель называлъ его «кристальной» натурой, столь же непроницаемой, какъ система кристаллизаціи, и потому всѣхъ поражало упорство, съ какимъ онъ противостоялъ попыткамъ передѣлать его природу. Изъ этого Гинтцпетеръ заключилъ, что характеръ молодого принца въ высшей степени «независимый».

В немь все время борются инстинктъ традицій и инстинктъ прогресса. Инстинктъ традицій выработалъ изъ него вѣру въ армию. «Миръ не увѣреннѣ покоится на плечахъ Атласа,—сказалъ Фридрихъ Великій,—чѣмъ Пруссія на подобной арміи». Ту же мысль выразилъ, въ свою очередь, Вильгельмъ I: «Вотъ на кого я могу рассчитывать!» и та же идея руководила Вильгельмомъ II, когда черезъ нѣсколько часовъ послѣ смерти отца онъ произнесъ: «Я и армія составляемъ одно; мы рождены другъ для друга!» Въ 1891 году эта мысль не измѣнила ему, и онъ говорилъ: «Армія выковала имперію, а не большинство и голоса въ парламентѣ!» Когда десять лѣтъ спустя въ народѣ раздавались критическіе возгласы, Вильгельмъ опять ухватился за солдата: «Одинъ довѣряетъ мнѣ, одинъ вѣритъ мнѣ—солдатъ! Опираясь на солдата, рассчитывая на Бога, я выполняю мою тяжелую задачу!» Солдатскій мундиръ—для Вильгельма королевская одежда, самый красивый нарядъ. Въ сильно тревожныя минуты сомнѣній и кризисовъ Вильгельмъ призываетъ къ себѣ не министровъ, а генераловъ: это его повѣренные, совѣтники, утѣшители, потому что, по его мнѣнію: «Армія сдѣлала Пруссію, затѣмъ Германію; если колесо судьбы повернется, то хочу погибнуть вмѣстѣ съ арміей подъ развалинами этого громаднаго зданія».

Но побѣду арміи дать, по его понятіямъ, Богъ, поэтому религія играть у него значительную роль. Онъ постоянно напоминаетъ солдатамъ, что хорошій солдатъ долженъ быть хорошимъ христианиномъ! Не можетъ быть честнымъ человѣкомъ, не можетъ быть прусскимъ солдатомъ тотъ, кто не добрый христианинъ. Такое религіозное настроеніе Вильгельмъ выказываетъ не только передъ солдатами или матросами, но и передъ мирными гражданами, повторяя девизъ Гогенцоллернговъ: «Мы хотимъ служить Богу!» Для него религія основа человеческой жизни. Кто не стоитъ на этой основѣ, тотъ погибъ! Онъ убѣждаетъ, что на королевскій постъ его поставило само Небо, и 1-го января 1900 года онъ объявилъ: «У короля божественное право, и онъ отвѣтственъ только предъ Богомъ! Я смотрю на себя, какъ на оружіе Бога, и иду своимъ путемъ, не занимаюсь тѣмъ, какое царитъ мнѣніе, и заботаю только о величій нашей родины». Въ своемъ дѣдѣ онъ видитъ оружіе Бога, боготворитъ его и хочетъ, чтобы народъ боготворилъ его. Для него онъ сверхчеловѣкъ, и онъ любитъ уноситься мыслями въ далекое прошлое.

Но Тибаль, какъ мы уже сказали, видитъ въ Вильгельмѣ двуликаго Януса, и второе его лицо обращено къ будущему. Другой Вильгельмъ живетъ настоящимъ и будущимъ. Вступая на престолъ, онъ, какъ кормчій, общалъ вести свой корабль по новому пути. Объ этомъ общаніи долго говорили нѣмцы, все чего-то ждали, называли его американцемъ. Онъ восторгался «Нибелунгами», но также и американцами и считалъ, что флотъ и коммерція два столпа, поддерживающіе его имперію. Въ 1895 году, двадцать пять лѣтъ спустя послѣ Седана, Вильгельмъ считалъ, что Германія достигла могущества и сдѣлалась міровой имперіей. «Во всѣхъ уголкахъ вселенной живутъ нѣмцы; нѣмецкія богатства, наука, труды пересекаютъ океанъ. Наша задача какъ можно тѣснѣе привязать къ нашей родинѣ эту новую большую Германію. Нѣмецкій народъ не знаетъ, какъ онъ силенъ», говоритъ Вильгельмъ.

Первой его заботой по вступлении на престолъ было преобразование первоначальныхъ школъ, изгнаніе классическихъ языковъ, которыхъ замѣнили новые языки и науки. Исторію преподавали такъ, чтобы она возбуждала національное чувство. Культъ предковъ Гогенцоллерискаго дома былъ введенъ въ искусство какъ въ пластикъ, такъ и въ живописи, то же направленіе появилось въ драмахъ.

Историкъ Лампрехтъ нашель у Вильгельма болѣзнь вѣка—чрезмѣрную нервность. Бисмаркъ, по его словамъ, тоже проявлялъ ее, но онъ былъ реалистъ, ненавидѣвшій обобщенія. Вильгельмъ нервный идеалистъ съ богатымъ воображеніемъ, человекъ съ широкой перспективой. Его нервы, чуткіе до впечатлѣній, которые массою овладѣвають ими, отражаютъ такую же массу реакцій. Вильгельмъ хочетъ господствовать надъ всѣми, руководить всѣмъ и вмѣшиваться во все. Ассоціація идей происходитъ въ его мозгу съ необычайной быстротой, и онъ является неутомимымъ создателемъ проектовъ. Благодаря такому быстрому мышленію, онъ блестящій собесѣдникъ и талантливый ораторъ, производящій чарующее впечатлѣніе. Онъ хочетъ все знать, все обнять, всѣмъ овладѣть, и этотъ дилетантизмъ, эту универсальность Бисмаркъ находилъ опасными. Графъ Балластремъ мѣтко выразился, увидѣвъ однажды штандартъ императора на дворцѣ, на яхтѣ, на автомобилѣ и на маневрахъ, обозначающій присутствіе Вильгельма: «на всѣхъ текущихъ вопросахъ,—сказалъ онъ,—развѣвается знамя императора». Вильгельмъ чувствуетъ жизненную потребность вмѣшиваться во все, быть вездѣ на первомъ планѣ, потому что онъ отъ природы полемистъ и чувствовать въ себѣ призваніе трибуны. Его девизъ: «быть всегда наготовѣ». Онъ увѣренъ въ своей неотразимости и даже въ области искусства хочетъ быть его руководителемъ и начертать ему путь, съ котораго оно не должно сходить.

Во внѣшней политикѣ онъ также хочетъ рѣшать самые важные вопросы однимъ своимъ личнымъ влияніемъ, и этимъ объясняются его безконечныя поѣздки, свиданія съ другими императорами. Его ораторскія способности, довольно характерныя, составляютъ два элемента: довольно монотонную риторику, яркую образность, но довольно однообразную, и второй элементъ—рѣзкое проявленіе своего личнаго я.

Едва ли не болѣе путешествій и свиданій любитъ Вильгельмъ различныя празднества и является неподражаемымъ организаторомъ. Все декоративное, грандіозное, театральное—въ его вкусѣ, возбуждаетъ его воображеніе и льститъ ему, потому что онъ является вездѣ центральной фигурой. «Что имъ отъ меня надо?—восклицаетъ онъ, будто удивленный и въ восторгѣ:—со всѣхъ сторонъ мнѣ рукоплещутъ!»... Эта официальная атмосфера восторга поддерживаетъ въ императорѣ оптимистическое настроеніе, которое въ немъ сильно развито. И этотъ оптимизмъ, по его словамъ, послужилъ причиной отстраненія Бисмарка, потому что «старецъ былъ слишкомъ недоувѣрчивъ, а Вильгельмъ изъ принципа вѣрилъ, что люди добры и будущее благоприятно».—«Я не терплю людей, которые видятъ все въ черномъ,—говоритъ онъ.—Пусть ихъ ищутъ другую родину! Пусть ихъ отряхнуть пыль съ своихъ туфель и какъ можно скорѣе избѣгнуть несчастій своей родины! Они доставятъ намъ большое удовольствіе». Вильгельмъ увѣренъ, что онъ знаетъ настроеніе народа, и не выноситъ критики

на дѣйствія правительства. «Во время моихъ путешествій,—говорить онъ,—я вступалъ въ сношенія со всѣми классами общества и хорошо знаю, что думаютъ и говорятъ обо мнѣ». Это самоослѣпление порою способствуетъ интригамъ камарильи.

Каково мнѣніе народа о Вильгельмѣ? На этотъ вопросъ можно отвѣтить, приведя слова консервативной «Kreuzzeitung», что народъ часто смотритъ на императора съ тревогой и нервно, его политику называетъ политикой зигзаговъ, его режимъ—режимомъ блестящей импровизаціи, божественнаго, но противорѣчиваго вдохновенія. Чувство неувѣренности и небезопасности распространено даже въ арміи, о чемъ не разъ громко говорили отставные генералы. Въ теорію божественнаго права уже болѣе никто не вѣритъ, и даже глава свободныхъ консерваторовъ сказалъ однажды въ рейхстагѣ «объ опасномъ отклоненіи къ абсолютизму». Бисмаркъ когда-то сдѣлался адвокатомъ правъ парламента и общественнаго мнѣнія противъ императора и уже послѣ того, какъ впалъ въ немилость, во время канцлерства Бюлова,—онъ объявилъ съ трибуны рейхстага, что для блага Германіи надо усилить авторитетъ рейхстага. Но Бисмаркъ забылъ, что съ первыхъ же дней царствованія Вильгельма онъ самъ предсказалъ, что императоръ хочетъ самъ управлять государствомъ и не потерпитъ ничьей воли, ничьей личности возлѣ себя. И Бисмаркъ скоро понялъ, какимъ онъ былъ точнымъ предсказателемъ. Каприви былъ возлѣ Вильгельма ничтожествомъ и самъ признавался въ своей некомпетентности и во всемъ повиновался ему, какъ адъютантъ. Старый дряхлый Гогенлоэ игралъ роль воспитателя, совершенно не имѣющаго вліянія, который благосклонно смотритъ на продѣлки не дисциплинированнаго ученика. Опытному дипломату съ блестящимъ умомъ, Бюлову иногда удавалось руководить императоромъ такъ, что онъ этого не замѣчалъ. Но онъ былъ слишкомъ царедворецъ, чтобы его политика была независимой, и онъ долженъ былъ исчезнуть, какъ только обстоятельства заставили его выйти изъ императорской тѣни.

Что же касается министровъ, то они часто являются не болѣе, не менѣе, какъ только «секретарями его величества», обязанными своимъ назначеніемъ расположенію императора. Они появляются, правятся, а затѣмъ въ одно прекрасное утро Луканусъ, глава кабинета его величества, «внушаетъ» имъ подать въ отставку.

Страсть къ путешествіямъ и свиданіямъ съ политической цѣлью, «на-чайная» политика, какъ называлъ Бисмаркъ всѣ эти свиданія, подарки, телеграммы, тосты,—миражъ, который только кружитъ голову Вильгельму и удовлетворяетъ его самолюбіе. Но главное раздражаютъ нѣмцевъ безконечныя рѣчи императора, когда «колеблется воздухъ, но не видно тѣни дѣйствія». «Король Англій также ѣздитъ по свѣту, но не говоритъ»—замѣтилъ глава національныхъ либераловъ Бассерманъ въ рейхстагѣ.

Теперь, съ годами Вильгельмъ немного успокоился и сталъ менѣе пылокъ. Послѣ инцидента, происшедшаго въ 1908 году, онъ обѣщалъ жить мирно со своимъ народомъ и почти сдерживаетъ свое обѣщаніе: его слова и поступки теперь болѣе сдержанны, чѣмъ прежде, и если въ чемъ можно его обвинить, то, какъ и Фридриха Вильгельма IV,—въ маніи относить все, что дѣлается въ государствѣ, къ своей личности и быть альфой и омегой всего, что совершается.

— Настоящая мадам Дюбарри.—Авторъ новѣйшаго капитальнаго труда по исторіи XVIII вѣка во Франціи маркизь де-Сегюръ выступаетъ на защиту личныхъ качествъ извѣстной фаворитки Людовика XV madame Дюбарри. Никто не станетъ отрицать, говорить онъ, что Дюбарри была грѣшницей и ея фаворъ былъ сплошнымъ скандаломъ для Франціи. Но если внимательнѣе приемотрѣться къ этой особѣ, то окажется, что она не только не хуже, но даже лучше другихъ такихъ же женщинъ, къ которымъ историки относятся, однако, гораздо снисходительнѣе. Грязныя розказни тысячи брошюръ и летучихъ листовъ, въ которыхъ съ грязью мѣшалась эта замѣчательная женщина, обязаны своимъ появленіемъ враждебному союзу между свергнутою фавориткою Шуазелемъ и озлобленнымъ противъ нея парижскимъ парламентомъ.

Сила Дюбарри заключалась въ ея необыкновенной красотѣ. Что можетъ быть прелестнѣе того портрета, который съ натуры набросалъ принцъ де-Линь. «Она высокаго роста,—говоритъ онъ:—прекрасно сложена, отличается чудными бѣлокурыми волосами и великолѣпными ласковыми глазами. Носъ ея съ легкой горбинкой, на губахъ всегда обворожительная улыбка. Она носитъ мушку, которая еще болѣе увеличиваетъ некактность ея продолговатаго лица».

Madame Дюбарри, какъ и многія въ ея время, была незаконнымъ ребенкомъ, воспитаннымъ выше своихъ средствъ и состоянія. Исторія ея довольно обычна. Соблазнъ, паденіе, жизнь среди изыщества и роскоши въ испорченной придворной средѣ. Затѣмъ настаетъ для нея время фавора и могущественнаго вліянія на короли,—періодъ, о которомъ такъ много писали, и который достаточно всеѣмъ извѣстенъ.

Менѣе извѣстна жизнь этой куртизанки послѣ ея паденія.

Въ день смерти Людовика XV фаворитка находилась въ гостяхъ у своей пріятельницы герцогини д'Эгильонъ въ ея замкѣ Рюэль. Не успѣло еще остыть тѣла ея покровителя, какъ Дюбарри получила отъ новаго короля приказъ удалиться въ монастырь Нонтъ-о-Дамъ. Монастырь этотъ, расположенный въ провинціи Бри Шампенуазъ, служилъ своего рода государственной тюрьмой, и женщины, получившія приказъ туда удалиться, подвергались настоящему заточенію. Во главѣ его стояла надменная и строгая настоятельница де-ла-Рошъ-Фонтенель. Гордая своей безупречной жизнью, игуменья, получивъ приказъ отъ Людовика XVI, ожидала ссыльную грѣшницу, этотъ образецъ безправственности, чудовище порока, въ пріемной комнатѣ, окруженная своими добродѣтельными монахинями. Дюбарри вошла, рыдая и дрожа, и робко, покорно приблизилась къ игуменѣ. Мягкость ея характера и привѣтливость съ первыхъ же дней приобрѣли ей общее расположеніе. Ея грусть выражалась такъ трогательно, что скоро и суровыя монахини и сама неумолимая де-ла-Рошъ-Фонтенель стали защитницами своей плѣнницы.

Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ сыпались отовсюду просьбы за madame Дюбарри прежде, чѣмъ Людовикъ XVI рѣшился возвратитъ ей свободу. Выйдя изъ монастыря, она отправилась сначала въ Сантъ-Врэнъ, а затѣмъ уда-

¹⁾ «Frankfurt. Zeit», № 130, 1913 г.

лилась въ свой роскошный замокъ въ Лувесенъ, который ея подарилъ покойный король. Кромѣ полутора милліона ливровъ пожизненной ренты, у нея было еще милліона на два драгоценностей. Ей было всего тридцать семь лѣтъ, и для нея началась теперь новая жизнь,—жизнь владѣлицы замка, которая спискала ей всеобщее уваженіе и любовь. Одинъ изъ ея сосѣдей, принцъ де-Баво, первый ѣдетъ къ ней съ визитомъ и держитъ такую рѣчь: «Если графиня сдѣластъ намъ удовольствіе и посѣтитъ насъ, моя жена и я будемъ очень рады видѣть ее у себя». Братъ Маріи-Антуанетты, австрійскій императоръ Іосифъ II также ѣдетъ съ визитомъ къ бывшей фавориткѣ. Два часа продолжается ихъ бесѣда, и императоръ уѣзжаетъ въ восторгѣ отъ ея ума и обходительности. Одинъ изъ гостей, посѣщавшихъ блестящее общество, нѣкто Дюфоръ-де-Шеврени оставилъ намъ въ своихъ мемуарахъ описаніе обѣда у madame Дюбарри: «Она вошла величаво и непринужденно. Черезъ четверть часа намъ всѣмъ стало удивительно легко съ нею. Она ни на кого не жаловалась и въ ней не было замѣтно никакого озлобленія. Въ шесть часовъ она простилась съ нами, оставивъ въ насъ такое впечатлѣніе, что она очень умно выбрала для себя нейтральную роль».

Когда раздались первые раскаты революціи, ея-фаворитка, повидимому, раздѣляла тѣ иллюзіи, которыя питали многіе ея современники. Въ этомъ случаѣ она, несомнѣнно, находилась подъ вліяніемъ герцога де-Вриссака, съ которымъ была въ связи. «Свобода такъ драгоценна, что она оправдываетъ жертвы, съ которыми она пріобрѣтается», писалъ онъ ей черезъ нѣсколько дней послѣ взятія Бастиліи. Дюбарри раздѣляла его чувства, стояла за свободу, равенство, братство и причисляла себя къ партіи Неккера.

Послѣ событій въ Версали она беретъ къ себѣ въ замокъ двухъ раненыхъ гвардейцевъ, защищавшихъ королеву. На благодарность Маріи-Антуанетты она отвѣчаетъ: «Лувесенъ весь къ услугамъ вашего величества. Покойный король подарилъ мнѣ тысячи разныхъ драгоценныхъ вещей прежде, чѣмъ удалить меня отъ себя. Я уже имѣла случай предложить вашему величеству эти сокровища и теперь снова предоставляю ихъ въ ваше распоряженіе».

Съ этого времени Дюбарри становится рѣшительно на сторону роялистовъ и дѣлается весьма энергичной поборницей противниковъ революціи. Таинственный, такъ и не разъясненный случай, когда у нея въ Лувесенѣ украли брильянты, послужилъ для нея удобнымъ предлогомъ—безпрестанно переѣзжать якобы для разысканія брильянтовъ изъ Парижа въ Лондонъ и обратно. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти поѣздки были организованы для того, чтобы передавать письма, бумаги и новости лондонскимъ эмигрантамъ.

Казнь герцога Вриссака еще болѣе возбудила ея энергію. Герцогъ завѣщалъ ей часть состоянія и заботы о своей дочери герцогинѣ Мортмарѣ.

Роль, которую взяла на себя Дюбарри, не могла долго продолжаться. Если въ эту страшную эпоху множество лицъ погибло безвинно только потому, что они были противъ господства якобинцевъ, то революціонное правосудіе относительно бывшей королевской фаворитки не совершило никакой погрѣшности: она, несомнѣнно, была соучастницей Вриссака и помогала деньгами роялистской партіи.

Жизнь ея закончилась на гильотинѣ. Умерла она довольно безславно, билась въ рукахъ палачей, умоляла толпу спасти ее. Но эта самая толпа видѣла уже столько спокойныхъ стоическихъ смертей, что, можетъ быть, эта жалобно кричавшая женщина больше способствовала пробужденію отвращенію къ якобинской бойнѣ, чѣмъ самая благородная, поражающія воображеніе позы.

— Прототипъ Гамлета.¹⁾—Извѣстно, что Шекспиръ заимствовалъ сюжетъ своей знаменитой трагедіи о Гамлетѣ изъ латинской хроники датскаго лѣтописца XII вѣка Саксона-Грамматика. Разсказъ этотъ во времена Шекспира былъ переведенъ сначала на французскій, а нѣсколько позднѣе на англійскій языкъ и въ такомъ видѣ сталъ доступенъ великому поэту.

Но Шекспиръ взялъ отъ датскаго лѣтописца только самую фабулу, обработалъ же онъ ее по-своему. Если сравнить подробности, то окажется, что у Шекспира есть много внѣшнихъ эпизодовъ, которыхъ нѣтъ у Саксона-Грамматика. Про характеры и говорить нечего. Достаточно сказать, что Амлетъ датской хроники просто-напросто полудикій, мстительный и хитрый викингъ, какими изобиловала въ тѣ далекія времена Данія. Онъ накрываетъ захмѣлѣвшихъ своихъ враговъ сѣтями и поджигаетъ залу, гдѣ они пировали, а самъ бросается къ вотчину и убиваетъ его же собственнымъ мечомъ. Никакого сходства съ характеромъ Шекспировскаго Гамлета тутъ нѣтъ.

Откуда Шекспиръ взялъ характеръ Гамлета? Такъ какъ творчество всякаго поэта питается наблюденіями надъ жизнью, то не было ли передъ глазами Шекспира челоуѣка, который послужилъ бы ему прототипомъ его главнаго героя?

Новѣйшія изслѣдованія рѣшаютъ этотъ вопросъ утвердительно и показываютъ, что такимъ лицомъ для Шекспира былъ графъ Робертъ Эссексъ, молодость котораго чрезвычайно похожа на судьбу Гамлета.

Отецъ этого графа Эссекса, тоже Робертъ Эссексъ, былъ въ свое время одной изъ популярнѣйшихъ въ Лондонѣ личностей. Красивый и статный, прекрасно по своему времени образованный, искренній поэтъ и хорошій военачальникъ, Эссексъ-отецъ, при своемъ богатствѣ и придворныхъ связяхъ, могъ рассчитывать на блестящую будущность. Но его погубила женитьба на легкомысленной и безнравственной красавицѣ, нѣкоей Леттисъ Ноллисъ.

Вскорѣ послѣ рожденія у нихъ сына Роберта въ 1567 году, въ обществѣ пошли слухи о враждебныхъ столкновеніяхъ между графомъ Эссексомъ и любимцемъ королевы графомъ Лейстеромъ. Развратный и безсовѣстный, этотъ Лейстеръ, прикрываясь покровительствомъ королевы, совершилъ немало гадкихъ дѣлъ, и на совѣсти его лежитъ не одно убійство. Въ срединѣ шестидесятихъ годовъ Лейстеръ обратилъ вниманіе на красавицу графиню Эссексъ и безъ особеннаго труда добился отъ нея взаимности. Чтобы освободить себя отъ присутствія ея мужа, онъ устроилъ такъ, что Елизавета отправила графа Эссекса въ Ирландію, а въ его отсутствіе конфисковала подъ какимъ-

¹⁾ «Nineteenth Century», April 1913.

то предложомъ все его имущество, оставивъ ему только замокъ Ламфи въ Южномъ Валлисѣ.

Разоренный и униженный, графъ Эссексъ вернулся было въ Лондонъ, но черезъ два мѣсяца Лейстеръ опять послалъ его въ Дублинъ, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ, какъ подозрѣваютъ, отъ даннаго ему яда.

Эссексу было всего тридцать пять лѣтъ, и внезапная смерть его вызвала большое волненіе. Въ обществѣ открыто говорили, что его отравили. Елизавета принуждена была назначить слѣдствіе. Въ Ирландію были отправлены особые слѣдователи, которые вырыли и изслѣдовали тѣло Эссекса. Но, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, слухи объ отравленіи не нашли себѣ подтвержденія на слѣдствіи, и дѣло кончилось ничѣмъ.

Между тѣмъ отношенія между графиней Эссексъ и временщикомъ приняли настолько скандальный характеръ, что лордъ Берлей поспѣшилъ взять къ себѣ сына несчастнаго графа Эссекса, Роберта, которому въ это время было уже одиннадцать лѣтъ. Мать относилась къ нему такъ пренебрежительно, держала его въ такомъ черномъ тѣлѣ, что мальчикъ ходилъ немывтый, нечесанный, въ рваномъ грязномъ платьѣ. Лордъ Берлей отвезъ его учиться въ Кембриджъ.

Шесть лѣтъ пробылъ онъ въ Кембриджѣ, занимаясь науками и поэзіей, а затѣмъ переселился въ свой родовой замокъ Ламфи, гдѣ жилъ когда-то его затравленный Лейстеромъ отецъ. Здѣсь молодому, мечтательному поэту мало-по-малу стала открываться, какъ и Гамлету, печальная участь его отца. Объ этомъ говорили ему и вѣрные старые слуги и друзья. Объ этомъ же поразказала ему и вышедшая въ Лондонѣ анонимная брошюра, въ которой ведется разговоръ между адвокатомъ-дворяниномъ и ученымъ, и центръ тяжести которой лежитъ въ раскрытіи всѣхъ тайныхъ и явныхъ преступленій Лейстера, въ томъ числѣ и отравленія графа Эссекса.

Сходство въ положеніи Гамлета и графа Эссекса полное: Ламфи и Эльсноръ, отравленный король и отравленный графъ, виновная жена тутъ и тамъ, въ обоихъ случаяхъ богато одаренный впечатлительный, мечтательный юноша. Отравленіе тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ заимствованной Шекспиромъ фабулѣ его нѣтъ: тамъ короля убиваютъ, а не отравляютъ.

Въ то время, какъ Гамлетъ-Эссексъ бродилъ по вѣковымъ аллеямъ своего парка, грустя о безвременно погибшемъ отцѣ, его мать рѣшилась окончательно завладѣть Лейстеромъ. Но тому нужно было сначала отдѣлаться отъ своей послѣдней жены графини Шеффилдъ, отъ которой онъ имѣлъ двоихъ дѣтей. Убить ее открыто онъ не рѣшался, а сдѣлалъ нѣсколько попытокъ отравить ее и похитить у нея дѣтей. Попытки окончились неудачей. Тогда Лейстеръ самъ объявилъ свой бракъ недѣйствительнымъ и женился на Леттисъ Эссексъ, отобравъ отъ прежней жены старшаго сына Роберта. Но мачеха до того возненавидѣла этого Роберта, что онъ долженъ былъ спасаться отъ нея бѣгствомъ въ Италію.

Въ лицѣ своей новой супруги графъ Эссексъ нашелъ себѣ достойную соперницу. Она умѣла держать его въ ежевыхъ рукавицахъ и позволяла себѣ дѣлать все, что хотѣла. Когда Лейстеръ воспротивился было ея связи съ однимъ

изъ товарищей пасынка, пѣкімъ Кристоферомъ Блентомъ, онъ быстро сошелъ въ могилу, и всѣ говорили, что его отравила его жена. Вскорѣ послѣ его смерти она вышла замужъ за этого Блента. Несмотря на то, что третій ея мужъ и сынъ отъ перваго брака графъ Робертъ Эссексъ погибли на эшафотѣ почти одновременно, эта женщина продолжала процвѣтать и пережила всѣхъ своихъ родныхъ, доживъ до девяноста двухъ лѣтъ.

Въ дальнѣйшемъ сходство между Эссексомъ и Гамлетомъ теряется. Заскучавъ въ замкѣ Ламфи, Эссексъ является въ Лондонѣ, дѣлаетъ здѣсь блестящую придворную карьеру. Ставъ затѣмъ фаворитомъ Елизаветы, онъ вскорѣ попадаетъ, однако, въ немилость и рѣшается поднять возстаніе противъ своихъ личныхъ враговъ. Во главѣ трехсотъ всадниковъ онъ скачетъ по улицамъ Лондона, призывая всѣхъ къ оружію. Однако его схватываютъ, и въ 1601 году онъ складываетъ свою голову на плахѣ.

Связь между Гамлетомъ и Эссексомъ видна еще и изъ того, что трагедія Шекспира выходитъ почти вслѣдъ за трагической кончиной графа, въ 1602 году, когда еще весь Лондонъ былъ занятъ этой личностью, о которой ходило немало разсказовъ среди обитателей англійской столицы, безъ сомнѣнія, извѣстныхъ и великому поэту.

— Приключенія одного изъ роялистовъ¹⁾.—Недавно въ Парижѣ вышли въ свѣтъ мемуары Теодора Ламета, чрезвычайно живо рисующіе эпоху общественной смуты, внесенной французской революціей.

Теодоръ Ламетъ бывшій полковникъ королевскихъ войскъ, затѣмъ членъ законодательнаго собранія 1791 года, яростно защищавшій 10-го августа Людовика XVI, завѣдомый роялистъ, скрывавшійся въ Англии и впоследствии вернувшійся во Францію, чтобы спасти короля. Въ теченіе цѣлаго 1793 года онъ велъ бродячій образъ жизни, скрываясь, гдѣ придется. Кочуя изъ города въ городъ, Ламетъ добирается наконецъ до Гавра въ надеждѣ сѣсть здѣсь на корабль, по ему это не удается, и безъ всякой определенной цѣли и плана онъ возвращается въ Парижъ. Но войти въ этотъ городъ, гдѣ его физіономія была извѣстна весьма многимъ, гдѣ кишатъ безчисленные агенты комитета общественной безопасности,—это равносильно тому, чтобы выдать самого себя. Поэтому онъ останавливается въ окрестностяхъ Понтуаза и, не видя во всей Франціи ни одного мѣстечка, гдѣ бы онъ могъ укрыться, онъ находитъ для себя убѣжище въ лѣсахъ. Въ зимнее время въ теченіе трехъ мѣсяцевъ этотъ избалованный комфортомъ парижанинъ живетъ, какъ потерпѣвшій кораблекрушеніе Робинзонъ на необитаемомъ островѣ. Спитъ на сырой или замерзшей землѣ, прикрываясь промокшимъ отъ дождя или растаявшаго снѣга платьемъ, дрожитъ отъ лихорадки, голодаетъ, теряетъ силы отъ утомленія и тоски, но не принимаетъ ничьей помощи изъ опасенія скомпрометтировать другихъ. Какъ выпутается изъ такого положенія человѣкъ, поставленный ко всему этому внѣ закона?

Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, полиція выслѣдила его пребываніе въ лѣсахъ, и на поимку его былъ отправленъ цѣлый отрядъ республиканскихъ войскъ.

¹⁾ «Le Temps», 1913 г., № 18359.

Преслѣдуемый по пятамъ, Ламетъ успѣлъ, однако, скрыться у одной изъ своихъ знакомыхъ, нѣкоей графини де-ла-Шатръ, занимавшей виллу около аббатства Сень-Дени. Графиня де-ла-Шатръ составила планъ бѣгства и обратилась за содѣйствіемъ къ одному проживавшему въ Парижѣ швейцарцу, который уже оказалъ подобную же услугу одной изъ ея родственницъ. Специальностью этого швейцарца было добывать фальшивые паспорта для людей, которымъ надо было почему-либо бѣжать изъ Франціи.

Швейцарецъ потребовалъ вперёдъ сто лундоровъ золотомъ—баснословная сумма въ тѣ времена бумажныхъ ассигнацій. Кое-какъ добыли нужную сумму, и Ламетъ самъ понесъ ее къ швейцарцу, который, не показываясь, велѣлъ сказать посетителю, что онъ все устроитъ.

Прошло нѣсколько дней. О швейцарцѣ не было ни слуху, ни духу. Обезпеченная графиня де-ла-Шатръ посылаетъ къ нему лакея, но тотъ возвращается безъ паспорта съ лаконическимъ отвѣтомъ: «Дилижансъ отправляется завтра, въ восемь часовъ утра».

Что дѣлать? Проникнуть въ Парижъ безъ пропуска немыслимо, а слѣдовательно, нельзя попасть и въ контору дилижансовъ, чтобы встрѣтиться съ швейцарцемъ, котораго Ламетъ даже не зналъ въ лицо. Оставаться дольше у графини де-ла-Шатръ, не подвергая ее страшному риску, было невозможно, и Ламетъ рѣшается сдѣлать отчаянный шагъ и пробраться какъ-нибудь въ Парижъ.

На слѣдующій день, едва только разсвѣло, онъ велѣлъ осѣдлать для себя маленькую корсикалскую лошадку, необыкновенно быструю и выносливую, и изъ Сень-Дени направился прямо въ Парижъ. У заставы предмѣстья, завидѣвъ часового, онъ бросаетъ ему въ ноги часы и пока тотъ ихъ поднимаетъ, во всю прыть мчится мимо него. Въ Бельвилѣ онъ изображаетъ изъ себя пьянаго, лошадь котораго, чего-то испугавшись, вдругъ понесла. Но хитрость не удалась, и часовой потребовалъ паспортъ. Видя, что дѣло принимаетъ плохой оборотъ, Ламетъ вдругъ наноситъ ему въ животъ такой ударъ своимъ деревяннымъ башмакомъ, что тотъ падаетъ замертво.

Пробравшася черезъ заставу, Ламетъ вихремъ мчится къ мосту въ Шараптонѣ. Тамъ есть гостиница. Остановившись въ ней, онъ требуетъ бутылку вина, затѣмъ другую, а пока хозяинъ ходитъ за виномъ въ погребокъ, выливаетъ первую въ каминъ. Разыгрывая изъ себя человѣка навеселѣ, Ламетъ, какъ бы невзначай спрашиваетъ, не проходилъ ли дилижансъ, отправляющійся въ Швейцарію. Оказывается, что дилижанса еще не было. Оставивъ лошадь въ гостиницѣ, Ламетъ, подъ предлогомъ навѣстить какую-то знакомую, направляется по дорогѣ въ Медонъ. Но, сдѣлавъ полмили, останавливается отъ голода и въ какой-то харчевнѣ проситъ дать ему кусокъ хлѣба. Ему даютъ ломъ хлѣба за ассигнаціи въ пятьдесятъ ливровъ, да и то изъ жалости.

Возникаетъ мучительный вопросъ: сдержалъ ли швейцарецъ свое обѣщаніе? Бѣдетъ ли онъ въ дилижансѣ, который уже показался вдали? Если его тамъ нѣтъ, Ламетъ погибъ. Въ отчаяніи онъ дѣлаетъ кондуктору знакъ остановиться. «Одно мѣсто есть свободное, пожалуй, займи его», говоритъ ему кондукторъ, слѣзая съ козелъ. Ламетъ взбирается въ дилижансѣ, дѣйствительно пассажи-

ровъ только трое: офицеръ съ дамой и какой-то человѣкъ, закутанный въ плащъ. Можетъ быть, это и есть спаситель-швейцарецъ? Но какъ убѣдиться въ этомъ? Ламетъ старается поймать его взглядъ, нарочно наступая ему на ногу и наконецъ прибѣгаетъ къ отчаянной мѣрѣ. Принявъ видъ стараго знакомаго, онъ обращается къ незнакомцу и говоритъ: «Ты напрасно посовѣтовалъ мнѣ ѣхать изъ Санъ-Дени. Благодаря этому я не продалъ ни одного сыра. Ну-ка, давай мнѣ счетъ». Незнакомецъ вынулъ изъ-подъ плаща небольшой портфель и вынулъ изъ него какую-то бумагу. Ламетъ, не смѣя разсматривать ее, сунулъ въ карманъ. То былъ, очевидно, паспортъ. Но на чье имя онъ написанъ? Необходимо было узнать это сейчасъ же, ибо дилижансъ уже приближался къ Вильневу Санъ-Жоржъ, гдѣ происходила провѣрка паспортовъ. А Ламетъ даже не зналъ своего новаго имени.

Только предъявляя паспортъ революціонному комитету, онъ успѣлъ мелькомъ бросить на него взглядъ. Его новое имя было Жиллаберъ. Но его подложная подпись была сдѣлана довольно неудачно. Что если его заставить расписаться?

Къ счастью, паспортъ не возбудилъ сомнѣній, и Ламетъ отправился дальше. Черезъ два часа, завтракая въ Медонѣ, онъ, какъ бы нечаянно, сильно обрѣзалъ себѣ палецъ на правой рукѣ. Если теперь его попросятъ расписаться, онъ будетъ показывать всеѣмъ окровавленную тряпку, въ которую обернуть его палецъ.

Но приключенія Ламета еще не кончились. На послѣдней станціи, у самой границы Швейцаріи, онъ едва не погибъ. Начальникъ революціоннаго комитета, внимательно просматривая паспортъ, отложилъ въ сторону паспортъ Ламета и важно сказалъ: «Тутъ мы еще посмотримъ!» Швейцарецъ, уже не покидавшій ни на минуту Ламета, рѣшилъ, что ждать теперь нечего. Онъ раздобылъ гдѣ-то шарабанъ и, пока остальные путники сидѣли за столомъ, усадилъ своего кліента и пустилъ лошадь вскачь. Предстояло еще пройти черезъ пограничный постъ, но тутъ швейцарецъ былъ свой человѣкъ. Не останавливая лошади, онъ крикнулъ кому то: «Добрый вечеръ». — «Ахъ это ты, — отвѣчалъ чей-то голосъ изъ темноты. — Добрый вечеръ».

Нѣсколько поворотовъ, и Ламетъ былъ уже въ Швейцаріи. Его слутникъ не замедлил довести объ этомъ до его свѣдѣнія, промолвивъ хладнокровно: «Теперь наплевать тебѣ на республику!»

Въ мемуарахъ этого человѣка, когда-то игравшаго на бильярдѣ съ Людовикомъ XVI, участвовавшаго съ Лафайетомъ въ американской войнѣ за независимость, лично знавшаго Дантона, Бонапарта, Людовика-Филиппа и умершаго при Наполеонѣ III въ возрастѣ девяноста восьми лѣтъ, чрезвычайно ярко изображено то запуганное состояніе, въ которое впала страна послѣ побѣды якобинцевъ.

Всеѣхъ охватилъ жестокой страхъ: дрожать и преслѣдователи, и преслѣдуемые. Тѣ, которыхъ такъ опасался Ламетъ, увѣрены въ сохраненіи своей жизни не болѣе, чѣмъ онъ самъ. Наружно выказывая свою рьяность, они потихоньку говорятъ о ней съ ужасомъ. Таковъ этотъ офицеръ, дорожный слутникъ по дилижансу, громко хваставшійся, что ѣдетъ въ провинцію арестовать

какого-то политическаго бѣглеца. Таковъ этотъ якобинскій чиновникъ, съ такою строгостью осматривающій паспорта и въ то же время, видя тревогу Ламета, говорящій ему на ухо: «Да сохранить васъ Богъ!» Таковъ республиканскій солдатъ, бывшій когда-то лакеемъ въ хорошемъ домѣ, поступившій за симъ въ ряды республиканской арміи и теперь проклинаящій дань, когда они связали себя съ этой «недисциплинированной толпой». Таковъ этотъ кондукторъ дилижанса, въ красной шапкѣ, готовый всегда разразиться грубой бранью при одномъ словѣ monsieur и въ то же время въ безопасную минутку говорящій своему пассажиру: «Я не разъ видѣлъ васъ, monsieur, въ Версалѣ, на балахъ и ужинахъ. Я тогда былъ лакеемъ у madame Елизаветы (сестры короля). Она была настоящій ангель. Но, какъ и вы, monsieur, я стараюсь спасти свою жизнь... У меня семья!»

Ложное усердіе этихъ запуганныхъ людей есть, конечно, результатъ полнаго государственнаго разстройства. По всей Франціи изъ конца въ конецъ повторяется та же лицемѣрная рьяность къ дѣлу революціи. Доказательствомъ этого служить то, что Ламетъ съ своимъ грубо сфабрикованнымъ фальшивымъ паспортомъ свободно добрался до самой швейцарской границы. Десять лѣтъ спустя, когда во главѣ полиціи сталъ Фуше, ему этого не удалось бы сдѣлать.

— Къ исторіи Албаніи.—Въ Вѣнѣ недавно издано монументальное собраніе документовъ по исторіи Албаніи, проливающее новый свѣтъ на прошлое этой страны, о которой такъ много говорилось въ послѣднее время¹⁾.

Въ средніе вѣка Албанія принадлежала византійцамъ. Придавая особое значеніе судоходству по Адриатическому морю, они захватили въ свои руки не только нижнюю Италію, но и провинцію Диррахіумъ, представлявшую какъ бы соединительное звено между Балканскимъ полуостровомъ и югомъ Италіи. Но уже въ первой половинѣ IX вѣка по соседству съ этой провинціей явились болгары. Императоръ Василій Болгаробойца († 1025 г.) разрушилъ славившееся уже болгарское царство и снова расширилъ границы своей имперіи на сѣверъ до Дуная и на западъ до побережья Адриатики...

Страшный переворотъ, происшедшій въ Византіи послѣ смерти Василія II, увлекъ за собой и эту западную окраину. Вслѣдствіе внутренней слабости Византійской имперіи норманны безъ особаго труда отняли у нея Калабрію и Апулію и заняли Диррахіумъ и Эпиръ. Даже Рагуза признала надъ собой господство норманновъ, которое потомъ съ 1185—1192 годы перешло отъ нихъ къ Венеціи. Попытка императора Эммануила Комнена возстановить въ Апуліи власть Византіи кончилась полнымъ пораженіемъ грековъ, и только въ Слутато имъ удалось посадить своего правителя.

Диоклетіанъ создалъ на западномъ побережьѣ Адриатическаго моря особое сербское государство съ главнымъ городомъ Скутари. Въ первой половинѣ XII вѣка князья этого государства изъ сербской династіи носили даже титулъ короля. Засимъ эта династія была свергнута жупаномъ Стефаномъ Неманемъ, который послѣ смерти императора Эммануила Комнена сталъ сильно тѣснить грековъ на югъ и Западъ, занялъ Скутари и прибрежные города Дульциньо и

¹⁾ «N. F. Pr.», № 17511.

Антивари и распространили свою власть до самаго Бѣлграда, Ниша, Призрѣна и Скоплье.

Вслѣдствіе торговаго соперничества съ византійцами, венеціанцы въ этой борьбѣ стали на сторону сербовъ. Во время перваго крестоваго похода Албанія была своего рода проходнымъ коридоромъ для крестоносцевъ, но при четвертомъ крестовомъ походѣ она сама сдѣлалась жертвою завоеванія венеціанцевъ, которые основали здѣсь свое собственное государство. Французскіе князья, осѣвшіе въ Ахайѣ, и эпирскіе владѣтели попали теперь въ вассальную зависимость отъ этого новаго государства. Даже внукъ Стефана Неманя, Георгъ, посившій титулъ короля, долженъ былъ присягать на вѣрность албанскому князю Дмитрію Прогону. Но господство венеціанцевъ продолжалось въ Албаніи не долго.

Удалившійся въ Эпиръ послѣ превращенія Константинополя въ столицу Латинской имперіи императоръ Михаилъ Комнень изгналъ изъ Албаніи венеціанцевъ и снова подчинилъ страну грекамъ. Власть Комненовъ особенно усилилась при его наслѣдникѣ Теодорѣ, который правилъ всей страной отъ Θεσσαλονикъ до сербскаго пограничнаго города Скоплье, гдѣ сидѣлъ еще одинъ изъ потомковъ Неманя.

Слабость Латинской имперіи вызвала борьбу между болгарами, никейскими греками и населеніемъ Эпира. Послѣ убійства Теодора Асень II занялъ Дураццо. Никейскій императоръ Юаннъ Ватаци отнялъ у Эпира западную Македонію и Албанію до Адриатическаго моря. Правитель Эпира Михаилъ заключилъ, однако, союзъ съ княземъ Ахейскимъ Вильгельмомъ и Манфредомъ Сицилійскимъ и, въ короткое время опять завоевавъ потерянную было страну, выдалъ свою дочь замужъ за послѣдняго, причемъ въ приданое за нею были даны, между прочимъ, Диррахіумъ и Бѣлградъ.

Событія, разыгравшіяся засимъ въ Константинополѣ и Южной Италіи, выдвинули права Анжуйскаго дома на Албанію. Латинскій императоръ Балдуинъ II, изгнанный изъ Константинополя Михаиломъ Палеологомъ, заключилъ въ 1267 году въ Биберто договоръ съ неаполитанскимъ королемъ Карломъ I Анжуйскимъ, въ силу котораго Карлъ, по возстановленіи Латинской имперіи, долженъ былъ получить власть надъ Ахайей и третью часть будущихъ завоеваній въ Эпирѣ, Албаніи и Сербіи, которой Стефанъ Уросъ I (1243—1276) примкнулъ къ грекамъ. Распаденіе имперіи, nastавшее послѣ смерти Михаила Палеолога, дало Карлу поводъ утвердиться въ Албаніи, и посланные имъ войска безъ всякаго труда заняли Дураццо, Бѣлградъ и Валону. Было образовано особое королевство Албанское, находившееся подъ управленіемъ неаполитанскаго намѣстника, проживавшаго въ Дураццо. Чтобы обезпечить повиновеніе себѣ со стороны албанцевъ, Карлъ велѣлъ взять у нихъ заложниковъ, а чтобы обезопасить тылъ своихъ владѣній, заключилъ договоръ со старинными противниками грековъ—сербами и болгарами.

! Возгорѣвшаяся засимъ война между Палеологами и Карломъ была неблагоприятна для неаполитанцевъ. Византійскимъ войскамъ удалось занять Бѣлградъ и часть Албаніи. Карлъ вошелъ въ дружбу съ матерью Стефана Уроса Еленой, владѣвшей землей между Рагузой и Скутари, и составилъ планъ по-

хода противъ Константинополя съ цѣлью посадить тамъ намѣстникомъ своего пасынка Балдуина II, по происшедшая въ это время въ Сициліи рѣзня, извѣстная подъ именемъ «Сицилійской вечерни», помѣшала ему осуществить этотъ планъ.

Сынъ и наслѣдникъ Карла Анжуйскаго, также Карль, передалъ свои албанскія владѣнія, власть надъ франками, находившимися въ Греціи, и притязанія на Латинскую имперію своему сыну Филиппу Тарентскому (1294 г.). Между греками и франками произошло столкновение, и Албанія понесла новыя потери. Дураццо было сначала занято византійцами, а потомъ перешло въ руки сербовъ.

Албанская аристократія при всѣхъ этихъ переворотахъ брала обыкновенно сторону того, отъ кого она могла ожидать больше всего. Сербскіе короли также колебались между Венеціей и Неаполемъ.

Внучка Балдуина II Екатерина вышла въ началѣ XIV столѣтія замужъ за брата французскаго короля Людовика IX, Карла Валуа, и тогда явился новый планъ возстановленія Латинской имперіи. Но планъ этотъ не могъ осуществиться, такъ какъ венеціанцы не оказали той помощи, которая отъ нихъ ожидалась. Въ слѣдствіе этого сербскій король Уросъ II сталъ искать сближенія съ домомъ Валуа и римской церковью. Впрочемъ, это сближеніе съ папой продолжалось недолго. Получивъ донесеніе католическаго епископа о возстаніи, поднятомъ албанскими католиками противъ своего православнаго короля, папа Іоаннъ XXII сталъ подстрекать Филиппа Тарентскаго заключить союзъ съ венгерскимъ королемъ Карломъ Робертомъ и вмѣстѣ съ нимъ напасть на Уроса. Провѣдавъ объ этомъ, тотъ успѣшилъ укрѣпить свои границы и провозгласилъ себя албанскимъ королемъ.

Анжуйская Албанія нашла себѣ страшнаго противника въ лицѣ величайшаго изъ сербскихъ королей въ средніе вѣка Стефана Душана (1331—1355). Для защиты отъ этого короля архіепископъ антиварійскій призвалъ на помощь французскаго короля Филиппа IV.

Какъ и прежде, албанцы во времена дѣятельнаго императора Андроника III колебались между греками, франками и сербами. Они опустошили окрестности нѣкоторыхъ византійскихъ городвъ и захватили въ плѣнъ губернатора Дураццо. Андроникъ быстро двинулся на албанцевъ и жестоко наказалъ ихъ, причемъ присоединилъ къ Греческой имперіи Эпиръ, бывший въ теченіе цѣлаго столѣтія независимымъ владѣніемъ. Поднявшіяся послѣ смерти Андроника волненія въ Константинополѣ нашли себѣ отголосокъ и въ Албаніи. Стефанъ Душанъ воспользовался этими, двинулся на западъ и взялъ Охридъ, Бѣлгородъ, называвшійся въ тѣ времена Бератомъ, и Валону. Въ 1346 году Стефанъ короновался въ Скоплье и провозгласилъ себя королемъ Сербіи и Румеліи.

Въ это время въ Албаніи особенно обострилась церковная борьба между православными и католиками. Папы уже въ средніе вѣка старались утвердить свое господство въ Албаніи, опираясь главнымъ образомъ на католическихъ ессалоникскихъ митрополитовъ. Въ цвѣтущее время Византійской имперіи особеннымъ вліяніемъ въ Албаніи пользовался митрополитъ диррахійскій. Католическая церковь искусно пользовалась борьбой между греками и сербами,

умѣла склонить албанцевъ на свою сторону, и диррахійскій митрополитъ потерялъ большую часть своей паствы. Римской церкви помогло, между прочимъ, то обстоятельство, что въ XI столѣтіи отъ Дураццо была выдѣлена особая епархія Антивари, которая въ церковномъ отношеніи была подчинена Рагузѣ. Для восточной церкви главное значеніе имѣло епископство охридское, пока Стефанъ Первовѣщанный (1196—1228) не основалъ національную сербскую церковь. Этой церкви греческимъ императоромъ Василиемъ II даны были большія привилегіи.

Такова въ общихъ чертахъ крайне запутанная исторія этой пестрой страны въ средніе вѣка. Съ водвореніемъ на Балканскомъ полуостровѣ турокъ Албанія входитъ въ составъ Оттоманской имперіи и освобождается отъ этого порабощенія лишь въ наши времена.

— О т о в с ю д у.—«Journal de Geneve» передаетъ объ инцидентѣ, происшедшемъ между Вольтеромъ и историкомъ Гиббономъ въ Фернеѣ въ 1776 г. Они переписывались между собою, но никогда не видали другъ друга. Вольтеръ обидѣлся, что Гиббонъ написалъ о немъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій сатиру, въ которой Вольтеръ былъ представленъ экзальтированнымъ и суетливымъ. Вольтеръ, въ свою очередь, сдѣлалъ на него карикатуру, гдѣ Гиббонъ былъ представленъ карликомъ, съ большимъ животомъ, громадной головою, плоскимъ носомъ и т. д. и послалъ ее въ Лозанну. Съ этого момента они прервали переписку. Нѣсколько времени спустя Гиббонъ, находясь въ Женевѣ, сдѣлалъ визитъ Троншену, другу Вольтера. «Вольтеръ вышучиваетъ меня,—сказалъ Гиббонъ въ разговорѣ:—отправляюсь къ нему въ Ферней и скажу, что онъ обо мнѣ сказалъ некрасиво». Троншень передалъ это Вольтеру, и когда черезъ два дня Гиббонъ пріѣхалъ въ Ферней и пожелалъ видѣть Вольтера, тотъ не показался ему. Узнавъ, съ какимъ намѣреніемъ пріѣхалъ къ нему Гиббонъ, онъ сказалъ племянницѣ: «Окажите всевозможное вниманіе этому англичанину: это человекъ съ большими достоинствами, котораго я очень уважаю; но я знаю его намѣреніе, и онъ не увидитъ меня».

Когда Гиббонъ узналъ, что Вольтеръ не хочетъ его видѣть, то поставилъ кресло среди залы и произнесъ: «Такъ какъ онъ не хочетъ меня видѣть, то я не хочу уходить». Отдавъ приказаніе слугѣ ѣхать обратно, онъ расположился у него и такъ провелъ три дня, но Вольтеръ все не выходилъ къ нему. Гиббонъ упорно его ожидалъ. «Но, сударь,—замѣтилъ кто-то ему:—вашъ визитъ слишкомъ продолжителенъ и надоѣлъ хозяину дома».—«Ничего не значить,—отвѣтилъ онъ:—я пріѣхалъ сюда видѣть его и не уѣду, не повидавъ его». Прошло три дня, и Вольтеръ, потерявъ терпѣніе, написалъ ему: «Сударь, Донъ-Кихоть принималъ трактиры за замки, а вы мой замокъ принимаете за трактиръ».

Прочитавъ эти строки, Гиббонъ рѣшилъ, что ожидать бесполезно, набросалъ нѣсколько строкъ, смыслъ которыхъ былъ тотъ, что онъ разсчитывалъ увидѣть генія, послушать его, поговорить съ нимъ и поучиться у него, но онъ какъ Иисусъ въ евхаристіи: его ѣдятъ, пьютъ, но не видятъ».

Во время своего трехдневнаго пребыванія въ Фернеѣ Гиббонъ собралъ свѣдѣнія у слугъ о привычкахъ Вольтера. Возвратясь въ Женеву, Гиббонъ придумалъ другой планъ. Онъ отправился въ Ферней рано утромъ, оставилъ въ

деревянную лошадь и пошелъ къ замку Вольтера пѣшкомъ. Придя туда, онъ потребовалъ, чтобы ему показали маленькую лошадку, которую Вольтеръ предпочиталъ всѣмъ лошадямъ, и сказалъ кучеру, показывая на нее. «Послушай; мой другъ, если ты приведешь ее въ «Grand Bergeron de Chatmille», гдѣ обыкновенно гуляетъ Вольтеръ, и заставишь ее бѣжать, я тебѣ дамъ на чай». Кучеръ тотчасъ же повиновался, а Гиббонъ поспѣшно спрятался, чтобы слѣдить за успѣхомъ своей хитрости. Вольтеръ, увидя изъ окна библіотеки, какъ побѣжала лошадь, позвалъ кучера и спросилъ его о лошади. Тотъ отвѣтилъ, что она убѣжала изъ конюшни. Вольтеръ спустился съ лѣстницы и бѣгомъ пустился за лошадью. Въ этотъ моментъ вышелъ Гиббонъ, представился ему на разстояніи двухъ шаговъ, окинулъ его взглядомъ со всѣхъ сторонъ и затѣмъ пошелъ, захлопавъ руками и смѣясь. «Прощай, Вольтеръ,—закричалъ онъ:— этотъ разъ я видѣлъ тебя; ты не красивѣ меня».

Взбѣшенный Вольтеръ вернулся въ библіотеку и позвалъ секретаря. «Бѣги за этимъ англичаниномъ,—сказалъ онъ,—и спроси у него двѣнадцать сольди за то, что онъ угналъ животное». —«Правильно,—отвѣтилъ немного спустя Гиббонъ:— вотъ двадцать четыре сольди: скажи твоему хозяину, что я плачу за два сеанса и что я завтра возвращусь». Улышавъ такой отвѣтъ, Вольтеръ воскликнулъ: «Этотъ чортъ англичанинъ плутоватѣ меня, онъ сыграетъ со мною скверную шутку: не лучше ли заключить съ нимъ миръ и пригласить его завтра на завтракъ». На другой день Вольтеръ написалъ ему приглашеніе и послалъ парадный экипажъ въ знакъ почтенія. За завтракомъ онъ представилъ ему многихъ гостей. Съ этого момента они стали друзьями.

«Correspondent», касаясь недавно состоявшейся свадьбы дочери императора Германіи принцессы Луизы съ герцогомъ Кумберлендскимъ, объясняетъ его не любовью, а политической причиной. Авторъ статьи Вильямъ Мартэнъ говоритъ, что побудительной причиной къ этому браку послужилъ гвельфскій вопросъ. Давно императору хотѣлось примириться съ домомъ Гвельфовъ, и во многихъ случаяхъ онъ дѣлалъ шагъ для сближенія съ герцогомъ Кумберлендскимъ. Бракомъ съ Августой-Викторіей Шлезвигъ-Гольштинской въ 1881 году, тридцать два года тому назадъ, Вильгельмъ заставилъ смолкнуть жалобы августенбургцевъ и въ случаѣ съ Гвельфами онъ повторилъ ту же операцію, которая такъ хорошо удалась тридцать два года тому назадъ.

Но условія въ обоихъ случаяхъ разныя, и нельзя съ увѣренностью сказать, что бракъ принцессы Викторіи-Луизы съ принцемъ Эрнестомъ-Августомъ герцогомъ Кумберлендскимъ можетъ дѣйствительно примирить эти двѣ семьи. Гитберто герцогъ Кумберлендскій избѣгалъ сношеній съ императоромъ Вильгельмомъ и въ февралѣ онъ далъ инструкціи своимъ сторонникамъ, въ которыхъ не видно слѣда, что онъ отказывается отъ своихъ прѣтензій. Если бѣ была сдѣлана какая-нибудь политическая уступка, она, несомнѣнно, была бы сдѣлана Пруссіей.

Принцъ Эрнестъ-Августъ, единственный наследникъ герцога Кумберлендскаго, принялъ присягу въ вѣрности королю Пруссіи въ актѣ, гдѣ подразумевался отказъ отъ Ганновера, уже предложенный въ 1906 году. Во всякомъ случаѣ главный доводъ берлинскаго правительства противъ допущенія Гвель-

говъ въ Брауншвейгъ потерялъ свое значеніе, когда принцъ сдѣлался членомъ гогенцоллернской семьи. Пруссія боится, что присутствіе на брауншвейгскомъ тронѣ принца Эрнеста-Августа можетъ дать новый толчокъ къ волненіямъ въ Ганноверѣ.

«Atheneum» въ музыкальномъ отдѣлѣ іюльскихъ нумеровъ отзывается съ похвалой о русской оперѣ. Русское товарищество на дняхъ поставило «Хованщину» Мусоргскаго, но «Борисъ Годуновъ» произвелъ такое впечатлѣніе, что критикъ затрудняется, которой оперѣ отдать предпочтеніе. Въ «Хованщинѣ» музыка также очень выдающаяся и въ прелюдіи она выразительна; также производитъ впечатлѣніе «архаическая» религіозная музыка въ концѣ второй картины. Въ общемъ опера понравилась. Шаляпинъ въ роли «Досиѣея», по словамъ критика, замѣчательнъ.

«Борисъ Годуновъ» очень разнообразенъ, и его сюжетъ серьезный. Мусоргскій и Римскій-Корсаковъ щедро надѣлены техникой, но у перваго есть драматическій инстинктъ и гений, кромѣ того, онъ всегда естествененъ. «Мусоргскій напоминаетъ намъ время Глюка и Берліоза, но не Вагнера», говоритъ критикъ. Постановка оперъ великолѣпна. У Римскаго-Корсакова критикъ находитъ оркестровку замѣчательной въ послѣднемъ актѣ. Г-жа Петренко въ роли Марты, по его словамъ, требуетъ specialнаго отзыва. «Объ Иванѣ Грозномъ» трудно говорить спокойно,—замѣчаетъ критикъ,—настолько эта трагедія производитъ потрясающее впечатлѣніе, благодаря сильно волнующей музыкѣ».





С М Ъ С Ъ.



ДРЕВНЕЕ КЛАДБИЩЕ въ городѣ Смоленскѣ. Часть кладбища, обнаруженнаго при прокладкѣ водопроводныхъ трубъ на Ново-Петербургской улицѣ подь виадукомъ Рязанско-Уральской желѣзной дороги, принадлежитъ къ одному изъ древнѣйшихъ кладбищъ города и, несомнѣнно, входитъ въ составъ кладбища при древней Ильинской церкви, находившейся восточнѣе Петербургской улицы, близъ нынѣшняго Ильинскаго ручья. Храмъ былъ деревянный, воздвигнутый, по свидѣтельству лѣтописца, въ 1146 году. Храмъ существовалъ до 1610 года, затѣмъ судьба его неизвѣстна. Обнаруженное погребеніе относится къ XVI и XVII вѣкамъ и имѣетъ большое сходство съ погребеніемъ, обнаруженнымъ въ 1900 году на берегу Днѣпра при планировкѣ земли подь станцію электрическаго трамвая, существовавшимъ много раньше постройки стѣны (1596 г.); во вновь открытомъ кладбищѣ также гроба дубовые или сосновые—послѣдніе попадаются уже сгнившими, гробъ представляетъ собой колоду, выдолбленную внутри для помѣщенія тѣла, покрытую толстой выпуклой доской; гробъ только снизу нѣсколько обтесанъ, а закрытый представляетъ собой отрѣзокъ дерева аршина въ три длины. Внутри гробъ выдолбленъ: для головы и туловища шире, для ногъ уже. На ногахъ покойниковъ замѣчены кожаныя туфли изъ цѣлаго куска кожи или въ видѣ сандалій съ ремешками. Преобладаніе дубовыхъ гробовъ указываетъ на то, что погребеніе должно быть отнесено къ до-Петровскому времени, такъ какъ указомъ императора Петра запрещено было погребать въ дубовыхъ гробахъ.

Романовскій обелискъ на Цвѣтномъ бульварѣ въ Москвѣ. 10-го іюля на Цвѣтномъ бульварѣ открытъ цвѣточный Романовскій обелискъ, сооруженный

на средства городской управы художникомъ-садоводомъ В. Л. Бежановымъ. Обелискъ составленъ изъ зелени декоративныхъ растений. У подножія возвышается поднятая на двѣ ступени колоссальная куртина. На куртинѣ расположены составленные изъ декоративныхъ растений всевозможныхъ цвѣтовъ и тоновъ гербы дома Романовыхъ и города Москвы, изображеніе Спасскихъ воротъ и кремлевскихъ стѣнъ, изъ-за которыхъ выглядываютъ главы древнихъ соборовъ. Здѣсь же изображенъ и домъ бояръ Романовыхъ, находящійся на Варваркѣ. Всѣ цвѣточные картины имѣютъ въ длину не менѣе шести аршинъ и въ ширину отъ трехъ съ половиною до пяти аршинъ. Въ промежуткахъ между цвѣточными плато расположены орнаменты и медальоны. Въ медальонахъ помѣщены силуэты Кремля, государственные гербы и шапка Мономаха. Обелискъ увѣнчанъ золоченымъ двуглавымъ орломъ. Обелискъ—оригинальное художественное произведеніе и производитъ сильное впечатлѣніе.

Отчетъ комитета для устройства празднованія 300-лѣтія царствованія Романовыхъ. Комитетомъ для устройства празднованія трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ предположено, по завершеніи всѣхъ юбилейныхъ торжествъ текущаго года, составить подробный о нихъ отчетъ, который имѣлъ бы цѣлью всесторонне освѣтить отношеніе, встрѣченное юбилеемъ во всѣхъ слояхъ общества и народа. Стремясь заблаговременно собрать возможно полные матеріалы, которые могли бы быть использованы при составленіи упомянутаго отчета, комитетъ считалъ бы желательнымъ имѣть нижеслѣдующія свѣдѣнія: 1) О мѣстныхъ изданіяхъ, посвященныхъ празднованію, или вызванныхъ самимъ юбилеемъ, или приуроченныхъ къ нему, понимая подъ этими изданіями не одни только историческіе труды, но и картины, альбомы, гравюры, а равно повѣсти, рассказы и т. п. 2) О наиболѣе выдающихся статьяхъ мѣстной печати по поводу предстоящаго празднованія. 3) Такія же статьи и замѣтки о самомъ празднованіи—во время торжествъ и послѣ нихъ. 4) Объ устройствѣ самаго празднованія: а) въ городахъ и б) въ селеніяхъ 5) Объ откликахъ празднованія въ публичныхъ лекціяхъ, засѣданіяхъ и сообщеніяхъ, а также театрахъ, кинематографахъ и проч. 6) О способахъ ознаменованія торжества: а) правительственными учрежденіями; б) учрежденіями общественными; в) обществами всякаго рода; г) учебными заведеніями—правительственными, общественными и частными, и д) частными лицами, и 7) О вызванномъ юбилеемъ учрежденіи стипендій, благотворительныхъ и учебныхъ заведеній и т. п. По всѣмъ изложеннымъ вопросамъ было бы крайне желательно имѣть возможно подлинныя матеріалы, какъ-то: экземпляры печатныхъ трудовъ и брошюръ, вырѣзки изъ газетъ, афиши о представленіяхъ, печатные доклады обществъ, подлинныя дѣлопроизводства, фотографіи и т. д. Всѣ документы и предметы будутъ своевременно въ цѣлости возвращены. Въ виду сего и согласно просьбѣ упомянутаго комитета объявляется, что означенныя матеріалы и свѣдѣнія могутъ быть приняты до 1-го августа текущаго года въ управленіи петербургскаго градоначальника (Гороховая, 2), для пересылки ихъ по принадлежности.

Открытіе памятниковъ Пушкину, Жуковскому и князю Вяземскому. 15-го іюля въ имѣніи графа С. Д. Шереметева состоялось торжественное открытіе памятниковъ тремъ русскимъ поэтамъ: Пушкину, Жуковскому и князю Вязем-

скому. Имѣніе графа Шереметева Остафьево принадлежало нѣкогда князю Вяземскому, изъ рода котораго происходитъ супруга теперешняго владѣльца имѣнія графа С. Д. Шереметева. Въ Остафьевѣ жилъ Карамзинъ, писавшій здѣсь свою исторію Россіи; здѣсь же гостили у Вяземскаго Пушкинъ и Жуковскій. Памятники исполнены по оригинальнымъ проектамъ художника Панова. На открытіи присутствовали представители литературнаго міра.

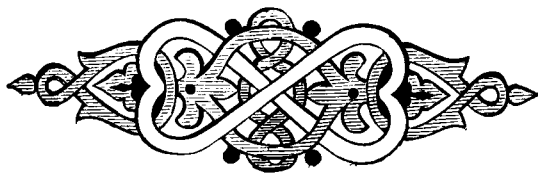
Храмъ-памятникъ въ городѣ Холмѣ. 23-го іюня, въ знаменательный для Холмской Руси день — годовщину утвержденія Государемъ Императоромъ законопроекта о выдѣленіи Холмщины, состоялась торжественная закладка храма въ честь Владимирской Божіей Матери на память о достопамятномъ событіи. Храмъ-памятникъ воздвигается исключительно на народныя средства, жертвуемые тѣми, для кого дороги завѣты родной старины. Мѣсто для его построенія уже давно опредѣлили голосъ народный. При нынѣшней улицѣ Гоголя, раньше Оболонской (на Оболони), полтора ста лѣтъ тому назадъ стоялъ храмъ во имя св. мученицы Параскевы. По всѣмъ даннымъ, храмъ этотъ былъ православнымъ, но въ 1763 г. онъ сгорѣлъ, и на его мѣстѣ долго царило запустѣніе. Только въ послѣднее время, когда свѣтъ православія ярко засіялъ надъ Холмщиной, въ 1875 году чья-то заботливая рука соорудила на мѣстѣ престола св. крестъ. Сооружаемый храмъ будетъ трехпрестольный, типа древнихъ русскихъ церквей XII вѣка; архитектурой своей будетъ напоминать церковь на рѣкѣ Нерли, близъ города Владимира.

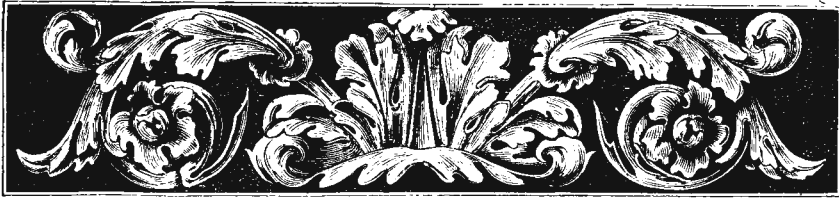
Пятисотлѣтіе храма. 21-го октября текущаго года храмъ Благовѣщенія Богородицы, что на Бережкахъ въ Москвѣ, празднуетъ пятисотлѣтіе своего существованія. Въ 1413 г. архіепископомъ ростовскимъ Григоріемъ былъ сооруженъ при своемъ подворьѣ деревянный храмъ въ честь Благовѣщенія Богородицы. Въ концѣ XVII столѣтія храмъ сгорѣлъ. На его мѣстѣ былъ сооруженъ каменный храмъ въ русско-византійскомъ стилѣ. Въ половинѣ XIX столѣтія къ храму были пристроены два придѣла — во имя свв. Іоанна Воина и Николая Чудотворца. Раньше храму принадлежало громадное владѣніе между Плющихой и рѣкою Москвой. Ростовскіе переулки потому и получили свое названіе, что были проложены по бывшему владѣнію архіепископа ростовскаго. Съ теченіемъ времени большею частью церковной земли завладѣли частныя лица, и въ настоящее время храму Благовѣщенія принадлежатъ три десятины по обѣимъ сторонамъ четвертаго и шестого Ростовскихъ переулковъ. Въ храмѣ много цѣнныхъ иконъ Петровскаго времени.

Юбилей Н. Я. Марра. 1-го іюля исполнилось двадцатипятилѣтіе учено-литературной дѣятельности одного изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ ориенталистовъ, ординарнаго академика императорской академіи наукъ, декана факультета восточныхъ языковъ и ординарнаго профессора петербургскаго университета по кафедрѣ армяно-грузинской словесности, Николая Яковлевича Марра. Одинъ только перечень учено-литературныхъ трудовъ Н. Я., хранящихся въ академіи наукъ, занимаетъ свыше семи печатныхъ листовъ in folio, въ общемъ имъ напечатано свыше ста тридцати капитальныхъ работъ, не считая многочисленныхъ статей въ энциклопедическихъ словаряхъ, а также въ журналахъ и газетахъ. Такіе труды, какъ «Теорія разслѣдованія природы и особенностей гру-

зинскаго языка», гдѣ имъ впервые проводится общепринятая нынѣ мысль о тѣсномъ единеніи армянскаго и грузинскаго языковъ, и «Сборникъ притчъ Варзана», въ которомъ устанавливается несомнѣнный фактъ вліянія армянской литературы на арабскую письменность, — давно уже считаются классическими книгами всѣми оріенталистами, знатоками Ближняго и Средняго Востока. Помимо печатанія собственныхъ ученыхъ трудовъ, Н. Я. редактировалъ изданія академіи наукъ, относящіяся къ армяно-грузинской письменности, а въ настоящее время онъ издаетъ повременное изданіе: «Христіанскій Востокъ». Нѣсколько лѣтъ назадъ Н. Я. Марръ организовалъ и руководилъ раскопками города Ани, древней столицы Арменіи. Богатый результатъ раскопокъ хранится въ особомъ музеѣ, также устроенномъ Н. Я. Марромъ. Имъ изслѣдовано много этнографическихъ памятниковъ и обнаружено цѣлый рядъ неизвѣстныхъ ранѣе надписей, имѣющихъ громадное историческое значеніе. Въ настоящее время Н. Я. Марръ находится на Кавказѣ, гдѣ продолжаетъ свои обычныя работы, поэтому чествованіе его переносится на осень.

Тридцатипятилѣтній юбилей И. О. Богданова. 22-го іюня въ типографіи товарищества А. С. Суворина «Новое Время» состоялось чествованіе управляющаго Иларіона Федоровича Богданова. Тридцать пять лѣтъ назадъ И. О. поступилъ метранпажемъ въ типографію и въ его вѣдѣніи находились журналы: «Историческій Вѣстникъ», еженедѣльное «Новое Время» и всѣ крупныя изданія типографіи. Съ 1888 года И. О. былъ преподавателемъ наборнаго дѣла при школѣ типографіи и составилъ учебникъ «Наборно-типографское дѣло», расходящійся теперь уже въ третьемъ изданіи. Съ 1905 года юбиляръ принялъ должность управляющаго типографіей. Въ часъ дня въ корректорской газетѣ собрались служащіе конторы, типографіи и книжнаго магазина «Новое Время». Юбиляръ былъ встрѣченъ долго не смолкавшими аплодисментами. Ему были прочитаны привѣтственные адреса: отъ служащихъ и рабочихъ, отъ книжнаго магазина, отъ редакціи «Историческаго Вѣстника» и друг. При этомъ юбиляру были поднесены—цѣнный подарокъ отъ служащихъ и рабочихъ и букетъ розъ отъ книжнаго магазина. Наборщикомъ А. Тюхтяевымъ было выражено теплое привѣтствіе въ стихахъ и поднесенъ букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ. Юбиляръ отъ души благодарилъ всѣхъ сослуживцевъ. Въ восемь часовъ вечера въ залѣ гостиницы «Москва» въ честь юбиляра состоялся банкетъ, гдѣ были прочитаны телеграммы отъ его многочисленныхъ учениковъ.





НЕКРОЛОГИ.



ВЫСТРОВЪ, Ѡ. Н. Скончавшійся 10-го іюля настоятель церкви при Инженерномъ замкѣ митрофорный протоіерей Ѡедоръ Николаевичъ Быстровъ принадлежалъ къ числу старѣйшихъ столичныхъ священнослужителей. Онъ скончался семидесяти восьми лѣтъ и большую часть своей дѣятельности посвятилъ пастырскому служенію въ церкви Инженернаго замка. Въ этой церкви онъ трудился непрерывно болѣе сорока восьми лѣтъ и за этотъ продолжительный періодъ сумѣлъ установить тѣсныя духовныя связи съ множествомъ прихожанъ, число которыхъ при немъ значительно увеличилось. Всегда сердечный и отзывчивый, онъ пользовался симпатіями своего прихода. Среди столичнаго духовенства о. Ѡедоръ былъ извѣстенъ, какъ носитель идей правды и челоуѣколюбія и стойкій поборникъ церковныхъ и епархіальныхъ нуждъ. Онъ въ теченіе тридцати лѣтъ былъ членомъ петербургской духовной консисторіи и принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ разрѣшеніи многихъ вопросовъ общаго и мѣстнаго характера. Одновременно покойный занимался преподаваніемъ Закона Божьяго въ бывшей берейторской школѣ и въ гальванической (нынѣ электротехнической) ротѣ; въ 80-хъ годахъ былъ благочиннымъ церкви Царскаго Села. Покойный уроженецъ петербургской епархіи, образованіе получилъ въ петербургской духовной академіи. Курсъ въ послѣдней окончилъ въ 1861 году вмѣстѣ съ покойнымъ профессоромъ М. И. Горчаковымъ, А. А. Ставровскимъ, Е. В. Барсовымъ и покойнымъ архіепископомъ Японіи высокопреосвященнымъ Николаемъ. Съ ними онъ сохранялъ все время тѣсныя связи; своимъ же живѣйшимъ участіемъ въ сборѣ пожертвованій на православіе въ Японіи помогъ апостолу Японіи осуществить принятую имъ на себя задачу распространенія Христова ученія среди язычниковъ Японіи. Досуги своей службы отецъ Ѡедоръ посвящалъ духовной лите-

ратурѣ. Множество его статей и этюдовъ было напечатано преимущественно въ «Православномъ Обзорѣніи». Имъ же составлено подробное описаніе церкви Михайловскаго Инженернаго замка. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913; № 13410).

† **Княжна Грузинская, О. И.** Скончавшаяся 19-го іюня свѣтлѣйшая княжна Ольга Ильинична Грузинская, послѣдняя внучка грузинскаго царя Георгія XII и младшая изъ дѣтей царевича Ильи, родилась 22-го марта 1846 года. При императорѣ Александрѣ II она была пожалована придворнымъ званіемъ фрейлины ея императорскаго величества государыни императрицы Маріи Александровны и оставалась въ этомъ званіи въ теченіе сорока восьми лѣтъ, до кончины. Прекрасно воспитанная и образованная, покойная княжна всю жизнь отличалась необычайной скромностью и глубокою религіозностью, до суровости строгая къ самой себѣ, была необычайно добра къ другимъ; княжна помогала многимъ, но никто этого не зналъ, такъ какъ она помогала истинно по-христіански, въ тиши; искренно желая всегда помогать ближнему, покойная не стѣснялась никогда ни размѣрами помощи, ни формой ея. Нѣжные годы ея дѣтства протекли на рукахъ Абрама, старика-грузина, дядьки ея отца, и княжна съ особенною любовью вспоминала своего Абрама, услаждавшаго ея дѣтскій слухъ разсказами о родной Грузіи. Эти же разсказы послужили княжѣ источникомъ для ея литературной работы: подъ псевдонимомъ Гульбать она помѣстила длинный рядъ грузинскихъ легендъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», а потомъ эти легенды были изданы отдѣльною книгой. (Некрологъ ея: «Московскія Вѣдомости», 1913, № 139).

† **Демьяновъ, М. А.** Скончался 23-го іюня на виллѣ Клостерго въ Ноденталѣ Михаилъ Александровичъ Демьяновъ. Покойный родился въ 1873 г. на Уралѣ, въ дворянской семьѣ. Отецъ его, главный лѣсничій казенныхъ лѣсовъ близъ Арвинскихъ заводовъ, несмотря на то, что молодой Демьяновъ окончилъ агрономическую школу въ гор. Ровно, желалъ, чтобы сынъ посвятилъ себя музыкѣ: музыкальныя способности въ семьѣ, вообще очень культурной, были общи, у сына же исключительныя—въ десять лѣтъ онъ прекрасно игралъ на скрипкѣ и обладалъ почти абсолютнымъ слухомъ. Однако болѣе сильная страсть—увлеченіе рисованіемъ—заставила отца отвезти талантливаго юношу въ московское училище живописи, ваянія и зодчества. Быстрые успѣхи и особенная прелесть выставляемыхъ на ученической выставкѣ работъ М. Демьянова обратили вниманіе покойнаго великаго князя Сергѣя Александровича. Молодой художникъ былъ приглашенъ на лѣто 1904 г. въ село Ильинское, лѣтнюю резиденцію великаго князя. Работы, сдѣланныя за это лѣто, выдвинули М. Демьянова изъ среды товарищей. Въ этотъ періодъ художникъ написалъ множество эскизовъ и изображалъ главнымъ образомъ природу Московской губерніи. Съ поступленіемъ въ пейзажную мастерскую Левитана Демьяновъ продолжалъ работать въ средѣ и обстановкѣ, которую умѣлъ создать этотъ большой художникъ... Въ 1904 г. Демьяновъ поступилъ въ академію художествъ и продолжалъ образованіе подъ руководствомъ профессора А. А. Киселева, неоднократно получая похвалы и награды. Въ теченіе многихъ лѣтъ участвовалъ на академическихъ выставкахъ и на международ-

ной въ Мюнхенѣ. Трудно перечислить громадное количество холстовъ, имъ написанныхъ. М. Демьяновъ ни одного лѣта не пропускалъ, чтобы не съѣздить куда-нибудь на этюды. Въ 1910 г. за картину «Старые годы» художнику присуждено званіе и заграничная командировка. Поѣздка за границу отвлекла художника отъ русской природы. Имѣя право выставить работы на соисканіе третьей поѣздки, онъ этого не сдѣлалъ: хотя и итальянскія и голландскія впечатлѣнія были переданы покойнымъ художникомъ очень талантливо, и слѣдующая командировка навѣрно была бы дана академіей—родная природа влекла сильнѣе. Демьяновъ временно поѣхалъ въ Финляндію. Роковой и преждевременный конецъ прервалъ творческую работу художника. Въ послѣдніе годы произведенія М. Н. Демьянова пріобрѣтали все больше и больше поклонниковъ и въ мастерскую съ выставокъ не возвращались. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913, № 13394).

† **Казанскій-Соршеръ, В. А.** Въ Пятигорскѣ скончался отъ воспаления легкихъ, на сорокъ шестомъ году, популярный петербургскій антрепренеръ и актеръ В. А. Казанскій. Покойный увлекался театромъ еще на гимназической скамьѣ и, будучи гимназистомъ, бѣжалъ изъ дому съ какой-то бродячей труппой. Около 1896 г. В. А. Казанскій появился въ Петербургѣ, гдѣ выступалъ на сценѣ Панаевскаго театра въ труппѣ И. П. Зазулина. Затѣмъ онъ служилъ въ Озеркахъ, въ драматической труппѣ Соколова. Антрепренерская дѣятельность В. А. началась въ 1904 г., когда онъ снялъ театръ у Шабельской на Офицерской улицѣ. Подъ его управленіемъ выступала сформированная имъ опереточная труппа, спектакли которой, въ виду прогара антрепризы, скоро прекратились. Дальнѣйшая антрепренерская дѣятельность В. А. свелась къ культивированію фарса въ театрѣ, принадлежащемъ въ данное время Валентинѣ Линь. Послѣ этого онъ выстроилъ Литейный театръ, въ которомъ сдѣлалъ попытку привить въ Петербургѣ спектакли «Гиньоль». Попытки не увѣнчались успѣхомъ, и театръ преобразился въ театръ «миниатюръ». Послѣдніе два года В. А. жилъ въ Одессѣ и былъ антрепренеромъ театра «Мишиатюры». (Некрологъ его: «Русская Молва», 1913, № 200).

† **Забѣлинъ, Н. Н.** 7-го іюля въ гор. Княгининѣ скончался послѣ тяжелой болѣзни Н. Н. Забѣлинъ. Покойный въ восьмидесятихъ и девяностыхъ годахъ принималъ живое участіе въ провинціальной прессѣ, преимущественно въ «Нижегородскомъ Листкѣ», «Волгарѣ» и другихъ поволжскихъ газетахъ. Стихотворенія же его и рассказы подъ псевдонимомъ Масай помѣщались иногда въ петербургскихъ и московскихъ журналахъ. Кромѣ журнальной работы, покойный былъ энергичнымъ работникомъ по народному образованію. Прослуживъ тридцать лѣтъ учителемъ въ городскомъ по пол. 1872 г. училищѣ, онъ года три назадъ получилъ назначеніе на должность инспектора народныхъ училищъ въ Княгининскій уѣздъ, одинъ изъ самыхъ отсталыхъ. Чрезмѣрная работа надорвала наконецъ силы, и Н. Н. не стало. Педагогъ-труженикъ, работавшій не покладая рукъ до самой послѣдней минуты, нашелъ наконецъ себѣ отдыхъ въ могилѣ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1913, № 162).

† **Кондратьевъ, А. М.** 28-го іюня на станціи Подсолнечной Николаевской дороги скончался одинъ изъ старѣйшихъ членовъ артистической корпорации

московскаго Малаго театра, Алексѣй Михайловичъ Кондратьевъ, длинный рядъ лѣтъ проработавшій на подмосткахъ Малой сцены въ качествѣ помощника режиссера и режиссера. А. М. Кондратьевъ хворалъ довольно давно—два послѣднихъ года. Всю послѣднюю зиму онъ провелъ за границей, по большей части въ Сѣверной Италіи; въ Москву вернулся мѣсяца полтора назадъ, какъ будто слегка поправившійся. Вскорѣ онъ уѣхалъ на дачу въ Подсолнечную, гдѣ всегда проводилъ лѣто. Въ послѣдніе дни болѣзнь—артеріосклерозъ—сдѣлала быстрые шаги впередъ. 28-го іюня Кондратьева не стало. Въ раннемъ дѣтствѣ А. М. былъ отданъ въ петербургскую балетную школу, затѣмъ былъ переведенъ въ Москву и выпущенъ въ балетъ. Но ни особыхъ способностей, ни тѣмъ менѣе склонности къ балету у юноши не было. Влекла драма. И скорѣ онъ перевелся въ драматическую труппу, игралъ маленькія роли. Когда послѣ смерти Богданова режиссеромъ Малой сцены былъ назначенъ С. А. Черневскій, А. М. занялъ мѣсто помощника режиссера и на этомъ мѣстѣ оставался много лѣтъ, неся съ большой добросовѣстностью и умѣньемъ незамѣтную, невидную публичкѣ работу, сценируя спектакли. Понемногу накопился громадный опытъ, выработалось хорошее пониманіе сценическихъ требованій, вкусъ. Установились дружескія отношенія съ большинствомъ артистовъ. А. М. тосковалъ по работѣ болѣе самостоятельной и отвѣтственной. Она стала возможной съ открытіемъ филиальнаго отдѣленія Малаго театра, Новаго, гдѣ параллельно режиссировали, каждый свои спектакли, А. П. Ленскій и А. М. Кондратьевъ. Первою большою самостоятельною постановкою Кондратьева былъ «Термидоръ» Сарду. На него Кондратьевъ возлагалъ большія надежды, сбывшіяся далеко не полно. Послѣ смерти С. А. Черневскаго Кондратьевъ былъ поставленъ во главѣ режиссуры Малаго театра и занималъ это мѣсто до 1907 г., когда былъ назначенъ главнымъ режиссеромъ А. П. Ленскій. Кондратьевъ ушелъ на покой послѣ приблизительно сорока лѣтъ большой работы. На глазахъ у Кондратьева прошелъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ періодовъ Щепкинскаго дома. И онъ сохранилъ громадный запасъ полныхъ интереса воспоминаній. Собралъ онъ и довольно большую коллекцію всякихъ цѣнныхъ театралныхъ реликвій,—портретовъ, автографовъ и т. д. Часть ихъ онъ нѣсколько лѣтъ назадъ передалъ въ театралный музей Бахрушина. Вѣроятно, теперь перейдетъ туда и остальная часть. Умеръ А. М. Кондратьевъ шестидесяти семи лѣтъ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1913, № 149).

† **Котурниціи, П. В.** Въ ночь на 8-е іюля скончался на шестьдесятъ девятомъ году жизни старѣйшій заслуженный профессоръ петербургскаго технологическаго института П. В. Котурниціи. Покойный окончилъ въ Петербургѣ гимназію и технологическій институтъ, при которомъ и былъ оставленъ для подготовки къ научной дѣятельности. Въ 1887 г. онъ былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ института, а въ 1888 г. профессоромъ по прикладной механикѣ. Кромѣ того, профессоръ Котурниціи читалъ въ институтѣ лекціи по курсу паровыхъ машинъ и по механической теоріи теплоты и ея приложенію. Съ 1885—1900 г. онъ исполнялъ обязанности секретаря учебнаго комитета. Профессоръ П. В. Котурниціи читалъ также лекціи въ электротехническомъ институтѣ, состоялъ членомъ особаго отдѣла ученаго комитета

министерства народного просвѣщенія и экспертомъ при департаментѣ торговли и мануфактуръ. Онъ былъ редакторомъ «Вѣстника Общества Технологовъ» съ самаго начала основанія этого журнала. До конца своей жизни П. В. Котурницкій принималъ дѣятельное участіе въ редактированіи журнала, и послѣдній номеръ, который долженъ выйти на дняхъ, подписанъ имъ. Перу покойнаго принадлежитъ рядъ научныхъ трудовъ, напечатанныхъ въ журналахъ: «Инженеръ», «Вѣстникъ Промышленности», «Техническій Сборникъ» и т. д. Покойный пользовался большою популярностью среди профессоровъ института. Еще недавно, въ маѣ текущаго года, онъ былъ избранъ учебнымъ комитетомъ въ число членовъ депутаціи, которой поручено было посѣтить уволеннаго министромъ народного просвѣщенія проф. Д. С. Зернова, и произнести рѣчь, въ которой отмѣтилъ ту потерю, которую понесъ институтъ въ лицѣ проф. Зернова. Тѣло покойнаго было перевезено 11-го іюля въ Петербургъ. Отпѣваніе происходило въ церкви при технологическомъ институтѣ, а погребеніе на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1913, № 185.)

† **Кудринскій, М. А.** Въ Софійской больницѣ Краснаго Креста ужасная болѣзнь, сыпной тифъ, унесла первую жертву изъ числа русскихъ врачей, пріѣхавшихъ въ Болгарію и руководимыхъ благороднымъ чувствомъ оказать помощь своимъ братьямъ славянамъ. Умеръ русскій врачъ Михаилъ Андреевичъ Кудринскій. Сейчасъ же по объявленіи войны покойный М. А. пріѣхалъ однимъ изъ первыхъ врачей, чтобы предоставить себя въ распоряженіе болгарскаго Краснаго Креста, и былъ въ скорости назначенъ врачомъ въ больницу Краснаго Креста, гдѣ всецѣло и усердно предался своей работѣ и вполнѣ оправдалъ возложенныя на него надежды. Больные въ немъ нашли врача, который не жалѣлъ ни труда, ни времени, чтобы облегчить ихъ страданія. Въ началѣ декабря между турецкими плѣнными Яверъ-паши, находившимися въ Базарджикѣ, появляются единичныя заболѣванія сыпного тифа. Болгарскіе доктора, не видавшіе и не имѣвшіе понятія объ этой болѣзни, не знаютъ, что дѣлать. М. А. тотчасъ же предлагаетъ свои услуги, прося, чтобы его командировали въ Базарджикъ. Тамъ онъ принесъ цѣнную услугу въ борьбѣ съ этой страшной болѣзью и многое сдѣлалъ для прекращенія эпидеміи. Въ концѣ декабря М. А. отправляется въ Пловдивъ бороться съ эпидеміей сыпного тифа и здѣсь именно въ періодъ своей полезной дѣятельности заражается этой опасной болѣзью. Впервые 7-го февраля онъ почувствовалъ себя нехорошо и въ такомъ положеніи былъ до 12-го февраля, продолжая неустанно работать. Послѣ этого болѣзнь осложняется и, по совѣту врачей, его, тяжело больного, отправляютъ въ Софію, въ больницу Краснаго Креста. Здѣсь, благодаря особымъ заботамъ врачебнаго персонала, положеніе его временно улучшается. Онъ нѣсколько дней чувствовалъ себя лучше, но внезапно наступившій кризисъ уноситъ его безпощадно въ могилу, къ великому горю его болгарскихъ коллегъ и знакомыхъ. Погребеніе покойнаго совершилось въ Софіи въ присутствіи множества врачей, членовъ русской миссіи и многочисленныхъ его почитателей и знакомыхъ. Покойный М. А. родился въ м. Степанъ Волынской губерніи въ 1868 г. Окончилъ юрьевскій университетъ. Онъ оставилъ жену и двухъ дѣтей. По-

слѣднее время М. А. работалъ въ Швейцаріи въ Давосѣ въ качествѣ ассистента въ санаторіи для грудныхъ болѣзней и всецѣло посвятилъ себя изученію туберкулеза, надъ которымъ шесть лѣтъ усидчиво работалъ. Сотрудничалъ М. А. въ заграничныхъ журналахъ по медицинскимъ вопросамъ. Въ Россіи же въ «Быломъ» за 1907 г. была напечатана его статья «Владивостокъ въ 1905 г.». (Некрологъ его: «Кіевлянинъ», 1913 г., № 63).

† **Кузменко, І. Е.** 14-го іюня, въ девять часовъ вечера, скоропостижно скончался гуманнѣйшій педагогъ, бывшій помощникъ инспектора студентовъ императорскаго петербургскаго университета, статскій совѣтникъ Іосифъ Емельяновичъ Кузменко. Покойный происходилъ изъ крестьянъ, уроженецъ Черниговской губерніи. Окончивъ гомельскую гимназію, онъ поступилъ въ императорскій московскій университетъ, отсюда перешелъ въ императорскій университетъ св. Владимира, который и окончилъ по историко-филологическому факультету. По окончаніи университета І. Е. въ теченіе двадцати пяти лѣтъ состоялъ преподавателемъ исторіи и географіи въ лубенской гимназіи (Полтавской губерніи). Въ 1902 году онъ былъ назначенъ помощникомъ инспектора студентовъ императорскаго петербургскаго университета. Въ 1910 г. почившій вышелъ изъ университета и съ этого времени посвятилъ свою жизнь исключительно литературной работѣ. Его интересные историческіе рассказы и статьи печатались въ газетѣ «Вѣдомости С.-Петербургскаго Градоначальства» и въ другихъ изданіяхъ. Какъ педагогъ, онъ отличался рѣдкой снисходительностью къ учащимся. І. Е. былъ человѣкъ весьма отзывчивый, безконечно добрый, любилъ дѣлать добро втайнѣ. Перу І. Е. принадлежатъ нѣсколько сочиненій, въ которыхъ разработаны отдѣльные историческіе вопросы. Скончался онъ шестидесяти пяти лѣтъ отъ роду. (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1913, № 133).

† **Кузнецовъ, М. М.** Въ Варшавѣ скончался ординарный профессоръ по кафедрѣ факультетской хирургической клиники Михайлъ Михайловичъ Кузнецовъ, пятидесяти лѣтъ. По окончаніи харьковскаго университета въ 1887 г. съ отличіемъ, М. М. всю свою жизнь посвятилъ служенію любимой имъ хирургіи. Съ 1888 г. М. М. состоялъ сверхштатнымъ ординаторомъ хирургической факультетской клиники харьковскаго университета, а съ 1890 г. штатнымъ ординаторомъ той же клиники. По защитѣ диссертациі на степень доктора медицины «Къ ученію объ асептическомъ способѣ оперированія и леченія ранъ» молодой ученый въ 1895 году въ качествѣ приватъ-доцента началъ чтеніе лекцій по кафедрѣ факультетской хирургической клиники. Въ 1896 году М. М. занималъ должность ассистента при той же клиникѣ. 19-го января 1902 г. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ варшавскаго университета по кафедрѣ факультетской хирургической клиники. Въ 1905 г. получилъ званіе ординарнаго профессора той же клиники. Кромѣ службы при университетѣ, покойный несъ обязанности консультанта по хирургическимъ болѣзнямъ при Уздовскомъ госпиталѣ и при Александринско-Маріинскомъ институтѣ и состоялъ почетнымъ консультантомъ при Елизаветинской общинѣ Краснаго Креста. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913, № 13408).

† **Пруссакъ, В. К.** 16-го іюня скончался помощникъ главнаго редактора газеты «Русскій Инвалидъ» и журнала «Военный Сборникъ», генераль-майоръ Владимиръ Константиновичъ Пруссакъ. Онъ окончилъ курсъ перваго кадетскаго корпуса и Константиновскаго военнаго училища, службу началъ въ гренадерскомъ Кіевскомъ полку. Затѣмъ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба и по выходѣ изъ нея служилъ въ казанскомъ военномъ округѣ, былъ адъютантомъ штаба тридцать шестой пѣхотной дивизіи и въ 1899 году перешелъ въ главный штабъ. Помощникомъ редактора былъ съ 1903 г. Ему принадлежить множество статей и замѣтокъ по различнымъ военнымъ вопросамъ, напечатанныхъ преимущественно въ «Русскомъ Инвалидѣ» и въ «Развѣдчикѣ». Кромѣ того, имъ составленъ цѣнный справочникъ «Боевыя награды чинамъ свиты Его Величества по квартирмейстерской части и чинамъ генеральнаго штаба» и отдѣльно издано изслѣдованіе: «Боевыя свойства и тактическія занятія скорострѣльной артиллеріи». Умеръ онъ въ разгаръ своей дѣятельности, на сорокъ пятый годъ жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913, № 13386).

† **Рудневъ, В. Ѳ., контръ-адмиралъ.** Въ девять часовъ утра 7-го іюля въ своемъ имѣніи Николо-Рудневѣ Алексинскаго уѣзда Тульской губерніи скончался бывший командиръ крейсера «Варягъ» контръ-адмиралъ Всеволодъ Ѳеодоровичъ Рудневъ. По возвращеніи изъ Москвы, куда В. Ѳ. ѣздилъ къ постоянно пользовавшему его профессору Таубе, онъ слегъ, впалъ въ полубезсознательное состояніе и уже больше не вставалъ. Покойному было всего пятьдесятъ семь лѣтъ. Онъ страдалъ острымъ малокровіемъ. Несомнѣнно, на его вообще слабое здоровье сильно повліяли событія послѣднихъ лѣтъ. Гибель «Варяга», командиромъ котораго онъ былъ въ японскую войну; триумфальное возвращеніе въ Россію, о которомъ врядъ ли забыли до сихъ поръ; затѣмъ непріятности, сопровождавшія слѣдствіе по дѣлу о гибели «Варяга»,—съ покойнаго одно время была взята подписка о невыѣздѣ изъ его имѣнія,—и, наконецъ, сильная тревога о болѣзненномъ состояніи его старшаго сына, бывшаго пажы,—все это причины, которыя, несомнѣнно, отразились на здоровьѣ В. Ѳ. Имѣніе куплено лѣтъ пять назадъ, въ виду предписанія врачей непременно какъ самому адмиралу, такъ и его сыну пользоваться деревенскимъ воздухомъ. В. Ѳ. не былъ чуждъ литературѣ. Онъ много работалъ по морскимъ вопросамъ. Въ прошломъ году имъ была издана книга «Кругосвѣтное плаваніе крейсера «Африка» въ 1880—1883 годахъ», гдѣ въ литературной формѣ описывается путешествіе крейсера «Африка» въ составѣ эскадры подъ командой управляющаго морскимъ министерствомъ С. С. Лесовскаго. Послѣ покойнаго осталось громадное количество записокъ, мемуаровъ и т. п., касающихся какъ его плаваній, такъ и служебной дѣятельности. Матеріалы въ порядокъ не приведены, покойный не имѣлъ силъ заняться этимъ и изо дня въ день откладывалъ до своего полнаго выздоровленія. (Некрологъ его: «Русское Слово», 1913, № 157).

† **Соломинъ, С. Я.** Въ ночь на 15-е іюня, послѣ продолжительной болѣзни, скончался Сергій Яковлевичъ Стечкинъ, писавшій подъ псевдонимомъ Сергій Соломинъ. На литературное поприще С. Я. выступилъ лѣтъ двадцать назадъ въ газетѣ «Народъ», издававшейся его покойнымъ братомъ Н. Я. Стечкинымъ на казенныя средства. Вскорѣ, однако, С. Я. разошелся со своимъ братомъ и пе-

решелъ на амплу фельетописта въ газету «Новости». Фельетоны его имѣли успѣхъ среди провинціальныхъ читателей газеты. С. Я. помѣщалъ также статьи, фельетоны и рассказы въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», въ нѣкоторыхъ журналахъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ Петербурга, Москвы и провинціи. Въ 1903—1904 годахъ покойный С. Я. состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Гапону. Въ послѣдніе годы С. Я. Соломинъ періодически болѣлъ и могъ работать только урывками. Онъ издалъ сборникъ своихъ рассказовъ подъ заглавіемъ «Разрушенныя терема». Умеръ онъ на пятьдесятъ шестомъ году жизни, оставивъ безъ всякихъ средствъ свою семью. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1913, № 160).

† **Творожниковъ, А. И.** Художникъ Алексѣй Ивановичъ Творожниковъ, братъ извѣстнаго профессора высшаго художественнаго училища Ив. Ив. Творожникова, скончался 5-го іюля у себя въ имѣніи въ Тверской губерніи. Родился онъ въ 1862 году въ деревнѣ Жуково Тверской губерніи, въ простой крестьянской семьѣ. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ сельской школѣ. Потомъ былъ переведенъ въ Петербургъ, гдѣ какъ ученикъ сталъ работать въ специальныхъ художественно-промышленныхъ мастерскихъ (по серебру) и въ то же время посѣщалъ школу рисованія при обществѣ поощренія художествъ. Успѣхи, сдѣланные имъ по гравированію, обратили на него вниманіе преподавателей школы, которые награждали его различными преміями. Нѣкоторыя изъ этихъ гравюръ до сихъ поръ украшаютъ гравировальный классъ. Окончивъ школу общества, онъ поступилъ вольнослушателемъ академіи художествъ, которую и окончилъ въ 1893 году со званіемъ художника. Вскорѣ онъ былъ приглашенъ руководителемъ гравернаго класса въ школу общества поощренія художествъ. Въ послѣдніе годы, видя, какъ всевозможные механическіе способы воспроизведеній всюду вытѣсняють гравюру, онъ обратился въ совѣтъ общества съ просьбой освободить его отъ руководства гравернымъ классомъ, считая себя устарѣвшимъ и находя, что не слѣдуетъ навязывать молодежи то, что въ данное время не имѣетъ никакого примѣненія, особенно для журналовъ и изданій. Согласясь съ его разъясненіями, совѣтъ оставилъ его преподавателемъ рисованія.

Изъ работъ А. И. болѣе другихъ гравюръ извѣстны: удостоенная серебряной медали общества поощренія художествъ «Старушка» съ картины художника Горавскаго, «Мальчикъ-нищій» съ картины профессора И. И. Творожникова и «Голова папы Иннокентія» съ картины Веласкеза, находящейся въ Эрмитажѣ. Въ свое время обращали вниманіе и гравюры, исполненныя для изданія профессора Ѳ. Г. Солнцева «Русскія древности». (Некрологъ его: «Новое Время», 1913, № 13409).

† **Табурно, І. П.** Въ ночь на 28 іюня скончался Іеронимъ Павловичъ Табурно. Ему сдѣбалось дурно на засѣданіи юридическаго собранія, посвященномъ балканской войнѣ и отношенію къ ней русскаго общества. Онъ пріѣхалъ, чтобъ обмѣняться и своими взглядами на эту войну. Сердечный припадокъ на засѣданіи оказался роковымъ. Его привезли домой, вызвали врачей. Ничто не помогло, — Іеронима Павловича не стало. І. П. родился въ Далмаціи въ сербской семьѣ въ 1862 году. Онъ учился въ Рагузѣ, затѣмъ отправился въ Австрію и окончилъ курсъ въ вѣнскомъ политехникумѣ со званіемъ инженера. Вернувшись на родину, онъ принялъ участіе въ босно-герцеговинскомъ возстаніи

против австрійскаго захвата и былъ приговоренъ къ смерти. Пришлось спастись въ Черногорію, подданство которой онъ охотно принялъ. Изъ Черногоріи І. П. уѣхалъ въ Россію къ генералу Анненкову, когда тотъ строилъ Закаспійскую желѣзную дорогу. Предпримчивость, богатство инициативы и необычайная трудовая энергія составляли богатство молодого Табурно, и эти его прекрасныя качества нашли себѣ широкое примѣненіе въ Россіи. Въ первые годы онъ посвятилъ свои силы желѣзнодорожному строительству. Поселившись въ Петербургѣ, онъ занялся попутно журналистикой и на этомъ поприщѣ быстро зарекомендовалъ себя цѣлымъ рядомъ дѣльныхъ и обстоятельныхъ статей, посвященныхъ главнымъ образомъ желѣзнодорожному хозяйству и техническимъ вопросамъ. Статьи его печатались въ «Новомъ Времени» въ пятидесятихъ годахъ, и тогда же онъ сталъ постояннымъ сотрудникомъ «Новаго Времени». Одновременно покойный нерѣдко отзывался статьями общаго характера на злобы дня и особенно на наши политическія отношенія къ Турціи, Австріи и балканскимъ Славянамъ. Постепенно изъ него выработался опытный публицистъ. Во время японской войны онъ отправился корреспондентомъ «Новаго Времени» на театръ военныхъ дѣйствій. На его глазахъ происходили бои подъ Мукденомъ. Послѣ войны онъ принялъ русское подданство съ пожалованіемъ въ російское потомственное дворянство. Въ 1906 году покойный основалъ свою вечернюю газету «Вечеръ», просуществовавшую недолго, и І. П. вновь занялся своей желѣзнодорожной специальностью, приглашенный Вестингаузомъ въ качествѣ главнаго инженера по прокладкѣ въ Петербургѣ трамвайныхъ путей первой очереди. По окончаніи постройки онъ вернулся къ журналистикѣ и во время балканской славяно-турецкой войны отправился на театръ военныхъ дѣйствій въ качествѣ корреспондента «Новаго Времени». Онъ былъ подъ Лозенградомъ, Ускюбомъ, Скутари и, помимо корреспонденцій, издалъ двѣ книги, посвященныя этой войнѣ: «Правда о войнѣ» (переведена на французскій, нѣмецкій и англійскій языки) и «О сербскихъ битвахъ». Въ описаніи военныхъ дѣйствій онъ явился яркимъ выразителемъ ужасовъ, порождаемыхъ войной. Необычайная предпримчивость покойнаго никогда не умѣщалась въ узкой рамкѣ. Она требовала себѣ широкаго простора. Его умъ былъ удивительно гибокъ и практиченъ. Онъ былъ богатъ самыми разнообразными начинаніями. Идеи кипѣли въ немъ, одинъ проектъ смѣнялся другимъ. Какъ человекъ, покойный отличался чрезвычайною отзывчивостью и доброжелательствомъ. 30-го іюня хоронили Иеронима Павловича Табурно. Утромъ тѣсный кружокъ сотрудниковъ «Новаго Времени» и «Вечерняго Времени», представители сербской колоніи и друзья покойнаго собрались отдать послѣдній долгъ. Печальная процессія потянулась по Невскому проспекту, къ Александро-Невской лаврѣ. За гробомъ шла вдова, вся сербская колонія во главѣ съ посланникомъ г. Поповичемъ, сотрудники «Новаго Времени» и редакторъ его М. А. Суворинъ, сотрудники «Вечерняго Времени», членъ государственнаго совѣта генералъ Поливановъ, А. В. Васильевъ и много другихъ. Въ 11 часовъ утра началось отпѣваніе въ церкви Благовѣщенія. Сербскій премьеръ-министръ Пашичъ телеграфировалъ посланнику г. Поповичу о принятіи похоронъ І. П. Табурно за счетъ сербскаго правительства. Его величество король Сербіи и министръ-президентъ выразили по телеграфу свое

глубокое сожалѣніе о потерѣ «добраго сына Сербіи и великаго славянофила». Гробъ покойнаго утопалъ въ цвѣтахъ, возложенныхъ ея высочествомъ княгиней Еленой Петровной, сербской колоніей, болгаро-сербскимъ министромъ Генчи-чемъ, редакціями газетъ и друзьями покойнаго. Послѣ отпѣванія Генчи-чъ сказалъ у свѣжей могилы слово. «Этотъ вѣрный сынъ Сербіи выросъ на берегу широкаго Адриатическаго моря, но среди угнетенныхъ братьевъ онъ чувствовалъ себя связаннымъ. Его крылья расправились въ Россіи. Но въ каждую годину тяжкаго испытанія онъ спѣшилъ къ родному краю и становился въ ряды борцовъ. Въ битвѣ подъ Кумановымъ онъ сталъ подъ разрывающимися шрапнелями, обратился къ резервисту и сказалъ: «Уйди отсюда, у тебя семья!..» Потомъ резервистъ освѣдомился, есть ли у Табурно семья. Ему отвѣтили утвердительно. Онъ перекрестился и сказалъ: «Мало такихъ людей, какъ онъ...» Здѣсь, въ Россіи, онъ призывалъ русскихъ друзей на борьбу за правое славянское дѣло, и здѣсь нашелъ свой вѣчный покой...». Закончилъ ораторъ свое слово на сербскомъ языкѣ: «Съ Богомъ... спи спокойно... да будетъ тебѣ легка русская братская земля!». (Некрологъ его: «Новое Время», 1913, № 13396).

† **Щербина-Крамаренко, Н. Н.** Скончался художникъ-архитекторъ Н. Н. Щербина-Крамаренко. Покойный совсѣмъ еще не старый человекъ (лѣтъ подъ пятьдесятъ), былъ русскій, по облику хохоль, но по темпераменту—совершенный южанинъ. Любилъ работу, любилъ искусство и принималъ всей русской душой горячее участіе въ славянскомъ дѣлѣ, тяготѣлъ къ славянскому дѣлу, былъ членомъ славянскаго общества и постояннымъ участникомъ и ораторомъ на славянскихъ обѣдахъ и былъ въ составѣ комитета обѣдовъ. Недавно здѣсь, въ Петербургѣ, въ публичной оваціи славянамъ, при началѣ ихъ борьбы и побѣдъ съ Турціей, покойный Щербина былъ однимъ изъ распорядителей и руководителей оваціи и велъ многотысячную толпу изъ храма Воскресенія (соединившуюся съ шествіемъ изъ Казанскаго собора) на панихиду по Царѣ-Освободителѣ въ Петропавловскій соборъ. На него, какъ на идеалиста, глубоко подѣйствовала славянская братоубійственная распря. Крѣпкій и здоровый съ виду, онъ обладалъ очень слабымъ сердцемъ при склерозѣ, оно не выдержало, и онъ умеръ внезапно въ своей квартирѣ въ то время, какъ его жена съ дѣтьми только что поѣхала на леченіе въ Крымъ. Покойный художественное образованіе получилъ въ императорской академіи художествъ, служилъ въ технической части здѣшней городской думы, производилъ разныя постройки, но своей спеціальностью, которой съ любовью предавался, избралъ изученіе старинной архитектуры Средней Азіи и, будучи нѣсколько разъ командированъ академіей и министерствомъ, составилъ замѣчательное собраніе фотографическихъ снимковъ и акварельныхъ своихъ работъ съ мечетей, дворцовъ и построекъ Ташкента, Бухары, Хивы и Персіи. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913, № 13399).



По моему искреннему убѣжденію, принцъ даетъ слишкомъ много воли городамъ. У него, конечно, есть свои соображенія на этотъ счетъ, и соображенія основательныя. Онъ хочетъ разбудить въ нихъ довѣріе къ своимъ силамъ и сдѣлать ихъ способными дѣйствовать, въ случаѣ нужды, собственными силами, а не дожидаться, пока другіе сдѣлаютъ дѣло за нихъ. Это, конечно, соображенія правильныя. На то онъ и государственный человѣкъ, который смотритъ въ будущее. Но мы находимся еще въ срединѣ бури, и для воспитанія не настало еще время. Война есть война, и врагъ не будетъ ждать.

Когда испанскій главнокомандующій присылаетъ приказъ изъ Брюсселя, онъ исполняется немедленно, какъ только прибудетъ курьеръ. Объ его содержаніи никто не будетъ спорить. Наоборотъ, когда нужно сдѣлать что-нибудь для принца, собирается городской совѣтъ и всѣ начинаютъ говорить и разсуждать. Говорятъ и разсуждаютъ до тѣхъ поръ, пока пройдетъ нужное время. Такимъ образомъ, они избавляютъ себя отъ всякихъ хлопотъ. Такой образъ дѣйствій приводитъ меня въ бѣшенство и хотя пріемы короля Филиппа и герцога Альбы порядочно опротивѣли мнѣ, но въ такія минуты я искренно желалъ, чтобы они испытали ихъ на себѣ.

Задача моя не изъ легкихъ, ибо моя власть не та, что была прежде. По соглашенію между принцемъ и городами предѣлы всякой назначаемой имъ власти теперь опредѣлены заново, и власть губернатора подверглась значительнымъ ограниченіямъ. Представителей города теперь нельзя назначать или смѣщать, казнить и вѣшать по произволу. Теперь они имѣютъ собственную волю и въ отведенной для нихъ области могутъ дѣйствовать, какъ имъ заблагоразсудится, не считаясь съ принцемъ и его ставленниками.

Таковъ законъ, и я долженъ представить имъ свободу дѣйствій, поскольку она опредѣляется законами, но ни на іоту больше. Они усиленно домогаются большей власти, но всѣ ихъ усилія разбиваются о мое сопротивленіе, какъ волны о скалу. Они не любятъ меня за это, но я объ этомъ не беспокоюсь. Всякій разъ, какъ я подумаю, причина моей непопулярности дѣлается ясна. Я сталъ удивительно твердъ и безстрастенъ. Когда человѣку приходится перенести многое, онъ или размягчается, или затвердѣваетъ. Со мной случилось послѣднее. Можетъ быть, это оттого, что въ моей натурѣ мало величія, но съ этимъ уже ничего не подѣлаешь.

Когда-то я считалъ себя очень твердымъ, но теперь я знаю, что это невѣрно. Теперь я припоминаю, какъ я глядѣлъ въ сторону, стараясь не видѣть отчаянія на молодыхъ красивыхъ лицахъ, какъ бы увѣнчанныхъ короной изъ снѣга, какъ я старался избѣгать ихъ взглядовъ, чтобы не поколебалась моя рѣшимость. Я остался твердъ, но это обошлось мнѣ не даромъ. А теперь я подписываю смертный приговоръ такъ же равнодушно, какъ простое письмо, и это меня вовсе не волнуетъ. Правда, теперь такіе приговоры слу-

чаются рѣже, но все же бываютъ, и у моихъ погъ ползаютъ женщины, молодыя и старыя, не заставляя одного моего пульса биться сильнѣе. Человѣческая радость и горе не трогаютъ уже меня, и по временамъ мнѣ начинаетъ казаться, что у меня нѣтъ сердца, что донна Изабелла убила его.

Теперь я могу думать хладнокровно обо всемъ, даже объ ея послѣднихъ словахъ, будто она равнодушна къ дону Педро,—обстоятельство, о которомъ прежде я не могъ говорить даже на этихъ страницахъ, гдѣ заключены всѣ мои секреты. Я не повѣрилъ ей, когда она это сказала, не повѣрилъ и дону Педро и отбросилъ всякое сомнѣнiе, которое возникало было у меня потомъ. Но если бы я теперь увѣрился, что она говорила правду, это не произвело бы на меня сильнаго дѣйствiя. Я уже привыкъ къ наложенному на меня проклятiю, и мы спокойно идемъ вмѣстѣ—проклятiе и я.

Теперь я сталъ скучнымъ собесѣдникомъ, благодаря своему спокойствiю и равнодушiю. Когда у меня прiемъ, то собирается довольно большая толпа, ибо я губернаторъ нашего города. Не будь этого, немногiе явились бы провѣдать меня. Пришли бы только тѣ, которые обязаны приходить. Но я не обвиняю ихъ. Если бъ я могъ, я съ большимъ удовольствiемъ сидѣлъ бы за чьимъ-нибудь чужимъ столомъ, чѣмъ за моимъ собственнымъ. Но я совершенно одинокъ въ моемъ проклятомъ домѣ.

И тѣмъ не менѣе я самый подходящий человѣкъ для добрыхъ гражданъ города Гуды.

Гуда, 5 декабря 1575 года.

Сегодня утромъ я услышалъ новость, которая года два тому назадъ взволновала бы меня чрезвычайно. Теперь же она слегка всколыхнула охватившее меня спокойствiе подобно тому, какъ налетѣвшiй вѣтерокъ слегка рябитъ гладкую поверхность воды.

Однажды я читалъ о человѣкѣ, у котораго было слишкомъ горячее сердце, такое горячее, что своимъ жаромъ оно сожгло само себя. Послѣ этого оно становилось все холоднѣе и холоднѣе, пока наконецъ не покрылось ледяной корой. Владелецъ этого сердца сталъ совершенно невозмутимымъ, такъ что ему было все равно, ночь теперь или день, лѣто или зима. Гдѣ бы онъ ни былъ, какъ бы ни злилась зима, какъ бы ни сiяло солнце—невозмутимость не покидала его, и онъ чувствовалъ только холодъ, проникавшiй до самаго сердца, пока въ одинъ прекрасный день надъ нимъ не скалилась фея и не дохнула на его сердце теплымъ дыханiемъ, отъ котораго растаялъ ледъ, накопившiйся въ немъ много, много лѣтъ. И этотъ человѣкъ зарыдалъ и сталъ опять такимъ же, какъ всѣ другiе люди.

Впрочемъ, это только сказка.

Я еще не сказалъ ничего о новости. Я строго слѣдилъ за всѣми,

кто прїѣзжалъ въ городъ, ибо испанскіе шпіоны и испанское золото проникали всюду. По своему прошлому опыту я зналъ, какъ это дѣлается.

Имена всѣхъ прїѣзжающихъ докладывались мнѣ, и я слѣдилъ за ними внимательно, особенно за прїѣзжими дамами, такъ какъ дамы были наиболѣе опасны. Читая сегодня утромъ списокъ, я вдругъ увидѣлъ хорошо знакомое имя—Маріонъ де-Брегольль.

Наконецъ-то завѣса поднимается! Вполнѣ, или лишь отчасти—этого я не зналъ.

Сегодня же отправлюсь къ ней!

Въ тотъ же день вечеромъ.

Я видѣлся съ нею. Она живетъ съ своей дальней родственницей фру Терборгъ.

Съ чувствомъ, котораго нельзя описать, поднялся я по лѣстницѣ. Все прошлое возстало передо мной, со всѣми надеждами и разочарованіями. Всѣ они снова прошли передо мной, но какъ-то странно, какъ мертвыя. Я такъ же отнесся къ нимъ холодно, какъ мертвый человѣкъ, среди видѣній своихъ друзей.

Въ гостиной, гдѣ меня попросили обождать, висѣли драгоцѣнныя картины, ибо Терборгъ, недавно умершій, былъ богатъ и подъ конецъ жизни пристрастился къ произведеніямъ искусства. Друзья его говорили, что онъ больше гнался за именемъ художника, чѣмъ за его произведеніемъ, и что онъ не могъ отличить хорошей картины отъ плохой. Но вѣдь друзья всегда такъ говорятъ.

Какъ бы то ни было, здѣсь было очень много картинъ. Нѣкоторыя были очень хороши. Я научился любить искусство во время пребыванія въ Италіи и самъ хотѣлъ когда-нибудь побывать въ этомъ домѣ, хотя фру Терборгъ сама по себѣ не представляла для меня никакого интереса.

Я слышалъ, какъ слуга, отворивъ дверь въ сосѣднюю комнату, доложилъ: «Его превосходительство, г. губернаторъ графъ ванъ-Стиненъ»

Мнѣ пришлось немного подождать: моего визита, очевидно, не ждали.

Наконецъ дверь отворилась, и вошла донна Маріонъ.

Она была такъ же прекрасна, какъ и прежде. Только лицо поблѣднѣло, и взглядъ какъ-то углубился. Полуденное солнце ярко свѣтило въ окно, но я стоялъ спиною къ свѣту, мое лицо было въ тѣни, да и перемѣнился я сильно, хотя она почти не измѣнилась.

Она не узнала меня и встрѣтила меня съ официальнымъ поклономъ.

— Чѣмъ я обязана чести видѣть у себя ваше превосходительство?

— Вы не узнали меня, донна Маріонъ?

Услышавъ мой голосъ, она вздрогнула, схватилась рукой за грудь и зашаталась. Я бросился впередъ, чтобы поддержать ее, но

она въ одно мгновеніе овладѣла собой и почти съ силою оттолкнула мою руку.

— Извините, донъ Хаимъ,—сказала она.—Я никакъ этого не ожидала. Имя, о которомъ мнѣ доложили, совершенно неизвѣстно мнѣ. Вернувшись, я тщетно искала васъ и даже думала, что васъ уже нѣтъ въ живыхъ.

— А это огорчило бы васъ, донна Маріонъ?

Она взглянула на меня съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ—мягко и жестко въ одно и то же время и сказала:

— Я вамъ обязана жизнью и не могла бы не горевать объ этомъ.

Потомъ она поглядѣла на меня и воскликнула:

— О, донъ Хаимъ, да вы совсѣмъ посѣдѣли!

— Всѣ мы посѣдемъ, когда для каждого наступитъ время. Это избавитъ меня отъ труда сѣдѣть, когда я состарюсь.

— Для васъ это время настало слишкомъ скоро,—сказала она съ глубокой симпатіей.

— Можеть быть. Судьба поступаетъ съ каждымъ изъ насъ различно. Жаловаться не приходится.

— Вы правы. Судьба была къ вамъ жестока, какъ, впрочемъ, и къ другимъ. Но что же мы стоимъ?

И она показала мнѣ на кресла.

Я понялъ, что она хочетъ подготовить меня, и сказала, когда мы сѣли:

— Расскажите мнѣ все, донна Маріонъ, если вамъ это извѣстно.

Она посмотрѣла на меня долгимъ взглядомъ, и мнѣ показалось, что глаза ея стали влажны.

— Мужайтесь, донъ Хаимъ. Ея уже нѣтъ на свѣтѣ.

Я былъ подготовленъ къ этому. Несмотря на это, меня вдругъ охватила сильная скорбь по этой женщинѣ, которую я такъ любилъ. Ничего не видя передъ собой, я сидѣлъ и думалъ о ней, о началѣ нашего знакомства и о концѣ. Вдругъ мягкая теплая рука донны Маріонъ нѣжно легла на мою.

— Мужайтесь, донъ Хаимъ,—повторила она.

Она не знала, какъ я теперь сталъ холоденъ и спокоенъ. Такъ спокоенъ, что могу даже выслушать вѣсть о смерти моей жены и не проронить ни слезинки, такъ холоденъ, что ничто не можетъ отогрѣть меня, даже прикосновеніе нѣжной ручки донны Маріонъ. Но въ ея голосѣ было что-то странное, а ея прикосновеніе давало ощущение, котораго мнѣ никогда не приходилось испытывать.

— Благодарю васъ, донна Маріонъ,—отвѣчала я.—Это уже прошло. Теперь расскажите мнѣ все подробно.

— Она умерла, прося у васъ прощенія. Она поручила мнѣ передать вамъ объ этомъ, если мы когда-нибудь увидимся.

— Я уже давно просилъ ее, хотя сдѣлать это мнѣ было не легко. Но и она должна была простить меня за многое.

— Она это сдѣлала и сдѣлала безъ всякаго принужденія. Это я тоже могу сообщить вамъ.

Отъ этого прощенія моей жены словно какое-то теплое дыханіе коснулось меня.

— Благодарю васъ,—повторилъ я.—Я жаждалъ услышать эти слова и почти отчаялся въ этомъ. Но скажите мнѣ,—продолжалъ я, помолчавъ:—какимъ образомъ вы оказались при ней и почему вы оставили меня въ эту роковую ночь?

Она отвѣчала такимъ тономъ, какъ будто это было самымъ простымъ, естественнымъ дѣломъ:

— Я вернулась въ Гертруденбергъ, чтобы спасти ее. Она была моя двоюродная сестра и ваша жена. Мы такъ любили другъ друга, и я сильно надѣялась, что мнѣ это удастся.

— Вы хотѣли принести себя въ жертву для того, чтобы спасти ее!—воскликнулъ я.

— А почему же и не такъ?—отвѣчала она просто.—Она была вашей женой. Вы спасли мою жизнь, и я хотѣла отплатить вамъ тѣмъ же и очень жалѣла, что это мнѣ не удалось. Я роптала на Бога за то, что онъ не взялъ вмѣсто нея меня. Я умерла бы съ удовольствіемъ, а ей нужно было жить.

Съ минуту я не могъ промолвить ни слова. Какъ будто покрывало спало съ моихъ глазъ, и я увидѣлъ зрѣлище такой величавости, что былъ почти ослѣпленъ его блескомъ. Опять теплое дуновеніе пронеслось надо мной, словно южный вѣтерокъ надъ снѣгомъ.

— Почему вы такъ желали умереть, донна Маріонъ?—воскликнулъ я.

— Этого я вамъ не могу сказать.

Ея голосъ вдругъ зазвучалъ сурово.

— Не стоитъ слишкомъ заботиться о жизни. Какъ вы сами только что сказали, судьба поступаетъ съ нами различно, и жаловаться намъ не приходится.

Прежде, чѣмъ я успѣлъ подыскать подходящій отвѣтъ, она продолжала:

— Я должна рассказать вамъ все, что произошло. Вы услышите страшную исторію, донъ Хаимъ. Одного только не бойтесь—это ее миновало. Расскажу вамъ все по порядку. Я отстала отъ васъ послѣ того, какъ вы взяли штурмомъ башню. Это было страшное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и красивое зрѣлище, и я не могла оторваться отъ него. Но когда я услышала, какъ васъ привѣтствовали послѣ взятія башни, и я узнала, что вы остались невредимы, я рѣшила, что удобный моментъ насталъ. Никто въ это время не обращалъ на меня вниманія, и я незамѣтно скрылась въ темнотѣ.

«Сначала у меня не было опредѣленнаго плана, куда итти. Я не знала ничего о томъ, что случилось, кромѣ тѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній, которыя вы мнѣ сообщили при нашемъ отъѣздѣ. Но

отчасти я угадывала происшедшее, но не могла повѣрить, чтобы Изабелла могла исчезнуть. Въ вашемъ голосѣ также не было этой увѣренности. Поэтому, когда я на обратномъ пути проходила мимо вашего дворца, я не стала искать ее здѣсь. Вездѣ была тишина и безлюдье, только въ одномъ окнѣ виднѣлись двѣ почти догорѣвшія свѣчи. Часовыхъ у воротъ не было и вообще не было замѣтно никакихъ признаковъ жизни. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я проходила, пламя одной свѣчки вспыхнуло и погасло. То же готовилось и съ другой. Это сказало мнѣ больше, чѣмъ слова. Я ускорила шаги. Мнѣ не хотѣлось возвращаться домой. Пусть моя мать думаетъ, что я бѣжала и нахожусь уже въ безопасности. Ухаживать за нею осталась наша старая Варвара. Поэтому я пошла дальше, сначала къ дому проповѣдника, но Изабеллы тамъ не было, потомъ къ ванъ-Гузуму. Здѣсь я впервые услышала о ней: она приходила къ нему и просила его поднять городъ. Когда онъ не согласился исполнить ея просьбу, она наговорила ему рѣзкихъ словъ и ушла, не сказавъ, куда она идетъ.

«Мы посовѣтовались, что дѣлать. Нелегко было на что-нибудь рѣшиться среди глухой ночи, когда время не терпитъ и не знаешь, на кого можно положиться. Въ концѣ концовъ я отправилась въ ванъ-Спрингу, старому другу ея отца. Когда я добралась до него, было уже поздно, и мнѣ не открыли. Это было не удивительно, такъ какъ домъ ванъ-Спринга находился какъ разъ на той улицѣ, по которой вы проходили съ своимъ отрядомъ. Когда я стояла передъ воротами, мимо меня шумно промчался сначала одинъ эскадронъ, за нимъ другой, потомъ третій. Я прижалась къ воротамъ и стояла неподвижно до тѣхъ поръ, пока они всѣ не проѣхали. Я знала, что это погоня за вами, и дрожала.

«Простоявъ еще нѣсколько времени передъ безмолвными воротами, я стала ходить по безлюднымъ улицамъ, дожидаясь утра. Я понимала, что до утра ни въ одномъ домѣ мнѣ не откроютъ дверей. Завернувъ за уголъ, недалеко отъ тюрьмы, я на разсвѣтѣ вдругъ встрѣтила палача Якоба. Онъ внимательно посмотрѣлъ на меня и воскликнулъ: «Раненько вы вышли сегодня изъ дому! Совѣтую, идите лучше домой, собирайте свои вещи и уѣзжайте поскорѣе изъ города, женщинамъ вашей семьи здѣсь нездорово оставаться!» Я сразу угадала истину. «Проведите меня къ графинѣ, мистеръ Якобъ!..»—«Откуда вы объ этомъ знаете?» воскликнулъ онъ съ изумленіемъ. «Это для васъ безразлично, только проведите меня къ ней!» Сначала онъ отказывался. Но у меня нашлось немного денегъ и кольцо, которое мать дала мнѣ на прощанье. Онъ согласился.

«Когда я вошла въ камеру, гдѣ была заключена Изабелла, она встала и горько засмѣялась. «И ты, Маріонъ», сказала она. «Я полагаю, что я купила безопасность моей семьи, но, кажется, моя стоимость оказалась меньше».—«Послушай, Изабелла, вѣдь

донъ Хаимъ хотѣлъ взять съ собой тебя и твоего отца».—«Ахъ, онъ и тебѣ рассказывалъ эту исторію?» спросила онъ съ презрѣніемъ. «Да,—отвѣчала я.—Донъ Хаимъ сегодня вечеромъ увелъ съ собою твоего отца и другихъ арестованныхъ въ гертруденбергской тюрьмѣ.

«Изабелла взглянула на меня, какъ будто произошло что-то ужасное.

«— Это неправда,—хрипоз акричала она.—Ты, вѣроятно, видѣла все это во снѣ.

«И, чтобы не упасть, она схватилась руками за столъ.

«— Изабелла, выслушай меня,—сказала я.—Я была съ нимъ, я видѣла, какъ донъ Хаимъ приступомъ взялъ внутреннюю башню, ворота которой были заперты.

«И я рассказала ей все, что знала.

«Это произвело на нее потрясающее дѣйствіе. Съ минуту она смотрѣла на меня какъ-то дико, потомъ застонала и упала на колѣни, колотясь лбомъ о край стола.

«— А я такъ сердилась на него и бранила его, когда онъ пришелъ спасти меня,—тихо пробормотала она.—Не онъ солгалъ мнѣ, а другой.

«Она смолкла и закрыла лицо руками. Все тѣло ея вздрагивало отъ беззвучныхъ рыданій. Я также опустилась на колѣни возлѣ нея, стараясь успокоить ее, но она какъ будто не слышала и не понимала меня. Черезъ нѣкоторое время она перестала рыдать, руки ея опустились, и, устремивъ взоръ впередъ, она застыла въ своей позѣ, какъ изваяніе. Съ трудомъ удалось заставить ее заговорить».

Донна Маріонъ сдѣлала паузу и продолжала:

— Не находя нигдѣ помощи, она направилась прямо къ дону Педро. Пришла она къ нему, вѣроятно, часу въ одиннадцатомъ. Въ домѣ царило необычайное оживленіе, но она и не догадывалась о томъ, что случилось. Ее попросили подождать. Вдругъ къ ней подошелъ какой-то офицеръ и арестовалъ ее отъ имени гертруденбергскаго губернатора—отъ вашего имени, какъ она полагала.

Послѣднюю фразу донна Маріонъ добавила едва слышно и потупивъ глаза. Потомъ она снова подняла ихъ на меня и сказала:

— Простите ее, донъ Хаимъ: она не вѣдала, что творила. При томъ же этотъ человѣкъ обладалъ краснорѣчіемъ и ловкостью настоящаго искусителя—потомъ мнѣ пришлось слышать, какъ онъ говорить. Простите ее. Не забывайте, что она пришла къ нему ради своего отца.

Трудно было не сдаться, слыша этотъ умоляющій голосъ: многое ради него простилось покойницѣ.

— Я прощаю,—промолвилъ я послѣ минутнаго колебанія.

— Благодарю васъ,—тихо сказала донна Маріонъ.—Рассказавъ мнѣ все это, Изабелла опять впала въ молчаніе, вперивъ въ

стѣну свои остеклянившіеся глаза. Наконецъ она очнулась и промолвила: «Я расскажу тебѣ, Маріонъ, все, для того, чтобы ты могла судить справедливо. Если я погибну,—а это, повидимому, такъ и будетъ,—а тебѣ придется увидѣться съ нимъ, то ты лучше всѣхъ можешь служить посредникомъ между нами». И она рассказала мнѣ все, что было между вами.

Донна Маріонъ опустила глаза и опять смолкла.

— Что же вы думаете теперь, когда вамъ все уже извѣстно?— тихо спросилъ я.

— Во многомъ вы были неправы относительно ея,—отвѣчала она, глядя мнѣ прямо въ лицо.—Нельзя заставить полюбить себя силою, и ни одна уважающая себя женщина не будетъ любить, если къ ней пристануть съ ножомъ къ горлу. Но и она также была несправедлива къ вамъ, и теперь ея очередь просить у васъ прощенія. Я ей такъ и сказала. «Конечно, я сдѣлаю это,—отвѣчала она:—если мнѣ суждено увидѣться съ нимъ. Но я предчувствую, что этого никогда не будетъ». Я старалась ободрить ее. Я добилаь разрѣшенія остаться при ней и хотя мастеръ Якобъ и далъ мнѣ понять, что онъ не выпуститъ ее, если она даже надѣнетъ мою одежду, тѣмъ не менѣе я рассчитывала, что, можетъ быть, какъ-нибудь представится благоприятный случай къ бѣгству. Я заставила Изабеллу надѣть мой костюмъ и причесала ей волосы, какъ у меня. Сначала она отказывалась, но въ концѣ концовъ мнѣ удалось убѣдить ее. Мы стали выжидать, но дни проходили за днями, а благоприятнаго случая, на который я рассчитывала, все не было. Насъ такъ бдительно стерегли, что всякая попытка къ бѣгству была невозможна.

Изабелла все время была въ полномъ уныніи и молча сидѣла на стулѣ, почти не разговаривая и день ото дня дѣлаясь блѣднѣе. Я видѣла, что ее угнетаютъ ея мысли, но утѣшить ее было невозможно. Я ломала себѣ голову, изыскивая средства бѣжать, но все было напрасно. Насъ навѣщала только полупомѣшанная женщина, приносившая намъ пищу. Она не вступала съ нами ни въ какіе разговоры и не слушала то, что мы ей говорили.

«На десятый день моего пребыванія дверь въ нашу камеру отворилась въ неурочный часъ, и вошелъ палачъ. Помнится, мы обѣ на минуту лишились чувствъ, не зная, что значить его визитъ. Мастеръ Якобъ, улыбаясь, сказалъ: «Кажется, мое посѣщеніе не доставило вамъ большого удовольствія. Вишь, какъ вы поблѣднѣли. Но я всегда стараюсь быть пріятнымъ, чѣмъ могу».

«Его шутки были несносны, и я просила его сказать намъ сразу же, зачѣмъ онъ пришелъ. «За однимъ пріятнымъ дѣломъ,—отвѣчаль онъ, снова скаля зубы.—Достопочтеннѣйшій отецъ инквизиторъ желаетъ поговорить съ графиней, и ей придется отправиться къ нему. Поэтому приготовьтесь, я зайду за нею черезъ четверть часа. Я-то хорошо знаю васъ обѣихъ,—прибавилъ онъ, глядя на меня:—

но его преподобіе за послѣднее время сталъ плохо видѣть и для него не будетъ между вами особой разницы. Устраивайтесь между собой, какъ хотите, но не забудьте потомъ, что я старался сдѣлать для васъ все, что могъ». Его послѣднія слова дали намъ слабую надежду, хотя мы и не понимали, что значить, что донъ Педро не сумѣетъ различить насъ. Но не такой былъ человѣкъ этотъ Якобъ, чтобы оказывать услуги безъ особо уважительныхъ причинъ.

— Онъ просто боялся, что въ одинъ прекрасный день я вернусь,—мрачно замѣтилъ я.

— Пожалуй, что и такъ. Но мы, конечно, этого ничего не знали, да и онъ не хотѣлъ отвѣчать на наши разспросы. Итакъ, взявъ на себя роль Изабеллы, я приготовилась итти. Она воспротивилась этому и настаивала на томъ, что она будетъ говорить съ нимъ сама. Я боялась, что мнѣ не удастся уговорить ее, и не знала, что дѣлать. Вспомнивъ, однако, о пыткахъ, о всемъ, что можетъ сдѣлать человѣкъ, ослѣпленный страстью, я опять стала ее уговаривать. На этотъ разъ онъ уступила скорѣе, чѣмъ можно было ожидать: душа ея была надломлена. Потомъ она сдѣлалась удивительно спокойной и покорной, такъ что по временамъ я едва узнавала ее.

«Черезъ минуту, однако, ея страстность снова прорвалась наружу. Какъ человѣкъ, смертельно измученный, она бросилась въ кресло и забормотала: «Я потеряла право рѣшать мою судьбу. Можетъ быть, будетъ даже лучше, если я не услышу его,—прибавила она, помолчавъ.—Онъ могъ бы заставить усомниться въ существованіи Божіи. Теперь я вѣрю, что онъ отецъ всякой лжи. Скажи ему, — прибавила онъ съ внезапной энергіей:—что я ненавижу его, какъ самого дьявола».

«Она закрыла лицо руками и разразилась слезами. Я стала на колѣни сзади меня и старалась ее утѣшить. Могу себѣ представить, что она теперь чувствовала.

«Вдругъ дверь отворилась, и опять появился мастеръ Якобъ, спрашивая, готовы ли мы.

«— Кажется, вы плакали?—спросилъ онъ.—Но увѣряю васъ, донъ Педро настоящій джентльменъ и весьма учтивъ съ дамами.

«Изабелла вздрогнула и толкнула меня впередъ.

«— Иди, Маріонъ, иди, пока я не перемѣнила своего рѣшенія.

«Я поцѣловала ее и вышла.

«Мой голосъ бываетъ иногда очень похожъ на ея. Когда мы были помоложе, мы забавлялись тѣмъ, что обманывали всѣхъ своимъ сходствомъ и умѣли копировать во всемъ одна другую.

«За дверью ждали два человѣка, которымъ и передалъ меня мастеръ Якобъ.

«— Вотъ графиня,—сказалъ онъ.

«Меня привели въ небольшую комнату, которую я еще не видала. Здѣсь на кушеткѣ лежалъ донъ Педро. Если бъ мнѣ не сказали, къ

кому меня привели, я бы не узнала его. При звукѣ моихъ шаговъ съ кушетки поднялся старикъ съ ввалившимися щеками. Глаза его... О, Боже! Когда онъ поднялъ голову и я увидала пустыя ямы, зарубцовавшіяся подъ болѣзненно сведенными бровями, я готова была даже пожалѣть его. Страшно было ваше мщеніе. Было бы милосерднѣе убить его. Это было бы лучшее для васъ обоихъ».

— Неужели вы думаете, что я не понималъ этого? Но я обѣщаль пощадить его жизнь на томъ условіи, что онъ подпишетъ приказъ объ освобожденіи ванъ-деръ-Взерена и другихъ арестованныхъ, и, помня слова моей жены, обвинявшей меня въ вѣроломствѣ, которыя до сего времени стоятъ у меня въ ушахъ, я не рѣшился нарушить данное обѣщаніе. Это было глупо съ моей стороны. Я потомъ очень раскаивался въ этомъ, но было уже поздно.

— О, не говорите этого!—воскликнула моя собесѣдница.—Это даетъ вамъ больше величія, хотя вамъ и пришлось пострадать. Данное слово—святое дѣло, даже въ томъ случаѣ, если это приноситъ горе.

— Я не говорю о себѣ. А что если это принесло смерть другимъ?

— О, не говорите такъ,—промолвила донна Маріонъ умоляюще.—Это страшный вопросъ. Но Господь, конечно, можетъ спасти, если на то будетъ Его воля, и безъ помощи преступленія.

Это было для меня необѣдительно, и я молчалъ.

— А если не будетъ на то Его воли, что можемъ сдѣлать мы?—продолжала она мягко.—Я знаю, что трудно всегда сохранить вѣру. Но должна быть Всевышняя воля, которая управляетъ нашими страстями, нашими слабостями, нашей силой. Иначе какъ могли бы мы мириться съ жизнью?

Послѣднія слова она промолвила съ глубокой грустью и такъ тихо, что ихъ трудно было отличить отъ вздоха. Она говорила, чтобы меня утѣшить, а между тѣмъ кончила сама безнадежной нотой. Я не отвѣчалъ, не зная, что ей на это сказать.

— При звукѣ моихъ шаговъ,—начала она опять,—допъ Педро всталъ и сказалъ: «Я не могу пойти вамъ навстрѣчу, графиня, ибо теперь я уже ничего не вижу. Подойдите сюда и садитесь. Намъ нужно поговорить». Съ этими словами онъ пододвинулъ кресло къ своей кушеткѣ. «Теперь оставьте насъ вдвоемъ», повелительно сказалъ онъ всѣмъ остальнымъ. Потомъ онъ началъ говорить. О, ради Бога избавьте меня отъ необходимости повторять здѣсь его слова. Я не могу. Я не могла бы воспроизвести его красноречія. Такъ, должно быть, говорилъ дьяволъ первой женѣ. Несмотря на все случившееся, онъ чрезвычайно ловко мѣшалъ васъ съ грязью, объясняя каждое ваше дѣйствіе какимъ-нибудь гнуснымъ мотивомъ, унижая васъ тамъ, гдѣ вы были велики, дѣлая правду ложью, честность—преступленіемъ, день—ночью. Поистинѣ, вы должны простить Изабеллу: она была глубоко обманута.

— Однако вы не были обмануты, донна Маріонъ?

— Я, донъ Ханмъ?—спросила она такимъ тономъ, какъ будто я сказалъ ей какую-нибудь нелѣпость.—Развѣ я могла бы повѣрить этому послѣ всего того, что вы для меня сдѣлали. Но вы должны простить Изабеллу за то, что у нея не было такой вѣры въ васъ, какую она должна бы имѣть. Ея женская гордость была такъ оскорблена, къ тому же ей пришлось почувствовать всю остроту вашихъ словъ. Къ тому же донъ Педро умѣлъ говорить такъ, какъ я никогда. Когда онъ говорилъ, не замѣчалось даже отсутствія его глазъ. Когда онъ говорилъ о любви, которая все побѣждаетъ, которая можетъ избрать даже слѣпота, онъ былъ великолѣпенъ. Я и до сего времени не могу рѣшить, былъ ли передо мной дьяволъ, который привыкъ пользоваться любовью для достиженія своихъ цѣлей, или человѣкъ, который, какъ большая часть насъ, любить и страдаетъ.

«Когда онъ убѣдился, что обманъ уже не дѣйствуетъ, онъ открылъ мнѣ правду на чистоту. «Что значитъ любовь,—говорилъ онъ:—если ради любимаго человѣка не рѣшиться даже на преступленіе?» Онъ говорилъ такъ, какъ будто Изабелла оказывала ему поощреніе, но я знаю, что это неправда. Ея улыбка всегда была такъ мила, что люди не вѣрили въ ея холодность и стремились къ ней, какъ бабочки на огонь. Такъ какъ онъ постоянно твердилъ о силѣ своей любви, то я рѣшила обратиться къ ней и спросила его:

«— Если ваша любовь такъ велика, то во имя ея отпустите меня къ мужу, верните меня къ исполненію моихъ обязанностей.

«Эти слова произвели страшное дѣйствіе. Въ одну минуту онъ весь перемѣнился. Все человѣческое исчезло въ немъ, остался одинъ дьяволъ.

«Онъ отвѣтилъ мнѣ сдавленнымъ смѣхомъ.

«— А, теперь я понимаю! Лицо, которое вамъ когда-то нравилось, теперь изуродовано и обезображено. Это по-женски!

«И онъ опять засмѣялся, и отъ этого страшнаго смѣха меня охватила съ головы до ногъ дрожь. Потомъ произошло что-то ужасное. Онъ не угрожалъ прямо, но каждое его слово было скрытой угрозой, гораздо болѣе страшной отъ этой замаскированности. Передъ моими глазами уже носились пытки со всѣми ихъ ужасами и мученіями. Я вытащила изъ волосъ брильянтовую шпильку, наподобіе тонкаго остраго кинжала, которую всегда носила, и убила его».

Донна Маріонъ смотрѣла куда-то въ сторону. На ея какъ бы окаменѣвшемъ лицѣ появилось какое-то странное выраженіе. Тѣло ея дрожало отъ конвульсивной судороги.

— Было ли это хорошо, или дурно, послужило ли это добру, или злу, не знаю,—продолжала она монотоннымъ голосомъ.— Какъ бы то ни было, дѣло сдѣлано, и я буду отвѣчать за него, когда придется давать отчетъ за свои дѣла. Можетъ быть, Изабелла сдѣ-

лала бы то же самое, но, слава Богу, ей не пришлось такъ поступить, и ее не мучать воспоминанія объ этомъ.

— А о себѣ-то вы когда-нибудь думали, донна Маріонъ?—спросилъ я, глубоко взволнованный.

— Зачѣмъ мнѣ думать о себѣ? Я одинока и никому не нужна. Я женщина и не могу преодолѣть въ себѣ чувства ужаса, когда вспоминаю объ этомъ. Но я рада, что мнѣ удалось удержать ее отъ униженія или отъ преступленія, ее, у которой были мужъ и отецъ. Чѣмъ я рисковала? Моей жизнью. Мы боимся смерти, но почему? Тутъ всего одинъ мучительный моментъ, а жизнь такъ длинна...

— Не могу не согласиться съ вами, ибо—увы!—я нерѣдко самъ предавался такимъ мыслямъ. Но откуда у васъ, такой молодой и прекрасной, столь печальная философія?

— Не могу вамъ сказать. Мысли приходятъ какъ-то сами собой. Если въ полдень къ вашему окну подлетитъ воронъ, развѣ вы можете сказать, откуда онъ летѣлъ сюда утромъ? Жизнь многому научаетъ. Кто виноватъ, что для однихъ она складывается радостно, для другихъ печально?

Я молчалъ. Что можно было сказать на это?

Мало-по-малу донна Маріонъ опять вернулась къ разсказу.

— Донъ Педро опрокинулся на кушетку и лежалъ неподвижно. На его лицѣ было выраженіе, котораго я никогда не забуду.

«Страсть, удивленіе, упрек—все это смѣшалось въ одно выраженіе молчаливаго, но страшнаго обвиненія. Я стояла тутъ же, пораженная ужасомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, но не могла отвести отъ него глазъ. День догоралъ, въ комнатѣ становилось все темнѣе и темнѣе, отчего его лицо пріобрѣтало выраженіе какой-то страшной торжественности. Я не смѣла двинуться и не могла ни о чемъ думать. Я только смутно понимала, что мнѣ придется ждать здѣсь, пока не придутъ и не схватятъ меня, и затѣмъ объявить, что это сдѣлала я, а не Изабелла. Поэтому я ждала до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не стемнѣло и настала мертвая тишина, такъ что самое мое дыханіе казалось слишкомъ громкимъ для этого мѣста.

«Вдругъ сзади меня послышался легкій шумъ и что-то дернуло меня за платье. Безъ сомнѣнія, то была мышь, выскочившая впередъ, положившись на темноту и безмолвіе. Но мои нервы были слишкомъ натянуты. Я сильно вздрогнула, бросилась къ двери и открыла ее настежь. Коридоръ, тянувшійся передо мной, былъ темень и безлюденъ. Только въ концѣ его тускло горѣла лампа. Я стояла на порогѣ, браня себя за трусость. Я хотѣла было вернуться назадъ въ комнату, но царившее вездѣ безлюдье навело меня на мысль: можетъ быть, мнѣ надо дѣйствовать, а не ждать. Можетъ быть, мастеръ Якобъ согласится теперь насъ выпустить. Можетъ быть, я сдѣлала не то, что было нужно, но какъ я могла знать объ этомъ?

«Одну минуту меня охватило колебаніе. Я стала соображать всѣ шансы на спасеніе и быстро и безъ шума пронеслась по коридору. Все было пусто. Я была увѣрена, что найду себѣ дорогу, но заблудилась и попала въ коридоръ, который привелъ меня къ какой-то лѣстницѣ. Не знаю, куда вела эта лѣстница. Я продолжала идти впередъ, зная, что помѣщеніе мастера Якоба находилось внизу. Спустившись по темной и скользкой лѣстницѣ, очутилась въ какомъ-то огромномъ погребѣ. Сырымъ, холоднымъ воздухомъ вѣяло откуда-то снизу. Я уже собиралась броситься обратно, какъ вдругъ я увидѣла передъ собой слабую полоску свѣта.

«Въ одну минуту я спустилась на полъ и увидѣла здѣсь мастера Якоба, который, стоя ко мнѣ спиной, зажигалъ фонарь. Повернувшись, онъ столкнулся со мной лицомъ къ лицу. Онъ вздрогнулъ и такъ быстро отскочилъ отъ меня, что едва не упалъ на мокромъ полу. Мнѣ никогда не приходило въ голову, что его вѣчно улыбающееся лицо могло получить выраженіе такого испуга. Однако онъ быстро пришелъ въ себя и сказалъ свирѣпо:

«— Вы съ ума сошли, и жизнь вамъ надоѣла, что вы пришли сюда.

«— Мнѣ кажется, что по временамъ вы видите привидѣнія, мастеръ Якобъ, да и не мудрено,—отвѣчала я.

«— Что васъ привело сюда и зачѣмъ вы пугаете честнаго человека, который собирается дѣлать свое дѣло?—грубо спросилъ онъ.

«Голосъ его продолжалъ, однако, дрожать.

«— Я хотѣла выйти и заблудилась,—объяснила я.

«Я рѣшилась рассказать ему все, но въ этотъ моментъ слова какъ-то не шли у меня съ языка.

«Онъ пристально посмотрѣлъ на меня, и его лицо мало-по-малу стало принимать обычное циническое выраженіе.

«— Бѣдный донъ Педро не могъ быть такъ любезенъ, какъ онъ привыкъ быть съ дамами,—сказалъ онъ.—Надѣюсь, впрочемъ, что его общество вамъ понравилось. Не стоитъ сердиться на него,—продолжалъ онъ, разгадавъ выраженіе моего лица,—и волноваться изъ-за пустой штуки, которую народъ зоветъ добродѣтелью. Нищимъ и арестантамъ не приходится долго выбирать.

«— Донъ Педро мертвъ,—прервала я его.

«Мастеръ Якобъ вился въ меня глазами.

«— Боже мой! Неужели это правда?—вскричалъ онъ.

«— Да, я убила его,—отвѣчала я, говоря прямо, хотя и хотѣла сначала подготовить его къ этому.

«Онъ продолжалъ въ изумленіи смотрѣть на меня, словно желая удостовѣриться, въ своемъ ли я умѣ.

«— Да, это правда,—поспѣшила я подтвердить.—Если вы дадите намъ теперь возможность бѣжать, мы отдадимъ все, что у насъ есть. Кромѣ того, графиня потомъ вамъ дастъ, сколько вы пожелаете.

«Но онъ или все еще не вѣрилъ мнѣ, или хотѣлъ поторговаться, какъ слѣдуетъ. Выраженіе его лица вдругъ перемѣнилось и, свирѣпо улыбувшись, онъ отвѣчалъ:

«— Вы сегодня въ игривомъ настроеніи! Просите мастера Якоба выпустить васъ! Послѣ того, что вы надѣлали! Предлагаете ему ваши драгоценности! Я увѣренъ, что рано или поздно мнѣ придется поработать надъ вами обѣими. Развѣ вы не знаете, что я и сейчасъ могу взять всѣ эти бездѣлушки, которыя при васъ, въ награду за свои труды и на память о васъ. Я могъ бы потребовать отъ васъ и большаго.

«При этихъ словахъ я вся похолодѣла.

«— Не забывайте, однако, о донѣ Хаимѣ!—воскрикнула я.—Онъ не забываетъ ни добра, ни зла.

«— Донъ-Хаимъ теперь далеко,—холодно отвѣчалъ онъ.

«— Далекъ или близко, но онъ этого не забудетъ,—въ отчаяніи вскричала я.—И если вы будете способствовать тому, чтобы надъ нами надругались, а потомъ насъ умертвили, то вы опять увидите передъ собой привидѣнія, а вы до нихъ не охотникъ.

«Странное дѣло—это подѣйствовало на него.

«— Будьте вы прокляты,—пробормоталъ онъ.—Кто это васъ научилъ говорить о привидѣніяхъ?

«— Клянусь вамъ,—торжественно сказала я:—что если мы умремъ въ этихъ стѣнахъ, мучимыя вашими руками, наша душа не дастъ вамъ покою и страшень будетъ смертный часъ вашъ.

«До сихъ поръ мы говорили тихо, но теперь, сама того не замѣчая, я повысила тонъ. Благодаря причудливому устройству свода, мои послѣднія слова повторились въ видѣ слабого эхо. Мастеръ Якобъ задрожалъ, онъ хотѣлъ было выругаться, но слова замерли у него на губахъ.

«— Чѣмъ же я виноватъ,—хрипло спросилъ онъ.—Я вѣдь только слуга, который долженъ исполнять приказанія своихъ господъ, кто бы они ни были, донъ Хаимъ, донъ Педро или донъ Альваръ. Они уходятъ, а я остаюсь. Сегодня я долженъ попытать жертвы одного, завтра—другого. Развѣ я могу этого избѣгнуть?

«Время отъ времени проносился откуда-то снизу тихій жалобный звукъ, похожій на отдаленное журчаніе воды. Мнѣ кажется, что подъ зданіемъ проходилъ каналъ. Теперь этотъ звукъ повторился опять, словно кто-то простоналъ отъ боли. Можетъ быть, это и я на самомъ дѣлѣ было такъ.

«Мастеръ Якобъ вздрогнулъ. Вдругъ онъ, видимо, принялъ неожиданное рѣшеніе.

«— Какимъ путемъ вы ушли отъ дона Педро?—спросилъ онъ меня.

«Я рассказала.

«Онъ еще съ минуту поколебался и потомъ сказалъ:

«— Я пойду и приведу сюда графиню, если только городъ уже не взбунтовался, узнавъ о внезапной смерти дона Педро. Ждите здѣсь.

«Онъ вышелъ.

«Не знаю, долго ли я ждала, но это время мнѣ показалось безконечнымъ. Тихіе стоны продолжали раздаваться время отъ времени. Какое-то движеніе холоднаго воздуха проходило мимо, едва задѣвая меня, подобно рукамъ мертвеца. Казалось, какъ будто всѣ тѣ, которые умерли здѣсь въ отчаяніи и мукахъ, хотѣли прошептать мнѣ въ уши свои полные ужаса рассказы; какъ будто скорбь всего человѣчества ложилась на меня въ эти часы. Горячія слезы лились изъ глазъ моихъ, но я не могла плакать. Слишкомъ велика была скорбь въ этомъ тихомъ шелестѣ. О, Боже мой, для кого все это—страсть, преступленіе, страданіе?

«Я почувствовала, что я должна бѣжать отсюда, во что бы то ни стало, что я не могу оставаться здѣсь, когда въ моихъ ушахъ еще отдаются эти ужасные звуки и холодное дыханіе касается моихъ щекъ. Наконецъ я увидѣла надо мной на лѣстницѣ какой-то просвѣтъ. Я бросилась впередъ, мимо мастера Якоба. Онъ засмѣялся, когда я прошла мимо него, но я не обратила на это вниманія. На второй площадкѣ лѣстницы передо мной вдругъ предстала Изабелла, державшая сзади себя фонарь.

«— Маріонъ, что случилось?—вскричала она.

«— Мастеръ Якобъ хочетъ помочь намъ бѣжать,—отвѣчала я.

«— Я знаю. А какъ донъ Педро?

«— Донъ Педро мертвъ. Я убила его.

«Мнѣ не слѣдовало говорить этого такъ рѣзко, такъ внезапно. Но мои нервы были слишкомъ натянуты. Изабелла схватила меня за руку и въ ужасѣ бросилась въ сторону.

«— О, твои руки въ крови,—воскликнула она.

«Но черезъ секунду она поднесла мою руку къ губамъ и поцѣловала ее.

«— Прости меня, Маріонъ, ты сдѣлала это ради меня,—я такъ, по крайней мѣрѣ, думаю, если я...

«Она не окончила фразы. Дрожь пробѣжала у нея по всему тѣлу.

«Мастеръ Якобъ повелительно приказалъ намъ уходить. Онъ провѣлъ насъ по низкимъ, темнымъ коридорамъ, въ которыхъ, кажется, нельзя было найти дорогу и днемъ. Проскользнувъ въ темное и низкое отверстіе, въ которое приходилось почти пролѣзть ползкомъ, мы вдругъ очутились въ обширной комнатѣ, освѣщенной ослѣпительно-ярко.

«— Ну, теперь выбрались,—произнесъ мастеръ Якобъ.—Вотъ вамъ платье. Снимайте свое и надѣвайте вотъ это. Да живо!

«Церемониться было некогда. Мы сдѣлали, какъ онъ сказалъ. А онъ въ это время чѣмъ-то занялся у стола.

«— Теперь графиня пусть подпишетъ вотъ это обязательство и вручить его мнѣ. Время теперь ненадежное, и я, быть можетъ, не дождусь отъ нея ни гроша, но, чтобы поддерживать въ ней воспоминаніе о томъ, что она должна мнѣ заплатить, пусть она подпишетъ эту бумажку.

«Онъ передалъ ей перо и чернила и заставилъ ее подписать обязательство на двадцать тысячъ флориновъ.

«— Вы—дѣловой человѣкъ!—замѣтила Изабелла, кончивъ писать.

«— Я—человѣкъ бѣдный и долженъ думать о себѣ, —отвѣчалъ онъ.—Я понимаю, что вы и сами должны были бы сдѣлать для меня что-нибудь въ этомъ родѣ. Имѣя въ виду, что дѣло идетъ о жизни и чести васъ и вашей родственницы, это совсѣмъ не дорого. Но если вы предпочитаете оставаться здѣсь, то не впутывайте, по крайней мѣрѣ, меня въ это дѣло.

«— Не бойтесь, мастеръ Якобъ,—промолвила Изабелла, взглянувъ на него съ презрѣніемъ.—Имѣя въ виду, что дѣло идетъ о графинѣ Изабеллѣ де-Хорквера и ея родственницѣ—это недорого, какъ вы сами сказали. Я надѣюсь, что отецъ оставитъ мнѣ достаточное состояніе, чтобы расплатиться съ вами.

«— О, я человѣкъ практическій. Я нарочно поставилъ круглую сумму. Я люблю ихъ въ счетахъ. Съ ними хлопотъ меньше. Но я никогда не требую больше того, что человѣкъ можетъ заплатить. Вашъ отецъ легко уплатитъ эту сумму,—прибавилъ онъ съ гримасой, означавшей улыбку.—Я не такъ цѣню это обязательство, какъ боюсь мщенія дона Хаима. Можете передать ему объ этомъ, если когда-нибудь увидите его,—проговорилъ онъ, дѣлаясь серьезнымъ.—Теперь я долженъ просить васъ сдѣлать невиданную честь комнатѣ палача и пожаловать туда. Дона Педро нашли раньше, чѣмъ я успѣлъ васъ спровадить отсюда. Вы должны немедленно выѣхать изъ города, прежде, чѣмъ будетъ отданъ приказъ часовымъ у воротъ. Донъ Альваръ явится сюда сію минуту. Онъ ненавидитъ дона Хаима. Къ счастью, онъ человѣкъ глупый и не сразу сообразитъ, что нужно дѣлать. Такимъ образомъ, времени у васъ будетъ довольно. Вы имѣете красивую внѣшность, и это платье вамъ къ лицу, хотя оно принадлежитъ женѣ и дочери палача. Впрочемъ, отъ нихъ вѣдь не пахнетъ палачомъ. Идите же скорѣе. Я выпущу васъ и покажу вамъ кратчайшій путь къ воротамъ.

«— Позвольте, мастеръ Якобъ,—возразила я.—Намъ нужно сначала побывать кое у кого изъ нашихъ друзей и раздобыть у нихъ денегъ. У насъ ихъ сейчасъ нѣтъ, а всѣ драгоценности мы отдали вамъ.

«Съ минуту онъ пристально посмотрѣлъ на насъ и сказалъ:

«— Я не могу отпустить безъ денегъ двухъ дамъ, сознавшихъ, что у нихъ ихъ нѣтъ. Я выдамъ вамъ нѣкоторую сумму,

въ расчетѣ на обязательство графини, хотя, по всей вѣроятности, по нему нельзя будетъ получить ни гроша.

«И онъ вынулъ нѣсколько золотыхъ монетъ.

«— Это деньги, покрытыя кровью. Впрочемъ, я думаю, вы не обратите на это вниманія. Идите и спросите тамъ шкипера мастера Рейбена. Его домъ—шестой отъ воротъ. Иногда онъ беретъ съ собой пассажировъ, которые хотятъ путешествовать спокойно и безъ всякихъ волненій. Скажите ему, что вы отъ меня. Онъ пойметъ. А теперь идите скорѣе.

«Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже на улицѣ. Морозное дыханіе зимней ночи коснулось нашихъ щекъ. Мы шли быстро и молча, пока не дошли до указаннаго намъ дома. Мы постучались, но домъ продолжалъ оставаться темнымъ и безмолвнымъ. Мы опять начали стучать, подходили къ окнамъ, но попрежнему никого не было видно. Это насъ взволновало: и время шло да и холодно становилось оставаться на улицѣ. Мы было уже хотѣли однѣ отправиться къ воротамъ, полагаясь на свои силы и удачу, какъ вдругъ ворота сосѣдняго дома немного пріотворились, и какой-то голосъ спросилъ:

«— Кого вамъ нужно?

«Мы сказали.

«— Мастера Рейбена сейчасъ нѣтъ. Но его жена дома. Зачѣмъ онъ вамъ нуженъ?—опять спросилъ голосъ.

«— Намъ сказали, что иногда онъ беретъ съ собой одного или двухъ пассажировъ.

«Послѣ этого ворота открылись настежь, и изъ нихъ вышла какая-то женщина. Она подошла къ намъ поближе и сказала:

«— Онъ не можетъ взять васъ съ собой. Онъ уже уѣхалъ. Вамъ пужно скоро ѣхать?

«Съ минуту я колебалась. Но большинство населенія въ этомъ кварталѣ—еретики, и я рѣшилась довѣриться ей.

«— Да,—отвѣчала я.

«Она снова взглянула на меня и пригласила насъ войти въ домъ.

«— Здѣсь нельзя объ этомъ говорить,—прибавила она.

«Когда мы вошли въ комнату, она быстро и прямо спросила:

«— Васъ разыскиваетъ ипквизиція?

«— Да,—отвѣчала я.

«— Въ такомъ случаѣ, пужно ѣхать сейчасъ же,—серьезно проговорила она.—Здѣсь оставаться нельзя. Я васъ не выдамъ, но могли видѣть, какъ вы вошли ко мнѣ въ домъ, и всегда найдется человѣкъ, который объ этомъ донесетъ. Вы должны попытаться какъ-нибудь пройти черезъ ворота. Я не могу вамъ помочь—у меня мужъ и дѣти. Но теперь еще не поздно, и за воротами есть гостиница. Можетъ быть, завтра утромъ вамъ удастся найти тамъ лодку.

«Разговаривая съ нами, она все время пристально смотрѣла на

насъ. Когда Изабелла повернулась, чтобы итти, она вдруг задержала ее и сказала:

«— Вы не то, чѣмъ кажетесь спачала. Вы можете довѣриться мнѣ, не боясь. Вы графиня?»

«Отвѣта не было.

«— Не бойтесь,—продолжала она.—Донъ Хаимъ когда-то оказалъ мнѣ и моему ребенку великую услугу. Посмотрите, какъ онъ теперь процвѣтаетъ.

«Съ этими словами она подошла къ колыбели и показала намъ мирно спавшаго ребенка.

«— Мой мужъ послѣ того вечера, какъ его остановилъ донъ Хаимъ, не смѣлъ уже бить меня. Вы тогда тоже были при этомъ, хотя еще не были его женой! Помните? Донъ Хаимъ заходилъ къ намъ и на слѣдующій день. Не знаю, что онъ сказалъ моему мужу. Послѣ этого всякій разъ, какъ онъ собирался бить меня, стоило только мнѣ упомянуть имя губернатора, онъ опускалъ руки и дрожалъ, хотя былъ и не робкаго десятка. И вотъ теперь мой ребенокъ красивъ и здоровъ, тогда какъ мой первенецъ—несчастное, угрюмое созданіе. Поэтому я все готова сдѣлать для жены дона Хаима. Подождите здѣсь минутку.

«Мы едва успѣли оправиться отъ изумленія, какъ она вышла изъ сосѣдней комнаты, волоча за собой три корзины съ бѣльемъ.

«— Каждая изъ васъ пусть возьметъ по корзинѣ,—сказала она.— Я постараюсь провести васъ черезъ ворота и дойти съ вами до Ванъ-Димена. Такъ зовутъ хозяина гостиницы, о которой я вамъ говорила.

«Взглянувъ послѣдній разъ на мирно спавшее дитя, она подошла къ намъ и промолвила:

«— Подумайте только: графиня приходитъ въ мой домъ, и я могу оказать ей помощь! Жена челоуѣка, въ рукахъ котораго была жизнь и смерть любого обывателя города! Воистину неисповѣдимы пути Господни! Но идемъ, нужно спѣшить.

«Мы поблагодарили, взяли свои корзины и пошли за нею. И вотъ бѣдная женщина, которую вы когда-то избавили отъ дурного съ нею обращенія, помогла теперь спасти вашу жену отъ надругательства и пытки: большаго она сдѣлать не могла.

«Когда мы подошли къ Рѣчнымъ воротамъ, главныя ворота были уже заперты. Открыты были лишь боковыя, для запоздавшихъ. Услышавъ звукъ нашихъ шаговъ, дежурный часовой высунулся изъ окна и сердито спросилъ, кто идетъ.

«— Я, Екатерина Заанъ, ваша покорнѣйшая слуга, синьоръ Сарредо,—отвѣтила весело наша проводница.— Мы носимъ бѣлье къ Ванъ-Димену каждую субботу, какъ вы знаете. Его жена больна, а остальные женщины въ домѣ—ничего не стоятъ. Бѣлья было порядочно,—оттого мы такъ и запоздали.

«— Вотъ ужъ не предполагалъ, чтобы здѣшній народъ былъ такой опрятный,—проворчалъ сержантъ.—Мѣстечко-то не очень опрятно. Ну, покажитесь-ка, дѣйствительно ли ваши прачки такія хорошенькія, какъ должны быть?»

«Онъ вылѣзъ изъ караулки, подошелъ къ Изабеллѣ и, взявъ ее за подбородокъ, поднялъ къ ея лицу фонарь.

«— О, да ты прехорошенькая,—сказалъ онъ и хотѣлъ ее поцѣловать.

«Изабелла быстро ударила его по лицу.

«— Ахъ ты, дрянъ этакая,—закричалъ онъ, ругаясь.—За кого же ты себя считаешь? А вотъ я задержу тебя здѣсь да поучу хорошимъ манерамъ!

«— О, Боже мой! Синьоръ Сарредо, оставьте бѣдную дѣвушку!—закричала Екатерина.—У ней нѣтъ матери, и она плохо воспитана. Послушай, Анна, вѣдь г. офицеръ похвалилъ тебя. Проси скорѣе прощенія.

«Изабелла пробормотала что-то такое, вовсе не похожее на извиненія.

«— Теперь, синьоръ Сарредо, вы должны быть довольны. Становится уже поздно, надо скорѣе итти, а то, если я не вернусь домой вѣ-овремя, мой мужъ будетъ сердиться.

«Сержантъ все еще стоялъ передъ Изабеллой, загоразивая ей дорогу. Дѣло принимало опасный оборотъ, и я сказала:

«— А мною вы, г. офицеръ, не интересуетесь. Не очень-то это вѣжливо.

«Онъ быстро повернулся и подошелъ ко мнѣ.

«— Карамбо! Дѣвчонка права. Посмотримъ, такъ ли она красива, какъ бойка на языкъ .

«И онъ устоялся на меня

«— Клянусь св. Іаковомъ! Эта такъ же прелестна, какъ и та, да и обходительнѣе. Ты разрѣшишь тебя поцѣловать, не правда ли?

«— Если желаете, то должны дѣйствовать сами!—отвѣтила я.

«Онъ не заставилъ повторять себѣ это еще разъ. Я вѣдь была не замужемъ и могла цѣловаться съ кѣмъ угодно.

«Екатерина воспользовалась такимъ оборотомъ дѣла и толкнула Изабеллу за ворота. Я послѣдовала за ними. Очувившись за городскими стѣнами, среди пустынной и безмолвной мѣстности, я вздохнула съ облегченіемъ. Царила темнота, и только на снѣгу слабо поблескивало отраженіе звѣзднаго сіянія. Все было тихо, только издали доносилось журчаніе воды. Я положительно не знала, что теперь предпринять.

«— Едва мы прошли съ полмили,—продолжала донна-Маріонъ, глубоко вздохнувъ,—и были на половинѣ дороги отъ гостиницы, какъ сзади насъ послышался какой-то шумъ. Обернувшись назадъ, мы увидѣли нѣсколько темныхъ силуэтовъ, которые быстро прибли-

жались къ намъ по дорогѣ. Тѣ, которые двигались впереди, несли высоко поднятые факелы, обливавшіе снѣгъ красноватымъ свѣтомъ. Раньше ихъ скрывалъ выступъ дороги. Теперь же съ каждой секундой они приближались все ближе и ближе.

«Мы не могли соперничать съ ними въ быстротѣ. Мѣстность была совершенно открыта и гола. Нигдѣ ни хижины, ни рва, гдѣ можно было бы укрыться. Съ минуту мы стояли въ ужасѣ. Вдругъ Екатерина велѣла намъ бросить корзины и бѣжать къ рѣкѣ: тамъ вдоль береговъ росли густыя частыя ивы. Если намъ удастся во время добѣжать до нихъ, то можно было еще спастись. Намъ нужно было скрыться и вернуться въ гостиницу попозднѣе, когда минуетъ опасность. А въ это время Екатерина должна была направить преслѣдователей по ложному слѣду.

«Мы пустились бѣжать изо всѣхъ силъ. Къ счастью, съ наступленіемъ ночи морозъ усилился, и снѣгъ былъ крѣпокъ. Иначе за нами легко было бы гнаться по слѣдамъ.

«До первыхъ кустовъ мы добѣжали, запыхавшись. Видно было, какъ движеніе факеловъ по дорогѣ вдругъ остановилось: они догнали Екатерину. Минуты черезъ двѣ темныя фигуры ринулись впередъ—по направленію къ намъ. Мы не стали больше смотрѣть, а бросились въ самую чащу кустовъ, чтобы какъ-нибудь скрыться. Въ этой чащи ивъ, переплетающихся съ вѣтвями кустовъ, при наличности глубокихъ рвовъ въ разныхъ мѣстахъ, трудно было отыскать кого-нибудь безъ собакъ, которыхъ, слава Богу, у нашихъ преслѣдователей не было. Кромѣ того, на наше счастье съ рѣки поднимался туманъ.

«Слышно было, какъ они подходили ближе. Но и туманъ становился все гуще. Скоро онъ совсѣмъ закуталъ насъ. Звуки стали доноситься слабѣе. Ходить около рѣки, только что покрывшейся льдомъ послѣ оттепели, было очень опасно.

«Вдругъ довольно далеко отъ насъ послышался всплескъ, проклятіе—и затѣмъ все стихло.

«Мы остались одни среди тумана и безмолвія. Прождавъ здѣсь нѣкоторое время, мы пошли было обратно на дорогу, но уже не могли ее отыскать. Всю ночь блуждали мы по снѣгу въ туманѣ. Раза два мы чуть не упали въ воду, и только трескъ льда предостерегъ насъ отъ опасности. Усталыя, мы опять подходили къ берегу и старались отсюда пробраться сквозь чащу на дорогу, но напрасно. Мы уже давно потеряли всякую надежду попасть въ гостиницу. Въ отчаяніи я пыталась найти какую-нибудь заброшенную хижину, кучу дровъ или что-нибудь другое, въ чемъ можно было бы укрыться отъ безпощаднаго холода, но все было напрасно.

«Когда настало утро, мы были совершенно истощены. Мы промерзли до мозга костей. Около сутокъ у насъ во рту не было ни крошки. Искушеніе присѣсть и отдохнуть было непреодолимо, но

мы знали, что это—смерть. Въ концѣ концовъ мы пошли впередъ, какъ лунатики. Изабелла была почти безъ сознанія, и мнѣ пришлось поддерживать ее.

«Наконецъ,—не знаю ужъ, гдѣ и когда,—мы выбрались на ровное мѣсто, на которомъ виднѣлись слѣды колесъ. Это была дорога. Но едва я ступила на нее, силы мнѣ измѣнили, и я упала въ обморокъ.

«Когда я пришла въ себя, все вокругъ меня было темно. Я попробовала было встать, но почва ускользнула у меня изъ-подъ ногъ, и я сильно ударилась головой о что-то твердое.

«Я опять лишилась чувствъ. Когда я очнулась, я увидѣла себя въ телѣгѣ, которая мучительно подпрыгивала по дорогѣ. Потомъ я разглядѣла четырехъ или пять человѣкъ. Среди нихъ была молоденькая дѣвушка, почти ребенокъ. Лицо ея уже было обезображено слѣдами страданій. Она подошла ко мнѣ и влила мнѣ въ ротъ какой-то жидкости. То былъ довольно крѣпкій спиртъ, и я быстро оправилась. Тутъ я вспомнила объ Изабеллѣ!

«— Гдѣ моя сестра?—воскликнула я.

«— Она лежитъ здѣсь,—отвѣчала женщина ломаннымъ голландскимъ языкомъ.

«Я подошла къ ней.

«Изабелла лежала на кучѣ стараго платья. Въ головахъ у нея была грязная подушка. Бѣдная Изабелла, воспитанная среди такого комфорта! Она была безъ сознанія. Лицо ея горѣло, а ноги были холодны, какъ ледъ. Время отъ времени она тихо стонала. Я пощупала у нея пульсъ: онъ былъ очень частъ.

«Я была внѣ себя отъ безпокойства, не зная, сколько времени она была въ такомъ положеніи. Я спросила, который часъ. Былъ полдень. Мнѣ стало досадно на самое себя, и я горько упрекала себя въ своей слабости. Если бы ей оказать помощь сразу, то, быть можетъ, она не дошла бы до такого состоянія. Мнѣ казалось, что я не сдержала какой-то священной клятвы, и эта мысль была для меня ужасна. Я старалась согрѣть ей руки и ноги и дѣлала все, что могла. Но этого было мало. Потомъ я благодарила подобранныхъ насъ людей и спросила, кто они такіе. Они спасли насъ и старались помочь намъ, чѣмъ только могли. То были бродячіе французскіе актеры. Они странствующіе комедіанты, привыкли къ суровой жизни и даже не догадывались, что Изабелла была воспитана въ княжеской роскоши и едва ли не въ первый разъ въ жизни шла пѣшкомъ по большой дорогѣ.

«Они также засыпали меня вопросами, на которые я отвѣчала, какъ могла, рассказавъ имъ какую-то исторію, изъ которой видно было, какъ мы очутились на дорогѣ. Они направлялись въ Бергенъ, куда мы всего менѣе желали бы попасть. Ибо откройся здѣсь наше настоящее имя, мы бы неминуемо погибли.

«Но дѣлать было нечего. Денегъ у насъ не было, а Изабелла была въ сильнѣйшемъ жару. Мы прибыли въ городъ вечеромъ и остановились въ средней руки гостиницѣ, посѣщаемой такимъ же бѣднымъ людомъ. Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось достать для Изабеллы и для себя жалкую комнатку. Я не могла тратить много, да и боялась спросить что-нибудь получше изъ опасенія навлечь на себя подозрѣнiе. Я уложила Изабеллу въ постель и старалась помочь ей, какъ только могла. Къ болѣзнямъ мнѣ было не привыкать, и я знала, что нужно дѣлать при такой лихорадкѣ. Посылать за докторомъ было уже поздно: улицы были переполнены солдатами, и я никогда не дошла бы до его квартиры. Да и онъ не могъ бы прійти къ намъ въ этотъ часъ.

«Всю ночь просидѣла я у постели Изабеллы, охлаждая ее головою, но лихорадка не уменьшалась. Утромъ я отправилась за врачомъ. Мнѣ рекомендовали еврея Исаака ванъ-Зона, слышшаго лучшимъ врачомъ въ городѣ. Говорили, впрочемъ, что онъ жаденъ и не любитъ бѣдныхъ пациентовъ. Я рѣшила отдать ему все, что у меня было, а тамъ посмотримъ. Онъ, кажется, принялъ меня за дочь зажиточнаго гражданина и пошелъ со мной безъ всякихъ отговорокъ. Увидѣвъ нашу жалкую гостиницу, онъ омрачился, но уйти уже было нельзя. Тѣмъ не менѣе онъ внимательно осмотрѣлъ Изабеллу. Повидимому, онъ очень любилъ свое дѣло и у постели больного на время забывалъ все на свѣтѣ. Онъ одобрилъ все, что я сдѣлала, и оставилъ мнѣ двѣ склянки съ наставленiями, не давъ мнѣ, однако, большихъ надеждъ.

«Когда онъ собирался уходить, я спросила, что ему я должна.

«— Обыкновенно я получаю золотой за визитъ, а иногда и больше,—сказалъ онъ.—Но, видя ваши трудныя обстоятельства, я удовольствуюсь всѣмъ, что дадите. На будущее время совѣтую вамъ приглашать не столь дорогого врача. Я сказалъ, что надо дѣлать. Но болѣзнь остановить нельзя: лихорадка пойдетъ своимъ чередомъ.

«— Вы получите свой гонораръ полностью,—промолвила я.— У насъ немного осталось, но жизнь сестры для меня дороже всего.

«Послѣ этого онъ сталъ гораздо привѣтливѣе и общалъ зайти еще разъ.

«Когда онъ ушелъ, я бросилась къ постели Изабеллы, заливаясь слезами. Неужели мы ушли такъ далеко и избѣгли страшныхъ опасностей только для этого? Со всемъ усердiемъ, на которое только я способна, я молилась, чтобы она осталась жива. Пусть лучше я умру вмѣсто нея. Я дала Богу обѣтъ, если она останется жива, принести Ему какую угодно жертву. Это былъ своего рода торгъ, который я хотѣла заключить съ Богомъ, какъ это всегда дѣлали и теперь дѣлаютъ католики. Это былъ безсознательный возвратъ къ старой вѣрѣ, противъ чего такъ ратовалъ всегда

нашъ проповѣдникъ. То былъ страстный крикъ души въ отчаяніи, готовой перенести все, что угодно, только не грядущее несчастье.

«Я встала нѣсколько успокоенная послѣ молитвы. Что бы ни говорили противъ старой вѣры, нельзя отрицать одного—она отлично приспособлена къ человѣческой слабости.

«Дни проходили за днями. Изабелла не поправлялась. Исаакъ ванъ-Зоонъ приходилъ къ ней нѣсколько разъ, но ничего не могъ подѣлать. Нашъ небольшой запасъ денегъ почти изсякъ. Его визиты обходились дорого и производили неблагоприятное впечатлѣніе на хозяина гостиницы, которому мы все больше и больше должны.

«Однажды Исаакъ ванъ-Зоонъ, собираясь уходить, сказалъ:

«— Ваша сестра очень плоха. Она крѣпкаго сложенія, но у ней нѣтъ силъ перенести эту болѣзнь. Она, повидимому, истощила себя угнетеннымъ настроеніемъ, а, можетъ быть, съ ней произошелъ внезапный шокъ—вамъ это лучше знать.

«Не получая отвѣта, онъ пытливо посмотрѣлъ на меня. Что я могла ему отвѣтить?

«— Завтра, а, можетъ быть, и раньше наступитъ кризисъ,— началъ опять ванъ-Зоонъ.—Если у ней хватить силъ, она выдержитъ его, въ противномъ случаѣ...

«Онъ не договорилъ фразы и повернулся, чтобы идти. Я еще не успѣла заплатить ему и сказала:

«— Сегодня я могу заплатить вамъ только половину того, что вамъ полагается. Деньги у насъ всѣ вышли.

«Онъ рѣзко прервалъ меня.

«— Это плохо, очень плохо. Деньги—самая необходимая вещь. Я не себя имѣю въ виду—я приду завтра, если вы мнѣ ничего не заплатите. Но если ваша сестра оправится, для нея необходима будетъ самая лучшая пища и вино, а это вещи очень дорогія. Что вы тогда станете дѣлать?

«— Не знаю,—отвѣчала я.—Богъ мнѣ поможетъ.

«— Конечно, конечно,—сказалъ онъ съ усмѣшкой.—Ужъ слишкомъ многіе надѣются на Него, и Его помощь нерѣдко приходитъ съ опозданіемъ. У меня есть въ виду одно лекарство, но оно стоитъ очень дорого—два золотыхъ даже для меня самого. А у васъ ни одного не осталось. Впрочемъ, если вы пожелаете, есть средство добыть деньги.

«Его лицо съ крючковатымъ носомъ и рѣдкой бороденкой стало похоже на фавна, когда онъ подошелъ ко мнѣ и шепнулъ мнѣ на ухо одну вещь.

«— Если моя сестра останется жива, я подумаю,—отвѣчала я.—Но я поставлю свои условія. Присылайте лекарство, о которомъ вы говорили. Я расплачусь за него, но только въ томъ случаѣ, если сестра будетъ жива.

«Такимъ образомъ дѣло было улажено».

— Неужели бы вы пошли на это, доцца Маріонъ!—въ ужасѣ воскликнуть я.

Она покраснѣла до корня волосъ, но, гордо выпрямившись, отвѣчала:

— Я сама себѣ хозяйинъ и никому не обязана отдавать отчетъ. Развѣ я не дала обѣта не отступать ни передъ чѣмъ, если это понадобится? Я никогда не отказываюсь отъ своего слова.

Она замолчала. Потомъ, высоко поднявъ голову, но стараясь не глядѣть на меня, она продолжала:

— Черезъ часъ я стояла въ коридорѣ, торгуясь съ хозяиномъ изъ-за счета. Когда дѣло было наконецъ улажено и онъ ушелъ, дверь сзади меня отворилась и появился г. Лафоссъ, глава странствующей французской труппы.

«— Я слышалъ ваши переговоры съ хозяиномъ,—сказалъ онъ.— Дверь была полуотворена. Онъ—каналья. Но если вамъ нужно денегъ, то сегодня вечеромъ мы даемъ спектакль въ присутствіи коменданта дона Федерико Амараль. Онъ щедрый человѣкъ, но терпѣть не можетъ простыхъ женщинъ. Моя жена, которая должна была играть сегодня главную роль, внезапно заболѣла. Если бы вы согласились занять ея мѣсто, то оказали бы намъ огромную услугу и, кромѣ того, заработали бы кое-что для себя.

«Подумавъ немного, я приняла это приглашеніе. Конечно, я получу немного—недостаточно для покрытія моихъ нуждъ. Однако я буду рада всякому заработку. Хотя его предложеніе и не устраивало меня, но оно было почетно въ сравненіи съ предложеніемъ ванъ-Зоона.

«Часа на два я могла оставить Изабеллу безъ всякихъ опасеній: она лежала, какъ мертвая, не имѣя силъ ни двигаться, ни нанести себѣ какой-нибудь вредъ. Кромѣ того, при ней оставалась одна изъ женщинъ, которая должна была увѣдомить меня, если ей станетъ хуже.

«Такимъ образомъ, актеры одѣли и загримировали меня. Лафоссъ, въ восторгѣ отъ своей выдумки, помогъ мнѣ выучить мою роль, которую, впрочемъ, не трудно было запомнить наизусть. Повидимому, я сыграла ее недурно, потому что, какъ только кончилась пьеса, донъ Федерико прислалъ за мной и, похваливъ мой французскій языкъ, далъ три золотыхъ. Онъ говорилъ еще что-то, но я уже забыла теперь что.

«Я вернулась домой позднѣе, чѣмъ я рассчитывала. Было уже около полуночи, когда я вошла въ комнату. Поблагодаривъ дежурившую около больной женщину, я отослала ее къ себѣ, потомъ, сбросивъ свой костюмъ, облачилась въ свое прежнее платье и сѣла около постели, закрывъ лицо руками. Я чувствовала большую слабость, хотя спать мнѣ не хотѣлось. Не знаю, сколько времени

я такъ сидѣла, какъ вдругъ я почувствовала, какъ горячая рука взяла меня за голову.

«Я сильно вздрогнула и раскрыла глаза.

«— Изабелла!—крикнула я въ ужасѣ.

«Она лежала передо мной, пристально смотря на меня неестественно расширенными глазами. Ея лицо было бѣлѣе подушки.

«— Я спала, Маріонъ,—сказала она едва слышнымъ голосомъ.— Отчего на тебѣ такое странное платье?

«— Молчи, дорогая,—отвѣчала я.—Не разговаривай. Примни это лекарство и постарайся заснуть.

«Кризисъ наступилъ раньше, чѣмъ предполагалъ ванъ-Зоонъ. Я дала ей назначеннаго имъ лекарства. Она приняла и крѣпко заснула. Я была взволнована. Неужели мои молитвы услышаны? Неужели она останется въ живыхъ? Я стала около нея на колѣни, стараясь сохранять спокойствіе.

«Часа черезъ два она опять открыла глаза.

«— Маріонъ,—прошептала она.

«— Что тебѣ, дорогая?

«— Я чувствую себя очень плохо. Не можешь ли ты дать мнѣ чего-нибудь?

«Я дала ей приготовленнаго для нея вина.

«— Дай еще,—промолвила она.

«Я дала ей опять, послѣ чего она сказала:

«— Бѣдная Маріонъ, много тебя пришлось вытерпѣть изъ-за меня, а я и не поблагодарила тебя.

«— Не разговаривай, Изабелла.

«— Я должна говорить, Маріонъ, я чувствую, что мнѣ не много остается жить.

«— О, не говори такъ, Изабелла,—воскликнула я въ отчаяніи.

«— Наклонись ко мнѣ поближе, Маріонъ,—начала она опять.— Мнѣ многое нужно сказать тебѣ прежде, чѣмъ я умру, а силы мои быстро падаютъ.

«Помолчавъ съ минуту, она начала опять:

«— Когда ты увидишься съ дономъ Хаймомъ, скажи ему, что я умираю, умоляя его о прощеніи, и я желаю ему найти лучшую жену. Я во многомъ была неправа относительно его—онъ многого еще не знаетъ. Но провинилась я противъ него только въ мысляхъ. Не забудь прибавить это. Что касается меня, то я вполнѣ его прощаю. Теперь, когда моя горячая кровь начинаетъ стынуть въ жилахъ, я понимаю и прощаю ему многое, чего раньше не могла забыть. Если онъ погрѣшилъ въ чемъ противъ меня, то онъ благородно расплатился за все—такъ благородно, что я чувствую себя уничтоженной. Поэтому будетъ, быть можетъ, лучше, если я теперь умру: у меня гордая натура, она не вынесетъ такого глубокаго униженія. Я не прошу его прощать меня,

если онъ считаетъ, что обо мнѣ незачѣмъ помнить. Какъ бы то ни было, я желала бы, чтобы онъ нашель съ другою женщиной то, чего онъ не нашель со мной. Хотѣлось бы сказать еще многое, но силы мои падаютъ. Дай мнѣ еще вина, Маріонъ. Передай поклонъ моему отцу и скажи ему, чтобы онъ не браниль дона Хаима. Я сама во всемъ виновата.

«Едва показался сѣрый призракъ зари, Изабелла тихо и безболѣзненно скончалась.

«Я думаю, что въ концѣ концовъ она все-таки любила васъ, хотя и предпочитала не говорить объ этомъ».

Донна Маріонъ смолкла. Солнце давно уже перестало свѣтить въ окно. Сіяніе, которое его лучи образовали вокругъ ея головы, становилось слабѣе и слабѣе, пока наконецъ не превратилось въ сверканіе разукрашенныхъ морозомъ стеколъ. Теперь я уже едва могъ различать ея черты. Неужели мое зрѣніе стало затуманиваться и слабѣть?

Сдѣлавъ небольшую паузу, она заговорила опять:

— Теперь мнѣ остается вкратцѣ рассказать вамъ то, что касается непосредственно меня. Когда мнѣ стало ясно, что Изабелла скончалась, я была ошеломлена. Со мной произошелъ жестокий кризисъ. Но не стоитъ теперь говорить объ этомъ. Когда на другой день утромъ явился Исаакъ ванъ-Зоонъ, онъ взглянулъ на поблѣвшее лицо Изабеллы и сказалъ:

«— Произошелъ параличъ сердца. Этого-то я и боялся.

«Я бросила къ его ногамъ три золотыхъ, которые получила накануне за свою роль, и попросила его уйти.

«Вечеромъ я опять играла передъ дономъ Федериго: мнѣ нужны были деньги на похороны. Услыхавъ объ этомъ, онъ отнесся ко мнѣ очень милостиво и далъ даже больше, чѣмъ мнѣ требовалось на похороны. Это было къ счастью, что донъ Федериго узналъ о похоронахъ: такъ какъ я не призывала священника къ умирающей, то сначала не хотѣли было ее хоронить. Потомъ дѣло уладилось: я предполагаю, что въ него вмѣшался донъ Федериго.

«Мы похоронили Изабеллу на кладбищѣ города Бергена. Если вы хотите взглянуть на ея могилу, я вамъ могу ее показать. На ней поставленъ простой деревянный крестъ. Кругомъ него цвѣты. Заходящее солнце золотитъ верхушки небольшого лѣска около кладбища, а съ океана доносится туда чистый и свѣжій морской воздухъ. Хорошо пожить въ этомъ мѣстѣ, хотя бы и не было надгробнаго камня.

«Что касается меня, то я вскорѣ послѣ этого покинула Бергенъ. Актеры поѣхали дальше, и я съ ними. Запасъ денегъ у меня былъ не великъ. А такимъ способомъ я надѣялась безопасно и безъ особыхъ затрудненій добраться до сѣвера. Между прочимъ я написала вамъ письмо, адресовавъ его въ лагерь принца, но оно,

какъ видно, не дошло до васъ. Мнѣ не удалось, однако, осуществить свой планъ, такъ какъ актеры измѣнили свой маршрутъ. Хуже всего было то, что я сама заболѣла лихорадкой—не такой сильной и жгучей, которая свела Изабеллу въ могилу, а незамѣтной, но упорной и истощающей силы. Актеры относились ко мнѣ чрезвычайно сердечно и возили меня всюду съ собой, хотя я для нихъ была лишней обузой. Я была въ такомъ истощенномъ состоянїи, что едва могла понимать, что со мною происходитъ. Но вотъ однажды утромъ я проснулась съ такимъ чувствомъ, какъ будто очнулась отъ тяжелаго и долгаго сна.

«Дотащившись кое-какъ до окна, я выглянула наружу. Небо было ярко-синяго цвѣта, въ воздухѣ стояло тепло, дома и люди казались совершенно непривычными для меня. Я очутилась въ Милафѣ. Мало-по-малу я становилась крѣпче силами и опять стала играть съ трушною—надо же было чѣмъ-нибудь зарабатывать себѣ пропитаніе, да и слѣдовало отплатить какъ-нибудь актерамъ за все то, что они для меня сдѣлали. Можете представить, какъ мнѣ хотѣлось вернуться назадъ, на родину. Но моя мечта осуществилась только черезъ два года: въ Голландїи вѣдь свирѣпствовала война.

«Въ концѣ лѣта мы прибыли во Францію. Въ Монтанбанѣ губернаторомъ оказался герцогъ де-ля-Тремуйль, дальній родственникъ нашей семьи. Не всѣ губернаторы похожи на васъ, это я узнала по собственному опыту. Однако я рѣшилась повѣдать ему о своемъ положенїи. Онъ, конечно, зналъ мое имя и могъ бы сдѣлать что-нибудь для меня. И онъ дѣйствительно это сдѣлалъ.

«Бѣдный м-г Лафоссъ былъ страшно перепуганъ, когда герцогъ самъ пришелъ къ намъ и сталъ разыскивать свою родственницу. Но въ концѣ концовъ онъ только выигралъ отъ этого посѣщенія. Герцогъ взялъ меня съ собой ко двору Генриха Наваррскаго. Потомъ мы поѣхали въ Ларошель, гдѣ онъ посадилъ меня на вооруженный гугенотскій корабль, отправлявшійся въ Англїю, и далъ мнѣ порученіе передать письма лорду Сесилю. Хотя королева приняла меня въ высшей степени любезно, но мнѣ хотѣлось поскорѣе увидать Голландїю и васъ, чтобы передать вамъ послѣднія слова вашей жены.

«Высадившись въ Бриль, я сейчасъ же стала разыскивать васъ. Я узнала, что года два тому назадъ вы взяли приступомъ Гертруденбергъ, но затѣмъ уѣхали оттуда. Никто не могъ сказать мнѣ, гдѣ вы потомъ были. Нѣкоторые увѣряли, что вы умерли. А умерли многіе: Изабелла, ея отецъ, моя мать.

«Я прїѣхала въ Гуду, гдѣ у меня есть родственники. Отсюда я хотѣла ѣхать въ Дельфтъ—повидаться съ принцемъ и распросить его про васъ.

«Ну, теперь я вамъ все сказала. Многое я предпочитала бы сохранить про себя, но нарочно сказала вамъ, чтобы вы могли убѣдиться, что съ моей стороны было сдѣлано все возможное. Можетъ быть, я дѣйствовала слишкомъ поспѣшно и не такъ, какъ надо было—Богу извѣстно, что эта мысль сильно тяготила меня по временамъ, но теперь, оглядываясь назадъ, я не вижу другого пути. Мнѣ страшно прискорбно, что я не могу сообщить вамъ болѣе отраднхъ новостей, но, видно, такъ было угодно Богу. Можетъ быть, это послужитъ вамъ утѣшеніемъ когда-нибудь, когда самое худшее уже будетъ пережито».

Она смолкла, и я напрасно искалъ словъ, чтобы поддержать разговоръ: я былъ совершенно ошеломленъ всѣмъ, что мнѣ пришлось услышать. Наконецъ я сказалъ:

— Не знаю, какъ и благодарить васъ, донна Маріонъ. Я не въ состояніи выразить словами все то, что я чувствую. Вашъ рассказъ похожъ на сказку изъ другого міра. Никогда бы я не повѣрилъ, что у насъ на землѣ возможны такія вещи.

— Я не совсемъ понимаю, о чемъ вы говорите,—холодно отвѣчала она.—Я дѣйствовала такъ, какъ мнѣ подсказывало чувство. Я была обязана сдѣлать все это, и потому вамъ незачѣмъ меня благодарить. Но я слишкомъ разговорилась. Становится уже темно, и я велю принести свѣчи.

Она встала и позвонила. Черезъ минуту вошелъ слуга со свѣчами. Теперь я опять могъ видѣть ее. Она стояла, опираясь рукой на столъ и глядя не на меня, а куда-то дальше меня. Она была очень блѣдна, и на ея лицѣ лежало какое-то жесткое выраженіе. Я подошелъ къ ней, взялъ ея руку и поцѣловалъ, какъ когда-то въ первый день моего прибытія въ Гертруденбергъ она поцѣловала мою.

— Благодарю васъ, донна Маріонъ,—сказалъ я.—Хотя Богу извѣстно, какъ я любилъ Изабеллу, я еще не знаю, захотѣлъ ли бы я, чтобы она осталась въ живыхъ дѣною вашего позора. Да и она сама этого не пожелала бы, конечно.

Донна Маріонъ пассивно держала свою руку въ моей; но вдругъ она ее отдернула.

— Вы бы никогда объ этомъ не узнали,—промолвила она.— Да и она этого не узнала бы. Мнѣ не хотѣлось говорить объ этомъ, но слова какъ-то невольно срывались у меня съ языка. Мнѣ казалось, что безъ нихъ мой рассказъ будетъ неполонъ, будетъ такое впечатлѣніе, какъ будто не все было сдѣлано для того, чтобы ее спасти. Это была моя слабость. Но увы! Намъ всѣмъ такъ свойственно по временамъ впадать въ эту слабость.

— Только не вамъ. Если когда-либо была на свѣтѣ сильная женщина—то это вы, съ вашей даже сверхчеловѣческой силой

— Хотѣла бы я имѣть такую силу,—печально отвѣтила она.— Я во всемъ потерпѣла неудачу.

— Вовсе нѣтъ. Вы много сдѣлали, такъ много, что я этого никогда не забуду.

Я опять хотѣлъ взять ее за руку, но она спрятала ее отъ меня.

— Вы, стало быть, хотите этимъ просто отблагодарить меня, хотя я и не заслуживаю такой благодарности.

Она протянула мнѣ руку, которая была холодна, какъ ледь.

— Пожалуйста, не цѣлуйте мою руку, донъ Ханмъ. Вы конфузите меня. Не думаю, чтобы вы сегодня хотѣли быть въ гостяхъ,—прибавила она,—и потому не рѣшаюсь просить васъ раздѣлится съ нами нашу трапезу, хотя фру Терборгъ будетъ бранить меня, если узнаетъ, что я не пригласила васъ.

— Благодарю васъ, донна Маріонъ. Сегодняшній вечеръ долженъ принадлежать Изабеллѣ.

— Вы правы.

— Но вы позволите навѣстить васъ завтра. Мнѣ еще о многомъ нужно вамъ сказать и о многомъ попросить, если мнѣ будетъ позволено.

— Конечно. Вы, кромѣ того, должны рассказать мнѣ о себѣ.

Я простился и вышелъ. Она не хотѣла принимать моей благодарности и отослала меня домой, но я понялъ все.

Всю ночь я думалъ о моей покойной женѣ и записывалъ въ эту книгу все, что случилось со мной въ эти послѣдніе дни. Свѣчи уже догорѣли, и сѣроватый разсвѣтъ незамѣтно пробрался въ мою комнату. Огонь въ каминѣ давно погасъ, но хотя теперь у насъ декабрь и стекла разукрашены морозомъ, холода я не чувствовалъ. Проклятiе теперь спало съ меня. Теплыя слезы незамѣтно лились по моему лицу, когда я думалъ объ этихъ двухъ женщинахъ, сыгравшихъ такую рѣшающую роль въ моей судьбѣ. Одна изъ нихъ, моя жена, оскорбляла, больно задѣвала меня, заставляла меня пережить самые ужасные часы въ моей жизни. Другая, посторонняя для меня, готова была пожертвовать своей жизнью и честью только для того, чтобы вернуть мнѣ любимую женщину, не ожидая за это никакой награды. Когда-то я думалъ, что я боролся за невозможное—жалкій глупецъ! Оно было гораздо выше, чѣмъ я думалъ, и все-таки она достигла его.

Цѣлую ночь думалъ я о томъ, что теперь можетъ произойти. Я получилъ такое извѣстіе, значеніе котораго я даже боялся высказать себѣ во всемъ объемѣ. Для меня открылись совершенно новые горизонты, которые устрашали меня своею широтой.

Я любилъ Изабеллу. Но что значила моя любовь въ сравненіи съ такой любовью? Я завоевалъ свою жену шпагой, думая только о своей страсти и гордости. Я погубилъ ее. Она умерла въ разсвѣтъ лѣтъ и ушла голодной съ пиршества жизни. Бѣдная Изабелла!

Дѣйствительно, я плохо любилъ тебя, и не удивляюсь теперь, что не слышалъ отъ тебя ни слова любви, хотя ты такъ и не узнала, что я сдѣлалъ изъ-за тебя съ дономъ Педро. Не вѣрю я и тому, что въ концѣ концовъ ты полюбила меня, какъ утверждаетъ донна Маріонъ. Если твое сердце и билось иногда сильнѣе, то это было не для меня. Бѣдный необузданный ребенокъ! Корить меня тѣмъ, что я служилъ Испаніи и церкви, и пастъ жертвой козней испанскаго попа! Но не онъ и не она одни виноваты въ этомъ: доля вины падаетъ и на меня. Я надѣюсь, что когда-нибудь снизойдетъ миръ и для меня.

6-го декабря.

Сегодня я опять видѣлъ допну Маріонъ, но на этотъ разъ она была на-сторожѣ. Ни на одну минуту не дала мнѣ заглянуть ей въ сердце, ни словомъ, ни взглядомъ не выдала себя. Напрасно старался я выспросить ее о ея личной жизни послѣ смерти Изабеллы.

— Не стоить утруждать васъ этими пустяками... Да и воспоминанія эти такъ мучительны для меня,—сказала она.

Послѣ этого я не смѣлъ настаивать. Вмѣсто этого она попросила меня рассказать ей о самомъ себѣ. Кромѣ одного факта, что я взялъ приступомъ Гертруденбергъ, она ничего не знала.

Я сталъ рассказывать. Она слушала меня съ тѣмъ глубокимъ сочувствіемъ, которое и безъ словъ невольно чувствуется. Въ ея голосѣ появились какіе-то удивительные отгѣпки, которые я вчера замѣтилъ въ первый разъ. Незамѣтно она заставила меня отступить отъ сдержанности и сказать больше, чѣмъ я хотѣлъ; я вѣдь не люблю говорить о себѣ и о своихъ дѣлахъ иначе, какъ въ этой книгѣ. Здѣсь я записываю все хорошее и все дурное, какъ лѣтописецъ, пишущій свою хронику, и гляжу на себя, какъ на посторонняго человѣка. Часто я удивлялся, какъ столь слабый человѣкъ, описанный на этихъ страницахъ, могъ вынести такъ много. Но еще больше удивлялся я этому вчера ночью.

Я рассказалъ доннѣ Маріонъ, какъ я вышелъ изъ Гертруденберга, какъ моя гвардія предпочла итти за мною на смерть, чѣмъ оставить меня. Описалъ ей битву на Рейнѣ, когда мы ждали послѣдней атаки среди снѣжной бури. Рассказалъ о принцѣ и Гаарлемѣ, рассказалъ ей вещи, о которыхъ отдѣлался бы всякому другому какимъ-нибудь циническимъ замѣчаніемъ, вещи, которыхъ я не думалъ говорить ни одному живому существу, кромѣ, конечно, моей жены, если бы она захотѣла ихъ выслушать.

Въ чемъ былъ секретъ, при помощи котораго донна Маріонъ заставляла меня забывать мою обычную сдержанность, я не знаю, или, лучше сказать, догадываюсь. Но сама она была сосредоточенна и спокойна. Ея обращеніе, вполне любезное, посторонній человѣкъ назвалъ бы холоднымъ.

Когда нужно было идти къ фру Терборгъ,—сегодня я не могъ избѣгнуть этого знакомства,—я остановилъ донну Маріонъ и сказалъ:

— Такъ какъ моя жена сказала вамъ все, то вы, конечно, слышали отъ нея исторію о маркизѣ Ларивардьеръ. Что вы думаете объ этомъ, донна Маріонъ?

Она взглянула мнѣ прямо въ глаза и отвѣчала:

— Я думаю, что вы способны совершить ужасное дѣло, когда вы въ гнѣвѣ или распалены ненавистью, какъ я сама это видѣла. Но я не вѣрю, чтобы вы могли совершить какой-нибудь неблагородный поступокъ, недостойный васъ самихъ.

— А что, если эта исторія вѣрна, донна Маріонъ?

— Пусть такъ. Поступки бываютъ иногда не такіе, какъ объ этомъ рассказываютъ. Я могу только повторить то, что я уже сказала:

Вотъ ея вѣра! О, если бъ у моей жены нашлась хоть десятая часть такой вѣры!

— Факты вѣрны,—сказалъ я.—Единственную же вещь, которая извиняетъ меня, я сказать не могу.

— Вы уже довольно сказали мнѣ, и я въ васъ никогда не сомнѣвалась,—промолвила она, подавая мнѣ руку.

Мы перешли въ сосѣднюю комнату, гдѣ была фру Терборгъ. Я зналъ ее и неоднократно встрѣчалъ ее въ лучшихъ домахъ города. Про нее говорили, что она честолюбива, что она смотрѣла на своего мужа, который былъ много старше ея, какъ на переходную ступень къ болѣе высокому общественному положенію. Въ этомъ случаѣ онъ обманулъ ее, проживъ гораздо дольше, чѣмъ предполагали, и когда, наконецъ, онъ исполнилъ свою обязанность и умеръ, вдова была уже не такъ молода, какъ это было бы нужно. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили. Вѣрно ли это было, сказать не берусь. Что касается меня, то я недолюбливалъ ее и старался избѣгать.

У нея оказались гости, которыхъ я недолюбливалъ еще болѣе: проповѣдникъ Иорданъ и нѣкій баронъ ванъ-Гульстъ. При моемъ появленіи оба поднялись съ своихъ мѣстъ и отвѣсили мнѣ глубокій поклонъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось дать имъ урокъ, какъ вести себя, урокъ, въ которомъ оба они нуждались. Лично мнѣ они были безразличны, но я представлялъ здѣсь принца и даже само государство. Слѣдовательно, въ Гудѣ я долженъ быть первымъ, а всѣ остальные вторыми! Такъ оно въ дѣйствительности и было, хотя такое положеніе не нравилось многимъ.

Какъ я сказалъ, оба они встали, поклонились и уставились глазами на донну Маріонъ, пока я здоровался съ хозяйкой. Разговаривая съ нею, я старался разглядѣть ее поближе. Ей было лѣтъ около сорока. По своей внѣшности это была настоящая голландка,

цвѣтущая и красивая, хотя нѣсколько грубоватая. Не знаю, какъ она доводилась доннѣ Маріонъ, но подобное родство часто встрѣчается въ Голландіи.

Фру Терборгъ поздоровалась со мной привѣтливо:

— Мы долго ожидали этой чести, ваше превосходительство, но все напрасно, — начала она. — Очень рада, что я наконецъ нашла магнитъ въ лицѣ моей племянницы, который сумѣлъ притянуть въ наше бѣдное жилище губернатора нашего города. Нужно сознаться, что, дѣйствительно, до ея прибытія, здѣсь было мало притягательнаго.

Несмотря на свой возрастъ, она была еще не прочь пококетничать.

— Мои служебныя обязанности не оставляютъ мнѣ столько времени для удовольствій, какъ мнѣ этого хотѣлось бы, — серьезно отвѣчала я. — Что касается м-ше де Бреголь, то она — двоюродная сестра моей покойной жены. Я не слышалъ объ ней болѣе двухъ лѣтъ и очень беспокоился о ея судьбѣ.

Обстоятельства, при которыхъ умерла моя жена, я хотѣлъ держать въ тайнѣ. Я не могъ бы позволить, чтобы объ этомъ стали говорить въ гостиныхъ. Я уже давно послалъ по ней трауръ, и никто не долженъ догадываться, что я узналъ о ея смерти только вчера вечеромъ. Но фру Терборгъ отличалась большимъ любопытствомъ, и ее не легко было удовлетворить въ этомъ отношеніи. Ея разспросы такъ и сыпались на меня, и я едва успѣвалъ давать на нихъ отвѣты. Мало-по-малу я началъ отвѣчать отрывисто и надменно, за что меня нерѣдко упрекали. Меня называли гордецомъ, но можно ли было держаться здѣсь иначе?

Господинъ Терборгъ торговалъ колоніальными товарами. Хотя онъ вель дѣло въ большихъ размѣрахъ и въ послѣднее время занимался собираніемъ картинъ, — все это не улучшило его манеръ, по крайней мѣрѣ, насколько можно было замѣтить по его вдовѣ. О немъ самомъ я говорю только по наслышкѣ. И эта женщина, за столомъ которой, будь-то въ Испаніи, я никогда бы и не подумалъ присѣсть, здѣсь говорила со мной съ такой фамиллярностью, какъ будто она была мнѣ родня.

Впрочемъ, здѣсь многое дѣлается не такъ, какъ въ Испаніи, и мнѣ приходится привыкать къ этому. Прошлое похоронено въ кровавыхъ битвахъ и непроходимой пропастью отдѣлено отъ настоящаго. И теперь я служу болѣе высокому владыкѣ, — не королю и не папѣ, а принципу. Многие, впрочемъ, этого не замѣчаютъ. Многое теперь стало лучше въ жизни, хотя самыя формы этой жизни сдѣлались не такъ пріятны. Эта переменна особенно мучительно подѣйствовала на меня именно теперь, когда я только, что перешелъ сюда изъ сосѣдней комнаты, гдѣ я бесѣдовалъ съ донной Маріонъ и гдѣ бывшее такъ ярко возстало опять въ памяти.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.

«Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ІЮЛѢ 1913 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 7-й.

Богословіе.

ІОНА, Архим. Римскій папа и православный Востокъ. Очерки и этюды по вопросу совр. отнош. Рима къ Россіи и Ближнему Востоку. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

КАЛЬНЕВЪ, М. Сборникъ 17-ти глав-

нѣйшихъ противосектантскихъ бесѣдъ. Одесса. 1913. Ц. 1 р. 20 к.

ПРАНАЙТИСЪ, І. Христианствъ въ Талмудѣ еврейскомъ или тайны раввинскаго ученія о христіанахъ. Ташкентъ. 1911. Ц. 25 к.

Философія, психологія, логика.

БАРЛЕ. Оккультизмъ. Определеніе. — Методы. — Классификація. — Примѣненіе. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ДАСТРЪ, А. Жизнь и смерть. Перев. съ 12-го франц. изд. Б. С. Бычкова. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

КАРБЕВЪ, Н. Критика экономическаго матеріализма (стар. и нов. этюды). Т. III. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

ЛЕВЕНФЕЛЬДЪ, Л. д-ръ. Гипнотизмъ. Перев. съ нѣм. подъ ред. д-ра Н. Вырубова. Вып. 1-й. М. 1913. Ц. 3 р.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЛОСОФІИ. Не- период. изд., вых. подъ ред. Н. Лоссаго

и Э. Радлова. Сборн. № 6. Существуетъ ли внѣшній міръ? Спб. 1913. Ц. 80 к.

СЕЛИХАНОВИЧЪ, А. Психологія нравственныхъ переживаній. Вступит. лекція, читан. въ Киевск. универс. 12 декабря 1912 г. Киевъ. 1913. Ц. 30 к.

ТРУБЕЦКОЙ, Е., кн. Міросозерцаніе В. С. Соловьева. Т. I. М. 1913. Съ подпискою на второй томъ 4 р.

STRONAUER, W., dr. Лекціи по психологіи дѣтскаго возраста для врачей и педагоговъ. Перев. врачей Н. Введенской, Г. Кайранскаго и др., подъ ред. д-ра Г. Россолимо. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

ЛЕРНЕРЪ, Н. Новоткрытыя рукописи Пушкина. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ЛИСОВСКІЙ, Н. М. Русская періодиче-

ская печать 1703—1909 г. (Библиографія и графическія таблицы). Вып. 3-й. Спб. 1913. Ц. 5 р. За полный комплектъ 15 р.

«Истор. вѣстн.», августъ 1913 г., т. сxxxiii.

1/24

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- АЛЬМАНАХЪ издательства «Шиповникъ». Книга 20-я. Спб. 1913. Д. 1 р.
- АНДРЕЕВЪ, Л. Прекрасныя Сабинянки. Иллюстрація художн. Ре-Ми. Спб. 1913. Ц. 1 р.
- БРАМОВЪ, І. Въ пути. Пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ. М. 1912. Ц. 75 к.
- БРЮСОВЪ, В. Ночи и дни. Вторая книга разсказовъ и драматическихъ сценъ. 1908—1912 гг. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- ВИЛЬДЕНБРУХЪ, Е. Благородная кровь. Вильдермутъ, Е., Все хорошо, что случается. Обработ. Л. Берзинъ. Перев. П. Гурьевъ. Саратовъ. 1913. Ц. 30 к.
- ГОЛЛАНДСКАЯ, ЭЛЕОНОРА. Разсказы. Томъ II. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- ГУРЬЕВЪ, А. Отъ скуки. Книжечка третья. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- ДЕСЯТЬ РАЗСКАЗОВЪ новѣйшихъ нѣмецкихъ писателей. (Обработ. Р. Бергеръ). Перев. съ полн. подстрочн. словар. П. Гурьева. Саратовъ. 1913. Ц. 60 к.
- ДЫМОВЪ, О. Солнцеворотъ и ню. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- ЖАКОВЪ, К. Сквозъ строй жизни. Томъ II. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- ЖАТВА. Литературный сборникъ. Книга IV. Москва. 1913. Ц. 1 р. 80 к.
- ЛИТЕРАТУРНО-художественный сборникъ «Прометей». Избранныя произведенія современной русской литературы. Книга I. Спб. 1913. Ц. 50 к.
- НОВЕЛЛЫ итальянскаго возрожденія, избран. и перевод. П. Муратовымъ. Часть третья и посл. Новеллисты чинквеченто. М. 1913. Ц. 2 р. 50 к.
- ПЕТЕРБУРГСКІЕ ВЕЧЕРА. Литературный сборникъ. Спб. 1913. Ц. 1 р.
- РУДИЧЪ, ВЪРА. Ступени.
- РЪКОВЪ, В. Безъ средней школы. (Изъ жизни востерна). Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- СВѢТЛОВЪ, В. Темный блескъ. Повѣсти и разсказы. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- ФЮРДЫ. Сборникъ 12. Датск., норвежск., шведск. писатели въ переводахъ А. и П. Ганвентъ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- ЯБЛОНОВСКІЙ, А. Родныя картинки. Томъ III. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

- АНДРЕЕВСКІЙ, С. Валуевы. Орель. 1913. Ц. 3 р.
- АРХИВЪ БРАТ. ТУРГЕНЕВЫХЪ. Вып. 3-й. Дневникъ Н. И. Тургенева за 1811—1816 годы (II томъ). Подъ ред. Е. Тарасова. Спб. 1913. Ц. 3 р.
- ВОЕНСКІЙ, К. Акты, документы и матеріалы для исторіи 1812 года. Томъ 3-й. Спб. 1912. Ц. 5 р.
- ГОТЪЕ, Ю. Исторія областного управленія въ Россіи отъ Петра I до Екатерины II. Томъ 1-й. М. 1913. Ц. 3 р.
- ДОКУМЕНТЫ, относящіеся къ исторіи 1812 г. Первая часть 14-го вып. «Сборн. Истор. Матер., извлеч. изъ архива Собств. Е. И. В. Канцел.». Подъ ред. пр.-доц. В. Строева. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- ЕРМОЛОВЪ, А. Родъ Ермоловыхъ. М. 1913. Ц. 3 р.
- ЗАПИСКИ графа Николая Егоровича Комаровскаго. М. 1912. Ц. 1 р.
- КНИГА для чтенія по исторіи новаго времени. Томъ IV. (Часть I.—Исторія Западной Европы). Москва. 1913. Ц. 3 р. 25 к.
- КРИКСИНЪ, В. Нѣсколько словъ о дневникѣ Сестреничвича, перваго митроп. всѣхъ рим.-натол. церквей въ Россіи. Спб. 1913. Ц. 30 к.
- ПИСЬМА РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ, бол. или менѣе извѣстныхъ въ области науки, литературы и общественной дѣятельности, къ А. В. Селиванову. Вып. I. Владиміръ. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- ПЛАТОНОВЪ, С., проф. Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ истор. источникъ. Изд. 2-е. Спб. 1913. Ц. 3 р.
- СТАРИНА И НОВИЗНА. Историческій сборникъ, издаваемый при Общ. Ревнит. Русск. Историч. Провѣщ. въ память Импер. Александра III. Кн. XVI. Спб. 1913. Ц. 2 р.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- АЛЕКСАНДРОВЪ, Д. Государственная монополія страхованія жизни. Кіевъ. 1913. Ц. 80 к.
- БУЛГАКОВЪ, С. Очерки по исторіи экономическихъ ученій. Вып. 1-й. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- ГАГЕНЪ, В., проф. Вопросы патронажа. Пятый международный конгрессъ по вопросамъ патронажа въ гор. Антверпенѣ въ 1911 г. Спб. 1913. Ц. 30 к.
- ДАНИЛОВЪ, А. Водопроводы русскихъ городовъ. Вып. 2-й. Москва. 1913. Ц. 2 р.
- ЛАВРЕНТЬЕВЪ, Д. Торговое право, вексельное и морское. Краткій курсъ для учащихя и самообразованія. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- МОСКАЛЕВЪ, Н., д-ръ. Симуляція и ложное сознание предъ судомъ присяжныхъ. Съ рисунками. М. 1913. Ц. 1 р.
- НИЖИНСКІЙ, А. Начавъ сельскимъ старостамъ, съ разъясненіями. Спб. 1913. Ц. 25 к.
- НОВИНСКІЙ, М. Оцѣнка земель въ южно-германскихъ государствахъ. Кіевъ. 1913. Ц. 70 к.
- РУССКІЙ РУССКИМЪ. В. В. П. А. Кулаковскій. Вопросъ о Варшавскомъ универс. и польскій школьн. законопроектъ. 1907. Спб. 1913. Ц. 1 р.
- СБОРНИКЪ дипломатическихъ документовъ, касающихся событій въ Персіи. Вып. IV. Спб. 1912. Ц. 90 к.
- Вып. V (съ 1-го июля по 31 декабря 1910 г.). Спб. 1912. Ц. 90 к.
- Вып. VI (съ 1 января по 30 июня 1911 г.). Спб. 1913. Ц. 90 к.
- СВОДЪ Законовъ Россійской Имперіи. Томъ XI св. учр. и уст. управл. дух. дѣль иностр. исповѣд. Спб. 1913. Ц. 50 к.
- СИБИРСКІЙ земельный банкъ. Популярная брошюра. Хабаровскъ. 1913. Ц. 1 р.
- СИКОРСКІЙ, И., проф. Русскіе и

- украинцы. (Глава изъ этнологич. катехизиса). Киевъ. 1913. Ц. 25 к.
- ТОТОМІАНЦЪ, В. Теорія, исторія и практика потребительск. коопераціи. Изд. 3-е. Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.
- ТРЕГУБОВЪ, С. Шпионство и соприкасающіеся съ нимъ преступныя дѣянія по зак. 5 июля 1912 г. Спб. 1913. Ц. 30 к.
- ТРУДЫ ПОСТОЯННОЙ КОМИССІИ ПО ВОПРОСУ ОБЪ АЛКОГОЛИЗМѢ И МѢРАХЪ БОРЬБЫ съ нимъ. Подъ ред. М. Нижегородцева. Вып. XI—XII. Спб. 1913. Ц. 2 р.
- УЛЬБРИХЪ, В. Организация сельско-хозяйственнаго кредита въ Россіи неолложна! Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- ШМЕЛЬКОВЪ, М. Земскія дороги. Сборникъ узаконеній и правительственныхъ распоряженій по устройству и содержанию земскихъ дорогъ. Тамбовъ. 1912. Ц. 2 р.

Искусство.

- ВОЛОШИНЪ, М. О Рѣпинѣ. М. 1913. Ц. 50 к.
- ГЛАГОЛЬ, С. Очеркъ исторіи искусства въ Россіи. М. 1913. Ц. 40 к.
- ГУЩИНЪ, Ф. Этюды по вопросамъ вокальнаго искусства. Киевъ. 1913. Ц. 2 р.
- ДАЛЬКРОЗЪ, ЖАКЪ. Ритмъ, его воспитательное значеніе для жизни и для искусства. Шесть лекцій. Спб. 1913. Ц. 1 р.
- РИМСКИЙ-КОРСАКОВЪ, Н. Основы оркестровки. Подъ ред. М. Штейнберга. Томъ I—II. Спб. 1913. Ц. 5 р.
- САККЕТТИ, Л. Эстетика въ общедоступномъ изложеніи. Томъ I. Изд. 2-е. Спб. 1913. Ц. 2 р.
- ФЛЕТЧЕРЪ, В., проф. и ФЛЕТЧЕРЪ, Ф. Исторія архитектуры. Вып. II. Средневѣковая архитектура. Изд. 2-е. Спб. 1913. Ц. 3 р. 50 к.

Естествознаніе и математика.

- АБДЕРГАЛЬДЕНЪ, Э. Руководство по физиологической химіи. Авторизов. перев. со 2-го нѣм. изд. Спб. 1913. Ц. 3 р. 50 к.
- БОРОВОКОВЪ, А., ПОПОВЪ, В. и др. «Въ помощь любителю». Иллюстр. 1-й сборникъ статей изъ 1-го тома журнала «Электричество и Жизнь». Никол. 1913. Ц. 60 к.
- ВАГНЕРЪ, В. Біологическія основанія сравнительной психологіи (біо-психологія). Томъ 2-й. Съ рисунками. Спб. 1913. Ц. 3 р.
- ДЮРВИЛЛЬ, Г., проф. Экспериментальное изслѣдованіе магнетизма. Магнетическая физика. Томъ 1-й. Киевъ. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- КАССНЕРЪ, К. и ШИПЧИНСКІЙ, В. Погода, ея предсказаніе и значеніе. Перев. съ нѣм. Съ рисунк. Спб. 1913. Ц. 1 р.
- МИ, Г., проф. Курсъ электричества и магнетизма. Перев. съ нѣм., подъ ред. проф. О. Хвольсона. Ч. 2-я. Электродинамика. Одесса. 1913. Ц. 1 р.
- ОЛЬХОВСКІЙ, В. Воздушные змѣи для подъема наблюдателей. Спб. 1913. Ц. 40 к.
- ПЛАНКЪ, М. и ПУАНКАРЭ, А. Новѣйшія теоріи въ термодинамикѣ. Переводъ С. Алексѣева. Сп. 1913. Ц. 40 к.
- ПУРІЕВИЧЪ, К., проф. Краткій учебникъ ботаники. Для слушателей высш. учебн. завед. Съ 308 рисунк. Изд. 2-е. Киевъ. 1913. Ц. 2 р. 50 к.
- РАМЗАЙ, В. Элементы и энергія. Перев. съ англ. С. Алексѣева. Спб. 1913. Ц. 25 к.
- РИППАСЪ, В. $\sqrt[n]{a}$ въ геометрическомъ построеніи. Спб. 1913. Ц. 20 к.
- УШАКОВЪ, Н. Происхожденіе химическихъ элементовъ и теорія распада атомовъ. Съ прилож. генетич. табл. элем. Саратовъ. 1913. Ц. 25 к.
- ХВОЛЬСОНЪ, О. Курсъ физики. Т. IV. Ученіе о магнитн. и электричск. явленіяхъ. Втор. полов., вып. первый. Съ 114 рис. Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.
- ШМИДТЪ, П. Изъ области зоопсихологіи. Страхъ и угроза у животныхъ. Спб. 1913. Ц. 25 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

- КИЧУНОВЪ, Н. Устройство помѣщеній для зимняго храненія плодовъ, винограда и овощей. Съ 88 рисунками. Спб. 1913. Ц. 1 р.
- НЕЛЪСИНА, А. Молодая хозяйка. Руководство къ практической постановкѣ и веденію дома. Спб. 1913. Ц. въ перепл. 3 р. 50 к.
- НОВИКОВСКІЙ, С. Сельское хозяйство современной Японіи. Киевъ. 1913. Ц. 30 к.
- УРУСОВЪ, С., кн. Атласъ разборныхъ моделей лошади. Съ объяснительнымъ текстомъ. Спб. 1913. Ц. 10 р.
- ШТЕЙНБЕРГЪ, Н. Какъ удобрить садъ и огородъ для полученія высшаго дохода. Изд. 3-е. Спб. 1911. Ц. 50 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- БЫКОВЪ, А. Промышленный травматизмъ, его размѣры, значеніе и возможность борьбы съ нимъ. Спб. 1913. Ц. 50 к.
- МОЖЖЕВЕЛОВЪ, Н. О закономѣрности между счетами въ балансѣ общества взаимнаго кредита. Спб. 1913. Ц. 40 к.

Технологія, строительное и инженерное искусства. Ремесла.

АСТАФЬЕВЪ, А. Бегонно-строительный календарь. Ежегодн. справ. книга. Спб. 1913. Ц. въ перепл. 2 р.

БАХЪ, А. Малярное ремесло. Практическое руководство по всѣмъ отдѣламъ малярной техники. Съ 60 рисунками. Спб. 1913. Ц. 1 р.

БОРЕЙКО, ДМ. Порчи и неисправности ротативныхъ моторовъ «Гномъ», причины неисправностей и ихъ предупрежденіе. Спб. 1913. Ц. 30 к.

БРАНИШЪ, Л. и ФИШЕРЪ, В. Краткое руководство къ строительному искусству и архитектурѣ. (Общій начала). Вып. 1-й. Материалы и работы. Съ чертежами. Изд. 8-е. Спб. 1913. Ц. 2 р. 20 к.

БЪЛАВЕНЕЦЪ, М. Огнестойкая постройка—первый шагъ къ богатству. Народн. изд. Съ 21 рис. Спб. 1913. Ц. 10 к.

ДОХЛЕНКО, И. Цементно-песочная черепица и половая плитка. Практич. руководство. Смѣла. 1913. Ц. 1 р.

РЕЙСЕРЪ, А., инж.-техн. Постройка сахарнаго завода. Изд. 2-е, перераб. и дополн. Кіевъ. 1913. Ц. 2 р.

САВВИНЪ, Н., проф. Курсъ механической технологии металловъ. Ч. I. Съ атласомъ чертежей. Спб. 1912. Ц. 3 р.

ФЕДОРОВЪ, П. Гальванопластика и гальваностегія. Практич. рук. къ осажден. металловъ гальванич. путемъ. Съ 38 рис. Спб. 1913. Ц. 60 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

БЕГАКЪ, М., д-ръ. Сущность и значеніе грязелеченія. Съ рисун. и таблицами. Самара. 1913. Ц. 1 р. 30 к.

ВОЛЬФЪ, В., д-ръ. Болѣзни желудка и кишекъ. Краткое руководство для врачей и студентовъ. Перев. съ нѣм. д-ра Михайлова, съ предисл. проф. Эвальда. Съ рисунками. Спб. 1913. Ц. 80 к.

ЖУКОВСКІЙ, В. Врожденные пороки сердца у дѣтей при рожденіи. Съ рис. Спб. 1913. Ц. 1 р.

КАЕЦЪ, Р., д-ръ. О близорукости и исправленіи ея. Спб. 1913. Ц. 20 к.

КРАСОВСКІЙ, Н. Краткій курсъ фармаціи для студентовъ и фармацевтовъ. Харьк. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЫ—СЪ, Кратк. конспектъ по анатоміи зубовъ. Одесса. 1913. Ц. 30 к.

МЕДИЦИНСКІЙ ФЕЛЬДШЕРСКО-акушерскій календарь справочникъ на 1913 годъ. Подъ ред. д-ра А. Бекетова и П. Калинина. Москва. Ц. въ перепл. 1 р. 10 к.

МИНКЕРЪ, М. Отчего болятъ зубы и какъ предохранить себя отъ ихъ заболѣванія. Спб. 1913. Ц. 15 к.

ОШПЕНГЕЙМЪ, Н. Развѣтїе ребенка, наследственность и среда. Перев. подъ ред. В. Игнатъева. М. 1913. Ц. 90 к.

ПОВТОРИТЕЛЬНЫЙ КУРСЪ топографической анатоміи и оперативной хирургіи. Изд. 5-е, съ рис. Кіевъ. 1913. Ц. 1 р.

СОЛОВЬЕВЪ, К., д-ръ. Руководство по механотерапіи. Ч. 2-я. Десмургія. М. 1913. Ц. 80 к.

Военное и морское дѣло.

МАМОНТОВЪ, Н. Съ болгарскими войсками отъ Балкана до Чатаджи. М. 1913. Ц. 1 р.

РУССКІЙ МОРСКОЙ и воздушный

флотъ, сооруженный на добровольныя пожертвованія. Съ иллюстраціями С. Живо-товскаго. Спб. 1913. Ц. 2 р.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

БЪЛЕВИЧЪ, В. Родные стихи. Основные приемы выразит. чтенія. Часть I. Гельсингфорсъ. 1913. Ц. 70 к.

ГЛИВЕНКО, И. Руководство для изученія итальянскаго языка. 2-е изд. Спб. 1913. Ц. 1 р. 75 к.

ДЕМКОВЪ, М. Очерки по исторіи русской педагогикѣ. Изд. 2-е, испр. Москва. 1913. Ц. 60 к.

ИЛЬИНЪ, А. Словарикъ орфографическій и справочный. Составленъ по Я. К. Гроту, «Толков. Слов.» Даля, академ. слов. и др. источник. Изд. 11-е. Одесса. 1912. Ц. 12 к.

КОРИКЪ, Г. Техника сочиненій. Часть I. Съ оргин. рисунками и чертежами. Одесса. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

МЕДВѢДКОВЪ, А. Краткая исторія русской педагогикѣ. Спб. 1913. Ц. въ перепл. 80 к.

НЕЛИДОВЪ, З. Сочиненія и планы. Ч. 3-я. Вып. 1-й. Литер. и отвл. темъ, при-мѣн. къ курсу VII кл. ср. уч. завед. Изд. 2-е. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

НОВЫЯ ИДЕИ въ педагогикѣ. Период. изд., выг. подъ ред. Г. Зоргенфрей. Сборн. № 2. Трудовая школа. Спб. 1913. Ц. 80 к.

ПЕРЕЛЬМАНЪ, Я. Занимательная физика. 140 парадоксовъ, задачъ, опытовъ, замысловатыхъ вопросовъ и пр. Съ 16 рисун. въ текстѣ. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ПОСПѢЛОВА-ГАТЦУКЪ, М. Альбомъ вязанія шерстью, крючкомъ и на спицахъ. Съ многоч. рисун. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

RISSKI, ROSE. Методъ изученія французскаго языка въ десяти отдѣльныхъ заочныхъ лекціяхъ. Редакт. Р. Зоммермейера. Спб. 1912. Ц. по подпискѣ за всѣ 10 лекцій 4 р. Отд. лекція—50 к.

САПОЖНИКОВА, Е. Наглядные руководства. Классный способъ преподаванія. Съ рисунками. Первый годъ обученія. М. 1913. Ц. 50 к.

ТАРАПЫГИНЪ, О. Родные завѣты. Азбука для обученія письму и чтенію русскому и церк.-слав. для школы и семьи. Спб. 1913. Ц. 25 к.

<p>ТУРЧИНОВИЧЪ, А. Палладіумъ. Главн. свѣд. изъ римскихъ древност., римск. литерат. и метрики. Спб. 1913. Ц. 50 к.</p>	<p>ФРОММЕТЪ, Б. Помощь школьнику—долгъ страны. Спб. 1913. Ц. 60 к. ЭНРИКВЕСЪ, Ф. Вопросы элементарной геометріи. Спб. 1913. Ц. 3 р.</p>
--	---

Книги для дѣтей и юношества.

<p>ЖДАНОВЪ, Л. Наслѣдіе Грознаго. Историческая повѣсть. Спб. 1913. Ц. 75 к. СОЛОВЬЕВА, П., и МАНАСЕИНА, Н.</p>	<p>Красное яичко. Разказы, сказки, стихи, картинки и загадки для маленькихъ дѣтей. Спб. 1913. Ц. 2 р.</p>
--	---

Спортъ, охота и игры.

ЗНОСКО-БОРОВСКІЙ, ЕВГ. Кодексъ шахматной игры. Справочная книга шахматиста. Спб. 1913. Ц. 1 р.

Справочныя книги.

<p>ГОЛЬДЕНБЕРГЪ, Н. Таблицы для численія процентныхъ чиселъ, процентовъ по нимъ 5 проц. и 0,216 Государств. сбора. Бѣлая-Церковь. 1913. Ц. 1 р. 75 к. КАРЕЛИНЪ. Путеводитель по Финлян-</p>	<p>діи. Съ приложеніемъ карты, плановъ, иллюстр., словаря. Изд. 2-е. Спб. 1913. Ц. 80 к. ГОРЕВЪ, В. Программа на частнаго повѣреннаго. Изд. 3-е. Спб. 1913. Ц. 75 к.</p>
---	--

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Цѣна за два тома, объемомъ болѣе 100 печатныхъ листовъ, съ 252 хромолитографіями, фототипіями, гравюрами, цинкографіями и автографами, двадцать пять рублей. Въ переплетѣ 30 рублей. Пересылка поразстоянію.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ
ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Т-ва А. С. Суворина—, „Новое Время“
КНИГА

Б. Б. ГЛИНСКАГО:

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ (1861-1881 гг.)

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ портретами и иллюстраціями. Цѣна за обѣ части 5 р. 50 к.

Въ этой книгѣ изложены историческія событія въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ и вплоть до мученической кончины Императора Александра II. Въ первой части авторъ слѣдитъ за нарожденіемъ оппозиціи внутренней политикѣ правительства и по преимуществу сосредоточиваетъ свое вниманіе на борьбѣ либеральныхъ общественныхъ элементовъ съ консервативными тенденціями правящихъ сферъ. Событія революціоннаго порядка отмѣчаются, какъ явленія единичныя, безъ поддержки ихъ значительнымъ количествомъ соучастниковъ. Во второй части передъ читателями развертывается дѣятельность «землевольческихъ» и «народовольческихъ» группъ, и на сцену выступаютъ фанатизированные террористы, жертвою преслѣдованія со стороны которыхъ является Царь-Освободитель. Обѣ части книги обильно иллюстрированы портретами русскихъ государственныхъ, общественныхъ и революціонныхъ дѣятелей второй половины XIX вѣка.

ТОГО ЖЕ АВТОРА продается книга:

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ (1612-1861 гг.).

Историческіе очерки

СЪ ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Цѣна 3 р. 50 коп.

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

СЪ 89 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

КНИГА ЗАКЛЮЧАЕТЪ ВЪ СЕБѢ 45 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ УБОРИСТАГО ШРИФТА;
КРОМѢ ТОГО, КЪ НЕЙ ПРИЛОЖЕНЪ «УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ И РИСУНКОВЪ»

ЦѢНА 4 РУБЛЯ. За пересылку по вѣсу.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году. — Петръ Великій въ Дефтпортѣ. — Петръ Великій въ Гаагѣ. — Двухсотлѣтіе Заавдамскаго домика. — Вѣнценосный хирургъ. — Императорскій титулъ. — Первые балы въ Россіи. — Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ. — Свадьба карликовъ. — Московскій маскарадъ 1722 года. — Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. — Первый петербургскій генераль-полиціймейстеръ. — Княгиня Волконская и ея друзья. — Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны. — Березовскіе ссыльные. — Дочь Бирона. — Убійство Синклера. — Холмогорская старина. — Тайный бракъ. — Императрица Екатерина II и ея два статсъ-секретаря. — Домашній бытъ Екатерины II. — Исторія мѣднаго всадника. — Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто. — Потемкинскіе проценты. — Столѣтіе кончины Г. А. Потемкина-Таврическаго. — Графъ К. Г. Разумовскій. — Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія. — Русскій чудакъ XVIII столѣтія. — Вельможа Екатерининскаго времени. — Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ. — Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія. — Самодуръ прошлаго столѣтія. — Богомъ данный генераль-прокуроръ. — Жена Суворова. — Пѣвица Габриелли. — Аристократка Александровскаго времени. — Молодость графа Аракчеева. — Сынъ Аракчеева. — Подпоручикъ Федосѣевъ. — Семейное преданіе. — Забытый Филантропъ. — Послѣдній графъ Головкинъ. — Одинъ изъ грибоѣдовскихъ типовъ. — Общество танцоровъ поневоль. — Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ. — Дуэль Новосильцева съ Черновымъ. — Княгиня Ловичъ. — Кирьяново, дача княгини Дашковой. — Александрова дача. — Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году. — Мнимое завѣщаніе Петра Великаго. — Кладбищенская литература. — Указатель личныхъ именъ. — Указатель портретовъ и рисунковъ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“
(Спб., Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ-на-Дону)

ПРОДАЕТСЯ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ
СОДЕРЖАНІЯ
„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

за 25 лѣтъ (1880—1904 гг.)

СОСТАВИЛЪ
Б. М. ГОРОДЕЦКІЙ

Книга заключаетъ въ себѣ 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Въ ней переименованы 9525 статей и 2993 рисунка; кромѣ того, приложсны два алфавита: 1) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ статей, и 2) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ рисунковъ. Книга отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Цѣна 5 руб.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.



Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.



Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13





ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ
СЕНТЯБРЬ, 1913 Г.

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

СЕНТЯБРЬ, 1913 г.

	с.
I. Борьба у престола. (Историческій романъ). Часть вторая. XVIII—XXII. (Продолженіе). Ф. Е. Зарина-Несвицкаго . . .	с.
II. Моя служба въ Туркестанскомъ краѣ. (1870—1906 года). I—IV. Г. П. Федорова	78
III. У родственниковъ. (Повѣсть). (Окончаніе). М. Е. Васильевой	813
IV. За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). III. (Продолженіе). В. Б. Бертенсона	849
V. На водѣ и на сушѣ. (Бытовья картинки изъ жизни водоходовъ). Водного	870
VI. Воспоминанія о покойномъ цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ . А. Н. Витмера	884
VII. Процессъ Н. Г. Чернышевскаго . М. В. Ключкова	889
иллюстраціи: 1) Барандашная записка.—2) Письмо къ А. Н. Плещеву .	
VIII. Память о Шамилѣ въ Калугѣ. Д. П. Богданова	920
иллюстрація: Домъ Шамиля въ Калугѣ (обозначенъ крестомъ).	
IX. Роль казачества въ эпоху революціи 1905 г. Н. Г. Парчевскаго	936
X. Страничка изъ исторіи крѣпостного театра въ Орловской губерніи. (О театрахъ графа Каменскаго и Юрасовскихъ). Т. А. Мартемьянова	965
XI. Памяти М. Н. Соймонова . (Къ двадцатипятилѣтію его кончины 12 сентября 1888 года). Ал. Лугового	985
иллюстрація: М. Н. Соймоновъ .	
XII. Развѣщанные герои революціи 1905 г. 1) Г. С. Хрусталева-Носарь . XIX—XXIV. (Продо. женіе). Б. Глинскаго	998
XIII. 15 іюля 1913 года въ Остафьевѣ. Б. Г—ва	1040
иллюстраціи: 1) Памятникъ А. С. Пушкину .—2) Памятникъ В. А. Жуковскому .—3) Памятникъ кн. П. А. Вяземскому .	
XIV. Балаклава. В. А. Алексѣева	1049
иллюстраціи: 1) Балаклава. Общій видъ.—2) Балаклава. Видъ отъ генуэзскихъ башенъ.	

(См. слѣд. стран.).

XV. Критика и библиография.	
1) Варонъ Н. Н. Врангель. Имяокъ мертвыхъ. Художественно-историческія статьи. Спб. 1913. Е. Шумигороного.— 2) Собрание памятниковъ церковной старины въ ознаменованіе трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ. Москва. Чудовъ монастырь. 1913. и. с. б.— 3) Профессоръ П. Петровъ. Альбомъ достопримѣчательностей церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной академіи. Вып. I. Коллекція синайскихъ и лаврскихъ иконъ пресвященнаго Порфирія Успенскаго. Кіевъ. 1912. В. Бочнова.— 4) А. В. Жиркевичъ. Жизнь по христу старца Зосима, въ ширѣ Дн. Рашина. (Его биографія). Вильна. 1913.— Отъ же. Архимандритъ Зосима (въ ширѣ Дмитрій Рашина) былъ неканоничъ. (Исторія еще одной судобной ошибки). Вильна. 1913. В. А.— 5) Курскій дворянскій Александровско-Николаевскій пансіонъ-приютъ (1883—1913). Очеркъ исторіи учрежденія, составилъ В. Н. Рыштинскій. А. Танинова.— 6) Юбилейный сборникъ вострогского церковно-историческаго общества въ память трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ. Кострома. 1913. А. Миронова.— 7) Десятьпятый годъ. Историческіе документы собственной канцеляріи главнокомандующаго третьей японской арміею генерала-отъ-кавалеріи А. П. Турназова. Извлечъ изъ семейнаго архива и привезъ въ порядокъ Д. П. Алехашевъ. Спб. 1912. В. Рудакова.— 8) Департаментъ окладныхъ сборовъ 1868—1913 годъ. Съ 16 таблицами и 2 диаграммами посылки и распредѣленія различныхъ податей и налоговъ. Спб. 1913. П. Майнова.— 9) В. Завитковичъ. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Томъ II. Сіезъ. 1913. П. б.— 10) В. Верхованцевъ. Городъ Пермь, его прошлое и настоящее. (Братскій историко-статистическій очеркъ). Пермь. 1913. Д. ш.— 11) Вл. Семеновъ. Адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ. Посмертное изданіе. Съ портретомъ адмирала С. О. Макарова. Спб. 1913. и. Гурвич.— 12) А. Дорошквичъ. Война на Балканскомъ полуостровѣ.— Отъ открытія военныхъ дѣйствій до перемирія. Съ планами и схемами. Спб. 1913. Нимануэль, наговоръ германской службы. Балканская война 1912 года. Вып. I.— Событія до войны.— Вооруженныя силы сторонъ.— Обзоръ театра военныхъ дѣйствій.— Переводъ съ нѣмецкаго Д. К. Лебедева. Спб. 1913. Л. и.— 13) Н. И. Замотинъ. Ф. М. Достоевскій въ русской критикѣ. Часть первая, 1846—1881. Варшава. 1913. Влад. Нининина.— 14) К. Чудя. Императрица-страдальца. Переводъ съ нѣмецкаго Д. Горбунова. Москва. 1913.— Книжъ Н. Д. Жеваховъ. Княжна Марія Михайловна Дондукова-Корсакова. Спб. 1913. Сергѣя фонъ Штейна.— 15) Ф. А. Кудринскій. Курсъ новой русской литературы въ органически-конспективномъ видѣ. Вып. I. Пушкинъ, Грибоедовъ, Лермонтовъ, Гоголь, Кольцовъ. Вильна. 1913. Вып. II. Бѣлинскій, Тургеневъ, Достоевскій, Некрасовъ, А. Толстой, Островскій, Гончаровъ и Л. Толстой. Вильна. 1912. Д. Бочнова.— 16) Толстовскій ежегодникъ. Спб. 1913. А. Фарсова.	
XVI. Книги, поступившія для отъыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника».	1094
XVII. Изъ жизни археологическихъ учреждений. А. А. Митронова.	1097
XVIII. Заграничныя историческія повости и мелочи	1105
1) Сходство между греками и ливонцами.— 2) Нежданныя письма Вераиже.— 3) Международный женскій конгрессъ.— 4) Результаты войны балканскихъ союзныхъ государствъ.— 5) Вѣгство английской королевы.— 6) Какъ возникаютъ моды.— 7) Императоръ Іосифъ II и его сестра.	
XIX. Смѣсь.	1134
1) Открытіе памятника адмиралу С. О. Макарову.— 2) Археологическія раскопки.— 3) Археологическая радость въ Самарѣ.— 4) Цѣнный архивъ.— 5) Памятники старины.— 6) Пожертвованіе музею 1812 года.— 7) Петербургское общество грамотности.	
XX. Некрологи.	1142
1) Аусеико, В. Г.— 2) Введенскій, А. М.— 3) Груадевъ, Ф. С.— 4) Кузнецовъ, С. К.— 5) Пихно, Д. И.— 6) Славницкій, А. И.— 7) Соколовъ, А. А.— 8) Леся Украинка.— 9) Дзятковский, Ю. Ю.	
XXI. Замѣтки и поправки.	1151
Къ ст. «Разъясчанные герои революціи 1905 года». Н. Бѣлинскаго.	

Приложенія: 1) Портретъ цесаревича Николая Александровича.— 2) Тѣло власти. Историческій романъ Поля Бертрама. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. (Продолженіе).

СОДЕРЖАНІЕ СТО ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ 1913 года.

	СТРАН.
Борьба у престола. (Историческій романъ). Часть вторая. VIII—XXII. (Продолженіе). Ф. Е. Зарина-Несвицкаго	5, 385, 753
Быль минувшаго. (Окончаніе). Маріи Ватаци, рожденной Мертваго	35
Преступленіе понамаря. (Разсказъ моего дѣда). Г. Н. Ольшанскаго	53
За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). (Продолженіе). В. Б. Бертенсона	78, 460, 849
За кулисами печати. (Отрывки воспоминаній стараго журналиста). А. Е. Кауфмана	97
Изъ жизни. (Изъ записокъ судьи). VI. Мертвое тѣло. С. П. Руднева	131
Женская личность въ исторіи Россіи. Е. Щепкиной	149
Императоръ Александръ II и наслѣдникъ Николай Александровичъ въ курской мужской гимназій въ 1859 году. А. А. Танкова	170
С. Н. Шубинскій, какъ редакторъ журнала. А. И. Фаресова	173
По чужому адресу. (Изъ служебныхъ воспоминаній). В. П. Авенариуса	189
Воспоминаніе о генераль-адъютантѣ Александрѣ Петровичѣ Струковѣ. Т. Лопато	194
Изъ смутнаго времени въ Прибалтійскомъ краѣ. А. С.	198
Тимошей Абрамовичъ Бондаревъ. (Изъ личныхъ воспоминаній). К. Гор—енко	207
иллюстрація. Тимошей Абрамовичъ Бондаревъ.	
Забывтый писатель. В. И. фонъ-Штейна	217
<small>истор. вѣстн. совѣтск. вѣстн. г., т. сxxxiii.</small>	1/2

- Развѣчаные герои революціи 1905 г. 1) Г. С. Хрусталевъ-Носарь. VI—
XXIV. (Продолженіе). **Б. Глинскаго**. 233, 598, 998
иллюстрація: Г. С. Хрусталевъ-Носарь.
- Поѣздка къ могиламъ Елагиныхъ и Батенькова. **А. Фирсова**. 266
- На благодатномъ югѣ. **А. И. Фаресова**. 269
иллюстраціи: 1) Общій видъ Херсона.— 2) Видъ на Днябрь.— 3) Крепостныя ворота.— 4) Карантинный островъ.— 5) Екатерининскій соборъ.— 6) Гимназическій бульваръ.— 7) Памятникъ Потемвину.— 8) Памятникъ Говарду.
- Дневникъ О. М. Бодянскаго. **М. Г. Попруженка**. 413
- У родственниковъ. (Повѣсть). **М. Е. Васильевой**. 432, 813
- Во хмелю. (Изъ жизни современной деревни). **М. С. Семенова**. 485
- Изъ моихъ воспоминаній о еврейскомъ прошломъ. **С. К. Ефрона (Литвина)**. 495
- Петербургскіе наброски. (Трагедія директора банка). **Г. К—на**. 527
- Неурожай въ Тобольской губерніи 1891 года. **В. А. Троицкаго**. 536
- Родители А. С. Суворина. **Б. Г.** 553
иллюстраціи: 1) Александра Львовна Суворина.— 2) Домъ С. Д. Суворина въ Коршевѣ.— 3) Формулярный списокъ С. Д. Суворина.
- Художникъ слова и пера. (Вѣглыя замѣтки и отрывочныя воспоминанія, вызванныя вторымъ томомъ на «Жизненномъ пути» А. О. Кони).
А. Витмера. 566
- Памяти В. Е. Рудакова. **Б. Глинскаго**. 580
иллюстрація: Василій Егоровичъ Рудаковъ.
- Изъ жизни старобрядчества на сѣверѣ Россіи. **Н. Н. Оглоблина**. 593
- Къ столѣтію Кульмскаго боя. 17 августа 1813—1913 года. **К. Бурляева**. 630
иллюстраціи: 1) Русскій памятникъ.— 2) Братская могила.— 3) Германскій памятникъ.— 4) Австрійскій памятникъ.
- Красное село. (Историческій очеркъ). **Е. Каменскаго**. 638
иллюстраціи: 1) Красное село въ царствованіе Николая I. (Возвращеніе войскъ съ Военнаго поля).— 2) Церковный парадъ въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ въ царствованіе императора Николая I.— 3) Оригинальная пушка въ Красномъ Селѣ.— 4) Дворецъ Государя въ Красномъ Селѣ.— 5) Памятникъ Императору Александру II.— 6) Царская ферма въ Дудергоффѣ.
- Моя служба въ Туркестанскомъ краѣ. (1870—1906 года). **Г. П. Федорова**. 786
- На водѣ и на сушѣ. (Бытовыя картинки изъ жизни водоходовъ). **Водяного**. 870
- Воспоминанія о покойномъ цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ. **А. Н. Витмера**. 884
- Процессъ Н. Г. Чернышевскаго. **М. В. Ключкова**. 889
иллюстраціи: 1) Карандашная записка.— 2) Письмо къ А. Н. Плещееву.

Память о Шамиле в Калуге. Д. П. Богданова	920
Иллюстрация: Дом Шамиля в Калуге (обозначенъ крестомъ).	
Роль казачества въ эпоху революціи 1905 г. Н. Л. Парчевскаго	937
Страничка изъ исторіи крѣпостнаго театра въ Орловской губерніи. (О театрахъ графа Каменскаго и Юрасовскихъ). Т. А. Мартемьянова . . .	965
Памяти М. Н. Соймонова . (Къ двадцатипятилѣтію его кончины 12 сентября 1888 года). Ал. Лугового	985
Иллюстрація: М. Н. Соймоновъ .	
15 іюля 1913 года въ Остафьевѣ. Б. Г—ва	1040
Иллюстраціи: 1) Памятникъ А. С. Пушкину.—2) Памятникъ В. А. Жуковскому.—3) Памятникъ кн. П. А. Вяземскому.	
Балаклава. В. А. Алексѣева	1049
Иллюстраціи: 1) Балаклава. Общій видъ.— 2) Балаклава. Видъ отъ генуэзскихъ башенъ.	
Критика и библиографія.	298, 662, 1065

1) Юридическіе памятники, издаваемые варшавскимъ главнымъ архивомъ древнихъ актовъ. Выпускъ I. Описание дѣлъ, хранящихся въ варшавскомъ главномъ архивѣ древнихъ актовъ. Томъ I. Книги привилегій и рѣшеній польской коронной канцеляріи и дѣлъ нѣкоторыхъ другихъ коронныхъ инстанцій XV—XVIII столѣтій. Варшава. 1912. В. Руданова.— 2) П. М. де-Ламартиньеръ Путешествіе въ сѣверныя страны (1653 г.). Переводъ и примѣчанія В. Н. Семеновича. Москва. 1912. Н. Г. Высоцкаго.— 3) Г. К. Лукомскій. О древне-русскомъ зодствѣ Чернигова. Спб. 1912.— Его же. Наши архитектурные вандализмы. Исторія рѣшетки Казанскаго собора. Къ юбилею Отечественной войны. Спб. 1912. В. Р—ва.— 4) И. Прыжовъ. Нищія на Святой Руси. Матеріалы для исторіи общественнаго и народнаго быта въ Россіи. Казань. 1913. М—о.— 5) Великій князь Николай Михайловичъ. Письма высочайшихъ особъ къ графинѣ А. С. Протасовой. Спб. 1913. В. А—ва.— 6) 1812. Ото дѣтъ службы гвардейскихъ саперъ. Краткіи историческіи очеркъ. Составилъ Г. Габаевъ, капитанъ лейбъ-гвардіи сапернаго батальона. Спб. 1912. В. Р—ва.— 7) Культурныя сокровища Россіи. 4 выпускъ. Со многими рисунками въ текстѣ и отдѣльно. Москва. 1912.—1913. А. Б.— 8) Записки графа Николая Егоровича Бомаровскаго. Москва. 1912. П. Маймова.— 9) В. Всеволодскій (Герягроссъ). Исторія театральнаго образованія въ Россіи. Т. I. (XVII—XVIII вѣка). Спб. 1913. А. Измайлова.— 10) М. Г. Джанапвили. Къ матеріаламъ по исторіи и древностямъ Грузіи и Россіи. Забѣтки, переводы, комментарий. Тифлисъ. 1912. Э.— 11) Русскій биографическій словарь. Рейтернъ—Рольдбергъ. Спб. 1913. То же Яблоновскій—Фоминъ. Спб. 1913. В. Р—ва.— 12) С. Д. Чистяковъ. Лява въ событіяхъ Отечественной войны 1812 года. Лява. 1912. А. Э. Мильгрена.— 13) Русская періодическая печать 1703—1900 гг. Библиографія и критическія таблицы. Составилъ Н. М. Лисовскій. Отдѣлъ 1. Библиографія: русской періодической печати. Отдѣлъ 2. Графическія таблицы русской періодической печати. Вып. III. 1881—1900 г.г. Библиографія, листы 13—24 и предисл. Графическія таблицы, листы 25—48. Спб. 1913. А. М—на.— 14) Родные Забѣты. Азбука для обученія письму и чтенію русскому и церковно-славянскому для школы и семьи.— Хрестоматія. Часть I. Первая послѣ азбуки книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Часть II. Вторая книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Часть III. Третья книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Часть IV. Четвертая книга для класснаго чтенія въ народныхъ училищахъ.—Для наставниковъ и руководителей. Руководящая забѣтка въ азбуку и четыремъ книгамъ для класснаго чтенія «Родные Забѣты» (Хрестоматія). Составилъ Ф. А. Тарашкинъ. Спб. 1913. В. Р—ва.— 15) Сочиненія В. П. Вуренина. Томъ I, съ портретомъ автора. I. Мертвая нога (Таинственный процессъ). II. Романъ въ Кисловодскѣ. Спб. 1912.

Томъ II. Стихотворенія. Переводы. Спб. 1912. Томъ III. Военно-поэтическіе отголоски. Пѣсни дня. Думы. Поэмы. Вылины. Спб. 1912. А. Бурнина.—16) Варвара Духовская. Туркестанскія воспоминанія. Спб. 1913. И. Гурвича.—17) Ю. А. Яворскій. Великорусскія пѣсни въ старинныхъ карпато-русскихъ записяхъ. (Отдѣльный оттискъ изъ «Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ», т. XVII. Книга 1). Спб. 1912. В. Мар-скаго.—18) В. Розановъ. «Опавшіе листья». Спб. 1913. Н. Вальмана.—19) Несторъ Котляровскій. Литературныя направленія Александровской эпохи. Пособіе для приступающихъ къ изученію русскаго языка и словесности XIX вѣка. Спб. 1913. Вл. кн.—20) П. фонъ-Кауфманъ. Красный Крестъ въ тылу арміи въ японскую кампанію 1904—1905 г.г. Томъ I. Сибирскій районъ 2 части. Томъ II. Забайкальскій районъ. 2 части Спб. я—а.—21) В. Воцциниъ. Переселенческой вопросъ въ государственной думѣ третьяго созыва. Спб. 1912. Г. г—а.—22) Художникъ-иллюстраторъ А. А. Агинъ, его жизнь и творчество. Съ 45 иллюстраціями въ текстѣ, составилъ Константинъ Кузминскій. Москва. Г. Полилова.—23) Карикатуры Пэма. Вибліотека «Вечернаго Времени». Изданіе В. А. Суворина. Спб. 1913. м—о.—24) Ф. Герштекеръ. Вселенная. Разсказы для дѣтей изъ физической, математической и политической географіи. Переводъ подъ редакцію Ф. Резенера, передѣланный и дополненный М. Л. Песковскимъ. Пятое русское подъ ред. А. А. Ешевскаго изданіе. Съ 229 рисунками, 6 картъ въ краскахъ и 8 географическими картами. Спб. 1913. м. а. с.—25) Евгений Мюллеръ. Юность знаменитыхъ людей. Переводъ съ французскаго съ дополненіями для русскаго юношества Н. С. Кутейникова. Съ рисунками художника Эмиля Ваара. Спб. 1913. м. м. м.—26) В. Конради. Книга о святомъ Францискѣ. Спб. 1912. п. б.—27) Густавъ Тейхмюллеръ. Дѣйствительный и кажущійся миръ. Новое осмысленіе метафизики. Казань. 1913. а. б.—28) Чтеніе въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. 1912 года. Книга первая. Двѣсти сороковая. М. 1912. в. р—ва.—29) В. Т. Васильевъ. Вѣчное и неизмѣнное. Влскъ военной мысли. Подъ редакціей проф. А. А. Незнамова. 1912. м. с.—30) Тихоновъ. Въ отставкѣ. (Воспоминанія отставнаго чиновника). Спб. 1913. д. а.—31) Изъ Митавской старины. Вып. I. Къ 100-лѣтнему юбилею Отечественной войны. Враги въ Курляндіи. (1812 г.). Митава. 1912. а. м—на.—32) П. Пирлингъ. Историческія статьи и замѣтки. Спб. 1913. к.—33) Труды вятской ученой архивной комиссіи. 1912 г. Выпускъ I—II. Посвящается памяти преподобнаго Трифона, вятскаго чудотворца, по случаю трехсотлѣтняго юбилея со дня его блаженной кончины.—Вып. III. Посвящается памяти отечественной и освободительной войны 1812—1813—1814 г. Вятка. 1912. в. Руданова.—34) Владимиръ Бятченко. Руины замка въ Гапсальѣ. Ревель. 1912. 2) Гапсальскій замокъ, его настоящее и прошлое. Гапсаль. 1912. А. Мальмгrena.—35) François Charles-Roux, Alexandre II, Gortschakoff et Napoléon III. Paris. 1913. а. б.—36) Логофеть, Д. Н. Въ горахъ и на равнинахъ Вухары. (Очерки Средней Азіи). Спб. 1913. в. бр.—37) Д. А. Скалонъ. Мои воспоминанія 1877—1878 гг. Томъ I. 1913. М. Сооловскаго.—38) Сборникъ статей въ честь Дмитрія Фомича Кобеко, съ прилож. портрета г. Кобеко и многими фототипіями, въ томъ числѣ съ грамоты царя Вориса къ императору Рудольфу II. 1602 г. п. Майновъ. Спб. 1913.—39) Дневникъ Вѣры Сергѣевны Авсаковой. 1854—1855. Редакція и примѣчанія князя Н. В. Голицина и П. Е. Щеголева. Спб. 1913. вл. к.—40) Письма А. П. Тихова. Томы I—IV. Съ иллюстраціями. Москва. 1913. д. Масляенна.—41) Вибліографическій ежегодникъ. Выпускъ II. Подъ редакціей И. В. Владиславлева. Систематическій указатель литературы за 1912 годъ. Москва. 1913. в. д—ова.—42) Горнфельдъ, А. Г. О русскихъ писателяхъ. Томъ I. Спб. 1912. б—на.—43) П. Н. Сакулинъ. Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь В. Ф. Одоевскій — мыслитель-писатель. Тома I части I и II. Москва. 1913. вл. ф.—штейна.—44) Витторіо Альфьери. Жизнь и произведенія. Изслѣдованіе И. И. Гливленко. Томъ I. (4 портрета и 4 приложенія). Спб. 1912. п. и. а.—45) Н. Карѣевъ. Теорія историческаго знанія. Спб. 1913. п. б.—46) Ф. Тассаръ. Воспоминанія о Гюи де-Мопассанѣ его слуги Франсуа. Переводъ съ французскаго. Спб. 1913. я.—47) Краткій очеркъ римскихъ древностей. Для гимназій, прогимназій и самообученія. Составилъ Н. Санчурскій, бывшій окружный инспекторъ петербургскаго учебнаго округа, при участіи А. Гофмана и М. Янко—директоровъ петербургскихъ гимназій, П. Варсова, И. Домидова и I. Сѣдлатаго—инспекторовъ петербургскихъ гимназій, Э. Кесслера и В. Марданова—преподавателей петербургскихъ гимназій. Четвертое изданіе пересмотрѣнное Спб. 1913. а. м—нъ.—

- 48) Древній міръ и средніе вѣка. Историческіе очерки. Составили Н. Н. Бороздинъ, профессоръ С. А. Котляревскій, В. В. Филатовъ, А. Г. Штейгеръ и М. А. Эртель. Съ рисунками въ текстѣ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва. 1913. Пант.—49) Г. Гинсъ. Переселеніе и колонизація. 1913. п. с.—ва. 50) Архимандритъ Іона. Римскій папа и православный Востокъ. Очерки и этюды по вопросу о современномъ отношеніи Рима къ Россіи и Ближнему Востоку. Спб. 1913. Е.—51) Переселеніе и землеустройство за Ураломъ въ 1906—1910 г. и отчетъ по переселенію и землеустройству за 1910 г. Изданіе переселенческаго управленія, со многими геологическими и съ десятью географическими картами. Спб. п. Майнова.—52) С. Э. Терменъ. Призрѣніе несчастнорожденныхъ въ Россіи. Спб. 1912. г. Гинса.—53) Общество славянскаго научнаго единенія. Славянскій вопросъ въ его современномъ значеніи. (Рѣчи и статьи члена государственной думы А. М. Александрова, академика В. М. Бехтерева, профессора М. М. Ковалевскаго. Янко Ларвина, профессора П. А. Лаврова, Д. И. Семиза и профессора М. П. Чубинскаго). Спб. 1913. в. Мар—снаго.—54) М. К. Соколовскій и князь А. С. Эрнстовъ. Славное прошлое изюмскихъ гусаръ. Памятка 11-го гусарскаго Изюмскаго его королевскаго высочества принца Генриха прусскаго полка. Спб. 1912. А. м.—55) А. Г. Петискусъ. Олимпъ. Мифологія грековъ и римлянъ. Третье русское изданіе, переработанное (по 21 нѣмецкому изданію) подъ редакціей К. А. Тюделева. Съ рисунками въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Спб. 1913. д. м.—56) У. Г. Яваскъ. Григорій Николаевичъ Геннади. (Обзоръ жизни и трудовъ). М. 1913. в. Руданова.—57) Спутникъ по древнему Владимиру и городамъ Владимирской губернии. Историко-археологическое описаніе всѣхъ городовъ Владимирской губерніи. Составилъ Н. Н. Ушаковъ. А. в. с.—58) Riga vor Hundert Jahren. Riga 1912. А. м.—на.—59) Баронъ Н. Н. Врангель. Вѣновъ мертвымъ. Художественно-историческія статьи. Спб. 1913. Е. Шумигорскаго.—60) Собраніе памятниковъ церковной старины въ ознаменованіе трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ. Москва. Чудовъ монастырь. 1913. и. с. Б.—61) Профессоръ Н. Петровъ. Альбомъ достопримѣчательностей церковно-археологическаго музея при вѣвской духовной академіи. Вып. I. Коллекція синайскихъ и афонскихъ иконъ пресвѣщеннаго Порфирія Успенскаго. Кіевъ. 1912. д. Бочнова.—62) А. В. Жиркевичъ. Жизнь во христѣ старца Зосимы, въ мірѣ Дм. Рашина. (Его біографія). Вильна. 1913.—Онъ же. Архимандритъ Зозима (въ мірѣ Дмитрій Рашина) былъ невиновенъ. (Исторія еще одной судебной ошибки). Вильна. 1913. в. А—ва.—63) Курскій дворянскій Александровско-Николаевскій пансіонъ-пріютъ (1883—1913). Очеркъ исторіи учрежденія, составилъ В. Н. Рѣшетинскій. А. танкова.—64) Юбилейный сборникъ костромскаго церковно-историческаго общества въ память трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ. Кострома. 1913. А. Миронова.—65) Двѣнадцатый годъ. Историческіе документы собственной канцелярніи главнокомандующаго третьей западною арміею генералъ-отъ-кавалеріи А. П. Тормазова. Извлечъ изъ семейнаго архива и привелъ въ порядокъ Д. П. Ахлестышевъ. Спб. 1912. в. Руданова.—66) Департаментъ окладныхъ сборовъ 1863—1913 годъ. Съ 15 таблицами и 2 диаграммами поступленія и распредѣленія различныхъ податей и налоговъ. Спб. 1913. п. Майнова.—67) В. Завитневичъ. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Томъ II. Кіевъ. 1913. п. Б.—68) В. Верхоланцевъ. Городъ Пермь, его прошлое и настоящее. (Краткій историко-статистическій очеркъ). Пермь. 1913. д. м.—69) Вл. Семеновъ. Адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ. Посмертное изданіе. Съ портретами Адмирала С. О. Макарова. Спб. 1913. и. Гурвича.—70) А. Дорошкевичъ. Война на Балканскомъ полуостровѣ.—Отъ открытія военныхъ дѣйствій до перемирія. Съ планами и схемами. Спб. 1913. Имануэль, майоръ германской службы. Балканская война 1912 года. Вып. I.—Событія до войны.—Вооруженныя силы сторонъ.—Обзоръ театра военныхъ дѣйствій.—Переводъ съ нѣмецкаго Д. К. Лебедева. Спб. 1913. л. н.—71) И. Н. Замотинъ. Ф. М. Достоевскій въ русской критикѣ. Часть первая. 1846—1881. Варшава. 1913. Влад. Ивьянина.—72) К. Чуди. Императрица-страдалница. Переводъ съ нѣмецкаго Л. Горбунова. Москва. 1913.—Князь Н. Д. Жеваховъ. Княжна Марія Михайловна Дондукова-Корсакова. Спб. 1913. Сергья фонъ-штейна.—73) Ф. А. Кудринскій. Курсъ новой русской литературы въ органически-конспективномъ видѣ. Вып. I. Пушкинъ, Грибоевъ, Лермонтовъ. Гоголь, Кольцовъ. Вильна. 1913. Вып. II. Бѣлинскій, Тургеневъ, Достоевскій, Некрасовъ, А. Толстой, Островскій, Гончаровъ и Л. Толстой. Вильна. 1912. д. Бочнова.—74) Толстовскій ежегодникъ. Спб. 1913. А. Фаресова.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника». 1094

Изъ жизни археологическихъ учреждений. А. А. Миронова. 1097

Заграничныя историческія новости и мелочи. 340, 705, 1105

1) Быль ли Гомеръ поэтѣмъ, или моралистомъ.—2) Королевскіе браки въ Англии.—3) Женщины и любовь въ сочиненіяхъ Эллиенъ Кей.—4) Нѣмецкая Монтеспань.—5) Секретарь Робеспьера.—6) Трагедія Равальяка.—7) Отовсюду.—8) Карточная игра.—9) Воспоминанія Россіи о своемъ дѣтствѣ.—10) Переписка между Гете и Карлейлемъ.—11) Гобино, Ницше и Вагнеръ.—12) Дѣятельность англо-русскаго литературнаго общества въ Лондонѣ.—13) Двадцатипятилѣтній юбилей Вильгельма II.—14) Настоящая madame Дюбарри.—15) Прототипъ Гамлета.—16) Приключенія одного изъ роаялистовъ.—17) Къ исторіи Албаніи.—18) Отовсюду.—19) Сходство между греками и японцами.—20) Неизданныя письма Веранже.—21) Международный женскій конгрессъ.—22) Результаты войны балканскихъ союзныхъ государствъ.—23) Вѣгство англійской королевы.—24) Какъ возникаютъ моды.—25) Императоръ Іосифъ II и его сестра.

Смѣсь. 370, 739, 1134

1) Двухсотлѣтіе императорскаго ботаническаго сада.—2) Юбилей профессора А. Х. Гольмстена.—3) Сорокалѣтнѣтнѣ научной дѣятельности И. Я. Фойницкаго.—4) Пятидесятилѣтній юбилей графа О. Д. Шереметева.—5) Юбилей митрополита Владимира.—6) Памятникъ на могилѣ Нефедова.—7) Конкурсъ имени С. Я. Надсона.—8) Древнее кладбище въ городѣ Смоленскѣ.—9) Романовскій обелискъ на Цвѣтномъ бульварѣ въ Москвѣ.—10) Отчетъ комитета для устройства празднованія 500-лѣтія царствованія Романовыхъ.—11) Открытіе памятниковъ Пушкину, Жуковскому и князю Вяземскому.—12) Храмъ-памятникъ въ городѣ Холмѣ.—13) Пятисотлѣтіе храма.—14) Юбилей Н. Я. Марра.—15) Тридцатипятилѣтній юбилей И. Ѳ. Вогданова.—16) Открытіе памятника адмиралу С. О. Макарову.—17) Археологическія раскопки.—18) Археологическая рѣдкость въ Самарѣ.—19) Цѣнный архивъ.—20) Памятники старины.—21) Пожертвованіе музею 1812 года.—22) Петербургское общество грамотности.

Некрологи 377, 743, 1142

1) Влекловъ, С. М.—2) Де-Брюксъ, Н. А.—3) Войнаровскій, П. Д.—4) Гейнце, Н. Э.—5) Ивашенцовъ, А. П.—6) Романовъ, И. Ф.—7) Сокольскій, В. А.—8) Сосняковъ, Н. А., протоіерей.—9) Сувичинскій П. Е.—10) Тихомировъ, І. Н.—11) Тихомировъ, К. И.—12) Холодникъ, И. И.—13) Выстровъ, Ѳ. Н.—14) Княжна Грузинская, О. И.—15) Демьяновъ, М. А.—16) Казанскій-Соршеръ, В. А.—17) Забѣлинъ, Н. Н.—18) Кондратьевъ, А. М.—19) Котурницкій, П. В.—20) Кудринскій, М. А.—21) Бузменко, І. Е.—22) Бузнецовъ, М. М.—23) Пруссакъ, В. К.—24) Рудневъ, В. Ѳ., контръ-адмиралъ.—25) Соломинъ, С. Я.—26) Творожниковъ, А. И.—27) Табурно, І. П.—28) Щербина-Брамаренко, Н. Н.—29) Авсѣенко, В. Г.—30) Введенскій, А. М.—31) Груздевъ, Ф. С.—32) Кузнецовъ, С. К.—33) Пихно, Д. И.—34) Сливницкій, А. М.—35) Соколовъ, А. А.—36) Леся Украинна.—37) Цвѣтковскій, Ю. Ю.

Замѣтки и поправки. 1151

Къ ст. «Развѣнчанные герои революціи 1905 года». Н. Бѣллевскаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портреты: 1) Василия Бернардовича Вертенсона.—2) Алексея Сергѣевича Суворина.—3) Цесаревича Николая Александровича.—4) Тѣнь власти. Историческій романъ Поля Бертрама. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. (Продолженіе).



БОРЬБА У ПРЕСТОЛА ¹⁾.

(Историческій романъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XVIII.



ВЪ КАБИНЕТЪ канцлера шло серьезное совѣщаніе. Тамъ сидѣли Дмитрій Михайловичъ, генераль-аншефъ Матюшкинъ, Черкасскій, фельдмаршалъ Иванъ Юрьевичъ и Юсуповъ.

Главнымъ образомъ для того, чтобы повидать этихъ людей, и пріѣхалъ князь Дмитрій Михайловичъ.

Среди поданныхъ въ верховный совѣтъ проектовъ онъ считалъ наиболѣе значительными, по количеству примыкавшихъ къ нимъ лицъ и по существу, проекты князя Черкаскаго и генерала Матюшкина.

Конечно, самъ князь Алексѣй Михайловичъ не могъ выдумать никакого проекта. За его спиной стояли другіе, во главѣ съ Василюмъ Никитичемъ Татищевымъ, талантливымъ историкомъ и ученымъ. Но къ этому проекту, благодаря значенію и вліянію Черкаскаго, примыкала большая и сильная партія знати, какъ Трубецкіе, Барятинскіе и другіе, и много гвардейскихъ офицеровъ, привлеченныхъ въ его домъ красавицей Варенькой и колоссальнымъ богатствомъ князя.

Что касается Матюшкина, то его проектъ являлся выразителемъ желаній значительной части шляхетства.

¹⁾ Продолженіе см. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXXIII, стр. 385.
«Истор. вѣстн.», сентябрь 1913 г., т. СXXXIII.

Оба эти проекта, признавая необходимымъ новое государственное устройство на коллегіальныхъ началахъ, были составлены въ смыслѣ ограниченія власти верховнаго совѣта.

Проектъ Черкаскаго предлагалъ упразднить вовсе верховный совѣтъ и создать вмѣсто него «въ помощь ея величеству» «вышнее правительство»—сенатъ, состоящій изъ двадцати одной персоны (въ это число входитъ весь наличный составъ верховнаго совѣта) и другое «нижнее правительство»—въ составѣ ста персонъ.

Проектъ Матюшкина предлагалъ увеличеніе числа членовъ верховнаго совѣта, по избранію «общества», подъ которымъ разумѣлись военный и штатскій генералитетъ и шляхетство.

Оба проекта предусматривали закономѣрныя дѣйствія правительства на основахъ общественнаго контроля чрезъ выборныхъ лицъ, расширеніе правъ шляхетства и облегченіе участи другихъ сословій.

Но какъ въ томъ, такъ и другомъ повторялось, что въ «вышнемъ правительствѣ» или верховномъ совѣтѣ не должно быть двухъ членовъ одной фамилии. Это уже прямо было направлено противъ Голицыныхъ и Долгорукихъ.

Въ настоящее время, при всеобщемъ броженіи, задача Дмитрія Голицына и верховнаго совѣта состояла въ томъ, чтобы привлечь на свою сторону шляхетство.

Во всѣхъ представленныхъ проектахъ, повидимому, подразумевалось ограниченіе императорской власти. Для Дмитрія Михайловича это было самымъ важнымъ. Онъ до такой степени былъ убѣжденъ въ преимуществахъ своего проекта, что легко готовъ былъ согласиться на нѣкоторыя уступки, въ родѣ увеличенія числа членовъ верховнаго совѣта.

Ходя крупными шагами по кабинету, онъ съ обычнымъ жаромъ и убѣдительностью говорилъ:

— Мы всѣ хотимъ одного! Хотимъ воли, праваго суда, спокойствія жизни! И твой проектъ, Михаилъ Аванасьевичъ,—обратился онъ къ Матюшкину,—и твой, Алексѣй Михалычъ, говорятъ за то же. Почто же мы споримъ? Развѣ не можемъ мы сговориться? Развѣ мы думаемъ токмо о своей личной судьбѣ, о своей власти или богатствѣ?

— Да,—прервалъ его Матюшкинъ:—ты правду сказалъ, Дмитрій Михалычъ. Надо думать не о себѣ. Но дѣло въ томъ,—продолжалъ онъ со свойственной ему прямою:—что шляхетство не вѣривъ вамъ. Вы сами избрали себя. Вы устами императрицы объявили себя несмѣняемыми. Вы никого не поставили надъ собой. Вы одно самодержавіе подмѣнили другимъ!

На открытомъ, еще молодомъ лицѣ Матюшкина выступилъ румянецъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ Голицынъ:—но мы согласны на увеличеніе числа членовъ совѣта, но я предлагаю еще шляхетскую палату...

— Михаль Михалычъ правъ,—сказаль Юсуповъ.—Вась мало, надо привлечь къ правленію по выбору и шляхетство и генералитетъ. Вы должны быть лишь для того, чтобы обсуждать законы, каковыя предложить вамъ «общество».

— И слѣдить за ихъ исполненіемъ,—сказаль Дмитрій Михайловичъ.

Черкасскій не принималъ никакого участія въ разговорѣ. Онъ только тяжело сопѣлъ и не переставая пилъ. Не меньше пилъ и Иванъ Юрьевичъ.

— Въ верховномъ совѣтѣ должны быть неминуемо всѣ высшіе изъ военнаго генералитета,—сказаль онъ, намекая на себя.

Никто не обратилъ вниманія на его замѣчаніе.

— Подумай, Михаль Аѳанасьевичъ,—говорилъ Дмитрій Михайловичъ,—настало рѣшительное время. Не теперь пристало спорить по пустякамъ! Намъ нужно сейчасъ одно—разъ и навсегда разрушить твердыню самовластья. Когда мы повалимъ ее—мы найдемъ лучшіе способы управленія. Намъ надо,—одушевляясь, продолжалъ онъ:—чтобы императрица видѣла, что то, что подписала она, есть истинно ко благу народа и есть истинно желаніе не токмо верховнаго совѣта, но и всего шляхетства! Повѣрь, Михаль Аѳанасьичъ,—въ волненіи произнесъ онъ:—всякая рознь теперь приведетъ только къ торжеству враговъ! А враги у насъ общіе. Какъ мы, такъ и вы не хотимъ стараго порядка. Ни кнута, ни Сибири, ни дыбы, ни плахи, по одному дуновенію державныхъ устъ! И ежели теперь, въ такія минуты, мы перегрыземся—все погибнетъ! Какъ черные вороны налетитъ Теофанъ съ братіей, нахлынутъ нѣмцы съ Биреномъ, и мы, мы!—съ силой говорилъ онъ, ударяя себя въ грудь,—мы, созидавшіе Русь, мы—плоть отъ плоти, кость отъ кости ея—станемъ рабами подлыхъ выходцевъ. О, не забывай, Михаль Аѳанасьичъ, что императрица девятнадцать лѣтъ прожила въ Курляндіи, что сынъ нѣмецкаго берейтора дѣлил ея ложе, что тамъ у нея и друзья, и преданность, все то, что она не можетъ забыть! Что тѣ, чужіе Россіи люди, ближе ей, чѣмъ мой братъ фельдмаршалъ, радость арміи и слава Россіи, чѣмъ другъ и сподвижникъ, отъ дѣтскихъ дней, Великаго Петра, генераль-аншефъ Михаль Аѳанасьевичъ Матюшкинъ, герой персидскаго похода!..

Онъ въ волненіи замолчалъ. Матюшкинъ поблѣднѣлъ и всталъ.

— Я не о томъ думалъ,—началь онъ:—чтобы все повернуть на старое. Въ пять лѣтъ, что протекли со смерти великаго государя, мы видѣли довольно, чтобы не желать того же. Нѣтъ, императрица подписала кондиціи, и ей нѣтъ пути назадъ. И не за старое беремъ мы, Дмитрій Михалычъ, ты не правъ, а за новое! И боимся мы стараго, а не новаго, и потому волнуется шляхетство,—да не будетъ вмѣсто одного самодержца—восьми!

— Дай руку, Михаль Аонасьевичъ,—воскликнулъ Дмитрій Михайловичъ,—ты понялъ меня, и мы мыслимъ одинако. Подожди еще немного. Скоро будетъ принесена присяга. Тогда руки у насъ будутъ развязаны, и мы сговоримся!

Онъ радостно протянулъ Матюшкину руку. Тотъ отъ души пожалъ ее.

Алексѣй Михайловичъ подремывалъ надъ недопитымъ стаканомъ. Иванъ Юрьевичъ совѣмъ осовѣлъ.

Юсуповъ всталъ и подошелъ къ Дмитрію Михайловичу и Матюшкину.

Всѣ трое искренне и по-дружески стали обсуждать планы дальнѣйшихъ дѣйствій.

Предсказаніе де-Бриссака исполнилось чрезвычайно скоро. Лопухина замѣтила стоявшаго въ сторонѣ Арсенія Кирилловича и радостной улыбкой подзвала его къ себѣ. Всѣ мрачныя мысли мгновенно оставили Шастунова. Онъ вспыхнулъ и чуть не бѣгомъ бросился къ кружку дамъ, среди которыхъ сидѣла Лопухина.

Онъ едва не забылъ поклониться цесаревнѣ и совѣмъ не замѣтилъ, какъ поблѣднѣла Юліана.

Но счастье его достигло апогея, когда Лопухина встала и обратилась къ нему съ просьбой проводить ее по заламъ поискать мужа.

Артуръ былъ, видимо, недоволенъ и бросалъ на князя непріязненные взгляды.

Но счастливый Шастуновъ не видѣлъ этихъ непріязненныхъ взглядовъ, какъ и тоскующаго взора, какимъ проводила его блѣдная Юліана.

— Онъ не замѣтилъ меня!—едва удерживая слезы, сказала она себѣ то же, что нѣсколько минутъ тому назадъ говорилъ себѣ Шастуновъ.

Лопухина взяла Арсенія Кирилловича подъ руку и незамѣтно прижалась къ его плечу.

Князь велъ ее, не зная куда, ничего не соображая.

— Гдѣ ты былъ?—тихо спросила Лопухина:—отчего не хотѣлъ подойти ко мнѣ?

Тѣнь ревности прошла по душѣ Арсенія Кирилловича, когда онъ отвѣтилъ:

— Ты не замѣтила меня, ты была съ графомъ Левенвольде.

Она тѣсенѣе прижалась къ его рукѣ.

— Опять!—сказала она:—я хочу, чтобы ты выкинулъ эти мысли изъ головы, глупый мальчикъ, слышишь?..

Они прошли рядъ наполненныхъ гостями залъ.

— Вѣдь мужа сегодня не будетъ. Онъ во дворцѣ,—сказала Лопухина:—развѣ ты не понялъ?

Она тихо разсмѣялась.

Арсеній Кирилловичъ вновь почувствовалъ себя счастливымъ.

Они остановились въ буфетной комнатѣ. Лопухина захотѣла пить.

Шастуновъ усадилъ ее за маленькій столикъ и самъ подаль ей вина.

Она медленно прихлебывала изъ стакана и смотрѣла на князя затуманеннымъ взоромъ, отъ котораго у него кружилась голова.

— Вѣдь ты проводишь меня домой?—спросила она.

— А графъ Рейнгольдъ?—сказалъ онъ.

— Ахъ, ты все еще думаешь объ этомъ! Хорошо же,—и съ шутливой угрозой въ голосѣ она добавила:—въ такомъ случаѣ меня проводить графъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ,—съ испугомъ воскликнулъ Арсеній Кирилловичъ.

Она разсмѣялась.

— Такъ-то лучше, мой мальчикъ.

— Скажи,—нѣжно и тихо началъ Шастуновъ, низко наклоняясь къ ней:—скажи, ты любишь меня?

Она только взглянула на него.

— А что же Левенвольде? Скажи, скажи,—настойчиво повторялъ онъ:—я слышалъ...

Лицо Лопухиной вспыхнуло. На одно мгновение на немъ показалось несвойственное ей жестокое выраженіе. Ей было непріятно это постоянное напоминанье о Рейнгольдѣ. И непріятно оно было ей потому, что она сама въ эти минуты хотѣла забыть о Рейнгольдѣ, потому что она знала, что Рейнгольдъ, въ силу долгой связи или тѣхъ таинственныхъ причинъ, которыя иногда приковываютъ женщину къ недостойному ея мужчинѣ, имѣетъ надъ ея тѣломъ странную власть. Что когда она видитъ въ его прекрасныхъ глазахъ загорающуюся страсть,—она закрываетъ свои глаза и теряетъ надъ собою волю. Въ тѣ дни, когда Рейнгольдъ озабоченъ, холоденъ, почти не бываетъ у нея, она забываетъ о немъ или думаетъ о немъ съ пренебреженьемъ. Но стоитъ ему явиться влюбленнымъ, страстнымъ, съ нѣжнымъ голосомъ и желаньемъ въ глазахъ—она снова его.

Она была увлечена красотой и молодостью Арсенія Кирилловича, минутами почти ненавидѣла Рейнгольда и снова тянулась къ нему, и была невѣрна и тому, и другому, словно отданная во власть демонамъ чувственности.

— Если хочешь, чтобы я любила тебя,—отвѣтила она,—никогда не говори мнѣ о немъ!..

Но, замѣтя, что ея слова странно поразили Арсенія Кирилловича, она съ нѣжной улыбкой добавила:

— Я не хочу ни о чемъ говорить съ тобой, кромѣ твоей любви. И при томъ у меня такъ много враговъ... среди женщинъ...

— Я бы хотѣлъ, чтобы среди друзей-мужчинъ было однимъ меньше,—почти весело сказалъ князь, успокоенный ея словами.

Лопухина допила вино и встала.

— Я вернусь къ цесаревнѣ,—сказала она:—она не любитъ, когда отъ нея уходятъ. Не иди со мной. Обо мнѣ и такъ слишкомъ много говорятъ. За ужиномъ постарайся сѣсть рядомъ со мной. А потомъ...

Взволнованный счастливымъ ожиданьемъ, князь, чтобы сократить время ожиданья до ужина, направился въ игорную комнату.

За нѣсколькими столами сидѣли игроки, по преимуществу гвардейская молодежь. Играли въ карты и кости. Въ комнатѣ было сильно накурено. Лакеи то и дѣло разносили вино. Слышались отдѣльные возгласы:

— Двѣнадцать!

— Шесть!

— Два!

— Тузъ!

— Дама!

Звенѣло золото.

Князь Арсеній обернулся по сторонамъ и увидѣлъ за однимъ изъ столовъ Алешу Макшеева, уже успѣвшего покинуть свою Адель, пока онъ разговаривалъ въ буфетной залѣ съ Лопухиной, для своей неодолимой страсти къ игрѣ.

Шастуновъ прямо подошелъ къ этому столу.

Игра за этимъ столомъ велась крупная, и вокругъ него тѣснились любопытные. Шастуновъ пробрался къ самому столу, и его сердце дрогнуло, когда онъ увидѣлъ противъ себя нагнувшагося надъ столомъ въ числѣ любопытныхъ графа Рейнгольда.

Противъ Машкеева сидѣлъ Иванъ Ивановичъ Бецкой, незаконный сынъ фельдмаршала Трубецкого, родившійся въ Стокгольмѣ во время восемнадцатилѣтняго плѣна въ Швецію Ивана Юрьевича, захваченнаго шведами въ битвѣ подъ Нарвой. Кромѣ него, за столомъ сидѣли еще капитанъ Гурьевъ, адъютантъ фельдмаршала, и полупьяный графъ Федоръ Андреевичъ Матвѣевъ.

— Дама,—произнесъ Иванъ Ивановичъ, ставя стопку золотыхъ.

— Валеть,—сказалъ Гурьевъ, подвигая нѣсколько червонцевъ.

— Король,—крикнулъ Матвѣевъ,—все,—и онъ указалъ рукой на ставки Гурьева и Бецкого.

Макшеевъ взялъ изъ колоды шесть картъ, и вѣеромъ раскинулъ ихъ по столу.

— Есть!

— Есть!

— Есть!

Одинъ за другимъ повторили партнеры, покрывая карты. Макшеевъ разсчитался и снова высыпалъ на столъ кучу золота. — Все!—сказалъ Матвѣевъ, вынимая изъ колоды карту и не открывая ее.

Остальные партнеры, видя, что ставка покрыта, не играли. Макшеевъ выкинулъ карты.

— Есть!—со смѣхомъ произнесъ Матвѣевъ, открывая карту.

У него оказался тузъ, и онъ забралъ всю ставку.

Алеша подвинулъ къ нему золотые и почесалъ въ затылкѣ.

— Я замѣню тебя,—сказалъ Арсеній Кирилловичъ, желая выручить пріятеля.

Макшеевъ уступилъ ему мѣсто и сталъ за спинкой стула.

— Идетъ,—сказалъ Шастуновъ, высыпая на столъ кучу золотыхъ.

Счастье измѣнило партнерамъ.

Ихъ карты проигрывали одна за другой. Кучка золотыхъ около Шастунова все росла. Изъ окружавшихъ столъ офицеровъ многіе приняли участіе въ игрѣ, подсыпая золотые къ партнерамъ.

Но судьба явно благоволила Шастунову.

— Господа,—смѣясь воскликнулъ онъ:—у меня не хватитъ кармановъ!

Дѣйствительно, на столѣ уже была не одна кучка золотыхъ.

— Позвольте поставить на все,—раздался спокойный голосъ.

Шастуновъ поднялъ голову и встрѣтилъ холодный, насмѣшливый взглядъ Рейнгольда.

Окружающіе съ напряженіемъ ждали продолженія игры. Ставка представляла цѣлое состояніе.

При видѣ красиво-наглаго лица Рейнгольда, при воспоминаніи объ унизительномъ чувствѣ ревности, испытанномъ имъ, холодное бѣшенство овладѣло Шастуновымъ.

Онъ медленно положилъ карты на столъ и, прямо глядя Рейнгольду въ глаза, отчетливо и раздѣльно произнесъ:

— Нѣтъ, вамъ я не дамъ карты.

Всѣ притихли.

— Почему?—страшно поблѣднѣвъ, спросилъ Левенвольде.

— Потому что я не хочу больше играть,—отвѣтилъ, вставая, Шастуновъ, и, не обращая больше вниманія на взбѣшеннаго Рейнгольда, онъ, улыбаясь, сказалъ своимъ партнерамъ:

— Господа, кто хочетъ отыгратъся—милости прошу ко мнѣ.

Забравъ и распахавъ по своимъ карманамъ и карманамъ Алеши выигранное золото, Шастуновъ съ чувствомъ удовлетворенной злобы вышелъ изъ игорной комнаты.

Гости уже приглашались къ ужину. Онъ отыскалъ Лоцухину и повелъ ее къ столу.

За ужиномъ царило непринужденное веселье.

Герцогиня Екатерина уѣхала до ужина.

Сидя на почетномъ мѣстѣ, молодая цесаревна подавала при-мѣръ веселости. Она много шла и ѣла, поощряя къ тому же своихъ ближайшихъ сосѣдей, пересмѣивалась съ молодежью.

Головкинъ произнесъ тостъ за здоровье императрицы, покры-тый восторженнымъ ура.

Дмитрій Михайловичъ былъ, повидимому, очень доволенъ своими переговорами. Онъ оживленно бесѣдовалъ съ Матюшкинымъ, то и дѣло чокаясь съ нимъ.

Графъ Головкинъ угощалъ резидентовъ.

Шастуновъ не видѣлъ и не слышалъ никого, кромѣ Лопухиной.

Дивинскій занялся Юсуповой, Макшеевъ—Аделью... Даже Артуръ утѣшился, сидя рядомъ съ Варенькой.

Только Наташа Шереметева да Юліана сидѣли блѣдныя и печальныя...

Василій Лукичъ и де-Бриссакъ давно уѣхали.

Сидя въ тѣсныхъ санкахъ, крѣпко обнявъ прильнувшую къ нему Лопухину, Шастуновъ шепталъ ей безсвязныя слова любви.

Морозный воздухъ дышалъ имъ въ лицо. Блестѣлъ снѣгъ подъ зимней, ясной луной, быстро неслась лошадь, и имъ казалось, что только они одни и есть въ этомъ мірѣ.

Лошадь остановилась у дома Лопухиныхъ.

— Ты зайдешь ко мнѣ? Мужа не будетъ до утра,—едва слышно произнесла Лопухина.

XIX.

Хотя Василій Лукичъ и продолжалъ жить во дворцѣ, но строгій надзоръ за сношеніями императрицы съ внѣшнимъ міромъ былъ уже невозможенъ.

Уже формировался дворъ. Прасковья Юрьевна Салтыкова, ее сестра Марья Юрьевна Черкасская, Авдотья Ивановна Чернышева, графиня Ягужинская, баронесса Остерманъ и Лопухина были пожалованы въ статсъ-дамы. Рейнгольдъ—въ оберъ-гофмаршалы, Кантемиръ, графъ Матвѣевъ и нѣкоторые другіе были сдѣланы камеръ-юнкерами. Варенька Черкасская и Маша Ягужинская—фрейлинами.

Никто не могъ запретить императрицѣ принимать своихъ придворныхъ.

Кромѣ того, женщины какъ-то не возбуждали особыхъ подозрѣній у Василя Лукича.

Герцогиня Мекленбургская чуть не жила во дворцѣ.

Остерманъ все еще, по его увѣреніямъ и увѣреніямъ его жены, тяжело больной, сейчасъ же воспользовался этой свободой сношеній. Онъ направлялъ дѣйствія императрицы при посредствѣ своей жены и особенно Чернышевой и Салтыковой. Указывалъ, кого изъ гвардейцевъ слѣдуетъ привлечь къ себѣ, какъ держать себя по отношенію къ верховному совѣту. Онъ ободрялъ ее и совѣтовалъ осторожность и терпѣніе. По его указанію, она пожаловала камеръ-юнкерство Матвѣеву и Кантемиру, а потомъ и Гурьеву. Это все были ярые сторонники самодержавія, имѣвшіе за собой много отчаянныхъ молодыхъ головъ среди гвардейцевъ, мечтавшихъ о фортунахъ, случахъ, или просто ненавидѣвшихъ верховниковъ по тѣмъ или другимъ причинамъ, какъ, на примѣръ, Кантемиръ ненавидѣлъ князя Дмитрія Михайловича изъ-за майората. И безусловно все ненавидѣли и презирали ничтожнаго Алексѣя Долгорукаго, наглаго въ счастья, трусливаго въ бѣдѣ, корыстнаго и жаднаго.

Мало-по-малу эта группа, благодаря милостямъ императрицы, уму Кантемира, интригамъ Рейнгольда и широкимъ, безудержнымъ кутежамъ графа Федора Андреевича, спаивавшаго чуть не цѣлыя полки, все увеличивалась новыми и новыми членами, и, наконецъ, по мнѣнію Остермана, зорко за всѣмъ слѣдившаго, уже достигла значительной силы.

Онъ хорошо зналъ, что примѣрно съ такими же силами Меншиковъ и Толстойъ возвели на престолъ Екатерину. Надо только въ нужный моментъ собрать эту силу и неожиданно поразить растерявшагося врага. Старикъ зналъ каждый шагъ друзей и враговъ.

Верховники, хотя наконецъ и повѣрили его болѣзни (никого изъ нихъ даже не допускали къ Андрею Ивановичу), все же считали долгомъ посылать ему протоколы, указы, доклады, при краткихъ секретныхъ меморіяхъ, обыкновенно составляемыхъ Василиемъ Петровичемъ, объ общемъ положеніи дѣлъ.

Вице-канцлеръ внимательно все прочитывалъ и возвращалъ въ совѣтъ доклады и указы не подписанными. Онъ, вѣдь, такъ плохъ, что не можетъ держать въ рукахъ пера.

Объ успѣхахъ среди сторонниковъ самодержавія онъ зналъ подробно отъ Рейнгольда. О настроеніи шляхетскихъ круговъ отъ своей жены, имѣвшей свѣдѣнія отъ княгини Черкасской, а черезъ Салтыкову, и отъ ея брата фельдмаршала, у котораго постоянно собиралось шляхетство во главѣ съ генераломъ Матюшкинымъ.

Искусный старикъ, казалось, держалъ въ рукахъ все нити интриги. Черезъ женъ онъ вліялъ на мужей, раздувая глупое честолюбіе фельдмаршала Трубецкого, завидовавшаго положенію и популярности Долгорукаго и Голицына, внушая Черкасскому,

что онъ униженъ верховниками, что ему надлежало бы быть канцлеромъ, и такъ далѣе.

Всѣ эти мѣры имѣли успѣхъ и, казалось, вице-канцлеру удалось всѣхъ натравить на верховный совѣтъ. Казалось, его дальновидныя соображенія уже увѣнчались успѣхомъ.

Въ тиши своего кабинета, сидя передъ каминомъ, вице-канцлеръ мечталъ съ закрытыми глазами о своемъ грядущемъ величїи...

Императрица, повидимому, все больше и больше проникалась его совѣтами и рѣшимостью къ предстоящей борьбѣ.

Горделивыя мечтанія Остермана были нарушены приходомъ его жены. Она прїѣхала изъ дворца, видимо, взволнованная.

— Ну, что тамъ?—спросилъ Андрей Ивановичъ, цѣлуя ея руку.

— Я ничего не понимаю,—начала баронесса.

— Моей маленькой Марѳеуиченкѣ ничего и не надо понимать,—съ улыбкой отвѣтилъ Остерманъ.—Ей слѣдуетъ только быть внимательной и исполнять со своимъ обычнымъ женскимъ искусствомъ порученія своего стараго мужа.

— Это не мало,—отозвалась Марѳа Ивановна.

— Это очень много,—сказалъ Остерманъ, снова цѣлуя ея руку.—Но въ чемъ дѣло?

— Я до сихъ поръ думала,—начала баронесса:—что князь Черкасскій ненавидитъ Дмитрія Голицына, князь Трубецкой—фельд-маршаловъ, а генераль Матюшкинъ, свойственникъ и любимецъ государыни, стоитъ на ея сторонѣ, противъ всего верховнаго совѣта.

— Ну, да,—нетерпѣливо произнесъ Остерманъ:—онъ же подалъ особый проектъ...

— Ну, такъ я должна сказать, что они, должно быть, помирились,—сказала баронесса.

— Что?—въ изумленїи спросилъ Остерманъ.

— Да,—повторила баронесса.—Они всѣ трое были сегодня у императрицы. Былъ и Василь Лукичъ. Я сама видѣла своими глазами, какъ они дружески бесѣдовали.. Я сама слышала своими ушами, какъ Матюшкинъ сказалъ Василь Лукичу: «Дмитрій Михалычъ правъ. Намъ надо соединиться всѣмъ вмѣстѣ и сговориться. Мы не поняли другъ друга. Но теперь Дмитрій Михалычъ знаетъ, что мы не враги верховнаго совѣта...»

— Вотъ что,—думалъ Остерманъ, и его сердце упало.—Если это такъ, то, кажется, я захвораю на самомъ дѣлѣ.

Но голосъ его былъ ровень, когда онъ громко спросилъ:

— Что еще?

— Они всѣ вмѣстѣ вошли къ императрицѣ и очень долго были тамъ,—говорила баронесса.—Герцогиня Екатерина сказала, что вчера у Головкина Дмитрій Михалычъ ужъ очень былъ друженъ съ генераломъ Матюшкинымъ...

— Ужели Дмитрій Михалыч перехитрилъ меня?—думалъ Остерманъ.—Но мы еще посмотримъ... только бы не отступила императрица.

— Ты видѣла послѣ этого императрицу?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила баронесса:—она выслала къ намъ своего маленькаго пажу—сказать, что мы не нужны.

— А тѣ уѣхали?

— Они, повидимому, прошли на половину къ Василь Лукичу,—отвѣтила Марѳа Ивановна.

— Кто сегодня дежурный?—спросилъ Остерманъ.

— Графъ Левенвольде,—отвѣтила Марѳа Ивановна.

— Хорошо, благодарю,—произнесъ Остерманъ:—все, что ты сказала, важно, но не страшно. А теперь, дорогая Марѳутченка,—закончилъ онъ:—я бы хотѣлъ немного подремать здѣсь. Я плохо спалъ ночь.

Марѳа Ивановна встала.

— Спи, Иоганнь, я не велю тебя тревожить,—сказала она.

— Да,—наклонилъ голову Остерманъ:—я никого не могу принять, за исключеніемъ графа Рейнгольда.

— Хорошо, Иоганнь.

Привычнымъ движеніемъ Марѳа Ивановна оправила на ногахъ больного мѣхвое одѣяло и тихо вышла изъ комнаты.

Остерманъ, конечно, вовсе не хотѣлъ спать. Онъ хотѣлъ остаться одинъ—обдумать способы разстроить зарождавшійся союзъ.

Партіи Черкаскаго и Матюшкина имѣли за собой большинство. Соединившись, они явятся выразителями пожеланій почти всего шляхетства и генералитета, а соединившись съ верховниками, они станутъ несокрушимой силой.

Остерманъ глубоко задумался. Его дѣятельный умъ составлялъ всевозможныя комбинаціи. Но скоро онъ понялъ, что въ его расчетахъ не хватаетъ одного—онъ еще не зналъ отношенія императрицы къ создавшейся «конъюнктурѣ».

Онъ былъ увѣренъ, что при своей ловкости Рейнгольдъ сумѣетъ узнать подробности, а то, можетъ быть, и сама императрица дастъ ему порученіе. Она вѣритъ въ его преданность; она уже знаетъ, отъ кого Густавъ Левенвольде получилъ письмо объ ея избраніи...

Остерманъ давно уже пересталъ скрытничать передъ Рейнгольдомъ, совершенно приравнявъ его къ рукамъ.

— Подождемъ,—сказалъ себѣ Остерманъ.

Но ждать ему пришлось сравнительно недолго.

Часа черезъ два явился Рейнгольдъ.

По одному взгляду на его разстроенное лицо Остерманъ понималъ, что вѣсти, привезенныя имъ, были неблагоприятны.

— Я думаю, что все кончено,—началъ Рейнгольдъ, не здороваясь

съ Остерманомъ:—кажется, всё ваши хитроумныя комбинаціи приведутъ только къ тому, что мы станемъ на голову меньше ростомъ,— закончилъ онъ съ нервнымъ смѣхомъ.

Остерманъ бросилъ на него острый взглядъ, и насмѣшливая улыбка скользнула по его губамъ. Казалось, онъ подумалъ:

«Ну, твоя-то голова—потеря небольшая»...

— Прекрасно, графъ,—холодно сказалъ онъ:—но не надо преувеличивать цѣнности своихъ головъ, когда дѣло идетъ о благѣ государыни и обширной имперіи; я жду отъ васъ не lamentaцій, а нужныхъ сообщеній.

Холодный тонъ Остермана подѣйствовалъ на Рейнгольда.

Онъ робѣлъ передъ старикомъ. Остерманъ такъ запуталъ Рейнгольда въ свои интриги, что тотъ чувствовалъ себя, какъ муха въ паутинѣ. Ему ничего не оставалось больше дѣлать, какъ безпрекословно повиноваться желѣзной волѣ этого лукаваго старика, чтобы дѣйствительно не стать на голову короче.

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ Остерманъ.

— Я пріѣхалъ къ вамъ по порученію императрицы. Она всёмъ разстроена, упала духомъ, плачетъ. Вотъ ея подлинныя слова: «Передай Андрею Иванычу, что я ото всего отказываюсь, что я устала, что не хочу никакой борьбы, что пусть самъ размыслить, въ случаѣ чего, что я не только за него, но и за себя не могу поручиться...»

Пергаментныя щеки Остермана приняли пепельно-сѣрый отѣнокъ, но онъ ни однимъ словомъ не прерывалъ Рейнгольда.

Рейнгольдъ продолжалъ.

Императрица все рассказала ему. Разказала объ угрозахъ Василя Лукича лишить ее престола и призвать на престолъ или голштинскаго чортушку, или принцессу Елизавету. Передала подробности сегодняшняго неожиданнаго для нея разговора съ Черкасскимъ, Трубецкимъ и Матюшкинымъ, въ присутствіи Василя Лукича. Матюшкинъ, опираясь на эти проклятыя кондиціи, прямо заявилъ императрицѣ, что настало время заняться государственнымъ устройствомъ, что купно съ верховнымъ совѣтомъ шляхетство и генералитетъ поднесутъ ея величеству соотвѣтственный проектъ, согласно кондиціямъ. Что ея величество, въ торжественномъ засѣданіи совѣта, въ присутствіи шляхетства и генералитета, имѣетъ подписать этотъ проектъ, и помянуть, что въ верховномъ совѣтѣ императрицѣ представляется два голоса. Василий Лукичъ при этомъ замѣтилъ, что государыня сейчасъ изволитъ слушать желанія всего народа, первоначальными выразителями коихъ явились ея вѣрноподданные, члены верховнаго тайнаго совѣта.

Императрица была поражена. Она такъ надѣялась на князя Черкаскаго, такъ была убѣждена, со словъ самого же Остермана,

въ вѣрности Трубецкого и въ родственныхъ чувствахъ генерала Матюшкина!

Она едва имѣла силы отвѣтить имъ нѣсколько словъ...

Они ушли торжествующіе, а она потеряла все надежды...

Остерманъ слушалъ его, и въ немъ говорила профессиональная зависть дипломата. Какъ, онъ, Остерманъ, возбуждавшій удивленіе въ Европѣ своимъ гениемъ въ интригѣ и всякихъ «конъюнктурахъ», былъ выбитъ изъ своей позиціи ловкимъ ходомъ Дмитрія Михайловича! Онъ живо представилъ себѣ лицо прямого и честнаго Матюшкина и страстную рѣчь Дмитрія Михайловича, сумѣвшаго привлечь на свою сторону неподкупнаго и смѣлаго противника.

Обычная сдержанность, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни покинула его. Рѣзкимъ движеніемъ онъ сбросилъ съ ногъ прикрывавшее ихъ мѣховое одѣяло, сорвалъ съ глазъ и швырнулъ на полъ зеленый зонтикъ и нервной походкой, съ юношеской живостью заходилъ по комнатѣ. Глаза Остермана сверкали и стали такими большими, какими никогда ихъ не видѣлъ Рейнгольдъ.

Рейнгольдъ былъ ошеломленъ. Онъ думалъ, что если старикъ и преувеличиваетъ свою болѣзнь, то все же онъ дряхлъ и боленъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—окрѣпшимъ, совсѣмъ молодымъ голосомъ говорилъ вице-канцлеръ, крупными шагами ходя по кабинету.—Они рано торжествуютъ. На зло имъ, на зло самой императрицѣ я восстановлю блескъ и силу ея самодержавія, едино нужнаго для блага этой варварской страны! Она стала моею второй родиной! Пусть упрекаютъ меня! Да, старый Остерманъ честолюбивъ! Старый Остерманъ властолюбивъ! Старый Остерманъ хитритъ и обманываетъ и идетъ темными каналами, какъ говоритъ Волынской!... Но старый Остерманъ заключилъ Ништадтскій миръ! Старый Остерманъ, опираясь на великаго императора, сумѣлъ показать Европѣ, что дикая Россія стоитъ Франціи и имперіи цезарей! Старый Остерманъ добился того, что пороги его скромной квартиры переступаютъ послы могущественныхъ державъ, униженно умоляя о поддержкѣ Россіи! Старый Остерманъ не уступилъ ни одной пяди русской земли и не стоилъ Россіи ни одного лишняго пфеннига!

Никогда Рейнгольдъ, да и никто другой, не видѣлъ сдержаннаго и осторожнаго вице-канцлера въ такомъ возбужденномъ состояніи.

— Они еще поборются со мною и оплачутъ свое торжество!...

— Садись,—повелительно произнесъ онъ, обращаясь къ Рейнгольду и переходя на ты.—Садись и пиши письмо императрицѣ.

Рейнгольдъ послушно сѣлъ къ столу, придвинулъ бумагу и взялъ въ руку перо.

Лицо вице-канцлера выражало величайшее напряженіе мысли. Оно было почти вдохновенно.

Какъ великій полководецъ на полѣ битвы въ трудную минуту

вдругъ находитъ подходящее рѣшеніе, такъ и Остерманъ, этотъ «геній интриги», мгновенно оцѣнилъ и взвѣсилъ всѣ шансы успѣха и бросилъ на поле битвы свои послѣдніе резервы.

Онъ лихорадочно диктовалъ, и Рейнгольдъ едва успѣвалъ записывать его слова.

Остерманъ опять началъ съ вопроса о необходимости для Россіи самодержавія, затѣмъ внушалъ императрицѣ твердость и увѣренность въ побѣдѣ. Говорилъ о непрочности союза, заключеннаго шляхетствомъ съ верховниками, увѣрялъ, что при ненасытномъ властолюбіи Василя Лукича, при деспотическомъ характерѣ князя Дмитрія Михайловича нельзя рассчитывать на то, что верховники уступятъ хоть часть своей власти представителямъ шляхетства, и, наконецъ, предлагалъ по истинѣ геніальный планъ, чтобы разбить силы противниковъ. Этотъ планъ былъ основанъ на психологіи враговъ. Остерманъ совѣтовалъ императрицѣ предложить князю Черкасскому подать свой проектъ, не дожидаясь мнѣнія верховнаго совѣта, непосредственно ей. При этомъ надо сказать глупому, но самоувѣренному князю, что императрица вѣритъ въ его глубокой умъ, что по своимъ способностямъ ему слѣдуетъ занять мѣсто канцлера, а не итти въ хвостъ за верховнымъ совѣтомъ, что его проектъ навѣрное исполненъ государственной мудрости и вызванъ усердіемъ къ отечеству.

То же надо сказать и Матюшкину, увѣривъ его, что она лучше и безпристрастнѣе оцѣнитъ его проектъ, чѣмъ верховники, среди которыхъ находятся два фельдмаршала, соперники его военной славы.

Что эти проекты надо подать ей публично и торжественно, дабы она могла съ высоты престола заявить о своемъ довѣріи къ представителямъ генералитета и шляхетства. Послѣ этого верховники, какъ бы ни были самовластны, должны будутъ считаться съ мнѣніемъ императрицы, тѣмъ болѣе, что она будетъ дѣйствовать, не нарушая кондицій.

Они принуждены будутъ молчать, разъ она сама, признавая ограниченіе своей власти, захочетъ ближе ознакомиться съ пожеланіями всего «общества». Но это породитъ раздоры между вчерашними союзниками и дастъ время ея сторонникамъ приготовить рѣшительный ударъ. Какое правленіе, кромѣ самодержавнаго, возможно въ той странѣ, гдѣ общество, несмотря на волю, изъявленную съ высоты трона, не можетъ выработать новыхъ формъ государственнаго устройства!

Несмотря на свою ограниченность, даже Рейнгольдъ былъ пораженъ такимъ, повидимому, простымъ, но гибельнымъ для противниковъ, планомъ дѣйствій.

Свое письмо Остерманъ заканчивалъ словами: «Я старъ и боленъ, но я велю принести себя во дворецъ на носилкахъ, когда

наступить рѣшительная минута отстаивать державныя права моея государыни».

Остерманъ бѣгло просмотрѣлъ написанное и твердой рукой подписалъ письмо.

— Оно должно быть передано сегодня же, — рѣзко произнесъ онъ.

— А если императрица не послушается и побоится? — неувѣреннымъ голосомъ спросилъ Рейнгольдъ.

— Она послушается, она теперь рѣшится на все, — съ загадочной и жесткой улыбкой произнесъ Остерманъ: — теперь мы напишемъ твоему брату. Его присутствіе здѣсь необходимо.

— Но его арестуютъ! — воскликнулъ Рейнгольдъ.

— Ты думаешь? — усмѣхнулся Остерманъ. — Пиши же.

Уже стемнѣло. Рейнгольдъ зажегъ стоящія на столѣ свѣчи и приготовился писать.

Нѣсколько мгновеній Остерманъ стоялъ молча.

Потомъ опять заходилъ по комнатѣ.

«Дорогой и высокородный другъ, — началъ онъ: — нынѣ на престолѣ россійскомъ воцарилась, какъ вамъ извѣстно, новая императрица. Со смерти великаго Петра, какъ при блаженной памяти императрицѣ Екатеринѣ, при вступленіи ея на высочайшій престолъ, такъ и при вступленіи на престолъ нынѣ почившаго отрока императора, представители Лифляндіи, въ лицѣ ландратовъ, являлись съ просьбою къ новымъ государямъ подтвердить извѣстныя лифляндскія привилегіи. Надлежитъ и нынѣ явиться къ всемилостивѣйшей государынѣ, — диктовалъ Остерманъ, — таковой же депутаціи, во главѣ съ вами, высокородный господинъ, какъ лифляндскимъ ландратомъ».

Рейнгольдъ невольно остановился, пораженный простымъ выходомъ, придуманнымъ вице-канцлеромъ.

Не обращая вниманія на его изумленіе, вице-канцлеръ продолжалъ диктовать.

Дальше онъ переходилъ уже на дружескій и откровенный тонъ и раскрывалъ свою игру. Ходатайство о подтвержденіи лифляндскихъ привилегій должно быть только предлогомъ для пріѣзда Густава, присутствіе котораго необходимо въ настоящую минуту для спасенія императрицы.

И Остерманъ кончилъ неожиданнымъ ударомъ для Рейнгольда:

«Подъ видомъ слугъ депутаціи или иными какими путями, во что бы то ни стало, не теряя минуты, необходимо доставить въ Москву Бирена съ семействомъ...»

Рейнгольдъ уронилъ изъ рукъ перо и вскочилъ съ мѣста.

— Господинъ баронъ, — воскликнулъ онъ въ гнѣвномъ волненіи: — вы играете головою моего брата и моея!...

— Твоя голова вообще всегда мало стоила, — холодно и жестко произнесъ Остерманъ: — а теперь, — медленно закончилъ онъ, глядя

на Рейнгольда зловѣщимъ взглядомъ,—я за эту пустую голову не далъ бы ни одного пфеннига.—Садись и кончай письмо.

— Но, господинъ баронъ!...—началъ возмущенный Рейнгольдъ.

— Ты, кажется, забылъ,—тихимъ, свистящимъ шопотомъ произнесъ Остерманъ:—что я еще членъ верховнаго тайнаго совѣта, что, если я захочу, твоя ненужная голова завтра ляжетъ на плаху, и никто не вздохнетъ о тебѣ, кромѣ, можетъ быть, твоихъ любовницъ! Но и онѣ будутъ вздыхать о тебѣ только до вечера! А къ ночи возьмутъ другихъ!...

— Впрочемъ,—насмѣшливо закончилъ Остерманъ:—никто не мѣшаетъ тебѣ сейчасъ уйти отъ меня... Напримѣръ, къ фельд-маршалу Василию Владимировичу, и... принести оттуда смертный приговоръ себѣ. Я не думаю, чтобы фельдмаршалъ долго колебался въ выборѣ между Левенвольде, отправившимъ первое письмо черезъ брата императрицѣ въ Митаву и вице-канцлеромъ, членомъ верховнаго совѣта—Остерманомъ.

Левенвольде до крови закусилъ губу и покорно опустился на стулъ у письменнаго стола.

— Я готовъ,—угрюмо произнесъ онъ, беря снова въ руку перо.

Какъ будто ничего не произошло, Остерманъ продолжалъ диктовать.

Онъ подробно описалъ положеніе, свои планы и выражалъ увѣренность въ смѣлости Густава, котораго не могутъ испугать опасности.

Когда Остерманъ перечелъ и подписалъ письмо, онъ спросилъ Рейнгольда:

— Есть у тебя вѣрный человѣкъ? Цѣль ли тотъ, кто такъ искусно обманулъ всѣхъ и провезъ твое письмо къ брату?

Рейнгольдъ утвердительно кивнулъ головой.

— Тогда,—сказалъ Остерманъ,—пусть сейчасъ же, немедленно скачетъ къ твоему брату. Пусть не отдыхаетъ ни днемъ, ни ночью. Пусть опередитъ самого черта! Скажи, что я дамъ ему дворянство и деньги. А теперь, дай ему на дорогу.

Съ этими словами Остерманъ открылъ ящикъ стола. Рейнгольдъ былъ пораженъ, увидѣвъ, что ящикъ былъ почти доверху наполненъ золотыми монетами. Онъ никогда не думалъ, чтобы Остерманъ былъ такъ богатъ.

И онъ былъ правъ. Остерманъ никогда не былъ богатъ и изъ этого золота не было имъ истрачено на себя ни гроша. Это былъ секретный фондъ, который Остерманъ тратилъ по своему усмотрѣнію. Изъ этого фонда онъ не разъ выручалъ въ трудныя минуты иностранныхъ резидентовъ, какъ, напримѣръ, герцога де-Лирія, доносившаго своему правительству—«что на землѣ нѣтъ почти сибѣга, какъ нѣтъ и денегъ въ моемъ карманѣ»... Помимо нѣко-

торыхъ резидентовъ, деньги шли также въ карманы ихъ секретарей и писцовъ.

Вице-канцлеръ зналъ, кому давалъ и за что давалъ, и никто никогда не спрашивалъ у него отчета. Но зато иногда Остерманъ поражалъ всѣхъ своей необычайной освѣдомленностью.

Не находя нужнымъ объяснять Рейнгольду назначеніе этихъ денегъ, Остерманъ обѣими руками, не считая, зачерпнулъ золота и передалъ Рейнгольду.

— На, на его расходы. Жалѣть не приходится.

Рейнгольдъ забралъ деньги, потомъ взялъ запечатанныя Остерманомъ письма и глубоко вздохнулъ.

— Такъ, значитъ, сейчасъ, немедленно,—повелительно сказалъ Остерманъ,—ты отправишь гонца къ брату и передашь письмо императрицѣ.

— Я сдѣлаю это,—пересохшими губами отвѣтилъ Рейнгольдъ.

Онъ былъ напуганъ и чувствовалъ себя на краю гибели.

У него даже мелькнула мысль пойти съ этими письмами къ Дмитрію Михайловичу, но опъ сейчасъ же понялъ, что если бы ему даже и удалось отправить Остермана на плаху, что во всякомъ случаѣ было довольно трудно, то ужъ онъ самъ, навѣрное, угодилъ бы подъ топоръ...

Онъ вышелъ отъ Остермана, проклиная себя въ душѣ за то, что связался съ этимъ дьяволомъ...

А когда онъ ушелъ, Остерманъ громко проговорилъ:

— То, что она боится сдѣлать для Россіи, она сдѣлаетъ ради своего любовника и сына, или лишится ихъ обоихъ! Ей нѣтъ отступленія!

Остерманъ погасилъ свѣчи, сѣлъ въ кресло, хорошенько закуталъ въ мѣхъ ноги, закрылъ глаза и скоро дѣйствительно задремалъ...

XX.

Между тѣмъ князь Дмитрій Михайловичъ торопился закрѣпить свою побѣду. Совмѣстно съ Василюемъ Лукичемъ и при участіи генерала Матюшкина онъ выработалъ текстъ особаго соглашенія, въ которомъ предусматривалось, чтобы въ верховномъ совѣтѣ не было больше двухъ персонъ одной фамилии, и говорилось, что члены «такого перваго собранія» должны разсуждать, «что не персоны управляютъ закономъ, но законъ управляетъ персонами» и еще «буде же, когда случится новое и важное дѣло, то для онаго въ верховный тайный совѣтъ имѣютъ для совѣта и разсужденія собраны быть—сенатъ, генералитетъ, коллежскіе чины и знатное шляхетство».

Подъ этимъ согласительнымъ документомъ подписались представители шляхетства во главѣ съ Матюшкинымъ. подписались

«истор. вѣстн.», сентябрь 1913 г., т. сxxxiii.

Черкасскій и Трубевкой, много штабъ-и оберъ офицеровъ, четырнадцать кавалергардовъ и другіе.

Соглашеніе быстро покрывалось подписями, и Дмитрій Михайловичъ торжествовалъ. Онъ совсѣмъ не считался съ оставшимися въ сторонѣ непримиримыми кружками, вродѣ кружка Новикова, справедливо оцѣнивая ничтожность ихъ силъ. Еще меньше видѣлъ онъ опасности со стороны сторонниковъ самодержавія, которыхъ даже не было ни видно ни слышно, кромѣ Теофана, да и то, по видимому, боявшагося верховниковъ.

Наступалъ, наконецъ, день величайшаго торжества верховниковъ—день присяги. Въ этотъ день верховники, какъ бы передъ лицомъ Бога и народа, лишали императрицу самодержавной власти. Отнынѣ всѣ должны понять, что они не рабы. Что они приносятъ клятву на вѣрность не самодержавной, неограниченной монархинѣ, а *государынь и отечеству*. Что отнынѣ воля государыни не обязательна, если она клонится ко вреду отечества.

Десятки тысячъ присяжныхъ листовъ были заготовлены сенатомъ по распоряженію верховнаго совѣта. Были заготовлены также указы, за подписью императрицы, и многочисленные гонцы, нарочные отъ сената, офицеры и сержанты, полетѣли во всѣ края имперіи, ко всѣмъ губернаторамъ и воеводамъ съ этими указами и присяжными листами. Скрѣпя сердце, не смѣя послушаться, Теофанъ отправилъ съ тѣмъ же нарочныхъ отъ синода въ епархіи.

Всю ночь, предшествовавшую знаменательному дню, верховники не спали.

Съ ранняго утра въ Мастерскую палату, гдѣ они засѣдали, начали являться, вызванные повѣстками, высшіе чины для принесенія присяги и подписи присяжныхъ листовъ.

Остальными присяга приносилась въ Успенскомъ соборѣ и четырнадцати церквахъ Москвы.

Въ каждой церкви столицы жителей должны были приводить къ присягѣ особо назначенныя для того лица изъ шляхетства и генералитета. Въ числѣ этихъ лицъ были и Черкасскій и Матюшкинъ.

Одно это должно было доказать императрицѣ полную побѣду верховниковъ.

Весь гарнизонъ Москвы былъ поставленъ на ноги Михаиломъ Михайловичемъ. Былъ изданъ строгій приказъ немедленно арестовывать всѣхъ, уклонявшихся отъ присяги. Но такихъ не было. Ощетинившись штыками, стояли вокругъ церквей, гдѣ приносилась присяга, отряды армейскихъ полковъ. Звонили колокола, гремѣли пушечные салюты, и народныя волны все текли и текли и, казалось, имъ не будетъ конца.

Москва впервые присягала на вѣрность *государынь и отечеству!*

Гвардію приводилъ къ присягѣ самъ фельдмаршалъ Василій Владимировичъ.

Генераль Боннъ приводилъ къ присягѣ, въ лютеранской киркѣ, жителей Нѣмецкой слободы.

Два дня продолжалась церемонія.

На третій день—измученной, упавшей духомъ Аннѣ снова приносили въ Большомъ Кремлевскомъ дворцѣ свои поздравленія и высшіе чины, и представители сената и синода, и иностранные резиденты...

Анна получила письмо Остермана, но только горько усмѣхнулась, прочтя его.

Бороться, составлять разныя «конъюнктуры», говорить, просить, убѣждать! Нѣтъ, она слишкомъ устала для этого! Она измучена! Вся жизнь ея со дня избранія—сплошная пытка. Унизительный надзоръ, угрожающіе намеки... и тяжелѣе всего разлука...

Съ какой тоской и любовью вспоминала она, въ своемъ блестящемъ одиночествѣ, тихіе дни въ Митавѣ. Ласки дѣтей, любовь Бирена, длинныя зимніе вечера въ маленькомъ, тѣсномъ кружкѣ преданныхъ людей. Даже свои заботы о хозяйствѣ, хлопоты о деньгахъ... Всѣ мелкія тревоги и незамѣтныя радости...

Нѣтъ, она не можетъ уже бороться! И зачѣмъ? И для кого? Пусть будетъ, что рѣшила судьба!

И при этихъ воспоминаніяхъ изъ ея глазъ текли слезы; не слезы гнѣва и униженія лишенной власти императрицы, а слезы матери и любовницы-жены...

Когда, утомленный церемоніей, Шастуновъ возвращался къ себѣ, его еще на углу встрѣтилъ Васька:

— Батюшка-князь пожаловали...

Въ первый моментъ сердце Арсенія Кирилловича сжалось, но онъ вспомнилъ, что все уже кончено. Императрица сама написала указы о присягѣ, и присяга уже принесена.

Онъ поспѣшилъ къ отцу.

Кириллу Арсеньевичу было за шестьдесятъ лѣтъ, но онъ казался старше. Онъ сильно хворалъ послѣднее время и не могъ ходить безъ палки.

Онъ довольно сухо встрѣтилъ сына. Однако обнялъ и поцѣловалъ его.

— Ну, вотъ, ты забылъ обо мнѣ. Я самъ на старости лѣтъ припелся въ Москву. Хочу повидать государыню да посмотреть, что у васъ тутъ творится. Ну, рассказывай.

Старикъ сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ, опершись обѣими руками на палку, и пытливо, острыми, пронизательными глазами глядѣлъ на сына.

Сперва смущенно, но постепенно овладѣвая собой и воодушевляясь все больше и больше, Арсеній Кирилловичъ разсказывалъ все происшедшее. Смерть императора, избраніе Анны, рѣшеніе верховнаго совѣта ограничить самодержавную власть императрицы, потомъ поѣздка въ Митаву, согласіе императрицы на кондиціи, и кончилъ сегодняшнимъ днемъ—принесеніемъ присяги на вѣрность государынѣ и отечеству.

Но по мѣрѣ того, какъ онъ воодушевлялся, съ восторгомъ говоря о грядущей свободѣ, о новомъ государственномъ устройствѣ, — все мрачнѣе становился его отецъ.

Онъ внимательно слушалъ, изрѣдка только справляясь о томъ или другомъ лицѣ.

— Такъ,—медленно началъ онъ, выслушавъ сына.—Что жъ, ужели всѣ такъ мыслятъ нынѣ? Ужели никого не осталось, кто служилъ бы императрицѣ по старинѣ? Или теперь уже всякъ предписываетъ императрицѣ всероссійской свои законы? И ты туда же полѣзъ? Пожалуй, ты и республики хотѣлъ бы? А? Можетъ, государыня и вовсе не нужна?

— Батюшка!—воскликнулъ Арсеній Кирилловичъ:—не противъ государыни мы, а противъ угнетенія и рабства, противъ насилія и фаворитовъ...

— Молчи,—грозно крикнулъ старикъ, тяжело поднимаясь съ мѣста и сверкая глазами:—или твой отецъ былъ рабомъ? Или позволилъ когда-нибудь унижить свою честь? Мы были соратниками и помощниками царей и слугами отечества, но мы никогда не были рабами! Отвергнувъ Божью помазанницу, это вы станете рабами немногихъ сильныхъ фамилій! Вамъ не къ лицу преклоняться передъ императрицей, вамъ лучше въ холопахъ служить у Алексѣя Долгорукаго, что у покойнаго императора чуть не ложки воровалъ!... Стыдись, Арсеній, вѣдь ты Шастуновъ, вѣдь ты не ниже Долгорукихъ, вѣдь одного корня мы и нѣтъ знатнѣе насъ. И помни, никогда Шастуновы ни у кого въ холопахъ не состояли, и даже «они» не знатнѣе насъ!....

— Батюшка,—вспыхнувъ, отвѣтилъ Арсеній:—я не уроню своей чести; она дорога мнѣ не меньше, чѣмъ тебѣ! Никогда ни у кого я въ холопахъ не буду, и не хочу, чтобы и другіе были холопами. Мы всѣ люди и всѣ равны.

— Равны?—съ насмѣшкой произнесъ старикъ:—передъ Господомъ Богомъ развѣ! Пожалуй, считай себѣ ровней своего Ваську, а мнѣ онъ холопъ... Одно я скажу тебѣ, Арсеній, пока есть во мнѣ остатокъ силъ, я буду защищать священныя права самодержавной государыни. Не можетъ быть, чтобы всѣ отреклись отъ нея. А ея родственники? Салтыковъ, Лопухинъ? Я хорошо знаю Семень Андреича. Что жъ, они тоже ея враги? Иди своей дорогой, Арсеній. Не хочу упрекать тебя. Если на такое дѣло пошли такіе люди, какъ фельд-

маршалы да князь Дмитрій Михайловичъ,—то что жъ съ тебя спрашивать! Но знай и помни одно, Арсеній: идя противъ государыни, ты идешь противъ своего отца. Каждый ударъ, направленный въ нее, я постараюсь принять на свою старую грудь... Я не вѣрю, что все покончено, что она покорна и все довольны. То, что крѣпко вѣками, не легко повалить въ одинъ день. Я не ждалъ, что на старости лѣтъ останусь одинокъ, что мой единственный сынъ, моя гордость и радость, возстанетъ на меня!

— Отецъ, отецъ! Что говоришь ты!—въ отчаяніи воскликнулъ Арсеній.—Я—на тебя!

— Да,—повторилъ старикъ:—я пойду противъ васъ, я буду бороться съ вами всею, чѣмъ могу. И я надѣюсь на побѣду...

Старикъ гордо выпрямился.

— А если я паду, то, быть можетъ, послѣдній ударъ нанесетъ мнѣ мой сынъ, повинувшись приказу своихъ господъ!

Голосъ старика дрогнулъ.

— Прощай, Арсеній,—произнесъ онъ и, тяжело опираясь на палку, направился къ двери.

Арсеній бросился къ нему, но старикъ отстранилъ его рукой и вышелъ.

Да, все это предвидѣлъ, все это говорилъ себѣ Арсеній въ день полученія отъ отца письма. Но онъ надѣялся, что все кончено и старикъ примирится съ совершившимся. Но онъ хочетъ продолжать борьбу...

Ужели еще не кончена борьба? Ужели отецъ лучше понялъ положеніе, чѣмъ онъ, живущій здѣсь? Не можетъ быть!

Онъ видѣлъ сегодня торжествующія лица фельдмаршаловъ, слышалъ, какъ сказалъ Дмитрій Михайловичъ, что слава Богу все кончено и назадъ уже не повернуть...

Нѣтъ, отецъ ошибается! Онъ увидитъ, что императрица спокойна, и успокоится самъ... Старикъ потрясенъ такимъ рѣзкимъ переворотомъ государственнаго строя.

Онъ поводится со старыми пріятелями—Дмитріемъ Михайловичемъ и Василиемъ Владимировичемъ. Они яснѣе и лучше покажутъ ему всю пользу новаго устройства...

Поздно вечеромъ за вещами князя-отца пріѣхалъ Авдѣй.

Князя пригласилъ поселиться у себя въ домъ его старый пріятель Семень Андревичъ Салтыковъ.

XXI.

Рейнгольдъ считалъ себя погибшимъ человѣкомъ. Мало того, что Остерманъ приказалъ ему отправить съ его человѣкомъ письмо Густаву, то есть дѣлалъ его своимъ сообщникомъ, подставляя, въ случаѣ неудачи, подъ первые удары, онъ возложилъ на него еще

обязанность—найти и подходящее помѣщеніе для ожидаемой депутаціи и семейства Бирена.

«Тутъ ужъ прямо пахнетъ страной пушныхъ звѣрей», думалъ Рейнгольдъ.

Онъ проклиналъ этого хитраго старика, запутавшаго его въ интригу, и отъ сознанія своего безсилія приходилъ въ бѣшенство...

Если въ первое время по смерти императора онъ принялъ участие въ интригѣ противъ верховнаго совѣта, то это было вызвано боязнью потерять все, что позволилъ ему пріобрѣсти случай. Но теперь, когда эта попытка осталась не открытой и онъ заслужилъ благоволеніе императрицы, когда онъ былъ назначенъ оберъ-гоф-маршаломъ двора и не имѣлъ враговъ среди верховниковъ,—какого чорта ввязываться ему въ интриги, которыя могутъ стоить ему головы! Онъ богатъ, знатенъ, отличенъ при дворѣ, имѣетъ успѣхъ, обладаетъ красивѣйшей женщиной обѣихъ столицъ, какое ему дѣло до того, самодержавна ли Анна, или нѣтъ! И рядомъ съ ненавистью къ Остерману росло въ немъ и чувство злобы къ брату.

«Они очень хитры, — думалъ онъ: — брату, конечно, скучно въ его медвѣжьемъ углу, ему хотѣлось бы власти и почести и денегъ! Легко все это добывать руками брата, подставляя его шею подъ топоръ!»

Но, несмотря на такія разсужденія, Рейнгольдъ все же усердно принялся отыскивать нужное помѣщеніе.

Ему посчастливилось.

Сравнительно недалеко отъ Кремля, на берегу Москвы-рѣки, онъ нашелъ уединенный домъ, затерянный въ глубинѣ просторнаго сада, окружавшаго его. Этотъ домъ выглядѣлъ снаружи довольно ветхимъ, но былъ удобенъ и отдѣланъ внутри. Владѣльцемъ этого дома былъ купецъ Сермяжкинъ, изъ гостинаго двора. Когда у его лавки остановились сани Рейнгольда, съ ливрейными лакеями на запяткахъ, онъ выскочилъ съ непокрытой головой встрѣчать почетнаго гостя.

Сермяжкинъ торговалъ персидскими товарами,—коврами, шелками, всякой мелочью, трубками, кальянами, оружіемъ, табакомъ и, кромѣ того, былъ обойщикомъ и драпировщикомъ.

Когда Рейнгольдъ высказалъ ему свое желаніе нанять у него домъ, онъ лукаво усмѣхнулся, окидывая взглядомъ красиваго незнакомца. Ему хорошо были извѣстны теперешніе обычаи. Богатые господа любили уединенные домики для встрѣчъ со своими красавицами.

Къ числу такихъ любителей отъ относилъ и своего посѣтителя и соотвѣственно этому заломилъ несуразную цѣну. Но, къ его радости и удивленію, посѣтитель не сталъ торговаться. И не только отвалилъ ему сразу за три мѣсяца впередъ, но еще набралъ на большую сумму ковровъ, бронзы, шелковыхъ матерій и пору-

чиль ему въ два дня убрать помѣщеніе, не стѣснясь въ расходахъ.

Онъ далъ Сермяжкину указанія, какъ убрать квартиру, сколько сдѣлать спаленъ, чѣмъ привелъ его въ величайшее изумленіе.

Очевидно, первоначальное предположеніе Сермяжкина объ уютномъ гнѣздышкѣ для влюбленныхъ оказалось не подходящимъ, и онъ рѣшилъ, что молодой посѣтитель готовить квартиру, по порученію какого-нибудь знатнаго родственника, пріѣзжающаго въ Москву съ семействомъ.

Сермяжкинъ не ударилъ въ грязь лицомъ. Черезъ два дня домъ былъ обставленъ и украшенъ внутри. Когда Рейнгольдъ посѣтилъ его, то пришелъ въ восторгъ.

Стѣны были красиво задрапированы шелковыми тканями, полы покрыты коврами, разставлена мебель, на стѣнахъ виднѣлись бронзовые канделябры, висѣли зеркала, въ уютныхъ спальняхъ стояли бронзовыя кровати, покрытыя шелковыми одѣялами.

Даже въ буфетѣ оказались вина и запасы съѣстнаго.

«Остерманъ за все заплатитъ», думалъ Рейнгольдъ, очень довольный обстановкой дома.

Онъ полетѣлъ къ Остерману и доложилъ ему объ исполненіи порученій.

Императрица получила письмо, но молчитъ. Домъ нанятъ и отдѣланъ,—это стоило очень дорого!

— Сколько?—коротко спросилъ Остерманъ.

Рейнгольдъ сказалъ.

— На, возьми,—произнесъ Остерманъ, открывая завѣтный ящикъ.

Онъ осторожно отсчиталъ нужное количество золотыхъ.

— Теперь будемъ ждать.

Остерманъ, повидимому, былъ спокоенъ, но не въ такомъ настроеніи возвращался Рейнгольдъ домой.

Никогда будущее не страшило его болѣе...

Все, повидимому, было спокойно. Всѣ вопросы казались рѣшенными. Императрица ни во что не вмѣшивалась. Верховный совѣтъ занимался текущими дѣлами и вмѣстѣ съ тѣмъ энергично работалъ надъ обширнымъ проектомъ преобразованія, составленнымъ княземъ Голицынымъ. Въ этихъ работахъ дѣятельное участіе принимали Василій Лукичъ и Матюшкинъ. Матюшкинъ вносилъ поправки, клонящіяся къ расширенію правъ шляхетства, и Василій Лукичъ усердно поддерживалъ его въ этомъ. Онъ настаивалъ на увеличеніи числа членовъ верховнаго совѣта и считалъ необходимымъ «разсмотрѣніе нуждъ общественныхъ выборными отъ шляхетства, чтобъ народъ узналъ, что къ пользѣ народной дѣла начинать хотять».

Князь Голицынъ, имѣя въ виду главнос—ограниченіе самодержавія, очень охотно соглашался внести поправки въ свой проектъ, отводящій слишкомъ много мѣста аристократіи.

Представители иностранныхъ дворовъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ работъ верховнаго совѣта.

«Относительно намѣреній старинныхъ русскихъ фамилій, — доносили своему правительству Маньянъ,—надо полагать, что они воспользуются столь благопріятной конъюнктурой, чтобы избавиться отъ ужаснаго рабства, въ которомъ до сихъ поръ находились, ограничивъ самовластіе русскихъ государей, которые могли, по личному произволу, располагать жизнью и имуществомъ своихъ подданныхъ. Русскіе вельможи, наравнѣ съ низшими сословіями, не имѣли въ этомъ случаѣ никакого преимущества, которое ограждало бы ихъ отъ расправы кнудомъ...»

Увѣренные въ своей силѣ, привлечшіе на свою сторону большую часть шляхетства, верховники считали свое положеніе непоколебимымъ и, съ сознаніемъ исполненнаго передъ родиной долга, смѣло смотрѣли впередъ.

Необычайный подъемъ духа, горделивую радость испытывалъ Дмитрій Михайловичъ.

Онъ былъ наканунѣ осуществленія своей завѣтной мечты. Онъ уже видѣлъ въ своихъ грезахъ свободную Россію, великую и непобѣдимую, гордо шествующую впереди государствъ Европы!

Окончательная выработка проекта близилась къ концу. Скоро долженъ былъ наступить великій день, съ котораго начнется жизнь обновленной Россіи!..

Окружающіе верховниковъ торжествовали. Враги ихъ низко опустили голову.

Другъ верховниковъ и сторонникъ самаго широкаго расширенія правъ шляхетства, Григорій Дмитріевичъ Юсуповъ тоже торжествовалъ. Онъ отчасти приписывалъ себѣ, и не безъ основанія, успѣхъ достигнутаго соглашенія.

Дивинскій чувствовалъ себя безконечно счастливымъ. Онъ уже считался женихомъ Паши, и все свободное отъ службы время проводилъ у Юсуповыхъ. Ждали только окончанія придворнаго траура, чтобы сыграть свадьбу. Говорили, что коронація новой императрицы предстоить въ апрѣлѣ; тогда и кончится трауръ.

Федоръ Никитичъ съ Пашей мечтали и строили планы будущей жизни. Даже холопы въ домѣ Юсупова повеселѣли.

— Я говорила тебѣ, что тебя ждетъ счастье,—повторяла Сайда, когда отъ избытка чувствъ Паша цѣловала ея морщинистое лицо.—Амулетъ носишь?

— Ношу, ношу, милая Сайда,—весело отвѣчала Паша:—милый, дорогой амулетъ! Я съ нимъ не разстанусь во всю жазнь!..

Восточная комната княжны была любимымъ мѣстопребываніемъ

влюбленныхъ. Паша сидѣла на низенькомъ креслѣ, у ея ногъ по-мѣщался Дивинскій и, положивъ голову на ея колѣни, говорилъ ей о своей любви... Она слушала его, перебирая его волосы, и въ эти минуты нерѣдко она хотѣла умереть отъ полноты счастья! Ея нѣсколько дикая красота распѣла полнымъ блескомъ и, подъ влїяніемъ счастья, стала словно мягче и теплѣе. Жизнь такъ хороша и дальше будетъ еще лучше...

Дивинскій только изрѣдка видѣлъ своихъ друзей. Алеша по-прежнему велъ самый безпутный образъ жизни, вѣчно жаловался, зѣвая, что не можетъ выспаться, и опять закатывался куда-нибудь въ укромный уголокъ—на цѣлую ночь... Шастуновъ не выглядѣлъ счастливымъ. Онъ поблѣднѣлъ за послѣдніе дни, былъ задумчивъ и часто раздражителенъ. Чуждался товарищей, былъ молчаливъ. И, дѣйствительно, Шастуновъ чувствовалъ себя плохо. Онъ искренне любилъ своего отца, и происшедшая рознь причиняла ему страданія. Его надежды не оправдались. Онъ, конечно, поспѣшилъ навѣстить отца. Старикъ встрѣтилъ его сухо и сдержанно. Онъ уже побывалъ и у Дмитрія Михайловича и у фельдмаршала Долгорукаго. Старикъ никому не передалъ содержанія своей бесѣды съ ними, но вернулся домой мрачнѣе тучи, и долго въ эту ночь говорилъ съ Семеномъ Андреевичемъ.

Всякую попытку сына какъ-нибудь сговориться онъ рѣшительно и сухо отклонялъ. Но Арсеній Кирилловичъ видѣлъ, какъ тяжело отцу, и мучился самъ.

Помимо осложненій въ отношеніяхъ съ отцомъ, онъ мучился еще и ревностью. Лопухина словно измѣнилась къ нему. Ея отношеніе стало неровнымъ. Словно она чѣмъ-то была отвлечена или обезпокоена. Быть можетъ, такое настроеніе было вызвано тѣмъ, что Степанъ Васильевичъ, какъ извѣстно, былъ противникомъ верховниковъ, но отъ всякихъ разговоровъ на эту тему Наталья Федоровна уклонялась...

Она играла съ нимъ, какъ казалось Арсенію Кирилловичу... И сердце его болѣло, и онъ не находилъ себѣ покоя... Все чаще и чаще вспоминался ему Левенвольде, и онъ дрожалъ отъ бѣшенства при одномъ имени его... И если бы въ эти минуты онъ встрѣтился съ блестящимъ графомъ, онъ, навѣрное, довелъ бы дѣло до ссоры и поединка...

Маленькая Берта, прислуживавшая въ остеріи, дочь Марты, съ тревогой слѣдила за своимъ постояльцемъ. Она часто задумывалась и грустила. Хотя у нея не было никакихъ надеждъ на князя, но она чувствовала себя несчастной, инстинктомъ влюбленной угадывая, что ея князь страдаетъ отъ любовной тоски....

Но Шастуновъ не замѣчалъ ни ея вздоховъ, ни ея томныхъ взоровъ. Также не замѣчалъ онъ, какъ худѣетъ и блѣднѣетъ баронесса Юліана.

Послѣ присяги ему опять случилось быть въ дворцовомъ караулѣ, и опять императрица пригласила его къ своему столу. На этотъ разъ за столомъ не было оживленія. Императрица, несмотря на то, что ея «драконъ», князь Василій Лукичъ, отсутствовалъ, была печальна и задумчива. Герцогиня Екатерина хранила суровое молчаніе. Такъ же была молчалива и дежурная въ этотъ день статсъ-дама Прасковья Юрьевна, обыкновенно разговорчивая и оживленная.

Юліана, сосѣдка Шастунова, почти ничего не ѣла и едва поддерживала разговоръ съ княземъ.

Притихла и Адель, и даже беззаботный Аріальдъ, по обыкновенію стоявшій на кресломъ императрицы.

Въ концѣ обѣда Анна обратилась къ Шастунову и сказала:

— У меня былъ твой отецъ. Онъ доставилъ намъ подлинное удовольствіе своей вѣрностью и преданностью. Я рада, что его сынъ бываетъ при нашемъ дворѣ.

Она милостиво улыбнулась.

Шастуновъ всталъ и глубоко поклонился. Но сказать ничего не могъ. Слова императрицы больно ударили его по сердцу.

Сейчасъ же послѣ обѣда императрица въ сопровожденіи герцогини и Салтыковой ушла во внутренніе покои.

— Что вы имѣете такой печальный видъ?—воскликнула Адель, когда ушла императрица.

— Князь,—обратилась она къ Шастунову:—васъ просто не узнать! Да займите же вашу сосѣдку! Заставьте ее забыть о Митавѣ, о которой она чуть не плачетъ день и ночь. Она даже хочетъ проситься у императрицы уѣхать назадъ.

— Да? Вы тоскуете о Митавѣ?—разсѣянно сказалъ князь.

Онъ поднялъ голову и едва ли не въ первый разъ за сегодняшній день прямо посмотрѣлъ на Юліану.

Его поразило скорбное выраженіе ея лица. На глазахъ ея выступали слезы. Нѣжное, похудѣвшее личико слегка покраснѣло...

— О, Адель,—сказала она, стараясь улынуться:—что ты болтаешь!

— Юліана, милая,—бросилась къ ней Адель:—вѣдь мы друзья съ княземъ... Развѣ онъ осудитъ тебя за то, что ты тоскуешь объ отцѣ?..

— Нѣтъ, нѣтъ,—живо проговорилъ князь, съ невольной нѣжностью глядя на печальную Юліану.

Несмотря на свои собственные печали, онъ вдругъ почувствовалъ искреннее волненіе при видѣ этихъ дѣтски-ясныхъ глазъ, полныхъ слезъ.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ:—я понимаю вашу тоску, баронесса, здѣсь на чужой сторонѣ, среди чужихъ людей...

— О, вы понимаете,—съ грустной улыбкой произнесла Юліана,

глядя на него печальными глазами.—Да,—въ волненіи продолжала она:—здѣсь всё чужіе...

— А я съ братомъ,—воскликнула Адель.

— Да, ты съ братомъ,—тихо сказала Юліана:—только... А кругомъ... Какъ грустно было мнѣ на балу у канцлера,—продолжала она.—Какъ я чувствовала себя одинокой. О, никогда такъ не чувствуешь своего одиночества, какъ среди чужихъ веселыхъ людей... Вамъ, навѣрное, было веселѣе, чѣмъ мнѣ, князь,—закончила она.

Арсеній Кирилловичъ слегка покраснѣлъ. Ему почему-то стало еще тяжелѣе.

— Мнѣ недолго было весело,—тихо отвѣтилъ онъ.

Юліана пристально взглянула на него и сейчасъ же опустила глаза.

Она уловила въ его голосѣ какъ бы отзвукъ страданія и, какъ ни странно, почувствовала словно облегченіе.

Но Шастунову надо было идти въ карауль.

Онъ всталъ.

— Прощайте же,—сказала Юліана:—вы вѣдь знаете, что среди чужихъ и холодныхъ людей вашей родины вы—нашъ единственный другъ,—тихо добавила она.

— И вѣрете, баронесса,—другъ вѣрный и надежный,—съ теплымъ искреннимъ чувствомъ отвѣтилъ Шастуновъ, пожимая тонкую, трепетную руку Юліаны.

— Вы можете приходить къ намъ,—сказала Адель:—вы знаете, что у насъ отдѣльные апартаменты и отдѣльный входъ. Артуръ такъ любитъ васъ. Онъ скоро совсѣмъ будетъ вашимъ товарищемъ. Императрица хочетъ опредѣлить его къ вамъ въ лейбъ-регіментъ.

— Передайте вашему брату,—отвѣтилъ Арсеній Кирилловичъ:—что я тоже люблю его, и что всё мы будемъ рады такому товарищу.

Милое, дружеское вниманіе дѣвушекъ было отрадно Арсенію Кирилловичу, и, сидя въ караульной, слабо освѣщенной залѣ, онъ невольно вспоминалъ и печально-нѣжное лицо Юліаны и оживленное личико Адели. Онъ смутно угадывалъ чувства, волновавшія Юліану, но тутъ же въ его душѣ вставало другое, прекрасное лицо съ томнымъ взглядомъ неотразимыхъ черныхъ глазъ, и его сердце снова болѣло тоской, ревностью, сомнѣніями...

«Да, мнѣ надо было беречься черныхъ глазъ!» со злобой и тоской думалъ онъ, и словно раздраженіе поднималось въ его душѣ противъ Бриссака. Онъ сказалъ меньше, чѣмъ зналъ!..

XXII.

Дежурный по карауламъ Алеша Макшеевъ поздно ночью объѣзжалъ заставы.

Сидя въ маленькихъ санкахъ, съ коннымъ вѣстовымъ за нимъ, плотно завернувшись въ мѣховую плащъ, онъ ругалъ въ душѣ все

и всѣхъ. И морозъ, и вѣтеръ, и фельдмаршала Михаила Михайловича, назначившаго его въ нарядъ, и графа Матвѣева, у котораго за виномъ и картами онъ провелъ всю ночь, не смыкая глазъ, и свою службу.

«Дьяволы, — думалъ онъ, не относя ни къ кому въ особенности этого лестнаго титула:—тутъ и абшида не получишь! Велика честь, что дворянинъ,—такъ и служи! Мудрить верховный совѣтъ; что бы этимъ господамъ дать намъ волю,—хочешь—служи, хочешь—нѣтъ. Ей-ей, завтра же взялъ бы полный абшидъ, и гайда въ отцу! Надошли, черти! Не служба, а прямо регервигскія крѣпостныя работы. Хоть бы разъ дали, анаемы, выспаться!..»

Онъ плотнѣе закутался въ плащъ и торопилъ своего возницу.

Дѣйствительно, было холодно, дулъ пронзительный вѣтеръ. На улицахъ было темно.

Алеша подѣхалъ къ Тверской заставѣ.

Въ караульномъ домѣ горѣли огни. Казалось тепло и уютно.

«Баста,—подумалъ Алеша:—последняя застава. Не можетъ быть, чтобы у порядочнаго сержанта не нашлось чего выпить! Выпью и тутъ же завалюсь спать».

У всѣхъ заставъ, по распоряженію фельдмаршала, стояли офицерскіе караулы.

Макшеевъ не ошибся. Караульнымъ офицеромъ оказался сержантъ Преображенскаго полка Оеда Толбузинъ, какъ всѣ гвардейскіе офицеры, пріятель Алеша.

Толбузинъ сидѣлъ за столомъ и грустно въ одиночествѣ осушалъ стоявшую передъ нимъ пузатую бутылку съ гданской водкой.

Онъ радостно бросился навстрѣчу Алешѣ.

— Ну, чортъ, давай выпить, закоченѣлъ,—вмѣсто привѣтствія произнесъ Алеша.

— Еще бы,—весело отвѣтилъ Толбузинъ:—тебя какъ разъ и не хватало.

Алеша сбросилъ на скамейку свой плащъ.

— Экая собачья служба,—произнесъ онъ, выпивая стаканчикъ.

— Да, радоваться нечему,—отвѣтилъ Толбузинъ, вновь наполнивъ стаканчики.—Что кончилъ объѣздъ?—спросилъ онъ.

— Кончилъ, — отвѣтилъ Алеша:—ну ихъ къ дьяволу!..

— Ну, и ладно,—сказалъ Толбузинъ:—перекинемся въ кости, а? И онъ полѣзъ въ свою походную сумку.

— Вижу, братъ, ты человѣкъ запасливый, какъ и надлежитъ настоящему офицеру,—отвѣтилъ Алеша:—только дудки. Наигрался. Спать къ тебѣ пріѣхалъ.

— Экъ ты какой!—съ разочарованіемъ произнесъ Толбузинъ.

— Всю ночь глазъ не сомкнулъ у Оедки Матвѣева,—продолжалъ Макшеевъ:—все въ карты играли. Будь онѣ прокляты!

Онъ улегся на койку Толбузина и покрылся своимъ плащомъ.

— А ты, братъ, можешь примоститься и на скамьѣ,—смѣясь сказалъ онъ.—Знай нашихъ, почитай начальство.

— Ахъ ты лѣшій, лѣшій,—качая головой, проговорилъ Толбузинъ.—Ну, да ладно, спи.

— То-то же,—отозвался изъ-подъ плаща Алеша.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ раздался его храпъ.

Толбузинъ вздохнулъ, вынулъ изъ сумки серебряный стаканчикъ и кости и началъ играть самъ съ собой.

Игралъ онъ довольно долго и такъ увлекся игрой, что не замѣтилъ вошедшаго унтеръ-офицера.

— Федоръ Александровичъ,—произнесъ унтеръ-офицеръ:—выйти надо, ѣдутъ.

— А,—очнулся Толбузинъ:—это ты, Ваня.

Ваня тоже былъ дворянинъ, пріятель Толбузина, и со дня на день ожидалъ производства въ сержанты.

— Кого еще несутъ нелегка!—съ досадой продолжалъ Толбузинъ.

— А дьяволъ ихъ знаетъ,—отвѣтилъ Ваня:—кареты, кибитки да подводы съ людьми.

— Поди-ка, Ваня, да возьми у нихъ паспорта,—сказалъ Толбузинъ.

Ваня вышелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся, въ сопровожденіи высокаго старика въ богатой шубѣ.

Толбузинъ всталъ.

Старикъ вѣжливо поклонился ему и, подавая бумагу, что-то заговорилъ по-нѣмецки.

— Лопочи, лопочи,—съ тоской подумалъ Толбузинъ:—ни словъ твоихъ, ни чортовыхъ бумагъ все едино не пойму!

Однако онъ любезно улыбнулся и знакомъ попросилъ старика сѣсть.

— Надо, однако, разбудить Алешку, тотъ разберетъ,—рѣшилъ онъ.

— Алеша, вставай!—крикнулъ онъ, сдергивая съ Макшеева плащъ. Алеша вскочилъ, протирая глаза.

— Развѣ ужъ утро? Вотъ те и выспался!...

Толбузинъ объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.

Старикъ привсталъ и снова поклонился.

Макшеевъ живо пришелъ въ себя и, отвѣтивъ учтивымъ поклономъ, взялъ въ руки бумаги.

Это были нѣмецкіе паспорта, выданные въ Митавѣ.

Лицо старика показалось Макшееву знакомымъ.

Онъ внимательно разсмотрѣлъ бумаги и изъ нихъ увидѣлъ, что путешественники были баронъ Оттомаръ, Густавъ Левенвольде и графъ Кройцъ, со слугами.

Макшеевъ обратился къ старику съ просьбой сообщить, для какой цѣли они ѣдутъ?

Старикъ сказалъ, что они ѣдутъ къ императрицѣ, въ качествѣ депутатовъ отъ лифляндскихъ ландратовъ, поздравить императрицу съ восшествіемъ на престолъ и ходатайствовать передъ ней о сохраненіи лифляндскихъ привилегій.

Вглядѣвшись попристальнѣе въ лицо молодого офицера, старикъ сказалъ:

— Я имѣлъ честь уже видѣть васъ въ составѣ депутаціи, привезшей императрицѣ вѣсть объ ея избраніи.

Макшеевъ сразу вспомнилъ.

Онъ улыбнулся и, протягивая руку, произнесъ:

— Какъ же, какъ же, я хорошо помню васъ, баронъ, помню и графа Кройца... Но скажите, кто этотъ Левенвольде, что ѣдетъ съ вами? При дворѣ императрицы есть оберъ-гофмаршалъ Левенвольде. Онъ не родственникъ?

— Онъ братъ графа Рейнгольда,—отвѣтилъ баронъ:—бывшій камеръ-юнкеръ двора герцогини курляндской и одинъ изъ знатнѣйшихъ ландратовъ. Онъ хотѣлъ воспользоваться случаемъ повидаться съ единственнымъ братомъ, съ которымъ онъ не видѣлся уже много лѣтъ...

Какое-то смутное подозрѣніе шевельнулось въ душѣ Макшева. Трое бывшихъ приближенныхъ Анны ѣдутъ къ ней. Онъ зналъ, что она общалась не брать съ собой своихъ придворныхъ чужестранцевъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они ѣхали въ качествѣ депутатовъ. Имѣлъ ли право онъ не пропустить ихъ?

— А скажите,—вдругъ спросилъ онъ:—гдѣ этотъ, какъ его, приближенный императрицы камеръ-юнкеръ... да—Биренъ?

Словно тревога отразилась на лицѣ барона, но онъ сейчасъ же спокойно отвѣтилъ:

— Мы не имѣемъ о немъ никакихъ свѣдѣній, господинъ офицеръ.

Макшеевъ колебался не долго.

— Я пропущу ихъ,—рѣшилъ онъ,—и завтра утромъ доложу объ этомъ фельдмаршалу.

— Хорошо,—громко сказалъ онъ:—вы можете вѣхаться въ Москву, баронъ. Гдѣ вы остановитесь?

Оттомаръ казался смущеннымъ.

— Съ нами ѣдетъ человекъ, который хорошо знаетъ Москву и общалъ насъ устроить...

— А,—произнесъ Макшеевъ и, обращаясь къ Толбузину, добавилъ:—пропусти ихъ, Федя, да пошли непримѣтно за ними моего чѣстоваго. Пусть доглядитъ, куда они поѣдутъ.

— Вы свободны, баронъ, счастливаго пути.

Баронъ поблагодарилъ, поклонился обоимъ офицерамъ и вышелъ.

— Кто это?—спросилъ Толбузинъ.

Макшеевъ объяснилъ ему.

— Да,—замѣтилъ Толбузинъ,—скоро, кажется, сюда переселится всѣ ея нѣмцы.

— Не полагаю, чтобы и этихъ долго потеряли на Москвѣ,—отвѣтилъ Алеша.—Сонъ они мой разогнали—это правда. Перекинемся-ка въ кости, Федя!

Прижавшись въ самый уголъ возка, укутанный въ простой овчинный тулупъ, сидѣлъ Биренъ. Онъ держалъ на колѣняхъ хорошо укутаннаго, крѣпко спящаго Карлушу. Рядомъ съ нимъ дремалъ Петръ, а противъ, тоже въ овчинномъ тулупѣ, сидѣла Бенигна съ трехлѣтней Гедвигой на рукахъ. Дѣвочка тоже спала.

Биренъ весь дрожалъ мелкой дрожью. Ему показались вѣкомъ тѣ полчаса, что они стояли у заставы. Бенигна слышала, какъ изрѣдка стучали зубы Бирена. Если бы было свѣтло, она увидѣла бы блѣдное, искаженное страхомъ лицо мужа.

— Эрнстъ,—шопотомъ начала она.

— Молчи, молчи,—испуганно произнесъ онъ.

Бенигна покорно замолчала.

Бирену казалось, что звукъ его голоса можетъ выдать его. Ему казалось, что со всѣхъ сторонъ онъ окруженъ незримыми врагами, сторожащими чуть ли не каждый вздохъ его.

Наконецъ они тронулись.

Биренъ облегченно вздохнулъ. Вотъ онъ въ Москвѣ. Такъ близко отъ той, кто еще недавно была его любящей и преданной подругой, видѣвшей въ немъ и въ этомъ младенцѣ, мирно спящемъ на его колѣняхъ, все счастье своей темной жизни! И такъ же близко отъ страшныхъ враговъ, отъ которыхъ онъ не могъ ожидать пощады!

Минутами страхъ до такой степени овладѣвалъ имъ, что онъ проклиналъ Густава, заставившаго его ѣхать сюда, и съ наслажденіемъ готовъ былъ бы вернуться назадъ въ Митаву, если бы былъ увѣренъ въ своей безопасности. Но дѣло было сдѣлано. Онъ въ Москвѣ. Назадъ нѣтъ пути. Надо ждать и надѣяться.

А между тѣмъ Якубъ отъ самой заставы поскакалъ къ графу Рейнгольду сообщить ему о прибытіи депутаціи и спросить, куда ѣхать? Отъѣхавъ недалеко отъ заставы, Густавъ велѣлъ остановиться, подъ предлогомъ поправить упряжку лошадей, на самомъ же дѣлѣ—въ ожиданіи Якуба.

Вѣрные слуги дѣлали видъ, что поправляютъ упряжь, и вѣстовой, которому поручено было Толбузинымъ слѣдить за приѣзжими, остановился невдалекѣ.

Рейнгольдъ боялся не меньше Бирена, и, ругая на чемъ свѣтъ стоитъ своего брата и Остермана, указалъ Якубу, куда они должны

ѣхать, и обѣщался самъ встрѣтить ихъ у дома, ключи отъ котораго были у него.

Забравши челоуѣка, онъ, дѣйствительно, поѣхалъ въ нанятый домъ. Его челоуѣкъ отперъ ворота, потомъ освѣтилъ внутри домъ. Рейнгольдъ сторожилъ гостей у воротъ, прячась за заборомъ и закрывая лицо плащомъ, хотя на улицѣ совсѣмъ было темно.

Впереди, указывая путь, ѣхалъ Якубъ. Когда онъ поровнялся съ воротами, Рейнгольдъ тихо окликнулъ его и указалъ, куда поворачивать. Самъ же поспѣшилъ въ домъ.

Слуги торопливо распрягали лошадей и отводили ихъ въ конюшни, другіе вносили въ домъ багажъ.

Бенигна съ истиннымъ наслажденіемъ осматривала нарядную спальню, хорошо натопленную, ярко освѣщенную. Она съ обычной заботливостью покормила дѣтей и укладывала ихъ спать въ чистыя, мягкія постели.

Она сама тоже чувствовала себя усталой и хотѣла спать.

Въ столовой за обильно сервированнымъ столомъ сидѣли мужчины.

Рейнгольдъ отослалъ слугъ.

— Ну, теперь говори,—произнесъ Густавъ спокойнымъ голосомъ.

— Если ты думаешь услышать что-либо пріятное,—раздраженно началъ Рейнгольдъ:—то ты очень ошибаешься. Не знаю, право, на что надѣется Остерманъ, подводя насъ подъ топоръ!...

При этихъ словахъ Биренъ поблѣднѣлъ.

Это доставило Рейнгольду видимое удовольствіе. По крайней мѣрѣ не одинъ онъ боится.

— Да,—продолжалъ онъ:—вы всѣ и Остерманъ можете быть покойны. Вы представители ландратовъ, вы въ родѣ пословъ, вамъ ничего не сдѣлаютъ. Но вотъ чьи головы не прочны,—онъ указалъ на свою голову и на Бирена!

И Рейнгольдъ съ жаромъ, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ описалъ положеніе. Присяга принесена. Всякая власть у императрицы отнята! Немногочисленные ея сторонники притихли. Сама императрица черезъ него, Рейнгольда, сообщила Остерману, что отказывается отъ всякой борьбы и проситъ на нее не надѣяться, такъ какъ она совершенно безсильна. А этотъ упрямый старикъ все хочетъ заставить ее поступать по-своему, даже послѣ того, какъ всѣ его первоначальные планы погибли!

Биренъ слушалъ слова Рейнгольда, какъ слушаютъ смертный приговоръ.

Баронъ Оттомаръ и графъ Кройцъ слушали внимательно и спокойно. Имъ, дѣйствительно, нечего было бояться. Самое большое, что могли съ ними сдѣлать,—это попросить поскорѣе уѣхать обратно

— О, Густавъ, Густавъ!—въ отчаяніи воскликнулъ Бирень:— ты погубилъ меня! Зачѣмъ, зачѣмъ я послушался тебя! Можетъ быть, дѣйствительно, этотъ проклятый старикъ сошелъ съ ума!... Или нарочно хотѣлъ заманить меня сюда, чтобы выдать князю Долгорукому!...

Бирень схватился за голову и, какъ помѣшанный, забѣгалъ по комнатѣ.

Густавъ глядѣлъ на него съ холодной усмѣшкой.

— Ты опять обращаешься въ бабу, Эрнстъ,—сухо сказалъ онъ.—Я говорю тебѣ, что только одинъ Остерманъ могъ придумать то, что придумалъ онъ. Неужели ты думаешь, что мой прекрасный братъ что-нибудь понимаетъ? Это не его ремесло,—презрительно добавилъ онъ.—Я завтра же увидаю Остермана. А теперь я полагаю—надо спать. А васъ, господинъ оберъ-гофмаршалъ, я буду имѣть честь просить завтра доложить императрицѣ, что депутація отъ ландратовъ униженно ходатайствуетъ объ аудіенціи у ея величества.

Ф. Заринъ-Мѣсвицкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).





МОЯ СЛУЖБА ВЪ ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ.

(1870—1906 года).

Посвящаю моему лучшему другу А. Н. Солиmani.



ВЪ ни трудно вспоминать всѣ событія жизни за сорокъ почти лѣтъ, особенно если въ теченіе этого времени не вель дневника, тѣмъ не менѣе я рискнулъ взять на себя эту задачу, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что тридцатилѣтняя служба моя въ главномъ управленіи Туркестанскаго края, почти съ первыхъ дней присоединенія его къ имперіи, внесетъ нѣкоторую лепту въ общій сборникъ матеріаловъ для будущаго историка края.

Приступаю къ моимъ воспоминаніямъ съ твердымъ намѣреніемъ нигдѣ не покривить душой, нигдѣ не говорить неправды, очерчивать дѣятелей Туркестана съ полнымъ величепріятіемъ. Быть можетъ, мои взгляды или выводы не всегда будутъ вѣрны, нарисованные портреты не всегда будутъ схожи, но по чести долженъ сказать, что виною этому будетъ не моя злая воля, а, быть можетъ, недостатокъ наблюдательности.

Г. П. Федоровъ.

I.

Юные годы.—Поступленіе въ тамбовскій кадетскій корпусъ.—Переходъ въ воронежскій корпусъ.—Воспоминаніе о директорахъ Броневскомъ и Ватацн.—Переходъ въ первый московскій корпусъ.—Директоръ Жданъ-Пушкинъ.—Поступленіе на службу юнкеромъ въ третье военное Александровское училище.—Производство въ офицеры.

Отецъ мой былъ, хотя не очень крупный, но въ свое время видный дѣятель по народному образованію въ министерствѣ графа Головкина. Когда я родился, онъ былъ директоромъ курской гимна-

зи. Изъ четырехъ братьевъ—я самый младшій. Старшій мой братъ предназначался для гражданской службы, а остальные трое, благодаря дружбѣ отца съ извѣстнымъ генераломъ Чертковымъ, пожертвовавшимъ большой капиталъ на основаніе воронежскаго кадетскаго корпуса, были зачислены кандидатами въ кадеты этого корпуса, куда въ свое время и были опредѣляемы, пробывъ предварительно одинъ или два года въ малолѣтнемъ тамбовскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Я поступилъ въ этотъ корпусъ въ 1855 году и въ 1858 году былъ переведенъ въ Воронежъ. О пребываніи въ тамбовскомъ корпусѣ у меня сохранились самыя туманныя воспоминанія. Существовавшая въ то время система воспитанія требовала для достиженія педагогическихъ цѣлей трехъ вещей: розогъ, розогъ и розогъ, и примѣнялась къ бѣднымъ дѣтямъ съ беспощадною суровостью, несмотря на то, что во главѣ корпуса стоялъ очень добрый человѣкъ генераль Пташникъ. Но и онъ поролъ насъ потому, что въ то время другихъ педагогическихъ приемовъ не признавали даже самые передовые люди.

Помню, впрочемъ, хорошо, что до насъ доходили слухи, что въ воронежскомъ корпусѣ несравненно больше порютъ, чѣмъ въ Тамбовѣ, что однорукой кавказскій генераль Броневскій (директоръ корпуса) всѣми силами стремится подражать своему предшественнику извѣстному на всю Россію генералу Винтулову, который запарывалъ кадетъ до потери сознанія. Боялись мы переѣзда въ Воронежъ страшно, и когда настало время переѣзда, то всѣ мы рыдали неутѣшно, разставаясь съ Пташникомъ. Сопровождавшій насъ ротный командиръ капитанъ Севастьяновъ старался насъ еще больше напугать, смакуя передъ нами подробности воронежскихъ пороковъ: мокрыя простыни, смоченныя въ соленомъ растврѣ розги etc.

Въ первый же день по пріѣздѣ въ Воронежъ Севастьяновъ собралъ насъ и, видимо, сконфуженный, сказалъ намъ слѣдующую рѣчь:

«Дѣти! Господь сжалился надъ вами! Генераль Броневскій уже больше не директоръ! На его мѣсто назначенъ генераль Ватаци».

Услышавъ первый разъ фамилію Ватаци, мы по тону Севастьянова инстинктивно поняли, что новый генераль означаетъ новый режимъ, и, вѣроятно, болѣе мягкій.

Броневскій никогда по военно-учебному вѣдомству не служилъ и, находясь, въ войскахъ Кавказа, пользовался репутаціей лихого боевого офицера. Въ одномъ дѣлѣ съ горцами онъ былъ тяжело раненъ; ему ампутировали руку до плеча и въ награду... назначили директоромъ кадетскаго корпуса...

Разсказываютъ, что первый годъ своего директорства онъ парализовалъ всѣхъ своею гуманностью. Онъ никого не сѣкъ, завелъ бібліотеку, физическій кабинетъ. Кадеты вздохнули свободно послѣ мно-

голтняго жестокаго винтуловскаго режима. Но вдругъ, на общее несчастье, въ корпусѣ произошелъ страшный скандалъ: кадетъ первой роты Стѣжкинъ въ присутствіи всѣхъ кадетъ въ столовой далъ пощечину дежурному офицеру поручику С—ну. Броневскій сразу озвѣрѣлъ. Стѣжкинъ былъ безпощадно выдранъ предъ цѣлымъ батальономъ; затѣмъ на него надѣли сѣрую шинель, и онъ отправленъ былъ куда-то, какъ простой солдатъ. Казалось, правосудіе было удовлетворено, и кадеты ничѣмъ не заслужили возврата къ старому режиму. Между тѣмъ вотъ что произошло на другой день. Послѣ классовъ весь батальонъ былъ собранъ въ залѣ, и къ общему ужасу солдаты внесли нѣсколько скамеекъ и цѣлые пуки розогъ. Всѣ замерли въ ожиданіи. Вошелъ Броневскій и, не поздоровавшись ни съ кѣмъ, началъ такую рѣчь:

— Когда вчера привели Стѣжкина для наказанія, то изъ первой роты раздался возгласъ: о! о! о! Кто это воскликнулъ? Выходи, а не то перепорю десятаго!

Общее томительное молчаніе...

Прошло минуты двѣ-три. Броневскій подошелъ къ первой ротѣ.

— Зыбинъ! Это, навѣрное, ты. Ступай, ложись.

И вотъ началось безпощадное бичеваніе семнадцатилѣтняго юноши, быть можетъ, ни тѣломъ ни душой не виноватаго.

Когда Зыбина въ обморокѣ унесли въ лазаретъ, то Броневскій вызвалъ съ такими же словами Лутовинова. Опять началось истязаніе. Послѣ Лутовинова были выпороты еще трое, и лишь тутъ звѣрь успокоился и распустилъ обезумѣвшихъ отъ ужаса дѣтей. Съ этого дня порка снова получила право гражданства, пока въ Петербургѣ, гдѣ уже начались гуманнѣянія, не догадались отозвать озвѣрѣвшаго сумасшедшаго Броневскаго.

Изъ нижеписаннаго будетъ понятно, что всѣ кадеты, учившіеся затѣмъ въ корпусѣ во время директорства А. И. Ватаци, съ благоговѣніемъ чтутъ память этого благороднаго, идеально-чистаго и добраго человѣка и начальника.

Ватаци въ первый же день своего прибытія объявилъ, что система истязанія дѣтей «на законномъ основаніи» должна быть забыта навсегда, и когда нѣкоторые старозавѣтные воспитатели винтуловскаго режима начали возражать, что безъ розогъ кадеты окончательно развратятся, то Ватаци отвѣтилъ однимъ словомъ: «посмотримъ», и, дѣйствительно, не прошло и года, какъ всѣ убѣдились, что можно обойтись и безъ розогъ. Сами кадеты невольно подтянулись подъ влияніемъ гуманнаго обращенія. Существовавшій среди кадетъ такъ называемый спартанизмъ началъ исчезать. Спартанцы, т. е. кадеты, считавшіе униженіемъ учиться и посвятившіе себя всецѣло развитію физической силы, если и не вывелись совсѣмъ въ первый же годъ директорства Ватаци, то старались по крайней мѣрѣ, держаться въ тѣни и не бравировать своими колоссальными мышцами и икрами.

Переходя къ собственной особѣ, я долженъ сознаться, что всегда былъ примѣрнымъ лѣнтяемъ и въ трехъ классахъ просидѣлъ по два года. Въ то время въ корпусахъ было пять общихъ классовъ, и, съ трудомъ дотянувъ до пятаго класса, я неожиданно для себя былъ по просьбѣ матери переведенъ въ первый московскій корпусъ. Въ этомъ заведеніи я оставался нѣсколько мѣсяцевъ, ибо лѣтомъ 1864 года поступилъ въ третье военное Александровское училище.

Непродолжительное пребываніе въ первомъ московскомъ корпусѣ оставило во мнѣ хорошее воспоминаніе, благодаря добрѣйшему директору Жданъ-Пушкину. Онъ хотя и былъ строгъ, но отечески входилъ въ нужды кадетъ, и каждый воспитанникъ могъ смѣло идти къ нему за совѣтомъ или поддержкой. Одно, что онъ каралъ безощадно,—это ложь и обманъ. Узнавъ, на примѣръ, что почти всѣ кадеты пятаго класса потихоньку курятъ, онъ своею властью разрѣшилъ этому классу курить, чтобы не ставить ихъ въ необходимость обманывать начальство. Помню, что такая либеральная мѣра вызвала сильное порицаніе нашего сосѣда генерала Фрейганга, директора второго корпуса (оба корпуса помѣщаются въ одномъ зданіи).

Переходъ въ Александровское училище рѣзко измѣнилъ весь строй нашей жизни. Въ корпусѣ мы все-таки были, или, по крайней мѣрѣ, считались дѣтьми, а съ переходомъ въ училище мы обратились въ юнкеровъ, поступили на дѣйствительную службу, надѣли солдатскія шинели, однимъ словомъ, перешли въ категорію людей взрослыхъ. Да и самая система воспитанія и внутренній бытъ въ училищѣ рѣзко разнились отъ корпуса. Намъ предоставлено было право нѣсколько разъ въ недѣлю выходить изъ училища, мы по очереди дежурили по кухнѣ, по кладовой, по буфету и такимъ образомъ принимали косвенное участіе въ хозяйствѣ училища.

Нужно, впрочемъ, сказать, что первые годы образованія училища (учреждено въ 1863 году) начальство, повидимому, продолжало смотрѣть на насъ, какъ на кадетъ. Въ мое время (1864—66 гг.) въ училищѣ вполнѣ отсутствовала дисциплина въ строгомъ смыслѣ этого слова. Юнкера были страшно разнузданы, благодаря отсутствію энергіи и инициативы начальника училища, добрѣйшаго, образованнѣйшаго, но въ высшей степени слабого генерала Шванебаха. Большая часть юнкеровъ проводили все свободное отъ классовъ время на бульварахъ и въ извѣстной въ то время гостиницѣ «Гунибъ» на Арбатѣ, гдѣ были особы, такъ называемые юнкерскіе два грязнѣйшихъ номера въ подвальномъ этажѣ, постоянно по вечерамъ занятые юными воинами въ обществѣ модистокъ, жившихъ противъ училища на Знаменкѣ. Начальство смотрѣло на это сквозь пальцы, и оргіи эти продолжались до моего выпуска, но потомъ, горюя, юнкеровъ сильно подтянули.

Зато начальство, видимо, не жалѣло средствъ, чтобы поставить воспитательное дѣло на должную высоту. Для чтенія лекцій были приглашены лучшіе московскіе профессора, и въ мое время читали: исторію—С. М. Соловьевъ, статистику—И. К. Бабстъ, законовѣдѣніе—Капустинъ, химію—Лясковскій, физику—Вейнбергъ, исторію церкви—Иванцовъ-Платоновъ, военную администрацію—генеральнаго штаба капитанъ Зайцевъ, артиллерію—академикъ и выдающійся военный ученый Зиновьевъ.

Лучше такого персонала нельзя было придумать, и, дѣйствительно, такія личности, какъ незабвенный Соловьевъ или Капустинъ, сумѣли заинтересовать даже такихъ юнкеровъ, которые раньше ничѣмъ, кромѣ спорта, не интересовались.

Въ противоположность столь блестяще поставленному научному образованію, военное воспитаніе было поставлено очень слабо. Юнкера были совсѣмъ не дисциплинированы, и начальство, видимо, не придавало этому значенія. Вслѣдствіе этого юнкера первыхъ выпусковъ являлись въ свои части какими-то институтками. Въ Павловскомъ и Константиновскомъ военныхъ училищахъ (учрежденных тоже въ 1863 году) дисциплина была поставлена образцово съ перваго же года. Тамъ изъ юнкеровъ сразу выгнали кадетскую закваску. Это, быть можетъ, было немного рѣзко, но зато дало хорошіе результаты.

Въ нашемъ училищѣ также почти не обращалось вниманія на такія познанія, которыя мы должны были примѣнить по выпускѣ въ офицеры, уже въ качествѣ вполне подготовленныхъ учителей. Такъ, напримѣръ, юнкера чисто формально занимались глазомѣрнымъ опредѣленіемъ разстояній, и я хорошо помню, какъ я былъ сконфуженъ, когда по прибытіи въ батальонъ уже офицеромъ я долженъ былъ вывести въ поле свое капральство и преподавать стрѣлкамъ въ понятной для нихъ формѣ теорію глазомѣрнаго опредѣленія разстояній. Я рѣшительно ничего не могъ объяснить, и сконфуженно передалъ свои функціи капральному унтеръ-офицеру. Я убѣжденъ, что въ такомъ же положеніи были и всѣ мои бывшіе товарищи по училищу и выпуску.

Въ худшемъ еще положеніи было фехтованіе. Мы много дрались на рапирахъ и на эспадронахъ. Конечно, это очень полезное занятіе, развивающее личную отвагу и ловкость, но... оно совсѣмъ непримѣнимо къ обученію солдатъ. Фехтованіе же на ружьяхъ почему-то было совсѣмъ исключено изъ нашей программы, и, прибывъ въ батальонъ, я впервые увидѣлъ этотъ родъ военного спорта въ то время, когда самъ долженъ былъ учить нижнихъ чиновъ фехтовать на ружьяхъ.

Во время лагерей на Ходынскомъ полѣ мы главнѣйшимъ образомъ занимались батальоннымъ ученіемъ, караульная же и аванпостная служба, восьмирядное ученіе, маневры малыми частями съ

примѣненіемъ къ мѣстности, все это продѣлывалось *entre autres* и спустя рукава. Топографическая съемка исполнялась всѣми юнкерами, но *de facto* все дѣло дѣлали главари каждой партіи, а остальные ровно ничего не дѣлали, откупаясь отъ работы тѣмъ, что обязывались быть выюнными животными, т. е. таскать мензулу, вѣхи, колья, цѣпь и пр. Начальство требовало, чтобы планъ былъ вѣренъ и красивъ, а до остального ему не было дѣла.

Въ августѣ 1866 года прибылъ въ Москву императоръ Александръ II и, произведя смотръ училищу, поздравилъ старшій классъ офицерами.

Послѣ присяги на вѣрность службы я взялъ двадцативосьмидневный отпускъ и уѣхалъ къ брату Петру въ смоленское его имѣніе. Тамъ я, конечно, сейчасъ же влюбился и въ чаду первой любви вмѣсто двадцати восьми дней пробылъ въ отпуску два съ половиною мѣсяца и, чтобы не подвергаться отвѣтственности, взялъ у врача медицинское свидѣтельство.

Съ тяжелымъ сердцемъ и со слезами я уѣзжалъ изъ деревни брата, гдѣ меня всѣ ласкали и баловали.

II.

Жизнь въ селѣ Иваново-Вознесенскѣ.—Командиръ батальона Фромандьеръ.—Начальникъ третьей пѣхотной дивизіи И. С. Ганецкій.— Столкновение его съ благочиннымъ села Иванова.—Новый командиръ батальона графъ Комаровскій.—Походъ въ Оренбургъ.—Жизнь въ этомъ городѣ.—Генераль-губернаторъ Крыжановскій.—Волненія въ Киргизской степи.—Походъ въ степь.—Сожженіе нами нашего же транспорта.—Возвращеніе въ Оренбургъ и походъ въ Ташкентъ.—Новый командиръ батальона Новомлинскій.

Третій стрѣлковый батальонъ, въ который я былъ выпущенъ прапорщикомъ, расположенъ былъ на просторныхъ квартирахъ въ Шуйскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи, и штабъ батальона находился въ знаменитомъ своими ситцевыми фабриками селѣ Иваново-Вознесенскѣ.

Въ батальонѣ служилъ уже мой братъ Михаилъ, который въ годъ моего выпуска былъ штабсъ-капитаномъ и занималъ должность квартирмейстера. Приѣхавъ въ батальонъ, я на другой же день явился къ командиру батальона полковнику Фромандьеру. Это былъ очень странный человѣкъ. Службы онъ совсѣмъ не зналъ и совсѣмъ ею не занимался; знакомствъ ни съ кѣмъ почти не заводилъ и постоянно былъ влюбленъ въ... кого-нибудь изъ офицеровъ своего батальона. Благодаря этой странности, онъ, конечно, не пользовался ничѣмъ уваженіемъ и всегда былъ предметомъ насмѣшекъ среди общества офицеровъ, что, бесспорно, дурно отражалось на дисциплинѣ. Онъ принялъ меня очень сухо, не подаль руки и началъ читать нравоученіе о моихъ будущихъ обязанностяхъ, но вдругъ оборвалъ рѣчь слѣдующею фразой:

— Вы, впрочемъ, прапорщикъ очень счастливо начинаете службу, ибо имѣете счастье жить подъ одной кровлей съ вашимъ очаровательнымъ, обворожительнымъ братомъ...

Крайне удивленный этой фразой, я просилъ офицеровъ объяснить сея смыслъ.

— А это очень просто объясняется,—отвѣтилъ мой братъ:—теперь я имѣю несчастье быть предметомъ страсти Петра Павловича, и онъ не даетъ мнѣ покоя, одолѣвая своими любезностями...

Можете судить, какое впечатлѣніе произвело это на только что произведеннаго офицера!?

Скоро братъ мой былъ исключенъ изъ списка «предметовъ», и Фромандьеръ воспылалъ страстью къ моему товарищу по выпуску Р—ву. Эта несчастная страсть погубила психопата. Батальоннымъ адъютантомъ у насъ былъ поручикъ Келлеръ. Въ одинъ прекрасный день онъ сошелъ съ ума и между всякимъ вздоромъ кричалъ, что онъ убьетъ старшаго врача Петровскаго. Хотя Фромандьеру докладывали и доктора и старшіе офицеры, что Келлеръ психически-больной, и что его нужно отправить въ госпиталь, но Фромандьеръ неожиданно выкинулъ слѣдующую штуку. Пригласивъ къ себѣ Р—ва, онъ спросилъ его:

— Милый Сереженька, хотите прокатиться въ Петербургъ?

Юноша Р—въ, никогда не видѣвшій столицы, конечно, выразилъ полное согласіе.

Но какъ бы вы думали, что придумалъ Фромандьеръ? Онъ написалъ Р—ву предписаніе, въ которомъ предложилъ отвезти Келлера въ Петербургъ къ шефу жандармовъ, которому и сдать этого офицера, какъ покушавшагося на убійство доктора!

Все это было сдѣлано секретно отъ офицеровъ, такъ что они всѣ были убѣждены, что Р—въ увезъ Келлера въ лечебницу.

Можете судить, какой эффектъ должны были произвести эти два офицера въ пріемной графа Шувалова?

Послѣдствія не заставили себя ждать. Черезъ мѣсяць къ намъ нагрянулъ начальникъ дивизіи генералъ Ганецкій, который сначала разнесъ все и вся, а затѣмъ предложилъ Фромандьеру убираться изъ батальона по добру по здорову.

Этотъ Ганецкій, вполнѣдствіи плевненскій герой, былъ невозможно грубый, невоспитанный и несдержанный человѣкъ, но въ то же время очень умный и находчивый.

Разкажу одинъ характерный случай, свидѣтелемъ котораго былъ и я въ числѣ прочихъ офицеровъ.

Пріѣхавъ лѣтомъ инспектировать батальонъ, Ганецкій сталъ обходить ряды, задавая стрѣлкамъ неожиданные вопросы. Нижніе чины до такой степени его боялись, что нѣкоторые заболѣвали передъ смотромъ.

Почти все населеніе села Ивапова вышло въ поле посмотреть

смотреть. Въ числѣ публики стоялъ благочинный отецъ Дмитрій, всѣми уважаемый священникъ; онъ въ продолженіе зимы бесплатно преподавалъ стрѣлкамъ Законъ Божій.

Ганецкій, проходя вдоль фронта второй роты, внезапно остановился противъ одного стрѣлка и, вперивъ въ него свои круглые глаза, стремительно-грозымымъ голосомъ спросилъ:

— А сколько заповѣдей?

Бѣдный стрѣлокъ буквально омертвѣлъ отъ страха, языкъ его прилипъ къ гортани. Онъ не отвѣчалъ.

— Ну?—грозно прорычалъ Ганецкій.

— Двѣнадцать,—прошепталъ несчастный стрѣлокъ.

— А кто это у васъ такой остроумный законоучитель?—спросилъ еще грознѣе Ганецкій.

Ротный командиръ доложилъ, что законоучителемъ состоитъ отецъ Дмитрій, который въ настоящую минуту находится здѣсь.

— Пожалуйста сюда, отецъ Дмитрій!—заоралъ на всю площадь Ганецкій.

Отецъ Дмитрій степенно подошелъ и солидно поклонился генералу.

— Это чему же вы учите моихъ солдатъ? Позвольте васъ спросить, гдѣ мы находимся: въ православной Россіи или въ ордѣ? Стыдно, батюшка, портить православнаго воина, внушая (!?) ему превратныя и противныя религіи свѣдѣнія! Стыдно... и еще разъ стыдно!!!

И батальонъ и публика были возмущены такою грубостью, и притомъ ничѣмъ не заслуженною.

Отецъ Дмитрій поблѣднѣлъ и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, громкимъ голосомъ, который могли слышать всѣ, отвѣтилъ спокойно слѣдующее:

— Солдатикъ отвѣтилъ вамъ невѣрно потому, что испугался или растерялся. Другой причины нѣтъ и быть не можетъ, ибо русскій священникъ, даже самый жалкій, знаетъ, сколько заповѣдей Господнихъ, и, кромѣ вашего превосходительства, никто не позволилъ бы себѣ сказать, что это я научилъ солдатика, что заповѣдей двѣнадцать, а не десять. До сихъ поръ я не слыхалъ, чтобы священникъ умышленно портилъ солдатъ, этихъ защитниковъ отечества. Для меня это новость, и я склоненъ думать, что вы совершили необдуманнѣйшій поступокъ, сдѣлавъ свой выводъ... Но въ вашемъ ко мнѣ обращеніи есть еще и другая сторона, о которой я не могу умолчать. Вы дозволили себѣ грубо кричать на меня въ присутствіи моихъ прихожанъ и моихъ учениковъ-солдатъ. Гдѣ вы воспитывались—я не знаю, но что вы можете быть невѣжливы, я сейчасъ узналъ. Прощайте!

Среди могильной тишины отецъ Дмитрій медленно направился черезъ толпу, и мы внутренно порадовались, что врагъ нашъ получилъ публичный урокъ.

Но вдругъ снова раздался зычный голосъ генерала:

— Батюшка! Прошу васъ вернуться на пять минутъ.

Отецъ Дмитрій вернулся.

Тогда Ганецкій, обратившись къ солдатамъ, произнесъ громовымъ голосомъ:

— Ребята! Я забылся и обидѣлъ вашего священника! Какъ христианинъ, каюсь въ этомъ. Батюшка! Простите меня Христа ради!..

Отецъ Дмитрій, тонко улыбнувшись, спокойно отвѣтилъ:

— Христа ради, прощаю васъ.

Но когда Ганецкій не получалъ отпора, то онъ былъ невозможно дерзокъ и грубъ, особенно съ подчиненными.

Такъ, напримѣръ, принимая одинъ разъ почетный караулъ въ селѣ Ивановѣ, еще при Фромандьерѣ, онъ публично называлъ меня дѣвкой съ шиньономъ только потому, что у меня изъ-подъ козырька кепи торчала небольшая прядка волосъ. Я, конечно, долженъ былъ проглотить эту обиду.

Послѣ вышеописаннаго смотра офицеры давали обѣдъ Ганецкому. Казалось бы, въ благодарность за нашу хлѣбъ-соль онъ долженъ былъ быть если не любезнымъ, то хотя сдержаннымъ. Но нѣтъ, ему не были свойственны самыя элементарныя условія благопристойности.

За обѣдомъ зашелъ, конечно, разговоръ о дисциплинѣ. Впрочемъ, я неправильно сказалъ «разговоръ»: говорилъ одинъ Ганецкій своимъ обычнымъ непріязненно-зычнымъ голосомъ. Онъ ораторствовалъ на ту тему, что офицеръ долженъ выказывать генералу всѣ возможные знаки почтенія и почтительности во всѣхъ случаяхъ жизни.

Нашъ первый острякъ и общій любимецъ капитанъ Ефремовъ, подъ вліяніемъ выпитаго вина, неожиданно, но съ тонкою улыбкой на лицѣ спросилъ:

— А въ банѣ, ваше превосходительство?

Ганецкій моментально взбѣсился и выпалилъ:

— А не хотите ли вы, чтобы я васъ прямо съ обѣда отправилъ на гауптвахту?

На мѣсто Фромандьера назначенъ былъ къ намъ командиромъ полковникъ графъ Комаровскій. Служивъ до того въ гвардіи, онъ, видимо, хорошо зналъ службу, но былъ чрезвычайно лѣнивъ. Зимой, когда роты расположены на просторныхъ квартирахъ въ деревняхъ, онъ ни разу не побывалъ тамъ, вполнѣ сваливъ всю работу на ротныхъ командировъ, а лѣтомъ, во время лагерей, почти не появлялся на стрѣльбѣ. Мы, молодежь, были въ восторгѣ отъ графа, такъ какъ однажды въ батальонной канцеляріи онъ заявилъ намъ, что намъ, прапорщикамъ, незачѣмъ ходить на стрѣльбу, ибо мы только будемъ мѣшать ротнымъ командирамъ (?).

Общественной жизни въ то время въ селѣ Ивановѣ совсѣмъ не было, несмотря на то, что среди обывателей насчитывалось десятокъ милліонеровъ. Всѣ фабриканты вели замкнутый образъ жизни и не выражали желанія принимать у себя офицеровъ. Исключеніе представлялъ милліонеръ А. Ф. Зубковъ, у котораго офицеры бывали часто, но тамъ большею частью шла крупная игра и публика сильно кутила (Зубковъ былъ холостой). Въ концѣ концовъ намъ пришлось ограничиться обществомъ иностранцевъ-негоціантовъ, разныхъ агентовъ, врачей и аптекаря. Особенно весело проводили мы время у управляющаго селомъ Ивановымъ (принадлежитъ графу Шереметеву) Тулова и у крупнаго негоціанта Фолькмана.

Въ апрѣлѣ 1868 года мы неожиданно получили приказъ о выстуplenіи на постоянныя квартиры въ Оренбургъ. Въ то время мы не имѣли никакого понятія о томъ, что дѣлалось въ Средней Азіи, о движеніи нашихъ войскъ изъ Оренбургскаго края и изъ Западной Сибири для установленія прочной границы нашей на Востокъ, о геройскихъ подвигахъ Сѣрова, о молодецкихъ дѣйствіяхъ отряда Черняева, о взятіи Ташкента и т. д.

Нельзя не сознаться, что въ то время офицеры, особенно молодежь, совсѣмъ не читали газетъ и не интересовались тѣмъ, что дѣлается на свѣтѣ.

Походъ въ Оренбургъ представлялся намъ заманчивымъ, какъ всякая новинка, а главнымъ образомъ потому, что мы выходили изъ-подъ начальства ненавидимаго всѣми Ганецкаго.

Батальону предстояло пройти пѣшкомъ до Коврова, оттуда по желѣзной дорогѣ до Нижняго-Новгорода, далѣе по Волгѣ до Самары на пароходѣ и затѣмъ вновь пѣшкомъ до Оренбурга.

Въ Оренбургъ батальонъ прибылъ въ іюлѣ 1868 года. Насъ всѣхъ поразили новые типы людей и животныхъ. Еще по пути изъ Самары мы изрѣдка встрѣчали верблюдовъ съ сидящими на нихъ киргизами въ мѣховыхъ малахаяхъ (безобразный головной уборъ). Въ Оренбургѣ верблюды попадались на каждомъ шагу цѣлыми вереницами. Всюду встрѣчались характерныя монгольскіе типы киргизовъ; въ лавкахъ виднѣлось много татаръ и бухарцевъ, и хотя городъ своей внѣшностью ничѣмъ не отличался отъ прочихъ второстепенныхъ городовъ, но пестрое населеніе придавало ему своеобразную восточную окраску.

Въ Оренбургѣ батальонъ былъ помѣщенъ въ казармахъ, и для насъ сразу началась скучная гарнизонная служба, съ очень частыми утомительными караулами.

Молодежь вскорѣ познакомилась съ мѣстнымъ обществомъ, и такъ какъ до насъ много лѣтъ въ Оренбургѣ не было войскъ, кромѣ казаковъ, то мы были всюду принимаемы очень радушно. Для насъ, молодежи, наступило время постоянного веселья и развлеченій, чему много способствовалъ графъ Комаровскій, объявившій намъ, что освобождаетъ насъ отъ занятій въ казармахъ, но съ тѣмъ, чтобы

мы, прапорщики, поддерживали знакомство съ порядочнымъ обществомъ.

Генераль-губернаторомъ въ то время былъ генераль-адъютантъ Крыжановскій, человѣкъ очень большого ума, съ блестящимъ военнымъ прошлымъ, но, къ сожалѣнію, подъ старость страдавшій маніей величія, чему много способствовало возмутительное раболѣпство тогдашняго оренбургскаго общества.

Въ управленіе краемъ онъ, видимо, мало вмѣшивался, ввѣрившись безусловно своему правителю канцеляріи Холодковскому. Говорили, что послѣднему очень протежировала жена генераль-губернатора, имѣвшая, повидимому, огромное вліяніе на мужа и вмѣшивавшаяся во всѣ дѣла.

Самъ Крыжановскій всегда пользовался репутаціей безупречно-честнаго человѣка и дѣйствительно былъ такимъ, но вслѣдствіе безволія подчинялся своему правителю канцеляріи, результатомъ чего было надѣлавшее столько шума колоссальное хищеніе башкирскихъ земель на законномъ основаніи. Подробностей этого дѣла я не знаю, но, безспорно, оно было возмутительно, судя по громкимъ результатамъ сенаторской ревизіи, посланной въ Оренбургъ по высочайшему повелѣнію. Императоръ Александръ III, только что вступившій на престолъ, однимъ изъ первыхъ актовъ своего царствованія постановилъ безошадный приговоръ надъ главными виновниками хищенія башкирскихъ земель. Крыжановскій, несмотря на свои огромныя государственныя заслуги (онъ былъ генераль-адъютантъ и имѣлъ Георгія III класса), былъ уволенъ отъ службы безъ пенсіи, а Холодковскій, имѣвшій чинъ тайнаго совѣтника, былъ уволенъ по третьему пункту, т. е. безъ прошенія. Но въ результатъ земли башкиръ все-таки оказались разграбленными; всѣ главные воротилы превратились въ крупныхъ землевладѣльцевъ, и лишь одинъ Крыжановскій оказался опозореннымъ, ушелъ въ отставку нищимъ и вскорѣ умеръ въ крайней бѣдности въ своемъ хуторкѣ гдѣ-то въ глуши Малороссіи.

Всѣмъ знавшимъ Крыжановскаго было искренно жаль этого заслуженнаго государственнаго дѣятеля, этого честнаго, талантливаго и умнаго человѣка и образцоваго семьянина, погибшаго исключительно вслѣдствіе своей доброты, довѣрія, слабости и безхарактерности. Получая лишь ничтожную эмеритуру, онъ вынужденъ былъ добывать на старости лѣтъ средства къ жизни литературнымъ трудомъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ нашего прибытія графъ Комаровскій объявилъ намъ, что мы должны каждое воскресенье являться на «выходъ» въ генераль-губернаторскій домъ, и, кромѣ того, онъ повезъ всѣхъ въ парадной формѣ съ визитомъ къ О. К. Крыжановской.

Каждое воскресенье, послѣ обѣдни, въ залъ генераль-губернаторскаго дома собирались всѣ служащіе, и дежурный адъютантъ вы-

страивалъ ихъ по рангамъ. Спустя полчаса выходилъ Крыжановскій и, обойдя весь чиновный строй и милостиво улыбнувшись нѣкоторымъ счастливымъ, торжественно уходилъ въ кабинетъ. Ну, точно въ былое время въ Зимнемъ дворцѣ!

Визитъ къ О. К. Крыжановской былъ тоже очень характерный. Когда мы вошли въ гостиную (22 офицера съ командиромъ во главѣ), то насъ встрѣтилъ правитель генераль-губернаторской канцеляріи Холодковскій. Вскорѣ вышла пожилая, но все еще красивая дама. Мы всѣ шаркнули ножками, а графъ Комаровскій сѣлъ рядомъ съ нею и началъ разговоръ по-французски. Насъ даже не пригласили сѣсть, и мы, какъ нижніе чины, продолжали стоять и, выпуча глаза, смотрѣли на хозяйку. Минуть черезъ десять вошелъ самъ Крыжановскій, сдѣлалъ общій поклонъ и объявилъ намъ радостную вѣсть, что мы навсегда выходимъ изъ состава третьей пѣхотной дивизіи и черезъ годъ выступимъ въ Ташкентъ на укомплектованіе войскъ Туркестанскаго военнаго округа. Мы были безконечно счастливы, что навсегда распрощались съ Ганецкимъ, а главное, что въ недалекомъ будущемъ насъ ждутъ военные лавры, бѣлые крестики, чины, усиленные денежные отпуска... Увы! какъ грустно не оправдались эти надежды!

Зиму 1868—69 гг. мы очень веселились, много танцовали, влюблялись и съ грустью вспоминали о надвигающемся походѣ на дальній Востокъ. Но вдругъ неожиданно почти за мѣсяць до выступления все измѣнилось, и батальонъ отложилъ свой походъ еще на годъ.

Дѣло было въ слѣдующемъ.

Къ востоку отъ рѣки Урала тянется огромная степь отъ границъ Сибири до Каспійскаго и Аральскаго морей. Степь эта населена киргизами-кочевниками. До 1868 года всѣ эти мѣстности носили названіе Малой, Средней и Большой Орды. Киргизы испоконъ вѣка управлялись на мѣстѣ своими султанами-правителями, по большей части, кажется, наслѣдственными. Въ степи не было никакихъ русскихъ чиновниковъ, и лишь для надзора и контроля киргизскихъ султановъ въ Оренбургѣ существовало особое учрежденіе, которое, кажется, именовалось управленіемъ киргизовъ оренбургскаго вѣдомства.

По какимъ соображеніямъ правительство признало существовавшій порядокъ вреднымъ, я не знаю, но въ 1868 году было утверждено новое положеніе, по которому вся киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства была раздѣлена на двѣ области: Тургайскую и Уральскую. Каждая область дѣлилась на уѣзды, куда были назначены русскіе офицеры и чиновники. Во главѣ областей стали военные губернаторы и областныя правленія.

Насколько вызывалась необходимостью новая система, я судить не берусь, но знаю, что она пришлась сильно не по вкусу султанамъ-

правителямъ, терявшимъ съ новою реформою всякую власть. Дикое, кочевое населеніе, конечно, едва ли могло оцѣнить пользу или вредъ реформы, и султаны, пользуясь своимъ огромнымъ вліяніемъ на народныя массы, стали мутить народъ, подстрекая къ отказу отъ введенія новаго положенія. И вотъ степь заволновалась. Начали появляться небольшія шайки, начались угоны скота изъ казачьихъ форпостовъ Уральскаго войска; были даже случаи убійствъ.

Крыжановскій, какъ умный человѣкъ, сразу понялъ, что волненіе въ степи можетъ быть прекращено лишь самыми рѣшительными военными мѣрами, и хотѣлъ тотчасъ же двинуть въ степь два-три отряда для наказанія мятежниковъ, но его успѣли убѣдить, что положеніе въ степи вовсе не такъ страшно, какъ доносятъ алармисты изъ Уральской области, которымъ хочется лишь вызвать военную экспедицію для полученія боевыхъ наградъ, что все дѣло сводится къ тому, что киргизы не поняли реформы и что нужно имъ на мѣстѣ разъяснить новое положеніе. Крыжановскій позволилъ себя въ этомъ убѣдить, и вотъ всѣ мы были свидѣтелями такого факта: все киргизское населеніе массами начало откочевывать на югъ къ хивинскимъ границамъ, грабя и убивая по дорогѣ все, что попадется, а генераль-губернаторъ вмѣсто того, чтобы возстановить твердыми мѣрами престижъ русской власти, посылаетъ въ степь вице-губернатора Туркестанской области Юрковскаго съ докторомъ Неймаркомъ и переводчикомъ султаномъ Джантюринымъ для того, чтобы разъяснить киргизамъ блага новаго положенія!

Комическіе результаты этой командировки не замедлили обнаружиться. Комиссія кочевала по степи совершенно пустой и, не встрѣтивъ ни одного киргиза, возвратилась обратно.

Междутѣмъ волненіе въ степи разрасталось, и небольшому отряду, посланному въ степь (1 рота Оренбургскаго мѣстнаго батальона, 2 орудія и 2 сотни казаковъ) пришлось выдержать форменное сраженіе съ многочисленнымъ скопищемъ киргизовъ.

Послѣ этого Крыжановскій рѣшилъ приступить къ болѣе активной дѣятельности. Прежде всего признано было неотложнымъ возвести въ степи два укрѣпленія въ урочищахъ Акъ-Тюбе (нынѣ станція Ташкентской желѣзной дороги Актюбинскъ) и Уилѣ, но независимо этого отправить въ степь нѣсколько отрядовъ для усмиренія и наказанія бунтовщиковъ. Въ составъ этихъ отрядовъ вошли третій стрѣлковый батальонъ, двѣ или три роты Оренбургскаго мѣстнаго батальона, батарея Оренбургской казачьей артиллеріи и нѣсколько сотенъ казаковъ Оренбургскаго и Уральскаго войска. Первая рота нашего батальона, которой командовалъ мой братъ Михайль, а офицерами были: штабсъ-капитанъ Кучинскій, подпоручикъ Бартеневъ и я, назначена была въ составъ отряда подъ начальствомъ полковника барона Штемпеля и должна была выступить въ глубь степи изъ Калмыковскаго форпоста Уральской области.

Въ составъ отряда барона Штемпеля, кромѣ насъ, назначены были рота мѣстнаго батальона (командиръ капитанъ Осоевскій), два орудія и четыре сотни уральскихъ казаковъ. Въ началѣ мая 1869 года наша рота выступила изъ Оренбурга, и дней черезъ пятнадцать мы были уже въ Уральскѣ, гдѣ простояли около мѣсяца, а затѣмъ двинулись къ Калмыковскому форпосту, гдѣ уже былъ сосредоточенъ весь нашъ отрядъ. Прибывъ на мѣсто, мы узнали, что отрядъ назначенъ главнымъ образомъ для постройки Уильскаго укрѣпленія, и что при отрядѣ будетъ слѣдовать громадный воловій обозъ со всеми строительными матеріалами для будущаго укрѣпленія. Къ отряду долженъ былъ присоединиться наказный атаманъ Уральского войска генераль-лейтенантъ Веревкинъ; строителемъ укрѣпленія назначенъ былъ военный инженеръ капитанъ Маресовъ, а начальникомъ штаба отряда генеральнаго штаба капитанъ Паренсовъ (впослѣдствіи былъ министромъ въ Болгаріи, а нынѣ комендантъ Петергофа). Въ инженерномъ обозѣ было все необходимое для постройки помѣщеній для будущаго уральскаго гарнизона. Тутъ были бревна для казарменныхъ стѣнъ, для балокъ и стропиль, доски для крышъ, окна, рамы, двери, доски для столовъ и коекъ. Можете судить, какъ великъ долженъ былъ быть транспортъ. Если мнѣ не измѣняетъ память, то съ нами вышло изъ Калмыкова около семисотъ подводъ, которыя хотя двигались въ четыре ряда (мы шли безъ дороги, цѣлиной), тѣмъ не менѣе глубина транспорта растягивалась на нѣсколько верстъ.

Съ первыхъ же дней степного похода наступили невыносимыя жары, и начался падежъ упряжныхъ воловъ. Сначала вмѣсто павшихъ впрягали запасныхъ воловъ, но такъ какъ падежъ все усиливался, то скоро весь воловій резервъ былъ использованъ, и пришлось перекладывать грузы съ одной телѣги на другую, волю которой были выносливѣй. Но жара все усиливалась, и падежъ прогрессировалъ. Приходилось или бросать транспортъ, или оставаться и выпить съ Урала новыя перевозочныя средства.

Генераль Веревкинъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ предложилъ обсудить трудное положеніе отряда и рѣшить, какъ поступить.

Въ совѣтѣ этомъ я, конечно, не присутствовалъ, но со словъ Штемпеля, который выбралъ меня отряднымъ адъютантомъ, узналъ слѣдующее.

Долго судили и рядили, долго спорили члены совѣта, но наконецъ одинъ изъ нихъ (Штемпель постѣнялся назвать мнѣ его фамилію) предложилъ слѣдующее.

Транспортъ, очевидно, везти дальше нельзя. Отрядъ также не можетъ остановиться въ ожиданіи новыхъ перевозочныхъ средствъ, ибо у него можетъ не хватить провіанта и фуража. Между тѣмъ, если оставить строительный матеріаль здѣсь безъ охраны, то послѣ

ухода отряда могутъ появиться буптари-киргизы и увезти (!) этотъ матеріаль, а потому (это «потому» великолѣпно) въ предупрежденіе этого слѣдуетъ сжечь транспортъ, который нельзя взять съ собой. Напрасно другіе члены возражали (кажется, главнымъ образомъ Паренсовъ), что вѣдь извѣстно, что киргизы откочевали на югъ, что если бы они даже оставались здѣсь, то не имѣли бы возможности увезти огромное количество строительнаго матеріала, и что единственно, что они могли бы сдѣлать, это сжечь транспортъ, но что и это можно предупредить, оставивъ для охраны транспорта одну-двѣ сотни казаковъ и вытребовавъ немедленно новыя перевозочныя средства, что наконецъ наличный воловій транспортъ, доставивъ часть матеріаловъ на рѣку Уиль, до которой осталось четыре перехода, могъ, откормившись и отдохнувъ, вернуться и забрать часть транспорта.

Всѣ эти вопли основательныя возраженія потерпѣли фіаско, и Веревкинъ приказалъ сжечь весь транспортъ, который нельзя было перевезти!

И вотъ въ тотъ же день вечеромъ устроена была колоссальная иллюминація! Сухое дерево горѣло, какъ солома, и, вѣроятно, зарево отъ этого гигантскаго костра видно было на десятки верстъ въ гладкой степи.

Совершивъ столь доблестный подвигъ, Веревкинъ двинулъ дальше отрядъ, и черезъ 4—5 дней мы подошли наконецъ къ степной рѣчонкѣ Уиль, гдѣ и приступили къ постройкѣ земляногo редута и казармы изъ оставшагося строительнаго матеріала.

Отрадно было смотрѣть на молодцовъ-стрѣлковъ, какъ они лихо работали лопатами подъ знойными лучами тропическаго солнца. Тутъ я только впервые увидѣлъ, что за молодцы русскіе солдаты. Не только безропотно, но даже съ веселыми лицами и съ шутками они работали при 40° жары, и все это безъ всякаго вознагражденія. Даже голаго спасибо ни разу не сказалъ имъ атаманъ, и если гдѣ они видѣли какое-нибудь поощреніе, то это благодаря моему брату, который своею властью увеличилъ мясную порцію людей и давалъ имъ лишнюю чарку водки. Къ сожалѣнію, онъ вскорѣ уѣхалъ изъ отряда въ Оренбургъ и, выйдя въ отставку, поступилъ въ московскій университетъ. Оставшійся послѣ него старшій офицеръ Кучинскій принялъ роту, и первое, что сдѣлалъ, это прекратилъ добавочныя мясную порцію и чарку водки. И, несмотря на это, стрѣлки безропотно продолжали свою каторжную работу. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени я привыкъ благоговѣнно чтить русскаго солдата!

Послѣ полуторамѣсячныхъ каторжныхъ работъ редутъ былъ конченъ, и нашей ротѣ приказано было выступить обратно въ Оренбургъ, но уже другою дорогой прямо на сѣверъ, черезъ новое Актюбинское укрѣпленіе, Буранную станицу и Илецкую Защиту.

Обратный походъ нашъ имѣлъ совершенно мирный характеръ, ибо степь была безлюдна. Мы даже не высылали боковыхъ разтѣздовъ. Походъ былъ очень скучный, и интересъ вызвала лишь Илецкая Защита съ ея огромными соляными копиями. Говорятъ, что послѣ Бохни и Велички Илецкая копь самая большая на земномъ шарѣ. И дѣйствительно, копь поражаетъ своими размѣрами. Но еще болѣе поражалъ (1869 г.) варварскій способъ добычи соли. Представьте себѣ огромную яму сажень въ 200—250 діаметромъ и сажень 15 глубиной, дно которой—сплошная глыба соли. Соль выламываютъ простыми кирками и вывозятъ на тачкахъ на поверхность. Яма ничѣмъ не прикрыта, дождь и снѣгъ свободно проникаютъ къ соли, вслѣдствіе чего на поверхности соляного пласта образуются огромныя лужи воды, которая, несомнѣнно, уничтожаетъ большой процентъ соли и мѣшаетъ правильнымъ работамъ. Неужели и до сихъ поръ сохраненъ столь варварскій способъ эксплуатаціи?

Въ Оренбургѣ мы застали уже всѣ роты въ сборѣ. Одна изъ ротъ входила въ составъ отряда подъ начальствомъ нашего младшаго штабъ-офицера майора Байкова, оперировавшаго въ районѣ Иргиза и Карабутака. Байковъ, человекъ ограниченный, неразвитой и тщеславный, натворилъ въ степи такихъ дѣлъ, что по возвращеніи былъ отданъ подъ судъ, по рѣшенію котораго былъ лишень чиновъ и сосланъ въ Сибирь.

Зима 1869—70 года прошла для насъ, молодежи, очень весело: мы много танцевали, влюблялись. Съ ранней весны батальонъ сталъ усиленно готовиться къ походу въ Ташкентъ, куда мы и выступили въ первыхъ числахъ мая 1870 года. Въ Иргизѣ, то-есть въ 600 верстахъ отъ Оренбурга, мы узнали, что нашъ командиръ графъ Комаровскій получилъ полкъ и къ намъ назначенъ полковникъ Новомлинскій изъ гвардіи. Мы съ грустью разстались съ милѣйшимъ графомъ, который при всѣхъ своихъ слабостяхъ былъ честный и добрый человекъ, не педантъ, а относился къ своимъ подчиненнымъ гуманно и справедливо.

На половинѣ пути въ городѣ Казалинскѣ насъ нагналъ новый командиръ, пріѣхавшій съ красавицей-женой. Новомлинскій обращалъ на себя вниманіе своею страшною нервною и раздражительностью, доходившими до болѣзненности. Онъ не терпѣлъ ни малѣйшаго противорѣчія, выходилъ изъ себя изъ-за всякаго пустяка, ругалъ стрѣлковъ отборною бранью, не стѣсняясь ѣдущей рядомъ молодой жены, однимъ словомъ, былъ человекъ такого тяжелаго характера, что мы сильно упали духомъ. Про его нервность разсказывали слѣдующій случай.

Онъ служилъ раньше, кажется, въ стрѣлковомъ батальонѣ его величества. Однажды государь императоръ Александръ II смотрѣлъ стрѣльбу офицеровъ этого батальона. Новомлинскій считался однимъ изъ первыхъ стрѣлковъ въ гвардіи. По тогдашнимъ правиламъ,

офицеры, выпустивши установленное число пуль, шли тотчасъ же каждый къ своей мишени въ ожиданіи государя, который лично провѣрялъ результаты стрѣльбы. Когда государь подошелъ къ мишенк Новомлинскаго, то послѣдній на глазахъ государя со злобой сорвалъ мишень и изорвалъ ее.

— Что это значить?—спросилъ государь, пораженный такимъ неслыханнымъ по дерзости поступкомъ.

— Не стоитъ показывать! Одинъ срамъ! Изъ пяти пуль попало четыре!—отвѣтилъ нервнымъ тономъ Новомлинскій.

И государь, зная Новомлинскаго, только улыбнулся и поѣхалъ дальше.

Трудно представить себѣ болѣе тяжелый походъ, чѣмъ тотъ, который намъ пришлось сдѣлать отъ Оренбурга до Ташкента. Пришлось пройти по безлюднымъ степямъ 2,000 верстъ, на что съ дневками и печеніемъ хлѣба потребовалось болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Офицеры получили на подъемъ около ста рублей каждый, и на эти гроши должны были оборудовать свою походную жизнь. Можно судить по этому, до какой степени мы всѣ нуждались. За четыре мѣсяца мы совсѣмъ истрепались и вошли въ Ташкентъ какими-то обрванцами.

Въ началѣ сентября 1870 года мы наконецъ достигли конца нашего путешествія и въ ясный день вступили подъ звуки музыки въ Ташкентъ. Насъ встрѣтилъ красивый капитанъ генеральнаго штаба Фриде (впослѣдствіи ярославскій губернаторъ) и сообщилъ, что черезъ полчаса пріѣдетъ командующій войсками Сырь-Дарьинской области генералъ Головачевъ. Батальонъ подтянулся, пообчистился, и вскорѣ раздалась команда: «смирно». Къ батальону подъѣхалъ красивый, бравый и полный генералъ съ Георгіемъ на шеѣ и, поздравивъ насъ съ благополучнымъ прибытіемъ, пропустилъ батальонъ церемоніальнымъ маршемъ.

Съ этого момента я сдѣлался гражданиномъ Ташкента, въ которомъ и прожилъ безъ перерыва тридцать шесть лѣтъ.

Конечно, я расхотался бы, если бы на смотру Головачева кто-нибудь могъ предсказать мнѣ, что вся моя жизнь протечетъ въ Средней Азіи. Мы всѣ шли въ край въ надеждѣ и даже въ убѣжденіи, что вернемся обратно года черезъ два-три. И вотъ вмѣсто двухъ-трехъ лѣтъ—тридцать шесть лѣтъ жизни вдали отъ родины, близкихъ, знакомыхъ. Я мечталъ черезъ два-три года получить чинъ подпоручика и вернуться въ Оренбургъ, а вмѣсто этого черезъ 36 лѣтъ уѣхалъ въ чинѣ тайнаго совѣтника.

III.

Туркестанскій край въ 1870 году.—Первый генераль-губернаторъ К. П. фонъ-Кауфманъ.—Его первые шаги въ Средней Азiи.

Нашъ батальонъ прибылъ въ Ташкентъ четыре года спустя послѣ присоединенія Туркестанскаго края къ имперiи. Въ то время Ташкентъ представлялъ собою скорѣе военный поселокъ, чѣмъ центральный городъ края, то-есть столицу русской Центральной Азiи. Большинство жителей были военные, либо отдыхавшіе послѣ какого-нибудь похода, либо собиравшіеся въ новую экспедицію. Штатскій человекъ и дама представляли собою рѣдкое явленіе. Теперь, по прошествiи 36 лѣтъ, съ гордостью оглядываясь на пройденный путь, я вижу колоссальные результаты, достигнутые русскимъ правительствомъ, всегда гуманнымъ къ побѣжденнымъ, но настойчиво преслѣдующимъ свою цивилизаторскую миссію. Много, конечно, было ошибокъ, были и злоупотребленія, но это не останавливало разумныхъ и цѣлесообразныхъ намѣреній правительства. Мы вступили въ край съ чуждымъ намъ населеніемъ. Жители присоединенныхъ областей, всѣ безъ исключенія мусульмане, ненавидѣли всѣхъ иновѣрцевъ-кяфировъ, въ силу основныхъ принциповъ своей вѣры. Привыкшіе въ теченіе многихъ вѣковъ покорно преклоняться предъ варварски-жестокимъ деспотизмомъ своихъ правителей, они тѣмъ не менѣе мирились съ своимъ положеніемъ уже потому, что правители эти были ихъ единовѣрцы. Но вотъ появляются бѣлые рубашки, прогоняютъ и разбиваютъ ихъ войска и объявляютъ ихъ подданными Бѣлаго Царя. Фанатики муллы начинаютъ нашептывать массамъ населенія, что вмѣсто правовѣрныхъ хановъ ими будутъ владѣть кяфиры, которые обратятъ ихъ всѣхъ въ христіанство, надѣнутъ на шеи крестики, станутъ отдавать въ солдаты, введутъ свои законы, отмѣнятъ шаріатъ (мусульманскій основной законъ) и заставятъ ихъ женъ и дочерей открыть свои лица.

Въ первое время все это волновало дикихъ и неразвитыхъ туземцевъ. Возникали частыя вспышки, волненія, беспорядки, повлекшіе за собою репрессіи. Но на ряду съ этимъ туземцы увидѣли, что первые же шаги перваго генераль-губернатора доказывали всю лживость муллъ и улемовъ. Мѣстному населенію всюду торжественно объявлялось, что, становясь подданнымъ русскаго монарха, населеніе охраняетъ свою вѣру, свои народные обычаи, свой судъ и своихъ судей (кадіевъ), что всѣ налоги, взыскивавшіеся прежними сборщиками, въ высшей степени незаконные и тяжелые, будутъ отмѣнены, вмѣсто нихъ будутъ установлены справедливыя подати, что личность женщины останется неприкосновенною. Все это, конечно, скоро успо-

коило населеніе, и мирная жизнь трудолюбиваго народа вошла въ свои рамки.

Тонъ и направленіе всему этому далъ первый генераль-губернаторъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ.

Приступая къ воспоминаніямъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, я испытываю большое смущеніе, боясь, что мое слабое перо не въ состояніи будетъ нарисовать вѣрный обликъ этого человѣка.

Всѣмъ хорошо памятенъ неудачный дебютъ Кауфмана въ Западномъ краѣ, куда онъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ послѣ извѣстнаго укротителя возстанія графа М. Н. Муравьева. Роль Муравьева была—задушить революціонный терроръ путемъ террора правительственнаго, Кауфману же пришлось умиротворять разоренный и ослабленный мятежомъ край. Задачу эту Константинъ Петровичъ началъ выполнять съ обычною своею твердостью и тактомъ, но... на его долю досталось обнаружить одного изъ главныхъ вожakovъ возстанія, и не въ Вильнѣ и даже не въ предѣлахъ генераль-губернаторства, а въ Петербургѣ, гдѣ руководителемъ возстанія оказался важный чиновникъ Иосафатъ Огрызко. Кауфманъ не постѣснился привлечь его къ суду. Въ то время самымъ сильнымъ человѣкомъ въ столицѣ былъ графъ П. А. Шуваловъ, женатый на полькѣ. Поступокъ Кауфмана, который слѣдовало бы достойнымъ образомъ вознаградить, какъ образецъ гражданской доблести, навлекъ на него гнѣвъ графа Шувалова, и въ результатѣ Кауфманъ былъ внезапно отозванъ, впалъ въ немилость и болѣе двухъ лѣтъ проживалъ въ полной безвѣстности гдѣ-то на Васильевскомъ островѣ на 2—3 тысячи содержанія.

Въ 1865 году Черняевымъ былъ взятъ штурмомъ Ташкентъ, но Черняевъ вслѣдъ за тѣмъ былъ отозванъ изъ Азіи. вмѣсто него прибылъ генералъ Романовскій, который занялъ новую область, разбилъ на голову кокандскаго хана подъ Ирджаромъ и взялъ Ходжентъ. Лавры нашихъ генераловъ, очевидно, безпокоили въ Оренбургѣ Крыжановскаго, подъ начальствомъ котораго находились всѣ войска, оперировавшія въ Средней Азіи, и вотъ, кажется, въ 1866 году онъ отправляется въ Азію, становится во главѣ отрядовъ и идетъ въ бой. Въ результатѣ занятіе двухъ городовъ Ура-Тюбе и Джизака и присоединеніе къ имперіи новой крупной территоріи.

Получивъ Георгія на шею, Крыжановскій немедленно возвращается въ Оренбургъ.

Присоединеніе огромныхъ территорій вызвало необходимость организовать управленіе новымъ краемъ, и вотъ въ іюлѣ 1867 года утверждено было временное положеніе объ управленіи туркестанскаго генераль-губернаторства и, озабочиваясь отправленіемъ на постъ генераль-губернатора человѣка, вполне соотвѣтствующаго этому важному назначенію, государь Александръ II вспомнилъ оби-

женнаго Константина Петровича Кауфмана и назначилъ его на этотъ постъ.

Я увѣренъ, что всякій служившій въ краѣ въ теченіе первыхъ тридцати лѣтъ его существованія не только никогда не забудетъ свѣтлой фигуры Кафмана, но и до конца жизни сохранить о немъ самую благоговѣйную память.

Это былъ по истинѣ замѣчательный государственный дѣятель. Военный инженеръ по образованію, онъ на высокомъ посту начальника края проявилъ выдающіеся военный и административный таланты. Рядъ блестящихъ побѣдъ, закончившихся занятіемъ твердыни мусульманства города Самарканда и покореніемъ Хивинскаго ханства, внесли нѣсколько славныхъ страницъ въ нашу исторію, гдѣ имя Константина Петровича должно занять почетное мѣсто. Прибывъ въ край, онъ первые годы почти всецѣло долженъ былъ отдавать свое время и свои блестящія способности военнымъ предпріятіямъ. Но, занятый всецѣло военными операціями и ведя боевой образъ жизни, онъ тѣмъ не менѣе свои немногіе походные досуги посвящалъ проектамъ мирнаго развитія вновь покореннаго края. Возвратясь съ войсками изъ похода, украшенный лаврами, онъ тотчасъ же всецѣло отдавался заботамъ объ умиротвореніи вновь завоеванныхъ мѣстностей и введеніемъ въ нихъ русской гражданственности. Нося нѣмецкую фамилію, это былъ настоящій и неподдѣльный русскій человѣкъ, съ русскою душой. Страшный для враговъ Россіи, непреодолимый противникъ всякихъ интригъ, ни передъ чѣмъ не останавливающій полководецъ, онъ соединялъ въ себѣ блестящія военныя и боевыя способности съ выдающимся административнымъ талантомъ. Это былъ дѣйствительно блестящій представитель російскаго монарха во вновь завоеванной мусульманской странѣ: съ широкими взглядами, прекрасно образованный, развитой, кристально-чистый и доступный всѣмъ. Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать, и Александръ II, назначивъ Кауфмана въ Туркестанъ, выказалъ глубокое знаніе людей. Это былъ истинно царевъ намѣстникъ на дальнемъ Востокѣ, и туземцы не даромъ называли его: «Ярымъ-Падша» (половина царя). Снабженный огромными полномочіями, окруженный блестящимъ ореоломъ почти безграничной власти (которою онъ ни разу не злоупотреблилъ), Кауфманъ представлялъ собой болѣе, чѣмъ царскаго намѣстника; онъ былъ дѣйствительно половиною царя. У всякаго другаго голова закружилась бы отъ такого высокаго положенія, но Кауфманъ, какъ пріѣхалъ въ 1868 году, такъ и скончался въ 1881 году все однимъ и тѣмъ же добрымъ, благороднымъ, мягкимъ, простымъ и отзывчивымъ человѣкомъ.

IV.

Поступленіе мое въ канцелярію генераль-губернатора. — Генераль Колпаковскій.—Генераль Головачевъ.—Генераль Абрамовъ.—Генераль Гомзинъ.—Хивинскій походъ и образованіе Аму-Дарьинскаго отдѣла и города Петроалександровска.—Бухарское посольство въ Петербургъ.

Отбывъ первый лагерный сборъ въ Ташкентѣ, я уѣхалъ по своимъ дѣламъ въ четырехмѣсячный отпускъ въ Европейскую Россію и, возвратясь обратно, неожиданно покинулъ военную службу. Дѣло въ томъ, что въ канцеляріи генераль-губернатора служилъ начальникомъ отдѣленія мой бывшій товарищъ по воронежскому корпусу Соколинскій, который однажды спросилъ меня, не желаю ли я поступить къ нему въ отдѣленіе. Не долго думая, я согласился, соблазняясь главнымъ образомъ 1,200-рублевымъ содержаніемъ, которое юному прапорщику представлялось цѣлымъ состояніемъ. Въ августѣ 1870 года состоялся приказъ о моемъ назначеніи, и съ того дня я непрерывно прослужилъ въ канцеляріи тридцать шесть лѣтъ. Въ то время генераль-губернаторство состояло изъ двухъ областей: Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской и небольшого Зеравшанскаго округа образованнаго послѣ взятія Кауфманомъ Самарканда и присоединенія къ имперіи территоріи по бассейну рѣки Зеравшана до границы Бухарскаго ханства. Первыми губернаторами въ областяхъ были: въ Семирѣченской—Г. А. Колпаковскій, а въ Сыръ-Дарьинской—Н. Н. Головачевъ; Зеравшанскій округъ ввѣренъ былъ молодому боевому генералу А. К. Абрамову, который принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ туркестанскихъ бояхъ и въ 5—6 лѣтъ изъ штабсъ-капитана артиллеріи дошелъ до генерала, имѣя орденъ Георгія III степени.

Колпаковскій не получилъ высшаго военнаго образованія, но былъ человѣкъ огромнаго ума и такта. Обладая желѣзнымъ характеромъ и силой воли, онъ оказался превосходнымъ губернаторомъ вновь образованной области. При учрежденіи генераль-губернаторства пришлось въ Россіи набирать сотни чиновниковъ для замѣщенія должностей. Понятно, что въ число ихъ попало немало людей съ сомнительною репутаціей, съ темнымъ прошлымъ и съ волчьими аппетитами. Благодаря своему умѣнію распознавать людей, Колпаковскій набралъ контингентъ служащихъ довольно удачный, а главное, онъ умѣлъ зорко слѣдить за всѣми и крѣпко держать весь служебный персоналъ въ рукахъ. Рассказывали, что, узнавъ, что вѣрненскій полицейскій чиновникъ получилъ въ подарокъ отъ одного просителя четыре шкурки соболя, Колпаковскій позвалъ его къ себѣ и въ кабинетѣ избилъ его нагайкой. Чиновникъ, конечно, никому не жаловался. Другой случай болѣе забавный. Колпаковскій объѣзжалъ восточную часть области по границѣ съ Китаемъ.

Въ одномъ пунктѣ его встрѣтила депутація изъ китайцевъ, и одинъ изъ нихъ, присѣдая и гримасничая, началъ что-то говорить: слышались какія-то странныя слова: «тунчай, жунчай и т. п.»

— Что онъ говорить?—спросилъ Колпаковскій:—нѣтъ ли здѣсь переводчика.

Изъ толпы выступилъ молодцоватый урядникъ, назначенный Колпаковскимъ же начальникомъ маленькаго пограничнаго поста.

— Такъ что, ваше превосходительство, я понимаю по-ихнему.

— Что же онъ говорить?

— Просить фунтъ чаю, ваше превосходительство.

— Дайте ему чаю,—приказалъ Колпаковскій.

Китайцу дали фунтъ чаю. Онъ низко поклонился и опять залепеталъ: «жунчай, тунчай».

— Что ему еще нужно?—спросилъ удивленный губернаторъ.

— Такъ что одного фунта мало, просить еще.

— Ну, дайте ему еще.

Но въ это время изъ толпы вышелъ китаецъ и страшно ломаннымъ языкомъ выпалилъ неожиданно:

— Вреть казакъ! Чай не нужно. Китайцы жалуются, что этотъ казакъ больно бьетъ ихъ нагайкой. Дурной человекъ казакъ. Возьми казака отсюда.

Колпаковскій тутъ же приказалъ сорвать нашивки съ урядника и выпоротъ его въ глазахъ депутаціи.

Впослѣдствіи Колпаковскій искренно смѣялся, вспоминая находчиваго плута-казака, чуть не обманувшаго своего атамана.

Въ 1873 году, когда Кауфманъ отправился съ отрядомъ въ Хиву, для временнаго управленія краемъ прибылъ изъ города Вѣрнаго Колпаковскій. За отсутствіемъ Соколинскаго и отъѣздомъ въ Петербургъ правителя канцеляріи, мнѣ приходилось часто имѣть у Колпаковскаго доклады, и вотъ тутъ-то я убѣдился, какого большого ума и такта былъ этотъ человекъ. Самое сложное и запутанное дѣло онъ усваивалъ сразу, умѣлъ отбросить всѣ ненужныя детали, схватить самую суть и положить резолюцію краткую, но точную и иногда остроумную. Это былъ выдающійся самородокъ, и если его считали хитрымъ дипломатомъ, то, право же, это нельзя поставить ему въ упрекъ. Скажу только, что служить подъ его начальствомъ было очень пріятно.

Совершенно иной типъ представлялъ сыръ-дарьинскій губернаторъ Николай Никитичъ Головачевъ. Это былъ чисто боевой генералъ; составившій блестящую боевую репутацію на Кавказѣ. Тучный, добродушный, гастрономъ, гостепріимный и страшно лѣнивый, онъ былъ окруженъ кучкой фаворитовъ, постоянныхъ партнеровъ его въ преферансъ, который онъ предпочиталъ всему. Не обращая никакого вниманія на дѣла по управленію областью, онъ невольнo всегда находился подъ вліяніемъ фаворитовъ, которые за

его спиной продѣлывали темныя и некрасивыя дѣла. Кристально-чистый человѣкъ, Головачевъ, вслѣдствіе своей лѣности и нежеланія входить въ дѣла, былъ втянутъ въ очень сомнительное предпріятіе нѣсколькими фаворитами, и когда дѣло обнаружилось, то Кауфманъ, очень любившій и уважавшій Головачева, несмотря на свою чрезвычайную доброту и мягкость, не задумался немедленно уволить его съ должности губернатора.

Головачева въ Ташкентѣ очень любили. У него въ то время былъ единственный открытый домъ, гдѣ много веселились, и всѣ искренно жалѣли, когда надъ нимъ стряслась бѣда.

Это былъ настоящій русскій бояринъ со всѣми его достоинствами, но и со всѣми недостатками.

Генерала Абрамова я лично зналъ мало, по то, что приходилось слышать и узнавать изъ дѣлъ, привело меня къ заключенію, что это былъ человѣкъ очень умный, трудолюбивый, способный и хорошій администраторъ. Покончивъ съ своею боевою службой и назначенный на должность съ губернаторскими функціями, онъ всѣ свои силы и способности направилъ на гражданское устройство округа, и въ первые же 2—3 года ему удалось сдѣлать очень многое, что и до сихъ поръ признается вполне цѣлесообразнымъ. Онъ былъ также большой сибаритъ, но это не препятствовало ему энергично вводить русское управленіе во вновь завоеванной окраинѣ. Многое, конечно, здѣсь слѣдуетъ приписать его умному и въ высшей степени талантливому правителю канцеляріи сотнику Н. А. Иванову, о которомъ мнѣ, впрочемъ, много придется говорить впослѣдствіи, какъ о человѣкѣ самомъ замѣчательномъ послѣ Кауфмана и сыгравшемъ крупную роль въ исторіи Туркестана.

Правителемъ канцеляріи генераль-губернаторства былъ генераль А. И. Гомзинъ. Когда я поступилъ въ канцелярію, онъ былъ въ Петербургѣ, и мое назначеніе состоялось безъ его вѣдома, а потому, возвратясь въ Ташкентъ, онъ обдалъ меня такимъ холодомъ, что я пришелъ въ отчаяніе и началъ подумывать о переходѣ въ одну изъ областей, но Соколинскій убѣждалъ меня не торопиться и постараться зарекомендовать себя передъ начальствомъ какою-нибудь удачною работою. Но какъ я могъ это сдѣлать, когда я всего 3—4 мѣсяца ушелъ изъ строя, гдѣ, кромѣ рапорта о болѣзни, ничего не писалъ. Каюсь, что для того, чтобы заслужить расположеніе Гомзина, я прибѣгнулъ къ подлогу. Нужно было написать очень большой обстоятельный докладъ по весьма серьезному пограничному дѣлу. Дѣло шло объ угонѣ барановъ съ территоріи сосѣдняго Кокандскаго ханства, объ очень некрасивой роли въ этомъ дѣлѣ одного чиновника и двухъ волостныхъ управителей и сдѣлать довольно сложный расчетъ вознагражденія потерпѣвшихъ кокандцевъ. Соколинскій, очень талантливый и хорошо владѣвшій перомъ, написалъ большой докладъ, а я его переписалъ своею рукой какъ чер-

новой, а затѣмъ далъ переписать писцу. Гомзинъ пришелъ въ восторгъ, и съ этого дня моя репутація хорошаго чиновника была упрочена, и Гомзинъ сталъ моимъ самымъ искреннимъ доброжелателемъ. Гомзинъ былъ человекъ безъ образованія, но хорошо знающій законы и всевозможные циркуляры и прекрасный бухгалтеръ. Огромное его достоинство заключалось въ томъ, что онъ былъ идеально-нелицеприятель. Онъ цѣнилъ только трудолюбіе и способность и выдвигалъ своихъ подчиненныхъ по ихъ служебнымъ заслугамъ, а не по личнымъ качествамъ, а тѣмъ болѣе не по протекціи. Составъ чиновниковъ, по крайней мѣрѣ главныхъ, при немъ былъ безукоризненный. О Соколинскомъ я уже упоминалъ, но, кромѣ него, въ то время были выдающимися по способностямъ помощникъ Гомзина камеръ-юнкеръ Савенковъ и начальники отдѣленій князь Урусовъ и Остроумовъ.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ отношенія наши къ Хивѣ начали сильно обостряться. Хивинскій ханъ, видимо, игнорировалъ русскихъ. Въ ханствѣ уже давно свила себѣ гнѣздо торговля людьми. Въ рабствѣ томилось нѣсколько человекъ русскихъ и тысячи персіянъ. Престижъ русскаго имени въ Средней Азій требовалъ, чтобы на Хиву была наложена узда, и чтобы ханство вычеркнуто было изъ списка самостоятельныхъ владѣній въ Азій. Въ началѣ 1872 года Кауфманъ былъ вызванъ въ Петербургъ на совѣщаніе о мѣрахъ къ прекращенію существующихъ порядковъ въ Хивѣ. На этомъ совѣщаніи былъ рѣшенъ походъ нашихъ войскъ въ Хиву совмѣстными силами войскъ туркестанскаго, оренбургскаго и кавказскаго военныхъ округовъ, съ подчиненіемъ ихъ всѣхъ Кауфману.

Уѣзжая изъ Ташкента въ августѣ 1872 года, Кауфманъ взялъ меня съ собою въ составѣ своей путевой канцеляріи. Тутъ я впервые увидѣлъ Петербургъ, и впечатлѣніе было такъ сильно, что съ тѣхъ поръ я сильно полюбилъ этотъ городъ. Потомъ въ теченіе моей долготѣней службы я много разъ бывалъ въ столицѣ, но любовь моя къ этому городу не ослабѣла, и я всегда мечталъ остатокъ моей жизни провести въ Петербургѣ. Теперь мое желаніе исполнилось.

Путевая канцелярія 1872 года хотя и была организована въ большихъ размѣрахъ, но дѣлъ у насъ почти не было, потому что Кауфманъ былъ всецѣло занятъ подготовленіемъ хивинскаго похода и не имѣлъ времени заниматься административными реформами. Такъ мы и уѣхали обратно въ Ташкентъ, не представивъ въ высшія учрежденія ни одного проекта.

Походъ нашъ въ Хиву давно уже описанъ во всѣхъ подробностяхъ, и я, не принимавшій въ немъ участія, ничего не могу о немъ сказать. Упомяну лишь, что въ началѣ туркестанскій отрядъ, во главѣ котораго двигался самъ Кауфманъ, испыталъ очень большую неудачу, попавъ въ совершенно безводную степь. Говорятъ, что положеніе отряда было безвыходное, и Кауфманъ, собравъ джигитовъ

(конные туземцы, исполнявшіе при отрядѣ всевозможныя порученія), объявилъ имъ, что тому, кто привезетъ ему пучокъ свѣжаго камыша, какъ доказательство, что около камыша есть вода, онъ дастъ тысячу червонцевъ. Джигиты поскакали въ разныя стороны, и къ концу слѣдующаго дня одинъ счастливецъ привезъ Кауфману пучокъ свѣжаго камыша и, конечно, немедленно получилъ обѣщанную награду.

Отрядъ былъ спасень.

Далѣе хивинская экспедиція сопровождалась цѣлымъ рядомъ успѣховъ. Столица ханства городъ Хива была взята, и гордый и надменный до того времени ханъ почтительно ждалъ предъявленія ему условій мира, заранѣе обязавшись выполнить безпрекословно всѣ требованія.

Прежде всего была объявлена свобода всѣмъ рабамъ, и навсегда провозглашено прекращеніе рабства. Нѣсколько десятковъ тысячъ персовъ-рабовъ радостно устремились на родину, благословляя въ душѣ великодушіе русскаго царя. Съ ханомъ былъ заключенъ очень выгодный для насъ договоръ, и наложена крупная денежная контрибуція. Но самое главное, что вся территорія, принадлежавшая Хивѣ по правому берегу рѣки Аму-Дарьи до моря, была присоединена къ Россіи и изъ нея образованъ Аму-Дарьинскій отдѣлъ съ резиденціей начальника отдѣла, названной городомъ Петроалександровскомъ. Такимъ образомъ, Хива, раньше отдѣленная отъ насъ огромными безлюдными и безводными степями, сдѣлалась нашею ближайшею сосѣдкой, такъ какъ Петроалександровскъ находится отъ города Хивы въ разстояніи не болѣе 50—60 верстъ. Не будь этого, ханъ со свойственнымъ ему коварствомъ не исполнилъ бы ни одного своего обязательства, и для понужденія его пришлось бы послать новую экспедицію. Расположеніе же почти у воротъ Хивы сильнаго русскаго отряда подъ начальствомъ энергичнаго челоуѣка сразу умиротворило хана, который изъ гордаго, заносчиваго деспота-правителя обратился въ скромнаго русскаго исправника, почтительно встрѣчающаго не только начальника Аму-Дарьинскаго отдѣла, но даже его драгомана.

Тутъ, какъ и повсюду въ Средней Азій, появленіе бѣлой рубашки послѣ перваго выстрѣла стерло съ карты Азій цѣлое самостоятельное ханство, бывшее когда-то могущественнымъ и считавшее себя непобѣдимымъ послѣ неудачнаго похода графа Перовскаго, и обратило его въ уѣздъ, равный по своему значенію развѣ, напримѣръ, Царевокошайскому!

Возвратясь изъ Хивы, Кауфманъ вновь былъ вызванъ государемъ въ Петербургъ. Украшенный за взятіе Хивы и покореніе Хивинскаго ханства орденомъ св. Георгія II класса со звѣздой, Кауфманъ встрѣченъ былъ въ Ташкентѣ съ величайшимъ энтузіазмомъ, какъ триумфаторъ. Такъ же встрѣчали его въ Петербургѣ, и онъ былъ даже

приглашенъ въ Берлинъ, гдѣ императоръ, говорятъ, очень чествовалъ его.

Во время прохожденія туркестанскаго отряда по безлюднымъ и безводнымъ степямъ по направленію къ Хивѣ, намъ постоянно оказывалъ много услугъ бухарскій эмиръ Сеидъ-Музаффаръ (дѣдъ нынѣшняго владѣтеля Бухары), высылая по пути слѣдованія провіантъ и фуражъ. По окончаніи войны государь Александръ II пожелалъ, чтобы эмиръ прислалъ въ Петербургъ своего посланника, въ лицѣ котораго государь хотѣлъ лично выразить эмиру и его народу свое благоволеніе за оказанныя услуги. Эмиръ назначилъ на почетное мѣсто посланника одного изъ своихъ любимцевъ Абдуль-Кадыръ-Бія, придавъ ему въ помощь одного почтеннаго старика, мусульманскаго ученаго и поэта Мирзу-Ишанъ-Урака. Для сопровожденія посольства въ Петербургъ Кауфманъ назначилъ меня, и въ первыхъ числахъ декабря 1873 года я выѣхалъ съ посольствомъ на почтовыхъ въ Оренбургъ. Въ то время еще не было желѣзной дороги отъ Оренбурга да Самары, и мы должны были ѣхать на почтовыхъ до Саратова, гдѣ наконецъ усѣлись въ вагонъ. Ужасно утомителенъ былъ переѣздъ на лошадахъ отъ Ташкента до Саратова (около 2,800 верстъ).

Посланники одинъ разъ едва не замерзли въ степи около Карабутака, мы нѣсколько разъ блуждали, сбившись съ дороги во время бурана. Въ степи до Оренбурга почтовые станціи въ то время помѣщались большею частью въ землянкахъ, не отапливаемыхъ. Приходилось отогрѣвать бухарцевъ только однимъ чаемъ, ибо они, какъ мусульмане, никакихъ крѣпкихъ напитковъ не употребляютъ. Однимъ словомъ, изстрадались мы всѣ ужасно, и потому можно судить, какъ всѣ мы были счастливы, добравшись до Саратова, гдѣ намъ предоставили превосходный салонъ-вагонъ.

Не могу не вспомнить радушной встрѣчи, устроенной какимъ-то богатымъ нѣмцемъ-колонистомъ недалеко отъ Саратова (еще на почтовомъ трактѣ) въ колоніи Екатериненталь. Насъ приняли въ бельэтажѣ дома, угостили прекраснымъ ужиномъ и въ довершеніе всего вышли два маленькихъ сына хозяина въ курточкахъ, сѣли за рояль и сыграли въ четыре руки русскій національный гимнъ! Всѣ мы были очень тронуты такимъ вниманіемъ.

Въ Петербургѣ посольство было помѣщено въ домѣ Лихачева на Владимирской противъ Стремянной. При посланникѣ назначены были состоять адъютантъ начальника главнаго штаба полковникъ Давыдовъ и драгоманъ министерства иностранныхъ дѣлъ Мирза-Казембекъ-Абединовъ (недавно умеръ). Оба эти лица были премилые и симпатичные люди, и, благодаря ихъ заботливости и неутомимости, посольство чувствовало себя все время прекрасно. Посланнику было показано все интересное въ Петербургѣ, но больше всего

на него произвела впечатлѣніе отливка огромнаго орудія (кажется, 1.800 пудовъ) на Обуховскомъ литейномъ заводѣ.

Государь очень обласкалъ посланника и, одаривъ его и свиту щедрыми подарками, разрѣшилъ возвратиться на родину послѣ полуторамѣсячнаго пребыванія его въ столицѣ.

Обратный путь нашъ былъ хотя и менѣе мучительный ввиду прекращенія морозовъ, но зато много продолжительнѣй, такъ какъ разлитіе Урала задержало насъ въ Оренбургѣ на цѣлый мѣсяць.

Г. П. Федоровъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).





У РОДСТВЕННИКОВ¹⁾.

ПОВѢСТЬ.

IX.



ЛАГОРОДНАЯ дама, напечатывавшая въ газетахъ объявленіе, была вдова титулярнаго совѣтника, Марія Ивановна Матвѣева. Изъ себя она была видная: высокая, полная, лѣтъ сорока пяти; лицо имѣла пріятное, манеры мягкія, голосъ нѣжный и вкрадчивый; на окружающихъ Матвѣева производила пріятное впечатлѣніе. Ученицы у нея большей частью были приходящія и сидѣли въ мастерской, которая находилась въ первомъ этажѣ; сама же Марія Ивановна имѣла квартиру въ третьемъ, и съ нею жила только одна дѣвочка, которая и замѣняла ей горничную, а также помогала въ хозяйствѣ.

Дѣвочка, которая жила у нея раньше, умерла, и на ея мѣсто была взята Катя.

Если бы Степанъ, которому было поручено отвести и отдать въ ученіе Катю къ Матвѣевой, сначала полюбопытствовалъ узнать, хотя бы у дворника этого же дома, что за особа Матвѣева, то онъ узналъ бы о ней нехорошія вещи; но тотъ только думалъ объ одномъ, какъ бы угодить своимъ господамъ, а тѣмъ, онъ зналъ, мѣшала дѣвочка и ее нужно было куда-нибудь отдать.

Условливаясь въ цѣнѣ за содержаніе и ученіе, Степанъ рассказывалъ Матвѣевой, что дѣвочка круглая сирота, и хотя у нея и есть богатые и знатные родственники, но они сами не хотятъ вступать

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХХІІІ, стр. 432.

съ нею въ переговоры о сиротѣ и поручили ему, Степану, заключить съ ней условіе.

Матвѣвой понравилась Катя, а также понравилось и то, что она круглая сирота и родственники дѣвочки не будутъ вмѣшиваться въ ея воспитаніе.

Со Степаномъ было заключено условіе на семь лѣтъ,—въ теченіе этого времени Матвѣва обязалась выучить Катю кроить и шить платья, а также читать и писать.

Когда Степанъ началъ прощаться съ Катей и сказалъ, что онъ оставляетъ ее здѣсь жить, дѣвочка ухватила за рукавъ пальто его и, горько плача, просила не оставлять ее, а взять съ собою. Матвѣва уже насильно оттащила ее отъ Степана.

Въ первый же день хозяйка послала Катю за чѣмъ-то въ лавочку; на дворѣ ее увидѣла дворничиха, подозвала къ себѣ и спросила, откуда она, есть ли у нея родители, и, узнавъ, что она сирота, пожалѣла, а также рассказала, что жившія до Кати у Матвѣвой дѣвочки жаловались на свою хозяйку и показывали ей на своемъ тѣлѣ синяки и ссадины отъ ея побоевъ, и что послѣдняя дѣвочка будто и умерла отъ того, что Матвѣва ее очень била.

Съ этого времени Катя начала бояться своей хозяйки, а та между тѣмъ въ первые дни обращалась съ нею ласково и даже заботилась о ней: вымыла ее въ ваннѣ, выстригла подъ гребенку, надѣла на нее хорошенькое платьице и очень часто цѣловала, а когда замѣтила, что дѣвочка скучаетъ, свела ее посмотреть свою мастерскую, гдѣ за большимъ столомъ, заваленнымъ выкройками и кусками ситца, сидѣло нѣсколько дѣвочекъ отъ десяти до пятнадцати лѣтъ.

Катю такъ обласкали дѣвочки, что ей не хотѣлось съ ними и разставаться; но хозяйка объяснила, что ей еще рано начинать учиться шить платья и что она посадить ее съ дѣвочками за рабочій столъ не раньше, когда ей исполнится десять лѣтъ.

— А покамѣстъ,—говорила Матвѣва:—я тебя научу читать и писать, и ты мнѣ будешь служить вмѣсто горничной.

Дѣвочки не хотѣлось возвращаться въ квартиру своей хозяйки, она помнила, что про нее рассказывала дворничиха.

Вскорѣ ей и самой пришлось узнать, что Матвѣва зла и порочна. Марія Ивановна очень часто на ночь пила водку и разъ отдала Катѣ такое приказаніе, которое внушало дѣвочкѣ страшное отвращеніе. Она упала въ ноги своей хозяйкѣ и умоляла не заставлять ее исполнять приказаніе.

— Лучше задавите меня,—рыдала дѣвочка:—я ни за что не буду этого дѣлать.

Хозяйка сначала просила, а потомъ начала бить Катю; но та и подъ побоями кричала:

— Задавите меня, а я не буду этого дѣлать!

Съ тѣхъ поръ Матвѣева нѣ взлюбила Катю, и жизнь сироты сдѣлалась очень тяжелой. Дѣвочка цѣлый день была въ работѣ и старалась угождать своей хозяйкѣ, но все-таки каждый вечеръ та находила у нея вину, за которую не только била, но даже истязала. Она то раздѣвала ее донага и сѣкла до крови ремнемъ, то поставитъ дѣвочку на одну половицу и велитъ стоять не шевелясь цѣлый часъ; чуть дѣвочка пошевелится, Матвѣева начинаетъ ее бить кулакомъ по лицу и по спинѣ; если же Катя во время битья упадетъ, она начинаетъ ее бить ногами, а чтобы крики дѣвочки не услышали сосѣди, хозяйка ее била въ ванной комнатѣ, гдѣ и открывала краны отъ водопровода. Уходя изъ дома по вечерамъ, Матвѣева, въ наказаніе, иногда запирала Катю въ совершенно темномъ коридорѣ; а дѣвочка страшно боялась темноты и вѣрила въ домовыхъ и лѣшихъ и ходячихъ покойниковъ, о которыхъ ей въ деревнѣ рассказывала въ сказкахъ бабушка Авдотья. Когда Катя сидѣла въ темнотѣ, эти сказки оживали въ ея памяти, и ея нравственные мученія, которыя она переживала отъ страха, невозможно описать. Ей даже разъ показалось, что она видитъ гробъ, въ которомъ лежала ея бабушка. Хозяйка въ этотъ вечеръ, возвратившись домой, нашла Катю лежавшею на полу въ глубокомъ обморокѣ. Марія Ивановна испугалась и съ тѣхъ поръ перестала запираеть дѣвочку въ коридорѣ, а для наказаній чаще всего начала употреблять ремень.

Катя страдала молча, не смѣя никому пожаловаться: хозяйка напугала ее тѣмъ, что если она узнаетъ, что Катя рассказываетъ, что у нихъ дѣлается,—она дѣвочку повѣситъ на крюкѣ въ своей комнатѣ.

Катя про свое тяжелое житіе даже не рассказывала и Степану, который аккуратно являлся каждые три мѣсяца вносить деньги за ея содержаніе и ученье. Его же прихода дѣвочка ожидала съ большимъ нетерпѣніемъ и встрѣчала, какъ своего близкаго родного, и тогда ея разспросамъ обо всемъ не было конца. Степанъ только не могъ ей сообщить, жива ли ея кормилица Степанида и бабушка Авдотья, а это больше всего интересовало Катю. Провожала она Степана всегда со слезами, а тотъ, прощаясь съ нею, потихоньку давалъ ей на гостинцы мелкую монету, пятнадцать или двадцать копеекъ. Въ первый годъ Катя эти деньги проѣдала на булки и леденцы, но когда у нея въ головѣ зародилась мысль убѣжать отъ Матвѣевой, она начала копить деньги на дорогу. Катя знала, что до деревни, гдѣ жила Степанида, ей будетъ стоить билетъ по желѣзной дорогѣ не менѣе трехъ рублей.

«Въ деревнѣ меня свои спрячутъ, — думала дѣвочка: — въ деревнѣ хозяйкѣ меня не найти!»

Увидѣтсья съ семьей Степаниды и бабушкой Авдотьей стало страстнымъ желаніемъ дѣвочки, и чѣмъ дольше она жила у Матвѣевой, тѣмъ сильнѣе у нея росло намѣреніе убѣжать и жить въ де-

ревнѣ, вмѣстѣ съ крестьянами. Оставаясь одна, она постоянно думала о деревнѣ, вспоминала, какъ пріятно ей было сидѣть у бабушки Авдотьи и слушать ея сказки. Катя не забыла и послѣдней просьбы старухи почитать по ней, когда та умретъ, Псалтирь. Дѣвочка теперь уже умѣла читать и могла исполнить ея просьбу. Катя помнила и всѣхъ деревенскихъ ребятишекъ и припоминала, какъ она съ ними бѣгала по берегу и какъ ей весело жилось у Степаниды; деревня, въ сравненіи съ городомъ, ей казалась раемъ.

Катя мечтала, какъ она въ деревнѣ будетъ рассказывать о своихъ богатыхъ родственникахъ и о злой хозяйкѣ.

«Я скажу бабушкѣ Авдотѣ, что Марія Ивановна будетъ еще почище злой мачехи, которая убила сиротку», такъ разсуждала сама съ собой Катя.

Мечты о деревнѣ были утѣшеніемъ для дѣвочки. Но все-таки это были мечты, а въ дѣйствительности Катя часто обливалась слезами гдѣ-нибудь въ углу или на улицѣ, когда хозяйка посылала ее въ лавочку. Прохожіе не разъ видѣли дѣвочку, которая, уткнувъ личико въ стѣну какого-нибудь дома, громко рыдала. Когда прохожіе начинали ее разспрашивать о причинѣ ея слезъ, она съ испугомъ посмотреть на нихъ, вытереть рукой глаза и, сдерживая слезы, бѣжитъ дальше, а слезы не слушаются,—сами изъ глазъ катятся.

Катѣ уже было десять лѣтъ, когда у нея скопилось, наконецъ, три рубля, и по ея расчету она съ этими деньгами могла доѣхать до деревни.

Однажды, послѣ истязанія ремнемъ она рѣшилась убѣжать отъ хозяйки.

Было октябрьское холодное утро. Матвѣева послала ее за булками, и Катя рѣшила уже не возвращаться къ ней.

На дѣвочкѣ было одно только ситцевое платьице и на головѣ маленькій платочекъ. Въ этой легкой одеждѣ она и пошла на вокзалъ Николаевской желѣзной дороги, который отъ ихъ дома былъ, по крайней мѣрѣ, въ пяти верстахъ.

Въ незнакомой мѣстности Катя заблудилась и начала у всѣхъ спрашивать, какъ ей попасть на Николаевскій вокзалъ. Кто-то ей посоветовалъ обратиться къ городовому, который стоялъ недалеко. Катя подбѣжала къ нему и начала его разспрашивать, а городовому бросилась въ глаза ея легкая одежда, а также и пустая корзинка въ рукахъ.

— Зачѣмъ тебѣ попадобилось итти на желѣзную дорогу?—полюбопытствовалъ онъ.

— Я поѣду въ нашу деревню Таракановку къ моей кормилицѣ Степанидѣ Захарьевнѣ.

— А здѣсь, дѣвочка, ты гдѣ жила?—ласково спрашивалъ городской.

Катя, видя, что дяденька добрый, начала ему рассказывать, что она уже три года, какъ живетъ у хозяйки Маріи Ивановны Матвѣевой, и что той за нее генераль, дядя ея, платитъ деньги.

— А зачѣмъ ты отъ хозяйки ушла?

Катя побоялась рассказать о своей жизни и, потушившись, молчала.

Городовой же догадался, что она убѣжала.

— Ну, пойдемъ со мной, дѣвочка,—опять ласково заговорилъ онъ:—я тебя самъ доведу до вокзала.

Но вмѣсто вокзала городской привелъ Катю въ ближайшій участокъ и сдалъ, какъ бродяжку. Катя долго не хотѣла сообщить полиціи, гдѣ живетъ ея хозяйка, и только, когда помощникъ пристава началъ пугать ее тюрьмойона назвала улицу и домъ, гдѣ жила Матвѣева. И въ этотъ же день съ полицейскимъ она была отправлена къ своей хозяйкѣ.

Катя ожидала побоевъ, истязаній, но ничего подобнаго не случилось. Матвѣева сама была сильно напугана исчезновеніемъ дѣвочки, а также боялась, не сказала ли та чего о ней въ полиціи, и теперь часто думала:

«Съ Катей уже нельзя обращаться, какъ прежде; она можетъ донести полиціи, ей уже скоро одиннадцать лѣтъ. Мнѣ нужно искать для своихъ развлеченій другую дѣвочку».

Вслѣдствіе этихъ размысленій хозяйка посадила Катю учиться кроить и шить въ мастерской съ другими приходящими ученицами, и теперь Матвѣева перестала бить Катю изъ боязни, чтобы та не стала дурно говорить о ней при другихъ ученицахъ, съ которыми Марья Ивановна всегда обращалась привѣтливо, и тѣ считали ее доброй женщиной. Ученицы, пожалуй, и не повѣрили бы Катѣ, если бы та начала имъ рассказывать про всѣ тѣ истязанія, которымъ она подвергалась, живя у Матвѣевой, а также не повѣрили бы, чтобы Марія Ивановна могла быть такъ порочна, какъ это было только извѣстно той дѣвочкѣ, которая постоянно жила съ нею.

Катя, начавъ учиться шить, почти цѣлый день находилась въ мастерской. Учила же шить дѣвочекъ не сама Матвѣева, а нанятая специально для этого мастерица. Хозяйка же не часто и входила въ мастерскую,—большую часть дня сидѣла у себя наверху; но она, должно быть, уже не могла жить, чтобы кого-нибудь не мучить, и теперь вздумала взять къ себѣ на воспитаніе дѣвочку, круглую сироту, при томъ хорошенькую и не старше семи лѣтъ. И Матвѣева сдѣлала объявленіе въ газетахъ.

Объ этомъ объявленіи кто-то сказалъ одной бѣдной прачкѣ Анисьѣ, у которой была незаконнорожденная семилѣтняя дѣвочка Варя.

Обрадовалась Анисья, что можетъ избавиться отъ связывавшей ее дочки, взяла свою Варю за руку и повела къ доброй барынѣ.

«истор. вѣстн.», сентябрь 1913 г., т. сxxxiii.

Увидѣла Анистья Марью Ивановну и упала той въ ноги.

— Возьми, благодѣтельница, мою дѣвочку на воспитаніе, за это тебя Господь не оставитъ.

Варя понравилась Маріи Ивановнѣ: дѣвочка была полненькая, съ выющимися свѣтлыми, какъ ленъ, волосиками и голубыми смѣющимися глазками.

— Я возьму твою дочь,—сказала Матвѣева:—только съ однимъ условіемъ, что ты не будешь къ ней ходить. Я хочу, чтобы дѣвочка даже забыла, что ты ея мать, она должна меня считать своею матерью.

Анистья поклялась, что ни разу не придетъ навѣстить свою дочь.

— И зачѣмъ мнѣ приходить,—говорила она:—я знаю, что у тебя житье моей дочкѣ будетъ хорошее: будетъ она накормлена и одѣта, а мнѣ одѣвать и кормить ее не изъ чего.

Когда Анистья уже ушла, Матвѣева призвала къ себѣ Катю.

— Ты теперь большая,—сказала она,—и можешь спать въ мастерской вмѣстѣ съ старшей мастерицей, а со мной будетъ спать вотъ эта дѣвочка Варя.

Катя обрадовалась, что съ ними будетъ жить дѣвочка, и вскорѣ сильно привязалась къ ней, и въ этой привязанности было что-то материнское. Всѣ свои лучшіе кусочки она отдавала маленькой Варѣ, въ холодную погоду снимала съ себя кофточку и ею укутывала дѣвочку, деньги же, которыя она получала на гостинцы отъ Степана, уже не прятала, а тратила ихъ на Варю,—то покупала той игрушку, то булки, такъ какъ онѣ обѣ у Матвѣевой жили впроголодь. И когда Катя узнала, что маленькую Варю хозяйка такъ же бьетъ ремнемъ, какъ прежде била ее,—она уже не могла этого перенести. Сама она страдала молча, а теперь начала рассказывать приходящимъ дѣвочкамъ и дворникамъ и даже сосѣдямъ, что Матвѣева истязаетъ Варю и просила всѣхъ за нее заступиться. Разъ вечеромъ, когда дверь въ квартиру Матвѣевой была заперта, а въ кухнѣ и въ ванной открыты краны водопроводовъ, но и за шумомъ воды все же можно было услышать крики истязуемаго ребенка, въ дверь квартиры Матвѣевой начали сильно стучать.

Марія Ивановна испугалась и, чтобы заставить дѣвочку молчать, начала тискать ей въ ротъ носовой платокъ, и если бы дверь вб-время не была выломана, она, навѣрно, задушила бы Варю.

Полиція нашла Варю избитою до крови ремнемъ, и Марія Ивановна была арестована на мѣстѣ преступленія; а двухъ дѣвочекъ, жившихъ съ нею, сначала взяли въ полицію, потомъ Катю препроводили въ домъ ея родного дяди, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Крушинина, а Варю отдали ея матери—Аниסף.

Х.

Появленіе Кати въ домѣ Крушинина почти не было замѣчено. Въ это время Петръ Николаевичъ и Розалія Игнатьевна пережили семейную драму, а Катю опять отослали въ кухню, гдѣ она и находилась, пока о ней не вспомнили.

Особенно равнодушно отнеслась къ Катѣ Розалія Игнатьевна; она и сама страдала, но страдала не молча, а всѣхъ бранила, на всѣхъ сердилась, ко всѣмъ придиралась, словно всѣ окружающіе были виноваты въ ея страданіи.

Петръ Николаевичъ былъ грустенъ и по временамъ бросалъ на жену злобные взгляды, но все-таки уступалъ ей и обходился съ нею мягко, какъ съ больной.

Началось все это съ тѣхъ поръ, когда другъ ихъ дома, князь Хованскій, вернулся изъ провинціи съ молодой и красивой женой. Это случилось неожиданно, и Розалія Игнатьевна даже и не подозрѣвала объ этой женитьбѣ; между тѣмъ молодые, дѣлая визиты, пріѣхали и къ Крушиннымъ.

Петръ Николаевичъ и Розалія Игнатьевна въ это время сидѣли въ гостиной; вдругъ появившійся на порогѣ Степанъ громко произнесъ:

— Князь Хованскій съ супругою.

Розалія Игнатьевна не повѣрила своимъ ушамъ и приказала Степану повторить, кто къ нимъ пріѣхалъ:

— Нашъ баринъ, Левъ Львовичъ, князь Хованскій.

Розалія Игнатьевна сильно поблѣднѣла и только черезъ нѣсколько минутъ овладѣла собою и уже спокойно произнесла:

— Проси,—и встрѣтила гостей, хотя сухо, но вѣжливо.

Зато, когда молодые уѣхали, она уже не могла больше владѣть собою и при мужѣ начала кричать и плакать.

— *Niegodziwy, podly!*—я его никогда больше не пущу на порогъ своего дома!

Свое же озлобленіе противъ князя онъ объясняла тѣмъ, что онъ, будучи столько лѣтъ принятъ у нихъ въ домѣ, какъ родной, ничего не сказалъ имъ раньше о своей женитьбѣ.

— А я относилась къ нему, какъ сестра...—и съ Розаліей Игнатьевной сдѣлалась истерика.

Петръ Николаевичъ старался ее успокоить и оправдывалъ князя.

— Князь, уѣзжая изъ Петербурга, могъ и не знать, что онъ женится въ провинціи.

Но слова мужа не успокаивали Розалію Игнатьевну, а скорѣе раздражали; а когда Петръ Николаевичъ сказалъ, что молодая княгиня очень хорошенькая и воспитанная особа, и ничего нѣтъ удивительнаго, что князь влюбился въ нее, Розалія Игнатьевна вышла изъ себя, назвала мужа дурнемъ и плюнула ему въ лицо.

Петръ Николаевичъ, во избѣжаніе скандала, удалился изъ комнаты. И у него на душѣ было очень скверно.

«Теперь, — думалъ онъ: — я уже могу навѣрно сказать, что Лидія дочь князя Хованскаго, и Розалія меня никогда не любила».

Когда же онъ пришелъ въ кабинетъ, то заперъ дверь на ключъ, сѣлъ возлѣ письменнаго стола и, закрывъ лицо руками, глухо зарыдалъ.

Розалія Игнатьевна нѣсколько дней, ссылаясь на болѣзнь, не выходила изъ спальни и такъ страдала, что въ ея черныхъ волосахъ появилась замѣтная сѣдина, а на лицѣ новыя морщины.

Первые дни она почти ничего не ѣла и не хотѣла никого видѣть, даже не ѣздила и въ институтъ къ своей дочери Лидіи, которую очень любила и часто навѣщала. Но зато Розалія Игнатьевна въ дни скорби сдѣлалась религіозной и часто повторяла:

«Богъ меня наказалъ за то, что я забыла свою религію».

И первый ея выходъ изъ дома былъ въ костель.

Что же касается ея любви къ князю, она скоро превратилась въ ненависть, особенно, когда Розалія Игнатьевна подошла къ зеркалу и замѣтила, что она сильно посѣдѣла.

— Этотъ роду не стоитъ, чтобы я изъ-за него такъ страдала, — рѣшила она, и мысль, что она постарѣла, начала ее сильно беспокоить.

«Я такъ боялась сѣдины, — и вотъ я теперь сѣдая!» съ болью въ сердцѣ думала она.

«Но вѣдь я могу волосы выкрасить», разъ мелькнуло у нея въ головѣ. И въ этотъ же день она поѣхала къ парикмахеру и купила флаконъ самой лучшей краски для волосъ.

Но когда Розалія Игнатьевна въ первый разъ начала красить свои волосы, она убѣдилась, что одной ей съ этимъ не справиться, такъ какъ у нея были очень густые и длинные волосы, — ей нужна была помощница.

«Но кому я довѣрю свой секретъ?» — думала она: — горничной нельзя, она разболтаетъ въ кухнѣ, и тогда всѣ узнаютъ, что у меня крашеные волосы, а я хочу, чтобы никто, даже Петръ Николаевичъ, не зналъ объ этомъ, а то этотъ дурень еще проговорится гдѣ-нибудь, что я волосы крашу». Объ умственныхъ способностяхъ Петра Николаевича жепя была невысокаго мнѣнія; успѣхи же его по службѣ приписывала только тому, что онъ женатъ на ней, женщицѣ образованной, воспитанной, а главное — изъ аристократической семьи. Мысль, кого взять помощницей красить ея волосы, безпокоила Розалію Игнатьевна, и неожиданно она была выведена изъ затрудненій. Разъ, за обѣдомъ, Крушининъ спросилъ Степана, подававшаго кушанье, почему сегодня, когда онъ позвонилъ, ему отворила дверь Катя, а не онъ. И тутъ же Петръ Николаевичъ спросилъ и свою жену, что у нея дѣлаетъ Катя.

— Я думаю, она уже хорошо шьетъ,—сказалъ онъ.

Розалія же Игнатъевна совсѣмъ забыла, что у нихъ въ кухнѣ живетъ Катя, и только при вопросѣ мужа о ней вспомнила.

— Я ей дамъ работу потомъ, а покамѣстъ она ничего не дѣлаетъ.

— Мамап,—вмѣшался въ разговоръ Владекъ, которому те перь уже было семнадцать лѣтъ:—какая Катя стала хорошенькая: глаза у нея большіе, синіе и на подбородкѣ ямочка; французы эту ямочку называютъ: «гнѣздомъ любви».

— Ты говоришь глупости,—замѣтила сыну мать.

— Нѣтъ, мамап, я говорю правду, что Катя очень хорошенькая, и послушай, какая она скрытная: ее, маленькую, хозяйка чуть не каждый день била ремнемъ, и она никому объ этомъ не говорила, даже Степану; ни разу на свою мучительницу ему не пожаловалась; и мнѣ это нравится: она, значить, умѣетъ молчать.

«Вотъ кого я возьму помогать мнѣ красить волосы», сейчасъ же рѣшила Розалія Игнатъевна.

И послѣ обѣда Катя была призвана къ ней въ будуаръ.

— Если ты не будешь рассказывать объ одной работѣ, которую я тебѣ поручу,—сказала Розалія Игнатъевна:—тогда у насъ тебѣ будетъ жить хорошо, и я сегодня же подарю тебѣ свое голубое платье, которое ты себѣ и перешьешь.

— Я никому ничего не скажу,—отвѣтила Катя.

И съ этого времени было рѣшено, что дѣвочка будетъ спать уже не въ кухнѣ, а въ маленькой комнаткѣ возлѣ будуара и что Розалія Игнатъевна ей дастъ перешить всѣ свои старыя платья. Но хотя Катя и была взята въ комнаты, а все-таки Крушинины своимъ знакомымъ ее не показывали; дѣвочка не имѣла манеръ и была неучъ: едва умѣла читать и писать. Они даже Катю не сажали съ собою и за столъ, обѣдъ ей приносили Степанъ въ ея комнату.

Разъ Владекъ сказалъ своему репетитору, студенту Нильскому:

— У насъ въ домѣ работаетъ хорошенькая швеечка, хотите я вамъ ее покажу,—и онъ повелъ студента въ комнатку Кати.

Та въ это время что-то шила. Увидавъ входящихъ къ ней молодыхъ людей, дѣвочка вся вспыхнула и наклонилась надъ работой.

Молодые люди сѣли возлѣ нея и начали разговаривать.

Нильскій спросилъ Катю, какъ ее зовутъ и кто ея родители. Дѣвочка глядѣла на Владека и молчала.

— Она изъ деревни,—началъ тотъ:—дочь кормилицы моей сестры Лиди.

— Неправда!—прервала его Катя:—моя мать была родная сестра вашего отца.

Владекъ на минуту смутился, ему было стыдно, что простая швейка его двоюродная сестра. Но вскорѣ нахальство вернулось къ нему, и онъ воскликнулъ:

— Если ты моя кузина, то я сейчас же тебя поцѣлую,—и онъ подбѣжалъ къ Катѣ и хотѣлъ ее насильно поцѣловать.

Его остановилъ Нильскій.

— Стыдитесь, Владимиръ Петровичъ, порядочный мужчина не цѣлуетъ насильно женщину.

И онъ началъ спрашивать Катю, гдѣ она училась шить.

Та назвала Матвѣву.

Нильскому показалось, что онъ недавно слышалъ что-то про Матвѣву. Наконецъ вспомнилъ,—онъ читалъ въ газетахъ, ее скоро будутъ судить за истязаніе дѣтей.

— И вы жили у нея пять лѣтъ!—съ участіемъ сказалъ Нильскій:—значить, и вамъ придется быть на судѣ свидѣтельницей, а, можетъ быть, и какъ потерпѣвшей.

— Нѣтъ, она не будетъ на судѣ,—сказалъ Владекъ:—отецъ не хочетъ, чтобы Катя рассказывала про Матвѣву,—это и для насъ будетъ непріятно.

— На судѣ, говорятъ, будетъ Варя, а мнѣ хотѣлось бы ее увидѣть,—тихо произнесла Катя.

— Это невозможно! Отецъ говорилъ, что, когда будутъ судить Матвѣву, мы тебя куда-нибудь вышлемъ изъ Петербурга.

— Отошлите меня въ Таракановку къ моей кормилицѣ Степанидѣ,—весело сказала Катя.

— Я поговорю съ отцомъ, а пока не совѣтую тебѣ рассказывать, что ты жила у Матвѣвой...

— Ну, какъ вы нашли дѣвочку?—спрашивалъ Владекъ Нильскаго, когда они оба вышли отъ Кати.

— Очень хорошенькая, только выраженіе личика такое страдальческое, сейчасъ замѣтно, что ее долго мучили.

— А вы замѣтили, какія у нея длинныя рѣсницы и синіе глаза, а волосы темные,—вѣдь это рѣдко встрѣчается!..

Молодому Крушину нравилась его двоюродная сестра, и онъ часто приходилъ къ ней въ комнату.

У Кати же еще съ дѣтства остался къ Владеку страхъ и ненависть, а теперь явилось и отвращеніе вслѣдствіе того, что тотъ, оставаясь съ нею наединѣ, надоѣдалъ ей своими ласками.

Владекъ былъ испорченный баловствомъ и развращенный юноша, онъ хотѣлъ развратить и Катю и, чтобы привлечь ее къ себѣ, покупалъ ей конфеты и подарки. Но та не брала отъ него подарковъ и не ѣла его конфетъ.

Однажды вечеромъ вся семья Крушининыхъ отправилась въ театръ, дома осталась одна Катя. Сначала она работала, потомъ походила по богато обставленной казенной квартирѣ своихъ родственниковъ. На душѣ у нея было тоскливо, она беспокоилась, что ничего не знаетъ, какъ теперь живетъ маленькая Варя.

— Я здѣсь сыта, а она, можетъ быть, голодная!..

Въ этотъ вечеръ Катя такъ была грустно настроена, что ей даже не хотѣлось итти въ кухню поболтать съ прислугой. Наконецъ она рѣшила пораньше лечь спать. И только что начала раздѣваться, какъ въ передней раздался звонокъ, и черезъ нѣсколько минутъ она услышала голосъ Владека, который разговаривалъ со Степаномъ.

У нея отъ страха забилося сердце,—она боялась, какъ бы онъ къ ней не пришелъ, и хотѣла запереться отъ него на ключъ, но въ замкѣ не оказалось ключа, тогда она хотѣла отъ него убѣжать въ кухню, но уже было поздно,—Владекъ вошелъ въ ея комнату.

Не прошло и четверти часа, какъ до кухни донеслись Катины отчаянные крики о помощи. Въ кухнѣ въ то время была только одна кухарка,—она со всѣхъ ногъ побѣжала на помощь къ Катѣ, а та на ея глазахъ вырвалась изъ рукъ Владека и въ слезахъ бросилась къ ней и начала жаловаться на своего двоюроднаго брата.

Кухарка Настасья оказалась честной женщиной, не побоялась пристыдить барченка, а потомъ рассказала обо всемъ его родителямъ.

Владекъ невозмутимо стоялъ передъ отцомъ и увѣрялъ, что какъ Катя, такъ и кухарка на него врутъ.

По поводу этого скандала между Петромъ Николаевичемъ и его женою вышла большая ссора.

Розалія Игнатьевна защищала сына.

— Владеку семнадцать лѣтъ,—говорила она:—ему пора жить, и ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ уже ухаживаетъ за женщинами.

— Вы, сударыня, забываете, что Катя Володѣ двоюродная сестра и что она еще дѣвочка и онъ могъ ее погубить.

— О, эти уличныя дѣвчонки!—презрительно воскликнула Розалія Игнатьевна:—я увѣрена, что и Катя давно развращена, и кто знаетъ, можетъ быть, не Владекъ ее, а она его развращала.

Петръ Николаевичъ наконецъ высказалъ своей женѣ все, что у него накопилось противъ нея за ихъ долгую супружескую жизнь.

Розалія Игнатьевна рыдала; но все-таки съ этихъ поръ начала съ большимъ уваженіемъ думать о своемъ мужѣ.

«Онъ не такъ глупъ, какъ я думала», говорила она самой себѣ.

— Я васъ прошу объ одномъ,—сказала она мужу:—чтобы этой дѣвчонки не было въ нашемъ домѣ.

— Куда мнѣ ее дѣвать?—безпомощно воскликнулъ Крушининъ:—вы знаете, что мы живемъ не по средствамъ, и за дѣвочку я больше платить не стану,—я весь въ долгахъ.

Кончилось тѣмъ, что Катю снова отослали жить на кухню. Тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время Розалія Игнатьевна красила свои

волосы уже другимъ способомъ—самокрасящей гребенкой, и могла обходиться безъ посторонней помощи.

А Катѣ въ этотъ разъ не пришлось долго жить въ кухнѣ. Отъ ея родственниковъ Прокофьевыхъ Крушининъ получилъ письмо, въ которомъ старикъ Прокофьевъ просилъ Петра Николаевича навести въ сенатѣ какія-то нужныя для него справки; а жена его, двоюродная Катина бабушка, освѣдомлялась о внучкѣ,—спрашивала, здорова ли она и гдѣ учится. Въ этомъ же письмѣ старики жаловались на свое нездоровье, а также и на то, что у нихъ нѣтъ рѣдной помощницы, «правой руки» при такомъ большомъ, какъ у нихъ, хозяйствѣ.

Это письмо Петръ Николаевичъ прочиталъ и Розаліи Игнатьевнѣ, и та сейчасъ же посовѣтовала мужу предложить Прокофьевымъ взять жить къ себѣ Катю.

— Теперь Прокофьевы,—говорила она:—навѣрно, отъ Кати не откажутся, она уже большая, можетъ работать и для нихъ будетъ очень полезна.

— Я имъ напишу,—сказала Крушининъ:—пусть возьмутъ отъ насъ дѣвочку; со своей же стороны я сдѣлалъ все для нея, что могъ, а теперь уже пусть другіе родственники съ нею возьмется!

И въ тотъ же день Петръ Николаевичъ послалъ письмо Прокофьевымъ, въ которомъ совѣтовалъ имъ взять къ себѣ Катю помощницей въ хозяйствѣ, называлъ ее скромной, трудолюбивой, расхваливалъ ея кроткій характеръ, а также писалъ о томъ, что Катя только и мечтаетъ жить въ деревнѣ, и что къ деревенской работѣ она привыкла еще съ тѣхъ поръ, когда жила въ деревнѣ.

ХІ.

Подполковникъ въ отставкѣ Василій Васильевичъ и жена его Прасковья Ильинична Прокофьевы были люди еще не очень старые; жили въ своей усадьбѣ въ пяти верстахъ отъ города. У нихъ былъ большой фруктовый садъ, три коровы и множество куръ, гусей и утокъ. Прислугъ по своему хозяйству Прокофьевы держали не много, только дворника и кухарку; но зато они сами много работали, вслѣдствіе чего ихъ состояніе съ каждымъ годомъ увеличивалось, и сосѣди ихъ считали людьми очень состоятельными. У Прокофьевыхъ былъ сынъ Сергѣй, но онъ не жилъ съ ними, а служилъ въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ вольноопредѣляющимся. Родители сына не баловали, денегъ ему много не посылали и между собой говорили:

— Пусть нашъ Сергѣй не надѣется на родительскія деньги, а учится ихъ самъ наживать.

Подполковникъ Прокофьевъ былъ убѣжденъ, что каждый порядочный мужчина долженъ служить въ военной службѣ, и своего

сына уже видѣлъ въ будущемъ, если не генераломъ, то, во всякомъ случаѣ, полковникомъ. Старики Прокофьевы часто горевали, что ихъ дочь умерла еще въ дѣтствѣ и теперь у нихъ нѣтъ помощницы въ хозяйствѣ. Они давно уже хотѣли взять къ себѣ жить кого-нибудь изъ своихъ бѣдныхъ родственниковъ. Василій Васильевичъ непремѣнно хотѣлъ взять дѣвушку изъ своей родни; онъ говорилъ, что его родные честнѣе родныхъ жены, потому что меньше вымогаютъ отъ нихъ денегъ. Прасковья же Ильинична почему-то считала всѣхъ родныхъ своего мужа хитрыми и боялась, что если, сохрани Богъ, Василій Васильевичъ умретъ раньше ея, то его родня ее обидитъ, и потому не хотѣла брать дѣвочки изъ его родни. Споря постоянно объ этомъ предметѣ, старики никакъ не могли прійти къ соглашенію. Между тѣмъ у обоихъ здоровье было неважное, и при этомъ они уже слишкомъ много работали и вслѣдствіе этого уставали. Особенно много приходилось работать по хозяйству Прасковѣ Ильиничнѣ, и въ этомъ она всегда упрекала своего мужа.

— Благодарю васъ, Василій Васильевичъ, за такую жизнь,— говорила она:—когда вы сватались за меня, обѣщали, что я буду жить барыней, а теперь изъ меня прислугу сдѣлали.

— Я-то чѣмъ виноватъ?—оправдывался Василій Васильевичъ:—я самъ усталъ и у меня все болитъ; мнѣ бы полежать, а тутъ работать надо.

— Самъ виноватъ, зачѣмъ выходилъ въ отставку? Въ полку мы хорошо жили, особенно, когда ты былъ завѣдующимъ хозяйствомъ; тогда у насъ и лошади были; мнѣ полковныя дамы всѣ завидовали, а на кухнѣ у меня были два солдата; а теперь, на старости лѣтъ, я страдалница!

— Боже мой, Боже мой!—охааетъ Василій Васильевичъ:—развѣ я по своей волѣ вышелъ въ отставку? Я надѣялся выйти въ отставку полковникомъ, а тутъ выдумали для офицеровъ предѣльный возрастъ.

Но всѣ эти маленькія ссоры продолжались недолго и кончались мирнымъ разговоромъ о хозяйствѣ, и какъ имъ нужна помощница.

Такъ шли дѣла, когда Прокофьевы получили письмо отъ Крушинина, въ которомъ онъ предлагалъ имъ взять къ себѣ въ помощницы по хозяйству ихъ внучку—Катю.

Прасковья Ильинична сразу была согласна и очень довольна, что у нихъ будетъ жить Катя. Василій же Васильевичъ капризничалъ, говорилъ, что онъ Катю ни за что не возьметъ, выпишетъ свою племянницу.

Чтобы заставить мужа согласиться, Прасковья Ильинична даже прибѣгла къ слезамъ: она знала, что ея слезъ Василій Васильевичъ боится, и если она заплачетъ, онъ ей уступить.

Такъ случилось и теперь: какъ только она заплакала и начала жаловаться на свою горькую судьбу, Василій Васильевичъ объ

являть, что онъ согласенъ взять къ себѣ въ домъ Катю и будетъ очень радъ, если Прасковья Ильинична, имѣя въ домѣ помощницу, сама будетъ меньше работать.

Прокофьевы вмѣстѣ писали и отвѣтъ Крушинину, благодарили его за сдѣланныя имъ для нихъ справки, а также и за то, что онъ совѣтуеть имъ взять Катю.

«Присылайте дѣвочку къ намъ скорѣе,—писали они:—мы будемъ на нее смотрѣть, какъ на нашу родную дочь».

Что же касается Кати, та была въ восторгѣ, когда узнала, что она поѣдетъ въ деревню къ дѣдушкѣ и бабушкѣ. Ей казалось, что и эта бабушка будетъ такой же доброй и такъ же будетъ ее любить, какъ любила родная бабушка. Кромѣ того, дѣвочку прельщала и жизнь въ деревнѣ, о ней еще съ дѣтства у Кати остались пріятныя воспоминанія, между тѣмъ какъ жизнь въ городѣ была для нея безпрерывнымъ мученіемъ...

Подѣзжая къ усадьбѣ Прокофьевыхъ, Катя увидѣла большой тѣнистый садъ и посреди его одноэтажный сѣрый домъ подъ красной желѣзной крышей. Вдали были видны деревья, озеро и бѣлая церковь съ зелеными куполами, окруженная небольшими домиками.

«Какъ тутъ хорошо, красиво, и я здѣсь буду жить!» радовалась дѣвочка.

Въ это время Прасковья Ильинична была въ кухнѣ и видѣла, что къ ихъ крыльцу подѣхала дѣвочка лѣтъ четырнадцать, въ круглой соломенной шляпкѣ и въ сѣренькой накидкѣ, въ рукахъ она держала небольшую корзиночку.

— Василій Васильевичъ!—закричала Прасковья Ильинична, отворивъ дверь въ комнаты:—къ намъ внучка, Катя, пріѣхала.

А та уже соскочила съ экипажа, перекрестилась и вбѣжала въ кухню.

Тутъ она увидѣла небольшого роста, въ передникѣ, съ потнымъ лицомъ полную женщину лѣтъ пятидесяти пяти. Катя не знала, кто это—бабушка или кухарка, и робко остановилась у двери.

— Добро пожаловать, дорогая гостя!—добродушно произнесла Прасковья Ильинична и велѣдъ за тѣмъ вытерла передникомъ катившійся съ ея лица потъ и, подойдя къ внучкѣ, сочно ее поцѣловала.

— Твоего отца, своего племянника Степу, я помню еще мальчикомъ и теперь словно на него смотрю—такъ ты на него похожа!

Вбѣжалъ въ кухню и Василій Васильевичъ. На немъ былъ старый сюртукъ безъ пуговицъ, въ которомъ онъ постоянно кормилъ куръ и гусей.

Прокофьевъ былъ очень высокаго роста и худъ, какъ скелетъ, сюртукъ на немъ висѣлъ, какъ на вѣшалкѣ.

— Да какая она хорошенькая!—повернувъ Катю къ окну, сказалъ дѣдушка:—и ничего, здоровенькая!—Но, взявъ руку внучки выше локтя, прибавилъ:—Нѣтъ, рука худенькая, къ нашей работѣ, пожалуй, не будетъ годиться.

— Ничего, мы ее откормимъ и молокомъ отпоимъ,—сказала бабушка.

— А ты, Катюшка, будешь ли насъ любить, будешь ли за нами ухаживать, будешь ли беречь наше добро?

— Буду, дѣдушка,—весело отвѣтила Катя.

Дѣвочка понравилась Василию Васильевичу.

— Она у насъ будетъ молодцомъ,—говорилъ онъ.—Я ее научу маршировать. Ну, становись во фронтъ и будемъ вмѣстѣ маршировать: разъ-два, разъ-два!

Катя охотно маршировала съ дѣдушкой.

Но бабушка прекратила ихъ маршировку и поспѣшила накормить внучку. Послѣ обѣда Василій Васильевичъ показалъ Катѣ всѣ свои владѣнія: они ходили по саду и по двору, побывали во всѣхъ сараяхъ и кладовыхъ, также онъ показалъ ей своихъ животныхъ и птицъ.

Катѣ у родственниковъ все нравилось, но больше всего восхищалась онъ только что вылупившимися цыплятами, а также гусями, которыхъ было штукъ тридцать.

— Это мое войско,—разсказывалъ Василій Васильевичъ:—ты знаешь, я ихъ даже выучилъ отвѣчать мнѣ «здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!»

— Вы шутите, дѣдушка.

— А вотъ посмотри,—и Василій Васильевичъ выгналъ гусей изъ сарая на дворъ, взшелъ потомъ на крыльцо и громко крикнулъ:

— Здорово, ребята!

Гуси въ одинъ голосъ закричали:

— Га-га-га.

Катя отъ радости подпрыгнула и забила въ ладоши.

Теперь старики оба были довольны пріѣзду внучки, а также и тому, что у нихъ ей понравилось.

— Сегодня, Катенька, ложись спать пораньше,—сказала ей бабушка:—мы встаемъ рано, и ты съ утра начнешь намъ помогать работать. Я надѣюсь, что ты не будешь лѣниться.

— Нѣтъ, бабушка, я буду дѣлать все, что вы мнѣ прикажете...

У Кати весело было на душѣ и ей не хотѣлось ложиться спать, передъ сномъ она еще пошла въ садъ.

Солнце уже зашло, отъ него на горизонтѣ осталась одна золотая полоска, небо еще было въ лилово-розовыхъ облакахъ, въ тѣнистомъ саду стихло пѣніе птицъ, только въ травѣ трещали кузнечики, и за изгородью было слышно, какъ запоздавшая корова, тяжело дыша, щипала траву и гдѣ-то далеко кто-то пѣлъ заунывную пѣсню.

Катя объѣжала кругомъ садъ и сѣла на балконѣ, чтобы послушать пѣсню.

Тутъ бабушка открыла окно и сказала внучкѣ:

— Иди, Катюша, спать, время закрывать всѣ окна и двери.

— Какъ здѣсь хорошо!—засыпая, думала дѣвочка.

XII.

Катя у Прохоровыхъ прожила десять лѣтъ. Сначала бабушка и дѣдушка ею были довольны. Катя усердно работала, ея розовое или синенькое платьице цѣлый день мелькало на глазахъ у стариковъ; то они видѣли его на огородѣ, то на дворѣ, то на чердакѣ, то въ сараѣ или коровникѣ. Живя у родныхъ, Катѣ нельзя было думать объ отдыхѣ, какъ только ночью. Старики были увѣрены, что Катя отдыхаетъ, собирая въ саду ягоды; но этотъ отдых утомялъ ее еще больше другой работы: въ жаркое время собирать пуды ягодъ было нелегко.

Прокофьевы были изъ тѣхъ людей, для которыхъ пріобрѣтать и копить деньги было высшимъ наслажденіемъ, и для этого наслажденія они не берегли не только здоровья другихъ людей, но и своего собственнаго.

Съ пріѣздомъ внучки они отказали дворнику, и на Катю были возложены нѣкоторыя изъ его обязанностей. Съ самаго утра въ домѣ Прокофьевыхъ только и было слышно: «Катюша, бѣги туда-то, Катюшка, не лѣнись».

Одно огорчало стариковъ, что ихъ внучка вмѣсто того, чтобы у нихъ здоровѣть, часто хворала, и разъ зимой, пробывъ долго на сквозномъ вѣтру, заболѣла воспаленіемъ легкихъ.

Старики испугались и пригласили изъ города доктора. Когда же опасность миновала и Катюша вслѣдствіе слабости еще лежала въ постели, родные не разъ при ней вспоминали о томъ, что ея леченіе имъ дорого стоило, и говорили, что Катя теперь совсѣмъ здорова и валяется въ постели только изъ-за лѣни.

Бабушка и самой ей говорила:

— Ты была больна, а теперь здорова, вставай же, Катюша, работай.

Дѣдушка по своему характеру былъ меньше искрененъ, чѣмъ его жена,—онъ не говорилъ внучкѣ прямо, что она лѣнится, и какъ будто шутилъ съ нею, а въ то же время и язвилъ.

— Катюшѣ понравилось валяться безъ дѣла, Катюша у насъ барышня, и мы, старики, должны ей прислуживать.

Во время своей болѣзни Катя поняла, что ни дѣдушка, ни бабушка ея не любятъ и что она имъ нужна только, какъ работница, и съ этого времени она начала чувствовать себя одинокой.

Прежде она работала изъ любви къ роднымъ и старалась имъ угождать, а теперь, когда она снова начала работать, то чувствовала, что у нея уже нѣтъ той охоты, которая была прежде, и работала безъ энергій.

Старики это замѣтили и начали упрекать ее въ лѣности, называли дармоѣдкой.

Теперь Катя начала сильно скучать, что у нея нѣтъ подругъ и знакомыхъ; если она и говорила по душѣ, то только съ одной кухаркой Агафьей. А та еще больше вооружала ее противъ родныхъ, передавала ихъ слова, что Катя много ѣсть и мало работаетъ. И Агафья ей часто говорила:

— Они запрягли тебя въ работу, словно лошадь, а сами тебѣ жалованья не платятъ, ни одежды хорошей не справляютъ, только ѣдой попрекаютъ.

Эти слова вызывали въ Катѣ озлобленіе противъ родныхъ, и она начала ихъ ненавидѣть.

Разъ она сказала бабушкѣ, что плохо пишетъ и считаетъ.

— Хотя бы вы отдали меня къ сельской учительницѣ поучиться,—сказала она.

— Не наше дѣло тебя учить наукамъ,—отвѣтила Прасковья Ильинична:—объ этомъ долженъ былъ позаботиться твой родной дядя, къ намъ же ты пріѣхала помогать въ работѣ, за это мы тебя кормимъ и одѣваемъ.

Однажды старики послали Катю съ ягодами къ попадѣ, а у той въ гостяхъ была сельская учительница. Катю пригласила попадья напиться съ ними чаю.

Сельская учительница и Катя понравились другъ другу, и въ разговорѣ Катя призналась, что плохо считаетъ.

— Приходите ко мнѣ,—сказала сельская учительница:—и я васъ даромъ буду учить.

Но когда Катя пришла домой и рассказала о предложеніи учительницы, изъ-за этого поднялась цѣлая буря.

— Кто у насъ будетъ исполнять твою работу, когда ты будешь ходить учиться,—говорили старики:—мы не такъ богаты, чтобы тебя кормить и одѣвать даромъ, ты должна за это работать.

Съ тѣхъ поръ Катя уже о своемъ ученѣи и не заикалась. При родныхъ она даже боялась взять книгу въ руки.

Старики сами не читали ничего, кромѣ поварской книги и календаря, и для Кати чтеніе книгъ считали лишнимъ.

У Прокофьевыхъ понятіе объ умныхъ людяхъ было своеобразное: они считали умными только тѣхъ людей, которые умѣютъ наживать деньги.

Если при нихъ говорили объ умномъ ученомъ человѣкѣ, Василій Васильевичъ спрашивалъ:

— А что вашъ учепый-то много нажилъ денегъ?

— Ничего не нажилъ,—отвѣчали ему:—умеръ въ бѣдности.

— Такъ какой же онъ послѣ этого умный человѣкъ; умные люди не умирають въ бѣдности, они и послѣ своей смерти оставляють капиталы и обезпечивають своихъ дѣтей.

Старики хотѣли, чтобы и Катя только думала объ одномъ ихъ хозяйствѣ и весь ея интересъ сосредоточивался бы на ихъ домѣ. Они не хотѣли подумать, что для молодой дѣвушки недостаточно быть постоянно въ обществѣ двухъ отжившихъ стариковъ, которые только и говорятъ о своихъ недугахъ или хозяйствѣ. Катя нигдѣ не бывала, даже въ церковь ее отпускали только разъ въ мѣсяцъ. И зато она этого дня ждала всегда съ нетерпѣніемъ. Въ церкви Катя видѣла сосѣдей-помѣщиковъ, молодыхъ людей, молодыхъ барышень; отъ нихъ вѣяло жизнью, молодостью, весельемъ. Выходя изъ церкви, они между собой разговаривали, шутили. Катя прислушивалась съ наслажденіемъ къ ихъ словамъ, къ ихъ молодому смѣху, запоминала ихъ слова, наряды, фасоны платьевъ, шляпокъ, а потомъ долго слѣдила за ихъ удаляющимися экипажами и возвращалась домой еще болѣе разстроенная и сумрачная, чѣмъ прежде. Для Кати не было никогда праздника—у Прокофьевыхъ всегда для нея была работа, и когда лѣтомъ Катя что-нибудь работала въ саду и изъ сосѣдней деревни по праздникамъ къ ней доносились пѣсни деревенскихъ дѣвушекъ или игра на гармоникѣ или балалайкѣ, Катя слушала и плакала.

«Тамъ жизнь, тамъ веселье,—думала она:—а я здѣсь погребена заживо вмѣстѣ со стариками».

Но все-таки ея жизнь у родственниковъ была еще сносна до пріѣзда въ усадьбу сына Прокофьевыхъ, Сергѣя. Новоиспеченный пѣхотный подпоручикъ неожиданно подкатилъ на тройкѣ къ крыльцу родительскаго дома. Онъ пріѣхалъ похвастать передъ родителями своимъ новымъ мундиромъ, а также по случаю своего производства въ офицеры расчитывалъ отъ скупыхъ стариковъ выгадать и денегъ.

Сергѣй Васильевичъ Прокофьевъ былъ средняго роста, стройный, лицо смуглое съ румянцемъ, глаза черные на выкатѣ и черные небольшіе усики, при этомъ ловкій и въ полку первый на балахъ танцоръ.

Молодой поручикъ съ перваго взгляда произвелъ на Катю сильное впечатлѣніе.

Старики-родители пріѣзду сына очень обрадовались и, поздравляя его съ производствомъ въ офицеры, откупорили не одну бутылку наливки и при этомъ не забывали читать сыну и нравоченія.

— Помни, Сергѣй,—говорилъ Василій Васильевичъ:—что твои родители всю свою жизнь берегли копеечку, зато теперь и нажили вотъ этотъ домъ и усадьбу. Не бросай на кутежи, Сергѣй, денегъ

и не женись на бѣдной дѣвушкѣ, не увлекайся красотой: красота женская скоро исчезаетъ, а деньги остаются навсегда.

Сыну не нравились подобныя нравоученія, и вообще онъ со стариками скучалъ и подъ разными предлогами оставлялъ ихъ. Его тянуло туда, гдѣ была Катя. И ихъ часто можно было увидѣти вмѣстѣ. Они ходили по двору, поручикъ помогаль Катѣ кормить куръ и гусей; если же Катя что-нибудь работала въ сараѣ или на чердакѣ, то и поручикъ спѣшилъ туда же, садился на какомъ-нибудь обрубокѣ дерева и говорилъ ей комплименты и жалѣлъ, что такая хорошенькая дѣвушка, какъ она, живетъ у жадныхъ стариковъ и не имѣеть никакихъ развлеченій, а иногда, пользуясь родствомъ, срывалъ и поцѣлуй съ ея свѣжихъ губокъ.

Разъ Катя слышала, какъ молодой Прокофьевъ говорилъ со своими родителями о ней, зачѣмъ тѣ, пользуясь трудами родственницы, плохо ее одѣваютъ и зачѣмъ не заботятся, чтобы молодой дѣвушкѣ жилось у нихъ повеселѣе.

Такое вниманіе Сергѣя Прокофьева тогда до слезъ тронуло Катю; что же касается стариковъ, то они за вмѣшательство сына въ ихъ дѣла прочитали ему большую нотацию, но, главное, они замѣтили, что ихъ сынъ ухаживаетъ за ихъ внучкой.

— Катя тебѣ не невѣста,—говорили они:—у нея нѣтъ гроша за душой, а кружить ей голову мы тебѣ запрещаемъ.

Сергѣю Васильевичу серьезно Катя и не нравилась—поухаживать же за хорошенькой дѣвушкой, будь она горничная или родственница, онъ былъ всегда не прочь.

Вмѣшательствомъ стариковъ былъ прерванъ только что начатый имъ романъ; сынъ сердился за это не только на стариковъ, но и на Катю и, зная, что она къ нему равнодушна, мучилъ ее рассказами, что онъ влюбленъ въ дочь своего полкового командира, что та дѣвушка образованная, хорошо говорить по-французски, описывалъ ея наряды, а Катю въ шутку называлъ птичницей, садовницей.

Каждое слово Сергѣя Прокофьева глубоко западало въ душу Катину. Ей казалось, что, если бы она была образована и хорошо одѣвалась, Прокофьевъ могъ бы и ее полюбить. И она начала стыдиться своего труда. А въ то же время и бабушка каждый день ей выговаривала, что она завлекаетъ ихъ Сергѣя, хочетъ за него выйти замужъ, и что она напрасно объ этомъ мечтаетъ,—ихъ сынъ долженъ жениться на богатой, образованной дѣвушкѣ, чтобы въ полку онъ могъ передъ товарищами похвастаться своей женой.

Наконецъ молодой поручикъ уѣхалъ, и Катя нѣсколько дней ходила съ заплаканными глазами; но такъ какъ она любила безъ взаимности, то, повидимому, не долго страдала. Зато насмѣшки Прокофьева надъ ея трудомъ сдѣлали свое дѣло. Катѣ ея трудъ опротивѣлъ, и она начала еще сильнѣе тяготиться жизнью у своихъ

родственниковъ, стала обидчива, часто плакала, а иногда цѣлый день отъ нея не могли добиться слова. Старики Прокофьевы больше всего огорчались тѣмъ, что Катя неохотно работала и вмѣсто пяти часовъ стала вставать въ шесть, вслѣдствіе чего въ ихъ хозяйствѣ происходили беспорядки; кромѣ того, разъ въ саду Прасковья Ильинична застала внучку съ книгой въ рукахъ и сейчасъ же побѣжала пожаловаться на нее Василию Васильевичу.

Тотъ пришелъ и приказалъ Катѣ сейчасъ же показать ему книгу, которая оказалась самоучителемъ французскаго языка. Книгу Катя нашла на чердакѣ между хламомъ и, помня, что дочь полкового командира, которую такъ расхваливалъ молодой Прокофьевъ, говорить по-французски, Катя надѣялась безъ посторонней помощи выучиться французскому языку. Чтобы книга не мѣшала работать, ее отъ внучки старики отобрали, и съ каждымъ днемъ все больше и больше были недовольны Катей.

Ея прежняя усердная работа была ими забыта, они помнили теперь только одно, что она имъ мало приноситъ пользы, и упрекали ее поминутно кускомъ хлѣба. Наконецъ они довели Катю до такого состоянія, что она часто говорила кухаркѣ Агафѣ:

— Мнѣ такъ скучно, что впору хоть удавиться.

Катя сдѣлалась ко всему апатичной, и самымъ ея любимымъ препровожденіемъ времени—было спать, и ее заставляли спать не только въ ея комнатѣ, но и въ саду, и въ сараѣ, и на чердакѣ.

Старики не на шутку начали подумывать, куда бы имъ сбыть Катю.

— Содержать ее намъ стоитъ дороже, чѣмъ она приноситъ пользы,—разсуждали они между собой.

Когда же за недосмотромъ внучки въ канавѣ утонуло нѣсколько штукъ цыплятъ, Прокофьевы написали въ Петербургъ Крушину, что Катю они держать у себя больше не желаютъ и чтобы онъ ее отъ нихъ взялъ.

И тотъ имъ сейчасъ же отвѣтилъ:

«Моя племянница, Екатерина Степановна Култашева, въ настоящее время уже совершеннолѣтняя, и въ дальнѣйшей ся судьбѣ я умываю руки».

XIII.

Въ это же время къ Прокофьевымъ пріѣхала въ гости родная племянница Прасковья Ильинична, Настасья Ивановна Култашева. Она все время жила въ провинціи, только съ годъ какъ перѣехала въ Петербургъ, и лѣтомъ вздумала навѣстить свою тетку.

Катю Настасья Ивановна не видѣла съ тѣхъ поръ, когда ее трехнедѣльную привезла къ ея родной бабушкѣ, и потомъ, когда она узнала, что Екатерина Петровна умерла, не успѣвъ составить какъ

слѣдуетъ духовнаго завѣщанія, Настасья Ивановна нѣсколько разъ писала къ Крушинину, освѣдомляясь о Катѣ, и тотъ ей каждый разъ отвѣчалъ: «Не безпокойтесь о дѣвочкѣ: я о ней забочусь». И теперь для Култашевой было неожиданностью найти свою племянницу у Прокофьевыхъ. Кромѣ того, она была поражена, что никто изъ родственниковъ не позаботился дать Катѣ должнаго образованія.

Когда же она замѣтила, какъ тяжело живетъ бѣдной дѣвушкѣ у родственниковъ и какъ тѣ тяготеютъ ею, Настасья Ивановна рѣшила взять племянницу съ собою въ Петербургъ.

— Пусть Катя сначала поживетъ у меня, а потомъ я ей, навѣрно, скоро найду мѣсто.

Сама Настасья Ивановна жила своимъ трудомъ и нанимала въ меблированныхъ комнатахъ крошечную комнатку; но она имѣла отзывчивое сердце и, недолго думая, объявила Прокофьевымъ, что Катю беретъ съ собою.

А та, когда узнала, что тетка возьметъ ее съ собою въ Петербургъ, сразу ожила, повеселѣла и много разъ повторяла:

— Тетя, дорогая, я всю жизнь свою буду вамъ обязана.

Прокофьевы были рады сбыть Катю со своихъ рукъ. Прощаясь съ нею, благословили образкомъ и дали на дорогу пять рублей...

Между тѣмъ мѣсто въ Петербургѣ для Кати не такъ легко было найти, какъ сначала думала Настасья Ивановна: почерпнутыя знанія въ хозяйствѣ Прокофьевыхъ въ Петербургѣ Катѣ не пригодились и ей долго пришлось ждать мѣста. У Настасьи же Ивановны Катина работа состояла въ томъ, что она убирала ихъ комнатку, бѣгала въ лавочку и готовила для нихъ обѣихъ обѣды на керосинкѣ.

Настасья Ивановна служила въ управленіи конокъ и свободное отъ службы время употребляла на поиски мѣста для племянницы. Но только куда она ни появлялась, вездѣ спрашивали, имѣетъ ли Катя дипломъ и гдѣ она училась; когда же узнавали, что у нея нѣтъ диплома, то спрашивали, умѣетъ ли она правильно писать и хорошо считать.

Катя и сама въ Петербургѣ сильнѣе, чѣмъ въ деревнѣ, чувствовала свое невѣжество и не могла не замѣтить, что окружающіе смѣются надъ ея манерами и надъ ея неправильной рѣчью. Замѣчала это и тетка и часто по вечерамъ, послѣ службы, запиралась въ своей комнаткѣ съ Катей на ключъ и учила ту не только правильно писать, но и ходить по комнатѣ и кланяться и не подавать руки «плашмя», какъ это всегда дѣлала Катя. И тетка племянницѣ часто говорила:

— Кажется, ты и не глупа, а въ обществѣ моихъ знакомыхъ сидишь дура-дурой—ни о чемъ слова не умѣешь сказать.

— Что же мнѣ, тетя, дѣлать,—въ отчаяннн говорила Катя:—здѣсь въ меблированныхъ комнатахъ всѣ ваши знакомые говорятъ все о такихъ вещахъ, о которыхъ я въ деревнѣ ничего не слыхала.

Вотъ вчера ваши гости говорили о театрѣ и актерахъ, а я ни одного актера не видала и въ театрѣ никогда не была.

Послѣ этого, когда кто-то изъ знакомыхъ подарилъ Настасьѣ Ивановнѣ билетъ въ оперу, она вмѣсто себя послала Катю. Давали «Демона». Катя вернулась изъ театра въ восторгѣ и сильно была возбуждена, не спала всю ночь, на другой день у кого-то достала либретто и такъ надоѣла теткѣ своимъ пѣніемъ, что та въ сердцахъ объявила, что больше билетовъ въ оперу ей давать не будетъ.

Наконецъ теткѣ удалось найти для племянницы мѣсто въ статистикѣ.

Обѣ очень были рады. Катя начала каждый день бѣгать за пять верстъ и выработывала въ мѣсяцъ около восемнадцати рублей, включая сюда и карточки по статистикѣ, которыя писала дома по ночамъ.

Изъ заработанныхъ денегъ она отдавала теткѣ за ея содержаніе десять рублей, остальные же деньги копила себѣ на платье и на черныя часики, о которыхъ давно мечтала. Проработавъ въ статистикѣ нѣсколько мѣсяцевъ, а главное отъ бессонныхъ ночей, проведенныхъ надъ писаніемъ карточекъ по статистикѣ, Катя сильно похудѣла. И Настасья Ивановна часто, смотря на племянницу, говорила:

— Ты опять, Катя, худо выглядишь,—тебя работа утомляетъ. Ахъ, если бы мнѣ тебя удалось выдать замужъ! Это было бы для тебя спасеньемъ.

И какъ-то разъ, считая Катины года, насчитала двадцать четыре.

— Мнѣ не можетъ быть столько лѣтъ,—заспорила, Катя.

Тетка отыскала ея метрику и ахнула: Катѣ шелъ двадцать шестой годъ.

— Непремѣнно нужно скорѣе отдать тебя замужъ!—воскликнула тетка.—Не смѣй никому говорить, что тебѣ столько лѣтъ, и сейчасъ же причеши волосы вверхъ, ты тогда будешь гораздо моложе...

Съ этого времени Настасья Ивановна только и думала, какъ бы племянницѣ найти жениха.

Настасья Ивановна хотя и любила Катю, но съ тѣхъ поръ, какъ та поселилась въ ея комнатѣ, чувствовала себя очень стѣсненной и избавиться отъ нея очень желала.

Наконецъ Катя сшила себѣ новое платье, и всѣ находили, что оно ей къ лицу.

— Ты должна кокетничать съ кавалерами,—совѣтовала ей тетка.—на ловца и звѣрь бѣжитъ, а ты, какъ я замѣтила, на мужчину и не смотришь, послѣ этого ты никогда не найдешь себѣ мужа.

А Катя все еще не могла забыть молодого Прокофьева и была совершенно равнодушна ко всѣмъ мужчинамъ, которыхъ теперь

встрѣчала. Кромѣ того, она была и застѣнчива и въ обществѣ молчала.

— Когда же ты поймешь, дура, что тебѣ нужно выйти замужъ: не могу же я тебя всю свою жизнь держать на своей шеѣ!

У Кати при этихъ словахъ слезы навертывались на глазахъ; она уже давно начала мучиться, что разоряетъ и стѣсняетъ свою тетку, и часто той говорила:

— Я и рада выйти замужъ, но что же мнѣ дѣлать, если я никому не нравлюсь?

— Еще поправишься,—утѣшала Настасья Ивановна:—только не будь разборчива: если хоть и горбатый посватается,—иди, только бы средства имѣлъ.

Катя и сама часто думала: «Мнѣ нужно пристроиться, чтобы никому не мѣшать, а то съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, я всеѣмъ мѣшаю».

Настасья же Ивановна такъ была занята судьбою племянницы, что даже повезла ее на Васильевскій островъ къ гадалкѣ, о предсказаніяхъ которой рассказывали чудеса. Та взяла рубль и сказала:

— Дѣвица выйдетъ замужъ черезъ два года и за человѣка, ей всеѣмъ незнакомаго.

— За два-то года она у меня всеѣмъ зачахнетъ,—съ неудовольствіемъ говорила Настасья Ивановна и все жалѣла, зачѣмъ напрасно потратила рубль.

Черезъ нѣкоторое время Катѣ вышло мѣсто въ одной изъ казенныхъ прачечныхъ, и тетка съ племянницей такъ этому мѣсту обрадовались, что даже нѣкоторое время перестали не только говорить, но и думать о Катиномъ замужествѣ, въ свободное же время все считали, сколько у Кати каждый мѣсяцъ останется денегъ отъ двадцати пяти рублей жалованья при готовой квартирѣ,—такъ онѣ называли крошечную комнатку въ казенномъ зданіи.

И Катя уже мечтала:

«Вдругъ я иду по улицѣ и встрѣчаю Сергѣя Васильевича! Я тогда его непременно приглашу къ себѣ въ гости и угощу чаемъ!» и отъ одной мысли, что она можетъ встрѣтить Прокофьева и у себя угостить, Катя была счастлива.

А ея тетка, рассчитавъ всѣ Катины деньги, пришла къ тому убѣжденію, что статистику нельзя всеѣмъ бросить и Катѣ еще придется по вечерамъ писать карточки.

Что же касается здоровья Катинаго, то о немъ забыли; но зато оно само о себѣ напомнило: высокая температура прачечной такъ дурно начала вліять на Катю, что нерѣдко ее въ обморокъ на рукахъ выносили изъ прачечной.

Катя подурнѣла, исхудала, какъ щетка; но зато въ ея гардеробѣ прибавилось два новыхъ платья и въ проектѣ уже была плюшевая кофта; но эти вещи какъ ее, такъ и тетку уже не радовали.

Настасья Ивановна, глядя на Катю, часто думала:

«Подурнѣла, и ей теперь всякій дастъ двадцать шесть лѣтъ».

— Зачѣмъ ты не кокетничаешь со своими сослуживцами-чиновниками?—упрекала она племянницу.

А той уже было не до кокетства: отъ переутомленія она опять, какъ у Прокофьевыхъ, начала ко всему относиться апатично и только сожалѣла объ одномъ, зачѣмъ она уѣхала изъ деревни.

— Тамъ я хоть ѣла досыта, и воздухъ въ деревнѣ здоровый!— а теткѣ на упреки отвѣчала:—Развѣ я виновата, что мною никто не интересуется, да я и сама не люблю съ нашими чиновниками гулять послѣ дежурства: мнѣ спать хочется,—а съ ними нужно разговаривать.

Наконецъ одинъ изъ сослуживцевъ началъ за Катей ухаживать: поднесъ коробку конфетъ и нѣсколько разъ, послѣ дежурства, приглашалъ ее пройтись съ нимъ по набережной Невы. Катя къ нему была совершенно равнодушна и гуляла съ нимъ только изъ желанія угодить теткѣ и, гуляя, даже не вслушивалась, о чемъ говорилъ ея кавалеръ.

А тотъ разсыпался передъ нею въ комплиментахъ и вдругъ разъ осмѣлился и чмокнулъ Катю въ щеку. Поцѣлуй былъ ею принятъ совершенно равнодушно: она не разсердилась и не покраснѣла.

Такое равнодушіе обидѣло ея кавалера, и онъ не только не сталъ повторять поцѣлуевъ, но и пересталъ приглашать ее гулять съ собою.

Катя объ этомъ поцѣлуѣ рассказала теткѣ, а та начала ее бранить.

— Истуканъ, дура! У тебя нѣтъ темперамента, на тебѣ никто не женится!

— И пусть никто не женится,—спокойно отвѣтила Катя:— мнѣ только больно, что вы-то, тетя, изъ-за меня беспокоитесь.

И Настасья Ивановна не переставала беспокоиться и наконецъ надумала поѣхать съ Катей къ Крушинину, о которомъ она слышала, что онъ сталъ очень важнымъ сановникомъ. Она хотѣла попросить у него мѣсто для Кати, которое бы ее не такъ утомляло, какъ прачечная...

Обѣ, тетка и племянница, скромно одѣтыя, долго ожидали въ передней, пока къ нимъ вышелъ Крушининъ. Катю, въ ожиданіи его выхода, все время была нервная лихорадка.

— Чего ты боишься?—спрашивала ее тетка.

— Не знаю, тетя, я и маленькая его боялась, и напрасно мы сюда пришли.

Петръ Николаевичъ въ это время куда-то уѣзжалъ и вышелъ къ нимъ во фракъ и со звѣздой.

Родственницамъ онъ едва кивнулъ головой и сразу объявилъ, что уѣзжаетъ, а имъ можетъ удѣлить только одну минуту.

Настасья Ивановна начала рассказъ съ того времени, когда она привезла Катю къ бабушкѣ ея.

— Я все это знаю,—прервалъ ее Крушининъ:—а что теперь вамъ отъ меня нужно?

— Но вѣдь Катя ваша родная племянница, — негодуящимъ голосомъ заговорила Настасья Ивановна:—вы видите, какая она стала отъ непосильнаго труда, краше въ гробъ кладутъ, дайте ей какое-нибудь мѣсто, гдѣ бы она не такъ утомлялась и гдѣ бы воздухъ не былъ такой убійственный, какъ въ прачечной.

— Дѣвица Култашева,—началъ холодно Крушининъ,—пользовалась прекраснымъ воздухомъ, когда жила въ деревнѣ у своихъ родственниковъ Прокофьевыхъ,—это я ее тамъ устроилъ, а также и на ея ученье въ свое время я потратилъ немало денегъ; а теперь дѣвица Култашева совершеннолѣтняя, и я для нея ничего не могу сдѣлать, и у меня столько важныхъ государственныхъ дѣлъ, что мнѣ некогда думать о племянницахъ, а васъ, сударыня, я глубоко уважаю за то участіе, которое вы принимаете въ дѣвицѣ Култашевой, она вамъ вѣдь тоже приходится родная племянница, продолжайте начатое вами доброе дѣло, я же, съ своей стороны, сдѣлалъ для нея все, что могъ; что же касается мѣста, о которомъ вы для нея просите, то, состоя на государственной службѣ, я считаю нечестнымъ раздавать мѣста своимъ родственникамъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Петръ Николаевичъ не спѣша подошелъ къ старику-камердинеру, который сейчасъ же накинулъ на него бобровую шубу и, забѣжавъ впередъ, распахнулъ передъ нимъ входную дверь.

— Пришли ни съ чѣмъ и уйдемъ ни съ чѣмъ,—громко произнесла Настасья Ивановна.

— Я говорила, не нужно намъ было сюда приходиться,—печально сказала Катя.

Въ это время старикъ-камердинеръ подошелъ къ нимъ и, у мильно глядя на Катю, сказалъ:

— Господи, ты Боже мой! да неужто вы барышня Екатерина Степановна, которую я маленькую изъ деревни привезъ. Я и въ мастерскую къ вамъ ходилъ и на судѣ былъ, когда судили вашу хозяйку.

— Вы Степанъ?—обрадовалась Катя:—какъ же, я васъ хорошо помню, вы были добры ко мнѣ, дай Богъ вамъ здоровья,—когда я жила у Матвѣевой, вашего прихода я, какъ праздника, ожидала.

Ихъ разговоръ былъ прерванъ сильнымъ звонкомъ. Степанъ побѣжалъ открыть дверь.

Въ переднюю вошла высокая, красивая пожилая дама въ богатой рогондѣ и молча сбросила ее на руки Степапа, а сама вся въ черномъ, съ молитвенникомъ въ рукахъ, не взглянувъ ни на Настасью Ивановну, ни на Катю, прошла въ комнаты.

— Это Розалія Игнатьевна?—обратилась Катя къ Степану.

— Онъ-съ,—шопотомъ отвѣтилъ тотъ:—каждый день ходять въ костель.

На лѣстницѣ Катя встрѣтилась лицомъ къ лицу съ красивымъ гвардейцемъ, который бросилъ на нее дерзкій взглядъ.

— Тетя, идемте скорѣй,—торопила та тетку.

— Кто это?—спросила Настасья Ивановна, когда онъ вышли на улицу.

— Мой двоюродный братъ, Владекъ.

— Жаль, что ты раньше не сказала, я бы его въ лицо назвала подлецомъ.

— Богъ съ ними со всѣми,—кратко начала Катя:—я у родственниковъ, кромѣ васъ, уже ни у кого не буду жить. Мнѣ бы и васъ хотѣлось отъ себя освободить. Ахъ, если бы мнѣ умереть!

— Замужъ, замужъ! Только есть для тебя одно спасенье!—повторяла тетка.

XIV.

Однажды, идя по улицѣ, Настасья Ивановна встрѣтила свою старую знакомую, Анну Николаевну Макушкину, которую она лѣтъ десять не видала.

Встрѣтились и разговорились.

Анна Николаевна рассказала, что ея старшій сынъ Саша уѣзжаетъ служить во Владивостокъ и что ее огорчаетъ не только разлука съ нимъ, но и то, что онъ ѣдетъ холостымъ.

— Мы поздно объ этомъ схватились,—говорила она:—а куда бы лучше для него было, если бы онъ теперь поѣхалъ съ женой: во-первыхъ, двойныя прогоны, а потомъ насъ пугаютъ, что во Владивостокѣ мой сынъ не найдетъ себѣ невѣсты, тамъ очень мало женщинъ, и онъ нарасхватъ.

— Отчего бы ему здѣсь не жениться? И сколько еще времени онъ можетъ здѣсь пробыть?—задала вопросы Настасья Ивановна.

— Всего только десять дней; ну, гдѣ же, посудите сами, въ такой короткій срокъ найти намъ невѣсту? И не всякая еще дѣвушка рѣшится такъ далеко поѣхать. Мой же сынъ, хотя и не молодецъ, ему сорокъ два года, и не очень красивъ, но деньжонки имѣетъ и ѣдетъ во Владивостокъ на большое жалованье.

«Вотъ женихъ моей Катѣ», тотчасъ же сообразила Настасья Ивановна и, не долго думая, принялась за сватовство.

— У меня, пожалуй, есть для вашего сына подходящая невѣста,—начала она:—только вамъ, можетъ быть, нужна богатая, а моя невѣста, хоть и молода, ей девятнадцать лѣтъ, и собой она очень недурна, кромѣ того, скромная дѣвушка и хорошая хозяйка, только, увь,—одно существительное безъ прилагательнаго.

— Гдѣ ужъ въ такихъ торопяхъ намъ искать богатыхъ нс-

вѣсть,—лишь бы была скромная дѣвушка и лицомъ жениху понравилась.

— Я вамъ, Анна Николаевна, сватаю круглую сироту, свою родную племянницу, которая живетъ со мною скоро два года.

— Ахъ, миленькая моя!—радостно воскликнула Макушкина:—невѣста-то, оказывается, еще изъ вашей семьи, да намъ лучше ничего и не надо. Есть ли у васъ ея карточка? Я бы ее сыну показала.

Было рѣшено, что Катину карточку Настасья Ивановна сегодня же пришлетъ Макушкиной съ посыльнымъ.

Такимъ образомъ началось сватовство.

И хотя Настасья Ивановна знала, что старшій сынъ Анны Николаевны сильно пьетъ и у него очень дурной характеръ, но желаніе пристроить племянницу, а главное—освободиться отъ нея, сбыть со своихъ рукъ, больше не думать, не заботиться о ней было слишкомъ для тетки привлекательно, и она рѣшила не говорить Катѣ о дурныхъ качествахъ жениха; и въ этомъ Настасья Ивановна оправдывала себя тѣмъ, что знала Макушкина давно, и онъ за это время могъ и перестать пить.

— Я Катѣ скажу только о томъ, что у него есть деньги, и что онъ ѣдетъ на большое жалованье, и что Катя въ матеріальномъ отношеніи будетъ обеспечена, и что мужъ значительно старше годами, будетъ ее любить и баловать больше, чѣмъ молодой.

Послѣ этого тетка уже искренно была увѣрена, что она только заботится о счастіи своей племянницы и, выдавъ ее за Макушкина, сдѣлаетъ доброе дѣло.

Въ этотъ же день Катѣ было объявлено о сватовствѣ, и ея карточка была съ посыльнымъ отослана къ Макушкинымъ.

На другой день Настасья Ивановна по городской почтѣ получила письмо:

«Завтра вечеромъ явимся, себя показать и невѣсту посмотрѣть».

Катя, узнавъ, что ее придутъ смотрѣть, расплакалась, а тетка сѣла возлѣ нея и начала читать нотацію:

— Это еще, Катя, что за капризы? Прежде была готова выйти за перваго встрѣчнаго, а теперь, когда ей хорошій человекъ, что называется, съ неба свалился, она—въ слезы! Да ты что, дура, или сумасшедшая, что своеѣ пользы не понимаешь? На кого ты рассчитываешь, не на себя ли?.. Вѣдь у тебя, мнѣ докторъ сказалъ, чахотка, и кто же, когда ты совсѣмъ-то сляжешь, будетъ о тебя заботиться? Ужъ не я ли? Нѣтъ, спасибо, я и сама изъ-за тебя стала больна, съ меня довольно и того, что я для тебя сдѣлала!

— Тетя, я вамъ очень благодарна, вы все равно какъ мать родная, обо мнѣ заботитесь... Я васъ хотѣла спросить...

Тутъ Катя остановилась и еще сильнѣе заплакала.

— Ну, что ты хотѣла спросить?

— Вы недавно получили письмо от бабушки Прасковьи Ильичны?

— Ну, получила и что же?

— Я только хотѣла спросить,—тихо начала Катя:—ничего она вамъ не пишетъ, женился ли Сергѣй Васильевичъ?

Настасья Ивановна слышала еще въ деревнѣ о романѣ между сыномъ Прокофьевыхъ и Катей.

И теперь, при вопросѣ племянницы, у нея мелькнуло подозрѣніе.

— Слушай, Катерина,—пачала она строго:—лучше сейчасъ же мнѣ во всемъ признайся, что у тебя было съ Сережей Прокофьевымъ. Я передъ Макушкиной за тебя поручилась, не осрами меня передъ добрыми людьми.

Слабый румянецъ разлился по блѣднымъ щекамъ Кати, и, опустивъ рѣсницы, она тихо сказала:

— Сергѣй Васильевичъ жалѣлъ меня и со своими родителями даже разъ изъ-за меня поссорился,—я этого никогда, никогда не забуду!

И Катя зарыдала.

— И никогда онъ на тебѣ, дурочка, не женится,—глядя ласково по головѣ племянницу, говорила Настасья Ивановна:—я знаю Сергѣя, ему нужна невѣста богатая; выбрось ты эту дурь изъ головы и будь со мною откровенна. Можетъ быть, ты съ нимъ была близка и мнѣ уже нельзя тебя сватать въ хорошую семью?

— Что вы тетя! Какъ вы могли подумать?—съ негодованіемъ произнесла Катя.

— Ну, слава Богу!—и Настасья Ивановна перекрестилась.—А теперь говори толкомъ, пойдешь ты за Макушкина?

Катя молчала.

— Я тебя, истуканъ, спрашиваю, отвѣчай!

— Пойду,—наконецъ сказала Катя:—устала я, тетя, да и васъ я хочу отъ себя освободить. Только не знаю, поправлюсь ли я жениху.

— А ты не плачь и старайся завтра выглядѣть интересной.

И Настасья Ивановна посовѣтовала племянницѣ пораньше лечь спать.

Но Катя хотя и рано легла; но отъ волненія всю ночь не могла заснуть ни на минуту. Утромъ встала съ измученнымъ лицомъ и, разглядывая себя въ зеркало, съ тоской думала:

«Макушкину я, навѣрно, не поправлюсь, и онъ на мнѣ не женится... Куда же мнѣ тогда дѣваться? Въ прачечной я служить не могу—задыхаюсь, тетѣ Настѣ я уже замѣтно надоѣла; не поступить ли мнѣ въ монастырь?»

«Нѣтъ, въ монастырѣ тоже нужно крѣпкое здоровье или деньги, а у меня—ни того, ни другого». И она мысленно упрекнула своихъ родственниковъ, не позаботившихся дать ей научнаго образованія.

«Изъ всѣхъ родныхъ одна только тетя Настя была ко мнѣ добра, вотъ и теперь—она заботится меня пристроить... Ну, что же, выйду замужъ, а тогда уже все кончено... Никогда даже и думать не буду о Сергѣѣ Васильевичѣ».

Воспоминаніе о молодомъ Прокофьевѣ не обошлось безъ слезъ.

Тетка, найдя Катю въ слезахъ, накинулась на нее:

— Нѣтъ, мнѣ тебя, дуру, никогда не сбывать съ рукъ! Вѣдь если есть у тебя въ лицѣ что-нибудь порядочное, такъ это глаза, а теперь посмотри на себя въ зеркало! Ты вѣдь уродъ!—лицо и глаза распухли.

Катя продолжала плакать.

Теткѣ стало ее жаль.

— Дурочка моя! ну, чего ты плачешь? Теперь тебѣ и женихъ находится, не бойся, ты ему понравишься. Я сама тебя сегодня причешу къ лицу и такъ устрою, что Макушкинъ сегодня же сдѣластъ тебѣ предложеніе, а пока прими валерьяновыхъ капель и постарайся непременно заснуть. До вчера еще далеко, ты успокоишься, и тогда и лицо твое понравится; если же будешь очень блѣдна, я тебя подрумяню.

Послѣ капель Катя такъ крѣпко заснула, что когда тетка пришла одѣвать ее къ смотринамъ, она еще спала.

— Вставай, невѣста, скоро женихъ придетъ!—наклонившись надъ Катей, будила ее Настасья Ивановна.

Катя вскочила съ постели и вдругъ зашаталась и опять на нее упала. Съ ней сдѣлался обморокъ.

«Совсѣмъ дохлая,—приводя ее въ чувство, думала тетка:—одинъ для ней исходъ—выйти замужъ».

И зато въ этотъ вечеръ Настасья Ивановна такъ постаралась одѣть и причесать къ лицу племянницу, что та выглядѣла не только интересной, но даже хорошенькой. Тутъ пошли въ ходъ и косметика, и носовые платки (ихъ подложили, гдѣ было нужно, чтобы невѣста казалась полнѣе). Но нужно сказать, что все было сдѣлано такъ умѣло, что фальшь для посторонняго глаза была незамѣтна.

XV.

Въ этотъ вечеръ волновались не только тетка съ племянницей, но и многія изъ жилищъ меблированныхъ комнатъ; Настасья Ивановна не могла не похвастать своимъ сосѣдкамъ, что ея племянница дѣлаеть хорошую партію, и когда Катя, уже готовая къ смотринамъ, пришла къ теткѣ, ее въ коридорѣ сейчасъ же обступили знакомыя дамы: онѣ начали разсматривать ея нарядъ, прическу и давали совѣты. Одна приколола ея воротничекъ своей золотой брошкой, другая поправила ея прическу и вколола въ волосы свои гребеночки, третья принесла флаконъ съ духами и ими опрыскала невѣсту.

И прежде, чѣмъ въ коридорѣ зажгли на стѣнѣ вѣчно чадившую лампочку, у Настасьи Ивановны въ комнаткѣ уже горѣло двѣ лампы—одна своя, другая чужая.

Какъ уже было сказано, комната Настасьи Ивановны была маленькая, и она была очень заставлена: въ ней, кромѣ мягкаго дивана и двухъ кресель, стоялъ буфетъ, платяной шкафъ и столъ, вслѣдствіе чего было такъ тѣсно, что невозможно было сдѣлать свободно и нѣсколькихъ шаговъ. Тетка усадила невѣсту на диванъ передъ столомъ, на которомъ горѣла лампа подъ розовымъ бумажнымъ абажуромъ. У Кати въ рукахъ было шитье, и это для того, чтобы Настасья Ивановна могла кстати начать разговоръ о томъ, что Катя училась шить въ магазинѣ, а также и для того, чтобы показать гостямъ, что невѣста трудолюбива.

Сама Настасья Ивановна была одѣта по-праздничному; но о себѣ она мало заботилась, только думала, чтобы Катя понравилась.

Теперь, когда племянница сидѣла на диванѣ, тетка смотрѣла на нее со всѣхъ сторонъ, чтобы судить, какое она произведетъ впечатлѣніе.

У Кати же отъ волненія щеки сдѣлались пунцовыя, глаза блестя и казались совсѣмъ черными.

— Знаешь, Катя,—начала, стоя на порогѣ, Настасья Ивановна:—въ настоящую минуту ты такая хорошенькая, что и получше жениха могла бы найти, чѣмъ Александръ Семеновичъ Макушкинъ.

И, сѣвъ въ кресло возлѣ Кати, она продолжала:

— Слушай меня внимательно: если Макушкинъ сегодня сдѣлаетъ тебѣ предложеніе, ты не покажи ему, что обрадовалась, и отвѣть спокойно: «Шагъ, который вы мнѣ предлагаете, такой серьезный, что я не могу вамъ сейчасъ отвѣтить,—позвольте подумать». Помни, что если онъ теперь замѣтитъ твою радость, то впоследствии, когда ты будешь его женой, онъ тебя попрекнетъ, что ты была рада выскочить замужъ за перваго встрѣчнаго. А также помни, что если ты будешь несчастна, то не меня въ томъ вини: ты уже совершеннолѣтняя, умъ у тебя есть свой; я же только совѣтую, но не неволю тебя выходить замужъ.

Племянница уже ее не слушала,—она прислушивалась къ незнакомымъ голосамъ въ коридорѣ.

— Идутъ, тетя, идутъ!—съ испуганнымъ лицомъ шептала она.

— Ничего, ты, Катюша, не пугайся. Это, кажется, и правда они: я слышу голосъ Анны Николаевны!

Въ дверь тихо постучали.

— У себя Настасья Ивановна?—спрашивалъ грубый мужской голосъ.

— Пожалуйте, я дома, милости просимъ!

По случаю тѣсноты гости вошли не вмѣстѣ; сначала вошла полная старая дама съ двойнымъ висячимъ подбородкомъ, на ней была

черная бархатная шляпка и мѣховая горжетка; за ней шелъ высокаго роста сутуловатый мужчина съ длиннымъ неприятнымъ лицомъ.

На его лысомъ лбу были начесаны жирно напомаженные рѣдкіе волосы, онъ былъ во фракѣ, бѣломъ жилетѣ и въ бѣломъ галстукѣ.

— Пошли гулять и къ вамъ зашли,—пѣвучимъ голосомъ говорила Анна Николаевна:—и это я сказала Сашѣ: «Зайдемъ посмотрѣть, что дѣлаетъ Настасья Ивановна».

— А мнѣ теперь и посвободнѣе,—тряся руку Настасьи Ивановны, басилъ Макушкинъ:—на службѣ не бываю, гуляй сколько угодно, а съ вами давно не видались. Постарѣли, постарѣли!—и онъ захохоталъ, оскаливъ длинные желтые зубы.

Катя усердно шила, у нея не только лицо, но и уши пылали.

— Позвольте васъ познакомить: моя племянница Екатерина Степановна Култашева—Александръ Семеновичъ Макушкинъ.

Катя встала съ дивана, положила работу на столъ и подала руку.

«Опять подаетъ руку плашмя», съ досадою подумала Настасья Ивановна, а вслухъ сказала:

— Сегодня и моя племянница тоже не на службѣ, и это я ее упростила со мной остаться, а то она у меня труженица!..

Настасья Ивановна отвела Анну Николаевну въ глубь комнаты и спросила:

— Ну, что?

Та одобрительно кивнула головой и поцѣловала концы своихъ пальцевъ.

Настасья Ивановна просіяла.

— Теперь, Катюша,—начала она весело:—напой насъ чайкомъ съ тѣми булочками, которые ты сегодня напекла. Она у меня хозяйка.

Катя начала хозяйничать: накрыла столъ бѣлой съ красной каймой скатертью, вынула изъ буфета сначала стаканъ и чашки, потомъ и цѣлое блюдо сдобныхъ румяныхъ булочекъ.

Накрывая на столъ, Катя только разъ взглянула на жениха, потомъ ужъ не смотрѣла, но когда онъ начиналъ говорить, каждый разъ вздрагивала. Въ это время Катя не отдавала себѣ отчета, нравится ли ей женихъ, и была только поглощена мыслью, какъ бы ей самой понравиться, и, чувствуя на себѣ глаза гостей, старалась все дѣлать спокойно, аккуратно. Когда же накрыла на столъ, то, опустивъ глаза, прошла мимо жениха въ кухню за самоваромъ. Она слышала, какъ ея тетка сказала:

— Смотрите, она вся тутъ!

— Очень, очень милovidны!—громко произнесъ Макушкинъ:—главное пріятно, что онъ передъ женихомъ сконфузились, сейчасъ видно—не изъ нынѣшнихъ; и если только моя личность имъ не противна, то другой жены мнѣ и искать не нужно.

— А я ручаюсь,—торжественно начала Настасья Ивановна:— что моя племянница дѣвушка скромная, нравственная и кроткаго характера, только опять повторяю, вся тутъ, на ней надѣто самое лучшее платье.

— На обоихъ—у меня хватить!—потирая съ самодовольнымъ видомъ руки, произнесъ женихъ.

— Вы ужъ съ нею, Александръ Семеновичъ, сами поговорите.

— Да, да, пусть онъ самъ,—вмѣшалась въ разговоръ Анна Николаевна:—а то, знаете, нынѣшнія-то барышни обидчивы, не то, что мы прежнія, у меня есть знакомая, такъ, повѣрите ли, хорошему жениху отказала только за то, что онъ не къ ней сначала обратился, а къ ея матери.

— Моя не изъ нынѣшнихъ,—неученая!

— Ахъ, и слава Богу, что неученая,—обрадовался женихъ:— признаюсь, не люблю я ученыхъ барышень: худыя изъ нихъ выходятъ жены для нашего брата-чиновника; у меня, извините, сорочка разорвалась, а жена моя вмѣсто того, чтобы ее зашить, будетъ за книжкой сидѣть; а также я со службы прихожу, хочу обѣдать, а у насъ и обѣдъ не готовлень—жена за книжкой сидитъ, ха-ха-ха!..

Макушкинъ такъ громко засмѣялся, что былъ услышанъ за дверью сосѣдками, которыя обступили Катю въ коридорѣ съ вопросами:

— Ну, что, душечка, какъ женихъ вамъ нравится?

— Онъ старый и некрасивый,—печально произнесла Катя.

— Это ничего, старые мужья женъ своихъ лучше берегутъ, чѣмъ молодые. А мы тутъ въ коридорѣ его шубу на вѣшалкѣ разсматривали,—хорошій мѣхъ, богатая лиса!.. Вашъ женишокъ, вѣрно, дѣйствительно имѣетъ деньжонки!

— Счастливица!—съ завистью воскликнула старая дѣвица:— женихъ и ей въ дорогу сдѣлаетъ лисью шубу, а тутъ я всю жизнь работаю и до сихъ поръ не собралась себѣ сдѣлать мѣховую шубу. Въ сорочкѣ родилась,—похлопала она по плечу Катю, когда та уже уходила.

— Что ни говорите, а Катя очень педурна,—замѣтила одна изъ дамъ.

— Прельстила жениха полнымъ бюстомъ,—продолжала старая дѣвица:—и я увѣрена, что она набѣлена и нарумянена.

— Это ужъ не она постаралась, а ея тетенька,—вмѣшалась въ разговоръ третья дама.

— Тетенька и сама не прочь выйти замужъ и пококетничать, а самой давно за пятьдесятъ, — язвила старая дѣва.

— Ну, что вы?!—засмѣялись сосѣдки и разошлись по своимъ комнатамъ.

А Настасья Ивановна немилосердно лгала, расхваливая передъ женихомъ Катю.

— Она у меня хорошо шьетъ платья, ей даже приносятъ заказы, вотъ и на мнѣ блузка ея работы.

За чаемъ Катя разговорилась, но только не съ женихомъ, а его матерью. Начался разговоръ съ булочекъ, а потомъ перешель вообще на хозяйство и на приготовленіе кушаній.

Будущая свекровь вполне осталась довольна кулинарными познаніями Кати.

Вскорѣ послѣ чаю Макушкины собрались уходить, и Анна Николаевна попросила Катю ихъ хотя недалеко проводить.

— Сегодня лунная ночь,—сказаль женихъ:—и вамъ, барышня, не мѣшаетъ прогуляться.

— Ну, положимъ, луны-то нѣтъ—снѣгъ идетъ,—замѣтила ему мать.

Настасья Ивановна поспѣшила вмѣшаться:

— Луна взойдетъ, когда снѣгъ перестанетъ. А тебѣ, Катя, дѣйствительно не мѣшаетъ пройтись.

И при этомъ тетка значительно взглянула на племянницу.

Катя достала изъ шкапу круглую котиковую шапочку и начала одѣвать ее передъ зеркаломъ.

Тетка подошла къ ней и тихо сказала:

— Не сразу соглашайся, помучь!

Когда же гости и Катя ушли, Настасья Ивановна взглянула на образъ, перекрестилась и молитвенно произнесла:

— Помоги мнѣ, Господи, это дѣло довести до конца.

Потомъ она подошла къ шкапу, достала съ полки старую колodu картъ и начала гадать на бубновую даму.

Тетка еще сидѣла за картами, когда Катя, раздурявленная отъ мороза, вбѣжала въ комнату и объявила:

— Тетя, онъ мнѣ сдѣлаль предложеніе!

XVI.

На другой день послѣ сватовства Анна Николаевна принесла отъ жениха невѣстѣ на приданое триста рублей и просила Настасью Ивановну прежде всего для невѣсты позаботиться о теплой одеждѣ, такъ какъ сынъ ея беспокоится, чтобы Катенька въ дорогѣ не простудилась.

Такое вниманіе со стороны жениха тронуло не только тетку, но и племянницу.

Свадьба была назначена черезъ недѣлю,—наканунѣ отъѣзда во Владивостокъ. Женихъ и невѣста до свадьбы не видѣлись. Макушкинъ былъ занятъ: оканчиваль передъ поѣздкой свои дѣла; что же касается невѣсты и Настасьи Ивановны, онѣ все это время хлопотали о приданомъ.

Когда Катю одѣвали къ вѣнцу, она не плакала, даже была весела: перспектива безбѣдной жизни, отдыха и предстоящее путешествіе занимали ее. Подъ вѣнцомъ она стояла въ бѣломъ кашемировомъ платьѣ и съ фатой на головѣ; присутствующая публика находила невѣсту интересной.

Изъ церкви Макушкинъ повезъ свою жену домой. Свадьба была хотя не богатая, но шумная; было выпито много вина и водки.

Изъ гостей преимущественно были товарищи Макушкина, съ которыми онъ передъ поѣздкой хотѣлъ проститься, а также похвастать передъ ними своей хорошенькой женой.

Молодые по русскому обычаю стояли за столомъ, а пьяные гости говорили сальности и поминутно кричали «горько», требуя, чтобы молодые цѣловались.

Макушкинъ тоже былъ пьянъ. Катя въ квартирѣ мужа сдѣлалась грустна и, когда молодыхъ повели въ спальню, она ни за что не хотѣла оставаться съ мужемъ: бросилась къ Настасьѣ Ивановнѣ и умоляла взять ее съ собою.

Мужъ оттащилъ Катю отъ тетки и понесъ насильно на рукахъ въ спальню.

Утромъ въ девять часовъ молодые должны были отправиться по желѣзной дорогѣ во Владивостокъ, и Настасья Ивановна пріѣхала на вокзалъ за полчаса до отхода поѣзда. Молодыхъ тамъ еще не было; но знакомые Макушкина уже съѣзжались, наконецъ, подѣхали къ вокзалу въ каретѣ и молодые, съ ними была и Анна Николаевна.

Настасьѣ Ивановнѣ было пріятно, что мужъ привезъ Катю на вокзалъ въ каретѣ и что на ней теплая шуба и модная шляпка. А тутъ еще тетка увидѣла, что одинъ изъ товарищей Макушкина поднесъ ей племянницѣ букетъ живыхъ цвѣтовъ.

«Совсѣмъ важной дамой стала моя Катя!» радовалась Настасья Ивановна.

Въ это же время къ ней подбѣжала Анна Николаевна и начала сейчасъ же выговаривать:

— Удружила, сватьяшкa, невѣсту съ падучей намъ подсунула! Она ночью мужа напугала. Прибѣгаетъ ко мнѣ Сапа. «Идите—говорить,—скорѣй, маменька, съ моей женой дурно сдѣлалось. Прихожу, а она лежитъ на кровати, что покойница, даже губы были посинѣвши, насилу въ чувство привели. Если мой Сашенька ей не нравился, такъ зачѣмъ было и замужъ за него выходить!.. Вы сами намъ навязались!.. А сегодня, когда ваша племянница одѣвалась, я у нея всѣ ребра пересчитала, до того она худа.

— Да, суховата!—услыхавъ слова матери, сказалъ и Макушкинъ:—только ничего, я не обижаюсь. Жена у меня живо растолстѣетъ.

Лицо у молодого было красное, и онъ, видимо, уже успѣлъ опохмелиться.

— А вамъ, Настасья Ивановна,—продолжалъ онъ:—по старинному обычаю за жену земной поклонъ,—и онъ дотронулся рукой до асфальтового пола перрона.

— Ну, хоть это-то слава Богу,—сказала Настасья Ивановна:—что же касается Катинаго здоровья, то повѣрьте, если ея жизнь перемѣнится, будетъ хороша—она быстро поправится и пополнѣетъ, вы же, Александръ Семеновичъ, благодарите Бога, что женились на моей племянницѣ: она не изъ нынѣшнихъ; если ей у васъ и худо будетъ, все стерпите, не убѣжите отъ мужа.

Тутъ раздался третій звонокъ, и началось прощанье. Катя бросилась теткѣ на шею и зарыдала:

— Теточка! я съ нимъ не поѣду, онъ мнѣ противенъ, я его ненавижу!..

— Что ты, что ты, съ ума сошла!—уговаривала ее Настасья Ивановна:—привыкнешь, полюбишь!

— Тетя, голубушка! Позвольте мнѣ съ вами остаться, я ему всѣ его подарки назадъ возвращу. А сама буду попрежнему дежурить въ прачечной.

Тетка обняла племянницу за талию и повела къ вагону.

— Не дури, Катя!—строго начала она:—не дѣлай скандала, смотри, на тебя вся публика смотритъ, ты себя и меня срамши!

Макушкинъ уже стоялъ на площадкѣ вагона и оттуда протянулъ женѣ руку.

Провожаящимъ входить въ вагонъ не позволили.

Поѣздъ сейчасъ же и тронулся.

Настасья Ивановна замѣтила, что, когда поѣздъ уже пошелъ, Катя вдругъ сдѣлала такое движеніе, какъ будто хотѣла броситься съ площадки вагона; но мужъ въ-время обнялъ ее за талию и повелъ въ вагонъ.

У Настасьи Ивановны заняло сердце, и, чувствуя свою вину, она обратилась съ растерянной улыбкой къ одной изъ стоявшихъ рядомъ съ нею женщинъ.

— Все-таки я сироту къ мѣсту пристроила!

— Мужъ-то у нея противный и, кажется, выпиваетъ, а она хотя и худенькая, а хорошенькая,—сказала та.

— Съ лица не воду пить!—уже съ сердцемъ заговорила Настасья Ивановна:—мужъ у Кати хотя и некрасивый, а видѣли, въ каретѣ жену на вокзалъ привезъ, одѣлъ съ ногъ до головы. Съ такимъ мужемъ жена не будетъ сидѣть голодная!

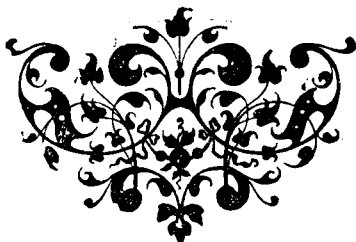
Между тѣмъ, когда Настасья Ивановна возвращалась домой и думала о Катѣ, совѣсть, какъ змѣйка, продолжала сосать ея сердце.

Прошло три мѣсяца со дня отъѣзда молодыхъ во Владивостокъ. Настасья Ивановна беспокоилась, что не получаетъ писемъ отъ Кати.

Наконецъ письмо было получено Анной Николаевной отъ сына, который писалъ матери, что онъ овдовѣлъ. Объ этомъ письмѣ Анна Николаевна прислала только сказать Настасьѣ Ивановнѣ, но его ей не показала. И вскорѣ между ея знакомыми прошелъ слухъ, что Катя окончила жизнь самоубійствомъ.

Настасья Ивановна поплакала по племянницѣ, но разспрашивать Анну Николаевну о подробностяхъ Катиной кончины боялась и утѣшала себя тѣмъ, что Катя все равно была не долговѣчна, и если бы продолжала служить въ прачечной, то и здѣсь бы скоро умерла.

М. Е. Васильева.





ЗА ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ ¹⁾.

(Листки изъ воспоминаній).

III.

Собраніе сельскихъ хозяевъ за 1887—1912 годы.



УЩЕСТВУЮЩЕЕ уже скоро пятьдесятъ лѣтъ собраніе сельскихъ хозяевъ, иначе говоря «картофельный клубъ», названный такъ давнымъ-давно какимъ-то досужимъ юмористомъ, клубъ, въ которомъ я имѣю честь состоять членомъ уже больше двадцати пяти лѣтъ, вовсе никогда не былъ, какъ полагаютъ многіе, мѣстомъ, гдѣ люди сходятся исключительно только для обѣдовъ или игры въ карты. Напротивъ того, сельскохозяйственный клубъ былъ и есть по уставу научное собраніе. И дѣйствительно, въ первыя двадцать пять лѣтъ своего существованія, въ особенности, когда секретарями были Н. М. Сольскій (одинъ изъ учредителей собранія) и А. В. Совѣтовъ, когда вновь учрежденный клубъ въ теченіе довольно долгаго времени помѣщался въ извѣстномъ домѣ петербургскаго дворянства, тогда, въ самую цвѣтущую пору его научной дѣятельности, сообщенія сельскохозяйственнаго характера занимали первенствующее мѣсто.

Стоитъ только перечислить имена хотя нѣкоторыхъ тогдашнихъ докладчиковъ, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXXIII, стр. 460.
«истор. вѣстн.», сентябрь 1913 г., т. СXXXIII.

Князь А. И. Васильчиковъ, князь Г. А. Щербатовъ, графъ Н. О. Литке, В. А. Полетика, Е. Н. Андреевъ, братья Черняевы, Н. М. Сольскій, А. Н. Энгельгардтъ, В. В. Верещагинъ, баронъ П. Л. Корфъ, К. А. Скальковскій, на одномъ изъ докладовъ занявшійся выясненіемъ вопроса, возросло ли пьянство въ Россіи въ послѣднее пятилѣтіе (1863—1868 гг., надо думать, еще не въ связи съ будущей монополіей), Е. В. де-Роберти, М. А. Безобразовъ, профессоръ Равичъ, А. С. Ермоловъ, А. В. Совѣтовъ, В. А. Кокоревъ и т. д.,—вотъ блестящія имена, которыми пестрили доклады членовъ сельскаго собранія.

Теперь не то... и надобно сознаться, что собраніе сельскихъ хозяевъ, въ особенности въ послѣдніе годы, кореннымъ образомъ измѣнилось, какъ въ своемъ составѣ, такъ и въ цѣляхъ, имъ преслѣдуемыхъ.

Хотя, по словамъ еще М. Погодина, зеленые ломберные столы замѣнили у насъ всѣ кафедрныя и трибуны, а карты не только въ клубахъ сдѣлались самымъ важнымъ препровожденіемъ времени, тѣмъ не менѣе еще недавно существовали люди, которые и въ собраніе сельскихъ хозяевъ приходили не ради карточной игры (хотя какой же клубъ мыслимъ безъ картъ?), но исключительно для выслушанія сельскохозяйственныхъ сообщеній. Правда, такихъ людей было очень и очень немного. Нѣсколько больше было лицъ, посѣщающихъ собраніе (людей, главнымъ образомъ, холостыхъ) ради обѣдовъ, чтенія газетъ, игры на бильярдѣ и пр. Теперь же, утративъ свое научное значеніе, собраніе сельскихъ хозяевъ, надо сознаться, благоденствуетъ только, можно сказать, на счетъ картъ и особенно на счетъ штрафовъ, налагаемыхъ съ двухъ часовъ ночи на засидѣвшихся или, вѣрнѣе, заигравшихся игроковъ.

Такой, удваивающійся въ геометрической прогрессіи штрафъ (въ первые полчаса всего въ размѣрѣ полтинника) можетъ достигнуть, однако, колоссальной цифры.

Пребываніе въ клубѣ съ двухъ часовъ ночи и до десяти часовъ другого дня могло бы съ одного лица доставить штрафныхъ около 18,000 рублей!

Игра въ сельскомъ собраніи временами идетъ большая; но серьезныхъ игроковъ немного; они тамъ наперечетъ. Помню я, однако, какъ лѣтъ пятнадцать-семнадцать тому назадъ къ намъ изъ Москвы пріѣхалъ нѣкій военный врачъ Г., черногорецъ по происхожденію, который въ первый же день проигралъ у насъ въ собраніи 14,000 рублей. Въ теченіе, кажется, мѣсяца этотъ безумецъ оставилъ въ клубѣ цѣлое состояніе, по слухамъ, около 200,000 рублей!

Всѣхъ насъ занималъ вопросъ, откуда могъ взять этотъ на видъ скромный военный врачъ такія большія деньги?! Оказалось, что сей черногорскій юнакъ передъ пріѣздомъ своимъ въ Петербургъ былъ въ Монте-Карло, гдѣ ухитрился выиграть въ рулетку не бо-

лѣс, не менѣе, какъ миллионъ франковъ! Впослѣдствіи я видѣлъ этого самаго доктора въ Парижѣ просящимъ у *café de la Paix* подаваніе!..

Дальнѣйшая судьба этого человѣка была нѣсколько странная. Во время нашей войны съ Японіею онъ изъ отставки былъ снова взятъ на службу, игралъ въ Манчжуріи въ военно-медицинскомъ мірѣ нѣкоторую роль (вѣроятно, и въ карты) и послѣ войны вышелъ въ отставку въ чинѣ тайнаго совѣтника...

Вотъ уже подлинно—чего на свѣтѣ не бываетъ!

Самая распространенная не коммерческая игра въ сельскомъ клубѣ, начиная съ 11—12 часовъ ночи—чаще еще позже—викторія. Игра эта, надо ей отдать справедливость, удивительно сложная и головоломная. За столъ садятся четверо играющихъ. Сдаютъ по три карты (безъ всякихъ прикупокъ). У кого очковъ окажется больше, тотъ и выигралъ!..

Въ сельскомъ клубѣ уже издавна славилась обѣды, главнымъ образомъ «вторничные», въ зависимости, впрочемъ, отъ умѣнія и распорядительности дежурнаго старшины.

Разъ старшина вникаль въ порученное ему дѣло, интересовался кухней, то и обѣдъ былъ почти всегда хорошъ. Но чуть только поваръ пойметъ, что старшина лишь подписываетъ меню обѣдовъ, сплошь и рядомъ не бывая въ собраніи даже въ дни своего дежурства, то обѣды, не исключая вторничныхъ, моментально портились.

Самый торжественный день собранія сельскихъ хозяевъ—это 2-е января. Во время параднаго обѣда въ семь блюдъ съ музыкою и полубутылкою дарового шампанскаго на человѣка, устраиваемаго въ этотъ день собраніемъ, вечеромъ еще варилась общая жженка. Въ 80-хъ—90-хъ годахъ специалистомъ этой, по правдѣ сказать, невкусной, страшно горячей и безобразно пьяной специи считался почему-то милѣйшій петербургскій комендантъ, теперь уже покойный генераль-лейтенантъ Адельсонъ, который, не бывая въ собраніи круглый годъ, аккуратно 2-го января являлся туда въ девять часовъ вечера и тотчасъ же приступалъ къ варкѣ знаменитой жженки.

Хотя годовой обѣдъ 2-го января по традиціи и по дешевизнѣ (пять рублей) привлекалъ обыкновенно большое число обѣдающихъ, (теперь, въ виду всеобщей дороговизны, этотъ обѣдъ стоитъ шесть рублей), но не меньшимъ успѣхомъ пользовались обѣды въ день выбора старшинъ и особенно вторничный обѣдъ на масляной недѣлѣ, когда великолѣпная свѣжая икра къ обѣду въ 2 руб.50 коп. подавалась, à discretion,—даромъ!

Въ 1913 году собраніе для этого дня приобрѣло икры два съ половиною пуда на сумму 800 рублей!

Въ дни большихъ обѣдовъ громадная столовая собранія, большая закусовая комната и подчасъ еще одинъ изъ залъ великолѣпнаго помѣщенія клуба (Невскій, домъ кн. Юсупова, бывшій Венардаки).

за которое собраніе уплачивается ежегодно 24,000 рублей, переполнялись обѣдающими.

За обѣдами рѣчи по уставу не разрѣшались. Въ высокаторже-ственные дни предсѣдателемъ собранія провозглашались предусмотрѣнные три поста: за здоровье Государя Императора, за благоденствіе Россіи и за процвѣтаніе собранія.

Во время долготѣняго пребыванія предсѣдателемъ собранія всѣми уважаемаго и любимаго Ивана Михайловича Гедеонова, послѣ его тостовъ вставалъ съ мѣстамного лѣтъ подъ рядъ одинъ изъ старѣйшихъ членовъ клуба, тогда еще генералъ-лейтенантъ, В. Н. Зубовъ и обыкновенно произносилъ тостъ за здоровье уважаемаго предсѣдателя. Въ отвѣтъ на это И. М. Гедеоновъ благодарилъ за честь, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ выговоръ генералу Зубову за произношеніе тоста, не предусмотрѣннаго уставомъ. И такъ изъ году въ годъ.

За длинный рядъ моего непрерывнаго пребыванія въ названномъ собраніи съ кѣмъ только мнѣ ни приходилось сталкиваться? Кто только изъ болѣе или менѣе лицъ извѣстныхъ не числился тамъ членомъ? Какъ въ калейдоскопѣ, вижу я настоящихъ и бывшихъ министровъ, членовъ стараго и новаго государственнаго совѣта, членовъ государственной думы, сенаторовъ, военныхъ всѣхъ званій, губернаторовъ, большихъ и малыхъ чиновниковъ, адвокатовъ, врачей и т. д., и т. д.

Помню я членомъ нашего собранія знаменитаго адвоката Лохвицкаго, человѣка весьма остроумнаго, никогда и никому не дававшего даровыхъ совѣтовъ и, какъ говорятъ, бравшагося за всякія дѣла, лишь бы они были хорошо оплачиваемы. Вотъ одно изъ крылатыхъ его словъ на почвѣ того же адвокатскаго говора.

Когда одинъ изъ членовъ клуба, человѣкъ скупой, не сумѣвшій никакъ справиться съ какимъ-то нужнымъ ему прошеніемъ, попросилъ Лохвицкаго, какъ сочлена, написать ему остовъ не давашагося ему прошенія, Лохвицкій исполнилъ его просьбу. Послѣдствіемъ этого была полная удача въ дѣлѣ, о которомъ хлопоталъ проситель. Тогда послѣдній, чтобы избѣжать платы за адвокатскій совѣтъ, зная строгія адвокатскія правила Лохвицкаго, старался не попадаться ему на глаза. Долго ему это удавалось, но въ концѣ концовъ они все-таки столкнулись. Одолжавшійся господинъ, запинаясь, сказалъ Лохвицкому: «За услугу, которую вы мнѣ оказали, я не знаю, право, какъ мнѣ васъ благодарить?»

— Съ тѣхъ поръ, какъ финнікіане изобрѣли денежные знаки,—отвѣтилъ ему Лохвицкій:—это вопросъ праздный!

Въ другомъ случаѣ одна дама, вдова генерала, совершившая какое-то уголовное преступленіе, обратилась къ адвокатской помощи Лохвицкаго.

— Я заплачу вамъ, сколько потребуется,—сказала проситель-

нища:—но только при условіи, чтобы судъ не лишилъ меня правъ, т. е. генеральства, которымъ я очень дорожу.

Лохвицкій условія эти принялъ. Наступилъ процессъ, генеральшу, какъ и слѣдовало ожидать, лишили всѣхъ правъ, и она въ ужасѣ выговариваетъ это своему защитнику.

Лохвицкій этимъ не смутился и все-таки гонораръ потребовалъ.

— Что я общалъ, то я и исполнилъ,—сказалъ онъ.—Кто же вамъ можетъ помѣшать подписываться вдова генераль-майора?! Этого званія у васъ никто отнять не можетъ!

Какъ теперь, вижу уже давно покойнаго тайнаго совѣтника Островидова, невоспитаннаго семинариста, смолоду служившаго въ комитетѣ кавказскаго намѣстника и въ концѣ своей карьеры дослужившагося до управляющаго дѣлами названнаго комитета. Неладно скроенный, но, какъ Собакевичъ, крѣпко сшитый, широкогрудый, съ крупными чертами лица, большимъ ртомъ и весьма крупною головою съ торчавшими въ беспорядкѣ густыми, сѣдыми, жесткими волосами, обыкновенно мрачнаго вида, Островидовъ не былъ особенно разговорчивъ. Только порой переводилъ онъ свои маленькіе глазки на говорившаго, поддакивая оратору, если такая рѣчь по существу останавливала его вниманіе. Бѣлъ онъ чрезвычайно много. Даже лакеи, которыхъ онъ почему-то звалъ не по именамъ, а по фамиліямъ, съ испугомъ смотрѣли на накладываемыя имъ себѣ порціи.

Островидовъ былъ по натурѣ большой комикъ. Какъ-то въ бильярдной, гдѣ во время существованія въ клубѣ чайнаго комитета (о немъ будетъ сказано ниже) собиралось довольно много народа, зашелъ разговоръ о курьезныхъ случаяхъ неотдачи денегъ, взятыхъ займы. Приводились примѣры. Вдругъ Островидовъ, предвѣрительно чуть не пальцемъ выковырлявъ застрявшую у него въ зубахъ бѣду, проговорилъ, ни къ кому особенно не обращаясь:

— А вотъ разъ пришла ко мнѣ утромъ горничная и говоритъ: пришелъ какой-то господинъ и хочетъ васъ видѣть. Зову. Входитъ нѣкій довольно молодой человекъ. Я, говоритъ, зналъ еще вашего покойнаго родителя, а теперь хотя и на казенной службѣ, но нуждаюсь. Дайте мнѣ поэтому займы двѣсти рублей, черезъ мѣсяць отдамъ. Мнѣ бы,—говоритъ Островидовъ,—слѣдовало этому мерзавцу ничего не дать или дать ему рублей пять. А я вдругъ ни съ того ни съ другого и отвалилъ ему всѣ двѣсти рублей!

— И что же, вы денегъ обратно не получили?—спросилъ Островидова одинъ изъ членовъ клуба, не усмотрѣвшій, какъ и всѣ мы, присутствовавшіе, ничего курьезнаго въ переданномъ Островидовымъ разказѣ.

— Какъ не отдалъ?—удивился Островидовъ.—То-то что отдалъ!

— Такъ для чего же вы намъ все это разказали?—съ недоумѣніемъ спросили его.

— А вѣдь могъ, подлець, не отдать,—глубокомысленно и при общемъ хохотѣ присутствовавшихъ заявилъ Островидовъ и затѣмъ, повернувшись къ одному изъ лакеевъ, сказалъ:—а ну-ка, Угодниковъ, дай-ка мнѣ еще стаканъ чаю.

Относительно невоспитанности Островидова К. А. Скальковскій, близко его знавшій, передавалъ о немъ слѣдующее. Во время предсѣдательствованія въ кавказскомъ комитетѣ графа Игнатьева въ одномъ изъ засѣданій комитета, когда къмъ-то читался весьма длинный докладъ, Островидовъ, скрутивъ изъ бумаги трубку, сталъ себѣ ею чистить носъ. Долго крѣпился вообще деликатный и аристократически-вѣжливый графъ Игнатьевъ, но наконецъ не выдержалъ этого довольно противнаго зрѣлища и громко крикнулъ:

— Островидовъ, перестаньте!

К. А. Скальковскій, этотъ остроумнѣйшій публицистъ, былъ также однимъ изъ старѣйшихъ членовъ собранія. Обѣдая тамъ почти каждый день, онъ тотчасъ послѣ обѣда заходилъ въ читальную и пробѣгалъ буквально всѣ газеты. Какъ-то нѣсколько дней подъ рядъ онъ не нашелъ на своемъ мѣстѣ «Петербургской Газеты», которая потомъ обыкновенно разыскивалась у одного изъ лакеевъ собранія.

Тогда К. А. написалъ въ книгѣ заявленій слѣдующее:

«Прошу распорядительный комитетъ собранія сельскихъ хозяевъ выпсать на будущій годъ два экземпляра «Петербургской Газеты». Одинъ для гг. членовъ, а другой для лакеевъ собранія».

Скальковскій, о которомъ я уже касался въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1911 годъ, какъ извѣстно, былъ человекъ, не всегда говорившій людямъ то, что могло имъ нравиться. Такъ, напримѣръ, встрѣтивъ какъ-то давно съ нимъ не встрѣчавшагося, извѣстнаго нашего писателя Димитрія Васильевича Григоровича, въ виду преклоннаго возраста трепетавшаго за свою жизнь, К. А. сказалъ ему:

— Скажите, пожалуйста, а я думалъ, что вы уже давно умерли?

Когда одинъ изъ членовъ клуба К., носившій парикъ и тщательно его скрывавшій, спросилъ какъ-то Скальковскаго, не знаетъ ли онъ, какая сегодня биржа, то К. А. отвѣтилъ ему:

— Отвратительная и настолько отвратительная, что отъ нея, навѣрно, посядѣтъ даже вашъ парикъ!

Скальковскій во время одного изъ своихъ дальнихъ путешествій побывалъ въ Японіи, гдѣ, по примѣру нашихъ мичмановъ и лейтенантовъ, женился на японкѣ, разумѣется, на опредѣленный срокъ. До возвращенія своего въ Россію онъ побывалъ еще въ Австріи и тамъ, вѣроятно, показалъ свою фотографію въ японскомъ костюмѣ, снятую вмѣстѣ съ бывшей его временной женою, милостивою японкою. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ получилъ изъ Лемберга заказное письмо (къ сожалѣнію, у меня сохранился одинъ конвертъ), гдѣ на адресѣ стояло буквально слѣдующее: «Отъ Ванды Щепань-

ской До Его Высочородія г-на Скальковскаго министерскаго чиновника и тогдашняго Амбасадора въ Іапаніи—престольный городъ С.-Петербурхъ».

Константинъ Аполлоновичъ всѣхъ насъ, членовъ клуба, раземѣшилъ особенно въ своемъ спорѣ съ Матвѣевымъ, довольно образованнымъ человѣкомъ, въ то время цензоромъ. Когда Матвѣевъ впоследствии напечаталъ въ одномъ московскомъ журналѣ или газетѣ, хорошо не помню, довольно красивое стихотвореніе, подписавъ подъ нимъ полностью свою фамилію (стихотвореніе это оказалось принадлежащимъ перу одного нашего извѣстнаго поэта), онъ долженъ былъ оставить цензурное вѣдомство и скрылся съ горизонта. Такъ вотъ этотъ самый Матвѣевъ, отличавшійся къ тому же безобразіемъ, но мнѣвшій въ то же время о своемъ неотразимомъ вліяніи на женскія сердца, въ отвѣтъ на слова Скальковскаго о положительной, къ сожалѣнію, невозможности поближе познакомиться съ извѣстной пѣвицей нашей тогдашней итальянской оперы, красивою г-жою Гейльбронъ (къ тому же жившей тогда *maritalement* съ знаменитымъ теноромъ Мазини), сказалъ, покачиваясь на своихъ жиденькихъ ножкахъ:

— Ну, это не особенно трудно. Я вѣдь пользовался милостіями этой госпожи!

Такъ какъ репутація Матвѣева въ то время еще не была подмочена и въ клубѣ къ нему относились съ извѣстнымъ уваженіемъ, то Скальковскій отвѣтилъ ему довольно мягко:

— Ваше положеніе и прочее не даетъ мнѣ права вамъ не вѣрять. Но сказанное вами такъ же вѣроятно, какъ то, если бы вы сказали, что находитесь въ практикуемомъ на Востокѣ противостественномъ сношеніи съ нашимъ министромъ финансовъ Вышнеградскимъ!

Очень многіе изъ членовъ собранія сельскихъ хозяевъ, вѣроятно, помнятъ типичную фигуру Людвигъ Ивановича Перля, гессенскаго выходца, очень плохо говорившаго по-русски, въ послѣдніе годы жизни дослужившагося у насъ до чина тайнаго совѣтника и умершаго, занимающаго почетный и отвѣтственный по желѣзнодорожному международному сообщенію постъ. Не будучи вовсе инженеромъ путей сообщенія, не получивши спеціальнаго образованія, Перль всю свою службу въ Россіи игралъ въ вѣдомствѣ путей сообщеній довольно значительную роль. Началъ онъ свою карьеру, занимая мѣсто какаго-то низшаго желѣзнодорожнаго служащаго; впоследствии же, завѣдуя спальными вагонами, онъ перознакомился съ массою російскихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и черезъ нихъ съ лицами власти имущими. Оказывая всѣмъ этимъ людямъ всяческое вниманіе и заслуживъ ихъ довѣріе, онъ затѣмъ при ихъ помощи быстро пошелъ впередъ. Л.³И: Перль былъ вообще очень любезный человекъ. Онъ былъ, видимо, всегда радъ оказать массѣ людей, его знав-

шихъ, ту или иную услугу. Исключительною его слабостью были русскіе и иностранныя ордена, а въ особенности полученный имъ чинъ дѣйствительнаго статскаго (а впоследствии и тайнаго совѣтника), дававшій ему право быть титулуемымъ «ваше превосходительство».

Хотя Перль, повидимому, происходилъ изъ «благословеннаго» племени, но онъ деликатно обходилъ этотъ вопросъ. Показывая намъ полученную имъ звѣзду одного изъ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ, онъ хвасталъ, что звѣзда эта досталась ему за особыя заслуги. Такой, какъ онъ говорилъ, «фамельный» орденъ могъ получить только старый нѣмецкій дворянинъ.

Въ числѣ почти ежедневно игравшихъ въ сельскомъ собраніи въ безикъ былъ извѣстный историкъ, дипломатъ и бывший агентъ министерства финансовъ, С. С. Татищевъ, человѣкъ образованный, умный и подчасъ даже очень остроумный. Какъ-то приходитъ онъ въ клубъ и видитъ играющими генерала К. В. Комарова, героя турецкой войны 1877 года (недавно скончавшагося коменданта цесарбургской крѣпости), главнаго виновника взятія Карса, и Л. И. Перля. Подходить къ нимъ Татищевъ и спрашиваетъ, какое между ними сходство? Перль на своемъ ломанно-русскомъ языкѣ поспѣшилъ отвѣтить, что «никакой равницы нѣтъ»—одинъ военный генералъ, а другой штатскій. «Нѣтъ,—возразилъ Татищевъ,—разница есть: Комаровъ генералъ Карскій, а вы генералъ слипингъ-карскій! (слипингъ-каръ по-англійски значитъ спальный вагонъ).

Былъ у насъ въ клубѣ членомъ нѣкій Х. Х. Блюменфельдъ, прозванный въ собраніи Биконсфильдомъ не столько за свой изворотливый умъ, сколько за одинаковое съ Дизраэли происхожденіе. Это былъ господинъ во всѣхъ отношеніяхъ несимпатичный. Онъ не только не пользовался любовью большинства членовъ, но даже лакей собранія, вообще дисциплинированные, и тѣ относились къ нему недружелюбно. Однажды въ гостиной клуба почти одновременно позвали одного изъ стоящихъ тутъ лаксеевъ—Биконсфильда и кто-то другой. На бѣду, лакей, къ которому они обратились, оказался совершенно неожиданно вдрызгъ пьянымъ. Тѣмъ не менѣе, отозвавшись на зовъ, лакей этотъ подошелъ не къ Биконсфильду, сидѣвшему тутъ же, а направился къ другому позванному его члену клуба. Проходя, однако, мимо Биконсфильда, онъ произнесъ довольно громко:

— Ну, а ты-то подождешь!

Конечно, лакей за пьянство и дерзость былъ уволенъ.

Биконсфильдъ незадолго до выхода въ отставку выигралъ 200,000 рублей. Тщательно скрывъ о своемъ выигрышѣ, онъ, хотя былъ человѣкомъ одинокимъ, все-таки продолжалъ обивать пороги, прося о прибавкѣ пенсіи. Добившись своего, онъ тогда только со-

общилъ всѣмъ въ клубѣ и своему начальству о счастьи, свалившемся ему на голову!

Въ 90-хъ годахъ почти весь сельскій клубъ игралъ только въ винтъ, теперь основательно вытѣсненный бриджемъ. Въ ту пору, особенно по вторникамъ, существовала одна партія винта, состоявшая неизмѣнно изъ слѣдующихъ лицъ: члена адмиралтействъ-совѣта адмирала М. О. Дюгамеля, генерала-отъ-инфантеріи М. Я. Ольшевскаго, архитектора С. А. Полѣнова и пишущаго эти строки. Сидѣлись мы играть по такой маленькой, что намъ подчасъ едва хватало на уплату за карты.

Адмиралъ Дюгамель былъ человѣкъ не очень разговорчивый. Огромнаго роста, тучный, во время моего знакомства съ нимъ находившійся уже въ очень преклонныхъ лѣтахъ, во время игры въ карты съ Полѣновымъ и со мною, такими же, какъ и онъ, членами собранія, но по сравненію съ нимъ людьми молодыми, обращался съ нами, повидимому, какъ въ былые годы съ мичманами на кораблѣ. И вотъ когда однажды я и Полѣновъ, оставшись безъ двухъ, завели обыкновенный въ такихъ случаяхъ академическій споръ, кто виноватъ въ поставленномъ штрафѣ, адмиралъ Дюгамель, успѣвшій уже сдать карты и объявить новую игру, нѣкоторое время молча смотрѣлъ на насъ, затѣмъ, хвативъ кулакомъ по столу, крикнулъ:

— Эй, вы, довольно!

Мы расхохотались, но приказаніе адмирала безпрекословно исполнили. Несмотря на свои годы, адмиралъ Дюгамель обладалъ невѣроятнымъ аппетитомъ. По вторникамъ, когда въ собраніи сельскихъ хозяевъ споконъ вѣка бывали болѣе обильные обѣды и закусками холодными и горячими уставлялся весь громадный закусочный столъ, адмиралъ, сидѣвшій по слабости ногъ въ креслѣ, обѣзжалъ тогда кругомъ столъ и пробовалъ рѣшительно всѣ стоящія на немъ закуски. Чувствуя уже послѣ одного такого обилія закусокъ нѣкоторую сонливость, адмиралъ Дюгамель однажды, уже держа ложку борща у рта, успѣлъ, къ изумленію своихъ сосѣдей, даже всхрапнуть на нѣсколько секундъ.

Генералъ-отъ-инфантеріи М. Я. Ольшевскій, всю свою жизнь проведенную на Кавказѣ, старикъ съ розовыми щеками, высокий, худощавый, но нѣсколько, видимо, отъ старости перекошенный на сторону въ эту пору членъ военнаго совѣта, подъ конецъ жизни женившійся на бѣдной дѣвушкѣ, какъ говорятъ, для того, чтобы пенсія не пропала, вплоть до генерала заполучившій свои чины въ бояхъ, — былъ человѣкъ удивительно симпатичный, милый и добрый, совсѣмъ не похожій на кавказскаго рубаку. Играя съ нами въ винтъ, онъ болѣе всего любилъ, когда съ помощью прикуски у него составлялись коронки. Случилось такъ, что однажды мнѣ удалось устроить ему громаднѣйшую коронку, чуть не до пятерки. Это такъ обрадовало старика, что онъ, помолчавъ нѣкоторое время, вдругъ обозвалъ

меня ни къ селу, ни къ городу какою-то не принятою говорить въ обществѣ болѣзнию, вообразивъ, повидимому, что мнѣ, какъ врачу, такое названіе доставитъ невѣроятное удовольствіе...

С. А. Полѣновъ, довольно талантливый архитекторъ, неглубокий человѣкъ, но удивительно безграмотный (въ виду его малограмотности я всегда удивлялся, какъ могъ онъ окончить академію художествъ), любилъ «выпить», къ сожалѣнію для него, не только при случаѣ. Полѣновъ былъ положительно всегда обуреваемъ жаждою. Бывая въ собраніи ежедневно и просиживая въ немъ до глубокой ночи, онъ пилъ и за обѣдомъ и послѣ обѣда, вплоть до отъѣзда домой. Въ минуты легкаго подпитія онъ начиналъ острить и по временамъ довольно удачно. Такъ, на примѣръ, когда однажды наши постоянные партнеры адмиралъ Дюгамель и генералъ Ольшевскій, сосчитавъ итоги, приписали себѣ, разумѣется, по ошибкѣ, нѣсколько тысячъ, Полѣновъ громогласно заявилъ:

— Знаете что, ваши высокопревосходительства: давайте лучше играть по большой, но не будемъ приписывать!

Полѣновъ умеръ въ относительно раннемъ возрастѣ отъ сердечной слабости послѣ перенесеннаго крупознаго воспаленія легкихъ. Въ это время алкоголь, который вливалъ въ себя постоянно Полѣновъ, сдѣлавъ уже раньше свое дѣло, пересталъ совершенно на него дѣйствовать.

Съ Полѣновымъ я еще до сельскохозяйственнаго клуба былъ хорошо знакомъ. Встрѣчались мы съ нимъ въ ту пору главнымъ образомъ въ ресторанѣ Бореля (впослѣдствіи Кюба, нынѣ «Аль-миръ»), гдѣ мы оба постоянно обѣдали.

Въ 80-хъ годахъ извѣстный ресторанъ Бореля, хотя и помѣщался на томъ же мѣстѣ, что и нынѣ, занималъ внизу всего 2¹/₃ комнаты (кромѣ, разумѣется, кабинетовъ); наверху же у него вовсе не было того роскошнаго помѣщенія, гдѣ теперь дамы декольте въ сопровожденіи кавалеровъ въ смокингахъ возсѣдаютъ во время обѣдовъ и ужиновъ, сопровождаемыхъ сладострастными звуками румынскаго оркестра.

Относительно скромное помѣщеніе того времени, занимаемое этимъ рестораномъ, отнюдь не помѣшало тамъ же проѣсть русскому дворянству цѣлый рядъ состояній, за которыми послѣдовали концессионные милліоны желѣзнодорожныхъ тузовъ и т. д. Говорю я это, впрочемъ, такъ, къ слову.

«Папа» Борель, какъ его всегда звали завсегдатаи, былъ довольно остроумный человѣкъ. Въ числѣ его постоянныхъ кліентовъ былъ одинъ эlegantный и красивый отставной армейскій гусаръ, жившій довольно широко, хотя, по слухамъ, и не имѣвшій никакого состоянія. Это наводило на мысль остальную почетную клиентуру Бореля заподозрѣть ех-гусара въ сношеніяхъ съ третьимъ отдѣленіемъ, что, разумѣется, всѣхъ постоянныхъ habitués очень смущало.

Что красивый ех-гусарь могъ быть альфонсомъ и черпать средства отъ какихъ-нибудь дебелыхъ купчихъ, это почему-то исключалось. Въ карты онъ почти не игралъ. И вотъ однажды сей господинъ, сидя у Бореля, довольно неосторожно отозвался объ одномъ громаднаго роста и необычайной силѣ англичанинѣ, Ватсонѣ, тоже habitué, въ это время отсутствовавшемъ, по его словамъ, якобы не совсѣмъ чисто играющемъ въ карты.

Въ тотъ же день замѣчаніе ех-гусара было уже извѣстно Ватсону. На другой день вечеромъ пришедшій къ Борелю Ватсонъ пригласилъ ех-гусара сойти съ нимъ внизъ въ бильярдную для какихъ-то переговоровъ... Сообразившій, какіе могутъ быть у нихъ разговоры, ех-гусарь, скрѣпя сердце, все-таки отправился въ назначенное мѣсто, откуда его для отправки домой должны были чуть не на простыняхъ вынести въ карету.

Когда Ватсонъ побѣдителемъ вошелъ снова въ ресторанъ и рассказалъ про избіеніе имъ ех-гусара, то присутствовавшіе хотя почти всѣ хоромъ выразили сожалѣніе относительно слишкомъ грубаго для цивилизованнаго человѣка поступка, но вмѣстѣ съ тѣмъ порадовались, что побитый, навѣрно, больше уже не вернется къ Борелю. На это маленькій, какъ-то особенно шагавшій, Борель на своемъ южномъ французскомъ діалектѣ (Борель былъ родомъ изъ Каркассона, городка около Тулузы) сказалъ:

— Si c'est son quartier—il reviendra! (Если это его участокъ— онъ вернется).

И дѣйствительно, мѣсяца черезъ два ех-гусарь снова сталъ какъ ни въ чемъ нѣ бывало бывать у Бореля.

Въ бильярдной ресторана, гдѣ произошло рассказанное мною избіеніе, для игры на бильярдѣ обыкновенно собиралось довольно много народа. Еще большее число людей возсѣдало въ качествѣ зрителей. Въ описываемую эпоху игра на бильярдѣ велась очень большая. Проигрывались и выигрывались очень большія суммы. Само собою разумѣется, въ виду послѣдняго обстоятельства молчаніе зрителей въ такихъ случаяхъ требовалось полное.

И вотъ однажды, когда бильярдный бой разгорѣлся во всю и партія шла чуть ли не на нѣсколько сотъ рублей, какой-то пріѣзжій помѣщикъ, несмотря на предостереженія другихъ зрителей, все время мѣшалъ игрокамъ (отчасти его знакомымъ) различнаго рода замѣчаніями, которыя, несомнѣнно, раздражали обоихъ играющихъ. Наконецъ, когда одинъ изъ игроковъ, вѣроятно, обдумывая свой дальнѣйшій ходъ, остановился передъ почти подставленнымъ шаромъ, безъ устали болтавшій помѣщикъ вскочилъ и сказалъ:

— Не понимаю, о чемъ вы думаете, валяйте же шара въ середину!

— Да я не о шарѣ думаю,—былъ отвѣтъ:—я думаю единственно о томъ, что не пора ли мнѣ васъ отправить къ чорту, если не дальше!..

Среди старыхъ членовъ сельскаго собранія было въ концѣ 80-хъ годовъ нѣсколько лицъ такого почтеннаго возраста, что нѣкоторые изъ нихъ начали впадать уже въ дѣтство. Вотъ имъ и еще нѣкоторымъ другимъ членамъ клуба почему-то не понравился послѣобѣденный чай, подававшійся въ собраніи. Тогда было рѣшено купить на счетъ недовольныхъ болѣе дорогого чая и отъ семи до восьми вечера отрядить въ бильярдную (гдѣ тогда происходило чаепитіе) отдѣльнаго лакея, наблюдавшаго за разливкой такого чая.

Этимъ новшествомъ остроумно воспользовался здравствующій и понынѣ инженеръ путей сообщенія тайный совѣтникъ С. Н. Ястржембскій, который чуть ли не два года занималъ имъ почти все собраніе сельскихъ хозяевъ. Назвавъ отдѣльныхъ лицъ, пьющихъ въ клубѣ свой чай, «элементами», а собраніе элементовъ «чайнымъ комитетомъ» и написавъ уставъ общества, нисколько не хуже тѣхъ уставовъ, за составленіе которыхъ знаменитому Н. Н. Сущову платилось въ свое время по 30,000 рублей, онъ на учрежденіе этого общества явочнымъ порядкомъ вскорѣ испросилъ согласіе С. Э. Зволянскаго, тоже члена клуба, исправлявшаго тогда должность директора департамента полиціи. Покончивъ, такимъ образомъ, съ формальностями, Станиславъ Николаевичъ Ястржембскій приступилъ самымъ серьезнымъ образомъ къ выбору президіума общества, разумѣется, главнымъ образомъ среди вышеназванныхъ старѣйшихъ и впавшихъ въ дѣтство членовъ этого собранія.

Должность предсѣдателя была имъ тотчасъ же вручена члену собранія К—у, недвижимо сидѣвшему въ бильярдной на диванѣ и оттуда подчасъ издававшему съ невиннымъ видомъ такіе звуки, которые во всякомъ случаѣ не приняты въ болѣе или менѣе уважающемъ себя обществѣ. Со стороны К—а противодѣйствія относительно пріема званія предсѣдателя чайнаго комитета не было. Онъ безпрекословно сталъ отвѣчать на запросъ приставленнаго къ чайному комитету лакея: «Прикажете, ваше превосходительство, наливать?» нижеслѣдующею фразою: «Если «элементы» пожелаютъ» (формула, навязанная ему С. Н. Ястржембскимъ), и потомъ видоизмѣненною этимъ же очень вѣжливымъ предсѣдателемъ польскаго происхожденія: какъ «господа» пожелаютъ.

Но не такую покорность встрѣтилъ Ястржембскій, когда должность вице-предсѣдателя чайнаго комитета была имъ предложена отставному генералу Е. И. Кузьмину.

— Прежде всего,—началь генераль Кузьминъ,—въ качествѣ чего вы мнѣ предлагаете эту должность?

— Въ качествѣ правителя дѣлъ чайнаго комитета,—поспѣшилъ отвѣтить Ястржембскій.

— Знаемъ мы всѣхъ этихъ правителей дѣлъ! Отъ нихъ въ Россіи все зло,—сказалъ съ раздраженіемъ генераль Кузьминъ.

Однако дальнѣйшія убѣжденія правителя дѣлъ подѣйствовали

и Е. И. Кузьминъ почетную должность вице-предсѣдателя чайнаго комитета принялъ, предварительно высказавъ сомнѣніе, сумѣеть ли онъ справиться съ возложенными на него задачами?! Ефимъ Ивановичъ Кузьминъ, почему-то особый цѣнитель лорда Гладстона, былъ большой любитель игры на бильярдѣ и ужасно злился, когда партнеръ его отыгрывался («играетъ жидомъ», какъ зыгряли онъ тогда).

Когда же С. А. Андреевскій, съ свойственнымъ этому талантливому адвокату юморомъ, доказалъ однажды генералу Кузьмину, что лордъ Гладстонъ, завзятый игрокъ на бильярдѣ, игралъ отнюдь не для выигрыша, но только для моціона, Кузьминъ сдался и мирно взиралъ даже тогда, когда шаръ, которымъ онъ собирался играть, умѣніемъ его противника точно приклеивался къ борту...

Служилъ Ефимъ Ивановичъ въ Кронштадтѣ военнымъ инженеромъ. Будучи вполнѣ честнымъ человѣкомъ, онъ на долговременной службѣ не составилъ себѣ никакого состоянія и, когда вышелъ въ отставку, почти всю остальную жизнь прожилъ въ крошечномъ номерѣ петербургскаго «Грандъ-отеля», конечно, только потому, что онъ не могъ себѣ позволить жить болѣе широкимъ образомъ въ виду малой пенсіи, имъ получаемой. Генераль Кузьминъ, не имѣя въ своемъ номерѣ большого зеркала для бритья, ежедневно ходилъ бриться къ парикмахеру, но брился почему-то самъ, платя парикмахеру только за временное пользованіе его помещеніемъ.

Генераль Кузьминъ ненавидѣлъ скабрзные разговоры и анекдоты, требуя по складу своего ума и отъ нихъ извѣстной логичности. Въ сельскомъ собраніи, гдѣ членами были одни мужчины, недопущеніе скромныхъ разговоровъ, особенно въ интимныхъ кружкахъ, разумѣется, было совершенно немыслимо.

И вотъ нѣсколько въ то время болѣе молодыхъ членовъ собранія, изъ которыхъ одинъ проживаетъ постоянно въ Москвѣ, знавшихъ о нелюбви Ефима Ивановича къ рискованнымъ разговорамъ, подсаживаясь къ нему, какъ бы нечаянно (обыкновенно въ бильярдной, гдѣ генераль Кузьминъ послѣ обѣда пребывалъ почти постоянно), нарочно заводили рассказы невозможнаго содержанія. Изобрѣтательности этихъ лицъ могъ бы позавидовать самъ знаменитый маркизъ де-Садъ!

Невольно выслушивая подобные разговоры, генераль Кузьминъ обыкновенно мрачно сосалъ свой мундштучокъ, но однажды не выдержалъ и, вскочивъ съ своего мѣста, разразился противъ осквернившихъ его ухо такую рѣчью: «Я, господа, допускаю, что то-то и то-то могло быть сдѣлано, но чтобы тотъ господинъ, о которомъ вы рассказываете, потомъ еще продѣлывалъ съ дамою вещи, ему и ей совершенно ненужныя, этому я повѣрить не могу». Не успѣлъ еще хохотъ, вызванный замѣчаніемъ генерала Кузьмина,

улучься, какъ къ нему подошелъ одинъ изъ членовъ клуба, достигшій на службѣ высшихъ степеней, умнѣйшій и остроумнѣйшій человѣкъ, назвать котораго я не нахожу возможнымъ, и сказала самымъ серьезнымъ тономъ: «А мы, любители наслажденій въ восточномъ вкусѣ, предусмотрѣнныхъ, къ сожалѣнью, въ уложеніи о наказаніяхъ, другого мнѣнія». Что тутъ сдѣлалось съ Ефимомъ Ивановичемъ!

Тотъ же, наклепавшій на себя сановникъ, случайно долго отсутствовавшій, заѣхалъ какъ-то вечеромъ въ собраніе.

— Гдѣ это вы пропадали?—спросили его со всѣхъ сторонъ.

— Путешествовалъ,—отвѣтилъ сановникъ и, замѣтивъ стоявшаго тутъ же генерала Кузьмина, онъ прибавилъ:—ѣздилъ въ Африку.

— Ну, что вы тамъ видѣли интереснаго?—вмѣшался въ разговоръ Ефимъ Ивановичъ, любившій рассказы про путешествія.

— Да, очень много. Всего интереснѣе было мое пребываніе въ Сахарѣ, гдѣ я неожиданно наткнулся на стадо дикихъ... кокотокъ!

Неожиданность такого заявленія окончательно смутила бѣднаго Ефима Ивановича, въ особенности потому, что слово «кокотки» въ дѣйствительности было замѣнено другимъ, болѣе грубымъ и русскимъ...

Уже когда генералъ Кузьминъ изъ вице-предсѣдателей единогласно былъ избранъ предсѣдателемъ чайнаго комитета, то онъ однажды спросилъ С. Н. Ястржембскаго:

— Нѣтъ, вы мнѣ скажите, серьезное ли дѣло чайный комитетъ, или это просто баловство?

— Ну, конечно, серьезное,—отвѣтилъ правитель дѣлъ.—Развѣ вы сами этого не видите. Да и посмѣлъ ли бы я васъ, ваше превосходительство, беспокоить дѣломъ не серьезнымъ?

— То-то,—пробурчалъ, успокоенный и польщенный, предсѣдатель чайнаго комитета.

Кромѣ вышеозначенныхъ лицъ, въ первый президіумъ были избраны С. А. Андреевскій, извѣстный юристъ и поэтъ,—юрисконсультъ и пишущій эти строки врачомъ чайнаго комитета. Такъ какъ я во время своего избранія по своему тогдашнему чину коллежскаго совѣтника почему-то не подходилъ къ истинно бюрократическимъ желаніямъ правителя дѣлъ, то мнѣ было вмѣнено во время исполненія своихъ обязанностей быть въ должности пятаго класса!

Когда я разъ, играя на бильярдѣ отъ семи до восьми (время чайнаго комитета), не сейчасъ исполнилъ предписаніе господина предсѣдателя, переданное мнѣ неугомоннымъ правителемъ дѣлъ, то собравшійся президіумъ рѣшилъ меня уволить отъ должности «по третьему пункту». Островидовъ, тогда еще только простой «элементъ» чайнаго комитета, но предназначенный всевидящимъ окомъ С. Н. Ястржембскаго въ случаѣ смерти предсѣдателя Ю—а

для его замѣны, когда узналъ о состоящемъ моемъ увольненіи, да еще по третьему пункту, долго не могъ успокоиться. Онъ въ волненіи ходилъ по бильярдной и бормоталъ про себя: «Ну, однако, съ Бертенсономъ того, строго поступили!» Когда вслѣдствіе вмѣшательства юрисконсульта С. А. Андреевскаго я снова вернулся съ прежнимъ званіемъ на службу въ чайный комитетъ, то Островидовъ подошелъ ко мнѣ и, кивнувъ въ сторону президіума, сочувственно произнесъ: «Небойсь, одумалнсь?»

Комедія съ чайнымъ комитетомъ къ вѣщему удовольствію не только ея вдохновителя, С. Н. Ястржембскаго, но и многихъ членовъ сельскаго собранія, продолжалась еще довольно долго. Предсѣдателями его послѣдовательно были потомъ еще нѣсколько лицъ, между прочимъ отставной генераль по адмиралтейству Л., вмѣсто установленной формулы изрекавшій почему-то какія-то ему одному извѣстныя японскія слова: «курасива, ватакуси!»

Въ началѣ моего поступленія въ сельскій клубъ тамъ ежедневно бывалъ Д. П. Зуевъ, инженеръ путей сообщенія.

На рѣдкость симпатичный, образованный и интересный, говорившій на многихъ иностранныхъ языкахъ, человекъ этотъ, знакомый съ массою литераторовъ и самъ писавшій недюжинные стихи, совершенно неожиданнымъ образомъ прославился изъ-за представленія имъ сохранившейся у него не напечатанной части пушкинской «Русалки». Загорѣлся литературный споръ. Находились люди, признававшіе, что отыскавшаяся у Зуева «Русалка»—дѣйствительно написана А. С. Пушкинымъ. Другія же, напротивъ, доказывали, что найденная часть «Русалки» грубая поддѣлка. Чѣмъ споръ этотъ окончился, я хорошенько не помню. Вѣроятно же всего, что авторомъ объявившейся части «Русалки» оказался самъ разыскавшій это произведеніе Д. П. Зуевъ...

Къ сожалѣнію, симпатичный образъ этого, несомнѣнно, даровитаго человека, въ моихъ по крайней мѣрѣ глазахъ, потускнѣлъ, когда лучшими его друзьями, по его же словамъ, оказались молодые и красивые лейбъ-казаки (нижніе чины), альбомъ которыхъ съ фотографіями, снятыми въ лучшей фотографіи на счетъ Д. И. Зуева, демонстративно показывался приходившимъ его навѣщать знакомымъ...

Засталъ я членомъ собранія и сенатора Харитоновъ, служившаго долгое время на Кавказѣ. Это былъ маленькаго роста, симпатичный, хотя некрасивый, почти что квадратный человекъ съ большими роговыми очками на круглыхъ глазахъ, всегда опиравшійся на палку. Говорятъ, Харитоновъ смолоду очень хорошо пѣлъ. Авторъ «Тарантаса», извѣстный писатель гр. В. А. Соллогубъ, сказалъ про него: «Ну, какихъ можно было ожидать отъ этой харитоновъ?»

Харитоновъ въ послѣдніе годы своей жизни въ карты уже не

игралъ, но зато все время ходилъ по залѣ, гдѣ происходила игра, останавливаясь то у одного, то у другого столика съ игроками.

И вотъ однажды, обойдя кругомъ тотъ столикъ, гдѣ шла игра въ винтъ, и заглянувъ такимъ образомъ въ карты всѣхъ игравшихъ, при окончательномъ назначеніи игры, какъ ему показалось, слишкомъ малой, вдругъ пришелъ въ ярость и, громко стукнувъ своею клюкою по полу, закричалъ:

— Ну, какой чортъ можетъ назначить четыре пики, когда у васъ битый шлемъ въ безкозыряхъ!

Въ числѣ не особенно многихъ пожизненныхъ членовъ сельскаго собранія (такое право пріобрѣталось въ общемъ въ немъ пребываніемъ не менѣ тридцати лѣтъ) состоитъ и академикъ А. О. Кони.

Анатолій Оедоровичъ, съ которымъ я имѣлъ возможность встрѣчаться и раньше (не только въ сельскомъ клубѣ), къ сожалѣнію, уже въ немъ давно не былъ. А жаль. Бесѣды съ этимъ выдающимся человѣкомъ, даже короткія, представляли всегда высокій интересъ. Не могу, кстати, не вспомнить одного письма ко мнѣ Анатолія Оедоровича въ отвѣтъ на присылку ему оттиска одного небольшого отрывка изъ моихъ воспоминаній. Въ своемъ препроводительномъ письмѣ къ А. О. Кони я между прочимъ писалъ: «взгляды, высказанные мною въ посылаемой статьѣ, каковы бы они ни были, должны имѣть нѣкоторую цѣнность, главнымъ образомъ потому, что взгляды эти во мнѣ сидѣли твердо всю мою жизнь, не мѣняясь подъ вліяніемъ моды или чего-нибудь еще худшаго». Анатолій Оедоровичъ отвѣтилъ мнѣ прекраснымъ письмомъ, которое я привожу здѣсь почти цѣликомъ:

«Сердечно благодаренъ вамъ за присылку вашего живого и интереснаго разсказа, написаннаго съ рѣдкой въ настоящее время простотою и искренностью, безъ всякихъ рисовокъ.

«Совершенно согласенъ съ вами относительно тѣхъ душевно ничтожныхъ людей, которые мѣняютъ свои убѣжденія (?), какъ хамелеонъ (болѣе, впрочемъ, какъ «Хамъ», чѣмъ какъ «Леонъ»— простите невинный каламбуръ!).

«Въ старинныхъ русскихъ хронографахъ и лѣтописяхъ про нихъ говорилось, что они «духомъ перегибательны».

Въ сельскомъ собраніи среди массы членовъ (колебалось это количество между тремястами и четырьмястами) были люди, къ которымъ члены клуба относились индифферентно, но были и такіе, которыхъ клубъ любилъ и уважалъ.

Среди послѣднихъ выдѣлялся, увы, теперь уже давно умершій, инженеръ Николай Павловичъ Межениновъ. Человѣкъ онъ былъ удивительно симпатичный. Громаднѣйшая фигура, немного сѣвшая на ноги, по складу напоминавшая Тургенева, съ чисто русскимъ добродушнымъ лицомъ, обращала на себя вниманіе именно своимъ добродушіемъ.

Въ эпоху хищеній Николай Павловичъ, шутка сказать, — главный строитель Средне-Сибирской желѣзной дороги, человекъ холостой, жившій очень скромно, не имѣвшій ни особенныхъ страстей, ни особенныхъ увлеченій (лично я его зналъ очень хорошо, потому что мы десять лѣтъ жили на одной лѣстницѣ и постоянно бывали другъ у друга), былъ настоящій беззребренникъ и, конечно, далекій отъ всякаго рода взяточничества, умеръ, не оставивъ почти никакого состоянія.

— Если и найдутъ у меня тысячь пятьдесятъ, — деньги, которыя я оставляю своей пріемной дочери, — то и славу Богу, — сказала мнѣ умиравшій отъ рака печени бѣдняга Николай Павловичъ.

Миръ его праху!

Съ Николаемъ Павловичемъ жилъ его братъ Александръ Павловичъ, гораздо старше своего умершаго брата.

Бывшій герой сербско-турецкой войны 1876 года, сражавшійся въ Сербіи вмѣстѣ со мною, онъ, къ сожалѣнію, по нѣкоторымъ причинамъ не могъ приложить свои силы къ служенію собственной родинѣ.

А. П. Межениновъ, командиръ отряда русскихъ добровольцевъ въ Сербіи, оказался не только даровитымъ военачальникомъ, но былъ вообще человекъ талантливый. Такъ, А. И. Фаресовъ («Историческій Вѣстникъ» 1910 г.) въ статьѣ «Неизвѣстный поэтъ» очень тепло описалъ скончавшагося въ 1910 г. Александра Павловича, какъ даровитаго стихотворца. Мои дружескія отношенія къ жившимъ вмѣстѣ братьямъ Межениновымъ давали Александру Павловичу поводъ обращаться ко мнѣ по временамъ не съ прозою, а съ легко дававшимися ему стихами. У меня и сейчасъ сохранилось кое-что изъ написаннаго имъ, не вошедшее въ изданное А. Фаресовымъ собраніе его стихотвореній. Привожу одно изъ его произведеній, родъ басни, написанное А. П. Межениновымъ въ день моей свадьбы и озаглавленное: «Дорогому товарищу по крещенію огнемъ!»

Тоску отъ дразгъ людскихъ на сердцѣ затая,
 На дняхъ по Невскому шель дождь и я.
 А чтобъ отъ спутника задать скорѣе тягу,
 Вбѣжалъ я въ магазинъ,
 Гдѣ продають бумагу.
 «Вамъ что угодно, господинъ?»
 Спросилъ купецъ. Но что купить, не зная,
 Стоялъ я, какъ чурбанъ, свой зонтикъ отряхал,
 Пыхтѣлъ, кряхтѣлъ, мычалъ
 И вдругъ вскричалъ:
 «Бумаги!» — «Вамъ нужна какаля?
 Вотъ, напимѣрь, по виду хоть простая.
 Зато, при стоимости въ грошъ,
 Чудеснымъ свойствомъ обладаетъ:

Она не знаетъ,

Что значить выдумка и ложь!»

«Истор. вѣстн.», сентябрь 1913 г., т. сxxxiii.

Съ бумагой чудною, принявъ опять водолечение,
 Я въ Поварской вернулся поскорѣе...
 И вотъ теперь отъ сердца поздравленье
 Вамъ шлю на ней!
 «Блаженны любящіе много!»
 И я спѣшу безъ зависти, другъ мой,
 Молить судьбу, чтобъ къ счастью дорога
 Была вамъ легкой и прямой!
 Склоняюсь до земли передъ супругой вашей;
 И, съ общимъ поздравленіемъ, желаю безъ затѣй,
 Чтобы вашъ домъ былъ полной чашей
 Для васъ и для друзей!

Не могу также не вспомнить одного изъ членовъ собранія, недавно скончавшагося, вообще хорошаго человѣка, но комика, котораго во время моихъ долготѣтныхъ посѣщеній этого клуба мнѣ ни разу не удавалось увидѣть въ совершенно... нормальномъ видѣ!..

Когда этому господину незадолго до смерти (назовемъ его М.) врачами было окончательно запрещено пить, онъ все-таки ухищрялся ежедневно принимать, какъ онъ говорилъ, съ лечебною цѣлью «коньякъ внутрь»...

Однажды онъ совершенно неожиданно сообщилъ одному члену собранія, съ которымъ онъ уже лѣтъ двѣнадцать-пятнадцать по временамъ игралъ на бильярдѣ, слѣдующее:

— А знаете что? Вѣдь мы съ вами лѣтъ двадцать назадъ были въ одной гимназій, только я былъ въ старшемъ классѣ!

— Почему же вы мнѣ объ этомъ раньше не сказали?—удивился его партнеръ.

— Не пришлось,—мрачно отвѣтилъ любитель лечебнаго коньяка.

Опыты съ коньякомъ не прошли ему даромъ; онъ, какъ и архитекторъ Полѣновъ, умеръ вскорѣ тоже отъ крупознаго воспаленія легкихъ, тоже изъ-за сердечной слабости.

Почти ежедневнымъ посѣтителемъ главнымъ образомъ обѣдовъ собранія былъ въ девяностыхъ годахъ одинъ изъ тогдашнихъ вице-директоровъ департамента полиціи Г. К. Семякинъ.

Некрасивый, но умный и способный, Семякинъ отличался временами поразительнымъ остроуміемъ. Остроуміе его, хотя подчасъ и блестящее, но, къ сожалѣнію, далеко не салонное, лишаетъ меня и сейчасъ возможности, какъ бы я ни старался вуалировать сказанное, привести лучшіе образцы изъ нихъ...

Вотъ два примѣра, изъ которыхъ второй значительно смягченный.

Одинъ изъ товарищей Семякина по училищу правовѣднія и по кутежамъ женился и въ день свадьбы долженъ былъ со своею молодою женою отправиться для проведенія медоваго мѣсяца въ Венецію.

Когда масса друзей и знакомыхъ, большей частью товарищей-правовѣдовъ, запрудили площадку предъ отходящимъ поѣздомъ,

молодой мужъ, стоя у открытаго окна вагона вмѣстѣ со своею молоденькою женою, спросилъ Семякина: «что бы ему отъ Петербурга передать Венеціи?»

Семякинъ, вообще быстро соображавшій, моментально отвѣтилъ: «Не забудь поклониться венеціанскимъ львамъ отъ львовъ Петербурга».

Надобно замѣтить, что въ Петербургѣ, у Львиного мостика, что на Екатерининскомъ каналѣ, существовалъ тогда знаменитый пансіонъ безъ древнихъ языковъ, тоже носившій названіе «Львовъ».

Сидимъ мы разъ послѣ обѣда въ бильярдной собранія. Въ это время прошелъ мимо насъ тоже членъ собранія, небольшого роста, толстый, чрезвычайно не аппетитнаго вида, съ широкимъ обрюзглымъ лицомъ и съ коротенькими тумбообразными ногами, которыми при ходьбѣ стучалъ такъ, какъ будто забивалъ ими сваи. Господина этого въ клубѣ звали довольно некрасивымъ словомъ, которое, однако, совершенно точно соотвѣтствовало мѣсту, откуда, по увѣренію одной старыхъ временъ институтки, растутъ ноги.

— Удивительно,—замѣтилъ одинъ изъ присутствовавшихъ въ бильярдной;—вѣдь отецъ этого синьора былъ, несмотря на рожденіе у него сына, какъ говорятъ, отчаяннымъ любителемъ удовольствій въ армянскомъ вкусѣ.

— Вотъ теперъ мнѣ совершенно ясно,—съ невиннымъ видомъ проговорилъ Семякинъ:—почему онъ такъ изумительно похожъ на свою мать!

Бѣдный Семякинъ кончилъ очень худо. Уже давно страдавшій легочнымъ туберкулезомъ вслѣдствіе кутежей и неумѣреннаго употребленія вина, усилившихъ его болѣзнь до крайности, онъ въ концѣ концовъ долженъ былъ согласиться не только со мною (я былъ его постояннымъ врачомъ), но и съ мнѣніями созданныхъ на консилиумъ другихъ врачей, что оставаться въ Петербургѣ при прогрессированіи болѣзни и одновременныхъ тяжелыхъ департаментскихъ занятіяхъ для него немислимо.

Благодаря просьбѣ его товарища и начальника С. Э. Зволянскаго, въ то время директора департамента полиціи, подкрѣпленной моимъ докторскимъ свидѣтельствомъ, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Спягинъ, зная, что Семякинъ, уволенный въ отставку, въ виду долговъ на одну пенсію не могъ бы существовать, сдѣлалъ его членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ съ содержаніемъ въ шесть тысячъ въ годъ и съ правомъ жить постоянно за границей.

Семякинъ скоро уѣхалъ въ Давосъ. Но тамъ подъ вліяніемъ одиночества, разлуки съ любимою женщиною (съ хорошенькою своею женою Семякинъ давно уже былъ въ разводѣ) и внезапной смерти нѣжно любимаго имъ брата, могилевскаго губернатора, выстрѣлилъ въ себя изъ револьвера. Подоспѣвшими людьми Семякинъ былъ перевязанъ и уложенъ въ постель, но по странному сте-

ченію обстоятельство револьверъ не былъ у него отобравъ. Черезъ нѣсколько часовъ Семякинъ снова выстрѣлить въ себя, но на сей разъ болѣе удачно...

Былъ въ сельскомъ клубѣ членомъ нѣкій докторъ Воловскій, въ теченіе лѣтъ тридцати—тридцати пяти почти ежедневно бывавшій въ собраніи и очень недавно умершій въ глубокой старости. Онъ не только смолоду, но и подъ старость въ особенности, былъ любителемъ женщинъ. Имѣя во время оно какое-то соприкосновеніе къ здѣшнимъ французскимъ артисткамъ, онъ обязательно предлагалъ всѣмъ имъ (молодымъ и старымъ), отъ какой бы болѣзни онѣ ни приходили къ нему лечиться, даже отъ насморка, подвергнуться спеціально женскому осмотру.

— Это все въ связи,—объясняли онъ въ такихъ случаяхъ своимъ недоумѣвающимъ подчасъ паціентамъ!..—и онѣ, убѣдившись его доводами, соглашались на его требованіе.

Чего только не сдѣлаетъ женщина для своего здоровья?!

Съ мужчинами мой коллега поступалъ при случаѣ иначе. Приходитъ какъ-то въ клубъ камергеръ Е—въ. Садится случайно около доктора Воловскаго и начинаетъ рассказъ о своей болѣзни, въ которой, кстати, докторъ Воловскій не былъ вовсе специалистомъ. Тогда Воловскій заявилъ Е., что хуже нѣтъ, какъ лечиться у специалиста. Приходится тогда, по его словамъ, слишкомъ часто бывать у нихъ (а камергеръ, кстати, хотя былъ и богатый человѣкъ, но скуповатый).

— А вотъ приходите, по дружбѣ, ко мнѣ; я васъ угощу хорошимъ чаемъ и, кстати, осмотрую васъ.

Е. поспѣшилъ на другой день къ Воловскому. Правда, стаканъ хорошаго чая онъ у него получилъ, даже поверхностно былъ имъ осмотрѣнъ. Когда же при прощаніи Е. изъ вѣжливости спросилъ Воловскаго, что онъ ему долженъ, то онъ былъ твердо увѣренъ, что о платѣ не можетъ быть и рѣчи, разъ онъ былъ приглашенъ въ гости и осмотрѣнъ докторомъ по дружбѣ.

— Обыкновенная цѣна моя двадцать пять рублей,—сухо сказала Воловскій.

Можно себѣ вообразить фізіономію Е.? Съ этимъ же легковѣрнымъ камергеромъ случился нѣсколько лѣтъ спустя другой казусъ.

Наступилъ 1905 годъ. Начались митинги. Въ клубахъ экономистовъ заговорили эсдеки и эсеры и проч. господа. На одно изъ такихъ собесѣдованій явились послушать нѣсколько членовъ сельскаго собранія и взяли съ собою Е. Въ клубѣ экономистовъ уже первый ораторъ въ началѣ засѣданія убѣжденно заявилъ, что положеніе нашихъ банковъ отчаянное въ виду возможности экспроприаций и т. д., и такъ напугалъ Е., что онъ бросился бѣжать домой, не спалъ отъ всего слышаннаго всю ночь и успокоился только тогда, когда рано утромъ перевелъ изъ банка въ Берлинь большую

часть своего капитала. При встрѣчѣ вечеромъ съ тѣми же лицами, съ которыми онъ наканунѣ былъ въ клубѣ экономистовъ, онъ заговорилъ о томъ, какіе ужасы о нашихъ финансахъ пришлось имъ всѣмъ вчера слышать. «Жаль, что вы не досидѣли до конца, — отвѣтили ему. — Вѣдь доводы перваго оратора, такъ васъ напугавшаго, были затѣмъ послѣдующими ораторами разбиты въ пухъ и прахъ!»

Въ сельскохозяйственный клубъ часто захаживалъ (теперь уже давно умершій) одинъ горный инженеръ, который при всей своей порядочности любилъ въ разговорахъ удалиться, безобидно, впрочемъ, отъ истины.

Такъ, передавая про какой-то обѣдъ, данный въ залѣ Дворянскаго собранія петербургскому дворянству петербургскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства гр. Бобринскимъ, на которомъ, по словамъ рассказчика, присутствовало шестьсотъ человекъ, горный этотъ инженеръ заявилъ, что графъ Бобринскій даже не сѣлся за столъ, обходя все время своихъ гостей. Подойдя въ половинѣ обѣда къ рассказчику, графъ спросилъ его: доволенъ ли онъ обѣдомъ?

— Не совсѣмъ, — отвѣтилъ тотъ. — Какъ же это при всей роскоши вы, графъ, забыли подать... старую вудку?!

— Это можно исправить, — отвѣтилъ будто бы графъ Бобринскій. И лакеи немедленно же по его приказанію разлили по рюмкѣ старой вудки всѣмъ шестистамъ гостямъ.

— И по полной рюмкѣ? — спросилъ присутствовавшій при разсказѣ горнаго инженера тайный совѣтникъ Островидовъ.

Въ другой разъ, по словамъ того же рассказчика, онъ прямо изъ Парижа, гдѣ были имъ за двѣ тысячи рублей пріобрѣтены великолѣпные карманные часы съ боемъ и другими чудесами, отправился на охоту въ сибирскую тайгу. Поохотившись нѣсколько дней довольно удачно, онъ вдругъ убѣдился въ потерѣ часовъ, которые, повидимому, выскользнули у него изъ кармана. Погоревавъ нѣкоторое время объ утратѣ этихъ цѣнныхъ и удивительныхъ часовъ, онъ въ концѣ концовъ успокоился. Черезъ годъ пришлось вышеозначенному горному инженеру снова поохотиться въ той же тайгѣ. «Вдругъ, — говоритъ онъ, — собака моя сдѣлала стойку. Подхожу ближе и вижу, какъ вы думаете, на землѣ свои пропавшіе часы, и идутъ, проклятые!»

На этомъ я заканчиваю свои краткія воспоминанія о сельскохозяйственномъ клубѣ.

В. Б. Бертенсонъ.





НА ВОДѢ И НА СУШѢ.

(Бытовые картинки изъ жизни водоходовъ).

I.

«Душочекъ».



АЙ ГЛЯДѢЛЪ сентябрь, утро задалось холодное, непривѣтливое...

Вотъ ужъ и третій часъ въ исходѣ, а солнышка все нѣтъ и нѣтъ!..

Несмотря на столь еще раннее время, на Гостиной пристани, передъ Вол—ми порогами, царить шумное оживленіе; здѣсь, видимо, давно всѣ поднялись на ноги и ждутъ чего-то съ явнымъ нетерпѣніемъ...

Кульминаціонной точкой, вокругъ которой плотнымъ кольцомъ сомкнулись разныхъ цвѣтовъ рубахи подъ сибирками и пиджаками, служитъ высокая, слегка сутуловатая фигура сотскаго вол—ихъ лоцмановъ Ивана Сидоровича Мальгуна, стоящаго неподвижно на самомъ краю гористаго берега красавицы рѣки Вол—ва.

Сотскій упорно глядитъ на востокъ, какъ бы желая разгадать важную для него дилемму.

— Кажись, погодушка установилась!—кто-то произноситъ сзади для начала разговора.

— Иванъ Сидоровичъ, какъ насчетъ отвала?.. Обожило ужъ очень гостить здѣсь: тринадцатый день маюсь съ шестью барками,—зайскивающимъ тономъ проговорила свитка.

— Повременить надо!.. Подождете и четырнадцатаго,—отрѣзаль сотскій.

— Побойся Бога, Сидоровичь!.. Съ рабочими сладу нѣтъ: пьянствуютъ, дерутся, грозятся барки бросить, если не потрафимъ въ пороги, а ты говоришь—повременить!—загалдѣли разомъ, со всѣхъ сторонъ, напрая на сотскаго.

— Вели флачокъ-то здынуть!..

— Это можно,—нехотя соглашается сотскій.—Пѣвуновъ, подыми на полмачты флагъ,—въ рупоръ кричить Мальгунъ.

На этотъ окрикъ отъ мачты отдѣляется тщедушный, съ желтымъ, какъ воскъ, лицомъ, мачтовой и съ большимъ усилиемъ поднимаетъ по блоку до полмачты флагъ съ безчисленнымъ числомъ заплатъ.

Наступаетъ затишье.

Завидѣвъ призывной къ отвалу судовъ флагъ, лоцманы съ противоположной стороны рѣки, гдѣ расположена деревня Свинкина, спѣшатъ къ пристани партиями въ пять-шесть человѣкъ переѣзжая на весельныхъ лодочкахъ.

Переѣздъ наконецъ оконченъ, лоцманы въ сборѣ.

— Иванъ Сидоровичъ, за чѣмъ же дѣло стало? Помолясь Богу, команду въ рожокъ!—наставляетъ сотскаго рыжій дѣтина, одѣтый въ бумажный полосатый пиджакъ.

Сотскій какъ бы не слышитъ, стоитъ, что истуканъ.

— Эхъ, не натураистый ты человѣкъ!.. Кабы былъ тутъ Александръ Яковлевъ...—не безъ раздраженія замѣчаетъ купецъ въ поярковой мягкой шляпѣ.

— А что ты мнѣ, Калинычъ, тычешь въ носъ Яковлевымъ!.. Не хуже его дѣло правлю, и онъ въ свое дежурство ни одной барки не отвалилъ: съ Богомъ не поспоришь! Не дасть тишинки—Его на то воля!.. Смирись, не роппи, а ожидай съ терпѣниемъ!..

— Ладно, зубы намъ не заговаривай!.. Смириться я уже и такъ смирился, какъ вчера двѣ катеньки простукалъ! А тутъ еще доношеніе отъ приказчика, что рабочіе съ заднихъ барокъ два якоря стилиснули да конецъ снасти—все въ кабакъ пошло!.. Ну, что же, сотскій, ты, что козель предъ капустой, на мѣстѣ топчешься: ни въ куль, ни изъ куля,—съ сердцемъ проговорилъ Калинычъ.

— Калинычъ дѣло говоритъ! Знамо, не тараканы мы, чтобъ насъ тутъ морить,—загудѣла толпа судохозяевъ.

— Ну, что галдите!.. Гляньте-ка на западъ!..

Всѣ взгляды обращаются въ сторону, по направленію руки сотскаго.

— Ну, что жъ?..—кто-то произноситъ изъ толпы.

— А то жъ!.. на глазахъ, видно, у васъ бѣльма... Барашка видите, али все еще не примѣчаете?

— Облачишко, какъ не замѣтить... а, можетъ, отъ него вѣтра-то не будетъ, разойдется...—нерѣшительно произноситъ чернобордый купецъ, носящій кличку «Мазепа».

— Дурень ты послѣ этого, Мазепа, коли полагаешь, что облачишко-то разойдется... Шалишь, братецъ, вѣтру быть и быть,—рѣшительнымъ тономъ утверждаетъ сотскій.

У всѣхъ видъ разочарованный.

— А можетъ махонькой будетъ? Наши мстинки низкобортны—ихъ-то можно пустить!—замѣчаетъ одинъ изъ судохозяевъ.

— А вотъ скоро увидимъ, сейчасъ, милая душа, не могу тебѣ сказать, на сколько балловъ вѣтеръ будетъ,—съ ироніею произноситъ сотскій, отходя отъ толпы къ чайному заведенію.

Хозяева судовъ, однако, не слѣдуютъ примѣру сотскаго, никто не отходитъ отъ берега, всѣ со вниманіемъ слѣдятъ за «барашкомъ».

Ждать приходится не долго: вотъ ужъ по рѣкѣ пошла зыбь, верхушки деревьевъ начали мѣрно покачиваться и облака заволокли горизонтъ.

— Накаркаль!.. ишь какой гастрономъ выискался,—съ досадою въ голосѣ произноситъ длинный, какъ жердь, судохозяинъ Лисицынъ по адресу сотскаго.

— Врешь, братецъ, не такъ сказали: не гастрономъ, а астрономъ, вотъ какъ по ученому надо сказать,—неожиданно для всѣхъ вставилъ свою поправку проходившій по берегу мѣстный полицейскій урядникъ.

— Ну, ладно, не привязывайся: все это едино,—огрызается Лисицынъ.

— Что ешь, что рябина... дикая необразованность,—на ходу остритъ урядникъ, съ видомъ своего превосходства.

— Со-ба-ка!... Фараонъ!..—пускаетъ вслѣдъ полицейскому Лисицынъ, видимо, задѣтый за живое его остротами

— Ну, что, Вася, носъ утерли! Показалъ свою ученость, ступай-ка лучше на свою барочку,—дружески похлопывая по плечу Лисицына, даетъ совѣтъ его пріятель.

— Поди къ лѣшему!—огрызается Вася, ступевывался въ толпѣ.

«Ученаго» Васю провожаютъ насмѣшками и общимъ хохотомъ со стороны товарищей по профессіи.

— А вѣтеръ-то... такъ себѣ: полулодкамъ итти нельзя... собьетъ; но мстинки и польскія пойдутъ лучшимъ манеромъ, поставитъ только по лишнему концевому на барку да бабъ на весла прибавитъ, отваливай тогда безъ сумлѣнія... Пойдемъ, братцы, нажмемъ на сотскаго... не мытьемъ, такъ катаньемъ,—предлагаетъ одинъ изъ судохозяевъ съ хитрой, лисьей физиономіею.

— Валяй, Иванъ Петровичъ, веди атаку, по трешницѣ съ рыла не пожалѣемъ на подмазку!

— А я за пятишницей не постою!..—только бы сегодня проскочить пороги; а тебѣ, Петровичъ, если это дѣло оборудуешь, низкій поклонъ да угощеніе за нами свѣжимъ сигомъ съ запиваловкой...—говоритъ рыжая борода.

— Ублажимъ на совѣсть, дѣйствуй, ты человѣкъ бывалый, въ Боровичахъ привыкъ лаяться съ начальствомъ всякимъ, знаемъ—ниони не распустишь!—послышались голоса изъ толпы.

— Не сумлѣвайтесь! Не такихъ еще персонъ вокругъ пальца обводилъ.

— Ой, врешь, Петровичъ, мастеръ ты языкомъ зря-то болтать,—скептически замѣчаетъ полосатый пиджакъ.

— Ну, Никаноръ Семеновичъ, ты напрасно мораль на меня наводишь: вотъ, сейчасъ тебѣ расскажу, какъ въ прошломъ году канальскаго барина обошелъ, другое тогда запоешь, Ома невѣрный!

— Да неужель этого чорта провелъ!... Охъ, ужъ донялъ онъ насъ своими штрафами: перевернись—бѣгать, не довернись—бѣсть!—недовѣрчиво проговорилъ Никаноръ Семеновичъ, рыжебородый купецъ съ лоснящимся, какъ куполь Исаакіевскаго собора, толсто-тѣлымъ носомъ.

— Да и съ меня онъ хотѣлъ шкуру спустить,—продолжалъ Иванъ Петровичъ:—а вотъ что взялъ!..

Тутъ рассказчикъ изобразилъ изъ трехъ пальцевъ всѣмъ извѣстный на Руси символическій знакъ передъ самымъ носомъ ближайшаго къ нему слушателя.

Инцидентъ судовщика Балкина съ канальскимъ бариномъ,—такъ называютъ про себя водоходы начальниковъ судоходныхъ дистанцій на приладожскихъ каналахъ,—возбудилъ интересъ; судо-хозяева наострили уши.

Польщенный общимъ вниманіемъ, Балкинъ принялъ позу оратора.

— Проходилъ я съ четырьмя барочками; до Ладоги добрался живехонько, сталъ ужъ направлять суда въ каналъ, а вотъ тутъ-то и вышла эта самая прокламація: пришелъ, значитъ, обмѣщикъ, поздравилъ съ прибытіемъ, а я ему полтинникъ серебра въ зубы—«маловато на четыре-то барочки», а я ему говорю: «достаточно: курочка по зернушку клюеть». Вижу—надулся, въ обиду ударился, пошелъ хмурый съ крюкомъ барки мѣрить: мѣрилъ, мѣрилъ да и намѣрилъ: «у тебя, купецъ,—говоритъ мнѣ,—барки на полвершка глубже сидятъ, бери паузокъ, иначе въ каналъ тебя нельзя пустить». Ну, тутъ я и погорячился: послалъ его къ чортовой матери и обругалъ мазурикомъ-водохлебомъ.

«Пошелъ, каналья, да еще мнѣ крюкомъ пригрозилъ; къ вечеру позвали въ контору, просидѣлъ тамъ часа два, отъ скуки десятка два клоповъ на стѣнѣ раздавилъ, наконецъ выходитъ «самъ»,—рожа злющая-презлющая, должно быть, отъ супружницы, туфлей ему влетѣло—бѣдовая, говорятъ, баба,—искоса поглядѣлъ на меня:

«— Это вы купецъ Балкинъ?»

«— Точно такъ,—отвѣчаю начальству.

«— У васъ барки перегружены на полвершка противъ нормы?»

«— Никакъ нѣтъ-съ, обмѣрщикъ Григорьевъ кривить душою...

«— Вотъ какъ! Велю провѣрить. А почему, любезнѣйшій, у тебя ни колокола, ни манишки нѣтъ?

«— Ваше благородіе, колокола мы вѣшаемъ на коровъ и лошадей, когда въ ночную гоняемъ, а барка, сами изволите знать,—не скотина... зачѣмъ же ей колоколъ? А насчетъ манишки, то ей-Богу была, да въ дорогѣ больно засалилась, я ее и отдалъ въ стирку цеховой ладожской прачкѣ, а вмѣсто манишки горлышко свое шарфикомъ повязалъ...

«Затопаль на меня тутъ баринъ ногами, налился кровью, что удавъ:

— Такъ ты меня дурачить вздумалъ... Правила плаванія, утвержденныя г. министромъ, на смѣшки поднялъ!.. Я тебѣ покажу, гдѣ раки зимуютъ! За несоблюденіе правилъ плаванія штрафую на пятьдесятъ рублей, и пока штрафъ не внесешь, стой съ барками въ каналѣ хоть до заморозковъ.

«Прочитавъ мнѣ такую реляцію, его благородіе повернулся ко мнѣ тыломъ и удалился на свою половину, крѣпко хлопнувъ дверью.

«Дѣло дрянъ,—подумалъ я, но не робѣю.

«— Выписать, что ли, квитанцію?—писаришка спрашиваетъ.

«— Обождать надо...—отвѣчаю.

«— Чего же ждать, аль манишку прачка твоя не успѣла еще выстирать!.. Вашего брата учить надо, чтобы правила плаванія наблюдали»,—это, видите, писаришка меня поучать вздумалъ... Ну, да не на такого напалъ!..

«— И вашего брата также не мѣшаетъ поучить, ишь клоповникъ въ конторѣ устроили, это тоже по правиламъ плаванія... Ироды вы тутъ всѣ отъ обмѣрщика до водяного!.. Отрастил баринъ брюхо на казенныхъ хлѣбахъ—мало ему этого: покуражиться надо надъ бѣдными людьми: ишь, какой штрафъ заломилъ: пятьдесятъ рублей!.. да гдѣ ихъ мнѣ взять!.. Нѣтъ, погодите, ваше благородіе, и на васъ управу найдемъ: да я и самъ съ усамъ,—отчиталъ я на совѣсть писаренка, выходя изъ конторы».

— Ловко ихъ, шельма, отдѣлалъ!—послышались одобрительные отзывы изъ толпы.

— Слушайте, что дальше-то было: на другой день опять зовутъ меня въ контору.

«— Надумалъ, купецъ, штрафъ уплатить, или въ Ладогѣ погостить еще хочешь?—спрашиваетъ баринъ.

«— Денегъ у меня такихъ не водится... вотъ развѣ куманекъ меня выручить?

«— Хоть у чорта лысаго займи...

«— Позвольте у васъ телеграммку состряпать... я не очень въ грамотѣ-то силенъ...

«— Аркадьевъ, составьте ему телеграмму,—приказаль баринъ писарю.

«— Пишите: Петербургъ, Фонтанка сорокъ, генералу Салову...

«— Да ты, Балкинъ, съ ума, что ли, спятилъ? Вѣдь просилъ куму написать...

«— Они сами и будутъ мнѣ кумомъ и благодѣтелемъ: я генералу пятнадцать лѣтъ ставлю для его дома дрова, на третій годокъ, когда родился у меня мальчонка Сенька,—что на баркѣ со мною ѣдетъ,—они и пожелали въ крестные отцы записаться; вотъ съ той поры и пріятелями стали—добрый, обходительный баринъ. «Будешь, Балкинъ, въ какой нуждѣ,—не разъ говорилъ мнѣ генераль:—дай только мнѣ знать, безъ помощи не оставлю»—вралъ я начальству. Вижу, водяной съ писаремъ переглянулись, фамилія путейскаго генерала, видимо, нагнала на нихъ тревогу.

«Дрова къ сроку поставить не могу—диктоваль я писарю:—въ каналѣ путейское начальство держать, требуя штрафъ пятьдесятъ рублей. Вышлите денегъ или попросите министра, чтобы меня съ барками не держали. Заступитесь. Балкинъ».

«— Ну, хорошо, оставь телеграмму, я со сторожемъ пошлю на почту.

«Нѣтъ, думаю, баринъ, на эти штуки меня не поймашь.

«— Не извольте беспокоиться, ваше благородіе, самъ занесу въ почтовую контору,—мнѣ еще одно дѣльцо надо тамъ оборудовать...

«Вижу, водяному это не по вкусу пришлось.

«— Чортъ съ тобой, плати половину...

«— И радъ бы въ рай... да денегъ нѣтъ, не подь силу двадцать пять цѣлковыхъ платить...

«Задумался тутъ баринъ... и злость его пробираетъ и телеграммы-то моей побаивается, видно, за собой грѣшки знаетъ, да нахлобучку отъ начальства чувствуетъ, если каша заварится.

«— Купецъ Балкинъ, снисходя къ твоей бѣдности и не желая задерживать въ пути твоихъ барокъ, понижаю тебѣ штрафъ до трехъ рублей...

«Хотѣлось мнѣ еще покуражиться, да надоѣла вся эта проволочка, вынулъ три рубля, получилъ квитанцію и чрезъ полчаса лошадки тянули мои барочки; тутъ было сунулся обмѣрщикъ—я ему языкъ показаль! Побѣжалъ къ начальнику, оттуда выскочилъ, что ошпаренный,—видно, напѣло!.. И поплылъ себѣ купецъ Балкинъ тихимъ алюромъ, одурачивъ водяное начальство», нараспѣвъ закончилъ рассказчикъ.

— Значить, путейскаго генерала ты зря приписаль?—для острастки?—задалъ кто-то изъ толпы вопросъ Балкину.

— Не совсѣмъ такъ: генералу этому я дѣйствительно ставилъ шестьсотъ сажень девятки, да только не по хорошему у насъ вышло...

— Надулъ, небось!..

— Политики подпустилъ, да переборщилъ малость,—пехотя отвѣтилъ Балкинъ.

— Говори толкомъ, коли началъ, какъ дѣло было,—сурово проговорилъ рыжая борода.

— Поставочка-то была выгодная, цѣпа хорошая, да тутъ еще съ дворникомъ покумился,—значить, дочь его крестилъ...

— А не съ генераломъ?—перебилъ молодой купецъ Киселевъ.

— Раньше отца въ петлю не суйся, потерпи, узнаешь...

— Ну,—продолжалъ Балкинъ:—кумъ-то сначала по родственному обошелся: ольховыя дрова съ примѣсью осинки принялъ за березовыя, да при складкѣ на дворѣ экономія сажень въ двадцать получилась...

— Проемы, значить, были,—кто-то перебилъ рассказчика.

— Въ иныхъ мѣстахъ могъ бы свободно пролѣзть сквозь полѣнницу Иванъ Захаровичъ со своимъ толстымъ брюхомъ,—и тутъ Балкинъ ткнулъ пальцемъ въ животъ стоящаго рядомъ съ нимъ толстопузаго купца Микляева.

— Осторожнѣй, малый, на поворотахъ!..—огрызнулся Иванъ Захаровичъ, пятясь назадъ при общемъ хохотѣ слушателей.

— Представилъ самому генералу счетецъ: вынешь онъ это деньги сполна:

«— Распишитесь...

«— Расписался... Ну, думаю, коммерція вышла недурная—тысячку нажилъ... да дернулъ меня, видно, чортъ за языкъ:

«— И на будущее время могу вашему превосходительству дровецъ представить...

«— Съ мошенниками я никакихъ дѣлъ имѣть не желаю!.. Какова наглость!.. Онъ же меня обманулъ, ольху да осину поставилъ вмѣсто березы и впредь предлагаетъ свои услуги—въ тюрьмѣ, братецъ, тебѣ мѣсто!..

«— На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ, не обмань съ моей стороны, а коммерція... ваше превосходительство.

«— Ты еще вздумалъ мнѣ грубіанить!.. Иванъ!..—закричалъ генераль.

«Ну, и я въ куражъ вошелъ.

«Не однимъ генераламъ-то руки нагрѣвать у казенныхъ сундуковъ!.. Тутъ явился швейцаръ, дѣтина двѣнадцати вершковъ роста, касая сажень въ лечахъ.

«— Гони въ три шеи этого мерзавца!..

«— Сгребъ этотъ антихристъ меня, какъ малаго щенка, за жабры и выставилъ за двери, а отсюда покатился я ужъ катомъ до самаго подъѣзда... спасибо, что кварта-то была въ первомъ этажѣ, а все же четырнадцать ступеней ребрами пересчиталъ...

«Всталъ на ноги, пощупалъ кости—всѣ въ цѣлости... прямо въ подворотню, къ дворнику:

«— Кумъ, зови полицію, протоколъ, меня изуродовали!.. Сгною твоего генерала въ тюрьмѣ, а вышибалу-швейцара унеку на ка-торгу.

«А дворникъ хоть бы что: морду на сторону воротить, точно это его и не касается.

«— Что жеты, свинья полосатая, мямлишь... Я на тебя три крас-ненькихъ положилъ, а въ тебѣ заступы не вижу?..

«— За твои три красненькихъ мнѣ перо вставили... Дьяволъ тебя возьми!.. иди къ праху, а то портретъ твой разукрашу подь орѣхъ.

«Каковъ скотина оказался кумъ!..»

— Такъ вотъ какимъ бла-го-дѣ-те-лемъ ты передъ канальскимъ бариномъ хвастался! Хо-хо-хо!—загалдѣли пріятели, щупая Бал-кина за ребра, какъ бы для провѣрки, остались ли они въ дѣйстви-тельности цѣлыми послѣ его «коммерціи».

— Ну, довольно тебѣ лясы точить... иди, дѣйствуй! ишь, вѣтеръ началъ мякнуть,—замѣтила чуйка.

— Иду, иду...

Балкинъ рѣшительными шагами направился къ чайному заве-денію, противъ котораго на завалинкѣ сидѣлъ сотскій Маль-гунъ, угрюмо посматривая но сторонамъ. Неудача, видимо, грызла сердце сотскаго. Отвала нѣтъ и отвальныхъ, стало быть, нѣтъ, а завтра уже дежурство другого сотскаго Яковлева; загребеть день-жищъ, какъ отвалить въ пороги, старикъ, барокъ сто, а мнѣ за три дня дежурства и три цѣлковыхъ не перепало... А все сѣверикъ ви-новать... дулъ бы въ дежурство Яковлева... ему меньше надо, а я самъ-шесть, хлѣба не напасешься на голодные рты... А тутъ добычи никакой... поди, жена коромысломъ встрѣтитъ, какъ заглянетъ въ пустой кошелекъ... Эхъ, бабы, бабы, вамъ только деньги подай...»

Но тутъ мрачныя мысли были прерваны появленіемъ Балкина.

— Что, старина, затуманился? пойдѣмъ-ка чайку испить...

— Не откажусь отъ чашечки-другой, съ утра еще маковой ро-синки не было.

Оба скрылись въ дверяхъ чайной

Отвалъ отъ гост—ской пристани судовъ въ пороги производится только при благопріятной безвѣтренной погодѣ, такъ какъ, подь вліаніемъ вѣтра, судно легко можетъ отклониться отъ фарватера и не попасть въ узкія ворота, шириной въ шесть сажень, перваго по-рога, называемаго «Велецкой головой», а разъ судно вошло въ пороги неправильно, оно пеминуемо попадаетъ въ водоворотъ и садится на мель или разбивается о подводные камни: конечно, много зависитъ отъ искусства и находчивости лоцмановъ, которые изъ своей среды выбираютъ на три года двухъ сотскихъ, изъ наиболѣе опыт-ныхъ и распорядительныхъ людей, поочередно распоряжающихся спускомъ судовъ въ пороги. Обязанности сотскаго довольно сложны: онъ долженъ знать слабости и индивидуальныя стороны каждаго

лоцмана,—а ихъ вѣдь сто пятьдесятъ человекъ!—не допустить не-трезваго лоцмана на судно, наблюсти, чтобы на веслахъ стояло не менѣе четырехъ бабъ, а у руля были бы два надежныхъ концевыхъ—помощники присяжнаго лоцмана, умѣло вывести очередное судно изъ ряда другихъ, его загораживающихъ, наконецъ, своевременно начать и во время пріостановить отвалъ судовъ и самое главное—придти на помощь разумными распоряженіями погибающему въ порогахъ судну—все это подѣ силу не заурядному лоцману, а только настоящему рѣчному волку, держащему въ ежовыхъ рукавицахъ свое полчище. Казеннаго содержанія сотскіе лоцмановъ не получаютъ, а служба ихъ оплачивается исключительно лишь изъ одного источника—добровольнаго подаянія со стороны владѣльцевъ судовъ, проходящихъ чрезъ вол—кіе пороги: кто дастъ рубль, а кто три, не брезгаютъ и полтинникомъ: въ общемъ же наберется отъ ста пятидесяти до двухсотъ рублей за навигацію на каждаго сотскаго.

Прошло добрыхъ полчаса времени, наконецъ изъ чайнаго заведенія показался сотскій, сзади котораго шелъ Балкинъ, давая глазами понять товарищамъ, что «наша взяла»!..

— Мягче стало!—проговорилъ Мальгунъ довольно, впрочемъ, нерѣшительно.

— Затихаетъ, солнышкомъ разогрѣло,—подхватили хоромъ промышленники, хотя это не соответствовало дѣйствительности: вѣтеръ нисколько не уменьшился и дулъ порывами.

— Пойду, потревожу его благородіе!.. Василій, подыми флагъ во всю мачту.

Лица у всѣхъ повеселѣли.

— Значить, клюнуло!...—вполголоса произнесла чуйка, когда Мальгунъ отошелъ отъ берега.

— Отъ Балкина, братъ, не отвертись!.. прилипнетъ, что пивка!—подтвердилъ лузатый купецъ Клюевъ, слѣдя глазами за удаляющимся сотскимъ.

У дома начальника дистанціи, куда подошелъ Иванъ Сидоровъ, сидѣлъ на лавочкѣ молодой дежурный сторожъ, усердно прочищая себѣ носъ указательнымъ пальцемъ.

— Николаша, поди, барина побезпокой!..

— А гля ча?..

— Отвала промышленники требуютъ... бунтуютъ... жалиться хотятъ.. не вышло бы чего...

— А какъ осерчаетъ?.. Въ прошлый четвергъ въ рыло мнѣ сапогомъ заѣхалъ: «зачѣмъ, говорить, зря будишь, чортовъ сынъ».

— Ну, Николаша, разъ на разъ не придется... не мѣшкай, тебя уже промышленники поблагодарятъ, да и отъ меня на пару пива получишь...

Сторожъ колобадся недолго: аргументы сотскаго были соблазни-

тельны, и онъ рѣшительнымъ шагомъ направился съ задняго крыльца въ покои начальника, а тѣмъ временемъ Мальгунъ отошелъ къ одному изъ оконъ передняго фасада казеннаго дома, гдѣ и остановился въ позѣ лягавой собаки, дѣлающей стойку передъ рябчикомъ.

Минуть чрезъ десять щелкнула защелка и изъ отвореннаго окна показалась лысая голова начальника, съ распахнутой ночной сорочкой, не умытаго, отчего сѣденькая бородка и вихры на вискахъ топорщились въ разныя стороны, придавая комическій видъ не успѣвшему еще очнуться отъ сна грозному владыкѣ вол—кихъ пороговъ.

— Что, Мальгунъ, скажешь, зачѣмъ меня обезпокоилъ?—прошипѣлъ недовольнымъ голосомъ начальникъ.

— Насчетъ отвала, ваше благородіе... флагъ поднять, лоцманы въ сборѣ, промышленники ждутъ... прикажите начать...

— Отваль?! А флагъ-то что тебѣ говоритъ, дурьева голова!.. Не видишь, какъ его вѣтромъ полощетъ... окривѣлъ?

— Хозяева, ваше благородіе, бунтуютъ... да и вѣтерокъ небольшой, просто, такъ сказать, душочекъ...

Въ этотъ моментъ, какъ бы на зло сотскому, порывомъ вѣтра захлопнулась оконная рама, задѣвъ при этомъ по носу начальника, отскочившаго отъ окна съ громкой руганью.

— Душочекъ, душочекъ!..—гаркнулъ начальникъ, потирая на лицѣ грушевидный внушительныхъ размѣровъ отростокъ, озаренный отъ удара заревомъ пожара.

— Такъ точно-съ, душочекъ,—виновато повторилъ сотскій, не замѣтивъ контузиі носа его благородія.

— Врешь, каналья, настоящій сѣверо-западникъ!.. Очки втереть мнѣ захотѣлъ, вѣтромъ сейчасъ чуть носъ не оторвало, а онъ, видите, за «душочекъ» его принялъ!.. Я тебѣ, чортова перенчица, такого «душка» нагоноу, что позабудешь мѣста, гдѣ и барки стоять!..

— Ваше благородіе... вѣдь промышленники ропотъ подняли,—попробовалъ вставить сотскій.

— Молчать! Наплевать мнѣ на ихъ ропотъ! Барки топить не намѣрень,—отвѣтъ держать придется мнѣ: «его благородіе,—скажутъ, какъ барки разобьются,—разрѣшилъ отваль въ пороги», а ты, жердина, ихъ только подмываешь.. тебѣ бы только отвальныя получить... знаю ваши плутни... Что случится въ порогахъ на Николая угодника да барина всю вину свалить... христопродавцы! Какъ замѣсто лѣта заставлю тебя дежурить у мачты зимой, такъ другой разъ не сунешься ко мнѣ съ твоимъ «душочкомъ»...

И тутъ расходившійся начальникъ, плюнувъ по направленію къ сотскому, съ силой захлопнулъ окно.

Иванъ Сидоровъ, постоявъ минуты двѣ у окна и убѣдившись, что сегодня баринъ не переимѣнитъ гнѣвъ на милость,—«больно ужъ по

носу его хлопнуло», — подумалъ онъ, — понуря голову, побрелъ обратно къ чайному заведенію.

— Пивка бы испить охота, что-то горло дереть, — встрѣтилъ Николашка сотскаго, ничего не подозревая.

— Ступай къ лѣшему, барашня башка, — отгрызнулся съ сердцемъ Мальгунъ, показывая ему кулакъ.

— Аль не выгорѣло?.. вотъ такъ карамболь!.. произнесъ разочарованно сторожъ.

Навстрѣчу сотскому шли промышленники.

— Не пуцасть!.. — лаконически заявилъ Мальгунъ.

— Гвоздь ему въ затылокъ!

— Боровъ полосатый!..

— Жидоморъ!..

— Осинный чурбанъ!..

— Водяная глиста!..

Посынались эпитеты по адресу песговорчиваго начальника, спокойно похрапывавшаго на своемъ мягкомъ тюфякѣ.

— Эхъ, Сидоровичъ, не посодѣйствовалъ ты намъ: могъ бы уговорить водяного, — укоризненно замѣтилъ Мазепа.

— Уговоришь этого чорта!.. Послушалъ бы, какъ на меня напустился иродь: христопродавцемъ окрестилъ, изъ сотскихъ въ водолеи на барку грозилъ опредѣлить, — хотѣлъ было палкой меня звиздануть, да я ушелъ скорѣй отъ грѣха, — импровизировалъ сотскій. А все за то, что я ему сказалъ «душочекъ»!.. «Врешь, — говорить — старая каналья, чистѣйшій пробы сѣверо-западникъ», а тутъ и пошелъ, и пошелъ... родителей вспоминать... ужъ и мастеръ ругаться!.. Ничего, что баринъ, въ лучшемъ видѣ особачилъ... Безвинно за васъ, господа, пострадалъ... Да, ну васъ къ Богу! — съ сердцемъ произнесъ сотскій, отходя отъ толпы.

— Что же намъ, братцы, теперь дѣлать? Вѣдь насъ зря не пускаютъ, при такомъ вѣтрѣ и благословеніи Божиемъ плыть въ пороги можно; ну, пусть у меня барка-другая сядетъ въ порогахъ, лучше потерплю убытку пятьсотъ-шестьсотъ рублей, чѣмъ за простой платить заграничнымъ пароходамъ 1.500 цѣлковыхъ, а то и болѣе: со вчерашняго дня на насъ насчитываютъ триста рубликовъ въ сутки, отъ хозяина шесть телеграммъ получили: «гони, Петька, барки чрезъ пороги»; попробуй, «гони», коли аспидъ не пуцасть! — дѣловымъ тономъ проговорилъ довѣренный крупнаго поставщика досокъ на заграничные рынки Захаровъ.

— Эхъ, и намъ не слаще! — слышались жалобы изъ толпы.

— А что, не напустить ли на водяного Балкина? — посоветовалъ приземистый купецъ.

— Балкина, Балкина! — загалдѣли многіе

— Прощенія просимъ, увольте, на этого звѣря не пойду...

— Да ты испробуй, можетъ, и возьмешь быка за рога?—совѣтоваль Мазепа.

— Пробоваль, братецъ, пробоваль, да двое сутокъ подъ мачтой просидѣль на запорѣ, не пивши, не ѣвши, а потомъ барки свои пѣхтурой догоняль, и дѣло это повернулъ онъ такъ, что, будто бы, видите, я самъ туда въ пьяномъ видѣ забрался, тогда какъ двое его молодцовъ за жабры меня сволокли да еще бока наутюжили въ дорогѣ.

— Вотъ каковъ этотъ баринъ!.. Чтобъ его нутро разорвало!.. Довольно отъ него науки получили и вторично ребра свои подставлять не намѣренъ,—рѣшительно проговорилъ Балкинъ.

— Жалиться по начальству надо!.. Такъ оставить нельзя! Мы гильдію платимъ, торговлю оживляемъ,—горячился купецъ, спустившій накаунѣ двѣ «катеньки» въ стуголку. Сквозь толпу протискался, работая локтями, рыжебородый купецъ съ важнымъ санитнымъ видомъ и, выпятивъ животь впередъ, поднѣялъ руку вверхъ, призывая къ вниманію.

— Почтеннѣйшіе промышленники! На матушкѣ Руси истари, такъ сказать, заведенъ обычай: дери чиновникъ съ купца двѣ шкуры; а въ здѣшнихъ мѣстахъ не двѣ, а двадцать двѣ съ тебя шкуры тянутъ, а мы, такъ сказать, что козлы, бородами только потряхиваемъ! Помыкаетъ тобой всякая мразь, точно ты не купецъ гильдейскій, а прохвостъ какой, такъ сказать!..

— Правильно, правильно, Степанъ Дмитріевичъ!—заговорили разомъ многіе изъ слушателей.

— Привалили мы съ сорока барочками,—продолжалъ тотъ же ораторъ, вытирая потное лицо цвѣтнымъ платкомъ:—чинъ чиномъ, выхожу на берегъ; навстрѣчу два путейскихъ десятника: «съ благополучнымъ прибытіемъ, ваше степенство!» Проздравили, значить, такъ сказать. Знаю положеніе: по полтиннику въ зубы... Думаете благодарны?—ничуть! «Ишь ширешперъ, какимъ скупердяемъ сдѣлался»—слышу, какъ меня вдогонку облаяли. Добрался до пристани, иду съ поклономъ къ лоцманскому десятскому.

«— Лоцмановъ бы мнѣ, Иванъ Ивановичъ, поисправнѣй назначили...

«Посмотрѣль въ свою книжку: «Сахарный, Дроздъ, Сивалдаевъ...»—прочель десятскій.

«— Увольте отъ Сахарнаго,—барку онъ мнѣ въ прошломъ году утопилъ, такъ сказать, въ порогахъ.

«— На очереди Сахарный», упорствуетъ десятскій.

— Понимаете, братцы, эту махинацію?

— Понимаемъ, понимаемъ... значить, дай!

— Ну, облѣмалъ, такъ сказать, десятскаго двумя желтенькими за парой пива въ трактирѣ: обѣщаль Сахарнаго и Сивалдаева на другія барки поставить. Жарю за обмѣрщикомъ; два часа хожу по пристани—не могу добиться толку, такъ сказать: въ канцеляріи

сказали, что у начальника на ледникѣ мороженое вертеть—тамъ не оказалось, спросилъ мачтоваго,—«иди,—говорить,—въ деревню Кудряшево, сказали мнѣ, повель онъ туда недавно на цѣпочкѣ любимую сучку начальницы для случки съ дьяконскимъ кобелемъ»; сбѣгалъ къ дьякону—тамъ оказалось, что кобель три дня какъ издохъ. Спасибо, добрый человѣкъ нашелся: «иди, говорить, въ садъ къ начальнику». Поперь туда.

«Отворилъ, такъ сказать, калитку и сразу поймалъ за фалды Карпуху. «Что ты, какъ оглашенный, мчишься?»—«Не мѣшай, барыня приказала занимать барчука... вотъ въ лошадки мы и дуемъ».

«— А барки-то мои когда мѣрять будешь?»

«— Очереди тебѣ, говорить, нѣтъ, впереди тебя барокъ поди сто надо обмѣрять... Вотъ къ барчуку нянька придетъ и меня ослобонять...»

— Понимаете, что сіе значить, такъ сказать?

— Извѣстно что!.. надо дать!—хоромъ подхватила толпа.

— Дошелъ, наконецъ, до канцеляріи—выправлять документы, такъ сказать.

«Проволочка,—не хватаетъ какой-то выписи...»

— Надо дать!—прогудѣлъ басъ изъ толпы.

— И дашь... подтвердилъ рассказчикъ съ грустью въ голосѣ.

— Пришли лоцманы съ концевыми осматривать барки,—гдѣ, говорятъ, руль длинень, гдѣ коротокъ, гдѣ полати жидки, гдѣ весла тонки, гдѣ уключины ненадежны.

— Значить... дай! дай! и дай!

— Значить, дай, и успѣха ожидай,—сострилъ Мазепа.

— Замокъ, братцы, у кошелька испортился,—знай, отворяй да отворяй, а барочки мои все ни въ мѣста, у берега плачуть...

— Всѣ ли, кумъ, расходы упомянулъ?—перебила чуйка.

— Какой тутъ всѣ: это только цвѣточки, а ягодки еще впереди. Здѣсь тебя раздѣнуть, а за порогами и сапоги снимуть: за паузокъ, за простой плати, лоцманамъ за каждую барочку по красенькой бумажкѣ уплати, а то и всѣ двѣнадцать цѣлковыхъ подай: сами знаете, такъ сказать, пошлину рубль двадцать за лоцмана въ канцеляріи платимъ по закону, а остальные денежки—сверхъ закона, такъ сказать, за то, что народъ ставитъ лоцманъ на барку къ потесямъ. А каковъ этотъ народъ: пять сопливыхъ дѣвокъ да пара желторылыхъ мальчишекъ—и всѣ ему сродственники,—кто свояченица, кто племянница, болтаютъ только веслами по водѣ зря да втираютъ намъ очки, будто барку на фарватеръ направляютъ... и за всѣ эти наши мытарства ни уваженія, ни благодарности, только всякій норовитъ тебѣ лапу въ карманъ запустить да лягнуть побольше... Какой это порядокъ!—маята мнѣ эта ужъ вотъ какъ прискучила... (здѣсь купецъ поднесъ руку къ своей шеѣ) и терпезу моему, такъ сказать, пришелъ конецъ: не будь я первой гильдіи купецъ Остоло-

повъ, если не наведу здѣсь субординаціи... Будемъ, братцы, скопомъ жалобу писать, какъ подъ порогами у насъ жилы вытягиваютъ!—сверкая глазами, закончилъ ораторъ, обливаясь потомъ.

— Безпремѣнно жалиться и сейчасъ же,—подхватило большинство.

— Куда?—задалъ вопросъ кто-то изъ толпы.

— Извѣстно куда!.. по начальству въ округъ въ Вышній Волочекъ.

— Нѣтъ, это не та линія: тамъ дяденька начальника здѣшняго экспедиторомъ служить и всякую жалобу захерить,—наставительно замѣтилъ сѣдовласый купецъ Жилкинъ.

— Петербургскому митрополиту Палладію!—неожиданно выкрикнулъ молодой парень, все время молчавшій.

— Ахъ, дурьева твоя голова, развѣ водяная комуникація имѣетъ касательство къ духовному лицу,—укоризненно пояснилъ Жилкинъ.

— Вотъ кабы сюда оберъ-полицеймейстера Федора Федоровича Трпова... онъ бы живымъ манеромъ навелъ порядокъ, отъ него «сѣверикомъ» не отвертишься, сразу всѣ бы барки велѣлъ отвалить въ пороги, да и лоцманамъ бы краливы въ штаны всыпалъ, чтобы барокъ поменьше топили.

— Видно, Василій Степановичъ, съ генераломъ-то поближе ознакомились, когда въ прошломъ году три денька въ Коломенской части отгостили,—ядовито замѣтилъ по адресу говорившаго его соперникъ по торговлѣ, купецъ Новожиловъ.

— Министру надо жаловаться,—перебилъ Остолоповъ.

— А какому? Ихъ нѣсколько, да у каждаго по пяти товарищей,—проговорилъ Мазепа.

— Понятно дѣло, не сухопутному,—авторитетно пояснилъ Новожиловъ.

— Путейскому!..

— Водяному!

— Морскому!

Послышались изъ толпы голоса.

— Надо правильно на телеграммѣ титуловать, а то и телеграмма не дойдетъ, мы съ носомъ останемся,—проговорилъ авторъ перваго предложенія.

— Балкина надо спросить, онъ всякую законность знаетъ...

— Какъ министра надо титуловать на телеграммѣ?—задалъ вопросъ Остолоповъ подошедшему на зовъ Балкину.

— Министра-то?..

— Ну, да, е вона...

— А вотъ какъ по книжному: «Министру путей сообщенія по морскому вѣдомству», съ пабосомъ произнесъ Балкинъ тономъ, не допускающимъ возраженія.

Толпа двинулась на почту.

Водяной.



ВОСПОМИНАНІЯ О ПОКОЙНОМЪ ЦЕСАРЕВИЧѢ НИКОЛАѢ АЛЕКСАНДРОВИЧѢ.



ОВЕРШЕННО независимо отъ своего высокаго положенія, такъ рано умершій покойный наслѣдникъ Николай Александровичъ, старшій сынъ императора Александра II, производилъ на всѣхъ обаятельное впечатлѣніе.

Я никогда не былъ царедворцемъ, да по характеру своему и не могъ бы быть имъ. Мало того, въ началѣ 60-хъ годовъ почти вся учащаяся молодежь была настроена, если не революціонно, то весьма, весьма либерально.

Помню, напримѣръ, какъ государь Александръ II въ 1861 году, принимая представлявшихся ему выпускныхъ офицеровъ академіи генеральнаго штаба, обратился къ намъ, молодежи, съ рѣчью: прочувствованнымъ голосомъ, голосомъ, въ которомъ дрожали слезы нервно настроеннаго государя, онъ выразилъ надежду, что мы будемъ служить опорой трона. И какой отвѣтъ получила трогательная рѣчь государя? Ее встрѣтило гробовое молчаніе. Ни одного возгласа, ни малѣйшей попытки крикнуть «ура», или хотя чѣмъ бы то ни было привѣтствовать милостивое обращеніе къ офицерамъ монарха ¹⁾.

¹⁾ Это явилось, конечно, лишь результатомъ временнаго настроенія, и выпускъ нашъ далъ самыхъ вѣрныхъ слугъ государя, считающихъ въ рядахъ своихъ такихъ дѣятелей, какъ князь Имеретинскій и П. Л. Лобко. Но, правда, въ этомъ же выпускѣ были и Домбровский, впоследствии предводитель парижской коммуны, и извѣстный повстанецъ 1863 года Крукъ.

Авт.

Несмотря, однако, на такое настроеніе, которымъ, повторяю, отличалось большинство молодежи, при первомъ же знакомствѣ съ покойнымъ цесаревичемъ я подпалъ подъ обаяніе этой свѣтлой личности.

Думая сдѣлать изъ себя Наполеона, я, страстный кавалеристъ въ душѣ, выбралъ при выпускѣ изъ корпуса пѣхотный полкъ и при томъ армейскій, хотя, какъ первый ученикъ, имѣлъ право на выпускъ въ гвардію и даже получилъ на это именную вакансію. Въ тѣхъ же цѣляхъ, выйдя изъ академіи, я отказался отъ перевода въ генеральный штабъ и перешелъ въ Гродненскій гусарскій полкъ, чтобы изучить кавалерійское дѣло.

Шефомъ полка былъ цесаревичъ Николай Александровичъ.

Къ полку онъ былъ очень милостивъ, но я какъ-то сторонился отъ него, вѣроятно, изъ опасенія выказать себя человѣкомъ «искательнымъ».

Такъ продолжалось до отправки полка въ царство Польское для усмиренія возстанія 1863 года.

Послѣ прощальнаго полку смотря всѣ офицеры были приглашены государемъ къ обѣду, а послѣ обѣда пошли на половину цесаревича.

И вотъ здѣсь-то, видя ласковое обращеніе цесаревича, его сердечное, просто любовное отношеніе къ полку, я почувствовалъ, что если бы мнѣ предложили умереть за этого красиваго, чистаго юношу, я не поколебался бы ни минуты.

Лѣтомъ 1863 года мнѣ понадобилось по личнымъ дѣламъ съѣздить на нѣсколько дней въ Петербургъ. Полковой командиръ да и товарищи рекомендовали непременно посѣтить цесаревича, рассказать ему о томъ, что дѣлалъ полкъ въ Варшавѣ и въ экспедиціяхъ, и извиниться за некорректное поведеніе двухъ офицеровъ, оставленныхъ въ запасномъ эскадронѣ.

Въ виду того, что они были поляками, начальство рѣшило не брать ихъ для подавленія польскаго возстанія, не ставитъ въ ложное положеніе, что, собственно говоря, врядъ ли было правильно: разъ служишь—служи, при какихъ бы обстоятельствахъ ни застала тебя служба. Но, какъ бы то ни было, ихъ перевели въ запасный эскадронъ, оставшійся на бывшемъ мѣстѣ расположенія полка въ казармахъ на Волковѣ, и они, предаваясь бездѣлю, все время торчали въ Петербургѣ, задолжали, а для покрытія долговъ позволили себѣ даже обратиться къ великодушной помощи цесаревича. Мало того, одинъ изъ нихъ, въ нетрезвомъ видѣ, другимъ кутилой былъ вызванъ на дуэль и получилъ рану въ високъ, отъ которой, къ удивленію, не умеръ, а выздоровѣлъ и благополучно ходилъ потомъ нѣсколько лѣтъ съ пулей въ головѣ.

Такъ вотъ я представился цесаревичу. Онъ принялъ меня очень любезно, но какъ-то стѣснялся говорить. Происходило ли это отъ

природной застѣнчивости, или оттого, что онъ видѣлъ предъ собою офицера съ академическимъ аксельбантомъ, который всегда держался въ сторонѣ, но я не могъ не замѣтить, что, сдѣлавъ нѣсколько официальныхъ вопросовъ, онъ затруднялся продолжать разговоръ и вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣшался отпустить меня.

Тогда, оставивъ опасенія показаться назойливымъ, я началъ, сперва неувѣренно, говорить въ краткихъ чертахъ о жизни полка. Видя, однако, что онъ слушаетъ съ большимъ интересомъ и самъ задаетъ вопросы, я также позволилъ себѣ большую разговорчивость, и мало-по-малу бесѣда перешла въ простой, оживленный разговоръ.

Полтора-два часа прошли незамѣтно.

Сообразивъ, однако, что сижу слишкомъ долго, я не зналъ, какъ поступить: боялся, что наслѣдникъ, по свойственной ему деликатности, не рѣшается отпустить меня и въ то же время сомнѣвался, имѣю ли я право откланяться, прервать бесѣду, которая, повидимому, не была непріятна цесаревичу. Рѣшилъ, однако, сказать, что, быть можетъ, его высочество занятъ и я его задерживаю. Онъ спохватился, что ему, дѣйствительно, надо ѣхать, и на прощанье горячо, по-товарищески, пожалъ мою руку, сопровождая рукопожатіе самыми искренними пожеланіями.

Я вышелъ отъ него совсѣмъ очарованнымъ. Отъ всей его личности вѣяло какимъ-то особеннымъ обаяніемъ, именно обаяніемъ— другого слова приискать не могу. Конечно, это обуславливалось отчасти его чрезвычайной привѣтливостью; но, помимо привѣтливости, въ немъ было что-то неуловимо-притягательное, что-то порабощающее васъ, что-то захватывающее, и я еще глубже почувствовалъ, что не только готовъ пожертвовать всѣмъ для этого человека, но съ радостью, именно съ радостью, отдалъ бы ему свою жизнь.

Незадолго передъ тѣмъ я прочиталъ одинъ изъ наименѣе удачныхъ романовъ Александра Дюма «Chevalier de la Maison Rouge».

Романъ, повторяю, былъ не изъ удачныхъ и, читая, я скептически относился къ необычайной преданности кавалера «Краснаго дома» Маріи-Антуанеттѣ.

Теперь, выходя изъ дворца, я понималъ возможность такой преданности. Понялъ, что въ фантазіи автора нѣтъ даже преувеличенія въ этомъ смыслѣ, и это чувство осталось во мнѣ не только до смерти наслѣдника, но и послѣ того, какъ онъ такъ рано ушелъ въ далекія, невѣдомыя страны.

Я приѣзжалъ въ Петербургъ всего на нѣсколько дней и послѣ рассказаннаго свиданія видѣлъ цесаревича одинъ только разъ— ровно черезъ годъ.

Защитивъ въ Петербургѣ диссертацию на адъюнктъ-профессора академіи генеральнаго штаба, весной 1864 года я поѣхалъ въ

Варшаву проститься съ полкомъ (Гродненскимъ гусарскимъ), съ товарищами, и въ началѣ лѣта возвращаюсь въ Петербургъ.

Проѣхалъ Лугу. Скоро и Петербургъ. Въ Петербургѣ ожидала блѣдная ночь и тоскливый вечеръ. Ѣхать къ кому-нибудь было уже поздно, да и знакомые разъѣхались на лѣто по дачамъ. А состояніе духа, между тѣмъ, было возбужденное: провести вечеръ одному въ гостиницѣ казалось противно, невыносимо. Подъѣзжая къ Александровской станціи, принялъ быстрое рѣшеніе: отдалъ вещи кондуктору, прося сохранить до завтрашняго дня, а самъ сѣлъ на извозчика и поѣхалъ въ любимый мною Павловскъ.

Дорожная венгерка была не совсѣмъ свѣжа, но побывать въ Павловскѣ захотѣлось неудержимо. Приѣхалъ въ Павловскъ, благодаря извозчицѣй пролеткѣ, совсѣмъ запыленный; однако пообчистился, умылся въ парикмахерской и пошелъ на музыку.

Къ удивленію, и немного даже къ ужасу, вижу вдали малиновое кепи нашего полка и стройную, гибкую фигуру наслѣдника. Я рѣшилъ было обратиться въ бѣгство, какъ высокій ростъ и яркій головной уборъ выдали мое присутствіе, и вдругъ вижу милую улыбку и знакъ привѣта, приглашающій къ себѣ. Нечего дѣлать, пришлось итти и объяснить свою запыленность продолжительностью пути изъ Варшавы.

Наслѣдникъ выразилъ свою радость, что я написалъ диссертацию на адъюнкта (до поры, до времени я держалъ это въ секретѣ), удачно защитилъ ее и былъ принятъ въ академію.

— А какъ же съ мундиромъ—придется оставить мой полкъ?—спрашивалъ онъ.

— Нѣтъ, ваше высочество, законъ нигдѣ не указываетъ, чтобы профессора академіи носили непременно мундиръ генеральнаго штаба, и я думаю не снимать мундира полка, шефомъ котораго вы состоите.

— Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это возможно? Если такъ, то очень, очень буду радъ,—повторилъ онъ и, пока оставался на музыкѣ, не отпускалъ меня отъ себя.

Этотъ вечеръ былъ кануномъ его отъѣзда за границу къ невѣстѣ, отъѣзда въ путешествіе, обѣщавшее только радости, изъ котораго онъ вернулся, однако, въ гробу.

Никому, конечно, и въ голову не приходила мысль о возможности такого исхода, и, держа слово, я, по поступленіи въ академію, упорно отказывался отъ перевода въ генеральный штабъ, мотивируя отказъ свой тѣмъ, что законъ не требуетъ, чтобы профессоръ академіи непременно носилъ мундиръ генеральнаго штаба.

Въ концѣ 1863 года пошли слухи о недомоганіи наслѣдника, но всѣ гнали отъ себя мысль объ опасности. Съ началомъ же слѣдующаго года появились уже тревожные бюллетени о его болѣзни.

Съ болью въ сердцѣ читаль я эти бюллетени, и совсѣмъ былъ пораженъ смертью, возможности которой все не хотѣлось вѣрить, несмотря на все болѣе и болѣе неутѣшительныя вѣсти, приходившія съ береговъ Средиземнаго моря.

Со смертью обожаемаго человѣка мундиръ его полка потерялъ для меня всякое значеніе, и я немедленно перемѣнилъ его на скромную форму офицера генеральнаго штаба.

Покойный цесаревичъ Николай Александровичъ до такой степени забыть въ данную минуту, что крайне рѣдко встрѣчаются даже его портреты, и въ настоящее время только немногіе имѣютъ понятіе о его наружности.

Высокаго роста, чрезвычайно стройный и гибкій,—гибкостью этой мы любовались, но она указывала на непрочность этой граціозной натуры,—онъ отличался необыкновенной красотой не только вѣншей, но полной внутренняго содержанія.

Бережно сохраняя его карточку, данную мнѣ лично, я крайне былъ обрадованъ лѣтомъ настоящаго года, когда, по смерти одного петербургскаго милліонера, мнѣ удалось приобрѣсти прекрасный поясной портретъ цесаревича, писанный лѣтъ 45—50 тому назадъ масляными красками въ натуральную величину, повидимому, если не съ натуры, то съ очень хорошей фотографіи ¹⁾).

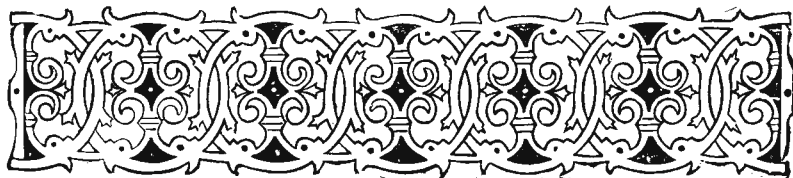
На этомъ портретѣ стоитъ онъ, какъ живой, въ мундирѣ Гродненскаго гусарскаго полка, свѣтлый, слегка улыбающійся, съ чудными миндалевидными глазами, глазами «съ поволокой» и съ той неподражаемой прелестью, которую даетъ внутреннее освѣщеніе, какъ выраженіе прекрасной, чистой души. Ни малѣйшей жесткой черточки. Напротивъ, что-то чистое, свѣтлое, цѣломудренное, пожалуй, даже женственное, полное мягкихъ полутоновъ, неотразимо притягательное.

Хорошо сознаю, что воспоминанія мои о свѣтлой, такъ рано сошедшей въ могилу личности покойнаго цесаревича Николая Александровича представляютъ мало, очень мало интереса; но о немъ вспоминаютъ такъ рѣдко,—да и мало осталось его современниковъ,—что и эти незначительныя строки могутъ служить нѣкоторымъ вкладомъ для историка, который дастъ себѣ трудъ заняться жизнеописаніемъ лучезарной звѣздочки, ярко вспыхнувшей, вспыхнувшей ненадолго и навѣки потухшей.

А. Витмеръ.



¹⁾ Этотъ портретъ воспроизводится въ настоящей книжкѣ въ приложеніи.



ПРОЦЕССЪ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО ¹⁾.

I.



В МАѢ мѣсяцѣ 1864 года русское общество, къ своему глубокому сожалѣнію, узнало о томъ, что виднѣйшій представитель передовой русской мысли, наиболѣе яркій журналистъ и публицистъ Н. Г. Чернышевскій приговоренъ правительственной властью къ семилѣтнимъ каторжнымъ работамъ и ссылкѣ на вѣчное поселеніе въ Сибирь за участіе въ какомъ-то политическомъ преступленіи.

Уже тогда среди многихъ была распространена увѣренность въ томъ, что Чернышевскій осужденъ невинно, что правительство, не имѣя никакихъ доказательствъ къ обвиненію Чернышевскаго въ политическомъ преступленіи, сводило съ нимъ счеты за его рѣзко оппозиціонную литературную дѣятельность. Но подобныя сужденія высказывались лишь въ интимныхъ кружкахъ, не появляясь въ повременной печати, и только одинъ Герценъ имѣлъ возможность написать въ своемъ «Колоколѣ» (1864 г., № 186) по этому случаю негодующую статью,

¹⁾ Настоящая статья представляетъ собой въ нѣсколько расширенномъ видѣ докладъ, прочитанный мной 10-го декабря 1912 года въ нефилологическомъ обществѣ при петербургскомъ университетѣ (см. краткое изложеніе доклада въ газетѣ «Русская Молва», 1912 г., 11-го декабря, № 3).

Въ основу статьи положены матеріалы, хотя въ главной своей части и опубликованные въ печати, но извѣстные мнѣ изъ подлиннаго дѣлопроизводства, хранящагося въ сенатскомъ архивѣ; къ этому присоединены нѣкоторые новые матеріалы, отысканные мной въ томъ же архивѣ среди дѣлъ министерства юстиціи и въ архивѣ департамента герольдіи.

Авт.

которая заканчивалась по адресу правительства словами: «Проклятье вамъ, проклятье—и, если можно, мечь!»

Эта традиція о томъ, что Чернышевскій пострадалъ «совершенно невинно», лишь въ послѣдніе годы, когда появилась возможность познакомиться съ подлиннымъ дѣломъ Чернышевскаго, была поколеблена работой г. Лемке, который далъ ей принципиально совсѣмъ иную постановку. По словамъ г. Лемке, онъ лично «вовсе не склоненъ думать, будто Николай Гавриловичъ дѣйствительно не былъ прикосновененъ къ революціонной работѣ своего времени», но онъ готовъ настаивать, что «Чернышевскій пострадалъ юридически невинно»; «въ рукахъ правительства не было ни одного свидѣтеля, заслуживающаго довѣрія, и ни одного подлиннаго, неподдѣльнаго документа; тотъ матеріаль, съ которымъ оно имѣло дѣло, былъ совершенно негоденъ въ рукахъ любого сколько-нибудь добросовѣстнаго слѣдователя, не только высшаго въ имперіи суда». По словамъ г. Лемке, «это не былъ процессъ слѣдствія; это процессъ подкупа, насилія и профанированія всякаго понятія законности» ¹⁾.

Изъ дальнѣйшаго изложенія у того же писателя видно, что весь процессъ, по его мнѣнію, былъ подстроенъ пресловутымъ третьимъ отдѣленіемъ собственной его величества канцелярія, основывался на лжедоносѣ В. Костомарова и Яковлева, на подложной запискѣ и подложномъ письмѣ, по почерку приписанныхъ якобы Чернышевскому. Руководясь этой основной точкой зрѣнія, г. Лемке подробно передаетъ самый процессъ, но не останавливается на одной фактической сторонѣ дѣла, а часто привноситъ въ него свое собственное освѣщеніе и свои догадки, вслѣдствіе чего въ его книгѣ объективнаго изложенія процесса найти нельзя, и только ознакомленіе съ подлиннымъ производствомъ даетъ возможность правильнѣе понять и освѣтить весь ходъ дѣла.

Да не только въ книгѣ г. Лемке, но и въ цѣломъ рядѣ другихъ процессъ преднамѣренно затянуть завѣсой, скрывающей его настоящія формы. Къ тому же гоненіе официальныхъ сферъ на имя Чернышевскаго породило множество легендъ, частью до сего времени передаваемыхъ изустно, частью появившихся въ печати въ недавніе годы. Легенды эти, питая интересъ къ процессу, который много лѣтъ оставался недоступнымъ для изслѣдователей, разрастаясь въ невѣроятныя происшествія, еще болѣе искажаютъ дѣло Чернышевскаго, внося въ него такія подробности, которыхъ не только не было, но которыя и не могли имѣть мѣста.

Такъ, напримѣръ, по поводу письма къ Плещееву, которое фигурировало въ процессѣ въ качествѣ одного изъ главныхъ доказательствъ, Ив. Захарыинъ (Якунинъ) передаетъ разсказъ, который ему пришлось слышать въ 1864 году въ редакціи журнала «Эпоха». «Когда

¹⁾ М. Лемке, «Политическіе процессы», Спб., 1907 г., стр. 193 и сл.

Чернышевскому на одномъ изъ послѣднихъ допросовъ,—сообщаетъ онъ,—было показано роковое письмо (къ Плещееву) и предложень былъ вопросъ, его ли это почеркъ, то Чернышевскій отвѣтилъ слѣдующее: «Почеркъ мой, но письмо это писано не мной: оно поддѣлано подъ мой почеркъ». Чернышевскому на это возразили: «Письмо это—ваше. Припомните хорошенько... Прочтите его». Тогда подсудимый, взявъ письмо, прочелъ его; затѣмъ, разглядывая его на свѣтъ, указалъ презусу военно-судной комиссiи на водяные знаки почтоваго листа большого формата, на которомъ было написано это письмо: поддѣльнымъ почеркомъ Чернышевскаго былъ выставленъ подъ письмомъ 1863 годъ, а водяные знаки удостовѣрили, что бумага сдѣлана на фабрикѣ въ 1864 году» ¹⁾.

По сообщенiю Захарьина, рассказъ этотъ извѣстенъ былъ «литературнымъ кружкамъ» Петербурга шестидесятихъ годовъ и, надо полагать, передавался изъ устъ въ уста, какъ фактъ достовѣрный. Но на самомъ дѣлѣ единственно вѣрнымъ въ этомъ рассказѣ было то, что Чернышевскому предъявили письмо, какъ писанное его рукой, а онъ это письмо отвергъ, а сообщенiе относительно того, что Чернышевскому такъ опредѣленно удалось доказать подложность письма,—является сплошной и неудачной выдумкой:

1) на допросѣ Чернышевскому письмо было только показано, но не было дано въ руки;

2) подъ нимъ нѣтъ написанной хронологической даты, равнымъ образомъ нѣтъ и на бумагѣ замѣтныхъ водяныхъ знаковъ съ датой;

3) а самое главное—письмо было предъявлено сенату 18-го iюля 1863 г., а, значитъ, бумага не могла быть «сдѣлана на фабрикѣ въ 1864 году».

Въ либеральныхъ кругахъ передаютъ и до сего времени о такомъ случаѣ, происшедшемъ во время суда надъ Чернышевскимъ. Когда въ обществѣ со всѣхъ сторонъ стали говорить о томъ, что процессъ Чернышевскаго ведется при помощи лжесвидѣтелей и подлоговъ, то слухи объ этомъ дошли и до министра юстиции. Тогда онъ будто бы произвелъ нѣкоторое разслѣдованiе и доложилъ государю о томъ, что въ судѣ надъ Чернышевскимъ допущены подлоги. Александръ же II выслушалъ докладъ съ видимымъ неудовольствиемъ, отошелъ къ окну и замѣтилъ министру, не глядя на него: «А почему ты знаешь, что это мнѣ неизвѣстно?!»... На этомъ разговоръ и оборвался, и судъ продолжался своимъ порядкомъ.

Разумѣется, для такого рассказа нѣтъ никакого фактического основанiя, но рассказъ и внутренне недостовѣренъ. Невѣроятно, чтобы министръ юстиции Замятнинъ, а тѣмъ болѣе Александръ II, въ то именно время, когда создавались судебные уставы 1864 г.

¹⁾ «Новое Время», 1904 г., 23-го ноября, № 10321.

и насаждалась законность въ судѣ, сознательно и преднамѣренно допустили вопіющее правонарушеніе, тѣмъ болѣе, что въ этомъ не было никакой нужды, такъ какъ власть имѣла полную возможность избавиться отъ непріятнаго ей журналиста административнымъ порядкомъ.

Въ виду этого моею главной задачей будетъ, изъявши дѣло Чернышевскаго изъ области легендъ и предвзятыхъ освѣщеній, прежде всего 1) дать краткій, по возможности объективный, фактический рассказъ о ходѣ процесса Чернышевскаго, съ указаніемъ и на тѣ стороны этого процесса, которыя г. Лемке затушеваны, 2) а затѣмъ выяснитъ вопросъ о томъ: а) былъ ли причастенъ Чернышевскій къ революціонной дѣятельности своего времени, и б) было ли юридически доказано то дѣяніе, которое вмѣнено ему сенатомъ.

II.

Дѣло о Чернышевскомъ началось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ концѣ 1861 года до третьяго отдѣленія дошли свѣдѣнія, что Чернышевскій занимается тайной агитаціонной дѣятельностью, въ виду чего за нимъ былъ установленъ агентурный надзоръ. Въ серединѣ 1862 года управляющій третьимъ отдѣленіемъ генералъ Потаповъ получилъ направленный къ нему лично анонимный доносъ на Чернышевскаго. Составитель доноса писалъ, что Чернышевскій—«коноводъ юношей», «зловредный человекъ», «язва всему», «вредный агитаторъ», а въ концѣ доноса, обращаясь къ властямъ, говорилъ: «Избавьте насъ отъ Чернышевскаго ради общаго спокойствія!» 5-го іюля Потаповъ направилъ доносъ въ слѣдственную комиссію кн. Голицына. По закону анонимный доносъ поводомъ къ производству разслѣдованія служить не могъ, а потому комиссія, принявъ его къ свѣдѣнію, никакого движенія доносу не дала. За Чернышевскимъ лишь усиленъ былъ негласный надзоръ.

Почти одновременно на границѣ произошелъ арестъ Ветошникова, посланнаго изъ Лондона въ Россію съ письмами Герцена и друг. къ разнымъ лицамъ. Отобранная корреспонденція попала на просмотръ въ третье отдѣленіе, и здѣсь было установлено, что въ одномъ изъ писемъ (на имя Серно-Соловьевича) Герценъ писалъ: «Мы готовы издавать Совр(еменникъ) здѣсь съ Черныш(евскимъ) или въ Женевѣ—печатать предложеніе объ этомъ? Какъ вы думаете?»¹⁾

¹⁾ Герценъ посылая письмо 20-го іюня, уже имѣлъ вѣрное предположеніе о судьбѣ «Современника», который 19-го іюня былъ закрытъ на восемь мѣсяцевъ. Позднѣе, не получивъ отвѣта, онъ печатно въ «Колоколѣ» повторилъ свое предложеніе.

Р. Ф. Востокъ (мало об. не осыр)
 фрунзидет ехотоме ривидеу (мало)
 надругот бейт спривидеу, ма
 де музикалис Е. музикалис
 Востокъ
 Два замиска стина и по предане
 на Коммунистично ч. а не изгласо се
 сват. Дроу потерк крамоче и рок
 мре мре. Фрунзидет
 св. Фрунзидет
 18 март 1883

Карандашная записка.

Упомянутое имени Чернышевскаго въ письмѣ «лондонскихъ пропагандистовъ» послужило основаніемъ къ немедленному аресту Чернышевскаго. 7-го іюля утромъ въ его квартирѣ былъ произведенъ обыскъ, бумаги и часть книгъ захвачены въ третье отдѣленіе, а остальные книги, корректурные листы и матеріалы для «Современника» опечатаны и оставлены въ запертomъ кабинетѣ.

Въ то время, какъ шли разборъ и просмотръ бумагъ, взятыхъ у Чернышевскаго, Потаповъ внесъ (1-го августа) въ слѣдственную комиссію кн. Голицына «Записку изъ частныхъ свѣдѣній о титулярномъ совѣтникѣ Чернышевскомъ», составленную, надо полагать, на основаніи свѣдѣній, добытыхъ агентурнымъ путемъ. Въ «Запискѣ» говорилось о причастности Чернышевскаго къ революціонной дѣятельности. Всѣ эти обстоятельства (письмо Герцена, бумаги и записка) послужили поводомъ и основаніемъ къ производству слѣдствія о Чернышевскомъ, который въ это время уже былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, и къ нему никто не допускался.

Почти черезъ четыре мѣсяца послѣ ареста, именно 30-го октября, Чернышевскій впервые былъ допрошенъ комиссіей. Центральнымъ пунктомъ допроса было то же самое, что послужило поводомъ къ задержанію Чернышевскаго. Третій вопросъ предложенныхъ пунктовъ гласилъ: «По имѣющимъ въ комиссіи свѣдѣніямъ, вы обвиняетесь въ сношеніяхъ съ находящимися за границею русскими измѣнниками и другими лицами, распространяющими злоумышленную пропаганду противъ нашего правительства, и съ сообщниками ихъ въ Россіи; равно въ содѣйствіи имъ къ достиженію преступныхъ ихъ цѣлей. Объясните: съ кѣмъ именно изъ этихъ лицъ вы были въ сношеніяхъ, въ чемъ заключались эти сношенія и ваши вслѣдствіе оныхъ дѣйствія, а также, кто участвовалъ съ вами въ этомъ дѣлѣ?»

Изъ этого вопроса видно, что комиссія довольно осторожно относилась къ тому матеріалу, который у нея имѣлся, и не вводила въ допросные пункты ничего изъ того, что добыто было агентурнымъ путемъ и на что имѣлись указанія въ анонимномъ письмѣ къ Чернышевскому, отобранномъ при обыскѣ.

Отвѣтъ Чернышевскаго былъ таковъ: «Мнѣ очень интересно было бы знать, какія свѣдѣнія могутъ имѣться о томъ, чего не было. Подъ русскими изгнанниками тутъ, вѣроятно, разумѣются гг. Герценъ и Огаревъ... всему литературному міру извѣстно, что я нахожусь въ личной неприязни съ ними по дѣлу г. Огарева съ г-жою Панаевою изъ-за имѣнія»; «неприязнь эта давнишняя»; «какихъ соумышленниковъ имѣютъ и имѣютъ ли, или нѣтъ»—«мнѣ неизвѣстно». «Я принужденъ здѣсь выразить свое удивленіе тому, что мнѣ предлагаются подобные вопросы» ¹⁾.

¹⁾ Отвѣтъ Чернышевскому излагаю сокращенно; полностью напечатанъ у Лемке, стр. 230—231.

Послѣ допроса Чернышевскій заявилъ, что онъ подастъ жалобу на дѣйствія комиссіи. На другой же день комиссія признала отвѣты Чернышевскаго «неумѣстными», и, основываясь на 247 статьѣ свода законовъ, по которой отвѣты при допросахъ должны излагаться «безъ всякихъ околичностей», постановила «потребовать отъ Чернышевскаго, чтобы на предложенные ему вопросы далъ объясненіе, согласное съ требованіемъ закона».

Поэтому Чернышевскій снова былъ приведенъ въ комиссію (1-го ноября) и на тотъ же вопросъ далъ отвѣтъ, согласный съ обычной слѣдственной практикой. Отвѣтъ былъ слѣдующій: «Ни съ кѣмъ изъ лицъ, распространяющихъ противъ правительства злоумышленную пропаганду, и ни съ кѣмъ изъ находящихся за границею русскихъ изгнанниковъ я не былъ ни въ какихъ сношеніяхъ. Прибавлю, что мнѣ и неизвѣстно, находятся ли таковыя сообщники у насъ въ Россіи». Послѣ этого допроса Чернышевскому пришлось сидѣть въ крѣпости болѣе четырехъ мѣсяцевъ, пока онъ былъ приглашенъ къ новому, вторичному допросу.

Пока Чернышевскій сидѣлъ въ крѣпости и, томясь въ догадкахъ, не зналъ о своей дальнѣйшей судьбѣ, въ его дѣлѣ на сцену вступаетъ Всеволодъ Костомаровъ, который своими разоблаченіями погубилъ Чернышевскаго. Костомаровъ по происхожденію—дворянинъ ¹⁾, по прежней службѣ—корнетъ, по новой профессіи—переводчикъ и поэтъ, по тайной дѣятельности—«политическій агитаторъ», какъ онъ наименовалъ себя въ письмѣ къ «другу». Въ августѣ 1861 г. онъ былъ арестованъ и, какъ «государственный преступникъ», былъ привлеченъ къ отвѣтственности по обвиненію въ распространеніи противоправительственныхъ воззваній.

¹⁾ Всеволодъ Костомаровъ родился 20-го апрѣля 1837 г. въ Ярославской губ. («Романово-Борисоглѣбской округи с. Калининскаго Угличскаго уѣзда въ сельцѣ Игрищѣ»—здѣсь же состоялось его крещеніе). Отецъ его—прапорщикъ Дмитрій Сергѣевичъ К—въ (род. 8-го февраля 1808 г.), мать—Надежда Николаевна, урожденная Грязева (дочь подполковника, вторая жена Дмитрія Сергѣевича К—ва).

Родъ Костомаровыхъ—старинный дворянскій родъ, возводимый по документамъ разряднаго архива къ первой половинѣ XVII вѣка Въ писцовыхъ книгахъ 1628 г. показаны въ числѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ и поверстаны денежными и помѣстными окладами и землями (по гор. Мценску); предки К—выхъ—Степанъ Матвѣевъ Костомаровъ и сынъ его Кондратъ. Въ виду древняго происхожденія фамилія К—выхъ была занесена въ шестую часть родословной книги и представители этой фамиліи въ XIX вѣкѣ находились въ числѣ дворянъ Орловской и Ярославской губерній.

У родителей Всеволода К—ва въ 1839 году находилось во владѣніи: 1) за отцомъ (Дмитріемъ Сергѣевичемъ): а) въ Орловской губерніи двадцать пять душъ вмѣстѣ съ братьями не въ раздѣлѣ; б) лично ему принадлежащія, благопріобрѣтенныя: въ Угличскомъ уѣздѣ—пятнадцать душъ крестьянъ мужескаго пола, въ Романово-Борисоглѣбскомъ—двадцать восемь душъ; 2) за матерью: а) родовое имѣніе въ Калужской губерніи, въ количествѣ сорокъ одной души, б) благопріобрѣтенное въ Ярославской губерніи: въ Угличскомъ уѣздѣ двадцать шесть, въ Романово-Борисоглѣбскомъ—сорокъ чегыре души мужескаго пола по ревизіи (архивъ департамента герольдіи, Костомаровы, № 34, л. 149 и др.; кромѣ того, см. сенатскій архивъ, формуляры о К—выхъ).

Авт.

Въ самомъ началѣ процесса онъ своимъ необдуманнѣмъ письмомъ, перехваченнымъ властями, и неосмысленными показаніями выдалъ своего друга поэта Михайлова. Во время допросовъ Костомаровъ уличалъ Михайлова и убѣждалъ сознаться въ своемъ преступленіи. Сначала Михайловъ не поддавался на убѣжденія друга, но потомъ, по его словамъ, Костомаровъ «вывелъ» его «изъ терпѣнія своими упреками», и онъ на очной ставкѣ съ Костомаровымъ во время весьма тягостной сцены во всемъ признался и написалъ пространное показаніе, на основаніи котораго и былъ обвиненъ. Эта сцена окончилась тѣмъ, что «Костомаровъ, какъ писалъ потомъ въ своемъ дневникѣ Михайловъ, отошелъ къ окну, опустился на стулъ и началъ плакать, говоря безсвязно: «Ко мнѣ пристають съ утра до вечера. Мать моя въ горячкѣ...»¹⁾).

Михайловъ былъ присужденъ приговоромъ сената, высочайше утвержденнымъ 23-го ноября 1861 г., къ ссылкѣ въ Сибирь въ каторжную работу на шесть лѣтъ. Дѣло же Костомарова тянулось до января 1863 г., когда онъ (2-го января) былъ присужденъ къ заключенію въ крѣпости, разжалованію въ рядовые и ссылкѣ въ воинскую службу въ кавказскомъ корпусѣ. Вскорѣ послѣ приговора, именно 28-го февраля, Костомаровъ по высочайшему повелѣнію, былъ освобожденъ до срока и отправленъ на Кавказъ въ сопровожденіи жандармскаго капитана Чулкова.

1-го марта Костомаровъ съ Чулковымъ прибыли въ Москву, здѣсь и остановились на нѣсколько дней. Къ Костомарову явился его бывший переписчикъ, московскій мѣщанинъ Петръ Яковлевъ, съ которымъ К—въ и разговорился по душѣ.

Жандармскій капитанъ Чулковъ, прислушавшись къ ихъ разговору, «замѣтилъ, какъ онъ сообщалъ потомъ въ рапортѣ (отъ 11-го марта) генералу Потапову, — что ему (Яковлеву) всѣ отношенія Чернышевскаго къ Костомарову хорошо извѣстны»; «я между прочимъ, — сообщалъ Чулковъ, — сказалъ Яковлеву, не можетъ ли онъ что-нибудь подтвердить и письменно, на что онъ тутъ же и согласился дать, каковое и далъ». А въ этомъ письменномъ показаніи Яковлевъ удостовѣрялъ, что онъ слышалъ, какъ Чернышевскій лѣтомъ 1861 г. уговаривалъ Костомарова напечатать свое воззваніе къ барскимъ крестьянамъ.

Это показаніе и самого Яковлева Чулковъ направилъ въ Петербургъ, снабдивъ рекомендательнымъ письмомъ къ своему принципалу Потапову. Но Яковлевъ до Петербурга не доѣхалъ; на станціи Тверь былъ задержанъ за буйство въ нетрезвомъ состояніи и отправленъ въ Москву, гдѣ и былъ заключенъ въ смиренный домъ.

¹⁾ Лемке, стр. 17—19 и слѣд.

Въ виду того, что Костомаровъ, по его словамъ, «чувствовалъ себя очень нехорошо», онъ былъ оставленъ Чулковымъ на нѣсколько дней въ Москвѣ и помѣщенъ на гауптвахтѣ, какъ свободномъ казенномъ помѣщеніи. Здѣсь посѣтили его нѣсколько чело-вѣкъ знакомыхъ. 4-го марта Костомаровъ чувствовалъ себя лучше, а потому онъ, подъ надзоромъ Чулкова, отправился изъ Москвы въ дальнѣйшій путь. 5-го утромъ они прибыли въ Тулу, гдѣ «Костомаровъ, какъ доносилъ потомъ Чулковъ, объявилъ ему, что «сильно простудился, и просилъ пробыть въ Тулѣ хотя сутокъ двое, чтобы нѣсколько поправиться здоровьемъ». Конечно, провожатый ничего не имѣлъ противъ, и вотъ въ Тулѣ Костомаровъ принялся за перо и сталъ писать роднымъ и знакомымъ письма. «Въ числѣ Костомаровыхъ писемъ,—сообщалъ позднѣе (11-го марта) Чулковъ Потапову,—я замѣтилъ одно довольно толстое письмо, въ которомъ было написано очень много и очень вольно; я счелъ долгомъ письмо это тогда же отправить къ вашему превосходительству» ¹⁾.

Это письмо было ближайшимъ поводомъ къ новому разслѣдованію по дѣлу Чернышевскаго. Потаповъ, получивъ его 7-го марта, тотчасъ же представилъ въ слѣдственную комиссію, а Чулкову было телеграфировано, чтобы онъ немедленно возвращался въ Петербургъ вмѣстѣ съ Костомаровымъ.

Что это за письмо? Почему оно произвело такой, повидимому, неожиданный эффектъ? Письмо это по объему громадно, оно написано на пяти листахъ почтовой бумаги большого формата мелкимъ почеркомъ съ небольшимъ числомъ помарокъ и зачеркиваній (около двадцати). Оно начинается такъ: «Ну, вотъ, наконецъ, я и дождался возможности говорить съ вами на свободѣ, безъ разныхъ цензурныхъ стѣсненій со стороны агентовъ—хранителей души и тѣла нашихъ. И я дождался этого, какъ видите, гораздо скорѣе, чѣмъ предполагалъ. Уѣзжая, я обѣщалъ писать вамъ съ мѣста, до котораго, вы знаете, не рукой подать; слышно такъ, что въ Тулѣ приключилась мнѣ болѣзнь нѣкая, такъ что, не имѣя никакой возможности продолжать свое странствіе, мы остановились здѣсь на нѣсколько дней. Итакъ, пользуясь этимъ неожиданнымъ отдыхомъ, я, не откладывая до неизвѣстнаго намъ будущаго, принимаюсь за обѣщанный вамъ комментарий на нашу юридическую войну» ²⁾.

¹⁾ Въ рапортѣ Потапова отъ 7-го марта 1863 г. въ слѣдственную комиссію сообщается, что Чулковъ «представилъ» Потапову «отобранныя имъ у Костомарова, по прибытію ихъ въ Тулу, письма, изъ которыхъ одно, адресованное на имя нѣкогого Н. И. Соколова въ С.-Петербургъ, вынуждаетъ по своему содержанію подробнаго разслѣдованія» (Дѣло, т. I, л. 281.) Авт.

²⁾ Въ концѣ письма приписка: «Письмо это я имѣю случай написать и послать вамъ, что называется, воровскимъ манеромъ; завтра или послѣзавтра буду писать къ вамъ уже открыто, и тогда поговорю съ вами о нашихъ домашнихъ дѣлахъ и о кое-какихъ порученіяхъ, о которыхъ я хочу просить васъ. Valet... et plaudete». Дѣло, т. I, л. 69 и сл.; въ книгѣ Лемке, 245—264. Авт.

Послѣ такого начала Костомаровъ въ видѣ интимной бесѣды, дѣлая разныя отступленія, слѣдуя, какъ онъ говоритъ, «несчастной привычкѣ подражать въ своихъ письмахъ вавилонскому смѣшенію языковъ», пересылая рѣчь выраженіями (и даже стихами) французскими, нѣмецкими, англійскими, итальянскими, латинскими и славянскими, подробно рассказывалъ о своемъ участіи въ революціонной дѣятельности и обвинялъ въ своемъ несчастіи Чернышевскаго, Шелгунова и Михайлова, въ особенности перваго, котораго считалъ вдохновителемъ всѣхъ революціонеровъ, зловреднымъ человекомъ, за проступки котораго онъ самъ, Костомаровъ, пострадалъ.

Здѣсь же въ письмѣ Костомаровъ подробно рассказывалъ о томъ, какъ Чернышевскій, составивъ прокламацію къ барскимъ крестьянамъ, велъ съ нимъ переговоры о напечатаніи ея тайнымъ путемъ на томъ станкѣ, который у него, Костомарова, имѣлся.

III.

Получивъ такой важный документъ, уличающій Чернышевскаго, комиссія немедленно же изготовила рядъ вопросовъ Костомарову, который и былъ 13-го марта доставленъ въ комиссію и далъ подробное показаніе по поводу того, что имъ написано было въ письмѣ къ Соколову.

Я подробно передамъ показаніе Костомарова, такъ какъ оно было главнѣйшимъ основаніемъ къ обвиненію Чернышевскаго, а въ книгѣ г. Лемке приведено съ значительными сокращеніями.

На допросѣ Костомаровъ, сообщивъ о своемъ званіи, занятіяхъ и о Соколовѣ, къ которому было адресовано письмо, на третій вопросъ такого рода: «Подтверждаете ли вы все, написанное вами въ письмѣ, и какія имѣете тому доказательства?»—отвѣчалъ ¹⁾:

«Письмо мое къ Н. И. Соколову есть не болѣе, какъ интимная бесѣда съ другомъ, и потому, я полагаю, оно вовсе не нуждается въ подтвержденіи и еще того менѣе обязываетъ меня представить какія бы то не было доказательства истины моихъ словъ.

«Я прошу комиссію обратить вниманіе только на то обстоятельство, что я, окончательно осужденный и наказанный за то преступленіе, въ которомъ по смыслу моего письма являются виновными Чернышевскій и Шелгуновъ, не имѣю не только ни малѣйшей выгоды, но даже никакой цѣли стараться свалить свою вину на другихъ. Причины, заставившія меня говорить съ друзьями моими не то и не такъ, какъ я говорилъ передъ моими слѣдователями и судьями, достаточно объяснены мною въ предлежащемъ письмѣ моемъ къ Н. И. Соколову, и я считаю совершенно излишнимъ утомлять вниманіе комиссіи ихъ повтореніемъ.

«Скрывъ отъ правительства настоящихъ виновниковъ преступленія, я совершенно сознаю свою виновность передъ закономъ, и поэтому я

¹⁾ Дѣло Чернышевскаго, т. I, л. 322 и сл.

прошу комиссію въ настоящемъ отказѣ моемъ представить доказательства на все, написанное мною въ письмѣ къ Н. И. Соколову, видѣтъ не желаніе остаться при своемъ прежнемъ образѣ дѣйствій, а только физическую невозможность доказывать такія вещи, которыя большею частью происходили съ глазу на глазъ между мною и обвиняемыми мною людьми или совершались въ присутствіи такихъ людей, фамиліи которыхъ мнѣ или совершенно неизвѣстны, или въ настоящее время мною забыты.

«Если же изъ какихъ бы то ни было источниковъ комиссія найдетъ какое-либо стороннее подтвержденіе словамъ моимъ, то и я съ своей стороны изъявляю полную готовность подтвердить ихъ даже, если нужно, подъ присягою. Но въ письмѣ моемъ къ Н. И. Соколову я положительно отказываюсь признать всякое другое значеніе, кромѣ того, которое оно имѣетъ, т. е. откровенной пріятельской бесѣды съ старымъ другомъ».

Четвертый вопросъ, предложенный Костомарову, былъ слѣдующій: «Когда и гдѣ и по какому случаю познакомились вы съ упоминаемымъ въ письмѣ Михайловымъ, какія ваши были къ нему отношенія, въ чемъ именно заключалось несогласіе ваше съ нимъ, вслѣдствіе чего, по вашему выраженію, вы пошли съ нимъ въ разныя стороны?»

На этотъ вопросъ Костомаровъ отвѣчалъ: «Знакомство мое съ Михайломъ Ларионовичемъ Михайловымъ было чисто литературное. Поводомъ къ нему было изданіе редактируемаго мною сборника «Поэты всѣхъ временъ и народовъ», для котораго я пригласилъ Михайлова, какъ одного изъ талантливейшихъ переводчиковъ, написать нѣсколько статей и стихотвореній.

«Что же касается до моего выраженія, что «мы пошли съ нимъ въ разныя стороны», то я и теперь повторяю то же, что писалъ въ письмѣ къ Соколову, т. е., что «говорить объ этомъ нечего», особенно послѣ этого приключенія съ этимъ письмомъ. Впрочемъ, пусть лучше первый камень въ меня будетъ брошенъ самимъ мной, а не другимъ. Вотъ въ чемъ въ настоящее время мы не сходимся съ Михайловымъ. Михайловъ до конца остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и своимъ друзьямъ, а я сдѣлался врагомъ тѣхъ, которые называли меня своимъ другомъ, и навсегда отказался отъ того, на что когда-то смотрѣлъ, какъ на лучшую цѣль моей жизни... не потому, чтобы я струсилъ передъ опасностями этого пути, не потому, чтобы меня соблазнили пріятности другой дороги, болѣе торной, а только потому, что я имѣлъ несчастіе убѣдиться вполне, что мы съяли на совершенно бесплодную почву.

«Я и до сихъ поръ остался вѣренъ тому принципу, что съять доброе съмя необходимо (хотя самъ положительно отказался отъ роли съятеля): въ этомъ я совершенно сходилса съ составителями манифестовъ. Но я всегда былъ противъ методы удобрять бесплодную почву трупами и кровью—и въ этомъ заключалось мое разногласіе съ ними.

«Можетъ быть, Михайловъ послѣ своего горькаго опыта взглянетъ теперь нѣсколько иначе на свою прежнюю дѣятельность, но я увѣренъ, что онъ никогда не измѣнитъ своимъ друзьямъ, насколько бы ни былъ убѣжденъ во вредѣ своей дѣятельности. Я же и тутъ пошелъ по другой дорогѣ, на которой мы уже, конечно, никогда не встрѣтимся.

«Михайловъ до конца выдержалъ на себѣ, вмѣстѣ съ своимъ грѣхомъ, грѣхи другихъ, и въ своемъ-то грѣхѣ онъ признался только изъ-за состраданія ко мнѣ; а я, хотя и совершенно невольно, являюсь безъ всякой надобности обвинителемъ другихъ. Общество не станетъ разбирать, во имя чего и какъ это сдѣлалось, оно не повѣритъ тому, что все это сдѣлалось нечаянно и безъ всякихъ корыстныхъ и недостойныхъ цѣлей, да и, вѣроятно, не знаетъ всего, что выстрадалъ (я) въ эти почти два года; предъ его глазами будетъ одинъ фактъ, и оно, называя Михайлова муче-

никомъ за свои убѣжденія, страдальцемъ за друзей своихъ, назоветъ меня отступникомъ отъ своихъ убѣжденій, предателемъ друзей своихъ. Михайлову не откажутъ въ сочувствіи даже люди совершенно противоположнаго съ нимъ образа мыслей, а меня отвергнуть всѣ.

«Михайловъ, казненный правительствомъ, стоитъ и будетъ стоять высоко въ общественномъ мнѣніи, а я погибну, безпощадно казненный и тѣмъ и другимъ. Вотъ что значить мое выраженіе: «мы пошли съ нимъ въ разныя стороны».

Пятый вопросъ былъ таковъ: «По какому случаю вы находились въ Петербургѣ въ то время, когда въ первый разъ Михайловъ привезъ васъ къ Чернышевскому, когда именно это было, по какому поводу, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ познакомились вы съ Чернышевскимъ, гдѣ онъ тогда жилъ, равно гдѣ и съ кѣмъ вы жили? Сами ли вы желали познакомиться съ Чернышевскимъ, или Михайловъ предложилъ вамъ это знакомство и говорилъ ли онъ вамъ о цѣли, для какой въ первый разъ вводилъ васъ къ Чернышевскому? Какъ часто и въ какое время бывали вы у него?»

На него Костомаровъ отвѣтилъ: «Въ Петербургѣ, какъ я уже объяснилъ выше, я пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы предложить Михайлову сотрудничество въ издаваемомъ мною сборникѣ и помѣстить въ петербургскихъ журналахъ кое-какія изъ своихъ статей и стихотвореній. Когда именно это было, я не упомяну. Съ Чернышевскимъ я желалъ сблизиться тоже, какъ съ однимъ изъ редакторовъ «Современника», въ которомъ мнѣ хотѣлось помѣщать свои работы. Жилъ тогда Чернышевскій (если мнѣ не измѣняетъ память) на Васильевскомъ островѣ, въ домѣ Громова. Я остановился тогда въ какой-то гостиницѣ. Михайловъ, услышавъ отъ меня, что я желалъ бы познакомиться съ Чернышевскимъ, только не знаю, какъ это устроить,—предложилъ мнѣ свезти меня къ нему въ тотъ же день вечеромъ, сказавъ, что, кстати, мы прочтемъ тамъ и ту прокламацію, о возможности напечатать которую безъ цензуры мы уже прежде говорили съ Михайловымъ. То, что до прихода въ кабинетъ, мы не перекинулись съ Чернышевскимъ и нѣсколькими десятками словъ, заставляя меня думать, что Михайловъ предварительно переговорилъ объ этомъ съ Чернышевскимъ (иначе, я полагаю, Чернышевскій не сталъ бы такъ откровенничать съ человѣкомъ, котораго видѣлъ въ первый разъ) и привезъ меня исключительно съ тою цѣлью, чтобы переговорить о возможности тайнаго напечатанья манифеста. Какъ часто и въ каковое время я бывалъ у Чернышевскаго, я не упомяну»; «но въ этотъ разъ я очень недолго пробылъ въ Петербургѣ».

На шестой вопросъ о томъ, кто именно былъ на вечерѣ у Чернышевскаго и не находился ли кто-либо изъ гостей въ кабинетѣ, когда тамъ читалось Чернышевскимъ составленное имъ воззваніе къ барскимъ крестьянамъ, Костомаровъ отвѣчалъ: «Лицъ, находившихся у Чернышевскаго, я видѣлъ въ первый разъ и представленъ имъ не былъ; ушелъ я ранѣе всѣхъ и потому не знаю, сколько времени оставались другіе. Въ кабинетѣ Чернышевскаго во время чтенія манифеста къ барскимъ крестьянамъ, кромѣ насъ троихъ (Ч—аго, Михайлова и К—ва), никого не было. О поводѣ, по которому было предложено это чтеніе, я уже говорилъ. Что воззваніе къ барскимъ крестьянамъ сочинено Чернышевскимъ, говорилъ мнѣ и самъ авторъ, говорилъ и Михайловъ. Воззваніе это было рукописное, почеркъ рукописи былъ мнѣ незнакомъ; на цвѣтъ, форматъ и клеймо бумаги я, конечно, не обратилъ никакого вниманія, и потому сказать объ этомъ нечего не могу; почеркъ Михайлова, Шелгунова и Чернышевскаго сталъ мнѣ извѣстенъ по письмамъ этихъ господъ ко мнѣ и по ихъ статьямъ, бывшимъ у меня въ рукахъ».

7. «Предъявленная мнѣ рукопись—не та, которую читалъ Чернышевскій въ первое наше свиданіе; это уже окончательная редакція манифеста, сдѣланная Чернышевскимъ вслѣдствіе моихъ убѣжденій (сообщенныхъ Чернышевскому черезъ Михайлова) и переданная господиномъ Чернышевскимъ Сорокѣ. Воззваніе это переписано Михайловымъ, чьей рукою сдѣланы поправки, не знаю».

8. На вопросъ: «Гдѣ на другой день происходило чтеніе воззванія и по какому случаю при чтеніи находился Шелгуновъ?» Костомаровъ отвѣчалъ: «На другой день мы читали манифестъ въ квартирѣ Михайлова. Шелгуновъ находился при чтеніи, какъ другъ Михайлова; другихъ никого не было. Шелгуновы жили на одной квартирѣ съ Михайловымъ. Михайловъ познакомилъ меня съ ними въ первый же визитъ къ нему».

9. «Отъ кого и при какихъ обстоятельствахъ вы узнали, что пріѣзжавшій съ вами въ Петербургъ бывший студентъ Московскаго университета Сороко, послѣ отъѣзда вашего въ Москву, былъ вмѣстѣ съ Михайловымъ у Чернышевскаго и получилъ отъ него въ исправленномъ уже видѣ упомянутое воззваніе и деньги 200 рублей на издержки по печатанію. Какія вы можете представить сему доказательства?»

Костомаровъ: «Отъ самого Сороки—безъ всякихъ обстоятельствъ. Впослѣдствіи то же самое говорилъ Михайловъ. Относительно доказательства повторяю, что не имѣю ихъ, да и вообще не считаю возможнымъ представлять какія-нибудь доказательства на то, что говорилось въ дружескомъ частномъ письмѣ, а не писалось для судебного показанія».

«Въ дополненіе» «имѣю честь присовокупить»: «въ первый разъ я услыхалъ обо всемъ этомъ отъ Сулина (какъ писалъ въ письмѣ къ Соколову), но потомъ уже счелъ за нужное провѣрить слова Сулина и разспросилъ самого Сороку, отъ котораго и узналъ то же самое».

Въ заключеніе Костомаровъ заявлялъ:

«Я убѣдительно прошу комиссію обратить вниманіе на то, что въ письмѣ къ Соколову я высказывалъ только свой личный взглядъ на литературную дѣятельность Ч—аго и его школы (или кружка, какъ я неосторожно выразился въ письмѣ къ моему пріятелю, передъ которымъ я, разумѣется, не старался быть слишкомъ разборчивымъ и осмотрительнымъ въ выраженіяхъ); и я нисколько не намѣренъ упорно отстаивать непогрѣшимость моего мнѣнія, а, напротивъ, всегда готовъ согласиться съ тѣми, кто убѣдитъ меня въ противномъ».

На другой день (14-го марта) Костомаровъ былъ вторично допрошенъ по поводу найма номера въ Знаменской гостиницѣ, показанія писца Яковлева и относительно записки, писанной карандашомъ. О послѣдней Костомаровъ далъ такое показаніе: «Чернышевскій заѣхалъ ко мнѣ, но не засталъ дома и написалъ на первомъ попавшемся клочкѣ бумаги, оставивъ записку на столѣ».

16-го марта былъ допрошенъ Чернышевскій и, кромѣ прежнихъ вопросовъ относительно сношеній его съ эмигрантами, ему поставлено было нѣсколько вопросовъ, которые вытекали изъ показаній Костомарова, и предъявили ему карандашную записку. Отвѣты Чернышевскаго были кратки и сводились къ полному отричанію своего какого бы то ни было участія въ революціонной дѣятельности. Чернышевскій заявлялъ, что съ Михайловымъ, Шелгуновымъ и Костомаровымъ онъ былъ знакомъ лишь «по журнальнымъ дѣламъ», «никакихъ статей для тайной печати не писалъ» и никакихъ порученій Костомарову по тайному печатанію не давалъ; «моя

дѣятельность», заявлялъ Чернышевскій, «всегда была открыта и законна»; карандашную записку онъ не призналъ своею, написавъ на ней, что почеркъ записки «красивѣе и ровнѣе» его настоящаго почерка.

Въ виду полнаго противорѣчія между показаніями Костомарова и отвѣтами Чернышевскаго 19-го марта имъ дана была очная ставка, которая, однако, не привела ни къ какимъ положительнымъ результатамъ: и тотъ и другой остались при прежнихъ показаніяхъ и отвѣтахъ.

Комиссія принуждена была провѣрять показанія Костомарова инымъ путемъ: прежде всего были вытребованы въ Петербургъ Яковлевъ и Сороко. Яковлевъ подтвердилъ то, что Чернышевскій заѣзжалъ къ Костомарову три раза (въ февралѣ или мартѣ 1861 года, второй разъ «вскорѣ послѣ этого времени», третій—въ іюль 1861 г.), въ послѣдній разъ усиленно упрасивалъ Костомарова напечатать свою статью (воззваніе къ барскимъ крестьянамъ), но «доказательствъ, заявлялъ Яковлевъ, кромѣ своего справедливаго доноса, представить не могу, а уличать и доказывать справедливость слышаннаго мною разговора г. Чернышевскаго съ Костомаровымъ лично могу, потому что очень хорошо помню разговоры ихъ».

Допрошенъ былъ 8-го апрѣля и студентъ Сороко, который заявилъ, что отъ Чернышевскаго, котораго онъ лично не знаетъ, никакого воззванія, ни денегъ онъ не получалъ, лишь отъ Михайлова, къ которому зашелъ, по просьбѣ Костомарова, получилъ при отъѣздѣ изъ Петербурга запечатанное письмо для Костомарова, которому это письмо и передалъ.

Допрошенъ былъ по тому же дѣлу и Шелгуновъ, который, хотя и былъ арестованъ въ Сибири, но для допросовъ и суда надъ нимъ привезенъ былъ въ Петербургъ. При допросѣ (19-го апрѣля) онъ отрицалъ достовѣрность показаній Костомарова, говоря, что воззванія къ солдатамъ онъ не писалъ, рукописи Костомарова «никогда не передавалъ», «участія въ составленіи воззванія къ барскимъ крестьянамъ не принималъ», «къмъ, когда и по какому случаю оно написано», онъ, Шелгуновъ, этого не знаетъ; «съ Костомаровымъ даже не имѣлъ случая сталкиваться, ибо служилъ постоянно по спеціальной и учебной лѣсной части». И на очной ставкѣ Шелгунова съ Костомаровымъ каждый остался при своихъ показаніяхъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1863 года слѣдствіе, производимое комиссіей князя Голицына, было закончено и на обсужденіе комисіи былъ поставленъ вопросъ, какъ поступить съ Чернышевскимъ. Въ журналѣ комисіи (отъ 1-го мая) по этому случаю говорилось: «Противъ всѣхъ обвиненій Чернышевскій не сдѣлалъ признанія и не былъ уличенъ на очной ставкѣ Костомаровымъ; равно и дворянинъ Сороко, отвергнувъ относящееся до него обстоятельство, остался при отрицательномъ показаніи на очной ставкѣ съ Костомаровымъ».

Однако комиссія, очевидно, въ виду серьезности обвиненія, «сообразивъ обстоятельства» дѣла, постановила: испросить высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы Чернышевскій (примѣнительно къ ст. 592-ой 2-ой кн. XV т. св. законовъ) былъ преданъ суду правительствующаго сената ¹⁾.

IV.

Въ маѣ мѣсяцѣ министр юстиціи Замятинъ, испросивъ высочайшее повелѣніе о преданіи Чернышевскаго суду сената, сообщилъ объ этомъ первому отдѣленію пятаго департамента. Составъ присутствія состоялъ въ первое время изъ первоприсутствующаго М. Карніолинъ-Шинскаго и двухъ другихъ сенаторовъ (А. Веневитинова и Н. Лукаша), къ которымъ позднѣе присоединились новые сенаторы (Беръ, Венцель и графъ Д. А. Толстой), оберъ-прокурора Чемадурова и оберъ-секретаря Кузнецова.

Когда Чернышевскій впервые 29-го мая 1763 года предсталъ предъ сенатомъ то онъ далъ подписку въ томъ, что на предъявленныхъ ему судей-сенаторовъ, оберъ-прокурора и оберъ-секретаря онъ «подозрѣнія не имѣетъ». На первомъ же допросѣ Чернышевскій подтвердилъ все то, что было показано имъ въ слѣдственной комиссіи, затѣмъ просилъ разрѣшить ему: 1) подать особое дополнительное объясненіе и 2) допустить къ прочтенію и рукоприкладству записки, которая будетъ составлена сенатомъ по его дѣлу. И то и другое сенатомъ было ему разрѣшено ²⁾.

«Дополнительное показаніе» Чернышевскаго было прислано въ сенатъ генераль-губернаторомъ 7-го іюня и, по постановленію перваго отдѣленія (отъ 17-го іюня), «приобщено къ дѣлу».

«Дополнительное показаніе» весьма обширно: оно занимаетъ въ книгѣ г. Лемке тридцать четыре страницы печатнаго текста. Въ немъ Чернышевскій даетъ подробныя разьясненія и опроверженія всѣхъ тѣхъ фактическихъ свѣдѣній, которыя клонились къ его обвиненію, предваряя свое показаніе слѣдующимъ «общимъ поясненіемъ»:

«Противъ каждаго изъ обвиненій,—писалъ Чернышевскій,—я выставляю такіе факты, большая часть которыхъ общеизвѣстна въ кругу, близко знающемъ меня. *Доказывать* ихъ теперь же ссылками на *свидѣтелей* и отысканіемъ *документовъ* значило ослож-

¹⁾ «Съ тѣмъ,—дальше говорилось въ постановленіи комиссіи,—чтобы сенатъ предварительно составилъ опредѣленіе, долженъ ли Чернышевскій, во время суда, оставаться подъ арестомъ, или можетъ быть освобожденъ на поручительство» (производство слѣдственной комиссіи, л. 467). Позднѣе и самъ Чернышевскій просилъ объ освобожденіи на поруки, но сенатъ постановилъ—оставить его въ заключеніи. Авт.

²⁾ Я не говорю о другихъ ходатайствахъ Чернышевскаго, не имѣющихъ прямого отношенія къ процессу (дѣло сената, л. 6 и сл. Лемке, 298). Авт.

нять и *затягивать* дѣло. Потому беру на себя смѣлость просить чтобы правительствующій сенатъ принималъ настоящее показаніе за окончательное по полнотѣ доказательствъ только относительно тѣхъ изъ указанныхъ фактовъ, въ вѣрности которыхъ не останется сомнѣнія у правительствующаго сената, по выслушаніи настоящаго показанія, и чтобы правительствующій сенатъ предоставилъ мнѣ право привести болѣе полныя доказательства на тѣ факты, которые, по мнѣнію сената, еще нуждаются въ дальнѣйшемъ подтвержденіи».

Такъ какъ Чернышевскій карандашную записку отвергалъ, то сенатъ (6-го іюня) опредѣлилъ прибѣгнуть къ единственному средству, установленному закономъ, именно сдѣлать сличеніе почерка «записки, отъ написанія коей онъ отрицается, съ прочими бумагами его, имъ не отвергаемыми, чрезъ секретарей сената». Сличеніе состоялось 19-го іюня. Большинство секретарей не рѣшились категорически утверждать, что эта записка принадлежитъ Чернышевскому, но сенаторы признали ее принадлежащей обвиняемому ¹⁾.

Пока происходила дальнѣйшая переписка по поводу показаній въ дѣлѣ Чернышевскаго, тѣмъ временемъ въ сенатъ черезъ министра юстиціи поступила «Записка о литературной дѣятельности Чернышевскаго», неизвѣстно кѣмъ составленная ²⁾. Но и эта записка существенной роли въ процессѣ играть не могла. Неожиданно новую серьезную улику противъ Чернышевскаго получилъ (18-го іюля) судъ въ видѣ письма къ Алексѣю Николаевичу. Это письмо, какъ значилось, отыскано было Костомаровымъ, которымъ и было представлено Потапову, отъ Потапова оно было направлено къ Голицыну, а отъ Голицына черезъ Замятнина въ сенатъ.

Получивъ это письмо, сенатъ (23-го іюля) рѣшилъ приобщить его къ дѣлу «для совокупнаго разсмотрѣнія» и вызвать на другой день Чернышевскаго для допроса по поводу этого письма, которое Костомаровъ выдавалъ за письмо Чернышевскаго къ Плещееву и содержаніе котораго уличало Чернышевскаго въ революціонной дѣятельности. Вотъ текстъ письма, сыгравшаго рѣшающую роль въ процессѣ.

¹⁾ Ниже будетъ подробно освѣщенъ вопросъ объ экспертизѣ.

²⁾ Г. Лемке считаетъ авторомъ «Записки» скорѣе всего Арсеньева и отрицательно относится къ сообщенію Рейнгардта о томъ, что авторомъ ея былъ В. Костомаровъ («Русская Старина», 1905 г., февраль, 463). Авт.

Долженъ разъяснить, что было двѣ записки, въ которыхъ разбирались литературная дѣятельность Ч—скаго: одна, напечатанная г. Лемке, неизвѣстно для меня кѣмъ написанная, а другая, сохранившаяся въ копіи въ дѣлахъ министерства юстиціи, была дѣйствительно составлена В. Костомаровымъ, такъ что сообщеніе подполковника З., со словъ котораго писалъ Рейнгардтъ, въ этой части не «вздоръ», какъ утверждаетъ г. Лемке (стр. 347), а вѣрный фактъ. Авт.

«Добрый другъ Алексѣй Николаевичъ. Можетъ быть, вы и справедливы, упрекая меня за слишкомъ большую довѣрчивость, оказанную людямъ, едва мнѣ знакомымъ; я и самъ очень хорошо знаю, что несмотря на всѣ принятые мною предосторожности, рискую очень многимъ, но кто виноватъ. Вы знаете, что времени терять нельзя; теперь или никогда. Тутъ раздумывать много было бы преступленіемъ,—слабостью, ничѣмъ неоправдываемой, и ошибкой, никогда непоправимой. Вы вотъ около уже полугода водите насъ со своимъ станкомъ и довели до такой минуты, далѣе которой откладывать мы не можемъ, если хотимъ, чтобъ дѣло наше было выиграно. Въ то время, какъ вы откладываете со дня на день, намъ подвернулись подъ руку люди, хотя сами по себѣ и весьма, какъ видно, пустенькіе, но все-таки энергичные и болѣе года занимавшіеся тайнымъ печатаніемъ, стало быть, вести дѣло умѣющіе. Мы не могли не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ напечатать свой манифестъ, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ неуспѣха самая большая доля отвѣтственности падаетъ на нихъ самихъ.

«Тѣмъ не менѣе вы все-таки примите свои мѣры къ прекращенію всѣхъ слуховъ, которые могутъ повредить намъ, потому что я уже не отъ однихъ васъ слышу, что Сулинъ (или какъ тамъ его) хвастаетъ знакомствомъ со мной и рассказываетъ будто я отдалъ ему для тайнаго печатанія свое сочиненіе(?) Старайтесь заглушить эти слухи; это будетъ вамъ тѣмъ болѣе легко, что, какъ я слышалъ, и Сул., и Сор. не пользуются въ Москвѣ репутаціей людей положительныхъ и дѣльныхъ.

«Что касается до К., то на него, кажется, можно положиться, хотя, конечно, и съ нимъ нельзя черезъ откровенничать не слѣдуетъ, не испытавъ предварительно вѣрности его на дѣлѣ. Впрочемъ, онъ мнѣ кажется человѣкомъ дѣльнымъ и полезнымъ и во всякомъ случаѣ весьма благодаренъ вамъ за знакомство съ нимъ.

«Я ничего не пишу вамъ теперь о литературныхъ дѣлахъ, хотя накопилось довольно много новостей для васъ небезынтересныхъ. По обыкновенію спѣшу или лучше сказать спѣшить К., съ которымъ я отправляю это письмо.

«Вы все по прежнему продолжаете сомнѣваться въ добромъ исходѣ нашего дѣла; такъ не годится. Больше энергіи, болѣе вѣры въ успѣхъ. Дремать грѣшно въ такое удобное время, когда все проснулось. Оттого у васъ ничего и не выходитъ. Нѣтъ, мы не теряемъ времени въ бесплодномъ раздумьѣ. Посмотрите-ка, какихъ чудесъ надѣлалъ Л. съ своими офицерами или 23 въ Понизовьи. Ваша работа легче, а подвигается медленнѣе. Отчего? Энергіи мало, мало силы воли.

«Совсѣмъ нѣкогда. Жму вашу руку. Вашъ Н. Чернышъ.

«Скоро буду писать черезъ К.».

Когда 24-го іюля въ засѣданіе сената введенъ былъ Чернышевскій, то Карніолинъ-Пинскій, показывая Чернышевскому письмо, съ большой торжественностью заявилъ: «oculis, non manibus» (глазами, но не руками). Но Чернышевскій и это письмо отвергъ, говоря, что оно не принадлежитъ ему. Тогда сенатъ въ тотъ же день постановилъ «сдѣлать сличеніе почерка посредствомъ секретарей сената».

30-го іюля экспертиза состоялась, и секретари на этотъ разъ единогласно признали, что какъ письмо, такъ и бумаги, Чернышев-

скимъ не отвергаемая, «писаны одною и тою же рукою». А сенатъ заключеніе секретарей постановилъ «утвердить во всей силѣ» ¹⁾.

На слѣдующій день допрошенъ былъ и Костомаровъ, который по поводу письма сообщилъ, что, получивъ его отъ Чернышевскаго, онъ письмо «куда-то затерялъ дорогой»; «а послѣ, когда нашелъ его за подкладкой своего саквояжа, оно уже было и измочено, и изорвано, однимъ словомъ, въ такомъ видѣ, что отдать его Плещееву было уже совѣстно,—да оно уже не имѣло смысла».

Послѣ такого вещественнаго доказательства, какъ «письмо къ Алексѣю Николаевичу», процессъ Чернышевскаго подвигался быстрѣе. 8-го августа была изготовлена «записка» по дѣлу Чернышевскаго, а 13-го къ прочтенію ея и рукоприкладству допущенъ былъ и обвиняемый. Повидимому, Чернышевскій читалъ дѣло ²⁾ больше мѣсяца, такъ какъ только 25-го сентября далъ требуемое рукоприкладство, и тогда же подалъ обширное прошеніе на высочайшее имя.

Но еще 20-го августа, ознакомившись съ результатами экспертизы надъ почеркомъ письма къ Алексѣю Николаевичу, Чернышевскій ходатайствовалъ, чтобы ему разрѣшили сравнить при помощи сильной лупы письмо съ бумагами, писанными рукой Костомарова; видимо, онъ хотѣлъ доказывать, что письмо поддѣлано Костомаровымъ. Но сенатъ призналъ «домогательство» Чернышевскаго «незаконнымъ» и въ немъ отказалъ.

Въ прошеніи на высочайшее имя, весьма обширномъ по объему, Чернышевскій, вооруженный отчетливымъ знаніемъ всего хода процесса о немъ, задался цѣлью опровергнуть построенное противъ него обвиненіе: онъ сопоставлялъ отдѣльные и разновременныя показанія Костомарова, уличая послѣдняго въ противорѣчіяхъ, отвергалъ принадлежность ему письма къ Плещееву, утверждая, что «это письмо—подлогъ», и «ручаясь» въ томъ, что «самъ г. Костомаровъ, если еще не разгласилъ, разгласить это...» А въ заключеніи «всепоподаннѣйше» просилъ, «дабы повелѣно было освободить его отъ суда и слѣдствія, съ предоставленіемъ права иска на лицъ, которые незаконными дѣйствіями причинили ему денежные убытки», освободить отъ содержанія подъ арестомъ, съ сохраненіемъ права жительства тамъ, гдѣ ему нужно будетъ по его дѣламъ, въ томъ числѣ и въ обѣихъ столицахъ.

¹⁾ Дѣло сенатскаго производства, I, л. 112—113.

²⁾ Изъ его прошенія отъ 25-го сентября видно, что онъ самымъ подробнымъ образомъ ознакомился не только съ запиской, но и со всемъ сенатскимъ дѣлопроизводствомъ по его дѣлу, даже съ тѣми секретными бумагами, представленными сенату третьимъ отдѣленіемъ, относительно которыхъ сенатъ постановилъ не вносить ихъ въ записку, чтобы тѣмъ самымъ не дѣлать ихъ извѣстными обвиняемому.

Итакъ, фактически Чернышевскому былъ открытъ доступъ ко всему тому матеріалу, который былъ собранъ слѣдствіемъ и судомъ.

А в т.

Нужно замѣтить, что всѣ опроверженія Чернышевскаго по-силы голословный характеръ и въ доказательство правильности своихъ сообщеній онъ и здѣсь, какъ и въ дополнительномъ показаніи сенату, не сослался *ни на одного свидѣтеля*, не указалъ ни одного какого-либо письменнаго или вещественнаго *доказательства*.

Поведеніе Чернышевскаго можно объяснить такимъ путемъ. Имѣя большое вліяніе своимъ словомъ на передовое интеллигентное общество, Чернышевскій могъ надѣяться, что его подробное опроверженіе, логически построенное, убѣдитъ и судей въ непричастности его къ революціонной дѣятельности; а боязнь того, какъ бы не были открыты новыя уличающія его обстоятельства, благодаря неосторожности другихъ, заставляла его не указывать свидѣтелей, не приводить никакихъ стороннихъ доказательствъ. Онъ по привычкѣ надѣялся прежде всего на себя, на свой умъ и предусмотрительность. Но сенаторовъ, посѣдѣвшихъ въ канцеляріи, привыкшихъ къ живымъ свидѣтелямъ и вещественнымъ доказательствамъ, трудно было уловить въ казавшіяся хитро-сплетенными логическія сѣти. Свое отношеніе къ его обширнымъ показаніямъ и дополнительнымъ разъясненіямъ они проявили тѣмъ, что въ приговоръ внесли такую фразу: «Противъ улики сихъ самъ Чернышевскій *никакого опроверженія* не представилъ».

Вызванъ былъ и Плещеевъ и на допросѣ (2-го октября) заявилъ, что предъявленное ему «письмо къ Алексѣю Николаевичу» по почерку первой страницы какъ будто писано Чернышевскимъ, но дальше почеркъ сбивается и становится менѣе похожимъ ¹⁾; по содержанию же отказался его понимать, такъ какъ онъ, Плещеевъ, не давалъ никакого повода, чтобы къ нему могло быть адресовано подобное письмо; Костомарова онъ «никогда собственно Чернышевскому не рекомендовалъ», о причастности Костомарова къ тайному печатанію ему ничего не было извѣстно ²⁾.

¹⁾ Въ особомъ актѣ 2-го октября 1863 г. записано: при допросѣ «Плещеевъ объявилъ, что почеркъ руки, коимъ писано (предъявленное ему) письмо, схожъ съ почеркомъ Чернышевскаго, особенно первая страница, но послѣ какъ-то сбивается, особенно въ концѣ» (т. II, л. 206).

Отсюда видно, что подлинная запись показанія Плещеева, скрѣпленная его же подписью, не такъ рѣшительна, какъ объ этомъ писалъ сынъ его—А. А. Плещеевъ («Новое Время», 1904 г., 6-го ноября, № 10304), который заявилъ, что отецъ при допросѣ «письмо призналъ поддѣльнымъ и, кромѣ того, глупымъ, наивнымъ по содержанию, какого Чернышевскій написать не могъ». Въ дѣлѣ подобныхъ заявленій Плещеева нѣтъ.

Авт.

²⁾ Привожу нѣсколько подробнѣе показанія Плещеева: «Сношенія мои съ Чернышевскимъ постоянно ограничивались литературой, дѣломъ журнальнымъ»; «общаго дѣла съ Чернышевскимъ я никакого никогда не имѣлъ»; «ни о какомъ станкѣ ге имѣю понятія и ни въ чемъ подобномъ не принималъ участія»; «ни о какихъ слу-

15-го октября дана была очная ставка Плещеева съ Костомаровымъ въ виду разногласія въ ихъ показаніяхъ.

На очной ставкѣ Костомаровъ написалъ: «Я продолжаю утверждать, что я былъ рекомендованъ г-ну Чернышевскому А. Н. Плещеевымъ, какъ сотрудникъ «Современника», и что г. Плещеевъ зналъ о моемъ участіи въ тайномъ печатаніи книги «Императоръ Николай и 14-е декабря»—и имѣлъ экземпляръ этой книги, подаренный или проданный ему мною».

На это Плещеевъ отвѣчалъ (въ собственноручной записи): «О тайномъ напечатаніи имъ (Костомаровымъ) книги «Императоръ Николай и 14-е декабря» я не зналъ и экземпляра отъ него ни въ подарокъ, ни за деньги не получалъ. Чернышевскому, сколько мнѣ помнится, я г. Костомарова не рекомендовалъ; впрочемъ, память могла измѣнить мнѣ, такъ какъ этому прошло два года, если не больше»¹⁾.

Почти одновременно съ очной ставкой Костомарова съ Плещеевымъ дана была (14-го октября) послѣдняя очная ставка Костомарова же съ Чернышевскимъ. Однако и эта послѣдняя мѣра не привела къ положительному результату: Костомаровъ настаивалъ на своемъ, Чернышевскій отрицалъ взводимое на него обвиненіе и ловилъ своего противника въ разныхъ противорѣчіяхъ.

Костомаровъ же снова и рѣшительно заявлялъ:

Воззваніе къ барскимъ крестьянамъ было написано Чернышевскимъ; вмѣстѣ съ Михайловымъ, онъ, К—въ, читалъ и обсуждалъ его, а затѣмъ взялся также напечатать воззваніе, но текста его не получилъ, такъ какъ долженъ былъ уѣхать домой въ Москву, однако поручилъ зайти къ Михайлову студенту Сорокъ, который и получилъ отъ Михайлова исправленный текстъ воззванія и деньги на расходы.

«Черезъ нѣсколько дней послѣ его (Сороки) возвращенія до меня,—говорилъ К—въ,—дошли такого рода слухи, что Ч—ій пріѣзжалъ въ Москву и отдалъ Сулину печатать свое сочиненіе. Слухи эти дошли въ то же время и до г. Плещеева, о чемъ тотъ сейчасъ же и увѣдомилъ г. Ч—аго. Вслѣдъ за этимъ я поѣхалъ въ Петербургъ и, увидѣвшись съ г. Ч—имъ, еще разъ рассказалъ ему объ этихъ слухахъ и предложилъ печатаніе брошюры взять на себя. Г. Ч—ій, увѣривъ меня, что всѣ перемѣны, указанныя мной, сдѣланы, былъ очень радъ передать мнѣ работу. Уѣзжая изъ Петербурга, я получилъ отъ г. Ч—аго письмо

хахъ относительно тайнаго печатанія Ч—скимъ какого-либо воззванія не слышалъ, и ему приписываемаго предостерегающаго письма не писалъ».

«Костомарова я никогда Ч—скому не рекомендовалъ; но когда онъ уѣзжалъ въ Петербургъ года два тому, если не ошибаюсь, то писалъ о немъ къ кому-то изъ редакторовъ «Современника» (какъ о хорошемъ переводчикѣ, знающемъ языки и могущемъ принести пользу журналу), но только не къ Ч—скому, потому что онъ завѣдывалъ критическимъ и ученымъ отдѣлами журнала, а не литературнымъ. Костомаровъ же преимущественно занимался переводомъ стиховъ. О тайномъ печатаніи Костомарова мнѣ ничего неизвѣстно» (Дѣло, т. II, л. 200).

Авт.

¹⁾ Дѣло, т. II, л. 212.

для передачи А. Н. Плещееву. Письмо это я затерялъ, но чрезъ нѣсколько времени нашель его между подкладкой своей дорожной сумки измоченное и измятое. Въ такомъ видѣ мнѣ не хотѣлось отдавать его г. Плещееву, и я удержалъ его у себя.

«Я не утверждаю, въ этотъ ли прїѣздъ или въ другой, г. Ч—ій диктовалъ мнѣ въ Знаменской гостиницѣ воззваніе къ старообрядцамъ. Но если это было и въ другой мой прїѣздъ въ Петербургъ, то времени между ними должно было пройти очень мало: какъ то, такъ и другое происшествіе было, что я твердо помню, весной 1861 года.

«Когда наборъ нѣсколькихъ полосъ воззванія былъ сдѣланъ, меня посѣтилъ въ Москвѣ г. Ч—ій и видѣлъ у меня всѣ сдѣланныя мною приготовленія къ печати. На другой день, когда я возвратился изъ типографіи, я нашель у себя записку, оставленную мнѣ, прїѣзжавшимъ въ мое отсутствіе, г. Ч—имъ, гдѣ онъ просилъ меня сдѣлать въ прокламаціи его слѣдующія измѣненія: вмѣсто «срочно-обязанн.» поставить «временно-обязанн.»

«Вскорѣ послѣ того какъ приступлено было къ печати первой формы (именно въ ту самую ночь, когда мы тискали корректуру), я получилъ записку, предостерегающую меня отъ полицейскаго обыска. Вслѣдствіе этого предостереженія я прекратилъ на время работы, причемъ г. Сулинъ часть шрифта (я не помню хорошенько, весь ли онъ наборъ взялъ съ собою) и станки увезъ съ собою. Когда г. Ч—ій потомъ посѣтилъ меня во время хлопотъ о цензурѣ (когда это было, я не помню, но могло случиться даже на другой день послѣ того, какъ я разобралъ станокъ), дѣйствіе станка было уже пріостановлено.

«Въ слѣдующее посѣщеніе г. Ч—аго, лѣтомъ, я тоже не занимался уже тайнымъ книгопечатаніемъ и, несмотря на всѣ убѣжденія г. Ч—аго продолжать начатое печатаніе воззванія къ крестьянамъ, я не согласился на это» ¹⁾

Въ концѣ октября слѣдствіе было закончено, и тогда же состоялось слушаніе записки, составленной по дѣлу Чернышевскаго, въ засѣданіяхъ (28-го—31-го октября) сената, на которыхъ присутствовалъ и Чернышевскій. Въ ноябрѣ составлялось опредѣленіе, которое и было подписано сенаторами 2-го декабря ²⁾. Но и послѣ этого въ теченіе декабря и января тянулася переписка съ министерствомъ юстиціи, которое, слѣдя за ходомъ процесса, внесло въ опредѣленіе нѣкоторыя свои измѣненія. Окончательное опредѣленіе сената состоялось въ февралѣ 1864 года.

Послѣ этого приговоръ суда былъ отосланъ въ государственный совѣтъ для представленія на высочайшее утвержденіе. Государственный совѣтъ не удовольствовался одной запиской по дѣлу, представляющей собою краткій экстрактъ изъ всего хода процесса, онъ потребовалъ къ себѣ все слѣдственное и сенатское производство о Чернышевскомъ и, только послѣ ознакомленія съ подлиннымъ

¹⁾ Дѣло, т. II, л. 209—210.

²⁾ Рѣшеніе сената по вопроснымъ пунктамъ состоялось 31-го октября 1863 г., тогда же постановленъ былъ приговоръ, но затѣмъ составлялось опредѣленіе сената, которое и было подписано лишь 2-го декабря сенаторами: Карніолинъ-Пянскимъ, Венцелемъ, гр. Д. Толстымъ и Н. Лукашемъ.

Авт.

дѣломъ, постановили присоединиться къ сенатскому опредѣленію и представить его на высочайшее усмотрѣніе.

7-го апрѣля 1864 г. приговоръ сената государемъ былъ утвержденъ, лишь срокъ наказанія сокращенъ былъ на половину (вмѣсто четырнадцати лѣтъ — семь лѣтъ каторжныхъ работъ). 4-го мая приговоръ былъ объявленъ Чернышевскому при открытыхъ дверяхъ, а вскорѣ ¹⁾ былъ и напечатанъ къ общему свѣдѣнію.

V.

Таковъ — вкратцѣ ходъ процесса о Чернышевскомъ. До сего времени въ литературѣ ²⁾, какъ я указала выше, безраздѣльно господствовалъ тотъ взглядъ, что Чернышевскій осужденъ былъ невинно, или, какъ это формулируется въ самой поздней работѣ по этому поводу, «юридически невинно», причемъ я долженъ отмѣтить, что писатели, которые касались этого вопроса, въ особенности г. Лемке, повторяютъ всѣ тѣ мысли и аргументы, которые были выдвинуты самимъ Чернышевскимъ во время процесса въ нѣсколькихъ прошеніяхъ и показаніяхъ, поданныхъ имъ въ слѣдственную комиссію и въ сенатъ.

Я хотѣлъ бы, насколько возможно, объективно сопоставить главнѣйшія показанія свидѣтелей съ отвѣтами Чернышевскаго, критически разобрать всѣ тѣ доводы, которыми располагала сенатъ при рѣшеніи дѣла, чтобы тѣмъ самымъ отвѣтить на два главныхъ вопроса: 1) совершилъ ли Чернышевскій то дѣяніе, которое ему было вѣнено, и 2) было ли то дѣяніе, за которое онъ осужденъ, юридически доказано?

Прежде, чѣмъ перейти къ этимъ двумъ вопросамъ, я останавлиюсь на показаніяхъ Костомарова и на тактикѣ Чернышевскаго, которой онъ держался въ своемъ процессѣ. О Костомаровѣ Чернышевскій въ своихъ отвѣтахъ не разъ отзывался, что «онъ все выдумалъ», показывалъ противъ него, Чернышевскаго, по личному раздраженію, что все его свидѣтельство — несправедливо, письмо къ Соколову является «литературнымъ произведеніемъ», «вымысломъ», составленнымъ по нѣкоторымъ документамъ, имѣвшимся въ распоряженіи третьяго отдѣленія и комиссіи. Писатели еще

¹⁾ 8-го мая въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» (А. Твѣритиновъ, «Объ объявленіи приговора Н. Г. Чернышевскому». Изданіе М. В. Пирожкова, Спб., 1906 г., стр. 6).

²⁾ Въ недавно вышедшихъ работахъ, которыя касаются процесса Чернышевскаго, точка зрѣнія г. Лемке повторяется безъ всякихъ оговорокъ; см. Корпиловъ, «Курсъ русской исторіи XIX в.», ч. II, стр. 233; Москва, 1912 г.; Глинскій, «Революціонный періодъ русской исторіи», ч. I, стр. 224—228, Спб., 1913 г.; Н. Котляревскій, «Вѣстникъ Европы», 1912 г., XII; Богучарскій, «Активное народничество», Москва, 1912 г., стр. 53.

«истор. вѣстн.», сентябрь 1913 г., т. сxxxiii.

строже отзываются о Костомаровѣ, называя его «предателемъ», «лжесвидѣтелемъ», «агентомъ третьяго отдѣленія» и даже «шпіономъ». По словамъ г. Лемке, Костомаровъ готовъ былъ «продать все на свѣтѣ, лишь бы исполнить обѣщанное Поталову», начальнику третьяго отдѣленія.

Таковъ ли былъ Костомаровъ на самомъ дѣлѣ? Его письма, показанія на допросахъ, отзывы о немъ друзей и знакомыхъ рисуютъ намъ Костомарова совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ Костомаровъ искренно заражается настроеніемъ радикаловъ, бросаетъ военную службу, занимается переводами, пишетъ стихи, иногда такого рѣзко оппозиціоннаго, противоправительственнаго содержанія, что они въ печать не попадали, а читались лишь друзьямъ по рукописи. Костомаровъ сближается съ революціонно настроенной молодежью, принимаетъ участіе въ тайномъ печатаніи, знакомится съ руководителями передовыхъ журналовъ, печатается въ «Современникѣ», входитъ въ дружбу (въ концѣ 1860 г. или началѣ 1861 г.) съ поэтомъ Михайловымъ, черезъ него знакомится съ Шелгуновымъ, Чернышевскимъ, которому, какъ онъ настойчиво утверждалъ, былъ рекомендованъ и Плещеевымъ.

Чернышевскій произвелъ на Костомарова своимъ умомъ, своей личностью весьма сильное впечатлѣніе; по словамъ Костомарова, съ перваго же дня ихъ знакомства онъ «сталъ благоговѣть передъ Чернышевскимъ, какъ передъ человѣкомъ, который, какъ ему казалось, держитъ въ рукахъ своихъ судьбы всея Руси»; о своемъ первомъ впечатлѣніи послѣ чтенія прокламаціи къ барскимъ крестьянамъ Костомаровъ сообщаетъ въ письмѣ къ Соколову въ такой формѣ: «Я не былъ въ состояніи ничего отвѣтить Чернышевскому; я окончательно, что называется, потерялъ голову, исчезъ, какъ Семелла въ величій Юпитера». Обаяніе Чернышевскаго было такъ сильно, что Костомаровъ, вернувшись домой въ Москву, какъ влюбленная институтка, желаетъ имѣть портретъ своего героя, на память рисуетъ Чернышевскаго въ величину обыкновеннаго фотографическаго портрета и ставитъ его у себя на столѣ; о рисованномъ портретѣ намъ рассказываетъ Чернышевскій (Лемке, 328): При такомъ отношеніи къ Чернышевскому неудивительно, что Костомаровъ берегъ всякое письмо, всякую записку, полученную имъ отъ Чернышевскаго.

А какъ относился къ Костомарову Чернышевскій? На первомъ допросѣ онъ утверждалъ, что «В. Костомарова онъ видѣлъ нѣсколько разъ по тому случаю, что онъ помѣщалъ статьи въ «Современникѣ», знакомство съ нимъ ограничивалось «собственно журнальными дѣлами», но изъ послѣдующихъ показаній и писемъ вырисовалась совершенно иная картина отношеній. Чернышевскій платилъ Костомарову дружескимъ участіемъ къ его дѣламъ, охотно помѣщалъ его піесы и стихи въ журналъ, хлопоталъ объ устройствѣ Костома-

рова преподавателемъ въ одномъ изъ московскихъ кадетскихъ корпусовъ, готовъ былъ оказать содѣйствіе въ полученіи заработка и въ поѣздкѣ за границу (гдѣ въ это время былъ другъ Костомарова— Михайловъ), въ качествѣ «спутника-руководителя» одного юноши. Чернышевскій не разъ навѣщалъ Костомарова, въ дружескихъ письмахъ подписывался: «вашъ Н. Чернышевскій», «вашъ преданный». Все это говоритъ о томъ, что Чернышевскій относился къ Костомарову, какъ къ близкому по идеямъ человѣку, въ судьбѣ котораго онъ принималъ горячее участіе.

Особенно близкія дружественныя отношенія установились между Костомаровымъ и Михайловымъ. Письма послѣдняго дышатъ сердечной привязанностью къ Костомарову. Такъ, въ письмѣ отъ 20-го апрѣля 1861 года Михайловъ пишетъ: «Дорогой другъ, Всеволодъ Дмитріевичъ, спасибо вамъ за вѣсточку о себѣ. Я ждалъ ея съ нетерпѣніемъ и потому только не писалъ къ вамъ»; уѣзжая за границу, Михайловъ мечтаетъ, какъ было бы хорошо «на какомъ-нибудь этакомъ Рейнѣ или въ какой-нибудь этакой Ниццѣ или Флоренціи» быть вмѣстѣ съ другомъ. Заканчивая письмо, онъ пишетъ: «Крѣпко цѣлую васъ, дорогой другъ, и желаю вамъ всего добраго, что только вы сами можете пожелать себѣ. Пишите же ко мнѣ, а я немедленно буду вамъ отвѣчать. Дай Богъ, чтобъ—до свиданія за границей. Всею душою любящій васъ Мих. Михайловъ». И другія письма Михайлова къ Костомарову такого же рода; они говорятъ о томъ, что Михайловъ любилъ своего друга такъ, какъ теперь не часто любить.

Михайловъ познакомилъ своего друга съ Шелгуновыми, съ которыми онъ жилъ на одной квартирѣ. На Шелгуновыхъ Костомаровъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе. Вскорѣ послѣ знакомства Михайловъ писалъ Костомарову: «Людмила Петровна (Шелгунова) по страсти своей къ корреспонденціи вообще, съ хорошими людьми въ особенности, хотѣла къ вамъ тоже писать и остановилась только потому, что не имѣетъ на то вашего согласія. Она очень вамъ кланяется, также какъ и Николай Васильевичъ (Шелгуновъ)». А къ другому письму Михайлова уже приложено было письмо самой Людмилы Петровны къ Костомарову.

Шелгуновъ до процесса относился къ нему дружески и участливо; въ своемъ дневникѣ онъ писалъ: «Разговаривалъ Костомаровъ мало, да и вообще говорилъ немного и имѣлъ видъ человѣка молчаливаго и сосредоточеннаго. На меня эта молчаливость, глаза, опущенные книзу, и убѣгающій узкій, гладкій лобъ произвели впечатлѣніе силы и рѣшимости».

Благодаря подобной близости и дружбѣ, то довѣріе, которое выпало на долю Костомарова со стороны Михайлова, Чернышевскаго и другихъ близкихъ имъ лицъ, но котораго, къ сожалѣнію и на ихъ несчастье, Костомаровъ не оправдалъ, давало ему возможность

знать политическое настроеніе этого кружка и могло вводить его въ такіе планы и раскрывать такія мѣропріятія ихъ, которые тщательно скрывались отъ постороннихъ глазъ.

Но, ближе познакомившись съ проектами и чаяніями Михайлова и другихъ, Костомаровъ, по его рассказамъ, увидѣлъ, что его личные взгляды такъ далеко въ революціонномъ направленіи нейдутъ; а разъ почувствовавъ эту несогласованность мнѣній и настроеній, Костомаровъ вскорѣ замѣтилъ, что въ то время, какъ у его друга Михайлова революціонное настроеніе въ 1861 году возрастало, у него оно уменьшалось. Можно даже отмѣтить нѣкоторые основные моменты въ переломѣ взглядовъ Костомарова: въ началѣ 1861 года онъ, будучи первоначально захваченъ воззваніемъ къ барскимъ крестьянамъ, потомъ перечитываетъ его неоднократно съ Михайловымъ, возражаетъ противъ нѣкоторыхъ рѣзкостей, допущенныхъ въ немъ, и по его настоянію, какъ рассказываетъ Костомаровъ, это воззваніе въ нѣсколькихъ мѣстахъ было смягчено. Нѣтъ основанія не вѣрить этому рассказу. Значитъ, уже примѣрно въ январѣ—февралѣ 1861 года у Костомарова зародились смутныя сомнѣнія въ правильности взглядовъ, а самое главное сомнѣніе въ правильности тактики и пріемовъ борьбы.

Это былъ первый моментъ расхожденія съ новыми политическими друзьями и единомышленниками, но онъ не омрачилъ сердечныхъ личныхъ отношеній. Второй произошелъ весной: Костомаровъ сталъ набирать воззваніе, уже показывалъ другу первыя страницы набора, но тутъ въ Москвѣ появились слухи о томъ, что правительство принимаетъ мѣры къ тому, чтобы изловить лицъ, занимающихся тайнымъ печатаніемъ, и Костомаровъ, предупрежденный предостерегательной запиской, вмѣстѣ съ Сулинымъ уничтожаетъ станокъ, рассыпаетъ и прячетъ наборъ. «Я,—сообщаетъ Костомаровъ,—бросилъ печатаніе брошюры, не кончивъ ея. Михайловъ уѣхалъ за границу. Этимъ роль моя политическаго агитатора и кончилась навсегда». «Весна и лѣто прошли тихо». «Я предпринялъ изданіе всемірной литературы и, углубившись въ изученіе греческихъ и римскихъ классиковъ, совсѣмъ было забылъ о крестьянахъ барскихъ и о солдатахъ царскихъ».

Новое настроеніе Костомарова опредѣленно сказалось, когда въ августѣ мѣсяцъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ; здѣсь Михайловъ предложилъ ему взять нѣсколько прокламацій «Къ молодому поколѣнію» для распространенія въ Москвѣ, но Костомаровъ рѣшительно отъ этого отказался. Михайловъ замѣтилъ значительную перемѣну въ своемъ другѣ, прежняго единомыслия не было, хотя прощаніе ихъ было попрежнему сердечнымъ. Когда же арестованы были и тотъ и другой, то допросы, заключеніе нравственно истерзали Костомарова, онъ, по его словамъ, глубже почувствовалъ и созналъ свою непригодность къ роли политическаго агитатора,

считалъ прежнюю дѣятельность свою и Михайлова преступленіемъ и «грѣхомъ»; его мучило сознаніе того, что онъ долженъ скрывать другихъ, не говорить истины, онъ разсказалъ суду о Михайловѣ и то лишь потому, что его письмо было перехвачено полиціей. Онъ принялъ на себя вину и въ составленіи прокламацій, которыхъ не писалъ. «Исповѣдь моего сердца, — писалъ Костомаровъ Соколову, — могла быть перетолкована въ малодушное желаніе отвергнуться отъ казни». Насколько далека была Костомаровъ отъ своихъ единомышленниковъ, показываетъ его объясненіе въ комиссіи о томъ, что значить выраженіе: «мы пошли съ нимъ (Михайловымъ) въ разныя стороны». Въ письмѣ же къ другу Соколову Костомаровъ писалъ: «Нѣтъ муки больше той, какъ страдать за идею, которой не служишь, и положить душу свою за людей, которыхъ не уважаешь, которымъ не имѣешь что сказать».

Нужно еще вспомнить, что Костомаровъ по происхожденію былъ дворянинъ и бывший офицеръ, и не удивительно, что, когда онъ столкнулся не съ либеральной болтовней, а съ настоящей революціонной дѣятельностью, когда на него обрушились тюрьма и судъ, то его, какъ человѣка слабаго и молодого (ему было тогда двадцать четыре года), это сломило, вернуло къ старымъ пенатамъ, тѣмъ болѣе, что къ этому онъ былъ подготовленъ и предыдущимъ идейнымъ охлажденіемъ къ своимъ друзьямъ, Костомаровъ совершенно отшатнулся отъ новыхъ идей и настроеній и вернулся къ тому, къ чему онъ подготовленъ былъ рожденіемъ, воспитаніемъ и службой. Мнѣ кажется, правильнѣе на Костомарова смотрѣть не какъ на лже-свидѣтеля, агента третьяго отдѣленія и шпіона, а какъ на раскаявшагося революціонера, который готовъ обличать своихъ прежнихъ друзей и единомышленниковъ въ «грѣхахъ-преступленіяхъ» и разсказывать все, что ему было извѣстно.

Что Костомаровъ, даже при своемъ личномъ раскаяніи, необдуманно и нечаянно, какъ онъ говорилъ, а можетъ быть, съ тайнымъ умысломъ выдалъ своихъ прежнихъ друзей и сообщниковъ и тѣмъ совершилъ низкій поступокъ, объ этомъ двухъ мнѣній быть не можетъ. Онъ и самъ это сознавалъ, будучи увѣренъ, что общество заклеимитъ его именемъ предателя, и въ этомъ онъ не ошибся. Но для насъ, при объективномъ отношеніи къ дѣлу, важна не этическая сторона, а другая: важно установить, сообщалъ ли Костомаровъ судебнымъ властямъ фактическія свѣдѣнія или выдумывалъ? Обстоятельства дѣла скорѣе всего убѣждаютъ въ томъ, что онъ владѣлъ фактическими свѣдѣніями, и если иногда, по слабости памяти къ хронологическимъ датамъ, непониманью нѣкоторыхъ обстоятельствъ и врожденной склонности къ прикрасамъ и нѣкоторому хвастовству, сообщаемыя имъ свѣдѣнія можно заподозрѣть въ фактической неточности, то по существу дѣла его ука-

занія тамъ, гдѣ можно ихъ провѣрить стороннимъ свидѣтельствомъ, оказываются вѣрными.

Ну, а Чернышевскій рассказывалъ ли въ слѣдственной комиссиі и на судѣ все то, что имъ было сдѣлано, и все то, что ему было извѣстно? Разумѣется, объ этомъ тоже двухъ мнѣній быть не можетъ. Изъ примѣра Михайлова и другихъ онъ зналъ, что причастность къ революціонной дѣятельности карается каторгой и ссылкой въ Сибирь, а потому неудивительно, что онъ защищался до послѣднихъ силъ; въ своихъ показаніяхъ онъ строго держался одной определенной тактики: настойчиво *отрицать* все то, что прямо или косвенно служило къ его обвиненію. Въ защитѣ онъ съ блескомъ обнаружилъ свой гибкій, изворотливый умъ, отчетливую память и тонкую предусмотрительность. Ставши на путь отрицанія, который онъ считалъ единственно для себя вѣрной тактикой, онъ уже не могъ и не хотѣлъ свернуть съ этого пути. Послѣ второй очной ставки съ Костомаровымъ онъ воскликнулъ: «Я скорѣе посядѣю, умру, но не измѣню своихъ показаній»¹⁾, и онъ сдержалъ свое слово.

Эта тактика Чернышевскаго не была случайной. Еще въ дневникѣ (1852—1853 гг.) онъ писалъ: «Меня каждый день могутъ взять,—какая тутъ будетъ моя роль?.. Сначала я буду молчать; наконецъ, когда ко мнѣ будутъ приставать долго—это мнѣ надоѣсть, и я выскажу свое мнѣніе прямо и рѣзко, и тогда едва ли уже выйду изъ крѣпости».

Значить, задолго до своей катастрофы Чернышевскій намѣчалъ, что онъ «молчаніемъ» будетъ отвергать всякія предъявленныя обвиненія, и только когда ему «надоѣсть», то онъ выскажется «прямо и рѣшительно», но какъ разъ этого поворотнаго момента съ нимъ во время процесса не произошло: своихъ мнѣній «прямо» и открыто онъ не заявлялъ и всѣ обвиненія отвергалъ.

Подобный способъ защиты онъ и послѣ осужденія, будучи въ ссылкѣ, считалъ правильнымъ. Такъ, вспоминая Шелгунова, который тоже на допросахъ отрицалъ все, въ чемъ обвиняли его и Чернышевскаго, послѣдній, по словамъ Рейнарда, «съ глубокимъ чувствомъ произнесъ»: «Честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ Николай Васильевичъ! такіе люди рѣдки. Прекрасно держалъ себя въ моемъ дѣлѣ»²⁾. А какъ разъ Шелгуновъ на допросѣ отговаривался незнаніемъ и отрицаніемъ того, что ему было хорошо извѣстно.

Въ виду такихъ обстоятельствъ было бы совершенно неправильнымъ для изслѣдователя отвергать изъ показанія Костомарова сообщаемые имъ факты только потому, что они отвергаются Чернышевскимъ. Самъ Чернышевскій иногда проговаривался и становился въ противорѣчіе съ своимъ собственнымъ отрицаніемъ. Такъ, на-

¹⁾ «Рус. Богатство», 1905, мартъ, 175; Лемке, стр. 399.

²⁾ «Рус. Старина», 1905 г., февр., 468.

примѣръ, на одномъ изъ первыхъ допросовъ онъ заявлялъ, что съ Михайловымъ онъ былъ мало знакомъ, знакомъ лишь по литературнымъ дѣламъ, а позднѣе принужденъ былъ сказать, что Михайловъ его «добрый знакомый», съ которымъ онъ за обѣдомъ велъ бесѣду на политическія и общественныя темы. А изъ другихъ свѣдѣній знаемъ, что Михайловъ былъ близокъ Чернышевскому и по тайной агитаціонной дѣятельности. Также о Костомаровѣ Чернышевскій сказалъ, что онъ его «мало знаетъ» и былъ у него случайно всего одинъ разъ, а изъ послѣдующихъ показаній выяснилось, что онъ былъ два раза, и наконецъ изъ дополнительныхъ разъясненій видно было, что Чернышевскій заѣзжалъ къ Костомарову еще одинъ, третій разъ.

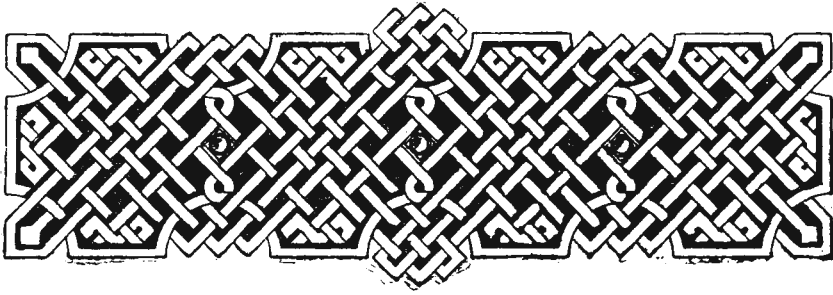
Относительно Герцена и его сообщниковъ Чернышевскій заявлялъ, что онъ «ни съ кѣмъ изъ лицъ, распространяющихъ противъ правительства злоумышленную пропаганду и ни съ кѣмъ изъ находящихся за границу русскихъ изгнанниковъ и ни съ кѣмъ изъ ихъ сообщниковъ не былъ ни въ какихъ сношеніяхъ»; «прибавлю, писалъ Чернышевскій,—что мнѣ неизвѣстно, находятся ли таковые сообщники у нихъ въ Россіи»; въ другомъ мѣстѣ онъ прямо заявлялъ: дѣятельность его всегда была «открыта и законна». Тогда какъ съ Герценомъ онъ лично бесѣдовалъ во время поѣздки за границу въ 1859 году; позднѣе просилъ ему передать, чтобы онъ не увлекалъ молодежь, а относительно пропаганды, которая велась въ Россіи, свѣдѣнія его были столь обширны, что даже одинъ писатель, отрицающій непосредственное участіе Чернышевскаго въ революціонной пропагандѣ, прямо говоритъ, что Чернышевскій «зналъ все», ему были извѣстны всѣ нити этой пропаганды.

Итакъ, не полагаясь всецѣло на сообщенія Костомарова и не основываясь на отрицаніи Чернышевскаго, слѣдуетъ обстоятельству дѣла подвергнуть строгому анализу и провѣрить доступными для насъ сторонними свидѣтельствами, что и составить предметъ слѣдующей статьи.

М. Ключковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).





ПАМЯТЬ О ШАМИЛЬ ВЪ КАЛУГѢ¹⁾.



ЛИЧНОСТЬ грознаго вождя и объединителя Чечни и Дагестана Шамиля, благодаря той выдающейся роли, которую ему пришлось сыграть въ кавказской войнѣ, является, безспорно, одной изъ самыхъ интересныхъ историческихъ фигуръ этой упорной кровавой борьбы русскихъ съ горцами, тянувшейся на продолженіи многихъ десятковъ лѣтъ и стоившей Россіи огромнаго количества жертвъ. Одаренный отъ природы блестящими военными способностями, человѣкъ рѣдкаго организаторскаго таланта, не знающій препятствій къ достиженію намѣченной цѣли, Шамиль быстро выдвинулся на политической и военной аренѣ кавказской жизни и завоевалъ господствующее положеніе среди вождей горскихъ народовъ. Природный умъ и та высшая магометанская образованность, которую онъ превосходно усвоилъ, помогли ему сплотить въ единое государственное цѣлое тѣло мелкія раздробленныя племена Чечни и Дагестана, дать имъ новое политическое управленіе и создать цѣлую армію неустрашимыхъ фанатиковъ, сумѣвшихъ въ продолженіе большаго промежутка времени оказывать серьезное сопротивленіе регулярнымъ войскамъ Русскаго государства.

¹⁾ Настоящая статья написана частью на основаніи печатныхъ источниковъ, частью на основаніи личныхъ воспоминаній старожиловъ города Калуги.

Авт.

Вскорѣ послѣ взятія русскими войсками штурмомъ неприступнаго аула Гуниба сдавшійся въ плѣнъ гордый имамъ Кавказа Шамиль, какъ извѣстно, былъ отправленъ въ Петербургъ, но на пути его въ столицу послѣдовало высочайшее повелѣніе о назначеніи для него съ семействомъ и съ свитой мѣстомъ жительства города Калуги. Городъ Калуга, гдѣ долженъ былъ жить престарѣлый вождь горцевъ, издавна служилъ мѣстомъ почетной ссылки для многихъ вліятельныхъ особъ и историческихъ лицъ. Такъ, въ ней въ XVI столѣтіи около семнадцати лѣтъ прожилъ, сосланный сюда Іоанномъ Грознымъ въ качествѣ военноплѣннаго, крымскій посолъ Янъ Болдый. Въ 1599 году въ ней жилъ принцъ шведскій Густавъ, женихъ дочери Бориса Годунова. Въ 1786 году Калуга является мѣстомъ ссылки для послѣдняго крымскаго хана Шагинъ-Гирея и, наконецъ, въ XIX вѣкѣ Калуга служила мѣстомъ жительства для султана Букеевской орды.

Шамиль прибылъ въ Калугу 10-го октября 1859 года; вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали также два мюрида и его второй сынъ Кази-Магометъ, усердный фанатикъ мюридизма, враждебно относившійся къ русскимъ въ продолженіе всего времени нахождения его въ плѣну.

Пріѣздъ въ Калугу грознаго предводителя горцевъ, конечно, явился цѣлымъ событіемъ для калужанъ, жаждавшихъ увидѣть неустрашимаго имама Кавказа. Прибывшій знаменитый плѣнникъ вмѣстѣ съ сопровождавшими его лицами на первыхъ порахъ, впредь до ремонта и отдѣлки специально нанятаго для Шамиля, его семьи и свиты каменнаго дома-особняка, былъ помѣщенъ въ «С.-Петербургской гостиницѣ Coulon».

По воспоминаніямъ мѣстныхъ старожиловъ, гостиница «Coulon» въ первые дни пріѣзда Шамиля въ Калугу буквально осаждалась сотнями любопытныхъ, желавшихъ увидѣть интересныхъ гостей. Цѣлыя толпы народа ежедневно разгуливали подъ окнами гостиницы, терпѣливо дожидаясь, когда въ окнѣ мелькнетъ суровая, полная непреклонной воли и энергіи фигура престарѣлаго Шамиля, который, въ свою очередь, съ не меньшимъ любопытствомъ разглядывалъ столпившуюся публику.

Его, видимо, сильно занимала новая, непривычная для него обстановка, новыя лица, окружавшія его, ихъ бытъ, нравы и самый городъ, гдѣ онъ долженъ былъ прожить долгіе дни въ почетномъ, но тяжеломъ для него, какъ человѣка, привыкшаго къ кипучей дѣятельности, плѣненіи. Первые дни своей жизни въ Калугѣ Шамиль посвятилъ детальному и всестороннему изученію города. Одѣтый въ свой національный кавказскій костюмъ, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ и въ сопровожденіи приставленнаго къ нему полковника Богуславскаго и переводчика, онъ знакомился съ Калугой: проѣзжалъ по улицамъ, гулялъ по загородному и городскому садамъ, вездѣ

проявляя среди калужской публики самое беззащитное, безцеремонное любопытство.

Калуга своимъ мѣстоположеніемъ, видимо, понравилась Шамилю, хотя, конечно, ему, привыкшему къ дикимъ красотамъ природы Кавказа, скромный, изящный пейзажъ окрестностей города Калуги не могъ замѣнить дивныхъ картинъ его родины. Первое время, живя въ Калугѣ, Шамиль не скучалъ: онъ охотно посѣщалъ всевозможныя публичныя увеселенія, часто ходилъ на городской бульваръ, гдѣ, смѣшиваясь съ гуляющей публикой, разспрашивалъ черезъ переводчика у находившагося при немъ почти безотлучно полковника Богуславскаго про заинтересовавшихъ его чѣмъ-либо тѣхъ или другихъ жителей города; посѣщалъ театръ, абонируя ложу, но театръ самъ по себѣ интересовалъ его очень мало; причиной этого было то обстоятельство, что Шамиль, не зная русскаго языка, не понималъ, что дѣлалось на сценѣ, сопровождавшій же его повсюду переводчикъ не могъ такъ скоро передавать происходящее на сценѣ, и Шамиль долженъ былъ удовольствоваться только отдѣльными моментами шедшей пьесы.

Вслѣдствіе этого обыкновенно Шамиль просиживалъ въ театрѣ не болѣе одного или двухъ актовъ и, посѣщая его, больше интересовался публикой, чѣмъ самымъ представленіемъ. Съ гораздо большей охотой и удовольствіемъ Шамиль посѣщалъ циркъ, когда послѣдній пріѣзжалъ въ Калугу. Здѣсь почти все было понятно Шамилю, и онъ съ искреннимъ удовольствіемъ слѣдилъ за тѣмъ или другимъ ловкимъ номеромъ цирковой программы.

Пестрыя, новыя впечатлѣнія отъ неизвѣстной Шамилю русскаго жизни на первыхъ порахъ не давали ему времени предаваться скукѣ, но лишь только онъ успѣлъ оглядѣться и со всѣмъ болѣе или менѣе освоиться, какъ отсутствіе семьи и вынужденная разлука съ родной сдѣлали свое дѣло, и Шамиль загрустилъ.

Чтобы развлечь его отъ приступовъ тяжелой меланхоли, калужская администрація въ лицѣ губернатора Виктора Антоновича Арцимовича, извѣстнаго впослѣдствіи дѣятеля по крестьянской реформѣ, употребляла всѣ усилія и средства. Самъ Арцимовичъ, отрываясь отъ многочисленныхъ и сложныхъ обязанностей по управленію губерніей, удѣлялъ знаменитому плѣннику часть своего времени и знакомилъ его съ семейными домами калужскаго общества. Калужане радушно и привѣтливо принимали Шамиля, стараясь по мѣрѣ возможности смягчить его чувство одиночества и тоску по семьѣ и родинѣ. Мало-по-малу завязавшіяся, благодаря любезному участію губернатора, знакомства съ калужскимъ обществомъ составили для Шамиля довольно обширный кружокъ знакомыхъ, среди которыхъ Шамиль могъ порой не скучая проводить часы своего плѣненія въ Калугѣ.

Вскорѣ домъ, предназначенный для Шамиля, былъ отдѣланъ и

исправленъ согласно его указаніямъ, и онъ перебрался туда, ожидал пріѣзда своей многочисленной семьи. Новая квартира Шамиля представляла большой трехэтажный каменный домъ-особнякъ съ цѣлымъ рядомъ надворныхъ построекъ, флигелемъ и большимъ тѣнистымъ садомъ. Такое изолированное положеніе этого помѣщенія какъ нельзя болѣе подходило къ восточнымъ вкусамъ престарѣлаго имама, и онъ былъ, видимо, очень доволенъ и отъ души радовался, что его жены, лишенная возможности, въ силу магометанскихъ обычаевъ посѣщать общественный паркъ, могутъ пользоваться прекраснымъ, довольно обширнымъ садомъ, имѣющимся при домѣ.

Переселившись изъ гостиницы, Шамиль нетерпѣливо началъ ожидать свою семью, стараясь какъ можно удобнѣе и лучше обставить жизнь своихъ близкихъ въ своей новой квартирѣ.

Онъ покупалъ новыя вещи, обдумывалъ, какъ размѣстить своихъ домашнихъ и чѣмъ слѣдуетъ украсить каждую комнату. Насколько былъ занятъ Шамиль этими приготовлениями и съ какой лихорадочною поспѣшностью онъ ждалъ и готовился къ пріѣзду своей семьи, лучше всего видно изъ того, что съ своими знакомыми калужанами, заѣзжавшими его навѣстить, онъ больше всего говорилъ о своей семьѣ и, показывая свою новую квартиру, любилъ рассказывать о тѣхъ приготовленияхъ, которыя онъ дѣлаетъ для семьи.

Помимо всего этого, Шамиля, конечно, занимала и самая непривычная, слишкомъ шикарная для него обстановка новаго жилища. Для него, проведшаго всю жизнь на конѣ или въ маленькой душевной саклѣ, перспектива жить въ большихъ свѣтлыхъ, хорошо обставленныхъ комнатахъ являлась очень пріятной и заманчивой. Собственно говоря, онъ, конечно, больше всего радовался за свою семью; самъ же онъ, какъ мы увидимъ впоследствии, довольствуясь самымъ скромнымъ образомъ жизни, даже, пожалуй, тяготился той роскошной сравнительно обстановкой, которой окружило его русское правительство.

Шамиля особенно удивляло и поражало то обстоятельство, что, отправляясь въ плѣнъ въ центръ Россіи, онъ воображалъ свое будущее очень печальнымъ и тяжелымъ. вмѣсто же всего этого онъ встрѣтилъ къ себѣ участіе и ласку и самое лучшее отношеніе русскаго правительства. Мысль, что семья его будетъ жить въ довольствѣ и въ такой обстановкѣ, которой она никогда не видѣла на Кавказѣ, очень утѣшала его и давала поводъ неоднократно высказывать это впоследствии многимъ изъ своихъ знакомыхъ калужанъ, съ которыми онъ сумѣлъ сойтись болѣе близко. На эту тему онъ часто любилъ бесѣдовать съ губернскимъ предводителемъ дворянства Щукинымъ, котораго считалъ своимъ «кунакомъ» и въ домѣ котораго онъ считался нерѣдкимъ гостемъ. Щукинъ вель открытый образъ жизни, былъ большой хлѣбосоль, часто устраивалъ пріемы, на которыхъ присутствовало высшее калужское общество, и здѣсь,

конечно, Шамилю приходилось сталкиваться почти со всей Калугой. Держалъ себя Шамиль въ гостяхъ очень сдержанно, съ большимъ достоинствомъ, мало принимая участія въ общемъ разговорѣ. Причиной этого, съ одной стороны, было то, что онъ плохо владѣлъ русской рѣчью, а съ другою—то обстоятельство, какъ мы увидимъ далѣе, что Шамиль, какъ истый мусульманинъ, хотя и велъ знакомство съ русскими, въ душѣ же считалъ все-таки ихъ невѣрными и близкое общеніе съ ними считалъ нарушеніемъ правилъ Корана. Бывая въ гостяхъ у знакомыхъ, Шамиль очень любилъ заниматься съ дѣтьми, всячески ихъ ласкалъ, удовлетворялъ ихъ любопытство относительно своего восточнаго костюма, дарилъ имъ мелкія бездѣлушки и охотно проводилъ въ ихъ средѣ цѣлые часы. Иногда имамъ въ сопровожденіи своей свиты знакомился съ общественными и учебными заведеніями города Калуги. Въ памяти калужанъ сохранился разсказъ, какъ однажды Шамиль, посѣщая губернскую мужскую гимназію, былъ приглашенъ ея директоромъ на урокъ физики, происходившій въ физическомъ кабинетѣ, въ которомъ въ то время, помимо учебныхъ пособій по физикѣ, находились различныя коллекціи по естествовѣдѣнію.

Шамиль изъявилъ желаніе пойти и, очутившись въ физическомъ кабинетѣ, былъ очень сильно пораженъ коллекціями рыбъ и чучелами животныхъ. Онъ живо всѣмъ интересовался, спрашивалъ директора и преподавателя, удивлялся многимъ страннымъ предметамъ, которыхъ онъ никогда не видѣлъ раньше. Когда же при немъ были показаны нѣкоторые физическіе опыты, онъ былъ такъ сильно пораженъ, что долго послѣ этого посѣщенія гимназіи разсказывалъ своимъ знакомымъ о той фантастической, таинственной для него обстановкѣ, которую ему пришлось увидѣть въ кабинетѣ, и тѣхъ загадочныхъ явленіяхъ, объяснить которыя онъ никакъ не могъ.

Шамиль также охотно посѣщалъ многія благотворительныя заведенія, больницы, богадѣльни, пріюты, спрашивалъ о постановкѣ дѣла, хвалилъ благотворителей, приводя по этому случаю цѣлыя цитаты изъ Корана, но самъ былъ далеко не щедръ, и если иногда и давалъ, то очень скромныя подаянія. Посѣщая больницы, Шамилю приходилось иногда сталкиваться съ нашими ранеными солдатами, участниками кавказской войны. Онъ всегда въ такихъ случаяхъ считалъ своимъ долгомъ подойти къ нимъ и узнать черезъ переводчика, гдѣ и когда получены ими раны и въ какихъ дѣлахъ имъ приходилось участвовать. Если спрошенный солдатъ, передавая свои впечатлѣнія о войнѣ, хвалилъ храбрость и настойчивость горцевъ, Шамиль съ нескрываемымъ чувствомъ радовался и обыкновенно давалъ при прощаніи солдату какуо-нибудь мелкую монету. Зато, если впечатлѣнія разсказчика были неблагоприятны для горцевъ, Шамиль рѣзкимъ движеніемъ отходилъ отъ боль-



Домъ Шамили въ Калугѣ (обозначенъ крестомъ).

ного и въ самомъ скверномъ настроеніи возвращался домой. Иногда Шамиль выѣзжалъ и за предѣлы города, навѣщая кого-либо изъ жившихъ по сосѣдству съ Калугой знакомыхъ помѣщиковъ, или просто предпринималъ ту или другую поѣздку въ какую-нибудь мѣстность. Такъ, однажды Шамиль по предложенію своихъ знакомыхъ рѣшилъ осмотрѣть бумажную фабрику Говарда въ селѣ Кондровѣ, отстоящемъ отъ города Калуги на разстояніи около 40 верстъ. Кондровская фабрика въ настоящее время принадлежитъ къ однимъ изъ лучшихъ бумажныхъ фабрикъ въ Россіи, тогда же, благодаря энергичной дѣятельности Говарда, она начинала только приобрѣтать ту славу, которою она пользуется теперь.

Здѣсь Шамилю былъ оказанъ очень хорошій и любезный пріемъ, его водили по всемъ отдѣленіямъ фабрики, объясняли производство бумаги и знакомили съ новѣйшими, только что привезенными изъ Англіи, изъ Больтона паровыми машинами. Шамиль внимательно и съ любопытствомъ смотрѣлъ на стройную работу фабрики и порой, выражая свое удивленіе, предлагалъ вопросы и дѣлалъ замѣчанія. Его особенно поразили здѣсь работа двухъ гидравлическихъ турбинъ и дѣйствіе новой машины, называвшейся въ то время на языкѣ рабочихъ «дѣволъ», предназначенной разбивать бумажную полумассу на мелкія части для болѣе удобнаго дѣйствія на нее хлора. При отѣздѣ Шамиля изъ Кондрова администрація фабрики поднесла ему цѣлую коллекцію различныхъ сортовъ бумаги.

Имамъ очень былъ тронутъ и долго берегъ эту коллекцію, показывая ее своимъ знакомымъ. Это маленькое путешествіе Шамиль совершилъ на почтовыхъ лошадяхъ, такъ какъ желѣзной дороги, которая соединяетъ теперь Кондрово съ Калугой, тогда еще не существовало. На обратномъ пути въ Калугу ящикъ, везшій Шамиля, былъ такъ сильно зашибленъ лошадьми, что вскорѣ по пріѣздѣ въ городъ умеръ. Когда объ этомъ доложили Шамилю и сказали, что семья убитаго осталась совершенно безъ всякихъ средствъ къ жизни, Шамиль ничего не отвѣтилъ, но и не оказалъ никакой помощи, очевидно, потому, что считалъ ящика и его семью «неправовѣрными» и помощь имъ оказывать съ своей стороны дѣломъ не согласнымъ съ правилами магометанской религіи, которыя онъ, какъ настоящій мусульманинъ, свято соблюдалъ. Приведенный случай фанатизма, проявленнаго Шамилемъ, едва ли свидѣтельствуетъ о той щедрости и благотворительности, которымъ будто онъ, по словамъ нѣкоторыхъ біографовъ, предавался, живя въ плѣну въ Россіи, и нужно замѣтить, что данный случай являлся далеко не единственнымъ изъ жизни Шамиля.

Живя въ Калугѣ, Шамиль любилъ кататься по городу, и его выѣзды въ коляскѣ, подаренной ему вмѣстѣ съ великолѣпными лошадьми государемъ императоромъ, являлись сначала въ городѣ цѣ-

лымъ событіемъ. Гораздо рѣже Шамиль ѣздилъ верхомъ, и главной причиной тому, конечно, были престарѣлые годы имама, хотя онъ, по словамъ своихъ современниковъ, несмотря на свой преклонный возрастъ и множество полученныхъ ранъ, сохранилъ прекрасную посадку и очень ловко умѣлъ управлять лошадью. Одѣвался Шамиль всегда въ національный кавказскій костюмъ: бѣлую мусульманскую чалму, черкеску съ кинжаломъ и мягкіе сафьянные сапоги. Посѣщая балы, танцевальные вечера и концерты, Шамиль обыкновенно сосредоточенно и молча наблюдалъ и лишь изрѣдка обращался черезъ переводчика къ тѣмъ или другимъ присутствующимъ знакомымъ. Особенно, какъ рассказываютъ калужскіе старожилы, Шамиль любилъ посѣщать концерты съ музыкальными отдѣленіями. Музыка, видимо, производила на его душу сильное впечатлѣніе. По крайней мѣрѣ, по рассказамъ современниковъ, въ нѣкоторыхъ домахъ, гдѣ приходилось бывать Шамилю, гостепріимные хозяева, желая развлечь плѣнника, предлагали ему обыкновенно послушать игру на роялѣ. Шамиль всегда охотно соглашался и слушалъ музыку съ большимъ удовольствіемъ. Не любилъ только Шамиль военной музыки. Проѣзжая иногда случайно мимо парадовъ, Шамиль всегда приказывалъ кучеру сворачивать и, очевидно, сильно раздражался торжественными аккордами русскихъ военныхъ маршей. Въ воспоминаніяхъ калужанъ сохранился цѣлый рядъ рассказовъ о посѣщеніи Шамилемъ баловъ и танцевальныхъ вечеровъ, которые устраивались въ Калугѣ въ то время очень часто. По обыкновенію Шамиль пріѣзжалъ на балъ очень рано, когда еще публика только что начинала собираться, и, поджавъ подъ себя по восточному обычаю ноги, садился гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ и начиналъ съ нескрываемымъ любопытствомъ наблюдать за танцующими парами. Рассказываютъ, что его очень сильно поражала чрезмѣрная откровенность дамскихъ бальныхъ туалетовъ. И онъ, не скрывая своего негодованія къ обычаямъ «неправовѣрныхъ», говорилъ объ этомъ со своими приближенными. Однажды, на балу, дававшемся калужскими дворянами по случаю дворянскихъ выборовъ, присутствовавшей на немъ Шамиль, возмущась декольтированными костюмами танцующихъ дамъ, обратился къ своему переводчику Мустафѣ съ просьбой узнать, не замерзаютъ ли онѣ въ такихъ костюмахъ. Уѣзжалъ Шамиль съ танцевальныхъ вечеровъ всегда рано, причиной этого было то обстоятельство, что онъ велъ очень регулярный образъ жизни и ложился спать не позднѣе 11 часовъ вечера. Присутствіе на балахъ престарѣлаго Шамиля, его сыновей и свиты, одѣтыхъ въ національные костюмы, первое время сильно занимало калужанъ, и плѣнники часто дѣлались предметомъ безцеремоннаго любопытства. Но мало-по-малу калужане привыкли къ новымъ интереснымъ гостямъ, и ихъ присутствіе въ общественныхъ мѣстахъ перестало возбуждать чисто провинціальное любо-

пытство. Интересно отмѣтить, что Шамиль, посѣщая всевозможнаго рода развлечения и зрѣлища и поддерживая знакомства со многими калужанами, въ душѣ не переставалъ чувствовать то глубокое презрѣніе и ненависть къ «неправовѣрнымъ», которыя долженъ былъ, по его мнѣнію, испытывать каждый истинный мусульманинъ, въ силу основныхъ правилъ Корана. Глубокій фанатизмъ имама здѣсь какъ бы уступалъ жизненной необходимости, и Шамиль,водя хлѣбъ-соль съ русскими христіанами, оставался въ душѣ все тѣмъ же непреклоннымъ вождемъ мусульманства, какимъ онъ былъ въ горахъ Чечни и Дагестана.

Примѣромъ этого могутъ служить многіе факты изъ жизни Шамиля, гдѣ обликъ грознаго вождя, постоянно увѣрявшаго русское правительство послѣ покоренія Кавказа въ своей глубокой дружбѣ и покорности, рисуется не съ совсѣмъ привлекательной стороны. Такъ, не говоря уже о вышеупомянутомъ случаѣ съ ямщикомъ, полковникъ Пржецлавскій, приставленный къ Шамилю на мѣсто штабъ-капитана Руновскаго, рассказываетъ о цѣломъ рядѣ случаевъ, не особенно выгодно характеризующихъ Шамиля.

Однажды полковникъ Еропкинъ, командовавшій одной изъ воинскихъ частей, расположенныхъ въ Калугѣ, зная, что Шамиль является у мусульманъ духовнымъ лицомъ, обратился къ нему съ просьбой привести къ присягѣ молодыхъ мусульманъ-солдатъ. Шамиль, не желая совершать этотъ приводъ къ присягѣ своихъ «правовѣрныхъ» на вѣрность христіанскому правительству, отказалъ Еропкину, объясняя, что ученіе Корана запрещаетъ ему давать присягу другимъ. Эта была очевидная неправда, такъ какъ по мусульманскому ученію приводить къ присягѣ можетъ каждый мусульманинъ, читающій по-арабски.

Полковникъ Еропкинъ былъ хорошій знакомый Шамиля, въ его домѣ онъ постоянно бывалъ, и всѣ здѣсь относились къ нему очень хорошо. И если здѣсь по отношенію къ человѣку, которому до известной степени былъ обязанъ многими часами пріятно проведеннаго времени, Шамиль проявилъ столько неискренности, не вызываемой ни требованіями религіи, ни мусульманскими обычаями и объяснимой лишь только глубокимъ фанатизмомъ, то по отношенію къ другимъ лицамъ Шамиль былъ гораздо болѣе фанатиченъ и нетерпимъ. Въ своихъ письмахъ къ знакомымъ Шамиль иногда, совершенно случайно для самого себя, сбрасывалъ маску смиреннаго плѣнника, дружески расположеннаго къ русскому правительству, и подписывался: «находящійся въ рукахъ невѣрныхъ рабъ Божій Шамиль». По крайней мѣрѣ, нѣкоторые черновики писемъ Шамиля хранятъ на себѣ такого рода подписи, гдѣ правовѣрный мусульманинъ выражаетъ то, что онъ чувствуетъ въ душѣ. Бѣловыя же его письма всегда были полны изліянія чувствъ благодарности и искренней преданности къ русскому правительству. Преданный до само-

забвенія правиламъ и законамъ Корана, Шамиль въ немъ одномъ находилъ объясненія не только всѣхъ жизненныхъ событій, но и явленій физическаго міра и любилъ съ видомъ глубокаго ученаго читать цѣлыя лекціи по тому или другому случаю посѣщавшимъ его гостямъ. Грозныя явленія природы, болѣзни, все это находило въ немъ своеобразнаго истолкователя, глубоко увѣреннаго въ правотѣ своихъ воззрѣній. Такъ, однажды, гуляя съ полковникомъ Пжецлавскимъ, онъ съ видомъ ученаго, показывая на голубое весеннее небо, началъ повѣствовать излюбленную среди мусульманъ легенду о семи небесахъ, созданныхъ изъ хрустала.

Напрасны были доводы полковника Пжецлавскаго, пытавшагося научно разрѣшить заинтересовавшій Шамиля вопросъ о строителствѣ неба. Шамиль былъ непреклоненъ и увѣрялъ, что разъ написано въ Коранѣ, что небо состоитъ изъ хрустала, значить это дѣйствительно есть на самомъ дѣлѣ.

Устроивъ себѣ уединенную комнату въ отведенномъ для него помѣщеніи, Шамиль любилъ по цѣлымъ часамъ просиживать надъ чтеніемъ стиховъ Корана и другихъ арабскихъ книгъ и рукописей, которыя доставлялись ему изъ Петербурга русскимъ правительствомъ. Кромѣ этихъ книгъ, получавшихся Шамилемъ изъ столицы, у него была довольно порядочная бібліотека собственныхъ книгъ, привезенныхъ съ Кавказа. Книги эти были преимущественно религіознаго содержанія, что накладывало на Шамиля, какъ правовѣрнаго-мусульманина, особыя обязанности по сохраненію ихъ. Онъ воздерживался давать ихъ для чтенія христіанамъ и содержалъ ихъ, обертывая въ чистыя полотняныя матеріи, чтобы пыль и нечистота не могли ихъ касаться.

Въ своемъ уединенномъ кабинетѣ Шамиль иногда даже принималъ навѣщавшихъ его наиболѣе близкихъ знакомыхъ, съ которыми любилъ поговорить на религіозныя темы, разспрашивалъ ихъ про христіанскіе обряды, интересовался православнымъ богослуженіемъ, высказывая удивленіе по поводу крестныхъ ходовъ, гдѣ люди молятся стоя, на ходу. Посѣщая различнаго рода увеселенія и поддерживая знакомства, Шамиль никогда не забывалъ требованій мусульманской религіи. Религія и ея обряды были центромъ, около котораго постоянно вращались думы престарѣлаго имама, желавшаго и здѣсь, въ почетномъ плѣненіи, вдалекѣ отъ родины, быть все тѣмъ же руководителемъ правовѣрныхъ, какимъ онъ былъ въ горахъ Кавказа. Многочисленные мусульманскіе намазы и утомительныя молитвы находили въ немъ точнаго и аккуратнаго исполнителя. Для исполненія религіозныхъ обязанностей Шамилю всегда приходилось вставать очень рано, такъ какъ первый утренній намазъ по мусульманскому обычаю долженъ былъ быть исполненъ до восхода солнца.

Нужно было удивляться той дисциплинѣ воли престарѣлаго
«истор. вѣстн.», сентябрь 1913 г., т. сxxxii.

Шампля, которая заставляла его изо дня въ день неуклонно творить положенные поклоны и молитвы съ омовеніемъ лица, рукъ и ногъ, число которыхъ ежедневно, какъ говорятъ, было болѣе шестидесяти.

Какъ духовное лицо, Шамиль всегда съ удовольствіемъ исполнялъ всевозможнаго рода духовныя требы тѣхъ немногихъ мусульманъ, которые жили въ Калугѣ. Пользуясь огромнымъ авторитетомъ среди мусульманскаго міра Кавказа, Шамиль и въ плѣну, живя въ Калугѣ, продолжалъ оставаться для плѣнныхъ горцевъ, поселившихся въ различныхъ городахъ Россіи, тѣмъ же свѣточемъ магометанской религіи, умѣвцамъ мудрѣе другихъ толковать ея ученіе.

Русскому правительству очень часто приходилось отказывать на поступавшія со всѣхъ концовъ Россіи просьбы плѣнныхъ мусульманъ совершить паломничество въ Калугу для религіозныхъ бесѣдъ съ Шамилемъ. Ревниво относясь къ требованіямъ магометанской религіи, престарѣлый имамъ, конечно, хотѣлъ видѣть такое же отношеніе и со стороны членовъ своего семейства, но здѣсь желанію Шамиля не суждено было исполниться такъ, какъ онъ того хотѣлъ. Его сынъ Шафи-Магометъ и зятья Абдурагимъ и Абдурахманъ скоро поняли прелести европейской жизни и, позабывъ Коранъ, начали вести довольно веселый образъ жизни, далеко не соответствующій строгимъ правиламъ магометанства. Бильярдъ, карты, вино, табакъ, ухаживанія за женщинами, все это постепенно вошло въ обиходъ жизни этихъ молодыхъ людей, желавшихъ веселиться, не считаясь съ запретами пророка. Въ памяти калужанъ сохранились рассказы объ Абдурахманѣ, какъ страстномъ любителѣ бильярда, постоянно проводившемъ время въ бильярдной комнатѣ гостиницы «Солон», существующей въ Калугѣ и до сихъ поръ. Однажды, встрѣтаясь здѣсь съ однимъ пріѣзжимъ оптикомъ, Абдурахманъ, выучившійся очень порядочно играть на бильярдѣ, выигралъ съ этого оптика очень крупную сумму денегъ, изъ которой въ уплату получилъ отъ него только часть, остальные же деньги оптикъ отказывался уплатить, ссылаясь, что онъ проигралъ только то, что получилъ отъ него его партнеръ; но Абдурахманъ, какъ настойчивый человѣкъ, не желавшій ничего упускать своего, рѣшилъ вытребовать какимъ бы то ни было путемъ выигранныя имъ деньги. Не получая денегъ съ оптика, Абдурахманъ сначала пытался жаловаться на это властямъ, но здѣсь ему отвѣтили, что игра не можетъ пользоваться покровительствомъ закона и заставить уплатить проигравшаго по суду нельзя. Тогда Абдурахманъ, вѣроятно, рѣшилъ расправиться съ оптикомъ самолично, произведя, по кавказскому обычаю, на него набѣгъ. Не долго думая, онъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Абдурагимомъ отправляется въ магазинъ пріѣзжаго оптика и, подъ видомъ покупателя набравъ на значительную

сумму разныхъ вещей, выходитъ изъ магазина, не расплатившись за забранныя вещи. Приказчики, конечно, подняли переполохъ, и съ криками: «Шамили грабятъ», помчались по улицамъ за Абдурагимомъ и Абдурахманомъ. Инцидентъ этотъ былъ потомъ благополучно улаженъ, вещи всѣ были возвращены оптику, а Абдурахманъ и Абдурагимъ получили отъ властей порядочный выговоръ съ угрозой перевести ихъ на жительство, если они будутъ себя такъ вести въ будущемъ, въ какой-либо другой городъ. Конечно, рассказы и слухи о поведеніи зятьевъ Шамиля доходили до него не всегда, но и то, что зналъ Шамиль про нихъ, сильно его оторчало и заставляло изыскивать различные способы воздѣйствія на непокорныхъ родственниковъ, слишкомъ увлекавшихся удовольствіями «невѣрныхъ».

Сначала Шамиль пробовалъ уговаривать ихъ, но, когда это не дѣйствовало, онъ сталъ имъ выдавать на карманные расходы очень мало денегъ, вслѣдствіе чего, конечно, его зятьямъ пришлось отказаться отъ широкаго образа жизни, но и этимъ, однако, они на путь спасенія выведены не были и попрежнему, хотя и въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, продолжали пользоваться тѣми же удовольствіями жизни и довольно лѣнливо исполнять «намазы» и молитвы. Нужно сказать, что, несмотря на ту слишкомъ ограниченную сумму денегъ, которую Шамиль давалъ своимъ зятьямъ, они все-таки умѣли доставать деньги и вести довольно веселый образъ жизни.

Обладая открытымъ, непринужденнымъ характеромъ, чуждымъ фанатическихъ привычекъ своего тестя, они очень скоро выучились говорить по-русски и имѣли въ Калугѣ очень много друзей, искренне ихъ любившихъ за ихъ веселый, открытый нравъ.

Многіе изъ извѣстныхъ людей, занимавшихъ видное положеніе, посѣщая Калугу, считали своимъ долгомъ сдѣлать визитъ Шамилю, частью, конечно, изъ любопытства, частью изъ желанія, можетъ быть, засвидѣтельствовать уваженіе къ легендарной храбрости имама. Обстановка такихъ визитовъ отличалась нѣкоторой торжественностью, и имамъ, державшійся всегда съ достоинствомъ, былъ здѣсь еще болѣе сдержанъ и важенъ. вмѣстѣ съ нимъ къ гостямъ выходила его свита, которая и присутствовала во все время пріема.

Не всегда такого рода визиты кончались благополучно. Однажды прибывшій съ Кавказа георгіевскій кавалеръ офицеръ Орловъ былъ представленъ Шамилю. Увидѣвъ на немъ георгіевскій крестъ, Шамиль, зная, за что дается эта награда, спросилъ Орлова, за какое дѣло былъ полученъ этотъ орденъ. Тотъ отвѣтилъ словами реляціи, что крестъ георгіевскій былъ полученъ имъ за штурмъ аула Катури, при взятіи котораго попалъ въ плѣнъ наибъ Хадуси-Магометъ. Услышавъ это, Шамиль нахмурился и взволнованнымъ голосомъ просилъ передать Орлову черезъ переводчика, что наибъ Хадуси-Магометъ не былъ взятъ въ плѣнъ, а былъ при штурмѣ Катури убитъ.

Сказавъ это, Шамиль повернулся и быстрымъ шагомъ ушелъ отъ гостей. Послѣ выяснилось, что Шамиль, дѣйствительно, былъ правъ, такъ какъ реляція была составлена невѣрно и Хадуси-Магометъ живымъ въ плѣнъ не попадался.

Живя въ плѣну, среди чуждыхъ ему по религіи и быту людей, Шамиль волей-неволей долженъ былъ въ нѣкоторыхъ сторонахъ своей жизни поддаться чужеземному вліянію: ѣздить въ извѣстные дни года съ визитами въ своимъ знакомымъ, устраивать званые обѣды, сервируя ихъ по-европейски, приглашать въ случаѣ болѣзни русскаго врача, соблюдать извѣстнаго рода правила приличія, требуемыя тѣмъ кругомъ людей, съ которыми ему приходилось поддерживать знакомство; но все-таки, несмотря на все это, общій духъ, господствовавшій въ жизни Шамиля и его семьи, былъ строго восточный. Шамиль съ ревливой сознательностью вездѣ, гдѣ только было можно, строго оберегалъ традиціи азіатской жизни и подчеркивалъ свое расположеніе къ обстановкѣ и вкусамъ Востока. Такъ, напримѣръ, сервируя въ торжественныя дни столъ, когда бывалъ кто-либо изъ гостей, по-европейски, съ меню, въ которомъ отсутствовали восточныя блюда, Шамиль и его семья въ обыкновенные дни кушали исключительно національныя блюда, хотя это многимъ членамъ изъ его семьи, успѣвшимъ уже полюбить европейскую кухню, очень не нравилось. Жены Шамиля и его дочери жили уединенной гаремной жизнью, избѣгая показываться, хотя бы даже въ покрывалахъ, скрывающихъ ихъ лица отъ взоровъ любопытныхъ. Но женское любопытство, очевидно, было все-таки такъ велико, что часто можно было видѣть въ верхнемъ этажѣ дома, гдѣ жилъ Шамиль, цѣлый рядъ женскихъ головъ въ восточныхъ костюмахъ, наблюдавшихъ уличную жизнь города Калуги. Весной и лѣтомъ жены и дочери Шамиля обыкновенно проводили время въ тѣнистомъ саду, прилегающемъ къ дому, въ которомъ жилъ Шамиль. Иногда проходившіе или проѣзжавшіе мимо дома Шамиля могли видѣть такого рода картину: около отдѣльнаго сада отъ улицы забора собиралась кучка любопытныхъ и разглядывала сквозь заборныя щелки времяпрепровожденіе женской половины Шамиля. Шамиль объ этомъ зналъ, и это его сильно волновало, по крайней мѣрѣ онъ неоднократно жаловался приближеннымъ къ нему людямъ о невозможности строго сохранять священные обязанности мусульманъ.

Такъ въ общихъ чертахъ складывалась жизнь вождя кавказской войны, принужденнаго силой историческихъ обстоятельствъ оторваться отъ кипучей военной и политической дѣятельности своей страны и перемѣнить родную обстановку Кавказа, полную бурныхъ боевыхъ приключеній, на парадные выѣзды, визиты, пріемы и различнаго рода европейскія удовольствія и развлечения. И если первое время его это еще занимало своей новиз-

ной, не позволяло скучать, то, когда онъ прожилъ въ Калугѣ нѣсколько лѣтъ, вся эта жизнь, гдѣ ему приходилось играть чисто пассивную роль, очень ему надоѣла.

Отсюда и явились постоянныя его просьбы къ русскому правительству о предоставленіи ему новаго мѣстожителства. Желаніе чего-нибудь новаго, очевидно, такъ было велико въ душѣ имама, что, не получая долгое время изъ Петербурга удовлетворенія своей просьбы, Шамиль впалъ въ меланхолію и сидѣлъ по цѣлымъ днямъ, запершись въ своемъ кабинетѣ, никого не принималъ и самъ никуда не ѣздилъ. Такой образъ жизни Шамиля обратилъ на себя вниманіе приставленнаго къ нему полковника Пржецлавскаго, который и сдѣлалъ объ этомъ соответствующее представленіе въ Петербургъ, указывая, что, по его мнѣнію, измѣненіе настроенія Шамиля могло бы послѣдовать, если бы лѣто Шамиль провелъ гдѣ-либо на дачѣ.

Разрѣшеніе на это русскимъ правительствомъ было дано, и Шамиль, узнавъ объ этомъ, былъ очень радъ. Недалеко отъ города Калуги, въ прекрасной сухой, живописной мѣстности, въ благоустроенномъ имѣніи были снята просторная хорошая дача. Когда еще до переѣзда туда Шамилю пришлось ее осмотрѣть, онъ, не скрывая своего удовольствія, говорилъ, что предстоящій переѣздъ на дачу его очень радуетъ, такъ какъ живописная, поросшая смѣшаннымъ густымъ лѣсомъ мѣстность, гдѣ придется провести ему лѣто, своимъ видомъ напоминаетъ ему Кавказъ.

Переселеніе на дачу было обставлено нѣкоторыми интересными подробностями. Передъ отъѣздомъ Шамиль и его семья долго по мусульманскому обычаю выбирали благополучный день, когда можно было бы хорошо совершить переѣздъ, а затѣмъ, когда этотъ день наконецъ былъ выбранъ, то, согласно восточному повѣрью, для успѣшности начинанія мужчины побрили себѣ головы, а женщины выщипали себѣ часть волосъ и остригли ногти. Все это было завязано въ тряпку и брошено въ рѣку. Самый переѣздъ на дачу совершился ночью, причемъ женщины ѣхали въ закрытыхъ каретахъ, чтобы никто изъ русскихъ не могъ видѣть ихъ лицъ.

Чистый деревенскій воздухъ, живописная мѣстность, перемѣна обстановки, все это, видимо, очень благопріятно отразилось на самочувствіи Шамиля. Онъ сбросилъ съ себя меланхолическое настроеніе и сталъ попрежнему предаваться любимымъ развлеченіямъ: много гулялъ, читалъ книги, переписывался съ своими знакомыми, ежедневно купался, вставая для этого очень рано, и иногда даже катался верхомъ. Семья Шамиля тоже была очень довольна дачной жизнью. Особенно это касалось женской половины, такъ какъ любопытныхъ здѣсь было гораздо меньше, и они могли пользоваться большей свободой. На зато затѣямъ Шамиля дачная жизнь пришлась не по вкусу, и они пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ,

чтобы побывать въ Калугѣ и получить тамъ то или другое удовольствіе.

Иногда къ Шамилю пріѣзжалъ кто-либо изъ города. Чаще всего такимъ гостемъ оказывался домашній докторъ Кричевскій, который любилъ, какъ хорошій знакомый, навѣщать Шамиля въ его дачномъ уединеніи. Жизнь Шамиля на дачѣ текла очень мирно, нарушаемая лишь семейными дразгами его женской половины и двухъ зятьевъ съ его сыномъ Кази-Магометомъ. Впрочемъ, порой происходили недоразумѣнія съ окрестными крестьянами. Причиной этого было то обстоятельство, что зятья Шамиля и другіе его родственники любили, какъ истинные кавказцы, джигитовку и охоту. Увлекаясь этого рода спортомъ, они топтали крестьянскія поля и тѣмъ самымъ, конечно, наносили большіе убытки послѣднимъ. Многочисленныя жалобы крестьянъ на это были основательны, и ихъ приходилось удовлетворять изъ суммъ, отпускаемыхъ русскимъ правительствомъ на содержаніе Шамиля и его семьи. Матеріальныя условія жизни Шамиля въ Россіи были очень хороши, такъ что нужно было только удивляться тѣмъ жалобамъ, которыя приносилъ Шамиль въ послѣдніе годы своей жизни въ Калугѣ на недостаточность содержанія, отпускаемаго русскимъ правительствомъ.

Жалобы эти были лишены совершенно всякаго основанія, и только вліяніемъ одной изъ женъ Шамиля Заидать, всячески его эксплуатировавшей, можно было объяснить ихъ существованіе.

Получая 15 тысячъ рублей и имѣя готовую квартиру, Шамиль безусловно могъ жить въ Калугѣ болѣе чѣмъ прилично. Если же принять во вниманіе условія жизни его на Кавказѣ, то само собой станетъ ясно, что та обстановка, какую дало русское правительство плѣнному Шамилю, прямо была роскошна. Деньги, даваемые русскимъ правительствомъ на содержаніе Шамиля и его семьи, служили очень часто въ семьѣ имама тѣмъ яблокомъ раздора, изъ-за котораго престарѣлому имаму приходилось переживать весьма много непріятныхъ минутъ. Дѣло въ томъ, что для расходованія денегъ на хозяйство у Шамиля по прибытіи его въ Калугу была учреждена должность казначея, который, выдавая извѣстныя суммы на расходы, въ концѣ каждаго мѣсяца представлялъ полный и подробный отчетъ о произведенныхъ расходахъ. Суммы, отпускаемой русскимъ правительствомъ на содержаніе Шамиля и его семьи, хватало всегда съ излишкомъ, такъ что въ концѣ каждаго мѣсяца получалось извѣстное количество денегъ, которое шло въ счетъ сбереженій, но затѣмъ, неизвѣстно подъ вліяніемъ кого, Шамиль должность казначея упразднилъ и на веденіе хозяйственныхъ расходовъ предоставилъ право своей женѣ Заидать, которая уже не вела подробныхъ отчетовъ, а, жалуюсь постоянно на большіе расходы и безденежье, ловко пользовалась своимъ положеніемъ и дѣлала личныя сбереженія, или же покупала цѣнныя вещи: жемчугъ, брильянты и другіе предметы роскоши.

Вслѣдствіе этого Шамиль, съ одной стороны подъ видомъ желанія удержать Абдурахмана и Абдурагима отъ веселой европейской жизни и общенія съ невѣрными, а съ другой стороны подъ вліяніемъ постоянныхъ жалобъ Заидать на безденежье, давалъ своимъ родственникамъ очень мало денегъ на карманные расходы, что и вызывало постоянныя ссоры и непріятности въ семьѣ имама. Вообще вся семья разбивалась на два враждующихъ лагеря. Во главѣ перваго стоялъ старшій сынъ Шамиля Кази-Магометъ, слѣпой и упорный фанатикъ, ненавидѣвшій до глубины души русскихъ и презиравшій за общеніе съ ними своихъ зятьевъ Абдурахмана и Абдурагима. Его постоянной сторонницей во всѣхъ семейныхъ дразгахъ была вторая жена Шамиля Заидать, умѣвшая ловко пользоваться своимъ вліяніемъ на престарѣлаго имама, который, слушаясь ея, дѣлалъ часто цѣлый рядъ нетактичностей по отношенію къ радушно принявшимъ его калужанамъ. Во главѣ втораго лагеря стояли Абдурахманъ и Абдурагимъ—два зятя Шамиля. Первый, несмотря на свой хитрый и фанатичный умъ, любилъ пользоваться жизненными удовольствіями, что и заставляло его быть всегда сторонникомъ Абдурагима, милаго молодого человѣка, искренно страдавшаго отъ своего тяжелаго положенія и скупости Заидать, не позволявшей ему прилично одѣваться и съ достоинствомъ поддерживать знакомства съ калужскимъ обществомъ. Семейныя дразги, видимо, сильно волновали и огорчали Шамиля, и онъ въ послѣдніе годы все чаще и чаще сталъ высказывать желаніе уѣхать въ Мекку.

Въ 1866 году, 26-го августа, въ дворянскомъ собраніи, въ присутствіи представителей калужской губернской администраціи и множества публики Шамилемъ была принесена торжественная присяга на вѣрность и подданство государю императору, а 25-го ноября 1868 года Шамиль оставилъ Калугу и поселился съ семьей въ Кіевѣ.

Завѣтной мечтѣ престарѣлаго имама поѣхать въ Мекку, чтобы поклониться мусульманскимъ святынямъ, суждено было исполниться подъ конецъ его жизни. Выѣхаль онъ изъ Россіи туда въ 1870 году и уже больше назадъ не возвращался, такъ какъ умеръ въ Мединѣ въ 1871 году.

Д. П. Богдановъ.





РОЛЬ КАЗАЧЕСТВА ВЪ ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ 1905 Г.



Въ 1905—1907 годахъ въ обществѣ рѣзко замѣчалась не основанная ни на чемъ глухая вражда къ казакамъ. Конечно, лѣвая печать оказала большое вліяніе на мнѣніе толпы; неоднократно даже приходилось слышать и читать, что казачество уже отжило свой вѣкъ и прежде процвѣтавшій среди него духъ рыцарства, безавѣтной удали пропалъ безслѣдно.

Большая часть русской интеллигенціи незаслуженно клеймила казаковъ, приписывая имъ всевозможныя злодѣянія и жестокости, но казаки, чувствуя обиду, относились спокойно къ оскорбителямъ и клеветникамъ, хорошо сознавая, что рано или поздно они понадобятся царю и Россіи.

Если же среди этой массы лжи кто-либо и вступался за казачество, то его голосъ раздавался слишкомъ вяло и нерѣшительно, а въ газетахъ никто и не осмѣливался даже и писать въ его защиту, боясь прослыть «черносотенцемъ», «ретроградомъ» и т. п.

Но на что не хватило храбрости у мужчинъ, на то ея достало у женщины, именно у г-жи С. И. Смирновой: только она одна выступила на страницахъ «Новаго Времени» защитницей оклеветаннаго казачества и правдивыми, яркими штрихами обрисовала его положеніе, быть, обвиняя общество въ несправедливомъ къ нему отношеніи.

За такое гражданское мужество казаки будутъ ей вѣчно благодарны; только приходится пожалѣть, что писательница не продолжала своей столь удачно начатой защиты.

Благодаря нападеніямъ лѣвой печати, смѣло стали писать о необходимости уничтоженіи казачества, какъ корпораціи, объ отпяти у него льготъ и правъ, забывая, что они вѣками добыты казачьей кровью; стремились сравнить казаковъ съ регулярными войсками, утверждая, что «духъ старой Сѣчи умеръ» и отъ нихъ уже нельзя ожидать пользы. Встрѣчались даже военные, которые не стѣсняясь кричали, что, какъ боевая сила, казаки совершенно непригодны!

Когда же, среди всѣхъ ухищреній скрыть ихъ достоинства, въ лѣвыхъ журналахъ бывало нѣтъ, нѣтъ, да и всплыветъ какой-нибудь подвигъ казака, то пренебрежительно замѣчали: «Экое диво, что отличился! на то онъ и казакъ!» Значить, все-таки обществу приходилось соглашаться, что казакамъ свойственны извѣстныя доблести.

Нѣтъ, господа, вы жестоко ошибаетесь! Традиціи Сѣчи не умерли и не погибнуть до тѣхъ поръ среди казаковъ, пока они составляютъ одну дружную, сплоченную семью, а врагамъ ихъ не одолѣть, пока въ нихъ живы завѣты дѣдовъ и пока девизомъ ихъ будетъ: «Одинъ за всѣхъ и всѣ за одного»!

Невольно на память приходитъ тяжелое время 1905—1907 годовъ и все, что пришлось вынести казачеству.

Тогда, когда бѣдную Россію терзали разныя партіи, смута распространялась отъ палатъ до послѣдней хижины, когда вокругъ все рушилось, но ничего не созидалось и, казалось, не существовало ничего святого, тогда только одно казачество стояло въ сторонѣ отъ этого безумнаго движенія, ожидая, когда о немъ вспомнятъ и призвуть на борьбу съ революціей.

Въ тѣ ужасные дни измѣна царила почти вездѣ; большинство людей буквально теряло голову, не зная, что дѣлать, что предпринять, для спасенія родины отъ позора и распаденія.

Вдругъ среди такого хаоса прозвучалъ голосъ генерала Трепова:

— Мобилизовать всѣхъ казаковъ! Они справятся съ крамолой.

Этотъ человекъ не испугался, что лѣвые закидаютъ грязью его имя, и, къ счастью, его послушали: призвали казаковъ всѣхъ очередей, а въ станицахъ остались лишь старики, женщины да дѣти.

Тутъ-то и пригодились «пережившіе будто бы свою славу», по мнѣнію лѣвой печати, сыны Дона.

Въ годину бѣдствій казачество, позабывъ личные счеты съ обществомъ, всю его несправедливость къ себѣ, смѣло вступило въ смертельный бой съ революціонерами, на всѣ обвиненія крайнихъ партій отвѣчая лишь гордымъ молчаніемъ въ надеждѣ на свою правоту; въ ту печальную эпоху еще разъ казаки доказали свое мужество и что имъ памятно слова стариковъ о преданности монарху, атаману и Россіи.

Въ 1905, 1906 и 1907 годахъ казаки проявили необыкновенную стойкость, почти героизмъ: по всей Россіи разставлены были казачьи полки, сумѣвшіе сдержать разнузданныя страсти озвѣрѣвшей толпы, внушить ей уваженіе къ закону и къ чужой собственности.

Но тяжело досталась имъ эта борьба. Много погибло жизней за спасеніе отечества отъ внутреннихъ враговъ. Сколько страданій и униженій перенесено ими, вѣдаетъ одинъ Господь! Они пожертвовали всеѣмъ во имя присяги. Да, сотни героевъ заплатились головой, защищая родину и мирныхъ, но часто неблагодарныхъ гражданъ отъ рукъ убійцъ и грабителей.

Я рѣшилъ съ своей стороны представить на судъ читателей нѣсколько скромныхъ иллюстрацій къ сказанному, причемъ долженъ сказать, что приводимые мной эпизоды не являлись единичными исключеніями въ ту смутную эпоху, когда казачій героизмъ вспыхнулъ такъ ярко.

Мои очерки не фантазія, а истинная правда, записанная со словъ очевидца, даже дѣятеля въ эпоху террора. Изъ слышаннаго я выбралъ характерное, обрисовывающее качества казаковъ и пережитыя ими впечатлѣнія, не подчеркивая всего трагизма ихъ тогдашняго положенія.

1. Покушеніе на грабежъ пятнадцати тысячъ рублей.

Былъ теплый, южный вечеръ; луна свѣтила, какъ говорится, во всю; кругомъ не шелохнетъ; въ окна льется одуряющій ароматъ розы, жасмина и бѣлой акаціи. Дышать легче послѣ слишкомъ знойнаго дня, хотя въ тѣлѣ ощущается еще какая-то истома и утомленіе.

Валентину Николаевичу Сафонову ¹⁾, командиру полусотни, расположенной въ экономіи К. ²⁾ и одновременно начальнику района охраны, цѣлое утро было не по себѣ; тоска давила грудь, а чувство тягостнаго ожиданія чего-то неизвѣстнаго не давало покоя; малѣйшій шумъ заставлялъ его прислушиваться, звонокъ телефона—вздрагивать.

Невольнo у него вкралось предчувствіе, что случится какая-нибудь неприятность, но какая именно, даже трудно предположить. Мысль объ экспроприаторахъ не приходила въ голову; въ подвѣдомственномъ районѣ, слава Богу, все было спокойно, о грабителяхъ пока еще не слышать, но уже носились смутныя свѣдѣнія о готовящихся будто бы забастовкахъ и о вооруженныхъ нападеніяхъ революціонеровъ на помѣщиковъ нѣкоторыхъ отдаленныхъ уѣздовъ;

¹⁾ Фамилія вымышленна.

²⁾ На югѣ «экономіями» называются большія имѣнія.

хорунжій, настроенный оптимистически, предполагалъ: «Ну, побрешутъ и отстанутъ! Какіе тамъ террористы—прямо разбойники».

Промучавшись такимъ образомъ до половины девятого вечера и не освободясь отъ противнаго ощущенія, онъ отправился, чтобы разсѣяться, въ гости къ управляющему экономіей, Ивану Ивановичу Минаеву, человѣку вполне развитому и образованному. Самого хозяина не было дома; семья же собралась въ столовой, нетерпѣливо ожидая возвращенія отца изъ города.

— Какъ я рада вамъ, Валентинъ Николаевичъ,—этими словами встрѣтила его жена Минаева, къ которой какъ нельзя лучше подходили стихи Некрасова:

Такой доброты не видала и я,
Не увидишь и ты!

И, въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ Сафонова, проговорила: — Страшно я беспокоюсь за мужа! Повѣрите ли, просто мѣста себѣ не нахожу! Такъ и кажется, что сегодня онъ будетъ убитъ. Ахъ! вы ничего не знаете: вечеромъ онъ долженъ привезти изъ банка пятнадцать тысячъ рублей для расплаты съ рабочими.

Утѣшивъ немного Елену Ивановну, молодой человѣкъ присѣлъ къ чайному столу и, болтая о томъ да о семъ, нечаянно проговорился о странномъ своемъ состояніи духа. Это выраженіе встрѣчено было дружнымъ смѣхомъ взрослыхъ дѣтей Минаева.

— Право, вы точно мамуся съ своими предчувствіями! Вѣчно тревожитесь пустяками!—сказала хорошенькая Оля, сверкнувъ глазками въ сторону интереснаго собесѣдника:—а еще казакъ! Къ тому же папа считаетъ васъ нашимъ защитникомъ! Хорошъ...

Но внезапно слова замерли на ея губкахъ: деревенская тишина была нарушена бѣшеной скачкой лошади, стукомъ колесъ подкатившаго тарантаса, затѣмъ голосами, кричавшими, что надо доложить командиру полусотни о стрѣльбѣ въ посадкахъ у первой будки ¹⁾.

Все общество выскочило на балконъ, и глазамъ представилась слѣдующая картина: отъ покрытыхъ пѣной и тяжело дышавшихъ коней паръ валилъ столбомъ, несмотря на жаркій, лѣтній вечеръ; блѣдный, потерявшій шапку кучеръ Егоръ едва сидѣлъ на козлахъ, а по щекамъ его медленными каплями текла кровь.

Съ крикомъ отчаянія Елена Ивановна Минаева бросилась къ экипажу, только въ немъ никого не было.

— Гдѣ баринъ?—стономъ вырвалось у нея, и она покачнулася; къ счастью, дочь успѣла ее подхватить.

— Не пріѣхалъ... матушка... барыня!.. Вотъ телеграмма,—пробормоталъ чуть внятно Егоръ, потому что зубы его выбивали дробь.

¹⁾ «Посадки»—особыя древесныя насажденія около полотна желѣзной дороги для защиты отъ снѣга.

Хозяйка дома широко перекрестилась; всё послѣдовали этому примѣру.

— Ахъ, батюшки! какія ужаси!—не своимъ голосомъ взвизгнула появившаяся въ дверяхъ чернобровая горничная Оксана и только что приготовилась громко заревѣть, какъ строгое «молчать» офицера заставило ее прикусить языкъ.

— Ну, что распустилъ нюни, какъ баба, а еще бывший солдатъ!—обратился онъ къ кучеру:—вѣдь пуля только ссадила кожу на скулъ; лучше расскажи толкомъ, какъ было дѣло?

Подошедшіе конюхи взяли лошадей для проводки, оставивъ, по распоряженію Сафонова, тарантасъ у крыльца; Егоръ же продолжалъ стоять, бессмысленно уставившись въ одну точку, только нервная дрожь отъ испуга пробѣгала по его тѣлу.

— Будьте любезны, Елена Ивановна, прикажите ему вынести большой стаканъ водки,—попросилъ хорунжій:—она заставитъ его прійти въ себя.

Выпивъ вина, кучеръ обтерся полой и глубоко вздохнулъ:

— Слава тебѣ, Господи, отошло! Не чаялъ, ваше благородіе, живымъ добратся до дому! Ёду-то я со станціи, получивъ отъ хозяина депешу, шагомъ, легохонько; зачѣмъ, думаю, гнать лошадокъ, баринъ не вернулся, ёду, значить, порожнемъ, а верхъ тарантаса поднялъ, какъ слѣдуетъ, отъ пыли! Все сдѣлалъ честь-честью! Уже подѣзжаю къ посадкамъ, а изъ нихъ какъ выскочитъ разбойникъ, да и давай палить въ меня, анъ промахнулся, анаеема, чуть задѣлъ лицо, и какъ бросится къ конямъ, хватъ ихъ подъ уздцы! А я воплю благимъ матомъ: «выручайте, соколики, убиваютъ!» Вѣстимо, лошадки мной вспоены, вскормлены, хорошо знаютъ мой голосъ, притомъ напужались стрѣльбы, какъ подхватятъ, рванутся, ажъ окаянный свалился въ канаву, но всталъ и выстрѣлилъ въ поднятый верхъ экипажа, другой же прохвостъ изъ кустовъ послалъ мнѣ въ догонку третью пулю, стукнувшуюся тоже въ верхъ. Извольте поглядѣть: во какъ продырявили новую кожу. А будь тутъ Иванъ Ивановичъ, наповаль бы убили голубчика! Опалѣли мои гнѣдые, вихремъ понеслись, только пыль заклубилась и скрыла насъ отъ кровопивцевъ!

Подойдя къ тарантасу, Сафоновъ дѣйствительно на днѣ его увидѣлъ двѣ пули отъ браунинга, размѣръ которыхъ вполнѣ соответствовалъ величинѣ двухъ круглыхъ отверстій въ приподнятомъ верхѣ на уровнѣ головы сидящаго человѣка; молча онъ опустил находку въ карманъ тужурки.

— Объясни мнѣ, голубчикъ, гдѣ же находился твой револьверъ и почему ты имъ не воспользовался? Не растеряйся ты, брось вожжи, лошади сами привезли бы тебя въ конюшню, а ты могъ бы ранить или убить хоть одного разбойника.

— Такъ точно, ваше благородіе, могъ бы, да незадача: вчера я,—

замаялся кучеръ,—смазавъ его хорошенько, положилъ подъ козлы; думаю, выну, какъ понадобится, анъ не тутъ-то было, запамятоваль...—и онъ безпомощно развелъ руками.

Валентинъ Николаевичъ далъ знать по телефону въ казарму о происшествіи: казаки еще не спали, сидѣли за ужиномъ; зазвонилъ аппаратъ, дежурный, подойдя къ нему, немедленно крикнулъ: «Тревога!».

Все сразу зашевелилось, ужинъ забыть, спѣшно всѣ собираются; не прошло пяти ¹⁾ минутъ, донцы уже въ карьеръ неслись къ дому управляющаго.

Тутъ ихъ встрѣтилъ въ боевомъ вооруженіи успѣвшій переодѣться командиръ, который вскочилъ на приведеннаго золотистаго Ахмета, и всѣ поскакали къ мѣсту нападенія.

Вотъ показались «посадки», станичники быстро ихъ оцѣпили, держа винтовки въ рукахъ, вспыхнули взятые съ собой факелы, такъ какъ стемнѣло, и начался осмотръ каждаго кустика, но ничего не нашли, кромѣ бывшихъ уже въ употребленіи обоймъ отъ браунинга, нѣсколькихъ пустыхъ бомбъ и корзинки съ припасами.

Ночь прошла въ безуспѣшныхъ розыскахъ: оглядѣли малѣйшую ямку, обыскали полустанокъ, также трактиръ въ сосѣднемъ поселкѣ, все напрасно. Даромъ только не спали, да люди измучились и кони. А цѣль все-таки не была достигнута!

— Злодѣевъ, вѣрно, шайтанъ унесъ,—проговорилъ весельчакъ Мягковъ.

— Молчи, дурень, не скаль зубы! Смотри, чтобы тебя самого чертъ не унесъ въ холодную! Людей злость разбираетъ, что не напали на негодяевъ, а ему, молокососу, смѣхъ!—прикрикнулъ на него вахмистръ.

Лишь около восьми часовъ утра казаки вернулись домой, улеглись, однако отдыхали не долго; пришла депеша: экспроприаторовъ видѣли тамъ-то; значить, гонись снова за ними.

Весь день продолжался осмотръ остальныхъ посадокъ, допросъ ближнихъ хохловъ, а виновные точно провалились сквозь землю!

Опять приближается вечеръ. Сафоновъ, недавно выпущенный изъ Николаевского кавалерійскаго училища, страшно былъ раздосадованъ, что первая самостоятельная его экспедиція окончилась полнымъ фіаско, и рѣшилъ отправиться на желѣзнодорожную станцію А., находящуюся недалеко отъ экономіи, чтобы тамъ поискать слѣды преступниковъ.

Медленно съ двухъ сторонъ подъѣзжали донцы къ станціи, гдѣ въ это время всегда было много простого народа. Вдругъ раздался крикъ: «Казаки скачутъ! Спасайся, кто можетъ!».

¹⁾ Въ пять минутъ надо одѣться, вооружиться и осѣдлать коня.

Но уже было поздно: часть станичниковъ успѣла опѣпить зданіе, занявъ всѣ выходы; другая же, помчавшись быстрѣй вѣтра, спѣшилась и такимъ образомъ захватила противоположную сторону полотна желѣзной дороги, отрѣзавъ путь къ поселку.

Нѣсколько человѣкъ бросилось со станціи въ степь; грозный приказъ: «Стой!» и направленные на нихъ дула винтовокъ заставили смѣльчаковъ возвратиться на платформу.

— Ни съ мѣста! Руки вверхъ!—распорядился хорунжій, обращаясь къ публикѣ:—а ты, жандармъ, обыщи ихъ.

Начался повальный обыскъ и отдѣленіе овецъ отъ козлищъ; на одномъ изъ нихъ нашли записку оригинальнаго содержанія: «По распоряженію т—скаго революціоннаго комитета предписывается убить черносотенца Минаева; деньги же взять на нужды партіи». Приложена печать, очень похожая на закопченный мѣдный пятакъ, и подпись, которую не разобралъ бы самъ Аллахъ. И даже тутъ не было возможности найти главныхъ преступниковъ, по всей вѣроятности, успѣвшихъ гдѣ-нибудь спрятаться. Взятаго революціонера съ его документами передали полицейскому разбѣзду, и станичники тихо двинулись обратно; пройдя деревню съ пѣснями, поѣхали скорѣе, потому что время было къ полуночи и надо было дать отдыхъ людямъ и конямъ.

Шумный говоръ, смѣхъ сопровождалъ отрядъ; каждый дѣлился впечатлѣніями, обсуждая дѣйствія нѣкоторыхъ товарищей; всѣ безъ исключенія сожалѣли, что не поймали убійць.

Однако капризная, какъ женщина, судьба вознаградила улыбой Валентина Николаевича. Едва донцы вынырнули изъ глубокой балки, неожиданно передъ ихъ глазами, на разстояніи болѣе версты, вспыхнуло огромное зарево пожара. При ночной темнотѣ пламя высоко взвивалось къ небу, желто-сѣроватые клубы дыма, то здѣсь, то тамъ прорѣзываемые красными языками огня, кружились надъ нимъ, а голуби и птицы, привлекаемые свѣтомъ, носились вокругъ него, падая съ подпаленными крыльями въ этотъ раскаленный кратеръ. Бѣдныя, невинныя жертвы бессмысленной людской жестокости! Мало по-малу вся окрестность принимала багровый оттѣнокъ; постепенно становилось все виднѣе и виднѣе.

— За мной!—скомандовалъ офицеръ, тронувъ слегка нагайкой своего текинца, и помчался къ пожарищу. Лихо неслись степняки, только гудѣла земля подъ ихъ копытами. Во время скачки одинъ изъ казаковъ крикнулъ:

— Ваше благородіе, смотрите!

Взглянувъ по указанному направленію, Сафоновъ вдали увидѣлъ человѣка, убѣгающаго отъ трехъ большихъ горящихъ скирдъ пшеницы, вѣроятно, имъ подожженныхъ.

— Держи его!—вмигъ рассыпался отрядъ за улепетьвающимъ поджигателемъ; топотъ коней достигъ его слуха, онъ обернулся и,

понявъ, что открытъ, побѣжалъ къ лѣсистой балкѣ, надѣясь тамъ укрыться, но ошибся въ расчетѣ. Станичники, смекнувъ его маневръ, погнались за нимъ, какъ стая борзыхъ; видя, что онъ ускользаетъ, крайній всадникъ повернулъ ему наперерѣзъ.

Тогда началось состязаніе: кто скорѣе дойдетъ до лѣса; впрочемъ, по сильно сокращающемуся между ними разстоянію, не было сомнѣнія, что дорога злодѣю будетъ преграждена. Сообразивъ свое критическое положеніе, онъ двинулся быстрѣе. Казакъ нагнулся къ коню и что-то ему сказалъ: умное животное сдѣлало нѣсколько громадныхъ скачковъ, настигло злодѣя и ткнуло его въ спину мягкой мордой.

Какъ подкошенный, упалъ неизвѣстный; чрезъ минуту онъ лежалъ, связанный арканомъ по рукамъ и по ногамъ спѣшившимся казакомъ.

При обыскѣ у него оказалось: двѣсти рублей, бумаги, выяснившія, что именно онъ былъ однимъ изъ троихъ стрѣлявшихъ въ тарантасъ, рассчитывая убить кучера и Минаева, чтобы захватить деньги, которыя послѣдній хотѣлъ привезти изъ города Т.; подъ провизіей въ его сумкѣ лежали еще: ручная маленькая бомба, браунингъ, патроны, калибръ ихъ точь-въ-точь подходилъ къ пулямъ, бывшимъ у офицера въ карманѣ.

Казакъ не стали долго возиться съ разбойникомъ, а, развязавъ ему ноги, безъ церемоніи погнали къ полицейскому приставу и сдали его съ деньгами съ рукъ на руки подъ расписку.

Весело домой возвращались донцы, радуясь неожиданной удачѣ, и всѣ ужасно возмущались поджогомъ хлѣба.

— Хлѣбъ—даръ Божій, а сжечь его—грѣхъ неотмолимый,— промолвилъ степенный казакъ Анисимовъ.

— Вѣстимо,—поддержалъ другой:—ну, коли ты воръ—укради, продай, аль скорми скотинѣ, но сжигать на нѣсколько тысячъ монетъ ¹⁾ пшеницы можетъ только всамдѣлишный негодяй!

— А какъ посмотришь, вѣдь у многихъ мужиковъ нѣтъ и куска хлѣба, а поди жь ты, взялъ, да и извелъ все: дескать ни мнѣ, ни людямъ! Не жалѣютъ они своихъ, не то, что мы, станичники, стоимъ другъ за друга!

— Вотъ,—вмѣшался старый Чулковъ,—лихой нашъ командиръ, одно слово—храбрый казакъ, ничего дурного не скажешь противъ него, только больно молодъ, не рѣшается малость поучить кого слѣдуетъ! Все ждалъ я, что прикажетъ поджигателя попотчевать нагайками, анъ и не дождался! Помню я, командиромъ полусотни былъ Павловъ, выслужившійся изъ простыхъ казаковъ, старый, бравый хорунжій, егорьевскій кавалеръ; ну, поймали мы вора—жеребенка у насъ сперъ. «Всыпать ему двадцать плетей, пусть и

¹⁾ Вмѣсто «рубль» казаки говорятъ «монета».

дѣтямъ закажетъ воровать», распорядился Павловъ.—И что жъ ты думаешь? выдрали, а мужикъ-то вѣдь исправился, бросилъ конокрадство. А вѣжливымъ манеромъ съ ихъ братомъ ничего не подѣлаешь, нужна острастка, всякому вѣдомо, что лучше нагайки нашей никто не наставитъ на умъ.

— Послушайте-ка, братцы, я вамъ расскажу,—перебилъ Мягковъ:—энто уморилъ меня со смѣху убійца! Связываю я его, а онъ-то ко мнѣ рѣчь держитъ: «Ты, молъ, такой-сякой, опричникъ!» Въ жисть такого слова не слыхалъ, но поднялъ нагайку и говорю: «Не опричникъ я, а казакъ Милютинской станицы»,—пусть знаетъ, кто я таковъ! «Для васъ мы стараемся, чтобы вы пользовались свободой, а вы вмѣсто благодарности только насъ преслѣдуете»,—и пошелъ, и пошелъ! «Какъ это пользоваться свободой?—спросилъ я:—отродясь казаки не были ничьими крѣпостными и уже давно, давно, можетъ ты и не знаешь, еще при батькѣ Хмельницкомъ казаки вѣдали только свою казачью волюшку да своего атамана; потомъ матушка Екатерина дала намъ грамоту и подтвердила наши льготы и волю...»—«Мы стоимъ за васъ, за народъ», повторяетъ онъ, какъ сорока Якова.—«Да нешто мы народъ?—мы вольные казаки! И какого бѣса ты стоишь за насъ? По мордѣ ты жидъ, а мы донцы. Ну, да заткнись, пока не огрѣлъ плетью для просвѣтленія твоей глупой башки; брешешь, какъ собака, ажъ надоѣло слушать твою ерунду! Нешто для насъ ты поджигалъ хлѣбъ, аль хотѣлъ сгубить Минаева?»—«Я дамъ тебѣ сто монетъ, возьми, лишь отпусти!»—«Несуразный ты человекъ, толкую я ему, знаешь, что значить присяга? Казачество присягнуло царю внутреннихъ враговъ уничтожать, вѣстимо, и тебя; ну, и долженъ я соблюдать присягу, аль нѣтъ? Да вы, жида, въ старину наши церкви брали на откупъ», еще укорилъ я его. Анъ тутъ вы, станичники, подѣхали, ну, онъ и замолчалъ, потому что доподлинно я все ему доказалъ, ровно на ладони!

— Правда, правда,—подхватили казаки:—ты парень у насъ мозговатый, гдѣ же ему противъ тебя устоять.

Уже разсвѣтало; вслѣдствіе нервнаго возбужденія сонъ прошелъ, и донцы попросили у Валентина Николаевича разрѣшенія поспѣть.

И въ утреннемъ безмолвіи полилась казачья пѣснь, то ласточкой низко, низко пролетая надъ росистой землей, то взвиваясь орломъ высоко за облака! Пѣли они про тихій Донъ, вишневыя станицы, про славу предковъ! Пѣсней помянули Стеньку Разина, Ермака Тимофеевича, лихого Сагайдачнаго, что жинку промѣнялъ на трубку табаку, храбраго Дорошенка, и проникали эти звуки могучей волной въ душу cadaго человекъ; слушая ихъ, вѣрилось, что въ такихъ людяхъ сильны традиціи, безшабашная удалъ залпорожцевъ; они точно прямо были выхвачены изъ XVII вѣка и перенесены въ наше дряблѣе время!

Неожиданно пѣсня оборвалась на очень высокой нотѣ, перейдя

въ веселую, плясовую: о дивчинѣ съ карими очами, полюбившей удалого казака и продавшей курку ¹⁾, чтобы ему купить тютюня ²⁾, люльку ³⁾, и т. п.

Офицеръ не мѣшалъ имъ пѣть и дурачиться; онъ одинъ среди нихъ отдавалъ себѣ отчетъ, что вчерашняя исторія не обыкновенный грабежъ, а на революціонной подкладкѣ, но ему не хотѣлось портить ихъ веселаго настроенія.

Онъ предвидѣлъ будущее: грозовыя тучи анархіи быстро собирались уже на горизонтѣ дѣтски-безпечныхъ молодецвъ; не предчувствуютъ они бѣды! Многимъ изъ нихъ не увидать болѣе роскошныхъ донскихъ степей, ни своихъ стариковъ!

Веселитесь, пока еще возможно! Нѣкоторыхъ изъ васъ уже подкарауливаетъ славная смерть за царя и родину! Теперь все тихо и спокойно, а скоро, скоро начнется тяжелое время въ погонѣ за злодѣями: постоянныя передвиженія съ мѣста на мѣсто, при которыхъ безсонныя ночи будутъ смѣняться не менѣе утомительными днями, точно желая на дѣлѣ оправдать поговорку: «Жизнь собачья, да слава казачья!»

2. Схватка въ лѣсу съ злоумышленниками.

Однажды къ Сафонову пріѣхалъ управляющій рудниками Б. для сообщенія, что на дняхъ его контора доставить на почту двадцать тысячъ рублей, но до него дошли слухи, будто бы по дорогѣ готовится нападеніе для похищенія денегъ.

Подробно разспросивъ о времени отправки и о предполагаемомъ мѣстѣ засады, офицеръ, обѣщавъ дать конвой, посоветовалъ лучше не откладывать отсылку денегъ, а отвезти ихъ на другой день.

Поблагодаривъ за совѣтъ, управляющій поинтересовался, когда же именно прибудутъ казаки на рудникъ, однако Валентинъ Николаевичъ уклонился отъ прямого отвѣта, прося не беспокоиться.

Поболтавъ на разныя темы, затрагивающія злобу дня, гость любезно раскланялся и укатилъ; молодому же командиру предстояла трудная задача: отъ ограбленія надо ловко оградить артельщика, везущаго деньги, и поймать разбойниковъ; кромѣ того, какъ на зло, на завтра скопилось много служебныхъ нарядовъ.

Нужно сопровождать почту, выслать три экстренныхъ разъѣзда да еще караулъ на станцію желѣзной дороги, въ виду проѣзда новобранцевъ, которые тогда часто разбивали буфеты, устраивая разныя беспорядки

Значить, въ его распоряженіи для предстоящей экспедиціи остается всего десять станичниковъ, изъ нихъ еще придется троихъ

¹⁾ Курица.

²⁾ Тютюнь—табакъ.

³⁾ Люлька—трубка.

«истор. вѣстн.», сентябрь 1913 г., т. сxxxiii.

отдѣлнить на охрану двадцати тысячъ рублей; съ остальными же семью устроить засаду на злодѣевъ.

Дѣло обѣщало быть серьезнымъ; Валентинъ Николаевичъ прекрасно уяснялъ себѣ, что люди, рѣшающіеся на вооруженный грабежъ, не явятся въ небольшомъ числѣ.

— Какъ быть? и какъ горю пособить?—процѣдилъ онъ сквозь зубы.—Тутъ-то приходится пошевелить мозгами!

Развѣздовъ нельзя не послать, такъ какъ полиція ему донесла о волненіяхъ среди населенія при наборѣ ратниковъ; слѣдовательно, случись что-нибудь, онъ, какъ начальникъ района, одинъ будетъ въ отвѣтѣ.

Съ другой стороны, ему не хотѣлось упустить и шайку грабителей. Глубокая дума овладѣла Сафоновымъ, но наконецъ, потрянувъ кудрями, онъ рѣшилъ все распоряженія оставить по-старому и, надѣясь на русское «авось», на свое молодецкое счастье да на храбрость казаковъ, попытаться овладѣть экспроприаторами.

Вотъ и слѣдующій день. Съ утра, по расписанію, были разосланы наряды, а дома оставлены такіе донцы, которымъ и чортъ не страшень!

До мѣста нападенія считалось тридцать верстъ: доѣхать можно въ три часа; зная, что деньги повезутъ въ полночь, хорунжій постановилъ выступить въ сумерки, чтобы, подѣхавъ въ темнотѣ, успѣть устроить засаду.

Ровно въ восемь выѣхалъ онъ со своими молодцами; отойдя отъ экономіи въ степь, остановилъ отрядъ для передачи ему цѣли поѣздки, попросилъ ихъ быть лихими и не ударить лицомъ въ грязь.

Казаки серьезно выслушали и, какъ одинъ человѣкъ, сказали: — Постараемся, ваше благородіе!

Въ этомъ отвѣтѣ звучали отвага и твердая увѣренность въ поимкѣ врага. Молодой казакъ, красавецъ Узловъ, добавилъ:

— Даль бы Богъ поиграть съ дружками!

На его слова все улынулись и поскакали впередъ.

Всадники, разговаривая, быстро пробѣжали двадцать пять верстъ; поднявшись на курганъ, ясно увидѣли искры, вылетавшія изъ трубъ завода на рудникѣ.

Южная ночь уже окутала степь, и темнота благопріятствовала предпріятію. Дорога стала сильно понижаться; по этому можно было судить, что она идетъ въ балку; дѣйствительно, казаки молча спустились на ея лѣсистое дно, по которому вилась дорога.

Все, какъ будто нарочно, было создано для облегченія нападенія на повозку съ деньгами.

Теперь офицеръ съ своими людьми подвигались медленно и осторожно: каждый понималъ близость опасности, но гдѣ именно она, никто не могъ указать. Такимъ образомъ, оставивъ балку, они прошли значительное разстояніе и, сойдя съ дороги, описали до-

вольно большую дугу, затѣмъ вновь вернулись къ лѣсу. Тутъ составили кругъ, командиръ, посовѣтовавшись съ болѣе опытными казаками, рѣшилъ лучше всего сдѣлать засаду въ лѣсу, недалеко отъ дороги.

Выбравъ мѣсто, слѣзли съ лошадей, сбатовали ¹⁾ ихъ, а одного казака поставили часовымъ на краю поляны; спѣшившіеся станичники прислонились къ деревьямъ, желая укрыться отъ нескромныхъ взоровъ.

Всѣ хранили глубокое молчаніе, всѣмъ была понятна важность данной минуты.

Ждать пришлось долго. Погода испортилась, собрались тучи, полилъ дождь, какъ изъ ведра, забушевалъ вѣтеръ; мало-по-малу платье промокало, и ледяныя струйки змѣйками побѣжали по спинѣ; холодъ тоже давалъ себя чувствовать.

Плотнѣе прижались казаки къ стволамъ липъ, чтобы хоть немного спастись отъ ливня, и нѣтъ-нѣтъ въ головѣ проскальзывало сомнѣніе, что въ такую бурю нападеніе едва ли состоится, они же мокнуть напрасно, и чувство злобы на экспроприаторовъ все болѣе и болѣе разгоралось въ груди; у cadaго мелькала мысль:

«Попадись мнѣ только разбойникъ въ руки, съ лихвой отплатю ему за бессонную ночь и утомленіе; хорошій хозяинъ собаки не выгонитъ въ такое несчастье; тутъ же изволь стоять да подкарауливать негодяевъ!»

Кругомъ все было безмолвно, только дождевыя капли монотонно стучали по листьямъ; усталость начала сказываться, нестерпимо хотѣлось спать; нервы были сильно взвинчены: малѣйшій шорохъ тревожилъ; рука машинально крѣпче сжимала шашку.

Но появился часовой и доложилъ:

— Ваше благородіе, такъ что везутъ деньги!

По ранѣе выработанному плану, казакъ остался при коняхъ для ихъ разбатовки, чтобы подать въ нужную минуту; остальные же, какъ тѣни, прокрались къ самой дорогѣ и спрятались, гдѣ кому пришлось; самому офицеру, за неимѣніемъ лучшаго обсерваціоннаго пункта, оставалось только залечь въ придорожную канаву, что и было имъ исполнено.

Все яснѣе, яснѣе слышенъ стукъ колесъ, также голоса сѣдоковъ, которые, судя по времени, ѣхали съ рудника Б. Пропустивъ ихъ мимо себя, притаившіеся станичники стали издали слѣдовать за ними, однако не упуская изъ вида.

Едва повозка углубилась въ тѣнистую балку, какъ вдругъ раздался окрикъ: «Стой! Руки вверхъ!» затѣмъ проклятѣя и пальба изъ револьверовъ.

¹⁾ Кавалерійское выраженіе.

Не находя болѣе нужнымъ скрываться, Валентинъ Николаевичъ съ донцами вскочили въ сѣдла, помчались къ мѣсту схватки, гдѣ смутно различили какихъ-то субъектовъ, выбѣгающихъ на дорогу и окружающихъ телѣгу.

Вновь блеснулъ огонь, загремѣли выстрѣлы, неожиданно казаки набросились на злоумышленниковъ; среди темноты возобновился ружейный трескъ, свистъ пуль и нагаекъ, лязгъ оружія, стоны раненыхъ! Думая, что нападающихъ много, грабители, отстрѣливаясь, стали не торопясь отступать въ глубь лѣса.

Наконецъ показался блѣдный разсвѣтъ, позволившій узнавать сосѣдніе предметы, также уходящихъ разбойниковъ.

Пули продолжали летать, но, къ счастью, не причиняя преслѣдующимъ серьезнаго вреда, вслѣдствіе поспѣшнаго прицѣливанья и нервной возбужденности стрѣляющихъ.

Противникъ началъ быстро удаляться; за нимъ по пятамъ шли спѣшившіеся вновь казаки; онъ изрѣдка останавливался, завязывалась перестрѣлка; они же, пользуясь всякимъ прикрытіемъ, посылали мѣткія пули упрямому врагу.

До сихъ поръ у казаковъ еще не было убитыхъ, только легко раненые и контуженные.

Пули грабителей жалобно чмокали, ударяясь въ деревья и въ землю; станичникамъ же приходилось беречь патроны, потому что ихъ имѣлось очень небольшое количество, а пополнить запасъ не предстояло никакой возможности.

Насталъ день, и въ густомъ лѣсу сдѣлалось свѣтло; пришлось удвоить осторожность. Внезапно стрѣльба прекратилась: экспроприаторы, побросавъ своихъ раненыхъ, побѣжали въ чащу лѣса, спасаясь отъ казаковъ.

Донцы вышли на поляну, на которой стоялъ старый, заброшенный домъ лѣсника съ закрытыми окнами, ставнями и дверями; злодѣевъ нигдѣ не было видно. Двое донцовъ, спрятавшись на опушкѣ прогалины, сторожили зданіе, но другіе разсыпались по сторонамъ, надѣясь найти улизнувшихъ анархистовъ; однако, несмотря на всѣ старанія напасть на ихъ слѣдъ, все было напрасно! Они точно въ воду канули! Оставалось одно предположеніе: преступники засѣли въ строеніи; штурмовать же его съ немногими людьми было болѣе, чѣмъ рискованно, почти невысказуемо.

Сафоновъ не желалъ ни упустить негодяевъ, ни подвергнуться за бездѣйствіе, можетъ быть, служебной отвѣтственности.

Подозвавъ вахмистра и увѣщаннаго Георгіями пожилого урядника, онъ сказалъ:

— Братцы, я хочу взять грабителей! Отлично знаю, что съ такими молодцами, какъ мои донцы, невозможное станетъ возможнымъ!

— Безпремѣнно, ваше благородіе, надо этихъ мошенниковъ из-

ловить!—поддержалъ его урядникъ:—не сумлѣвайтесь, выбьемъ дверь, ворвемся, тутъ имъ и капуть!

Взглянувъ на нихъ, хорунжій вздохнулъ полной грудью, увѣренный, что изъ взятыхъ имъ казаковъ никто не струситъ.

Поговоривъ еще, всѣ трое сошлись на одномъ мнѣніи: во что бы то ни стало войти въ домъ, хотя съ офицеромъ ихъ всего было восемь человѣкъ.

Коноводы ¹⁾ слѣдовали съ лошадьми на почтительномъ разстояніи, готовые ихъ немедленно подать для преслѣдованія террористовъ. Опять велѣно сбатовать коней и одному станичнику остаться для ихъ охраны, остальнымъ же присоединиться къ казакамъ, лежащимъ на опушкѣ.

— Добратся ползкомъ до дверей и высадить ихъ!—шопотомъ отдалъ приказаніе офицеръ.

Точно змѣи, поползли незамѣтно донцы одинъ за другимъ, прячась въ высокой травѣ и мелкою кустарникѣ, а двое съ Валентиномъ Николаевичемъ слѣдили съ винтовками наготовѣ за домомъ, чтобы огнемъ прикрыть смѣльчаковъ.

Небольшое разстояніе уже оставалось до строенія, какъ вдругъ грянули выстрѣлы изъ слухового окна на чердакѣ; казаки, поднявшись на ноги, бросились къ двери; стоящіе у лѣса отвѣтили дружнымъ залпомъ на бѣглый огонь осажденныхъ и, съ офицеромъ впереди, побѣжали на помощь товарищамъ, не обращая вниманія на свиставшія вокругъ пули.

Внезапно одинъ казакъ, конвульсивно взмахнувъ руками, грохнулся на землю, за нимъ другой и третій свалились со стономъ. Съ криками ярости еще шибче помчались сыны Дона и, несмотря на продолжающіеся выстрѣлы, вышибли дверь сильными ударами прикладовъ.

Едва открылся проходъ, какъ въ него пустили съ десятокъ пуль, а въ отвѣтъ послышались стоны и крики, доказывавшіе, что пули попали по назначенію.

Глазомъ не успѣли моргнуть, станичники съ своимъ командиромъ очутились въ комнатѣ, гдѣ ихъ тоже встрѣтили револьверными выстрѣлами, пролетѣвшими мимо.

Донцы съ гикомъ кинулись на десятерыхъ экспроприаторовъ, не давъ имъ опомниться: выстрѣлы, лязгъ шашекъ, оханье раненыхъ, хрипъ умирающихъ, нецензурная, злобная брань, ликующія восклицанія нападающихъ,—все слилось въ одинъ ужасный хаосъ!

Еще мгновеніе, грабители лежали связанные арканами; водворилась глубокая тишина, только на полу корчились раненые и умирающіе.

¹⁾ Коноводами называются казаки, держащіе осѣдланныхъ лошадей безъ всадниковъ.

Точно вихрь смель съ ногъ этихъ людей, до сихъ поръ полныхъ жизни и энергій!

Грозно и сумрачно смотрѣли побѣдители на плѣнниковъ, которые своимъ видомъ, правда, далеко не внушали сожалѣнья, и на умъ приходила пословица: «по дѣламъ вору и мука!» А сколько эти же казаки видѣли звѣрствъ, произведенныхъ «сознательными» личностями надъ жертвами, попавшими имъ въ лапы: такіе палачи сдѣлали бы честь инквизиціи пытками своего собственного изобрѣтенія! Ужасныя картины ихъ дѣятельности вставали въ памяти станичниковъ, даже волосъ становился дыбомъ! Звѣри и тѣ лучше относятся къ себѣ подобнымъ, чѣмъ эти люди, величающіе себя «освободителями Россіи», «членами революціонныхъ партій» .

Но вотъ донцы, очнувшись отъ оцѣпенѣнія, принялись обыскивать пойманныхъ и ихъ жилище. Не прошло часу, какъ Сафонову принесены были тюки нелегальныхъ изданій, также прокламацій, потомъ—оружіе, много патроновъ и двѣ банки съ динамитомъ. Ни одинъ уголокъ не былъ пропущенъ безъ вниманья: все перерыли отъ чердака до подвала.

Пока двое занимались осмотромъ, другіе, по приказанію хорунжаго, пошли за ранеными и за убитыми. Въ сосѣдную комнату казаки бережно внесли троихъ станичниковъ, но увы! двое были мертвы, а третій, опасно раненый въ грудь и въ ногу, жалобно стоналъ.

При этомъ зрѣлищѣ вновь въ душѣ поднялся гнѣвъ на виновниковъ бѣдствія, но сознание долга, который велитъ предоставить суду рѣшеніе ихъ участи, заставляло опускаться уже занесенную руку.

Грабители были помѣщены рядомъ въ свѣтлкъ; немедленно на ближайшей заводъ послали казака съ требованіемъ выслать медицинскую помощь и подводы для перевозки экспроприаторовъ, а также найденныхъ у нихъ вещей.

Только теперь, т. е. почти черезъ сутки, донцы могли позаботиться о себѣ и о коняхъ: задать имъ кормъ, самимъ же устроиться на отдыхъ; одинъ караулилъ убійцъ.

Немало прошло времени до прибытія фельдшера съ полиціей.

Часа черезъ четыре по двумъ противоположнымъ направленіямъ двигались два различные отряда: въ одномъ шли казаки и везли своихъ убитыхъ и раненаго ¹⁾; въ другомъ—повозки съ разбойниками, конвоируемые полицейскими.

Да и по настроенію они отличались другъ отъ друга: весело скакали стражники, переругиваясь въ шутку между собою, а сыны Дона грустно и молча свершали свой печальный путь. Не слышно обычныхъ пѣсенъ, прибаутокъ, казаки ѣхали, склонивъ головы: всякому приходило на мысль, что рано или поздно и его ожи-

¹⁾ Для перевозки убитыхъ и раненыхъ казаки дѣлаютъ изъ пикъ носилки, привязывая ихъ къ сѣдамъ.

даеть та же участь, при защитѣ отъ террористовъ чуждыхъ ему совершенно, часто даже неблагодарныхъ людей. Лошади, точно чувствуя, какихъ необыкновенныхъ везуть сѣдоковъ, брели понуро, пугливо косясь и нервно вздрагивая.

Встрѣчные хохлы крестились, долго смотря вслѣдъ невиданному кортежу; когда же на отдыхъ остановились въ деревнѣ, то подошедшіе крестьяне съ сожалѣніемъ окружили трупы юныхъ героевъ; бабы и дѣвушки не упустили случая поголосить, власть поплакать надъ покойниками, особенно надъ красивымъ Узловымъ. Любопытство иногда превозмогало уваженіе къ мертвымъ: многіе старались узнать подробности ихъ смерти, но огорченные станичники отвѣчали односложно.

Вновь отрядъ поднимался въ путь, сопровождаемый толпой далеко за околицу.

Едва къ позднему вечеру подошли донцы къ мѣсту своей стоянки.

Выбѣжавшіе къ нимъ сослуживцы встрѣтили ихъ смѣхомъ, но, увидя блѣдныя, строгія лица да носилки, сразу умолкли и тихо пошли рядомъ съ конями.

Экономію быстро облетѣла печальная вѣсть; ея жители стали собираться къ казармамъ, у которыхъ выстроились пріѣзжіе, пока пѣшіе осторожно отвязывали носилки отъ лошадей.

Какъ только тѣла понесли въ помѣщеніе, звякнули шашки, печальные звуки трубы огласили воздухъ; зрители сняли шапки и тѣмъ почтили прахъ людей, свято исполнившихъ свои обязанности!

А на третій день изъ той же экономіи, при пѣніи «Со святыми упокой», торжественно двинулась погребальная процессія. За гробами вели коней подъ траурными попонами, принадлежавшихъ убитымъ, за ними полусотня съ Валентиномъ Николаевичемъ, на молодомъ подвижномъ лицѣ котораго написана была глубокая печаль, потому что онъ искренно любилъ своихъ казаковъ и умѣлъ ихъ цѣнить; помѣщикъ и огромная толпа сопровождали павшихъ воиновъ.

Гулко ударился о гробовую крышку первый комъ земли, въ отвѣтъ сейчасъ же зарокотали прощальные залпы, послѣднее «прости» живыхъ съ дорогими усопшими! Сколько такихъ залповъ слышала тогда матушка Русь! И многихъ донцовъ ждали домой родныя семьи и не дождались... А тѣла любимыхъ ими людей покоятся на чужой сторонѣ, гдѣ не посѣтитъ могилу ни одна близкая душа, чтобы украсить цвѣтами ихъ послѣднее жилище... И сколько такихъ одинокихъ могилъ разбросано по нашей обширной родинѣ! Только покосившійся крестъ да полустертая надпись укажутъ ихъ мѣсто какому-нибудь страннику, который, быть можетъ, помолится за душу безвременно погибшаго казака.

Вспоминается казачья пѣсня: «Поѣхалъ казакъ на чужбину», описывающая такъ вѣрно тоску и положеніе его домашнихъ!

3. Ночное нападеніе на желѣзнодорожную станцію.

Приближалось Рождество и стояли большіе морозы. Наступила ночь на 20-е декабря 1905 года; съ вечера началась вьюга, а термометръ показывалъ 19° холода по Реоміору.

Сафоновъ вернулся поздно домой и отправился отдыхать. Уже вся экономія спала крѣпкимъ сномъ, только злился буранъ, желая засыпать снѣгомъ одинокое, забытое въ степи человѣческое жилье.

Въ квартирѣ тоже все было спокойно; вдругъ ночную тишину нарушилъ громкій звонокъ телефона. Офицеръ услышалъ его, но постель была такъ заманчиво тепла и такъ не хотѣлось вставать, что онъ даже плотнѣе закутался въ одѣяло въ полной надеждѣ на появленіе денщика Василя, который долженъ подойти къ аппарату.

Телефонъ умолкъ, молодой человѣкъ задремалъ. Вновь рѣзкій трезвонъ раздался въ комнатѣ: въ немъ было что-то отчаянное. Сознаніе какой-то неминуемой бѣды встало въ мозгу Валентина Николаевича и заставило взять телефонную трубку:

— Что такое?

Дрожащій голосъ крикнулъ:

— Спасите! Экспроприаторы, напавъ на станцію А., убили дежурнаго жандарма и обстрѣливаютъ ее! Ради Бога, приѣзжайте скорѣе!

Станція А. находилась въ районѣ его охраны; думая, что ослышался, онъ переспросилъ, получилось подтвержденіе сказаннаго.

Сонъ мгновенно съ него соскочилъ, взамѣнъ вспыхнула юная энергія. Переведя штепсель телефона, онъ поднялъ тревогу въ казармѣ, а денщикъ, услышавъ знакомое слово, не требуя приказаній, уже приготовлялъ ему оружіе и теплое платье.

Въ нѣсколько минутъ Сафоновъ одѣлся и вооружился, страшно торопясь, чтобы во время прійти на помощь станціоннымъ жителямъ; почти бѣгомъ дошелъ онъ до казармы, гдѣ стоялъ, какъ говоритъ, дымъ коромыслоу!

Точно угорѣлые, носились люди: одинъ только что натягивалъ чекмень, другой пристегивалъ шашку, третій мчался сѣдлать коня. Слова команды, окрики такъ и кружились въ воздухѣ; звукъ трубы, наигрывающей тревогу, покрывалъ этотъ гамъ.

Казачи бросились къ конюшню поднимать сонныхъ лошадей; она огласилась шумомъ и самыми отборными ругательствами по адресу разбойниковъ. Но дневальный крикнулъ: «Смирно!» всѣ смолкли: въ воротахъ показалась фигура хорунжаго, и прозвучалъ властный голосъ: «занимайся своимъ дѣломъ!» Сразу всѣ зашевелились, возобновилось прерванное занятіе.

Собравшись, казаки вскочили въ сѣдла и въ карьеръ поѣхали съ своимъ лихимъ командиромъ.

Вьюга встрѣтила ихъ немилостиво: завывала, закидала хлопьями снѣга, будто стараясь заставить повернуть обратно; дальше лошадиной морды нельзя ничего различить; если бъ не движеніе коня, то трудно было бы опредѣлить, подвигаешься ли впередъ, или стоишь на мѣстѣ. Бѣлая снѣжная пелена спустилась съ неба до земли, скрывая отъ взоровъ все и всѣхъ!

Не уменьшая крупной рыси, станичники мчались на выручку станціи, отстоящей въ пяти верстахъ отъ экономіи, напоминая волшебныхъ всадниковъ старыхъ германскихъ легендъ. При такой ѣздѣ немудрено слетѣть съ конемъ въ канаву или въ балку, но, опустивъ поводья, люди ввѣрились инстинкту понятливыхъ лошадей, который не обманулъ ихъ. Привычные степняки смѣло боролись съ вѣтромъ и снѣгомъ, не сбиваясь съ дороги.

Между тѣмъ мрачная мысль подкрадывалась къ каждому сѣдоку: «Что ждетъ меня при встрѣчѣ съ разбойниками? Не придется ли проститься съ бѣлымъ свѣтомъ? Можетъ быть, эта ночь будетъ для меня послѣдней!»

Такое же чувство овладѣвало постепенно и Сафоновымъ; кромѣ того, онъ спрашивалъ себя по совѣсти: сумѣетъ ли удачно справиться съ предстоящимъ труднымъ дѣломъ, но болѣе всего онъ боялся подвергнуть напрасному риску жизнь порученныхъ ему людей.

Тутъ произошло съ нимъ прямо что-то необъяснимое! Передъ его глазами изъ снѣжнаго тумана образовалась живая картина: маленькая уютная спальня, кіотъ съ образами, а передъ нимъ на колѣняхъ его старушка мать, и ему ясно слышно, что проситъ она Бога за своего единственнаго сына, умоляя Его сохранить ея надежду, ея гордость; горячія слезы капаютъ на паркетъ, и, странно, онъ хорошо видитъ маленькія мокрыя пятнышки на полу.

— Мама, родная!—невольнo шепчутъ его губы:—помолись за меня!—и жаркая молитва поднялась изъ глубины души.

Но онъ скоро съ собой справился; рассказывая спутникамъ о случившемся на станціи, онъ въ то же время объяснялъ каждому, въ чемъ въ данномъ случаѣ будетъ состоять его обязанность. По мѣрѣ отдачи приказаній въ немъ мало-по-малу замиралъ инстинктъ самосохраненія, свойственный одинаково человѣку и звѣрю; одно только понималъ онъ ясно, что ему, какъ командиру, честь предписываетъ быть постоянно впереди своихъ подчиненныхъ и что страстно хочется поймать террористовъ.

Вотъ замелькали огни входной желѣзнодорожной стрѣлки, сквозь перестояющій снѣгъ уже видны первые дома поселка.

Перемѣнивъ рысь опять на карьеръ, донцы подлетѣли къ станціи, слѣшлись, во главѣ съ Валентиномъ Николаевичемъ ворвались

въ нее, держа винтовки наготовѣ и моментально стали у всѣхъ дверей.

Несмотря на ночное время, станція была еще ярко освѣшена, и находилось много публики; по срединѣ зала на скамейкѣ лежалъ мертвый жандармъ съ зіяющей раной во лбу, а около него всѣ сразу говорили, размахивая руками, грозили кому-то, ругались, но, увидя казаковъ, мгновенно замолчали, отпрянувъ отъ конторы начальника станціи, въ которой было тоже порядочно лицъ и кого-то били смертнымъ боемъ.

Войти туда, водворить порядокъ было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ; съ трудомъ донцы вырвали изъ чихъ-то цѣпкихъ рукъ неизвѣстнаго субъекта: его распухшее лицо покрыто было ссадинами и кровоподтеками; не явись казаки, взбѣшенная толпа убила бы на мѣстѣ экспроприатора.

— Очистить контору!— распорядился офицеръ; присутствующимъ вѣжливо предложили удалиться; кто же не уходилъ добровольно, того вывели, и начался допросъ.

Начальникъ станціи показалъ, что именно пойманный преступникъ стрѣлялъ въ жандармскаго унтеръ-офицера, хотя убилъ его другой; остальные же разбойники скрылись, обстрѣлявъ станцію.

— Обыскать и связать анархиста,—сказалъ Сафоновъ.

Но злодѣй вырвался отъ станичниковъ, кинулся съ револьверомъ на него, только послѣдній не растерялся и, огрѣвъ ловко нагайкой по поднятой рукѣ, заставилъ выронить оружіе, а казаки отбросили его прикладами отъ своего начальника, потомъ, скрутивъ ему назадъ руки, повели въ залъ II класса; все-таки разъяренные зрители ухитрились дать ему еще нѣсколько здоровыхъ пинковъ.

Пробѣгая взятыя бумаги, хорунжій съ удивленіемъ прочиталъ, что арестованный студентъ III курса.

— Меня одно поражаетъ: возможно ли, чтобы человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, составляя шайку грабителей, рисковалъ каторгой изъ-за денегъ, отлично зная, что рано или поздно онъ попадется и его не поглядятъ за это по головкѣ?

— Мнѣ поручено нашей боевой партіей сдѣлать принудительный заемъ у сытыхъ буржуевъ; я такъ дѣйствую во имя принципа! Для борьбы съ тиранами намъ нужны деньги, — дерзко возразилъ революціонеръ.

— И вы ихъ крадете! Отлично!—подхватилъ Валентинъ Николаевичъ, возмущенный откровенной проповѣдью такой необыкновенной морали:—а что скажете вы, если, тоже ради принципа, я велю вамъ всыпать двадцать пять плетей? Но чортъ съ вами, не стоитъ только пачкать объ васъ нагайки! Ну, теперь я васъ передамъ другомъ жандарму, его вы еще не успѣли укокошить, и онъ съ полицейскими отвезетъ васъ въ тюрьму города Т.

Уже было три часа утра; метель утихла; полный мѣсяцъ освѣ-

шалъ окрестности; милліоны алмазовъ разсыпались по снѣгу; деревья, окружающія домъ, стояли въ бѣломъ, пушистомъ нарядѣ, точно невѣсты въ свадебномъ уборѣ. Протяжный вой голодныхъ волковъ долеталъ иногда изъ лѣса въ балкѣ; природа вокругъ была полна таинственной торжественности, точно большой готической храмъ, куполомъ которому служило синее, звѣздное небо! Рядомъ же, ради контраста, бушевали низменныя людскія страсти.

— Ваше благородіе, къ вамъ просится вольный ¹⁾,—доложилъ казакъ.

Вошелъ небольшого роста мужиченко.

— Что тебѣ надо?—спросилъ Сафоновъ.

— Я до васъ, баринъ, дѣло имѣю; такъ какъ мы, значить, состоимъ въ стрѣлочникахъ, то я видѣлъ, что разбойники побѣжали вправо и влево вдоль полотна машины; слѣды во какъ хорошо примѣтны послѣ завирухи; ихъ, кажись, было нѣсколько человекъ: двое въ мужичьихъ сапогахъ, третій въ господскихъ штиблетахъ, видно, сронилъ калоши, а восьмеро—въ валенкахъ. Слѣды, я смекаю, ведутъ къ городу Т., прочіе къ поселкамъ.

За удравшими экспроприаторами была немедленно организована погоня: въ одну сторону дана была по телефону инструкція казачьему посту, а въ другую—направился самъ офицеръ съ донцами.

Хотя вьюга прошла, но зато усилился морозъ и смѣло можно было считать не менѣе 26—28°.

Однако ничто не удержало казаковъ; они рѣшили все перенести, чтобы сказать съ чистой совѣстью: мы сдѣлали все возможное для поимки злодѣевъ.

Прежде, чѣмъ покинуть станцію, хорунжій осмотрѣлъ лично на снѣгу отпечатки валенокъ, крестьянскихъ сапогъ и тонкой, узкой ботинки, идущіе на сосѣдную станцію К.

Командиръ полусотни обратился къ начальнику станціи съ просьбой дать ему дрезину, отлично зная, что таковая у него имѣется, но ловкій латышъ рассыпался въ извиненіяхъ:

— Къ сожалѣнію, душой бы радъ вамъ услужить, да не могу; у дрезины испортилось колесо, и правленіе дороги нѣкого еще не прислало ее ремонтировать!—любезно раскланявшись, онъ поспѣшилъ уйти къ себѣ на квартиру.

— Вотъ такъ подлець!—не выдержалъ заслуженный казачій урядникъ Хохловъ, сѣдой, красивый мужчина, пользовавшійся за свое мужество большимъ уваженіемъ офицеровъ:—все они таковы, ваше благородіе! Подумаешь, удивительно! Какъ только опасность грозитъ ихъ шкурѣ, ну, и пошли вопить: такіе, сякіе, немазаные, сухіе, придите, молъ, вызвольте насъ отъ бѣды! Подставляйте подъ

¹⁾ «Вольными» казаки зовутъ статскихъ.

пули свои казачьи лбы, а миновало горе, звать насъ не хотятъ и пальцемъ не пошевельнуть, чтобы станичникамъ посодѣйствовать. Скотина и та добро помнитъ, а такіе люди все забываютъ!

Валентинъ Николаевичъ на эти слова промолчалъ, только горько улыбнулся; въ пять мѣсяцевъ революціи онъ успѣлъ свыкнуться съ неблагодарностью общества, и его она болѣе не поражала, но въ первые дни онъ сильно изъ-за нея волновался.

Не желая ждать поѣзда, чтобы даромъ не тратить времени, отрядъ двинулся пѣшкомъ по слѣдамъ убійць; одного же казака послали за коноводами.

Вслѣдствіе напавшаго глубокаго снѣга, даже по рельсамъ было очень трудно итти; донцы совсѣмъ измучились и немногіе стали отставать, снѣгъ имъ казался глубже, а ноги до того отяжелѣли, что какъ будто примерзли къ нему. Офицеръ буквально задыхался; несмотря на холодъ, потъ съ него лился ручьями, въ вискахъ стучало, красные круги появились передъ глазами, иногда онъ боялся, что вотъ-вотъ упадетъ!

Но сила воли заставляла ихъ подвигаться все дальше и дальше, потому что могла опять подняться метель и замести единственное указаніе—слѣды разбойниковъ.

Наконецъ доплелись до третьей желѣзнодорожной будки; всѣ остановились какъ по командѣ: силы совершенно измѣнили, утомленіе побѣдило энергію.

— Оправься!—приказалъ Сафоновъ. Станичники стали обтирать вспотѣвшія лица, отряхивая сапоги отъ налипшаго на нихъ снѣга. До слуха уже доносились пофыркиванье лошадей, которыя немного погодя вынырнули изъ-за высочайшаго сугроба вмѣстѣ съ сопровождавшими ихъ коноводами.

Казаки быстро сѣли въ сѣдла и отправились вновь по полотну желѣзной дороги, торопясь доѣхать до станціи прежде прибытія утренняго курьерскаго поѣзда.

Хорошо бѣжали кони, несмотря на наступившую темноту, такъ какъ луна зашла, впереди блеснулъ огонь семафора, промелькнула станціонная будка, затѣмъ минутный отдыхъ, и снова продолжается упорное преслѣдованіе террористовъ.

Понеслись степняки, подгоняемые всадниками, вдали слышенъ свистокъ на всѣхъ парахъ подходящаго поѣзда, значитъ теперь шесть часовъ утра. Но во что бы то ни стало надо домчаться раньше его остановки. Гикнули казаки, свистнули нагайки, рванулись бѣшено впередъ лошади! Видна столь долго ожидаемая станція К, слѣды ногъ преступниковъ прекращаются на чисто выметенной платформѣ. Казаки, сойдя съ желѣзнодорожнаго пути, слѣпились и безшумно оцѣпили зданіе.

Да и пора было! Уже плавно подходилъ паровозъ, начиная оставливаться.

Выхвативъ револьверъ, Валентинъ Николаевичъ бросился на станцію, вполнѣ увѣренный, что тамъ найдетъ злодѣя, потому что едва замѣтный слѣдъ его эlegantной обуви еще виднѣлся на ступеняхъ крыльца.

Станціонный залъ переполненъ пассажирами, лампы тускло горять. Едва онъ вошелъ, какъ сзади раздался одинъ за другимъ два выстрѣла... Пуля, пробивъ верхъ его папахи, ударилась въ печь, а другая, скользя по плечу, разворотила погонь, теплый чекмень и попала въ столъ.

Въ ту же минуту задребезжали оконныя стекла, дула казачьихъ винтовокъ грозно направились на опалѣвшихъ отъ страха людей; остальные же донцы появились въ дверяхъ съ обнаженными шапками. Глазомъ никто не успѣлъ моргнуть, всѣ присмирѣли, пугливо озираясь, точно спрашивая другъ друга: кто же изъ насъ стрѣлялъ?

Опять загремѣлъ револьверный выстрѣлъ: одинъ изъ присутствующихъ сталъ медленно опускаться на полъ, держа дымящійся браунингъ въ судорожно сжатой рукѣ, изъ виска его алой струйкой закапала кровь.

Мигъ еще, и пули казаковъ, разсерженныхъ нападеніемъ на ихъ командира, полетѣли бы въ ни въ чемъ не повинную толпу, и пошла бы потѣха! Врядъ ли кому изъ публики удалось бы тогда рассказать о ужасной драмѣ, которая по винѣ самоубійцы могла бы разыгратъ на этой уединенной, степной станціи.

Страшно даже себѣ представить, какъ много погибло бы беззащитныхъ!

Но присутствіе духа офицера спасло всѣхъ, Его повелительный окрикъ: «Стоять! Не стрѣлять!» удержалъ станичниковъ.

Воцарилась мертвая тишина; всѣ какъ будто ожидали чего-то; неожиданно послышался металлическій звонъ браунинга, выпавшаго изъ холодѣющихъ пальцевъ экспроприатора; этотъ незначительный звукъ привелъ въ себя окружающихъ.

У многихъ вырвался облегченный вздохъ, и не одинъ сказалъ въ душѣ:

— Слава Тебѣ, Господи! Злодѣйская пуля на сей разъ предназначалась не мнѣ.

А у стѣны лежало неподвижное тѣло изящно одѣтаго молодого человѣка, обутого въ лакированныя, дорогія ботинки; бѣлыя, выхоленные руки еще слегка трепетали, а красивое лицо уже покрывалось синеватой желтизной, только широко открытые каріе глаза, полные застывшаго ужаса, смотрѣли вопросительно неизвѣстно куда!

Всѣ молча стояли вокругъ, наконецъ взоры обратились на Сафонова.

Снявъ папаху, онъ взглянулъ на висѣвшій въ углу образъ Николая Чудотворца, набожно осѣняя себя крестомъ; на его смуглой,

выразительной физиономіи не замѣтно было ни страха, ни волненія, только чуть видная блѣдность разлилась по ней, да пухлыя губы первою вздрагивали подъ наибольшими черными усиками.

Пассажиры, начальникъ станціи, донцы поздравили Валентина Николаевича съ спасеніемъ жизни. Глубоко тронутый, онъ сердечно ихъ поблагодарилъ, но, не забывая дѣла, велѣлъ обыскать мертваго анархиста и нѣкоторыхъ другихъ личностей, задержанныхъ тутъ же по подозрѣнію.

Найденные у нихъ документы подтвердили его предположеніе, что остальные преступники успѣли бѣжать на желѣзнодорожную станцію С. и что къ хорошо организованной шайкѣ, напавшей на станцію А., еще принадлежать многія лица, живущія въ городѣ Т.; немедленно онъ сообщилъ кому слѣдовало телеграммой о задержаніи молодцовъ. Черезъ нѣсколько часовъ ихъ тамъ арестовали и день имъ пришлось уже встрѣчать не въ уютной, домашней обстановкѣ, а въ одиночной тюрьмѣ.

Командиръ полусотни предъявилъ начальнику станціи требованіе дать ему паровозъ; флегматичный нѣмецъ, запросивъ по телефону свое прямое начальство и получивъ на это разрѣшеніе, тотчасъ же отцѣпилъ запасный локомотивъ отъ проходящаго поѣзда, представивъ его въ распоряженіе офицера.

Опять закутила вьюга, запѣвъ свою монотонную пѣсенку. Скоро понесся стальной конь, унося горсть храбрецовъ.

— Важно! Ой, важно!—подсмѣивались казаки:—знай, катить себѣ, какъ птица; ни ты ему сѣна, ни ты ему овса не давай, небось, не захромаетъ! Ажъ духъ захватываетъ отъ такой ѣзды! Одно скверно—вѣтеръ большой, глаза рѣжетъ.

— Ваше благородіе,—обратился приказный къ хорунжему:—я полагаю, что мы негодяевъ-то всѣхъ переловимъ; не ожидаютъ они, не гадаютъ, а мы какъ снѣгъ нагрянемъ на голову; имъ и невдомекъ, что мы возьмемъ машину.

Начинало свѣтать; пользуясь этимъ и зная время прохода слѣдующаго поѣзда черезъ станцію С.—только въ четыре часа пополудни,—осмотрѣли сторожевыя будки и ближайшія посадки, но никого и ничего не нашли. Опрошенные желѣзнодорожные сторожа давали сбивчивыя свѣдѣнія: «кто-то ночью просился на почлегъ», или «утромъ незнакомый баринъ бѣжалъ по рельсамъ» и т. п. Видимо, имъ было извѣстно болѣе того, чѣмъ они хотѣли высказать, но упрямо молчали, боясь мести экспроприаторовъ.

Домчались до слѣдующей станціи С. и неожиданно окружили ее. Вѣроятно, другой убійца уже здѣсь, ожидаетъ поѣзда.

Лишь только въ дверяхъ показался офицеръ, какъ одинъ изъ пассажировъ съ револьверомъ въ рукѣ хотѣлъ проскользнуть въ залъ III класса, но Сафоновъ, успѣвъ приставить браунингъ къ его

виску, крикнулъ: «Ни съ мѣста, иначе застрѣлю, какъ собаку!» Въ это время станичники схватили злоумышленника за руки.

— Ваша взяла!—прохрипѣлъ онъ.

И во взглядѣ, который метнулъ онъ на казаковъ, можно было прочесть, что при малѣйшей возможности пойманный охотно бы ихъ перерѣзалъ.

Около двадцати человѣкъ изъ бывшихъ на станціи устремились, подобно стаду барановъ, къ выходнымъ дверямъ, но неласково смотрѣвшія оттуда винтовки принудили ихъ остановиться; суровое же приказаніе: «Не двигаться, стоять смирно!» заставило опомниться и безпрекословно слушаться.

Связавъ, преступника обыскали одновременно съ шестерыми субъектами страннаго поведенія; только у нихъ не нашлось серьезныхъ уликъ, лишь небольшія записки, доказывающія, что они въ шайкѣ играли второстепенную роль.

Покончивъ дѣло, Валентинъ Николаевичъ, захвативъ съ собой экспроприатора, исчезъ съ станичниками такъ же быстро, какъ появился; присутствовавшимъ казалось, что все случившееся имъ померещилось, только дымъ удаляющагося обратно паровоза напоминалъ о дѣйствительности.

Снѣжная буря улеглась, солнце розовымъ свѣтомъ освѣщало неозримую степь, чудно прекрасную, хотя и въ зимней парчѣ.

Въ полдень локомотивъ вернулся на станцію К., гдѣ Сафонова и его героев окрестные жители, устроивъ шумную овацію, горячо благодарили за самоотверженную дѣятельность, выказанную ими при поимкѣ разбойниковъ.

Пока командиромъ полусотни разбирались бумаги арестованныхъ, писались разныя депеши и донесенія, пробило два часа и яркіе солнечные лучи озарили театръ ночной драмы, убійцу и лихихъ казаковъ.

Когда все это было исполнено, коноводовъ съ лошадьми отослали на станцію А., мѣсто убійства жандарма; часть же донцовъ съ Валентиномъ Николаевичемъ тоже поѣхала съ поѣздомъ на ту же станцію; большинство же станичниковъ отпущено домой. Оставивъ при себѣ пятерыхъ донцовъ, офицеръ, не обращая вниманія на усталость, снова занялся передопросомъ виновныхъ и составленіемъ подробныхъ донесеній о случившемся.

Долго пришлось добиваться правды, но въ концѣ концовъ выяснилось, что въ селѣ при станціи К. живетъ еще интеллигентный соучастникъ шайки, слобода М. является главнымъ ихъ притономъ и штабъ-квартирой одного изъ ея главарей.

Видя необходимость захватить негодяевъ, Сафоновъ телефонировалъ въ казарму вахмистру вновь выслать дежурныхъ казаковъ, а постовымъ—арестовать семью пойманнаго убійцы.

Въ этихъ занятіяхъ время незамѣтно шло да шло: пролетѣли ве-

черь, ночь, настало опять утро; часовая стрѣлка показывала девять часовъ.

Вотъ къ станціи подошелъ пассажирскій поѣздъ.

Казаки съ хорунжимъ вышли на перронъ; неожиданно какой-то статскій прыгнулъ на всемъ ходу съ подножки и стремглавъ бросился къ посадкамъ, видимо, желая скрыться.

— Стой! Буду стрѣлять!—гаркнулъ казачій урядникъ.

Бѣжавшій обернулся, пославъ ему почти въ упоръ пулю изъ брапинга, но промахнулся. Донцы вскинули винтовки: въ холодномъ утреннемъ воздухѣ гулко раздался трескъ нѣсколькихъ выстрѣловъ.

Незнакомецъ какъ-то споткнулся и, сдѣлавъ еще шага два, упалъ на снѣгъ, обагривъ его своей кровью.

На пальбу прибѣжали жандармъ и стражники, но казаки, опередивъ ихъ, связали раненому руки и доставили на сборный пунктъ, гдѣ тотчасъ же ему наложили перевязку.

Посмотримъ, что тогда дѣлали отправленные домой станичники: они снѣжили въ казарму; продрогшіе кони торопливо неслись въ конюшню. На мѣстѣ казаки, отпустивъ подпруги, задали кормъ своимъ неизмѣннымъ спутникамъ и сѣли обѣдать, рассчитывая потомъ сладко выспаться, а за ѣдой потѣшить товарищей разсказами о своихъ подвигахъ и о томъ, что они совершили въ теченіе этихъ полутора сутокъ. Въ теплѣ у нѣкоторыхъ оказались отмороженными носы и уши; у другихъ—ознобленными ноги; пришлось оттираться снѣгомъ вмѣсто того, чтобы растянуться и успокоиться.

Но мечты объ отдыхѣ такъ и остались мечтами! Едва приѣзжіе проглотили двѣ-три ложки жирнаго борща, какъ усиленно зазвонилъ телефонъ; дежурный, узнавъ, въ чемъ дѣло, громко сообщилъ:

— Сѣдлатъ и убираться скорѣе! Надо опять ѣхать къ командиру на станцію А.!

Смолкла веселая бесѣда, брошенъ вкусный обѣдъ, измученные люди вновь стали садиться на лошадей, хотя казаковъ съ отмороженными членами вахмистръ замѣнилъ не бывшими ночью въ нарядѣ.

На сборы употребили не болѣе пяти минутъ, а уже дежурный, выбѣжавъ на дворъ, заоралъ не своимъ голосомъ:

— Черти! да поѣзжайте же скорѣе, второй разъ требуютъ по телефону!

Вскачь понеслись донцы, пригнувшись къ шеямъ вѣрныхъ, выносливыхъ степняковъ; бродившіе по деревенскимъ улицамъ гуси и куры, кудахтая и гогоча, разлетались въ стороны отъ бѣшено галопирующихъ людей. Несмотря на такой аллюръ, они обмѣнивались всевозможными догадками о томъ, что стряслось теперь на станціи и для чего ихъ вызываютъ.

Неугомонный Мягковъ пробурчалъ:

— Вѣстимо, сицилисты соскучились объ насъ! Значить, до завтра аль послѣзавтра прощай каша и сонъ!

Его предсказаніе исполнилось слово въ слово: только въ началѣ четвертыхъ сутокъ удалось имъ, бѣднымъ, похлебать горячей пищи и выспаться; но хотя холодные, нравственно и физически изнуренные, они все-таки безропотно исполняли свой долгъ!

— Ну тебя!—отмахнулся отъ Мягкова Ефремовъ, отличавшійся необыкновенной молчаливостью:—извѣстно, зовуть, такъ за дѣломъ, а не для того, чтобы поглядѣть на твою корявую рожу, которой и лошади пугаются! Нашъ хорунжій таковскій: не станеть тревожить даромъ полусотню.

Наконецъ они у цѣли поѣздки и сейчасъ же явились къ своему командиру.

А на вокзалѣ уже шель глухой говоръ:

— Что-то, дескать, неладно, казаки вернулись!

Пассажирскій поѣздъ увезъ Сафонова и 15 станичниковъ; прочіе казаки были посланы въ слободу М. взять сообщниковъ террористовъ.

Колеса вагоновъ медленно начинали приходять въ движеніе, когда вниманіе офицера привлекъ бѣгущій жандармъ, махавшій депешей; склонившись на подножку, онъ вырвалъ ее у него. Въ ней ему сообщали, что главный начальникъ экспроприаторовъ сѣлъ на этотъ поѣздъ, чтобы добраться до города Т., и описывали точныя его примѣты.

Начинало смеркаться, станція К. была недалеко.

Валентинъ Николаевичъ, призвавъ оберъ-кондуктора, распорядился закрыть все выходы изъ вагоновъ, а открытыми оставить только сквозные проходы.

Поѣздъ все катилъ, и подъ однообразный грохотъ его колесъ чуткая дремота овладѣла хорунжимъ. Его разбудилъ чей-то голосъ:

— Ваше благородіе, вставайте, сейчасъ остановка.

Открылъ глаза: предъ нимъ стоитъ знакомый, сѣдой, какъ лунь, кондукторъ, смотря на него ласково и сочувственно; вздохнувъ, онъ добавилъ:

— То то сладко вы почивали, даже жаль было будить! Видно, очень притомились, ажъ глазенки у васъ ввалились. Эхъ! ничего не подѣлаешь, самъ понимаю, служба!

— Спасибо, старикъ, за доброе слово,—отвѣтилъ Сафоновъ, выходя на площадку вагона; его начинало лихорадить отъ недостатка сна, притомъ страшно болѣла голова, онъ плотнѣе запахнулъ бурку, однако она мало помогла.

Едва локомотивъ затормозился, шестеро донцовъ, по заранѣе отданному приказу, спрыгнули съ двухъ сторонъ и зорко стали слѣдить, чтобы не пропустить террориста; остальные же размѣстились у дверей вагоновъ.

На станціи хорунжій приказалъ жандарму и полицейскимъ обыскать поѣздъ. Пассажиры зароптали:

— Это безобразіе! по какой причинѣ насъ не выпускаютъ?— начали приставать съ разспросами къ казакамъ.

Послѣдніе односложно отвѣчали:

— Не могу знать,—и болѣе ничего нельзя было отъ нихъ добиться.

Въ вагонѣ III класса жандармъ замѣтилъ субъекта съ подходящими примѣтами, который живо юркнулъ на площадку; увидя дверь на замкѣ, попробовалъ спрыгнуть между вагонами. Но не тутъ-то было! Стоявшій здѣсь казакъ Антоновъ, дѣтина огромнаго роста и силы, схватилъ его за шиворотъ, приподнявъ на воздухъ, какъ щенка.

— Куда прешь, соколикъ? Аль не понимаешь: сказано—нельзя, и не лѣзь, куда тебя не спрашиваютъ! Послушай, ты у меня не очень шебарши въ рукѣ, а то разъ тряхну и духъ изъ тебя вонъ!

Находившіеся вблизи донцы, подскочивъ къ экспроприатору, связали его и увели на станцію.

Когда оцѣпленіе вагоновъ сняли, получивъ разрѣшеніе, кондукторская бригада раскрыла двери, публика такъ и повалила; а пронесшійся слухъ объ арестѣ важнаго разбойника побудилъ ее сгруппироваться у жандармской комнаты, слишкомъ же любопытныхъ приходилось удалять силой.

Отправивъ станичниковъ осматривать сосѣдніе поселки, офицеръ при трехъ казакахъ сталъ допрашивать анархиста. Продолжительное время тянулась эта скучная канитель. Вотъ и два часа ночи, наконецъ допросъ оконченъ, посланные все не возвращаются. Часы пробили семь утра, ихъ нѣтъ и нѣтъ, только къ полудню вернулись они, совсѣмъ выбившись изъ силъ.

Опять надо допрашивать, писать всевозможныя донесенія, протоколы, а время не стоитъ. Уже часъ ночи... Готово послѣднее дознаніе, осталось его подписать и дѣлу конецъ. Ровно трое сутокъ утомительной, непрерывной дѣятельности. Полусотня выѣхала двадцатаго декабря въ полночь, теперь тоже часъ ночи, но только двадцать третьяго декабря!

Всѣ едва держатся на ногахъ, смертельно клонить ко сну, голодъ немного даетъ себя чувствовать, все-таки утомленіе сильнѣе.

Взявъ съ собой арестованныхъ, Валентинъ Николаевичъ усѣлся съ казаками въ поѣздъ, велѣлъ имъ по очереди стеречь убійцъ. Не успѣла его голова коснуться диванной подушки, какъ свинцовый сонъ сковалъ члены, онъ совершенно не помнилъ, когда заснулъ, только вдругъ почувствовалъ, что кто-то осторожно его трогаетъ за плечо: сразу онъ всталъ, по привычкѣ рука потянула револьверный шнуръ, однако сознаніе вернулось: дежурный казакъ его будить, остальные тоже встаютъ и собираются выходить.

При остановкѣ поѣзда станичники, окруживъ злоумышленниковъ, повели ихъ на платформу, немногіе случайные зрители старались хоть издали посмотрѣть на привезенныхъ убійцъ, боясь

подойти ближе, потому что невыспавшіеся казаки довольно-таки недружелюбно поглядывали вокругъ себя.

Поспѣшно передавъ полиціи преступниковъ со всей касающейся этого дѣла перепиской и распорядившись о немедленной ихъ отправкѣ въ тюрьму съ отходящимъ поѣздомъ, Сафоновъ облегченно вздохнулъ, обождалъ, пока ихъ увезли, и небольшой рысью направился съ казаками домой. Теперь у него наступила реакція послѣ сильныхъ волненій: онъ почувствовалъ во всемъ тѣлѣ необыкновенную слабость и едва проговорилъ пересохшими губами:

— Не спать въ сѣдлахъ, замерзнешь!

Напрасно радостно ржалъ Ахметъ, изгибая кольцомъ красивую шею, даже пробовалъ шалить, озирался, пофыркивая и нетерпѣливо ожидая привычной ласки знакомой руки: его хозяинъ, блѣдный, съ болѣзненными сверкающими глазами, съ трудомъ опирался на стремяна; умный конь, понявъ, что ему не по себѣ, понесъ своего сѣдока, осторожно ступая.

Глубокое молчаніе царило въ отрядѣ: всѣмъ было не до разговоровъ; каждый стремился только добраться до кровати, сбросить оружіе и растянуться! Дѣйствительно, лошади и люди вполне заслужили отдыхъ!

Трехсуточный трудъ безъ горячей пищи подорвалъ самыя выносливыя натуры.

Вотъ показалась экономія К.; кони, чуя стойла, прибавили шагъ; всадники тоже подтянулись, пересѣвъ плотняѣ. Доѣхавъ до дому, казаки торопливо разсѣдали лошадей, подбросили имъ сѣна и пошли ужинать (офицеръ телефоновалъ еще со станціи, чтобы кашевары ждали ихъ съ ужиномъ), а чрезъ полчаса размѣстились по койкамъ и заснули, какъ убитые.

Валентинъ Николаевичъ похвалилъ ихъ за лихость, назвавъ настоящими казаками; онъ считалъ своею обязанностью только тогда оставлять казарму, когда люди и кони получили должное, и самымъ послѣднимъ побрелъ къ себѣ на квартиру.

Денщикъ, открывшій ему дверь, такъ и ахнулъ, всплеснувъ руками:

— Владычица небесная! что приключилось съ вами, ваше благородіе?

Вмѣсто цвѣтущаго, румянаго юноши предъ нимъ стояла лишь тѣнь его барина.

На столѣ готовъ горячій ужинъ, любимыя кушанья манили что-нибудь съѣсть, но ничего не хотѣлось, только спать, спать и спать!

Заботливо, какъ малаго ребенка, Василій раздѣлъ хорунжаго, почти сваливагося на постель; не прошло минуты, уже раздалось его ровное дыханіе.

Донецъ задумчиво смотрѣлъ на молодое, красивое лицо, какъ будто сразу возмужавшее: щеки впали, а подъ глазами обрисовались огромные, темные круги.

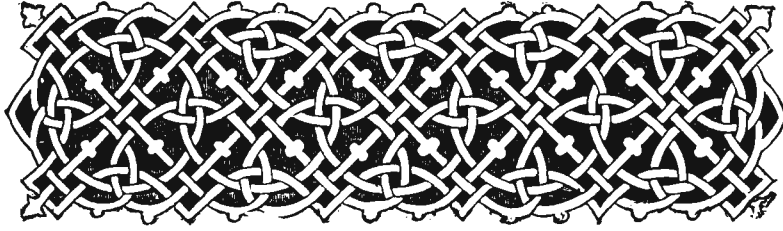
— Уходили они тебя, сердешный! знать, тяжеленько пришлось, — дрогнулъ онъ: — ишь, какъ снопъ упалъ на койку. Охъ, видѣла бы тебя матушка родимая, извелась бы она, поди, слезами и на тебя теперь гляючи; дай-косъ прикрою тебя еще, вспотѣешь, анъ завтра будешь, какъ встрепанный!

Бережно накрывъ его буркой, станичникъ, безшумно убравъ платье и оружіе, вышелъ изъ комнаты, тихо притворивъ дверь.

Опять длинная, темная ночь; въ большой экономіи все погружено въ глубокой сонъ, только вьюга злилась попрежнему, да вѣтеръ сердито завывалъ въ печаяхъ и телефонныхъ проводахъ, да попрежнему дневальные вяло бродили по казармѣ и по конюшнѣ: нѣтъ-нѣтъ, слипались глаза, и требовалось порядочное усиліе удержать ихъ открытыми, поэтому они предпочитали ходить до смѣны.

Н. Л. Парчевскій.





СТРАНИЧКА ИЗЪ ИСТОРИИ КРѢПОСТНОГО ТЕАТРА ВЪ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

(О театрахъ графа Каменскаго и Юрасовскихъ).



ВЪ НАЧАЛѢ прошлаго вѣка Орловская губернія, это въ широкомъ смыслѣ слова тогдашнее «дворянское гнѣздо», такъ поэтически воспѣтое впоследствии Тургеневымъ, славилась своими крѣпостными театрами, которыхъ здѣсь въ то время насчитывалось довольно значительное число. Это былъ своего рода «золотой вѣкъ», эпоха расцвѣта мѣстной крѣпостной сцены. Меломанія царяла среди тогдашнихъ орловскихъ помѣщиковъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ ставили дѣло на очень широкую ногу—заводили не только собственные драматическія, но даже балетныя и оперныя труппы, оркестры и хоры пѣвчихъ.

Безконечныя увеселенія и балы наполняли привольную барскую жизнь, особенно въ губернскомъ городѣ, когда владѣльцы театровъ со своими труппами съѣзжались сюда на дворянскіе выборы.

Пиліи, ѣли и веселились безъ конца.

На увеселенія богатые орловскіе бары были большіе мастера; какъ можно судить по нѣкоторымъ, правда, немногочисленнымъ, дошедшимъ до насъ документамъ, увеселительныя программы ихъ отличались порою неслыханнымъ разнообразіемъ, свидѣтельствующимъ о широтѣ и богатствѣ фантазій меломановъ-крѣпостниковъ. Тутъ вы встрѣтите и драмы, и трагедіи, а нерѣдко «паѣтомимныя

балеты» и даже просто балеты. Къ крѣпостному балету, повидимому, тогдашніе обитатели орловскихъ «дворянскихъ гнѣздъ» чувствовали особенно страстное влеченіе, «родъ недуга»; немудрено, послѣ этого, что балеты шли нерѣдко при волшебнороскошной обстановкѣ, напоминавшей сказочныя картины. Кромѣ балетовъ, ставились еще «разнохарактерные дивертисманы» съ пѣснями и плясками, иноземными и русскими—до лихой «Камаринской» включительно.

Среди крѣпостныхъ театровъ той эпохи въ Орловскомъ краѣ особенно славились театры: извѣстнаго меломана-самодура, графа С. М. Каменскаго въ Орлѣ ¹⁾, матери И. С. Тургенева, Варвары Петровны (у которой, какъ и у Каменскаго, былъ не только собственный театръ, но даже и собственные оркестръ и пѣвчіе), въ селѣ Спасскомъ-Лутовиновѣ Мценскаго уѣзда. Наконецъ, въ Болховскомъ уѣздѣ театры: извѣстнаго театрала, музыканта и придворнаго чтеца А. А. Плещеева—въ с. Черни и Юрасовскихъ—въ сельцѣ Сурьянинѣ.

Первое мѣсто среди этихъ театровъ должно по справедливости принадлежать театру графа Каменскаго, какъ давно уже изъ всѣхъ крѣпостныхъ храмовъ Мельпомены наиболѣе извѣстному у насъ; слава о немъ и о чудачествахъ его владѣльца въ свое время (1817—1828 гг.) гремѣла по всей Россіи; театръ Каменскаго описанъ былъ во многихъ воспоминаніяхъ современниковъ-очевидцевъ (Жиркевичъ, Бурнашевъ, Бутурлинъ) ²⁾; отведено также ему мѣсто и въ нашей беллетристикѣ, напримѣръ, въ «Сорокъ-воровкѣ» Герцена и въ разсказѣ Лѣскова «Тупейный художникъ».

Здѣсь же можно найти довольно обильныя свѣдѣнія и о причудахъ графа, сдѣлавшихъ имя его у современниковъ «притчею во языцѣхъ» и за которыя онъ былъ удостоенъ императоромъ Александромъ I выразительной клички: «полоумный».

Какого рода бывали эти причуды, можно составить себѣ нѣкоторое понятіе хотя бы по слѣдующимъ любопытнымъ образцамъ.

Во дворцѣ графа, въ Орлѣ, находился, между прочимъ, его фамильный музей. Въ этомъ музеѣ особенно замѣчательны были часы съ музыкою, сдѣланные для графа въ Москвѣ Медоксомъ за баснословную цѣну—восемь тысячъ рублей. Все достоинство этихъ часовъ заключалось, кажется, въ ихъ музыкѣ, связанной съ исторіей рода графовъ Каменскихъ. Когда часовая стрѣлка показывала одиннадцать минутъ третьяго пополудни, музыка

¹⁾ Кромѣ Каменскаго, въ Орлѣ извѣстенъ былъ тогда еще другой крѣпостной театръ—Мацнева, ютившійся гдѣ-то на окраинѣ города; о мацневскомъ театрѣ намъ, однакоже, никакихъ подробностей въ печати не попадалось.

²⁾ Жиркевичъ. «Русская Старина», авг. 1875 г. Гуріи Эртауловъ (Бурнашевъ). «Воспоминанія о театрѣ гр. Каменскаго въ Орлѣ», напечатанныя въ «Дѣлѣ» за іюн. 1873 г. (журналъ «Дѣло» за этотъ годъ теперь библиографическая рѣдкость).

играла печальное «Со святыми упокой», въ память того, что въ этотъ моментъ обрѣтено было тѣло убитаго собственными крѣпостными фельдмаршала, отца графа. Ровно въ четыре часа, тоже поплудни, часы играли уже не печальное, а извѣстный бравурный польскій «Слався, слався храбрый Россъ», напоминая вселенной, что въ это время впервые увидѣлъ свѣтъ самъ владѣлецъ орловскаго театра.

Празднуя такъ торжественно ежедневно моментъ своего рожденія, графъ не забывалъ въ то же время и о своей военной славѣ, напоминая о ней тоже весьма своеобразно.

Побѣдитель турокъ при Базарджикѣ, онъ на память объ этой единственной своей побѣдѣ (полководецъ графъ былъ совсѣмъ неважный) приказалъ изобразить Базарджикскій бой на огромной, сажени въ три, батальной картинѣ, которою и украсилъ свою парадную гостиную. На этой, потомъ пропавшей, исторической картинѣ художникъ написалъ графа, какъ онъ былъ въ дѣлѣ при взятіи приступомъ турецкой крѣпости: на бѣломъ конѣ, со шпагою въ рукѣ, среди адскаго пушечнаго и ружейнаго огня.

На память о военныхъ же подвигахъ графа въ его дворцѣ въ залѣ въ углу были поставлены графскіе «побѣдные трофеи»: два турецкихъ знамени и восемь бунчуковъ. При трофеяхъ постоянно находился «на караулѣ» часовой изъ дворни, одѣтый почему-то испанцемъ, съ тромбономъ. Черезъ каждые два часа «почетный караулъ» этотъ смѣнялся.

Но ревнивый къ своей славѣ графъ иногда съ большою помпезностью афишировалъ также и то, о чемъ совсѣмъ, пожалуй, не слѣдовало бы оповѣщать «всѣхъ и cadaго».

Напримѣръ, свои интимныя отношенія къ графской фавориткѣ—актрисѣ Акулигѣ Васильевнѣ Куриловой, сдѣлавшейся впоследствии даже его женой и родоначальницей теперешнихъ графовъ Каменскихъ.

Графъ не только не скрывалъ своей привязанности къ этой женщинѣ, но, что было съ его стороны большой нескромностью, находилъ возможнымъ держать всѣхъ «въ курсѣ» насчетъ того, находится ли она у него въ милости, или опалѣ.

Сама Курилова должна была постоянно открыто носить на себѣ краснорѣчивые и всѣмъ понятные символы графской благосклонности и немилости.

Появляется она съ огромнымъ, «больше чѣмъ панагія», графскимъ портретомъ на груди—и всѣмъ ясно, что въ это время графъ пребываетъ къ ней «совершенно благосклоннымъ».

Но вотъ фаворитка вдругъ лишается чести украшать свою грудь графскимъ портретомъ, вмѣсто котораго въ то же время у нея появляется на спинѣ какой-то странный портретъ, на которомъ лица нѣтъ, а изображена только одна спина. Новый символъ

опять ни для кого не представлялъ загадки: это значило, что фаворитку постигъ праведный гнѣвъ сїятельнаго селадона, «графъ повернулся къ ней спиной».

Символическимъ портретомъ кара обыкновенно еще не ограничивалась; къ этому добавлялось нерѣдко другое, болѣе жестокое наказаніе; послѣднее состояло въ томъ, что на квартиру къ опальной фавориткѣ назначалась смѣна дворовыхъ, подъ командой особаго урядника. На обязанности сей команды лежало каждую четверть часа входить къ Куриловой и говорить: «Грѣшно, Акулина Васильевна, разсердили батюшку-графа. Молитесь». И бѣдная женщина каждый разъ должна была тотчасъ же сдѣлать молитвенный поклонъ. Черезъ пятнадцать минутъ та же исторія: снова укоръ и снова поклонъ. Изъ-за этой эпитеміи несчастной фавориткѣ иногда приходилось даже не спать по цѣлымъ ночамъ, проводя ихъ почти не вставая съ поклоновъ. Къ счастью, столь изнурительное наказаніе рѣдко продолжалось даже нѣсколько часовъ, графъ обыкновенно отмѣнялъ его довольно скоро. Но зато прогулка съ портретомъ-символомъ на спинѣ, случалось, длилась чуть ли не по нѣскольку мѣсяцевъ, причемъ опальная фаворитка должна была появляться съ этимъ украшеніемъ даже въ церкви, къ великому, конечно, соблазну молящихся.

Мы не станемъ здѣсь распространяться о другихъ, не менѣе сумасбродныхъ чудачествахъ графа, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ тѣсную связь съ театромъ и потому намъ придется еще говорить о нихъ въ исторіи этого театра, къ которой мы теперь и переходимъ.

Графскій театръ помѣщался въ грандіозномъ дворцѣ-руинѣ сїятельнаго меломана, занимавшемъ тогда со своими многочисленными службами въ Орлѣ чуть не цѣлый кварталъ, на мѣстѣ нынѣшняго орловскаго Бахтина кадетскаго корпуса.

Возникъ онъ, кажется, почти одновременно съ появленіемъ здѣсь перваго мѣстнаго органа періодической печати—журнала «Другъ Россіянъ», который началъ выходить въ свѣтъ въ 1816 году¹⁾.

Театръ этотъ доставлялъ немалое удовольствіе орловцамъ, хвалившимся тѣмъ, что они, не въ цримѣрь другимъ губерніямъ, имѣютъ собственный доморощенный театръ, привлекавшій къ себѣ посѣтителей не только изъ уѣздовъ Орловской губерніи, но и изъ городовъ окрестныхъ губерній, не имѣвшихъ собственныхъ

¹⁾ «Другъ Россіянъ», этотъ первенецъ орловской журналистики (теперь большая библиографическая рѣдкость), появившійся въ губернскомъ городѣ въ такую для русской журналистики пору, когда провинціальная печать у насъ почти совершенно отсутствовала, былъ панегирисомъ графа; издавалъ его учитель орловской гимназіи полякъ Фердинандъ Орля-Омшенецъ, учительствовавшій нѣсколько раньше въ курской гимназіи, гдѣ онъ преподавалъ науки «прекрасныхъ древностей и стихотворческой исторіи или мѣоологіи».

театровъ, а пробавлявшихся театрами крайне пѣвзранными, устроенными въ домахъ, не спеціально выстроенныхъ для зрѣлища, содержимыми какими-нибудь антрепренерами-горемыками, нанимавшими труппы на мѣдные гроши и не имѣвшими мало-мальски приличной обстановки.

Артистическая служба въ графскомъ театрѣ была далеко не изъ легкихъ,—актерамъ приходилось разучивать безъ конца свои роли, такъ какъ репертуаръ постоянно мѣнялся по капризу взбалмошнаго «главнаго директора». Пьесы слѣдовали быстро одна за другой, и несчастные артисты просто не могли поспѣвать выучивать свои, то и дѣло мѣняющіяся, роли; между тѣмъ, графъ въ этомъ отношеніи былъ чрезвычайно требователенъ, роли надо было знать безукоризненно, сфюлера совсѣмъ не полагалось; самъ директоръ изъ своей ложи зорко слѣдилъ за игрой, и горе было артисту, если онъ обнаружитъ незнаніе роли и хоть ненарокомъ зашнется; «преступленіе» самимъ графомъ тотчасъ же заносилось въ книгу, а по окончаніи акта съ виновнымъ немедленно сводились счеты: его тутъ же при театрѣ драли безпощадно, причемъ вопли несчастныхъ жертвъ самодура-барина нерѣдко достигали даже до слуха зрителей.

Какіе преимущественно авторы ставились на орловской сценѣ, на это слагавшій гимны графу, какъ своему меценату (Каменскій состоялъ подписчикомъ на цѣлыхъ четыре экземпляра журнала, имѣвшаго въ началѣ всего лишь что-то около полусотни подписчиковъ, переименованныхъ даже въ одномъ изъ нумеровъ журнала); издатель «Друга Россіянъ» во второмъ номерѣ своего журнала даетъ намъ не лишенный интереса отвѣтъ за 1816 годъ; вотъ что мы читаемъ здѣсь: «Извѣстнѣйшіе изъ сочинителей пьесъ театральныхъ, въ Орлѣ представляемыхъ, суть: Княжнинъ и Шаховской—въ операхъ и комедіяхъ; Коцебу—въ драмахъ и комедіяхъ, Федоровъ, Ильинъ, Юрасовъ, Вертеръ и Мерсье—въ драмахъ; Сумароковъ, фонъ-Визинъ, Крыловъ, Муравьевъ, Растопчинъ, Плавильщиковъ и переводчикъ «Правой Ноги» Парашичъ (тогдашняя орловская знаменитость)—въ комедіяхъ». Вообще, судя по этому авторскому перечню, репертуаръ орловскаго театра представлялъ собою, въ нѣкоторомъ родѣ, сколокъ со столичныхъ сценъ, такъ какъ многіе изъ переименованныхъ здѣсь авторовъ занимали тогда почетное мѣсто и въ столичныхъ театрахъ. Къ перечню иностранныхъ авторовъ, сдѣланныхъ въ «Другѣ Россіянъ», можно развѣ добавить пропущеннаго въ немъ Шекспира, пьесы котораго «Лиръ» и «Отелло» тоже ставились на орловской крѣпостной сценѣ еще въ 1817 году.

По подсчету «Друга Россіянъ», въ 1817 году театръ съ начала своего открытія по 28-е іюля, только за полгода, «представилъ къ увеселенію публики»—восемьдесятъ двѣ пьесы: восемнадцать оперъ,

пятнадцать драмъ, сорокъ одну комедію, шесть балетовъ и двѣ трагедіи.

Постановка пьесъ нерѣдко отличалась необычайнымъ великолѣпіемъ въ декоративномъ отношеніи. Сіятельный меломанъ вообще не жалѣлъ на это никакихъ средствъ; но, кажется, пьеса «Калифъ Багдадскій», по чисто царской декоративной роскоши, превосходила въ этомъ отношеніи всѣ прочія пьесы. Для декоративной обстановки въ «Калифѣ», по свидѣтельству Жиркевича, съ сожалѣніемъ указывающаго на этотъ фактъ ничѣмъ не сдерживаемой барской прихоти, потребовалось шелку, бархату, вышитаго золотомъ, ковровъ, страусовыхъ перьевъ, турецкихъ шалей—на цѣлыхъ тридцать тысячъ рублей!

Такимъ образомъ, цѣлое крупное состояніе ухлопано было на декорацию только одной пьесы «Калифъ Багдадскій».

Пьесы «Три брата горбуны», «Трубочистъ» тоже обставлялись съ большою роскошью. Вообще, по словамъ одного панегириста графа, орловская сцена нерѣдко украшалась: проспектами городовъ, деревень, острововъ, крѣпостей, замковъ, рощъ, садовъ, полей, лѣсовъ, горъ, моря и кораблей; при лучезарномъ солнцѣ, свѣтлой лунѣ, громахъ и молніяхъ, пальбахъ, кораблекрушеніяхъ и сраженіяхъ на этой сценѣ являлись цари, царицы, герои, князья, графини и крестьянки, воины, граждане, купцы, ремесленники и поселяне, также философы и сочинители, профессора и доктора, слуги, приказные и полиціанты ¹⁾.

Баснословными тратами на постановку пьесъ далеко еще не исчерпывалось театральное сумасбродство графа. У него бывали подобныя же причуды и въ другомъ родѣ. Однажды, напримѣръ, ему понравилась принадлежавшая помѣщику Офросимову артистическая крѣпостная семья Кравченковыхъ (или Кравченко): мужъ съ женою и ихъ шестилѣтняя дочь—своего рода чудо природы, вундеркиндъ, превосходно, несмотря на свой дѣтскій возрастъ, танцовавшая качучу и тампетъ. Графъ пожелалъ приобрести эту семью для своего театра. Офросимовъ, зная, очевидно, съ кѣмъ имѣеть дѣло, заломилъ неслыханно высокую цѣну. Но графъ этимъ нисколько не смутился и не пожалѣлъ за три артистическихъ души отдать ему цѣлую громадную деревню въ двѣсти пятьдесятъ, конечно, простыхъ не артистическихъ душъ, совсѣмъ не умѣвшихъ

¹⁾ Вотъ, кстати, перечень нѣкоторыхъ пьесъ, шедшихъ разновременно на сценѣ орловскаго театра: «Ямъ», «Посидѣлки», «Дианно древо», «Cosa gara» («Рѣдкая вещь») — переводъ и передѣлка актера Дмитревскаго, пьеса очень популярная на крѣпостной сценѣ,—«Баба Яга», «Три брата горбуны», «Трубочистъ», «Тюремкинъ» — опера Плещева, болховскаго помѣщика,—«Дѣвишникъ и крестьяне», «Филаткина свадьба», «Боть», «Жидовская корчма», «Бабушкины попугаи», «Коварство и любовь», «Лиръ», «Отелло». Балеты: «Амуровы шутки», «Необитаемый островъ», «Русскія пляски» и другія.

Авт.

танцовать качучу; итого по восьмидесяти съ лишнимъ душъ за каждую артистическую: цѣна прямо невѣроятная.

Графскій театръ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и театральною школою. Въ галереѣ, примыкавшей къ ложѣ самого сіятельнаго директора, обыкновенно сидѣли такъ называемыя пансіонерки, т.-е. дворовыя дѣвочки, готовившіяся въ актрисы и танцовщицы; посѣщеніе театра было для нихъ обязательно: графъ требовалъ, чтобы на другой день каждая изъ нихъ продекламировала какой-нибудь монологъ изъ представленной пьесы или протанцевала вчерашнее «па».

Артистическая карьера на графской сценѣ мало, впрочемъ, представляла соблазнительнаго. Обыкновенно артисты сцены и оркестра изъ двора должны были перѣдко нести и другія обязанности, ничего общаго не имѣющія съ высокимъ искусствомъ: служить портными, парикмахерами, сапожниками и т. п.

Увлеченіе графа театромъ было столь велико, что въ Орлѣ двѣ изъ его гостиныхъ были обращены даже въ театральную-портретную музей; въ одной были собраны портреты актеровъ и актрисъ всевозможныхъ націй; въ другой висѣли портреты артистовъ собственной графской труппы. Куда потомъ исчезли эти любопытныя портретныя галереи—намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно; но существованіе ихъ въ свое время засвидѣтельствовано въ запискахъ Жиркевича, несомнѣнно, собственными глазами видѣвшаго эти портреты.

Въ театральнѣй сезонъ орловскій день графа почти всецѣло посвящался театральнымъ дѣламъ.

Обыкновенно утромъ съ пяти до семи часовъ графъ дѣлалъ визиты; потомъ прямо отправлялся въ свою театральную контору и начиналъ изъ своихъ рукъ раздавать и разсылать билеты, записывая каждую выдачу собственноручно въ книгу и вписывая туда же полученныя за билеты деньги. При этомъ графъ всегда обстоятельно разспрашивалъ, отъ кого кто посланъ за билетомъ, обсуждалъ глубокомысленно, достоинъ или нѣтъ и какого мѣста достоинъ пославшій; если личность, которая прислала за билетомъ, ему не нравилась, то онъ ни за какія деньги не соглашался дать билетъ. Кто же былъ у него въ фаворѣ, тѣмъ съ большою любезностью билеты высылались даромъ и заготовлялись наканунѣ съ вечера.

Въ девять часовъ утра графъ закрывалъ контору до четырехъ часовъ, отправлялся за кулисы и тамъ до двухъ часовъ ежедневно присутствовалъ на репетиціи.

Въ два часа шелъ гулять пѣшкомъ по городу, постоянно по одному и тому же направленію до извѣстнаго мѣста, не дѣлая ни шагу болѣе, ни шагу менѣе, и возвращался домой обѣдать.

Къ шести часамъ вечера графъ уже опять обязательно былъ въ театрѣ и оставался тамъ до конца спектакля.

Не лишнее отмѣтить слѣдующую несомнѣнную заслугу театра Каменскаго: онъ далъ толчокъ пребывавшимъ дотолѣ въ дремотѣ мѣстнымъ литературно-драматическимъ «талантамъ»; пробужденные графскою сценою, они быстро и ревностно принялись за творческую работу и вскорѣ сдѣлались «поставщиками» графскаго театра, стали снабжать его собственными пьесами «туземнаго производства». Любителей этого рода нашлось даже довольно значительное число; вотъ нѣсколько именъ, наиболѣе выдающихся между ними: бывший учитель орловской гимназiи, упомянутый выше Парашичъ, гремѣвшій въ то время въ Орлѣ, какъ переводчикъ «Правой Ноги»; Юрасовъ—авторъ пьесы «Несчастныя послѣдствiя отъ ложныхъ слуховъ», учитель гимназiи Ѳедоръ Вертеръ, авторъ весьма популярной въ то время драмы въ одномъ дѣйствiи «Казачи въ Швейцарiи», напечатанной въ Орлѣ въ 1816 г. не безъ матеріальнаго, кажется, содѣйствiя графа и даже посвященной сіятельному меценату, этому, по выраженiю «Друга Россiанъ», «знаменитому въ Россiи герою, а въ Орловской губернiи вельможѣ» ¹⁾; наконецъ, болховской помѣщикъ, другъ Жуковскаго, А. А. Плещеевъ, владѣлецъ собственнаго крѣпостнаго театра, поставившій въ театрѣ Каменскаго свою оперу «Тюремкинъ», пьесу, «украшенную не только сочиненiемъ, но и собственною плещеевскою же музыкою». Балетмейстеръ графскаго театра Дейбель передѣлалъ для орловской сцены балетъ «Психею», сочиненный знаменитымъ петербургскимъ хореографомъ Дидло ²⁾.

Хотя, какъ мы уже говорили, у гр. Каменскаго и не было недостатка въ панегристахъ, но театральная карьера его усыпана была не одиѣми розами.

Не мало также встрѣчалось и шиповъ на графскомъ пути.

¹⁾ Хвалебные гимны графу слагалъ не одинъ только издатель орловскаго журнала. Ему вторили тогда и другiе «печатные голоса» въ Орловскомъ краѣ; старшiй учитель гимназiи Богдановичъ издаетъ, напримѣръ, стихи на открытiе графскаго театра, прославляя въ нихъ новаго мецената, а нѣкій Ивановъ, почетный смотритель мценскихъ училищъ, на тотъ же случай сочиняетъ и издаетъ «прекрасный прологъ», опять-таки съ диограммомъ графу,—о чемъ и было возвѣщено въ услужливомъ «Другѣ Россiанъ». Вотъ, кстати, образецъ стихотворной лести графу самого издателя журнала: «Базарчукской покоритель громкой славы возгремѣлъ, оттомановъ побѣдитель красить (украшаетъ) россовъ и Орель».

А в т.

²⁾ Театръ графа Каменскаго оразился и на орловскомъ книгоиздательствѣ того времени. Среди нѣсколькихъ десятковъ книгъ, напечатанныхъ въ Орлѣ въ царствованiе Александра I, мы встрѣчаемъ также съ десятокъ театральнхъ пьесъ; вотъ нѣкоторыя: Коцебу, комедiя «Вѣдiость и благородство души» (1817 г.), трагедiя «Октавiя или непреодолимая вѣрность» (1825, тип. Сытина); «Преступникъ отъ горы или братомъ преданная сестра», комедiя соч. Д. Ефимьева; Гимета «Генiй цвѣтовъ, или огненная роза» (программа балета), соч. Штейна, и др.

А в т.

Здѣсь нѣтъ надобности останавливаться на всѣхъ этихъ шпакъ. Но на одномъ изъ нихъ, связанномъ съ постановкою на сценѣ орловскаго театра волшебна-комической оперы Дитъпровская русалка», оканчивавшеюся неприличною выставкою молодымъ повѣсою-офицеромъ карикатуры на графа въ собственномъ его театрѣ, мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько подольше.

Въ 1827 году графъ рѣшился поставить въ своемъ театрѣ «Русалку», пьесу въ свое время весьма у насъ популярную¹⁾. Главнымъ персонажемъ этой пьесы является веселый слуга князя Видостана Тарабаръ, выѣзжающій, между прочимъ, на сцену на козлѣ, въ котораго обратили его великолѣпнаго коня. Изъ-за этого-то Тарабара и разыгралась вся исторія на сценѣ Каменскаго. Роль Тарабара была поручена пѣвцу Кравченку, главѣ артистической семьи, приобрѣтенной графомъ у Офросимова.

Для полноты реализма, къ первой постановкѣ оперы Каменскій распорядился, чтобы Тарабаръ-Кравченко сдѣлалъ свое выступленіе на настоящемъ козлѣ, на подлинномъ бородатомъ Васекѣ. Но четвероногій артистъ во время спектакля испортилъ все дѣло; встрѣченный на сценѣ оглушительными апплодисментами, онъ съ перепугу сбросилъ своего всадника и ускакалъ обратно въ конюшню, не докончивши своего номера. Приключеніе это, возбужденное въ театрѣ гомерическій хохоть, ошеломляюще подѣйствовало на графа, который изъ-за этихъ непріятностей собирался было даже снять «Русалку» со сцены. Но тутъ на выручку ему неожиданно подоспѣла изобрѣтательность нѣмца, капитана гусара; гусаръ этотъ посовѣтовалъ пустить на сцену, вмѣсто настоящаго, механическаго козла, какъ это дѣлалось съ «Русалкою» даже въ столичныхъ театрахъ, и услужливо вызвался изготовить манекенъ изъ остатковъ неудачнаго четвероногаго артиста, казненнаго по распоряженію графа за свое непристойное поведеніе на сценѣ.

Нѣмецкій совѣтъ очень понравился графу.

Манекенъ вскорѣ былъ готовъ, и назначили новую репетицію.

Опять тотъ же Кравченко долженъ былъ исполнять роль веселаго Тарабара, княжескаго конюшаго, и явиться верхомъ на козлѣ.

Но репетиція нежданно-негаданно суждено было окончиться грандіознымъ шутовствомъ, повредившимъ пьесѣ еще болѣе, чѣмъ преждее неудавшееся представленіе съ подлиннымъ козломъ.

¹⁾ Въ началѣ прошлаго вѣка въ Вѣнѣ и Берлинѣ пьеса эта шла съ большимъ успѣхомъ подъ названіемъ «Das Donauweibchen». Въ 1803 г. первая часть оперы переведена была Краснопольскимъ для русской сцены; позже появились еще двѣ части— и, наконецъ, князь А. А. Шаховской «присочинилъ» даже четвертую. Несмотря на всю свою нелѣпность «Русалка», произвела фуроръ на петербургской сценѣ—и долгое время повсюду распѣвались куплеты и арии изъ нея. Со столичной сцены пьеса перешла въ провинцію и здѣсь тоже игралась съ успѣхомъ. Каждую часть ея можно было играть отдѣльно.

Авт.

Довольный нѣмецкой выдумкой, графъ собирался ѣхать просить барона Будберга, начальника изобрѣтательнаго капитана, о награжденіи его.

Облачась въ полный парадъ, онъ отправился уже въ путь; но, проѣзжая мимо театра, гдѣ въ это время шла репетиція «Русалки», не удержался, завернулъ туда, какъ былъ, въ своемъ новомъ фракѣ, со всеми орденами.

Тамъ какъ разъ тогда репетировали трудный номеръ съ участіемъ механическаго козла. Но когда двинулась машина и козель-чучело пошелъ быстро перебирать ногами, злополучный Тарабаръ-Кравченко, ухватившись за загривокъ, сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ на своемъ высококомъ сѣдалищѣ, производя очень жалкое впечатлѣніе. Его сіятельство, замѣтивъ эту карикатурную позу Тарабара, не на шутку разгнѣвался и обратился къ Дейбелю, своему балетмейстеру и бывшему борейтору, съ просьбою показать «уроду Кравченку» образецъ верховой ѣзды на манекенѣ.

Дейбель тотчасъ же согласился и быстро взгромоздился на козла.

Загремѣла музыка, и козель опять задрыгалъ ногами. Но вдругъ—бацъ! Нѣмецъ полетѣлъ съ своего волшебнаго коня.

Неудача эта еще больше разсердила графа, и онъ рѣшилъ, наконецъ, собственною персоною показать Кравченку примѣръ настоящей кавалерійской ѣзды.

При помощи двухъ-трехъ актеровъ его сіятельство во всемъ парадѣ: въ круглой шляпѣ, во фракѣ и во всехъ регаліяхъ усѣлся на козла; принявъ поводья и помахивая своею палкою-камышевою, онъ величественно проѣхался по всей сценѣ до самыхъ кулисъ. Совершивъ столь необыкновенное путешествіе, графъ торжествующій сошелъ на полъ и строго-настрого приказалъ Кравченку-Тарабару непремѣнно ѣздить такъ, какъ только что проѣхалъ его сіятельство самолично.

Сцена эта, при всемъ глубокомъ чувствѣ рабской подвластности, наполнявшемъ сердца присутствовавшихъ крѣпостныхъ артистовъ и артистокъ, заставила, однакожь, ихъ кусать себѣ чуть не до крови губы, чтобы только не фыркнуть въ присутствіи грознаго графа отъ разбиравшаго ихъ смѣха.

Быстро черезъ артистовъ она сдѣлалась извѣстной орловской публикѣ, и, между прочимъ, съ наибольшими подробностями юному еще тогда автору воспоминаній о театрѣ Каменскаго Эртаулову-Бурнашеву и его пріятелю офицеру-гусару, большому шутнику ¹⁾.

¹⁾ Гусары только что прибыли тогда на стоянку въ Орель; гусарскіе офицеры, по свидѣтельству Лѣскова, вели себя здѣсь очень вольно. Въ своихъ «шалостяхъ» они доходили до полнаго неприличія, напримѣръ, вѣшали на окнахъ, вмѣсто шторъ, картины совершенно непристойнаго содержанія, къ величайшему смущенію орловской публики. Авт.

Уморительная поѣздка полнаго генерала во всемъ великолѣпномъ облаченіи на театральномъ козлѣ-манекенѣ привела Бурнашева и его пріятеля въ самое веселое настроеніе.

Они не могли удержаться отъ хохота, представляя себѣ движущееся по рельсамъ огромное чучело осѣдланнаго козла и на сѣдлѣ «параднаго генерала»—графа Сергѣя Михайловича, съ его гротескной пурпуровой фигурой, въ той самой позѣ, въ какой онъ былъ изображенъ скачущимъ на бѣломъ конѣ на батальной картинѣ: взятіе турецкой крѣпости Базарджика, занимавшей цѣлую стѣну параднаго графскаго зала.

Обладавшій даромъ художественной карикатуры, Бурнашевъ успѣшилъ запечатлѣть юмористическую сцену при помощи карандаша и красокъ. Быстро былъ воспроизведенъ на ватманской бумагѣ въ его театральномъ альбомѣ бородатый, круторогій бѣлый козель съ краснымъ чепракомъ и возсѣдавшій на немъ Тарабарь-генераль въ полномъ шутовскомъ костюмѣ конюшаго князя Видостана, но съ широкою, красною, какъ свекла, распухшею фізіономіею графа Каменскаго.

Офицеръ товарищъ юнаго карикатуриста, чрезвычайно довольный этою работою, немедленно украсилъ ее подписью внизу рисунка:

«Новый Тарабарь Орловскаго театра».

Вечеромъ того же дня въ театрѣ, гдѣ шла тогда «Русалка», финаль этой рискованной затѣи былъ таковъ.

Въ то время, когда Кравченко-Тарабарь при всемъ кордебалетѣ явился на механическомъ козлѣ на сценѣ, пріятель художника—корнетъ-повѣса, тогдашній орловскій *l'enfant terrible*, раскрылъ въ театрѣ альбомъ съ намалеваннымъ изображеніемъ козла, на которомъ возсѣдалъ самъ графъ, похожій, какъ двѣ капли воды, въ костюмѣ Тарабара и, что было всего ужаснѣе, со всеми орденскими знаками, въ алой лентѣ черезъ плечо.

Крѣпостной пѣвецъ Тарабарь, увидавъ злую карикатуру, забылъ свою арію и залился хохотомъ; все танцовщицы—тоже. вмѣсто спектакля въ театрѣ разыгрался неслыханный скандалъ.

Графскій наперсникъ, архитекторъ Петонди, прозванный тогдашнимъ орловскимъ острякомъ Глѣбовымъ—*Peût on dire*, спѣшить доложить графу о причинѣ этого скандала. Выслушавъ докладъ, графъ тихонько въ своихъ бархатныхъ сапогахъ съ резиновыми подошвами подкрался къ повѣсѣ-корнету и вырвалъ у него несчастивый альбомъ. Вскорѣ затѣмъ былъ обнаруженъ и самъ художникъ—юный Бурнашевъ. Оскорбленный сѣятельный меломанъ нажаловался прадѣдушкѣ карикатуриста В. П. Шеншину и прочимъ родственникамъ-помѣщикамъ, принявшимъ въ этомъ дѣлѣ рѣшительно графскую сторону, особенно въ виду того, что карикатуристъ-мальчикъ позволилъ себѣ осмѣять не только особу почтен-

наго генерала, но даже и ордена, которыми онъ былъ украшенъ; послѣднее прямо уже считалось революціонно-непозволительною дерзостью, совершенно недопустимою въ дворянской средѣ.

Въ результатѣ, по семейному рѣшенію родственниковъ карикатуриста, весь альбомъ, для удовлетворенія оскорбленнаго графа, былъ подвергнутъ самимъ карикатуристомъ торжественному аутодафе—брошенъ въ присутствіи графа въ каминъ, и, такимъ образомъ, къ сожалѣнію, погибъ навсегда. Гибель эта была тѣмъ прискорбиѣе, что въ альбомѣ, по свидѣтельству самого Бурнашева, кромѣ карикатуры на выѣздъ сіятельнаго Тарабара, были карикатурные наброски чуть ли не всей многочисленной графской труппы въ наиболѣе характерныхъ для артистовъ роляхъ, работы того же мастера Бурнашева. Не погибни этотъ бурнашевскій альбомъ, мы, несомнѣнно, имѣли бы въ немъ очень цѣнную и рѣдкую карикатурную иллюстрацію къ исторіи крѣпостной сцены.

Представленія въ театрѣ графа Каменскаго въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка бывали три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ.

Ежедневные сборы доходили тогда до пятисотъ-шестисотъ рублей ассигнаціями за разъ, т.-е. въ недѣлю театръ давалъ отъ тысячи пятисотъ до тысячи восьмисотъ рублей,—сумма, конечно, вполне достаточная для вознагражденія крѣпостныхъ труженниковъ-артистовъ и артистокъ.

Къ сожалѣнію, деньги доставались не имъ, а хозяину, состояніе котораго въ то время было сильно потрясено безчисленными долговыми обязательствами, скупленными однимъ орловскимъ богачомъ Г., родомъ изъ чистокровнѣйшихъ сутягъ-подьячихъ «съ приписью», которыхъ такъ превосходно изобразилъ Капнистъ въ своей комедіи «Ябеда» ¹⁾.

Нелѣпныя расточительныя театральныя траты графа въ концѣ концовъ поглотили все его состояніе. Въ орловской городской графской усадьбѣ все стало приходить въ упадокъ и разрушеніе. Много-

¹⁾ По поводу этой комедіи, игранный нѣкогда на орловской сценѣ всего только одинъ разъ и исполненной весьма отчетливо графскими актерами, хорошо знакомыми съ привычками и бытомъ «красиваго сѣмени», разыгралась, какъ передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Эртауловъ-Бурнашевъ, цѣлая любопытная исторія. Кредиторъ-подьячій, задѣтый за живое многими рѣзкими намеками сильно сатирической пьесы, особенно словами застольной пѣсни подьячихъ, восклицавшихъ навеселѣ: «зачѣмъ привѣшены намъ руки, какъ не затѣмъ, чтобъ брать?»—а равно тѣмъ, что талантливый актеръ Козловъ, исполнявшій въ комедіи роль главнаго взяточника, имѣлъ парикъ съ лысиною, необыкновенно похожей на лысину господина кредитора, настоялъ, чтобы пьеса эта была окончательна снята съ орловскаго театра и чтобы артистъ-буфетчикъ Нахомка Козловъ былъ наказанъ на конюшнѣ розгами за то, что осмѣлился копировать его. Какъ говорили тогда въ Орлѣ, графъ долженъ былъ привести въ исполненіе то и другое требованіе своего строгаго кредитора, выступившаго въ роли театральнаго цензора.

численную дворню, музыкантовъ и артистовъ графа не на что было даже одѣть, и они представляли собою толпу жалкихъ лохмотниковъ и оборванцевъ.

Театральную свою карьеру графъ началъ, имѣя громадное состояніе въ семь тысячъ крѣпостныхъ душъ. Все это было ухлопано на театръ. Что потомъ случилось съ этимъ театромъ, намъ неизвѣстно. Но, кажется, онъ закрылся, «за истощеніемъ средствъ», еще при жизни графа, который незадолго до своей смерти, въ 1835 г., оставленный и забытый всѣми, близокъ былъ уже къ совершенной нищетѣ и печально доживалъ свои дни въ своей родовой сабуровской усадьбѣ, недалеко отъ Орла. Когда онъ умеръ, его буквально не на что было даже похоронить; дѣтей же его пришлось помѣщать въ корпусъ прямо уже на казенный счетъ. *Sic transit gloria mundi.*

Нельзя не пожалѣть, что до насъ не дошло подлиннаго архива графскаго театра; несомнѣнно богатый архивъ этотъ, повидимому, исчезъ совершенно безслѣдно, по крайней мѣрѣ о немъ доселѣ ничего не слыхать. Погибла, надо полагать, такимъ же образомъ и единственная въ своемъ родѣ портретная галерея графскихъ артистовъ, о существованіи которой упоминалось выше.

Не сохранилось, повидимому, и портретовъ самого графа. За невозможностью воспроизвести здѣсь его живописный обликъ, мы считаемъ не лишнимъ дать хоть литературный портретъ этой оригинальной личности, пользуясь воспоминаніями В. П. Эртаулова-Бурнашева; вотъ какъ изображаетъ графа авторъ «воспоминаній», о которыхъ говорилось выше: «онъ не отличался ни сановитостью, ни красотой, ни изяществомъ манеръ, былъ довольно толстъ при ростѣ меньше средняго, неуклюжъ, сутуловатъ, очень лысъ, съ клочкомъ темныхъ, полусѣдыхъ, густо напомаженныхъ волосъ, съ косыми глазами, аляповатымъ носомъ, съ отвислыми влажными губами и съ лицомъ кирпичнаго цвѣта, почти какъ у краснокожихъ»...

Театръ, о которомъ мы сейчасъ намѣрены говорить, крѣпостной театръ Юрасовскихъ, въ с. Сурьянинѣ Болховскаго уѣзда, хотя и далеко не такъ знаменитъ, какъ театръ Каменскаго, но въ отношеніи документальной исторіи представляетъ, кажется, одно изъ очень счастливыхъ исключеній среди старинныхъ крѣпостныхъ театровъ, существовавшихъ въ Орловской губерніи; для исторіи этого театра и его владѣльцевъ мы располагаемъ теперь нѣсколькими документами «сурьянинскаго господскаго архива», въ томъ числѣ даже одною подлинною афишкою, любопытною во многихъ отношеніяхъ.

Въ числѣ документовъ сурьянинскаго архива есть еще договоръ 1775 года, заключенный отцомъ Юрасовскихъ съ француз-
«истор. вѣстн.», сентябрь 1913 г., т. сxxxiii, 15

скимъ графомъ относительно обученія двухъ молодыхъ барчуковъ, будущихъ сурьяннскихъ владѣльцевъ театра.

Отцу ихъ, капитану Денису Васильевичу Юрасовскому, посчастливилось, если вѣрить договору, привлечь къ воспитанію своихъ дѣтей не какого-либо ничтожнаго «французика изъ Бордо», но настоящаго французскаго аристократа—графа де-Бланжія. Между аристократомъ-учителемъ и отцомъ учениковъ, Петра и Алексѣя Денисовичей, былъ заключенъ формальный контрактъ; высокородный воспитатель «графъ Генрихъ де-Бланжія» по этому контракту обязывался, между прочимъ, обучать барчуковъ не только языкамъ французскому и нѣмецкому, но и «славнымъ манерамъ». Жить графъ долженъ былъ не только въ имѣніи, но вездѣ, «куда бы Денисъ Васильевичъ съ дѣтьми и со всею своею фамиліею ни поѣхалъ»; «должность свою» онъ обязывался отправлять усердно и рачительно—«какъ честному и порядочному человѣку надлежитъ». За все это наниматель-помѣщикъ обѣщался платить графу по двѣсти рублей въ годъ, да сверхъ того «сшить по царѣ платья новаго въ году, какъ только онъ, графъ Бланжія, того захочетъ». О столѣ сказано: «обѣдать и ужинать онъ, графъ Бланжія, будетъ со мною и все то, что буду пить и ѣсть я (наниматель) самъ». Къ услугамъ графа полагались двѣ холопки—крѣпостныя дѣвки. Роль простого гувернера благородному французскому графу, повидимому, не совсѣмъ нравилась, и потому въ концѣ договора послѣ всѣхъ «пунктовъ» мы находимъ слѣдующую, какъ бы предназначенную позолотить пилюлю, характерную приписку: «Ко всему сему прибавлять кажись бы и ничего, но я графъ Бланжія полагаю не лишнимъ коли для вящаго назиданія прибавлено будетъ, что я не столь за изряднымъ жалованіемъ, сколь за благороднымъ приѣмомъ гонюсъ»¹⁾.

Впослѣдствіи питомцы графа Бланжія одержимы были различными маніями, свойственными обыкновенно людямъ пресыщеннымъ, совершенно обезпеченнымъ въ своихъ желаніяхъ и капризахъ, людямъ, привыкшимъ, чтобы всякое желаніе ихъ исполнялось, какъ по щучьему велѣнію.

¹⁾ Труды орловской ученой архивной комиссіи 1898 г. вып. I. Любопытно, что имя этого графа увѣковѣчено И. С. Тургеневымъ въ его прелестномъ разсказѣ «Льговъ»; тамъ Тургеневъ пишетъ, что, разсматривая могилы на льговскомъ кладбищѣ (Льговъ—село Болховскаго уѣзда, гдѣ охотился Тургеневъ), онъ наткнулся на почернѣвшую четырехугольную урну съ надписями на одной сторонѣ: «Ci git Theophile Henri vicomt de Blangu», на другой: «Подъ снмъ камнемъ погребено тѣло французскаго подданнаго графа Бланжія и т. д. Во Льговѣ, однако, на кладбищѣ такой урны нѣтъ; похожая имѣлась лишь въ селѣ Спасскомъ, Тургенева, съ надписью, близкою къ той, какая приведена въ разсказѣ Тургенева. Но имя графа Бланжія, очевидно, не выдуманно Тургеневымъ, а позаимствовано у воспитателя Юрасовскихъ, которые были знакомы съ матушкою Тургенева: въ 1839 году жена одного изъ нихъ кушила даже у нея дворовую дѣвку «крѣпостную пялечницу по тамбуру, съ ея прибудною дочерью».

Петръ Денисовичъ проводилъ нерѣдко время въ странствованіяхъ, въ поискахъ «французихъ или арапокъ», попросту занимался волокитствомъ. Алексѣй Денисовичъ «на лошадахъ помѣщался», и чуть ли не ѣздилъ за ними въ какія-то «невѣдомыя земли».

Какъ оба братья Юрасовскіе, такъ и ихъ сестра, Александра Денисовна Юрасовская, всѣ отличались меломаніей, причемъ сестра держала также прекрасный крѣпостной духовный хоръ, который исполнялъ нерѣдко и свѣтскія пѣсни.

Самыя раннія документальныя свѣдѣнія о театрѣ Юрасовскихъ относятся къ 1805 году; они находятся въ купчей на музыкальный хоръ, прекрасно знакомящей насъ съ закулисной стороной крѣпостныхъ труппъ и оркестровъ добраго стараго времени. Случайно сохранившійся до нашихъ дней историческій и рѣдкій документъ этотъ, между прочимъ, живо напоминаетъ намъ другую крѣпостную купчую—договоръ гоголевскихъ персонажей, Собакевича и Чичикова, на «мертвыя души», списокъ которыхъ аккуратный Собакевичъ снабдилъ очень курьезными примѣчаніями, аттестуя покупателю эти души съ самой лестной стороны («хорошій столяръ», «дѣло смыслить и хмельного не беретъ»). Въ купчей Юрасовскихъ мы встрѣчаемся съ такими же аттестациями въ поименномъ списокѣ оркестра.

Вотъ сущность этого любопытнаго стариннаго документа на «артистическія души».

Въ 1805 г. «тамбовская и московская помѣщица, жена генералъ-маера кавалера Л. П. Черткова» продала, «поговоря межъ себя полюбовно, съ обоюднаго согласія... впрокъ безповоротно орловскому помѣщику прапорщику А. Д. Юрасовскому» составленный ею, «по частямъ доставшійся по наслѣдству отъ отца» и «по частямъ пополненный посредствомъ купли и мѣны», принадлежащій ей «крепосной музыкальный хоръ, преизрядно обученный музыке, образованный въ искусстве семъ отменными, выписными изъ чужихъ краевъ, сведущими въ своемъ дѣле музыкальными регентами, всего 44 крепосныхъ музыканта съ ихъ жены, дѣти и семействы, а всево съ мелочью 98 чѣловѣкъ».

Отмѣтки въ списокѣ оркестра: Нина Типякова: «отменная, зело-способная на всякія антраша донсерка, поведенія крайне похвальнаго и окромя всево тово лица весьма пріятнаго», (позже эта пригожая донсерка сдѣлалась фавориткою П. Д. Юрасовскаго, выписавшаго для нея даже балетмейстера—нѣкоого Санги); Кали-тинъ Титъ: «отменный гуслистъ»; Акинья Рочегова: «изрядная ар-фѣанка»; о другихъ сказано: «умеетъ изрядно шить, мыть бѣлье и трухмалить» (крахмалить); «сданъ въ рекруты», «подкидухъ».

Итогъ таковъ: «всево на всево 98 челоуѣкъ, изъ нихъ 64 мужска и 34 женска полу, въ томъ числе старики, дети, музыкальныя

инструменты, пѣсы и прочія принадлежности». Стоимость тридцать семь тысячъ рублей ассигнаціями.

Вмѣстѣ съ музыкантами и «донсерками» проданы были и ихъ семьи: «44 музыканта съ ихъ женами и дети, съ инструментами и всемъ прочимъ приборомъ»!

Инструменты, старики и дѣти и «прочій приборъ»—все это въ одну рубрику!.. Дальнѣйшія условія свидѣтельствуютъ, что дѣйствительно на этихъ артистовъ не смотрѣли, какъ на людей.

«Коли,—говорится въ купчей,—изъ поименованныхъ выше 98 крепосныхъ людей убилъ какая ученитца, отъ какихъ ни на есть смертныхъ случаевъ или убивствъ», то Черткова передъ Юрасовскимъ «не въ ответе» и взять съ нея онъ «ничего не можетъ». «Коли у сихъ крепосныхъ людей приплотъ какой окажется», продащица не можетъ «удерживать приплотъ сей у себя въ свою пользу, а также и доплаты за ниво ничего не полагаетца».

Купчая вообще отличается большою предусмотрительностью.

Можно было, напримѣръ, опасаться, что при доставкѣ «артистическаго товара» изъ далекихъ тамбовскихъ палестинъ въ Орель, къ покупщику, «музыкальные люди», «разберутца съ дороги» и новый владѣлецъ не получитъ своей собственности или части ея.

Купчая заботливо предусматриваетъ это и устанавливаетъ: если случится частичная «утечка»—покупщику возвращается двойная цѣна; если же—«всѣ разбегутца», то, кромѣ двойной цѣны, продащица платитъ приобрѣтателю еще двѣсти рублей «за убытки, проторы и сумненіе».

Обезпечивался также «товаръ» и отъ порчи до сдачи его покупщику; «дабы, говорится по этому поводу въ купчей, проданные музыканты до поставки ихъ въ Орель въ забвеніе въ музыкальномъ искусствѣ не впали», Черткова обязывалась «всячески поощрять Сверчкова (управляющій хоромъ, вольноотпущенный Салтыкова) къ упражненіямъ и къ вящему совершенству сихъ людей въ игре».

Въ заключеніе купчей, при которой свидѣтелемъ, между прочимъ, были: знаменитый графоманъ графъ Д. И. Хвостовъ и извѣстный владѣлецъ крѣпостнаго театра въ Москвѣ графъ С. С. Апраксинъ, удостоившаяся, по формѣ, свободу предмета сдѣлки «отъ крѣпостей». Согласно формѣ же, здѣсь имѣется курьезная для даннаго случая оговорка о томъ, что продаваемые «музыкальные люди» и всѣ эти арфянки и донсерки—«напередъ сево» не только «въ приданье ни за кѣмъ не справлены», но даже и... «на поминъ души не отданы». «На поминъ» дается, обыкновенно, церковнымъ учрежденіямъ: монастырямъ и храмамъ. Но какой же монастырь или храмъ рѣшится принять «на поминъ души» такое «сокровище», какъ арфянки, гуслисты или «зело способныя на всякіе антраша донсерки», хотя бы даже и «весьма пріятнаго лица»? Надо думать, ни одинъ не рѣшился бы, конечно.

Всѣ эти отмѣнные «донсерки», гуслисты, арфянки и проч., всего на всего «съ мелочью 98 чѣловѣкъ»—были, кажется, основою сурьянинскаго театра, по крайней мѣрѣ—въ музыкальномъ и балетномъ отношеніи.

Театръ, видимо, существовалъ довольно продолжительное время.

Черезъ двадцать три года, въ 1828 году, мы видимъ его въ цвѣтущемъ состояніи; здѣсь разыгрываются «большіе пантомимные балеты», «препотѣшныя дивертисмены», со всевозможными танцами, камаринскими и другими плясками, съ партикулярными пѣснями и съ удивительными штуками доморощеннаго крѣпостнаго жонглера.

Документальное свидѣтельство этому мы находимъ въ упоминавшейся выше театральнѣ афишкѣ, которую мы и позволимъ себѣ воспроизвести здѣсь цѣликомъ; вотъ она, этотъ замѣчательный листочекъ изъ великой, но еще не написанной исторіи крѣпостного театра ¹⁾.

АФИША.

Сево 18 11-го мая 28 году
въ Сурьянинѣ Болховскаго уѣзду.

Сево числа

опосля обеду по особливому сказу

крепосными людьми прапорщика Алексѣя Денисовича, совместно съ крепосными брата его Маера Петра Денисовича при участіи духовнаво хора Александры Денисовны Юрасовскихъ на домовомъ театрѣ Сурьянинскомъ

представлено будетъ:

«Разбойники средиземнаго моря»

или

«Благодѣтельный алжирецъ»

большой пантомимной балетъ въ 3 дѣйствіяхъ, соч. Г. Глушковскаго, съ сраженіями, маршами и великолепнымъ спектаклемъ.

Сія пѣса имѣетъ роли наполненныя отменною пріятностію и полнымъ удовольствіемъ почему на санктъ-петербургскихъ и московскихъ театрахъ часто играна и завсегда благосклонно публикою принимаема была. Особливо хороши декораціи: наружная часть замка Бей, пожаръ и сраженія. Музыка г. Шольца, въ коей Васильевъ, бывшей крепосной человекъ графа Камен-

¹⁾ Афиша эта была напечатана въ «Русской Старинѣ», февраль 1900 г.

скаго играть будетъ на скрипке соло соч. Шольца; танцовать будутъ (вершить прыжки, именуемая антраша) въ балете: Антоновъ Васька, Хромина Васютка и Зюрина Донька втроемъ (pas de trois); Картавая Аниска—соло; Антоновъ Васька, Родинъ Филька, Зюринъ Захарка и Деминовъ Ванька вчетверомъ (pas de quatre); Зюринъ Захарка, Петровъ Сидорка, Хроминъ Карпушка втроемъ (pas de trois); Хромина Васютка и Зюрина Донька вдвоемъ (pas de deux)

за симъ дано будетъ:

«Ярманка въ Бердичеве»

или

«Завербованой жить».

Препотешной разнахорактерной, комической пантомимной ди вертисманъ, съ принадлежащими къ оному разными танцами, аріями, мазуркою, русскими, тирольскими, камаринскими, литовскими, казацкими и жидовскими плясками,

за симъ

крепосной Петра Денисовича Юрасовскаго Тришка Барковъ на глазахъ у всехъ проделаетъ следующія удивительныя штуки:

Въ дутку уткой закричить, въ туже дутку какъ на музыке играть будетъ, бросивъ дутку, пустымъ ртомъ соловьемъ засвищетъ, заиграетъ бытто на свирели, забрешетъ по собачьи, кошкой замяучить, медведемъ зареветь, коровой и телкомъ замычить, курицей закудахчетъ, петухомъ запоетъ и завохочетъ, какъ ребенокъ заплачетъ, какъ подшибленная собака завизжитъ, голоднымъ волкомъ завоетъ, словно голубъ заворкуетъ и совою кричать приметца. Две дутки въ ротъ положетъ и на нихъ сразу играть будетъ, тарелкою на палкѣ, а сею последнею уставя въ свой носъ—крутить будетъ, изъ зубовъ шляпу вверхъ подкинетъ и сразу ее безъ рукъ на голову наденетъ, палкой артикулы делать будетъ бытто мажоръ, палку на палке концомъ держать будетъ и прочее сему подобное проделаетъ. Въ заключеніе горящую паклю голымъ ртомъ есть приметца и при семъ ужасномъ фокусе не только рта не испортитъ, въ чемъ любопытный опосля убедитца легко можетъ, но и грустнаго вида не выкажетъ.

За симъ расскажетъ нѣсколько прекуріозныхъ рассказовъ изъ разныхъ сочиненій, наполненныхъ отменными выдержками,

а заключеніе всево:

Гуховной хоръ крепостныхъ людей Александры Денисовны Юрасовской исполнитъ нѣсколько партикулярныхъ пѣсенъ и припевовъ

за симъ

уважаемые гости съ фамиліями своими почтительнѣйше просятца къ ужыну въ сатъ въ конецъ липовой алеи, туды, гдѣ въ своемъ месте стоитъ аранжирея.

Алексѣй Денисовичъ Юрасовскій.

Маерь Петръ Денисовичъ Юрасовскій.

11-го мая 1828 году.

Какую живую неподобную картинку барскихъ развлеченій даетъ намъ эта афишка! Умѣло-таки повеселиться въ старину наше барство. Одинъ только спектакль, правда, праздничный—и такое неисчерпаемое количество всяческихъ развлеченій, съ волшебною обстановкою—«при особливо хорошихъ декораціяхъ». И это не въ какихъ-либо новѣйшихъ Аэинахъ, а въ ничтожной, захолустной деревушкѣ, имя которой теперь даже въ близкихъ окрестностяхъ мало кому извѣстно. Изъ барскихъ увеселителей особенно превосходить—Тришка Барковъ ¹⁾, «продѣлывавшій на глазахъ у всѣхъ» столь удивительныя штуки, на которыя требуется столько различныхъ талантовъ, и въ заключеніе выступавшій даже въ роли современнаго барскаго Горбунова—въ роли комика-разсказчика «изъ разныхъ сочиненій». Это типичный старинный барскій «придвор-

¹⁾ Тришкина программа была прежде, кажется, довольно распространенною. Съ нею мы встрѣчаемся, напримѣръ, у другого подобнаго же артиста Григорія Иванова; въ напечатанной въ книгѣ гг. Лавровой и Попова «Народный театр», изъ собранія Бахрушина, афишкѣ этого увеселителя, относимой къ пятидесятымъ годамъ прошлаго вѣка, чуть ли не дѣликомъ повторяются всѣ штуки Тришки, и почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ и въ сурьянинской афишкѣ. Вотъ, для нагляднаго сравненія, текстъ афишки Иванова: «Съ дозволенія начальства Владимирской губерніи удѣльный крестьянинъ Григорій Ивановъ можетъ представить нижеслѣдующія увеселительныя и забавныя штуки: наденетъ шляпу съ ноги на голову, изъ зубовъ шляпу ввѣрхъ броситъ и на голову наденетъ, съ палки шляпу ввѣрхъ броситъ и на голову наденетъ, съ рукъ шляпу ввѣрхъ броситъ и на голову наденетъ; ртомъ соловьемъ свищеть, въ дутку кричитъ уткой, въ ту же дутку какъ въ музыкѣ играетъ, палкой будетъ дѣлать, какъ мажоръ, палка на иголкѣ вертѣтся будетъ, палку на ладони перевертываетъ, другимъ концомъ ставитъ, и она будетъ на ладони танцовать; палку на палкѣ концомъ держитъ; ртомъ играетъ, какъ на шарманкѣ, бубнѣ и свирели, ртомъ же перепеломъ свищеть, и кричитъ бѣкасомъ, иволгой, травникомъ и ворономъ; коровой мычитъ, медвѣдемъ реветъ, кошкой мяукаетъ, собакой лагаетъ, кричитъ египетскимъ голубемъ и кукуетъ кукушкой, двѣ дутки въ ротъ кладетъ и на нихъ играетъ, какъ на музыкѣ, ртомъ, какъ на музыкѣ, играетъ въ дутку жаворонкомъ поетъ, въ басокъ какъ на гармонѣ, играетъ, ртомъ теленкомъ мычитъ, три дутки въ ротъ кладетъ и вдругъ на нихъ играетъ, въ пищикъ: кричитъ гусемъ, дроздомъ и играетъ какъ на музыкѣ, и бьетъ, какъ на барабанѣ, поетъ пѣтухомъ, кричитъ курицей, ребенкомъ плачетъ, кричитъ павлиномъ и журавлемъ, и играетъ какъ нажилнику и въ пищикъ же кукольный комедіей говоритъ; во двончатки заграничныя играетъ; волынку заграничную надуваетъ и въ нее играетъ, и прочее. Будетъ разсказывать сказки изъ разныхъ сочиненій. Авт.

ный потѣшникъ», одинъ изъ тѣхъ домашнихъ скомороховъ, которыми въ былое время такъ дорожили наши помѣщики ¹⁾).

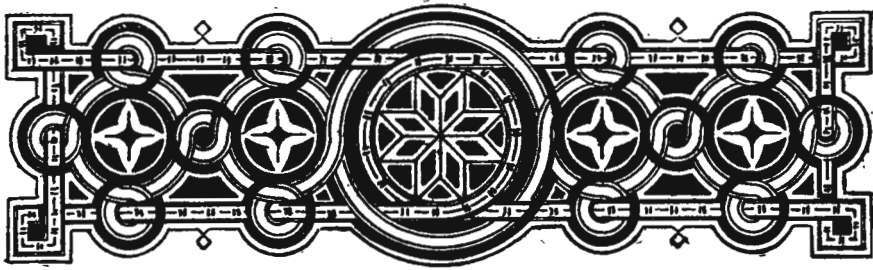
Духовный хоръ А. Д. Юрасовской еще въ двадцатыхъ годахъ пользовался большою славою; любители церковнаго пѣнія частенько заглядывали въ гостепріимное Сурьянино послушать тамошнихъ пѣвчихъ. Владѣлица возила даже иногда свой хоръ и въ Орель, гдѣ ея пѣвчіе настолько цѣнились, что ихъ охотно приглашали пѣть не только по разнымъ городскимъ церквамъ, но и у архіерея. По словамъ князя А. Голицына («Матеріалы для исторіи крѣпостныхъ помѣщичьихъ театровъ въ Орловской губерніи». Орель, 1901 г.), хористы Юрасовской, кромѣ своего хорошаго пѣнія, обращали на себя вниманіе еще двумя особенностями: по-первыхъ, они носили, вмѣсто общепринятыхъ пѣвческихъ кафтановъ, какіе-то испанскіе черные плащи, въ которые и кутались, къ изумленію всѣхъ, не только во время службы, но и въ остальное время; во-вторыхъ, они всѣ безъ исключенія были «брюнеты безъ отгѣтинъ», т.-е. всѣ окрашены въ черную краску.

Когда прекратился театръ Юрасовскихъ—въ нашемъ распоряженіи нѣтъ свѣдѣній. Но, кажется, не позже тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда барское увлеченіе театромъ повсемѣстно у насъ стало сильно остывать, и вскорѣ эта дорогая и разорительная затѣя даже совсѣмъ почти прекратилась.

Юрасовскіе были въ знакомствѣ, кажется, со всѣми современными выдающимися меломанами-помѣщиками въ Орловскомъ краѣ. У знаменитаго графа Каменскаго они приобрѣли даже музыканта, котораго и рекламировали на афишкѣ, какъ «бывшаго крѣпостного» сіятельнаго орловскаго театрала, что, очевидно, въ глазахъ публики придавало вѣса и значенія артисту. Театраль Плещевъ отъ Сурьяпина Юрасовскихъ жилъ всего лишь въ нѣсколькихъ верстахъ, въ своей Черни, гдѣ имъ ставились на собственной крѣпостной сценѣ веселыя французскія комедіи и даже греческія трагедіи и устраивались роскошныя «деревенскіе праздники» съ фокусниками и всевозможными механическими чудесами. У В. П. Тургеневой, какъ мы уже говорили, Юрасовскою куплена была дѣвка «крѣпостная пяленица по тамбуру»; вообще съ домомъ богатой Тургеневой Юрасовскіе, у которыхъ были имѣнія и въ Мценскомъ уѣздѣ, были, кажется, очень близки, благодаря чему, надо полагать, и имя ихъ гувернера, графа Бланжія, сдѣлалось хорошо извѣстнымъ въ домѣ Тургеневой и попало даже въ написанный ея сыномъ рассказъ «Льговъ»—въ своемъ подлинномъ видѣ.

Т. А. Мартемьяновъ.

¹⁾ Этотъ талантливый Тришка—изъ артистовъ, купленныхъ Юрасовскимъ у генеральши Чертковой; въ купчей подъ № 6 семья его записана такъ: «Барковъ Михай съ отцомъ Изотомъ и сыномъ Трифономъ». Изъ другихъ упоминаемыхъ тамъ артистическихъ фамилій нѣкоторые (Брѣховъ, Ерохигъ, Гнисовъ, Малинкины) встрѣчаются позже среди болховскаго купечества. Авт.



ПАМЯТИ М. Н. СОЙМОНОВА.

(Къ двадцатипятилѣтію его кончины 12 сентября 1888 года).



НѢ НЕ больше позабыть, чѣмъ былъ недостаточно оцѣненъ при жизни. Но для всѣхъ, кто зналъ его, для всѣхъ, кому поэзія не случайный придатокъ къ видимому внѣшнему процессу міровой жизни, а самая сущность ея, все еще недостаточно понятая, для тѣхъ Соймоновъ останется навсегда живъ, близокъ, дорогъ... Поэтъ отъ головы до ногъ, до мозга костей поэтъ.

Онъ не демагогъ. Не увлечетъ толпу. Съ нимъ хорошо вдвоемъ. Хорошо при всякомъ настроеніи, — у его лиры большой діапазонъ.

Вѣру книгу его «Недопѣтыхъ пѣсень», иду съ ней въ лѣсъ, ложусь на песокъ подъ сосной, раскрываю наудачу, читаю:

О, какъ отрадно здѣсь, въ тѣни кудрявыхъ сосенъ,
Въ измученную грудь вдыхать смолистый воздухъ.
Я здѣсь одинъ!..

.....

Ни звука! Все кругомъ торжественно-покойно!
Но, въ этотъ дивный часъ, и въ тишинѣ священной,
Мнѣ чудятся невидимые хоры
И нѣжный шопотъ травъ, цвѣтовъ влюбленныхъ вздохи
И голоса таинственные ночи,
Поюшіе Зиждигелю вселенной
Стоустую хвалу и гимнъ стохвальной славы!

Я начинаю перебирать всю книгу съ начала.

Кто весь день трудится и, трудясь, поетъ—
Сердцемъ тотъ незлобивъ, чистъ душою тотъ.

Пѣсня въ нашей жизни самый вѣрный другъ,
Лучшее цѣленье отъ душевныхъ мукъ.

Дай Богъ всѣмъ трудиться, дай Богъ всѣмъ и пѣть—
Честно вѣкъ проживши, съ пѣсней умереть.

Если въ посмертномъ сборникѣ стиховъ Соймонова эта «Пѣсня о пѣснѣ» была поставлена первой, она именно тутъ и на мѣстѣ, какъ духовный портретъ покойнаго поэта.

Да, онъ былъ незлобивъ!.. Кроткая и горькая улыбка не покидала его прекраснаго лица, когда онъ переживалъ свои личные неудачи и обиды или вспоминалъ о нихъ. Въ такія минуты онъ казался наивнымъ ребенкомъ, который сейчасъ же и разсмѣется при первомъ ласковомъ словѣ. Но... помню, пришелъ онъ разъ ко мнѣ поздней осенью, сильно взволнованный. Не снимая своей старой лѣтней крылатки и широкополой поношенной шляпы, не выпуская изъ рукъ палки, онъ, едва поздоровавшись, сѣлъ на диванъ и, еще не отдышавшись отъ быстрого подъема въ пятый этажъ, началъ мнѣ страстно рассказывать о «печальномъ событіи»: кто-то изъ профессоровъ прочиталъ въ университетѣ какую-то лекцію въ ярко реакціонномъ духѣ. Студенты негодовали, и вмѣстѣ съ ними, точно онъ самъ былъ юнымъ студентомъ, негодовалъ и Михаилъ Николаевичъ. Онъ горячился, не жалѣлъ рѣзкихъ эпитетовъ, стучалъ палкой объ полъ,—онъ былъ по-настоящему золъ. Но вѣдь въ эту минуту онъ былъ не незлобивымъ поэтомъ, онъ былъ борцомъ, защищавшимъ отъ оскорбленія дорогіе ему идеалы; дѣло не касалось его лично, не затрагивало и струнъ его поэтической души, но, чуткій, всегда отзывчивый, онъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ общественнымъ горестямъ.

Не оставался равнодушнымъ и къ чужимъ радостямъ. Помню, прибѣжалъ онъ также разъ ко мнѣ взволнованный, но весь сіяющій. Прямо на диванъ—и:

— Слушайте!

Съ той изящной декламаціей, которая была ему свойственна, начинается мнѣ читать:

Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя
Нашептали цвѣтамъ сказки чудныя.
Лепестки улыгнулись атласныя,
Задрожали листы изумрудныя,
И цвѣты, опьяненные росами,
Разсказали вѣтрамъ сказки нѣжныя.
И распѣли ихъ вѣтры мятежныя
Надъ землею, надъ волною, надъ утесами.

И земля, подъ весенними ласками
 Наряжаяся тканью зеленою,
 Переполнила звѣздными сказками
 Мою душу безумно влюбленную.
 И теперь, въ эти дни многотрудные,
 Въ эти темныя ночи ненастныя
 Отдаю я вамъ, звѣзды прекрасныя,
 Ваши сказки задумчиво чудныя.

— Это ваше?—съ восторгомъ спрашиваю я.

— Нѣтъ, это Фофановъ!—еще болѣе восторженно отвѣчаетъ Михаилъ Николаевичъ, довольный, что вызвалъ у меня откликъ своему безкорыстному увлеченію перломъ чужого творчества.

И отъ меня онъ уже бѣжитъ къ другому другу-пріятелю, къ третьему, четвертому—дѣлится великой радостью появленія въ печати десятка новыхъ великолѣпныхъ рифмованныхъ строчекъ. Ахъ, не все ли ему равно, кто принесъ на землю эту райскую пѣсню, эти искры Божія,—онъ ли, Прометей ли, или Фофановъ,—важно вѣдь только, чтобъ онѣ зажигали сердца божественнымъ огнемъ восторга! Съ этимъ стихотвореніемъ, какъ съ побѣднымъ знаменемъ, несется онъ глашатаемъ чужой славы.

О своей «славѣ», о своемъ «успѣхѣ» онъ думаетъ всего менѣе. Ему и въ голову не приходитъ, что уже настали времена, когда успѣхъ и слава «дѣлаются», «культивируются»; онъ, дитя своего времени, выросъ въ первобытной, наивной вѣрѣ отцовъ—въ вѣрѣ, что слава всего, что достойно славы, вырастаетъ стихійно, какъ растутъ могучія деревья въ дѣвственномъ лѣсу рядомъ со всякой иной мелкой порослью. Мысль о погонѣ за успѣхомъ ему и несвойственна, и даже, просто, непонятна. Поэзія—его родная стихія, и ему какъ будто думается, что, разъ онъ живетъ въ ней и ею, то все остальное, что является производными творчества, труда и цѣлаго ряда побочныхъ условій, явится само собой.

Но у Соймонова пассивное отношеніе къ успѣху обуславливаетъ въ извѣстной степени пассивность и самаго творчества его.

Пассивность не значитъ—недѣланіе. Поэтъ «трудится весь день»—онъ «весь день поетъ». Съ точки зрѣнія людей практической жизни это называется не «трудиться», а «бездѣльничать»; а для поэта—пѣть это и есть его настоящее, главное и единственное дѣло. У каждаго «поэта Божьей милостью», кромѣ тѣхъ пѣсень, которыя имъ спѣты для окружающихъ, для міра, есть много дивныхъ «пѣсень безъ словъ», спѣтыхъ имъ для самого себя, беззвучно, неслышимо. И когда Соймоновъ носился нѣсколько дней подъ рядъ по знакомымъ, читая имъ стихотвореніе Фофанова, душа его пѣла хвалебный гимнъ поэзіи, гимнъ такой красоты и силы, что у него не нашлось бы словъ перевести этотъ гимнъ на общепринятый языкъ. Будь поэтъ Соймоновъ въ то же время и композиторомъ,—а музыкальной техникой онъ

отчасти владѣль,—онъ, можетъ быть, выразилъ бы свое настроеніе въ эти дни симфоніей.

Такихъ моментовъ высокаго поэтического подъема, когда душа полна несказанными пѣснями безъ словъ, моментовъ, вызываемыхъ самыми разнообразными явленіями жизни, у Соймонова было много. Немало было у него и душевныхъ мукъ, отъ которыхъ онъ искалъ себѣ «лучшаго цѣленья» въ пѣсняхъ—спѣтыхъ и не спѣтыхъ. Въ этомъ смыслѣ вся жизнь его была непрерывнымъ трудомъ пѣснопѣнія, и, «честно проживши» свой недолгій вѣкъ пѣвца, онъ «умеръ съ пѣсню» на устахъ. Все въ его жизни: и личныя драматическія коллизіи, и борьба за существованіе, и мелкія заботы о хлѣбѣ насущномъ,—все подчинилось единой цѣли—поэтическому творчеству, «пѣснѣ», которая была для него и единственнымъ вѣрнымъ, хотя и скуднымъ, источникомъ добыванія средствъ.

Онъ числился помощникомъ присяжнаго повѣреннаго; но, право, я что-то не знаю, выступалъ ли онъ когда-нибудь въ судѣ, занимался ли онъ хоть сколько-нибудь адвокатурой. Во всякомъ случаѣ та ли, другая ли комната, въ которыхъ онъ жилъ, всегда были похожи больше на мансарду богемы-поэта, чѣмъ на кабинетъ хотя бы скромнаго ходатая по дѣламъ. Пробовалъ онъ дѣлаться журналистомъ, былъ и газетнымъ корректоромъ, но эта работа мѣшала ему быть поэтомъ, а пѣсни,—пѣсни спѣтыя, пѣсни не спѣтыя, пѣсни свои, пѣсни чужія, вся поющая вокругъ него жизнь, съ ея пѣснями радости и горя, любви и борьбы, смѣха и слезъ, все, на что отзывалась его чуткая душа, все, вмѣстѣ взятое, не оставляло ему досуга для работы изъ-за куска хлѣба: онъ бѣдствовалъ, но продолжалъ незримо для другихъ денно и ночью трудиться надъ своими пѣснями. И еще вопросъ, его ли только это вина, что лишь немногія изъ нихъ приняли конкретную форму рѣмованныхъ строкъ, а, быть можетъ, лучшія и многочисленныя остались ничѣмъ не выраженными, недопѣтыми. О красотѣ и силѣ этихъ не сказанныхъ словъ, о музыкѣ, звучавшей въ душѣ поэта, когда рождались эти неясныя грезы, эти не высказанныя мысли, мы можемъ только догадываться по тѣмъ пѣснямъ, которыя онъ успѣлъ написать: по нимъ можно видѣть, какъ жизнь со всѣми ея радостями и горестями отражалась въ его душѣ.

Перелистываю его книгу, и онъ встаетъ предо мною, какъ живой.

Онъ любилъ земную жизнь во всѣхъ ея свѣтлыхъ проявленіяхъ, значительныхъ и ничтожныхъ, отзывался и на всѣ мрачныя ея стороны, но любилъ и все невѣдомое, все непостижимое, и міръ не кончался для него внѣшнимъ настроеніемъ или благоустройствомъ земной жизни. Онъ говорилъ:

Есть жалкіе слѣпцы, которымъ тайны духа
Незримо: тайнъ для нихъ во всемъ твореньи нѣтъ;
Къ страданьямъ мировымъ пустое сердце глухо,
На все готовъ давно затверженный отвѣтъ.



М. Н. Соймоновъ.

Невѣдомо для нихъ, что у души есть очи,
Что крылья есть—летѣть въ заоблачную высь:
Воспрянулъ духъ-орель—за нимъ сквозь дымку ночи
Орлята-думы понеслись!

Блаженъ же тотъ стократъ, чьи зоркія зѣницы
Провидятъ свѣтъ зари сквозь волны тьмы ночной,
Кто, какъ орель на мощный крикъ орлицы,
На зовъ души откликнется душой.

Когда жизнь властно обращала его вниманіе на необходимость
активного участія и для поэта въ борьбѣ съ печальными сторонами
жизни, а душа рвалась отъ нихъ прочь въ свѣтлую область поэзіи,
онъ восклицалъ:

«Не пой намъ красоту,—твердятъ пѣвцу зоилы:
Красивыхъ словъ и грезъ давно прошла пора.
Въ лишешьяхъ и борьбѣ бесплодно гибнуть силы—
Вотъ тема для твоихъ и лиры, и пера».

И замолчалъ пѣвецъ, съ зоилами не споря:
Кому нужны его безумныя мечты!
Но не пойметъ никто, что въ жизни много горя,
Быть можетъ, потому, что мало красоты.

Этотъ-то постоянный разладъ между его «идеаломъ» и дѣйствительностью и парализовалъ его творчество, разрушалъ силы его нѣкогда мощнаго тѣла и яснаго, свѣтлаго духа.

Онъ сердцемъ жить, и сердце это билось
Любовью чистой и святой,
А за любовь обидами платилось...
Онъ въ жизни шелъ тернистою тропой—
Такъ мудрено ль, что сердце то разбилось?..

Душевныя и физическія муки, которыя приходилось ему испытывать, когда уже роковая болѣзнь начинала напоминать ему о возможности близкаго конца, не могли убить въ немъ ни отзывчивости на чужое счастье, ни любви къ людямъ:

Прикованный къ одру, я не смыкаю очи,
И истомилъ меня злой пыткой недугъ...
И корчусь... корчусь я въ объятыхъ черной ночи...
И выбился изъ силъ отъ непосильныхъ мукъ...

.....
Одинъ... въ гробу... еще живой—уже забытый...
Нѣтъ силъ!... О, призраки, скорѣй летите прочь!
Скорѣй, о, солнца лучъ, съ лица земли сгони ты,
Какъ казнь, ужасную, томительную ночь!..

.....
Едва забылся я—вдругъ слышу: за стѣною
Раздался поцѣлуй и говоръ молодыхъ,
Звенящихъ голосовъ... И мигомъ предо мною
Картина образовъ представилась иныхъ:
Уста горящія... И косъ душистыхъ волны...
И страсть кипучая, что силъ нѣтъ превозмочь...
И голосъ, знойныхъ чаръ и страстной нѣги полный,
Съ упрекомъ шепчущій: «Какъ скоротечна ночь!..»

И если лучъ любви, какъ лучъ солнца, согрѣвалъ его угасяющую жизнь, онъ готовъ былъ забыть свои недуги, онъ возрождался:

Мой другъ, я снова живъ! дитя, я снова молодъ!
И снова вамъ, какъ встарь, прощаю я, враги!
Безумной жизни мнѣ не страшенъ больше холодъ,
И смерти не страшны беззвучные шаги.

Что смерть? Что съ жизнью мнѣ—съ холодной жизнью битвы?
 Пускай коса судьбы безжалостно разить:
 Дитя, мой мечъ—твой горячія молитвы!
 Мой другъ, любовь моя—мой неизмѣнный щить!

И радъ я вновь страдать, и радъ я вновь томиться,
 И сердце, въ смерти часъ, всѣ муки затая,
 Лишь для одной тебя любовью будетъ биться,
 Тебя благословлять и за тебя молиться,
 Голубка бѣлая моя!

Но бывали минуты, когда къ другимъ мукамъ присоединялась
 самая горькая—разочарованіе,—минуты, когда хотѣлось уйти отъ
 жизни:

A N D A N T E.

Сонетъ.

Я пережилъ васъ, дни шального опьянѣнья,
 Когда я алтари кумирамъ воздвигалъ,
 Когда со струнъ души, звенѣвшихъ, какъ кимваль,
 Восторга лился гимнь, неслись благословенья!

Какъ отмели песокъ, слизнулъ васъ жизни валь...
 Довольно!.. Пройденъ путь... Теперь—молю забвенья...
 Холодной осени не вынесъ дуновенья
 И захирѣлъ цвѣтокъ, ютившійся межъ скаль...

Но гдѣ жъ конецъ? Зачѣмъ же нѣтъ развязки
 Комедіи, разыгранной давно?..
 На сценѣ тишина, и пусто, и темно...

Откуда же все ждетъ душа горячей ласки?
 И няниной, полузабытой сказкѣ
 Зачѣмъ внимать мечтой опять мнѣ суждено.

Здѣсь, несмотря на элегическое настроеніе, чувствуется еще смутная надежда на возможность новыхъ радостей жизни, здѣсь только отрезвленіе отъ «шального опьянѣнія» жизненнымъ восторгомъ, здѣсь еще не потеряна вѣра ни въ людей, ни въ самого себя. Но вотъ новые удары ранятъ эту и безъ того изстрадавшуюся душу, является новое горчайшее разочарованіе, и поэтъ уже шлетъ упреки въ предательствѣ и призываетъ въ свое кроткое сердце несвойственную ему ненависть:

Волчицею реви! озлись, мать-непогода!
 Вали съ корней долой дубье въ лѣсу глухомъ!
 По небу черному промчися, сударь-громъ,
 И молніей ожги уснувшую природу!

О, сердце! лезвіемъ предательскихъ ножей
 Пронзенное насквозь, врага боясь обидѣть,—
 Воспрянь и заклеями презрѣнемъ торгашей:
 Тотъ, кто умѣлъ любить—сумѣетъ ненавидѣть!

Еще немного, и онъ уже разочаровывается въ самомъ себѣ,—
больше того: разочаровывается въ своемъ міропониманіи:

Вырвите сердце большое изъ груди!
Дайте же мнѣ отдохнуть!
Вырвите душу, бездушные люди,—
Камень вложите мнѣ въ грудь!
.
Вырвите мозгъ: это грузъ бесполезный!
Нищаго это сума!
Рабъ это, скованный цѣпью желѣзной!
Дайте сойти мнѣ съ ума!..

И онъ уже ничего больше не хочетъ отъ измучившаго его міра, ни
сочувствія, ни памяти,—онъ хочетъ исчезнуть куда-нибудь безслѣд-
но, и трагическимъ отчаяніемъ звучить его «Requiem»:

Роскошный балдахинъ, плерезы, дымъ кадилный,
Наемныхъ плакальщицъ докучно жалкій хоръ,
Друзей-клеветниковъ надъ ямою могильной
И сплетницъ городскихъ суровый приговоръ...
Нѣтъ... нѣтъ!.. я избѣгу безчестья и позора!
Я буду и мертвецъ, и гробовщикъ, и попь,
И, не дождавшись людского приговора—
Съ проклятьемъ, наглухо заколочу свой гробъ!..

Но нѣтъ,—здѣсь борьба между жизнью и смертью еще не кон-
чена. Здѣсь еще борется само съ собой тѣло, борется и душа; бо-
рются въ ней между собою противорѣчивыя настроенія; всю жизнь
стремившаяся къ добру, душа какъ будто хочетъ теперь рѣзкимъ
проявленіемъ злой воли побѣдить то, что ей кажется осилившимъ ее
на міру зломъ.

... А смерть, какъ неизбежный для всего живущаго конецъ,
между тѣмъ уже, дѣйствительно, приближается, неся съ собой уми-
ротвореніе и очищеніе. Предъ лицомъ вѣчности поэтъ предстаетъ
чуждымъ земной свары, опять чистымъ душою, незлобивымъ
поэтомъ.

... Идетъ!.. Она меня крыломъ ужъ осѣнила...
Я чувствую ея холодное дыханье...
Пустыя очи мнѣ въ глаза она вперила,
Терновый сорвала съ главы моей вѣнецъ.—
Всему конецъ—сомнѣньямъ и страданьямъ—
Всему конецъ!..

Да, смерть идетъ!.. такъ рано... въ полдень жизни...
Усни!.. Но, выстрадавъ и вѣчность, и покой,
Не шли проклятія твоей отчизнѣ—
Благослови ее слабѣющей рукой.

Переживъ сейчасъ съ поэтомъ въ его поэтическомъ наслѣдіи
его скорбныя минуты, мнѣ хочется снова запечатлѣть въ памяти то

свѣтлое, чѣмъ онъ такъ привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ, кто зналъ его при жизни, чѣмъ и его «Недопѣтыя пѣсни» навсегда останутся привлекательными для тѣхъ, кто съ чистымъ сердцемъ будетъ искать въ этой книгѣ свѣтлыхъ лучей чистой поэзіи, лучей, озаряющихъ, какъ солнце, все, что живетъ и движется подъ солнцемъ.

Перелистываю книгу далѣе.

Вотъ пѣсенка, посвященная ребенку,—это настоящая программа жизни, это завѣтъ поэта его дочери:

Господь съ тобой, дитя! Пока еще печали
 Ни легкокрылыхъ сновъ, ни дѣтскій твой покой,
 Ни грезъ ребяческихъ слезой не омрачили,—
 Играй и пой!

Придетъ пора—и умъ потребуешь отвѣта
 Отъ тайнъ мучительныхъ загадки міровой,—
 Тогда ты, мой цвѣтокъ, томимый жаждой свѣта...
 Учись и пой!

Но жизнь летитъ, какъ вихрь, неся съ собою слезы;
 И въ дни тревогъ, когда промчатся надъ тобой,
 Измѣвъ цвѣты души, губительныя грозы,—
 Молись и пой!

Вотъ отраженіе горькой «бабьей доли», прошедшее чрезъ радужную призму аристократической души поэта:

На полосынькѣ я жала,
 Золоты снопы вязала,
 Молодая,—
 Истомилась, разомлѣла...
 То-то наше бабье дѣло—
 Доля злая!
 Тяжела—да ничего бы,
 Коли въ сердцѣ нѣтъ зазнобы
 Да тревоги;
 А съ зазнобой... толку мало!...
 На снопахъ я задремала
 У дороги—
 Милый тутъ-какъ-тутъ случился,
 Усмѣхнулся, наклонился,
 Сталъ ласкаться,
 Цѣловать... а полоса-то
 Такъ осталась, недожата,
 Осыпаться...
 Мужъ съ свекровью долго ждали:
 «Клинъ-отъ весь, чай,—разсуждали,—
 Выжнетъ Маша».
 А надъ Машей ночь темнѣла...
 То-то наша бабье дѣло—
 Глупость наша!..

Вотъ найденный имъ у Армана Сильвестра героическій призывъ къ стойкой вѣрѣ въ грядущее торжество правды:

Нѣтъ, я не вѣрю
 Въ смерть идеала:
 Пусть ночь настала—
 Въ сердцахъ у насъ
 Онъ не угасъ!
 Нѣтъ, я не вѣрю,
 Чтобъ жизни грозы
 Сгубили грезы—
 Душевный цвѣтъ;
 Я старъ и сѣдъ,
 Но я не вѣрю,
 Что люди—звѣри,—
 Нѣтъ!
 Пройдутъ года,—
 Забрезжитъ свѣтъ—
 Да!

Вотъ цѣлая серія милыхъ юмористическихъ шутокъ. Этотъ родъ стихотвореній писался Соймоновымъ почти всегда на заказъ: заказывала ихъ ему госпожа Нужда, находившая для нихъ легкой сбытъ въ нѣсколькихъ юмористическихъ журналахъ и мелкихъ газетахъ. Но ничто такъ не свойственно поэтамъ, какъ юморъ, если они, кромѣ возвышеннаго поклоненія красотѣ, склонны еще и къ умному наблюденію надъ жизнью. А Михаилъ Николаевичъ Соймоновъ былъ большая умница. И его юмористическія стихотворенія, даже и подневольныя, всегда умны, красивы, добродушны, музыкальны.

Въ его юмористикѣ мало политической и общественной сатиры, мало глубокомысленныхъ афоризмовъ, они—въ большинствѣ—милая шутка, которая останется милой для всѣхъ возрастовъ, для всѣхъ поколѣній и не потребуеъ историческихъ комментаріевъ. Вѣдь все это писалось въ подцензурное время начала восьмидесятихъ годовъ. Приходилось считаться и съ цензурой и, прежде всего, съ требованіями тогдашнихъ маленькихъ редакцій. А каковы эти требованія, можно судить по одному курьезному случаю. Соймоновъ написалъ какое-то юмористическое стихотвореніе въ четыре строфы, изъ которыхъ каждая оканчивалась заимствованной,—кажется, у Лермонтова,—какой-то строкой, чуть ли не этой: «Печально я гляжу на наше поколѣнье». Ввести въ свое стихотвореніе чужую строку при такихъ условіяхъ было, конечно, труднѣе, чѣмъ взять любую свою. Но издатель при расчетѣ за стихотвореніе нашель, что за эту строку, заимствованную и четыре раза повторяющуюся, платить гонораръ (по цѣлыхъ пятнадцати копеекъ за строку!) не слѣдуетъ,—и не доплатилъ шестидесяти копеекъ. Соймоновъ протестовалъ, но тщетно; будучи хозяиномъ журнала и своихъ денегъ,

и *sutor* могъ судить *supra crepidam*. А Левъ Толстой поднялъ какъ разъ въ это время вопросъ о переоцѣнкѣ цѣнностей и чеботариль. По этому случаю Соймоновъ написалъ и напечаталъ, кажется, въ томъ же самомъ юмористическомъ журналѣ, четверостишіе:

Мы въ «самобытности» не терпимъ подражанья,
И точно, видывалъ ли свѣтъ,
Чтобы сапожникъ взялъ всѣхъ Музъ на содержанье,
А сапоги тачалъ поэтъ?

Легкость сбыта стиховъ въ юмористическіе журналы заставляла иногда Соймонова отдавать туда и такія стихотворенія, которыя нельзя назвать юмористическими въ общепринятомъ смыслѣ слова: граціозныя бездѣлки, полныя юмора, но полныя и поэзіи,—лирическія шутки, напоминающія Гейне. Вотъ, напримѣръ, довольно вѣрный діагнозъ:

Коль надумается мама
У тебя пытаться упрямо:
Отчего это у дочки
Разгорѣлись очень щечки?
Косы сбились, разметались?—
Безо лжи
Ей скажи:
Это—*febris virginalis*...

Если жъ спросить у голубки:
Отчего припухли губки?
Отчего такъ томны глазки?—
Отвѣчай ей безъ опаски
На вопросъ пылливо-грознаый:
Это, знать,
Моя мать,
Morbus... morbus аморозный.

Я не знаю, личное ли только это мое впечатлѣніе, основанное на близкой дружбѣ съ покойнымъ поэтомъ, или дѣйствительно его лирическія пѣсни на темы о любви такъ прекрасны, но когда онѣ попадаютъ мнѣ на глаза, я не могу удержаться, чтобъ не перечитывать ихъ по нѣсколько разъ,—все хочется слушать пѣвца. Вотъ изъ библейской «Пѣсни пѣсней», какъ передалъ ее Соймоновъ:

... Уйдемъ въ тотъ уголокъ глухого сада,
Гдѣ—помнишь?—облеталъ весной цвѣтъ яблонь бѣлый;
Теперь любитесь тамъ померанецъ спѣлый
На персика загаръ и гроздья винограда.

Тамъ ляжемъ мы въ траву, мой несравненный,
Подъ трепетнымъ шатромъ полупрозрачной сѣни;
Тамъ обниму, мой царь, склонясь, твои колѣни,—
И, какъ волшебный сонъ, промчится день блаженный!

Въ часы любви нѣтъ словъ и нѣтъ признаній:
 Въ душѣ нѣмой восторгъ... въ очахъ блаженства слезы...
 Весь міръ сливается въ палищее лобзанье
 И тонетъ въ золотыхъ лучахъ безумной грезы.

Вотъ любовный сонетъ:

Я полонъ весь какой-то жаждой смутной,
 Въ груди дрожить невѣдомая страсть,
 И въ даль влечетъ таинственная власть,
 Какъ бѣлый парусъ—вѣтерокъ попутный.

Пускай реветъ и разверзаетъ пасть
 «Девятый валь»—и брызжетъ пѣной мутной,
 Мнѣ гибелью грозя ежеминутной,—
 Найти тебя... къ ногамъ твоимъ припасть...

Лобзая трепетныя руки,
 Въ пучину глазъ твоихъ смотрѣть
 И гимнъ любви тебѣ пропѣть,

Въ чарующіе выливъ звуки
 Блаженство, горечь, злобу, муки—
 И съ этой пѣней умереть!

Вотъ пейзажъ—лѣтней ночью:

Заглохшій, старый садъ, таинственно-нѣмой,
 Съ благоуханьемъ липъ и кленовъ чередой,
 Съ дрожащей на листьѣхъ то здѣсь, то тамъ росинкой,
 Съ едва замѣтною, извилистой тропинкой,
 Манящей въ глубь, туда, гдѣ даже въ знойный день
 Прохладой дышитъ грудь, волною льется тѣнь,—
 Окутанный прозрачной пеленою,
 Заглохшій, старый садъ, подъ трепетной луною
 Бѣлѣющій въ цвѣту жасмина кустъ—
 И вдругъ—сухой зловѣщій хрустъ,
 И голоса таинственные ночи,
 И въ темномъ дернѣ свѣтляки,
 И страстью вспыхнувшія очи,
 И вздохъ, и жаркое пожатіе руки,
 И сладость перваго свиданья...
 Стыдливый поцѣлуй... блаженное рыданье...

Перечитываю я это стихотвореніе, и вспоминается мнѣ другая
 ночь—зимняя, вѣтреная, со снѣгомъ... Я шель по Невскому, воз-
 вращаясь изъ Александринскаго театра домой. Встрѣчаю Соймо-
 нова. Идетъ задумчивый. На немъ поношенное пальто съ барашко-
 вымъ воротникомъ и неизмѣнная широкополая полярковая шляпа—
 та же, что онъ носилъ и лѣтомъ. Увидаль меня:

— А! Откуда?
 Изъ театра.

— Расскажите.

Дѣлюсь впечатлѣніями. Спрашиваю:

— А вы? Стихотвореніе на ходу сочиняете?

— Нѣтъ... Но думалъ сейчасъ о стихахъ!...

Сразу же оживился и продолжаетъ:

— Знаете, пришелъ къ окончательному заключенію, что четырех-
стопный ямбъ и хорей не могутъ быть музыкальны, если они не под-
ходятъ подъ схему четырехсложныхъ пѣоновъ: хорей—это пѣонъ
третій, ямбъ—пѣонъ четвертый.

И онъ начинаетъ доказывать мнѣ это, цитируя разныя рифмован-
ныя строки и скандируя ихъ, то какъ ямбы и хорей, то какъ пѣоны.
Онъ подвигается къ уличному фонарю, вынимаетъ записную книжку,
карандашъ, начинаетъ показывать мнѣ схемы этихъ размѣровъ,
отмѣчая короткіе и длинные слоги и ставя ямбическія и хорейскія
ударенія. Вѣтеръ загибаетъ листы книжки, дергаетъ насъ обоихъ
за полы пальто, торопя домой, свѣгъ озорски засыпаетъ намъ глаза,
а мы стоимъ на тротуарѣ, загораживая дорогу и не обращая вни-
манія на толкающихъ насъ прохожихъ,—стоимъ добрыхъ полчаса,
забывъ все окружающее: Соймоновъ читаетъ лекцію, я слушаю.

Вспомнилось это, вспоминается и другое. Ровно тридцать лѣтъ
тому назадъ пришелъ я къ Соймонову впервые, съ нѣсколькими
моими стихотвореніями. Я принесъ ихъ ему на судъ, намѣреваясь
отдать ихъ въ печать. Какъ новичокъ, я былъ увѣренъ, что они
хороши, но, какъ новичокъ же, со страхомъ и трепетомъ, съ дрожью
въ голосѣ приступилъ я къ чтенію ихъ. А Соймоновъ на второй же
строфѣ рѣзко остановилъ меня:

— Пойдите! Вы не имѣете никакого понятія о стихосложеніи!...

И онъ всему научилъ меня.

Ал. Луговой.





РАЗВѢЧАННЫЕ ГЕРОИ РЕВОЛЮЦІИ 1905 ГОДА.

І. Г. С. Хрусталева-Носарь¹⁾.

XIX.



В СВОИХЪ очеркахъ, посвященныхъ обзору развитія революціоннаго движенія въ Россіи, мнѣ приходилось уже нѣсколько разъ отмѣчать сближеніе «вожаковъ» революціи съ фабрично-заводскою массою и обрисовывать тѣ организаціи, какъ, на примѣръ, «сѣверный союзъ русскихъ рабочихъ» и другія, при помощи которыхъ конкретизировались оппозиціонныя настроенія рабочей массы преимущественно на почвѣ экономической. Воздѣйствіе революціонеровъ на эту рабочую массу и достиженіе со стороны ея многочисленныхъ стачекъ наблюдается во весь періодъ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ. Въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1897 годъ²⁾ министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ говоритъ: «Обращаясь къ общей характеристикѣ производившихся за послѣднее время въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи дознаній о государственныхъ преступленіяхъ, необходимо признать, что противоправительственная пропаганда въ 1894—97 гг. направлялась преимущественно въ среду рабочаго класса, какъ наиболее подготовленнаго, по мнѣнію агитаторовъ, къ воспріятію социалистическихъ идей. Къ со-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXXIII. Стр. 598.

²⁾ «Революціонное движеніе въ Россіи въ докладахъ министра Муравьева».

жалѣнію, пропаганда эта не прошла безслѣдно, и съ конца 1894 года на многихъ фабрикахъ и заводахъ стали нерѣдко возникать волненія и беспорядки, выражавшіеся прекращеніемъ работъ и устройствомъ стачекъ. Отличительными признаками начавшагося движенія отъ подобныхъ же случаевъ забастовокъ, происходившихъ и ранѣе описываемаго времени, являлись: предъявленія рабочими одинаковыхъ требованій, а именно: увеличенія задѣльной платы и сокращенія рабочаго дня, единодушное упорство въ отстаиваніи своихъ домогательствъ и извѣстная систематичность и дисциплинированность въ дѣйствіяхъ толпы... Разслѣдованіе причинъ, породившихъ подобные беспорядки ¹⁾, выяснило, что рабочимъ движеніемъ руководили обыкновенно тайныя сообщества, старавшіяся разбудить въ трудящемся классѣ недовольство экономическимъ и общественнымъ строемъ, дабы возможно чаще вызывать рабочихъ къ открытому сопротивленію правительственной власти и, такимъ образомъ, подготовить почву къ измѣненію существующаго въ имперіи порядка правленія.

Среди этихъ руководившихъ рабочимъ движеніемъ наблюдалось два теченія: одно—мирное, базировавшее свою программу дѣйствій на стачкахъ, другое—боевое, мечтавшее о достиженіи государственнаго переворота посредствомъ террора, какъ бы завѣщаннаго предыдущею народовольческою революціонною программой.

Орудіемъ для проведенія въ рабочую массу тѣхъ или иныхъ идей социальна-революціоннаго направленія являлась, конечно, литература, именуемая «подпольною», которая по классификаціи министра юстиціи дѣлилась на: 1) періодическія изданія, 2) брошюры, 3) воззванія. Въ интересахъ собиранія нами матеріала для исторіи русской общественности оппозиціоннаго порядка приводимъ здѣсь для любителей библіографіи перечисленіе всей тогдашней агитаціонной литературы, согласно классификаціи министра юстиціи Муравьева.

Списокъ наиболѣе распространявшихся среди рабочихъ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ подпольныхъ изданій социальна-революціоннаго направленія.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНИЯ.

1) «Летучій листокъ группы народвоольцевъ», печатался въ петербургской типографіи «группы народвоольцевъ» въ 1895 году.

2) «Матеріалы для исторіи русскаго социальна-революціоннаго движенія», съ приложеніемъ «Съ родины на родину», издаются «группою старыхъ народвоольцевъ» въ Женевѣ съ 1895 года.

¹⁾ «Въ Германіи, особенно Англии, рабочія организаціи организовали сборы въ пользу забастовщиковъ; англійскіе трэдъ-юніоны посылали привѣтствія русскимъ рабочимъ. На международномъ социалистическомъ конгрессѣ того же года (въ Лондонѣ) немногочисленные русскіе делегаты были въ своемъ родѣ героями дня».

3) «Русскій рабочій»—ежемѣсячное изданіе «союза русскихъ социалистовъ-революціонеровъ». Печатается въ женевской типографіи «группы старыхъ народовольцевъ».

4) «Рабочая газета», въ Берлинѣ—на польскомъ языкѣ.

5) «Борьба» и «Листокъ свободной печати», печатались въ 1896 году въ тайной народовольческой типографіи, обнаруженной въ С.-Петербургѣ, съ помѣткою на обложкѣ: «въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ».

6) «Листокъ работника». Печатное изданіе «союза русскихъ социаль-демократовъ». Женева, съ девизомъ на обложкѣ: «пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь», выходилъ въ 1896—1898 гг.

7) «Впередъ», кievская рабочая газета, выходила въ 1897—1899 годахъ.

8) «Рабочій листокъ», выходилъ въ 1897 г. на еврейскомъ языкѣ, гектографированное изданіе «виленскаго социаль-демократическаго комитета» съ девизомъ въ заголовкѣ: «рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь».

9) Газета «Первое мая»—изданіе «союза русскихъ социаль-демократовъ», съ девизомъ: «пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь», печаталась въ 1897 году.

10) «Рабочая газета», органъ «русскихъ социаль-демократовъ», печаталась въ тайной типографіи, обнаруженной 12-го марта 1898 года въ Екатеринославѣ.

11) «Голосъ рабочихъ»—выходилъ въ 1897—1898 годахъ на еврейскомъ языкѣ, съ девизомъ: «единеніе—сила рабочихъ», органъ «всеобщаго еврейскаго рабочаго союза въ Россіи и Польшѣ».

12) «Рабочая мысль», издавалась въ 1897—1898 годахъ: съ точностью мѣсто нахождения типографіи не установлено.

13) «Радомянинъ»,—печатное изданіе на польскомъ языкѣ, «польской партіи социалистовъ», 1897 года.

14) «Разсвѣтъ», печатный органъ на польскомъ языкѣ «союза заграничныхъ польскихъ социалистовъ», выходилъ въ Лондонѣ.

15) Приложение къ «Голосу рабочихъ», съ отдѣльною статьею подъ заглавіемъ «Интернаціональный рабочій конгрессъ въ Цюрихѣ», выходило въ 1898 году на еврейскомъ языкѣ; печаталось въ типографіи «всеобщаго еврейскаго рабочаго союза въ Россіи и Польшѣ».

16) «Эхо»—органъ «литовской социаль-демократической партіи», издавался въ Вильнѣ въ 1897—1898 годахъ.

17) «Рабочее знамя»—органъ «русской социаль-демократической партіи», печатался въ 1898 году въ Бѣлостокѣ.

18) «Работникъ» и

19) «Горнорабочій»—издавались «польскою социалистическою партіею», печатались въ Варшавѣ и Лодзи въ 1897—1900 годахъ.

20) «Южный рабочій»—органъ «екатеринославскаго комитета російской социаль-демократической партіи», печатался въ 1899—1900 гг. въ Екатеринославѣ и Кременчугѣ.

БРОШЮРЫ.

1) «Объ агитаціи»—заключаетъ въ себѣ программу дѣятельности партіи социаль-демократовъ. Литографированная.

2) «Объясненіе закона о штрафахъ, взимаемыхъ съ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ». Печатная.

3) «Основы политической экономіи». Гектографированная, безъ обозначенія автора.

- 4) «Общая задача». Гектографированная, безъ обозначенія времени и мѣста изданія.
- 5) «Въ память 17-го января 1895 года»—гектографированная.
- 6) «По поводу рѣчи царя. Радикалы и POSSIBILITY»—печатная, съ помѣтою «Типографія группы народолюбцевъ», 1-го марта 1895 года.
- 7) «Къ дѣлу». Гектографированная, съ помѣтою «С.-Петербургъ 1895 года».
- 8) «Рѣчь на 1-ое мая 1895 года». Изданіе «русскихъ социаль-демократовъ», 1895 года, гектографированная.
- 9) «Очерки рабочаго движенія». Гектографированная.
- 10) «Стачки и ихъ значеніе для рабочихъ, съ описаніемъ пяти стачекъ, бывшихъ весною и лѣтомъ 1895 года». Гектографированная.
- 11) «Русское фабричное законодательство». Гектографированная.
- 12) «Ткачи», драма въ пяти дѣйствіяхъ Гауптмана, переводъ съ нѣмецкаго. «Москва 1895 года». Печатная.
- 13) «Что такое социалистъ и политическій преступникъ». За подписью «вашъ товарищъ-рабочій». Издана въ гектографированномъ видѣ «союзомъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса».
- 14) «Праздникъ 1-го мая». Гектографированная.
- 15) «Кто отчего пьетъ». Переводъ съ польскаго. Гектографированная.
- 16) «Рѣчь 1-го мая къ представителямъ литовской рабочей кассы», на польскомъ языкѣ. Гектографированная.
- 17) «Насущный вопросъ». Напечатана въ Лондонѣ «фондомъ вольной русской прессы» въ 1895 году.
- 18) «Народники-пропагандисты 1873—1877 годовъ», соч. П. Лаврова. Время и мѣсто печатанія не обозначено.
- 19) «Проектъ русской конституціи» со статьею С. Степняка. Лондонъ 1895 г. Изданіе типографіи «фонда вольной русской прессы».
- 20) «Рабочій день», съ помѣтою «27-го іюля 1895 года», типографія «группы народолюбцевъ».
- 21) «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», съ девизомъ на обложкѣ: «Рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь» и «Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ». Печатная. Переводъ съ польскаго.
- 22) «То ъ се», напечатана на польскомъ языкѣ.
- 23) «Рабочій однодневникъ», напечатана «польской социалистической партіей».
- 24) «Краткій историческій очеркъ развитія социально-демократической партіи въ Галиціи». Печатная брошюра на польскомъ языкѣ, издана въ Львовѣ.
- 25) «Объясненіе новыхъ правилъ для рабочихъ по Высочайше утвержденному закону 1-го января 1896 года». Изданіе «петербургской типографіи группы народолюбцевъ».
- 26) «Ткачи», переводъ съ нѣмецкаго. Напечатана въ типографіи «группы народолюбцевъ» въ С.-Петербургѣ.
- 27) «Царь-голодъ», напечатана въ типографіи «группы народолюбцевъ» въ С.-Петербургѣ.
- 28) «Иванъ-гвоздь». Изданіе народолюбческой типографіи въ С.-Петербургѣ.
- 29) «Международный социалистическій рабочій конгрессъ въ Лондонѣ 1896 года», съ помѣтою «типографія группы рабочихъ революціонеровъ». На обложкѣ девизъ: «Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ».
- 30) «Экономическое ученіе Карла Маркса». 1896 года. Гектографированное.

31) «Открытое письмо группы Летучаго листка», съ помѣтою: «Кружокъ народовольцевъ. Петербургъ. 20-го марта 1896 года». Гектографированное.

32) «Вопросы о положеніи рабочаго класса въ Россіи». Печатная брошюра, безъ обозначенія времени и мѣста изданія.

33) «Уставъ рабочей кассы». Гектографированная брошюра, съ помѣтою: «Декабрь. Одесса. 1896 г.».

34) «Письмо къ кievскимъ рабочимъ по поводу стачки мастерской Людмера»—гектографированная брошюра съ помѣтою: «Кievъ. 15-го марта 1896 года».

35) «Какъ бороться противъ абсолютизма». Женева. «Украинская типографія. 1896 годъ».

36) «Открытое письмо Императору Николаю II». «Женева. Украинская типографія. 1896 года».

37) «Послѣ коронаціи». Женева. Украинская типографія. 1896 года».

38) «Первый годъ царствованія императора Николая II». Печатное изданіе общества «Народнаго Права», 1896 года въ Лондонѣ.

39) «Голосъ изъ Россіи». Печатное изданіе «фонда вольной русской прессы» въ Лондонѣ 1896 года.

40) «Нѣсколько словъ о легальной агитаціи въ современной Россіи». Напечатано въ Женевѣ 1896 года.

41) «Подвиги А. К. Кривошеина, бывшаго министра путей сообщенія». Печатное изданіе «фонда вольной русской прессы» въ Лондонѣ.

42) «Рабочіе союзы, или какъ взяться за умъ». Печатная брошюра, съ помѣтою: «С.-Петербургъ. Типографія департамента мануфактуръ и торговли, 1896 года.»

43) «Какъ министръ заботится о рабочихъ». Женева. 1896 года. Изданіе «русской типографіи».

44) «Рабочій день». Издано въ Женевѣ «русской типографіей».

45) «Что дѣлаютъ русскіе цари для народа?» Женева 1896 года. Переводъ съ польскаго. Печатная брошюра.

46) «Царское правительство и рабочіе». Женева. Типографія «союза русскихъ социаль-демократовъ». 1896 года.

47) «Машина». Женева. Типографія «союза русскихъ социаль-демократовъ».

48) «Петербургскій рабочій листокъ», изданіе не періодическое «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», январь, 1897 годъ. Воспроизведено на мимеографѣ.

49) «Уставъ центральной союзной рабочей кассы», изд. въ мартѣ 1897 года «союзомъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса». Воспроизведена на мимеографѣ.

50) «Законъ 2-го іюня о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности». Соч. Д. Кольцова. Изданіе «союза русскихъ социаль-демократовъ». Женева. Печатано въ типографіи «союза русскихъ социаль-демократовъ». 1897 года.

51) «Секретный циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12-го августа 1897 года», второе изд. «группы рабочихъ революціонеровъ». Печатное.

52) «Тайный циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ», на еврейскомъ языкѣ, напечатанъ въ типографіи «всеобщаго еврейскаго рабочаго союза въ Россіи и Польшѣ».

53) «Десятилѣтіе Морозовской стачки». Изданіе «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса». Женева 1897 года. Печатано въ типографіи «союза русскихъ социаль-демократовъ».

54) «Ф. Лассаль. О сущности конституціи». Рѣчь, произнесенная въ одномъ берлинскомъ бюргерскомъ окружномъ собраніи въ 1862 году. Печатное изданіе «союза русскихъ социаль-демократовъ». Женева. 1897 года.

55) «Наше время»—сборникъ свободной печати 1897 года, печатное изданіе «общества народнаго права».

56) «С.-Петербургскій рабочій листокъ», № 2, сентябрь 1897 года, изданіе неперіодическое «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса». Печатная, съ девизомъ: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь».

57) «Отчетъ о дѣятельности кievскаго Краснаго Креста за 1896—1897 гг.», литографированное изданіе. Кіевъ, 6-го декабря 1897 года.

58) «Отчетъ петербургскаго отдѣленія общества Краснаго Креста», съ 1-го февраля по 1-ое марта 1898 года. Печатная.

59) «Задачи русской рабочей партіи», изданіе «группы рабочихъ революціонеровъ» 1898 года, печатано въ типографіи «группы рабочихъ революціонеровъ».

60) «Стачка лжи», на еврейскомъ языкѣ, печатано въ «типографіи всеобщаго еврейскаго союза въ Россіи и Польшѣ».

61) «Пролетарская борьба»—изданіе «группы социаль-демократовъ на Уралѣ».

XX.

ВОЗЗВАНІЯ.

1) «Отъ «группы социалистовъ-революціонеровъ» къ русскому обществу», съ помѣтою: «Вольная типографія». Прокламація отпечатана по поводу рѣчи Государя Императора 17-го января 1895 года къ представителямъ земства.

2) Отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса» къ «товарищамъ-рабочимъ». Гектографированное. Въ прокламаціи сообщается объ арестахъ, произведенныхъ въ Петербургѣ въ ночь на 9-е ноября 1896 года, при чемъ рабочіе приглашаются попрежнему дружно защищать свои интересы.

3) Отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса» «ко всѣмъ петербургскимъ паниросницамъ». Гектографированное. Приглашаетъ работницъ «возстать на защиту своего бѣдственнаго положенія, выступивъ на борьбу за общее дѣло».

4) «Ко всѣмъ петербургскимъ рабочимъ», отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса». Рабочіе призываются вести борьбу съ фабрикантами и правительствомъ дружно, но спокойно, безъ беспорядковъ и насилій, чтобы избѣжать вмѣшательство военной силы. Гектографированное.

5) «Требованія ткачей на фабрикѣ Лебедева», отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса»—возбуждаетъ рабочихъ къ требованію освобожденія арестованныхъ товарищей и къ восстановленію стараго заработка. Гектографированное.

6) «Къ рабочимъ Путиловскаго завода», подстрекающее рабочихъ къ устройству стачки. Гектографированное.

7) «Къ прядильщикамъ фабрики Кенига», по поводу необходимости устройства стачки. Гектографированное.

8) «Къ рабочимъ и работницамъ фабрики Торнтонна». Рабочіе приглашаются къ повторенію стачки, происходившей 6-го и 7-го ноября 1895 года. Гектографированное.

9) «Чего требуютъ ткачи». Прокламація убѣждаетъ рабочихъ требовать возвращенія къ той расцѣнкѣ, которая была ранѣе, опредѣленія

табели расцѣнокъ по соглашенію съ рабочими и уменьшенія платы за квартиру. Гектографированная.

10) «Къ рабочимъ московской фабрики Вейхельта» по поводу необходимости объединенія въ союзы и устройства кассы для борьбы съ фабрикантомъ путемъ стачекъ. Гектографированное.

11) «Къ товарищамъ рабочимъ» отъ имени «соціалъ-демократовъ королевства Польскаго» съ помѣтою: «Варшава, февраль, 1895 г.». Прокламація напечатана на польскомъ языкѣ и призываетъ горнозаводскихъ рабочихъ къ борьбѣ съ правительствомъ за улучшение своего быта, приглашаетъ ихъ не принимать рабочихъ книжекъ и совѣтуетъ не соглашаться на увеличеніе рабочаго дня.

12) «Къ товарищамъ-рабочимъ». Прокламація отпечатана на польскомъ языкѣ и приглашаетъ всѣхъ рабочихъ забыть ссоры и раздоры, основать общія кассы, сообща вступить въ борьбу съ общимъ врагомъ— правительствомъ. Оканчивается призывомъ: «рабочіе всѣхъ странъ, соединитесь».

13) «Къ товарищамъ рабочимъ». Прокламація на польскомъ языкѣ, напечатана въ Варшавѣ, въ апрѣлѣ 1895 года «центральный рабочий комитетомъ польской социалистической партіи», приглашаетъ рабочихъ къ празднованію дня 1-го мая.

14) «Къ товарищамъ рабочимъ». Прокламація напечатана на польскомъ и еврейскомъ языкахъ съ помѣтою: «Центральный рабочий комитетъ польской социалистической партіи. Варшава, апрѣль, 1895 годъ». Приглашаетъ рабочихъ соединиться для борьбы съ правительствомъ.

15) «Къ товарищамъ рабочимъ», отъ «центрального комитета польской социалистической партіи». Напечатана въ Варшавѣ, въ апрѣлѣ 1895 года, на польскомъ языкѣ и призываетъ рабочихъ добиваться сокращенія рабочаго дня, увеличенія заработной платы и расширенія политическихъ правъ для рабочихъ. Прокламація заканчивается возгласомъ: «Долой правительство! Долой эксплуататоровъ».

16) Печатная прокламація съ обращеніемъ «Товарищи», на польскомъ языкѣ, съ помѣтою: «Бѣлостокскій рабочий комитетъ. 25-го августа 1895 года». Приглашаетъ рабочихъ къ борьбѣ съ правительствомъ и фабрикантами.

17) «Къ товарищамъ рабочимъ и работницамъ» отъ «соціалъ-демократовъ Польскаго королевства», съ помѣтою: «Варшава. Апрѣль 1895 года». Прокламація напечатана на польскомъ языкѣ и приглашаетъ рабочихъ праздновать 1-е мая.

18) «Товарищи». Печатная прокламація на польскомъ языкѣ за подписью: «бѣлостокскій рабочий комитетъ», и съ помѣтою: «2-го сентября 1895 года». Издана по поводу отказа рабочихъ отъ принятія рабочихъ книжекъ.

19) «Къ товарищамъ рабочимъ», отъ имени «радомскаго рабочаго комитета», съ помѣтою «9-го октября 1895 года». Напечатана на польскомъ языкѣ. Прокламація рекомендуетъ желѣзнодорожнымъ рабочимъ упорно настаивать на измѣненіи тѣхъ параграфовъ рабочей книжки, кои къ ихъ ущербу заключаютъ правила о заработной платѣ и штрафахъ.

20) «Къ товарищамъ рабочимъ», отъ имени «соціалъ-демократовъ королевства Польскаго», съ помѣтою: «Варшава. Февраль 1895 года». Прокламація напечатана на польскомъ языкѣ и призываетъ рабочихъ открытою силою воспрепятствовать единоподержавію и добиться конституціи.

21) «Товарищи рабочіе». Печатная прокламація, безъ обозначенія времени и мѣста изданія, распространялась въ Москвѣ. Рабочіе всѣхъ фабрикъ и заводовъ приглашаются соединиться въ «союзъ» для борьбы «за общее рабочее дѣло».

22) «Объявление». Печатное воззваніе на польскомъ языкѣ, въ котормъ напоминает рабочимъ о празднованіи дня 1-го мая.

23) «Ко всѣмъ петербургскимъ папиросницамъ» отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса». Гектографированная прокламація, приглашающая папиросницъ примкнуть къ союзу рабочихъ для борьбы за общее дѣло.

24) «Товарищи». Гектографированное воззваніе, подстрекающее рабочихъ къ организациі стачекъ.

25) «Къ товарищамъ-рабочимъ Путиловскаго завода». Гектографированная прокламація, приглашающая рабочихъ къ устройству стачки.

26) «Къ рабочимъ Рѣво-Островской мануфактуры А. П. Воронина», отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса». Гектографированное воззваніе, призывающее рабочихъ требовать повышенія расцѣнки и сокращенія штрафовъ, а при неисполненіи сего устроить стачку.

27) «Къ рабочимъ Калининской бумагопрядильной фабрики», отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтою: «Петербургъ. Апрель». Гектографированное воззваніе, подстрекающее рабочихъ къ требованію отмены штрафа за опозданіе.

28) «Къ оружейникамъ Сестрорѣцкаго завода отъ союза рабочихъ въ Петербургѣ», за подписью: «союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса», и съ помѣтою: «5-го апрѣля 1896 года». Гектографированная прокламація, призывающая рабочихъ названнаго завода примкнуть къ «союзу» и общими силами бороться съ капиталистами и правительствомъ.

29) «Товарищамъ рабочимъ Александровскаго чугуннаго завода». 13-го апрѣля 1896 года «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса». Воззваніе гектографированное, приглашает рабочихъ устроить стачку.

30) «Рабочій праздникъ 1-го мая» отъ имени «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтою: «19-го апрѣля 1896 года». Гектографированное воззваніе, приглашающее рабочихъ праздновать день 1-го мая.

31) «Къ рабочимъ завода Фениксъ», съ помѣтою: «С.-Петербургъ, 30-го апрѣля 1896 года». Гектографированное воззваніе, приглашает рабочихъ требовать сокращенія рабочаго дня и увеличенія заработной платы.

32) «Чего требуютъ рабочіе петербургскихъ бумагопрядильнень», за подписью «союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса» и съ помѣтою: «30-го мая 1896 года». Гектографированное воззваніе.

33) «Къ рабочимъ всѣхъ петербургскихъ бумагопрядильнень» отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтою: «1-го іюня 1896 года». Гектографированное воззваніе, подстрекающее рабочихъ къ устройству стачки.

34) «Ко всѣмъ петербургскимъ рабочимъ» за подписью: «союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтою: «3-го іюня 1896 года». Гектографированная прокламація, призывает рабочихъ поддерживать забастовавшихъ ткачей, собирая деньги въ пользу стачечниковъ.

35) «Товарищи рабочіе», отъ имени «рабочаго союза». Печатное воззваніе, приглашает рабочихъ жертвовать всѣмъ ради успѣха и торжества общаго рабочаго движенія.

36) «Ко всѣмъ рабочимъ петербургскихъ заводовъ», отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтою: «4-го іюня 1896 года». Гектографированное воззваніе, призывающее рабочихъ къ общей стачкѣ.

37) «Къ рабочимъ Невской писчебумажной фабрики Варгунина», отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтою: «4-го іюня». Гектографированное воззваніе, приглашающее рабочихъ названной фабрики примкнуть къ забастовкѣ.

38) «Къ русскому обществу» отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтою: «10-го іюня 1896 года». Гектографированная прокламація, въ которой общество приглашается сочувственно отнестись къ рабочему движенію и оказать рабочимъ матеріальную поддержку для борьбы.

39) «Товарищи рабочіе». Гектографированное воззваніе, безъ обозначенія времени и мѣста выпуска, оканчивающееся призывомъ: «Рабочіе, соединяйтесь».

40) «Къ товарищамъ рабочимъ резиновой мануфактуры». Гектографированная прокламація, безъ обозначенія времени и мѣста выпуска, призывающая рабочихъ названной мануфактуры примкнуть къ стачечникамъ на другихъ фабрикахъ.

41) «Къ рабочимъ ткацкихъ и прядильныхъ фабрикъ», отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтою: «27-го іюня 1896 года». Гектографированное воззваніе, приглашающее рабочихъ устроить новую стачку, чтобы довести свое дѣло до конца.

42) «Къ петербургскимъ рабочимъ», отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтою: «27-го іюня 1896 года». Гектографированная прокламація, приглашающая всѣхъ рабочихъ къ совмѣстной борьбѣ съ капиталистами и правительствомъ.

43) «Къ рабочимъ Балтійскаго завода», отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтою: «27-го іюня 1896 года». Гектографированное воззваніе, приглашающее рабочихъ къ устройству стачки.

44) «Къ рабочимъ фабрики Паля», отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтою: «19-го іюля 1896 года». Гектографированная прокламація, приглашающая рабочихъ дружище отстаивать свои требованія.

45) «Къ рабочимъ Балтійскаго завода», отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтою: «24-го іюля 1896 года». Гектографированная прокламація, призываетъ рабочихъ не соглашаться на уступки, сдѣланныя администраціей завода, и требовать новыхъ послабленій.

46) «Къ рабочимъ бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ», отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтою: «6-го августа 1896 года». Гектографированная прокламація, приглашающая рабочихъ требовать отъ хозяевъ и правительства улучшенія ихъ положенія.

47) «Къ русскому обществу» отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтою: «сентябрь 1896 года. С.-Петербургъ». Гектографированное воззваніе, призывающее «всѣхъ, кому дороги интересы рабочаго класса», оказать посильную помощь забастовщикамъ.

48) «Всѣмъ с.-петербургскимъ рабочимъ», отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтою: «15-го сентября 1896 года». Воззваніе гектографированное, издано по поводу происходившихъ стачекъ и приглашаетъ рабочихъ «бодро итти по намѣченному пути къ великой, конечной цѣли—полному освобожденію рабочаго класса отъ гнета капитала».

49) «Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса царскому правительству», съ помѣтою: «ноябрь 1896 года». Гектографированное воззваніе, въ которомъ заявляется, что происходившія въ 1895—1896 годахъ стачки оказали громадную услугу русскимъ рабочимъ, показавъ имъ, какъ надлежитъ вести борьбу за свои интересы.

50) «Къ рабочимъ Путиловскаго завода», отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтою: «С.-Петербургъ, 12-го ноября 1896 года». Гектографированное воззваніе, подстрекающее рабочихъ къ борьбѣ съ администраціей завода изъ-за послѣдовавшей славки.

51) «Къ рабочимъ Балтійскаго завода», отъ «союза борьбы за освобождение рабочаго класса», съ помѣтою: «14-го ноября 1896 года». Гектографированное воззваніе, приглашающее рабочихъ сплотиться для борьбы за улучшение своего положенія.

52) «Къ рабочимъ бумаго-прядильной мануфактуры Кенига», отъ «союза борьбы за освобождение рабочаго класса» съ помѣтою: «14-го декабря 1896 года». Гектографированная прокламація, призывающая рабочихъ къ устройству новой стачки.

53) «Къ рабочимъ Екатеринбургской мануфактуры», отъ «союза борьбы за освобождение рабочаго класса», съ помѣтою: «декабрь 1896 года». Гектографированное воззваніе, подстрекающее рабочихъ требовать сокращенія рабочаго дня.

54) «Письмо лондонскаго совѣта рабочихъ союзовъ отъ 13-го августа 1896 года къ союзу борьбы за освобождение рабочаго класса». Гектографированный листокъ, съ помѣтою: «декабрь 1896 года», въ которомъ отъ имени «лондонскаго совѣта» высказываетъ сочувствіе къ дѣятельности «союза борьбы».

55) «Товарищи». Отъ имени «московскаго рабочаго союза». Гектографированная прокламація, приглашающая московскихъ рабочихъ устроить общую стачку по примѣру Петербурга.

56) «Рабочимъ мастерскихъ Московско-Курской желѣзной дороги». Отъ «московскаго рабочаго союза», съ помѣтою: «Москва 21-го сентября». Гектографированное воззваніе, приглашающее рабочихъ устроить стачку.

57) «Къ рабочимъ шерстяной фабрики Михайлова», отъ «московскаго рабочаго союза». Гектографированная прокламація, призывающая рабочихъ къ организаціи стачки.

58) «Къ рабочимъ Александровскаго чугунаго завода», съ помѣтою «апрѣль 1896 года». Гектографированное воззваніе, приглашающее рабочихъ завода присоединиться къ общему движенію.

59) «Къ рабочимъ резиновой мануфактуры». Гектографированная прокламація, безъ обозначенія времени и мѣста изданія, подстрекающая рабочихъ къ устройству стачки.

60) «Къ дорогимъ товарищамъ-мастерскимъ и рабочимъ главныхъ мастерскихъ Закавказской казенной желѣзной дороги». Литографированное воззваніе, приглашающее рабочихъ къ борьбѣ за улучшение своего матеріальнаго положенія.

61) «Къ товарищамъ-ремесленникамъ» города Тифлиса. Гектографированная прокламація, приглашающая рабочихъ къ борьбѣ съ эксплуататорами-капиталистами.

62) «Летучее изданіе польской партіи социалистовъ. Касса братской помощи въ сосновицкомъ обществѣ», съ помѣтою: «добровицкій рабочій комитетъ. 31-го марта 1896 г.». Гектографированное воззваніе, приглашающее горнорабочихъ Петроковской губерніи къ упорядоченію кассовыхъ дѣлъ.

63) «Товарищи». Печатная прокламація на польскомъ языкѣ, изданная «центральныймъ рабочимъ комитетомъ» въ апрѣлѣ 1896 г. въ Варшавѣ. Призываетъ рабочихъ праздновать день 1-го мая.

64) «Товарищи». Печатное воззваніе на польскомъ языкѣ, изданное «центральныймъ рабочимъ комитетомъ», съ помѣтою: «Варшава. 28-го января 1896 года». Прокламація издана по поводу десятилѣтія со дня первыхъ арестовъ борцовъ социалистической партіи «пролетаріатъ», при чемъ въ ней отмѣчаются тѣ успѣхи, которые сдѣлала за это время рабочая организація.

65) «Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ», отъ «южно-русскаго рабочаго союза» съ помѣтою: «Одесса. 1-го января 1897 года», приглашающее

къ объединенію съ товарищами и дружной борьбѣ съ правительствомъ въ новомъ году. Гектографированное.

66) «Къ рабочимъ петербургскихъ бумагопрядильнъ и ткацкихъ» отъ 7-го января 1897 года. Гектографированное.

67) «Петербургскимъ ткачамъ и прядильщикамъ», отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтою: «Петербургъ. 9-го января 1897 г.», указывающее на сокращеніе рабочаго дня, какъ результатъ стачекъ, и приглашающее поддержать требованіе о часовомъ обѣденномъ перерывѣ, сокращеніи рабочаго дня въ субботу и повышеніи расцѣнки. Воспроизведено на мимеографѣ.

68) «Ко всѣмъ петербургскимъ рабочимъ» отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса» съ помѣтой 11-го января 1897 г., приглашающее петербургскихъ рабочихъ дружно отстаивать свои требованія. Воспроизведено на мимеографѣ.

69) «Письмо къ рабочимъ каретной мастерской Пипко» отъ 19-го января 1897 г., оканчивающееся литерами: «К. Р. К.» и далѣе «И. с. б. з. о. р. к.» Приглашаетъ къ соединенію для борьбы съ хозяевами. Гектографированное.

70) Отъ имени «союза за освобожденіе рабочаго класса»—«рабочимъ фабрики наслѣдниковъ Голдарбейтера», приглашающее къ солидарной борьбѣ съ цѣлью сокращенія рабочаго дня и возвышенія заработка,—помѣчено «21-го января 1897 г.». Воспроизведено на мимеографѣ.

71) «Письмо ко всѣмъ кievскимъ рабочимъ» отъ 2-го февраля 1897 г. Изданіе газеты «Впередъ». Излагаетъ происходящія въ С.-Петербургѣ событія. Гектографированное.

72) «Къ рабочему населенію С.-Петербурга», отъ имени «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», помѣчено «6-го марта 1897 г.» и приглашаетъ фабричныя классы къ борьбѣ съ правительствомъ. Воспроизведено на мимеографѣ.

73) «Къ вопросу о причинахъ студенческихъ волненій», отъ «союзнаго совѣта кievскихъ объединенныхъ землячествъ и организацій», съ помѣтою: «Кievъ. 8-го марта 1897 г.», по поводу увольненія изъ университета девяти студентовъ, порицающее «репрессивную политику администраціи». Гектографированное.

74) «Отъ группы социалистовъ-революціонеровъ», изданное въ Кievѣ 20-го марта 1897 г. и озаглавленное: «кievскимъ рабочимъ», по поводу студенческихъ беспорядковъ въ Кievѣ, вызванныхъ смертью курсистки Вѣтровой. Гектографированное.

75) Отъ имени «группы социалистовъ-революціонеровъ», изданное въ Кievѣ 22-го марта 1897 года и озаглавленное: «Кievскимъ рабочимъ», по поводу студенческихъ беспорядковъ въ Кievѣ, вызванныхъ смертью курсистки Вѣтровой. Гектографированное.

76) «Къ рабочимъ шурупно-механическаго завода Бруно-Гофмарка», отъ имени «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», помѣченное «22-го марта 1897 г.» и приглашающее рабочихъ путемъ забастовки: 1) отмѣнить «экстру», 2) уничтожить штрафы за бракъ и 3) объявлять расцѣнку, когда рабочій беретъ работу. Воспроизведено на мимеографѣ.

77) «Письмо къ кievскимъ сознательнымъ рабочимъ», подписанное «соціалъ-демократическая группа», «рабочее дѣло». Кievъ, отъ 23-го марта 1897 г. Литографированное.

78) «Петербургскимъ ткачамъ и прядильщикамъ» отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтою «мартъ 1897 г.», приглашающее къ устройству общей забастовки 16-го апрѣля. Воспроизведено на мимеографѣ.

79) Отъ имени «группы социалистовъ-революціонеровъ», изданное въ Кіевѣ въ мартѣ 1897 г., безъ заглавія, начинающееся словами: «Долгомъ своимъ считаемъ напомнить вамъ о русскихъ герояхъ-борцахъ 1-го марта 1881 г.», призывающее къ борьбѣ за политическія права и объясняющее причины неуспѣха партіи народовольцевъ неподготовленностью «народа»—рабочихъ и крестьянъ. Воспроизведено на мимеографѣ.

80) Отъ имени «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса»—«работницамъ фабрики Лаферма»—«мартъ 1897 г.», призывающее къ объединенію—устройству кружковъ и кассы. Воспроизведено на мимеографѣ.

81) «Къ рабочимъ Балтійскаго завода», отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», помѣченное мартомъ 1897 г., по поводу вывѣшеннаго въ мастерскихъ объявленія о незаконности требованій рабочими возврата 10% вычетовъ въ капиталъ вспоможенія, приглашающее дружно отстаивать свои интересы и соединиться съ рабочими другихъ фабрикъ и заводовъ для борьбы съ правительствомъ. Гектографированное.

82) «Къ рабочимъ завода Шарлетъ (бывшій Розенкранцъ)», отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», помѣченное мартомъ 1897 года и приглашающее требовать отъ администраціи завода сокращенія рабочаго дня вообще и въ частности по субботамъ и предъ годовыми праздниками, сохраненія прежнихъ расцѣнокъ, уничтоженія произвольныхъ штрафовъ, упраздненія обысковъ при выходѣ изъ завода. Воспроизведено на мимеографѣ.

83) «Рабочимъ кожевниковской мануфактуры», отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтой: «мартъ 1897 года», по поводу сокращенія рабочаго дня, приглашающее предъявить новыя требованія: 1) уплаты за краденныя аршины, 2) введенія однихъ вѣрныхъ часовъ и уплаты за краденныя минуты, 3) уничтоженія штрафа 25 копеекъ за опозданія и 4) повышенія расцѣнки или выдачи лучшаго матеріала. Воспроизведено на мимеографѣ.

84) «Къ рабочимъ Балтійскаго завода», отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтою: «апрѣль 1897 года», поздравляющее «товарищей съ побѣдой» по поводу обѣщаннаго администраціей завода возвращенія рабочимъ «вычетовъ» и приглашающее добиваться «политической свободы». Воспроизведено на мимеографѣ.

85) «Письмо къ работницамъ корсетной фабрики Дюнуа» отъ 8-го апрѣля 1897 г., подписанное: «Ваши товарищи». Изданіе газеты «Впередъ», гектографированное. Призываетъ къ борьбѣ за уменьшеніе числа рабочихъ часовъ.

86) «Къ рабочимъ писчебумажной фабрики Варгунина» отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтою: «апрѣль 1897 г.», приглашающее требовать увеличенія заработной платы и сокращенія рабочаго дня. Воспроизведено на мимеографѣ.

87) Отъ имени «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», подъ заглавіемъ: «Всемирный рабочий праздникъ 1-е мая», призывающее къ объединенію для требованія въ будущемъ политическихъ правъ. Воспроизведено на мимеографѣ.

88) Отъ имени «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса»—«къ рабочимъ Новаго Адмиралтейства». Издано 16-го апрѣля 1897 г. Приглашаетъ предъявить требованіе объ уничтоженіи «незаконныхъ поборовъ» и сокращеніи рабочихъ часовъ. Воспроизведено на мимеографѣ.

89) «Листокъ къ первому мая 1897 г.», за подписью: «Кіевскій союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса», печатный, съ помѣтой: «18-го апрѣля 1897 года», оканчивающійся словами: «да здравствуетъ 1-е мая—
истор. вѣстн. сентябрь 1913 г., т. сxxxiii. 17

всесірний праздникъ рабочихъ! Да здравствуетъ борьба за свободу и счастье!».

90) «Кіевскимъ рабочимъ. Всесірний рабочій праздникъ 1-е мая (19-го апрѣля) отъ группы социалистовъ-революціонеровъ, съ помѣтою: «18-го апрѣля 1897 года, Кіевъ». Описываетъ значеніе празднованія дня 1-го мая за границею и приглашаетъ русскихъ рабочихъ къ объединенію и борьбѣ съ правительствомъ. Гектографированное.

91) Отъ имени «рижскаго рабочаго комитета» на латышскомъ языкѣ, съ помѣтою: «19-го апрѣля 1897 года», приглашающее рабочихъ къ устройству забастовокъ. Печатное.

92) Отъ «рижскаго рабочаго комитета» на нѣмецкомъ языкѣ съ помѣтою «19-го апрѣля (1-го мая) 1897 г.», приглашаетъ рабочихъ къ устройству забастовокъ. Печатное.

93) «Ко всѣмъ ткачамъ и прядильщикамъ», отъ имени «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтою: «Петербургъ, 16-го апрѣля 1897 года», приглашающее дружно отстаивать свои интересы и устроить общую стачку 19-го апрѣля (1-го мая новаго стиля). Воспроизведено на мимеографѣ.

94) «Рѣчь товарища на всесірномъ рабочемъ праздникѣ 1-го мая», подписанное: «Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса. Апрѣль 1897 года», и оканчивающееся: «да здравствуетъ международное движеніе. Да здравствуетъ международная революціонная социаль-демократія». Воспроизведено на мимеографѣ.

95) «Письмо къ рабочимъ машиностроительнаго завода Шиманскаго» подписанное: «Кіевскій союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса. 29-го апрѣля 1897 г.», оканчивающееся словами: «дружно же, товарищи, стоимъ за наше дѣло, тогда мы навѣрное добьемся своего». Гектографированное.

96) «Прядильщикамъ и ткачамъ» отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтою: «1-го мая 1897 года», приглашающее требовать повышенія расцѣнки. Воспроизведено на мимеографѣ.

97) «Письмо къ рабочимъ машиностроительнаго завода Гретера, Криванека и Компанія», подписанное: «Кіевскій союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса. 1-го мая 1897 года», призывающее къ устройству стачки. Гектографированное.

98) «Письмо къ работницамъ корсетной фабрики Дюшюа», отъ 6-го мая 1897 года, подписанное: «Кіевскій союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса», приглашающее къ дружной защитѣ своихъ интересовъ. Гектографированное.

99) «Письмо къ папиросницамъ табачной фабрики Эгизъ», отъ 15-го мая 1897 года, за подписью: «Кіевскій союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса», призывающее къ борьбѣ съ капиталистами за улучшеніе быта. Воспроизведено на мимеографѣ.

100) «Письмо ко всѣмъ кіевскимъ рабочимъ», за подписью: «Кіевскій союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса», отъ 19-го мая 1897 года, описывающее состоявшееся празднованіе рабочими дня 1-го мая. Гектографированное.

101) «Письмо къ рабочимъ мебельной фабрики Кимаера», подписано: «Кіевскій союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса. 19-го мая 1897 г.», и оканчивается словами: «если для заявленій новыхъ требованій вы выберете подходящее время и будете стойко поддерживать другъ друга, то побѣда всегда будетъ за вами». Гектографированное.

102) Отъ имени «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса»— «рабочимъ Новаго Адмиралтейства». Издано 20-го мая 1897 года; сообщаетъ о рѣшеніи устно повторить начальству прежнія требованія

объ уничтоженіи «неправильныхъ вычетовъ и поборовъ». Воспроизведено на мимеографѣ.

103) «Къ рабочимъ писчебумажной фабрики Варгуннина», отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтою 28-го мая 1897 г.; ссылается на неисполненіе администраціей фабрики прежнихъ требованій и приглашаетъ дружно отстаивать свои интересы. Гектографированное.

104) «Письмо къ рабочимъ мебельной фабрики Даболинга» отъ 31-го мая 1897 года за подписью: «Кіевскій союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса», приглашающее предъявить администраціи фабрики требованіе объ измѣненіи найма. Воспроизведено на мимеографѣ.

105) «Письмо къ работницамъ папирсной фабрики», за подписью: «кіевскій рабочій комитетъ», отъ 5-го іюня 1897 г., изданіе «кіевского союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса».

106) «Письмо къ рабочимъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ», отъ имени «кіевского рабочаго комитета», съ помѣтою: «9-го іюня 1897 г.», изданіе «кіевского союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», приглашающее къ дружному отпору на притѣсненія администраціи. Воспроизведено на мимеографѣ.

107) «Письмо къ рабочимъ Деміевской слесарной дверочной мастерской Примака», отъ 20-го іюня 1897 г., подписанное: «Кіевскій рабочій комитетъ, изданіе кіевского союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса» и оканчивающееся словами: «Смѣлѣе, товарищи, идите на борьбу, за смѣлыми побѣда». Гектографированное.

108) «Письмо къ рабочимъ металлическаго завода южно-русскаго общества» отъ 25-го іюня 1897 года, за подписью: «Кіевскій союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса», приглашающее требовать уменьшенія рабочихъ часовъ. Гектографированное.

109) «Къ рабочимъ Златоустовскаго, Саткинскаго и Кусинскаго заводовъ», съ помѣтою «іюль 1897 г.» и за подписью «товарищи». Воспроизведено на пишущей машинѣ.

110) «Письмо лондонскаго совѣта рабочихъ союзовъ отъ 13-го августа 1897 года союзу борьбы за освобожденіе рабочаго класса. Организационному комитету петербургскихъ стачекъ»; содержитъ поздравленіе по поводу достигнутыхъ успѣховъ: «подъ влияніемъ стачки русское правительство нашло себя вынужденнымъ назначить комиссію для установленія путемъ закона минимальной заработной платы и сокращенія рабочаго дня», и извѣщаетъ о томъ, что въ Лондонѣ собрано по подпискѣ въ пользу русскихъ стачечниковъ 700 рублей. Воспроизведено на мимеографѣ.

111) Отъ «соціалъ-демократіи литовской» къ «братьямъ булочникамъ», съ помѣтою «15-го августа 1897 [г.]», приглашающее къ забастовкѣ и требованіямъ сокращенія рабочаго дня и увеличенія платы. Гектографированное, на польскомъ языкѣ.

112) «Къ рабочимъ кіевскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ», отъ имени «кіевского рабочаго комитета», съ помѣтою: «Кіевъ, 27-го августа 1897 года», изданіе «кіевского союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса». Воспроизведено на мимеографѣ.

113) «Къ рабочимъ кіевскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ» отъ 28-го августа 1897 года, подписано: «Кіевскій рабочій комитетъ, изданіе кіевского союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», оканчивающееся словами: «не беритесь за работу до тѣхъ поръ, пока не будетъ удаленъ оскорбившій и унизившій насъ Лапе». Воспроизведено на мимеографѣ.

114) Отъ «центрального рабочаго комитета», съ помѣтою: «Варшава. 30-го августа 1897 года», на польскомъ языкѣ, по поводу посѣщенія

Варшавы государемъ императоромъ, оканчивается словами: «Смерть деспотамъ! Долой рабство! Да здравствуетъ свободный польскій народъ!» Печатное.

115) «Письмо къ рабочимъ по поводу новаго закона о длинѣ рабочаго дня (второе изданіе) 1-го сентября 1897 года, союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ девизомъ: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь». Воспроизведено на мимеографѣ.

116) «Письмо къ рабочимъ кievской городской желѣзной дороги», отъ 3-го сентября 1897 года, за подписью: «Кievскій рабочій комитетъ. Изданіе кievскаго союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», оканчивающееся: «смѣлѣй пойдемъ на борьбу за болѣе человѣческую жизнь, дружно будемъ держаться и добьемся своего». Гектографированное.

117) «Письмо къ рабочимъ машиностроительнаго завода Гретера, Криванека и Комиг.», подписанное: «Кievскій рабочій комитетъ. Изданіе «кievскаго союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса». Кievъ 1897 г. (по поводу несчастнаго случая—смерти сына одного рабочаго). Гектографированное.

118) Отъ имени «группы социалистовъ-революціонеровъ кievскимъ рабочимъ. Второе изданіе. Кievъ 1897 года, сентября 15-го», рассказывающее о насильяхъ, причиненныхъ, будто бы, чинами полиціи и жандармеріи арестованному студенту Севастьянову и призывающее къ борьбѣ съ существующимъ режимомъ. Гектографированное.

119) «Товарищи. Дошелъ до насъ хорошій слухъ», оканчивающееся словами: «Всѣ за одного—одинъ за всѣхъ». Литографированное изданіе, съ помѣтою: «сентябрь 1897 года».

120) «Письмо къ рабочимъ кievской городской желѣзной дороги» отъ 3-го октября 1897 года, подписанное: «Кievскій рабочій комитетъ, кievскій союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса», оканчивающееся словами: «Если мы сумѣемъ требовать единодушно и стойко, побѣда будетъ за нами». Гектографированное.

121) «Къ рабочимъ бумагопрядильной фабрики Зотова въ гор. Костромѣ», отъ 4-го октября 1897 года. Воспроизведено на пишущей машинѣ.

122) «Письмо къ рабочимъ кievской городской желѣзной дороги» отъ 10-го октября 1897 года, подписанное: «Кievскій рабочій комитетъ, кievскій союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса», приглашающее къ стойкой борьбѣ за лучшее будущее». Гектографированное.

123) «Письмо къ рабочимъ механическаго завода Ницкаго», отъ 11-го октября 1897 года, за подписью: «Кievскій рабочій комитетъ», гектографированное изданіе «кievскаго союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», приглашающее общими усиліями добиваться сохраненія прежней заработной платы.

124) «Письмо къ рабочимъ машиностроительнаго завода братьевъ Заремскихъ отъ 15-го октября 1897 года», подписанное: «Кievскій рабочій комитетъ, кievскій союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса», приглашающее къ дружной защитѣ своихъ интересовъ. Гектографированное.

125) «Къ рабочимъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ», отъ 23-го октября 1897 года, подписанное: «Кievскій рабочій комитетъ», и приглашающее къ единодушію и устройству стачекъ. Гектографированное.

126) «Письмо къ рабочимъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ», отъ 24-го октября 1897 года, подписанное: «Кievскій рабочій комитетъ». Изданіе «кievскаго союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», приглашающее къ устройству стачки. Гектографированное.

127) «Рабочимъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ». «По порученію рабочихъ, изданіе группы социалистовъ-революціонеровъ», съ помѣтою: «Кіевъ. 28-го октября 1897 года», приглашаетъ требовать увеличенія расцѣнки и возстановитъ прежнее распредѣленіе рабочаго дня. Гектографированное.

128) «Товарищи, друзья, пятьдесятъ три портныхъ устроили въ Кременчугѣ стачку», отъ октября 1897 года, оканчивающееся призывомъ: «Помогите товарищамъ». Гектографированное.

129) «Воззваніе», за подписью: «Всеобщій еврейскій рабочій союзъ Россіи и Польши», съ помѣтою: «поябрь 1897 годъ» и примѣчаніемъ: «По жертвованія просятъ посылать по адресу союза русскихъ социалистовъ. Женева» и т. д. и надписью на оборотѣ: «Листокъ для сборовъ». Печатное.

130) «Письмо къ рабочимъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ», отъ 12-го ноября 1897 года, за подписью: «Кіевскій рабочій комитетъ. Изданіе кіевского союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», оканчивающееся словами: «Когда же, наконецъ, вы смѣло и дружно заявите избалованной вами администраціи, что пора ей отучиться отъ беззаконій, обмановъ и грабежа?» Гектографированное.

131) «Къ желѣзнодорожнымъ рабочимъ», отъ кіевского рабочаго комитета, съ помѣтою: «12-го ноября 1897 года», гектографированное изданіе «кіевского союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», убѣждающее «не соглашаться ни на какіе произвольные вычеты изъ заработка».

132) «Письмо къ работницамъ гильзовой фабрики Каракоза», отъ 21-го ноября 1897 года, подписано: «Кіевскій рабочій комитетъ», изданіе кіевского союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», призывающее къ борьбѣ за уничтоженіе фабричныхъ порядковъ. Гектографированное.

133) «Письмо ко всѣмъ кіевскимъ рабочимъ», отъ 26-го ноября 1897 г., за подписью: «Кіевскій рабочій комитетъ», изданіе «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса».

134) «Письмо къ рабочимъ машиностроительнаго завода Брандта», подписанное: «Ваши товарищи. Фастовъ—27-го ноября 1897 года, изданіе социаль-демократовъ», оканчивается словами: «Вы побѣдите, если будете дѣйствовать смѣло и единодушно». Гектографированное.

135) «Рабочимъ южно-русскаго машиностроительнаго завода» съ помѣтою «декабрь 7-го дня 1897 года. Гектографированное.

136) «Ко всѣмъ виленскимъ рабочимъ и работницамъ», отъ имени «виленскаго социаль-демократическаго комитета», съ помѣтою: «19-го декабря 1897 года», печатано на еврейскомъ языкѣ въ «типографіи всеобщаго еврейскаго рабочаго союза въ Россіи и Польшѣ». Приглашаетъ къ борьбѣ съ капиталистами и правительствомъ. На воззваніи девизы: «Безъ борьбы нѣтъ свободы» и «Единеніе—сила рабочихъ».

137) «Письмо ко всѣмъ кіевскимъ рабочимъ», отъ имени «кіевского союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», 19-го декабря 1897 года, трактующее о рабочихъ беспорядкахъ въ м. Домбровѣ и дѣйствіяхъ властей. Воспроизведено на мимеографѣ.

138) «Письмо къ кіевскимъ рабочимъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ», отъ имени «кіевского рабочаго комитета», съ помѣтою: «20-го декабря 1897 года», изданіе «кіевского союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса». Оканчивается словами: «Откажемся же, товарищи, отъ всякихъ вычетовъ на подарокъ и покажемъ этимъ отказомъ, что мы сознательные рабочіе, а не покорные рабы». Гектографированное.

139) «Письмо къ рабочимъ переплетной мастерской Зигендрельда и Зигельмана», отъ 29-го декабря 1897 года, за подписью: «Кіевскій рабочій комитетъ», изданіе союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса.

140) «Къ рабочимъ и работницамъ російско-американской резиновой мануфактуры», отъ «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», безъ обозначенія времени изданія, приглашающее дѣлать денежные взносы на устройство своей рабочей кассы взаимопомощи въ борьбѣ съ капиталистами и правительствомъ. Воспроизведено на мимеографѣ.

141) «Правое дѣло», изданное типографіей газеты «Трибунъ» и приглашающее рабочихъ стремиться къ полученію образованія, составленію союзовъ, учрежденію постоянныхъ сношеній между заводами разныхъ фабричныхъ районовъ,—съ цѣлью заявлять, путемъ стачекъ, о своихъ желаніяхъ касательно признанія промышленнаго и государственнаго строя, участія въ законодательствѣ чрезъ депутатовъ, сокращенія рабочаго дня и свободы сходовъ, голоса, мнѣнія. Печатное.

142) Отъ «союзнаго совѣта», по поводу самоубійства курсистки Вѣтровой съ описаніемъ въ примѣчаніи демонстраціи, устроенной учащеюся молодежью на площади Казанскаго собора. Гектографированное.

143) «Пѣсня рабочихъ», начинающаяся словами: «Впередъ безъ страха и сомнѣнья», и заканчивающаяся: «Въ одинъ союзъ соединяйтесь». Воспроизведено на мимеографѣ.

144) «Ко всѣмъ петербургскимъ рабочимъ», отъ «петербургскаго союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», съ помѣтою: «январь 1898 года», по поводу закона 2-го іюня 1897 года о нормировкѣ рабочаго дня, оканчивающаея словами: «объединимся, сплотимся, товарищи». Воспроизведено на мимеографѣ.

145) «Письмо къ рабочимъ фортепіанной фабрики Мекленбурга, отъ 26-го января 1898 года» отъ имени кіевскаго рабочаго комитета, воспроизведенное на мимеографѣ, изданіе «кіевскаго союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса». Начинается словами: «Не радость и счастье, а новыя притѣсненія и лишенія принесъ вамъ новый годъ», и оканчивается фразой: «Побѣда будетъ за вами, лишь бы у васъ хватило смѣлости и единоклудія».

146) «Письмо къ мельничнымъ рабочимъ», за подписью: «Группа рабочихъ», изданіе «соціалъ-демократовъ», Одесса, февраль 1898 года, оканчивающаея словами: «Пусть же борьба за воскресный отдыхъ будетъ первымъ шагомъ въ нашей борьбѣ за лучшее будущее». Воспроизведено на мимеографѣ.

147) «По поводу закона 2-го іюня 1897 года», съ помѣтою: «С.-Петербургъ, 20-го февраля 1898 года, изданіе соціалистовъ-революціонеровъ». Приглашаетъ «понудить администрацію фабрики Пализена исполнить новый законъ о распредѣленіи рабочихъ часовъ и научить правительство уважать права рабочихъ». Гектографированное.

148) «Воззваніе на 1-ое мая ко всѣмъ еврейскимъ работникамъ и работницамъ», печатано на еврейскомъ языкѣ въ «типографіи всеобщаго еврейскаго союза въ Россіи и Польшѣ» и подписано: «центральный соціалъ-демократическій комитетъ. Апрѣль 1893 года». Приглашаетъ къ устройству 19-го апрѣля (1-го мая нынѣшняго столѣтія) тайнаго собранія для обсужденія требованій, которыя необходимо предъявить рабочимъ.

149) Отъ «литовской соціалъ-демократической партіи». помѣченное «Вильна. Апрѣль 1898 года», и приглашающее рабочихъ къ празднованію дня 1-го мая (19-го апрѣля стараго стиля) и единоклудному требованію восьмичасоваго рабочаго дня. Гектографированное.

150) «Да живетъ 1-го мая...», на польскомъ языкѣ, подписано: «Литовская соціалъ-демократическая партія», съ помѣтою «Вильна, апрѣль 1898 года». Призываетъ къ борьбѣ за лучшую будущность и указываетъ требованія, удовлетворенія коихъ должны добиваться рабочіе: восемь

часовъ труда, увеличеніе платы, политическая свобода и социалистическій строй. Гектографированное.

151) Отъ «центрального социаль-демократическаго комитета», съ изложеніемъ требованій, выработанныхъ на совѣщаніи 1-го мая (19-го апрѣля стараго стиля) рабочими: отмѣна ограничительныхъ законовъ для евреевъ, дарованіе свободы скачекъ, собраній, слова и печати, учрежденіе парламента и установленіе восьми часовъ рабочаго дня. Печатано въ еврейскомъ языкѣ въ типографіи «всеобщаго еврейскаго рабочаго союза въ Россіи и Польшѣ», съ помѣтою: «Апрѣль 1898 года».

152) «Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Россіи»—отъ имени «россійской социаль-демократической партіи», печатное воззваніе, заключающее въ себѣ «протестъ» противъ состоявшихся въ іюлѣ 1900 года приказовъ варшавскаго генераль-губернатора о преданіи военному суду девяти лицъ, изблеченныхъ въ убійствахъ съ политической цѣлью.

153) Отъ имени «социаль-демократіи королевства Польскаго», отпечатанное съ помощью множителя воззваніе, помѣченное 3-го января 1901 г. (21-го декабря 1900 года по старому стилю),—содержитъ въ себѣ призывъ представителей трудящагося класса къ единенію и высказываетъ увѣренность, что «въ наступающемъ новомъ столѣтїи русскіе, польскіе и еврейскіе рабочіе, рука объ руку съ братьями-товарищами всѣхъ странъ, добьются уничтоженія стараго строя и созданія взамѣнъ его новаго на началахъ политической свободы и подъ краснымъ флагомъ международнаго социализма...»

Сравнивая этотъ «каталогъ» съ тѣмъ перечнемъ печатныхъ произведеній, который я въ свое время приводилъ въ своихъ очеркахъ, какъ печатное орудіе пропаганды въ періодъ 1870—80 годовъ, мы видимъ, что онъ, этотъ «каталогъ», приноровленъ преимущественно къ практическимъ цѣлямъ, удара по чувствамъ рабочихъ въ кругу ихъ профессиональныхъ вопросовъ. Теоріи тутъ отодвигаются на задній планъ, а на передній выдвинута практика насущнаго рабочаго дня, какъ ее формулировали вожди социализма. Отсюда преобладаніе надъ «литературой» «легучихъ листовъ» и «воззваній».

XXI.

Изъ этого перечня, который я привожу здѣсь спеціально для «любителей литературы и библіографіи», усматривается, что многія изъ переименованныхъ изданій принадлежатъ «союзу борьбы за освобожденіе рабочаго класса» и партіи социаль-демократической. Отсюда естественный интересъ къ вопросу, что же это за партія, какъ она возникла и какова была ея программа. Въ «приложеніи» къ всеподданнѣйшему докладу все того же министра юстиціи Н. В. Муравьева мы почерпаемъ по сему предмету драгоцѣннѣйшія указанія officialнаго характера, которыя я здѣсь воспроизвожу, какъ основной источникъ для уясненія себѣ дѣла.

По свидѣтельству министра юстиціи, возникновеніе россійской социаль-демократической рабочей партіи относится къ 1889 году, когда на сѣздѣ, происходившемъ на югѣ Россіи, представители

дѣйствовавшихъ въ то время въ разныхъ городахъ «союзовъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса» и представители «Бунда» рѣшили объединиться, причемъ предложено было избрать «центральный комитетъ», и «мѣстные союзы борьбы» получили съ тѣхъ поръ наименованіе «мѣстныхъ комитетовъ» партіи.

Комитеты въ своей дѣятельности придерживались программъ, значительно различавшихся между собой по существу. Сѣверные комитеты, въ особенности дѣятели бывшаго «петербургскаго союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», а также «воронежскій комитетъ», не шли дальше предьявленія экономическихъ требованій. Между тѣмъ южные комитеты находили рабочихъ уже подготовленными къ выступленію на арену борьбы политической.

Такое же различіе господствовало и среди дѣятелей партіи, проживавшихъ за границей, причемъ экономическое направленіе поддерживалось заграничнымъ «союзомъ социаль-демократовъ», непосредственно тяготѣвшимъ къ Петербургу и Воронежу, а направленіе политическое—«лигой революціонныхъ социаль-демократовъ».

Несмотря на провозглашенную на первомъ съѣздѣ (1889 года) необходимость широкой агитаціи въ массахъ и организаціи рабочаго класса, большинство комитетовъ придерживалось еще кружковой работы, сводившейся къ воздѣйствію на отдѣльныя личности, каковая работа впоследствии была окрещена въ революціонной литературѣ наименованіемъ «кустарничества».

Въ концѣ 1900 года въ связи съ «лигой революціонныхъ социаль-демократовъ» и при руководящемъ участіи старыхъ эмигрантовъ: Плеханова, Аксельрода, Вѣры Засуличъ, и новыхъ: Владимира Ульянова (Ленина), Юлія Цедербаума (Мартова) и Потресова, образовалось общество «Искра», поставившее себѣ цѣлью достигнуть дѣйствительнаго объединенія всѣхъ группъ и кружковъ «россійской социаль-демократической рабочей партіи»..

Съ 1900 года стала издаваться газета «Искра» (первый номеръ помѣченъ декабремъ 1900 г.); новое общество призывало комитеты партій къ переходу отъ экономической борьбы къ политической, къ организаціи рабочаго класса, взамѣнъ «кустарной» работы въ немъ, къ распространенію пропаганды и агитаціи, производившихся только среди фабрично-заводскаго и ремесленнаго населенія и учащейся молодежи, на крестьянство и войско, а также къ вовлеченію въ сферу вліянія социаль-демократической партіи либеральныхъ земскихъ дѣятелей. Въ противовѣсъ представленіямъ экономическаго социализма, «Искра» заявила, что революція, навстрѣчу которой, будто бы, идетъ Россія, будетъ и должна быть буржуазной революціей и что эта революція желательна, такъ какъ она окончательно расчиститъ путь общественнаго развитія отъ всѣхъ пережитковъ крѣпостнаго строя и дастъ полный просторъ развитію

капитализма и порождаемой имъ классовой борьбѣ, пріобрѣтенія же, которыя получитъ пролетаріатъ вслѣдствіе такой революціи, будутъ заключаться въ политическомъ освобожденіи его и въ образованіи демократическаго государства, облегчающаго достиженіе цѣлей соціальной революціи. По этимъ соображеніямъ, «Искра» указывала на необходимость вступать во временные союзы съ противоправительственными элементами, хотя бы и чуждыми соціаль-демократіи, съ тѣмъ, чтобы такимъ образомъ, въ конечныхъ цѣляхъ соціальной революціи, поддерживать въ странѣ всякое оппозиціонное и революціонное движеніе.

Вскорѣ послѣ своего возникновенія «Искра» пріобрѣла преобладающее значеніе среди прочихъ соціаль-демократическихъ организацій, сдѣлавшись для многихъ изъ числа такихъ организацій не только духовнымъ, а отчасти дѣловымъ центромъ. Въ декабрѣ 1902 года съ цѣлью всецѣло подчинить мѣстные комитеты своей программѣ и своему вліянію, сообщество «Искра» выдѣлило изъ себя «организаціонный комитетъ» для устройства второго съѣзда «россійской соціаль-демократической рабочей партіи». Бюро комитета находилось въ Кіевѣ. По уставу, выработанному «организаціоннымъ комитетомъ» совмѣстно съ представителями «бунда», на съѣздѣ предполагалось пересмотрѣть программу партіи и въ цѣляхъ концентраціи дѣятельности всѣхъ комитетовъ избрать редакцію «центрального органа» и членовъ «центрального комитета», которые, въ свою очередь, должны были объединиться «партійнымъ совѣтомъ»...

Второй съѣздъ состоялся въ іюлѣ 1903 года въ Брюсселѣ. Программа, выработанная сообществомъ «Искра», была признана единогласно программой партіи, а «Искра» объявлена ея руководящимъ идейнымъ органомъ, съ присвоеніемъ ей наименованія «центрального органа», при чемъ на съѣздѣ были избраны члены редакціи этого органа. Для руководства практической дѣятельности были избраны члены «центрального комитета», которому совмѣстно съ редакціей «центрального органа» предоставлено было назначить отъ себя членовъ въ объединяющій идейную и практическую дѣятельность «совѣтъ партіи». Совѣту предоставлено было представительство соціаль-демократической рабочей партіи въ сношеніяхъ съ другими партіями. Верховнымъ органомъ соціаль-демократической партіи объявленъ былъ «партійный съѣздъ», созываемый по мѣрѣ надобности и по возможности не рѣже одного раза въ два года «совѣтомъ партіи».

При разработкѣ подробностей программы дѣйствій партіи произошли значительныя разногласія, отразившіяся на организаціонной жизни всѣхъ мѣстныхъ комитетовъ и вызвавшія распаденіе партіи на двѣ фракціи, получившія по числу голосовъ, бывшихъ у нихъ на съѣздѣ, наименованіе «большинства» и «меньшинства».

Поводомъ къ расколу явилось столкновение на съѣздѣ между Ульяновымъ (большинство) и Цедербаумомъ (меньшинство), двумя наиболѣе вліятельными социаль-демократическими вожаками. Въ дѣловомъ отношеніи, организаціонномъ, различіе между двумя фракціями выражается въ томъ, что «меньшинство» за каждымъ отдѣльнымъ членомъ партіи и за каждой партійной филиаціей признаютъ болѣе правъ на самоопредѣленіе и на свободу дѣйствій, чѣмъ «большинство»; послѣдніе являются централистами, стремясь изъ «центрального комитета» создать правительство властной руки. Въ отношеніи теоретическомъ «меньшинство» принадлежитъ къ числу представителей социаль-демократическаго движенія, отражающихъ въ себѣ тѣ эволюціи, которыя претерпѣлъ въ послѣдніе годы русскій марксизмъ и которыя заставили бывшихъ главарей этого ученія Булгакова и Бердяева въ области философской перейти отъ матеріализма къ мистическому идеализму, а въ области политической—къ радикализму, при чемъ въ области экономической политики для нихъ не является чуждымъ и взглядъ «бернштейніанства» (Бернштейнъ— писатель и членъ германской социаль-демократической партіи). «Большевики» остаются представителями старой марксистской вѣры и стараго марксистскаго обряда, съ ревностью начетчиковъ, «не пріемлющихъ священство», боящимися нарушить цѣльность и чистоту своихъ принциповъ и своей тактики.

Въ теченіе 1904 года фракція «меньшинства» овладѣла центральнымъ органомъ «Искрою», а затѣмъ вытѣснила и изъ «центрального комитета» бывшихъ въ немъ представителей фракціи «большинства». Въ противовѣсъ вліянію «меньшинства» фракція «большинства» образовала за границею, при руководящемъ участіи Ульянова, свой литературный органъ «Впередъ» и, въ цѣляхъ организаціи практической дѣятельности входящихъ въ эту фракцію группъ, учредила «бюро комитета большинства».

Озабочиваясь устраненіемъ раскола, социаль-демократическіе дѣятели въ Одессѣ еще въ іюлѣ 1904 года возбуждали вопросъ о необходимости созыва партійнаго съѣзда. Въ мартѣ 1905 года «центральный комитетъ», сдѣлавшійся «меньшевистскимъ» въ циркулярномъ письмѣ, обосновывавшемъ созывъ третьяго съѣзда, заявилъ слѣдующее:

«Наша тактика, приуровненная къ условіямъ мирнаго времени, должна потерпѣть крупныя измѣненія теперь, когда мы вступаемъ и вступили уже въ революціонный періодъ. Каждый день несетъ новое событіе, и нашъ прошлый партійный опытъ далеко не всегда даетъ отвѣтъ на вопросы дня. Современность выдвигаетъ новую форму дѣятельности: социаль-демократамъ все чаще и чаще приходится оставлять подполье и дѣйствовать полудегально или легально; съ другой стороны, та же революціонная дѣятельность наталкиваетъ насъ на вопросъ о вооруженныхъ дѣйствіяхъ, на вопросъ о террорѣ;

съ новой жгучей силой встаетъ вопросъ о работѣ въ деревнѣ, среди крестьянства. Нераціональность нѣкоторыхъ организаціонныхъ формъ и, скажемъ болѣе, общая неудовлетворительность всей нашей организаціи центра за послѣднее время также давала себя чувствовать все съ большей и большей силой, а надвигающаяся революція дѣлаетъ особенно умѣстными и новыя попытки установить соглашеніе съ родственными намъ по программѣ и тактикѣ организаціями, какъ Бундъ, польскіе соціалъ-демократы и латышская-соціалъ-демократія и, можетъ быть, третьему съѣзду удалось бы выработать основу для такого соглашенія».

Въ маѣ 1905 года состоялся третій съѣздъ.

Важнѣйшимъ его результатомъ въ программномъ отношеніи было постановленіе о томъ, что одна изъ самыхъ главныхъ и неотложныхъ задачъ соціалъ-демократической партіи въ настоящій моментъ заключается въ организаціи рабочаго класса для непосредственной борьбы съ правительствомъ путемъ вооруженнаго возстанія.

Исходя изъ этого постановленія съѣздъ поручилъ всѣмъ партійнымъ организаціямъ:

а) выяснить пролетариату, путемъ пропаганды и агитаціи, не только политическое значеніе, но и практически—организаціонную сторону предстоящаго вооруженнаго возстанія;

б) выяснить изъ этой пропаганды и агитаціи роль массовыхъ политическихъ сходовъ, которыя могутъ имѣть важное значеніе въ началѣ и въ самомъ ходѣ возстанія;

в) принять самыя энергичныя мѣры къ вооруженію пролетариата, а также къ выработкѣ плана вооруженнаго возстанія и непосредственнаго руководства таковымъ, создавая для этого, по мѣрѣ надобности, особыя группы изъ партійныхъ работниковъ.

Въ виду разраставшагося тогда крестьянскаго движенія и въ виду того, что въ задачи соціалъ-демократіи входитъ поддержка всякаго революціоннаго движенія, направленнаго противъ существующаго общественнаго и политическаго строя, съѣздъ поручилъ партійнымъ организаціямъ:

а) пропагандировать въ широкихъ слояхъ народа, что соціалъ-демократія ставитъ своей задачей самую энергичную поддержку всѣхъ революціонныхъ мѣропріятій крестьянства вплоть до конфискаціи помѣщичьихъ, казенныхъ, церковныхъ, монастырскихъ и удѣльныхъ земель;

б) выдвигать необходимость немедленной организаціи крестьянскихъ революціонныхъ комитетовъ;

в) призывать крестьянство ко всевозможнымъ политическимъ демонстраціямъ, къ коллективному отказу въ платежѣ податей и налоговъ, отъ исполненія воинской повинности и приказаній правительственныхъ агентовъ;

г) стремиться къ самостоятельной организаціи сельскаго пролетаріата и къ сліянію съ пролетаріатомъ городскимъ подъ знаменемъ социаль-демократической партіи.

Вѣря въ близкое наступленіе государственнаго переворота, съѣздъ призналъ, что существующая форма правленія должна быть замѣнена демократической республикой на началахъ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ, а впредь до установленія таковой республики должно быть учреждено временное революціонное правительство съ участіемъ въ немъ уполномоченныхъ социаль-демократической партіи.

Въ организаціонномъ отношеніи взаимнѣ центральнаго органа, центрального комитета и совѣта партіи, рѣшено было избрать одно центральное учрежденіе—«центральный комитетъ», которому предоставлено назначать отъ себя отвѣтственнаго редактора центрального органа. Таковымъ органомъ, вмѣсто «Искры», объявленъ начавшій выходить скоро послѣ съѣзда «Пролетарій». Верховнымъ органомъ партіи попрежнему признанъ партійный съѣздъ, право созыва котораго предоставлено центральному комитету. Мѣстнымъ комитетомъ предоставлено издавать собственные періодическіе листки. Важнѣйшая организаціонная цѣль третьяго съѣзда не осуществилась: редакція «Искры» не явилась на съѣздѣ и, несмотря на отнятіе у нея права быть центральнымъ органомъ, не пожелала отказаться отъ занятой ею позиціи, вслѣдствіе чего дѣятели «россійской социаль-демократической рабочей партіи» стали издавать двѣ газеты: «Искру» и «Пролетарій», изъ которыхъ каждая называла себя центральнымъ органомъ этой партіи. Полное преобладаніе на третьемъ съѣздѣ имѣли «большевики», принадлежащимъ къ этой фракціи естественно оказался и избранный на этомъ съѣздѣ «центральный комитетъ».

Вскорѣ послѣ съѣзда делегаты новаго центрального комитета сдѣлали объѣздъ всѣхъ наиболѣе крупныхъ организацій обѣихъ фракцій, для прочтенія, въ цѣляхъ партійнаго единства, докладовъ о съѣздѣ. Отношенія между фракціями были въ это время настолько обострены, что екатеринославская и харьковская группы «меньшевиковъ» не допустили у себя означенныхъ докладовъ. Послѣ того въ цѣляхъ единства центральнымъ комитетомъ была устроена «общерусская конференція», которая также не имѣла положительнаго результата.

Фракція «меньшевиковъ», утративъ изъ своихъ рукъ центральный комитетъ и враждебно настроенная къ новому центральному органу «Пролетарій», послѣ третьяго съѣзда оказалась формально внѣ партіи; между тѣмъ фактически ея значеніе почти равнялось въ настоящее время значенію «большевиковъ», тѣмъ болѣе что въ промежутки между 2 и 3 съѣздами «меньшевики» успѣли овладѣть наиболѣе серьезными партійными денежными связями, весьма

многими типографіями и складами, а также связями по водворенію транспортовъ нелегальной литературы.

Для объединенія дѣятельности группъ, входящихъ въ составъ фракціи «меньшинства», вскорѣ послѣ съѣзда была образована «организаціонная комиссія», между которой и «центральной комитетомъ» происходили переговоры по вопросу о слияніи фракцій.

Въ отношеніи постановки организаціонныхъ вопросовъ, разногласія между фракціями сводились главнымъ образомъ къ тому, что «меньшинство», отстаивая свою основную точку зрѣнія на необходимость полнаго проведенія демократическаго начала въ партійную жизнь, признало необходимымъ усиленіе вліянія периферій (низшихъ организацій и даже отдѣльныхъ лицъ) на дѣла партіи на слѣдующихъ условіяхъ: руководящимъ центромъ въ данной мѣстности считается не только комитетъ, но комитетъ и районныя организаціи; по отношенію ко всѣмъ случаямъ массоваго выступления (забастовки, демонстраціи) всѣмъ организованнымъ рабочимъ предоставляется право голоса. Центральный комитетъ находитъ это неудобноосуществимымъ.

Кромѣ того, «меньшинство» задавалось цѣлью образовывать областные комитеты, намѣчая на всю Россію 10 таковыхъ комитетовъ. Во исполненіе этого, на конференціи, происходившей въ іюль 1905 года, принадлежавшіе къ фракціи «меньшинства» кубанскій комитетъ и группы екатеринодарская, новороссійская, ставропольская, армавирская, сѣская и майкопская объединились между собой, образовавъ «сѣверо-кавказскій союзъ». Центральный комитетъ находилъ образованіе областныхъ комитетовъ неудобнымъ, усматривая въ этомъ возможность утраты своего непосредственнаго вліянія на мѣстные комитеты; несмотря на это, нѣкоторые «большевистскіе» комитеты объединились въ областные комитеты. Стремленіе къ такому объединенію среди разныхъ комитетовъ партіи замѣчалось и значительно ранѣе третьяго съѣзда.

Въ отношеніи постановки вопросовъ о революціонной тактикѣ, никакихъ существенныхъ различій между «большинствомъ» и «меньшинствомъ», однако, не усматривается: вышеприведенные взгляды третьяго съѣзда на необходимость подготовки народныхъ массъ къ вооруженному возстанію, усиленія революціонной дѣятельности среди крестьянства и учрежденія демократической республіки вполне раздѣлялись фракціей «меньшинства».

Дѣятельность обѣихъ фракцій выражалась въ пропагандѣ и агитаціи среди фабрично-заводскаго и ремесленнаго населенія, среди крестьянства, среди учащейся молодежи и другихъ слоевъ интеллигенціи и среди войска.

Для пропаганды среди войскъ въ составѣ «россійской соціалъ-демократической рабочей партіи» образована въ 1905 году «военно-революціонная организація». Варшавскій комитетъ вступилъ лѣ-

томъ 1905 года въ соглашеніе, въ цѣляхъ совмѣстной дѣятельности, съ «соціалъ-демократіей Польши и Литвы».

Важнѣйшею въ тотъ моментъ цѣлью пропаганды и агитаціи признавалось вооруженное возстаніе.

Съ этой цѣлью изъ центрального комитета образована была особая организація, занимавшаяся приобрѣтеніемъ за границей оружія и ввоза его въ имперію, причемъ означенный комитетъ для каждой мѣстной организаціи, желавшей получить оружіе, ставилъ условіемъ имѣть особую ввозную квартиру, т.-е. такую квартиру, въ которую транспортеръ оружія могъ бы безопасно пріѣхать съ чемоданомъ прямо съ вокзала. Для постановки литературнаго дѣла комитетъ образовалъ при себѣ литературную группу и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилъ, независимо отъ устройства подпольныхъ типографій, издавать легальную соціалъ-демократическую литературу, и газеты. Газетами, находящимися въ распоряженіи центрального комитета, являлись: «Вечерняя Почта» и «Самарская Газета».

Въ виду трудности содержанія «Пролетарія» для мало подготовленныхъ читателей центральный комитетъ сталъ издавать съ августа 1905 года популярную революціонную газету подъ названіемъ «Рабочій».

XXII.

Въ губерніяхъ, входившихъ въ составъ «россійской соціалъ-демократической рабочей партіи», общества, подъ названіемъ комитетовъ, союзовъ, организацій и группъ, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

- 1) Въ Астраханской губерніи—астраханскій комитетъ.
 - 2) Въ Бессарабской губерніи—кишиневская организація съ боевымъ отрядомъ для устройства вооруженной демонстраціи.
 - 3) Въ Варшавской губерніи—варшавскій комитетъ, военно-революціонная организація; варшавская группа «меньшинства».
 - 4) Въ Виленской—виленская группа.
 - 5) Въ Витебской—витебская группа, двинскій комитетъ.
 - 6) Во Владимирской—иваново-вознесенская группа.
 - 7) Въ Вологодской—вологодская группа.
 - 8) Въ Волынской—житомирская организація.
 - 9) Въ Воронежской—воронежскій комитетъ.
 - 10) Въ Вятской—прикамская группа.
 - 11) Въ Области Войска Донского—донской комитетъ.
 - 12) Въ Екатеринославской—екатеринославскій комитетъ («меньшевики»), екатеринославская организація («большевики»), александровская организація, луганская организація, маріупольская группа, рудничный союзъ, юзовская группа.
 - 13) Въ Казанской—казанскій комитетъ съ военной группой.
- Мѣстные соціалъ-демократическіе дѣятели пытались распростра-

нить свое вліяніе и на татарское населеніе города Казани, для чего нѣкоторыя воззванія казанскаго комитета переводились на татарскій языкъ. Эта часть работы казанскаго комитета встрѣчала серьезное препятствіе въ національныхъ особенностяхъ татаръ; такъ, напримѣръ, въ татарскомъ языкѣ нѣтъ слова «свобода», и это слово или приходилось брать съ оральскаго языка, или замѣнять словомъ «просторъ».

Казанскій комитетъ въ собственной подпольной типографіи издавалъ листокъ «Рабочій». (Въ сентябрѣ 1905 года вышелъ № 3).

14) Въ Калужской—калужская группа.

15) Въ Киевской—киевскій комитетъ, бердичевская организація, бердичевская группа, уманская организація, уманская группа, черкасская организація, украинскій союзъ.

16) Въ Костромской—костромская группа.

17) Въ Курляндской—митавская группа.

18) Въ Курской—курскій комитетъ, путивльская группа.

19) Въ Лифляндской—рижскій комитетъ, рижская группа.

20) Въ Минской—минская группа, бобруйская организація, пинская группа.

21) Въ Могилевской—гомельская группа.

22) Въ Московской—московскій комитетъ, издающій изъ собственной подпольной типографіи газету «Голосъ Труда» (всего вышло шесть нумеровъ), московская группа, серпуховская группа.

23) Въ Нижегородской—нижегородскій комитетъ, нижегородская крестьянская группа.

24) Въ Орловской—орловскій комитетъ, брянская организація, въ Сѣвскѣ «группа объединенныхъ социалистовъ Орловской губерніи».

25) Въ Пермской—пермскій комитетъ.

26) Въ Полтавской—полтавская группа, кременчугскій комитетъ.

27) Въ С.-Петербуржской—петербургскій комитетъ («большевики»), петербургская группа («меньшевики») съ боевой дружиной.

28) Въ Рязанской—егорьевская группа.

29) Въ Самарской—самарскій комитетъ; при комитетѣ имѣются группы для устройства вооруженныхъ демонстрацій и группы для подпольной работы среди крестьянъ.

30) Въ Саратовской—саратовскій комитетъ, при которомъ группа для подпольной работы среди крестьянъ.

31) Въ Смоленской—смоленскій комитетъ.

32) Въ Таврической—крымскій союзъ («меньшевики»), въ составъ котораго входитъ десять организацій: севастопольская, симферопольская, мелитопольская, еодоссійская, евпаторійская, ялтинская, бердянская, геническая, орѣховская, керченская.

33) Въ Тамбовской—борисоглѣбская группа.

- 34) Въ Тверской—тверской комитетъ.
 35) Въ Тульской—тульскій комитетъ.
 36) Въ Уфимской—уфимскій комитетъ.
 37) Въ Харьковской—харьковскій комитетъ (объединившіеся «большевики» и «меньшевики»); сумская группа.

38) Въ Херсонской—съ одесскимъ и николаевскимъ градоначальствомъ—одесскій комитетъ («большевики»), одесская группа («меньшевики», издававшая въ собственной подпольной типографіи газету «Пролетарское Дѣло»). 6-го ноября 1905 года на собраніи 1.500 организованныхъ рабочихъ обѣихъ фракціи—комитета и группы—вотировано было полное сліяніе большевиковъ и меньшевиковъ подъ именемъ «объединеннаго одесскаго комитета російской с.-д. рабочей партіи», и выработанъ уставъ, помѣщенный въ № 1 газеты «Начало». Николаевскій комитетъ, херсонскій комитетъ, елисаветградскій комитетъ, издававшій въ собственной подпольной типографіи газету «Голосъ Рабочихъ»; александрійская организація, вознесенская организація.

39) Въ Черниговской—черниговская группа.

40) Въ Ярославской—рыбинская, ростовская, ярославская организаціи.

41) На Кавказѣ—кубанскій комитетъ и группы—екатеринодарская, поворосійская, ставропольская, армавирская, ейская, майкопская, составляющія сѣверо-кавказскій союзъ («меньшевики»).

Въ сентябрѣ отъ сѣверо-кавказскаго союза выдѣлился на правахъ комитета союзъ служащихъ на линіи Владикавказской желѣзной дороги, причемъ комитетъ сѣверо-кавказскаго союза принялъ во вниманіе слѣдующее: что мѣстныя условія социаль-демократической дѣятельности требуютъ объединенія желѣзнодорожнаго пролетаріата въ особую организацію, что посредствомъ этой организаціи можно будетъ осуществить захватъ желѣзнодорожныхъ путей и что таковой захватъ создастъ могучее орудіе вліянія на предпринимателей и правительство, а въ моментъ революціи послужить средствомъ передвиженія боевыхъ организаціонныхъ силъ.

При сѣверо-кавказскомъ союзѣ, въ цѣляхъ подготовки вооруженнаго возстанія, образовалась «военно-техническая группа».

Кромѣ того, на Кавказѣ дѣйствовали: бакинскій комитетъ, союзъ бакинскихъ рабочихъ, тифлиссскій комитетъ, терско-дагестанскій комитетъ; мѣстными организаціями въ собственной подпольной типографіи издавалась газета «Пролетарская Борьба».

Въ Сибири—иркутскій комитетъ, красноярскій комитетъ, томскій комитетъ, читинскій комитетъ, образовывавшіе «сибирскій союзъ». Мѣстными организаціями въ собственной подпольной типографіи издавалась газета «Сибирскій Летучій Листокъ».

Въ Харбинѣ—харбинская группа.

Кромѣ вышеупомянутыхъ областныхъ организацій сѣверо-кавказскаго и сибирскаго союзовъ, существовали въ тѣ дни слѣдующія еще областныя организаціи:

1) сѣверный комитетъ, въ который входили группы: иваново-вознесенская, вологодская, костромская, рыбинская, ростовская, ярославская; 2) сѣверо-западный, имѣвшій собственную подпольную типографію—витебская группа, двинскій комитетъ, виленская группа, минская группа, бобруйская организація, Ковенская и Гродненская губерніи; центръ въ городѣ Минскѣ; 3) полѣвскій, издававшій въ собственной подпольной типографіи «Полѣвскій Листокъ»,—гомельская группа, черниговская группа, пинская группа.

Борьба съ дѣятелями «россійской социаль-демократической рабочей партіи» выразилась, по свидѣтельству министра юстиціи, въ пѣломъ рядѣ обысковъ и арестовъ, изъ которыхъ важнѣйшіе съ 1-го марта 1905 года были слѣдующіе:

Бобруйскъ. 3-го мая въ Бобруйскѣ взята типографія, печатавшая воззванія разныхъ социаль-демократическихъ группъ.

Двинскъ. 22-го августа арестованы съ вещественными доказательствами восемнадцать лицъ и въ числѣ ихъ руководящіе дѣятели «двинскаго комитета»: Юрій Фридландъ, Исаакъ Историкъ, Самуиль Коварскій, Альбертъ Сливкинъ, Симха Шкудовичъ.

Екатеринославъ. 1-го апрѣля на собраніи изъ девяти лицъ задержанъ революціонный дѣятель, отказавшійся назвать себя и оказавшійся, по установкѣ, неоднократно привлекавшимся къ дознанію Викторомъ Вановскимъ.

13-го апрѣля взяты двѣ типографіи мѣстнаго комитета; десять тысячъ экземпляровъ воззваній, арестованы три лица съ пятью подложными паспортами.

Казань. 15-го марта подвергнуты обыскамъ лица, входившія въ составъ «соединенной группы учащихся среднихъ школъ города Казани». Взяты мимеографъ и гектографъ, свыше тысячи отпечатанныхъ воззваній и разныя революціонныя изданія. Арестовано пять лицъ.

27-го іюня взята типографія «казанскаго комитета».

6-го іюля взяты складъ изданій, двѣ тысячи экземпляровъ упомянутой группы учащихся; взята печать группы.

Кишиневъ. 5-го апрѣля взята типографія одесской группы и три тысячи экземпляровъ воззваній; арестовано четыре лица.

Кіевъ. 10-го марта въ квартирѣ Леонтьевыхъ взяты транспортъ социаль-демократическихъ изданій и арестованъ транспортеръ Розенфельдъ.

22-го марта арестовано двадцать два лица, прикосновенныхъ къ дѣятельности мѣстнаго комитета. Взята типографія и восемь

тысячъ отпечатанныхъ воззваній въ квартирѣ повивальной бабки Бетей-Сафьянъ.

15-го сентября арестованы на собраніи тридцать восемь лицъ, въ томъ числѣ два солдата, явившихся представителями всѣхъ районовъ «кіевского комитета», собравшихся для выборовъ членовъ комитета. Обысканы и обнаружено: печать, складъ литературы, гектографъ, мимеографъ, рукописи воззваній.

Москва. 29—30-го апрѣля арестовано тринадцать лицъ.

27-го іюня въ квартирѣ почтово-телеграфнаго чиновника Виктора Муравьева застигнуты за работой заграничнаго транспорта социаль-демократическихъ изданій четыре лица. Въ магазинѣ Ляпиной найдены нелегальные изданія и типографскія принадлежности, причемъ арестованы крестьянинъ Куличинъ, дочь священника Вѣра Преткова, окончившій московскій университетъ Мееръ Денбо и мѣщанка Вѣшковская.

25-го іюля подвергнуты обыскамъ двадцать лицъ, составлявшихъ при «московскомъ комитетѣ» группу, имѣвшую своей задачей пропаганду среди нижнихъ чиновъ. Руководитель группы—сынъ чиновника Алексѣй Медвѣдниковъ, у котораго отобрано оружіе и тысяча пятьсотъ рублей комитетскихъ денегъ, и наиболее видные дѣятели: дворянинъ Николай Рыковский, мѣщанинъ Халпахчи, зубной врачъ Амалія Рабиновичъ, купеческій сынъ Абрамъ Гермонтъ—были арестованы.

14-го августа взята хорошо оборудованная типографія «московской группы», печатавшая газету этой группы «Московскій Рабочій Листокъ». Арестовано два лица.

Нахичевань. 15-го марта въ городѣ Нахичевани на Дону взята въ разборѣ типографія «донского комитета» съ печатными воззваніями: «Чему у насъ учать стачки», «Царизмъ наканунѣ всенароднаго возстанія». Отобрано девять тысячъ экземпляровъ воззванія «Первый шагъ». Арестовано девять лицъ.

Нижній-Новгородъ. 8-го іюля взята типографія «нижегородскаго комитета». Арестовано пять лицъ.

Новозыбковъ. 1-го марта обнаружена тайная типографія «полѣскаго комитета».

Новороссійскъ. 20-го іюля взята типографія «новороссійской группы кубанскаго комитета». Арестовано три лица.

Одесса. 8-го іюля взята типографія «одесскаго комитета».

С.-Петербургъ. 22-го марта взята типографія «петербургской группы центрального комитета» («меньшинство»), помѣщавшаяся въ квартирѣ зубного врача мѣщанки Хай-Сары Кофьянъ.

5—7-го апрѣля произведено шестьдесятъ обысковъ. Взяты три типографіи: двѣ «комитетскія», устроенныя студентомъ Александромъ Заблоцкимъ при участіи студента Петра Кирноса; третья—

«группы», главнымъ дѣятелемъ которой былъ студентъ Константинъ Жерновецкій. Всѣ лица арестованы.

15-го апрѣля обыскано девятнадцать лицъ, прикосновенныхъ къ «боевой дружинѣ», образованной «петербургской группой» («меньшинство») въ цѣляхъ подготовки вооруженнаго возстанія. У одного изъ арестованныхъ, прибывшаго изъ Баку Чеховскаго, обнаружена рукопись и планъ проекта дѣйствій дружины во время возстанія.

22-го апрѣля застигнуто собраніе пяти лицъ, принадлежавшихъ къ «петербургской группѣ». У одного, студента Сергѣя Завалишина, отобрано оружіе и удостовѣреніе на право сбора денегъ для пріобрѣтенія оружія.

21-го мая задержаны на собраніи шесть руководителей «боевыхъ дружинъ», организуемыхъ «петербургской группой». Изъ нихъ двое оказались бѣжавшими съ мѣста ссылки Наумомъ Коганомъ и Михаиломъ Лурье. Въ связи съ этимъ 28-го мая въ деревнѣ Выра Царскосельскаго уѣзда, въ квартирѣ студента Роберта Аудерпа и отставнаго чиновника Владимира Андрушевскаго обнаружена лабораторія для изготовленія взрывчатыхъ снарядовъ. Отобрано готовыхъ восемь ручныхъ бомбъ, двадцать двѣ неснаряженныхъ, вещества для изготовленія свыше ста взрывчатыхъ снарядовъ, а также соотвѣтственное руководство. Техникомъ былъ Аудеръ. Эти снаряды предназначались для метанія въ чиновъ полиціи и въ войска при демонстраціи, которую около того времени «петербургская группа» полагала устроить въ Павловскѣ. Принадлежавшія къ организационному кружку по устройству демонстраціи Марія Заводовская и Валентина Рождественская были задержаны.

1-го іюня въ квартирѣ присяжнаго повѣреннаго Ильи Денисовича, задержано было собраніе руководящихъ дѣятелей «петербургской группы» и въ ихъ числѣ пріѣхавшій изъ-за границы въ качествѣ делегата нелегальный, оказавшійся по провѣркѣ студентомъ Александромъ Эссенемъ.

2-го іюня задержанъ транспортъ революціонной литературы (двѣ тысячи триста экземпляровъ).

17-го іюня арестованы семнадцать активныхъ дѣятелей «петербургскаго комитета» («большинство») и въ числѣ ихъ слушательница медицинскаго института Анна Маркевичъ, домашняя учительница Александра Гусарева, студентъ Николай Чечевицынъ, студентъ Николай Богдановъ, рабочій Романовъ, нелегальный съ паспортомъ на имя Сверчкова, нелегальный съ паспортомъ на имя Савелькина. [*)

22-го іюня арестованы двадцать одинъ дѣятель «петербургской группы» и въ числѣ ихъ проживающій по подложному паспорту одинъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей группы Сергѣй Цедербаумъ, братъ организатора всей фракціи «меньшинства» Юлія Цедер-

баума («Мартова»).—Въ квартирѣ крестьянина Лихштейна взята въ работѣ подпольная типографія. Обысками установлено, что «петербургская группа» приспособила для своихъ цѣлей легальную типографію Павловыхъ.

7-го августа задержаны двадцать три лица—пропагандисты группы. Взята въ работѣ типографія.

6-го августа арестованы члены «боевой дружины» инженеръ-электротехникъ Евгений Дурново, крестьяне Панфиленко, Чураковъ. По обыскамъ отобраны вещества для изготовленія разрывныхъ снарядовъ и двѣ готовыхъ ручныхъ бомбы.

13—14-го сентября арестованы въ числѣ сорокъ одного лица—дѣятели «петербургской группы». Въ квартирѣ повивальной бабки Ханы Магаричъ взята типографія, въ томъ числѣ и наборъ новой газеты «Голосъ социаль-демократа» и прокламація «Миръ».

Самара. 24-го іюня взята типографія, въ помѣщеніи которой оказалось множество подложныхъ паспортовъ. Арестовано два лица.

Саратовъ. 9-го іюля взята типографія мѣстнаго комитета съ наборомъ перваго номера газеты «Пролетарская Борьба». Арестовано три лица.

Тифлисъ. 4-го іюня въ слесарной мастерской Дорнспона Хелая взяты типографія «тифлисскаго комитета» и его библіотека въ количествѣ четырехъ тысячъ четыреста сорока шести экземпляровъ. Хелай и его ближайшіе соучастники Кажечадзе и Габунія арестованы.

Харьковъ. 19-го августа въ квартирѣ студента Николая Трапезникова найденъ типографскій шрифтъ и складъ изданій комитета.

Ярославль. 2-го августа въ аптекѣ Моргона взята хорошо оборудованная типографія, печатныя изданія центрального комитета. Арестованы помощникъ провизора, аптеки Давидъ Либерманъ, его жена и сынъ чиновника Карасевъ.

XXIII.

Министръ юстиціи обрисовалъ въ общихъ чертахъ характеръ русской социаль-демократической партіи, какъ опредѣленной силы, приводившей въ движеніе въ революціонные дни 1905 года рабочую массу. Но партія, какъ таковая, съ ея подотдѣлами или, правильнѣе, подраздѣленіями на «меньшевиковъ» и «большевиковъ», не могла руководить, реально предводительствовать тѣмъ или инымъ выступленіемъ рабочихъ въ опредѣленномъ направленіи и въ опредѣленный моментъ. Для этого ей слѣдовало располагать болѣе гибкимъ органомъ, приспособленнымъ къ близкому воздѣйствію на «пролетаріатъ», болѣе ему родственнымъ, близкимъ и въ его глазахъ авторитетнымъ. Такимъ органомъ и явился совѣтъ рабочихъ депутатовъ съ его исполнительнымъ комитетомъ, предсѣ-

дательствуемымъ Хрусталевымъ-Носаремъ, во главѣ. Очерчивая въ послѣдствіи дѣятельность этого органа рабочей власти, получившаго въ нашей литературѣ наименованіе «правительства Носаря», Б. Радинъ, лицо, освѣдомленное въ ходѣ событій тѣхъ дней, такъ опредѣляетъ соотношеніе между этимъ совѣтомъ и социаль-демократической партіей въ своей брошюрѣ «Первый совѣтъ рабочихъ депутатовъ», составленной изъ нѣскольکو дополненныхъ статей, первоначально печатавшихся въ журналѣ «Образованіе» за 1906 годъ. Авторъ говоритъ: «Исторія перваго совѣта... указываетъ на то, что вся его сила заключалась въ томъ «мобилизованномъ» состояніи, въ какомъ находилась рабочая масса во время октябрьскихъ событій. Митинговый вихрь, всеобщая стачка, борьба за восьмичасовой рабочей день, ноябрьская манифестація, почтово-телеграфная забастовка и другія выступленія революціонныхъ массъ питали совѣтъ, создавали почву для его дѣятельности. Не совѣтъ вызываетъ боевое выступленіе массъ, а, наоборотъ, самъ онъ является его дѣтищемъ.

«Эта революціонная активность рабочихъ массъ не только служитъ почвой для возникновенія такихъ органовъ, какъ совѣты, но обезпечиваетъ также необходимую для ихъ функціонирования «легальность». Все прошлое нашихъ конспиративныхъ организацій показало, что въ подпольѣ невозможно создать хоть сколько-нибудь серьезную массовую организацію. Это было всегдашнимъ несчастьемъ русской социаль-демократіи. Но его избѣжалъ первый совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Во время сентябрьскихъ митинговъ и октябрьской стачки петербургскій пролетаріатъ фактически пользовался свободой собраній. Въ «дни свободъ», находясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пораженія, правительство не мѣшало совѣту открыто вести свою работу. Рабочіе депутаты безпрепятственно организовывали районные штабы, постоянно давали на заводскихъ митингахъ отчеты своимъ избирателямъ, печатали въ газетахъ протоколы своихъ засѣданій и этимъ укрѣпляли ту тѣсную духовную связь съ массами, безъ которой невозможна никакая широкая пролетарская организація. Уйди совѣтъ въ подполье, законспирируй свою дѣятельность, онъ лишился бы того беззавѣтнаго довѣрія массъ, благодаря которому самые отсталые слои охотно подчинялись каждому его декрету...

«Первый совѣтъ организовался благодаря социаль-демократіи и работалъ все время въ полномъ согласіи съ партіей. Но среди партійныхъ товарищей многіе тогда относились недовѣрчиво къ безпартійному характеру совѣта. Теперь обѣ фракціи одинаково признаютъ необходимость подобныхъ «нейтральныхъ» организацій и въ своихъ тактическихъ резолюціяхъ прямо подчеркиваютъ то громадное значеніе, которое онѣ могутъ имѣть въ дальнѣйшемъ ходѣ революціи. Приводимъ здѣсь двѣ резолюціи, предложенныя

объединенному съѣзду р. с. д. р. п. въ апрѣлѣ 1905 года «большевиками» и «меньшевиками», какъ ярко характеризующія это отношеніе партіи къ совѣту. Резолюціи эти не были рассмотрѣны съѣздомъ, но значеніе ихъ отъ этого нисколько не уменьшается. Начнемъ съ меньшевистской:

«Принимая во вниманіе: 1) что пролетаріатъ при всѣхъ своихъ революціонныхъ выступленіяхъ нуждается въ органахъ, которые, связывая во-едино самыя широкія рабочія массы и опираясь на ихъ довѣріе, руководили бы его дѣйствіями и въ то же время давали возможность согласовать въ интересахъ революціи борьбу революціонной и оппозиціонной части народа;

«2) руководя отдѣльными выступленіями широкихъ пролетарскихъ массъ и содѣйствуя росту ихъ боевой готовности, тѣмъ расширяютъ основы для плодотворнаго воздѣйствія на нихъ социаль-демократіи и для дальнѣйшаго успѣха революціи;

«3) эти органы только тогда могутъ цѣлесообразно выполнять свою задачу, когда они съ самаго начала объединяютъ самыя широкія пролетарскія массы, сохраняютъ это единство во все продолженіе своей дѣятельности, постоянно выдвигая на первый планъ общія цѣли борьбы, диктуемыя всему пролетаріату даннымъ соотношеніемъ общественныхъ силъ и, наконецъ, принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не оставить пролетаріатъ изолированнымъ,—

«мы признаемъ и предлагаемъ совѣту признать, что социаль-демократическая партія обязана не только поддерживать стихійно возникающія беспартійныя пролетарскія организаціи такого рода, какъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ, но и содѣйствовать созданію ихъ въ моменты революціоннаго подъема, помогая имъ въ то же время въ выполненіи всѣхъ лежащихъ на такихъ организаціяхъ задачъ».

«Меньшевики» придаютъ совѣту главнымъ образомъ значеніе органа, объединяющаго широкія пролетарскія массы при боевыхъ выступленіяхъ, представляющаго интересы этихъ массъ передъ остальнымъ населеніемъ. Нѣсколько шире смотрятъ на задачи совѣта «большевики». Они особенно подчеркиваютъ ихъ значеніе, какъ зародышевыхъ органовъ революціонной власти. Резолюція, предложенная ими совѣту, гласитъ:

«Принимая во вниманіе:

«1) что совѣты рабочихъ депутатовъ стихійно возникаютъ на почвѣ массовыхъ политическихъ стачекъ, какъ беспартійныя организаціи широкихъ народныхъ массъ;

«2) что эти совѣты неизбѣжно измѣняются въ ходѣ борьбы, какъ по своему составу, включая въ себя наиболѣе революціонные элементы мелкой буржуазіи, такъ и по содержанію своей дѣятельности, превращаясь изъ чисто стачечныхъ организацій въ органы общереволюціонной борьбы;

«3) что, поскольку эти совѣты являются зачатками революціонной власти, ихъ сила и значеніе зависятъ всецѣло отъ силы и успѣха возстанія,—

«мы признаемъ и предлагаемъ совѣту признать:

«1) что въ безпартійныхъ совѣтахъ рабочихъ депутатовъ р. с. д. р. п. должна участвовать, образуя непремѣнно возможно болѣе сильныя группы членовъ партіи внутри каждаго совѣта и направляя дѣятельность этихъ группъ въ строгой связи съ общей дѣятельностью партіи;

«2) что созданіе такихъ организацій, въ цѣляхъ расширенія и углубленія вліянія социаль-демократіи на пролетаріатъ и пролетаріата на ходъ и исходъ демократической революціи, можетъ быть, при извѣстныхъ условіяхъ, задачей мѣстныхъ организацій нашей партіи;

«3) что къ участию въ безпартійныхъ совѣтахъ рабочихъ депутатовъ должно привлекать возможно болѣе широкіе слои рабочихъ, а также представителей революціонной демократіи, особенно изъ крестьянъ, солдатъ и матросовъ;

«4) что при расширеніи дѣятельности и сферы вліянія совѣтовъ рабочихъ депутатовъ необходимо указывать на то, что такія учрежденія, не опираясь на революціонную армію и не свергая правительственныхъ властей (т. е. не превращаясь во временныя революціонныя правительства), неизбѣжно осуждены на паденіе; поэтому вооруженіе народа и укрѣпленіе военной организаціи пролетаріата должно быть разсматриваемо, какъ одна изъ главныхъ задачъ такихъ учреждений во всякій революціонный моментъ».

Такимъ образомъ, и «большевики», и «меньшевики», оставивъ въ сторонѣ свои партійныя разногласія, объединились въ революціонныхъ цѣляхъ для борьбы съ существующимъ порядкомъ вещей. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ явился именно тѣмъ центромъ объединенія и орудіемъ приведенія въ движеніе въ опредѣленномъ революціонномъ направленіи пролетарской массы. Ходъ событій въ скоромъ времени выдвинулъ и для социаль-демократической партіи и для ея административнаго органа—совѣта депутатовъ—и вторую задачу: борьбу съ объединившимися на почвѣ манифеста 17-го октября либеральными партіями и партіями консервативными, такъ называемыми «черносотенными», ставшими въ оппозицію къ этому манифесту. Этотъ послѣдній, оставивъ безъ разсмотрѣнія вопросъ объ его историческомъ и общегосударственномъ значеніи, явился тѣмъ началомъ, которое создало разслоеніе существовавшихъ къ моменту 17-го октября политическихъ партій и группъ, бросившихся въ ожесточенную борьбу другъ съ другомъ и въ борьбу съ социаль-демократіей и пролетаріатомъ въ частности. Правящія сферы въ этой борьбѣ получили своего рода передышку, обрѣли возможность выйти изъ состоянія дезорганизаціи, со-

браться съ силами и дать отпоръ всёмъ тѣмъ социальнымъ группамъ, которыя незадолго передъ тѣмъ вызвали эти силы на ком-промиссъ—обнародованіе манифеста 17-го октября 1905 года.

Развернувшуюся картину борьбы всёхъ партій нѣкто П. Стрѣльскій, повидимому близко стоявшій къ тогдашнему революціонному движенію, въ очень пристрастной и грубо составленной, но тѣмъ не менѣе не лишенной наблюдательности и мѣткости выводовъ брошюрѣ «Партіи и революція 1905 года» такъ ее обрисовываетъ: «Пролетарская революція не могла остановиться на 17 октября. Для народа октябрьскій манифестъ былъ только обязательствомъ правительства, и предстояло еще взыскать съ правительства народную свободу по этому обязательству. Рабочія массы понимали это и воспользовались «свободой» прежде всего для того, чтобы организовать свои революціонныя силы. Если часть населенія и была склонна преждевременно праздновать побѣду, то провинціальныя погромы и сточлиныя нападенія войскъ на толпу вывели его изъ мечтательнаго настроенія. Кличемъ дня уже съ 18-го октября стала «милиція». Въ этотъ день въ послѣдній разъ боевой пролетарскій кличъ былъ подхваченъ массами организованной разночинной демократіи. Всѣ собранія союзовъ этого дня въ Петербургѣ постановили поручить организацію милиціи руководству совѣта рабочихъ депутатовъ. Разночинная демократія ввѣряла охрану свободы въ надежныя руки представителей рабочаго класса. Но рѣшенію этому не суждено было осуществиться. На это не соизволила дать своего согласія промышленная буржуазія. Петербургская, московская и провинціальныя думы отклонили предложеніе гражданъ объ организаціи милиціи. Засѣдавшіе въ думахъ представители городского капитала галлюцинировали призракомъ социальной революціи. Старое правительство казалось уже не страшнымъ, а самодержавіе революціи рисовалось имъ грознымъ призракомъ, и они не дали ей возможности организовать вооруженную самозащиту.

«Отъ правительства правящіе классы вмѣстѣ со всёмъ народомъ были защищены однимъ только листомъ бумажной конституціи. Отъ рабочихъ массъ ихъ владѣльческіе интересы были защищены цѣлымъ рядомъ преградъ: силами капитала, неподвижностью среднихъ слоевъ населенія, сознательностью передовыхъ рабочихъ, которые были далеки отъ революціоннаго самообольщенія, отъ мысли сломить могущество капитала. Политическіе скряги не поняли этого. Страхъ передъ пролетарской мощью одеревенилъ имъ глаза и уши. Они положились на прочность «листа бумаги» и, наоборотъ, стали мнительно ограждать себя со стороны массъ. Началась борьба буржуазныхъ партій, но не борьба ихъ противъ черносотенныхъ группъ и правительства, а противъ организованныхъ социаль-демократіей рабочихъ массъ. Отъ торгово-промышленнаго класса не отставали земскіе дѣятели, увлекая за собою и разночинцевъ. Этими либералами довершили разложеніе демократическаго объеди-

ненія союза союзовъ и на обломкахъ его и земско-городскихъ съѣздахъ построили свою «партію народной свободы».

«На учредительномъ съѣздѣ этой партіи въ дни октябрьской революціи было установлено, что вопросъ идетъ о томъ, какъ замѣнить «стихійный взрывъ» мирнымъ движеніемъ. А черезъ мѣсяць, въ дни мирной, голодной борьбы рабочихъ за восьмичасовой рабочій день, въ партіи народной свободы подъ громъ аплодисментовъ говорилось слѣдующее: «необходимо бороться со всеми теченіями, стремящимися принизить культуру(!), не страшась никакихъ обвиненій... Страшна хозяйственная дезорганизація страны!»¹⁾ Еще черезъ недѣлю тотъ же ораторъ партіи на учредительномъ собраніи петербургскаго отдѣла бросаетъ ей, ничего «не страшась», обвиненіе социаль-демократической партіи въ томъ, что она «проповѣдуетъ принципіальную дезорганизацію общества», иными словами—проповѣдуетъ разрушеніе общества. Поэтому ораторъ зоветъ партію итти походомъ въ рабочіе кварталы отвоевывать себѣ у нея членовъ въ свою партію.

«Каковы же были въ самомъ дѣлѣ «преступленія» социаль-демократіи въ теченіе октября и ноября 1905 года?

«Прежде всего нужно замѣтить, что съ октябрьскихъ дней слабая до того времени социаль-демократическая партія охватила, организовала рабочее движеніе столицъ, фабричныхъ и портовыхъ городовъ, а мѣстами даже и сельское населеніе уѣздовъ. Стало быть, нападки на нее относились къ рабочему движенію. И именно за то, что она и революціонное рабочее движеніе были тождественны, именно за это она и подвергалась нападкамъ враговъ революціи. Теоретическій социализмъ ея тутъ былъ ни при чемъ. Другая социалистическая партія (соціалистовъ-революціонеровъ) далеко не такъ занимала и раздражала буржуазныхъ политиковъ. Это объясняется тѣмъ, что социаль-революціонная партія не представляла собой рабочаго движенія.

«На примѣрѣ Петербурга можно видѣть, что рабочее движеніе этого періода революціи было социаль-демократическимъ. Рабочіе столицы собрались въ дни октябрьской стачки по заводамъ и фабрикамъ и избрали своихъ депутатовъ. 13-го октября было первое засѣданіе делегатовъ, 14-го октября на собраніи присутствовали делегаты сорока заводовъ, союза конторщиковъ и дѣятелей печатнаго слова, а на третьемъ засѣданіи совѣта уже 226 депутатовъ отъ 94 предприятий, представители объединеннаго стачечнаго комитета желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ и пяти профессиональныхъ союзовъ. И этотъ «совѣтъ рабочихъ депутатовъ» состоялъ преимущественно изъ социаль-демократовъ. Но пользовался ли онъ

¹⁾ П. Б. Струве на собраніи членовъ конст.-демократической партіи 11-го ноября 1905 г.

вліяніємъ на массы? Вліяніе это было огромно. Объявляемая совѣтомъ стачка немедленно охватывала заводы и фабрики. Передъ его представителями открывались двери всѣхъ типографій для печатанія его «Извѣстій». Бывали случаи, когда участки открывали двери арестованнымъ по первому требованію совѣта. Когда хулиганы въ союзѣ съ полиціей назначили на 30-е октября въ Петербургѣ погромъ, совѣту достаточно было обратиться съ воззваніемъ къ пролетаріату, и всѣ заводы сразу превратились въ оружейныя мастерскія; въ одинъ день петербургскій пролетаріатъ вооружился въ достаточной мѣрѣ, чтобы дать отпоръ черной сотнѣ, если она не будетъ дѣйствовать подъ явнымъ и очевиднымъ прикрытіемъ войскъ. И этотъ совѣтъ «чутко прислушивался къ голосу социаль-демократіи». Въ Москвѣ и большихъ провинціальныхъ городахъ тоже возникли совѣты рабочихъ депутатовъ и также были социаль-демократическими. Тамъ, гдѣ совѣтъ не успѣлъ развиться, во главѣ рабочаго движенія безраздѣльно стоялъ комитетъ социаль-демократической партіи. Социаль-демократія и рабочее движеніе, повторяемъ, слились воедино. Это была «рабочая партія» въ полномъ смыслѣ этого слова. Не было «якобинцевъ», которые, очертя голову, вели рабочіе массы въ «безумную борьбу». Были представительныя учрежденія, избранныя сотнями тысячъ, обсуждавшія каждый свой шагъ при полной гласности своихъ засѣданій, не скрываясь даже отъ полиціи. Поэтому всѣ обвиненія противъ социаль-демократіи революціоннаго времени относятся прямо къ рабочему классу, къ рабочей революціи. Эта революція, дѣйствительно, стремилась осуществить ближайшія требованія социаль-демократической программы. И среди этихъ требованій были и «демократическая республика», и «восьмичасовой рабочей день». Требованіе «демократической республики» было подхвачено рабочими въ противоположность всѣмъ остальнымъ буржуазнымъ партіямъ. Оно сдѣлалось дѣйствительнымъ рабочимъ требованіемъ. Но развѣ въ октябрьскіе, ноябрьскіе и декабрьскіе дни шла борьба непосредственно за республику противъ монархіи? Нѣтъ. Борьба шла за «учредительное собраніе противъ правительства»...

XXIV.

По словамъ г. Стрѣльскаго, «враги революціи—и первые изъ нихъ либералы изъ партіи народной свободы—обвиняютъ рабочую революцію въ «дезорганизаціи общества». Какъ же, напримѣръ, петербургскій пролетаріатъ «дезорганизовалъ общество»? На октябрьскій манифестъ совѣта рабочихъ депутатовъ отвѣтилъ прекращеніемъ стачки. Затѣмъ онъ организовалъ самозащиту и защиту гражданъ отъ ожидаемыхъ черносотенскихъ погромовъ. Это онъ дѣлалъ въ защиту личной неприкосновенности гражданъ. Подъ его руко-

водствомъ стало со страшной быстротой развиваться профессиональное объединеніе столичныхъ рабочихъ. Это было осуществленіе свободы союзовъ. Создавались профессиональные и партійные (и даже внѣпартійные) клубы, т. е. собранія въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, что должно быть принято самымъ сдержаннымъ образомъ пользованіемъ свободой собраній и слова. Пролетаріатъ не сталъ пренебрегать отвоеванными свободами. Не хватало ему одной свободы: личной, тѣлесной. Ея ему не дала октябрьская конституція. Она не ограничила часовъ его ежедневнаго заключенія въ заводахъ и фабрикахъ. Но въ распоряженіи рабочихъ была свобода стачекъ, т. е. свобода сговора противъ условій найма, свобода отъ старыхъ договорныхъ условій. До октября даже и буржуазные политики не отказывали рабочимъ въ этомъ правѣ; они отстаивали его передъ властями. Но вотъ рабочіе скопомъ и по уговору сокращаютъ на одинъ, два, три часа, до восьмичасоваго, свой рабочій день въ «дни свободы». И что же? Либеральная буржуазія и ея сподручные газетчики объявляютъ это «соціальной революціей». Хозяева заводовъ и фабрикъ при содѣйствіи властей закрываютъ заводы и фабрики и выбрасываютъ на мостовую многія тысячи рабочихъ и ихъ семействъ. Они, эти недавніе защитники «невмѣшательства въ договорныя отношенія», прибѣгаютъ къ полицейскому покровительству. Стало очевидно, что промышленники не прочь пользоваться закономъ и властью для защиты своихъ интересовъ; но они противъ подобной защиты интересовъ рабочихъ. Такъ борьба въ «дни свободы» учила понимать программы различныхъ партій торгово-промышленнаго класса съ ихъ широкими обѣщаніями по адресу рабочихъ.

«Но столичный пролетаріатъ не ограничивался борьбой за свои классовыя свободы и права. Онъ прежде всего и главнымъ образомъ боролся противъ произвола октябрьскаго правительства. 2-го ноября рабочія массы Петербурга по призыву совѣта рабочихъ депутатовъ начали новую забастовку съ требованіями отмены военнаго положенія въ Польшѣ и отмены военнаго суда надъ возставшими кронштадтскими матросами. Въ этой стачкѣ рабочія массы столицы были уже одиноки. Разночинная демократія въ лицѣ союза союзовъ ей только «сочувствовала». Зато «партія народной свободы» обрушилась на забастовщиковъ съ жесточайшими осужденіями. 11-го ноября на собраніи членовъ этой партіи Струве призывалъ бороться съ подобными стачками, которыя губятъ, по его мнѣнію, страну. А еще черезъ недѣлю на упомянутомъ выше учредительномъ собраніи петербургскаго отдѣла партіи члены ея, пугаясь призрака рабочей революціи, отказываются отъ демократическихъ требованій партійной программы. Струве заявляетъ, что можно быть членомъ конституціонно-демократической партіи и стоять за двустепенные выборы. Либералы рвутъ послѣднія связи съ революціоннымъ народомъ, отказываются на ноябрьскомъ земско-городскомъ съѣздѣ

отъ требованія учредительнаго собранія, отказываются отъ него и на послѣдующемъ съѣздѣ партіи, всѣми силами увлекаютъ за собою разночинную и даже рабочую демократію въ борьбу противъ революціи и называютъ это «организаціей общественнаго мнѣнія». Положимъ, походъ, объявленный ими въ пролетарскую среду, не очень-то удался. На рядѣ собраній, особенно въ Москвѣ (18-го ноября на собраніи приказчиковъ въ Акваріумѣ, 22-го ноября на митингѣ городскихъ служащихъ и т. д.), ораторы ихъ тщетно нападаютъ на требованіе республики, на призывъ къ возстанію; вопреки имъ тысячи голосовъ подаются за то и другое, и ораторовъ «партіи народной свободы» встрѣчаютъ свистки и протесты. Но, если за либералами этой партіи не идутъ пролетаріи, зато разночинная демократія перебѣгаетъ къ нимъ изъ всевозможныхъ союзовъ. Массы остаются одинокими въ революціонной борьбѣ; средніе слои теперь уже за ними не слѣдуютъ.

«Все готово для побѣды правительства надъ революціей. 26-го ноября власти арестуютъ предсѣдателя совѣта рабочихъ депутатовъ Хрусталева. 3-го декабря войска, полиція, жандармы окружаютъ и арестуютъ открытое собраніе совѣта изъ двухсотъ депутатовъ. Аресты растутъ, преслѣдованія учащаются. Черносотенцы наглѣютъ. 22-го ноября извѣстный ораторъ Русскаго собранія Б. В. Никольскій выступаетъ передъ гвардейскимъ Семеновскимъ полкомъ, призывая его къ контръ-революціи. И правительство возобновляетъ старый режимъ.

«Нѣтъ закона, нѣтъ свободы!» говоритъ декабрьское воззваніе совѣта рабочихъ депутатовъ и трехъ соціально-демократическихъ партій ко всему народу. «Именными указами и административными распоряженіями правительство отмѣняетъ и урѣзываетъ завоеванныя нами политическія права. Правительство конфискуетъ и закрываетъ газеты. Оно разгоняетъ собранія. Оно запрещаетъ союзы. Оно издало законъ, который назначаетъ наказанія за стачки. Оно отнимаетъ всѣ права у служащихъ желѣзныхъ дорогъ, почтъ и телеграфовъ. Оно производитъ аресты политическихъ дѣятелей во всей странѣ».

«Мы знаемъ, — говорятъ въ другомъ мѣстѣ «Извѣстія совѣта рабочихъ депутатовъ»:—что пока не установлено народное представительство, до тѣхъ поръ нѣтъ гарантій политическихъ правъ... Правительство хочетъ борьбы, такъ пусть же ему будетъ борьба... А правительство такъ хотѣло борьбы, что страшными притѣсненіями отвѣтило на почтово-телеграфную забастовку и начало въ Москвѣ борьбу противъ митинговъ вооруженной силой. Отступать передъ нимъ было безцѣльно. Это значило бы встрѣтить удары контръ-революціи при отступленіи, съ тылу. И Москва возстала.

«Московскій фабричный пролетаріатъ, интеллигентные пролетаріи, разночинцы-демократы смѣло, не оглядываясь назадъ, стали

на защиту народной свободы. Если бы они оглянулись назадъ, то увидали бы, что буржуазная демократія уже не идетъ за ними, а дѣятели земствъ и городовъ отстали еще сильнѣй, чѣмъ демократія. Представители союза союзовъ отвергли безъ обсуждения внесенное въ ихъ собраніи предложеніе поддерживать настоящее выступленіе революціоннаго пролетаріата. На этотъ разъ центральное бюро союза союзовъ оказалось неспособно на роль передового вождя разночинной демократіи. Оно уже не чувствовало за собой прежняго вліянія и власти и не рѣшалось дѣйствовать помимо отдѣльныхъ союзовъ. А въ отдѣльныхъ союзахъ вопросъ о такой поддержкѣ обсуждался еще въ сентябрѣ—октябрѣ и былъ рѣшенъ отрицательно. Но это рѣшеніе не помѣшало, однако, центральному бюро союза союзовъ обѣщать свою поддержку совѣту рабочихъ депутатовъ. Обѣщаніе не было исполнено.

«А гдѣ и когда покинули народъ либеральныя группы? Онѣ растеряли остатки своего либерализма передъ призракомъ рабочей коммуны и социальной революціи во время бѣгства изъ горящихъ усадебъ. Первый страхъ былъ болѣзненнымъ бредомъ владѣльческой алчности. Второй имѣлъ свое оправданіе. Дѣйствительно, либеральнымъ помѣщикамъ было чего испугаться. «Революціонный народъ» деревень заговорилъ. Но заговорилъ онъ не языкомъ почтительныхъ петицій, а страшнымъ языкомъ крестьянской революціи. Бѣдные потомки «шестидесятниковъ»! Не они ли, поколѣнье за поколѣньемъ, обсуждали и защищали крестьянскій вопросъ? Не они ли рѣшали его въ пользу крестьянъ *по мѣрѣ возможности*? И теперь на нихъ же обрушивается гнѣвъ «неблагодарныхъ крестьянъ». Красный пѣтухъ такъ же безпощадно грозитъ усадьбѣ либерала Петрункевича, какъ и усадьбѣ министра Дурново. Почему? Потому что теперь рѣшать крестьянскій вопросъ принялись сами крестьяне. И только. Въ шестидесятыхъ годахъ помѣщики рѣшали крестьянскій вопросъ. Они нашли возможнымъ урѣзать крестьянамъ худшую часть ихъ бывшихъ крестьянскихъ земель. Они не нашли возможнымъ отдать эту землю крестьянамъ безъ выкупа. Теперь либералы хотятъ надѣлать крестьянъ землей тоже «по мѣрѣ возможности». И вотъ они сами берутся опредѣлять степень этой возможности сначала по программѣ партіи народной свободы, потомъ въ государственной думѣ изъ ставленниковъ капитала и правительства. Но взрывъ нетерпѣнія заставляетъ крестьянство насильемъ осуществлять «возможность» захвата земли. Для нихъ возможность эта рождается въ революціонной борьбѣ и чудится въ слѣпомъ бунтарствѣ. Ужасъ и смятеніе охватываетъ дѣятелей земства передъ картиной разрушенія. Революціонный взрывъ можетъ быть предотвращенъ только уступками, но правительство вмѣсто осуществленія октябрьскихъ обѣщаній борется съ революціей насильемъ.

«Въ такихъ обстоятельствахъ, при такихъ тревогахъ земскіе

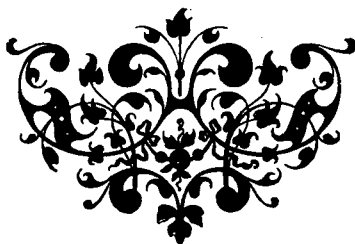
и городскіе дѣятели еще разъ собираются на объединенный съѣздъ въ Москвѣ, въ годовщину знаменитаго ноябрьскаго совѣщанія (6-го ноября 1905 года). «Не время раскалываться на партіи,—говоритъ на съѣздѣ делегатъ И. И. Петрункевичъ.—Когда гибнетъ страна, всѣ должны протянуть другъ другу руки. Я не социалистъ, но въ этотъ моментъ я готовъ и имъ протянуть руку, если только они признаютъ возможнымъ отказаться отъ классовыхъ интересовъ и объединиться для освобожденія отечества». Такъ продолжалъ тотъ же ораторъ. Но социалисты не отказались отъ интересовъ народа, и либералы не протянули имъ руки, а вмѣсто того подняли руку противъ революціи. Революцію съѣздъ назвалъ анархіей, а... правительство рѣшилъ поддержать. Онъ взялъ на себя роль спасителя отечества и отдалъ рѣшеніе судьбы отечества въ руки правительства. Онъ отказался отъ апрѣльскаго требованія учредительнаго собранія и высказался за «выработку конституціи Россійской имперіи первымъ собраніемъ народныхъ представителей *съ утвержденія Государя*». Самъ съѣздъ предрѣшалъ форму правленія, конституціонную монархію, а народныя массы онъ устранилъ отъ установленія основныхъ законовъ. Установленіе ихъ съѣздъ предоставилъ Императору. И эту борьбу противъ основныхъ правъ народа усиленно вели на съѣздѣ нѣкоторые изъ представителей партіи народной свободы.

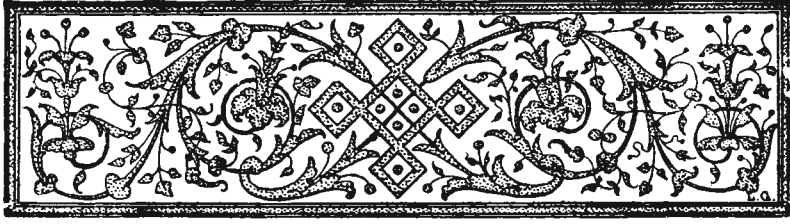
«Революціонный народъ былъ безвозвратно покинутъ представителями капитала и крупнаго землевладѣнія. Нѣмецкая буржуазная «Франкфуртская Газета» въ эти дни пишетъ о московскомъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей: «Среди нихъ не нашелся второй виконтъ де-Ноайль, который предложилъ бы отказаться своимъ товарищамъ отъ правъ и привилегій дворянства, какъ это было въ почъ на 4-е августа 1789 года. На московскомъ съѣздѣ тоже нѣтъ недостатка въ красивыхъ словахъ и громкихъ фразахъ, но тамъ не замѣтно того идеализма и воодушевленія, которое обнаруживали въ началѣ великой революціи всѣ французскія сословія: буржуазія, дворянство, духовенство». Да совершенно напрасно было бы искать на этомъ съѣздѣ самоотверженнаго де-Ноайля. Зато на немъ былъ А. И. Гучковъ, который заявилъ: «Я противъ отмѣны военнаго положенія». И вотъ, ради союза съ Гучковыми, «либералы» покинули революціонный народъ, отказались отъ требованія учредительнаго собранія. На ихъ призывъ къ объединенію имъ отвѣчали оскорбленіями. Кіевская дума отвѣтила черезъ полицію, что она считаетъ членовъ съѣзда самозванными представителями земствъ и городовъ. Гучковъ имъ доложилъ объ основаніи союза 17-го октября. А когда съѣздъ послалъ къ Витте делегатами Муромцева, Кокошкина и Петрункевича съ предложеніемъ политическихъ услугъ на извѣстныхъ условіяхъ, Витте даже не удостоилъ делегатовъ отвѣтомъ.

«Но правительство приняло къ свѣдѣнію состоявшійся актъ преждевременной смерти противоправительственнаго объединенія и послало въ Москву Дубасова, а въ Петербургѣ приготовило войска и пулеметы. Московское возстаніе было подавлено послѣ отчаянной защиты. Рабочія предмѣстья Петербурга поднялись на призывъ совѣта рабочихъ депутатовъ и социалистическихъ партій. Но Петербургъ буржуазно-демократическій не вышелъ имъ навстрѣчу. Сопrotивленіе властямъ оказалось невысмыслимо. И власти отпраздновали свою побѣду.... Цифра арестованныхъ росла и дошла до семидесяти двухъ тысячъ. Союзы подверглись гоненіямъ, собранія были запрещены. Черныя сотни продолжали вооружаться и становились со дня на день все наглѣе и наглѣе. Революціонная волна рушилась въ бездну...»

Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).





15 ЮЛЯ 1913 ГОДА ВЪ ОСТАФЬЕВЪ ¹⁾.



ВРКОЕ и прохладное утро обѣщало такой же свѣтлый и нежаркій июльскій день, назначенный для открытія еще трехъ памятниковъ тремъ гигантамъ русской мысли и слова тамъ, гдѣ скромно и красиво уже стоялъ открытый два года тому назадъ гранитъ «Карамзину».

Съ тѣхъ поръ здѣсь ничего не измѣнилось: такъ же стоитъ величавый, много знающій домъ, такъ же каждый его уголокъ говоритъ объ идейно-красивомъ прошломъ, такъ же замѣтна заботливая рука хозяина, свято берегущая для потомковъ завѣты дѣдовъ и отцовъ.

Только въ столѣтнемъ паркѣ стало тѣснѣе: противъ Карамзина у другого крыла стараго дома на гранитномъ пьедесталѣ утвердился князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, а въ глубинѣ парка, въ двухъ его концахъ на одинаковомъ разстояніи отъ дома выросъ Пушкинъ и запечатлѣнъ Жуковскій.

Четыре угла, четыре вѣчныя мысли, одѣтыя въ камень и бронзу, неслиянныя и нераздѣльныя.

— Архіерей ѣдетъ!—весело прозвучалъ чистый дѣтскій голосъ деревенскаго мальчика, проскакавшаго на не осѣдланной лошади мимо собравшейся у церкви толпы, и за вѣстникомъ въ клубахъ пыли показалась коляска преосвященнаго Анастасія, епископа серпуховскаго.

Это было въ одиннадцать съ половиною часовъ утра.

¹⁾ См. «Ист. Вѣстн.», 1911, авг., «18-е іюля 1911 года въ Остафьевѣ».

Торжество началось.

Къ остафьевской церкви, гдѣ шель краткій молебнъ, подъѣзжали московскіе и петербургскіе гости (свои пріѣхали наканунѣ),



Памятникъ А. С. Пушкину.

и отсюда крестнымъ ходомъ все направилась въ паркъ прямо къ памятнику Пушкина.

Иконы, хоругви, кресты, золото ризъ, слова и звуки церковныхъ пѣснопѣній мимо бѣлыхъ стѣнъ историческаго дома, среди зелени стараго парка...

Передъ моментомъ, когда должна была спастъ окутывавшая до сихъ поръ памятникъ пелена, епископъ Анастасій обратился къ «истор. вѣстн.», сентябрь 1913 г., т. сxxxiii.

присутствовавшимъ съ словомъ. Владыка говорилъ во имя Отца и Сына и Святого Духа о трехъ великихъ душахъ людей, когда-то здѣсь жившихъ ¹⁾.

Каждый изъ нихъ по мѣрѣ даннаго отъ Бога таланта и по индивидуальнымъ свойствамъ своего духа служилъ любви и красотѣ. Но и князь Вяземскій и Жуковскій растворяются въ лучахъ Пушкина. Таково свойство этихъ послѣднихъ. «Пушкинъ—поэтъ по истинѣ Божіею милостію». Онъ много возлюбилъ, много объялъ, а много возлюбившему многое и простится. Тому, кто молитвѣ Ефрема Сирина вдохновенно придалъ тончайшую форму высокаго поэтическаго произведенія, простятся шалости пера.

Заключеніе владычнаго слова обращено было къ мѣстному населенію Остафьева, наиболѣе близкому къ воздвигнутымъ памятникамъ. Владыка, указывая на связь, установившуюся между поэтами и Остафьевымъ, совѣтовалъ остафьевцамъ слѣдовать старому русскому обычаю,—проходя мимо памятниковъ, креститься и въ молитвѣ поминать рабовъ Божіихъ Александра, Василя, Петра.

Діаконъ тутъ же послѣ многолѣтня живымъ произнесъ вѣчную память во отшествіи сущимъ князю и боярамъ, ихъ же память нынѣ совершаемъ. Помянуть былъ и рабъ Божій графъ Арсеній Голенищевъ-Кутузовъ, который живо интересовался предстоящимъ остафьевскимъ праздникомъ, немало потрудился для его осуществленія, но самъ не дожился, не увидѣлъ...

Завѣса опустилась, и Пушкинъ, какъ живой, въ непринужденной позѣ, въ разстегнутомъ жилетѣ (совсѣмъ по-іюльски), взглянулъ на ожидавшую его взгляда пеструю, но объединенную однимъ чувствомъ толпу.

И когда всѣ прочли его добрый привѣтъ: «... здравствуй, племя молодое, незнакомое!»—до осязательности стало ясно, что онъ близокъ намъ всѣмъ, что онъ нашъ, что думалъ онъ и о насъ, ему незнакомыхъ, черезъ время бросая намъ свое слово любви.

Отъ Пушкина прослѣдовали къ памятникамъ Жуковскому и князю Вяземскому.

Такъ же опускались покрывала, и воскресали старые образы, пробужденные новой мыслью художника и скульптора.

За освященіемъ—засѣданіе въ той самой комнатѣ, гдѣ два года тому назадъ графъ С. Д. Шереметевъ и профессора В. С. Иконниковъ и С. Ѳ. Платоновъ поминали Карамзина. На этотъ разъ говорили профессора И. А. Шляпкинъ, Н. К. Кульманъ и попечитель московскаго учебнаго округа А. А. Тихомировъ. И. А. Шляпкинъ о Жуковскомъ, Н. К. Кульманъ о Пушкинѣ, А. А. Тихомировъ о князѣ Вяземскомъ и современномъ русскомъ читателѣ и писателѣ.

Въ общихъ яркихъ и теплыхъ штрихахъ охарактеризовалъ

¹⁾ Содержаніе всѣхъ рѣчей передается здѣсь только въ общихъ штрихахъ.

И. А. Шляпкинъ творческую индивидуальность и литературныя заслуги Жуковскаго, разбивъ его жизнь въ этомъ отношеніи на два періода, гранью между которыми легла его женитьба, и перешель къ его общественной дѣятельности, сказавшейся въ его гуманномъ вліяніи на своего царственнаго воспитанника и въ вѣчномъ заступ-



Памятникъ В. А. Жуковскому.

ничествѣ за гонимыхъ. Свои мысли профессоръ иллюстрировалъ рѣдкими по силѣ примѣрами и цитатами. Рядъ собственныхъ наблюдений, случайно сдѣланныхъ И. А. Шляпкинымъ надъ частной жизнью поэта, характеризующихъ его свѣтлую заботливую душу, сильно оживили ученую рѣчь, а нѣсколько фактовъ изъ жизни Жуковскаго, связанныхъ съ именами князей. Вяземскихъ и графъ Шереметевыхъ, перебросили мостъ между давно умершимъ

19*

и настоящимъ, сгустили идейную обстановку собранія, ярче вызвали ушедшіе образы.

Второе слово принадлежало профессору Н. К. Кульману.

Говорить о Пушкинѣ съ намѣреніемъ сказать что-нибудь со-всѣмъ новое—сейчасъ уже нельзя; говорить о Пушкинѣ не гдѣ-нибудь, а въ Остафьевѣ—эстетическое удовольствіе; наконецъ, есть любимые авторы, любимыя книги, общеніе съ которыми пріятно всегда. Таковы мотивы сложныхъ переживаній лектора, когда онъ получилъ приглашеніе сказать слово о Пушкинѣ въ день открытія ему памятника въ Остафьевѣ.

Не новизной мысли хотеть онъ дѣлиться со слушателями, а желаетъ вмѣстѣ со слушателями пережить нѣсколько высокихъ моментовъ здѣсь, въ Остафьевѣ, неразрывно связанномъ съ именемъ «солнца русской поэзіи».

Пушкинъ—продуктъ исторіи, талантъ художественный, единица моральная. Три стороны, три міра, и отсюда возможность трехъ характеристикъ.

Несправедливъ упрекъ, иногда дѣлаемый Пушкину, будто онъ откликнулся не на всѣ стороны русской общественной жизни.

Если не въ одинаковой мѣрѣ, не съ одинаковой степенью пониманія всѣхъ современныхъ ему общественныхъ явленій, однако же Пушкинъ видѣлъ въ русской жизни все, и нѣтъ въ ней такихъ уголковъ, куда бы онъ не проникалъ.

Что касается художественности, тутъ всѣ споры окончены, нѣтъ никакихъ вопросовъ и сомнѣній: Пушкинъ рѣшилъ блестяще всѣ задачи, поставленныя ходомъ развитія русской литературы. Это совершенно ясно обнаруживается изъ сравненія допушкинскаго періода литературы съ періодомъ послѣ Пушкина; языкъ, литературныя формы, содержаніе—всѣ три элемента, составляющіе сущность литературы, носятъ на себѣ слѣды Пушкина, идутъ отъ него и до нашихъ дней. Здѣсь мы всѣ въ Пушкинѣ.

За «чистоту» Пушкина близкіе и понимавшіе его современники боялись; берегли его талантъ, совѣтовали «бросить дрѣнь» и летѣть орломъ прямо къ солнцу. Этими друзьями-пѣстунами были князь П. А. Вяземскій и Жуковскій: имъ дороги были успѣхи русскаго орла, не безразличенъ путь его высокаго полета; они боялись за свою надежду, много думали и писали другъ другу о ней. Надежды ихъ сбылись.

Въ настоящее время въ русской литературѣ замѣтны явленія, говорящія о томъ, что мы ушли отъ «чистоты» пушкинскаго замысла: современная нервная, припадочная литература порвала старую традицію, но есть симптомы, позволяющіе вѣрить, что возвращеніе къ Пушкину въ этомъ смыслѣ вопросъ времени: пѣвцы дна и всевозможныхъ ямъ—явленіе временное.

Третьимъ говорилъ А. А. Тихомировъ. Рѣчь его—экспромптъ.

Не историкъ литературы, а естественникъ по специальности, онъ тѣмъ не менѣе не можетъ не замѣчать того, что происходитъ сейчасъ въ русскомъ обществѣ. Ему вспоминаются слова князя П. А. Вяземскаго о глупомъ читателѣ, который всегда глупѣе глупаго писателя, и слова эти кажутся оратору пророческими: князь Вяземскій предвидѣлъ наше время и безошибочно рѣзко его охарактеризовалъ.



Памятникъ кн. П. А. Вяземскому.

Чтобы бесѣда не была «худой», по русской пословицѣ, хозяева пригласили гостей послѣ засѣданія къ столу, разставленному покоемъ посреди той самой залы, гдѣ не разъ сидѣли поэты, гдѣ Пушкинъ написалъ свою «Родословную».

Здѣсь размѣстилось около семидесяти человѣкъ.

За столомъ говорились краткія рѣчи.

Послѣ завтрака—прогулка по парку, осмотръ дома и его реликвій, а затѣмъ и отъѣздъ тѣмъ, кому это необходимо, особенно дальнихъ.

Вечеромъ—музыка, танцы, фейерверкъ.

Ничего официальнаго — все просто, непринужденно, какъ свободна обстановка деревни.

Весь день и долго ночью по иллюминированнымъ аллеямъ парка ходилъ народъ—остафьевскіе и сосѣднихъ деревень крестьяне и дачники, съ утра подходившіе къ Остафьеву. Сильно запыленная обувь и еще какой-то особый неуловимый признакъ говорили о томъ, что многіе изъ паломниковъ прошли пѣшкомъ не одну версту.

Утромъ слѣдующаго дня дѣдъ изъ крѣпостныхъ привелъ внука показать Пушкина. Не знаю, слышалъ ли дѣдъ, или нѣтъ, слово владыки, а шапку снялъ и внуку велѣлъ...

Таковъ былъ порядокъ дня.

Теперь нѣсколько словъ о памятникахъ.

Памятникъ Пушкину, сдѣланный по проекту академика Н. З. Панова, представляетъ собою красный гранитный монолитъ, четырехгранной формы, на верху котораго стоитъ бронзовая фигура Пушкина, отлитая по гипсу профессора Опекушина. Это та знаменитая фигура, которая предназначалась для постановки въ Москвѣ. Принадлежала она графу А. А. Голенищеву-Кутузову и имъ представлена для постановки въ Остафьевѣ.

На лицевой сторонѣ гранитнаго пьедестала бронзовый барельефъ, изображающій круглую остафьевскую залу, у одной изъ оконъ которой сидитъ Пушкинъ. Подъ барельефомъ слова: «Онъ между нами жилъ», и подъ ними большими буквами выгравировано «Пушкину». Надъ барельефомъ два бронзовыхъ вѣнчающихъ генія.

На одной сторонѣ пьедестала написано: «... здравствуй, племя молодое, незнакомое!» а на другой:

«Я былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины;
Въ глуши звучнѣе голосъ лирной,
Живѣе творческіе сны».

Выборъ надписей принадлежитъ графу А. А. Голенищеву-Кутузову, о чемъ, между прочимъ, говорить прибитая сзади памятника бронзовая досочка.

По краямъ пьедестала—бронзовые вѣнки въ стилѣ empire.

Памятникъ Жуковскому, сдѣланный по проекту того же Н. З. Панова, совсѣмъ въ другомъ родѣ. Онъ тоже, какъ и всѣ остафьевскіе памятники—строгий empire, но онъ чисто идейный памятникъ, по замыслу приближающійся къ Карамзинскому. Онъ чрезвычайно простъ и въ простотѣ его величіе. Высокій, изъ сѣраго гранита обелискъ стремится къ небу—и по существу ничего больше; только

углы украшены строгимъ бронзовымъ орнаментомъ. На лицевой сторонѣ барельефъ-портретъ Жуковского и внизу—«Жуковскому».

Подъ обелискомъ на расходящихся скатахъ гранитнаго основанія четыре момента изъ послѣднихъ минутъ жизни лебедя (бронзовые барельефы).

«Лебедь благородный дней Екатерины
Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнь свой лебединнй;
А когда допѣлъ онъ—на небо взглянувши—
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши—
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся... и его не стало
Въ высоты... и навзничъ съ высоты упалъ онъ;
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ негорящій».

Эта лебединая пѣсня поэта выгравирована на бронзовой доскѣ на задней стѣнкѣ обелиска.

Памятникъ старому владѣльцу Остафьева, князю Петру Андреевичу Вяземскому представляетъ красный гранитный цоколь, на верху котораго поставленъ бюстъ князя Вяземскаго, отлитый по гипсу принцессы Терези Ольденбургской. Подъ нимъ пальмовая вѣтка. На лицевой сторонѣ лира въ лавровомъ вѣнкѣ, а внизу большими буквами выбито: «Князю Вяземскому». Бюстъ и пальма, и лира сдѣланы изъ темной бронзы. По обѣимъ сторонамъ пьедестала выгравированы стихотворенія, имѣющія прямое отношеніе къ Остафьеву.

На лѣвой сторонѣ

«Былого слѣдъ вездѣ глубоко впечатлѣнъ—
И на поляхъ твоихъ, и на твердынѣ стѣнъ
Хранившаго меня родительскаго дома.
Здѣсь и природа мнѣ такъ памятно знакома,
Здѣсь съ каждымъ деревомъ сроднился, сросся я.
На что ни посмотрю,—все было, все жизнь моя.
Весь этотъ тѣсный міръ, преданьями богатый,
Онъ мой, и я его. Всѣ блага, всѣ утраты,
Все, что я пережилъ, все, чѣмъ еще живу,—
Все чудится мнѣ здѣсь, во снѣ и наяву.
Я слышу голоса изъ-за глухой могилы;
За милымъ образомъ мелькаетъ образъ милый».

и на правой:

«Серебряная ночь взошла на небеса,
Все полно тишины, сиянья и прохлады.
Вдоль блестящихъ столбовъ прозрачной колоннады
Задумчиво брожу, предавшись весь мечтамъ.
И зыбко тѣнь моя ложится по плитамъ,
И съ нею прошлыхъ лѣтъ и милыхъ поколѣній
Изъ глубины почной выглядываютъ тѣни.

Я вопрошаю ихъ, прислушиваюсь къ нимъ,—
И въ сердцѣ отзвукъ есть привѣтамъ ихъ роднымъ».

Всѣ памятники въ строгомъ стилѣ емпіре—полная гармонія съ окружающей обстановкой. Н. З. Пановъ, авторъ трехъ остафьевскихъ памятниковъ, хорошо и глубоко прочувствовалъ, что говорятъ здѣсь каждое дерево, каждый камень, и сказалъ свое вѣское и красивое слово.

15-го іюля прошло. Настала ночь на 16-е. Правда, эта ночь была безъ серебра, но столбы прозрачной колоннады блестяли попрежнему, и всякій, кто могъ и хотѣлъ вслушаться въ эту темную лѣтнюю остафьевскую ночь, могъ ясно чувствовать, какъ изъ ея глубины выходили старыя тѣни... И отзвукъ въ сердцѣ былъ. Графъ С. Д. Шереметевъ и его супруга Екатерина Павловна, рожденная княжна Вяземская, 15-го іюля 1913 года прибавили къ исторической цѣнности Остафьева идейно богатый вкладъ, дали яркую иллюстрацію того, что жило здѣсь раньше, но открывалось только умѣвшему спрашивать.

Русская печать единодушно отмѣтила важное событіе въ культурной исторіи Россіи.

Б. Г—въ.





БАЛАКЛАВА.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).



ВНЕ ЛЮБЛЮ городовъ, лежащихъ въ котловинахъ, а Балаклава именно такова. Если бъ этотъ симпатичный «крошка-городъ», этотъ «оригинальнѣйшій уголокъ пестрой русской имперіи» былъ расположенъ у открытаго моря, онъ значительно выигралъ бы въ красотѣ. Доказательствомъ тому—его уѣздный городъ, Ялта. Нынѣшняя же Балаклава напоминаетъ собой, пожалуй, селеніе—да и то скромное—на берегу какого-нибудь швейцарскаго озера.

Въ Севастополѣ вы садитесь въ дилижансъ и пятнадцать верстъ, то съ горы, то на гору, ѣдете по шоссе, гладкому, какъ скатерть: знаменитый Воронцовъ ничего не любилъ дѣлать на половину. Ремонта требуютъ не его дороги, а проведенныя современными «инженерами-безсребренниками».

Дилижансъ идетъ не торопясь, о чемъ приходится пожалѣть: виды довольно однообразныя, мало напоминающіе великолѣпные пейзажи южнаго берега Крыма.

Вотъ имѣніе «Альфа» Максимовича. Съ шоссе отлично виденъ тотъ самый, въ своемъ родѣ историческій, домъ, гдѣ умеръ 16-го іюня 1855 года главнокомандующій англійскою арміею въ крымскую войну, лордъ Рагланъ. Вотъ другое имѣніе—«Золотая Балка», въ живописной мѣстности... Воздухъ горный и морской вмѣстѣ, чистый и удивительно бодрящій. Вотъ съ правой стороны шоссе славящаяся своимъ безобразіемъ грунтовая дорога въ Георгіевскій

монастырь, одну изъ поэтичнѣйшихъ мѣстностей южнаго берега Крыма...

Экипажъ «прибавляетъ шагу», и вы въѣзжаете въ «пригородъ» Балаклавы, деревню Кадыковку (испорченное татарское слово Кадыкой). До города остается версты двѣ.

Кадыковка очень симпатична, только не послѣ сильнаго дождя: тогда всё «симпатіи» идутъ на смарку. Улицы не мощенныя, а грязь такъ глубока, что нога уходитъ въ нее чуть не цѣликомъ. Просили, просили кадыковцы властей предержавшихъ вымостить улицы, да, въ концѣ концовъ, махнули рукой. А вотъ англичане въ крымскую войну завели здѣсь фабрики, провели желѣзную дорогу (ея слѣды замѣтны еще) до Камышевой бухты, устроили отличную сохранившуюся до сихъ поръ деревянную пристань, телеграфъ и проч.

Въ Кадыковкѣ очень древняя церковь, передѣланная изъ мечети. Въ свою очередь, послѣдняя, несомнѣнно, была когда-то христіанскимъ храмомъ.

Но вотъ вы и въ Балаклавѣ. Дилижансъ останавливается на главной и лучшей улицѣ городка—Набережной.

Надъ вами идутъ террасами улицы, застроенныя почти исключительно бѣлыми каменными домами шаблонной архитектуры, Узкія и достаточно пахучія. Еще выше, на гребнѣ горъ, видны остатки генуэзскихъ стѣнъ и башенъ.

Одинъ знакомый начинающій поэтъ описываетъ Балаклаву слѣдующими строфами:

Наяву возстаетъ предо мною
Уголокъ поэтичный и скромный,
Группы бѣлыхъ сверкающихъ зданій,
Утопающихъ въ зелени темной.
Горы, словно раскрывши объятъя,
Городокъ безмятежный лелѣютъ,
А надъ нимъ, какъ безсмѣнные стражи,
Генуэзскія башни чернѣютъ.
Я любилъ наблюдать одиноко,
Непонятнаго трепета полный,
Какъ, горя фосфорическимъ блескомъ,
Чуть замѣтно колышались волны;
Какъ луна, нѣжный свѣтъ разливая,
Изъ-за тучъ выплываетъ лѣниво,
Долго, въ южныя ночи, глядяся
Въ задремавшія воды залива.

Но оставимъ поэзію и будемъ «пробирать» Балаклаву.

Набережная ничѣмъ не ограждена. Мѣстами она шире, мѣстами уже. Дачи идутъ отъ сѣвернаго берега бухты почти до самаго моря, до узкаго выхода изъ залива. Взрываютъ скалы и упорно борются съ природой, отвоевывая все новыя и новыя мѣста подъ культуру.

Среди дачь есть очень красивыя и богатыя—Пшеничнаго, церемоніймейстера графа М. А. Апраксина, бывшаго моряка, и другія. Апраксинская дача—оригинальна, но какая-то мрачная. На противоположной сторонѣ залива, въ горахъ, была усадьба А. И. Куприна, который такъ поэтично описалъ Балаклаву въ своихъ «Лестригонахъ», но теперь она перешла въ другія руки.

Грязи много, зелени—мало. Городское управленіе разбило, впрочемъ, бульваръ, но онъ еще слишкомъ молодъ, а городской садъ расположенъ въ сыромъ мѣстѣ. Засаживали деревьями и гору вокругъ развалинъ крѣпости, разставили скамейки, но не догадались сдѣлать паркета. Свалиться въ море, при вѣтрѣ и даже безъ вѣтра,—особенно, если вы страдаете головокруженіями,—не трудно. Но средства города не велики, и онъ дѣлаетъ все, что въ его силахъ.

Бухта небольшая,—приблизительно полторы версты длины и около полтора саженъ ширины, съ извилистымъ и тѣснымъ, не болѣе пятнадцати саженъ шириной, маскируемымъ горами входомъ, но очень глубокая, съ необыкновенно прозрачною водою. Если вѣрить мѣстнымъ рассказамъ, рыбаки, взобравшись на скалы, могутъ пересчитать, сколько рыбы попало въ ихъ сѣти. Глубина неодинакова—отъ четырехъ до восемнадцати саженъ.

Въ крымскую кампанію въ балаклавской бухтѣ стоялъ весь англійскій флотъ. Даже въ самую сильную бурю морскія волны не докатываются до конца залива. Бѣда судну, которое въ штормъ не успѣло заблаговременно укрыться въ бухтѣ. Англичане знаютъ это по горькому опыту. При самомъ входѣ въ бухту, на двадцативосьмисаженной глубинѣ, лежитъ подъ толстымъ слоемъ песку англійскій корабль «Black Prince», разбившійся объ утесъ, съ огромною суммою золота—жалованьемъ англійскимъ войскамъ.

Въ памятный для союзниковъ день 14-го ноября 1854 года участь «Чернаго Принца» раздѣлили двадцать другихъ непріятельскихъ судовъ.

Неоднократно дѣлались попытки поднять затонувшій корабль, но всѣ онѣ кончались ничѣмъ. Во время «освободительнаго движенія» одна итальянская компанія рѣшила съ помощью новѣйшихъ приспособленій извлечь англійское золото со дна моря, но, убоявшись «освободителей», благородно затѣмъ ретировалась. Такъ и спитъ на днѣ морскомъ англійскій витязь и до сего дня, окруженный грудой костей своего экипажа...

Бухту г.г. балаклавцы усердно засыпаютъ и загаживаютъ, выливая туда помой и разную дрянь, хотя противъ этого и существуютъ, на бумагѣ, конечно, строгія правила.

Время основанія Балаклавы, выражаясь слогомъ старинныхъ родословій, «теряется во мракѣ вѣковъ». Во всякомъ случаѣ, этотъ, заштатный теперь, городокъ—одно изъ древнѣйшихъ поселеній

не только въ Европѣ, но и въ мірѣ. Такой авторитетъ въ области землевѣдѣнія, какъ Карлъ Риттеръ, величайшій географъ новѣйшаго времени, считаетъ Балаклаву тѣмъ разбойничьимъ притономъ людоедовъ и великановъ-лестригоновъ, о которомъ говоритъ Гомеръ въ десятой пѣснѣ «Одиссеи» (стихи 87 и сл., по переводу Жуковского):

Въ славную пристань вошли мы. Ее образуютъ утесы,
Круто съ обѣихъ сторонъ подымаясь и сдвинувшись, подлѣ
Устья, великими, другъ противъ друга изъ темныхъ бездны
Моря торчащими камнями, входъ и исходъ заграждая.
.....
.....
..... тамъ волнъ никогда ни великихъ, ни малыхъ
Нѣтъ, тамъ равниною гладкою лоно морское сіяетъ.

Въ источникѣ Артакіи, изъ котораго «черпали свѣтлую воду» лестригоны и возлѣ котораго несчастные товарищи Одиссея встрѣтили дочь царя Антифата, нѣкоторые видятъ родникъ Кефаловрисси. Этотъ родникъ, находящійся на возвышенности въ сорока шести футовъ, внутри одной изъ генуэзскихъ башенъ, снабжалъ когда-то водой и населеніе Балаклавы и ея генуэзскій гарнизонъ. Неподалеку отъ Кефаловрисси находится доисторическое кладбище.

Нынешняя Балаклава основана, по преданію, скиѣми и была разбойничьимъ гнѣздомъ скиѣскихъ пиратовъ, грабившихъ купеческія суда на Черномъ морѣ. По словамъ извѣстнаго греческаго географа Страбона, начало ей положилъ скиѣскій вождь Палакъ, сынъ царя Скилура, въ защиту отъ нападеній Митридата Великаго. Балаклава называлась у грековъ Палакіонъ, или Σορβόλων λιμήν (гавань символовъ) и принадлежала къ владѣніямъ Херсонеса. Ея гавань соединялась съ гаванью послѣдняго длиною стѣною. Жаль, что греческій географъ не указываетъ, въ какомъ направленіи шла эта стѣна.

Послѣднимъ греческимъ градоначальникомъ (топархомъ) Балаклавы, а заодно и Херсонеса, былъ тотъ самый Алексѣй, развалины дворца котораго были открыты осенью 1912 года.

Вѣроятно, въ XIII вѣкѣ генуэзцы изгоняютъ грековъ, переименовываютъ Σορβόλων λιμήν въ Чембало и строятъ крѣпость, считавшуюся неприступной: часть горы, обращенная къ морю, совершенно вертикальна, съ другихъ же сторонъ всходитъ на цитадель можно лишь по узкой тропинкѣ, и то съ большимъ трудомъ. Первоначально, впрочемъ, Чембало былъ окруженъ только землянымъ валомъ и рвомъ. Въ 1345 году ханъ Золотой орды Чанибекъ воспользовался слабостью генуэзскихъ укрѣпленій, напалъ на городъ и, взявъ его, разграбилъ и сжегъ. По удаленіи хана разбѣжавшіеся генуэзцы вернулись и отстроили Чембало.



Балаклава. Общій видъ.

Лѣтомъ 1475 года въ водахъ Крыма появилась сильная турецкая эскадра, овладѣвшая «неприступной» крѣпостью. Турки не могли, разумѣется, принести ничего, кромѣ варварства и разрушенія.

При туркахъ Балаклава—маленькій городокъ въ какихъ-нибудь полтораста домовъ. Здѣсь живутъ, между прочимъ, низведенные съ престола крымскіе ханы. Они должны были считать себя счастливыми, что ихъ не требовали въ Стамбуль, гдѣ хановъ ждалъ, по распоряженію любвеобильныхъ, какъ всегда, султановъ, шелковый шнурокъ.

Генуэзская крѣпость уже въ концѣ XVI вѣка представляла собой однѣ развалины. Эти развалины расположены на югъ отъ города, на высокомъ обрывѣ, подобномъ «сказочному гигантскому чудовищу, которое, припавъ спиной въ заливу и глубоко всунувъ въ воду свою темную морду съ настороженнымъ ухомъ, жадно пьетъ и не можетъ напиться»...

Одна башня еще стоитъ, прочія разрушены почти до основанія.

Развалины миновавшей славы,
Чернѣютъ башни по горамъ:
Онѣ стоятъ на зло вѣкамъ!

воспѣвалъ ихъ поэтъ 1830-хъ годовъ Иванъ Бороздна. Съ тѣхъ поръ онѣ, никѣмъ не оберегаемыя и не реставрируемыя, годъ отъ году разсыпаются все болѣе и болѣе. Внутри—башни завалены беспорядочными грудями камней. Прежняя жизнь замерла навсегда.

И черноморская волна
.....
Уныло въ берегъ славы плещеть.

Видъ съ башенъ великолѣпенъ. Прямо передъ вами безграничная поверхность красивѣйшаго изъ нашихъ морей, вправо—обрывистыя скалы у входа въ бухту, влѣво—мысъ Айя. Кажется, онѣ близко, между тѣмъ онѣ находится на разстояніи нѣсколькихъ верстъ.

Этотъ мысъ, съ которымъ соединено преданіе объ аргонавтахъ, производитъ необыкновенно сильное, вѣрнѣе, даже неизгладимое, впечатлѣніе.

Въ зависимости отъ времени дня, вы замѣчаете на немъ игру цвѣтовъ.

То онѣ кажется вамъ лазореваго цвѣта, то ярко или блѣдно-розоваго.

Одинъ изъ лучшихъ нашихъ маринистовъ,—если не ошибаюсь, Лагорио,—превосходно передалъ на полотнѣ эту игру цвѣтовъ.

Цвѣта смѣняются тѣнями. Вотъ надъ мысомъ тихо проносится облако... вотъ Айю окуталь туманъ...

Въ то время, когда свирѣпствуетъ нордъ-остъ, бѣра по мѣстному, не одна душа въ Балаклавѣ взбирается на крѣпостную стѣну—взглянуть, нейдетъ ли домой знакомое сѣдно. Бѣшено хлещутъ волны о каменную грудь, точно хотятъ разбить верхушки башенъ. Плохо тому, кого штормъ застигнетъ въ открытомъ морѣ вблизи скаль. Не одинъ годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ грозная декабрьская буря трепала меня въ Черномъ морѣ, а я еще долго не забуду злыхъ зеленыхъ водяныхъ горъ, которыя, казалось, задались цѣлью потопить нашъ старый пароходъ.

Въ концѣ Базарной улицы вы видите небольшую, отъ времени вросшую въ землю, греческую теперь, церковь Двѣнадцати Апостоловъ, съ интереснымъ алтаремъ. Въ храмовой стѣнѣ, вблизи входа, вдѣлана латинская надпись, почему-то замазанная известью, какъ и старинныя фрески.

Можно еще прочесть слѣдующій текстъ надписи: «***MCCCLVII die *** septembris hoc (op) us inceptum fu (it) tempore regim(inis) discreti viri Simonis de Orto, consulis et castellani», т.-е. 1357 *** сентября *** дня заложена была эта постройка во время управленія славнаго мужа, консула и коменданта Симона де-Орто.

Есть еще достопримѣчательность Балаклавы, но уже современная—фабрика рыбныхъ консервовъ крымскаго еврея (крымчака) Г. Кефели. Лично я не ѣлъ этихъ консервовъ, но другіе отзываются о нихъ не особенно одобрительно. Для перевариванія балаклавскихъ специй нужны, повидимому, луженые желудки.

Рыбы для консервовъ въ Балаклавѣ множество. Говорятъ, и самое имя города происходитъ отъ турецкихъ словъ «балыкъ»—рыба и «юва»—гнѣздо. Впрочемъ, нѣкоторые не соглашаются съ этимъ словопроизводствомъ и желаютъ видѣть въ имени Балаклавы слѣды «прекраснаго далека». «Балаклава», по ихъ мнѣнію, тоже, что *bella chiave* (т.-е. «красивый источникъ»). Третьи, менѣе увлекающіеся, считаютъ этотъ городокъ даже мѣстомъ заключенія, указывая на татарское слово «балушь», что значитъ по-русски тюрьма. Имя Палака, основателя Балаклавы, почему-то забыто.

Ловятъ рыбу здѣсь круглый годъ, и при томъ необыкновенно вкусную—камбалу, кефаль, скумбрію, султанку, хамсу и проч. При входѣ въ море попадаютъ осетры, бѣлуга, севрюга и т. д.

Осенью, когда уловъ самый богатый, Балаклава очень напоминаетъ Астрахань, только въ миниатюрѣ. Какъ тамъ воняетъ всюду и вездѣ рыбой и тузлукомъ, такъ и здѣсь—рыба, рыба чешуя и разговоры о рыбѣ и на пристани, и на улицѣ. Тогда всякое рукопожатіе благородныхъ архипелажскихъ грековъ оставляетъ послѣ себя на вашихъ рукахъ ароматъ, мало напоминающій эссенцію Аткинсона или Пино.

Вся рыба поступаетъ на пять заводовъ, функционирующихъ въ Балаклавѣ съ 1880-хъ годовъ и основанныхъ, кажется, француз-

зами. Приготовленіемъ консервовъ занимаются почти исключительно представительницы прекраснаго пола.

Для удовлетворенія «духовныхъ» потребностей въ городѣ есть небольшой театръ и городская библіотека, довольно порядочная, насчитывающая тысячъ до пяти книгъ. Есть библіотечки и у нѣкоторыхъ дачевладѣльцевъ, сдающихъ комнаты прїѣзжимъ. Коллекцію «общепольныхъ» учрежденій пополняетъ городской банкъ, пока еще со скромными оборотами, земская амбулаторія, почтово-телеграфная контора и даже полицейское управленіе.

По послѣдней переписи 1910 года, въ Балаклавѣ было 3.210 человекъ постоянного населенія, большей частью православныхъ грековъ (76%). Русскихъ—17%, а евреевъ совсѣмъ мало—всего 4%.

Греки появляются въ Балаклавѣ въ царствованіе Екатерины II, вскорѣ послѣ окончанія первой турецкой войны.

Готовясь къ разрыву съ Портой, русское правительство, по мысли графа Н. И. Панина, тайно вошло въ сношенія со Степаномъ Мавромихали, жившимъ въ городѣ Витило и командовавшимъ греческими «спартанскими» легіонами. Эта мѣра оказалась бесполезной. Во время пребыванія эскадры графа А. Орлова въ Средиземномъ морѣ, въ открывшейся затѣмъ войнѣ съ турками, архипелажскіе греки сформировали отдѣльный отрядъ изъ восьми батальоновъ, поступили въ нашъ флотъ (такъ называемое «греческое войско») и участвовали—особенно славный пиратъ Ламбро Качіони—съ отличіемъ почти во всѣхъ сраженіяхъ нашихъ моряковъ съ турками и, между прочимъ, въ бою при Чесмѣ.

Послѣ заключенія мира съ Портой греки, вполне естественно опасаясь мщенія магометанъ, рѣшили, въ 1775 году, выселиться въ Россію и обратились съ прошеніемъ объ этомъ къ нашему правительству. Екатерина милостиво позволила имъ поселиться въ Керчи, Еникале и Таганрогѣ, при чемъ дала эмигрантамъ крупныя льготы.

Въ томъ же 1775 году греки переселились къ намъ подъ именемъ «албанцевъ», даннымъ имъ въ манифестѣ Орлова, изъ Пизы, отъ 2-го сентября 1774 года, и участвовали затѣмъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Крыму. Послѣ замиренія полуострова, вѣроятно, въ 1777 или въ слѣдующемъ году, греки перекочевали въ селеніе Балаклаву. Она была совершенно покинута разбѣжавшимися татарами; но дома въ ней оставались цѣлыми.

Женщинъ среди эмигрантовъ не было, и вскорѣ они стали безъ стѣсненія нохищать татарскихъ и караимскихъ дѣвушекъ, почему жившій тогда въ Крыму Суворовъ и совѣтовалъ, въ письмѣ статс-секретарю Турчанинову, отъ 4-го августа 1778 года ¹⁾, «осемьнанитъ албанцовъ», чтобы они не вымерли. 1-го октября 1777 года въ Балаклаву ѣздилъ крымскій ханъ Шагинъ-гирей, якобы «для осмотра

¹⁾ Академическій сборникъ, л. 2.



Балаклава. Видъ отъ генуэзскихъ башенъ.

Балаклавы и прочихъ примѣчательныхъ въ той сторонѣ старинныхъ развалинъ».

24-го мая 1787 года, во время извѣстнаго путешествія Екатерины на югъ Россіи, Балаклаву посѣтилъ бывший въ свитѣ «сѣверной Семирамиды» графъ Фалькенштейнъ, или императоръ Іосифъ II. Онъ отправился туда рано утромъ одинъ, «для обозрѣнія тамошняго мѣстоположенія», и въ тотъ же день, на почтовой станціи Спелли, встрѣтилъ поѣздъ Екатерины, которая пригласила графа занять мѣсто въ ея каретѣ. Когда, по дорогѣ въ Байдарскую долину, императрица проѣзжала мимо Балаклавы, «находились на пути вышедшіе изъ Балаклавы на встрѣтеніе (sic) священникъ съ крестомъ и жители-греки обоюга пола съ хлѣбомъ и солью, и благоволила ея императорское величество прикладываться ко кресту» ¹⁾.

12 августа 1913 года Балаклаву посѣтилъ Государь Императоръ.

Впослѣдствіи изъ переселенцевъ былъ сформированъ такъ называемый «греческій пѣхотный полкъ», переименованный потомъ въ «балаклавскій греческій батальонъ», съ отличіемъ участвовавшей въ Крымской войнѣ и распущенный 15-го ноября 1859 года.

Первымъ командиромъ полка балаклавскихъ грековъ былъ вышеупомянутый Качіони, позже отравленный благородными оттоманами, во время мира. Балаклава—родина капитана Николая Лико, славнаго защитника Михайловскаго укрѣпленія на Кавказѣ. Взятый въ плѣнъ горцами въ памятный день 22-го марта 1840 года, онъ умеръ въ плѣну. Семейство его племянника до сихъ поръ еще проживаетъ въ Балаклавѣ.

Первоначально никто, кромѣ грековъ, не имѣлъ права владѣть недвижимостью въ Балаклавѣ. Еще въ 1830-хъ годахъ ни одно чужое судно не смѣло входить даже въ балаклавскую гавань, если только ему не угрожало крушеніе! Немудрено, что развитіе Балаклавы остановилось «на точкѣ замерзанія».

Павель Свинынъ, посѣтившій ее въ 1799 году, нашелъ въ ней всего шестьдесятъ домовъ. Отъ татарско-христіанскаго селенія виднѣлись развалины церквей, мечетей и жилыхъ построекъ ²⁾. Въ 1807 году въ «воинской слободѣ» Балаклавѣ, приписанной къ Новороссійской губерніи, устроили таможеню, существующую до сихъ поръ; но и это не дало толчка для развитія Балаклавы. Извѣстный Анатолій Демидовъ былъ въ ней въ 1837 году, слѣдовательно спустя тридцать восемь лѣтъ послѣ Свинына, и нашелъ, что въ ней «замѣчательны только главная улица съ запустѣвшими лавками, церковь—довольно красивая— и зданіе, въ которомъ живетъ начальникъ «греческаго батальона» ³⁾.

¹⁾ Камеръ-фурьерскій журналъ 1787 года. Спб., 1886 г. Стр. 481—2.

²⁾ Путешествіе по всему Крыму и Бессарабіи въ 1799 г. М. 1800. Стр. 111.

³⁾ Путешествіе въ Южную Россію и Крымъ. М. 1853. Стр. 367.

Военнымъ портомъ Балаклава никогда не была, поэтому и не укрѣплялась. Въ крымскую войну, 15-го сентября 1854 года неприятель подошелъ къ селенію съ моря и съ суши. Командиръ греческаго батальона, полковникъ Манто, рѣшилъ не сдаваться безъ боя и засѣлъ въ развалинахъ генуэзскаго замка. Съ Манто была одна рота изъ восьмидесяти строевыхъ солдатъ и тридцати отставныхъ и артиллерія. Послѣднею, состоявшей изъ четырехъ мѣдныхъ полупудовыхъ мортиръ, командовалъ поручикъ Марковъ.

Двадцать неприятельскихъ судовъ и пѣхота начали громить Балаклаву и развалины замка. Нападенія противника, во много разъ превосходившаго насъ численностью, были, однакожь, успѣшно отбиваемы «гарнизонемъ», причемъ союзники потеряли человекъ около двухсотъ убитыми и ранеными. Но, когда Манто былъ раненъ, окруженъ и взятъ въ плѣнъ, а у Маркова не осталось ни одного заряда, упорство и мужество осажденныхъ было сломлено.

— Неужели вы думали остановить цѣлую армію?—спросилъ англійскій адмиралъ сдавшихся на капитуляцію.

— Мы думали и думаемъ о томъ лишь, чтобы исполнить свой долгъ,—отвѣчалъ за всѣхъ товарищей капитанъ Стамо.

Занявъ Балаклаву, культурные европейцы разграбили и разрушили ее. Всѣ сады, даже въ окрестностяхъ селенія, были истреблены. Отъ скуки союзники, избравшіе Балаклаву главной квартирой англійской арміи, занялись археологіей. Подполковникъ 39-го англійскаго полка Мѣиро производилъ раскопки и нашелъ монеты, рельефы, сосуды и статуэтки. Командовавшій сардинцами генералъ Ламармора увезъ въ Геную четыре генуэзскихъ надписи—всѣ, какія были на виду. Пятая спаслась только случайно, потому что была заштукатурена и потому, что никто не подозрѣвалъ объ ея существованіи. Французы выломали и увезли цѣлый мозаичный полъ древняго христіанскаго храма, около шестидесяти квадратныхъ сажень. Точно такъ же поступили союзники и въ Керчи, разграбивъ мѣстный музей древностей. Тысячелѣтнія керченскія гробницы скиѣскихъ царей англичане избрали мишенью и упражнялись здѣсь въ стрѣльбѣ въ цѣль. Слѣды этого варварства видны до сихъ поръ.

Ламармора увезъ и тотъ огромный барельефъ, который занималъ почти всю стѣну въ одной изъ башенъ и представлялъ собой довольно грубое изображеніе рыбы, а рядомъ—двухъ ангеловъ и креста. Внизу была надпись, плохо сохранившаяся. Барельефъ этотъ еще видѣлъ въ 1837 году Демидовъ ¹⁾.

Но въ извиненіе можно сказать, что все это было сдѣлано по своеобразному «праву войны», а вотъ представители «дружественной» намъ германской націи онаглѣли до того, что недавно увезли знаменитую кафельную плиту съ гробницы Тамерлана,

¹⁾ Ibid. Стр. 369.

хотя знали, что ее украли изъ самаркандской мечети, на глазахъ туркестанскихъ властей! Плиту пришлось выкупить—вмѣсто того, чтобы обратиться къ суду, который, кажется, какъ и во времена Фридриха II, еще существуетъ въ Берлинѣ! Цѣлыя двери высокохудожественной работы изъ склепа того же Тамерлана увезъ много раньше шведъ Мартенъ, тоже, какъ будто, не объявлявшій намъ войны... Въ 1898 году, близъ селенія Ташбуруна, на Кавказѣ, ирѣкій просвѣщенный иностранецъ подговорилъ мѣстныхъ крестьянъ выломать ассирійскую надпись VIII вѣка до Р. X. и отправилъ этотъ драгоценнѣйшій памятникъ въ Эривань, а оттуда въ Европу. Его попытка украсть и другую такую же надпись не удалась исключительно изъ-за противодействия мѣстныхъ крестьянъ, а не чиновныхъ властей! Эти господа въ кокардахъ проглядѣли и увозъ первой плиты, хотя она была около четырехъ квадратныхъ аршинъ!

О подобныхъ возмутительныхъ хищеніяхъ государственнаго достоянія Россіи можно написать цѣлую книгу.

Прошу у читателей извиненія, что невольно уклонился въ сторону.

Рѣшивъ дѣйствовать на сообщенія союзниковъ и этимъ отвлечь ихъ отъ Севастополя, нашъ главнокомандующій, князь Меншиковъ, приказалъ атаковать сильно укрѣпленную непріателемъ Балаклаву.

Ее занимало около 4.500 пѣхоты, англичанъ и турокъ, и двадцать эскадроновъ конницы. Нашихъ было около 16.000 человекъ и 64 орудія, подъ командой Липранди.

Въ величайшей тишинѣ русскій отрядъ выступилъ противъ непріателя, въ шесть часовъ утра 13-го октября 1854 года открылъ канонаду по непріательскому лагерю, а затѣмъ атаковалъ англичанъ и турокъ въ штыки. Послѣ отчаяннаго сопротивленія непріатель былъ выбитъ изъ укрѣпленій, потерявъ нѣсколько орудій. Часть ихъ, съ предварительно изрубленными колесами и лафетами, была сброшена съ кручи, часть—заклепана.

На выручку разбитыхъ двинулась блестящая, въ алыхъ мундирахъ, на великолѣпныхъ коняхъ, гвардейская англійская кавалерія генерала Скарлетта и шотландцы. Часть нашей конницы бросилась на англичанъ, но встрѣтила стойкій отпоръ и была отбита губительнымъ огнемъ. Оправившись, наша кавалерія вновь перешла въ наступленіе. Непріатель отвѣчалъ контръ-атакой. Послѣ жаркой схватки мы, несмотря на свое превосходство въ силахъ, были опрокинуты. Въ свою очередь, и зарвавшіеся въ преслѣдованіи англичане попали подъ огонь нашихъ батарей и стрѣлковъ. Непріатель отступилъ съ большою потерей.

Успѣхъ атаки англичанъ внушилъ англійскому главнокомандующему, лорду Раглану, видѣвшему съ высокаго мѣста наше отступленіе, мысль отбить захваченныя нами орудія.

Получившая подкрѣпленіе англійская конная бригада лорда Кардигана, не обращая вниманія на жестокой огонь, бурно двинулась въ атаку, погнала нашу кавалерію и взяла одну батарею. Одержавъ успѣхъ, противникъ началъ отходить рысью, когда наши уланы ударили англичанамъ во флангъ, а артиллерія и пѣхота открыли убійственный огонь. Потерявъ болѣе половины людей, кавалерія Кардигана обратилась въ бѣгство, и только французы Морри спасли своихъ боевыхъ товарищей отъ окончательнаго истребленія. И мы, и непріятель удержали свои позиціи.

Въ эту единственную побѣду на крымскомъ театрѣ войны мы взяли одно знамя и одиннадцать орудій. Потери сражавшихся были почти одинаковы: у насъ выбыло изъ строя до 550 человекъ, у союзниковъ—до 600 офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Если ѣхать изъ Балаклавы въ Севастополь не по шоссе, а кратчайшимъ путемъ, чрезъ Сапунъ-гору, вы встрѣтите по дорогѣ каменный, окруженный невысокою оградой изъ плитняка, обелискъ на квадратномъ постаментѣ, съ простою англійской надписью, въ переводѣ: «Памяти погибшихъ въ балаклавскомъ сраженіи 25-го октября 1854 года». Недавно памятникъ реставрированъ.

Черезъ пятьдесятъ семь лѣтъ послѣ Балаклавы прежніе враги становятся друзьями, и вдова Кардигана, навѣкъ прославившаго свое имя блестящею атакой, присылаетъ благодарственное письмо за радушный пріемъ нами англійской депутаціи 12-го января 1912 года...

Послѣ упраздненія греческаго батальона Балаклава переименовывается въ городъ и начинаетъ развиваться, хотя и медленно, изъ-за близости Севастополя. Теперь въ ней разрѣшено пріобрѣтать недвижимость всѣмъ желающимъ, и она постепенно превращается въ курортъ, куда, по выраженію одного изъ «пѣвцовъ» Крыма—увы! чрезчуръ увлекающагося—ѣдутъ купаться и лечиться «тишиной и воздухомъ».

Ванное зданіе выстроено въ 1904 году и не отличается красотой архитектуры. Содержится довольно чисто. Число кабинъ ограничено—всего одиннадцать. Заведеніе ваннъ открыто съ 15-го мая до 1-го сентября. Путеводители заявляютъ, будто «нѣсколько номеровъ функционируютъ въ теченіе всего года», но это не точно. Средняя температура воды—17,5° Р. Морская грязь, добываемая въ сѣверномъ углу бухты, нѣсколько напоминаетъ по составу грязь одесскихъ лимановъ. Отбросовъ тутъ порядочное количество.

Неправильно также увѣреніе, будто въ Балаклаву ѣдутъ лечиться «тишиной». Если одинъ нашъ писатель и говоритъ, что онъ нигдѣ во всей Россіи «не слушалъ такой глубокой, полной, совершенной тишины, какъ въ Балаклавѣ», онъ, очевидно, имѣетъ въ виду балаклавскую осень. Лѣтомъ въ городкѣ разрѣшается жить евреямъ. Зимой ихъ мало,—тогда имъ нечего дѣлать здѣсь,—но во время се-

зона Балаклава кишитъ шумливыми, какъ всегда, представителями избраннаго племени. «Нервнаго, измученнаго шумною жизнью большого города» Балаклава успокоить, въ сезонъ, разумѣтся, не можетъ, какъ и играющей въ городскомъ саду духовой музыкой, вкупѣ со столбами пыли, поднимаемой хвостами платьевъ культурныхъ представительницъ прекраснаго пола, а «пять-шесть часовъ (!) лежать на вершинѣ горы, подъ защитой зонтика, и любоваться безбрежнымъ моремъ»—простите, едва ли всякій способенъ. Другое дѣло, когда скроются, наконецъ, съ балаклавскаго горизонта курортные гости, «шумные, больные, эгоистичные, праздные и вздорные».

Климать... Но и онъ абсолютно хорошъ опять-таки только въ путеводителяхъ. Плѣшивыя высокія скалы, окружающія бухту, отъ солнца страшно накаляются, а свѣжему вѣтру съ моря мѣшаетъ проникнуть въ заливъ сравнительно узкій входъ въ бухту, закрытый, къ тому же, высокимъ берегомъ, идущимъ капризною извилистою линіей.

Жизнь, правда, проста и, пожалуй, имѣетъ «деревенскій характеръ»... по неблагоустройству. Какъ курортъ, Балаклава не выдерживаетъ никакого сравненія даже съ Ялтой или съ Гурзуфомъ, а тѣмъ болѣе съ Суукъ-су.

Зато «дешевой» балаклавскую жизнь нельзя назвать. За небольшую комнату, хоть нѣсколько прилично обставленную, дерутъ шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ; обѣдь изъ двухъ блюдовъ не получить менѣе восемнадцати рублей въ мѣсяцъ. Въ томъ же родѣ и остальное. Лечебный виноградъ стоитъ по десяти-пятнадцати копеекъ фунтъ; но его и не всегда достанешь, да и всѣ эти «шашла», «педро-хименецы» и *tutti quanti* не особенно вкусны въ Балаклавѣ.

Если лѣтомъ Балаклава шумна, зимой, наоборотъ, страшно безлюдна и скучна. Чтобы убить время, потомки архипелажскихъ грековъ превращаются въ заправскихъ немродовъ.

Зимой надъ заливомъ летаетъ масса гагаръ и баклановъ, злыхъ враговъ рыбаго народа. Греки бьютъ ихъ, сидя въ лодкахъ, и бьютъ, въ большинствѣ случаевъ, безъ промаха, какъ превосходные стрѣлки. Иногда зарядъ, попадая птицѣ въ крыло, перебиваетъ его. Раненая гагара тяжело падаетъ въ море, гдѣ ее звѣрски добиваютъ весломъ или, вытащивъ изъ воды, колотятъ головой о бортъ лодки. Такая бойня начинается съ четырехъ часовъ утра и продолжается до заката солнца. Бухта узкая, и гулъ выстрѣловъ мѣшаетъ вамъ спать своимъ резонансомъ.

Въ истребленіи птичьяго народа принимаютъ участіе и чины мѣстной бригады пограничной стражи, очевидно, за избыткомъ свободнаго времени. Убитые гагары и бакланы служатъ предметомъ довольно выгодной торговли.

Въ морозы надъ балаклавской бухтой появляется туманъ. Въ этомъ туманѣ—болѣе тепло, чѣмъ окружающій воздухъ,—начинають, желая согрѣться, летать тяжелыя дрохвы, перекочевывающія въ балаклавскую бухту съ окрестныхъ горъ... Вотъ тутъ-то и начинается истребленіе этихъ красивыхъ птицъ. Ихъ бьютъ чѣмъ ни попало. Спасаясь отъ враговъ, несчастныя полуокоченѣвшія дрохвы летаютъ обратно въ горы. Но, если онѣ ранены, имъ не уйти отъ преслѣдователей. Какъ кошки, карабкаются балаклавцы на утесы и, найдя свою жертву и споря за обладаніе ею, буквально рвутъ ее, живую, на части, предвкушая вкусное блюдо...

Въ Крещеніе въ Балаклавѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ крымскаго побережья, ежегодно справляется старыи южно-русскій религиозный обычай. Я видѣлъ его въ 1907 году.

По окончаніи церковной службы крестный ходъ приближается къ пристани, находящейся противъ одной изъ балаклавскихъ гостиниць. Пристань, по случаю праздника, украшена флагами. Посреди бухты стоитъ, тоже разукрашенная, хорошенькая лодка, гдѣ сидятъ восемь рыбаковъ въ накинутыхъ на плечи кожухахъ. На глазахъ многочисленной публики, при сѣверномъ вѣтрѣ и двухъ градусахъ мороза, рыбаки раздѣваются' донага, затѣмъ опять накидываютъ кожухи и въ самыхъ живописныхъ позахъ, босые, простаиваютъ добрыхъ полчаса, ожидая конца молебна. Но вотъ молебенъ конченъ, и священникъ бросаетъ въ воду съ берега деревянный крестъ. Тогда всѣ восемь челоѣкъ, моментально скинувъ съ себя кожухи, кидаются въ воду и плывутъ за крестомъ.

— Сашка браво! Сашка молодець!— раздаются въ толпѣ крики похвалы по адресу лучшаго мѣстнаго пловца.

Вотъ онъ первый доплылъ до креста, приложился къ нему въ водѣ и передалъ его другимъ. Потомъ всѣ поплыли обратно и стали влѣзать на поджидавшія ихъ лодки. Не обтираясь, съ накинутыми на плечи кожухами, рыбаки бѣгомъ пустились по снѣгу, босые, къ дому, гдѣ ихъ ждала солидная порція водки. На другой день я видѣлъ, какъ наши спортсмены гуляли по городу, какъ ни въ чемъ не бывало...

Лично я, несмотря на всѣ отрицательныя стороны балаклавской жизни, не могу согласиться съ тѣмъ рѣзкимъ отзывомъ, который далъ о ней покойный Евгений Львовичъ Марковъ. Онъ не могъ говорить со мной о Балаклавѣ равнодушно и въ свое время аттестовалъ ее и г.г. балаклавцевъ такъ: «Балаклава—прескучный и прегрязный городишко, теперь даже просто мѣстечко, биткомъ набитое горбоносыми, черноволосыми и черноглазыми греками. Это чисто племя коршуновъ, пріютившееся на пустынныхъ скалахъ уединеннаго рыбообильнаго залива. Они ловятъ рыбу, ѣдятъ эту рыбу, продаютъ эту рыбу и, кажется, больше ничего не знаютъ и знать не хотятъ. Это потомки греческихъ корсаровъ, поселенныхъ тутъ

послѣ Наваринскаго боя (sic). На меня производятъ особенно неприятное впечатлѣніе эти фізіономіи хищной птицы, носатыя, узколобыя, съ выраженіемъ алчности и тупоумія въ глазахъ» ¹⁾).

Отъ такой характеристики не поздоровится.

А мнѣ, кончая свою статью, хочется, забывъ злыя строки незлобиваго Евгенія Львовича и недочеты Балаклавы,—въ надеждѣ на ея «исправленіе»,—повторить заключительныя слова прекрасной книги того же автора о древней Тавридѣ: «Кто дышитъ Крымомъ, тотъ дышитъ радостью жизни, поэзіи, долголѣтіемъ. Слѣшите же уходить въ Крымъ, кто можетъ, кому еще время!»

В. А. Алексѣевъ.



¹⁾ Очерки Крыма. Изданіе четвертое (Спб. 1911). Стр. 317.



КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Баронъ Н. Н. Врангель. *Вѣнокъ мертвымъ. Художественно-историческія статьи.* Спб. 1913. Стр. 187. Ц. 2 р. 25 н.



ВНИГА эта невольно вызываетъ къ себѣ интересъ и сочувствіе любовью автора къ русской художественной старинѣ и даваемыми имъ цѣнными свѣдѣніями по исторіи художества въ Россіи. Досадно тѣмъ болѣе читать въ предисловіи автора книги, что, по его мнѣнію, «красной чертой нашей исторической карты» является «самодурный духъ русскаго человѣка», который «почти всегда и неизмѣнно объясняетъ его поступки и его творчество». «За двумя-тремя исключеніями (Левицкій въ живописи, Пушкинъ—въ литературѣ) русское искусство страдало косноязычіемъ». «Тѣмъ цѣнише и дороже намъ тѣ крупницы подлинной красоты, которыя иногда мы находимъ... Въ поискахъ за этими рѣдкими жемчужинами мы стали оглядываться на прошлое...—и эта ретроспективность свидѣтельствуетъ объ исключительномъ убоженствѣ современной Россіи». Нечего и говорить, что эти взгляды автора должны стоять особнякомъ до тѣхъ, по крайней мѣрѣ, порѣ, пока не найденъ будетъ «нормальный» путь духовнаго развитія народовъ, а равно не указаны будутъ характеристическія черты «самодурства» цѣлаго народа. Авторъ жалѣетъ также, что, рассматривая наше искусство, мы не можемъ отдѣлить его внѣшность отъ его содержанія, что мы должны писать о бытѣ, когда надо писать объ эстетикѣ... «А писать объ искусствѣ и говорить о бытѣ развѣ не есть униженіе перваго?» «Я не виноватъ,—добавляетъ почтенный авторъ:—что вѣнокъ, который я приношу моимъ мертвымъ друзьямъ,—вѣнокъ съ шипами». Разумѣется, говорить такъ можетъ лишь профессиональный художникъ. Съ общей же исторической точки зрѣнія, которая стремится

объединить въ одномъ фокусѣ разнообразную дѣятельность человѣческаго духа, указать на взаимодѣйствіе и связь важнѣйшихъ его проявленій, мы даже радуемся «пишамъ» его вѣнка и ставимъ ихъ въ особое достоинство его книгъ.

Въ книгѣ собраны четыре статьи автора, помѣщавшіяся ранѣе въ періодическихкихъ изданіяхъ: «Русская женщина въ искусствѣ», «Романтизмъ въ живописи Александровской эпохи и Отечественной войны», «Помѣщичья Россія» и «Иностранцы XVIII вѣка въ Россіи». Послѣдняя статья, занимающая почти половину всей книги, является содержательной характеристикой всѣхъ важнѣйшихъ иностранцевъ-художниковъ XVIII вѣка, пріѣзжавшихъ въ Россію и такъ или иначе оставившихъ въ ней слѣды своей дѣятельности. По своей сжатости и точности сообщаемыхъ свѣдѣній, статья эти составляетъ цѣнный вкладъ въ литературу по исторіи русскаго искусства въ XVIII вѣка, хотя жаль, что авторъ вынужденъ былъ отвести болѣе мѣста тѣмъ именно художникамъ, которымъ онъ придаетъ меньшее значеніе, какъ Виже-Лебрень (старшій) и Тончи; безъ сомнѣнія, это зависѣло отъ характера матеріаловъ, положенныхъ въ основаніе его статьи. Вліянію на русское искусство художниковъ французскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ, шведскихъ и датскихъ авторъ посвящаетъ отдѣльныя главы. Предъ нами вереницею проходятъ лучшіе представители западнаго искусства, работавшіе въ Россіи, преимущественно въ области портретной живописи (ибо предки наши думали объ увѣковѣченіи себя и своихъ близкихъ), со всѣми особенностями ихъ національнаго творчества. Попутно читатель знакомится здѣсь и съ выдающимися произведеніями ихъ, хотя значительная часть этихъ произведеній безслѣдно пропала въ варварской Россіи, особенно при пожарахъ (напримѣръ, въ Москвѣ въ 1812 году) и разгромѣ и развалѣ помѣщичьихъ усадьбъ. Въ концѣ концовъ авторъ приходитъ къ нелестному выводу о вліяніи иностранцевъ на русское искусство. По взгляду автора, русскіе люди не столько учились, воспринимая европейскую культуру, сколько «играли» въ европейцевъ. «Развѣ не играли у насъ художники въ російскихъ Фидіевъ и Буонаротовъ, богатые помѣщики въ Roi-Soleil, а вся Россія въ Европу?» XVIII вѣкъ въ Россіи былъ вѣкомъ сплава разныхъ кровей и культуръ, спайки дикарства съ цивилизаціей... Въ области «трехъ знатнѣйшихъ художествъ либо въ современной «петербургской Россіи мало что сдѣлано чисто славянскою расой, либо многое, что мы считаемъ «своимъ» и «отечественнымъ», только кажется намъ таковымъ. Вѣдь не признаемъ же мы «чисто русскими» донна Сальватора Тончи, прозваннаго въ Москвѣ Николаемъ Ивановичемъ, Ореста Кипренскаго—сына Адама Карловича Швальбе, «отца русскаго жанра» Венеціанова—изъ фамиліи Фармакки Венеціано и Карла Брюлло, получившаго «вѣ твердый знакъ» по высочайшему повелѣнію?» Такой выводъ, конечно, былъ бы понятенъ и естествененъ только въ концѣ статей, посвященныхъ исторіи *русскаго* искусства; едва ли онъ уместенъ въ статьяхъ, посвященныхъ вліянію иностранцевъ на русское искусство, и то не во всей области «трехъ знатнѣйшихъ художествъ», а преимущественно въ рамкахъ портретной живописи.

Эти безотрадныя выводы барона Н. Н. Врангеля до нѣкоторой степени смягчаются характеромъ трехъ прочихъ его статей, нами указанныхъ, гдѣ

нашъ уважаемый авторъ плачетъ и горюетъ по поводу исчезновенія и уничтоженія русской художественной старины XVIII и начала XIX вѣка руками прошлыхъ, настоящихъ и грядущихъ хамовъ. Въ авторѣ говоритъ уже не профессиональный художникъ, а историкъ и притомъ, несмотря на его иностранную фамилію, русскій по духу человѣкъ. Вопреки взгляду своему, высказанному въ предисловіи, что униженіемъ для искусства является разсмотрѣніе его съ точки зрѣнія быта, а не эстетики, баронъ Врангель въ статьѣ своей «Иностранцы въ Россіи» указываетъ важное значеніе быта при уясненіи исторической цѣнности художественныхъ произведеній. «Если смотрѣть на живопись, скульптуру и архитектуру, — говоритъ онъ, — не только какъ на гармоническое сочетаніе линій, красокъ и формъ, но и какъ на нѣкое болѣе значительное и великое проявленіе человѣческаго духа, то естественной и понятной станетъ связь между жизнью народа и его представителей и тѣми статуями, картинами и домами, которые создавались для этихъ людей». Вотъ эту связь и старается уловить авторъ въ указанныхъ выше статьяхъ совершенно независимо отъ чисто художественной цѣнности памятниковъ старины, что не всегда удастся историкамъ художествъ. Въ статьѣ «Русская женщина въ искусствѣ» предъ нами проходитъ историческая галерея типовъ русскихъ женщинъ времени Петра Великаго, Анны Іоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Александра I, Николая I и Александра II, хотя должно сказать, что это типы только русскихъ «барынь» и «барышень» высшаго слоя русскаго общества, ибо только онѣ думали о своемъ увѣковѣченіи. Для каждой эпохи живописцы-портретисты, сознательно и безсознательно, вырабатываютъ извѣстные приемы творчества въ изображеніи лица и аксессуаровъ. Духъ времени налагалъ на нихъ «особый отпечатокъ», что замѣчено было еще Фамусовымъ въ «Горѣ отъ ума». Каринно и исторически вѣрно изображаетъ его баронъ Врангель въ другой своей статьѣ: «Романтизмъ въ живописи Александровской эпохи и Отечественной войны».

Съ особеннымъ чувствомъ и любовью къ предмету написана авторомъ статья «Помѣщичья Россія», разумѣется, съ художественной стороны. Конечно, въ ней вы не найдете уже успѣвшихъ надобѣть читателямъ картинъ злоупотребленій крѣпостными правами. Авторъ имѣетъ въ виду тѣ «культурныя» деревенскія дворянскія гнѣзда съ ихъ полукультурными, полусамодурными хозяевами, которыми была полна Россія въ началѣ XIX вѣка и отъ которыхъ теперь остались одни воспоминанія. Крѣпостной періодъ въ исторіи нашей живописи и, главнымъ образомъ, архитектуры и прикладного искусства далъ много занимательнаго, характернаго и даже подлинно-красиваго. Пусть въ чудныхъ усадьбахъ того времени, въ ихъ внутренней обстановкѣ сказалось много помѣщичьяго самодурства, но въ общемъ помѣщичья крѣпостная культура дала много нѣжныхъ, красивыхъ цвѣтковъ искусства, проводила европейскую культуру въ самые низы населенія. Нѣкоторыя усадьбы, особенно фаворитовъ Екатерины, являлись живыми картинами изъ волшебныхъ сказокъ среди русскихъ болотъ и лѣсовъ. Разведеніе фруктовыхъ и декоративныхъ садовъ, столярныя и механическія работы требовали своихъ русскихъ мастеровъ, учившихся сначала, конечно, у иностранцевъ; явились и свои крѣпостные

художники, преимущественно живописцы, из которых многие прошли основательную школу в столицах. Помѣщики жили часто безвыѣздно в своих усадьбах и устраивали все не для себя только, но и для своих потомков. Но, увы, безжалостная рука времени смела эти гнѣзда культуры: даже около Петербурга и Москвы мало осталось старинныхъ усадебъ, а в большинствѣ сохранившихся расположились фабрики, сумасшедшіе дома и другія учрежденія общаго пользованія. Между тѣмъ, каждая изъ этихъ усадебъ, если бы сохранилась в первоначальномъ своемъ видѣ, представляла бы выдающійся историко-художественный музей. И не одни настоящіе и грядущіе хамы, не одни революціонеры уничтожали эти усадьбы: ихъ уничтожали бессмысленно «европеизующіе» потомки основателей этихъ усадебъ, иногда просто для очищенія мѣста: сжигались чудная мебель, картины, бібліотеки... Этотъ вандализмъ потомковъ лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ, на какомъ непрочномъ культурномъ основаніи построены были эти гнѣзда. И, положивъ руку на сердце, кто скажетъ, что онъ не продолжается и в настоящее время? Къ несчастью, в этомъ отношеніи небольшую разницу можно установить между русскими «хамы» и не «хамы», революціонерами и самыми консервативными людьми, подонками общества и знатнымъ русскимъ барининомъ, гуляющимъ в Трувиллѣ или в Елисейскихъ поляхъ. Нѣтъ традицій, нѣтъ истинной культуры...

Е. Шумигорскій.

Собраніе памятниковъ церковной старины въ ознаменованіе трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ. Москва. Чудовъ монастырь. 1913. Стр. 82. Цѣна 5 руб.

Передъ нами роскошно изданный, изящный альбомъ большого размѣра квадратной формы в плотной бумажной обложкѣ съ рисункомъ золотой парчи конца XVII столѣтія. Альбомъ составляетъ иллюстрированное описаніе выставки, открытой в Москвѣ, в митрополичьихъ покояхъ Чудова монастыря и удостоенной в маѣ мѣсяцѣ сего года посѣщеніемъ Государя Императора. Описаніе сопровождается множествомъ рисунковъ, болѣе 115, в томъ числѣ нѣсколькихъ цвѣтныхъ—снимковъ съ помѣщенных на выставкѣ предметовъ. Послѣдніе собраны изъ монастырей, соборовъ, храмовъ и разницъ Москвы и ея епархіи, изъ древлехранилищъ—Оружейной палаты, музеевъ и архивовъ за царскій періодъ дома Романовыхъ, дополненный нѣкоторыми памятниками послѣдующихъ временъ, заканчиваясь драгоцѣнными облаченіями, пожертвованными Государыней Императрицей Александрой Ѳеодоровной в Чудовъ монастырь по случаю рожденія Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича. Являясь главнымъ образомъ собственными вкладыми в храмы царей и ихъ семействъ, нѣкоторые изъ памятниковъ представляютъ даже ихъ собственноручную работу. Свидѣтели давно минувшихъ временъ, памятники представляютъ церковные сосуды, изъ которыхъ причащались государи и ихъ современники, евангелія и служебники, по которымъ совершалось богослуженіе, кресты, къ которымъ они прикладывались, иконы и плащаницы, предъ которыми они молились. Къ нимъ же относятся принадлежности церковнаго богослуженія—бла-

ченія, пелены, воздухи и присоединены портреты, письменность—рукописи, старопечатныя книги, грамоты и т. д., за царскій же періодъ.

Прежде всего нельзя не привѣтствовать самой идеи устройства подобной выставки. До сихъ поръ церковныя предметы старины были раскинуты по разнымъ ризницамъ и хранилищамъ, иногда даже недоступнымъ для обозрѣнія. Любителямъ нужно было ѣздить по разнымъ обителямъ, хлопотать о разрѣшеніи и не всегда успѣшно добиваться осмотра. Теперь на Романовской выставкѣ въ Чудовомъ монастырѣ представлены самыя рѣдкіе, самыя замѣчательныя памятники церковной старины въ совокупности изъ всѣхъ хранилищъ Москвы и ея губерніи въ стройной системѣ, необычайной цѣнности, какъ по ихъ стоимости, такъ и по значенію въ исторіи русскаго искусства. Можно пожелать, чтобы настоящая выставка, первая въ своемъ родѣ, не явилась лишь отголоскомъ юбилейныхъ торжествъ трехсотлѣтія, а періодически возобновлялась для слѣдующихъ поколѣній, расширяясь и пополняясь новыми предметами, чтобы, наконецъ, она могла представить всероссійское собраніе памятниковъ церковной старины и, можетъ быть, остаться таковымъ навсегда.

Иллюстрированное описаніе предметовъ, заглавіе котораго приведено выше, является изданіемъ московской церковной комиссіи, состоящей подъ предѣтельствомъ преосвященнаго Анастасія, епископа серпуховскаго, оно расположено по царствованіямъ, или «палатамъ», царей: 1) Михаила Ѳеодоровича и его родителей, 2) Алексѣя Михайловича, 3) Ѳеодора, Иоанна и Петра Алексѣевичей и 4) разныхъ царствованій. Помимо своего выдающагося историческаго достоинства вообще, выставленные памятники имѣютъ крупное научное значеніе для исторіи многихъ отдѣльныхъ древнерусскихъ церковныхъ искусствъ: иконописи, золотого, серебрянаго, финифтянаго (эмалеваго) дѣла, чеканнаго, золотошвейнаго и др. Въ первой палатѣ замѣчательна икона «Умиленія» Божіей Матери, передъ которою въ тиши своей келліи молилась великая старца Марѳа Ивановна, мать царя Михаила Ѳеодоровича: двѣ панагіи, парамандъ (четыреугольный платъ, носимый на груди), «петельчатый» саккосъ, клубокъ, три драгоценныхъ посоха и столовая книга патріарха Филарета Никитича, его же большая «кацея» или кадилница въ видѣ сплюснутаго серебрянаго шара съ массивнымъ рукоятіемъ, вышедшая нынѣ изъ употребленія. Огромная лампада, бывшая висячею, царя Михаила Ѳеодоровича, въ нее вливался воскъ и горѣло нѣсколько свѣтиленъ, «миса», или серебряно-вызолоченный сосудъ его же. Покровъ на гробницу царя Михаила Ѳеодоровича малиноваго бархата, крестъ составленъ изъ сорока трехъ золотыхъ дробницъ, украшенъ жемчугомъ, сапфиромъ и изумрудами, по сторонамъ креста вышиты жемчугомъ трость и копіе, а въ подножіи голова Адама, и близъ нея буквы «г. А». и еще четыре буквы «м. л. р. б.», которыя составители «Иллюстрированнаго собранія» переводятъ по обычаю, воспринятому у грековъ, такъ: «Мѣсто лобное рай бысть». Здѣсь же выставлено евангеліе съ замѣчательными украшеніями досокъ—вкладъ царя Михаила Ѳеодоровича и его отца патріарха Филарета Никитича Троице-Сергіевой лавры. Вся верхняя доска обложена чеканнымъ золотомъ и драгоценными камнями. Надъ изображеніемъ Воскресенія Христова укрѣпленъ изъ некрупныхъ рубиновъ, по-старинному—«лаловъ», крестъ, а сверху его на среднемъ

рубинѣ чрезвычайно искусно выгравировано Распятіе Господне, до того мелкой работы, что его невооруженнымъ глазомъ едва видно; кругомъ же перекрестія на другихъ рубинахъ миниатюрныя же надписи: «Царь славы, Иисусъ Христосъ, Ни-ка». Еще замѣчательнъ въ этомъ же отдѣлѣ (№ 77) крестъ на престольный, вкладъ патріарха Филарета Никитича въ Новоспасскій монастырь, онъ четырехконечный, рѣзной изъ пальмоваго дерева, въ рукоятіи украшенія изъ рѣдкой «перегородчатой» финифти. Наконецъ въ старинномъ серебряномъ складнѣ, на которомъ видно, однако, вліяніе уже западнаго искусства, выставлена икона «Взыграніе младенца», моленная царицы Анастасіи Романовны, дивнаго писанія, приписываемая кисти Андрея Рублева. Въ «Собраніи» (№ 84) помѣщенъ ея снимокъ въ краскахъ, очень живо иллюстрирующій подлинникъ.

Въ «палатѣ» царя Алексѣя Михайловича «Собраніе» указываетъ цѣлый рядъ вещей, имѣвшихъ прямое отношеніе къ самому «тишайшему» царю или его семейству, главнымъ образомъ изъ излюбленнаго имъ Саввино-Сторожевскаго монастыря, бережно сохранявшаго его память. Рукописная псалтирь, по которой онъ учился грамотѣ, спорокъ «персидскаго» краснаго атласа съ золотыми травами съ его шубы, кушакъ его же, скатерть столовая дорогами съ золотыми же травами, ножикъ и вилка съ серебряными черенками его же (№ 66), опашень его супруги царицы Маріи Ильиничны—оранжевой объяри съ травами и дорогами (№ 98); два кресла «тишайшаго» царя и его первой супруги, обитыя кизылбашской камкой, уже довольно ветхія (№ 11 и 12). Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщенъ художественный снимокъ съ знаменитой иконы Владимирскія Божія Матери (№ 20), писанной «русскимъ» Рафаэлемъ Симономъ Ушаковымъ, гдѣ имѣется миниатюрное изображеніе царя Алексѣя Михайловича, его первой супруги и двухъ ихъ сыновей¹⁾. Если по старинному укладу русской жизни царица являлась главною начальницею и руководительницею ея многочисленныхъ мастерскихъ палатъ, то въ отношеніи Маріи Ильиничны, урожденной Милославской, можно еще прибавить, что она, судя по имѣющимся на выставкѣ предметамъ ея трудовъ, была сама и первой работницей. Исполненная ею подвѣсная пелена къ престолу съ изображеніемъ преп. Саввы (№ 26) до сихъ поръ поражаетъ тонкостью работы, изяществомъ подобранныхъ цвѣтовъ, комбинаціей сюжета и, наконецъ, художественнымъ воспроизведеніемъ деталей. Весь фонъ пелены золотой, выполненъ «сканью», или золотыми кручеными нитками, столь плотно соединенными между собою, какъ въ наше время можетъ сдѣлать только машина, а на пеленѣ «скань»—ручной работы. Одежда п. еподоблаго—шерстяной матеріи трехъ цвѣтовъ: коричневаго, зеленаго и синяго, вѣнчикъ, кресты и надписи низаны жемчугомъ. Кругомъ изображенія пр. Саввы двадцать квадратныхъ рисунковъ, шитыхъ шелками и разноцвѣтными матеріями, передають лицевыя житія угодника. Несмотря на то, что пеленѣ исполнено почти двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, она до сихъ поръ поражаетъ колоритностью и сочностью цвѣтовъ точно только что оконченнаго рукодѣлія.

¹⁾ Этой иконѣ п. Симону Ушакову покойнымъ Г. Д. Филимоновымъ посвящено цѣлое изслѣдованіе въ «Сборникѣ общества древне-русскаго искусства при Моск. Публичн. Музеѣ». 1873 г.

Митра патріарха Никона, называемая «большою короною» (№ 58), вкладъ царя Алексѣя Михайловича «въ память боярина Никиты Ивановича Романова» (его двоюроднаго дяди), замѣчательна необыкновенною роскошью и величиною. Она вся золотая, низъ осыпанъ драгоценными камнями и кафимскимъ жемчугомъ. Надъ нижнимъ обручемъ исполненныя изъ финифти изображенія Спасителя и двѣнадцати апостоловъ, выше изъ русской толстой финифти—Алексѣя челоуѣка Божія и Маріи Египетской, соименныхъ царю и царицѣ.

Столь же искусною по работѣ, какъ и пелена царицы Маріи Ильиничны, представляется плащаница Успенскаго собора (№ 256). Она изъ малиноваго бархата, шита золотомъ, серебромъ и шелками. Скорбящая Богородица на колѣняхъ держитъ голову лежащаго Спасителя, въ ногахъ Его Никодимъ, Іосифъ, Іоаннъ Богословъ и далѣе мироносицъ. Въ углахъ плащаницы символы четырехъ евангелистовъ. Кругомъ плащаницы кайма зеленого бархата, украшенная въ три ряда золотымъ шитьемъ: въ первомъ—словами тропаря «Благообразный Іосифъ», во второмъ—херуримами и двойными кругами съ крыльями и въ третьемъ—растительнымъ орнаментомъ. Внизу между четырьмя ангелами съ рипидами надпись: «Создасе сіе и принесесе въ царствующій градъ Московскій во днѣхъ державы побѣдосца и царя Алексѣя Михайловича, пріархуючи (такъ) блаженному пріарху Никонъ въ лѣто 7165» (1654—1655). Такъ какъ исторія этой плащаницы неизвѣстна, то составители «Иллюстрированнаго собранія» думаютъ, что она прислана царю или изъ Стараго Іерусалима, или же изъ Кіева по присоединеніи къ Москвѣ Малороссіи, за что говоритъ многое и между прочимъ характеръ буквъ въ надписи: «буква «с» изображена, какъ греческая сигма, а послѣдняя буква «п» въ словѣ Никонъ—латинская.

Замѣчательно евангеліе на престолѣ—вкладъ царицы Наталіи Кирилловны въ Успенскій соборъ 1693 года (№ 83). Прежде всего оно огромнаго размѣра, около одного аршина высоты, вѣсу въ немъ два пуда. Обѣ доски золотыя. На передней на мѣстѣ обычнаго «средника», или разлѣтія, три изумительныхъ по величинѣ изумруда-камей, съ выгравированнымъ на нихъ полнымъ Деисусомъ: на первомъ—въ діаметрѣ почти въ вершокъ—Спаситель на престолѣ, а на двухъ другихъ—Богоматерь и Іоаннъ Предтеча. По угламъ доски финифтяныя изображенія евангелистовъ чрезвычайно тонкой работы, а вся она украшена симметрично расположенными финифтяными же орнаментами,—травами, соединенными съ алмазами, изумрудами и разныхъ цвѣтовъ яхонтами и, наконецъ, въ отдѣльныхъ заплатахъ—тѣ же камни, большихъ размѣровъ. Въ работѣ замѣтно вліяніе и западнаго искусства и древне-русскаго высокаго качества.

Въ палатѣ разныхъ царствованій имѣется одинъ изъ самыхъ старинныхъ портретовъ русскихъ—портретъ патріарха Никона въ ростъ съ посохомъ въ рукѣ, писанный до 1658 года масляными красками на полотнѣ нѣмчиномъ Ивановомъ Детерсомъ (изъ «Угры»—Венгріи), поступившимъ въ Москву на службу еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ 1643 году. Интересенъ также портретъ царевны Софіи Алексѣевны, очень миловидной, работы А. Антропова 1772 года (№ 13).

Наконецъ, въ послѣднемъ отдѣлѣ «Собранія» заслуживаетъ глубокаго вни-

манія евангеліе Архангельскаго собора, вкладъ царицы Марѣи Матвѣевны, урожденной Апраксиной, второй жены Θεодора Алексѣевича. Оно прежде всего рукописное крупнымъ уставомъ и по преданію писано самою вкладчицею, въ текстѣ художественно исполненныя красками изображенія евангелистовъ, каждаго у своего труда, и тонкой работы орнаментныя заставки. Обѣ доски золотыя и столь же цѣнно украшены, какъ и евангеліе Наталіи Кирилловны, 799 драгоценными камнями—алмазами, рубинами, изумрудами, а также жемчугомъ. Финифтяныя украшенія, напримѣръ, четырехъ евангелистовъ, исполнены рельефомъ и цѣнны тѣмъ, что представляютъ поворотъ отъ прежнихъ ихъ образцовъ къ новымъ французскимъ, къ такъ называемой «лиможской эмали».

Съ рѣдкимъ вкусомъ и роскошью исполнены большіе золотые сосуды—потиръ, дискосъ, звѣздца и два блюда, вкладъ царя Θεодора Алексѣевича въ Успенскій соборъ (№ 36). Золота въ нихъ болѣе тридцати фунтовъ. Они украшены финифтью, изумрудами, яхонтами и рубинами. Другіе сосуды также золотые—вкладъ царицы Феодосіи и Маріи Алексѣевны въ Чудовъ монастырь (№ 38)—отличаются изящною стилистикою и въ то же время простотою. Цѣлый рядъ напрестольныхъ золотыхъ и серебряныхъ крестовъ (№№ 11—15, 40 и 40б), вклады царей Θεодора, Иоанна и Петра Алексѣевичей и ихъ сестеръ, въ большинствѣ украшены финифтью и чернью, въ ихъ числѣ крестъ Симонова монастыря (№ 14)—семиконечный. Два саккоса патріарха Адриана (№№ 53 и 54) изъ золотнаго аксамита (бархата), подложеннаго тафтою червчатою, обнизаны жемчугомъ, сдѣланы на поминаніе царей Алексѣя Михайловича и Иоанна Алексѣевича изъ ихъ верхнихъ платьевъ.

Всего въ «Собраніи памятниковъ церковно-исторической старины», выставленныхъ въ Москвѣ въ Чудовомъ монастырѣ, описано ровно триста предметовъ; для науки каждый изъ нихъ цѣненъ въ томъ или другомъ отношеніи, нами же, конечно, отмѣчены лишь нѣкоторые. «Собраніе» отпечатано на отличной бумагѣ, имѣеть болѣе ста прекраснѣ исполненныхъ рисунковъ, изъ которыхъ часть цвѣтныхъ, даетъ характеристику вещей порою старыми монастырскими описями; въ виду примѣрной добросовѣстности и полноты изданія, цѣна его является положительно дешевой, его смѣло можно рекомендовать бібліотекамъ духовныхъ семинарій и училищъ и гражданскихъ средне-учебныхъ заведеній, а равно вниманію всѣхъ любителей родной старины.

И. О. В.

Профессоръ Н. Петровъ. Альбомъ достопримѣчательностей церковно-археологическаго музея при кievской духовной академіи. Выпускъ I. Коллекція синайскихъ и ѳонскихъ иконъ преосвященнаго Порфирія Успенскаго. Кіевъ. 1912. In folio. Стр. 17 и 21 таблица снимковъ. Цѣна 2 руб. 50 коп.

При матеріальномъ содѣйствіи бывшаго ректора кievской академіи, преосвященнаго Феодосія, нынѣ епископа оренбургскаго и тургайскаго, давшаго средства на изданіе перваго выпуска, маститымъ профессоромъ Н. И. Петровымъ предпринято интересное изданіе «Альбома достопримѣчательностей» кievскаго

церковно-археологическаго музея, которое смѣло можно назвать настольнымъ и необходимымъ для всѣхъ занимающихся церковною археологіей. Появленіе его въ сферѣ научнаго обращенія слѣдуетъ только привѣтствовать. Хотя мысль о подобномъ изданіи являлась у многихъ лицъ, но, очевидно, за отсутствіемъ денежныхъ средствъ до послѣдняго времени оставалась, къ сожалѣнію, невыполненной.

Въ первый выпускъ «Альбома» включено описаніе такъ называемой Порфирьевской коллекціи византійскихъ иконъ, какъ наиболѣе важной въ церковно-археологическомъ отношеніи. Коллекція эта преосвященнымъ Порфиріемъ Успенскимъ еще при жизни была опредѣлена въ передачѣ въ академическій музей, но передана была только послѣ его смерти, въ августѣ мѣсяцѣ 1885 года.

Въ заключеніе нельзя не указать, что дальнѣйшее продолженіе изданія зависитъ отъ матеріальнаго успѣха напечатанныхъ уже выпусковъ, такъ какъ выручку отъ продажи перваго выпуска предполагается обратить на изданіе слѣдующаго выпуска «Альбама» и т. д.

Д. Бочковъ.

А. В. Жиркевичъ. Жизнь во Христѣ старца Зосимы, въ мірѣ Дм. Рашина. (Его біографія). Вильна. 1913. Стр. 318. Ц. 1 р. 25 к.—Онъ же. Архимандритъ Зосима (въ мірѣ Дмитрій Рашинъ) былъ невиновенъ... (Исторія еще одной судебной ошибки). Вильна. 1913. VIII+211 стр. Ц. 1 р. 50 к.

26-го января 1912 года въ Сурдегскомъ монастырѣ Ковенской губерніи скончался извѣстный въ свое время архимандритъ Зосима, удивительный проповѣдникъ, «прозванный русскимъ Златоустомъ», подвижникъ и видный администраторъ.

Сынъ одного очень высокопоставленнаго лица и еврейки, въ мірѣ Дмитрій Александровичъ Рашинъ, покойный родился 24-го октября 1840 года, гдѣ— неизвѣстно точно, но, повидимому, въ одномъ изъ городовъ Сѣверо-Западнаго края. Воспитывался Дмитрій Рашинъ на казенный счетъ въ корпусѣ и по окончаніи курса былъ опредѣленъ на службу по военному вѣдомству въ штабъ шестого армейскаго корпуса, затѣмъ служилъ въ интендантствѣ.

Несмотря на то, что молодой человекъ успѣшно подвигался по службѣ и пользовался общою любовью и уваженіемъ, онъ отказался отъ предстоявшей ему блестящей карьеры и, слѣдуя сердечному влеченію, принялъ, на двадцать седьмомъ году жизни, монашество въ кievскомъ Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ.

1-го ноября 1869 года Рашинъ былъ рукоположенъ въ санъ іеродіакона, подъ именемъ Зосимы, а затѣмъ переведенъ для миссіонерской дѣятельности въ иркутскую епархію и 24-го іюня 1872 года рукоположенъ въ іеромонахи.

Прослуживъ въ Сибири нѣсколько лѣтъ, о. Зосима выстроилъ, въ семи верстахъ отъ Красноярска, на берегу Енисея, мужской общежительный монастырь, истративъ на это до семидесяти пяти тысячъ рублей, а затѣмъ въ сорока пяти верстахъ отъ того же Красноярска положилъ основаніе другой обители— Зналонской женской, обезпечивъ ее на вѣчное время вкладомъ въ двадцать

Истор. вѣстн., сентябрь 1913 г., т. сxxxiii.

21

пять тысяч рублей. Служба в Сибири была очень трудна, поэтому о. Зосима, бывший тогда уже в санъ игумена, был переведен на службу в Крым, во Владимірскій херсонесскій монастырь, и, наконецъ, назначенъ настоятелемъ краснослободскаго Спасо-Преображенскаго монастыря. 17-го апрѣля 1886 года о. Зосима былъ возведенъ в санъ архимандрита, но затѣмъ, нѣсколько времени спустя, его неожиданно отправили в число братіи Соловецкаго монастыря. Здѣсь онъ пробылъ пять лѣтъ, послѣ чего его перевели в Николо-Прилуцкій Успенскій монастырь, в сорока трехъ верстахъ отъ города Великаго Устюга: соловецкимъ монахамъ не нравился ихъ строгій обличитель...

Но и в Николо-Прилуцкомъ монастырѣ о. Зосима не нашелъ себѣ покоя. Противъ него начались интриги со стороны епископа Варлаама. Послѣдній добился наконецъ того, что о. Зосиму в 1892 году «для пользы службы», къ глубокому горю устюжанъ, сослали в «арестантское» отдѣленіе знаменитаго суздальскаго Спасо-Евфиміевскаго монастыря. Но энергичный, никогда не поклававшій рукъ Зосима добился-таки полнаго своего оправданія. Тогда его послали, в 1895 году, миссіонеромъ в Красноуфимскій уѣздъ пермской епархіи. Здѣсь онъ основываетъ третью обитель—Боголюбскій миссіонерскій общежительный монастырь в селѣ Сарсахъ-Вторыхъ, истративъ на это до двухсотъ тысячъ рублей. При монастырѣ была устроена школа-пріютъ для крещенныхъ дѣтей инородцевъ, богадѣльня и мастерскія. Для о. Зосимы этотъ монастырь былъ «вполнѣ дорогое родное дѣтище». Здѣсь его горячо любили, здѣсь онъ пользовался огромной популярностью даже среди окрестнаго населенія, здѣсь заранѣе приготовилъ онъ себѣ и могилу.

Но не суждено было лечь в нее его костямъ: надъ нимъ разразилось страшное несчастье.

Въ началѣ 1903 года шестидесятитрехлѣтняго архимандрита вдругъ переводятъ в Крестовоздвиженскій монастырь в Дубно, на время производства надъ о. Зосимой слѣдствія по обвиненію его в изнасилованіи двухъ пріютскихъ дѣвушекъ. Въ этомъ преступленіи обвиняла старца бывшая попадья Дарья Плотникова, алкоголичка и женщина распутнаго поведенія, а главнымъ свидѣтелемъ со стороны обвиненія выступилъ священникъ Никодимъ Удюрминскій, писавшій о. Зосимѣ, когда послѣдній былъ ему нуженъ, елейныя посланія, а на судѣ забывшій долгъ присяги (подробный разборъ его «показаній»—стр. 107—123 второй книги г. Жиркевича).

Долго тянулось слѣдствіе, и только 30-го сентября 1905 года «виновный» предсталъ предъ трибуналомъ. О. Зосиму судили в пермскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, и приговорили къ одиннадцатилѣтнимъ каторжнымъ работамъ, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

Обвиняемый отказался отъ защиты вообще и, связанный каноническими правилами, ни слова не сказалъ в свое оправданіе. Въ клеветѣ онъ видѣлъ поущеніе Божіе и подчинился приговору безропотно. Когда ему вынесли рѣшеніе суда, присуждавшее его къ каторгѣ, онъ обратился къ предсѣдателю суда съ вопросомъ: «А есть тамъ Богъ, на каторгѣ?»—«Конечно, есть», отвѣтилъ ему.—«Ну, гдѣ Богъ, тамъ нѣтъ каторги», сказалъ осужденный. Затѣмъ о. Зосима спросилъ, какъ фамилія обвинявшаго его молодого товарища про-

курора. Ему отвѣтили: «Скрипкинь». — «Жалѣю его, — сказали обвиненный: — такъ какъ жестокая кара постигнетъ этого человѣка за хулу, въ лицѣ моемъ, на Духа Святого...»

Дѣло въ томъ, что Скрипкинь слишкомъ усердно — и часто неосновательно — нападалъ на монашество, не останавливаемый председателемъ суда, нѣмцемъ, судившимъ православнаго монаха. Товарищъ председателя суда былъ тоже нѣмецъ, лютеранинъ, относившійся къ монашеству особенно враждебно. Изамѣчательно, что ни одинъ изъ оклеветавшихъ о. Зосиму по процессу не умеръ мирной смертью, начиная съ Дарьи Плотниковой, а Скрипкинь погибъ отъ рака въ горлѣ! (Стр. 208—210 первой книги г. Жиркевича).

Изъ суда о. Зосиму, превратившагося теперь въ арестанта Дмитрія Рашина, отвезли подъ стражей въ пермскую тюремную больницу и затѣмъ шесть лѣтъ таскали изъ тюрьмы въ тюрьму по разнымъ городамъ. Въ тюрьмахъ Рашина преслѣдовали насмѣшки и издѣвательства со стороны товарищей-арестантовъ, а самый приговоръ о немъ былъ встрѣченъ гиканьемъ еврейскихъ и еврействующихъ газетъ опредѣленнаго оттѣнка. Полетѣли комья грязи даже на трупъ, къ сожалѣнію, и со стороны правой печати.

Странствуя по тюрьмамъ, Дмитрій Рашинъ побывалъ и въ Самарѣ, и въ Москвѣ, и снова въ Перми, и, наконецъ, въ Вильнѣ, гдѣ съ нимъ познакомился г. Жиркевичъ, выслушавшій его исповѣдь и получившій отъ него документы, которые должны облѣить его память.

21-го декабря 1911 года Дмитрію Рашину каторжныя работы были замѣнены заключеніемъ на пять лѣтъ въ Сурдегскомъ монастырѣ. Рашинъ пробылъ здѣсь только мѣсяць. Отличавшійся раньше необыкновенно зоркимъ зрѣніемъ и хорошимъ здоровьемъ, онъ представлялъ теперь хилаго старика, ослѣпшаго отъ слезъ, горя и лишений...

Онъ умеръ мирной смертью, и до самаго послѣдняго часа изъ его груди никогда не вырывалось ни одного упрека противъ людей несправедливыхъ и неблагодарныхъ въ отношеніи его. Онъ горячо молился за своихъ судей, гонителей «по невѣдѣнію».

Гласъ народа — гласъ Божій, а для этого народа о. Зосима — архимандритъ и праведникъ, какъ и прежде. Къ такому же отрадному выводу приходитъ и старый юристъ, авторъ разбираемыхъ книгъ. Онъ тщательно пересмотрѣлъ весь процессъ, кошмарный, до сихъ поръ волнующій, смущающій и сбивающій съ толку многихъ, процессъ, гдѣ были такъ грубо нарушены всевозможные законы — и Божескіе, и человѣческіе, и духовные, и уголовные, и административные. Прежде всего производство слѣдствія о православномъ монахѣ было поручено католику-поляку Голишевскому, не понимавшему ни быта православнаго духовенства, ни жизни нашего монашества, ни духа православія. И вотъ этотъ остроумный слѣдователь поручаетъ производство слѣдствія... полуграмотному становому приставу, въ грубое нарушеніе закона, — фактъ единственный въ лѣтописяхъ русскаго суда! Въ обвинительномъ актѣ противъ о. Зосимы нѣтъ ни одной прямой или косвенной улики. Все основано на голословныхъ заявленіяхъ. Судебно-медицинская экспертиза не научна и одностороння. «Растленные» дѣвицы потеряли свою невинность гораздо раньше 1903 года, и ихъ отцу хотѣлось

только содрать съ о. Зосимы десять тысячъ рублей за «молчаніе». Примѣры нарушенія закона авторъ приводитъ цѣлыми десятками. Но самое ужасное еще впереди. Оказывается, что у о. Зосимы давно, неизвѣстно, вслѣдствіе чего, не было половыхъ органовъ; что онъ страдалъ, кромѣ того, грыжей и что именно изъ-за этихъ физическихъ недостатковъ онъ и былъ неспособенъ къ сношенію съ женщинами.

И хочется вмѣстѣ съ авторомъ книгъ сказать: «Архимандритъ Зосима, въ мірѣ Дмитрій Рапинъ, былъ невиновенъ». Нашъ судъ сдѣлалъ ужасную и—что хуже всего уже—непоправимую ошибку.

Къ книгамъ приложено нѣсколько недурно исполненныхъ цинкографій, имѣющихъ отношеніе къ «трудамъ и днямъ» о. Зосимы. В. А.—въ.

Курскій дворянскій Александровско-Николаевскій пансіонъ-пріютъ (1883—1913). Очеркъ исторіи учрежденія. Составилъ В. Н. Рѣшетинскій.

Изъ существующихъ въ Россіи нѣсколькихъ дворянскихъ пансіоновъ-пріютовъ курскій относится къ числу первыхъ по времени своего открытія. Теперешній директоръ пансіона-пріюта В. Н. Рѣшетинскій, въ виду исполняющагося въ настоящемъ году тридцатилѣтія пансіона, составилъ и издалъ очеркъ его исторіи, который представляетъ интересную книжку, рисующую судьбу этого учрежденія, начавшаго очень скромно свою дѣятельность, а теперь уже воспитывающаго до ста учениковъ мѣстныхъ гимнази и реального училища. Собственно изложенію исторіи пансіона предпосланъ очеркъ исторіи благороднаго пансіона при курской мужской гимнази. Пансіонъ-пріютъ былъ основанъ по мысли виднаго общественнаго дѣятеля А. И. Роштока, который основаніе новаго въ Курской губерніи воспитательнаго учрежденія связывалъ съ великими реформами императора Александра II, въ честь котораго онъ и получилъ свое названіе. Въ адресѣ государю дворянства была сказано, что оно въ отвѣтъ на призывъ государя стать во главѣ великаго дѣла—народнаго образованія—и въ ознаменованіе двадцатилѣтія его царствованія, прославленнаго великими реформами, рѣшило устроить пансіонъ для дѣтей бѣдныхъ дворянъ. При помощи пансіона-пріюта сотни дворянъ воспитали своихъ дѣтей, причѣмъ число воспитанниковъ ежегодно возрастало. Авторъ разсматриваемаго нами очерка даетъ списки служившихъ въ пансіонѣ директоровъ, воспитателей и воспитанниковъ, свѣдѣнія о пансіонскихъ стипендіяхъ, въ числѣ которыхъ существуютъ стипендіи имени великаго поэта А. С. Пушкина и наслѣдника цесаревича великаго князя Алексѣя Николаевича.

А. Танковъ.

Юбилейный сборникъ костромскаго церковно-историческаго общества въ память трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ. Изданъ подъ редакцію И. Баженова. Кострома. 1913. (Стр. 122). Цѣна 1 р.

Выпущеннымъ, по благословенію архіепископа Тихона, сборникомъ костромское церковно-историческое общество посильно откликнулось на высоко знаменательные для Костромы дни празднованія трехсотлѣтняго юбилея вос-

шествія на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича. Изданіемъ этимъ костромское церковно-историческое общество, возникшее лишь въ началѣ июня 1912 года, открываетъ свою учено-издательскую дѣятельность. Сборникъ содержитъ семь статей; четыре изъ нихъ принадлежатъ перу редактора изданія.

Въ первой изъ нихъ «Данныя относительно пребыванія царя Михаила Ѳеодоровича Романова въ Ипатьевскомъ монастырѣ въ началѣ 1613 года» И. Баженовъ перечисляетъ тѣ имѣющіеся въ распоряженіи историковъ матеріалы, на основаніи которыхъ точно устанавливается фактъ пребыванія шестнадцатилѣтняго Михаила Ѳеодоровича и матери его, инокини Марѣы, въ концѣ февраля и началѣ марта 1613 года въ Ипатьевскомъ монастырѣ, какъ въ безопасномъ убѣжищѣ, что отрицалось въ статьяхъ Л. Скворцова въ «Поволжскомъ Вѣстникѣ» 1911 года.

Авторъ приводитъ, между прочимъ, тексты подлинныхъ грамотъ о прибытіи московскаго посольства въ Кострому съ предложеніемъ Михаилу Ѳеодоровичу царской короны и о пожалованіи потомкамъ И. Сусанина земельныхъ надѣловъ и привилегій.

Въ статьѣ «Призваніе боярина Михаила Ѳеодоровича Романова на московскій и всея Руси царскій престолъ» Баженовъ воспроизводитъ это великое для Россіи историческое событіе съ возможною полнотою, освѣщая различные относящіеся къ этому эпизоду моменты и детали, благодаря тщательнымъ топографическо-археологическимъ изысканіямъ, съ большою наглядностью («Направленіе крестныхъ ходовъ и вступленіе въ Ипатьевскую обитель»). Въ заключеніе авторъ останавливаетъ вниманіе читателя на образѣ Ѳеодоровской Божьей матери, особенно чтимой царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ.

Описывая «Посѣщеніе Макарьевскаго Унженскаго монастыря царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ», свящ. М. Раевскій проводитъ мысль, что посѣщеніе царемъ обители въ 1619 году совершено было съ исключительною цѣлью принести благодарственное молебствіе за спасеніе отъ опасности, грозившей жизни какъ самого царя, такъ и родителя его Филарета Никитича, а также и за спасеніе всего Московскаго государства отъ враговъ по молитвамъ преподобнаго Макарія, унженскаго чудотворца («Яко да царствія его вся мятежи и кровопролитія утолятся»).

Статья Баженова «Вклады царя Михаила Ѳеодоровича, сохранившіеся въ церквахъ и монастыряхъ Костромской епархіи» перечисляетъ: а) иконы и украшенія ихъ; б) церковно-служебныя книги и в) предметы не церковнаго характера. Очеркъ того же автора—«Одноколка царя Михаила Ѳеодоровича и Марѣы Ивановны Романовыхъ», сохранившаяся въ Макарьево-Унженскомъ монастырѣ, съ конца же 1912 года находящаяся въ Ипатьевскомъ монастырѣ, указываетъ на данныя о сохранившихся до восьмидесятыхъ годовъ XIX столѣтія большихъ кошевыхъ саняхъ, съ коими связано преданіе, что въ нихъ именно, вскорѣ по смерти царя Бориса Годунова (15-го апрѣля 1605 года), пріѣхала изъ Заонежскаго погоста Челмужа сосланная туда Борисомъ инокиня Марѣа въ Макарьевскую обитель для свиданія съ сыномъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Авторъ даетъ подробное описаніе одноколки и признаетъ вполне пріемлемымъ преданіе, что одноколка эта была въ употребленіи царя Михаила

Теодоровича и матери его Марыи во второе паломническое ихъ путешествіе въ Макарьевъ въ 1619 году. Въ приложеніи къ книгѣ помѣщены «Стихиры Пятидесятницы. Изъ старинныхъ рукописей нотной бібліотеки костромского архіерейскаго хора, собранныя подъ редакціей регента хора П. Потеряйко». Стихиры эти ежегодно исполняются хоромъ въ день Св. Пятидесятницы въ Троицкомъ соборѣ Ипатьевскаго монастыря. Судя по манерѣ письма, составителемъ стихирь былъ дьякъ Василій Титовъ, одинъ изъ талантливыхъ композиторовъ XVII вѣка.

По внѣшнему виду юбилейный сборникъ оставляетъ пріятное впечатлѣніе; изданъ онъ на полу-александрійской бумагѣ. Выпущенъ сборникъ въ количествѣ 1200 экземпляровъ.

А. Мироновъ.

Двѣнадцатый годъ. Историческіе документы собственной канцеляріи главнокомандующаго третьей западною арміею генерала-отъ-кавалеріи А. П. Тормасова. Извлекъ изъ семейнаго архива и привелъ въ порядокъ Д. П. Ахлестышевъ. Спб. 1912. Стр. VIII+722.

Обширный томъ только что отпечатанныхъ «историческихъ документовъ» по 1812 году тѣмъ болѣе интересенъ для научныхъ изслѣдователей, что онъ составился изъ совершенно неизвѣстныхъ матеріаловъ, покоившихся до сего времени въ бумагахъ скончавшагося въ 1875 году генерала-отъ-инфантеріи и сенатора Дмитрія Дмитриевича Ахлестышева. Послѣдній самъ былъ непосредственнымъ участникомъ борьбы съ Наполеономъ, какъ въ предѣлахъ Россіи (1812 г.), такъ и за границей (1813—1814 гг.). Вступивъ въ іюнь 1812 года юнкеромъ въ молдавскую (дунайскую) армію адмирала Чичагова (именно въ 39-й егерскій полкъ), которая въ сентябрѣ мѣсяцѣ соединилась съ третьею западною арміею генерала Тормасова, онъ въ теченіе всего 1812 года состоялъ въ томъ же полку и принималъ участіе въ цѣломъ рядѣ сраженій.

Издавая хранившіяся у дѣда «историческіе документы», Дм. Ахлестышевъ раздѣлилъ ихъ на два отдѣла: въ первый вошла занимающая четверть книги «подлинная переписка главнокомандующихъ арміями, корпусныхъ командировъ, начальниковъ дивизій, бригадныхъ и полковыхъ командировъ и другихъ лицъ третьей западной арміи», а во второй—1) «Журналъ о движеніяхъ войскъ третьей западной арміи, съ 10-го іюня до 23-го сентября 1812 года, 2) «Извѣстія съ австрійской границы о движеніяхъ и слухахъ о разныхъ политическихъ обстоятельствахъ» и 3) «Списки генераламъ, штабъ- и оберъ-офицерамъ третьей западной арміи». Изъ 33 корреспондентовъ «писемъ», «рапортовъ» и т. п. больше всего осталось документовъ отъ князя П. И. Багратіона, гр. С. М. Каменскаго 1, Ѳ. Ѳ. Эртеля, гр. К. О. Ламберта, Еф. Игн. Чаплица, А. П. Мелиссино, П. В. Чичагова, М. Б. Барклай-де-Толли и др.

Какъ въ «перепискѣ», такъ и во второмъ отдѣлѣ, конечно, очень много любопытнаго и новаго, но мы въ краткой замѣткѣ не имѣемъ возможности использовать даже части этого матеріала и лишь укажемъ на присутствіе здѣсь прокламаціи маршала Чарторыйскаго, отвѣтной на прокламаціи Ѳ. Ѳ. Эртеля, призывающаго поляковъ вернуться въ лоно Россіи, а «не соблазняться несбы-

точными обѣщаніями великаго Наполеона», довольно остроумной прокламаціи къ саксонскимъ быкамъ, гдѣ геніальный корсиканецъ именуется «великимъ скотобоемъ», и т. п.

В. Рудаковъ,

Департаментъ окладныхъ сборовъ. 1863—1913 годъ. Спб. 1913. Стр. 257 съ 15 таблицами и II діаграммами поступленія и распредѣленія различныхъ податей и налоговъ. In 4°. Цѣна не означена.

Департаментъ окладныхъ сборовъ ко дню своего пятидесятилѣтія со времени его учрежденія 15-го апрѣля 1863 года составилъ и напечаталъ очень любопытный очеркъ главнѣйшихъ законодательныхъ мѣропріятій финансоваго вѣдомства въ отношеніи прямого обложенія, измѣнившихъ кореннымъ образомъ, въ зависимости отъ послѣдовавшихъ за это время важныхъ преобразованій общегосударственнаго характера, не только завѣдываніе прямыми налогами, лежавшее на означенномъ департаментѣ, но и самое обложеніе. Какъ извѣстно, взимавшіеся къ началу шестидесятыхъ годовъ XIX столѣтія съ городскихъ и сельскихъ обывателей прямые налоги раздѣлялись: 1) на государственныя подати, подушную и оброчную, и 2) на сборы для удовлетворенія опредѣленныхъ потребностей, именно сборы земскіе, общественный сборъ съ государственныхъ крестьянъ и сборъ на капиталъ продовольствія. Этими податями и сборами облагались только такъ называемые податныя сословія имперіи, въ количествѣ двадцати шести милліоновъ ревизскихъ душъ мужского пола (изъ нихъ 23,5 мил. состояли на общихъ окладахъ подушной и оброчной подати и до 2,3 мил. на особыхъ окладахъ), и общая сумма ежегоднаго ихъ поступления по финансовой смѣтѣ 1860—1862 год. доходила до 83.233,335 руб., причемъ съ ревизскихъ душъ взималось 57.906,969 рублей; оброчной подати съ земель—24.404,072 руб., а съ торговыхъ свидѣтельствъ всего 922,294 руб.; вся эта масса сборовъ лежала преимущественно на крестьянахъ разныхъ наименованій и на мѣщанахъ. Послѣдовавшее въ 1861 году освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и затѣмъ рядъ узаконеній объ устройствѣ крестьянъ различныхъ наименованій, а также введеніе во многихъ губерніяхъ земскихъ учреждений по положенію 1864 года побудили министерство финансовъ приступить къ замѣнѣ подушныхъ податей другими прямыми налогами и вмѣстѣ съ тѣмъ къ пересмотру устава о земскихъ повинностяхъ съ преобразованиемъ земскаго хозяйства въ 1864 году на новыхъ основаніяхъ. Для выполненія этихъ задачъ было образовано въ составѣ министерства финансовъ особое учрежденіе—департаментъ окладныхъ сборовъ, на основаніи высочайше утвержденного 15-го апрѣля 1863 года мнѣнія государственнаго совѣта, получившій затѣмъ позднѣе, въ 1864 году мая 8-го, нѣсколько усиленный составъ за передачею въ его же вѣдѣніе всѣхъ дѣлъ по прямому обложенію.

Преобразование государственной подати началось со сложения подушной подати съ мѣщанъ и лицъ, приписанныхъ къ городамъ, причемъ упраздняемая подать была замѣнена новыми пошлинами: за право торговли и промысловъ и налогомъ на городскія строенія по закону 1862 года. Вскорѣ затѣмъ были составлены такъ называемыя высочайше утвержденныя 8-го января 1864 года

временныя правила для земскихъ учреждений по земскимъ повинностямъ, имѣвшія цѣлью согласовать уставъ о земскихъ повинностяхъ (т. V св. зак. изд. 1856 года) съ законоположеніями о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года. Эти правила преобразовали строй земскихъ повинностей въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ вводились земскія учрежденія 1864 года, причемъ государственныя и частныя земскія повинности были совсѣмъ изъяты изъ вѣдѣнія земскихъ учреждений. Частныя повинности были переданы въ завѣдываніе обществъ и сословій, а производство дѣлъ, относящихся до государственныхъ повинностей, оставлено на обязанности губернаторовъ и особыхъ о земскихъ повинностяхъ присутствійхъ. Земскими признаны только губернскія и уѣздныя потребности, удовлетвореніе которыхъ и возложено на земскія учрежденія.

Затѣмъ былъ поставленъ на очередь въ началѣ царствованія императора Александра III и вопросъ объ отмѣнѣ подушной подати съ крестьянъ, въ виду вреднаго вліянія ея на хозяйственный бытъ народа. Въ 1882 году министръ финансовъ Бунге внесъ представленіе о постепенной, въ теченіе восьми лѣтъ, начиная съ 1883 года, повсемѣстной замѣнѣ этой подушной подати другими налогами (какъ-то увеличеніемъ акциза съ табаку, введеніемъ крѣпостныхъ пошлинъ и безмезднаго перехода имуществъ, возвышеніемъ таможеннаго тарифа, увеличеніемъ гербоваго сбора). Эти предположенія были высочайше утверждены 18-го мая 1882 года, причемъ повелѣно было прекратить взиманіе подушной подати съ 1883 года съ мѣщанъ, крестьянъ, приписанныхъ къ волостямъ, а также съ тѣхъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, которые получили отъ помѣщиковъ въ даръ четвертую часть высшаго или указаго размѣра надѣла. вмѣстѣ съ тѣмъ министру финансовъ вмѣнялось представить чрезъ государственный совѣтъ предположенія о порядкѣ постепенной отмѣны подушной подати съ прочихъ разрядовъ плательщиковъ оной, равно какъ и объ источникахъ государственныхъ доходовъ, посредствомъ которыхъ могли быть возмѣщены суммы, доставлявшіяся этою податью. Во исполненіе этого министръ Бунге внесъ уже 15-го апрѣля 1883 года представленіе о отмѣнѣ съ 1-го января 1884 года подушной подати съ безземельныхъ крестьянъ, приписанныхъ къ сельскимъ обществамъ безъ пріемныхъ приговоровъ, а также съ фабричныхъ-заводскихъ крестьянъ. Министръ предлагалъ при этомъ возвысить обложеніе недвижимыхъ имуществъ, установить дополнительныя пошлины за право торговли и промысловъ, увеличить трактирный и патентный сборъ, крѣпостныя пошлины съ актовъ по переходу имуществъ, сборъ съ заграничныхъ паспортовъ и обложить ярмарочную торговлю. Это было высочайше одобрено 14-го мая 1883 года, послѣ чего Бунге вошелъ въ 1885 году съ новымъ представленіемъ, не ожидая намѣченнаго первоначально восьмилѣтняго срока для отмѣны подушной подати, окончательно отмѣнить оную съ 5-го января 1886 года для всѣхъ плательщиковъ имперіи, кромѣ Сибири, и вмѣстѣ съ тѣмъ приступить къ переоброцкѣ оброчной подати съ земель государственныхъ крестьянъ, для большаго согласованія ея съ доходностью надѣловъ, и къ превращенію затѣмъ ее въ выкупныя платежи.

Подушную подать предлагалось при этомъ замѣнить возвышеніемъ акциза на одну копейку съ градуса спирта (въ суммѣ 22 милліоновъ рублей). На этомъ

основані состоялось высочайшее утвержденное 28-го мая 1885 года мнѣніе государственнаго совѣта, по которому 1) съ 1-го января 1886 года прекращалось взиманіе подушной подати со всѣхъ крестьянъ, па которыхъ распространялось дѣйствіе положеній 19-го февраля 1861 года и 20-го іюня 1863 года, а также съ крестьянъ прибалтійскихъ, за исключеніемъ водворенныхъ на казенныхъ земляхъ, а также съ малороссійскихъ казаковъ и другихъ поселянъ, состоявшихъ на общихъ и особыхъ окладахъ, кромѣ платившихъ оброчную подать; 2) съ 1-го января 1887 года отмѣнить подушную подать окончательно со всѣхъ плательщиковъ оной, за исключеніемъ Сибири.

Министръ Бунге въ апрѣлѣ 1886 года внесъ представленіе о преобразованіи оброчной подати государственныхъ крестьянъ въ выкупные платежи, которое было рассмотрѣно государственнымъ совѣтомъ и удостоилось высочайшаго утвержденія 12-го іюня 1886 года и затѣмъ, уже при нынѣ благополучно царствующемъ Императорѣ Николаѣ II, была отмѣнена 19-го января 1899 году подушная и оброчная подати, ясачный сборъ и сборъ на межеваніе, взимавшійся съ крестьянъ и осѣдлыхъ инородцевъ Сибири, съ кочевыхъ инородцевъ Енисейской и Иркутской губерній, купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ, жившихъ въ казенныхъ и казачьихъ селеніяхъ, занимавшихся хлѣбопашествомъ и пользовавшихся правами, сельскимъ обывателямъ присвоенными, а также подъемная подать съ бухарцевъ и ташкентцевъ.

Окончательная же повсемѣстная отмѣна подушной подати въ имперіи послѣдовала лишь въ силу именнаго высочайшаго указа 5-го октября 1905 года ¹⁾ съ 1-го января 1907 года.

Помимо этого департаментъ составилъ правила взиманія окладныхъ сборовъ (23-го іюня 1899 года), проектъ отмѣны круговой поруки (законъ 12-го марта 1903 года), положеніе о налогѣ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ въ имперіи за исключеніемъ посадовъ привислинскихъ губерній (законъ 6-го іюня 1910 года), положеніе о пошлинахъ съ безмездно переходящихъ имуществъ, положеніе о государственномъ квартирномъ налогѣ (законъ 14-го мая 1893 года), положеніе о государственномъ промысловомъ налогѣ (законъ 2-го января 1905 года), а также и положеніе о подоходномъ налогѣ, немалое время находящееся все на рассмотрѣніи государственной думы. Означенный департаментъ по закону 8-го іюня 1901 года завѣдуетъ также гербовыми пошлинами, а также пошлинами судебными, канцелярскими, съ записи документовъ и т. д. Вскорѣ были изданы новыя правила о гербовомъ сборѣ (законъ 30-го мая 1905 года), а также разработано положеніе о податныхъ инспекторахъ и ихъ помощникахъ, удостоившееся высочайшаго утвержденія 24-го мая 1899 года и т. д.

¹⁾ Законъ 1899 года объ отмѣнѣ подушной подати въ Сибири не былъ своевременно распространенъ на нѣкоторыя мѣстности Сибири, какъ-то: Нарымскій и Туруханскій край, Березовскую, Киренскую и Сургутскую округа, Алтайскій горный округъ, на Пріамурское генералъ-губернаторство, а также на бродячихъ и нѣкоторыхъ кочевыхъ инородцевъ Сибири.

Предоставляя читателямъ непосредственно ознакомиться съ разнообразною дѣятельностью департамента окладныхъ сборовъ, сообщимъ въ заключеніе нашей замѣтки, что дѣятельность эта всего нагляднѣе выражается слѣдующими цифрами. По смѣтѣ этого департамента на 1864 годъ исчислялось доходовъ всего 42.652,500 рублей; на 1913 годъ, т. е. чрезъ 50 лѣтъ, эта цифра дошла до 428,336,000 рублей, т. е. возросла въ 10 разъ въ 50-лѣтіе. Можно, конечно, сомнѣваться, чтобы въ такой же мѣрѣ возросло общественное благосостояніе за этотъ періодъ времени.

Нельзя не упомянуть, что книга издана прекрасно и, кромѣ указанныхъ таблицъ и діаграммъ, заключаетъ въ себѣ портреты трехъ императоровъ, всѣхъ министровъ финансовъ этого періода времени, а также и лицъ, стоявшихъ непосредственно во главѣ департамента.

П. Майковъ.

В. Завитневичъ. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Томъ II. Кіевъ. 1913.

Послѣ десятилѣтняго перерыва профессоръ Завитневичъ выпустилъ второй томъ своего сочиненія о Хомяковѣ. Онъ написанъ въ панегирическомъ тонѣ. По словамъ автора, Хомяковъ человѣкъ феноменальный по своимъ дарованіямъ, ума необыкновеннаго. Съ тѣхъ поръ, какъ передовой классъ русскаго общества вступилъ на путь культурнаго общенія съ Западной Европой, изъ его среды не выходилъ человѣкъ (слѣдовало бы: не выходило человѣка), который превосходилъ бы Хомякова силою природныхъ дарованій, широтою и всеобъемлемостью знанія, глубиною и смѣлостью мысли. Хомякова надо поставить на одинъ уровень съ Петромъ Великимъ, Ломоносовымъ и Пушкинымъ. Хомяковъ выполнилъ задачу болѣе трудную, чѣмъ задача, какую поставилъ себѣ Петръ Великій. Проникнувъ любящимъ сердцемъ въ глубины русскаго народнаго духа, прорѣзавъ могучей мыслью сгущенный на его поверхности туманъ слѣпой подражательности, онъ поднялся на небывалую у насъ высоту отвлеченія и, окинувъ взоромъ съ высоты орлиного полета всю полноту человѣческаго знанія, знанія естественно-научнаго, историческаго, философскаго, богословскаго, первый у насъ произвелъ критическую оцѣнку всего того, чего достигло человѣчество и въ частности Западная Европа въ своемъ поступательномъ движеніи по пути прогресса.

Профессоръ Завитневичъ принимаетъ безъ всякихъ возраженій всѣ взгляды Хомякова, даже наиболѣе сомнительные. Онъ думаетъ вмѣстѣ съ Хомяковымъ, что Западная Европа, превосходя Россію внѣшнимъ блескомъ формъ своего просвѣщенія, уступаетъ ей со стороны внутренняго достоинства самыхъ просвѣтительныхъ началъ, какъ будто эти просвѣтительныя начала не составляютъ общаго достоянія Европы и Россіи. Авторъ соглашается съ Хомяковымъ и въ томъ, что Западъ въ актѣ раздѣленія церковью совершилъ нравственное братоубійство и съ тѣхъ поръ утратилъ и истинную свободу, и истинное единство. Профессоръ Завитневичъ относится къ ученію Хомякова безъ всякой критики и самъ сознается въ своемъ недостаткѣ. Онъ до такой степени проникся воззрѣніями Хомякова, что хомяковскіе взгляды въ значительной степени сдѣла-

лись его собственными взглядами; при наличии этого факта говорить об отрицательных сторонах воззрѣній Хомякова очень трудно. Тѣмъ не менѣе книга В. З. Завитневича не бесполезна, потому что по ней можно познакомиться съ философско-богословскимъ міровоззрѣніемъ Хомякова. **П. В.**

В. Верхоланцевъ. Городъ Пермь, его прошлое и настоящее. (Краткій историко-статистическій очеркъ). Пермь 1913. Стр. IV+203. Цѣна 80 коп.

Г. Верхоланцевъ уже зарекомендовалъ себя въ качествѣ историка города Перми, выпустивъ «Лѣтопись города Перми съ 1890 г. по 1912 годъ», въ приложеніи къ которой далъ хронологическій перечень событій съ основанія этого города и указатель литературы о Пермскомъ краѣ. Настоящая книга г. Верхоланцева съ интересомъ прочтется не только его земляками-пермяками, но и можетъ служить отличнѣмъ путеводителемъ и справочникомъ относительно Перми, принадлежащей къ числу наиболѣе оживленныхъ пунктовъ Прикамья и всей восточной окраины Европейской Россіи. Давъ общую характеристику города, авторъ сообщаетъ исторію основанія его, постепеннаго расширенія и благоустройства и далѣе описываетъ ростъ пермской общественной жизни. Далѣе слѣдуютъ біографическіе очерки о представителяхъ гражданской и духовной власти—пермскихъ намѣстникахъ, губернаторахъ и іерархахъ. Слѣдующая глава посвящена церковному строительству гор. Перми и заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ историческихъ свѣдѣній. Очень интересна глава «Замѣчательныя лица, бывшія въ Перми»; немало характерныхъ черточекъ найдеть здѣсь историкъ русскаго провинціального быта. Пермь посѣтили въ 1824 г. императоръ Александръ I и потомъ, черезъ двѣнадцать лѣтъ, наслѣдникъ Александръ Николаевичъ, совершавшій поѣздку по Россіи вмѣстѣ со своимъ наставникомъ В. А. Жуковскимъ; въ Перми томился въ ссылкѣ М. М. Сперанскій. Затѣмъ идетъ подробное описаніе мѣстныхъ учебныхъ заведеній и учрежденій культурнаго характера, какъ-то: пермскій научно-историческій музей, бібліотека, губернская ученая архивная коммиссія, лѣтопись театрально-музыкальной жизни города и т. п. Съ большимъ интересомъ читаются страницы, посвященныя періодической печати и литературѣ гор. Перми, послѣ которыхъ авторъ знакомитъ съ исторіей и жизнью пермскаго земства, промышленностью, торговлей, городскимъ хозяйствомъ, мѣстнымъ пароходствомъ, желѣзными дорогами, описываетъ бытъ пермскихъ обывателей, пригородныя селенія Перми, ея дачи, городскіе сады и проч. Заканчивается книга небольшими, тщательно составленными біографіями выдающихся дѣятелей и уроженцевъ Пермской губерніи, къ которымъ причисляются, между прочимъ, слѣдующія лица: извѣстный ориенталистъ И. Н. Березинъ, художникъ В. П. Верещагинъ, строитель петербургскаго Казанскаго собора А. Н. Воронихинъ, «пермскій докторъ Гаазъ»—**Ө. Х. Граль**, историкъ гор. Перми и Пермскаго края А. А. Дмитріевъ, недавно скончавшійся писатель Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, ученый археологъ Н. Н. Новокрещенныхъ, выдающійся ученый-математикъ священникъ І. Н. Первущинъ, историкъ пермской епархіи и выдающійся духовный писатель и дѣятель

Е. А. Поповъ, составитель пермячко-русскаго и русско-пермячкаго словаря А. Н. Роговъ, писатель-народникъ Ѳ. М. Рѣшетниковъ, крупный общественный и земскій дѣятель Пермскаго края Д. Д. Смышляевъ, ученый В. М. Флоринскій, А. П. Философова, ученый Урала Н. К. Чупинъ и мног. друг. Въ приложеніи данъ хронологическій списокъ пермскихъ архипастырей, памѣтниковъ, губернаторовъ, вице-губернаторовъ и городскихъ головъ. Написана книжка г. Верховланцева вполне общедоступно и снабжена множествомъ видовъ и портретовъ, что еще болѣе увеличиваетъ ея интересъ.

Д. М.

Вл. Семеновъ. Адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ. Съ портретомъ адмирала С. О. Макарова. Посмертное изданіе. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Спб. 1913. Стр. 84. Цѣна 75 коп.

Настоящая посмертная книжка Вл. Семенова, автора пользующихся огромной популярностью у насъ и за границею «Расплаты», «Цѣны крови» и другихъ работъ, посвященныхъ главнымъ образомъ нашей несчастной войнѣ съ Японіей, не есть біографія адмирала Макарова въ тѣсномъ смыслѣ слова, что въ сущности не представляло бы никакого интереса для большинства читателей, не есть и подробный обзоръ его дѣятельности, прервавшейся въ самый важный для Россіи и русскаго флота моментъ. Книжка Семенова въ большей части своей—это рядъ мелкихъ фактовъ, записанныхъ авторомъ за время совмѣстной службы его съ адмираломъ и характеризующихъ послѣдняго, какъ человѣка, моряка и командира, а также и отношенія къ нему со стороны «морскихъ сферъ» лучше, чѣмъ это можно было бы достигнуть инымъ уѣсистымъ томомъ историческаго изслѣдованія. Каждый изъ фактовъ, приводимыхъ авторомъ, представляетъ выдающійся интересъ какъ въ смыслѣ возстановленія яркаго образа Макарова, такъ и въ отношеніи характеристики тѣхъ порядковъ, которые царятъ въ нашемъ флотѣ.

Любимымъ дѣтищемъ Макарова была его книга «Разсужденія по вопросамъ морской тактики», подвергшаяся со стороны «сферъ» весьма недвусмысленному бойкоту, а потому не попавшая не только въ число учебниковъ морского училища или морской академіи, но и въ каталогъ книгъ, обязательныхъ для судовыхъ библиотекъ. Но лѣтомъ 1902 г. въ Кронштадтъ пришло учебное судно съ гардемаринами Аргентинской республики, и командиръ его при первомъ же свиданіи съ Макаровымъ привѣтствовалъ послѣдняго, какъ учителя и наставника, чѣмъ привелъ адмирала въ искреннее недоумѣніе. Оказалось, что въ Аргентинѣ морская тактика преподается по Макарову. Для вѣщей убѣдительности командиръ судна приказалъ одному изъ гардемариновъ принести свой учебникъ, и, несмотря на полное незнакомство свиты Макарова съ испанскимъ языкомъ, всѣ могли удостовѣриться, что этотъ учебникъ не что иное, какъ переводъ «книги контръ-адмирала русскаго флота С. О. Макарова», изданный главнымъ морскимъ штабомъ Аргентинской республики.

«Нашъ флотъ еще совсѣмъ молодой,—заявилъ командиръ судна:—но тѣмъ внимательнѣе мы слѣдимъ за литературой болѣе старыхъ морскихъ націй.

Странно было бы, если бы наши будущіе офицеры не были знакомы съ книгой, достоинства которой по справедливости оцѣнены въ государствахъ Стараго Свѣта.

А рѣчь шла о непризнанныхъ нашими сферами «Разсужденіяхъ по вопросамъ морской тактики».

Любопытны слова Вл. Семенова объ отношеніяхъ Макарова къ такъ называемой казенной пуговицѣ. «Всѣ знаютъ,—пишетъ авторъ—что въ Кронштадтѣ не считается преступленіемъ свезти на берегъ съ корабля, пришедшаго изъ-за границы, боченокъ или ящикъ вина мимо таможи. Конечно, не для продажи, а для личнаго употребленія. Сами таможенные смотрятъ на такія дѣла сквозь пальцы. А С. О. никогда не пользовался этой возможностью, которая для него, казалось бы, была легче легкаго. Вино изъ-за границы онъ выписывалъ, но все выписанное неукоснительно шло черезъ таможню и оплачивалось пошлиной».

— Чудитъ вашъ адмиралъ!—говорили Семенову знакомые таможенные.

Въ этомъ отношеніи Макаровъ доходилъ даже до мнительности. Такъ, напримѣръ, онъ изъ личныхъ своихъ средствъ платилъ жалованье барышнѣ, приходившей по вечерамъ писать подъ его диктовку служебные доклады и донесенія, хотя онъ на вполнѣ законномъ основаніи могъ потребовать для этого писаря или даже младшаго чиновника изъ штаба.

Еще болѣе характерны и интересны приводимые авторомъ факты изъ дѣятельности Макарова въ Портъ-Артурѣ, той дѣятельности, которая заставила ожить весь флотъ, а въ уста простыхъ матросовъ послѣ гибели «Петропавловска» вкладывала такія слова: «Что броненосецъ? Хоть бы два, хоть бы три, да еще пару крейсеровъ въ придачу!—Голова пропала!»

Съ большимъ мастерствомъ написана послѣдняя глава книжки, посвященная Макарову, какъ пионеру миннаго дѣла въ Россіи. При чтеніи ея поневолѣ приходится удивляться той энергіи, тому таланту, которые Макаровъ проявлялъ, еще будучи мичманомъ, во время русско-турецкой войны, и тому патриотизму, который одинъ лишь могъ помочь молодому офицеру преодолѣть всевозможныя преграды и трудности въ борьбѣ съ косностью и недоброжелательствомъ начальства. Вообще настоящая книжка очень много скажетъ русскому сердцу и заставитъ надъ многими призадуматься русский умъ.

И. Гурвичъ.

А. Дорошневичъ. Война на Балканскомъ полуостровѣ.—Отъ открытія военныхъ дѣйствій до перемирія. Съ планомъ и схемами. Спб. 1913. Стр. 68. Цѣна 75 к.
Иммануэль, майоръ германской службы. Балканская война 1912 года. Выпускъ I.—Событія до войны.—Вооруженныя силы сторонъ.—Обзоръ театра военныхъ дѣйствій.—Переводъ съ нѣм. Д. К. Лебедева. Спб. 1913. Стр. 72. Цѣна 75 к.

Передъ нами двѣ брошюры, касающіяся балканской войны 1912 года. Хотя близость событій не даетъ возможности изобразить ихъ съ точностью и въ полномъ объемѣ, тѣмъ не менѣе и теперь попытка къ систематическому изложенію

военныхъ дѣйствій, на основаніи уже имѣющихся данныхъ, должна считаться и своевременною, и умѣстною.

Въ брошюрѣ г. Дорошкевича послѣдовательно излагается ходъ войны, причемъ уясненію изложенія много способствуютъ многочисленныя и весьма наглядныя схемы, а въ заключеніи авторъ старается объяснить, почему слабѣйшія и по численности населенія, и по количеству вооруженныхъ силъ государства разбили въ такой короткій срокъ и привели въ полное разстройство превосходящую ихъ и по числу населенія и по количеству вооруженныхъ силъ Турцію. Главнѣйшею причиною успѣха славянъ, по мнѣнію автора, должно считать то воодушевленіе и чувство патріотизма, которое охватило всѣ слои населенія, примирило всѣ партіи и направило всѣ ихъ помыслы къ одной идеѣ—защитѣ жизненныхъ интересовъ отечества. Не только все населеніе, находящееся на мѣстахъ, приняло участіе въ этомъ движеніи, но всѣ профессора, купцы, ремесленники и земледѣльцы, населявшіе наши южныя губерніи, бросили свои дѣла, даже безъ надлежащей ихъ ликвидаціи, и стали подъ знамена, не жалуясь на убытки и не думая о томъ, что станется съ ихъ женами, дѣтьми, матерями. И все это дѣлалось безъ громкихъ словъ: на войну шли какъ на святое дѣло. Сказалась при этомъ и культурность народа: при мобилизаціи не было ни пьянства, ни разгула; всякое распоряженіе властей, какъ бы оно ни было тягостно, исполнялось безпрекословно. Другая причина успѣха союзниковъ заключалась въ точной методической подготовкѣ, которая велась въ теченіе многихъ лѣтъ и позволила союзникамъ въ минуту испытанія выставить хорошо обученную, вооруженную и снабженную всѣмъ необходимымъ армію, къ тому же объединенную общими стремленіемъ къ единой цѣли и вполне довѣряющую своимъ начальникамъ. Въ послѣдней войнѣ было, между прочимъ, поколеблено то мнѣніе, что современныя громадныя арміи, представляющія собою вооруженный народъ, неспособны къ сложнымъ военнымъ операціямъ и къ маневрированію; дѣйствія союзниковъ, арміи которыхъ пополнялись запасными, не потерявшими связи съ дѣйствующими войсками и часто призывавшимися подъ знамена для обученія, доказали противное. Успѣхи славянъ сослужили также службу и намъ, ихъ учителямъ и инструкторамъ, доказавъ, что наши методы и способы обученія, наша тактика, на основаніи которой они дѣйствовали, вовсе не такъ дурны, какъ это было поспѣшно провозглашено послѣ несчастной японской войны.

Другое сочиненіе о балканской войнѣ принадлежитъ опытному и краснорѣчивому перу г. Иммануэля, майора германской службы, участвовавшаго въ нашей японской войнѣ и давшаго одно изъ лучшихъ ея описаній. Сочиненіе это задумано въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ предыдущее, и будетъ выходить выпусками, изъ которыхъ въ настоящее время появился лишь первый.

«Въ противоположность прошлымъ балканскимъ войнамъ,—говоритъ авторъ,—война 1912 года велась большими размахами и имѣла на главномъ театрѣ войны стихійный характеръ. Политическія событія, равно какъ и ходъ военныхъ дѣйствій, заставляютъ историка отнестись къ нимъ съ особеннымъ интересомъ. Небывалыя пораженія турокъ, также какъ и безпримѣрный успѣхъ славянъ поразили весь міръ и заставляютъ изслѣдователя съ особымъ вниманіемъ от-

несть къ разъясненію причинъ этихъ явленій, тѣмъ болѣе, что война велась оружіемъ новѣйшихъ временъ со всѣми послѣдними усовершенствованіями. Въ ней особенно рельефно сказалось значеніе нравственныхъ силъ, необходимость непреклонной воли и искренней готовности жертвовать собою для достиженія поставленной цѣли. Предполагаемый трудъ, въ основаніе котораго, по заявленію автора, положены безпартійность и объективность, будетъ выходить отдѣльными выпусками и обѣщаетъ быть весьма интереснымъ.

Объ книжки читаются легко, изданы г. В. Березовскимъ вполне удовлетворительно при недорогой цѣнѣ.

Л. Н.

И. И. Замотинъ. Ф. М. Достоевскій въ русской критикѣ. Часть первая, 1846—1881. Варшава 1913. Стр. 333.

Своею задачею г. И. И. Замотинъ поставилъ систематическій пересмотръ, въ порядкѣ хронологической послѣдовательности, отзывовъ русской критики о гениальномъ авторѣ «Братьевъ Карамазовыхъ», совершенно справедливо полагая такой пересмотръ «одной изъ необходимыхъ предварительныхъ работъ, безъ которой историко-литературное изученіе творчества данного лица не можетъ быть полнымъ». Такой пересмотръ, по мнѣнію г. Замотина, можетъ дать историку литературы матеріалъ для сужденій о томъ, «какъ отнеслась къ данному писателю современная ему общественная и литературная мысль въ лицѣ наиболѣе видныхъ своихъ представителей и къ какимъ выводамъ о немъ пришла послѣдующая, посмертная его оцѣнка». Но это не все. Добытый матеріалъ можетъ быть использованъ и еще въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Можно поставить вопросы о движеніи общественнаго сознанія въ представленную критическими матеріалами эпоху, о характерѣ за то же время литературной критики, о постепенномъ духовномъ ростѣ самого писателя, о развитіи его литературной манеры. Въ этомъ историко-литературномъ осмысленіи сырого матеріала видитъ г. Замотинъ рѣшеніе своей задачи, представивъ нѣкоторые выводы въ заключительной главѣ первой части своей работы. Нужно привѣтствовать книгу г. Замотина прежде всего за ея филологическій подходъ къ предмету изслѣдованія. Какъ ни далеко еще отсюда до изученія творчества Достоевскаго, все же она одинъ изъ шаговъ на этомъ пути. Составлявшіеся г. В. Зелинскимъ сборники критическихъ статей о русскихъ писателяхъ, въ общемъ полезныя для начинающихъ изучать русскую литературу, были неудовлетворительны именно своею бессистемностью, не говоря уже о неполнотѣ ихъ, такъ какъ изданія эти предназначались скорѣе играть роль хрестоматій, чѣмъ научныхъ пособій. У г. Замотина—система, выраженная хронологическимъ расположеніемъ статей, къ каждой статьѣ онъ подходитъ съ опредѣленными вопросами, позволяющими ему въ заключеніе суммировать нѣкоторыя данныя, и наконецъ у него полнота работы и библиографическая ея цѣнность (имъ пересмотрѣны газеты, раскрыты, попутно, нѣкоторые псевдонимы тѣхъ, кто писалъ въ свое время о Достоевскомъ, приведена масса цитатъ, особенно изъ рѣдкихъ изданій, сопровождаемыхъ точными ссылками, и т. д.). Можно только желать, чтобы г. Заботинъ выпустилъ поскорѣе второй томъ, обнимающій послѣднія тридцать лѣтъ, эпоху, богатую

серьезными изслѣдованіями о Достоевскомъ, что вмѣстѣ съ трудомъ г. М. Зайдмана «Достоевскій въ западной литературѣ» (Одесса. 1911 г.), составитъ подробный и полный обзоръ всего, что было сказано критикою о нашемъ славномъ писателѣ на Западѣ и въ Россіи.

Ошибочнымъ представляется намъ только мнѣніе г. Замотина, что «авторъ будетъ, во всякомъ случаѣ, вполне удовлетворенъ, если его книга дастъ возможность историку литературы, не прибѣгая къ новому пересмотру соответствующихъ газетъ и журналовъ 1846—1881 годовъ, заполнить и документально обставить тѣ страницы изслѣдованія о Достоевскомъ, которыя будутъ посвящены отношеніямъ къ писателю современной ему печати» (стр. 11). Намъ представляется иное. Историкъ литературы, несомнѣнно, долженъ будетъ имѣть книгу г. Замотина у себя подъ рукой и будетъ весьма признателенъ автору ея за тѣ обильныя ссылки и цитаты, которыя въ ней разсѣяны, несомнѣнно, долженъ будетъ рекомендовать эту книгу для желающихъ поработать надъ изученіемъ Достоевскаго, но ни въ коемъ случаѣ историкъ литературы не долженъ въ своихъ ученыхъ работахъ избѣгать пересмотра первоисточниковъ, никакое изложеніе замѣнить первоисточники никогда не сможетъ, потому что во всякомъ изложеніи всегда пропадутъ оттѣнки необычайной тонкости, которые одни только подчасъ и могутъ направить шаги изслѣдователя по должной дорогѣ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ одномъ техническомъ удобствѣ, которое слѣдовало бы имѣть подобнаго рода книгъ со множествомъ цитатъ. Всѣ длинныя цитаты надлежало бы выдѣлить особымъ шрифтомъ, напримѣръ, мельче, для того, чтобы читатель сейчасъ же могъ бы поймать цитату и безбоязненно воспользоваться ею, не выискивая закрывающихъ цитацию ковычекъ.

На страницѣ 224, въ примѣчаніи, важный пропускъ: «Братья Карамазовы» печатались въ «Русскомъ Вѣстникѣ» не только въ 1879—80 гг., но и въ 1881 г. мѣсяць февраль; эти послѣднія даты не указаны.

Влад. Княжнинъ.

К. Чуди. Императрица-страдалница. Переводъ съ нѣмецкаго Л. Горбунова. Москва. 1913. Стр. 200. Цѣна 1 р.

Князь Н. Д. Жеваховъ. Княжна Марія Михайловна Дондукова-Корсанова. Спб. 1913. Стр. 100. Цѣна 50 коп.

Современники никогда не могутъ быть вполне справедливы въ своихъ оцѣнкахъ переживаемаго времени и его дѣятелей. Совершенно невольно они обыкновенно склонны видѣть въ прошломъ героевъ, а въ своемъ настоящемъ печальное оскуднѣніе личности. Недаромъ же французская пословица съ горечью говоритъ,—намекая на посмертную славу великихъ людей,—что мы снимаемъ шляпы передъ геніями уже послѣ того, какъ они прошли.

Эта несправедливость особенно ярко выступаетъ въ той области, которая не имѣетъ своей прочной исторіи, а именно въ сферѣ благотворительности. Память о творившихъ добро преимущественно живетъ въ сердцахъ облагодѣтельствованныхъ ими и рѣдко переходитъ въ широкую публику. Иногда только долгіе годы спустя мы узнаемъ имена гуманныхъ людей, дѣлавшихъ добрыя

дѣла высокой общественной цѣнности. Такъ было съ докторомъ *Θ. П. Гаазомъ*, котораго узнали и оцѣнили по достоинству почти черезъ полвѣка послѣ его кончины.

Недавно вышли въ свѣтъ двѣ книги, очень интересныя съ указанной нами точки зрѣнія. Одна принадлежит перу князя *Н. Д. Жевахова* и посвящена памяти извѣстной благотворительницы княжны *Маріи Михайловны Дондуковой-Корсаковой* (родившейся въ 1827 году, скончавшейся въ 1909 году), а другая, переведенная съ нѣмецкаго, написана *К. Чуди* и подробно повѣствуетъ о жизни и дѣлахъ императрицы австрійской *Елизаветы* (родившейся въ 1837 г., скончавшейся въ 1898 г.), супруги императора *Франца-Иосифа*.

Эти двѣ женщины, никогда, вѣроятно, не знавшія одна другую, въ разныхъ концахъ Европы дѣлали имѣвшія такъ много между собою общаго дѣла великаго христіанскаго милосердія. Ихъ привели на этотъ путь личныя несчастія, которыя могли бы повергнуть инныя, болѣе дряблыя и безсильныя натуры въ безысходное отчаяніе.

Императрица *Елизавета* не нашла того счастья у семейнаго очага, на которое могла рассчитывать. Угнетаемая мелочными придворными интригами, она постаралась уйти въ себя, искала забвенія въ искусствѣ и наукѣ. А когда судьба стала безпощадно преслѣдовать ее, лишая близкихъ людей, когда послѣдовательно одинъ за другимъ сошли въ могилу—ея любимый двоюродный братъ король баварскій *Людовикъ II*, сынъ эрцгерцога *Рудольфа* и сестра герцогиня *Алансонская*, погибшая во время пожара благотворительнаго базара въ Парижѣ, когда къ самой императрицѣ *Елизаветѣ* стала подкрадываться роковая наслѣдственная душевная болѣзнь *Виттельсбаховъ*,—она окончательно скрылась въ уединеніе и неустанно творила добро окружающимъ.

Въ печальной личной судьбѣ княжны *М. М. Дондуковой-Корсаковой* много сходственнаго съ жизнью императрицы *Елизаветы*. Правда, княжна не такъ часто теряла близкихъ, но въ юныхъ еще годахъ ее постигло тяжкое испытаніе: съ ней приключился нервный ударъ, вслѣдствіе котораго она лишилась употребленія ногъ. Чудесное исцѣленіе подъ вліяніемъ молитвы у чудотворной иконы *Казанской Божьей Матери* въ то самое время, когда врачи уже обрекли ее на вѣчныя страданія,—до такой степени потрясло душу княжны *Дондуковой-Корсаковой*, что она навсегда отказалась отъ свѣтскаго блеска и успѣховъ, которые ожидали ее, красавицу, принадлежавшую къ одной изъ самыхъ аристократическихъ семей *Петербурга*. Сначала княжна организовала трудовую общину сестеръ милосердія въ *Псковской губерніи*, затѣмъ, когда въ 1877 году началась русско-турецкая война, отправилась на Балканы и, не жалѣя силъ и здоровья, помогала увѣчнымъ и раненымъ воинамъ. Послѣдній періодъ ея дѣятельности отмѣченъ самоотверженными заботами объ улучшеніи участи заключенныхъ въ тюрьмы, причемъ въ этихъ своихъ подвигахъ христіанской доброты княжна *Дондукова-Корсакова*, подобно своему предшественнику московскому доктору *Θ. П. Гаазу*, положительно не знала препятствій и усталости.

И такъ цѣнно и важно тутъ отмѣтить то равенство отношенія, которое проявляла въ отношеніи къ заключеннымъ княжна *Дондукова-Корсакова*, первая

изъ частныхъ лицъ проникая въ стѣны Шлиссельбургской крѣпости. И, утѣшая здѣсь Н. А. Морозова, В. Н. Фигнеръ и другихъ политическихъ заключенныхъ, она, прїѣзжая въ Петербургъ, съ тою же ревностью оказывала матеріальную и нравственную поддержку тюремнымъ страдальцамъ изъ уголовныхъ преступниковъ, правильно полагая, что въ словѣ утѣшенія нуждается всякій заключенный, независимо отъ его общественнаго положенія и образа мыслей.

Вообще же параллель между княжной Дондуковой-Корсаковой и императрицей Елизаветой можно проводить лишь до известной черты, за которою начинается уже расхождение, глубокое различіе.

Въ своей рѣчи, произнесенной при открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ въ 1880 году, великій писатель земли русской Ѳ. М. Достоевскій, намѣчая пути духовнаго возрожденія русскаго человѣка, воскликнулъ: «Смирись, гордый человѣкъ,—потрудиись, праздный человѣкъ»... И этотъ призывъ, задолго до того, какъ онъ прозвучалъ въ Москвѣ, осуществила поведеніемъ всей своей жизни княжна М. М. Дондукова-Корсакова.

Вотъ это-та черта и умиляетъ въ ней больше всего. Императрица Елизавета никогда не забывала своего высокаго сана. Какъ бы ни была она раздавлена несчастіями, но добро она творила съ царственнымъ величіемъ,—и съ царственной красотою,—добавимъ мы. Иногда она тщательно скрывала свое высокое происхожденіе, но въ ея инкогнито все же не было сліянія со страждущимъ міромъ, «съ униженными и оскорбленными». Да едва ли вообще это сліяніе было возможно для такой поклонницы эстетическаго начала въ жизни, для такой ярко выраженной индивидуальности,—для женщины, которая, помогая бѣднымъ и больнымъ, не уставала, однако, повторять, стремясь къ полному единенію: «я ничего не требую отъ людей, кромѣ того, чтобы они оставили меня въ покоѣ».

Вотъ почему скромный безхитростный образъ княжны Дондуковой-Корсаковой какъ-то ближе и дороже русскому сердцу, нежели прекрасная, поэтическая, но гордая тѣнь императрицы Елизаветы. И память объ исполненной евангельскаго смиренія подвижницѣ, свято соблюдавшей заповѣдь Христа: «Въ темницѣ былъ и посѣтили Меня» (Мѡ. 25, 36),—будетъ долго жить среди тѣхъ, кому посчастливилось встрѣтиться на жизненномъ пути съ княжной Маріей Михайловной Дондуковой-Корсаковой.

Сергѣй ф.-Штейнъ.

Ѳ. А. Кудринскій. Курсъ новой русской литературы въ органически-конспективномъ видѣ. Выпускъ I. Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Гоголь, Кольцовъ. Вильна. 1913. Стр. VI+281+3. Цѣна 80 коп. Выпускъ II. Бѣлинскій, Тургеневъ, Достоевскій, Некрасовъ, А. Толстой, Островскій, Гончаровъ и Л. Толстой. Вильна. 1912. Стр. 130+2. Цѣна 50 коп.

По опредѣленію самого автора книги, это—учебное пособіе для учащихся послѣднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для лицъ, ищущихъ самобразованія, причемъ учебное пособіе это является какъ бы «выстраданнымъ» на урокахъ, такъ какъ прежде, чѣмъ печатать свой трудъ, состави-

тель старался провѣрить его цѣлесообразность на практикѣ, то есть въ классѣ объяснял въ теченіе многихъ лѣтъ по своей системѣ.

Въ журнальныхъ рецензіяхъ на II выпускъ (появившійся раньше перваго) было между прочимъ отмѣчено и то, что «курсъ» г. Кудринскаго пригодится не только учащимся, но и преподавателямъ.

Первый выпускъ вполне оправдываетъ это мнѣніе.

«Курсъ» г. Кудринскаго является довольно оригинальнымъ въ своемъ «органически-конспективномъ видѣ». Во всякомъ случаѣ это весьма желательное явленіе, которое для учащихся безусловно послужитъ довольно важнымъ подспорьемъ, такъ въ немъ много разнаго рода свѣдѣній, фактовъ, характеристикъ, выводовъ и пр., при отсутствіи въ то же время лишнихъ данныхъ, служащихъ для учащихся только обузой. «Жизнь, характеръ, творчество и значеніе въ исторіи литературы» вотъ литературная схема, по которой авторъ «курса» ведетъ изученіе каждаго писателя, считая самымъ вѣрнымъ ключомъ пониманія произведеній писателя это біографію.

Авторъ «курса» выбралъ не только выдающіяся и болѣе цѣнные произведенія русскихъ писателей и представилъ сводъ (не механическій, а органическій) всего главнаго, относящагося къ учебному разбору этихъ произведеній, но далъ анализъ и второстепенныхъ произведеній. «Главное вниманіе при разборѣ отведено не историческимъ элементамъ и соображеніямъ, объясняющимъ историческое значеніе того или другого произведенія (въ учебномъ курсѣ литературы это требованіе второстепенно), а требованіямъ психологически-эстетическаго анализа: характеристикъ типовъ, опредѣленію идеи, литературныхъ особенностей произведенія и прочее».

Едва ли не самымъ важнымъ въ «курсѣ» является выводъ главныхъ мыслей или идей литературныхъ произведеній. Кто пробовалъ устанавливать общую идею, охватывающую все существенное литературнаго произведенія, тотъ понимаетъ всю трудность подобной работы. Можно, конечно, не согласиться съ выводомъ нѣкоторыхъ идей (напримѣръ: «Анны Карениной» Толстого, «Демона» Лермонтова, драматической трилогіи А. Толстого, и др), но нельзя не согласиться, что кратко выведенная идея заставитъ учащихся вдуматься въ произведеніе. Въ такомъ видѣ идеи литературныхъ произведеній представляютъ явленіе оригинальное и появляются впервые въ нашей учебной литературѣ.

Своимъ «курсомъ» составитель хотѣлъ дать опытъ раздѣльнаго органически-конспективнаго изложенія матеріала въ цѣляхъ достиженія наиболѣе правильной раздѣльной передачи учащимися пріобрѣтенныхъ ими знаній. Въ интересахъ большей раздѣльности въ изложеніе введена цифровая система. Для этой же цѣли біографіи подѣлены на періоды.

Къ числу недостатковъ «курса» относится неравномѣрность изложенія, переходящаго по мѣстамъ изъ конспективнаго въ объясняющее. По мѣстамъ авторъ даже впадаетъ въ лирику, см. о Гоголѣ, Лермонтовѣ.

Для болѣе подробнаго изученія писателя даны библиографическія указанія. Указанія эти, къ сожалѣнію, не всегда обладаютъ должной полнотой, особенно во II выпускѣ «курса», который вообще не такъ удаченъ, какъ первый (1913 г). Последнее, очевидно, сознано и самимъ г. Кудринскимъ, которымъ на обложкѣ

объявлено, что «готовится къ печати новое, совершенно переработанное и значительно дополненное изданіе II выпуска». Готовится къ печати также и III выпускъ «курса» въ составъ коего войдутъ: «Салтыковъ-Щедринъ, Григоровичъ, А. Майковъ, Никитинъ, Гаршинъ, Надсонъ, Короленко, Чеховъ». Желаемъ только г. Кудринскому не откладывать въ долгій ящикъ печатанія III выпуска его «курса», такъ какъ послѣдній имѣетъ жизненное значеніе.

Д. Бочковъ.

Толстовскій ежегодникъ. Спб. №№ 1—5. 1913. Цѣна 3 рубля.

«Толстовскій ежегодникъ» представляетъ собою ежемѣсячные номера «Извѣстій общества Толстовскаго музея», имѣющихъ цѣлью пропагандировать идеи Толстовскаго музея, находящагося въ городѣ Петербургѣ (Васильевскій островъ, 6-ая линія, д. 24). Редакція «Извѣстій» говоритъ, что для достиженія этой цѣли она, прежде всего, будетъ публиковать всѣ официальные документы, исходящіе отъ общихъ собраній общества, извлеченія изъ протоколовъ засѣданій совѣта общества и т. д. Описаніе отдѣльных коллекцій, списки всего ранѣе и вновь пожертвованнаго въ музей или имъ пріобрѣтеннаго будутъ постепенно печататься въ каждомъ номерѣ «Извѣстій».

Кромѣ всѣхъ этихъ свѣдѣній, предполагается, по мѣрѣ возможности, печатать въ «Извѣстіяхъ» произведенія Льва Николаевича, до сего времени не опубликованныя, а также статьи, воспоминанія, дневники и пр., такъ или иначе связанные съ личностью и дѣятельностью Л. Н. Толстого.

Въ «Извѣстіяхъ» возможно полнѣй будетъ регистрироваться текущая, русская и иностранная, библиографія какъ произведеній самого Л. Н., такъ и книгъ, брошюръ, статей и замѣтокъ о Л. Н. Толстомъ, его писаніяхъ, жизни и дѣятельности.

Эта работа можетъ быть осуществлена наилучшимъ образомъ лишь при дружномъ содѣйствіи и непосредственномъ участіи всѣхъ почитателей Льва Николаевича.

Въ послѣднемъ «Ежегодникѣ» находятся интересныя письма Л. Н. Толстого къ М. В. Алехину по множеству вопросовъ вѣры и жизни, къ Н. П. Вагнеру съ оригинальнымъ замѣчаніемъ о себѣ самомъ. Считаю вагнеровскій спиритизмъ—суевѣріемъ, Толстой пишетъ ему: «Суевѣрія эти тѣ же ложки дегтю, губящія бочку меду, и ихъ нельзя не ненавидѣть или по крайней мѣрѣ не смѣяться надъ ними. Недавно я былъ въ Оптиной пустыни и видѣлъ тамъ людей, горящихъ искренней любовью къ Богу и людямъ и рядомъ съ этимъ считающихъ необходимымъ по нѣскольку часовъ каждый день стоять въ церкви, благословлять и благословляться и потому парализующихъ въ себѣ дѣятельную силу любви. Не могу я не ненавидѣть этихъ суевѣрій. Я вижу, какъ эти суевѣрія для однихъ подмѣняютъ сущность формой, для другихъ служатъ орудіемъ разединенія, третьихъ отталкиваютъ отъ ученія истины. То же со всякимъ суевѣріемъ, со всякой ложкой дегтю. И это потому, что истина обща, всемірна, всечеловѣчна; суевѣрія эгоистичны. Суевѣрія—это извѣстныя формы, пріят-

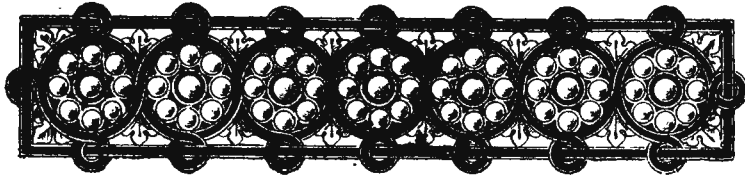
ныя, удобныя для извѣстныхъ лицъ въ извѣстномъ положеніи. Какъ только человѣкъ въ иномъ положеніи, суевѣріе другихъ его отталкиваютъ, а его суевѣріе ихъ отталкиваетъ. Таковы, по моему мнѣнію, суевѣрія всѣхъ церквей и таковы же—спиритизма. Мнѣ кажется, что людямъ, преданнымъ извѣстнаго рода частнымъ ученіямъ, надо бы выучиться отдѣлять общую всѣмъ истину отъ того, что они только, извѣстные люди, считаютъ за истину. Если бы они свою ложку дегтя разводили въ особенной посудинкѣ, не заражая всю бочку, то можно было бы не ненавидѣть этихъ частныхъ ученій. Тогда бы можно было сходитьсь тѣми огромными сторонами, которыя общи у всѣхъ людей, и не прикасаться тѣми сторонами, которыя такъ разнообразно прихотливо изогнуты у столькихъ различныхъ исповѣданій.—Думалъ же я это особенно живо, когда читалъ или слышалъ про вашу глубоко сочувственную мнѣ дѣятельность во имя того принципа человѣчности, о которой вы упоминаете въ вашемъ письмѣ.

«Вотъ вамъ моя исповѣдь; пожалуйста еще разъ простите меня, если я, излагая, гдѣ-нибудь слишкомъ рѣзко выразился. Я скажу, какъ дѣти: простите, это въ первый и въ послѣдній разъ, послѣдній разъ потому, что, разъ высказавшись, я уже не буду никогда впредь говорить съ вами о спиритизмѣ, а, если вы не лишите меня своей дружбы и общенія, буду общаться съ вами тѣми сторонами, которыя у насъ согласны.—Мнѣ кажется, что это можно, и надѣюсь, что то обстоятельство, которое вызывало эту переписку, будетъ не орудіемъ разъединенія, а, напротивъ, сближенія между нами».

Также хорошо письмо Толстого къ М. Н. Дубровиной. Не менѣе интересно письмо къ доктору Святковскому, когда послѣдній писалъ о земскомъ надзорѣ за физическимъ воспитаніемъ крестьянскаго населенія. Увидѣвъ въ этомъ новую форму служенія человѣчеству каждому изъ насъ, а не только черезъ земство и какое-либо другое государственное учрежденіе, Толстой писалъ: «Дѣло это очень трудное съ точки зрѣнія эгоистической и барской, и самое легкое, радостное съ точки зрѣнія человѣка, имѣющаго нравственныя требованія. И нѣтъ ничего легче, какъ приняться за него. Стоитъ только пріѣхать изъ города въ первую попавшуюся деревню и если не имѣешь средствъ, то избрать какое-нибудь ремесло, чтобы кормиться, а свободное время слѣдить за воспитаніемъ дѣтей,—уходомъ, кормленіемъ младенцевъ, присмотромъ, обмывкой, расческой и т. д. Я счастливъ тѣмъ, что зналъ и знаю такихъ женщинъ. Вѣдь для этого ни передъ кѣмъ изъ тѣхъ, кто, вы думаете, посвящаютъ себя этому дѣлу, не стоитъ никакихъ препятствій. Вѣдь все, что нужно, это только желаніе и грамотность, чтобы прочесть книжку о дѣтской гигиенѣ. Такъ за чѣмъ же дѣло стало? пускай они идутъ. Пойдя теперь, они покажутъ, что ими руководитъ искреннее желаніе служить людямъ, а не жалованье, не положеніе, не мода».

Письмо Толстого къ В. Ламанскому, С. Косарю и др. уже менѣе интересны. Съ удовольствіемъ прочтутся свѣдѣнія о Л. Н. Толстомъ въ докладѣ П. И. Бирюкова объ «университетѣ въ лаптяхъ», статьи В. Бончъ-Бруевича и другихъ. «Ежегодникъ» обильно снабженъ рисунками, какъ Толстовскихъ выставокъ и музея, такъ и частнаго его жилища въ хамовническомъ домѣ въ Москвѣ и въ Ясной Полянѣ.

А. Фаресвъ.



Въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ поступили по 15 августа
для отзыва слѣдующія книги ¹⁾.

Николай Энгельгардтъ. Исторія русской литературы XIX столѣтїя. Т. I. 1800—1850. (Критика, романъ, поэзія и драма). Изданіе 2, исправленное и дополненное. Стр. XIV+622. Спб. 1913. Ц. 3 р.

Николай Модестовъ, священникъ, дѣйствительный членъ оренбургской ученой архивной комиссіи. Владиміръ Ивановичъ Даль въ Оренбургѣ. Историческій очеркъ. Стр. 92+III. Оренбургъ. 1913. Цѣна не обозначена.

День 21 февраля 1913 года въ Императорскомъ Николаевскомъ университетѣ. По случаю 300-лѣтняго юбилея царствования Дома Романовыхъ. Съ приложеніемъ рѣчи проф. В. И. Разумовскаго: «Медицинское дѣло въ Россіи въ царствованіе государей дома Романовыхъ. Саратовъ. 1913. Стр. 25. Цѣна не обозначена.

Общество ревнителей исторіи. Отчетъ за время съ 11 ноября 1911 г. по 1 января 1913 г. (Съ приложеніемъ списка членовъ къ 6 марта 1913 г.). Стр. 21. Спб. 1913.

Матеріалы по исторіи Малороссіи. Выпускъ I. Письмо къ Ивану Петровичу Забѣлѣ и его вдовѣ (1687—1713). Подъ редакціей В. Л. Модзалевскаго. Изданіе

музея украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго черниговскаго губернскаго земства. Стр. 60. Черниговъ. 1913. Цѣно не обозначена.

А. П. Охитовичъ. Доказательство великой теоремы Фермата. Стр. 51. Казань. 1910. Ц. 50 к.

Отчетъ о дѣятельности общества защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины за 1912 годъ. Стр. 62. Спб. 1913.

Законъ 28 июня 1912 г. о вознагражденіи пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, мастеровыхъ и рабочихъ. Текстъ закона съ мотивами и комментаріями, составленными Р. И. Вѣльскимъ, К. Ю. Гомономъ, И. В. Жуковскимъ, Л. В. Келлеромъ и Н. В. Куницынымъ подъ редакціей А. Д. Покотилова. Стр. VI+436. Спб. 1913. Ц. 3 р.

Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1912, представленный директоромъ музеевъ г. министру народнаго просвѣщенія. Спб. 1913.

Баронъ Н. Н. Врангель. Вънокъ мертвымъ. Художественно-историческіе статьи. Стр. 175. Спб. 1913. Ц. 2 р. 25 к.

¹⁾ Открывая въ журналѣ ежемѣсячный справочный листокъ о новыхъ, поступившихъ въ редакцію «Истор. Вѣстн.», книгахъ, редакція проситъ гг. издателей и завѣдующихъ книжными магазинами присылать въ журналъ свои новыя изданія, перечень которыхъ и будетъ дѣлаться въ листкѣ, съ указаніемъ страницъ и стоимости поступившаго изданія.

Александръ Амфитеатровъ. На всякій звукъ. Стр. 258. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

Его же. И черты, и цвѣты. Стр. 235. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

И. Ф. Павловскій. Первое дополненіе къ краткому біографическому словарю ученыхъ и писателей Полтавской губерніи съ половины XVIII вѣка. Изданіе полтавской ученой архивной комиссіи. Стр. 85. Полтава. 1913. Цѣна не обозначена.

Н. М. Лессеко. Ученіе капитана Вольфа Ларсена о жизни. Стр. 8. Карсъ. 1913. Ц. 20 к.

В. Г. Смородиновъ. Изъ временъ моего ученія и учительства. (Изъ воспоминаній педагога). Изданіе редакціи журнала «Домашнее и школьное обученіе». Стр. 32. Варшава. 1913. Ц. 20 к.

Ө. А. Таралыгинъ. Руководящая замятка къ азбукѣ и четыремъ книгамъ для класснаго чтенія «Родные завѣты». Подъ редакціей Ө. А. Витберга. Стр. 125. Спб. 1913. Ц. 40 к.

К. П. Лавровскій. Падающій кумиръ. Критическіе очерки. Очеркъ первый. Нѣчто о русскихъ феминисткахъ по повѣсти А. П. Араповой «Первобытная феминистка». Стр. 48. Спб. 1913. Ц. 30 к.

Свящ. В. Платоновъ. Психологія молитвы. Стр. 28. Спб. 1913. Цѣна не обозначена.

Юлій Словацкій. Марія Стюартъ. Историческая драма въ 5 дѣйствіяхъ. Перевелъ съ польскаго Н. А. Япчукъ. Со вступительною статьею, примѣчаніями и иллюстраціями. Стр. 95. Москва. 1913. Цѣна не обозначена.

И. Н. Шапошниковъ. Наглядная практическая грамматика для городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ. Часть I. Первоначальная свѣдѣнія. Изданіе 4, значительно дополненное. Стр. 136. Москва. 1913. Ц. 35 к.

С. Д. Эльмановичъ. Законы Ману. Переводъ съ санскритскаго. Труды общества русскихъ ориенталистовъ. № 1. Стр. VII+285+VII. Спб. 1913. Ц. 2 р. 25 к.

В. Верхоланцевъ. Городъ Пермь, его прошлое и настоящее. Краткій историко-статистическій очеркъ. Стр. 203. Пермь. 1913. Цѣна не обозначена.

Рязанско-Уральская желѣзная дорога и ея районъ. Изданіе правленія общества Рязанско-Уральской ж. д. Стр. 395+VIII. Спб. 1913. Цѣна не обозначена.

В. А. Верещагинъ. Русская карикатура. III. А. О. Орловскій. Стр. 100. Спб. 1913. Ц. 4 р. 50 к.

Состоящее подъ Августѣйшимъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны покровительствомъ общество попечительства о

воспитанницахъ и учительницахъ въ Россіи. Отчетъ за 1912 годъ. Стр. 64. Спб. 1913.

Сборникъ нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Томъ XV. Выпуски I и II. Стр. 170 и 32+6+28+32. Нижній-Новгородъ. 1913.

Извѣстія одесскаго бібліографическаго общества при императорскомъ поворосійскомъ университетѣ. Т. II. Вып. 5. Одесса. 1913. Ц. 25 к.

Н. Н. Русовъ. Повѣсти. Товарищъ Ивлевъ. Мистикъ. Андрей Неволнинъ. Уродъ. Стр. 224. Москва. Кн.—во К. Ф. Некрасова. МСМХIII. Ц. 1 р.

Извѣстія общества изученія Олонецкой губерніи. 1913. № 1. Петрозаводскъ. 1913. Ц. 50 к.

Очеркъ развитія народной школы въ Костромской губерніи. Стр. 87+XXХVI. Кострома. 1913. Цѣна не обозначена.

Balkanicus. Сербы и болгары въ Балканской войнѣ. Переводъ съ сербскаго. Стр. 175. Спб. 1913. Ц. 20 к.

Д. И. Фонвизинъ. Двѣ комедіи: I. Недоросль.—II. Бригадиръ. Съ біографіей Д. И. Фонвизина, его портретомъ и объяснительнымъ словаремъ къ его комедіямъ. «Дешевая бібліотека». Изданіе 12-е. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Стр. 159. Спб. 1913. Ц. 15 к.

А. Б. Задиски помощника присяжнаго повѣреннаго. (Мысли и факты). Стр. 233. Спб. 1913. Ц. 1 р.

П. Вересовъ. Ариометика. Курсъ двухклассныхъ училищъ. Пособіе для учащихся. Стр. 114. Спб. 1913. Ц. 40 к.

Д-ръ М. Г. Милоевичъ. Равновѣсіе на Балканахъ. Политическій очеркъ. Переводъ съ сербскаго. Стр. 46. Спб. 1913. Ц. 10 к.

Задачи временнаго русскаго коннозаводства. Мысли «Стараго охотника». Стр. 42. Спб. 1913. Цѣна не обозначена.

Ш. Лезанъ. Обученіе счисленію. Совѣты преподавателямъ. Переводъ Н. Евреинова. Съ 27 рисунками въ текстѣ. Стр. 69. Спб. 1913. Цѣна не обозначена.

Протоколь липовецкаго уѣзднаго аемскаго собранія чрезвычайной сессіи 1-го іюля 1913 г. Стр. 44. Липовець. 1913. Цѣна не обозначена.

«Македонскій Голось» (Македонски Глас). Органъ сторонниковъ независимой Македоніи. Выходитъ отъ 1 до 5 разъ въ мѣсяць. №№ 1, 2, 3 и 4. Спб. 1913. Цѣна отдѣльнаго номера 10 к.

La Vérité sur le désaccord Serbo-Bulgar. Genève. 1913.

Б. Б. Глискій. Сергѣй Николаевичъ Шубинскій. (1834—1913 гг.). Біографическій очеркъ. Стр. 93. Спб. 1913. Ц. 60 к.

Вл. Семеновъ. Адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ. Съ портретомъ С. О. Макарова. Посмертное изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Стр. 84. Спб. 1913. Ц. 75 к.

Ст. Гулишамбаровъ. Къ сорокалѣтію уничтоженія невольничества въ Средней Азій. 12 іюня 1873 г.—12 іюня 1913 г. Стр. 53. Асхабадъ. 1913. Цѣна не обозначена.

Боевая работа русской арміи въ войну 1904—1905 гг. Часть вторая. Изданіе князя Абамелекъ-Лазарева. Стр. 417. Спб. 1913. Составили В. Марушевскій и П. Орловъ. Ц. 2 р.

В. А. Ашикъ. Памятники и медали въ память боевыхъ подвиговъ русской арміи въ войнахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ и въ память императора Александра II. Стр. 393. Спб. 1913. Ц. 6 р.

Эд. Беренсъ. Соображенія о срочной необходимости переработать заново російскій уставъ консульскій. Не предназначено авторомъ-издателемъ для публичной продажи. Стр. 18. Спб. 1913.

Вл. Пархоменко. Начало христіанства Руси. Очеркъ изъ исторіи Руси IX—X вв. Стр. 191. Полтава. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Проф. Н. Н. Ойрсовъ. 1812 годъ въ соціолого-психологическомъ освѣщеніи. Общая характеристика. Стр. 64. Москва. 1913. Цѣна не обозначена.

Пятидесятилѣтіе Румянцовскаго музея въ Москвѣ. 1862—1912. Историческій очеркъ. Стр. 1914. Москва. 1913.

Григорій де-Волланъ. Исторія общественныхъ и революціонныхъ движеній въ связи съ культурнымъ развитіемъ русскаго государства. Часть первая. Т. I. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. 1913. Стр. IV+594+II. Ц. 3 р. 50 к.

Г. Г. Швиттау. Десять лѣтъ дѣятельности общества помощи ручному труду. Очеркъ, составленный по отчетнымъ даннымъ. Съ рисунками. Стр. 56. Спб. 1913. Цѣна не обозначена.

«Свѣтильникъ». Религіозное искусство въ прошломъ и настоящемъ. Ежемѣсячный журналъ. № 1. Мартъ. 1913. Цѣна на 1 годъ—6 р.

В. Гете. Фаустъ. Драматическая поэма. Переводъ Н. Холодковского. Изданіе седьмое. «Дешевая бібліотека», № 114. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Стр. 244. Спб. 1913. Ц. 25 к.

Н. М. Нарамзинъ. Повѣсти. Изданіе II-ое т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Стр. 184. Спб. 1913. Ц. 20 к.

Международное общество спальныхъ вагоновъ и европейскихъ скорыхъ поездовъ. Путеводитель подъ редакціей Н. Н. Лендера (Путника). Стр. 103. Спб. 1913. Цѣна не обозначена.

«Журналъ императорскаго русскаго военно-историческаго общества. 1913 г. Книжка 5—6. Спб.

«Знаніе для всѣхъ». Общедоступный журналъ для самообразованія съ картинъ въ краскахъ и иллюстраціями въ текетѣ. Редакторъ-издатель П. П. Сойкинъ. Спб. 1913. №№ 1—8. Подписная цѣна за годъ 4 р. съ пересылкой и доставкой. Цѣна отдѣльнаго номера 50 к.

«Михайловецъ». Спб. 1913. Стр. 87. Цѣна не обозначена.

«Летунъ». Дѣла, мысли и мечты въ области воздухоплаванія, летанія и быстрого жизни. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ. № 1. Спб. 1913. Редакторъ-издатель А. А. Родныхъ. Подписная цѣна съ доставкой на годъ—6 р. 50 к. Отдѣльный номеръ—12 к.

В. Шекспиръ. Король Лиръ. Переводъ А. В. Дружинина. «Дешевая бібліотека». Изданіе десятое т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1913. Стр. 112. Ц. 25 к.

Отчетъ образованнаго подѣ Августѣйшимъ предсѣдательствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Теодоровны комитета для сбора пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія въ Семирѣченской области 22 декабря 1910 года,—11 января 1911 г.—1 мая 1913 г. Спб. 1913. Стр. 160. Цѣна не обозначена.

Иллюстрированное приложеніе къ газетѣ **«Новое Время»** за іюнь 1913 годъ. Ц. 20 к.

Труды саратовской ученой архивной комиссіи. Вып. 30-й. Саратовъ. 1913. Стр. 360+47+II. Ц. 3 р.

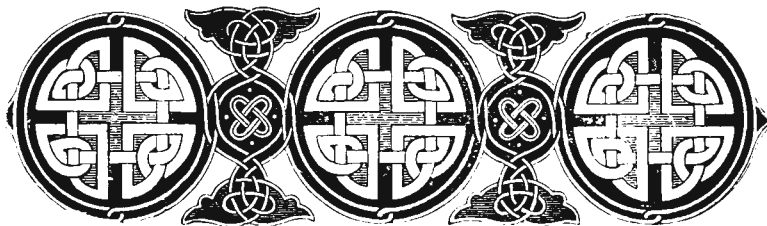
Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія кавказскаго учебнаго округа. Вып. 43. Тифлисъ. 1913. Цѣна не обозначена.

П. Д. Ярославцевъ. Какъ борцы обманываютъ публику. (Тайна чемпионатовъ). Сенсационное разоблаченіе съ подлинными документами. (Очеркъ). М. 1913. Стр. 43. Ц. 50 к.

Н. Мозловскій. Нѣчто о древнихъ языкахъ. Кіевъ. 1913. Стр. 28. Ц. 20 к.

Прентисъ Мильфордъ. Къ жизни... Книга о Красотѣ и Радости. Переводъ съ англійскаго подѣ редакціей профессора-корес., члена международной тулузской академіи Н. Д. Бѣльева. 2 изданіе. Спб. 1913. Стр. 176. Ц. 90 к.

А. Витмеръ. Военные форты финскаго побережья и Чернаго моря. Стратегическій обзоръ. (На правахъ рукописа). Спб. 1913. Стр. 16. Цѣна не обозначена.



ИЗЪ ЖИЗНИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Раскопки императорской археологической комиссіи въ періодъ лѣтней кампаніи 1913 г. и сдѣланное членомъ ея профессоромъ Н. И. Веселовскимъ выдающееся археологическое открытіе.—Къ дѣятельности императорскаго петербургскаго археологическаго института за 1912—1913 академическій годъ.—Участіе русскихъ археологовъ на международномъ конгрессѣ доисторической археологіи и антропологіи въ Женевѣ въ 1912 году.—Инцидентъ по вопросу о славянскихъ языкахъ.



АШЕ ВЫСШЕЕ ученое правительственное учрежденіе, регулирующее нынѣ правильную археологическую дѣятельность страны, императорская археологическая комиссія выступила за послѣднее десятилѣтіе съ цѣлымъ рядомъ находокъ крупнаго археологическаго значенія.

Богатѣйшія коллекціи созданы раскопками комиссіи на мѣстѣ древнихъ городовъ черноморскаго побережья—Херсонеса Таврическаго и Ольвіи, а также въ Кубанской области и на сѣверѣ.

На блестящей выставкѣ комиссіи прошлаго года, удостоенной высочайшаго посѣщенія Его Императорскаго Величества Государя Императора и другихъ особъ императорской фамиліи, а также многихъ представителей высшей администраціи и науки, красовался выдающійся по своему богатству и художественно-археологическому значенію, прогремѣвшій въ печати знаменитый полтавскій кладъ.

Лѣто 1913 года вновь подарило комиссію къ предстоящей археологической выставкѣ новымъ, исключительно рѣдкимъ и богатымъ матеріаломъ, извлеченнымъ, какъ сообщилъ на страницахъ «Новаго Времени» предсѣдатель комиссіи членъ государственнаго совѣта графъ А. А. Вобринскій ¹⁾, изъ скиѣскаго кур-

¹⁾ «Новое Время», № 13414 за 19-е іюля 1913 года.

гана Мелитопольскаго уѣзда Таврической губерніи, въ 20 верстахъ къ югу отъ Никополя и въ 12 верстахъ отъ села Знаменки.

Подъ гигантскимъ курганомъ «Солоха», высѣющимся среди придиѣпровскихъ степей и видимымъ на разстояніи 20 верстъ, старшимъ членомъ комиссіи профессоромъ Н. И. Веселовскимъ открыта нетронутая кладонскателями гробница одного изъ скиѣскихъ властителей.

Находка крайне рѣдкая. Современнымъ археологамъ достаются и доставались обычно лишь остатки добычи, которую успѣвали захватить грабители въ эпохи, близкія ко времени погребеній.

Три года трудится профессоръ Н. И. Веселовскій надъ раскопками гиганта-кургана, встрѣчая до сихъ поръ лишь предметы, забытые или потерянные грабителями. Въ іюлѣ минувшаго лѣта ему посчастливилось наткнуться на нетронутую царскую могилу.

Въ западной части кургана открытъ былъ широкій коридоръ, опускающійся въ грунтъ и ведущій въ большое могильное помѣщеніе глубиною въ три съ половиною сажени. Повыше, въ большой ямѣ, въ пяти узкихъ отдѣленіяхъ, обнаружены въ каждомъ по скелету лошади, окружали ихъ многочисленныя бронзовыя украшенія сбруи и уздечекъ, желѣзныя удила, золотыя бляшки и украшенія. Подлѣ лошадей лежалъ остовъ конюха, при которомъ оказалось нѣсколько бронзовыхъ стрѣлъ. Такія же стрѣлы подняты и при скелетѣ другого прислужника, у самаго входа въ царскую могилу.

Приводимъ въ извлеченіяхъ сообщенныя графомъ А. А. Бобринскимъ свѣдѣнія объ устройствѣ царской могилы и о значеніи наиболѣе важныхъ изъ находившихся въ ней предметовъ.

Въ могилѣ обнаружены два скелета. Главный покойникъ—посреди камеры окруженъ различными предметами, другой—оруженосецъ—лежитъ у запертой стѣнки; при немъ нѣсколько мелкихъ вещей, желѣзный мечъ и бронзовыя стрѣлы. Рядомъ, въ особой нишѣ, выдолбленной въ стѣнкѣ могилы, укрыты двѣ золотыя бляхи, деревянная полукруглая вещь, обитая золотымъ листомъ съ грубыми изображеніями птицъ, и большая золотая головка льва, служившая оболочкой деревянному предмету. Нѣсколько поодаль, въ особомъ углубленіи, поставлены въ рядъ десять большихъ глиняныхъ амфоръ, на нѣкоторыхъ надписаны красной краской греческія буквы. Въ углу царской могилы у входа—три большихъ бронзовыхъ котла на массивныхъ ножкахъ; въ одномъ—кости коровъ, въ остальныхъ—кости цѣлыхъ барановъ. Тутъ же—большая греческая амфора и бронзовое сито для процѣживанія молока или иной жидкости, съ ручкой въ видѣ изящной лебединой головки, деревянный предметъ, украшенный многочисленными серебряными кнопками и, наконецъ, широкий серебряный ободокъ, вѣроятно отъ рога.

Вокругъ царскаго остова находились: два желѣзныхъ копья выдающихся размѣровъ; желѣзный панцырь, распавшійся на части; большой бронзовый шлемъ греческаго образца, бронзовыя кнемиды, желѣзные ножи въ костяныхъ черенкахъ и бронзовая граненая булава, наставленная на деревянную рукоять, снизу окованную мѣдью. Находка этого оружія, служившаго, вѣроятно, символомъ власти, въ скиѣской могилѣ представляетъ большую рѣдкость. Далѣе

небольшое разбитое греческое терракотовое блюдечко и восемь серебряныхъ сосудовъ съ изящными, рѣдко встрѣчающимися изображеніями и рельефными фигурами скивовъ. Царская одежда, совершенно истлѣвшая, покрыта золотыми бляшками (около 300), также съ изображеніями скивовъ, грифовъ и львовъ. У ногъ скелета-царя поставленъ совершенно истлѣвшій деревянный предметъ съ золотыми пластинками съ изображеніемъ рыбъ. На рукахъ царя пять массивныхъ спиралевидныхъ золотыхъ браслетовъ, а за головой богатое золотое ожерелье съ шестьюдесятью грушевидными золотыми привѣсками. У лѣваго бока царя—два желѣзныхъ меча; рукоятка одного изъ мечей сохранила остатки облѣпывшаго ее золотого листа, рядомъ съ мечомъ лежала длинная роскошная золотая оболочка отъ ноженъ, заканчивающаяся большой круглой архаической головой Медузы. На шеѣ царя—толстое дутое золотое ожерелье съ витымъ орнаментомъ изъ чертъ и точекъ; концы ожерелья украшены головами львовъ, вѣшавшихся зубами въ длинный золотой узелъ, составляющій соединительное звено ожерелья. Въ стѣнкѣ могилы, подлѣ остова, въ особомъ тайникѣ—два наиболѣе драгоцѣнныхъ предмета царя—большой деревянный колчанъ и золотое блюдо. Колчанъ раскрошился. Изъ гипсовыхъ изваяній, украшавшихъ его, уцѣлѣли лишь нѣсколько человѣческихъ головокъ, а на обломкахъ облекавшаго нѣкогда колчанъ серебрянаго листа видны изображенія грифоновъ и другихъ животныхъ. Золотое блюдо сохранилось, съ наружной стороны оно покрыто выпуклыми изображеніями львовъ, пожирающихъ оленей и козулей. Такихъ сценъ, расположенныхъ въ три концентрическихъ ряда—21. По наружному борту блюда расположены сгладившіяся отъ времени загадочныя пока начертанія греческихъ буквъ.

Но самымъ прекраснымъ и наиболѣе замѣчательнымъ предметомъ богатства скивскаго влстителя, по мнѣнію графа Бобринскаго, является большой золотой гребень, находившійся подлѣ покойнаго и не имѣющій себѣ равнаго среди уцѣлѣвшихъ до нашего времени сокровищъ античнаго міра. Гребень квадратный, массивный, шириною около четырехъ вершковъ, состоитъ изъ девятнадцати зубцовъ, прикрѣпленныхъ сверху къ прямой перегородкѣ; послѣдняя отдѣлена отъ верхней части гребня ажурнымъ пространствомъ, въ которомъ размѣщены пять лежащихъ львовъ. Въ верхней части гребня изображена сцена сраженія съ участіемъ трехъ воиновъ при двухъ лошадяхъ.

Въ центрѣ—фигура коннаго скива, на него съ двухъ сторонъ нападаютъ скивы пѣшіе. На землѣ ногами кверху лежитъ раненая лошадь. Фигуры въ формѣ маленькихъ статуэтокъ высотой отъ одного до двухъ вершковъ. Отчетливо воспроизведены мельчайшія подробности вооруженія; лица воиновъ съ длинными волосами, усами и бородами представляютъ твореніе первокласснаго художника. Движеніе лошадей поразительно реально. Во всей композиціи боя и въ позахъ дѣйствующихъ лицъ чрезвычайно много движенія. Для изученія древняго вооруженія,—говоритъ графъ,—мы приобретаемъ (въ гребнѣ) новый, неоцѣнимый матеріалъ; появленіе гребня, предмета, которому мы не знаемъ подобнаго ни въ одномъ изъ европейскихъ музеевъ, составитъ эру въ изученіи исторіи греческаго искусства. Эпоху, въ которой относится вновь открытое погребеніе, графъ датируетъ временемъ не ранѣе IV вѣка до Р. Х.

Обычное веселое и радостное настроеніе царило весною на ежегодномъ актѣ въ императорскомъ петербургскомъ археологическомъ институтѣ. Заль института былъ переполненъ археологами обоего пола, какъ окончившими въ текущемъ году, такъ и прежнихъ выпусковъ. Директоръ института профессоръ Н. В. Покровский ознакомилъ собравшихся съ дѣятельностью института. Академическій 1912—1913 годъ является для института весьма удачнымъ въ матеріальномъ отношеніи. Ассигнованіе на содержаніе института (закономъ 5-го іюля 1912 г.) увеличено на семь тысячъ рублей (вмѣсто восемнадцати тысячъ нынѣ ассигнуется двадцать пять тысячъ рублей). Число почетныхъ членовъ значительно увеличилось. Избраны: итальянскій ученый Гораціо Маруки, профессоръ В. Шульце, Габріэль Миле, профессоръ Лампакки, В. В. Грюнейзенъ, высокопреосвященные Сергій и Антоній, А. В. Орѣшниковъ, К. Я. Гротъ, И. И. Мѣщаниновъ, Э. Л. Беренсъ и П. Л. Гусевъ. Въ составъ института входитъ нынѣ восемьдесятъ почетныхъ членовъ, четырнадцать преподавателей, пятьсотъ пятьдесятъ семь дѣйствительныхъ членовъ, пятьсотъ сорокъ одинъ сотрудникъ и пятьсотъ сорокъ два слушателя. Окончило курсъ съ званіемъ дѣйствительныхъ членовъ—тридцать семь и членовъ сотрудниковъ—семнадцать. Закономъ 5-го іюля 1912 года совѣту института предоставлено право устанавливать размѣръ платы съ слушателей. Съ вольнослушателей взимается нынѣ по сорока рублей, а съ дѣйствительныхъ по тридцати рублей въ годъ. Средства института заключаются въ тридцати четырехъ тысячахъ двухстахъ сорока двухъ рубляхъ и пяти копейкахъ. Слушатели въ истекшемъ году, кромѣ посѣщенія лекцій, непосредственно изучали памятники старины, обозрѣвали архивы и музеи. На воскресныхъ собраніяхъ прочтенъ рядъ рефератовъ. Ежегодная весенняя археологическая экскурсія 1912 г. совершена была во Псковъ. Осенью институтъ принималъ участіе въ работахъ третьяго международнаго археологическаго конгресса въ Римѣ. Библиотека института обогатилась двумястами пятьюдесятью четырьмя томами изданій и заключаетъ въ настоящее время восемнадцать тысячъ двѣсти пятьдесятъ восемь томовъ. Въ музей института поступили пожертвованія гг. Громатинскаго, С. И. Ѳедорова, М. В. Вольдтъ и Э. Л. Беренса. На трехсотлѣтній юбилей царствующаго дома Романовыхъ институтъ рѣшилъ отозваться выпускомъ въ свѣтъ всѣхъ имѣющихся въ музеѣ и историческомъ архивѣ института неизданныхъ древнихъ грамотъ государей изъ дома Романовыхъ, начиная съ грамотъ царя Михаила Ѳеодоровича и кончая грамотами царей Іоанна и Петра Алексѣевичей. Въ составъ того же юбилейнаго сборника вошелъ родословецъ знатныхъ русскихъ фамилій, въ томъ числѣ и фамиліи дома Романовыхъ; Романовская вѣтвь доведена до Филарета Никитича. Издаваемая книга является спискомъ съ келейной книги патріарха Филарета.

Среди пожертвованій, поступившихъ въ истекшемъ году въ музей петербургскаго археологическаго института, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ археологическая коллекція, вывезенная изъ Китайскаго Туркестана почетнымъ членомъ института Э. Л. Беренсомъ. Объ археологическихъ изысканіяхъ въ этой далекой своеобразной странѣ, полной реликвій нѣкогда бывшей тамъ ключомъ кипучей торговой жизни, Э. Л. Беренсъ сообщилъ на одномъ

изъ обширхъ собраній археологическаго института. Докладъ этотъ служить еще разъ яркимъ подтвержденіемъ того, насколько даже недолгіе годы пребыванія въ археологическомъ институтѣ прививаютъ къ его слушателямъ и живой интересъ, и любовь къ памятникамъ старины. Беренсъ, командированный въ Туркестанъ по обязанностямъ своей службы, далекой отъ какихъ-либо соприкосновеній съ археологіей и исторіей, тѣмъ не менѣе все свое небольшое свободное время тратилъ на археологическія изслѣдованія и собираніе весьма любопытной коллекціи. Поѣздка по обширной Кашгаріи, по китайскимъ Памирамъ, предгоріямъ Куэнь-Луни и Каракорума, по пескамъ западной части Гоби совершена была Беренсомъ въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ 1911 и 1912 гг. Свои работы въ археологической области онъ скромно сравниваетъ лишь съ тѣми предварительными развѣдками, на которыя посылаютъ специалистовъ, передъ началомъ работъ по проведенію новыхъ путей сообщенія. Путешественникомъ сдѣлано было до пяти тысячъ верстъ пути верхомъ; десятки остановокъ въ глухихъ малоизвѣстныхъ европейцамъ уголкахъ дали ему возможность хотя бѣгло ознакомиться съ мѣстными представляющими интересъ археологическими памятниками. Большое вниманіе удѣлено было изслѣдователямъ розыску слѣдовъ христіанства въ Кашгаріи. По преданію, христіанство исповѣдывалось здѣсь въ первые вѣка своего распространенія, занесенное сюда св. Фомою и апостолами изъ Парсіи.

За тридцать пять лѣтъ своего существованія императорскій петербургскій археологическій институтъ далъ Россіи штатъ полезныхъ работниковъ на почвѣ родной археологіи и исторіи, научилъ уважать въ русскомъ обществѣ памятники старины и тѣмъ реально и замѣтно послужилъ и служить дѣлу ея охраненія. Число слушателей въ началѣ считалось единицами, нынѣ выражается сотнями. Крупнымъ недочетомъ въ жизни института является, однако, отсутствіе собственнаго помѣщенія. Институтъ находится въ небольшой, занимаемой въ частномъ домѣ, квартирѣ, далеко недостаточной и для аудиторій, и для библіотеки, и для историческаго архива.

Въ институтѣ попрежнему царитъ рѣдкое единодушіе и традиціонныя простыя и сердечныя отношенія между учащимися и преподавательскимъ персоналомъ.

По окончаніи официальнаго акта въ томъ же залѣ общимъ завтракомъ среди профессоровъ новый выпускъ археологовъ весело отпраздновалъ свое выступленіе на арену археологической дѣятельности. Маститый директоръ института профессоръ Н. В. Покровскій, видимо, пользуется особенными симпатіями слушателей. Лекціи его охотно посѣщаются. Чутко и внимательно относится онъ къ просьбамъ обращающихся къ нему слушателей. Слѣдя въ теченіе ряда лѣтъ за дѣятельностью института, невольно является мысль, какъ недурно было бы и другимъ русскимъ педагогамъ-администраторамъ, на которыхъ лежитъ столь огромное и отвѣтственное дѣло руководства нашими высшими учебными заведеніями, присмотрѣться поближе къ порядкамъ и традиціямъ, установившимся въ наиболѣе скромномъ изъ нихъ—петербургскомъ археологическомъ институтѣ. Установленіе подобныхъ же традицій и простыхъ сердечныхъ отношеній между преподавательскимъ пер-

сопаломъ и учащимися позволило бы, быть можетъ, не разъ избѣжать столь нежелательныхъ учебныхъ забастовокъ, вызываемыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ недостаточно проявляемой инициативой и недостаточнымъ вниманіемъ къ психологіи учащихся со стороны лицъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточена власть надъ нашими юными поколѣніями.

Замѣтно увеличивающійся за послѣднее десятилѣтіе интересъ русскаго общества къ археологіи сопровождается все болѣе и болѣе частыми поѣздками нашихъ археологовъ за границу для участія въ работахъ международныхъ археологическихъ и историческихъ конгрессовъ и съѣздовъ. Все чаще и чаще раздаются за предѣлами нашего отечества голоса русскихъ ученыхъ, освѣщающихъ темную и загадочную еще для иностранцевъ область славнаго прошлаго нашей матушки Руси.

Изъ поѣздокъ, совершенныхъ русскими учеными за границу въ 1912 году, нельзя не обратить вниманіе на участіе нашихъ ученыхъ въ занятіяхъ международнаго конгресса доисторической археологіи въ Женевѣ.

Въ тщательно обработанномъ докладѣ секретаря разряда военной археологіи и археографіи императорскаго русскаго военно-историческаго общества полковника Н. И. Печенкина онъ ознакомилъ сочленовъ по разряду съ результатами ученыхъ работъ конгресса. Число членовъ конгресса, фактически присутствовавшихъ на немъ, достигло четырехсотъ пятидесяти человѣкъ. Приѣмъ членовъ въ Женевѣ былъ весьма радушнымъ, — городъ, частныя и правительственныя учрежденія и отдѣльныя лица наперерывъ старались перещеголять другъ друга въ гостепріимствѣ и предупредительности. Работы конгресса продолжались шесть дней. Первый день ознаменованъ былъ банкетомъ почетнаго предсѣдателя съѣзда, устроеннымъ въ роскошномъ дворцѣ его имѣнія для ознакомленія членовъ другъ съ другомъ. Въ теченіе слѣдующихъ дней слушаніе и обсужденіе докладовъ прерывалось поѣздками по зубчатой желѣзной дорогѣ въ горы, осмотромъ музеевъ, поѣздкою по Женевскому озеру, осмотромъ знаменитаго Шильонскаго замка (XI—XIII вѣка), банкетами кантональнаго совѣта и городской администраціи Женевы, даже фейерверкомъ въ честь членовъ конгресса отъ общества благоустройства Женевы. На конгрессѣ сдѣлано было до ста двадцати пяти докладовъ. Однимъ изъ важныхъ научныхъ результатовъ, достигнутыхъ конгрессомъ, по мнѣнію Н. М. Печенкина, является объединеніе метода антропологическихъ измѣреній, выработка и установленіе общеобязательныхъ правилъ при антропологическихъ измѣреніяхъ. Въ составѣ особой комиссіи по выработкѣ этихъ правилъ представителемъ Россіи былъ профессоръ Волковъ. Для широкой публики устроены были два публичныхъ собранія, на которыхъ, въ цѣляхъ популяризаціи новыхъ пріобрѣтеній въ области доисторической археологіи, выступали съ успѣхомъ корифеи науки. Число слушателей на этихъ собраніяхъ достигало трехъ тысячъ человѣкъ. Темою докладовъ были — человѣкъ палеолитической эпохи (эпохи каменныхъ отбивныхъ нешлифованныхъ орудій). Установлено, что жившій въ Женевѣ у подножія Салева въ концѣ четвертичнаго геологическаго періода человѣкъ былъ охотникомъ и рыболовомъ; незнакомый еще съ гончарнымъ кругомъ, онъ былъ тѣмъ не менѣе хлѣбопашцемъ и скотоводомъ. Отъ первобытнаго человѣка

окрестности Женевы сохранили многочисленные памятники примитивнаго, но, несомнѣнно, художественнаго творчества. Второй публичный докладъ ввелъ слушателей въ нѣсколько позднѣйшую (X в. до Р. X.) эпоху вѣка издѣлій изъ бронзы. Въ эту эпоху между странами, нынѣ занимаемыми Швеціей, Англіей и Италіей, существовало постоянное общеніе на почвѣ торговаго обмѣна. Съверъ вывозилъ янтарь, получая бронзу.

Въ нѣсколькихъ докладахъ познакомился конгрессъ и съ нашимъ отечествомъ. Профессоръ *Θ. К. Волковъ* сообщилъ о раскопкахъ 1909 года и открытіи имъ палеолитической стоянки въ Мезани Черниговской губерніи. Находки были демонстрированы передъ членами.

Большое впечатлѣніе на конгрессъ произвели работы Поля и Фрица Саразеновъ, которые для болѣе яснаго и полнаго воспроизведенія жизни первобытнаго человѣчества въ теченіе четырнадцати лѣтъ изучали жизнь аборигеновъ Цейлона, Суматры и Новой Каледоніи. Фрицъ Серазенъ передъ началомъ конгресса открылъ въ окрестностяхъ Базеля важную въ археологическомъ отношеніи пещеру, въ которой нѣсколько доисторическихъ культуръ смѣняли постепенно другъ друга.

Аббатъ Брейль представилъ богатую коллекцію разнообразныхъ рисунковъ, не лишенныхъ художественнаго значенія, найденныхъ имъ въ пещерахъ Мадленской эпохи въ Испаніи. Обсуждались на конгрессѣ вопросы: объ орнаментахъ дольменовъ (древнихъ каменныхъ надгробныхъ сооружений) и о техническихъ условіяхъ обработки каменныхъ отбивныхъ орудій (палеолитъ).

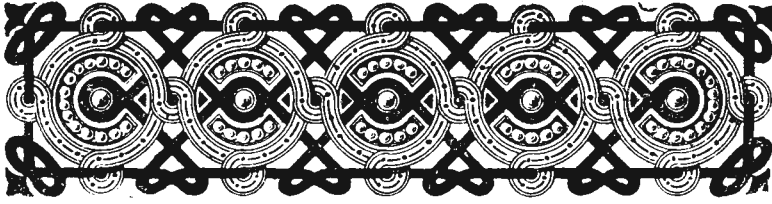
Каждому члену конгресса былъ выданъ атласъ, главное мѣсто въ которомъ отведено свайнымъ поселеніямъ озеръ Швейцаріи. Участіе русскихъ и славянскихъ ученыхъ, присутствовавшихъ на конгрессѣ, ознаменовалось активнымъ выступленіемъ ихъ въ защиту родныхъ славянскихъ нарѣчій. Инцидентъ по этому поводу, повлекшій за собою оживленную газетную полемику, создался при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Для обмѣна мнѣній и чтенія докладовъ на конгрессѣ допущены были, кромѣ общепримѣняемаго французскаго языка, нѣмецкій, англійскій и итальянскій языки. Въ первомъ же засѣданіи конгресса стало извѣстно о включеніи въ число упомянутыхъ языковъ и испанскаго. Русскіе и славянскіе ученые нашли, поэтому, своевременнымъ внести со своей стороны предложеніе о включеніи въ число тѣхъ же языковъ и языковъ славянскихъ. Предложеніе встрѣтило сочувствіе среди французовъ и англичанъ и горячее противодѣйствіе среди нѣмцевъ. Совѣтъ къ большой радости послѣднихъ предложеніе отклонилъ. Славянскіе ученые отказались демонстративно участвовать въ заключительномъ банкетѣ конгресса и перенесли вопросъ на страницы мѣстной прессы. Совѣтъ конгресса, пересмотрѣвъ вопросъ, нашель, что предложеніе о введеніи славянскихъ языковъ въ работы слѣдующихъ конгрессовъ должно быть пробаллотировано лишь на слѣдующемъ пятнадцатомъ конгрессѣ, который будетъ созванъ въ Мадридѣ. Удастся ли славянамъ удержать свою позицію на этомъ конгрессѣ?

Итакъ, въ результатѣ вся программа дѣятельности женевскаго конгресса представляется въ слѣдующемъ видѣ: первый день—банкетъ въ имѣніи почетнаго предсѣдателя для ознакомленія членовъ конгресса между собою. Второй

день—поѣздка въ горы на Салевъ, на вершинѣ котораго конгрессисты ознакомлены были съ доисторическихъ прошлымъ Женевы. Третій день—приемъ во дворецъ Ариана, устроенный совѣтомъ города Женевы, осмотръ музея во дворецѣ—даръ грека Ревеллютти. Четвертый день—поѣздка по Женевскому озеру. Осмотръ нынѣ удачно реставрируемаго Шильонскаго замка и завтракъ въ замкѣ, устроенный совѣтомъ кантона. На обратномъ пути обѣдъ на пароходѣ, устроенный комитетомъ конгресса. Пароходъ встрѣченъ былъ въ Женевѣ грандіознымъ фейерверкомъ. Пятый день—осмотръ музея искусствъ и исторіи. Чай отъ города Женевы. Шестой день—закрытіе конгресса и официальный банкетъ, данный кантональнымъ совѣтомъ и женевской городской администраціей.

А. Мионовъ.





ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.



ХОДСТВО между греками и японцами.—Извѣстный англійскій писатель Лафкадіо Хирнъ, уже давно поселившійся въ Японіи, которую считаетъ своей второй родиной, съ большимъ успѣхомъ просвѣщаетъ юныхъ японцевъ, знакомя ихъ съ классиками и европейскими взглядами, чувствами, складомъ ума и т. д. Иллюстраціей къ способу его преподаванія можетъ служить недавно напечатанная въ «Atlantic Monthly» статья. «Весѣдуя съ вами въ прошедшемъ году о поэзіи Кита, — говоритъ Лафкадіо Хирнъ:—я вамъ далъ замѣтить, что это одинъ изъ очень рѣдкихъ англійскихъ поэтовъ, говорящій о музыкѣ насѣкомыхъ, и по этому случаю я вамъ переименовалъ все, что онъ написалъ о пѣніи кузнечика. Кромѣ Кита, не находится другихъ европейскихъ поэтовъ, которые въ своихъ сочиненіяхъ касались бы насѣкомыхъ.

Большинство современныхъ европейскихъ поэтовъ выкинуло изъ своихъ произведеній кузнечика, стрекозу и вообще насѣкомыхъ, исключая, разумѣется, бабочки и пчелы. Поэтому, если вы хотите найти подобный сюжетъ, то вамъ придется вернуться къ греческой поэзіи». И Лафкадіо Хирнъ объяснилъ своимъ японскимъ ученикамъ, что греки обладали исключительными дарованіями; ихъ литература, искусство, складъ жизни никогда не имѣли и не будутъ имѣть себѣ равныхъ. Между прочимъ онъ привелъ интересное сравненіе японцевъ съ греками; и тѣ и другіе видятъ въ музыкѣ насѣкомыхъ наибольшую прелесть сельской жизни. Въ одномъ сборникѣ греческихъ стихотвореній часто попадаются сюжеты, гдѣ насѣкомыя играютъ видную роль. Это тѣмъ болѣе любопытно, что многія изъ этихъ поэмъ написаны двадцать или тридцать пять вѣковъ тому назадъ и имена ихъ авторовъ въ большинствѣ случаевъ неизвѣстны. «Это доказываетъ, до какой степени эти исчезнув-

шіе народы похожи на теперешнихъ людей,—говоритъ Лафкадіо Хирнъ:—и до какой степени японскій характеръ похожъ на характеръ древнихъ грековъ, какимъ онъ является въ ихъ поэзіи». Лафкадіо Хирнъ говоритъ, что греки прежде, чѣмъ наслаждаться пѣніемъ насѣкомыхъ, имѣли обыкновеніе держать нѣкоторыхъ изъ нихъ въ клѣткахъ. Въ доказательство вѣроятности своего предположенія онъ приводитъ первую идиллію Теоокрита. Тамъ рѣчь идетъ о мальчикѣ, который сторожилъ виноградники отъ волковъ и отъ нечего дѣлать занимался тѣмъ, что устраивалъ изъ прутиковъ маленькую клѣтку для кузнечиковъ. У Мелеагра въ одной изъ поэмъ есть намекъ на привычку грековъ воспитывать кузнечиковъ, какъ еще и теперь дѣлаютъ японцы, выкармливая ихъ молодымъ пореемъ. Въ своей поэзіи греки подробно воспѣвали пѣніе кузнечиковъ, значить, они хорошо изучили голосовой органъ кузнечика, также и стрекозы, а для этого они должны были близко ихъ наблюдать. Не менѣе очевидно и то обстоятельство, что греческія дѣти съ ревнивой заботливостью воспитывали нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, когда же тѣ умирали, они имъ строили маленькія могилки, какъ это дѣлаютъ въ наши дни японскія дѣти. При этомъ Лафкадіо Хирнъ привелъ нѣсколько строкъ изъ стихотвореній одной сицилійской поэтессы, которыя служили эпитафіей кузнечику и стрекозѣ: «Для кузнечика, соловья полей, и стрекозы, обитательницы дуба, была вырыта общая могила, чтобы дѣвочка на каждого изъ нихъ пролила чистую слезу: жестокой Гадесъ унесъ съ собою эти два хрупкія существованія». «Но если маленькія греческія дѣвочки были такъ нѣжны къ насѣкомымъ,—говоритъ онъ,—то ихъ маленькіе товарищи были гораздо менѣе нѣжны. Они забавлялись тѣмъ,—и теперь еще эта дурная привычка имѣется у маленькихъ японцевъ,—что ловили ихъ и причиняли имъ боль. По крайней мѣрѣ, въ слѣдующей греческой поэмѣ говорится: «Я не буду болѣе усаждать себя музыкой моихъ трепещущихъ крыльевъ, ибо я попалъ въ жестокія руки маленькаго мальчика; онъ меня схватилъ врасплохъ, въ тотъ самый моментъ, когда я хотѣлъ спрятаться среди зеленыхъ листьевъ». Во многихъ странахъ античной Греціи кузнечикъ пользовался почти религіознымъ почитаніемъ: богиня Аѳина предпочитала его всѣмъ прочимъ насѣкомымъ, а потому его часто изображали на статуяхъ и барельефахъ, гдѣ была представлена эта богиня. «Я не утверждаю,—говоритъ Лафкадіо Хирнъ:—что греки его обожали, однако многія религіозныя традиціи имѣютъ съ нимъ тѣсную связь.

Была эпоха, когда богатыя женщины носили въ волосахъ золотыхъ стрекозъ, и вполсѣдствіи это украшеніе было излюблено римскими матронами. Поэты воспѣвали стрекозу, какъ любимицу боговъ, которая «питалась своимъ собственнымъ пѣніемъ и не страдала отъ того, что, обладая тѣломъ, совсѣмъ не обладала кровью, и такимъ образомъ равнялась богамъ». Но самая извѣстная изъ греческихъ поэмъ, гдѣ воспѣвается стрекоза, была написана двадцать три вѣка тому назадъ. Ея авторъ вдохновился темой при видѣ, какъ кузнечикъ сдѣбался жертвой соловья, поэту поэтъ называетъ соловья молодой аѳинской дѣвушкой. Согласно греческой міеологіи соловей былъ сыномъ миѳическаго царя Аѳей.

Приведа другіе примѣры этого рода поэзіи, Лафкадіо Хирнъ объяснилъ своимъ ученикамъ ея социальное значеніе и отмѣтилъ въ ней тонкость и деликатность чувствъ, какими она вся пропитана. «Среди римскихъ поэтовъ,—ска-

заль онъ,—не найдется ни одного, который вдохновился бы при видѣ насѣкомаго, развѣ только въ послѣднюю эпоху, но тогда римскіе поэты копировали греческихъ поэтовъ. Этотъ фактъ, съ виду незначительный, дѣлаетъ очевидной глубокую разницу, существующую между характерами этихъ двухъ народовъ. Римляне были чудесные солдаты, неподражаемые архитекторы. Они обладали всѣми качествами, которыя составляютъ силу, осторожность и практическій умъ; но что касается культуры ума, то ни въ какой моментъ ихъ исторіи они не достигли той степени утонченности, какой достигли греки, даже много вѣковъ изучая греческую литературу и философію. Въ римскомъ характерѣ всегда оставалась доза дикости и свирѣпости, и со временемъ она приняла форму чудовищной жестокости,—жестокости варварской эпохи, когда самая сильная радость существованія состояла въ наслажденіи зрѣлищемъ смерти.

Напротивъ, греки, даже подчиненные римлянами, сумѣли сохранить совершенно иной обликъ. Они долго противились введенію въ Грецію кровавыхъ римскихъ зрѣлищъ. Когда это имъ не удавалось, то они, насколько возможно, противопоставляли имъ чувство гуманности и жалости, неизвѣстное ихъ покорителямъ. «Народъ, который развлекается зрѣлищемъ людей, убивающихъ другъ друга, не можетъ писать поэмъ о насѣкомыхъ, и народъ, писавшій поэмы о насѣкомыхъ, не можетъ находить удовольствія въ жестокости. Мнѣ думается,—говоритъ Хирнъ:—что привычка наслаждаться музыкой насѣкомыхъ и понимать, какое она имѣетъ значеніе въ великой поэмѣ природы, свидѣтельствуешь о добротѣ сердца, эстетической чуткости и, наконецъ, о полномъ моральномъ равновѣсіи». Безспорно, греки обладали этимъ даромъ, и въ ихъ литературѣ, ихъ искусствѣ и ихъ складѣ жизни особенно поражаетъ та красивая, чистая, сильная радость, какую они испытывали предъ лицомъ природы. Чувствительность у нихъ шла рядомъ съ необычайной силой мысли. Древніе греки, жизнерадостныя, ясно-спокойныя большія дѣти, были великими философами, знаніе которыхъ еще и теперь питаетъ западное человѣчество, поэтому въ наши дни все сильнѣе чувствуется желаніе возвратиться къ греческому духу—духу яснаго спокойствія и уравновѣшенности. Конечно, мы тоже умѣемъ глубоко мыслить, но наша мысль вмѣсто того, чтобы сдѣлать нашу жизнь спокойнѣе и яснѣе, служить намъ лишь только для того, чтобы возмущать и затемнять ее.

«Итакъ, я отмѣтилъ, что между греками и японцами существуетъ большое сходство, и,—говоритъ Лафкадіо Хирнъ,—положительно старая Японія также обладала этой свѣжей и деликатной чуткостью, которую тщетно искали бы въ западномъ мірѣ». Лафкадіо Хирнъ убѣжденъ, что если бы великіе ученые, въ совершенствѣ знавшіе нравы обѣихъ странъ, т. е. Греціи и Японіи, попытались предпринять сравнительное изученіе жизни и мысли древнихъ грековъ и древнихъ японцевъ, то, навѣрно, добились бы поразительныхъ результатовъ. Несмотря на то, что обѣ религіи представляютъ между собою большую разницу, ихъ религіозный духъ имѣетъ удивительное соотвѣтствіе. Это видно не только въ поэзіи о насѣкомыхъ, но также въ независимости взглядовъ на боговъ, въ одинаковомъ взглядѣ на человѣческую судьбу и въ одинаковой манерѣ наслаждаться и страдать.

«Я уже указалъ на отсутствіе насѣкомыхъ въ сюжетахъ современной западной литературы; это служить достаточнымъ доказательствомъ, что западные народы еще не замѣтили и еще менѣе поняли нѣкоторыя чудесныя стороны природы. А между тѣмъ было бы несправедливо утверждать, что западные народы, хотя въ этомъ отношеніи стоящіе ниже древнихъ грековъ, были лишены эстетической чуткости и морали. Это не значить, что имъ не хватаетъ чуткости, это скорѣе, по крайней мѣрѣ, я такъ думаю, неспособность видѣть природу въ ея наиболѣе возвышенныхъ и лучшихъ проявленіяхъ. Все это происходитъ по причинѣ узъ, наложенныхъ религіею на западную мысль, которая приписываетъ душу только человѣку, а не животнымъ. Между тѣмъ близкое изученіе животныхъ невольно ведетъ васъ къ тому, что вы признаете, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, способность къ мышленію. Однако даже тѣ, которые допускаютъ существованіе души у своей любимой лошади или собаки, подъ впечатлѣніемъ прежнихъ ученій принимаютъ насѣкомыхъ за автоматовъ. Правда, современная наука достаточно освѣтила вопросъ, но я, говорю, о народномъ мнѣніи».

Лафкадіо Хирпъ, такимъ образомъ, съ большимъ успѣхомъ знакомитъ японцевъ не только съ европейской литературой и европейскимъ умомъ, но и съ греческими классиками.

— П и з д а н н ы я п и с ь м а Б е р а н ж е. — «Я только пѣсенникъ, господа, дайте мнѣ умереть пѣсенникомъ!»—вотъ лучшая характеристика этого французскаго пѣвца свободы, неизданныя письма котораго появились въ нѣсколькихъ книжкахъ «Revue Bleue». Кому не знакомъ былъ Беранже? Его куплеты, веселые, приправленные гальской солью, въ свое время переходили изъ устъ въ уста. Но всему бываетъ рано или поздно конецъ, и популярность Беранже угасала по мѣрѣ того, какъ онъ самъ приближался къ закату. Поль Бюшфонъ въ предисловіи къ этой серіи писемъ говоритъ, что былъ моментъ, когда Беранже на зарѣ своей карьеры вдругъ заколебался, какой ему выбрать родъ поэтическаго творчества, и уже хотѣлъ остановиться на другомъ жанрѣ поэзіи. Вскорѣ онъ понялъ, что едва не сдѣлалъ ошибки, и вполне отдался жанру куплета, который долго оставался у всѣхъ въ памяти.

Смѣнялись правительства, а Беранже оставался все тотъ же пѣвецъ свободы: ни штрафы, ни тюрьмы—ничто не пугало его и не заставило свернуть съ его пути. У реставраціи не было опаснѣе врага, какъ Беранже, который вкладывалъ всю свою веселость, свое вдохновеніе въ нападки на ретроградныя злоупотребленія. Не стало Бурбоновъ, съ которыми онъ обращался хуже, чѣмъ съ какимъ-либо другимъ правительствомъ, наступила іюльская монархія, отъ которой Беранже могъ всего ожидать. Но Беранже ничего отъ нея не принялъ—и его роль политическаго пѣсенника окончилась. Онъ самъ это сознавалъ, когда писалъ Лебрену: «Моя репутация на закатѣ, и я подготовленъ къ тому чтобы видѣть, какъ она закатится, какъ видѣлъ я много другихъ угасшихъ репутаций. Академія этому не поможетъ. Я заранѣе утѣшаюсь и не хочу искать средства противъ неизбежнаго зла. И я даже вамъ скажу, что въ перспективѣ это меня не очень печалитъ. Мнѣ кажется, я выиграю въ независимости то,

что потерялъ въ пустомъ шумѣ. Иногда я дохожу до желанія, чтобы быстрѣе свершилось это паденіе. Но, быть можетъ, съ забвеніемъ происходитъ то же, что со смертью, которой не боятся издали. Если и со мной это будетъ такъ, то у меня останутся добрые друзья, которые помогутъ мнѣ перенести мое горе».

Пѣсни Беранже смолкли на его устахъ; теперь онъ превратился въ покровителя слабыхъ и обиженныхъ, всемірнаго ходатая за всѣхъ и предъ всѣми. Поэтому естественно, что у него велась переписка не только съ друзьями, но даже съ невѣдомыми ему лицами, жаждавшими его утѣшеній или нуждавшимся въ совѣтахъ. Эта переписка все росла и росла и, когда лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ появились четыре объемистые тома этой переписки, Сеитъ-Бевъ, объявляя объ ея появленіи, замѣтилъ, что «перепискѣ» въ томъ видѣ, какъ она появилась, не хватаетъ важныхъ писемъ—не по винѣ издателя. Влискіе друзья Беранже, между прочимъ Лебрень, не хотѣли дать своихъ писемъ, ссылаясь на то, что Беранже писалъ такъ же, какъ говорилъ, т. е. его перо было рѣзко. Только теперь наконецъ часть этихъ писемъ появилась въ печати, и именно къ супругамъ Лебрень. Изъ нихъ два письма уже извѣстны, но помѣщены, чтобы не нарушать цѣлости впечатлѣній. Въ этихъ письмахъ обнаружилось доброе, великодушное сердце Беранже, его снисходительная мораль и отчасти «коклетливая заботливость» о своей популярности.

Во все время царствованія Луи-Филиппа Беранже жилъ въ сторонѣ отъ Парижа въ Пасси, Фонтенбло или Турѣ. Но его настроеніе не было ни сумрачно, ни сердито, ни даже противоположнымъ: онъ былъ просто зрителемъ всего происходившаго, а не руководителемъ, хотя демократъ Беранже не могъ быть доволенъ буржуазнымъ царствованіемъ. Февральская революція заставила его измѣнить образъ жизни. Изъ него хотѣли сдѣлать представителя народа, но онъ на это не согласился,—политика не дѣло для почетнаго пѣвца, ревниво оберегавшаго свою независимость и избѣгавшаго всякаго стѣсненія, откуда бы оно ни шло. Изъ ненависти къ Бурбонамъ онъ когда-то сдѣлался создателемъ Наполеоновской легенды, а отблескъ славы дяди теперь отражался на его безвѣстномъ племянникѣ. Но Беранже отказывается жертвовать своей репутаціей правительству, которое онъ не могъ любить. Онъ находился въ щекотливомъ положеніи, дѣлавшемъ его подозрительнымъ къ слишкомъ многимъ людямъ и заставлявшимъ его черезчуръ разбираться какъ въ нихъ, такъ и въ ихъ дѣлахъ. Приверженцы законной наслѣдственности нападали на него открыто; орлеанисты защищали его не больше первыхъ; бонапартисты дѣлали ему авансы, которые онъ не принялъ, а демократы изъ ревности, что не выполнѣ имъ овладѣли, не признавали за нимъ прежнихъ заслугъ.

Тѣмъ временемъ народилась другого рода поэзія, болѣе утонченная, не подходившая къ сильному, но прозаическому языку Беранже, и «Pindar de barière» со своей восторженностью сдѣлался мишенью для насмѣшекъ людей изящныхъ или старавшихся казаться такими, которые считали хорошимъ тономъ надсмѣхаться надъ нимъ. Леконтъ де-Лиль, предавъ забвенію оказанныя ему поэтомъ услуги, высмѣивалъ его лиризмъ, а Ренанъ, слишкомъ отзывавшій семинаріей, изъ чисто французской, даже гальской веселости Беранже, составившей уголокъ французской литературы, сдѣлалъ процессъ подъ

именем Беранже. «Конечно, онъ не предвидѣлъ,—говоритъ Боньфонъ,—будущихъ «кельтическихъ обѣдовъ», на которыхъ велись разговоры *sub rosa* съ Gaudeamus, за которые его самого горько упрекали. Такъ умаляли репутацію Беранже, но, умаляя его, вмѣстѣ съ нимъ крошили и вторую имперію».

«Переписка» начинается съ февраля 1812 года и оканчивается за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Беранже. Когда она началась, Беранже занималъ скромное мѣсто въ канцеляріи университета и получалъ пенсію члена института Люсьена Бонапарта, которую тотъ оставилъ ему, покидая Францію. Затѣмъ, въ наказаніе брата, Наполеонъ отнялъ ее; тогда судьбою Беранже занялся Лебрень, встрѣчавшійся съ нимъ у общихъ друзей: Бенжамена Антье, Боккильона, прежняго ученика Сень-Сира, какъ и Лебрень, и пѣсенника, какъ Беранже, а потомъ у драматическаго поэта Арно. Вскорѣ между ними возникла симпатія, превратившаяся въ дружбу, длившуюся болѣе сорока лѣтъ, хотя между ними общаго было только восхищеніе Наполеономъ I. Лебрень пользовался успѣхомъ и популярностью въ театрѣ, но его успѣхъ и популярность были менѣе блестящи, чѣмъ Беранже. Получивъ мѣсто управляющаго королевской типографіи при Луи-Филиппѣ чрезъ Беранже, онъ уже былъ сенаторомъ при второй имперіи, а это лучше всего показываетъ, какая разница во взглядахъ на политику была у обоихъ поэтовъ. Впрочемъ, это не мѣшало ихъ искренней дружбѣ, и это видно изъ напечатанныхъ писемъ, гдѣ Беранже говорилъ со своимъ другомъ откровенно, съ открытымъ сердцемъ.

Первыя письма касались главнымъ образомъ пьесы Лебрена «Марія Стюартъ». На ея репетиціи долженъ былъ присутствовать между прочимъ и Беранже, спрашивавшій его: «Не падо ли авторскаго билета, чтобы проникнуть въ тюрьму вашей королевы Шотландіи?» Иногда Беранже писалъ коротенькія предупрежденія, что не можетъ быть на обѣдѣ въ скромномъ ресторанчикѣ, гдѣ по пятницамъ собирались сливки литературнаго міра. Въ то время Лебрень хлопоталъ о вступленіи въ число «безсмертныхъ», и Беранже касался также этого вопроса. Между прочимъ онъ писалъ о смерти Байрона и спрашивалъ, не вдохновила ли Лебрена смѣрть Байрона. «Мнѣ писали изъ Лондона,—говоритъ онъ,—требуя, чтобы я воспѣлъ его, но я видѣлъ столько стиховъ на эту тему и столько еще появится, что я, уличный стихоплетъ, боюсь задохнуться въ толпѣ. Къ тому же у меня припадокъ лѣни, которымъ я хочу воспользоваться». 22-го октября 1825 года онъ между прочимъ писалъ, что Тальма въ такомъ положеніи, что едва ли можетъ выступать на сценѣ. Съ г-жою Лебрень сначала Беранже не удавалось встрѣчаться, и онъ писалъ ея мужу, прося его передать женѣ, что ему досадно, зачѣмъ она рѣдко встрѣчается съ нимъ. «Не моя вина, если она не привыкла къ моей физиономіи и манерамъ, такъ какъ я рѣдко имѣю удовольствіе заставить ее, когда прихожу къ ней. Такимъ образомъ, я вижу, что долго она будетъ бояться меня, и, правду сказать, я очень объ этомъ сожалѣю». Все-таки впоследствии они стали друзьями, и между ними велась переписка.

Беранже вышелъ изъ народа (какъ извѣстно, онъ воспитывался у своего дѣда португо) и остался сыномъ народа. Эта черта выдѣляется уже въ первыхъ письмахъ. Онъ не любилъ ни помпы, ни свѣтскаго лоска, ни свѣтской жен-

щнны, «femmes à saпарé», какъ онъ выражался. Справляясь у г-жн Лебрентъ, «благоразумной, но большою друга баловъ», объ ея двоюродной сестрѣ Амелн, «подходящей къ его вкусамъ», онъ замѣчаетъ: «Положнтельно, я ненавижу всѣхъ вашихъ свѣтскихъ людей; мнѣ нужны простые н добрые люди, н не думаю, чтобы вы меня за это порнцали». Увѣдомляя, что у г-жн Фабрегеттъ очень опасно заболѣла внучка, онъ прибавляетъ: «Зрѣлнце такого дѣйствнтельнаго горя дѣлаетъ меня нѣсколькю безразлнчнымъ къ іереміадамъ нашихъ femmes à saпарé. Вамъ я могу это сказать». Въ другомъ письмѣ, опять справляясь объ Амелн, онъ пишетъ: «Эта особа совершенно подходитъ ко мнѣ; не то, чтобы я имѣлъ желаніе на ней жениться, но, право, если бы мнѣ пришлось выбирать между нею н нѣкою графнней, голосъ которой мнѣ такъ не нравнтся, конечно, я отдалъ бы предпочтеніе ей даже въ случаѣ женнтыбы, если бы я былъ доведенъ до этой крайности. Если бы ваши господа знали это, они нашли бы меня гнуснымъ. Что же вы хотите: я—за маленькнхъ людей. Уднвляйтесь послѣ этого признанія, что я ннчего другою не сочнню, кромѣ пѣсенъ. Дѣйствнтельно, я большою каналья; поэтому неуднвнтельно, что мои рѣчн нногда заставляють людей порядочныхъ дѣлать грнмасы».

Въ другомъ письмѣ онъ опять говоритъ о своей аннпатн къ великосвѣтскнмъ женщннамъ: «Но зачѣмъ вы говорнте о моемъ предубѣжденнн противъ графннн. Я говорнлъ вообще н потому, что вы живете въ кругу, гдѣ я думалъ видѣть нзвѣстную склонность курнть оймнмамъ, особенно знатнымъ женщннамъ, которнхъ я ненавижу, потому что до крайности люблю естественныхъ женщннъ. Что касается вашей графннн, то я нахожу у нея только непрнятный голосъ, которнй не мнлъ моему сердцу, но которнй хорошо указываетъ, гдѣ ея сердце. Въ молодостн я очень ее уважалъ н увѣряю васъ, что теперь я о ней только хорошаго мнѣння, согласно тому, что я о ней слышалъ. Но все-такн, какъ бы то нн было, во мнѣ народная жнлка, какъ говорнлъ Наполеонъ, н я не люблю нн великосвѣтскнхъ женщннъ, нн жеманныхъ разговоровъ».

Шуткн, нногда съ небольшою дозой гальской солн, попадаютъ у него между серьезными фразами. Собнраясь гостнть къ Лебренамъ въ Шампрозн, онъ прибавляетъ, что онъ разорнтельный нахлѣбннкъ, нстребляющнй кофе. «Увѣряють, что онъ у васъ превосходный,—пншетъ Беранже:—но сущность не въ этомъ, а чтобы его было много, безразлнчно какою». Сообнчая объ отъѣздѣ въ Гавръ г-жн Обернонъ, онъ шутлнво замѣчаетъ, что она ѣдетъ брать ванны, чтобы сдѣлать потомъ дѣтей, н окончнваетъ письмо словами: «Хорошенькю веселнтесь, будьте довольны, будьте счастливы, какъ пнсалъ Наполеонъ. Замѣтнлн ли вы, сколько разъ онъ повторнлъ эту формулу?» Ему пришлось правнть корректуру для сборннка его пѣсенъ, которнй готовнлся къ нзданню, н онъ увѣдомляетъ, что этотъ сборннкъ украшенъ портретомъ, для котораго онъ не познровалъ. «Это очень забавно,—замѣчаетъ онъ.—Это портретъ Лувеля въ очкахъ». Увѣдомляя о своей болѣзнн, онъ говорнть: «У меня былъ мой докторъ: посмотрнмъ, дастъ ли гомеопатня третнй разъ доказательство своей дѣйствнтельности».

Беранже постоянно о комъ-ннбудь хлопочетъ н проснтъ. «Вотъ болѣе шести недѣль, какъ я не принадлежу себѣ,—пншетъ онъ Лебрену.—Мнѣ прнходнтся

бѣгать не только для бѣдныхъ друзей, но и для богатыхъ. Скажите, какъ это случилось, что бѣдный поэтъ, который такъ любитъ свою независимость и свою лѣнь, постоянно находится въ сутолокѣ, которую, повидимому, уважаютъ его товарищи».

Лебренъ заботился о судьбѣ Беранже и хотѣлъ непременно приобщить его къ числу «безсмертныхъ». Онъ произнесъ передъ членами академіи хвалебную рѣчь о Беранже. Для Беранже это было неожиданностью и, чтобы убѣдиться, онъ прочиталъ эту рѣчь въ «Courrier». Въ письмѣ къ Лебрену поэтъ, между прочимъ, говоритъ, что очень удивленъ, какъ академія позволила Лебрену дать ему такое большое доказательство дружбы, которое въ то же время служить доказательствомъ его смѣлости. «Никто болѣе меня не чувствителенъ къ похваламъ тѣхъ, кого любятъ. Вы наложили печать на мою репутацію. Одно только мнѣ жаль: быть заранѣе увѣреннымъ, что у меня никогда не будетъ случая сдѣлать для васъ того, что вы сдѣлали для меня. Что дѣлать, дорогой папериристъ! Я не рожденъ для академіи. Итакъ, дорогой Лебренъ, вотъ вы и членъ академіи, которая насчитываетъ столько славныхъ именъ. Съ нѣкоторыхъ поръ она реабилитировала себя въ общественномъ мнѣніи. Еще нѣсколько выборовъ, какъ вашъ, если, разумѣется, она найдетъ случай ихъ сдѣлать, и я увѣренъ, что она выиграетъ то, что потеряла въ своемъ значеніи.

«Не считайте, что я отъ нея отдаляюсь вслѣдствіе сильнаго упрямства. Объ этомъ я никогда не думалъ».

Какъ ни старался Лебренъ, но уговорить Беранже ему не удавалось, онъ упорно избѣгалъ академіи и выставлялъ «серьезныя и искреннія причины», которыя Лебренъ, однако, повидимому, не признавалъ. Это упорство онъ объясняетъ слѣдующимъ письмомъ, прекрасно характеризующимъ его личность. Онъ ссылался на то, что, если бъ онъ написалъ что-нибудь другое, кромѣ пѣсень, тогда бы ему ничто не препятствовало записаться кандидатомъ среди жаждущихъ академическаго кресла. «Но по причинѣ, которую долго объяснять, я не хочу академически формировать этотъ жанрикъ поэзіи, который перестанетъ быть орудіемъ для оппозиціи въ тотъ день, когда онъ сдѣлается средствомъ достиженія. И не доставлю ли я тѣмъ, кто никогда не упускаетъ случая напасть на выборы академіи, возможность унижить этотъ жанръ, которому я всегдѣ обязанъ и который мнѣ удалось поставить гораздо выше, чѣмъ онъ когда-либо былъ. Тотъ, кто теперь говоритъ, что мои пѣсни—оды, первый закричитъ, что я сочиняю только пѣсни, что пѣснь вещь не важная. Признайтесь, что мнѣ не годится давать имъ случай для доказательства, что они слишкомъ правы. Къ тому же я не могу скрыть отъ себя, что нельзя вступать въ общество, не взявъ на себя обязательства долга и деликатности. Поэтому признаюсь вамъ, дорогой другъ, что у меня въ головѣ сочиненіе, которое не можетъ быть написано въ академическомъ духѣ. Какъ вы думаете, имѣя такой планъ, подходит ли подвергаться опасности совершить актъ неблагодарности? Уже достаточно того, что благосклонность многихъ вашихъ коллегъ, о которой вы мнѣ сообщали, налагаетъ на меня обязанность быть благодарнымъ, а благодарность для меня культъ, и потому я всегда опасаясь налагать на себя даже легкія обязательства; вы же говорите о большихъ. Я пожертвовалъ всегдѣ

за необходимую свободу: Не отнимайте от меня единственного плода стольких усилий, которые были часто так тяжелы. Вы повторите мнѣ уже сказанное, то, что уже говорили: «узы, налагаемые академіей, не очень стѣснительны». Вы ссылались на Лафонтена, который их добивался. Что я отвѣтил вамъ? Лафонтенъ былъ добрый малый (bonhomme), я же человекъ добрый (homme bon), такъ мнѣ думается, но, къ несчастью, совсѣмъ не добрый малый. Бѣдность и опытъ ввели въ мой мозгъ немного философіи, и я обязанъ, безъ сомнѣнія, природѣ нѣкоторыми качествами моего сердца, потому что у меня всегда было порядочное количество превосходныхъ друзей, но я никогда не жилъ такъ, чтобы мой нравъ смягчился, и увѣряю васъ, что иногда онъ бываетъ не слишкомъ благоразуменъ и не слишкомъ мягокъ. Съ подобнымъ безумцемъ могу ли я рискнуть и сѣсть рядомъ съ людьми, безъ сомнѣнія, очень уважаемыми, но у которыхъ, конечно, свой нравъ, который, очень возможно, не будетъ въ состояніи поладить по сосѣдству съ моимъ нетерпѣливымъ и имѣющимъ привычку бить стекла, какъ было, если вы помните, въ Тюльери. Наблюдайте мое поведеніе въ обществѣ, вы увидите, что я тамъ ничего не дѣлаю, а прохожу, какъ любопытный, всегда стараясь нигдѣ не уживаться. Если въ толпѣ я различаю нѣсколько добрыхъ пріятелей, то я назначаю имъ свиданіе подалеже отъ общества, съ прежними и старыми друзьями, которыхъ я сумѣлъ сохранить и въ числѣ которыхъ, вы знаете, я имѣлъ счастье считать васъ. Отъ тѣхъ друзей, которые поднялись слишкомъ высоко для меня, я держусь подалеже, но нѣсколько не уменьшая, по крайней мѣрѣ ради одного этого, привязанности, какую я когда-то къ нимъ питалъ. Это поведеніе, дорогой Леобенъ, зависитъ отъ правила, которое я себѣ составилъ заблаговременно, потому что люди много страдавшіе принуждены быть благоразумны съ очень раннихъ поръ. Нѣсколько возможно, я никогда не принималъ положенія, которое не соответствуетъ моему характеру и моему вкусу, особенно моему вкусу, который, быть можетъ, по своей простотѣ, замѣнялъ мнѣ добродѣтель и разумъ. Не думайте, что это рѣдко бываетъ въ обществѣ, какъ оно составляется у насъ. Глупцы и люди, которые меня не знаютъ, думаютъ или стараются думать, что во время іюльской революціи я отказался отъ мѣстъ и отличій, чтобы обратить на себя вниманіе. Нѣтъ, вы знаете, отличія и мѣста не подходятъ ни къ моимъ вкусамъ, ни къ моему характеру».

Поэтъ создавалъ свои пѣсни перомъ: ораторскаго же таланта ему не хватало, и это было второй причиной его нежеланія вступить въ академію. «Я прихожу въ ужасъ при мысли вручить мою личность публикѣ и, какъ авторъ «Maximes», я совершенно неспособенъ какъ сказать, даже прочитать нѣсколько фразъ въ большомъ собраніи, такъ и выносить въ теченіе часа любезности и комплименты, обращенные ко мнѣ. Были же вы въ большой толпѣ предъ судьями?—спросите вы. Чортъ возьми, какъ же отъ этого было отказаться. Если бы я могъ подписаться, что за разрѣшеніе не показываться въ такомъ многочисленномъ обществѣ я обязуюсь подвергаться каждый разъ на три мѣсяца болѣе тюремному заключенію, то я совершилъ бы эту сдѣлку отъ всего сердца. По крайней мѣрѣ, на скамьѣ подсудимыхъ я отдѣлывался бы только произношеніемъ моего имени. Считайте меня неспособнымъ произносить торже-

ственные рѣчи, предполагая, что я способенъ ихъ составить, что довольно сомнительно».

Блестящая обстановка, торжественное одѣяніе академикомъ пугали не мене рѣчей скромнаго естественнаго Беранже. «Меня видѣть въ расшитомъ фракѣ со шпагой, отправляющимся во дворецъ! Тамъ опять рѣчь: «Государь, я вашъ покорный слуга!»—«А, вотъ и вы, вы не желали насъ посѣтить!»—«Къ вашимъ услугамъ, государь!»—«Ступайте и не возвращайтесь больше!» и т. д. и т. д. Нѣтъ, мой другъ, развѣ вы не чувствуете, что ваши обычаи для меня не возможны! Ради Бога оставьте меня! оставьте меня въ моемъ углу, который не уголь мизантропа! Да, дорогой Лебрень, если бы я зналъ, что меня можно назначить безъ церемоній, я охотнѣ бы сдѣлалъ сразу десять визитовъ каждому изъ васъ, даже архіепископу и отправился бы съ шести часовъ утра ожидать (хотя холодно) у дверей секретаріата, чтобъ меня записали. Назначеніе безъ церемоніи! Представляете вы себѣ что-нибудь болѣе триумфальное, болѣе подавляющее вступленіе для такой ничтожной репутаціи. Помѣшайте этому, умоляю васъ! Прочитайте мое письмо этимъ господамъ, если находите необходимымъ. Но я съ ума сошелъ! Такая боязнь—химерична. Нѣтъ, никогда академія не захочетъ настолько спуститься съ своего высокаго положенія предъ поэтомъ кабачковъ. Какъ она сдѣлаетъ для меня то, чего не сдѣлала для божественнаго Мольера. Я только пѣсенникъ, господа, дайте мнѣ умереть пѣсенникомъ! Еще нѣсколько словъ. Мысль быть поработленнымъ репутаціей для меня невозможна. Глупая! Я сдѣлалъ все, чтобы жить отдѣльно отъ нея, а вы хотите, чтобы я слѣдовалъ за нею въ вашъ дворецъ, куда она никогда не имѣла миссіи войти. Подождите года чрезъ три-четыре, вѣроятно, не будетъ болѣе вопроса о ней. Безъ сомнѣнія, тогда я буду въ достаточной мѣрѣ философомъ, чтобы о чемъ-нибудь сожалѣть».

Въ одномъ изъ писемъ изъ Пасси 24-го октября 1831 года Беранже обращается за совѣтомъ и просьбой къ Лебрёну просмотрѣть предисловіе къ его «шедеврѣ». «Я помѣстилъ туда много ненужнаго, но меня забавляло говорить объ этомъ. Дѣло идетъ о прощальной пѣснѣ, которую я пропою вамъ. Вотъ что попрошу я васъ сдѣлать для меня: прочитайте съ перомъ въ рукѣ мой «Шедевръ», поправьте его, сдѣлайте помарки, уничтожьте все, что покажется вамъ душно по стилю, не заботясь обо мнѣ, какъ будто меня не существуетъ. Все, что вы сдѣлаете, будетъ хорошо, и я вамъ буду признателенъ за малѣйшую запятую, сдѣланную вашей рукой на рукописи. Слышите, господинъ академикъ! Надо, чтобы съ вашей мудростью, положивъ руку на сердцѣ, вы просмотрѣли, взвѣсили, проверили сущность каждой части этого отрывка, имѣющаго для меня большое значеніе. Не надо ли сократить здѣсь, смягчить тамъ? Обдумайте хорошенько, что скажутъ или подумаютъ публика, газеты, такой-то и такой-то о моихъ идеяхъ или фразахъ, порою длинноватыхъ, порою укороченныхъ, но форма которыхъ меня беспокоитъ мене, чѣмъ сущность. Особенно относительно сущности я хотѣлъ бы съ вами посоветоваться. Хотя я рѣшилъ спорить съ вами, если вы окажетесь слишкомъ строги. Это нагонитъ на васъ небольшую скуку, отниметъ время, но для меня это важный вопросъ; не было возможности избавить васъ отъ этого труда. Впрочемъ, успокойтесь, въ награду

я общаю вамъ прекрасное мѣсто въ историческомъ словарѣ, о которомъ я говорю въ концѣ предисловія».

Въ одномъ изъ писемъ къ г-жѣ Лебрень Беренже пишетъ, что едва ли Тьеръ будетъ обѣдать у нихъ въ понедѣльникъ. «Но вы знаете, что я спѣшу принять ваше приглашеніе не потому, чтобы видѣть министровъ. Однако я не говорю вамъ это для того, чтобы сомнѣвались, что мнѣ доставитъ удовольствіе находиться вмѣстѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и особенно съ французскимъ посланникомъ въ Ганноверѣ».

Въ письмѣ отъ 3-го іюня 1833 года, когда у Беранже еще болѣе расширился кругъ корреспондентовъ, онъ пишетъ, что имѣетъ новаго корреспондента въ Лондонѣ. «Я думаю, мнѣ придется взять секретаря. У меня новый корреспондентъ въ Лондонѣ—Люсьенъ Бонапартъ. Быть можетъ, вы не знаете, что полиція указала на меня, какъ на главу небольшого заговора въ пользу моего прежняго покровителя. Это доказательство, что бы тамъ ни говорили злые языки, что на почтѣ болѣе не распечатываютъ писемъ».

Дальнѣйшія письма Беранже, представляющія, вѣроятно, не меньшій интересъ, еще появятся въ слѣдующихъ нумерахъ «Revue Bleue».

— М е ж д у н а р о д н ы й ж е н с к і й к о н г р е с с ь.—Въ іюнь мѣсяцъ состоялся въ Парижѣ большой женскій конгрессъ національнаго совѣта французскихъ женщинъ, задавагася цѣлью улучшить судьбу женщины въ моральномъ, юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Условіемъ для принятія въ члены національнаго совѣта ставятъ, чтобы общество, присоединяющееся къ нему, не принадлежало ни къ политической, ни къ религіозной партіи, но его членами могутъ быть и мужчины. Национальный совѣтъ былъ основанъ въ 1901 году госпожами Авриль де-Сень-Круа, Саррой Моно, Жюли Зигфридъ, Мари Бопьвиль и Мари Поньонъ. Онъ имѣетъ двухъ делегатокъ каждой ассоціаціи, и имъ руководитъ административный совѣтъ и исполнительный комитетъ. Г-жа Моно состояла почетнымъ президентомъ до самой смерти въ декабрѣ 1912 года. Потомъ ее замѣнила г-жа Зигфридъ. Совѣтъ раздѣленъ на восемь отдѣловъ. Отдѣломъ воспитанія завѣдуетъ г-жа Кергомаръ, главная инспектриса народнаго просвѣщенія, гигиеной—г-жа Сальвадоръ, законодательствомъ—г-жа Аббади Аррасть, женщина, прекрасно изучившая вопросы законовѣдѣнія и хорошо знающая всѣ невзгоды, переживаемыя женщиной изъ народа. Этотъ совѣтъ, насчитывающій болѣе восьмидесяти обществъ, въ которыхъ членами состоятъ сотни тысячъ женщинъ, имѣетъ связь съ международнымъ совѣтомъ, гдѣ предсѣдательницей лэди Эбердинъ, вице-королева Ирландіи, предсѣдательствующая на іюньскомъ конгрессѣ. Всѣ цивилизованныя страны послали на конгрессъ представительницъ своихъ женскихъ національных обществъ. Германія—Алису Саламонъ, основавшую въ Германіи школу социальныхъ наукъ, Америка—г-жу Натанъ, вице-президента социальной лиги покупателей въ Нью-Йоркѣ, Италия—г-жу Поеть, доктора правъ, даже Индія послала свою представительницу г-жу Кама, явившуюся въ національномъ костюмѣ. На этомъ многочисленномъ конгрессѣ впервые стало очевиднымъ, что феминизмъ не забава нѣсколькихъ вѣзломныхъ женщинъ, а большое социальное движеніе. При открытіи конгресса г-жа Зигфридъ мѣтко

опредѣлила его словами: «Смѣй быть»—не для того, чтобы показаться, а чтобы любить и принести обществу все свое сердце. «Смѣй быть»,—чтобы прийти на помощь страдающимъ. «Смѣй быть»—чтобы любить и помогать тѣмъ, кто работает да еще является жертвой несправедливости и бѣдности; наконецъ «Смѣй быть»—чтобы надѣяться въ будущемъ, чтобы идти заранѣе къ основанію новаго города мира и любви, что навѣрно придетъ, когда мы сумѣемъ быть справедливыиъ.

Конечно, строгіе критики нашли бы недочеты въ организациі конгресса. Одинъ изъ затронутыхъ наиболѣе интересныхъ вопросовъ касался положенія женщинъ въ университетахъ и доступа ихъ къ свободнымъ карьерамъ. Оказывается, что во многихъ странахъ для женщинъ закрытъ доступъ въ судейскія должности: въ Россіи, Бельгіи, Италіи, Англии имъ закрытъ доступъ къ адвокатурѣ. Въ Германіи неохотно принимаютъ женщинъ съ университетскимъ образованіемъ, хотя онѣ имѣютъ всѣ степени. Женщину не принимаютъ преподавать въ лицеяхъ (исключая Пруссіи), еще менѣе директриссой, потому что профессора отказываются подчиняться полѣ, который въ домашнемъ быту находится у нихъ въ подчиненіи. Эта національная привычка поглощенія женщины семьею и хозяйствомъ объясняетъ причину, почему исключаются изъ первоначальныхъ школъ замужнія преподавательницы.

Напротивъ, Италія, наиболѣе латинская страна, къ удивленію всѣхъ, открыла свои школы для совместнаго обученія дѣвочекъ и мальчиковъ, но это объясняется тѣмъ, что итальянская женщина рѣдко поступаетъ въ государственныя лица, а потому государство не озаботилось основать для нея отдѣльныя учрежденія. Повсюду избѣгаютъ вполне открыть ей доступъ къ преподаванію въ высшихъ учрежденіяхъ. Кембриджъ и Оксфордъ ихъ отталкиваютъ; Швеція—не допускаетъ, Германія тоже. Университеты этихъ странъ сохраняютъ за собою право принимать и не принимать студентокъ. Только Франція оказалась новаторшей, назначивъ г-жу Кюри профессоромъ факультета естественныхъ наукъ.

Г-жа Фьеве въ своемъ докладѣ сѣтуетъ на то, что во всѣхъ отрасляхъ единодушно отказываютъ женщинамъ въ уравненіи правъ съ мужчинами въ вопросѣ первоначальнаго или второстепеннаго образованія. Свой докладъ она оканчиваетъ пожеланіемъ, чтобы требованіе женщинъ въ этомъ отношеніи было удовлетворено, а также чтобы женщины были допущены ко всѣмъ карьерамъ, относящимся до права.

Г-жа Бруннвигъ въ своемъ докладѣ коснулась ночной работы дѣтей на металлургическихъ заводахъ, что вредно отражается не только на нихъ, но и на всей націи. Этотъ вопросъ будетъ разсматриваться въ сентябрѣ мѣсяцѣ на конгрессѣ въ Люцернѣ. Г-жа Бертольдъ докладывала относительно назначенія законнаго минимума заработной платы для работницы на дому и въ мастерской. Она настаивала на томъ, что плата работницы въ мастерской должна быть на треть больше, чѣмъ работницы въ мастерской. Но конгрессъ во главѣ съ госпожою Дюшенъ держался своего девиза: «за одинаковый трудъ одинаковая плата», т. е. что между тѣмъ и другимъ трудомъ разницы въ уплатѣ быть не должно. Въ концѣ концовъ пришли къ одному и тому же результату, что для защиты интересовъ женщинъ требуется сильное оружіе—голосованіе и уравненіе правъ. Поэтому конгрессъ, выслушавъ докладъ г-жи Шлюмберже, предѣ-

дательницы французскаго союза за голосованіе женщинъ, и г-жи Маріи Вернь, рѣшили требовать для женщинъ избирательныхъ правъ.

Едва закрылся этотъ конгрессъ, какъ муниципальный совѣтъ Парижа и главный совѣтъ Сены единодушно выразили желаніе, чтобы проектъ закона Дюссюа-Бюссонъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ былъ какъ можно скорѣе рассмотрѣнъ въ палатѣ депутатовъ. Такое быстрое исполненіе желанія, представленнаго петиціей французскаго союза голосованія женщинъ, вызвано, повидимому, успѣхомъ конгресса національнаго совѣта французскихъ женщинъ.

Этотъ союзъ уже четыре года составляетъ часть международнаго союза голосованія женщинъ, который устроилъ конгрессъ въ Будапештѣ. Послѣдній былъ основанъ лѣтъ десять тому назадъ, и во главѣ его стоитъ замѣчательно краснорѣчивая женщина, мистриссъ Чапманъ Кэтъ. Преданная всей душой женскому вопросу, эта особа неутомимо ѣздитъ по всему свѣту, поддерживая въ суфражисткахъ желаніе добиться своихъ правъ. Съ этою цѣлью она побывала въ прошедшемъ году въ Индіи и Китаѣ. Говоря о суфражисткахъ, необходимо замѣтить, что между суфражистками и суфражетками есть различіе, послѣднія появились на свѣтъ едва восемь лѣтъ тому назадъ, до тѣхъ поръ объ ихъ существованіи ничего не было извѣстно даже въ Англіи.

Въ Англіи уже лѣтъ сорокъ идетъ женское движеніе подъ руководствомъ многихъ умныхъ, образованныхъ женщинъ, въ числѣ которыхъ находится г-жа Фаусеттъ, предсѣдательница федерации равноправія женщинъ. Эта федерация боролась всѣми законными путями за право голосованія. Неуспѣхъ борьбы иныхъ привелъ въ отчаяніе, другихъ ожесточилъ. Тогда г-жа Панкгертъ основала политическій и соціальный союзъ, отбросивъ мирный способъ борьбы, который, по ея словамъ, ни къ чему не привелъ, и перейдя къ болѣе энергичнымъ способамъ, доходящимъ до страсти къ разрушенію. Эта страсть къ разрушенію любопытна тѣмъ, что среди такихъ грозныхъ женщинъ встрѣчается большинство богатыхъ бездѣльницъ. Самыми популярными руководителями этого союза считаются г-жа Чапманъ Кэтъ и Шоу, предсѣдательница нью-іорскаго союза, состоящаго въ большинствѣ случаевъ изъ суфражистокъ англичанокъ и американокъ. Г-жа Чапманъ Кэтъ не знаетъ другого языка, кромѣ англійскаго.

Среди членовъ этого союза давно уже находились пѣмки; латинскія страны только недавно насчитываютъ тамъ своихъ представительницъ, которыя съ трудомъ добились, чтобы французскій языкъ попалъ въ число международныхъ языковъ на засѣданіяхъ.

Пятый конгрессъ этого союза, состоявшійся въ Будапештѣ, обманулъ ожиданія многихъ, рассчитывавшихъ, что на немъ главнымъ образомъ будетъ разсматриваться вопросъ о поведеніи англійскихъ суфражистокъ. Дѣло вышло иначе: на желаніе, выраженное частью членовъ конгресса, чтобы конгрессъ высказалъ порицаніе насильственному способу борьбы, международное бюро вынесло слѣдующее постановленіе: международный союзъ голосованія женщинъ, припужденный своими статутами къ строгому нейтралитету по вопросамъ, отно-

сящимся до тактики и методовъ, примѣняемыхъ каждой націей,—не можетъ высказаться ни за, ни противъ воинственныхъ способовъ борьбы. Но, принявъ во вниманіе, что на безпорядки, смуты и революціи никогда не ссылались, какъ на аргументы противъ голосованія мужчинъ, конгрессъ протестуетъ противъ поведенія враговъ голосованія, которые берутъ предлогомъ способы борьбы, примѣняемые женщинами одной страны, чтобы отказать въ голосованіи женщинамъ всего свѣта».

Второй вопросъ касался вопроса о томъ, что союзы не должны принадлежать ни къ какой политической партіи ихъ страны. Какъ и на прежнихъ конгрессахъ, напямомъ конгрессъ преобладало мнѣніе, что не слѣдуетъ принадлежать ни къ какой политической партіи, но если какая-нибудь изъ партій запишетъ на программу голосованіе женщинъ, то эту партію, конечно, женщины должны поддерживать на выборахъ, а также бороться съ тою партіей, которая будетъ противъ ихъ требованій.

Конгрессъ національнаго союза французскихъ женщинъ былъ скромно оконченъ безъ всякихъ празднествъ. Напротивъ, будапештскій конгрессъ закончился блестящей иллюминаціей, пиршествомъ, предложеннымъ городскими властями шестистамъ конгрессицамъ, которыхъ катали по городу въ ста пятидесяти каретахъ.

— Результаты войны балканскихъ союзныхъ государствъ.—Еще окончательно не заглохъ грохотъ пушекъ на Балканскомъ полуостровѣ, какъ уже начались расчеты между союзными государствами. Конечно, эти расчеты вызвали появленіе статей и брошюръ въ пользу того или другого изъ государствъ. Между этими трудами появилась брошюра бывшего сербскаго консула въ Приштинѣ М. Я. Милоевича и статья въ «National Review», подписанная лаконически «Болгаринъ». Первый, приписывая Россіи часть побѣды въ дипломатическомъ отношеніи, возлагаетъ надежды на ея дальнѣйшую поддержку и излагаетъ положеніе болгарскихъ государствъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ порицаетъ сербскую и болгарскую печать, наперерывъ старавшуюся умалить успѣхи того или другого изъ своихъ союзниковъ и критиковавшую ихъ военныя дѣйствія. По его словамъ, долгіе годы между балканскими государствами существовалъ сепаратизмъ и велась борьба не только въ различныхъ областяхъ, но даже въ деревняхъ за первенство той или другой христіанской національности. Эта борьба длилась до революціи младотурокъ въ 1908 году. Только съ момента, когда младотурки принялись безпощадно преслѣдовать всѣхъ христіанъ, кромѣ македоно-румынъ, въ Аѳинахъ, Бѣлградѣ и Софіи принялись подумывать о новомъ способѣ дѣйствія, чтобы предохранить своихъ сородичей отъ жестокости младотурокъ. Въ этотъ второй періодъ среди христіанскихъ національностей царилъ миръ. Сербы, греки и болгары мало-по-малу привыкали къ мысли о необходимости совмѣстно дѣйствовать противъ общаго врага. Такимъ образомъ, постепенно составлялось убѣжденіе, что христіанскія государства захватятъ свою настоящую роль въ международной политикѣ и займутъ положеніе, какое имъ даетъ историческое право и какого требуютъ ихъ политическіе интересы.

Послѣ долгихъ колебаній правящіе политическіе центры принялись за поиски базы для составленія балканскаго союза. Самыя большія затрудненія возникли между Бѣлградомъ и Софіей. Молодые болгары въ виду громаднаго національнаго успѣха и быстрого прогресса расы начертали себѣ политической планъ, что Болгарія безусловно должна занять первенствующее положеніе на Балканскомъ полуостровѣ. Она должна имѣть роль аналогичную той, какую Бисмаркъ назначилъ Пруссіи въ германской конфедераціи. Эти смѣлыя требованія объясняются тѣмъ, что Болгаріи съ момента освобожденія не пришлось приносить жертвъ ни матеріальныхъ, ни людьми. Къ тому же географическое и политическое положеніе Болгаріи было самое завидное, да и Турція безъ остановки стремилась къ окончательному упадку. Такимъ образомъ, Болгарія было некого бояться. Съ момента несчастнаго ухода Милана Сербія питала къ ней дружескія чувства, Румынія тоже; своей же освободительницы Россіи она менѣе всѣхъ боялась, а иностранныя государства не имѣли съ ней никакого соприкосновенія. Однимъ словомъ, Болгарія, по словамъ М. Милоевича, находилась въ наиболѣе благоприятномъ положеніи, чѣмъ другія балканскія государства. Въ самомъ началѣ своего политическаго существованія она вела счастливую войну. Всѣ обстоятельства естественно возбуждали въ ней національное чувство. Не волнуемая внутренними потрясеніями, Болгарія съ 1880 года съ помощью школы и церкви собрала въ Турціи все, что осталось въ живыхъ славянскаго, возбуждая надежду близкаго осуществленія Санъ-Стефанскаго трактата. Еще до войны 1877—1878 годовъ ей удалось приобщить въ болгарской пропагандѣ часть македонскихъ славянъ,—вотъ причина успѣховъ Болгаріи.

Противоположно Болгаріи, Сербія послѣ Берлинскаго конгресса очутилась (въ международномъ отношеніи) въ самомъ трудномъ положеніи, какъ географическомъ, такъ и политическомъ. Бисмаркъ при поддержкѣ Англій на Берлинскомъ конгрессѣ уничтожилъ равновѣсіе Балканскаго полуострова, какъ это онъ сдѣлалъ въ Седанѣ, нарушивъ европейское равновѣсіе. Безъ выхода въ море и окруженная Австро-Венгріей и Болгаріей, Сербія имѣла слабаго соѣда безъ всякихъ агрессивныхъ намѣреній только на югѣ. Помимо этого до самой революціи 1903 года ей приходилось бороться съ крупными внутренними затрудненіями, какъ династическими, такъ и политическими. Поэтому въ періодъ отъ 1880 года до 1890 года по причинѣ внутреннихъ потрясеній ей не пришлось также внимательно отнестись къ своимъ сородичамъ по ту сторону границы. Тогда была подписана знаменитая секретная конвенція съ Австро-Венгріей; вспыхнула война съ Болгаріей, и произошли народныя смуты, за которыми послѣдовали тяжелыя финансовыя затрудненія. Именно въ это время агенты Болгаріи повели дѣятельную пропаганду въ Македоніи. Съ 1890 г. Сербія начала приходить въ себя, и въ первые годы этого вѣка она серьезно работала въ этомъ направленіи. Болгары старались перетянуть на свою сторону македонскихъ земляковъ-сербовъ. Анексія Босніи и Герцеговины была тяжелымъ ударомъ для Сербіи. Предъ нею возникалъ вопросъ: какъ поддержать независимое политическое единство Сербіи въ европейскомъ концертѣ. Тогда руководство внѣшней политикой Сербіи взялъ на себя самый вы-

дающийся государственный человекъ Сербіи докторъ Миловагъ Миловановичъ. Благодаря его исключительному таланту дипломата, ему удалось поддерживать дружественныя отношенія съ Оттоманскою имперіей и создать благоприятное международное положеніе, способствовавшее громадному прогрессу во всѣхъ отрасляхъ. Превосходное состояніе войскъ и финансовъ сыграли рѣшающую роль во время заключенія союза. Впрочемъ, говоритъ авторъ, исходъ войны указываетъ, что Сербія ко всеобщему удивленію и восторгу друзей и недруговъ не только блестяще выполнила взятую на себя задачу, но неизбѣжно имѣла рѣшающую роль въ этой войнѣ.

Положеніе Греціи, какъ и Сербіи, предъ войною было также тяжелое, благодаря поддержкѣ, оказываемой сородичамъ въ Турціи и острому конфликту съ Болгаріей. Кромѣ того, внутреннія политическія затрудненія, безпорядки въ финансовомъ отношеніи, слабая военная организація много и долго мѣшали Греціи вести дѣятельную внѣшнюю политику. Впрочемъ, критскій вопросъ поглощалъ вниманіе политическихъ дѣятелей Греціи и былъ главной причиной войны съ Турціей въ 1897 году. Пораженіе тяжело отразилось на ея внѣшней политикѣ. За послѣднія десять лѣтъ Греція быстро оправилась и дала ощутительное доказательство своего политическаго существованія, энергично защитивъ своихъ сородичей въ Турціи. При теперешнемъ главѣ правительства Венизелосѣ, предпринявшемъ радикальныя преобразованія финансовъ и арміи, Греція возродилась. Это возрожденіе много способствовало тому, что Болгарія приняла идею союза—единственное средство осуществить ея политическій и національный планъ. Поэтому Греція была вполне готова, когда вступала въ войну: она исполнила свою задачу на сушѣ и на морѣ съ большимъ успѣхомъ.

Вступая въ союзъ, каждое балканское государство предложило събѣтательно сохранять прерогативы суверенитета. Теперь для государствъ и народовъ Балканскаго полуострова предстоить установить новый «политическій органическій статутъ» къ тому, который Европа имѣла предложить въ 1878 году. Но теперь при выработкѣ его требуется внести болѣе ума и политическаго смысла, чѣмъ это было сдѣлано на Берлинскомъ конгрессѣ, гдѣ было совершено столько несправедливости, отъ которой еще долго совсѣмъ не оправиться. Тогда большую роль играли интересы государствъ на Балканскомъ полуостровѣ. Теперешняя Сербія должна принять рѣшительную, категорическую позицію. Она принуждена обезпечить себѣ географическое положеніе, способное обезпечить ей maximumъ гарантіи для ея политическаго и экономическаго развитія. На Балканскомъ полуостровѣ возстановится равновѣсіе, если Сербіи и ея союзникамъ обещать подобную политическую независимость. Но для нея нужно также внутренне равновѣсіе болѣе, чѣмъ для какой-либо части Европы, ради поддержанія своей политической независимости. Великія европейскія державы взяли на себя разрѣшеніе этихъ международныхъ политическихъ вопросовъ между двумя сторонами, вступившими въ конфликтъ Турціей и союзными балканскими государствами, такимъ образомъ сформировалась Албанія.

Союзныя же балканскія государства рѣшаютъ между собою чисто внутренніе вопросы, среди нихъ самый важный—вопросъ о разграниченіи. Если это имъ удастся, то они вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшатъ задачу, какъ поддержать союзъ. Кромѣ того, они всячески должны подготовить себѣ освобожденіе отъ опеки Европы. Въ противномъ случаѣ, если они будутъ вести борьбу между собою, то они останутся зависимыми отъ неожиданностей и несправедливости «европейскаго концерта».

Не касаясь другихъ подробностей, приведенныхъ въ брошюрѣ Милоевича, перейдемъ къ его защитѣ русскихъ дипломатовъ.

«Добытые послѣдней войной результаты,—говоритъ М. Милоевичъ,—обѣщаютъ прекрасное будущее для всѣхъ балканскихъ народовъ. Исполнивъ великую національную и гуманитарную задачу, балканскій союзъ, чтобы исполнить свою будущую миссію, необходимо долженъ сохранить свою внутреннюю гармонию и въ то же время остаться предметомъ неусыпнаго вниманія великой покровительницы славянъ». Прежде всего и важнѣе всего рѣшить вопросъ о границахъ, и въ этомъ случаѣ Милоевичъ разсчитываетъ, что Россія будетъ участвовать въ разрѣшеніи вопроса, какъ безкорыстный и преданный другъ балканскаго союза. Не касаясь историческихъ фактовъ, которые нарисовали бы великую роль, какую играла Россія въ образованіи христіанскихъ государствъ на юго-западѣ Европы, авторъ прямо переходитъ къ ея защитѣ. Нѣкоторые публицисты пытаются представить, что она предприняла задачу освобожденія балканскихъ народовъ отъ турецкаго ига неискренно и съ опасностью для свободы балканскихъ народовъ. Однако существуетъ неоспоримый историческій фактъ, что каждый разъ, какъ Россія находилась въ благопріятномъ положеніи, Сербіи и балканскимъ народамъ жилось лучше. Но если Сербія знала 1813 г., Россія знала 1812. На Берлинскомъ конгрессѣ русскіе дипломаты были побѣждены, потому что уничтоженіе Оттоманской имперіи ослабило ея военныя силы. Мукденъ и Цусима предшествовали алексіи Босніи и Герцеговины. Подписывая конвенцію съ Великобританіей въ 1907 году, Извольскій сказалъ, что въ Петербургѣ видѣли, какъ дорого купила Россія свою свободу дѣйствія въ Европѣ. Жертвуя частью своихъ собственныхъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ, въ Персіи и Малой Азіи, Россія создала себѣ возможность болѣе дѣятельно приобщиться къ политикѣ Европы и специально къ балканской. Богатая дорого оплаченнымъ опытомъ, Россія поняла, что всякое непосредственное дѣйствіе Россіи на Балканахъ возбуждаетъ чрезвычайно сильную тревогу во всей Европѣ. Опасенія Европы были бы теперь такъ же велики, какъ въ 1877—1878 г., если бы Россія нашла нужнымъ вынуть шпагу, чтобы разрѣшить задачу Старой Сербіи и Македоніи, какъ она рѣшила съ Болгаріей. Но былъ найденъ лучший путь: роли были раздѣлены. Балканскій союзъ оружіемъ рѣшилъ старый процессъ съ Турціей. Россія съ своимъ союзникомъ и другомъ Франціей взяла на себя роль несравненно болѣе тяжелой: нейтрализовать Европу. Въ этой двойной комбинаціи, въ этомъ раздѣленіи задачи, доведенной до благополучнаго окончанія,—секретъ балканскаго успѣха. Русскіе дипломаты съ полнымъ правомъ могутъ считать осуществленіе этого плана однимъ изъ своихъ самыхъ крупныхъ успѣховъ. До тѣхъ поръ въ своей

«истор. вѣстн.». сентябрь 1913 г., т. сxxxiii. 24

политикъ на Востокъ Россія всегда вела войну на два фронта: оружіемъ—съ Турціей и съ помощью дипломатовъ съ Европой. Правда, эти войны не всегда оканчивались идеально, соответственно ожиданіямъ милліоновъ христіанъ, находившихся подъ властью турокъ. Однако, благодаря единственно этимъ балканскимъ войнамъ, христіане мало-по-малу освободились отъ мусульманскаго режима. Турція, все ослабѣвая, была доведена до такой степени въ послѣднюю войну, что заняла роль швейцара Европы въ Стамбулѣ. Послѣ всѣхъ усилій Россіи для освобожденія Балканъ еще теперь раздаются протесты противъ ея перъшителности. Думаютъ, что Россія можетъ сдѣлать все, что желаютъ балканскіе народы. Крупныя международныя задачи разрѣшаются постепенно. Для осуществленія единства нѣмецкаго и итальянскаго народовъ потребовалась работа многихъ поколѣній. Въ теченіе послѣднихъ вѣковъ балканская задача обыкновенно разрѣшалась согласно принципу: «Балканы для балканскихъ народовъ». Даже вполне побѣдивъ своего противника въ этой войнѣ, союзники все-таки оставляютъ нѣкоторые вопросы не разрѣшенными. Вѣчные враги свободы балканскихъ христіанъ добились созданія автономной Албаніи съ единственнымъ намѣреніемъ заградить Сербіи свободный выходъ въ море. Считать Россію одну отвѣтственной за это было бы такъ же ложно, какъ утверждать, что по ея желанію Саль-Стефанскій трактатъ подвергся извѣстнымъ измѣненіямъ на Берлинскомъ конгрессѣ. «Не надо терять изъ виду,—говоритъ Милоевичъ,—что множество причинъ различнаго порядка вліяютъ на урегулированіе международныхъ вопросовъ, такихъ же сложныхъ, какъ балканскій вопросъ».

Признавая, что сербы законно протестуютъ, что послѣ такого блестящаго успѣха послѣдней войны они попрежнему не имѣютъ собственного выхода въ море, онъ говоритъ, что въ такомъ положеніи находится не одна Сербія. Сама Россія до сихъ поръ не добилась свободы на Средиземномъ морѣ. Это невѣроятно, но это вѣрно, что «Россія колоссъ, здоровыя и сильныя легкія котораго не могутъ свободно дышать», какъ выразился французскій историкъ Вандаль. «Если бы Россія,—говоритъ М. Милоевичъ,—хотѣла попользоваться для своихъ личныхъ интересовъ, то болѣе чѣмъ несомнѣнно, что въ теперешнихъ обстоятельствахъ ей не было бы недостатка въ предложеніяхъ, чтобы «укрѣпить свое вліяніе на Балканахъ», вмѣстѣ съ ея прежней соотрудницей въ поддержкѣ балканскаго *statu quo*. Напротивъ, мы видимъ, что Россія цѣною своихъ самыхъ драгоцѣнныхъ интересовъ, какъ вопроса о Дарданелахъ, предпочла принципъ «безусловнаго територіальнаго безкорыетія». Единственно благодаря энергичному поведенію Россіи и ея союзницы, удалось предовратить желаніе другихъ государствъ воспользоваться побѣдою. Благодаря этому, Россія допустила Болгарію взять Адрианополь съ помощью сербскаго оружія, Грецію войти въ Салоники, а Сербію занять Санджакъ, Ускюбъ и Монастырь. Такимъ образомъ, балканскіе народы могли избавиться отъ турецкаго рабства.

Но этимъ не ограничивается роль Россіи по отношеніи балканскихъ государствъ. М. Милоевичъ говоритъ, что послѣ урегулированія теперешняго положенія Балканъ и новыхъ отношеній державъ возникаютъ новыя политическія и этнографическія задачи на юго-востокъ Европы, которыя еще настоя-

щимъ образомъ не рѣшены и они все еще сохраняютъ международный характеръ. Такова не разрѣшенная задача о Дарданеллахъ, выходѣ Сербіи къ морю, положеніи Албаніи относительно балканскихъ государствъ, Добруджѣ, Трансильваніи, Босніи и Герцеговинѣ. «Для Россіи,—говоритъ Милоевичъ,—какъ и для балканскихъ государствъ, возникаетъ новая совокупность вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ зависитъ отъ обстоятельствъ, которыя рѣшатся будущими политическими событіями. Чтобы это разрѣшеніе отвѣчало общимъ интересамъ славянъ, важно, чтобы македонскій вопросъ, до сихъ поръ носившій международный характеръ, но теперь чисто внутренняго междусоюзнаго порядка, былъ рѣшенъ такъ, чтобы онъ далъ каждому члену союза матеріальныя условія существованія. Для этого необходимы помимо доброй воли балканскихъ союзниковъ добрыя совѣты Россіи, обезпечивающіе сильное и продолжительное согласіе на Балканахъ».

«Мы далеки отъ желанія, какъ нѣкоторые плохо освѣдомленные публицисты, говорить М. Милоевичъ,—порицать Россію за то, что она до сихъ поръ приносила громадныя жертвы для возстановленія Великой Болгаріи. Географическое положеніе и политическія обстоятельства требуютъ, чтобы въ данный моментъ ею была оказана рѣшительная поддержка, какъ это было при образованіи Болгаріи. Болгарія не только не мѣшаетъ образованія Великой Сербіи, а, напротивъ, Великая Болгарія нравственно обязана по отношеніи Россіи, благодаря которой она образовалась,—не препятствовать образованію подобной же Сербіи. Теперешнее международное положеніе не позволяетъ создать ту Сербію, какой желаютъ всѣ ея граждане, поэтому необходимо, чтобы теперешняя Сербія, по крайней мѣрѣ, была подкрѣплена всѣми необходимыми жизненными силами, чтобы въ будущемъ она не боялась за собственное существованіе».

Загѣмъ М. Милоевичъ сѣгуетъ, что Сербія до теперешней войны всегда была «забытымъ членомъ», принесеннымъ въ жертву ради великой славянской общины. Отчасти она обязана этимъ непредусмотрительности нѣкоторыхъ изъ своихъ государственныхъ дѣятелей. Съ революціи 1903 г. Сербія радикально преобразовала свою политику, какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю. Больше, чѣмъ кто другой, она подчинила свое политическое будущее общимъ славянскимъ интересамъ. «Можно сказать,—замѣчаетъ М. Милоевичъ,—что Болгарія вышла изъ страданій и жертвъ Сербіи. Революція въ Невезиніи привела Австро-Венгрію въ Боснію и Герцеговину. Въ то же время она служила прямымъ мотивомъ къ войнѣ, предпринятой Россіей для освобожденія Болгаріи. Анексія Босніи и Герцеговины сдѣлала возможнымъ провозглашеніе независимости болгаръ. Если дѣло идетъ о принесенныхъ жертвахъ, то Сербія и сербскій народъ столько принесли ихъ на алтарь общаго славянскаго дѣла, что не сосчитать. Теперь сербы могутъ надѣяться на обезпеченіе минимума необходимыхъ условій для своего свободнаго экономическаго и политическаго существованія. Въ этомъ случаѣ Сербія надѣется, что въ высшихъ сферахъ Россіи сумѣютъ какъ слѣдуетъ оцѣнить ея скромныя желанія, которыя для нея, однако, такъ важны».

Свою брошюру М. Милоевичъ оканчиваетъ порицаніемъ части сербской и болгарской печати, не сумѣвшей извлечь урока изъ прошедшаго, задѣвающей

другъ у друга самолюбіе и возбуждающей шовинистскія чувства. А между тѣмъ имъ необходима сплоченность, чтобы въ будущемъ защищаться противъ подкрѣпленнаго австро-нѣмецкаго блока, по-своему грознаго, какимъ не былъ «больной человекъ Босфора». Въ заключеніе онъ прибавляетъ, что при теперешнихъ границахъ у Болгаріи всѣ условія для свободнаго развитія; Сербія же, напротивъ, даже послѣ войны остается, по выраженію извѣстнаго нѣмецкаго экономиста, «страною безъ моря, что птица безъ крыльевъ!»—не имѣя выхода въ море. Если она будетъ отдѣлена отъ Греціи, то сдѣлается «человѣкомъ безъ трахей: узкій коридоръ отъ Вардара къ Дрину представляеть для Сербіи новый санджакъ. Огнать у нея этотъ коридоръ, и она лишится своихъ жизненныхъ условій существованія».

Точка зрѣнія автора «National Review» расходится съ брошюрой М. Миловича. Не будемъ останавливаться на подробностяхъ, но, по его словамъ, за нѣсколько недѣль до начала войны положеніе Болгаріи было почти безнадежно. Со всѣхъ сторонъ ей угрожали завидовавшіе ей сосѣди: сербы и греки. Могучая Румынія, также завидовавшая ей и требовавшая территоріальной уступки; разсвирѣпѣвшая отъ своихъ неудачъ Турція, готовая воспользоваться конфликтомъ между своими противниками, чтобы броситься на того, кто ей причинилъ наиболѣе зла и лишилъ ея территорій, потери которыхъ ей очень чувствительны. «Чтобы найти подходящий къ этому случай, надо вернуться въ исторіи къ мрачнымъ часамъ, пережитымъ Пруссіей во время Семилѣтней войны. Сербы подъ вліяніемъ своихъ поражений подъ Сливницей, затмеваемые молодой сосѣдкой, ненавидѣли ее и завидовали ей и всегда обѣщали воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы вырвать изъ рукъ Болгаріи гегемонію, которою она незаконно владѣла. Она охотнѣе бы ничего не взяла, чѣмъ, завоевавъ громадныя территоріи, видѣть свою сосѣдку получившей такую же долю». Что касается Греціи, она находилась подъ впечатлѣніемъ своего униженія 1897 г., поэтому понятно, что побѣда вскружила ей голову.

По словамъ «Болгарина», горизонтъ все болѣе и болѣе омрачается; отношенія между союзниками достигли критическаго момента. «Это былъ бы печальный эпилогъ къ благородной исторіи,—говоритъ онъ:—если бы то, что началось, какъ крестовый походъ за освобожденіе христіанъ, окончилось бы братоубійственной войной».

Увы! Какъ читателямъ извѣстно, мрачное предсказаніе автора оправдалось, и братоубійственная война омрачила собою страницы исторіи славянскихъ народовъ на Балканскомъ полуостровѣ.

— Бѣгство англійской королевы¹⁾.—Политическая исторія Англии конца XVII вѣка представляеть большое сходство съ тѣмъ, что черезъ сто слишкомъ лѣтъ повторилось въ сосѣдней Франціи. Англійская революція, сопровождавшаяся казнью короля Карла I, возвышеніе солдатскаго могущества Кромвеля, фактически ставшаго хозяиномъ и вершителемъ судебъ Англии, паденіе этой военной диктатуры, возвращеніе и возстановленіе Стюартовъ, наконецъ, ихъ вторичное изгнаніе, все это находитъ себѣ довольно точ-

¹⁾ «Le Temps». 1913, № 18989.

ную параллель съ великой французской революціей, возведеніемъ на эшафотъ Людовика XVI, возвышеніемъ и гибелью Наполеона, наконецъ реставраціей и окончательнымъ паденіемъ Бурбоновъ старшей линіи.

Сходство въ этомъ случаѣ между Англіей и Франціей можно наблюдать даже въ нѣкоторыхъ деталяхъ этихъ крупныхъ событій. Какъ извѣстно, Людовикъ XVI, желая спасти себя, бѣжалъ изъ Парижа со всей своей семьей, но успѣлъ доѣхать подъ чужимъ именемъ только до городка Варенна, гдѣ былъ узнанъ. Его силою вернули назадъ въ Парижъ, и съ этого времени и до самой своей казни французскій король сталъ плѣнникомъ своего возмущившагося народа. То же самое продѣлалъ, но съ большимъ успѣхомъ, послѣдній англійскій король изъ династіи Стюартовъ. Какъ извѣстно, Иаковъ II съ женой и маленькимъ сыномъ бѣжалъ во Францію, гдѣ отдался подъ покровительство Людовика XIV, назначившаго ему содержаніе и отведшаго для его пребыванія дворець въ Сень-Жерменъ.

Объ этомъ эпизодѣ, полномъ сильныхъ драматическихъ моментовъ, пользуясь неизвѣстными документами парижскаго національнаго архива, вспоминаетъ газета «Temps».

Задумавъ бѣжать изъ Англій, Иаковъ II сначала рѣшился тайкомъ отправить во Францію одного своего сына, которому въ это время было всего пять лѣтъ. 30-го ноября 1688 года мальчика тайно привезли въ Портсмуть, чтобы отсюда на кораблѣ переправить его на французскій берегъ. Но задуманный планъ потерпѣлъ крушеніе: генералъ, командовавшій войсками въ Плимутѣ, какимъ-то образомъ успѣлъ провѣдать планы придворной партіи и принудилъ вѣрныхъ слугъ короля Иакова возвратиться съ принцемъ Уэльскимъ въ Лондонъ.

Эта неудача сильно встревожила короля. Въ теченіе нѣсколькихъ дней король страшно беспокоился и обдумывалъ, какъ бы ему отправить безопасно королеву и наслѣдника, не возбуждая вниманія публики. Положеніе было чрезвычайно опасно. Измѣна свила себѣ гнѣздо всюду. Даже главные офицеры королевской гвардіи были подкуплены. При такихъ обстоятельствахъ исторія грозила разыгратъ такъ же, какъ и въ 1649 году, и передъ королемъ начиналъ витать мрачный призракъ Карла I. Въ воскресенье вечеромъ 2-го декабря король послалъ одного изъ вѣрныхъ слугъ за нѣкимъ итальянцемъ, занимавшимъ какое-то маленькое мѣсто при дворѣ, къ которому, однако, Иаковъ II питалъ неограниченное довѣріе. Когда послѣдній явился въ Уайтгольскій дворець, его немедленно провели въ кабинетъ къ королеву, куда не замедлилъ явиться и король. Иаковъ II заявилъ итальянцу, что онъ рассчитываетъ на его содѣйствіе въ предполагаемомъ бѣгствѣ королевы изъ Англій, что онъ поручаетъ ему сдѣлать всѣ нужныя приготовленія, и что о задуманномъ предпріятіи извѣстно только одному графу де-Лозену. На этомъ совѣщаніи рѣшено было отложить дѣло до среды, когда караульнымъ офицеромъ будетъ во дворцѣ нѣкто Латурини, на котораго можно будетъ вполне положиться. Тутъ же составляется и самый планъ бѣгства. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы незамѣтно отъ всѣхъ вывести королеву въ дворцовый садъ, а оттуда выпустить черезъ маленькую калитку, у которой се будетъ уже ждать экипажъ. На немъ можно

будеть достигъ Горсферджа. Затѣмъ надо будетъ переправиться черезъ Темзу, въ пригородномъ мѣстечкѣ (а теперь кварталѣ Лондона) Ламбетѣ, составлявшемъ владѣніе архіепископа кентерберійскаго. Въ Ламбетѣ королеву будетъ ждать другая карета, запряженная шестеркой лошадей, которая помчитъ королевскую семью прямо въ Дувръ. По дорогѣ, въ условленныхъ мѣстахъ будутъ заранѣе разставлены перекладныя лошади.

Плацъ казался настолько удачнымъ, что когда король на другой день общилъ итальянцу, что королева во что бы то ни стало хочетъ взять съ собою своего духовника и нѣсколькихъ фрейлинъ, тотъ отнесся къ этому осложненію совершенно спокойно и сказалъ:

— Ея величество можетъ взять съ собою всѣхъ, кого только ей будетъ угодно.

Все казалось устроено самымъ ловкимъ образомъ, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что наслѣднаго принца не удалось посадить на корабль въ Плимутѣ и что его везутъ обратно въ Лондонъ.

Приходилось думать уже о томъ, какъ бы невредимо доставить ребенка обратно.

Прошло цѣлыхъ два дня. Итальянецъ продолжалъ готовить къ осуществленію свой планъ бѣгства. Онъ нанимаетъ какъ будто для морского путешествія двѣ яхты, одну отъ имени какой-то итальянской дамы, другую отъ имени графа де-Лозэна, желающаго будто бы прокатиться по морю. Въ четвергъ, по приказанію короля, онъ нанимаетъ три экипажа и отправляется навстрѣчу принцу Уэльскому. Ѣдетъ онъ проселочными и малолюдными дорогами, чтобы не возбуждать толковъ въ населеніи, и безъ того не особенно благоприятно настроенномъ по отношенію къ Стюартамъ.

На возвратномъ пути, вопреки совѣтамъ итальянца, лордъ Сольсбери окружаетъ экипажъ, въ которомъ везутъ маленькаго наслѣдника престола, цѣлой арміей, состоящей изъ его собственнаго полка, отряда гвардіи и эскадрона драгунъ. Это еще болѣе подстрекаетъ общее любопытство и злословіе: въ тылу войскъ вспыхиваютъ беспорядки. Къ довершенію невзгодъ, приходитъ извѣстіе, что Дувръ взбунтовался и населеніе его взялось за оружіе. Черезъ Плимутъ пробраться нельзя, теперь закрыта для бѣглецовъ и гавань Дувра. Но нашъ итальянецъ оказался человѣкомъ изобрѣтательнымъ. Въ самый день прибытія неудачныхъ бѣглецовъ въ Лондонъ онъ уже составилъ другой планъ.

Въ воскресенье 11-го декабря около полуночи по темной лѣстницѣ въ Уайтгольскій дворецъ пробрался какой-то матросъ. Не встрѣтивъ ни души, онъ дошелъ до кабинета короля и положилъ тамъ какой-то свертокъ. Въ немъ оказался костюмъ для королевы. Матросъ этотъ былъ не кто иной, какъ уже знакомый намъ итальянецъ.

Пока королева переодѣвалась, онъ прошелъ въ сосѣднюю комнату и сталъ совѣщаться съ графомъ де-Лозэномъ по поводу предосторожностей, которыя нужно было предпринять. Какъ люди, хорошо знающіе свое дѣло, графъ и итальянскій проходимецъ, вопреки приказанію короля, сдѣлали на дорогу нужные запасы и ограбили весь дворецъ, набивъ свои карманы драгоценностями.

Но время летѣ: о. Нужно было спѣшить съ отправленіемъ.

По темной и узкой лестницѣ, выходившей въ кабинетъ короля, бѣглецы безшумно спустились внизъ. Впереди шель итальянецъ, за нимъ двѣ кормилицы, изъ которыхъ одна несла на рукахъ маленькаго принца, спавшаго крѣпкимъ сномъ. Шествиѣ замыкала королева, сопровождаемая Лозэномъ. Бѣглецы благополучно прошли галерею и спустились въ дворцовый садъ. Тутъ произошла первая тревога.

— Кто идетъ?—закричалъ часовой, къ которому присоединилось еще нѣсколько солдатъ.

— Друзья,—хладнокровно отвѣтилъ итальянецъ.

Часовые, видя, что у нихъ есть ключи отъ всѣхъ воротъ, успокоились и пропустили ихъ безпрепятственно. У воротъ сада королева съ Лозэномъ и кормилицами садится въ экипажъ, а итальянецъ, съ цѣлью слѣдить на всякій случай за кучеромъ, взгромоздается рядомъ съ нимъ на козлахъ.

Экипажъ мчится по направленію къ Вестминстеру и скоро достигаетъ берега Темзы. Здѣсь уже ждетъ бѣглецовъ большая лодка, которую заранѣе нашель итальянецъ для компаніи, будто бы отправляющейся на охоту. Чтобы отвести всякія подозрѣнія у лодочниковъ, въ лодку принесена была и провизія: хлѣбъ, мясо и пиво. Ночь была такъ темна, что сидѣвшіе въ лодкѣ едва могли различать другъ друга.

Тутъ впервые охватилъ организатора побѣга жестокій страхъ. Сколько опасностей еще предстояло впереди! А что если ребенокъ, котораго такъ тщательно скрываютъ отъ лодочниковъ, начнетъ вдругъ плакать? Очевидно, лодочники позовутъ полицію, и тогда все погнбло. Къ счастью, ребенокъ спитъ крѣпко.

Однако лодка почему-то не пристала къ другому берегу. Неужели лодочники догадались? Куда они везутъ ихъ? Но дѣло объяснялось проще: ночь была такая, что зги не было видно; къ тому же задулъ сильный вѣтеръ, а начавшійся дождь совершенно ослѣплялъ лодочниковъ и мѣшалъ имъ ориентироваться.

Наконецъ-то лодка подошла къ Ламбету. Итальянецъ отправляется на розыски пажа графа Лозэна, котораго тотъ отправилъ сюда съ экипажемъ заранѣе. Оказалось, что пажъ оставилъ экипажъ въ сосѣдней гостиницѣ. Дѣлать нечего! Въ ожиданіи экипажа, королева ищетъ убѣжища возлѣ стѣны близъ лежащей церкви. Стѣна не защищаетъ ее ни отъ холода, ни отъ вѣтра, но здѣсь, по крайней мѣрѣ, она ограждена отъ дождя, который продолжаетъ лить, какъ изъ ведра.

Пока запрягали лошадей, изъ конюшни вышелъ съ фонаремъ какой-то малый. Новая опасность! Итальянецъ старается не потерять его изъ виду.

Замѣтивъ, что онъ направляется какъ разъ къ стѣнѣ, около которой прижалась королева, итальянецъ содрогается въ ужасѣ! Вотъ-вотъ этотъ малый увидитъ бѣглицу, подниметъ тревогу!.. Не долго думая, онъ бросается бѣжать со всѣхъ ногъ прямо на фонарь, происходитъ столкновеіе, оба летятъ въ грязь, фонарь падаетъ и потухаетъ. Итальянецъ разсыпается въ извиненіяхъ, малый съ руганью отправляется въ гостиницу обсушиться и очиститься отъ грязи, а пока его нѣтъ, всѣ усаживаются скорѣе въ экипажъ.

Не успѣли отъѣхать и трехъ миль, какъ наткнулись на пикетъ.

— Посмотримъ, кто тутъ ѣдетъ. Этотъ экипажъ пабить папистами!—кричали солдаты.

Наступилъ критическій моментъ. Къ счастью для бѣглецовъ, солдатамъ стало лѣнь итти къ экипажу подъ дождемъ, и бѣглецы были пропущены безъ осмотра.

Безъ дальнѣйшихъ приключеній экипажъ благополучно прибылъ наконецъ въ Гревсэндъ, отстоящій отъ Лондона въ двадцати миляхъ. Яхты были уже наготовѣ. Лица, которыхъ королева хотѣла взять съ собой во Францію, уже дожидались ее: они пріѣхали сюда другой, болѣе короткой дорогой, по которой королева не рискнула ѣхать.

Въ Гревсэндѣ едва не произошло новаго осложненія. Несмотря на необходимость спѣшить отъѣздомъ, королева выразила желаніе остаться на англійскомъ берегу до тѣхъ поръ, пока не будетъ извѣстій о королѣ, который долженъ былъ оставить Лондонъ вслѣдъ за ними. Едва удалось итальянцу отговорить ее отъ этого намѣренія и посадить всѣхъ бѣглецовъ въ яхты. Долго блуждали они по морю: застигнутый темной ночью капитанъ, боясь быть выброшеннымъ на прибрежныя скалы, долго не хотѣлъ пристать къ спасительному берегу Франціи. Часть ночи прошла въ лавированіи, и только въ четвергъ утромъ онъ рѣшился приблизиться къ континенту. Въ девять часовъ онъ уже высадилъ своихъ пассажировъ въ Кале. Цѣль была достигнута.

Высаживаясь съ восторгомъ на французскій берегъ, королева Марія и не догадывалась, что она навѣки разлучается съ Англіей, что это добровольное изгнаніе семьи Стюартовъ кончится только съ ихъ смертью.

— Какъ возникаютъ моды ¹⁾. — Извѣстно, что нѣтъ ничего на свѣтѣ капризнѣе и непостояннѣе модъ. Въ большинствѣ случаевъ трудно бываетъ прослѣдить начало ихъ возникновенія. Иногда моды возникаютъ по капризу какого-нибудь короля, по прихоти записнаго денди, какой-нибудь принцессы или эксцентричной артистки. Иногда мода ведетъ свое происхожденіе отъ великаго историческаго событія, а иногда является результатомъ случайной оплошности туалета кого-нибудь изъ сильныхъ міра сего или того или другого общепризнаннаго законодателя модъ.

Въ 1521 году французскій король Францискъ I сильно ушибъ себѣ голову, вслѣдствіе чего принужденъ былъ нарушить тогдашнюю моду и остричь себѣ волосы. Прошло нѣсколько недѣль, и весь дворъ до послѣдняго придворнаго пашель, что ходить съ остриженной головой гораздо красивѣе, чѣмъ съ длинными волосами, и послѣдовалъ примѣру короля. Эта мода стричь голову держалась потомъ цѣлую четверть вѣка.

Въ началѣ слѣдующаго столѣтія старики и юноши стали завивать себѣ волосы въ мелкіе локоны, что называлось тогда прической «по-дѣтски» (*à l'enfant*). Произошло это потому, что такіе именно локоны носилъ король Людовикъ XIII, едва достигшій въ это время тринадцатилѣтняго возраста. Черезъ двѣнадцать лѣтъ этотъ король преждевременно потерялъ свою шевелюру и для прикрытія своей головы долженъ былъ прибѣгнуть къ парикю. Явилась новая мода—носить парикъ.

¹⁾ «Die Zeit», 1913, № 3:64.

Мода эта держалась довольно стойко и въ концѣ концовъ привела къ курьезнымъ преувеличеніямъ и экстравагантностямъ. «Салонные львы» того времени до изнеможенія изощрялись, выдумывая все болѣе и болѣе сложныя прически. Аббатъ де-ла-Ривьеръ ввелъ моду носить парикъ изъ цѣлой копны бѣлокурыхъ волосъ. Придворный парикмахеръ Людовика XIV пошелъ еще дальше и сдѣлалъ изъ парика цѣлое зданіе. Прическа эта называлась *Binette grand in folio* и вѣсила не менѣе двухъ съ половиною фунтовъ.

Курьезно происхожденіе париковъ другого фасона, такъ называемыхъ париковъ *à la Cadenette*. Эта прическа получила свое названіе отъ имени нѣкоего сеньора Каденетта. Однажды этотъ франтъ, будучи въ гостяхъ у *m-me* де-Морель, заснулъ у нея въ гостиной. Пока онъ спалъ, двѣ дочери хозяйки, дѣвочки восьми и двѣнадцати лѣтъ, прокрались на цыпочкахъ въ гостиную и начали играть парикомъ заснувшаго сеньора, заплетая волосы въ косы и перевязывая ихъ разноцвѣтными ленточками. Черезъ нѣкоторое время вошла въ салонъ хозяйка дома. Новая прическа ея гостя поразила ее и привела въ восторгъ. Она созвала другихъ своихъ гостей и разбудила де-Каденетта. Не зная, какъ произошло превращеніе его прически и въ то же время не желая сознаться въ томъ, что онъ спалъ въ гостиной, Каденеттъ, чтобы выйти изъ неловкаго положенія, принялъ комплименты, какъ должно и, такимъ образомъ, сталъ изобрѣтателемъ моды, которая быстро распространилась не только во Франціи, но и въ сосѣднихъ странахъ: Англіи, Германіи, Голландіи.

Не менѣе любопытно происхожденіе моды носить такъ называемое панье, натягивавшееся на китовый усъ или просто на деревянные обручи. Панье съ увлеченіемъ носили въ XVIII вѣкѣ. Возникла эта мода при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Родиной этого туалета была Англія. Тамъ уже въ 1711 году носили во время прогулокъ въ лондонскихъ паркахъ такъ называемые *hoop petty coat* (т. е. юбка съ обручами), надъ которыми любили потѣшаться лондонскіе журналисты и карикатуристы. Въ 1718 году двѣ англичанки появились въ такихъ юбкахъ въ Тюльери. По всей вѣроятности, это безобразное новшество въ дамскомъ костюмѣ не имѣло бы успѣха среди французенокъ, если бѣ его не взяла подъ свое покровительство принцесса де-Монтань. Принцесса была кривобока, и какъ разъ въ это время ей надо было представиться ко двору. Огромное, широкое панье оказалось какъ нельзя болѣе кстати для того, чтобы скрыть ея физическій недостатокъ. Сначала надъ панье стали смѣяться, какъ и въ Лондонѣ, затѣмъ оно сдѣлалось предметомъ оживленныхъ споровъ, потомъ его начали носить сначала робко, затѣмъ все смѣлѣе, пока наконецъ это уродство костюма не сдѣлалось общей модой.

Хитрость знатной дамы ввела панье въ моду. Непріятный случай съ актрисой заставилъ его выйти изъ моды.

Въ 1784 году общепризнанной королевой и законодательницей «Французскаго театра» была *m-me* Клеронъ. Однажды, когда ей предстояло выступить въ роли Роксаны, чья-то неловкая рука облила масломъ воланы, пасаженные на обручи ея панье. Случилось это происшествіе всего за два часа до представленія.

Поправить бѣду къ началу спектакля не было уже никакой возможности. Съ другой стороны, у артистки не оказалось въ запасѣ другого панье. Не долго

думая, Клеронъ принимаетъ смѣлое рѣшеніе и появляется на сценѣ въ обыкновенномъ гладкомъ платьѣ. Черезъ нѣсколько дней ея примѣру послѣдовали другія артистки, и участь панье была рѣшена: оно было признано безобразнымъ и отошло въ область исторіи костюма.

Забавна исторія другой общераспространенной въ XVIII вѣкѣ моды 'носить такъ называемую мушку. Историки культуры и эстетики заднимъ числомъ придумали оправданіе и смыслъ для этихъ черныхъ точекъ, наклеивавшихся на лицо. Утверждаютъ, будто они отвлекали вниманіе зрителя на самую изящную и красивую часть лица, около которой онѣ и помѣщались. На самомъ же дѣлѣ появленіе мушекъ обязано чистой случайности. У герцогини де-Монморильонъ сдѣлался на щекѣ шарывъ, и она принуждена была намазать его какой-то мазью, имѣвшей черный цвѣтъ. На слѣдующій день она забыла вымыть себѣ лицо, что съ знатными дамами того времени случалось, впрочемъ, очень часто. Причесанная и напудренная злопамятной горничной, герцогиня явилась во дворецъ, не догадываясь, что у нея на щекѣ сидитъ черное пятнышко. Герцогиня де-Монморильонъ была законодательницей модъ и задавала тонъ всему придворному обществу. Увидѣвъ на щекѣ герцогини черное пятнышко, придворныя пришли въ восторгъ отъ этой остроумной выдумки и также немедленно украсились мушками. Впослѣдствіи, въ періодъ владычества м-те де-Помпадуръ, мода эта достигла своего апогея. Маркиза не ограничивалась тѣмъ, что насаживала себѣ мушки на лицо, для приданія себѣ красоты. Она составляла изъ этихъ мушекъ цѣлыя рисунки. Однажды маршалъ д'Эстре, командовавшій французской арміей, получилъ отъ нея письмо, къ которому былъ приложенъ планъ. На этомъ планѣ города, которые долженъ былъ занять маршалъ, были отмѣчены мушками.

Какъ случайно и произвольно возникаютъ моды, можно видѣть на примѣрѣ графа д'Орсе. Этотъ полуфранцузъ-полуангличанинъ проживалъ обыкновенно въ Лондонѣ, гдѣ слылъ за самаго элегантнаго человѣка на берегахъ Темзы. Малѣйшая его прихоть, малѣйшій капризъ тотчасъ же находили себѣ сотни подражателей. Однажды къ графу д'Орсе явился какой-то французскій портной, переселившійся въ Лондонъ, и просилъ графа, какъ своего земляка, дать ему какую-нибудь работу, чтобы прослыть его поставщикомъ и, такимъ образомъ, обезпечить себѣ работу. Графъ показалъ ему пальцемъ на грубую каламянковую матерію, въ которую у портного была завернута его работа, и сказалъ: «Сдѣлайте мнѣ брюки изъ этой матеріи». Портной сначала совершенно опѣшилъ, но, оправившись отъ изумленія, почтительно снялъ съ графа мѣрку и аккуратно исполнилъ заказъ. Облачившись въ новыя брюки, графъ д'Орсе отправился въ клубъ, и вскорѣ весь аристократическій Лондонъ не носилъ брюкъ изъ другой матеріи, кромѣ каламянки.

Такое же безмысленное обезьянство, копированіе сильныхъ міра сего можно наблюдать и въ наше время. Покойный англійскій король Эдуардъ VII, конечно, и не предполагалъ, что небольшая опухоль на его правой рукѣ совершенно измѣнитъ на нѣкоторое время манеру здороваться. Будучи еще принцемъ Уэльскимъ, Эдуардъ также слылъ законодателемъ хорошихъ манеръ, и дэнди съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за каждымъ его движеніемъ. Страдая

как-то фурункуломъ, Эдуардъ VII однажды на скачкахъ въ Эпсомѣ пожалъ руку своимъ друзьямъ не такъ, какъ онъ это обыкновенно дѣлалъ. Всѣ съ изумленіемъ замѣтили, что, здороваясь, принцъ поднялъ руку прямо и протянулъ ее далеко отъ себя, не сгибая ее. По рядамъ джентльменовъ немедленно пробѣжало потрясающее извѣстіе, что принцъ ввелъ новую манеру пожимать руку. Съ этого времени считалось уже знакомъ плохого воспитанія, если кто-нибудь здороваясь съ знакомыми, не вытягивалъ передъ собой руки, какъ это сдѣлалъ принцъ Эдуардъ въ Эпсомѣ.

Но моды проходятъ быстро... И въ наше время пара и электричества уже почти невозможно создать по своему капризу моду, которая приняла бы широкое распространеніе.

Люди больше научились цѣнить комфортъ и гигиену и не хотятъ уже мучить себя въ угоду слѣпой подражательности. Къ тому же и индивидуальность теперь развивается до такихъ границъ, до которыхъ она, кажется, еще не доходила въ исторіи.

— Императоръ Іосифъ II и его сестра ¹⁾.—Въ Вѣнѣ у издателя Янсона вышла недавно обширная работа нѣкоего Девица, посвященная біографіи Маріи-Антуанетты. Крайне легкомысленное и неосмотрительное поведеніе этой австрійской принцессы, доведшее ее въ концѣ концовъ до гильотины, достаточно извѣстно изъ множества историческихъ мемуаровъ и записокъ. Менѣе извѣстно вмѣшательство въ ея семейныя дѣла ея брата, императора Іосифа II, знаменитаго представителя такъ называемаго просвѣщеннаго абсолютизма. Іосифъ II ѣздилъ въ Парижъ по порученію своей матери, императрицы Маріи-Терезіи, въ надеждѣ воздѣйствовать нравственно на сестру и хотя нѣсколько образумить ее.

Марія-Терезія, оставаясь въ Вѣнѣ, давно уже предвидѣла надвигавшуюся катастрофу, въ которой суждено было погибнуть всей королевской семьѣ Франціи. Но всѣ ея совѣты дочери оставались безрезультатны. Въ концѣ концовъ, въ видѣ послѣдняго средства, она рѣшила послать во Францію своего сына Іосифа, рассчитывая, что, какъ умный человѣкъ, онъ найдетъ какое-нибудь средство спасти положеніе, становившееся съ каждымъ днемъ все тревожнѣе и тревожнѣе.

18 апрѣля 1777 г. Іосифъ II полуинкогнито, подъ именемъ графа фонъ-Фалькенштейна, прибылъ въ Парижъ. Дворъ, а въ особенности сама королева, были непріятно поражены этимъ неожиданнымъ родственнымъ визитомъ императора. Марія-Антуанетта предвидѣла уже заранѣе, что посоль ея матери не будетъ скупиться на упреки и что ей придется имѣть съ нимъ весьма непріятныя объясненія по поводу всего того, что около нея творилось. Сначала Іосифъ остановился у австрійскаго посла графа Мерси, и на другой же день поѣхалъ въ Версаль. Тамъ все уже было приготовлено къ его пребыванію. На подѣздѣ его встрѣтилъ аббатъ де-Вермонъ, который немедленно по тайной лѣстницѣ провелъ его черезъ парадныя залы въ частныя апартаменты королевы.

Семь лѣтъ не видались между собою братъ и сестра. Юношески прекрасная принцесса изъ Шенбрунна успѣла уже превратиться въ великолѣпную повели-

¹⁾ «Die Zeit», 1913, № 3:69.

тельницу Версаля: ей было двадцать одинъ годъ, и она находилась теперь въ самомъ расцвѣтѣ своей красоты.

Иосифъ II сначала невольно поддался обаянію этой красоты. Марія-Антуанетта сумѣла ловко выбрать мѣсто для первой встрѣчи: императоръ стоялъ передъ ней, словно смущенный, сконфуженный мальчишкѣ, и рассыпался въ похвалахъ и комплиментахъ. Ласковыя слова брата ободрили Марію-Антуанетту, и она не замедлила пуститься съ нимъ въ откровенную бесѣду, стараясь облегчить свое наболѣвшее сердце. Она жаловалась ему на свои семейныя непріятности, на холодность къ ней ея супруга, которую нѣтъ никакой надежды устранить, рассказывала о своихъ привычкахъ, развлеченияхъ, удовольствіяхъ. Только о своихъ фавориткахъ хранила она упорное молчаніе, падо было сначала поближе узнать вкусы императора. И опасеніе ея на этотъ счетъ, дѣйствительно, оправдалось. Принцесса Ламбаль не поправилась Иосифу съ перваго же взгляда, относительно другой близкой къ королевѣ особы, м-ше де-Полиньякъ, онъ нашель, что она еще слишкомъ юна и окружена дурнымъ обществомъ и потому едва ли можетъ быть подругой для Маріи-Антуанетты.

Въ одинъ прекрасный вечеръ императоръ, по приглашенію своей сестры, поѣхалъ съ нею въ салонъ м-ше де-Гемене, гдѣ обыкновенно играли въ фараонъ. Марія-Антуанетта просила принять участіе въ игрѣ и брата.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ императоръ.—Я не такъ богатъ для этого. Кромѣ того, игра даетъ возможность проникать въ наши салоны такимъ людямъ, которымъ лучше было бы оставаться въ передней.

Во время игры между игроками возникла ссора. М-ше Гемене стали почти открыто обвинять въ плутовствѣ. Императоръ, въ высшей степени раздраженный этой сценой, демонстративно вышелъ изъ залы и заявилъ своей сестрѣ, что здѣсь настоящій вертепъ, что его крайне оскорбляетъ тонъ всего этого общества, граничащій съ дерзостью, и, несмотря на просьбы сестры, уѣхалъ изъ этого моднаго тогда салона. Тѣмъ не менѣе Марія-Антуанетта вернулась назадъ и, какъ будто ничего не случилось, продолжала игру.

На другой день между братомъ и сестрой произошли бурныя объясненія. Иосифъ II успѣлъ уже вернуть себѣ авторитетный тонъ, который пропалъ было у него на первыхъ порахъ. Мало-по-малу королева сдалась на его убѣжденія и дала обѣщаніе исправиться. Осыная сестру упреками, Иосифъ II, однако, вполне отдавалъ должное ея прекраснымъ качествамъ и трудности ея положенія.

«Она очень мила и любезна,—писаль онъ своему брату Леопольду.—Я провожу съ ней цѣлыя часы, не замѣчая, какъ летитъ время. У нея много наблюдательности и остроумія, которое меня изумляетъ. Она безусловно добродѣтельна и очень строга къ себѣ, хотя эта строгость обуславливается скорѣе свойствами ея характера, чѣмъ какимъ-либо принципами».

Императоръ все болѣе и болѣе поддавался обаянію сестры и все болѣе и болѣе начиналъ обвинять окружающихъ ее лицъ за тѣ дѣянія, которыхъ онъ не могъ не порицать.

Иосифу не понравилась не только окружающая королеву среда, но и самая королевская фамилія.

«Monsieur (братъ короля),—писалъ онъ,—еще болѣе неотесанное существо, чѣмъ самъ король, отъ котораго вѣтъ смертельной холодностью. Madame (сестра короля) некрасива и неуклюжа и вся погружена въ интриги». Насчетъ графа д'Артуа, о дружбѣ котораго съ королевой ему прожужжали въ Парижѣ всѣ уши, онъ выразился такъ: «Эго ничтожная личность во всѣхъ отношеніяхъ. Его жена годится только на то, чтобы рожать дѣтей. Это просто глупая, пошлая женщина».

Иосифъ непрестанно твердилъ королевѣ, что графъ д'Артуа, славившійся своей распущенной жизнью и грубостью, давно уже нажилъ себѣ дурную славу, и что она дѣлаетъ большую ошибку, продолжая поддерживать съ нимъ дружескія отношенія. Но всѣ эти увѣщанія оставались совершенно безрезультатны. Марія-Антуанетта не хотѣла допустить и мысли, чтобы графъ д'Артуа, олицетворявшій для нея всѣ физическія и духовныя совершенства, оказался на самомъ дѣлѣ не болѣе, какъ мотомъ и кутилой.

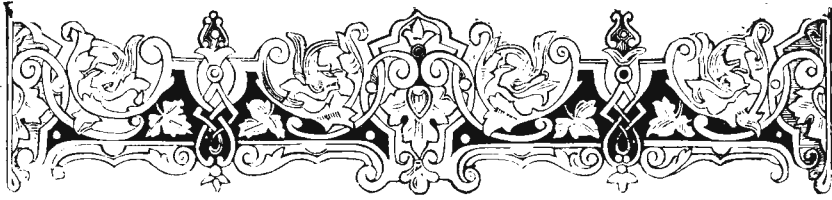
Изъ всей королевской семьи наиболѣе симпатичнымъ показался Иосифу II самъ король. «Эта личность незначительная,—писалъ онъ.—Но онъ человѣкъ неглупый. У него есть кое-какія свѣдѣнія, и онъ судитъ здраво, но, къ сожалѣнію, одержимъ какой-то умственной и тѣлесной апатіей. У него нѣтъ ни стремленія пополнить свое образованіе, ни какихъ-либо любимыхъ занятій. Словомъ, fiat lux ¹⁾ для него не существуетъ».

Кромѣ порученія образумить, насколько возможно, сестру, на императора была возложена еще другая, весьма щекотливая миссія. Онъ долженъ былъ уговорить короля отказаться отъ той физической отчужденности по отношенію къ женѣ, которую тотъ усвоилъ себѣ почти съ самой ихъ свадьбы. Въ этомъ отношеніи Иосифу удалось достигъ полного успѣха.

Послѣ его энергическихъ настояній король, въ теченіе семи лѣтъ державшій себя вдали отъ королевы, рѣшился наконецъ выйти изъ своей платонической роли. Вѣсть о такомъ оборотѣ дѣла наполнила сердце Маріи-Терезіи радостью: ея мечты о будущности монарха получили подкрѣпленіе.

Характерно, однако, ея письмо по этому поводу къ графу Мерси: «Если моя дочь,—пишетъ она,—станетъ беременной, то до рожденія и послѣ рожденія ребенка я буду въ вѣчномъ страхѣ за ребенка и за мать. Чудовищныя преступленія ничего не значать въ такой странѣ, въ которой поголовно свирѣпствуетъ безбожіе». Напрасно графъ Мерси старался изобразить въ болѣе спокойномъ свѣтѣ положеніе двора, уже тогда ставшее отчаяннымъ. Напрасно утѣшалъ онъ императрицу соображеніями болѣе общаго свойства, утверждая, что революцію могутъ произвести только фанатики, а не мелкіе интриганы, которыми кишитъ здѣшній дворъ. Императрица не обманывалась насчетъ истиннаго положенія дѣлъ. Если кто и предвидѣлъ ясно ужасную судьбу, которая готовилась французской королевской семьѣ, то это была именно Марія-Терезія. Но никакими совѣтами, никакими мѣрами нельзя уже было задержать естественный ходъ событій.

¹⁾ Да будетъ свѣтъ.



С М Ъ С Ъ.



ТКРЫТІЕ памятника адмиралу С. О. Макарову. 24-го іюля въ Кронштадтѣ, на площади морского собора въ высочайшемъ Его Величества Государя Императора присутствіи состоялось торжество открытія памятника адмиралу Макарову. У Петровской пристани, на дамбѣ, для встрѣчи Его Величества построился почетный караулъ со знаменнымъ флагомъ и хоромъ музыки отъ учебнаго судна «Петръ Великій»; здѣсь же находилась депутація отъ кронштадтскаго городского общественнаго управленія. На кронштадтскихъ рейдахъ расположились, для участія въ торжествѣ, императорская яхта «Полярная Звѣзда» и суда Балтійскаго моря. По пути высочайшаго слѣдованія, отъ пристани до площади, были выстроены шпалерами по одну сторону команды судовъ, стоящихъ на кронштадтскомъ рейдѣ,

а по другую—войска мѣстнаго гарнизона и учащіеся учебныхъ заведеній. Для присутствованія на торжествѣ изъ Петербурга въ Кронштадтъ прибыли: вдова покойнаго адмирала г-жа Макарова съ сыномъ и дочерью, министры, почетные гости, военное начальство и пр. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа къ пристани подошла подъ брейдъ-вымпеломъ Его Величества и въ сопровожденіи миноносца «Украйна» императорская яхта «Александрія», на которой прибыли изъ Новаго Петергофа Его Величества Государь Императоръ съ ихъ императорскими высочествами великими княжнами Ольгой Николаевной и Татьяной Николаевной и великія княгини Марія Павловна и Викторія Фёдоровна и великій князь Кириллъ Владимировичъ. Вмѣстѣ съ Его Величествомъ прибыли министр императорскаго двора и лица государевой свиты, проживающія въ Новомъ Петергофѣ. Заступающій мѣсто городского головы гор. Кронштадта Коровниковъ обратился къ Государю Императору съ слѣдующимъ привѣтствіемъ: «Ваше Императорское Величество. Горожане Кронштадта,

осчастливленные вашимъ монаршимъ посѣщеніемъ, всеподданнѣйше просятъ принять хлѣбъ-соль отъ городского управленія». Принявъ хлѣбъ-соль и поблагодаривъ за подношеніе, Государь Императоръ съ великими князьями въ открытомъ экипажѣ прослѣдовалъ, при звукахъ гимна, на площадь, восторженно привѣтствуемый кликами «ура». Въ слѣдующемъ экипажѣ заняли мѣста великія княгини Марія Павловна и Викторія Теодоровна и великій князь Кирилль Владимировичъ. Выйдя изъ экипажа, Его Величество былъ встрѣченъ рапортомъ командовавшаго парадомъ командира перваго балтійскаго флотскаго экипажа капитана 1-го ранга Иванова. Подъ звуки встрѣчи и гимна и при кликахъ «ура» Государь Императоръ, въ сопровожденіи высочайшихъ особъ, министровъ, лицъ своей свиты и вышаго начальства, обошелъ, здороваясь, фронтъ частей войскъ мѣстнаго гарнизона, сводную роту морского корпуса, морского инженернаго училища императора Николая I и роту школы юнгъ, выстроенныхъ около памятника. Великія княжны и великія княгини прослѣдовали въ царскую палатку, сооруженную противъ памятника. Послѣ обхода фронта Его Величествомъ, изъ морского собора, при звукахъ «Коль славы» и колокольномъ звонѣ, вышелъ къ памятнику крестный ходъ. Протопресвитеромъ военнаго и морского духовенства о. Шавельскимъ, въ сослуженіи мѣстнаго духовенства и духовенства судовъ, стоящихъ на рейдѣ, было совершено молебствіе, закончившееся провозглашеніемъ царскаго многолѣтія и вѣчной памяти адмиралу С. О. Макарову. При пѣніи «Вѣчная память» Государь Императоръ, высочайшія особы и всѣ присутствовавшіе опустились на колѣни. Въ этотъ моментъ завѣса, закрывавшая памятникъ, спала, и взорамъ всѣхъ присутствовавшихъ открылся памятникъ, изображающій покойнаго адмирала С. О. Макарова. Войска, по командѣ, отдали памятнику установленную честь, а съ судовъ, стоящихъ на рейдѣ, былъ произведенъ салютъ. По провозглашеніи многолѣтія всероссійскому христолюбивому воинству Его Величество приложился ко кресту. При окропленіи памятника св. водой Государь Императоръ и великіе князья, въ предшествіи всего духовенства, обошли вокругъ памятника и обозрѣвали его. Когда крестный ходъ удалился въ соборъ, многочисленными депутациями были возложены къ подножію памятника вѣнки. Удостоивъ вдову и сына покойнаго адмирала милостивымъ разговоромъ, Его Величество пропустилъ затѣмъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ части войскъ, расположенныя у памятника. На правомъ флангѣ сухопутныхъ войскъ проходилъ августѣйшій главнокомандующій. Затѣмъ Государю Императору имѣли счастье быть представленными морскимъ министромъ: строитель памятника скульпторъ академикъ Шервудъ и члены строительнаго комитета, которыхъ Его Величество удостоилъ милостивыми разспросами. Затѣмъ Государь Императоръ съ августѣйшими дочерьми, при звукахъ гимна, колокольнымъ звонѣ и восторженномъ «ура», изволилъ отбыть съ площади на пристань. Къ подножію памятника адмирала С. О. Макарова возложены вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ съ національными лентами отъ его императорскаго королевскаго величества императора Германіи, короля Пруссіи Вильгельма II. Также возложены вѣнки отъ: гор. Петербурга, гор. Кронштадта, морского генеральнаго штаба, морскихъ силъ Балтійскаго моря, гвардейскаго экипажа, перваго бал-

тійскаго флотскаго экипажа, кронштадтскаго флотскаго полуэкипажа, гарнизона крѣпости Кронштадтъ, броненосца «Петръ Великій», ледокола «Ермакъ», бывшихъ порть-артурцевъ, кронштадтскаго морскаго собранія, кондукторовъ Балтійскаго флота, общества кронштадтскихъ лоцмановъ, общества ревнителей военныхъ знаній и друг. Всего возложено около тридцати вѣнковъ.

Археологическія раскопки. Недавно начаты раскопки въ гор. Полоцкѣ. Перпендикулярно къ стѣнѣ собора, съ цѣлью изслѣдованія фундамента древней церкви, вырыта первая траншея длиною около $3\frac{1}{2}$ сажень. На аршинной глубинѣ уже стали попадаться остатки погребенія умершихъ среди строительнаго мусора. Костяки и слѣды гробовъ преимущественно были расположены или головами на востокъ, или на сѣверъ. Въ иныхъ мѣстахъ ихъ было такъ много, что образовали собою густой слой. Среди костяковъ взрослыхъ людей найдены были три костяка маленькихъ дѣтей. Это, а также и слѣды гробовъ, доказываетъ существованіе здѣсь кладбища. Такъ какъ преимущественное расположеніе головъ—на востокъ и сѣверъ, то надо предполагать, что здѣсь были католическія или, можетъ быть, уніатскія погребенія. Слой строительнаго мусора, состоящій изъ земли, известковаго раствора, обломковъ тонкихъ кирпичей великокняжеской эпохи, идетъ на глубину больше сажени, а дальше идетъ слой, состоящій сплошь изъ осколковъ кирпича, частей стѣнъ и известковыхъ кусковъ междукирпичныхъ швовъ, которые, въ виду нахождения въ извести примѣси мелкаго кирпичнаго щебня, надо отнести также къ великокняжеской эпохѣ. Среди этого слоя толщиной около аршина уже почти не попадается костей. Непосредственно же подъ этимъ слоемъ идетъ слой растительной земли, а подъ нимъ песокъ, по строенію котораго, а также вслѣдствіе неимѣнія въ этомъ слоѣ перекоповъ, можно допустить, что этотъ слой уже составляетъ материкъ. Послѣдній слой находится на глубинѣ больше $1\frac{1}{2}$ сажени отъ уровня земли настоящаго времени. Уже въ верхнемъ слоѣ строительнаго мусора попадались тонкіе кирпичи двухъ видовъ. Въ одномъ изъ видовъ при разбивкѣ кирпича на куски ясно замѣтны слѣды зеренъ кварца. Маленькія зернышки кварца, тщательно перемѣшанныя съ глиной, попадаютъ и во всѣхъ кирпичахъ, составляющихъ стѣну древняго храма. Присутствіе этихъ зеренъ кварца въ кирпичахъ указываетъ на глубокую древность ихъ производства и даетъ право постройку церкви отнести къ XI или X столѣтію. Другой видъ попадающихся кирпичей отличался тѣмъ, что въ немъ зеренъ кварца не было, а это давало поводъ заключать, что это болѣе поздніе кирпичи. Въ концѣ рва обнаружена цѣлая часть стѣны, состоящая изъ такихъ кирпичей, известъ которыхъ хотя и съ примѣсью битаго кирпичнаго щебня, но уже блѣднѣе той, которая въ стѣнахъ собора; внизу кирпичной кладки стѣны обнаружена пустота, похожая на получившуюся отъ образованія сгниваго бревна, положеннаго подъ стѣну на слой камня. Этотъ каменный фундаментъ состоитъ снизу изъ толстыхъ, не колотыхъ булыгъ большого размѣра, а сверху изъ мелкаго булыжника, залитаго известковымъ растворомъ лишь подъ низъ каменнаго ряда фундамента и верхній его слой, въ срединѣ же фундаментъ сложенъ насухо и не залитъ. По всѣмъ признакамъ, эта часть стѣны, расположенная отъ собора на двѣ слишкомъ сажени, также относится къ великокняжеской эпохѣ, но болѣе поздняго вре-

мени, и возможно, что составляет часть и остатки великокняжескаго терема, похороненнаго нынѣ въ землѣ. Въ прошломъ году при раскопкахъ въ Крыму, въ районѣ Мангупъ-Кале, обнаружены были остатки храма св. Константина. Это вызвало интересъ мѣстныхъ археологовъ къ этому району, и въ текущемъ году археологическія раскопки въ Мангупъ-Кале возобновились подъ руководствомъ завѣдующаго херсонесскимъ музеемъ г. Лепера и мѣстнаго археолога-любителя г. Гидалевича. Въ прошломъ году раскопки эти увѣнчались значительнымъ успѣхомъ. Обнаруженъ рядъ гробницъ, въ которыхъ найдено много весьма цѣнныхъ для археологіи золотыхъ и серебряныхъ украшеній и надгробныхъ памятниковъ рѣдкой художественной работы. Кромѣ того, вблизи храма св. Константина открыты развалины турецкаго дворца-тюрьмы. Какъ утверждаютъ мѣстные археологи на основаніи записокъ Мартыша Броневскаго, въ эту тюрьму были заключены русскіе послы. Для болѣе детальнаго изслѣдованія результатовъ, добытыхъ при раскопкахъ, выѣхалъ сюда изъ Петербурга товарищъ секретаря восточнаго отдѣла императорской публичной библіотеки г. Маркони. Начало раскопокъ въ этомъ году въ некрополѣ древней Ольвіи (Херсонской губерніи) ознаменовалось находкой великолѣпныхъ и въ смыслѣ своей древности и рѣдкости, и въ смыслѣ своего изящества и сохранности вещей въ одной изъ первыхъ могилъ, безъ сомнѣнія, женскаго дѣтскаго погребенія. Изъ этихъ вещей обращаетъ на себя прежде всего особое вниманіе зеркало формы обычной (состоитъ изъ диска и ручки), сдѣланное изъ одного куска бронзы; ручка его украшена рельефными изображеніями: вверху—цвѣтокъ лотоса, на концѣ—изображеніе Медузы, по краямъ ручка украшена жемчужникомъ или астрагаломъ; заканчивается астрагалъ двумя розетками; по стилю рельефы—іонійскаго происхожденія, отличаются изяществомъ. Зеркало съ такой отдѣлкой встрѣчается въ Ольвіи впервые, работа его, вѣроятно, литая, сдѣлана на мѣстѣ по моделямъ, которыя вышли изъ Милета. Зеркало находилось у мѣста правой руки. На головѣ, повидимому, погребенной дѣвочки была повязка, украшенная двумя золотыми рельефными подвѣсками въ формѣ розетокъ іонійскаго стиля; на ушахъ—золотыя украшенія въ формѣ загнутыхъ проволокъ съ пирамидками на концѣ изъ зерна (такія довольно массивныя украшенія одѣвались прямо на ухо); на шеѣ погребенной, повидимому, было ожерелье изъ мелкихъ золотыхъ бусъ по срединѣ и болѣе крупныхъ по краямъ (бусъ найдено болѣе 50); на срединѣ ожерелья, собственно на груди, былъ золотой амулетъ отъ дурнаго глаза въ видѣ головки льва, разверзающаго свою пасть; голова льва—іонійскаго стиля, литая, прекрасно сохранилась и поражаетъ своимъ искусствомъ и тонкостью работы. Подобныя головки уже раньше находились въ Ольвіи случайно и были пріобрѣтены археологической комиссіей. Изъ посуды въ этой могилѣ найдена черно-лаковая чашечка, такой же киликъ, типичный для своей эпохи своей глубиной и профилемъ. Найденныя вещи, слѣдовательно, и погребеніе относятся ко второй половинѣ VI вѣка до Р. Х. Въ другихъ могилахъ обнаружены разнообразной формы остродонныя амфоры, относящіяся къ VI вѣку до Р. Х., древне-

греческаго стиля (особенно іонійскаго). Весьма интересны неократійскій кувшинчикъ и арибаллъ, сдѣланные изъ красной глины, съ бѣлыми полосками и украшенные изображеніями, напоминающими по формѣ бабочку. Въ 50 верстахъ отъ Царицына, близъ посада Дубовки, на правомъ берегу рѣки Волги, во время производства археологическихъ развѣдокъ членами саратовской архивной комиссіи обнаружены развалины древняго татарскаго города Бѣльджамена. Городъ этотъ нѣкогда являлся однимъ изъ центровъ Золотой орды; о немъ упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ арабскій историкъ Абульфеда подъ 1321 годомъ, а также онъ упоминается древними географами Фра-Мауро и Пицигани, какъ пристань на волго-донской переволкѣ. Развалины, сообщающія «Цар. Вѣсти», занимаютъ площадь до пятидесяти десятинъ. Заложеныя на мѣстѣ развалинъ траншеи обнаружили цѣлыя горы кирпича эпохи Золотой орды, а также цвѣтные изразцы прекрасной работы и куски интересной мозаики, состоящей изъ известковыхъ плитокъ съ вставленными въ нихъ цвѣтными камешками. Эти обломки позволяютъ думать, что передъ нами интереснѣйшіе архитектурные памятники XIII и XIV столѣтій. Кромѣ того, на раскопкахъ найдены монеты хановъ Узбека и Джанибека, выбитыя въ разныхъ городахъ Золотой орды въ XIV столѣтіи, и много обломковъ утвари той же эпохи. По историческимъ даннымъ, Бѣльджамень былъ разгромленъ около 1400 года, во время нашествія Тамерлана. А за послѣдніе годы развалины этого города подверглись новому разгрому со стороны жителей посада Дубовки и окружающихъ деревень. Такъ, напримѣръ, въ неурожайные 1911—12 годы крестьяне занимались на раскопкахъ добычей костей и сбытомъ ихъ на костяные и сахарные заводы. Говорятъ, что за эти два года изъ Бѣльджамена было вывезено до 15,000 пудовъ костей, кромѣ того, около 100 пудовъ разнаго металлическаго лома и болѣе 100 возовъ кирпича и изразцовъ. Пронюхавъ объ этихъ раскопкахъ, сюда уже пріѣзжали антикваріи изъ Москвы, Петербурга и др. городовъ и, говорятъ, увезли отсюда богатѣйшую добычу, могущую служить гордостью и украшеніемъ любого музея.

Археологическая рѣдкость въ Самарѣ. Биржевымъ маклеромъ Е. П. Киселевымъ пріобрѣтена очень древняя книга, изданіе которой относится къ царствованію перваго царя изъ дома Романовыхъ Михаила Ѳеодоровича. Книга въ кожаномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ, съ листами толщиной мундштучной бумаги. Переплетъ, листы и печать ея хорошо сохранились. Размѣры книги: длина—двѣ четверти, ширина около полутора вершка. Имѣющая болѣе пятисотъ листовъ, она заключаетъ въ себѣ псалтирь, часословъ, молитвы на всякій день, каноны, вѣчную пасхалію и проч. На задней сторонѣ книги имѣется надпись: «Сія книга напечатана въ двадцать девятое лѣто царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, наслѣдника его Алексія Михайловича и патріарха Іосифа. Печатаніемъ книга начата 20-го іюня 1642 года, а окончена въ маѣ слѣдующаго 1643 года». По всѣмъ листамъ книги въ нижней части проходитъ въ видѣ скрѣпы рукописная надпись стиля того времени. Какъ надо полагать, надпись эта сдѣлана собственноручно царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ знакъ пожертвованія книги какому-либо монастырю или церкви.

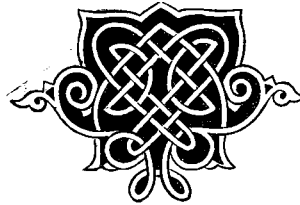
Цѣнный архивъ. Верховская волость—старѣйшая изъ волостей Порѣчскаго уѣзда Смоленской губерніи. Она была очень велика и называлась «Верховскій удѣльный приказъ». И вотъ до сего времени въ волостномъ правленіи почти цѣликомъ сохранился весь старый архивъ, который, можно думать, въ настоящее время имѣетъ немалую цѣнность, какъ памятникъ великой старины. Цѣнность заключается, во-первыхъ, въ дѣлѣ «Славный 1812 годъ». Въ архивѣ масса приказовъ и распоряженій главнокомандующихъ арміями того времени, тѣмъ болѣе, что въ районѣ волости была расквартирована армія Багратіона, а при деревнѣ Молево Болото происходилъ бой атамана Платова съ французами. Кромѣ этихъ документовъ, можно найти цѣнные матеріалы о старинныхъ судахъ. Несмотря на это, весь архивъ содержится небрежно. А однажды нѣсколько дѣлъ изъ стариннаго архива попало въ какую-то лавку въ городѣ Порѣчьѣ на обертку, за что старшинѣ былъ данъ выговоръ.

Памятники старины. Много уголковъ самой сѣдой старины сохранилось еще въ Шенкурскомъ уѣздѣ, и они, какъ памятники минувшихъ столѣтій, казалось бы, являются вообще матеріаломъ, откуда наука черпаетъ свои свѣдѣнія для изученія прошлой жизни. Поэтому необходимо ихъ оберегать отъ разрушенія, возстановлять утраченное; однако, къ глубокому сожалѣнію, какъ разъ совершенно противоположное можно наблюдать въ Шенкурскомъ уѣздѣ, который для археолога представилъ бы много весьма интереснаго. Здѣсь никакого слѣда заботы о сбереженіи этихъ памятниковъ древности. Вѣрнѣе, даже жители сами еще способствуютъ ихъ разрушенію. Часто въ какой-нибудь деревнѣ стоитъ небольшая часовня, одинъ видъ которой доказываетъ, что она выстроена уже много столѣтій тому назадъ, но въ ней не только внѣ, а и внутри все находится въ полномъ забросѣ: оборвано, разбито, разворовывается.

Пожертвованіе музею 1812 года. Въ Москву возвратился дѣлопроизводитель музея 1812 года, принимавшій въ Ново-Борисовѣ, Минской губерніи, огромную библіотеку, пожертвованную музею мѣстнымъ помѣщикомъ И. Х. Колодѣвымъ. Этотъ вкладъ можетъ считаться самымъ цѣннымъ изъ всѣхъ пожертвованій, сдѣланныхъ до сихъ поръ музею. О размѣрахъ библіотеки можно судить по слѣдующимъ даннымъ: она содержитъ семь тысячъ девятьсотъ девятнадцать названій различныхъ печатныхъ трудовъ, заключающихся въ одиннадцать тысячачъ томовъ. Библіотека составлялась двадцать лѣтъ, причемъ въ нее вошли, кромѣ книгъ, собранныхъ самимъ жертвователемъ, еще двѣ извѣстныхъ въ Россіи библіотеки: бывшаго московскаго генераль-губернатора Закревскаго и петербургскаго коллекціонера Ефремова. Всѣ три библіотеки состоятъ исключительно изъ книгъ, относящихся къ отечественной войнѣ. Особенно богато представленъ отдѣлъ мемуаровъ участниковъ войны 1812 года. Есть много подлинныхъ документовъ съ рѣдкими автографами. И. Х. Колодѣвъ ежегодно ѣздилъ приобрѣтать книги въ Западную Европу у тамошнихъ коллекціонеровъ и букинистовъ, и въ его библіотекѣ имѣются изданія, единственныя въ мірѣ. Пожертвованную музею библіотеку И. Х. Колодѣвъ будетъ продолжать пополнять новыми рѣдкими экземплярами.

Петербургское общество грамотности. Слѣдующее положеніе о первомъ все-россійскомъ сѣздѣ по вопросамъ народнаго образованія утверждено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. 1. Первый всероссійскій сѣздъ по вопросамъ народнаго образованія созывается въ Петербургѣ обществомъ грамотности 23-го декабря 1913 года и продолжится десять дней. 2) Первый сѣздъ имѣетъ цѣлью разработку, обсужденіе и разрѣшеніе слѣдующихъ вопросовъ: а) типы начальныхъ школъ первой ступени и связь между школами первой и второй ступеней обученія; б) учебно-воспитательный строй школы первой ступени; учебные планы и программы; в) методы преподаванія; г) подготовка учащихся. 3. При сѣздѣ организуется выставка учебныхъ пособій и работъ учащихся по учебнымъ предметамъ курса начальной школы. 4. Засѣданія сѣзда могутъ быть общими и частными по секціямъ, для разработки отдѣльныхъ вопросовъ сѣздъ можетъ избирать комиссіи. 5. Засѣданія сѣзда публичны. Примѣчаніе. Публичные засѣданія сѣзда, въ томъ числѣ и секціонныя съ участіемъ представителей печати или особо приглашенныхъ лицъ, подчиняются дѣйствию временныхъ правилъ о собраніяхъ, приложеніе къ ст. 115¹ Уст. пред. прест. по прод. 1906 г. 6. Въ составъ членовъ сѣзда входятъ: а) учащіе начальныхъ училищъ разныхъ наименованій и вѣдомствъ, кромѣ учащихся церковныхъ школъ; б) члены организационнаго комитета сѣзда; в) лица, доклады коихъ будутъ приняты организационнымъ комитетомъ; г) лица, приглашенные къ участию въ сѣздѣ организационнымъ комитетомъ. 7. Лица, желающія участвовать въ сѣздѣ, заявляютъ объ этомъ организационному комитету и вносятъ членскій взносъ въ размѣрѣ трехъ рублей. 8. Организационныя, подготовительныя работы по сѣзду, просмотръ и допущеніе докладовъ, устройство при сѣздѣ выставки, пріисканіе помѣщеній для членовъ, устройство научныхъ демонстрацій, лекцій, посѣщеній музеевъ, театровъ и пр., изданіе дневника сѣзда и трудовъ сѣзда, а также приведеніе въ исполненіе постановленій сѣзда возлагается на организационный комитетъ сѣзда, въ составъ котораго входятъ: правленіе с.-петербургскаго общества грамотности, школьная комиссія общества и лица, приглашенные организационнымъ комитетомъ. На первомъ общемъ собраніи сѣзда, открываемомъ предсѣдателемъ петербургскаго общества грамотности, избираются: предсѣдатель сѣзда, два его товарища и секретари общихъ собраній, а равно предсѣдатели и секретари секцій. 10. Всѣ должностныя лица сѣзда и члены организационнаго комитета составляютъ въ періодъ занятій сѣзда распорядительный комитетъ, на обязанности котораго лежитъ руководство всѣми занятіями сѣзда. 11. Сѣзду предоставляется право дѣлать постановленія и обращаться куда слѣдуетъ съ ходатайствами по предметамъ его вѣдѣнія. 12. Всѣ рѣшенія секцій вносятся на утвержденіе общаго собранія сѣзда. 13. Члены сѣзда, желающіе представить доклады, должны внести ихъ въ организационный комитетъ не позднѣе срока, который онъ установитъ. Внесеніе докладовъ полностью, частью, или въ виду рецензіи зависитъ отъ организационнаго комитета, который можетъ установить и предѣльный размѣръ доклада. 14. Остатки отъ денежныхъ средствъ, если бы таковыя оказались по окончаніи всѣхъ дѣлъ сѣзда, пере-

даются организаціонному комитету для подготовки слѣдующаго съѣзда или той организаціи, которой будетъ порученъ созывъ этого съѣзда. Рѣшенію съѣзда подлежитъ также вопросъ о времени и мѣстѣ созыва слѣдующаго съѣзда по вопросамъ народнаго образованія, его программѣ и выборъ организаціоннаго комитета для его подготовки или порученіе созыва какой-нибудь организаціи. Запись въ члены съѣзда производится, а также всѣ справки по съѣзду сообщаются въ петербургскомъ обществѣ грамотности — Петербургъ, Театральная ул., 5, телефонъ 95-78.





НЕКРОЛОГИ.



ВСЬЕНКО, В. Г. 29-го іюля не стало Василя Григорьевича Авсьенка—журналиста, публициста и романиста старой школы. Онъ трудился на литературномъ поприщѣ болѣе полувѣка, завоевалъ себѣ заслуженно въ беллетристикѣ видное мѣсто, былъ извѣстенъ, какъ литературный критикъ, съ шестидесятихъ годовъ и умеръ, не прерывая своей журнальной дѣятельности до конца жизни. Еще недавно его статьи на явленія общественной и политической жизни украшали страницы «Петербургской Газеты». Въ эпоху шестидесятихъ годовъ, когда въ литературѣ царилъ Чернышевскій и утилитаризмъ, покойный отнесся отрицательно къ тогдашнему литературному направленію и выступилъ его убѣжденнымъ обличителемъ. Его критическіе фельетоны въ «Русскомъ Мирѣ» обратили на него вниманіе Каткова. Тотъ пригласилъ его на амплу литературнаго критика въ «Русскій Вѣстникъ», и В. Г. Авсьенко посвятилъ въ періодъ 1873—1883 гг. цѣлый рядъ критическихъ статей современной литературѣ, горячо отзываясь на каждое выдающееся явленіе въ литературной жизни. Его статьи подписывались инициаломъ «А.» и отмѣчали недостатки и крайности какъ утилитарной беллетристики шестидесятниковъ, такъ и беллетристовъ-народниковъ: Рѣшетникова, Левитова, Глѣба Успенскаго и другихъ. Одновременно онъ выдѣлялъ произведенія, основанныя на общихъ законахъ искусства и преданіяхъ художественной школы. Какъ беллетристъ, В. Г. сталъ печатать свои произведенія тоже съ шестидесятихъ годовъ. Его первая повѣсть «Вуря» появилась въ 1865 г. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и была подписана псевдонимомъ В. Порошиловъ. За ней появилась серія его раз-

сказовъ и рядъ романовъ. Изъ послѣднихъ наибольшій успѣхъ имѣли «Изь-за благъ земныхъ», «На распутьи» (двѣ части), «Млечный путь» (двѣ части), «Скрежесть зубовный» (два тома) и «Злой духъ» (четыре тома). Въ большинствѣ своихъ романовъ и повѣстей покойный обличалъ пустоту, ничтожество и мишурность великосвѣтскаго общества и грубое стремленіе къ наживѣ. Бюрократическіе нравы рисовались имъ самыми мрачными красками, въ простомъ среднемъ трудовомъ человѣкѣ онъ видѣлъ опору общественной нравственности. Покойный испыталъ также и издательское счастье, но нельзя сказать, чтобы оно благоволило ему. Въ 1883 году онъ арендовалъ у министерства народнаго просвѣщенія «С.-Петербургскія Вѣдомости», издавалъ и редактировалъ ихъ до 1896 года, когда аренда газеты была передана князю Э. Э. Ухтомскому. Въ качествѣ редактора, В. Г. принималъ всевозможныя мѣры, чтобы сдѣлать изданіе наиболѣе распространеннымъ, придавъ газетѣ литературный характеръ, привлечь къ участию многихъ видныхъ писателей, ввелъ новые отдѣлы, но газета все-таки въ своей конкуренціи съ крупными повременными изданіями потерпѣла фіаско. Тогда онъ въ 1886 году предпринялъ сокращенное дешевое изданіе «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» подъ названіемъ «Русская Газета», но и съ нею не имѣлъ успѣха. В. Г. родился 5-го января 1842 года въ Москвѣ. Учился въ петербургской первой гимназій, закончилъ гимназическій курсъ въ Кіевѣ, куда переселился его отецъ. Еще въ петербургской гимназій сказалась любовь Авсѣенка къ литературнымъ занятіямъ. Подъ влияніемъ съ одной стороны В. И. Водовозова, бывшаго тогда преподавателемъ гимназій, съ другой—стихотвореній тогдашнихъ товарищей по гимназій; Вс. Крестовскаго и Ап. Кускова, онъ написалъ тоже нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ одно было напечатано безъ его вѣдома въ «Модномъ Магази́нѣ» подъ псевдонимомъ В. Порошилова, который онъ и избралъ впоследствии для своихъ беллетристическихъ произведеній. Поступивъ на историко-филологическій факультетъ университета св. Владимира, В. Г. сдѣлался однимъ изъ усердныхъ учениковъ профессора В. Я. Шульгина по спеціальному изученію всеобщей исторіи и опубликовалъ въ «Русскомъ Словѣ» нѣсколько своихъ работъ историко-критическаго характера: «Послѣдніе дни Римской имперіи», «Историческій очеркъ конституціи Соединенныхъ Штатовъ» (1860 г.), «Федерация въ Италіи по идеямъ 1848 г.» (1861 г.). По окончаніи въ 1862 году университетскаго курса кандидатомъ, онъ пожелалъ посвятить свою дѣятельность ученой карьерѣ, защитилъ pro venia legendi разсужденіе: «Итальянскій походъ Карла VIII и его послѣдствія» и съ осени 1863 года сталъ читать въ качествѣ приватъ-доцента университета лекціи по новой исторіи, но черезъ полгода покинулъ приватъ-доцентуру. Съ 1864 года покойный всецѣло посвятилъ себя литературѣ и журналистикѣ. Опубликованныя имъ въ то время работы: «Публицисты новаго времени» («Отечественныя Записки» (1863 г.), «Луи Бланъ» («Русскій Вѣстникъ») 1863 г., «Малороссійское шляхетство въ 1767 г.» и друг. сблизили его съ В. Я. Шульгинымъ, и онъ съ 1864 г. по 1866 г. былъ его ближайшимъ помощникомъ по редактированію только что основаннаго тогда «Кіевлянина», дѣятельнымъ сотрудникомъ-публицистомъ по работкѣ вопросовъ объ украинскомъ и польскомъ сепаратизмѣ и временами

главнымъ руководителемъ газеты. Уже тогда обнаружилось отрицательное отношеніе В. Г. къ характеру литературнаго движенія петербургской журналистики во главѣ съ П. Г. Чернышевскимъ. Въ «Кіевлянинѣ» же онъ напечаталъ свое небольшое изслѣдованіе «Малороссія въ 1767 году», изданное затѣмъ отдѣльной книгой. Въ 1866 г. Авсеенко разстался съ «Кіевляниномъ» и съ 1869 года принялъ участіе въ «Зарѣ» Кашпирева. Въ ней онъ напечаталъ повѣсть «У рѣки», романъ «На распутьи» и рядъ критическихъ статей. Съ прекращеніемъ «Зари» въ 1870 году перешелъ въ «Русскій Міръ», вѣль критическій фельетонъ въ теченіе четырехъ лѣтъ подъ псевдонимомъ А. О. и напечаталъ рассказы «Въ морѣ житейскомъ» и «Лѣсной жидъ». Въ этотъ именно періодъ имя его пріобрѣтаетъ извѣстность въ журнальномъ мірѣ, какъ автора цѣлаго ряда критическихъ статей. Сосредоточивъ затѣмъ свою работу въ «Русскомъ Вѣстникѣ» М. Н. Каткова, покойный писалъ въ то же время статьи для «Московскихъ Вѣдомостей», «Гражданина», «Кругозора» и «Всемирной Иллюстраціи». Въ періодъ редакторства «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» онъ издавалъ художественный журналъ «Художникъ», просуществовавшій около двухъ лѣтъ. Въ послѣдніе годы печаталъ свои рассказы («Братья Хрычевы», «Передъ развѣтомъ» и друг.) въ «Историческомъ Вѣстникѣ», въ которомъ между прочимъ далъ и свои автобіографическія воспоминанія—«Школьные годы». Съ 1896 года В. Г. былъ постояннымъ сотрудникомъ «Петербургской Газеты». (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13427).

† **Введенскій, А. М.** 26-го іюля скоропостижно скончался отъ апоплектического удара московскій журналистъ Александръ Михайловичъ Введенскій. Покойный родился въ 1863 году и окончилъ курсъ московскаго университета. При основаніи А. А. Александровымъ «Русскаго Слова» А. М. Введенскій былъ приглашенъ въ составъ редакціи, но вскорѣ оставилъ работу и перешелъ въ «С.-Петербургскія Вѣдомости», а затѣмъ, вернувшись въ Москву, долгое время работалъ въ «Русскомъ Листкѣ» и «Раннемъ Утрѣ», «Вечерѣ» К. П. Цвѣткова и, наконецъ, въ «Утрѣ Россіи». Кромѣ постоянной работы въ газетахъ, покойный съ громадной любовью и знаніемъ дѣла вѣль дѣтскій журналъ «Малютка», пополняя ежемѣсячныя книжки этого журнала своими стихотвореніями, сказочками и рассказами. Писать для дѣтей было любимымъ занятіемъ А. М. Введенскаго, и будетъ очень жаль, если его талантливыя произведенія умрутъ вмѣстѣ съ нимъ въ книжкахъ стараго журнала. Среди товарищей веселый, брызжущій остроуміемъ Введенскій всегда пользовался большою любовью. Похоронили А. М. Введенскаго 28-го іюля на Ваганьковскомъ кладбищѣ, невдалекѣ отъ могилы писателя П. П. Златовратскаго. (Некрологъ его: «Русское Слово», 1913 г., № 173).

† **Груздевъ, Ф. С.** Въ ночь на 22-ое іюля внезапно скончался на сорокъ седьмомъ году литераторъ Фавстъ Сергѣевичъ Груздевъ, редакторъ журнала «Сельскій Хозяинъ», главный руководитель журнала «Природа и Люди» и авторъ многихъ популярно-научныхъ книгъ, преимущественно географическаго содержанія. Начало дѣятельности Ф. С., какъ литератора и журналиста, относится еще къ студенческимъ годамъ покойнаго; въ 1889 году онъ вмѣстѣ съ братьями—С. С. Груздевымъ (нынѣ проф. одесскаго университета) и В. С.

Груздевымъ (нынѣ проф. казанскаго университета)—основатель популярно-научный журналъ «Природа и Люди», руководителемъ котораго оставался до самой смерти. Съ 1898 года Ф. С. (окончивъ за пять лѣтъ до того лѣсной институтъ) принялъ на себя также редактированіе еженедѣльнаго журнала «Сельскій Хозяинъ», который подъ его руководствомъ сдѣлался однимъ изъ распространеннѣйшихъ органовъ сельско-хозяйственной прессы. Въ теченіе 1904—1905 годовъ Ф. С. на собственные средства издавалъ ежемѣсячный журналъ «Наука и Жизнь». Покойный обладалъ несомнѣннымъ талантомъ популяризатора, дѣятельно сотрудничалъ въ редактируемыхъ имъ изданіяхъ и участвовалъ въ выходившей подъ его завѣдываніемъ серіи книгъ «Полезной бібліотеки». Его перу принадлежатъ книги: «Амуръ», «Въ страхъ черныхъ христіанъ (Абисинія)», «Чудеса растительнаго царства» и другія; кромѣ того, подъ его редакціей вышли переводы трудовъ Фр. Гельвальда «Земля и ея народы», Э. Реклю «Человѣкъ и Земля», «Вселенная и человѣчество» и нѣсколько сочиненій по сельскому хозяйству. Среди обширныхъ обязанностей по завѣдыванію двумя журналами Ф. С. находилъ возможнымъ отдавать свою энергію общественной дѣятельности: въ послѣдніе годы онъ несъ нелегкія обязанности секретаря «кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ»; и его товарищи по кассѣ знаютъ, какъ много самоотверженнаго труда, безкорыстной любви и неутомимой энергіи влагалъ онъ въ это дѣло. Въ послѣдніе два года у Ф. С. развился аневризмъ аорты, причинившій покойному тяжкія мученія. Истопаемый неизлечимымъ недугомъ, онъ продолжалъ работать со своей обычной спокойной энергіей, стремясь найти забвеніе въ трудѣ. Только въ концѣ іюня этого года Ф. С. уѣхалъ на нѣсколько недѣль отдохнуть въ провинцію. Во время обратнаго пути, на станціи Дно (М.-В.-Р. ж. д.) его сразилъ острый приступъ болѣзни. Покойный былъ человѣкъ высокаго благородства и рѣдкаго великодушія, дѣлавшій свое культурное дѣло съ безконечно трогательной скромностью и необыкновеннымъ безкорыстіемъ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1913, № 199).

† **Кузнецовъ, С. К.** Въ почъ на 13-е августа въ городѣ Малмыжѣ Вятской губерніи скончался отъ туберкулеза Степанъ Кировичъ Кузнецовъ въ возрастѣ пятидесяти девяти лѣтъ. Русская этнографія и русская археологія лишились въ его лицѣ очень свѣдущаго и очень полезнаго дѣятеля. С. К. родился въ Малмыжскомъ уѣздѣ 30-го іюля 1854 года въ крестьянской семьѣ, здѣсь же, на родинѣ, и умеръ. Свою ученую дѣятельность онъ началъ въ казанскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента древнихъ языковъ и классической филологіи. Оттуда онъ перешелъ въ 1885 году на службу въ томскій университетъ на должность бібліотекаря. Какъ приватъ-доцентура, такъ и сложное бібліотечное дѣло молодого университета не позволяли С. К. въ полной мѣрѣ использовать свои научныя силы, и онъ много наблюдалъ, много собиралъ, собиралъ этотъ запасъ знаній и матеріаловъ къ тому времени, когда онъ долженъ былъ стать «свободнымъ человѣкомъ». Время это наступило только по выходѣ въ отставку, когда онъ изъ Томска въ 1902 году переѣхалъ на постоянное жительство въ Москву. Прежде всего С. К. надо поставить въ заслугу его работы по этнографіи. Онъ давно и долго изучалъ черемисовъ, вотяковъ, мордву, зналъ ихъ языкъ, печаталъ сначала небольшіе очерки о нихъ въ русскихъ, финскихъ

и нѣмецкихъ изданіяхъ; но главные свои этнографическіе труды напечатали только по прїѣздѣ въ Москву. Такъ, въ «Этнографическомъ Обзорѣніи» имъ напечатаны слѣдующіе обстоятельные очерки: «Культъ умершихъ и загробныя вѣрованія черемисовъ», «Общинные порядки у вотяковъ Мамадышскаго уѣзда», «Поѣздка къ древней святынь, известной со временъ Олеарія», «Къ вопросу о Біарміи», «Изъ воспоминаній этнографа», «Черемисская секта кугу-сорга», «Успѣхи этнологіи въ дѣлѣ изученія финновъ Поволжья за послѣднія тридцать лѣтъ» и др. Кромѣ того, имъ напечатали два курса лекцій, читанные имъ въ московскомъ археологическомъ институтѣ: «Русская историческая географія», въ которой онъ опредѣляетъ древнѣйшее распространеніе лѣтописнаго племени мери и слѣды его въ настоящее время, и «Мордва». Все напечатанное имъ въ области этнографіи носитъ печать самаго внимательнаго личнаго наблюденія, большой освѣдомленности и тщательной разработки. Это объясняется его частыми и длительными этнографическими поѣздками по Поволжью и Прикамью. Съ этимъ связано также и его огромное и тщательное собраніе этнографическихъ коллекцій, которыя въ большей своей части оставались у него лично. Онъ собирался ихъ обработать для печати и, возможно, для передачи одному изъ русскихъ музейевъ. Чтобы покончить съ обзоромъ его заслугъ въ области этнографіи, укажемъ еще, что С. К. въ качествѣ специалиста-этнографа въ известномъ мултанскомъ процессѣ основательно свидѣтельствовалъ противъ существованія человѣческихъ жертвоприношеній у вотяковъ. Другая область, въ которой С. К. заслуживаетъ добраго слова и для которой онъ немало потрудился, была археологія. Онъ производилъ раскопки въ разныхъ районахъ Прикамья, Поволжья и Западной Сибири, печаталъ о нихъ отчеты и очерки; собиралъ и изучалъ предметы бытовой археологіи и т. п. Въ Москвѣ съ основаніемъ здѣсь московскаго археологическаго института онъ вошелъ въ составъ его лекторовъ и очень усиленно читалъ лекціи какъ въ самомъ институтѣ, такъ и въ его филиальныхъ отдѣленіяхъ: въ Смоленскѣ, Витебскѣ, Калугѣ, Ярославлѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Лекціи онъ читалъ по исторической географіи («Мордва», «Меря»), библиоковѣдѣнію, метрологіи и введеніе въ музейевѣдѣніе. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1913, № 187).

† **Пихно, Д. И.** Въ ночь на 29-е іюля телеграфъ извѣстилъ о кончинѣ въ Кіевѣ члена государственнаго совѣта профессора Димитрія Ивановича Пихно. Какъ ученый, покойный составилъ себѣ авторитетное имя по экономическимъ, финансовымъ и юридическимъ вопросамъ. Наибольшую же извѣстность онъ пріобрѣлъ себѣ на поприщѣ журнальной и общественной дѣятельности. Послѣ смерти профессора В. Я. Шульгина въ 1879 году Д. И. принялъ на себя редактированіе газеты «Кіевлянинъ» и съ того времени не разставался съ этимъ изданіемъ, отстаивая русскіе національные интересы въ Юго-Западномъ краѣ и борясь съ мѣстной жидовствующей печатью. Талантливый публицистъ, онъ при содѣйствіи «Кіевлянина» заботился объ экономическомъ и сельскохозяйственномъ подъемѣ мѣстной промышленности и обществности. Въ годы увлеченій политикой Д. И. отстаивалъ взгляды русскихъ націоналистовъ и разоблачалъ дѣятельность жидовствовавшихъ партій, хлопотавшихъ подъ флагомъ народной свободы болѣе всего о равноправіи евреевъ. Въ Кіевѣ возникло при немъ и по

его инициативъ множество учреждений общественно-экономическаго характера. Онъ сумѣлъ многихъ землевладѣльцевъ Юго-Западнаго края объединить въ общество взаимнаго страхованія, содѣйствовалъ организаціи въ Кіевѣ курсовъ для сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, основалъ кіевское общество для борьбы съ заразными болѣзнями, учредившее кіевскій бактериологическій институтъ. Богатый инициативой, Д. И. одновременно не жалѣлъ своихъ силъ и энергіи, чтобы осуществить практически рядъ идейныхъ вопросовъ, которые онъ, какъ публицистъ, подробно разрабатывалъ въ своей газетѣ. Назначенный въ 1907 году членомъ государственнаго совѣта, покойный принялъ живѣйшее участіе въ законодательной работѣ. Д. И. родился 1-го января 1853 года, образованіе получилъ во 2-й кіевской гимназіи и въ университетѣ св. Владимира. Своимъ студенческимъ сочиненіемъ «Мѣры гражданскихъ взысканій по русскому праву», отмѣченнымъ золотой медалью, онъ обратилъ на себя вниманіе и по окончаніи университета былъ оставленъ при немъ по кафедрѣ сперва гражданскаго, потомъ полицейскаго права для подготовленія къ профессурѣ. Профессоръ Н. Х. Бунге особенно цѣнилъ молодого ученаго. Уже въ то время Д. И. сталъ заниматься журналистикой, печатая въ «Кіевлянинѣ» статьи по экономическимъ и юридическимъ вопросамъ. Въ 1876 году онъ блестяще защитилъ диссертацию «Коммерческія операціи государственнаго банка», представленную имъ на степень магистра полицейскаго права, и въ слѣдующемъ году былъ назначенъ доцентомъ по вновь открытой при университетѣ кафедрѣ политической экономіи и статистики. Одновременно занялся разработкой желѣзнодорожныхъ вопросовъ и принялъ участіе въ комиссіи по изслѣдованію желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. Въ 1885 году Н. Х. Бунге, бывший тогда министромъ финансовъ, вызвалъ профессора Пихно изъ Кіева въ Петербургъ, содѣйствовалъ назначенію его членомъ только что учрежденнаго совѣта по желѣзнодорожнымъ дѣламъ и привлекъ къ ближайшему участію въ разработкѣ проектовъ большей доходности желѣзнодорожнаго хозяйства. Однако въ Петербургѣ покойный пробылъ недолго. Въ 1887 году министромъ финансовъ вмѣсто Н. Х. Бунге сталъ И. А. Вышнеградскій. Д. И. Пихно разошелся съ принципиальными взглядами новаго министра финансовъ. Тогда онъ отказался отъ званія члена желѣзнодорожнаго совѣта, вернулся въ Кіевъ и вновь занялъ кафедру политической экономіи и статистики, защитивъ вскорѣ докторскую диссертацию «Желѣзнодорожные тарифы». Въ это время онъ выступилъ въ «Кіевлянинѣ» борцомъ противъ тогдашней финансовой политики, нашедшей защиту въ «Кіевскомъ Словѣ». Какъ ученому, профессору Пихно принадлежитъ множество научныхъ работъ. Изъ нихъ, кромѣ названныхъ диссертаций, извѣстны: пособіе къ лекціямъ—«Основанія политической экономіи», выдержавшее нѣсколько изданій, изслѣдованія: «Торговопромышленныя стачки», «О свободѣ международной торговли и протекціонной системѣ». «Законъ спроса и предложенія» (къ теоріи цѣнности), «Значеніе для Россіи хлѣбныхъ цѣнъ» и др. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13427).

† **Сливицкій, А. М.** 3-го августа на Семеновскомъ кладбищѣ въ Москвѣ похоронили московскаго педагога и писателя для дѣтей—Алексѣя Михайловича Сливицкаго. Покойный, сынъ дворянина, родился 12-го февраля 1850 года

въ слободѣ Котельва (Ахтырскаго уѣзда Харьковской губерніи) и воспитывался въ первой московской военной гимназій, а затѣмъ въ Александровскомъ военномъ училищѣ. Выпущенный въ офицеры (1868 г.), онъ только два года состоялъ на военной службѣ и, выйдя въ отставку поручикомъ (1870 г.), выдержалъ экзаменъ на званіе учителя математики (1871 г.). Послѣ того покойный вступилъ на педагогическое поприще: такъ, онъ былъ воспитателемъ и преподавателемъ въ московской практической академіи (1880—1895 г.г.), а съ 1895 г. до дня кончины—въ частной гимназій, учрежденной Л. И. Поливановымъ. Съ педагогическою дѣятельностью А. М. Сливичкій соединялъ литературныя занятія. Такъ, ему принадлежали въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1883 года два разсказа: «Новая вѣра» (№ 323) и «Безъ покаянія» (352), въ «Русскомъ Вѣстникѣ»—«Разсказъ лѣтника» (1887 г., кн. 7) и многія сочиненія для дѣтей, сначала помѣщенные въ журналѣ «Родникъ», а затѣмъ вышедшія отдѣльными книгами. Изъ нихъ особенно извѣстны: «Разоренное гнѣздо» (семь изданій), «Лиса Патрикѣвна» (шесть изданій), «Бѣлячокъ» и «Дядька Квасовъ» (по пяти изданій), «Завѣтный рубль» (три изданія), «Волчья Дубрава» (два изданія) и др. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1913 г., № 179).

† **Соколовъ, А. А.** Скончавшійся въ ночь на 30-е іюля писатель-журналистъ и романистъ, отставной артистъ императорскихъ театровъ Александръ Алексѣевичъ Соколовъ пользовался обширною извѣстностью въ газетномъ и театральномъ мірѣ. Онъ издавалъ и редактировалъ съ 1868 г. по 1884 г. «Петербургскій Листокъ», съ 1878 г. по 1886 г. театральную газету «Суфлеръ», затѣмъ работалъ въ качествѣ постоянного сотрудника преимущественно въ «Петербургской Газетѣ» и въ «Московскомъ Листкѣ». Почти вся его литературная дѣятельность была сосредоточена въ такъ называемой мелкой прессѣ, въ которой онъ выдавался своимъ талантомъ и замѣчательною продуктивною работою. Остроумный, наблюдательный, онъ писалъ ежедневно помногу, всегда въ легкомъ веселомъ жанрѣ и среди своихъ читателей имѣлъ большой успѣхъ. Онъ велъ, между прочимъ, въ «Московскомъ Листкѣ» злободневный фельетонъ «Дневникъ мичмана Дырки». Погибавшій до него отъ издательскаго разлада и многоредакторства «Петербургскій Листокъ» воскресъ при немъ и получилъ широкое распространеніе. Успѣху газеты главнымъ образомъ содѣйствовали неизсякаемые романы покойнаго съ злободневными сюжетами и интересной интригой, печатавшіеся въ газетѣ ежедневно. Большинство этихъ романовъ такъ называемаго бульварнаго характера были изданы отдѣльно. Изъ нихъ назовемъ «Сестра милосердія» (3 тома), «Бѣлый генералъ», «Царь-баба», «Бородино», «Безкровное убійство», «Два мужа», «За что ее убили» и др. Наибольшій же успѣхъ имѣлъ его хроника-романъ «Театральныя болота», выдержавшій семь изданій. Ему же принадлежитъ цѣлый рядъ мелкихъ разсказовъ, сценъ и анекдотовъ, часть которыхъ собрана покойнымъ въ отдѣльно изданную «Веселую книгу». При немъ же «Петербургскій Листокъ» получилъ особое распространеніе въ сценическихъ кружкахъ. Покойный, самъ бывшій артистъ, хорошо зналъ актерскую среду и своими бойкими театральными рецензіями подъ псевдонимомъ «Театральныи пигилистъ» освѣтилъ много скрытаго и темнаго въ театральномъ болотѣ. Литературныя занятія не мѣшали покойному увлекаться своимъ

любимым театральным дѣломъ. Воспитаникъ императорскаго театральнаго училища, онъ съ десятилѣтняго возраста служилъ сценѣ, участвуя въ балетѣ. По выходѣ изъ училища въ 1858 году А. А. поступилъ на сцену Александринскаго театра, но не могъ выдвинуться среди тогдашнихъ корифеевъ Александринки. Вскорѣ сдѣлался помощникомъ режиссера и проходилъ сцены со многими выдающимися артистами и артистками: Сазоновымъ, Монаховымъ, Новиковымъ, Градовымъ-Соколовымъ и др. Казенную службу въ театрѣ онъ оставилъ для изданія «Петербургскаго Листка». Газетные досуги удѣлялъ опять-таки театральному дѣлу: режиссировалъ любительскими труппами Квадри и впоследствии Незлобина, построилъ театральныя залы въ Лѣсномъ при тамошнемъ клубѣ и участвовалъ самъ, какъ актеръ. Въ 1881 году онъ сдѣлалъ удачную попытку водворенія на частной сценѣ оперныхъ спектаклей, организовавъ ихъ на сценѣ «Аркадіи». Въ 1891 году онъ былъ приглашенъ покойнымъ И. П. Зазулинымъ въ труппу Панаевского театра для участія въ историческихъ спектакляхъ и служилъ въ труппѣ два сезона, играя такія роли, какъ Грозный («Смерть Иоанна Грознаго»), король Лиръ, Борисъ Годуновъ, Мининъ и др. Затѣмъ покойный лично держалъ театр въ провинціи въ 1911 году въ Клину. Для театра покойный написалъ болѣе пятидесяти преимущественно мелкихъ пьесъ, шедшихъ на императорскихъ, частныхъ и провинціальныхъ сценахъ, издалъ нѣсколько театральныхъ альбомовъ. Затѣмъ онъ написалъ «Исторію русскаго театра», напечатанную въ прибавленіяхъ къ «Московскому Листку», собравъ для этой исторіи болѣе ста портретовъ, видовъ старинныхъ театровъ и декораций. Издалъ нѣсколько роскошныхъ портретовъ, въ томъ числѣ М. Г. Савиной и А. Н. Островскаго. Въ послѣдніе годы А. А. тщательно собиралъ матеріалъ для біографій А. Н. Островскаго и А. Е. Мартынова. Общество русскіхъ драматическихъ писателей потеряло въ его лицѣ одного изъ своихъ учредителей. Умеръ онъ 74 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13429).

† **Леся Украинка.** На Кавказѣ, въ селѣ Сурамѣ, умерла 18-го іюля отъ туберкулеза легкихъ на 43 году жизни видная украинская поэтесса Леся Украинка (Ларисса Петровна Косачъ-Квитка). Родилась она въ семьѣ со старыми литературными традиціями. Достаточно сказать, что мать ея—извѣстная украинская писательница О. П. Косачъ (Олена Пчілка), а покойный М. Драгомановъ—родной ея дядя. Уже на одиннадцатомъ году жизни Леси Украинки появляются въ галицко-украинской «Зорѣ» ея первыя произведенія: «Конваліи» и «Сафо». Съ той поры изъ-подъ пера молодой поэтессы стали выходить одно за другимъ даровитыя произведенія, и въ 90-хъ годахъ Леся Украинка занимаетъ уже одно изъ почетныхъ мѣстъ въ родной ей литературѣ. Позже многія произведенія поэтессы были переведены на иностранныя языки, а нѣкоторыя положены на музыку. Съ дѣтства болѣзненная, Леся Украинка почти три четверти своей жизни провела вдали отъ родины, въ Египтѣ, на Кавказѣ, Крыму, но вся ея произведенія полны жизни, призыва къ ней. Этотъ вѣчный призывъ къ жизни служитъ путеводной звѣздой въ литературной дѣятельности покойной поэтессы. И за это очень любили на Украинѣ свою поэтессу. Еще въ маѣ мѣсяцѣ кіевское украинское общество чествовало въ своемъ клубѣ Лесю Украинку литературнымъ вечеромъ, программа котораго состояла исключи-

тельно изъ ся произведеній. На другой день Леся Украинка уѣхала въ Сурамя, а черезъ два мѣсяца ся уже не стало. Произведенія покойной помѣщались во многихъ періодическихъ украинскихъ изданіяхъ («Зоря», «Народъ», «Життя і Слово», «Рідной край», «Рада», «Дзвіонъ», «Нова громада» и главнымъ образомъ въ «Лит.-Наук. Вістникъ»). Изъ крупныхъ произведеній слѣдуетъ отмѣтить драматическія произведенія: «Вавилонський полонъ», «Влакитна пероянда», на «Руїнахъ», «Иоганна, пейнка Хусова», «Руфін і Престіла», «Лісова пісня», поэму—«Магамет і Айша», «Оргія», прозаическія произведенія—«Приязнь», «Над моремъ» и др., а также масса стихотвореній. До послѣднихъ дней писательница не оставляла пера, и еще въ юньскихъ книжкахъ «Дзвіона» и «Лит.-Наук. Вістн.» помѣщены ся произведенія. Отдѣльными изданіями вышли—«Думи і мрії», «На крилахъ пісень», «Відгуки» и томъ I полного собранія сочиненій покойной. Леся Украинка похоронена въ Кіевѣ. (Некрологъ ея: «Русская Молва», 1913 г., № 219).

† **Цвѣтковскій, Ю. Ю.** 6-го августа скончался Ю. Ю. Цвѣтковскій, ветеранъ-педагогъ, сорокъ семь лѣтъ простоявшій на посту учителя и руководителя многихъ поколѣній. Родился Ю. Ю. въ Кіевѣ въ 1843 году въ семьѣ педагога. По окончаніи въ 1865 году курса въ кіевскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету онъ сразу занялся преподаваніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ Кіева и черезъ годъ поступилъ на педагогическіе курсы при второй петербургской военной гимназій. Окончивъ эти курсы въ 1868 году, онъ былъ назначенъ преподавателемъ кіевской военной гимназій св. Владимира. Въ Кіевѣ Ю. Ю. вмѣстѣ съ педагогической работой отдался общественной дѣятельности, примкнувъ къ ядру образовавшагося тамъ кружка, поставившаго себѣ цѣлью отстаиваніе правъ мѣстной языка въ народной школѣ. Кружокъ эту задачу проводилъ въ своей педагогической и культурной дѣятельности, какъ это дѣлали и такіе великіе русскіе педагоги, какъ Ушинскій и Водовозовъ. Ю. Ю. работалъ здѣсь вмѣстѣ съ М. Драгомановымъ, В. Беренштамомъ, П. Житецкимъ, В. Антоновичемъ; находясь въ тѣсномъ общеніи съ Костомаровымъ, Потебней, Чубинскимъ и друг. Принимая живое участіе въ мѣстной журналистикѣ, Ю. Ю. вошелъ въ составъ редакціи политической ученой и литературной газеты «Кіевскій Телеграфъ», фактическимъ редакторомъ которой онъ состоялъ послѣдніе годы существованія газеты, закрытой въ 1876 году. Въ томъ же году былъ закрытъ и юго-западный отдѣлъ географическаго общества, въ которомъ сосредоточивалось научное изученіе Малороссіи. Въ числѣ другихъ дѣятельныхъ членовъ этого отдѣла Ю. Ю. принужденъ былъ оставить Кіевъ. Дальнѣйшая его работа съ 1880 года протекала въ теченіе двадцати лѣтъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ состоялъ преподавателемъ сперва въ кадетскихъ корпусахъ, позже въ академіи генеральнаго штаба и пажескомъ корпусѣ, на женскихъ педагогическихъ курсахъ, въ учительскомъ институтѣ, Петровскомъ коммерческомъ училищѣ и многочисленныхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, вездѣ любимый за свою искренность и талантливое, живое преподаваніе. Неоднократно Ю. Ю. руководилъ лѣтними педагогическими курсами для народныхъ учителей и учительницъ, и каждый разъ благодарные слушатели выражали ему горячую признательность за яркое, увлекательное слово и ту бодрость,

какую онъ умѣлъ вселить въ нихъ. Въ 1900 году варшавское купеческое общество, открывая коммерческое училище и торговую школу, пригласило Ю. Ю. въ руководители училищъ. Какъ директоръ-организаторъ школы на новыхъ началахъ, какъ педагогъ, искренно любящій дѣтей и дѣло, которому онъ отдавался съ юношеской пылкостью, Ю. Ю. заслужилъ всеобщую любовь и глубокое уваженіе за удивительно чуткое отношеніе къ мѣстнымъ нуждамъ и большимъ вопросамъ. Когда въ 1906 году варшавское коммерческое училище отказалось отъ правъ казенныхъ учебныхъ заведеній, введя преподаваніе на польскомъ языкѣ, Ю. Ю. просили не покидать поста директора и завершить организацію учебныхъ заведеній, сразу ставшихъ образцомъ совершенно иной постановки учебнаго дѣла въ краѣ. И попечительный совѣтъ училища, и товарищи-учителя, и ученики цѣнили въ Ю. Ю. отзывчивость, чуткость, готовность входить въ самыя интимныя подробности жизни школы, ея работниковъ, отъ преподавателей до служителей, и каждаго ученика. Въ 1907 году попечительный совѣтъ Александровскаго коммерческаго училища въ Москвѣ пригласилъ Юрія Юрьевича на постъ директора названнаго училища и возложилъ на него руководство и другими учебными заведеніями, основанными московскимъ биржевымъ обществомъ: мужской торговой школой императора Александра III, женскимъ Николаевскимъ коммерческимъ училищемъ и женской торговой школой Императора Николая II. И здѣсь, на новомъ мѣстѣ, Ю. Ю. завоевалъ себѣ всеобщее уваженіе и, несмотря на уже преклонный возрастъ, былъ также энергичнымъ работникомъ и руководителемъ школы, входя во всѣ ихъ интересы, педагогическіе и матеріальные. Неутомимая энергія и удивительная жизнелюбность никогда не покидала этого сѣдого старика съ молодой душой во всю его долгую рабочую жизнь. (Пекрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1913 г., № 183).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Въ статьѣ «Развѣнчанные герои революціи 1905 года», помѣщенной въ іюньскомъ номерѣ «Историческаго Вѣстника» въ перечнѣ событій 1904 и 1905 годовъ, заимствованномъ у А. Морского, между прочимъ (стр. 1007), сказано: *«20-го августа (1905 года) въ Либавѣ (были) безпорядки, произведенные мобилизованными запасными»*.

Изъ этой фразы каждый читатель имѣетъ полное основаніе думать, что сами запасные произвели эти безпорядки, просто говоря, взбунтовались, настолько въ Курляндіи пропаганда пустила глубокіе корни и, кромѣ того, указанныя потери и аресты могли быть между запасными.

Въ дѣйствительности дѣло было совершенно иначе.

Революціонеры, желая показать, наконецъ, свою силу рѣшились не допустить отправления запасныхъ къ своимъ частямъ. Съ этою цѣлью они еще

19-го августа пробовали произвести беспорядки на станціи отправленія, но намѣреніе ихъ было разстроено, и поѣздъ съ запасными отправился своевременно. 20-го августа, для осуществленія своего намѣренія, революціонеры зашли въ одно изъ домовъ улицы, по которой должна была проходить команда запасныхъ, и когда она поравнялась съ ними, то они открыли стрѣльбу по запаснымъ и конвою, назначенному на случай беспорядковъ. Выстрѣлы изъ дома были безрезультатны, но конвой, съ своей стороны, произведя залпъ по стрѣлявшимъ, бросился къ занятому дому, причемъ въ происшедшей при этомъ свалкѣ были убиты и ранены, а полиція въ то же время произвела до ста двадцати арестовъ.

Несмотря на этотъ инцидентъ, и эта партія отправилась съ назначеннымъ поѣздомъ въ тотъ же вечеръ съ очень малымъ опозданіемъ. Небольшая часть запасныхъ, разбѣжавшихся отъ выстрѣловъ, на слѣдующіе дни добровольно отправилась по назначенію.

Н. Бѣляевскій.



— Вы сегодня слишкомъ серьезны,—начала опять фру Терборгъ, обращаясь ко мнѣ:—хотя я дала вамъ самую лучшую позицію. Вашъ собесѣдникъ справа способенъ согнать складки со лба у кого угодно, а о себѣ, некрасивой старухѣ, я уже и не говорю.

Позиція, о которой она говорила, была между цсю и донной Маріонъ.

— Я цѣню свое положеніе молча,—возразилъ я.—Я только боюсь, что я его не заслуживаю.

Фру Терборгъ приняла мои слова за комплиментъ и стала жеманничать. Проповѣдникъ Иордансъ разсыпался въ протестахъ противъ того, что она назвала себя старухой. Баронъ ванъ-Гульстъ вторилъ ему, хотя болѣе слабо. Онъ, видимо, былъ заинтересованъ донной Маріонъ.

Такъ какъ рѣчь проповѣдника Иорданса, сыпавшаго комплиментами нашей хозяйкѣ, грозила затянуться до безконечности, то я тихонько обратился къ другой моей собесѣдницѣ, безсознательно заговоривъ съ нею, какъ дѣлалъ это и прежде, по-испански.

У фру Терборгъ оказался, однако, тонкій слухъ. Не обращая вниманія на ораторскія упражненія проповѣдника, она сказала:

— Ваше сердце на половину еще принадлежитъ Испаніи, хотя вы сами теперь принадлежите намъ.

Она продолжала улыбаться. Мнѣ это не понравилось.

— Въ моей душѣ не такъ-то легко читать, сударыня,—надменно отвѣтилъ я.

— Мы всѣ заранѣе вѣримъ патріотическимъ чувствамъ графа ванъ-Стинена,—вмѣшался баронъ ванъ-Гульстъ съ какой-то особенной улыбкой. — Было бы очень плохо для Гуды, если бъ мы этому не вѣрили. Кроме того, мы можемъ въ этомъ случаѣ положить на васъ, сударыня,—прибавилъ онъ, обращаясь къ доннѣ Маріонъ.—Вы сумѣете сдѣлать его еще болѣе голландцемъ. А было бы трудно для кого угодно не поддаться вашему вліянію, если бъ вамъ угодно было пустить его въ ходъ. Я, по крайней мѣрѣ, не могъ бы противостоятъ ему, если бъ даже оно вело меня по ложному пути.

— Ого!—вскричала фру Терборгъ.—Это просто объясненіе въ любви, Маріонъ. Надѣюсь, ваше превосходительство, не будете ревновать!

— Не имѣю на это никакого права,—возразилъ я, жалѣя въ душѣ о старыхъ временахъ, когда въ Гертруденбергѣ люди, подобные фру Терборгъ, не смѣли даже рта разинуть въ моемъ присутствіи.

— Однако, Маріонъ, ты еще не поблагодарила барона за его признаніе,—продолжала она, нисколько не смущаясь.

— Никакого признанія я не замѣтила, да и не желала бы удостоиться такой чести,—серьезно отвѣтила Маріонъ.

Слова эти были сказаны вполне вѣжливо, но въ манерѣ, съ которой они были произнесены, было что-то до того надменное, что я едва узналъ ее. Поистинѣ герцогъ де-ла-Тремуйль не постыдился бы назвать ее своей родственницей.

Баронъ, какъ человѣкъ неглупый, сразу замѣтилъ это.

— Увы! На это у меня не нашлось смѣлости!—воскликнулъ онъ съ беззаботнымъ видомъ.—Но его превосходительство вы не отказались бы привлечь на свою сторону?—обратился онъ къ доннѣ Маріонъ.

— Вы преувеличиваете мое вліяніе,—тѣмъ же холоднымъ тономъ отвѣчала она.—Да я думаю, въ этомъ нѣтъ и надобности.

Проповѣдникъ Иордансъ, которому уже наскучило молчать, въ первый разъ въ жизни, самъ того не зная, оказалъ мнѣ услугу.

— Обращеніе его превосходительства,—началъ онъ наставительно,—было чудеснымъ и благодатнымъ дѣломъ Господа. И хотя вы прошли черезъ горе и сокрушеніе, вы не должны забывать поблагодарить въ вашихъ молитвахъ Того, Кто во время открылъ вамъ глаза, какъ онъ открылъ ихъ Савлу, преслѣдовавшему вѣрныхъ. Вы, конечно, должны понять это и просить Господа укрѣпить васъ въ новой вѣрѣ.

— Я никогда не слѣдую въ такихъ случаяхъ совѣтамъ со стороны,—холодно отвѣтилъ я.—Какъ разсмѣялся бы мой дядя, инквизиторъ, если бы онъ могъ слышать эти слова!..

— Я молюсь такъ, какъ мнѣ подсказываетъ мой духъ,—продолжалъ я.—Мое правило, надѣюсь, вполне согласно съ евангелическимъ ученіемъ.

На это онъ ничего не могъ отвѣтить и смолкъ, какъ будто кусокъ соленой селедки вдругъ попалъ ему въ горло. Онъ засуетился и наконецъ, оправившись, сказалъ:

— Я предложилъ этотъ совѣтъ смиренно, какъ и подобаетъ служителю Всевышняго. Хотя вы сказали истину и я не могу оспаривать васъ, но, повѣрьте, не всегда бываетъ хорошо пренебрегать совѣтами проповѣдника, ибо мы также говоримъ по внушенію Духа. Вы не желали меня послушать, когда я проповѣдывалъ, что всѣ католическіе священники должны быть изгнаны, и напоминалъ вамъ, что Господь нашъ не терпитъ соперниковъ. Вы не хотѣли меня слушать и говорили, что нѣтъ никакой опасности отъ того, что нѣкоторые изъ нихъ останутся. А вотъ сегодня отецъ Вермюдень...

— Это совершенно безобидный старикъ,—прервалъ я оратора.—Дайте ему умереть мирно. Не думаю, чтобы Господь Богъ гнѣвался на проповѣди отца Вермюдена. Его молитвы также направляются къ Нему, хотя съ другими обрядами.

Иордансъ не сталъ спорить на эту тему и сказалъ:

— Вы называете его безобиднымъ? Но онъ занятъ не только тѣмъ, что молится въ своей комнатѣ. Сегодня утромъ онъ ходилъ

съ святыми дарами къ одному умирающему католику и несъ святыя дары открыто по улицѣ, причемъ самъ онъ былъ въ епитрахили, а передъ нимъ звонили въ колоколь, несмотря на рѣшеніе совѣта, воспретившаго католическимъ священникамъ дѣлать это.

Я посмотрѣлъ на проповѣдника. Передъ мной былъ настоящій попъ, который, родись онъ въ Испаніи, съ наслажденіемъ сжигалъ бы еретиковъ. Порода эта, какъ видно, не вымираетъ, независимо отъ того, облекается ли она въ рясу или въ какое-либо другое одѣяніе.

— Хорошо. Что же изъ этого?—спросилъ я.—Можно только сказать, что человѣкъ, которому несли дары, умереть спокойнѣе, если узнаетъ, что онъ принялъ ихъ, какъ полагалось прежде. Я никогда не одобрялъ этого постановленія совѣта, который вступилъ въ силу до моего прибытія сюда. Мы возстали противъ нетерпимости прежней церкви. Не будемъ же подражать ей. Будемъ обуздывать духовенство въ его честолюбивыхъ притязаніяхъ, но не станемъ стѣснять его въ исполненіи его святыхъ обязанностей.

— Все это хорошо,—возразилъ онъ, зловѣще поблескивая своими маленькими глазами:—но такимъ путемъ нельзя освободить нашъ городъ отъ римскихъ заблужденій. Замѣтьте, если вы будете такъ снисходительны, римская ересь опять будетъ распространяться у насъ, пока мы снова не попадемъ подъ ея иго.

— Нѣтъ, этого не будетъ. Не бойтесь, колесница времени не поворачиваетъ назадъ.

Отвѣчая ему такъ, я думалъ о многомъ. Можетъ быть, я былъ не правъ, говоря такъ, ибо проповѣдникъ не зналъ, о чемъ я въ это время думалъ.

— А если она будетъ распространяться, то какими мѣрами вы думаете ее задержать?—спросилъ онъ.—Вы не разрѣшили свѣтскимъ чиновникамъ собирать свѣдѣнія о вѣроисповѣданіи населенія и доносить объ этомъ намъ, какъ мы васъ просили. Другіе губернаторы сдѣлали еще больше. Тѣ, которые васъ лично не знаютъ, считаютъ васъ человѣкомъ слабымъ.

Я улыбнулся.

— Изъ васъ вышелъ бы превосходный инквизиторъ, господинъ Гордансъ.

Онъ покраснѣлъ до корня волосъ.

— Можете смѣяться надо мной сколько угодно. Увидимъ потомъ, кто изъ насъ былъ правъ.

— Увидимъ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ не намѣрены возбуждать дѣла о сегодняшнемъ нарушеніи отцомъ Вермюденомъ постановленія совѣта?—сладкимъ тономъ вмѣшался баронъ ванъ-Гульстъ.

— Не намѣренъ, баронъ ванъ-Гульстъ,—хладнокровно отвѣчалъ я.—Можетъ, для соблюденія формальности мнѣ и слѣдовало

бы что-нибудь сдѣлать. Но разъ меня къ этому принуждаютъ, я рѣшилъ не уступать ни на іоту. Отцу Вермюдену уже подь семьдесятъ лѣтъ. Онъ весь сѣдой, какъ лунь. И этотъ старецъ слѣдуетъ за Христомъ такъ, какъ онъ считаетъ себя обязаннымъ слѣдовать. Мнѣ передавали, что во времена преслѣдованія онъ не выдалъ никого. Поэтому онъ долженъ спокойно дойти до своей могилы.

Баронъ почти незамѣтно пожалъ плечами.

— Конечно, вы можете поступать, какъ вамъ заблагоразсудится, но многіе будутъ считать это слабостью, какъ сказала Іордансъ. Въ совѣтѣ ропщутъ...

— Пусть ихъ ропщутъ,—надменно возразилъ я.—Принцъ думаетъ точно такъ же, какъ и я, и такъ же, какъ и я, не обращалъ вниманія на ропоть. Я ненавижу Римъ и его духовенство, и потому ненавижу и всякія религіозныя преслѣдованія. Пока я начальствую въ Гудѣ, ихъ здѣсь не будетъ.

Водворилось молчаніе. Я понималъ, что въ лицѣ Іорданса я нажилъ себѣ смертельнаго врага, хотя онъ и не рѣшался возражать мнѣ. Но я порвалъ съ своей прежней жизнью и сдѣлался измѣнникомъ вовсе не для того, чтобы стать орудіемъ другой церкви, хотя бы она и называлась реформатской. Я зналъ, что оба эти человѣка, сидѣвшіе въ этотъ вечеръ противъ меня, едва ли могутъ возненавидѣть меня больше, чѣмъ они ненавидѣли меня до сихъ поръ, ибо Іордансу нужны были преслѣдованія, а барону мое мѣсто. Пусть ихъ попробуютъ добиться того и другого.

Донна Маріонъ смотрѣла прямо передъ собой. Такъ какъ она сидѣла рядомъ со мной, то я не могъ видѣть выраженія ея лица.

— Фи, господинъ Іордансъ,—вскричала фру Терборгъ:—вы слишкомъ мало считаетесь съ моимъ милымъ гостемъ и со мной, затѣвая такіе разговоры. Теперь говорить объ этомъ по крайней мѣрѣ несвоевременно. Вы можете проповѣдывать въ церкви, а не у меня за столомъ. Лучше не трогайте моего клѣба-соли, если не хотите быть непріятнымъ.

Она нисколько не церемонилась съ нимъ.

— И вы, баронъ, могли бы вести себя лучше,—начала она снова.—Не грѣхъ было бы вамъ сказать комплиментъ по поводу глазъ моей племянницы, или хотя бы моихъ. Это, конечно, не было бы новостью, но во всякомъ случаѣ доставило бы удовольствіе. А теперь, не угодно ли попробовать этого вина. Это мальвазія, везенная съ острова, который находится гдѣ-то между тѣмъ и этимъ свѣтомъ. Терборгъ,—миръ праху его, — сдобривалъ его пряностями по какому-то собственному рецепту и продавалъ бутылку по пяти золотыхъ. Это товаръ перваго сорта, какъ видите.

Она была права. Видимо, Терборгъ былъ человѣкомъ не безъ дарованій. Его жена тоже была неглупа, хотя ея манеры и не подходили бы ко двору.

Крѣпкое вино произвело свое дѣйствіе. Гости развеселились, кромѣ меня и донны Маріонъ.

По мѣрѣ того, какъ возрастала веселость и разговоры становились непринужденными, она время отъ времени бросала на меня тревожные взгляды. На нее, недавно пріѣхавшую съ юга, это веселье тоже произвело неблагоприятное впечатлѣніе. Дворъ короля Генриха Наваррскаго отнюдь не славится своей утонченностью, но во всякомъ случаѣ онъ болѣе изысканъ, чѣмъ гостиная госпожи Терборгъ. Во всякомъ случаѣ бояться ей было нечего. Мнѣ раза два говорили, что мое присутствіе за столомъ имѣетъ самое охлаждающее дѣйствіе. И хотя гости были сильно навеселѣ, но ни проповѣдникъ Іордансъ, ни баронъ не забывались ни относительно меня, ни насчетъ донны Маріонъ.

Было уже поздно, когда мы разошлись. Выйдя на улицу вмѣстѣ съ барономъ и Іордансомъ, я остановился и посмотрѣлъ имъ вслѣдъ, наблюдая за тѣмъ, какъ они шли, пошатываясь на ногахъ. Каждога человѣка, каждую страну нужно брать съ ея особыми недостатками и достоинствами, и нельзя рассчитывать на то, что солнце Севильи будетъ золотить башни Гуды, точно такъ же, какъ нельзя надѣяться, что свѣжее дыханіе сѣвернаго моря будетъ вѣять надъ изсушенными полями Новой Кастили.

Какъ бы то ни было, я поставленъ теперь судьбой на определенное мѣсто и принадлежу этому народу, хотя обтесать добрыхъ обывателей Гуды мнѣ иногда кажется безнадежной задачей. Невольно мои мысли переносятся къ прошлому, когда я молодымъ еще человѣкомъ былъ при дворѣ императора и мечталъ, что когда-нибудь я буду отъ имени Испаніи править цѣлымъ царствомъ. Тогда это не казалось невозможнымъ. Увы! Мы никогда не можемъ совершенно похоронить прошлаго, хотя и стараемся выкопать ему могилу поглубже.

8-го декабря.

Сегодня было довольно бурное засѣданіе городского совѣта. Объ этомъ едва ли стоило бы упоминать, ибо это не послѣднее и не первое бурное засѣданіе. Но я уже зашелъ въ свой дневникъ о моихъ отношеніяхъ къ проповѣднику Іордансу и барону ванъ-Гульсту, — слишкомъ много чести для нихъ, — и теперь приходится продолжать свой рассказъ о нихъ. Противъ меня былъ сдѣланъ форменный доносъ по поводу отца Вермюдена, но я не придалъ ему никакого значенія.

И вотъ въ сегодняшнемъ засѣданіи поднялся г. ванъ-Гутенъ и важно спросилъ меня, что я намѣреваюсь предпринять въ этомъ дѣлѣ. Я отвѣтилъ. Онъ сталъ возражать, подчеркивая явное нарушеніе постановленія совѣта и опасность, если это дѣло останется безнаказаннымъ. Послѣ него стали говорить другіе, приводя тѣ самыя доказательства, которыми меня пытался поразить Іор-

дансъ на вечерѣ у Терборгъ. Самъ проповѣдникъ и баронъ Гульстъ не открывали рта все засѣданіе. Въ концѣ концовъ совѣтъ приговорилъ отца Вермюдена къ изгнанію.

Я не мѣшалъ имъ говорить и не препятствовалъ произнести приговоръ. Но когда они кончили, я всталъ и спокойно сказалъ:

— Въ силу предоставленныхъ мнѣ полномочій я по государственнымъ соображеніямъ отмѣняю этотъ приговоръ и объявляю его не имѣющимъ юридической силы.

Они были такъ поражены, что нѣкоторое время всѣ молчали. Несомнѣнно, многіе истолковали мое молчаніе, какъ проявленіе слабости, и теперь мое хладнокровіе и твердость явились для нихъ совершенной неожиданностью.

Я хотѣлъ посмотреть, кто изъ нихъ мои друзья и какъ далеко рѣшатся пойти остальные.

Наконецъ медленно поднялся съ кресла бургомистръ—онъ какъ будто былъ испуганъ—и сказалъ:

— Вы сослались на государственныя соображенія. Позвольте узнать, какія именно.

— Я уже говорилъ вамъ о нихъ,—отвѣчалъ я.—Я не возьму на себя инициативу религіозныхъ гоненій въ Гудѣ. Мы только что страхнули съ себя иго одной вѣры и господство поповъ. И не слѣдуетъ теперь подставлять шею подъ другое. Исправляйте ошибки прошлаго вашей мудростью, покоряйте его нетерпимость вашей гуманностью. Вы можете сокрушить заблужденіе, впадая въ другое, можете искоренить грѣхъ, совершая другой, но только на короткое время. Когда первый ударъ минуетъ, это заблужденіе возстанетъ опять и будетъ въ десять разъ сильнѣе прежняго и, въ свою очередь, сокрушитъ васъ. Если это васъ не удовлетворяетъ,—прибавилъ я послѣ нѣкоторой паузы,—вы можете жаловаться на меня принцу и наконецъ генеральнымъ штатамъ.

На это у нихъ не было особой охоты. Они знали, что принцъ любить меня и, что еще важнѣе, раздѣляетъ мои взгляды. А генеральные штаты далеко и ихъ нельзя созывать по прихоти двухъ-трехъ десятковъ городскихъ совѣтниковъ. Хотя моя власть теперь не та, что было при королѣ Филиппѣ, однако и нынѣ я могу дать ее почувствовать такъ, что многимъ это будетъ не по душѣ. Вотъ почему засѣданіе кончилось гораздо спокойнѣе, чѣмъ началось.

12-го декабря.

Остается еще вопросъ объ имуществѣ моей жены. Мнѣ не хотѣлось до сихъ поръ предпринимать какія-либо хлопоты по этому дѣлу: слишкомъ много горя причинили эти деньги. Я свыкъся съ мыслью о нихъ, какъ человѣкъ свыкается съ мыслью о снѣгѣ зимой. Если ему холодно, то что же дѣлать,—зима, пужно закутаться поплотнѣе въ свой плащъ и идти дальше. Такъ и я закутался въ

свою твердость и огорченность и шель дальше. Теперь все перемѣнилось. Осталось только чувство сожалѣнія и глубокой жалости къ женщинѣ, которую я любилъ, которая въ теченіе двухъ короткихъ мѣсяцевъ была моею женою, но душа которой была такъ чужда моему. Хотя она уже умерла, но проклятое золото еще остается здѣсь, безнравственное, какъ самъ духъ злобы. Что-нибудь надо же съ нимъ сдѣлать.

Я обдумалъ это дѣло. Старика ванъ-деръ-Веерена нѣтъ въ живыхъ, и его единственной наслѣдницей является его дочь.

Пока не было достовѣрныхъ свѣдѣній о ея смерти, я считался ея опекуномъ и велъ все съчета самымъ тщательнымъ образомъ, не пользуясь изъ ея состоянія ни одной копейкой. Хотя состояніе ванъ-деръ-Веерена теперь было далеко не то, что прежде, вслѣдствіе конфискаціи его домовъ и товаровъ въ Антверпенѣ, все-таки оно было довольно значительно. Кромѣ того, за послѣдніе два года на него выросли проценты. Такъ какъ моя жена умерла безъ завѣщанія, то законнымъ наслѣдникомъ былъ я. Слѣдовательно, все должно было бы перейти ко мнѣ, если бъ не было брачнаго договора, вслѣдствіе котораго уничтожились если не юридически, то нравственно все притязанія съ моей стороны. Кромѣ того, она умерла раньше своего отца, что еще болѣе осложняло положеніе.

Никакой судъ въ Голландіи не сталъ бы оспаривать моихъ правъ, но я не хотѣлъ извлекать выгоды изъ своего положенія. Богъ видитъ, что во мнѣ не осталось никакихъ другихъ чувствъ къ покойной женѣ, но я слишкомъ гордъ, чтобы отступаться отъ своего слова безъ ея о томъ просьбы. А она меня не просила. Конечно, она забыла объ этомъ. Я наведу справки, нѣтъ ли у ней ближайшихъ родственниковъ и, если это будутъ люди порядочные и достойные, пойду къ нимъ. Въ противномъ случаѣ я приму наслѣдство самъ и передамъ его принцу.

14-го декабря.

Сегодня утромъ мнѣ доложили, что умираетъ одинъ изъ моихъ гвардейцевъ, послѣдовавшій за мной изъ Гертруденберга. Я опять началъ записывать въ эту книгу все, что касается меня близко, и, конечно, люди, примкнувшіе ко мнѣ въ тотъ часъ, заслуживаютъ того, чтобы упомянуть о нихъ на этихъ страницахъ.

Я пошелъ къ умирающему съ намѣреніемъ спросить его, не могу ли исполнить какое-нибудь его желаніе: его смертный часъ подошелъ какъ-то внезапно. Мнѣ кажется, что въ тяжкія минуты его охватило раскаяніе, какъ это часто бываетъ съ людьми самыми беззаботными, —ибо около его постели сидѣлъ отецъ Вермюденъ. Онъ поднялся, чтобы поздороваться со мной, умирающій былъ уже безъ сознанія. Болѣе трехъ четвертей его товарищей уже отравились на тотъ свѣтъ, ибо на моей службѣ челоуѣческой жизнью не дорожили.

Отець Вермюденъ сдѣлалъ мнѣ глубокой поклонъ.

— Я радъ, что мнѣ представился случай поблагодарить ваше превосходительство. Я слышалъ, что вы говорили въ совѣтѣ въ мою защиту и что вы воспротивились всякому преслѣдованію меня. Вы воспользовались своей властью ради Господа Бога, и Онъ воздастъ вамъ за это. Я хотѣлъ было явиться къ вамъ для выраженія своей благодарности, но побоялся, что это, быть можетъ, будетъ вамъ непріятно.

— Вы правы, достопочтенный отецъ. Это было бы пеловко. Да и за что благодарить меня? Я сдѣлалъ только то, что считалъ справедливымъ.

— Нѣтъ, вы сдѣлали большое дѣло. Вы спасли послѣдняго проповѣдника истинной вѣры въ Гудѣ и не дали Божьей вѣрѣ заглухнуть въ этихъ стѣнахъ. Неужели не настанетъ время, когда она опять возсіяетъ въ этихъ стѣнахъ, какъ она сіяла цѣлую тысячу лѣтъ? Скажите, есть ли у васъ какая-нибудь надежда на это? Я сумѣю сохранить тайну. Но я уже старъ, и мнѣ хотѣлось бы услышать радостную вѣсть прежде, чѣмъ я умру. Скажите, не близится ли время?—съ любопытствомъ спросилъ онъ, сверкая глазами.

Увы! И тутъ мнѣ суждено быть непонятымъ!

— Нѣтъ, достопочтенный отецъ,—отвѣчалъ я.—Пока я управляю въ Гудѣ, не придетъ это время. Вы не должны принимать меня за кого-то другого. Отъ старой вѣры я отрекся окончательно.

Огонекъ въ глазахъ отца Вермюдена вдругъ погасъ, лицо его вытянулось.

— Я думалъ...—пробормоталъ онъ.

— Да, я вижу это, — продолжалъ я.—Вы думали, что я остался католикомъ въ душѣ и ожидаю только благопріятнаго случая возстановить старую церковь. Нѣтъ, достопочтенный отецъ. Но развѣ я не могу взять подъ свою защиту католическаго священника, вовсе не раздѣляя его убѣжденій. Развѣ не можетъ человѣкъ быть праведнымъ, не смотря на то, католикъ онъ, или кальвинистъ?

Онъ посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ.

— Скажите мнѣ,—продолжалъ я:—неужели вы искренно желаете возвращенія опять инквизиціи? Я слышалъ, что вы не отправили на костеръ ни одного человѣка, хотя число вашихъ прихожанъ день ото дня становилось меньше. Это какъ будто указываетъ на то, что и вы сами чувствовали весь ужасъ этой инквизиціи, хотя она и была создана для защиты вашей же вѣры. И такъ какъ вы были милосердны въ тѣ дни, милосердіе оказано теперь и вамъ.

— Я понимаю и искренне благодарю васъ за это. Иначе я былъ бы теперь въ самомъ несчастномъ положеніи. Хотя я и готовъ претерпѣть все за дѣло Господне, но я радуюсь, что остался цѣлъ. Я состарился здѣсь и люблю каждую улицу, каждаго члена моей паствы, изъ которыхъ многихъ я зналъ съ дѣтства, и для нихъ это

было бы такъ же тяжело, какъ и мнѣ самому. Богъ свидѣтель,— продолжалъ онъ, помолчавъ:—что я старался потушить костры и уничтожить пытки. Тутъ отвѣтственность падаетъ на Римъ.

Внезапно его пыль пропала и, какъ бы испугавшись собственной смѣлости, онъ продолжалъ тихимъ голосомъ:

— Но кто я, чтобы осуждать? Развѣ не повелѣлъ намъ апостолъ Павелъ предавать грѣшниковъ сатанѣ на разрушеніе плоти ихъ, для того, чтобы спасена была душа ихъ въ день страшнаго суда? Развѣ самъ Христосъ не осудилъ бесплодную смоковницу? Истинная вѣра можетъ быть только одна.

— Вы увѣрены въ этомъ?—спросилъ я.—Не обладаетъ ли истинной вѣрой всякій, кто стремится возвыситься къ Господу? Не все ли равно, причащается ли онъ одного хлѣба, или онъ хочетъ прикоснуться и къ чашѣ съ кровію? Неужели вы думаете, что великіе дѣятели церкви—папы и кардиналы—придавали этому важное значеніе? Нѣтъ, они хлопотали о своей власти, боялись потерять ее вмѣстѣ съ привилегіей приобщать крови Христовой только помазанныхъ. Вѣдь слова Христа совершенно просты: «люби Господа выше всего, а ближняго какъ самого себя. Въ этомъ весь законъ и пророки». И что бы апостолъ Павелъ ни писалъ къ коринѳанамъ, онъ все-таки не Христосъ. Христосъ сказалъ смоковницѣ: «Ты ввержена будешь въ огонь». Но вѣдь онъ говорилъ притчею, и неужели вы думаете, что въ его словахъ былъ такой узкій, буквальный смыслъ? Развѣ Онъ не сказалъ также: «Не судите, да не судимы будете, милости хочу, а не жертвы». Какое изъ этихъ изреченій болѣе соотвѣтствуетъ духу, проникающему Евангеліе?

Отецъ Вермюдень слушалъ меня съ глубокимъ вниманіемъ.

— А какъ же быть съ нашимъ обѣтомъ послушанія церкви?—спросилъ онъ, видимо, забывъ, что говорить съ еретикомъ.

— Выше послушанія церкви стоитъ послушаніе Господу Духу, въ насъ живущему и говорящему, если мы будемъ къ нему прислушиваться. Не папа и не Кальвинъ, а Онъ—намѣстникъ Божій на землѣ.

Отецъ Вермюдень вздрогнулъ.

— Вы выразили словами то, что я иногда думалъ въ минуты неосторожности и въ чемъ я едва смѣлъ сознаться самому себѣ. Все то, что вы сказали, мнѣ представляется, къ изумленію моему, правильнымъ. Изъ вашего превосходительства вышелъ бы отличный проповѣдникъ.

— Нѣтъ, достопочтенный отецъ, я слишкомъ слабъ и страстенъ для этого. Но вы, носящій священническое одѣяніе съ честью, какъ показываетъ вся ваша жизнь, вы не должны бояться такихъ мыслей, ибо Господь Богъ не инквизиторъ.

Идя домой, я смѣялся про себя при мысли, что мнѣ слѣдовало бы быть проповѣдникомъ—мнѣ, невѣрующему! Я не хотѣлъ сму-

шать добрѣйшаго отца Вермюдена, но вѣдь какія бы слова ни читались въ Св. Писаніи—они только слуги мысли. Вся суть въ мысли, но, къ сожалѣнію, немногіе понимаютъ это.

20-го декабря.

Въ совѣтѣ опять поднялась борьба противъ меня.

Отецъ Вермюденъ, возвращаясь однажды домой, повстрѣчался съ одной изъ своихъ прихожанокъ, маленькой дѣвочкой, которая подошла къ нему и поцѣловала ему руку. Я не люблю этого обычая, но случай самъ по себѣ совершенно невинный. Нѣтъ ничего преступнаго и вреднаго въ томъ, что ребенокъ поцѣловалъ руку человѣка, котораго онъ уважаетъ,—будь то священникъ, или свѣтскій человѣкъ. Но два человѣка, стоявшіе поодаль и бывшіе очевидцами этой сцены, думали, очевидно, иначе. Они подошли къ отцу Вермюдену и обругали его, причѣмъ одинъ изъ нихъ даже вытащилъ свой ножъ. Не знаю, что могло бы произойти,—можетъ быть, одинъ изъ этихъ негодяевъ былъ нанятъ для того, чтобы убить священника. Но какъ разъ въ это время проходило нѣсколько солдатъ моей гвардіи. Зная болѣе или менѣе мой образъ мыслей въ подобныхъ дѣлахъ, они безъ церемоніи схватили этого человѣка за воротъ и оттащили его. Его схватили въ ту самую минуту, когда онъ подпалъ ножъ, чтобы поразить отца Вермюдена. Онъ оказался извѣстнымъ буяномъ. На слѣдующій день всѣ жители Гуды, кому это было интересно, могли видѣть, какъ онъ качался на висѣлицѣ.

Я сказалъ, что я не допущу религиозныхъ преслѣдованій въ Гудѣ, и я зналъ, что дѣлалъ. На слѣдующій день хмурья фізіономіи моихъ недоброхотовъ при встрѣчѣ со мной распускались въ самую предупредительную улыбку.

1-го января 1576 года.

Наступилъ Новый годъ. Я не привыкъ предаваться въ этотъ день молитвамъ. Но если бы я сталъ молиться, то просилъ бы Бога дать счастье той, которая до сихъ поръ знала одно горе, хотя и заслуживаетъ лучшей доли. Для себя я молю только объ одномъ—о мирѣ.

Сегодня былъ хлопотливый день. Я принялъ съ визитомъ всѣхъ большихъ и малыхъ сановниковъ Гуды, явившихся болѣе или менѣе искренно пожелать мнѣ долгой жизни. Хотя въ душѣ и не всѣ этого желали, но чувства каждаго человѣка есть его личное достоиніе, и я радушно принималъ добрыхъ гражданъ города Гуды.

Вся эта комедія отняла у меня почти весь день. Покончивъ съ частными поздравителями, я долженъ былъ посѣтить еще нѣсколькихъ лицъ, явившихся ко мнѣ съ официальнымъ визитомъ въ родѣ бургомистра ванъ-Сильта, явившагося не только отъ себя, но и отъ имени города. Нужно сказать, что онъ наиболѣе порядочный человѣкъ изъ всей этой стаи, хотя мы и недолюбливаемъ другъ друга.

Было уже довольно поздно, когда я вышелъ изъ его дома. Сегодня мнѣ какъ-то особенно хотѣлось видѣть около себя друга. Я быстро

направился къ улицѣ, гдѣ жила фру Терборгъ. Боже меня избави: назвать ее моимъ другомъ. Но этимъ именемъ я смѣло могу назвать донну Маріонъ. Если Богу было не угодно обставить ее болѣе приличными родственниками, то, очевидно, на это были свои причины, и мнѣ незачѣмъ объ этомъ разсуждать.

Когда я вошелъ въ гостиную, донна Маріонъ и ея тетка были однѣ.

— Я была увѣрена, что ваше превосходительство зайдете къ намъ, весело вскричала фру Терборгъ:—конечно, не ради меня. Вѣдь вы ни разу не заглянули ко мнѣ прежде, чѣмъ не пріѣхала ко мнѣ моя племянница. Впрочемъ, немногіе могутъ похвастаться визитомъ господина губернатора, и я должна быть довольна. Впрочемъ, теперь дѣло стоитъ иначе: если вы желаете поздравить съ Новымъ годомъ самую красивую дѣвушку въ Гудѣ, то милости прошу пожаловать въ мой домъ. Очень рада васъ видѣть.

— Если я не рѣшался нанести вамъ визитъ раньше, сударыня, то потому, что меня удерживало сознание своей неумѣтности здѣсь. Что же касается м-ше де-Бреголль, то мы съ нею давно знакомы, и я увѣренъ, что она извинитъ мою незойливость.

Фру Терборгъ неглупа. Въ тѣхъ случаяхъ, когда она хочетъ казаться простоватой, она просто на себя напускаетъ.

— Не слѣдуетъ думать,—возразила она съ улыбкой:—что вы провели меня, напустивъ на себя такую скромность. Я знаю, что на нашего брата вы смотрите, какъ на пылъ вашихъ сапогъ, разумѣется, за исключеніемъ Маріонъ, которая на половину французенка, на половину испанка и только что явилась къ намъ отъ двора короля Генриха.

— Вы несправедливы ко мнѣ, сударыня. Я сужу о людяхъ по тому, что они собой представляютъ, а не по ихъ внѣшности и обстановкѣ. Я былъ въ Гаарлемъ и вынесъ оттуда истинное уваженіе къ его гражданамъ, которые безъ всякаго колебанія жертвовали на общее дѣло и свое состояніе, и свою жизнь. Если жители Гуды сдѣлаютъ то же самое, когда придетъ ихъ часъ, они также получатъ право на мое уваженіе.

Незадолго до праздниковъ въ совѣтѣ опять были жаркіе дебаты по поводу субсидій принцу, который хотѣлъ помочь городу Зирикзе. Пропорціональная часть, принятая на себя городомъ, была очень невелика, а добровольныя пожертвованія, за исключеніемъ пожертвованія г-жи Терборгъ, были еще меньше.

Я не упоминалъ объ этомъ въ моемъ дневникѣ, потому что подобныя вещи случаются постоянно. Я имѣю власть до нѣкоторой степени надъ ихъ жизнью, но не надъ ихъ кошелькомъ, который они при соприкосновеніи умѣютъ хорошо прятать. Но какъ мнѣ противно видѣть, что все идетъ не такъ, какъ бы слѣдовало, только по тому, что они не хотятъ разстаться съ своими деньгами. Я знаю, что

въ этой странѣ совершается немало преступленій изъ-за денегъ и притомъ не руками голландцевъ. Но если грабить испанецъ, то онъ грабить для того, чтобы тратить, а не для того, чтобы копить деньги, пока онъ стануть непригодны ни для него, ни для его ближнихъ.

— Кромѣ того,—продолжала я,—я не могу бывать въ гостяхъ такъ часто, какъ бы мнѣ хотѣлось, изъ боязни, что мои манеры, въ которыхъ, можетъ быть, осталось еще кое-что испанское, могутъ многимъ показаться неприятными. Васъ я прошу простить мои промахи.

— Это значить, что мы люди ничтожные и что наши манеры плохи. Понимаю. Но я не буду вступать въ словопренія съ вами, ибо въ концѣ концовъ вы всегда одержите верхъ. Вы заставляете другого казаться грубымъ, хотя смыслъ вашихъ словъ, которыя вы говорите съ такимъ достоинствомъ, въ сущности еще грубѣе. Поэтому я умоляю о пощадѣ. Сегодня день Новаго года, и мы лучше хотѣли бы услышать поздравленія, съ которыми вы, вѣроятно, и пришли къ намъ.

— Я только ждалъ позволенія принести вамъ эти поздравленія,— отвѣчала я, невольно улыбаясь.

— Опять наши дурныя манеры!—воскликнула она.—Дѣйствительно, скоро придется учиться хорошимъ. Не возьметесь ли выучить меня?

Я высказалъ обѣимъ пожеланія всего наилучшаго, причемъ, обращаясь къ доннѣ Маріонъ, старался вложить въ мой тонъ теплоту, которую не рѣшался придать своимъ словамъ. Но она отвѣчала мнѣ холодно и церемонно, словно чужому.

— Ухъ, какой вы церемонный народъ,—воскликнула фру Терборгъ, съ нетерпѣніемъ прислушивавшаяся къ нашему разговору.—Это хорошо, когда цѣлуютъ руку по-испански, но, по-моему, по-голландски это слѣдуетъ дѣлать не съ такой холодностью.

Если бъ я захотѣлъ поцѣловать руку донны Маріонъ, то мнѣ, конечно, слѣдовало сначала поцѣловать руку фру Терборгъ. Этой жертвы нельзя было избѣжать.

— А, можетъ быть, онъ уже поцѣловалъ твою руку, Маріонъ?—продолжала она.—Не правда ли?

Эта дама становилась назойливой. Сбитая съ толку манерами донны Маріонъ и моими, она, очевидно, хотѣла во что бы то ни стало выяснитъ себѣ, въ какихъ мы отношеніяхъ между собой. Но лицо донны Маріонъ было непроницаемо: на ея щека хъ не появилось даже легкаго румянца. Она хотѣла что-то возразить, но я предупредилъ ее и сказалъ:

— При дворѣ императора меня учили, что дамамъ слѣдуетъ цѣловать ручку именно такъ. Прошу извинить меня, если меня обучили не совсѣмъ правильно.

Фру Терборгъ сдѣлала гримасу.

— Вы жестоки. Но идемте лучше обѣдать. Быть можетъ, это настроить васъ болѣе благосклонно. Не бойтесь,—прибавила она, замѣтивъ, что я собираюсь отклонить ея предложеніе:— баронъ Гульстъ и проповѣдникъ Іордансъ сегодня не будутъ. Я не пригласила ихъ, надѣясь увидѣть васъ у себя.

— Очень сожалѣю, что они не были приглашены изъ-за меня. Я вовсе не боюсь ихъ,—холодно отвѣчалъ я.

Фру Терборгъ залилась смѣхомъ.

— О, конечно, вы не бойтесь ихъ. Но они-то боятся васъ. А сегодня, по случаю Новаго года, у меня хорошій обѣдъ. И было бы жаль, если бы онъ имъ не понравился.

Иногда нельзя удержаться отъ улыбки, слушая фру Терборгъ.

— Мнѣ пришлось бы запереться у себя дома и жить отшельникомъ, сударыня, если бы я убѣдился, что мое присутствіе лишаетъ аппетита добрыхъ гражданъ города Гуды, которымъ, къ счастью или къ несчастію, я назначенъ управлять.

— Ну, это была бы небольшая бѣда. Граждане Гуды отъ этого только немного похудѣли бы. Настоящій голландецъ можетъ переносить легкое горе, легкую ревность и легкій страхъ, не теряя въ собственномъ вѣсѣ. Меня вы смѣло можете пригласить на обѣдъ. Мы обѣ не испытываемъ передъ вами страха, по крайней мѣрѣ такого, который отбилъ бы у насъ аппетитъ. Не такъ ли, Маріонъ?

— Конечно,—отвѣчала Маріонъ болѣе мягко, чѣмъ говорила до сихъ поръ.—А если кто-нибудь и боится, то, несомнѣнно, не безъ причинъ.

— Какова вѣра въ вашу справедливость!—воскликнула хозяйка.

— Постараюсь оправдать ее,—отвѣчалъ я.

Не помню, какой былъ обѣдъ. Какъ уже возвѣстила фру Терборгъ, онъ былъ хорошъ: она гордилась тѣмъ, что у нея лучший столъ во всей Гудѣ. Но я никогда не придавалъ особенной цѣны такимъ вечерамъ.

Какъ бы то ни было, это былъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ вечеровъ, который я когда-либо провелъ въ домѣ г-жи Терборгъ.

Она сидѣла по срединѣ стола, я занялъ мѣсто направо отъ нея, донна Маріонъ налѣво, противъ меня. По мѣрѣ того, какъ подвигался обѣдъ, хозяйка становилась все болѣе развязной и шумливой, и я съ удовольствіемъ бросалъ взгляды на прекрасное спокойное лицо донны Маріонъ, на которомъ такъ рѣдко появлялась улыбка. Но раза два мы не могли удержаться отъ смѣха, слушая выпады фру Терборгъ. Въ случаѣ надобности, она могла быть очень остроумной, хотя, какъ я уже замѣтилъ выше, ея рѣчи и не годились бы для двора.

Однако, какъ въ первый вечеръ, который я провелъ въ этомъ домѣ, такъ и теперь, среди цвѣтовъ и канделябровъ, я не забывалъ о темномъ крестѣ на бергенскомъ кладбищѣ.

20-го января.

Сегодня отличный, ясный день, какихъ у насъ уже давно не было. Я вышелъ за стѣны города, чтобы насладиться сильнѣе блескомъ солнца: какъ всѣ, прибывшіе сюда съ юга, я жаждалъ свѣта и тепла.

Къ западу отъ города тянется небольшой лѣсокъ. Когда я проходилъ черезъ него, солнечные лучи золотили стволы деревьевъ, а покрытыя льдомъ вѣтки деревьевъ сверкали, какъ будто обсаженные брильянтами. Вверху раскинулось ярко-голубое небо. Въ воздухѣ было тихо, слышно было похрустываніе снѣга подъ ногами. Мнѣ казалось, что я прямо въ сказочномъ лѣсу, полномъ свѣта, мира и тишины. Но увы! лѣсокъ былъ не великъ. Блестящія вѣтви стали рѣдѣть, и я опять вышелъ въ человѣческій міръ.

Передо мной потянулась большая дорога. У опушки лѣса стоялъ маленькій домикъ, у дверей котораго сидѣла женщина, тихо плакавшая. Она, казалось, скорбѣла о томъ, что ея жилище не въ лѣсу, среди его блеска и тишины, а внѣ его, гдѣ была борьба и безпокойство и гдѣ вдали виднѣлись темныя городскія башни.

Ей было лѣтъ сорокъ, но время и горе уже оставили слѣды на ея лицѣ. Оно было худо и блѣдно, но сохраняло пріятное выраженіе, когда она сквозь слезы смотрѣла на разстилавшійся передъ нею залитый солнцемъ видъ.

Одѣта она была на половину горожанкой, на половину крестьянкой. Домикъ ея имѣлъ довольно жалкій видъ. Но въ ней самой просвѣчивало что-то такое, что было дороже всей его обстановки.

Я подошелъ къ ней и мягко спросилъ:

— Позвольте спросить васъ, о чемъ вы плачете въ такой чудный солнечный день? Скажите мнѣ, можетъ быть, я могу вамъ помочь?

Не велика была моя власть, и, конечно, я не могъ бы запретить всякому плакать, если бъ даже и хотѣлъ.

При звукѣ моего голоса она вздрогнула и бросила на меня быстрый взглядъ. Потомъ, не поднимаясь съ мѣста, она сказала:

— Благодарю васъ, сударь, но вы не можете мнѣ помочь. Я не богата, но все необходимое у меня есть. Благодарю васъ за вниманіе.

— Я не о деньгахъ однѣхъ говорилъ. Можетъ быть, я могу помочь вамъ въ томъ, въ чемъ вы нуждаетесь больше, чѣмъ въ деньгахъ.

— Никто, даже Господь Богъ не можетъ избавить меня отъ моего горя, по крайней мѣрѣ въ этой жизни. Но я не ропщу на Бога, ибо Онъ въ концѣ концовъ послалъ миръ душѣ моей. Но иногда я вспоминаю о прошломъ и теряю спокойствіе. А второе мое горе— это горе моего ребенка. И, можетъ быть, его-то и слѣдуетъ считать самымъ большимъ. Но и тутъ вы не можете помочь мнѣ.

— Кто знаетъ. Я простой человѣкъ и не велика моя власть, но, можетъ быть, она окажется достаточной, чтобы помочь вамъ.

Она посмотрѣла на меня съ изумленіемъ.

— Вы говорите довольно самоувѣренно. Но вы, кажется, пріѣзжій? Я что-то не видала васъ въ Гудѣ. Впрочемъ, за послѣдніе годы я рѣдко бывала тамъ.

— Я пріѣхалъ сюда не такъ давно, и многіе считаютъ меня не здѣшнимъ.

— Какъ же вы беретесь помочь мнѣ? Ванъ-Гиртъ не станетъ слушать пріѣзжахъ. Онъ жестокій человѣкъ и не обращаетъ вниманіе ни на кого, кромѣ, впрочемъ, губернатора, котораго они всѣ боятся, какъ самого чорта.

— Я отлично знаю губернатора и имѣю на него нѣкоторое вліяніе. Можетъ быть, это и хорошо, что его такъ боятся. Скажите мнѣ, не можетъ ли онъ что-нибудь сдѣлать для васъ?

Она опять взглянула на меня.

— Говорятъ, что онъ самый неумолимый человѣкъ.

— Не думаю, чтобы онъ такимъ остался до сего времени. Итакъ, скажите мнѣ, въ чемъ дѣло?

— Но почему вы его знаете и кто вы такой?—спросила она съ отгѣнкомъ подозрѣнія.

— Не стоитъ говорить объ этомъ. Скажите мнѣ лучше, безъ всякихъ опасеній, въ чемъ ваше горе.

Съ минуту она была въ нерѣшительности, потомъ сказала:

— Я слышала, что онъ большой вельможа, который думаетъ только о государственныхъ дѣлахъ, а не о насъ, маленькихъ людяхъ. Мнѣ рассказывали, что госпожа Бордъ ползала на землѣ передъ нимъ, умоляя пощадить жизнь ея мужа, но все было напрасно. Говорятъ, ни одинъ мускуль не дрогнулъ на его лицѣ. А она—красивѣйшая женщина въ Гудѣ. Съ какой стати онъ пойдетъ противъ вліятельнаго ванъ-Гирта только для того, чтобы помочь моему сыну, который ему ни свать, ни братъ?

— Можетъ быть, вы и правы. Но каждый правитель долженъ смирать все дерзкое и оказывать покровительство всему непритязательному. Что касается самого Борда, то, будучи на часахъ въ самый день битвы, онъ напился. Хотя губернаторъ и самъ не безъ грѣха, но въ этомъ случаѣ, по-моему, онъ былъ правъ. Не бойтесь,—прибавилъ я,—никто не узнаетъ о томъ, что вы мнѣ скажете, никто, кромѣ меня и губернатора. А мы оба умѣемъ хранить секреты.

Она вспыхнула.

— Вы, навѣрно, считаете меня неблагодарной, сударь, простите меня.

И она рассказала мнѣ все.

Звали ее Кларой ванъ-Стеркъ. Она была дочерью нѣкоего ванъ-Ламмена, который когда-то былъ здѣсь бургомистромъ. Потомъ

она обѣднѣла и теперь, кромѣ этого домишка за городскими стѣнами, у нея ничего не осталось. Ея мужъ умеръ. Дочь ванъ-Гирта Марта была помолвлена съ ея сыномъ, но теперь ванъ-Гиртъ не хочетъ и слышать объ этомъ бракѣ, рассчитывая выдать ее за нѣкоего ванъ-Шюйтена, богача, лѣтъ на сорокъ старше ея. Марта не хочетъ выходить за него. Но, какъ я и самъ знаю, есть тысячи способовъ сломить сопротивленіе дѣвушки—вещь совершенно простая; повторяющаяся каждый день, и никто не обращаетъ на это вниманіе.

— Поистинѣ, грѣхи родителей взыскиваются на дѣтяхъ,—прибавила съ глубокимъ вздохомъ моя новая знакомая, заканчивая свой рассказъ.—Проклятіе тяготѣетъ надъ родомъ человѣческимъ, и мы не въ силахъ стряхнуть его...

— Въ войскѣ, которое принцъ набралъ въ нашемъ городѣ, есть какой-то ванъ-Стеркъ. Не это ли вашъ сынъ?

— Да. Онъ пошелъ въ солдаты, чтобы мечомъ поправить свои рухнувшія надежды. Но невозможно сдѣлать все такъ быстро, какъ бы хотѣлось. Послѣ нашего разоренія число нашихъ друзей сильно уменьшилось, и пройдетъ много времени прежде, чѣмъ ему удастся сдѣлаться офицеромъ. А когда это случится, Марта уже будетъ замужемъ за другимъ.

— Ну, можетъ быть, этого и не будетъ. Принцъ далъ мнѣ разрѣшеніе на производство нѣсколькихъ лицъ въ офицеры по моему выбору. И принцъ, и я очень довольны, что нашелся горожанинъ, который добровольно сталъ солдатомъ. Вѣдь вы, голландцы, народъ слишкомъ мирный и слишкомъ любите загребать деньги. Вашъ сынъ будетъ произведенъ въ офицеры. Но онъ долженъ показать, что онъ достоинъ этого. Я не дѣлаю такихъ вещей только по протекціи.

Она посмотрѣла на меня съ удивленіемъ и страхомъ.

— Но кто же вы такой?—прошептала она.

— Я здѣшній губернаторъ, сударыня.

Женщина поднялась со своего мѣста и въ смущеніи остановилась передо мной.

— Простите меня, ваше превосходительство. Я не знала, что передо мной самъ губернаторъ, и назвала васъ надменнымъ и неумолимымъ. Извините меня, ради Бога?

— Въ чемъ? Если меня называютъ неумолимымъ, то въ этомъ не ваша вина. Можетъ быть, они и правы. Вѣдь имъ нужна желѣзная рука. Но оставимъ это. Будьте увѣрены, что я помогу вашему сыну, если онъ и его невѣста этого заслуживаютъ. Скажите мнѣ только одно, если это не очень для васъ непріятно. Вы сказали, что вы достигли мира въ вашей душѣ. Я тоже ищу этого мира. Какъ вы нашли его?

Она густо покраснѣла.

— Извольте, ваше превосходительство, я расскажу вамъ все, хотя это и очень для меня тяжело.

И дѣйствительно, она рассказала мнѣ всю свою исторію. Такъ какъ это было сдѣлано подъ секретомъ, то я не буду воспроизводить ее здѣсь. Это была старая исторія, хотя каждому, кому приходится въ ней пострадать, она представляется новой. Кто не любилъ и не грѣшилъ и для кого не было тутъ горя, несчастья, а иногда и смерти.

— Не скоро водворился миръ въ душѣ моей, — продолжала ванъ-Стеркъ. — Не разъ сидѣла я въ отчаяніи на этомъ порогѣ, глядя въ даль, пока въ одинъ горькій августовскій день не появился на дорогѣ нѣкій проповѣдникъ. Онъ попросилъ у меня стаканъ воды и присѣлъ здѣсь отдохнуть. Мы разговорились. Не знаю, какъ это случилось, но я рассказала ему всю мою исторію, о которой я не заикалась никому другому. Онъ выслушалъ меня молча. Потомъ, глядя въ даль и какъ бы собирая въ себѣ свѣтъ отъ сіяющихъ вечернимъ солнцемъ облаковъ, онъ промолвилъ:

— Мы всѣ грѣшимъ и страдаемъ, и въ сомнѣніи и въ колебаніяхъ проходить жизнь наша, пока не придемъ къ Господу. Никакія силы неба, земли и ада не могутъ продлить здѣсь наше пребываніе. Но за грѣхи наши мы время отъ времени должны терпѣть наказаніе, хотя намъ и неизвѣстно, когда именно постигнетъ это наказаніе. Иногда же, и не совершивъ грѣха, мы должны претерпѣвать наказаніе, ибо страшны и неисповѣдимы пути Господни и проходить Онъ по лицу земли, какъ буря, разрушающая въ одномъ мѣстѣ и оплодотворяющая въ другомъ. Но кто мы, чтобы судить о Господѣ? Нѣкоторые, по особой благодати Божіей, приближаются къ нему величіемъ сердца своего, другіе сокрушеніемъ грѣховъ своихъ, третьи же только въ жизни будущаго вѣка. Но никто не достигнетъ этого, пока не очистится, ибо передъ Господомъ можетъ стать только чистое. Но я вѣрю, что въ концѣ концовъ мы всѣ очистимся. Здѣсь для этого только начало, а завершеніе будетъ тамъ. Что же касается любви, то выслушай меня, дочь моя. Всякая истинная любовь исходитъ отъ Господа и освѣщаетъ путь нашъ, какъ и мысль о Господѣ. Никакая скорбь, никакое отчаяніе не могутъ омрачить ее навсегда. Но иногда мы бываемъ обмануты легкомысленными желаніями нашего сердца. И тутъ большое желаніе побѣждаетъ болѣе слабое, но въ день завершенія Господь укажетъ каждому свое мѣсто. Но если вы правильно принимаете міръ, то еще въ здѣшней жизни вы всегда найдете много хорошаго. А если даже не будетъ ничего хорошаго, то можно обрѣсти и здѣсь миръ Господень — и это будетъ самымъ лучшимъ. Я говорилъ такъ, какъ повелѣвалъ мнѣ духъ, говорящій мнѣ. Для тебя ли слова мои, не знаю.

Сказавъ это, онъ взялъ свою палку и пошелъ на западъ солнца. Я стояла и дивилась, не умѣя понять словъ его. Но они показались

миѣ столь властными, что я записала ихъ, дабы не забыть. Читая и перечитывая ихъ, я наконецъ поняла ихъ значеніе. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется. И миръ наконецъ снизошелъ на меня. Только иногда, когда я припоминаю старое, слезы сами льются у меня, какъ, напримѣръ, сегодня.

Она смолкла. Солнце склонилось уже къ горизонту и перестало грѣть. Становилось холодно. Я поблагодарилъ женщину за разказъ и простился съ ней. Она просила меня зайти къ ней, но я отказался и пошелъ прямо домой, такъ какъ ночь медленно наплывала за мной.

21-го января.

Сегодня утромъ я послалъ за молодымъ ванъ-Стеркомъ, чтобы взглянуть на него. Онъ, повидимому, на хорошей дорогѣ, и я думаю, что окажу милость достойному человѣку. Конечно, сначала нужно будетъ его испытать. Потому я отправился къ его бывшей невѣстѣ. Я не зналъ эту Марту и мнѣ не хотѣлось разводиться въ добромъ городѣ Гудѣ волненіе на цѣлую недѣлю ради дѣвушки, отъ которой ванъ-Стеркъ черезъ нѣсколько лѣтъ, быть можетъ, будетъ радъ-радешенекъ отдѣлаться. Любовь слѣпа, а она, какъ никакъ, дочь ванъ-Гирта.

Меня встрѣтила миловидная, хрупкая дѣвушка, лѣтъ двадцати, съ невиннымъ выраженіемъ лица и то вспыхивавшимъ, то исчезающимъ румянцемъ. Я видѣлъ, что она страдаетъ. По ея сложенію видно было, что недолго она будетъ въ состояніи бороться съ своимъ горемъ. Но этого не должно быть. Было бы непростительнымъ преступленіемъ выдать ее за ванъ-Шюйтена, который не можетъ привлекать къ себѣ молодую дѣвушку, даже если она и не любитъ другого. Должно быть, жена ванъ-Гирта была дѣйствительно хороша душевно и физически, ибо отъ отца Марта не могла наследовать ни красоты, ни хорошихъ нравственныхъ качествъ.

25-го января.

Сегодня я навѣстилъ Клару ванъ-Стеркъ. Опять шелъ я черезъ лѣсъ, великолѣпный въ своемъ уборѣ изъ снѣга и инея, раздумывая о словахъ проповѣдника. Можетъ быть, и мнѣ когда-нибудь дадутъ утѣшеніе его слова: въ день исполненія Господь укажетъ каждому настоящее мѣсто.

Попрежнему я нашелъ Клару ванъ-Стеркъ сидящей у порога на солнышкѣ. Но на этотъ разъ ея глаза блестящи, и слезъ въ нихъ не было. Она быстро поднялась, чтобы привѣтствовать меня. Я вошелъ къ ней въ домъ и провелъ у нея нѣкоторое время. Когда я собирался уходить, она, противъ моей воли, поцѣловала мнѣ руку и сказала:

— Не знаю, какъ и благодарить васъ. Теперь я вполне умиро-

творена. Я чувствую теперь, что я прощена и что я могу умереть спокойно.

— Я увѣренъ, что вы еще доживете до того времени, когда вашъ сынъ будетъ счастливъ.

— Какъ Господу Богу будетъ угодно.

Возвращаясь домой, я замѣтилъ, что не одинъ я соблазнился хорошимъ солнечнымъ днемъ. Вышло погулять много народу, между ними и донна Маріонъ. Она вся раскраснѣлась отъ легкаго мороза и была чрезвычайно красива. Я поздоровался съ нею. Ванъ-Гульстъ, вертѣвшійся около нея, демонстративно отсталъ отъ нея, какъ это онъ всегда дѣлалъ при моемъ приближеніи. Мы пошли вдвоемъ.

— Солнечный денекъ соблазнилъ и васъ,—сказалъ я.—Сегодня можно забыть, что у насъ зима.

— Въ самомъ дѣлѣ. Я очень рада, что сегодняшняя погода такъ хорошо на васъ подѣйствовала: ваши глаза такъ и блестятъ, а лицо—самое жизнерадостное!

Какъ, однако, она умѣетъ читать на моемъ лицѣ! Оно не выдаетъ моихъ секретовъ никому, кромѣ нея.

— Я сейчасъ былъ у одного человѣка, которому удалось водворить миръ въ душѣ своей. Это вещь очень рѣдкая, и никогда не думалъ, что мнѣ придется увидѣть что-нибудь подобное.

— Я думаю, что всѣ люди, имѣющіе чистыя чувства, передъ кончиной достигнуть такого же настроенія,—промолвила она.—Было бы ужасно умереть съ мучительнымъ вопросомъ на губахъ...

Я взглянулъ на нее и промолвилъ:

— Вы принадлежите къ вѣрующимъ, донна Маріонъ.

— Да, и я убѣждена, что для каждаго изъ насъ наступитъ миръ.

Однако въ ея взглядѣ, которымъ она окинула снѣжный, заволакивавшійся ночной темнотой пейзажъ, ясно промелькнуло что-то страдающее.

10-го марта.

Умеръ донъ Луизъ де-Реквезенсъ. На его мѣсто назначенъ его помощникъ. Хотя онъ былъ только тѣнью герцога, но его смерть дастъ себя знать. Все было сосредоточено въ его рукахъ, и не легко будетъ замѣнить его кѣмъ-нибудь другимъ. Онъ умеръ 5-го марта и самъ назвалъ своего преемника. Если мои свѣдѣнія вѣрны, высшее начальствованіе надъ войсками будетъ возложено на графа Мансфельдта. Испанскіе генералы отказались отъ такого предложенія. Выйдетъ большое замѣшательство, если въ Мадридѣ не примутъ быстрыхъ мѣръ. Но этого нельзя ожидать отъ короля Филиппа.

Гражданскія власти получили теперь доступъ въ верховный совѣтъ, и это тоже поведетъ къ волненіямъ. Нехорошо было до сихъ поръ, когда они не смѣли сказать безъ разрѣшенія герцога ни слова. Но теперь будетъ еще хуже. Для Голландіи можетъ сразу наступить весна, если здѣсь сумѣютъ учесть всѣ обстоятельства. Принцъ-то,

конечно, это сдѣлаетъ. Но сумѣютъ ли другіе? Они слишкомъ любятъ сидѣть дома и полагаться на Господа Бога, Который за нихъ долженъ все устроить. Вѣра—дѣло великое, и я желалъ бы, чтобы у меня ея было побольше, но кое-что мы и сами должны дѣлать.

25-го марта.

Сегодня утромъ, часовъ въ пять, раздался стукъ въ мою дверь. Вошелъ ванъ-Стеркъ. Сапоги его до колѣнъ были покрыты грязью.

— Извините, ваше превосходительство, но по дорогѣ въ направленіи къ сѣверу движутся значительныя непріятельскія силы. Я замѣтилъ ихъ еще часа въ два. Я скакалъ во всю прыть и, судя по тому, какъ они движутся, должно быть, опередилъ ихъ часа на два.

— У васъ есть какія-нибудь свѣдѣнія объ ихъ численности?

— Было еще очень темно, ваше превосходительство, и я не могъ ихъ сосчитать. Но они ѣхали мимо меня минутъ съ десять. Это была частью кавалерія, частью пѣхотные солдаты, посаженные на лошадей. Кажется, это единственный отрядъ. Во всякомъ случаѣ, если за нимъ явится другой, то мои люди, которыхъ я оставилъ для наблюденія, своевременно дадутъ сюда знать.

Въ своемъ донесеніи онъ не упустилъ ничего изъ виду. Я поставилъ его съ нѣсколькими верховыми для наблюденія на югѣ и приказалъ ему увѣдомить меня, если съ этой стороны непріятель произведетъ какое-либо движеніе. Амстердамъ сильно желалъ присоединиться къ штатамъ, и я боялся, какъ бы испанцы не прослышали объ этомъ и не попробовали вломиться въ городъ силою. Мои предположенія, какъ оказалось, были правильны.

— Благодарю васъ,—сказалъ я ванъ-Стерку.—Идите и передайте начальнику гвардіи, чтобы онъ сейчасъ же собралъ весь гарнизонъ—всѣхъ конныхъ и пѣшихъ. Черезъ часъ мы выступаемъ.

Онъ поклонился и вышелъ.

Облачаясь въ доспѣхи, я обдумывалъ создавшееся положеніе. Если бъ намъ удалось опередить ихъ и прибыть къ тому мѣсту, гдѣ дорога входить въ лѣсъ, мы могли бы захватить ихъ живьемъ. Это было бы дѣломъ какого-нибудь получаса, самое большое.

Собравшись какъ можно скорѣе, я выѣхалъ на базарную площадь и кликнулъ кличъ: силы, находившіяся въ моемъ распоряженіи, были не велики. Мнѣ удалось собрать довольно много добровольцевъ, но тѣ изъ нихъ, которые уже заранѣе были завербованы за плату, не отличались особымъ энтузіазмомъ. Ради спасенія Амстердама стоило рискнуть, но здѣсь не любятъ такихъ внезапныхъ тревогъ.

День былъ базарный, и, по счастью, на площади оказался ванъ-Шюйтенъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Прощу извинить меня, но подумали ли вы о томъ, что можетъ произойти, если ваши свѣдѣнія о силахъ непріятеля невѣрны? Что, если эти силы гораздо больше? Извините меня, но мнѣ кажется довольно рискованнымъ пускаться въ дѣло, не имѣя болѣе надежныхъ свѣдѣній и не подготовившись, какъ слѣдуетъ.

Ванъ-Шюйтена-то какъ разъ мнѣ и хотѣлось видѣть.

— Развѣ я когда-нибудь приглашалъ васъ, мннгеръ ванъ-Шюйтень, хорошенъко подумать прежде, чѣмъ вы будете варить ваше пиво?—рѣзко спросилъ я.—Нѣтъ? Ну, въ такомъ случаѣ предоставимъ каждому заниматься своимъ дѣломъ. Мое дѣло—война.

Дѣло удалось блестяще и именно такъ, какъ я предполагалъ. Былъ только одинъ критическій моментъ, когда дѣло могло кончиться очень плохо. Произошло это такъ: съ половиной своего отряда я помѣстился за изгибомъ дороги, который она дѣлала, входя въ лѣсъ. Капитанъ Брандтъ былъ поставленъ въ засадѣ сзади меня, и ему было приказано атаковать непріятельскій аррьергардъ. Добровольцевъ я взялъ съ собой, съ одной стороны, для того, чтобы своимъ присутствіемъ внушить имъ больше мужества, а съ другой — чтобы не могли говорить, что я подвергъ ихъ опасности.

Услышавъ топотъ лошадей за лѣсомъ, я далъ знакъ, и мы бросились на нихъ, какъ соколъ на свою добычу. Первые ряды мы прорвали, почти не встрѣтивъ сопротивленія, ибо они никакъ не ожидали нападенія. Правда, у нихъ были развѣдчики, но они выслали ихъ слишкомъ далеко впередъ, такъ что они даже не видали, какъ мы прибыли къ лѣсу. Покатость дороги еще болѣе усилила стремительность нашего нападенія. Мы быстро пробились впередъ и скоро оказались у багажа, который непріятель, по своимъ соображеніямъ, помѣстилъ передъ своимъ центромъ. Здѣсь-то мы и встрѣтились съ главными непріятельскими силами. Онѣ значительно превосходили насъ численностью, и добровольцы въ головахъ которыхъ крѣпко засѣли слова ванъ-Шюйтена, бросились въ бѣгство.

На самомъ дѣлѣ никакой опасности не было, ибо я зналъ, что я дѣлаю. Хотя передъ нами и появились сомкнутые ряды, но я зналъ, что безпорядокъ уже внесенъ въ нихъ, къ тому же Брандтъ тѣснилъ ихъ сзади. Еще минута, и мы пробились бы сквозь нихъ. Но добровольцы, увидѣвъ передъ собой врага, вообразили, что онъ въ безчисленномъ количествѣ, какъ и предсказывалъ ванъ-Шюйтень, и заколебались. Тщетно старался я ободрить ихъ и двинуть впередъ. Они бросились назадъ, и мы оказались между непріятельскими силами и обозомъ, гдѣ нельзя было ни двигаться на нашихъ коняхъ, ни даже взмахнуть, какъ слѣдуетъ, рукой. Непріятельскіе офицеры быстро сообразили выгоды своего положенія, и въ одну минуту мы были окружены со всѣхъ сторонъ. Черезъ минуту-другую произошла бы паника, и большая часть изъ насъ была бы изрублена въ куски.

Впрочемъ, я не преминулъ принять свои мѣры предосторожности. На полпути между моиими силами и лѣсомъ я поставилъ свою старую гвардію и нѣкоторыхъ ветерановъ Брандта.

Въ воздухѣ стоялъ легкій туманъ, который скрывалъ диспозицію моихъ войскъ. Начальство надъ этимъ отрядомъ я вручилъ ванъ-Стерку, приказавъ ему слѣшить намъ на помощь, когда, по его мнѣнію, это будетъ нужно. Это былъ день испытанія ванъ-Стерка, и онъ выдержалъ это испытаніе. Какъ разъ въ самый критическій моментъ онъ ударилъ во флангъ непріятеля съ громкимъ, хорошо знакомымъ мнѣ крикомъ: «Впередъ, за дона Хима де-Хорквера!»

Казалось, это старое имя имѣетъ какую-то возбуждающую силу. Непріятель заколебался и ослабилъ напоръ на насъ. Мнѣ только этого и нужно было, чтобы получить нѣкоторое свободное пространство. Я сбросилъ одного-двухъ ближайшихъ ко мнѣ всадниковъ и пустилъ лошадей въ самую свалку. Крикъ раздался еще разъ, и это рѣшило участь сраженія. Непріятели—большею частью итальянцы и валлонцы—всѣ полегли здѣсь костью. Задніе ряды бросились бѣжать въ лѣсъ, а середина отряда, зажата между мною и отрядомъ ванъ-Стерка, сдалась. Тщетно офицеры кричали на нихъ: только аръберггарду удалось пробиться сквозь отрядъ Брандта. Какъ я потомъ узналъ, это были каталонцы, а они не охотники сдаваться.

Ванъ-Стеркъ, покрытый кровью, подѣхалъ ко мнѣ и салютовалъ мнѣ.

— Прошу извинить, если мы опоздали. На дорогѣ стоялъ туманъ, и мы не могли видѣть ясно, что происходитъ.

— Вы прибыли какъ разъ въ-время, и я выражаю вамъ свою благодарность.

Я приказалъ войскамъ выстроиться. Наши потери были значительны, хотя у непріятеля онѣ были еще больше. Больше всего досталось добровольцамъ, но тутъ ужъ они сами были виноваты.

— Жаль, что пришлось потерять столько народу,—сказалъ я имъ.—Но въ этомъ вы сами виноваты. Когда вамъ придется въ слѣдующій разъ выступить со мной, вѣрьте больше мнѣ, а не предсказаніямъ ванъ-Шюйтена.

Они поняли меня и повѣсили головы.

Черезъ три часа мы были уже въ Гудѣ. Съ плѣнниками и добычей мы привезли и убитыхъ: вмѣсто радости получилась печаль.

8-го апрѣля.

Проходя сегодня по городскимъ стѣнамъ, я увидѣлъ ванъ-Стерка, который грустно стоялъ на своемъ посту возлѣ парапета. Передъ нимъ виднѣлись крыши домовъ, залитыя солнцемъ. Кое-гдѣ изъ нихъ вырывался блестящій шпиль колокольна. Въ то тихое чудное

утро городъ предсталъ во всей своей красѣ. Солнечный свѣтъ заволакивалъ даль, отчего городъ казался какъ будто на облакахъ. Но ванъ-Стеркъ, очевидно, не могъ оцѣнить этого прекраснаго зрѣлища: лицо его было сумрачно, а губы плотно сжаты.

— Вы, кажется, не очень-то любуетесь этимъ дивнымъ утромъ, ванъ-Стеркъ,—произнесъ я.

Онъ вздрогнулъ.

— Извините. Я не замѣтилъ вашего прихода. Не все же быть веселымъ.

Когда человѣкъ молодъ, да еще влюбленъ, то не очень трудно заставить его разговориться. Черезъ минуту онъ уже рассказалъ мнѣ все, что, впрочемъ, я уже зналъ.

— Она отказала ванъ-Шюйтену дважды,—продолжалъ онъ:— и теперь ея отецъ держитъ ее взаперти въ ея комнатѣ, голодомъ заставляя ее смириться. Такъ мнѣ рассказывала ихъ служанка. Подумайте только! Каждый можетъ жениться на дѣвушкѣ, если она не выдержитъ такой пытки! Какъ только вспомню объ этомъ ванъ-Шюйтенѣ...

И онъ заскрипѣлъ зубами.

Теперь пришло время дѣйствовать мнѣ. Было бы жаль, если бъ въ день обрученія фрау Марта выглядѣла блѣдной и исхудавшей! Ванъ-Стеркъ былъ молодъ, его руки не осквернены, и было бы жаль, если бъ онъ выпачкалъ ихъ о такое животное, какъ этотъ ванъ-Шюйтенъ. Поэтому я пригласилъ его къ себѣ въ кабинетъ и поздравилъ его съ производствомъ въ офицеры.

— Я обѣщалъ вашей матери сдѣлать это для нея,—перебилъ я его горячее выраженіе благодарности.—Она также кое-что сдѣлала для меня.

Онъ взглянулъ на меня съ изумленіемъ.

— Она никогда не говорила мнѣ объ этомъ.

— Не пришло еще для этого время. Идите, надѣньте ваше самое лучшее одѣяніе и отправляйтесь къ ванъ-Гирту просить руки его дочери. Скажите, что я вамъ это посовѣтовалъ. Потомъ приходите обратно и расскажите о результатахъ вашего сватовства.

Когда онъ ушелъ, я подошелъ къ окну и долго стоялъ около него, какъ это я дѣлалъ раньше, еще въ Гертруденбергѣ. Съ тѣхъ поръ я отвыкъ отъ этого обыкновенія: слишкомъ много было связано съ нимъ воспоминаній—радостныхъ, печальныхъ и страшныхъ.

Изъ своего окна я смотрѣлъ на узкую улицу и на воду канала, которая медленно текла въ Рейнъ подобно тому, какъ жизнь города медленно течетъ къ смерти. Высокія крыши скрывали отъ меня небо. Я видѣлъ только небольшой кусокъ его, да и тотъ въ отдаленіи былъ разрѣзанъ неполамъ колокольней. Но этотъ кусокъ по временамъ становился яркимъ и теплымъ.

Сегодня я въ первый разъ оставался такъ долго у окна, наблюдая, какъ солнце врывается въ окно и теплые его лучи падаютъ мнѣ на лицо. Казалось, какъ будто чья-то невидимая рука ткала золотистыя нити въ этомъ сіяющемъ сіяніи, соединяя прошлое съ настоящимъ и смягчая всѣ слишкомъ темные или слишкомъ яркіе контрасты.

На противоположномъ карнизѣ вылѣплена голова демона, на которую я часто взглядываю съ печальнымъ удовольствіемъ. Подобно тому, какъ онъ въ своемъ каменномъ спокойствіи съ насмѣшкой глядитъ на міръ, такъ точно великая цѣль управляетъ судьбами этого міра, посылая успѣхъ сильной рукѣ и твердому сердцу.

Сегодня эти золотистыя нити соткали блестящій вуаль вокругъ этой хихикающей головы, сгладивъ ея жесткую улыбку и придавъ ея чертамъ необычную мягкость. Гуще и чаще протягивались золотистыя полосы, пока дьявольская маска не исчезла въ ихъ ослѣпительномъ свѣтѣ. Еще разъ солнечные лучи торжествовали надъ мракомъ, распространяясь золотыми нитями по всей землѣ—прекрасная эмблема свѣта вѣчности. И вѣра въ могущество этого свѣта поднялась во мнѣ съ необычайной силой.

Изъ этихъ переплетающихся между собою золотыхъ нитей мало-по-малу стало вырисовываться какъ будто чье-то лицо, похожее на лицо моей жены, но съ улыбкой, какой я никогда не видалъ у нея: какъ будто она радовалась, что другая избавилась отъ судьбы, которая постигла ее. Я часто видѣлъ ее своими душевными очами, но видъ ея всегда былъ печаленъ и суровъ, какъ въ тотъ вечеръ, когда я покидалъ Гертруденбергъ. Теперь она какъ будто преобразилась, и я былъ радъ ей, хотя она улыбалась и не мнѣ.

Потомъ невидимые пальцы соткали новый образъ.

Въ сіяніи поднялось озаренное милой печальной улыбкой лицо донны Маріонъ. Пристально и задумчиво глядѣли на меня ея глаза, какъ будто извѣрившіеся въ счастье, въ свою силу.

Я продолжалъ стоять у окна, пока не постучали въ дверь. Возвратился ванъ-Стеркъ. Лицо его было красно. Какъ я и ожидалъ, онъ получилъ отказъ.

Надѣвъ шляпу, я отправился къ ванъ-Гирту самъ, и предложеніе было принято. У меня еще довольно власти, чтобы внушить страхъ человѣку въ родѣ ванъ-Гирта.

Теперь у меня былъ еще одинъ заклятый врагъ—третій по моему счету. Для губернатора довольно большого города это, конечно, не такъ много, и я обязанъ былъ бы имѣть ихъ побольше. Но, конечно, существуетъ еще значительное количество такихъ, которые мнѣ неизвѣстны, и я могу этимъ утѣшиться. А ванъ-Шюйтенъ! Я и забылъ о немъ. Съ нимъ ихъ будетъ четыре, хотя онъ и не заслуживаетъ этого имени.

1-го мая.

Бѣдная фру Клара не долго наслаждалась счастьемъ своего сына. Вчера вечеромъ она умерла. Она была уже плоха, когда я видѣлъ ее въ послѣдній разъ. Полнота ея мира унесла ее отъ насъ. Но частичку этого мира она оставила и мнѣ.

10-го мая.

Весна наступила настоящая. Какъ она все мѣняется! Лежалъ глубокой снѣгъ, когда пріѣхала донна Маріонъ. А теперь луга пестрятъ фіалками, ирисы растутъ по краямъ каналовъ. Особенно великолѣпны фруктовыя деревья: яблони и груши въ полномъ цвѣту. Городъ какъ будто утопаетъ въ огромномъ цвѣтникѣ.

15-го мая.

Сегодня я предложилъ доннѣ Маріонъ пройтись со мной за городскія стѣны, взглянуть на великолѣпіе весны прежде, чѣмъ оно станетъ увядать. Въ моемъ предложеніи не было ничего удивительнаго: въ эти дни всѣ отправлялись за городъ съ дамами. Она согласилась, но довольно холодно и послѣ нѣкотораго колебанія. Въ случаѣ надобности она можетъ быть очень высокомерна и суха даже со мною. Но я не обращаю на это вниманія, ибо я знаю, что въ такія минуты она страдаетъ.

Мы на половину обошли кругомъ городъ. Отъ низкаго солнца бѣлые цвѣты казались золотисто-красными, а дома и башни города, покрытые блестящей черепицей, какъ огненные, поднимались къ голубому небу.

Прежде, чѣмъ угасъ этотъ розовый свѣтъ, я сломалъ озаренную имъ вѣтку и, подавая ее моей спутницѣ, спросилъ:

— Донна Маріонъ, угодно вамъ принять эту веселую вѣтку отъ меня?

Ея прекрасное лицо слегка затуманилось, а въ глазахъ блеснулъ гордый огонекъ. Только тотъ, кто зналъ ее такъ хорошо, какъ я, могъ его замѣтить. Но отъ меня онъ не укрылся. Я понялъ, что не настало еще время. Я зналъ, что мнѣ нужно ждать и не тянуться къ плоду жадными руками, какъ это я сдѣлалъ три года тому назадъ. Грубымъ движеніемъ я сорвалъ его съ вѣтки, но, словно буря, поломалъ и самую вѣтку. Теперь я буду ухаживать за ней смиренно, пока всякое сомнѣніе не исчезнетъ изъ ея сердца.

— Я назвалъ эти цвѣты—цвѣтами моихъ надеждъ и моей благодарности, донна Маріонъ. Можетъ быть, вы по одному этому сообразовалите принять ихъ?

Она взяла вѣтку и прикрѣпила ее къ своему корсажу.

— Вамъ не за что выразить мнѣ благодарности,—промолвила она.—Я вамъ обязана всѣмъ, а вы мнѣ ничѣмъ!

— Я обязанъ вамъ больше, чѣмъ жизнью, донна Маріонъ,—вѣрой и надеждой.

Она не отвѣчала. Я взглянулъ на нее, и въ сердцѣ моемъ поднялась волна неизмѣримой нѣжности къ этой женщинѣ, которая научила меня чувствовать, что значить жизнь и любовь. На ея блѣдномъ печальномъ лицѣ легли свѣтлыя вечернія тѣни, и я дорого бы далъ за то, чтобы этотъ печальныйъ взглядъ сталъ веселымъ.

Мы прошли черезъ ворота и вернулись въ городъ, казавшійся такимъ сѣрымъ и холоднымъ послѣ потоковъ свѣта и тепла за его стѣнами. Солнце уже сѣло, и послѣдніе его лучи замирали на кровляхъ. Въ сгущавшемся сумракѣ лежала передъ нами улица, ведущая къ колокольной собора—мрачной сѣрой громадѣ, тянущейся къ потерявшему окраску небу. Видъ былъ довольно унылый, и не знаю, почему меня охватила тяжелая грусть.

Вдругъ на отдаленной башнѣ вспыхнула послѣдній отблескъ вечерней зари. Словно обѣщаніе и увѣреніе съ триумфомъ поднялся онъ надъ сгущавшейся темнотою. Потомъ свѣтъ погасъ, и башня мрачнѣе, чѣмъ прежде, высилась надъ потемнѣвшимъ городомъ. Неужели и эти яркіе деньки пройдутъ такъ же быстро и опять смѣнятся мглою? Моя юность прошла, а я все еще гонюсь за жизнью и радостями этого міра.

20-го мая.

Вчера я добился отвѣта на мой запросъ по поводу того, кто въ глазахъ закона является ближайшимъ родственникомъ Изабеллы. Оказалось, что донна Маріонъ. Я былъ весьма удивленъ, ибо я всегда думалъ, что у ванъ-Веерена есть какіе-нибудь близкіе родственники. У него, дѣйствительно, были родственники въ Испаніи, но о нихъ теперь разговаривать не приходилось. Слѣдовательно, если я откажусь отъ своихъ правъ, все состояніе перейдетъ къ доннѣ Маріонъ.

Я сдѣлаю это немедленно. Когда-нибудь будутъ говорить, что... но день этотъ еще далекъ, да и настанетъ ли онъ?

10-го іюня.

Сегодня я былъ такъ раздраженъ, что не могу даже описать. Дѣло было у фру Терборгъ. Я зашелъ къ ней въ надеждѣ видѣть донну Маріонъ. Когда я вошелъ, въ гостиной была одна фру Терборгъ. Я сѣлъ, и мы стали говорить о разныхъ пустякахъ. Пришло извѣстіе, что Зирикзе не сегодня-завтра долженъ пасть. Адмиралъ Войсотъ убитъ при попыткѣ освободить городъ, которую онъ сдѣлалъ 25-го прошлаго мая. Эта вѣсть, какъ легко понять, занимала весь городъ.

Но для фру Терборгъ и этого было мало.

— Вы правите нами сильной рукой, такъ что мы не смѣемъ даже выдавать нашихъ дочерей за того, за кого хотимъ. Объ этомъ дѣлѣ, насколько я знаю, теперь вездѣ говорятъ. Только герцогъ могъ

рѣшиться идти такъ далеко. Впрочемъ, я васъ не осуждаю. Вагъ-Шюйтенъ—дрянной человѣкъ, да и ванъ-Гиртъ не годится въ образцовые отцы. Но вы должны не только находить женъ для вашихъ офицеровъ, но подумать и о себѣ самомъ. Давно пора вамъ бросить свой угрюмый видъ. Довольно вамъ тосковать по женѣ: вамъ нужно жениться опять. Нехорошо человѣку быть одному. Это и въ Библии сказано.

Я взглянулъ на нее.

— Весьма благодаренъ за ваше участіе ко мнѣ, но, боюсь, я не заслуживаю его. Пожалуй, я рискую показаться неблагодарнымъ, но...

Своей ироніей я иногда заставлялъ ее молчать, но на этотъ разъ иронія мнѣ не помогла.

— Этимъ вы отъ меня не отдѣластесь—прервала она меня.— Я знаю, что васъ боятся, и не найдется человѣка, который рѣшился бы сказать вамъ такъ много. И я боялась васъ,—должна вамъ сознаться. Но теперь я рѣшилась переговорить съ вами: вѣдь не отирайте же вы меня на пытку.

Мнѣ очень бы хотѣлось этого, и я едва не высказала вслухъ свою мысль. Однако я сдержала себя и сказала:

— Конечно, я не могу этого сдѣлать, но...

— Итакъ, вы сами видите, что не можете. Поэтому я продолжаю. Несмотря на вашу сѣдину, вы еще молодой человѣкъ и могли бы взять себѣ въ жены любую женщину въ Гудѣ. Я бы, напримѣръ, съ удовольствіемъ вышла за васъ замужъ, когда вамъ угодно. Хотя я теперь не такъ уже молода и свѣжа, но вы, пожалуй, сдѣлаете еще худшій выборъ. У меня одно изъ самыхъ крупныхъ состояній въ Голландіи. Въ придачу къ вашему оно образовало бы огромную силу. У васъ много враговъ,—вы не должны обманывать себя на этотъ счетъ,—но тогда никто не смѣлъ бы возстать противъ васъ.

Все это она произнесла съ холодной увѣренностью человѣка, которому позволяется говорить все, что онъ хочетъ.

Дѣйствительно, она то и дѣло бросала на меня нѣжные взгляды, но мнѣ и въ голову не приходило, что это могло значить. Мнѣ, у отца котораго на свадьбѣ присутствовалъ самъ императоръ Карлъ,—мнѣ жениться на фру Терборгъ! Что за нелѣпная мысль!

Вѣроятно, лицо мое выдало мою мысль, потому что она, улыбаясь, сказала:

— Вижу, что эта мысль не соблазняетъ васъ, но я не буду отчаиваться. Я, конечно, не придаю своимъ словамъ серьезнаго значенія, понимая, что, если у меня въ домѣ такая красавица, какъ Маріонъ, то ни одинъ мужчина не будетъ меня слушать. Почему бы вамъ не жениться на пей? Она молода, красива и обязана вамъ своей жизнью. Что же вамъ еще болѣе нужно? Я увѣрена, что она неравно-

душна къ вамъ, ибо съ каждымъ днемъ она становится все блѣднѣе и блѣднѣе. Чего же вы ждете? Это даже нехорошо относительно ея. Правда, она небогата. Если бъ не это, баронъ ванъ-Гульстъ давно бы присватался къ ней, но у него у самого нѣтъ ничего. А вы можете взять и бѣдную жену. Кромѣ вашего личнаго состоянія, вы получаете еще и очень значительное состояніе ванъ-деръ-Веерена. Если препятствіе только въ ея бѣдности и если вы не принимаете серьезно моихъ словъ, то я готова сдѣлать что-нибудь для нея. Вы должны сами назначить сумму, лишь бы только осталось что-нибудь мнѣ самой.

Чтобы вопросъ объ этихъ проклятыхъ деньгахъ когда-нибудь осквернилъ мои уста! Это напомнило мнѣ о днѣ, который крѣпко засѣлъ въ моей памяти и отъ котораго я едва не сошелъ съ ума. Кромѣ того, мнѣ показалось, что въ сосѣдней комнатѣ мелькнула чья-то тѣнь. Я готовъ былъ задушить эту фру Терборгъ.

Я поднялся разъяренный и сказалъ:

— Мнѣ кажется, что мы совершенно не понимаемъ другъ друга, сударыня. Вы, кажется, не допускаете мысли, что деньги далеко не все и что дворянинъ думаетъ иначе, чѣмъ торговецъ. Я не знаю, будетъ ли мнѣ суждено когда-нибудь назвать m-lle де-Бреголлъ своею, — ибо я далеко не такъ увѣренъ въ ея чувствахъ ко мнѣ, какъ вы, — но если бы насталъ день, когда я сдѣлаю ей предложеніе, то ея бѣдность сдѣлала бы ее для меня еще привлекательнѣе. Впрочемъ, вы можете успокоиться на этотъ счетъ: скоро она будетъ достаточно богата. А теперь на прощанье позвольте мнѣ дать вамъ одинъ совѣтъ: прежде, чѣмъ говорить, разбирайте, съ кѣмъ вы имѣете дѣло.

Я поклонился и вышелъ. Мнѣ кажется, она перепугалась въ первый разъ въ жизни; она поблѣднѣла и не сказала ни слова въ отвѣтъ — вещь неслыханная и необычная для фру Терборгъ.

Для меня было ясно, въ чемъ дѣло. Ей хотѣлось сдѣлаться графиней ванъ-Стиненъ, супругой губернатора Гуды. Видя, что это ей не удастся, она готова была уступить эту позицію доннѣ Маріонъ, частью для того, чтобы прикрыть собственное отступленіе, частью и потому, что донна Маріонъ была ея племянница.

Я вернулся домой въ раздраженіи.

Если тѣнь, которую я видѣлъ въ сосѣдней комнатѣ, принадлежала доннѣ Маріонъ, то прощай тогда надежды, расцвѣтшія было съ наступленіемъ весны! Бѣдная Маріонъ! что она должна была чувствовать въ эти минуты!

1-го іюля.

Со времени моего злосчастнаго визита къ фру Терборгъ я видѣла Маріонъ раза два. Ея обращеніе со мной было такое же, какъ всегда, — спокойное и привѣтливое съ легкимъ отгѣнкомъ холодности. Сегодня вечеромъ я встрѣтилъ ее у ванъ-Сильтовъ. Было уже поздно и комнаты были полны гостей. Медленно продвигаясь впередъ, бросая слова направо и налево, я услышалъ громкіе го-

лоса и смѣхъ, доносившійся изъ сосѣдней комнаты. Мнѣ показалось, что я узналъ голосъ донны Маріонъ, которая полусхута, полусердито протестовала противъ чего-то.

Это меня заинтересовало. Дойдя до сосѣдней комнаты, я очутился передъ небольшою, но плотной кучкой. Всѣ стояли спиной ко мнѣ. Пока они, смѣясь и крича, протискивались впередъ и отходили, мнѣ удалось замѣтить донну Маріонъ, которая стояла въ самой срединѣ. Здѣсь же былъ и баронъ ванъ-Гульстъ. Онъ случайно повернулся и посторонился передо мной. Я пошелъ впередъ, и въ это время услышалъ голосъ фру Терборгъ, которая кричала:

— Чего вы испугались, баронъ ванъ-Гульстъ? Неужели вашъ пылъ прошелъ такъ скоро?

— Я испугался прибытія г. губернатора, — отвѣтилъ онъ.

— А, г. губернаторъ! Онъ явился какъ разъ въ-время. Вотъ твой спаситель, Маріонъ!

Въ эту минуту я былъ уже въ центрѣ группы. Передо мной стояла донна Маріонъ. Какой-то молодой человѣкъ, котораго я, кажется, не встрѣчалъ раньше, держалъ ее за руку, а она старалась оттолкнуть его отъ себя другой, свободной рукой. Лицо ее выражало улыбку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неудовольствіе.

— Идите и предъявите ваши права, — кричала фру Терборгъ.

— Попрошу васъ прежде всего освѣдомить меня объ этихъ правахъ. Признаюсь, я ничего здѣсь не понимаю.

— Мы сейчасъ просвѣтимъ васъ. Этотъ молодой человѣкъ — Бійсъ. Онъ былъ съ своимъ отцомъ въ Англіи и привезъ оттуда чрезвычайно милый обычай. Въ канунъ Рождества тамъ на потолокъ вѣшается вѣтка омела, какъ это сдѣлано и здѣсь.

Я взглянулъ вверхъ и увидѣлъ, что надъ головой донны Маріонъ свѣшивалась вѣтка, которую я сначала не замѣтилъ. Я начиналъ понимать, въ чемъ дѣло, хотя и не вполне: какое отношеніе имѣетъ рождественскій обычай къ первому іюля?

— Кавалеръ, который поймаетъ даму подъ этой вѣткой, имѣетъ право ее поцѣловать, — продолжала фру Терборгъ. — Это очень хорошій обычай, не правда ли? Я и раньше слыхала о немъ. Бійсъ утверждаетъ, что этотъ обычай исполняется и перваго іюля, и мы рѣшили его ввести. Всѣ дамы согласились въ увѣренности, что ихъ никто не поймаетъ. Но Маріонъ была поймана дважды — сначала барономъ ванъ-Гульстомъ, хотя она и отрицаетъ это, а потомъ Бійсомъ, чему мы всѣ были свидѣтелями. Для нея только одно спасеніе: если въ этотъ моментъ появится мѣстный верховный правитель, то поймавшій даму кавалеръ долженъ уступить свое право ему, если онъ этого потребуетъ.

— Относительно верховнаго правителя мнѣ ничего не извѣстно, — запротестовалъ Бійсъ, глядя на насъ изумленіемъ.

— А я слыхала и знаю, что это такъ. Намъ тоже ничего неиз-

вѣстно о томъ, чтобы этотъ обычай соблюдался и перваго іюля, однако мы вамъ вѣримъ.

Всѣ размѣялись. При видѣ растеряннаго лица Бйса не могъ удержаться отъ улыбки и я. Онъ не глупъ, но фру Терборгъ умнѣе его. Она, очевидно, сообразила, что это можетъ разсердить меня, и съ большой находчивостью вышла изъ затруднительнаго положенія. Она положительно неглупая женщина. Жаль, что ея воспитаніе не соотвѣтствуетъ ея талантамъ.

— Предъявляйте ваше право!—кричала она.

Я готовъ былъ повиноваться ей. Что я могъ тутъ сдѣлать? Иначе нельзя было поступить, не оскорбляя донну Маріонъ

Вдругъ сзади меня чей-то голосъ произнесъ:

— Въ Голландіи нѣтъ больше верховнаго правителя

Я круто повернулся.

— Да, здѣсь больше нѣтъ его,—сказалъ я:—ибо король Филиппъ дѣйствительно былъ низложенъ штатами. Но фру Терборгъ сказала «мѣстный верховный правитель». Если здѣсь найдется кто-нибудь, кто станетъ отрицать мои права, то пусть онъ скажетъ мнѣ объ этомъ прямо.

Всѣ молчали. Бйсъ выпустилъ руку донны Маріонъ и отошелъ отъ нея. Я приблизился къ ней и слегка поцѣловалъ ее въ губы. Она покорилась этому безъ сопротивленія, но это былъ самый холодный поцѣлуй, который я когда-либо получалъ отъ женщины.

— Вы имѣете право на второй поцѣлуй за барона ванъ-Гульста,—безжалостно продолжала фру Терборгъ.

Донна Маріонъ покорилась и на этотъ разъ. Но въ глазахъ ея мелькнуло выраженіе страданія. Мнѣ было страшно досадно за нее, но что я могъ сдѣлать? Если фру Терборгъ воображаетъ, что этимъ она ускоряетъ мое сватовство, то она глубоко ошибается.

15-го іюля.

Болѣзнь на окраинахъ города продолжаетъ распространяться. Не помню, упоминалъ ли я объ этомъ раньше. Кажется, ее занесли сюда итальянскіе купцы, изъ которыхъ двое здѣсь умерли. Но дѣло не въ томъ, отчего она началась. Эта часть города населена бѣднымъ людомъ. Немудрено, что съ наступленіемъ лѣтнихъ жаровъ болѣзнь стала развиваться. Она распространилась теперь и на сосѣдніе кварталы, вызывая панику въ населеніи. Болѣзнь эта—въ родѣ лихорадки, очень прилипчива и чрезвычайно капризна: въ одной и той же семьѣ одни заболѣваютъ ею, другіе нѣтъ. Доктора, видимо, не знаютъ, какъ лечить ее, и эпидемія приобретаетъ огромные размѣры. Вчера умерло болѣе ста человѣкъ. Только немногіе изъ заболѣвшихъ остаются живы.

Урожай въ нынѣшнемъ году былъ плохъ, отчего бѣдность усилилась. Многіе лежатъ больные въ своихъ жалкихъ домишкахъ

безъ всякаго ухода и присмотра. Другіе, у которыхъ заболѣли мужья или отцы, гибнуть съ голоду. Начинають уже жалѣть о томъ, что нѣтъ больше францисканцевъ. Они не очень-то хорошо вели себя здѣсь, и въ общемъ больше служили инквизиціи, чѣмъ больнымъ. Но въ такихъ случаяхъ между ними всегда находились энтузіасты, которые во имя любви къ Богу готовы идти куда угодно. А въ данную минуту намъ какъ разъ недостаетъ людей, которые могли бы ухаживать среди этой нищеты.

Въ старину бѣдные получали въ такихъ случаяхъ у монастырскихъ воротъ похлебку. Хотя эта похлебка и не была особенно вкусной и, насколько я помню, въ Севильѣ разъ произошелъ даже мятежъ изъ-за того, что похлебка оказалась черезчуръ отвратительной, однако съ нею было все такъ лучше, чѣмъ безъ нея. Конечно, богатые горожане дѣлають кое-что и сдѣлають еще болѣе, но они не горюются, какъ всегда, а смерть не ждетъ.

Нѣкоторыя изъ улицъ въ этой части города лежать слишкомъ низко и заливаются водой во время половодья. Необходимо сдѣлать болѣе высокую насыпь, но я не могу добиться отъ городского совѣта, чтобы онъ отпустилъ на это деньги. Они сдѣлають это тогда, когда перемретъ довольно много народу. Я уже сдѣлалъ, что могъ, но я самъ небогатъ, хотя объ этомъ никто и не догадывается. Изъ состоянія моей жены я не тронулъ ни гроша, изъ своего собственного я уплатилъ все до послѣдняго талера людямъ барона Виллингера, когда они выручали меня изъ Гертруденберга.

Чтобы помочь жителямъ вѣреннаго мнѣ города, я недавно заложилъ ожерелье моей матери у нѣкоего Исаака Мардохея, богатаго амстердамскаго еврея, и сегодня я получилъ деньги. Къ несчастью, деньги небольшія—менѣе десятой части того, что стоитъ ожерелье. Еврей остается свреемъ, и нельзя рассчитывать, что онъ будетъ руководствоваться филантропіей, когда онъ обдѣлываетъ свой чепецъ.

Сегодня послѣ обѣда я отправился раздавать деньги. Нѣкоторые онѣ были уже не нужны, но было много и такихъ, которые сильно въ нихъ нуждались. Мнѣ говорили о двухъ дѣтяхъ, родители которыхъ сегодня умерли и которыя остались нищими. Я пошелъ къ указанному мнѣ дому и постучалъ. Черезъ минуту дверь была открыта высокой прекрасной женщиной. Я едва могъ вѣрить своимъ глазамъ—предо мной была донна Маріонъ!

— Вы здѣсь!—вскричалъ я въ ужасѣ.

— Да, почему же мнѣ не быть здѣсь? А развѣ вы сами не здѣсь?

— Но это мой долгъ—быть здѣсь. Я отвѣчаю за благосостояніе города. Я долженъ каждый день въ битвахъ рисковать своей жизнью, и умереть ли мужчина отъ удара мечомъ, или отъ лихорадки, это въ концѣ концовъ безразлично.

— А развѣ есть какая-нибудь разница въ томъ, умереть ли женщина отъ лихорадки, или отъ какой-либо другой причины?

— Есть, донна Маріонъ, ибо вы не должны умирать. Я не хочу этого. Идите сейчасъ же домой. Ваше присутствіе здѣсь уже не нужно. Я устрою такъ, что о дѣтяхъ будутъ заботиться. Родители ихъ умерли.

— Я знаю это, такъ какъ пменно я ухаживала за ними въ послѣдніе часы ихъ жизни. Къ несчастью, я явилась слишкомъ поздно: я была занята съ другими. Сначала я надѣялась спасти одного изъ нихъ, но горячка рѣдко кого милуетъ.

— Боже мой!—въ ужасѣ закричалъ я:—какъ вы блѣдны, какіе у васъ круги подъ глазами! Это не должно болѣе повторяться.

— Я уже нѣсколько недѣль помогаю, гдѣ могу. Нѣсколько разъ—не очень, впрочемъ, часто—мнѣ удавалось сохранить жизнь. Но я буду стараться: можетъ быть, мнѣ удастся сдѣлать больше.

— Вы не будете больше этого дѣлать, ибо я вамъ этого не позволю,—печально сказалъ я.

— Какимъ же образомъ вы можете мнѣ воспрепятствовать, донъ Хаимъ?—спокойно спросила она, какъ будто мои слова были пустяками, которые можетъ уничтожить женское слово или прихоть.

— Сейчасъ я отведу васъ домой, а вечеромъ вокругъ кварталовъ, зараженныхъ болѣзью, будетъ поставлена цѣпь солдатъ. Безъ моего разрѣшенія туда не проникнетъ никто. Пока еще я хозяинъ въ Гудѣ.

— Конечно, донъ Хаимъ. И если вы употребите силу, то мнѣ ничего не останется, какъ повиноваться. Но однажды вы просили меня сказать вамъ прямо, когда я въ душѣ буду порицать васъ. Если вы будете принуждать меня стоять сложа руки, когда во мнѣ такъ нуждаются, то этотъ моментъ насталъ. Я знаю ходъ этой болѣзни, и меня здѣсь никто не можетъ замѣнить. Если бы другія женщины и захотѣли это сдѣлать, то онѣ не имѣютъ на это права—онѣ жены и дочери. Вы какъ-то сказали, что вы немногимъ нужны. Но еще болѣе немногимъ нужна я. Я спокойно перехожу отъ кровати къ кровати, вкладывая въ это дѣло всю душу и не боясь смерти. Почему же вы не хотите оставить меня въ покоѣ?

— Я отвѣчу вамъ на это, но не здѣсь. Я сейчасъ распоряджусь насчетъ дѣтей, а затѣмъ отведу васъ домой.

Совершенно безсознательно я заговорилъ съ ней повелительнымъ тономъ. Она не отвѣчала и приготовилась молча повиноваться.

Я смотрѣлъ на нее, пока мы шли по улицѣ. Ея прекрасное лицо поблекло, а въ глазахъ было выраженіе какой-то грусти, которое тронуло меня до глубины души. Такъ не должно больше продолжаться.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.



Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.



Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13



